Невскій пр., № 6.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНІЕ „НИВЫ" ЗА 1891 ГОДЪ.

I. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и пр.

стран.

Бабушкины аметисты. Разсказъ . . 1072
Барроудэльскій пастухъ. Разсказъ **Ферна**. 154, 178
Ботвинья. Разск. **К. Тхоржевскаго**. . 1154
Воровка. Разск. **Берръ-де-Тюрикъ**. . 274
Воръ. Разск. **Ф. Вихмана**. 490, 510
Въ будущемъ. Разск. **В. Горева**. . . . 904
Въ канунъ Рождества. Стих. **Теннисона**, переводъ Чюминой 1127
Вѣтка камелій. Разск. **Зельмана**. . . . 248
Вѣщій сонъ. Разск. **П. Н. Полевого**. . 1122
Говорите правду. Разск. 570, 588
Голоса природы. Стих. **К. Фофанова**. . 610
Докторъ Бумъ-Бумъ. Разск. 82
Дочь заточенныхъ. Разск. **Шпильберга**. . 226
Дядя—домой. Разск. **К. А. Бороздина**. 335
Единица. Разск. **М. Р.** 1099
Жиденокъ. Разск. **А. А. Виницкой**. . . 316
Забытая деревня. Разск. **Р. Л. Маркова**. 1094
Изъ альбома. Стих **П. И. Вейнберга** . 814
Изъ моей антологіи. Стих. **А. Н Майнова**. 2
Инкогнито. Ком. въ 2 д. **Д. Н—ча**. . 1159
Исторія Вилибальда и Фрозинхенъ. **П. Гейзе**. 1130
Какъ я женился. Разск. **П. Пиранга** . . 1143
Калѣка. Разск. **Коригана**. . . . 106
Касатикъ. Стих. **N**. 241
Корень зла. Историческій ром. **П. Н. Полевого**. 442, 462, 482, 502, 522, 542, 562, 582, 602, 622, 642, 666, 690, 710, 734
Кража. Этюдъ **Ю. Келлера**. 780
Мальтійская цѣпь. Истор. ром. **Кн. М. Н. Волконскаго**. 2, 26, 50, 74, 98, 122, 146, 170, 203, 218, 242, 266, 290, 310, 330, 354
Медуза. Разск. **фонъ-Годи**. 10
Месть негра. Разск. **Лиліе**. 976
Мячикъ. Разск. **Ю. Зиручекъ**. 470
На бортѣ „Силезіи". Разск. **Бенкарда**. . 628
На Волгѣ. Разск. **Центковской**. 531
На краю свѣта. Разск. **Геймса**. 800, 822
Наль. Ром. въ 3 ч. **Н. Н. Каразина** 730, 754, 774, 794, 814, 834, 858, 878, 898, 922, 946, 970. 991
Негласный компаньонъ. Разск. 426
Несчастная способность. Раз. **З. А. Рина**. 359
Облака и звѣзды. Стих. **К. Фофанова** . 721
Отрывокъ женскаго письма. **Альфонса Додэ**. 407
Отчаянная погоня. Разск. **Келлермана**. . 298
Памяти Лермонтова. Стих. **Круглова**. . 662
Петербургская исторія. Разск. **Потапенко**. 56
Погубленная душа. Разск. **Б. Катчеръ**. . 813
Полсутокъ на деревѣ. Разск. **А. Я. Максимова**. 698. 718
Преддверіе весны. Стих. **В. Велично** . 441
Призракъ графини Сентъ-Эньянъ. Разск. **Ганзена**. 954
Розита. Истор. разск. **Гр. Е А. Саліаса**. 1018, 1042
Секстина. Стих. **Лугового**. 426
Сказка про купца Ивана Сидорова. **Кн. М. Н. Волконскаго**. 1066
Степная розочка. Стих. **П. И. Вейнберга**. 40
Тетушкинъ домъ. Разск. **Вайтинга**. . . 131
Три предложенія. Разск. 548
Трясогузка. Стих. **В. Велично**. . . . 378
Ученый сонъ. Разск. **Д. В. Аверкіева**. . 378
Ушло. Разск. **П. Д. Боборыкина**. . 398, 418
Холмъ Маниту. Разск. **Лилла**. 648
Я свѣчи загаслиъ... Стих. **Я. П. Полонскаго**. 266

II. Біографіи и характеристики.

Аксаковъ, Сергѣй Тимофѣевичъ. . . . 893
Александра Георгіевна, Велик. Княг. . 849
Александръ, король Сербскій 657
Арнольдъ, Иванъ Карловичъ 596
Боголюбовъ, А. П., профессоръ . . . 19
Брандтъ, Э. К., проф. 1082
Буланже (по поводу самоубійства) . . 913
Вильгельмъ II и корол. Шарлотта . . 962
Вирховъ, Рудольфъ, проф. 894
Воейковъ, А. И., проф. 258
Гази-Вали-Ханъ, султанъ 258
Гаруко, Императрица Японская . . . 477
Гончаровъ, И. А. 850
Грузинскій Петръ Никол. 432
Дамронгъ Сіамскій принцъ 1009
Дзисабуро и Ицитаро Дженерикши . 637
Дом-Педро, Императоръ 1110
Елисавета Ѳеодоровна, Вел. Княг. . . 412
Жерве, адмиралъ 809
Захарьинъ, Г. А., проф. 986
Исаковъ, Н. В., генералъ-отъ-инфант. . 281
Исполатовъ, І. І., протоіерей . . . 282
Іоанникій, митр. Кіевскій и Галицкій. 1109
Кашманъ, Іосифъ 139
Ковалевская, С. В., ... 186
Козловъ, Пав. Алекс. 516
Колпаковскій, Г. А., генер.-отъ-инфант. 370
Кошлаковъ, Дм. Ив. 138
Коялович, Мих. Осип. 169
Лафатеръ, Іоганнъ Каспаръ 1010
Левицкій, К. В., ген.-лейт. 91
Леонтій, митр. Московск. и Коломенск. 1109
Лерхе, М. Г., ген.-лейт. 234
Макаровъ, Ник. Петр. 325
Максимовичъ, К. И., ... 282
Мейерберъ, Джакомо 897
Мейсонье, Жанъ 186
Мельба, Нелли 114
Мирковичъ, М. О., генералъ-лейтен. . 346
Мольтке, графъ 393
Моцартъ, Вол.-Амедей 1034
Моцартъ и Потемкинъ 1035
Мутсу-Хито, имп. Японскій 477
Наркевичъ-Іодко, Я. О. 258
Неофитъ VIII, патріархъ Вселенскій . 1153
Никаноръ, архіеп. Херс. и Одесск. . . 41
Николай Александровичъ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ 746
Николай Николаевичъ Старшій, Вел. Князь 371
Ольга Ѳеодоровна, Вел. Княг. 345
Пазухинъ, Ал. Дм. 162
Паннеллъ, Ч. Э. 42
Петровъ, Петръ Никол. 496
Платонъ, митроп. Кіевск. и Галицк. 938
Плевневъ, Петръ Александр. 121
Потемкинъ-Таврическій, Г. А., свѣтлѣйшій князь 867
Решке, братья Янъ и Эдуардъ 114
Рудини (ди), маркизъ 186
Серафимъ, еписк. Самарскій 234
Сергій Александровичъ, Вел. Князь . 412
Строгановъ, А. Г., графъ 725
Тарновскій, К. А 986
Третьяковъ П. М. 753
Художницы, русскія. Біограф. очеркъ . 16
Чечоттъ, О. А., д-ръ 187
Шарлота, королева 962
Шлиманъ, Генрихъ 19
Эсте, герц. д', Францъ Фердинандъ . . 114

III. Этнографія, археологія и культурно-историческіе очерки.

Альпы въ Черногоріи 872
Верхотурье, городъ 1055
Владивостокъ, городъ 556
Гельсингфорсъ, городъ 703
Георгіевскій монастырь въ Крыму . 807
Долина р. Іордана. Очеркъ **Стараго Паломника**. 34
Зальцбургъ, городъ 1106
Златоустъ, городъ 324
Измаилъ, крѣпость 67
Кемь, городъ 1079
Кишешма, городъ 391
Красноводскъ, городъ 159
Ледникъ въ Дыхтау. Очеркъ 138
Люксембургъ, городъ 303
Макарьевскій монастырь. Очеркъ . . 724
Мезень, городъ 891
Могильники въ Чегемскомъ о—вѣ . . 304
Нагасаки. Очеркъ **А. Китаева** 610
Оопу, городъ въ Японіи 457
Пинега, городъ 142
Ревель. Истор. очеркъ 930
Ржевъ, городъ 1032
Римъ при Неронѣ. Оч **Зккштейна** . . 63
Романовъ-Борисоглѣбскъ, городъ . . . 576
Саратовъ, городъ 434
Севастополь. Петропавл. храмъ . . . 18
„ Братское кладбище . . . 282
Синонъ. Очеркъ 88
Соловецкій монастырь. Очеркъ 742
Суздаль, городъ 280
Троице-Сергіева лавра. Очеркъ 827
Угличъ, городъ 456
Шумла, городъ 763
Шуша и ея жители. Очеркъ 983

IV. Естествознаніе.

стран.

Брызгунъ. Очеркъ 911
Гадюка и полевка. Очеркъ 767
Гейзеръ. Оч. **Стейница** 762
Доги. Описаніе породъ. 936
Животныя, играющія Очеркъ 1002
Животныя, ископаемыя. Оч. **Г. С. Вольтке** 783
Звѣздное небо (новое открытіе) . . . 183
Зимородокъ-великанъ. Очеркъ 90
Ибисъ, японскій 597
Лоси. Очеркъ 234
Марсъ, планета. Оч. **Кранца** 886
Мары. Очеркъ 324
Метеориты въ истор. памяти. Очеркъ 410
Mimicry. Естественно-историческій оч. 158
Олени въ горахъ 1032
Пламя. Очеркъ 494
Пѣвцы и танцоры у птицъ. Очеркъ **Штауде** 110, 135
Рыба-ходокъ 537
Сокровище кобры. Ест.-истор. оч. . . 907
Солнца, вращеніе. Оч. **М. Ѳ. Хандрикова** 455
Черепахи, слоновыя 304
Ягуаръ и водосвинки 1058

V. Новыя изобрѣтенія и технологія.

Аппаратъ для изученія полета птицъ . 1108
Діаграммомегръ **В. С. Козлова** 90
Паровозъ-танкъ 163

VI. Архитектура и скульптура.

Домъ Общ. Взаимнаго Кредита въ Спб. 495
Домъ, главный, на Нижегор. ярмаркѣ . 616
Мечта и дѣйствительность, 2 бюста **Вейценберга** 476
Музей, историческій, въ Москвѣ . . 788
Памятникъ Импер. Александру II въ Одессѣ 617
Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ 66
Памятникъ гр. Муравьеву-Амурскому . 114
Памятникъ Радецкому въ Одессѣ . . 517
Памятникъ на мѣстѣ сраж. подъ Гангутомъ 655
Памятникъ на о—вѣ Люцаусгольмѣ . . 747
Памятникъ въ Мелькѣ 1009

VII. Современность.

Ваза французск. броненосн. эскадры . 1010
Выставка, Средне.-Азіатск. въ Москвѣ . 747
„ Французъ., въ Москвѣ. 413, 674, 850
„ Чешская въ Прагѣ . . 682, 769
Голодный годъ 950
Группы, поднесенн. казаками Наслѣдн. Цесаревичу 741
Двадцатипятилѣтіе бракосочетанія Ихъ Величествъ 961
Кубки, поднесенные Ихъ Величествамъ СПБ. Гор. Думою 1082
Кумганъ, поднесенный киргизами Наслѣднику Цесаревичу 873
Лабораторія городская, въ СПБ. . . . 1170
Первая помощь голодающимъ. . . . 1080
Петербургъ. Институтъ экспериментал. медицины. 160
„ Лиговскій каналъ . . . 960
„ Ловля собакъ 830
„ Перенесеніе тѣла Вел. Кн. Ольги Ѳеодоровны 370
„ Призывъ запасн. нижнихъ чиновъ 1056
„ Прибытіе французской эскадры 658, 682
„ Пріемъ пожертвованій въ пользу голодающихъ . . . 936
„ Спускъ кораб. Наварринъ . 986
„ Телефонная станція . . . 435
„ Юбилей О-ва Понедѣльн. 391
Посѣщеніе храма Спасателя франц. моряками 726
Томскъ. Прибытіе Наслѣдн. Цесаревича. 746
Токіо. Православный Соборъ . . . 1008
Храмъ на мѣстѣ событ. 17 окт. 1888 г. 656

VIII. Литературный альбомъ.

Ашикъ-Керибъ, **Лермонтова** 112
Евгеній Онѣгинъ, **Пушкина**. 1144
Катерина, **Шевченко** 280
Князь Серебряный, **А. К. Толстаго** . . 595
Русланъ и Людмила, **Пушкина** . . . 703
Степная розочка. Стих. **Вейнберга** . . 40

IX. Статьи разнаго содержанія.

Буря Татарскаго пролива. Очеркъ. . 1167
Дочь Фараона. Историч. очеркъ . . 1080

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

Жилище охотниковъ въ Моравіи . . 83
Зеркало, китайское. 767
Исторія двухъ могилъ. Ист. оч. **Полевого.** 935
Купальня Діаны, въ Смирнѣ 959
Къ исторіи чувства сострадания. **А. Г. Брикнера** 979
Къ свѣдѣнію снимающихся у фотографовъ любителей 654
Литературныя бесѣды **А. И. Введенскаго.** 231, 255, 302, 323
Письма О. М. Достоевскаго . . . 86
Пожары и борьба съ ними. Оч. **В. Иванова** 275
Почки и ихъ отправленія. Очеркъ . . 803
Предсказаніе погоды при помощи растеній. Оч. **Штауде.** 230
Россія подъ скипетромъ Романовыхъ. Историческій очеркъ 193
Сады и сельско-хозяйственные курсы. Оч. **Александрова** 1006
Селамликъ, оч. **Джакшіева** 575
Сказаніе объ убіеніи царевича Дмитрія 451
Судъ Іудеевъ. Оч. **Стараго Паломника** . 342
Травянистыя запруды на Нилѣ. Оч. . 179
Трехсотлѣтіе Уральскаго войска. Историческій очеркъ. 847
Тяжелая расплата. Истор. оч. **Теплова.** 1026, 1048, 1078
Уничтоженіе Новгородскаго вѣча . . . 431

X. Библіографія.

Стр. 117, 142, 164, 189, 237, 260, 284, 347, 394, 437, 685, 1011, 1058, 1083

XI. Парижскія моды.

Съ Января по Декабрь—ежемѣсячно, съ 355 модн. гравюр. и рис., 362 чертеж. выкроекъ въ натур. величину, 383 рис. рукодѣльн. и вышив. работъ и массою рецептовъ по хозяйству.

XII. Тиражи выигрышей Госуд. Банка.

52 тиражъ 1-го займа 2 Января 1891 г. 46
50 „ 2 „ 4 Марта 1891 г. 238
3 „ 3 „ 1 Мая 1891 г. 438
53 „ 1 „ 1 Іюля 1891 г. 598
51 „ 2 „ 2 Сент. 1891 г. 791
4 „ 3 „ 1 Ноябр. 1891 г. 989

XIII. Живопись, рисунки и портреты.

Аксаковъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ. . . . 893
Аламанъ. Рис. Радомскаго 612
Александра Георгіевна, Вел. Княгиня. 849
Александръ Александровичъ, Государь Императоръ. 197, 937
Александръ, король Сербскій . . 657
Алексѣй, митр. въ Ордѣ. Рис. Земцова. 953
Алтай. Два вида 676, 677
Аляска. Фортъ Врангель 908
„ Жилище краснокожихъ. . . . 909
„ Тотемы во Врангелѣ, 2 рис. . 912
Англичанка, молодая. Рис. Блинда . 273
Аппаратъ для изученія полета птицъ 1108
Армяне, Дигскіе 976
Арнольдъ, Иванъ Карловичъ 596
Архангельскъ. Ломоносовская площадь. 49
Архангельскъ. Перегрузка трески . . 25
Астинь, отвергнутая Артаксерксомъ . 149
Ашикъ-Керибъ. Рис. Земцова 109
Бабаевъ, Ѳ. Г. 285
Боголюбовъ, А. П., профессоръ . 17
Богоматерь. Карт. Васнецова . . 900, 901
Болотниковъ передъ царемъ Шуйскимъ. Рис. Сафонова 492
Босякъ. Карт. Либерта 649
Боярышня. Рис. Лоренца . . 980
Брандтъ, Э. К., профессоръ . . . 1084
Брызгунъ. Рис. Клемана 913
Буйная семья. Карт. Ронивръ . . . 497
Буланже у могилы Бонменъ . . . 915
Бухара. Продавецъ шашлыковъ . . . 541
Бѣглецъ (лег. Лермонт.). Рис. Табурина. 1044
Ваза поднесенная французск. эскадрою Кронштадтскому морскому собранію . 1012
Верхотурье. Видъ Кремля 1041
Веселая пѣсня. Карт. Фрейвиртъ-Люцова. 405
Весенняя пѣсня. Рис. Зеньковича . . 472
Весна. Рис. Каразина 469
Взятіе обоза Даву подъ Краснымъ. Карт. Грузинскаго 380, 381
Видитъ око да зубъ нейметъ. Рис. Писемскаго 229
Вильгельмъ II, король Виртембергскій. 964
Вирховъ, Руд., профессоръ. 893
Владивостокъ. Видъ города. 553
Владивостокъ. Морскіе Штабъ и Собраніе 2 рис. 704
Владиміръ, Рогнѣда и Изяславъ. Рис. Борхарта. 100
Воейковъ, А. И., проф. 260
Возвращеніе съ заработка. Рис. Котляревскаго 996
Врангель, Е. К., Баронесса 16
Все моей Рис. Пжакевича 797
Выборгъ. Видъ рынка 665
Выселеніе изъ квартиры. Карт. Ламбера. 1161
Въ зажорѣ. Рис. Сверчкова 89
Въ лѣтній зной. Рис. Томашевича . . 565
Въ мастерской художника. Картина Ронивръ. 921
Въ праздникъ. Карт. Дукшты-Дукшинск. 441
Въ прискочку. Рис. Беркеле 669
Въ скитъ со сборомъ. Рис. Козачинск. 148
Въ теплый край... Рис. Писемскаго . 844
Въ ученьѣ. Рис. Шаховскаго. 1101
Вязальщица, маленькая. Карт. Эчлера. 1140
Гавриловка. Станов. на Мурм. берегу. 461
Гаданье. Рис. Пжакевича 1156
Гаданье вѣнками. Рис. Котляревскаго 544
Гадюка хватающая полевку. 761
Газн-Вали-Ханъ, Султанъ 260
Гатчина. Курсы плодоводства. 2 рис. . 1005
Гаруко, императр. Японская 477
Гельсингфорсъ. Видъ 700
Георгіевскій монастырь въ Крыму и Георгіевская скала. 2 вида . 793, 796
Голландія. Видъ канала близь Роттердама 1045
Голландія. Видъ у берега 521
Голландка. Карт. Кеннга 905
Голландки, бѣгущія на конькахъ . . 113
Голуби С.-Марко въ Венеціи. . . . 73
Гончаровъ на смертномъ одрѣ . . . 852
Гончаровъ, И. А., силуэтъ Бемъ . . 892
Гробницы князей Долгоруких . . . 936
Гробница Мих. Никитича Романова 208
Грузинскій, Петръ Николаевичъ . . . 432
Группы, поднесенныя казаками Наслѣднику Цесаревичу (2 рис.) 740
Гудауръ (Кавказъ). Акв. Черминскаго . 1105
Гусь. Рис. Писемскаго. 504
Дамроигъ, Сіамскій принцъ 1009
Дзисабуро, М., дженерикша 637
Діаграммометръ полк. Козлова. 2 рис. 92
Добрая сестра. Карт. Михальскаго . . 781
Добрый пастырь. Карт. Мурильо . . . 33
Доги. Типы породъ 933
Домнино, село Костромской губ. . . . 201
Дом-Педро, Императоръ 1112
Дочь Іефѳая. Карт. Зихеля 425
Другъ человѣчества. Карт. Ландсира . 41
Дукшта-Дукшинская, Эм. 16
Дыхтау. Ледниковыя мельницы 140
Дѣвушка съ остр. Капри 1073
Дѣдушка-домовой. Рис. Волкова . . . 81
Еврей. Рис. Александровскаго 317
Елена. Карт. Геглина 609
Елисавета Ѳеодоровна, Велик. Княгиня. 400
Жерве, адмиралъ, и командиры франц. эскадры. (3 рис.) 657, 660, 809
Забракованный. Рис. Земцова 300
Заброшенная кукла. Карт. Стокса . . 589
Заводье. Карт. Лыткина 532
Заказчикъ. Карт. Мухина 529
Зальцбургъ. Видъ города. 1093
За расчетомъ. Карт. Богданова . . . 340
Затруднительное объясн. Карт. Лосева. 312
Захарьинъ, Григорій Антоновичъ. . . 984
Защитники Троицко-Сергіевой Лавры. Карт. Верещагина 292, 293
Зеркало, китайское 768
Зима. Рис. Шильдера 1028
Зимородокъ-великанъ. Рис. Шпехта . 85
Златоустъ. Видъ города 309
Знамя Уральск. Казачьяго войска . . 841
Ибисъ, японскій. 597
Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова 204, 205
Измаилъ. Виды города. Рис. Храброва. 65
Изъ далекаго странствованія. Рис. Котляревскаго. 357
Изъ ухаба. Съ акв. Сверчкова . . . 12
Исаковъ, Н. В., генералъ-отъ-инфан. . 281
Исполатовъ, І. І., протоіерей . . . 284
И холодно и голодно. Рис. Зощенко . 321
Идзитаро, К., дженерикша 637
Іоанникій, митр. Кіевскій и Галицкій. 1109
Іудино цѣлованіе. Карт. Гейгера . . 332
Казаки-атаманцы. Карт. Детайля 1076 1077
Казаки, уральскіе. Рис. Віола 848
Касатикъ. Карт. Канти 241
Катанье на маслян. Карт. Грузинск. 172, 173
Катерина (стихотв. Шевченко). Рис. Козачинскаго 269
Кафе-шантанъ въ Севильѣ. Карт. Франке. 825
Кашманъ, Іосифъ 141
Кемь. Видъ города 1065
Кинешма. Видъ города 377
Кисловодскъ. Видъ улицы 857
Князь Серебряный (гр. А. Толстаго). Рис. Пжакевича 592
Ковалевская, С. В. 189
Козловъ, Пав. Алекс. 516
Колка, экипажъ изобрѣт. Штромберг. . 916
Коломна. Дворецъ Алексѣя Михайлов. 201
Колпаковскій, Г. А., генералъ-отъ-инф. 373
Колумбово яйцо. Карт. Ренифчштейна. 297
Константинова, А. І. 16
Константинополь. Мечеть Гамидіе . . 561
Концертъ. Карт. Герифера 76
Концертъ въ пустынѣ. Рис. Кулля . . 485
Корона царя Михаила Ѳеодоровича . 212
Кострома. Палаты царя Мих. Ѳеод. 213
Кострома. Памятникъ царю Михаилу Ѳеодоровичу 209
Кошлаковъ, Дм. Ив. 140
Кояловичъ, Мих. Осип. 169
Красноводскъ, укрѣпленіе Закасп. обл. 145
Крестный ходъ въ поляхъ. Рис. Каразина 1069
Кубки, поднесенн. Ихъ Величествамъ СПБ. Город. Думою 1081
Кумганъ, киргизскій, поднесенный Наслѣднику Цесаревичу 872
Купальня Діаны бл. Смирны 945
Куріаръ, П. П. 16
Лабораторія городская, въ СПБ. . . 1169
Лампада въ память 17 октября 1888 г. 557
Лафатеръ. Іоганнъ Каспаръ 1012
Левицкій, К. В., генер.-лейт. . . . 93
Леонтій, митр. Московск. и Коломенск. 1109
Лерхе, М. Г., генер.-лейт. 236
Лосн. Рис. Фризе 233
Лѣтомъ. Рис. Китаева 549
Любимцы. Рис. Котляревскаго 1049
Любимый цвѣтокъ. Рис. Котляревскаго 804
Люксембургъ. Общій видъ 289
Макаровъ, Ник. Петр. 325
Макарьевскій монастырь.
1) Стѣна и дерево посаж. св. Макаріемъ. 712
2) Шествіе со славой 713
3) Видъ монастыря 716
4) Деревянныя двери въ соборѣ . . 716
Максимовичъ, К. П. Академикъ . . . 284
Маляръ, маленькій. Карт. Розанова. 720
Марія Ѳеодоровна, Государыня Императрица 196, 937
Марсъ, планета. 13 рис. . . 886, 887, 890
Мары (бой). Рис. Шпехта 320
Мезень. Два вида 880
„ Типы женщинъ 877
Мейерберъ, Джакомо 897
Мейсонье, Жакъ 188
Мельба, Нелли 117
Мервъ. Видъ рынка. Рис. Каразина . . 604
Метеориты. 10 рисунковъ . 410, 411
Мечта и дѣйств. 2 бюста Вейценберга. 476
Мечтатели. Рис. Зощенко 929
Минуты счастья. Карт. Детти . . 524, 525
Мирковичъ, М. Ѳ., генер.-лейт. . . . 348
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь 193
Міасскій заводъ. Видъ 709
Могильники въ Чегемскомъ обществѣ. 301
Молебствіе на полѣ. Рис. Каразина . . 881
Мольтке, графъ 393
Монастырь на Кубенскомъ озерѣ . . 213
Монте-Карло. Залъ рулетки . . . 408, 409
Москва. Историческій музей 784
„ Палаты Романовыхъ 200
„ Посѣщеніе храма Спасителя французскими моряками . . . 725
„ Средне-Азіатская выставка . . 749
„ Французск. выст. 2 рис. 413, 853
Мостъ черезъ р. Онтуху 1084
Моцартъ, Вол.-Амедей. 1036
Мутсу-Хито, импер. Японскій 477
Мѣняла. Карт. Кошелева. 855
На базаръ. Рис. Каразина 856
На богомолье. Рис. Никитина 105
Нагасаки. Видъ рейда 613
На дачѣ. Рис. Земцова 484
Надъ Босфоромъ. Рис. Каразина . . . 268
На конскую ярмарку. Карт. Хельминскаго . . . . . .

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

На маневрахъ. Рис. Сафонова 756
На постояломъ дворѣ. Рис. Шаховскаго 764
На привалѣ. Рис. Колачинскаго . . . 932
Напрямки по насту. Карт. Весина . . 277
Наркевичъ-Іодко, Я. О. 260
На свадьбу. Рис. Ижакевича 388
На свиданіе. Рис. Котляревскаго . . . 512
На сторожѣ. Рис. Каразина 629
На тоняхъ. Рис. Броллинга 925
На улицу не пускаютъ. Рис. Котляревскаго 737
На чаекъ. Рис. Медвѣдева 220
Невольничій рынокъ. Карт. Эйзенгута . 221
Не въ своей тарелкѣ. Рис. Каразина . 52
Невьянскъ. Видъ завода 704
Незваный гость. Карт. Стокса 772
Неофитъ VIII, патріархъ 1153
Нижній-Новгородъ. Главный домъ на ярмаркѣ 601
Никаноръ, архіеп. Херс. и Одесск. . . 44
Николай Александровичъ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ 745
Николай Николаевичъ Старшій, Великій Князь 369
Ночь на Босфорѣ. Карт. Айвазовскаго 225
Ночью. Рис. Зощенко 765
Нужда скачетъ, нужда пляшетъ. Рис. Милевскаго 385
Ныня гадаетъ. Карт. Милорадовича . . 552
Обрядъ постриженія. Рис. Трутовскаго 4—5
Одесса. Памятникъ Императору Александру II. 617
„ Памятникъ Радецкому . . . 517
Олени въ горахъ. Карт. Тиле . . . 1029
Ольга Ѳеодоровна, Вел. Княгиня . . . 315
Омовеніе ногъ въ Исакіевскомъ соборѣ. 333
Ооцу, городъ въ Японіи 457
Орочоны (Вост. Сибирь) 689
Освященіе знамени Уральск. казач. . . 836
Осушеніе болотъ въ Минской губ. 3 рис. 621, 624
Отъ грозы. Рис. Каразина 668
Отъ милаго сердцу. Карт. Кумаиса . . 473
Отправка парохода на рѣкѣ Камѣ . . 276
Оттепель. Рис. Козлова 313
Охота на волка. Карт. Самокиша . . . 257
Охота на горнаго барана 889
Очень довольна. Карт. Вагнера . . . 509
Пазухинъ, Ал. Дм. 164
Палицынъ въ станѣ Трубецкаго. Рис. Сафонова 219
Памятникъ воинамъ погибшимъ въ сраженіи бл. Ригн 718
Памятникъ русскимъ воин. въ Мельѣ. 1009
Памятникъ на мѣстѣ сраженія подъ Гангутомъ 641
Памятникъ на мѣстѣ переправы русск. войскъ (1828—29 гг.) 789
Памятникъ на мѣстѣ гдѣ скончался Потемкинъ 873
Памятникъ Н. Н. Муравьеву-Амурскому 116
Парламентъ, японскій 69
Парнеллъ, Ч. Э. 45
Паровозъ-танкъ 165
Пастушка. Рис. Глоба 584
Пастушокъ. Рис. Глоба 585
Первая кочерыжка. Рис. Земцова . . . 633
Первая музыка. Рис. Пжакевича . . . 513
Первая помощь голодающимъ 1068
Первая ссора. Карт. Корелли 993
Первый день рожденія. Карт. Зиберга 957
Передъ поединкомъ. Карт. Кастіоли . . 217
Переходъ израильтянъ черезъ Чермное море. Карт. Айвазовскаго 244
Петербургъ. Алекс.-Маріинск. училище слѣпыхъ 652
„ Вечеръ на Невск. пр. . . 1021
„ Видъ Лиговск. канала . . 956
„ Выѣздъ Государыни Императрицы изъ Анич. дворца. 124
„ Домъ Общ. Взаимн. Кред. 493
„ Домъ призрѣнія вдовъ и сиротъ духовнаго званія . 329
„ Институтъ экспериментальной медиц. 2 рис. 156, 157
„ Катокъ на Фонтанкѣ. . . 137
„ Ловля собакъ 829
„ Музей Акад. Наукъ. 2 рис. 572, 573
„ Перенесеніе тѣла Вел. Кн. Ольги Ѳеодор. 372
„ Прибытіе франц. эскадры:
„ 1—3) Видъ судовъ эск. 660, 661
„ 4) Дневной балъ на „Маренго“ 681

СТРАН.

Петербургъ. 5) Вѣнокъ возложенный на гробницу Имп. Александра II. 685
„ 6) Смотръ пожарн. команды. 685
„ 7) Раутъ въ Городск. Думѣ. 705
„ Призывъ запасныхъ нижнихъ чиновъ 1053
„ Пріемъ пожертвованій въ Казанскомъ соборѣ . . . 924
„ Продавецъ счетовъ и пр. 977
„ Рыбный садокъ на Фонтанкѣ 228
„ Спускъ корабля „Наварринъ“ 985
„ Таврическій дворецъ . . . 864
„ Телефонная станція . . . 436
„ Фруктовый рынокъ на Щукиномъ дворѣ 845
„ Храмъ Общ. распр. рел.-нравств. просвѣщенія . . 577
Петровъ, Петръ Никол. 496
Пишега. Видъ города 97
Пиръ у Тиціана. Карт. Киса 464
Письмо отъ жениха. Картина Фрейвиртъ-Люцова 361
Платонъ, митр. Кіевскій и Галицкій. . 940
Племя Сіу на походѣ 68
Плетневъ, П. А. 121
Подъ медвѣдемъ. Рис. Писемскаго . . 53
Пойманъ. Карт. Маццотта 888
Покинутая. Рис. Трутовскаго 77
Полольщицы. Рис. Глоба 805
Полонская, Ж. А. 16
Потемкинъ-Таврическій, Г. А., свѣтл. кн. 865
Послѣ бури. Рис. Волкова 57
Послѣдняя коровл. Послѣдняя лошадь. 2 рис. Каразина 948, 949
Прага. Три вида Чешской выставки. 684, 769
Праздникъ въ малороссійскомъ селѣ. Рис. Ижакевича . . . . . 776—777
Предъ совѣтомъ трехъ въ Венеціи. Карт. Пилоти . . . . . 860—861
Прибой въ Біаррицѣ. Карт. Айвазовскаго 245
Прогулка гимназистовъ. Рис. Котляревскаго 632
Прощаніе невѣсты съ родными. Рис. Целебровскаго . . . . . 444—445
Раненый воевода. Рис. Каразина . . . 545
Расини Ecol Карт. Верла 337
Ревель. Разные виды. 9 рис. 930, 931, 934
Рекреація. Карт. Шмидъ-Брейтенбаха. 1157
Рембрандтъ. Собственноручный портр. 673
Репетиція маскарада. Карт. Швеннингера 185
Решке, Эдуардъ 117
Решке, Янъ 117
Ржевъ, Видъ города 1017
Римскій триклиній. Карт. Баура . . . 593
Римъ. Пожаръ при Неронѣ. 4 рис. 60—61
Римъ. Невольничій рынокъ. Карт. Буланже 741
Римъ. На балк. во время карнав. 180, 181
Рождество Христово:
1) Святое семейство 1121
2) Поклоненіе пастырей 1124
3) Бѣгство въ Египетъ 1125
4) Съ елками въ городъ 1128
5) Рубка елки въ лѣсу 1129
6) Рождественская сказка 1132
7) Въ Рождественскую ночь 1137
Романова, Ксенія Ивановна 200
Романовъ-Борисоглѣбскъ. Видъ города 564
Рудини (ди-), маркизъ 188
Русланъ и Людмила (Пушкина). Рис. Волкова. 692, 693
Ручей. Карт. Бейшлага 132, 133
Рыбацкое, село близъ Петерб. 700
Рыболовы на Курѣ 1052
Рѣшительный отвѣтъ. Карт. Зимма . . 1001
Ряженая. Рис. Кригера 177
Саймеиское озеро. Видъ 481
Самаркандъ. Улица Шайбаны-Ханъ . 397
Самаркандъ. Торговцы мукой 44
Сангуча, рѣка въ Сибири. 2 вида . . 625
Саратовъ. Видъ города 433
Свиданіе. Рис. Соломко 1096
Своими средствами. Рис. Кобылина . . 29
Севастополь. Корабельная бухта . . . 417
„ Петропавловскій соборъ . 1
„ Ворота Братск. кладбища 281
Секретъ. Карт. Шимановскаго 721
Серафимъ, епископъ Самарскій 236
Сергіевскій паркъ. Карт. Воробьева . . 581
Сергій Александровичъ. Вел. Князь . . 401

СТРАН.

Сибирь. Разные виды 701
Синопъ. Общій видъ 84
Сирота. Рис. Котляревскаго 697
Слѣпая. Карт. Пиглгейма 824
Смерть Вел. Кн. Андрея Боголюбскаго 785
Смерть Рафаэля. Карт. О'Нейля . . . 428
Смерть Цезаря. Карт. Вертгеймера . . 997
Собраніе общ. „Понедѣльники“, въ Спб. 389
Соловецкій монастырь. 8 рис. видовъ 729, 732, 733, 736
Сонъ Татьяны (Евг. Онѣг. Пушкина). Рис. Волкова 1133
Сорвался съ качелей. Рис. Пжакевича 1020
Споръ за добычу. Рис. Миллера . . . 101
Старый да малый. Рис. Виноградова . 129
Степная рощочка. Рис. Бадица 28
Строгановъ, А. Г., Графъ 725
Стрѣльна. Депо пожарной команды Князя Львова 605
Суздаль. Видъ города 265
Суздаль. Покровскій монастырь . . . 353
Тарновскій, К. А. 988
Теодорихъ и Императоръ Зенонъ. Рис. Мерте 981
Тигры въ степи. снѣгахъ. Рис. Фриле . 86
Томскъ. Прибытіе Государя Наслѣдн. Цесаревича. 748
Токіо. Домъ Русскаго Посольства . . 501
„ Русская церковь 1004
Топырщикъ. Рис. Клемана 537
Тревога на пограничн. караулѣ. Рис. Сафонова 465
Третьяковъ, П. М. 753
Тріумфъ Діагора. Карт. Розе 717
Троице-Сергіева лавра. Общій видъ 816, 817
Тройка въ метель. Карт. Грузинскаго 37
Угличъ. 3 вида города. 452, 453
Углубился. Карт. Лиса 1141
У дверей въ кабинетъ начальн. Карт. Молова 449
У заводскихъ воротъ. Рис. Козачинск. 821
Уланы, гвардейскіе. Рис. Оранжа . . 125
Уничтоженіе Новгородскаго вѣча. Карт. Лебедева 421
Уралъ. Зимняя добыча золота . . . 712
Уральскъ. Киргизскій праздникъ . . . 869
„ Закладка новаго храма . . 837
„ Транспарантъ съ двумя фигурами казаковъ . . . 833
„ Тріумфальная арка. . . 840
Урокъ танцевт. Карт. Розенгали . 364, 365
Феллашка, молодая. Карт. Зихеля . . 569
Фратіоффъ у купца Ринга. Кар. Леке 644, 645
Харьковъ. Видъ аквариума 636
Хлорисса. Карт. Собри 1025
Храмъ и часовня на мѣстѣ событія 17 окт. 1888 г. (проектъ) 653
Христіанск. мученики. Карт. Кенига. 252, 253
Хуторъ въ окрестн. Полтавы. Рис. Васильченко 429
Церковь въ Гесиманскомъ саду. Рис. Суслова 813
Цыганка. Рис. Глоба 489
Цыганскій таборъ. Рис. Козакевича . . 13
Червячка заморить. Рис. Пжакевича . 505
Черепаха, слоновья. Рис. Шпехта . . 305
Черногорія. Видъ Альпъ 868
Чечотъ, О. А. 189
Шалуны. Фотогр. Харитонова 153
Шампунка, китайская 637
Шарлота, Королева Виртембергская . 964
Школа кулинарн. искусства, въ Спб. . 1104
Шхуна „Тунгузъ“ во время бури. Рис. Китаева 1164
„ Нагрузка шхуны въ заливѣ Де-Кастри 1165
„ Разгрузка быковъ на о—вѣ Сахалинѣ. 1165
Шлиманъ, Генрихъ 20
Шумла. Видъ крѣпости 757
Шуша. Два вида 972, 973
„ Типы татаръ 969
Щекотливый вопросъ. Рис. Гольмберга 1097
Ѣда на буерахъ. Рис. Броллинга . . 161
Эль-Біаръ. Видъ виллы. 2 рис. . . . 1033
Эпизодъ изъ завоев. Сибири Ермакомъ. Рис. Дм.-Оренбургскаго 420
Эскимосъ въ борьбѣ съ бѣлымъ медвѣдемъ 801
Эсте, герц. д', Францъ-Фердинандъ . . 117
Этюдъ. Рис. Б.-Томашевскаго 9
Юный герой. Карт. Виллевальда . . . 341
Ягуаръ и водосвинки. Рис. Шпехта . . 1057
Яйца, пасхальныя. (Образцы) 348
Яффа. Высадка на берегъ 108

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | № 1 | г. XXI | 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ 8 ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖСК. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 5 января 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № „Нивы" безъ Сборника 35 к., со Сборникомъ 1 р.

Открыта подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ" принимаются за строку нонпарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Ион. Ред. по 75 к.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr 40 c.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА ЯНВАРЬ**, 2) „**ПАРИЖСКІЯ МОДЫ**" за ЯНВАРЬ съ 24 рисунк. и отд. лист. съ 27 черт. выкр. въ натур. велич. и 28 рис. рукодѣльн. работъ, 3) **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1891 г., печатанный красками.**

Возобновленный Петропавловскій соборъ въ Севастополѣ. Съ фот. Апостоли, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Изъ моей антологіи.

Стихотворенія А. Н. МАЙКОВА.

I.

Дѣвочка — братьямъ и другъ, и примѣръ. Лепетать только стала,
Знаетъ, малютка, ужь какъ въ шалостяхъ пылъ ихъ унять.
Выступитъ съ важной осанкою, пальчикомъ властно грозитъ имъ,
Строгаго долга для нихъ образъ являя въ себѣ.

II.

Бѣлые лебеди, спутники свѣтлыхъ лучей прилетѣли;
Дрогнуло сердце Земли; засверкали ожившія воды;
Мигъ — и проглянутъ цвѣты... Это весна, ужь весна!
Міръ полный свѣта нежданнымъ порой открывается словомъ —
Сердце трепещетъ въ груди — пробиваются слезы восторга —
Чувствую: близятся — ихъ осязаю и вижу — стихи!

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Первый приступъ.

Солнце съ утра поднялось зловѣще-багровымъ, словно докрасна-накаленное ядро, шаромъ, предвѣщая непогоду.

Попутный вѣтеръ, задувшій было сначала, засвѣжѣлъ и съ каждымъ порывомъ становился все упорнѣе, настойчивѣе и словно нетерпѣливѣе. Къ полудню закрѣпили брамсели и гротъ. Черезъ часъ пришлось взять еще по два рифа у марселей—къ тремъ часамъ начался штормъ съ ливнемъ...

Огромные, какъ горы, валы высоко поднимали свой бѣлый гребень, вырастая и рушась, какъ прозрачныя, бурливыя, клокочущія живыя стѣны. Они распадались и падали съ шумящимъ, стонущимъ гуломъ. Снасти скрипѣли. Дерево трещало. Рѣзкій свистъ вѣтра не давалъ отдыха уху. Погода разыгрывалась...

— Отдать бизань-гитовы! громкимъ, молодымъ, радостнымъ голосомъ кричалъ въ рупоръ Литта, чувствуя уже въ себѣ тотъ восторгъ, который охватывалъ его, когда начиналось или могло еще начаться *настоящее* дѣло, настоящая борьба съ любимою, грозною и давно привычною ему стихіей.—Тя-яни бизань-шхотъ...

— Эчеленца хочетъ привести къ вѣтру? спросилъ его старый штурманъ, приближаясь...

Литта, опустивъ рупоръ и придерживаясь и упираясь ногами въ скользкую, облитую водою палубу, слѣдилъ за бросившимися исполнять его приказаніе матросами.

— Эчеленца... началъ было опять штурманъ.

На этотъ разъ Литта оглянулся на него и удивленно посмотрѣлъ, какъ-бы не понимая зачѣмъ былъ сдѣланъ этотъ лишній вопросъ: для штурмана должно было быть ясно и безъ того, что̀ значитъ, когда ставятъ бизань.

Старикъ сдвинулъ на сторону губы и прищурилъ одинъ глазъ, но хитрое выраженіе лица его сейчасъ-же измѣнилось, потому что въ эту минуту качнуло сильнѣе и онъ долженъ былъ удержаться.

Онъ всегда относился къ распоряженіямъ командира съ какимъ-то затаеннымъ недоброжелательствомъ. Ему ужасно хотѣлось, чтобъ командиръ почувствовалъ наконецъ необходимость въ его, стараго штурмана, помощи или указаніи, хотя онъ узналъ при этомъ, что̀ Литта, не смотря на свою молодость, не нуждается въ немъ.

Но онъ именно не довѣрялъ этой молодости и отвагѣ командира и ревновалъ его къ той власти, которою самъ не былъ облеченъ.

— Сходите посмотрѣть какъ работаютъ помпы... приказалъ ему Литта.

— У меня есть дѣло у руля, эчеленца, я здѣсь нужнѣе... попробовалъ возразить штурманъ, желая успокоиться хоть на томъ, что онъ по крайней мѣрѣ необходимъ и что безъ него все-таки не справятся.

— Ступайте куда вамъ велятъ... крикнулъ Литта.

Старикъ слегка вздернулъ плечами и, какъ-бы снимая съ себя всякую отвѣтственность, повиновался.

Волны между тѣмъ поднимались выше прежняго и то поддѣвали корветъ, ставъ вдругъ грозною громадой у одного борта его и, ухнувъ, разомъ вырастали у другаго, то, сломившись, упадали съ размаха и били съ шумомъ палубу, разсыпаясь по ней пѣной, брызгами, ручьями и каскадами и обдавали своею ѣдкою, крѣпкою, соленою водой все, что̀ попадалось имъ...

Литта, торжествуя свою борьбу, увѣренный въ своемъ „Пелегрино", каждый, послѣдній гвоздикъ котораго онъ давно зналъ и любилъ, стоялъ съ развѣвающимися по вѣтру длинными, мокрыми прядями черныхъ волосъ и, высоко закинувъ голову, отдавалъ приказанія, заставляя повиноваться своему голосу не только копошившихся вокругъ него людей, но и исполнявшій его желанія поворотливый, ловкій корветъ. Въ такія минуты ему всегда казался его „Пелегрино" какимъ-то живымъ, дѣйствующимъ существомъ, понимавшимъ его и связаннымъ съ нимъ одною, неразрывною жизнью.

Ему казалось иногда, что онъ понимаетъ, какъ человѣка, скрипъ и трескъ своего „Пелегрино", который трепеща и напрягая снасти, разговариваетъ съ нимъ, жалуется или ободряетъ и сознательно борется съ вѣтрами и волнами.

Первый приступъ бури становился все грознѣй и грознѣй. Вѣтеръ, точно порѣшившій на этотъ разъ доконать таки „Пелегрино", рвался на него съ ожесточенною, злобною яростью.

Волны, вторя ему, кидали, обхватывали, били и качали корветъ, стараясь словно вдругъ выпрыгнувъ изъ засады, неожиданно наброситься на него и смыть съ палубы безстрашныхъ, маленькихъ, почти непримѣтныхъ въ сравненіи съ ихъ громадой людей.

Литта закрѣпилъ веревками двухъ матросовъ, ворочавшихъ руль, и себя къ палубѣ. Борьба завязывалась не на шутку.

На передней мачтѣ лопнули два верхнихъ паруса и лоскутья ихъ трепались, щелкая какъ пистолетные выстрѣлы... Корветъ выбивался изъ силъ, но жалобный, просящій защиты стонъ его, все-таки, смѣшивался съ попрежнему бодрымъ и громкимъ голосомъ командира...

Библиотека "Руниверс"

II.

Буря.

Старикъ штурманъ, осмотрѣвъ помпы и узнавъ, что вода въ трюмѣ прибываетъ, бросился къ борту и съ нахмуреннымъ, сосредоточеннымъ лицомъ, держась правою рукою за вантъ, послалъ матроса за „освященными хлѣбами...“

Матросъ, оторванный отъ работы, точно очнувшись, испуганно посмотрѣлъ на него.

— За хлѣб... началъ было онъ, но нагрянувшая волна не дала ему договорить...

Штурманъ видѣлъ только, какъ матросъ схватился за протянутую по палубѣ веревку и скользнулъ...

Когда волна, разбившись и журча, раскатилась,—его уже не было...

„Смыла вѣрно“, рѣшилъ штурманъ, и невольно взглянулъ въ сторону, гдѣ долженъ былъ находиться командиръ—не захватила-ли и его волна съ собою...

Но тотъ остался на своемъ мѣстѣ, у руля. Теперь тамъ происходила замѣтная и торопливая суетня—видимо старались исправить что-то.

„Такъ и есть—руль!“ мелькнуло опять у штурмана, но онъ не пошелъ помогать, считая то дѣло, для котораго онъ остановился здѣсь, у борта, еще болѣе важнымъ.

Матросъ, уцѣлѣвшій подъ натискомъ волны, явился съ тремя маленькими хлѣбцами, бережно прижимая ихъ къ груди, чтобы не растерять.

Штурманъ схватилъ одинъ изъ нихъ и, усиленно шевеля губами и шепча какія-то слова, перекинулъ его за бортъ. Потомъ схватилъ другой и третій, и тоже выкинулъ ихъ.

— Что тамъ дѣлаетъ Энціо? Скажите ему, что рано еще—дѣло совсѣмъ не дошло до этого! закричалъ Литта, увидѣвъ, что штурманъ, по старинному повѣрью и обычаю, бросаетъ въ минуту опасности за бортъ хлѣбы, нарочно освященные и приготовленные для этого случая.

— Энці-о-о! сквозь шумъ и ревъ бури послышалось на палубѣ,—командиръ зоветъ къ себѣ.

Но какъ бы въ отвѣтъ штурману на его брошенный хлѣбъ новая волна съ новою силою накатилась на корветъ и, ударивъ со всего маху, разбила катеръ въ щепы.

— Мало ему этого! проворчалъ сердито Энціо, стискивая зубы,—тоже рано, какъ же!

И онъ оглянулся, какъ бы ища, не найдется-ли кто-нибудь, кто выразитъ ему сочувствіе.

Но всѣ заняты были своимъ дѣломъ. Казалось, имъ некогда было раздумывать каково положеніе и насколько оно опасно, хотя Энціо со своими хлѣбами чуть-было не заставилъ опомниться, оглянуться, придти въ себя и можетъ-быть вслѣдствіе этого потерять голову. Рѣзкій крикъ командира, однако, о томъ, что „рано“ еще прибѣгать къ крайнимъ средствамъ, снова далъ толчокъ общему движенію.

Самъ Литта въ увлеченіи борьбы, требовавшей одновременно и тѣлесной силы, и крайняго умственнаго напряженія, весь былъ охваченъ этою борьбою и сосредоточенно слѣдилъ за тѣмъ, что нужно было дѣлать, что приказать и гдѣ и кто ждалъ его приказанія или ободренія.

— Не бойся, держись! раздавался безпрестанно его звучный голосъ, и при звукахъ этого голоса матросы работали дружно, смѣло и споро.

Волны, не унимаясь, громоздясь другъ на друга, продолжали швырять несчастный „Пелегрино“. Бѣшеные, остервенѣлые размахи ихъ и усилія казались, однако, напрасными — Литта твердо и увѣренно велъ свой корветъ и каждый разъ во-время предупреждалъ опасность, и „Пелегрино“ снова выплывалъ и качался какъ бы на зло ожесточенному морю.

И вдругъ, точно и на этотъ разъ признавъ свое безсиліе и выражая гнѣвъ свой безвредною, но страшною бранью, буря сверкнула молніей. За нею раздался трескучій громовый ударъ, раскатившійся по бурному пространству.

Литта поднялъ голову и улыбнулся, точно понявъ, что непогода била теперь отбой.

Самою большою опасностью угрожало показавшееся увеличеніе воды въ трюмѣ. Литта нѣсколько разъ посылалъ къ помпамъ узнать, какъ онѣ работаютъ.

Воды было попрежнему много. Уровень ея не понижался, хотя и не шелъ уже на прибыль. И этого было достаточно: течи не оказалось. Къ вечеру вода стала замѣтно упадать. Буря унималась.

III.

Новая бѣда.

Графъ Литта, усталый и измученный, провозившись цѣлый день на палубѣ, только къ вечеру могъ успокоиться.

Онъ самъ, когда буря пронеслась, осмотрѣлъ корветъ, велѣлъ при себѣ замѣнить изорванные паруса запасными, исправить то, что можно, и отпустивъ вмѣстѣ съ Энціо большинство экипажа на отдыхъ, остался съ выборными охотниками управлять ходомъ.

Корветъ сильно пострадалъ во время бури. Многое можно было исправить, но требовалась и серьезная починка въ гавани.

Несмотря на это, Литта рѣшилъ все-таки идти прямо на Неаполь и, добравшись до этого города, бросить якорь и тогда лишь начать чиниться.

Позднимъ уже вечеромъ, когда море, совсѣмъ утихнувъ, ласково плескало, какъ будто и не оно цѣлый день бурлило сегодня, и Литта убѣдился, что всякая опасность исчезла, онъ разбудилъ старика Энціо и, смѣнивъ людей, ушелъ въ свою каюту.

Онъ вымылся, переодѣлся, натеръ цѣлительной мазью свои исцарапанныя, распухшія руки и легъ на койку, завернувшись легкимъ одѣяломъ.

Всего лѣтъ восемь тому назадъ, онъ въ 1780 году пятнадцатилѣтнимъ подросткомъ по годамъ, но по развитію окрѣпшимъ уже юношей, поступилъ въ число рыцарей Мальтійскаго ордена, принеся съ собою значительное имѣніе въ Сѣверной Италіи... Съ тѣхъ поръ началась его служба ордену и мало-по-малу, несмотря на свою молодость, онъ достигъ званія командира корвета.

Мальтійскій орденъ, окончивъ свою долголѣтнюю, давнишнюю войну съ Оттоманскою Портою, не слагалъ оружія, посылая свои суда на крейсерство по Средиземному морю для поимки турецкихъ пиратовъ, безпощадно грабившихъ христіанскія суда... Однимъ изъ такихъ крейсеровъ былъ корветъ „Пелегрино“, которымъ командовалъ графъ Литта.

Литта заснулъ на своей койкѣ не скоро. Онъ слишкомъ усталъ. И когда наконецъ заснулъ онъ—сонъ его былъ тяжелъ и неспокоенъ.

Вдругъ онъ приподнялся, широко раскрылъ глаза и протеръ ихъ. Въ окно каюты глядѣлся бѣломолочный туманъ, слабо освѣщенный должно-быть еще восходящимъ солнцемъ. Свѣтало.

Сколько времени проспалъ онъ — Литта не зналъ и не могъ понять тоже, отчего онъ такъ вдругъ, словно его толкнулъ кто, проснулся, и проснулся съ какимъ-то нехорошимъ, непріятнымъ предчувствіемъ.

Онъ, не отдавая себѣ еще хорошенько отчета, что дѣлаетъ, вскочилъ, бросился къ двери и, выйдя на палубу, остановился невольно пораженный тѣмъ, что случилось въ его отсутствіе.

Энціо, придя на смѣну и почувствовавъ себя полнымъ распорядителемъ корвета, заходилъ по юту съ сознаніемъ всей важности своего положенія.

Ночь была лунная, свѣтлая, море не грозило, но послушно разстилалось въ ширь, и „Пелегрино“ скользилъ при попутномъ вѣтрѣ легко и скоро.

Библиотека "Руниверс"

Обрядъ пострижки. Эрит рис. собств „Нивы“ акад. К. Трутовскаго грав. Шюблеръ

Библиотека "Руниверс"

Энціо ничего не оставалось дѣлать, какъ добросовѣстно и спокойно слѣдить за его ходомъ; но бездѣйствіе томило его.

На его счастье къ утру поднялся туманъ, становившійся все гуще и гуще по мѣрѣ того, какъ корветъ врѣзывался въ него. Энціо не приказывалъ сбавлять парусовъ и шелъ прежнимъ ходомъ.

Ему казалось веселѣе управлять чувствуя возможность опасности и идя не мѣняя скорости, не боясь наткнуться на берегъ. Онъ такъ твердо былъ увѣренъ въ своемъ знаніи моря, въ своемъ долгомъ опытѣ и въ безошибочности курса, котораго держался, что желалъ показать всѣмъ и каждому, а главное самому себѣ, будто ему все ни по чемъ и рѣшительно все равно—туманъ или не туманъ—и что бы тамъ ни было; онъ не только не уступитъ молодому командиру въ умѣньи управлять судномъ и вести его, но еще можетъ поучить и тѣхъ, кто постарше.

Энціо долго стоялъ, скрестивъ руки на груди, и торжествующе улыбался, чувствуя какъ скользитъ ходкій „Пелегрино".

Онъ вспоминалъ подробности вчерашняго бурнаго дня и видѣлъ себя главнымъ дѣйствующимъ лицомъ его, твердо увѣренный, что буря миновала благополучно, благодаря выброшеннымъ имъ за бортъ хлѣбамъ.

Наступилъ разсвѣтъ. Туманъ началъ рѣдѣть. Энціо самодовольно, продолжая улыбаться, оглядывался по сторонамъ, дѣлая видъ, что не даетъ даже себѣ труда обращать вниманіе на тѣ пустяки, которые выпали *теперь* на его обязанность. Онъ лѣниво зѣвалъ и потягивался, глаза его смыкались нѣсколько разъ и голова опускалась.

Съ бака въ это время неожиданно раздался крикъ и тотчасъ замолкъ. Энціо, вздрогнувъ, поднялъ голову. Нѣсколько матросовъ, стоявшихъ на палубѣ—замерли, смотря всѣ въ одну сторону... Прямо, сквозь быстро рѣдѣвшій туманъ виднѣлся крутой, почти отвѣсный, каменный берегъ.

Литта вбѣжалъ на палубу какъ разъ въ эту минуту. „Пелегрино" несся беззаботно, вольно, какъ ночная бабочка на огонь,—на вѣрную гибель, красиво распустивъ паруса и быстро сокращая разстояніе, оставшееся до каменнаго берега, о который суждено ему было разбиться съ налету.

Энціо, блѣдный, держался за волосы. Глаза его были неподвижны, безсмысленны. Остальные люди, притихнувъ и съежившись, уставились впередъ, понимая опасность и чувствуя и зная невозможность избѣгнуть ея.

Время казалось потеряно, поздно,—повернуть, лавируя, было немыслимо, не хватало мѣста, и всякій маневръ могъ только измѣнить пожалуй ту точку, гдѣ долженъ былъ разбиться корветъ, но отнюдь не спасти его.

Этотъ мигъ молчаливаго, невысказаннаго, но яснаго для всѣхъ сознанія — постепенно, на виду у всѣхъ, приближавшейся гибели и полнаго безсилія избѣжать ея, вдругъ смѣнился ужасомъ и суетней людей, бросившихся въ отчаяніи къ гребнымъ судамъ, самое большое изъ которыхъ было однако разбито вчерашнею бурею. Еще секунда, и люди эти потеряютъ совсѣмъ разсудокъ и тогда исчезнетъ всякая надежда.

Литта схватилъ рупоръ и, широко размахнувъ рукою, крикнулъ тѣмъ голосомъ, которымъ привыкъ бороться съ ревомъ бури:

— Долой паруса!

Люди дрогнули. Какъ молнія промелькнуло у Литты первый разъ въ жизни опасеніе, что они не услышатъ, оробѣвшего приказанія; но привычка взяла свое: почуявъ командира, матросы дрогнули и бросились къ мачтамъ.

— Лѣво руля! скомандовалъ Литта, и „Пелегрино", сразу лишенный парусовъ, но разогнанный прежнимъ своимъ быстрымъ ходомъ и, сохраняя его еще, послушно повернулся отъ берега.

Корветъ былъ спасенъ и Литта сталъ лавировать, отдавая приказанія и забывъ объ Энціо, который сейчасъ же исчезъ въ своей каютѣ.

IV.

Въ Неаполѣ.

Литта благополучно довелъ свой корветъ до голубаго, тихаго Неаполитанскаго залива. и „Пелегрино" вошелъ въ гавань, распустивъ свою красную мальтійскую хоругвь съ большимъ бѣлымъ осьмиконечнымъ крестомъ.

Исполнивъ береговыя формальности, Литта спустился на шлюпкѣ въ городъ. Болѣе мѣсяца провелъ онъ въ морѣ, ни разу не сходя на берегъ, который впрочемъ и теперь не особенно тянулъ его къ себѣ, но нужны были кой-какія закупки для корвета: необходимо было освѣжить запасы, побывать у банкира и узнать, нѣтъ-ли какихъ-нибудь писемъ съ Мальты.

Оказалось однако, что время было слишкомъ позднее—все было заперто и Литта никуда не попалъ... Только широкая Толедская улица кишѣла, какъ всегда, народомъ празднымъ, веселымъ, смѣющимся и кричащимъ на всѣ лады и нарѣчія.

Сначала Литта съ удовольствіемъ, какъ старому знакомому, обрадовался этому вѣчному, беззаботному шуму и глядѣлъ на непрерывный рядъ экипажей, гладко катившихся по твердымъ, пыльнымъ плитамъ лавы, которою была выложена улица, на мелькавшія носилки со спущенными шторками и на пеструю толпу, откровенно, не стѣсняясь, показывавшую свою будничную жизнь.

Полуголые лазароне, красиво однако драпируясь въ свои лохмотья,—спали тутъ же на улицѣ, рабочіе раскинули балаганы и занимались своимъ дѣломъ; продавцы макаронъ, жареныхъ каштановъ, кукурузы, примостившись у маленькихъ очаговъ, безпощадно дымившихъ, наперерывъ стараясь перекричать другъ друга, хвалили и предлагали каждый свое. Мѣнялы и публичные писцы выдвинули свои столики; аквойолы приставали со своею холодною водой, кричали и звенѣли стаканами.

Все это сразу охватило Литту и перенесло его въ совершенно другую, непривычную жизнь, въ которой онъ почувствовалъ себя чужимъ; но ему пріятно было видѣть незнакомыя, добродушныя лица и слушать вмѣсто плеска и шума однообразной волны этотъ неумолчный, стоявшій теперь вокругъ него говоръ.

Онъ прошелъ всю Толедскую улицу и только тогда замѣтилъ, что голова его слегка закружилась и глаза устали отъ двигавшейся все время передъ ними пестроты.

Но ему хотѣлось теперь, когда онъ былъ уже на берегу, все-таки пройтись по твердой землѣ, отъ которой отвыкли его ноги, и размять ихъ.

Онъ повернулъ въ узкій переулокъ, стараясь придумать себѣ какую-нибудь цѣль куда идти.

Маленькія неправильныя улицы и переулки, въ лабиринтѣ которыхъ очутился теперь Литта, были въ противоположность главной улицѣ—тихи и пустынны.

Высокіе бѣлые дома съ плоскими крышами, съ балконами вмѣсто оконъ, сдавливали ихъ, какъ коридоры, своими стѣнами. Здѣсь было душно и грязно. Мостовыя никогда не мелись и не чистились.

На набережной въ Вилла-Реале было теперь вѣроятно хорошо и дышалось легче, но Литта не шелъ туда изъ нежеланія встрѣтиться съ большинствомъ неаполитанскаго общества, знакомаго ему. Завтра онъ надѣнетъ парадный, узкій камзолъ, стянетъ горло кружевнымъ жабо и съ перчатками и шляпой въ рукахъ появится въ гостиныхъ; но сегодня—онъ спустился на берегъ, въ будничномъ, простомъ платьѣ. и хотѣлъ

Библиотека "Руниверс"

оставаться самъ съ собою, свободнымъ... И онъ нарочно сталъ выбирать безлюдныя, молчаливыя улицы.

По странной-ли случайности, или просто потому, что онъ не старался быть внимательнымъ и невольно шелъ все по прежней дорогѣ, Литта раза два, желая, впрочемъ, избѣжать этого, возвращался все на одно и то же мѣсто... Оно было знакомо ему.

Домой, на корветъ, казалось рано возвращаться—тамъ Эпціо опять станетъ надоѣдать съ чѣмъ-нибудь,—и, подумавъ про Эпціо, Литта вспомнилъ мѣсто, гдѣ находился теперь...

Передъ нимъ былъ низенькій домикъ, съ такою же плоскою, какъ и остальные, крышею и также выкрашенный бѣлою краскою. Окна выходили не на улицу, а на противоположную сторону, должно быть, въ садъ. Съ улицы была только толстая, обитая желѣзомъ дверь съ каменной приступочкой и небольшое рѣшетчатое, квадратное оконце.

Литта усталъ; ему хотѣлось пить.

Штурманъ какъ-то случайно, въ одну изъ прежнихъ ихъ остановокъ въ Неаполѣ, говорилъ ему, что здѣсь живетъ старикъ-французъ Лагардинъ-Нике, давно пріобрѣвшій нѣкоторую извѣстность своимъ таинственнымъ даромъ сибиллическихъ предсказаній людямъ совершенно ему незнакомымъ.

Впрочемъ и кромѣ Эпціо многіе знали Лагардина-Нике и разсказывали про него любопытныя вещи.

Литта узналъ домикъ француза.

„Во всякомъ случаѣ, онъ дастъ мнѣ кружку воды", подумалъ онъ и, взявшись за привѣшенный на цѣпочкѣ къ двери молотокъ, ударилъ имъ по вдѣланному въ нее желѣзному кругу.

Сухой, рѣзкій стукъ заставилъ дверь дрогнуть слегка. Какая-то птица, испуганно чиликнувъ, слетѣла съ возвышавшагося за каменнымъ заборомъ темнаго кипариса, и все опять смолкло.

Литта подождалъ. Никто не шелъ отворять. Онъ, прислушиваясь, постоялъ еще нѣкоторое время съ поднятымъ молоткомъ. Ему показалось, что по ту сторону двери тоже стоитъ кто-то и прислушивается. Литта ударилъ еще два раза.

Большой желѣзный засовъ съ лязгомъ отодвинулся, потомъ стукнулъ замокъ, и дверь, заскрипѣвъ петлями, слегка пріотворилась.

— Лагардинъ-Нике? спросилъ Литта.

Дверь отворилась совсѣмъ, и гладко-выбритый старикъ съ большими, круглыми, серебряными очками на остромъ носу, появился передъ Литтой. На немъ былъ довольно потертый отъ времени, черный камзолъ, высокіе черные же чулки и башмаки съ серебряными пряжками. Совсѣмъ сѣдые его волосы блеснули той бѣлою, ровною, не желтѣющею сѣдиной, которая свидѣтельствуетъ объ опрятности, требующей вниманія и привычки къ ней.

V.

Лагардинъ-Нике.

Старикъ ввелъ Литту по двумъ ступенькамъ прохладныхъ, полутемныхъ, узкихъ,—такъ что два человѣка не могли пройти рядомъ—сѣней, въ небольшую, сводчатую комнату всю заставленную кругомъ книгами на деревянныхъ полкахъ.

Тутъ были также склянки съ разноцвѣтными жидкостями, маленькія, пузатыя и большія, длинныя, астрологическая сфера, свитки пергамента, глиняные горшки и нѣсколько чучелъ животныхъ.

Ото всего вѣяло внушающей къ себѣ уваженіе древностью, но на всемъ лежалъ тотъ же отпечатокъ опрятности, которою бѣлѣли сѣдые волосы Нике, и вовсе не было замѣтно запаха пыли, ссохшагося дерева и затхлости—того, совсѣмъ особеннаго запаха, который свойственъ стариннымъ вещамъ.

Большой дубовый столъ на четырехъ витыхъ ножкахъ, высокія кресла, обтянутыя кожей, книги въ деревянныхъ и пергаментныхъ переплетахъ были вычищены, убраны, перетерты и размѣщены въ заботливомъ порядкѣ. Изъ-за рѣшетокъ открытыхъ въ садъ двухъ узкихъ оконъ, несло олеандромъ, лавромъ и миртою.

Въ углу, въ родѣ готическаго очага, возвышался каминъ съ жаровнею.

Литта, какъ рыцарь Мальтійскаго ордена, знакомый съ оккультными науками, съ перваго же взгляда узналъ эту не чуждую ему обстановку и большинство книгъ библіотеки Нике. Большой томъ Альберта Великаго сейчасъ же бросился ему въ глаза. Единственно уцѣлѣвшее твореніе Тота-Трисмегиста лежало на почетномъ мѣстѣ. Платонъ, Пиѳагоръ, Аполлоній Тіанскій и цѣлый рядъ новѣйшихъ оккультистовъ были здѣсь ца лицо.

Литта увидѣлъ, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ которому дѣйствительно могло быть извѣстно нѣчто.

Нике молча указалъ ему на кресло у стола и самъ сѣлъ противъ него, терпѣливо сложивъ руки и смотря, сквозь свои большія очки, прямо въ лицо своему гостю.

— Говорятъ, вы способны давать сибиллическіе отвѣты? началъ Литта по-французски, выдавая однако произношеніемъ свое южное происхожденіе.

Старикъ пожалъ слегка плечами.

— Мало-ли что говорятъ! отвѣтилъ онъ, улыбнувшись однѣми только губами, такъ что лицо его осталось попрежнему спокойнымъ.

— Ну такъ вотъ я пришелъ спросить у васъ...

„Я это знаю", сказалъ взглядомъ Нике и, продолжая улыбаться однѣми губами, наклонился надъ ящикомъ въ столѣ, досталъ оттуда пачку квадратныхъ, изъ чистаго картона, карточекъ и подалъ ихъ Литтѣ.

— Напишите вашъ вопросъ на латинскомъ языкѣ, если можете, пояснилъ онъ,—или на французскомъ, но только по одной буквѣ на каждомъ квадратѣ. Если не хватитъ карточекъ—я дамъ еще.

„Что-жь мнѣ ему написать?" невольно спросилъ себя Литта, взявъ пачку бѣленькихъ квадратиковъ, и, подумавъ, онъ рѣшилъ задать самый общій вопросъ — что ему, вообще, предстоитъ впереди?

Нике отодвинулъ свое кресло, всталъ и, закрывъ ящикъ, отошелъ къ окну.

Литта обмакнулъ перо въ чернильницу и началъ ставить на каждомъ билетикѣ по буквѣ: q, u, i, d, m, a,..

Онъ написалъ такимъ образомъ цѣлую фразу:

„Quid manet Julium Pompeium Litta?"

— Готово? спросилъ Нике отъ окна.

— Да!

Написавъ буквы на билетикахъ, Литта сталъ тасовать ихъ, чтобы измѣнить порядокъ буквъ.

Старикъ опять сѣлъ на свое мѣсто и, опираясь пальцами повернутой руки на столъ и отставивъ ее, ждалъ наклонивъ голову и уставившись глазами поверхъ своихъ очковъ на Литту.

Литта, стасовавъ билетики, передалъ ихъ ему.

— На какомъ языкѣ вопросъ? спросилъ Нике.

— На латинскомъ.

Нике кивнулъ головою и, быстро перетасовавъ видимо привычнымъ движеніемъ еще разъ билетики, началъ раскладывать ихъ въ большой кругъ на столѣ.

Буквы были совсѣмъ перемѣшаны. Два i легли рядомъ, потомъ m, потомъ l, и т. д., въ совершенно произвольномъ порядкѣ.

Обложивъ кругъ, Нике взглянулъ на него, потомъ точно мелькомъ вскинулъ глаза снова на Литту и, взглянувъ еще разъ на буквы, сталъ поспѣшно, быстро, какъ бы безсознательно, выбирать ихъ, складывая билетики на ладонь лѣвой руки и прижимая ихъ пальцами.

Библиотека "Руниверс"

Такъ онъ очень скоро собралъ почти всѣ карточки. На столѣ осталось только пять. На нихъ были буквы: q, d, m, p, m.

Нике взялъ пачку отобранныхъ имъ буквъ и сталъ раскладывать опять ихъ на столѣ, по въ рядъ, и въ томъ порядкѣ, въ которомъ отобралъ ихъ.

Первыя два слова вышли:

„Multi limi".

— Multi limi, прочелъ вслухъ Литта. — Это что же: „много грязи", кажется такъ? спросилъ онъ.

— Да, много всякихъ непріятностей, гадостей, подтвердилъ Нике, продолжая раскладывать.

„Ну, это довольно расплывчатый отвѣтъ", подумалъ Литта, слѣдя за тѣмъ, какъ слагаются остальныя буквы.

Изъ нихъ вышло еще два слова:

„nuptiae volutivae".

Литта, прочтя эти два слова, вдругъ откинулся на спинку кресла и разсмѣялся, взявшись рукою за грудь.

Это предсказаніе было неудачно до смѣшнаго.

— Nuptiae volutivae — желанный бракъ?! повторилъ онъ сквозь смѣхъ, — ну, этого быть не можетъ, этому трудно повѣрить.

Нике строго взглянулъ на него и показалъ на оставшіяся въ кругу пять буквъ:

— Тутъ еще остаются пять такъ-называемыхъ „нѣмыхъ" буквъ q. d. m, p. m, сказалъ онъ, еще разъ останавливая взглядомъ смѣхъ Литты, и продолжалъ:— Онѣ значатъ: „Quereretur dux: minister primus Malthae", т. е., понадобился бы вождь: первый министръ Мальты.

Литта пересталъ смѣяться.

— Позвольте, спросилъ онъ,—кто же это будетъ первымъ министромъ Мальты?

— Тотъ, о комъ вы задали свой вопросъ, я не знаю, отвѣтилъ Нике равнодушно.—Когда потребуется вождь— онъ будетъ избранъ въ трудную минуту министромъ Мальты.

— Позвольте, если вы знаете, что я принадлежу къ Мальтійскому ордену (иначе какъ же я могу быть министромъ?), то почему же вы предсказываете мнѣ „желанный бракъ",—это двѣ вещи не совмѣстимыя.

— Я ничего не знаю, медленно качая головою и тихо проговорилъ старикъ, — я не знаю даже о комъ вы спрашивали и въ чемъ состоялъ вашъ вопросъ... Я говорю, что вышло...

— Я спрашивалъ про себя, перебилъ его Литта,— и правда—я состою рыцаремъ ордена Мальты, слѣдовательно ваше лестное предсказаніе о моемъ повышеніи—возможно; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ членъ духовнаго ордена, я долженъ былъ дать обѣтъ безбрачія и далъ его съ глубокимъ убѣжденіемъ, которое едва-ли измѣню... Значитъ бракъ, да еще „желанный", едва-ли возможенъ для меня. Положимъ, настанетъ время, что я измѣнюсь... допустимъ это. Хорошо. Но обстоятельствъ вѣдь не измѣнишь... изъ ордена выйти нельзя: а если бы я какимъ-нибудь путемъ и вышелъ даже изъ него (что невозможно), то какъ же я буду министромъ... согласитесь, что одно съ другимъ совсѣмъ не вяжется.

И Литта, увѣренный, что доказалъ старику-французу всю его несостоятельность и нелѣпость его словъ, всталъ со своего мѣста. Онъ убѣдился, что Нике совсѣмъ не былъ такимъ человѣкомъ, какимъ показался онъ ему сначала, и что онъ годенъ развѣ только для суевѣрнаго простака Энціо, который можетъ вѣрить ему.

Литта вынулъ нѣсколько золотыхъ и бросилъ ихъ на столъ.

Востроносое лицо Нике приняло совсѣмъ птичье выраженіе. Круглыя очки приподнялись нѣсколько разъ.

— Я у васъ не просилъ этого, показалъ онъ на золотые.—Уберите ихъ...

Литта нѣсколько растерянно посмотрѣлъ на него.

— Да, да, уберите ихъ! подтвердилъ Нике кивкомъ головы.

„Комедія! рѣшилъ Литта. — Хочетъ поразить меня безкорыстіемъ".

И онъ, собравъ со стола деньги, снова спряталъ ихъ въ карманъ.

— Вотъ видите-ли, молодой другъ мой, вы очень скоры еще и горячи, но жизнь научитъ васъ быть осмотрительнѣй, проговорилъ Нике, и опять кивнулъ головою, какъ бы прощаясь съ Литтою.

Онъ попрежнему казался спокоенъ и величавъ.

Литта молча поклонился ему и вышелъ на улицу.

VI.

На Вилла-Реале.

— Мельцони! Мельцони! Вы знаете, Джуліо Литта появился въ Неаполѣ, говорилъ молодой дукъ ди-Мирамаре, догоняя пріятеля и останавливая его за локоть.

— Неужели? обрадовался Мельцони.—Когда вы его видѣли?

— Сейчасъ, мелькомъ, на главной аллеѣ. Ступайте къ казино, я приведу его туда!

И проворный дукъ ди-Мирамаре быстро повернулся на каблукахъ и скорыми шажками, покачиваясь и развѣвая фалды своего шелковаго кафтана, побѣжалъ на главную аллею отыскивать Литту.

Мельцони, и гулявшіе съ нимъ, такіе же, какъ онъ и дукъ, разодѣтые, блестящіе молодые люди, весело направились къ казино, довольные пріѣздомъ мальтійскаго моряка, котораго всѣ они очень любили.

Графъ Литта принадлежалъ къ богатой итальянской аристократической фамиліи Милана и былъ не только не чужой въ томъ обществѣ, къ которому принадлежали эти молодые люди, но, напротивъ, многіе изъ нихъ завидовали ему и подражали.

Аллеи и дорожки живописной Вилла-Реале были полны народомъ,—не тѣмъ, который шумѣлъ на неаполитанской улицѣ, но разодѣтымъ въ шелкъ и кружева, блестѣвшимъ богатствомъ, вкусомъ и весельемъ беззаботной жизни.

Яркое полуденное солнце играло на золотѣ и каменьяхъ дорогихъ нарядовъ, то и дѣло мелькавшихъ среди зелени высокихъ акацій, въ сквозной тѣни широкихъ дубовъ и между стрѣльчатыми колоннами кипарисовъ.

Эта Вилла-Реале, привольно и красиво раскинувшаяся по берегу вѣчно-тихаго лукоморья, со своими извилистыми дорожками, прямыми аллеями, лужками, куртинами пестрыхъ цвѣтовъ, причудливыми кустами кустарника, мраморными статуями и выдавшимся отъ берега круглымъ мыскомъ съ чудесною бесѣдкою,—была любимымъ сборнымъ пунктомъ всего лучшаго неаполитанскаго общества.

У казино сейчасъ же собралась цѣлая толпа вокругъ Мельцони, занявшаго одинъ изъ столиковъ.

Литта подошелъ къ нимъ вмѣстѣ съ ди-Мирамаре, который, не смотря на жару и на толпу, отыскалъ-таки графа и привелъ его, улыбающійся и усталый, но довольный тѣмъ, что поиски его и хлопоты не пропали даромъ.

На Литтѣ былъ теперь богатый кафтанъ, красный, французскаго покроя, шляпа съ бѣлымъ перомъ и большой бѣлый мальтійскій крестъ висѣлъ у него на груди на широкой, черной лентѣ.

Загорѣлое лицо его и сильное, крѣпкое, развитое на морѣ стройное тѣлосложеніе, замѣтно отличалось отъ худенькихъ, тощихъ фигуръ, окружавшихъ его изнѣженныхъ баричей, и хотя видимо было, что онъ чувствовалъ себя гораздо больше „дома" въ своемъ простомъ платьѣ моряка, все-таки кафтанъ его сидѣлъ гладко и красиво и онъ носилъ его съ тою увѣренностью и простотой, которыя достаются лишь долгимъ опытомъ свѣтскаго человѣка.

Библиотека "Руниверс"

Этюдъ. Карт. академика Бонча-Томашевскаго, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

— Графъ, здравствуйте!.. Джуліо, откуда вы?.. послышалось со всѣхъ сторонъ навстрѣчу Литтѣ, который пожималъ руки, кланялся и улыбался при видѣ этого общаго вниманія къ его появленію.

Дукъ ди-Мирамаре представлялъ ему тѣхъ, съ кѣмъ онъ еще не былъ знакомъ.

— Ну, разсказывай, началъ Мельцони, — правда, въ гавани говорятъ,—вонъ мнѣ сейчасъ Бенно сказалъ, кивнулъ онъ на скромно сидѣвшаго у стола генуэзца,— что твой „Пелегрино" чуть не потерпѣлъ крушеніе... про тебя теперь просто чудеса носятся.

Литта поморщился и, дернувъ плечами, положилъ ногу на ногу, слегка отвернувшись въ сторону. Онъ терпѣть не могъ говорить про себя.

— Кто это? спросилъ онъ, показавъ на одну изъ проходившихъ мимо по дорожкѣ, разодѣтыхъ дамъ.

На ней было бѣлое платье на фижмахъ съ крупными букетами розановъ, и напудренные волосы ея особенно красиво оттѣняли нѣжность южнаго лица и какъ смоль черныя брови.

Дукъ ди-Мирамаре сейчасъ же объяснилъ кто такая была дама и кто былъ у ней кавалеромъ-сервенте.

— Нѣтъ, эта что, проговорилъ Мельцони,—но вотъ, обратился онъ къ Литтѣ,—я тебѣ скажу красавица...

— Послушай, что-жь ты ему о красавицахъ говоришь... развѣ это его дѣло? перебилъ одинъ изъ молодыхъ людей, глазами показывая на крестъ, висѣвшій на груди Литты.

Ему собственно очень хотѣлось, чтобы графъ разсказалъ что-нибудь изъ своихъ приключеній на морѣ.

— Да нужно же его поставить, продолжалъ Мельцони,—въ курсъ всѣхъ нашихъ новостей... Въ Неаполѣ, снова началъ онъ Литтѣ, — появилась сѣверная красавица, такая, какихъ мы не знавали еще до сихъ поръ... какъ ангелъ Божій... Данте забылъ бы свою Беатриче, если бы увидѣлъ ее...

— Ну, однако... хотѣлъ-было возразить одинъ изъ ярыхъ видимо поклонниковъ поэта, мечтательный юноша, но Мельцони не далъ договорить ему.

— Что-о? почти крикнулъ онъ на мечтательнаго юношу, — по вашему, синьора Скабронска не можетъ поспорить съ Беатриче?.. Ну, я не знаю, но лучшаго созданія не было на землѣ еще...

— Не „Скабронска" — „Skavronskaja", поправилъ его съ другаго конца стола сидѣвшій тамъ гвардеецъ,— я выучилъ это имя.

Литта разсѣянно слушалъ, сидя попрежнему нога на ногу и смотря въ даль ослѣпительно игравшаго на солнцѣ залива.

— Господи! проговорилъ онъ,—удивительно знакомое имя, — кто она?

— Жена русскаго посланника, пріѣхавшаго недавно въ Неаполь.

— Скавронскій! вспомнилъ Литта, — не тотъ-ли, что былъ въ Миланѣ?

— Да, онъ лѣтъ шесть тому назадъ, пояснилъ знавшій кажется все и всѣхъ дукъ ди-Мирамаре,—ѣздилъ и чудилъ по Италіи.

— Съ оперой? переспросилъ Литта.

— Да, страшный любитель музыки, въ которой ничего не понимаетъ. Но у него была страсть писать оперы и ставить ихъ на театрѣ. Что это было—ужасъ!

— Я помню, въ Миланѣ, сказалъ Литта.

— Да что въ Миланѣ, вездѣ онъ огромныя деньги тратилъ на постановку своихъ оперъ; актерамъ, театру и публикѣ платилъ — всѣмъ. Богатъ онъ какъ всѣ русскіе, пожалуй даже богаче многихъ изъ нихъ... Но представьте себѣ до чего у него доходило! Онъ не только на сценѣ заставлялъ за деньги распѣвать свои произведенія, но вся прислуга у него не иначе разговаривала съ нимъ, какъ речитативомъ или аріеттами... входитъ, напримѣръ, подеста и докладываетъ...

И дукъ ди-Мирамаре, войдя окончательно въ роль, всталъ со своего мѣста и на пескѣ дорожки картинно изобразилъ въ дѣйствіи, какъ входилъ къ Скавронскому подеста и пѣлъ ему, что расходовъ по дому было столько-то и столько-то еще предстоитъ; потомъ какъ дворецкій докладывалъ ему веселой аріеттой, что „кушать подано и столъ накрытъ, накрытъ, накры-ы-ытъ"...

— Но вѣдь онъ не былъ тогда женатъ? спросилъ Литта.

— Нѣтъ, это теперь, пріѣхавъ уже посланникомъ, онъ явился женатымъ.

— Ну, а что-жь онъ и теперь продолжаетъ чудить такъ? проговорилъ молодой человѣкъ, которому сначала хотѣлось послушать разсказы Литты и который, слушая теперь дука, не жалѣлъ уже о нихъ и смѣялся самымъ звонкимъ смѣхомъ.

Кругомъ тоже смѣялось нѣсколько молодыхъ голосовъ.

— Нѣтъ, теперь уже не поютъ у него! съ грустью сожалѣнія протянулъ ди-Мирамаре, и это вышло у него очень комично.

— Но все-таки и на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ причудъ, сказалъ Мельцони.—Когда онъ пріѣхалъ въ Неаполь — цѣлую гостиницу очистили для него и выгнали изъ нея всѣхъ постояльцевъ; теперь онъ переѣхалъ въ свой уже палаццо, недалеко отсюда.

— И что-жь, молодая русская синьора, спросилъ Литта, прищурясь и смотря на Мельцони,—теперь первая красавица Неаполя и наша молодежь у ея ногъ?

Мельцони вздохнулъ.

Дукъ ди-Мирамаре махнулъ рукой.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ,—ее почти никто не видитъ: она нигдѣ не показывается. Даже у себя на балахъ не выходитъ, всѣ пріемы дѣлаетъ самъ русскій посланникъ, а жены его не видно.

Мечтательный юноша, упорно молчавшій послѣ того какъ Мельцони остановилъ его, вдругъ заговорилъ теперь поспѣшно и живо, боясь, что его опять перебьютъ и не дадутъ разсказать то, что онъ знаетъ и хочетъ разсказать. И онъ, торопясь и глотая слова, началъ разсказывать о томъ, что самъ слышалъ отъ знаменитой художницы француженки Лебрёнъ, у которой его тетушка заказала себѣ портретъ. Эта Лебрёнъ была въ числѣ лицъ жившихъ въ гостиницѣ, которую очищали для пріѣзда русскаго барина, но осталась тамъ жить, познакомилась со Скавронскими и говоритъ теперь, что русскій держитъ свою жену взаперти, по ихъ сѣверному обычаю, какъ деспотъ, и что бѣдняжка-красавица томится въ неволѣ...

Оказалось, что на эту тему юноша написалъ уже стихи и хотѣлъ-было прочесть ихъ, но его опять перебили.

Кому-то пришла въ голову мысль попросить Литту позволенія пріѣхать къ нему на корветъ. Литта сейчасъ же пригласилъ всѣхъ къ себѣ, всѣ поднялись, и шумно и весело разговаривая, направились къ Спіаджіи ди-Кіайя, гдѣ стояли лодки.

(Продолженіе будетъ).

Медуза.

Разсказъ изъ временъ Леонардо да-Винчи.

Алисы фонъ-Годи.

Во Флоренціи, въ галлереѣ Уффиціи есть старая картина кисти великаго мастера: блѣдная, въ вѣнцѣ изъ змѣй, отрубленная голова Медузы, съ выраженіемъ мертвой неподвижности въ искаженныхъ чертахъ.

Библиотека "Руниверс"

Надъ узкою золотою рамой ея стоитъ имя Ліонардо да-Винчи.

Какъ очарованный долго стоялъ я предъ загадочнымъ произведеніемъ, стараясь найти объясненіе этой, одной изъ столь рѣдкихъ причудъ великаго художника, кисть котораго, всегда возсоздававшая идеалы, здѣсь произвела поражающій ужасомъ образъ.

Тихое покашливаніе вывело меня изъ моихъ размышленій. Маленькая горбатая фигурка въ старомодномъ сюртукѣ вопросительно смотрѣла на меня.

— Вотъ, вотъ, подсмѣивалась она,—и вы призадумались надъ этимъ! И вы тоже! Такъ и всѣ — стоятъ и дивятся. Иные даже отрицаютъ подлинность картины, говорятъ, что великій Ліонардо не могъ и писать такой картины, что это просто работа одного изъ учениковъ его... Но они ошибаются. Картина эта — оригиналъ да-Винчи. И только немногіе знаютъ эту исторію...

— Исторію?

— Да, исторію! исторію Лауретты Бранзольо.

Онъ кивнулъ мнѣ головой и удалился.

Лауретты Бранзольо! Я не слыхивалъ этого имени. Кто она и какая связь у нея съ той удивительною Медузой? Во что бы то ни стало я хотѣлъ узнать это. Но гдѣ было искать горбатаго человѣчка, знавшаго ея исторію? Тщетно бродилъ я по заламъ галлереи, напрасно я прошелъ не малый конецъ ко дворцу Питти. Утомленный напрасными поисками, я спустился въ садъ Боболи.

Былъ полдень, знойный воздухъ струился и дрожалъ надъ башнями Флоренціи, недвижны были листья исполинскихъ платановъ, ничто не нарушало тишины, только фонтаны журчали между пальмами. Мнѣ захотѣлось отдохнуть, и я опустился на мраморную скамейку. Едва я успѣлъ сѣсть, какъ замѣтилъ моего горбатаго человѣчка: онъ выходилъ изъ боковой аллеи на главную. Тяжело дыша отъ ходьбы, онъ опирся на мраморную фигуру грифа, служившаго боковою стѣнкой скамейки, осторожно присѣлъ на скамью и поклонился мнѣ, какъ старому знакомому. Прогнавъ кончикомъ трости грѣвшуюся на солнцѣ ящерицу, онъ тотчасъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, часто-ли я посѣщаю Уффиціи.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Такъ, произнесъ онъ спокойно.—Да, тамъ много замѣчательныхъ картинъ...

— Вы меня сильно заинтересовали, упомянувъ объ исторіи этой Медузы, перебилъ я. — Не можете-ли вы разсказать ее, чѣмъ крайне меня обяжете.

— Отчего же не разсказать? засмѣялся человѣчекъ.—Исторія Медузы—одна изъ тѣхъ, что повсюду сохранились въ памяти народа. Она даетъ понятіе о миланской жизни времени Лодовико Сфорца, прозваннаго Мавромъ, и Ліонардо да-Винчи, который былъ тогда на службѣ у этого государя и на ряду съ другими изящными искусствами занимался живописью. Его баловали всѣ, особенно женщины — одною изъ нихъ и была Лауретта Бранзольо.

Родомъ изъ Флоренціи, она осталась вдовою послѣ богатаго миланскаго купца, о внезапной смерти котораго ходили странные толки. Дѣйствительно, смерть его была загадочна, но Лауретта такъ долго оплакивала его и заказывала такъ много панихидъ за упокой души его, что никто не осмѣлился ее заподозрить. Когда прошло время траура, Лауреттѣ удалось, благодаря ея дружбѣ съ Лукреціей Кривелли, возлюбленной Мавра, получить доступъ ко двору Сфорца. Она умѣла покорить всѣ сердца не только красотой, но еще болѣе своей очаровательной любезностью, умомъ и остроуміемъ. Казалось, она обладала какими-то тайными чарами, и то обаяніе, которому такъ легко подчинились всѣ, не исключая самого Мавра, давало поводъ думать, что она водилась съ нечистою силой. Стройная, высокаго роста, съ блѣднымъ цвѣтомъ лица, она отличалась красивыми, рѣзко очерченными губами, по которымъ порой скользила недобрая улыбка, и прямыми точно нарисованными бровями, изъ-подъ которыхъ сверкали глаза, мѣнявшіе цвѣтъ при каждомъ ея настроеніи,—глаза, которые умѣли даже въ простомъ разговорѣ выражать всѣ оттѣнки чувства, отъ холодной насмѣшки до знойной страсти.

Не удивительно, что Ліонардо былъ увлеченъ этой необыкновенною женщиной. По цѣлымъ часамъ онъ занимался съ ней музыкой—она мастерски играла на лютнѣ — слушалъ ея остроумную бесѣду и прекрасныя стихотворенія.

Она такъ тонко умѣла завлечь его, что съ каждымъ днемъ онъ все глубже вязъ въ ея сѣтяхъ. Поклонникъ всего таинственнаго, онъ стремился разгадать этотъ характеръ, который казался ему столь же темнымъ и запутаннымъ, какъ локоны кудрей надъ ея невысокимъ лбомъ. Она казалась ему достойнымъ изученія часовымъ механизмомъ, внутренній двигатель котораго онъ и старался открыть.

Однажды онъ посѣтилъ Бранзольо въ ея великолѣпной виллѣ, сады которой напоминали волшебныя рощи Армиды. Лауретта встрѣтила его на мраморномъ крыльцѣ, по сторонамъ котораго какъ на стражѣ стояли мощные львы изъ базальта. На ней было бѣлое волнистое платье, тонкой работы цѣпочка изъ золотыхъ монетъ украшала ея волосы, продолговатая жемчужина падала отъ нея на лобъ. Это украшеніе стоило нѣсколькихъ тысячъ. Въ лѣвой рукѣ у нея была дорогая лютня, правую она протянула другу и, весело болтая, повела его мимо плескавшихъ фонтановъ въ прохладный гротъ, увитый гирляндами розъ. Сверху спускалась античная лампада изъ алебастра съ лѣпными украшеніями, которыя смягчали свѣтъ, придавая ему нѣжное волшебное мерцаніе. Изъ всѣхъ искусствъ Лауретта въ высшей степени владѣла умѣньемъ являться въ выгодной для ея красоты обстановкѣ. Она опустилась на мягкую софу, закинула бѣлую руку подъ голову и протянула ноги на тигровую кожу. Противъ нея сѣлъ Ліонардо.

Никогда еще красота ея не казалась ему такою демоническою. Снова съ неотразимою силой подступило къ нему желаніе извѣдать тотъ духовный міръ, который скрывался за ея блѣднымъ челомъ.

— Лауретта, промолвилъ онъ, — позвольте мнѣ хоть разъ заглянуть въ вашу душевную жизнь, разскажите мнѣ ваше прошлое!

Бранзольо тихо покачала головой. Молчаніе ея раздражало Ліонардо.

— Мы знакомы уже не малое время, продолжалъ онъ. —Вы знаете, что я не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые выдаютъ чужія тайны. Я изучаю людей — изучаю и васъ. Но я не въ силахъ разгадать васъ. Никогда не видѣлъ я такой женщины, какъ вы, Лауретта!

Тонкая улыбка скользнула по губамъ ея. Не сводя чарующихъ взоровъ съ художника, Лауретта перебирала струны лютни... мягкими, мелодичными аккордами.

— Вы молчите, Лауретта!.. По крайней мѣрѣ не откажите мнѣ въ ничтожной милости. Я прошу васъ отвѣтить мнѣ на три вопроса, но... вполнѣ искренно. Не бойтесь, я не оскорблю васъ моими вопросами, но молю васъ, будьте искренни. Вы отвѣтите мнѣ?

— Да! сказала Лауретта.

— Первый вопросъ: кто, по вашему мнѣнію, имѣетъ болѣе права господствовать, получившій ли престолъ по наслѣдію отъ отца, или стяжавшій его собственною мудростью?

— Конечно, послѣдній! воскликнула она съ живостью.

— Второй вопросъ: что выше всего вы цѣните въ жизни?

— Искусство.

Ліонардо поклонился съ улыбкой.

— И наконецъ третій вопросъ: что составляетъ для васъ предметъ желаній, для чего вы не пожалѣли бы пожертвовать собою, къ чему бы вы стремились всѣми силами души?

— Вы, Ліонардо!

Художникъ быстро поднялся.

— Лауретта! Это, конечно, шутка?..

— Нѣтъ! страстно вскричала она.—Вы требовали искренности, и я была искренна съ вами. При этомъ вопросѣ я потеряла самообладаніе. Я на-вѣки принадлежу вамъ, со всѣми моими богатствами; для васъ я достигла высокаго положенія при дворѣ Лодовико Сфорца, для васъ училась и работала надъ собой, чтобы на крылахъ вашего генія подняться къ высшему поприщу. Вы—мой господинъ, и все мое—ваше!

Ліонардо стоялъ предъ всю, скрестивъ на груди руки.

И это — Бранзольо? холодная, осторожная и насмѣшливая женщина? Въ его душѣ возникло сомнѣніе: чѣмъ вызвано это признаніе—любовью или заранѣе обдуманнымъ планомъ. Онъ рѣшилъ испытать ее.

— Синьора, съ достоинствомъ произнесъ онъ, — я огорченъ тѣмъ, что вызвалъ это объясненіе. Отъ всего сердца благодарю васъ за то теплое чувство, которое вы обнаружили по отношенію ко мнѣ, но... я долженъ быть свободнымъ! И *мнѣ* искусство дороже всего въ жизни, ему всецѣло долженъ посвятить я свои силы и стремленія, и любовь женщины была бы мнѣ помѣхой. Я хорошо знаю вашъ умъ, я знаю, вы поймете меня и простите прямоту моихъ рѣчей. Останемся друзьями, Лауретта! То, что произошло между нами, на-вѣки останется тайной въ моей груди: забудьте объ этомъ при нашихъ новыхъ встрѣчахъ. Даже въ домъ вашъ я буду являться только въ такомъ случаѣ, когда вы сами позовете меня.

Онъ протянулъ ей руку, она вегала и положила на нее свои тонкіе пальцы. Они были холодны какъ ледъ, и прикосновеніе ихъ казалось прикосновеніемъ змѣи. Ліонардо ощутилъ легкую дрожь въ своемъ тѣлѣ.

— Прощайте! спокойно произнесла она. Глаза ея смотрѣли холодно, надменно, и только дышала она скорѣе обыкновеннаго. На губахъ змѣилась предательская улыбка.

Ліонардо вышелъ изъ грота, но на поворотѣ аллеи не удержался, чтобы не оглянуться. Лауретта стояла неподвижно, поддерживая правою рукой закинутую назадъ голову, въ безсильно упавшей лѣвой рукѣ ея была лютня. При свѣтѣ лампады блѣдный жемчугъ тускло горѣлъ на ея блѣдномъ челѣ.

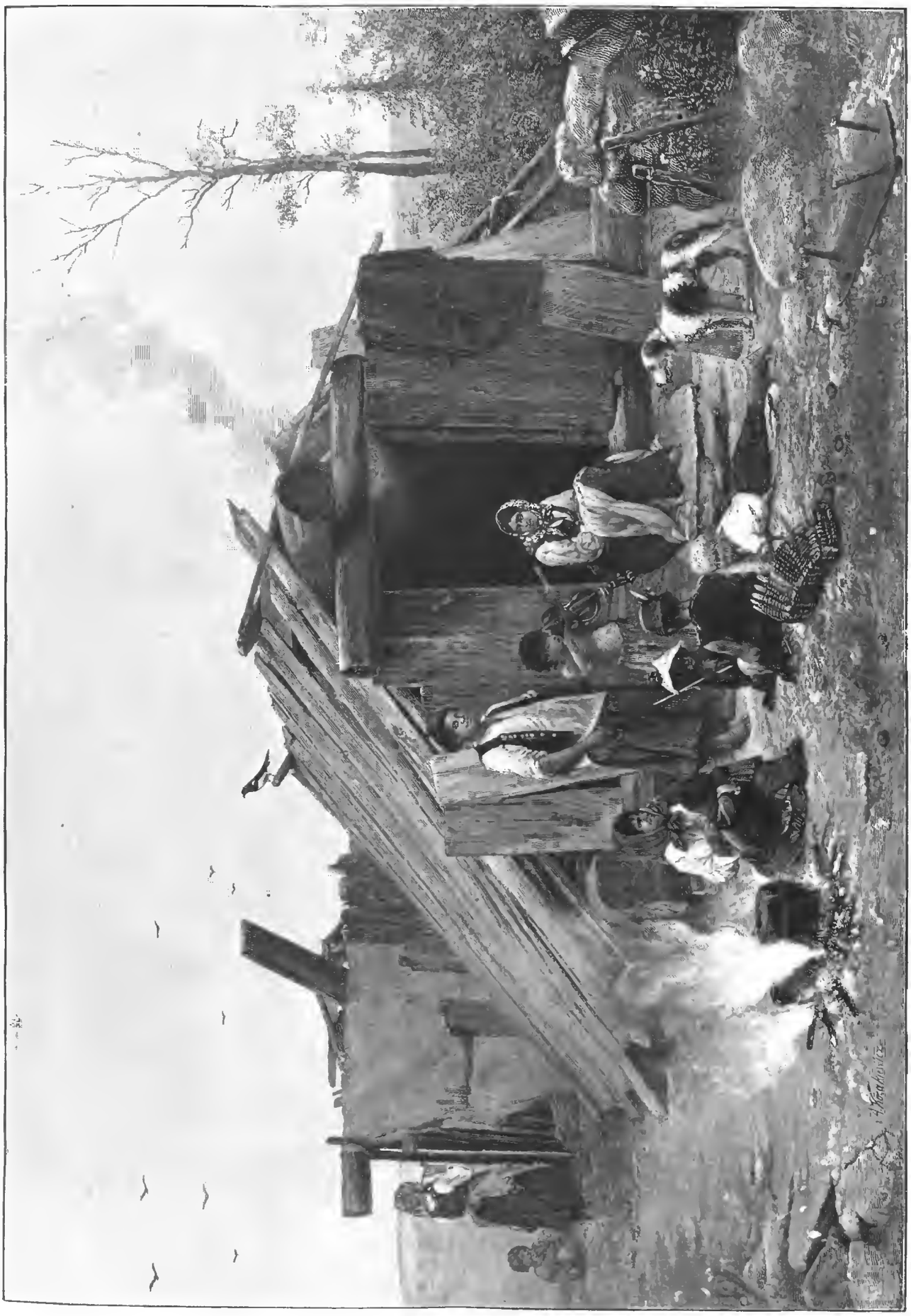
Тутъ разсказчикъ пріостановился; послѣ короткаго отдыха онъ продолжалъ.

— У Ліонардо въ Миланѣ была воспитанница, по имени Даніэла Корси. Отецъ ея былъ другомъ Ліонардо. Умирая, онъ просилъ художника позаботиться о сиротѣ, оставленной безъ всякихъ средствъ,—и Ліонардо свято сдержалъ данное обѣщаніе: онъ воспиталъ дѣвочку. Сначала онъ отдалъ ее въ монастырь, а когда она подросла, помѣстилъ къ одной достойной

Библиотека "Руниверс"

Изъ ухаба. По акварели (собств. „Нивы") проф. Н. Сверчкова, грав. Флоге.ль.

Библиотека "Руниверс"



Цыганскій таборъ. Съ карт. (исключительн. право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ") **А. Козаковича**, грав. Пупъ.

Библиотека "Руниверс"

уваженія миланкѣ, которая, благодаря щедрому денежному вознагражденію со стороны опекуна, окружила Даніэлу своими попеченіями.

Ліонардо уже вступилъ въ переговоры со своимъ пріятелемъ, знатнымъ флорентинцемъ, относительно брака Даніэлы съ его сыномъ.

Когда художникомъ овладѣвало отвращеніе къ лицемѣрному двору Сфорца, или что-нибудь раздражало его, то стоило ему отправиться въ тихій домикъ близъ портика Санъ-Лоренцо— и дурное настроеніе его вмигъ исчезало; тамъ находилъ онъ душевное успокоеніе. Даніэла не отличалась ни ученостью, ни остроуміемъ, но этотъ недостатокъ выкупался у ней удивительною чистотой и свѣжестью ея души. Она мало знала людей. Небольшой уютный домикъ и тѣнистый садъ съ густолиственными платанами, изъ котораго открывался видъ на древнія колонны римскаго портика—составляли маленькій мірокъ, въ которомъ протекала ея юная жизнь, далекая отъ всякихъ тревогъ и полная невинныхъ радостей. Начинали вить свои гнѣзда ласточки на карнизахъ Лоджіи, распускалась первая роза, или первая бабочка порхая влетала въ комнату—всѣ эти событія съ дѣтскимъ восторгомъ сообщались маэстро Ліонардо, и на душѣ его становилось тепло и хорошо, когда онъ внималъ дѣтскому лепету Даніэлы. И въ тотъ роковой вечеръ, какъ онъ покинулъ Бранзольо, Ліонардо почувствовалъ желаніе повидать свою воспитанницу.

Дверное металлическое кольцо звякнуло подъ его рукой. За дверью послышался шумъ шаговъ, зазвенѣла связка ключей, и синьора Чечилія въ видахъ предосторожности направила свѣтъ лампы въ лицо Ліонардо.

— Ахъ, это вы, маэстро! Вы насъ совсѣмъ забыли.

Старушка была права: ради Бранзольо была забыта даже Даніэла.

— Вотъ я пришелъ исправить мою вину, улыбнулся Ліонардо.—Гдѣ же малютка?

— Поливаетъ цвѣты въ саду, а до того занималась пряжей, пока не стемнѣло. Она вся погружена въ заботы о приданомъ. Кстати, нѣтъ-ли вѣстей изъ Флоренціи, маэстро?

— Еще нѣтъ, но полагаю, молодой Строцци скоро пріѣдетъ. Только не говорите этого Даніэлѣ. Я хочу, чтобы она ничѣмъ не была стѣсняема въ выборѣ; она не должна знать, что это избранный для нея женихъ. Если онъ ей не понравится, я придумаю предлогъ и отошлю его назадъ.

Они вошли въ садъ. Стройная дѣвушка небольшаго роста, свѣжая и розовая, какъ цвѣты яблони, съ веселыми карими глазами, бросилась имъ навстрѣчу. Обѣими руками схватила она руки Ліонардо и крѣпко пожала ихъ.

— О, благодарю, маэстро, что вы пришли! Мнѣ такъ много надо разсказать вамъ! Между прочимъ, я выучила, наконецъ, латинскій псаломъ,—теперь вы не будете меня дразнить, что я не знаю по-латыни.

— Дитя, оставь эту ученость, она не про тебя! сказалъ Ліонардо, ласково гладя ее по головѣ.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него: недвижный взоръ Ліонардо былъ устремленъ куда-то вдаль. Онъ вспомнилъ о Бранзольо и ея умныхъ рѣчахъ о Данте, въ перемежку съ латинскими цитатами.

— А еще, я кое-что нарисовала, защебетала Даніэла, — хотите взглянуть? Синьора Чечилія говоритъ, что это не совсѣмъ плохо и порадуетъ васъ. Притомъ вѣдь мой рисунокъ съ натуры, маэстро! Ночью вѣтеръ сломалъ розу, она такъ печально висѣла на стебелькѣ, что я подумала: бѣдняжка, хоть ты и безвременно погибла, но память о тебѣ сохранится! Вотъ моя роза.

Ліонардо съ улыбкой посмотрѣлъ на художественное произведеніе Даніэлы. Бѣдная, маленькая роза была изображена на немъ неумѣлыми, но полными граціи штрихами. Что-то трогательное было для него въ этомъ первомъ опытѣ. Онъ положилъ рисунокъ за пазуху.

— Это очень мило, малютка! Рисуй прилежно съ оригиналовъ, что я тебѣ принесъ, и все будетъ хорошо... Но скажи, что это за жемчужина на твоей головкѣ? Сними ее, дитя мое, я не могу видѣть этого убора.

— Это — память матери, съ удивленіемъ во взорѣ отвѣчала Даніэла. Она не понимала, что могъ имѣть сегодня маэстро противъ жемчужины, которую она прежде часто носила при немъ. Однако послушно вынула изъ волосъ цѣпочку съ жемчугомъ.

Ліонардо съ удовольствіемъ взглянулъ на Даніэлу. Ему не хотѣлось, чтобы этотъ чистый и нѣжный цвѣтокъ напоминалъ ему ту удивительную женщину, которой при всей ея богато одаренной натурѣ недоставало самаго лучшаго: правды и женственности.

— Ну, теперь разсказывай, Даніэла!

Даніэла поправила лампу, придвинула къ себѣ прялку и заговорила. Не смотря на свою уединенную жизнь, Даніэла находила въ ней неисчерпаемый источникъ для самыхъ разнообразныхъ мечтаній. Чечилія поставила на столъ ужинъ, а Ліонардо, почти шутя, набрасывалъ карандашемъ на листахъ бумаги свои эскизы. Изъ-подъ карандаша его во время вечеровъ, проводимыхъ съ Даніэлой, выходило множество тѣхъ юмористическихъ рисунковъ, которые теперь хранятся во всѣхъ галереяхъ Италіи, какъ безцѣнное сокровище,—созданное имъ первоначально для забавы своей питомицы. Много подобныхъ беззаботныхъ вечеровъ провелъ здѣсь Ліонардо. Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, удалялся онъ въ тишину платанового садика, чтобы избѣжать шумныхъ праздниковъ Сфорцы и пары глазъ, смотрѣвшихъ на него враждебно и надменно. Лауретта Бранзольо принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя не забываютъ оскорбленій. Сердечное желаніе ея не сбылось, и теперь овладѣло ею одно стремленіе — отомстить человѣку, который отвергъ ея любовь. Никто не замѣчалъ, что она замышляетъ недоброе: она смѣялась и бесѣдовала попрежнему, попрежнему всѣ удивлялись ей и все такъ же никто не могъ противиться ея неотразимому обаянію; но втайнѣ она искала союзниковъ. У Ліонардо было много завистниковъ при дворѣ, однако никто не рѣшался открыто вредить любимцу Мавра. Только одинъ щёголь Никколо Калунно, увлеченный чарами Бранзольо, слѣпо ей повиновался. Ему льстила мысль считаться предпочтеннымъ изо всѣхъ поклонниковъ этой неприступной женщины. Съ такою же любезностью, какъ нѣкогда Ліонардо, принимала она пошлаго льстеца въ своей виллѣ.

— А я принесъ вамъ новость, синьора! воскликнулъ онъ, однажды входя къ ней.—Что вы скажете о моемъ открытіи? У Ліонардо есть возлюбленная!

Одѣтая въ парчевое платье, Бранзольо полулежала въ мягкомъ креслѣ. Ея блѣдное лицо покрылось краской румянца, на секунду она даже зажмурилась, затѣмъ когда она открыла глаза, взглядъ ея напоминалъ взглядъ коршуна.

— Докажите это! съ усиліемъ прошептала она.

— Я уже давно слѣжу за нимъ, синьора. Я замѣтилъ, что Ліонардо пересталъ по вечерамъ бывать на пирахъ у Мавра, я слѣдилъ за нимъ повсюду и наконецъ узналъ, что онъ постоянно посѣщаетъ одинъ и тотъ же домъ. Это—старуха съ пріемной дочерью. Мнѣ сказали, что онѣ каждое утро ходятъ къ обѣднѣ въ церковь Санъ-Лоренцо. Наконецъ мнѣ сегодня удалось увидѣть ихъ. Дѣвушка красива, свѣжа и румяна; ей едва-ли можно дать на видъ болѣе 16-ти лѣтъ. У нея прелестный, хотя еще не вполнѣ развитой станъ.

— Смерть ей! едва преодолѣвая гнѣвъ, прошипѣла Бранзольо.—Погубите ее, Калунно!

Ее раздражала болѣе всего молодость соперницы. Всѣ изощренія и хитрости туалета не могли придать ей того очарованія, какимъ владѣла цвѣтущая юная дѣвушка.

На лицѣ Калунно отразилось смѣшанное чувство: злоба на Ліонардо боролась съ трусостью.

— Синьора, наконецъ промолвилъ онъ,—дайте мнѣ въ руки то средство, при помощи котораго я могъ бы исполнить это дѣло. Вы знаете, я всегда готовъ усердно служить вамъ.

Бранзольо сжала губы. Теперь она должна была сбросить маску, которою доселѣ прикрывалась. До сихъ поръ, еще никто не могъ упрекнуть ее въ злодѣяніи: свѣтъ не зналъ, что изъ-за любви къ Ліонардо, она не пожалѣла своего мужа. Теперь ей предстоялъ выборъ между великодушіемъ и местью. Нѣсколько мгновеній она колебалась, какъ вдругъ пришли ей на память слова Ліонардо: „и *мнѣ* искусство дороже всего въ жизни, ему я долженъ посвятить всѣ свои силы и стремленія, и любовь женщины была бы мнѣ помѣхой“. Рѣзкій смѣхъ вырвался у нея. Можетъ быть, уже въ то время онъ пламенѣлъ къ своей возлюбленной и лгалъ ей—Лауреттѣ, изъ боязни ея ревности, яда или кинжала? О, если такъ, онъ узнаетъ, что и Бранзольо можетъ уничтожить его, если захочетъ! И при воспоминаніи о томъ днѣ, гордость ея воспрянула и глаза загорѣлись недобрымъ огнемъ.

— Калунно, сказала она, быстро вставая. — Вы знаете, конечно, знаменитые флорентійскіе духи. У меня есть флаконъ съ духами чуднаго запаха, но... этотъ запахъ настолько крѣпокъ, что ошеломляетъ человѣка. Кто вдохнетъ его, тотчасъ чувствуетъ дурноту. Достаточно каплѣ этого элексира попасть на губы — и человѣкъ навѣки дѣлается нѣмымъ. Возьмите, испытайте дѣйствіе этихъ духовъ.

Она порылась въ платьѣ и вынула изъ складокъ корсажа крошечный хрустальный флаконъ, тонкой венеціанской работы съ янтарнаго цвѣта жидкостью.

— Смотрите не потеряйте! Это средство слишкомъ цѣнно и почти незамѣнимо. Что касается награды, знайте, что если вы какъ слѣдуетъ исполните мое порученіе, я не поскупилюсь!

Она отпустила его движеніемъ руки. Калунно уставилъ на нее тупой взглядъ, взялъ флаконъ, и прижимая къ груди свой барретъ, раскланялся. Едва затворивъ за собою дверь, онъ разслышалъ глухія рыданья Бранзольо.

Онъ направился къ портику Санъ-Лоренцо. На углу улицы онъ бросилъ червонецъ встрѣчной цвѣточницѣ и велѣлъ связать роскошный букетъ изъ розъ. Затѣмъ медленно пошелъ къ домику. На его стукъ отворила дверь синьора Чечилія и удивленно спросила, что ему нужно.

— Я пришелъ по порученію маэстро Ліонардо къ вашей пріемной дочери, отвѣчалъ Калунно.

Лицо старушки прояснилось, когда она увидѣла розы.

— Такъ вы—молодой Строцци, женихъ моей Даніэлы? спросила она.

Библиотека "Руниверс"

— Да, это я, синьора.

— Добро пожаловать! Даніэла еще не знаетъ, что вы ея женихъ; маэстро желалъ, чтобы ей не говорили. Милое дитя!.. Итакъ, вы Строцци?! Пожалуйста садитесь, я позову Даніэлу и затѣмъ оставлю васъ вдвоемъ—послѣднія слова она произнесла лукаво засмѣявшись и вышла изъ комнаты. Немного спустя вошла Даніэла. Невинные дѣтскіе глаза широко и изумленно смотрѣли на пришедшаго.

— Вамъ угодно что-то сказать мнѣ, синьоръ? спросила она просто.—Въ чемъ дѣло?

— Я пришелъ отъ маэстро Ліонардо... путаясь пробормоталъ онъ.—Онъ посылаетъ вамъ эти розы и флаконъ съ духами изъ роднаго города Флоренціи. Я обѣщалъ доставить ихъ вамъ мимоходомъ...

И онъ, снова запнувшись, протянулъ ей цвѣты и флаконъ съ духами.

Даніэла погрузила лицо въ букетъ.

— Милый маэстро! Какъ онъ заботится о томъ, чтобы порадовать меня! Какъ прекрасны эти цвѣты! А какъ красиво отшлифованъ этотъ флорентійскій флаконъ! И пробка такъ хорошо прилажена, что я просто боюсь вынимать ее.

— Смѣлѣй открывайте, и вы увидите, что никакія розы въ мірѣ не сравнятся съ этими духами: Флоренція славится ими повсюду.

Даніэла осторожно открыла пробку и съ дѣтскимъ любопытствомъ поднесла флаконъ къ лицу. Вдругъ она почувствовала головокруженіе и схватилась за спинку кресла. Калунно поддержалъ падавшую дѣвушку и бережно опустилъ ее на землю.

— Если я такъ брошу ее, она останется жива, пробормоталъ онъ.—Наивное, прелестное созданье! Но я боюсь мести вѣдьмы Бранзольо. Впрочемъ это—ея дѣло, а не мое, и на нее падетъ небесная кара!

Очистивъ такимъ образомъ свою совѣсть, малодушный придворный склонился надъ Даніэлой и, вливъ въ открытыя губы ея смертельный ядъ, на цыпочкахъ прокрался къ выходу и вышелъ на улицу.

Разсказчикъ снова замолкъ и задумчиво устремилъ взоръ въ землю.

— Ліонардо горевалъ о ней, продолжалъ онъ,—какъ родной отецъ. Напрасны были попытки возвратить ее къ жизни, и стоны безутѣшной Чечиліи не могли оживить Даніэлу. Чечилія не могла хорошенько разъяснить дѣла, и изъ ея сбивчивыхъ рѣчей Ліонардо не могъ узнать, кто былъ убійца, и еще менѣе причину ужаснаго преступленія, жертвою котораго пала его питомица. Цѣлые часы просиживалъ онъ около украшеннаго цвѣтами гроба, глядя на ея блѣдное лицо, на которомъ, казалось, покоилась улыбка, такъ восхищавшая его при ея жизни.

Ему попалась нарисованная Даніэлой сломанная на стеблѣ роза, и губы его невольно прошептали слова: „бѣдняжка, хоть ты и безвременно погибла, но память о тебѣ сохранится“.

Машинально досталъ онъ свой портфель съ эскизами. Карандашъ его тихо скользилъ по бумагѣ. Изъ нѣжныхъ и слабыхъ вначалѣ штриховъ, яснѣй и яснѣй выступала милая головка дѣвушки—но не навѣки заснувшей; нѣтъ, живо смотрѣли съ картины ея кроткіе глаза, какъ будто она стояла предъ мысленнымъ взоромъ художника.

Венеціанская академія хранитъ до сихъ поръ этотъ рисунокъ, навѣянный искреннимъ чувствомъ.

— Но кто-же? Кто сломилъ мою розу? мучился Ліонардо и днемъ и ночью.

Свойственная ему наблюдательность скоро привела его на вѣрный слѣдъ, но въ тѣ времена господства грубой силы было почти невозможно изобличить преступника безъ очевидныхъ доказательствъ. А ихъ не было противъ Бранзольо. Калунно былъ слишкомъ труслив, чтобы выдать ее. Она даже отважилась послать цвѣтовъ на могилу своей безвинно-умерщвленной жертвы, и впервые увидавъ Ліонардо послѣ потрясшаго его горя, съ кроткой улыбкой обратила къ нему слово утѣшенія; но какой-то внутренній голосъ говорилъ ему, что все это—маска.

Однажды онъ наблюдалъ за ней въ залѣ дворца Сфорца. Облитая свѣтомъ канделябровъ, она величественно обмахивалась вѣеромъ. Ея волшебные искрившіеся глаза и улыбка сирены на губахъ попрежнему очаровывали всѣхъ. И вдругъ ему показалось, что черты лица ея исказились, глаза вышли изъ орбитъ, уста раскрылись какъ бы въ предсмертной судорогѣ, черные локоны вились какъ змѣи вокругъ преступной головы.

— Лауретта! закричалъ онъ въ ужасѣ.

Всѣ взоры обратились къ нему, Лауретта позеленѣла, Мавръ приподнялъ брови и спросилъ, что это значитъ. Ліонардо трясло какъ въ лихорадкѣ.

Съ этого дня онъ сталъ запираться въ своей комнатѣ и все писалъ какую-то картину. Какую именно — было тайной.

Между тѣмъ Бранзольо стала вести новую жизнь, она кинулась въ политику. Уже отовсюду доносились слухи о существованіи заговора, цѣлью котораго было сверженіе Мавра. Лауретта вела тонкую игру: если Мавръ будетъ сверженъ, тронъ займетъ его сынъ Массиміліано. Неспособный-же нѣженка Массиміліано былъ у ея ногъ. Маскируясь имъ, она захватила бы тогда верховную власть.

Каждую ночь собирались заговорщики въ ея домѣ. Наступилъ послѣдній вечеръ предъ исполненіемъ плана. Замаскированный Массиміліано Сфорца въ глубокомъ молчаніи поднялся по мраморнымъ ступенямъ виллы Бранзольо и постучалъ въ обитую бронзою дверь, которая, скрипя на петляхъ, отворилась передъ нимъ. Онъ вошелъ въ портикъ аванзалы.

Лампада красноватымъ цвѣтомъ обливала рѣзьбу противуположной стѣны, гдѣ находилась едва замѣтная дверь въ пріемныя комнаты Лауретты. Массиміліано уже положилъ руку на сдѣланную въ видѣ головы сатира ручку двери—какъ вдругъ отпрянулъ назадъ. Лицо его было блѣдно, невольный крикъ ужаса вырвался изъ устъ его. Прямо на него глядѣло чудовище—ужасная голова Медузы работы Ліонардо да-Винчи. Несмотря на искаженныя черты лица онъ узналъ въ ней Бранзольо. Безъ этого поразительнаго сходства впечатлѣніе картины не было бы такъ ужасно. Нечистая совѣсть измѣнника, тайный страхъ внушаемый ему Лауреттой и наконецъ почти ребяческое суевѣріе эпохи—все соединилось въ тотъ мигъ, усиливая впечатлѣніе картины. Ему казалось, что передъ нимъ выросло адское видѣнье. Прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ онъ оправился и могъ войти въ комнату. Блуждающимъ взглядомъ окинулъ онъ всѣхъ присутствующихъ, не обративъ даже вниманія на ихъ упреки по поводу поздняго прихода.

— Какимъ образомъ это чудище могло попасть на вашу дверь, Лауретта? спросилъ онъ поспѣшившую ему навстрѣчу Бранзольо. — Если это шутка, то, надо признаться, весьма плохая!

— Что вы хотите сказать? О чемъ вы говорите?

Онъ отворилъ дверь и молча вышелъ, Лауретта недоумѣвающе взглянула на него и послѣдовала за нимъ въ аванзалу. Пытливо, но спокойно ея сѣрые глаза оглянули всю залу. Вдругъ она поблѣднѣла и шатаясь закрыла лицо руками. Она узнала свои искаженныя черты и угадала кисть, которая одна могла произвести это исчадіе человѣческой фантазіи.

— Ты отомстилъ, Ліонардо! беззвучно простонала она.

Заговорщики торопливо вышли въ аванзалу и съ любопытствомъ окружили ихъ. Вдругъ между ними поднялась буря негодованія.

— Проклятье! Какъ попала сюда эта картина? Когда мы входили ея не было! Значитъ, пока мы совѣщались, какой-то негодяй проникъ сюда, принесъ эту вѣдьму, и подслушалъ наши рѣчи. Кто-бы онъ ни былъ, онъ предастъ насъ! Насъ выслѣдили—мы погибли, спасайтесь!

— Стойте! убѣждалъ Массиміліано взволнованныхъ заговорщиковъ.

Со смѣшаннымъ чувствомъ страха и любопытства онъ осмотрѣлъ ужасное произведеніе искусства, только что причинившее ему смертельный испугъ, и вытащилъ изъ-подъ рамы свернутый кусокъ пергамента.

— Вотъ это намъ объяснитъ все! воскликнулъ онъ, развертывая пергаментъ; на немъ стояла лаконическая надпись: „Verg. Aen. III, 44“.

Злобный шепотъ пронесся по рядамъ заговорщиковъ.

— Дайте вашего Вергилія, Лауретта! повелительно произнесъ Массиміліано. — Почему знать, можетъ-быть на этомъ листкѣ содержится какое-либо предсказаніе для васъ, которое и для насъ не останется безъ пользы.

Бранзольо пассивно повиновалась. Умъ ея будто ослабѣвалъ при каждомъ взглядѣ на страшную Медузу. Дрожащими пальцами она перевертывала страницы Энеиды и наконецъ глухо прочла стихъ:

„Heu! fuge crudelis terras!“

— Бѣги изъ ужасной страны! перевелъ Массиміліано съ горькой усмѣшкой. — А, прекрасная Лауретта! Вашъ другъ желаетъ спасти васъ. Онъ даетъ вамъ время бѣжать, прежде чѣмъ выдаетъ васъ Мавру! И эта голова Медузы—не есть-ли прощальное письмо къ вамъ, которое и на будущее время должно открыть всѣмъ истинную картину вашей души такъ-же хорошо, какъ узналъ ее Ліонардо! Прощайте, Медуза, и бѣгите, пока не настало утро!

— Миланскій народъ считаетъ васъ вѣдьмой, прошепталъ Калунно своей испуганной сообщницѣ. — Бѣгите изъ ужасной страны, гдѣ вѣдьмъ пытаютъ и жгутъ.

Онъ плотно закутался въ плащъ и, хлопнувъ дверью, поспѣшилъ за ушедшими товарищами.

Лауретта стояла безъ движенія, сжимая въ рукѣ пергаментъ съ надписью Ліонардо.

— Все погибло! глухо прошептала она. — Честь, власть, друзья, родина... О какъ тяжело я наказана за твою смерть, Даніэла!

Въ эту-же ночь Бранзольо покинула Миланъ. Говорятъ, что она замаливала свои преступленья въ какомъ-то сицилійскомъ монастырѣ. Ея богатыя собранія произведеній искусства Мавръ перенесъ въ свои замки, туда перешла и голова Медузы; позднѣе она попала во Флоренцію.

Вотъ вамъ исторія Медузы, которою Ліонардо да-Винчи отомстилъ коварной Лауреттѣ Бранзольо.

Горбатый человѣчекъ всталъ, приподнялъ слегка шляпу и, не дожидаясь моей благодарности, исчезъ за пальмами.

(Б. К.).

Библиотека "Руниверс"

Русскія художницы.

(Портр. на этой стр.).

Стоящая во главѣ Дамскаго художественнаго кружка въ СПБ., **Пелагея Петровна Куріаръ** родилась въ Петербургѣ въ 1850 г.,—дочь генералъ-лейтенанта Петра Васильевича Вохина. Первоначальное художественное образованіе получила дома. Первымъ учителемъ ея былъ художникъ Ваулинъ, потомъ ея художественными занятіями руководилъ профессоръ Л. Ф. Лагоріо. Его совѣтами она пользовалась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, изучая природу и рисуя съ натуры. Впервые работы ея появились на академической выставкѣ 1876 г., и за первую же выставленную ею картину „Видъ изъ Псковской губерніи" ей дана была малая серебряная медаль. Затѣмъ, за картину „Вечеръ" она была удостоена большой серебряной медали. Въ 1881 г. совѣтъ Академіи отмѣтилъ особенною похвалой ея картины „Внутренность Екатерининскаго замка на Невѣ" и „Видъ близъ Краснаго Села", изъ которыхъ послѣдняя находилась на Всероссійской выставкѣ въ Москвѣ 1882 г. Въ томъ же году, за большую картину ея „Дубы", Академія присудила ей званіе почетнаго вольнаго общника.

Произведенія П. П. Куріаръ неоднократно бывали на заграничныхъ художественныхъ выставкахъ въ Лондонѣ, Женевѣ, Парижѣ, Бордо, Вѣнѣ и въ Мюнхенѣ, гдѣ въ 1879 г., картина „Петербургъ", пожертвованная ею Красному Кресту и пріобрѣтенная покойною Императрицей Маріей Александровной, находилась на международной выставкѣ.

Въ 1882—83 г. П. П. Куріаръ основала въ Петербургѣ первый Дамскій художественный кружокъ, поставившій себѣ двоякую цѣль, помогать нуждающимся художникамъ и ихъ семействамъ, и развивать любовь къ искусству въ средѣ дамъ-любительницъ, доставляя имъ возможность пользоваться совѣтами разныхъ художниковъ, слѣдить за ихъ работой, работать въ ихъ присутствіи въ собраніяхъ кружка, бывающихъ по средамъ. Уже съ перваго года эти вечернія собранія оказались чрезвычайно удачными, успѣхъ ихъ превзошелъ всѣ ожиданія основательницы кружка, и хотя общество начало свою дѣятельность, что называется, безъ гроша, въ концѣ сезона у него оказалось прибыли 1,600 руб. отъ проданныхъ и разыгранныхъ въ лотерею рисунковъ. Сумма эта была немедленно выдана бѣднымъ художникамъ. Съ тѣхъ поръ дѣятельность кружка все росла и средства его постоянно увеличивались. Въ 1885 г., благодаря стараніямъ П. П. Куріаръ, дамскій художественный кружокъ получилъ, такъ сказать, права гражданства: онъ утвержденъ Правительствомъ и имѣетъ свой особый уставъ, который далъ ему возможность работать вполнѣ самостоятельно и еще больше расширить свою дѣятельность.

Помимо живописи, П. П. Куріаръ занялась изученіемъ и воспроизведеніемъ полевыхъ цвѣтовъ для педагогическихъ цѣлей, и плодомъ этого изученія явилось изданіе „Съ нашихъ полей", посвященное Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Осодоровнѣ и принятое во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1885 году члены кружка и художники поднесли П. П. Куріаръ художественно исполненный адресъ „въ знакъ признательности за ея неутомимую, энергическую и плодотворную дѣятельность" какъ предсѣдательницы дамскаго художественнаго кружка.

Баронесса Елена Карловна Врангель. **Пелагея Петровна Куріаръ.** Предсѣдательница СПБ. Дамскаго Худож. кружка. **Анна Іосифовна Константинова.**

Эмилія Дукшта-Дукшинская. **Жозефина Антоновна Полонская.**

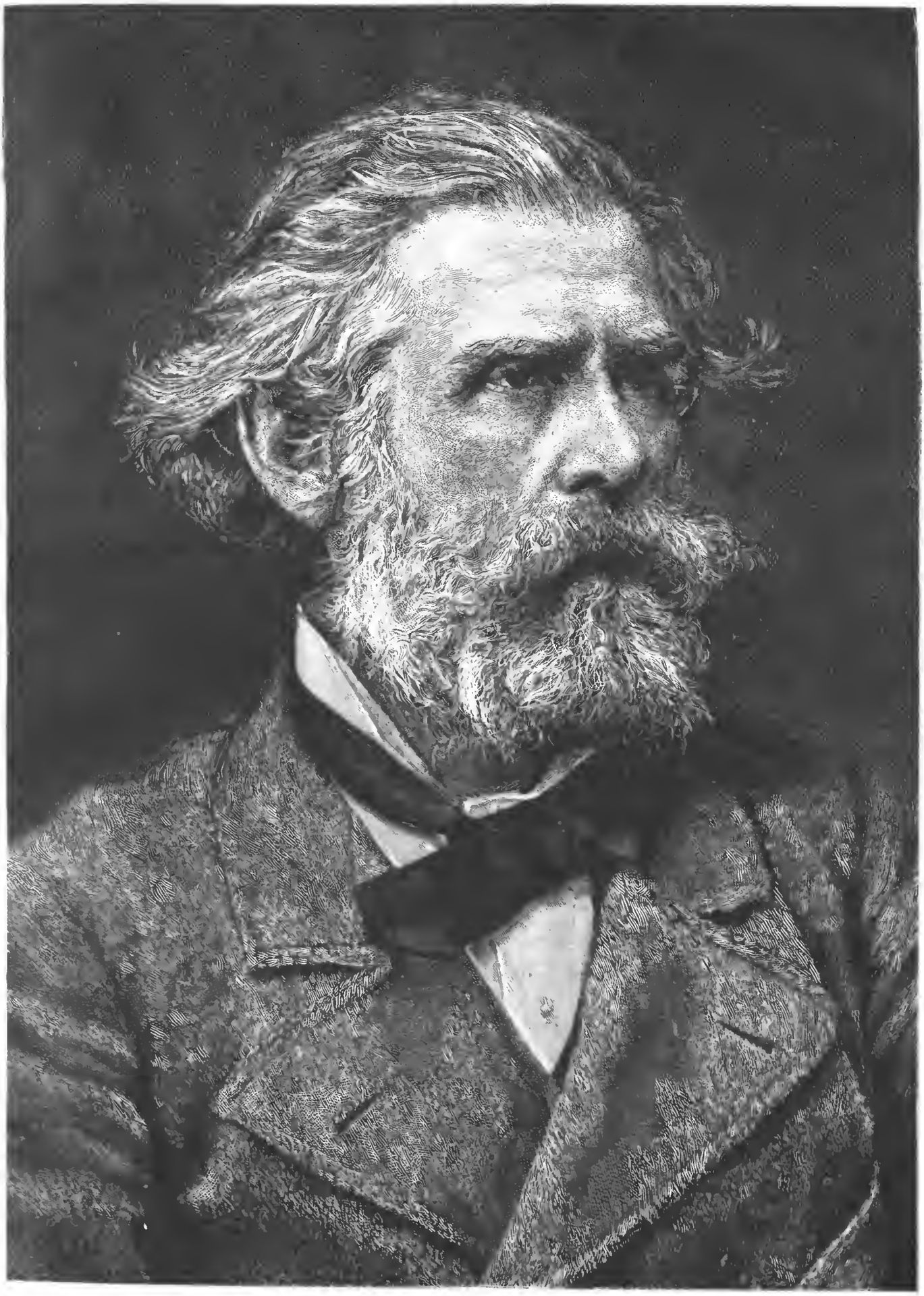
Русскія художницы. Съ фотографіи грав. Ю. Шюблеръ.

Анна Іосифовна Константинова родилась на Кавказѣ, въ Тифлисѣ, воспитаніе получила за-границей. Рисованіемъ занималась у извѣстнаго преподавателя Дюссельдорфской, а позднѣе и Дрезденской Академіи Художествъ, Бейхлинга. Вернувшись въ Россію и пользуясь указаніями бывшаго вице-президента, графа Ѳедора Петровича Толстаго, Анна Іосифовна стала заниматься живописью въ продолженіе двухъ зимъ у профессора Мещерскаго, по совѣту котораго перешла затѣмъ къ писанію съ натуры, пользуясь указаніями и совѣтами нѣкоторыхъ изъ нашихъ выдающихся художниковъ.

Въ 1888 г. выставленная ею первая картина „Горный ручей", была удостоена Академіей Художествъ малой серебряной медали; затѣмъ на выставкѣ 1889 г. находились ея двѣ картины: „Озеро Рыбное" и „Рѣка Оредежъ зимою". А. І. Константинова—постоянная сотрудница журнала *Нива*.

Баронесса Елена Карловна Врангель, дочь генерала-отъ-кавалеріи Карла Егоровича Врангель, столь славнаго командира

Библиотека "Руниверс"



Профессоръ Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ, по поводу 50 лѣтн. худож. дѣятельности.
Рис. и грав. (собств. „Нивы") И. Мультановскій.

Библиотека "Руниверс"

Евпаторійскаго отряда 1854 года, а затѣмъ командира 3-го армейскаго корпуса, родилась въ 1837 г. въ Новгородѣ, провела первую молодость въ постоянныхъ походныхъ передвиженіяхъ, въ коихъ вся семья почти постоянно сопутствовала отцу. Въ теченіе этого времени упоминать о болѣе или менѣе усидчивыхъ занятіяхъ ребенка, а затѣмъ молодой дѣвушки, врядъ-ли возможно; тѣмъ не менѣе, хотя карандашъ и кисть не могли оставить слѣдовъ, но впечатлительность талантливой натуры воспріяла прелесть природы, и дѣйствительно мы находимъ примѣненіе этихъ впечатлѣній при первой возможности и болѣе осѣдлой жизни.

Въ 1864 году баронесса Врангель поселяется въ Москвѣ и направляетъ всѣ свои усилія къ развитію своихъ такъ-сказать элементарныхъ до сего времени занятій. Работы ея съ извѣстнымъ живописцемъ Шервудомъ принесли быстрые и успѣшные плоды, выразившіеся на конкурсѣ въ Москвѣ же въ 1868 г. Выставленныя ею акварели были встрѣчены публикою весьма сочувственно и были тогда же проданы.

Въ 1869 г. акварели баронессы Врангель появились на Академической выставкѣ въ Петербургѣ, и она была удостоена малой серебряной поощрительной медали. По истеченіи двухъ лѣтъ баронесса Врангель получила большую поощрительную медаль за присланныя ею изъ Москвы же акварели. Съ 1875 года начинаютъ появляться ея масляныя картины, изъ коихъ первая же: „Бой быковъ", доставляетъ ей званіе почетнаго вольнаго общника Императорской Академіи Художествъ. Послѣ этой знаменательной для нея эпохи, баронесса Врангель переѣзжаетъ на постоянное жительство въ Петербургъ, и съ этого времени мы видимъ почти на каждой Академической выставкѣ картины преимущественно жанръ и звѣрей, производившія самое лестные для нея впечатлѣніе, причемъ въ 1884 г. она была осчастливлена пріобрѣтеніемъ ея картины „Урокъ пахаря" Государемъ Императоромъ. Засимъ картина „Въ лѣсу" была куплена Императорской Академіей Художествъ. На ряду съ этими постоянными и плодотворными работами она удѣляетъ время на посильную общественную дѣятельность, принимая горячее участіе въ артистическихъ и благотворительныхъ трудахъ I-го дамскаго артистическаго кружка.

Жозефина Антоновна Полонская, урожденная Рюльманъ (родная сестра извѣстнаго Петербургскаго доктора-спеціалиста по горловымъ болѣзнямъ), первоначальное воспитаніе свое получила въ Католическомъ пансіонѣ, куда вмѣстѣ съ сестрой своей принята была какъ сирота въ дѣтствѣ лишившаяся отца и матери. Въ 1866 году она вышла замужъ за Я. П. Полонскаго, извѣстнаго нашимъ читателямъ лирика и беллетриста.

Дѣятельности ея, какъ скульптора, положилъ начало случай, безъ котораго быть-можетъ никогда-бы и не пришло ей въ голову, имѣя уже троихъ дѣтей, заняться ваяніемъ.—Вотъ этотъ случай.

Въ 1881 году И. С. Тургеневъ, вернувшись изъ Парижа въ Петербургъ, пригласилъ на лѣто въ свое помѣстье стараго друга своего Я. П. Полонскаго со всей семьей.

О своемъ пріѣздѣ въ с. Спасское и о пребываніи въ усадьбѣ у радушнаго хозяина, было подробно описано г. Полонскимъ въ его Запискахъ, помѣщенныхъ нѣкогда въ *Нивѣ*, а затѣмъ отдѣльно-изданныхъ, въ книгѣ, подъ заглавіемъ: „На высотахъ спиритизма"; но въ этихъ запискахъ была упущена имъ одна подробность, которая для нашихъ цѣлей всего нужнѣе, а именно, тамъ не упоминается о коробкѣ съ продолговатыми кусками воску, приготовленнаго для лѣпки, и купленнаго Я. П. въ какомъ-то игрушечномъ магазинѣ для дѣтей. Этимъ воскомъ воспользовались не дѣти, разбѣгавшіяся по саду и по окрестнымъ полямъ, для собиранія ягодъ, цвѣтовъ или грибовъ, а сама мать ихъ, Жозефина Антоновна.

Она дерзнула вылѣпить небольшой барельефъ съ изображеніемъ въ профиль Ив. Сер. Тургенева, и первая попытка ея была такъ удачна, что прозорливый И. С. Тургеневъ взялъ съ нея слово, по пріѣздѣ въ Петербургъ, тотчасъ же отправиться въ школу Штиглица и заняться лѣпленіемъ, если не въ качествѣ ученицы, то хоть въ качествѣ вольно-приходящей. Полонская въ свою очередь дала ему слово, черезъ годъ, когда онъ вторично вернется въ свое Спасское, вылѣпить бюстъ его. Это обѣщаніе дано было съ тою самоувѣренностью, которая быть-можетъ была подсказана ей пробудившимся сознаніемъ своего будущаго призванія.

Но на будущій 1882 годъ, Тургеневъ мучительно заболѣлъ и не вернулся въ Россію. Какъ извѣстно, онъ умеръ въ 1883 году, но обѣщаніе вылѣпить бюстъ его — осталось. Еще продолжая посѣщать школу и подъ руководствомъ профессора скульптуры М. А. Чижова лѣпить орнаменты или дѣлать копіи съ античныхъ бюстовъ и статуй, Полонская дома принялась за бюстъ Тургенева. Она лѣпила его на память и при помощи фотографіи. Бюстъ изъ рукъ ея вышелъ настолько хорошъ и похожъ, что друзья и поклонники покойнаго писателя и СПБ. Городская Дума немедленно заказали ей сдѣлать копію съ бюста,—отлили его изъ бронзы и, какъ памятникъ, поставили его на Волковомъ кладбищѣ, на могилѣ И. С. Тургенева.

Съ тѣхъ поръ, постоянно работая, Жозефина Антоновна въ продолженіе какихъ-нибудь 8-ми лѣтъ сдѣлала:

1. Бюстъ ребенка — старшаго изъ дѣтей В. М. Ванлярлярскаго, который вышелъ такъ похожъ, что родители пожелали имѣть его изсѣченнымъ изъ мрамора.

2. Бюстикъ дѣвочки, сдѣланный на Лиманѣ въ окрестностяхъ Одессы, куда ѣздилъ мужъ ея лѣчиться. Небольшой бюстикъ этотъ былъ отлитъ изъ бронзы.

3. Бюстъ нашего художника и рисовальщика И. И. Каразина.

4. Небольшой бюстъ жены его (тоже отлитый изъ бронзы).

5. Бюстъ мужа ея, Я. П., тотъ самый, который въ вѣнкѣ красовался на праздникѣ пятидесятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности, въ залахъ С.-Петербургскаго благороднаго собранія.

6. Колоссальный бюстъ А. С. Пушкина, отлитый изъ бронзы для Пушкинскаго памятника въ Одессѣ. Къ сожалѣнію, бюстъ этотъ, за который Жозефина Антоновна получила отъ Академіи Художествъ серебряную медаль, дурно поставленъ на пьедесталѣ, въ видѣ фонтана, совершенно искаженнаго (намъ неизвѣстно по чьему усмотрѣнію) и нисколько не отвѣчающаго утвержденному проекту и чертежамъ архитектора Васильева, не получившаго даже приглашенія ко дню открытія этого памятника.

7. Бюстъ цензора Юферова, сдѣланный по заказу вдовы его при помощи маски, снятой съ покойнаго въ гробу и по указаніямъ его родныхъ и знакомыхъ. Хотя Жозефина Антоновна не была лично знакома съ покойнымъ Юферовымъ, а видѣла только трупъ, бюстъ вышелъ до такой степени похожъ, что по желанію вдовы тотчасъ же былъ высѣченъ изъ мрамора въ мастерской г-жи Полонской, подъ ея непосредственнымъ наблюденіемъ.

8. Головку калмыка-мальчика, вылѣпленную изъ воску, въ Сарептѣ (близь Калмыцкой степи въ Саратовской губерніи).

9. Четыре фигуры нимфъ и два сатира по заказу самой школы, для бронзоваго сюрту-де-табль, какъ украшенія для парадного обѣденнаго стола.

И наконецъ, въ послѣднее лѣто бюстъ А. А. Шеншина или поэта Фета, лирическія стихотворенія котораго не разъ украшали собой страницы *Нивы*.

Не все изъ вышеупомянутаго было извѣстно Императорской Академіи Художествъ, но и за то немногое, что появлялось на ея выставкахъ, Полонская удостоилась получить дипломъ на званіе почетнаго общника Академіи.

Имя **Эмиліи Дуишта-Дукшинской** лѣтъ двадцать уже извѣстно въ Варшавѣ. Первые шаги ея на поприщѣ любимаго искусства, живописи, она дѣлала подъ руководствомъ Ксаверія Каневскаго, пріятеля ея отца и директора Варшавской школы искусствъ. Каневскій, хорошій портретистъ и превосходный рисовальщикъ, равно владѣвшей пастелью, водяными и масляными красками, сразу направилъ на вѣрный путь развитія молодую ученицу, которая на первыхъ порахъ избрала пастель и посвятила ей цѣлыхъ десять лѣтъ настойчиваго труда. Начавъ работать въ 1865 году, Дуишта-Дукшинская уже со слѣдующаго года стала выставлять пастельные портреты и этюды на выставкѣ Товарищества изящныхъ искусствъ. По смерти Каневскаго (въ 1859 г.), она была нѣкоторое время ученицей А. Лессера, а въ 1871 уѣхала въ Дрезденъ для окончательнаго усовершенствованія. Въ 1872 г. она была избрана почетнымъ членомъ Общества изящныхъ искусствъ, въ 1875 совершила поѣздку въ Италію, а въ 1882 работала въ Мюнхенѣ подъ руководствомъ Ф. Боденмиллера. Съ 1882 г. произведенія ея встрѣчаются уже на всѣхъ европейскихъ выставкахъ, въ Петербургѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Прагѣ и проч. Всѣхъ ихъ болѣе полутораста—портретовъ, этюдовъ, головокъ и типовъ.

Къ рисункамъ.

Севастополь. Петропавловскій храмъ.

(Рис. на стр. 1).

Петропавловскій храмъ былъ выстроенъ по инициативѣ покойнаго незабвеннаго адмирала Михаила Петровича Лазарева, страстнаго любителя древней классической архитектуры. По наружному виду храмъ, въ древне-дорійскомъ стилѣ, напоминалъ собою храмъ Тезея въ Аѳинахъ и былъ лучшимъ украшеніемъ Севастополя. Въ Крымскую войну, во время осады Севастополя, храмъ былъ разрушенъ, обвалилась крыша и своды, красивая же колоннада простояла 30 лѣтъ. Реставрированіемъ храма, Севастополь, а равно и всѣ моряки, коимъ дорога память покойнаго адмирала, обязаны извѣстнымъ на югѣ подрядчикамъ Кундышеву-Володину и Максимову, которые на свои средства возобновили храмъ, при чемъ реставрація, какъ внутри, такъ и снаружи, имѣетъ тотъ же видъ, что и до Крымской войны.

17 декабря 1889 года, храмъ былъ освященъ преосвящен-

Библиотека "Руниверс"

нымъ Мартиніаномъ, епископомъ Таврическимъ и Симферопольскимъ. Въ настоящее время Севастополь растетъ не по днямъ, а по часамъ, число красивыхъ зданій увеличивается, развалинъ почти незамѣтно. Къ сожалѣнію, Петропавловскій храмъ, а равно и соборъ Св. Владиміра, окруженные большими домами, теряютъ свою прелесть. До дня освященія храма не дожилъ бывшій священникъ Петропавловскаго храма, отецъ Александръ, который по разрушеніи храма во время кампаніи, продолжалъ въ другой церкви отправлять требы. Онъ исповѣдовалъ, пріобщалъ Св. Тайнъ и хоронилъ севастопольскихъ защитниковъ во все время осады. Уважаемый всѣми севастопольцами, отецъ Александръ скончался осенью 1888 г., не дождавшись освященія своего любимаго Петропавловскаго храма.

Обрядъ пострижки. (Рис. на стр. 4 и 5).

Постриги или *пострыги* — весьма древній на Руси обрядъ, состоявшій въ обрѣзаніи волосъ у мальчиковъ, означавшій переходъ ихъ изъ дѣтства въ отрочество и вступленіе въ гражданскую жизнь. Юныхъ княжичей (великокняжескихъ и княжескихъ сыновей) въ этотъ день впервые сажали на коня и везли въ церковь, гдѣ постриги совершалъ обыкновенно епископъ. Обрядъ этотъ донынѣ сохранился въ крестьянскомъ быту на югѣ Россіи. На прилагаемомъ рисункѣ Трутовскаго изображена многочисленная семья, среди которой отецъ и мать совершаютъ *пострижки* своего первенца, а дѣдушка и прочая родня раскошеливаются за угощеніе.

Этюдъ. (Рис. на стр. 9).

Прелестная головка, задрапированная по плечамъ въ классическую, расшитую золотомъ, палу съ драгоцѣнною геммой (рѣзнымъ камнемъ) въ видѣ застежки. Античныя черты лица дышатъ вдохновеніемъ, изъ полуоткрытыхъ устъ готовъ вырваться стихъ Горація или торжественный гимнъ...

Изъ ухаба. (Рис. на стр. 12).

Новое произведеніе маститаго художника, недавно закончившаго пятидесятилѣтіе своей артистической дѣятельности, превосходно передаетъ движеніе тройки, ухнувшей съ налета въ ухабъ и выбирающейся изъ него... Крикнулъ только ямщикъ, ослабилъ возжи—и съ какою птичьей легкостью выносятъ добрые кони изъ снѣжнаго провала!

Цыганскій таборъ. (Рис. на стр. 13).

Не много нужно этому живому и донынѣ поэтическому племени!.. Нѣсколько досокъ и бревенъ, наловленныхъ въ рѣкѣ во время половодья — и готовъ пріютъ отъ бурь и непогодъ. Нѣсколько пестрыхъ лохмотьевъ — и создается нарядъ, которому позавидуетъ нелишенная художественнаго чутья щеголиха. Нѣсколько овощей съ сосѣдскаго огорода, да неосторожно подвернувшаяся курица — и пошелъ пиръ горой. А нѣсколько звуковъ скрипки подъ неумѣлымъ смычкомъ младшаго сынишки — это уже восторгъ и гордость всей семьи.

А. П. Боголюбовъ. (Портр. на стр. 17).

Нашъ знаменитый маринистъ Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ современныхъ пейзажистовъ, прославившихся не только въ отечествѣ, но и за предѣлами его. Въ Парижѣ, напримѣръ, гдѣ онъ живетъ около двадцати лѣтъ почти безвыѣздно и стоитъ во главѣ кружка русскихъ художниковъ, его имя пользуется большою популярностью и французы, восхищающіеся его морскими видами, отзываются о немъ какъ о тонкомъ исполнителѣ, рисовальщикѣ, удивляющемъ своей отчетливостью. И дѣйствительно, профессоръ Боголюбовъ владѣетъ техникой въ совершенствѣ, умѣетъ придать роскошную колоритность своимъ пейзажамъ, щеголяя особенно въ своихъ небольшихъ произведеніяхъ необыкновенною красотою воздушной перспективы и изображеніемъ свѣтовыхъ эффектовъ, а также разнообразіемъ тоновъ. Если прибавить къ этому, что онъ любитъ не только нѣмую природу, но и людей, надъ выпиской которыхъ онъ работалъ усердно еще въ самомъ началѣ художественной карьеры своей, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему его картины производятъ такое пріятное и сильное впечатлѣніе. Его „Синопъ", „Морская битва при островѣ Эзелѣ въ 1719 году, подвигъ капитана Сенявина", „Взятіе парохода Первазъ-Бахрэ", „Буря въ проливѣ Сэнъ-Валери", „Ночная ярмарка въ Амстердамѣ", „Видъ Смольнаго монастыря изъ-за Невы съ берега Охты", „Петербургъ лѣтней ночью", все это шедевры, въ которыхъ письмо воды, изображеніе фигуръ и выписка деталей обстановки находятся между собою въ полной гармоніи. Еще только дѣлая первые шаги въ искусствѣ и будучи тогда морякомъ по профессіи, А. П. Боголюбовъ мечталъ современемъ сдѣлаться исторіографомъ на полотнѣ подвиговъ дѣятелей флота, и мечту своей молодости онъ осуществилъ вполнѣ, увѣковѣчивъ своею размашистою и смѣлою кистью эти подвиги. Кромѣ масляныхъ картинъ, онъ издалъ еще литографированный „Альбомъ подвиговъ черноморскаго флота", по рисункамъ имъ самимъ исполненнымъ на камнѣ. По манерѣ своей профессоръ Боголюбовъ напоминаетъ, особенно въ своихъ произведеніяхъ 60—70-хъ годовъ, Андреи Ахенбаха (старшаго), дюссельдорфскаго живописца, школу котораго нашъ высокоталантливый художникъ старался привить и распространить въ Россіи, въ то время когда національное направленіе въ отечественной пейзажной живописи не успѣло еще пустить корни. Вліяніе Калама (Calam) и Эжена Изабе (Izabey) также сказывается до извѣстной степени въ произведеніяхъ нашего мариниста, хотя онъ и занимался подъ ихъ руководствомъ весьма недолго. Въ настоящее время, не смотря на свой почтенный возрастъ, А. П. работаетъ съ прежнимъ жаромъ и не перестаетъ появляться со своими произведеніями на нашихъ выставкахъ. Профессоръ живописи морскихъ видовъ, членъ совѣта Императорской Академіи Художествъ, Главнаго морскаго штаба Его Величества художникъ, саратовскій почетный гражданинъ, отставной лейтенантъ, Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ родился въ с. Помераньѣ, Новгородской губерніи, 16 марта 1824 года и еще въ раннемъ дѣтствѣ обнаружилъ страсть къ рисованію, которымъ онъ дѣятельно занимался и въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ получилъ воспитаніе. Записанный въ гардемарины 15-ти лѣтъ, онъ въ 1841 году былъ произведенъ въ мичманы, а черезъ пять лѣтъ получилъ чинъ лейтенанта. Можетъ-быть въ трудной морской службѣ такъ бы и заглохъ его талантъ, если бы одинъ изъ тѣхъ простыхъ случаевъ, которые играютъ такую вліятельную роль въ жизни выдающихся дѣятелей, не толкнулъ его на настоящую дорогу. Боголюбовъ служилъ на кораблѣ „Камчатка" въ то время, когда извѣстный покровитель наукъ и искусствъ, герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій совершалъ на немъ путешествіе на островъ Мадеру. Продолжая и здѣсь заниматься съ любовью рисованіемъ, молодой морякъ обратилъ на себя вниманіе высокопоставленнаго туриста, большаго знатока живописи. Герцогъ угадалъ въ морякѣ настоящаго художника и настоятельно совѣтовалъ ему бросить службу и серьезно заняться развитіемъ таланта. Боголюбовъ такъ и сдѣлалъ: вышелъ въ 1850 году въ отставку и поступилъ тогда же въ Академію Художествъ, гдѣ его наставникомъ былъ профессоръ М. И. Воробьевъ и затѣмъ близкимъ совѣтникомъ профессоръ Г. И. Виллевальде. За картину „Отъѣздъ Его Высочества герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго изъ Лиссабона", бывшую на академической выставкѣ 1852 г., Боголюбовъ получилъ 2-ю золотую медаль въ томъ же году, совпавшемъ со смертью герцога, президента Академіи, а затѣмъ въ слѣдующемъ году за видъ „Ревель съ моря", написанный по программѣ на заданную тему, получилъ и 1-ю золотую медаль, послѣ чего по Высочайшему повелѣнію назначенъ художникомъ Главнаго морскаго штаба и отправленъ на казенный счетъ за границу. Посѣтивъ Женеву и Парижъ, гдѣ онъ пользовался совѣтами Калама и Изабе, онъ около трехъ лѣтъ прожилъ въ Дюссельдорфѣ и потомъ объѣхалъ турецкіе и наши черноморскіе берега, чтобы запастись матеріаломъ для картинъ изъ исторіи подвиговъ нашихъ моряковъ, которыя онъ долженъ былъ исполнить частію по заказу Высочайшихъ особъ. По другимъ заказамъ такихъ же особъ онъ позднѣе путешествовалъ по Волгѣ, Крыму и другимъ мѣстамъ Россіи. Въ 1860 г., вернувшись на родину, Боголюбовъ привезъ огромные холсты съ изображеніемъ морскихъ битвъ на Черномъ морѣ, писанные, почти всѣ, въ Дюссельдорфѣ, и другія картины, и въ слѣдующемъ году устроилъ первую выставку этихъ произведеній своихъ, съ которой и началась его извѣстность и его быстро возраставшая слава. Еще въ концѣ 50-хъ годовъ получилъ онъ званіе академика, а въ 1861 г.—профессора. Нѣсколько разъ Боголюбовъ сопровождалъ членовъ нашей Императорской фамиліи заграницу и въ поѣздкахъ ихъ по Россіи. Разстроенное здоровье заставило А. П. поселиться въ Парижѣ, гдѣ онъ затѣмъ водворился окончательно, устроивъ тамъ замѣчательную мастерскую, въ которой перебывали всѣ русскіе художники, путешествовавшіе за границей, а также и многіе высокопоставленные посѣтители русскіе и иностранные.

П. Быковъ.

Генрихъ Шлиманъ. (Портр. на стр. 20).

Скончавшійся 14 (26) декабря въ Неаполѣ знаменитый археологъ, Генрихъ Шлиманъ, извѣстный своими раскопками на мѣстѣ древней Трои и въ Микенахъ, родился въ Мекленбургской деревнѣ, въ семьѣ евангелическаго священника, отъ котораго и заимствовалъ любовь къ древней исторіи; воспитывался въ Нейстерлицкой гимназіи, потомъ въ реальной школѣ, но по недостатку средствъ долженъ былъ бросить и ее четырнадцати лѣтъ, и поступилъ въ услуженіе къ мелочному лавочнику, потомъ былъ въ Гамбургѣ корабельнымъ юнгой, въ Амстердамѣ поступилъ посыльнымъ въ торговый домъ Квіенъ, достигъ мѣста бухгалтера, отправился агентомъ фирмы Шредера въ Петербургъ, здѣсь разбогатѣлъ и основалъ собственный торговый домъ, составивъ состояніе преимущественно во время Крымской кампаніи, наконецъ въ 1863 году удалился отъ дѣлъ и предался любимымъ своимъ занятіямъ — археологическимъ изысканіямъ. Онъ отправился въ Малую Азію, на мѣсто древней Трои, и тамъ на свой счетъ производилъ раскопки, увѣнчавшіяся такимъ блистательнымъ успѣхомъ. Свое-

Библиотека "Руниверс"

временно мы помѣстили въ „Нивѣ“ описаніе этихъ раскопокъ и изображенія такъ-называемыхъ „сокровищъ Пріама“, равно какъ и Микенскихъ раскопокъ.

Шлиманъ умеръ отъ нарыва въ ухѣ, осложненнаго менингитомъ. Онъ жилъ уже дней восемь въ Неаполѣ, какъ вдругъ, наканунѣ дня его смерти, его нашли въ переулкѣ за Толедской улицей, лежащимъ безъ чувствъ. Его перенесли въ отель, гдѣ доктора тотчасъ констатировали опасность для жизни.

Политическое обозрѣніе.

Вдали отъ родины встрѣчаетъ Наслѣдникъ Русскаго Престола. Новый годъ, подъ палящими лучами южнаго солнца, въ самомъ сердцѣ роскошной Индійской имперіи. Послѣ многодневнаго перехода, во время котораго русская эскадра заходила въ Аденъ, она благополучно прибыла 11 декабря въ Бомбей, гдѣ въ полдень Наслѣдникъ Цесаревичъ высадился на берегъ и былъ встрѣченъ съ величайшими почестями. Блестящее общество, военныя и гражданскія власти привѣтствовали Его Высочество на набережной и тотчасъ отправились въ экипажахъ въ губернаторскій домъ. На пути слѣдованія блистательнаго кортежа стояли массы народа. На туземцевъ Наслѣдникъ Цесаревичъ производитъ особенное впечатлѣніе. Въ настоящее время Его Высочество находится въ путешествіи внутри страны, въ столицу которой, Калькутту, прибудетъ около 14 января.

На Западѣ Европы Новый годъ встрѣченъ былъ въ мирѣ и спокойствіи. При новогоднемъ пріемѣ въ Елисейскомъ дворцѣ, въ Парижѣ, папскій нунцій, представляя дипломатическій корпусъ, выразилъ г. Карно сердечныя пожеланія личнаго счастья и лучшія пожеланія преуспѣянія и благоденствія французскому народу въ лицѣ его властей и всѣхъ сословій. Президентъ республики выразилъ столь же искреннія пожеланія государствамъ въ лицѣ ихъ представителей, причемъ заявилъ, что онъ съ глубокимъ чувствомъ удовлетворенія принимаетъ доказательства симпатій, которыми Франція отчасти обязана ясности и умѣренности своей иностранной политики. Г. Карно присовокупилъ, что идеи мира, свободы, справедливости и прогресса, которымъ такъ твердо предана Франція, могутъ только усилить эти драгоцѣнныя симпатіи, чего онъ больше всего желаетъ. Еще большія симпатіи эти идеи вызываютъ внутри страны, которая выразила ихъ своему правительству на недавнихъ выборахъ, произведенныхъ съ цѣлью возобновленія части состава сената. Въ настоящее время сенатъ состоитъ изъ 240 республиканцевъ и 55 консерваторовъ; вакантныхъ мѣстъ пять. Въ числѣ другихъ лицъ избраны Жюль Ферри отъ департамента Вогезовъ 723 голосами изъ 997 и военный министръ Фрейсинэ вновь отъ департамента Сены по первому голосованію 579 голосами изъ 665. Послѣдній результатъ является блестящею манифестаціею и доказательствомъ уваженія просвѣщенному патріотизму Фрейсинэ, заявившему, между прочимъ на сходкѣ сенатскихъ выборщиковъ 16 декабря, что часъ, когда право будетъ безусловно царствовать на землѣ, еще не насталъ и, что несмотря на усилія лиги мира, сила попрежнему является вершительницею судебъ народовъ; почему Франція и должна всегда имѣть средства, чтобы внушать къ себѣ уваженіе со стороны сосѣдей.

Изъ новогоднихъ отрадныхъ извѣстій съ особеннымъ удовольствіемъ должна быть отмѣчена депеша, сообщенная изъ Константинополя въ день Рождества Христова, что недоразумѣнія между Портою и вселенскимъ патріархомъ улажены и сегодня въ три часа утра богослуженіе въ греческихъ церквахъ возобновилось Рождественскою литургіею.

Новый годъ пріятно начался также и для Бразильской республики. Согласно сообщенію германской канцеляріи иностранныхъ дѣлъ, республика Бразильскихъ Соединенныхъ Штатовъ признана императоромъ Вильгельмомъ отъ имени Германской имперіи. Также и датское правительство признало 7 января новаго стиля Бразильскую республику.

Изъ новогоднихъ обозрѣній въ заграничныхъ газетахъ обращаетъ на себя вниманіе напечатанный въ *Neue Freie Presse* пространный обзоръ положенія финансоваго міроваго рынка за истекшій годъ. Относительно Россіи газета говоритъ: „Ключъ къ финансовому положенію Европы находится въ русскомъ министерствѣ финансовъ. Русское вліяніе на денежные рынки Европы заключается въ его активѣ въ Германіи, Голландіи, Франціи и Англіи, составляющемъ около 21 милліона фунтовъ стерлингъ, т. е. почти столько же, сколько числится наличности въ Англійскомъ банкѣ. Г. Вышнеградскій имѣетъ силу парализировать всѣ операціи, которыя нарушаютъ его проекты; онъ ослабилъ германскій рынокъ, переведя часть русскихъ денегъ во Францію. Русскій активъ составляетъ громадную кассу для спекуляцій Лондона, Берлина и Парижа; русское министерство финансовъ служитъ для Европы маклерскимъ банкомъ. Съ этимъ факторомъ долженъ считаться каждый банкиръ, каждый фабрикантъ; во всѣхъ финансовыхъ комбинаціяхъ факторъ этотъ долженъ играть существенную роль“. Спустя три дня послѣ упомянутой статьи, та же газета, говоря, 23 декабря, о новомъ французскомъ займѣ, снова заявляетъ, что г. Вышнеградскій въ настоящее время самое важное лицо въ европейскихъ биржевыхъ дѣлахъ. Пользуясь каждою конверсіей для небольшихъ экстренныхъ займовъ, онъ—говоритъ газета—собралъ военный фондъ, превышающій 200 милліоновъ, посредствомъ котораго и производитъ на европейскихъ рынкахъ бурю и ясную погоду!

Генрихъ Шлиманъ. † 14 (26) декабря 1890 г.

Смѣсь.

На берлинскомъ медицинскомъ конгрессѣ одобрена новая шляпа, подъ названіемъ „спаситель жизни“, изобрѣтенная въ виду несчастныхъ случаевъ однимъ берлинскимъ фабрикантомъ. Шнуръ замѣненъ тонкою гуттаперчевою кишкой, которая въ случаѣ пораненія, особенно при отравленіяхъ крови, можетъ служить для обвязки неповрежденныхъ частей. Внутри шляпы съ одной стороны помѣщена пропитанная хлористымъ желѣзомъ вата въ конвертѣ, а съ другой—непромокаемая матерія для перевязокъ. Лента, облегающая шляпу снаружи, снабжена крючкомъ и можетъ служить для поддержанія компресовъ. (к.)

Сухи или сыры будутъ слѣдующіе годы? Злополучныя пятна на солнцѣ, причиняющія, по мнѣнію астрономовъ, такъ много бѣдъ, даютъ намъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. По словамъ профессора Поля Рейса, уже 14 лѣтъ мы переживаемъ періодъ величайшаго скопленія солнечныхъ пятенъ и останемся въ немъ еще въ теченіе 14-ти лѣтъ. Во время этого періода годы будутъ сыры и прохладны лѣтомъ, и теплы зимою. Затѣмъ съ 1904 года наступитъ 28-лѣтній періодъ сухихъ годовъ. Констатировано, на основаніи тщательно произведенныхъ по всей Саксоніи наблюденій и изслѣдованій, что годовое количество дождя съ 1865 года до сей поры постоянно возрастало, что даетъ возможность по аналогіи заключить и о дальнѣйшемъ возрастаніи. (к.)

Библиотека "Руниверс"

Его Императорское Высочество Князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій († 25 декабря 1890).

Телеграфъ принесъ горестную вѣсть объ утратѣ, понесенной Россійскимъ Императорскимъ Домомъ и русскою наукой. 25 декабря, въ Парижѣ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался Е. И. В. Князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій. Въ маѣ прошлаго года, когда въ СПБ. чествовался юбилей двадцати-пятилѣтней дѣятельности Его Высочества въ званіи предсѣдателя Минералогическаго Общества, мы помѣстили на страницахъ *Нивы* (№ 18, 1890) портретъ Его Высочества, біографію и подробный перечень его ученыхъ трудовъ. Приводимъ здѣсь вкратцѣ эти данныя.

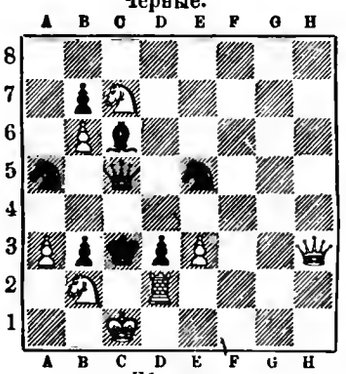
Е. И. В. Князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, сынъ герцога Максимиліана (Евгенія-Іосифа-Наполеона) Лейхтенбергскаго, находившагося въ бракѣ съ Е. И. В. Великою Княгиней Маріей Николаевной, Августѣйшею сестрой въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича, родился 23 іюля 1843 года, въ Сергіевкѣ—загородномъ дворцѣ Великой Княгини Маріи Николаевны, въ офицеры произведенъ 20 октября 1852 г., 30 августа 1865 получилъ чинъ генералъ-маіора съ назначеніемъ въ свиту Его Величества, а 1 января 1878 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Князь Николай Максимиліановичъ участвовалъ въ геройскомъ переходѣ нашихъ войскъ черезъ Балканы въ качествѣ начальника кавалеріи передоваго отряда; за взятіе Казанлыка награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степ., а за славный бой подъ Эски-Загрой—золотою саблей за храбрость.

7 мая 1865 года Его Высочество принялъ на себя званіе президента Имп. СПБ. Минералогическаго Общества и въ теченіе слишкомъ 25-ти лѣтъ постоянно заботился о его благосостояніи и процвѣтаніи, принимая дѣятельное участіе въ его ученыхъ трудахъ. Августѣйшій президентъ, какъ извѣстно, оставилъ послѣ себя много ученыхъ сочиненій, напечатанныхъ большею частію въ *Сборникѣ* и *Запискахъ* Минер. Общества.

ШАХМАТЫ

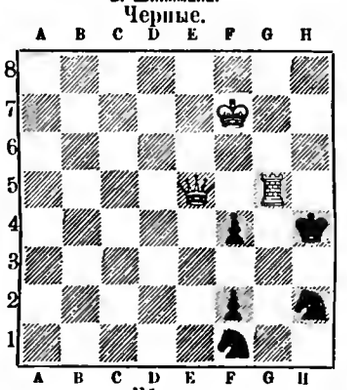
подъ редакціей **Э. С. Шифферса.**

Задача № 1.
С. Лойда.
Черные.



Бѣлые.
Матъ въ 2 хода.

Задача № 2.
В. Шинкмана.
Черные.



Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

Въ настоящее время играется матчъ между В. Стейницемъ и И. Гунсбергомъ въ Нью-Іоркѣ. Побѣдителемъ будетъ считаться тотъ, кто выиграетъ большинство изъ 20-ти партій; до сихъ поръ намъ извѣстенъ исходъ первыхъ 8-ми партій, а именно: Стейницъ выигралъ 3, Гунсбергъ—2 и 3 ничьи. На время этого матча пріостановленъ матчъ по телеграфу между М. И. Чигоринымъ (Петербургъ) и В. Стейницемъ (Нью-Іоркъ).

Съ партіями этого матча мы познакомимъ нашихъ читателей въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ.

ПАРТІЯ № 1.

Дебютъ Лопеца.

2-я партія матча. (1-я партія была ничья).

	И. Гунсбергъ. Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.		И. Гунсбергъ. Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.
1.	e2—e4	e7—e5	21.	Ф. e2 : f3	Л. f8 : f3
2.	К. g1—f3	К. b8—c6	22.	К. g2—e3	С. c1 : e3
3.	С. f1—b5	d7—d6[1])	23.	К. e2 : c3	К. c8—f8
4.	c2—c3[2])	С. c8—d7	24.	Кр. g1—g2	c7—c6
5.	0—0	К. g8—e7	25.	С. c3—b2	c6 : d5
6.	d2—d4	К. e7—g6	26.	К. e3 : d5	Л. f3—d3
7.	d4—d5	К. c6—b8	27.	С. b2—c1	b7—b5
8.	С. b5 : d7+[3])	К. b8 : d7	28.	К. d5—e3	b5 : c4
9.	К. b1—a3	С. f8—e7	29.	К. e3 : c4	Л. d3—d4
10.	К. a3—c2	К. d7—c5	30.	К. d5—e3	Л. d4 : b4
11.	Ф. d1—e2	Ф. d8—d7	31.	Л. f1—d1	Л. b4—b1
12.	b2—b4[4])	К. c5—a4	32.	С. c1—a3	Л. b1 : d1
13.	С. c1—d2	0—0	33.	К. e3 : d1	Л. f8—d8
14.	c3—c4	f7—f5	34.	f2—f3	d6—d5
15.	e4 : f5	Ф. d7 : f5	35.	К. d1—c3	d5—d4
16.	Л. a1—c1	Л. a8—e8	36.	К. c3—e4	Л. d8—b8
17.	К. f3—e1	С. e7—g5	37.	h2—h4	h7—h5
18.	g2—g3[5])	К. a4—c3	38.	Кр. g2—f2	Л. b8—b1
19.	С. d2 : c3	С. g5—c1	39.	С. a3—d6	Л. b1—b2+
20.	К. e1—g2	Ф. f5—f3	40.	Кр. f2—e1	Л. b2 : a2

бѣлые сдались.

Примѣчанія къ партіи.

[1]) Стейницъ въ своемъ руководствѣ „The Modern Chess Instructor" признаетъ эту защиту наилучшею; большинство же теоретиковъ предпочитаютъ защиту 3 . . . К g8—f6 или 3. . . . a7—a6 и послѣ 4. С b5—a4, К g8—f6.

[2]) Сильнѣе 4. d2—d4.

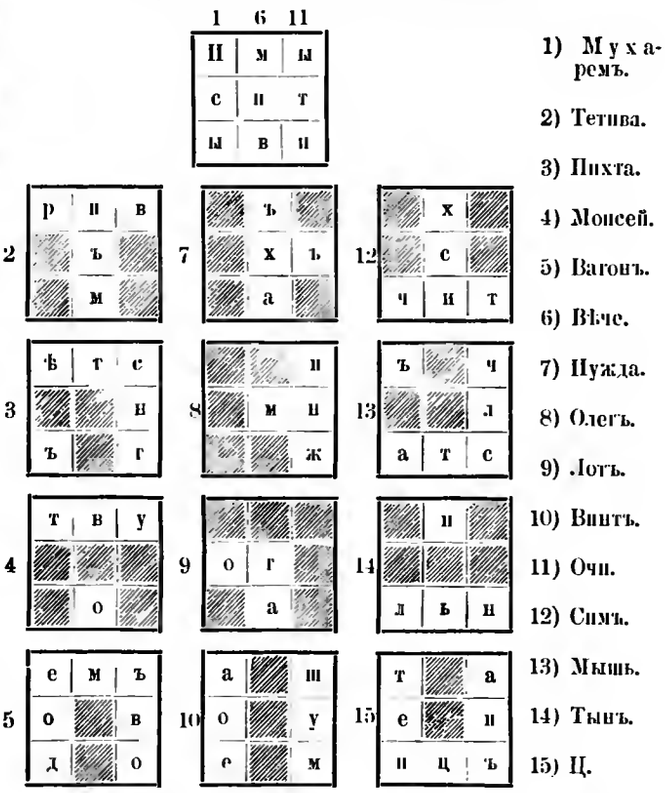
[3]) Этимъ ходомъ бѣлые способствуютъ развитію черныхъ; лучше было 8. Сл. b5—d3 или e2, или-же 8. Ф d1—e2 или b3.

[4]) Ходъ ослабляющій пунктъ С 3.

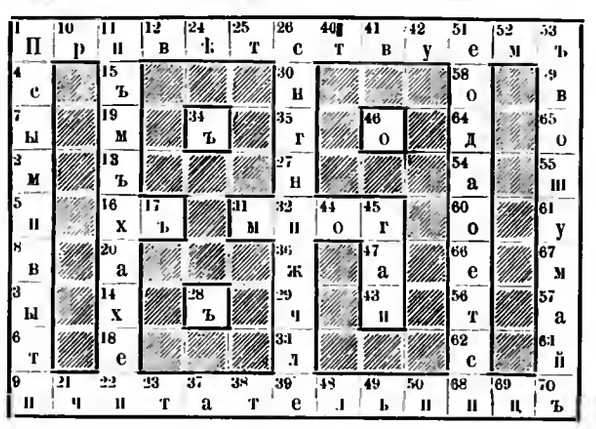
[5]) Грубая ошибка, проигрывающая качество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и партію; слѣдовало играть 18. Сл. d2 : g5 или 18. К c1—f3.

Рѣшеніе Рождественской задачи № 70

(помѣщенной въ № 51 1890 года).



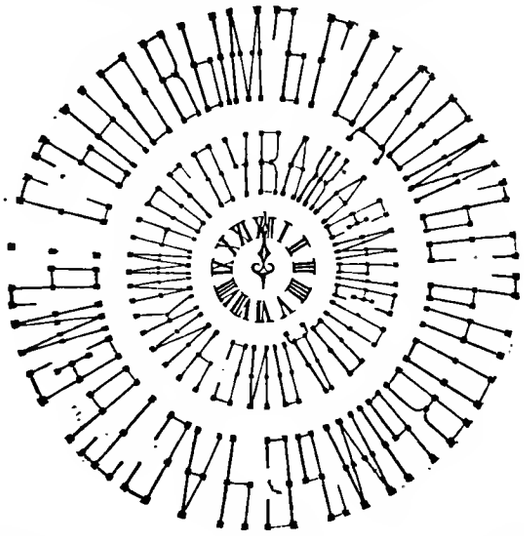
1) Мухаремъ.
2) Тетива.
3) Пихта.
4) Моисей.
5) Вагонъ.
6) Вѣче.
7) Нужда.
8) Олегъ.
9) Лотъ.
10) Винтъ.
11) Очи.
12) Симъ.
13) Мышь.
14) Тынъ.
15) Ц.



„Привѣтствуемъ съ Новымъ Годомъ нашихъ многоуважаемыхъ читателей и читательницъ!" „1891".

Библиотека "Руниверс"

Рѣшеніе рождественской задачи № 71
(помѣщенной въ № 51 1890 года).

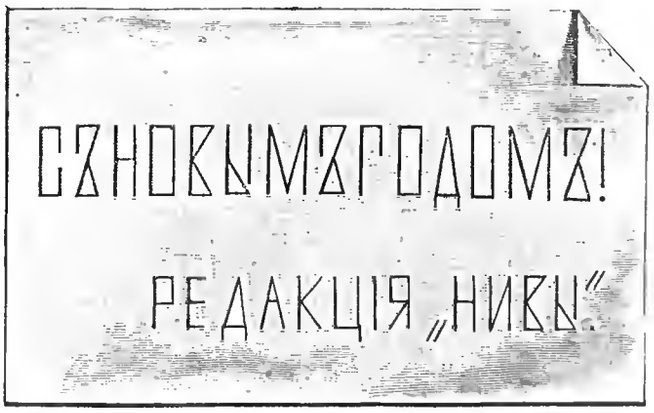


Съ Новымъ Годомъ, съ новымъ счастьемъ, многоуважаемые подписчики.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Рѣшеніе рождественской задачи 72
(помѣщенной въ № 52 1890 года).



СОДЕРЖАНІЕ: **Изъ моей антологіи.** Стихотворенія **А. Н. Майкова.—Мальтійская цѣпь.** Историческій романъ въ 3-хъ частахъ **князя М. Н. Волконскаго.** Ч. I. — **Медуза.** Разсказъ изъ временъ Ліонардо да-Винчи. **Алисы фонъ-Годи.** — **Русскія художницы** (съ 5 портр.).—Къ рисункамъ: **Севастополь. Петропавловскій храмъ** (съ рис.).—**Обрядъ пострижки** (съ рис.).—**Этюдъ** (съ рис.).—**Изъ ухаба** (съ рис.).—**Цыганскій таборъ** (съ рис.). — **А. П. Боголюбовъ** (съ портр.). — **Генрихъ Шлиманъ** (съ портр.). — Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—**Его Императорское Высочество Князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій** († 25 декабря 1890 г.).—Задачи и рѣшенія задачъ. - Объявленія.

При этомъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ" за ЯНВАРЬ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ЯНВАРЬ; 3) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1891 г.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ
въ большомъ выборѣ предлагаетъ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ.
◆ 14 наградъ на выставкахъ. ◆
▶ Справочн. лист. высыл. за 5 к. почт. марку. № 4943 2—1
▶ Катал. волшебн. фонарей и картинъ до 6000 №№) съ рисунк. (№ 6) высыл. за 28 к. почт. марк.
9, Троицкая ул., 9.

НОВОСТИ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.
Шиманъ. Былое времячко. Вальсъ. Ц. 75 к.
„ Маршъ и Вальсъ изъ оп. „Жажда сильныхъ ощущеній".
Иейфъ. Маленьк. Листъ. Дѣтск. Сборн. 1.50.
„ Кавалерійскій маршъ. Ц. 40 к.
„ Кошечка. Полька со словами. Ц. 50 к.
Фельдманъ. Сладкій сонъ. Вальсъ. Ц. 75 к.
Ружицкій. Внемли, другъ, моленьямъ душ. № 4860 Романсъ. Ц. 40 коп. 10 3
„ Возьми мена, я вся твоя. Ц. 40 к.
Брамса Венгерск. танцы № 5.6.7. д. скр. съ фортепіано по 40 к.
у **КУЛИКОВА, Москва, Маросѣйка.**

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.
СКРИПКИ.
Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 мрокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 мрокъ. **Альты, віолончели, басы. Смычки** 1½—50 мар. **Футляры** 3½—40 мар. **Цитры** 16—300 мар. **Гитары** 6 — 50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Цѣмая скрипка для ученья (собств. изобрѣт.). Мастерская для починокъ. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Сарасате, Сорэ, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куранты безплатно.
Бр. ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ.
Ц. № 4787 Крейцнахъ. 9—5
Оптов. продажа. Выкупъ.

ъ ручательствомъ за вѣрность хода и прочность механизма.

ТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Мармонта.* Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

на 1891 г.) ОТКРЫТА ПОДПИСКА (XXIII г. изд.)
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ"

Дѣтское Чтеніе" иллюстрированный журналъ для дѣтей средняго возраста, будетъ издаваться въ 1891 г. по прежней программѣ. Всѣ отдѣлы его, по возможности, будутъ улучшены, а научный и историческій значительно расширены, для чего приглашены новые извѣстные сотрудники.

Безплатная премія для подписчиковъ **„Дѣтскаго Чтенія"** въ 1891 г.

„АЛЬМАНАХЪ"

одерж. альманаха: стихотворенія, беллетристика, историческіе разсказы, научныя статьи, игры и занятія, музыкальныя пьесы и множество иллюстрацій.

Подписная цѣна: на годъ съ перес. **6** руб., на полгода **3** руб.; на годъ безъ доставки **5** руб.; за границу на годъ **8** руб. № 4936

Адресъ редакціи: СПБ. Басковъ пер., д. 35.

Издатель: **С. Яздовскій.**

Поступило въ продажу новое изданіе **Ф. Павленкова:**
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ
И. Н. ПОТАПЕНКО.
ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: Святое искусство. Потѣшная исторія. Здравыя понятія. Никогда! На дѣйствительной службѣ. Секретарь его превосходительства. Рѣдкій праздникъ. Прокляти слава. **Цѣна каждаго тома по 1 руб.** Мг. № 4933

Поступилъ въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ только что изданный
Ф. Павленковымъ Мг. № 4957
СБОРНИКЪ ДѢТСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ **С. Н. БАЖИНОЙ** подъ заглавіемъ
БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ
Спб. 1891 г. Съ рисунками въ текстѣ **Ц. 1 р.** Въ папкѣ 1 р. 25 к. Въ перепл. 1 р. 60 к

Поступили въ продажу только что изданные **Ф. Павленковымъ**
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ Ч. ДИККЕНСА
въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой:

I. Крошка Доррить (20 рис.) — II. Тяжелыя времена (18 рис.) — III. Холодный домъ (20 рис.)—IV. Николай Никльби (17 рис.) — V. Два города (10 рис.)—VI. Мартинъ Чезльвитъ (13 рис.).

Въ прошломъ году въ такомъ же иллюстрированномъ видѣ Ф. Павленковъ издалъ остальные 6 романовъ Диккенса: **Давидъ Копперфильдъ, Домби и сынъ, Оливеръ Твистъ, Нашъ общій другъ, Лавка древностей и Большія Надежды.**

Цѣна каждаго романа — **40** коп. Въ папкѣ—**50** к. Въ роскошныхъ переплетахъ можно пріобрѣсти только сборники по 6 романовъ вмѣстѣ. Цѣна каждаго сборника **3** р. **25** к.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.—Главный складъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова: С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., № 2. Мг. № 4933

ВЫСШІЕ СОРТА ЧАЯ
полученные изъ **Кяхты** чрезъ Сибирь, въ 2 р. 50 к. и 3 р. за фунтъ чистаго вѣса съ пересылкой, предлагаетъ гг. иногороднымъ потребителямъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ"
Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣевой.
Высылка почтой немедленно, не менѣе фунта, по полученіи денегъ или съ наложеннымъ платежемъ. П. № 4905 3—3

1891 годъ. „НУВЕЛЛИСТЪ" годъ 52-й.
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

Съ 1-го января 1891 г. „Нувеллистъ" вступаетъ въ 52-й годъ своего существованія. „Нувеллистъ" даетъ подписчикамъ до **100** новыхъ фортепіанныхъ пьесъ, танцевъ и романсовъ извѣстныхъ композиторовъ.

Съ 1-го января въ „Нувеллистѣ" будетъ введенъ новый отдѣлъ легкихъ пьесъ для дѣтей, числомъ **24** въ годъ. Завѣдываніе этимъ отдѣломъ принялъ на себя извѣстный музыкальный педагогъ **профессоръ К. ЛЮТШЪ.**

Въ теченіе музыкальнаго сезона при „Нувеллистѣ" будетъ издаваться
„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА".
ПРЕМІЯ

Полная опера для фортепіано, или **Альбомъ** фортепіан. пьесъ **П. И. Чайковскаго,** или же другое музыкальное сочиненіе по ихъ выбору изъ 80-ти нумеровъ и **два портрета** знаменитыхъ музыкальныхъ дѣятелей.

Цѣна въ годъ **5** руб., съ пересылкою **6** руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ при Музыкальномъ Магазинѣ М. БЕРНАРДА, Невскій 64, и въ Москвѣ у П. И. Юргенсона, Неглинный пр. 10. № 4932

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колеик. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

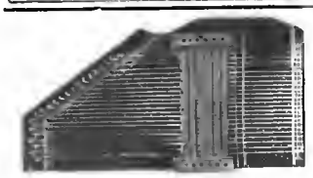
Библиотека "Руниверс"

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28-7

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗНИГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405



УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:
съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей
Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.
За пересылку по почтѣ пропу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (44) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣлается скидка.

Только подлинно съ этой фабрич. маркой.

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТШЪ и К°.
въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составѣ этихъ препаратовъ не находятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.

*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Главный складъ для Россіи у В. Аурикса въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18-19.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В. № 4719 18 8

Страховое Общество „ЯКОРЬ"
въ Москвѣ

(Основный и вполнѣ внесенный капиталъ 2.500.000 руб. сер., кромѣ резервныхъ фондовъ)

принимаетъ:

1) **страхованія отъ огня** всякаго рода имуществъ,
2) **страхованія морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ транспортовъ.**
3) **страхованія капиталовъ (жизни)**, выдаваемыхъ при жизни или послѣ смерти застрахованнаго.

По этой послѣдней отрасли страхованія Общество „ЯКОРЬ" предоставляетъ застрахованнымъ слѣдующія **льготы:**
1) **Казенную пошлину** Обществомъ принимаетъ на свой счетъ.
2) Премія можетъ быть **разсрочена** по 1/2 годно, по 1/3 и 1/4 года и даже **помѣсячно.**
3) По непросроченному полису, по истеченіи 3-хъ лѣтъ, застрахованный можетъ получить:
а) при прекращеніи страхованія, по точному разсчету, обратно часть **наличными деньгами;**
б) **новый полисъ** на меньшую сумму **безъ дальнѣйшаго платежа** преміи, взамѣнъ прежняго уничтоженнаго полиса;
в) **ссуду** подъ полисъ въ 6% годовыхъ, при продолженіи страхованія, въ размѣрѣ, показанномъ выше въ п. а.

Правила, условія, письменныя и словесныя объясненія можно получать въ Правленіи Общества, въ Москвѣ, и въ агентствахъ его во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ и мѣстностяхъ Россіи. № 4753

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Киянена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (52) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

Открыта подписка на 1891 г.

XI г. на иллюстрированный журналъ XI г.

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ"

ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА.

„Дѣтскій Отдыхъ" особенно рекомендованъ и допущенъ Учен. Ком. Министерства Народнаго Просвѣщенія, Святѣйшимъ Сунодомъ и Учеб. Ком. Свѣ. Е. И. В. Канцеляріи по Уч. Императрицы Маріи для учебныхъ заведеній этихъ вѣдомствъ.

Въ 1891 г. „Дѣтскій Отдыхъ" будетъ выходить ежемѣсячно, въ объемѣ отъ 8 до 10 листовъ печатнаго текста, со многими рисунками, по той же программѣ.

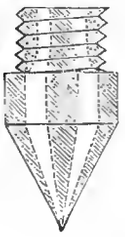
Въ журналѣ принимаютъ участіе: **Н. П. Аксаковъ, А. А. Бахтіаровъ, И. П. Боголюбовъ, П. В. Безобразовъ, П. Вольногорскій, А. Н. Догановичъ, В. П. Желиховская, А. В. Кругловъ, М. В. Киселева, П. В. Красноселовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Н. Н. Островскаго, В. П. Острогорскій, Л. П. Пальминъ, И. И. Позняковъ, А. П. Смирновъ, Евгенія Туръ, П. В. Юркевичъ** и мног. друг.

Условія подписки: съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ: **6 р.**, на полгода: **3 р. 50 к.** Безъ доставки въ Москвѣ (конт. П. Печковской) **5 р. 50 к.** За границу **8 р.**

Подписка принимается въ Москвѣ въ конторѣ П. Печковской и во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга. Господъ иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи журнала: Москва, Афанасьевскій пер., д. Ганенфельдъ.

Оставшіеся экземпляры „Дѣтскаго Отдыха" за 1881—1887 по 3 р. 50 к. и 1888—1890 по 6 руб. П. № 4335

Редакторы-издательницы: **Е. Сарачева и Е. Напалкова.**



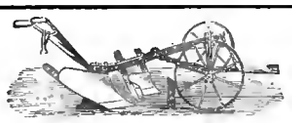
ПАТЕНТОВАННЫЕ
ПОДКОВНЫЕ

ШИПЫ

съ 4-мя стальными жилами, втрое прочнѣе желѣзныхъ,
в обыкновенные
ЖЕЛѢЗНЫЕ ШИПЫ
по умѣренным цѣнамъ, № 4933 завода 3-1

КОСЪ и ДЮРРЪ

Адмиралтейск. просп., уг. Гороховой, д. Гамбса.
С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно.



ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги к молотилки.
Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода **паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта** въ Англіи и знаменитаго завода **сѣнокосилокъ, жнеекъ „Дези" и скоповязалокъ Мак'Кормика** въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли **Тигръ** завода Стодардта, рядовыя сѣялки Гакиа и проч. № 4484 26-16
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ.
Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенопъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ПЛУГИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ—ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ",

научно-популярный журналъ, предназначаемый для родителей и воспитателей, имѣющій цѣлью—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ. 2-2

Къ журналу будутъ прилагаться рисунки. Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходить не будетъ). Подписная цѣна: на годъ съ пересылкой 6 р., за-границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р. Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи, Москва, Малая Бронная, Дѣтская больница, квартира Главн. Д-ра. Редакторъ-издатель д-ръ **Е. А. Покровскій.**

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО!!

приготовленное лабораторіей **А. Зиглундъ.**
Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, которого обильная, освѣжающая и ароматная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость, употребляется какъ мыло.
Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.
Для предупрежденія подлоговъ прошу обратить вниманіе на подпись **А. Зиглундъ** красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.
Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ всей Россійской Имперіи. Ц № 4409 12-12
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
А. ЭНГЛУНДЪ,
СПБ., Литейный пр., 36.

„ДИЛЛЕТАНТЫ"

ПОВѢСТЬ Ц. № 4857 2-2

Вл. И. Немировича-Данченко

будетъ печататься съ будущаго года въ ежедневной газетѣ

„НОВОСТИ ДНЯ"

Москва, Мясницкая, д. Сытоныхъ.
Годовая иногородная подписка 9 руб., полугодовая 5 руб. 50 коп. и для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ три срока по

◆ 3 руб. сер. ◆

Библиотека "Руниверс"

ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ

ГАРМОНІИ

фабрики І. Ф. КАЛЬБЕ,

имѣютъ такой

фабричный знакъ и продаются у меня по фабричнымъ дешевымъ цѣнамъ:

Однорядныя: въ 4, 5, 5½, 6, 7, 7½, 8, 8½, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.

Двухрядныя: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и вѣнскія въ 19 и 22 р.

Трехрядныя: въ 60 р. и вѣнскія въ 30, 50 и 75 р.

Самоучитель Соколова по 1 р. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.

Гармоніи можно имѣть нѣмецкаго или русскаго строя. № 4941

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.

Продажа оптомъ и въ розницу.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

!!!ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ НОВОСТЬ!!!

Практ. руководство къ новѣйшей фотографіи

П. ДЕМЕНТЬЕВА. 2—2

Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 85 к.

ЭГГЕРСЪ и К°, книжный магазинъ 11, Невскій, С.-Петербургъ. № 4928

ГЛАВНОЕ ДЕПО

Высочайше утвержденнаго Товарищества

„ПРОВОДНИКЪ“

Единственная фабрика въ Россіи, изготовляющая настоящій

ЛИНОЛЕУМЪ

(пробковые ковры). Линолеумъ изященъ, красивъ и практиченъ; необходимъ въ больницахъ, училищахъ, дѣтскихъ, спальныхъ комнатахъ, передняхъ и т. п.; предохраняетъ отъ холода, сырости и пыли. Изготовляется въ изящныхъ рисункахъ въ 2 р. 50 к., 4 р., 5 р. 75 к., 8 р. и дор. съ пересылкою наложеннымъ платежемъ.

Главное Депо Т-ва „Проводникъ“ Мг. № 4934 С.-Петербургъ, 2—1

Большая Морская, № 17.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

Только что поступилъ въ продажу въ Конторѣ журнала „НИВА“ (СПБ., Невскій, 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ за 1890 г.

заключающій въ себѣ болѣе 1300 стран. разнообразнѣйшаго текста и около 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **А. Н. Майкова: „Маркъ Петровичъ Петровъ“**, больш. историч. романъ въ 2-хъ ч. **Гр. Е. А. Саліаса: „Панъ круль“**, больш. романъ въ 5 ч. **Вас. И. Немировича-Данченко: „Жизнь какъ она есть“**, больш. роман. **І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго): „Клидъ“**, больш. историч. повѣсть **А. А. Смирнова: „Склирена“**, историч. пов. **Г. Зберса: „Іисусъ“** (иллюстрир. худ. Земцовымъ), повѣсть **М. Н. Волконскаго: „Судьба“**, разск. **А. Я. Максимова: „Попъ Сименъ“**, повѣсть **Н. Морскаго (Н. К. Лебедева): „Монички“**, повѣсть **В. Бибикова: „Первая гроза“**, очеркъ **Евг. Маркова: „Говѣніе“**, разск. **Ѳ. Ѳ. Тютчева: „Артемій Саватьевъ“**, и много другихъ повѣстей и разсказовъ. Стихотворенія **Я. П. Полонскаго, А. Фета, П. И. Вейнберга, І. І. Ясинскаго** и др. Нѣсколько научно-популярныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія и пр. Кромѣ того, къ тому прилагаются **три безплатныхъ преміи**, а именно: **двѣ большія картины**, печатанныя красками по оригиналамъ профессора **И. И. Шишкина:**

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“, 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“ и 3) „СБОРНИКЪ ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ“

извѣстныхъ современныхъ писателей. Большой томъ in 8°, въ 541 стр.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми приложеніями:

Брошюрован. . . . . **4** р. Въ коленк. перепл. **5** р. **50** к.
Съ перес. иногородн. до 2000 верстъ . . . **6** р. Съ перес. иногор. до 2000 верстъ . **7** р. **50** к.

Свыше 2000 верстъ за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ. желтая вода для брюнетокъ.

Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46. Егерштрассе. Берлинъ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 4677 8—5

Повсѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисоповисмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris. Ц. № 3767 (92)

Артуръ Зейфартъ, Кёстрицъ (Германія).

Награды, преміи, дипломы, медали съ выставокъ государственныхъ и частныхъ.

Значительнѣйшій заводъ породистыхъ собакъ.

Породистыя собаки: Рѣдчайшихъ современныхъ породъ, комнатныхъ, охотничьихъ и для всѣхъ видовъ спорта.

Спеціальности: Великорослыя горныя собаки, ньюфаундлендскія, мастифы, крупкыя нѣмецкіе доги, бульдоги, сторожевыя собаки, терьеры, пинчеры, пудля, мопсы, крысоловки, дамскія собачки, охотничьи собаки, лягавыя, ищейки, таксы и проч.

Превосходные отзывы. — Учрежденіе рекомендуемое крупнѣйшими авторитетами по кинологіи, болѣе 10,000 благодарственныхъ писемъ. — Безплатная франкированная высылка каталога. — Иллюстрированный альбомъ 50 пфенниговъ. К. 4714

50 различныхъ породъ. — Вывозъ во всѣ части свѣта. — 50 различныхъ породъ.

ПРОШУ ЧИТАТЬ!

Парфюмерный магазинъ Г. Пюпа въ Пассажѣ № 52, въ СПБ. высылаетъ **Злеопатъ провизора КИНУНЕНА** 2 флакона за 4 р. с. наложеннымъ платежомъ во всѣ города Россіи. И также изобрѣтенія всѣхъ парфюмеровъ.

ГУВЕРНАНТКИ и ГУВЕРНЕРЫ

(русскіе и иностранцы) рекомендуются дамой, англичанкой, ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦЕЙ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, а также и музыки.

Рекомендующая, въ силу своей профессіи имѣетъ возможность оцѣнить рекомендуемыхъ. II. № 4923 12—

Малая Дмитровка, по Медвѣжьему пер. д. Малюшина, г-жѣ БЮРО. Москва.

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО

ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННАГО ОБУЧЕНІЯ. ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩЕЕ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. въ 10 УРОКОВЪ

ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВЛ. на КРАСИВОЕ БѢЛОЕ КОНТОРСК. ПИСЬМО

ОСНОВАТЕЛЬН. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ

БУХГАЛТЕРІИ

Москва, Покровка, домъ Бутиковой.

А. С. Шимановскій.

ИНОГОРОДНИМЪ — ИНОГОРОДНИМЪ

НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ. № 4946 2—3

1865 1882 1846

А. РАЛЛЕ и К°

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ НАСТОЯЩАГО-ЦВѢТОЧНО-ГЛИЦЕРИНОВАГО-МЫЛА

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ — въ МОСКВѢ

МАГАЗИНЪ Невскій 18. СКЛАДЪ Чернышовъ переулокъ №19.

МАГАЗИНЪ Кузнецкій м. д. Солодовникова. СКЛАДЪ Чыков. Подворье (Никольская)

И ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗИНАХЪ Россійской Имперіи

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ СВИФТЪ

ПЕРВОЕ МѢСТО

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

К. М. ШРЕДЕРЪ.

Первая россійская паровая ФОРТЕПІАННАЯ ФАБРИКА, основанная въ 1818 г., С.-Петербургъ, Невскій, №. 52.

ПОСТАВЩИКЪ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО, КОРОЛЯ ДАТСКАГО И КОРОЛЯ БАВАРСКАГО.

Инструменты фабрики „К. М. ШРЕДЕРЪ“ **единственные во всей Россіи**, которые съ 1873 года получили **Высшую награду** на всѣхъ всемірныхъ выставкахъ, вслѣдствіе чего и признаны международными жюри не только **наилучшими въ Россіи**, но и вполнѣ равными по своему достоинству съ издѣліями первыхъ американскихъ и нѣмецкихъ фабрикъ.

Піанино 425, 500 и 550 р. Кабинетные рояли 550, 650 и 750 р. Салонные рояли 900 р. Концертные рояли 1200, 1400 до 2000 р.

Прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 4931 2—

При этомъ № прилагается для г.г. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ Брокаръ и К° въ Москвѣ.

Дозвол. цензур., СПБ., 2 января 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. № 2 — г. XXII 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА" ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 12 января 1891 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

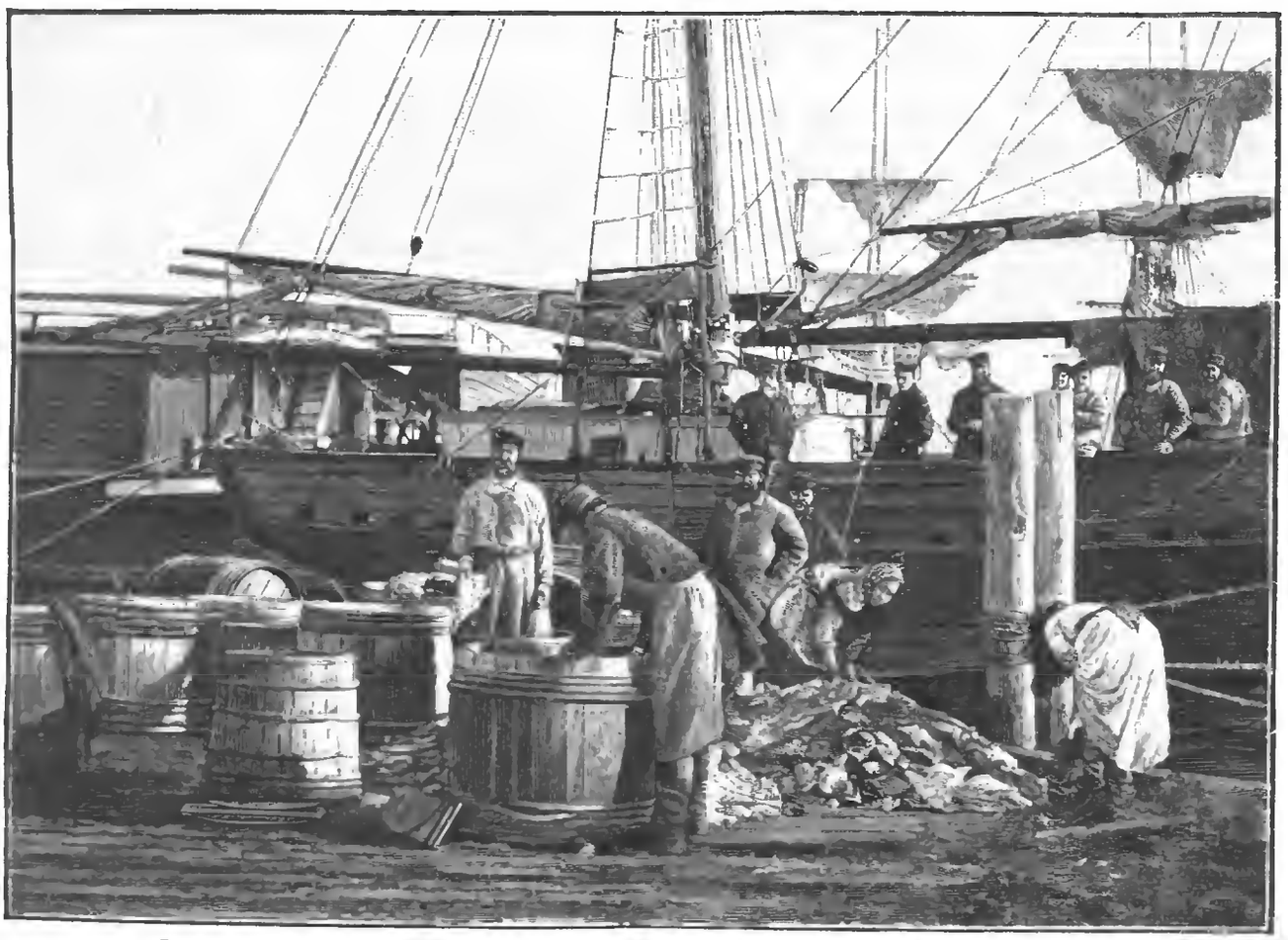
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ" принимаются за строку нонпарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 c.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1891 г. нумера „Нивы" со всѣми приложеніями.



Перегрузка трески изъ шкуны въ бочки въ Архангельскѣ. Съ фотограф. Лейцингера, грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

VII.

Гороскопъ.

Починка „Пелегрино“ шла успѣшно впередъ; осталось въ немъ сдѣлать еще нѣкоторыя незначительныя исправленія да запастись свѣжею водою и припасами, чтобы при первомъ попутномъ вѣтрѣ поднять паруса и снова пуститься въ море искать безпокойныхъ алжирцевъ-грабителей.

Литта торопился покончить свои дѣла въ Неаполѣ, не имѣя обыкновенія долго засиживаться на одномъ мѣстѣ.

Онъ добросовѣстно „отбылъ повинность“, т. е. побывалъ у всѣхъ въ городѣ, у кого слѣдовало, показался раза три на Вилла-Реале, принялъ у себя на корветѣ неаполитанскихъ гостей и узналъ всѣ новости заграничныя и мѣстныя. Изъ первыхъ, главный интересъ представляли событія во Франціи, гдѣ какъ разъ въ это время происходила знаменитая исторія съ „ожерельемъ королевы“. Относительно вторыхъ — вся суть сосредоточивалась на разговорахъ о новомъ русскомъ посланникѣ и на его женѣ-красавицѣ, которую онъ запиралъ. Все это, впрочемъ, начинало надоѣдать Литтѣ.

Теперь онъ настойчивѣе торопилъ работы на корветѣ и рѣже съѣзжалъ на берегъ, и раньше возвращался оттуда, когда съѣзжалъ.

Былъ тихій вечеръ. Солнце, отливая по небу розовато-желтыми и золотыми красками, спускалось въ бирюзовую даль моря, подернутую золотистымъ же отблескомъ, и бросало свои прощальные лучи на сѣдлистую гору Везувія, окрашивая тѣлесно-розовымъ, ласковымъ свѣтомъ своимъ ослѣпительно-бѣлую днемъ ленту громоздившихся другъ надъ другомъ домовъ раскинувшагося вдоль берега Неаполя.

Литта долго смотрѣлъ, облокотясь о бортъ неподвижно стоявшаго „Пелегрино“, и смотрѣлъ и дышалъ этимъ легкимъ, чуднымъ воздухомъ.

Энціо, придя за приказаніями для слѣдующаго дня, помѣшалъ ему, и онъ ушелъ съ нимъ въ каюту.

Энціо подробно требовалъ всему объясненій и пускался въ длинныя разсужденія... Совсѣмъ стемнѣло, когда наконецъ Литта отдѣлался отъ надоѣдливаго штурмана.

Тамъ, стоя на палубѣ, онъ все время думалъ о своемъ почти случайномъ посѣщеніи француза Нике и объ его предсказаніи, пришедшемъ ему въ голову почему-то сегодня.

Въ самомъ дѣлѣ, оно было странно, невѣроятно и немыслимо.

„Ну что за вздоръ! остановилъ себя Литта,—сказалъ не хочу думать объ этомъ — и не буду“.

„А вдругъ, — сейчасъ же однако пришло ему въ голову — вдругъ дѣйствительно произойдетъ такая перемѣна во мнѣ, и вотъ когда-нибудь я буду вспоминать, какъ теперь стоялъ тамъ наверху, смотрѣлъ и думалъ...“

Онъ вынулъ огниво, высѣкъ огонь и зажегъ маленькую лампочку. Каюта освѣтилась.

Литта подошелъ къ двери, заперъ ее, потомъ досталъ изъ кармана ключъ и открылъ имъ одинъ изъ вдѣланныхъ въ стѣнѣ каюты потайныхъ ящиковъ, незамѣтно скрытыхъ между досокъ.

Перебравъ нѣсколько лежавшихъ тамъ свитковъ, онъ взялъ одинъ изъ нихъ, подошелъ къ столу и, отодвинувъ лежавшія на немъ карты и чертежи съ выкладками и исчисленіями, развернулъ свитокъ.

Тамъ былъ изображенъ раздѣленный на двѣнадцать частей кругъ, со знаками зодіака въ каждой изъ нихъ, знаками семи планетъ и римскими цифрами.

Этотъ гороскопъ свой Литта составилъ давно уже и зналъ подробное его толкованіе; но онъ также давно не прикасался къ нему, и теперь хотѣлъ возобновить въ своей памяти.

Онъ разложилъ свой листъ на столѣ и, подперевъ у висковъ голову обѣими руками, сталъ вглядываться въ таинственные знаки планетъ, вспоминая ихъ значеніе.

Луна въ близнецахъ предвѣщала ему частыя путешествія (это сбылось или сбывалось), хорошія способности умственныя, но недостатокъ осторожности и увлеченіе, которое можетъ повлечь за собой серьезныя непріятности.

Марсъ въ девятомъ домѣ вмѣстѣ съ Юпитеромъ ясно указывалъ, что онъ достигнетъ быстраго возвышенія на поприщѣ священнаго воина, и предостерегалъ отъ скрытыхъ враговъ, которыми явятся для него духовныя лица.

Чудесная XI аркана, помѣщенная въ вершинѣ гороскопа, говорила: „Иди впередъ съ вѣрою: всякое препятствіе не что иное, какъ призракъ. Для того чтобы *мочь* — нужно вѣрить, что можешь... Для того чтобы стать сильнымъ—нужно утишить слабость сердца, нужно изучить свою обязанность, которая есть начало всякаго права, и лелѣять справедливость, какъ единую любовь свою“.

Литта помнилъ, что онъ составлялъ гороскопъ свой, когда былъ еще недалекъ въ астрологіи, и вдругъ ему захотѣлось теперь провѣрить: все-ли было у него вполнѣ точно и нѣтъ-ли какого-нибудь пропуска.

И онъ, взявъ фатидическій кругъ и сдѣлавъ снова цифровую выкладку своего имени, принялся внимательно просматривать гороскопъ... Онъ слѣдилъ домъ за домомъ и справлялся тщательно какія планеты должны находиться тамъ? Всѣ знаки, казалось, были на своихъ мѣстахъ. Но дойдя до седьмаго дома, онъ остановился, посмотрѣлъ на кругъ, потомъ на чертежъ гороскопа, провѣрилъ цифры... не было сомнѣнія—въ седьмомъ домѣ оказывался пропускъ: тамъ должна была находиться Венера... Литта провѣрилъ еще разъ — первоначальная ошибка его была очевидна.

Онъ невольно вспомнилъ особенность, издавна замѣченную у всѣхъ людей занимавшихся астрологіей, что они, какъ докторъ не можетъ лѣчить себя самого, не могутъ никогда вполнѣ точно составить своего собственнаго гороскопа и всегда должны поручать это другому. Но Литта никогда не желалъ сдѣлать этого.

Значеніе „седьмаго дома“ ему было разумѣется извѣстно: это такъ-называемый домъ „брака“ и при его помощи раскрываются главнымъ образомъ сердечныя привязанности, семейныя связи и разрывы.

Онъ предугадывалъ уже и значеніе Венеры въ этомъ домѣ, но, не довѣряя своей памяти, взялъ книгу ключей и отыскалъ подходящій нумеръ; тамъ стояло прямо: „Завидный бракъ, хотя поздній. Большое приданое. Долговѣчность. Мирная старость, окруженная заботами“.

Это было яснымъ подтвержденіемъ предсказанія Лагардина-Нике.

Литта задумался.

Онъ до сихъ поръ не зналъ женщинъ и, пріучивъ себя силой воли побѣждать и подчинять себѣ свои страсти и человѣческую природу свою, вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ этою природой, одержавъ побѣду, которая принесла ему дѣйствительные плоды и дала знанія, мощь и степень посвященія въ ряду мальтійской іерархіи.

Библиотека "Руниверс"

Воспитанный въ традиціяхъ таинственнаго ордена, онъ съ пятнадцатилѣтняго возраста привыкъ обуздывать себя и презирать все то, что составляетъ обыкновенную притягательную силу будничной матеріальной жизни, и за это получилъ другое наслажденіе въ области духа, частица сферы котораго была открыта теперь для него, и онъ не только не хотѣлъ покидать ее, но, напротивъ, желалъ все болѣе и болѣе углубляться въ нее.

Но предсказанія гороскопа и старика-француза смутили его... Что они значили и могли-ли они что-нибудь значить? Лагардину-Нике, съ его библиическимъ отвѣтомъ, Литта не довѣрялъ какъ-то, да и себѣ самому и составленному имъ гороскопу онъ тоже не довѣрялъ теперь.

„Когда я ошибся—тогда-ли, или теперь можетъ-быть что-нибудь не такъ?..“ безпокоился онъ, и снова принялся за провѣрку цифръ.

Совсѣмъ уже разсвѣло, а Литта и не думалъ еще ложиться спать.

Ему впрочемъ не въ рѣдкость было проживать цѣлую ночь напролетъ за чтеніемъ или за какимъ-нибудь занятіемъ. Онъ могъ проводить до двухъ сутокъ подрядъ безъ сна.

Съ восходомъ солнца Литта обошелъ корветъ, вернулся къ себѣ въ каюту, спряталъ книги и, взявъ въ карманъ листъ съ чертежемъ гороскопа, вышелъ снова на палубу и велѣлъ подать себѣ шлюпку.

VIII.

Больной.

Не торопясь доѣхалъ Литта по заливу отъ корвета до берега, любуясь безоблачнымъ небомъ и синевою ясной воды.

Шлюпка причалила къ „Спіаджіи-ди-Кіайя“, и Литта, выскочивъ на берегъ, сталъ подниматься въ гору.

Тихая теперь, безмолвная Вилла-Реале осталась у него въ сторонѣ. Онъ, минуя большія улицы, прямо направился въ тотъ лабиринтъ переулковъ, въ которомъ блуждалъ въ первый день своего появленія въ Неаполѣ, и старался вспомнить, гдѣ именно былъ домикъ Лагардина-Нике, чтобы пройти къ нему самымъ короткимъ путемъ.

Но это оказалось не легко. Улицы закруглялись неправильными зигзагами и приходилось иногда чуть не совсѣмъ назадъ круто поворачивать. Литта пожалѣлъ уже, что не пошелъ прямо по Толедской улицѣ. Наконецъ, онъ нашелъ низенькій бѣлый домикъ съ дубовою дверью.

Литта ударилъ молоткомъ три раза, т. е. нарочно такъ-называемымъ „трехугольнымъ“ ударомъ: сначала одинъ разъ и потомъ, подождавъ немного, два другіе вмѣстѣ: разъ-разъ.

Лагардинъ-Нике долженъ былъ понять, что не простой гость стучится къ нему.

Литта опустилъ молотокъ, увѣренный, что сейчасъ отворятъ ему, но прошло довольно много времени, а дверь оставалась попрежнему запертою и никакого движенія не слышалось за нею.

Литта ударилъ еще разъ.

Опять никого и никакого отвѣта.

Онъ сталъ опять ждать, прошелъ вдоль стѣны; квадратное оконце было высоко надъ землею; потомъ тянулась тоже высокая каменная, толстая ограда и затѣмъ начинались другіе дома, такіе же тихіе, какъ и домикъ Нике.

„Умерли они что-ли всѣ?“ подумалъ Литта, и снова подойдя къ двери, ударилъ по ней молоткомъ.

Эхо послушно, какъ и первые раза, повторило и этотъ стукъ, и все опять смолкло.

„Нѣтъ—не достучаться!“ рѣшилъ Литта, и съ неудовольствіемъ уже покосившись на дверь, пошелъ отъ нея прочь.

Отойдя нѣсколько шаговъ, онъ все-таки оглянулся еще разъ на всякій случай. Но убѣдившись, наконецъ, что всякое ожиданіе тутъ напрасно, рѣшительно двинулся впередъ съ такимъ видомъ, что отворись теперь дверь, онъ и тогда-бы, кажется, не вернулся.

Онъ шелъ, опустивъ голову, смотря себѣ подъ ноги, но не обращая вниманія, куда онъ идетъ, и машинально поворачивая изъ переулка въ переулокъ.

Пустынные и днемъ, эти переулки теперь были совсѣмъ безлюдны, и просыпавшаяся въ окружавшихъ ихъ домикахъ жизнь начиналась пока еще внутри ихъ стѣнъ и на дворахъ, не выходя наружу.

Литта мягко ступалъ по толстому слою отяжелѣвшей отъ ночнаго тумана пыли, густо покрывавшей неровную мозаику лавы, сквозь щели которой и сквозь пыль пробивалась кое-гдѣ зеленая травка.

Вдругъ онъ остановился и прислушался. До него ясно долетѣлъ протяжный, жалобный стонъ.

Литта оглядѣлся. Съ правой стороны отъ него возвышалась отвѣсная, гладкая, некалистая, съ неправильно расположенными кое-гдѣ окошками, стѣна. По ея величинѣ сразу было видно, что это задняя сторона какого-нибудь палаццо, выходящаго противоположнымъ, разукрашеннымъ фасадомъ своимъ на Толедскую улицу.

Стонъ повторился еще явственнѣй, и на этотъ разъ послышался онъ откуда-то снизу, словно изъ-подъ земли.

Литта нагнулся.

Почти у самыхъ его ногъ, внизу цоколя большой стѣны виднѣлось нѣсколько оконъ подвальнаго этажа, обыкновенно отдаваемаго въ Неаполѣ подъ склады товаровъ купцамъ или кофейни и съѣстныя лавки.

Заглянувъ въ окошко (въ немъ была одна только желѣзная рѣшетка безъ рамы), Литта увидѣлъ въ полумракѣ совсѣмъ пустаго подвала, не жилаго, въ углу, подъ каменнымъ сводомъ, кучу соломы, на которой слабо копошилось что-то живое. Это „живое“ былъ человѣкъ. Онъ лежалъ, кажется, на спинѣ, придерживая рукою животъ и, стеня, говорилъ что-то, словно звалъ, на совсѣмъ непонятномъ для Литты языкѣ.

Литта поднялся отъ окна и оглядѣлся, не было-ли входа гдѣ-нибудь.

Большія ворота вели очевидно во дворъ. Литта подошелъ къ нимъ. Они не были заперты.

Онъ вошелъ. На огромномъ дворѣ, у открытаго сарая, мыли экипажи. Какая-то женщина въ другомъ углу вѣшала бѣлье на веревку.

Но на Литту, кажется, никто не обратилъ вниманія, и онъ, осмотрѣвшись, самъ нашелъ то, что ему было нужно: дверь въ подвалъ, съ вырытою въ землѣ и обложенною лавою, съ забитыми колышками, лѣстницею, была налѣво, почти у самыхъ воротъ.

Литта направился къ ней и, отодвинувъ засовъ, на которомъ не было замка, спустился въ сырой и темный коридоръ подвала.

Стоны слышались все сильнѣе. Онъ шелъ на нихъ...

Человѣкъ лежалъ все въ томъ же положеніи, въ какомъ Литта увидѣлъ его въ окно. На немъ была синяя рубашка и его голыя ноги были прикрыты овчиной.

Лицо у него сильно распухло, отекло, вокругъ глазъ виднѣлись черные круги, особенно казавшіеся страшными.

Онъ испуганно, недовѣрчиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ умоляюще-жалостливо смотрѣлъ на Литту, низко нагнувшагося надъ нимъ, и продолжалъ что-то говорить на своемъ непонятномъ языкѣ.

Толстый носъ его распухшаго лица, и въ особенности русая борода, рѣзко отличались отъ типа, который привыкъ видѣть Литта у себя въ Италіи.

— Разстегни рубашку, я осмотрю тебя, приказалъ Литта больному.

Тотъ зашевелилъ что-то губами и не двинулся, очевидно не понявъ того, что ему говорили.

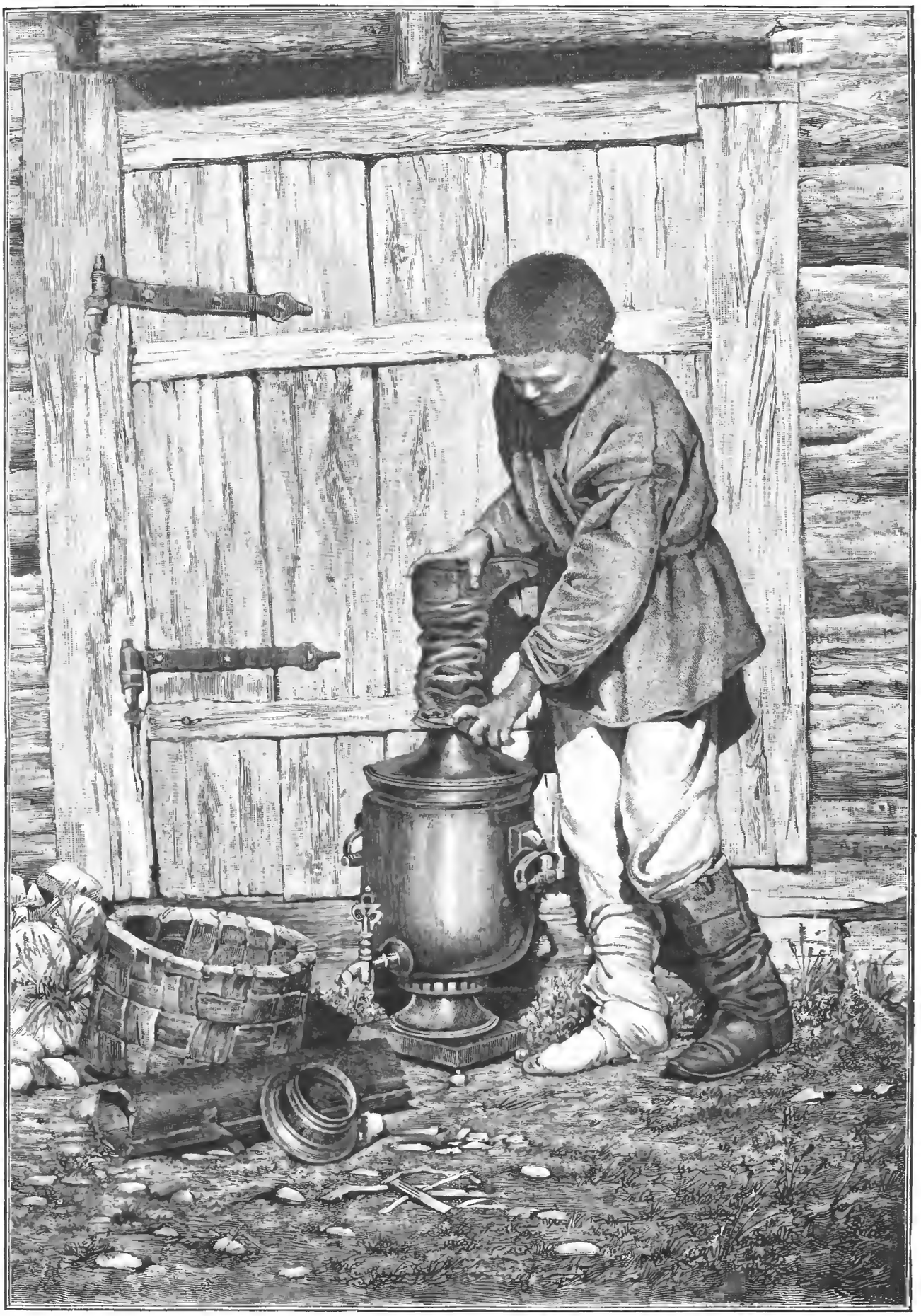
Литта повторилъ свои слова по-нѣмецки.

Больной опять не понялъ.

Библиотека "Руниверс"

Степная розочка. Карт. Бадица, грав. Ерике.

Библиотека "Руниверс"



Своими средствами. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Кобылина, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

Тогда Литта самъ открылъ воротъ его рубашки, попробовалъ пульсъ и приложилъ руку къ головѣ.

На груди больнаго чернѣли зловѣщія большія пятна. Онъ все прижималъ рукою животъ, показывая, что тутъ у него болитъ больше всего.

Литта опустился на одно колѣно, положивъ ему опять на голову руку и, не двигаясь, сталъ смотрѣть ему прямо въ зрачки.

Черные, блестящіе глаза Литты вдругъ получили совсѣмъ стальной оттѣнокъ; рука, которую онъ держалъ на головѣ больнаго, слегка затряслась, но глаза смотрѣли еще живѣе и еще ярче сталъ блескъ ихъ.

— Водицы бы испить... проговорилъ больной.

Литта опять не понялъ этихъ словъ, произнесенныхъ на чуждомъ ему языкѣ. Онъ оглядѣлъ больнаго еще разъ и быстро вышелъ въ коридоръ, направляясь къ двери.

Не успѣлъ онъ дойти еще до нея, какъ сзади, изъ темнаго угла, проскользнулъ въ подвалъ, гдѣ лежалъ больной, другой человѣкъ.

— Слышь, Митрій, шепотомъ заговорилъ онъ, — ты живъ, что-ли?

— Живъ!.. отвѣтилъ больной.

— Кто-жь это былъ-то у тебя?

— Добрый человѣкъ былъ...

— Ишь, вѣдь иностранецъ, а тоже жалѣетъ... душу имѣетъ человѣческую!..

— И что́ онъ сдѣлалъ со мной... и вовсе не знаю, заговорилъ опять больной,—но только теперь мнѣ вдругъ, братецъ ты мой, такъ полегчало, такъ полегчало...

И больной съ улыбкой закрылъ глаза и замолкъ.

— Кузьма, а Кузьма! ты здѣсь? спросилъ онъ, не открывая глазъ, черезъ нѣкоторое время.

— Здѣсь.

— Водицы бы испить мнѣ!.. А ты-то какъ попалъ?.. встрѣтились вы, что-ли?..

Кузьма поднесъ ему кружку.

— Иду я къ тебѣ, заговорилъ онъ, — крадучись, и вдругъ вижу тальянецъ—я и притаился въ уголку... А може онъ и дохтуръ...

Дмитрій опять вздохнулъ.

Когда Литта вышелъ изъ подвала на лѣсенку, на дворѣ его уже ждалъ толстый, бритый неаполитанецъ въ красномъ жилетѣ и обшитомъ галунами камзолѣ.

Очевидно приходъ Литты былъ замѣченъ и объ немъ сообщили кому слѣдуетъ.

Литта съ неудовольствіемъ, почти враждебно взглянулъ на этого толстаго человѣка, тоже весьма не ласково смотрѣвшаго на него, и отбросивъ слегка плащъ, показалъ ему свой мальтійскій крестъ на груди.

Выраженіе краснаго жилета сейчасъ же измѣнилось.

— Эчеленца, заговорилъ онъ потирая руки, пріятно улыбаясь и кланяясь,—я пришелъ собственно узнать, что́ угодно эчеленцѣ?..

— Я вижу, мой любезный подеста́, что вы очень любопытны, перебилъ его Литта, сдвигая брови.

— Но я же долженъ буду доложить графу, что эчеленца посѣтили его палаццо, продолжалъ подеста́, пожимая плечами и весь дергаясь отъ желанія казаться очень учтивымъ.

— Какому графу? спросилъ Литта.

— Графу Скавронскому...

— А! Этотъ палаццо принадлежитъ графу Скавронскому?

— Да, эчеленца, послу Ея Величества Государыни Русской имперіи... съ важностью произнесъ подеста́.

— Такъ значитъ этотъ несчастный больной—русскій?.. спросилъ опять Литта, показывая головою на погребъ, откуда только что вышелъ.

Подеста́ какъ мячикъ отпрянулъ отъ него.

— Эчеленца были у больнаго?.. съ ужасомъ отступая еще дальше, проговорилъ онъ.

Литта кивнулъ головою.

— Но вѣдь у него оспа, черная оспа!.. сильно вытягивая губы и чуть выговаривая слова, какъ бы боясь, что болѣзнь пристанетъ къ нему отъ одного ея названія, произнесъ подеста́, сжимая руки и подгибая колѣни.

— Я это знаю лучше васъ.... отвѣтилъ спокойно Литта.

И запахнувъ свой плащъ, направился къ воротамъ.

— Я вернусь сейчасъ съ лекарствами, добавилъ онъ оборачиваясь, — можетъ быть можно еще сдѣлать что-нибудь. Да не бойтесь распространенія заразы, я приму нужныя мѣры.

IX.

Графиня Скавронская.

Изо всѣхъ многочисленныхъ комнатъ своего палаццо, графиня Екатерина Васильевна выбрала одну только небольшую гостиную, выходившую окнами въ тѣнистый садъ.

Здѣсь стояла ея любимая кушетка, на которой она проводила, полулежа, цѣлые дни, одѣтая въ легкій, свободный батистовый шлюмперъ и прикрытая собольей шубкой.

Старушка-няня со своимъ чулкомъ сидѣла обыкновенно въ ногахъ у нея и по цѣлымъ часамъ разсказывала тѣ самыя сказки, которыми тѣшила ее въ дѣтствѣ.

Другою собесѣдницею молодой Скавронской бывала г-жа Лебрёнь, знаменитая портретистка, познакомившаяся съ нею въ Неаполѣ и подружившаяся.

— Такъ вотъ, Катюша, разсказывала няня,—проходитъ это онъ мимо нашего дома и слышитъ, какъ Дмитрій стонетъ въ подвалѣ. Остановился это онъ и прислушался... Зашелъ... На Дмитрія-то всѣ рукой махнули и совсѣмъ „собрали“ ужь его... Тогда у насъ переполохъ было начался, отъ тебя-то скрыли, а графъ хотѣлъ уже изъ дворца-то вашего уѣзжать. Неровенъ часъ, заразища-то, знаешь, какъ хватитъ, такъ вѣдь бѣда—ты понять этого не можешь. Въ Питербурхѣ навидалась я разъ, какъ и выздоровѣлъ одинъ, да глаза у него лопнули...

— Ну, да, а что-жь онъ-то? перебила графиня, протягиваясь и закидывая свои красивыя, тонкія руки за голову.

— Да что, посмотрѣлъ, говоритъ: „можетъ Богъ дастъ помочь можно (такъ и сказалъ „Богъ дастъ“). Я, говоритъ, приду съ лекарствами“, и пришелъ... А къ Дмитрію-то тайкомъ конюхъ Кузьма бѣгалъ; такъ Кузьму-то научилъ, что дѣлать. Свой платокъ не пожалѣлъ, намочилъ и велѣлъ къ головѣ прикладывать... это Дмитрію-то...

— Да ужь если себя не пожалѣлъ, улыбнулась Скавронская,—такъ что-жь платокъ...

— Ну, какъ же, протянула няня,—все-таки батистовый, почитай... И представь ты себѣ, Дмитрій-то оправляться сталъ... Онъ говоритъ, что мы можетъ его тѣмъ-то и спасли, что въ подвалъ прохладный положили... „Богъ помогъ, говоритъ, а не я...“ Дмитрій-то теперь опять человѣкомъ сталъ... „И заразы, говоритъ, вы не бойтесь, потому что я все окурю“—и окурилъ, а что́ слѣдовало—уничтожилъ.

Няня замолчала, застучавъ своими спицами, а графиня задумалась, все продолжая держать за головою руки и остановившись глазами передъ собою, видимо не глядя на то, на что́ смотрѣла.

Ея спокойное, съ тонкимъ, мягко очерченнымъ профилемъ личико, на которое она, вопреки модѣ, никогда не клала румянъ и бѣлилъ, было дѣвственно нѣжно, отливая слегка блѣднымъ молочнымъ матомъ, оттѣнявшимъ робкій, мягкій румянецъ на щекахъ. Золотистые, бѣлокурые волосы, которыхъ тоже никогда не касалась пудра, вьющимися волнами лежали назадъ.

Библиотека "Руниверс"

Полуоткрытыя маленькія губы, когда она улыбалась, показывали два ряда ровныхъ бѣлыхъ зубовъ *).

— Посмотрю я на тебя, Катюша, начала опять няня, взглядывая на нее и выправляя нитку, — такая ты у меня красавица, и такъ твоя красота пропадомъ пропадаетъ—даромъ сносѣмъ... Ну, что это—и наряды есть, вотъ и носичасъ не разобраны стоятъ, и драгоцѣнности разныя, ожерелья, браслеты... все есть. Хоть бы въ Вилыврали что-ли пошла—тамъ, говорятъ, какъ хорошо... и народъ, и все... А то что-жь сидѣть-то такъ!

Графиня, попрежнему улыбаясь, смотрѣла на старуху, слушая ея вѣчныя сѣтованія.

— Полно, няня, ну что я туда пойду, зачѣмъ?.. повторила она всегдашній свой отвѣтъ.

И повернувшись на бокъ, потянула на плечо свою шубку.

— Что, графъ еще не вернулся? спросила она.

— Вернулся, вернулся, мой другъ, послышалось въ отвѣтъ въ дверяхъ.

И графъ Павелъ Мартыновичъ плавною, балансирующею походкой, на цыпочкахъ подлетѣлъ къ ней, нагнулся и поцѣловалъ ея розовый локоть.

— Ты гдѣ былъ?

— На Вилла-Реале, заговорилъ графъ, жестикулируя (онъ перенялъ эту привычку отъ итальянцевъ).—Ахъ, какъ тамъ хорошо! Всѣ новости—все сейчасъ узнаешь... Послушай, Катринъ, когда я, наконецъ, добьюсь того, что мы поѣдемъ вмѣстѣ... куда-нибудь...

— Ты точно вотъ няня... перебила Скавронская и показала на старуху.

— Ахъ, няня!.. здравствуй!.. обратился къ ней графъ.

„O donna amata, o tu che fui dura
E la speme, cacciai di mia natura!"

пропѣлъ онъ речитативомъ стихи собственнаго сочиненія для либретто одной изъ своихъ оперъ.

Няня при словѣ „dura" сердито покосилась на него и проворчала:

— Ну, ужь вы всегда, ваше сіятельство!..

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, Катринъ, снова заговорилъ графъ женѣ,—ты знаешь, я изъ вѣрнаго источника узналъ, что говорятъ, будто я тебя держу взаперти... Представь себѣ!.. Это я-то, я!.. Ну, скажи, ну развѣ я похожъ на сѣвернаго варвара, а?..

И Скавронскій разсмѣялся.

Графиня продолжала лежать серьезною.

— Ахъ, не все-ли мнѣ равно, что говорятъ! сказала она и отвернулась.

— Да, но согласись сама, что положеніе посла, наконецъ, обязываетъ... началъ было Павелъ Мартыновичъ, но запутался, щелкнулъ языкомъ и снова пропѣлъ фальшиво:

„O donna ama-ata..."

— А нѣтъ такъ положеніе посла позволяетъ? спросила Скавронская.

Графъ прищурился и поджалъ губы.

— Ну, ничего, дома можно, а? Вѣдь можно?.. И къ тому же я потихо-о-оньку...

— Полно... при нянѣ! остановила его жена по-французски.

— Ахъ! то при нянѣ, то безъ няни! полураздраженно заговорилъ онъ.—Ну, что-жь это, и спѣть нельзя! Нѣтъ, знаешь, это у тебя отъ „капризовъ", какъ называютъ это французы... Просто оттого, что ты одна постоянно... Вотъ и все. Послушай, Катринъ, голубушка, вдругъ приступилъ онъ къ ней, складывая руки и почти на колѣни сползая съ маленькаго кресла.—Послушай, ну познакомься ты хоть съ кѣмъ-нибудь... Ну, позови кого хочешь... Я со дня морскаго достану, кажется.

Графиня долго молчала, и потомъ вдругъ обернулась къ мужу:

— Познакомь меня съ графомъ Литтою! тихо проговорила она.

X.

Графъ Павелъ Мартыновичъ.

Графъ Скавронскій вышелъ отъ жены задумчивый и серьезный.

— Позовите ко мнѣ Гурьева, Дмитрія Александровича, приказалъ онъ мимоходомъ лакею, попавшемуся ему на дорогѣ, и, миновавъ длинный рядъ роскошно разукрашенныхъ комнатъ и залъ великолѣпнаго палаццо, направился въ свой кабинетъ...

Кабинетъ этотъ — просторная комната, обставленная кругомъ дорогими шкапами съ книгами—носилъ характеръ тѣхъ кабинетовъ, какіе обыкновенно бываютъ только у очень богатыхъ людей, и въ которыхъ, несмотря на то, что тамъ кажется все придумано и приспособлено, каждый столикъ, даже винтикъ для занятій—менѣе всего занимаются серьезнымъ дѣломъ. Тутъ было все: и фигурныя бронзовыя чернильницы, изъ которыхъ неловко писать при настоящей дѣловой работѣ; и покойныя большія кресла съ выдвижными столиками, очень удобныя для дремоты послѣ обѣда, но никакъ не для чтенія; и столы, заваленные планами, и бумагами и картами, значеніе которыхъ смутно понималъ самъ хозяинъ; и книги въ слишкомъ красивыхъ и тяжелыхъ переплетахъ, чтобы пользоваться ими часто..

Скавронскій сѣлъ къ широкому, круглому письменному столу и началъ было бѣгло просматривать попавшіяся ему подъ руку бумаги, но вскорѣ оставилъ это занятіе...

Было очень жарко. Павелъ Мартыновичъ нѣсколько разъ вытеръ себѣ лобъ платкомъ.

Онъ попробовалъ потомъ снова и съ усиліемъ приняться за бумаги, но махнулъ рукою, широко зѣвнулъ и сталъ задумчиво смотрѣть въ окно, подперевъ голову рукою и опершись на локоть...

Маленькая дверь за шкапомъ скрипнула, и въ комнату вошелъ тихо и скромно среднихъ лѣтъ человѣкъ съ умными, строгими чертами лица и, потирая руки, не спѣша, словно отлично зная себѣ цѣну, приблизился къ столу.

— Дмитрій Александровичъ, заговорилъ Скавронскій, — что-же вы: я васъ жду, жду... у меня дѣло къ вамъ есть, а вы не приходите.

Гурьевъ равнодушно улыбнулся и, попрежнему не спѣша, опустился на стулъ по другую сторону стола.

— Дѣло такъ дѣло... посмотримъ въ чемъ оно? отвѣтилъ онъ.

Скавронскій нѣсколько разъ повернулся на своемъ мѣстѣ, собираясь говорить:

— Вотъ видите-ли — я сейчасъ отъ графини...

Дмитрій Александровичъ кивнулъ головою.

— Она ужасно скучаетъ... продолжалъ Скавронскій,— согласитесь, что не можетъ-же она оставаться такъ навсегда безъ общества... это немыслимо, и при томъ такое ея одиночество создаетъ мнѣ репутацію сѣвернаго варвара, что будто я ее держу взаперти... Согласитесь, это невозможно... Мое положеніе посла...

Гурьевъ закивалъ головою съ выраженіемъ, что онъ де совсѣмъ согласенъ съ графомъ, тѣмъ болѣе что знаетъ уже заранѣе все то, что тотъ хочетъ сейчасъ сказать ему.

— Ну-да, и что-же вы хотите сдѣлать? спросилъ онъ Скавронскаго.

Тотъ пожалъ плечами:

— Я думаю—если у нея нѣтъ общества, то нужно

*) О замѣчательной красотѣ графини Скавронской сохранилось свидѣтельство не только г-жи Лебрёнъ, которая въ своихъ запискахъ говоритъ, что она была „хороша, какъ ангелъ", но и другихъ лицъ,—между прочимъ, графа Сезюра. Державинъ воспѣлъ ее подъ именемъ „Пирры".

Библиотека "Руниверс"

познакомить ее съ кѣмъ-нибудь... Вѣдь нельзя-же оставлять ее постоянно съ нянней да съ этой француженкой Лебренъ. Положимъ, г-жа Лебренъ—вполнѣ достойная женщина, но положеніе мое, какъ посла...

— Ну и прекрасно, снова перебилъ Гурьевъ, — значитъ и представьте графинѣ сначала часть неаполитанскаго общества, потомъ еще, и такъ перезнакомите ее со всѣми.

Скавронскій, хитро прищурясь, какъ будто вотъ тутъ-то онъ и поймалъ Дмитрія Александровича, закачалъ головою и помахалъ пальцемъ:

— Нѣтъ-съ... этого-то она и не желаетъ... Если-бы дѣло только въ этомъ заключалось!.. Нѣтъ, Дмитрій Александровичъ, тутъ вотъ и вопросъ.

— Какой-же вопросъ, что-же угодно графинѣ?

— Я думаю, что графиня не знаетъ сама, что̀ ей угодно—все это капризы, происходящіе отъ уединенія. У насъ тутъ былъ больной конюхъ Дмитрій. Его вылѣчилъ командиръ мальтійскаго корвета Литта...

— Знаю, опять кивнулъ головою Гурьевъ.

— Ну такъ, вотъ, ей хочется познакомиться съ этимъ Литтою... А самъ я не знакомъ съ нимъ... какъ нарочно мы не встрѣтились нигдѣ, да за послѣднее время его кстати совсѣмъ нигдѣ и не видно... и кромѣ того, насколько я знаю, корветъ не сегодня—завтра уйдетъ въ море...

— Да просто поѣзжайте къ нему на корветъ поблагодарить за то, что онъ вылѣчилъ вашего слугу... Онъ долженъ будетъ тогда пріѣхать къ вамъ.

— Ахъ, Дмитрій Александровичъ, снова перебилъ Скавронскій, какъ-бы обрадовавшись, что онъ имѣетъ уже готовое возраженіе теперь противъ словъ Гурьева, что̀ вообще рѣдко случалось съ нимъ,—вы говорите—поѣхать, но какъ-же я поѣду, когда графъ Литта не заблагоразсудилъ пожаловать ко мнѣ на мой зовъ... Когда онъ, случайно, какъ мнѣ разсказывали, вошелъ въ подвалъ къ Дмитрію—подеста̀ встрѣтилъ его и узналъ кто онъ; потомъ, когда Дмитрій выздоровѣлъ, я велѣлъ подеста̀ пригласить графа Литту ко мнѣ, и онъ велѣлъ благодарить, но не показывался ни разу въ моемъ палаццо. Какъ-же теперь я поѣду—согласитесь, что мое положеніе посла...

И Скавронскій заговорилъ про свое положеніе посла пространно и подробно, потому что сидѣвшій теперь молча Гурьевъ смотрѣлъ, поджавъ губы, мимо графа, въ окно и, медленно покачивая ногою, не перебивалъ его...

— Ну такъ значитъ пусть этотъ графъ Литта уѣзжаетъ—и вы представьте кого-нибудь другаго на его мѣсто... мало-ли народу въ Неаполѣ?... проговорилъ наконецъ Дмитрій Александровичъ, вспомнивъ, что нужно-же было отвѣтить Скавронскому. Онъ въ эту минуту думалъ совсѣмъ о другомъ и забылъ было совсѣмъ о тѣхъ пустякахъ, о которыхъ безпокоился теперь Скавронскій, воображавшій что это серьезное дѣло.

— И не думайте!.. воскликнулъ тотъ.—Нѣтъ, графиня именно желаетъ познакомиться съ Литтою. Къ тому-же, я далъ слово... я далъ слово достать ей кого она пожелаетъ, хоть со дна моря, а теперь, какъ видите, не могу получить Литту съ *поверхности* залива, гдѣ качается его „Пелегрино"...

И довольный своимъ „jeu de mots", графъ откинулся на спинку кресла и разсмѣялся.

— Такъ вотъ видите, заговорилъ онъ опять, снова становясь серьезнымъ,—я далъ слово и долженъ сдержать его, понимаете, *я долженъ*... во что̀ бы то ни стало...

Гурьевъ отмахнулся рукою, какъ отъ неотвязчивой мухи.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ наконецъ,—если вы непремѣнно хотите—я проѣду къ этому Литтѣ... У Россіи есть сношенія съ Мальтійскимъ орденомъ... Я къ нему поѣду будто по дѣлу... Еще въ шестьдесятъ четвертомъ году, если не ошибаюсь, Государыня писала нашему посланнику въ Вѣнѣ Голицыну о вызовѣ охотниковъ изъ мальтійскихъ рыцарей на службу въ русскомъ флотѣ—можно хоть къ этому придраться.

— Ну, вотъ видите-ли, радостно заговорилъ Скавронскій,—вотъ видите-ли, какъ это хорошо!.. такъ, голубчикъ Дмитрій Александровичъ, поѣзжайте сегодня-же... поскорѣе... Вѣдь вы понимаете, не дай я слово...

И графъ Скавронскій долго еще уговаривалъ Гурьева непремѣнно поѣхать поскорѣе, хотя тотъ и безъ того самъ-же первый выразилъ свою готовность и видимо весьма желалъ сдѣлать графу пріятное.

XI.

Берегъ или море?

Поѣздка Гурьева къ Литтѣ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Дмитрій Александровичъ съумѣлъ поговорить съ мальтійскимъ рыцаремъ и дѣйствительно нашелъ уважительную причину для начала сношеній его съ русскимъ посольствомъ въ Неаполѣ.

Литта на другой-же день обѣщалъ пріѣхать къ Скавронскому.

„Пелегрино" былъ совсѣмъ готовъ къ плаванію; провизія, вода взяты, исправленія всѣ окончены, оставалось лишь ждать попутнаго вѣтра, и Эпціо, придя къ командиру, получилъ приказаніе быть каждую минуту готовому со всѣмъ экипажемъ, чтобы пуститься въ путь.

Отплывая на шлюпкѣ на берегъ, чтобы отправиться, какъ было условлено съ Гурьевымъ, въ палаццо русскаго посланника, Литта былъ въ полной увѣренности, что онъ въ послѣдній разъ за этотъ пріѣздъ въ Неаполь сходитъ со своего корвета.

И только благодаря этой увѣренности онъ снова надѣлъ свой узкій парадный кафтанъ и тяжелую шляпу съ перьями...

На Спіаджіи-ди-Кіайя, куда пристала шлюпочка Литты, его ждали золоченыя носилки русскаго посольства, которыя скоро и покойно доставили его до палаццо графа Скавронскаго.

Самъ графъ Павелъ Мартыновичъ встрѣтилъ мальтійскаго рыцаря на лѣстницѣ и провелъ его въ свой кабинетъ, гдѣ дожидался ихъ Гурьевъ.

Но они дѣломъ не занялись.

— По русскому обычаю, графъ, заговорилъ Скавронскій,—прежде дѣла, позвольте пригласить васъ прямо въ столовую, запросто, какъ дорогаго гостя.

— Мнѣ некогда, попробовалъ было возразить Литта,—я съ минуты на минуту жду поднять паруса, и потому долженъ вернуться на корветъ, какъ можно скорѣе.

Но Скавронскій замахалъ на него руками, заговорилъ, запросилъ и сказалъ, снова сославшись на обычай, что ни за что̀ не отпуститъ гостя и не станетъ вступать съ нимъ въ дѣловой разговоръ, не покормивъ его предварительно.

Толстый, знакомый уже Литтѣ, подеста̀ заявился въ это время у двери и съ важнымъ поклономъ заявилъ, что „кушать подано".

Скавронскій схватилъ Литту подъ-руку и почти насильно повелъ его въ столовую.

Они проходили комнату за комнатой, одну лучше другой, то обитую штофомъ, то покрытую бѣлоснѣжнымъ мраморомъ съ бронзовыми украшеніями, то сплошь увѣшанную дорогими венеціанскими зеркалами или картинами лучшихъ мастеровъ.

У каждой притолоки стояло по два напудренныхъ лакея въ богатыхъ ливреяхъ, расшитыхъ галунами. Они методично, какъ автоматы, широко распахивали двери, пропуская съ поклономъ господъ.

Литта, пожалѣвшій было по первому взгляду на Скавронскаго, что пріѣхалъ сюда, теперь невольно ощу-

Библиотека "Руниверс"

Добрый пастырь. Карт. Мурильо, грав. Боде.

Библиотека "Руниверс"

щалъ нѣкоторое удовольствіе отъ впечатлѣнія окружавшей его роскоши.

Эта роскошь, въ которой жилъ русскій вельможа, не могла не поразить даже его, выросшаго на паркетѣ богатѣйшихъ дворцовъ Милана.

Столовая, куда ввелъ наконецъ Скавронскій своего гостя, была вся заставлена цвѣтами и растеніями, и всѣ стѣны ея были покрыты полками съ тяжелою, массивною золотою и серебряною посудой.

Круглый столъ, уставленный тѣсно серебромъ, фарфоромъ и хрусталемъ, былъ накрытъ на четыре прибора...

Почти въ то же самое время, какъ графъ Павелъ Мартыновичъ, Литта и Гурьевъ входили въ столовую съ одной стороны, дверь на противоположномъ концѣ отворилась—и въ ней показалась графиня Скавронская, противъ своего обыкновенія пышно разодѣтая, такая, какою мужъ давно уже не видѣлъ ее.

При первомъ-же взглядѣ на графиню, Литта долженъ былъ самъ себѣ сознаться, что все слышанное имъ про красоту Скавронской было не только истинною правдой, но графиня на самомъ дѣлѣ была еще лучше, чѣмъ говорили про нее.

Графъ Павелъ Мартыновичъ съ самодовольною, торжествующею улыбкой познакомилъ своего гостя съ женою, какъ бы говоря ей этою улыбкой, что вотъ видишь, мой другъ, я обѣщалъ и исполнилъ свое обѣщаніе.

Странное дѣло: графъ Литта, столько разъ уже на своемъ вѣку видавшій близко опасность и на морѣ, и въ перестрѣлкѣ и рукопашной схваткѣ съ алжирцами, и не робѣвшій никогда передъ смертью, съ которою судьба ставила его часто лицомъ къ лицу, почувствовалъ съ первой-же минуты какое-то особенное, похожее на смущеніе, чувство передъ этою красавицей далекаго, холоднаго Сѣвера.

Онъ ощущалъ совершенно особенную неловкость и когда здоровался съ нею, и когда сѣлъ за столъ и, расправивъ салфетку, заложилъ ея конецъ за верхнюю пуговицу своего камзола... Глаза его опустились, онъ потупился, и сердясь на самого себя, готовъ былъ въ одинъ мигъ даже покраснѣть какъ мальчикъ, но сдѣлалъ надъ собою усиліе и пришелъ въ себя.

Онъ не могъ знать, что въ это время лицо его какъ разъ выражало совсѣмъ противоположное, и онъ казался не только спокойнымъ, но даже равнодушнымъ, холоднымъ, и эта холодность его заставляла слегка въ свою очередь робѣть и хозяевъ, и Гурьева.

Заговорилъ первымъ Скавронскій.

— Вы слышали, графъ, что дѣлается во Франціи? Представьте себѣ, кардиналъ де-Роганъ...

— Графу по всей вѣроятности извѣстна исторія съ ожерельемъ, подхватилъ, перебивая, Гурьевъ, видимо изъ боязни, чтобы Скавронскій не разсказалъ чего-нибудь лишняго.

Литта отвѣчалъ, что онъ знаетъ объ этой исторіи.

— Я собственно виню до нѣкоторой степени королеву Марію-Антуанету, продолжалъ Скавронскій.—Знаете, я бы такъ разумѣется не сказалъ этого... но между своими—ничего, можно...

И онъ снова хотѣлъ пуститься въ разсужденія, и снова Гурьевъ перебилъ его и замялъ разговоръ.

Графиня нѣсколько разъ взглядывала на мужа и тоже замѣтно была готова придти на помощь ему, если-бы одинъ Гурьевъ не управился.

Но тотъ, впрочемъ, очень ловко выводилъ каждый разъ графа на настоящую дорогу.

Скавронскій не замѣчалъ этого, ѣлъ очень много, разговаривалъ больше всѣхъ, часто смѣялся и большею частію невпопадъ.

Литтѣ вдругъ стало ясно съ перваго-же знакомства со Скавронскими все ихъ семейное положеніе и роль, которую играетъ тутъ самъ богачъ-графъ, и почему его жена никуда съ нимъ не показывается.

Онъ не могъ не видѣть, какъ она страдала при каждомъ неловкомъ словѣ мужа, какъ силилась скрыть свою досаду и какъ старалась загладить впечатлѣніе производимое имъ.

Литта понялъ, что она не только красива, но и умна, и еще внимательнѣе взглянулъ на нее.

Она случайно поймала этотъ устремленный на нее взглядъ его и внезапно потупилась, и легкая краска покрыла ея лицо.

Первую женщину встрѣтилъ теперь Литта, въ присутствіи которой онъ казался себѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, и она словно была совсѣмъ не похожа на другихъ.

„Нѣтъ, рѣшено... думалъ Литта, глядя на нее,—вздоръ, пустяки... Завтра, если только будетъ попутный вѣтеръ—мы выходимъ въ море“.

Завтракъ продолжался очень долго. Павелъ Мартыновичъ былъ радушный хозяинъ и угощалъ и потчивалъ Литту, какъ умѣлъ и чѣмъ могъ. Тотъ ѣлъ не много, но время для него прошло очень скоро, и когда наконецъ они встали изъ-за стола, онъ не только уже не жалѣлъ, что сдался на приглашеніе Скавронскаго, но, напротивъ, ему было жаль, что завтракъ кончился и онъ долженъ уйти и оставить общество молодой графини.

Вернувшись на корветъ, Литта былъ веселъ и счастливъ, точно его наградили или обрадовали чѣмъ-нибудь.

„Что за вздоръ!“ рѣшилъ онъ однако... Но тутъ-же мысленно прибавилъ: „а вѣдь очень хороша... очень... и досталось-же этакое счастье этому русскому синьору... Ну, впрочемъ, и дай Богъ ему!..“

Литта прошелъ прямо къ себѣ въ каюту, чтобы не переодѣться.

Черезъ полчаса, къ двери его каюты подошелъ Энціо и постучался.

— Кто тамъ? послышался голосъ Литты изъ-за двери.

— Эчеленца, все готово и удобный Tramontana *) начинаетъ ласкать наши паруса, веселымъ голосомъ проговорилъ Энціо.—Прикажете сниматься?..

Энціо замолкъ въ ожиданіи отвѣта, но Литта отвѣтилъ не скоро.

Слышно было, какъ онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, потомъ назадъ, потомъ снова все стихло... и наконецъ звучный голосъ Литты проговорилъ:

— Закрѣпите якорь—мы не идемъ сегодня въ море...

(Продолженіе будетъ).

Долина р. Іордана.

(По путевымъ замѣткамъ **Стараго Паломника**).

Зачѣмъ и путешествовать, если потомъ не цѣнить воспоминаній. Послѣ странствованія по Св. Землѣ вдоль и поперекъ ея, они составятъ такое духовное имущество, которымъ можно дѣлиться вдоволь, а оно все растетъ и растетъ.

Долина Іерихонская или устья Іордана изо всѣхъ уголковъ Палестины самая поэтическая. Она остается неизгладима въ памяти того, кто видѣлъ ее хотя бы нѣсколько часовъ. Вспоминая евангельскій берегъ этой рѣки, я дѣлаю иногда такое сопоставленіе.

Вижу сперва одну картину:

У гранитной набережной величественной рѣки, стремящейся подъ ледяною корою къ морю, возвышается пышный, истинно царскій павильонъ. Въ народѣ онъ зовется Іорданью. На куполѣ сіяетъ крестъ. Онъ увѣшанъ флагами, убранъ яркими матеріями и коврами. По красному сукну широкихъ ступеней, несутъ золотыя хоругви, узорчатые фонари съ вожженными свѣчами. Слѣдуютъ пѣвчіе въ малиновыхъ кафтанахъ. Раздается пѣніе единственнаго въ цѣломъ мірѣ хора, который,

*) Сѣверный вѣтеръ.

Библиотека "Руниверс"

если сравнивать, то развѣ только съ хоромъ ангеловъ. Безчисленное духовенство, облитое золотомъ, архіереи, митрополитъ, съ усыпаннымъ алмазами Животворящимъ Крестомъ, торжественно шествуютъ вдоль стройныхъ рядовъ войска, также единственнаго въ мірѣ и не по одной красотѣ. Дворъ, генералитетъ, чины гвардіи. Всѣ въ блескѣ парада, въ расшитыхъ золотомъ и серебромъ мундирахъ, въ орденахъ, въ разноцвѣтныхъ лентахъ. Громко раздается въ воздухѣ тропарь: „Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи!..“ Вездѣ кругомъ тысячная толпа народа. Снявъ шапки, онъ безмолвно слѣдитъ за священнодѣйствіемъ. Къ молитвѣ примѣшано любопытство. Зрѣлище, правда, рѣдкое и въ столицѣ. Морозъ такой, что у молящихся едва слагаются пальцы для крестнаго знаменія. Высылая густые пуфы дыма, грохочутъ залпами крѣпостныя орудія. Сѣрыя облака, мѣрно извиваясь, стелются по бѣлоснѣжной равнинѣ и скрываютъ отъ взора безконечную перспективу зданій, и гранитныя стѣны крѣпости, и сверкающую на солнцѣ иглу Петропавловскаго собора.

Потомъ вспоминается:

Гладкая, утрамбованная площадь, довольно обширная, слегка наклонная къ крутому изгибу другой рѣки, такъ же быстро рвущейся къ морю. По косогору берега въ сырой глинѣ кое-какъ нарублены ступеньки къ сложенному на водѣ плоту,—и какъ сложенному? Навалены между вбитыми кольями воза два-три вѣтвей и валежника; на нихъ кое-какъ прилажены доски. Изъ-подъ нихъ просачивается вода. Наброшенъ коверъ. Тутъ архіепископъ Іорданскій, преклонивъ колѣна, будетъ погружать Св. Крестъ въ прѣсноватыя воды р. Іордана.

Около площади идетъ правильнымъ полукругомъ живая изгородь нѣжной растительности. Ивы, сикоморы, тамаринды, кусты рослаго тростника, камыши и іорданскій бальзамъ покрыты изумрудною зеленью,—какъ у насъ, когда весна безвозвратно вступитъ въ свои права. Вдоль противуположнаго берега тянется островокъ съ такою же порослью, густою, дѣвственною. Туда рѣдко ступаетъ нога человѣка. Псзачѣмъ. Не забѣгаютъ ни кабанъ, ни шакалъ. Нельзя. Развѣ когда—переплыветъ ядовитая мѣдянка, или откуда-нибудь налетитъ одиночка-щебетунья, покачается на эластичной вѣткѣ, повертится и вспорхнетъ опять невѣсть куда.

По площади тянется рядъ палатокъ греческаго духовенства и зажиточныхъ паломниковъ. Крайнія—принадлежатъ архіерею, одну изъ нихъ онъ любезно предложилъ для отдыха двумъ англичанамъ и мнѣ. У столиковъ и просто на землѣ, прилаживаются торговцы—арабы, греки, пришлый и мѣстный людъ. У нихъ груды апельсиновъ, лимоновъ, хлѣба, лепешекъ, инжиру, всякой снѣди. Варятъ постныя щи, по-русски. Іорданская рыбка превкусная. Кипитъ на угольках рисъ съ баклажанами. Куда ни взгляни—готовятъ на таганчикѣ турецкій кофе. Есть и ракичка (мѣстная водка) съ мастикой и безъ мастики. Далѣе—посуднна для святой іорданской воды, восковыя свѣчи, образки на іорданскихъ голышахъ, терновые вѣнки, кучи посоховъ для паломниковъ, четки янтарныя, кокосовыя, шелковыя и перламутровыя. Все это въ нѣсколько часовъ разберется нарасхватъ.

Близь архіерейской палатки у спуска къ рѣкѣ, вколочено нѣсколько паръ жердей. Онѣ поддерживаютъ навѣсъ грубой парусины. По направленію къ востоку, подъ нимъ прилаженъ столъ, это — импровизованный алтарь. Къ нему съ трехъ сторонъ подвѣшены иконы древнія, темныя: нельзя и разглядѣть, что изобразилъ когда-то немудрый, доморощенный изографъ. На алтарѣ архіерейское одѣяніе, митра съ фольгою и стразами, евангеліе и крестъ. Тутъ будетъ вечерня, заутреня и обѣдня, двукратное водосвятіе на Іорданѣ, въ Крещенскій сочельникъ послѣ вечерни и ночью послѣ обѣдни передъ солнечнымъ восходомъ.

По древнѣйшему сказанію, передаваемому изъ рода въ родъ, этому самому мѣсту рѣки, по-арабски: *Маква* (мѣсто перехода) и *Виѳавара* (домъ перехода) пріурочивается великое событіе Крещенія Іоаннова. Нельзя отрицать; это возможно, болѣе чѣмъ вѣроятно. А если бы и въ самомъ дѣлѣ Крещеніе Іисуса совершено было нѣсколько выше, или нѣсколько шаговъ ниже—для вѣрующаго значеніе не одинаково-ли? Сомнѣніе не умалитъ въ душѣ чувства, испытываемаго тѣмъ, кто стоитъ у іорданскаго берега и смотритъ на Святыя воды.

Пока къ урочному часу Крещенской вечерни стекаются сюда православные: наши русскіе, арабы, греки, жители Галилеи, Самаріи, Іудеи, отъ прибрежья морскаго—изъ Газы, Аскалона и Яффы, изъ Іерусалима и Виѳлеема, отойдемъ четверть версты вверхъ по рѣкѣ, взойдемъ на пригорокъ, гдѣ много вѣковъ стоитъ монастырь Іоанна Крестителя, и окинемъ взоромъ, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета, долину устьевъ Іордана и близлежащія окрестности.

Она лежитъ между двухъ параллельныхъ кряжей Іудейскихъ и Моавитскихъ (Галаадскихъ) горъ. На сѣверѣ отъ обоихъ выступаютъ скалистые отроги, сближаются и въ тѣснинѣ пропускаютъ стремительныя воды Св. рѣки. На югѣ во всю ширь долины блеститъ оловяннымъ блескомъ зеркало Бар-Іута, Мертваго моря. Поперечникъ долины, пять-шесть верстъ, по меридіану—около десяти верстъ. Іорданъ бѣжитъ почти у самаго подножія Моавитскаго хребта.

Къ этой исторической долинѣ относится множество преданій и легендъ, болѣе или менѣе, разумѣется, имѣющихъ характеръ достовѣрности.

Монастырь Іоанна Крестителя, по греческому сказанію, воздвигнутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ Св. Іоаннъ, гдѣ къ этому послѣднему изъ верхозавѣтныхъ мужей, вѣнцу библейскихъ пророковъ, шли отовсюду толпы народа внимать его: „Покайтесь,—приблизилось Царство Небесное“, его рѣчамъ, полнымъ огня, и съ трепетомъ сердечнымъ, удивляясь его побѣдѣ надъ физическими законами человѣческой природы, слушая его громоподобную проповѣдь, „креститься отъ него во Іорданѣ, исповѣдуя грѣхи свои“.

Тутъ-же, говоритъ преданіе, перешли рѣку посланные изъ Ситтима Іисусомъ Навиномъ развѣдчики къ Іерихону, а вскорѣ за тѣмъ и весь сорокатысячный еврейскій народъ переправился по сухому руслу, и расположился станомъ въ Гильгалѣ, недалеко отъ Іерихона. Двѣнадцать камней, взятые со дна рѣки и поставленные здѣсь въ память этого событія, показывали въ церкви Архангела Михаила еще въ IV в. по Р. Х. (вѣроятно на мѣстѣ гдѣ находился Гильгалъ), и нашъ извѣстный паломникъ Даніилъ упоминаетъ о нихъ въ XII столѣтіи.

Городъ Абель-Ситтимъ,—на лѣвомъ берегу рѣки,—существовалъ еще при жизни Іисуса Христа. Въ двухъ верстахъ отъ него на югъ, въ Веѳегорѣ, у подошвы горы „Небо“, кончилъ жизнь Моисей. Въ книгѣ Второзаконія (гл. 34) читаемъ: „никто не знаетъ могилы его“. Но магометанская легенда объ его кончинѣ такая: „Однажды Моисей, послѣ утомительной прогулки, отдыхалъ на этой горѣ въ только что изсѣченной пещерѣ. Изнемогая отъ жары и жажды, онъ попросилъ у находившихся тутъ-же рабочихъ напиться. Ему подали сочный плодъ. Едва Моисей вкусилъ отъ него, какъ испустилъ духъ. Ангелы, принимавшіе образъ работниковъ, унесли его душу къ Престолу Всевышняго. Турки чтутъ Моисея, какъ великаго пророка; вѣря преданію, они ежегодно весною караваномъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ торжественно съ музыкою и пѣніемъ совершаютъ паломничество отъ мечети Омара въ Іерусалимѣ къ этой горѣ. Она находится у самаго сѣверо-восточнаго берега Мертваго моря.

Еще южнѣе въ узкой долинѣ между Моавитскимъ хребтомъ и восточнымъ берегомъ этого моря видна теперь жалкая деревушка Микауръ. Вблизи ея находятся развалины грозной когда-то крѣпости Махеры или Махеронта. Въ ея подземельяхъ Иродомъ-Антиною совершено было звѣрское убійство Іоанна Крестителя въ день празднованія рожденія сего четверовластника. Кровавая драма, эпилогъ непримиримой вражды мстительной женщины за то, что Іоаннъ, какъ неустрашимый судія, не мягкою рѣчью царедворцевъ, а явно, открыто порицалъ преступный союзъ Иродіады съ братомъ ея мужа,—увлекательно разсказана Густавомъ Флоберомъ и съ замѣчательнымъ мастерствомъ передана по-русски И. С. Тургеневымъ. Шесть лѣтъ спустя по вознесеніи Іисуса Христа, Антипа, Иродіада и Саломея были сосланы императоромъ Калигулою въ Галлію, гдѣ влачили жизнь въ позорѣ и нищетѣ.

Нѣсколько южнѣе Махеры лежала граница древней Палестины и Идумеи, родины отца Антипы, Ирода Великаго. Если оттуда мысленно перенестись на западный берегъ Мертваго моря, тамъ на одной параллели съ Хевроном представится небольшой оазисъ Енгадди, нынѣ Айнъ-Джидди. Это, пустынное нынѣ, мѣсто во время Іисусово было заселено философско-религіозною, весьма своеобразною сектою Ессеевъ или Ессеніанъ, мрачной кучкой іудеевъ, истыхъ пуританъ Іудаизма, протестовавшихъ противъ фарисейства и садуккейства. Они сначала ревниво охраняли и блюли Моисеевъ законъ, но дошли до фанатическаго аскетизма, до крайности, какъ позднѣйшіе католическіе траписты, камальдулы и др. ордена. Ихъ исключительное занятіе состояло въ земледѣліи. Они безусловно отвергали политику, богатство, почести, даже искусства и науку. По ихъ убѣжденію, человѣкъ долженъ былъ всецѣло посвящать себя духовному созерцанію, страстно ожидали Мессію, а съ нимъ воцаренія мира и правды на землѣ. Правила ихъ были: слѣпое повиновеніе властямъ, равенство всѣхъ людей, имущественный коммунизмъ. Частная собственность принадлежала общинѣ и наоборотъ, даже пища и одежда. Заработанная плата вносилась въ общественную кассу; на ней лежала забота о нуждахъ отдѣльныхъ лицъ. Они съ любовію призрѣвали бѣдныхъ и дѣтей, лѣчили безвозмездно; абсолютно воздерживались отъ крѣпкихъ напитковъ, были благочестивы, безкорыстны, жили безбрачно. Ложь, лжесвидѣтельства считались смертнымъ грѣхомъ. Ихъ клятва была: „да, нѣтъ“. И говорили: „не клянись небомъ—то престолъ Божій, ни землею—она подножіе Бога, ни Іерусалимомъ, ни головою...“ Подробныя свѣдѣнія объ этой сектѣ находимъ у Іосифа Флавія, Филона, Плинія Старшаго и Антіоха-Епифанія. Они утверждаютъ, что мистицизмъ, вѣра въ силу талисмановъ и кабала сильно занимали эту секту, особенно-же вопросъ о сотвореніи міра. Очевидно, въ этомъ есть нѣкоторое сходство съ ученіемъ Евангельскимъ. Но ни въ одномъ изъ Евангелій объ этой сектѣ не упоминается, и посѣщеніе Великимъ Учителемъ Енгаддійскаго оазиса болѣе, чѣмъ сомнительно.

На сѣверъ отсюда, почти на параллели Махеры, въ море впа-

Библиотека "Руниверс"

Тигры въ степныхъ снѣгахъ. Рис. Фризе, грав. Кезебергъ.

Библиотека "Руниверс"

Тройка въ метель. Карт. (справа 10-строкав. прібрѣт. исключ. „Нивой") **Грузинскаго.** Грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

даетъ Кедронскій потокъ. Пробѣжавъ подъ восточною стѣною Св. Града по Іосафатовой долинѣ, онъ круто поворачиваетъ на востокъ къ Мертвому морю. На половинѣ его теченія на высяхъ грознаго ущелья лѣпится монастырь Маръ-Сааба. Возникновеніе въ IV вѣкѣ этого гнѣзда христіанскихъ затворниковъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ центромъ осѣдлости Ессеніанъ наводитъ на мысль о нѣкоторой духовной связи тѣхъ и другихъ. Правда, лѣтъ 30 спустя по вознесеніи Христовомъ о сектѣ болѣе не упоминается. Но безбрачности она была немногочисленна и проселитизмъ былъ ей несвойственъ, но и въ то время уже начинало проявляться отшельничество іудействующихъ христіанъ. Искры угасавшаго вѣрованія въ нѣкоторыя несомнѣнно высокія истины могли тлѣть долго и пламя сообщиться вновь насажденной религіи.

Не могу и теперь безъ ужаса вспомнить путь, однажды мною пройденный отъ устья Кедронскаго потока къ Іерусалиму мимо этого монастыря.—„Ничего, пробеременя“, уговаривалъ мой проводникъ. Навыкъ къ первобытнымъ путямъ сообщенія въ Палестинѣ уже имѣлся. Увѣренность, спокойный тонъ моего араба превозмогли опасенія. Часа два приходилось взбираться съ террасы на террасу по дикимъ, суровымъ, пустыннымъ скаламъ. Утесы все выше и выше, одинъ другаго круче. Какая-то безнадежность, уныніе овладѣваютъ путникомъ. Ни малѣйшей растительности, ни признака жилья. Все мертво, холодно. Вспорхнетъ съ утеса коршунъ, шарахнетъ лисица изъ какого нибудь лога, да отвратительнымъ воемъ завостъ голодный шакалъ вдали. Мы запоздали, застигла ночь. Къ счастью, полный мѣсяцъ уже стоялъ чуть не въ зенитѣ. Гдѣ тропа шла по озаренной бѣлесоватымъ сіяніемъ сторонѣ—тамъ и бодрости больше, а спокойствіе умаляетъ всякіе страхи. Вдругъ тропа примкнула къ отвѣсной стѣнѣ, къ карнизу, точно вырубленному въ ней. Онъ менѣе сажени въ ширину, тамъ непроглядная темь, тамъ вправо, чернѣе тюрьмы. Какъ ни вѣрилось въ чувство самосохраненія и твердость ногъ моего ослика, пускаю эту тварь впередъ за проводникомъ. Самъ слѣзаю съ замираніемъ въ груди, ощупывая палкой дорогу, подобно слѣпорожденному, осторожно переступаю нога за ногу; подвигаюсь тихонько, тихонько десять, двадцать минутъ. О, какія это были минуты! Вдругъ поворотъ и—какъ рукой подать высеребренныя луннымъ сіяніемъ башни монастыря, по постройкѣ не имѣющаго ничего подобнаго въ мірѣ (см. мой очеркъ въ № 14 „Нивы“ 1889 г.).

Трехвѣковая борьба язычества противъ христіанъ ознаменовалась, конечно, торжествомъ послѣднихъ въ началѣ IV в. Но страшныя гоненія временъ Нерона, Марка Аврелія, Галіена и злаго Діоклетіанова клеврета Галерія развили пустынножительство христіанъ до невѣдомыхъ дотолѣ размѣровъ. Отшельничество оставило по себѣ въ Палестинѣ вѣковую память. Тамъ что ни шагъ—то пещера. Куда бы взоры ни обратились. Окрестности Іерусалима и особенно центральныя части Іудейской горной полосы съ ея округлыми, безформенными очертаніями изобилуютъ ими.

Паломники на пути къ Іордану по этимъ высотамъ обязательно посѣщаютъ двѣ пещеры, которыя замѣчательны по величинѣ, а одна изъ нихъ и по изумительному евангельскому сказанію объ искушеніи Спасителя.

Тоже въ самой дикой, ужасъ на странника наводящей, горной, глубокой разсѣлинѣ, верстахъ въ пяти отъ восточнаго склона Іудейскаго хребта, рвется и мечется по каменистому руслу бѣшеный потокъ Кельтъ. Спустившись по крутой безконечно извилистой тропинкѣ, странникъ переходитъ этотъ потокъ по прочно переброшенному мосту и, поднявшись сажень пятьдесятъ по обдѣланному отлогому пути, достигаетъ пещеры, гдѣ находится монастырь братьевъ Хозевитовъ. Онъ существовалъ уже во время набѣга на Палестину полчищъ Хозроя. Тогда отъ персидскаго погрома гибло безчисленное множество пустынножителей. Иноки монастыря многіе годы въ окрестностяхъ собирали кости убіенныхъ. У нихъ большихъ размѣровъ склепъ, стѣны котораго выведены безчисленными рядами человѣческихъ череповъ; ихъ десятки тысячъ. Тутъ же въ подземельѣ сложены кости и цѣлые скелеты, горой! Въ склепѣ—скромный аналой съ Евангеліемъ, Крестомъ и молитвенниками. Усердные богомольцы служатъ панихиды по убіеннымъ за вѣру, вспоминая въ молитвахъ и своихъ усопшихъ родныхъ и кровныхъ. Въ такихъ монастыряхъ братія съ игуменомъ во главѣ состоитъ, по большей части, изъ одного, двухъ іеромонаховъ и послушниковъ не болѣе четырехъ или пяти. Въ церквахъ часто встрѣчаются слѣды мозаики, — свидѣтельство, что прежде онѣ пользовались относительнымъ достаткомъ. Въ настоящее время крайность, нищета чувствуется на каждомъ шагу. Болѣе чѣмъ скромное продовольствіе мукою, крупою, оливковымъ масломъ и др. предметами первой необходимости доставляется Іерусалимскою греческою патріархіею одинъ разъ въ мѣсяцъ, и при неурядицѣ въ Святогробскомъ братствѣ запаздываніе не рѣдкость. Можно судить о положеніи. Паломничество, конечно, оказываетъ нѣкоторую помощь, но она едва осязательна. Оставляются крохи, да и то только въ короткіе зимніе мѣсяцы. Съ марта по декабрь долина Іорданская—безотрадное пепелище. Лучи солнечные накаляютъ воздухъ до 50° по Реомюру. Отъ скалъ пышетъ, какъ изъ огненной печки. Паломничество совсѣмъ прекращается. Намъ, жителямъ умѣреннаго пояса, жителямъ равнинъ, не можетъ быть и понятно страшное одиночество этихъ иноковъ, обрекшихъ себя молитвѣ, не видящихъ въ теченіе большей части года души человѣческой, въ полномъ разобщеніи съ наслаждающимися благами жизни, въ безконечной бесѣдѣ со своимъ собственнымъ я, среди дикихъ каменныхъ громадъ исчезающихъ во мракѣ пропастей, откуда несется одинъ неумолчный ревъ стремительнаго потока, и упирающихся въ ярко-бирюзовую полосу безоблачнаго неба... Здѣсь человѣку понятно до наглядности его ничтожество, что онъ прахъ, атомъ. Какъ усердна и тепла должна быть тамъ его молитва! Вади-Кельтъ властно рвется изъ тѣснины вѣковыхъ известковыхъ скалъ къ сіяющей отъ солнечныхъ лучей долинѣ, и тамъ спокойно, чуть слышно журчитъ сначала у самаго подножія горы выступившей изъ Іудейскаго кряжа. Кристальныя воды точно обрадовались гладкому руслу и встрѣченной шири, и тихо пробираются къ іорданскому берегу. Но едва онѣ обогнули скромную деревушку Ериха, какъ искусственный водопроводъ за три версты отъ истока перехватываетъ ихъ, и гидравлическими приспособленіями доставляетъ къ монастырю Іоанна Крестителя, благодаря недавнимъ заботамъ и попеченію о древней обители Патріарха Никодима.

Издалека на томъ, выступившемъ отвѣсною стѣною отрогѣ или горѣ краснаго известняка, точно опаленнаго въ дымѣ пожара, путникъ видитъ подъ самою вершиною продолговатое черное пятно, похожее на большую трещину, образованную природою въ скалѣ. За ручьемъ начинается туда крутой, утомительный и опасный подъемъ. Безконечными зигзагами пробирается онъ выше, выше, тѣснѣе, тѣснѣе. То исчезнетъ въ тоннелѣ высунувшагося поперекъ утеса, то лѣпится невѣдомо какъ по вертикальной стѣнѣ. Изнемогаетъ путникъ, потъ льется градомъ, камни изъ-подъ ногъ летятъ въ пропасть, а онъ едва на половинѣ пути у крѣпко запертыхъ воротъ. Долго бы пришлось ему ожидать, если бы не былъ замѣченъ сверху, но это случается рѣдко. Большею частью колокольнымъ звономъ ему даютъ знать, что онъ желанный гость. Изъ пещеры уже посланъ служка. Тотъ стрѣлой летитъ къ воротамъ и, привѣтствуя путника неизмѣнной улыбкою, доводитъ его до мѣста, гдѣ Іисусомъ послѣ крещенія было избрано мѣсто для уединенія, гдѣ Онъ былъ со звѣрями, гдѣ сорокъ дней былъ искушаемъ, послѣ чего „Ангелы приступили и служили Ему“.

По греческому сказанію евангельское событіе относится именно къ этой горѣ, именуемой потому: Сороковою или Кварантанною. Протестующая критика Запада считаетъ эту легенду произведеніемъ X и XI вѣка, какъ и Преображеніе Господне перенесенъ съ горы Ѳаворъ на великій Гермонъ,—но взирая на этотъ обнаженный, лишенный всякой растительности обрывъ, или гору, гдѣ, по словамъ царя Давида. Его должны были окружать „асиды и василиски, львы и драконы“, легко вѣрится указанію греческому. Въ пещерѣ, имѣющей дѣйствительно видъ исполинской трещины, ютится монастырь, болѣе мрачнаго вида, чѣмъ Хозевитовъ, съ такою же малочисленною братіею, и влачащею дни при тѣхъ же условіяхъ нищенства. Церковь впрочемъ имѣетъ видъ, сравнительно благолѣпный, благодаря усердію русскихъ все-таки ревнителей. Скромный, но блестящій даже позолотою иконостасъ, мѣстные образа, лампады—все это, очевидно, новѣйшія пожертвованія изъ Россіи, какъ и огромныхъ размѣровъ металлическій позолоченный крестъ, предназначенный было жертвователемъ на вершину горы, но поставленный въ большой нишѣ пещеры во избѣжаніе соблазна всюду снующихъ бедуиновъ-хищниковъ.

Деревянный балконъ, служащій и колокольнею, виситъ надъ страшною пропастью. Видъ оттуда очаровательный. Нельзя оторваться. Вся долина въ нѣсколько квадратныхъ верстъ какъ на ладони. Слѣва и справа цѣпи горъ прихотливыми очертаніями выдаются на лазури неба. У подошвы Сороковой горы—богатая растительность, но по мѣрѣ удаленія она блекнетъ, совсѣмъ пропадаетъ. Вдали сверкаетъ металлическою бѣлизною Содомское море. Еще дальше эта бѣлизна уже сіяетъ, сливаясь съ небеснымъ сводомъ такъ, что трудно найти линію горизонта. Въ лѣвой окраинѣ долины почти у горной цѣпи опять вьется широкою лентою зеленая полоса, она скрываетъ воды священной рѣки, которую точно широкою пастію поглощаетъ море. У самаго устья виднѣется старинный монастырь Св. Герасима, ближе зеленые купола возобновленнаго недавно монастыря І. Крестителя... еще ближе—Ериха, стоитъ, какъ говорятъ, на мѣстѣ библейскаго Іерихона.

Но... говорятъ только. Археологи тщетно работали надъ розыскомъ мѣстности, гдѣ стоялъ этотъ городъ нѣкогда соперничавшій съ Іерусалимомъ. Ни малѣйшихъ слѣдовъ не найдено. О величинѣ Іерихона времени Іисуса Навина можно составить нѣкоторое понятіе изъ стиха 15, гл. 6 книги І. Навина: „въ седьмой день обошли вокругъ города семь разъ“. Но во дни Ирода Великаго онъ гремѣлъ славою и богатствомъ, дворцами, циркомъ, знаменитыми садами пальмовыхъ, гранатовыхъ, апельсинныхъ деревьевъ. Онъ именовался городомъ пальмъ, городомъ благоуханій розъ и когда-то былъ подаренъ Антоніемъ Клеопатрѣ. Теперь и слѣда нѣтъ прежней расти-

Библиотека "Руниверс"

тельности. Риха или Ериха—жалкая, разоренная турецкими сборщиками податей деревушка, жители ея, полудикіе татуированные феллахи, самаго несчастнаго облика. Вы бросили наричку (наши 2 коп.), и не повѣрите, какое оказали благодѣяніе... Тутъ есть кусты банановъ, лимонное дерево, аккумъ, грецкій орѣхъ и странное гадать—на кустѣ его растетъ подобіе вишенъ, золотистаго цвѣта; при малѣйшемъ давленіи кожица лопается и изъ мѣшечка вылетаетъ густая, мельчайшая и вредная для глазъ пыль. Плодъ этотъ называется — содомскимъ яблокомъ. Пальмы—ни одной. Строенія и не заслуживаютъ такого названія, это—глиняныя мазанки, едва замѣтныя изъ-за колючей изгороди. Украшаетъ городъ только двухъэтажное зданіе, воздвигнутое на щедрыя русскія приношенія для пріюта паломниковъ, среди большаго сада лимонныхъ деревьевъ и лѣса банановъ. Существуетъ повѣріе, что тутъ росло дерево, съ котораго мытарь Закхей хотѣлъ узрѣть проходившаго Спасителя. Года два тому назадъ освящена красивая русская церковь во имя этого мытаря. Въ городѣ есть прелестная, уютная вилла-котеджъ русской барыни Б., давно поселившейся во Св. Градѣ.

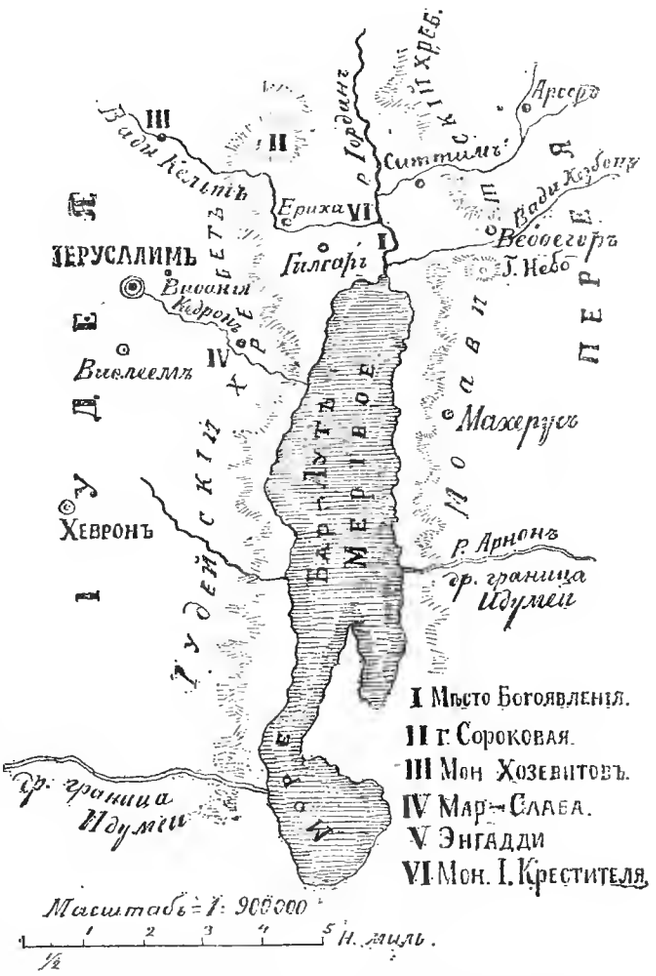
По установившемуся давно обычаю большинство паломниковъ прежде посѣщенія береговъ Іорданскихъ направляется изъ Ерихи къ Мертвому морю. Влечетъ туда праздное любопытство: ради этого они дѣлаютъ обходъ около восьми верстъ. За Ерихою вскорѣ растительность замѣтно исчезаетъ. Съ каждымъ шагомъ природа умираетъ. Кой-гдѣ чахлые, низменные кустики съ едва замѣтнымъ листомъ и крупными какъ гвозди шипами. Это Rhamnus Nabeca ботаниковъ, у арабовъ „сидръ". Терновый вѣнецъ былъ сплетенъ изъ этого растенія. Почва становится пропитанною солью; мѣстами солончаки имѣютъ видъ древнихъ развалинъ, разрушенныхъ укрѣпленій и башенъ. Становится ясно, что множество тропинокъ по направленію къ морю утоптаны на руслѣ испарившагося отъ палящихъ лучей сѣвернаго его побережья.

Таковы всѣ окрестности непривѣтливаго моря. Оно около 10 миль въ длину, двѣ — въ наибольшей ширинѣ. Ни растительной, ни животной жизни, ни въ нѣдрахъ его, ни на поверхности. Птица не перелетитъ, рыба, выброшенная Іорданомъ, погибаетъ. Одолѣваетъ оно и смѣлаго человѣка. Однажды американцы пытались его изслѣдовать: на металлической лодкѣ они проплыли почти три четверти его длины. Вскорѣ оказалось, что принялись за дѣло не подъ силу; они начали непомѣрно пухнуть, ихъ клонило ко сну, мучила жажда, одолѣвало забытье, раздражались нервы... нѣкоторые поплатились жизнію. О происхожденіи этого феноменальнаго моря извѣстно изъ 19 гл. кн. Бытія, и всѣ новѣйшія изслѣдованія подтверждаютъ сказанное въ ней. Гибель пяти преступныхъ городовъ отъ выступившихъ изъ-подъ земли горючихъ веществъ не подлежитъ сомнѣнію.

Паломники иногда купаются; простой народъ дивится диву: потеря вѣса въ водѣ этого моря такова, что утонуть, пойти ко дну невозможно. При выходѣ изъ воды, тѣло отъ дѣйствія солнечныхъ лучей точно осыпано серебряною пылью. Но соль и др. минералы производятъ на многихъ нестерпимый зудъ, иногда на тѣлѣ образуются нарывы. Одинъ изъ англійскихъ путешественниковъ однако такъ описываетъ дѣйствіе этого купанья: „Говорятъ, что Мертвое море вредно для здоровья... Но купанье въ его водахъ удовольствіе—чисто человѣческое, и имъ можно пользоваться, какъ люди пользуются ароматомъ хорошаго вина, вкусомъ нѣжнаго плода, ощущеніемъ быстрой ѣзды, и составляетъ само по себѣ совершенно особый опытъ. Слѣдствіе-ли это палящаго свѣта, или лихорадочнаго волненія крови, или прохладной влаги,—но первое погруженіе въ воды Мертваго моря составляетъ не простое купанье, а скорѣе пробу новыхъ, неизвѣстныхъ еще въ вашей жизни, чувственныхъ наслажденій".

Трудно передать, какую реакцію испытываетъ чувство при переходѣ отъ этого проклятаго моря къ рѣкѣ Іорданъ. Тамъ осязательная вѣчная кара небесъ, наглядная эмблема смерти; тутъ со временъ Іоанновыхъ очищеніе водою кающихся, обѣтъ, непоколебимая вѣра въ будущность! Душа точно полнится миромъ, успокоеніемъ, навѣваемыми и воздухомъ, и водою, и обрамляющею святой берегъ растительною жизнью!

5 января, послѣ полудня, на мѣстѣ Богоявленія, многотысячная толпа готова встрѣтить праздникъ. Грековъ мало, пришлые съ Аеонской горы, богатые изъ Іерусалима и—только; арабы-феллахи, сиріяне, копты, армяне, но подавляющее большинство—русскій простой народъ. Ихъ не менѣе трехъ тысячъ. Все это—братія по православію, но чуждые по племени, языку, одеждѣ. Одна цѣль влекла всѣхъ, одно было духовное стремленіе; но мыслимо-ли общеніе такой смѣси народностей? Что общаго между чернымъ, иногда какъ смоль, съ сверкающими бѣлками глазъ, полунагимъ абиссинцемъ и нашимъ, рыжебородымъ, напримѣръ, мужичкомъ въ его родномъ тулупѣ и осѣняющимъ себя крестнымъ знаменіемъ со всего размаха? Что общаго между тщеславно разряженною (для праздника) гречанкой, въ разноцвѣтномъ шелку, въ ожерельи крупнаго янтаря, тяжеловѣсныхъ золотыхъ запястьяхъ, и старушкой-паломницей съ темненькимъ платочкомъ, захватившимъ на головѣ и уши, въ обвисломъ ситцѣ, который, быть можетъ, недѣлю не разставался съ ея плечами. Только нашими русскими и поддерживается здѣсь духовный характеръ праздника. Только они проникнуты глубокимъ благоговѣніемъ къ Святому мѣсту, къ событію, о коемъ церковь совершаетъ здѣсь торжественное воспоминаніе.



Въ два часа пополудни начинается вечерня. Только русскіе тѣснятся около навѣса. Греческая служба, особенно пѣніе, не можетъ, само собою, сообщать имъ молитвеннаго настроенія, но оно зарождается у нихъ въ душѣ искреннею вѣрою. Богослуженіе длится безконечно, но наши простолюдины терпѣливо, безропотно ждутъ минуты, когда водосвятіемъ Іордана переполнятся сердца радостію, которую испытать приводилось не всякому.

Наконецъ она настала—эта минута! Толпа лихорадочно разступается. Бойкіе кавасы въ два ряда очищаютъ дорогу. Вереница духовенства спускается къ рѣкѣ; архіепископъ, трижды погрузивъ Животворящій Крестъ въ святыя струи, когда-то омывавшія стопы Богочеловѣка, троекратно окропляетъ стоящую неподвижно толпу. Тогда русскій родной тропарь „во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи", какъ на рѣкѣ Невѣ, раздается и здѣсь по побережью и повторяется несчетное число разъ. Насталъ моментъ общаго купанья.

Быстрота воды здѣсь страшная; она мутна, совсѣмъ сѣрая. Кой-гдѣ на поверхности свѣтятся зловѣщіе круги. То—водовороты и подводные камни. Жара и въ январѣ не малая, въ рѣкѣ до 20° по Реомюру. Купаться, плавать слѣдуетъ съ великою осторожностью. Нѣсколько дюжихъ арабовъ давно раскинули по берегу, во всю ширину площади, канатъ, концы его прикрѣплены кольями. Арабы эти разомъ спускаются въ воду и, ухватясь за него, образуютъ собою дугообразную охрану отъ опасной быстрины. Мужчины и женщины цѣлыми сотнями, въ особыхъ рубахахъ, нарочно изготовляемымъ для этого купанья, бросаются вслѣдъ за ними и принимаютъ троекратнымъ погруженіемъ въ св. воды новое крещеніе. Евангельское значеніе этихъ минутъ такъ велико, что переживаемое настоящее какъ бы стушевывается, душа улетаетъ назадъ за два тысячелѣтія. При общемъ обоихъ половъ купаніи и мѣста нѣтъ естественному чувству стыдливости. Сознается въ чемъ-то нравственное огражденіе отъ праздныхъ взглядовъ и мыслей. Дѣйствительно, таково обаяніе святости мѣста.

Купаніе продолжается до захода солнца. Сумерекъ здѣсь почти нѣтъ. Пять минутъ, и другъ друга нельзя узнать въ нѣсколькихъ шагахъ. Весь небесный сводъ горитъ яхонтами

Библиотека "Руниверс"

и рубинами... Милліоны звѣздъ! И блескъ ихъ, какъ надъ головами, какъ у самаго горизонта, одинаковъ. Чистота атмосфернаго воздуха удивительная. Седьмой часъ, а наша знакомая Большая Медвѣдица, точно опрокинутый тронъ какой-то, совсѣмъ опустилась къ сѣверу. Вслѣдъ за нею готова скрыться и полярная звѣзда... На югѣ, изъ-за Мертваго моря, точно выглядываютъ другіе созвѣздія, намъ, сѣверянамъ, мало знакомыя...

Долго тянется время, въ ожиданіи ночной службы. Подъ навѣсомъ идетъ исповѣдь. Сотъ восемь, тысяча человѣкъ будутъ причащаться за обѣднею. Въ эти часы еще болѣе становится ясно, что нѣтъ ничего общаго между простымъ русскимъ людомъ, исполненнымъ слѣпой, непобѣдимой вѣры, и тою дикою ордою, что неистовствуетъ позади палатокъ. Развѣсивъ на кустахъ для просушки бѣлыя рубахи, наши паломницы здѣсь и тамъ собрались въ кучки, зажгли свѣчки. Вдоль берега раздается молитвенное пѣніе. Монахинь-запѣвалъ въ ихъ средѣ довольно. Поютъ онѣ Богъ знаетъ какъ, въ унисонъ, вполголоса, уныло, нѣтъ и признака гармоніи, а на слушателя производитъ удивительное впечатлѣніе. Мои англичане поразились религіознымъ чувствомъ поющихъ, инстинктивнымъ ихъ уваженіемъ къ мѣсту и воспоминаемому событію. Эти любознательные туристы приведены въ умиленіе... они готовы любить такихъ вѣрующихъ за такую вѣру.

А позади ряда палатокъ—бѣснованіе. Съ ружейной и пистолетной пальбой, раздавшейся въ минуту погруженія Креста, начались тамъ неистовые крики, пляска, арабская фантазія. Вездѣ пылаютъ костры, вспыхнувшее пламя озаряетъ смуглыя лица и обливаетъ ихъ, точно кровію. Фальцетомъ раздается пѣсенка мукра (проводника ословъ), дребезжитъ арабская гитара, ей вторятъ удары тамтама, хлопанье въ ладоши. Въ тѣсномъ кружкѣ два рослые молодца, какъ два бѣса, неистово фехтуютъ обнаженными саблями, безстрашно скрещиваютъ ихъ, то по землѣ, то надъ головами, бросаютъ вверхъ и ловятъ ихъ другъ у друга за острые концы. Весь кругъ между тѣмъ бьетъ тактъ ногами и руками и кричитъ во всѣ глотки: „Алла! а, а! Алла...га"! Громче, громче, crescendo безъ конца. И предательская ракитка доводитъ наконецъ толпу до... свалки. Все это—дикое выраженіе радости... дикой радости! Ничего—соотвѣтствующаго празднику.

Торжество водосвятія ночью послѣ литургіи, дѣйствительно, картина, достойная кисти великаго художника. Мои спутники англичане онѣмѣли отъ восторга. Кажется, стали креститься по-православному. По всему берегу пестрыя толпы богомольцевъ съ вожженными свѣчами. Въ упоительномъ благорастворенномъ воздухѣ—неумолчное пѣснопѣніе охватываетъ душу. И на другой сторонѣ рѣки промежь темнозумрудныхъ кустовъ въ живописныхъ группахъ проглядываютъ сбѣжавшіеся съ Моавитскихъ пустынь дикари, удивленно смотрятъ на невиданный обрядъ христіанъ и вторятъ долетающему до нихъ пѣнію ружейными выстрѣлами...

Объ отдохновеніи никто и не помышляетъ. Купаніе, пѣніе съ одной стороны, дикое ликованіе съ другой ни на минуту не прекращаются до солнечнаго восхода. Я съ двумя англичанами считаемъ долгомъ поздравить Епифанія, архіепископа Іорданскаго, съ наступившимъ праздникомъ. Его палатка переполнена духовенствомъ. Подаютъ обычное у грековъ угощеніе: сладкіе медовые пирожки, чудное варенье и, конечно, кофе. Турецкій кофе удивительно живитъ упадающія силы. Но это—одно наилучшее средство противъ усталости. А послѣ безъ сна проведенной ночи предстоитъ еще тяжелый путь до Св. Града, пять-шесть часовъ верхомъ поперекъ всей горной полосы Іудейской... Ободрять себя приходится во что бы ни стало...

Вдоль по вершинамъ Моавитскаго хребта вдругъ рѣкой разлилось оранжевое пламя. Двѣ-три минуты и ослѣпительный костеръ вырастаетъ изъ-за горы „Небо". Въ долинѣ Іорданской утро во всемъ блескѣ. Она сіяетъ. Лучи появившагося шара уже жгутъ. И весь Христовъ лагерь спѣшно собирается въ путь, на-вѣкъ сохраняя память о мѣстѣ, гдѣ до слуха Іоаннова долетѣло свыше: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ Мое благоволеніе!"

Къ рисункамъ.

Перегрузка трески со шкуны въ бочки въ Архангельскѣ. (Рис. на стр. 25).

Поморскіе жители Архангельской губ., занимающіеся ловлей трески у Мурманскаго берега, между мысомъ Святымъ Носомъ и островомъ Кильдинымъ, имѣютъ тамъ становища при бухтахъ, и отсюда выѣзжаютъ въ море на лодкахъ, называемыхъ шнеками. Послѣ каждаго улова, промышленники отправляются на берегъ для сушенія и соленія рыбы. Треску сушатъ весной, когда еще нѣтъ жаровъ и мухъ. Высушенная треска складывается въ кучи, которыя обыкновенно покрываются досками и придавливаются тяжестями; такимъ образомъ она лежитъ до конца промысла. Для соленія-же наваливаютъ рыбу въ ямы, вырытыя въ землѣ, которыя замѣняютъ рыбные заводы и бочарную посуду. Рыба въ этихъ ямахъ прѣетъ все лѣто и къ осени укладывается въ мореходныя суда для отправки въ Архангельскъ. На нашемъ рисункѣ изображено такое судно, съ котораго по прибытіи перегружаютъ треску въ бочки.

Литературный альбомъ. „Степная розочка". (Рис. на стр. 28).

Стихотвореніе Гёте.

Мальчикъ степью шелъ; на ней—
Розочка степная;
Молода, зари свѣжѣй...
Онъ бѣжитъ туда скорѣй...
Радость-то какая!
Роза, розочка-краса,
Розочка степная!

Онъ ей: „Я тебя сломлю,
Розочка степная!"
А она: „Не потерплю,
Больно, больно уколю:
Помни, какъ сильна я!"
Роза, розочка-краса,
Розочка степная!

Злой мальчишка! Сорвана
Розочка степная,—
Какъ ни „ахъ!" и „охъ!" она,
Какъ ни колетъ шалуна...
„Ахъ, стерпѣть должна я!.."
Роза, розочка-краса,
Розочка степная!

Петръ Вейнбергъ.

Своими средствами. (Рис. на стр. 29).

Своеобразное приложеніе опытной физики, которое впрочемъ гораздо чаще нежели мы думаемъ встрѣчается въ простомъ повседневномъ быту по всѣмъ ея отраслямъ. Мальчикъ, которому приказали поскорѣе поставить самоваръ, стащилъ съ ноги сапогъ, приладилъ его голенищемъ на трубу и раздуваетъ угли какъ мѣхами...

Добрый пастырь. (Рис. на стр. 33).

Содержаніе этой картины, оригиналъ которой находится въ Мадридскомъ Прадо, особенно влекло къ себѣ знаменитаго автора. Мурильо съ юности любилъ и изучалъ дѣтей. Счастливая бѣдность его родной Андалузіи доставляла ему лучшіе его типы, и въ мысляхъ великаго живописца постоянно носился идеалъ Христа въ видѣ „добраго пастыря" въ дѣтствѣ пасущаго овецъ на холмахъ Назарета. Оригиналъ названный авторомъ „El niño Dios, past" (Божественный отрокъ, пастырь) принадлежалъ Изабеллѣ Фарнезе и украшалъ знаменитую галерею дворца Санъ-Ильдефонсо. Обращаемъ вниманіе читателей на необычайно тонкую и художественную гравюру, передающую это произведеніе.

Тигры въ степныхъ снѣгахъ. (Рис. на стр. 36).

Тигръ на снѣгу! Съ перваго взгляда это кажется невозможностью — до такой степени умъ нашъ привыкъ соединять съ названіемъ этого хищника понятіе о животномъ тропическомъ. А между тѣмъ область распространенія тигра на самомъ дѣлѣ громадна. Начиная съ южнаго берега Явы, она тянется черезъ Суматру по всей передней и задней Индіи, Персіи даже до Курдистана (встарину доходила до Тифлиса и Дербента, а лѣтъ тридцать тому назадъ до Ленкоранскаго уѣзда), по юго-восточному берегу Аральскаго моря, камышамъ Сыръ- и Кувань-Дарьи, черезъ Алтайскія горы до Барнаула на Оби, черезъ Иркутскую область у Байкальскаго озера и по всей Амурской до южныхъ склоновъ Становаго хребта. На нашемъ рисункѣ тигры изображены подкрадывающимися къ табуну дикихъ ословъ.

Тройка въ метель. (Рис. на стр. 37).

Вѣчно одна и та же исторія! На дворѣ слегка снѣжитъ, но зловѣщія тучи и рѣзкій вѣтеръ предвѣщаютъ погоду. Путники въ нерѣшимости: ѣхать или переждать ее. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, отправляются въ путь-дорогу. Сперва все идетъ благополучно, только по снѣговой равнинѣ покручиваетъ поземокъ, понемногу переходящій въ метель. Наконецъ густой, плотный снѣгъ, разносимый вѣтромъ, застлалъ все кругомъ и стало ни зги не видно. Въ такомъ положеніи изображены путники на картинѣ академика Грузинскаго. Лошади стали, ни съ мѣста, и проѣзжій забился глубоко въ уголокъ кибитки, въ то время какъ ямщикъ, едва примѣтный за густымъ снѣгомъ, отправился на поиски дороги.

Библиотека "Руниверс"

Другъ человѣчества. (Рис. на стр. 41).

Лучшимъ произведеніемъ знаменитаго англійскаго рисовальщика животныхъ, сэръ-Эдвина Ландсира, по справедливости считается картина, снимокъ съ которой здѣсь прилагается. Она написана баронетомъ-художникомъ въ 1838 году, когда ему было всего 36 лѣтъ отъ роду. Великолѣпный нью-фаундландъ, изображенный на ней, былъ воспитанъ Филиппомъ Бекономъ и подаренъ имъ г-жѣ Пьюманъ-Смитъ. Ньюфаундландскія собаки или водолазы, какъ извѣстно, отличаются своею кротостью, любовью къ маленькимъ дѣтямъ, рвеніемъ при спасаніи утопающихъ и могутъ по праву называться друзьями человѣчества.

Высокопреосвященный Никаноръ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій. (Портр. на стр. 44).

Высокопреосвященный Никаноръ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій, —въ мірѣ Александръ Ивановичъ Бровковичъ,—сынъ священника Могилевской губерніи, родился въ 1826 году. Школьное свое образованіе Александръ Бровковичъ началъ въ Могилевскомъ духовномъ училищѣ, состоя вмѣстѣ съ тѣмъ и пѣвчимъ въ мѣстномъ архіерейскомъ хорѣ. Вмѣстѣ съ извѣстнымъ впослѣдствіи въ учено-богословскомъ мірѣ протоіереемъ І. Г. Заркевичемъ, Александръ Бровковичъ былъ вызванъ въ С.-Петербургскую, тогда Образцовую семи-

Другъ человѣчества. Карт. сэръ-Эдвина Ландсира, грав. Кадеманъ.

Библиотека "Руниверс"

нарію *). Затѣмъ, какъ первый студентъ своего многолюднаго и особенно даровитаго курса, Александръ Бровковичъ поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, откуда вышелъ въ 1851 году первымъ магистромъ, принявши въ 1850 году монашество и имя Никанора. Оставленный при академіи бакалавромъ, іеромонахъ Никаноръ преподавалъ такъ-называемое сравнительное или обличительное, полемическое богословіе, сверхъ того, общее введеніе въ богословіе или нынѣшнее основное богословіе и ученіе о русскомъ расколѣ, занимая и должность помощника инспектора академіи. Плодомъ научныхъ занятій молодаго профессора были: „Разборъ римскаго ученія о видимомъ главенствѣ въ церкви“ и „Описаніе нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненій, въ пользу раскола написанныхъ“. Въ 1856 г. іеромонахъ Никаноръ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ ректоромъ Рижской семинаріи, которая тогда представляла ту особенность, что соединяла въ себѣ всѣ классы училища и семинаріи подъ непосредственнымъ управленіемъ ректора и инспектора и имѣла миссіонерскій характеръ, причемъ двѣ-трети ея воспитанниковъ набирались изъ природныхъ латышей и эстовъ. Вслѣдствіе открытія въ городѣ Саратовѣ римско-католической духовной семинаріи, архимандритъ Никаноръ въ 1858 г. перемѣщенъ на должность ректора Саратовской православной семинаріи, причемъ имѣлось въ виду близкое знакомство новаго ректора съ вѣроученіемъ и богословскою литературою римско-католической церкви. Вызванный въ Петербургъ на чреду священно-служенія въ 1864 г., архимандритъ Никаноръ въ 1865 году назначенъ ректоромъ Полоцкой (находящейся въ г. Витебскѣ) семинаріи, такъ какъ, послѣ недавно бывшаго польскаго мятежа, требовались выдающіеся борцы православно-русскаго дѣла въ Западномъ краѣ. Съ 1869 по 1871 годъ архимандритъ Никаноръ былъ ректоромъ и профессоромъ основнаго богословія въ Казанской духовной академіи, первые два года приготовляя ее къ преобразованію, а въ послѣдній—введя новый уставъ и поставивъ учебную и административную части согласно новымъ требованіямъ. Въ 1869 году, во вниманіе къ учено-богословскимъ трудамъ о. ректора вообще, а главное за его сочиненіе: „Разборъ римскаго ученія о главенствѣ“, вышедшее тогда новымъ дополненнымъ изданіемъ, Святѣйшій Синодъ, по представленію академической конференціи, предоставилъ архимандриту Никанору степень доктора богословія. Въ это время составленъ и напечатанъ противо-раскольническій трудъ: „О перстосложеніи для крестнаго знаменія“ и другія статьи, помѣщавшіяся въ *Православномъ Собесѣдникѣ*, который издавался подъ редакціей ректора академіи. Въ 1871 году, по ходатайству архіепископа Донскаго Платона (нынѣ митрополита Кіевскаго), учреждено викаріатство для Донской епархіи, и 4 іюля того же года состоялась хиротонія архимандрита Никанора во епископа Аксайскаго, викарія Донской епархіи. Въ теченіе пяти съ половиною лѣтъ, преосвященный Никаноръ помогалъ архіепископу Платону въ дѣлахъ епархіальнаго управленія, а свободное время посвящалъ, задуманному еще въ Казани, обширному философскому изслѣдованію подъ заглавіемъ: „Позитивная философія и сверхчувственное бытіе“. Съ 1876 года, преосвященный Никаноръ состоялъ епархіальнымъ архіереемъ каѳедры Уфимской и Мензелинской, всецѣло отдавъ себя заботамъ о ввѣренной ему епархіи, дѣлу миссіонерства и проповѣди слова Божія. Въ 1883 году „Поученія преосвященнаго Никанора, епископа Уфимскаго и Мензелинскаго“, изданы отдѣльной книгой, въ составъ которой вошло менѣе половины тѣхъ проповѣдей, какія были напечатаны въ *Уфимскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* и раньше въ другихъ литературныхъ органахъ. 12 декабря 1883 года состоялось перемѣщеніе преосвященнаго на херсонскую каѳедру, а 25 января 1884 года онъ прибылъ въ Одессу, гдѣ и скончался 27 декабря 1890 г.

*) Въ эту семинарію тогда высылались по два самыхъ лучшихъ воспитанника изъ семи западныхъ семинарій, черезъ каждыя шесть лѣтъ, для объединенія семинарій. Порядокъ и строй этого заведенія, постановка учебно-воспитательнаго дѣла, успѣхи воспитанниковъ, большей частью весьма даровитыхъ, должны были служить образцомъ для прочихъ семинарій.

Самаркандъ. Большая базарная площадь. Продавцы муки. (Рис. на стр. 44).

Самаркандская базарная площадь занимаетъ большое пространство и въ базарные дни полна народу. Съ перваго взгляда покажется, что вся эта орда въ пестрыхъ халатахъ столпилась въ одну густую кучу, перемѣшалась съ массой животныхъ, вьюковъ, и порядка никакого не существуетъ. Но при болѣе внимательномъ осмотрѣ невольно перемѣнишь это мнѣніе и наоборотъ удивляешься порядку и тому спокойствію съ какимъ идетъ покупка и продажа товаровъ. Въ одномъ мѣстѣ продаютъ животныхъ, въ другомъ хлопокъ, муку и т. д. Сдѣлки совершаются быстро, и площадь черезъ нѣсколько часовъ принимаетъ свой обычный видъ, въ ожиданіи слѣдующаго базарнаго дня.

Чарльзъ Эдвардъ Парнеллъ. (Портр. на стр. 45).

Зеленая Ирландія до сихъ поръ не пользуется еще многими правами и преимуществами сравнительно съ другими частями соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи. Представители страны уже много лѣтъ борются и борются горячо и настойчиво, для доставленія своей родинѣ большей самостоятельности. Старанія ихъ за послѣдніе годы увѣнчались во многомъ успѣхомъ, особливо съ того времени, какъ во главѣ партіи автономистовъ появилась даровитая личность Парнелла, замѣчательнаго оратора и политическаго дѣятеля.—По странной случайности, предводитель ирландской католической партіи, Парнеллъ по вѣроисповѣданію протестантъ. Мало того, въ жилахъ его течетъ отчасти американская кровь, такъ какъ мать Парнелла—уроженка Новаго Свѣта. Тѣмъ не менѣе Парнеллъ является рѣдкимъ примѣромъ неустрашимаго и упорнаго защитника правъ той страны, въ которой онъ родился и которая избрала его своимъ представителемъ. Родился Парнеллъ въ Авондалѣ, въ графствѣ Вирклоу, въ 1846 г., и образованіе получилъ въ Кембриджскомъ университетѣ. Политическую дѣятельность онъ началъ въ званіи шерифа роднаго графства; затѣмъ онъ былъ посланъ въ англійскій парламентъ, гдѣ, при посредствѣ нѣсколькихъ преданныхъ друзей, онъ образовалъ кружокъ непримиримой и энергичной оппозиціи во всѣхъ дѣлахъ, противныхъ интересамъ несчастной Ирландіи, и дѣло Парнелла достигло своего тріумфа, когда Гладстонъ и его сторонники склонились удовлетворить законнымъ требованіямъ Ирландіи. Послѣ того, на неустрашимаго и настойчиваго вожака ирландской партіи обрушилось не мало бѣдъ, и его противники употребляли всевозможныя средства, чтобы очернить Парнелла, этого некоронованнаго властителя Ирландіи, какъ его называли, и устранить ненавистнаго имъ дѣятеля. Стоитъ припомнить грандіозный процессъ съ *Times*. Но все оканчивалось благополучно, пока въ дѣло не была замѣшана честь женщины. „Любовь погубила Трою“, говоритъ поэтъ, она-же причинила не мало вреда Парнеллу и его дѣлу. Обвиненный капитаномъ О'Ши въ преступныхъ отношеніяхъ съ его женою, Парнеллъ не вышелъ оправданный изъ суда, и съ той минуты счастіе его покинуло. Вмѣсто того чтобы сойти, хоти-бы на время, съ политической арены, какъ совѣтовали расположенныя къ Парнеллу лица, съ Несторомъ англійской политики Гладстономъ во главѣ, Парнеллъ упорно продолжаетъ свою дѣятельность, несмотря на то, что многочисленные сторонники уже покинули его и образовали особую партію подъ главенствомъ журналиста и оратора Макъ-Карти.

Политическое обозрѣніе.

Государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1891 годъ произвела самое отрадное и глубокое впечатлѣніе, какъ документъ громадной важности съ финансовой точки зрѣнія и какъ ограженіе предусмотрительной, твердой и честно-миролюбивой политики русскаго правительства. За-границей газеты обстоятельно занимаются нашею росписью. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* выставляетъ на видъ крайнюю осторожность, соблюденную при составленіи бюджета. *Vossische Zeitung* указываетъ на фактъ, что въ основу положенъ курсъ въ 1 р. 60 к., хотя нынѣшній курсъ равняется 1 р. 37 к. *Boersen Courier* также указываетъ на этотъ фактъ, какъ на признакъ желанія избѣгнуть всякихъ прикрасъ. *Berl. Tagblatt* выставляетъ на видъ, что даже чрезвычайные расходы были покрыты безъ помощи займа. Въ сужденіяхъ *National Zeitung* тоже отражается благопріятное впечатлѣніе. *Boersen-Zeitung* указываетъ на окончательное упроченіе финансоваго положенія Россіи, и на постоянно усиливающееся, благодаря неутомимой дѣятельности финансоваго управленія, развитіе ея средствъ. Весьма отрадное впечатлѣніе производитъ фактъ, что увеличеніе расходовъ посвящается преимущественно усиленію національной производительной дѣятельности. Всѣми выставляется вообще на видъ отсутствіе новыхъ налоговъ, подъемъ благосостоянія; наступившій ростъ сбереженій, весьма благопріятный ходъ Нижегородской ярмарки, развитіе торговли, равно какъ увеличеніе доходовъ съ почтъ и телеграфовъ, наконецъ, значительный перевѣсъ вывоза надъ привозомъ. Газеты, какъ-то. *Frankfurter Zeitung*, *Koenigsberger Hartungsche-Zeitung*, *Weserzeitung* и *Hamburger Correspondent* воспроизводятъ данныя русской государственной росписи на 1891 годъ, сопровождая ихъ весьма сочувственными замѣчаніями. *Hamburger Correspondent*, указывая на фактъ, вообще обратившій на себя большое вниманіе, чрезвычайно крупныхъ вкладовъ въ иностранные банки, замѣчаетъ, что такіе крупные вклады служатъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ величайшей увѣренности въ сохраненіи мира, проходящей черезъ весь бюджетъ, и ясно указываютъ на то, что Россія далека отъ мысли вызывать воинственныя осложненія или желать, чтобы такія осложненія случились. Въ *Hamburger Nachrichten* напечатана пространная статья о русской государственной росписи на 1891 годъ. Газета съ сочувствіемъ отзывается объ упроченіи русскихъ финансовъ и о подъемѣ экономическаго положенія Россіи.

Библиотека "Руниверс"

Въ Парижѣ, 29 декабря въ 9 ч. утра, состоялись, при торжественной обстановкѣ, похороны герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго. Погребальная колесница была убрана золотою парчею. Во главѣ похороннаго кортежа шелъ взводъ 22-го артиллерійскаго полка, затѣмъ слѣдовали генералы Лавока и Молленсъ, 4-й линейный полкъ и стрѣлковый баталіонъ. Погребальная колесница была покрыта множествомъ вѣнковъ, въ томъ числѣ вѣнокъ изъ розъ и иванъ-да-марья съ лентами русскихъ и французскихъ цвѣтовъ отъ президента Карно и французскаго правительства. За колесницею шли лица военной свиты, президентъ республики, сыновья покойнаго. Герцогъ Евгеній Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, принцъ Ольденбургскій, всѣ въ полной парадной формѣ, члены русскаго посольства, гг. Флокэ, Рибо, Борръ, Девелль, Соссье и Апперъ, члены дипломатическаго корпуса, сенаторы, депутаты и т. д. Въ хвостѣ кортежа шли 39-й линейный полкъ, эскадронъ республиканской стражи, 6-й кирасирскій полкъ и двѣ батареи. На пути слѣдованія кортежа стояла шпалерами пѣхота, за которой, несмотря на сильный холодъ, толпилась на тротуарахъ многочисленная публика. Послѣ богослуженія въ церкви, на которомъ присутствовали принцесса Баденская и принцесса Ольденбургская, кортежъ дефилировалъ передъ гробомъ. Гробъ поставленъ въ церковный склепъ.

Въ Берлинѣ, 27 декабря императоръ Вильгельмъ обѣдалъ у русскаго посла. Въ 5 ч. вечера, въ русскомъ мундирѣ и въ русскихъ саняхъ, прибылъ императоръ въ русское посольство и былъ встрѣченъ графомъ Шуваловымъ и его супругою и всѣми членами посольства. За обѣдомъ императоръ сидѣлъ между графинями Шуваловою и Голенищевою-Кутузовою; напротивъ императора занялъ мѣсто посолъ между генералами Вердеромъ и Ганке. Кромѣ этихъ лицъ, на обѣдѣ присутствовали: обѣ сестры графа Кутузова, всѣ члены посольства, имперскій канцлеръ, статсъ-секретарь Маршаль, генералъ Виттихъ, генералъ-маіоръ Вильомъ и флигель-адъютанты командиры полковъ Gardes du Corps и имени Императора Александра. Отъ послѣдняго полка былъ игравшій во время обѣда хоръ музыки. Императоръ провозгласилъ тостъ за графа и графиню Шуваловыхъ и за кофеемъ весело бесѣдовалъ. Поручикъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Хеліусъ исполнилъ на фортепіано нѣсколько пьесъ. Императоръ оставался въ посольствѣ до 7½ ч.

Въ Константинополѣ въ русскомъ посольствѣ начались въ предсѣдательствѣ г. Нелидова переговоры о заключеніи русско-турецкаго торговаго договора. Заключенный между Портою и Вселенскимъ патріархатомъ компромиссъ относительно существеннѣйшихъ пунктовъ разногласія опредѣляетъ, что духовныя завѣщанія христіанъ не подлежатъ судебному контролю и должны быть признаны дѣйствительными всѣми судами, коль скоро они были утверждены патріархомъ, митрополитомъ или ихъ замѣстителями. Тяжбы по наслѣдству подвѣдомственны: въ Константинополѣ—смѣшанному народному совѣту, а въ провинціяхъ — митрополичьимъ совѣтамъ, и рѣшенія ихъ немедленно вступаютъ въ силу. Утверждающее компромиссъ правда уже издано.

Смѣсь.

Къ выдающимся особенностямъ маленькаго Испанскаго короля принадлежатъ ничѣмъ не обуздываемая живость и хорошее расположеніе духа. Не малаго труда стоитъ усмирять въ церкви проявленія веселости маленькаго короля, которыя не привыкъ къ этому, и принуждать его къ требуемому молчанію. Сперва серьезное лицо королевы-матери заставляло короля Альфонса XIII хранить молчаніе въ священныхъ мѣстахъ, и дѣйствительно, вступая въ церковь, король тотчасъ же серьезно морщитъ личико. Когда недавно король въ первый разъ присутствовалъ на проповѣди, и проповѣдникъ громогласно началъ свою рѣчь, на лицѣ молодаго короля сначала изобразилось живое смущеніе, затѣмъ негодованіе на злодѣя, осмѣлившагося громкою рѣчью нарушить тишину священнаго мѣста и наконецъ юное величество, приложивъ указательный пальчикъ къ губамъ, послало злодѣю двукратное энергическое: „ш-ш-ш! ш-ш-ш!“ Присутствующіе едва могли скрыть свой смѣхъ по поводу этого неожиданнаго проявленія королевскаго недовольства. (к.)

Взрывы утесовъ и подводныхъ камней у „Желѣзныхъ Воротъ“, которые недавно предприняты, принадлежатъ къ выдающимся работамъ подобнаго рода. Они гораздо значительнѣе ранѣе произведенныхъ взрывовъ „Блоссомъ-Рока“ въ гавани Санъ-Франциско или рифа „Hallets-point“ въ Геллегатѣ близь Нью-Іорка, и происходятъ на пространствѣ 400,000 кубическихъ метровъ, на 6 различныхъ порогахъ Дуная. Они распредѣлены такъ, что на пространствѣ между Стѣнкою, Козлодойкой, Цикасъ, Тахталіей, Гребнемъ и Ючью должно устранить 160,000 кубическихъ метровъ, для чего необходимо на каждый кубическій метръ по одному электрическому зажигателю. Главная масса камней лежитъ около „Желѣзныхъ Воротъ“, гдѣ рѣка подъ Орсовой стѣснена и имѣетъ всего 120 метровъ ширины. Здѣсь находится множество утесовъ, достигающихъ 4 метровъ высоты и занимающихъ 240,000 кубическихъ метровъ. Планъ, основательно урегулировать такими средствами Нижній Дунай, былъ оставленъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ по причинѣ техническихъ и финансовыхъ затрудненій, хотя и были готовы взяться за его исполненіе въ 1874 году интернаціональная комиссія, а въ 1879 — Сегединская комиссія, съ цѣлью поднять судоходство и устранить вредное для сельскаго хозяйства обмелѣніе Дуная. Интересные взрывные опыты по Лауэрискому методу, причемъ на рѣчномъ руслѣ зажигаются свободно положенные динамитные заряды, уже въ 1888 году были произведены съ отличнымъ успѣхомъ, но въ настоящемъ случаѣ техники высказались за способъ буренія. Для устраненія 400,000 кубическихъ метровъ крѣпкой горной породы воспользуются бурильною машиной Лобница, такъ хорошо зарекомендовавшей себя при прорытіи Суэзскаго канала. Она состоитъ изъ парома, на которомъ находятся 10 копровъ, общій вѣсъ которыхъ равенъ 400 тоннамъ. Копры снабжены внизу острыми рѣзцами. Вслѣдствіе того что при помощи силы пара ихъ подымаютъ на высоту отъ 1½ до 6 метровъ и оттуда со всею силою и громадною скоростью опускаютъ, самая крѣпкая горная порода скоро разбивается вдребезги. Соединенные съ копрами черпаки достаютъ изъ воды обломки скалъ. Дѣло подвигается очень быстро и не представляетъ никакой опасности въ сравненіи со взрывомъ. (к.)

Новый способъ живописи. Берлинскіе художники познакомились въ тамошней академіи съ новымъ способомъ живописи, причемъ самъ изобрѣтатель Герардъ, художникъ изъ Дюссельдорфа, давалъ объясненія. Кругомъ на хорахъ академіи помѣстились директоръ ея, Антонъ фонъ-Вернеръ, и всѣ преподаватели. По способу Герарда связующимъ элементомъ красокъ является не масло, а казеинъ и воскъ; для разжиженія при писаніи употребляется вода. Слѣдуетъ замѣтить, что сверхъ этого можно писать и при помощи масла. Весьма вѣроятно, что уже древніе египтяне и помпеяне писали этимъ способомъ, точно такъ же какъ и позднѣйшіе художники до Рубенса, преимущественно же Альбрехтъ Дюреръ. Профессоръ Вольдемаръ Фридрихъ сообщилъ, что онъ самъ расписалъ по данному способу потолокъ и находитъ способъ этотъ весьма пригоднымъ. Послѣ этихъ сообщеній тутъ же были произведены опыты. Для этой цѣли было очищено мѣсто на стѣнѣ на хорахъ, гдѣ находились двѣ писанныя на конкурсъ фрески. Профессоръ Браузеветтеръ написалъ выразительное лицо, профессоръ Гуго Фогель—поясной портретъ въ красномъ костюмѣ, художникъ Гервартъ — средневѣковое зданіе и профессоръ Поль Мейергеймъ изобразилъ на стѣнѣ воловъ въ упряжи. Всѣ единодушно признали, что эти картины, написанныя по способу Герарда, очень хороши. (к.)

Замѣчательное скопленіе туманныхъ пятенъ въ созвѣздіи Большой Медвѣдицы. На обсерваторіи Лика въ Калифорніи, астрономомъ Боргамомъ, при помощи сильнаго 36-дюймоваго телескопа, недавно открыто скопленіе 18-ти туманныхъ пятенъ по лѣвую сторону отъ Мизара, предпослѣдней звѣзды хвоста Большой Медвѣдицы, на небольшомъ пространствѣ, шириною въ 5′, а длиною въ 16′. Всѣ эти туманныя пятна весьма малы и въ слабый телескопъ кажутся маленькими свѣтящимися точками, которыя при помощи современныхъ сильныхъ телескоповъ обращаются въ туманныя пятна. Многіе считаютъ туманныя пятна особыми міровыми системами въ безконечномъ разстояніи отъ насъ. Если это предположеніе вѣрно, то вышеуказанныя туманности представляютъ замѣчательнѣйшій примѣръ грандіознаго скопленія новыхъ міровыхъ системъ въ безграничномъ пространствѣ. Удивительна также и способность этого громаднаго, устроеннаго Ликомъ, инструмента разлагать свѣтила кажущіяся очень мелкими звѣздами—въ туманныя пятна, тогда какъ, наоборотъ, прежніе и довольно сильные телескопы разлагали туманныя пятна въ звѣздныя кучи. (к.)

Средство противъ дифтерита. Въ *Manchester Examiner* сообщается весьма простое, однако испытанное средство противъ дифтерита,—именно ананасный сокъ. Негры, живущіе въ болотистыхъ мѣстахъ Луизіаны, съ большимъ успѣхомъ употребляютъ ананасный сокъ, когда среди нихъ появляется дифтеритъ. Этотъ сокъ настолько ѣдокъ и остръ, что совершенно очищаетъ пораженную мокротную перепонку. И не только негры, но и множество дѣтей бѣлыхъ, проживающихъ въ Луизіанѣ, даже въ тяжелыхъ случаяхъ заболѣванія излѣчивались этимъ простымъ средствомъ. (к.)

Астрономическое открытіе. За послѣднее время сдѣланы два астрономическихъ открытія, дающія намъ возможность вполнѣ неожиданно проникнуть взоромъ въ строеніе и даже въ самыя отдаленныя времена исторіи развитія нашей солнечной системы. Вспомнимъ, что не такъ еще давно итальянскій астрономъ Скіапарелли указалъ, что планета Меркурій вращается около своей оси во столько же времени, во сколько движется вокругъ солнца, и такимъ образомъ эта планета находится въ той же стадіи развитія, какъ наша луна. Теперь Скіапарелли могъ еще далѣе развить эти интересные, хотя и не достаточно точные выводы. Вопросъ о времени обращенія вокругъ солнца второй отъ него планеты, Венеры, долго оставался неразрѣшимою задачей. За два столѣтія французскіе астрономы изъ нѣкоторыхъ наблюденій надъ замѣченными ими на Венерѣ пятнами заключили, что она обращается около своей оси въ 23 дня. Шестьдесятъ лѣтъ спустя, нашли, что она обращается всего въ 23 часа 20 минутъ, и это число попало во всѣ популярные учебники астрономіи. Но для науки вопросъ этотъ, какъ было сказано, оставался открытымъ. 13 лѣтъ тому на-

Библиотека "Руниверс"

задъ Скіапарелли рѣшился приступить къ ближайшему изслѣдованію этого вопроса, уже и раньше интересовавшаго его. Въ настоящее время онъ обнародовалъ результаты своихъ изслѣдованій, представляющіе громадный матеріалъ наблюденій. Результатъ тотъ что Венера оборачивается въ 225 дней разъ около своей оси. И потому она находится въ такомъ же отношеніи къ солнцу, какъ луна къ землѣ. Она постоянно обращена къ солнцу одною и тою же стороною, какъ луна къ намъ, и въ то время какъ эта сторона ея всегда освѣщена, другая лежитъ въ вѣчномъ мракѣ. Поэтому тамъ, не смотря на присутствіе атмосферы, не можетъ быть органической жизни. (к.)

Новыя усовершенствованія фонографа. Неутомимый Эдиссонъ, въ своихъ безпрерывныхъ стараніяхъ усовершенствовать фонографъ, достигъ столь удачныхъ результатовъ, что теперь этотъ аппаратъ быстро начинаетъ вытѣснять стенографію. Какъ сообщаютъ въ *Times* изъ Нью-Іорка, въ сѣверо-американской метрополіи уже употребляются нѣсколько сотъ машинъ. Принципалы и ихъ управляющіе диктуютъ свои письма въ фонографъ, который затѣмъ диктуетъ ихъ писцу. Восковые цилиндры могутъ сохраняться, и въ спорныхъ случаяхъ являются болѣе существеннымъ доказательствомъ, чѣмъ рукописныя и стенографическія замѣтки. Фонографъ также употребляется для показаній и докладовъ во время судебныхъ разбирательствъ, собраній и конгрессовъ. Недавно въ Чикаго, въ одномъ изъ подобныхъ случаевъ, одинъ репортеръ работалъ съ двумя валиками. Пока одинъ переписывали, докладчикъ говорилъ въ другой. Тотчасъ же образовалось фонографо-репортерское общество, которое предложило свои услуги газетамъ за болѣе дешевую плату и ручаясь за большую точность, чѣмъ то было возможно при старой (стенографической) системѣ. Къ тому же, фонографическій методъ не производитъ никакой помѣхи, ибо репортеръ, находящійся при аппаратѣ, долженъ говорить шепотомъ, повторяя слова оратора. Но не только для практически-дѣловыхъ цѣлей, а также для науки приложимы и важны Эдиссоновы изобрѣтенія. Эдиссонъ именно теперь за-

Высокопреосвященный Никаноръ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій († 27 декабря 1890 г.).

Самаркандъ. Большая торговая площадь. Торговцы мукой. Съ фот. Апостоли, грав. Шюблеръ.

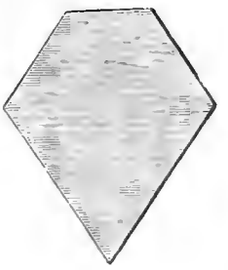
Библиотека "Руниверс"

нять тѣмъ, чтобы примѣнить свои наблюденія къ астрофизикѣ (наукѣ о физической природѣ звѣздъ) и изслѣдованію земнаго магнетизма, и между прочимъ собирается фонографировать тѣ шумы, которые вызываются на солнцѣ изверженіями. *Нью-Іоркскій Геральдъ* сообщаетъ, что въ Огденѣ (въ штатѣ Нью-Джерсей) отвѣсно выдается изъ земли и еще глубоко сидитъ подъ землею масса желѣзной руды, длиною въ англійскую милю; въ цѣломъ масса эта имѣетъ приблизительно 100 милліоновъ тоннъ магнитнаго желѣзняка. Процессы на солнцѣ вызываютъ колебанія въ земномъ магнитизмѣ (магнитныя бури), какъ показываютъ магнитометры обсерваторій. Изъ этого Эдиссонъ вывелъ заключеніе, что можно чрезвычайно усилить эти колебанія въ земномъ магнетизмѣ и такимъ образомъ сдѣлать его замѣтнымъ, если таковую, какъ вышеописанная, гору магнитнаго желѣзняка обвить проводниками изъ проволоки длиною въ нѣсколько миль, на которыхъ должны развиваться сильные электрическіе токи при всякомъ измѣненіи земнаго электричества. Одновременныя акустическія явленія на солнцѣ могутъ быть тогда услышаны на нашей планетѣ. Согласно съ этими предположеніями, Эдиссонъ поставилъ телеграфные столбы по обѣимъ сторонамъ Огденской рудоносной горы и провелъ нѣсколько разъ вокругъ всей горы изолированную проволоку. Оба конца проволочнаго проводника примкнуты къ принимающему телефону. Этотъ опытъ обѣщаетъ существенную помощь метеорологіи, насколько на нее оказываютъ вліяніе колебанія солнечной теплоты.

Чарльзъ Эдвардъ Парнеллъ, членъ Англійскаго парламента.

Локомотивъ безъ огня, повидимому, противорѣчитъ идеѣ локомотива. Копоть, искры и огонь необходимо связаны съ представленіемъ о локомотивѣ, между тѣмъ какъ въ огромномъ большинствѣ другихъ службъ, кромѣ желѣзнодорожной, являются только помѣхою. Употребленіе на уличныхъ желѣзныхъ путяхъ электричества и подземнаго кабеля, а въ горномъ дѣлѣ и лошадей для возки тачекъ объясняется тѣмъ, что еще не умѣли отдѣлить другъ отъ друга производителя и производимую силу, огонь и паръ. Кто бывалъ въ рудникахъ, гдѣ при работахъ пользуются еще лошадьми, тому не забыть отвратительнаго запаха. Горючіе газы еще несноснѣе и даже опаснѣе, средствомъ противъ ихъ запаха служитъ водяной паръ. Послѣ произведенныхъ года два тому назадъ опытовъ надъ паровыми машинами безъ огня на уличныхъ желѣзныхъ путяхъ, недавно въ Монсѣ введенъ въ употребленіе въ горномъ дѣлѣ локомотивъ безъ огня. Это большой паровикъ на колесахъ, который содержитъ воду, перегрѣтую до 205° Цельсія, что достигается громаднымъ давленіемъ. Ибо если на высокихъ горахъ вода кипитъ при температурѣ низшей 100°, то при соотвѣтственномъ давленіи можно возвысить ея температуру гораздо выше 100°, при чемъ необходимо давленіе въ 16 атмосферъ. При этомъ вода долго продолжаетъ кипѣть и безъ огня и производитъ паръ до тѣхъ поръ, пока давленіе не упадаетъ до одной атмосферы, а температура—до 100°. За это время можно совершить путь въ 3—4 километра со скоростью 2-хъ метровъ въ секунду, что даетъ почти милю въ часъ. Здѣсь сила пара дѣйствуетъ подобно пружинѣ, которая выпрямляется послѣ сжатія. Нагрѣваніе воды производится паровою машиной, которая стоитъ на поверхности земли и отъ которой проведена трубка въ шахту. Трубка эта соединена съ машиной. Само собою разумѣется, что нужны два локомотива изъ которыхъ одинъ топится, пока другой находится въ ходу. (в. к.)

Геометрическая задача № 3.



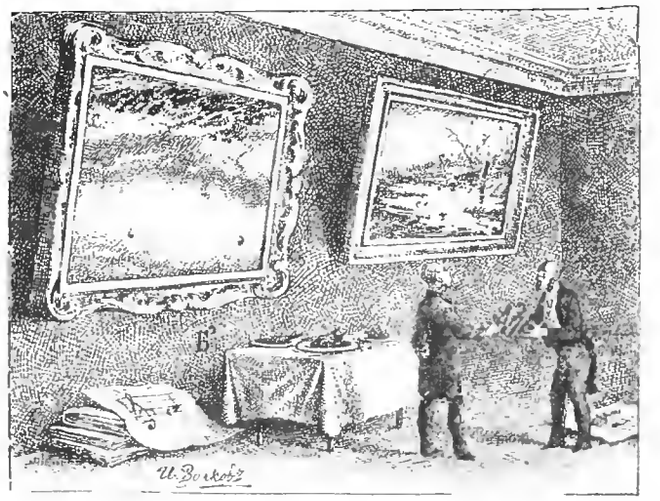
Данную фигуру раздѣлить на *семь* частей, изъ которыхъ требуется составить правильный пятиугольникъ.

Раздѣлъ. Задача № 4.

Четверо крестьянъ, направляясь въ городъ за товарами, нашли на дорогѣ мѣшокъ съ деньгами. Одинъ изъ нихъ, какъ первый увидѣвшій находку, взялъ себѣ большую часть денегъ, а остальное подѣлилъ между тремя товарищами. Послѣдніе, однако, остались недовольны такимъ раздѣломъ, такъ какъ получили не по-ровну. И вотъ—одинъ изъ нихъ, послѣ долгихъ усилій, убѣдилъ перваго нашедшаго произвести вторичный дѣлежъ, который состоялъ въ слѣдующемъ: первый (нашедшій) долженъ былъ дать остальнымъ по столько денегъ, по сколько онъ имъ далъ раньше; затѣмъ второй крестьянинъ, получившій на 24 руб. болѣе четвертаго и нѣсколькими рублями болѣе третьяго, долженъ былъ сдѣлать то же самое, т. е. дать каждому товарищу по столько, по сколько они будутъ имѣть, послѣ того какъ они получатъ деньги съ перваго. Такъ же точно должны поступить и третій и четвертый.

Спросимъ читателя, сколько-же было денегъ въ мѣшкѣ, и какъ ихъ раздѣлилъ первый крестьянинъ вначалѣ, если у каждаго крестьянина послѣ вторичнаго дѣлежа—денегъ оказалось поровну?

Ребусъ. Задача № 5.



Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

Подписная цѣна показана на первой страницѣ.

КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1891 Г. №№. СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ, СБОРНИКОМЪ и пр.

Библиотека "Руниверс"

1-й заемъ 1864 года. 52-й тиражъ 2 января 1891 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
39	19	500	3056	42	500	5534	41	500	7984	41	1000	10100	47	500	12655	12	500	14740	38	500	17064	45	500
55	48	500	3137	3	500	5713	21	500	8026	59	500	10260	27	500	12655	25	500	14780	32	500	17114	23	75000
74	21	500	3146	14	500	5783	41	500	8161	27	500	10104	3	500	12737	2	500	14793	29	1000	17141	11	500
78	36	500	3153	18	500	5829	10	500	8301	30	500	10423	16	500	12759	6	500	14809	22	500	17212	18	8000
97	48	500	3203	19	500	5855	44	500	8363	29	500	10455	4	500	12917	8	500	14829	42	500	17361	10	500
313	14	1000	3211	33	1000	5904	35	500	8157	11	500	10612	5	500	12969	10	500	14883	43	500	17163	4	500
484	19	500	3278	17	500	5952	3	500	8482	7	1000	10618	31	500	13170	50	8000	15041	38	500	17591	5	500
551	8	500	4288	50	500	6005	2	500	8483	30	500	10668	25	500	13275	17	500	15060	39	500	17610	33	500
719	9	500	3291	32	500	6054	23	500	8188	23	500	10751	41	500	13347	47	500	15097	44	500	17719	22	500
733	15	500	3357	49	500	6179	29	500	8561	8	500	10754	1	500	13354	48	500	15120	36	500	17801	3	1000
760	44	500	3381	7	500	6271	8	500	8567	30	1000	10791	8	500	13518	32	500	15140	24	500	17846	30	500
832	39	500	3424	26	500	6322	11	500	8615	6	500	10965	21	500	13527	18	500	15169	5	500	17853	6	500
862	20	25000	3445	20	500	6366	16	500	8638	36	500	10975	49	500	13543	30	500	15292	[illegible]	500	17882	38	500
890	36	500	3719	48	500	6439	46	500	8781	16	500	11039	9	500	13581	30	500	15294	41	5000	17989	46	500
912	29	500	3795	7	500	6526	16	500	8825	2	500	11266	28	500	13615	30	500	15312	31	500	18019	5	500
963	16	500	3825	32	500	6725	41	500	8975	16	1000	11309	46	500	13690	34	500	15405	23	500	18128	23	500
1076	16	1000	3845	16	1000	6738	42	500	9005	25	500	11334	26	500	13693	13	500	15501	41	500	18165	47	500
1091	50	500	3891	26	500	6779	17	500	9052	12	500	11400	3	500	13729	10	500	15592	7	1000	18184	23	500
1266	25	500	4082	15	500	6784	5	500	9120	23	500	11413	21	500	13729	42	8000	15607	11	500	18303	43	500
1390	28	40000	4082	17	5000	6959	11	500	9126	7	500	11530	19	500	13835	7	500	15643	38	1000	183.4	7	500
1486	46	500	4209	1	500	6961	17	5000	9221	32	500	11665	13	500	13869	10	5000	15652	38	500	18343	2	500
1543	21	500	1230	50	500	7000	10	500	9297	4	1000	11721	38	500	13968	45	1000	15655	6	500	18354	20	500
1515	3	500	4304	39	500	7004	50	500	9366	21	500	11739	3	1000	14020	5	500	15707	15	500	18512	25	500
1628	21	500	4361	48	500	7007	37	1000	9389	48	500	11813	38	500	14113	3	500	15713	28	1000	18531	22	500
1712	42	500	4446	5	500	7015	4	500	9505	29	500	11906	21	500	14150	46	8000	15892	14	500	18553	8	500
1895	35	500	4450	39	500	7065	35	500	9544	25	500	11919	31	500	14153	39	500	14953	36	500	18576	4	5000
1993	45	500	4466	19	500	7085	9	500	9609	32	500	11961	26	500	14160	41	500	16088	40	500	18759	12	500
2186	1	500	4629	4	500	7237	3	500	9617	49	500	12025	38	500	14298	9	10000	16157	27	10000	18838	27	500
2200	40	500	4629	50	500	7245	7	500	9659	48	500	12102	27	500	143 9	48	500	16169	38	500	18874	39	500
2227	28	500	4639	24	500	7400	49	500	9682	28	5000	12106	49	500	14388	47	500	16373	49	500	19047	41	500
2343	31	500	5004	38	500	7498	6	500	9699	15	500	12134	14	500	14439	38	500	16455	17	500	19126	16	500
2515	20	1000	5012	48	500	7503	49	500	9838	8	500	12272	44	500	14441	6	500	16474	19	500	19483	37	500
2583	14	500	5056	2	500	7512	28	500	9890	41	1000	12303	7	8000	14472	14	500	16780	37	500	19491	43	5000
2558	33	500	5170	38	500	7523	41	500	9903	31	1000	12357	22	500	14578	9	500	16906	33	500	19826	47	500
2862	18	500	5190	28	500	7830	27	500	9956	18	500	12484	8	500	14580	48	500	16967	20	500	19961	2	500
2881	6	500	5273	46	500	7850	28	500	9963	1	500	12610	4	500	14629	12	500	16984	1	500	19968	3	500
2943	14	500	5319	47	1000	7910	39	500	10062	8	500	12613	12	500	14656	29	500	17034	19	500	19997	38	500
3016	26	500	5318	8	500	7940	45	500	10078	24	200000												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

78, 191, 1045, 1322, 1479, 1502, 1830, 2383, 2491, 3508, 3929, 3982, 4222, 4318, 4325, 4384, 4673, 4701, 4808, 4851, 4941, 5251, 5382, 5515, 5800, 5951, 5963, 6311, 6361, 6857, 7113, 7189, 7291, 7333, 7528, 7549, 7651, 7942, 7971, 8338, 8545, 9077, 9611, 9614, 9676, 10193, 10373, 10998, 11113, 11161, 11261, 11300, 11325, 11514, 12016, 12069, 12348, 12737, 12934, 12980, 13151, 13179, 13313, 13576, 11168, 14556, 14622, 14684, 14697, 15046, 15088, 15531, 15219, 15397, 16018, 16080, 16394, 16401, 16620, 16764, 17156, 17249, 17287, 17449, 17595, 17850, 18030, 18105, 18438, 18647, 18754, 18919, 19114, 19595, 19733, 19778.

СОДЕРЖАНІЕ: **Мальтійская цѣпь.** Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.** Ч. 1. (Продолженіе). — **Долина р. Іордана.** (По путевымъ замѣткамъ **Стараго Паломника**). (Съ картой). Къ рисункамъ: **Перегрузка трески со шкуны въ бочки въ Архангельскѣ** (съ рис.). — **Литературный альбомъ. „Степная розочка“** (съ рис.). — **Своими средствами** (съ рис.). — **Добрый пастырь** (съ рис.). — **Тигры въ степныхъ снѣгахъ** (съ рис.). — **Тройка въ метель** (съ рис.). — **Другъ человѣчества** (съ рис.). — **Высокопреосвященный Нинаноръ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій** (съ портр.). — **Самаркандъ. Большая базарная площадь. Продавцы муки** (съ рис.). — **Чарльзъ Эдвардъ Парнеллъ** (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Задачи. — Подписка на 1891 г. — Тиражъ выигрышей въ Государственномъ Банкѣ. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Поединокъ Фауста съ Валентиномъ.
Образецъ гравюры на мѣди (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте.

Изданіе А. Ф. МАРКСА:

Большое роскошно иллюстрированное изданіе in folio сочиненія

ГЁТЕ

„ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА,** съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ. Альгейеромъ. Зигле** и друг.

Классически образцовый переводъ **А. Фета** не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ **Гёте** представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ **40 р.,** за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА“, СПБ., Невскій пр., № 6.

Къ свѣдѣнію гг. любителей ВЫПИЛКИ по дереву.

Поступилъ въ продажу только что изданный конторою журнала „Нива“ **НОВЫЙ** (по счету **ТРЕТІЙ**)

„АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛКИ ПО ДЕРЕВУ“,

состоящій изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ **множество превосходно выполненныхъ рисунковъ,** разнообразнѣйшихъ по величинѣ и стилю всевозможныхъ предметовъ, и **около 100** русскихъ, славянскихъ и французскихъ **буквъ - монограммъ.** Въ альбомъ вошли исключительно **НОВЫЕ. НИГДѢ ЕЩЕ НЕ ПЕЧАТАВШІЕСЯ РИСУНКИ** художника

В. Н. КЛАГЕСА.

Имъ же составленъ и помѣщенный въ альбомѣ **объяснительный текстъ** къ рисункамъ, служащій, вмѣстѣ съ тѣмъ, **общепонятнымъ руководствомъ при выпиливаніи, что особенно важно для начинающихъ.**

Цѣна альбома въ изящной литографиров. обложкѣ **1 р. 25 к.,** а съ пересылкою иногороднымъ **1 р. 60 к.**

Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ контору журн. **„Нива“.** Невскій, 6.

Библиотека "Руниверс"

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28—8

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (53) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено осѣмнадцатью послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣнными и исправленными авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1 500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскоши. каленкор. перепл. съ золот. тиснен.—8 р., съ перес. 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы"—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 руб. съ пересылкою 8 руб.

Съ требован. просятъ обращаться въ СПБ., въ контору журн. „Нива" (Невскій, 61.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Гувернантокъ (Evangel. Gouvernanten Heim) рекомендуетъ учительницъ и гувернантокъ всѣхъ націй.

Комитетъ Евангелическаго Общества Гувернантокъ: СПБ., Торговая, д. 15, кв. 58. № 4916

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHA LES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris. Ц. № 3767 (93)

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ

МОЛОЧНАЯ МУКА

для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока

Паров. фабр. БЛИГКЕНЪ и РОБИНСОНЪ въ СПБ.

Единственный агентъ для Россіи: ВАСИЛІЙ АУРИХЪ, Колокольная, 18 — 19, въ С.-Петербургѣ.

Его подпись должна быть на каждой жестянкѣ: Василій Аурихъ

Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки.

Продается въ аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи В. № 4721 17—6

НОВОСТЬ! ПІАНО-МЕЛОДИКО

новѣйшій и лучшій механическій инструментъ со струнами

Цѣна 80 рублей. Ц. № 4733 (8)

Ноты отдѣльно по 70 коп. за 1 метръ (= 1½ арш.)

Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

Механическій инструментъ съ голосами. Цѣна 70 руб. съ 10-ю пьесами.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка.

Иллюстрировани. прейсъ-курантъ всѣмъ музыкальнымъ инструментамъ безплатно

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ"). 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Fleichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 4720 17—6

Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Берлинскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

60 к., 75 к., 1 р., 1 р. 25 к. до 5 р. съ полнымъ комфортомъ отдѣльныя комнаты во вновь перестроенной и значительно увеличенной Ц. № 4768 (6)

БОЛЬШОЙ ГОСТИННИЦѢ „РОССІЯ" ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Лучшая кухня. Первоклассный ресторанъ. Самыя умѣренныя цѣны на всѣ предметы. Омнибусъ; ванны. Телефонъ. Подъемная машина (liff) во всѣ этажи. Уступка при болѣе продолжительномъ пребываніи. Подробный тарифъ высылается по требованію.

Поступили въ продажу только что изданные Ф. Павленковымъ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ Ч. ДИККЕНСА

въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой:

I. Крошка Доррить (20 рис.) — II. Тяжелыя времена (18 рис.) — III. Холодный домъ (20 рис.) — IV. Николай Никльби (17 рис.) — V. Два города (10 рис.) — VI. Мартинъ Чезльвитъ (13 рис.).

Въ прошломъ году въ такомъ же иллюстрированномъ видѣ Ф. Павленковъ издалъ остальные 6 романовъ Диккенса: Давидъ Копперфильдъ, Домби и сынъ, Оливеръ Твистъ, Нашъ общій другъ, Лавка древностей и Большая Надежда.

Цѣна каждаго романа - 40 коп. Въ папкѣ 50 к. Въ роскошныхъ переплетахъ можно пріобрѣсти только сборники по 6 романовъ вмѣстѣ. Цѣна каждаго сборника 3 р. 25 к.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. - Главный складъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова: С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., № 2. Мт. № 4939

Продается у П. Фену и К°.

УЧЕБНИКЪ ГЕОМЕТРІИ

М. З. Штепенко.

Особенности его: схемы доказательствъ, строго выработанныя опредѣленія, ценность плюс

В. № 4731 24—

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ

Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и паденія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

Г. ДАВИДЪ

Владимірскій пр., д. № 13, кв. 5, покупаетъ по высокой цѣнѣ, роскошные и рѣдкіе предметы отъ XVI, XVII и XVIII столѣтій. № 4904 1—3

ЛЕНИНГЕЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

Приготовляетъ искусственные зубы на золотыхъ и клучуковыхъ пластинкахъ № 4945

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ ГРИГОРІЙ ѲЕОДОСІЕВИЧЪ

КОРОБЧЕВСКІЙ

Уголъ Большой Морской и Гороховой д. № 30—13, кв. 13. (входъ съ Гороховой).

Новый историческій романъ изъ временъ Пугачевскаго бунта

гр. Е. А. САЛІАСА

будетъ печататься съ будущаго года въ ежедневной газетѣ 2—2

„НОВОСТИ ДНЯ".

Москва, Мясницкая, д. Сытоныхъ.

Годовая иногородная подписка 9 руб. полугодовая 5 руб. 50 коп. и для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ три срока по

3 руб. сер.

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО

ИНОГОРОДНИМЪ

ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННАГО ОБУЧЕНІЯ.

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩЕЕ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

въ 10 УРОКОВЪ

ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВЛ. на КРАСИВОЕ БѢГЛОЕ КОНТОРСК. ПИСЬМО

ОСНОВАТЕЛЬН. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ

Москва, Покровка, домъ Бутиковой

А. С. Шиманскій.

НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

Товарищество Промышленниковъ сарпинскихъ издѣлій ВЪ САРАТОВѢ.

Сезонъ 1891 года. Ц. № 4793 6—6

САРПИНКА

ручнаго ткачества, собственной выработки самыхъ новѣйш. и изящн. рисунковъ.

Продажа оптомъ и въ розницу, пересылка во всѣ города Россіи.

Образцы сарпинокъ высылаются съ 15-го ноября с. г. въ альбомѣ за 42 к.

Цѣны и условія по альбому (переписка на русскомъ языкѣ)

Библиотека "Руниверс"

Н. П. ЛАНИНЪ,

КОММИСІОНЕРЪ ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ ВЪ МОСКВѢ. № 4796 5—4

СКЛАДЫ: Москва, Москворѣцкій мостъ, соб. д. Телефонъ № 764. С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., д. № 2—64. Одесса, уголъ Екатерининской и Еврейской улицъ, д. Писпасъ. Нижегородская ярмарка, уголъ Нижегородской и Макарьевской улицъ. Въ Бану, во время ярмарки.

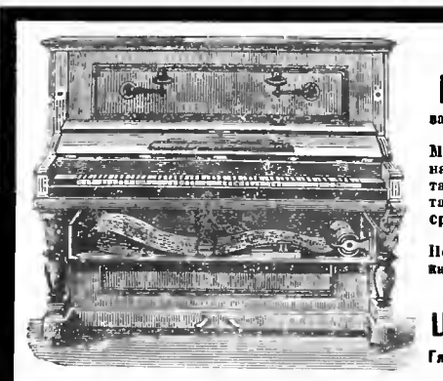
ФИРМА СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1854 ГОДА.

Она удостоена: на всероссійскихъ выставкахъ 11 и на иностранныхъ 45 наградъ. Кромѣ того, на всемірной выставкѣ въ Барцелонѣ 1888 года представитель фирмы удостоенъ званіемъ члена жюри и кромѣ золотой медали награжденъ командорскимъ крестомъ „Св. Изабеллы Католической" и на выставкѣ винъ въ Бордо двумя почетными дипломами и золотой медалью.

РЕКОМЕНДУЕТСЯ НА ЗИМНІЙ СЕЗОНЪ ОТЛИЧНАГО КАЧЕСТВА ШАМПАНСКОЕ:

IMPÉRIAL: сладкое.	Русское шампанское.
полусухое,	Crémant Rosé.
очень сухое.	Crémant Sec.
Кларетъ.	Crémant Demi Sec.

Во избѣжаніе поддѣлокъ всѣ эти сорта выпущены въ продажу съ новой герметической укупорной, при помощи проволочной сѣтки и металлической пластинки сверхъ пробки, съ выдавленнымъ клеймомъ: „Н. П. Ланинъ" и съ ПЛОМБОЙ „Н. П. Ланинъ, Москва".



НОВОСТЬ! МЕХАНИЧЕСКОЕ

ПІАНИНО

заграничной работы, новѣйшей конструкціи. Можно играть не только какъ на обыкновенномъ піаніно, но также отлично исполнять всѣ танцы и концертныя пьесы посредствомъ верченія ручки. Цѣна безъ нотъ 600 руб. Ноты по 1 руб. 25 коп. за каждый метръ (= 1½ аршина).

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 34 и 40. | Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ

въ большомъ выборѣ предлагаетъ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ.

◆ 14 наградъ на выставкахъ. ◆

◆ Справочн. лист. высыл. за 5 к. почт. марку. № 4933 2—2

◆ Катал. волшебн. фонарей и картинъ (до 6000 №№) съ рисунк. (№ 6) высыл. за 28 к. почт. марк.

9, Троицкая ул., 9.

ПРОШУ ЧИТАТЬ!

Парфюмерный магазинъ Г. Люпа въ Пассажѣ № 52, въ СПБ. высылаетъ Элеопатъ провизора КИНУНЕНА 2 флакона за 4 р.с. наложеннымъ платежомъ во всѣ города Россіи. И также изобрѣтенія всѣхъ парфюмеровъ.

Поступилъ въ продажу въ Конторѣ журнала „НИВА" (СПБ., Невскій, 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ" за 1890 г.

заключающій въ себѣ болѣе 1300 стран. разнообразнѣйшаго текста и около 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ А. Н. Майкова: „Маркъ Петровичъ Петровъ", больш. историч. романъ въ 2-хъ ч. Гр. Е. А. Саліаса: „Папъ крулъ", больш. романъ въ 5 ч. Вас. И. Немировича-Данченко: „Жизнь какъ она есть", больш. ром. І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго): „Кладъ", больш. историч. повѣсть А. А. Смирнова: „Скиренна", историч. пов. Г. Эберса: „Іисусъ" (иллюстрир. худ. Земцовымъ), повѣсть М. Н. Волконскаго: „Судьба", разск. А. Я. Максимова: „Попъ Симеонъ", повѣсть Н. Морскаго (Н. Н. Лебедева): „Мошичка", повѣсть В. Бибикова: „Первая гроза", очеркъ Евг. Маркова: „Гоненіе", разск. Ѳ. Ѳ. Тютчева: „Артемій Сватьевъ", и многихъ другихъ повѣстей и разсказовъ. Стихотворенія Я. П. Полонскаго, А. Фета, П. И. Вейнберга, І. І. Ясинскаго и др. Нѣсколько научно-популярныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія и пр. Кромѣ того, къ тому прилагаются три безплатныхъ преміи, а именно: двѣ большія картины, печатанныя красками по оригиналамъ профессора И. И. Шишкина:

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ". 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ" и 3) „СБОРНИКЪ ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ"

извѣстныхъ современныхъ писателей. Большой томъ in 8°, въ 541 стр.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми приложеніями:

Брошюрован.	4 р.	Въ коленк. перепл.	5 р. 50 к.
Съ пересылкою до 2000 верстъ	6 р.	Съ пересылкою до 2000 верстъ	7 р. 50 к.

Свыше 2000 верстъ за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Пин. Публ. Библіотеки. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 20-20

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Противъ шероховатости кожи и пр. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 руб.— 2 банки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подпись: А. Энглундъ, краснымъ чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товарами, у А. Рузанова, Спб. Техно-Химич. Лабор.— Въ Москвѣ: у К. Ферреинъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Готлибъ и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюмер. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Спб. Косметическая Лабораторія А. Энглундъ. Литейная, № 38. Ц. № 4479

ЧТОБЪ СОДЕРЖАТЬ ЧИСТО И СОХРАНЯТЬ САМОВАРЫ

УПОТРЕБЛЯЙТЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО

ВОЛШЕБНУЮ МАЗЬ

ДЛЯ ЧИСТКИ И ПОЛИРОВКИ МѢДИ. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.

„Лескъ" ИГЛОВЕННЫЙ и НЕИЗМѢННЫЙ

ВАКСОЮ ЖАКО

ЕДИНСТВЕННОЙ НЕ ПОРТЯЩЕЙ ОБУВИ

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ

Bauschule Strelitz I. M.

Eintritt jeden Tag.
Auch erprobte Vor- u. Weiterbildung durch
Brieflichen Unterricht.
Kostenlose Auskunft durch Direktor
Hittenkofer.

№ 1498 6—3

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ" изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1890 и 1891 гг., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 60 коп.

1865 А. РАЛЛЕ и К° 1846

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ НАСТОЯЩАГО-ЦВѢТОЧНО-ГЛИЦЕРИНОВАГО-МЫЛА

въ С.ПЕТЕРБУРГѢ — въ МОСКВѢ

МАГАЗИНЪ Невскій 18. СКЛАДЪ Чернышовъ переулокъ №19.

МАГАЗИНЪ Кузнецкій м. д. Солодовникова СКЛАДЪ Чижов. Подвор. (Никольская)

И ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗИНАХЪ Россійской Имперіи

№ 4642 (2-1)

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

(Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр.)

Съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи

П. П. Гнѣдича.

Изд. А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 иллюстраціями въ текстѣ—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 р., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 руб., съ перес. 8 руб. 50 коп.

Съ требованіями обращаться въ контору редакціи журнала „Нива": СПБ., Невскій проспектъ, № 6; въ отдѣленіе конторы „Нивы" Н. Н. Печковскій, въ Москвѣ, д. Петровскихъ торгов. линій.

Эта книга имѣется также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красоты. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительствъ и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ Б. Морская, 21.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соколова. II. 2 р., съ пер. 2 в. 50 к.

Дозвол. цензур., СПБ., 9 января 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | № 3 | г. XXII | 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Изданъ 19 января 1891 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. П. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

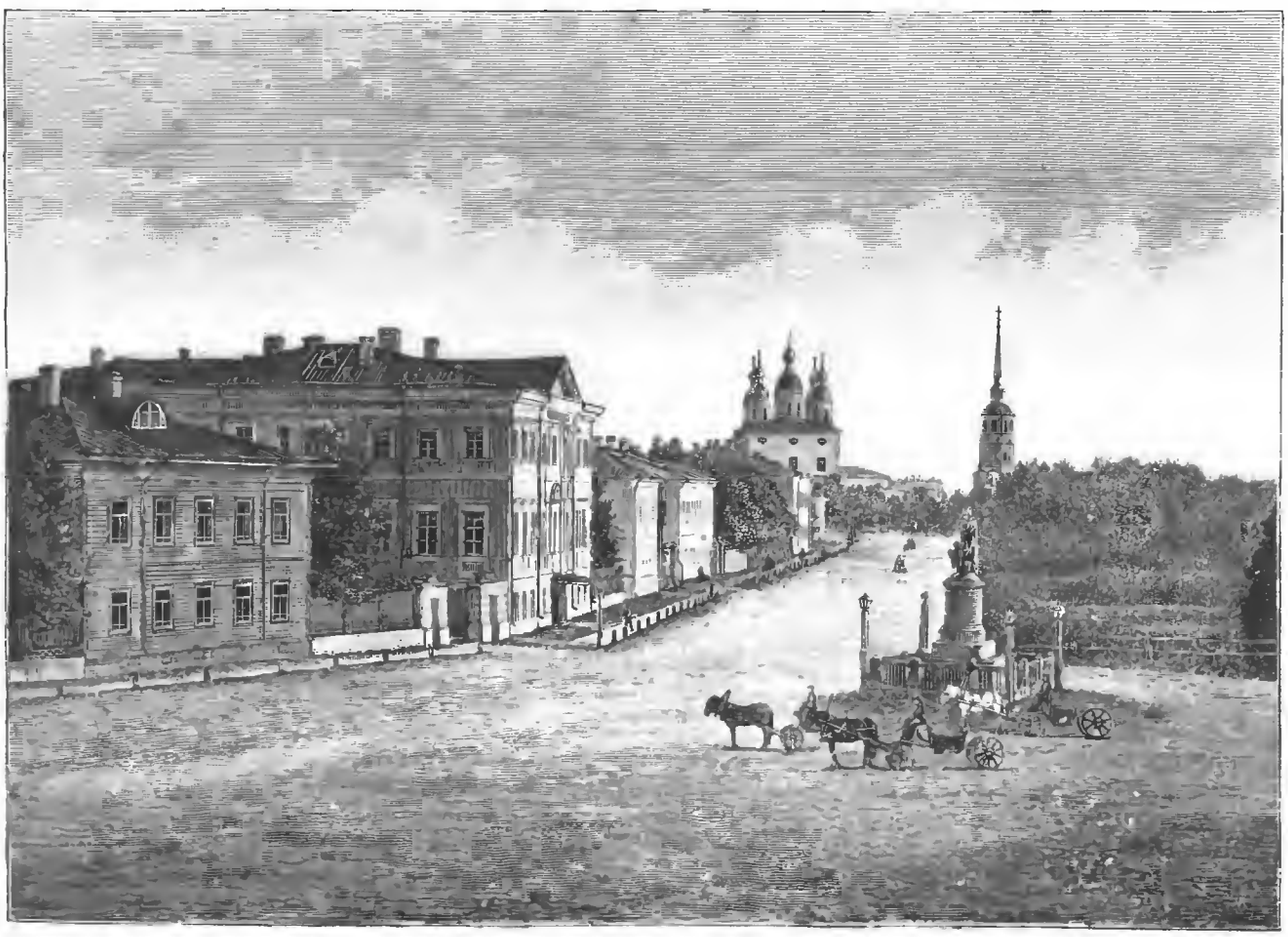
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ" принимаются за строку нонпарейль (1/4 шнр. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленіи отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1891 г. нумера „Нивы" со всѣми приложеніями.



Ломоносовская площадь и гимназія въ Архангельскѣ. Съ фот. Лейцингера, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XII.
Карнавалъ.

Прошло двѣ недѣли. Время веселаго карнавала уже наступило, а „Пелегрино" все еще стоялъ на мѣстѣ и не развѣвалъ своихъ парусовъ, хотя попутный Tramontana нѣсколько разъ подымался и Энціо приходилъ къ командиру спрашивать его приказаній, но Литта откладывалъ со дня на день отплытіе и каждый день съѣзжалъ на берегъ въ шлюпкѣ, проводя тамъ большую часть времени.

Эту неожиданную перемѣну въ своемъ командирѣ не могъ не замѣтить и экипажъ судна; среди матросовъ пошли тихіе разговоры и догадки, почему и зачѣмъ графъ Литта вдругъ пристрастился такъ къ берегу.

Энціо своимъ старческимъ опытомъ уже предугадывалъ причину этого: онъ нѣсколько разъ тоже побывалъ на берегу и, не встрѣтивъ нигдѣ Литту—ни на Вилла-Реале, ни въ театрѣ, ни въ другомъ какомъ-нибудь общественномъ мѣстѣ,—еще болѣе убѣдился въ справедливости своего предположенія.

Теперь, казалось ему, командиръ былъ въ его рукахъ—оставалось лишь прослѣдить, чьи прекрасные глаза обладаютъ такою магнитною силой, которая способна парализировать движеніе цѣлаго корвета.

Карнавалъ гремѣлъ всѣмъ своимъ шумомъ, пѣснями и гамомъ на улицахъ Неаполя... Веселые импровизаторы, взобравшись на возвышеніе, на какую-нибудь бочку, столъ и опрокинутый ящикъ, потѣшали публику своими разсказами; чіарлатаны громче обыкновеннаго кричали на рынкахъ; простой народъ забавлялся играми, бросалъ шары и тѣшился несложною ла-морра *). Тамбурины и гитары звучали своею однообразною но веселою музыкой, и подъ эту музыку вертѣлась и прыгала традиціонная тарантелла, въ которой, въ минуту разгула, вдругъ неистово отводитъ душу лѣнивый итальянецъ.

Смѣшныя и забавныя маски, арлекины, пьеро—мелькали по улицамъ, заговаривали другъ съ другомъ и пѣли игривыя пѣсни карнавалу, т. е. прощанію съ мясомъ.

Энціо съ утра отпросился на берегъ, подъ предлогомъ поглазѣть на праздникъ.

Явившись въ городъ, онъ въ первой попавшейся лавчонкѣ взялъ себѣ на прокатъ бѣлый костюмъ Пьеро и длинноносую маску и, нарядившись въ этотъ костюмъ, такъ что узнать его не было возможности, направился снова къ Спіаджіа-ди-Кіайя, куда приставали обыкновенно всѣ моряки...

Онъ зналъ, что и сегодня Литта по обыкновенію причалитъ къ берегу; и сегодня можно будетъ подъ прикрытіемъ маски прослѣдить, куда это ходитъ онъ и кто держитъ молодаго графа въ Неаполѣ.

Энціо сѣлъ въ тѣни раскидистаго дерева на берегу, чтобы издали слѣдить за приближеніемъ шлюпки съ „Пелегрино".

Литта дѣйствительно не заставилъ себя долго ждать.

Энціо сейчасъ-же узналъ небольшую шлюпку командира, спины двухъ налегавшихъ на весла гребцовъ и самого Литту, задумчиво сидѣвшаго на рулѣ.

Графъ, разумѣется, не былъ замаскированъ. На немъ было его обыкновенное одѣяніе рыцаря съ бѣлымъ крестомъ...

Шлюпка причалила къ берегу. Литта легко выпрыгнулъ изъ нея и скорыми, свободными шагами, напѣвая себѣ подъ-носъ и почему-то улыбаясь, пошелъ въ городъ.

Энціо выждалъ нѣкоторое время и направился за нимъ.

Они скоро вошли въ гудѣвшую толпу, но Энціо не отвѣчалъ на шутки и задиранья масокъ, сейчасъ-же начавшихъ приставать къ Пьеро, и внимательно слѣдилъ за пробиравшимся передъ нимъ сквозь толпу Литтою.

Литта шелъ видимо привычною, давно знакомою дорогою и не глядѣлъ по сторонамъ...

На Толедской улицѣ, несмотря на то, что здѣсь толпа была тѣснѣе, онъ ускорилъ шагъ.

Энціо слѣдовалъ за нимъ по пятамъ.

Вдругъ небольшая толпа масокъ загородила Литтѣ дорогу.

Маски отличались своими костюмами отъ остальныхъ, и по этимъ костюмамъ можно было догадаться, что они принадлежатъ къ высшему обществу.

Одинъ изъ этой толпы, въ фантастическомъ костюмѣ турка, прямо остановился передъ Литтою и, видимо стараясь измѣнить свой природный голосъ на густой басъ, проговорилъ:

— Графъ Джуліо Литта, остановись, ибо мы знаемъ куда ты идешь.

— Синьоры Скавронской дома нѣтъ, добавилъ кто-то сзади.

Энціо насторожилъ уши.

— Напрасно обивать пороги русскаго палаццо, когда у насъ и своихъ красавицъ довольно... замѣтилъ со смѣхомъ еще одинъ голосъ изъ толпы.

— Графъ Джуліо Литта, вылѣчи меня—у меня оспа!.. пробасилъ снова турокъ.

Литта сразу догадался съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Очевидно это были тѣ самые молодые люди, которые давно воображали себя достойными вниманія русской синьоры, и теперь, подъ прикрытіемъ маски, желали почему-то сдѣлать ему дебошъ.

Онъ видѣлъ уже и понималъ настроеніе этихъ господъ, такъ и ждавшихъ теперь случая пристать къ нему, и старался лишь угадать, кто-бы это могъ быть...

И вдругъ ему показалось, что Мельцони долженъ быть непремѣнно среди нихъ.

Онъ скрестилъ руки на груди и поднявъ голову проговорилъ:

— Не мудрено, что вы узнаете меня, съ непокрытымъ лицомъ; но если вы искали случая оскорбить меня, то по крайней мѣрѣ откройте и свое лицо, чтобы я могъ видѣть съ кѣмъ имѣю дѣло... Синьоръ Мельцони, я вамъ говорю это... добавилъ вдругъ Литта, ни къ кому впрочемъ не обращаясь особенно изъ остановившей его толпы.

Рука турка слегка дрогнула... По тому возбужденію, которымъ была охвачена эта толпа, и по тому какъ вдругъ вспыхнулъ Литта, Энціо не могъ не замѣтить, что дѣло тутъ выходило гораздо серьезнѣе обыкновеннаго столкновенія масокъ во время карнавала.

— Тутъ нѣтъ синьора Мельцони, проговорили опять сзади, но движеніе руки турка не ускользнуло отъ Литты.

— Синьоръ Мельцони, если вы скрываетесь, то вы трусъ, проговорилъ онъ ему.

Турокъ двинулся слегка впередъ.

— Что?! запальчиво проговорилъ онъ, выдавая себя теперь и своимъ движеніемъ, и голосомъ.

Кругомъ замѣтили, что шутка начинаетъ принимать размѣры, переходящіе границы благоразумія, и сейчасъ-же заговорили въ примирительномъ духѣ.

*) Особая игра, въ которой одинъ изъ игроковъ поднимаетъ одну или обѣ руки съ нѣсколькими вытянутыми пальцами, а противникъ мгновенно долженъ сказать число поднятыхъ пальцевъ.

Библиотека "Руниверс"

— Ну что это, ну полноте, ну вѣдь никто-же не хотѣлъ оскорбить васъ, графъ... раздался изъ-подъ одной маски успокоительный голосъ дука ди-Мирамаре,—ну что-же вы...

Мельцони снялъ маску.

— Если вы считаете себя оскорбленнымъ, то я къ вашимъ услугамъ, проговорилъ онъ Литтѣ,—когда угодно...

Литта холодно поклонился.

— Да полноте-же, господа! проговорилъ опять ди-Мирамаре, но Литта спокойно раздвинулъ толпу и, сказавъ Мельцони, что объ условіяхъ пришлетъ переговорить съ нимъ своихъ секундантовъ, направился къ палаццо русскаго посланника.

Толпа замаскированныхъ молодыхъ людей осталась какъ-бы въ недоумѣніи. Они вовсе не ожидали, что выйдетъ такая исторія. Они просто, случайно встрѣтивъ Литту почти у самаго дворца Скавронскаго, хотѣли пошутить, посмѣяться, вовсе не думая, что задѣнутъ слишкомъ за живое графа Литту и что тотъ сдѣлаетъ вызовъ.

Одинъ только Мельцони, казалось, былъ очень доволенъ всѣмъ случившимся и нисколько не сожалѣлъ, что все такъ вышло.

Дуэль, впрочемъ, и для него, и для остальныхъ молодыхъ людей была слишкомъ обыкновенною вещью, чтобы ужь черезчуръ волноваться изъ-за нея; но все-таки въ данномъ случаѣ нельзя было не сознаться, что почти не было никакой видимой причины для поединка.

Правда, многіе знали, что Мельцони охотно всегда заговариваетъ о красивой русской синьорѣ и много разъ искалъ даже случая познакомиться съ нею, хотя безуспѣшно, и что съ тѣхъ поръ какъ Литта сталъ бывать у Скавронскихъ, онъ началъ относиться къ нему съ недружелюбною завистью... А этого было слишкомъ достаточно, чтобы малѣйшее столкновеніе перешло въ открытую вражду... И въ виду этой, понятной теперь всѣмъ, скрытой причины, никто не пытался заводить рѣчь о примиреніи.

Энціо слышалъ все отъ слова до слова и понялъ изъ-за кого состоится дуэль... Онъ видѣлъ также куда теперь отправился Литта...

Мельцони, какъ ни въ чемъ не бывало, надѣлъ свою маску и, стараясь казаться особенно оживленнымъ, чтобы показать, что только что случившееся маленькое происшествіе отнюдь не должно смущать ихъ или нарушать общее веселье, пригласилъ своихъ спутниковъ идти впередъ, указавъ на какую-то маску ласково поглядывавшую на нихъ.

Энціо пошелъ за ними.

На концѣ Толедской улицы онъ ближе протерся къ молодымъ людямъ и незамѣтно для другихъ тронулъ за руку Мельцони...

Тотъ невольно обернулся.

— Синьоръ, шепотомъ проговорилъ Энціо, стараясь измѣнить свой голосъ,—на два слова...

Мельцони удивленно посмотрѣлъ на этого большаго бѣлаго Пьеро въ носастой маскѣ, который останавливалъ его довольно безцеремонно, и спросилъ:

— Что тебѣ нужно?

— На два слова, синьоръ... вы не будете раскаиваться въ томъ, что поговорите со мною.

И шепнувъ затѣмъ: „паперть Санъ-Дженарро—я буду ждать", Энціо, боясь быть замѣченнымъ остальными молодыми людьми, смѣшался съ толпою...

Этотъ таинственный шепотъ носастаго Пьеро заинтересовалъ Мельцони.

Не разбирая и не силясь разгадать, кто-бы это могъ быть—посланный-ли по какому-нибудь любовному приключенію, или мазурикъ, разсчитывавшій завлечь его въ западню (въ Неаполѣ это бывало не въ рѣдкость), или-же просто шутникъ, пожелавшій заставить его прогуляться понапрасну до собора Санъ-Дженарро,—Мельцони, сказавъ остальнымъ, что встрѣтится съ ними въ ихъ обычномъ казино, отправился-таки на паперть Санъ-Дженарро...

Тамъ ждалъ его Энціо, одѣтый попрежнему въ свой костюмъ и замаскированный.

— Ну, говори, только скорѣе, мнѣ некогда, проговорилъ ему Мельцони,—въ чемъ дѣло?

— Одна секунда, синьоръ, все очень просто... У синьора будетъ поединокъ.

Мельцони поморщился. Ему непріятно было, что этотъ человѣкъ изъ толпы видѣлъ вѣроятно его столкновеніе съ Литтою.

— Синьоръ, конечно, очень ненавидитъ графа Литту... продолжалъ между тѣмъ Энціо.

— Почему ты это знаешь и что тебѣ за дѣло? перебилъ его Мельцони.

— О! синьора русская очень хороша собою!

Энціо видѣлъ, какъ блеснули при этихъ его словахъ глаза Мельцони подъ маскою.

— Ну такъ что-жь тебѣ нужно? снова спросилъ онъ, помолчавъ.

— Того-же что и вамъ—я былъ бы очень радъ еслибы графъ Литта...

И Энціо щелкнулъ языкомъ и мотнулъ головою.

— Ну и желаю тебѣ удачи! произнесъ Мельцони.

— Чортъ возьми, синьоръ, у васъ подъ чалмою есть-же голова и въ ней мозги—пошевелите ими, повторилъ Энціо старую итальянскую поговорку.—Дѣло въ томъ, что графъ Литта отлично дерется на шпагахъ... Противъ его удара никто не устоитъ...

Мельцони слушалъ теперь не перебивая.

— Я-бы желалъ сообщить синьору средство... продолжалъ Энціо,—вѣрное средство... какъ оградиться *навсегда* отъ этого удара графа Литты...

— Та-акъ, протянулъ Мельцони,—ну теперь я знаю, зачѣмъ ты меня позвалъ... Это, братъ, старая штука...

И рѣшивъ, что онъ имѣетъ дѣло съ ловкимъ проходимцемъ, случайно присутствовавшимъ въ толпѣ при сдѣланномъ Литтою вызовѣ и желающимъ получить теперь нѣсколько золотыхъ за сообщеніе какого-нибудь вздорнаго талисмана или магическаго слова, Мельцони повернулся и хотѣлъ спуститься съ паперти.

Энціо схватилъ его за рукавъ.

— Синьоръ, синьоръ, торопливымъ шепотомъ заговорилъ онъ надъ самымъ его ухомъ,— мнѣ не надо денегъ, мнѣ никакихъ денегъ не надо... Что вы!.. Клянусь вамъ Мадонной... вы только выслушайте меня... пусть Св. Лучія будетъ свидѣтельницей...

Мельцони остановился.

— Слушайте, синьоръ, зашепталъ опять Энціо,—вы мнѣ только сообщите часъ, когда будетъ ваша дуэль (мы послѣ условимся какъ), и графу Литтѣ будутъ даны хорошія капли; эти капли не смертельны, но онѣ произведутъ хорошее дѣйствіе... Какъ только кровь его разгорячится борьбою, такъ онѣ подѣйствуютъ—онъ ослабнетъ... Вы только ждите этой минуты и все стараніе употребите на защиту, а какъ только увидите его слабость—дѣлайте выпадъ... А чтобы ударъ былъ вѣрный и достаточно было малѣйшей царапины—для вашей шпаги мы достанемъ нѣсколько капель настоящаго индійскаго кураре... а вы знаете его силу?..

И Энціо сталъ разсказывать о замѣчательныхъ свойствахъ индійскаго яда, въ который достаточно помочить кончикъ иглы, чтобы она въ теченіе пяти лѣтъ сохранила смертельное дѣйствіе яда въ случаѣ укола...

Мельцони слушалъ Пьеро наклонивъ голову... а вокругъ попрежнему шумѣла пестрая, неугомонная, непрестанно двигавшаяся, веселая толпа карнавала.

XIII.

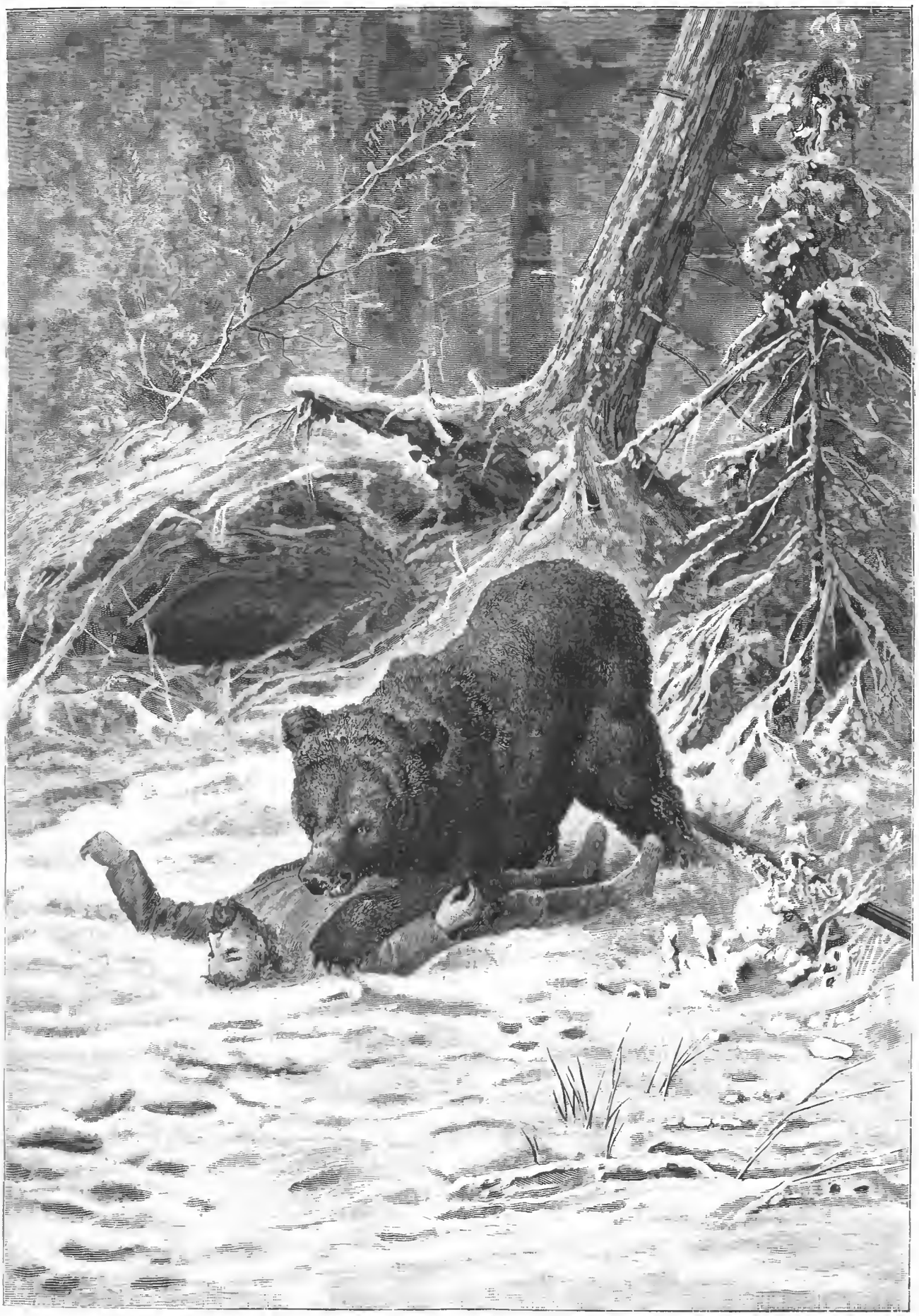
Поединокъ.

Мѣсто дуэли было назначено за городомъ, въ рощѣ у подножія Везувія, рано утромъ.

Библиотека "Руниверс"

Не въ своей тарелкѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Подъ медвѣдемъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Писемскаго, трав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Въ случаѣ неблагополучнаго исхода рѣшено было, какъ это впрочемъ обыкновенно водилось, свалить все дѣло на разбойниковъ, продѣлки которыхъ были далеко не въ рѣдкость и борьба съ которыми оказывалось для власти далеко не равною. Сплошь и рядомъ находили въ горахъ печальныя послѣдствія ихъ промысла.

Литта пріѣхалъ верхомъ со своими секундантами на мѣсто поединка раньше своего противника.

Онъ казался совсѣмъ спокоенъ и даже веселъ—какъ будто ему не предстояло ничего особеннаго сегодня и все что́ должно было произойти сейчасъ на небольшой полянкѣ, которую они выбрали всторонѣ отъ дороги, вовсе не касалось его.

Утро было прекрасное, теплое. Литта отлично выспался сегодня ночью, лошадь ему попалась покойная, и онъ съ большимъ удовольствіемъ проѣхался отъ города до рощи, ощущая то особенное бодрящее чувство, которое всегда испытываетъ сильный и здоровый человѣкъ свѣжимъ, раннимъ утромъ.

Соскочивъ съ сѣдла, онъ невольно замѣтилъ, что отвыкъ должно быть отъ верховой ѣзды и ноги его не то что устали, но онъ продолжалъ чувствовать ими, будто все еще сидитъ на лошади. Онъ радъ былъ, что пріѣхалъ первымъ и что у него есть время пройтись немного и размять слегка свои ноги.

— Утро-то какое, графъ! весело сказалъ ему одинъ изъ секундантовъ, тоже слѣзая съ лошади и привязывая ее къ дереву.—Ну, однако, синьоръ Мельцони не торопится... добавилъ онъ, подходя къ Литтѣ.

Тотъ весело взглянулъ на него и улыбнулся, открывъ рядъ своихъ ровныхъ, бѣлыхъ зубовъ, какъ бы невольно спрашивая: „а, вы объ этомъ?..“ и ничего не отвѣтивъ, прошелъ впередъ.

Литта былъ такъ равнодушенъ теперь и къ Мельцони, и къ своему столкновенію съ нимъ, что даже вчера вечеромъ ни разу не подумалъ серьезно о дуэли и не полюбопытствовалъ справиться въ своемъ гороскопѣ объ вѣроятномъ исходѣ ея.

Онъ все послѣднее время находился въ какомъ-то особенномъ настроеніи веселости и необычайнаго подъема духа, молодцеватости и удали.

Сегодня, вѣроятно подъ вліяніемъ свѣжаго утра, пріятной поѣздки и шутливаго разговора, который онъ поддерживалъ всю дорогу съ секундантомъ, настроеніе это усилилось еще замѣтнѣе.

Птицы весело чирикали, яркая зелень ласкала глазъ, и воздухъ чистый и здоровый заставлялъ дышать полною грудью.

Второй секундантъ Литты остался у дороги и наморщивъ лобъ и приставляя ко лбу руку, силился разглядѣть, когда покажется, наконецъ, Мельцони со своими секундантами.

— Ѣдутъ, ѣдутъ!.. наконецъ проговорилъ онъ и махнулъ шляпой Литтѣ, который продолжалъ ходить по полянкѣ, опустивъ голову и внимательно смотря себѣ подъ ноги.

Мельцони подскакалъ широкимъ галопомъ съ дукомъ ди-Мирамаре и съ гвардейскимъ офицеромъ, котораго Литта встрѣчалъ на Вилла-Реале.

Они видимо торопились. Мельцони былъ слегка взволнованъ. Лицо его отдавало непривычною желтизной и глаза свѣтились немножко страннымъ, несвойственнымъ имъ блескомъ. Они поспѣшно соскочили съ лошадей и быстрыми шагами, ведя ихъ въ поводу, приблизились къ полянкѣ.

Дукъ ди-Мирамаре учтиво, какъ къ дамѣ во время танцевъ, подошелъ къ секундантамъ Литты.

Гвардейскій офицеръ сталъ привязывать лошадей.

Литта стоялъ на серединѣ полянки и въ эту минуту ему хотѣлось лишь одного: хорошенько вытянуться, выправить свои руки; но онъ невольно сдержалъ себя, потому что дукъ слишкомъ ужъ священнодѣйствовалъ и, церемонно переговоривъ съ его секундантами, направился, плавно и бережно ступая своими тонкими ножками, къ Мельцони и сталъ, поклонившись, что-то объяснять ему.

Мельцони выслушалъ, кивнулъ головою и нѣсколько неестественно, по театральному, вышелъ на полянку и сталъ противъ Литты. Литта взглянулъ ему прямо въ лицо. Мельцони скосилъ глаза на-сторону и опустилъ вѣки, какъ бы избѣгая встрѣтить взглядъ противника. Онъ вынулъ свою шпагу и сдѣлалъ ею установленный салютъ. Секунданты стали по мѣстамъ. Литта быстро выхватилъ свою шпагу и, отдавъ салютъ, всталъ „en garde“. Мельцони, сейчасъ же приложилъ, стукнувъ свой клинокъ по клинку противника. Дуэль началась...

Какъ только Литта увидѣлъ у себя передъ глазами острый конецъ шпаги противника и двинулъ кистью руки, чтобы защититься съ тьерса (Мельцони взялъ съ этой стороны), онъ забылъ и утро, и полянку, и секундантовъ, и самого Мельцони—и весь сосредоточился на этомъ, направленномъ на него остріѣ, не соображая, впрочемъ, что оно можетъ быть опасно или смертельно, но единственно заботясь, какъ бы не сдѣлать промаха, противнаго искусству, которымъ (онъ зналъ это) онъ владѣетъ въ совершенствѣ. Это чувство знатока своего дѣла и увлеченія имъ всецѣло охватило Литту, и онъ, какъ художникъ въ минуту вдохновенія, почти безсознательно повелъ поединокъ, чисто отдѣлывая удары, словно вырисовывая ихъ.

Шпаги скрещивались и мелькали какъ молнія. Литта пробовалъ два раза сдѣлать выпадъ, но Мельцони видимо тоже былъ внимателенъ и нарировалъ каждый разъ ударъ.

Самъ онъ не выпадалъ. Литта замѣтилъ, что онъ все свое стараніе направляетъ на то, чтобы защищаться.

„Утомить меня хочетъ, мелькнуло у него,—ну что-жь, пускай...“

И по привычкѣ угадывать инстинктивно намѣренія противника, онъ пересталъ выпадать и началъ играть шпагою спокойно, чтобы какъ можно дольше сохранить свои силы и не дать застигнуть себя врасплохъ. По кисти своей руки и по звуку шпагъ онъ чувствовалъ, что Мельцони тоже сберегаетъ силы и оттягиваетъ окончательный ударъ.

Эта манера, самая, впрочемъ, выгодная для болѣе слабаго бойца, но выдержаннаго, была знакома Литтѣ и онъ внутренно одобрилъ Мельцони, потому что видѣлъ, что тотъ слабѣе его самого и что самымъ лучшимъ для него было именно то, что онъ дѣлалъ.

Секунданты, не двигаясь, словно застыли на своихъ мѣстахъ, слѣдили за боемъ. Они видѣли, какъ Литта два раза сдѣлалъ выпадъ и Мельцони отпарировалъ ударъ, и затѣмъ сталъ защищаться. Они видѣли тоже, что Литта понялъ тактику врага и пересталъ нападать.

Теперь дѣло шло о томъ, кто раньше устанетъ.

Но вдругъ Литта, точно не выдержавъ, быстро ударивъ скользящимъ ударомъ по шпагѣ Мельцони и притопнувъ правой ногой, вынесъ ее далеко впередъ и вытянулъ руку.

Дукъ ди-Мирамаре закрылъ глаза — ему показалось, что все кончено.

Но шпаги застучали снова и дукъ, открывъ глаза, увидѣлъ, что Мельцони во-время отскочилъ и опять поймалъ на свою шпагу оружіе противника.

Дука въ это время поразило вдругъ измѣнившееся лицо Литты. Онъ какъ будто поблѣднѣлъ, и сильныя, мускулистыя ноги его не такъ твердо уже держали его плечистое, огромное тѣло.

Онъ сталъ нервно дышать и дѣлалъ замѣтныя усилія, чтобы удержаться на ногахъ.

Мельцони, все время избѣгавшій глядѣть ему въ

Библиотека "Руниверс"

лицо, теперь тоже вдругъ началъ быстро выглядывать прямо ему въ глаза, особенно усиленно и оживленно зашевеливъ шпагою и выбирая удобный моментъ для удара.

Литта (колѣни его уже подгибались и слегка дрожали) все-таки еще парировалъ; но вдругъ, широко размахнувъ шпагою, откинулъ руку въ сторону и какъ снопъ повалился навзничь, ударившись головою о землю.

Шпага Мельцони мелькнула въ воздухѣ.

Секунданты бросились къ Литтѣ...

XIV.

Графиня Екатерина Васильевна не спала почти всю ночь. Страданіе безсонницей, мучительное и докучливое, заставляло ее иногда по цѣлымъ суткамъ не смыкать глазъ, несмотря на лекарства докторовъ и ухаживанія старой няни.

Няня говорила, что ея графинюшку сглазили, а доктора увѣряли, что Скавронской необходимо больше движенія и развлеченія, но она не хотѣла слушаться ихъ.

Она лежала, закинувъ по привычкѣ за голову свои руки, и большими, широко открытыми глазами смотрѣла передъ собою на мягкія складки шелковаго полога.

Ночникъ тускло освѣщалъ ея розовую спальню.

Лежать было неловко на мягкомъ пуховикѣ. Въ теченіе безсонной ночи тѣло успѣло привыкнуть къ нему, и всѣ положенія, какія можно принять, были испробованы и казались утомительными.

„Вотъ еще одна ночь прошла, думала графиня,—потомъ проснутся всѣ... Настанетъ день — и все то-же самое, и все то-же самое!..“

Она, благодаря несмѣтному богатству своего мужа, не знала ни въ чемъ отказу, но ей ничего не хотѣлось изъ того, что̀ могло дать ей это богатство.

Драгоцѣнности, дорогіе наряды, роскошный домъ, толпа прислуги — все это было у нея, но не имѣло никакой цѣны, потому что доставалось слишкомъ легко. Къ тому же, кромѣ скуки, однообразія и надоѣдливаго, не въ мѣру угодливаго вниманія въ пустякахъ и равнодушія ко всему серьезному своего мужа, она ничего не видѣла въ этомъ огромномъ дворцѣ, въ который забросила ее судьба на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ и всего, что̀ она любила съ дѣтства.

Ей невольно припомнилась барская усадьба ихъ Смоленскаго, болѣе чѣмъ скромнаго имѣньица, гдѣ она съ сестрами такъ звонко бывало смѣялась и гдѣ ей жилось такъ весело и привольно въ счастливые годы дѣтства.

Третій часъ дня. Солнце палитъ своими жаркими, неумолимыми лучами... Въ воздухѣ такъ тихо, что слышно, какъ муха жужжитъ, ударяясь въ частый переплетъ оконной рамы, приподнятой на подставъ.

Въ домѣ всѣ спятъ послѣобѣденнымъ крѣпкимъ сномъ. Только она съ сестрой Аней осторожно, боясь нарушить эту царящую кругомъ тишину, пробирается въ садъ, и имъ кажется, что онѣ не въ томъ теперь домѣ, гдѣ живетъ отецъ, мать, всѣ домашніе и онѣ сами и въ который онѣ вернутся, какъ только пройдетъ часъ послѣобѣденнаго отдыха, но что онѣ въ какомъ-то заколдованномъ царствѣ, гдѣ все таинственно и страшно.

И нарочно пугая себя всякими страхами, воображая, что съ ними съ минуты на минуту должно случиться что-нибудь волшебное, онѣ идутъ чуть дыша, и кругомъ такъ жутко и тихо, но вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ не страшно, потому что свѣтло.

И вотъ, непремѣнно въ тѣни кустовъ, не прямо по дорожкѣ, онѣ пробираются во фруктовый садъ, въ малину—имъ запрещено это—и къ вымышленнымъ страхамъ присоединяется уже дѣйствительный страхъ, что ихъ могутъ застать тутъ, и это составляетъ новую прелесть.

Отъ жирной, темной земли такъ и паритъ кругомъ, пахнетъ листомъ черной смородины, малиной. Мельница, къ которой и съ большими страшно идти, шумитъ вдалекѣ и сквозь кружево листвы далеко и загадочно сверху синѣетъ, точно подернутое синей дымкой, безоблачное небо.

Онѣ рвутъ теплыя, сочныя ягоды, сердце бьется сильно и часто, и ягоды кажутся особенно вкусными и спѣлыми.

„А рыбная ловля, вспоминаетъ графиня,—а жатва, а сѣно“,—и ей кажется невыносимо тѣсенъ ея розовый шелковый пологъ и покойная мягкая кровать, на которой она не можетъ сомкнуть глазъ.

И вдругъ этотъ счастливый міръ дѣтства и грёзъ отлетаетъ отъ нея; ее отправляютъ съ сестрами въ Петербургъ... Нанимаютъ имъ француженку, затягиваютъ въ корсетъ, надѣваютъ платье на фижмахъ, которое топорщится во всѣ стороны, подолгу передъ зеркаломъ до боли дерутъ волосы щипцами и везутъ къ дядѣ—важному и должно-быть сердитому и строгому Потемкину, имя котораго всѣми произносится съ какимъ-то подобострастнымъ трепетомъ.

Ей пріятно это, пріятно, что человѣкъ, котораго ея мать называетъ „братцемъ“, живетъ въ такомъ дворцѣ, какіе она воображала себѣ только въ сказкахъ, и она робѣетъ передъ дядей и не замѣчаетъ его ласково устремленныхъ на нее глазъ.

Но вотъ она мало-по-малу сближается съ нимъ, и чѣмъ больше узнаетъ его, тѣмъ больше любитъ и тѣмъ яснѣе ей становится, что этотъ человѣкъ, не смотря на свое могущество и славу, несчастнѣе чѣмъ она была, когда жила незамѣтною дѣвочкой въ деревнѣ.

Когда они бываютъ одни, ей случается подмѣтить у него улыбку грусти, и такая тоска въ его глазахъ тогда, что ей страшно, страшно жаль становится его.

И не смотря на это, все-таки ей не позволяютъ снять неловкихъ фижмъ, тѣснаго корсета и распустить волосы. Она выѣзжаетъ на балы, ее представили ко Двору, она два раза говорила съ Государыней, и всѣ кругомъ завидуютъ ей и льстятъ, и кажется любятъ и ласкаютъ. Она теряетъ голову, ее точно увлекаетъ та жизнь, въ которую бросили ее. И вотъ появляется изъ Италіи молодой графъ Скавронскій, завидный, богатый женихъ... Они встрѣчаются чаще и чаще; какъ-то дѣлаютъ такъ или оно само выходитъ, что они почти всегда вмѣстѣ и, наконецъ, ей говорятъ, что этотъ богатый молодой человѣкъ будетъ ея мужемъ, и что она должна радоваться этому и быть счастливою.

Ей шьютъ еще больше нарядовъ, чѣмъ прежде, покупаютъ драгоцѣнностей, празднуютъ великолѣпную свадьбу, на которую ея будущій мужъ, этотъ графъ Скавронскій, пріѣзжаетъ въ золотой каретѣ, отдѣланной стразами на огромную сумму, и всѣ этому почему-то очень рады и говорятъ про это и поздравляютъ ее.

Они всѣ такъ увѣрены, что она рада и счастлива, что даже ее не спрашиваютъ объ этомъ, и она сама невольно начинаетъ вѣрить, что она въ самомъ дѣлѣ рада и счастлива.

Она очнулась только здѣсь, въ Неаполѣ, послѣ долгаго путешествія, сдѣланнаго одинъ-на-одинъ съ мужемъ, и, очнувшись, поняла, что все это тоска, ненужная, лишняя и тяжелая, и ей захотѣлось остаться одной, чтобъ только не мѣшали и не приставали къ ней...

На нее иногда стали находить минуты такого отчаянія, такого неизразимаго душевнаго угнетенія, что порою жизнь становилась просто невмоготу и она проводила безсонныя ночи, какъ сегодня, и мучилась и ждала исхода, но напрасно.

И вдругъ среди этой тоски и однообразія явился свѣжій, живой человѣкъ, сильный, съ которымъ позна-

Библиотека "Руниверс"

комилась она недавно и который теперь какъ живой стоялъ передъ ея глазами.

Она будто видѣла передъ собою красивую, мощную фигуру Литты, его быстрые, умные глаза, черные, вьющіеся локонами волосы и ровную, добродушную улыбку. И невольно ей пришла въ голову разница между нимъ и ея тщедушнымъ мужемъ, то и дѣло вертѣвшимся возлѣ нея и безпрестанно лѣзшимъ со своими ласками и поцѣлуями.

И вспомнивъ про Литту, графиня Екатерина Васильевна вдругъ быстро приподнялась на кровати и схватилась рукою за грудь. Сердце ея защемило и безпричинная, какъ казалось, боязнь,—та боязнь, которая является у человѣка, когда ему дышать нечѣмъ,—охватила ее.

Ей показалось, что она не даромъ вспомнила теперь, именно въ эту минуту, про *него*, точно съ нимъ или съ нею должно случиться что-то недоброе, ужасное.

Она осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ и испуганно осмотрѣлась кругомъ. Фарфоровый ночникъ попрежнему освѣщалъ комнату, тяжелыя, непроницаемыя гардины плотно закрывали окна.

Графиня спустила ноги съ кровати, отыскала ими туфли и, накинувъ широкій шелковый балахонъ, подошла къ окну.

Она откинула гардину, и розовое, ясное утро глянуло ей въ лицо, ворвавшись въ комнату цѣлымъ снопомъ матовыхъ лучей своихъ.

„Одна, одна... и на всю жизнь такъ“, снова подумала Скавронская, вглядываясь усталыми отъ безсонной ночи глазами въ открывшуюся передъ нею въ окнѣ, поверхъ плоскихъ крышъ, даль. „Одна...“ повторила она себѣ, и вмѣстѣ съ этою грустною мыслью, неожиданно ей пришло въ голову, что тамъ вдали, гдѣ-то въ этомъ, казавшемся безконечнымъ, пространствѣ былъ человѣкъ, о которомъ она только что вспоминала, и новая боязнь за него опять безотчетно охватила ее.

„Да что же это со мной, и что съ нимъ можетъ быть, наконецъ?..“ спросила она себя, и приложивъ ладонь къ лѣвой сторонѣ груди и чувствуя, какъ бьется ея сердце, она приблизилась къ большой, сіявшей въ углу божницѣ, сплошь увѣшанной иконами въ богатыхъ золотыхъ окладахъ, и опустившись передъ нею на колѣни, закрыла лицо обѣими руками...

(Продолженіе будетъ).

Петербургская исторія.

Быль. **И. Потапенко.**

I.

Курбетовъ страшно торопился. Онъ съ такимъ напряженіемъ сосалъ свою папиросу, что, казалось, дѣло кончится тѣмъ, что онъ ее проглотитъ. Антрактъ былъ очень длиненъ, но Курбетовъ замѣшкался гдѣ-то въ коридорѣ съ какою-то дамой, которая изливала передъ нимъ свой восторгъ по поводу пѣнія божественнаго Рицини. Потомъ онъ путался въ закоулкахъ этого удивительнаго театра, прославившагося тѣмъ, что въ огромныхъ коридорахъ его посѣтители обязательно толкали другъ друга, въ курилкѣ задыхались отъ дыма, а изъ ложъ ничего не видѣли, — и собрался курить уже тогда, когда музыканты въ оркестрѣ начали для удовольствія публики настраивать и продувать свои инструменты.

Въ тотъ моментъ, когда Курбетовъ, втянувъ въ себя послѣднюю, самую крупную и, какъ утверждаютъ знатоки, самую вкусную порцію дыма, готовъ былъ швырнуть на полъ папиросу и повернуть къ выходу, кто-то сказалъ ему въ самое ухо:

— А, докторъ! Вотъ вы гдѣ!? И вы, значитъ, тоже?!

Курбетовъ обернулся и увидѣлъ передъ собой крупнаго мужчину съ раскраснѣвшимся лицомъ, окаймленнымъ круглой русой бородой, совершенно скомканной и растрепанной. Крупный мужчина былъ въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы и, повидимому, ужасно страдая отъ жары, дѣятельно обмахивался носовымъ платкомъ.

— То-есть, какъ тоже? Что это значитъ? спросилъ Курбетовъ, пожимая протянутую ему массивную руку.

— Вы тоже рициннстъ? а?

— Мнѣ нравится его голосъ, но... я, признаться, не дохожу до одуренія...

— Ну? А я такъ дошелъ до одуренія! Рѣшительно! Вполнѣ! Да и можно-ли не дойти, когда...

Призывный звонокъ заставилъ Курбетова быть нелюбезнымъ, тѣмъ болѣе, что собесѣдникъ, котораго звали Фонтанскимъ, былъ его пріятель. Онъ перебилъ его:

— Извините, голубчикъ, сейчасъ начнутъ...

— А вы гдѣ? Я въ партерѣ, въ 14 ряду...

— А я... Мнѣ собственно полагается сидѣть въ балконѣ, но... по нѣкоторымъ соображеніямъ я избѣгаю этого...

— Какъ такъ?

— Да представьте себѣ, что по обѣ стороны меня сидятъ двѣ рициннстки. Едва только Рицини выйдетъ на сцену и откроетъ ротъ, какъ онѣ начинаютъ безпокойно двигаться на своихъ мѣстахъ, жмутъ меня, толкаютъ, обращаются съ восклицаніями,—чортъ знаетъ, что такое!.. А по мѣрѣ его пѣнія онѣ начинаютъ горѣть, потомъ пылать и отъ нихъ пышетъ такимъ адскимъ жаромъ, точно изъ двухъ хлѣбопекарныхъ печей. А то вдругъ среди пѣнія, послѣ какой-нибудь необыкновенной ноты, начинаютъ орать во всю глотку: „божественно! восхитительно!“ И ни сосѣди, ни полиція, никто не можетъ ихъ унять. Невозможно слушать...

— Но гдѣ же вы?

Въ это время они спускались по лѣстницѣ къ партеру.

— Я на сценѣ! отвѣтилъ Курбетовъ.

— Какъ? На сценѣ? За кулисами?

— Да, въ электрической будкѣ...

— Да что вы? Какимъ образомъ?

— Очень просто. Мой пріятель, электрическій инженеръ, который сидитъ въ этой будкѣ и управляетъ освѣщеніемъ, пригласилъ меня туда...

— Голубчикъ, докторъ, сдѣлайте одолженіе, заставьте всю жизнь помнить!

— Что прикажете?

— Никогда въ жизни не бывалъ за кулисами... Сведите меня въ эту будку на одинъ актъ, только на одинъ актъ!.. Понимаете-ли, я страстно жажду посмотрѣть, какъ тамъ это все... А въ особенности его увидѣть поближе...

— Кого это?

— Ахъ, Боже мой! кого? Рицини, разумѣется его! Божественнаго Рицини!

— Гм!.. Пожалуй, я васъ проведу въ будку. Надѣюсь, что электрическій инженеръ противъ этого ничего имѣть не будетъ. Пойдемте, только поскорѣй!..

— Да неужели? Да я не иду, а бѣгу! Я просто въ восторгѣ, я... я... я не знаю... я въ экстазѣ... лепеталъ совершенно умиленный Фонтанскій.

Они быстро прошли одинъ и другой коридоръ, дали прохожимъ нѣсколько толчковъ и сами получили не меньше, вошли въ какую-то темную и холодную яму и затѣмъ при посредствѣ узенькой и низенькой двери—оказались за кулисами. При видѣ нагроможденныхъ одна на другую сценическихъ принадлежностей, Фонтанскій остолбенѣлъ и растерялся. Густой зеленый лѣсъ всей своею тяжестью навалился на русскую печь въ мужицкой избѣ, изъ-за которой печально выглядывала безжалостно прищемленная мраморная колонна древняго храма. Кусты смѣшивались съ зеркалами, трактирные столики съ золочеными кулисами герцогской палаты, и надъ всѣмъ этимъ царилъ таинственный полумракъ, всюду пахло краской и глиной, и вѣяло холодомъ. По сложнымъ и головоломнымъ закоулкамъ мелькали люди въ высокихъ чулкахъ, въ плащахъ и со шпагами, женщины въ короткихъ юбкахъ и въ круглыхъ шапочкахъ, и тутъ же попадались фигуры въ обыкновенныхъ пальто, а также рабочіе въ рубахахъ и толстыхъ сапогахъ. Изъ оркестра глухо доносились густые звуки настройки, которая, очевидно, находилась въ самомъ дѣятельномъ періодѣ.

— Да тутъ чортъ ногу сломитъ! робко промолвилъ Фонтанскій, ступая съ такою осторожностью, точно подъ нимъ была сомнительная болотная почва.

— Ничего, ничего, идите за мной! сказалъ Курбетовъ.

Они прошли куда-то въ глубь сцены, повернули налѣво и стали подыматься по невысокой, но необычайно утлой лѣсенкѣ, которая вся пошатывалась, вздрагивала и скрипѣла, и, наконецъ, очутились на двухъ-аршинной площадкѣ, огороженной съ трехъ сторонъ досками. Съ площадки видна была часть сцены, а внизу подъ нею было очень много свободнаго мѣста, гдѣ стояли стулья, на которыхъ кое-гдѣ сидѣли мужчины и дамы въ партикулярныхъ костюмахъ, какъ объяснилъ Курбетовъ — не занятые артисты. Въ будкѣ, уставленной какими-то непонятными металлическими предметами, съ кнопками и проводниками, они нашли коротенькаго толстаго гос-

Библиотека "Руниверс"

Послѣ бури. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **И. Волкова**, фотохемиграфія Ябловскаго

Библиотека "Руниверс"

подина съ лицомъ пухлымъ и сильно обросшимъ темною растительностью.

— Простите, Иванъ Петровичъ, обратился къ нему Курбетовъ,—вотъ мой пріятель, Фонтанскій Семенъ Николаичъ, онъ страстно жаждетъ побывать за кулисами. Я рѣшился взять его безъ вашего позволенія...

— О, сдѣлайте милость! отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, который и былъ электрическій инженеръ, и, погруженный въ свои кнопки, даже не взглянулъ на страстнаго любителя кулисъ. — Только сидѣть негдѣ, не взыщите, и увидите очень мало!.. прибавилъ онъ.

— Ничего, ничего! я какъ-нибудь приспособлюсь! отвѣтилъ Фонтанскій, прижимаясь къ дощатой перегородкѣ и щуря глаза, чтобы разглядѣть что-нибудь. Онъ прежде всего увидалъ толстаго господина съ совершенно бритымъ лицомъ, повидимому—нѣмца, который появился изъ мрака и толстою палкой, бывшею у него въ рукахъ, три раза громыхнулъ объ полъ. Сейчасъ же въ оркестрѣ настройка прекратилась, послышался отдаленный стукъ дирижерской палочки и оркестръ заигралъ прелюдію ко второму дѣйствію „Гугенотовъ". Электрическій инженеръ окончательно погрузился въ свои кнопки, Курбетовъ примостился на какомъ-то импровизированномъ табуретѣ, а Фонтанскій остался стоять и изо-всей силы щурилъ глаза, чтобы не пропустить выхода Рицини.

Но къ его глубокому огорченію Рицини не выходилъ. Будучи страстнымъ меломаномъ и рициниистомъ въ особенности, Фонтанскій въ то же время былъ круглымъ невѣждой по части оперной и не зналъ, что во второмъ актѣ „Гугенотовъ" композиторъ сперва заставляетъ Маргариту Валуа и пажа пѣть очень длинныя аріи, затѣмъ—хоръ, а потомъ уже даетъ мѣсто божественному тенору Рицини.

Но вотъ внизу онъ услышалъ медленные шаги. Сердце поклонника почуяло, что эти шаги принадлежатъ не простому смертному, и онъ сейчасъ же съ рискомъ полетѣть внизъ перегнулъ голову и сталъ пристально глядѣть туда. Боже! Что онъ увидѣлъ? Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Въ трехъ аршинахъ отъ него была голова Рицини. Да, это былъ онъ—въ высокихъ сапогахъ, въ бархатной курткѣ, съ пышнымъ перомъ на шляпѣ и со шпагой на боку... Да, это былъ онъ. Но странно, что къ этому блестящему костюму рыцаря примѣшалась одна подробность, которая совсѣмъ не шла къ нему, а именно — пестрый гарусный шарфъ. Шарфомъ этимъ была закутана шея артиста, и оба конца его граціозно висѣли одинъ на спинѣ, другой на груди. Очевидно, артистъ защищалъ свое драгоцѣнное горло отъ закулисной стужи. Но вотъ наступилъ моментъ, когда ему надо было выходить на сцену. Для этого онъ быстро взобрался по лѣстницѣ на возвышеніе и отсюда уже долженъ былъ спуститься по ступенямъ широкой лѣстницы на самой сценѣ. Наверху ждалъ его пажъ, у котораго въ рукахъ былъ платокъ. Этимъ платкомъ пажъ завяжетъ ему глаза.

Но прежде чѣмъ все это продѣлать, Рицини снялъ съ шеи свой длинный шарфъ и оглядѣлся вокругъ. Такъ какъ болѣе подходящаго мѣста, достойнаго принять часть одежды знаменитаго пѣвца, вблизи не оказалось, то Рицини, которому уже пора было выходить, швырнулъ свой шарфъ прямо въ электрическую будку и преспокойно пошелъ дѣлать свое дѣло.

Шарфъ однимъ концомъ зацѣпилъ по щекѣ электрическаго инженера, заставивъ его выругаться, потому что какъ разъ въ это время онъ долженъ былъ особеннымъ образомъ освѣтить фонтанъ, бившій на сценѣ. Но главной своею тяжестью шарфъ попалъ на грудь Фонтанскаго, былъ, разумѣется, прижатъ къ этой груди обѣими руками и вызвалъ въ той же груди столь сильное чувство восторга, что Фонтанскій просто-таки зарычалъ по-собачьи.

Тутъ бѣдному поклоннику артиста пришлось раздѣлиться на двѣ части. Съ одной стороны, онъ долженъ былъ посвящать все свое умиленное вниманіе рициньевскому пѣнію, звуки котораго уже доносились со сцены, съ другой же стороны—онъ еще никакъ не могъ прійти въ себя отъ неожиданнаго счастья держать въ своихъ рукахъ шарфъ Рицини, тотъ самый шарфъ, который только что окутывалъ его горло, то самое горло, изъ котораго исходили эти сладостные небесные звуки. Но мало-по-малу онъ приспособился къ столь затруднительному положенію и сталъ вкушать оба эти наслажденія разомъ. Дѣйствіе шло своимъ порядкомъ. Уже Рауль выразилъ свое необычайное восхищеніе королевой, причемъ каждая фраза его покрывалась громомъ рукоплесканій и гуломъ восторженныхъ голосовъ; уже благородные рыцари произнесли свою клятву и, наконецъ, передъ Раулемъ была выведена его возлюбленная, отъ которой онъ неожиданно отказался, давъ при этомъ нѣсколько почти невѣроятныхъ нотъ, благодаря которымъ стѣны театра стали угрожать опасностью паденія, что, вмѣстѣ съ крикомъ и суматохой, поднятыми на сценѣ, вслѣдствіе непонятнаго поведенія Рауля, давало картину свѣтопреставленія. Кончилось это, разумѣется, тѣмъ, что опустился занавѣсъ. И вотъ въ этотъ-то моментъ въ головѣ Фонтанскаго созрѣла идея, которая съ перваго взгляда, пожалуй, можетъ показаться странною.

Дѣло въ томъ, что упиваясь пѣніемъ божественнаго Рицини, Фонтанскій ни на минуту не забывалъ, что у него въ рукахъ тотъ самый шарфъ, который окутывалъ и предназначенъ къ тому, чтобы и впредь окутывать шею Рицини. Это двойное наслажденіе превышало его силы, и подъ конецъ дѣйствія онъ почувствовалъ какое-то нервное ослабленіе и круженіе головы. Но когда занавѣсъ упалъ и этимъ самымъ обязанность наслаждаться пѣніемъ сама собой прекратилась, онъ естественно весь сосредоточился на шарфѣ, и каково же было его страданіе, когда онъ понялъ, что пѣвецъ сейчасъ появится за кулисами и потребуетъ отъ него эту драгоцѣнную вещь, такъ какъ его горло ни одной минуты не можетъ оставаться безъ прочной защиты! Мгновеніе, когда эта мысль пришла ему въ голову, обладало всѣми свойствами, которыя давали ему право назваться трагическимъ. Онъ уже видѣлъ Рицини, сдѣлавшаго три шага по направленію къ электрической будкѣ, но невѣроятный зовъ публики заставилъ пѣвца вернуться и послать ей нѣсколько благосклонныхъ улыбокъ. А критическая минута все-таки приближалась и во всякомъ случаѣ была неизбѣжна. И при мысли о томъ, что онъ сейчасъ потребуетъ навсегда предметъ, столь дорогой для сердца искренняго рициниста, Фонтанскій готовъ былъ плакать.

Оригинальныя идеи всегда приходятъ въ критическую минуту, когда человѣкъ совсѣмъ растерялся и ему кажется, что голова его, хотя бы думала цѣлую вѣчность, никогда ничего не выдумаетъ. Фонтанскій видѣлъ, что Рицини вотъ-вотъ подойдетъ къ будкѣ, подыметъ голову кверху и потребуетъ шарфъ... Если бы какой-нибудь безсердечный судья присудилъ мать къ тому, чтобы она въ извѣстный день и въ извѣстный часъ отдала кому-нибудь своего любимаго ребенка, и этотъ часъ, наконецъ, наступилъ бы, то развѣ только чувства этой бѣдной женщины могли бы сравниться съ чувствами нашего меломана, въ виду неминуемаго разставанія съ шарфомъ. Едва-ли Фонтанскій и самъ могъ бы объяснить, какимъ образомъ случилось, что правая рука его, довѣривъ драгоцѣнный шарфъ одной только лѣвой, залѣзла въ жилетный карманъ, вытащила оттуда маленькій складной ножичекъ и при помощи этого ножичка, менѣе, чѣмъ въ одинъ мигъ, отмахнула кусокъ шарфа, величиной въ добрыхъ двѣ четверти. Сдѣлавъ это, Фонтанскій неожиданно получилъ еще отъ судьбы цѣлую минуту для того, чтобы придти въ себя послѣ такого, можно сказать, горячечнаго поступка и сознать всю его необычайность, преступность и въ то же время полнѣйшую непоправимость,—такъ какъ Рицини еще разъ вернулся къ рампѣ, чтобы раскланяться. Совершенно поглощенный своимъ занятіемъ, Фонтанскій, разумѣется, не видѣлъ и не слышалъ ничего, что было внѣ Рицини и его шарфа; а между тѣмъ Курбетовъ давно уже подозрительно посматривалъ на него, видя, какъ онъ вытянулъ шею по направленію къ сценѣ, какъ въ то же время плечи его нервно подергивались, а руки судорожно прижимались къ груди. Но Курбетовъ былъ окончательно огорошенъ, когда пріятель его запустилъ руку въ собственный жилетный карманъ, вынулъ ножъ и продѣлалъ свою знаменитую операцію надъ шарфомъ артиста.

— Что вы дѣлаете? Вы съ ума сошли? шепотомъ спросилъ онъ Фонтанскаго; но тотъ ничего не слышалъ.

— Послушайте, послушайте! тутъ онъ принялся расталкивать его и тащить за полу сюртука, но и это также осталось незамѣченнымъ. Фонтанскій, неестественно вытянувъ шею, лихорадочнымъ взоромъ слѣдилъ за какою-то, повидимому, движущеюся внизу точкой.

— Да онъ рѣшительно помѣшался! обратился Курбетовъ къ электрическому инженеру, который къ этому времени окончилъ всѣ свои манипуляціи. Толстый инженеръ взглянулъ на Фонтанскаго и залился предобродушнымъ смѣхомъ.

— Ну, знаете, такой смѣшной фигуры я еще никогда въ жизни не видалъ! промолвилъ онъ.

Но Фонтанскій не слышалъ ни его фразы, ни его смѣха. Да это и понятно, если принять во вниманіе, что какъ разъ въ это время внизу подъ будкой остановился Рицини и, сдѣлавъ сперва жестъ припоминанія, протянулъ обѣ руки вверхъ по направленію къ будкѣ.

— Э? сказалъ онъ при этомъ, въ полной увѣренности, что всякій звукъ, который онъ произнесетъ сверхъ этого, будетъ стоить ужъ денегъ. Фонтанскій почтительно перегнулся черезъ дощатыя перила и съ благоговѣніемъ подалъ ему шарфъ. Онъ ощущалъ при этомъ потребность въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ высказать передъ артистомъ свои умиленныя чувства, но сдѣлать это ему помѣшало глубокое незнаніе итальянскаго языка, и онъ ограничился только тѣмъ, что приложилъ правую руку къ сердцу и сказалъ, или лучше сказать — простонялъ: — о!

Курбетовъ и электрическій инженеръ въ свою очередь перегнули головы и съ любопытствомъ смотрѣли, что изъ этого выйдетъ. Рицини взялъ шарфъ и началъ закутывать имъ шею. Вдругъ лицо его приняло крайне недоумѣвающее выраженіе. Онъ дошелъ до другаго конца и замѣтилъ, что тутъ изрѣднаго куска не хватаетъ.

— Э? вопросительно произнесъ онъ, поднявъ голову и дѣлая руками выразительный жестъ.

— О, синьоръ Рицини! вдругъ раздался трепетный задыхающійся голосъ Фонтанскаго,—синьоръ Рицини!..

Библиотека "Руниверс"

— Signor Rizzini?! насмѣшливо повторилъ пѣвецъ и опять выразительно указалъ на тотъ конецъ шарфа, отъ котораго было отрѣзано двѣ четверти.

— Signor Rizzini! продолжалъ дрожащимъ голосомъ Фонтанскій. Онъ долженъ былъ во что бы то ни стало прибавить еще что-нибудь; онъ старался припомнить хоть одно сколько-нибудь подходящее итальянское слово, но, точно на зло ему, въ голову приходили только macaroni, salati, polenta и еще какія-то кушанья. Наконецъ, какое-то отчаянное усиліе заставило его создать фразу, въ которой отразились вмѣстѣ и меломанство, и все его классическое образованіе былыхъ временъ:

— Signor Rizzini! Perdonate! Pour memento...

Фразой этой Фонтанскій хотѣлъ сказать: „Извините, господинъ Рицини! Я взялъ это себѣ на память!"

— Pour memento? воскликнулъ Рицини. — Ah, sacramento!..

Но эти жестокія слова онъ произнесъ самымъ добродушнѣйшимъ тономъ и столь-же добродушно показалъ кулакъ по направленію къ электрической будкѣ, а затѣмъ комически покачалъ головой и ушелъ въ уборную.

Электрическій инженеръ и Курбетовъ хохотали до того, что имъ для возстановленія силъ потребовалась сельтерская вода съ коньякомъ, а Фонтанскій, спрятавъ драгоцѣнный кусокъ шарфа въ боковой карманъ сюртука и опять застегнувъ сюртукъ на всѣ пуговицы, совершенно изнеможенный сильными ощущеніями, робко пробрался къ выходу, надѣлъ пальто и уѣхалъ домой, не чувствуя себя болѣе въ силахъ слушать даже божественнаго Рицини.

II.

Курбетовъ хотя и былъ еще очень молодымъ докторомъ, тѣмъ не менѣе не могъ пожаловаться на отсутствіе практики. Онъ былъ прекрасно сложенъ, обладалъ красивыми темными глазами съ блескомъ, носилъ небольшіе, но густые усы, которые всегда содержалъ въ порядкѣ, очень изящно подстригалъ черную бородку и одѣвался безъ излишняго шика, но къ лицу. Всѣ эти качества, которыми обладаютъ далеко не всѣ смертные и даже далеко не всѣ доктора, доставили ему порядочную практику въ домахъ, гдѣ хозяйки были не стары и не слишкомъ молоды, но непремѣнно страдали легкой невральгіей. Слѣдующій день послѣ вышеописаннаго инцидента съ шарфомъ была пятница, т. е. день, когда Курбатовъ садился въ наемный „свой экипажъ" и объѣзжалъ всѣхъ своихъ паціентокъ. Очень естественно, что онъ находился подъ впечатлѣніемъ вчерашняго, надо-таки сказать правду, не совсѣмъ обычнаго случая, и, такъ какъ онъ до сихъ поръ еще съ вечера никого изъ пріятелей не видѣлъ, то ощущалъ нетерпѣливое желаніе кому-нибудь разсказать эту исторію и заставить кого-нибудь вмѣстѣ съ нимъ посмѣяться.

Онъ входилъ въ гостиную, здоровался, пожималъ, а иногда, смотря по тому, въ какой степени нервозности находилась его паціентка, цѣловалъ протянутую руку и освѣдомлялся о томъ, все-ли благополучно и нѣтъ-ли чего такого, что требовало-бы его услуги.

— Ну-съ, какъ мы поживаемъ? спрашивалъ онъ, необычайно ласково смотря въ глаза паціентки. Невральгическія дамы находили этотъ взглядъ болѣе цѣлебнымъ, чѣмъ двѣ драхмы бромистаго кали на стаканъ воды, и говорили, что „у доктора Курбетова интимный взглядъ".

Ему отвѣчали, что нервы расходились, что все надоѣло, все противно, ни къ чему не хочется прикасаться, хочется умереть, не существовать или по крайней мѣрѣ уснуть на мѣсяцъ, на годъ, на сто лѣтъ.

— О, это пустяки! шутливо отвѣчалъ Курбетовъ, — я васъ сейчасъ-же вылѣчу. Сегодня я запасся совсѣмъ особеннымъ лѣкарствомъ, какого вы еще никогда не принимали. Я вамъ разскажу презабавный случай, свидѣтелемъ котораго я былъ вчера въ итальянскомъ театрѣ. Есть у меня пріятель, по фамиліи Фонтанскій. Славный малый, служитъ въ одномъ банкѣ и хорошія деньги получаетъ... (если собесѣдница знала Фонтанскаго, онъ говорилъ просто: героемъ этой исторіи былъ нашъ общій знакомый, Фонтанскій). Ну-съ, такъ вотъ-съ, стою это я въ курилкѣ, въ антрактѣ, торопюсь, знаете, ко второму дѣйствію... А надо вамъ знать, что сидѣлъ я не въ балконѣ, гдѣ у меня постоянное мѣсто, а въ электрической будкѣ...

И Курбетовъ самымъ подробнѣйшимъ образомъ разсказывалъ, какъ было дѣло. По мѣрѣ приближенія развязки, у слушательницы глаза расширялись и вся она превращалась во вниманіе. Курбетовъ, который кромѣ медицинскихъ познаній обладалъ еще даромъ разсказывать картинно и потѣшно освѣщать комическіе эпизоды, на этотъ разъ еще постарался, и въ сценѣ діалога между Фонтанскимъ и Рицини достигалъ такого эффекта, что паціентка начинала умирать со смѣха. Затѣмъ онъ щупалъ пульсъ и все-таки шутя говорилъ, что пульсъ превосходенъ и что теперь невральгіи какъ не бывало.

— Теперь я знаю, чѣмъ лѣчить вашу болѣзнь! говорилъ онъ, взявъ шляпу и на прощанье пожимая руку.

— Чѣмъ? спрашивала паціентка, не подозрѣвая, какой каламбуръ готовъ для нея у доктора.

— Рицини!.. говорилъ Курбетовъ и быстро исчезалъ за дверью. Медицинская игра словъ вызывала новый смѣхъ, невральгія проходила и остальной день паціентка проводила пріятно.

Эта сцена съ небольшими варіаціями повторилась въ этотъ день ровно одиннадцать разъ, такъ какъ Курбетовъ сдѣлалъ одиннадцать невральгическихъ визитовъ.

Электрическій инженеръ распорядился нѣсколько иначе. Изъ театра онъ прямо отправился въ ресторанъ, гдѣ встрѣтилъ порядочную компанію ему подобныхъ инженеровъ, но не электрическихъ, а обыкновенныхъ, и за кружкой пива разсказалъ имъ исторію о Рициніевскомъ шарфѣ и его обожателѣ. Само собой разумѣется, что разсказъ произвелъ фуроръ и вызвалъ неудержимый смѣхъ, и такимъ образомъ поздній вечеръ былъ проведенъ весело.

Само собою разумѣется, что невральгическія дамы разсказали исторію своимъ мужьямъ, а инженеры — женамъ, а кромѣ того еще всѣмъ, кто попадался на глаза въ этотъ день, и такимъ образомъ эпизодъ съ шарфомъ Рицини сдѣлался достояніемъ довольно обширнаго круга людей самыхъ разнообразныхъ профессій и имя скромнаго человѣка, служившаго въ банкѣ и получавшаго, по словамъ доктора Курбетова, хорошія деньги, повторялось на разныхъ концахъ Петербурга, рядомъ съ именемъ знаменитаго тенора Рицини и его шарфомъ.

Это было уже въ понедѣльникъ, когда у Курбетова не было невральгическихъ визитовъ и онъ, отсидѣвъ добросовѣстно свои домашніе пріемные часы отъ 12 до 2 въ кабинетѣ, уставленномъ тяжеловѣсными книгами, страшными инструментами, машинками, при видѣ которыхъ морозъ подиралъ по кожѣ, и прочими принадлежностями докторскаго кабинета, предназначенными для того, чтобы внѣдрять въ паціента уваженіе къ учености доктора, — перешелъ въ обыкновенный кабинетъ и растянулся на кожаной кушеткѣ, размышляя о томъ, какимъ-бы способомъ увеличить число невральгическихъ дамъ. Курбетовъ нечаянно закрылъ глаза и задремалъ. Но блаженство его длилось не болѣе пяти минутъ. Его разбудилъ какой-то бѣшеный трезвонъ въ передней, и не успѣлъ онъ продрать глаза, какъ дверь съ шумомъ растворилась и въ комнату буквально влетѣлъ Фонтанскій.

— Превосходно, великолѣпно, очень вамъ благодаренъ! Несказанно разодолжили! обрадовали! Услужили по-пріятельски! Нечего сказать! Вотъ ужь чего не ожидалъ отъ васъ, такъ именно этого, да-съ... И не понимаю, не понимаю, какъ у васъ хватило духу продѣлать такую штуку и поставить меня въ дурацкое положеніе! Не понимаю, говорю вамъ, — я этого не понимаю...

Онъ не говорилъ, а словно палилъ изъ скорострѣльнаго ружья. Слова вылетали изъ его устъ съ трескомъ и стремительно догоняли другъ друга.

— Позвольте, позвольте! Въ чемъ дѣло? я тоже ничего не понимаю! попытался остановить его Курбетовъ. Но это была напрасная попытка.

Фонтанскій продолжалъ, не обращая вниманія на его слова:

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ! Развѣ это по-пріятельски? Развѣ такъ пріятели дѣлаютъ? Ну хорошо, вы оказали мнѣ любезность; но это еще не даетъ права...

— Послушайте, я спалъ и, можетъ-быть еще не вполнѣ проснулся! закричалъ Курбетовъ.—И вѣроятно, этимъ объясняется, что я принимаю васъ за сумасшедшаго!.. Остановитесь по крайней мѣрѣ, если не хотите говорить толкомъ!..

Фонтанскій остановился и, какъ-бы сбитый съ толку, въ изнеможеніи опустился въ кресло. Видимо, онъ былъ очень взволнованъ, глаза его горѣли и дыханіе было учащено.

— Ну-съ, извольте начинать по порядку! Въ чемъ вы меня обвиняете? сказалъ ему Курбетовъ.

— Какъ въ чемъ? Да помилуйте, начать съ того, что вы лишили меня покоя. Понимаете-ли? Ничего въ жизни я не люблю, какъ мой покой, когда я, придя съ должности, развалюсь у себя на диванѣ и знать никого не хочу. А тутъ вдругъ... Чортъ знаетъ, что такое! Нѣтъ, согласитесь, что такъ нельзя. Это не по-пріятельски. За что? что я вамъ сдѣлалъ?..

— Ну, голубчикъ, я вижу, что у васъ и въ самомъ дѣлѣ нервы не въ порядкѣ и вамъ надо дать успокоительнаго. Признаюсь, я это замѣтилъ еще въ театрѣ, когда мы съ вами сидѣли въ электрической будкѣ. И этотъ вашъ странный поступокъ съ шарфомъ Рицини...

Фонтанскій вскочилъ съ мѣста и замахалъ обѣими руками.

— Ахъ, оставьте! Не напоминайте мнѣ, пожалуйста, объ этомъ шарфѣ! Вотъ въ этомъ-то и дѣло! Этотъ шарфъ и отнялъ у меня покой!..

— Какимъ образомъ?

— Разсказать? Вы желаете, чтобъ я разсказалъ вамъ про свои мученья? Извольте, извольте! Пришелъ я тогда изъ театра... Нѣтъ, погодите, я не могу! Дайте мнѣ сперва стаканъ воды, я немножко остыну... я ужасно взволнованъ, я просто взбѣшонъ!..

Ему дали стаканъ самой холодной воды, и онъ выпилъ ее всю залпомъ.

— Теперь я, пожалуй, разскажу вамъ, началъ онъ, значительно успокоившись.—Вернулся я тогда изъ театра и привезъ съ собою кусокъ шарфа. Во-первыхъ, мнѣ стало совѣстно за мой дурацкій поступокъ. Чортъ знаетъ что такое! Я всегда былъ солиднымъ человѣкомъ и вдругъ поступилъ какъ мальчишка или какая-нибудь психопатически-наступленная рицинистка. Какъ это случилось, какимъ образомъ я дошелъ до

Библиотека "Руниверс"

Гора Яникулъ. Островъ Тиверія съ храмомъ Эскулапа. Театръ Бальби.

Пожаръ Рима при Неронѣ. Грав. Клоссъ.

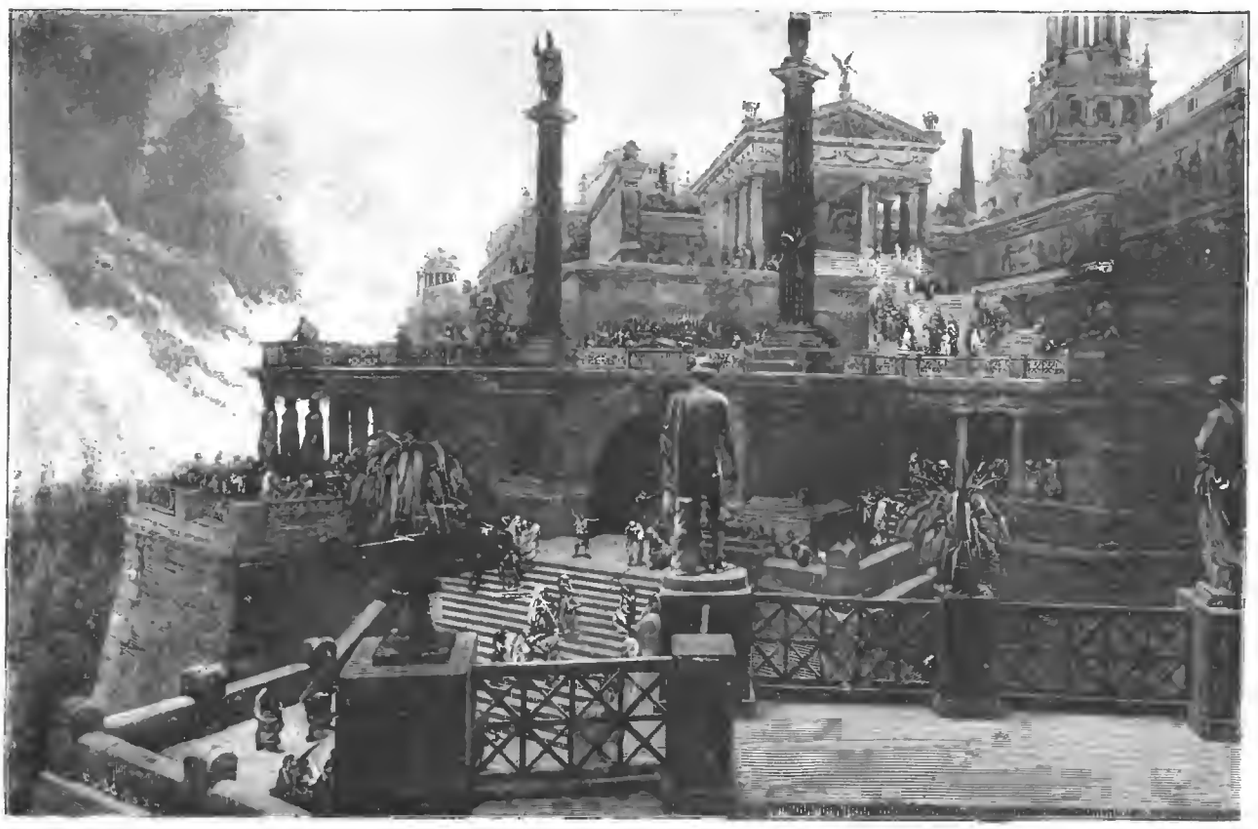
Театръ Марцелла. Форумъ (площадь). Капитолій съ храмомъ Юпитера.

Пожаръ Рима при Неронѣ. Грав. Клоссъ.

Библиотека "Руниверс"

Капитолій. Сокровищница. Храмъ Сатурна. Базилика Юлія. Храмъ Кастора и Поллукса.

Пожаръ Рима при Неронѣ. Грав. Клоссъ.



Нероиъ. Цесарскій дворецъ съ храмомъ Аполлона на Палатинскомъ холму.

Пожаръ Рима при Неронѣ. Грав. Клоссъ.

Библиотека "Руниверс"

такого идіотскаго экстаза, я даже объяснить не могу. Но фактъ совершился, ничего не подѣлаешь, считайте за мной на вѣки вѣчные одно неприличное дурачество. Тѣмъ не менѣе мнѣ было очень пріятно сознавать, что у меня есть кое-что на память отъ Рицини, котораго я, какъ пѣвца и артиста, ставлю недосягаемо высоко, и это говорю открыто... У меня нашлась небольшая шкатулочка розоваго дерева, очень изящная, обитая внутри голубымъ атласомъ. Въ эту шкатулку я положилъ свой трофей, заперъ его и помѣстилъ въ моемъ шкафу, гдѣ есть особое отдѣленіе для рѣдкостей и достопримѣчательностей. На этомъ я успокоился, вошелъ въ обычный кругъ своихъ привычекъ и, конечно, очень скоро позабылъ-бы объ этомъ эпизодѣ, еслибъ... Да-съ! могу васъ поблагодарить! Удружили пріятелю, нечего сказать!

— Да въ чемъ-же, наконецъ, моя вина? спросилъ Курбетовъ.

— Ваша вина? Въ чемъ? Да вѣдь знали эту исторію только вы и вашъ этотъ электрическій инженеръ... Больше ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не зналъ ее, а я, разумѣется, никому не разсказывалъ. А между тѣмъ на другой день она стала извѣстна всей столицѣ...

— Ну, что вы? лицемѣрно удивился Курбетовъ.

— Всей столицѣ, увѣряю васъ! Да вы сейчасъ это увидите! Въ воскресенье я, по обыкновенію, провожу почти цѣлый день дома. Вы знаете, я по натурѣ—домосѣдъ. Охотно бываю только въ театрѣ, а къ знакомымъ хожу лишь для того, чтобъ сохранить добрыя отношенія съ людьми. Ну-съ, вотъ и сижу я вчера у себя въ кабинетѣ. Напился чаю, растянулся на кушеткѣ, въ халатѣ, знаете, въ мягкомъ бѣльѣ, блаженство!.. Было всего на всего десять часовъ. Я погрузился въ газету, что-то такое насчетъ Буланже меня заинтересовало—вы знаете, я слѣжу за политикой. Вдругъ въ передней звонокъ. Что такое, думаю? Почтальонъ, что-ли? Или телеграмма какая-нибудь? Кто-же можетъ прійти въ десять часовъ утра да еще въ воскресенье? Это въ провинціи съ ранней обѣдни заходятъ къ знакомымъ чайкомъ погрѣться передъ поздней. Но въ Петербургѣ это не принято; я думаю, это всякому извѣстно. Но оказывается, что не всякому, въ этомъ я сейчасъ убѣдился горькимъ опытомъ. Слышу—мой лакей—Иванъ мчится къ двери и отпираетъ ее. Прислушиваюсь:

— „Что прикажете? спрашиваетъ Иванъ, и въ его голосѣ я слышу удивленіе.

— „Скажите, милый, здѣсь живетъ господинъ... господинъ... Фонтанскій?

„Боже, что за голосъ? Это голосъ скрипки, разбитой вдоль и поперекъ и при томъ разстроенной и съ перепутанными струнами. Но кажется, все-таки — женскій голосъ, хотя бываютъ такіе и у мужчинъ, недѣлю безъ просыпу пившихъ.

— „Они здѣсь живутъ... А что вамъ угодно-съ? спрашиваетъ Иванъ все съ тѣмъ-же оттѣнкомъ удивленія.

— „Мнѣ необходимо его видѣть, крайне необходимо! прескрипѣла вдоль и поперекъ разбитая скрипка.

— „Но зачѣмъ-же-съ? По какому дѣлу?

— „Это я сама объясню ему!

„Сама!“ Значитъ женщина. И по ея голосу я сейчасъ-же представилъ себѣ расплывшуюся, толстомордую особу сомнительной профессіи и столь же сомнительнаго круга, съ краснымъ носомъ и вульгарными манерами. Но что можетъ быть у такой личности ко мнѣ?

— „Нѣтъ-съ, они всегда спрашиваютъ, по какому дѣлу! возражалъ Иванъ.

— „Я-же говорю вамъ, что сама объясню ему! Я не могу вамъ объяснить! уже очевидно наступая на моего лакея, промолвила гостья.—Доложите!

— „Но они теперь еще не одѣтые!.. старался убѣдить ее Иванъ.

— „Это ничего, это все равно! Я должна его видѣть!

„И вдругъ, уже совсѣмъ неожиданно, портьера надъ дверью шумно раздвинулась и передъ моими взорами предстала нѣкая личность... Вы можете себѣ вообразить мое положеніе! Я—въ халатѣ, и передо мной стоитъ незнакомая дама. И какая дама! Хотите, я нарисую вамъ ея портретъ? Росту два съ половиной аршина, ей Богу не меньше! Ужь, кажется, я рослый мужчина, а право-же мнѣ показалось, что она выше меня! Тонка невѣроятно и при этомъ отъ плечъ до ногъ вся одинаковая, точно длинный и узкій ящикъ, сложенный изъ четырехъ досокъ. Никакихъ признаковъ женственности! Лицо—квадратное, ротъ — прямая линія безъ всякихъ изгибовъ, носъ — задранъ кверху, ноздри открыты настежь, такъ что видно все, что дѣлается у нея въ носу, глаза черные съ блескомъ, но безъ рѣсницъ, брови черныя, густыя и сросшіяся, лобъ маленькій, какъ у обезьяны, волосы короткіе, смазанные помадой и прилизанные. Это существо въ длинномъ пальто до пятъ, въ барашковой шапкѣ, съ кожаною сумкой въ рукѣ, стояло передо мной. Я, разумѣется, вскочилъ, запахнулъ халатъ и сталъ бормотать какія-то извиненія.

— „Извините, я сейчасъ... Садитесь, пожалуйста!

„При этомъ я пятился къ двери, которая ведетъ въ спальню. Вы знаете, что я вообще стѣсняюсь въ обществѣ дамъ, въ особенности незнакомыхъ, а въ обществѣ этого чудовища я совсѣмъ растерялся.

— „Нѣтъ, милый, пожалуйста, не стѣсняйтесь. Пожалуйста—такъ! я только на минуту, на одну минуту... я тороплюсь... Меня ждутъ внизу... Пожалуйста, милый Фонтанскій!..

„Милый Фонтанскій!“ Какъ вамъ нравится этотъ способъ выраженія? Очевидно, слово „милый“ было привычкой ея языка, проистекавшей отъ нѣжности ея сердца.

— „Но что же вамъ угодно отъ меня? спросилъ я, рѣшившись въ самомъ дѣлѣ съ ея позволенія принять ее въ халатѣ.

— „Садитесь, пожалуйста! пригласила она меня,—и я вамъ объясню!

„Я сѣлъ, и она тоже сѣла.

— „Вы меня извините... я не знаю, правда-ли это... очень часто про людей распространяютъ небывалыя вещи. Напримѣръ, про меня распустили слухъ, будто я—кокетка! Представьте себѣ! Ничуть не бывало! Увѣряю васъ честью, я ничуть не кокетка! Конечно, у всякой женщины есть врожденное кокетство, но это совсѣмъ другое дѣло!..

„Понимаете? Это чудовище говоритъ о кокетствѣ, да еще врожденномъ. Знаете, это начинало походить на мистификацію. Я перебилъ ее:

— „Но однако, сударыня, чѣмъ же я могу быть вамъ полезенъ?

— „Ахъ, я сейчасъ! заторопилась она.—Вы не сердитесь на меня, милый Фонтанскій! Я сейчасъ. Позвольте, что-же это я? Я до сихъ поръ не назвала себя. Ирада Ксенофонтовна Антилопова, дочь умершаго статскаго совѣтника, дѣвица!

„Я наклонилъ голову. Не слѣдовало, но я, знаете, не могу не быть вѣжливымъ съ дамой, явись она мнѣ хоть въ видѣ такого чудовища, какъ эта Антилопова-дѣвица.

— „И все-таки, вѣжливо сказалъ я,—я никакъ не могу догадаться, что заставило васъ сдѣлать мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ...

— „Ахъ, какъ вы красиво выражаетесь, милый Фонтанскій! я ужасно люблю это! Зачѣмъ я пришла? вдругъ вспомнила она.—Я пришла затѣмъ, чтобы просить васъ, умолять, пасть передъ вами на колѣни, рыдать...

— „Зачѣмъ-же это, помилуйте!?

— „Чтобъ вы удѣлили мнѣ хоть одинъ миллиметръ изъ той драгоцѣнной матеріи, которую вы удостоились вырѣзать изъ шарфа...

— „Изъ шарфа?!—Я чувствовалъ, что глаза мои готовы были выкатиться на лобъ отъ изумленія.—Да откуда вы это знаете? Развѣ вы видѣли? Развѣ я вамъ разсказалъ? Это чортъ знаетъ что такое!

— „Какъ откуда? Да это полъ-города знаетъ, полъ-Петербурга!.. Объ этомъ только и говорятъ, всѣ вамъ завидуютъ... Ахъ, какой вы счастливчикъ, милый Фонтанскій!

„Не обращая вниманія на присутствіе дамы, я въ бѣшенствѣ заходилъ по комнатѣ. Возмущеніе мое было до того сильно, что я вылилъ передъ нею цѣлый потокъ ужасныхъ словъ и право не могу поручиться за то, что всѣ эти слова были приличны.

— „Послушайте, милый Фонтанскій! Только одинъ сантиметръ! Понимаете-ли, я *его* обожаю, я уже двѣнадцать лѣтъ обожаю его, не пропускаю ни одного спектакля, когда онъ поетъ; я готова хранить около сердца подошву отъ его сапога, но мнѣ и этого не удалось добыть! Когда въ прошломъ году онъ уѣзжалъ за границу, насъ собралось на вокзалѣ семьдесятъ четыре дѣвицы-рициннистки, а онъ намъ бросилъ свой носовой платокъ, и что же вы думаете? Въ одно мгновеніе онъ, т. е. платокъ, былъ разорванъ на шестьдесятъ мельчайшихъ кусочковъ и такимъ образомъ четырнадцати дѣвицамъ, въ томъ числѣ и мнѣ, ничего не досталось... Милый Фонтанскій! Осчастливьте меня! одинъ сантиметръ, понимаете-ли вы: одинъ сантиметръ...

— „Сударыня! сказалъ я,—не могу! Не потому не могу, чтобы мнѣ было жаль, а изъ принципа. Я не могу допустить, чтобъ, извините меня, незнакомые люди врывались ко мнѣ въ домъ и касались моихъ интимныхъ предметовъ! Не могу-съ!..

— „Такъ вы не дадите? Да? Не дадите? заскрипѣла она,—такъ вотъ-же, что: я не уйду отсюда, слышите, не уйду! Вотъ и все!

„И она, привставъ слегка, опять сѣла съ такой рѣшительной тяжеловѣсностью, будто хотѣла пригвоздить себя къ стулу.

„Вы можете себѣ вообразить степень моего негодованія. Я не зналъ, какъ поступить. Мнѣ пришла мысль, очень естественная, кликнуть Ивана и приказать вынести эту особу на лѣстницу. Но вы знаете—вѣжливость по отношенію къ дамамъ—мое коренное качество. Я ходилъ по комнатѣ, а она неподвижно сидѣла на стулѣ.

— „Но, сударыня, вѣдь васъ ждутъ на улицѣ!.. напомнилъ я ей.

— „Пускай ждутъ!

— „Но тамъ могутъ простудиться...

— „Пускай простужаются!

„О! значитъ, ее ничѣмъ не сдвинешь съ мѣста. Пять минутъ мы провели такимъ образомъ—я ходилъ, она сидѣла. Но вдругъ я взглянулъ на нее и мнѣ показалось, что ея чудовищное лицо все запрыгало, т. е. запрыгали отдѣльныя части его: губы судорожно вздрагивали, ноздри зашевелились, вѣки принялись хлопать, даже шапочка на головѣ ея какъ-то заволновалась, и не успѣлъ я задать себѣ вопросъ, что бы это могло означать, какъ она рванулась на полъ, упала на колѣни и зарыдала.

Библиотека "Руниверс"

— „Милый, милый Фонтанскій! Одинъ сантиметръ! одинъ миллиметръ! Одинъ микроскопическій атомъ! стонала она, и слезы лились изъ ея глазъ и портили мнѣ вчера только натертый паркетъ.

„Ну, тутъ я больше не могъ крѣпиться. Я схватилъ ключъ, отперъ шкафъ, вытащилъ оттуда шкатулку розоваго дерева, раскрылъ ее и вынулъ изъ нея кусокъ рицциевскаго шарфа. Быстрымъ движеніемъ я отрѣзалъ ножницами часть его, далеко больше сантиметра, уложилъ матерію обратно и опять заперъ шкатулку въ шкафу.

— „Извольте! сказалъ я и подалъ ей отрѣзанный кусокъ. Она жадно схватила его, поцѣловала, прижала къ груди и съ безумно-радостнымъ лицомъ и вмѣстѣ съ какимъ-то торжествующимъ гиканьемъ выбѣжала вонъ.

— „Что она, помѣшанная? спросилъ меня Иванъ, плотно заперевъ за нею дверь.

— „Хуже, отвѣтилъ я, и мнѣ стало обидно, что тогда въ театрѣ, я самъ былъ очень похожъ на эту изступленную рицциистку. Я въ изнеможеніи легъ на кушетку и отдыхалъ. Но вы думаете, это конецъ! Какъ-бы не такъ! Не прошло и получаса, какъ я опять услышалъ звонокъ. Я хотѣлъ приказать Ивану—не принимать, но развѣ я могъ быть увѣренъ, что ко мнѣ опять придутъ не по дѣлу.

— „Господинъ Фонтанскій здѣсь? услышалъ я нѣжный, тоненькій, почти дѣтскій голосъ. Я моментально побѣжалъ въ спальню, снялъ халатъ и туфли и надѣлъ сюртукъ и сапоги. Когда я вошелъ въ кабинетъ, я увидѣлъ на стулѣ у порога прелестнѣйшее созданіе—необычайно молоденькую дѣвушку, почти ребенка, съ розовыми щечками, съ милымъ личикомъ, въ изящной шубкѣ, въ барашковой шапочкѣ.

— „Чѣмъ могу служить? спросилъ я и поклонился. Она встала.

— „Ахъ, извините пожалуйста! промолвила она, сильно волнуясь и краснѣя.—Я слышала, что у васъ есть шарфъ Рицции...

— „И вы? вы? Васъ это интересуетъ? Вѣдь вы еще въ гимназіи! Вы такъ молоды!

— „Да, я въ шестомъ классѣ... но я его обожаю... онъ такъ восхитительно поетъ! и мнѣ хотѣлось-бы имѣть какую-нибудь его вещь...

— „Полноте... Я дамъ вамъ эту вещь, но бросьте вы это! Вамъ-ли, съ вашей молодостью и красотой, тратить чувства на эти пустяки!..

— „Дадите? Ахъ, какъ вы добры! Благодарю васъ! — и ея милое личико просіяло.

„Очевидно, она не обратила вниманія на мой благодѣтельный совѣтъ. Признаюсь, что мнѣ было тяжело видѣть это извращеніе чувства въ такомъ юномъ существѣ, и я поспѣшилъ отрѣзать кусочекъ шарфа и дать ей. Она сказала мнѣ тысячу благодарностей, столько-же разъ покраснѣла и ушла.

„Я уже сталъ бояться, что визиты эти никогда не кончатся и рѣшилъ выйти изъ дому. Вы представляете, какъ я бранилъ васъ въ это время, потому что вы—единственный виновникъ того, что мое воскресенье такимъ страннымъ образомъ было испорчено. Но только что я взялъ изъ коробки нѣсколько папиросъ, чтобы положить ихъ въ портъ-табакъ, какъ новый звонокъ въ передней заставилъ меня вздрогнуть. Я успѣлъ сказать Ивану: если опять дама, не принимать! Но, къ моему удовольствію, я услышалъ чужой баснстый голосъ мужчины.

— „Господина Фонтанскаго можно видѣть?

— „Можно-съ, пожалуйте! поспѣшилъ отвѣтить Иванъ, очевидно, тоже довольный, что это не дама.

„Въ кабинетъ вошелъ, хромая на одну ногу и опираясь на толстую палку въ родѣ костыля, огромный мужчина, плотный, широкоплечій, съ лысой головой, съ длиннѣйшими усами и безъ бороды. Одѣтъ онъ былъ въ черномъ, не только прилично, но даже изысканно. Въ рукѣ держалъ форменную фуражку съ кокардой.

— „Полковникъ въ отставкѣ—Артамонъ Никодимычъ Солопцевъ! отрекомендовался онъ.

„Я кратко сказалъ, что я Фонтанскій, и пригласилъ его сѣсть. Когда онъ шелъ къ стулу, я замѣтилъ, что онъ сильно ковыляетъ лѣвой ногой.

— „Въ семьдесятъ седьмомъ году, батенька, турки подъегорили!.. Съ тѣхъ поръ и ковыляю! отвѣтилъ онъ на мои мысли и сѣлъ... Онъ продолжалъ:

— „Вы меня извините, я къ вамъ по весьма гнусному дѣлу!..

— „То есть въ какомъ смыслѣ? спросилъ я и, признаться, струсилъ. „Ужъ не дуэль-ли какая-нибудь?“ Хотя я рѣшительно никого не обидѣлъ.

— „А вотъ въ какомъ: тутъ у васъ, говорятъ, есть какой-то шарфъ этого пѣвца, Рицции, чтобъ его чортъ побралъ!..

— „Какъ? И вы по этому поводу? Вотъ ужъ этого я не ожидалъ...

— „Да я и самъ этого отъ себя не ожидалъ. Но у меня—жена... Была, знаете, женщина, какъ слѣдуетъ... Восемнадцать лѣтъ ничего не замѣчалъ въ ней, а вотъ два года тому назадъ почти-что помѣшалась на этомъ итальянскомъ мясникѣ—Рицции... Бредитъ имъ, можете себѣ представить! Ночью, во снѣ, понимаетъ, обнимаетъ меня и восклицаетъ: „о, Рицции, Рицции!“ Знаете, въ первое время я даже не разобралъ, въ чемъ дѣло, и когда она это мнѣ сказала, я вообразилъ, что у нея желудокъ не въ порядкѣ... Вотъ какое положеніе! Представьте себѣ, что я, мужъ, солидный человѣкъ, полковникъ въ отставкѣ, имѣющій ордена, раненый, и при томъ съ ковыляющею ногой—обязанъ вѣчно бѣгать и доставать ей билеты на спектакли, когда поетъ этотъ пѣвецъ... Чортъ знаетъ что такое! Теперь она узнала, что у васъ есть какой-то шарфъ... Какъ она узнала это, я не понимаю! Да не понимаю я и того, на кой чортъ вы держите у себя эту дрянь. Кажется, вы—человѣкъ солидный, а между тѣмъ... Не понимаю. Впрочемъ, извините, это не мое дѣло! Ну-съ, такъ ужъ будьте любезны, облегчите мою тяготу, дайте кусочекъ этой тряпки; авось жена моя, получивъ ее, успокоится на недѣлю. Вѣдь это будетъ для меня цѣлая недѣля отдыха...

„Я, разумѣется, поспѣшилъ удовлетворить его просьбу. Вѣдь несчастный человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ! Уходя, онъ дружескимъ тономъ сказалъ мнѣ:

— „А вамъ, почтеннѣйшій и добрый человѣкъ, совѣтую эту дрянь бросить въ печку!..

„Какъ только онъ ушелъ, я моментально выбѣжалъ на улицу и вернулся домой только поздно ночью. И представьте себѣ, Иванъ сообщилъ мнѣ, что въ теченіе дня еще тринадцать дѣвицъ приходили и спрашивали меня. Вотъ что вы надѣлали, докторъ! Ну, теперь совѣтуйте, какъ мнѣ поступить, чтобъ разъ навсегда избавиться отъ этихъ визитовъ...“

— Знаете что, сказалъ Курбетовъ,—мнѣ въ голову пришла великолѣпная мысль. Назначьте день и часъ и объявите въ газетахъ, что продается съ аукціона часть Рицциевскаго шарфа и что сборъ пойдетъ въ пользу бѣдныхъ. Вы увидите, какая крупная сумма получится и достанется бѣднымъ!..

— Слуга покорный! Я не желаю продолжать роль дурака!..

— Ну, тогда вотъ что: возьмите эту знаменитую „часть шарфа“, заверните ее хорошенько и отошлите Рицции. Можетъ быть онъ ее какъ-нибудь пришьетъ къ своему изуродованному вами шарфу. А вы въ тоже время объявите въ газетахъ, что шарфъ отосланъ по принадлежности, и тогда рицциистки сами собой перестанутъ къ вамъ ходить.

— Придется такъ сдѣлать. Давайте-ка сочинимъ объявленіе.

Онъ взялъ перо и, послѣ долгихъ потугъ, написалъ: „Бывшій владѣлецъ части шарфа Р. увѣдомляетъ лицъ, интересующихся этимъ предметомъ, что упомянутой части шарфа у него болѣе нѣтъ, такъ какъ она препровождена по принадлежности“.

Въ тотъ-же день Фонтанскій отправилъ Рицции „часть шарфа“, а на другой день появилось въ газетахъ странное объявленіе, которое поняли только одни рицциистки.

Докторъ Курбетовъ, разумѣется, разсказалъ продолженіе исторіи всѣмъ своимъ одиннадцати невральгическимъ паціенткамъ.

Римъ при Нероне.

Эриста Эккштейна.

(Рис. на стр. 60 и 61).

Слова императора Августа, что онъ нашелъ Римъ кирпичнымъ, а наслѣдникамъ оставляетъ мраморнымъ, принадлежатъ къ тѣмъ громкимъ фразамъ, которыя скорѣе сильно сказаны, чѣмъ справедливы. Безъ сомнѣнія, первый императоръ потрудился надъ украшеніемъ семихолмнаго города, особенно аристократическаго квартала. Марсово поле съ великолѣпными архитектурными и пластическими украшеніями было его созданіемъ; кромѣ того, онъ снесъ нѣсколько пяти и шестиэтажныхъ домовъ, чтобы очистить мѣсто для болѣе красивыхъ построекъ. Однако Римъ не такъ значительно измѣнился при Августѣ, какъ послѣ страшнаго пожара, истребившаго городъ при Нероне, въ 64 году по Р. Х. Ниже мы подробнѣе поговоримъ объ этой катастрофѣ, жертвою которой стали $^{2}/_{3}$ города, преимущественно тѣ части его, которыя представляли обильную пищу для бѣшеной стихіи, благодаря тѣсноте своихъ улицъ и негодности построекъ. Послѣ пожара, городъ пришлось почти вновь возстановить, и незадолго до гибели Нерона Римъ вполнѣ справедливо можно было назвать красивымъ, тогда какъ прежде только нѣкоторыя части его были красивы. До пожара, въ Римѣ считалось около двухъ милліоновъ жителей, по меньшей мѣрѣ $1^{1}/_{2}$ милліона; точныхъ указаній на число жителей не имѣется, но его можно опредѣлить изъ побочныхъ свѣдѣній, встрѣчающихся у древнихъ писателей. Видъ гигантскаго города съ его высокими и скученными строеніями, наряду съ просторными домами и виллами на Садовомъ холму (Collis hortorum, нынѣшній Monte Pincio) и загородными имѣніями, тянувшимися на Аппіевой дорогѣ до самой Кампаніи, производилъ сильное впечатлѣніе. Только Александрія въ Египтѣ на половину могла соревновать съ Римомъ въ этомъ отношеніи. Въ панегирикахъ Риму говорилось, что онъ занялъ бы всю ширину Италіи вплоть до Адріатическаго моря, если-бы нагроможденные другъ на друга

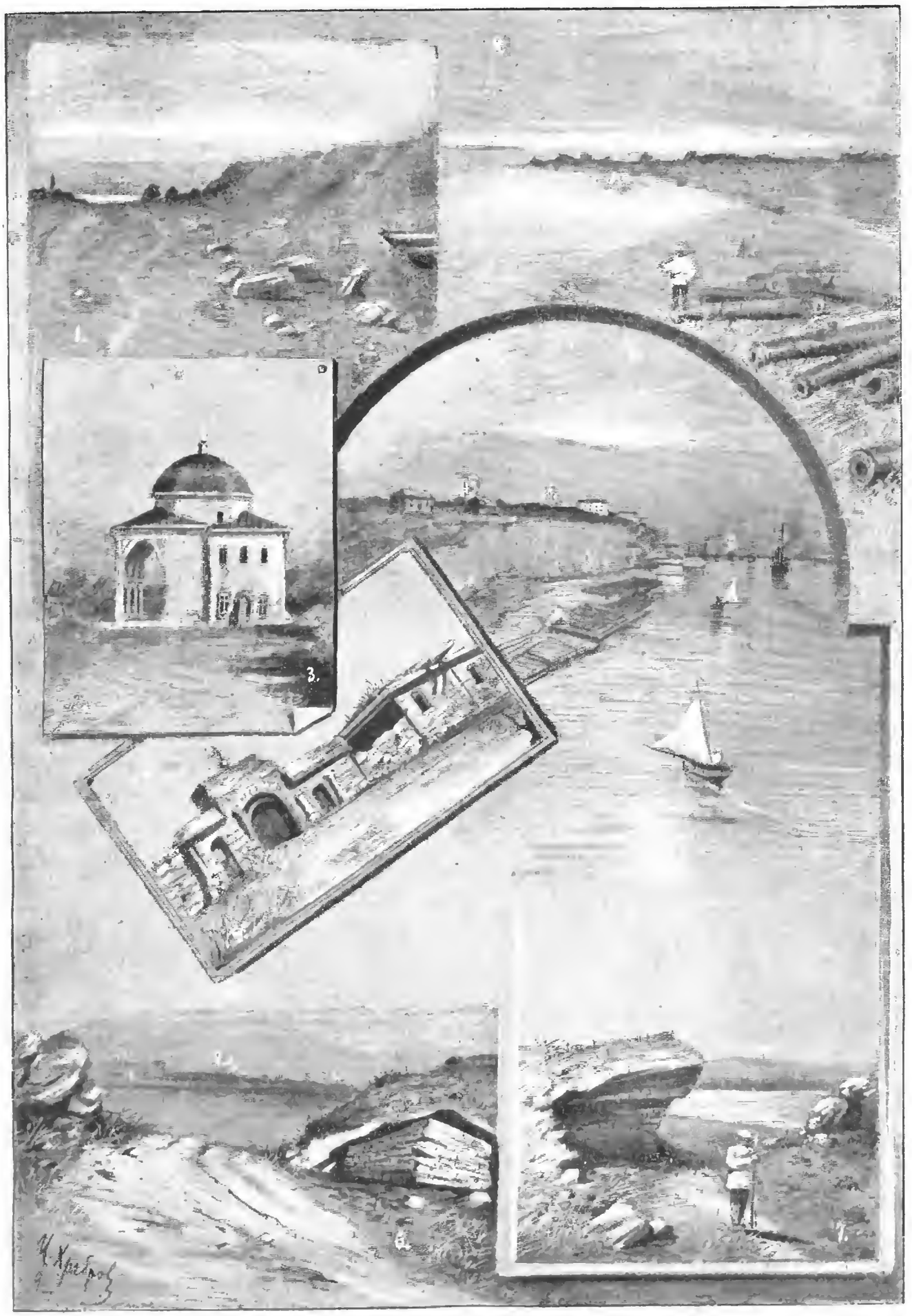
Библиотека "Руниверс"

этажи домовъ вытянуть въ одну линію. Нѣкоторые дома въ Римѣ, напримѣръ въ улицѣ Субурѣ, имѣли 8 и 9 этажей. Но эти высокіе дома были отступленіемъ отъ идеи римскаго дома. Древній римскій домъ, предназначенный для житья въ немъ самого хозяина, во времена Нерона, состоялъ изъ двухъ внутреннихъ дворовъ и своимъ видомъ напоминалъ древнегреческое жилище. Черезъ узкій проходъ (Ostium), передъ которымъ находился вестибюль съ колоннами, проходили на первый дворъ, такъ-называемый атріумъ (отъ слова „ater"—черный, потому что въ древне-республиканское время здѣсь находился закоптѣлый очагъ). Здѣсь по бо́льшей части происходили утренніе пріемы, семейныя торжества, напримѣръ празднованія дня рожденія, одѣваніе совершеннолѣтняго юноши въ мужскую тогу и т. п. Съ трехъ сторонъ этотъ дворъ былъ окруженъ колоннадой, четвертую сторону его занимала комната, называемая Tablinum, или фамильный архивъ, отдѣлявшій первый дворъ отъ втораго. Между колоннами стояли изображенія предковъ, гордость знатныхъ римлянъ. Стѣны за колоннадой были расписаны al fresco сценами изъ исторіи и миѳологіи. За стѣнами находились жилые покои, столовая и др. Двери изъ комнатъ, ведущія къ колоннадѣ, завѣшивались тяжелыми коврами. Посреди атріума находился бассейнъ для дождевой воды (impluvium). Второй дворъ, называемый перистилемъ, соединялся съ первымъ двумя узкими переходами (fauces). Вначалѣ перистиль болѣе походилъ на садъ, чѣмъ на дворъ; тамъ сажали деревья и разводили цвѣтники. Но затѣмъ перистиль сталъ продолженіемъ атріума, а садъ или сталъ примыкать къ нему, называясь ксистосомъ, или обособился въ громадный паркъ. Эти римскіе сады, выходя на улицы, придавали нѣкоторымъ частямъ города своеобразный видъ. Тамъ, гдѣ перистиль сходился съ ксистосомъ, по правилу находился триклиніумъ. Къ дому принадлежали постройки для рабовъ, для останавливающихся друзей и гостей и т. д. Подъ землею параллельно колоннадамъ атріума и перистиля находились подвалы, служившіе для храненія запасовъ. Кухни, ставшія для знатныхъ римлянъ императорскихъ временъ болѣе священнымъ предметомъ, чѣмъ изображенія ихъ пенатовъ и ларъ, тоже находились подъ землею, недалеко отъ триклиніума. Отъ этой основной формы римскаго дома грубо отступали многоэтажные наемные дома. Что за атріумъ или перистиль могъ быть тамъ, гдѣ высокія какъ башни стѣны, обращали эти красивѣйшія мѣста римскаго дома въ шахту или колодезь? Ни одинъ лучъ солнца не проникалъ въ эту глубину.

Итакъ, въ началѣ царствованія Нерона, Римъ имѣлъ двѣ рѣзко обозначенныя физіономіи: одна часть города неуклюжая, со скученными наемными домами, въ подвальныхъ этажахъ которыхъ помѣщались кабаки, харчевни, цирульни; другая часть аристократическая, съ публичными зданіями и домами сенаторовъ и всадниковъ. Типомъ бѣдной улицы служила темная и густо населенная Субура, лежавшая между Римскимъ форумомъ и улицами, гдѣ жили патриціи. Сюда же принадлежали и улицы Авентинскаго холма, на вершинѣ котораго стоялъ храмъ народной богини Діаны, этой древней покровительницы плебеевъ; и многіе пользовавшіеся худой славой закоулки у такъ-называемой Туллійской стѣны на востокѣ города; и наконецъ, весь рабочій кварталъ по ту сторону Тибра. Впрочемъ, остается нерѣшеннымъ: дѣйствительно-ли, съ точки зрѣнія современнаго художника, эти части города представляли некрасивый видъ, какъ то можно заключить изъ описаній римскихъ писателей. Въ этомъ отношеніи вкусъ древнихъ былъ очень односторонепъ, какъ и въ пониманіи красотъ природы; такъ современники Нерона выше всего ставили чистоту и правильность формъ. На самомъ же дѣлѣ эти тѣсныя улицы съ оживленною толпой народа могли быть такъ же красивы, какъ современныя узкія улицы Неаполя, Капри и т. п. Аристократическій кварталъ уже изящною архитектурой строеній представлялъ рѣзкій контрастъ улицамъ, гдѣ скучился пролетаріатъ. Улица Субура вела на Римскій форумъ, этотъ центръ государственной и городской жизни. Здѣсь между Капитолійскимъ холмомъ и склономъ Целія тянулся длинный рядъ дворцовъ и храмовъ. Via Sacra, пересѣкавшая форумъ, во всякое время дня была наводняема толпами людей, пѣшихъ и въ носилкахъ. Римская архитектура при незначительныхъ средствахъ была гораздо эффектнѣе нынѣшней; поэтому классическіе писатели, видѣвшіе лично эти зданія необычайныхъ размѣровъ, какъ напримѣръ Пантеонъ съ его могучимъ куполомъ, амфитеатръ Флавія и сосѣднюю базилику, говорятъ о Римскомъ форумѣ и оставляемомъ имъ впечатлѣніи въ такихъ выраженіяхъ, которыя кажутся преувеличенными, если принять во вниманіе очень ограниченное пространство этого мѣста. Капитолійскій холмъ, собственно скала поднимавшаяся по срединѣ города, со своими мраморными храмами былъ гораздо величественнѣе форума. По императорскимъ эдиктамъ, внутрь города не допускались повозки, ихъ не было и на форумѣ, за то здѣсь постоянно находились толпы народа. Уже до разсвѣта онъ кишѣлъ кліентами, тогатами, людьми всевозможныхъ положеній, которые приходили сюда искать патроновъ, знатныхъ покровителей, чтобы позднѣе при ихъ публичныхъ появленіяхъ во время дня сопровождать ихъ въ качествѣ почетной стражи. Приличіе требовало, чтобы кліентъ выходилъ поджидать своего патрона до восхода солнца, за что онъ получалъ жалованье. Торжественные пріемы на Палатинѣ, примыкавшемъ съ юго-восточной стороны къ Римскому форуму, производились въ первые часы дня, т. е. тотчасъ послѣ восхода солнца. Тогда форумъ наполнялся и высшими сановниками государства, какъ-то консулами, квесторами, сенаторами, въ ихъ пурпурныхъ тогахъ, которые сходились, чтобы отсюда двинуться ко дворцу. Въ то же время наполнялись и расположенныя на сѣверо-восточной часто форума цирульни, гдѣ не только брились и стриглись, но и оживленно толковали о политикѣ и городскихъ сплетняхъ. Педагоги вели чрезъ форумъ учениковъ въ школы. Булочники и разносчики выкрикивали свои товары. Съ восходомъ солнца давка, шумъ и говоръ становились сильнѣе. Сенаторы, магистраты и такъ-называемые „друзья императора" шли назадъ съ утренняго пріема, раздѣлившись на группы и оживленно бесѣдуя. Съ шумомъ проходили изъ большихъ казармъ, блистая нагрудниками, колонны преторіанской гвардіи для смѣны карауловъ во дворцѣ. Истцы и отвѣтчики со своими защитниками спѣшили въ базилики, гдѣ ждалъ ихъ преторъ. Тамъ проносили знатныхъ дамъ въ богатыхъ носилкахъ изъ кедра, причемъ впереди бѣжали расчищавшіе дорогу слуги, а подлѣ носилокъ шли богато-одѣтые юноши. Тамъ толпа вдругъ разступалась, давая дорогу громадному слону, на головѣ котораго между ушами помѣщался карнакъ; поднимался споръ, будетъ-ли участвовать этотъ слонъ въ зрѣлищахъ и сразится-ли онъ съ гетулійскимъ львомъ. Раздается военный маршъ, толпа вновь разступается, пропуская солдатъ городской когорты (Cohors urbana), исправлявшей полицейскую и пожарную службы. Она спѣшитъ на пожаръ, которые были не рѣдкостью въ древнемъ Римѣ. Между тѣмъ толпа на форумѣ все растетъ, къ ней примѣшиваются и иностранцы: персы въ цвѣтныхъ одеждахъ съ остроконечными шапками на кудрявыхъ головахъ, сарматы въ зеленовато-сѣрыхъ охотничьихъ одеждахъ, скотты, халдеи и вѣчно веселые греки, которымъ римляне подражали во всемъ. Всѣ нарѣчія звучатъ на Римскомъ форумѣ, чаще же всего слышенъ греческій языкъ. Все греческое было въ модѣ въ Римѣ. Оба языка, т. е. латинскій и греческій, были равноправны: первый—какъ родной языкъ, второй—какъ языкъ образованнаго общества. Тщетно смѣялся сатирикъ Ювеналъ надъ этимъ слѣпымъ подражаніемъ; даже такіе писатели, какъ Плиній, постоянно приводили цитаты изъ греческихъ классиковъ, преимущественно изъ Гомера. Греческій языкъ слышался на форумѣ главнымъ образомъ послѣ полудня, когда тамъ находились знатные люди. Между вторымъ завтракомъ и обѣдомъ все тянулось на Марсово поле. Теперь предъ колоннадами пышныхъ домовъ показывались и всадники. На Марсовомъ полѣ, подъ шумящими кленами и вязами, ежедневно собирался весь Римъ; это было мѣстомъ свиданій. Здѣсь собирались не только лица высшаго сословія, но все имѣвшее досугъ: и пролетаріи, и нищіе. Нерѣдко на улицахъ, прилегавшихъ къ Марсову полю, пересѣкаютъ путь толпѣ, спѣшащей туда, разныя процессіи. Вотъ тянется процессія жрецовъ Изиды; они въ длинныхъ, блестящихъ одеждахъ, съ восковыми свѣчами въ лѣвыхъ рукахъ, въ правыхъ они держатъ посвященные Изидѣ систры. Надо всей толпой поднимается изваяніе Изиды; впереди идутъ мальчики, въ процессіи принимаютъ участіе знатныя дамы. Звучатъ молитвы, и блестящая процессія исчезаетъ, поворачивая къ широкой улицѣ Via Lata (нынѣшній Corso). По Римъ стремится на Марсово поле, путь лежитъ вокругъ Капитолійскаго холма и роскошнаго дворца Агриппины. Тамъ за колоннадами видны картины на стѣнахъ, по бо́льшей части съ сюжетами изъ миѳологіи; тутъ взглядъ падаетъ на мраморную ограду, называемую septa, внутри которой собирался римскій народъ для подачи голосовъ на центуріатскихъ собраніяхъ. У сѣвернаго конца портика тянется длинный рядъ лавокъ. Затѣмъ слѣдуетъ громадный паркъ съ аллеями, купами кустарниковъ, съ порталами, колоннами и всевозможными произведеніями искусства. По широкимъ аллеямъ происходитъ катанье, здѣсь мелькаютъ тысячи блестящихъ экипажей, напоминающихъ наши фаэтоны. Въ сторонѣ фокусники и комедіанты выказывали свое искусство: здѣсь геркулесъ поднималъ разныя тяжести, тамъ индійцы показывали дрессированныхъ змѣй. И надъ всѣмъ этимъ блестѣло южное солнце, освѣщая ручейки и фонтаны, группы темныхъ миртъ и лавровъ. Таковъ былъ Римъ весною 64 года, того ужаснаго года, когда отъ владыки цѣлаго міра остались однѣ жалкія развалины.

Уже въ древности существовало много басенъ относительно пожара Рима и его причинъ. Теперь въ нашихъ школахъ учатъ, что Неронъ сжегъ вѣчный городъ или въ припадкѣ звѣрской жестокости, или въ порывѣ восторженнаго эстетика, съ невѣроятнымъ намѣреніемъ возбудить свои остывшія чувства видомъ этой небывалой катастрофы. Но знатоки древности сомнѣваются въ этой баснѣ. Что Неронъ при началѣ пожара былъ въ Анціумѣ, что вслѣдъ за сообщеніемъ градоначальника (praefectus urbi) онъ въ величайшей тревогѣ поспѣшилъ въ Римъ и лично распоряжался работами для прекращенія пожара — всего этого недостаточно для опроверже-

Библиотека "Руниверс"



Сотая годовщина взятія Измаила. Оригг. рис. (собств. „Нивы") И. Храброва.

1. Восточный валъ и остатки разобранныхъ стѣнъ. 2. Пушки, брошенныя на берегу Дуная. 3. Старинная турецкая мечеть, превращенная въ православную церковь. 4. Видъ изъ крѣпости на новый Измаилъ: кордонъ пограничной стражи, таможня, австрійская пристань. 5. Развалины церковной ограды въ крѣпости. 6. Остатки Бендерскихъ воротъ и дорога въ городъ. 7. Остатки Килійскихъ воротъ.

Библиотека "Руниверс"

нія подозрѣнія, все это могло быть только заранѣе и хорошо обдуманною игрой. Но противъ этого подозрѣнія говорятъ слѣдующія соображенія. Находясь въ смертельной враждѣ съ аристократіей и отовсюду окруженный заговорами, Неронъ видѣлъ въ черни свою единственную опору. Оттого онъ и не жалѣлъ ничего для удовлетворенія страстей черни, болѣе важныхъ для него, чѣмъ доводы достойныхъ сенаторовъ и государственныхъ людей. Кто же болѣе всего пострадалъ при катастрофѣ 24 іюля? Чернь, пролетаріатъ, этотъ единственный союзникъ императора. И такой мудрый и разсчетливый правитель, какъ Клавдій Неронъ, сталъ бы собственными руками уничтожать свою опору? Невѣроятно! Утверждали, что императоръ былъ виновникомъ пожара: но откуда шли эти утвержденія? Неизвѣстно, хотя можно догадываться, что съ одной стороны этотъ слухъ распространяли сторонники безвинно преслѣдуемыхъ христіанъ, съ другой стороны — участники заговора противъ Нерона, во главѣ котораго стоялъ Пизонъ и который окончился немного позже казнью всѣхъ участниковъ. Я разскажу о пожарѣ словами моего же романа, героемъ котораго я взялъ Клавдія Нерона, этого замѣчательнѣйшаго изо всѣхъ римскихъ императоровъ. Дѣло было въ срединѣ лѣта. Богачи и знатные люди уже давно разъѣхались, кто въ горы, кто на берегъ моря. Императоръ со своимъ дворомъ находился въ Анціумѣ. Римъ точно вымеръ. Только послѣ заката солнца наполнялись кабачки, оживлялись улицы и Марсово поле. Тысячи людей купались въ Тибрѣ. Матросы купеческихъ кораблей спѣшили разгрузить ихъ, чтобы до наступленія дня вернуться въ Остію. Здѣсь, на берегу рѣки, параллельно Большому цирку, находились громадные склады масла и хлѣбные амбары. 24 іюля солнце садилось въ туманѣ кроваваго цвѣта, нездоровый, удушливый жаръ стоялъ надъ городомъ. Во второмъ часу ночи озадаченное населеніе увидало, какъ блеснулъ огонь надъ кровлею одного изъ хлѣбныхъ амбаровъ на Авентинѣ. „Пожаръ!“ пронеслось въ испуганной толпѣ. Не было человѣка, который бы не понималъ страшной опасности пожара въ такой части города и при такой ужасной сухости воздуха. Городская пожарная когорта прибыла гораздо позднѣе, чѣмъ было бы желательно. Проворно и ревностно принялись за дѣло солдаты, снося все кругомъ, чтобы локализировать пожаръ. Рухнули склады масла, и пылающая жидкость потекла подобно ручьямъ лавы изъ Этны, все зажигая на своемъ пути. Люди работали изо всѣхъ силъ, но силы ослабѣвали, не хватало рукъ. Къ концу третьей вигиліи градоначальникъ послалъ конпаго вѣстника въ Анціумъ. Неронъ, сопровождаемый Поппеей-Сабиной и громадною свитой, тотчасъ пустился въ путь. Когда онъ прибылъ въ Римъ, уже 1/8 часть города была въ огнѣ. Неронъ тотчасъ принялъ на себя распоряженіе всѣми работами. Чѣмъ руководился онъ при этомъ — трудно сказать, быть-можетъ это было чувство человѣколюбія. Во всякомъ случаѣ императоръ воодушевилъ римскую чернь. Конечно, жилища этихъ бѣдняковъ уже стали добычею огня, но всемогущій цезарь, которому они были обязаны своимъ благомъ, былъ отвѣтственъ въ ихъ глазахъ за ихъ несчастія. Источникъ всего они видѣли въ лицѣ императора. Неронъ и Поппея, какъ свидѣтельствуютъ современные писатели, даже не перемѣнили одежды. Любимецъ императора Тигеллинъ изъ Агригента дѣлилъ труды съ царственною парой. Народъ при видѣ этого почерпнулъ новое мужество. „Императоръ въ огнѣ!“ раздавалось въ толпѣ. „Поппея среди развалинъ!“ „Хвала, хвала!“ „Теперь бѣшенство огня должно прекратиться. Римъ побѣдилъ!“ И вѣчный городъ побѣдилъ бы, еслибъ и въ немъ не нашлось тѣхъ извергъ, которые всегда извлекаютъ пользу изъ несчастій человѣчества. При страшномъ смятеніи случилось то, что большая часть Рима осталась безъ полицейскаго присмотра, ибо и городская когорта участвовала въ тушеніи пожара. Тогда сбродъ разбойниковъ бросился на эту часть города, разграбилъ дома, употребляя при этомъ разныя насилія, и поджегъ пощаженную огнемъ часть города. Когда вечеромъ этого дня, измученный усталостью, Неронъ упалъ на ложе въ домѣ Мецената, городъ уже пылалъ во всѣхъ концахъ. Утромъ слѣдующаго дня поднялся ураганъ, который такъ раздулъ пожаръ, что всякое дальнѣйшее сопротивленіе огню было безполезно. Пылали храмы, театры и великолѣпныя зданія на Via Lata. Та же участь постигла Субуру, окруженные садами дома консуловъ и дворецъ понтифекса. Отчаяніе измученнаго народа достигло высочайшей степени. Дикіе вопли оглашали еще неразрушенныя части города. Ревъ бѣшенства мѣшался съ отчаянными криками испуга. Человѣческія жертвы считались тысячами. Тамъ и сямъ передавались изъ устъ въ уста ужасные случаи. Цѣлые дома сразу охватывались пламенемъ, и всѣ жильцы ихъ заживо сгорали. Громадность опасности и страхъ смерти вызывали такія сцены, мерзость которыхъ оставляла въ тѣни все, что пережилъ на своемъ вѣку залитый кровью Римъ. Сыновья давили отцовъ, чтобы пробраться наверхъ къ окруженнымъ дымомъ люкамъ, откуда можно было выбраться на воздухъ. Матери бросали кричащихъ дѣтей, чтобы освободить руки и пробить себѣ выходъ. Короче, были порваны всѣ узы сердца, природы, закона. Казалось, наступалъ конецъ міра. Нѣкоторые граждане добровольно бросались въ огонь, или увлеченные тою демоническою силой, которая заставляетъ бросаться въ пропасть на смерть испуганныхъ путниковъ, или сознательно ища смерти, чтобы не видать гибели горячо любимаго Рима. Вотъ истинная исторія великаго пожара.

Панорама пожара Рима при Неронѣ, изображенная здѣсь въ гравюрѣ, въ настоящее время находится въ Берлинѣ. Творецъ колоссальной картины, которая полукругомъ разстилается предъ глазами зрителя, художникъ Максъ Кохъ, обладаетъ многостороннимъ талантомъ и творческою плодовитостью. Ему принадлежитъ идея картины и композиція. Въ исполненіи же картины сверхъ того участвовали его братъ Георгъ Кохъ, художникъ Гервартъ, ученикъ Вильберга, Р. Геллгреве, Г. Мирковскій и Кольмаръ Шмидтъ. Художникъ при изображеніи пожара Рима основывался на свѣдѣніяхъ, даваемыхъ Тацитомъ въ 15-й книгѣ его Анналовъ и Светоніемъ въ жизнеописаніи императора Нерона, кромѣ того въ извѣстной степени пользовался результатами археологическихъ и топографическихъ изслѣдованій, чтобы по возможности дать истинную и наглядную картину семихолмнаго города, какимъ тотъ былъ во времена Нерона, только въ тѣхъ случаяхъ давая свободу своей фантазіи, когда преданіе, обрываясь, покидало его и требовало его собственной изобрѣтательности, не отступающей однако отъ общаго характера архитектуры того времени. (к. к.)

Къ рисункамъ.

Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ.

(Рис. на стр. 49).

Первая мысль почтить заслуги Ломоносова сооруженіемъ памятника принадлежитъ Архангельскому епископу Неофиту. Онъ сообщилъ ее генералъ-губернатору Магницкому, который въ 1825 г. пригласилъ архангельскихъ гражданъ къ пожертвованіямъ и, когда было собрано 2,000 р., сдѣлалъ представленіе министру Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи на всеобщую подписку. Къ 19 августа 1831 г. собрано было 53,302 р. 89 к. Проектъ памятника былъ составленъ ректоромъ Академіи Художествъ Мартосомъ и одобренъ Императоромъ Николаемъ. Идея памятника заимствована художникомъ изъ оды Ломоносова: „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія“. Ломоносовъ, говоритъ самъ Мартосъ, представленъ стоящимъ на сѣверномъ полушаріи, для означенія, „что есть сѣверный поэтъ, и взирающимъ на величественное небесное явленіе съ восторгомъ и удивленіемъ; геній или ангелъ разума подаетъ ему лиру, для воспѣнія стихъ безсмертныхъ стиховъ:

Песчинка, какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ.
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо въ огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мыслями утомленъ.

„На лирѣ изображено вензелевое имя Императрицы Елисаветы Петровны, коей вѣка онъ былъ пѣвецъ. На полушаріи выгравировано мѣсто его отчизны, Холмогоры. Вышина стоящей фигуры Ломоносова 3 арш. 2 верш., фигура генія въ натуральную вышину“.

Въ 1829 г. памятникъ былъ отлитъ; гранитъ для пьедестала привезенъ изъ Финляндіи, и все это было сдано морскому вѣдомству для доставленія въ Архангельскъ. Оконченъ и открытъ онъ былъ въ 1834 г., а въ 1838 г. нѣсколько передѣланъ (значительно возвышенъ пьедесталъ, отчего самый памятникъ много выигралъ) и обнесенъ чугунной рѣшеткой. Первоначально памятникъ былъ поставленъ на Соборной площади и заслоненъ отъ рѣки Двины зданіемъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ. 1 сентября 1867 г. памятникъ перенесенъ на болѣе видное мѣсто—Ломоносовскую площадь.

Не въ своей тарелкѣ. (Рис. на стр. 52).

Зимы въ Закаспійскихъ степяхъ бываютъ очень суровыя. Сильная стужа и продолжительныя мятели часто лишаютъ всякой возможности передвигаться по безконечному пространству, гдѣ нерѣдко нѣтъ жилья и пристанища на цѣлые десятки верстъ. Горе тѣмъ путникамъ, которыхъ застигнетъ вьюга въ дорогѣ. Схоронившись, какъ возможно, отъ леденящаго вѣтра, они отдаются на произволъ верблюда, который, неторопливо и мѣрно шагая по снѣжнымъ сугробамъ, вывозитъ путниковъ на дорогу или къ жилью.

Подъ медвѣдемъ. (Рис. на стр. 53).

Несчастный исходъ одного изъ тѣхъ единоборствъ съ медвѣдемъ, которыя въ наше время все рѣже и рѣже становятся даже въ Россіи. Встарину бывали, да и теперь еще кое-

Библиотека "Руниверс"

гдѣ въ Сибири находятся смѣльчаки выходящіе на медвѣдя съ однимъ ножомъ. Но и съ ружьемъ, особенно плохенькимъ, поднять Михайлу Иваныча съ берлоги одинъ-на-одинъ—дѣло далеко не безопасное. Промахъ или рана въ неубойное мѣсто — и съ отважнымъ охотникомъ легко можетъ приключиться изображенное на рисункѣ академика Писемскаго. Медвѣдь однимъ скачкомъ подомнетъ подъ себя смѣльчака, не давъ ему времени даже схватиться за ножъ.

Послѣ бури. (Рис. на стр. 57).

Долго бушевала буря. Наконецъ понемногу слабѣя унеслась она, сердито ворча и оставивъ не мало опустошеній и проказъ послѣ себя. И у нашихъ малютокъ сильнымъ порывомъ вѣтра опрокинуло любимый цвѣтокъ съ окна, и горшокъ покатился по наклонной крышѣ, къ неописанному горю его маленькихъ хозяевъ. Но радость часто идетъ объ руку съ печалью, и готовые заплакать глазки весело засвѣтились, когда увидѣли, что цвѣточный горшокъ, скатившись, остановился у самаго края крыши. Какъ только поутихло, мальчуганъ скинулъ сапожки и осторожно крадется по крышѣ къ любимому цвѣтку, на который устремлено все вниманіе его сестренки.

Сотая годовщина взятія Измаила.

(Рис. на стр. 65).

На-дняхъ исполнилось ровно сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ грозный оплотъ турецкаго могущества на Дунаѣ палъ отъ руки Суворова. Значеніе Измаильскаго штурма и то вліяніе, какое онъ имѣлъ на ходъ политическихъ событій того времени, уже достаточно выяснены въ цѣломъ рядѣ статей, появлявшихся въ послѣднее время на страницахъ всевозможныхъ современныхъ изданій. Намъ остается припомнить только въ общихъ чертахъ самый штурмъ и сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ этого города.

Измаилъ считался въ то время первоклассною крѣпостью, былъ окруженъ 6-ти-верстнымъ валомъ вышиною до 4 саж. и рвомъ въ 6 саж. ширины и около 4 глубины. 35-тысячный прекрасно вооруженный гарнизонъ защищалъ его стѣны, вмѣстѣ со своимъ предводителемъ, храбрымъ и безстрашнымъ Айдосъ-Магометъ-пашой. Ему предстояло одно изъ двухъ: или отстоять городъ, или умереть; такова была воля султана, и защитники крѣпости, какъ истые мусульмане, исполнили ее съ необыкновеннымъ фанатизмомъ. Не мудрено, что войска обложившія Измаилъ не вѣрили въ возможность взять его и считали блокаду за простой маневръ: крѣпость казалась неприступною.

Видя нерѣшительность и бездѣйствіе генераловъ, пользовавшихся одинаковыми правами и составлявшихъ по словамъ Потемкина „родъ сейма нѣкоего“,—главнокомандующій рѣшилъ обратиться къ Суворову. „Моя надежда на Бога и на Васъ“,—писалъ онъ ему въ *Бырладъ*, мѣстечко, гдѣ стоялъ его 12-тысячный корпусъ. Съ прибытіемъ Суворова войска сразу оживились: всѣмъ стало очевидно, что штурмъ теперь не маневръ и не мечта, что его не миновать. Дѣйствительно, начались дѣятельныя приготовленія, копали рвы, возводили насыпи, производились примѣрныя битвы и т. д.

Настало 10-е декабря. Шумъ въ войскахъ притихъ и къ вечеру всѣ расположились вокругъ костровъ; никто не ложился спать; не спалъ и Суворовъ. Какъ всѣ, онъ подсѣлъ къ одному изъ костровъ, побалагурилъ по своей неизмѣнной привычкѣ и наконецъ молча и задумчиво уставился въ огонь. Изъ города доносился глухой гулъ. Ровно въ 3 ч. утра взлетѣла сигнальная ракета, войска дрогнули, зашевелились и двинулись къ крѣпости, разбившись на шесть колоннъ подъ предводительствомъ генераловъ Львова, Ласси, Мекноба, Орлова, Платова и Кутузова. Со стороны Дуная шли три колонны гребной флотиліи де-Рибаса. Въ крѣпости точно не замѣчали движенія. Но лишь только войска подошли на 400 шаговъ къ стѣнѣ, какъ по всей линіи начался страшный огонь и грозный ревъ 200 орудій заглушилъ громкое „ура“ — русскихъ. Войска прибавили шагу; убитые и раненые падали сотнями, загораживая дорогу. Особенно трудно приходилось двумъ колоннамъ спѣшенныхъ казаковъ (Орлова и Платова), деревянныя пики которыхъ турки перерубали своими острыми мечами. Казаки Платова шли по рву наполненному водой, доходившей мѣстами до шеи. Дѣло подвигалось хотя медленно, но успѣшно благодаря изумительной стойкости солдатъ. Въ 8 ч. утра стѣны были въ нашихъ рукахъ. Вошедшія войска, не смотря на страшную усталость, немедленно выстроились и продолжали биться. Каждый шагъ приходилось брать съ бою: дома превратились въ крѣпости, улицы и площади—въ поля битвы. Когда Суворовъ ввелъ резервы, дѣло пошло быстрѣе и къ 4 ч. все было кончено. 26 тыс. турокъ пало на мѣстѣ: 9 тыс. взято въ плѣнъ. Суворовъ заравѣе обѣщалъ отдать городъ на разграбленіе солдатамъ, и теперь они дали волю своей ненависти къ туркамъ. Взято было 265 пушекъ, 373 знамени, около 10,000 лошадей и 42 судна. Говорятъ, что добыча простиралась до полутора милліоновъ рублей. Самъ Суворовъ отказался взять что бы то ни было, и его солдаты не разъ говорили про своего любимаго вождя: „во всемъ съ нами въ паю, только не въ добычѣ“. Съ нашей стороны потеря была тоже значительна: убитыхъ и раненыхъ насчитывали до 10 тыс.

Насколько это было трудное дѣло, видно изъ того, что императрица, по полученіи объ этомъ извѣстія, сказала: „подобнаго штурма я не знаю въ исторіи“. Самъ Суворовъ говаривалъ впослѣдствіи, что на такой штурмъ можно рѣшиться только разъ въ жизни. Солдаты, глядя на другой день на стѣны и валы крѣпости, не вѣрили, что они всю прошлую ночь взбирались на эту неимовѣрную высоту...

Суворовъ получилъ чинъ подполковника гвардіи, полковникомъ которой состояла сама императрица, и кромѣ того въ честь его выбита медаль за взятіе Измаила.

Что касается послѣдующей исторіи Измаила, то въ общемъ необходимо признать фактъ постепеннаго упадка города: никогда потомъ онъ не игралъ той роли, какая выпала на его долю въ концѣ прошлаго столѣтія.

31 іюня 1791 года въ Галацѣ съѣхались представители Россіи и Турціи и были заключены предварительныя условія мира, окончательно ратификованнаго въ Яссахъ (*Ясскій миръ*). По этому договору Измаилъ возвращенъ былъ Турціи. Въ слѣдующую Турецкую кампанію при Александрѣ I, онъ неоднократно былъ осаждаемъ нашими войсками (въ 1806 и 1807 гг.) и окончательно взятъ лишь въ 1809 г. По заключенному въ 1812 г. *Бухарестскому миру* онъ навсегда присоединенъ къ Россіи. Къ этому времени относится возникновеніе новаго города невдалекѣ отъ крѣпости.

Нѣсколько сотенъ армянъ, молдаванъ (румынъ), грековъ и болгаръ отдѣлились отъ города, ставшаго теперь по преимуществу военнымъ, и основали въ 2—3 верстахъ отъ крѣпостнаго вала поселеніе, которое очень быстро расширилось и вскорѣ выросло въ цѣлое мѣстечко. Значеніе его возросло въ особенности съ прибытіемъ такъ-называемыхъ *Некрасовцевъ*, казаковъ-раскольниковъ, получившихъ здѣсь право строить свои церкви, имѣть епископа и т. д. Въ 1830 г. населеніе было уже такъ велико, что ему понадобилось дать правильную организацію, — которая и введена генераломъ *Тучковымъ* 2-мъ, настоящимъ основателемъ нынѣшняго Измаила. Вновь образовавшійся городъ получилъ названіе отъ своего перваго управителя и назывался *Тучковомъ* до 1856 г., когда по Парижскому миру онъ перешелъ къ Румыніи. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ офиціальныхъ бумагахъ онъ до сихъ поръ называется Тучковомъ, и на офиціальной картѣ нѣтъ города Измаила, а есть *крѣпость* Измаилъ и *городъ* Тучковъ. Это и заставило нѣкоторыхъ нѣмецкихъ энциклопедистовъ спутать оба названія: у Брокхауза и даже въ новѣйшемъ словарѣ Мейера—городъ называется „Ismaïl-Toutschkoff—Doppelstadt“—прибавляется въ поясненіи. У Bouillet (Diction. d'histoire et géographie) послѣдняго названія вовсе не встрѣчается.

По Парижскому миру Россія обязалась срыть крѣпость и въ такомъ видѣ сдать ее Румыніи, что̀ и было исполнено въ томъ-же году. 20,000 пуд. пороха разметало, нѣкогда несокрушимыя стѣны крѣпости, подъ которыми пало въ разное время до 100,000 человѣкъ! Всѣ казенныя зданія, казармы, конюшни—все это превратилось въ груду развалинъ, отъ которыхъ теперь не осталось ничего: весь годный матеріалъ пошелъ на постройку новаго города. Около ста пушекъ было заклепано и брошено на самомъ берегу Дуная; они валяются тамъ до сихъ поръ (рис. 2), и судя по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ на нихъ помѣткамъ и вензелямъ, большинство изъ нихъ должно быть отнесено къ Екатерининской эпохѣ; только часть ихъ можно признать турецкими. Кромѣ этихъ пушекъ, да нѣсколькихъ каменныхъ глыбъ изъ кирпича, оставшихся на мѣстѣ древнихъ Бендерскихъ и Килійскихъ воротъ (рис. 6 и 7) единственнымъ уцѣлѣвшимъ памятникомъ Турецкаго могущества является мечеть (рис. 3)—нынѣ православный соборъ. О ея турецкомъ происхожденіи говоритъ развѣ стиль, мавританскія колонны, восточное строеніе купола, да кой-какія украшенія внутри, — но вмѣсто золотаго полумѣсяца, на ней блеститъ теперь православный крестъ. Тутъ-же невдалекѣ расположены еще двѣ церкви,—появленіе которыхъ относится уже ко времени русскаго владычества въ Бессарабіи отъ 1812—1856 г.

Наконецъ, по *Берлинскому трактату* (1877 г.) Измаилъ былъ снова навѣки возвращенъ Россіи,—пунктъ, на которомъ особенно настаивалъ въ Бозѣ почившій Государь, желавшій во что бы то ни стало сохранить естественныя границы государства, установленныя событіями 1812 года.

Въ настоящее время въ городѣ (съ предмѣстіями) насчитывается до 40,000 жит., преимущественно грековъ, евреевъ и молдаванъ. Русскій элементъ почти исключительно состоитъ изъ чиновниковъ. Въ городѣ есть три русскія церкви, одна греческая, армянская, одна раскольничья (Липованская) и костелъ; имѣется два клуба, водопроводъ, мостовыя, бульвары и т. д. Торговое значеніе Измаила сильно упало, чему въ особенности способствуютъ постоянные песочные заносы Килійскаго гирла, дѣлающіе нашъ рукавъ при самомъ устьѣ недоступнымъ для большихъ судовъ.

Что касается мѣста, гдѣ находилась прежде крѣпость, то все оно сплошь заросло травой и служитъ пастбищемъ для

Библиотека "Руниверс"

Возстаніе краснокожихъ въ С. Америкѣ. Племя Сіу на походѣ. Съ наброска Альберта Рихтера

Библиотека "Руниверс"

овецъ. Тамъ, гдѣ нѣкогда раздавался ревъ нѣсколькихъ сотъ орудій, гдѣ слышались крики сражавшихся и стоны умирающихъ, — теперь мирно пасутся стада, далеко носится ихъ блеянье, по костямъ ратниковъ разгуливаютъ „чебаны" и поютъ свои однообразныя и заунывныя пѣсни...

Во всемъ городѣ нѣтъ ничего, что бы напомнило потомству о великомъ подвигѣ, когда-то совершенномъ всего въ двухъ верстахъ отъ города, ни памятника, ни простой надписи, даже въ названіяхъ улицъ и бульваровъ, въ офиціальныхъ учрежденіяхъ нѣтъ ничего напоминающаго о великомъ Суворовѣ и славномъ Измаилѣ.

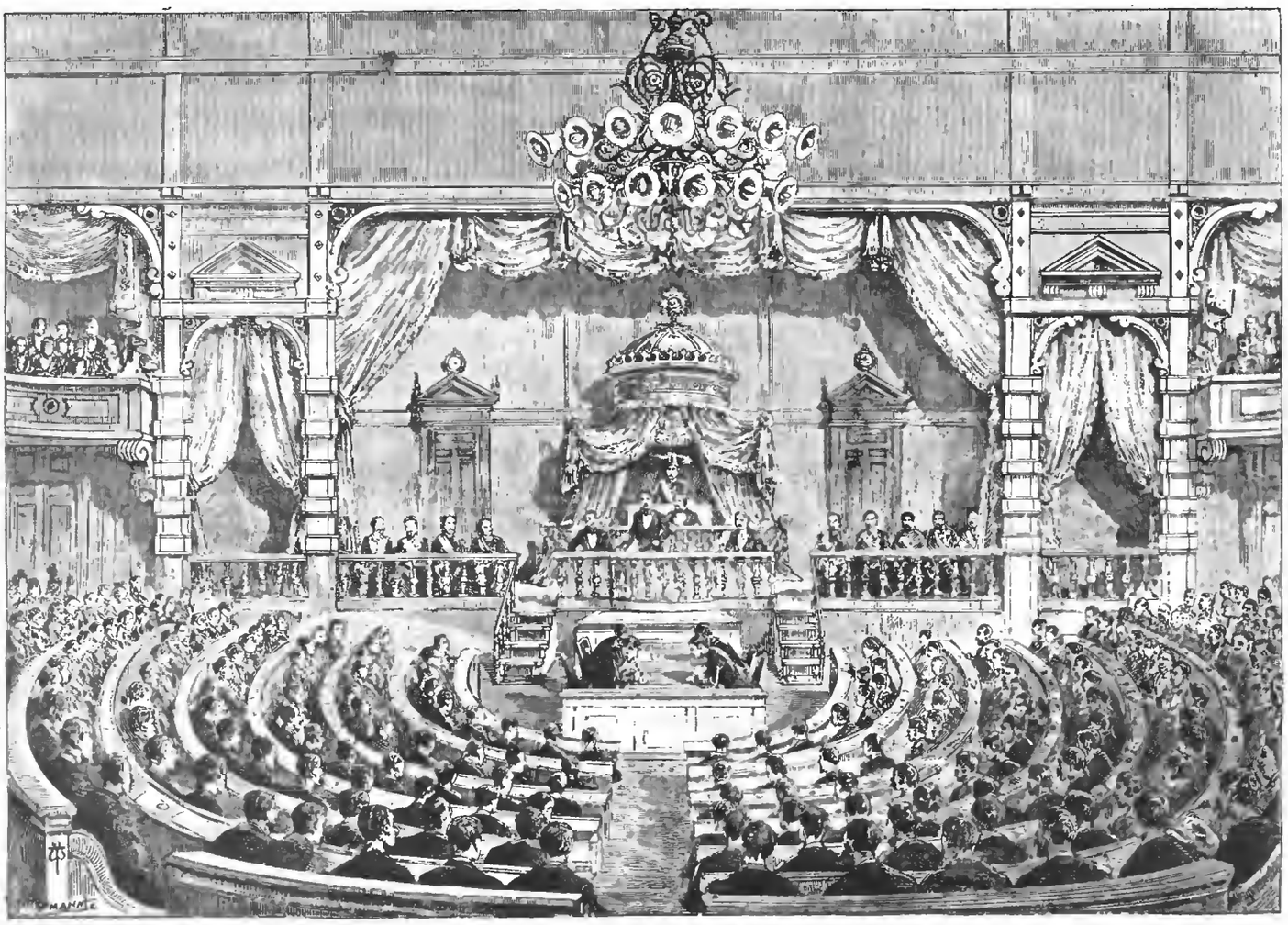
Sic transit gloria mundi...

И. Х—овъ.

Возстаніе краснокожихъ въ Америкѣ.

(Рис. на стр. 68).

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ спокойствія, краснокожіе подданные Сѣверо-Американской республики въ штатахъ Уайомингъ, Монтана, Идахо, Южная Дакота и Утахъ обнаружили большое возбужденіе, перешедшее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ открытое возстаніе. Причина, вызвавшая эти событія, до сихъ поръ не выяснилась, и носятся слухи, что среди индѣйцевъ появился пророкъ, проповѣдующій, что пришелъ конецъ владычеству бѣлыхъ и что краснокожимъ будутъ возвращены всѣ земли и вольности, о которыхъ среди индѣйцевъ существуетъ не мало сказаній. Этого пророка якобы видѣли нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ и вождь племени сіу Ситтингъ-Биллъ, чрезвычайно вліятельный среди своихъ соплеменниковъ и являющійся однимъ изъ вожаковъ возстанія, разразившагося въ нѣсколькихъ мѣстахъ кровопролитными схватками. О серьезности возмущенія говорятъ тѣ приготовленія, которыя дѣлаетъ американское правительство для подавленія бунтовщиковъ: такъ противъ нихъ сосредоточено около 10 тысячъ солдатъ, т. е. почти половина всей дѣйствующей арміи. Но краснокожіе выказываютъ отчаянное сопротивленіе. Отличаясь необычайною хитростію, коварствомъ и вѣроломствомъ, они искусно устраиваютъ болѣе сильному непріятелю засады и въ случаѣ побѣды не даютъ пощады побѣжденнымъ. Впрочемъ, не меньшимъ ожесточеніемъ отличаются и бѣлолицые, безпощадно истребляющіе не только краснокожихъ воиновъ, но и женъ и дѣтей ихъ. Послѣднія извѣстія, впрочемъ, болѣе утѣшительны, и по донесенію командующаго американскими войсками, генерала Майльса, войну можно считать оконченною, такъ какъ индѣйцы спокойно сдаютъ оружіе, хотя для полнаго замиренія потребуется еще нѣкоторое время.



Японскій парламентъ.

Японскій парламентъ. (Рис. на этой стр.).

Микадо или императоръ Японскій, лѣтъ двадцать пять тому назадъ возвратившій себѣ историческія права, путемъ революціи, которая низвергла тайкуна и превратила дайміосовъ изъ феодаловъ въ подданныхъ, нынѣ рѣшился на весьма рискованный шагъ. Въ исполненіе обѣщанія даннаго имъ еще въ 1868 году, онъ даровалъ странѣ конституцію и парламентъ съ палатою господъ или сенатомъ и палатою представителей или депутатовъ. Микадо лично открылъ парламентъ, помѣщавшійся въ прочномъ деревянномъ зданіи, по внутреннему устройству

Продолжается подписка на „НИВУ" 1891 г.

Подписная цѣна показана на первой страницѣ.

КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1891 Г. №№. СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ, СБОРНИКОМЪ и пр.

Библиотека "Руниверс"

весьма похожемъ на европейскія палаты депутатовъ. Помѣщаемый нами рисунокъ заимствованъ изъ японскаго журнала, издаваемаго въ Токіо. Зала довольно просто расписана, стѣны цвѣта рыжеватой терракотты, галерея бѣлою, сѣрою и золотою краской. Въ верхнемъ концѣ залы эстрада съ перилами, на которую ведутъ двѣ лѣсенки въ нѣсколько ступеней и трибуна для оратора. Передъ нею столъ для репортеровъ. Мѣста министровъ и президента палаты находятся на эстрадѣ. Члены палаты сидятъ въ нѣсколько рядовъ на скамьяхъ, охватывающихъ полукругомъ столъ репортеровъ. Позлащенный гербъ микадо съ маленькимъ столикомъ передъ нимъ, осѣненъ роскошнымъ балдахиномъ съ короной и другими эмблемами верховной власти.

Такимъ образомъ молодая Японія добровольно навязала себѣ учрежденіе, отъ котораго старая Европа не знаетъ какъ отдѣлаться. Впрочемъ, первый шагъ оказался неудачнымъ: зданіе парламента, какъ на-дняхъ извѣстилъ телеграфъ, сгорѣло 8 (20) января.

Политическое обозрѣніе.

Въ газетахъ понемногу начинаютъ появляться описанія путешествія Государя Наслѣдника Цесаревича по Индіи. Со словъ *Bombay Gazette*, *Гражданинъ* собираетъ слѣдующія подробности о прибытіи Высокаго Гостя въ Бомбей.

Въ городѣ, задолго до восьми часовъ утра, на широкихъ подмосткахъ, устроенныхъ на набережной и роскошно разукрашенныхъ дорогими индійскими тканями, собралось чрезвычайно блестящее общество, состоявшее изъ членовъ дипломатическаго корпуса, законодательнаго совѣта, муниципалитета и разныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, а также разныхъ другихъ почетныхъ лицъ города, дамъ и джентльменовъ. Дорога, ведущая отъ подмостковъ къ выходу, была также разукрашена флагами, щитами и военными трофеями. Вообще, гавань представляла очень красивый видъ. Суда, находившіяся въ ней, точно также всѣ были красиво разукрашены флагами. Аккуратно въ семь минутъ девятаго, три выстрѣла мѣстной батареи увѣдомили о появленіи, наконецъ, русской эскадры. Несмотря на это, все-таки еще пришлось долго дожидаться, такъ какъ только въ двадцать минутъ десятаго „Память Азова" прибылъ въ гавань и салютовалъ судамъ, которыя тотчасъ отвѣчали тѣмъ же. Первымъ прибылъ на „Память Азова" капитанъ Бракенбери, командиръ „Turquoise", старшій изъ морскихъ офицеровъ, вслѣдствіе отсутствія главнаго командира эскадры. Сэръ-Дональдъ Мекензи Уоллесъ прибылъ вслѣдъ за нимъ, дабы освѣдомиться у Его Высочества Наслѣдника Цесаревича, будетъ-ли угодно Его Высочеству, несмотря на опозданіе прибытія русской эскадры, чтобы выполнена была заранѣе установленная программа пріема. Въ виду согласія, выраженнаго Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, сэръ-Дональдъ Мекензи Уоллесъ въ 25 минутъ девятаго передалъ губернатору, что Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ готовъ принять его. Лордъ Гаррисъ, въ сопровожденіи своего штаба и капитана Гекста, командовавшаго барказомъ, отправился на „Память Азова", откуда вернулся черезъ полчаса, дабы уже на берегу оффиціально привѣтствовать Наслѣдника русскаго Престола. Тотчасъ были сдѣланы соотвѣтствующія приготовленія и раздались салюты съ „Памяти Азова" и другихъ судовъ, продолжавшіеся около четверти часа. Вслѣдствіе дыма, застилавшаго суда, нельзя было замѣтить отбытія Наслѣдника Цесаревича на берегъ, и только когда дымъ разсѣялся, показались шлюпки, быстро направляющіяся къ берегу. Впереди всѣхъ находился императорскій катеръ съ 18-ю гребцами и два барказа, сопровождавшіе его. Ровно въ полночь десятаго Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ живописной гвардейской гусарской формѣ полковника, вступилъ на берегъ. На ступеняхъ набережной, капитанъ Гекстъ встрѣтилъ Наслѣдника Цесаревича и проводилъ къ губернатору, стоявшему наверху. Опять раздался салютъ въ 21 выстрѣлъ съ береговой батареи, и затѣмъ музыка Глостерскаго полка сыграла русскій національный гимнъ. Губернаторъ представилъ Наслѣднику Цесаревичу членовъ совѣта, дипломатическій корпусъ и всѣхъ другихъ почетныхъ лицъ.

Сойдя съ подмостковъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ произвелъ смотръ почетному караулу и затѣмъ отбылъ къ губернаторскому дому.

Коляски, въ которыхъ сидѣли гости, двигались по узкому пространству, остававшемуся свободнымъ, такъ какъ по обѣимъ сторонамъ дороги толпа туземцевъ образовала родъ живой стѣны. Персы, индусы, магометане, евреи и представители разныхъ другихъ народностей Индіи покрывали все видимое для глазъ пространство. Балконы, окна, крыши зданій — все было наполнено людьми; множество экипажей, также переполненныхъ людьми, стояло по сторонамъ дороги. Когда коляска, въ которой ѣхалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, поровнялась съ фонтаномъ Флоры, громадная толпа разразилась громкими привѣтственными криками. Такъ же крики раздавались на всемъ пути слѣдованія Высокаго Посѣтителя. Изъ Бомбея Наслѣдникъ Цесаревичъ отправился во внутрь страны, осматривая достопримѣчательности этого баснословнаго края. 30 декабря Его Высочество прибылъ въ Джейпоръ, гдѣ между прочимъ была устроена охота на тигровъ въ честь Высокаго Гостя. 1 января Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ въ Лагоръ, а черезъ недѣлю въ Агру. Въ Калькуттѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ предполагаетъ провести лишь четыре дня. 26 января будетъ балъ у вице-короля, а 27—у бенгальскаго губернатора. Отъѣздъ въ дальнѣйшее путешествіе по южной Индіи состоится 2 февраля.

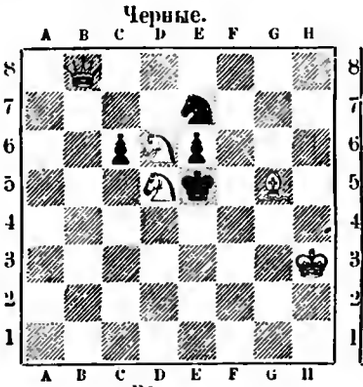
ШАХМАТЫ

подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 6.

О. Немо и Н. Эрлинъ.

Черные.



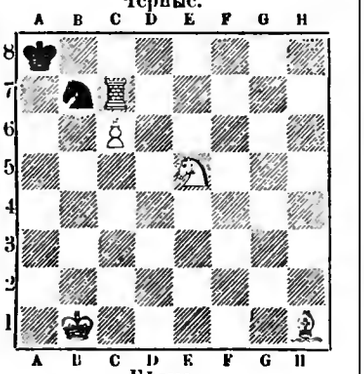
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 7.

В. А. Шиннмана.

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 4 хода.

Задача № 8. С. Гольда. матъ въ два хода:

бѣлые: ♔ d2, ♕ b8, ♖ h5, ♘ e3, f4, ♗ e7,

черные: ♚ d4, ♜ d6, ♞ c6, ♝ e6, f3.

Изъ первыхъ 15-ти партій Стейницъ выигралъ 4, Гунсбергъ 4 и 7 окончились розыгрышемъ.

ПАРТІЯ № 2.

Ферлевъ гамбитъ.

5-я партія матча.

	В. Стейницъ. Бѣлые.	И. Гунсбергъ. Черные.		В. Стейницъ. Бѣлые.	И. Гунсбергъ. Черные.
1.	d2—d4	d7—d5	15.	Кр. b3—c2	К. c5 : e4
2.	e2—e4	d5 : e4	16.	К. f3—h4	К. e4 : c3+
3.	e2—e3	e7—e5 [1])	17.	Кр. c2 : c3	С. f5—e6
4.	d4 : e5 [2])	Ф. d8 : d1+	18.	f2—f4	К. g4—f6
5.	Кр. e1 : d1	К. b8—c6	19.	f4—f5	С. e6—d5
6.	С. f1 : e4	К. c6 : e5	20.	g2—g4	С. f8—e7
7.	С. c4—b5+	c7—c6	21.	Кр. c3—c2 [3])	С. d5—e4+
8.	С. b5—c2	С. c8—e6	22.	Кр. c2—b3	К. f6—d7
9.	К. b1—c3	0—0—0+	23.	g4—g5	f7—f6
10.	К. d1—c2	К. g8—f6	24.	С. c2—g4 [4])	К. d7—e5+
11.	К. g1—f3	К. f6—g4	25.	Кр. b3—a3	Л. d8—d3—
12.	Л. h1—f1	С. e6—f5+	26.	b2—b3 [5])	К. e5—a1+
13.	Кр. c2—b3	К. e5—d7!	27.	Кр. a3 : a4	Л. d3—d1+
14.	e3—e4	К. d7—e5+	28.	b3—b4 сдался.	Л. d1 : b4+

[1]) Сильный ходъ, встрѣчавшійся еще въ партіяхъ Лабурдоннэ съ Мак-Доннелемъ.

[2]) Слѣдовало 4) С. f1 : e4.

[3]) Необходимо въ виду угрозы 21. . . . К. f6—e4+.

[4]) Гораздо лучше 24. С. e1—e3.

[5]) Здѣсь Гунсбергъ объявилъ матъ въ 5 ходовъ. Стейницъ, однако, продолжалъ играть.

Корреспонденція. „Подписчику *Нивы* Н. П." Партія бѣлыми играна слабо, черные же хорошо воспользовались атакой.

На запросы имѣющіе общій интересъ редакція отдѣла будетъ отвѣчать въ „Корреспонденціи", на вопросы же частнаго интереса—письмами.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Четыремъ подписчикамъ черезъ Гл. Управленіе казачьихъ войскъ. Охотно исполнили бы Ваше желаніе, но въ настоящее время уже отпечатана большая часть февральской книжки, и намъ остается только слѣдовать установившемуся плану, по которому каждыя три книжки переплетаются въ отдѣльный томъ, какъ это дѣлается въ большинствѣ ежемѣсячныхъ журналовъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Мальтійская цѣпь.** Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.** Ч. I. (Продолженіе). — **Петербургская исторія.** Былъ И. **Потапенко.** — **Римъ при Нероне.** Эриста Зикштейна (съ 4 рис.). — Къ рисункамъ: **Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ** (съ рис.). — **Не въ своей тарелкѣ** (съ рис.). — **Подъ мадвѣдемъ** (съ рис.). — **Послѣ бури** (съ рис.). — **Сотая годовщина взятія Измаила** (съ рис.). — **Возстанія краснокожихъ въ Америкѣ** (съ рис.). — **Японскій парламентъ** (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — О подпискѣ на 1891 г. — Шахматы. — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Илюшниковъ.

Библиотека "Руниверс"

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28—9

ГЛАВНОЕ ДЕПО
Высочайше утвержденнаго Товарищества
„ПРОВОДНИКЪ"
Единственная фабрика въ Россіи, изготовляющая настоящій
ЛИНОЛЕУМЪ
(пробковые ковры). Линолеумъ изященъ, красивъ и практиченъ; необходимъ въ больницахъ, училищахъ, дѣтскихъ, спальныхъ комнатахъ, передней и т. п.; предохраняетъ отъ холода, сырости и пыли. Изготовляется въ изящныхъ рисункахъ въ 2 р. 50 к., 4 р., 5 р. 75 к., 8 р. и дор. съ пересылкою наложеннымъ платежемъ.
Главное Депо Т-ва „Проводникъ" Мт. № 4934 С.-Петербургъ. 2—2
Большая Морская, № 17.

ПАТЕНТОВАННЫЕ
ПОДКОВНЫЕ
ШИПЫ
съ 4-мя стальными жилами, втрое прочнѣе желѣзныхъ,
и обыкновенные
ЖЕЛѢЗНЫЕ ШИПЫ
по умѣреннымъ цѣнамъ. № 4933 завода 3—2
КОСЪ и ДЮРРЪ
Адмиралтейск. просп., уг. Гороховой, д. Гамбса. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°.
строители вамедѣльчесавхъ инвавъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки.
Они-же состоятъ главнымъ агентами извѣстнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жнеекъ „Дезиъ" и скопосвязлокъ Мак' Кормика въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигръ завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 4484 26—17
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенопъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.
ПРИСЫЛАЮ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

Только подлинно съ этой фабрики маркой.
Huste-Nicht
„НЕ КАШЛЯЙ".
Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)
Л. Г. ПИТШЪ и К°.
въ Бреславлѣ.
Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.
*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Главный складъ для Россіи у В. Аурика въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В № 4719 18—9

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Мертинова. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ХРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. ГЕНА ВЪ ВѢНѢ
ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.
Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 16—6
Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс.
Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

САМОУЧИТЕЛИ И НОТЫ
для всѣхъ инструментовъ. 10—3
Народная школа д. гармоніи 7 кл., ц. 75 к.
Самоучит. д. гармоніи 8 кл. и 10 кл. по 1 р.
Школа д. 2-рядн. гарм. въ 17, 19 и 21 кл., ц. 1 р.
Школа для 3-хъ-рядн. гармоніи, ц. 75 к.
Самоучитель для скрипки, ц. 1 р. 50 к.
Любаянъ, Самоучитель д. гитары, 1, ц. 1 р. и для всѣхъ прочихъ инструментовъ.
у НУЛИКОВА, Москва, Маросѣйка.

НОВОСТЬ
МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!
ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.
Изящно! Практично! Безопасно! Дешево!
Служитъ карманной спичечницей, давая огнія свѣтъ по цѣлымъ часамъ.
Сдѣлано изящно изъ никкеля. Только 1¼ вер. вышины — удобно носить въ карманѣ.
Огниво съ 500 зарядами 2 руб. } Пер. 1 ф.
Запасъ въ 1000 зарядовъ 50 коп. }
Пересылаю наложеннымъ платежемъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20.

CIGARETTES ESPIC contre
ASTHME
AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Agent général : STOLL & SCHMIDT, à Saint-Pétersbourg
Vente en gros : J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Поступилъ въ продажу только что изданный Ф. Павленковымъ
ТРЕТІЙ ТОМЪ
СОЧИНЕНІЙ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.
СОДЕРЖАНІЕ. *Очерки переходнаго времени:* Отцы и дѣти. Семейныя несчастія. Старый бурмистръ. Заячья совѣсть. Расцѣловали! На Кавказѣ. Въ Царь-Градѣ. Вѣрный холопъ. Какъ рукой сняло! Рѣчная поѣздка. — *Статьи разнаго содержанія:* Жизнь Ѳ. М. Рѣшетникова. Пушкинскій праздникъ. Секретъ. Подозрительный бель-этажъ. Медь и деготь. — *Невпопаки:* Слѣпой нѣвецъ. Радіонъ-радѣтель. Чуткое сердце. Неандика Ляфотка. — *Поѣздки къ переселенцамъ:* Отъ Казани до Томска и обратно. Отъ Оренбурга до Уфы. Не знаетъ, гдѣ найдетъ. — *Мелькомъ:* Деревенскіе раскольники. Крестьянскія женщины. Отвѣтчикъ. Павощикъ съ инвентаремъ. Новыя народныя стишки. Деревенскіе корреспонденты и публицисты. Неудачная покупка земли. — *Разсказы:* Простое слово. „На минутку". Богомолка. Памятливый. Мт. № 4949
Спб., 1891 г. 740 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЖЕНСКІЕ КЛАССЫ НОВЫХЪ ЯЗЫКОВЪ
М. М. БОБРИЩЕВОЙ-ПУШКИНОЙ.
Курсъ теоретическій и практическій языковъ: русскаго, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго и ихъ литературъ, латинскаго языка (этимологія) и изящныхъ женскихъ работъ (рисованіе по фарфору, атласу, выжиганіе по дереву, тисненіе по кожѣ и др.). Полугодовая плата за предметъ отъ 25 до 40 руб.
Пріемъ на второе полугодіе текущаго года открытъ съ 2-го Января ежедневно въ помѣщеніи классовъ: Ивановская д. 2—30. Р. № 4948

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.
Ц. № 3767 (94)

ИЗВѢСТНЫЕ ДУХИ ДЛЯ НОСОВЫХЪ ПЛАТКОВЪ и проч.
ГУСТАВА ЛОЗЕ № 4723 8—5
ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN Ландышъ.
ЛОЗЕ GOLDLILIE Золотая Лилія.
ЛОЗЕ PEAU D'ESPAGNE
ЛОЗЕ HELIOTROPE BLANC
ЛОЗЕ ROSE MARÉCHAL NIEL
НОВОСТЬ
LILAS BLANC
Бѣлая Сирень.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ Придворный парфюмеръ, Берлинъ, Егерштрассе, 48.
Можно получить во всѣхъ парфюмерн. магаз. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

НОВОСТИ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО:
Шиманъ. Былое времячко. Вальсъ. Ц. 75 к.
„ Маршъ и Вальсъ изъ оп. „Жажда сильныхъ ощущеній".
Пейфъ. Маленькіе Листъ. Дѣтск. Сборн. 1.50.
„ Кавалерійскій маршъ. Ц. 40 к.
„ Кошечка. Полька со слонами. Ц. 50 к.
Фельдманъ. Сладкій сонъ. Вальсъ. Ц. 75 к.
Гужицкій. Внемли, другъ, моленьямъ души. № 4860 Романсъ. Ц. 40 коп. 10—4
„ Возьми меня, я вся твоя. Ц. 40 к.
Бривиса Венгерск. танцы № 5.6.7. д. скр. съ фортепіано по 40 к.
у НУЛИКОВА, Москва, Маросѣйка.

ЛЕНИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. Павленкова: Мт. № 4950
РОБИНЗОНЪ.
Его жизнь и приключенія. Гейбвера. Переводъ съ нѣмецк., съ 107 рисунками. Ц. 30 к. Въ папкѣ 40 к., перепл. 60 к.

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ
Н. МОРСКАГО (ЛЕБЕДЕВА)
съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.
Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ колеваровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива", Невскій пр., № 6.

КАПИТАНЪ
ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.
Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. Изданіе. 3-е. СПБ. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО
ИНОГОРОДНИМЪ
ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННАГО ОБУЧЕНІЯ.
ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩЕЕ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.
въ 10 УРОКОВЪ
ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ
ИСПРАВЛ. на КРАСИВОЕ БѢГЛОЕ КОНТОРСК. ПИСЬМО
ОСНОВАТЕЛЬН. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ
БУХГАЛТЕРІИ
Москва, Покровка, домъ Бутиковой.
А. С. Шиманскій.
НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.
4—3 4926 Мт. № 4926

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:
съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей.
Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.
За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (45) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣлается скидка.

Вышли въ свѣтъ и продаются двѣ книги изд. М. С. Деминова, для казначеевъ, бухгалтеровъ, конторщиковъ, управленій желѣзн. дорогъ, банковъ и для лицъ по торговлѣ и коммерціи. Полезны каждому, имѣютъ неоспоримую важность въ смыслѣ знанія быстраго исчисленія на счетахъ. Прочитавшій книги два—три раза, можетъ скоро дѣлать всякое какое бы ни было исчисленіе съ дробями.
1. „Вновь изобрѣтенная ариѳметика на простыхъ русскихъ счетахъ". Ц. 60 к. и
2. „Никогда не бывалый и неслыханный задачникъ на тѣхъ же счетахъ", съ подробнымъ объясненіемъ и рѣшеніемъ задачъ 70 коп. съ пересылкой.
Книгопродавцамъ 30% уступки.
Адресовать: П. П. Парфенову въ Польскѣ, Саратовск. губ. уг. Ростинаго дв. № 1.

ШОКОЛАТЪ ФАБРИКИ С. СТУ и К°.
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ.
ПРЕДОСТЕРЕГАЕМЪ ОТЪ ПОДРАЖАНІЯ НАШЕЙ МАРКИ.

НАУЧАЮ
СТЕНОГРАФІИ
заочно въ одинъ мѣсяцъ за небольшую плату. Подробности за 4 семикоп. марки. Москва, Никольская ул. Городскіе помера, стенографу. № 4953

На общемъ основаніи торговли разрѣшенъ врачебнымъ отдѣленіемъ Сѣнатскаго Гвардейскаго полка
КАКЪ НЕ СОДЕРЖАЩІЙСЯ ВЪ СВОЕМЪ СОСТАВѢ ВРЕДНЫХЪ ЗДОРОВЬЮ ВЕЩЕСТВЪ.
Разрѣшенный Казанскимъ врачебнымъ управою
ПЛАСТЫРЬ ПРОВИЗОРА Ѳ. И. ШЕПФЪ
для уничтоженія МОЗОЛЕЙ и БОРОДАВОКЪ
цѣна 35 коп.
Можно получать во всѣхъ лучшихъ АПТЕКАХЪ, АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ, МАГАЗИНАХЪ ОБУВИ и РЕЗИНОВ. ИЗДѢЛІЙ.
Выписывающимъ не менѣе 3-хъ пакетовъ, пересылка безплатно, торговцамъ значительная уступка.
Главный складъ у изобрѣтателя, провизора Ѳ. И. Шепфъ, въ Москвѣ, Пятрівріные пруды, д. Бриткина. Ц. № 4750 12—4

Библиотека "Руниверс"

По весьма умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго качества.

СКРИПКИ въ 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дор.

СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к., 1, 1½, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.

ФУТЛЯРЫ въ 3½, 5, 7, 12, 18 и 30 руб.

СКРИПКИ ¾, ½ и ¼ величины **для дѣтей.** Школа Баганца въ 1 р., 2 р. 50 к. и 3 р. 50 к.

АЛЬТЫ и **ВІОЛОНЧЕЛИ.**

Гитары въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дор. Отъ 7 р. съ механизмомъ для струнъ. Школа Соколова по 1½ и 3 р.

Ноты въ дешевыхъ изданіяхъ.

Пересылка на счетъ покупателя. Иллюстрирован. прейсъ-курантъ — безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ПРОШУ ЧИТАТЬ!

Парфюмерный магазинъ Г. Люпа въ Пассажѣ № 52, въ СПБ. высылаетъ **Элеопатъ провизора КИНУНЕНА** 2 флакона за 4 р. с. наложеннымъ платежомъ во всѣ города Россіи. И также изобрѣтенія всѣхъ парфюмеровъ.

1865 1882 1846

А. РАЛЛЕ и К°

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ НАСТОЯЩАГО-ЦВѢТОЧНО-ГЛИЦЕРИНОВАГО-МЫЛА

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ — МАГАЗИНЪ Невскій 18. СКЛАДЪ Чернышовъ переулокъ №19.

въ МОСКВѢ — МАГАЗИНЪ Кузнецкій м. д. Солодовникова. СКЛАДЪ Чиков. Подвор. (Никольская)

И во всѣхъ лучшихъ магазинахъ Россійской Имперіи

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 8 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ Б. Морская, 21.

Поступилъ въ продажу въ Конторѣ журнала „НИВА“ (СПБ., Невскій, 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ за 1890 г.

заключающій въ себѣ болѣе 1300 стран. разнообразнѣйшаго текста и около 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **А. Н. Майкова: „Маркъ Петровичъ Петровъ“**, больш. историч. романъ въ 2-хъ ч. **Гр. Е. А. Саліаса: „Папъ крулъ“**, больш. романъ въ 5 ч. **Вас. И. Немировича-Данченко: „Жизнь какъ она есть“**, больш. ром. **І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго): „Кладъ“**, больш. историч. повѣсть **А. А. Смирнова: „Склиреня“**, историч. пов. **Г. Зберса: „Іисусъ“** (иллюстрир. худ. Земцовымъ), повѣсть **М. Н. Волконскаго: „Судьба“**, разск. **А. Я. Максимова: „Попъ Симеонъ“**, повѣсть **Н. Морскаго (Н. К. Лебедева): „Мошичка“**, повѣсть **В. Бибикова: „Первая гроза“**, очеркъ **Евг. Маркова: „Говѣніе“**, разск. **Ѳ. Ѳ. Тютчева: „Артемій Саватьевъ“**, и много другихъ **повѣстей и разсказовъ.** Стихотворенія **Я. П. Полонскаго. А. Фета. П. И. Вейнберга. І. І. Ясинскаго** и др. Нѣсколько научно-популярныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія и пр. Кромѣ того, къ тому прилагаются **три безплатныхъ преміи, а именно: двѣ большія картины**, печатанныя красками по оригиналамъ профессора **И. И. Шишкина:**

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“. 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“ и 3) „СБОРНИКЪ ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ“

извѣстныхъ современныхъ писателей. Большой томъ in 8°, въ 541 стр.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми приложеніями:

Брошюрован. . . . . 4 р. Въ коленк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ перес. иногород. до 2000 верстъ . . . 6 р. Съ перес. иногор. до 2000 верстъ . 7 р. 50 к.

Свыше 2000 верстъ за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ДЕНЬ

на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 60 к.

За границу на годъ 10 р.

№ 4792 6—7

Объявленія по 10 к. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Скворцовъ. Преображенская, 4. 12 кн. разсказовъ и очерковъ. Издатель А. А. Греве.

ГОТОВАЛЬНИ

и отдѣльн. инструм. для рисованія.

Пять жестяной мѣдк. отъ 1 р. 75 к. — Пять мраморной бумаги отъ 3 р. 75 к.

Концы нашихъ циркулей округлены и не портятъ бумагу. Всѣ наши готовальни провѣрены и приготовл. къ немедл. употребл.

Е. КРАУСЪ и Комп.

Парижъ, Avenue de la Bérill., 4. Складъ для Россіи: въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 42.

Иллюстр. прейсъ-курантъ оптическ. при 6 р. высылается безплатно. № 4951 1—1

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.

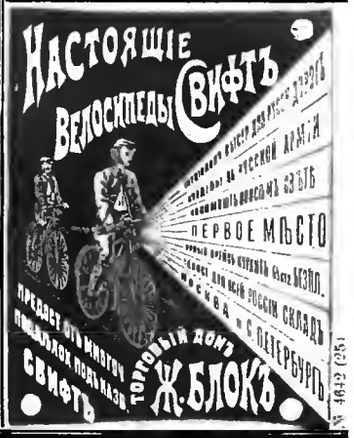
СКРИПКИ.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. **Альты, віолончели, басы. Смычки** 1½—50 мар. **Футляры** 3½—40 мар. **Цитры** 16—300 мар. **Гитары** 6 — 50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Цѣнная скрипка для ученья (собств. пло брѣт.) Мастерская для починокъ. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Саразате, Сорэ, Лингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куранты безплатно.

Вывозъ. Оптов. продажа.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ. Ц. № 4787 Крейцнахъ. 9 6



ЕЖЕГОДНАЯ БОЛЬШАЯ ПРОДАЖА ПО ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ

съ 1-го февраля 1891 г.

ПРОДАЖА ЭТА ПРЕВЗОЙДЕТЪ ВСѢ ПРЕДЫДУЩІЯ СВОЕЮ ГРАНДІОЗНОСТЬЮ. БОГАТСТВОМЪ. КАЧЕСТВОМЪ И ДЕШЕВИЗНОЮ ЦѢНЪ.

75000 арш. Настоящ. Сатинъ Эльзаскаго VOILE IMPRIMÉ подъ названіемъ EXTRA DOUBLE ALSACE отъ 30 к. 75000
35000 Шелковаго Ліонскаго фуляра отъ 1 руб. 35000
25000 Шерстяныхъ двойныхъ матерій отъ 60 коп. 25000
15000 шт.: КУПОНОВЪ. ОСТАТКОВЪ всевозможн. матерій 15000
5000 CONFECTIONS, шубокъ, ротондъ, жакетъ, пальто и др. 5000

МѢХА, ШУБКИ, БОА и др.

И. АНТОНОВЪ и К°.

СПБ., Невскій проспектъ, 38. Б. № 4931

К. М. ШРЕДЕРЪ.

Первая россійская паровая ФОРТЕПІАННАЯ ФАБРИКА, основанная въ 1818 г., С.-Петербургъ, Невскій, №. 52.

ПОСТАВЩИКЪ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО, КОРОЛЯ ДАТСКАГО И КОРОЛЯ БАВАРСКАГО.

Инструменты фабрики „К. М. ШРЕДЕРЪ“ единственные во всей Россіи, которые съ 1873 года получили Высшую награду на всѣхъ всемірныхъ выставкахъ, вслѣдствіе чего и признаны международными жюри не только наилучшими въ Россіи, но и вполнѣ равными по своему достоинству съ издѣліями первыхъ американскихъ и нѣмецкихъ фабрикъ.

Піанино 425, 500 и 550 р. Кабинетные рояли 550, 650 и 750 р. Салонные рояли 900 р. Концертные рояли 1200, 1400 до 2000 р.

Прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 4931 2—2

Дозвол. цензур., СПБ., 16 января 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ст. Подьяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | г. XXII

№ 4 | 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖСК. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. анс. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 26 января 1891 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ" 1891 г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . 5 р. | Съ доставкою въ Петербургѣ 6 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской. Петровская Торг. линія 6 р. | Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи 7 р. | За границу 10 р.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Голуби Санъ-Марко въ Венеціи. Съ карт. Вагреца, грав. Веберъ.

Библиотека "Руниверс"

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XV.

Старый штурманъ.

Энціо былъ почти увѣренъ въ безошибочности своего расчета. Онъ надѣялся, что Литта не вернется теперь съ берега и что ударъ Мельцони будетъ вѣренъ и достигнетъ своей цѣли.

Во всемъ, по его мнѣнію, былъ виноватъ самъ Литта, который, какъ казалось Энціо, слишкомъ заносчиво относился къ нему и сталъ на его дорогѣ неустранимою помѣхой.

Энціо думалъ, что не будь этого молодаго командира надъ нимъ, получившаго власть благодаря своему знатному происхожденію, онъ давнымъ бы давно достигъ командованія судномъ. Это было завѣтною цѣлью всей его жизни.

Теперь онъ представлялъ себѣ ясно, какъ онъ приведетъ „Пелегрино" на Мальту и какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, командованіе такъ и останется за нимъ.

Онъ считалъ себя старымъ и опытнымъ морякомъ, и по его мнѣнію, заслуги его Мальтійскому ордену были неисчислимы. Въ виду этихъ неисчислимыхъ заслугъ все казалось возможно... Къ тому же, бывали примѣры, что командованіе судномъ поручалось въ исключительныхъ случаяхъ старымъ, испытаннымъ и опытнымъ слугамъ ордена даже болѣе низкаго происхожденія чѣмъ Энціо. Энціо претендовалъ на старинное дворянство, доказательства котораго были только утеряны, какъ онъ разсказывалъ, но имѣлись основанія найти ихъ вновь, о чемъ онъ не разъ уже хлопоталъ и ему было кое-что даже обѣщано. Онъ и теперь былъ облеченъ извѣстною степенью довѣрія, не отъ великаго магистра, правда, но отъ нѣкоторыхъ членовъ капитула, которые поручили ему на скромномъ мѣстѣ штурмана слѣдить за дѣйствіями Литты и доносить о нихъ подробно... Повиновеніе было въ числѣ необходимыхъ условій на Мальтѣ, и Энціо принялъ покорно мѣсто штурмана, надѣясь въ будущемъ на большее.

Несмотря однако на весь соблазнъ своей мечты, Энціо чувствовалъ себя далеко не удовлетвореннымъ, не успокоеннымъ, и, стоя на палубѣ, безпрестанно взглядывалъ по направленію берега, откуда должна была придти вѣсть о командирѣ. Самъ Литта, разумѣется, не вернется; это было почти невозможно. Все казалось обдумано и предвидѣно, и сегодня ему не избѣгнуть „заслуженнаго", какъ старался себя увѣрить Энціо.

„Наконецъ", думалъ онъ, „вѣдь не я нанесу ударъ; кто же можетъ сказать, что я *этому* причиной? Вольно же ему было влюбляться, вольно же было вызывать на дуэль, вѣдь онъ самъ значитъ желалъ смерти, самъ подставилъ свою грудь подъ ударъ".

Но Энціо сейчасъ же почувствовалъ, что это разсужденіе было далеко не тѣмъ, что̀ могло его успокоить.

Онъ попробовалъ пройтись по палубѣ, осмотрѣлъ пушки, хотя зналъ, что онѣ въ полной исправности, и снова подошелъ къ борту и облокотился, опять уставившись на берегъ.

„Неизвѣстность", рѣшилъ онъ наконецъ, „тутъ хуже всего; если бы навѣрное узнать, что̀ случилось *тамъ*, тогда бы все было хорошо".

Но какой-то внутренній голосъ говорилъ ему, что ничего инаго, какъ то, чего онъ ожидалъ, не могло случиться, и несмотря на это, все-таки онъ не могъ успокоиться.

„Ничего не можетъ произойти", продолжалъ думать Энціо, „здѣсь на землѣ помимо воли которая выше насъ; тутъ — ни *онъ*, ни я — мы не зависимъ отъ себя, и слѣдовательно если ему *суждено*, то это произойдетъ вовсе не по чьей-либо винѣ, а исключительно потому, что такъ должно быть... Ясно... да это ясно".

Кусая нижнюю губу и безпокойно теребя росшій подъ нею въ видѣ эспаньолки клокъ волосъ, Энціо жадно, упорно вглядывался въ мелькавшія у берега лодки—не покажется-ли наконецъ между ними шлюпка съ „Пелегрино".

Чтобы лучше разобрать и увидѣть, онъ хотѣлъ посмотрѣть въ подзорную трубу и пошелъ-было за нею, но вспомнилъ, что она въ каютѣ *командира* и что каюта эта заперта.

Новый приливъ досады и злобы обуялъ его, и сомнѣнія его разсѣялись.

У него были давнишніе къ тому же счеты съ Литтой. Онъ помнилъ, какъ командиръ за какое-то упущеніе (теперь Энціо казалось, что это были ничего не значущіе пустяки) велѣлъ вывести его передъ экипажемъ и сдѣлалъ ему выговоръ при всѣхъ, не пощадивъ „его сѣдинъ, его pello blanchissimo"; хотя на самомъ дѣлѣ курчавая голова Энціо была покрыта лишь просѣдью, но ему казалось лучше воображать себя именно „сѣдымъ" въ этотъ моментъ... Этой-то обиды и насмѣшекъ, которыя пришлось Энціо услыхать потомъ за спиной у себя, онъ никогда не могъ простить молодому графу.

Солнце поднялось довольно высоко, когда наконецъ Энціо ясно различилъ спины тѣхъ самыхъ гребцовъ, которые ѣздили обыкновенно съ Литтой и за которыми онъ слѣдилъ, такъ же вотъ, вчера, когда сидѣлъ на берегу подъ деревомъ въ одѣяніи Пьеро, ожидая Литту на берегъ.

Они были одни въ шлюпкѣ. Онъ, впрочемъ, такъ и ожидалъ этого.

Матросы гребли, налегая на весла, но Энціо казалось, что они ползутъ такъ медленно, какъ будто въ шлюпкѣ у нихъ невыразимая тяжесть.

— А гдѣ же графъ? крикнулъ онъ имъ, когда они подплыли на такое разстояніе, что можно было разговаривать.

— Эчеленца... послышалось со шлюпки, но налетѣвшій вѣтерокъ отнесъ слѣдующія слова, и ничего нельзя было разобрать.

— А? что̀? кричалъ Энціо.

Онъ старался по лицамъ матросовъ, оберпувшихся къ нему, угадать о томъ, что̀ случилось; но эти лица были совершенно спокойны и равнодушны.

— Гдѣ же графъ, графъ гдѣ? повторилъ свой вопросъ Энціо, сильно жестикулируя.

— Эчеленца приказалъ намъ ѣхать на корветъ, послышался отвѣтъ на этотъ разъ.

— Какъ приказалъ? удивился Энціо.—Вы его видѣли?..

Шлюпка въ это время приставала уже къ борту, и матросъ быстро и ловко взобрался на палубу и сталъ передъ Энціо.

— Ты говоришь, что графъ приказалъ? продолжалъ спрашивать Энціо.

— Эчеленца самъ былъ на Спіаджіи-ди-Кіайя, нѣсколько робкимъ голосомъ произнесъ матросъ, воображая, что штурманъ не вѣритъ, что не самовольно они вернулись на корветъ, а по приказанію командира. — Эчеленца приказалъ такъ, пусть меня въ первой же схваткѣ застрѣлитъ непріятель!.. Эчеленца сейчасъ былъ на берегу и велѣлъ ѣхать, онъ вѣрно боялся, что мы сойдемъ на берегъ посмотрѣть на карнавалъ, добавилъ

Библиотека "Руниверс"

матросъ, желая окончательно убѣдить штурмана послѣднимъ соображеніемъ.

Но Энціо, казалось, не слушалъ его или не понималъ.

— Да ты видѣлъ графа своими глазами, онъ здоровъ? опять спросилъ онъ.

Матросъ сталъ снова клясться и божиться, что видѣлъ Литту собственными глазами и что онъ велѣлъ имъ пріѣхать вечеромъ за нимъ, а теперь отправляться на корветъ.

Энціо почувствовалъ, что мысли его путаются и что онъ не можетъ понять, какъ это все могло случиться и какимъ образомъ Литта остался цѣлъ и невреднимъ.

XVI.

Случилось же это все очень просто.

Когда Литта упалъ во время поединка и секунданты кинулись къ нему, онъ оказался безъ движенія, словно въ обморокѣ.

Испуганный Мельцони, съ исказившимся, взволнованнымъ лицомъ, первый сталъ осматривать его, нѣтъ-ли гдѣ-нибудь царапины.

Онъ чувствовалъ, что Литта упалъ слишкомъ для него неожиданно, и онъ, не успѣвъ направить удара какъ слѣдуетъ, промахнулся, но можетъ-быть какъ-нибудь случайно шпага все-таки задѣла его.

Ни раны, ни даже царапины однако не было замѣтно у Литты.

Но онъ лежалъ на землѣ неподвижно, безпомощно раскинувъ руки въ стороны и, казалось, грудь его не двигалась.

Ему разстегнули камзолъ, освободили воротъ, распустили застежки — ничего не помогало.

Дукъ ди-Мирамаре попытался пощупать ему пульсъ, попробовалъ сердце, и рѣшительно не могъ разобрать— бьется оно или нѣтъ.

Онъ, стоя на колѣняхъ возлѣ Литты, пожалъ плечами и покачалъ головою... Мельцони вложилъ свою шпагу въ ножны и отошелъ въ сторону.

— Дуэль кончена? спросилъ онъ, стараясь оправиться и казаться спокойнымъ.

Одинъ изъ секундантовъ Литты, тоже опустившійся возлѣ него на одно колѣно, нетерпѣливо махнулъ рукою въ сторону Мельцони.

Общее ощущеніе неловкости, растерянности и полнаго сознанія безсилія сдѣлать что-нибудь охватило этихъ людей при видѣ неподвижно лежавшаго теперь Литты.

— Что же сдѣлать? Везти въ городъ? спросилъ дукъ ди-Мирамаре

Рѣшено было, что гвардейскій офицеръ отправится въ Неаполь за экипажемъ, а остальные подождутъ здѣсь.

— Нѣтъ-ли гдѣ-нибудь воды по близости? спросилъ опять дукъ, и пошелъ искать воду.

Офицеръ уѣхалъ.

Мельцони чувствовалъ себя неловко. Положеніе его дѣйствительно было странно, и онъ не зналъ какъ выйти изъ него — оставаться-ли здѣсь или тоже сѣсть на лошадь и уѣхать.

Секунданты Литты, присѣвъ на землю, тихо переговаривались между собою. Мельцони попробовалъ-было подойти къ нимъ, но изъ этого ничего не вышло, и онъ, сдѣлавъ наконецъ видъ, что интересуется не покажется-ли кто на дорогѣ, направился къ ней и сталъ ходить взадъ и впередъ.

Въ это время въ глубинѣ рощи зашевелились кусты, и послышалось, какъ кто-то пробирается между ними.

Секунданты притихли и подняли головы, прислушиваясь.

Шаги приближались къ нимъ.

— Это вы, дукъ? спросилъ одинъ изъ нихъ, думая, что Мирамаре вернулся со своихъ поисковъ.

Но изъ чащи вышелъ на полянку вмѣсто дука, одѣтый весь въ черное, длинноносый, худой человѣкъ въ широкополой шляпѣ и съ ящикомъ для растеній черезъ плечо. Въ рукахъ онъ держалъ тоже пучокъ какихъ-то набранныхъ травъ. Онъ, казалось, былъ занятъ усерднымъ разсматриваніемъ ихъ и перебиралъ ихъ пальцами, близко поднеся пучокъ къ своимъ круглымъ, серебрянымъ очкамъ.

Выйдя на полянку, онъ оглянулся и, замѣтивъ сидѣвшихъ тутъ людей, слегка растерянно остановился передъ ними, какъ будто желая показать, что онъ вовсе не хочетъ мѣшать имъ.

Тѣ тоже, при видѣ посторонняго, смущенно взглянули на него, тѣмъ болѣе, что между дѣломъ, за которымъ они явились сюда, и мирнымъ занятіемъ ботаника ничего не было общаго.

Ни онъ, ни они, казалось, въ первую минуту не знали что сдѣлать и какъ лучше выйти изъ этой случайной встрѣчи.

Онъ оглянулся еще разъ, какъ бы ища выхода, и тутъ только замѣтилъ Литту, лежащаго на плащѣ, который положили подъ него.

— А это что же? спросилъ онъ удивленно, тихо, на ломанномъ итальянскомъ языкѣ.

И не дожидаясь отвѣта, подошелъ къ Литтѣ, нагнулся надъ нимъ и сталъ его осматривать.

Онъ долго возился надъ нимъ, покачивая головою, отложивъ свои травки въ сторону и не спрашивая позволенія. Ему не мѣшали, видя ту увѣренность, съ которою онъ принялся за свое дѣло.

Мельцони, замѣтивъ, вѣроятно, что происходило на полянкѣ, подошелъ отъ дороги и издали остановился.

— Лагардинъ-Нике! окликнулъ онъ, узнавъ старика.

Нике поднялъ голову.

— А, M-eur Мельцони! M-eur Мельцони, проговорилъ онъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону. — Нужно поскорѣе хоть каплю воды...

Они узнали другъ друга.

Собственно говоря, никому ничего не было достовѣрно извѣстно въ Неаполѣ про Мельцони. Жилъ онъ, казалось, хорошо, водилъ знакомство съ высшимъ обществомъ и съ виду имѣлъ всѣ данныя, чтобы держаться въ немъ. Онъ былъ на короткой ногѣ со всею знатною молодежью Неаполя, но откуда онъ явился, чѣмъ занимается и какими способами доставалъ деньги, которыми однако какъ будто не стѣснялся, — никто не зналъ. Правда, никто также не могъ заподозрить его въ чемъ-либо нечестномъ или предосудительномъ. Онъ держалъ себя безупречно.

Молодой, бойкій, некрасивый собою, но не безобразный и съ оттѣнкомъ ума на лицѣ, Мельцони могъ понравиться съ перваго раза. Его слегка развязная манера, бѣглый разговоръ, казалось, располагали къ себѣ...

Онъ появился въ Неаполѣ года два тому назадъ, и съ тѣхъ поръ успѣлъ ужиться здѣсь и поставить себя на довольно видное мѣсто.

Къ Лагардину-Нике у него было рекомендательное письмо изъ Парижа отъ хорошо извѣстнаго Лагардину человѣка. Старикъ принялъ Мельцони, и тотъ бывалъ у него, выражая склонность къ тѣмъ занятіямъ, которымъ былъ преданъ самъ Нике.

Мельцони первое время часто посѣщалъ старика, бесѣдовалъ съ нимъ и выказывалъ большое любопытство къ отысканію „краснаго льва“ и дѣланію золота. Это, казалось, въ особенности интересовало его, хотя Лагардинъ-Нике очень неохотно разговаривалъ именно объ этихъ вещахъ, потому что для него самого этотъ „красный левъ“, золото и процессъ перерожденія простаго угля въ алмазъ — вовсе не были важны.

Мельцони скоро надоѣлъ ему, и онъ употребилъ противъ него, чтобы отдѣлаться, давно испытанное и вѣрное средство — далъ ему денегъ взаймы.

Библиотека "Руниверс"

Концертъ. Карт. Герифера, грав. Кнезингъ.

Библиотека "Руниверс"

Покинутая. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) акад. **К. Трутовскаго**, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

Съ тѣхъ поръ они дѣйствительно не видались.

Но теперь Мельцони ничуть не сконфузился и не смутился ихъ встрѣчею.

Онъ очень предупредительно засуетился изъ стороны въ сторону, какъ будто желая всѣмъ существомъ своимъ помочь Литтѣ, но съ грустью признавая свое безсиліе.

Лагардинъ-Нике досталъ изъ кармана плоскій хрустальный флаконъ съ темною, маслянистою, густою жидкостью и, капнувъ ею себѣ на ладонь, сталъ растирать лѣвую часть груди Литты.

Дукъ ди-Мирамаре, не пожалѣвъ своего бархатнаго берета, принесъ въ немъ воды, которую отыскалъ-таки не безъ усилій.

Лагардинъ-Нике спрыснулъ лицо Литты, досталъ другой флаконъ, капнулъ изъ него на языкъ больнаго, и Литта медленно и тяжело вздохнулъ, видимо приходя въ себя.

Старикъ велѣлъ намочить ему еще голову, и когда грудь Литты вторично приподнялась отъ глубокаго вздоха, Лагардинъ-Нике быстро всталъ съ колѣнъ, собралъ свои травки и сказавъ, что теперь только пусть дадутъ спокойно Литтѣ отдышаться и что онъ сейчасъ окончательно придетъ въ себя, ушелъ, поспѣшно кивнувъ головою въ сторону Мельцони, какъ человѣкъ, которому дорога каждая минута времени.

Его длинная, сухая, черная фигура была видна еще сквозь чащу деревъ на дорогѣ, когда Литта открылъ глаза и шевельнулся. Грудь его дышала теперь совсѣмъ ровно и блѣдныя щеки начали розовѣть. Онъ поднесъ руку къ головѣ, крѣпко провелъ ею по лбу и, сожмуривъ глаза, снова открылъ ихъ; затѣмъ, поднявшись корпусомъ, сѣлъ, опершись о землю рукою.

— Ну, слава Св. Угоднику! проговорилъ ди-Мирамаре.

Литта оглянулся кругомъ, какъ бы припоминая гдѣ онъ и силясь понять, что̀ съ нимъ.

Наконецъ, полное сознаніе окружающаго блеснуло въ его глазахъ; онъ замѣтилъ Мельцони, удалившагося къ лошадямъ, узналъ своихъ секундантовъ и, быстро оправивъ свою одежду, поднялся на ноги, схвативъ снова въ руки шпагу.

— Что̀ это со мною, обморокъ кажется былъ? проговорилъ онъ.

— Вы развѣ хотите продолжать, графъ? подошелъ къ нему секундантъ, указывая кивкомъ головы на шпагу, которую держалъ Литта.

— Если синьору Мельцони угодно, отвѣтилъ тотъ,— я не признаю себя побѣжденнымъ.

— Но выдержите-ли вы? вы нездоровы сегодня, попробовалъ возразить секундантъ, внимательно вглядываясь въ лицо Литты.

Литта весело разсмѣялся.

— Я кажется чувствую себя здоровѣе чѣмъ прежде, проговорилъ онъ,—я не могу понять, что̀ это было со мною; прежде никогда этого не случалось, это въ первый разъ.

— Не лучше-ли отложить, графъ? заявилъ съ своей стороны дукъ, но далеко не такъ уже офиціально, какъ передъ началомъ дуэли, тѣмъ болѣе, что былъ лишенъ теперь бархатнаго берета, висѣвшаго на суку для просушки.

— Нѣтъ, что-жь откладывать, какъ-то разсѣянно отвѣтилъ Литта, выгибая о землю свой клинокъ и ища глазами противника.

Мельцони подошелъ не сразу, но все-таки подошелъ и обнажилъ шпагу. Онъ казался очень усталымъ... Движенія его были разсчитанно медленны и лицо отражало тихую грусть.

Литта чувствовалъ себя превосходно. Прежнее настроеніе, какое было въ немъ передъ началомъ поединка, снова вернулось къ нему, несмотря на обморокъ, и какъ ни въ чемъ не бывало, онъ, будто послѣ отдыха, поймалъ шпагу Мельцони и заигралъ ею, точно фехтуя на урокѣ со слабымъ ученикомъ.

Тутъ только онъ замѣтилъ, насколько Мельцони дрался слабѣе его.

И не давая уже себѣ труда, онъ совсѣмъ спокойно повелъ бой, изрѣдка пытаясь кончить его легкимъ ударомъ, чтобы дать только почувствовать противнику свою силу.

„А можетъ быть онъ обманываетъ меня, хочетъ развлечь?“ сообразилъ Литта и почти непроизвольно нажалъ клинокъ Мельцони ближе къ рукояткѣ и сдѣлалъ быстрый поворотъ кистью своей руки.

Шпага Мельцони вырвалась у него изъ руки и задрожавъ отскочила всторону. Литта пріостановился и по обычаю дуэли подалъ противнику свое оружіе, а самъ спокойно и неторопливо сдѣлалъ два шага, нагнулся, поднялъ выроненную шпагу Мельцони и снова сталъ на мѣсто, опять готовый продолжать бой.

Но какъ только Мельцони увидѣлъ свою шпагу въ рукахъ у Литты,—онъ, прикусивъ губу и нервно моргая, заговорилъ что-то, медля стать снова „en garde“.

— Я жду, синьоръ Мельцони, проговорилъ Литта.

Мельцони сдѣлалъ неопредѣленное движеніе рукою, точно хотѣлъ обратно получить свою шпагу, но видя что Литта уже ее поднялъ, онъ морщась отстранился отъ вытянутаго острія ея, и черезъ силу проговорилъ наконецъ:

— Довольно... верните мою шпагу... такъ нельзя... я не могу продолжать дуэли... будетъ... довольно.

XVII.

Если мы не можемъ себѣ объяснить какого-нибудь явленія, если мы не можемъ понять его, уловить его причинную связь съ предъидущими, то называемъ его „случаемъ“, случайнымъ явленіемъ и махнувъ рукою успокаиваемся, то-есть молъ и разсуждать о немъ не стóитъ. Но какъ только то же самое явленіе поддастся анализу—тотчасъ же является на сцену законъ, и мы начинаемъ понимать истинную суть его.

Есть однако люди, которые думаютъ, что ничего въ мірѣ, а въ особенности въ жизни человѣка, не можетъ произойти случайно. Путемъ долгихъ, начавшихся еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова наблюденій, подмѣчены и выяснены многіе законы, изученіе которыхъ прямо указываетъ на тѣ вліянія, которымъ подверженъ человѣкъ. На основаніи этого-то изученія можно иногда простыми выкладками предвидѣть послѣдующее, которое будетъ *всегда* простымъ результатомъ предшедшаго, ибо все въ мірѣ до мельчайшаго движенія атома представляетъ собою удивительную цѣльность и гармонію.

Литта зналъ, что онъ не случайно встрѣтился съ молодою русскою графиней, зналъ, что онъ не могъ не идти тогда по узкой улицѣ, не услыхать стоновъ больнаго, не вылѣчить его и затѣмъ, несмотря на полное свое нежеланіе возобновлять знакомство со Скавронскимъ, *долженъ* былъ это сдѣлать, потому что Гурьевъ не могъ не пріѣхать къ нему, не могъ не представить самыхъ убѣдительныхъ доводовъ для сношенія Мальтійскаго рыцарства съ Россіей, и Литта не могъ не поѣхать въ палаццо русскаго посланника.

Но Литта зналъ также, что если существуетъ послѣдовательная цѣпь явленій, въ которой люди независимо отъ себя должны принимать участіе своими дѣйствіями, то вмѣстѣ съ тѣмъ человѣку дана свободная воля, чтобы выбрать между двумя сторонами каждаго явленія, которое всегда и вездѣ двусторонне, т. е. между зломъ и добромъ.

Не разбирая еще пока, хорошо или дурно онъ дѣлаетъ, Литта бывалъ у Скавронскихъ, желалъ видѣть красавицу-графиню, говорить съ ней, и стремился къ

Библиотека "Руниверс"

ней такъ же естественно и неудержимо, какъ растеніе тянется къ свѣту, человѣкъ рвется изъ духоты къ воздуху, вода течетъ туда гдѣ глубже.

Скавронская, полагавшая сначала, что она ограничится мимолетнымъ знакомствомъ съ мальтійскимъ морякомъ,—заинтересовавшимъ ее среди той тоски, однообразія и скуки, которыя испытывала въ Неаполѣ,—увидавъ Литту, невольно пожелала увидѣться съ нимъ еще разъ, и онъ, какъ бы послушный этому ея желанію, явился къ нимъ на другой день.

Со дня на день онъ откладывалъ отплытіе „Пелегрино" и бывалъ у Скавронскихъ, надѣясь на себя и надѣясь на свои силы, благодаря которымъ всегда, какъ думалось ему, онъ съумѣетъ совладать съ собою, если бы это понадобилось.

Когда въ день дуэли, которая кончилась тѣмъ, что Мельцони, испуганный обмѣномъ шпагъ съ противникомъ, извинился передъ нимъ, — Литта пришелъ къ Скавронскимъ, графиня встрѣтила его долгимъ, испытующимъ взглядомъ, какъ бы желая понять безъ словъ, что̀ случилось съ нимъ сегодня.

За обѣдомъ, по обыкновенію, графъ Павелъ Мартыновичъ болталъ безъ умолку и Гурьевъ сдерживалъ его сколько могъ. Послѣ обѣда они уѣхали въ театръ (тамъ шла новая опера), и Литта остался вдвоемъ съ Екатериной Васильевной.

Она опять подняла на него свои глаза и остановила ихъ на немъ, съ тѣмъ же самымъ выраженіемъ, которое было въ нихъ, когда она его встрѣтила.

— Что̀ съ вами, графиня? спросилъ Литта.—Что вы смотрите на меня такъ?

Она отвѣтила не сразу.

— Послушайте, наконецъ тихо произнесла она,—съ вами что-то сегодня случилось... должно было случиться! поправилась она.

Литта зналъ, что ни по его лицу, ни по глазамъ, ни вообще по его виду, графиня ни о чемъ не могла догадаться, такъ какъ онъ чувствовалъ себя бодрымъ, совершенно здоровымъ и веселымъ.

— Почему вы такъ думаете? спросилъ онъ, дѣлая однако усиліе, чтобы казаться совсѣмъ спокойнымъ.

— Я не спала сегодня всю ночь, проговорила Скавронская.—Это бываетъ со мною... Подъ утро мнѣ вдругъ показалось, что я вижу васъ—такъ ясно, какъ живаго... Вы были очень блѣдны... я страшно испугалась...

Теперь, когда она разсказывала Литтѣ, она была вполнѣ увѣрена, что видѣла его сегодня блѣднаго на самомъ дѣлѣ, и испугалась этого. Ей казалось, что все было именно такъ, какъ она разсказываетъ, и разсказывая, она убѣждалась еще больше въ справедливости своихъ словъ.

— Я невольно вскочила, продолжала Скавронская;— это былъ, правда, одинъ мигъ, но я васъ видѣла, положительно видѣла, повторила она.

Литта предчувствовалъ, что сегодняшній день, начавшійся для него такъ странно, необыкновенно, не могъ кончиться просто, какъ обыкновенный день, но что его должно ожидать сегодня еще что-то.

Внутреннее его настроеніе требовало этого. Нервы его были взвинчены съ утра. Не могъ же онъ въ самомъ дѣлѣ послѣ всего сегодняшняго, послѣ поѣздки за городъ, поединка, обморока и извиненій оскорбившаго его человѣка, — такъ спокойно вернуться, сѣсть отобѣдать и вести пріятный разговоръ, какъ это описываютъ въ романахъ.

Еще онъ могъ сдерживать себя сначала, пока тутъ были графъ и Гурьевъ, но тутъ онъ *почувствовалъ* себя въ первый разъ въ жизни наединѣ съ хорошенькою женщиной.

Они сидѣли на верандѣ, обвитой узорною зеленью винограда и выходившей въ садъ, въ которомъ благоухалъ вечерній ароматъ цвѣтовъ. Литта, за минуту передъ тѣмъ отнюдь не желавшій говорить о томъ, что было утромъ, помимо себя, сейчасъ же разсказалъ всѣ подробности поединка, кромѣ, разумѣется, причины, вызвавшей его.

Скавронская слушала не перебивая, слушала, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставляла невольно понимать себя. Это взаимное пониманіе, этотъ разговоръ безъ словъ, этотъ непостижимый обмѣнъ мыслей при помощи взгляда, улыбки, начался у нихъ самъ собою, чуть-ли не со втораго дня ихъ знакомства. Имъ же казалось, что они давнымъ-давно понимаютъ такъ другъ друга.

Литта замѣтилъ это въ первый разъ, когда сказалъ какъ-то случайно въ разговорѣ, что онъ рыцарь мальтійскаго ордена и осужденъ на всю жизнь на безбрачіе.

Она очень удивилась этому, но онъ видѣлъ, что ей почему-то это пріятно, что она обрадовалась этому.

Разсказавъ о дуэли, Литта заговорилъ о Лагардинѣ-Нике, потомъ объ Энціо, о своемъ „Пелегрино", обо всемъ, что̀ приходило ему на умъ, не обращая собственно вниманія на самый предметъ разговора, потому что главнымъ образомъ разговоръ ихъ заключался не въ произносимыхъ словахъ, но въ томъ, *какъ* они произносились, и вотъ эти варіаціи голоса, взгляды и улыбки—сказали имъ сегодня гораздо больше всякихъ словъ и объясненій.

Литта очнулся лишь на улицѣ, и тутъ только вспомнилъ, что его давно ждетъ шлюпка съ корвета.

„Что-жь это со мной?" спросилъ онъ себя отойдя нѣсколько шаговъ отъ дома Скавронскихъ и останавливаясь.—Боже мой, но какъ хороша, какъ хороша! прошепталъ онъ и, завернувшись въ плащъ, большими, неровными шагами направился къ набережной.

XVIII.

Графиня Екатерина Васильевна долго еще сидѣла по уходѣ графа Литты на верандѣ.

Наконецъ она услыхала какъ пришелъ мужъ изъ театра и прошелъ съ Гурьевымъ въ столовую ужинать, думая по всей вѣроятности найти ее тамъ.

Она знала, что онъ сейчасъ пришлетъ за нею или придетъ самъ ее отыскивать, и поспѣшно, скользя какъ тѣнь, пробралась къ себѣ въ спальню.

Ей хотѣлось быть одной, и въ особенности въ эту минуту мужа менѣе всѣхъ она желала увидѣть.

Она отослала своихъ камеристокъ, явившихся было къ ней и, открывъ окно, высунулась въ него какъ можно дальше.

Такъ у окна застала ее няня, пришедшая къ ней по сохранившейся съ ея дѣтства привычкѣ благословлять ее на ночь.

— Что ты, Катюша, Богъ съ тобой! проговорила она, вглядываясь съ безпокойствомъ въ блестящіе глаза графини и чувствуя какъ горячи ея щеки и руки. — Что это ты... прошлую ночь не спала, и теперь полуночничаешь, да еще въ темнотѣ, у открытаго окна; ты хоть бы огонь зажгла.

— Ахъ, няня!.. нѣтъ, не надо огня! Нянечка, мнѣ такъ хорошо сегодня, протянула графиня и, положивъ свои руки на плечи старухи, прижалась къ ней головою.—Няня, ты знаешь, шептала она,—мнѣ и плакать и смѣяться хочется, право... и такъ хорошо... такъ хорошо...

Няня прижала ее къ своей груди и медленно проведя своею сморщенной старческой рукой по волосамъ ея, старалась ласкою успокоить ее. Она понимала въ какомъ состояніи находится ея питомица.

— Вотъ что, Катюша, заговорила она не спѣша,— Богу помолись... это Онъ тебѣ посылаетъ испытаніе. Ты соблюдай себя,—обдумать тебя вѣдь некому... Не поддавайся, матушка, мало-ли что, да вѣдь ужь какъ кому жить суждено.

Библиотека "Руниверс"

Скавронская быстро отстранилась отъ нея и испуганными глазами старалась сквозь сумракъ разсмотрѣть ея лицо.

— Что ты, няня... что это ты говоришь? Откуда ты взяла, развѣ замѣтно *такъ*, развѣ ты замѣтила что-нибудь?

— Я-то, мой дружокъ, вижу!.. не первый десятокъ живу. Не боись,—пока еще другіе-то увидятъ, а отъ меня тебѣ не скрыться,—знаю, сама была молода... вижу тебя насквозь. Слушай, Катя, береги себя...

— Какъ это ты хорошо сказала, задумчиво произнесла Скавронская,—что *обдумать* меня некому!.. Да, именно такъ... я словно одна всегда; иногда не знаешь что дѣлать, и спросить не у кого.

— А ты Богу молись, дружокъ... Онъ, Господь, тебѣ заступникъ и покровитель, и гнѣвить тебѣ Его нечего... Все у тебя есть, слава Создателю,—домъ полная чаша,—почитай, герцогиня любая позавидуетъ, однихъ брилліантовъ сколько!

— Ахъ, ничего мнѣ не нужно, ничего! Все бы сейчасъ отдала...

— А ты вотъ что послушай, Катя, перебила ее старуха, усаживая на кресло и закрывая окно.—Слушай, родная: какъ родилась матушка твоя, взяли меня къ ней... Мнѣ двадцатый годъ шелъ, молода была, но все-жь привыкать стала къ должности своей; только ужь пятый годъ пошелъ матушкѣ-то твоей, я при ней безотлучно—и на это время сильно приглянулся мнѣ Иванъ дворовый,—онъ у твоего дяди въ лакеяхъ состоялъ,—ну вотъ долго не рѣшалась я, наконецъ прихожу къ старой барынѣ, такъ и такъ молъ, говорю,—бросилась въ ноги. Барыня поморщилась. „Что-жь, говоритъ, замужъ хочешь?"—„Воля ваша, говорю, господская, а только не жить мнѣ безъ Ивана-то..." Разсказала барыня барину, тотъ какъ призоветъ меня,—страшенъ онъ бывалъ во гнѣвѣ,—да начнетъ костить, какъ сейчасъ помню все... „Какая же ты слуга послѣ этого, если у тебя дурь такая въ головѣ сидитъ! Какъ же ты за ребенкомъ-то смотрѣть будешь, если замужъ смотришь..." и пошелъ, и пошелъ. Одѣли меня въ затрапезникъ и отправили на птичій дворъ, только матушка твоя привыкла ко мнѣ очень, стала скучать. Вернули меня. Ну что-жь дѣлать, тяжело было, а про Ивана-то я и думать боюсь ужь. Прошло такъ еще годочка три... да, матушкѣ твоей седьмой годъ пошелъ... заболѣла она, долго горѣла вся и по ночамъ металась... я день и ночь не отходила семь сутокъ, не спала—и выходили мы матушку-то твою, Господь помогъ. Старый баринъ—она его любимицей была—обрадовался и на радостяхъ призываетъ меня и говоритъ: „Проси чего хочешь, все сдѣлаю", говоритъ. А я сдуру-то вижу—онъ ласковъ очень, ударилась о-земь: „отдайте, говорю, меня за Ивана..." Какъ ни былъ въ расположеніи баринъ—нахмурился. „Что же ты перехитрить меня хочешь? спрашиваетъ,—ну будь по твоему, отъ своего слова не откажусь". Какъ шальная ходила я съ радости, двѣ недѣли и себя не помнила—думала никогда этому не бывать, и вдругъ на вотъ... сыграли свадьбу. Но только, милая моя, вышли мы это изъ церкви, глядь—телѣга стоитъ... взяли моего Ванюшу и увезли, въ рекруты сдали сейчасъ изъ-подъ вѣнца. Крутъ твой дѣдушка былъ нравомъ,—слово свое исполнилъ—повѣнчалъ насъ, а затѣмъ не погнѣвись: волѣ своей тоже измѣнить не пожелалъ... И что-жь, прожила же ничего, да и какъ еще прожила-то: матушку и тебя, мою красавицу, выходила... такъ-то родная—всякому свое испытаніе.

Графиня слушала старуху, безпомощно опустивъ руки. Она дышала тяжело теперь и подбородокъ ея вздрагивалъ.

За дверью послышались шаги.

Екатерина Васильевна сейчасъ же узнала ихъ.

Дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу, отъ макушки до пятъ, она вскочила съ кресла и бросилась за шелковый пологъ кровати.

— Няня, милая, не пускай... скажи что хочешь, сдѣлай какъ знаешь, только не пускай!.. не могу я видѣть его сегодня! безпокоилась она.

Павелъ Мартыновичъ постучалъ въ дверь.

— Можно войти? спросилъ онъ по-французски.

Няня на цыпочкахъ подошла къ двери, отворила ее и замахала руками.

— Шш!.. ваше сіятельство, шепотомъ проговорила она,—графинюшка всю ночь не спала вѣдь, и теперь едва лишь глазки завела... не будите... нездоровится ей.

Павелъ Мартыновичъ вытянулъ губы, покачалъ головою и дѣловито спросилъ:

— Что-жь, серьезно нездоровится ей?

— Не знаю, батюшка, отвѣтила няня, сама не соображая того, что говоритъ, — только не безпокойте ее...

Скавронскій пожалъ плечами и повернувшись на каблукахъ, зашагалъ назадъ, напѣвая себѣ подъ носъ,—онъ всегда пѣлъ, казалось.

Какъ только шаги его затихли, Екатерина Васильевна высунулась изъ-за полога.

— Ушелъ? спросила она.

Няня кивнула головою.

Она зажгла свѣчи, задернула окна и начала помогать графинѣ распутывать взбитую прическу и снимать тяжелое платье.

— Что же, не ляжешь еще? спросила она, когда Скавронская была уже въ чепчикѣ и ночной кофточкѣ.

— Нѣтъ, няня, дай мнѣ балахонъ, отвѣтила она.

— И-и, Катюша, ложись-ка спать лучше.

Екатерина Васильевна не отвѣтила. Она сосредоточенно думала о чемъ-то, уставившись на пестрый узоръ ковра и почти не моргая.

— Вотъ что, няня, наконецъ сказала она, — оставь меня одну, мнѣ хочется быть совсѣмъ одной. Ступай спать.

Старушка нехотя простилась съ нею и медля, не остановитъ-ли ее графиня, вышла изъ комнаты.

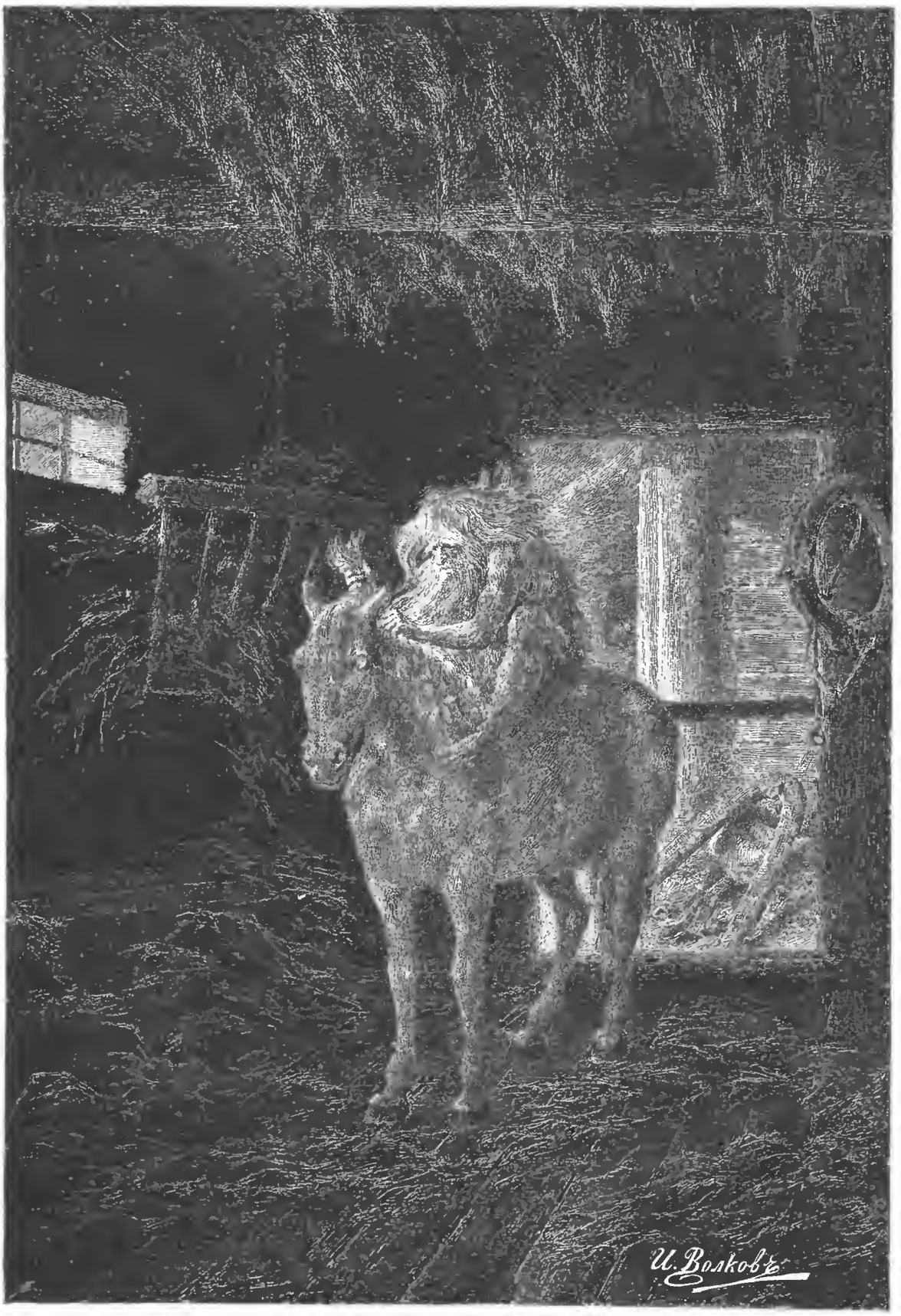
Скавронская дала ей уйти, прислушалась, потомъ быстро подошла къ дверямъ, заперла ихъ и, пройдя нѣсколько разъ скорыми шагами по комнатѣ, сѣла къ письменному столику.

„Съ первой же минуты, какъ я увидѣла васъ", писала она по-французски, и слова у ней быстро шли одно за другимъ, не останавливаясь, потому что мысль бѣжала слишкомъ скоро и рука едва поспѣвала за нею,—„какъ только мы встрѣтились съ вами (я помню живо этотъ день и часъ), я почувствовала, что въ васъ въ первый разъ въ жизни встрѣтила человѣка, который для меня слишкомъ выдавался среди людей, былъ болѣе чѣмъ замѣтенъ... Вы пріѣхали на другой день, потомъ опять—мы сблизились съ вами, какъ только, узнавъ другъ друга, поняли, что мы давно знакомы... Я не знаю, но я по крайней мѣрѣ думала такъ...

„Ваши разсказы, которыхъ не могла я не слушать съ живымъ вниманіемъ, вашъ смѣлый разговоръ, манера, вѣчная ваша борьба и дѣятельность—невольно притягивали къ себѣ. Сначала я думала, что это простое любопытство, простой интересъ во мнѣ, потомъ я ничего не думала, только ждала вашего прихода и невольно оживлялась, когда вы были тутъ. Наконецъ сегодняшній вечеръ мнѣ уяснилъ многое... Я поняла, что мы оба — я, замужняя женщина, обязанная сохранить честь имени которое ношу и связанная навсегда съ человѣкомъ, котораго передъ Богомъ и людьми назвала моимъ мужемъ, вы—связанные тоже обѣтомъ, вы честный человѣкъ неспособный на ложь и обманъ — мы оба, повторяю, были на скользкомъ пути...

„Въ настоящую минуту, я какъ-то безжизненно спо-

Библиотека "Руниверс"



Дѣдушка-домовой. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **И. Волкова,** грав. Ангереръ.

2

Библиотека "Руниверс"

койна и мнѣ кажется могу *разсуждать*, по крайней мѣрѣ хочу дѣлать это, но пройдетъ еще немного времени, и я чувствую, что всякое благоразуміе оставитъ меня.

„Можетъ-быть уже то, что́ я сейчасъ сказала, выходитъ за предѣлы этого благоразумія, но я не вольна надъ собою... Я рѣшилась вамъ написать, потому что мы не должны видѣться; я знаю, что вы, какъ честный человѣкъ (другимъ вы и быть не можете), поймете меня и поступите именно такъ, какъ васъ заставитъ поступить ваша честь и просьба женщины, довѣрившейся вамъ...

„Я пишу вамъ, потому что вѣрю въ васъ и люблю... да, я люблю васъ... пусть это будетъ вамъ извѣстно; но молю васъ именно этой любовью: уѣзжайте, уѣзжайте какъ можно скорѣе и не ищите встрѣчи со мною. Согласитесь, что послѣ этого письма—она невозможна и немыслима...

„Прощайте навсегда... уничтожьте это письмо—я не ошибаюсь въ себѣ и твердо увѣрена, что не ошибусь и въ васъ...“

Кончивъ писать, Скавронская не перечитывая (она боялась сдѣлать это) сложила листъ и стала его запечатывать.

На другой день она попрежнему лежала покрывшись своей шубкой на кушеткѣ въ маленькой гостиной и, закинувъ за голову руки, смотрѣла неподвижнымъ, скучающимъ взглядомъ передъ собою, слушая тихую болтовню старой няни, а на широкомъ заливѣ поднявшійся вѣтерокъ рябилъ лазуревыя волны, и стройный, красивый корветъ „Пелегрино“, распустивъ свою красную хоругвь и поставивъ паруса, горделиво отплывалъ изъ Неаполитанской гавани.

(Продолженіе будетъ).

Докторъ Бумъ-Бумъ.

Переводъ съ французскаго.

Блѣдный, безъ движенія, лежалъ Франсуа въ своей чистой, маленькой постелькѣ, устремивъ въ пространство впалые, лихорадочно-расширенные глаза, какъ будто онъ видѣлъ тамъ что-то скрытое отъ другихъ смертныхъ. У постели, въ ногахъ, сидѣла мать; она кусала себѣ пальцы, чтобы громко не разрыдаться, и съ сердечною тревогой слѣдила за быстрымъ ходомъ болѣзни на дорогомъ, исхудаломъ личикѣ, между тѣмъ какъ мужъ ея, честный рабочій, съ трудомъ сдерживалъ слезы, невольно выступавшія на глаза.

Тяжелая, долгая ночь,—одна изъ тѣхъ ночей, въ которыя минуты тянутся часами,—приходила къ концу. Наконецъ забрезжилъ давно ожидаемый разсвѣтъ, и чудное, теплое, весеннее утро озарило узенькую комнатку въ улицѣ Аббатиссъ, въ которой медленно угасалъ маленькій Франсуа, единственный сынъ Жакоба Эбера и его жены Маделены. Мальчику было шесть лѣтъ. Лицо его было блѣдно какъ молоко, а щеки горѣли, точно пышныя розы. Не болѣе двухъ недѣль тому назадъ онъ былъ здоровъ и веселъ, какъ молодой воробушекъ; но однажды послѣ-обѣда его привели изъ школы домой съ тяжелою головой и сухими, горячими руками. Съ тѣхъ поръ онъ лежитъ въ лихорадочномъ бреду, и иногда, завидя свои ярко вычищенные сапоги, которые мать поставила на полку, говоритъ:

— Сапоги можно подарить кому-нибудь. Франсуа никогда больше не пойдетъ въ школу.

И между тѣмъ, какъ отецъ со стономъ восклицалъ: „Перестань, замолчи!“—мать старалась такъ повернуть на подушкѣ бѣлокурую головку больнаго, чтобы онъ не видѣлъ ея слезъ.

Въ эту долгую ночь мальчикъ не бредилъ, но доктора уже дня два безпокоило апатичное состояніе больнаго. Ребенокъ былъ молчаливъ и грустенъ; онъ отказывался отъ всего, отрицательно поворачивая на подушкѣ свою головку и на блѣдныхъ губахъ его ничто не могло вызвать улыбки. Взоры его были устремлены вдаль, какъ будто онъ тамъ чего-то.

„Можетъ быть онъ уже видитъ Небо!“ думаетъ про себя мать, внутренно содрогаясь.

Когда больному хотѣли дать лекарство, или предлагали сиропу, или бульону, онъ отъ всего отказывался.

— Чего же тебѣ хочется, Франсуа?

— Ничего... Я ничего не хочу.

— Необходимо вызвать его изъ этого состоянія апатіи, сказалъ докторъ.—Такая безучастность внушаетъ мнѣ серьезное безпокойство; я вамъ скажу прямо: она пугаетъ меня. Вы, какъ родители, должны знать вашего ребенка... Постарайтесь пробудить въ немъ духовную дѣятельность, постарайтесь вернуть на землю его душу, готовую уже улетѣть. Заинтересуйте его чѣмъ-нибудь; придумайте что-нибудь; можетъ быть еще не поздно!

И съ этими мало утѣшительными словами докторъ удалился.

Еще бы родителямъ не знать вкусовъ своего дорогаго Франсуа! Они хорошо знали, какъ онъ любилъ воскресныя загородныя прогулки, съ которыхъ возвращался возсѣдая на плечахъ отца, нагруженный цвѣтущими вѣтками; знали, какъ онъ любилъ кататься въ каруселп на деревянной лошадкѣ, и съ какимъ восторгомъ на гуляньѣ въ городскомъ саду любовался кукольнымъ театромъ и смѣялся выходкамъ „Каспара“, сидя за протянутымъ шнуркомъ, рядомъ съ другими дѣтьми, или какъ онъ...

Но тутъ Жакобъ стремительно выбѣжалъ на улицу, накупилъ прекрасныхъ картинокъ, раззолоченыхъ солдатиковъ, китайскихъ тѣней, вырѣзалъ все это изъ бумаги, разставилъ на кроваткѣ больнаго, заставляя ихъ плясать передъ безсознательнымъ взоромъ мальчика, стараясь разсмѣшить его, когда самъ съ трудомъ удерживался отъ слезъ.

— Видишь? Это Каспаръ... А это генералъ! Помнишь, какъ мы разъ видѣли въ городскомъ саду настоящаго, живаго генерала? Если ты покушаешь немножко этого супцу, я куплю тебѣ такого же настоящаго генерала, въ настоящемъ суконномъ мундирѣ, съ золотыми эполетами. Хочешь?

— Нѣтъ, не хочу, папа! отвѣчалъ мальчикъ безучастно, лихорадочнымъ голосомъ.

— Ну, хочешь пистолетъ или, можетъ быть, пестрыхъ мраморныхъ шариковъ?.. Или знаешь что? Лучше всего чудесный самострѣлъ!

— Не хочу! повторялъ слабый голосокъ рѣшительно и почти жестко.

И на всѣ предложенія купить паяца, купить красный воздушный шаръ, которыя, съ отчаяньемъ во взорѣ, дѣлали родители, больной отвѣчалъ непамѣнно:

— Не хочу... не хочу... не хочу!

— Чего же тебѣ хочется, дорогой мой мальчикъ? сказала мать.—Неужели нѣтъ ничего такого, чего бы ты желалъ? Скажи мнѣ на ушко, своей мамѣ.

Она наклонилась къ горячей щечкѣ больнаго и сказала эти слова чуть слышно, такъ нѣжно и ласково, какъ умѣетъ говорить только любящая мать, точно сообщая ему большой секретъ.

Вдругъ мальчикъ приподнялся на постели, вытянулъ впередъ слабую, исхудалую руку, какъ будто къ чему-то невидимому, и произнесъ сухимъ, хриплымъ голосомъ, полу-прося, полу-повелѣвая:

— Хочу Бумъ-Бума.

Бѣдная Маделена бросила на мужа взглядъ полный тоски и отчаянія. Что́ хотѣлъ мальчикъ сказать этимъ? Или это опять вернулся бредъ, страшный, горячечный бредъ?

— Бумъ-Бума!

Она никакъ не могла угадать, что́ скрывается за этими странными словами, которыя мальчикъ повторялъ съ болѣзненнымъ упрямствомъ. Казалось, что до сихъ поръ онъ не рѣшался выразить своего желанія, но теперь, разъ высказавшись, ухватился за него съ неодолимою настойчивостью.

— Да, Бумъ-Бума! Я хочу Бумъ-Бума!

Мать судорожно сжала руку мужа и, какъ потерянная, заговорила шепотомъ:

— Ты не догадываешься, Жакобъ, что́ это можетъ быть? Боже мой, вѣроятно наступаетъ конецъ?

Но, къ величайшему ея удивленію, на серьезномъ и суровомъ лицѣ рабочаго показалась почти блаженная улыбка, точно на лицѣ приговореннаго къ смерти, которому блеснулъ издали лучъ надежды на освобожденіе.

Бумъ-Бумъ! Жакобу ясно припомнился вечеръ на второй день Пасхи, когда онъ былъ въ циркѣ, вмѣстѣ съ дорогимъ своимъ мальчикомъ. Онъ какъ сейчасъ слышалъ веселые взрывы смѣха, которыми привѣтствовалъ маленькій Франсуа выходки клоуна, когда тотъ, весь покрытый мишурными золотыми блестками, съ огромной, темно-красной, переливающей всѣми цвѣтами бабочкой на спинѣ, дѣлалъ невѣроятные прыжки по сценѣ, или подставлялъ ножку наѣзднику, или становился головой на песокъ, вытянувъ ноги кверху, какъ свѣчи. Жакобъ точно сейчасъ видѣлъ, какъ клоунъ подбрасывалъ къ люстрѣ мягкія войлочныя шляпы и потомъ ловко ловилъ ихъ прямо на голову, такъ что онѣ образовали наконецъ цѣлую пирамиду; и при каждой выходкѣ, при каждой ужимкѣ, онъ повторялъ, въ видѣ припѣва одни и тѣ-же слова, сопровождаемыя иногда ударами барабана въ оркестрѣ: „Бумъ-Бумъ!“

При каждомъ выходѣ Бумъ-Бума весь циркъ разражался громкими криками „браво“, а маленькій Франсуа, хохоча отъ восторга, кричалъ тоже: „Бумъ-Бумъ!“ Такъ вотъ какого Бумъ-

Библиотека "Руниверс"

Бума, клоуна, любимца публики, хотѣлъ видѣть мальчикъ, а между тѣмъ это было невозможно, такъ какъ больнаго нельзя было и думать поднять съ постели.

Вечеромъ Эберъ принесъ сыну игрушечнаго паяца, всего покрытаго золотыми блестками, за котораго заплатилъ не малыя деньги въ игрушечномъ магазинѣ. Паяцъ стоилъ его четырехдневнаго заработка. Но онъ охотно отдалъ бы цѣну двадцати, тридцати рабочихъ дней, даже весь годовой заработокъ, чтобы вызвать хоть одну улыбку на блѣдныя, впалыя губы своего мальчика.

Ребенокъ разсматривалъ нѣсколько мгновеній дорогую игрушку, лежавшую на бѣломъ одѣяльцѣ, потомъ печально отвернувшись:

— Нѣтъ, это не Бумъ-Бумъ!.. сказалъ онъ.—Я хочу видѣть Бумъ-Бума!

Ахъ, если бы Жакобъ могъ хорошенько закутать мальчика въ одѣяло, отнести его въ циркъ, гдѣ кувыркается настоящій Бумъ-Бумъ, и сказать ему: „Вотъ, смотри!"

Но заботливый отецъ придумалъ другое. Онъ отправился въ циркъ, узналъ тамъ фамилію и адресъ клоуна, и робко, съ подгибающимися отъ волненія колѣнами, сталъ подниматься въ третій этажъ, въ квартиру любимца публики, въ улицѣ Парка. Планъ Жакоба былъ очень смѣлъ. Ему нерѣдко приходилось слышать, что актеровъ и пѣвцовъ приглашаютъ въ гостиныя знатныхъ господъ, гдѣ они поютъ или говорятъ объ искусствѣ. Нельзя-ли будетъ убѣдить клоуна навѣстить больнаго мальчика, только чтобы сказать ему: „Здравствуй!"

Рабочій не заботился о томъ, какъ приметъ его Бумъ-Бумъ; только бы удалось ему объяснить свою просьбу.

Но какъ удивился честный малый, когда его ввели въ комнаты. Передъ нимъ стоялъ не „Бумъ-Бумъ", а господинъ Морено. Со вкусомъ убранная квартира, дорогія книги и гравюры свидѣтельствовали о тонкомъ развитіи хозяина, который пригласилъ Жакоба въ кабинетъ, напоминающій пріемную доктора.

Жакобъ ожидалъ совсѣмъ другаго. Онъ не могъ признать клоуна въ этомъ солидномъ господинѣ и, въ тяжеломъ смущеніи, вертѣлъ въ рукахъ свою войлочную шляпу. Морено спокойно сидѣлъ противъ него и ждалъ. Наконецъ рабочій заговорилъ. Дѣло, по которому онъ пришелъ, покажется, конечно, очень страннымъ, даже не совсѣмъ ловкимъ; онъ самъ понимаетъ это... Но можетъ быть его извинятъ... потому что ребенокъ...

— Славный мальчуганъ, господинъ Морено! И такой умница! Всегда первый въ школѣ, за исключеніемъ ариѳметики; вотъ ариѳметику онъ еще не такъ хорошо понимаетъ... И такой выдумщикъ, право, господинъ Морено! Какъ размечтается о чемъ-нибудь — удержу нѣтъ... Вотъ, напримѣръ, знаете-ли... напримѣръ...

Жакобъ опять остановился, запинаясь; но потомъ, собравъ все свое мужество, проговорилъ залпомъ:

— Напримѣръ, онъ непремѣнно хочетъ видѣть васъ и только о васъ и думаетъ. Вы для него солнце, къ которому онъ стремится и о которомъ только и мечтаетъ.

Проговоривъ все это, злополучный отецъ поблѣднѣлъ какъ смерть; крупныя капли пота выступили у него на лбу, и онъ не рѣшался поднять глазъ на клоуна, который все время смотрѣлъ на него. „Что-то скажетъ „Бумъ-Бумъ", думалъ онъ; „не сочтетъ-ли онъ своего посѣтителя за сумасшедшаго и не укажетъ-ли ему дверь?"

— Гдѣ вы живете? спросилъ клоунъ.

— О, близехонько! Въ улицѣ Аббатиссъ.

— Allons! сказалъ Морено;—вашъ мальчикъ хочетъ видѣть Бумъ-Бума? Прекрасно, пусть онъ увидитъ Бумъ-Бума.

Эберъ и клоунъ спустились вмѣстѣ съ лѣстницы, обогнули уголъ улицы, и когда передъ ними отворилась дверь скромной квартирки рабочаго, Жакобъ закричалъ уже съ порога:

— Франсуа, радуйся! Смотри кто пришелъ; это Бумъ-Бумъ!

Лучъ радости озарилъ на минуту блѣдное личико больнаго. Съ усиліемъ, опираясь на руку матери, онъ приподнялся на постели и переводилъ глаза съ одного на другаго изъ вошедшихъ, какъ бы спрашивая отца, кто такой этотъ господинъ въ черномъ сюртукѣ, съ веселымъ лицомъ, котораго онъ не знаетъ, но который такъ привѣтливо улыбается ему? И когда ему сказали, что это Бумъ-Бумъ, Франсуа грустно опустился на подушку и продолжалъ попрежнему лежать неподвижно, устремивъ большіе синіе глаза на стѣну, какъ будто нащупывая сіяющаго блестками и украшеннаго огромною бабочкой настоящаго Бумъ-Бума.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, слегка смягчившимся, но безнадежнымъ голосомъ,—нѣтъ, это не Бумъ-Бумъ!

Стоявшій неподалеку отъ кровати клоунъ бросилъ на мальчика взглядъ, полный состраданія и нѣжности; потомъ покачалъ головой, взглянулъ на оторопѣвшаго отца, на убитую горемъ мать, и проговорилъ съ улыбкой:

— Мальчикъ правъ; это не Бумъ-Бумъ.

И съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

— Не увижу я больше Бумъ-Бума; я никогда больше не увижу его! повторялъ ребенокъ такъ тихо и такимъ нѣжнымъ голоскомъ, какъ будто говорилъ съ ангелами. — Можетъ-быть Бумъ-Бумъ уже въ землѣ, куда скоро пойдетъ и Франсуа!

Но вдругъ—не прошло и получаса съ ухода Морено—дверь быстро распахнулась и на порогѣ, въ черномъ трико, съ желтымъ хохломъ на головѣ, съ пестрыми, переливающими золотомъ бабочками на груди и спинѣ, съ широко открытымъ — точно отверстіе копилки — ртомъ на добродушномъ, вымазанномъ мѣломъ лицѣ, появился Бумъ-Бумъ, настоящій, живой Бумъ-Бумъ, изъ цирка, тотъ самый, котораго такъ жаждалъ видѣть маленькій Франсуа!..

Ребенокъ былъ счастливъ и спасенъ. Въ глазахъ его сіяла радость; то смѣясь, то плача, онъ хлопалъ своими маленькими, исхудалыми ручонками и кричалъ: „браво, браво!"

— Вотъ это Бумъ-Бумъ! Настоящій Бумъ-Бумъ! Здравствуй, здравствуй! Браво, Бумъ-Бумъ!

Когда явился докторъ, онъ нашелъ у постели больнаго Франсуа клоуна, съ обсыпаннымъ мукою лицомъ, который все время смѣшилъ ребенка и, мѣшая сахаръ въ чашкѣ съ ячменнымъ супомъ, говорилъ:

— Знаешь-ли что, Франсуа, если ты это не выпьешь, Бумъ-Бумъ не придетъ никогда больше.

И ребенокъ послушно опорожнилъ чашку.

— Вѣдь вкусно, не правда-ли?

— Очень вкусно... спасибо, Бумъ-Бумъ!

— Докторъ, сказалъ клоунъ, обращаясь ко вновь пришедшему, — не будьте въ претензіи, если я сую носъ въ ваше дѣло; мнѣ кажется однако, что на этотъ разъ мои фарсы и гримасы принесутъ не менѣе пользы, чѣмъ ваши рецепты. И такъ, не будемъ ссориться, коллега.

Отецъ и мать плакали, но уже отъ радости.

И до тѣхъ поръ, пока маленькій Франсуа не былъ снова на ногахъ, каждый день передъ жилищемъ рабочаго въ улицѣ Аббатиссъ останавливалась карета, изъ которой выходилъ господинъ въ широкомъ пальто, подъ которымъ виднѣлся костюмъ клоуна, съ веселымъ, обсыпаннымъ мукою лицомъ.

— Я вашъ неоплатный должникъ, дорогой г. Морено! сказалъ наконецъ Жакобъ въ тотъ день, когда ребенокъ въ первый разъ вышелъ изъ комнаты.—Чѣмъ я заплачу вамъ?

Клоунъ протянулъ супругамъ Эберъ свою широкую, геркулесовскую длань.

— Рукопожатіемъ! отвѣчалъ онъ.

И звучно поцѣловавъ обѣ порозовѣвшія щечки ребенка, онъ прибавилъ смѣясь:

— А еще разрѣшите мнѣ написать на моихъ визитныхъ карточкахъ: „Докторъ Бумъ-Бумъ, шутъ, канатный плясунъ и домашній врачъ маленькаго Франсуа".

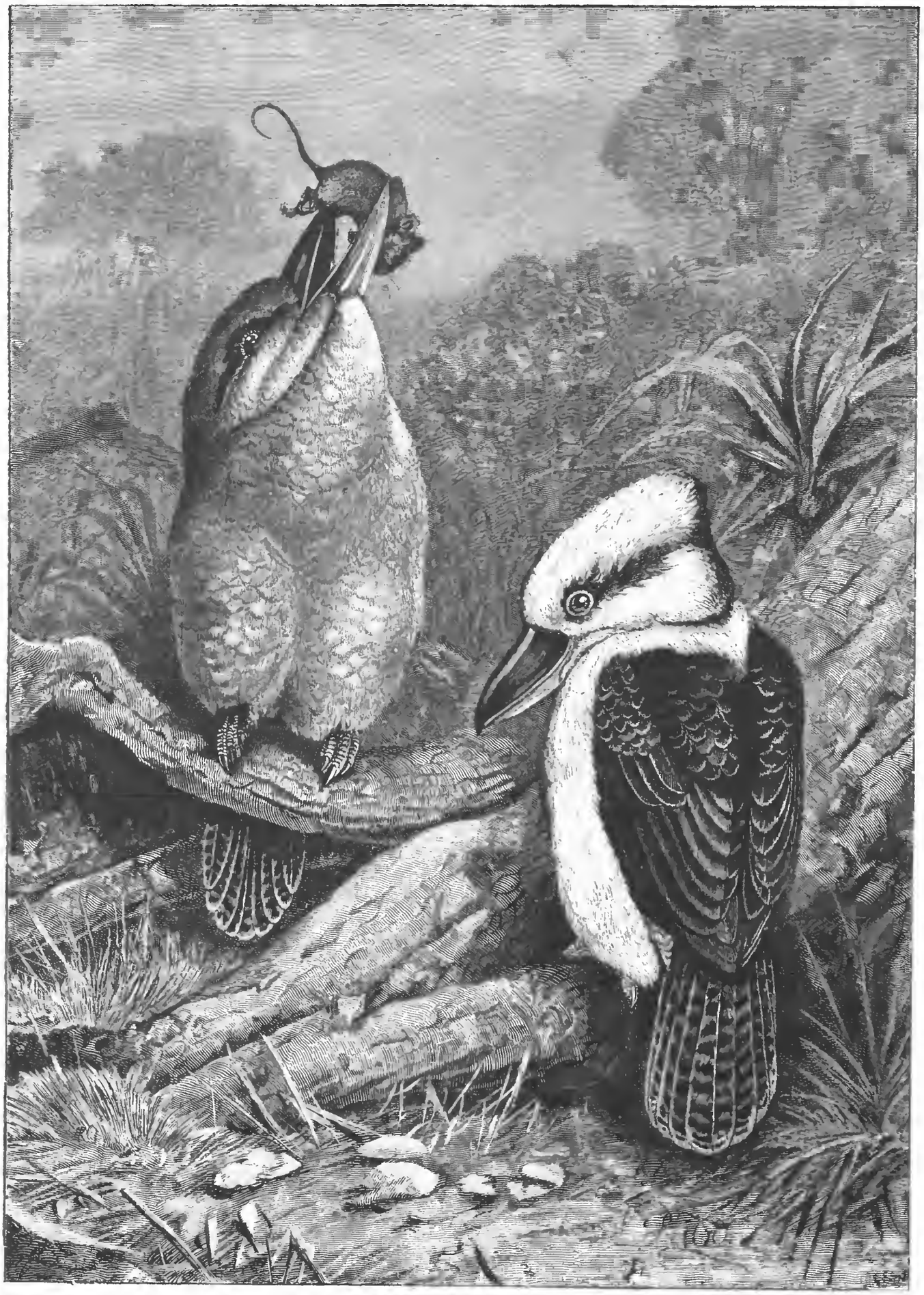
Жилище охотниковъ за мамонтами близь Предмостья въ Моравіи.

Неподалеку отъ Прерау, на сѣверо-востокъ, въ получасѣ пути по Ольмюцкой желѣзной дорогѣ, лежитъ деревенька Предмостье, окруженная лѣсовыми холмами, поднимающимися надъ слоемъ девонской извести. Лѣтъ 10 тому назадъ, срывъ значительные пласты лѣса, наткнулись на раздробленныя кости первобытныхъ млекопитающихъ; кости эти были такъ многочисленны, что приходилось нагружать ими цѣлыя телѣги, много ихъ также отвозилось на сосѣднія поля для удобренія. Получивъ объ этомъ извѣстіе, докторъ Ванкель, извѣстный изслѣдователь найденныхъ въ Моравіи пещерныхъ костей, поспѣшилъ туда для научныхъ изысканій; позднѣе за нимъ послѣдовалъ съ тою же цѣлью Карлъ Маска. Изслѣдованія перваго привели его къ заключенію, что на этомъ мѣстѣ, въ эпоху близкую къ ледниковому періоду, жили охотники за мамонтами, поддерживавшіе свое существованіе охотою на этихъ исполинскихъ первобытныхъ слоновъ, сѣверныхъ оленей и дикихъ лошадей. Лѣтомъ 1888 года посѣтилъ мѣсто раскопокъ знаменитый датскій изслѣдователь Я. Стееструпъ для изученія, при помощи собственныхъ наблюденій, этого величественнаго, до сихъ поръ единственно хорошо сохранившагося памятника первобытной культуры. Водимый докторомъ Ванкелемъ, знаменитый сѣверный изслѣдователь вступилъ на ту почву, гдѣ задолго до основанія Рима и процвѣтанія Греціи человѣкъ сталкивался съ чудовищами сѣдой древности. „Невыразимо было — говоритъ Стееструпъ — то чувство, съ которымъ я, обойдя уголъ выступа склона, устремилъ взоръ на слѣды культуры въ поднимавшейся противъ меня стѣнѣ лѣса и стоялъ лицомъ къ лицу съ остатками могучихъ мамонтовъ, которыхъ еще недавно покрывалъ слой обсыпавшагося теперь лѣса. Изъ темныхъ углубленій средняго слоя торчали мнѣ навстрѣчу, на нѣсколько футовъ выходящія изъ земли и бѣлыя какъ снѣгъ, половины двухъ бивней мамонта; подлѣ, еще болѣе свѣтлыя въ наломѣ, поверхности пары другихъ, еще большихъ, бивней обозначали другаго мамонта. Повсюду между этими бѣлыми клыками можно было видѣть засѣвшія въ темныхъ углубленіяхъ кости, осколки костей, блѣднаго цвѣта обломки кремня и мелкіе камни. Каждая горсть, взятая изъ этихъ распавшихся слоевъ культуры,

Библиотека "Руниверс"

Общій видъ Синопа. Рис. Вилье, грав. Коль.

Библиотека "Руниверс"



Зимородокъ-великанъ (Paralcyon gigas). Рис. и грав. Шпехтъ.

Библиотека "Руниверс"

каждая кучка, захваченная заступомъ рабочаго и брошенная къ нашимъ ногамъ, содержали въ себѣ хоть частицу костей мамонта. При этомъ здѣсь находилось множество волчьихъ костей и кучами, и въ одиночку. Догадку о присутствіи и дѣятельности здѣсь человѣка подтверждали повсюду попадавшіеся мелкіе камни, именно осколки кремня и обдѣланныя кремневыя орудія". Стееншрупъ приказалъ срыть лишь такое количество формаціи, которое позволило бы ему убѣдиться въ вѣрности описаній этого слоя; такъ какъ, по его словамъ, священный долгъ каждаго — бережливо обращаться съ этимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, ибо никто не можетъ поручиться за то, что еще разъ когда-нибудь найдется подобное мѣсто. Какимъ же образомъ очутились собранными въ одномъ мѣстѣ эти безчисленные остатки мамонтовъ? Этотъ вопросъ раньше и настойчивѣе другихъ встаетъ предъ изслѣдователемъ, и отъ правильнаго отвѣта на него зависитъ разъясненіе цѣлаго явленія. Стееншрупъ не допускаетъ того, чтобы тѣла мамонтовъ могли быть снесены сюда водами рѣкъ; еще менѣе вѣроятности предполагать, что тогдашніе первобытные люди сносили сюда сами весь этотъ матеріалъ, ибо подобная работа превышала ихъ силы. По мнѣнію Стееншрупа, мамонты сами собрались здѣсь, гдѣ легли и на-вѣки остались лежать, умерши или умерщвленные какимъ-либо внезапнымъ явленіемъ въ родѣ недостатка воды, мороза, страшной грозы или смертельнаго испуга, отъ которыхъ и теперь стаями умираютъ ихъ ближайшіе наслѣдники—азіатскіе слоны, а также и другія живущія стадами копытныя животныя. Подлѣ костей мамонтовъ найдены кости сѣверныхъ оленей, волковъ, дикихъ лошадей и мускусовыхъ быковъ; со всѣмъ этимъ перемѣшаны въ большомъ количествѣ остатки человѣческой дѣятельности. Эти послѣдніе состоятъ изъ кремней, судя по виду, служившихъ наконечниками копьямъ и стрѣламъ, кремневыхъ скобелей и ножей; также встрѣчаются такія же орудія разнаго вида, сдѣланныя изъ рога и слоновой кости. Изо всего этого, повидимому, само собою вытекаетъ заключеніе, что человѣкъ въ этомъ мѣстѣ является современникомъ мамонта, мясо котораго составляло его главную пищу. Этотъ выводъ и былъ сдѣланъ прежде, но Стееншрупъ не оставилъ его безъ критической провѣрки. На ряду съ этимъ онъ возбудилъ вопросъ и о численномъ перевѣсѣ мамонтовъ въ сравненіи съ прочими копытными животными, по общему мнѣнію, служившими также пищею человѣка, именно сѣверными оленями, лошадьми и мускусными быками. Между тѣмъ мамонты еще далеко уступаютъ въ численности большимъ и сильнымъ волкамъ, которые, судя по множеству ихъ костей, были умерщвлены людьми или взаимно уничтожили другъ друга на этомъ самомъ мѣстѣ. Множество костей сѣверныхъ оленей и лошадей даютъ неоспоримое доказательство того, что онѣ были раздроблены ради извлеченія мозга, и Стееншрупъ не сомнѣвается, что эти копытныя животныя составляли часть пищи людей каменнаго вѣка, жившихъ на этомъ мѣстѣ; совсѣмъ иное, по его увѣренію, было отношеніе мамонтовъ къ тогдашнему населенію. Мамонты вымерли задолго до появленія близь Предмостья охотничьяго племени. Эти охотники были, по выраженію Стееншрупа, промышленниками въ томъ же смыслѣ, что и сибирскіе якуты въ настоящее время и тысячи лѣтъ тому назадъ, когда они отправляются на поиски за хорошо сохранившимися въ промерзлой или наполовину промерзлой землѣ клыками и костями первобытныхъ слоновъ. Когда мамонты паслись подлѣ Предмостья и цѣлыми стадами погибли тамъ, еще не являлось ни одно изъ охотничьихъ племенъ, каменные топоры которыхъ мы находимъ и до сихъ поръ; впервые явились они въ эпоху сѣвернаго оленя въ Средней Европѣ за 4 или 5 тысячъ лѣтъ до нашего времени. Мамонты же жили въ Моравіи и нашли смерть въ тамошнемъ лѣсѣ гораздо и, можетъ-быть, на много тысячъ лѣтъ раньше этой эпохи. За этотъ промежутокъ времени скелеты исполинскихъ животныхъ продолжали лежать на своихъ лѣсовыхъ холмахъ, порой тревожимые пещерными гіенами и то меньше, то больше засыпаемые лѣсовой пылью. Пока остатки ихъ лежали на поверхности земли, стаи мощныхъ волковъ посѣщали столь обильную для нихъ трапезу, точно такъ же, какъ и въ настоящее время во всей Сѣверной Азіи волки первыми являются на тѣ мѣста, гдѣ обнажаются цѣльные трупы мамонтовъ на оттаивающей землѣ или на подмытыхъ и обвалившихся берегахъ. Во всякомъ случаѣ поражающее множество волчьихъ костей, повидимому, доказываетъ то, что эти звѣри, единственные изъ охотящихся обществомъ не упускающіе случая подраться изъ-за добычи, нападали другъ на друга и растерзывали товарищей. Волки пришли много позже, когда мамонты, можетъ-быть, уже тысячи лѣтъ лежали въ землѣ, а вслѣдъ за ними пришло и населеніе Моравіи періода сѣвернаго оленя, разумѣется съ другою цѣлью, состоящей въ томъ, чтобы на болѣе или менѣе открытыхъ мамонтовыхъ поляхъ набрать важныхъ для нихъ клыковъ и костей, выбрать изъ нихъ годные для выдѣлки разныхъ снарядовъ и оружія и наконецъ добыть себѣ кожу и мѣхъ волковъ, полярныхъ лисицъ и подобныхъ звѣрей, которые могли прокрадываться сюда ночною порой. Вотъ вкратцѣ картина прошлаго на полѣ Предмостья, которую на основаніи изученія и опытовъ нарисовалъ намъ одинъ изъ выдающихся изслѣдователей настоящаго времени. При свѣтѣ науки оглядываемся мы на давно минувшее, изъ котораго не доходитъ до насъ ни одного сказанія, и когда самый климатъ былъ инымъ. Тогда еще ни одна нація не являлась на сценѣ европейской исторіи, на которой духовное развитіе соединилось съ процвѣтаніемъ культуры, и вотъ окаменѣлые остатки, въ теченіе тысячелѣтій вѣрно хранимые въ нѣдрахъ земли, приносятъ намъ вѣсть о жизни и дѣятельности людей въ тѣ столь темные и давно минувшіе дни. **Б. К.**

Два письма Ѳ. М. Достоевскаго *).

Маріи Дмитріевнѣ Исаевой изъ Семипалатинска въ Кузнецкъ (Томской губ.), отъ 4 іюня 1855 г.

Благодарю Васъ безпредѣльно за ваше милое письмо съ дороги, дорогой и незабвенный другъ мой, Марія Дмитріевна. Надѣюсь, что Вы и Александръ Ивановичъ позволите мнѣ называть васъ обоихъ именемъ друзей. Вѣдь друзьями-же мы были здѣсь, надѣюсь ими и останемся. Неужели разлука насъ перемѣнитъ? Нѣтъ, судя по тому какъ мнѣ тяжело безъ васъ, моихъ милыхъ друзей, я сужу и о силѣ моей привязанности. Представьте себѣ: это уже второе письмо, что я пишу къ Вамъ. Еще къ прошедшей почтѣ былъ у меня приготовленъ отвѣтъ на Ваше доброе, задушевное письмо, дорогая Марія Дмитріевна. Но оно не пошло. Александръ Егоровичъ, черезъ котораго я былъ намѣренъ отдать его на почту, вдругъ уѣхалъ въ Змѣевъ, въ прошлую субботу, такъ что я даже и не зналъ о его отъѣздѣ, и только узналъ въ Воскресеніе. Человѣкъ его тоже исчезъ на два дня и письмо осталось у меня въ карманѣ. Такое горе! Пишу теперь, а еще не знаю отправится-ли и это письмо. Александра Егоровича еще нѣтъ. Но за нимъ послали нарочнаго.

Къ намъ съ часу на часъ ждутъ генералъ-губернатора, который въ эту минуту можетъ быть и пріѣхалъ. Слышно, что пробудетъ здѣсь дней пять. Но довольно объ этомъ. Какъ-то Вы пріѣхали въ Кузнецкъ, и, чего Боже сохрани, не случилось-ли съ Вами чего дорогою! Вы писали, что Вы разстроены и даже больны. Я до сихъ поръ за Васъ въ ужаснѣйшимъ страхѣ. Сколько хлопотъ, сколько неизбѣжныхъ непріятностей, хотя-бы отъ одного перемѣщенія, а тутъ еще и болѣзнь, да какъ это вынести! Только объ Васъ и думаю. Къ тому-же, Вы знаете, я мнителенъ; можете судить объ моемъ безпокойствѣ. Боже мой! да достойна-ли Васъ эта участь, эти хлопоты, эти дрязги, Васъ, которая можетъ служить украшеніемъ всякаго общества! Распроклятая судьба! Жду съ нетерпѣніемъ Вашего письма. Ахъ, кабы было съ этою почтою! ходилъ справляться, но Александра Егоровича все еще нѣтъ. Вы пишете какъ я провожу время и что не знаете, какъ расположились безъ Васъ мои часы. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я не знаю куда дѣваться отъ грусти. Еслибъ Вы знали до какой степени осиротѣлъ я здѣсь одинъ! Право, это время похоже на то, какъ меня первый разъ арестовали въ сорокъ девятомъ году и скоропили въ тюрьмѣ, оторвавъ отъ всего роднаго и милаго. Я такъ къ Вамъ привыкъ. На наше знакомство я никогда не смотрѣлъ какъ на обыкновенное, а теперь, лишившись Васъ, о многомъ догадался по опыту. Я пять лѣтъ жилъ безъ людей, одинъ, не имѣя, въ полномъ смыслѣ никого, передъ кѣмъ-бы могъ излить свое сердце. Вы-же приняли меня, какъ роднаго. Я припоминаю, что я у васъ былъ какъ у себя дома. Александръ Ивановичъ за роднымъ братомъ не ходилъ-бы такъ, какъ за мною. Сколько непріятностей доставлялъ я вамъ моимъ тяжелымъ характеромъ, а вы оба любили меня. Вѣдь я это понимаю и чувствую, вѣдь не безъ сердца-же я. Вы же, удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты, Вы были мнѣ моя родная сестра. Одно то, что женщина протянула мнѣ руку, уже было цѣлой эпохой въ моей жизни. Мужчина самый лучшій, въ иныя минуты, съ позволенія сказать ни болѣе, ни менѣе, какъ дубина. Женское сердце, женское состраданіе, женское участіе, безконечная доброта, объ которой мы не имѣемъ понятія и которой, по глупости своей, часто не замѣчаемъ, незамѣнимо. Я все это нашелъ въ Васъ; родная сестра не была-бы до меня и до моихъ недостатковъ добрѣе и мягче Васъ. Потому что если и были вспышки между нами, то во-первыхъ я былъ неблагодарная ....., а во-вторыхъ Вы сами больны, раздражены, обижены, обижены уже тѣмъ, что не цѣнило Васъ поганое общество, не понимало, а съ Вашей энергіей нельзя не возмущаться несправедливостью, это благородно и честно. Вотъ основаніе Вашего характера; но горе и жизнь конечно много преувеличили, много раздражили въ Васъ; но Боже мой! все это выкуплалось съ лихвою, сторицею. А такъ какъ я не всегда глупъ, то я это видѣлъ и цѣнилъ. Однимъ словомъ, я не могъ не привязаться къ вашему дому всею душой, какъ къ родному мѣсту.

*) Эти письма доставлены намъ пасынкомъ покойнаго писателя, П. А. Исаевымъ. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Я васъ обоихъ никогда не забуду и вѣчно вамъ буду благодаренъ. Потому что я увѣренъ, вы оба не понимаете, что̀ вы для меня сдѣлали и до какой степени такіе люди какъ вы были мнѣ необходимы. Это надо испытать и только тогда поймешь. Еслибъ васъ не было, я можетъ-быть одеревенѣлъ бы окончательно, а теперь я опять человѣкъ. Но довольно; этого не разскажешь, особенно на письмѣ. Письмо уже потому проклятое, что напоминаетъ разлуку, а мнѣ все ее напоминаетъ. По вечерамъ, въ сумерки, въ тѣ часы, когда бывало отправляюсь къ Вамъ, находитъ такая тоска, что будь я слезливъ, я бы плакалъ, а Вы вѣрно-бы надо мной не посмѣялись за это. Сердце мое всегда было такого свойства, что привязаетъ къ тому, что̀ мило, такъ что надо потомъ отрывать и кровенить его. Живу я теперь совсѣмъ одинъ, дѣваться мнѣ совершенно некуда; мнѣ здѣсь все надоѣло. Такая пустота! одинъ Александръ Егоровичъ, но съ нимъ мнѣ уже потому тяжело, что я поневолѣ сравниваю Васъ съ нимъ, и конечно результатъ выходитъ извѣстный. Да къ тому-же, его и нѣтъ дома. Безъ него я ходилъ раза два въ Казакова садъ, куда онъ переѣхалъ, и такъ было грустно! Какъ вспомню прошлое лѣто, какъ вспомню, что Вы, бѣдненькая, все лѣто желали проѣхаться куда нибудь за городъ, хоть воздухомъ подышать, и не могли, то такъ станетъ Васъ жалко, такъ станетъ грустно за Васъ. А помните какъ одинъ разъ намъ таки удалось побывать въ Казаковомъ саду, Вы, Александръ Ивановичъ, я, Елена. Какъ свѣжо я все припомнилъ прійдя теперь въ садъ! Тамъ ничего не измѣнилось, и скамейка, на которой мы сидѣли та же... И такъ стало грустно. Вы пишете, чтобъ я жилъ съ Врангелемъ, но я не хочу, по многимъ важнымъ причинамъ. 1) Деньги. Съ нимъ живя я очевидно долженъ буду больше тратить: квартира, прислуга, столъ, а мнѣ тяжело было-бы жить на его счетъ. 2) Мой характеръ. 3) Его характеръ. 4) Я какъ поглядѣлъ, къ нему таки часто таскается народъ и даже помногу. Исключить себя изъ компаніи иногда невозможно, а я терпѣть не могу незнакомыхъ лицъ. Наконецъ, я люблю быть одинъ, я привыкъ, а привычка вторая натура. Но довольно. Я еще почти ничего Вамъ не разсказалъ. Проводивъ Васъ за лѣса, и разставшись съ Вами у той сосны (которую я замѣтилъ), мы возвратились съ Врангелемъ рука въ руку (онъ велъ свою лошадь) до гостепріимнаго хутора Пѣшехоновыхъ. Тутъ-то я почувствовалъ, что осиротѣлъ совершенно. Сначала еще было видно вашъ тарантасъ, потомъ слышно, а наконецъ все исчезло. Сѣвъ на дрожки мы говорили объ васъ, объ томъ какъ-то вы доѣдете, объ Васъ въ особенности, и тутъ къ слову Врангель разсказалъ мнѣ кой-что, меня очень порадовавшее. Именно въ самый день отъѣзда, утромъ, когда Петръ Михаиловичъ приглашалъ Врангеля куда-то на весь вечеръ, онъ отговорился и на вопросъ: почему? отвѣчалъ: провожаю Исаевыхъ. Тутъ были кое-кто. П. М. тотчасъ освѣдомился: стало-дескать Вы коротко знакомы? Врангель рѣзко отвѣтилъ: что хоть знакомство это недавнее, но все-таки это былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ для него домовъ, и что хозяйка этого дома, т. е. Вы, такая женщина, какой онъ съ Петербурга еще не встрѣчалъ, да и не надѣется болѣе встрѣтить, такая „какъ вы" прибавилъ онъ, „можетъ быть и не видывали и съ которой знакомство я считаю себѣ за величайшую честь". Этотъ разсказъ мнѣ очень понравился. Человѣкъ, который безспорно видалъ женщинъ самаго лучшаго общества (ибо въ немъ и родился), имѣетъ кажется право въ такомъ сужденіи на авторитетъ. Въ этихъ разговорахъ и ругая Пѣшехоновыхъ, мы пріѣхали въ городъ почти на разсвѣтѣ, и кучеръ, которому предварительно не дали приказанія, привезъ прямо къ моей квартирѣ. Такимъ образомъ пропалъ предполагаемый чай, чему я былъ очень радъ, затѣмъ, что ужасно хотѣлось остаться одному. Дома я еще долго не спалъ, ходилъ по комнатѣ, смотрѣлъ на занимающуюся зарю и припоминалъ весь этотъ годъ, прошедшій для меня такъ незамѣтно, припомнилъ все, все, и грустно мнѣ стало, когда раздумался о судьбѣ своей. Съ тѣхъ поръ я скитаюсь безъ цѣли, настоящій Вѣчный Жидъ. Почти нигдѣ не бываю. Надоѣло. Былъ у Гришина, который командированъ на Коналъ и на-дняхъ выходитъ (онъ будетъ и въ Вѣрномъ), былъ у Медера, который находитъ, что я похудѣлъ, у Жулички (поздравлялъ съ именинами), гдѣ встрѣтилъ Пѣшехоновыхъ и поговорилъ съ ними, бываю у Бѣлихова и наконецъ хожу въ лагерь на ученіе. Иногда хвораю. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ татаръ-извощиковъ. Ходилъ-ходилъ къ Ордынскому и каждый вечеръ Силота бѣгалъ справляться. Заходилъ и на Вашу квартиру, взялъ плющъ (онъ теперь со мной), видѣлъ осиротѣвшую Сурьку, бросившуюся ко мнѣ со всѣхъ ногъ, но не отходящую отъ дому. Наконецъ извощики воротились. Ваше письмо, за которое благодарю Васъ несчетно, было для меня радостью. Я и татаръ разспрашивалъ. Они мнѣ много разсказали. Какъ хвалили Васъ (всѣ-то Васъ хвалятъ, Марія Дмитріевна!)! Я имъ далъ денегъ. На другой день я видѣлъ Контева у Врангеля. Онъ тоже мнѣ кое-что разсказалъ, но объ самомъ интересномъ, о вашихъ деньгахъ для дороги, не могъ спросить его: вопросъ щекотливый. Я до сихъ поръ не придумаю какъ Вы доѣхали! Какъ мило Вы написали письмо, Марія Дмитріевна! Именно такого письма я желалъ; какъ можно больше подробностей—и впередъ такъ дѣлайте. Я какъ будто вижу вашу бабушку. Негодная старуха! Да она Васъ сживаетъ со свѣту. Пусть остается съ своими моськами „по гробъ своей жизни". Я надѣюсь, что Александръ Ивановичъ завѣщаніе вытянетъ, такъ должно, а ее не возьмутъ. Ее надо увѣрить, что такъ будетъ лучше; иначе она должна дать подписку, что умретъ черезъ три мѣсяца (за каждый мѣсяцъ по 1,000 рублей), иначе не принимайте. Неужели Вамъ, Вамъ, Марія Дмитріевна, придется ходить за ея моськами, да еще съ вашимъ здоровьемъ! Вѣдь эти старухи такъ несносны! Письмо Ваше прочитывалъ Врангелю (мѣстами конечно). Не утерпѣлъ и сходилъ къ Еленѣ: одна бѣдная. Какъ мнѣ было жаль, что Вы хворали дорогой! Когда-то дождусь Вашего письма! Я такъ безпокоюсь! Какъ-то Вы доѣхали! Жму крѣпко руку Александру Ивановичу и цѣлую его. Надѣюсь, что онъ напишетъ мнѣ въ скорости. Обнимаю его отъ всего сердца и какъ другъ, какъ братъ, желаю ему лучшей компаніи. Неужели и въ Кузнецкѣ онъ будетъ такъ же неразборчивъ въ людяхъ, какъ въ Семипалатинскѣ? Да стоитъ-ли этотъ народъ, чтобы водиться съ нимъ, пить-ѣсть съ ними и отъ нихъ же сносить гадости! Да это значитъ вредить себѣ сознательно! И какъ противны они, главное какъ грязны! Послѣ иной компаніи такъ же грязно на душѣ, какъ будто въ кабакѣ сходилъ. Надѣюсь, Александръ Ивановичъ за мои пожеланія на меня не разсердится. Прощайте, незабвенная Марія Дмитріевна! Прощайте! вѣдь увидимся, не правда-ли? Пишите мнѣ чаще и больше, пишите объ Кузнецкѣ, объ новыхъ людяхъ, объ себѣ какъ можно больше. Поцѣлуйте Пашу. Прощайте, прощайте, неужели не увидимся!

Ѳедоръ Достоевскій.

Къ сестрѣ первой жены *) изъ Парижа въ СПБ. 20 августа 1863 г.

Любезнѣйшая и многоуважаемая Варвара Дмитріевна, Вы можетъ-быть уже изъ письма моего къ Пашѣ знаете обо мнѣ, что я счастливо и благополучно добрался до города Парижа, гдѣ и засѣлъ, но кажется не надолго. Не нравится мнѣ Парижъ, хоть и великолѣпенъ ужасно. Много въ немъ есть кой-чего посмотрѣть; но какъ осмотришь, то нападетъ ужасная скука. Другое дѣло если-бы я пріѣхалъ какъ студентъ, учиться чему-нибудь. Ну тутъ дѣло другое: было бы много занятій и многое надо было бы и осмотрѣть и прослушать, а для туриста какъ я, наблюдающаго просто за нравами, французы мерзятъ, а городъ ужь мнѣ почти извѣстенъ. Право, лучше всего здѣсь фрукты и вино: это не надоѣдаетъ. О своихъ интимныхъ дѣлахъ я Вамъ ничего не пишу: „письма вздоръ, письма пишутъ антекарѣ". А пишу Вамъ кой про какія дѣлишки. Дѣло въ томъ, голубчикъ Варвара Дмитріевна, что я къ Вамъ съ нѣкоторой маленькой просьбой. Видите-ли: Я, дорогой, прожилъ дня четыре въ Висбаденѣ, ну и игралъ, разумѣется, на рулеткѣ. Да Вы что̀ думаете? Вѣдь выигралъ, а не проигралъ; хоть не столько выигралъ, сколько хотѣлъ, не 100,000, а все-таки нѣкоторую маленькую капельку выигралъ (кстати NB. Не говорите объ этомъ письмѣ, милая Варвара Дмитріевна. Т. е. хотя Вамъ и некому сказать, такъ какъ Вы мало кого видите, но разумѣю главное Пашу. Онъ еще глупъ, и пожалуй забсретъ въ голову, что можно составить игрой карьеру, ну и будетъ на это надѣяться. Вѣдь забралъ же онъ себѣ недавно въ голову, что будетъ въ магазинѣ прикащикомъ, чтобы добывать себѣ деньги, а слѣдовательно не надо учиться, и это мнѣ объявилъ. Ну и не слѣдуетъ ему знать, что его Папаша посѣщаетъ рулетку. И потому ни слова). Я, Варвара Дмитріевна, въ эти четыре дня присмотрѣлся къ игрокамъ. Ихъ тамъ понтируетъ нѣсколько сотъ человѣкъ и, честное слово, кромѣ двухъ не нашелъ умѣющихъ играть. Всѣ проигрываются до-тла, потому что не умѣютъ играть. Играла тамъ одна француженка и одинъ англійскій лордъ; вотъ эти такъ умѣли играть и не проигрались, а напротивъ чуть банкъ не затрещалъ. Пожалуйста не думайте, что я фарсю, съ радости что не проигралъ, говоря что знаю секретъ, какъ не проиграть, а выиграть. Секретъ-то я дѣйствительно знаю, онъ ужасно глупъ и простъ и состоитъ въ томъ, чтобы удерживаться поминутно, несмотря ни на какіе фазисы игры, и не горячиться. Вотъ и все, и проиграть при этомъ просто невозможно, а выиграете навѣрно. Но дѣло не въ томъ, а въ томъ, что постигнувъ секретъ, умѣетъ-ли и въ состояніи-ли человѣкъ имъ воспользоваться? Будь семи пядей во-лбу, съ самымъ желѣзнымъ характеромъ—и все-таки прорветесь. Философъ С... и тотъ бы прорвался. А потому блаженны тѣ, которые не играютъ и на рулетку смотрятъ съ омерзеніемъ, и какъ на величайшую глупость.—Но о дѣлѣ. Я голубчикъ Варвара Дмитріевна выигралъ 5,000 франковъ, т. е. выигралъ сначала 10,400 фр., и ужь домой принесъ и въ сакъ занеръ и ѣхать изъ Висбадена на другой день положилъ, не заходя на рулетку; но прорвался и спустилъ половину выигрыша. Такимъ образомъ я остался только при 5,000 фр. На всякій случай я положилъ оставить часть этого выигрыша при себѣ, но часть посылаю въ Петербургъ, а именно: часть брату, чтобы сохранилъ эти деньги къ моему пріѣзду, и часть Вамъ, для передачи или пересылки

*) Первою женою Ѳ. М. Достоевскаго была овдовѣвшая М. Д. Исаева, которой адресовано предшедшее письмо.

Библиотека "Руниверс"

Маріи Дмитріевнѣ. Извините голубчикъ, что расчитываю почти не спросясь на Ваше содѣйствіе. Но помня Вашу дружбу, я въ немъ былъ увѣренъ. Всего я къ Вамъ посылаю 30 дублоновъ, т. е. двойныхъ прусскихъ фридрихсдоровъ. Каждый дублонъ ходитъ здѣсь въ Парижѣ 41 фр. 50 сантим. Но это мало, это грабежъ здѣшнихъ мѣнялъ, онъ ходитъ больше. Одинъ фридрихсдоръ ходитъ здѣсь 20 фр. 75 сантим., а нашъ имперіалъ 20 фр. 55 сантим., а слѣдовательно фридрихсдоръ считается здѣсь дороже нашего имперіала. Такъ должно быть и въ С.-Петербургѣ. Слѣдственно, въ крайнемъ случаѣ, можно навѣрно считать фридрихсдоръ, если не больше, такъ ужь ровнымъ нашему имперіалу. Въ 30 дублонахъ, которые я къ Вамъ посылаю, 60 фридрихсдоровъ, слѣдовательно считая, что это все равно, что 60 имперіаловъ, будетъ по размѣнѣ на кредитные билеты нѣсколько болѣе 300 рублей. Да можетъ быть еще можно будетъ взять канельку на промѣнѣ, такъ какъ золото у насъ дорого. Вотъ почему я и предпочелъ послать прямо золотомъ. Просьба моя вотъ въ чемъ: 5 дублоновъ, изъ этихъ 30-ти, Вы отложите и спрячьте у себя до времени. Это будетъ для Родевича на Пашины нужды (т. е. не Пашѣ въ руки) на случай если я запоздаю. А остальные 25 дублоновъ размѣняете у мѣнялы на кредитки. Я увѣренъ, что мѣнялы не очень обманутъ. Сдѣлайте одолженіе не заботьтесь много: сколько дадутъ, тѣмъ и будемъ довольны; даже, если хотите только, поручите просто размѣнять брату Михайлѣ Михайловичу, чтобы онъ размѣнялъ и возвратилъ въ Ваши руки размѣненное. Размѣнявъ же, увѣдомьте Марію Дмитріевну, что эти 25 дублоновъ я посылаю ей, что по размѣнѣ ихъ вышло вотъ столько-то, и при этомъ спросите ее: какъ ей прислать? т. е. по почтѣ или другимъ какимъ образомъ? По моему по почтѣ всего лучше, тѣмъ болѣе что другаго никакого образа и нѣтъ. Но можетъ быть Марія Дмитріевна захочетъ, чтобы эти деньги лежали у Васъ до времени, т. е. хоть до моего пріѣзда. Ну это дѣло другое; тогда прошу Васъ очень исполнить это ея желаніе, если бы оно было. Вообще какъ она захочетъ, такъ пусть и будетъ. Очень, очень меня, голубчикъ мой, обяжете, если все это возьметесь исполнить. Ради Бога, не откажите. Я Марію Дмитріевну ужь увѣдомилъ и сказалъ, что Вы ей напишете, т. е. увѣдомите ее, когда деньги будутъ Вами получены и спросите ее, какъ ей переслать. Тогда, я писалъ къ ней, чтобъ она Васъ тотчасъ же и увѣдомила. Можетъ быть она Вамъ и раньше напишетъ. Сегодня я только посылаю деньги. Все бился и узнавалъ здѣсь какимъ способомъ лучше выслать. На почтѣ положительно не берутъ, потому что здѣсь принятъ одинъ только способъ высылки черезъ банкировъ. Мнѣ же не хотѣлось высылать черезъ банкира, потому что банкиръ взялъ бы дороже за пересылку и кромѣ того навѣрно обчелъ бы меня на промѣнѣ, такъ какъ золото здѣсь дешевле нашего. Вотъ почему и нашелъ здѣсь какую-то частную, но вѣрную контору транспортовъ. Черезъ нее и посылаю. Какимъ способомъ она Вамъ доставитъ посылку—не знаю. Знаю только, что она доставитъ медленно, дней въ 8, такъ что письмо это Вы получите гораздо раньше денегъ. Но по крайней мѣрѣ Вы будете увѣдомлены. Еслибъ на случай вышло какое-нибудь затрудненіе, обратитесь къ брату Михайлѣ Михайловичу, т. е. напишите ему два слова, чтобъ пріѣхалъ къ Вамъ *по моему дѣлу* и кончено. Но это я пишу на всякій случай. Я увѣренъ, что не будетъ никакихъ затрудненій. Во всякомъ случаѣ простите, добрый и многоуважаемый другъ мой, что Вами такъ располагаю. Но я вѣдь на доброту Вашу надѣюсь.

Здоровье мое такъ себѣ. Въ Парижѣ останусь, я думаю, недолго. Можетъ быть поѣду въ Италію. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Напишите же мнѣ, голубчикъ, о всемъ, что знаете о Пашѣ и что услышите (на случай если услышите) о Маріи Дмитріевнѣ. Безпокоюсь я ужасно и сердечно о ея здоровьѣ. Дай ей Богъ лучшаго! Да напишите все что слышали (если только слышали) о братѣ Колѣ, какъ его здоровье. Да наставляйте, голубчикъ Пашу. Напишите, что говоритъ о немъ Родевичъ, если что услышите. Безпокоитъ меня Паша ужасно. Наконецъ напишите мнѣ хоть два словечка собственно и о себѣ, т. е. что и какъ, какъ Ваше расположеніе духа, здоровье и проч. Голубчикъ мой, я Васъ крѣпко люблю и уважаю и не считайте стало быть моей просьбы простымъ любопытствомъ. Да пишите скорѣе, потому что я можетъ быть въ Парижѣ долго не останусь, такъ чтобы письмецо Ваше здѣсь застало меня. Да не ждите когда деньги получите. Пишите же и до полученія. Дойдутъ навѣрное, нечего безпокоиться. Прощайте. Крѣпко жму Вашу руку.

Ѳедоръ Достоевскій.

Къ рисункамъ.

Голуби Св. Марка. (Рис. на стр. 73).

Кто бывалъ въ Венеціи, тотъ навсегда сохранитъ въ памяти чудный видъ площади и собора Св. Марка, съ 500 мраморныхъ колоннъ и множествомъ прелестныхъ голубей, находящихъ тамъ убѣжище. Какъ въ старину, такъ и нынѣ они получаютъ кормъ на счетъ города ежедневно въ 2 часа пополудни; кромѣ того, многочисленные путешественники и сами жители Царицы Морей постоянно прикармливаютъ этихъ миловидныхъ и очень ручныхъ пернатыхъ. Живописецъ Жакъ Вагреецъ изобразилъ такую сцену, перенеся дѣйствіе въ XVI столѣтіе. Снаружи величественнаго собора усѣлись двѣ дѣвушки и кормятъ голубей, въ то время какъ молодой человѣкъ изъ-за стариннаго изваянія двухъ обнявшихся византійскихъ императоровъ наблюдаетъ за этою граціозною картиною.

Концертъ. (Рис. на стр. 76).

Изящная картина мюнхенскаго художника Карла Герифера переноситъ зрителя во Францію конца XVIII вѣка. Посреди роскошнаго помѣщенія, убраннаго въ стилѣ рококо, у открытаго окна, въ которое врываются ослѣпительные лучи солнца, собралось небольшое общество и развлекается домашнимъ концертомъ. Двѣ молодыя красавицы поютъ дуэтъ подъ звуки мандолины, на которой играетъ одинъ изъ присутствующихъ, тогда какъ двое другихъ внимательно слушаютъ, всецѣло отдавшись чарующимъ звукамъ музыки.

Покинутая. (Рис. на стр. 77).

Ой, одна я, одна,
Какъ былинка въ полѣ,
Не сподобилъ меня Богъ
Ни счастья, ни доли...

И ни братика я,
Ни сестры не знала,
Межь чужими росла
И ужь вянуть стала...

Т. Шевченко.

Дѣдушка-домовой. (Рис. на стр. 81).

Увѣренность въ бытіи домоваго распространена въ простонародьѣ всей Россіи, и онъ имѣетъ кучу мѣстныхъ названій, какъ напр. домовикъ, дѣдушка, постѣнъ, лизунъ, доможилъ, хозяинъ, жировикъ, пѣжить, другая-половина, сусѣдко, батанушко и проч. Онъ духъ хранитель дома, божество домашняго очага, смотрящее, по народному повѣрью, за домомъ. Онъ стучитъ и возится по ночамъ, проказитъ, душитъ ради шутки спящаго, гладитъ мохнатою рукой къ добру и т. д. Особенно хозяйничаетъ онъ на конюшнѣ, заплетаетъ любимой лошади гриву въ колтунъ, а нелюбую вгоняетъ въ мыло и иногда *осаживаетъ* ее, разбиваетъ параличемъ, даже протаскиваетъ въ подворотню. Есть домовой *сарайникъ*, *конюшникъ*, *баенникъ* (въ банѣ) и женскій банный *волосатка*. Перебираясь изъ одного дома въ другой, хозяйка беретъ горшокъ, въ которомъ никогда ничего не варили, кладетъ въ него уголья и вызываетъ вмѣстѣ съ собой домоваго на новое жилье. Различаютъ *своего* домоваго, ласковаго къ домашнимъ, отъ *чужаго*, который дѣлаетъ разныя проказы. Видѣть домоваго якобы можно въ хлѣву въ ночь на Свѣтлое Христово воскресенье, но видѣвшіе запоминаютъ только то, что онъ косматъ, такъ какъ онъ отшибаетъ память. На Ефрема Сирина (28 января) домоваго закармливаютъ, покидая ему каши на загнеткѣ. На Іоанна Лѣствичника (30 марта) домовой бѣсится.

Синопъ. (Рис. на стр. 84).

На южномъ берегу Чернаго моря, насупротивъ Крымскаго полуострова, лежитъ турецкій городъ Синопъ, видъ котораго нами помѣщается на стр. 84. Расположенный на узкомъ перешейкѣ скалистаго полуострова, Синопъ былъ извѣстенъ еще въ глубокой древности. Первоначально незначительная древнеассирійская колонія, онъ достигъ значительнаго могущества по занятіи его греками около 632 г. до Р. Х. Завоеванный въ 183 г. Фарнакомъ I, царемъ Понтійскимъ, Синопъ сталъ столицею царства при Митридатѣ Великомъ, который тамъ родился. Въ третьей войнѣ съ нимъ Синопъ былъ завоеванъ Лукулломъ въ 72 году и вскорѣ заселенъ римлянами. Съ 1204 года городъ принадлежалъ Трапезундской имперіи въ теченіе 10 лѣтъ, послѣ чего достался Сельджукамъ. Въ 1461 г. городъ былъ завоеванъ Магометомъ II и съ того времени принадлежитъ туркамъ. Населеніе 8—10 тысячъ жителей. Синопъ въ настоящее время является вооруженнымъ портомъ и мѣстомъ пребыванія греческаго архіепископа. Намъ русскимъ Синопъ памятенъ славною побѣдою русскаго флота надъ турецкимъ 18 ноября 1853 года. 6 линейныхъ русскихъ кораблей съ 624 орудіями и 5285 человѣками команды, подъ начальствомъ адмирала Нахимова, внезапно напали на турецкую эскадру, состоявшую изъ 7 фрегатовъ, 3 корветовъ и 2 пароходовъ, съ 522 орудіями и 4220 человѣкъ команды, находившихся вдобавокъ подъ защитою 6 береговыхъ батарей. Послѣ 2½-часоваго ужаснаго боя не осталось ни одного турецкаго судна, ни одной батареи: все было потоплено или сожжено.

Библиотека "Руниверс"

Въ зажорѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **Н. Сверчкова**, фотохемиграфія Яблонскаго.

Библиотека "Руниверс"

Зимородокъ-великанъ (Paralcyon gigas).

(Рис. на стр. 85).

Тихъ и спокоенъ австралійскій лѣсъ въ часы ранняго утра. Лучи восходящаго солнца еще не достигли дремлющей земли, но румяная заря возвѣщаетъ уже наступленіе дня. Медленно гаснутъ звѣзды между вершинами деревьевъ. Лѣсные обитатели погружены еще въ глубокій сонъ. Только одна хищная двуутробка пробирается къ своему логовищу, возвращаясь съ ночной экспедиціи. Вдругъ среди общей тишины раздается, сначала тихо, потомъ все громче и громче дикій, сумасшедшій хохотъ. Ему отвѣчаетъ какъ бы эхо, потомъ—другое въ противуположномъ концѣ лѣса, третье—наконецъ по всему лѣсу грохочетъ словно хоръ злыхъ духовъ, скрежещетъ зубами, визжитъ и заливается хохотомъ... Это „Гансъ-хохотунъ" или зимородокъ-великанъ. Трижды въ день поднимаетъ онъ такой гвалтъ: при восходѣ солнца, въ полдень и на закатѣ. Это величайшій изъ зимородковъ, достигающій въ длину почти трехъ-четвертей аршина. За то онъ далеко не такъ красивъ какъ наши зимородки. Преобладающіе цвѣта бѣлый, сѣрый, бурый и черный. Водится онъ по всей Австраліи, за исключеніемъ западной части. „Гансъ-хохотунъ" другъ колониста и потому довѣрчиво селится даже вблизи жилищъ, принося громадную пользу истребленіемъ ядовитыхъ змѣй и мышей; кромѣ того, онъ большой охотникъ и до прочихъ пресмыкающихся, крабовъ, крупныхъ насѣкомыхъ и даже птицъ. Схвативъ добычу, онъ каждый разъ выражаетъ свой восторгъ громкимъ хохотомъ. Въ Петербургскомъ зоологическомъ саду есть великолѣпный экземпляръ этой птицы.

Въ зажорѣ. (Рис. на стр. 89).

Не смотря на быстрое развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, на необъятномъ пространствѣ Россійской имперіи много еще мѣстъ, съ которыми сообщеніе производится исключительно на почтовыхъ и притомъ по самымъ невозможнымъ проселкамъ. Поэтому зимой, когда снѣгъ покроетъ поля сугробами, а въ особенности весной, при образованіи такъ называемыхъ зажоръ, нѣтъ ничего зауряднѣе сцены изображенной П. Е. Сверчковымъ. Это большой дормезъ, засѣвшій въ зажору, такъ что шестерикъ сытыхъ коней не въ состояніи его вытащить. И вотъ, мальчишка-форрейторъ садится верхомъ, чтобы по указанію прѣзжихъ крестьянъ, скакать въ ближайшую деревню за помощью. Сколько движенія и жизни въ этомъ мастерскомъ набросѣ нашего маститаго художника!

Цифрарь (діаграммометръ) В. С. Козлова.

(Рис. на стр. 92).

На-дняхъ, 8 января, состоялся докладъ въ Педагогическомъ музеѣ, предъ соединеннымъ засѣданіемъ членовъ учебно-воспитательнаго комитета музея и его отдѣловъ: математики, физики, механики и географіи, объ аппаратѣ *„Цифрарь-Діаграммометръ"*. Не безинтересно, вѣроятно, будетъ слышавшимъ этотъ докладъ, — а тѣмъ болѣе не слышавшимъ его, но интересующимся научными изобрѣтеніями —ознакомиться съ механизмомъ этого аппарата по помѣщаемымъ здѣсь двумъ гравюрамъ, прекрасно исполненнымъ извѣстнымъ парижскимъ граверомъ Royet. За недостаткомъ мѣста мы не можемъ, сколько-нибудь обстоятельно, изложить здѣсь описаніе нашего модельнаго и сложнаго аппарата, и того, еще новаго, метода изслѣдованія наблюденій, для котораго онъ предназначенъ. Желающіе могутъ ознакомиться съ подробностями изъ докладовъ, которые мы предполагаемъ сдѣлать въ непродолжительномъ времени въ разныхъ петербургскихъ ученыхъ обществахъ.

Представленный здѣсь аппаратъ названъ *„Цифрарем"* потому, что предназначенъ для разработки и уясненія цифровыхъ наблюденій. При посредствѣ механизма этого аппарата, могутъ быть разработаны всякія цифровыя наблюденія, къ какой бы области знаній они ни относились. Гдѣ есть наблюденія, выраженныя цифрами, гдѣ можетъ быть приложенъ графическій методъ и наблюденія представлены въ видѣ кривыхъ, гдѣ необходимо изслѣдованіе этихъ кривыхъ, ихъ взаимное сравненіе, уясненіе закономѣрностей—тамъ приложимъ нашъ аппаратъ. Этотъ аппаратъ одинаково пригоденъ и для занимающихся физикой, химіей, метеорологіей, медициной, статистикой, и для страховыхъ обществъ, банкирскихъ торговыхъ конторъ и проч. Французскіе ученые называютъ его „instrument universel Phénomenomètre", т. е. аппаратомъ, пригоднымъ для изслѣдованія всякихъ явленій. *„Діаграммометромъ"* этотъ аппаратъ названъ нами потому, что онъ даетъ возможность измѣрять различныя части діаграммы, т. е. различныя части той графической таблицы, на которой наносятся кривыя, отвѣчающія какимъ-либо цифровымъ наблюденіямъ. Измѣряя тѣ или другія части діаграммъ, въ томъ или иномъ ихъ отношеніи, мы получаемъ различныя обобщенія, представляющія намъ различныя новыя среднія характеристики изслѣдуемыхъ цифровыхъ наблюденій. При помощи этихъ новыхъ среднихъ, возможно дѣлать точныя сравненія различныхъ рядовъ наблюденій, уяснить ихъ сходство, зависимость, напряженность и вѣроятныя движенія, т. е. постигать, открывать тѣ правильности и закономѣрности, которыя скрываются въ пестрыхъ рядахъ цифръ, наполняющихъ толстые томы, непроизводительно гніющіе въ различныхъ архивахъ.

Много труда, времени и средствъ необходимо для того, чтобы разобраться въ массѣ цифроваго матеріала и заставить говорить нѣмые цифровые знаки—задача эта пока по силамъ только немногимъ ученымъ. Аппаратъ нашъ даетъ возможность эти задачи рѣшать всякому изслѣдователю безъ затрудненій. Если вы хотите изслѣдовать какія-либо цифровыя наблюденія, то стоитъ вамъ лишь занести ихъ на постоянную сѣтку верхней шкалы аппарата (рис. 1), т. е. установить кольца цвѣтнаго шнура на дѣленіяхъ шкалы, соотвѣтственно величинѣ наблюденій — и вы получите одновременно, на всѣхъ шести циферблатахъ аппарата, готовыя вычисленія для шести различныхъ обобщеній. Въ двѣ минуты вы дѣлаете, машинально, суточную работу, за которую неохотно взялся бы даже хорошо знающій математику.

Въ числѣ шести *измѣрителей*, осуществленныхъ для примѣра на модельномъ аппаратѣ, мы имѣемъ слѣдующія среднія обобщенія: 1) *Среднюю ариѳметическую* — ту, повсемѣстно распространенную и излюбленную нами среднюю, которою мы такъ часто злоупотребляемъ, приписывая ей совсѣмъ не то, что она выражаетъ, такъ какъ подчасъ она рѣшительно ничего не выражаетъ. 2) *Вѣроятность средней*, или, лучше сказать (чтобы не смущать словомъ „вѣроятность"), амплитуду колебаній кривой—это непремѣнный спутникъ средней ариѳметической, указывающій на степень ея пригодности для характеристики нормальности изслѣдуемыхъ явленій. Чѣмъ больше амплитуда колебаній кривой, тѣмъ менѣе пригодна и тѣмъ безсмысленнѣе средняя. 3) *Измѣняемость* выражаетъ собою напряженность, интенсивность или внезапность измѣненія колебаній кривой, или, попросту, относительную длину кривой. Эта длина кривой (при условіи нанесенія кривыхъ въ одномъ масштабѣ графической сѣтки аппарата), служитъ новой характеристикой для средней ариѳметической и показателемъ ея пригодности при сужденіи о дальнѣйшемъ движеніи кривой. Чѣмъ болѣе относительная длина кривой, тѣмъ болѣе возможно ожидать внезапныхъ измѣненій и тѣмъ менѣе можно полагаться на среднюю ариѳметическую. 4) *Средняя наибольшихъ*, или разница, опредѣляетъ среднюю верхней половины шкалы и представляетъ намъ указаніе на средній максимумъ изслѣдуемыхъ явленій. 5) *Прогрессивность* служитъ указателемъ направленія движенія кривой вверхъ или внизъ. Въ этомъ измѣрителѣ, элементы наблюдаемой серіи отражаются сообразно ихъ значенію въ пространствѣ или во времени. Онъ указываетъ насколько можно ожидать, что вѣроятное движеніе кривой будетъ болѣе или менѣе средней ариѳметической. Наконецъ, послѣдній измѣритель 6) *Общій выводъ* служитъ для совмѣщенія тѣхъ или другихъ изъ частныхъ измѣрителей, для провѣрки и характеристики общаго строя движенія кривой.

Описывать подробно *механизмъ* нашего аппарата мы не можемъ по недостатку мѣста, да это описаніе вполнѣ замѣняется прекрасно сдѣланной гравюрой (рис. 2). Все существо этого механизма основано на вѣсахъ. Каждому изъ измѣрителей отвѣчаютъ вѣсы съ коромысломъ, на одномъ изъ концовъ которыхъ находится, извѣстнаго вѣса и размѣра, „цѣпи элементовъ", поднимаемыя или опускаемыя, соотвѣтственно величинѣ ординатъ кривой,—а на другомъ концѣ—„цѣпи груза", уравновѣшивающія „цѣпи элементовъ". Степень подъема этихъ цѣпей груза опредѣляется стрѣлками на циферблатахъ измѣрителей. Для измѣрителя „измѣняемость", вмѣсто вѣсовъ, примѣнены пружинные барабаны, при посредствѣ которыхъ измѣряется относительная длина кривой, т. е. длина шнура. Наконецъ, на лицевой сторонѣ аппарата (рис. 1), имѣется еще вторая нижняя графическая скала, *„скала измѣреній"*, гдѣ отмѣчаются различныя измѣренія, получаемыя на циферблатахъ. На этой скалѣ измѣреній, кривая означается цвѣтными пластинками, выдвижными палочками, представляющими собою подобіе нашихъ, простонародныхъ, *бирокъ*, являющихся здѣсь ординатами кривыхъ. И такъ, слѣдовательно, механизмъ нашъ состоитъ изъ самыхъ обыкновенныхъ частей близко знакомыхъ нашему русскому народу,—цѣпи, бирки и вѣсы. Бирки, порѣзанныя соотвѣтственно величины наблюденій и разставленныя въ рядъ, представляютъ ординаты графической таблицы: цѣпи, такъ или иначе, поднимаясь, отражаютъ свой вѣсъ на вѣсахъ,—а вѣсы управляютъ показаніями стрѣлокъ на циферблатахъ измѣрителей.

Распространяться о великомъ или не великомъ *значеніи* нашего аппарата, мы не имѣемъ ни мѣста, ни охоты. Но чтобы побудить на эту тему высказаться нашихъ ученыхъ (съ такимъ единодушіемъ замалчивавшихъ нашъ аппаратъ въ теченіе долгихъ лѣтъ), упомянемъ, что онъ заслужилъ уже одобреніе многихъ иностранныхъ ученыхъ. Въ числѣ этихъ ученыхъ мы встрѣчаемъ имена такихъ знаменитостей, какъ напримѣръ: Бертранъ (Bertrand), Марей (Marey), Марсель Депре (M. Deprez), Эд. Люка (E. Lucas), Лоседа (Laussedat), Гаріель (Gariel), Шейсонъ (Cheysson), Тиссандье (Tissandier), Бертильонъ (I. Bertillon) и проч. и проч. Эти люди науки, полтора года, разсматривали и толковали о

Библиотека "Руниверс"

нашемъ аппаратѣ и на выставкахъ, и на конгрессахъ, и въ засѣданіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ, до Парижской Академіи Наукъ включительно. Въ Парижѣ, даже русскіе ученые заражаются французскимъ добродушіемъ. Такъ, напримѣръ, профессоръ Вырубовъ намъ пишетъ: „Я считаю вашъ аппаратъ весьма удобнымъ изслѣдователемъ кривыхъ, могущимъ дать важные результаты въ тѣхъ безчисленныхъ случаяхъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу, если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ, въ физическихъ наукахъ, гдѣ требуется болѣе или менѣе точное значеніе опытныхъ кривыхъ... Вы можете быть увѣрены, что въ тотъ день, когда вы дадите намъ въ руки удобный и точный приборъ,—вы окажете геометріи такую же услугу, какую логариѳмы оказали алгебрѣ, и вы будете имѣть право на признательность всѣхъ занимающихся наукою наблюденій."

Мы не хотимъ приводить выдержки изъ разныхъ печатныхъ и не печатныхъ мнѣній французскихъ ученыхъ. Мы не нуждаемся въ рекламѣ, не беремъ привилегій на нашъ аппаратъ и предоставляемъ его въ полное распоряженіе всѣхъ національностей. Но мы не можемъ не привести въ заключеніе послѣднихъ строкъ, послѣдняго (отъ 23 октября) письма обожаемаго нами, парижскаго ученаго, великаго и душою и умомъ, академика Марея: „Если настойчивость — пишетъ Марей,—превозмогаетъ все,—я увѣренъ, вамъ удастся довершить окончательно ваше изобрѣтеніе и никто не будетъ этому такъ радоваться, какъ вашъ искренній почитатель и душевно преданный вамъ Марей."

Но превозмогаетъ-ли все настойчивость? Удастся-ли довершить намъ наши труды?

В. Козловъ.

Генералъ-лейтенантъ К. В. Левицкій.

(Портр. на стр. 93).

24 ноября 1890 г. отданъ послѣдній долгъ праху честнаго и неутомимаго труженика, талантливаго офицера Генеральнаго штаба и выдающагося кавалерійскаго начальника,—генералъ-лейтенанта Казиміра Васильевича Левицкаго. За многотрудную жизнь Господь послалъ ему тихую и безболѣзненную кончину: смерть отъ разрыва сердца, очевидно мгновенная, застала его во снѣ.

Еще мальчикомъ онъ узналъ горе и горькую нужду. Съ самаго поступленія въ Полоцкій кадетскій корпусъ росъ онъ въ сознаніи, что на немъ одномъ сосредоточены всѣ упованія матери и сестеръ. Окончивъ блистательно курсъ въ Дворянскомъ полку, Левицкій былъ произведенъ въ 1853 г. въ прапорщики Л.-гв. Павловскаго полка, въ рядахъ котораго безупречно прослужилъ 4 года и пріобрѣлъ репутацію отличнаго товарища. Гвардейскому офицеру и теперь трудно безъ поддержки, а тогда было еще труднѣе: Левицкій умудрился не только прилично поддерживать себя, но съ прапорщичьяго чина помогалъ матери и сестрамъ. Въ свободное отъ службы время онъ давалъ уроки, о чемъ знали только его друзья, ибо по тогдашнимъ понятіямъ—уроки были несовмѣстны съ положеніемъ гвардейскаго офицера. Поступивъ въ 1857 г. въ академію Генеральнаго штаба, онъ окончилъ курсъ въ 1859 г. первымъ, съ малою серебряною медалью, записанъ на мраморную доску и назначенъ въ гвардейскій Генеральный штабъ. Трудно было обратить на себя особое вниманіе въ столь отборномъ корпусѣ офицеровъ, но Левицкій и тутъ выдался своими способностями и любовью къ службѣ, а главное — фанатическою преданностью долгу и нечеловѣческою неутомимостью. Въ 1860 г. онъ былъ приглашенъ адъюнктомъ тактики въ академію Генеральнаго штаба, а въ 1874 г. назначенъ профессоромъ. Въ продолженіе 16-ти лѣтъ онъ одновременно несъ службу Генеральнаго штаба при войскахъ гвардіи и читалъ лекціи тактики не только въ Академіи, но и во многихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Всѣ бывшіе его ученики знаютъ, что и въ дѣло преподаванія онъ влагалъ всю душу, а для практическихъ занятій былъ незамѣнимымъ руководителемъ. Въ 1867 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. По прирожденному свойству всецѣло отдаваться службѣ и съ увлеченіемъ исполнять свой долгъ, Левицкій въ теченіе 8 лѣтъ начальствованія штабомъ настолько изучилъ кавалерійское дѣло, что сами кавалеристы признали его своимъ, а первый изъ нихъ, Е. И. В. Вел. Кн. Николай Николаевичъ, рѣшилъ направить Левицкаго по кавалерійской дорогѣ. Въ 1874 году Левицкій, за блистательную службу въ Генеральномъ штабѣ, былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, а въ 1875 г. — командующимъ Л.-гв. Конно-Гренадерскимъ полкомъ. Смущенный этою неслыханною честью (первый примѣръ назначенія бывшаго пѣхотинца командиромъ кавалерійскаго полка, да еще гвардейскаго), онъ прямо высказалъ Князю сомнѣніе: удастся-ли справиться. Его Высочество ободрилъ Левицкаго выраженіемъ своей полной увѣренности въ его знаніяхъ и способностяхъ. И Левицкій дѣйствительно оправдалъ высокое и исключительное довѣріе, ему оказанное: командовалъ полкомъ хотя недолго, но съ отличіемъ и оставилъ по себѣ прекрасную память. Весною 1876 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, а съ образованіемъ дѣйствующей арміи, въ ноябрѣ того-же года, — помощникомъ начальника полеваго штаба арміи, уже въ чинѣ генералъ-маіора свиты Его Величества.

Съ этого времени для него началась полоса тяжелыхъ испытаній. Быстрое возвышеніе Левицкаго предрасположило большинство къ строгой критикѣ всѣхъ его дѣйствій, а въ ближайшей обстановкѣ — къ строжайшей оцѣнкѣ каждаго его слова. Покойный, будучи человѣкомъ прямымъ и безхитростнымъ, не сознавалъ трудности своего положенія: говорилъ все, что думалъ, не выбирая выраженій; увлекаясь службою до самозабвенія самъ, прямолинейно требовалъ такого же увлеченія и отъ всѣхъ. Къ тому же, какъ человѣкъ крайне нервный и впечатлительный, онъ почти никогда не давалъ „переночевать" своимъ идеямъ и словамъ: за впечатлѣніемъ слѣдовало слово, за словомъ—исполненіе. Но временамъ это придавало его дѣятельности отпечатокъ суетливости и приводило иногда къ промахамъ и недоразумѣніямъ, что, конечно, не увеличивало числа его друзей.

Пока все шло благополучно—наконецъ-то противъ К. В. Левицкаго личныя неудовольствія были изжиты лишь въ военной средѣ, и то лишь въ нѣкоторыхъ кружкахъ. Но когда начался періодъ военныхъ неудачъ (обусловленныхъ совокупностью очень многихъ причинъ) и встревоженное общественное мнѣніе потребовало имя виновника — со всѣхъ сторонъ послышались голоса: вотъ онъ! Въ минуты тяжелыхъ историческихъ испытаній, когда нужна искупительная жертва, нѣтъ мѣста спокойному обсужденію.

К. В. Левицкій зналъ, что его имя предается проклятію; сознавалъ, что отчасти онъ самъ подготовилъ себѣ эту участь своею рѣзкостью; испытывалъ страшныя душевныя муки, но съ христіанскимъ терпѣніемъ несъ свой тяжкій крестъ, продолжая работать столь же ревностно, какъ всегда. Но пережить такой ужасный годъ нельзя безслѣдно — его желѣзное здоровье пошатнулось, истерзанное сердце подъ конецъ камнаніи перестало работать нормально.

Когда была взята Плевна, въ Бозѣ почившій Государь, возвышенная душа котораго всегда была такъ преисполнена любви и такъ нѣжно-чутка къ страданіямъ, призналъ за благо ободрить и поддержать К. В. Левицкаго. Возложивъ, послѣ благодарственнаго молебна, награды на всѣхъ высшихъ виновниковъ побѣды, Государь отыскалъ глазами стушевавшагося въ свитѣ Левицкаго и лично вручилъ ему Георгіевскій крестъ. Взволнованный неожиданною Монаршею милостью, К. В. Левицкій прерывающимся голосомъ воскликнулъ: „Какъ, ваше величество, мнѣ? за что! я недостоинъ!" „*А ты забылъ*, отвѣтилъ Государь,—*какъ на совѣтѣ 1 сентября ты первый горячо доказывалъ, что мы не должны отступать отъ Плевны? А я этого не забылъ!*"

Ободренный Монаршею ласкою и вниманіемъ, Левицкій воспрянулъ духомъ и съ удвоеннымъ рвеніемъ несъ свои не легкія обязанности. Тѣмъ не менѣе, репутація его была настолько подорвана въ общественномъ мнѣніи, что покойный графъ Тотлебенъ, ѣдучи принимать командованіе арміей, не скрывалъ своего рѣшенія смѣнить Левицкаго. Но по прибытіи на мѣсто, честная и прямая душа севастопольскаго героя скоро почувствовала въ К. В. Левицкомъ родственную натуру. Графъ Тотлебенъ не только его не смѣнилъ, но высоко оцѣнилъ, демонстративно отличалъ и до конца жизни относился къ нему сочувственно и сердечно.

Выстоявъ на своемъ посту до конца (чуть-ли не одинъ изъ всего состава высшихъ чиновъ полеваго управленія), ликвидировавъ всѣ дѣла полеваго штаба, К. В. Левицкій возвратился въ Петербургъ только въ началѣ 1879 г. Великій Князь Николай Николаевичъ, крѣпко помнившій и высоко цѣнившій его самоотверженную службу, взялъ Левицкаго къ себѣ для порученій. Состоя при Великомъ Князѣ, онъ былъ его ближайшимъ сотрудникомъ по всѣмъ кавалерійскимъ вопросамъ. Въ 1885 году К. В. Левицкій былъ назначенъ начальникомъ 1-й кавалерійской дивизіи и за время своего трехлѣтняго командованія ею, былъ вполнѣ оцѣненъ какъ начальствомъ всѣхъ степеней, такъ и подчиненными. Послѣдніе встрѣтили его назначеніе съ затаеннымъ неудовольствіемъ, а проводили—съ самымъ искреннимъ и единодушнымъ сожалѣніемъ. К. В. Левицкій не поступался своею извѣстною требовательностью, но требовалъ всегда дѣла и только дѣла, отличался строжайшимъ безпристрастіемъ и подавалъ примѣръ самоотверженнаго исполненія всѣхъ служебныхъ обязанностей. Внѣ службы—оставался тѣмъ же простымъ, сердечнымъ, доступнымъ и участливымъ человѣкомъ, какимъ былъ всегда для тѣхъ, кто и прежде отдѣлялъ служебную несговорчивость оффиціальнаго Левицкаго отъ дѣтски-добродушнаго, довѣрчиваго, ко всѣмъ доброжелательнаго и крайне незлопамятнаго К. В. Левицкаго. Въ строю какъ-то скорѣе разгадываютъ и болѣе цѣнятъ сочетаніе этихъ качествъ.

Командуя дивизіей, Левицкій окончательно возстановилъ полный блескъ своей служебной репутаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ конецъ надорвалъ свои надломленныя силы. Онъ не жалѣлъ себя до тѣхъ поръ, пока доктора не объявили ему прямо, что онъ вгонитъ себя въ могилу. Тогда онъ рѣшилъ выйти въ отставку. Но Великій Князь Николай Николаевичъ и Воен-

Библиотека "Руниверс"

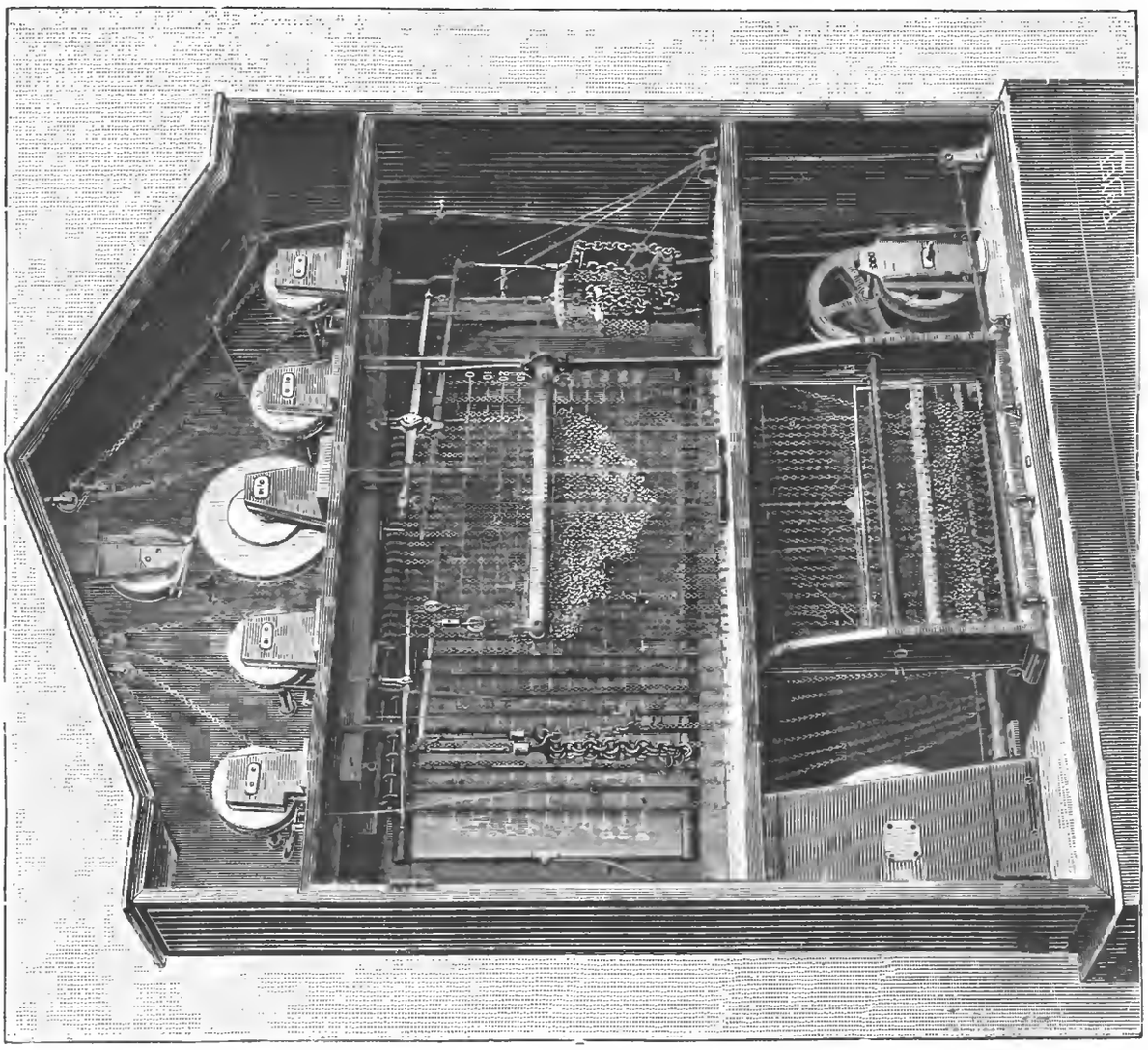


Рис. 2. Внутренній механизмъ діаграммометра.

ный министръ удержали его. Въ 1888 г. онъ былъ назначенъ на болѣе спокойную должность состоящаго для особыхъ порученій при Генералъ-инспекторѣ кавалеріи. Великій Князь берегъ Левицкаго, но зная, что для него перестать трудиться—значитъ перестать жить, поручилъ ему высшее наблюденіе за ходомъ занятій въ Офицерской Кавалерійской Школѣ. Левицкій, съ прирожденнымъ ему жаромъ и любовью отдался этому дѣлу, и имѣлъ утѣшеніе сознавать, что онъ и здѣсь вполнѣ оцѣненъ. Школа, которой какъ разъ передъ смертью онъ началъ производить инспекторскій смотръ, искренно оплакиваетъ его кончину.

Какъ семьянинъ, К. В. Левицкій былъ личностью исключи-

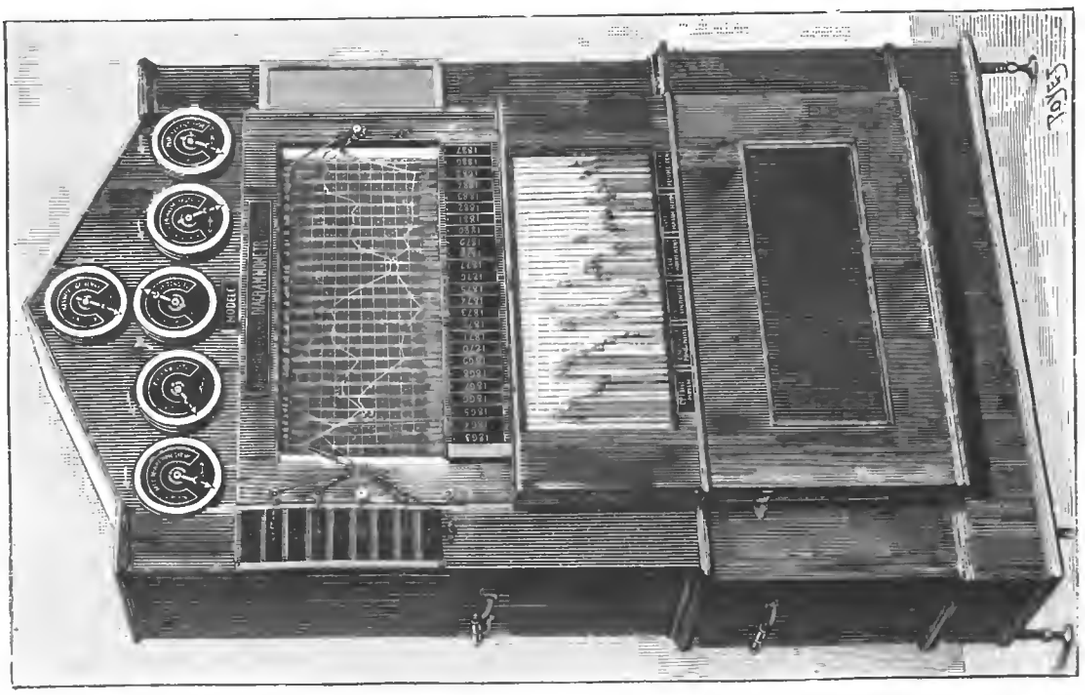


Рис. 1. Діаграммометръ полковника Козлова.

Библиотека "Руниверс"

тельною. Выроглн въ убѣжденіи, что онъ долженъ быть опорою своей семьи, онъ посвятилъ ей всю жизнь, остался ради ея холостымъ, и въ сознаніи исполненнаго долга искалъ и нашелъ свое личное счастье. **М. Г.**

Политическое обозрѣніе.

Его Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ благополучно прибылъ въ Калькутту. 12 января Царственный Гость посѣтилъ Лукно. Встрѣча была торжественная, войска стояли шпалерами отъ вокзала до правительственнаго зданія, хоръ музыки исполнилъ русскій народный гимнъ. Послѣ осмотра правительственнаго зданія Наслѣдникъ Цесаревичъ обѣдалъ съ офицерами 16-го уланскаго полка. Черезъ 2 дня Наслѣдникъ Цесаревичъ со свитою прибылъ въ Калькутту въ 4½ часа пополудни. На вокзалѣ желѣзной дороги Его Высочество былъ встрѣченъ вице-королемъ со штабомъ и бенгальскимъ губернаторомъ сэръ-Чарлзомъ Эллiотомъ тоже со штабомъ. Послѣ взаимныхъ представленій, всѣ высокія особы поѣхали въ правительственное зданіе, гдѣ для встрѣчи Наслѣдника Цесаревича собрались всѣ гражданскія и военныя власти. Какъ у вокзала, такъ и на улицахъ стояли несмѣтныя толпы народа. Вечеромъ было въ честь Цесаревича блестящее собраніе и пріемъ во дворцѣ вице-короля. Присутствовали многіе туземные князья и вельможи и всѣ англійскія высшія гражданскія и военныя власти. На другой день Наслѣдникъ Цесаревичъ и принцъ Георгъ посѣтили зоологическій садъ, потомъ поѣхали въ ботаническій садъ, гдѣ и завтракали. Вечеромъ состоялся садовый праздникъ и пріемъ въ Бельведерскомъ паркѣ. Отъѣздъ Его Высочества послѣдовалъ 16 января утромъ и по особому желанію имѣлъ строго частный характеръ.

Генералъ-лейтенантъ Казиміръ Васильевичъ Левицкій († 22 ноября 1890 г.).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Агентству Гаваса телеграфировали 9 января изъ Софіи, что германскій дипломатическій агентъ, на котораго возложено охраненіе интересовъ русскихъ подданныхъ въ Болгаріи, послалъ Грекову ноту по поводу произковъ нигилистовъ. Въ нотѣ изложено, что Болгарія начинаетъ становиться притономъ русскихъ нигилистовъ и политическихъ преступниковъ, которые не только находятъ здѣсь радушный пріемъ, но даже получаютъ правительственныя должности. По словамъ *Neue Freie Presse*, вѣнскій кабинетъ также участвовалъ въ заявленіи германскаго консула какъ въ международной мѣрѣ противъ опасныхъ личностей. При заявленіи былъ представленъ списокъ 15 лицъ. Несмотря на то, болгарскіе воротилы сперва было хотѣли совсѣмъ не отвѣчать на представленія германскаго консула, но затѣмъ сочли за благоразумное дать отвѣтъ, что софійское правительство сочтетъ долгомъ принять соотвѣтственныя мѣры, если слѣдствіемъ будетъ доказана виновность указанныхъ лицъ.

Вслѣдъ затѣмъ полетѣли корреспонденціи изъ Болгаріи въ австрійскія газеты. Въ *Politische Correspondenz* сообщаютъ изъ Софіи, что болгарское правительство тотчасъ уволитъ тѣхъ состоящихъ на государственной службѣ иностранныхъ подданныхъ, относительно которыхъ можно допустить хотя-бы возможность справедливости взводимыхъ на нихъ обвиненій, относительно-же болгарскихъ подданныхъ необходимы доказательства. Если дѣйствительно нигилисты приняты были на государственную службу, то это произошло не преднамѣренно. Въ *Fremdenblatt* пишутъ, что софійское правительство относится къ послѣдней нотѣ германскаго дипломатическаго агента безъ всякаго недоброжелательства и намѣрено выслать изъ Болгаріи подозрительныхъ лицъ. „Въ виду этого, прибавляетъ газета, непонятно, на чемъ основаны нелѣпыя заявленія филиппопольской *Балканской Зари*, перепечатанныя ради куреза, въ *Fremdenblatt* и утверждающія, будто въ Болгаріи нѣтъ нигилистовъ, а есть лишь нѣсколько студентовъ либеральнаго образа мыслей. А *Neue Freie Presse* вычитала даже сколько въ Болгаріи русскихъ. По ея словамъ, въ настоящее время въ Болгаріи имѣетъ постоянное мѣстожительство всего 200 русскихъ. Большая часть ихъ живетъ въ Софіи, Рущукѣ и Силистріи. Русскіе отчасти состоятъ на военной службѣ, отчасти служатъ въ обширныхъ управленіяхъ или же занимаются торговыми дѣлами. Если вѣрить корреспонденту, 170 изъ нихъ приняли болгарское подданство.

Изъ Вѣны получено неожиданное извѣстіе о распущеніи рейхерата. Новые выборы состоятся въ первыхъ числахъ мая. Здѣшнія газеты ожидаютъ, что графъ Таафе воспользуется нѣмецко-либеральною партіей для образованія будущаго большинства и нѣкоторыхъ ея предводителей привлечетъ въ составъ министерства. Въ славянскихъ кружкахъ постановлено лозунгомъ: сохранить министерство Таафе и оттѣснить нѣмецко-либеральную партію.

Въ Южной Америкѣ снова непокойно. Въ Чили возстаніе съ каждымъ днемъ все разрастается, а въ Бразиліи не могутъ справиться съ конституціей. Изъ Ріо-Жанейро телеграфируютъ: „Учредительное собраніе приняло въ первомъ чтеніи проектъ конституціи съ нѣкоторыми измѣненіями, а затѣмъ постановило выразить порицаніе извѣстнымъ дѣйствіямъ временнаго правительства. Вслѣдствіе этого кабинетъ въ полномъ составѣ подалъ въ отставку и новое министерство сформировалось подъ предсѣдательствомъ Учоа“.

Смѣсь.

Сербскій король Александръ, которому въ настоящее время 14 лѣтъ, по словамъ *Пештскаго Лойда*, быстро развивается какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніяхъ. Главная цѣль его воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы дать ему преимущественно военное образованіе. Его гувернеръ, полковникъ, присутствуетъ при всѣхъ военныхъ упражненіяхъ, производимыхъ какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Въ настоящее время молодой король уже можетъ командовать полкомъ. Въ часы досуга король Александръ ѣздитъ въ замокъ Топчидеръ и нерѣдко встрѣчается съ матерью, которая, правя сама лошадьми, возвращается изъ парка замка. Король Александръ отдаетъ тогда честь — онъ носитъ полковничью форму своего пѣхотнаго полка — и королева привѣтствуетъ его. Въ этомъ заключаются всѣ сношенія между матерью и сыномъ. Миланъ, во время своего послѣдняго пребыванія въ Бѣлградѣ, часто ѣздилъ вмѣстѣ съ сыномъ на эти прогулки. При встрѣчѣ съ ними, королева отвертывалась, Миланъ также смотрѣлъ въ сторону и молодой король казался огорченнымъ такими сценами. Король Александръ очень часто пишетъ отцу письма, частью на французскомъ, частью на сербскомъ языкахъ, которыя мѣстами уже содержатъ и политическіе намеки. Королева Наталія принимаетъ нерѣдко въ своихъ гостиныхъ сторонниковъ разныхъ партій и поддерживаетъ сношенія съ знатными дамами Бѣлграда. Она иногда посѣщаетъ театръ и

Библиотека "Руниверс"

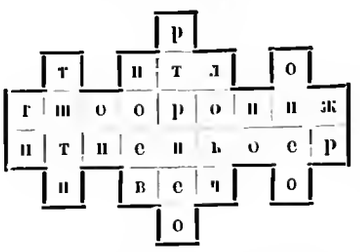
только въ случаѣ отсутствія короля занимаетъ мѣсто въ придворной ложѣ. Оффиціально на королеву смотрятъ какъ на частное лицо и при ея проѣздѣ военные не отдаютъ ей чести. (к.)

Какъ отражается въ газетахъ драматическій ходъ историческихъ событій, хотя-бы самый скорый, показываетъ французскіе листки 1815 года. Когда Наполеонъ въ маѣ этого года бѣжалъ съ Эльбы, то въ теченіе десяти дней вотъ что читалось во французской печати: 1) Людоѣдъ вырвался изъ пещеры; 2) Кровожадный корсиканскій песъ только что высадился у мыса Жуанъ; 3) Тигръ прибылъ въ Ганъ; 4) Пенстовый почевалъ въ Гренобль; 5) Тиранъ проѣхалъ черезъ Ліонъ; 6) Узурпатора видѣли въ 30 миляхъ отъ столицы; 7) Бонапарте идетъ форсированнымъ маршемъ, но никогда не вступитъ въ Парижъ; 8) Наполеонъ завтра будетъ подъ стѣнами нашего города; 9) Императоръ прибылъ въ Фонтенбло; 10) Его императорское и королевское величество изволилъ вчера вступить въ свой тюилерійскій дворецъ, окруженный своими вѣрноподданными.

Обитатели сыра. Микроскопическія изслѣдованія, произведенныя недавно Adametz'омъ надъ микроорганизмами, находящимися въ сырѣ Emmenthal (нѣжный сортъ Gruyere'скаго сыра), обнаружили слѣдующіе результаты. Въ каждомъ граммѣ свѣжаго сорта этого сыра находится отъ 90,000 до 140,000 микробовъ. Это количество возрастаетъ со временемъ. Такъ, черезъ 71 день мы найдемъ въ граммѣ этого сыра уже 800,000 бактерій. Болѣе плотный сыръ этого сорта на 25-й день дастъ при изслѣдованіи 1.200,000 бактерій въ одномъ граммѣ, а на 45-й день—2.000,000 микробовъ. Далѣе, населеніе сыра не во всѣхъ мѣстахъ его одинаково распредѣлено. Въ центрѣ сыра населеніе это менѣе густо, чѣмъ въ периферическихъ частяхъ его. Количество обитателей нѣжнаго сыра, въ болѣе или менѣе близкихъ къ периферіи слояхъ, колеблется отъ 3.600,000 до 5.600,000 микробовъ. Согласно среднимъ вычисленіямъ, въ 360 граммахъ этого сыра находится столько же живыхъ организмовъ, сколько людей на земномъ шарѣ. (к.)

Географическая задача № 8.

Найти по атласу городъ или рѣку отмѣченные ?, выкинуть тѣ буквы, которыя придутся на мѣстѣ запятыхъ. Изъ полученныхъ буквъ слѣдуетъ составить посредствомъ хода коня русскую пословицу.



Задача № 9.

Н. В. П.

Данную фигуру требуется раздѣлить прямыми линіями на шесть частей и сложить изъ нихъ прямоугольникъ, но такъ, чтобы можно было посредствомъ хода коня прочесть пословицу.

ШАХМАТЫ

подъ редакціей **Э. С. Шифферса.**

ПАРТІЯ № 3.

Дебютъ ферзевой пѣшки.

6-я партія матча. Играна 8 (20) декабря 1890 г.

	И. Гунсбергъ. Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.		И. Гунсбергъ. Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.
1.	d2—d4	d7—d5	23.	Л. d1 : d5	С. e5—b8
2.	c2—c3	c7—c6	24.	a2—a4	a7—a6[8])
3.	С. f1—d3[1])	c7—c5![2])	25.	a4—a5	h7—h6
4.	b2—b3	К. b8—c6	26.	Л. d5—d4[9])	Ф. c6—b7
5.	К. g1—f3	К. g8—f6	27.	К. f3—e1?[10])	С. b8—e5
6.	0—0	С. c8—d7[3])	28.	Л. d4—d2	С. e5—c7
7.	С. c1—b2	Л. a8—c8	29.	Л. d2—c2	Л. e7—e5
8.	c2—c3[4])	С. f8—d6	30.	f2—f3[11])	Л. e5 : c3
9.	К. b1—d2	c6—c5!	31.	Л. c2 : c3	Л. c8 : c3
10.	d4 : c5	К. c6 : c5	32.	С. b2—c1	Л. c3—c5
11.	К. f3 : c5	С. d6 : c5	33.	Ф. h4—f2	Ф. b7—c6
12.	К. d2—f3	С. e5—b8	34.	С. c1—e3	Л. c5—c8
13.	h2—h3	c5—c4	35.	Ф. f2—d2	Ф. c6—e6
14.	С. d3—c2	0—0	36.	С. e3—d4	К. f6—h5
15.	Ф. d1—d4	Л. f8—c8	37.	С. d4—f2	С. d7—c6
16.	Л. a1—d1	b7—b5	38.	С. c2—b1	Ф. e6—e5
17.	b3—b4	Ф. d8—c7	39.	К. e1—c2[12])	С. c6 : f3!
18.	Л. f1—e1[5])	Л. c8—e7	40.	g2 : f3	Ф. e5—h2
19.	Кр. g1—f1[6])	Л. e8—e8	41.	Ф. d2—d7	Ф. h2—h1+
20.	Ф. d4—h4	Ф. c7—d6	42.	С. f2—g1	К. h5—g3+
21.	Л. d1—d4	Ф. d6—c6	43.	Кр. f1—f2	Л. c8—c2+
22.	Л. e1—d1	С. b8—e5[7])			

Примѣчанія къ партіи.

1) Здѣсь обыкновенно играютъ c2—c4 или К. g1—f3.

2) Теперь послѣ c2—c4, d5 : c4; С. d3 : c4, бѣлые теряютъ темпъ; въ подобныхъ положеніяхъ, когда бѣлый слонъ уже ходилъ, черным выгодно играть c7—c5, ибо С. b5+ есть потеря темпа.

3) Этотъ ходъ намъ больше нравится, чѣмъ обыкновенное продолженіе b7—b6 въ связи съ С. b7.

4) Слонъ достаточно плохо стоялъ и безъ этого хода.

5) Немного лучше 18. Ф d4—h4.

6) Ходъ не совсѣмъ понятный Стейницъ считаетъ 19. Л. d2 и затѣмъ Сл. d1 лучше, но и тогда у бѣлыхъ плохая партія, черным же открывается доступъ коню на e4.

7) Корреспондентъ *Daily News* называетъ этотъ ходъ зѣвкомъ (oversight). Если обратить вниманіе на то, что бѣлый слонъ черныхъ рѣшаетъ партію благодаря открытой діагонали, то является мысль, не ловушка-ли этотъ мнимый зѣвокъ. Очевидно, что послѣ 23. ... К. : d5 послѣдуетъ матъ въ 2 хода.

8) Брать пѣшку a4 нельзя по причинѣ 25. b4—b5 и 26. С. a3.

9) Лучше уже прямо Л. d2.

10) Этотъ ходъ, послѣ котораго былъ перерывъ игры. Гунсбергъ обдумывалъ 35 минутъ (!), раньше чѣмъ его записалъ; parturiunt montes...

11) Вынужденная жертва: черные угрожали Л. h5 и т. д.

12) Ходъ ускоряющій развязку.

Стейницъ, основатель „новой школы", всю эту партію отъ начала до конца игралъ мастерски въ стилѣ „старой школы". Мы постараемся вскорѣ поговорить съ читателями о томъ, что такое новая и старая школы въ шахматной игрѣ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" проситъ Г.г. подписчиковъ, при высылкѣ дополнительныхъ денегъ за „Ниву" 1891 г., прилагать печатные адресы отъ бандеролей.

СОДЕРЖАНІЕ: **Мальтійская цѣпь.** Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.** Ч. I. (Продолженіе).—**Докторъ Бумъ-Бумъ.** Переводъ съ французскаго.—**Жилище охотниковъ за мамонтами близъ Предмостья въ Моравіи.**—**Два письма Ѳ. М. Достоевскаго.**—Къ рисункамъ: **Голубь Св. Марка** (съ рис.).—**Концертъ** (съ рис.).—**Покинутая** (съ рис.).—**Дѣдушка-домовой** (съ рис.).—**Сиконъ** (съ рис.).—**Зимородокъ-великанъ (Paralcyon gigas)** (съ рис.).—**Въ зажорѣ** (съ рис.).—**Цифрарь (діаграммометръ) В. С. Козлова** (съ 2 рис.).—**Генер.-лейтенантъ К. В. Левицкій** (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Задачи.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Библиотека "Руниверс"

ВЫБОРЪ изящныхъ **ШЕЛКОВЫХЪ ТКАНЕЙ, БАРХАТА и ПЛЮША** въ розничномъ магазинѣ **Бр. С. Г. ШЕЛАЕВЫХЪ въ Москвѣ.** *Пассажъ Солодовникова,* **№№ 65, 66.**

Имѣются спеціально къ вѣнцу изящныя розовыя шелковыя подножки, цѣна 2 руб.

НОВОСТЬ МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО! Замѣняетъ спички и карманный фонарь. Изящно! Практично! Безопасно! Дешево!

Служитъ карманной спичечницей, даетъ яркій свѣтъ по цѣлымъ часамъ.

Сдѣлано изящно изъ никкеля. Только 1¼ вер. вышины — удобно носить въ карманѣ.

Огниво съ 500 зарядами 2 руб. } Пер. 1 ф.
Запасъ въ 1000 зарядовъ 50 коп. }

Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20.

ЛЕНИНИГСЪ и ГЮЗИНГЪ имѣютъ честь сообщить, что они достиглиютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1891 г. НА РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

7-й годъ изданія.

Москва, Мал. Дмитровка, д. № 12.

Еженедѣльное изданіе.

◆ Въ каждомъ № помѣщаются: сонеты, рецепты и указанія, понятныя описанія новостей по всѣмъ ремесламъ и некрупнымъ техническимъ производствамъ со множествомъ рисунковъ и рабочихъ чертежей разныхъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастерскихъ и хозяйства.

◆ Къ 50-ти №№ прилагается 100 листовъ рисунковъ образцовыхъ издѣлій для столяровъ, обойщиковъ, слесарей, кузнецовъ, сапожниковъ, портныхъ (моды Русскія и др.) и пр. **Кромѣ того:** календарь для ремесленниковъ и цѣлая серія отдѣльныхъ книгъ по разнымъ ремесламъ.

Необходимое изданіе для техника, ремесленника, кустаря, сельскаго хозяина, любителя ремеслъ, для школъ и во всякой семьѣ.

◆ Въ 1891 г. объемъ изданія увеличенъ будетъ въ **полтора раза.**—Подписная цѣна останется прежняя. № 4957

6 руб. въ годъ съ перес. и дост. за ½ года 4 руб.

„РЕМ. ГАЗ." одобрена Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.

САРПИНКА.

Ткань изъ высшихъ сортовъ бумажной пряжи — сходство зефира и бритиста.

Собственное ручное ткачество.

Крѣпкія краски.

Розничная продажа.

Большой разнообразный выборъ рисунковъ, составленныхъ, какъ новость, на лѣто 1891 г.

Альбомъ высылается по полученіи 40 коп. почтовыми марками, присланными заказнымъ письмомъ.

АДРЕСЪ:

Саратовъ, Торговому Дому БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ.

№ 4821 5—5

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ЛЮБИТЕЛЕЙ ВЫПИЛКИ ПО ДЕРЕВУ.

Поступилъ въ продажу только что изданный конторою журнала „Нива" **НОВЫЙ** (по счету **ТРЕТІЙ**)

„АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛКИ ПО ДЕРЕВУ",

состоящій изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ **множество превосходно выполненныхъ рисунковъ**, разнообразнѣйшихъ по величинѣ и стилю всевозможныхъ предметовъ, и около 100 русскихъ, славянскихъ и французскихъ **буквъ-монограммъ.** Въ альбомъ вошли исключительно **НОВЫЕ, НИГДѢ ЕЩЕ НЕ ПЕЧАТАВШІЕСЯ РИСУНКИ** художника

В. Н. КЛАГЕСА.

Онъ же составилъ и помѣщенный въ альбомѣ **объяснительный текстъ** къ рисункамъ, служащій, вмѣстѣ съ тѣмъ, **общепонятнымъ руководствомъ при выпиливаніи, что особенно важно для начинающихъ.**

Цѣна альбома въ изящной литографиров. обложкѣ **1 р. 25 к.**, а съ пересылкою иногородныхъ **1 р. 60 к.**

Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ контору журн. „Нива", Невскій, 6.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

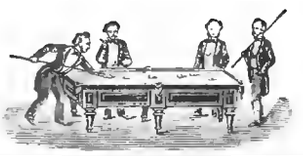
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (95)

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Фаяръ и Блэнъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность заставила подражать много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Блэнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. Ц. № 4969 11—1



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египетскаго мостика, домъ № 7—2. № 4961 26—1

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

Съ 1-го января 1891 г. въ Иркутскѣ выходитъ еженедѣльная газета подъ редакціей

Н. М. Ядринцева и В. А. Ошуркова

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

Цѣна газеты за годъ 8 руб., за полгода 5 руб. Адресъ: Иркутскъ, редакція „Восточнаго Обозрѣнія". Мт. № 4960

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. **Способъ приготовленія.** При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно нещестки, не оказывающія дурного вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цѣна: флакону 1 р. 65 к., **березовое мыло** 35 к. и 50 к. кусокъ, **опо-помада** (лучша кольдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.

Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на примѣчательную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента Главный складъ для всей Россіи у **В. Аурика**, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19—5

на 1891 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1891 г.

Ш. № 4964 на ежедневную большую и дешевую газету 3—1

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ".

Цѣна: годъ—**5** руб.; ½ года—**3** руб.; 1 мѣс.—**60** коп.

Подробности см. №№ **47, 48, 49** жур. „Нива" за 1890 годъ.

НОВОСТЬ! ПІАНО-МЕЛОДИКО

новѣйшій и лучшій механическій инструментъ со струнами.

Цѣна 80 рублей. Ц. № 4733 (9)

Ноты отдѣльно по 70 коп. за 1 метръ (= 1½ арш.).
Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

механическій инструментъ съ голосами. Цѣна 70 руб. съ 10-ю пьесами.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешниковъ переулка.

Иллюстрированн. прейсъ-курантъ всѣмъ музыкальнымъ инструментамъ безплатно.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

ТРЕТЬЕ ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

„РУССКІЙ МЕЦЦОФАНТИ".

Руководство научиться говорить въ 2—3 недѣли на языкахъ **французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ и испанскомъ,** составленное **А. В. Старчевскимъ.**

Цѣна 1 р. 50 к.

Складъ изданія въ книжн. магаз. **Н. Фену и К°., Невскій, д. 42.**

ДЕПО ЧАСОВЪ

поставщ. Двора Его Импер. Величества 12—1

Москва, Мясницкая, д. 13.

В. ФРЕЙМУТЪ.

Собственной фабрики золот., сер. карм. часы. Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

САМОУЧИТЕЛИ И НОТЫ

для всѣхъ инструментовъ. 10—4

Народная школа д. гармоніи 7 кл., ц. 75 к. Самоучит. д. гармоніи 8 кн. и 10 кл. по 1 р. Школа д. 2-рядн. гарм. въ 17, 19 и 21 кл., ц. 1 р. Школа для 3-хъ-рядн. гармоніи, ц. 75 к. Самоучитель для скрипки, ц. 1 р. 50 к. Любавинъ, Самоучитель д. гитары, I, ц. 1 р. и для всѣхъ прочихъ инструментовъ. **у КУЛИКОВА, Москва, Маросѣйка.**

Въ книжн. магаз. **С.-Петербурга** и **Москвы** и у издателя Ю. М. Зубова въ гор. **Кадниковѣ**, Вологодской губ. продается соч. **Ивана Волгина**

„НА ЮГЪ!!"

Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Bauschule Strelitz I. M.

Eintritt jeden Tag.
Auch erprobte Vor- u. Weiterbildung durch
Brieflichen Unterricht.
Kostenlose Auskunft durch Direktor
Hittenkofer.

R. 4898 6—4

Оптовая продажа! 7 разъ удостоены первыхъ наградъ. ВЫВОЗЪ!

ЦИТРЫ

отличной работы, хорошаго качества и сильнаго тона отъ 16—22—28—38—300 мнр. Школы **Гретера** для самообученія 1 ч. 5 м., II ч. высш. школа 7 м.

Скрипки и всѣ струнные инструменты. Прейсъ-куранты безплатно.

Ц. № 4825 **БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ,** 4—3

Фабрики инструментовъ, Крейцнахъ

В. № 4731 24—9

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюм. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19.

Библиотека "Руниверс"

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ.

Играетъ посредствомъ металлическихъ нотныхъ листовъ всевозможныя пьесы русскія, салонныя, оперныя, и всѣ танцы. Имѣетъ механизмъ для игры Forte, Piano и Tremolando. Пьесы разнаго размѣра.

Цѣна феникса-органа съ 10-ю пьесами 32 руб. Добавочныя пьесы, безъ различія какого размѣра, по 60 коп. Списокъ пьесъ для феникса-органа, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо № 4966
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

МОЛОТИЛЬНАЯ МАШИНА.

Кто желаетъ купить дешево, прямо съ фабрики, превосходную, въ Россіи извѣстную, надежную молотилку, пусть закажетъ себѣ

НОВУЮ МОЛОТИЛЬНУЮ МАШИНУ ВЕЙЛЯ Р. № 4962

и о высылкѣ рисунка и описанія напишетъ на русскомъ языкѣ **Морицу Вейль** младш. въ Франкфуртѣ и М., Германія.

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО

ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННАГО ОБУЧЕНІЯ. ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩЕЕ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. въ 10 УРОКОВЪ

ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВЛ. на КРАСИВОЕ БЫСТРОЕ КОНТОРСК. ПИСЬМО

ОСНОВАТЕЛЬН. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ

БУХГАЛТЕРІИ

Москва, Покровка, домъ Бутиковой.
А. С. Шильманскій.

ИНОГОРОДНИМЪ ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНО ПИСЬМЕННО. № 4926 5—5

НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

ССУДЫ подъ всѣ % бумаги.

ВЫИГРЫШН. ЗАЙМЫ

посредствомъ залога. Задатокъ **15** и **20** р. Ежемѣсячно **10** и **5** р. Въ опроверженіе слуховъ симъ объявляется, что никакого запрещенія продажи выигрышныхъ займовъ съ разсрочкою платежа со стороны Правительства не было сдѣлано и такіе слухи, какъ распространяемые лицами, заинтересованными лишь въ пониженіи цѣнъ, не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

СПБ., Невскій, 59—57, собств. домъ. № 4958 (1)

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни. Вс. Соловьева. II. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Поступилъ въ продажу въ Конторѣ журнала „НИВА" (СПБ., Невскій, 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ" за 1890 г.

заключающій въ себѣ болѣе 1300 стран. разнообразнѣйшаго текста и около 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **А. Н. Майова: „Маркъ Петровичъ Петровъ"**, больш. историч. романъ въ 2-хъ ч. **Гр. Е. А. Саліаса: „Панъ круль"**, больш. романъ въ 5 ч. **Вас. И. Немировича-Данченко: „Жизнь какъ она есть"**, больш. ром. **І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго): „Кладъ"**, больш. историч. повѣсть **А. А. Смирнова: „Склирена"**, историч. пов. **Г. Эберса: „Іисусъ"** (иллюстрир. худ. Земцовымъ), повѣсть **М. Н. Волконскаго: „Судьба"**, разск. **А. Я. Максимова: „Попъ Симеонъ"**, повѣсть **Н. Морскаго (Н. К. Лебедева): „Мошичка"**, повѣсть **В. Бибикова: „Первая гроза"**, очеркъ **Евг. Мариова: „Говѣніе"**, разск. **Ѳ. Ѳ. Тютчева: „Артемій Сватьевъ"**, и много другихъ **повѣстей и разсказовъ.** Стихотворенія **Я. П. Полонскаго, А. Фета, П. И. Вейнберга, І. І. Ясинскаго** и др. Нѣсколько научно-популярныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія и пр. Кромѣ того, къ тому прилагаются **три безплатныхъ преміи**, а именно: **двѣ большія картины**, печатанныя красками по оригиналамъ профессора **И. И. Шишкина:**

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ", 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ" и 3) „СБОРНИКЪ ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ"

извѣстныхъ современныхъ писателей. Большой томъ in 8°, въ 541 стр.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми приложеніями:

Брошюрован. . . . . **4** р. Въ коленк. перепл. **5** р. **50** к.
Съ перес. иногородн. до 2000 верстъ . . . **6** р. Съ перес. иногор. до 2000 верстъ . **7** р. **50** к.

Свыше 2000 верстъ за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ" изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1890 и 1891 гг., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 60 коп.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНІЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА:

СОЧИНЕНІЯ Н. В. ШЕЛГУНОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

Съ портретомъ автора и вступительной статьей **Н. И. Михайловскаго.**

СОДЕРЖАНІЕ. *Статьи историческія:* Европейскій западъ. — Убыточность незнанія.—Провидѣніе и будущее европейской цивилизаціи.—Три народности.—Американскіе патріоты.—Цивилизація Катая.—Россія до Петра Великаго.—Новый отвѣтъ на старый вопросъ.— Государственный классицизмъ. — Народный романизмъ (чувство свободы).—Попытки русскаго сознанія.—Фатализмъ историческаго прогресса. *Статьи общественно-педагогическія:* Письма о воспитаніи. *Статьи социально-экономическія:* Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и во Франціи.—Государственное хозяйство.—Женское бездѣлье.—Соціально-экономическій фатализмъ.— *Статьи критическія:* Талантливая безталантность.—Философія застоя. Историческая сила критической личности.—По поводу одной книги.—Право и свобода. Геній молодой Германіи. — Первый нѣмецкій публицистъ.—Нѣмцы мысли и нѣмцы дѣла. *Статьи публицистическія:* На коммерческомъ основаніи.—Безсознательный піонеръ прогресса.—Колонизаціонное движеніе и новые центры.—Петербургъ и его „новые" люди.—Свѣтлыя и мрачныя явленія. — Борьба ли новѣйшій недетъ насъ впередъ.—Зачатки общественнаго доброжелательства. *Воспоминанія:* Изъ прошлаго и настоящаго.—Переходные характеры. Около 1500 страницъ. Мт. № 4959

Цѣна за оба тома — 3 руб. Въ коленкор., съ золот. тисненіемъ переплетъ — 4 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА

1891 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства подъ редакціею **В. Н. Кутузова**

(СПБ., Лѣсной Институтъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолитографіями и разными рисунками въ текстѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива" (СПБ., Невскій просп., № 6) и у казначея Общества Э. И. Эндеръ (СПБ., Импер. Ботаническій Садъ). Цѣна за годъ 8 рублей; за полгода 4 руб. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы".

Въ московскомъ центральномъ книжномъ магазинѣ

Ф. А. ІОГАНСОНА (въ Кіевѣ)

поступило въ продажу 2-е изданіе

7.500 СЛОВЪ.

Словарь иностранныхъ словъ наиболѣе употребительныхъ въ русскомъ языкѣ.

составленъ подъ редакціей **М. Зв—скаго.**

К. 1890 г., ц. **35** к., съ пересыл. **45** к.

Первое изданіе въ количествѣ 5,000 экз. было распродано въ теченіи 6 мѣсяцевъ. № 4956

Вышелъ изъ печати новый каталогъ книгъ, продающихся по уменьшенной цѣнѣ отъ 30% до 80% уступка, по требованію гг. иногородныхъ каталоги высылаются безплатно.

ПРОШУ ЧИТАТЬ!

Парфюмерный магазинъ **Г. Пюпа** въ Пассажѣ № 52, въ СПБ. высылаетъ **Элеопатъ провизора КИНУНЕНА** 2 флакона за 4 р.с. наложеннымъ платежомъ во всѣ города Россіи. И также изобрѣтенія всѣхъ парфюмеровъ.

Г. ДАВИДЪ

Владимірскій пр., д. № 13, кв. 5, покупаетъ по высокой цѣнѣ, росписные и рѣдкіе предметы отъ XVI, XVII и XVIII столѣтій. № 4904 4—4

ДЛЯ ВОЛОСЪ

БАЛЬЗАМЪ **ЭЙКАЛИПТИ**

косметика **А. ЭНГЛУНДЪ.**

Освѣжаетъ головную кожу. Ц. флакона 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., 2 флакона съ перес. 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррайнъ, В. Базбардисъ, Р. Келлеръ и Комп., О Гатлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. (4) Ц. № 4478

1865 1882 1846

А. РАЛЛЕ и К°

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ НАСТОЯЩАГО-ЦВѢТОЧНО-ГЛИЦЕРИНОВАГО-МЫЛА

въ С.ПЕТЕРБУРГѢ — МАГАЗИНЪ Невскій 18. СКЛАДЪ Черныш. переулокъ №19.

въ МОСКВѢ — МАГАЗИНЪ Кузнецкій м. д. Солодовникова. СКЛАДЪ Чижов. Подвор. (Никольская)

И во всѣхъ лучшихъ магазинахъ Россійской Имперіи

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ Б. Морская, 21.

Дозвол. цензур., СПБ., 23 января 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | г. XXII

№ 5 | 1891

ВЫХОД. ЕЖЕНЕД. №№ ВЪ 3 ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢС ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖСК. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. Выданъ 2 февраля 1891 г. ВЫКР (отъ 22 до 30 рис.) разн рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № „Нивы" безъ Сборника 20 к., съ перес. 25 к., со Сборникомъ 85 к.

Открыта подписка на „НИВУ" 1891 г.

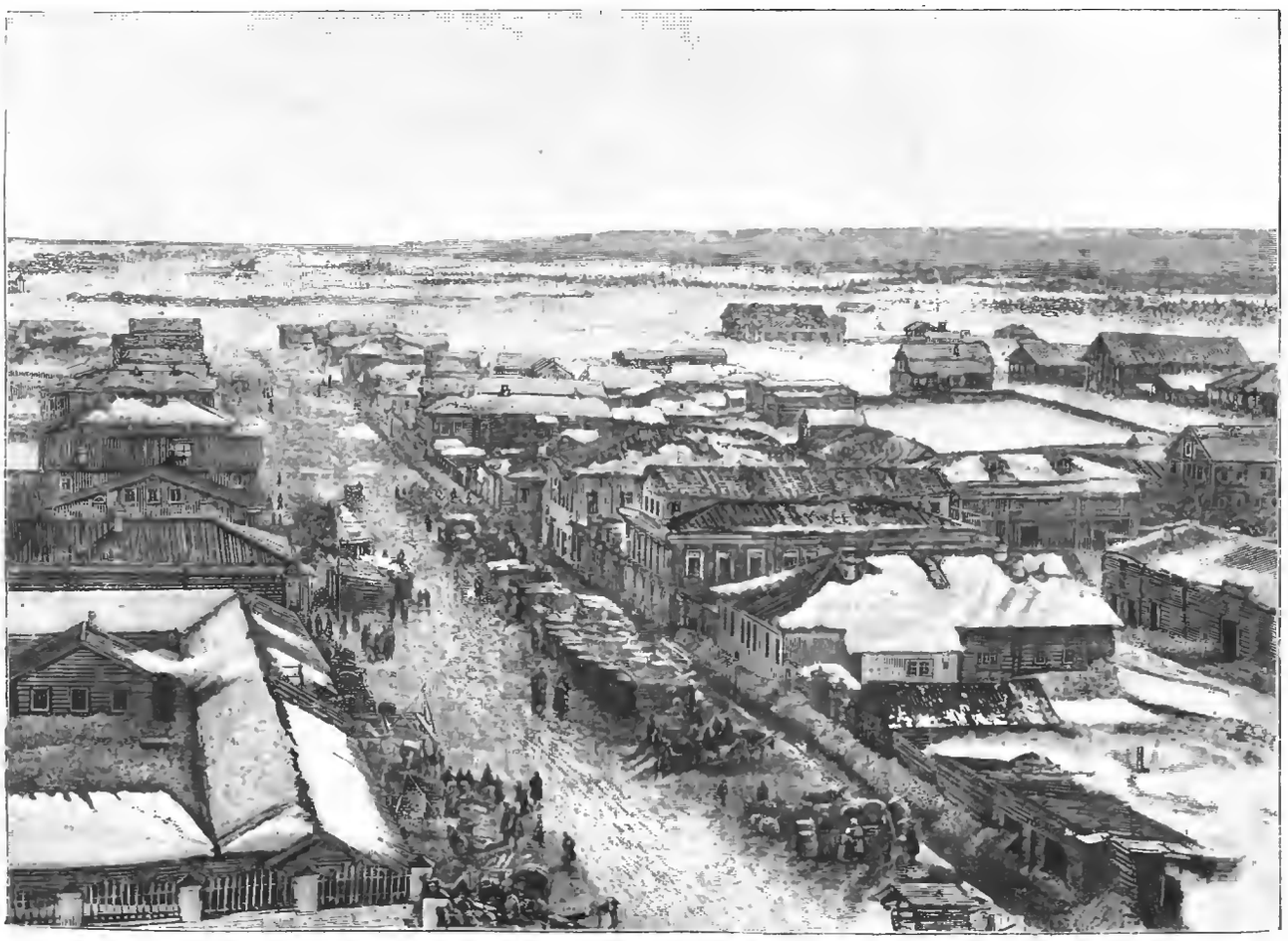
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . 5 р. | Съ доставкою въ Петербургѣ 6 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія 6 р. | Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . 7 р. | За границу. 10 р.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ" ЗА ФЕВРАЛЬ, 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ФЕВРАЛЬ съ 26 рисунк. и отд. лист. съ 31 черт. выкр. въ натур. велич. и 36 рис. выпильн. работъ.



Пинега, уѣздный городъ Архангельской губ. Съ фот. Лейцингера, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XIX.

Литта стоялъ на высокомъ ютѣ своего корвета, опираясь о бортъ, и смотрѣлъ не спуская глазъ на бѣлѣющій амфитеатръ Неаполя, постепенно убѣгавшій въ даль...

Сегодня утромъ, когда онъ подошелъ на шлюпкѣ къ берегу—у пристани ждалъ его конюхъ Дмитрій, котораго онъ вылѣчилъ и теперь узналъ сразу.

Дмитрій дѣлалъ ему знаки рукой, и когда Литта подошелъ къ нему, онъ незамѣтно сунулъ ему въ руку письмо, а затѣмъ, снявъ шапку и не сказавъ ни слова, пустился отъ него всторону.

Литта тутъ-же на набережной распечаталъ письмо, думая, что это какая-нибудь просьба; но, взглянувъ на его первыя строки, измѣнился въ лицѣ, оглянулся, словно боясь не подстерегаетъ-ли его кто,—быстро, жадно, пробѣжалъ письмо до конца и спряталъ его въ карманъ.

Онъ вернулся къ своей шлюпкѣ, и только очутившись опять на корветѣ и запершись въ своей каютѣ, снова принялся за письмо, перечитывая каждую его строчку по нѣсколько разъ...

Онъ не радовался и не огорчался, онъ самъ не могъ дать отчета въ томъ, что̀ происходило въ немъ; онъ только читалъ и не имѣлъ силы оторваться отъ милыхъ ему строкъ...

Онъ чувствовалъ, что строки эти и милы и дороги ему, что въ нихъ была новая жизнь, новая, не знакомая до сихъ поръ радость и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное, невыразимое мученіе.

Что̀ было дѣлать ему?

Конечно, прежде всего исполнить ея волю, исполнить то чего требовала она, потому что такъ, именно такъ слѣдовало поступить...

Но Литта видѣлъ, что тѣ силы, на которыя онъ надѣялся, готовы были оставить его...

На него минутами находила сумасшедшая рѣшимость кинуться снова къ ней, увидѣть ее еще разъ теперь, когда она получила для него значеніе жизни, значеніе всѣхъ радостей и счастія, о которомъ только можетъ мечтать человѣкъ.

Но это были только минуты.

Литта помнилъ, что онъ именно человѣкъ и что долженъ вынести съ твердостью то испытаніе, которое выпало на его долю...

До сихъ поръ жизнь его проходила гладко, все удавалось ему,—и тѣмъ чувствительнѣе, тѣмъ рѣзче казался ему ударъ, который посылала ему теперь судьба...

Онъ понялъ, что до сихъ поръ не зналъ еще жизни, что она началась для него только теперь, и началась почти со смертельной раны.

Дѣлать было нечего—нужно былъ рѣшиться на что-нибудь, и Литта, неспособный на долгія колебанія, рѣшился. Онъ вышелъ на палубу. Вѣтеръ какъ нарочно засвѣжѣлъ въ эту минуту; взявъ рупоръ, Литта отдалъ приказаніе поднять паруса...

Команда, засидѣвшаяся на мѣстѣ, весело бросилась исполнять это приказаніе... Литта смотрѣлъ на этихъ словно проснувшихся и зашевелившихся людей, дружно и весело исполнявшихъ свое дѣло,—какъ больной, которому дѣлаютъ страшную, мучительную операцію, смотритъ на своихъ врачей...

Когда „Пелегрино“, качнувшись и тоже словно обрадовавшись, двинулся, напрягая свои снасти — Литта сталъ на ютъ и взглядомъ простился съ Неаполемъ...

„Прощай Неаполь! думалъ Литта,—прощай все и самая жизнь!.. И какъ это все произошло вдругъ, и неужели я ухожу навсегда и навсегда все потеряно“...

Какой-то тайный голосъ говорилъ ему, что да—все потеряно, по крайней мѣрѣ здѣсь, на землѣ, уже не возможно счастіе...

Долго смотрѣлъ Литта по направленію города, наконецъ онъ исчезъ совсѣмъ и берегъ скрылся изъ глазъ, а Литта все еще стоялъ на кормѣ, словно прирось къ ней...

Такъ, никуда не заходя по пути, при неизмѣнно попутномъ вѣтрѣ, они пришли къ Мальтѣ.

Энціо всю дорогу не выходилъ изъ своей каюты, подъ предлогомъ болѣзни. Литта не мѣшалъ ему.

Приведя свой корветъ въ гавань, Литта подалъ рапортъ, составилъ краткій отчетъ и пошелъ къ пріору своего языка, котораго однако не засталъ на Мальтѣ...

Все это онъ сдѣлалъ машинально, совсѣмъ безсознательно, по привычкѣ къ дисциплинѣ, которая съ дѣтскихъ лѣтъ укоренилась въ немъ.

Мальтійскіе рыцари, когда бывали на своемъ островѣ, должны были жить въ общемъ конвентѣ. По статутамъ ордена, они были обязаны пробыть здѣсь, хотя-бы въ разное время, но общей сложности не менѣе пяти лѣтъ.

Давно знакомая, размѣренная по часамъ, строго опредѣленная жизнь конвента, представлявшая совершенно особый, свой міръ, подчиненный своимъ законамъ и правиламъ и имѣвшій свои отдѣльные интересы,—жизнь охватившая теперь Литту, произвела на него совсѣмъ особенное впечатлѣніе...

Несмотря на душевное свое состояніе, онъ все-таки почувствовалъ себя „дома“, въ родной семьѣ, среди товарищей, сейчасъ-же окружившихъ его и начавшихъ свои разспросы и разсказы...

Но всѣ эти новости про послѣднія посвященія, про распоряженія великаго магистра, про схватки съ алжирцами, прежде живо всегда интересовавшія Литту, теперь показались ему неинтересными, и онъ самъ невольно удивился тому, съ какимъ равнодушіемъ онъ выслушивалъ теперь объ этомъ и не находилъ нужныхъ словъ и вопросовъ, чтобы вызвать новые разсказы.

Самъ онъ, несмотря на довольно продолжительную отлучку съ острова, тоже, казалось, не могъ ничего разсказать: теперь все было для него слишкомъ просто, слишкомъ буднично, все кромѣ его внутренняго страданія, о которомъ онъ только и могъ бы говорить, но, разумѣется, ни за что никому не хотѣлъ открывать его.

Эту перемѣну не могли не замѣтить, и стало ясно, что съ братомъ Литтою случилось что-нибудь небывалое...

За обѣдомъ, къ которому подавались традиціонные шесть хлѣбцевъ, фунтъ мяса и кружка вина на человѣка,—Литта сидѣлъ молча всторонѣ, изрѣдка только, и то лишь для виду прислушиваясь къ гудѣвшему вокругъ него говору...

Этотъ говоръ и постоянная необходимость слѣдить за собою на людяхъ—утомили Литту, и онъ, вставъ изъ-за стола, вышелъ чтобы остаться наединѣ съ самимъ собою, — въ садъ и безъ цѣли пошелъ по первой попавшейся дорожкѣ...

„Ну а что-жь теперь?.. думалъ онъ, — что-же дѣлать?... и какъ быть?..

Какъ всякому человѣку, которому всегда кажется, что его собственная печаль есть самая большая и настоящая печаль, Литта думалъ, что никто и никогда не былъ еще въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился теперь.

Библиотека "Руниверс"

Онъ разумѣется не могъ знать, въ особенности въ тѣ минуты, которыя приходилось ему переживать, что не одинъ рыцарь его ордена не разъ сокрушался о данномъ имъ обѣтѣ, когда наступала пора и молодость брала свое, и что это испытаніе было одною изъ переходныхъ ступеней къ высшему посвященію.

Братья ордена достойно и твердо вынесли испытаніе любви; не поддавшіеся ей—получали новую силу и имъ открывались дальнѣйшія знанія.

Но Литта былъ еще въ чаду своей страсти и боролся съ собою, стараясь превозмочь ее.

Онъ долженъ былъ превозмочь, если не ради своего орденскаго повышенія, то ради той, которая была навѣкъ связана съ другимъ человѣкомъ и жизненный путь которой сошелся съ его собственнымъ, врѣзался въ его жизнь, пересѣкъ ее и снова разошелся... чтобы никогда уже не сойтись, оставаясь прямымъ, а напротивъ расходиться все больше и больше.

Для того, чтобы сойтись имъ вновь — нужно было именно свернуть и ему, и ей съ прямаго пути...

Литта продолжалъ безъ устали ходить по начинавшимъ уже темнѣть дорожкамъ... Сумерки спускались, окутывая своею пеленой засыпавшій садъ... Въ готическихъ окнахъ конвента зажигались огни...

„Боже мой, Боже мой, продолжалъ мучиться Литта,— и какъ это надвинулось, словно грозовая туча, и заслонило все!.. и какъ это пережить *одному* человѣку!“...

И ему невольно вспомнилась шестая аркана тайной книги, которую онъ зналъ почти наизусть:

„Берегись. Остерегайся своихъ рѣшеній. Пусть препятствія заграждаютъ тебѣ путь къ счастію. Противное теченіе готово увлечь тебя, и воля твоя колеблется между двумя противоположными сторонами. Колебаніе однако будетъ для тебя такъ же пагубно, какъ и плохой выборъ. Иди впередъ или вернись, но помни, что путы сплетеныя изъ цвѣтовъ—труднѣй разорвать чѣмъ желѣзную цѣпь!. “

Литта остановился и опустилъ голову...

Песокъ дорожки заскрипѣлъ въ это время подъ мѣрными шагами приближавшихся къ Литтѣ людей. Это былъ рыцарь въ полномъ вооруженіи съ двумя слѣдовавшими за нимъ солдатами...

„Что это, дозоръ или смѣна стражи?“ подумалъ Литта, и поморщась, что ему помѣшали, сталъ ждать пока они пройдутъ; но офицеръ шелъ прямо къ Литтѣ.

Онъ подошелъ прямо къ нему, какъ будто именно его и искалъ.

Рыцарь былъ товарищемъ Литты, котораго онъ зналъ очень хорошо, но теперь отъ всей его фигуры вѣяло офиціальностью, которая доказывала, что онъ находится при исполненіи своего долга...

— По повелѣнію великаго магистра, сухо произнесъ рыцарь, приближаясь къ Литтѣ и стараясь дѣлать видъ, что говоритъ теперь не съ товарищемъ, но съ совершенно посторонним лицомъ,—позвольте вашу шпагу и слѣдуйте за мною.

Литта и удивился, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не ощутить непріятнаго чувства вслѣдствіе этой новой неожиданности, разразившейся надъ нимъ.

— Мою шпагу? переспросилъ онъ.

Рыцарь, не повторяя своихъ словъ, терпѣливо ждалъ въ строгомъ молчаніи...

Литта зналъ, что въ такихъ случаяхъ не только неповиновеніе, но всякая лишняя проволочка хуже всего— и, поспѣшно отстегнувъ свою шпагу, подалъ ее рыцарю.

Тотъ сдѣлалъ, принимая оружіе, малый салютъ и, ловко и отчетливо отбивъ поворотъ, направился къ замку...

Литта послушно послѣдовалъ за нимъ. Онъ понялъ, что дѣло шло о нарушеніи имъ какихъ-нибудь статутовъ, и для него, хорошо знакомаго съ жизнью и обычаями конвента, внезапный арестъ ни чуть не показался страннымъ.

Въ случаѣ надобности арестъ рыцаря всегда происходилъ внезапно, и его тотчасъ-же вели къ судейской коммисіи, назначенной заранѣе великимъ магистромъ для даннаго дѣла.

Дѣло обыкновенно подготовлялось тайно и формулировалось раньше; арестованнаго немедленно приводили къ судьямъ, чтобы не дать ему времени одуматься и тутъ-же снять съ неприготовленнаго первый допросъ, считавшійся самымъ важнымъ.

Очевидно во время отсутствія Литты произошло что-нибудь касающееся его, и только ждали его возвращенія въ конвентъ, чтобы произвести арестъ и слѣдствіе...

Они прошли маленькою желѣзною дверью прямо изъ сада въ длинный каменный коридоръ и стали подыматься по безконечнымъ переходамъ замка.

XX.

Зала, въ которую ввели Литту, была та самая большая, украшенная восьмиконечными Мальтійскими крестами зала съ высокими готическими окнами, гдѣ собирался совѣтъ ордена и гдѣ засѣдалъ обыкновенно капитулъ.

Посрединѣ, подъ портретомъ великаго магистра Ла-Валетта, въ честь котораго назывался и самый городъ— столица Мальты, основанная имъ, — стоялъ широкій столъ подъ краснымъ покрываломъ, съ бѣлыми крестами. На столѣ было три канделябра съ восковыми свѣчами, освѣщавшими комнату.

Судьи, которыхъ Литта узналъ сейчасъ же, сидѣли на высокихъ дубовыхъ креслахъ.

На мѣстѣ предсѣдателя былъ почтенный епископъ ордена—человѣкъ всѣми уважаемый. По правую руку отъ него сидѣлъ баронъ Гомпешъ—представитель нѣмецкаго языка, по лѣвую—сморщенный старикъ, постоянно щурившій изъ-за темныхъ очковъ свои маленькіе глазки.

Литта вспомнилъ, что этотъ старикъ принадлежалъ къ числу тѣхъ братьевъ ордена, про которыхъ ходилъ слухъ, что они состоятъ тайными членами общества Іисуса.

Литта вошелъ совершенно спокойно, какъ будто дѣло вовсе не касалось его, увѣренный, что все это не что иное какъ недоразумѣніе, которое сейчасъ же объяснится.

— Графъ Джулію Литта, вы желаете себѣ защитника или будете сами говорить за себя?.. вкрадчиво, почти ласково спросилъ его епископъ.

При появленіи Литты судьи встали, и онъ стоялъ передъ ними посреди залы.

— Я не знаю, въ чемъ меня обвиняютъ, пожалъ плечами графъ, — и не припомню за собой никакой вины, поэтому не думаю, чтобы была надобность въ защитникѣ.

— Тѣмъ лучше для васъ, попрежнему произнесъ епископъ, — вамъ сейчасъ скажутъ, въ чемъ состоитъ обвиненіе.

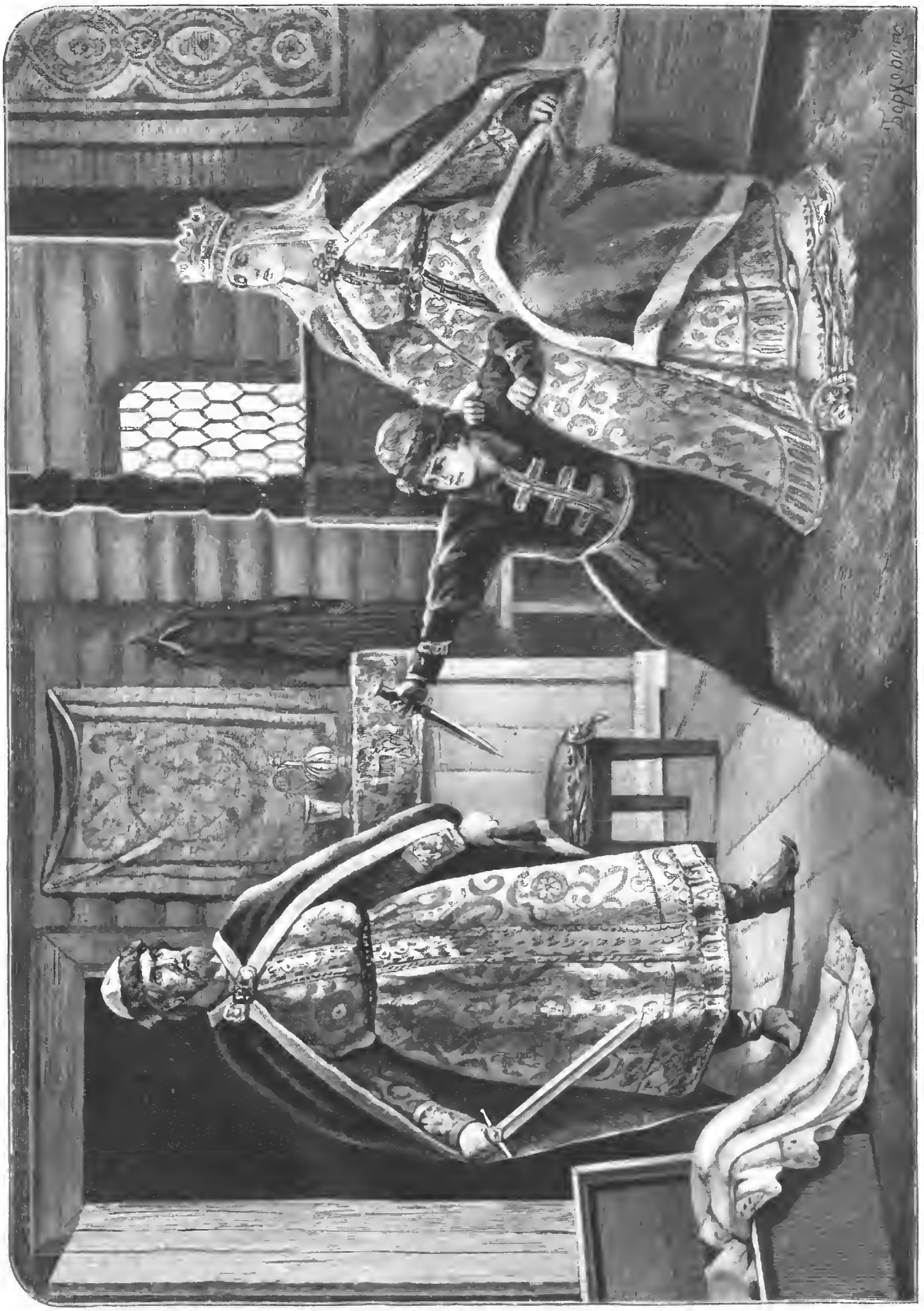
И развернувъ лежавшій передъ нимъ свитокъ, епископъ прочелъ отъ имени великаго магистра, что его преосвященнѣйшее высочество поручаетъ ему, епископу ордена, совмѣстно съ двумя членами (онъ назвалъ ихъ по именамъ, поклонившись слегка въ сторону каждаго), разобрать дѣло брата Джулію Литты—по обвиненію его въ нарушеніи орденскихъ обѣтовъ.

Литта съ нескрываемымъ любопытствомъ прослушалъ чтеніе, все-таки не понимая, въ чемъ собственно будутъ обвинять его.

Епископъ, по обряду, пригласилъ судей къ ихъ обязанности, и они передали ему свои кошельки съ пятью золотыми монетами въ знакъ своего полнаго безпристрастія и отреченія отъ всякихъ расчетовъ при произнесеніи ожидаемаго отъ нихъ приговора.

Затѣмъ епископъ и судьи сѣли.

Библиотека "Руниверс"



Великій князь Владиміръ, Рогнѣда и Изяславъ. Оригг. рис. (собств. „Нивы") Борхарта, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

Споръ за добычу. Съ карт. Миллера. грав. Клосст.

Библиотека "Руниверс"

— Васъ обвиняютъ, графъ Джулію Литта, въ нарушеніи рыцарскихъ обѣтовъ. Готовы-ли вы защищаться противъ этого обвиненія?.. спросилъ епископъ официальнымъ голосомъ.

Литта почувствовалъ, что тò спокойствіе, которое не оставляло его до сихъ поръ, было только кажущимся, и что на самомъ дѣлѣ горечь обиды и несправедливаго притѣсненія давно возмутила его душу, именно только *казавшуюся* спокойною вслѣдствіе слишкомъ сильнаго волненія.

Онъ сдѣлалъ усиліе надъ собою.

— Какое нарушеніе? кто, въ чемъ меня обвиняетъ? заговорилъ онъ.—Пусть придутъ и скажутъ мнѣ прямо.

— Велите ввести обвинителя... тихо сказалъ епископъ, обращаясь къ сидѣвшему за отдѣльнымъ столикомъ секретарю.

Этотъ тихій мѣрный голосъ подѣйствовалъ нѣсколько освѣжающе на Литту, и онъ съ любопытствомъ сталъ ждать, какой-такой обвинитель явится передъ нимъ.

Секретарь, видимо старавшійся только объ одномъ, какъ бы не упустить благовиднаго предлога, чтобы выказать передъ начальствомъ свою дѣятельность, поспѣшно махнулъ рукою въ сторону двери.

Часовой, стоявшій возлѣ нея, распахнулъ дверь и въ залу вошелъ смѣлыми шагами, приблизившись къ столу, Энціо.

Литта не могъ удержать невольной презрительной усмѣшки.

Епископъ, какъ бы не обращая вниманія на вошедшаго, не торопясь перебиралъ лежавшія передъ нимъ, подшитыя одна къ другой, разноформатныя бумаги, перелистывая ихъ.

Энціо стоялъ, не смутившись, и ждалъ, съ увѣренностью въ правотѣ своего дѣла.

Наконецъ епископъ поднялъ голову и взглянулъ на него.

— Готовы-ли вы подтвердить присягой и клятвою доносъ вашъ? спросилъ онъ, и голосъ его прозвучалъ торжественно и внушительно.

— Готовъ, отвѣтилъ Энціо.

— Но помните, что если доносъ этотъ окажется несправедливъ и если вы взвели на рыцаря ордена ложное обвиненіе—васъ ожидаетъ безпощадное наказаніе... Подумайте—время еще есть—готовы-ли вы отвѣтить собственною головою за свой доносъ.

— Готовъ, повторилъ Энціо.

Епископъ спросилъ въ третій разъ:

— Помните, что изъ этой залы долженъ выйти кто-нибудь виновный: или вы, или тотъ, кого вы обвиняете,—готовы-ли вы рѣшиться на это?

Энціо въ третій разъ отвѣтилъ:

— Готовъ!..

— Повторите же ваше обвиненіе... предложилъ ему епископъ, откидываясь на спинку кресла и поправляя висѣвшій на его груди крестъ.

Энціо, какъ будто ничего лучше этого и не ждалъ, забравъ грудью воздухъ и прямо, по военному, глядя на епископа, заговорилъ ровно, слегка возвысивъ голосъ:

— Я утверждаю, что графъ Литта—пусть Святая Мадонна будетъ свидѣтельницей—нарушилъ данный имъ обѣтъ цѣломудрія... Въ Неаполѣ мы напрасно потеряли много-много времени, благодаря тому, что командиръ, графъ Литта, проводилъ открыто свои дни у графини Скавронской, жены русскаго посланника, и даже по вечерамъ, т. е. позднимъ вечеромъ...

— Это ложь! воскликнулъ Литта.

Припадокъ бѣшенства душилъ его.

Гомпешь взялъ пачку бумагъ и, выбравъ одну изъ нихъ, сталъ читать:

— Восемнадцатаго декабря вы первый разъ были въ домѣ русскаго посла и пробыли восемь часовъ. Правда это? спросилъ онъ Литту.

Тотъ постарался припомнить и отвѣтилъ:

— Можетъ быть.

— Девятнадцатаго — на другой день, продолжалъ Гомпешь,—вы пробыли тамъ пять часовъ... Двадцатаго—шесть, двадцать перваго—три...

И Гомпешь прочелъ самый подробный счетъ времени, которое Литта провелъ у Скавронскихъ.

Литта, не ожидавшій, что за нимъ слѣдили такимъ образомъ, долженъ былъ замолкнуть и подтвердилъ этотъ счетъ, удивляясь, однако, теперь, что онъ каждый день дѣйствительно бывалъ у Скавронскихъ и подолгу. Въ Неаполѣ это совсѣмъ не было замѣтно.

Энціо, между тѣмъ, началъ разсказывать длинную и запутанную исторію мнимыхъ отношеній Литты къ Скавронской, и божбою на каждомъ почти словѣ подтверждалъ свой разсказъ. Все это была самая беззастѣнчивая, самая наглая выдумка.

Литта удивлялся только, откуда у него берется все это; пытался было перебить, но ему не позволили этого сдѣлать.

Когда Энціо кончилъ, Литта остановился въ недоумѣніи, пораженный, не зная положительно, чтò сказать и чтò сдѣлать, до того все это было необычайно, странно и безсовѣстно.

Онъ стоялъ, закрывъ лицо рукою, боясь пошевельнуться, и тяжело переводилъ духъ, не зная еще, чтò скажетъ сейчасъ.

Онъ молчалъ, собираясь съ силами. Въ огромной залѣ было тихо и въ этой тишинѣ поскрипывало только перо секретаря, который дописывалъ показаніе Энціо.

— Теперь вы слышали обвиненіе, проговорилъ епископъ, обращаясь къ Литтѣ. — Чтò вы можете сказать противъ него?..

Литта отнялъ руку отъ лица и поднялъ голову.

— Все это ложь... Ложь такая, съ которою трудно бороться и гадко, проговорилъ онъ. — Разсказъ этого Энціо голословенъ, ничѣмъ не подтвержденъ—и весь вопросъ сводится къ тому, чьимъ словамъ вы больше дадите вѣры: моимъ-ли, какъ рыцаря, или его словамъ—какъ моего подчиненнаго.

При словѣ „подчиненный“ Энціо задергался весь, и замахавъ руками, хотѣлъ заговорить, но его остановили.

— Однако, спросилъ опять Гомпешь у Литты, — чѣмъ же вы объясните ваши частыя посѣщенія русскаго посла?..

Литтѣ очень легко было сдѣлать это...

XXI.

Извѣстный въ исторіи князь Янушъ Острожскій, въ началѣ XVII столѣтія, въ 1609 году, учредилъ родовой маіоратъ подъ именемъ „Острожской ординаціи“.

Имѣнія эти, расположенныя въ лучшей части Волыни, давали до 300,000 золотыхъ въ годъ.

По волѣ завѣщателя, въ случаѣ пресѣченія рода, маіоратъ долженъ былъ перейти въ собственность Мальтійскаго ордена.

Впослѣдствіи Острожская ординація досталась по женской линіи Сангушкамъ. Но и ихъ родъ пресѣкся. Послѣдній же изъ Сангушковъ—Янушъ—велъ широкую жизнь, и не обращая вниманія на законъ о маіоратѣ, преспокойно продавалъ и раздаривалъ его земли, такъ что когда послѣ его смерти явились за наслѣдствомъ мальтійцы, то оно оказалось въ такомъ видѣ, что собрать его было весьма затруднительно.

Тогда-то на помощь имъ пришла императрица Екатерина II, приказавшая своему послу въ Варшавѣ поддерживать права ордена.

Благодаря этому, въ Польшѣ образовалось новое великое пріорство, и польскій сеймъ постановилъ ежегодно отпускать въ пользу Мальтійскаго ордена 120,000

Библиотека "Руниверс"

золотыхъ. Самыя же земли остались однако въ вѣдѣніи Рѣчи Посполитой.

— Все это такъ, проговорилъ Гомпешь,—когда Литта напомнилъ своимъ судьямъ эту исторію,—но почему же именно вы, графъ, затѣяли переговоры объ Острожской ординаціи съ посломъ Россіи въ Неаполѣ?..

— Чтобы найти вѣрный путь—возвратить ордену его земли... отвѣтилъ Литта.

— Но почему же, спросилъ опять Гомпешь, — вы именно... съ Скавронскимъ (онъ заглянулъ въ бумаги и оттуда прочелъ это имя не безъ труда) затѣяли переговоры?

— Потому что графъ Скавронскій женатъ на родной племянницѣ князя Потемкина, перваго вельможи при русскомъ дворѣ... снова отвѣтилъ Литта.

Судьи стали шептаться между собою.

Епископъ просматривалъ пачку бумагъ, содержавшую подробное описаніе пребыванія Литты въ Неаполѣ. Тутъ были и письма Энціо, и его собственныя донесенія, и донесенія другихъ лицъ.

— Реверентъ Мельцони пишетъ... тихимъ шепотомъ проговорилъ второй судья на ухо предсѣдателю, и подсунулъ ему еще пачку писемъ.

Епископъ сталъ перебирать ихъ.

Энціо смотрѣлъ дерзко, вызывающе, прямо въ лицо Литты.

Литта, не видавшій его послѣдніе дни, въ теченіе которыхъ тотъ сидѣлъ у себя въ каютѣ и не показывался командиру—удивился происшедшей въ немъ перемѣнѣ. Въ особенности глаза Энціо были странны—мутные, съ расширенными зрачками, они бѣгали безпокойно изъ стороны въ сторону съ явною тревогой и безпокойствомъ.

„Да не рехнулся-ли онъ!“ подумалъ Литта и сталъ приглядываться къ нему, припоминая отдѣльныя фразы штурмана, изрѣдка прежде прорывавшіяся у него, недовольство его и вообще всѣ отношенія его къ себѣ, на которыя онъ до сихъ поръ не обращалъ вниманія.

Онъ сдѣлалъ два большихъ шага, испытующе уставившись въ эти бѣгавшіе глаза Энціо, и приблизившись къ нему, шепнулъ чуть слышно:

— Ну, Энціо, когда же ты будешь командиромъ корвета?..

Лѣвая щека Энціо быстро задрожала при этихъ словахъ, онъ отмахнулся рукою и, неожиданно осклабясь, обратился къ судьямъ:

— А я еще имѣю сказать—и это главное, господа судьи. Ужь если быть откровеннымъ, такъ я буду до конца! Вы знаете-ли: благодаря интригамъ графа Литты, пишите господинъ секретарь, обратился онъ къ послѣднему, — это очень важно. Благодаря интригамъ графа Литты, я не могу до сихъ поръ получить командованіе судномъ... я имѣю право, потому что если старинное мое дворянство еще не доказано, то во всякомъ случаѣ мои заслуги очень велики... къ тому же мнѣ обѣщано...

Литта попалъ на конекъ Энціо, угадавъ по его глазамъ и по предшествующему его поведенію, съ какимъ человѣкомъ онъ имѣетъ дѣло, и Энціо, коснувшись своего конька, сталъ заговариваться. Слова его неудержимо полились, онъ не могъ уже остановиться.

Онъ съ такою же увѣренностью, какъ только что разсказывалъ про мнимыя вины Литты, началъ увѣрять, что командованіе корветомъ обѣщано ему самимъ „Пелегрино“, который приходилъ къ нему ночью и сказалъ, что никто другой не долженъ распоряжаться корветомъ, кромѣ Энціо, и что если графъ Литта будетъ мѣшать ему, то онъ изведетъ его.

Судьи удивленно, не двигаясь, смотрѣли на него. Епископъ улыбался, переводя глаза съ Энціо на Литту. На лицѣ іезуита было смущеніе, а Энціо все болѣе и болѣе горячился, и махая руками, захлебываясь, глотая слова и не договаривая, продолжалъ свой разсказъ.

Литта, отойдя назадъ, съ спокойною улыбкой скрестилъ руки на груди.

Секретарь, переставъ записывать, вопросительно посмотрѣлъ на предсѣдателя, но тотъ кивнулъ ему головою, и онъ снова заскрипѣлъ перомъ, подхватывая на лету слова Энціо.

Тотъ же самый рыцарь, который арестовалъ Литту, съ тѣмъ же самымъ строгимъ, дѣловымъ выраженіемъ отвелъ его опять по длинному коридору въ отдѣльную комнату.

Тутъ было чисто прибрано. Большое Распятіе, со скамеечкой для молитвы, висѣло на стѣнѣ. Стоялъ столъ съ бумагой и принадлежностями для письма, два стула и чистая постель.

— Графъ Литта, спросилъ его рыцарь (и Литта невольно замѣтилъ, какъ онъ, вѣроятно въ первый разъ исполняя возложенную на него обязанность, старался не ошибиться и не упустить чего-нибудь), — дасте вы слово рыцаря, что не выйдете изъ этой комнаты до тѣхъ поръ, пока васъ не позовутъ.

— Даю! отвѣтилъ Литта, которому вся эта процедура начинала уже надоѣдать.

Рыцарь поклонился, осмотрѣлся кругомъ, какъ бы ища, не нужно-ли еще исполнить чего-нибудь, и ушелъ, не утерпѣвъ однако улыбнуться на прощанье Литтѣ, какъ бы говоря: „Я отлично понимаю, что мы товарищи, да не могу же я не исполнить своего долга“.

Литта ничѣмъ не отвѣтилъ на эту улыбку.

Дверь осталась незапертою, окно было тоже отворено, комната помѣщалась въ нижнемъ этажѣ,—но слово рыцаря, обѣщавшаго не выходить изъ нея, должно было быть крѣпче всякихъ замковъ.

Оставшись одинъ, Литта опустился на кровать и легъ не раздѣваясь.

Онъ закрылъ глаза и снова увидѣлъ себя въ Неаполѣ.

Объ обвиненіи, которое висѣло на немъ, онъ не думалъ, хотя понималъ, что оно основано не исключительно на показаніи Энціо, но что были и другіе доносы. Во всякое бы другое время онъ можетъ быть постарался бы разобрать ихъ, но теперь ему было рѣшительно все равно, обвинятъ его или оправдаютъ.

XXII.

Бредъ Энціо.

Изъ залы суда Энціо былъ отведенъ тоже подъ конвоемъ въ подвальный этажъ, гдѣ двери запирались на тяжелые желѣзные замки и въ окна были вставлены толстыя рѣшетки.

Онъ безпрекословно подчинялся тому, что дѣлали съ нимъ, какъ будто увѣренность, что, не смотря на все, верхъ все-таки останется за нимъ — не покидала его.

Когда дверь запирали на большой желѣзный засовъ снаружи и привѣшивали къ ней замокъ, Энціо стоялъ посреди сводчатой своей камеры и чутко прислушивался къ постукиванію, съ которымъ все это дѣлалось. Онъ ничего лучшаго и не желалъ: пусть ихъ, пусть только оставятъ его одного и чѣмъ крѣпче запрутъ—тѣмъ лучше.

Вотъ наконецъ послѣдній разъ стукнулъ замокъ, тюремщикъ загремѣлъ ключами, собирая ихъ, и по каменнымъ плитамъ коридора зазвучали удаляющіеся шаги.

Наступила полная, мертвая тишина.

Изъ высокаго, такъ что нельзя было достать его, оконца, продѣланнаго какъ разъ подъ самымъ сводомъ, пробивался лунный свѣтъ и, ложась ровнымъ, яснымъ четырехугольникомъ съ точно повтореннымъ узоромъ рѣшетки—на каменный полъ, серебрилъ своимъ задумчивымъ ма эмъ сырыя сумерки свода.

Энціо, хитро улыбаясь, оглянулся и подмигнулъ себѣ лѣвымъ глазомъ.

Онъ подошелъ къ двери, попробовалъ крѣпко-ли она

Библиотека "Руниверс"

занерта, и снова прислушался, дѣйствительно-ли удалились шаги въ коридорѣ.

Дверь крѣпко держалась на своихъ замкахъ и засовахъ, и все было тихо кругомъ.

Энціо, оставшись этимъ очень доволенъ, взмахнулъ руками и на цыпочкахъ обошелъ камеру, бормоча и жестикулируя.

Времени ему терять было некогда. Часъ наступилъ лунный—сегодня было благопріятное число, и „дѣйствіе" должно было оказаться удачнымъ.

Онъ поспѣшно скинулъ верхнюю одежду, распоролъ подкладку и, нащупавъ кусокъ сложеннаго въ три раза пергамента, досталъ его.

Изъ кармана онъ вынулъ кусокъ алебастра, обточенный въ трехгранную призму.

Забравъ эти вещи, Энціо вышелъ на середину камеры, сталъ спиною къ свѣту и, разстегнувъ воротъ рубашки, раскрылъ его.

На груди у него вмѣсто креста было надѣто окаянное изображеніе человѣческаго грѣха. Онъ поправилъ его не глядя. Руки его начинали дрожать, глаза блестѣли и подбородокъ съ клочкомъ волосъ ходилъ изъ стороны въ сторону.

Все это онъ продѣлалъ совершенно точно, какъ было указано въ черной книгѣ некромантіи, которая была тщательно запрятана въ его каютѣ на корветѣ и которую онъ не выпускалъ изъ рукъ все послѣднее время, сидя запершись у себя.

Сегодняшній день и часъ у него были вычислены заранѣе.

Сегодня, въ сферѣ, на которую Энціо могъ распространить свое вліяніе, должны были находиться два могущественные духа: Эгозеусъ и Періоли. Онъ нашелъ ихъ имена и заклинанія, которымъ они не могли не подчиниться.

Энціо сталъ читать нараспѣвъ заклинанія съ опредѣленнымъ ритмомъ и удареніемъ. Въ этихъ заклинаніяхъ онъ призывалъ духовъ на себя, на свою голову, отдавалъ имъ свою душу и всего себя; слова были страшны, и клятвы, которыя онъ произносилъ, богохульны и нечестивы.

Этого тоже требовала книга. Нужно было призвать духа на себя, обмануть его, потому что магическій треугольникъ образовывалъ вокругъ заклинателя непроницаемую преграду для духа, о которую всѣ его усилія разбивались, и онъ не могъ коснуться человѣка, стоявшаго въ треугольникѣ, если только тотъ не оборачивался и не выходилъ за предѣлы круга. Вызваннаго такимъ образомъ духа нужно было поработить, для чего имѣлись также особыя слова и движенія.

Энціо стоялъ твердо опираясь на всю ступню и повторялъ мѣрнымъ, нѣвучнымъ голосомъ свои заклинанія.

Мало-по-малу воздухъ вокругъ него началъ рѣдѣть и словно какое-то мельканіе показалось въ немъ. Это мельканіе перешло затѣмъ въ болѣе плавное движеніе, и со всѣхъ сторонъ потянулись волнистыя нити. Энціо увидѣлъ что „началось", но не испугался, онъ всего этого ждалъ.

Нити колебались и пухли и шли вверхъ съ тѣмъ движеніемъ, какъ лебедь расправляетъ свою шею.

Вмѣсто бѣлаго луннаго свѣта, все стало окрашиваться въ красный цвѣтъ, и тогда вмѣсто нитей воздухъ закишѣлъ безобразными, отвратительными существами.

Энціо зналъ, что это были ларвы—земные полудухи, исчадіе человѣческой крови. Онъ не хотѣлъ ихъ.

Они пытались ринуться на него, но разлетѣвшись, спереди ударились объ остріе треугольника и скользнули по его сторонамъ, какъ волны у упоровъ моста, не причинивъ вреда Энціо.

Онъ увидѣлъ, что магическая сила треугольника дѣйствительна и треугольникъ составленъ правильно. Нужно было лишь все время стоять лицомъ къ его вершинѣ, потому что нападеніе могло быть произведено только спереди, а отразить его могла лишь вершина треугольника.

Онъ произнесъ проклятіе ларвамъ, которые не могли быть пригодны ему, и они исчезли.

Сѣроватая мгла смѣнила красный цвѣтъ, и Энціо, широко раскрывъ глаза и поднявъ брови, продолжалъ свои заклинанія.

Нѣсколько минутъ ничего не было.

Онъ настойчиво продолжалъ свое дѣло. Онъ желалъ добиться явленія, желалъ подчинить себѣ неестественную силу, чтобы получить могущество, которое отопретъ ему и двери тюрьмы, и дастъ силу обвинить ненавистнаго командира и все, чего пожелаетъ онъ.

Въ сторонѣ, не то подъ сводомъ, не то въ правомъ углу мозга, пронеслась какая-то тѣнь... мелькнуло вороное крыло... сгорбленный, мохнатый карлъ прошелъ изъ одной стѣны въ другую. Все это было не то.

Простыя заклинанія всѣ были испробованы. Энціо удвоилъ ихъ.

Сзади послышалась какая-то возня, шуршаніе, шелестъ. Энціо не оборачивался. Страхъ скользнулъ въ его сердце. Оно было холодно, точно кусочекъ льду остановился въ груди на его мѣстѣ.

Энціо зналъ, что страхъ тутъ опаснѣе всего, и постарался прогнать его.

Гдѣ-то невдалекѣ раздался звенящій звукъ, точно лопнувшей струны—и все стихло.

Въ темномъ углу, налѣво, заколебалось что-то прозрачное, безформенное, переливавшееся въ воздухѣ какъ жидкость.

Потомъ оно стало сгущаться и приняло наконецъ форму нѣсколько удлиненнаго шара. Онъ блестѣлъ противнымъ, синевато-золотымъ отливомъ, какъ осадокъ грязнаго масла на водѣ.

Шаръ медленно сталъ приближаться и по мѣрѣ его приближенія устанавливалась какая-то неуловимая связь между имъ и Энціо. Они понимали другъ друга. Это было то самое, что звалъ Энціо.

Духъ казался приниженъ, онъ видѣлъ, что заклинатель не уязвимъ для него.

Энціо такъ тяжело дышалъ, точно съ каждымъ вздохомъ подымалъ пудовый камень.

Онъ вызывалъ теперь Эгозеуса.

Энціо взялъ въ лѣвую руку алебастровую призму, присѣлъ слегка и, по радіусу на высотѣ человѣческаго сердца, началъ обводить, назадъ отъ себя, то мѣсто, на которомъ стоялъ, ровнымъ кругомъ.

Губы его шептали поспѣшно безсвязныя, непонятныя слова.

Окончивъ кругъ, онъ приподнялся, взялъ призму въ правую руку и начертилъ ею внутри круга треугольникъ около своихъ ногъ, такъ что основаніе его проходило у пятокъ, а вершина была обращена впередъ, на двѣ ступни разстоянія.

Потомъ, продолжая шептать, онъ быстро поставилъ между кругомъ и треугольникомъ нѣсколько чертъ и знаковъ и перебросилъ черезъ лѣвое плечо назадъ алебастровую призму.

Энціо выпрямился и развернулъ пергаментъ.

Періоли задрожалъ и пересталъ быть видимымъ, но Энціо зналъ, что онъ здѣсь и что стоитъ ему захотѣть—онъ снова увидитъ его.

Энціо закрылъ глаза и началъ послѣднее, самое страшное заклинаніе. Дыханіе совсѣмъ сперло ему, какъ будто чувствовался кругомъ удушливый, смердящій запахъ сѣры.

Онъ открылъ глаза и волосы невольно зашевелились у него на головѣ: прямо на него изъ темной, зіяющей какъ пропасть глубины,—несся огромный всадникъ на огненномъ конѣ, совершенно такой, какимъ былъ изображенъ въ черной книжкѣ Эгозеусъ.

Библиотека "Руниверс"

На богомолье. Ориг. рис. (собств. „Нивы") І. Никитина.

Библиотека "Руниверс"

Онъ съ дикою ненавистью, злобой и бѣшенствомъ кинулся на Энціо и, ударившись о сферу треугольника, отшатнулся и снова сталъ нападать, махая и звеня своимъ вооруженіемъ.

Этотъ ужасный видъ и морда огромной фыркавшей лошади, въ какихъ-нибудь двухъ шагахъ, были невыносимы для Энціо; онъ боялся пошатнуться, и чѣмъ дольше читалъ заклятія противъ Эгозеуса, тѣмъ болѣе свирѣпѣлъ ужасный всадникъ. Наконецъ Энціо не выдержалъ и, вытянувъ впередъ наравнѣ съ плечомъ правую руку съ выпрямленнымъ указательнымъ пальцемъ, прикоснулся къ ней у локтя лѣвою, тоже поднявъ ее въ одну плоскость съ плечомъ: это былъ послѣдній символъ защиты. Духъ исчезъ.

На мѣсто его явился снова шаръ Періоли. Онъ началъ, опять посредствомъ своей связи съ Энціо, убѣждать его обернуться. Духъ внушалъ ему, что онъ уже порабощенъ имъ и что теперь Энціо нечего опасаться. Но тотъ, остановившись немного, снова забормоталъ заклятіе, которое нужно было повторить семьдесятъ три раза. Тогда духъ былъ въ его власти.

Періоли говорилъ, что, обернувшись, Энціо увидитъ то, что̀ ожидаетъ его впереди. Но Энціо не соблазнился.

Тогда вдругъ всѣ страхи исчезли и вмѣсто каменнаго свода раскинулся садъ, зажурчали фонтаны, невиданные цвѣты закачались на пышной зелени и послышалась невидимая, чарующая музыка и появился роскошный столъ, уставленный яствами и питьями. Чудесные плоды, вина въ граненыхъ хрустальныхъ графинахъ манили къ себѣ. Энціо чувствовалъ голодъ, ему давно хотѣлось пить, но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и не вышелъ изъ заколдованнаго круга.

Столъ исчезъ, и на его мѣстѣ явилась дивной красоты женщина. Распустивъ свои волнистые волосы по плечамъ, она полулежала на широкой бархатной подушкѣ и звала къ себѣ...

Энціо закрылъ глаза, чтобы не глядѣть на видѣніе, но и съ закрытыми глазами онъ продолжалъ видѣть тотъ же садъ и женщину, и слышать ея призывъ... Онъ двинулся невольно впередъ. Она протянула къ нему руки...

Но онъ все-таки не вышелъ изъ круга, и губы его шептали еще магическія слова.

Тогда все снова пропало, и вокругъ Энціо разсыпались кучи золота. Ровные, блестящіе червонцы засверкали и зазвенѣли, подкатываясь почти къ самымъ ногамъ Энціо.

Руки его затряслись и глаза разбѣжались при видѣ несмѣтнаго богатства, которымъ онъ могъ завладѣть, и страшная борьба завязалась въ его душѣ.

Онъ могъ горстями, лопатой, какъ хотѣлъ загрести все это золото и, при его помощи, овладѣть цѣлымъ міромъ.

Соблазнъ былъ слишкомъ великъ. Энціо показалось, что онъ, опьяненный, дѣлаетъ шагъ впередъ—и участь его была рѣшена.

На другой день, когда Энціо принесли воду и хлѣбъ—его нашли мертвымъ въ углу камеры. Онъ лежалъ ничкомъ на полу съ скорченными отъ судороги руками, вдали отъ начерченнаго имъ на средней плитѣ круга съ таинственными знаками.

(Продолженіе будетъ).

Калѣка.

Разсказъ **Паріа Кориганъ.**

I.

Трахъ! Послѣднее глиняное блюдо, которое еще сохранялось въ семействѣ Гигеновъ, лежало на полу разбитымъ. Драгоцѣнная посудина выскользнула изъ неловкихъ рукъ маленькой Марго и съ глухимъ трескомъ разлетѣлась на тысячу кусковъ. Испуганная дѣвочка закрыла лицо своимъ рваным передникомъ и начала громко плакать.

Несчастное приключеніе обратило на себя вниманіе отца семейства, который сидѣлъ передъ дверью хижины, занятый отдѣлкой деревяннаго башмака. Онъ поднялъ голову и спросилъ:

— Ну, что̀ еще тамъ такое? Что̀ случилось?

Смущенная Марго на минуту удержала свои рыданія, но не сказала ни слова.

— Что-же ты стоишь такъ, сестренка? Убирай скорѣй черепки, а я соберу картофель.

И съ этими словами, произнесенными мягкимъ, ласковымъ голосомъ, изъ темнаго угла, гдѣ сохранялись кое-какіе рабочіе инструменты и куча щепъ и стружекъ—выползло на рукахъ какое-то человѣческое существо, странное и жалкое на видъ.

Шерстяная шапка, надвинутая на уши, придавала оригинальное выраженіе плутовскому личику, на которомъ сіяли прекрасные черные глаза. Необыкновенно большой ротъ, наивно открытый, позволялъ видѣть рядъ крѣпкихъ бѣлыхъ зубовъ, напоминавшихъ зубы молодаго волка. Тѣло было крѣпко и сильно, но не имѣло ногъ. Просперъ Гигенъ былъ калѣкой.

Его мать умерла вслѣдствіе внезапнаго испуга. Безпомощнаго малютку вскормила коза, ласкала его, лизала какъ своего собственнаго козленка. Вѣроятно отъ нея Просперъ наслѣдовалъ свою подвижность и свой веселый шаловливый юморъ, который былъ единственною радостью бѣдной семьи.

Она была довольно многочисленна — семья Гигеновъ: три сына и одна дочь. Старшему мальчику было тринадцать лѣтъ и онъ былъ близнецомъ Марго; второму было одиннадцать, а Просперу—девять.

Въ нѣсколько прыжковъ калѣка очутился около Марго для того чтобы помочь ей поправить приключившееся несчастье. Дымящіяся картофелины раскатились по полу: Просперъ бросился собирать ихъ, причемъ съ необыкновенной ловкостью работалъ кулаками, прыгалъ то туда, то сюда и кружился по комнатѣ какъ волчокъ.

— Положи ихъ въ кучу на столъ и перестань плакать, шепнулъ онъ опять сестрѣ.

При этомъ онъ сдѣлалъ такую смѣшную гримасу, что на плачущемъ лицѣ Марго невольно блеснула улыбка, точно солнечный лучъ сквозь апрѣльскія тучи.

Крестный отецъ калѣки, крестьянинъ по имени Просперъ, далъ это имя своему крестнику и увѣрялъ всѣхъ, что оно принесетъ ему счастье—до сихъ поръ однако пророчество плохо сбывалось. Просперъ спрятался опять за кучей сваленныхъ деревянныхъ башмаковъ и началъ свистать точно дроздъ.

— Ишь какъ славно свиститъ дроздъ, видно что знаетъ свое дѣло! говорилъ про себя отецъ, любуясь только что оконченнымъ деревяннымъ башмакомъ.

Въ отвѣтъ на эту похвалу дроздъ началъ пускать такія веселыя трели, что башмачникъ невольно сталъ прислушиваться.

— Довольно, довольно, мальчуганъ! крикнулъ наконецъ старый Гигенъ. — Ты этой игрой грудь себѣ надсадишь. Правда что ты хорошо свистишь, только не нужно утомлять себя черезчуръ.

— Послушай-ка, батюшка, началъ Просперъ вкрадчивымъ тономъ,—ты меня бить не будешь?

— Тебя бить, дитя мое? Когда-же я билъ тебя, скажи?

Нѣжное состраданіе звучало въ голосѣ Гигена.

— Видишь-ли, опять продолжалъ Просперъ, — у насъ горе случилось... послѣднее блюдо разбито...

— Что такое? Кто разбилъ? спросилъ башмачникъ.

— Батюшка! ласковымъ голосомъ началъ Просперъ, поднимая на него просящій взглядъ своихъ выразительныхъ глазъ.

— Навѣрно это опять твоя сестрица сдѣлала, ворчалъ Гигенъ.—Съ утра до вечера она только и дѣлаетъ что портитъ вещи.

— О, батюшка!

— И зачѣмъ она взяла блюдо? Развѣ она не могла подать ѣду въ котелкѣ?

— Да вѣдь котелокъ разбитъ, въ немъ есть дыра сбоку. Кромѣ того у него отбита одна нога, такъ что осталось всего двѣ. Какъ разъ столько, сколько мнѣ недостаетъ. Его никакъ нельзя поставить прямо, и мы всегда подкладываемъ подъ него камни, когда ставимъ на огонь. Пока онъ стоитъ спокойно на очагѣ, дѣло еще идетъ кое-какъ, но снять его невозможно—совсѣмъ сожжешь пальцы. Когда нужно вынимать кушанье, Марго всегда беретъ ложку и вилку, которыя я вырѣзалъ изъ дерева. Отчего-бы намъ не сдѣлать деревянныя блюда и чашки? Они по крайней мѣрѣ не разбивались-бы.

— А что ты думаешь, мальчуганъ? можно попробовать. Мы потомъ съ тобой поговоримъ объ этомъ. А теперь зови всѣхъ ѣсть супъ, сказалъ отецъ, успокоившись и садясь за столъ передъ ворохомъ горячаго картофеля, изъ котораго состоялъ обѣдъ семьи и который отецъ съ трогательнымъ самообольщеніемъ назвалъ „супомъ“.

Пронзительнымъ крикомъ звалъ Просперъ братьевъ и се-

Библиотека "Руниверс"

стру, которые въ сосѣднемъ лѣсу собирали куски твердаго дерева. Всѣ прибѣжали при первыхъ звукахъ этого милаго знакомаго голоса. Картофель былъ съѣденъ съ большимъ аппетитомъ; каждый посыпалъ его крупной солью, которая сохранялась въ черепкѣ разбитой тарелки. Питьемъ на этомъ семейномъ пирѣ служила чистѣйшая великолѣпнѣйшая вода, которую всѣ пили изъ одной кружки, передавая ее другъ другу.

Въ тотъ-же день Гигенъ попробовалъ мастерить деревянныя блюда. Для первой пробы они были достаточно неуклюжи и имѣли едва замѣтное углубленіе, но они возбудили положительный восторгъ Проспера. Съ помощью ножа онъ старался ихъ украсить и сдѣлать изящнѣе. Самое большое изъ блюдъ обратило на себя его преимущественное вниманіе.

— Посмотри-ка, батюшка! Что это за блюдо! На немъ мы можемъ уложить и обѣдъ и ужинъ, и то еще мѣсто останется.

Калѣка хохоталъ и повертывалъ на всѣ лады блюдо, которое ему такъ понравилось. Наконецъ онъ самъ прыгнулъ въ него.

— Отецъ, отецъ! кричалъ онъ въ восторгѣ.—Придѣлай мнѣ сюда колеса. Я буду тутъ сидѣть, и жить, и спать, какъ въ телѣжкѣ, знаешь, которую мы видѣли въ прошломъ году на ярмаркѣ, куда ты, помнишь, тащилъ меня на спинѣ, да еще усталъ такъ!

II.

Скоро изъ блюда была приготовлена телѣжка. Три шнурка шедшіе отъ ремня надѣтаго на тѣлѣ Проспера, прикрѣплялись въ различныхъ мѣстахъ телѣжки. Такимъ образомъ содержащее и содержимое представляли отчасти одно цѣлое.

Гигенъ устроилъ подпорки имѣвшія нѣкоторое сходство съ ручками креселъ, на которыя калѣка и клалъ свои руки. Съ помощью устроеннаго механизма—ремней, веревокъ и подпорокъ—онъ въ своей колясскѣ (такъ онъ называлъ свой удивительный экипажъ) могъ двигаться куда хотѣлъ.

Его худыя руки, загрубѣвшія отъ постоянной возни на грязномъ полу, скоро поправились, вслѣдствіе употребленія свѣжей воды. Калѣка началъ съ большимъуваженіемъ относиться къ водѣ. „Ахъ, какъ пріятно выкупаться!“ увѣрялъ онъ всѣхъ съ восторгомъ неофита. Какъ ни восхвалялъ онъ пользу и наслажденіе, которое доставляетъ купанье въ ручейкѣ протекавшемъ вблизи ихъ дома—его восторженныя рѣчи производили очень мало впечатлѣнія на его близкихъ и ни въ чемъ не измѣняли ихъ образа жизни. Въ Просперѣ однако сильно развилась любовь къ чистотѣ, порядку и даже изяществу. Онъ просилъ Марго починить его лохмотья и для этого самъ началъ учиться шить. Вскорѣ онъ даже перегналъ сестру въ этомъ искусствѣ, потому что руки его были удивительно ловки и подвижны.

— Славно ты шить начинаешь, Просперъ, говорилъ отецъ.— Ужь не пойти-ли тебѣ въ портные, какъ ты думаешь?

— Нѣтъ, батюшка, возражалъ мальчикъ,—я хочу быть купцомъ.

— Купцомъ? Эка что сказалъ! Чѣмъ-же ты торговать будешь, а?

— Я буду купцомъ, настоящимъ купцомъ. Стану торговать деревянными башмаками и деревянными блюдами, возразилъ Просперъ очень серьезно.—Посмотри-ка сюда что я сдѣлалъ.

При этихъ словахъ онъ показалъ отцу деревянные башмаки и блюда, которые онъ съ помощью ножа украсилъ разными незатѣйливыми рисунками. Старый Гигенъ съ чувствомъ невольнаго почтенія смотрѣлъ на своего талантливаго сына.

— А ты, я вижу, въ самомъ дѣлѣ искусникъ, сказалъ онъ наконецъ,—и пожалуй всѣхъ насъ изъ бѣды выручишь.

Въ одно прекрасное утро Просперъ наконецъ рѣшился попробовать своего счастья на торговомъ поприщѣ. Передъ этимъ онъ попросилъ Марго остричь ему волосы, такъ какъ лохматая куафюра могла повредить успѣху его занятій.

— Купецъ долженъ быть показистѣе, говорилъ онъ топомъ мудреца своей сестренкѣ.

Взявъ на себя обязанность парикмахера, Марго поступила очень оригинально: она надѣла на голову брата деревянную чашку и обрѣзала всѣ волосы, которые вылѣзали изъ-подъ чашки. Этотъ способъ значительно упростилъ задачу Марго, но онъ произвелъ странные результаты, потому что когда чашка была снята, всѣ волосы прижатые ею, опять стали дыбомъ и сдѣлали Проспера совсѣмъ похожимъ на волченка. У него было такое странное лицо, что, глядя на него, сестра помирала со смѣху.

— Остриги и остальные волосы, кричалъ Просперъ, котораго раздражалъ смѣхъ сестры. — Остриги наголо. Остриги меня такъ, какъ стрижешь овецъ съ которыхъ снимаешь шерсть. Небось тамъ ни одной шерстинки не оставишь.

Марго въ точности исполнила желаніе брата и тотъ долго смотрѣлся въ воду ручья, едва узнавая себя въ этомъ новомъ видѣ.

Онъ надѣлъ чистую блузу, которая покрывала его изорванную рубашку, усѣлся въ свою удивительную телѣжку и съ товаромъ за спиной—появился въ ближайшемъ замкѣ. Онъ имѣлъ такой смущенный и странный, и въ то же время такой самоувѣренный и гордый видъ, что владѣтельница замка тотчасъ-же имъ заинтересовалась. Весь запасъ его товара былъ купленъ и щедро оплаченъ.

Старый Гигенъ, котораго безпокоила судьба сына, поджидалъ его на условленномъ мѣстѣ на улицѣ.

— Ну, что?

— Подожди минутку, батюшка!

Руки новоиспеченнаго купца нащупали что-то подъ блузой и вытащили какой-то свертокъ, тщательно завязанный и завернутый въ лоскутки. Когда Просперъ развязалъ шнурокъ и развернулъ тряпочки—отецъ остолбенѣлъ отъ удивленія.

— Пятифранковикъ!? И не фальшивый?!—И чтобы увѣриться, что пятифранковикъ не фальшивый, онъ укусилъ его зубами.— Въ самомъ дѣлѣ настоящій пятифранковикъ.

Кромѣ большой монеты въ пять франковъ было еще штукъ шесть или семь мелкихъ серебряныхъ монетъ и цѣлая горсть мѣдныхъ.

— Смотри, ты пожалуй милостыню просилъ? спросилъ отецъ, который не въ силахъ былъ побѣдить своего недовѣрія при видѣ такой массы денегъ.

— Конечно нѣтъ, батюшка! возразилъ Просперъ обиженный и огорченный подозрѣніемъ отца.—Ко мнѣ, видишь, вышла прекрасная дама и щедро меня одарила. Съ ней была еще одна дама, та и взяла у меня весь товаръ. Мнѣ велѣли приходить еще разъ и сказали, что мой товаръ будутъ принимать и въ сосѣднихъ замкахъ. Теперь нужно стараться работать какъ можно больше и какъ можно лучше.

Веселый и предпріимчивый калѣка скоро возобновилъ свои коммерческія экскурсіи то съ большимъ, то съ меньшимъ запасомъ товара. Всѣ его путешествія обходились благополучно, но однажды какой-то безсовѣстный человѣкъ напалъ на него, ограбилъ и даже прибилъ.

Великодушная владѣтельница замка—первая заказчица Проспера—была крайне возмущена, когда узнала объ этомъ печальномъ случаѣ. Дать въ руки ребенка оружіе было рискованно и въ то же время совершенно безполезно. Она придумала ему лучшую защиту: она подарила ему молодаго щенка.

— Ты его воспитай, говорила она несчастному калѣкѣ,— онъ къ тебѣ привыкнетъ, будетъ тебѣ преданъ и съумѣетъ тебя защитить.

Просперъ съ благодарностью принялъ собаку. Онъ ухаживалъ за ней, ласкалъ ее и всегда самъ кормилъ ее. Онъ далъ щенку имя — Фарандъ. Когда Фаранду исполнился годъ, онъ превратился въ громаднаго дога, сильнаго и мужественнаго, который ловко поборолъ-бы волка. Онъ былъ безгранично преданъ своему молодому господину и слушался только его одного.

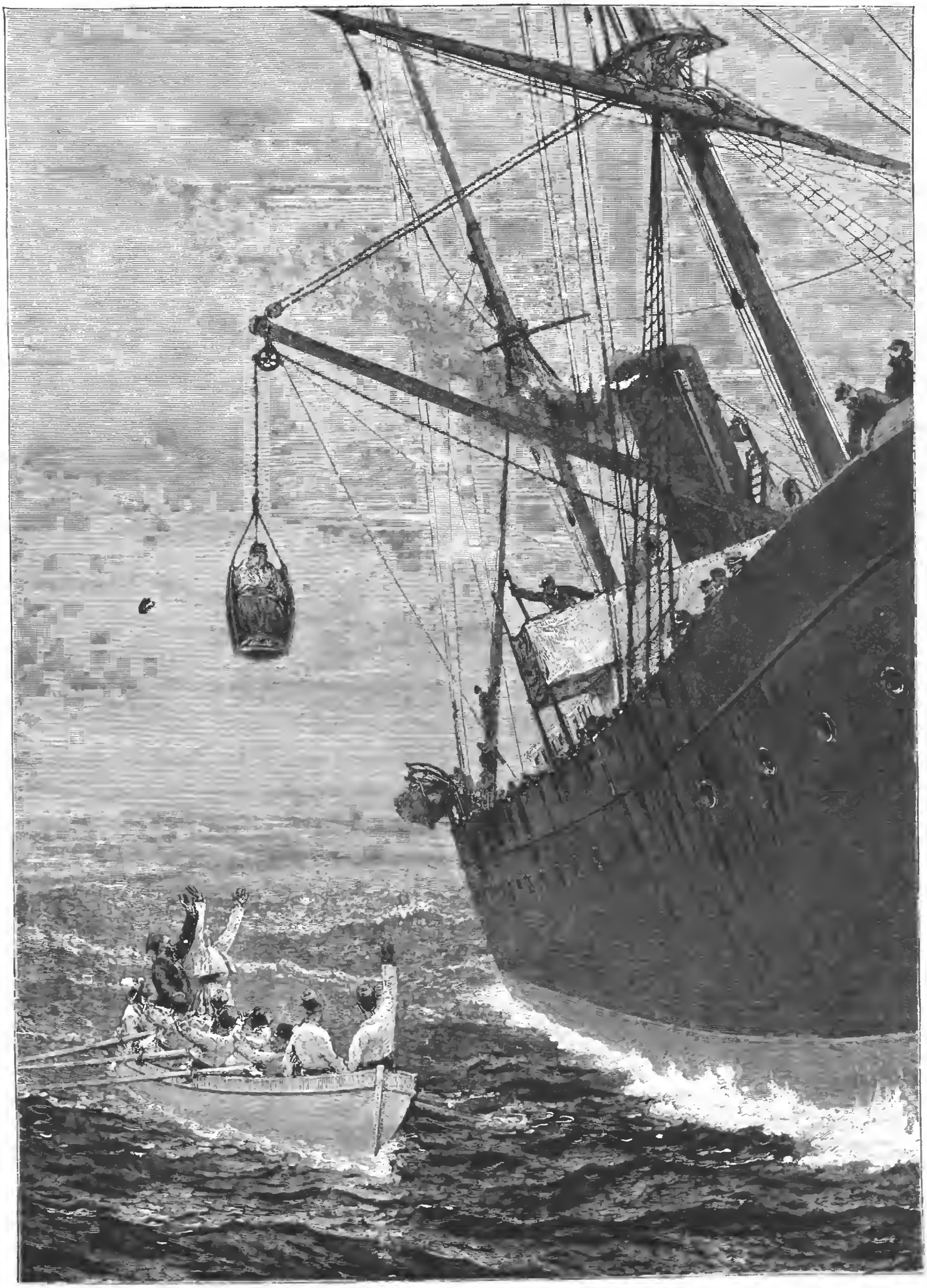
III.

Просперъ Гигенъ сдѣлалъ честь своему имени и былъ счастливъ въ своихъ дѣлахъ, какъ и предсказывалъ ему его крестный отецъ. Ему было всего двадцать лѣтъ, но имя его было извѣстно во всѣхъ окрестностяхъ отъ Паре до Кессона и отъ Лиффрс до Морделлиса. У него еще не было собственнаго дома, но онъ завелъ себѣ хорошенькую колясочку, куда впрягалась небольшая лошадка, имѣвшая странную особенность по зимамъ покрываться густою, точно медвѣжьею шерстью. Грива была длинная и пышная и при ѣздѣ красиво развѣвалась въ воздухѣ. Веселую лошадку Просперъ назвалъ Бирономъ и обыкновенно летѣлъ на ней съ быстротой вѣтра. Ему нужно было только щелкнуть языкомъ, для того чтобы лошадка понеслась какъ стрѣла. Состарѣвшійся Фарандъ сидѣлъ теперь въ колясскѣ вмѣстѣ со своимъ господиномъ и печально смотрѣлъ на рѣзвые прыжки молодой собаки, которая бѣжала рядомъ съ лошадью. Эта собака была его сыномъ и наслѣдникомъ. Вслѣдствіе преклоннаго возраста Фарандъ оглохъ и почти перестадъ лаять, и теперь его единственная обязанность состояла въ томъ, чтобы стеречь товары. Прощайте прыжки и скачки, веселыя потѣхи молодости!

Фарандъ однако до сихъ поръ пользовался полнымъ довѣріемъ своего господина и былъ большой пріятель съ Бирономъ. Ихъ совмѣстная жизнь имѣла очень интимный характеръ и выражалась нѣжными дружескими ласками, которыхъ былъ совершенно лишенъ молодой Трикъ, сынъ Фаранда. Фарандъ и Биронъ спали рядомъ, взаимно согрѣвая другъ друга, и ни разу еще копыто лошади не тронуло ни единаго волоска на тѣлѣ собаки. Когда Бирона запрягали въ коляску, старая собака всегда присутствовала при этой церемоніи и точно провѣряла и пересчитывала сбрую. При этомъ ея рѣдкій хриплый лай и помахиваніе хвостомъ какъ бы говорили: „Все идетъ отлично, все въ порядкѣ“.

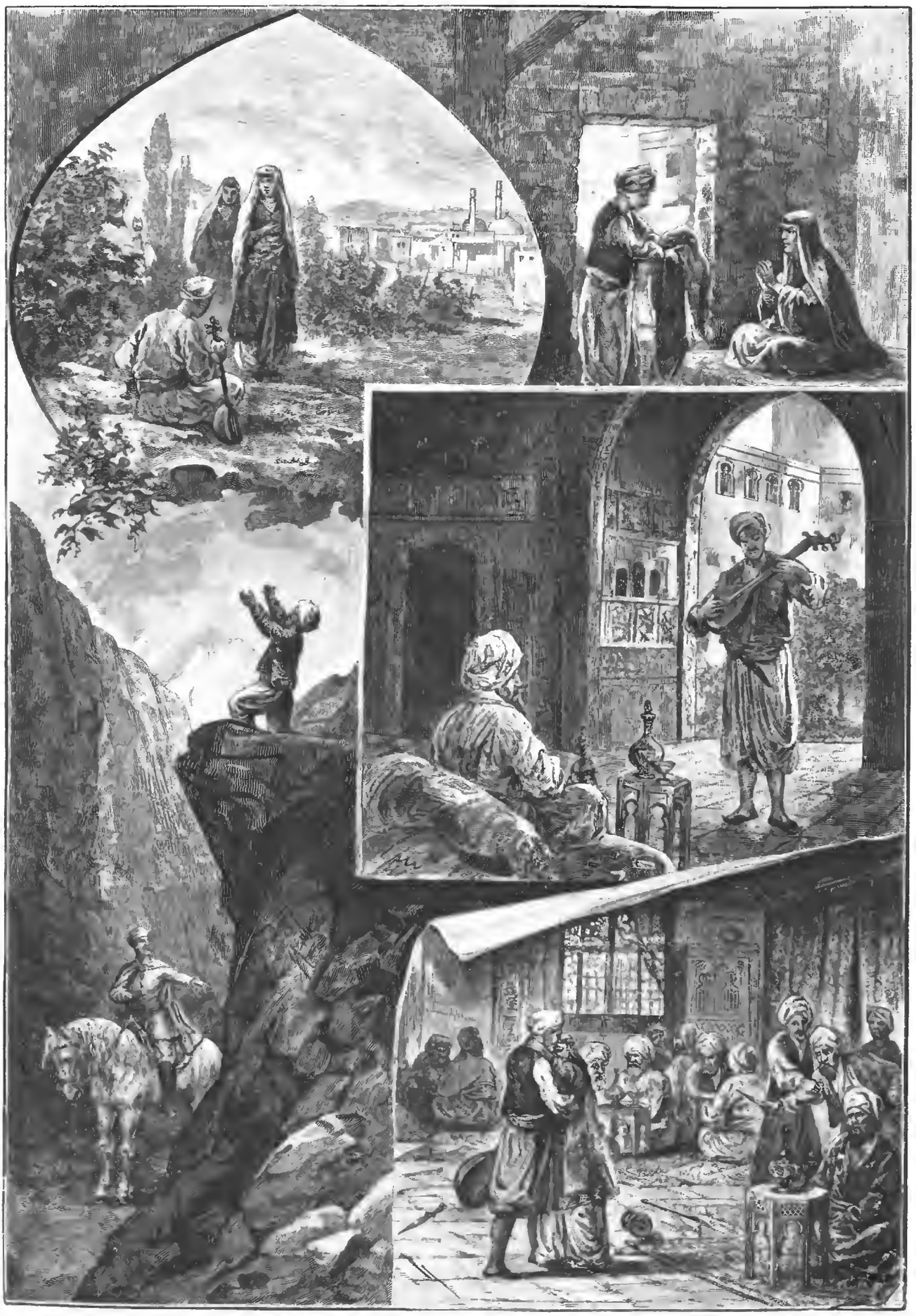
Семья Гигеновъ оставила свою жалкую хижину и жила теперь въ хорошенькомъ, покрытомъ соломой домикѣ, на опушкѣ лѣса. Старшій изъ братьевъ, имѣвшій пристрастіе къ военной службѣ, служилъ капраломъ въ Африкѣ; второй помогалъ младшему въ его занятіяхъ. Кромѣ того, въ домѣ было еще двое помощниковъ-подмастерьевъ, изъ которыхъ одинъ считался женихомъ Марго. Марго стала теперь славной, доброй дѣвушкой, некрасивой, но здоровой, свѣжей и веселой. Она была очень счастлива. Она занималась хозяйствомъ, готовила обѣдъ и ужинъ, и раза четыре въ годъ устраивала большую стирку. Она была глубоко, нѣжно, отъ всего сердца привязана къ брату, который былъ виновникомъ этой перемѣны въ ея

Библиотека "Руниверс"



На пути въ Іерусалимъ. Затруднительная высадка на берегъ въ Яффѣ.

Библиотека "Руниверс"



Литературный альбомъ. „Ашикъ-Керибъ“ Лермонтова. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Земцова, грав. Флютель

Ашикъ-Керибъ и Магуль-Мегери въ саду.

Ашикъ-Керибъ и Св. Георгій.

Куршудъ-бекъ и мать Ашикъ-Кериба.

Ашикъ-Керибъ у паши.

Свиданіе Ашикъ-Кериба и Магуль-Мегери.

Библиотека "Руниверс"

судьбѣ. Она съ любовью ухаживала за Бироном, когда „купецъ“ былъ въ отсутствіи; чистила лошадку скребницей, давала ей разныя ласкательныя имена, угощала ее хлѣбомъ, посыпаннымъ солью. Когда ей случалось посреди своихъ хозяйственныхъ занятій услышать на улицѣ приближающіеся шаги Бирона,—она бросала все для того чтобы встрѣтить его. Въ одну минуту, ловко и быстро его распрягала, и лошадь одна возвращалась въ конюшню, гдѣ ее ожидали полныя ясли.

Бѣдный калѣка очень гордился своей подвижностью и всегда самъ безъ посторонней помощи вылѣзалъ изъ экипажа. Правда, что экипажъ этотъ былъ устроенъ съ особенными приспособленіями для его исключительнаго пользованія. Онъ поставленъ былъ очень низко для того, чтобы облегчить влѣзанье и вылѣзанье изъ экипажа, затѣмъ имѣлъ прикрѣпленную къ подножкѣ дощечку, которая держалась на желѣзныхъ скобкахъ и въ случаѣ надобности опускалась. Тогда дощечка превращалась въ мостикъ, по которому калѣка свободно и безопасно скользилъ на землю.

Больше всего огорчало Проспера то обстоятельство, что онъ не могъ самъ распрягать лошадь, чистить ее и кормить. Поэтому онъ особенно внимательно выбиралъ конюшни и стойла гдѣ помѣщалась лошадь, и даже самыя гостиницы, гдѣ ему случалось останавливаться, онъ цѣнилъ скорѣе съ точки зрѣнія выгодъ своей лошади, нежели своихъ собственныхъ.

Умъ Проспера значительно развился, вслѣдствіе сношеній съ окружающимъ міромъ. Онъ былъ большимъ юмористомъ, всегда веселымъ и довольнымъ. Провидѣніе, пославъ ему такое тяжкое испытаніе, лишивъ его такого необходимаго органа, какъ ноги,—дало ему взамѣнъ острый умъ и доброе, мужественное сердце.

IV.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ случилось однажды Просперу встрѣтить на краю дороги бѣдно-одѣтую пастушку, которая горько плакала, спрятавшись въ траву. Дорога шла нѣсколько въ гору и Биронъ шелъ шагомъ. Эта дѣвочка заинтересовала Проспера своимъ горемъ; поэтому, подъѣхавъ къ ней, онъ придержалъ лошадь и вышелъ изъ экипажа. Онъ кое-какъ пробрался между двумя жердями, изъ которыхъ состоялъ заборъ отдѣлявшій поле отъ дороги, и приблизился къ плачущей пастушкѣ.

— Эй ты, красавица, всѣхъ слезъ не выплачешь, перестань!

Голосъ Проспера звучалъ нѣжно и мягко; поэтому та, къ которой было обращено названіе „красавицы“, перестала плакать и подняла навстрѣчу своему утѣшителю хорошенькое, взволнованное личико.

— Такъ ласково еще никто со мной не говорилъ, сказала она тихо, садясь на траву и стараясь подобрать подъ себя свои голыя ноги и закрыть ихъ старенькимъ, изношеннымъ платьемъ.

— Экая ты какая сердитая, продолжалъ Просперъ тѣмъ же тономъ,—разбросала кругомъ и веретено и прялку, точно они въ чемъ виноваты. Подбери-ка ихъ скорѣй, да покажи мнѣ, хорошо-ли ты умѣешь прясть. Да какъ тебя зовутъ, милая?

— Меня зовутъ Марія Коньяръ, сказала дѣвушка, удивленными глазами глядя на Проспера и на его странный экипажъ.

— Ты можетъ быть думаешь, красавица, что я мои ноги тамъ въ экипажѣ оставилъ, неправда-ли? Нѣтъ, голубушка, у меня никогда ихъ и не бывало.

„Бѣдный человѣкъ!“ казалось говорили глаза Маріи.

— Зачѣмъ лгать? продолжалъ калѣка.—Я могъ бы тебѣ сказать, что я мои ноги потерялъ въ Африкѣ, гдѣ въ настоящее время мой братъ служитъ капраломъ. Но это было бы неправда. Теперь вотъ ты и подумай, Марія! Я родился такимъ, какимъ ты меня видишь, и несмотря на это, я такъ доволенъ своей судьбой, какъ рѣдко кто бываетъ на свѣтѣ. Какъ же можешь ты, красивая дѣвушка, съ здоровыми руками и ногами, такъ сильно предаваться горести? Вытри скорѣй глаза и улыбнись!.. Ну и слава Богу!.. Давно бы такъ! Ну, а теперь прощай и стереги хорошенько своихъ овецъ, а во всемъ прочемъ положись на волю Божію.

Послѣ этого разговора Просперъ опять вскарабкался въ свой экипажъ.

— До свиданья, черезъ недѣлю! крикнулъ онъ еще разъ, взявъ въ руки возжи.

Биронъ, который при этой остановкѣ успѣлъ задремать, теперь опять рысью пустился въ путь.

Пастушка встала и съ ловкостью молодой козочки вспрыгнула на верхнюю балку шлагбаума, чтобы въ послѣдній разъ посмотрѣть на телѣжку Проспера, которая въ облакѣ пыли исчезла за поворотомъ дороги. Слово „красавица“, которымъ назвалъ ее Просперъ, не выходило у нея изъ головы. Никогда еще, съ тѣхъ поръ какъ умерла ея мать, никто не говорилъ съ ней такъ ласково.

„Этотъ человѣкъ хорошо говоритъ“, думала она про себя, и его добрыя слова все глубже и глубже западали въ ея измученное молодое сердце.

Дѣйствительно, жизнь этой дѣвушки была очень печальна. Ея отецъ былъ пьяница, а мать повѣсилась съ отчаянія. Арендаторша сосѣдней фермы, грубая и гордая женщина, приняла къ себѣ сироту и заставила ее пасти коровъ и овецъ. Дѣвочка была для нея предметомъ отвращенія, какъ дочь женщины которая „наложила на себя руки“. Она совершенно искренно считала себя добродѣтельною и милосердною, за то что кормила несчастную и пріютила ее подъ своей кровлей. Всѣ окружающіе также враждебно относились къ Маріи: ее обременяли непосильною работой, смотрѣли на нее съ ужасомъ и отвращеніемъ, какъ на вредное и гадкое животное. Среди такихъ впечатлѣній прошло все дѣтство Маріи. Она избѣгала своего отца, а воспоминаніе о матери, тѣло которой нашли висящимъ на балкѣ, заставляло ее замирать отъ ужаса.

Въ теченіе того года, когда она готовилась къ своему первому причастію, она въ первый разъ слышала о Богѣ, раѣ, адѣ... Рай... это гдѣ-то высоко-высоко надъ нами, выше солнца и звѣздъ!.. Адъ... это что-то ужасное, туда попала ея мать... ее такъ часто увѣряли въ этомъ. Судьба матери не будетъ ей служить спасительнымъ примѣромъ; слова священника не производили на нее никакого дѣйствія.

Теперь испытывала она одно горячее желаніе: увидѣть опять незнакомца, который говорилъ съ ней такъ кротко. Она по пальцамъ считала дни, когда онъ проѣдетъ опять.

Какъ сильно забилось ея сердце, когда она его увидала! Ея лицо сіяло отъ радости и она не могла сдѣлать ни одного шага ему навстрѣчу. Въ смущеніи она быстро начала вертѣть своимъ веретеномъ.

— Вотъ какъ ты славно прядешь теперь, Марія! закричалъ Просперъ ей навстрѣчу.—Сегодня дѣло идетъ гораздо лучше.

Она покачала головой въ знакъ отрицанія.

— Нѣтъ? Что же такое опять съ тобой случилось? Скажи... Ты знаешь вѣдь: раздѣленное горе—полгоря.

Марія слушала своего собесѣдника съ радостнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Ну, не робѣй!.. Повѣдай мнѣ твои горести, понуждалъ ее Просперъ.

Тогда Марія призналась.

— Моя мать повѣсилась, мой отецъ пьяница... Меня всѣ презираютъ и ненавидятъ. Вотъ въ чемъ мое несчастіе.

Наступило долгое, тяжелое молчаніе.

— Хочешь, чтобы я былъ твоимъ другомъ? сказалъ наконецъ Просперъ, протягивая дѣвушкѣ руку.

— О, да!

— Ну, и отлично.

Съ тѣхъ поръ оба начали часто встрѣчаться въ полѣ, гдѣ Марія стерегла овецъ. Въ обществѣ другъ друга они чувствовали такое удовольствіе, что Просперъ однажды рѣшился сказать дѣвушкѣ:

— Хочешь быть моей женой, Марія?

— Да! отвѣчала она съ радостью.

Эта свадьба конечно сдѣлалась предметомъ всеобщихъ толковъ. Отъ Кессона до Лиффре, отъ Паре до Морделлиса она была единственною темой разговора.

Просперъ однако сдѣлалъ сюрпризъ всѣмъ любопытнымъ, обвѣнчавшись въ такое время, когда никто этого не ожидалъ. Священникъ, вѣнчавшій его, вполнѣ одобрилъ его поступокъ.

Когда отца Маріи укоряли въ томъ, что его дочь вышла замужъ за калѣку, тотъ обыкновенно говаривалъ слѣдующее:

— Мой зять по крайней мѣрѣ человѣкъ денежный и навѣрно не откажетъ тестю заплатить за кружку пива. Не многіе изъ васъ могутъ этимъ похвастаться.

Просперъ и Марія жили очень счастливо. У нихъ было нѣсколько человѣкъ дѣтей, здоровыхъ, крѣпкихъ и рослыхъ, что лучше всего показываетъ, какъ хитро иногда умѣетъ подшутить судьба.

Пѣвцы и танцоры у птицъ.

Очеркъ **М. Штауде.**

Лѣсъ шумитъ... и много навѣваетъ этотъ шумъ чуткой душѣ поэта. Лѣсъ поетъ—и всякому прохожему становится веселѣе отъ этой беззаботной пѣсни какого-нибудь невидимаго пѣвца. Всѣ тяжелыя мысли и заботы какъ-то сами собою уходятъ, и на душѣ дѣлается легко при этихъ звукахъ, которые какъ будто и созданы для того, чтобы облегчать человѣку бремя жизни.

Прежде впрочемъ и преобладалъ такой взглядъ на природу, что все въ ней существующее имѣетъ единственною цѣлью пользу человѣка. Ансельмъ, напримѣръ, говорили тогда, потому распадается на дольки, что послѣдними легче одѣлять всѣхъ членовъ семьи. Теперь мы смотримъ на природу иными глазами и дозволяемъ ей имѣть свои цѣли и причины, хотя-бы онѣ шли совершенно въ разрѣзъ съ нашими потребностями.

Пѣсня, равно какъ и всякій произвольно производимый шумъ, можетъ имѣть значеніе лишь тогда, когда она воспри-

Библиотека "Руниверс"

нимается другими живыми существами, когда есть слушающіе. Можетъ-быть Рафаэль все-таки былъ бы великимъ художникомъ, даже если бы не имѣлъ рукъ, какъ это утверждаютъ нѣкоторые; но очень сомнительно, чтобы хоть одно животное самостоятельно и произвольно рѣшилось издать какой-нибудь звукъ, будучи окружено одними глухими. Очевидно, что слухъ и способность производить звуки должны находиться во взаимной зависимости; впрочемъ, и нѣмыя животныя могутъ слышать, но чувство это находится у нихъ въ такомъ зачаточномъ состояніи, что едва заслуживаетъ этого названія. Напримѣръ, дождевой червь ощущаетъ сотрясенія, производимыя роющимся вблизи кротомъ, — можно пожалуй сказать, что онъ слышитъ приближеніе своего врага, но слышитъ не какимъ-нибудь опредѣленнымъ органомъ, а всѣмъ своимъ тѣломъ. О настоящемъ слухѣ можно говорить лишь съ тѣхъ поръ, какъ на опредѣленныхъ мѣстахъ тѣла появляются особо устроенные органы, воспринимающіе колебанія воздуха, т. е. то, что мы называемъ ухомъ.

Органъ слуха можетъ имѣть различное значеніе для животнаго. Если онъ имѣетъ цѣлью указывать лишь приближеніе врага или жертвы, онъ можетъ быть очень просто устроенъ, такъ какъ и потребности также очень примитивны: требуется лишь знать направленіе и разстояніе источника звука. И только тогда можетъ органъ слуха занять болѣе высокую ступень въ своемъ развитіи, когда онъ дѣлается органомъ общественнаго обмѣна мыслей, т. е. когда онъ способенъ различать звуки однородныхъ животныхъ между собою и отъ постороннихъ звуковъ. Чѣмъ сложнѣе рядъ звуковъ, производимыхъ животнымъ для общенія съ другими животнымъ того-же вида, чѣмъ болѣе онъ приближается къ разговору, тѣмъ болѣе совершенствуется самый органъ слуха. Музыкальность слуха является высшею степенью развитія этого чувства. Языкъ, служа для общенія всѣхъ безъ различія пола и возраста, есть общее достояніе; музыка-же, т. е. музыкальные звуки, въ животномъ царствѣ принадлежатъ исключительно любви.

Вслѣдствіе этого мы видимъ, что животныя пріобрѣтаютъ этотъ даръ исключительно въ пору любви, и по большей части только самцы являются избранниками музы. Пѣснь животныхъ всегда тѣсно связана съ любовью; цѣль ея— добиться взаимности возлюбленной, или бросить смѣлый вызовъ сопернику, или-же наконецъ торжественнымъ кликомъ извѣстить даму своего сердца о побѣдѣ надъ врагомъ. Само собою разумѣется, что не всякая музыка этихъ безыскусственныхъ артистовъ пользуется милостивымъ вниманіемъ человѣческаго уха,—ну да вѣдь и наша музыка не всѣмъ животнымъ нравится; музыкальные вкусы могутъ быть различны, не даромъ одни изъ насъ поклонники Вагнера, другіе Моцарта. Далѣе приходится обратить вниманіе на то обстоятельство, что музыка животныхъ существуетъ не ради нашей критики и не ради какихъ-нибудь высшихъ цѣлей искусства,— предназначается она исключительно для дамы сердца, и если она встрѣчаетъ одобреніе со стороны этого критика, то этимъ достигнутъ уже здѣсь идеалъ искусства.

Приступая къ разсмотрѣнію пѣвцовъ изъ царства животныхъ, прежде всего придется остановиться на первоклассныхъ пѣвцахъ—птицахъ.

Музыкальные таланты животныхъ находятъ себѣ выраженіе не только въ пѣніи,—на ряду съ вокальною музыкою существуетъ у нихъ также инструментальная, а такъ какъ обѣ онѣ часто соединяются съ танцами, что въ особенности относится къ царству пернатыхъ, то умалчивать объ этомъ дарѣ Терпсихоры тоже не приходится.

Танецъ у птицъ бываетъ не только обыкновенный, когда онѣ стоятъ на ногахъ, но также и во время полета. Многіе самцы въ своемъ стремленіи понравиться прекрасному полу и выказать послѣднему всѣ свои дарованія, принимаютъ во время полета такія положенія и дѣлаютъ такія па и кабріоли, что красота ихъ выступаетъ въ полномъ блескѣ. Такъ наша трясогузка (Motacilla rivipaga), граціозная сѣренькая птичка, во время ухаживанія за дамою своего сердца летаетъ вокругъ нея, опускаясь внизъ и опять подымаясь въ вышину и кокетливо играя своими длинными хвостовыми перьями. При этомъ особенно стремится полонить сердце своей зазнобы, раскрывая свой хвостикъ въ видѣ вѣера, на которомъ то исчезнетъ, то появится изображеніе желѣзнаго креста (чернаго съ бѣлою каймою). Даже воробей — и тотъ подъ вліяніемъ стрѣлы Амура пускается въ пляскъ: тогда, какъ это всякому приходилось видѣть, онъ раздувается, какъ шаръ, приподымаетъ хвостъ и, бороздя по землѣ опущенными крыльями, усиливаетъ эффектъ своей внушительной фигуры безпрестанными звуками „чильпъ-чильпъ“.

Особенною прелестью отличается танецъ африканскихъ ласточекъ. Опереніе ихъ, какъ и всѣхъ вообще ночныхъ птицъ, невзрачнаго темнаго цвѣта, но на нѣкоторыхъ опредѣленныхъ мѣстахъ имѣетъ замѣчательныя украшенія. Такъ у одного вида — Macrodipteryx longipennis — на каждомъ крылѣ находится по одному перу, длина котораго на полъаршина превосходитъ длину остальныхъ перьевъ крыла; при этомъ обѣ нижнія трети этого пера представляютъ голый стебелекъ, не покрыты бородкою, которая находится лишь на концѣ пера, образуя нѣчто въ родѣ флага. Долженъ получаться замѣчательный эффектъ, когда эти птицы, украшенныя такими длинными волнующимися султанами, вьются около своихъ самокъ при нѣжномъ свѣтѣ луны. Но, къ сожалѣнію, часто случается, что этотъ-же самый брачный нарядъ является для нихъ и погребальнымъ саваномъ, такъ какъ эти длинныя перья сильно затрудняютъ полетъ самцовъ, которые вслѣдствіе этого легче становятся добычею хищныхъ совъ.

Другая ночная ласточка, козодой (Caprimulgus europaeus), желая понравиться дамѣ своего сердца, вѣжливо опускаетъ голову и начинаетъ протяжно пѣть „ерррь“, не уставая повторять это до десяти разъ, затѣмъ нѣсколько глуше „орррь“. Взглянувши на фигуру козодоя въ это время, можно во-очію убѣдиться въ томъ, что поэзія — дѣло для него не легкое. Поэтому-то можетъ быть онъ скоро и замолкаетъ, послѣ чего ту же мелодію начинаетъ сосѣдній козодой. Музыка, если хотите, получается не изъ важныхъ, но... она нравится госпожѣ-козодой, и въ этомъ весь ея смыслъ и значеніе.

Очень странную мелодію, какъ извѣстно, производитъ выпь. Графъ Водзицкій первый указалъ на то, что эта птица выражаетъ свои нѣжныя чувства при помощи особаго рода полосканія рта водою. Выпь помѣщается на берегу открытой мѣстности, чтобы серенада дальше раздавалась, у самой воды. Потомъ она набираетъ въ горло воды и затѣмъ быстро ее выталкиваетъ вонъ, отъ чего и получается странный звукъ ея пѣсни. Потомъ слѣдуетъ глухой звукъ „уа“, послѣ чего выпь вытаскиваетъ клювъ изъ воды, закидывая голову далеко назадъ. Послѣ нѣкоторой паузы та же исторія начинается снова, пока не надоѣстъ самому виртуозу. Передъ самымъ концомъ серенады раздается далеко слышное „бу“, что значитъ, что птица вытолкнула остатки воды изъ своего горла.

Все вышеописанное уже представляетъ образчикъ инструментальной музыки, нѣчто въ родѣ водянаго органа. То же самое приходится сказать и относительно дятла, только инструментъ здѣсь иной и назвать его всего скорѣе можно ксилофономъ. По прекраснымъ наблюденіямъ Наумана, эти птицы разыскиваютъ весною рано утромъ сухую вѣтку по преимуществу на вершинѣ какого-нибудь стараго дерева. Выбравши вѣтку по своему вкусу, дятелъ начинаетъ ударять по ней черезъ опредѣленные промежутки времени своимъ твердымъ клювомъ, благодаря чему она приходитъ въ быстрое дрожательное движеніе, на подобіе камертона; прикасаясь затѣмъ быстро своимъ клювомъ къ этой дрожащей сухой вѣткѣ, дятлы и производятъ свои всѣмъ извѣстные звуки. Музыку эту они производятъ иногда цѣлыми часами. Когда-же она имъ наскучитъ, они устаютъ, но снова возвращаются къ своему музыкальному инструменту, на тотъ-же самый сучекъ, когда найдетъ вдохновеніе.

Другаго рода инструментальную музыку производятъ птицы при помощи частей своего собственнаго тѣла, а именно перьевъ. Такъ голубь, догоняя свою голубку, громко хлопаетъ крыльями. Равнымъ образомъ, когда индѣйскій пѣтухъ выдѣлываетъ свои па, то онъ по временамъ волочитъ свои крылья по землѣ, отчего получается звукъ, похожій на трескъ разсыпанной дроби. Также извѣстное всѣмъ охотникамъ блеяньe бекасовъ (барашковъ) когда они летаютъ по болоту надъ сидящими на землѣ самками, происходитъ вслѣдствіе того, что красныя рулевыя перья ихъ хвоста, отличающіяся особымъ устройствомъ, приходятъ во время быстраго полета въ колебательное движеніе.

Однако не всѣ птицы исполняютъ свои танцы и концерты любви парами tête-à-tête, многія изъ нихъ собираются для этой цѣли большими обществами и устраиваютъ цѣлые балы. Такъ турухтаны всей окрестности весною собираются каждый день въ опредѣленное мѣсто. Дамы, какъ и подобаетъ прекрасному полу, сидятъ чинно вокругъ и, можетъ быть, втихомолку сплетничаютъ, а кавалеры, вооруженные мечомъ и щитомъ, устраиваютъ турниры. Костюмъ послѣднихъ отличается особенною изысканностью, и ни одинъ турухтанъ не является на собраніе, пока у него не отрастутъ красивыя перья воротничка, безъ котораго ожидать успѣха у дамъ немыслимо. Съ другой стороны, тотъ-же воротничекъ служитъ во время поединка щитомъ, принимающимъ удары противника, мечомъ-же служитъ клювъ. Сходство съ рыцарскими турнирами дополняется еще тѣмъ, что здѣсь рѣдко дѣло доходитъ до кровопролитія: побѣда выражается количествомъ перьевъ воротничка противника, остающихся на полѣ брани.

Извѣстный путешественникъ Шомбургъ, во время своихъ странствованій по тропической Америкѣ, сдѣлалъ интересное наблюденіе надъ пляскою одной мѣстной птички, извѣстной въ наукѣ подъ именемъ Rupicola. Самки этой птицы отличаются отъ самцовъ своею невзрачною окраскою матово-темнаго цвѣта, тогда какъ самцы ярко-оранжеваго цвѣта и относятся къ самымъ красивымъ изъ пернатаго царства. Шомбургъ однажды замѣтилъ, какъ на одно мѣсто, совершенно лишенное растительности и гладкое какъ паркетъ, собрались двѣ самки и десять самцовъ вышеуказаннаго вида птицъ. Сейчасъ-же одинъ изъ самцовъ выступилъ на середину и на-

Библиотека "Руниверс"

чалъ выдѣлывать самыя разнообразныя па, причемъ нерѣдко принималъ такія комичныя положенія, что наблюдатель едва могъ удержаться отъ смѣха. Затѣмъ ганцоръ, испустивъ крикъ, вѣроятно восхищенія собственнымъ искусствомъ, уступилъ мѣсто слѣдующему кавалеру. Все остальное общество съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ созерцаетъ этотъ балетъ, что индѣйцы, пользуясь этимъ, убиваютъ ихъ всѣхъ одного за другимъ. Такъ же внимательно относятся къ этому дѣлу болотные кулики. Заслушавшись пѣнія, они подпускаютъ человѣка на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ. Концерты этихъ птицъ, по словамъ шведа Гадамера, происходятъ слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ. Весною, начиная съ мая, въ сумерки собираются они пѣшкомъ въ большомъ числѣ на опредѣленную лужайку и становятся на ней всѣ въ рядъ, который простирается иногда на 16 саженей длины. Крайній начинаетъ пѣть solo, послѣ него продолжаетъ слѣдующій, и такъ до самаго конца, строго соблюдая очередь; потомъ начинаетъ пѣть послѣдній съ края и въ обратномъ порядкѣ очередь снова доходитъ до перваго.

(Окончаніе въ слѣдующ. №).

Къ рисункамъ.

Пинега. (Рис. на стр. 97).

Одинъ изъ пунктовъ, оживляющихъ крайній Сѣверъ Европейской Россіи, Пинега, уѣздный городъ Архангельской губ., расположенъ на правомъ (возвышенномъ) берегу рѣки Пинеги, въ 205 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Архангельска. На мѣстѣ нынѣшняго города въ началѣ XVII вѣка стоялъ погостъ Волокъ-Пинежскій, о которомъ упоминается въ актахъ 1607 года. Названіе погостъ получилъ отъ того, что отсюда проходилъ волокъ съ рѣки Пинеги (притокъ Сѣверной Двины) на рѣку Кулой (притокъ Бѣлаго Моря). Волость Волоко-Пинежская была населена черносошными государственными крестьянами и находилась въ уѣздѣ Кевроля, что нынѣ село Воскресенское, въ 80 вер. отъ Пинеги. Въ 1780 г., при учрежденіи Архангельской области, уѣздное управленіе переведено въ погостъ Волокъ-Пинежскій съ переименованіемъ его въ городъ „Пинегъ". Нынѣ городъ имѣетъ до 1,000 жителей, главныя занятія которыхъ хлѣбопашество, скотоводство и рыбная ловля. Заводская промышленность ничтожна; торговля также маловажна и оживляется лишь въ ярмарочное время. Изъ ярмарокъ важнѣйшая Никольская (съ 4 по 12 декабря). Ярмарочная торговля состоитъ въ обмѣнѣ мѣстныхъ произведеній, а именно лошадей мезенской и березовской породы, рыбы привозимой изъ Пинежскаго, Мезенскаго и Березовскаго уѣздовъ, пушнаго товара, кожъ и мяса - на хлѣбъ, привозимый изъ Вологодской губ., красный товаръ и другія мануфактурныя издѣлія.

Рогнѣда и Владиміръ. (Рис. на стр. 100).

Когда Владиміръ - князь (впослѣдствіи Равноапостольный) былъ еще язычникомъ, онъ вступилъ въ борьбу со своими братьями, Ярополкомъ и Олегомъ. Эта борьба окончилась полною побѣдою Владиміра, который, послѣ побѣды, насильно взялъ за себя въ жены невѣсту брата Ярополка, Рогнѣду. Рогнѣда была Полоцкая княжна, дочь Рогволода, котораго Владиміръ убилъ и разорилъ его княжество. Впослѣдствіи, гордая красавица-Рогнѣда примирилась со своею участью и старалась быть доброю женою великому князю; но Владиміръ не остался ей вѣренъ. Утвердившись въ Кіевѣ, женолюбивый князь набралъ себѣ много другихъ женъ, а на Рогнѣду не сталъ обращать никакого вниманія. Рогнѣда не могла этого перенести и рѣшилась мстить Владиміру. Однажды она даже покусилась на жизнь его—хотѣла зарѣзать его сонного,—но онъ вдругъ проснулся и схватилъ ее за руку. Тутъ она начала ему говорить: „отца моего ты убилъ и землю его полонилъ для меня; а теперь не любишь меня и младенца-сына моего, Изяслава!" Но Владиміръ не слушалъ ея и рѣшился убить ее за покушеніе на жизнь мужа. Онъ велѣлъ Рогнѣдѣ одѣться въ богатый свадебный уборъ, сѣсть на постели въ опочивальнѣ и дожидаться его прихода. Рогнѣда повиновалась, но приняла свои мѣры предосторожности. Она дала обнаженный мечъ въ руки сыну своему Изяславу, и сказала ему: „спрячься здѣсь въ опочивальнѣ, и когда войдетъ отецъ, ты выступи и скажи ему: развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ?" Младенецъ-княжичъ исполнилъ все по наказу матери. Когда Владиміръ вступилъ въ опочивальню съ мечемъ въ рукахъ и вдругъ увидѣлъ Изяслава и услышалъ слова его—карающій мечъ выпалъ у него изъ рукъ. Онъ велѣлъ позвать бояръ и разсказалъ имъ все, какъ было. Бояре упросили Владиміра пощадить преступную жену ради младенца Изяслава; но они посовѣтовали дать Рогнѣдѣ съ сыномъ особый удѣлъ. Владиміръ согласился съ ихъ рѣшеніемъ: онъ построилъ Рогнѣдѣ городъ, который назвалъ „Изяславлемъ" (нынѣшнее мѣстечко *Заславль*, въ Минской губ.). Такъ гласитъ древнее преданіе объ участи Рогнѣды, и это преданіе послужило темою для извѣстной оперы знаменитаго нашего композитора Сѣрова—и для рисунка нашего талантливаго художника, который мы помѣщаемъ въ нынѣшнемъ № *Нивы*.

Споръ за добычу. (Рис. на стр. 101).

Если лѣтомъ и осенью буровато-сѣрая, землянаго цвѣта, шкурка зайца нерѣдко спасаетъ его отъ зоркаго глаза его враговъ, когда онъ прижмется къ землѣ въ кустахъ, — то зимою предательскій *маликъ* (заячій слѣдъ) на снѣгу выдаетъ его головой непріятелю, какъ ни старается косой наметать петель и запутать свои слѣды. И вотъ, выслѣженный охотникомъ и подстрѣленный зайка, едва имѣлъ силы удрать въ крѣпь (глухое мѣсто лѣса) и прикурнуть подъ кустикомъ, чтобы хоть умереть спокойно. Не тутъ-то было! На запахъ крови, съ одной стороны, слетаются вороны, а съ другой—по слѣдамъ пробралась лисица — и вотъ между этими хищниками завязывается борьба за добычу.

На богомолье. (Рис. на стр. 105).

Какъ только настанетъ лѣто съ его теплыми ночами, такъ и потянутся со всѣхъ концовъ Россіи вереницы богомольцевъ — однѣ на югъ къ святынямъ Кіевскимъ, другія на сѣверъ къ обителямъ Валаамскимъ и Соловецкимъ и т. д. Посохъ въ рукѣ, да холстинный мѣшокъ со скуднымъ запасомъ за плечами—вотъ и все что берется съ собой на дорогу; многіе обходятся и безъ этого, пропитываясь Христовымъ именемъ. Къ старикамъ и взрослымъ нерѣдко примыкаютъ и подростки. Вотъ передъ нами одинъ изъ нихъ, съ недѣтски серіозною думою въ глазахъ, очевидно наслушавшійся разсказовъ у разныхъ странниковъ и богомолокъ и теперь горящій нетерпѣливымъ желаніемъ увидѣть воочію всѣ тѣ чудеса, которыми полно его юное воображеніе.

Высадка въ Яффѣ. (Рис. на стр. 108).

Извѣстный въ библейской древности и славный во времена Крестовыхъ походовъ, прибрежный городъ Яффа лежитъ верстахъ въ 53 отъ Іерусалима къ сѣверо-западу. Сюда чаще всего прибываютъ богомольцы, чтобы отправиться въ Святой городъ. Хотя рейдъ не изъ хорошихъ, но въ тихую погоду высадка ихъ совершается безъ особенныхъ хлопотъ; но разъ море волнуется, чтобы пересадить пасажировъ съ судна въ лодку, приходится прибѣгать къ способамъ, въ родѣ того, который изображенъ на стр. 108. Кромѣ того, Яффа является оживленнымъ мѣстомъ торговли, съ оборотомъ до 4 милліоновъ рублей. Жителей въ городѣ насчитывается до 8,000 человѣкъ, изъ которыхъ четыре-пятыхъ—магометане.

Литературный альбомъ. „Ашикъ-Керибъ" Лермонтова. (Рис. на стр. 109).

Много лѣтъ тому назадъ жилъ въ Тифлисѣ бѣдный пѣсенникъ Ашикъ-Керибъ. Полюбилась ему единственная дочь богатаго турка, красавица Магуль-Мегери, и она полюбила сладкогласнаго пѣвца. Но не хотѣлъ Ашикъ-Керибъ бѣднякомъ жениться на богатой и отправился странствовать по бѣлу свѣту, чтобы нажить богатство, а Магуль-Мегери обѣщалась ожидать Керибъ семь лѣтъ.

По дорогѣ встрѣтился съ нимъ Куршудъ-бекъ, который сватался за Мегери, и похитилъ верхнюю одежду Керибъ, пока тотъ переправлялся черезъ рѣку. Возвратясь въ Тифлисъ, бекъ показывалъ одежду Керибъ и разсказывалъ объ его погибели. Всѣ повѣрили Куршуду, повѣрили мать и сестра Керибъ, только одна Магуль-Мегери считала слова бека выдумками и терпѣливо ожидала срока. Въ это время Ашикъ-Керибъ прибылъ въ Халафъ, понравился тамъ нашѣ своими пѣснями и зажилъ у него во дворцѣ припѣваючи, да добро наживаючи. Такъ прошло семь лѣтъ. Оставалось только три дня до срока, когда случайно встрѣтилъ Керибъ тифлисскій купецъ и напомнилъ пѣвцу о Мегери. Живо собрался Керибъ въ путь,—но какъ поспѣть въ три дня до Тифлиса, когда и въ два мѣсяца нельзя было совершить весь путь. И взмолился несчастный Керибъ Аллаху, и послалъ ему Аллахъ Хадерпліаза, Св. Георгія, и примчалъ его Хадерпліазъ въ Тифлисъ въ то время, когда справляли свадьбу Куршудъ-бека съ Магуль-Мегери. Пришелъ на свадьбу Керибъ и запѣлъ о своемъ чудесномъ путешествіи. Узнала Мегери голосъ долгожданнаго друга и бросилась къ нему на шею. Никто не хотѣлъ вѣрить разсказу Керибъ, но онъ, въ доказательство истины, взялъ изъ-за пазухи комокъ грязи изъ подъ копыта Хадерпліазова коня, помазалъ глаза своей слѣпой матери, и она прозрѣла. Послѣ того Куршудъ безмолвно уступилъ Керибу прекрасную Магуль-Мегери, а самъ женился на красивой сестрѣ Керибъ...

Библиотека "Руниверс"

Голландки, бѣгущія на конькахъ въ городъ на базаръ. Рис. Николе, грав. Вайисъ.

Библиотека "Руниверс"

Голландки, бѣгущія на конькахъ въ городъ на базаръ. (Рис. на стр. 113).

Тамъ, гдѣ снѣгъ и ледъ держатся въ теченіе всей зимы, пѣшеходы пользуются ими какъ самыми удобными путями сообщеній. Въ Канадѣ и Норвегіи для этой цѣли служатъ особаго устройства лыжи, въ Голландіи по безчисленнымъ каналамъ и рѣчкамъ мужчины, женщины и дѣти бѣгаютъ на конькахъ. Здѣсь всѣ—конькобѣжцы не ради удовольствія, а такъ-сказать, по дѣлу: крестьянинъ спѣшитъ на базаръ, купецъ въ свою лавку, рабочій на мѣсто сбора артели, цѣлыя семьи съ багажемъ и ребятами на рукахъ перебираются изъ города въ городъ. Разстоянія въ Голландіи не велики: студенты, напр., изъ Утрехтскаго университета успѣваютъ въ одинъ день прибыть къ обѣду въ Амстердамъ и вернуться къ вечеру въ Утрехтъ; изъ Лейдена въ Амстердамъ хорошіе конькобѣжцы приходятъ въ часъ. На нашемъ рисункѣ изображены крестьянки, спѣшащія со своими продуктами въ городъ.

Памятникъ графу Муравьеву-Амурскому. (Рис. на стр. 116).

Съ 10 по 14 января въ Михайловскомъ манежѣ былъ выставленъ памятникъ знаменитому воину и администратору графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому, столь много и благотворно потрудившемуся на пользу нашей родины, на далекихъ ея окраинахъ.

Графъ Николай Николаевичъ родился въ 1809 году. Воспитаніе онъ получилъ въ Пажескомъ Корпусѣ, гдѣ по успѣхамъ въ наукахъ былъ первымъ и имя его помѣщено на мраморной доскѣ. Въ 1826 году, въ званіи камеръ-пажа, онъ присутствовалъ при Священномъ Коронованіи Императора Николая Павловича въ Москвѣ. Выпущенный въ 1827 году прапорщикомъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ, онъ принималъ участіе въ Турецкой и Польской войнахъ 1828—1829 и 1830—1831 годовъ и былъ пожалованъ чинами и орденами. Перейдя черезъ 8 лѣтъ на службу въ войска Кавказскаго округа, Н. Н. Муравьевъ нерѣдко принималъ участіе въ дѣлахъ съ горцами и былъ, между прочимъ, тяжело раненъ, въ 1839 году, при взятіи Ахульго. Въ слѣдующемъ году, въ чинѣ генералъ-маіора, Н. Н. Муравьевъ получилъ самостоятельный постъ начальника втораго отдѣла Черноморской береговой линіи. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ должности тульскаго генералъ-губернатора, Н. Н. Муравьевъ былъ назначенъ, въ 1847 году, генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири и вступилъ въ эту должность 14 марта 1848 года. Съ самаго начала своего управленія Восточною Сибирью, Н. Н. Муравьевъ обратилъ особое вниманіе на громадное значеніе, какое можетъ имѣть для Россіи рѣка Амуръ, въ чемъ онъ еще болѣе убѣдился по обозрѣніи ввѣреннаго ему края въ 1849 году. Эта поѣздка убѣдила его въ необходимости тѣхъ мѣръ, какія были вызваны войною 1854—1855 года для защиты береговыхъ областей Восточной Сибири отъ непріятеля и которыя нашли блестящее оправданіе въ славной защитѣ Петропавловска въ августѣ 1854 года.

Для лучшаго ознакомленія съ Амуромъ и прилегающимъ къ этой рѣкѣ обширнымъ краемъ на мѣстѣ, Н. Н. Муравьевъ совершилъ по рѣкѣ, въ то время мало изслѣдованной, четыре экспедиціи: въ 1854, 1855, 1857 и 1858 гг. Съ цѣлью болѣе прочнаго укрѣпленія рѣки Амура за Россіею, Н. Н. Муравьевъ послѣдовательно сформировалъ въ Восточной Сибири два казачьихъ войска, первоначально Забайкальское, а потомъ Амурское, чѣмъ усилилъ число войскъ въ Восточной Сибири, которое до того времени было крайне незначительно, и кромѣ того положилъ основаніе нашимъ военнымъ морскимъ силамъ на Тихомъ океанѣ.

Усилія Н. Н. Муравьева къ упроченію за Россіею Амурскаго края блистательно увѣнчались Айгунскимъ трактатомъ, заключеннымъ имъ 16 мая 1858 года, за что 26 августа 1858 года онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и возведенъ въ графское достоинство, съ прибавленіемъ къ его фамиліи названія „Амурскаго".

Расширеніе предѣловъ Россіи въ Восточной Сибири къ Тихому океану завершилось Пекинскимъ трактатомъ 2 ноября 1860 года, по которому опредѣлилась нынѣ существующая граница Россіи съ Китаемъ и закрѣпленъ за Россіею обширный край, лежащій между рѣкою Уссури, Восточнымъ океаномъ и границею Кореи, указанный Н. Н. Муравьевымъ при посѣщеніи имъ портовъ Восточнаго океана.

Во время своего почти четырнадцати-лѣтняго управленія Восточною Сибирью (съ 1847 по 1861 годъ) онъ осуществилъ многія реформы въ ея устройствѣ, бытѣ, гражданскомъ управленіи. Въ числѣ такихъ реформъ необходимо упомянуть о преобразованіи Нерчинскихъ горныхъ заводовъ, съ освобожденіемъ горнозаводскихъ крестьянъ отъ обязательнаго труда, объ устройствѣ сибирскихъ инородцевъ, о золотопромышленности и о кяхтинской торговлѣ.

Въ 1861 году графъ Муравьевъ-Амурскій былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и, спустя 20 лѣтъ, скончался 18-го ноября 1881 года.

Изображенный нами на стр. 116 памятникъ славному русскому дѣятелю сооружается по всеобщей подпискѣ, которая достигла почти 55,000 рублей.

Для сооруженія памятника былъ избранъ комитетъ, имѣвшій во главѣ приамурскаго генералъ-губернатора барона Корфа въ Сибири, и въ С.-Петербургѣ товарища министра народнаго просвѣщенія князя М. С. Волконскаго, одно время работавшаго подъ руководствомъ покойнаго графа. Изъ представленныхъ на конкурсъ 19-ти проектовъ памятника комитетомъ былъ избранъ проектъ академика Опекушина, который затѣмъ и удостоился Высочайшаго утвержденія. Статуя исполнена самимъ авторомъ проекта и изображаетъ графа въ формѣ Амурскихъ казаковъ со скрещенными на груди руками. Высота статуи 1/3 всего памятника. Отлита она Гавриловымъ и вѣситъ 240 пудовъ. Статуя будетъ отправлена чрезъ Одессу и Владивостокъ въ Хабаровку, гдѣ ее поставятъ на высокой скалѣ, отвѣсно спускающейся къ Амуру. При памятникѣ устраивается инвалидный домъ имени графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.

Прибытіе эрцгерцога Австрійскаго Франца-Фердинанда Эсте въ СПБ. (Портр. на стр. 117).

Прибывшій въ СПБ. эрцгерцогъ Австрійскій Францъ-Фердинандъ Эсте, біографію котораго мы дали въ 1889 году (№ 7 *Нивы*), считается наслѣдникомъ престола Габсбурговъ, хотя и не объявленъ таковымъ офиціально. Его высочество, какъ извѣстно, прибылъ съ собственноручнымъ письмомъ императора Франца-Іосифа къ Государю Императору. Высокому гостю отведены аппартаменты въ такъ-называемыхъ новыхъ покояхъ Императорскаго Эрмитажа, отличающихся богатствомъ и изяществомъ. Убранство десяти парадныхъ комнатъ, предназначенныхъ для его высочества, по-истинѣ сказочное. Рѣдкостныя картины знаменитыхъ художниковъ, великолѣпныя мраморныя изваянія, художественно расписанные плафоны, золото, малахитъ, мозаика, колонны изъ яшмы и порфира, двери изъ черепахи и палисандроваго дерева, драгоцѣнныя драпировки и мебель,—все это придаетъ покоямъ необычайно роскошный видъ. Въ помѣщеніи находится 1 пріемная, 6 гостиныхъ и танцовальная зала. Къ нимъ примыкаютъ внутренніе покои. Поразительно великолѣпіе танцовальной залы. Потолокъ раздѣленъ рельефными позолоченными орнаментами на пять полей, изъ которыхъ въ среднемъ находится превосходная картина — боги Олимпа. Стѣны непосредственно подъ потолкомъ украшены фресками миѳологическаго содержанія, затѣмъ слѣдуетъ фризъ, прерываемый широкими полосами зеленаго и розоваго мрамора. Бѣлые мраморные камины, громадныя зеркала въ позолоченныхъ рамахъ, колонны изъ пестрой сибирской яшмы украшаютъ эту залу съ шестью дверями изъ черепахи.

Нелли Мельба. (Портр. на стр. 117).

Въ настоящее время на сценѣ Императорской русской оперы гастролируетъ примадонна парижскаго „Théâtre de L'Opéra" г-жа Мельба, стяжавшая себѣ за границей громкую славу. Нелли Мельба—англичанка, уроженка Мельборна, въ Австраліи, отъ мѣста родины заимствовавшая театральный псевдонимъ, настоящая же ея фамилія по мужу Армстронгъ. Замужъ она вышла семь лѣтъ тому назадъ за сына баронета Армстронга.

Г-жа Мельба составляетъ гордость ея профессора пѣнія, г-жи Маркези, у которой она училась нѣсколько лѣтъ. Голосъ примадонны, лирическое сопрано очень красиваго тембра, звученъ и обширенъ по діапазону, манера пѣнія въ высшей степени изящна и граціозна; артистка поетъ съ такою легкостью, какъ бы шутя. Репертуаръ г-жи Мельба весьма обширный, главною же ролью артистки считается роль Офеліи въ оперѣ Тома „Гамлетъ", гдѣ г-жа Мельба воспроизводитъ художественно законченный типъ, отдѣлывая роль до мельчайшихъ деталей; очень жаль, что Петербургъ не увидитъ артистки въ этой оперѣ, но, какъ мы слышали, г-жа Мельба будетъ приглашена на будущій сезонъ опять на гастроли, такъ что можетъ быть въ будущемъ году и на нашей оперной сценѣ пойдетъ „Гамлетъ",—и мы будемъ имѣть случай посмотрѣть знаменитую артистку въ лучшей ея роли. Въ настоящій же свой пріѣздъ г-жа Мельба появится всего въ десяти представленіяхъ и затѣмъ уѣзжаетъ въ Парижъ, гдѣ она должна быть къ 20 февраля, чтобы пѣть въ театрѣ „Grand Opéra".

Янъ и Эдуардъ Решке. (Портр. на стр. 117).

Гастролирующіе въ СПБ. братья Решке — уроженцы Варшавы. Вся семья Решке очень музыкальна; въ домѣ ихъ родителей всѣ выдающіеся артисты и знаменитости, посѣщавшіе Варшаву, находили самый радушный пріемъ. Мать братьевъ Решке сама когда-то готовилась къ сценической дѣятельности и въ сороковыхъ годахъ съ успѣхомъ дебютировала въ Миланскомъ театрѣ „La-Scala". Сестра Яна и Эдуарда Решке, Жозефина, до выхода замужъ была примадонной Большой Оперы въ Парижѣ. Янъ Решке, еще будучи мальчикомъ, пѣлъ въ костелѣ, гдѣ его голосъ обращалъ вни-

Библиотека "Руниверс"

маніе знатоковъ, и ему еще тогда предсказывали артистическую карьеру; юный пѣвецъ однако не увлекался похвалами и, по выходѣ изъ гимназіи, поступилъ въ университетъ на юридическій факультетъ, но, не окончивъ курса, уѣхалъ въ Италію, гдѣ занимался подъ руководствомъ знаменитаго короля баритоновъ, Котони, подготовляясь къ дебюту на сценѣ.

Профессора пѣнія сначала признали у Яна Решке баритонный голосъ, и первый дебютъ пѣвца былъ въ качествѣ баритона въ оперѣ „Фаворитка" въ Венеціи въ 1874 году. Успѣхъ юнаго артиста открылъ ему двери итальянскихъ театровъ въ Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ онъ въ теченіе трехъ лѣтъ шелъ со среднимъ успѣхомъ, едва справляясь съ голосомъ (баритонъ), который съ каждымъ годомъ все повышался. Въ 1878 году Янъ Решке бросаетъ сцену и начинаетъ вновь учиться; въ теченіе двухъ лѣтъ онъ изучаетъ уже теноровый репертуаръ и въ 1880 году въ Мадридѣ пробуетъ дебютировать въ теноровой партіи въ оперѣ „Робертъ-Дьяволъ". Послѣ двухъ представленій, оставшись самъ собой недоволенъ, не смотря на прекрасный пріемъ, онъ возвращается еще на годъ къ труду. Черезъ годъ въ Парижѣ, по предложенію Масенс, Янъ Решке поетъ въ оперѣ „Продіада" главную роль, и здѣсь на его долю выпадаетъ первый крупный успѣхъ. Съ этого дебюта теноръ Решке получаетъ постоянный ангажементъ въ парижскій театръ „Grand Opéra", гдѣ поетъ въ операхъ „Фаустъ", „Аида", „Пророкъ", „Ромео", „Африканка" и др. въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ въ году, затѣмъ два лѣтнихъ мѣсяца проводитъ въ Лондонѣ, гдѣ пѣлъ въ Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ въ вышепоименованномъ репертуарѣ и, кромѣ того, въ „Гугенотахъ", „Балъ-Маскарадѣ", „Эсмеральдѣ", „Лоэнгринѣ", „Карменъ" и друг.

По окончаніи гастролей въ Петербургѣ, Янъ Решке уѣзжаетъ въ Варшаву, потомъ въ Монте-Карло, на лѣто ангажированъ въ лондонскій Ковентъ-Гарденъ, гдѣ будетъ пѣть шестой сезонъ, осенью же ѣдетъ въ Сѣверную Америку.

Эдуардъ Решке (басъ) первоначально готовился быть сельскимъ хозяиномъ и образованіе получилъ въ агрономическомъ институтѣ, но по совѣту брата, открывшаго въ немъ прекрасный голосъ, отправился въ Италію, гдѣ въ теченіе шести лѣтъ учился пѣнію у профессоровъ Колетти и Стеллера. Первый его дебютъ въ парижской итальянской оперѣ въ „Аидѣ" въ 1876 году въ присутствіи Верди былъ настолько удаченъ, что артистъ получилъ тотчасъ же ангажементъ въ миланскій театръ „La Scala", и пѣлъ тамъ два зимнихъ сезона, а затѣмъ въ Туринѣ, Генуѣ, Пессабонѣ, откуда приглашенъ къ намъ въ Петербургъ, затѣмъ ангажированъ въ Лондонъ въ Ковентъ-Гарденъ, гдѣ поетъ съ братомъ. Репертуаръ Эдуарда Решке состоитъ изъ 50-ти оперъ.

Лѣтомъ братья Решке ежегодно возвращаются въ Россію и живутъ у себя въ деревнѣ, гдѣ у нихъ прекрасно устроенное помѣстье, боскій заводъ чистокровныхъ лошадей и скаковая конюшня. Спортъ и охота — это самыя любимыя занятія братьевъ Решке внѣ театра.

Политическое обозрѣніе.

Порядокъ дальнѣйшаго путешествія Наслѣдника Русскаго престола по дальнему Востоку измѣнился. По словамъ *Times*, время пребыванія Наслѣдника Цесаревича въ Калькуттѣ сокращено, такъ какъ Его Высочество пожелалъ посѣтить своего Августѣйшаго брата, заболѣвшаго лихорадкою и оставшагося на русскомъ военномъ суднѣ въ Бомбеѣ. Съ этою цѣлью Наслѣдникъ Цесаревичъ по осмотрѣ монетнаго двора и музея и посѣтивъ садовый праздникъ у вице-короля, въ 9 часовъ вечера отбылъ въ экстреннымъ поѣздомъ въ Бомбей 16 января. Въ Бомбеѣ пребываніе Наслѣдника Цесаревича имѣло совершенно частный характеръ. Послѣ прощанія съ Августѣйшимъ братомъ, Его Высочество отправился 23 января въ Мадрасъ, а Великій Князь Георгій Александровичъ возвращается на крейсерѣ „Адмиралъ Корниловъ" въ Европу. Другія военныя суда ушли въ Коломбо, гдѣ застанутъ Наслѣдника Цесаревича.

Въ Италіи, министръ-президентъ Криспи подалъ прошеніе объ отставкѣ, вслѣдствіе пораженія въ палатѣ депутатовъ по финансовому вопросу. 19 января въ палатѣ происходило обсужденіе законопроекта о временномъ увеличеніи таможенныхъ пошлинъ съ тяжелыхъ маслъ и пошлины на изготовленіе алкоголя. Палата и трибуны были переполнены. Всѣ министры были на лицо. Г. Криспи поставилъ кабинетный вопросъ. Палата, большинствомъ 186 голосовъ противъ 123, отвергла предложенную депутатомъ Вилла и принятую правительствомъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, заявляющую, что палата принимаетъ къ свѣдѣнію объясненія правительства. Г. Криспи заявилъ, что испроситъ приказаніе короля, и въ 10 ч. 30 м. вечера подалъ прошеніе объ отставкѣ. Король еще не объявилъ о своемъ рѣшеніи. Всѣ парижскія газеты выражаютъ удовольствіе по поводу паденія Криспи, которое можетъ только содѣйствовать сближенію Франціи съ Италіей. Изъ вѣнскихъ газетъ нѣкоторыя находятъ, что паденіе Криспи является сильнымъ потрясеніемъ тройственнаго союза и говорятъ, что преемнику его придется принимать въ расчетъ несомнѣнно существующее въ Италіи сочувствіе къ Франціи. Въ Германіи паденіе Криспи произвело также непріятное впечатлѣніе. Большинство берлинскихъ газетъ впрочемъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что отъ отставки Криспи тройственный союзъ не пострадаетъ, потому что союзъ есть де „европейскій институтъ", отъ людей независящій.

Въ Австріи вышелъ въ отставку министръ финансовъ Дунаевскій. Въ офиціальной газетѣ уже опубликованъ императорскій рескриптъ, въ которомъ сказано, что министръ финансовъ Дунаевскій, согласно прошенію, увольняется, но болѣзни, въ отставку и что вмѣсто него назначается министромъ финансовъ начальникъ отдѣленія министерства юстиціи д-ръ Штейнбахъ. За оказанныя Дунаевскимъ услуги императоръ жалуетъ ему орденъ св. Стефана перваго класса и назначаетъ его пожизненнымъ членомъ палаты господъ. Вѣнскія газеты съ радостью встрѣтили вѣсть объ отставкѣ Дунаевскаго. *Neue Freie Presse* говоритъ, что всюду, гдѣ живутъ нѣмцы, паденіе Дунаевскаго вызоветъ живѣйшее удовольствіе. Назначеніе Штейнбаха на должность министра финансовъ одобряется либеральными газетами, которыя съ похвалою указываютъ на его прежнюю дѣятельность. По поводу его брошюры „Обязанности капитала" („Die Pflichten des Kapitals"), въ которой высказаны рѣзкіе взгляды относительно подвижнаго капитала и которая обратила на себя общее вниманіе, въ финансовыхъ кружкахъ и на биржѣ ожидаютъ, что новый министръ финансовъ не станетъ примѣнять выводовъ своей брошюры, а будетъ сообразоваться съ практическими условіями. Чешскія газеты заявляютъ, что вмѣстѣ съ Дунаевскимъ рухнуло существовавшее донынѣ большинство и совершилось отклоненіе графа Таафе въ сторону нѣмецко-либеральной партіи.

Въ Опорто, въ Португаліи, произошелъ военный бунтъ, и возмутились 3 полка, но большая часть мѣстнаго гарнизона осталась вѣрною правительству. Движеніе, носившее республиканскій характеръ, ограничилось, впрочемъ, только площадью Домъ-Педро. Мятежниковъ загнали въ ратушу, вскорѣ они сдались войскамъ, оставшимся вѣрными правительству. Возмущеніе подавлено.

Въ Петербургъ прибылъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ Эсте, портретъ котораго данъ на стр. 117. По этому поводу въ органѣ князя Бисмарка *Hamburger Nachrichten* напечатана обратившая на себя всеобщее вниманіе замѣтка. Въ ней говорится, что поѣздка эта свидѣтельствуетъ о желаніи Австріи обезпечить себѣ возможность быть въ дружбѣ съ Россіей. „Австрія,—прибавляетъ газета,—чувствуетъ, что руководящее положеніе ея въ тройственномъ союзѣ будетъ тѣмъ болѣе обезпечено, чѣмъ дружественнѣе будутъ ея связи съ Россіей". Австрійскій правительственный органъ *Presse* нападаетъ на *Hamburger Nachrichten* за сообщеніе, будто Австрія до извѣстной степени злоупотребляетъ союзомъ съ Германіей, чтобы устроить свои дѣла съ Россіей. *Presse* говоритъ, что въ предѣлахъ, начертанныхъ союзомъ, Австрія, какъ при Бисмаркѣ, такъ и теперь, имѣетъ право регулировать собственныя свои отношенія къ третьей державѣ въ пользу континентальнаго мира или сообразно собственнымъ своимъ интересамъ

Смѣсь.

Старанія англичанъ, по настоянію извѣстнаго путешественника по Сибири капитана Виггинса, сдѣлать полезнымъ для торговли морской путь въ Сибирь, въ прошломъ году увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Всѣ корабли отплывшіе изъ Англіи достигли Енисея. О морскомъ пути въ Сибирь обстоятельно излагается въ брошюрѣ Бутлера и Флечеръ-Фана „The sea route to Siberia", которая вмѣстѣ съ тѣмъ хлопочетъ о безопасности пути, установленіи морскихъ значковъ, спасательныхъ и метеорологическихъ станцій и т. п. (к.)

Нынѣшняя зима отличается необычайными холодами въ южныхъ частяхъ Европы. Въ Парижѣ Сена замерзла съ 31 декабря, и болѣе 50 дней стоятъ сильные морозы. Пароходства по Сенѣ, уличныя работы совершенно прекратились. Болѣе бѣдное населеніе положительно бѣдствуетъ вслѣдствіе дороговизны топлива. Жертвами простуды между прочимъ стали баронъ Гаусманъ, извѣстный Сенскій префектъ при Наполеонѣ III, и скульпторы Милле и Делапланше, скончавшіеся отъ воспаленія легкихъ. Замерзли также Сона въ Шалонѣ и Рона въ Бокерѣ и Тарасконѣ.

Наоборотъ, въ Австраліи стоятъ жаркіе дни. Редакторы трехъ сиднейскихъ газетъ съ семействами и всѣмъ персоналомъ редакціи, въ числѣ 600 человѣкъ, предприняли 1 декабря увеселительную поѣздку въ Ботани-бей и до такой степени страдали отъ жары, что получили нѣкоторое облегченіе лишь добравшись до лѣса. За-

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ разразилась гроза, при чемъ молнія разрушила два дома.

Сіамскій король вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ играетъ роль современнаго Гаруна-аль-Рашида. Не довольствуясь неожиданными посѣщеніями общественныхъ учрежденій столицы, онъ ѣздитъ инкогнито по Банкокской конно-желѣзной дорогѣ, и безъ свиты, одѣтый какъ частное лицо, бродитъ днемъ и ночью по улицамъ столицы. Образованный монархъ безъ сомнѣнія принимаетъ близко къ сердцу благо своихъ подданныхъ, и можно ожидать, что воспользовавшись добытыми собственнымъ наблюденіемъ свѣдѣніями, онъ улучшитъ положеніе сословій и введетъ реформы, въ которыхъ такъ нуждается страна. (к.)

Одна американка, по фамиліи Шельдонъ, желая подражать Станлею, ѣдетъ въ Африку. Она отправится въ февралѣ въ Занзибаръ, оттуда въ Мозамбикъ и затѣмъ объѣдетъ Центральную Африку, съ цѣлью изучить семейную жизнь дикихъ племенъ. Она беретъ съ собою фонографъ, чтобы привести въ отечество образчики африканскихъ голосовъ. Кромѣ особаго паспорта отъ государственнаго секретаря Блэна, она запаслась письмами отъ Станлея. Ея спутниками будутъ исключительно арабскія и негритянскія женщины и можетъ-быть военный отрядъ. (к.)

Шахматный маэстро Стейницъ недавно игралъ въ шахматномъ Manhattan-клубѣ съ г. Маршалломъ изъ Санъ-Франциско. Когда Стейницъ намѣревался сдѣлать ходъ, Маршаллъ сталъ утверждать, что очередь ходить за нимъ. Стейницъ рѣшительно возсталъ противъ этого, и противникъ его уступилъ. Но послѣ шести слѣдующихъ ходовъ Маршаллъ снова сталъ утверждать, что имѣлъ ходомъ меньше—и это повело къ кропотливому разбиранію партіи. Тогда Стейницъ смѣшалъ фигуры, поставилъ ихъ на доску въ первое положеніе и снова быстро провелъ партію до 19-го хода и доказалъ, при громкихъ одобреніяхъ зрителей, что онъ правъ. Стейницъ уже раньше игралъ въ этотъ вечеръ 26 партій, что дѣлаетъ еще удивительнѣе этотъ случай. (к.)

Потсдамская „историческая“ мельница. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ о Фридрихѣ II и мельникѣ изъ Санъ-Суси; гораздо менѣе извѣстно слѣдующее обстоятельство. Одинъ изъ владѣльцевъ „исторической“ мельницы, находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, предложилъ королю Фридриху-Вильгельму III купить ее на сломъ. Резолюція короля была такая: „онъ не имѣетъ права продавать мельницы, ибо она принадлежитъ не ему, а исторіи“. Послѣ этого, король ежегодно помогалъ мельнику, представлявшему ему роспись своихъ доходовъ и расходовъ, и уплачивалъ разницу (въ случаѣ если расходы превышали). Но историческая мельница оказалась плохимъ предпріятіемъ, не будучи въ состояніи конкурировать съ другими мельницами, хоть тѣ и не получали субсидій. Приплаты короля постепенно возрастали и достигли 700 талеровъ. По смерти Фридриха - Вильгельма III мельникъ струхнулъ, потому что не имѣлъ никакихъ письменныхъ доказательствъ относительно приплатъ короля. Осенью 1840 г. онъ по обычаю заведенному Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, съ трепетомъ поднесъ новому монарху хлѣбъ изъ муки перваго помола этого года и при этомъ молча подалъ свою роспись. На другой день онъ получилъ деньги. Король обѣщалъ мельнику, что все будетъ по старому какъ и при покойномъ монархѣ и что мельница будетъ стоять въ Санъ-Суси, пока будетъ стоять самъ замокъ Санъ-Суси. Съ 1858 года мельница уже перестала работать; 3 февраля 1867 года всѣ четыре крыла ея были сломаны бурей, такъ что она требуетъ почти полнаго возстановленія. (к.)

Книга-великанъ. Изъ Лондона сообщаютъ: Азіатскому Обществу въ Бенгаліи удалось пріобрѣсти за 3,000 рупій изъ одного Тибетскаго буддійскаго монастыря экземпляръ Тангуп'я, гигантской энциклопедіи буддизма. Сочиненіе содержитъ 225 томовъ, изъ которыхъ каждый длиною въ 2 фута и толщиною въ 6 дюймовъ. Русское правительство купило нѣсколько лѣтъ тому назадъ такой же экземпляръ въ Пекинѣ. Третій экземпляръ находится въ министерствѣ Индіи въ Лондонѣ. За

Памятникъ графу Николаю Николаевичу Муравьеву-Амурскому.
Работа академика Опекушина. По фотографіи А. И. Ренцъ и Ф. Шрауеръ, грав. Пуцъ.

Библиотека "Руниверс"

предѣлами Тибета болѣе нѣтъ другихъ экземпляровъ. (к.)

Клейнъ, ученый англійскій бактеріологъ послѣ трехлѣтнихъ наблюденій нашелъ, что дѣти, игравшія съ кошками, дѣлались склонными къ болѣзнямъ легкихъ, или заболѣвали дифтеритомъ, и наоборотъ, кошки заражались этою болѣзнью отъ больныхъ дѣтей. Дѣлая кошкамъ различныя прививки, Клейнъ замѣтилъ, что онѣ наиболѣе склонны къ болѣзнямъ легкихъ и могутъ служить разсадниками дифтерита. (к.)

Мель изъ саранчи въ Красномъ морѣ. Какъ бы въ доказательство громадности массъ саранчи при ея перелетахъ, сообщаютъ, что шедшій изъ Азіи въ Марсель почтовый пароходъ „Янгъ-Тзе" почти цѣлыя сутки пробивался черезъ настоящую мель изъ мертвыхъ тѣлъ саранчи, плывшихъ по поверхности Краснаго моря. Полоса, которую густо покрывали маленькія животныя, занимала много нѣмецкихъ географическихъ миль. (к.)

Эрцгерцогъ Австрійскій Францъ Фердинандъ Эсте.

нымъ свойствомъ обладаетъ соединеніе глицерина съ известковой водой въ равныхъ частяхъ. (к.)

Нѣчто о березѣ. По словамъ одного англійскаго спеціально-техническаго журнала, береза способна переносить гораздо болѣе холодный климатъ, чѣмъ всякое другое дерево. Наибольшая сѣверная широта, выше которой она уже не встрѣчается, есть 71° для западной части Стараго Свѣта и 63° для восточной части его. Въ Америкѣ же эта предѣльная широта нѣсколько ниже, а именно: 64° на западѣ, и 58° на востокѣ. Наибольшая высота, на которой найдена береза въ Германіи, находится на 5,200 футовъ надъ уровнемъ моря. Въ Швеціи эта высота достигаетъ 3,900 фут., а въ Лапландіи — только 1,722 фут. Замѣчательно, что ростъ этого дерева уменьшается не только по мѣрѣ удаленія его къ сѣверу, но даже и къ югу, отъ мѣста его родины. Наивысшаго совершенства и наибольшей высоты береза достигаетъ въ Германіи и южной Швеціи. Въ выборѣ почвы или мѣста это дерево далеко не разборчиво: оно одинаково хорошо растетъ и въ песчаной или каменистой почвѣ, и въ сухой или влажной. (х.)

Янъ Решке (теноръ).
Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Нелли Мельба.
Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Эдуардъ Решке (басъ).
Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

При небольшихъ обжогахъ помогаетъ частое и обильное прикладываніе глицерина, который препятствуетъ образованію волдырей и очень быстро заживляетъ обжогъ. Такимъ же цѣлительным свойствомъ обладаетъ соединеніе глицерина съ известковой водой въ равныхъ частяхъ. (к.)

Библіографія.

Намъ присланъ первый № новаго ежемѣсячнаго журнала *Метеорологическій Вѣстникъ*, издаваемаго съ нынѣшняго года Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, подъ редакціей А. И. Воейкова, М. А. Рыкачева и І. Б. Шпиндлера. Сначала напечатанъ списокъ учредителей журнала, внесшихъ не менѣе 25 р. единовременно, затѣмъ заявленіе редакціи.

Продолжается подписка на „НИВУ" 1891 г.

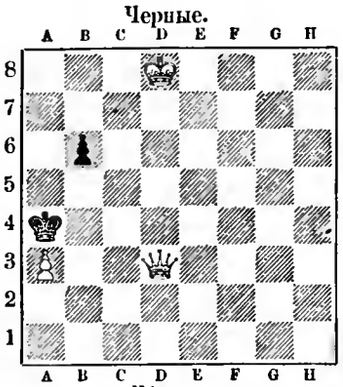
Подписная цѣна показана на первой страницѣ.

КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1891 Г. №№. СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ, СБОРНИКОМЪ и пр.

Библиотека "Руниверс"

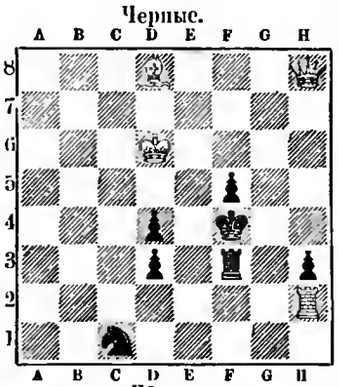
изъ котораго мы съ удовольствіемъ узнаемъ, что *Вѣстникъ* будетъ обращать самое серьезное вниманіе на потребности практической жизни, особенно сельскаго хозяйства. Первая статья „Отвѣты метеорологіи на запросы практической жизни", А. В. Клоссовскаго, имѣетъ именно такой характеръ; вторая—„О среднихъ мѣсячныхъ изобарахъ Европейской Россіи" А. А., съ 12 картами давленія воздуха, также имѣетъ большой интересъ, какъ и слѣдующая статья М. М. Поморцева о его полетѣ на воздушномъ шарѣ 11 сентября 1890 г.; затѣмъ идутъ мелкія извѣстія, весьма обстоятельныя рецензіи, дающія возможность слѣдить за литературой и, наконецъ, весьма живо написанный обзоръ погоды за декабрь 1890 года, съ двумя картами. Подписка принимается въ Имп. Русскомъ Географическомъ Обществѣ, у Чернышева моста, въ С.-Петербургѣ. Цѣна за годъ 5 руб. съ пересылкой и доставкой. Объемъ до 30 листовъ въ годъ.

Задача № 10.
O. Fuss'a.
Черные.



Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

Задача № 11.
W. Shinkman'a.
Черные.



Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

Матчъ Стейница съ Гунсбергомъ окончился 10 (22) января. Стейницъ выигралъ 7 партій, Гунсбергъ—4, ничьихъ 8.

Итакъ, Стейницъ еще лишній разъ утвердилъ за собой право называться первымъ шахматнымъ игрокомъ міра (the champion of the world).

Партіи втораго матча большею частью представляютъ упорную борьбу съ обѣихъ сторонъ, но, за немногими исключеніями, мало интересны.

Перечень всѣхъ партій матча Стейница съ Гунсбергомъ съ указаніемъ дебюта и результата каждой изъ нихъ. Но всѣхъ нечетныхъ партіяхъ бѣлыми игралъ Стейницъ.

1 партія.		Дебютъ ферз. пѣшки—ничья.	11 партія.		Деб. Цукерторта—ничья.
2	„	Испанск. и.—выигр. Стейницъ.	12	„	Гамбитъ Эванса—выигр. Гунсбергъ.
3	„	Дебютъ ферз. пѣшки—ничья.			
4	„	Итальянская партія—выигралъ Гунсбергъ.	13	„	Деб. Цуверт.—выигр. Стейницъ.
			14	„	Гамбитъ Эванса—ничья.
5	„	Деб. ферз. и.—выигр. Гунсбергъ	15	„	Деб. Цукерторта—ничья.
6	„	„ „ „ — „ Стейницъ.	16	„	Гамбитъ Эванса—выигр. Гунсбергъ.
7	„	„ „ „ — „ Стейницъ.			
8	„	Итальянская партія—ничья.	17	„	Деб. ферз. пѣшки—ничья.
9	„	Деб. Цукерторта (1 К f 3)—ничья.	18	„	Гамб. Эванса—выигр. Стейницъ.
			19	„	Деб. ферз. п.—выигр. Стейницъ.
10	„	Итальянская партія—выигралъ Стейницъ.	20	„	какъ не имѣвшая значенія, не играна.

ПАРТІЯ № 4.

Ферзевый гамбитъ.

7-я партія матча. Играна 10 (22) декабря 1890 г.

	В. Стейницъ. Бѣлые.	**И. Гунсбергъ.** Черные.		**В. Стейницъ.** Бѣлые.	**И. Гунсбергъ.** Черные.
1.	d 2 — d 4	d 7 — d 5	15.	Л. f 1 — d 1	c 5 : d 4
2.	c 2 — c 4	d 5 : c 4	16.	c 3 : d 4	f 7 — f 6?
3.	К. g 1 — f 3	К. g 8 — f 6	17.	c 4 : d 5!	f 6 : e 5
4.	e 2 — e 3	e 7 — e 6[1])	18.	d 5 — d6+	Кр. g8 — h 8
5.	С. f 1 : c 4	С. f8 — b4+[2])	19.	Ф. b 3 — d 5	К. e 4 : f 2[5])
6.	К. b 1 — c 3	0 — 0	20.	Л. d 1 — d 2[7])	К. b 8 — d 7
7.	0 — 0	b 7 — b 6	21.	Л. d 2 : f 2	К. d 7 — f 6[8])
8.	К. f 3 — e 5	С. c8 — b 7	22.	Л. f 2 : f 6!	g 7 — f 6[9])
9.	Ф. d 1 — b 3	С. b 4 : c3?[3])	23.	d 6 — d 7	Л. e 8 — g 8
10.	b 2 : c 3	С. b 7 — d5?[4])	24.	d 4 : e 5	Л. g 8 — g 5
11.	С. c 4 : d 5	e 6 : d 5	25.	Ф. d 5 : a 8!	Ф. d 8 : a 8
12.	С. c 1 — a 3	Л. f 8 — e 8	26.	Л. c 1 — c 8+	Л. g 5 — g 8
13.	c 3 — c 4	c 7 — c 5	27.	Л. c 8 : a 8	Л. g 8 : a 8
14.	Л. a 1 — c 1	К. f 6 — e 4?[5])	28.	e 5 — e 6	черные сдались.

Примѣчанія къ партіи.

1) Повидимому черные могли здѣсь защитить пѣшку c 4 ходомъ 4. . . . b 7 — b 5; напр. 4. . . . b 7 — b 5; 5. a 2 — a 4, c 7 — c 6; 6. К. f 3 — e 5, e 7 — e 6; 7. a 4 : b 5, c 6 : b 5 и если 8. Ф. d 1 — f 3?, то 8. . . . Ф. d 8 — d 5; или 6. b 2 — b 3, c 4 : b 3; 7. Ф. d 1 : b 3 (7. a 4 : b 5, С. f 8 — b 4+ и т. д. у черныхъ проходная пѣшка в) 7. . . . b 5 : a 4 или b 5 — b 4.

2) Лучше 5. . . . С. f 8 — d 6 или e 7.

3) Теперь лучше 9. . . . a 7 — a 5; 10. a 2 — a 3, Сл. d 6 или e 7; жертва слона на e 6 была бы въ пользу черныхъ.

4) Слѣдовало играть 10. . . . Л. f 8 — e 8 и затѣмъ К. b 8 — d 7.

5) Пора бы вывести кона b 8 на a 6.

6) Какъ бы черные ни играли, пѣшка d 6 должна рѣшить игру въ пользу бѣлыхъ.

7) Сильнѣе, чѣмъ брать королемъ.

8) Post festum!

9) Не лучше брать ферземъ на f 6, 23. d 6 — d 7, Л. ∞ 8; 24. d 4 : e 5, и т. д.

Вся партія есть наглядный примѣръ послѣдствій отрицанія или непониманія (?) значенія темпа въ развитіи игры, характернаго признака адептовъ „новой школы". Стейницъ ведъ всю партію со свойственной ему энергіей и тонкостью разсчета, когда онъ отрѣшался отъ своихъ теоретическихъ принциповъ и предоставлялъ слѣдовать имъ своему партнеру.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" проситъ Г.г. подписчиковъ, при высылкѣ дополнительныхъ денегъ за „Ниву" 1891 г., прилагать печатные адресы отъ бандеролей.

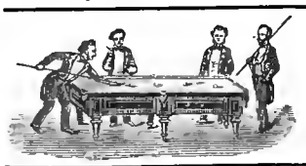
СОДЕРЖАНІЕ: **Мальтійская цѣпь.** Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ князя **М. Н. Волконскаго.** Ч. 1. (Продолженіе). — **Калѣна.** Разсказъ **Паріа Коригана.** — **Пѣвцы и танцоры у птицъ.** Очеркъ **М. Штауде.**—Къ рисункамъ: **Пинега** (съ рис.).—**Рогнѣда и Владиміръ** (съ рис.).—**Споръ за добычу** (съ рис.).—**На богомолье** (съ рис.). — **Высадка въ Яффѣ** (съ рис.). — **Литературный альбомъ.** „**Ашинъ-Керибъ**" **Лермонтова** (съ рис.).—**Голландки, бѣгущія на коньяхъ въ городъ на базаръ** (съ рис.).—**Памятникъ графу Муравьеву-Амурскому** (съ рис.).—**Прибытіе эрцгерцога Австрійскаго Франца-Фердинанда Эсте въ СПБ.** (съ портр.).—**Нелли Мельба** (съ портр.).—**Янъ и Эдвардъ Решке** (съ 2 портр.).—**Политическое обозрѣніе.**—**Смѣсь.**—**Библіографія.**—**О подпискѣ на „Ниву" 1891 г.**—**Шахматы.**—**Заявленіе.**—**Объявленія.**

При этомъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ" ЗА ФЕВРАЛЬ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" ЗА ФЕВРАЛЬ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться **въ Контору журнала „Нива"**, а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египетскаго моста, домъ № 7—2. № 4961 26—2
Иллюстрированныя прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ. желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH"
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 4677 8—6

ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА въ 10 УРОКОВЪ
УСТНО И ПО КОРЕСПОНДЕНЦІИ
ПОДРОБН. ОПИСАНІЕ ЗА 14 КОП. ПОЧТ. М.
С.П.Б. НЕВСКІЙ 20. КВ. 26.
ПР. С.М. ПРУШИНСКІЙ
Р. № 1982

ШАМИЛЬ НА КАВКАЗѢ
и въ Россіи. Біографическій очеркъ всей жизни кавказскаго героя съ портретами, составленъ М. П. Чичаговой. 2—1
Цѣна два рубля, за пересылку 37 к.
Складъ изданія. Колокольная улица д. № 3.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

60 к., 75 к., 1 р., 1 р. 25 к. до 5 р. съ полнымъ комфортомъ отдѣльныя комнаты во вновь перестроенной и значительно увеличенной Ц. № 4768 (7)
БОЛЬШОЙ ГОСТИННИЦѢ „РОССІЯ" ВЪ ХАРЬКОВѢ.
Лучшая кухня. Первоклассный ресторанъ. **Самыя умѣренныя цѣны** на всѣ предметы. Омнибусъ; ванны. Телефонъ. **Подъемная машина (lift)** во всѣ этажи. Уступка при болѣе продолжительномъ пребываніи. Подробный тарифъ высылается по требованію.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисоро-ямсмутовая пудра.
CHARLES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.
Ц. № 3767 (96)

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ
продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28 10

Библиотека "Руниверс"

Fleichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 4720 17—7

Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у **В. Аурихъ,** Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ЖЕЛУДОЧНЫЙ ГОРЬКІЙ НАБОРЪ ДЛЯ НАСТОЯ ВОДКИ провизора ДЕВЯТОВА (въ Рязани).

Настой изъ этого тринника имѣетъ пріятный вкусъ.

Цѣна за коробку на 1/4 ведра 45 коп.

Можно получить во многихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Главный складъ: Рязань, аптекарскій магазинъ Девятова. Ц. № 497

1891 (годъ шестой)

МАЛЮТКА

иллюстрированный журналъ для самыхъ маленькихъ дѣтей

12 книжекъ въ годъ и 12 премій игрушекъ.

Годовая цѣна 1 р. 50 к.

За доставку прилагается 1 руб. За 1887 1890 годы можно получить оставшіеся экземпляры по той же цѣнѣ въ конторѣ **Н. Печковской.**

Иногородные адресуются исключительно: **въ Москву, въ редакцію журнала „МАЛЮТКА“.** П. № 4971

Подписка безъ доставки принимается въ конторѣ **Н. Печковской.** (Москва, Петровскія Линіи).

на 1891 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1891 г.

Ш. № 4964 на ежедневную большую и дешевую газету 3—2

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Цѣна: годъ—**5** руб.; 1/2 года—**3** руб.; 1 мѣс.—**60** коп.

Подробности см. №№ **47, 48, 49** жур. **„Нива“** за 1890 годъ.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.

СКРИПКИ.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. **Альты, віолончели, басы. Смычки** 1 1/2—50 мар. **Футляры** 3 1/2—40 мар. **Цитры** 16—300 мар. **Гитары** 6 — 50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Пѣмая скрипка для ученья (собств. изобрѣт.). Мастерская для починокъ. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Саразате, Сорэ, Зиттеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-курранты безплатно.

Вывозъ. Опто. продажа.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ.

Ц. № 4787 Крейцмахъ. 9 7

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПАРОВОЙ ФАБРИКИ

В. Ф. БОНАКЕРЪ,

ВЪ МОСКВѢ, близъ Яузскаго моста, Серебряническій переулокъ, домъ бывш. Щукина. (Телефонъ

Продажа моихъ товаровъ производится у всѣхъ торговцевъ.

Фабричныя марки утверждены Правительствомъ.

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ВАКСА

ВЪ ЖЕСТЯНЫХЪ КОРОБКАХЪ (фабричное клеймо „СЛОНЪ“)

ДАЛЕКО ПРЕВОСХОДИТЪ СВОИМИ ОТЛИЧНЫМИ КАЧЕСТВАМИ ВСѢ СУЩЕСТВУЮЩІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ И РУССКІЯ ВАКСЫ.

дѣлаетъ кожу обуви мягкою, непромокаемою и даетъ ей необыкновенно яркій блескъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ВАКСА

въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо „Левъ“) равняется достоинствомъ лучшимъ ваксамъ другихъ фабрикъ.

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ МАЗЬ

въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо „Самоваръ“) самое хорошее средство для чистки и полировки всѣхъ металловъ, главнымъ образомъ, самоваровъ.

ЖЕСТЯНЫЯ КОРОБКИ

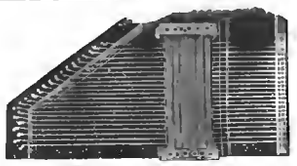
съ разнообразными печатными украшеніями, а также безъ оныхъ, для чая, кофе, кондитерскихъ и табачныхъ товаровъ, консервовъ и проч.

ЖЕСТЯНЫЕ ПЛАКАТЫ (вывѣски)

для рекламъ, печатанные художественно разными красками и рисунками.

Прейскуранты высылаются по требованію.

Ц. № 4974 1—1



УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:

съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.

„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей

Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

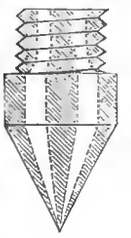
За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МІОЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (461 Ц. № 3864

Торговцамъ дѣлается скидка.



НАТЕНТОВАННЫЕ

ПОДКОВНЫЕ

ШИПЫ

съ 4-мя стальными жилами, втрое прочнѣе желѣзныхъ,

и обыкновенные

ЖЕЛѢЗНЫЕ ШИПЫ

по умѣреннымъ цѣнамъ, № 4933 завода 3—3

КОСЪ и ДЮРРЪ

Адмиралтейск. просп., уг. Гороховой, д. Гамбса.

С.-Петербургъ.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО!!

приготовленное лабораторіей **А. Эглундъ.**

Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость, употребляется какъ мыло.

Цѣна за пусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти пусковъ 2 р. 50 коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись **А. Эглундъ** красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.

Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 4409 12—12

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

А. ЭНГЛУНДЪ,

СПБ., Литейный пр., 56.

Для дамъ. ДЛЯ ТУАЛЕТА! № 4970 Для мужч.

Полужирная ПУДРА „ВЕЛЮРЪ“ для вечеровъ, для дня розовая и бѣлая, кремовая, мало замѣтна на лицѣ, кор. 75 коп.

Для холи усовъ Цинамеиновый фиксатуаръ изъ гл. с. ч. Перуиан. бальз. и Ланолина, черн., коричн. и бѣлый, кор. 35 к.

ВЪ АПТЕКАХЪ (требовать клеймо: звѣзду со львомъ) и складахъ.

Новость.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Фаяръ и Блэнъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность настолько повлияла много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Блэнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. Ц. № 4969 11—2

Только подлинно съ этой фабрикн. маркой.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ШТИТЦЪ и К°.

въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскимъ опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составѣ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.

*) **Цѣна:** бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо

Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ. Колокольная, 18 - 19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В № 4719 18—16

ЛЕНИНГЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2495

НОВОСТЬ МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!

ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

И ящ-о! Практично! Безопасно! Дешево!

Служитъ карманной спичечницей, давая ярко свѣтъ по цѣлымъ часамъ.

Сдѣлано изящно изъ никкеля. Только 1 1/4 вершины — удобно носить въ карманѣ.

Огниво съ 500 зарядами 2 руб.
Запасъ въ 1000 зарядовъ 50 коп. (Пер. 1 ф.

Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20.

На 1891 (IV) годъ открыта подписка на журналъ коммерч. и финанс. знаній

„СЧЕТОВОДСТВО“.

Одобр. Уч. Ком. М. Н. П. какъ заключ. много полезныхъ и интересныхъ статей.

Ред.-Изд. Ад. Мар. Вольфъ.

Цѣна 6 р. Программа высылается безплатно.

Изданіи журнала „Счетоводство“: **Двойная бухгалтерія въ популярн. очеркахъ.** Ц. 75 к. **Самоучитель да. бухгалтеріи.** Скубица. Ц. 1 р. 50 к.

Контора: С.-Петербургъ, Невскій, 64.

1865 1862 1846

А. РАЛЛЕ и К°.

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ НАСТОЯЩАГО-ЦВѢТОЧНО-ГЛИЦЕРИНОВАГО-МЫЛА

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ — въ МОСКВѢ

МАГАЗИНЪ Невскій 18. СКЛАДЪ Чернышовъ переулокъ № 19.

МАГАЗИНЪ Кузнецкій м. д. Солодовникова. СКЛАДЪ Чиков. Подвор. (Никольская)

И во всѣхъ лучшихъ магазинахъ Россійской Имперіи

Библиотека "Руниверс"

Соч. ОЛЬГИ ШАПИРЪ:

Ея Сінтельство. Ц. 1 р. 25 к.
Безъ любви. Ром. Ц. 2 р.
Пов. и разсказы. Ц. 2 р.
Иногороднымъ пересылка отъ маг. СПБ., Надеждинская, 34. Можно съ наложеннымъ платежемъ № 4978

СѢМЯННЫЙ ОВЕСЪ

амурскій гигантско-растущій.

Удостоенъ медалью. На почву не прихотливъ, не боится весеннихъ утренниковъ. Цѣна за пудъ Амурскаго овса 1 р. 25 к. съ упаковкою и доставкою на ст. Полоцкъ (Дни.-Вит. ж. д.). — Почтов. адресъ: г. Полоцкъ, Вит губ. Контора экономіи им. „Куровиче".

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ—ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки.

Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣноизсилокъ, жнеекъ „Дези" и снопосвязалокъ Мак' Кормика въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандиля и конныя грабли Тигръ завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакки и проч. № 4484 26—18

Записныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенопъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

Н. П. ЛАНИНЪ,

КОММИСІОНЕРЪ ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ ВЪ МОСКВѢ. № 4796 5—5

СКЛАДЫ: Москва, Мясницкій мостъ, соб. д. Телефонъ № 764. **С.-Петербургъ,** Чернышевъ пер., д. № 2—64. **Одесса,** уголъ Екатерининской и Еврейской улицъ, д. Писнасъ. **Нижегородская ярмарка,** уголъ Нижегородской и Макарьевской улицъ. Въ Баку, во время ярмарки.

ИРМА СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1854 ГОДА.

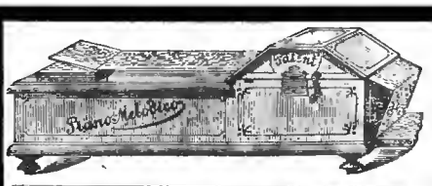
Она удостоена: на всероссійскихъ выставкахъ 11 и на иностранныхъ 45 наградъ. Кромѣ того, **на всемірной выставкѣ въ Барцелонѣ 1888 годъ** представитель фирмы удостоенъ званіемъ члена жюри и кромѣ **золотой медали** награжденъ **комендорскимъ крестомъ „Св. Изабеллы Католической"** и на выставкѣ винъ въ Бордо **двумя почетными дипломами и золотой медалью.**

РЕКОМЕНДУЕТСЯ НА ЗИМНІЙ СЕЗОНЪ ОТЛИЧНАГО КАЧЕСТВА ШАМПАНСКОЕ:

IMPÉRIAL:	Русское шампанское.
полусухое.	Cremant Rosé.
очень сухое.	Cremant Sec.
Кларетъ.	Cremant Demi Sec.

Во избѣжаніе поддѣлокъ всѣ эти сорта выпущены въ продажу съ новой герметической укупорной, при помощи проволочной сѣтки и металлической пластинки сверхъ пробки, съ выдавленнымъ клеймомъ: „Н. П. Ланинъ" и съ ПЛОМБОЙ „Н. П. Ланинъ, Москва".

№ 4943 (27)



ПІАНО-МЕЛОДИКО.

Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы.

Цѣна безъ нотъ **80** руб. Ноты по **70** коп. за метръ (=1½ арш.).

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія попурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Маноланъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленіе для громкой и тихой игры. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ балокъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами **70 руб.** Добавочныя пьесы по **1 р. 20 к., 2 р. 40 к.** и **дороже.** Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 85 фунт. Списки пьесъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—**безплатно.** № 4987

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, **№ 34 и 40.** | **Москва,** Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

РОССІЙСКІЙ ТОРГОВЫЙ И КОММИСІОННЫЙ БАНКЪ

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 27

имѣетъ честь донести до всеобщаго свѣдѣнія, что съ января н. г. производитъ продажу 5% билетовъ внутр. съ выигрышами займовъ и закладныхъ съ выигрышами листовъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка по курсу С.-Петербургской биржи **съ правомъ уплаты долга по частямъ** на льготныхъ условіяхъ.

Задатокъ—10% биржевой стоимости билета (не менѣе 15 рублей). № 4981

Ежемѣсячные взносы по усмотрѣнію покупателя (не менѣе 5 рублей).

Для наиболѣе широкаго развитія дѣла и для удобства клієнтовъ—Банкъ имѣетъ уполномоченныхъ агентовъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, а также въ торговыхъ селахъ и деревняхъ Европейской и Азіатской Россіи, у которыхъ, кромѣ продажи выигрышныхъ билетовъ, производится также **страхованіе** ихъ отъ тиражей погашенія.

После 16-лѣтней своей дѣятельности въ Римѣ, я возвратясь въ С.-Петербургъ, открылъ здѣсь свое заведеніе, посему покорнѣйше прошу Г.г. любителей искусства, почтить мое заведеніе своимъ посѣщеніемъ, для обозрѣнія моихъ работъ. **А. Вейценбергъ,** Скульпторъ. Вас. О. 2 л., д. 15, уг. Б. просп. Р. № 4983

НОВОСТИ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО:

Шиманъ. Былое времечко. Вальсъ. Ц. 75 к.
„ Маршъ и Вальсъ изъ оп. „Жажда сильныхъ ощущеній".
Пейфъ. Маленькъ. Листъ. Дѣтск. Сборн. 1.50.
„ Кавалерійскій маршъ. Ц. 40 к.
„ Кошечка. Полька со словами. Ц. 50 к
Фельдманъ. Сладкій сонъ. Вальсъ. Ц. 75 к.
Ружицкій. Внемли, другъ, моленьямъ души. № 4860 Романсъ. Ц. 40 коп. 10—5
„ Возьми меня, и вся твоя. Ц. 40 к.
Брамса Венгерск. танцы № 5.6.7. д. скр. съ фортепіано по 40 к.

у КУЛИКОВА, Москва, Маросѣйка.

САМОУЧИТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВЪ ДОХОДА

въ 2-хъ частяхъ, съ 2-мя табл. чертежей.

Руководство къ быстрому самообученію безъ учителя, любому изъ 14 разъясн. занятій **№ 4985**

ПРИНОСЯЩИХЪ на каждое лицо **ЕЖЕМѢСЯЧНО**

от 50 до 250 р.

Не требующихъ капитала, быстро изучаемыхъ, легкихъ, доступныхъ всякому возрасту и полу.

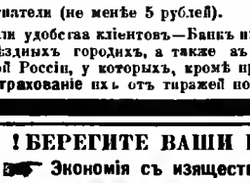
Соч. А. МИХАЙЛОВЪ.

Цѣна съ пересылкой: — За марки и налож. плат. деньгами 50 к. — не высылаю.

Требованія адресовать: въ Харьковъ, Купеческій пер., д. Пащенко, жилѣ подполковника Александра Дмитріевича Золотницкой.

! БЕРЕГИТЕ ВАШИ ГЛАЗА !

Экономія съ изяществомъ.



Очки и Пенсне въ оправахъ изъ настоящаго вкладнаго золота **(Double d'or).** Оправы эти, сильно отличаясь въ цѣнѣ отъ массивныхъ золотыхъ, тѣмъ не менѣе прочнѣе послѣднихъ, ибо покрыты золотой пластинкой, не допускаютъ ломкости; самая оправа имѣетъ видъ настоящей масс. золотой.— **Цѣна** съ перископическими (Periscopique) стеклами, шлифованными согласно научнымъ вычисленіямъ, укрѣпляющими зрѣніе, **съ пересылкой 4 руб.**

Примѣчаніе. При заказахъ слѣдуетъ обозначать, какія требуются стекла, т. е. для близорукаго или для дальнозоркаго, на какомъ разстояніи заказчикъ ясно различаетъ предметы, употреблялись-ли имъ уже ранѣе стекла, то какой № и сколько лѣтъ?

Адресъ: Я. Вурцельдорфъ, оптикъ-механикъ, **г. Варшава, ул. Королевская, № 49—В.**

Заказы исполняются точно и добросовѣстно. Прейсъ-курантъ безплатно.

ГУВЕРНАНТКИ и ГУВЕРНЕРЫ

(русскіе и иностранцы) рекомендуются дамой-англичанкой, ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦЕЙ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, а также и музыки.

Рекомендующая, въ силу своей профессіи, имѣетъ возможность оцѣнить рекомендуемыхъ. П. № 4923 1—1

Малая Дмитровка, по Медвѣжьему пер., д. Матюшина, г-жѣ **БЮРО.** Москва.

ПРОШУ ЧИТАТЬ!

Парфюмерный магазинъ **Г. Пюпа** въ Пассажѣ № 52, въ СПБ. высылаетъ **Элеопатъ провизора КИНУНЕНА** 2 флакона за 4 р.с. наложеннымъ платежомъ во всѣ города Россіи. И также изобрѣтенія всѣхъ парфюмеровъ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ

УПРАВЛЯЮЩІЙ

24 лѣтъ (курляндецъ), ищетъ мѣста въ аренѣ, во внутренней Россіи. **Адресъ:** Управл. **И. Стумбре,** въ им. Линденбергъ, чр. ст **Инсюль,** Лифл. губ. № 4984

ГОТОВАЛЬНИ

и отдѣльн. инструм. для рисованія.

Изъ желтой мѣди отъ 1 р. 75 к.

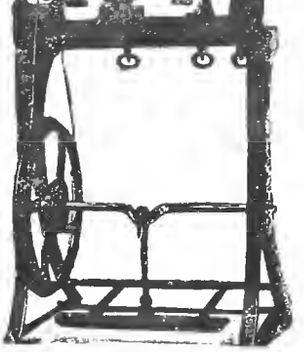
Изъ массиваго никелина отъ 3 р. 75 к.

Концы ножекъ циркулей округлены и не портятъ бумагу. Всѣ наши готовальни провѣрены и приготовл. къ немедл. употреблен.

Е. КРАУСЪ и Комп.

Парижъ, Avenue de la République, 4.
Складъ для Россіи:
въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 42.

Иллюстр. прейсъ-курантъ оптическ. приборъ высылается безплатно. № 4977 1—1



Усовершенствованные металлическіе токарные станки для обработки дерева и металла

Д. СКАВРОНСКАГО СЪ СЫНОМЪ.

Фабрика: Гродненскій пер., собств. домъ, № 6. **Главный складъ:** Спасская улица, собств. домъ, № 27, въ С.-Петербургѣ.

Прейсъ-курранты высылаются за 14 коп. марку. № 4976

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ!

Магическая лампа замѣняетъ огниво и спички, и даетъ, при нажимѣ, прекрасн. свѣтъ, ц. 1 р. 50 к. ◆ **Штопальный аппаратъ** чинитъ чулки, матеріи, полотно и проч. 1 р ◆ Аппаратъ для шитья и починки перчатокъ 1 р. 50 к. ◆ Американскіе часы будильники отъ 4 р.—15 р. ◆ Аппаратъ для дѣланія и выдѣлки петель 2 р. 50 к. ◆ Саногообуватель и разуватель, особенно удобенъ для полныхъ особъ 2 р. ◆ Столовая напоросница-автоматъ, при каждомъ нажимѣ помѣщается по одной напироскѣ. Украшеніе любаго кабинета, 2 р. 50 к., тоже никеленая 3 р. ◆ Испытатели: вина 1 р., молока 1 р. и ножъ 50 к. ◆ Аппаратъ для умыванія и фотографіи съ губкою юности 1 р. 50 к. ◆ Предохранители отъ лопанія ламповыхъ стеколъ не менѣе 1 дюжины 2 р.

Только въ складѣ Новыхъ Изобрѣтеній. **Адресъ:** Невскій проспектъ д. 4. С.-Петербургъ. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 к. марку. № 4986

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

Дозвол. цензур., СПБ., 30 января 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | № 6 | г. XXII | 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 9 февраля 1891 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ" принимаются за строку нонпарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к.—Звгран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

П. А. Плетневъ.

„Не мысля гордый свѣтъ забавить, вниманье дружбы возлюбя, хотѣлъ бы я тебѣ представить залогъ достойнѣе тебя, достойнѣе души прекрасной, святой исполненной мечты, поэзіи живой и ясной, высокихъ думъ и простоты; но такъ и быть—рукой пристрастной пріими собранье пестрыхъ главъ" и проч. Въ этомъ, всѣмъ извѣстномъ, посвященіи четвертой и пятой главъ „Евгенія Онѣгина" Пушкинъ обращается къ Плетневу, со дня смерти котораго исполнилось ровно двадцать пять лѣтъ въ самомъ концѣ декабря истекшаго года. Бывшій профессоръ и ректоръ Петербургскаго университета, даровитый журналистъ, критикъ и академикъ, онъ превосходно охарактеризованъ въ приведенномъ посвященіи и дѣйствительно подходилъ подъ портретъ, набросанный великимъ поэтомъ. По чистотѣ своего характера и нравственнымъ достоинствамъ Плетневъ представлялъ собою явленіе рѣдкое. *Человѣкъ благоволенія*, по его собственному выраженію, говоритъ академикъ Гротъ, былъ идеаломъ его. И такой характеръ, въ самомъ дѣлѣ, проникалъ его возвышенную природу. До глубокой старости онъ сохранилъ, по словамъ Тургенева, почти дѣтскую свѣжесть впечатлѣній и, какъ въ молодые годы, *умилялся* передъ красотою. Онъ не расставался съ дорогими воспоминаніями своей жизни; онъ лелѣялъ ихъ, онъ трогательно гордился ими. Разсказывать о Пушкинѣ, о Жуковскомъ—было для него праздникомъ. Всю жизнь онъ страстно любилъ родную словесность, родной языкъ, самый звукъ этого языка, любилъ молодежь, къ которой относился съ особеннымъ сочувствіемъ и добродушіемъ. „Оживленное созерцаніе, участіе искреннее, незыблемая твердость дружескихъ чувствъ и радостное поклоненіе поэтическому — вотъ весь Плетневъ", какъ характеризуетъ его Тургеневъ, прекрасно знавшій его и слушавшій его лекціи русской литерату-

Петръ Александровичъ Плетневъ. (По поводу 25-й годовщины смерти). Съ современнаго портрета грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

ры въ университетѣ. Плетневъ вполнѣ выразился въ своихъ малочисленныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ языкомъ образцовымъ, хотя немного блѣднымъ. Другъ Пушкина, Жуковскаго, Баратынскаго, Дельвига, Гоголя и другихъ извѣстныхъ писателей, литературный крестный отецъ многихъ изъ нихъ, умѣвшій отыскивать новыя дарованія и поощрять ихъ, Плетневъ, по справедливому выраженію Грота, будучи богатъ личными воспоминаніями, представлялъ собою звено между новою и старою, полною интереса эпохою, и тѣ изъ литераторовъ новаго поколѣнія, которые дорожили преданіями той эпохи, не безплодно обращались къ нему для пополненія своихъ свѣдѣній о прошломъ. Сравнительно со своими друзьями онъ писалъ немного, особенно стихами, но и въ этихъ немногихъ произведеніяхъ его вполнѣ сказался его чистый, тонкій эстетическій вкусъ, трезвая ясность ума: а его критическія статьи и біографіи, на которыхъ главнымъ образомъ зиждется его извѣстность, обличаютъ въ немъ глубокое художественное пониманіе, полнѣйшее безпристрастіе и отличаются строгими литературными приличіями. Въ то время когда онъ жилъ и игралъ большую роль въ литературѣ, его тогдашніе собратья по перу вели между собою отчаянную борьбу, не разбирая средствъ для уязвленія другъ друга и зачастую доходя до забвенія порядочности и всякихъ приличій; но Плетневъ никогда не принималъ участія ни въ какихъ литературныхъ войнахъ и поединкахъ, и въ этомъ отношеніи составлялъ блестящее исключеніе. И тогда, когда онъ уже приближался къ старости маститой, сохранивъ удивительную свѣжесть духа, онъ продолжалъ съ прежнимъ участіемъ слѣдить за литературными явленіями, слушать произведенія новыхъ русскихъ писателей—и произносилъ свой судъ, не всегда глубокій, но почти всегда вѣрный и при всей мягкости формъ неуклонно согласный съ тѣми началами, которымъ онъ никогда не измѣнялъ въ дѣлѣ поэзіи и искусства. Всѣ корифеи родной словесности ея блестящаго періода отдавали на судъ Плетнева новые труды свои, дорожили его совѣтами и замѣчаніями, поручали ему свои литературныя дѣла, какъ надежному, твердому въ словѣ, опытному и безкорыстному другу. Плетневъ былъ замѣчателенъ еще и какъ педагогъ. Во все время своего профессорства и продолжительнаго ректорства „ровностью своего обращенія, безпристрастіемъ, благороднымъ и примирительнымъ образомъ дѣйствій онъ умѣлъ снискать общее довѣріе и уваженіе". Плетневъ являлся въ аудиторію съ Державинымъ, Фонъ-Визинымъ, Костровымъ и т. п., начиналъ читать ихъ, избирая особенно замѣчательное, и тутъ сыпалось множество эстетическихъ, филологическихъ, анекдотическихъ и другихъ замѣчаній, дѣлавшихъ его *вдохновеннымъ комментаріемъ* по выраженію Пушкина. Будучи врагомъ мертвой рутины, онъ, какъ профессоръ, чуждаясь школьныхъ теорій, шелъ вполнѣ самостоятельнымъ путемъ, и многіе взгляды его на литературу были для своего времени оригинальны и новы. Такова была интересная и своеобразная личность этого замѣчательнаго дѣятеля,—личность которая, по словамъ Грота, являлась результатомъ двухъ элементовъ: съ одной стороны—глубокаго самобытнаго развитія, съ другой—результатомъ литературныхъ преданій, почерпнутыхъ имъ изъ сношеній съ талантливыми и высокообразованными писателями, въ кругу которыхъ онъ провелъ лучшіе годы молодости. Даръ разумнаго спокойствія и созерцанія облегчилъ ему стремленіе къ самоусовершенствованію, которое всегда было главною цѣлью его жизни.

Петръ Александровичъ Плетневъ происходилъ изъ духовнаго званія и родился 10 августа 1792 года, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Воспитаніе получилъ онъ въ Московской семинаріи, а затѣмъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ въ Петербургѣ, и по окончаніи курса, въ 1814 году, получилъ мѣсто учителя въ Екатерининскомъ институтѣ. Прослуживъ около 20 лѣтъ преподавателемъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, Плетневъ былъ приглашенъ въ 1832 г. занять каѳедру словесности въ Петербургскомъ университетѣ, въ 1840 г. утвержденъ его ректоромъ и занималъ эту должность до выхода въ отставку, въ ноябрѣ 1861 г., по болѣзни. Тяжелый недугъ заставилъ его уѣхать за-границу. По совѣту врачей, онъ выбралъ мѣстомъ жительства Парижъ, гдѣ и скончался отъ мучительной болѣзни, костоѣды, 29 декабря 1865 года. По учрежденіи въ 1841 году отдѣленія русскаго языка и словесности въ Академіи Наукъ, Плетневъ сдѣланъ былъ членомъ его, а съ 1859 г.—былъ его предсѣдателемъ. Плетнева глубоко уважали многія высокопоставленныя лица, въ числѣ которыхъ находились покойный Государь Александръ Николаевичъ и Августѣйшія сестры его, которымъ, равно какъ и Государю, въ бытность его наслѣдникомъ, Плетневъ преподавалъ русскую словесность. На литературное поприще онъ выступилъ около 1818 года, былъ членомъ Вольнаго Общества Любителей Словесности, сотрудникомъ *Соревнователя Просвѣщенія*, раздѣлялъ съ Пушкинымъ и Дельвигомъ труды по редакціи *Сѣверныхъ Цвѣтовъ*, а по смерти Пушкина, возобновилъ его *Современникъ*, который редижировалъ съ 1838 по 1846 годъ. Его біографіи Жуковскаго, Крылова, Уварова, многіе эстетическіе этюды и критическія статьи, и понынѣ не утратившія своего достоинства и значенія, навсегда останутся въ исторіи русской литературы.

Петръ Быковъ.

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XXIII.

Великій магистръ.

Литта провелъ ночь спокойно, если можно только назвать спокойствіемъ полную неподвижность, происходящую отъ того, что всѣ нервы такъ натянуты, такъ болѣзненно раздражены, что малѣйшее движеніе становится чувствительнымъ.

Онъ лежалъ, не двигаясь, на своей кровати съ открытыми глазами, не спалъ, но и полнаго сознанія не было у него. Нравственная усталость, изнеможеніе, такъ были мало знакомы ему до сихъ поръ, что онъ невольно съ какимъ-то робкимъ удивленіемъ прислушивался къ тому, что происходило въ его душѣ. Онъ находился какъ бы въ полузабытьѣ. Обрывки мыслей, неясныя воспоминанія мелькали въ его головѣ, и главное, что казалось ужаснѣе всего,—впереди не было никакой надежды, никакого выхода.

Чего ему ждать, на что надѣяться въ самомъ дѣлѣ, когда *все* уже прошло; онъ могъ только думать обо всемъ, какъ о прошедшемъ и утраченномъ.

Такъ провелъ онъ ночь.

На утро, съ восходомъ солнца, постучали въ его дверь. Онъ все еще не спалъ.

— Именемъ великаго магистра, проговорили за дверью.

— Войдите, отвѣтилъ Литта.

Вошелъ добродушный итальянецъ, одинъ изъ командоровъ ордена и, какъ привычный человѣкъ, съ веселою ободряющею улыбкою, протянулъ руку Литтѣ и крѣпко, дружески поздоровался съ нимъ.

— Ну что, не спали?.. ну ничего, пройдетъ, выздоровѣете. Ну, пойдемте, меня прислали за вами.

Литта хотѣлъ спросить—кто прислалъ, но сейчасъ же забылъ объ этомъ желаніи и никакъ не могъ вспомнить, что нужно было сдѣлать ему.

Командоръ былъ видимо добрымъ, хорошимъ человѣкомъ, онъ очень понравился Литтѣ.

— Ну идемте, сказалъ командоръ.

И Литта такъ же послушно отправился за нимъ, какъ шелъ вчера за исполнительнымъ молодымъ рыцаремъ.

Жизнь въ конвентѣ начиналась рано. Всѣ вставали съ восходомъ солнца и замокъ уже шевелился, когда Литта, слѣдуя за командоромъ, проходилъ по его переходамъ и заламъ. Командоръ однако выбиралъ нарочно такой путь, гдѣ никто не попадался навстрѣчу.

Они пришли наконецъ въ длинную галерею, увѣшанную портретами, которая вела (Литта зналъ это) прямо въ библіотеку великаго магистра.

Часовой, стоявшій тутъ, загородилъ имъ дорогу алебардой.

— Пропускъ? спросилъ онъ.

— „Будь смѣлъ со львомъ и левъ тебя будетъ бояться", отвѣтилъ командоръ не замедляя шаговъ, и алебарда поднялась и пропустила ихъ.

На концѣ галереи командоръ постучалъ въ дверь три раза и на его стукъ вышелъ кастелянъ великаго

Библиотека "Руниверс"

магистра, оглядѣвшій, кланяясь, Литту съ ногъ до головы.

Командоръ пошептался съ нимъ и, когда тотъ ушелъ опять, обратился къ Литтѣ:

— Подождите... сію минуту, сказалъ онъ ему.

Черезъ нѣсколько времени дверь опять отворилась и кастелянъ махнулъ рукою Литтѣ.

Тотъ вошелъ въ библіотеку. Кастелянъ подвелъ его къ маленькой двери въ противоположной стѣнѣ и растворилъ ее. Литта перешагнулъ порогъ и очутился въ огромномъ кабинетѣ великаго магистра.

Глава мальтійцевъ, почтенный, маститый старецъ, Эммануилъ Роганъ, сидѣлъ на широкомъ креслѣ, обитомъ краснымъ сукномъ, съ бѣлымъ крестомъ на спинкѣ. Онъ сидѣлъ у стола съ бумагами и, спокойно положивъ обѣ руки на локотники своего большаго кресла, казалось, ждалъ прихода Литты.

Онъ смотрѣлъ своими умными, проницательными глазами прямо на дверь, когда вошелъ Литта.

Литта приблизился къ старцу и, по правиламъ орденскаго этикета, преклонилъ колѣно и поцѣловалъ руку великаго магистра.

Когда онъ поднялся, Роганъ сдѣлалъ ему знакъ рукою, что онъ можетъ сѣсть противъ него.

Литта почтительно опустился на стулъ.

Великій магистръ долго не начиналъ разговора. Казалось, онъ, нарочно медля, вглядывался въ лицо рыцаря, стараясь взглядомъ этимъ проникнуть въ самую его душу и прочесть сокровенныя мысли его.

Литта спокойно выдерживалъ этотъ взглядъ...

— Ты, говорятъ, вступилъ въ переговоры съ русскимъ посломъ въ Неаполѣ? проговорилъ наконецъ Роганъ, какъ-бы приходя въ себя послѣ раздумья, въ которое былъ погруженъ.

Онъ поправился на мѣстѣ и запахнулъ свой длинный, черный, бархатный кафтанъ, подбитый горностаемъ.

— Да, отецъ... тихо отвѣтилъ Литта.

Рыцари въ частномъ разговорѣ съ великимъ магистромъ, называли его вмѣсто титула прямо „отцемъ". Разговоръ шелъ по-французски...

Роганъ наклонилъ голову...

— Посолъ женатъ на родной племянницѣ русскаго вельможи? опять спросилъ онъ.

Литта выпрямился и заговорилъ смѣло и твердо:

— Да, отецъ, на родной племянницѣ, началъ онъ.— Вчера на судѣ я не могъ сказать всего, потому что это былъ судъ, а не исповѣдь рыцаря; правда, я велъ переговоры съ русскимъ посломъ и это было сначала единственною причиной почему я поѣхалъ въ его домъ— меня позвали туда—я самъ не хотѣлъ ѣхать. И вотъ судьямъ я указалъ только на эту причину, чтобы выгородить имя женщины, которая не заслуживаетъ упрека. Сдѣланный на меня доносъ — клевета. Я знаю, отецъ, вы вѣрите, что мной не нарушено орденской клятвы—иначе вы не призвали-бы меня къ себѣ...

— Вѣрю... произнесъ Роганъ...

Литта глубоко вздохнулъ и продолжалъ:

— Да, я не нарушилъ клятвы, но испытаніе которому я подверженъ теперь—слишкомъ тяжело, отецъ!..

— Всякое испытаніе тяжело, задумчиво проговорилъ магистръ.—Жить—значитъ „страдать", а страдать— значитъ копить себѣ душевное богатство. Наслажденія разсѣиваютъ и заставляютъ бѣднѣть. Всякая боль принятая съ терпѣньемъ—сдѣланный шагъ къ цѣли... Пусть воля не дремлетъ, и чѣмъ больше побѣдитъ она препятствій, тѣмъ сильнѣе станетъ она.

Литта потупился, молча; онъ чувствовалъ, что сердце его борется съ разумомъ.

— Братъ Литта, вдругъ заговорилъ Роганъ оживляясь, — вспомни тѣ испытанія, которыя ты перенесъ уже, вспомни изъ какой борьбы ты вышелъ уже побѣдителемъ, неужели на этотъ разъ ты устрашишься, потому что страхъ есть усыпленіе воли?.. Сколько разъ ты не дрогнувъ шелъ на смерть, неужели теперь у тебя не достанетъ духу идти навстрѣчу женской лукавой прелести?..

— На смерть легче идти, вздохнулъ Литта.

— Можетъ-быть. Не спорю. Но если-бы испытанія твои казались легки, тогда-бы не были они испытаніями... Я долженъ былъ назначить надъ тобою судъ, потому что доносъ все-таки существовалъ и съ нимъ нужно было кончить. Главный виновникъ клеветы получилъ уже самъ отъ себя наказаніе... но дѣло не въ томъ. Могу-ли я быть увѣренъ, что и на будущее время ты не измѣнишь своему долгу и обѣту?..

Литта отвѣтилъ не сразу...

— Я не могу измѣнить ему, я *долженъ* быть вѣрнымъ слугою ордена, проговорилъ онъ наконецъ.

— Такъ помни-же свой долгъ! отвѣтилъ Роганъ,—я всегда цѣнилъ тебя и отличалъ твои заслуги...

Теперь магистръ уже ласково смотрѣлъ на Литту, какъ-бы окончательно увѣрившись въ немъ...

Литта всталъ, но медлилъ уйти.

— Ты мнѣ хочешь сказать что-нибудь? спросилъ Роганъ, отвернувшійся было уже къ своимъ бумагамъ.

— Вотъ что, отецъ, заговорилъ Литта,—если дѣйствительно мои заслуги ордену принесли хоть каплю пользы, то въ уваженіе къ нимъ исполните мою послѣднюю просьбу.

— Какую просьбу? переспросилъ Роганъ.

— Пошлите меня куда-нибудь подальше, чтобы мнѣ не оставаться въ Средиземномъ морѣ, гдѣ я долженъ буду заходить въ Неаполь... Мнѣ не хотѣлось-бы находиться по близости его.

Роганъ задумался. Онъ долго-долго молчалъ, наконецъ поднялъ голову и отвѣтилъ:

— Хорошо, я пошлю тебя въ Балтійское море. Русская государыня, которую я уважаю и желаніе которой хочу исполнить, зоветъ мальтійцевъ къ себѣ на службу. Она нуждается въ опытныхъ морякахъ. Въ числѣ нѣсколькихъ другихъ я пошлю тебя...

— Опять Россія! прошепталъ Литта.

Роганъ строго взглянулъ на него. Этотъ шепотъ былъ почти протестомъ его распоряженію.

— Ты отправишься въ Балтійское море, повторилъ онъ такъ, что Литта могъ только молча преклонить колѣно и выйти изъ комнаты.

Выйдя отъ великаго магистра, Литта получилъ обратно свою шпагу.

На другой-же день былъ отданъ великимъ магистромъ формальный приказъ о назначеніи нѣсколькихъ рыцарей въ русскую службу. Имя Литты стояло первымъ въ спискѣ, и онъ сталъ собираться въ далекое путешествіе...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Утро Екатерины II.

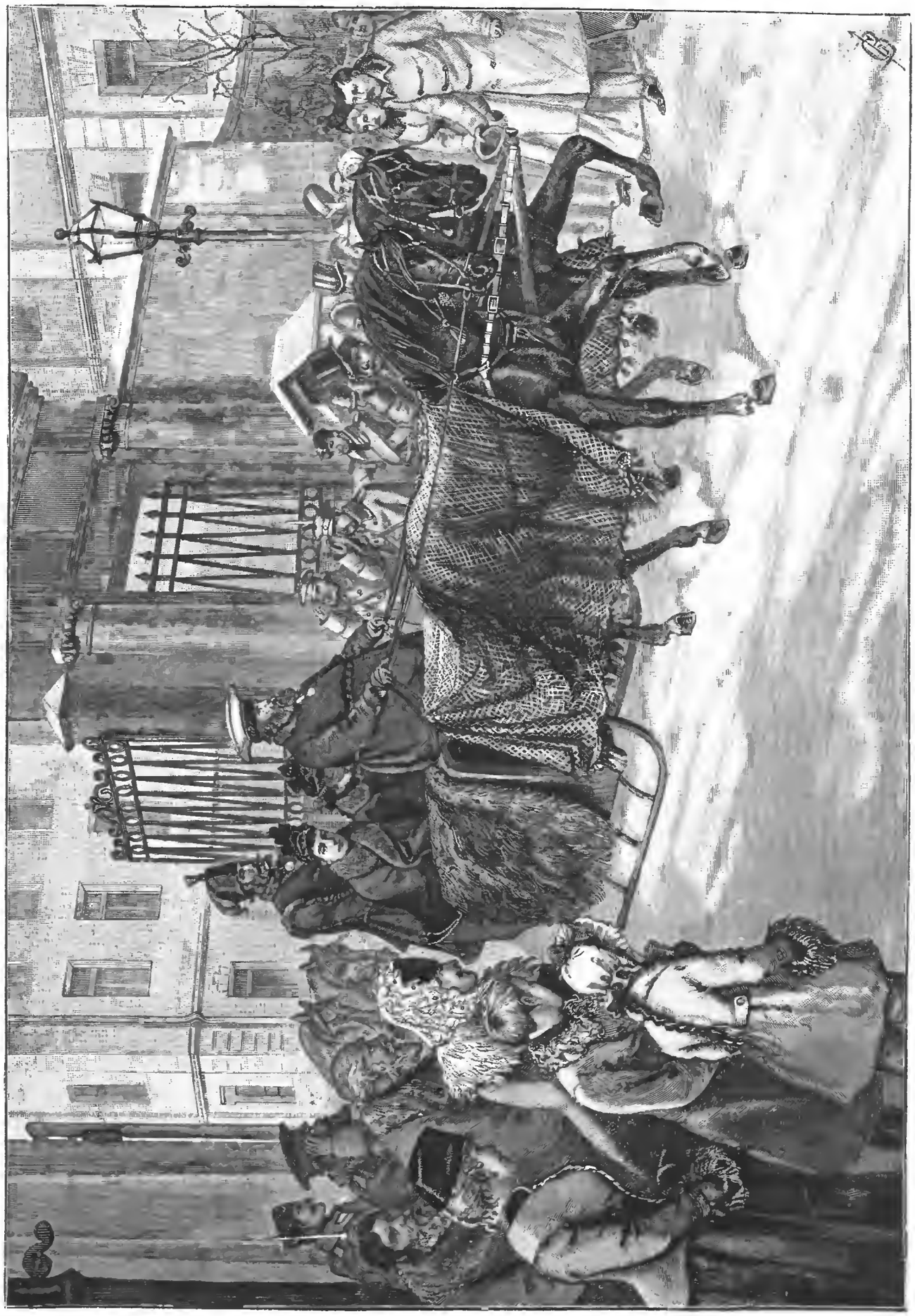
Къ зимѣ 1795 года здоровье государыни нѣсколько пошатнулось. Она чаще стала страдать своими головными болями. У нея явились припадки колики, и ноги стали опухать.

Прежде она вставала въ шесть часовъ утра, и одна, не желая будить слугъ, управлялась въ спальнѣ и ждала пока ей принесутъ кофе. Теперь она вставала на два часа позднѣе—въ восемь, соблюдала діэту, хотя не могла отказать себѣ въ удовольствіи пить по утрамъ страшно крѣпкій кофе, одна чашка котораго наваривалась изъ цѣлаго фунта.

Но весь остальной день и занятія распредѣлялись попрежнему.

Въ девять часовъ являлся къ ней оберъ-полицмей-

Библиотека "Руниверс"



Выѣздъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы изъ Аничкова дворца на Невскій просп.

Орпг. рпс. (собств. „Нивы") Г. Броллинга, грав. Шкоблеръ.

Библиотека "Руниверс"

Гвардейскіе уланы. Съ фотогр. Мечковскаго, рис. Оранжъ, грав. Бельвиль.

Библиотека "Руниверс"

стеръ съ докладомъ. Она разспрашивала его о происшествіяхъ въ городѣ, о цѣнахъ на припасы и о толкахъ, ходящихъ въ народѣ. Затѣмъ являлся генералъ-прокуроръ съ промеморіями изъ Сената, потомъ—цѣлый рядъ сановниковъ, каждый въ свой назначенный день, а иногда, если дѣло было спѣшнымъ, то экстренно, не въ очередь,—и такъ каждый день до обѣда, послѣ котораго государыня занималась чтеніемъ (ей читали вслухъ—чаще другихъ Бецкій) и, отдохнувъ такимъ образомъ немного, снова принималась за дѣла.

Обѣдала она въ часъ.

Екатеринѣ II шелъ уже шестьдесятъ седьмой годъ, но когда она появлялась на выходахъ, передъ дворомъ или выѣзжала утромъ прокатиться по городу, что̀ впрочемъ случалось рѣдко—не болѣе четырехъ разъ въ зиму,—видъ ея былъ бодръ и осанка попрежнему горделива и величественна.

Она внимательно слѣдила за толками о ея здоровьѣ, и какъ только эти толки начинали принимать хотя бы нѣсколько тревожный характеръ, спѣшила предпринять что-нибудь, чтобы ихъ разсѣять.

Благодаря-ли этому или вообще вслѣдствіе долгой привычки къ управленію мудрой государыни, счастье и умъ которой покрыли невиданнымъ дотолѣ блескомъ Россію,—всѣ думали, что такъ будетъ вѣчно, что Екатерина долгіе годы еще будетъ царствовать на славу, и всѣ такъ привыкли къ этой мысли, что положительно не замѣчали приближающуюся старость монархини и никто, разумѣется, не могъ подозрѣвать, что этотъ годъ будетъ—*послѣднимъ* ея царствованія.

Декабрь стоялъ хмурый. На дворѣ было холодно. Сѣрая изморось, непохожая ни на снѣгъ, ни на дождь, мелькала въ отяжелѣвшемъ воздухѣ. На улицахъ то таяло и дѣлалась невылазная грязь, то подмораживало и бугорчатыя колеи застывали какъ камень твердою, неровною корою.

Пробило восемь часовъ. Государыня проснулась.

Она съ трудомъ поднялась съ постели, зажгла свѣчи и, надѣвъ свой утренній бѣлый шлафоръ и флеровый чепецъ, перешла въ сосѣдній кабинетъ, гдѣ были уже съ вечера заготовлены дѣла и бумаги, разложенныя по статьямъ въ строго-опредѣленномъ порядкѣ.

Съ девяти часовъ стали съѣзжаться къ Малому подъѣзду Зимняго дворца кареты сановниковъ, прибывавшихъ съ докладомъ.

Въ числѣ этихъ каретъ была одна, почти каждый день появлявшаяся у подъѣзда. Она принадлежала графу Александру Андреевичу Безбородку, который недавно еще велъ всѣ внѣшнія сношенія имперіи. Онъ былъ посланъ по смерти Потемкина на его мѣсто въ Яссы для заключенія мира съ турками.

Вернувшись оттуда, Безбородко нашелъ всѣхъ своихъ канцелярскихъ чиновниковъ по ихъ мѣстамъ, но дѣла, которыя были въ его рукахъ, перешли главнымъ образомъ къ Платону Зубову.

Безбородко однако продолжалъ появляться во дворцѣ въ часы доклада, хотя и не было уже къ тому надобности, и часто сидѣлъ просто въ пріемной, не приказывая даже докладывать о себѣ государынѣ.

Иногда же онъ только присылалъ къ подъѣзду свою карету, чтобы думали, что онъ во дворцѣ.

Но на этотъ разъ онъ пріѣхалъ съ письмомъ изъ Константинополя отъ своего племянника Кочубея, бывшаго тамъ посланникомъ.

Въ пріемной было много народу, ждавшаго своей очереди. Безбородко съ добродушною улыбкою, какъ бы не замѣчая той разницы съ которою здоровались съ нимъ теперь и прежде, всѣмъ одинаково привѣтливо протягивалъ и пожималъ руку, повторяя безпрестанно со своимъ замѣтнымъ малороссійскимъ произношеніемъ:

— Здрастуйте, здрастуйте!

Пробравшись къ стоявшему у двери камердинеру, онъ съ тою же улыбкою, какъ и другимъ, и ему сказалъ свое „здрастуйте“ и, подмигнувъ слегка на затворенную дверь, шепотомъ спросилъ:

— А кто тамъ буде?

— Князь Зубовъ! отвѣтилъ лакей уже такъ тихо, что можно было лишь догадаться по движенію его губъ объ отвѣтѣ.

Безбородко поднялъ брови и, помолчавъ, сказалъ:

— Ну, доложите, когда можно будетъ!

И терпѣливо вздохнувъ, онъ на цыпочкахъ пробрался опять назадъ къ окну и присѣлъ на бархатномъ табуретѣ, ожидая когда дойдетъ до него очередь.

Молодой красавецъ, князь Платонъ Александровичъ Зубовъ сидѣлъ въ это время въ кабинетѣ государыни у маленькаго выгнутаго столика, стоявшаго противъ ея кресла. Здѣсь у этого столика она принимала всѣхъ своихъ докладчиковъ.

Онъ подавалъ ей къ подписи одну бумагу за другою, прочитывая ихъ предварительно вслухъ.

Однѣ изъ нихъ Екатерина подписывала, другія откладывала въ сторону.

— Все? наконецъ спросила она, подписавъ послѣднюю бумагу и, снявъ очки, ласково взглянула на своего докладчика.

— Изъ бумагъ все, проговорилъ Зубовъ,—но у меня есть еще дѣло...

Государыня слегка сдвинула брови.

Князь замѣтилъ это движеніе ея лица, но не смутился. Онъ хотѣлъ видимо сообщить нѣчто важное, о чемъ онъ долго думалъ, соображалъ и принялъ рѣшеніе, которое ему самому очень понравилось.

— Вотъ дѣло въ чемъ, началъ онъ съ тою увѣренной поспѣшностью, которая такъ свойственна молодымъ людямъ, всегда воображающимъ, что если они взялись за какое-нибудь дѣло, то непремѣнно выдумали что-нибудь совсѣмъ новое,—вотъ видите-ли, началъ онъ,—въ 73 году папа Климентъ издалъ декретъ объ уничтоженіи ордена Іезуитовъ. Между тѣмъ отъ имени вашего величества (теперь, излагая дѣло, Зубовъ произнесъ титулъ государыни) былъ изданъ указъ, въ коемъ было выражено, что находящіеся въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ іезуиты должны оставаться тамъ попрежнему... Мало того—сами іезуиты просили правительство дозволить имъ послушать папу и уничтожить свой орденъ въ Россіи и имъ было отказано въ этомъ... Зубовъ слегка пріостановился весьма довольный знаніемъ своего дѣла, откашлянулся и продолжалъ:—Я знаю, что все это было дѣломъ окружавшихъ васъ лицъ, я знаю, что вы не могли изъявить такой воли... я говорю прямо... (лицо его просіяло при этихъ словахъ самодовольной улыбкой, потому что онъ долженъ былъ сейчасъ сказать то, что̀ ему особенно нравилось) я буду говорить прямо: ваше величество, какъ русская государыня, не могли стать защитницей католическаго ордена, изгоняемаго самимъ папою... и вдругъ что же—православная государыня защищаетъ кого же... Зубовъ слегка запнулся: у него выходило на словахъ совсѣмъ не такъ хорошо какъ онъ думалъ, и онъ договорилъ уже совсѣмъ не такъ, какъ приготовился:—Я думаю, что теперь пора возстановить этотъ промахъ... я думаю, что я углубился не даромъ въ этотъ вопросъ... Наткнулся я на него случайно...

Екатерина молчала, не перебивая, и смотрѣла неподвижно устремленными въ сторону глазами. Казалось, она даже не слушала, но вся унеслась мыслями въ прошедшее, о которомъ вдругъ напомнили ей, въ то далекое прошлое, когда сама она была иная и иные люди были вокругъ нея.

Она невольно боялась сравнить этихъ людей съ тѣмъ молодымъ, неопытнымъ человѣкомъ, почти юношей, который такъ смѣло и самоувѣренно говорилъ ей о

Библиотека "Руниверс"

вещахъ, о которыхъ она думала и передумала въ былое время, когда онъ былъ еще ребенкомъ...

Наконецъ она подняла глаза на него и съ тихою, почти грустною улыбкою проговорила, качнувъ головою:

— Нѣтъ, мой другъ, я въ маленькомъ своемъ хозяйствѣ (это были ея любимыя слова) никогда не дѣйствовала подъ чужимъ вліяніемъ... Все дѣлалось по моей волѣ, и то дѣло о которомъ ты говоришь—я его сама такъ повернула и указъ былъ мой, и воля была моя — оставить орденъ іезуитовъ въ Россіи попрежнему.

Зубовъ растерянно посмотрѣлъ на нее. Онъ казалось все предвидѣлъ, только этого никакъ не могъ ожидать.

— Какъ же это такъ? началъ было онъ.

Екатерина спокойно взяла щепотку табаку изъ стоявшей возлѣ нея на столикѣ табакерки съ портретомъ Петра Великаго, отряхнула ее и понюхавъ, не спѣша, отвѣтила ровнымъ голосомъ, какъ учитель, толкующій урокъ своему ученику:

— Въ нашихъ юго-западныхъ областяхъ много живетъ католиковъ; намъ нужно было отклонить притязанія папы на господство надъ ними. Когда онъ уничтожилъ орденъ іезуитовъ—я не послушалась его, и это сдѣлалось основаніемъ дальнѣйшей политики нашей съ Римомъ... Мы скоро поняли другъ друга... Я уничтожила этимъ привилегіи католическихъ монашескихъ орденовъ въ Россіи и подчинила ихъ своей власти наравнѣ съ бѣлымъ духовенствомъ. У меня создалось свое правленіе римскою церковью и папа ничего не могъ сдѣлать... Такъ-то, мой другъ... А что говорятъ о ихъ вліяніи у насъ—такъ это пустое, никогда русскій народъ не измѣнитъ православію: ты вспомни, что мы писали недавно еще, хоть бы Неаполитанскому двору...

Зубовъ не помнилъ, что писали Неаполитанскому двору, онъ не разобралъ даже хорошенько то, что ему говорили сейчасъ; онъ понялъ лишь, что дѣло, которымъ онъ хотѣлъ было блеснуть, совсѣмъ не вышло и, надувъ губы, поднялся со своего мѣста.

— Куда-жь ты? спросила Екатерина.

— Тамъ много еще народу (Зубовъ показалъ головою на дверь пріемной), и у меня есть еще дѣла.

И, минуя пріемную, онъ прошелъ черезъ зеркальную комнату въ коридоръ на другой конецъ дворца, гдѣ въ нижнемъ этажѣ было отведено ему помѣщеніе.

Государыня позвонила въ маленькій колокольчикъ.

— Пожалуйте! проговорилъ камердинеръ графу Безбородку — и тотъ, переваливаясь, заспѣшилъ своею слегка неловкою походкою.

Войдя къ государынѣ, онъ, по привычкѣ старыхъ царедворцевъ, опустился на колѣно (Суворовъ обыкновенно, входя къ императрицѣ, клалъ три земныхъ поклона) и поспѣшно поднявшись прикоснулся губами къ протянутой ему рукѣ.

— Вотъ, матушка государыня, письмо отъ племянника получилъ! заговорилъ онъ и подалъ сложенную вчетверо бумагу.

Екатерина знала, что въ этомъ письмѣ ничего нѣтъ важнаго, что оно лишь служитъ предлогомъ Безбородку, чтобы явиться къ ней; но такъ какъ онъ былъ отстраненъ отъ дѣлъ вовсе не по неблагорасположенію ея, то она дѣлала видъ, будто это очень хорошо, что графъ является къ ней, и даже добродушно улыбалась на присылаемую имъ къ подъѣзду карету, о которой знала.

Она взяла письмо и просмотрѣла его.

— А у меня есть дѣло къ тебѣ, графъ, проговорила она наконецъ.

Лицо Безбородка оживилось.

— Матушка! воскликнулъ онъ,—да прикажите лишь, ваше величество...

— Дѣло не трудное и не сложное, впрочемъ, перебила Екатерина. — Въ городѣ—сегодня мой полицмейстеръ сказывалъ—опять, кажется, стали говорить о здоровьѣ моемъ...

— Отъ-то брешутъ! не удержался Безбородко.

— Ну такъ вотъ я къ тебѣ вечеромъ пріѣду—собери гостей.

Безбородко весь просіялъ.

— Государыня, царица! Вотъ-то счастье мнѣ! Когда изволишь только...

Екатерина знала, что огромное богатство графа, видавшаго на своемъ вѣку празднества ея двора и устраивавшаго ихъ у себя въ домѣ, позволитъ ему принять ее съ должною честью, и потому-то именно выбрала его.

И Безбородко вышелъ отъ государыни радостный, словно его несказанно наградили, и уже заранѣе составлялъ себѣ планъ предстоящаго торжества.

II.

Балъ у графа Безбородка.

По Новоисаакіевской улицѣ, гдѣ прежде было подворье Курско-Знаменскаго монастыря, возвышался великолѣпный домъ графа Александра Андреевича Безбородка, украшенный снаружи четырьмя гранитными, полированными колоннами съ бронзовыми основаніями и капителями и мраморнымъ балкономъ.

Ко дню празднества, къ этому балкону подвели высокій, покатый входъ для государыни, чтобы ей не подниматься по лѣстницѣ.

Огромная парадная зала съ двумя мраморными вазами римской работы и высокими горками, уставленными рѣдкимъ фарфоромъ и золотою посудою, была освѣщена множествомъ свѣчей, горѣвшихъ въ многочисленныхъ жирандоляхъ по стѣнамъ и въ спускавшейся съ потолка великолѣпной люстрѣ изъ горнаго хрусталя. Эта люстра недавно еще висѣла въ Palais-Royal'ѣ герцога Орлеанскаго и досталась Безбородку на распродажѣ.

Рядомъ съ залой была комната, уставленная мебелью изъ любимой гостиной несчастной королевы Французской Маріи-Антуанеты, изъ Малаго Тріанона. Мебель эта была вывезена изъ Франціи въ началѣ революціи и тоже куплена Безбородкомъ.

Все что было только знатнаго и выдающагося въ Петербургѣ съѣхалось на праздникъ къ хлѣбосольному графу, на праздникъ, который удостоивала своимъ присутствіемъ государыня.

Какъ только императрица показалась въ дверяхъ,— музыканты, помѣстившіеся на подмосткахъ амфитеатромъ на одномъ изъ концовъ залы, и хоръ пѣвчихъ— грянули польскій, и разодѣтыя пары, съ наслѣдникомъ-цесаревичемъ во главѣ, плавнымъ и торжественнымъ маршемъ прошли мимо государыни.

Она была, казалось, весела, бодра и оживлена. Всѣ должны были замѣтить, что дѣйствительно поднявшіеся было толки о ея здоровьѣ не справедливы.

Пропустивъ два раза мимо себя польскій, Екатерина въ сопровожденіи торжествующаго, не знавшаго какъ выразить свою радость хозяина и прочихъ знатнѣйшихъ персонъ, прошла въ гостиную. Пары разошлись, но сейчасъ же составились опять и начались настоящіе уже танцы.

Танцовали менуэтъ, галопадъ, матрадуръ, экосезъ; танцовали, соблюдая всѣ правила и выдѣлывая старательно каждое па.

Кромѣ самого хозяина, возлѣ государыни находились князь Зубовъ, графъ Строгановъ, Протасова, графиня Браницкая, Эстергази, дежурный генералъ-адъютантъ Пассекъ.

Императрица нѣсколько разъ осмотрѣлась кругомъ, ища глазами своего всегдашняго собесѣдника, оберъ-шталмейстера Нарышкина, большаго весельчака и за-

Библиотека "Руниверс"

бавника, извѣстнаго больше подъ именемъ „Лёвушки“.

Его не было здѣсь.

— А что же Льва Александровича не видно? обратилась она къ Безбородку.

Тотъ торопливо сталъ оглядываться и пожалъ плечами.

— Ужь не заболѣлъ-ли, не дай Богъ? спросила опять императрица.

— Можно дослать, государыня, я мигомъ прикажу! пробормоталъ Безбородко, дѣлая движеніе впередъ.

Но въ это время среди разступившейся и пропускавшей его толпы показался Нарышкинъ, въ своемъ расшитомъ золотомъ и каменьями кафтанѣ. Онъ поспѣшно пробирался къ дверямъ гостиной, то и дѣло кланяясь и здороваясь на ходу съ отовсюду почтительно и вмѣстѣ съ тѣмъ дружелюбно привѣтствовавшими его лицами.

— А, вотъ вы наконецъ! ласково улыбнулась ему императрица.— Я замѣтила ваше отсутствіе, Левъ Александровичъ.

Нарышкинъ ниже опустилъ склоненную передъ государыней голову, благодаря ее за выраженное милостивое вниманіе, и ни мало не смутившись весело проговорилъ:

— Не могъ, ваше величество, опоздалъ, ужь такое приключеніе случилось.

Императрица, зная, что сейчасъ послѣдуетъ какая-нибудь шутка, также весело взглянула на „Левушку“.

— Какое приключеніе? спросила она.

— Велѣлъ я дворецкому, чтобъ онъ распорядился заложить карету, а онъ ее взялъ да и свезъ въ ломбардъ и заложилъ въ дѣйствительномъ смыслѣ.

Императрица улыбнулась, многіе кругомъ разсмѣялись. Всѣ знали, что Нарышкинъ, несмотря на имѣвшіяся у него средства, постоянно нуждался въ деньгахъ, былъ кругомъ въ долгахъ и постоянно трунилъ надъ собою по поводу своихъ денежныхъ дѣлъ.

— А ловко вывернулся, шепнулъ Строгановъ своему сосѣду Пассеку.

Пріѣхать на балъ позже императрицы былъ проступокъ противъ этикета, но Нарышкинъ, не смутившись, загладилъ его шуткою.

Съ пріѣздомъ Нарышкина, весь ближайшій придворный кружокъ повеселѣлъ еще больше. Никто лучше его не умѣлъ такъ во-время разсказать что-нибудь, разсмѣшить и всѣхъ волей-неволей заставить „быть въ своей тарелкѣ“.

Государыня сѣла за партію рокамболя.

А въ широкой залѣ попрежнему гремѣла музыка, и разодѣтыя пары то и дѣло мелькали подъ ея звуки, веселясь отъ души.

У Безбородка всегда было весело.

Когда кончилась партія, въ продолженіе которой Зубовъ, игравшій съ государыней вмѣстѣ съ Нарышкинымъ и Строгановымъ, былъ особенно молчаливъ и одинъ изо всѣхъ казался скучнымъ и насупившимся, Екатерина поднялась отъ стола и, опираясь на руку хозяина, подошла къ дверямъ залы посмотрѣть на танцующихъ.

Въ это время танцовали протяжный, размѣренный менуэтъ, съ его поклонами и церемоннымъ шаганьемъ на цыпочкахъ.

Императрица, присматриваясь, нѣсколько разъ качнула въ тактъ головою.

— А все не то, что хлопушка! сказала она, улыбаясь стоявшему подлѣ нея Нарышкину.

Тотъ тряхнулъ головою.

— И, матушка, теперь настоящей хлопушки и танцовать-то не умѣютъ, отвѣтилъ онъ, и глаза его блеснули радостнымъ, неподдѣльнымъ весельемъ. — Александръ Андреевичъ, обратился онъ вдругъ къ Безбородку,—вели „хлопушку“ играть, что это право!

Безбородко, слыша, что императрица заговорила объ этомъ танцѣ, начинавшемъ выходить уже изъ моды, поспѣшно, неловкою, старческою рысцой протрусилъ черезъ залу къ музыкантамъ и, дождавшись такта, махнулъ имъ рукою и отдалъ приказаніе.

И вдругъ плавные и жиденькіе звуки менуэта смѣнились быстрою, рубленою, веселою музыкой хлопушки.

Зала пріостановилась на мгновеніе, потомъ пары смѣшались, кавалеры быстро забѣгали отъ одной дамы къ другой, и съ новымъ приливомъ веселья и смѣха появились подъ вызывающій, бодрящій, скорый темпъ танца новыя пары... Онѣ въ тактъ застучали каблуками и, ударяя въ ладоши и приподымая правую руку, закружились и заходили.

Изъ другихъ комнатъ прихлынула толпа любопытныхъ. Изъ этой толпы отдѣлялись еще пары и смѣшивались съ танцующими.

— Нѣтъ, все-таки не такъ, твердилъ Левъ Александровичъ, тоже притопывая слегка и двигая плечами. Ему не стоялось на мѣстѣ.

Онъ сегодня проигралъ и потому былъ особенно въ духѣ.

Безбородко, охваченный радостной разсѣянностью, тою разсѣянностью, когда все ни по чемъ и когда очень доволенъ, тоже притоптывалъ ногою и повторялъ машинально за Нарышкинымъ:

— Не такъ, не такъ...

— А вы покажите, графъ, какъ нужно, задорно проговорила ему Браницкая.

Безбородко широко улыбнулся и, ставъ слегка въ позу, подалъ ей руку.

— А пойдемте, отвѣтилъ онъ шутливо, готовый на самомъ дѣлѣ идти танцовать.

Браницкая разсмѣялась, отклонилась назадъ немножко и вдругъ рѣшительнымъ движеніемъ положила свою маленькую ручку въ большую, мужскую, мясистую руку графа и двинулась впередъ.

— А кто же съ нами будетъ, Левъ Александровичъ? обратилась она къ Нарышкину, продолжая шутить и какъ бы не вѣря, что они пойдутъ танцовать на самомъ дѣлѣ.

Нарышкинъ лукаво подмигнулъ графу Александру Андреевичу и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, приблизился къ первой попавшейся дамѣ, стоявшей въ числѣ гостей въ почтительномъ отдаленіи отъ дверей, у которыхъ была императрица со своими приближенными, и умильно смотрѣвшихъ туда.

Дама, которую пригласилъ съ поклономъ Нарышкинъ, была красива собою, сильно, по модѣ, нарумянена, съ подведенными бровями и густо напудренными волосами. На ней былъ широкій „робро“, шелковый, моднаго цвѣта „заглушеннаго вздоха“ (soupir étouffé).

Дама, сіяющая и довольная, отвѣтила глубокимъ реверансомъ оберъ-шталмейстеру и, сопровождаемая завистливыми взглядами толпы, вышла съ нимъ на середину залы; противъ нихъ стали Безбородко съ Браницкой.

Нарышкинъ, выждавъ тактъ, хлопнулъ въ ладоши... „Настоящая“ хлопушка началась...

Зубовъ сдѣлалъ презрительную гримасу.

Императрица взглянула на него и отвернулась.

Дворъ Екатерины былъ самымъ блестящимъ дворомъ Европы. Нигдѣ не соблюдался этикетъ строже, чѣмъ при ея дворѣ, и нигдѣ не было выходовъ и пріемовъ болѣе торжественныхъ и величественныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ такъ не веселились и нигдѣ не было такой искренней непринужденности, разумѣется, въ строгихъ границахъ. Екатерина одна умѣла съ особеннымъ „геніальнымъ“ тактомъ—если только геній можетъ и въ этомъ проявиться—сохранить ту неуловимую границу дозволеннаго, неподдѣльнаго, искренняго веселья, которая могла быть опредѣлена только

Библиотека "Руниверс"

Старый да малый. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Виноградова, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

ея умѣньемъ. И веселье это не только не нарушало этикета, но напротивъ какъ бы придавало ему особенную прелесть и естественность.

Продѣлавъ ко всеобщему удовольствію фигуру хлопушки съ неизбѣжнымъ притоптываніемъ и прищелкиваніемъ, Нарышкинъ,—у котораго не столько ноги танцовали, сколько вся фигура его вдругъ оживилась и глаза и улыбка засвѣтились радостнымъ оживленіемъ, невольно сообщавшимся всѣмъ кругомъ,—отвелъ свою даму на мѣсто и, поклонившись ей снова, проговорилъ скороговоркою по-французски:

— Позвольте, сударыня, представить вамъ мое почтеніе. Нарышкинъ Левъ, добавилъ онъ съ новымъ учтивымъ поклономъ.

Красивая барыня въ робропѣ цвѣта „подавленнаго вздоха" опять низко присѣла.

— Баронесса Каннихъ, волнуясь и краснѣя подъ своими бѣлилами проговорила она.

— Ай да Левъ Александровичъ! сказала императрица ему, когда онъ подошелъ къ ней, слегка запыхавшись и вытирая лобъ платкомъ.

Глаза ея тоже оживились. По всему было видно, что государыня хочетъ показать, что ей пріятно и что она въ духѣ.

И чѣмъ замѣтнѣе это было, тѣмъ грустнѣе и пасмурнѣе становился Зубовъ.

Музыка перестала играть. Толпа танцующихъ мгновенно притихла и, переговариваясь шепотомъ, поглядывала въ сторону, гдѣ была государыня, присутствіе которой чувствовалось тутъ. Всѣ ждали, что̀ сдѣлаетъ она и что̀ захочетъ чтобъ дѣлали другіе.

Императрица бодрою походкой, тою походкой, которою она ходила обыкновенно на выходахъ во дворцѣ, направилась по залѣ. Толпа сейчасъ же раздѣлилась на двѣ стороны, освободивъ широкій проходъ для императрицы.

Она шла, кивая головою тѣмъ, кого желала удостоить этой чести, а инымъ протягивая руку и говоря нѣсколько ласковыхъ и привѣтливыхъ словъ.

Такъ, съ постоянными остановками, она медленно приближалась къ противоположному концу залы, слѣдя за знакомымъ ей измѣненіемъ счастливыхъ лицъ, когда она обращалась къ кому-нибудь.

Въ самомъ концѣ залы, у дверей, стоялъ въ военномъ мундирѣ высокій, статный генералъ, молодой еще по лѣтамъ, но по задумчивому, строгому взгляду своихъ большихъ, ясныхъ, черныхъ глазъ замѣтно пережившій многое.

Его открытое, смѣлое лицо, колосальная фигура, дышащая мощью и силой, невольно бросались въ глаза. Онъ стоялъ задумавшись, видимо далекій и отъ этого бала, и отъ всего, что̀ окружало его въ эту минуту.

Екатерина остановилась, какъ-бы припоминая что-то.

— Кто это? спросила она шепотомъ у Безбородка, такъ что только онъ одинъ могъ услышать ея слова.

— Графъ Литта, отвѣтилъ тотъ такъ же тихо, — контръ-адмиралъ службы вашего императорскаго величества.

Екатерина кивнула головою, какъ бы говоря: „А! знаю теперь", и остановила долгій, внимательный взглядъ на молодомъ графѣ.

III.

Шесть лѣтъ назадъ.

Капитанъ корабля 1-го ранга, контръ-адмиралъ, кавалеръ ордена Св. Георгія третьей степени и награжденный золотою шпагою съ надписью „за храбрость", графъ Литта шесть уже лѣтъ состоялъ на русской службѣ.

Явившись въ Россію по приказанію великаго магистра Мальтійскаго ордена, онъ, связанный своимъ рыцарскимъ обѣтомъ и влюбленный въ замужнюю женщину, поступилъ прямо въ дѣйствовавшій на Балтійскомъ морѣ флотъ нашъ противъ шведовъ.

Это было въ самый разгаръ Шведской войны 1789 г.

Литта одного только просилъ, чтобы его послали въ дѣло, въ самый опасный пунктъ, гдѣ требовался человѣкъ, готовый не щадить себя.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему ему было беречь себя и думать о жизни, которая ему кромѣ горя и вѣчной разлуки ничего теперь не обѣщала впереди?

Она давила его, эта жизнь, какъ камень Сизифовъ, но давила безнадежно.

Онъ радъ былъ войнѣ, радъ былъ своему участію въ ней, потому что единственною притягивающею къ себѣ мечтой его было—найти почетную смерть среди боя.

Онъ только этого и желалъ, больше ничего ему не оставалось въ жизни, гдѣ счастіе было невозможно для него.

Несмотря на всѣ старанія, на все хладнокровіе, которымъ онъ хотѣлъ вооружиться при помощи таинственныхъ книгъ, совѣтовъ великаго магистра и наконецъ собственныхъ разсужденій и увѣренности въ необходимости подчиненія своему долгу, своему обѣту, — живое чувство любви превозмогало въ немъ все остальное.

Онъ былъ назначенъ въ гребную флотилію принца Нассау-Зигена, находившагося тогда тоже на русской службѣ.

Казалось, итальянецъ графъ Литта находился въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ въ нашей службѣ, попавъ прямо въ дѣйствіе. Онъ не былъ совсѣмъ знакомъ ни съ нашимъ народомъ, ни съ языкомъ. Не только матросы, но даже многіе офицеры, не говорившіе по-французски, не могли понимать его.

Сначала они отнеслись къ иностранцу недовѣрчиво, хотя внушительная фигура и бравая осанка мальтійскаго моряка съ перваго же раза произвела на нихъ благопріятное впечатлѣніе.

Но его молчаливый, угрюмый видъ, его неразговорчивость заставили подчиненныхъ и окружающихъ смотрѣть на него нѣсколько подозрительно.

Они, разумѣется, не могли знать причину всего этого, не могли знать того, что̀ происходило въ душѣ графа Литты.

При первомъ же однако столкновеніи съ непріятелемъ онъ весь оживился и сталъ другимъ, совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Та отчаянность, съ которою онъ кинулся впереди всѣхъ, не заботясь даже слѣдуютъ-ли за нимъ тѣ, которыхъ онъ велъ, на непріятельскую галеру (они захватили ее тогда въ плѣнъ),—та радость, съ которою онъ ворвался въ кучу враговъ, думая, что все уже будетъ кончено съ нимъ,—была принята какъ изъ ряду вонъ выходящая храбрость и возбудила неподдѣльный восторгъ и удивленіе.

Несмотря на явную опасность, въ которую онъ пошелъ съ твердымъ намѣреніемъ уже не вернуться живымъ, Литта остался невредимымъ.

Послѣ этой первой стычки онъ загрустилъ еще больше и сталъ еще угрюмѣе.

Все, казалось, было противъ него: жужжащія веселыя пули, которыхъ страшились новички и которыхъ напротивъ Литта искалъ, какъ бы нарочно миновали его; шведскія ядра (шведы стрѣляли очень плохо) или не достигали до цѣли, или перелетали ее, что̀ сердило Литту какъ знатока дѣла, не могшаго простить даже непріятелю плохой стрѣльбы; рукопашная схватка, когда онъ кинулся на отчаянный абордажъ, тоже кончилась какъ-то слишкомъ вяло, безвкусно, совсѣмъ не такъ, какъ бывало, когда дѣло шло съ головорѣзами-алжирцами. Литта не хотѣлъ принять во вниманіе, что шведовъ ждалъ довольно покойный и гуманный плѣнъ, алжирцевъ-же — смертная казнь или рабство.

Библиотека "Руниверс"

Шведы сдались слишкомъ скоро.

Главный начальникъ Литты, Нассау-Зигенъ, тоже дѣйствовалъ, по его мнѣнію, не достаточно энергично: онъ все „поспѣшалъ“ куда-то, составлялъ диспозиціи, но въ бой, куда рвался Литта, вступалъ довольно осмотрительно.

Самый способъ этой сѣверной морской войны казался Литтѣ ненавистнымъ. Шведы забирались въ шхеры, старались укрыться за каменистые островки и украдкою отстрѣливались оттуда. Флотилія, гдѣ находился Литта, дѣйствовала у береговъ (въ самомъ морѣ плавала наша эскадра подъ начальствомъ Чичагова), и эта вѣчная возня у каменистыхъ бугровъ, о которые слабо плескалось темное, студеное сѣверное море, казалась такъ же ничтожна и мелка, какъ были мелки самыя воды.

Не было той шири, страсти, розмаха, могущества и поэзіи, къ которымъ привыкъ Литта въ чудесныхъ, теплыхъ, картинныхъ средиземныхъ водахъ.

За всю войну для Литты было одно лишь сраженіе похожее на настоящее дѣло, когда шведскій армейскій флотъ оберъ-адмирала Эренсверда застрялъ между островами Котки, Мусола и Кутцель-Мулла.

Бой продолжался четырнадцать часовъ.

Въ девять часовъ утра мы открыли пальбу съ нашихъ судовъ и съ двухъ устроенныхъ на островкахъ батарей.

Непріятель отвѣчалъ сначала рѣдкими, неувѣренными выстрѣлами, но вскорѣ огонь его усилился.

Мы приближались къ нему медленно, потому что при безвѣтріи нужно было работать веслами.

Литта на маленькой шлюпкѣ переѣзжалъ съ одного изъ находившихся подъ его начальствомъ судовъ на другое, отдавалъ распоряженія и, выбиваясь изъ силъ, безъ устали работалъ. Двѣ галеры у насъ взорвало. Литта былъ на одной изъ нихъ и самъ помогалъ тушить пламя.

Когда кончился этотъ упорный четырнадцатичасовой бой полнымъ пораженіемъ непріятеля, Литта, все время находившійся въ самомъ огнѣ, весь черный отъ пороховаго дыма, усталый, измученный, почувствовалъ, что все-таки онъ цѣлъ и невредимъ и завѣтное желаніе его вовсе не исполнилось.

Мало того, его еще наградили за то, что онъ остался живъ, и черезъ нѣсколько времени въ „Вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ“, въ реляціи о дѣйствіяхъ нашего флота, между прочимъ, было напечатано:

„Флота капитанъ генералъ-маіорскаго ранга, кавалеръ Литта, командовавшій правымъ крыломъ въ атакѣ, данныя ему отъ начальства наставленія съ похвальною точностью и искусствомъ исполнялъ, поспѣшая вездѣ, гдѣ должно было отъ начала до конца сраженія и подавая доводы своей отличной храбрости“.

Страннѣе тутъ было всего то, что Литта именно не дѣлалъ того, за что его хвалили, т. е. совсѣмъ не исполнялъ „съ точностію и искусствомъ“ данныя ему и придуманныя Нассау-Зигеномъ наставленія, потому что ихъ нельзя было исполнить, и сталъ дѣйствовать по вдохновенію, какъ только раздался первый выстрѣлъ. Но онъ даже не обратилъ вниманія на эту странность.

Въ концѣ войны онъ оказался награжденнымъ Георгіевскимъ крестомъ и золотою шпагою съ надписью „за храбрость“.

Вотъ все что ему дала война и чего желали бы впрочемъ добиться многіе; но то чего онъ именно искалъ и чего другіе не хотѣли и нашли—онъ не нашелъ...

Литта остался на русской службѣ и дѣятельно занялся обученіемъ командъ.

Съ годами буря его улеглась въ немъ мало-по-малу, и всецѣло предавшись занятіямъ, онъ думалъ уже найти въ нихъ покой, какъ вдругъ все это снова перевернулось и на тихой ровной поверхности появились новыя волны.

(Продолженіе будетъ).

Тетушкинъ домъ.

Разсказъ **М. Вайтинга.**

(Переводъ съ англійскаго).

Намъ жилось прекрасно, пока не умерла тетушка, которая накликала на насъ бѣду, оставивъ намъ въ наслѣдство—домъ. Разумѣется, сначала мы были очень довольны. Это былъ хорошенькій загородный домикъ съ верандой, почти совсѣмъ закрытый плющемъ и розами, со старинымъ садомъ и прямыми, опрятно усыпанными пескомъ дорожками, окаймленными ровно подстриженнымъ газономъ.

Насъ было трое—Мэтью, Джени и я. Мэтью, когда былъ моложе, служилъ писцомъ въ одномъ банкѣ, но когда по смерти нашего отца всѣмъ намъ досталось по небольшому капиталу, мы уговорили Мэтью оставить службу, такъ какъ онъ никогда не отличался особеннымъ здоровьемъ, а теперь, къ тому же, годы давали себя знать, и намъ тяжело было видѣть, какъ онъ вечеромъ возвращался со своей службы домой усталый и блѣдный.

Мы жили всѣ вмѣстѣ очень счастливо; при нашемъ домѣ былъ хорошенькій садъ, гдѣ Мэтью проводилъ бо́льшую часть своего времени, и хотя мы вели очень скромную жизнь, но не было такого случая, чтобы мы пожелали чего-нибудь бо́льшаго. Но теперь, когда на насъ свалился этотъ неожиданный даръ судьбы, мы стали совѣтоваться, что̀ намъ дѣлать.

— Мнѣ кажется, намъ всего лучше самимъ жить въ своемъ домѣ, сказала Джени.—Пускать жильцовъ безпокойно, и притомъ такъ мило жить въ этомъ хорошенькомъ мѣстечкѣ.

Джени еще молода—ей только съ небольшимъ сорокъ,—не мѣшаетъ попридержать ее, когда она суется впередъ со своими мнѣніями; но Мэтью всегда очень снисходителенъ къ ней, и сейчасъ же сказалъ:

— Да, лѣтомъ въ саду будетъ прекрасно, и намъ не надо будетъ платить за квартиру.

Я всегда должна была думать за нихъ обоихъ, и я объявила рѣшительно:

— Нельзя ничего придумать глупѣе этого! Скажите пожалуйста, жить самимъ! Что̀ будемъ мы дѣлать въ такомъ большомъ домѣ? Да намъ не справиться тамъ съ пылью и съ мышами! Разумѣется, мы должны отдать его въ наемъ, а наемная плата составитъ хорошенькую прибавку къ нашему доходу.

Я старшая и—говорю это безъ гордости—у меня у одной больше здраваго смысла, чѣмъ у нихъ обоихъ взятыхъ вмѣстѣ; вслѣдствіе этого они всегда соглашаются съ моимъ мнѣніемъ, хотя иной разъ можетъ-быть и не совсѣмъ согласны со мной.

— Поѣдемъ и посмотримъ его, сказалъ Мэтью,—и тогда мы разсудимъ, какъ лучше поступить.

Тетушкинъ домъ находился миляхъ въ трехъ отъ города, въ маленькой деревушкѣ, мимо которой проходитъ вѣтвь желѣзной дороги, такъ что тамъ очень было бы удобно жить человѣку имѣющему занятія въ городѣ.

Правда, въ этотъ лѣтній день, домикъ, освѣщенный послѣполуденнымъ солнцемъ, глядѣлъ очень красиво, и я почти готова была уступить желанію Джени — поселиться въ немъ, однако я съумѣла не поддаться подобному настроенію и обратить свои мысли на болѣе практическія соображенія.

— Обойдемте его, сказала я,—и посмотримъ, какого онъ требуетъ ремонта.

— Очевидно, что-нибудь неисправно въ водопроводныхъ трубахъ, замѣтилъ Мэтью, показывая на большую лужу посереди пола въ кухнѣ.

— Да, ихъ надо непремѣнно всѣ осмотрѣть; и мнѣ кажется весь домъ слѣдуетъ выкрасить и оклеить обоями: его никогда не наймутъ, если онъ останется такимъ мрачнымъ, какъ теперь.

— Я должна сказать, что комнаты очень малы, сказала Джени.—Какъ вы думаете, когда будутъ здѣсь рабочіе, не велѣть-ли имъ снять эту перегородку?.. Тогда образуется большая гостиная!

Обыкновенно въ такихъ случаяхъ я сразу обрываю Джени: въ концѣ концовъ это ей полезно; но это замѣчаніе было такъ справедливо, что я не могла не обратить на него вниманія, а Мэтью горячо ухватился за эту мысль.

— Превосходно, Джени! воскликнулъ онъ.—Это будетъ боль-

Библиотека "Руниверс"

Ручей. Карт. Бейшлага, грав. Вебера.

Библиотека "Руниверс"

шимъ улучшеніемъ; но если мы отдѣлимъ эту комнату, то уничтожится проходъ въ гостиную, и какъ же тогда пройти въ столовую?

— Мы сдѣлаемъ другой проходъ, сказала Дженни рѣшительнымъ тономъ.

— Хорошо, но чтобы сдѣлать проходъ, надо имѣть для того мѣсто.

Я такъ долго молчала только потому, что все это время обдумывала нѣчто.

— Послушайте меня одну минуту, сказала я.—Мы воспользуемся твоей идеей, Дженни, но съ однимъ дополненіемъ. Мы сдѣлаемъ проходъ въ гостиную и проведемъ наружную галерею съ французскими окнами, которыя будутъ отворяться въ комнаты!

— Чудесно! воскликнули они оба, и дѣло было рѣшено.

Мы разсчитали, что можно обойтись безъ архитектора, а просто поручить подрядчику составить планъ подъ нашимъ руководствомъ.

Дѣлалось это самымъ пріятнымъ образомъ: никакая смѣта насъ не пугала, такъ какъ мы рѣшили дѣлать все постепенно, одну вещь за другой, и не заходить дальше того, что найдемъ необходимымъ. Для насъ было настоящимъ развлеченіемъ ходить туда и смотрѣть, какъ подвигается дѣло, и мы обѣ согласились съ Мэтью, когда онъ сказалъ:

— Право, мнѣ будетъ очень жаль, когда работа кончится.

Однако, не такъ-то стало пріятно, когда подали счетъ. Какъ онъ могъ дорасти до такой громадной цифры, мы не могли понять, но итогъ просто ошеломилъ насъ.

Я попробовала написать подрядчику и просить его объясненій, но когда онъ это сдѣлалъ, то въ нихъ мы еще меньше могли понять, чѣмъ въ самомъ счетѣ.

— Я думаю, лучше поручить это дѣло адвокату, сказалъ Мэтью.

Однако на это я не дала своего согласія.

— Мы еще больше потеряемъ въ концѣ концовъ, сказала я.—Теперь мы заплатимъ часть, а когда сдадимъ домъ, выплатимъ остальное изъ дохода.

„Когда сдадимъ домъ!“ Эти слова обратились въ обычную домашнюю фразу, пока не наступилъ этотъ давно желанный день. Мы напечатали объявленіе въ нѣсколькихъ газетахъ; многіе приходили смотрѣть домъ, но всѣ находили какія-нибудь неудобства. Для однихъ онъ былъ слишкомъ великъ, для другихъ—слишкомъ малъ; одни говорили—что это слишкомъ далеко отъ города, другіе—что слишкомъ близко. Нѣкоторымъ требовалось больше спаленъ, а нѣкоторымъ даже не нравилась наша восхитительная галерея.

— Очень мило!.. О, да, очень-очень мило! говорила одна дама, которой мы показывали галерею. — Но вѣдь это такой сквозникъ,—оттуда дуетъ, какъ изъ пустыни.

Мы молчали; мы не могли отрицать этого.

Мэтью что-то довольно нерѣшительно проговорилъ о кокосовыхъ матахъ, но дама ушла, даже не выслушавъ его.

Положеніе было безнадежное. Наконецъ, однажды къ намъ явился какой-то джентльменъ съ объясненіемъ, что онъ слышалъ, будто мы сдаемъ домъ. Мгновенно всѣ мы пришли въ величайшее волненіе. Дженни и я полетѣли надѣвать шляпы, Мэтью также досталъ свою шляпу и палку.

Джентльменъ объявилъ намъ, что его имя Вильтонъ, что онъ прочиталъ наше объявленіе въ газетѣ и что ему нуженъ домъ немного въ сторонѣ отъ города, потому что у него дѣти не очень крѣпкаго здоровья.

— Сколько у васъ дѣтей? спросилъ Мэтью.

— О, нѣсколько человѣкъ, отвѣчалъ мистеръ Вильтонъ.—Это вашъ домъ?.. Очень хорошенькій!

Мы такъ привыкли слышать о разныхъ недостаткахъ въ нашемъ домѣ, что при этой похвалѣ наши сердца сразу воспламенились любовью къ будущему жильцу, и подробно показавъ ему домъ, мы разстались вполнѣ довольные другъ другомъ. Дня черезъ два онъ насъ извѣстилъ, что соглашается на наши условія. Нашъ домъ былъ сданъ! Мы едва вѣрили своему благополучію.

Мы воспользовались первымъ случаемъ, чтобы поѣхать въ ту сторону, сдѣлать визитъ одной хорошей знакомой, которая жила недалеко отъ нашего дома. Вскорѣ разговоръ коснулся нашихъ новыхъ жильцовъ, и слова миссъ Кекстонъ подтвердили наши худшія опасенія.

— Я очень сожалѣю, что вы пустили въ свой домъ такую ватагу дѣтей, да еще такихъ сорванцовъ, сказала она намъ.— На-дняхъ я проходила мимо, и вдругъ слышу ужасный шумъ. Что же,—это два мальчугана влѣзли на крышу галереи. Мать высунулась изъ окошка и старалась достать до нихъ половой щеткой, а одинъ изъ мальчугановъ побѣжалъ прочь, и прямо заѣхалъ ногой въ стекло. Я думаю, вы никогда въ жизни не слышали такой возни.

Сердца наши охладѣли до нуля. Съ Вильтонами было заключено условіе на годъ, и мы не могли придумать, какимъ бы образомъ отдѣлаться отъ нихъ. Вѣдь не пройдетъ полгода,—про *годъ* и говорить нечего,—какъ нашъ несчастный домъ превратится въ развалины, а садъ въ пустыню. Поэтому мы далеко не пришли въ отчаяніе, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ услышали, что мистеръ Вильтонъ намѣренъ покинуть эту мѣстность и будетъ считать себя очень обязаннымъ, если мы согласимся освободить его отъ контракта. Мы съ радостью согласились, хотя сдѣлали видъ, что это намъ не особенно пріятно. Однако все-таки мы не могли понять, почему Вильтоны такъ торопятся выѣхать. Они платили, принимая въ соображеніе ихъ требованія, замѣчательно дешево, и съ ихъ стороны это было по меньшей мѣрѣ неблагодарностью.

Но, какъ только они выѣхали, мы открыли причину ихъ поспѣшности. Домъ нашъ превратился въ развалины. Выраженіе это покажется можетъ-быть слишкомъ сильнымъ, но оно ни чуть не превышаетъ истины: краски, обоевъ—какъ не бывало, черепицы съ крыши сорваны, окна разбиты, трубы испорчены, все представляло хаосъ тамъ, гдѣ незадолго передъ этимъ все было такъ опрятно и красиво.

На этотъ разъ мы наблюдали за рабочими совершенно съ другими чувствами; теперь ужь это не составляло удовольствія, и хотя счетъ былъ не такъ страшенъ, какъ въ первый разъ, но это было все равно, такъ какъ платить во всякомъ случаѣ было нечѣмъ.

Что было дѣлать? Мэтью утверждалъ, что надо продать часть нашихъ процентныхъ бумагъ; но это было положительно невозможно, потому что намъ осталось бы слишкомъ мало на жизнь. Вопросъ былъ трудный, но я, по обыкновенію, нашлась какъ его рѣшить. Надо заложить домъ. Мэтью не особенно одобрилъ этотъ планъ, но такъ какъ онъ былъ не въ состояніи предложить лучшаго, то я восторжествовала. Домъ заложили и уплатили по обоимъ счетамъ.

Мѣсяцы проходили за мѣсяцами, а домъ нашъ все стоялъ ненанятымъ. Одинъ джентльменъ охотно бы взялъ его, но при домѣ не было конюшни, и хотя насъ бралъ сильный соблазнъ сдѣлать эту пристройку, но мысль о кирпичахъ и молоткахъ наводила на насъ слишкомъ большой страхъ, чтобы отважиться на подобное предпріятіе иначе, какъ если-бы нашъ домъ былъ сданъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на семь. Одна вдова предлагала взять его съ условіемъ, чтобы первые два года жить даромъ, и мы потомъ даже сожалѣли, что не сговорились съ ней, такъ какъ, повидимому, не представлялось никакой надежды на другихъ жильцовъ. Между тѣмъ мы съ каждымъ днемъ должны были сокращать наши расходы, чтобы приготовить деньги къ грозному дню уплаты процентовъ.

— Теперь намъ остается ждать только того, что мы не въ силахъ будемъ уплатить долга, говорилъ Мэтью съ мрачнымъ видомъ.

Но всегда самый темный часъ бываетъ передъ разсвѣтомъ,— такъ, черезъ нѣсколько дней послѣ этого замѣчанія Мэтью, мы получили предложеніе, которое давало надежду на поправленіе нашихъ обстоятельствъ. Одинъ пріѣзжій джентльменъ съ женой, остановившіеся въ отелѣ, присматривали домъ. Едва услыхавъ объ этомъ, я сейчасъ же стала просить Мэтью пойти со мной къ этимъ господамъ, такъ какъ я чувствовала, что другаго такого случая пожалуй и не представится больше. Мистеръ и миссизъ де-Курси оказались премилыми людьми; сейчасъ было видно, что они привыкли вращаться въ лучшемъ обществѣ. Непринужденность и тонкое изящество ихъ обращенія составляли забавный контрастъ съ нашими провинціальными манерами. Они приняли насъ очень любезно, и назначили день, когда пріѣдутъ осмотрѣть домъ.

— Едва-ли они наймутъ его, сказала я, когда мы шли домой.

Но, вопреки моимъ ожиданіямъ, они были въ восторгѣ отъ дома, и согласились на всѣ наши желанія съ замѣчательною готовностью. Я не хотѣла включать въ условіе вознагражденія за убытки, боясь что это пожалуй еще не понравится имъ; но Мэтью такъ былъ напуганъ нашими предшествовавшими приключеніями, что настаивалъ на этомъ.

Мистеръ де-Курси, надо признаться, поступилъ вполнѣ по джентльменски.

— Я бы самъ предложилъ это условіе, если-бы вы не подумали объ немъ, сказалъ онъ съ однимъ изъ свойственныхъ ему поклоновъ, отъ котораго я почувствовала, что шляпа моя очень поношена и что на моей праздничной шали есть заштопанное мѣсто.

На такую вѣжливость надо было отвѣчать тѣмъ же. Когда онъ насъ спросилъ: не все-ли равно для насъ, если онъ будетъ вносить плату не по четвертямъ, а въ годъ, такъ какъ послѣднее для него несравненно удобнѣе, — мы ничего не могли отвѣтить, кромѣ того, что это для насъ совершенно все равно.

— Однако же, это предосадно, сказалъ мнѣ потомъ Мэтью.— Мы уже и такъ вошли въ долгъ, а если теперь цѣлый годъ не будемъ получать денегъ за домъ, то запутаемся еще больше!

Знаю. Да что-же было дѣлать? Если бы мы имъ отказали, то могли бы ихъ совсѣмъ упустить. Наконецъ, съ такими прекрасными людьми наши деньги не пропадутъ.

— Разъ дѣло сдѣлано, безполезно объ немъ разсуждать; жильцы нашлись, и мнѣ кажется, мы рады были бы пустить ихъ за какую угодно цѣну.

Это были самые любезные люди. Они ничѣмъ насъ не затрудняли, при каждой встрѣчѣ были всегда въ высшей сте-

Библиотека "Руниверс"

пени привѣтливы и радушны. Мы не разъ поздравляли себя съ такой необыкновенной удачей.

Тѣмъ не менѣе, когда годъ приближался къ концу, мы были очень рады, такъ какъ, само собою разумѣется, надо было платить проценты, а изъ нашего обычнаго дохода сдѣлать это было невозможно, и мы были кругомъ въ долгу.

— Ну вотъ, черезъ двѣ недѣли пройдетъ годъ, сказала я разъ, когда Мэтью ворчалъ на неуплаченные счеты.

На другой день была чудесная погода, и я предложила съѣздить къ нашимъ жильцамъ напомнить имъ о срокѣ. Мы были очень довольны этою поѣздкой. Ясный, солнечный день вмѣстѣ съ близкою надеждой выйти изъ трудныхъ обстоятельствъ, привели насъ въ самое веселое расположеніе духа. Всю дорогу мы весело болтали, пока не показался домъ.

— Мнѣ кажется, они могли бы имѣть занавѣси на окнахъ, сказала Дженни, когда мы подходили къ воротамъ.

— Пустяки, Дженни! рѣзко остановила я ее.—Ты вѣчно найдешь что-нибудь не такъ. Навѣрное теперь такая мода, чтобы не было занавѣсей.

— Домъ глядитъ, однако, какъ-то странно! сказалъ Мэтью.

Правда, онъ не договорилъ, быстро ускоривъ шаги, подошелъ къ окну столовой и заглянулъ въ него. Дженни и я послѣдовали его примѣру, и прижались лицами къ стеклу.

Комната была гола! Никакихъ слѣдовъ мебели,—ни ковровъ, ни занавѣсей, все пусто.

Дженни залилась слезами.

— Дженни, какъ ты глупа! сердито закричала я на нее, не потому, чтобы я въ самомъ дѣлѣ считала ее глупою, а потому, что мое собственное сердце вабилось отъ страха.—Очень просто, у нихъ идетъ уборка квартиры.

Мэтью ничего не говорилъ. Онъ пошелъ къ двери и толкнулъ ее; она была отперта, и мы всѣ бросились туда. Въ пустыхъ комнатахъ отдавались звуки нашихъ шаговъ. Голыя стѣны, казалось, насмѣхались надъ нашимъ горемъ. Жильцы наши сбѣжали—мы были разорены!

Каковы бы ни были недостатки Мэтью, но я должна сознаться, что въ его натурѣ есть проблески благородства. Когда не оставалось никакого сомнѣнія, что страхъ нашъ основателенъ, первыя его слова были:

— Теперь намъ нужно подумать, какъ расплатиться съ кредиторами.

— Мэтью! воскликнула я съ внезапнымъ порывомъ раскаянія, — во всемъ я виновата. Лучше бы совсѣмъ не доставалось намъ этого дома; но теперь поступай какъ самъ считаешь лучше.

— Хорошо, сказалъ Мэтью, — мы продадимъ домъ, выплатимъ по закладной, а потомъ увидимъ, какъ разсчитаться съ кредиторами.

Я чувствовала, что это справедливо, и не противорѣчила ему ни единымъ словомъ. Но этого нельзя было сдѣлать въ одну минуту. Даже когда нашъ домъ, наконецъ, и продался, положеніе наше нисколько не улучшилось, такъ какъ къ оставшимся долгамъ прибавились нотаріальныя издержки по продажѣ.

Я вовсе не была удивлена, увидѣвъ какъ поседѣли мои волосы и сколько новыхъ морщинъ прибавилось на лбу Мэтью. Что же касается Дженни, то она по цѣлымъ днямъ плакала, что меня еще больше раздражало. Я не видѣла исхода изъ нашего печальнаго положенія, и даже не пыталась давать какіе-нибудь совѣты Мэтью. Такая густая, мрачная туча повисла надъ нами, что кажется нечего было и ждать просвѣта.

— Подадутъ на насъ кредиторы въ судъ, не миновать намъ этого, съ горечью сказала я разъ.

— Нѣтъ, возразилъ Мэтью,—противъ этого есть средство, и я хочу посовѣтоваться съ вами объ этомъ. Выплемъ часть нашего капитала и расплатимся со всѣми долгами.

— Но какъ же мы станемъ жить! воскликнула я.

— Наймемъ маленькій коттэджъ, не будемъ держать прислуги, а я постараюсь найти гдѣ-нибудь мѣсто писца. Боюсь, что больше я теперь ни на что не способенъ.

— Мэтью! ты, снова писцомъ! Я не могу допустить этого.

— Ничего другаго не остается, весело проговорилъ Мэтью,— надо мириться съ этимъ.

Я больше ничего не возражала, ни слова, хотя я очень хорошо понимала, что уплативъ всѣ долги, мы не можемъ жить на то, что у насъ останется, и Дженни и мнѣ придется искать какихъ-либо занятій. Я знала, что Мэтью правъ, что это для насъ единственный честный исходъ. Дженни поступила въ компаньонки къ одной старой лэди, я стала брать шитье, и сама держу въ порядкѣ крошечный коттэджъ, въ которомъ живу съ Мэтью.

Мы не совсѣмъ несчастны, несмотря на всѣ наши невзгоды, но мы сильно чувствуемъ, что наша жизнь разбита, и когда я вижу Мэтью, какъ онъ, усталый, измученный, возвращается домой со своей скудно оплачиваемой должности, и вспоминаю о счастіи, какое онъ бывало испытывалъ помогая самъ бѣднымъ и несчастнымъ,—я чувствую, что лучшее, что я могу пожелать тѣмъ у кого есть тетка, это чтобы въ случаѣ своей смерти она не оставляла имъ дома.

Пѣвцы и танцоры у птицъ.

Очеркъ **М. Штауде.**

(Окончаніе).

Наибольшею извѣстностью пользуются концерты, которые устраиваются для услажденія своихъ дамъ глухарями, т. е. такъ-называемый глухариный токъ. Для этой цѣли глухарь самымъ раннимъ утромъ выбираетъ себѣ уединенно стоящее дерево, посреди какой-нибудь поляны. Здѣсь онъ предварительно прихорашивается, опускаетъ крылья, распускаетъ вѣеромъ хвостъ и тогда только принимается за пѣніе. Трудно передать все разнообразіе звуковъ, которые онъ въ это время издаетъ: онъ щелкаетъ, трещитъ, шипитъ, и нѣтъ подходящихъ словъ, чтобы выразить всю исключительность его мелодій. Самъ онъ приходитъ въ такое одушевленіе, что забываетъ о существованіи всего міра. Будучи обыкновенно одною изъ самыхъ осторожныхъ и пугливыхъ птицъ, въ это время онъ до того теряетъ свое самообладаніе, что подойти къ нему ближе чѣмъ на ружейный выстрѣлъ—нѣтъ ничего легче. Любовь не только ослѣпляетъ его, но и лишаетъ слуха. Охотники, напримѣръ, знаютъ, что въ то время, когда онъ дѣлаетъ колѣно „шлифъ", можно дать осѣчку, шуршать подъ ногами хворостомъ, даже „пронудеять",—токующій глухарь ничего не замѣчаетъ. Особенность эта мѣтко выражена въ названіи этой птицы. Впрочемъ, потеря слуха обусловливается не только увлеченіемъ, а главнымъ образомъ зависитъ отъ того, что у птицы распухаетъ ко времени тока треугольная складка кожи въ слуховомъ проходѣ и такимъ образомъ разобщаетъ органъ слуха съ внѣшнимъ міромъ. Причина этого обстоятельства остается до сихъ поръ невыясненною.

Глухарь любитъ токовать solo и не терпитъ соперника на разстояніи ста шаговъ, въ противномъ случаѣ тотчасъ вступая съ нимъ въ ожесточенный бой. Черныши, которыхъ токъ нѣкоторыми знатоками ставится даже выше глухариного, ведутъ дѣло иначе. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ охотники не особенно ихъ распугали, они собираются для этой цѣли въ количествѣ 30—40 штукъ, среди которыхъ обыкновенно удается замѣтить одного болѣе стараго пѣтуха, принимающаго на себя роль запѣвалы и распорядителя. Если послѣдній погибнетъ отъ руки охотника, то и токъ обыкновенно разстраивается на нѣкоторое время. Настоящій охотникъ поэтому никогда не станетъ завѣдомо стрѣлять по такому тетереву, такъ какъ остальные разлетаются вслѣдствіе этого по разнымъ мѣстамъ и охотиться за ними становится гораздо затруднительнѣе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются, иногда въ довольно большомъ числѣ, помѣси глухариного пѣтуха съ полевою тетёркою, по своему наружному виду болѣе похожія на глухарей. Онѣ отличаются особенною осторожностью и пугливостью, что можетъ-быть происходитъ отъ того, что по своему среднему положенію онѣ вынуждены держаться совершенно особнякомъ отъ родичей. Къ глухариному току пристать онѣ не могутъ, потому что тогда должны были бы вступить въ борьбу съ превосходящими ихъ по силѣ — глухарями; поэтому приходится имъ держаться около тетеревиныхъ токовъ, къ большому неудовольствію какъ токующихъ тетеревей, такъ и охотниковъ на нихъ, такъ какъ онѣ часто разстраиваютъ весь токъ, пользуясь силою, унаслѣдованною отъ своихъ отцовъ—глухарей.

Несмотря на всю прелесть глухариного и тетеревинаго тока, я думаю, среди читателей не много найдется испытавшихъ это удовольствіе, и главная причина этого заключается въ томъ, что тетерева токуютъ такъ рано, когда большинство и не помышляетъ еще о вставаніи. Впрочемъ, нѣкоторое представленіе объ этомъ можно получить, если весною встать немного раньше обыкновеннаго и заняться наблюденіемъ скворцовъ. Обыкновенно они усаживаются на вершинѣ какого-нибудь еще не покрытаго листьями дерева или же близь скворешника, и начинаютъ пѣть со всѣмъ своимъ стараніемъ. Если удастся видѣть одного изъ такихъ пѣвцовъ довольно близко, то ясно можно замѣтить, что въ этомъ пѣніи принимаетъ участіе все его тѣло. Горло и грудь расширяются до послѣдней степени, крылья постоянно движутся, помогая издавать звуки, а при особенно трудномъ пассажѣ даже хвостъ приходитъ на помощь.

Впрочемъ и каждая птица поетъ, такъ сказать, всѣмъ своимъ существомъ. Это бросается въ глаза при взглядѣ, напримѣръ, на поющаго кенаря и становится вполнѣ понятно, если мы обратимъ вниманіе на то, что главный источникъ звуковъ находится не тамъ, гдѣ мы видимъ на горлышкѣ усиленное движеніе, — нѣтъ, онъ находится гораздо ниже. А именно, пѣвчія птицы имѣютъ разнообразно устроен-

Библиотека "Руниверс"

ный звуковой снарядъ, часто очень сложный, въ томъ мѣстѣ, гдѣ воздушные ходы развѣтвляются внутри грудной полости. Состоитъ этотъ органъ изъ преобразованныхъ хрящей, воздушныхъ ходовъ и тонкихъ натянутыхъ связокъ, которыя, благодаря многочисленнымъ и дѣйствующимъ въ различныхъ направленіяхъ мышечнымъ волокнамъ, могутъ принимать самыя разнообразныя положенія, какъ относительно другъ друга, такъ и относительно воздушныхъ ходовъ. Вслѣдствіе этого птицы могутъ очень разнообразить свои звуки, измѣняя способъ прохожденія воздуха изъ легкихъ. До сихъ поръ мы еще не въ состояніи постигнуть особенности поющаго аппарата у какого-нибудь зяблика, сравнительно съ такимъ же аппаратомъ чижа. А между тѣмъ она необходимо существуетъ. Точно также мы не находимъ никакихъ различій между нижнею гортанью, какъ называютъ этотъ органъ, самцовъ и самокъ одного и того же вида пѣвчихъ птицъ, не смотря на то, что самки ихъ обыкновенно не обладаютъ даромъ пѣнія. У другихъ птицъ, не пѣвчихъ, такія различія подмѣчены; у нѣкоторыхъ утокъ, напримѣръ, имѣются особые резонаторы, т. е. пузыри, служащіе для усиленія звуковъ.

Верхняя гортань, служащая для издаванія звуковъ у человѣка, у птицъ играетъ совершенно второстепенную роль, такъ какъ не имѣетъ даже вибрирующихъ голосовыхъ связокъ. Птица только съуживаетъ и расширяетъ это мѣсто гортани во время пѣнія, что̀ и бываетъ всегда замѣтно по движенію перьевъ на горлѣ. И эти перья также имѣютъ значеніе при половомъ подборѣ. Часто на этомъ мѣстѣ у птицъ можно замѣтить особенно блестящія перья, которыя при пѣніи или крикѣ переливаются разными цвѣтами, что̀, конечно, не ускользаетъ отъ зоркаго взгляда самки, любующейся своимъ кавалеромъ. Кто хоть сколько-нибудь сомнѣвается въ справедливости только что сказаннаго, тому совѣтуемъ взглянуть на воркующаго голубя. Когда филинъ въ тишинѣ ночной кричитъ „пугу", то перья его горла бѣлѣютъ уже издалека. У другихъ птицъ существуетъ особое оперение головы, имѣющее видъ шапочки и дѣлающееся особенно замѣтнымъ во время гнѣва и при пѣніи. У одной американской птички, однообразно грязно зеленаго цвѣта, въ это время перья головы раздвигаются и тогда дѣлается замѣтною ярко-блестящая, золотисто-желтая шапочка.

Впрочемъ, есть еще и другая зависимость между оперѣніемъ и пѣніемъ.

При ближайшемъ знакомствѣ съ пернатымъ царствомъ тропическихъ странъ оказалось, что тамъ, гдѣ преобладаютъ хорошіе пѣвцы, рѣже попадаются птицы щеголяющія своимъ оперѣніемъ. Да и среди нашихъ птицъ щеголи обыкновенно плохіе пѣвцы, и наоборотъ. Яркое оперѣніе вполнѣ умѣстно въ такомъ лѣсу, гдѣ яркія краски разсыпаны щедрою рукою, растительность роскошна, деревья покрыты такими разноцвѣтными цвѣтами и плодами, что будь птица еще ярче окрашена, она не будетъ рѣзко выдѣляться на этомъ пестромъ фонѣ. Совсѣмъ было бы иначе, если бы перенести одну изъ тропическихъ птицъ въ нашъ лѣсъ. Какая-нибудь ярко-красная птица на вѣткѣ совсѣмъ еще голой березы, была бы видна на громадное разстояніе, скоро привлекла бы къ себѣ одного изъ хищниковъ и сдѣлалась бы его жертвой. Поэтому наши птицы, не имѣя возможности прельщать дамъ своимъ костюмомъ, должны были найти другое средство затронуть сердце своего прекраснаго пола и обратились поэтому къ пѣнію.

Въ самомъ началѣ мы упоминали, что съ развитіемъ пѣнія долженъ развиваться и органъ слуха. Здѣсь же оказывается, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, что органъ слуха у птицъ стоитъ по своему развитію ниже уха млекопитающихъ животныхъ. Такъ у большинства птицъ наружнаго уха совсѣмъ не бываетъ, равно какъ и непрерывности ушныхъ косточекъ. Но всѣ эти несовершенства устраняются съ избыткомъ инымъ образомъ: устройство черепа совершенно особенное, косточки нѣжны и наполнены воздухомъ, самый слуховой ходъ коротокъ, а барабанная перепонка очень растяжима,—какъ на это указываютъ Бергманъ и Лейкартъ въ своемъ анатомически-физіологическомъ обозрѣніи животнаго царства. Чувство слуха у птицъ должно быть не менѣе развито, чѣмъ у насъ, потому что иначе никакъ нельзя было бы объяснить ихъ способность выучиваться произносить слова и высвистывать цѣлыя мелодіи. По этому поводу умѣстно будетъ вспомнить, какъ республиканецъ Дюро-де-ла-Маль выучилъ своего скворца высвистывать *Марсельезу* и какой переполохъ произвелъ затѣмъ этотъ скворецъ, выпущенный хозяиномъ на свободу, своимъ пѣніемъ въ одномъ изъ кантоновъ отличавшихся консервативными взглядами.

Часто удается замѣчать, что пѣвчія птицы подсвистываютъ въ тонъ въ одномъ мѣстѣ мелодіи и замолкаютъ при перемѣнѣ тона. Вышеупомянутый Бергманъ разсказываетъ, что, будучи еще мальчикомъ, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ слѣпой старикъ-учитель фантазировалъ на фортепіано, а его канарейка, стараясь попасть въ тонъ, сначала осторожно посвистывала, пока, наконецъ, не подхватывала полнымъ голосомъ фантазію своего стараго друга.

Способность подражать различнымъ звукамъ заставляетъ нѣкоторыхъ пѣвчихъ птицъ даже въ дикомъ состояніи передразнивать эти звуки; такъ Герхардтъ наблюдалъ въ Георгіи одного пересмѣшника, который передразнивалъ до одиннадцати разныхъ птицъ; у насъ же этою способностью болѣе другихъ отличается краснoголовый сорокопутъ. Притомъ оказывается, что способность эта развита у одного и того же вида далеко не одинаково, а зависитъ въ большой степени отъ индивидуальныхъ особенностей птицы; одинъ скворецъ легко выучивается говорить, другому же это дается съ трудомъ. У нѣкоторыхъ птицъ, благодаря способностямъ въ этомъ отношеніи, собственная пѣсня совершенно исчезаетъ и замѣняется чужою. Такъ, по увѣренію Четти, одна порода жаворонковъ обладаетъ собственнымъ напѣвомъ, въ высшей степени не музыкальнымъ; перенимая же чужое пѣніе, эта птица такъ его измѣняетъ и улучшаетъ, что поневолѣ вызываетъ удивленіе слушателя. Пѣніе камышевокъ также изобилуетъ заимствованными мотивами: одинъ видъ ихъ (Locustella naevia) встрѣчается по полямъ и лугамъ, потому ея учителемъ пѣнія является луговой сверчокъ; другая порода—Acrocephalus arundinaceus—живетъ въ тростникѣ и пѣніе ея заимствовано отъ другаго виртуоза — лягушки. Вообще птицы не могутъ сразу пѣть свою пѣсню, а должны постепенно учиться подражать, должны развить свои музыкальныя способности. И здѣсь тоже, однѣ изъ нихъ достигаютъ совершенства, другія же такъ всю жизнь и остаются ремесленниками. „Только что пойманный соловей", говоритъ старикъ Бехштейнъ,—„долженъ учиться у стараго соловья, а то пѣніе его будетъ безтолково и онъ спутаетъ всѣ колѣна; у хорошаго же учителя и при хорошей памяти онъ не только сколько выучится пѣть такъ же хорошо, какъ и старый, но часто превосходитъ въ этомъ отношеніи своего учителя". Точно также хорошее пѣніе переходитъ у канареекъ отъ отца къ сыну и такимъ образомъ становится наслѣдственнымъ.

Такимъ образомъ мы выяснили, что пѣсня и танцы возникли въ животномъ царствѣ вслѣдствіе желанія самцовъ отличиться передъ самками, и въ томъ, что любовь привела ихъ къ музыкѣ и поэзіи, нѣтъ ничего удивительнаго. Оказывается, впрочемъ, что нѣкоторыя птицы поютъ не только предъ своими невѣстами, но что̀ особенно трогательно, соловей, напримѣръ, услаждаетъ сладкими звуками своей пѣсни свою супругу въ самый скучный періодъ ея жизни—во время высиживанія яицъ. Однако среди птицъ встрѣчаются и такіе весельчаки, которые поютъ для собственнаго удовольствія въ то время, какъ сидятъ сами на яицахъ смѣняя самку, улетѣвшую покормиться. А нѣкоторыя птицы пошли еще дальше и поютъ во всякое время, даже зимою при холодахъ, какъ это дѣлаетъ, между прочимъ, крапивникъ.

Когда искусство уже до такой степени проникаетъ въ будничную жизнь нѣкоторыхъ птицъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и среди прекраснаго пола является стремленіе къ музыкѣ, что̀ мы дѣйствительно и встрѣчаемъ. Даже болѣе—самецъ съ самкою поютъ совмѣстно, исполняя нѣчто въ родѣ трогательнаго дуэта. Такъ самецъ большаго абиссинскаго носорога—Bucorax abissinicus—зоветъ самку мужественнымъ басомъ „буу", самка же отвѣчаетъ тѣмъ же звукомъ, но какъ дама, на одну октаву выше. У бразильскаго горшечника дѣло обстоитъ иначе: оба супруга кричатъ одновременно, но самка гораздо медленнѣе и на терцію ниже самца. Еще замѣчательнѣе, по наблюденіямъ Брема, супружескіе концерты нѣкоторыхъ африканскихъ птицъ. Такъ самецъ Laniarii erythrogastri начинаетъ свистомъ въ родѣ иволги, къ которому тотчасъ присоединяется голосъ самки. У другаго вида (Laniarius aethiopicus) также начинаетъ самецъ тремя замѣчательно звучными тонами: сначала средней высоты, потомъ ниже и, наконецъ, значительно выше; первые два звука находятся на разстояніи одной терціи, два послѣдніе—цѣлой октавы. При второмъ звукѣ всегда присоединяется супруга со своимъ крикомъ. Замѣчательно, что обѣ птицы настолько обладаютъ музыкальнымъ тактомъ, что самка ни на одну секунду не запоздаетъ и не предупредитъ самца.

Къ рисункамъ.

Уланы. (Рис. на стр. 125).

Жителямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ стоятъ полки, хорошо извѣстенъ существующій только въ Россіи обычай имѣть полковыхъ пѣсенниковъ, которые, во время отправленія на парадъ, въ лагери, на маневры, въ походъ и т. п., распѣваютъ передъ полкомъ пѣсни. На стр. 125 изображенъ уланскій полкъ, впереди котораго идутъ музыканты, аккомпанирующіе гарцующимъ за ними пѣсенникамъ. У насъ уланы, какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, заимствованы изъ Польши, гдѣ уланскіе полки образовались во время смутъ въ Золотой ордѣ и Крыму изъ отрядовъ конницы бѣглыхъ татарскихъ царевичей—„улановъ" или „угланов" по-татарски.

Первые уланскіе полки, по примѣру польскихъ, были на-

Библиотека "Руниверс"

Катокъ на Фонтанкѣ въ С.-Петербургѣ. Орпг. рис. (собств. „Нивы") **г. Бролинга**, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

браны въ Австріи въ 1790 г. Кромѣ того, уланы существуютъ въ Германіи, Англіи и Россіи. Во Франціи въ настоящее время нѣтъ уланъ.

Старый да малый. (Рис. на стр. 129).

Точно дѣдушка въ извѣстномъ стихотвореніи Никитина, съ бѣлой бородою сидитъ старикъ у стола, на которомъ кувшинъ съ водою, краюха хлѣба да клубокъ лыка, изъ котораго дѣдушка плететъ лапти. Только изба у него не закоптѣлая, да и котъ не старый, не такой, который „спитъ день цѣлый, съ печи не спрыгнетъ,“ а молоденькій и шаловливый котишка, тутъ же у ногъ старика играющій съ лубянымъ клубкомъ.

Ручей. (Рис. на стр. 132 и 133).

Вечеромъ яснымъ она у потока стояла,
Моя прозрачныя ножки по влагѣ жемчужной...
Струйка воды ихъ любовью собой обливала,
Тихо шипѣла, и брызгала пѣной воздушной...

Н. Щербина.

Катокъ на Фонтанкѣ въ СПБ. (Рис. на стр. 137).

Едва станутъ рѣки, на Невѣ и по всѣмъ каналамъ столицы устраиваются такъ-называемые катки. Это огороженное, расчищенное отъ снѣга пространство, представляющее гладкую ледяную поверхность, по которой любители бѣгаютъ на конькахъ. При каждомъ каткѣ находится отопляемое зданіе, въ которомъ конькобѣжцы оставляютъ верхнее платье и подвязываютъ коньки. Въ особомъ павильонѣ по праздникамъ играетъ оркестръ музыки. Вечеромъ катокъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ освѣщается электричествомъ.

Д. И. Кошлаковъ. (Портр. на стр. 140).

Искусныхъ врачей у насъ найдется не мало. Но какъ не много можно встрѣтить между ними такихъ, которые вмѣстѣ съ талантливостью, большой опытностью и обширными знаніями соединяли-бы въ себѣ и высокія качества нравственныя: доброту, безкорыстіе, готовность всегда помочь ближнему, истинную человѣчность. Къ числу этихъ весьма немногихъ, можно сказать, даже чрезвычайно рѣдкихъ врачей принадлежалъ и скончавшійся 6-го января текущаго года извѣстнѣйшій спеціалистъ по внутреннимъ болѣзнямъ, бывшій профессоръ Военно-медицинской академіи, Дмитрій Ивановичъ Кошлаковъ. Одинъ изъ блестящихъ представителей медицинскаго міра, замѣчательный практическій врачъ, онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и прекраснымъ, душевнымъ человѣкомъ, отзывчивымъ къ добру, глубоко добросовѣстнымъ въ служеніи наукѣ, въ исполненіи своихъ обязанностей, правдивымъ и мягкосердечнымъ. Свѣтлымъ умомъ, яснымъ взглядомъ на жизнь, благороднымъ сердцемъ, рѣдкой честностью онъ производилъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе и располагалъ къ себѣ послѣ перваго же знакомства съ нимъ. Обладая такими драгоцѣнными особенно для врача качествами, онъ внушалъ къ себѣ тѣмъ болѣе довѣрія, что всегда искренно желалъ помочь своему паціенту, всячески ободрялъ его и поддерживалъ въ немъ надежду на выздоровленіе. „У постели больнаго,—говорится въ одномъ изъ некрологовъ покойнаго,—онъ являлся человѣкомъ вѣрующимъ въ жизнь, какъ высшее благо. Казалось, онъ не только никогда не хотѣлъ показать больному, что положеніе его тяжко, что болѣзнь его неизлѣчима, но и самъ въ это вѣрилъ или хотѣлъ вѣрить“. Въ качествѣ практическаго врача, Кошлаковъ облегчалъ страданія не одной сотнѣ людей, но самъ непосредственно лѣча больныхъ, онъ усердно помогалъ совѣтами и весьма многимъ товарищамъ по профессіи въ дѣлѣ лѣченія. Не только въ столичномъ медицинскомъ мірѣ, но и въ провинціи имя его пользовалось громкой извѣстностью и несомнѣнно огромнымъ авторитетомъ. Ученики его разсѣяны по всей Россіи, и на ученыхъ трудахъ его, солидныхъ и многочисленныхъ, извѣстныхъ хорошо и за-границею, воспитались не только отдѣльные труженики медицинской науки, но и цѣлыя поколѣнія нашего учащагося юношества, стремившагося посвятить себя святому дѣлу врачеванія страждущаго человѣчества. Этими трудами руководились и зрѣлые уже, искушенные опытомъ врачи. Помимо умѣнья передать своимъ слушателямъ научныя свѣдѣнія и талантливаго изложенія предмета своей спеціальности, онъ еще обладалъ способностью возбудить въ своихъ ученикахъ рвеніе къ наукѣ, усидчивость въ трудѣ, энергію, настойчивость. Лучше всего, конечно, онъ дѣйствовалъ на нихъ собственнымъ примѣромъ, строго относясь къ своему дѣлу, преслѣдуя благія цѣли и стремленія. Кошлаковъ въ высшей степени внимательно изслѣдовалъ своего паціента и не особенно скоро опредѣлялъ родъ болѣзни, но зато крайне рѣдко ошибался, и ему, какъ замѣчательному діагносту, могли позавидовать многія медицинскія знаменитости. Съ особеннымъ успѣхомъ лѣчилъ онъ всякія горловыя болѣзни и желудочно-кишечныя разстройства и вообще пользовалъ, какъ говорится, весьма счастливо, что̀ еще болѣе увеличивало кругъ его дѣятельности, какъ практическаго врача, имѣвшаго массу паціентовъ. Кошлаковъ былъ преданъ своему дѣлу, неусыпно слѣдилъ за развитіемъ своей спеціальности и чуть-ли не одинъ изъ первыхъ у насъ врачей познакомился въ клиникѣ Шарко съ его новѣйшими наблюденіями по нервнымъ болѣзнямъ. Въ медицинской литературѣ онъ наиболѣе извѣстенъ какъ авторъ слѣдующихъ весьма цѣнныхъ работъ: „Наблюденія надъ дѣйствіемъ лимонно-кислаго кофеина“, „Матеріалы для патологической анатоміи остраго воспаленія желудка“, „О связи свинцоваго отравленія съ подагрою“, „О происхожденіи пигмета въ легкихъ“, „Дѣйствіе фосфороводорода на пигменты крови“, „Отличіе Петенкоферовской реакціи на желчныя кислоты отъ реакціи на бѣлки“, „Присутствіе въ продуктахъ катарральнаго воспаленія сократительныхъ тѣлецъ“, „Кишечный камень“, „Искусственное воспроизведеніе и графическое изображеніе голоса и его аномалій“, „Типы колебаній голосовыхъ связокъ“ и проч. Кромѣ того онъ написалъ одно клиническое руководство для студентовъ и врачей, которое разошлось во множествѣ экземпляровъ, выдержавъ болѣе десяти изданій. Въ частной жизни Кошлаковъ былъ рѣдкій семьянинъ, остроумный собесѣдникъ, добродушный юмористъ, немного оригиналъ и большой любитель музыки и литературы, интересовавшійся всѣми явленіями въ той и другой области въ часы недолгаго отдыха. Дмитрій Ивановичъ Кошлаковъ происходилъ изъ духовнаго сословія и родился въ Бѣлгородѣ Курской губерніи 20-го октября 1834 года. Пройдя бурсу и семинарію, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Медико-хирургическую академію, гдѣ окончилъ курсъ 9-го іюня 1861 года съ отличіемъ, съ награжденіемъ серебряной медалью и со степенью лекаря. Прикомандированный тогда-же, въ качествѣ сверхкомплектнаго ординатора, ко 2-му военно-сухопутному госпиталю (нынѣ Клиническому), онъ 21 марта 1864 года блестяще защитилъ диссертацію: „Изслѣдованіе формы пульса посредствомъ сфигмографа Марея“, получилъ степень доктора медицины и затѣмъ былъ командированъ съ ученой цѣлью за границу на два года, куда ѣздилъ и во вторичную командировку въ 1879 г. Возвратясь изъ-за границы, въ 1866 г., онъ былъ назначенъ приватъ-доцентомъ академіи, въ 1867—адъюнктъ-профессоромъ, а въ 1873 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ. Тогда же поступилъ онъ въ клинику Боткина по горловымъ болѣзнямъ, гдѣ по смерти Эйхвальда занялъ каѳедру госпитальной клиники внутреннихъ болѣзней и, какъ ассистентъ Боткина, часто замѣнялъ его, читая лекціи студентамъ 4 и 5 курсовъ. 11-го декабря 1883 г. онъ назначенъ былъ завѣдывающимъ 1-мъ терапевтическимъ отдѣленіемъ Клиническаго военнаго госпиталя и ординарнымъ профессоромъ академіи. Оставленный, по выслугѣ 25-лѣтняго срока въ 1887 г., еще на 5 лѣтъ при академіи, онъ вскорѣ тяжко занемогъ и въ октябрѣ истекшаго года, т. е. ранѣе срока, вышелъ въ отставку. Д. И. Кошлаковъ скончался отъ сложнаго порока сердца. Его имя займетъ видное мѣсто въ исторіи русской медицины, какъ имя большаго подвижника науки, честнаго гражданина и человѣка, оставившаго по себѣ прекрасную память.

П. Быковъ.

Ледникъ въ Дыхтау Чегемскаго общества.

(Рис. на стр. 140).

На вершинахъ сѣвернаго склона Кавказскаго хребта, въ Чегемскомъ обществѣ, находится ледникъ горы Дыхтау, изображенный на нашемъ рисункѣ. Ледники на Кавказѣ вообще гораздо рѣже встрѣчаются, чѣмъ въ Альпахъ, гдѣ присутствіемъ ихъ объясняется и образованіе въ большемъ количествѣ озеръ; такого напр. Mer de glace de Chamounix, какъ въ Швейцаріи, дающаго начало многимъ озерамъ, на Кавказѣ нѣтъ. Притомъ же ледники кавказскіе остаются покуда мало изслѣдованными. Ихъ знаютъ только охотники за туромъ, да люди пересбирающіеся черезъ нихъ съ сѣвернаго склона Кавказскаго хребта на южный, изъ Чегемскаго, напр., общества идетъ черезъ нихъ тропа въ Сванетію. Въ послѣднее время, когда число туристовъ на Кавказѣ стало значительно возрастать, а изъ нихъ многіе, и въ особенности англичане, пріѣзжали съ спеціальною цѣлью взбираться на вершины Эльборуса и другихъ кавказскихъ великановъ, явилась потребность въ проводникахъ, которыми сдѣлались преимущественно охотники за туромъ. На рисункѣ нашемъ изображенъ одинъ изъ нихъ. Исходивъ и изучивъ всѣ горныя трущобы, гдѣ только водится туръ, перекочевывающій въ нихъ стадами, смотря по сезону, проводники эти остаются только въ рамкахъ путей этого животнаго и вовсе не посвящаютъ себя спеціальному изученію ледниковъ, а потому они и не могли вполнѣ удовлетворять любознательности англичанъ, которые стали привозить съ собою проводниковъ изъ Швейцаріи, членовъ альпійскаго клуба, научно знакомыхъ съ пріемами, необходимыми для того, чтобы оріентироваться въ ледникахъ и ихъ изслѣдовать. И вотъ эта-то практика на Кавказѣ альпійскихъ проводниковъ вскорѣ привела къ печальному событію. Въ 1888 году группа англичанъ въ тѣхъ самыхъ частяхъ ледника, которыя у насъ изображены, пропала безслѣдно со своимъ альпійскимъ проводникомъ и до сихъ поръ, несмотря на многочисленныя попытки пріѣзжавшихъ сюда другихъ англичанъ и швейцарцевъ, не отыскана. Собственно въ той мѣстности, которая изображена на нашемъ рисункѣ, находятся ледниковыя мельницы самаго первобытнаго устрой-

Библиотека "Руниверс"

ства: струей тающей воды приводится въ движеніе колесо, сообщающее движеніе двумъ жерновамъ. Жители пользуются этими мельницами въ виду того, что рѣка Чегемъ, берущая начало въ этомъ ледникѣ, при истокѣ своемъ совершенно неудобна для устройства на ней мельницъ; она течетъ широкимъ и бурнымъ потокомъ и ворочаетъ камни, сбрасывая ихъ внизъ и нагромождая одинъ на другой, что дальше ведетъ къ образованію пороговъ и водопадовъ. Вотъ въ такой-то мѣстности и водится, довольно значительными стадами, туръ, чрезвычайно чуткій и осторожный. На лужайкахъ, находящихся ниже ледниковъ, можно видѣть, конечно случайно, его красивыя стада. Штукъ тридцать-сорокъ привольно пасутся тутъ, молодые борются, играютъ между собою, а старики, колонновожатые, по угламъ этой площадки, находятся постоянно на стражѣ. Малѣйшій шумъ, указывающій на опасность, вызываетъ ихъ на особый сигналъ, по которому стадо мгновенно подымается и спѣшитъ за своими вожаками укрыться въ другое, болѣе безопасное мѣсто, а этимъ-то послѣднимъ и являются по большей части ледники. Тамъ ихъ ужь никто не потревожитъ.

І. Кашманъ. (Портр. на стр. 141).

(Придворный пѣвецъ короля Португальскаго).

Въ нынѣшній зимній сезонъ почти всѣ оперныя *свѣтила* Европы посѣтили нашу столицу, между ними одно изъ выдающихся мѣстъ занимаетъ Іосифъ Кашманъ, баритонъ частной итальянской оперы, дававшей свои представленія въ Панаевскомъ театрѣ въ СПБ., а въ настоящее время находящейся въ Москвѣ.

Іосифъ Кашманъ, по происхожденію славянинъ, родился въ Далмаціи, въ мѣстечкѣ Люссипикколо; родители его, обладая достаточными средствами, дали сыну прекрасное образованіе. По окончаніи курса въ Грацскомъ университетѣ по юридическому факультету, со степенью кандидата, г. Кашманъ уѣхалъ въ Италію, гдѣ началъ серьезно заниматься пѣніемъ подъ руководствомъ профессора Миланской консерваторіи Джованини.

Во время отбыванія воинской повинности въ 1875 году, юный артистъ началъ свою сценическую карьеру въ Загребѣ, затѣмъ въ Туринѣ, гдѣ пѣлъ въ театрѣ Regio. Первый крупный успѣхъ г. Кашманъ имѣлъ въ Миланѣ, въ театрѣ La Scala, гдѣ дебютировалъ въ оперѣ „Фаворитка". Пропѣвъ здѣсь нѣсколько сезоновъ, былъ приглашенъ на три сезона въ Мадридъ, гдѣ пѣлъ въ театрѣ Real, потомъ въ театрѣ Санъ-Карло нѣсколько сезоновъ, по одному сезону въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи, Лисабонѣ и послѣдніе два сезона въ Буэносъ-Айресѣ, откуда и былъ ангажированъ въ Петербургъ. Громадный успѣхъ этого выдающагося артиста въ театрѣ Панаева, гдѣ онъ появился въ цѣломъ рядѣ оперъ, заставилъ заговорить печать, и дирекція Императорскихъ театровъ пригласила г. Кашмана на три представленія въ Маріинскій театръ, причемъ для него, впервые въ этомъ сезонѣ, была поставлена опера „Отелло". Несмотря на то, что оркестръ какъ-то особенно громко аккомпанировалъ г. Кашману, артистъ исполнялъ роль Яго замѣчательно, его могучій голосъ звучалъ прекрасно, и строгая публика Маріинскаго театра награждала его громкими аплодисментами, причемъ „Credo" каждый разъ по требованію публики артистъ долженъ былъ повторять.

Репертуаръ Кашмана состоитъ изъ сорока оперъ, главныя изъ нихъ: „Гамлетъ", „Эрнани", „Тангейзеръ", „Донъ-Карлосъ", въ послѣдней оперѣ роль маркиза де-Поза считается его лучшею ролью.

Голосъ г. Кашмана — могучій баритонъ драматическаго характера, очень красиваго, мягкаго тембра, фразировка замѣчательная, исполненіе высоко-музыкальное и съ большимъ вкусомъ.

Какъ опытный артистъ, г. Кашманъ прекрасно держится на сценѣ, игра его правдива, образна и художественна.

Политическое обозрѣніе.

Предполагаемый наслѣдникъ престола Австріи и Венгріи посѣтилъ Россію въ отвѣтъ на визитъ, сдѣланный прошлою осенью императору Францу-Іосифу Наслѣдникомъ Россійскаго Престола. Офиціозная газета *Fremdenblatt*, почитаемая за личный органъ графа Кальноки, обсуждая пріѣздъ эрцгерцога Франца-Фердинанда въ Петербургъ, говоритъ, что поѣздка является отраднымъ признакомъ, но что никакія догадки относительно политической миссіи не имѣютъ основанія. Молодой принцъ еще стоитъ вдали отъ политики. Само свойство австро-германскаго союза исключаетъ возможность неожиданностей въ области иностранной политики. Опредѣляющими факторами являются союзныя державы и миролюбіе Русскаго Императора, который, сознавая свое великое могущество, совершаетъ дѣло сохраненія за своею имперіею и за Европою благъ мира. Послѣднія посѣщенія Августѣйшихъ особъ имѣютъ значеніе въ смыслѣ признака дружественныхъ отношеній. Особенно знаменательнымъ представляется фактъ посѣщенія прежде всего молодымъ принцемъ, на котораго возлагаются такія большія надежды, столь могущественнаго и блестящаго Двора. Эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ вернется изъ Россіи обогащенный впечатлѣніями и вынесетъ въ своей памяти образъ Монарха, котораго прямодушіе, откровенность и прекрасныя качества души возбуждаютъ всеобщее и глубокое уваженіе. Нашъ *Journal de St.-Pétersbourg*, отмѣчая пріѣздъ въ Петербургъ намѣченнаго преемника императора Франца-Іосифа, пишетъ: „Его императорское и королевское высочество эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ Австрійскій Эсте, племянникъ его величества императора Франца-Іосифа, прибылъ сегодня въ нашу столицу, населеніе которой сердечно привѣтствуетъ Августѣйшаго гостя нашихъ Монарховъ, основательно считая этотъ отмѣнно вѣжливый и вовсе не принужденный визитъ молодаго принца нашему Двору доказательствомъ дружескихъ отношеній, существующихъ между обоими Царствующими Домами и служащихъ залогомъ мира, такъ всѣми желаемаго, благопріятствуя сношеніямъ добраго сосѣдства между обѣими имперіями".

Блестящій пріемъ, оказанный эрцгерцогу Францу-Фердинанду, отличался чисто-русскимъ гостепріимствомъ и искреннимъ радушіемъ. Послѣ недѣльнаго пребыванія въ столицѣ Русской имперіи, молодой эрцгерцогъ, „осыпанный отличіями", какъ говоритъ вѣнская *Neue Freie Presse*, уѣхалъ 1 февраля въ Москву, откуда черезъ 3 дня отправится на родину, можно думать, сохранивъ самыя отрадныя воспоминанія о Россіи.

Опубликованными 25 января декретами, Итальянскій король принялъ отставку кабинета Криспи и поручилъ сформированіе кабинета маркизу ди-Рудини. Антонію маркизу ди-Рудини, потомку одного изъ знатнѣйшихъ и богатыхъ родовъ острова Сициліи, въ настоящее время 51 годъ. Политическую карьеру онъ началъ очень рано и въ 1869 году былъ, правда недолго, министромъ иностранныхъ дѣлъ въ консервативномъ кабинетѣ генерала Менабреа. Не блестящій, но всегда толковый и спокойный ораторъ ди-Рудини имѣетъ не мало сторонниковъ въ палатѣ, а его имя, положеніе и богатство являются отличною рекомендаціею при дворѣ и въ дипломатическомъ мірѣ. Образованіе новаго министерства не обошлось безъ затрудненій. Между прочимъ Криспи и его друзья всячески старались затормозить составленіе новаго кабинета. Но ди-Рудини все-таки удалось составить его и въ 11 часовъ утра, 28 января, король Гумбертъ принялъ маркиза ди-Рудини, который представилъ ему списокъ членовъ новаго министерства. Король одобрилъ этотъ списокъ. Въ тотъ же день вечеромъ новые министры приняли присягу. 29 января, маркизъ ди-Рудини, вступая въ исполненіе обязанностей президента совѣта министровъ и министра иностранныхъ дѣлъ, разослалъ представителямъ Италіи за-границею циркуляръ, въ которомъ выставляетъ программою продолженіе миролюбивой и консервативной политики, провозглашенной на послѣднихъ выборахъ самою страною,—политики, въ которой кабинетъ видитъ залогъ безопасности и спокойствія Италіи. Кабинетъ приложитъ старанія къ тому, чтобы упрочить нынѣ существующія дружественныя отношенія со всѣми державами.

Предположеніе нѣкоторыхъ газетъ, что паденіе Криспи равносильно распаденію тройственнаго союза, едва-ли вѣроятно и во всякомъ случаѣ преждевременно. Новый министръ-президентъ — сторонникъ лиги мира, и *Frankfurter Zeitung* 26 января напечатала письмо ди-Рудини отъ 5 ноября 1890 года, въ которомъ онъ заявляетъ, что безъ тройственнаго союза не можетъ быть и рѣчи о сбереженіяхъ по военному вѣдомству и что онъ подастъ голосъ за сокращеніе войскъ, но подъ условіемъ, чтобы эта мѣра не отразилась неблагопріятно на ихъ обученіи.

Temps, дѣлая характеристику ди-Рудини, замѣчаетъ, что „онъ, конечно, воздержится отъ слишкомъ рѣзкой перемѣны въ направленіи иностранной политики Италіи. Онъ сторонникъ тройственнаго союза въ душѣ, онъ полагаетъ, что сохраненіе этого союза является условіемъ sine qua non политики сбереженій. Что же, спросятъ, перемѣнилось въ Римѣ? На первый взглядъ очень мало, но въ будущемъ очень много: одинъ человѣкъ смѣнилъ другаго. Это значитъ: сначала новый характеръ, а скоро—новая система".

Въ брюссельской-же *Nord* по поводу перемѣны министерства въ Италіи напечатано: „Новый итальянскій кабинетъ останется вѣрнымъ тройственному союзу, но отречется отъ галлофобіи синьора Криспи и съумѣетъ истолковывать теорію солидарности между Австріей, Германіей и Италіей такъ, чтобы не слишкомъ задѣвать при этомъ чувствительныя струнки Франціи. Безъ сомнѣнія, теперь не будетъ болѣе рѣчи о триполійскомъ вопросѣ и о французскихъ интригахъ въ Абиссиніи. Во всякомъ случаѣ, съ паденіемъ Криспи, исчезаетъ съ политическаго горизонта черная точка, угрожавшая спокойствію Европы на берегахъ Средиземнаго моря".

Библиотека "Руниверс"

Изъ Константинополя телеграфируютъ: „Вселенскій патріархъ отслужилъ 29 января благодарственное молебствіе по случаю утвержденія вновь султаномъ привилегій патріархата. Несмѣтныя массы народа восторженно встрѣтили патріарха. Г. Нелидовъ послалъ втораго драгомана посольства поздравить патріарха".

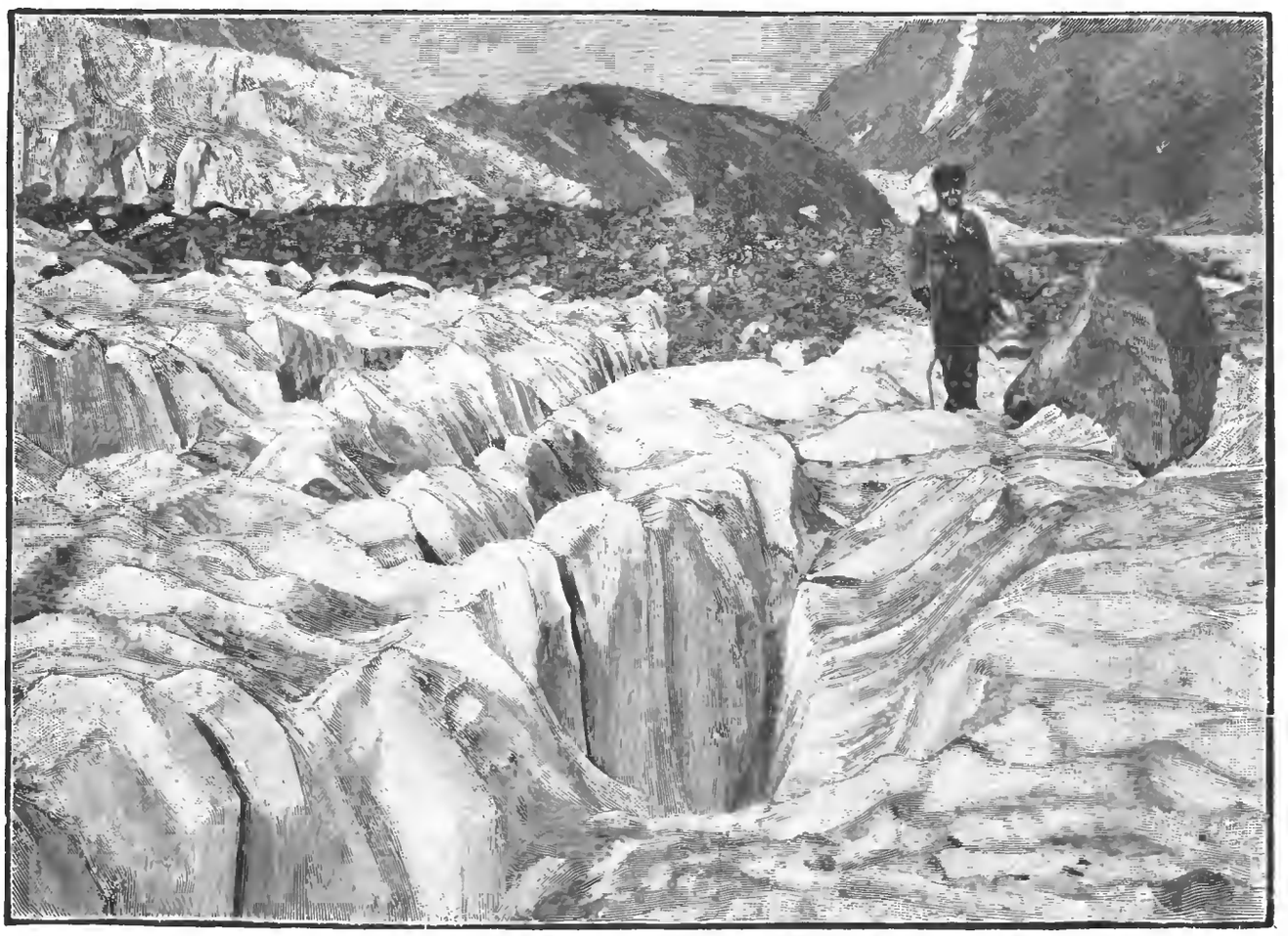
Смѣсь.

Болѣзни отъ желѣзныхъ дорогъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, во время введенія желѣзныхъ дорогъ, тогдашніе врачи пророчили всевозможныя болѣзни, какъ необходимое слѣдствіе слишкомъ скорой ѣзды. Пророчества эти исполнились только отчасти. Болѣзни, причиняемыя ѣздой на желѣзныхъ дорогахъ, наблюдаются главнымъ образомъ у служащихъ, а изъ пассажировъ преимущественно у тѣхъ, которые принуждены проводить большую часть своего времени въ разъѣздахъ, какъ напримѣръ у агентовъ разныхъ фирмъ. Но ѣздя во 2-мъ классѣ, они окружены удобствами и обладаютъ достаточными средствами для подкрѣпленія на всѣхъ мѣстахъ большихъ остановокъ, такъ что могутъ выносить тяготы путешествія безъ особенно худыхъ послѣдствій для здоровья. Наибольшей опасности подвергается здоровье машинистовъ и кочегаровъ.

Уже изъ устройства локомотива видно, каково стоять на соединительномъ мостикѣ между собственно локомотивомъ и тендеромъ и въ теченіе цѣлыхъ часовъ подвергаться постояннымъ толчкамъ. Отъ этого непрерывнаго сотрясенія организма медленно, но неотвратимо развивается болѣзнь спиннаго мозга, естественнымъ слѣдствіемъ которой является крайняя слабость въ поясницѣ и ногахъ; если нѣкоторые машинисты въ теченіе 20—25 лѣтъ и не бываютъ больны, за то впослѣдствіи болѣзнь неизбѣжно появляется у нихъ, дѣлая ихъ неспособными къ службѣ. Если потомъ они и живутъ довольно долго, то все же никогда вполнѣ не избавляются отъ этой болѣзни, хотя и замѣчается иногда нѣкоторое облегченіе.

Вся нервная система до того разстраивается постоянными толчками и сотрясеніями, что наступаютъ совершенно своеобразныя болѣзненныя явленія; такъ напримѣръ, нервы машиниста или кочегара получаютъ тяжелое потрясеніе. Также наблюдали у нихъ болѣзненное явленіе, называемое въ

Дмитрій Ивановичъ Кошлаковъ († 6 января). Съ фот. Левицкаго, грав. Шюблеръ.



Ледниковыя мельницы въ Дыхтау Чегемскаго Общества. Проводникъ, онъ же и охотникъ на туровъ. Мѣсто гдѣ погибли англичане со своимъ швейцарскимъ проводникомъ Съ фотографіи Вишнякова, грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

наукѣ сидеродермофіей, если они присутствовали при какомъ-нибудь несчастіи на желѣзной дорогѣ или пережили минуты ужаса, когда имъ грозила громадная опасность, отвращенная или ихъ присутствіемъ духа или счастливою случайностью. Вся нервная система этихъ людей, разстроенная и безъ того на службѣ, получаетъ тогда такой страшный ударъ, что уже окончательно отказывается дѣйствовать, и это разстройство нервной системы сказывается въ тѣлѣ утратой движенія въ ногахъ и рукахъ, временнымъ но полнымъ параличемъ, который то проходитъ, то вновь появляется, разстройствомъ рѣчи, короче говоря нервными страданіями, которыя можно прямо назвать симптомами болѣзни отъ желѣзныхъ дорогъ.

Машинисты кромѣ того очень часто страдаютъ ревматическими и простудными болѣзнями, и это весьма понятно, такъ какъ верхняя и нижняя половины ихъ тѣла находятся въ совершенно различныхъ температурахъ. Такъ напримѣръ, при поѣздкѣ зимою, даже на локомотивѣ имѣющемъ крышу, верхняя половина тѣла машиниста подвергается значительному холоду, причемъ сквозной вѣтеръ, всегда бывающій на локомотивѣ во время движенія, усиливаетъ холодъ на нѣсколько градусовъ. Въ это время нижняя половина тѣла, особенно когда отворяется дверца печки подъ котломъ для подсыпки угля, окружена температурой отъ 30° до 36° тепла. Такимъ образомъ тѣлу приходится выдерживать различныя температуры, отчего простуды бываютъ очень часто.

Остановки же поѣзда при сильномъ сквозномъ вѣтрѣ влекутъ за собою болѣзни органовъ дыханія и вредно дѣйствуютъ на глаза и уши. Служащіе принуждены во время исполненія своихъ обязанностей такъ напрягать свое зрѣніе и слухъ, что это переутомленіе органовъ чувствъ ведетъ къ ихъ притупленію, переходящему въ полное бездѣйствіе. Изъ различныхъ наблюденій надъ служащими на желѣзныхъ дорогахъ оказалось, что отъ 20 до 25% всѣхъ машинистовъ поражены болѣзнями слуха, которыя у большинства изъ нихъ переходятъ въ полную глухоту.

Кромѣ этой категоріи служащихъ, здоровье которыхъ разрушается на желѣзныхъ дорогахъ, есть еще страдающіе специфическою болѣзнью отъ желѣзныхъ дорогъ, именно желѣзнодорожные сторожа, исправляющіе службу въ тоннеляхъ. Прежде не обращали вниманія на болѣзненныя явленія у такихъ сторожей, пока не оказалось, что дневное многочасное пребываніе въ тоннелѣ ведетъ къ заболѣваніямъ брюшной полости, исхуданію, слабости и простудѣ органовъ дыханія. При этомъ во многихъ тоннеляхъ воздухъ очень не хорошъ, а недостатокъ свѣта вреднтъ тѣлу, такъ какъ безъ свѣта и воздуха не только человѣкъ, но даже и растеніе не можетъ существовать. Отсюда вытекаетъ заключеніе, что сторожамъ въ длинныхъ тоннеляхъ надо давать больше свободнаго времени и больше жалованія для лучшаго питанія и предохраненія организма отъ вреднаго дѣйствія пребыванія въ тоннелѣ.

При работахъ въ тоннеляхъ появляется особенная болѣзнь, состоящая въ неправильностяхъ дѣятельности сердца и легкихъ, названная прямо тоннельною болѣзнью, такъ какъ ее находятъ у людей, которые большею частью работаютъ подъ землею; однако рудокопы не страдаютъ ею. При устройствѣ Сенъ-Готардскаго тоннеля эта болѣзнь имѣла эпидемическій характеръ, и въ одно время въ сѣверной части тоннеля были больны 10%, а въ южной 14% всѣхъ рабочихъ.

Удастся ли найти средство для избѣжанія этихъ специфическихъ болѣзней—покажетъ будущее. Но при безостановочномъ прогрессѣ наукъ, особенно медицины, которая все болѣе стремится предупреждать болѣзни и охранять отъ нихъ людей, можно надѣяться, что найдутся средства и способы защитить отъ неминуемаго заболѣванія вѣрныхъ своему долгу служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, содѣйствующихъ сношеніямъ людей.

Іосифъ Кашманъ. Придворный пѣвецъ Португальскаго короля.
Съ фотографіи Бергамаско, грав. Шюблеръ.

Американскій способъ употребленія винта. Нерадивые рабочіе часто, чтобы не терять много времени, вколачиваютъ винтъ въ дерево молоткомъ. Если винтъ подобнымъ образомъ вбитъ до гладкаго пространства между головкой и винтовымъ нарѣзомъ, то еще не все потеряно, самое большое что винтъ немного скривится; но если онъ вбитъ далѣе, то винтовые нарѣзы ломаютъ дерево, которое должно быть ихъ маткой. Тогда винтъ имѣетъ меньше значенія, чѣмъ даже простой гвоздь. Далѣе и безъ того ослабленная разрѣзомъ головка винта ломается пополамъ отъ ударовъ молоткомъ. Чтобы дать рабочимъ, такъ сказать, право употреблять молотокъ при вверткѣ винта и такимъ образомъ скорѣе работать, американская Screw Comp. Providence R. I., по словамъ *The Iron Age*, согласилась дѣлать на гладкой части винта значительно крутые нарѣзы (числомъ 3 или 4), такъ что ударами молотка винту тотчасъ же будетъ сообщено вращательное движеніе и такимъ образомъ въ деревѣ образуется его матка, что было невозможно при обыкновенномъ винтѣ. Разрѣзъ на головкѣ новаго винта не будетъ во всю ширину ея, но замкнутъ по обѣимъ сторонамъ ея, такъ что ей предстоитъ меньшая опасность быть сломанной ударомъ молотка. Винтъ вынимается съ помощью отвертки. Способъ этотъ пригоденъ при вверткѣ винта въ деревянную стѣну, въ болѣе же твердой лучше сдѣлать сначала отверстіе буравчикомъ. (к.)

Верди—сельскій хозяинъ. Маститый маэстро Верди проводитъ обыкновенно лѣто и осень со своею супругой въ принадлежащемъ ему большомъ имѣніи Santa-Agatha, около Буссето. Окружающій виллу паркъ, по описанію г-жи Маркези, посѣтившей лѣтомъ знаменитаго композитора, красивъ и обширенъ. Аллея тополей, посаженная руками самого маэстро, составляетъ границу съ примыкающими полями. Верди—страстный садоводъ, онъ съ большимъ трудомъ собралъ у себя и превосходно вырастилъ всѣ различные виды ели всѣхъ странъ и поясовъ земли. На холмикѣ, обсаженномъ высокими деревьями, находится могильная плита, съ надписью „All' amico fidele" (вѣрному товарищу), поставленная Верди надъ любимою собакой. Принадлежащіе къ имѣнью лѣса и поля отданы въ аренду и потому не носятъ слѣдовъ заботливости Верди; за то онъ посвящаетъ свободное время коннозаводству. Во время его пребыванія въ Santa-Agatha его многочисленные жеребята выпуска-

Продолжается подписка на „НИВУ" 1891 г.

Подписная цѣна показана на первой страницѣ.

КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1891 Г. №№. СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ, СБОРНИКОМЪ и пр.

Библиотека "Руниверс"

ются на лугъ, принадлежащій къ парку, гдѣ они весело рѣзвятся. (к.)

Жизнь въ отрубленной головѣ. 25-го февраля 1803 года въ Бреславлѣ былъ казненъ убійца Троэръ. Молодой врачъ, Вендтъ, позднѣе профессоръ университета, выпросилъ голову казненнаго для произведенія надъ ней научныхъ опытовъ. Тотчасъ послѣ казни, получивъ голову изъ рукъ палача, онъ приложилъ цинковую пластинку гальваническаго аппарата къ одному изъ переднихъ перерѣзанныхъ мускуловъ шеи. Послѣдовало сильное сокращеніе мускульныхъ волоконъ. Затѣмъ докторъ Вендтъ сталъ раздражать перерѣзанный спинной мозгъ—на лицѣ казненнаго появилось выраженіе страданія. Тогда докторъ Вендтъ сдѣлалъ жестъ, какъ бы желая ткнуть пальцами въ глаза казненнаго, которые быстро закрылись, словно замѣтивъ грозившую опасность. Затѣмъ онъ повернулъ отрубленную голову лицомъ къ солнцу, и глаза снова тотчасъ же закрылись. Послѣ этого было сдѣлано испытаніе слуха. Докторъ Вендтъ дважды громко крикнулъ въ уши: „Троэръ!" и при каждомъ зовѣ голова раскрывала глаза и смотрѣла въ ту сторону, откуда шелъ звукъ, причемъ она нѣсколько разъ раскрывала ротъ, будто желая что-то сказать. Наконецъ ей клали въ ротъ палецъ и голова стискивала зубы такъ сильно, что клавшій палецъ чувствовалъ боль. И только черезъ 2 минуты 40 секундъ глаза закрылись и жизнь окончательно угасла. (к.)

Библіографія.

„Крылатыя слова". С. Максимовъ. СПБ. 1890 г. Ц. 3 р.

Потребность въ толкованіи словъ и выраженій, утратившихъ свой прямой смыслъ, всегда ощущалась образованнымъ обществомъ. Въ разговорахъ мы постоянно употребляемъ такія слова, которымъ давно уже нѣтъ соотвѣтственнаго предмета и существованіе котораго многіе не умѣютъ себѣ представить. А между тѣмъ „не спроста и не спуста слово молвится"; одни изъ нихъ до вѣку не сломятся, а другія уже давно сломились, умерли и преданы забвенью въ нашей рѣчи. Но тѣ, которыя до-вѣку не сломятся и летаютъ по всей Руси, слѣдуетъ понимать—и имъ-то посвящена книга С. Максимова: „Крылатыя слова". Одни изъ нихъ произошли изъ юридическихъ отношеній древняго быта съ ихъ пытками и наказаніями: „подлинный"—это тѣ рѣчи, которыя добывались у подсудимыхъ „подъ длинниками" (длинныя розги); „подноготная"—та „правда", которую говорилъ несчастный, когда ему вбивали подъ ногти гвозди. Другія слова имѣютъ источникъ въ промышленности древней Руси. Грубыя и дешевыя кустарныя издѣлія лѣсныхъ губерній: баклуши, лясы, лапти, дуги, породили поговорки о людяхъ которые баклуши бьютъ, лясы точатъ, лапти плетутъ, гнутъ въ дугу своего ближняго или сами „попадаются въ просакъ" (просакъ — мѣсто, гдѣ сучатъ и крутятъ канаты и веревки). Многіе изъ насъ точно также едва-ли знаютъ исторію возникновеній словъ, постоянно употребляемыхъ въ разговорѣ: у чорта на куличкахъ (что такое кулички); не хочешь-ли бѣса лысаго (что такое лысый бѣсъ); семь пятницъ, семь нянекъ, семь бѣдъ, семи пяденей во лбу, семь чудесъ и т. д. (почему семь, а не болѣе или менѣе); съ коломенскую версту (что это за верста); бобы разводить (что это значитъ въ прямомъ смыслѣ). Точно также безъ руководства мы повторяемъ, не отдавая себѣ отчета, слова: казанскій сирота, за сиротою самъ Богъ съ калитою, подкузьмить, собаку съѣлъ, каша сама себя хвалитъ, вадній умъ, скандачка, капитель, турусы на колесахъ, пи бельмеса, ковардакъ, Емелина недѣля, по Сенькѣ шапка, грѣхъ да бѣда на кого не живетъ—огонь и попа сжетъ; послѣ дождика въ четвергъ и т. д. Книга г. Максимова помогаетъ разъясненію подобныхъ выраженій и словъ, раскрывая при этомъ бытъ и нравы нашихъ предковъ, отъ которыхъ долетѣли до насъ „не спроста и не спуста" слова, пословицы, загадки и нареченія. Большинство изъ нихъ печаталось въ „Новомъ Времени", но въ книгу вошло также много новыхъ „крылатыхъ словъ" и не менѣе интересныхъ. (А. Ф.)

ШАХМАТЫ

подъ редакціей **Э. С. Шифферса.**

Матчъ по телеграфу между М. И. Чигоринымъ въ С.-Петербургѣ и В. Стейницемъ въ Нью-Іоркѣ.

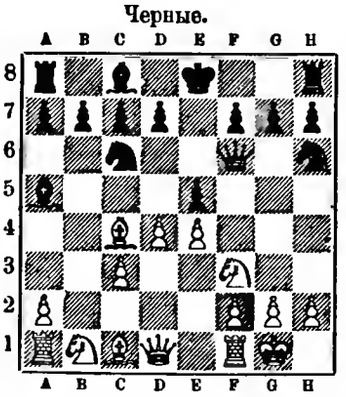
В. Стейницъ въ матчѣ своемъ съ М. И. Чигоринымъ, происходившемъ въ Гаванѣ въ 1889 г., впервые ввелъ новую защиту въ гамбитѣ Эванса, а именно: послѣ ходовъ 1. e2—e4, e7—e5; 2. К. g1—f3, К. b8—c6; 3. С. f1—c4, С. f8—c5; 4. b2—b4, С. c5 : b4; 5. c2—c3, С. b4—a5; 6. 0—0, онъ сыгралъ 6. ... Ф. d8—f6 вмѣсто обыкновенныхъ защитъ 6. ... d7—d6, 6. ... С. a5—b6 или 6. ... К. g8—f6. Всего партій съ этой новой защитой въ матчѣ было 8. Изъ нихъ М. Чигоринъ выигралъ 4, проигралъ 3 и одну сдѣлалъ ничью. Послѣ матча (Стейницъ выигралъ 10, Чигоринъ 6 и 1 ничья) состоялся матчъ по консультаціи между Чигоринымъ и Понсомъ (Ponce) съ одной и Стейницемъ и Гавиланомъ (Gavilan) съ другой стороны. (Обѣ стороны выиграли по одной партіи и одна была ничья). Въ двухъ партіяхъ (1-й и 3-й) этого матча, Стейницъ, играя черными, снова защищался въ гамбитѣ Эванса ходомъ 6. ... Ф. d8—f6. Онъ проигралъ первую и выигралъ послѣднюю.

Затѣмъ въ первой части своего руководства „The Modern Chess. Instructor" Стейницъ помѣстилъ партіи матча своего съ Чигоринымъ, въ примѣчаніяхъ къ которымъ высказалъ мнѣніе, что онъ считаетъ защиту 6. ... Ф. d8—f6 въ гамбитѣ Эванса наилучшей, но что послѣ 7. d2—d4, лучшій ходъ черныхъ 7. ... К. g8—h6, а не 7. ... К. g8—e7 или 7. ... С. a5—b6, какъ онъ игралъ въ упомянутыхъ двухъ матчахъ. Между различными дебютными новинками, которыми изобилуетъ „The Modern Chess. Instructor", есть слѣдующій новый дебютный ходъ рекомендуемый Стейницемъ, а именно: въ дебютѣ двухъ коней послѣ ходовъ: 1. c2—e4, e7—e5; 2. К. g1—f3, К. b8—c6; 3. С. f1—c4, К. g8—f6; 4. К. f3—g5, d7—d5; 5. e4 : d5, К. c6—a5!; 6. С. c4—b5+, c7—c6!; 7. d5 : c6, b7 : c6; 8. С. b5—e2!, h7—h6. Стейницъ считаетъ отступленіе конемъ g5 на h3 лучше чѣмъ отступленіе на f3, считавшееся до сихъ поръ теоретиками единственно возможнымъ и исключительно практиковавшееся въ партіяхъ сильныхъ игроковъ. М. И. Чигоринъ, оспаривая мнѣніе В. Стейница, какъ относительно этого отступленія конемъ, такъ и относительно новой защиты въ гамбитѣ Эванса, предложилъ ему сыграть матчъ изъ 2-хъ партій по телеграфу, взявъ исходнымъ пунктомъ для игры спорныя положенія, изображенныя на діаграммахъ. Послѣ продолжительной переписки касательно подробностей въ условіяхъ, матчъ наконецъ состоялся на ставку въ размѣрѣ 3,750 франковъ съ каждой стороны. Игра началась 11 октября 1890 года и продолжалась какъ показано ниже.

Положеніе партіи послѣ 7 хода бѣлыхъ.

Нью-Іоркъ.

Черные.



Бѣлые.

С.-Петербургъ.

Положеніе партіи послѣ 9 хода бѣлыхъ.

С.-Петербургъ.

Черные.

Бѣлые.

Нью-Іоркъ.

I.

Гамбитъ Эванса.

С.-Петербургъ. Бѣлые.	Нью-Іоркъ. Черные.
8. С. c1—g5	Ф. f6—d6
9. d4—d5	К. c6—d8
10. Ф. d1—a4	С. a5—b6
11. К. b1—a3	c7—c6
12. С. c4—e2	С. b6—c7
13. К. a3—c4	Ф. d6—f8
14. d5—d6	С. c7 : d6
15. К. c4—b6	Л. a8—b8
16. Ф. a4 : a7	К. d8—e6
17. С. g5—c1	К. h6—g8

II.

Дебютъ 2-хъ коней.

Нью-Іоркъ. Бѣлые.	С.-Петербургъ. Черные.
9. . . .	С. f8—c5
10. d2—d3	0—0
11. К. b1—c3	К. f6—d5
12. К. c3—a4	С. c5—d6
13. К. h3—g1	f7—f5
14. c2—c3	С. c8—d7
15. d3—d4	e5—e4
16. c3—c4	К. d5—e7
17. К. a4—c3	С. d7—e6
18. b2—b3	С. d6—b4

Здѣсь игра была пріостановлена, согласно условію, на время матча Стейница съ Гунсбергомъ. Игра возобновилась 20 января сего года, и до сихъ поръ сдѣланы съ обѣихъ сторонъ слѣдующіе ходы:

18. С. c1—a3 $\frac{20}{1}$ c6—c5 19. С. c1—b2 $\frac{23}{1}$ f5—f4 $\frac{23}{1}$

19. Л. a1—d1 К. g8—f6 $\frac{26}{1}$ 20. Ф. d1—c2 $\frac{26}{1}$ Ф d8 : d4 $\frac{28}{1}$

20. С. e2—c4 $\frac{28}{1}$

Цифры возлѣ хода обозначаютъ время отсылки ходовъ изъ Петербурга и время полученія отвѣтовъ изъ Нью-Іорка.

Библиотека "Руниверс"

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ Г.г. подписчиковъ, при высылкѣ дополнительныхъ денегъ за „Ниву“ 1891 г., прилагать печатные адресы отъ бандеролей.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: П. А. Плетневъ (съ портр.). — Мальтійская цѣпь. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ князя М. Н. Волконскаго. Ч. I и II. (Продолженіе).—Тетушкинъ домъ. Разсказъ М. Вайтинга. (Переводъ съ англійскаго).—Пѣцы и танцоры у птицъ. Очеркъ М. Штауде. (Окончаніе).—Къ рисункамъ: Уланы (съ рис.).—Старый да малый (съ рис.).—Ручей (съ рис.). — Катонъ на Фентаникѣ (съ рис.).—Д. И. Кошлаковъ (съ портр.).—Ледникъ въ Дыхтау Чегемскаго Общества (съ рис.).—І. Кашманъ (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.— Библіографія.—О подписчѣ на „Ниву“ 1891 г.—Піхымтм.—Заявленіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА,
наящно изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на сталѣ, и факсимиле.
Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.
Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
3 тома in 8, болѣе 1.500 страницъ. Цѣна 8 руб., съ перес. 3 р. 75 к.; въ роскош. киленкор. перепл. съ золот. тиснен.—8 р., съ перес. 9 руб.
Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 руб. съ пересылкою 8 руб.
Съ требованіями просятъ обращаться въ СПБургъ, въ контору журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Большое роскошно иллюстрированное изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.
ГЁТЕ
„ФАУСТЪ“
обѣ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ
ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,
исполненными знаменитыми граверами: Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и др.
Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., пересылка за 85 фунт. по разстоянію.
Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.
ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ
Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.
съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней,
въ популярномъ изложеніи
П. П. ГНѢДИЧА.
Большой томъ, in quarto, въ 2 столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.
Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.
Для подписчиковъ „Нивы“ 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к., въ перепл. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к
Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

НОВОСТЬ!
ПІАНО-МЕЛОДИКО
новѣйшій и лучшій механическій инструментъ со струнами
Цѣна 80 рублей. Ц. № 4733 (10)
Ноты отдѣльно по 70 коп. за 1 метръ (= 1½ арш.).
Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ.
ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ
механическій инструментъ съ голосами. Цѣна 70 руб. съ 10-ю пьесами.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешниковаго переулка.
Иллюстрированн. прейсъ-курантъ всѣмъ музыкальнымъ инструментамъ безплатно.

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египетскаго моста, домъ № 7—2. № 4961 26—3
Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

PAPIER FAYARD ET BLAYN
Бумаги Фаяръ и Блэнъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность заставила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Блэнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. Ц. № 4969 11—3

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.
Ц. № 3767 (97)

Bauschule Strelitz I. M.
Eintritt jeden Tag.
Auch erprobte Vor- u. Weiterbildung durch
Brieflichen Unterricht.
Kostenlose Auskunft durch Direktor
Hittenkofer.
В. 4898 6—5

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
САМОУЧИТЕЛИ И НОТЫ
для всѣхъ инструментовъ. 10—5
Народная школа д. гармоніи 7 кл., ц. 75 к.
Самоучит. д. гармоніи 8 кл. и 10 кл. по 1 р.
Школа д. 2-рядн. гарм. въ 17, 19 и 21 кл., ц. 1 р.
Школа для 3-хъ-рядн. гармоніи, ц. 75 к.
Самоучитель для скрипки, ц. 1 р. 50 к.
Любимцевъ, Самоучитель д. гитары, I, ц. 1 р. и для всѣхъ прочихъ инструментовъ.
у КУЛИКОВА, Москва, Маросѣйка.

на 1891 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1891 г.
Ш. № 4964 на ежедневную большую и дешевую газету 3—3
„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“.
Цѣна: годъ—5 руб.; ½ года—3 руб.; 1 мѣс.—60 коп.
Подробности см. №№ 47, 48, 49 жур. „Нива“ за 1890 годъ.

ДЕНТИНЪ В. ГЕННА въ ВѢНѢ.
В. № 4731 24—10
Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.
Цѣна 40 коп.
Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ.
Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19.

МАССА БЛАГОДАРН. и ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВ.
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
БУХГАЛТЕРІИ
иногородныхъ и московскихъ
ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІЙ-КОРРЕСПОНДЕНЦІЙ
вполнѣ заменяющихъ устное преподаваніе.— ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.
преподаватель коммерческихъ наукъ
С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ.
ПОЛН. ГАРАНТІЯ УСПѢХА. ПРЕДСТАВ. ОТЗ. ПОДАРАК.
УСЛОВІЯ-ПРОБНЫЯ ЛЕКЦІИ ★ МОСКВА ★ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.
Долгоруковская улица, домъ Финогеновой.

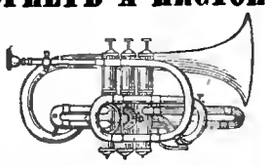
АНГЛІЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
заводъ Зингеръ и К° Ковентри, предлагаетъ
ГЕНРИХЪ ЖЕМЛИЧКА
въ Москвѣ, уголъ Тверской и Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, магазинъ № 19. Высылается прейсъ-курантъ. 4—1

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ
(2-й годъ изданія)
на АКУШЕРСКО-ФЕЛЬДШЕРСКІЙ
ОБЩЕДОСТУПНЫЙ МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„АКУШЕРКА“
посвященный всѣмъ отраслямъ медицины, обнимающимъ кругъ дѣятельности АКУШЕРОКъ, ФЕЛЬДШЕРИЦъ и ФЕЛЬДШЕРОВъ.
Выходитъ два раза въ мѣсяцъ.
Подписная цѣна съ пересылкой на годъ 3 р., 3 мѣсяц.—1 р. 50 к., 4 мѣс.—1 р.
Мелкія деньги могутъ быть высылаемы почтовыми марками.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
Въ редакціи журнала „АКУШЕРКА“, БРЯНСКъ, Орловской губерніи.
Въ книжныхъ магазинахъ: № 4991
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, К. РИККЕРЪ, Невскій проспектъ, 14.
ВЪ МОСКВѢ, А. ЛАНГЪ, Кузнецкій мостъ.
Экземпляры „АКУШЕРКИ“ за 1890 годъ высылаются на три рубля.
Редакторъ-издатель АМБРОЖЕВИЧЪ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ
продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28—11

Библиотека "Руниверс"

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЪ



въ 15, 22, 25, 35, 50, 60, 75, 85, 100 р. а дор. Корнеты отъ 50 р. можно имѣть моей работы. Школа-самоучитель Багница въ 1½ и 2½ р.

ФЛЕЙТЫ

въ 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 р. Отъ 75 р. моей работы. Школа-самоучитель Келера по 1½ и 2½ р.

КЛАРНЕТЫ

въ 6, 10, 15, 20, 25, 35 и моей работы въ 45, 60 и 75 р. Всѣ остальные инструменты и принадлежности къ нимъ хорошаго качества и по дешевымъ цѣнамъ.

Нов. иллюстр. прейсъ-курантъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. № 4994

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ЛЕППИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они достиваютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

СѢМЕНА ОГОРОДН. И ЦВѢТОЧН.

сѣменнаго хозяйства ГАЛАХОВА.

Цѣны крайне дешевыя. Прейсъ-курантъ высылается по требованію безплатно.

Сарай, Рязанской губ., Галахову.

ССУДЫ подъ всѣ % бумаги. ВЫИГРЫШН. ЗАЙМЫ

посредствомъ залога. Задатокъ **15** и **20** р. Ежемѣсячно **10** и **5** р. Въ опроверженіе слуховъ симъ объявляется, что никакого запрещенія продажи выигрышныхъ займовъ съ разсрочкою платежа со стороны Правительства не было сдѣлано и такіе слухи, какъ распространяемые лицами, заинтересованными лишь въ пониженіи цѣнъ, не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

СПБ., Невскій, 59—57, собств. домъ. № 4997 (1)

ВЫБОРЪ изящныхъ **ШЕЛКОВЫХЪ ТКАНЕЙ, БАРХАТА и ПЛЮША** ВЪ РОЗНИЧНОМЪ МАГАЗИНѢ

Бр. С. Г. ШЕЛАЕВЫХЪ

ВЪ МОСКВѢ.

ПАССАЖЪ СОЛОДОВНИКОВА,

№№ 65, 66.

Имѣются спеціально въ вѣнцу изящныя роковыя шелковыя подножки, цѣна 2 руб.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и маог. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

Поступилъ въ продажу въ Конторѣ журнала „НИВА" (СПБ., Невскій, 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ" за 1890 г.

заключающій въ себѣ болѣе 1300 стран. разнообразнѣйшаго текста и около 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **А. Н. Майкова: „Маркъ Петровичъ Петровъ"**, больш. историч. романъ въ 2-хъ ч. **Гр. Е. А. Саліаса: „Панъ круль"**, больш. романъ въ 5 ч. **Вас. И. Немировича-Данченко: „Жизнь какъ она есть"**, больш. ром. **І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго): „Кладъ"**, больш. историч. повѣсть **А. А. Смирнова: „Склирена"**, историч. пов. **Г. Эберса: „Іисусъ"** (иллюстрир. худ. Земцовымъ), повѣсть **М. Н. Волконскаго: „Судьба"**, разск. **А. Я. Максимова: „Попъ Симеонъ"**, повѣсть **Н. Морскаго (Н. К. Лебедева): „Мопочка"**, повѣсть **В. Бибикова: „Первая гроза"**, очеркъ **Евг. Маркова: „Говѣніе"**, разск. **Ѳ. Ѳ. Тютчева: „Артемій Сватьевъ"**, и много другихъ повѣстей и разсказовъ. Стихотворенія **Я. П. Полонскаго, А. Фета, П. И. Вейнберга, І. І. Ясинскаго** и др. Нѣсколько научно-популярныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія и пр. Кромѣ того, къ тому прилагаются **три безплатныхъ премій**, а именно: **двѣ большія картины**, печатанныя красками по оригиналамъ профессора **И. И. Шишкина:**

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ", 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ" и 3) „СБОРНИКЪ ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ"

извѣстныхъ современныхъ писателей. Большой томъ in 8°, въ 541 стр.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми приложеніями:

Брошюрован. . . . . **4** р. Въ коленк. перепл. **5** р. **50** к.
Съ перес. иногородн. до 2000 верстъ . . . **6** р. Съ перес. иногор. до 2000 верстъ . **7** р. **50** к.

Свыше 2000 верстъ за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

Натуральная минеральная слабительная вода источника

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

въ Будапештѣ.

Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграницы. Дирекція въ Будапештѣ. № 4820 6—1

И. Г. Карлсонъ въ Воронежѣ.

СКЛАДЪ СѢМЯНЪ

превосходнаго качества и безукоризненной всхожести. № 4990

ОБШИРНЫЙ ДРЕВЕСНЫЙ ПИТОМНИКЪ.

По заявленіи высылаются немедленно: большой иллюстрированный прейсъ-курантъ сѣменамъ, растеніямъ и садовымъ инструментамъ **безплатно**, и за **21** коп. почтовыми марками самый богатый, обстоятельный и общепонятный въ Россіи, изящно иллюстрированный, прейсъ-курантъ деревьямъ, кустарникамъ и грунтовымъ растеніямъ.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ЛЮБИТЕЛЕЙ ВЫПИЛКИ ПО ДЕРЕВУ.

Поступилъ въ продажу только что изданный конторою журнала „Нива" **НОВЫЙ** (по счету **ТРЕТІЙ**)

„АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛКИ ПО ДЕРЕВУ",

состоящій изъ 25 большихъ листовъ, включающихъ въ себѣ **множество превосходно выполненныхъ рисунковъ**, разнообразнѣйшихъ по величинѣ и стилю всевозможныхъ предметовъ, и около 100 русскихъ, славянскихъ и французскихъ буквъ-**монограммъ**. Въ альбомъ вошли исключительно **НОВЫЕ, НИГДѢ ЕЩЕ НЕ ПЕЧАТАВШІЕСЯ РИСУНКИ** художника

В. Н. КЛАГЕСА.

Имъ же составленъ и помѣщенный въ альбомѣ **объяснительный текстъ** къ рисункамъ, служащій, вмѣстѣ съ тѣмъ, **общепонятнымъ руководствомъ при выпиливаніи, что особенно важно для начинающихъ.**

Цѣна альбома въ изящной автографиров. обложкѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 60 к.

Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ контору журн. „Нива", Невскій, 6.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: **Генрихъ Блокъ**, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ Вѣнѣ

ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвреднее средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 16—7

Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у **В. Аурихъ** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ

косметика **А. ЭНГЛУНДЪ.**

При употребленіи березовой емульсіи, кожа лица дѣлается бѣлою. Ц. флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія подделокъ, прошу требовать: подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи. Ц. № 4477

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у Б. Феррейнъ, В. Бебендисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія **А. Энгаундъ.** Литейная, № 38.

НОВОСТЬ

МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!

ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

Изящно! Практично! Безопасно! Дешево! Служитъ карманной спичечницей, давая яркій свѣтъ по цѣлымъ часамъ.

Сдѣлано изящно изъ никкеля. Только 1¼ вер. вышины — удобно носить въ карманѣ.

Огниво съ 500 зарядами 2 руб. Запасъ къ 1000 зарядовъ 50 коп. } Пер. 1 ф.

Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20.

Вышелъ новый романъ

ИЗМЕЛЬЧАНІЕ

соч. **А. Вереванна**, въ 2 част. Цѣна 1 р. 25 к. Продается во всѣхъ кн. маг. „Новаго Времени", Вольфа, Стасюевича и др.

Оптовая продажа! 7 разъ удостоены первыхъ наградъ. ВЫВОЗЪ

ЦИТРЫ

отличной работы, хорошаго качества и сильнаго тона отъ 16—22—28—38—300 мар. Школа **Гретера** для самообученія 1 ч. 5 м., II ч. высш. школа 7 м.

Скрипки и всѣ струнные инструменты. Прейсъ-куранты безплатно.

Ц. № 4825 **БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ,** 4—4

Фабрика инструментовъ, Крейцнахъ.

Дозвол. ценз., СПБ., 6 февраля 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | г. XXII

№ 7 | 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Выдвнъ 16 февраля 1891 г

Открыта подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. П. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ" принимаются за строку нонпарель (1¼ шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 c.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Закаспійская область. Укрѣпленіе Красноводскъ, будущій начальный пунктъ Закаспійской желѣзной дороги и главный портъ Восточнаго побережья Каспійскаго моря. Съ фот. Апостоли, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

IV.

Новая волна.

Съ той самой минуты, какъ только государыня остановила свой взглядъ на графѣ Литта во время бала—жизнь его, до этого казавшаяся вполнѣ опредѣлившеюся, заключенною въ извѣстныя рамки, изъ которыхъ и выйти было нельзя, вдругъ быстро и тревожно измѣнилась, приняла совершенно другое, неожиданное направленіе...

Онъ сразу, сейчасъ-же почувствовалъ этотъ, устремленный на него взглядъ и невольно поднялъ голову.

Императрица стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Глаза всѣхъ окружающихъ тоже остановились на немъ. Они понуждали его и какъ бы подсказывали, что̀ нужно было дѣлать.

И онъ, машинально подчиняясь общему окружавшему его настроенію, выпрямился, шагнулъ впередъ и подошелъ къ императрицѣ.

Екатерина протянула ему руку. Онъ, склонясь, прижалъ ее къ губамъ.

— Графъ Литта—рыцарь Мальтійскаго ордена? проговорила она.

Литта низко поклонился.

— Отчего-же я не вижу васъ, продолжала Екатерина,—при моемъ дворѣ?..

— Не привыкъ, ваше величество, отвѣтилъ Литта, вздохнувъ,—я чувствую себя свободнѣе на палубѣ корабля; къ тому-же мое положеніе рыцаря духовнаго ордена...

— Я желаю, перебила государыня,—видѣть при себѣ достойныхъ людей, въ числѣ коихъ почитаю и васъ, сударь. Я хочу чтобъ вы бывали въ нашемъ обществѣ, мы отучимъ васъ дичиться людей...

Литта опять поклонился, думая что императрица ограничится этими и безъ того уже милостивыми словами и, выразивъ лестное желаніе видѣть его при дворѣ (а это выпадало далеко не на долю каждаго), пройдетъ мимо, но она не думала уходить.

Она, чуть замѣтно улыбаясь одними глазами, смотрѣла на склонившагося передъ нею рыцаря въ полномъ блескѣ красоты, силы и здоровья, и медлила, какъ бы соображая что-то...

Нѣсколько головъ изъ ея свиты значительно переглянулись между собою.

— Къ тому-же, снова начала Екатерина,—вы должны блюсти интересы вашего Ордена; въ моихъ владѣніяхъ теперь, съ присоединеніемъ польскихъ провинцій, есть земли Ордена... Вы можете, графъ, явиться передо мною достойнымъ представителемъ братства...

— Я имѣю счастіе состоять на службѣ вашего величества, напомнилъ Литта.

— Тѣмъ лучше для васъ, улыбнулась Екатерина и, кивнувъ ему головою, добавила:—до свиданья...

Въ этомъ послѣднемъ милостивомъ словѣ звучало такъ много доброты, ласки, обѣщанія и одобренія, что Литта былъ въ восторгѣ, когда государыня отошла отъ него...

И вотъ тутъ-то, какъ она только отошла отъ него, вдругъ точно по волшебству, все вокругъ него измѣнилось. Новая волна, нахлынувшая нечаянно въ его жизни, подхватила его, подняла и, несмотря ни на что̀ и помимо его собственной воли, держала уже надъ бездной на высотѣ, отъ которой у многихъ бы голова пошла кругомъ...

Но Литта въ первыя минуты только удивлялся, осматривался, стараясь отвѣчать любезно на посыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ любезности и скрыть усмѣшку, такъ и просившуюся у него наружу.

Раньше другихъ, подошелъ къ нему самъ Безбородко и такъ крѣпко стиснулъ руку, точно хотѣлъ раздавить ее.

Нарышкинъ кивнулъ ему головою первый, какъ старому и доброму знакомому, хотя Литта почти не зналъ его.

Какой-то придворный въ расшитомъ мундирѣ, очень вѣжливо, на отлично французскомъ языкѣ, сталъ просить возобновить съ нимъ знакомство и очень подробно сейчасъ-же припомнилъ, гдѣ и какъ они встрѣтились года два тому назадъ,—но почти тотчасъ-же былъ оттертъ другимъ, который сталъ увѣрять, что онъ всегда слѣдилъ (еще въ Шведскую войну) за успѣхами Литты и очень радовался имъ... Словомъ, за минуту передъ тѣмъ графъ Литта стоялъ почти никѣмъ не замѣчаемый, лѣниво прислонясь къ двери, — а теперь вдругъ сталъ предметомъ общаго вниманія, дружелюбія и заботливой предупредительности...

Сдержанный шепотъ молвы перенесъ на другой уже конецъ залы вѣсть о томъ, что государыня остановила графа Литту, молодаго вице-адмирала, и „долго“ разговаривала съ нимъ, приказавъ ему явиться ко двору...

Вѣсть эта стала сейчасъ-же новостью вечера, о ней заговорили шепотомъ съ различными добавками и предположеніями, ни на чемъ впрочемъ не основанными, и кто зналъ Литту хоть мелькомъ—спѣшилъ къ нему, а никогда не видавшіе его протискивались поближе, чтобы посмотрѣть на него...

Когда онъ проходилъ, сзади него слышалось сдержанное:

— Литта—вотъ графъ Литта!..

Баронесса Каннихъ отыскала его среди толпы и коснулась слегка вѣеромъ его локтя...

— Дайте мнѣ руку, графъ! сказала она, стараясь говорить громко,—я ужасно устала...

Литта поздоровался съ нею и, подавъ руку, повелъ ее по залѣ.

Баронессѣ Каннихъ особенно везло сегодня. Она случайно танцовала хлопушку въ кружкѣ ближайшихъ придворныхъ и теперь шла подъ-руку съ человѣкомъ, имя котораго было почти у всѣхъ на языкѣ...

— Ну, графъ, заговорила она опять, но уже понижая голосъ,—раскаиваетесь-ли вы, что я настояла на томъ, чтобы вы пріѣхали на этотъ балъ?..

Отношенія да и самое знакомство Литты съ баронессой имѣли довольно странный характеръ.

Какъ бы мужчина самодовольно ни чуждался женщинъ, какъ бы ни находилъ ихъ бесѣду безсодержательною и разговоръ пустымъ, но безъ женскаго общества ему не прожить и невольно его тянетъ порою именно къ этой безсодержательной бесѣдѣ и пустому разговору, въ которомъ можно разсѣяться, отдохнуть... Словомъ, человѣкъ мало-мальски получившій свѣтское воспитаніе не можетъ обойтись безъ того чтобы не побывать изрѣдка въ хорошей гостиной, гдѣ на него пахнѣтъ тѣмъ воздухомъ, къ которому онъ привыкъ съ дѣтства, и гдѣ нужно подтянуть себя, попридержать и окунуться въ знакомую атмосферу приличія и учтивости...

Литта, попавъ въ Петербургъ, не имѣлъ тамъ ни связей, ни знакомствъ. Сначала онъ побывалъ при дворѣ, но его тамъ скоро забыли, можетъ быть потому, что онъ не старался ни у кого заискать и не сдѣлалъ ничего, чтобы попасть и втереться въ придворное общество. Ему было рѣшительно все равно, и онъ отнесся къ этому болѣе чѣмъ равнодушно...

Библиотека "Руниверс"

Тогда съ нимъ случилось то, что случается съ большинствомъ иностранцевъ поселяющихся на житье въ чужомъ городѣ. Нечаянно попавъ въ какой-нибудь кружокъ — они остаются въ немъ, если не сдѣлаютъ усилій выбиться повыше или если случай не выдвинетъ ихъ.

Литта познакомился черезъ своего сослуживца съ баронессой Каннихъ и какъ-то такъ вышло, что ея домъ сталъ для него въ число тѣхъ немногихъ домовъ, которые онъ изрѣдка посѣщалъ именно, чтобы освѣжиться и побывать въ гостиной...

Баронесса была вдова, имѣла средства (мужъ ея служилъ когда-то по провіантской части) и приходилась дальнею родственницей г-жѣ Лафонъ, начальницѣ Смольнаго института, чѣмъ очень гордилась и вслѣдствіе чего считала въ правѣ причислять себя къ аристократическомъ обществу, въ которое старалась пробиться всѣми силами...

Благодаря своимъ стараніямъ, баронесса занимала какое-то среднее положеніе.

Изъ знатныхъ дамъ почти никто не бывалъ у нея, а если и бывали, то разъ въ годъ и то въ такой часъ, когда ея не было дома; мужчины-же, напротивъ, посѣщали ее. И она старалась привлечь хоть ихъ, какъ умѣла, въ свою гостиную, гдѣ впрочемъ бывало довольно весело. Когда назначался балъ или праздникъ у кого-нибудь изъ вельможъ или знатныхъ лицъ, она выходила изъ себя, хлопотала, бѣгала и въ большинствѣ случаевъ добивалась для себя приглашенія... Если-же ей не удавалось этого, то она непремѣнно сказывалась больною и со злости колотила крѣпостную дѣвку.

На сегодняшній балъ она достала билетъ Литтѣ, но онъ пріѣхалъ сюда вовсе не по ея настоянію, а имѣя свою особую цѣль, которой, разумѣется, баронесса не могла подозрѣвать.

— Что-же, графъ, вы не отвѣчаете мнѣ, развѣ вы не довольны нынѣшнимъ вечеромъ? повторила она, когда они сдѣлали нѣсколько шаговъ молча послѣ ея перваго вопроса.

Литта задумчиво покачалъ головою.

— Нѣтъ, недоволенъ и очень недоволенъ, отвѣтилъ онъ...

— Какъ видно, что вы мало бывали при нашемъ дворѣ! проговорила баронесса такимъ тономъ, изъ котораго было ясно, что она, баронесса, несомнѣнно бывала тутъ очень часто, и нагнувшись почти къ самому уху Литты, она зашептала: — вы знаете, князь Зубовъ почти наканунѣ паденія, ищутъ только случайнаго человѣка, и тотъ кому посчастливится стать въ случай...

Это были всегдашнія сплетни, вѣчно ходившія въ особенности среди такихъ барынь, какъ баронесса, занимавшихся ими съ какою-то горячею самоотверженностью и рвеніемъ...

Литта, не слушая уже ее, давно приглядывался, ища глазами того человѣка, для котораго онъ пріѣхалъ сюда.

Теперь онъ нашелъ его.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ стоялъ прислонившись къ высокой мраморной вазѣ и, засунувъ большой палецъ правой руки за бортъ своего мундира, внимательно приглядывался къ тому, что происходило вокругъ него. Онъ былъ одинъ изъ своей семьи на балу. Великая княгиня осталась въ Гатчинѣ; что-же касается дѣтей ихъ, то бабушка-императрица не сочла нужнымъ для нихъ ѣхать сегодня къ Безбородку...

Цесаревичъ, несмотря на окружавшую его толпу, былъ одинъ среди этого многолюдства. Всѣ старались не попасть ему на глаза, и если приближались къ нему, то такъ, чтобъ этого *не увидали, не замѣтили* и чтобъ „бѣды не вышло". Онъ давно привыкъ къ такому своему положенію и всегда въ многолюдныхъ собраніяхъ удалялся куда-нибудь, чтобъ ему не мѣшали, и облокотясь, какъ вотъ теперь облокотился,—смотрѣлъ передъ собою блестящими, широко открытыми глазами. Голова его бывала приподнята высоко и подбородокъ слегка вздрагивалъ...

Увидѣвъ его, Литта поспѣшилъ незамѣтно высвободить свою руку отъ баронессы и хотѣлъ направиться въ ту сторону, гдѣ стоялъ онъ...

V.

Судьба.

Еще въ дѣтствѣ Павелъ Петровичъ съ жадностью читывалъ занимательныя исторіи и похожденія изъ жизни мальтійскихъ рыцарей. Впослѣдствіи онъ ближе познакомился съ исторіею Ордена и навсегда сохранихъ лестное мнѣніе объ этомъ учрежденіи... Орденъ всегда составлялъ предметъ особенно интересный для Павла Петровича. Онъ изучилъ его уставъ, въ библіотекѣ его были собраны всѣ сочиненія касавшіяся мальтійскихъ рыцарей, и уже въ 1776 году онъ построилъ инвалидный домъ на Каменномъ островѣ, въ честь своего любимаго Ордена.

Какъ генералъ-адмиралъ, великій князь, носившій это званіе, приходилъ въ соприкосновеніе съ мальтійскими рыцарями бывшими на русской морской службѣ, и въ числѣ другихъ ему былъ представленъ и Литта...

Въ настоящее время графъ одинъ оставался изъ своихъ товарищей-братьевъ въ Петербургѣ. Нѣкоторые изъ нихъ погибли въ Шведскую войну, иные были отозваны назадъ на Мальту, остальные перешли на службу въ другіе флоты...

Баронесса Каннихъ, замѣтивъ движеніе Литты, съ которымъ онъ хотѣлъ оставить ея руку, вдругъ порывисто уцѣпилась пальцами со всею силою, какая нашлась у нея, за его локоть.

— Куда вы?.. безпокойно, испуганно проговорила она и потянула Литту назадъ.

— Простите меня, мнѣ надобно... началъ было онъ.

Она не дала договорить ему.

— Вы къ нему? (Каннихъ метнула глазами въ сторону великаго князя).

Литта не отвѣтилъ, но попробовалъ сдѣлать усиліе освободиться отъ нея.

— Вы съ ума сошли! взволнованнымъ шепотомъ заговорила Каннихъ (весь разговоръ шелъ по-французски),—вы потеряете себя... что вы, какъ можно!.. сегодня еще! — вы этимъ испортите все, *теперь* вамъ нужно быть очень осторожнымъ, о!—я буду слѣдить за вашими интересами, будьте покойны, и не пущу—слышите-ли, не пущу—какъ можно!..

— Я васъ прошу, баронесса, не думать, чтобы *сегодня* я счелъ нужнымъ вести себя иначе, чѣмъ когда-нибудь, подчеркнулъ Литта слово „сегодня" и, строго сдвинувъ брови, глянулъ на свою даму...

Она разсмѣялась дѣланнымъ смѣхомъ, прищуривъ одинъ глазъ...

— О, графъ! скрытность конечно великая вещь, но она не годится между друзьями... а вѣдь мы съ вами давнишніе друзья—такъ не играйте роли... Нѣтъ, я не могу пустить васъ...

Въ это время Павелъ Петровичъ отошелъ отъ вазы и направился къ дверямъ...

Гости собирались ужинать.

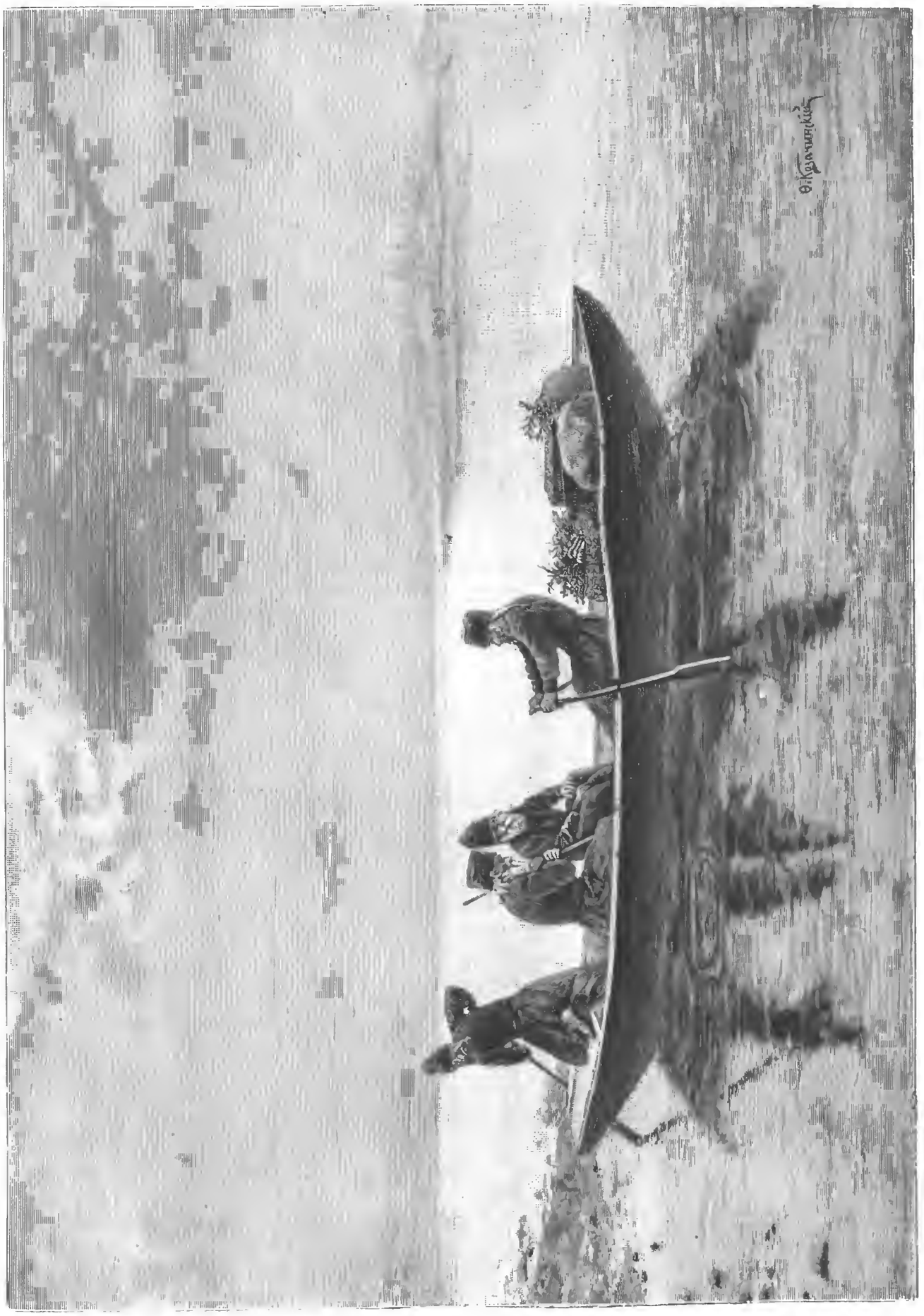
Литтѣ оставалось только вести свою даму къ столу, и онъ повелъ ее мрачный, почти сердитый, съ нахмуреннымъ, отчаяннымъ лицомъ.

За то баронесса цвѣла неподдѣльно радостной улыбкой...

— Гдѣ, гдѣ?.. доносился до ея слуха сдержанный шепотъ.

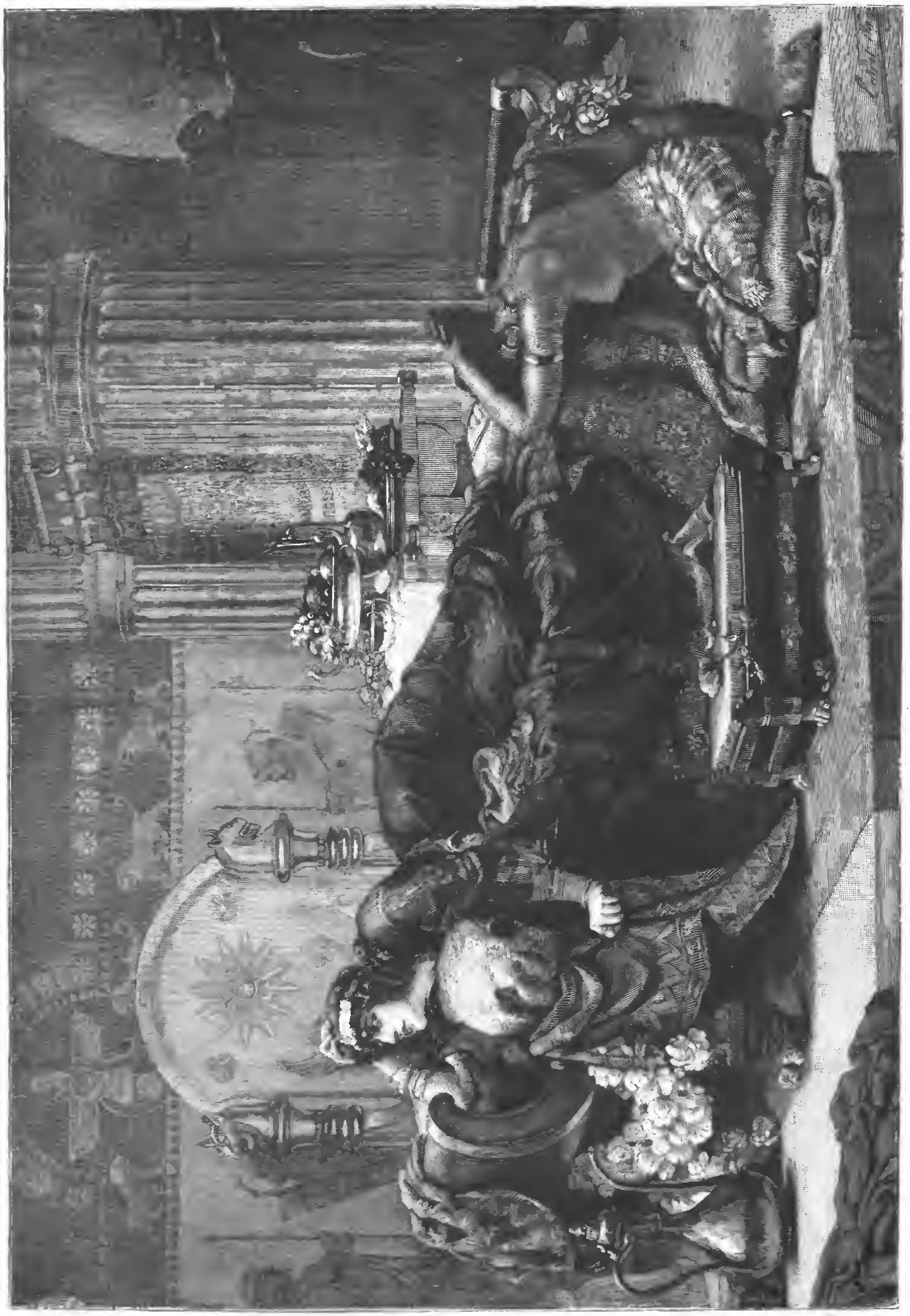
— Да вотъ-же онъ подъ-руку съ дамой въ платьѣ

Библиотека "Руниверс"



Въ скитъ со „сборомъ“. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ѳ. Козачинскаго, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Астинь, отвергнутая царемъ Артаксерксомъ. Съ карт. Норвана.

Библиотека "Руниверс"

„нескромной жалобы“... Черный, высокій... А хорошъ!..

— Такъ это она не въ „нескромной жалобѣ“, а въ цвѣтѣ „подавленнаго вздоха“... Теперь вижу... видный такой...

Послѣ ужина, за которымъ особенный фуроръ произвелъ золотой плато непомѣрной величины съ бриліантовымъ шифромъ посрединѣ, императрица сейчасъ-же уѣхала. Великій князь — за нею. И Литтѣ такъ и не удалось поговорить съ нимъ во весь вечеръ...

Литта вернулся домой не въ духѣ, недовольный и баломъ, и самимъ собою, и нежданнымъ появленіемъ къ нему всеобщей любезности, и навязчивымъ покровительствомъ баронессы Каннихъ, приставшей теперь къ нему, какъ муха къ меду.

Онъ снялъ съ себя мундиръ, надѣлъ шелковый шлафрокъ, но вмѣсто того, чтобы идти въ спальню, остался въ кабинетѣ, перенесъ свѣчи на бюро и, опустившись на кресло, задумался...

Онъ думалъ, что испытаніе, которое онъ перенесъ шесть лѣтъ тому назадъ, въ Неаполѣ, испытаніе любви, будетъ послѣднимъ для него и что затѣмъ жизнь его кончится такъ, какъ у большинства его собратьевъ по Ордену, т. е. въ отдаленіи отъ всякихъ соблазновъ.

Сегодня судьба посылала новое искушеніе...

Но Литта не могъ сдержать улыбки, и эта улыбка относилась къ этому новому „искушенію“... Казалось, судьба ошиблась. Испытаніе было напрасно.

Литта никогда не хотѣлъ первенства, никогда не искалъ власти, значенія,—не хотѣлъ и теперь, когда казалось по общему голосу, котораго онъ не могъ не понять, ему стоило сдѣлать небольшой можетъ-быть шагъ, протянуть руку и въ этой рукѣ окажется сила, способная замѣнить почти царское могущество. Конечно, какъ оно выйдетъ на самомъ дѣлѣ, еще ничего не извѣстно, и по правдѣ-то, все это пожалуй окажется вздоромъ; но мечтать и видѣть очень ясный намекъ на осуществленіе этой мечты никто-бы не могъ запретить ему въ данную минуту. Однако, Литта не только не хотѣлъ мечтать объ этомъ, а напротивъ добросовѣстно разобралъ всѣ такъ-сказать уголки своей души, нѣтъ-ли тамъ гдѣ-нибудь чувства, склоннаго къ тому искушенію, которое надвинулось на него, и ничего не нашелъ: въ душѣ его жило другое чувство, заглушить которое время все-таки было не въ силахъ.

Онъ все еще любилъ, любилъ попрежнему и можетъ быть больше прежняго...

„Разлука, вспомнилось ему,—для любви—все равно, что вѣтеръ для огня. Когда огонь силенъ — вѣтеръ только можетъ раздуть его; когда-же огонь слабъ—онъ его тушитъ“...

Его чувство не было заглушено разлукой, но свидятся-ли они—а если свидятся, то что-же изъ этого можетъ выйти?..

И Литта долженъ былъ отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ, что ничего, кромѣ горя, страданія и муки.

Это сознаніе полной безнадежности было ужаснѣе всего.

Онъ не хотѣлъ думать объ этомъ, но воспоминанія сами собою мелькали передъ нимъ.

Шесть лѣтъ назадъ — также въ декабрѣ — можетъ-быть даже въ тотъ же самый день, что сегодня, они сидѣли на верандѣ, подъ густыми листьями винограда; вечерній воздухъ былъ тепелъ и прозраченъ, цвѣты благоухали, и *она* была рядомъ съ нимъ — послѣдній разъ. Это было ихъ послѣднее свиданіе... А теперь онъ одинъ, въ далекой странѣ; порывистый, леденящій вѣтеръ шумитъ за окномъ и крутитъ бѣлые хлопья снѣга, и шумитъ такъ жалобно, протяжно, и каминъ мелькаетъ своимъ краснымъ свѣтомъ, и такъ тоскливо и скучно, и пусто кругомъ.

Такъ что-жь ужь тутъ власть, значеніе и сила?..

Рѣзкій сухой стукъ заставилъ Литту невольно вздрогнуть... Что-то крякнуло въ сосѣдней комнатѣ—должно быть половица лопнула.

Литта провелъ рукою по лицу и встряхнувъ волосами, наклонился къ бюро, вынулъ пачку счетовъ и записочекъ, и сосредоточенно принялся разсматривать ихъ. Ему не хотѣлось еще спать. Онъ желалъ разсѣять свои мысли чѣмъ-нибудь совсѣмъ постороннимъ.

Литта былъ богатъ. Онъ имѣлъ значительныя помѣстья въ сѣверной Италіи, приносившія ему хорошій доходъ.

Но доходъ этотъ, благодаря разстоянію, получался крайне неаккуратно.

Деньги, которыя получилъ онъ въ послѣдній разъ, приходили къ концу, у него предстояли платежи (были долги кой-какіе) и нужно было разсчитаться по счетамъ, а между тѣмъ было неизвѣстно, когда придетъ новая получка.

Литта написалъ письмо, но онъ зналъ, что отправить изъ Италіи въ Петербургъ значительную сумму денегъ вовсе не легко, въ особенности при томъ, что происходило тогда во Франціи.

А тутъ еще, если дѣйствительно потребуютъ его пріѣзда ко двору—будутъ предстоять новыя издержки совсѣмъ неожиданныя и не входившія въ расчетъ.

И Литта принялся, стараясь сосредоточиться, за разборку счетовъ, но мысли его путались, цифры разбѣгались и не слушались его.

Онъ все складывалъ какую-то графу, и каждый разъ получалъ разные итоги: то 416, то 395, разъ даже вышло 500... и наконецъ Литта поймалъ себя на томъ, что онъ снова сидитъ задумавшись и рука его машинально выводитъ на бумагѣ очень красивую пятерку съ двумя нолями.

„Что-жь это со мною?“ подумалъ онъ и, протянувъ руку, досталъ съ маленькой, вдѣланной въ бюро полочки, книжку въ пергаментномъ бѣломъ переплетѣ съ золотыми углами и золотою же застежкой въ видѣ сфинкса.

Онъ раскрылъ книгу и отыскалъ пятую таблицу.

На ней былъ изображенъ посвященный въ тайны Изиды, сидящимъ между двумя колоннами святилища. У его ногъ, распростертыми на землѣ, лежали два человѣка, одѣтые одинъ въ красное, другой въ черное. Посвященный правою рукою дѣлалъ у себя на груди знакъ сосредоточія. Колонны означали законъ и свободу повиноваться ему или нѣтъ. Посвященный или іерофантъ — орудіе тайныхъ знаній — представлялъ собою геній добрыхъ внушеній сердца и разсудка.

Дѣлаемый имъ знакъ приглашалъ слушаться вышняго голоса, утишивъ страсти и похоть. Два человѣка служили символами зла и добра, которыя оба находятся въ подчиненіи у властителя Аркановъ.

Подъ таблицами Литта перечелъ знакомыя слова: „Прежде чѣмъ сказать о человѣкѣ, счастливъ онъ или нѣтъ, узнай сначала, какъ распорядился онъ своею *волей*, потому что „„всякій человѣкъ созидаетъ себя по подобію дѣлъ своихъ““. Твоя будущность зависитъ отъ добраго или злаго генія. Сосредоточься въ молчаніи, внутренній голосъ заговоритъ въ тебѣ: пусть ему отвѣтитъ твоя совѣсть...“

VI.

Бриллiантовый крестъ.

На другой день съ одиннадцати часовъ утра начали пріѣзжать къ Литтѣ съ визитомъ люди не только бывавшіе у него прежде, но и тѣ, которыхъ онъ не зналъ совсѣмъ.

Тутъ были и его сослуживцы, и гражданскіе чиновники, и придворный, который „возобновилъ“ съ нимъ вчера знакомство, и тотъ, который „слѣдилъ“ за его

Библиотека "Руниверс"

успѣхами въ Шведскую войну, и даже самъ Безбородко.

Всѣ они пріѣзжали такъ, будто невзначай, освѣдомиться о здоровьѣ графа, какъ молъ онъ сегодня себя чувствуетъ и, вообще, все-ли обстоитъ благополучно у него.

Литта принялъ перваго посѣтителя вѣжливо и любезно, и только что простился съ нимъ, какъ явился второй, потомъ еще два сразу—Литта принялъ и ихъ. Они посидѣли, поговорили и уѣхали. Но за ними послѣдовали новые и новые, и съ каждымъ часомъ все больше и больше.

Литта, не привыкшій къ этой толчеѣ, которая вдругъ устроилась теперь у него въ домѣ, почувствовалъ, что у него просто разболѣлась голова. Лакеи съ ногъ сбились. Онъ выбралъ минуту, и взявъ шляпу, хотѣлъ уйти, но на лѣстницѣ его поймалъ опять какой-то господинъ, увѣрявшій, что встрѣчался съ нимъ у баронессы Капнихъ, и что ему „очень пріятно" и т. д.

Наконецъ Литта велѣлъ не пускать къ себѣ никого, сказать, что его нѣтъ дома, что онъ нездоровъ, боленъ, умеръ—все, что хотятъ, только бы его оставили въ покоѣ.

Боясь теперь сдѣлать новую попытку выйти изъ дому, чтобы опять не поймалъ его кто-нибудь на лѣстницѣ, Литта сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, какъ арестованный, досадуя на всѣхъ и все, а къ его подъѣзду то и дѣло подъѣзжали кареты и сани.

И каждый изъ этихъ посѣтителей воображалъ, что онъ придумалъ что-нибудь новое, что онъ одинъ только явился къ Литтѣ, чтобъ „во время" забѣжать къ человѣку, который былъ, по общему голосу, на порогѣ „случайности"... Этотъ „общій голосъ" столько разъ обманывавшій, безосновательный, иногда даже ни на чемъ не основанный—все-таки еще возбуждалъ къ себѣ довѣріе людей, которымъ видимо мало было что дѣлать, кромѣ какъ сновать по городу и накидываться съ жадностью на каждую новость.

Теперь Литта узналъ, что такихъ людей было въ Петербургѣ гораздо больше, чѣмъ можно было этого ожидать.

Изъ иностранной коллегіи ему принесли формальное извѣщеніе, что ему будетъ дана частная аудіенція по дѣламъ Мальтійскаго ордена.

Онъ зналъ, что онъ единственный теперь мальтійскій рыцарь въ Петербургѣ, зналъ, что съ переходомъ отъ Польши къ Россіи части ея владѣній, Острожская ординація была теперь въ чертѣ русской территоріи, что отношенія ея къ правительству еще не выяснены, и что давно бы слѣдовало возбудить о нихъ вопросъ.

Вчера на балу государыня сама вспомнила объ этомъ, и такъ какъ не въ ея привычкѣ было откладывать дѣло въ долгій ящикъ, она приказала послать ему это извѣщеніе. Все это было весьма просто и естественно, и никто собственно не имѣлъ права дѣлать изъ этого какихъ-нибудь дальнѣйшихъ выводовъ.

Литта понималъ это, и его заботило въ данномъ случаѣ совсѣмъ другое. Если начать дѣло и желать довести его до благопріятнаго для Ордена рѣшенія—для этого нужны были деньги, и можетъ быть большія. Между тѣмъ Литта не зналъ, когда еще онъ получитъ свои деньги изъ Италіи, а въ настоящую минуту для него было даже затруднительно обставить должнымъ образомъ свое появленіе на аудіенціи. Требовалась почетная карета, ливреи, и для него самого, носившаго послѣднее время русскую военную форму, необходимъ былъ роскошный нарядъ мальтійскаго рыцаря, котораго онъ давно уже не надѣвалъ. Все это стоило не дешево.

Времена, когда братья Ордена довольствовались скромнымъ одѣяніемъ, съ бѣлымъ полотнянымъ крестомъ на груди — давно прошли, и теперь нужно было явиться къ блестящему двору могущественной государыни съ подобающею роскошью, къ которой привыкли тутъ. У Платона Зубова, напримѣръ, одни кружева стоили около 30,000 рублей, не говоря уже о бриллiантахъ.

Какъ разъ въ то время, когда Литта занимался расчетами и соображеніями, передъ нимъ явился его итальянецъ-камердинеръ.

— Что вамъ? спросилъ Литта.

— Какой-то почтенный человѣкъ желаетъ видѣть эчеленцу... проговорилъ камердинеръ.

Литта нетерпѣливо махнулъ рукою.

— Я сказалъ, чтобы никого не пускали ко мнѣ!.. Что-жь вамъ еще нужно?.. отвѣтилъ онъ и отвернулся къ окну.

— Но человѣкъ этотъ говоритъ, что у него есть дѣло къ эчеленцѣ...

Литта, не отвѣчая, продолжалъ задумчиво глядѣть передъ собою.

— А вы послали за Абрамомъ? спросилъ онъ вдругъ.— Мнѣ нужно его...

— Онъ обѣщалъ придти сегодня... отвѣтилъ камердинеръ и, подождавъ немного, добавилъ:—такъ что-же эчеленца прикажетъ отвѣтить тому человѣку?

— Какому человѣку?.. Ахъ, тотъ, что пришелъ... Да кто онъ такой?

— Почтенный старикъ-нѣмецъ, онъ назвалъ себя господиномъ Шульцемъ и велѣлъ просить эчеленцу, чтобы вы его приняли.

Литта пожалъ плечами. Онъ не зналъ никакого Шульца.

— Да что это: господинъ, чиновникъ, каковъ онъ изъ себя? спросилъ онъ опять.

— Онъ скромно одѣтъ, похожъ на иностраннаго купца.

— Просите, сказалъ наконецъ Литта.

Шульцъ вошелъ и почтительно поклонился графу. Это былъ высокій старикъ съ бородой, въ синихъ очкахъ и съ подстриженными волосами.

На немъ былъ коричневый шерстяной камзолъ, такіе же панталоны, синіе нитяные чулки и толстые башмаки съ пряжками.

— Позвольте мнѣ, графъ, заговорилъ Шульцъ по-нѣмецки, — представиться вамъ: я бриллiантщикъ по профессіи... недавно явился въ Петербургъ...

Литта, раздраженный уже сегодняшнимъ утромъ, недружелюбно смотрѣлъ на него, что, впрочемъ, видимо мало смущало старика Шульца.

Лицо его было совсѣмъ спокойно, и какъ ни вглядывался Литта въ его темныя, выпуклыя очки, плотно прижатыя къ лицу — онъ не могъ разсмотрѣть скрытыхъ за ними глазъ.

— Садитесь, что-же вамъ угодно? спросилъ онъ.

Старикъ-нѣмецъ опустился на стулъ и Литта только теперь замѣтилъ, что въ его рукахъ былъ небольшой футляръ чернаго сафьяна. Шульцъ открылъ футляръ и подалъ Литтѣ.

Тамъ лежалъ великолѣпный мальтійскій крестъ бѣлой финифти, осыпанный кругомъ бриллiантами и придѣланный къ цѣпи, на которой тоже сверкали драгоцѣнные камни.

— Дивная работа! не могъ удержаться Литта.

Онъ съ трудомъ говорилъ по-нѣмецки, припоминая слова, но все-таки довольно порядочно.

— Можетъ быть вамъ, заговорилъ Шульцъ, — какъ мальтійскому рыцарю, пригодится эта вещь? Я бы съ удовольствіемъ продалъ ее, графъ...

Литта задумался. Бриллiантовый крестъ былъ дѣй-

Библиотека "Руниверс"

ствительно очень хорошъ, и онъ нуженъ былъ ему въ особенности теперь, чтобы явиться ко двору.

Но чѣмъ заплатить сейчасъ?

— Если вы сомнѣваетесь насчетъ денегъ, подхватилъ Шульцъ, какъ бы угадывая его мысли, — то достаточно будетъ вашего слова—скажите: когда можно будетъ получить, и я обожду—такимъ людямъ какъ вы можно довѣрить.

— Но вѣдь вы меня не знаете совсѣмъ... Я первый разъ васъ вижу, возразилъ Литта.

Шульцъ пожалъ плечами.

— Я знаю мальтійскихъ рыцарей, отвѣтилъ онъ.

— Скажите: это ваша работа? спросилъ опять Литта, разглядывая крестъ и поворачивая его къ свѣту, чтобы заставить играть камни.

— Нѣтъ, эта вещь мнѣ досталась случайно; я ее пріобрѣлъ еще въ Германіи, и вотъ до сихъ поръ не могу найти покупателя, а передѣлать на другое жаль—работа хорошая...

Литта долго еще любовался работой.

— Вотъ видите-ли, заговорилъ онъ наконецъ,—мнѣ дѣйствительно нуженъ былъ бы этотъ крестъ, но теперь мнѣ нельзя дать вамъ даже задатка—я не знаю, когда я получу деньги, которыя жду... но если вамъ угодно подождать...

Шульцъ всталъ со своего мѣста и поклонился.

— Я повременю, сказалъ онъ,—вы можете оставить вещь у себя.

Литта тоже всталъ. Почтенный видъ старика и то довѣріе, которое онъ ему оказывалъ, невольно заставили Литту отнестись къ нему съ уваженіемъ.

— Я вамъ дамъ сейчасъ росписку—на какую сумму только? проговорилъ Литта, наклоняясь надъ бюро и ища бумагу.

Старикъ улыбнулся широкою улыбкой.

— Не надо росписки — ваше слово должно быть крѣпче всякаго документа.

И поклонившись еще разъ, онъ вышелъ изъ комнаты, затворивъ за собою дверь.

Литта пошелъ его сейчасъ же проводить, но ни въ сосѣдней комнатѣ, ни въ слѣдующихъ онъ не настигъ его. Шульцъ исчезъ такъ быстро, словно его и не было вовсе.

На лѣстницѣ Литтѣ раскланялся Абрамъ, за которымъ онъ посылалъ утромъ и который ждалъ его теперь.

Съ этимъ Абрамомъ многіе имѣли дѣла въ Петербургѣ, и между прочимъ нѣсколько росписокъ графа Литты было у него уже въ рукахъ за ссуженныя деньги подъ большіе проценты.

— А, это ты! кивнулъ ему Литта.—Ты не видѣлъ, прошелъ мимо тебя сейчасъ высокій... старый...

Абрамъ открылъ широко глаза и видимо не могъ взять въ толкъ, что ему говорили.

— Графъ присылали за мной, заговорилъ онъ, — и вотъ я тутъ, графъ. Графу нужна моя служба, я услужу графу...

Литта не сталъ его разспрашивать дальше. Несмотря на свое шестилѣтнее пребываніе въ Россіи, онъ плохо еще владѣлъ русскимъ языкомъ и столковаться ему съ Абрамомъ было затруднительно, когда дѣло не касалось денежнаго вопроса.

— Ступай! сказалъ онъ ему и повелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Придя сюда, онъ приблизился къ бюро, отложилъ въ сторону крестъ, на блескъ брилліантовъ котораго такъ и уставился Абрамъ жадными глазами, и сѣвъ на кресло, быстро проговорилъ:

— Мнѣ нужны деньги...

Онъ зналъ, что Абрамъ будетъ вздыхать сначала и охать, но потомъ все-таки дастъ и сдеретъ проценты впередъ.

Но, къ его удивленію, Абрамъ кивнулъ головою и, хитро прищурившись, проговорилъ:

— Я знаю это. Какъ меня пришли сегодня звать къ господину графу, я уже зналъ, что графу деньги нужны *теперь*...

— Откуда же ты зналъ это? сдвигая брови, спросилъ Литта.

— Я все знаю... Мнѣ многое извѣстно, господинъ графъ... Сколько же вамъ нужно?..

— А сколько ты можешь дать?

— Если графъ не будетъ скупиться, то сколько онъ пожелаетъ...

Литта принялся пересматривать счеты, подсчитывать, и, наконецъ, въ двадцатый по крайней мѣрѣ разъ убѣдился, что меньше пяти тысячъ ему не обойтись на первое время.

— Пять тысячъ, проговорилъ онъ,—теперь, и черезъ двѣ недѣли еще столько-же.

— Много, много денегъ, не утерпѣлъ-таки вздохнуть Абрамъ.—Съ собою у меня нѣтъ столько—я принесъ три тысячи только... Если господину графу угодно...

И онъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ оттуда пачку билетовъ и выложилъ ихъ на столъ.

— Остальныя будутъ доставлены, добавилъ онъ.

Литта съ какимъ-то словно омерзеніемъ поглядѣлъ на эту пачку.

„А не бросить-ли это все? зачѣмъ, къ чему это?. Развѣ нельзя продолжать жить какъ прежде?..“ пришло ему въ голову. И почему этотъ Абрамъ такъ вдругъ охотно старается ему всучить свои деньги сегодня? Смотритъ и боится только, чтобъ онъ не отказался отъ нихъ и ждетъ росписки на двойную сумму, съ причисленіемъ процентовъ?.. Какъ все это гадко!..

И въ то же самое время Литта бралъ бумагу, сгибалъ ее пополамъ и, взявъ перо, несъ его къ чернильницѣ.

Глаза его нечаянно упали на отложенный въ сторону крестъ, особенно вдругъ блеснувшій въ эту минуту. Вѣроятно уголъ свѣта, подъ которымъ онъ лежалъ теперь, былъ особенно благопріятенъ для игры камней.

Но въ этомъ случайномъ блескѣ было еще какъ будто что-то странное.

Узоръ маленькихъ камушковъ, окружавшихъ большіе брилліанты, точно составилъ четыре буквы. Это былъ одинъ мигъ, но Литта прочелъ въ нихъ латинское слово: „cave“—„берегись!“

Онъ моргнулъ глазами, окунулъ перо въ чернильницу и сталъ писать росписку.

Абрамъ взялъ ее, когда она была готова, оставилъ деньги и ушелъ.

„Что это, показалось мнѣ, или на самомъ дѣлѣ такъ?“ подумалъ Литта и, взявъ крестъ, сталъ внимательно разсматривать его.

Но какъ онъ ни поворачивалъ его, подъ какимъ угломъ ни смотрѣлъ,—ничего особеннаго нельзя было замѣтить. Это была теперь простая ювелирная вещь—очень тонкой работы, правда, и только.

„Однако-жь онъ не сказалъ мнѣ даже цѣны, вспомнилъ Литта,—и не оставилъ адреса...“

Но осмотрѣвъ футляръ, онъ нашелъ на внутренней сторонѣ его адресъ Шульца, который жилъ на Морской, и тутъ же рѣшилъ, что сегодня же пойдетъ къ нему и заплатитъ хоть что-нибудь изъ полученныхъ отъ Абрама денегъ.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Шалуны. Съ моментальной фотографіи Харитонова.

Библиотека "Руниверс"

Барроудэльскій пастухъ.

Историческій разсказъ **Валентина Ферна.**

Лѣто 1641 года было очень сухое и жаркое. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не выпало ни капли дождя, вслѣдствіе чего тощіе луга и пастбища Барроудэльской долины приняли еще болѣе печальный видъ. Эта долина находилась въ сѣверной части графства Кумберландъ и считалась одною изъ самыхъ безплодныхъ.

Въ долинѣ жили бѣдные пастухи, овцы которыхъ давали грубую шерсть, мало цѣнившуюся въ продажѣ. Въ то время взрослая кумберландская овца продавалась за девять шиллинговъ на рынкахъ въ Пенритѣ, Вайтгэвенѣ и Карлейлѣ.

Но самыми бѣдными пастухами были братья Лауренсъ и Джильсъ Парри, молодые люди двадцати и семнадцати лѣтъ. По смерти своихъ родителей они наслѣдовали ихъ жалкую хижину, окруженную болотами съ небольшой ивовой рощицей вдали.

Ихъ стада особенно пострадали послѣ жестокаго падежа, свирѣпствовавшаго въ прошломъ году. Крошечнаго дохода, отъ оставшихся тридцати овецъ, едва доставало на удовлетвореніе насущныхъ жизненныхъ потребностей. Ихъ обыкновенною пищей была овсяная каша, черный хлѣбъ и овечій сыръ, но и въ этихъ незатѣйливыхъ продуктахъ они часто терпѣли недостатокъ. Иногда они собирали въ рощѣ птичьи яйца и тщательно разыскивали мѣста, гдѣ роились дикія пчелы, чтобы добыть меду и воску и этимъ хотя немного скрасить скудную трапезу и жалкую домашнюю обстановку.

Подобно всѣмъ обитателямъ долины, безъ различія пола, братья умѣли прясть и вязать. Изъ овечьей шерсти они вязали грубые чулки и шапки и продавали ихъ на рынкѣ матросамъ и рыбакамъ маленькаго приморскаго городка.

Однажды утромъ они усердно копали землю, такъ какъ необходимо было вырыть новый колодецъ для водопоя овецъ. Вдругъ лопата одного изъ братьевъ ударилась въ какую-то черную, сланцевидную массу, которая подъ ударами лопаты разсыпалась въ куски. Сначала они приняли ее за каменный уголь и далеко не были обрадованы своею находкой, такъ какъ каменный уголь, впослѣдствіи сдѣлавшійся основаніемъ богатства Англіи, въ то время мало цѣнился; его употребляли только въ кузницахъ, при обжиганіи извести и при выдѣлкѣ сахара; обычнымъ же матеріаломъ для топлива были дрова и торфъ. Въ такомъ глухомъ горномъ мѣстечкѣ, удаленномъ отъ промышленныхъ центровъ, каменноугольная копь не представляла рѣшительно никакой цѣнности.

Джильсъ поднялъ кусокъ черной массы и потеръ ею ладонь, которая тотчасъ почернѣла.

— Это не каменный уголь, сказалъ онъ.

— А что же? спросилъ его братъ.

— Я не знаю. А только мы отлично сдѣлаемъ, если перемѣтимъ имъ нашихъ овецъ. Помнишь ты сердился, что я затерялъ кусочекъ краснаго карандаша. Этотъ черный камень вполнѣ замѣнитъ нашу потерю.

Онъ отбѣжалъ нѣсколько шаговъ всторону, схватилъ овцу, которая долго не давалась, потомъ неизвѣстнымъ минераломъ нарисовалъ ей на спинѣ черный крестъ.

— Если нѣтъ другой пользы отъ этого камня, то наша находка недорого стоитъ, сказалъ презрительно старшій братъ.

— А ты спроси въ Вайтгэвенѣ, можетъ-быть тамъ кто нибудь знаетъ что это за камень и куда его можно употреблять, сказалъ Джильсъ.

— Это можно сдѣлать. Ты потомъ отломи кусочекъ и положи въ мою котомку. А нашъ колодецъ нужно будетъ выкопать гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, потому что здѣсь вода вѣроятно еще чернѣе, чѣмъ въ торфяномъ болотѣ.

Отойдя шаговъ пятьдесятъ всторону, они начали рыть вторую яму, но черезъ нѣсколько часовъ опять наткнулись на пластъ неизвѣстнаго минерала. Не теряя надежды, они терпѣливо перешли на третье мѣсто и опять принялись за работу, но съ тѣмъ же результатомъ. Они повсюду находили этотъ черный сланцевидный камень съ металлическимъ блескомъ. Нужно было думать, что пластъ этого неизвѣстнаго минерала занималъ большую площадь и распространялся на большую глубину. Послѣ нѣсколькихъ новыхъ пробъ, они начали рыть яму по другую сторону хижины и имъ наконецъ удалось выкопать нужный колодецъ.

На другой день, рано утромъ, Лауренсъ снаряжался въ далекое путешествіе въ Вайтгэвенъ. Въ видѣ исключенія онъ надѣлъ чулки и башмаки и вообще очень внимательно занялся своимъ туалетомъ. Глядя какъ усердно онъ отмывалъ со своихъ рукъ грязь, какъ старательно чистилъ свою старую шляпу, Джильсъ улыбнулся и спросилъ:

— А что, ты дорогой вѣрно зайдешь къ Сюзаннѣ Карпетъ?

Лауренсъ проворчалъ что-то непонятное. Бѣдняга зналъ, что его любовь безнадежна. Сюзанна Карпетъ была слишкомъ хороша, для того, чтобы поселить ее въ темной, жалкой хижинѣ сплетенной изъ ивовыхъ сучьевъ, покрытыхъ дерномъ, и не имѣвшей даже окна.

У Лауренса не было ни одного пенни для того чтобы купить себѣ дорогой какой-нибудь закуски. Вмѣсто этого онъ положилъ себѣ въ котомку изъ грубаго холста ломоть чернаго хлѣба и кусокъ овечьяго сыру. Въ ту же котомку его братъ положилъ порядочный кусокъ неизвѣстнаго камня, предварительно завернувъ его въ тряпку.

Кромѣ мѣшка съ припасами, Лауренсъ взвалилъ на спину небольшой узелокъ съ дюжиной чулокъ и полдюжиной вязаныхъ шерстяныхъ шапокъ. За этотъ ничтожный запасъ товара онъ надѣялся выручить сколько-нибудь денегъ, чтобы купить въ городѣ кое-какія необходимыя вещи себѣ и брату.

Съ посохомъ въ рукахъ пошелъ онъ рощей, спустился глубже въ долину, потомъ повернулъ на западъ. Часа черезъ два онъ подошелъ къ хижинѣ Джона Карпета, которая считалась самой большою и самой красивою въ долинѣ, что было не удивительно, такъ какъ у Карпета было болѣе трехсотъ овецъ. Его хижину можно было даже назвать домомъ, ибо въ ней было два настоящихъ окна и дверь, которую можно было запирать на замокъ. Около хижины находился небольшой огородъ и колодецъ.

У колодца стояла Сюзанна Карпетъ и черпала воду. Она издали увидѣла юношу и дружески кивнула ему головой. Они были уже много лѣтъ знакомы и очень привязаны другъ къ другу.

— Куда идешь, Лауренсъ? спросила она.

— Въ Вайтгэвенъ на ярмарку, чтобы добыть нѣсколько шиллинговъ. Ты мнѣ позволишь принести тебѣ оттуда какой-нибудь маленькій подарокъ, шелковую ленту, или еще что нибудь?

Она отрицательно покачала головой.

— Отецъ и братья будутъ недовольны, сказала она тихо.— Они и безъ того сердятся, что я съ тобой дружна.

— Дѣйствительно, я вѣдь самый бѣдный пастухъ въ долинѣ, сказалъ онъ грустно.—У меня только маленькая хижинка, въ которой едва хватаетъ мѣста мнѣ съ братомъ. И даже зеркальца у меня нѣтъ, въ которое ты могла бы полюбоваться собою. Да, твой отецъ и твои братья совершенно правы.

Она съ состраданіемъ посмотрѣла на него. Несмотря на печальное выраженіе лица, онъ былъ красивѣе всѣхъ юношей въ околоткѣ.

— Правда это, что разсказываютъ? спросилъ онъ тихо.

— Что такое, Лауренсъ?

— Говорятъ, будто Майльсъ Бентингъ съ мельницы изъ Эггонэ-Муръ...

Она кивнула головой.

— Это уже рѣшеное дѣло?

— Нѣтъ, вѣдь онъ еще такъ молодъ, ему нужно пробыть долгое время въ подмастерьяхъ. Раньше какъ черезъ два года объ этомъ и думать нельзя.

— Два года, пробормоталъ молодой пастухъ.—Разумѣется, въ два года я не состояніи такъ разбогатѣть какъ Майльсъ Бентингъ.

— Ты понимаешь, Лауренсъ, шепнула она,—они такъ рады, такъ гордятся тѣмъ, что я буду хозяйкой прекрасной водяной мельницы, потому что еще примѣра не было, чтобы дочь пастуха выходила замужъ за богатаго мельника. Я ничего не могу сдѣлать съ ними, а еслибъ могла, ты вѣдь знаешь, что я предпочла бы тебя всѣмъ на свѣтѣ.

Въ это время окно отворилось и чей-то грубый голосъ закричалъ:

— Сюзанна, что ты тамъ дѣлаешь у колодца? Иди скорѣе домой!

Сюзанна схватила ведра и побѣжала въ хижину. Молодой пастухъ подошелъ къ открытому окну.

— Карпетъ, я хочу кое-что спросить васъ, сказалъ онъ робко.

— Что такое? Опять что-нибудь насчетъ моей дочери?

— Нѣтъ! Я сдѣлалъ находку около моей хижины. Посмотрите на этотъ черный камень. Это не каменный уголь и не сланецъ.

И онъ показалъ старику пробный кусокъ неизвѣстнаго минерала.

Джонъ Карпетъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Есть на что смотрѣть! Комокъ грязи и больше ничего. Я бы даже поднять колѣнился!

И онъ съ презрительнымъ видомъ затворилъ окно.

Лауренсъ готовъ былъ уже бросить ничего не стоившій камень, но въ послѣднюю минуту добрый геній удержалъ его отъ этого поступка. Ему вдругъ пришло въ голову: „Карпетъ такой же невѣжда какъ и я. Я лучше спрошу умныхъ людей въ Вайтгэвенѣ“.

И онъ пошелъ дальше. Изъ Барроудэля по горному хребту онъ спускался въ другую долину съ плодородною почвой, гдѣ жители занимались земледѣліемъ. Къ полудню онъ достигъ послѣдней горной вершины, отдохнулъ немного, закусилъ хлѣ-

Библиотека "Руниверс"

бомъ и сыромъ и утолилъ жажду водой изъ маленькаго свѣтлаго ручейка, протекавшаго по близости. Потомъ онъ опять двинулся въ путь и скоро очутился на большой дорогѣ, которая вела изъ Кендаля въ Вайтгэвенъ. Здѣсь ему попался товарищъ-разносчикъ съ большой корзиной за плечами.

Хотя этотъ человѣкъ не былъ тонкимъ политикомъ, но все же онъ скорѣе могъ оріентироваться среди политическихъ смутъ того времени, чѣмъ Лауренсъ, тихой долины котораго еще не коснулись военныя тревоги. Разносчикъ разсказывалъ, что сѣверныя графства въ настоящее время кишѣли парламентскими войсками, такъ какъ Оливеръ Кромвель недавно одержалъ побѣду надъ королевской партіей при Страдфордширѣ. Король скрылся съ немногими своими приверженцами и, какъ говорятъ, намѣренъ бѣжать на сѣверъ, чтобы просить помощи у шотландцевъ.

— У насъ теперь совсѣмъ сумасшедшее время, сказалъ онъ,—повсюду сражаются роялисты и республиканцы, кавалеры и круглоголовые. Многіе замки аристократовъ и маленькіе укрѣпленные города еще держатся, потому что тамъ сидятъ королевскіе приверженцы, но большая часть городовъ уже давно находится во власти парламентскихъ солдатъ.

Черезъ нѣсколько времени они встрѣтили на дорогѣ полкъ солдатъ подъ командой офицера грубой, суровой наружности, который ѣхалъ верхомъ на большой сѣрой лошади.

— Это полковникъ Прайдъ со своими солдатами, сказалъ разносчикъ шепотомъ,—они идутъ въ Кендаль. Этотъ Прайдъ еще недавно былъ ломовымъ извозчикомъ, а теперь полкомъ командуетъ. Ну, пастухъ, не зѣвай! Смотри, что я буду дѣлать!

Съ этими словами разносчикъ бросилъ въ воздухъ шляпу и воскликнулъ:

— Да здравствуетъ парламентъ! Да благословитъ Богъ Оливера Кромвеля! Да здравствуетъ полковникъ Прайдъ!

Полковникъ сдѣлалъ рукою привѣтственный жестъ.

— Вотъ какъ нужно поступать по нынѣшнимъ временамъ, сказалъ разносчикъ, когда полкъ прошелъ мимо.—А если мнѣ случится встрѣтить королевскія войска, то я, конечно, буду кричать: „Да хранитъ Богъ его величество! Да здравствуетъ Карлъ Стюартъ!“ Только не дай Богъ ошибиться, а то какъ разъ разстрѣляютъ. Хорошо еще что кавалеровъ и круглоголовыхъ можно отличить другъ отъ друга.

Посреди этихъ поучительныхъ разговоровъ оба они къ тремъ часамъ пополудни пришли въ приморскій городъ Уайтгэвенъ. Какъ ни усталъ Лауренсъ, но отдыхать ему было некогда. Къ величайшему своему неудовольствію, онъ увидѣлъ, что на этотъ разъ на улицахъ было мало оживленія; не видно было ни торговцевъ, ни покупателей — вѣроятно по причинѣ военныхъ безпокойствъ. Потерявъ надежду сбыть свои товары въ городѣ, онъ пошелъ къ гавани въ лавку одного купца, съ которымъ былъ знакомъ. Войдя въ магазинъ, онъ увидѣлъ, что у прилавка на бочкѣ сидитъ какой-то голландскій корабельщикъ съ хитрымъ, румянымъ лицомъ, одѣтый въ широкія шаровары, въ красную фризовую куртку, и куритъ коротенькую трубку. По всей вѣроятности онъ продалъ купцу пиво, такъ какъ послѣдній положилъ ему на прилавокъ большую кучку денегъ, рядомъ съ которой стоялъ громадный четырехугольный глиняный кувшинъ съ двумя стаканами.

— Когда вы опять у насъ побываете, капитанъ Янъ Корнелисъ? спросилъ купецъ.

— Если Богъ дастъ погода будетъ благопріятна, то черезъ десять недѣль, отвѣчалъ корабельщикъ на очень хорошемъ англійскомъ языкѣ, но только съ иностраннымъ акцентомъ.— Впрочемъ, я остаюсь здѣсь еще дня на четыре, такъ какъ ожидаю инструкцій отъ генерала Ламберта. Дѣло идетъ о поставкѣ пороха для парламентскихъ войскъ.

— Вѣдь, это должно-быть очень выгодно?

— Еще бы! Я самъ такъ думаю. Налейте-ка мнѣ еще стаканчикъ, Келли! Въ слѣдующій разъ я опять привезу вамъ двадцать бочекъ этого пива.

Купецъ утвердительно кивнулъ головой и розлилъ пиво по стаканамъ.

Потомъ онъ обратился къ молодому пастуху и спросилъ:

— Что тебѣ нужно, Парри?

— У меня есть дюжина чулокъ и полдюжины вязаныхъ шапокъ, которыя мнѣ хотѣлось-бы продать, М-ръ Келли, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Къ сожалѣнію, Парри, я на этотъ разъ ничего не могу купить у тебя. У меня самого большой запасъ чулокъ и шапокъ, да очень плохо продаются. Вообще, торговля идетъ тихо. Время очень непокойное.

Лауренсъ печально вздохнулъ. Потомъ онъ вынулъ изъ своей котомки пробный кусокъ неизвѣстнаго камня, положилъ его на прилавокъ и сказалъ:

— М-ръ Келли, вы умный человѣкъ. Не можете-ли вы сказать мнѣ, что это такое?

— Гм!.. должно быть каменный уголь или сланецъ.

— Ни то, ни другое, это я навѣрно знаю.

— Въ такомъ случаѣ дрянь какая-нибудь, сказалъ купецъ презрительно.

— Нѣтъ, это не дрянь! замѣтилъ голландецъ съ серьезнымъ выраженіемъ лица.—Это графитъ!

Онъ отломилъ небольшой кусочекъ отъ черной массы и растеръ его между пальцами.

Купецъ и пастухъ вопросительно смотрѣли на него.

— Графитъ превосходнаго сорта, лучше испанскаго, пробормоталъ Янъ Корнелисъ.

— На что его употребляютъ въ Голландіи? спросилъ Лауренсъ.

— Его употребляютъ при глазированіи посуды, а также и для другихъ цѣлей. У моего брата есть графитная мельница, такъ что я хорошо знакомъ съ этой штукой. Я только не зналъ, что этотъ минералъ водится и въ Англіи. Много его у васъ?

— Такъ много, что вамъ и не увезти всего на вашемъ кораблѣ.

— Гдѣ находится рудникъ?

— Тамъ за горами въ Барроудэлѣ.

— Глубоко онъ лежитъ?

— Нѣтъ, черный камень почти виденъ на поверхности почвы.

— Пожалуй, перевозка будетъ затруднительна?

— Ну, не слишкомъ. Хорошая вьючная лошадь легко свезетъ фунтовъ двѣсти.

— Во сколько времени?

— Въ одинъ день.

— Гмъ! Если такъ, то я, пожалуй, рискну, разумѣется, для пробы, повезти въ Голландію мѣшковъ десять графита, а тебѣ дамъ по два шиллинга за мѣшокъ, значитъ всего одинъ фунтъ стерлингъ. Сегодня вечеромъ я найму лошадей и рабочихъ, а завтра же отправлюсь вмѣстѣ съ тобой на рудникъ. Согласенъ?

— Конечно, согласенъ! воскликнулъ юноша, обрадованный неожиданнымъ заработкомъ.

— А чтобы тебя здѣсь не задерживать, то я самъ куплю у тебя твои чулки и шапки. Если они мнѣ самому не понадобятся, то я отвезу ихъ своимъ рабочимъ въ Флиссингенъ.

Черезъ нѣсколько минутъ торгъ былъ заключенъ. Капитанъ заплатилъ требуемую сумму и на прощанье угостилъ Лауренса стаканчикомъ пива. Они порѣшили выѣхать на другой день съ восходомъ солнца и условились о мѣстѣ свиданія.

Лауренсъ купилъ у м-ра Келли кое-какія вещи, необходимыя для себя и для брата, потомъ пошелъ къ одному своему знакомому торговцу скотомъ, который часто покупалъ у него овецъ. Съ этимъ пріятелемъ онъ весело провелъ остатокъ дня и у него-же нашелъ довольно приличный ночлегъ.

На другой день съ зарею онъ отправился къ Яну Корнелису, который на время своего отсутствія сдалъ корабль на попеченіе штурмана. Десять вьючныхъ лошадей, каждая съ двумя пустыми мѣшками на спинѣ, и необходимое число погонщиковъ стояли тутъ-же наготовѣ.

Одинъ изъ послѣднихъ замѣтилъ, что имъ могутъ предстоять затрудненія, если имъ случится встрѣтить дорогою парламентскихъ солдатъ. Бѣднякъ боялся, что для военныхъ нуждъ у него отнимутъ лошадей, которыя были единственнымъ источникомъ его доходовъ.

Но голландскій капитанъ успокоилъ его и сказалъ:

— Намъ нечего бояться; у меня есть паспортъ отъ генерала Ламберта, да кромѣ того онъ мой компаньонъ по дѣлу о поставкѣ пороха, значитъ мы съ нимъ свои люди. Впередъ!

И подъ водительствомъ Лауренса поѣздъ двинулся по направленію къ горному хребту.

Раннимъ вечеромъ они были уже въ Барроудэлѣ, гдѣ появленіе голландца съ его свитой привело въ немалое изумленіе обитателей долины, особенно когда имъ стала извѣстна цѣль его прибытія.

Джонъ Карпетъ во всеуслышаніе говорилъ, что голландецъ набитый дуракъ, если онъ не жалѣетъ денегъ для того только, чтобы перевозить съ мѣста на мѣсто никуда негодный черный камень. Между тѣмъ Янъ Корнелисъ внимательно осматривалъ ямы, выкопанныя братьями Парри, и думалъ про себя:

„Здѣсь лежатъ несмѣтныя богатства. Если я не удовольствуюсь первой пробой и пріѣду сюда еще раза два-три, то я навѣрно наживу многія тысячи гульденовъ!“

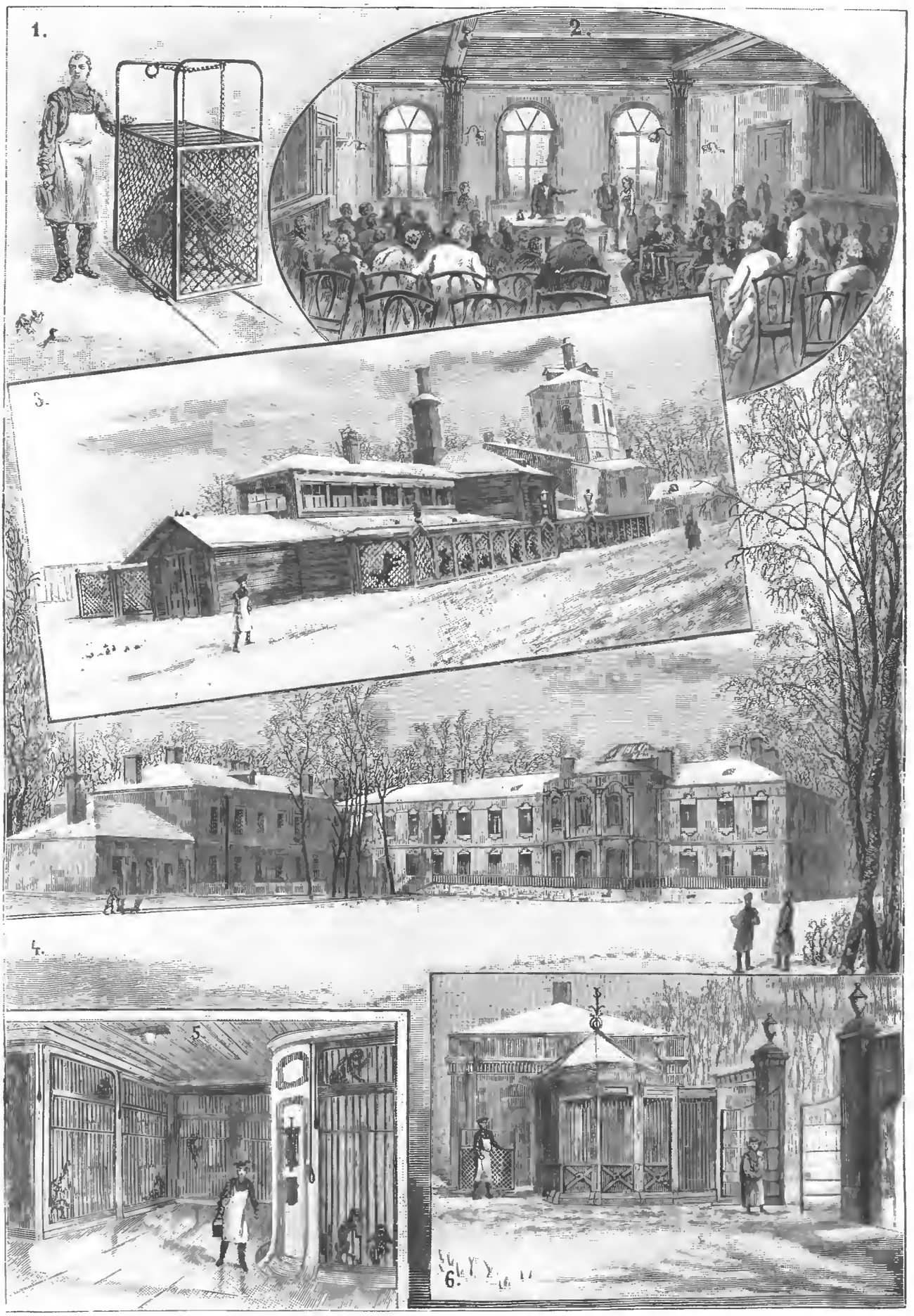
Онъ поставилъ людей за работу—кирки и лопаты практическій человѣкъ приготовилъ заранѣе—и затѣмъ самъ наблюдалъ за рабочими, напоминая имъ, чтобы они складывали въ мѣшки только безукоризненно чистые и цѣлые куски графита. Лауренсъ и Джильсъ въ потѣ лица помогали рабочимъ, осчастливленные до глубины души двадцатью шиллингами, которые имъ выдалъ голландецъ и которые въ глазахъ ихъ были небольшимъ состояніемъ.

При этомъ Корнелисъ сказалъ братьямъ:

— Я попрошу знающихъ людей въ Голландіи хорошенько разсмотрѣть и оцѣнить этотъ камень. Можетъ быть, я могу дать за него больше, когда опять пріѣду сюда. Лопаты и кирки, которыя я купилъ въ Вайтгэвенѣ, могутъ остаться здѣсь для позднѣйшаго употребленія.

Корнелисъ привезъ съ собою въ Барроудэль достаточное количество съѣстныхъ припасовъ и нѣсколько большихъ глиняныхъ кувшиновъ съ пивомъ. Все, что изъ этого осталось послѣ послѣдней трапезы, онъ подарилъ братьямъ Парри и

Библиотека "Руниверс"

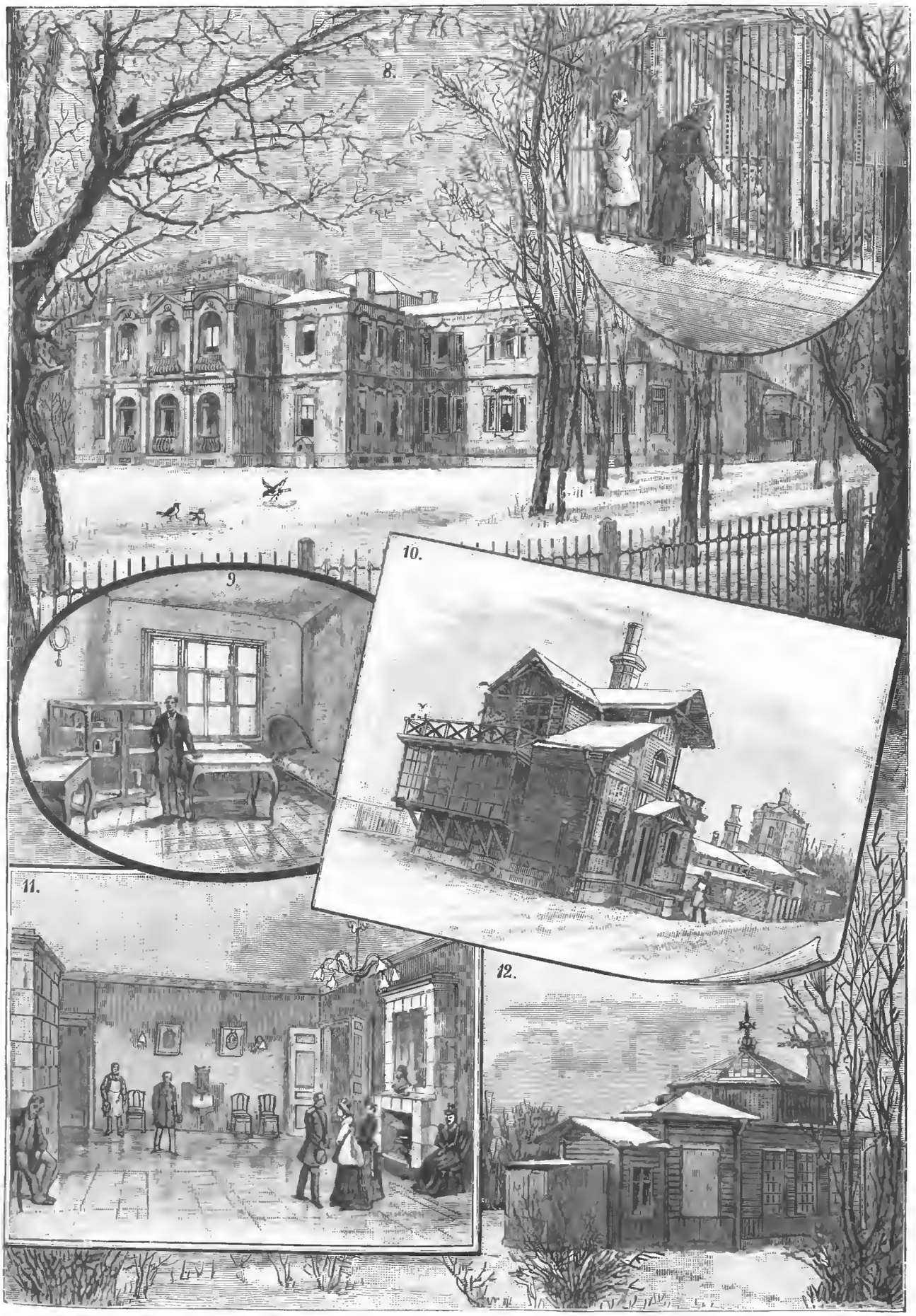


Имп. Институтъ экспериментальной медицины Принца Александра Петровича Ольденбургскаго.

1. Телѣжка для бѣшеныхъ собакъ. 2. Аудиторія. 3. Собачникъ (внѣшній видъ). 4. Главное зданіе (клиническая лабораторія). 5. Помѣщеніе обезьянъ (внутренній видъ). 6. Пріемная клѣтка для бѣшеныхъ собакъ.

Ориг. рис. (собств. „Нивы") Г. Броллинга, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Имп. Институтъ экспериментальной медицины Принца Александра Петровича Ольденбургскаго.

7. Собачникъ (внутренній видъ). 8. Химическая лабораторія (сѣверная сторона). 9. Комната для прививокъ. 10. Помѣщеніе для обезьянъ (внѣшній видъ) 11. Пріемная. 12. Оранжерея.

Ориг. рис. (собств. „Нивы") Г. Броллинга, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

сердечно простился съ ними, отъѣхавъ отъ хижины съ тяжело нагруженными лошадьми.

Нѣсколько дней жители долины прожили посреди обычнаго мира и тишины. Но, наконецъ, и они охвачены были военною смутой. Сѣверныя графства все больше и больше наполнялись парламентскими войсками. Только немногія укрѣпленныя мѣстечки остались въ рукахъ королевской партіи, между прочимъ, находившійся въ сосѣдней долинѣ, въ десяти миляхъ отъ Барроудэля, небольшой городокъ Кесвикъ, который защищалъ храбрый графъ Лонсдэлъ съ тремя стами своихъ подчиненныхъ. Отрядъ парламентскихъ солдатъ, послѣ долгихъ, тщетныхъ попытокъ взять Кесвикъ штурмомъ, долженъ былъ отступить. Проходя черезъ Барроудэль, солдаты захватили нѣсколько овецъ, такъ какъ никакого другаго, болѣе цѣннаго, имущества у жителей не было. Братья Парри тоже должны были отдать солдатамъ половину своего стада, и Лауренсу, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими молодыми пастухами, было приказано гнать этихъ овецъ въ Дургамъ. Джильсъ остался дома. Дорогой Лауренсъ поссорился съ однимъ фурьеромъ и тотъ ударилъ его. Раздраженный Лауренсъ рѣшился на слѣдующую ночь скрыться бѣгствомъ и окольными путями пробраться въ свою долину, которая была уже оставлена солдатами.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Mimicry.

Въ мірѣ животныхъ есть явленіе, по почину Дарвина и его учениковъ, даже и внѣ Англіи называемое англійскимъ словомъ Mimicry. Оно заключается въ томъ, что плохо защищенныя животныя дѣлаются похожими на сильныхъ, или другими словами, одинъ организмъ принимаетъ форму другаго, когда она необходима ему для жизненныхъ цѣлей.

Когда удода врасплохъ застаютъ въ травѣ, онъ иногда прибѣгаетъ къ особенному маневру: ложится плашмя на-земь, простираетъ крылья, распускаетъ хвостъ вѣеромъ, поднимаетъ клювъ кверху и не шевелится; такимъ образомъ онъ кажется болѣе похожимъ на пеструю тряпку, нежели на живую птицу, и ему удается остаться незамѣченнымъ. Это примѣръ игры въ прятки, но это не есть Mimicry, такъ какъ принимаемая форма не принадлежитъ другому живому существу.

Мимическое подражаніе станетъ яснѣе, когда мы прослѣдимъ жизнь двухъ встрѣчающихся у насъ гусеницъ. Между нашими бабочками есть двѣ, называемыя виноградниковыми бражниками, красивыя, довольно рѣдкія и ревностно преслѣдуемыя собирателями коллекцій, сумеречныя бабочки, съ толстымъ тѣльцемъ и рѣзвымъ полетомъ. Большой виноградниковый бражникъ (Sphinx Elpenor)—великолѣпное насѣкомое. Его гусеница, какъ у всѣхъ бражниковъ, толста и имѣетъ рогъ на послѣднемъ кольцѣ. Она поѣдаетъ листья винограда, а также и листья небольшой ивовой розы, кипрея и желтаго подмаренника. Когда совсѣмъ маленькая гусеничка вылупится изъ яичка, она зелена какъ листъ и скрыта цвѣтомъ листьевъ. Послѣ первой перемѣны кожи у ней появляются бѣлыя продольныя полосы, похожія на усики винограда или на блестящіе стебельки ивовой розы. Послѣ третьей или четвертой перемѣны кожи большинство экземпляровъ окрашиваются въ коричневый цвѣтъ, только меньшинство (менѣе совершенно устроенныя) удерживаютъ первоначальный зеленый цвѣтъ. Выросши гусеница становится одною изъ величайшихъ и тучнѣйшихъ въ нашихъ странахъ и потому дѣлается лакомою приманкой для птицъ; она совершенно беззащитна и даже не обрастаетъ волосками. Она оберегаетъ себя главнымъ образомъ тѣмъ, что кормится ночью, а днемъ скрывается на землѣ, преимущественно подъ палыми листьями; причемъ упомянутый коричневый цвѣтъ большинства очень ей полезенъ. Но все же она представляетъ весьма лакомый кусокъ для птицъ, добывающихъ пищу на землѣ, какъ-то дроздовъ, скворцовъ. Въ этихъ случаяхъ ей помогаетъ только свойственное ей размѣщеніе красокъ, которое начинаетъ появляться послѣ 2-й смѣны кожи и становится все полнѣе при ростѣ. Первыя три колечка ея тѣла заостряются, а за ними на четвертомъ и пятомъ кольцахъ помѣщаются бѣлыя пятна, окруженныя черною каёмкой, какъ бы глазки. Это только простыя пятна на кожѣ, само собою разумѣется вовсе не предназначенныя для зрѣнія, но они придаютъ животному видъ, будто оно можетъ смотрѣть и обороняться, и въ этомъ заключается Mimicry.

Еще совершеннѣе оно у гусеницы маленькаго виноградниковаго бражника Sphinx Porcellus. Онъ очень похожъ на предыдущаго, но чуть поменьше. У него только два глазчатыхъ пятна, посреди которыхъ находится по голубой точкѣ, такъ что они еще болѣе походятъ на настоящіе глаза, чѣмъ пятна у его болѣе крупныхъ сродниковъ. Кромѣ того, онъ можетъ втягивать въ себя первыя кольца тѣла, причемъ четвертое, на которомъ находятся глаза, раздувается. Тогда передняя часть тѣла его дѣлается замѣчательно похожею на свиной пятачекъ, отчего Линней и назвалъ его Porcellus, т. е. свинка. Когда до него дотрагиваются, онъ стягивается, поднимаетъ переднюю часть тѣла и слѣпыми глазами какъ бы оглядывается; неопытному наблюдателю кажется, что онъ способенъ увидать и укусить своего врага. Обѣ гусеницы большаго и маленькаго виноградныхъ бражниковъ своимъ видомъ пугаютъ большую часть людей, онѣ напоминаютъ маленькихъ толстыхъ змѣекъ, и не легко уговорить женщину, чтобы она коснулась ихъ. Оттого же боятся ихъ и птицы, вообще менѣе боязливыя, чѣмъ женщины. Вейсманъ положилъ одну изъ гусеницъ въ корытцо, въ которомъ онъ обыкновенно давалъ кормъ птицамъ. Тотчасъ около собрались воробьи и другія птицы. Одна изъ нихъ сѣла на край корытца и хотѣла прямо соскочить въ него, какъ вдругъ увидала гусеницу. Птичка повертывала головой, вытягивала шею, но боялась подойти ближе. Другіе товарищи послѣдовали за ней и вскорѣ на краю корытца сидѣла небольшая кучка въ 10—12 птицъ, съ удивленіемъ смотрѣвшихъ на новое существо, но не осмѣливавшихся подойти къ нему. Одна птица, соскочившая въ корытцо, ничего не подозрѣвая, поспѣшно и видимо испуганно убралась назадъ, едва замѣтила гусеницу. Такимъ образомъ странное украшеніе, состоящее въ подражаніи глазамъ страшнаго животнаго, достигаетъ своей цѣли, дѣлая то, что враги пугаются гусеницы, которую съ удовольствіемъ бы съѣли.

Другой примѣръ: на островѣ Явѣ живутъ—очень ядовитая змѣя и другая безвредная, по наружному виду почти совсѣмъ похожая на первую. Можно легко различить безвредную отъ ядовитой, пока она находится въ покоѣ, такъ какъ у одной голова — узкая и такого же складу какъ у ящерицы, а у другой широкая настоящая голова ядовитой змѣи. Но если спугнуть эту безвредную змѣю, то она поднимается, шипитъ и щелкаетъ челюстями, отчего голова ея расширяется, и она становится такъ похожа на свою ядовитую сестру, что внушаетъ страхъ. Двѣ изъ нашихъ бабочекъ имѣютъ прозрачныя крылья, изъ нихъ одна при полетѣ довольно похожа на пчелу, другая — на осу, вслѣдствіе чего ихъ почти не трогаютъ. Водится у насъ одинъ жукъ, при полетѣ до того похожій на шмеля, что только настоящій знатокъ можетъ отличить его отъ послѣдняго. Извѣстенъ также изъ всѣхъ естественныхъ исторій для юношества пресловутый „живой листъ", полужестокрылое насѣкомое, крылья котораго принимаютъ форму и цвѣтъ сухаго, отпавшаго листа. Съ еще большею полнотою встрѣчается Mimicry у южно-американскаго родича нашей цикады. Въ тропической Америкѣ водится много муравьевъ, которые своими челюстями вырѣзываютъ кусочки древесныхъ листьевъ и носятъ ихъ въ муравейники. Названная цикада въ молодости очень похожа на муравья съ листомъ, и такъ какъ муравьи очень сильно обороняются, то враги оставляютъ цикаду въ покоѣ.

Другой родъ Mimicry преслѣдуемыхъ животныхъ состоитъ въ томъ, что они принимаютъ видъ невкусныхъ животныхъ. Именно часто бываетъ среди бабочекъ, что вкусныя породы принимаютъ видъ такихъ, которыми вслѣдствіе ихъ дурнаго вкуса пренебрегаютъ всѣ хищники. Подъ формою и цвѣтомъ другихъ породъ скрываются то оба пола, то однѣ только самки (болѣе неповоротливыя), тогда какъ самцы полагаются на свой болѣе сильный полетъ. Если часто подражать все одной и той же невкусной породѣ, то это средство защиты въ концѣ концовъ можетъ измѣнить, поэтому случается, что одна и та же бабочка подражаетъ многимъ породамъ. Можно задать вопросъ, какъ эти животныя узнаютъ своихъ родичей,—отвѣтъ на это простъ: обоняніемъ.

Съ подражаніемъ случается то же, что и съ окраской: то что полезно слабому для избѣжанія опасности, можетъ послужить хищнику для ловли добычи. Онъ приманиваетъ и обольщаетъ ее своимъ привлекательнымъ и обманчивымъ видомъ. Начало Mimicry уже свойственно усикамъ нѣкоторыхъ рыбъ, напр. имъ обладаютъ чебаки; еще сильнѣе проявляется оно у сомовъ и другихъ хищныхъ рыбъ. Подстерегающій великанъ зарывается въ песокъ, и выставивъ свои усики, играетъ ими. Маленькая рыбка, принимая ихъ за червей, подплываетъ, чтобы схватить ихъ, и сама проглатывается. Здѣсь Mimicry основано на совершенномъ сходствѣ усиковъ съ червями. У одной азіатской ящерицы на углахъ рта находятся красные наросты, въ формѣ цвѣтовъ. Они приманиваютъ насѣкомыхъ, которыхъ ящерица хватаетъ при приближеніи. У одного индійскаго богомола съуженный грудной щитикъ устроенъ на подобіе хобота, голова толстая и на плечахъ находятся два глазныхъ пятна. Садясь на стѣну, онъ прикрываетъ свои дѣйствительные глаза передними хватательными ножками; тогда кажется, что голова его не принадлежитъ ему; многіе скорѣй думаютъ, что видятъ слоника (долгоносика), поѣдающаго мертвое насѣкомое, и мнимые глаза на плечахъ животнаго дополняютъ сходство, представляя глаза долгоносика. Пролетающая муха видитъ мнимое пиршество, желаетъ принять въ немъ участіе, и сама дѣлается добычею богомола. (к.)

Библиотека "Руниверс"

Къ рисункамъ.

Городъ Красноводскъ. (Рис. на стр. 145).

Будущій начальный пунктъ Закаспійской военной желѣзной дороги и главный портъ восточнаго побережья Каспійскаго моря, городъ Красноводскъ, Закаспійской области, рисунокъ котораго, съ фотографіи, мы помѣщаемъ на стр. 145 этого №, лежитъ на сѣверномъ берегу Красноводскаго залива и расположенъ на обширной площадкѣ, окаймленной съ сѣвера и съ сѣверо-востока высокими и крутыми, возвышающимися до ста и болѣе саженъ надъ уровнемъ моря, горами, преимущественно гранитныхъ и известковыхъ породъ. Гавань Красноводска имѣетъ глубину отъ 20 до 33 футовъ, вблизи же самаго берега, саженяхъ въ 60—80, до 12, что дѣлаетъ ее совершенно доступною судамъ самыхъ большихъ размѣровъ, вполнѣ заслуженно укрѣпляя за нею репутацію самой лучшей гавани не только Каспійскаго моря, но и вообще Россіи. Положеніе Красноводска, защищеннаго съ сѣвера и съ востока горами, а слѣдовательно огражденнаго отъ свирѣпствующихъ на восточномъ берегу продолжительныхъ, весьма сильныхъ вѣтровъ, способствуетъ значительно тому, что климатъ его считается самымъ ровнымъ и здоровымъ во всей области и чуждымъ тѣхъ злокачественныхъ климатическихъ лихорадокъ, которыми такъ богаты другія мѣстности, расположенныя въ глубинѣ степей Закаспія.

Почва Красноводска и его окрестностей каменистая, лишенная всякой растительности, что производитъ нѣсколько унылое впечатлѣніе и мало ласкаетъ глазъ. Благодаря этому отсутствію зелени, общій видъ Красноводска значительно теряетъ.

Историческое прошлое Красноводска очень не велико, несложно, и въ смыслѣ исторической жизни своей онъ очень молодъ. Получивъ свое начало въ видѣ небольшаго укрѣпленнаго мѣстечка, съ исключительно военными задачами и цѣлями, лѣтъ 25—30 назадъ, за нѣсколько лѣтъ до Хивинскаго похода 1873 года, онъ, во время послѣдняго, а затѣмъ во время Ахалъ-Текинской экспедиціи покойнаго М. Д. Скобелева, въ 1880—81 годахъ, въ особенности, исполнялъ роль главнаго депо для складовъ провіанта, боевыхъ и другихъ запасовъ экспедиціи, а также и главнаго врачебно-медицинскаго пункта, куда отправлялись съ театра военныхъ дѣйствій больные и раненые отрядовъ и откуда уже слѣдовали далѣе вглубь Россіи.

Постройка перваго участка Закаспійской желѣзной дороги послужила первымъ двигателемъ и рычагомъ въ развитіи Красноводска. Съ началомъ ея онъ, увеличиваясь и расширяясь все болѣе и болѣе, сталъ принимать видъ маленькаго благоустроеннаго городка. Появились зданія, какъ казенныя, такъ и частныя, завелась торговля, магазины, лавки; въ водахъ бухты стали чаще и чаще появляться большія суда, пароходы общественные и военные. Закипѣла жизнь, а съ нею явилось и все, что приноситъ цивилизація. Населеніе съ каждымъ днемъ все увеличивалось.

Такое прогрессивное развитіе всѣхъ жизненныхъ условій Красноводска длилось до 1885 года, когда неожиданно, въ силу причинъ отъ него всецѣло не зависѣвшихъ, восходившая такъ удачно звѣзда его стала меркнуть и наконецъ окончательно закатилась. Началась постройка продолженія Закаспійской желѣзной дороги отъ Кизиль-Арвата, и Красноводскъ потерялъ свое значеніе. Вслѣдствіе какихъ-то соображеній, на берегу Михайловскаго залива былъ найденъ и выбранъ небольшой, состоящій изъ песочныхъ бархановъ, полуостровъ Узунъ-Ада, которому и была передана отнятая у Красноводска роль главнаго порта Каспійскаго моря, а съ нимъ и начальнаго пункта Закаспійской желѣзной дороги.

Понятно, что перемѣна эта не могла не повліять на всѣ жизненныя условія юнаго города почти въ самомъ началѣ его существованія. Городъ сталъ пустѣть. Изъ 3,000 жителей, которыхъ онъ насчитывалъ въ своихъ стѣнахъ, въ настоящее время не осталось и 500. Торговля тоже упала, большинство магазиновъ и лавокъ закрылись, дома опустѣли, гавань и пристань погрузились въ безмолвіе, лишь изрѣдка нарушаемое колесами единичнаго почтоваго парохода, на нѣсколько часовъ заглядывавшаго въ осиротѣлую и запущенную бухту. Изрѣдка лишь монотонная и унылая жизнь города оживлялась приходомъ хивинскаго каравана съ произведеніями этого края или солянымъ караванами, доставлявшими изъ степей соль и оставшимися одни вѣрными обнищенному городку до сихъ поръ.

Такъ длилось пять долгихъ лѣтъ. Къ счастью для Красноводска, звѣзда его въ настоящее время вновь выглянула, обѣщая въ очень скоромъ времени засіять блескомъ еще болѣе свѣтлымъ, чѣмъ прежде.

Крайне неудобныя мѣстныя условія пустыннаго полуострова Узунъ-Ада, его полная неспособность выполнить насильственно ему навязанныя роли главнаго порта края и начальнаго пункта дороги, полная неправоспособность его для этого дѣла, признававшаяся нѣсколькими коммисіями за послѣдніе года, вынудили Военное Министерство вспомнить о заброшенномъ уголкѣ — Красноводскѣ, въ силу чего въ прошломъ году, по представленію Военнаго министра и по Высочайшему повелѣнію, была командирована въ Закаспійскую область спеціальная коммисія для производства изысканія по постройкѣ новой линіи желѣзной дороги, имѣющей соединить Красноводскъ со станціею Молла-Кара Закаспійской дороги, причемъ на эту же коммисію было возложено изслѣдовать тщательно, строго и подробно, всѣ условія обоихъ пунктовъ, т. е. Красноводска и Узунъ-Ада, со стороны не только исключительно технической, но и руководясь коммерческими и стратегическими соображеніями, неразрывно связанными съ государственными, а также и коммерческими интересами края.

Коммисія эта, проработавъ на мѣстѣ около трехъ мѣсяцевъ, категорично и безусловно высказалась противъ Узунъ-Ада, отдавъ преимущество Красноводску. Въ силу этого обстоятельства, въ весьма непродолжительномъ времени начнется и самая постройка новой линіи отъ Красноводска до станціи Молла-Кары, протяженіемъ въ 128 верстъ, проектъ которой, представленный вышеназванною коммисіей, какъ мы слышали, одобренъ и утвержденъ Военнымъ Министерствомъ.

Съ окончаніемъ этой постройки и съ открытіемъ по ней движенія, Красноводскъ снова займетъ безспорно и по праву принадлежащее ему мѣсто главнаго порта восточнаго побережья Каспійскаго моря и, стряхнувъ съ себя невольный застой послѣднихъ безплодно пережитыхъ пяти лѣтъ, обновленный и возродившійся, примкнетъ къ общей активной жизни на благо и пользу этой отдаленной, имѣющей для нашей родины столь серьезное значеніе, окраины. **И. М. Булацель.**

Возвращеніе со сбора. (Рис. на стр. 148).

„Рука дающаго не оскудѣетъ“ и не оскудѣваютъ доброхотныя даянія на Руси во имя Божіе. Не мало храмовъ поддерживаются въ должномъ благолѣпіи радѣтелями вѣры Христовой, не мало созидается ихъ вновь. По всей Руси великой ходятъ сборщики,

„Вызывая Русь крещеную
На посильные дары“.

На нашемъ рисункѣ изображено возвращеніе со сбора въ монастырь. Сложивъ въ лодку собранное, переправляются чернецы въ туманное утро въ свою обитель...

Царица Астинь, отвергнутая Артаксерксомъ.

(Рис. на стр. 149).

Вотъ какъ это событіе разсказывается въ Библіи:

Артаксерксъ царствовалъ надъ ста двадцатью семью областями отъ Индіи и до Еѳіопіи. Въ третій годъ своего царствованія сдѣлалъ царь для народа своего, находившагося въ престольномъ городѣ Сузахъ, отъ большаго до малаго, пиръ семидневный на садовомъ дворѣ дома царскаго. И царица Астинь сдѣлала также пиръ для женщинъ въ царскомъ домѣ царя Артаксеркса.

Въ седьмой день, когда развеселилось сердце царя отъ вина, онъ сказалъ семи евнухамъ, служившимъ предъ лицомъ царя Артаксеркса, чтобъ они привели царицу Астинь предъ лицо царя въ вѣнцѣ царскомъ, для того, чтобы показать народамъ и князьямъ красоту ея, потому что она была очень красива.

Но царица Астинь не захотѣла прійти по приказанію царя, объявленному чрезъ евнуховъ.

И разгнѣвался царь сильно, и ярость его загорѣлась въ немъ. И сказалъ царь мудрецамъ, знающимъ прежнія времена,—ибо дѣла царя дѣлались предъ всѣми, знающими законъ и права:

— Какъ поступить по закону съ царицею Астинь за то, что она не сдѣлала по слову царя Артаксеркса, объявленному чрезъ евнуховъ?

И сказалъ Мемуханъ предъ лицомъ царя и князей:

— Не предъ царемъ однимъ виновата царица Астинь, а предъ всѣми князьями и предъ всѣми народами, которые по всѣмъ областямъ царя Артаксеркса, потому что поступокъ царицы дойдетъ до всѣхъ женъ, и онѣ будутъ пренебрегать мужьями своими, и говорить: „царь Артаксерксъ велѣлъ привести царицу Астинь предъ лицо свое, а она не пошла“. Теперь княгини Персидскія и Мидійскія, которыя услышатъ о поступкѣ царицы, будутъ тоже говорить всѣмъ князьямъ царя; и пренебреженія и огорченія будетъ довольно. Если благоугодно царю, пусть выйдетъ отъ него царское постановленіе, и впишется въ законы Персидскіе и Мидійскіе, и не отмѣняется, о томъ, что Астинь не будетъ входить предъ лицо царя Артаксеркса, а царское достоинство ея царь передастъ другой, которая лучше ея. Когда услышатъ о семъ постановленіи царя, которое разойдется по всему царству его, какъ оно ни велико, тогда всѣ жены будутъ почитать мужей своихъ, отъ большаго до малаго.

И угодно было слово сіе въ глазахъ царя и князей; и сдѣлалъ царь по слову Мемухана.

Такимъ образомъ была отвергнута Астинь.

Библиотека "Руниверс"

Шалуны. (Рис. на стр. 153).

Замѣчательные успѣхи фотографіи оказали не мало услугъ графическимъ искусствамъ. Гравюры, которыя въ былое время приходилось граверамъ рѣзать прямо по рисунку художника, теперь все чаще замѣняются автотипіями или гравюрами передающими до мельчайшихъ подробностей фотографіи съ натуры или рисунковъ. Образчикомъ подобнаго рода автотипій можетъ служить гравюра на стр. 153, изображающая двухъ мальчугановъ, снятыхъ г. Харитоновымъ въ то время, какъ они чему-то смѣются.

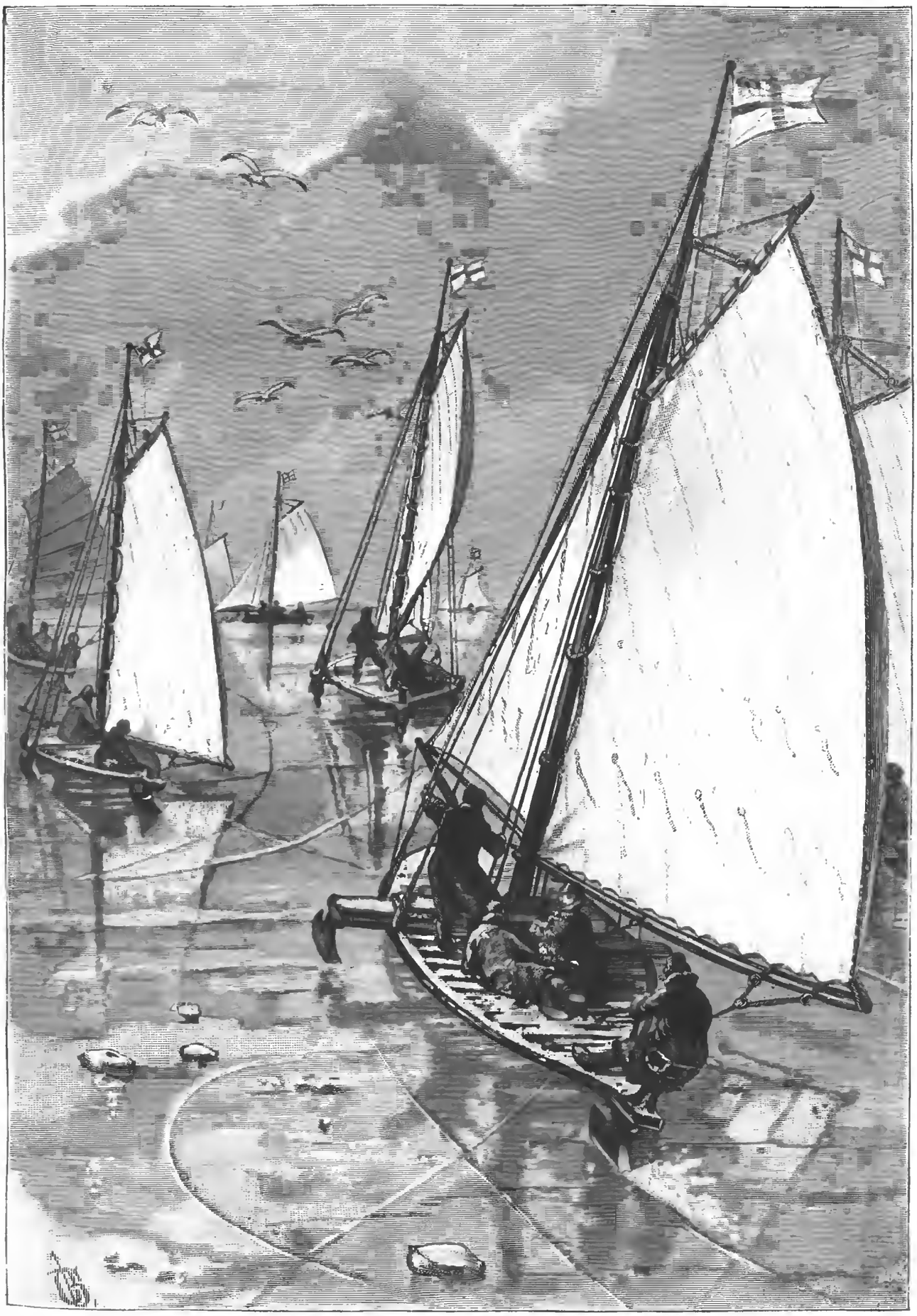
Институтъ экспериментальной медицины.

(Рис. на стр. 156 и 157).

Восьмое декабря 1890 года навсегда останется памятнымъ въ лѣтописи Петербурга. Этотъ день ознаменовался открытіемъ Института экспериментальной медицины, которому присвоено названіе Императорскаго и который основанъ Принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ, унаслѣдовавшимъ отъ родителя своего любовь къ наукѣ, великодушное служеніе общему благу и стремленіе къ широкой благотворительности. Сооруженное по почину Принца и на его средства, и принесенное въ даръ городу, это новое медицинское учрежденіе съ блестящей будущностью имѣетъ огромное научное значеніе, такъ какъ ему несомнѣнно предстоитъ дать новый толчокъ на пути изслѣдованій въ той области, въ которой столько потрудились Пастёръ и Кохъ. Задачи Института ясно указываются самымъ его названіемъ, главною же цѣлью его будетъ—опытное изученіе заразныхъ болѣзней, путемъ микроскопическихъ изслѣдованій, прививокъ и проч. До его открытія русскіе врачи, посвящавшіе себя теоретическому и практическому изученію экспериментальной медицины, принуждены были ѣздить за-границу, и потому немногіе изъ нихъ могли заниматься этимъ дѣломъ, слѣдить за послѣднимъ словомъ науки. Отнынѣ же всѣ молодые врачи могутъ прекрасно работать и у себя дома, въ отечествѣ, гдѣ вновь учрежденный Институтъ вполнѣ замѣнитъ имъ институты заграничные, которые онъ, къ тому же, превосходитъ во многомъ. Слѣдовательно, важность Института для отечества нашего не подлежитъ никакому сомнѣнію, и такимъ образомъ онъ является грандіознымъ памятникомъ стремленія къ знанію, памятникомъ любви къ человѣчеству, новѣйшимъ шагомъ Россіи въ ея поступательномъ движеніи на пути науки. На Аптекарскомъ островѣ, по Лопухинской улицѣ, среди обширнаго сада, вытянулся довольно длинный рядъ зданій и построекъ въ двѣ линіи, за которыми виднѣется еще огромное пространство, вмѣстѣ со всѣми постройками образующее какъ будто отдѣльный городокъ. Это-то и есть Императорскій Институтъ экспериментальной медицины Принца Ольденбургскаго, „царство бактерій". Врачи и ученые, всѣ, кто поставилъ себѣ задачей всестороннее изученіе микроорганизмовъ и особенно той роли, которую они играютъ на земной поверхности въ отношеніи человѣческихъ существъ, найдутъ здѣсь все необходимое для своихъ работъ, богатѣйшія пособія, всевозможныя приспособленія. Здѣсь объявлена война, медленная и жестокая, тѣмъ тайнымъ человѣческимъ недугамъ, которые весьма трудно поддаются лѣченію. Изысканіе средствъ для борьбы съ ними и составляетъ одну изъ главныхъ задачъ Института. Институтъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: химическаго, бактеріологическаго и физіологическаго, которыя расположены въ обширномъ зданіи, куда переведена также пастёровская прививочная станція для прививки противъ водобоязни, бугорчатки и волчанки. Красивое зданіе лабораторій находится на первомъ планѣ и заключаетъ въ себѣ весьма вмѣстительную аудиторію, цѣлый рядъ отдѣльныхъ кабинетовъ для лаборантовъ и ученыхъ изслѣдователей, для различныхъ работъ по всѣмъ отраслямъ дѣятельности Института, помѣщеніе для перевязки раненыхъ, вскрытія кроликовъ и т. д. и пріемную комнату съ прелестнымъ видомъ изъ нея на садъ и на Неву. Тутъ же устроены и помѣщенія для запасныхъ кроликовъ, для обработки мозга, для осмотра и вскрытія собакъ, акваріумъ для рыбъ, комнаты для культивированія бактерій, для изслѣдованій микроскопическихъ, для разливки ядовъ, для обезпложиванія, для микрофотографіи. Въ химическомъ отдѣленіи находится солидныхъ размѣровъ вакуумъ-аппаратъ, паровые приборы для перегонки, паровыя химическія печи; въ комнатѣ для работъ съ сѣроводородомъ—паровой провѣтриватель; вообще, всѣ лабораторіи, обширныя и расположенныя чрезвычайно удобно, снабжены всѣми необходимыми приборами; въ бактеріологическомъ отдѣленіи, помимо указанныхъ приспособленій, имѣется помѣщеніе для термостатовъ, т. е. инструментовъ, посредствомъ которыхъ поддерживается извѣстная температура продолжительное время въ одной степени. Въ этомъ самомъ зданіи, кромѣ того, отведены помѣщенія подъ кабинетъ творца Института, Принца Александра Петровича Ольденбургскаго, подъ кабинеты для работъ пріѣзжихъ ученыхъ, для общей залы, столовой, кухни, для занимающихся, для умывальной, ванной, подъ комнату для записей, телефонную и проч. Наконецъ, въ нижнемъ этажѣ устроены образцовая печь для сжиганія труповъ, настолько помѣстительная, что въ ней можетъ быть сожжена лошадь вся дѣликомъ, а возлѣ нея—замѣчательный по устройству ледникъ съ отдѣльными желѣзными углубленіями въ стѣнахъ, предназначенными для храненія труповъ животныхъ, ожидающихъ вскрытія. Все устроено въ этомъ зданіи согласно послѣднему слову науки, въ высшей степени удобно, цѣлесообразно. Стѣны кабинетовъ и прочихъ помѣщеній, по желанію могутъ быть обмыты каждую минуту, онѣ выдерживаютъ дѣйствіе кислотъ и сулемы, такъ какъ покрыты весьма прочною эмалевою краскою, равно какъ полы и поголки; всюду гдѣ потребуется особая чистота и обеззараживаніе—устроены стоки. Бѣшеныя собаки ввозятся сюда въ отличныхъ, крѣпкихъ клѣткахъ по спеціально устроеннымъ для такихъ цѣлей рельсамъ. Перейдя въ слѣдующее открывающееся каменное зданіе водокачки, посѣтитель видитъ прекрасно устроенное отдѣленіе для дезинфекціи платья, бѣлья, обуви, а равно и самихъ лицъ, болѣе или менѣе соприкасающихся съ заразными больными, что достигается паровою обеззараживающею палатою, русской баней, ванною, душами. Необыкновенно интересны приспособленія для уничтоженія и обезвреживанія нечистотъ и грязной, сточной воды. Всѣ нечистоты какъ отсюда, такъ и изъ прочихъ зданій стекаютъ въ объемистую, герметически закрывающуюся цистерну; здѣсь жидкія части фильтруются и препровождаются въ другую такую цистерну, а изъ нея выкачиваются въ паровой котелъ и нагрѣваются до 120—140° по Цельзію; изъ котла же онѣ, въ видѣ пара, перегоняются въ особые цилиндры, гдѣ охлаждаются до 30° и только тогда спускаются по обыкновеннымъ водосточнымъ, городскимъ трубамъ. Тѣмъ временемъ твердыя части нечистотъ изъ первой цистерны всасываются особою печью, въ которой и сжигаются. Столь идеальный способъ удаленія нечистотъ обходится не дешево, но и не такъ дорого, какъ это кажется съ перваго раза. Дѣло въ томъ, что при устройствѣ охлаждающихъ цилиндровъ, теплота, которую теряетъ охлаждаемый въ нихъ паръ, вовсе не пропадаетъ, а идетъ на нагрѣваніе другаго котла, заключающаго чистый паръ, а это въ значительной степени сокращаетъ расходъ на топливо. Далѣе въ этомъ зданіи останавливаютъ на себѣ вниманіе отлично устроенныя, просторныя помѣщенія для всевозможныхъ животныхъ: „собачники", отдѣльные домики для кроликовъ, свиней, „обезьянникъ", пріюты для овецъ, морскихъ свинокъ, птицъ; денники для крупныхъ животныхъ; отдѣльный домъ для заключенія животныхъ съ заразными болѣзнями, опасными для людей. Здѣсь стѣны сдѣланы изъ бетона и съ цѣлью дезинфекціи могутъ быть подвергнуты точно также дѣйствію огнемъ, посредствомъ котораго обеззараживается и воздухъ выходящій изъ двухъ бараковъ, стоящихъ въ отдаленіи и предназначенныхъ для заразныхъ больныхъ, людей и животныхъ. Въ баракѣ для послѣднихъ три отдѣленія, которыя совершенно изолированы одно отъ другаго, и этимъ достигается возможность одновременнаго изслѣдованія трехъ различныхъ формъ болѣзней. Небольшая оранжерея, домъ для служащаго персонала, отель для „ученыхъ гостей" и проч., которыми завершается устройство Института, также отличаются удобствами, прочностью постройки и сравнительною роскошью. Изъ этого бѣглаго осмотра Института можно составить себѣ лишь приблизительное понятіе о его образцовомъ устройствѣ и полнотѣ, благодаря которой онъ оставляетъ далеко позади заграничные институты этого рода, не выключая и парижскаго института Пастера. Устройство Института нашего обошлось до полумилліона рублей: постройка его производилась подъ руководствомъ инженера Ганнекена и архитектора Нествера, хозяйственной частью по постройкѣ завѣдывалъ т. с. Вруевичъ, а устройствомъ Института занимался д-ръ Анренъ, исправлявшій должность директора его до послѣдняго времени. Цѣлый штатъ представителей науки по всѣмъ отраслямъ знанія, входящимъ въ сферу вѣдѣнія Института, находится при этомъ благодѣтельномъ и единственномъ въ своемъ родѣ учрежденіи. Его открытіе совершилось при торжественной обстановкѣ; говорилось много рѣчей, въ которыхъ появленіе Института горячо привѣтствовалось и иностранными представителями медицины, приглашенными на торжество освященія Института. И вотъ что, между прочимъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, докторъ Ватсонъ-Чейнъ, представитель Англіи: „Листеру, при изобрѣтеніи его обеззараживающихъ повязокъ, и въ голову не приходило, чтобы съ тѣхъ поръ поднятый имъ вопросъ сдѣлалъ такіе быстрые шаги въ работахъ и изслѣдованіяхъ такихъ ученыхъ, какъ Пастеръ и Кохъ, но что сказать объ открываемомъ Институтѣ? Онъ явился какъ бы предшественникомъ открытій Коха. Еще не существовало его открытія, быть можетъ самъ Кохъ еще не имѣлъ его въ виду, а межъ тѣмъ Августѣйшій основатель Института, предусматривая его возможность, приступалъ уже къ устройству учрежденія, приспособленнаго не только къ изслѣдованіямъ на томъ же пути, но и къ примѣненію ихъ на практикѣ". Да, счастлива та страна, въ которой процвѣтаетъ наука, но еще счастливѣе та, гдѣ есть такіе покровители ея, какъ Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, созданіемъ Института обезсмертившій свое славное имя.

П. В. Б—въ.

Библиотека "Руниверс"



Ѣзда на буерахъ между Петербургомъ и Кронштадтомъ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы") Г. Бролинга, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

На буерахъ. (Рис. на стр. 161).

Буеромъ называютъ родъ саней, приводимыхъ въ движеніе парусами. Буера могутъ ходить только по льду. Были попытки устраивать снѣговые буера, но всѣ эти попытки оканчивались неудачно: буера на снѣгу не шли. По виду буеръ представляетъ треугольную раму, сдѣланную изъ деревянныхъ брусьевъ. Рама эта поставлена на три конька, изъ которыхъ два передніе неподвижны, а задній вращается на оси при помощи ручки, называемой румпелемъ. Вращающійся задній конекъ на буерѣ исполняетъ ту же работу, какую несетъ руль на суднѣ, т. е. при уклоненіи задняго конька при помощи румпеля въ ту или другую сторону, буеръ измѣняетъ направленіе, по которому идетъ. На буерахъ у насъ въ Петербургѣ катаются преимущественно весною и осенью, когда нѣтъ снѣгу. На чистомъ льду буеръ достигаетъ значительной скорости. Скорость въ 40 или 50 верстъ въ часъ не составляетъ рѣдкости. Говорятъ, при сильномъ вѣтрѣ и гладкомъ льдѣ, буера проходили разстояніе между Кронштадтомъ и Петербургомъ (25 верстъ) въ 15—20 минутъ. Чѣмъ больше буеръ, тѣмъ скорѣе онъ идетъ и тѣмъ меньше препятствія представляютъ ему снѣговые сугробы и щели, встрѣчающіеся тамъ и сямъ на льду. Средніе размѣры буеровъ—отъ 2 до 3 саженей между передними коньками. Катаньe на буерахъ очень развито въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ зимою меньше снѣгу, чѣмъ у насъ въ Россіи. Въ Петербургѣ разсадникомъ буеровъ является СПБ. Рѣчной Яхтъ-клубъ, члены котораго съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе увлекаются этою очаровательною забавою. Прогулка на яхтѣ или пароходѣ не можетъ дать и понятія объ ощущеніи, которое испытываешь, когда несешься со скоростью вѣтра по гладкой поверхности льда. Чрезвычайно быстрый ходъ и морозный воздухъ заставляютъ одѣваться любителей буеровъ какъ можно теплѣе. Летая въ разныхъ направленіяхъ на крылатыхъ саняхъ, они должны быть внимательны и крѣпко держаться за ванты, мачту и проч., чтобы при поворотѣ или толчкѣ отъ неровностей ледяной поверхности не упасть съ буера, что составляетъ одну изъ непріятностей поѣздки по льду на парусахъ. Въ настоящее время въ СПБ. Рѣчномъ Яхтъ-клубѣ около 20 буеровъ, и минувшею осенью было устроено нѣсколько удачныхъ гонокъ, привлекшихъ массу участвующихъ.

Алексѣй Дмитріевичъ Пазухинъ. (Портр. на стр. 164).

27 января, на 46-мъ году своей жизни, скончался, послѣ тяжкой болѣзни, одинъ изъ выдающихся нашихъ государственныхъ дѣятелей послѣдняго времени и даровитый публицистъ, Алексѣй Дмитріевичъ Пазухинъ. Значеніе его дѣятельности все болѣе и болѣе станетъ выясняться въ будущемъ, а покуда оно вполнѣ понятно лишь близко стоявшимъ къ нему современникамъ. Среди раздвоеннаго положенія нашего отечества, по словамъ его, всецѣло принадлежалъ онъ „къ Россіи исторической, покоющейся на тѣхъ основахъ, которыя выработаны тысячелѣтіемъ, къ Россіи преданной идеямъ завѣщаннымъ ей предками, вѣрующей и способной на великія жертвы“, и лучшіе годы своей жизни отдалъ борьбѣ съ „Россіею не знающей своей исторіи, не имѣющей никакихъ идеаловъ, никакого уваженія къ прошлому, никакихъ заботъ о будущемъ, ни во что не вѣрующей и способной лишь къ разрушенію“. Въ этой-то борьбѣ онъ и оставилъ по себѣ глубокій, неизгладимый слѣдъ.

Родъ Пазухиныхъ весьма старинный. Со временъ Іоанна III встрѣчается уже онъ въ спискахъ служилаго класса. За присоединеніемъ Казанскаго царства, Пазухины испомѣщены въ Курмышѣ и Алатырѣ—теперешнихъ уѣздахъ Симбирской губерніи—и съ тѣхъ поръ по настоящее время остались коренными помѣстными дворянами этого края. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ одинъ изъ нихъ былъ воеводою въ Астрахани и посломъ къ Персидскому шаху. Послѣ реформы Петра, кромѣ обязательной пожизненной службы государству, если они и службу земскую, а за учрежденіемъ Екатериною II службы дворянской по выборамъ, не сходили съ этого поприща. Дѣдъ и отецъ Алексѣя Дмитріевича были почти безсмѣнными курмышскими уѣздными предводителями дворянства, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ. Алексѣй Дмитріевичъ, третій сынъ Дмитрія Сергѣевича, родился 13 февраля 1845 года. Воспитанный дома, учившійся въ первой Московской гимназіи, а потомъ въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету и кончившій курсъ въ 1866 году со степенью кандидата, онъ честолюбіе свое ограничилъ скромными рамками службы по мѣстнымъ учрежденіямъ, и въ 1870 году началъ ее на должности участковаго мироваго судьи Алатырскаго уѣзда. Въ 1873 году выбранъ вторично на эту должность, затѣмъ былъ предсѣдателемъ уѣздной земской управы, и въ 1878 году избранъ алатырскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и оставался имъ до 1885 года. Такое послѣдовательное прохожденіе черезъ всѣ мѣстныя должности, при въ высшей степени добросовѣстномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ, а въ то же время жизнь въ своемъ, унаслѣдованномъ отъ отца, имѣніи и серьезное занятіе хозяйствомъ – все это дало уму Алексѣя Дмитріевича богатый и разносторонній запасъ опыта и выработало въ немъ замѣчательную вѣрность и трезвость сужденій обо всемъ совершавшемся на глазахъ его въ мѣстной земской, дворянской и народной жизни. По тѣмъ болѣе становился онъ ея знатокомъ, тѣмъ менѣе, какъ человѣкъ, получившій высшее образованіе и преслѣдующій высшіе интересы, усматривалъ соотвѣтствія между новыми, введенными уже учрежденіями и—понятіями, бытомъ, потребностями и историческимъ прошлымъ всѣхъ классовъ населенія. Ему стало выясняться тогда, что внутренняя смута, быстро и повсемѣстно распространявшаяся въ нашемъ отечествѣ, происходитъ именно отъ этого печальнаго несоотвѣтствія и что всѣ эти новыя положенія о судѣ, земствѣ, городскомъ управленіи и мировыхъ учрежденіяхъ, взятыя изъ законодательствъ чуждыхъ намъ странъ, ведутъ только къ разложенію исторически сложившагося у насъ сословнаго начала, на который дотолѣ опирался весь самодержавный строй государства, и прежде всего парализуютъ крестьянское самоуправленіе, такъ успѣшно и разумно отправлявшее свои функціи до введенія новыхъ учрежденій, вносящихъ съ собою чуждую Русской землѣ закваску безсословности. Мысли эти впервые привелось съ полною искренностью высказать Пазухину въ земской коммиссіи, организованной въ 1880 году, вслѣдствіе циркуляра графа Лорисъ-Меликова, которымъ запрашивались земства о наилучшихъ способахъ регулированія крестьянскихъ учрежденій. Въ заключеніе же, въ видахъ охраненія крестьянскаго самоуправленія отъ посягательствъ на него безсословнаго земства, кулаковъ, міроѣдовъ и кабатчиковъ, онъ подалъ мнѣніе о необходимости поставить во главѣ его, вмѣсто мироваго судьи и уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, лицо изъ среды помѣстнаго дворянства, облеченное судебно-полицейскою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и административною властью, объясняя многочисленными примѣрами, взятыми изъ повседневной жизненной практики, всю несообразность примѣненія къ быту нашего народа теоріи строгаго отдѣленія суда отъ полиціи. Эта теорія, такъ же какъ и безсословность, отдаютъ только народъ, къ явному его ущербу, въ руки тѣхъ элементовъ общества, которые не хотятъ знать его исторіи, и наполняя своимъ составомъ новыя учрежденія, прямо жертвуютъ его интересами въ видахъ перестройки всего нашего государственнаго зданія на конституціонный, европейскій ладъ. Мнѣніе это вызвало сначала цѣлую бурю изъ подавляющаго большинствомъ своимъ лагеря земскихъ либераловъ, видѣвшихъ одну лишь безусловную панацею въ новыхъ учрежденіяхъ; но на всѣ пламенныя ихъ возраженія Пазухинъ отвѣчалъ такими неопровержимыми и вѣскими доказательствами, что число его сторонниковъ все болѣе стало возрастать и большинство земскихъ коммиссій Симбирской губерніи высказалось подъ конецъ за учрежденіе особой должности, какъ ее тогда называли, „*земскаго судьи*“, которому предполагало ввѣрить надзоръ и руководство надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ. Хотя фактъ этотъ происходилъ въ стѣнахъ земскихъ коммиссій, но толки о немъ проникли и въ печать, и большинство нашихъ либеральныхъ газетъ громили тогда какъ симбирскія земства, такъ и Пазухина. Но не успѣли всѣ мнѣнія земствъ поступить на разсмотрѣніе министра Внутреннихъ Дѣлъ, а сенаторы предсѣдатели ему свои ревизіи, какъ катастрофа 1 марта 1881 года все помутила и пришлось этотъ колоссальный матеріалъ отложить до поры до времени. Новый министръ графъ Игнатьевъ добрался до него лишь осенью 1881 года, и 20 октября испросилъ Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, на которую возложена была, на основаніи имѣющагося матеріала, выработка новыхъ мѣстныхъ учрежденій. Кахановская, какъ ее впослѣдствіи назвали, коммиссія работала четыре года; въ это время министромъ Внутреннихъ Дѣлъ назначенъ былъ уже графъ Д. А. Толстой, торопившій ее, и вотъ наконецъ въ 1885 году всѣ узнали, что трудъ коммиссіи покончен и завершить его осталось лишь вызовомъ изъ губерній свѣдущихъ людей и, выслушавъ ихъ замѣчанія, сдѣлать, если въ томъ встрѣтится надобность, нѣкоторыя модификаціи. Въ сущности же на прибытіе свѣдущихъ людей въ Петербургъ глядѣли какъ на одну лишь пустую формальность, не сомнѣваясь въ одобреніи ими трудовъ Кахановской коммиссіи; но въ числѣ ихъ находился А. Д. Пазухинъ и обманулъ общія ожиданія. Начались засѣданія коммиссіи со свѣдущими людьми, и въ первомъ же засѣданіи послышался голосъ Пазухина, представившаго свои возраженія: пошли пренія, въ которыхъ позиція осталась за возражателемъ; то же стало повторяться и въ слѣдующихъ засѣданіяхъ, борьба одного противъ чуть не всѣхъ заинтересовала многихъ высокопоставленныхъ лицъ, они стали пріѣзжать въ засѣданія коммиссіи. Пазухинъ говорилъ съ тою же искренностью и убѣжденностью, какъ и въ своей алатырской земской коммиссіи, и доказательства его были настолько неопровержимы, что и въ самой Кахановской коммиссіи совершился расколъ и къ нему пристало нѣсколько крупныхъ лицъ. Незабвенный нашъ публицистъ М. Н. Катковъ, чуткій ко всякимъ выдающимся явленіямъ нашей жизни, познакомившись съ Пазухинымъ, поспѣшилъ напечатать въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1886 г. статью А. Д. Пазухина „*Современное состояніе Россіи и сословный вопрос*“ и она краснорѣчиво всякихъ

Библиотека "Руниверс"

дебатовъ выяснила всю силу правды убѣжденій Пазухина *). Послѣ того графъ Д. А. Толстой, находя излишними всякія дальнѣйшія проволочки съ Кахановскою коммисіею, испросилъ Высочайшее повелѣніе о закрытіи ея и о сдачѣ трудовъ въ новую коммисію при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра, князя Гагарина, и пригласилъ А. Д. Пазухина быть правителемъ своей канцеляріи и ближайшимъ сотрудникомъ по преобразованію мѣстныхъ учрежденій. Три года неутомимо трудился тутъ Пазухинъ **), и плодомъ его трудовъ было Положеніе о земскихъ начальникахъ, до конца котораго не дожилъ графъ Д. А. Толстой, а при новомъ министрѣ И. Н. Дурново оно было введено въ 1889 году въ дѣйствіе, въ слѣдующемъ же году послѣдовало обнародованіе и новаго Земскаго положенія. Это начало обновленія крестьянскихъ учрежденій и земства было сдѣлано по мысли А. Д. Пазухина, хотя отчасти измѣненное противъ первоначальныхъ его проектовъ; но нѣтъ сомнѣнія, что эти отступленія лишь временныя и практика убѣдитъ въ необходимости возвращенія къ этимъ проектамъ. Между тѣмъ здоровье и силы Пазухина, никогда не отличавшіяся особенною крѣпостью, были потрясены непосильными трудами и тифомъ, и съ осени прошлаго года онъ сталъ страдать сильными головными болями. Долго не могли съ точностью опредѣлить этого недуга, и лишь въ послѣднее время приглашенный профессоръ Павловъ нашелъ, что у Пазухина съ правой стороны носоваго органа и лба образовалось нагноеніе, что оно крайне уже запущено и единственнымъ спасеніемъ тутъ можетъ быть лишь операція. Пазухинъ согласился на нее, легъ въ больницу профессора Павлова, операція была сдѣлана, и черезъ три дня послѣ нея его не стало...

Въ цвѣтѣ лѣтъ покончилъ свою жизнь этотъ достойный и замѣчательно даровитый русскій человѣкъ, всею душой любившій свое отечество и честно ему послужившій. Миръ праху твоему, строгій хранитель завѣщанныхъ тебѣ предками твоими благородныхъ традицій!!

К. Бороздинъ.

Паровозъ-танкъ. (Рис. на стр. 165).

На Александровскомъ механическомъ заводѣ состоялся 9 декабря прошлаго года, по поводу выпуска паровоза-танка новаго типа, изображеннаго на стр. 165, праздникъ, не лишенный значенія для русскаго желѣзнодорожнаго дѣла. На немъ, кромѣ своихъ служащихъ и рабочихъ, собралось не мало гостей, такъ или иначе причастныхъ къ этому дѣлу.

Торжество началось съ молебна въ сборной мастерской. По окончаніи молебна, рабочимъ была предложена закуска, въ началѣ которой директоромъ департамента жел. дор. В. М. Верховскимъ былъ провозглашенъ тостъ за Государя Императора, встрѣченный восторженнымъ „ура!", причемъ заводскій духовой оркестръ исполнилъ народный гимнъ. Послѣ этого гости и служащіе направились въ помѣщеніе пригоночной мастерской, художественно декорированной цвѣтами и издѣліями завода. Здѣсь управляющимъ заводомъ, инженеромъ Яловецкимъ была произнесена рѣчь, въ которой онъ подробно изложилъ почти вѣковую исторію завода, указавъ на успѣхи его въ настоящее время и на причины, вызвавшія настоящее торжество. Заводъ, съ основанія своего, вплоть до 1869 г., когда перешелъ къ Главному Обществу, состоялъ въ полномъ распоряженіи иностранныхъ техниковъ. Съ этого времени по 1875 г., во главѣ его уже стояли русскіе инженеры, сначала Рехневскій, а затѣмъ Воль, но мастерами оставались иностранцы. Первый изъ нихъ оказалъ русскимъ молодымъ техникамъ важную услугу, принимая ихъ на заводъ въ качествѣ простыхъ рабочихъ и давая имъ возможность изучить практически заводское дѣло. Въ ихъ числѣ находился и настоящій управляющій заводомъ. Съ 1884 года, по уходѣ начальника завода, американца Пратта, и мастеровъ англичанъ, управляющимъ былъ назначенъ Яловецкій, вызвавшій русскихъ техниковъ, вполнѣ оправдавшихъ возложенныя на нихъ надежды и несомнѣнно способствовавшихъ Александровскому заводу занять выдающееся мѣсто въ ряду русскихъ механическихъ заводовъ. Лучшимъ доказательствомъ такого успѣха служитъ нынѣ выпускаемый паровозъ и строющіеся Императорскіе поѣзда.

Послѣ этой рѣчи, профессоръ Технологическаго института Н. Л. Щукинъ, руководившій проектированіемъ выпускаемаго паровоза, объяснилъ конструктивныя детали его. Конструкцію паровоза-танка слѣдуетъ отнести къ труднѣйшимъ задачамъ машиностроенія, вслѣдствіе компактности такого паровоза и перемѣннаго на немъ груза воды и топлива, что создаетъ почти непоборимыя трудности уравновѣсить его и равномѣрно распредѣлить его грузъ на оси. Выпускаемый паровозъ, по конструкціи, смѣло можно сопоставить съ лучшими европейскими паровозами. Машина его въ состояніи везти на горизонтальной плоскости 60—70 груженыхъ вагоновъ и до 140—негруженыхъ, при скорости 15—25 верстъ въ часъ; работать онъ можетъ, по количеству запаса воды и топлива, 5 часовъ безостановочно, что весьма важно для станціонныхъ маневровъ, для которыхъ онъ собственно и предназначенъ. Вѣсъ его съ водою и топливомъ 56 тоннъ (3,472 пуд.), а стоимость не превышаетъ 25,300 р.

Праздникъ окончился завтракомъ, за которымъ было сказано много оживленныхъ и интересныхъ рѣчей. Здѣсь практики инженеры-механики рука объ руку съ представителями науки весело и шумно праздновали свой успѣхъ. Большинство первыхъ оказалось учениками профессора генерала Н. П. Петрова, въ томъ числѣ главный инженеръ тяги Гофманъ, управляющій заводомъ Яловецкій и его помощникъ Гроссманъ, профессоръ Щукинъ, инженеръ-полковникъ Козловъ и почти всѣ служащіе заводской технической конторы, успѣшно потрудившейся, съ начальникомъ своимъ Вроблевскимъ во главѣ, надъ выпускаемымъ паровозомъ. Всѣ они съ восторгомъ привѣтствовали своего бывшаго наставника.

Замѣститель предсѣдателя совѣта управленія Главнаго Общества инженеръ-генералъ Э. И. Тилло и директоръ Николаевской ж. д. П. П. Михальцевъ, почтившіе также своимъ присутствіемъ праздникъ, пожелали заводу дальнѣйшаго процвѣтанія, а служащимъ—постояннаго успѣха.

Политическое обозрѣніе.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ въ своемъ дальнѣйшемъ путешествіи посѣтилъ южную часть Индостана и островъ Цейлонъ. Изъ Бомбея Его Высочество отправился въ Мадрасъ, куда и прибылъ благополучно 24 января въ 9 час. утра. 25 января Наслѣдникъ Цесаревичъ присутствовалъ на данныхъ губернаторомъ лордомъ Уэнлокомъ въ правительственномъ зданіи садовомъ праздникѣ и балу. На другой день Его Высочество отправился на охоту въ Гунди, а вечеромъ поѣхалъ въ Танджоръ и Тричинополи. Утромъ 28 января Его Высочество посѣтилъ находящійся близъ Тричинополи срирангамскій храмъ, а вечеромъ уѣхалъ въ Мадуру. Окончивъ свое путешествіе по Индіи, Наслѣдникъ Русскаго престола отправился на островъ Цейлонъ и благополучно прибылъ въ Коломбо 31 января. Послѣ полудня Его Высочество высадился на берегъ и, по осмотрѣ Коломбо, обѣдалъ у губернатора, гдѣ состоялся въ честь Высокаго Гостя блестящій пріемъ. На другой день Наслѣдникъ Цесаревичъ уѣхалъ поутру въ Канди. Тамъ, послѣ полудня, Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ сопровожденіи губернатора и свиты, осматривалъ ботаническій садъ, потомъ сдѣлалъ прогулку по городу и принималъ именитыхъ лицъ. Затѣмъ состоялся парадный обѣдъ, послѣ котораго общество присутствовало на шествіи старшинъ. 2 февраля Наслѣдникъ Цесаревичъ отправился на скачки въ Декойю и вечеромъ прибылъ въ Нураэллію. Его Высочество рѣшилъ пробыть на островѣ Цейлонѣ до 10 (22) февраля.

Въ Римѣ, 2 февраля, маркизъ ди-Рудини прочелъ въ палатѣ депутатовъ декларацію новаго министерства. По этому случаю трибуны, не исключая дипломатической, были переполнены. На лицо было около 300 депутатовъ, въ томъ числѣ всѣ бывшіе министры. Появленіе Кризпи произвело впечатлѣніе. Декларація маркиза ди-Рудини выслушана была съ большимъ вниманіемъ. Въ ней заявляется, что кабинетъ достигнетъ возстановленія равновѣсія въ бюджетѣ путемъ сбереженій по всѣмъ вѣдомствамъ, не исключая военнаго, морскаго и африканскаго. Что касается иностранной политики, то въ декларацію сказано, что политика эта будетъ простая и откровенная, безъ всякихъ недомолвокъ, какъ то приличествуетъ странѣ дѣйствительно желающей мира. „Союзамъ нашимъ — присовокупляетъ декларація — мы останемся устойчиво вѣрными и своимъ поведеніемъ мы всѣмъ покажемъ, что не питаемъ агрессивныхъ замысловъ. Такъ какъ высказаны были неосновательныя подозрѣнія на счетъ отношеній нашихъ къ Франціи, то мы постараемся устранить всякое ложное сужденіе. Миръ необходимъ, чтобы излѣчить Италію отъ экономическаго недуга". Въ заключеніе предлагается палатѣ не медлить выраженіемъ довѣрія кабинету по случаю проектовъ, которые будутъ внесены на разсмотрѣніе парламента. Послѣ взятія правительствомъ обратно проектовъ Кризпи о сокращеніи префектуръ и проекта Гримальди объ измѣненіи нѣкоторыхъ таможенныхъ пошлинъ, палата, по предложенію маркиза ди-Рудини, отложила засѣданія до 2 марта.

Въ Бѣлградѣ 31 января русскій посланникъ давалъ обѣдъ въ честь митрополита, регентовъ и министровъ. Провозглашены были тосты: митрополитомъ—за Русскаго Царя, неизмѣннаго благодѣтеля Сербіи, Белимарковичемъ—за Наслѣдника Цесаревича и Царствующій Домъ. Русскій посланникъ поднялъ бокалъ за Сербскаго короля, пожелавъ, чтобы его царствованіе закрѣпило навсегда дружескія отношенія Россіи съ Сербіей и покрылось славою. Гручъ горячо благодарилъ представителя Россіи, которая 14 лѣтъ, въ тяжелыя времена, неустанно трудится на пользу родственной страны и пріобрѣла общую признательность и любовь сербскаго населенія.

*) Впослѣдствіи эта статья А. Д. Пазухина была переведена на нѣмецкій языкъ и издана въ Берлинѣ.

**) Наградами за его труды были чины статскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденъ Св. Станислава первой степени.

Библиотека "Руниверс"

Въ Парижѣ совѣтъ министровъ занимался на-дняхъ проектомъ ассоціацій. Проектомъ провозглашается свобода ассоціацій безъ условія предварительнаго извѣщенія и предусматривается также образованіе ассоціацій между французами и иностранцами и ассоціацій, состоящихъ исключительно изъ иностранцевъ, подъ условіемъ предварительнаго извѣщенія. Правительству предоставляется право закрывать иностранныя ассоціаціи, не прибѣгая къ судамъ; относительно же ассоціацій, къ которымъ принадлежатъ и иностранцы, правительство имѣетъ право требовать исключенія иностранныхъ членовъ по своему усмотрѣнію.

Положеніе дѣлъ на островѣ Критѣ опять возбуждаетъ опасенія. Произошли новые безпорядки. Близь Ретимно было сильное столкновеніе между турецкими жандармами и отрядомъ инсургентовъ. Подробностей пока нѣтъ, такъ какъ вслѣдствіе выпавшаго снѣга сообщенія прерваны.

Библіографія.

Звѣздный атласъ для небесныхъ наблюденій, съ объяснительнымъ текстомъ и 46 рисунками въ текстѣ. Составилъ, начертилъ и описалъ **Яковъ Мессеръ.** Второе исправленное и дополненное изданіе. СПБ. Изданіе К. Л. Риккера. 1891.

Съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія мы видимъ передъ собою второе изданіе прекраснаго „Звѣзднаго атласа" г. Мессера, безкорыстно сдѣланнаго г. Риккеромъ. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ интересъ къ изученію неба возрастаетъ, и было бы грустно сознаться въ отсутствіи этого интереса въ нашемъ отечествѣ. Астрономія въ ея величавыхъ выводахъ не можетъ не обнаруживать облагораживающаго вліянія на душу человѣка, показывая съ одной стороны неизмѣримое ничтожество не только его самого въ физическомъ смыслѣ, а и всего жилища нашего, земнаго шара, а съ другой — величіе нравственной природы человѣка, человѣческаго духа, способнаго познавать неизмѣримый міръ съ его великими чудесами. Появленіе втораго изданія атласа дастъ намъ ясное доказательство, что и у насъ появляются люди способные понимать великій міръ свѣтилъ небесныхъ; и мы искренно желаемъ возможно широкаго распространенія книги г. Мессера.

Алексѣй Дмитріевичъ Пазухинъ († 27 января 1891 г.).
Съ фот. В. Ясюнина, грав. Пуцъ.

Атласъ изданъ роскошно, на превосходной бумагѣ, съ изображеніями неба необыкновенно ясными и отчетливыми. Онъ состоитъ изъ двухъ общихъ картъ—сѣвернаго и южнаго неба, и изъ 26 картъ спеціальныхъ для отдѣльныхъ частей неба, съ обозначеніемъ звѣздъ, видимыхъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, простымъ глазомъ, т. е. до звѣздъ 6-й величины включительно. Текстъ, если и не отличается живостью изложенія, серьезно знакомитъ читателя съ тѣмъ, что онъ найдетъ въ картахъ. Довольно большіе каталоги двойныхъ и перемѣнныхъ звѣздъ, а также звѣздныхъ скопленій и туманностей могутъ служить не только любителямъ астрономіи, но и практическимъ астрономамъ, какъ это замѣтилъ по поводу перваго изданія атласа знаменитый миланскій астрономъ Скіапарелли. Въ текстѣ помѣщены прекрасные рисунки наиболѣе интересныхъ небесныхъ предметовъ, невольно вызывающихъ интересъ къ небеснымъ наблюденіямъ.

При бѣгломъ просмотрѣ картъ намъ, къ сожалѣнію, бросились въ глаза нѣсколько досадныхъ недосмотровъ со стороны автора. Такъ, самая большая звѣзда въ созвѣздіи Кита (α Ceti) на общей картѣ сѣвернаго неба обозначена (поперечною чертою) какъ двойная, хотя она простая. Такою она является на картахъ XII и XIII, но съ тѣмъ чтобы на картѣ XVII опять появиться двойною. Точно также α Орла (α Aquilae), правильно обозначенная двойною на общихъ и на XXV картахъ, на картѣ XXIV является простою. Немногіе недосмотры этого рода не уменьшаютъ, конечно, цѣнности прекраснаго въ общемъ изданія, и мы указываемъ на нихъ съ исключительною цѣлію—обратить на нихъ вниманіе самого автора.

Рублевое изданіе въ одномъ томѣ. **Сочиненія М. Ю. Лермонтова.** Съ портретомъ его и біографическомъ очеркомъ. Изданіе Глазунова. СПБ. 1891.

Наконецъ-то, за полгода до пятидесятилѣтія со дня смерти Лермонтова, г. Глазунову пришла добрая мысль дать русской публикѣ дешевое сравнительно съ прежнимъ изданіе его сочиненій. Изданіе это является съ двумя исправленіями, которыхъ давно уже требовали люди, ближе знакомые съ Лермонтовымъ. Именно, сряду въ нѣсколькихъ изданіяхъ печатавшаяся XIII глава II части „Демона" и повторяемая въ тѣхъ же изданіяхъ въ примѣчаніяхъ въ качествѣ варіанта буква въ букву,—замѣнена теперь другимъ текстомъ, а въ стихотвореніи „Выхожу одинъ я на дорогу", наконецъ-то „жизни силы" перестали „дрожать", и „задремали", какъ давно уже слѣдовало бы. Къ сожалѣнію, при всемъ нашемъ искреннѣйшемъ уваженіи къ библіографическимъ трудамъ П. А. Ефремова, редактора Глазуновскихъ изданій Лермонтова въ послѣднія два десятилѣтія, мы не можемъ не сказать, что сдѣланныя теперь исправленія въ текстѣ—капля въ морѣ должныхъ исправленій остающихся для будущихъ издателей. Г. Ефремову, очевидно, трудно давалось чтеніе неразборчиваго почерка Лермонтова. Приведемъ примѣръ. Въ одномъ мѣстѣ, вмѣсто стоящихъ въ рукописи словъ „До сей минуты" въ Ефремовскихъ изданіяхъ десятки лѣтъ печатались слова „По сей мучитель", хотя „сей мучитель", конечно, красующійся и въ „рублевомъ изданіи", былъ совершенно не у мѣста и лишалъ фразу рѣшительно всякаго смысла; какой такой „мучитель", кого подъ этимъ словомъ могъ разумѣть Лермонтовъ, невозможно было добраться... Повторяемъ, что мы съ полнымъ уваженіемъ относимся къ трудамъ г. Ефремова,—нельзя же было ему одному во всемъ разобраться, только рядъ дѣятелей на полѣ изученія Лермонтова можетъ исправить всѣ ошибки и недосмотры. Истина, однако, всего дороже,—въ его изданіяхъ ошибокъ не мало... Не понятно, между прочимъ, почему въ „рублевомъ" изданіи „Маскарадъ" появляется въ редакціи 1835 года, а другая его редакція, позднѣйшая, собственно почти другая пьеса,—совершенно игнорируется.

Иллюстрированный каталогъ сѣмянъ, растеній и т. п. на 1891 г. *В. Е. Грачева* въ С.-Петербургѣ. Цѣна 75 коп.

Названный каталогъ знаменитой фирмы Грачева представляетъ собою роскошное изданіе, превосходно иллюстрированное. Передъ глазами читателя проходитъ цѣлая галерея рисунковъ, изображающихъ интересные экземпляры тѣхъ растеній,—цвѣтовъ, хлѣбныхъ злаковъ, кормовыхъ травъ, огородныхъ овощей, тепличныхъ растеній и т. п., сѣмена для разведенія которыхъ находятся въ распоряженіи торговаго дома. Каталогъ заключается многими рисунками земледѣльческихъ орудій,—плуговъ, вѣялокъ и проч., и проч. Все это придаетъ ему большой интересъ, помимо той спеціальной цѣли, для которой онъ предназначается.

Гигіена старческаго возраста проф. André, съ предисл. автора къ русскому изданію; пер. съ примѣч. и дополненіями д-ра мед. Л. О. Финкельштейна. СПБ. 1891. Цѣна 1 р.

Для каждаго изъ насъ понятіе о старости связано съ представленіемъ о неизбѣжныхъ страданіяхъ, слабости, хилости, безпомощности и пр. Между тѣмъ врачи давно утверждаютъ, что если старики не могутъ обладать такой энергіей и силой, какъ молодые люди, все же этотъ возрастъ, при соблюденіи извѣстныхъ правилъ и режима, можетъ быть источникомъ высокихъ наслажденій, при отсутствіи какихъ бы то ни было непріятныхъ и тяжелыхъ ощущеній. Знаменитый французскій

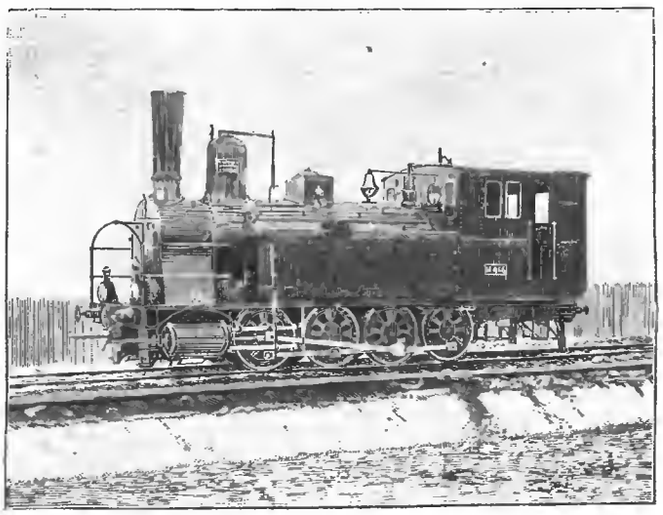
Библиотека "Руниверс"

ученый, проф. André, собралъ воедино всевозможныя положенія, выработанныя наукой, и далъ стройное и систематическое изложеніе, какъ безъ тягостей наслаждаться старостью. Читая книгу, написанную прекраснымъ и легкимъ языкомъ и переведенную опытнымъ и знающимъ переводчикомъ, убѣждаешься, что никакихъ тяжелыхъ жертвъ не требуется, чтобы не испытывать безцѣльныхъ страданій даже въ глубокой старости. Съ особеннымъ удовольствіемъ рекомендуемъ названную книгу всѣмъ пожилымъ нашимъ читателямъ. Изъ нея они выпишутъ убѣжденіе, что, напр., однимъ подборомъ блюдъ легко избавиться отъ тучности, этого обычнаго спутника пожилаго и старческаго возрастовъ, а правильнымъ распредѣленіемъ дня легко избавиться отъ мучительной безсонницы, отравляющей жизнь самымъ терпѣливымъ страстотерпцамъ, и т. д., и т. д.

Къ сожалѣнію, невозможно не замѣтить, что цѣна въ 1 р. сер. непомѣрно высока для переводной брошюрки въ 100 съ небольшимъ страницъ.

Смѣсь.

Японскіе шары боговъ. Недавно вниманіе минералоговъ было привлечено удивительнѣйшими по своей формѣ кристаллами, такъ называемыми японскими шарами боговъ, которые представляютъ примѣръ высшаго совершенства творческой силы природы и человѣческаго искусства. Японскіе шары боговъ сдѣланы изъ горнаго хрусталя и по своей формѣ принадлежатъ къ произведеніямъ искусства. Діаметръ ихъ 4 сантиметра и болѣе. Масса до такой степени однородна и чиста, что глазу не на чѣмъ остановиться ни внутри, ни снаружи шара. Если шаръ поставить на подставку и привести во вращательное движеніе вокругъ его оси, то глазу почти невозможно уловить это вращеніе. Скорѣе кажется, что онъ остается неподвижнымъ, такъ какъ отраженія сосѣднихъ предметовъ въ немъ естественно не измѣняются, а безъ нихъ шаръ не представляетъ ни одной точки, на которой бы глазъ могъ остановиться. Въ томъ, что шаръ дѣйствительно вертится, можно убѣдиться, лишь поставивъ для замѣтки на его поверхности цвѣтную точку. Если смотрѣть на предметы сквозь эти шары, то удается отличить направленіе, въ которомъ кристаллъ проявляетъ двойное преломленіе, отъ того направленія, въ которомъ преломленіе оказывается простымъ, и такимъ образомъ можно опредѣлить главную ось кристалла, которая и помогаетъ опредѣлить разныя точки. Поразительное и безпримѣрное совершенство этихъ кристалловъ служитъ японцамъ для нагляднаго представленія о совершенствѣ боговъ. Поэтому они сохраняютъ подобные шары, какъ святыню въ своихъ храмахъ. Одинъ изъ такихъ шаровъ, 17 сантиметровъ въ діаметрѣ, представляетъ одну изъ удивительнѣйшихъ драгоцѣнностей въ сокровищницѣ Микадо. Въ свое время его даже послали на всемірную выставку въ Вѣну, но везшій его корабль потонулъ въ Японскомъ морѣ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, благодаря непрерывнымъ усиліямъ водолазовъ, удалось найти и вытащить сокровище, которое теперь такъ бережно хранится. Горный хрусталь, употребляемый на изготовленіе этихъ удивительныхъ шаровъ, добывается на островѣ Нипонѣ. Онъ находится тамъ въ вывѣтрившемся и распавшемся въ кучи щебня хребтѣ горъ, въ большихъ и малыхъ обломкахъ, въ друзахъ и сросткахъ кристалловъ, толщиною въ палецъ и въ руку. Вслѣдствіе вывѣтриванія окружающей горной породы кристаллы по большей части окружены желтовато-бурымъ слоемъ водной окиси желѣза и благодаря этому на первый взглядъ кажутся непрозрачными. Но стоитъ положить ихъ на свѣтъ, какъ изнутри заблеститъ, образно говоря, чистая душа ихъ. (к.)



Паровозъ-танкъ.
Съ фотогр. инженеръ-полковника Козлова.

Состязаніе съ неграми-Сомали. Русскій путешественникъ въ Африкѣ, г. Каргополовъ вышелъ побѣдителемъ изъ состязанія съ неграми-Сомали. Сомали обладаютъ невѣроятною ловкостью въ метаніи копій. Съ разстоянія въ 30 шаговъ они бросаютъ въ цѣль свое метательное оружіе съ такою быстротой, силой и непогрѣшимою точностью, какъ только могутъ это дѣлать дикари, которые съ дѣтства не перестаютъ въ этомъ упражняться. Каргополовъ разсказываетъ, что попытки его людей бросать эти копья, благодаря сравнительной неловкости бѣлыхъ, были неудачны и вызвали насмѣшки дикарей, такъ что онъ самъ долженъ былъ найти средство для поддержанія упавшаго престижа европейцевъ. Каргополовъ гордо объявилъ Сомали, что европейцамъ, которые обладаютъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, нѣтъ надобности упражняться съ такимъ плохимъ оружіемъ, какъ ихъ метательныя копья, и въ доказательство превосходства европейскаго оружія взялся разбить на лету изъ своей двустволки всѣ брошенныя неграми копья, не давъ имъ долетѣть до цѣли, тогда какъ никакія копья Сомали не помѣшаютъ его выстрѣламъ попадать въ цѣль. Съ послѣднимъ Сомали согласились безпрекословно, но сомнѣвались въ возможности попасть выстрѣломъ въ копья на лету. Дикари вышли на состязаніе въ большомъ числѣ и съ удивительной быстротою стали бросать копья въ цѣль, отстоящую на 25 шаговъ. Каргополовъ, отойдя шаговъ на 40 въ сторону, заряжалъ обѣ стволка дробью, благодаря чему ему конечно легко удавалось попадать въ летящія копья Сомали и разбивать ихъ. Дикари признали себя побѣжденными и просили европейцевъ показать имъ и другіе фокусы своимъ оружіемъ. Каргополовъ прицѣлился въ двухъ сидѣвшихъ очень высоко воробьевъ и выстрѣломъ дробью положилъ ихъ обоихъ. Впечатлѣніе выстрѣла было громадно. Обѣ убитыя птички переходили изъ рукъ въ руки, и дикари боязливо поглядывали, то на нихъ, то на стрѣлка. Долго еще останется загадкой для Сомали (знакомыхъ съ дѣйствіемъ пули, но не дроби), какимъ образомъ оружіе съ такимъ большимъ отверстіемъ можетъ дѣлать такія маленькія раны въ тѣлѣ птицъ. (к.)

Характерная въ смыслѣ отношеній между Кореей и Китаемъ, а также съ точки зрѣнія государственнаго права, церемонія должна была произойти на-дняхъ при Сеульскомъ дворѣ. Именно, Китайскій императоръ послалъ королю Кореи съ двумя высокими сановниками, сопровождаемыми безчисленной свитой, соболѣзновательное письмо по поводу происшедшей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ кончины вдовствующей королевы и нѣкогда правительницы Кореи. Посольство, сопровождаемое китайскою эскадрой, пристанетъ обыкновенно къ Хемульпо. Предъ воротами Сеула, на надреве назначенномъ мѣстѣ для пріема китайскихъ посланниковъ, украшенномъ монументомъ, король Кореи привѣтствуетъ посольство, почтивъ письмо императора особымъ выраженіемъ уваженія „котау", т. е. челобитьемъ до земли. Затѣмъ императорское письмо переносится въ королевскій дворецъ не обыкновеннымъ путемъ—въ ворота, но черезъ нихъ по нарочно устроенному и богато изукрашенному съ этой цѣлью помосту. Послѣдній пріемъ такого рода былъ въ 1867 году. Если эта древняя, освященная преданіемъ, церемонія будетъ соблюдена и теперь, то этимъ весьма ясно будетъ признана сюзеренная власть Китая, по крайней мѣрѣ, въ области государственнаго и придворнаго этикета. (к.)

Спасеніе собакою. Антверпенскія газеты сообщаютъ о замѣчательномъ случаѣ спасенія собакою. Вслѣдствіе сильнаго ледохода у берега Шельды медленно разрушалось затопленное уже раньше судно „Gobert", служившее для перевозки угля. Жители противуположнаго берега вылавливали изъ воды плывущіе мимо обломки судна. Сыновья одного шкипера изъ Рупельмонда выплыли на челнокѣ на средину рѣки для ловли плывущихъ бревенъ. Они чуть не поплатились жизнью за свою смѣлость, такъ какъ на срединѣ рѣки напоръ глыбъ идущаго льда былъ столь силенъ, что утлый челнокъ грозилъ каждую секунду опрокинуться. Стоявшіе на берегу зрители въ ужасѣ ожидали исхода безумно-смѣлаго предпріятія. На счастье подошла сестра боровшихся со смертью сыновей шкипера. Она обвязала вокругъ тѣла своей собаки конецъ длиннаго и крѣпкаго каната и приказала ей плыть къ своимъ господамъ. Умное животное тотчасъ же бросилось въ воду. То вплавь, то перебираясь по ледяным глыбамъ, грозившимъ раздробить ей лапы, храбрая собака приближалась къ мѣсту, гдѣ находились ея владѣльцы. Но въ разстояніи нѣсколькихъ метровъ отъ челнока она упала съ ледяной глыбы, получивъ ударъ въ бедра, и исчезла подъ водою. Всѣ уже думали, что смѣлое животное погибло, но черезъ нѣсколько мгновеній оно вынырнуло совсѣмъ подлѣ челнока. Сыновьямъ шкипера удалось втащить въ челнокъ своего мужественнаго спасителя. Затѣмъ поселяне притянули къ берегу челнокъ за канатъ. (к.)

Пересѣченіе Австраліи желѣзною дорогою съ юга на сѣверъ, отъ Аделаиды до порта Дарвина, не заставитъ долго себя ждать. По сообщенію *Tour du Monde*, половина рельсоваго пути (около

Библиотека "Руниверс"

3,000 километровъ) уже готова. Линія идетъ по неизвѣстнымъ еще до сихъ поръ странамъ, которыя будутъ, благодаря желѣзной дорогѣ, открыты для колонизаціи. Австралійскіе изслѣдователи въ настоящую минуту особенно интересуются открытою только въ 1873 году цѣпью холмовъ Мусгравъ, гдѣ нашли гуземцевъ, которые удивили бѣлыхъ дружескою и довѣрчивою встрѣчей. Оказалось, что они еще не имѣли раньше сношеній съ бѣлыми. Въ общемъ, названная цѣпь, окруженная пустынями, совершенно безплодна, рѣчки и ручьи пересыхаютъ на большую часть года. Не смотря на это, надѣются проложить и здѣсь широкую дорогу культурѣ. (к.)

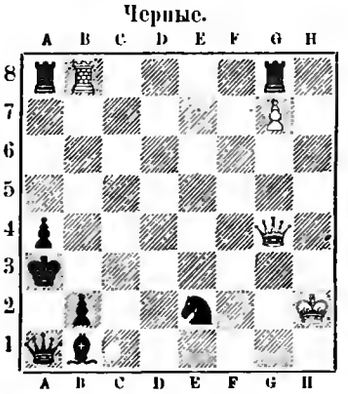
Англійская почта. Недавно вышедшій въ Лондонѣ отчетъ почтоваго вѣдомства за 1890 годъ констатируетъ значительное увеличеніе почтовыхъ сношеній и по обыкновенію содержитъ разныя интересныя подробности. Общее число всѣхъ писемъ, переданныхъ почтою въ королевствѣ, простирается до 1.700.000.000, что составляетъ по 44 письма на жителя. Открытыхъ писемъ передано было 217.000.000, книжныхъ пакетовъ и циркуляровъ 414.000.000, газетъ 160.000.000. Число заказныхъ писемъ простиралось до 12.000.000. До 30,000 писемъ были поданы безъ всякаго адреса, и многія изъ нихъ содержали деньги и чеки значительной цѣнности. На долю посылокъ въ 1890 году пришлось не менѣе 11.000.000 пакетовъ, почтовый сборъ съ которыхъ далъ въ общемъ 1.000.000 фунтовъ стерлинговъ. Почтамты разослали болѣе 9.000.000 повѣстокъ на полученіе въ общемъ суммы 23.000.000 фунт. стерл. и продали болѣе 46.000.000 столь любимыхъ теперь почтовыхъ ордеровъ на сумму въ 19.000.000 фунт. стерл. Вмѣстѣ повѣстками и ордерами почта передала въ закончившемся году 42.000.000 ф. стерл. Число переданныхъ телеграммъ равно 66.000.000, изъ которыхъ только 6.000.000 заграничныхъ. Сберегательныя кассы при почтовыхъ учрежденіяхъ оказали значительные успѣхи. (к.)

Профессоръ Вирховъ недавно изучалъ „бородача" Іосифа Бюллесбаха изъ Поппенберга, въ Рейнской провинціи, извѣстнаго какъ антропологическое чудо и въ настоящее время находящагося въ Берлинѣ. Профессоръ Вирховъ, изумленный этою ненормальною формой бороды, измѣрилъ ее и нашелъ что волосы отъ подбородка до конца имѣютъ 147 сентиметровъ длины, отъ ушей же — 153. Онъ попросилъ нѣсколько изъ длиннѣйшихъ волосъ очень густой бороды для точнаго изслѣдованія ихъ, причемъ замѣтилъ своеобразную особенность ихъ, именно раздвоеніе на концахъ. Этотъ фактъ противорѣчитъ общераспространенному мнѣнію, что раздвоенные на концахъ волосы суть признакъ быстро пропадающей растительности и причина остановки роста волосъ бороды. (н.)

Задача № 12.

Шинкмана.

Черные.



Бѣлые.

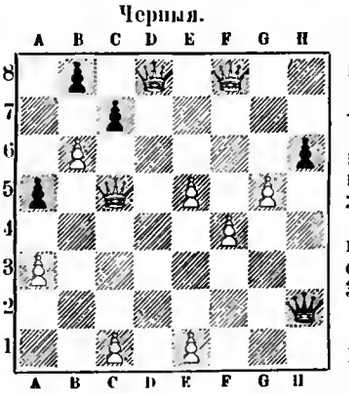
Матъ въ 20 ходовъ.

Да не испугаются гг. читатели! Задача очень легка.

Шашечная задача № 13.

В. Шошина.

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку.

Въ партіяхъ по телеграфу между Стейницемъ и Чигоринымъ сдѣланы еще слѣдующіе ходы:

1-я партія. 20. . . . С. d 6 — c 7 $\frac{2}{11}$

2-я партія. 21. Кр. e 1 — f 1 $\frac{2}{11}$

Рѣшенія шахматныхъ задачъ.

№ 1. **С. Лойда.** 1. Ф. h 3 — c 8. ∞; 2. Л. К ‡

№ 2. **В. Шинкмана.** 1. Ф. e 5 — f 5. f 4 — f 3 (a, b, c): 2. Ф. f 5 — e 5, ∞; 3. Ф. Л ‡

a. 1. . . . К. f 1 — e 3, d 2; 2. Л. g 5 — h 5 +. Кр. h 4 — g 3; 3. Ф. h 5 — h 3 ‡

b. 1. . . . К. f 1 — g 3; 2. Ф. f 5 — f 4 + ∞; 3. Ф. ‡

c. 1. . . . К. h 2 ∞; 2. Ф. f 5 — g 4 ‡

№ 6. **О. Немо и К. Эрлинъ.** 1. Ф. b 8 — b 4. Кр. e 5 : d 5 (a, b, c, d, e); 2. С. g 5 : e 7. Кр. d 5 — c 5; 3. Ф. b 4 — c 4 ‡ или 2. . . . c 6 — c 5; 3. Ф. b 4 — c 4 ‡ или 2. . . . c 6 — c 5; 3. Ф. b 4 — c 4 ‡

a. 1. . . . К. e 7 : d 5; 2. К. d 6 — f 7 +. Кр. c 5 — f 5; 3. Ф. b 4 — b 1 ‡

b. 1. . . . c 6 : d 5; Ф. b 4 — e 1 +. Кр. c 5 : d 6; 3. Ф. e 1 : c 7 ‡ или 2. . . . Кр. c 5 — d 4; 3. Ф. e 1 — e 3 ‡

c. 1. . . . К. e 7 — g 8, e 8 или f 5; С. g 5 — f 4 +, Кр. e 5 : d 5; 3. Ф. b 4 — c 4 ‡

d. 1. . . . К. e 7 — g 6; 2. С. g 5 — f 6 +, Кр. e 5 : d 5; 3. Ф. b 4 — d 4 ‡

Правильныя рѣшенія всѣхъ 3-хъ задачъ прислали Е. Ѳ. Андреленъ, В. П. Шошинъ и Н. Зейботъ (**СПБ.**); К. Котоновъ (**Могилеевъ-Подольскъ**).

№ 1 и 2 рѣшили: А. С. Оноре (**СПБ.**); А. К. Магазаникъ (**Бердичевъ**) Г. Рутенбергъ (**Кіевъ**) Д. Крыловъ (**Ярославль**); Д. В. Добронравовъ (**Пенза**); В. Фишъ (**Ровно**); В. Савицкій (**Варшава**); Н. Д. Шпей (**Кіевъ**).

№ 1 рѣшили: М. А. Зильберштейнъ (**Одесса**); К. П. Осипинъ (**Самара**); М. Донской (**мѣст. Яблоновка**, Полт. г.); А. А. Постельсъ (**СПБ.**), А. Т. въ Б.

Правильныя рѣшенія задачъ № 7 и 8 до сихъ поръ прислали: Е. Андрезенъ, Н. Зейботъ, К. Котоновъ и одной 8-й Н. Г. Германъ, Г. Рутенбергъ и А. А. Постельсъ.

Корреспонденція. М. З. (Одесса). Присылайте сразу рѣшенія нѣсколькихъ задачъ открытыми письмами. Въ задачѣ № 2 вы не замѣтили отвѣта 2. ... К. h 2 — Г3! такъ же какъ и **А Т. въ Б., З. З. С. (Харьковъ).** Вы подставляете фигуры, дѣлая шахъ или давая мнимый матъ. **А. И. С. (Самара).** Отчего же черному королю не уйти на g 3 (?)? **Ѳ. С. въ селѣ Н.** Въ рѣшеніи задачи № 2 вы зѣваете ладью нѣсколько разъ.

М. Н. (Харьковъ). Въ настоящее время печатается новое практическое руководство къ изученію шахматной игры. О выходѣ книги своевременно будетъ объявлено въ „Нивѣ". Пока рекомендуемъ „Руководство Цукергорта и Дюфрена" перев. съ нѣмецкаго. Вы въ рѣшеніи задачи № 7 играете b 7 — a 8 Ф; это несогласно съ основными правилами игры. **А. Г. Савельеву, Ф. М. Уткину, В. И Шошину** и **Е. Ѳ. Андрезену.** Благодаримъ за присылку шашечныхъ и шахматныхъ задачъ; постараемся помѣстить нѣкоторыя изъ нихъ въ *Нивѣ*.

Желающихъ получать отвѣты письмами, просимъ прилагать почтовую марку или открытое письмо для отвѣта.

Задача буквъ № 14.

Н. П. В.

Найти десять словъ:

1) Настоятель монастыря 24, 46, 30, 12.

2) Морской чинъ 42, 37, 16, 23, 27, 50, 1.

3) Городъ въ Венгріи, извѣстный своимъ виномъ 41, 45, 25, 13, 39.

4) Рѣка входящая въ составъ Маріинской системы 29, 8, 32, 11, 20.

5) Плодъ 33, 5, 19, 51.

6) Дикая утка 2, 47, 15, 18, 49, 10.

7) Канаты удерживающіе мачту съ боковъ 26, 36, 4, 21, 38.

8) Канцелярская принадлежность 48, 3, 44, 17, 43, 35, 28.

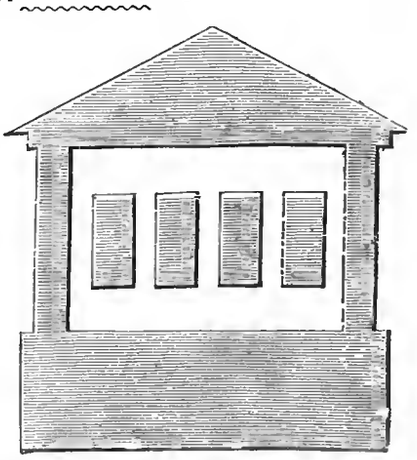
9) Прежній титулъ алжирскихъ владѣтелей 9, 34, 6.

10) Немусульманинъ 7, 31, 22, 40, 14.

Буквы найденныхъ словъ разставить на мѣстахъ чиселъ прилагаемой фигуры: затѣмъ наполненную буквами фигуру раздѣлить на *девять* частей, изъ которыхъ требуется составить прямоугольникъ такъ, чтобы можно было прочесть названія пяти произведеній извѣстнаго русскаго литератора.

Геометрическая задача № 15.

Въ данной фигурѣ заштрихованныя части разбить шестью прямыми линіями на куски, съ которыхъ составить прямоугольникъ.



СОДЕРЖАНІЕ: **П. А. Плетневъ** (съ портр.). — **Мальтійская цѣпь.** Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.** Ч. II. (Продолженіе).—**Барроудельскій пастухъ** Историческій разсказъ **Валентина Ферна.**—**Mimicry.**—Къ рисункамъ: **Городъ Красноводскъ** (съ рис.). — **Возвращеніе со сбора** (съ рис.).—**Царица Астинь, отвергнутая Артаксерксомъ** (съ рис.). — **Шалуны** (съ рис.).—**Институтъ экспериментальной медицины** (съ 2 рис.). — **На буерахъ** (съ рис.).—**Аленькій Дмитріевичъ Пазухинъ** (съ портр.). — **Паровозъ-танкъ.** (съ рис.). — Политическое обозрѣніе.—Библіографія.—Смѣсь.—Задачи.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Библиотека "Руниверс"

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: **Генрихъ Блокъ**, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

Главное дело часовъ **Э. БУРХАРДЪ**, СПБ., Горохован ул., у Краснаго моста, № 17.

Часы никел. отъ 6 р. 50 до 15 р.
„ стальн. черн. отъ 11 до 25 р.
„ серебряные отъ 12 до 50 р.
„ золотые отъ 25 до 500 р.
„ регуляторы двухнедѣльнаго завода отъ 17 до 65 р.
Высылаю наложен. платежемъ. Иллюстр. № 4998 прейсъ-куранты безплатно 2-1

АНГЛІЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

завода **Зингеръ и К°** Коавентри, предлагаетъ **ГЕНРИХЪ ЖЕМЛИЧКА въ Москвѣ**, уголъ Тверской и Газетнаго переулка домъ Фальцъ-Фейнъ, магазинъ № 19.
Высылается прейсъ-курантъ. № 4992 4—2

Фотографіи фирмы **Goupil & C°** въ Парижѣ
ЗА ПОЛЦѢНЫ
Около 100,000 фотографическихъ снимковъ (не фототипій) съ оригиналовъ извѣстнѣйшихъ скульпторовъ и художниковъ состоящихъ изъ жанровыхъ сюжетовъ (изображеній Венеры, портретовъ красавицъ), пейзажей, съ картинъ религіознаго содержанія и проч.
Въ продажу поступаютъ исключительно новые и притомъ белукорвленные экземпляры, наклеенные на картонъ.
Образцовыя коллекціи:
Кабинети. форм. по 2 р. 60 коп. за дюж.
Визитн. карточ. „ 1 р. 30 „ „ „
Кварто-форматъ „ 4 р. 30 „ „ „
Торговцы пользуются при выпискѣ цѣлой партіи значительной уступкой.
Louis Ramlo, Kunstverlag, München
3—1 Karpinzinerplatz 3. К. № 5089

НОВОСТИ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО:
Шпманъ. Былое времячко. Вальсъ. Ц. 75 к.
„ Маршъ и Вальсъ изъ оп. „Жажда сильныхъ ощущеній".
Нейфъ. Маленьк. Листъ. Дѣтск. Сборн. 1.50.
„ Кавалерійскій маршъ. Ц. 40 к.
„ Кошечка. Полька со словами. Ц. 50 к.
Фельдманъ. Славкій сонъ. Вальсъ. Ц. 75 к.
Ружицкій. Внемли, другъ, моленьямъ души. № 4860 Романсъ. Ц. 40 коп. 10—8
„ Возьми цвѣты, я всѣ твои. Ц. 40 к.
Брамса Венгерск. танцы № 5.6.7. д. скр. съ фортепіано по 40 к.
у КУЛИКОВА, Москва, Маросѣйка.

На 1891 (IV) годъ открыта подписка на журналъ коммерч. и финанс. знаній
„СЧЕТОВОДСТВО".
Одобр. Уч. Ком. М. Н. П. книгъ заключ. много полезныхъ и интересныхъ статей.
Ред.-Изд. Ад. Марк. Вольфъ.
Цѣна 8 р. Программа высылается безплатно.
Изданія журнала „Счетоводство": **Двойная бухгалтерія въ популярн. очеркахъ.** Ц. 75 к. **Самоучитель дв. бухгалтеріи.** Скубица. Ц. 1 р. 50 к.
Контора: С.-Петербургъ, Невскій, 64.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.
СКРИПКИ.
Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. **Альты, віолончели, басы. Смычки** 1½—50 мар. **Футляры** 3½—40 мар. **Цитры** 16—300 мар. **Гитары** 6 — 50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Нѣмая скрипка для ученья (собств. изобрѣт.). Мастерская для починокъ. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Сарасате, Сора, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куранты безплатно.
Бр. ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ.
Ц. № 4797 **Прейцнахъ.** 2-8

Выдаетъ. Оптов. продажа.

ПРОШУ ЧИТАТЬ!
Парфюмерный магазинъ **Г. Люпа** въ Пассажѣ № 52, въ СПБ. высылаетъ **Элеопатъ провизора КИНУНЕНА** 2 флакона за 4 р. с. наложеннымъ платежомъ во всѣ города Россіи. И также изобрѣтенія всѣхъ парфюмеровъ.

Гигіена старческаго возраста.
Проф. Андре. Ц. 1 р. съ пер.
Складъ изданія: СПБ. у Торговаго моста, д. 2/7, кв. 2. № 5000 2 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ДЕНЬ

на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 60 к.
За границу на годъ 10 р.
№ 4792 6—8
Объявленія по 10 к. за строку.
Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. **И. В. Скворцовъ.** Преображенская, 4. 12 кн. разсказовъ и очерковъ. Издатель **А. А. Греве.**

НОВОСТЬ

нолужирная
ПУДРА „ВЕЛЮРЪ"
главн. достоинства: при употребленіи вечеромъ — **кремовой**, днемъ — половой и бѣлой — незамѣтна на лицѣ, мягчитъ и придаетъ хорошо къ лицу, **нор. 75 к.**
Для холи усовъ
Цинаменновый **фиксатуаръ** изъ гл. д. и. Перувіанск. бальз. и Ланолина, черн., коричн. и бѣл. кус. 35 коп. № 5014
Требовать клеймо: звѣзду со льномъ.
Въ Москвѣ у Феррейнъ, Кёлеръ, Брукеръ, въ аптекахъ и складахъ.

ПРІЕМЪ БОЛЬНЫХЪ: внутр., наружн., кож., женск. и дѣч. электр. Невскій 102. 1—3 и 6—7½ ч. в. **Волицкій.**

ШАМИЛЬ НА КАВКАЗѢ
и въ Россіи. Біографическій очеркъ всей жизни кавказскаго героя съ портретами, составленъ М. И. Чичаговой. 2—:
Цѣна два рубля. за пересылку 37 к.
Складъ изданія: Колокольная улица д. № 3.

Вновь открытый складъ
ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ
И. И. КАРПОВА.
С.-Петербургъ. Загородный просп. 2.

ЗАИКАНІЕ
и другіе недостатки произношенія
лечатся Профессоромъ Берканомъ. СПБ., Николаевск., д. 4, кв. 1.

ЖЕНСКІЕ КЛАССЫ НОВЫХЪ ЯЗЫКОВЪ
М. М. БОБРИЩЕВОЙ-ПУШКИНОЙ.
Составъ преподавателей: В. П. Острогорскій, В. Н. Куницкій, Э. Ѳ. Колеръ, Ю. Ю. Бюши, С. К. Берлингъ, Н. А. Гейбель, К. Эд. Тернеръ, И. Кемпбель-Ле-Кроніе, Р. В. Лоренцони, Е. Б. Барсукова, О. К. фокъ-Рекненкампфъ и др.
Пріемъ на текущій учебный годъ открытъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 до 4 часовъ въ помѣщеніи классовъ, Ивановская, 2—30. Классы продолжаются до 15 мая.
См. „Ниву" отъ 19 января. Р. № 5010

ЛАНОЛИНЪ.
Косметическое средство для смазыванія кожи у взрослыхъ и дѣтей.
Продается во всѣхъ аптекахъ. Р. № 5011

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
АЛЕКСАНДРА КУТУЗОВА
Невскій пр., д. № 29—31, рядомъ съ Думою.
Отдѣленіе: Садовая. д. № 32, въ С.-Петербургѣ.
Покупаетъ и продаетъ процентн. бумаги
русское золото и серебро, иностранныя деньги въ кредитныхъ билетахъ, золотѣ и серебрѣ.
ВЫДАЕТЪ ССУДЫ СЪ ПРАВОМЪ ВЫКУПА ПО ЧАСТЯМЪ:
подъ билеты I займа . . . . . по 210 р.
„ „ II „ . . . . . „ 195 р.
„ „ Дворянскаго займа сполна оплачен. . . . . „ 190 р.
„ „ „ „ оплачен. 155 р. . . . . „ 130 р.
подъ другія процентныя бумаги 10% ниже биржевой цѣны, взимая съ суммы до 1000 руб. 8% годовыхъ, свыше 1000 руб.—7% годовыхъ.
ПРИНИМАЕТЪ ВКЛАДЫ
на срокъ, до востребованія и на текущій счетъ, по которымъ платитъ впредь до измѣненія:
на годъ и болѣе . . . 6½% ◆ на три мѣсяца 5½%
„ 6 мѣсяцевъ . . . 6% ◆ по востребованію . . . 5%
По текущему счету 4½%.
Принимаетъ страхов. бил. I и II по 75 к.
Исполняетъ биржевыя и иногородныя порученія въ точности.
ТЕЛЕФОНЪ КОНТОРЫ № 100. Ц. № 5013

60 к., 75 к., 1 р., 1 р. 25 к. до 5 р. съ полнымъ комфортомъ отдѣльныя комнаты во вновь перестроенной и значительно увеличенной Ц. № 4768 (8)
БОЛЬШОЙ ГОСТИННИЦѢ „РОССІЯ" ВЪ ХАРЬКОВѢ.
Лучшая кухня. Первоклассный ресторанъ. **Самыя умѣренныя цѣны** на всѣ предметы. Омнибусъ; ванны. Телефонъ. **Подъемная машина** (lift) во всѣ этажи. Уступка при болѣе продолжительномъ пребываніи. Подробный тарифъ высылается по требованію.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парфюмеровъ во Франціи и заграницей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисовопясмутовая пудра.
CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.
Ц. № 3767 (98)

КОНТОРА
ЕГОРА МАЙЕРЪ
въ Москвѣ
(учрежденная въ 1872 г.)
СТРАХУЕТЪ отъ тиражей погашенія билеты 1-го и 2-го внутреннихъ съ выигрыш. займовъ.
Владѣльцевъ билетовъ, застрахованныхъ въ означенной конторѣ и выводящихъ въ единовременные тиражи погашенія, покорнѣйше просятъ **предъявить неотлагательно** чрезъ корреспондентовъ или прямо въ контору въ Москвѣ эти билеты для обмѣна **на другіе, невышедшіе въ тиражъ.**
Порученія изъ провинціи исполняются съ обратною почтою, и по желанію, съ наложеннымъ платежомъ. III. № 5003

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки.
Они же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода **паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта** въ Англіи и знаменитаго завода **сѣнокосилокъ, жнеенъ „Дезм" и снопоевязалокъ Мак'Кормика** въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандалъ и конныя грабли Тигръ завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 4484 26—19
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенопъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ — ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

На общемъ основаніи торговли разрѣшено врачебнымъ отдѣленіемъ Французскаго Правительства **КИНЪ НЕ СОДЕРЖИЩИХЪ ВЪ СВОЕМЪ СОСТАВѢ ВРЕДНЫХЪ ЗДОРОВЬЮ ВЕЩЕСТВЪ.**

Можно получать во всѣхъ лучшихъ **АПТЕКАХЪ, АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ,** магазинахъ обуви и резиновъ издѣлій.

Выписывающимъ не менѣе 3-хъ гг. мальчиковъ, пересылка безплатно, торговцамъ значительная уступка.

Главный складъ у изобрѣтателя, провизора Ѳ. И. Шепфъ, въ Москвѣ, Патріаршіе пруды, д. Бриткина. Ц. № 4750 12—5

Только подлинно съ этой фабрикн. маркой.

„НЕ КАШЛЯЙ".
Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)
Л. Г. ШТЕЙНЪ и К°.
въ Бреславлѣ.
Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ не составъ этихъ препаратовъ не находятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.
*) **Цѣна:** бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты по 30 и 50 к.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ **С.-Петербургѣ**, Колокольная, 18—19.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В № 4719 18 11

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску**, которою печатается иллюстрированный журналъ **„Нива"**. № 2405

Библиотека "Руниверс"

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 38—12

АНГЛІЙСКОЕ

КОНЦЕРТИНО

Инструментъ очень пріятнаго тона, съ полной хроматической гаммою, на которомъ можно играть послѣ короткаго упражненія всевозможныя пьесы со всѣми ихъ диезами.

Сопрано 48-тонныя въ 24, 30, 40, 50, 65, 85, 100, 125 и 140 р., 56-тонныя въ 160 и 200 рублей.

Баритоны 48-тонные въ 85 и 140 руб.

Самоучитель Пруссака 2 руб.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.

Большой выборъ нотъ для англійскаго концертино.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо № 5015

музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

НОВЫЕ ВЫСОКАГО КАЧЕСТВА

МЮСКЪ одеколонъ . 45 и 80 к.
мыло . . . — „ 25 „
бѣлый, духи . 85 и 1 р. 50 „
САФО духи . . . . . — 1 р. 25 „

Въ лучшихъ магазинахъ парфюмеріи

Просимъ обращать вниманіе на вышепомѣщенную фабричную марку.

СПБ., Пр. Александр. театра, 9.

Москва, Никольск., д. Шереметьева.

НОВОСТЬ

МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!

ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

Извощо! Привитично! Безопасно! Дешево!

Служитъ карманной спичечницей, даетъ вѣчный свѣтъ по цѣлымъ часамъ.

Сдѣлано изящно изъ никкеля. Только 1½ вер. выпуклы — удобно носить въ карманѣ.

Огниво съ 500 зарядами 2 руб. (Пер. 1 ф.
Запасъ въ 1000 зарядовъ 50 коп.)

Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, чотность и прелесть.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ Б. Морская, 21.

РУССКІЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОММЕРЧЕСКІЙ БАНКЪ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

Невскій проспектъ, № 23, домъ графа Строганова.

(Основной капиталъ 5.000.000 рублей, сполна оплаченный).

Имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что впредь до измѣненія

ПЛАТИТЪ по текущимъ счетамъ . . . . . 3% год.
„ по вкладамъ до востребованія . . . . . 3% „
„ на срокъ отъ 1 до 6 мѣсяцевъ . . . . . 3½% „
„ „ свыше 6 мѣсяцевъ . . . . . 4% „

ВЗИМАЕТЪ по учету векселей . . . . . отъ 5% до 7% год.
по ссудамъ подъ залогъ бумагъ срочнымъ . . . . 6% „
„ безсрочнымъ (on call) . . . . . 5½% „

БАНКЪ ИСПОЛНЯЕТЪ поручения по покупкѣ и продажѣ фондовъ и другихъ биржевыхъ цѣнностей за 1/10% комиссіи.

Производитъ платежи и выдаетъ переводы и аккредитивы на главнѣйшія мѣста въ Россіи и заграницею.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ товаровъ.

Принимаетъ порученія на полученіе платежей по векселямъ и всякимъ другимъ срочнымъ документамъ.

Принимаетъ на храненіе всякаго рода цѣнности и процентныя бумаги и по желанію клиентовъ обязуется слѣдить за тиражами и своевременно получать по срочнымъ купонамъ проценты и дивиденды, а также и капиталъ по вышедшимъ въ тиражъ бумагамъ за плату по уговору. № 50 4

Натуральная минеральная вода источника

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

въ Будапештѣ.

Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграницы. Дирекція въ Будапештѣ. № 4829 6—2

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

И. И. БАЛДИНЪ и К°,

Москва, Столешниковъ переул., домъ Корзинкина.

рекомендуетъ гг. иногороднымъ покупателямъ въ

БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ:

СЕРВИЗЫ СТОЛОВЫЕ Англійскихъ, Французскихъ и Русскихъ фабрикъ.
„ ЧАЙНЫЕ Столовые отъ 10 до 250 руб. Чайные отъ 3 до 50 руб. на 12 персонъ.
ХРУСТАЛЬ БАККАРА Богемскій и Русскій (сервизъ отъ 10 до 75 рублей).
ЛАМПЫ „Молнія“ и другихъ системъ разныхъ фасоновъ отъ 2 до 100 рублей.
БРОНЗА, люстры, канделябры, подсвѣчники и письмени, принадлежн. разныхъ цѣнъ.
КУХНЯ, полная обстановка, желѣзная, эмалированная и мѣдная отъ 30 до 100 р.
КРОВАТИ металлическія съ пружинными и волосяными матрацами отъ 14 до 100 р.
ВАННЫ, ДУШИ, клозеты цинковые разныхъ фасоновъ и цѣнъ.
УМЫВАЛЬНИКИ: мраморные отъ 14 до 150 р. и по заказу; цинковые отъ 3 до 15 р.
МЕБЕЛЬ БУКОВАЯ: стулья, диваны, кресла разныхъ цѣнъ.
ПОЛНОЕ ДОМОХОЗЯЙСТВО отъ 90 до 200 руб.
МЕЛЬХІОРЪ своей фабрики: принимаемъ поставку онаго въ клубы, буфеты, рестораны и возобновляемъ старый.
ВЪ КАЗЕННЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ принимается поставка нашихъ товаровъ. Отправка во всѣ города Россіи и на всѣ станціи желѣзныхъ дорогъ.

P.S. Кромѣ того Контора торговаго дома принимаетъ порученія гг. иногородныхъ для комиссіоннаго выполненія всевозможныхъ товаровъ, матеріаловъ и высылку оныхъ, а также принимаетъ на себя для сбыта въ МОСКВѢ всевозможныхъ предметовъ и товаровъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ Контора торговаго дома приглашаетъ АГЕНТОВЪ въ большихъ городахъ Россіи для своихъ операцій изъ % оборота.

На отвѣтъ просимъ прилагать 2 семикопѣечныя марки. Р. № 5001

Торговый домъ И. И. БАЛДИНЪ и К°.

ИЗВѢСТНЫЕ ДУХИ ДЛЯ НОСОВЫХЪ ПЛАТКОВЪ и проч.

ГУСТАВА ЛОЗЕ № 4724 8—6

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN Ландышъ.
ЛОЗЕ GOLDLILIE Золотая Лилія.
ЛОЗЕ PEAU D'ESPAGNE
ЛОЗЕ HELIOTROPE BLANC
ЛОЗЕ ROSE MARÉCHAL NIEL

НОВОСТЬ

LILAS BLANC

Бѣлая Сирень.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ Придворный парфюмеръ, Берлинъ, Егерштрассе, 46.

Можно получить во всѣхъ парфюмерн. магаз. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Косметик. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ.

Больш. чувствит., хорошо вывѣрены.

Въ никелиров. оправѣ 5 и 6 р. 50 к., пересылка за 2 и 3 фунта.

Въ полир. дерев. оправѣ отъ 9 до 14 р. Тоже съ термометромъ отъ 13 до 22 р. Барометр. баром. и для измѣренія высоты отъ 11 до 45 р.

Е. КРАУСЪ и К°.

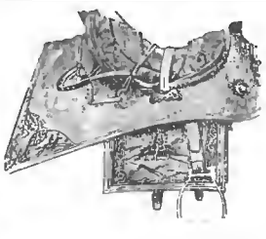
Фабрика въ Парижѣ, Aven. d. l. République, 4.

2—1 ДЕПО ДЛЯ РОССІИ № 5005

С.-Петербургъ. Мойка, № 42.

Иллюстр. прейсъ-кур. высылается безплатно.

Казанское сѣдло № 1, рекомендуемое — выгоднѣе — выдѣланной кожи, съ уздечкою и



остальнымъ полн. приборомъ 20 р. На пересылку почтой слѣдуетъ обязательно высылать за 30 фунт., по ж. д. Можно на переводъ. Саратовъ, фабрика М. и И. Мѣлышевыхъ. Р. № 5012

ВИНОКУРЪ

имѣющій многолѣтнюю практику и основательно знакомый свое дѣло, опытный дистиллаторъ по очисткѣ водокъ и перегонкѣ спирта, основываясь на хорошіе аттестаты, желаетъ поступить на постоянное мѣсто, гарантируя за достиженіе наивысшихъ градусовъ при гонкѣ вина изъ картофеля, ржи, кукурузы и проч.; онъ же при томъ мѣдникъ и механикъ.

Адресъ: Ю. Веберъ, С.-Петербургъ, Обводный каналъ 113, кв. 13. № 5008

ССУДЫ подъ всѣ % бумаги.

ВЫИГРЫШН. ЗАЙМЫ

посредствомъ залога. Задатокъ 15 и 20 р. Ежемѣсячно 10 и 5 р. Въ опроверженіе слуховъ симъ объявляется, что никакого запрещенія продажи выигрышныхъ займовъ съ разсрочкою платежа со стороны Правительства не было сдѣлано и такіе слухи, какъ распространяемые лицами, заинтересованными лишь въ понижеціи цѣнъ, не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

СПБ., Невскій, 59—57, собств. домъ. № 4997 (2)

Дозвол. цензур., СПБ., 13 февраля 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | г. XXII

№ 8 | 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рунод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 23 февраля 1891 г. | Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ" принимаются за строку копиарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 c.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. И. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

М. О. Кояловичъ.

Въ далеко не многочисленной плеядѣ истинно русскихъ людей, готовыхъ душу свою положить за родину, за вѣру отцовъ, особенно ярко выдѣляется симпатичная, благородная личность Михаила Осиповича Кояловича, заслуженнаго ординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи, недавно отпраздновавшаго тридцатипяти-лѣтній юбилей своей службы. Твердый, энергичный и неуклонный поборникъ интересовъ православія и русской народности въ Западномъ Краѣ, профессоръ Кояловичъ, имя котораго теперь неразрывно связано съ исторіей общественной жизни въ этомъ краѣ, за тридцать-пять лѣтъ своего почтеннаго, самоотверженнаго служенія русской наукѣ и обществу, воспиталъ не одно поколѣніе дѣятелей на разныхъ поприщахъ. Его ученики и теперь еще вспоминаютъ бесѣды своего любимаго профессора, умѣвшаго чрезвычайно картинно оживлять въ памяти своихъ слушателей историческія судьбы многострадальной родины нашей и пробуждать въ молодыхъ сердцахъ чувства любви и привязанности къ ней. Профессоръ Кояловичъ, будучи энергичнымъ патріотомъ, замѣчательнымъ ораторомъ и даровитымъ публицистомъ, работавшимъ въ органѣ И. С. Аксакова, имѣлъ огромное вліяніе, въ памятный для Россіи 1863 годъ, на народное сознаніе, на возбужденіе народныхъ массъ. Въ горячихъ своихъ статьяхъ въ *Днѣ* и въ цѣломъ рядѣ публичныхъ лекцій, онъ разъяснилъ истинное положеніе дѣлъ въ Западномъ Краѣ, высказалъ открыто и честно свои задушевныя мысли по вопросу объ отношеніи Польши къ русскому государству, и хотя большая часть имъ высказаннаго ждетъ еще своего осуществленія, но многія изъ этихъ мыслей вошли уже въ жизнь. Его любовь къ родинѣ и пламенный патріотизмъ не прошли ему, однако, даромъ: и поляки, и полякующіе россійскіе космополиты возненавидѣли русскаго ученаго, имя котораго они старались забросать грязью, и въ своей полемикѣ съ нимъ набрасывались на него съ пѣною у рта, не брезгая никакими пріе-

Михаилъ Осиповичъ Кояловичъ. Съ фот. Штрауса и К°, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

мами. Но въ то время, когда его враги клеветали и лгали, М. О. Кояловичъ спокойно стоялъ на почвѣ историческихъ фактовъ и отражалъ нападеніе силою своей учености и неопровержимыхъ доводовъ. Его превосходныя статьи о Люблинской уніи, или послѣднемъ соединеніи Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года,— произвели въ свое время сильное впечатлѣніе. Онъ раскрылъ въ нихъ и доказалъ фактически, всю нетерпимость поляковъ, показалъ, какія страшныя насилія производили поляки надъ представителями Литвы на этомъ самомъ сеймѣ. Не меньшее вниманіе возбудилъ и другой его почтенный трудъ: „Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ", появленіе котораго вызвало настоящую сенсацію въ лагерѣ тайныхъ и явныхъ недруговъ отечества нашего. Замѣчательный знатокъ уніатскаго вопроса, даровитый историкъ и этнографъ Западной Руси, желавшій, по его собственнымъ словамъ, „отблагодарить родину за жизнь и воспитаніе учеными трудами въ исторіи уніи". М. О. Кояловичъ поработалъ не мало, не только какъ профессоръ, но и какъ писатель, помѣстивъ множество статей по разнообразнѣйшимъ вопросамъ науки и жизни въ Аксаковскихъ изданіяхъ: *Днѣ*, *Москвѣ*, *Руси*, затѣмъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*, *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, *Христіанскомъ Чтеніи*, *Церковномъ Вѣстникѣ* и проч. Особенно много у него критическихъ статей и рецензій на книги по исторіи Россіи, Малороссіи и Польши. Помимо всѣхъ этихъ трудовъ, профессоръ Кояловичъ извѣстенъ еще своею дѣятельностью въ качествѣ члена Археографической коммисіи. По ея порученію онъ редиджировалъ и издалъ цѣлый рядъ историческихъ актовъ и матеріаловъ: сборникъ документовъ, объясняющихъ исторію Западной Руси, „Люблинскій дневникъ", два выпуска „Великихъ Макарьевскихъ Четьи-Миней" и проч. Большое вниманіе обратилъ онъ на себя въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ своими рѣчами, произнесенными въ С.-Петербургской Духовной Академіи и въ Славянскомъ благотворительномъ обществѣ, усерднѣйшимъ членомъ котораго онъ состоитъ съ самаго основанія Общества. Эти рѣчи были: „Три подъема русскаго народнаго духа въ смутныя времена", „Историческая живучесть русскаго народа" и „Грюнвальденская битва 1410 года". Жизнь далеко не улыбалась нашему ученому и прошла среди трудовъ и лишеній, въ непрестанной борьбѣ за идеи.

Михаилъ Осиповичъ Кояловичъ родился въ 1828 году, въ мѣстечкѣ Кузницѣ (первая станція за Гродной по Варшавской дорогѣ), Сокольскаго уѣзда, Гродненской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Тяжкая болѣзнь и преждевременная кончина главы семьи замедлила поступленіе Кояловича въ учебное заведеніе. Только въ 1841 году, когда ему было уже тринадцать лѣтъ, его отдали въ Супрасльское духовное училище, откуда по окончаніи курса, онъ перешелъ въ 1845 г. въ Литовскую духовную семинарію въ Вильнѣ. Здѣсь онъ учился превосходно, кончилъ однимъ изъ первыхъ учениковъ и за успѣхи посланъ былъ на казенный счетъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію въ 1851 году. Черезъ четыре года онъ вышелъ изъ Академіи въ числѣ первыхъ магистровъ. Его изслѣдованіе о литовской церковной уніи, написанное на полученіе этой степени и разросшееся потомъ въ солидный двухтомный трудъ, обратило на себя всеобщее вниманіе и вызвало лестные отзывы въ печати, между прочимъ и историка С. М. Соловьева. Замѣчательно, что второй томъ этого труда долго не могъ появиться въ печати и вышелъ въ свѣтъ лишь въ 1862 году, по смерти тогдашняго С.-Петербургскаго митрополита, Григорія: въ настоящее время все сочиненіе составляетъ большую библіографическую рѣдкость. Тотчасъ по окончаніи курса въ Академіи Кояловичъ назначенъ былъ преподавателемъ сперва Рижской, а затѣмъ Петербургской семинаріи. Но какъ только освободилась вакантная каѳедра сравнительнаго богословія и раскола въ Академіи, онъ получилъ эту каѳедру въ 1856 году, а въ слѣдующемъ былъ перемѣщенъ на каѳедру русской исторіи, занимаемую имъ, въ качествѣ заслуженнаго ординарнаго профессора и понынѣ. Его ученолитературная дѣятельность началась съ 1858 года, когда онъ сдѣлался усерднымъ сотрудникомъ духовнаго журнала *Христіанское Чтеніе*, гдѣ для перваго серьезнаго дебюта былъ помѣщенъ его большой разборъ сочиненія Вердье о началѣ католичества въ Россіи. Передъ польскою смутой, когда уже стали замѣчаться признаки броженія въ Западномъ Краѣ, И. С. Аксаковъ пригласилъ Кояловича сотрудничать въ *Днѣ*, и голосъ профессора Кояловича былъ тогда едва-ли не первымъ честнымъ голосомъ, поднятымъ въ защиту русскихъ интересовъ въ Краѣ. На юбилеѣ профессора Кояловича присутствовали высокопреосвященный Палладій, экзархъ Грузіи, архіепископъ Кахетинскій и Карталинскій, преосвященный Николай, епископъ Ладожскій, академикъ А. Ѳ. Бычковъ, директоръ Императорской Публичной Библіотеки, весь составъ Духовной Академіи и много высокопоставленныхъ лицъ; болѣе сотни телеграммъ прислано было юбиляру изъ разныхъ мѣстъ и особенно изъ Западной Руси. Послѣ всего имъ сдѣланнаго, Кояловичъ могъ бы вкусить, какъ говорится у Цицерона „Otium cum dignitate", но онъ и не думаетъ о покоѣ, продолжая трудиться неутомимо въ томъ же направленіи, и въ послѣднее время приготовлялъ къ изданію интереснѣйшую коллекцію тайныхъ писемъ о Россіи временъ Петра I. **Петръ Быковъ.**

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

VII.

„Le petit boudoir".

Безпокойному дню, начавшемуся такъ тревожно, не суждено было кончиться отдыхомъ, на который разсчитывалъ Литта вечеромъ.

Передъ обѣдомъ ему принесли записку отъ баронессы Каннихъ. Записка эта была составлена очень ловко на самомъ изящномъ французскомъ языкѣ.

Баронесса звала его къ себѣ вечеромъ и давала понять, что если онъ откажется, то это будетъ принято за выраженіе гордости съ его стороны и за пренебреженіе, съ которымъ де онъ отнесется къ *прежнимъ* и старымъ друзьямъ своимъ.

Словомъ, выходило такъ, что если не отправиться къ этой Каннихъ, то это будетъ служить подтвержденіемъ возникшихъ догадокъ — нетъ молъ я какой и знать васъ больше не хочу.

Какъ только стемнѣло, Литта одѣлся и пѣшкомъ пошелъ отыскивать лавку Шульца. Онъ нашелъ ее не безъ труда, но она оказалась запертою снаружи очень плотно желѣзными ставнями.

Литта рѣшилъ не стучать, подождать до завтра, когда лавка будетъ днемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, открыта, и направился къ баронессѣ.

Здѣсь его сейчасъ же приняли. Онъ думалъ, что у Каннихъ вечеръ, что онъ застанетъ у нея много народу, но въ сѣняхъ толкались только домашніе лакеи, и шубъ на вѣшалкахъ не было.

— Баронесса одна? спросилъ Литта у швейцара.

— Пожалуйте-съ! крикнувъ отвѣтилъ тотъ, кланяясь и величественно простирая руку къ лѣстницѣ.

Литта поднялся по мягкому красному ковру, въ которомъ такъ и тонула нога, прошелъ пустую залу, помпейскую комнатку и очутился въ большой красной гостиной, гдѣ бывалъ обыкновенно у баронессы.

Гостиная оказалась пуста. Литта остановился въ ожиданіи хозяйки.

— Это вы графъ? послышался ея голосъ.—Войдите сюда.

Противъ той двери въ которую вошелъ Литта была другая, скрытая обыкновенно шелковою гардиной. Но сегодня эта гардина была поднята и дверь полурастворена.

Литта направился на знакомый его голосъ и вошелъ въ сосѣднюю комнату, въ которую его допускали теперь первый разъ.

Это былъ такъ-называемый „маленькій будуаръ"— le petit boudoir — хозяйки, обтянутый сплошь бѣлымъ атласомъ, увѣшанный зеркалами и картинками, на которыхъ нимфы кружились вокругъ безобразнаго Пана или убѣгали отъ преслѣдованій сатировъ. На каминѣ, на фарфоровыхъ часахъ — пастушокъ обнималъ свою пастушку; мягкій розовый полусвѣтъ лампы ласкающе лился съ потолка.

Баронесса, вся въ кружевахъ и въ лентахъ, сидѣла на софѣ, выставивъ какъ бы случайно изъ-подъ пышной оборки узенькій носокъ, обутый въ атласную туфлю.

Библиотека "Руниверс"

— Здравствуйте! встрѣтила она Литту, протягивая ему руку. — Садитесь... Я ужь думала, что вы не пріѣдете!

Литта поцѣловалъ протянутую ему руку и не совсѣмъ ловко усѣлся на какое-то безобразно низкое кресло, не привычный къ такой мебели.

— Я думалъ, баронесса, что у васъ будетъ много народу... проговорилъ онъ.

Ни будуаръ, ни сама баронесса съ ея кружевами не произвели на него пока никакого впечатлѣнія.

— А застали меня одну? подхватила она,—и жалѣете объ этомъ?.. а?

Литтѣ нужно было отвѣчать, что „нѣтъ, напротивъ, и т. д.", этого требовали вѣжливость и приличіе.

Онъ разумѣется такъ и сдѣлалъ. Но баронесса осталась недовольна его тономъ.

— Что это, графъ, сказала она,— вы точно обѣдню служите—такъ говорите торжественно... Да вамъ не ловко, сядьте поудобнѣе... подвиньтесь ближе... вотъ такъ!

Литта подвинулся и поправился, отчего впрочемъ ему не стало ни удобнѣе, ни ловчѣе.

Золотая шпага его съ надписью „за храбрость" уперлась въ полъ и мѣшала ему. Онъ начиналъ ощущать въ себѣ не то робость, не то какое-то непріятное чувство. Онъ зналъ, что стоитъ только разъ пересилить въ себѣ это непріятное чувство, и все, что окружало теперь его—понравится и будетъ очень пріятно. Но онъ не хотѣлъ, чтобъ это было такъ.

— Я къ вамъ не надолго, баронесса, проговорилъ онъ,—я сегодня усталъ ужасно, да и вы можетъ-быть кого-нибудь ждете еще? добавилъ онъ, какъ бы не желая принимать на свой счетъ розовый полусвѣтъ будуара и кружевной нарядъ хозяйки.

— Я *васъ* ждала одного, протянула она и посмотрѣла прямо въ глаза Литтѣ.

Онъ невольно опустилъ свои глаза.

— Отчего же не надолго? продолжала она. — Вы останетесь до тѣхъ поръ, пока васъ не отпустятъ—вы знаете, власть женщины иногда бываетъ сильнѣе воли мужчины.

„Что же это вызовъ на состязаніе, подумалъ Литта,— ну хорошо же!"

— Не всегда, баронесса, отвѣтилъ онъ,—а впрочемъ, кто будетъ жить, тотъ увидитъ...

— И кто захочетъ, тотъ всего достигнетъ! въ тонъ ему продолжала она.

Между ними начался тотъ обычный въ то время разговоръ полунамековъ, недосказанныхъ фразъ и отвѣтовъ, которымъ въ особенности она придавала какой-то тайный сокровенный смыслъ, будто бы понятный только ей и ему.

Все это было давно извѣстно, въ модѣ, и даже такъ сказать выработано практикой въ очень узкую форму; но во всемъ этомъ, и въ разговорѣ, и въ этой обстановкѣ полуосвѣщеннаго, пахнувшаго куреніями, будуара съ нимфами и пастушками, и въ красивой женщинѣ передъ которой сидѣлъ Литта — было что-то опьяняющее, нѣжное, соблазнительное и манящее къ себѣ.

Разговоръ длился. Литта давалъ реплики, но все время оставался въ границѣ, отъ которой они начали, не переступая ее и какъ бы нарочно дразня баронессу.

Наконецъ она вдругъ замолчала, откинула голову назадъ и, прищурившись, стала смотрѣть на него сквозь свои подведенныя, черныя рѣсницы.

Литта потупился и, равнодушно помахивая положенною одна на другую ногой,—тоже замолчалъ съ такимъ видомъ, что онъ сколько угодно готовъ сидѣть такъ.

— Знаете что, начала наконецъ баронесса,—я вамъ откровенно скажу: вы никуда не годитесь, никуда! протянула она, и вдругъ сѣла совсѣмъ прямо на своей софѣ, спустивъ ноги совсѣмъ на полъ.

— Отчего такъ? спросилъ Литта.

— Нѣтъ, графъ, совсѣмъ другаго нужно бы было на ваше мѣсто, совсѣмъ другаго... Скажите, неужели съ женщиной наединѣ вамъ такъ же легко, какъ подъ огнемъ непріятеля?

„Совершенно такъ же", хотѣлъ отвѣтить Литта, но остановился и опустилъ голову.

Онъ вспомнилъ въ этотъ мигъ о Скавронской и почувствовалъ, что не можетъ совсѣмъ искренно, совсѣмъ правдиво сказать свое „совершенно такъ же!" и тутъ же, досадуя на себя зачѣмъ онъ оскорбилъ чистую свою грёзу о той которую любитъ—воспоминаніемъ въ такой обстановкѣ, гдѣ все не шло къ этой грёзѣ, онъ поднялся со своего мѣста и, оборвавъ разговоръ, сталъ прощаться.

— А!.. бѣгство не есть побѣда! произнесла съ торжествующимъ оттѣнкомъ баронесса. — Я надѣюсь, мы скоро увидимся.

Литта чувствовалъ въ себѣ теперь какое-то недовольство собою, точно онъ сдѣлалъ что-нибудь дурное.

Онъ раскланялся съ баронессой и скорыми шагами, почти бѣгомъ, вырвался отъ нея съ тѣмъ, чтобы никогда больше не вернуться сюда.

VIII.

Аудіенція.

О полученномъ имъ приказаніи отъ Двора явиться на аудіенцію по поводу дѣлъ Ордена, Литта послалъ подробное донесеніе на Мальту, и увѣренный, что тамъ это будетъ встрѣчено сочувственно, сталъ готовиться къ пріему во дворцѣ.

Въ назначенный день все было готово. Литта въ богатомъ красномъ камзолѣ съ великолѣпнымъ бриллiантовымъ крестомъ на груди и съ бриллiантовыми пуговицами и пряжками на башмакахъ, въ собольей шубѣ, сѣлъ въ восьмистекольную золоченую карету, съ бѣлыми мальтійскими крестами, запряженную шестью бѣлыми лошадьми цугомъ. На козлахъ кареты были кучеръ съ лакеемъ въ красныхъ ливреяхъ съ золотыми галунами, а на запяткахъ, въ такомъ же одѣяніи, стояли два гайдука.

У лошадей или скороходы, съ черными и бѣлыми перьями на головахъ.

Все это было устроено частію въ долгъ, частію на деньги, полученныя отъ Абрама, который принесъ, какъ обѣщалъ, остальныя семь тысячъ.

Карета подъѣхала къ большому подъѣзду Зимняго дворца и два придворныхъ камеръ-лакея, ожидавшіе у дверей, высадили Литту подъ руки.

Аудіенція была частная (Литта не имѣлъ вѣрительныхъ грамотъ) и потому пріемъ происходилъ безъ всякой торжественности и безъ присутствія двора.

Графа Литту встрѣтилъ и провелъ дежурный камеръ-юнкеръ къ покоямъ государыни.

Императрица приняла мальтійскаго кавалера въ кабинетѣ, у того самаго столика, у котораго выслушивала доклады своихъ сановниковъ. Но нарядъ на ней былъ не тотъ, въ которомъ она обыкновенно слушала эти доклады. Теперь на ней былъ парчевый молдаванъ, опушенный мѣхомъ и застегнутый у горла драгоцѣнною пряжкой, а напудренные волосы были собраны кверху.

Взглянувъ на нее, Литта сейчасъ же замѣтилъ ту огромную разницу, которая была въ ней теперь въ сравненіи съ тѣмъ, какъ онъ привыкъ видѣть ее на балахъ или торжественныхъ выходахъ.

Теперь она была совсѣмъ другая, не строгая, не та передъ которою смутился даже саркастическій Вольтеръ на торжественномъ пріемѣ; теперь она была просто замѣчательно сохранившеюся, несмотря на свои

Библиотека "Руниверс"

Катанье на масляницѣ.

Съ карт. П. Грузинскаго (исключ. право воспроизвед. въ гравюрѣ и т. п. принадл. „Нивѣ"), по фот. бр. Карбини, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

годы, женщиной съ ясными, умными, глубокими глазами и чарующей улыбкой, показывавшей ея ровные до сихъ поръ, какъ жемчугъ бѣлые зубы.

— Здравствуйте, графъ, вроговорила она, когда Литта цѣловалъ ея руку.—Сядьте здѣсь... Поговоримъ.

И она показала на стулъ. Литта сѣлъ.

— И такъ, начала Екатерина, — ваша Острожская ординація теперь находится въ моей землѣ... Я много слышала о мальтійскихъ рыцаряхъ и всегда считала ихъ достойными людьми. Мое всегдашнее желаніе было видѣть вхъ на своей службѣ; познакомьте же меня поближе съ вашимъ уставомъ и съ организаціей Ордена.

Литта поправился на своемъ мѣстѣ и началъ говорить и объяснять то, что отъ него требовали. Онъ говорилъ хорошо, плавно, не торопясь и не затягивая рѣчи.

Екатерина слушала его, изрѣдка дѣлая вопросы и замѣчанія, которые ясно подтверждали, что не даромъ умъ русской государыни былъ признанъ и прославленъ повсемѣстно.

Этотъ живой и бойкій разговоръ увлекъ Литту, и онъ чувствовалъ, что давно съ такимъ удовольствіемъ не говорилъ ни съ кѣмъ, и что въ данную минуту желалъ бы одного, чтобы какъ можно дольше не прекращалась эта бесѣда.

— Ну, а съ Острожской ординаціи вы послѣднее время не получали доходовъ, кажется? спросила она снова возвращаясь къ первоначальному предмету разговора.

— То есть, пока она была во владѣніи Польши, ваше величество, отвѣтилъ Литта.

— Ну, я надѣюсь, что теперь Орденъ не понесетъ никакихъ убытковъ... Я сдѣлала уже распоряженіе, чтобы снеслись съ великимъ-магистромъ о назначеніи при моемъ дворѣ министра-резидента Мальты, и указала на васъ, какъ на человѣка, который могъ бы занять это мѣсто.

Литта поклонился. Ему въ эту минуту казалось, что лучше этого ничего и придумать нельзя.

Екатерина улыбнулась ему тою улыбкою, которою она одна только умѣла улыбаться.

— Теперь, сказала она, — мы будемъ видѣться съ вами.

— Если ваше величество позволите только, опять поклонился Литта.

Во всемъ этомъ разговорѣ и въ послѣдовавшемъ затѣмъ, въ теченіе всей аудіенціи, не было сказано ни слова не касавшагося дѣла, и не смотря на это все было такъ живо и интересно, какъ будто это былъ простой разговоръ, задушевный и самый пріятный.

На прощанье Екатерина опять протянула Литтѣ руку и сказала: „до свиданія".

Онъ вышелъ изъ кабинета опять съ чувствомъ того же восторга и уваженія къ государынѣ, которое охватило его въ первую минуту на балу у Безбородка, когда она, поговоривъ съ нимъ, отошла отъ него.

Была-ли эта симпатія, преданность, удивленіе—Литта не зналъ, но не могъ не признать, что ему очень легко и хорошо на душѣ.

И если бы, казалось, теперь къ нему кто-нибудь подошелъ съ малѣйшимъ намекомъ на что-нибудь—онъ готовъ бы былъ растерзать его можетъ-быть на мѣстѣ.

Тотъ же камеръ-юнкеръ, который провелъ Литту—провожалъ его снова по безконечному ряду парадныхъ комнатъ дворца, гдѣ изрѣдка, въ опредѣленныхъ мѣстахъ, у дверей стояли часовые, отдававшіе имъ воинскую честь.

На площадкѣ лѣстницы Литта встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ въ генеральскомъ мундирѣ и, находясь еще подъ вліяніемъ своей бесѣды, не обратилъ сначала на него вниманія и не сразу узналъ его.

Это былъ князь Зубовъ.

Зубовъ окинулъ Литту съ ногъ до головы испытующимъ, недобрымъ взглядомъ и видимо ждалъ отъ него поклона.

Литта узналъ его не столько по его внѣшнему виду, сколько по своему собственному внутреннему отталкивающему чувству, которое испытываетъ всегда сильный и крѣпкій человѣкъ къ изнѣженному и слабому существу, родившемуся мужчиной и не съумѣвшему стать имъ въ жизни.

Этотъ красивый, женственный, двадцативосьми-лѣтній мальчикъ всегда былъ противенъ ему.

Онъ встрѣтилъ вызывающій, дерзкій взглядъ князя и мимоходомъ чуть замѣтно кивнулъ ему головою.

Зубовъ, не отвѣтивъ на поклонъ и не мѣняя выраженія, посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Провожавшій Литту камеръ-юнкеръ отлично замѣтилъ это безсловесное выраженіе вражды и сдѣлалъ отсюда свое заключеніе...

IX.

Отецъ Груберъ.

Когда Литта оставилъ баронессу Кашихъ въ ея будуарѣ и его поспѣшные, удаляющіеся шаги замолкли въ залѣ, обдѣланная подъ стѣну небольшая дверь отворилась въ глубинѣ комнатъ и на ея порогѣ показался гладко-выбритый человѣкъ въ черной сутанѣ. Онъ сложилъ на груди руки, и качая головой и посмѣиваясь, смотрѣлъ на баронессу, все еще сидѣвшую на своей софѣ.

— Ну, что я говорилъ вамъ?.. я предупреждалъ васъ, что ничего не выйдетъ изъ этого! сказалъ онъ сквозь смѣхъ.

— Бѣгство не есть еще побѣда! повторила баронесса послѣднія, сказанныя ею Литтѣ слова.—Вы слышали, отецъ, я это сказала ему.

— Слышалъ, протянулъ онъ и махнулъ рукою,—но только вѣрьте, что отецъ Груберъ никогда не ошибается... Никогда! помахалъ онъ изъ стороны въ сторону указательнымъ пальцемъ и, подойдя къ креслу, которое только что оставилъ Литта, сѣлъ противъ баронессы.

— Да, но я хотѣла попробовать одно изъ давно испытанныхъ средствъ, вроговорила она, нервно перебирая кольца у себя на рукѣ.

— Всѣ средства хороши, когда они ведутъ къ цѣли, вздохнулъ Груберъ, — но графъ не такой человѣкъ, чтобы его можно было захватить тѣмъ путемъ, какой избрали вы, баронесса.

Она оставила свои кольца рѣзкимъ движеніемъ, словно оборвала что-нибудь и, облокотившись на валикъ софы, полуотвернулась.

— А онъ вамъ развѣ необходимъ? помолчавъ, спросила она, искоса глянувъ на Грубера.

Тотъ, закинувъ голову сначала кверху, выразительно опустилъ ее на грудь, въ знакъ подтвержденія того, что Литта былъ необходимъ ему.

— Неужели вы думаете, что онъ въ самомъ дѣлѣ можетъ пойти *теперь* высоко? недовѣрчиво произнесла она.

— Я ничего не думаю; теперь или послѣ, но этотъ человѣкъ можетъ пригодиться, и его упускать намъ нельзя.

Отецъ Груберъ видимо игралъ роль. Онъ говорилъ какъ человѣкъ, который привыкъ, что его слушаютъ съ удовольствіемъ и придаютъ цѣну его словамъ. Въ манерѣ было вслѣдствіе этого что-то слегка дѣланное, аффектированное, въ особенности, когда онъ разговаривалъ съ такими, всецѣло преданными ему женщинами, какъ баронесса. Она была вѣрною католичкою и давно подчинилась его вліянію.

— Такъ какъ же быть? спросила она.

Груберъ самоувѣренно улыбнулся и, приподнявъ наискось правое плечо, скромно отвѣтилъ:

Библиотека "Руниверс"

— Дѣйствовать!.. до сихъ поръ я оставилъ въ покоѣ мальтійскаго кавалера, но теперь пора приняться за него...

— И вы приметесь?...

— А вотъ посмотримъ...

Груберъ долгимъ житейскимъ опытомъ (онъ былъ не молодъ уже) зналъ людей, въ особенности женщинъ, и видѣлъ, что баронесса находится теперь въ томъ состояніи душевнаго волненія, когда человѣку особенно хочется высказаться, раскрыть другому все то, что мучитъ его.

И не смотря на поздній часъ, онъ терпѣливо сидѣлъ на своемъ креслѣ съ такимъ видомъ, какъ-будто забылъ что можетъ-быть пора уже было уйти ему.

— Вотъ видите-ли, отецъ, заговорила вдругъ баронесса, зажимая ладонями глаза и опуская голову,—я должна прилиться вамъ, какъ на духу... Я прошу васъ теперь выслушать мою исповѣдь...

— Что такое? удивился Груберъ очень естественно и придвинулся поближе, сдѣлавъ серьезное, внимательное лицо...

— Вотъ видите-ли, повторила она, — я не была съ вами вполнѣ искренна... т. е. не то, чтобы я солгала вамъ что-нибудь, нѣтъ, но я не все открыла вамъ...

Груберъ слушалъ, слегка кивая головою и какъ-бы говоря, что молъ все это ничего: вы разскажите только, я и успокою, и прощу, словомъ, сдѣлаю все, что нужно—и это все въ нашей власти...

— Когда вы сказали сегодня утромъ, разсказывала между тѣмъ баронесса,—что графъ Литта вамъ необходимъ, я предложила вамъ попробовать свое вліяніе на него. Я думала, что, бывая у меня въ домѣ, онъ, почти никуда не показывающійся человѣкъ, выдѣлилъ меня изъ общаго уровня... И когда мы увидимся, наконецъ, съ нимъ, какъ это было сегодня вечеромъ,—онъ объяснится и будетъ въ моей власти, а слѣдовательно и въ вашей... Вѣдь вы же добра ему хотите, отецъ, не правда-ли? слѣдовательно, какъ же мнѣ не помочь вамъ, т. е. ему... это все равно вѣдь...

— Конечно, произнесъ Груберъ и голосъ его прозвучалъ внушительно,—конечно, я желаю только добра и могу дѣйствовать лишь для вящей славы Божіей...

Баронесса и не ожидала ничего иного. Она утвердительно кивнула головой и продолжала:

— Ну, вотъ видите, когда мы остались съ нимъ вдвоемъ сегодня—сначала я думала, что я играю только роль, но потомъ...

Она взглянула на патера. Онъ сидѣлъ, слегка отвернувшись, съ безпристрастнымъ лицомъ судьи. Глаза ихъ не встрѣтились.

— Потомъ, подхватила баронесса,—я почувствовала, что кромѣ желанія сдѣлать добро человѣку и угодить вамъ, во мнѣ самой есть что-то, что заставляетъ меня не совсѣмъ равнодушно относиться къ графу Литтѣ... Я нѣсколько разъ смущалась, когда онъ взглядывалъ на меня. И вотъ когда онъ сказалъ, что не всегда женщина бываетъ сильнѣе мужчины и потомъ еще... Ахъ, отецъ, еслибы вы знали, что за глаза у него!... и потомъ эта сила, мощь, которою онъ такъ и дышетъ весь... Одну минуту мнѣ казалось, скажи онъ мнѣ быть его рабой—я-бы не задумалась...

Груберъ строго сдвинулъ брови и глянулъ на нее...

Баронесса смутилась и, потупившись, стала перебирать кружевную оборку...

— Вы должны быть рабой только церкви... значительно произнесъ онъ.—Но, сейчасъ же добавилъ, какъ-бы смягчая строгость этихъ словъ, — но, разумѣется, человѣкъ слабъ... и ему извинительны и свойственны ошибки... Ищите себѣ поддержки въ людяхъ, которые могутъ преподать вамъ добрый совѣтъ...

— Вы не оставите меня, отецъ... прошептала Каннихъ.

Ей показалось, что она покраснѣла въ эту минуту.

— Я буду поддерживать васъ, успокоилъ ее Груберъ.—Я вамъ могу сказать только одно: если вы ощутили въ себѣ чувство, о которомъ вы говорили, то обыкновенно оно бываетъ обоюдно—это всегда происходитъ взаимно... и можно, за рѣдкими развѣ исключеніями, всегда разсчитывать на отвѣтное чувство...

Груберъ видѣлъ, какъ по мѣрѣ его словъ лицо баронессы сіяло все больше и больше...

— Такъ вы думаете, отецъ, что это возможно? а какъ же вначалѣ вы такъ были увѣрены, что графъ Литта не такой человѣкъ?..

— Я не зналъ, перебилъ онъ,—что вы хотите дѣйствовать искренно, но искренность—великая вещь...

— И вы допускаете, что когда-нибудь въ немъ проснется настоящее чувство?

— Можетъ-быть оно проснулось уже! произнесъ Груберъ, подливая масла въ огонь. — Во всякомъ случаѣ я-бы желалъ лучше видѣть его у вашихъ ногъ, чѣмъ у чьихъ-нибудь другихъ... Я знаю, что вы не сдѣлаете ему вреда...

— Боже мой, я-бы хотѣла ему только счастья, только радости...

— Такъ будемте же дѣйствовать, повторилъ Груберъ и поднялся со своего мѣста.

Когда онъ ушелъ, Каннихъ долго еще ходила по своему будуару, не имѣя силъ успокоиться.

Наконецъ она выпила стаканъ флёръ-д'оранжевой воды и пошла спать...

„Но что за человѣкъ, какой умъ, какое знаніе жизни!“ удивлялась она отцу Груберу...

X.

Кондитерская Гидля.

Выйдя изъ дворца, Литта сѣлъ снова въ свою золотую карету; дверца хлопнула, лакей вскочилъ на козлы и карета тронулась...

Зимній день выдался свѣтлый. Такъ рѣдко показывающееся въ декабрѣ солнце надъ Петербургомъ свѣтило теперь, но не грѣло, а только играло на алмазномъ снѣгѣ и на узорахъ замерзлыхъ оконъ кареты. Колеса скрипѣли на морозѣ странною, звенящею музыкой. Сквозь матовыя отъ покрывшихъ ихъ узоровъ стекла пробивался мягкій, ровный свѣтъ.

Внутри кареты, не смотря на холодъ, было очень уютно и пріятно... Она такъ мягко покачивалась на своихъ упругихъ рессорахъ. Литта невольно оглядѣлся съ удовольствіемъ...

„Что это?“ мелькнуло у него, — и онъ, высвободивъ изъ-подъ шубы руку, взялъ съ бархатной подушки возлѣ себя сложенную въ нѣсколько разъ бумажку, которая бросилась ему въ глаза.

Бумажка была сложена очень аккуратно и видимо нарочно подброшена, чтобъ ее замѣтили.

Онъ развернулъ ее съ тою ничего собственно незначущею улыбкою, съ которою мы встрѣчаемъ обыкновенно всякую таинственность...

Это была записка, писанная лѣвою рукой. Литта зналъ, что почеркъ лѣвой руки у всѣхъ людей одинаковъ.

„Сегодня вечеромъ васъ ждутъ въ кондитерской Гидля“, стояло въ запискѣ, и затѣмъ была подпись: „Ajaks Norbaks“. Записка была на французскомъ языкѣ. Литта разорвалъ ее и бросилъ. Какое было дѣло ему до того, что какой-то таинственный „Аяксъ“ сообщалъ кому-то, что его ждутъ въ кондитерской Гидля. Самъ Литта почти не бывалъ въ этой, впрочемъ, модной кондитерской и рѣшительно не принялъ на свой счетъ приглашенія, рѣшивъ, что оно случайно попало къ нему въ карету. Можетъ быть даже по ошибкѣ. И онъ сталъ думать про разговоръ съ государыней и про назначеніе свое посломъ при ея дворѣ.

Библиотека "Руниверс"

Пріѣхавъ домой, онъ приказалъ вымыть дорогую карету, вытереть ее замшей,—словомъ, сдѣлать такъ, чтобъ она не испортилась. Распорядившись также насчетъ лошадей и чтобъ озябшимъ людямъ дали водки, онъ вошелъ къ себѣ.

Снимая шубу и доставая изъ ея кармана носовой платокъ, онъ нащупалъ тамъ опять сложенную въ нѣсколько разъ бумажку.

Это оказалась совершенно такая же записка и съ тою же подписью...

„Что за вздоръ!" подумалъ Литта, придя къ себѣ въ кабинетъ и бросивъ записку на бюро.—„Это ко мнѣ однако, очевидно ко мнѣ... Но зачѣмъ, къ чему?... Кому нужно?..."

И онъ невольно думалъ все объ этомъ, пока камердинеръ и два лакея, помогая ему раздѣваться, снимали съ него парадный нарядъ...

— Принесите мнѣ что-нибудь поѣсть, да дайте стаканъ вина, я прозябъ, приказалъ Литта, когда переодѣванье кончилось.

Въ ожиданіи завтрака онъ сталъ ходить по комнатѣ.

Камердинеръ, торопливо перебирая своими мягкими туфлями и слегка отогнувшись назадъ, принесъ ему на серебряномъ подносѣ два хрустальныхъ графина съ бѣлымъ и краснымъ виномъ, стаканы, хлѣбъ, кусокъ холодной ветчины, телятины, паштетъ и вазочку русской икры, которую Литта очень любилъ.

Литта почувствовалъ, при видѣ подноса, что онъ голоденъ и, подойдя къ столику у бюро, на который камердинеръ поставилъ подносъ, началъ стоя ѣсть.

Онъ налилъ себѣ вина въ стаканъ и хотѣлъ его выпить, но вдругъ, не донеся до рта, снова поставилъ на подносъ и поспѣшно схватилъ съ бюро лежавшую тамъ записку.

Глаза его нечаянно упали на эту записку, когда онъ хотѣлъ выпить вино, и случайно онъ прочелъ стоявшую на ней подпись „Ajaks Norbaks" отъ правой руки къ лѣвой, т.-е. наоборотъ.

Вышло: „Skabronskaja".

Литта не вѣрилъ глазамъ своимъ.

Снова все, что таилось въ немъ въ теченіе шести долгихъ лѣтъ, противъ чего онъ боролся,—всплыло наружу при этомъ внѣшнемъ, неизвѣстно откуда пришедшемъ напоминаніи дорогаго имени, словно и не было этой шестилѣтней борьбы...

Но что это —мистификація, случайность? Литта не раздумывалъ, онъ зналъ только, что не смотря ни на что онъ пойдетъ теперь въ кондитерскую Гидля, пойдетъ, потому что разузнать какое соотвѣтствіе имѣлось между этой запиской и именемъ, которое прочелъ Литта на ней,—было для него необходимо.

И онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ждать наступленія вечера.

Швейцарецъ Гидль торговалъ на одной изъ лучшихъ улицъ Петербурга—на Милліонной. Цѣлый день здѣсь толпилась и сидѣла масса народу.

Литта вышелъ изъ дому въ шесть часовъ, сообразивъ, что достаточно уже поздно, чтобы считать это время „вечеромъ"...

Придя въ кондитерскую, онъ осмотрѣлся, выбралъ свободный столикъ, спросилъ себѣ чашку шеколада и невольно началъ приглядываться къ окружавшей его публикѣ, желая узнать, кому изъ нихъ было дѣло до него и кто же наконецъ призвалъ его сюда такимъ страннымъ образомъ.

Но всѣ, казалось, были заняты сами собою и никто не обращалъ на него вниманія...

Литтѣ принесли шеколадъ и подали новую афишу о предстоящемъ театральномъ представленіи.. Шеколадъ онъ не сталъ пить, и взялся отъ нечего дѣлать за афишу.

Въ ней сообщалось, что черезъ двѣ съ половиной недѣли на Святкахъ состоится дебютъ извѣстной французской актрисы Шевалье въ трагедіи Расина „Федра".

Это была очень знаменательная новость, но Литтѣ было не до нея и онъ нѣсколько разъ перечитывалъ крупныя буквы афиши, не вдумываясь въ ихъ смыслъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи, когда же подойдутъ къ нему...

Наконецъ самъ толстый швейцарецъ Гидль приблизился къ его столику и учтиво проговорилъ:

— Можетъ-быть графу угодно отдѣльную комнату? тамъ будетъ покойнѣе...

„А, онъ меня знаетъ!" удивился Литта и, рѣшивъ, что вѣроятно ему нужно было послушаться хозяина, всталъ со своего мѣста.

Гидль повелъ его по длинному коридору, минуя, однако, комнаты гдѣ бывали обыкновенные гости.

Они прошли весь коридоръ, потомъ повернули въ какой-то закоулокъ, совсѣмъ темный, и наконецъ Гидль отворилъ дверь и впустилъ Литту въ просторную горницу, но убранную совсѣмъ не по трактирному. Стѣны были окрашены густою, темною, мрачною краской. На простѣнкѣ, противъ двери, висѣло большое распятіе. Посрединѣ стоялъ дубовый столъ, окруженный такими же скамейками. Широкая лампа подъ зеленымъ абажуромъ бросала свой свѣтлый, ровный кругъ съ потолка.

Отъ стола навстрѣчу Литтѣ поднялся одѣтый въ черное патеръ, и Литта сейчасъ же узналъ въ немъ Грубера.

Патеръ Груберъ, дѣятельный членъ Іезуитскаго ордена въ Бѣлоруссіи, явился въ Петербургъ подъ предлогомъ представленія Академіи Наукъ какихъ-то своихъ изобрѣтеній по части механики. Онъ бывалъ, якобы въ виду исканія покровительства своимъ проектамъ, въ домахъ петербургской знати. Литта встрѣчался съ нимъ и между прочимъ видалъ его раза два у Каннихъ.

Каждый разъ при встрѣчѣ патеръ намекалъ ему, что желалъ бы сойтись съ нимъ поближе, но Литта уклонялся отъ этого.

— Не ожидали меня встрѣтить здѣсь, графъ? спросилъ Груберъ на отличномъ итальянскомъ языкѣ.

Онъ одинаково свободно владѣлъ языками: нѣмецкимъ, латинскимъ, англійскимъ, французскимъ, русскимъ и итальянскимъ.

Литта отступилъ назадъ и съ невольнымъ удивленіемъ произнесъ:

— Нѣтъ, не ждалъ!..

— Ну, вотъ видите, сказалъ, улыбаясь, Груберъ,— присядемте, однако,—время дорого, я желалъ съ вами поговорить давно наединѣ, а между тѣмъ такъ случалось, что это было затруднительно. Другъ къ другу намъ ѣхать тоже было какъ-то неловко—кому первому? не такъ-ли?—лучше всего здѣсь, на нейтральной почвѣ... правда вѣдь?

И говоря это, Груберъ садился и придвигалъ табуретъ Литтѣ.

Литта присѣлъ къ столу бокомъ, какъ-будто хотѣлъ встать сейчасъ.

— Прежде чѣмъ вы мнѣ скажете что-нибудь, остановилъ онъ іезуита, слегка прикасаясь рукою до его руки,—прошу васъ объ одномъ—та записка, по которой я вызванъ сюда, вами написана?

Груберъ кивнулъ головой.

— Да, мною.

— Подпись, которая стоитъ подъ нею, — случайно вами взята или вы имѣли какое-нибудь основаніе подписаться такъ?

Груберъ медленнымъ и долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ прямо въ глаза Литтѣ и, поджавъ свои тонкія, безкровныя губы, отвѣтилъ:

— Совершенно случайно!...

Литта не повѣрилъ ему, но рѣшилъ, что во что бы то ни стало онъ будетъ знать истину.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Ряженая. Рис. Кригеръ, грав. Фельдвегъ.

Библиотека "Руниверс"

Барроудэльскій пастухъ.

Историческій разсказъ **Валентина Ферна.**

(Окончаніе).

Поздно вечеромъ на другой день своего бѣгства онъ проходилъ по оврагу, густо заросшему кустами. Вдругъ чей-то сдержанный голосъ крикнулъ ему:

— Стой! Кто идетъ?

— Бѣдный пастухъ, отвѣчалъ онъ.

— Слѣдуй за мной.

Вооруженный человѣкъ вышелъ изъ темноты и повелъ его къ тому мѣсту, гдѣ паслись лошади и двѣнадцать человѣкъ расположились лагеремъ, но не зажигая костра, что очень удивило Лауренса. Между ними особенно выдавался одинъ, съ прекраснымъ блѣднымъ лицомъ, богато одѣтый и въ шляпѣ съ длиннымъ, бѣлымъ перомъ, которое низко спускалось на затылокъ.

— Кто ты такой? спросилъ этотъ человѣкъ, которому, повидимому, повиновались остальные.

— Я бѣдный пастухъ изъ Барроудэли. Парламентскіе солдаты отняли у меня овецъ и велѣли гнать ихъ въ Дургамъ. Дорогой я спасся бѣгствомъ. Меня зовутъ Лауренсъ Парри..

— Ты стоишь за парламентъ, или за короля?

— Я ничего не понимаю въ политикѣ, сударь; хотя говорятъ, что король обложилъ народъ тяжелыми податями, но у меня онъ никогда не взялъ ни одного пенни. Между тѣмъ круглоголовые украли у меня пятнадцать овецъ. Поэтому я и говорю: „Да благословитъ Богъ короля Карла!"

— Такъ и нужно дѣлать, пастухъ! Ты знаешь эту мѣстность?

— Знаю отлично.

— Тебѣ знакома дорога въ Кесвикъ?

— Да, господинъ.

— Войска генерала Ламберта до сихъ поръ стоятъ близь Кесвика, или въ окрестностяхъ?

— Нѣтъ. Третьяго дня ушелъ послѣдній отрядъ.

Кавалеръ съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ началъ о чемъ-то тихо говорить со своими товарищами; это совѣщаніе продолжалось не долго. Онъ опять обратился къ пастуху:

— Можешь-ли ты проводить насъ въ Кесвикъ?

— Съ удовольствіемъ, господинъ мой, отвѣчалъ Лауренсъ.

Кавалеры сѣли на коней и выѣхали изъ оврага. Молодой пастухъ бѣжалъ рядомъ съ ними. Передъ всадниками разстилалась широкая равнина, мѣстами болотистая, мѣстами поросшая кустарникомъ. Иногда болотистая почва колебалась подъ копытами лошадей. Вѣтеръ гналъ по темному небу густыя облака, которыя по временамъ закрывали узкій серпъ луны, сіявшей блѣднымъ свѣтомъ.

Проѣхавъ около мили по этой пустынѣ, они вдругъ увидѣли посреди степи ярко пылавшіе костры.

— Что это значитъ? спросилъ предводитель всадниковъ.— Это можетъ быть непріятельскій лагерь?

— Нѣтъ, господинъ мой, возразилъ Лауренсъ.—Здѣсь остановилась на ночь королева.

— Что за пустяки ты болтаешь, пастухъ? Королева съ принцемъ и принцессами находится въ настоящее время за-границей и въ полной безопасности.

— Простите меня, господинъ! Я говорю не о королевѣ Англійской, а о знаменитой цыганской королевѣ Земфирѣ, которой подвластны всѣ цыгане трехъ соединенныхъ королевствъ.

— Я уже слышалъ объ этой замѣчательной особѣ, пробормоталъ блѣдный кавалеръ.—Какъ видно, пуритане еще не успѣли разрушить ея призрачнаго трона.

— Цыганская королева—пророчица, которой можно вѣрить, сказалъ Лауренсъ тономъ глубочайшаго убѣжденія.—Она предсказываетъ будущее по линіямъ ладони и ея предсказанія всегда сбываются. Но только это очень дорого стоитъ—цѣлый шиллингъ! А дешевле она не беретъ. Моя судьба меня очень заботитъ и мнѣ чрезвычайно хотѣлось-бы знать будущее. Но жертвовать на это шиллингъ я не въ состояніи.

Цыганскій таборъ расположился вблизи древняго памятника эпохи друидовъ. Два громадныхъ камня стояли вертикально на подобіе колоннъ и на нихъ поперекъ положенъ былъ третій огромный камень. Лауренсъ сказалъ:

— Это мѣсто называется могилой великановъ. Ученые люди говорятъ, что здѣсь была столица короля Артура и здѣсь-же волшебникъ Мерлинъ предсказалъ ему всѣ несчастія Англіи.

Таборъ состоялъ изъ четырехъ маленькихъ и одной большой палатки. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ горѣли торфяные костры, отъ которыхъ поднимались густые клубы дыма. При входѣ въ большую палатку стояла цыганская королева Земфира и жадными блестящими глазами смотрѣла на приближающихся всадниковъ. Вокругъ огней расположились живописныя группы мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Прекрасные господа! воскликнула она льстиво.—Не проѣзжайте мимо моего табора, не узнавши вашей судьбы!

По знаку блѣднаго кавалера, всадники остановились. Онъ вынулъ изъ кармана золотую монету и далъ ее пастуху, прибавивъ:

— Ну, узнай, что тебя ожидаетъ въ будущемъ.

Лауренсъ поблагодарилъ и протянулъ монету цыганкѣ, воскликнувъ:

— Земфира, открой мнѣ мою судьбу.

— Покажи мнѣ твою руку. О, юноша, ты родился подъ счастливой звѣздой! говорила Земфира, внимательно разсматривая линіи ладони.—Ты будешь имѣть во всемъ удачу и сдѣлаешься богатѣйшимъ человѣкомъ въ графствѣ Кумберландъ.

— Ахъ, нѣтъ, Земфира! Я всегда останусь бѣднымъ пастухомъ и буду несчастенъ всю мою жизнь, потому что Сюзанна Карнэтъ, которую я люблю, выходитъ замужъ за сына богатаго мельника, Майльса Бэнтинга.

— Майльсъ Бэнтингъ не можетъ жениться на Сюзаннѣ Карнэтъ, потому что онъ умеръ. Третьяго дня водяную мельницу въ Эйглонъ-Мурѣ разграбили мародеры, а Майльсъ Бэнтингъ былъ убитъ. Правда это, Алеко, сынъ мой?

Молодой цыганъ, сидѣвшій у огня, сказалъ:

— Клянусь вѣчнымъ пламенемъ, это правда. Третьяго дня я самъ видѣлъ трупъ.

— Ты видишь теперь, что ничто не мѣшаетъ твоему счастью. А твое богатство лежитъ въ глубинѣ земли.

— О, Боже мой! едва слышно произнесъ Лауренсъ, пораженный неожиданными новостями.

Въ эту минуту костеръ вспыхнулъ и ярко освѣтилъ лица всадниковъ. Цыганка, замѣтивъ кавалера съ перомъ на шляпѣ, устремила на него пристальный взглядъ и воскликнула:

— Кто изъ васъ, господа, не смотря на свою знатность и могущество, озабоченъ своей судьбой и хотѣлъ-бы знать будущее?

— Я хочу знать будущее, сказалъ блѣдный кавалеръ. Онъ сошелъ съ лошади и бросилъ цыганкѣ монету, которую она ловко подхватила на лету.

— Покажи мнѣ свою ладонь.

Кавалеръ протянулъ руку.

— Прежде звѣзда твоя сіяла ярко, теперь же свѣтъ ея поблѣднѣлъ и недалеко то время, когда она совсѣмъ погаснетъ, говорила цыганка.—Новое, полное блеска, высоко восходящее свѣтило совершенно затмитъ ее.

— Оливеръ Кромвель, тихо пробормоталъ кавалеръ и вытеръ со лба холодный потъ.

— Зачѣмъ ты ѣдешь на сѣверъ?

— Потому что на югѣ мнѣ негдѣ искать спасенія.

— Остерегайся шотландцевъ! Шотландцы измѣнятъ тебѣ.

— Я долженъ имъ довѣриться.

— Это будетъ твоею погибелью. Но звѣзда твоего сына впослѣдствіи засіяетъ полнымъ блескомъ, хотя теперь она потонула въ глубокой тьмѣ.

Кавалеръ вздохнулъ какъ бы съ облегченіемъ.

— Дай Богъ счастья моему сыну! А что ждетъ меня самого?

— Не спрашивай меня дальше. Твоя жизнь протянется недолго. Вотъ все, что я могу сказать тебѣ.

Блѣдный кавалеръ глубоко вздохнулъ и пошатнулся, какъ бы готовый упасть въ обморокъ.

— Помогите! Королю дурно! воскликнулъ одинъ изъ свиты, поспѣшно сходя съ лошади. Это былъ почтенный старикъ съ длинными сѣдыми волосами, похожій скорѣе на ученаго, нежели на воина.

— Не нужно, докторъ, сказалъ несчастный монархъ.—Я только чувствую нѣкоторую слабость. Поѣдемъ дальше.

И онъ съ нѣкоторымъ трудомъ опять сѣлъ на лошадь.

— Господи Іисусе! воскликнулъ изумленный Лауренсъ.— Значитъ вы король, господинъ мой?

— Да, пастухъ. Я—Карлъ Стюартъ. Да сохранитъ Господь твое счастливое невѣдѣніе!

— Не довѣряй шотландцамъ! кричала Земфира.

— Прощай, смуглая королева дикихъ степей.

— Не вѣрь шотландцамъ!

— Впередъ, господа!

И они поѣхали дальше пустынною степью. Къ полуночи они достигли отдаленныхъ холмовъ и узкимъ ущельемъ перешли въ долину.

— Теперь мы въ Барроудэлѣ, сказалъ Лауренсъ.—Въ двухстахъ шагахъ отсюда моя хижина.

— Пастухъ, можешь-ли ты дать намъ чего-нибудь поѣсть? спросилъ Карлъ.

— Да, мой господинъ и король, если вы только не осудите мою бѣдность. У меня есть черный хлѣбъ и овечій сыръ и, кромѣ того, я могу заколоть моего лучшаго ягненка и приготовить жаркое. Для питья у меня есть два большихъ кувшина лучшаго голландскаго пива.

Библиотека "Руниверс"

— Тогда мы отдохнемъ здѣсь нѣсколько часовъ, такъ какъ я чувствую, что силы мои истощились.

Они остановились у хижины и зажгли большой костеръ. Братья Парри тотчасъ же закололи лучшаго ягненка, остудили мясо въ свѣжей водѣ и положили на сковороду. Въ ожиданіи ужина король съѣлъ немного хлѣба съ сыромъ и выпилъ кружку пива. Эта легкая закуска очень подкрѣпила его.

Одинъ изъ свиты—это былъ его секретарь Лесли—вынулъ изъ вьюка письменный приборъ съ чернильницей и перомъ и при свѣтѣ костра началъ что-то писать въ тетради.

— Ты продолжаешь твой дневникъ? спросилъ Карлъ.

— Да, ваше величество, я запишу удивительныя приключенія послѣднихъ двадцати четырехъ часовъ, чтобы потомство узнало когда-нибудь, какъ много вы страдали.

— Прочти, что ты вчера написалъ.

Лесли началъ: „Понедѣльникъ, 27 іюня. Сегодня не было обѣда. Ужасный день! Мы ѣхали съ шести часовъ утра до вечера, не имѣя крошки хлѣба для подкрѣпленія силъ. Мы долго блуждали въ горахъ и король съѣлъ два сухихъ яблока. Ночь провели въ степи. На другое утро король завтракалъ у одной бѣдной вдовы" *).

— Сегодня наше положеніе немного лучше, сказалъ король и показалъ на сковороду, гдѣ жарилась баранина. Въ эту минуту лицо его имѣло такое же грустное выраженіе, какъ и на знаменитой картинѣ Ванъ-Дика.

Около хижины лежало нѣсколько кусковъ чернаго камня, оставшагося послѣ нагрузки лошадей Яна Корнелиса. Старый господинъ съ сѣдыми волосами поднялъ одинъ изъ этихъ кусковъ и началъ внимательно его разсматривать.

Этотъ старый ученый былъ докторъ Вильямъ Гарвей, одинъ изъ знаменитѣйшихъ естествоиспытателей того времени, имя котораго навсегда останется въ лѣтописяхъ медицинской науки, такъ какъ онъ первый открылъ тайну кровообращенія въ человѣческомъ тѣлѣ и прочно установилъ законы этого явленія. Какъ лейбъ-медикъ Карла I, онъ и въ несчастіи остался вѣренъ своему царственному повелителю.

— Что это у васъ такое? спросилъ Карлъ.

— Посмотрите, ваше величество, это черный свинецъ, или графитъ, отвѣчалъ ученый.—Я не зналъ, что этотъ рѣдкій минералъ встрѣчается и въ Англіи. Это очень цѣнный продуктъ, изъ котораго въ Голландіи выдѣлываютъ прекрасные карандаши... Пастухъ!

— Что угодно, господинъ?

— Откуда у тебя этотъ камень?

— Вонъ изъ той ямы. Тамъ лежитъ еще нѣсколько тысячъ пудовъ.

— Неужели ты самъ сдѣлалъ это открытіе, которое въ болѣе благопріятное время будетъ имѣть большое значеніе въ англійской промышленности?

— Да, господинъ. Я и мой братъ Джильсъ сдѣлали это открытіе. Сюда пріѣзжалъ одинъ голландскій корабельщикъ, нагрузилъ графитомъ десять вьючныхъ лошадей и далъ намъ двадцать шиллинговъ.

— Онъ самъ навѣрно заработаетъ въ сто разъ больше. Замѣть это себѣ, пастухъ, и другой разъ попроси у него лучшей платы.

— Благодарю васъ за совѣтъ, господинъ, сказалъ Лауренсъ, кланяясь.

— Есть у тебя право на владѣніе землей около твоей хижины? спросилъ Карлъ.

— Нѣтъ, ваше величество, у меня нѣтъ никакихъ писанныхъ документовъ, но родъ нашъ издавна владѣетъ этой землей.

— Ну, такъ я тебѣ дамъ грамоту. Лесли, возьми листъ бумаги и пиши то, что я тебѣ продиктую. Мы, Карлъ I, Божіей милостью король Англіи, Шотландіи и Ирландіи, даруемъ пастухамъ Лауренсу и Джильсу Парри, имъ и ихъ потомкамъ на вѣчныя времена право владѣнія на графитные рудники, открытые ими въ Барроудэлѣ. Дано въ Барроудэльской долинѣ 29 іюня 1644 года.

Король подписалъ и далъ грамоту пастуху.

— Возьми это отъ твоего короля въ благодарность за твою вѣрность. Хорошенько сохрани этотъ документъ. Если не теперь, то впослѣдствіи онъ будетъ тебѣ полезенъ. Моя подпись будетъ имѣть силу, если когда-нибудь счастье опять улыбнется дому Стюартовъ.

Лауренсъ и Джильсъ стали на колѣни и поцѣловали руку короля.

Три часа спустя Карлъ Стюартъ вмѣстѣ со своей свитой отправился дальше. Подъ водительствомъ пастуха они переѣхали поперекъ Барроудэльскую долину и черезъ горный хребетъ поѣхали въ Кесвикъ, куда прибыли поздними утромъ.

Ворота были отворены, подъемные мосты спущены и комендантъ, графъ Лонсдэль, вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами вышелъ навстрѣчу королю.

— Графъ! сказалъ Карлъ,—вы должны уступить непріятелю этотъ городокъ. Парламентскія войска находятся уже близь Дургама. Съ вашими небольшими военными силами мы постараемся пробиться въ Карлейль. Тогда я стану во главѣ шотландскаго войска, хотя меня и предостерегали противъ шотландцевъ, да, въ прошлую ночь... Но я долженъ это сдѣлать! Другаго выбора у меня нѣтъ.

. . . . . .

Лауренсъ Парри опять возвратился въ свою хижину.

Недѣль черезъ десять голландецъ Янъ Корнелисъ опять появился въ долинѣ.

— На этотъ разъ мнѣ нужно сто мѣшковъ графита, сказалъ онъ.

— Вы можете получить ихъ, но только вы должны положить за нихъ настоящую цѣну, возразилъ Лауренсъ.

И онъ сказалъ голландцу, что ему теперь хорошо извѣстна цѣнность этого минерала и способъ его употребленія.

Послѣ долгихъ споровъ рѣшено было, что они подѣлятъ прибыль. Братья должны были получить за сто мѣшковъ двѣсти фунтовъ стерлингъ.

— Надѣюсь вы этимъ можете быть довольны, замѣтилъ голландецъ. — Вамъ эти деньги не стоятъ никакого труда, такъ какъ я одинъ несу на себѣ издержки и рискъ предпріятія. Въ настоящее время между Голландіей и Испаніей идетъ война и весьма возможно, что дорогой на мой корабль нападетъ какой-нибудь испанскій крейсеръ и ограбитъ меня. А въ Англіи продать его нельзя, потому что здѣсь нѣтъ ни одной фабрики, гдѣ требовался бы графитъ.

Не смотря, однако, на жалобы на его затруднительное положеніе, голландецъ немедленно расплатился съ Лауренсомъ.

Съ этими деньгами Лауренсъ тотчасъ же отправился къ Джону Карнэту и сказалъ:

— Я и мой братъ въ настоящее время самые богатые пастухи въ долинѣ. Да, нашъ графитный рудникъ стоитъ больше, чѣмъ всѣ вѣтряныя мельницы, вмѣстѣ взятыя. Посмотрите, сколько денегъ! Это еще только начало нашего богатства. Майльсъ Бэнтингъ умеръ. Неужели вы и теперь откажете мнѣ въ рукѣ вашей дочери?

— Нѣтъ, возразилъ Карнэтъ.—Ты оказался всѣхъ умнѣе и счастливѣе. Я отдаю тебѣ Сюзанну, Лауренсъ.

Тогда состоялась веселая помолвка влюбленной парочки. Недалеко отъ рудника Лауренсъ построилъ хорошенькій домикъ, а затѣмъ обвѣнчался съ Сюзанной. Вмѣстѣ съ ними въ новомъ домѣ поселилось счастье, никогда не покидавшее Лауренса и его брата Джильса.

Каждые три мѣсяца голландецъ привозилъ Лауренсу крупныя суммы денегъ и взамѣнъ бралъ транспорты графита. Не смотря на чрезвычайно запутанныя политическія обстоятельства, торговыя сношенія не прекращались и вывозъ графита совершался безпрепятственно вплоть до 1650 года.

Въ 1650 г. Оливеръ Кромвель объявилъ войну голландцамъ, вслѣдствіе чего Янъ Корнелисъ не появлялся больше въ Вайтгэвенѣ. Но Лауренсъ Парри уже заранѣе пріобрѣлъ образчики голландскихъ карандашей. Онъ вступилъ въ компанію съ умными, предпріимчивыми людьми и занялся выдѣлкой карандашей. Такъ возникли знаменитыя мануфактуры карандашей въ Кесвикѣ, потомъ въ Лондонѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Въ продолженіе двухсотъ лѣтъ англійскіе карандаши, по превосходству матеріала, считались лучшими въ свѣтѣ. Только въ новѣйшее время съ ними осмѣливаются соперничать нѣмецкіе фабрикаты.

Неисчерпаемый Барроудэльскій рудникъ, осчастливившій первыхъ его собственниковъ, доставилъ громадныя богатства ихъ потомкамъ, такъ какъ спросъ на этотъ дорогой продуктъ увеличивался съ каждымъ годомъ.

Судьба короля Карла I извѣстна. Пророчество цыганской королевы исполнилось буквально. Шотландцы измѣнили королю и выдали его врагамъ. Послѣ него правилъ государствомъ Оливеръ Кромвель съ титуломъ Лорда-Протектора. Но послѣ его смерти республиканская партія распалась и въ 1660 г. сынъ короля торжественно вступилъ въ англійскую столицу подъ именемъ Карла II.

*) Историческій фактъ. Этотъ замѣчательный, на латинскомъ языкѣ написанный, дневникъ приложенъ къ сочиненію: „Miscellanea curiosa".

Травянистыя запруды на верхнемъ Нилѣ.

Наши рѣки текутъ довольно спокойно и терпѣливо несутъ по своему теченію нагруженныя суда, терпѣливо носятъ цѣпи, которыя человѣкъ погружаетъ въ ихъ воды, чтобы облегчить ходъ такъ-называемымъ туэрнымъ пароходамъ. Лишь во время быстраго таянія снѣга, или при сильной бурѣ, покрываются пѣнистыми волнами и, вырвавшись на просторъ, разрушаютъ все попадающееся на ихъ пути. Картина и размѣры разрушенія такой разбушевавшейся рѣки всѣмъ извѣстны.

Равнымъ образомъ знакомъ всѣмъ, если не лично, то по подробнымъ описаніямъ очевидцевъ, шумъ рѣки, пробивающейся сквозь каменныя объятія окружающихъ скалъ. Менѣе извѣстно публикѣ значеніе растительности въ боль-

Библиотека "Руниверс"

На балконѣ въ Римѣ во время карнавала Карт. Инноченти, грав. Брендамуръ.

Библиотека "Руниверс"

шихъ рѣкахъ. Обыкновенно ограничиваются сообщеніемъ о плавающихъ деревьяхъ и плавучихъ островахъ. Это игнорированіе растительности въ большой рѣкѣ тѣмъ болѣе странно, что растительность эта при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ вызывать очень крупныя послѣдствія, напримѣръ: постепенно передвигать русло рѣки съ одного мѣста на другое, препятствовать судоходству по рѣкѣ и даже наказывать смѣльчаковъ, отваживающихся на борьбу съ этою необычайною враждебною стихіей.

Наши читатели знакомы съ очень многими прекрасными рѣками и читали много путешествій, сопряженныхъ съ опасностью для изслѣдователей, но путешествія сквозь травянистыя заросли извѣстны лишь очень немногимъ, несмотря на то, что описаніе ихъ часто встрѣчается у тѣхъ изслѣдователей и путешественниковъ, которые, подобно Эмину-пашѣ и Стенли, избрали такую область для своего изслѣдованія, какъ Африка. Избирая предметомъ настоящей статьи именно эти заросли, приходится перенестись къ величественному Нилу, который уже издавна приковывалъ къ себѣ всеобщее вниманіе изслѣдователей.

Въ Египтѣ Нилъ составляется изъ двухъ большихъ рѣкъ, соединяющихся у Хартума. Изъ горной страны Абиссиніи съ юго-восточный стороны вытекаетъ Голубой Нилъ въ видѣ горной рѣчки, въ полномъ значеніи этого слова; онъ впадаетъ въ Бѣлый Нилъ, берущій свое начало въ самомъ сердцѣ Африки изъ Нильскихъ озеръ и похожій на громадное озеро, величественно протекающее по равнинѣ. Послѣдняя рѣка во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія является цѣлью многочисленныхъ изслѣдователей: Бэкера, Гордона, Эмина-паши, которые старались при ея помощи внести цивилизацію въ самое сердце Африки. На первый взглядъ казалось, что Бѣлый Нилъ является самымъ удобнымъ и надежнымъ путемъ сообщенія съ Хартумомъ, столицею Судана, такъ что уже Бэкеръ въ 1870 году привезъ съ собою пароходъ, на которомъ и поднялся почти до самыхъ Нильскихъ озеръ, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться, такъ какъ дорогу преграждалъ довольно высокій водопадъ. Скоро однако пришло въ Европу поразительное извѣстіе, что судоходство по Нилу невозможно—вслѣдствіе скопленія травы. Такія извѣстія повторялись во время Гордона. Въ 1881 году пришло извѣстіе, что смѣлый противникъ торговцевъ невольниками Ромо ло-Гасеи былъ нѣсколько мѣсяцевъ задержанъ на мѣстѣ этими травянистыми скопленіями, потерялъ большую часть своихъ людей, и благодаря вынесеннымъ страданіямъ и лишеніямъ, такъ надломилъ свои силы, что это повело къ преждевременной смерти; позже, на то же самое жаловался Эминъ-паша, такъ какъ это затрудняло ему сношеніе съ Хартумомъ. Всѣ эти факты уже указываютъ на то, какое громадное значеніе имѣетъ это рѣдкое явленіе природы въ исторіи развитія Судана. За тысячу лѣтъ это являлось уже препятствіемъ, не допускавшимъ открыть источники Нила. Императоръ Неронъ посылалъ вверхъ по Нилу для вышеозначенной цѣли двухъ римскихъ сановниковъ, и судя по ихъ докладу, они могли дойти до того мѣста, гдѣ эта рѣка распадается на массу мелкихъ рѣчекъ, терявшихся въ болотахъ.

Первыя экспедиціи, которыя посылались, начиная съ 1840 г., для изслѣдованія верхняго Нила, не нашли никакого засоренія рѣки; члены ея замѣтили только, что многіе побочные рукава его густо покрыты растительностью, а также, что внизъ по теченію плыли травянистые острова; лишь экспедиція, снаряженная А. Тиннс, принесла въ 1863 г. первое извѣстіе о травянистой преградѣ, которая образовалась нѣсколько миль выше устья Баръ-эль-Газала, одного изъ притоковъ Нила.

Покинувъ средне-африканскую возвышенную равнину, Бѣлый Нилъ протекаетъ по плоской степи. Его берега измѣнны, а потому и область разлива во время дождливаго времени года чрезвычайно велика; рядомъ съ главнымъ русломъ рѣки лежатъ многочисленныя боковыя русла и большіе водоемы, образующіе какъ бы цѣлый рядъ озеръ.

Такимъ образомъ здѣсь находится самая подходящая среда для роскошнаго развитія водяныхъ травъ. На цѣлыя мили покрывается рѣка тропическими травами, которыя при помощи своихъ плавучихъ корневищъ то подымаются, то опускаются, слѣдуя движенію каждой маленькой волны; корневища эти покрыты сочною зеленью, образующею цѣлый лѣсъ травянистой растительности, покрывающей рѣку въ видѣ ковра на громадное пространство. Въ числѣ ихъ находится растущій въ болотахъ папирусъ, который здѣсь окаймляетъ берега, не заходя на большую глубину. Въ видѣ кустовъ растетъ тамъ, вышиною въ нѣсколько футовъ, нильскій тростникъ, стебель котораго, при толщинѣ въ нѣсколько дюймовъ, такъ легокъ, что одинъ человѣкъ легко можетъ нести изъ этихъ стеблей цѣлый плотъ, который можетъ поднять отъ двухъ до трехъ человѣкъ. Кромѣ этихъ главныхъ представителей мѣстной растительности, здѣсь множество водяныхъ растеній, какъ водяныя лиліи, водяныя розы и т. п.

Когда въ періодъ дождей уровень воды повышается, большіе куски этой растительности отрываются отъ береговъ и несутся внизъ по теченію до тѣхъ поръ, пока на какомъ-нибудь поворотѣ рѣки не останавливаются. Количество вышеозначенныхъ кусковъ находится въ прямой зависимости отъ высоты поднятія воды: чѣмъ эта высота больше, тѣмъ и лоскутовъ такихъ больше. Они обыкновенно скопляются въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ и образуютъ въ нѣкоторомъ родѣ естественную запруду, такъ что вода можетъ переливаться только черезъ этотъ зеленый слой. Такія отложенія носятъ у арабовъ названіе „сеттъ"; изслѣдователи обозначаютъ ихъ именемъ травянистыхъ баровъ.

Главную массу ихъ образуютъ высокія травы съ корневищемъ, также попадаются между ними оторванныя группы папируса и стебли тростника. Скученныя растенія не отмираютъ, они остаются зелеными и продолжаютъ расти на пономъ своемъ мѣстѣ. Высокія травы обладаютъ длинными (до нѣсколькихъ метровъ) корневищами, толщиною въ нѣсколько сантиметровъ, которыя до такой степени переплетаются другъ съ другомъ, что образуютъ какъ бы гигантскую сѣть. Болѣе тонкіе коренья еще крѣпче связываютъ всю эту массу, которая напоминаетъ собою ужасно грубый войлокъ. Изъ этихъ корней выходятъ въ безчисленномъ количествѣ легкіе стебли съ длинными лентообразными листьями и такимъ образомъ возникаетъ травяная заросль, отъ 2 до 8 метровъ вышиною. Растетъ она чрезвычайно быстро, такъ что, если ее сжечь, то въ какую-нибудь недѣлю она снова достигаетъ вышины 1 метра. Еще выше подымаются кусты папируса и стройные стебли тростника.

Подъ водою между тѣмъ скопляется илъ, трупы животныхъ, растительные остатки—и образуютъ постепенно плотину, которая достигаетъ 7 метровъ глубины въ данномъ мѣстѣ русла. Лишь изрѣдка удается теченію прорвать такую плотину, а если это и случится, то ведетъ лишь къ тому, что вся эта масса растительности плыветъ до слѣдующей такой же плотины и тамъ останавливается, увеличивая еще болѣе эту запруду.

„Плотность, крѣпость и упругость этихъ плотинъ, пишетъ К. Марно, лучшій знатокъ этихъ своеобразныхъ запрудъ.—такова, что пароходъ врѣзывается въ эту массу до самыхъ колесъ и затѣмъ отталкивается назадъ какъ бы самою упругою пружиной. На нихъ можно селиться и пасти скотъ, чему едва-ли повѣрятъ лица, не видавшія этихъ запрудъ въ такую сравнительно позднюю эпоху. Засореніе русла заносами только съ большою натяжкою можетъ быть сравнено съ этимъ явленіемъ".

Когда травянистая запруда достигаетъ только что указанной крѣпости, рѣка уже не въ состояніи ее больше разрушить. Предъ этой плотиной останавливаются ея волны; вода вынуждена разлиться по пологому берегу, гдѣ она образуетъ озера и пруды и выкапываетъ себѣ новое русло, которое ниже соединяется опять съ прежнимъ русломъ.

Такимъ образомъ растительность является причиною постояннаго измѣненія теченія рѣки, причемъ на быстроту этого процесса указываетъ уже тотъ фактъ, что каналы, по которымъ могъ проѣхать Бэкеръ со своимъ пароходомъ и барками, по прошествіи какого-нибудь десятилѣтія превратилась въ совершенную сушу.

Пароходство на Нилѣ очень затрудняется, когда травянистые острова начинаютъ собираться. Такъ, при обыкновенныхъ условіяхъ для путешествія отъ Фашода до Ладо, прежней столицы экваторіальной провинціи, нужно было не болѣе 12—13 дней, между тѣмъ В. Фелькинъ въ 1879 году, потратилъ на это путешествіе 56 дней, причемъ пароходъ на 40 дней застрялъ въ одномъ изъ такихъ травянистыхъ островов. Вотъ какъ Фелькинъ описываетъ эту остановку:

„Представьте себѣ водную поверхность въ 400 футовъ ширины и 300—длины, окруженную со всѣхъ сторонъ травою и камышемъ, возвышающимися надъ поверхностью воды на 20 и 30 футовъ; видишь предъ собою только воду, траву и небо. Вода мутная и грязная; это скорѣе не вода, а смѣсь ила съ водою; отъ прибавленія квасцовъ образуется осадокъ толщиною до четверти дюйма. Гнилой запахъ тропическаго лѣса и испаренія растеній удушливо висѣли въ воздухѣ, изрѣдка мимо насъ плыла мертвая рыба или полусгнившее тѣло туземца; отъ москитовъ не было спасенья ни днемъ, ни ночью. Вслѣдствіе недостатка въ движеніи, здоровье наше ухудшилось, къ тому же запасъ свѣжаго мяса приходилъ къ концу; питались мы главнымъ образомъ лепешками изъ дурро, да и то приходилось быть очень экономными и выдавать пароходной прислугѣ половинную порцію пищи. Почти каждый день разражались сильныя бури и дождь проникалъ въ наши каюты, такъ какъ обшивка ихъ разсохлась отъ жары. При заходѣ солнца изъ рѣки подымался густой туманъ, который одѣвалъ весь пароходъ какъ бы въ саванъ. Даже ночью намъ было не лучше: вслѣдствіе постоянныхъ бурь, намъ приходилось спать въ каютахъ, раскаленный воздухъ которыхъ дѣйствовалъ какъ паровая ванна. О настоящемъ снѣ нечего было и думать; ночь проходила въ полузабытьи, смѣшанномъ съ тяжелыми снами и угнетеннымъ состояніемъ духа, такъ что утромъ мы вставали совершенно измученными и все менѣе и менѣе были въ состояніи стоически ожидать своего освобожденія изъ этой темницы.

„Въ борьбѣ съ зарослью наконецъ наши силы истощились, запасъ топлива вышелъ и поэтому нѣсколько человѣкъ при-

Библиотека "Руниверс"

шлось послать въ маленькой лодкѣ на ниже лежащую по теченію станцію Шамбилъ, просить о помощи. Грустно тянулись дни за днями и мы уже предвкушали прелести голодной смерти, когда наконецъ явилась помощь, которая освободила насъ изъ этой тюрьмы".

Перевезти лодку черезъ такую запруду—дѣло крайне тяжелое. Людямъ приходится вдавливать траву и тянуть лодку по образованному такимъ образомъ каналу, при помощи канатовъ. Плотныя травянистыя запруды, образующія настоящую плотину, приходится прямо проверливать.

Путешественникъ по Африкѣ, С. Марно, нѣсколько разъ руководилъ такими работами по порученію египетскаго правительства. Обыкновенно начинаютъ съ того конца запруды, который лежитъ на нижнемъ теченіи. Въ ноябрѣ 1879 года пришлось Марно работать надъ одною запрудой, которая была длиною въ 250 метровъ, и образовалась всего въ теченіе 70 дней. Массы травы были здѣсь скучены до толщины 4 и 5 метровъ, причемъ громадное количество ила и земли залегало между угловатыми, толщиною съ человѣческую руку, корнями папируса, что ужасно затрудняло работу. Притомъ корневища травянистыхъ растеній, длиною въ 4 и 5 метровъ, сплетались такъ плотно, что образовали очень плотный войлокъ. Приходилось всю громадную площадь запруды раздѣлить при помощи глубокихъ каналовъ на отдѣльные участки, которые приходилось отдирать отъ остальной массы при помощи пароходовъ. Двѣ недѣли пришлось работать цѣлой сотнѣ людей, прежде чѣмъ это затрудненіе было устранено. Часть травы вытащили на берегъ, остальное было унесено теченіемъ.

Выше было указано, что половодье способствуетъ образованію травяныхъ запрудъ. Въ 1878 г. дождливый періодъ былъ чрезвычайно силенъ, вслѣдствіе чего въ области Нижняго Нила было очень сильное наводненіе, надѣлавшее много бѣдъ, а на Бѣломъ Нилѣ началось образованіе травяныхъ запрудъ, благодаря которымъ погибло нѣсколько человѣкъ еще въ 1881 году.

Бѣлому Нилу совершенно подобенъ и притокъ его Баръ-эль-Газаль, только у послѣдняго теченіе очень слабо, поэтому и загражденія многочисленнѣе, но незначительной крѣпости. 25 сентября 1880 года, нѣкто Гасси-паша, итальянецъ, прославившійся побѣдоносною войною противъ Солимана, отправился изъ Машера-эль-Мекъ, чтобы на пароходѣ доѣхать до Хартума. Его сопровождало 500 солдатъ и большое число освобожденныхъ невольниковъ. Хотя онъ зналъ, что рѣка преграждена и движеніе по ней сопряжено съ большимъ трудомъ и опасностями, но непонятно почему захватилъ съ собою провизіи всего на двѣ недѣли. Вслѣдствіе этого, всѣмъ имъ пришлось испытать крайнюю нужду, когда пароходъ застрялъ въ Баръ-эль-Газалѣ, большая часть ихъ погибла отъ голодной смерти, а остатки были спасены С. Марно, спустя три мѣсяца, 4 января 1881 г.

Страданія всѣхъ людей были ужасны и напоминаютъ страшныя картины полярныхъ экспедицій. Солдатъ осталось только 400, всѣ освобожденные рабы погибли, а число ихъ было такъ велико, что самъ Гасси не могъ его опредѣлить.

„Послѣдняя моя пища состояла, разсказывалъ онъ затѣмъ знаменитому африканскому путешественнику—Рольфсу,—изъ сапогъ и ремней ружья. Но умершихъ людей я все-таки не могъ рѣшиться ѣсть. Солдаты предложили мнѣ однажды человѣческое бедро и я, побуждаемый страшнымъ голодомъ, чуть было не началъ его ѣсть, но внутренности, висѣвшія на бедрѣ, привели меня въ ужасъ и заставили воздержаться отъ этой ужасной пищи".

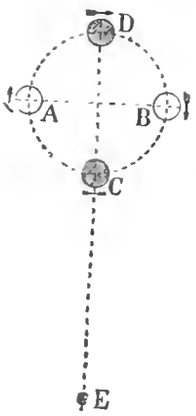
Гасси умеръ отъ истощенія 30 апрѣля 1881 года во французскомъ госпиталѣ въ Суэцѣ.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ было рѣшено регулировать теченіе рѣки въ этомъ мѣстѣ, но возстаніе махдистовъ помѣшало привести это въ исполненіе. Хартумъ перешелъ во власть махди, Экваторіальная провинція была также уступлена, такимъ образомъ рѣка была предоставлена самой себѣ и будетъ отъ времени до времени попрежнему образовать травяныя запруды, попрежнему прокладывать себѣ новое русло на пологомъ берегу, пока не отойдетъ отъ нынѣшняго русла такъ же далеко, какъ было въ древности.

Новое открытіе на звѣздномъ небѣ.

Много шума надѣлало въ образованномъ мірѣ, сдѣланное въ 1815 году, на основаніи вычисленій Леверрье, открытіе еще неизвѣстной до тѣхъ поръ планеты Нептунъ. Уже много ранѣе, изъ неправильностей въ движеніи по орбитѣ, такъ-называемыхъ пертурбацій, планеты Урана, предугадывалось существованіе еще болѣе отдаленной планеты; но Леверрье, посредствомъ астрономическихъ вычисленій, впервые пытался ближе подойти къ дѣлу. Изъ упомянутыхъ пертурбацій онъ опредѣлилъ положеніе, массу, время обращенія и проч. еще никѣмъ не видѣнной планеты. Такъ какъ въ то время въ Парижѣ не было достаточно сильныхъ телескоповъ, то Леверрье обратился въ Берлинскую обсерваторію, гдѣ заслуженный директоръ ея, Галле, дѣйствительно нашелъ планету Нептунъ на указанномъ ему мѣстѣ. Хотя въ прочихъ вычисленіяхъ Леверрье и оказались нужными значительныя поправки, однако полученный результатъ отъ этого не сталъ менѣе изумительнымъ и далъ блестящее доказательство того, что духовное око человѣка, вооруженное всѣми средствами науки, видитъ гораздо далѣе тѣлеснаго. Открытіе подобнаго рода недавно сдѣлано въ Кембриджѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, американскимъ астрономомъ Пиккерингомъ. Этотъ астрономъ занимался изслѣдованіемъ звѣздъ при помощи спектроскопа, по способу, данному 30 лѣтъ тому назадъ гейдельбергскими профессорами Бунзеномъ и Кирхгофомъ, которому мы уже обязаны многими очень важными открытіями. Пиккерингъ направилъ свой инструментъ на Мизаръ, среднюю изъ трехъ звѣздъ въ хвостѣ Большой Медвѣдицы, чтобы получить фотографическій снимокъ спектра этой звѣзды. Въ простонародьѣ созвѣздіе Большой Медвѣдицы болѣе извѣстно подъ названіями Колесницы, Телѣги, Воза и т. д.; тогда Мизаръ будетъ среднею звѣздой дышла, надъ которою видна маленькая звѣздочка, называющаяся Алькоромъ. Прилагаемая небольшая звѣздная карта (фиг. 1), содержащая лишь нѣсколько легко различаемыхъ созвѣздій, подъ буквой А изображаетъ созвѣздіе Большой Медвѣдицы, цифра 1 — Мизаръ, 2—Алькоръ. Большая Медвѣдица никогда не заходитъ для нашего полушарія, прекрасно видима въ ясную погоду и всегда легко отыскивается по своей отличительной формѣ. Она служитъ вслѣдствіе этого для опредѣленія странъ свѣта. Слѣдуя по прямой линіи, проведенной чрезъ крайнія звѣзды Большой Медвѣдицы (заднія колеса повозки), мы встрѣтимъ достаточно яркую полярную звѣзду Р, которая почти совершенно не перемѣняетъ своего мѣста на сводѣ небесномъ и находится почти у самаго сѣвернаго полюса, такъ что, зная ее, легко можно различить страны свѣта. Полярная звѣзда есть не что иное, какъ крайняя звѣзда созвѣздія Малой Медвѣдицы *В*, состоящей изъ гораздо менѣе яркихъ звѣздъ, чѣмъ Большая, но во всемъ прочемъ крайне похожей на нее по своему виду. Если отъ полярной звѣзды все въ томъ же направленіи идти далѣе, то встрѣтится значительное созвѣздіе Кассіопеи *С*, имѣющее форму буквы М или W. Эти оба созвѣздія, а съ ними и весь сводъ небесный, кажутся нашему глазу вращающимися вокругъ полярной звѣзды, по направленію стрѣлокъ на нашемъ чертежѣ. Поэтому созвѣздіе Большой Медвѣдицы является намъ то стоящимъ на горизонтѣ, то надъ головою нашей, то вправо или влѣво отъ полярной звѣзды. Знакомый съ астрономіей можетъ по этому созвѣздію ставить свои часы, а морякъ — направлять ходъ корабля. Послѣ сказаннаго, читателямъ нашимъ не трудно будетъ ориентироваться на небѣ и отыскать звѣзду Мизаръ. Изображенное на нашей картѣ положеніе звѣздъ въ сентябрѣ 1890 г. видно на небѣ въ полночь.

Фиг. 1.



Фиг. 2.

Библиотека "Руниверс"

При вышеупомянутыхъ фотографическихъ снимкахъ Никкеринга обнаружилось то поразительное обстоятельство, что спектральныя линіи періодически въ теченіе 52 дней удваивались. Мѣра этого удвоенія соотвѣтствуетъ сокращенію длины волнъ свѣта на $^1/_{4000}$. Такъ какъ скорость свѣта равняется 40,000 миль въ секунду, то это сокращеніе спектральной линіи обозначаетъ скорость источника свѣта въ 10 миль въ секунду. А такъ какъ сокращеніе линіи происходило съ обѣихъ сторонъ, то Никкерингъ заключилъ, что звѣзда эта, считавшаяся простою, на самомъ дѣлѣ должна состоять изъ двухъ звѣздъ, которыя, образуя двойную звѣзду, обращаются вокругъ общаго центра, подобно прочимъ двойнымъ звѣздамъ.

Одного взгляда на прилагаемую фиг. 2 будетъ достаточно, чтобы уяснить себѣ это. Буквы *A* и *B* обозначаютъ отдѣльныя звѣзды двойнаго созвѣздія, обращающіяся по направленію стрѣлокъ; *E* — наша земля, которую должно вообразить себѣ на безконечно большомъ разстояніи отъ звѣздъ. Мы видимъ, что звѣзда *A* удаляется отъ земли, а звѣзда *B* приближается къ ней. Черезъ 26 дней *A* придетъ въ положеніе *D*, а *B* перейдетъ въ *C*. Въ этотъ моментъ онѣ не удаляются отъ земли, и спектральныя линіи ихъ будутъ простыми. По истеченіи же еще 26-ти дней, звѣзды снова придутъ въ первое положеніе (*A—B*). Ясно, что для полнаго обращенія имъ необходимо 104 дня. Когда же звѣзда двигается въ теченіе 104 дней со скоростью 10 миль въ секунду, то она пробѣгаетъ 90 милліоновъ миль и орбита ея, которую мы должны представить себѣ кругомъ, имѣетъ 30 милліоновъ миль въ діаметрѣ. Такимъ образомъ обѣ звѣзды отстоятъ одна отъ другой на половину далѣе чѣмъ солнце отъ земли. Но если астрономъ опредѣлилъ скорость и величину орбиты, то онъ уже имѣетъ возможность вычислить и массу свѣтила. Такимъ образомъ найдено было, что Мизаръ состоитъ изъ двухъ солнцъ, по объему вдвое большихъ нежели наше.

Если-же, несмотря на значительную величину звѣздъ и громадное взаимное разстояніе, онѣ даже въ сильнѣйшіе телескопы кажутся простою, а не двойною звѣздой, то это указываетъ лишь на отдаленность Мизара отъ нашей солнечной системы.

Такимъ образомъ духовное око наше видитъ то, что тѣлесному на-вѣки останется недоступнымъ.

Но и то что мы видимъ глазами, достаточно дивно для того чтобы остановиться на немъ подольше. Мы упоминали уже, что свѣтъ въ секунду пробѣгаетъ 40,000 миль. Для такихъ далей, какія измѣряетъ астрономія, миля уже не можетъ служить мѣрою какъ только рѣчь идетъ о неподвижныхъ звѣздахъ, такъ какъ соотвѣтственное число цифръ было слишкомъ велико для нашего ума; недостаточно и земнаго діаметра, и даже разстоянія земли отъ солнца, хотя это разстояніе равняется 20-ти милліонамъ миль. Въ области неподвижныхъ звѣздъ мѣряютъ „свѣтовыми годами", т. е. протяженіемъ, которое пробѣгаетъ свѣтъ въ теченіе года. Отъ солнца до насъ свѣтъ пробѣгаетъ въ 8 минутъ, отъ полярной же звѣзды—въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ, а отъ считаемыхъ Гершелемъ отдаленнѣйшими звѣздами—въ 3541 годъ. Глядя на звѣздное небо, мы видимъ лучи, которые истекли оттуда тысячелѣтія тому назадъ.

Къ рисункамъ.

Катанье на Масляницѣ. (Рис. на стр. 172 и 173).

Искони повелось на Руси всю Сырную недѣлю посвящать веселью: хоть съ себя что заложить, а Масляну проводить. Всѣ дни ея имѣютъ особыя названія: понедѣльникъ—*встрѣча*, вторникъ — *заигрыши*, середа — *лакомка*, четвергъ — *широкій*, пятница—*тещины вечерки*, суббота—*золовкины посидѣлки*, воскресенье — *проводы, прощанье, прощенный день*. Въ числѣ масляничныхъ потѣхъ большую роль играетъ катанье съ горъ и на лошадяхъ. Вотъ передъ нами на порядкѣ большаго села несутся взапуски на перегонки три тройки, запряженныя въ деревенскія розвальни. Въ саняхъ сидятъ сельскія красавицы съ парнями, у облучковъ лихо стоятъ взявшіе на себя роль ямщиковъ. Двѣ тройки видимо не уступаютъ одна другой, третья немного поотстала. Паръ такъ и пышетъ изъ конскихъ ноздрей, цѣлый вихрь снѣжныхъ комьевъ несется изъ-подъ копытъ, а сѣдокамъ все ни по чемъ—они оглашаютъ улицу веселыми пѣснями, грызутъ орѣшки и перекидываются шутками да прибаутками... Картина проф. Грузинскаго мастерски воспроизводитъ это масляничное катанье со всей его обстановкой.

Ряженая. (Рис. на стр. 177).

Цѣлый вечеръ танцовала и веселилась граціозная ряженая и никто не могъ догадаться, кто она такая. Наконецъ, со словами „Узнаете-ли вы меня?" она сняла полумаску и, весело улыбаясь, явилась во всемъ блескѣ красоты и молодости предъ своими поклонниками.

Карнавалъ въ Римѣ. (Рис. на стр. 180 и 181).

Кто не бывалъ въ Италіи, тотъ не съумѣетъ представить то увлеченіе, или, вѣрнѣе, ту страсть, съ какою итальянцы относятся ко всевозможнаго рода зрѣлищамъ. Будетъ-ли это театральное представленіе, церковная церемонія или уличная процессія по случаю какого-нибудь торжества, итальянецъ, участникъ или просто зритель, отдается со всѣмъ пыломъ своего страстнаго характера переживаемому зрѣлищу. Однимъ изъ такихъ зрѣлищъ бываетъ карнавалъ или, по нашему, масляница, очень любимый итальянцами и чрезвычайно интересный для иностранцевъ. Начинается онъ за 8 дней до Великаго поста, но задолго до того уже дѣлаются различныя приготовленія къ карнавалу, въ теченіе котораго, подобно нашимъ Святкамъ, всякій, кто только можетъ, старается перерядиться и въ своемъ нарядѣ побродить по улицамъ. Наконецъ, наступаетъ давно ожидаемая суббота. Городъ принарядился. Повсюду развѣшаны флаги и гирлянды, изъ оконъ и съ балконовъ виситъ пестрые ковры. Повсюду на улицахъ страшная толкотня. Всѣ спѣшатъ закончить приготовленія и запастись всѣмъ необходимымъ для карнавала. По угламъ улицъ расположились торговцы съ огромными корзинами цвѣтовъ, букетовъ, сластей и всевозможной величины свертками, въ которые насыпана покрытая мукою чечевица. Но вотъ ударилъ большой колоколъ Капитолія—что означаетъ начало карнавала. Во всѣхъ окнахъ, на всѣхъ балконахъ появляются зрители въ богатыхъ нарядахъ. По Корсо, главной улицѣ Рима, потянулись экипажи, наполненные зрителями и ряжеными. Но еще больше ихъ среди неисчислимой толпы, толкающейся на улицѣ. И какихъ только тутъ нѣтъ нарядовъ! Тутъ можно встрѣтить людей въ одеждахъ всевозможныхъ народовъ, всѣхъ временъ и положеній. Тутъ же масса фантастическихъ костюмовъ, разноцвѣтные черти, арлекины, паяцы и т. п. Вся эта пестрая толпа бѣгаетъ, суетится, шумитъ, поетъ, перекидывается шутками и смѣхомъ. Здѣсь пестрый арлекинъ или двугорбый пульчинель выслѣдилъ зазѣвавшагося иностранца, наставилъ ему въ ухо дудку, свистнулъ въ нее изо всей силы и пока несчастный не успѣлъ опомниться, скрылся въ громадной толпѣ. Тамъ долговязый мужчина, въ пестромъ нарядѣ, на большихъ ходуляхъ, расхаживаетъ посреди толпы и съ невозмутимымъ спокойствіемъ тузитъ по головамъ встрѣчнаго и поперечнаго пузыремъ съ горохомъ. Чѣмъ становится позднѣе, тѣмъ меньше женщинъ на улицахъ, но зато ими переполнены тогда окна и балконы. Въ это время и начинается настоящая перестрѣлка цвѣтами и сластями. И подъ настоящимъ ливнемъ розъ, фіалокъ, камелій, маргаритокъ, коробочекъ съ конфетами и листковъ бумаги со стихами, слышатся отовсюду слова благодарности или шутокъ. Вотъ подъ богато украшеннымъ балкономъ, гдѣ размѣстилось самое пестрое общество, остановился экипажъ и сидѣвшій въ немъ юноша выбралъ самый красивый букетъ, приветалъ и собирается бросить его въ одну изъ красавицъ на балконѣ. Но въ это время зеленый чертикъ такъ ловко попадаетъ довольно увѣсистымъ свертокъ въ голову нашего незнакомца, что тотъ, осмѣянный и весь засыпанный мукою, спѣшитъ поскорѣе уѣхать отъ глазъ красавицы, которая вмѣстѣ съ окружающими громко смѣется шалости чорта...

Особенно живописный и фантастическій видъ принимаютъ улицы въ послѣдній день карнавала. Какъ только начинаетъ темнѣть, повсюду въ окнахъ, на балконахъ и крышахъ и среди снующей по улицамъ толпы появляются огоньки, тысячи, десятки тысячъ огоньковъ, то вспыхивающихъ, то мгновенно тухнущихъ. Это моколи или небольшія восковыя свѣчи, которыми унизываются экипажи, перила, окна. Кромѣ того у каждаго въ рукахъ по зажженной моколи, которую онъ защищаетъ фонарикомъ или проволочною сѣткой. Въ это время каждый старается потушить у своего сосѣда свѣчу и не дать потухнуть своей моколи. Повсюду слышатся крики одобренія ловкачу, которому удалось задуть свѣчу зазѣвавшемуся сосѣду, или насмѣшки надъ тѣмъ, у кого задули моколи. Балконы и окна выдерживаютъ настоящую осаду. Въ нихъ кидаютъ чѣмъ попало и всячески стараются потушить тамъ свѣчи. Вотъ и нашъ недавній знакомецъ у балкона своей красавицы. Навязавъ большой платокъ на длинную палку, онъ размахиваетъ имъ и старается потушить имъ свѣчу черноокой дѣвушки. Но она, закусивъ коралловую губку и сдвинувъ черныя брови, храбро уцѣпилась рукою за палку и, не смотря на жаръ тысячи огней, но поясъ перевѣсилась черезъ перила балкона въ усиліи сорвать платокъ. Борьба длится нѣсколько мгновеній, наконецъ, ей удалось содрать платокъ, и вся сіяющая она торжественно бросаетъ его въ толпу при оглушительномъ взрывѣ аплодисментовъ и похвалъ. Въ это время со всѣхъ колоколенъ послышался звонъ Ave-Maria, въ ту-же минуту все затихаетъ и тухнетъ. Карнавалъ кончился.

Репетиція предъ маскарадомъ. (Рис. на стр. 185).

Въ богатой гостиной прошлаго вѣка собрался небольшой кружокъ костюмированныхъ. Тутъ мы видимъ и пульчинелло съ характеристичными горбами на спинѣ и на груди, и рядомъ

Библиотека "Руниверс"

Репетиція маскарада. Съ карт. Ш. Шпингера, грав. Пейне.

Библиотека "Руниверс"

съ нимъ *пьеро* въ бѣломъ балахонѣ съ длинными рукавами, и *коломбину* стоящую на столѣ передъ зеркаломъ, и другую дѣвицу въ костюмѣ *пажа*, сидящую у ногъ коломбины, и *іезуита*, лорнирующаго ихъ. Всѣ они готовятся къ маскараду и осматриваютъ свои костюмы, производя нѣчто въ родѣ генеральной репетиціи.

Антоніо Ди-Рудини. (Портр. на стр. 188).

Антоніо-Старабба ди-Рудини, министръ-президентъ новаго итальянскаго министерства, происходитъ изъ богатой и знатной сицилійской фамиліи. Свою политическую карьеру онъ началъ сравнительно рано, и въ 1866 году, 27 лѣтъ отъ роду, былъ городскимъ головою въ Палермо, во время кровопролитнаго возстанія Бурбонской партіи, и много способствовалъ возстановленію порядка и спокойствія въ этомъ городѣ. Сдѣланный затѣмъ префектомъ Неаполя, онъ въ 1869 году былъ недолгое время министромъ внутреннихъ дѣлъ въ консервативномъ кабинетѣ генерала Менабреа. Удалившись одно время отъ дѣлъ, онъ по возвращеніи принялъ живое участіе въ политической жизни своей родины. Противникъ Кризпи, онъ не мало способствовалъ его паденію. Съ Россіей ди-Рудини лично знакомъ. Лѣтомъ прошлаго года, вмѣстѣ со своею дочерью, онъ посѣтилъ Петербургъ и нѣкоторые другіе города, и оставилъ самое пріятное впечатлѣніе въ тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться.

Жанъ Мейсонье. (Портр. на стр. 188).

Современное искусство недавно понесло тяжкую утрату въ лицѣ скончавшагося 19 января французскаго художника Мейсонье. Произведенія его, всегда незначительныя по размѣрамъ, давно сдѣлали извѣстнымъ его имя не только во Франціи, но и далеко за ея предѣлами. Замѣчательно тонко исполненныя, исторически вѣрныя въ мелочахъ, они цѣнятся чуть не на вѣсъ золота и всегда будутъ служить лучшими образцами настоящаго художественнаго творчества.

Жанъ-Луи-Эрнестъ Мейсонье родился въ Ліонѣ 9 февраля 1815 года. Тамъ у отца его была небольшая торговля бакалейными товарами. Мать, умершая, когда Жанъ былъ еще дитятей, занималась рисованьемъ миніатюръ и живописью по фарфору. Отъ нея, вмѣстѣ съ физическимъ сходствомъ, нервностью и впечатлительностью, будущій великій художникъ быть-можетъ наслѣдовалъ любовь къ рисованію. Привезенный ребенкомъ въ Парижъ, онъ поступилъ приходящимъ ученикомъ въ пансіонъ на улицѣ des Francs-Bourgeois, но тамъ, какъ это можно судить по одной запискѣ въ его семейныхъ бумагахъ, онъ больше занимался рисованіемъ въ своихъ тетрадяхъ, чѣмъ уроками. Знакомство и дружба съ Луи Стенхелемъ (Steinheil) окончательно увлекла его въ область искусства, несмотря на нежеланіе отца Мейсонье. Первымъ учителемъ молодаго Жана былъ Жюльенъ Потье, знакомый семейства Мейсонье. У него начинающій художникъ оставался не долго и вскорѣ перешелъ въ мастерскую Леона Конье (Cogniet), порядочнаго художника. Въ то время учитель Мейсонье писалъ плафонъ для Лувра „Экспедиція въ Египетъ", и Жанъ могъ вдоволь заниматься рисованіемъ съ натуры солдатъ той эпохи, которую онъ впослѣдствіи увѣковѣчилъ въ своихъ работахъ. Послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія у Конье, Мейсонье оставилъ занятія въ его мастерской. Его горячимъ желаніемъ было поступить ученикомъ къ славному въ то время Полю Делароше, но это стоило 20 франковъ въ мѣсяцъ, а отъ отца Жанъ получалъ всего 15 и обѣдъ по середамъ. Тогда по совѣту одного рисовальщика, онъ посѣщаетъ Лувръ, гдѣ рисуетъ со старинныхъ мастеровъ, преимущественно фламандцевъ. Но онъ не пишетъ коней, а списываетъ только то, что поражаетъ его наблюдательный глазъ жизненною правдою и движеніемъ. Въ свободное отъ этихъ занятій время—онъ расписываетъ вѣера и исполняетъ другія работы въ этомъ родѣ. Къ этому времени относится его знакомство съ молодымъ издателемъ Кюрмеромъ и участіе его въ нѣкоторыхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, не мало способствовавшихъ извѣстности Мейсонье. Въ то же время онъ начинаетъ писать картины, и на годичной выставкѣ 1834 года появляется его картина „Фламандцы", обратившая на себя всеобщее вниманіе. Черезъ два года Мейсонье выставляетъ двѣ картины, а въ 1838 году его картину „Духовникъ" пріобрѣтаетъ герцогъ Орлеанскій за 500 франковъ. Съ этого времени установилась извѣстность работъ Мейсонье.

Постоянно развиваясь, талантъ мастера даетъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ по техникѣ картинъ, преимущественно мирнаго, исторически-бытоваго характера. Передъ зрителями проходятъ изображенія курильщиковъ, игроковъ, чтецовъ, гитаристовъ, полишинелей и хотя очень часто сюжеты повторяются, но ни одна картина не похожа на другую. Лица, одежда, поза, обстановка, всегда различны и изобличаютъ необычайное разнообразіе и наблюдательность художника. Такъ продолжается до начала 60-хъ годовъ, когда Мейсонье выступаетъ на судъ публики, какъ баталистъ и историческій живописецъ. Картины этого времени составляютъ неувядаемую славу умершаго мастера и гордость французской живописи. Эти работы касаются временъ французской революціи и первой имперіи. Въ нихъ съ неподражаемою точностью и увлекательностью онъ рисуетъ солдатъ своей родины и, прежде всего, перваго солдата, Наполеона I, который нашелъ въ лицѣ Мейсонье своего неподражаемаго изобразителя въ краскахъ. Три картины изъ такихъ работъ „1805, 1807 и 1814 года", составляютъ какъ бы три пѣсни эпопеи изъ жизни Наполеона. Первая изъ нихъ изображаетъ расцвѣтъ славы этого императора, вторая—торжество Наполеона въ день Фридланда, и третья—конецъ славныхъ дней. Послѣдняя картина, гдѣ Наполеонъ, мрачный и сосредоточенный, ѣдетъ во главѣ своей арміи послѣ неудачнаго похода въ Россію и Лейпцигскаго пораженія, въ прошломъ году продана за 850,000 франковъ. За такую цѣну не продавалась никогда ни одна картина. Въ 1884 году, когда въ Парижѣ праздновался его юбилей, было собрано около четверти всѣхъ картинъ Мейсонье, числомъ 146, которыя представляли цѣнность въ 15 милліоновъ франковъ. Это можетъ служить краснорѣчивымъ указаніемъ, какъ цѣнятся произведенія великаго мастера.

С. В. Ковалевская. (Портр. на стр. 189).

Съ древнихъ временъ исторія насчитывала до сихъ поръ всего четырехъ женщинъ, составившихъ себѣ имя въ математикѣ—области наименѣе доступной ихъ полу, а именно: гречанку Гипатію, жившую въ V вѣкѣ до Р. Х., двухъ француженокъ, маркизу Габріэль Шателе Ломонъ и Софію Жерменъ, и итальянку Марію Аньези (Agnesi). Къ этимъ рѣдкимъ женщинамъ теперь прибавилось еще одно имя—имя нашей славной соотечественницы Софьи Васильевны Ковалевской, которая, подобно своимъ предшественницамъ, заявила себя вполнѣ оригинальными изслѣдованіями въ труднѣйшихъ областяхъ математической науки, затѣмъ была удостоена высшей преміи Парижской академіи наукъ и скончалась, въ Стокгольмѣ, 29 января нынѣшняго года, еще молодою, въ самомъ расцвѣтѣ своего удивительнаго таланта и славы. Профессоръ математики Стокгольмскаго университета, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ и дѣйствительный членъ Московскаго Математическаго Общества,—Софья Васильевна Ковалевская родилась 3 января 1850 года въ Москвѣ и происходила изъ фамиліи Корвинъ-Круковскихъ. Ея отецъ, Василій Васильевичъ Корвинъ-Круковскій, велъ свой родъ отъ знаменитаго покровителя литературы, венгерскаго короля Матвѣя Корвина, мать—Елизавета Ивановна—приходилась родною сестрою извѣстному математику и академику Шуберту. Дѣтство Ковалевская провела въ Калугѣ и затѣмъ въ деревнѣ Палибино, Витебской губерніи, родовомъ имѣніи отца, который переселился сюда по выходѣ въ отставку, съ чиномъ генерала. Здѣсь она воспитывалась подъ руководствомъ гувернантки-англичанки и учителя І. И. Милевича, преподававшаго ей, съ 1858 по 1867 годъ, разныя науки, рано обнаружила недюжинныя способности, съ пяти лѣтъ начала сочинять стихи и заинтересовалась математикой, благодаря вліянію своего дяди по отцу, П. В. Круковскаго. „Отъ дяди—разсказываетъ Ковалевская въ своихъ „Воспоминаніяхъ дѣтства"—услышала я въ первый разъ о квадратурѣ круга, объ ассимптотахъ, къ которымъ кривая постоянно приближается, никогда ихъ не достигая, о многихъ другихъ вещахъ подобнаго-же рода,—смысла которыхъ я, разумѣется, понять не могла, но которыя дѣйствовали на мою фантазію, внушая мнѣ благоговѣніе къ математикѣ, какъ къ наукѣ высшей и таинственной, открывающей предъ посвященными въ нее новый, чудесный міръ, недоступный простымъ смертнымъ". Кромѣ того въ этомъ отношеніи повліяли на впечатлительную натуру ребенка и чисто случайныя обстоятельства. Стѣны одной изъ дѣтскихъ комнатъ въ Палибинѣ, вслѣдствіе недостатка обоевъ, были, въ ожиданіи случая, предварительно оклеены листами литографированныхъ лекцій Остроградскаго о дифференціальномъ и интегральномъ счисленіи, пріобрѣтенныхъ отцомъ дѣвушки еще въ молодости. Заинтересованная непонятными формулами, дѣвочка цѣлые часы проводила въ созерцаніи ихъ, „пытаясь разобрать хоть отдѣльныя фразы, и найти тотъ порядокъ, въ которомъ листы должны были слѣдовать другъ за другомъ"; отъ долгаго созерцанія внѣшній видъ многихъ формулъ врѣзался сильно въ ея памяти, „да и самый текстъ оставилъ по себѣ глубокій слѣдъ въ мозгу ея". Лѣтъ 15-ти она стала брать уроки въ Петербургѣ у извѣстнаго преподавателя математики А. Н. Страннолюбскаго, который, преподавая ей дифференціальное счисленіе, удивлялся, какъ скоро, съ перваго-же урока, она усвоила понятіе о предѣлѣ и производной. На семнадцатомъ году она вышла замужъ за проф. геологіи въ Московскомъ университетѣ и издателя „Жизни животныхъ" Брема, на русскомъ языкѣ, В. О. Ковалевскаго, и уѣхала съ нимъ за границу. Въ Гейдельбергѣ она слушала лекціи (съ 1869 г.) Гельмгольца, Кирхгофа и друг. и главнымъ образомъ изучала анализъ, работала въ самой отвлеченной области математическихъ знаній. Года черезъ два она переѣхала въ Берлинъ для занятій чистою математикой подъ руководствомъ профессора Вейерштрасса, который, будучи пораженъ ея способностями и знаніями, предложилъ ей заниматься съ нею отдѣльно. Благодаря именно

Библиотека "Руниверс"

этому ученому, Ковалевская пріобрѣла огромный запасъ математическихъ свѣдѣній и развила свой удивительный талантъ въ томъ направленіи, къ которому она имѣла наибольшую склонность. Въ Берлинѣ она написала первый свой спеціальный трудъ: „Zur Theorie der partiellen Differentialgleichungen" (1874). Геттингенскій университетъ, въ годъ выхода въ свѣтъ этого труда, удостоилъ ее, единогласно, высшей ученой степени—доктора философіи и магистра изящныхъ искусствъ. Съ этого времени Ковалевская напечатала цѣлый рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій по своей спеціальности въ лучшихъ французскихъ, нѣмецкихъ и шведскихъ спеціальныхъ изданіяхъ, по теоріи ультра-эллиптическихъ функцій, распространенія свѣта въ кристаллической средѣ, и по интегрированію уравненій съ частными производными. Изъ этихъ трудовъ особенно значительны: „Sur la propagation de la lumière dans un milieu cristallisé", въ которомъ ею дано интегрированіе уравненій движенія свѣтовыхъ волнъ впервые независимо отъ невѣсомости эфира, и „Mémoire sur un cas particulier du problème de la rotation d'un corps pesant autour d'un point fixe, où l'intégration s'effectue à l'aide de fonctions ultraelliptiques du temps". По отзывамъ спеціалистовъ, эта работа ея можетъ быть поставлена на ряду съ трудами Эйлера и Лагранжа; Парижская академія наукъ увѣнчала эту работу высшею преміей Бордена, увеличенною для Ковалевской до 5000 франковъ. По возвращеніи въ Россію Ковалевская жила въ Москвѣ, гдѣ 17 марта 1881 г. была избрана въ дѣйствит. члены Математич. Общества. Въ апрѣлѣ 1883 г. у нея умеръ мужъ, отъ котораго осталась дочь, и Ковалевская еще болѣе предалась наукѣ. Въ 1884 г., съ разрѣшенія короля Оскара, по приглашенію знаменитаго профессора Миттагъ-Лефлера, она была приглашена на каѳедру чистой математики въ Стокгольмѣ, гдѣ труды ея были также премированы мѣстною академіей. Она, кромѣ того, долго была редакторомъ журнала „*Acta mathematica*". Будучи ученою, Ковалевская не утратила своей женственности, любила все изящное, отличалась поэтичностью своей натуры и обладала выдающимся литературнымъ талантомъ. Она напечатала въ русскихъ журналахъ „Воспоминанія о Джорджѣ Элліотъ", „Крестьянскіе университеты въ Швеціи", „Воспоминанія дѣтства" и нѣсколько разсказовъ изъ русской жизни на шведскомъ языкѣ, которымъ она владѣла такъ же хорошо, какъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ. Прахъ Ковалевской погребенъ съ большою торжественностью на Новомъ Кладбищѣ въ Стокгольмѣ. Такія женщины, какъ С. В. Ковалевская, родятся вѣками, и ея именемъ Россія всегда будетъ гордиться. **П. В. Б.**

О. А. Чечоттъ. (Портр. на стр. 189).

Въ послѣднихъ числахъ декабря истекшаго года въ больницѣ Св. Николая Чудотворца происходило скромное торжество: праздновалось 25-лѣтіе врачебной дѣятельности доктора медицины Чечотта, извѣстнаго психіатра и невропатолога. Юбиляръ всю эту четверть вѣка своего благотворнаго служенія медицинской наукѣ провелъ работая въ этой больницѣ, участвуя въ преобразованіи ея, служа въ ней ординаторомъ, а послѣднія десять лѣтъ и главнымъ врачемъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ Общества психіатровъ въ С.-Петербургѣ и Общества с.-петербургскихъ практическихъ врачей, Оттонъ Антоновичъ Чечоттъ происходилъ изъ минскихъ дворянъ и родился 9 октября 1842 года. Одиннадцати лѣтъ онъ былъ помѣщенъ въ Витебскую гимназію, и окончивъ въ ней курсъ, поступилъ въ 1860 году на медицинскій факультетъ Московскаго университета. Здѣсь его въ особенности заинтересовали душевныя болѣзни, и онъ пожелалъ спеціально заняться психіатріей. Но такъ какъ въ то время въ университетѣ клиническаго преподаванія этой науки не было, то онъ и перешелъ въ 1863 году въ Медико-Хирургическую Академію прямо на IV курсъ. 18 декабря 1865 года, по окончаніи курса, онъ былъ признанъ лѣкаремъ и получилъ дипломъ на серебряную медаль. Исключительныя обстоятельства не дозволяли тогда оставить его при Академіи, но ея тогдашній президентъ, извѣстный докторъ П. А. Дубовицкій принялъ молодаго врача подъ свое покровительство, обѣщавъ обезпечить ему возможность остаться въ столицѣ. Тогда открылось вакантное мѣсто ординатора при временной лѣчебницѣ для умалишенныхъ Исправительнаго Заведенія, что нынѣ больница Св. Николая Чудотворца, и профессора Боткинъ, Балинскій, Красовскій и Юнге рекомендовали Чечотта на это мѣсто. Рекомендаціи такихъ авторитетовъ, однако, не помогли: инспекторъ по медицинской части Персонъ не соглашался опредѣлить въ лѣчебницу молодаго психіатра, мотивируя отказъ желаніемъ видѣть на этомъ мѣстѣ врача опытнаго и въ другихъ отдѣлахъ медицины. Между тѣмъ Чечоттъ пропустилъ срокъ избранія себѣ мѣста службы по военному вѣдомству, и ему оставалось одно: принять мѣсто младшаго лѣкаря или на островѣ Сахалинѣ, или въ селѣ Бянкинѣ за Байкаломъ. Онъ избралъ послѣднее и можетъ-быть потерялся-бы въ глуши, если-бы Дубовицкій не спасъ его, уговоривъ медицинскаго инспектора дать согласіе на опредѣленіе Чечотта въ упомянутую лѣчебницу, въ которую онъ и поступилъ съ 1 января 1866 года, выдержавъ въ томъ-же году экзаменъ на доктора медицины. Продолжая служить въ лѣчебницѣ, онъ на слѣдующій годъ принялъ приглашеніе занять мѣсто врача на рельсо-прокатномъ и механическомъ Путиловскомъ заводѣ, гдѣ и пробылъ до 1877 года. Здѣсь практика у него была огромная. На заводѣ съ тремя тысячами рабочихъ, помимо большаго пріема амбулаторныхъ больныхъ, была еще больница съ 30 постоянными кроватями, и Чечотту приходилось не только имѣть дѣло съ заболѣвающими внутренними болѣзнями, но и замѣнять хирурга, акушера, дѣтскаго врача и проч. Отчетъ по больницѣ Путиловскаго завода (СПБ., 1867—1868 гг.) весьма краснорѣчиво говоритъ объ энергической, усиленной дѣятельности Чечотта. А такъ какъ, въ виду мѣстонахожденія завода за Нарвскою заставою, гдѣ земство тогда еще не имѣло своего отдѣльнаго врачебнаго пункта, докторъ Чечоттъ былъ единственнымъ врачемъ въ этой мѣстности, то по приглашенію земской управы, ему приходилось всегда оказывать помощь во время появленія здѣсь тѣхъ или другихъ эпидемій. Въ этотъ періодъ времени, во время появленія холеры и оспы, онъ работалъ одинъ на всю Лиговскую волость. Межъ тѣмъ и занятія его психіатріей и нервными болѣзнями шли своимъ чередомъ и кругъ этой дѣятельности его расширялся все болѣе. Съ открытіемъ новыхъ судовъ, почти совпавшимъ съ первыми шагами его на медицинскомъ поприщѣ, Чечотту, котораго весьма интересовали судебно-медицинскіе вопросы, удалось быть приглашеннымъ къ постоянному участію, въ качествѣ психіатра, въ такъ-называемыхъ распорядительныхъ засѣданіяхъ С.-Петербургскаго окружнаго суда, и это дало ему возможность широко примѣнить свои познанія по избранной имъ спеціальности. Съ этихъ поръ Чечоттъ постоянно являлся и является экспертомъ при судебно-психіатрической экспертизѣ, какъ въ окружномъ судѣ, такъ и въ прочихъ столичныхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Объясненія Чечотта, даваемыя имъ на судѣ, всегда обращали на себя большое вниманіе своей ясностью, основательностью, тонкостью соображеній, богатствомъ опыта и наблюденій. Кромѣ того, онъ приглашался для занятій по своей спеціальности въ разныя другія вѣдомства. Съ 1868 г. онъ трудился въ коммисіи, учрежденной при Медицинскомъ Департаментѣ для разсмотрѣнія проектовъ вновь устраиваемыхъ въ Россіи окружныхъ домовъ для умалишенныхъ, сотрудничалъ въ ней до ея закрытія, причемъ самъ разработалъ нѣсколько подобныхъ проектовъ, по которымъ впослѣдствіи и были выстроены правительствомъ или земствомъ дома для умалишенныхъ. Затѣмъ съ 25 мая 1873 года онъ занялъ должность совѣщательнаго члена врачебнаго присутствія при С.-Петербургскомъ градоначальствѣ. 27 мая 1876 года Чечоттъ защищалъ прекрасную диссертацію „О гальванизаціи симпатическаго нерва у человѣка и о терапевтическомъ ея значеніи", за которую и былъ удостоенъ степени доктора медицины. Въ томъ же году онъ сталъ преподавать на бывшихъ женскихъ врачебныхъ курсахъ при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, сперва семіотику и діагностику нервныхъ болѣзней, какъ ассистентъ Эйхвальда и Балинскаго, а затѣмъ самостоятельно весь курсъ нервныхъ болѣзней. Ему удалось при этомъ выдѣлить въ госпиталѣ отдѣльную клинику для нервныхъ больныхъ, имѣвшую до 40 постоянныхъ кроватей,—и такимъ образомъ онъ явился основателемъ первой въ Россіи спеціальной клиники для нервныхъ болѣзней. Въ 1878 г. Чечоттъ избранъ консультантомъ по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ въ Максимиліановскую лѣчебницу и велъ обширную амбулаторію при участіи ассистентовъ и ассистентокъ, практически изучавшихъ подъ его руководствомъ діагностику и терапію нервныхъ болѣзней. Утвержденный въ декабрѣ 1881 г. старшимъ врачемъ больницы Св. Николая Чудотворца, перешедшей затѣмъ въ вѣдѣніе городскаго общественнаго управленія, Чечоттъ былъ приглашенъ надзирать за всѣми остальными учрежденіями для душевно-больныхъ въ столицѣ и началъ печатать въ *Извѣстіяхъ Городской Думы* труды по разнымъ вопросамъ, относящимся до призрѣнія помѣшанныхъ, по порученію городскаго управленія. 13 марта 1882 г. онъ признанъ приватъ-доцентомъ Академіи по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, а въ 1883 г. утвержденъ консультантомъ при Обуховской больницѣ по нервнымъ болѣзнямъ. Въ слѣдующемъ году онъ въ качествѣ члена организаціонной коммисіи трудился по устройству перваго съѣзда русскихъ психіатровъ въ Москвѣ. Чечоттъ сотрудничалъ въ „Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ и общественной гигіенѣ", въ „Протоколахъ Общества С.-Петербургскихъ практическихъ врачей" и друг., а также редиджировалъ переводъ сочиненія англійскаго ученаго Маудсли—„Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ" и написалъ въ высшей степени интересную статью, въ видѣ дополненія къ этой книгѣ, озаглавленную: „Русское законодательство и душевныя болѣзни". Въ настоящее время Оттону Антоновичу Чечотту съ небольшимъ 48 лѣтъ и его учено-практическая дѣятельность въ самомъ разгарѣ; онъ работаетъ неутомимо, и его имя, какъ талантливаго психіатра, пріобрѣтаетъ все бо́льшую и бо́льшую извѣстность и популярность. **П. Б—овъ.**

Библиотека "Руниверс"

Политическое обозрѣніе.

Недавній посѣтитель Россіи, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ д'Эсте, прибылъ въ Буда-Пештъ 8 февраля утромъ и былъ привѣтствованъ на вокзалѣ публикою кликами „эльенъ!" Тотчасъ по пріѣздѣ эрцгерцогъ поѣхалъ во дворецъ, гдѣ былъ принятъ императоромъ. По поводу посѣщенія имъ нашей родины, вѣнскій *Fremdenblatt*, близко стоящій къ графу Кальноки, говоритъ: „Блестящій и сердечный пріемъ, оказанный эрцгерцогу Францу-Фердинанду Русскимъ Дворомъ, не только пріятно тронулъ Австро-Венгрію, но безспорно вызвалъ наилучшее впечатлѣніе вездѣ, гдѣ рады мирнымъ симпатіямъ и мирнымъ симптомамъ. Русскій Императоръ и Императорская Фамилія приняли гостя такимъ образомъ, что обнаружилось, насколько дружественны отношенія между обоими Дворами. Пріемъ этотъ безспорно придастъ этимъ отношеніямъ еще большую сердечность. Взаимныя симпатіи Высочайшихъ Особъ обѣихъ имперій должно причислить къ прочнѣйшимъ залогамъ мира. Общественное мнѣніе справедливо усмотрѣло въ посѣщеніи эрцгерцогомъ Петербурга и въ пріемѣ, оказанномъ ему могущественнымъ и миролюбивымъ Русскимъ Государемъ, событіе, которое возбуждаетъ большія надежды относительно нынѣшняго положенія и въ то же время увеличиваетъ его благопріятные элементы".

Маркизъ ди-Рудини, глава итальянскаго кабинета. Съ фот. Ле-Ліера.

Жанъ Мейсонье († 19 января 1891 г.).

8 февраля, на обѣдѣ бранденбургскаго провинціальнаго ландтага императоръ Германскій произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ свое удовольствіе по поводу того, что старанія его, направленныя къ благу страны, не оказались безплодными. „Царствующій домъ — присовокупилъ императоръ — долженъ усердно уповать на Бога и быть исполненнымъ чувства вѣрности своему долгу, народъ же обязанъ питать довѣріе къ своимъ вождямъ. Въ этомъ кроется тайна спокойствія и величія отечества. Въ настоящее время вѣетъ въ мірѣ духомъ неповиновенія, который смущаетъ умы. Мнѣ хорошо извѣстно, что за послѣднее время кое-что исчезло и измѣнилось и не всякому легко слѣдовать за мною. Но должно довѣрять мнѣ. Прошу позволенія оглянуться назадъ. Прошлымъ лѣтомъ я былъ въ Мемелѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жили мои прародители во время разгрома Пруссіи. Тамъ положены были основы нынѣшняго величія. Тогда довѣріе сплотило все и всѣхъ вокругъ короля и заставило слѣдовать за нимъ. Такъ и случилось бы теперь, хотя, благодаря Богу, нынѣ дѣло не обстоитъ такъ плохо, какъ тогда. Въ такое время, когда неповиновеніе и другіе пороки крадутся по міру, когда употребляются цѣлые океаны типографскихъ чернилъ и бумаги для того, чтобы перепутать и затемнить все то, что такъ для всѣхъ очевидно, должно стоять на моей сторонѣ. Меня сбить съ точки нельзя, и я питаю положительную надежду, что за мною послѣдуютъ, что не трудно будетъ найти достаточно преданныхъ мнѣ людей. Дѣйствія мои обусловливаются высшими внушеніями, и не проходитъ вечера или утра безъ того, чтобы я не обращался къ Небу съ молитвами о благоденствіи народа". Рѣчь свою императоръ закончилъ кликомъ „ура" въ честь Бранденбурга.

Рѣчь эта произвела сильное впечатлѣніе въ Германіи, но печать теряется въ догадкахъ, противъ кого была направлена существенная часть рѣчи. Консервативные и бисмарковскіе органы увѣряютъ, что все, что говорилъ императоръ о духѣ неповиновенія и т. д., относится къ соціалистамъ, но подавляющее большинство печати думаетъ совсѣмъ иначе и полагаетъ, что царственный ораторъ имѣлъ въ виду возбужденную княземъ Бисмаркомъ агитацію и образъ дѣйствій части консерваторовъ и крупныхъ заводчиковъ.

Вдовствующая родительница Германскаго императора, императрица Викторія, находится въ настоящее время въ Парижѣ. Она путешествуетъ подъ именемъ графини Линденъ инкогнито, которое впрочемъ не очень строго соблюдается. Въ посѣщеніи этомъ нѣкоторые видятъ признакъ сближенія Германіи съ Франціей, что не совсѣмъ раздѣляется нѣкоторыми органами французской печати.

Въ Бѣлградѣ совершилась перемѣна министерства, что считаютъ домашнимъ дѣломъ народной партіи, добивающейся, чтобы министерство, не измѣняя направленія, было солидарно со скупщиною въ единодушной, рѣшительной внутренней политикѣ. Новый кабинетъ сформированъ Пашичемъ, который занялъ въ немъ постъ министра-президента безъ портфеля. Министерство представилось скупщинѣ. Тепло отозвавшись о патріотической дѣятельности кабинета Груича, Пашичъ заявилъ, что правительство энергично будетъ продолжать начатую работу надъ всестороннимъ развитіемъ страны, подготовляя мирнымъ путемъ рѣшеніе національныхъ задачъ и укрѣпляя дружественныя отношенія къ сосѣднимъ державамъ. Правительство, преслѣдуя національную политику, будетъ стремиться упрочить солидарность съ народами, помогающими развитію Сербіи.

Депеши изъ Суакима извѣстили, что Токаръ занятъ 9 февраля египетскими войсками. Занятію Токара предшествовалъ упорный бой съ дервишами при Афафитѣ. Состоявшее изъ 2,000 чел. войско Османа-Дигмы, слѣдившаго за ходомъ сраженія съ сосѣдняго холма, атаковало египтянъ съ великою отвагою, но наконецъ египетская кавалерія врѣзалась въ ряды непріятеля и обратила арабовъ въ бѣгство. До 700 непріятельскихъ труповъ окружало позицію египтянъ. Одинъ англійскій капитанъ убитъ и одинъ раненъ; потеря египтянъ простирается до 12 челов. убитыми и 46 челов. ранеными. Египтяне взяли два орудія и много плѣнныхъ. Османъ-Дигма

Библиотека "Руниверс"

бѣжалъ съ 30 всадниками въ Кассалу. По этому поводу товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Фергюссонъ заявилъ въ Лондонѣ въ палатѣ общинъ, что относительно занятія навсегда Токара и Гандуба положительнаго рѣшенія не принято, но вѣроятно, что причины, по которымъ признано необходимымъ занять эти пункты, обусловятъ также и обладаніе ими. Движеніе на Токаръ и Гандубъ — прибавилъ Фергюссонъ — вовсе не является уклоненіемъ отъ той политики, которой правительство держалось до сихъ поръ: правительство не сдѣлало возраженій противъ этой мѣры только подъ условіемъ, чтобы египетскія войска не предпринимали движенія во внутреннія области.

Изъ итальянскихъ владѣній въ Африкѣ также получено извѣстіе, что шайка изъ 600 человѣкъ, вышедшая изъ Агамэ, пыталась произвести хищническій набѣгъ въ итальянскіе предѣлы близь полуострова Бури. Капитанъ Пинелли, выступившій изъ Арафали съ ротою туземной пѣхоты и отрядомъ регулярныхъ войскъ, нанесъ пораженіе шайкѣ близь Аквалата. Потери шайки простираются до 203 человѣкъ убитыми, въ числѣ ихъ предводитель Аскеаса, много раненыхъ и плѣнныхъ. Пинелли потерялъ всего 2 человѣка убитыми и 7 ранеными.

С. В. Ковалевская († 29 января 1891 г.).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Библіографія.

Поѣздка на югъ Россіи въ 1888 году. В. С. Кривенко. Съ 14 иллюстраціями. СПБ. 1891.

„Поѣздка на югъ Россіи" г. Кривенко появилась первоначально въ *Историческомъ Вѣстникѣ*, въ январской книжкѣ этого журнала за настоящій годъ. Полный простоты и истиннаго изящества разсказъ обнаруживаетъ въ авторѣ высокопросвѣщеннаго человѣка, пытливо и съ знаніемъ дѣла всматривавшагося во встрѣчавшіяся на пути явленія. По самому характеру путешествія, авторъ долженъ былъ довольствоваться довольно бѣглыми впечатлѣніями, быстро смѣнявшимися, и тѣмъ не менѣе онъ успѣваетъ отмѣчать многое замѣчательное, имѣющее большій или меньшій историческій или общественный интересъ. Совершенно особый, исключительный интересъ придаетъ запискамъ г. Кривенко то обстоятельство, что онъ въ этомъ путешествіи находился при министрѣ Двора, сопровождавшемъ Государя Императора, и былъ свидѣтелемъ важныхъ событій, имѣющихъ высокое историческое значеніе.

Данныя путевыхъ впечатлѣній г. Кривенко и распадаются собственно на двѣ отличныя другъ отъ друга категоріи. Съ одной стороны, читатель съ захватывающимъ интересомъ слѣдитъ за подробностями путешествія Августѣйшей Семьи Русскаго Государя, въ свое время появившимися въ газетахъ, но, конечно, не въ томъ оригинальномъ освѣщеніи, въ какомъ они являются въ описаніи автора нашего. Читатель вновь переживаетъ моменты страшной тревоги, вызванной слухами о катастрофѣ 17 октября, и радости по поводу избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности; вновь рядъ населяющихъ Кавказъ народностей проходитъ передъ читателемъ, представляясь своему Государю и выражая ему чувства безграничной преданности. А съ другой стороны, эти торжественныя высокія минуты не мѣшаютъ автору дѣлиться съ читателемъ плодами своего опыта и многостороннихъ знаній. Заходитъ-ли рѣчь о такомъ попутномъ городѣ, какъ Ростовъ-на-Дону, авторъ останавливаетъ вниманіе на прошломъ этого города, на его настоящемъ и возможномъ будущемъ: авторъ выражаетъ свои мнѣнія рѣзко и характерно. Заходитъ-ли рѣчь о Военно-Грузинской дорогѣ, о городахъ Тифлисѣ, Баку, Батумѣ и т. д., авторъ всюду находитъ весьма важные факты и соображенія, которымъ и дѣлится съ читателями. Напр. мало извѣстная у насъ въ большой публикѣ исторія Грузіи и присоединенія ея къ Россіи, исторія самаго Тифлиса, вѣчно подпадавшаго подъ тяжкіе набѣги Персовъ, и пр. дѣлаютъ книгу г. Кривенко необыкновенно полезною и любопытною для обыкновеннаго читателя. Брошюра иллюстрирована рисунками весьма изящными, служащими прекрасно своей цѣли дополненіемъ и объясненіемъ текста.

Переводные хоры для смѣшанныхъ голосовъ. Изданіе **И. А. Мельникова.** Выпускъ I и II.

Сборникъ квартетовъ для мужскихъ голосовъ. Съ нѣмецкаго. Изд. **И. А. Мельникова.** Вып. I и II.

Сборникъ переводныхъ хоровъ для женскихъ голосовъ. Изд. **И. А. Мельникова.** Вып. I и II.

Кому приходилось видѣть близко жизнь русской провинціи десятилѣтія три-четыре назадъ и потомъ снова встрѣтиться съ ней уже въ послѣднее время, тотъ не могъ не отмѣтить страшнаго паденія въ теперешней „глубинѣ Россіи" искусства пѣнія вообще, и хороваго пѣнія въ особенности,— паденія искусства и даже любви къ нему. Бывало среди сельскаго духовенства и городскаго чиновничества и мѣщанства ни одинъ вечеръ не обходился безъ согласнаго пѣнія; тѣмъ-же характеромъ отличались деревенскія посиделки. Съ успѣхами „цивилизаціи" въ мелкихъ городахъ и деревняхъ, т. е. съ увеличеніемъ трактировъ съ машинами и т. п., вкусы измѣнились, и деревенская дѣвица вмѣсто прелестной мѣстной народной пѣсни теперь норовитъ выучить „Стрѣлочка"; повсюду завелись стремленія слышать „пѣвицъ" въ концертахъ, — а пѣніе для себя, для домашняго обихода, какъ говорится, совершенно исчезаетъ. Изъ провинціи любовь къ пѣнію заносилась и всюду, и нѣсколько лѣтъ назадъ студенты любаго учебнаго заведенія отлично спѣли-бы вамъ хорошую пѣсенку; теперь, какъ извѣстно, тщетно было-бы ожидать этого. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нужно сожалѣть объ этомъ паденіи искусства пѣнія; сознаніе этого вызвало многія явленія, все значеніе которыхъ состояло въ стремленіи поддержать и развить полезное и пріятное искусство. Ничего подобнаго нѣмецкимъ „ферейнамъ" для пѣнія у насъ не возникало, но были даровыя публичныя школы: какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ

Оттонъ Антоновичъ Чечоттъ. Съ фот. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

обращено было болѣе вниманія на классы пѣнія, и проч. и проч. Однимъ изъ препятствій для развитія пѣнія несомнѣнно служило и служитъ у насъ почти полное отсутствіе недорогихъ, всѣмъ доступныхъ сборниковъ для пѣнія; собственно русскія народныя и вообще распространенныя пѣсни или мало извѣстны, или по крайней мѣрѣ не положены на музыку, а если и записаны нотами или изложены по всѣмъ правиламъ музыкальнаго искусства извѣстными музыкантами, то достаточно дороги, и въ большой массѣ публики, особенно въ провинціи, не распространяются. Въ виду всего сказаннаго, мы съ большимъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе публики на изданія, названныя выше. Знаменитому нашему артисту И. А. Мельникову пришла счастливая мысль, пока еще не собраны русскія родныя пѣсни, дать любителямъ пѣнія, съ подходящими переводами текстовъ, хоть нѣмецкіе хоры и квартеты для мужскихъ и женскихъ отдѣльно и для смѣшанныхъ голосовъ. Три сборника, по 2 выпуска въ каждомъ, представляютъ богатый матеріалъ для пѣнія. Чтобы судить о содержаніи сборниковъ, укажемъ въ нихъ такія пьесы, какъ „Два блага“ Шуберта, „Молитва“ Моцарта, „Утро“ его-же, „Деревенскій вечеръ“ Бетховена, „Зима и лѣто“ Мендельсона и пр. и проч.,—въ каждомъ выпускѣ пьесъ до 30. Изданы сборники изящно и очень удобно; каждый выпускъ состоитъ изъ партитуры и отдѣльныхъ голосовъ въ тетрадкахъ небольшаго формата, такъ что 6 выпусковъ трехъ сборниковъ состоятъ изъ 28 отдѣльныхъ изящныхъ и удобныхъ книжекъ. Переводы нѣмецкаго текста сдѣланы прекрасно и со знаніемъ дѣла приноровлены къ музыкѣ. Горячо привѣтствуемъ доброе начинаніе И. А. Мельникова.

Смѣсь.

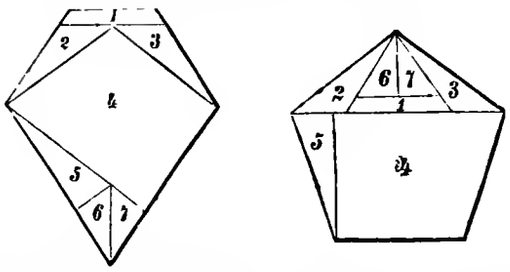
Самымъ завѣтнымъ желаніемъ покойнаго Н. М. Пржевальскаго было проникнуть въ Хлассу, святыню Тибета, ревниво охраняемую туземцами отъ нечестивыхъ посѣщеній иностранцами. Это однако не удалось отважному путешественнику. Изъ европейцевъ только трое проникали въ эту святыню: полковникъ М. В. Пѣвцовъ, англичанинъ Литтлдей и французскій путешественникъ Бонвало. (к.)

Во Флоренціи учрежденъ физіологическій институтъ, директоромъ котораго назначенъ М. Мантегацца. Новый музей — единственный въ своемъ родѣ — поставилъ себѣ задачей собрать всѣ предметы, служащіе примѣрами или документами человѣческихъ страстей. Коллекція, безъ сомнѣнія, будетъ весьма разнообразна. (к.)

Вѣсъ милліарда франковъ. По словамъ одной французской газеты, милліардъ серебряными фравками вѣситъ 5.000,000 килограммовъ (305,237 пудовъ), золотыми двадцатифранковиками — 322,580 килограммовъ (19,692 пуда), кредитными тысячефранковыми бвлетами — 1,780 килограммовъ (108 пудовъ) и стофранковыми билетами — 11,500 килограммовъ (702 пуда). Для переноски одного милліарда, полагая среднимъ числомъ по 100 килограммовъ на человѣка, нужно 18 носильщиковъ, если милліардъ въ тысячефранковыхъ билетахъ, и 115 — если въ стофранковыхъ. Для переноски той же суммы въ золотѣ надо 3,225, а въ серебрѣ — 50,000 человѣкъ носильщиковъ. Милліардъ въ тысячефранковыхъ билетахъ составилъ бы значительную библіотеку въ 2,000 томовъ, изъ которыхъ въ каждомъ было бы по 50 листовъ. (к.)

Рѣшеніе ребуса № 5 (помѣщеннаго въ № 2).
„Чужая бѣда не даетъ ума“.

Рѣшеніе геометрической задачи № 3 (помѣщенной въ № 2).



Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ Гг.: **СПБ.**—В. Фендриковъ, Н. В. Панкова. **Динабургъ**—М. Зигера. **Калуга**—С. П. Соболева, **Рудня**—Н. И. Дыжальвисъ, **Сергіевъ пос.**—С. П. Заботина

Рѣшеніе задачи „Раздѣлъ“ № 4 (помѣщенной въ № 2).

Предположивъ, что найденныхъ денегъ было x руб. и что, слѣд., послѣ втораго дѣлежа у каждаго изъ крестьянъ было по $\frac{1}{4}x$ руб., мы постепенно находимъ, что первый крестьянинъ раздѣлилъ деньги вначалѣ такъ: себѣ взялъ $\frac{33}{64}x$ руб., второму далъ $\frac{17}{64}x$, третьему—$\frac{9}{64}x$ и четвертому $\frac{5}{64}x$ рублей; но такъ какъ извѣстно, что у втораго крестьянина денегъ было 24 руб. болѣе, чѣмъ у четвертаго, т. е. $\frac{17}{64}x - \frac{5}{64}x = 24$, то отсюда легко отвѣтить на каждый изъ вопросовъ предложенной задачи. Денегъ было въ мѣшкѣ 128 р., и первый крестьянинъ взялъ изъ нихъ 66 руб., второму далъ 34 руб., третьему 18, а четвертому 10.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ Гг.: **СПБ.**—Л. Михайлова, А. Анлаксина, В. Бронгардтъ, Н. В. П., М. Болемковскаго, М. К—р—ст—н—ва, А. А. Поспѣева, А. Форсбергъ, Д. Попова, Ф. Богданова, П. Кимкина, Н. Маслова, Вяка, Вробленскаго; **Москва**—Т., Н. А. Кукуева, В. А. Хагельстремъ, Кордюкова; **Ботово**—Д. Дубахъ; **Бендеры**—Б. Холоденко; **Болховъ**—Е. П. Поповой; **Б. Кировино**—В. К. Терскаго; **Бану**—М. Веліева; **Варшава**—В. Штенгеръ, П. Геннеръ, Ф. Бермана, Р. Вайнерманъ; **Витебскъ**—В. Зелькина, Натанзонъ; **Веретье**—Ф. Дубровскаго; **Гродно**—А. Калецкаго; **Глухово**—И. Е. Абрамова; **Голынинъ**—М. Берлинъ; **Гельсингфорсъ**—Н. Казачкина; **Гороховъ**—В. К. Андреевича; **Дуббельнъ**—Ф. Краузе; **Екатеринославъ**—Ф. Сингинети, А. Воробьевой; **Ив. Вознесенскъ**—К. Борисова; **Клейменна**—А. Серебрякова; **Клинъ**—Суворова, А. П. Суворова; **Могилевъ**—О. С. Лукинской; **Н. Новгородъ**—М. П. Калашникова; **Нинольское**—Д. Ф. Крюкова, **Ново-Воронцовка**—А. Фабриканта; **Немировъ**—Рабиновича; **Новозыбковъ**—Н. Пензнеръ; **Ошмяны**—Гейманъ; **Одесса**—С. Коганъ, М. Юрьена; **Орелъ**—Л. Бунакова; **Подольскъ**—В. Копылова; **Переславль**—В. Симакова; **Полтава**—А. Горонескуль, А. И. Столбина; **Рязань**—А. Т.; П. Постникова; **Симферополь**—Л. Гусинова; **Саратовъ**—Е. Зубоворской; **Сарапъ**—П. П. Сиротинина; **Смоленскъ**—А. Александровскаго; **Хорьковъ**—Л. Есиной; **Черниговъ**—Щербовичъ-Вечоръ; **Шистка**—П. П. Герасимова; **Шимчицы**—Столповскаго; **Шуя**—Б. Д. Киселевъ; **Шлоль**—Б. Шлоокъ; **Яблоново**—Н. Кагинова.

Текущія партіи по телеграфу между В. Стейницемъ (Нью-Іоркъ) и М. И. Чигоринымъ (С.-Петербургъ).

(Продолженіе).

I. Гамбитъ Эванса.

Нью-Іоркъ.	С.-Петербургъ.
21. К. b6—d5 $^{6}_{II}$	С. c7—d6 $^{9}_{II}$
22. К. f3—h4 $^{9}_{II}$	

II. Дебютъ 2-хъ коней.

Нью-Іоркъ.	С.-Петербургъ.
21. . . .	f4—f3 $^{6}_{II}$
22. g2 : f3 $^{9}_{II}$	e4 : f3 $^{9}_{II}$

ПАРТІЯ № 5.

8-я партія матча играна 15 (27) декабря 1890 г.

Итальянская партія.

	И. Гунсбергъ. Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.		И. Гунсбергъ. Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.
1.	e2—e4	e7—e5	23.	Кр.g2—h2	Ф. d7—b5
2.	К. g1—f3	К. b8—c6	24.	c3—c4[4])	Ф. b5—c6
3.	С. f1—c4	С. f8—c5	25.	Л. a1—c1	Л. e7—d7
4.	d2—d3[1])	К. g8—f6	26.	Л. c1—c3	К. f6—h5
5.	c2—c3	d7—d6	27.	Л. h1—g1	Ф. c6—f6
6.	К. b1—d2	К. c6—e7	28.	К. d2—f1	Л. d7—d1
7.	К. d2—f1[2])	c7—c6	29.	Ф. e3—e2	h4 : g3+
8.	Ф. d1—e2?	0—0	30.	f2 : g3	Л. d1—a1
9.	h2—h3	d6—d5	31.	К. f3—d2	Ф. f6—g5
10.	С. c4—b3	К. e7—g6	32.	Л. c3—f3	К. h5—f6
11.	g2—g3	d5 : e4	33.	Л. f3—d3	Л. d8 : d3
12.	d3 : e4	С. c8—e6	34.	Ф. e2 : d3	К. g6—f8[5])
13.	К. f3—g5	С. e6 : b3	35.	Ф. d3—e3	Ф. g5—g6
14.	a2 : b3	Ф. d8—d7	36.	Л. g1—g2	К. f8—e6
15.	С. c1—e3	С c5 : e3	37.	Л. g2—e2	К. e6—d4
16.	Ф. e2 : e3	b7 : b6[3])	38.	Л. e2—f2	Л. a1—a2
17.	К. f1—d2	c6—c5	39.	К. d2—f3[6])	К. d4 : f3+
18.	К. g5—f3	Л. a8—d8	40.	Ф. e3 : f3	Ф. g6 : e4
19.	К. d2—c4	Л. f8—e8	41.	Ф. f3 : e4	К. f6 : e4
20.	К. c4—d2	Л. e8—e7	42.	Л. f2—e2	К. e4—g5
21.	Кр. e1—f1	h7—h5	43.	Кр. h2—g2	К. g5—e6
22.	Кр. f1—g2	h5—h4		Бѣлые сдались. [7])	

Примѣчанія къ партіи.

[1]) Этотъ варіантъ Итальянской партіи въ шутку прозванъ Андерсеномъ „Giuoco piianissimo“, т. е. типайшая игра, которая такъ по вкусу адептамъ „новой школы“.

[2]) Конь ходитъ на f1, чтобы попасть котомъ на g3 или e3; бѣлые однако распорядились такъ, что это не удалось имъ, а конь играетъ печальную роль, стѣсняя только свою же игру.

[3]) Мы предпочли бы здѣсь предварительно 16... Л. f8—d8; нѣтъ а 7 бѣлые очевидно не смѣютъ брать.

[4]) Бѣлые вынуждены еще болѣе ослабить свои сдвоенныя пѣшки.

[5]) Конь отправляется на важный пунктъ d3.

[6]) Бѣлымъ предстояло терять пѣшки b2 и b3 или e4.

[7]) У черныхъ лишняя пѣшка и они грозятъ еще выиграть обѣ пѣшки b.

Бѣлые всю партію вели осторожно въ оборонительномъ и выжидательномъ стилѣ. Трудно указать на грубую ошибку съ ихъ стороны: они какъ-то систематически, медленно но вѣрно разстроили свою игру; Стейницъ съ своей стороны также медленно но вѣрно воспользовался безцвѣтной игрой противника.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: **М. О. Кояловичъ** (съ портр.). — **Мальтійская цѣпь.** Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ князя **М. Н. Волконскаго.** Ч. II. (Продолженіе).—**Барроуэльскій пастухъ.** Историческій разсказъ **Валентина Ферна.** (Окончаніе).—**Травянистыя запруды на верхнемъ Нилѣ.** — **Новое открытіе на звѣздномъ небѣ** (съ 2 фиг.). —Къ рисункамъ: **Катанье на Масленицѣ** (съ рис.). — **Ражоиан** (съ рис.).—**Карнавалъ въ Римѣ** (съ рис.).—**Репетиція передъ маскарадомъ** (съ рис.).—**Ди-Рудини** (съ портр.).—**Мейсонье** (съ портр.).—**С. В. Ковалевская** (съ портр.).—**О. А. Чечоттъ** (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Библіографія.—Смѣсь.—Задачи и рѣшенія задачъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Библиотека "Руниверс"

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьевъ. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

РУЖЕЙНАЯ ФАБРИКА И. Ф. Петрова въ Ижевскомъ заводѣ, Вятской губерніи. Принимаю заказы и имѣю въ готовности ружья отъ 2 р. 50 к. до 100 руб. Прейсъ-курантъ за 2 семи коп. марки.

FAMILLE habitant Paris, prendrait en pension deux personnes. Ecrire à M-me V-ve **Dubreuil**. 67. Rue de Clichy, Paris, France. № 5018 4—1

САМОУЧИТЕЛИ И НОТЫ
для всѣхъ инструментовъ. 10—6
Народная школа д. гармоніи 7 кл., ц. 75 к. Самоучит. д. гармоніи 8 кл. и 10 кл. по 1 р. Школа д. 2-рядн. гарм. въ 17, 19 и 21 кл., ц. 1 р. Школа для 3-хъ-рядн. гармоніи, ц. 75 к. Самоучитель для скрипки, ц. 1 р. 50 к. Любавинъ, Самоучитель д. гитары, 1, ц. 1 р. и для всѣхъ прочихъ инструментовъ. **у КУЛИКОВА, Москва, Маросѣйка.**

АНГЛІЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

завода Зингеръ и К° Ковентри, предлагаетъ **ГЕНРИХЪ ЖЕМЛИЧКА въ Москвѣ**, уголъ Тверской и Газетнаго переулка, домъ Фальцъ-Фейнъ, магазинъ № 19.
Высылается прейсъ-курантъ. № 4992 4—3

ДЕПО ЧАСОВЪ

поставщ. Двора Его Импер. Величества 12—2
Москва, Мясницкая, д. 13.
В. ФРЕЙМУТЪ.
Собственной фабрики всѣ., сер. карм. часы. Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

Имѣются спеціально къ вѣнцу нашивныя розовыя шелковыя подножки, цѣна 2 руб.

ПРИГЛАШАЮТЪ
агентовъ. За условіями обращаться письменно: **Генрихъ Блонъ**, С.-Петербургъ. Невскій, 59 57. соб. домъ.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Противъ шероховатости кожи и пр. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 руб.—2 банки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подпись: А. Энглундъ, краснымъ чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.
Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товарами, у А. Рулянова, Спб. Техно-Химич. Лабор.— Въ Москвѣ: у К. Ферейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюмер. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Спб. Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. Ц. № 4479

Bauschule Strelitz I. M.
Eintritt jeden Tag.
Auch erprobte Vor- u. Weiterbildung durch
Brieflichen Unterricht.
Kostenlose Auskunft durch Director
Hittenkofer.
R. 4898 6—6

НОВАЯ КНИГА:
ПИСЬМА ПО РАСКОЛУ
изъ изслѣдованій **Н. П. Тюнина.**
Продается: въ городѣ Уфѣ изъ склада въ домѣ автора (Старомандарминская улица) и въ книжныхъ магазинахъ столицъ, Одессы, Нижняго, Казани, Харькова, Томска и проч. Цѣна 2 р. 50 к. безъ пересылки. Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ.
Въ „Письмахъ по расколу" содержатся: отзывы раскольниковъ о расколѣ, очерки и разсказы изъ міра раскольниковъ Уфимскаго края, Уфы, Казани, Москвы и проч.; изслѣдованія: о словѣ **„ИСТИННАГО"** въ 8 членѣ Стивола Вѣры и о томъ, какимъ перестосложеніемъ знаменались до патр. **НИКОНА**, кто **АНТИХРИСТЪ** и кто **ПОКЛОННИКИ** ему, по ученію донникоповскихъ книгъ, и много другихъ новыхъ фактовъ для правильнаго и яснаго сужденія о расколѣ. № 5021
Это изданіе вызвало сочувственные отзывы въ печати, **РАСКОЛЬНИКОВЪ**, духовенства и миссіонерскихъ обществъ, изъ коихъ одно, отъ 18 мая 1890 г. за № 466, прислало автору слѣдующій отзывъ:
„Труды ваши въ защиту св. церкви заслуживаютъ всякой похвалы".

СТРАХОВАНІЕ
ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ
ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ
„РОССІЯ"
Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.

Примѣръ: лицо 47 лѣтъ заключаетъ страхованіе **отъ несчастныхъ случаевъ**, могущихъ произойти во время **путешествій, поѣздокъ, прогулокъ, на охотѣ, на водѣ, на льду, при пожарахъ и т. п.**,—вообще вездѣ, **дома и внѣ дома**, уплачивая годичный страховой взносъ въ 37 руб. 50 коп.
За такой взносъ Страховое Общество „Россія" гарантируетъ при несчастномъ происшествіи:
1. **Въ случаѣ смерти**—семьѣ умершаго или другому ранѣе указанному лицу **капиталъ въ 6,000 руб.**
2. **Въ случаѣ увѣчья** или вообще лишенія способности къ труду на всю жизнь, — самому пострадавшему пожизненную **пенсію до 800 руб.**
3. **Въ случаѣ временной неспособности къ труду** — ему же **суточное вознагражденіе до 6 руб.**
Страхованія могутъ быть заключаемы **съ условіемъ возврата всѣхъ уплаченныхъ взносовъ** при достиженіи страхователемъ 65-ти-лѣтняго возраста или въ случаѣ его преждевременной смерти.
Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.
Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи **въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и въ Агентствахъ Общества **во всѣхъ городахъ Имперіи.**
№ 5017 4—1

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ
въ Гогенгеймѣ. D. № 5022 2—1
Лѣтній курсъ начинается въ среду, 15-го Апрѣля с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаетъ по желанію безплатно
КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ
Гогенгеймъ, въ Февралѣ мѣс. 1891 г. Vossler.

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египетскаго моста, домъ № 7—2. № 4961 26—4
Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

РУССКІЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ
КОММЕРЧЕСКІЙ БАНКЪ
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 23, домъ графа Строгонова.
(Основной капиталъ 5.000.000 рублей, сполна оплаченный).
Имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что впредь до измѣненія

ПЛАТИТЪ	по текущимъ счетамъ	3%	год.
	по вкладамъ до востребованія	3%	„
	на срокъ отъ 1 до 6 мѣсяцевъ	3½%	„
	„ „ свыше 6 мѣсяцевъ	4%	„
ВЗИМАЕТЪ	по учету векселей	отъ 5% до 7%	год.
	по ссудамъ подъ залогъ бумагъ срочнымъ	6%	„
	„ „ безсрочнымъ (on call)	5½%	„

БАНКЪ ИСПОЛНЯЕТЪ порученія по покупкѣ и продажѣ фондовъ и другихъ биржевыхъ цѣнностей за 1/10% комиссіи.
Производитъ платежи и выдаетъ переводы и аккредитивы на главнѣйшія мѣста въ Россіи и заграницею.
ВЫДАЕТЪ ССУДЫ ПОДЪ ЗАЛОГЪ ТОВАРОВЪ.
Принимаетъ порученія на полученіе платежей по векселямъ и всякимъ другимъ срочнымъ документамъ.
Принимаетъ на храненіе всякаго рода цѣнности и процентныя бумаги и по желанію клиентовъ обязуется слѣдить за тиражами и своевременно получать по срочнымъ купонамъ проценты и дивидендъ, а также и капиталъ по вышедшимъ въ тиражъ бумагамъ за плату по уговору. К № 5026

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ И. М. ХАЙНОВСКАГО
существуетъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ казенными реальными училищами и состоитъ изъ приготовительнаго класса, куда поступаютъ отъ 8 лѣтъ, шести основныхъ, пятаго и шестаго класса коммерческаго отдѣленія и седьмаго класса дополнительнаго (общее отдѣленіе); ученики поступаютъ пансіонерами, приходящими и полупансіонерами; Москва, Волхонка, д. кн. Голицына. П. № 5019
Здѣсь же **ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПАНСІОНЪ**, ученики коего готовятся къ экзамену въ реальныя училища и надетскій корпусъ. Пріемъ въ теченіе цѣлаго года.

PAPIER FAYARD ET BLAYN
Бумага Фанръ и Блэнъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность заставила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фанръ и Блэнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. Ц. № 4989 11—4

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-вмсмутовая пудра.
CHARLES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.
Ц. № 3767 (99)

ТОЛЬКО 5 РУБ. (СЪ ПЕРЕС. 6 РУБ.)
УКРАШЕНІЕ ГОСТИНОЙ!! БОЛЬШОЙ РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ
„ЦАРЬ-ПУШКА"
съ 20 фототипич. и цинкографич. видами г. Москвы и ея достопримѣчательностей съ ихъ историческ. описаніями на русск. и французск. яз. въ роскошномъ переплетѣ (вел. 6+8 вер.). № 5024 3—1
Складъ изданія: **А. ГРАГЕ. Москва**, Неглинный проѣздъ. д. № 15, кв. 3

Leichner's Fettpuder
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Пудра для вечера и дня, незамѣтная на лицѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты лица! Цѣна коробки 1 рубль!
Театральная гримировка! И. № 4720 17—8
Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Берлинскихъ Императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: у **В. Аурихъ**, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ЗАИКАНІЕ
и другіе недостатки произношенія
лечатся Профессоромъ Берканомъ. СПБ., Николаевск., д. 4, кв. 1.

Библиотека "Руниверс"

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ.

Играетъ посредствомъ металлическихъ нотныхъ листовъ всевозможныя пьесы, русскія, сюитныя, оперныя, и всѣ танцы. Имѣетъ механизмъ для игры Forte, Piano и Tremolando. Пьесы разнаго размѣра.

Цѣна феникса-органа съ 10-ю пьесами 32 руб. Добавочныя пьесы, безъ различія какого размѣра, по 60 коп. Списокъ пьесъ для феникса-органа, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ — безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо № 5023 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Къ свѣдѣнію гг. любителей ВЫПИЛКИ по дереву.

На-дняхъ отпечатанъ и поступилъ въ продажу только что изданный конторою журнала „Нива" **НОВЫЙ** (по счету **ТРЕТІЙ**)

„АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛКИ ПО ДЕРЕВУ",

состоящій изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ **множество превосходно выполненныхъ рисунковъ**, разнообразнѣйшихъ по величинѣ и стилю всевозможныхъ предметовъ, и **около 100** русскихъ, славянскихъ и французскихъ **буквъ-монограммъ**. Въ альбомъ вошли исключительно **НОВЫЕ, НИГДѢ ЕЩЕ НЕ ПЕЧАТАВШІЕСЯ РИСУНКИ** художника

В. Н. КЛАГЕСА.

Имъ же составленъ и помѣщенный въ альбомѣ **объяснительный текстъ** къ рисункамъ, служащій, вмѣстѣ съ тѣмъ, **общепонятнымъ руководствомъ при выпиливаніи, что особенно важно для начинающихъ.**

Цѣна альбома въ изящной литографиров. обложкѣ **1 р. 25 к.**, а съ пересылкою иногороднымъ **1 р. 60 к.**

Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ контору журн. „Нива", Невскій, 6.

Фотографіи фирмы **Goupil & C°** въ Парижѣ **ЗА ПОЛЦѢНЫ**

Около 100,000 фотографическихъ снимковъ (не фототипій) съ оригиналовъ извѣстнѣйшихъ скульпторовъ и художниковъ состоящихъ изъ жанровыхъ сюжетовъ (изображеній Венеры, портретовъ красавицъ), пейзажей, съ картинъ религіознаго содержанія и проч.

Въ продажу поступаютъ исключительно новые и притомъ безукоризненные экземпляры, наклеенные на картонъ.

Образцовыя коллекціи:
Кабинетн. форм. по 2 р. 60 коп. за дюж.
Визитн. карточ. „ 1 р. 30 „ „ „
Квартъ-форматъ „ 4 р. 30 „ „ „

Торговцы пользуются при выпискѣ цѣлой партіи значительной уступкой.

Louis Ramlo, Kunstverlag, München
3—2 Kapuzinerplatz 3. В. № 5009

★ МАССА БЛАГОДАРН. и ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ ★ ПРЕДОСТР. ОТЪ ПОДРАж.

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
БУХГАЛТЕРІИ
ИНОГОРОДНИХЪ и МОСКОВСКИХЪ
ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІЙ-КОРРЕСПОНДЕНЦІЙ
ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.— ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.
преподаватель коммерческихъ наукъ
С. Н. ЛИЛІЭНТАЛЬ.

★ ПОЛН. ГАРАНТІЯ УСПѢХА ★ УСЛОВІЯ ПРОБНЫЯ ЛЕКЦІИ ★ **МОСКВА** ★ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Доброрукомная улицы, домъ Финогеновой

А. РАЛЛЕ и К°

1865 1862 1846

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ
НАСТОЯЩЕЙ-ЦВѢТОЧНО-ГЛИЦЕРИНОВОЙ-ПУДРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ — въ МОСКВѢ

МАГАЗИНЪ Невскій 18. — МАГАЗИНЪ Кузнецкій м. д. Солодовникова.

СКЛАДЪ Чернышовъ переулокъ №19. — СКЛАДЪ Чижов Подвор. (Никольская)

И ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ДЕНЬ

на годъ 5 р. — на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. — на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. — на 1 мѣс. 60 к.

За границу на годъ 10 р.

№ 4792 (9) Объявленія по 10 к. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Сиворцовъ. Преображенская, 4. 12 кн. разсказовъ и очерковъ. Издатель А. А. Гревс.

В. № 4731 24—11

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ. Колокольная, 18—19

Главное депо часовъ **Э. БУРХАРДЪ**, СПБ. Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.

Часы никел. отъ 8 р. 50 до 15 р.
„ стальн. черн. отъ 11 до 25 р.
„ серебряные отъ 12 до 50 р.
„ золотые отъ 25 до 500 р.
„ регуляторы двухнедѣльнаго завода отъ 17 до 65 р.

Высылаю наложен. платежемъ. Иллюстр. № 4998 прейсъ-куранты безплатно 2—2

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. **Способъ приготовленія.** При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цѣна: флакону 1 р. 65 к., **бензоевое мыло** 35 к. и 50 к. кусокъ, **опо-помада** (лучше кольдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.

Въ виду многихъ подделокъ прошу обратить вниманіе на впечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента

Главный складъ для всей Россіи у **В. Аурихъ**, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19—6

ЛЕШНИНГЪ и ГЮЗНИГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія ножи.

Новооткрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (41) № 4278

НОВОСТЬ

МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!

ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

Изящно! Практично! Безопасно! Дешево!

Служитъ карманной спичечницей, даетъ ярій свѣтъ по цѣлымъ часамъ.

Сдѣлано изящно изъ никеля. Только 1½ вер. вышины — удобно носить въ карманѣ.

Огниво съ 500 зарядами 2 руб. (Пер. 1 ф.
Запасъ въ 1000 зарядовъ 50 коп.

Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"

Измайловскій проспектъ, № 27.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

высшаго качества
для чистки зубовъ и освѣженія дыханія рта.

С.-Петербургскимъ Врач. Управл. приготовленіе и продажа вышеозначеннаго Эликсира, какъ не содержащаго въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ, разрѣшены на общихъ основаніяхъ торговли.

ЗУБНЫЕ ПОРОШКИ. ЗУБНАЯ ПАСТА.

При покупкѣ обратить вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

Произведенія С.-Петерб. Химич. Лаб. въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптекарскихъ магазинахъ. Рг. № 5020 2—1

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. Изданіе. 3-е. СПБ. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

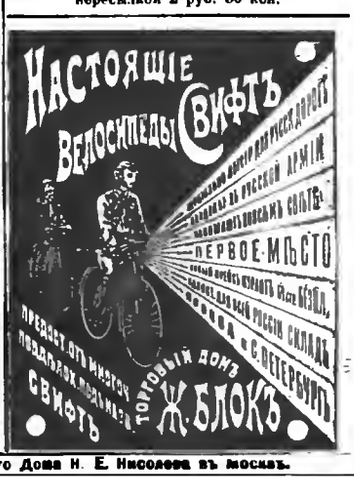
Москва, Кузнецкій мостъ. — С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

Натуральная минеральная вода источника

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

въ Будапештѣ.

Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграницы. Дирекція въ Будапештѣ. № 4820 6—



При семъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ (за исключеніемъ московскихъ) прейсъ-курантъ Торговаго Дома Н. Е. Николаева въ москвѣ.

Дозвол. цензур., СПБ., 20 февраля 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | № 9 | г. XXII | 1891

ВЫХОД. ЕЖЕНЕД. №№ ВЪ 3 ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢС. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖСК. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ.
Выданъ 2 марта 1891 г. ВЫКР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № „Нивы" безъ Сборника 20 к., съ перес. 25 к., со Сборникомъ 85 к.

Открыта подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . 5 р. | Съ доставкою въ Петербургѣ 6 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской. Петровская Торг. линія 6 р. | Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . 7 р. | За границу. 10 р.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА МАРТЪ, 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за МАРТЪ съ 30 рисунк. и отд. лист. съ 30 черт. выкр. въ натур. велич. и 29 рис. выпильн. работъ.

По поводу истекшаго десятилѣтія царствованія Императора Александра III.

I.

Судьбы Россіи подъ скипетромъ Романовыхъ.

(1613 — 1881).

Начало XVII вѣка сопровождалось въ Московскомъ государствѣ страшными и продолжительными смутами. Эти смуты были подготовлены всею предшествующею исторіею древней Руси, сложившейся изъ небольшихъ, отдѣльныхъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ княжествъ, изъ различныхъ народностей, совершенно чуждыхъ другъ другу, и изъ различныхъ племенъ одного общаго славянскаго корня, но постоянно стремившихся къ обособленію въ отдѣльныя, независимыя государства. Претерпѣвъ цѣлые вѣка всякихъ бѣдствій, разореній и тяжкаго иноплеменнаго гнета, Русь „собралась", наконецъ, въ одно большое и сильное государство, подъ твердою властью великихъ князей Московскихъ, подъ отеческимъ покровомъ единой Русской Церкви. Но связь между частями древней Руси, вошедшими въ составъ Московскаго государства, была еще слаба: онѣ еще способны были сознавать свою отдѣльность, свою обособленность точно такъ же, какъ бывшіе удѣльные князья, обратившіеся въ покорныхъ слугъ Московскаго великаго государя, еще способны были мечтать о своихъ правахъ на престолъ Московскій. И напрасно пытался грозный царь Иванъ Васильевичъ сковать эти части своего государства и связать ихъ неразрывными узами; напрасно пытался онъ жестокими казнями и суровыми опалами подавить въ своихъ боярахъ и царедворцахъ духъ древней вольной дружины, среди которой князь являлся не болѣе, какъ *„первымъ между равными"*... Для того, чтобы создалась эта внутренняя связь, чтобы всѣ русскіе люди могли проникнуться сознаніемъ необходимости государственнаго единства, Русской землѣ надо было еще пережить всѣ ужасы бѣдственной эпохи Смутнаго времени. Въ теченіе этой эпохи всѣ элементы современнаго русскаго общества пришли въ броженіе и вступили въ борьбу долгую, упорную, отчаянную... Борьба была тѣмъ ужаснѣе, что народъ, въ

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Съ соврем. портр. грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

самомъ началѣ ея остался безъ главы: древній царскій родъ пресѣкся со смертью сыновей царя Ивана Грознаго, а близкіе сосѣди наши, шведы и поляки, пользуясь нашей внутренней неурядицей, какъ хищные вороны набросились на окраины Руси, отторгая отъ нея городъ за городомъ, область за областью. Пролились рѣки крови, громадныя пространства Русской земли, опустошенныя огнемъ и мечемъ, обратились на время въ пустыни—прежде чѣмъ выработалось въ русскихъ людяхъ глубокое сознаніе необходимости единства и явилась возможность вновь вручить судьбы всей Русской земли державной волѣ избранника Божія, юнаго царя *Михаила Ѳеодоровича Романова*.

2 мая 1613 года юный царь въѣхалъ въ опустошенную поляками Москву, а 11 іюня вѣнчался на царство. Трудныя задачи предстояли юному царю: онъ долженъ былъ окончить борьбу съ врагами внутренними, а въ ближайшемъ будущемъ начать войны съ врагами внѣшними, чтобы поддержать честь и достоинство Московскаго государства. Это было тѣмъ болѣе трудно, что казна государственная была пуста, вся земля истощена смутой и народъ разоренъ настолько, что нечѣмъ было содержать войско. Но юный царь,—руководимый своимъ мудрымъ родителемъ, патріархомъ Филаретомъ, вспомоществуемый твердостью и самоотверженіемъ русскихъ людей—преодолѣлъ всѣ препятствія, умиротворилъ страну и заставилъ безпокойныхъ сосѣдей жить въ мирѣ съ Московскимъ государствомъ. Подъ конецъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, Московское государство съ торжествомъ вышло изъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ затрудненій и многіе изъ иноземныхъ государей, угадывая будущее могущество Россіи, уже спѣшили вступить съ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ самыя дружескія отношенія.

Сынъ и наслѣдникъ царя Михаила, *тишайшій* царь Алексѣй Михайловичъ, воспользовавшись всѣмъ, что было сдѣлано для государства его предшественникомъ, повелъ Россію далѣе по тому же пути внутренняго устроенія и усиленія ея внѣшняго могущества. Удачно воюя съ Польшею, царь Алексѣй Михайловичъ успѣлъ вернуть Россіи бо́льшую часть земель, нѣкогда отторгнутыхъ отъ Руси Литвою и Польшею, и присоединилъ къ Московскому государству значительную часть Малороссіи, страдавшей подъ гнетомъ Польши, которая навязывала нашимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ ненавистную Унію. Малороссія окончательно вошла въ составъ Московскаго государства при сынѣ царя Алексѣя, царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, которому пришлось защищать Малороссію не только отъ Польши, но даже и отъ Турціи.

Ближайшій наслѣдникъ царя Ѳеодора Алексѣевича, родной братъ его, знаменитый царь Петръ Алексѣевичъ, окончательно утвердилъ политическое могущество Россіи, на самыхъ прочныхъ, незыблемыхъ основахъ. Неутомимо трудясь всю жизнь надъ внутренними преобразованіями Россіи, онъ также неутомимо хлопоталъ и заботился о пріобрѣтеніи для Россіи необходимыхъ ей земель и морей и для этой цѣли мужественно бился то съ Швеціей, то съ Турціей, то съ Персіей. Въ особенности тягостна была Петру его 20-ти-лѣтняя война со Швеціей, которая закончилась полнымъ торжествомъ Россіи на сушѣ и на морѣ, и пріобрѣтеніемъ Эстляндіи, Лифляндіи, Ингріи (нынѣшняя Петербургская губ.), Кареліи (нынѣшняя Выборгская губ.) и значительной части Финляндіи. Въ то же время, новыми немельными пріобрѣтеніями на западномъ и юго-западномъ берегу Каспійскаго моря положена была прочная основа нашему владычеству на Кавказѣ. Только отъ обладанія Азовскимъ и Чернымъ моремъ Великій Преобразователь Россіи долженъ былъ временно отказаться, вслѣдствіе несчастнаго Прутскаго похода.

Дочь Петра Великаго, императрица Елисавета Петровна, проникнутая глубочайшимъ уваженіемъ къ славнымъ дѣяніямъ своего отца, продолжала идти по его слѣдамъ во внѣшней политикѣ Россіи. Она дала суровый урокъ Швеціи и значительно распространила наши владѣнія въ Финляндіи, а своимъ участіемъ въ Семилѣтней войнѣ и громкими побѣдами надъ Фридрихомъ Великимъ, Елисавета вынудила и всю Европу относиться къ Россіи съ должнымъ уваженіемъ.

Въ долгое и славное царствованіе Екатерины Великой, Россія, цѣлымъ рядомъ упорныхъ и славныхъ войнъ со Швеціей, Персіей и Турціей, а также и цѣлымъ рядомъ блистательныхъ дипломатическихъ кампаній, достигла наконецъ возможности занять въ Европѣ первенствующее положеніе могущественнѣйшей изъ европейскихъ державъ. Екатерина съумѣла при помощи своей тонкой и настойчивой политики не только вернуть Россіи всѣ исконныя русскія владѣнія, нѣкогда вошедшія въ составъ Польско-Литовскаго государства, но даже расширила Россію на югѣ и западѣ до ея естественныхъ границъ. Особенно важны были для политической цѣлости Россіи пріобрѣтенія на югѣ Россіи, гдѣ присоединена была къ нашему отечеству Новороссія, Крымъ, всѣ прибрежья Азовскаго моря и на Черномъ морѣ заведенъ былъ славный Черноморскій флотъ.

Въ царствованіе императора Александра I, послѣ долгой и трудной борьбы съ Наполеономъ, послѣ новыхъ войнъ съ Турціей и Швеціей, Россія окончательно установилась въ своихъ нынѣшнихъ государственныхъ границахъ на территоріи Европы. На сѣверо-западѣ присоединена была къ Россіи вся Финляндія (вплоть до р. Торнео), на западѣ—герцогство Варшавское, на югѣ—Бессарабія. При этомъ политическое значеніе Россіи возросло въ Европѣ до такой степени, что ни одинъ, сколько-нибудь важный, вопросъ международной политики не рѣшался помимо прямаго и дѣятельнаго участія Россіи.

И въ царствованіе императора Николая I значеніе и могущество Россіи все продолжало возрастать и крѣпнуть, пока въ началѣ 50-хъ годовъ не образовалась на западѣ Европы враждебная Россіи коалиція Англіи и Франціи, вооружившая противъ Россіи и Турцію, и Италію. Покинутый въ этой борьбѣ своими союзниками, Пруссіей и Австріей, которыя были обязаны Россіи самымъ своимъ существованіемъ, императоръ Николай все же вступилъ въ борьбу съ Европой и съ честью выдерживалъ ее до смерти, ведя войну и въ Крыму, и на Кавказѣ, и въ Малой Азіи.

Сынъ и наслѣдникъ императора Николая I, императоръ Александръ II, вынужденный коварною политикою Франціи и Англіи къ нѣкоторымъ уступкамъ, на время совсѣмъ отказался отъ всякаго активнаго участія въ европейской политикѣ и занялся весьма важными преобразованіями во внутреннемъ бытѣ Россіи. Послѣ того, какъ императоръ Александръ II даровалъ Россіи освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и много другихъ реформъ, послѣ того, какъ Россія, въ первые же годы его царствованія, покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ во всѣхъ направленіяхъ — онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ заняться довершеніемъ тѣхъ завоеваній, которыя были начаты еще его предшественниками. По державной волѣ его закончено было завоеваніе Кавказа, а вынужденное движеніе Россіи вглубь Средней Азіи привело ее къ пріобрѣтенію обширныхъ Средне-азіатскихъ владѣній, которое закончилось въ 1881 году присоединеніемъ къ Россіи Мервскаго оазиса, причемъ прямой путь въ Средне-азіатскія владѣнія открылся отъ юго-восточныхъ береговъ Каспійскаго моря. Въ то же время, воспользовавшись благопріятными для Россіи условіями европейской политики, императоръ Александръ II возстановилъ на прежнихъ прочныхъ основахъ преобладающее значеніе Россіи на Черномъ морѣ.

Въ такомъ положеніи находилась Россія черезъ 268 лѣтъ послѣ вступленія на престолъ перваго царя изъ дома Романовыхъ, когда престолъ Россійскій, по смерти императора Александра II, перешелъ къ его Сыну и Наслѣднику, Императору Александру III, нынѣ благополучно царствующему.

II.

Бояре Романовы.

Родъ бояръ Романовыхъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ древнихъ и знатныхъ русскихъ боярскихъ родовъ, которые, въ теченіе многихъ столѣтій, оставаясь приближенными къ престолу великихъ князей и царей Московскихъ, все же не были затерты наплывомъ другихъ боярскихъ родовъ и удержали за собою свое видное, выдающееся по значенію мѣсто при Московскомъ Дворѣ. Родъ свой бояре Романовы ведутъ отъ Андрея Кобылы, извѣстнаго московскаго боярина временъ Симеона Гордаго (1340—1353 гг.). Съ теченіемъ времени этотъ родъ такъ размножился и пустилъ такъ много стороннихъ развѣтвленій отъ главнаго корня, что въ родословныхъ насчитываютъ болѣе 20 различныхъ родовъ боярскихъ и дворянскихъ, происшедшихъ отъ рода Андрея Кобылы *).

Изъ ближайшихъ потомковъ Андрея Кобылы особенно возвысился его внукъ, Иванъ Ѳеодоровичъ Кошкинъ, который былъ любимцемъ великаго князя Московскаго Василія I. Семья у него была обширная, но болѣе другихъ былъ замѣчателенъ сынъ Захарія, который придалъ свое прозвище цѣлому роду потомковъ; сынъ этого Захаріи Кошкина Юрій былъ бояриномъ при Иванѣ III и дѣти Юрія уже назывались *Захарьины-Юрьевы*. У этого Юрія было двое сыновей: Романъ и Михаилъ. Михаилъ былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ бояръ Василія III; Романъ былъ при Дворѣ Василія III окольничимъ. На дочери Романа Юрьевича, Анастасіи Романовнѣ, женился царь Иванъ IV Васильевичъ. Предполагаютъ, что на этотъ выборъ юнаго царя въ значительной степени вліяло и то значеніе, которымъ при Дворѣ царя Василія III пользовался дядя царской невѣсты, бояринъ Михаилъ Юрьевичъ. Эта свадьба приблизила ко Двору и остальныхъ дѣтей Романа—родныхъ братьевъ царицы, изъ которыхъ одинъ, Никита, былъ впослѣдствіи бояриномъ и пользовался уваженіемъ грознаго царя. Весь родъ Романа Юрьевича сталъ уже называться не иначе, какъ *Романовы-Захарьины-Юрьевы* или, сокращенно, просто *Романовыми*.

По нѣкоторымъ современнымъ извѣстіямъ, царь Иванъ Васильевичъ Грозный, умирая, поручилъ сына своего Ѳеодора попеченіямъ двоихъ старшихъ бояръ—Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго и Никиты Романовича Романова-Захарьина-Юрьева. Набожный и слабодушный царь Ѳеодоръ предоставилъ даже и все управленіе государствомъ боярину Никитѣ

*) Таковы: Захарьины-Юрьевы, Жеребцовы, Шереметевы, Беззубцевы, Зубатые, Колычевы, Лицкіе, Кобылины, Лодыгины, Пеплюевы и др.

Библиотека "Руниверс"

Романовичу, который приходился ему дядей (по матери). Два года сряду бояринъ Никита Романовъ такъ и оставался полновластнымъ правителемъ государства, по волѣ царя Ѳеодора, и только по смерти боярина Никиты Романова (весною 1586 г.) Борисъ Годуновъ занялъ его мѣсто при царѣ Ѳеодорѣ.

По смерти Никиты Романова, при Дворѣ царя Ѳеодора, въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ царю осталась семья боярина Никиты. Его пятеро сыновей—Ѳеодоръ, Александръ, Михаилъ, Иванъ и Василій Никитичи были двоюродные братья царя Ѳеодора и царь ихъ любилъ видѣть около себя. Двое старшихъ, Ѳеодоръ и Александръ, уже достигнувшіе бояръства, часто не соглашались во взглядахъ съ правителемъ государства, Борисомъ Годуновымъ, и потому были особенно ему непріятны. Годуновъ опасался преимущественно Ѳеодора Никитича, человѣка умнаго, начитаннаго и высоко-талантливаго, притомъ еще обладавшаго прекрасною, величавою наружностью и замѣчательнымъ даромъ слова. Но, пока былъ живъ царь Ѳеодоръ, Годуновъ не дерзнулъ коснуться Романовыхъ; только по смерти царя Ѳеодора, когда Годуновъ проложилъ себѣ дорогу къ престолу, свойственная ему подозрительность побудила его удалить Романовыхъ отъ Двора. Къ несчастью, около Бориса нашлись недобрые люди, которые, изъ желанія угодить царю и отличиться передъ нимъ своимъ усердіемъ, оклеветали Романовыхъ въ измѣнѣ и въ злоумышленіи на жизнь царя Бориса. Современный лѣтописецъ разсказываетъ намъ, что подкупленный этими недобрыми людьми управитель Александра Никитича Романова подкинулъ въ его кладовую мѣшки съ кореньями. Затѣмъ онъ явился съ доносомъ, что у его господина припасено отравное зелье. Кладовыя Романовыхъ были обысканы, мѣшки найдены и всѣ братья Романовы призваны на судъ къ патріарху, по обвиненію въ вѣдовствѣ. Напрасно старались невинно-обвиненные оправдаться отъ нелѣпаго обвиненія; они были отданы подъ стражу вмѣстѣ со всѣми своими родственниками и близкими друзьями — князьями Черкасскими, Шестуновыми, Репниными, Сицкими и многими другими. Начались допросы, сопровождавшіеся неоднократно жестокими пытками, которымъ подвергали и Ѳеодора Никитича, и его братьевъ. Въ то же время жестоко пытали и мучили слугъ и дворовыхъ людей, служившихъ Романовымъ, подговаривая ихъ, чтобы они оклеветали своихъ господъ; но они умирали въ мукахъ и все же ничего не показывали противъ своихъ господъ *). Судъ и розыскъ, длившіеся очень долго, не привели ни къ чему: Романовы не оказались виновными, но ихъ во что бы то ни стало нужно было обвинить—и ихъ обвинили. Въ іюнѣ 1601 года состоялся боярскій приговоръ, по которому: Ѳеодора Никитича Романова постригли и подъ именемъ инока Филарета послали въ Антоніевъ-Сійскій монастырь **); передъ постриженіемъ, его разлучили съ молодою женой и малолѣтними дѣтьми. Жену Ѳеодора Никитича, Ксенію Ивановну (урожденную Шестову), также разлучили съ дѣтьми, постригли и, подъ именемъ инокини Марѳы, сослали въ одинъ изъ заонежскихъ погостовъ ***). Остальныхъ братьевъ Ѳеодора Никитича также разослали въ дальнія ссылки: Александра Никитича—въ Усолье-Луду, на пустынные берега Бѣлаго моря; Михаила Никитича—въ Пермскій край, въ Выробскую волость; Ивана Никитича—въ Пелымь; Василія Никитича—въ Яренскъ; малолѣтнихъ дѣтей Ѳеодора Никитича—пятилѣтняго Михаила и маленькую сестру его Ксенію отправили съ двумя тетками на Бѣлоозеро.

Всѣхъ Романовыхъ, кромѣ постриженнаго въ иноки (Ѳеодора Никитича) Филарета, приставы держали подъ строжайшимъ присмотромъ, въ тяжкихъ оковахъ. Приставы усердствовали, желая угодить Борису Годунову, и обращались съ опальными Романовыми такъ жестоко, что черезъ два-три года изъ пяти братьевъ въ живыхъ остались только двое: Филаретъ и Иванъ Никитичъ.

Что испыталъ въ этой горестной ссылкѣ страдалецъ Филаретъ, мы это отчасти узнаемъ изъ описаній находившагося при немъ царскаго пристава, который писалъ въ своихъ обстоятельныхъ докладахъ:

„Со мною ничего (Филаретъ) не разговариваетъ; только когда жену вспоминаетъ и дѣтей, то говоритъ: „Малыя мои дѣтки! Маленьки бѣдныя остались! Кому ихъ кормить и поить? Такъли имъ будетъ теперь, какъ имъ при мнѣ было? А жена моя, бѣдная! Жива-ли уже? Чай она туда завезена, куда и слухъ никакой не зайдетъ!.. Бѣда на меня жена и дѣти: какъ ихъ вспомнишь, такъ точно рогатиной въ сердце толкнетъ!"

Сохранилось трогательное преданіе, что преданные Романовымъ дворовые люди ихъ, несмотря на строжайшій надзоръ за ссыльными и на запрещеніе допускать къ нимъ кого бы то ни было, все же находили возможность поддерживать тайныя сношенія между Филаретомъ и его семьею, странствуя съ Бѣлоозера въ Заонежье, а оттуда отправляясь въ отдаленный Сійскій монастырь.

Но царь Борисъ наконецъ смягчился: велѣлъ вернуть полубольнаго Ивана Романова изъ ссылки, сначала въ Нижній, а потомъ даже и въ Москву; дѣтямъ Филарета Никитича также было разрѣшено, вмѣстѣ съ ихъ тетками, переселиться съ Бѣлоозера въ отчину Романовыхъ, близъ Юрьева-Польскаго. Только самому Филарету и его женѣ еще суждено было нѣсколько лѣтъ томиться въ ссылкѣ...

Когда царь Борисъ умеръ, а сынъ его погибъ, и на престолъ вступилъ Дмитрій Самозванецъ, Филаретъ былъ возвращенъ изъ ссылки, возведенъ въ митрополиты Ростовскіе и поспѣшилъ удалиться изъ Москвы въ свою митрополію. Вѣроятно, около того же времени возвращена была изъ ссылки инокиня Марѳа, въ мірѣ супруга Ѳеодора Никитича, и могла вновь увидѣть и обнять дорогихъ своихъ дѣтей.

Затѣмъ, въ теченіе эпохи Смутнаго времени, когда боярскіе роды безпрерывно переходили съ одной стороны на другую, пренебрегая благомъ Русской земли и играя душою, Романовы держались въ сторонѣ отъ всякихъ партій, отъ всякихъ временныхъ вліяній въ ту или другую сторону. Филаретъ, захваченный въ плѣнъ тушинцами и силою приведенный въ Тушино, держалъ себя такъ самостоятельно и гордо, что Тушинскій воръ опасался своего плѣнника и, оказывая ему всѣ внѣшніе признаки вниманія, въ то же время держалъ его подъ строгимъ надзоромъ. Когда Тушинское гнѣздо распалось и Филаретъ былъ избавленъ изъ плѣна войсками царя Василія, онъ явился въ Москвѣ однимъ изъ самыхъ твердыхъ и надежныхъ русскихъ гражданъ. Вмѣстѣ съ патріархомъ Гермогеномъ Филаретъ старался защитить православную Русь отъ иноземнаго королевича-иновѣрца и какъ одинъ изъ самыхъ непоколебимыхъ русскихъ людей былъ избранъ, въ числѣ знатнѣйшихъ представителей Московскаго государства, въ составъ посольства, отправленнаго къ Сигизмунду подъ стѣны Смоленска. Чрезвычайная твердость, выказанная здѣсь Филаретомъ и его товарищами въ переговорахъ съ поляками, спасла честь Русской земли и дала возможность русскимъ людямъ образумиться, отдать себѣ отчетъ въ своемъ ужасномъ, безвыходномъ положеніи. Но самъ Филаретъ долженъ былъ за эту твердость поплатиться новыми страданіями: противъ всѣхъ международныхъ правъ и обычаевъ, Филаретъ, въ числѣ другихъ пословъ московскихъ, былъ взятъ подъ стражу, ограбленъ и, вмѣстѣ со своими товарищами, отвезенъ въ Польшу, гдѣ ему пришлось прожить въ плѣну до 1618 года. Въ этомъ году, наконецъ, онъ былъ освобожденъ изъ плѣна по Деулинскому договору.

Тяжкія нравственныя муки, испытанныя родителями юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, отзывались, конечно, и на немъ. Отторгнутый въ пятилѣтнемъ возрастѣ отъ нѣжныхъ заботъ и попеченій матери, онъ и потомъ, когда она была ему возвращена, недолго могъ наслаждаться радостями домашней, семейной жизни. Духовный санъ, который вынужденъ былъ принять на себя отецъ Михаила, Филаретъ Никитичъ, долженъ былъ, въ значительной степени, отдалить сына отъ отца, который не могъ уже держать своей семьи въ непосредственной близости къ себѣ. Вѣроятно, большую часть времени, до 1610 года, юный Михаилъ Романовъ провелъ въ Романовской вотчинѣ (подъ Юрьевымъ-Польскимъ) или въ Шестовскихъ вотчинахъ, подъ Костромою, гдѣ онъ жилъ съ матерью и тетками. Но когда Филаретъ былъ избавленъ отъ тушинскаго плѣна и явился въ Москву, его сынъ Михаилъ и братъ его Иванъ Никитичъ также пріѣхали въ Москву, можетъ-быть для свиданія съ Филаретомъ. Ни сынъ, ни братъ не предвидѣли еще, что Филарету предстоитъ вскорѣ принять участіе въ московскомъ посольствѣ подъ Смоленскъ, претерпѣть тамъ оскорбленія и притѣсненія всякаго рода и затѣмъ попасть въ плѣнъ, въ Польшу... Есть даже основаніе думать, что и братъ, и сынъ рѣшились ожидать возвращенія Филарета въ Москвѣ, не зная, что предпринять среди общей смуты Междуцарствія. По крайней мѣрѣ иначе нельзя объяснить того обстоятельства, что Иванъ Никитичъ Романовъ и его племянникъ Михаилъ Ѳеодоровичъ были застигнуты врасплохъ начавшеюся въ Москвѣ борьбою между горожанами и польскимъ гарнизономъ и вынуждены (вмѣстѣ съ князьями Мстиславскими, Воротынскими и другими боярами) вынести всѣ ужасы осады и голода въ Кремлѣ, отовсюду осажденномъ русскими ополченіями. Сколькимъ опасностямъ подвергался при этомъ юный Михаилъ Романовъ! Сколько лишеній и тревогъ долженъ онъ былъ вынести за время этого сидѣнья въ Кремлѣ, гдѣ и сами поляки питались соленымъ человѣчьимъ мясомъ! Сколько разъ Ангелъ смерти почти касался крыломъ своимъ будущаго избранника Божія! Объ этомъ умалчиваютъ наши лѣтописи... Только уже въ половинѣ ноября 1612 г., поляки, доведенные до отчаянія, рѣшились просить пощады у русскихъ воеводъ и, прежде всего, выпустили изъ Кремля своихъ русскихъ плѣнниковъ. Вѣроятно, тотчасъ послѣ этого освобожденія изъ тяжкаго плѣна, Михаилъ Ѳеодоровичъ поспѣшилъ къ своей матери и поселился съ ней около Костромы въ помѣстьѣ, а потомъ и въ самой Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ, гдѣ, весною слѣдующаго года, и за-

*) Эта преданность слугъ Романовымъ проявилась впослѣдствіи блистательнымъ примѣромъ самоотверженія въ извѣстномъ эпизодѣ крестьянина Ивана Сусанина, который далъ себя замучить полякамъ, но не выдалъ мѣстопребыванія своего господина. Памятникъ, воздвигнутый ему въ Костромѣ, мы помѣщаемъ на стр. 209 нынѣшняго № *Нивы*; на стр. 201 помѣщенъ видъ с. Домнина, родины Ивана Сусанина.

**) Антоніевъ-Сійскій монастырь (въ Архангельской губ.) лежитъ въ 92 верстахъ отъ Холмогоръ (вверхъ по Двинѣ), на островѣ Михайлова оверы, близъ Сійской волости. Основ. въ 1520 году.

***) Видъ Спасокаменнаго монастыря, который изображенъ на стр. 213 настоящаго № „Нивы".

Библиотека "Руниверс"

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. Съ фот. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Александровичъ. Съ фот. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

стало его посольство избранныхъ отъ „всея Русскія земли людей“, призывавшее юнаго Михаила на царство.

13 марта 1613 г. посольство прибыло въ Кострому въ вечерни и дало знать Михаилу и матери его о своемъ пріѣздѣ, а 14-го числа, поднявши кресты и иконы, пошли всѣ торжественнымъ шествіемъ въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ юный Михаилъ жилъ со своею матерью въ особыхъ палатахъ. Михаилъ и его мать, инокиня Марѳа, встрѣтили образа за монастыремъ, но когда послы объявили имъ, зачѣмъ присланы, то Михаилъ отвѣчалъ, что онъ государемъ быть не хочетъ, а инокиня Марѳа добавила, что она не благословляетъ сына на царство. Шесть часовъ сряду послы молили Михаила, чтобы онъ „съ себя воли Божіей не снималъ“ и былъ на Московскомъ государствѣ государемъ. И только тогда, когда послы стали грозить, что „Богъ взыщетъ на Михаилѣ конечное раззоренье государства“,—Михаилъ и Марѳа сказали, что они во всемъ полагаются на праведныя и непостижимыя судьбы Божіи. Марѳа благословила сына, Михаилъ принялъ отъ архіепископа царскій посохъ (символъ власти) и благословеніе. Затѣмъ, онъ допустилъ всѣхъ пословъ къ рукѣ и объявилъ имъ, что скоро будетъ въ Москвѣ. Такъ совершилось это великое, приснопамятное событіе, и съ тѣхъ поръ Домъ Романовыхъ вступилъ въ лицѣ Михаила на Всероссійскій престолъ и благополучно правитъ имъ донынѣ.

Достопамятное событіе избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова должно было, конечно, оставить глубокій слѣдъ въ памяти современниковъ и обратить на себя почтительное вниманіе ближайшаго потомства. И дѣйствительно, уже при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ Посольскомъ приказѣ были составлены двѣ книги, въ которыхъ подробно описаны—„вѣнчаніе на царство“ перваго царя изъ Дома Романовыхъ и другое важнѣйшее событіе этого царствованія—„возвращеніе изъ плѣна родителя государева Филарета Никитича“. Сынъ и наслѣдникъ царя Михаила Ѳеодоровича, „тишайшій“ царь Алексѣй Михайловичъ захотѣлъ по достоинству возвеличить значеніе своего отца и дѣда и приказалъ ближайшему своему любимцу, боярину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, „сдѣлать книгу“, въ которой бы, по современнымъ актамъ и притомъ „въ лицахъ“ изображены были всѣ обряды вѣнчанія на царство Михаила Ѳеодоровича и всѣ торжественныя встрѣчи, устроенныя на пути Филарета Никитича при его возвращеніи изъ Польши въ Москву.

Ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, рѣшился исполнить порученную ему задачу со всѣмъ тщаніемъ и великолѣпіемъ, какихъ заслуживала важность и высокое значеніе самаго предмета книги. Онъ собралъ и провѣрилъ всѣ акты и документы, хранившіеся въ Посольскомъ приказѣ отъ временъ вступленія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича, сличилъ ихъ, извлекъ изъ нихъ все существенное и въ одной большой, объемистой книгѣ изложилъ все, что было извѣстно о двухъ вышепомянутыхъ историческихъ событіяхъ, тѣсно между собою связанныхъ. Самой книгѣ дано было одно общее заглавіе: „*Книга объ избраніи на превысочайшій престолъ великаго Россійскаго царствія великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея великія Россіи Самодержца*“. Книгу повелѣно было „изобразить въ лицахъ“, т. е. украсить соотвѣтствующими тексту картинами, а потому Матвѣевъ принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры къ тому, чтобы и художественная внѣшность книги вполнѣ соотвѣтствовала ея внутреннему достоинству. Приглашены были къ участію въ работѣ надъ книгою лучшіе изъ современныхъ русскихъ иллюстраторовъ и лучшіе мастера книжнаго дѣла—и составленная Матвѣевымъ книга представляетъ собою весьма любопытный памятникъ не только литературный, но и художественный, близко знакомящій насъ и съ положеніемъ русской исторической литературы, и съ положеніемъ русскаго искусства въ концѣ XVII вѣка. Чрезвычайно любопытны самыя подробности написанія этой замѣчательной книги, и потому мы приведемъ ихъ здѣсь для ознакомленія съ цѣнностью литературнаго и художественнаго труда въ Россіи при нашихъ предкахъ.

Подъ надзоромъ Матвѣева, вся книга „объ избраніи“ „*строилась*“ слѣдующимъ образомъ. Самый текстъ книги былъ порученъ одному изъ опытнѣйшихъ подьячихъ Посольскаго приказа, *Ивану Верещагину*. Началъ онъ писать книгу 6 іюля 1672 г., и писалъ до 17 августа, всякій день по два листа, „окромя воскресныхъ дней и великихъ праздниковъ Господнихъ“. Неизвѣстно сколько получалъ онъ жалованья, но за все время своей работы онъ получалъ „поденнаго корму по два алтына на день“.

Когда текстъ книги былъ готовъ, изъ Пушкарскаго приказа вытребованъ былъ иконописецъ *Иванъ Максимовъ* для украшенія книги картинами, и писалъ онъ на 21 листѣ „мелочью“, съ 10 ноября 1672 г. по 30 марта 1673 г., за что получалъ окладнаго жалованья 17 рублей, а потомъ и до 40 рублей (въ годъ), да задѣльной платы по шести алтынъ да по четыре деньги въ день. Ивану Максимову, главному рисовальщику, помогали еще трое другихъ иконописцевъ, *Сергѣй Рожковъ*, *Аѳанасій Ездокимовъ* да *Ѳеодоръ Юрьевъ*. Первый получалъ 15 рублей жалованья, двое другихъ—по 10 рублей жалованья (въ годъ). Чрезвычайно любопытна смѣта матерьяловъ, нужныхъ для работы, которую представили эти иконописцы. Оказалось, что для украшенія книги рисунками потребовалось: „золота краснаго 1,000 листовъ, серебра 500 листовъ, бокону винницейскаго ¼ фунта, яри винницейской 1 фунтъ, киновари 1 фунтъ, сурику 1 фунтъ, шпигели 1 фунтъ, шафрану ¼ фунта, вохры 1 фунтъ, бѣлилъ 1 фунтъ, умры ¼ фунта, голубцу 1 фунтъ, чернилъ два кувшина, камеди ½ фунта, яицъ 500, кистей 60“.

Рисунки, изготовленные иконописцами, были расписаны золотомъ особыми мастерами, золотописцами, *Ѳедоромъ Благушинымъ* „съ товарищи“. Когда вся эта работа была закончена, книга поступила въ руки иноземца, капитана *Ягана Елинкура*, который книгу переплелъ въ бархатъ съ золотымъ обрѣзомъ; а мастеръ Серебряной Палаты, *Поликарпъ Ѳеодоровъ* „съ товарищи“ украсилъ переплетъ серебряными вызолочеными наугольниками, застежками и средниками (т. е. на серединѣ помѣщенными украшеніями).

Изъ этой-то замѣчательной книги заимствуемъ мы главный рисунокъ, помѣщаемый въ нынѣшнемъ № *Нивы* (см. стр. 204 и 205). На рисункѣ изображено самое важное, такъ сказать, основное событіе историческое—фактъ избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Рисунокъ этотъ, по художественному замыслу своему, чрезвычайно наивенъ. Авторъ-художникъ задался совершенно неисполнимою (по законамъ искусства) мыслью—изобразить на одной и той же картинѣ два дѣйствія, которыя относятся одно къ другому, какъ предъидущее къ послѣдующему. Начертавъ въ сторонѣ, въ лѣвомъ углу картины общій видъ Ипатьевскаго Костромскаго монастыря, въ которомъ жилъ въ то время Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью своею, инокинею Марѳою, художникъ ниже изобразилъ представленіе юному Михаилу всего посольства, присланнаго изъ Москвы съ предложеніемъ ему вѣнца; а немного далѣе, влѣво, у края картины, изобразилъ того же Михаила, уже согласившагося на предлагаемое посольствомъ и принимающаго жезлъ царственный изъ рукъ архіепископа. Кругомъ этихъ двухъ важнѣйшихъ группъ расположено „народное множество“ съ крестами, иконами и хоругвями, и часть его представлена на колѣняхъ, съ мольбою обращающаяся къ Михаилу. Многія подробности бытовыя, сохраненныя этой картиной, несмотря на нѣсколько иконописный пошибъ ея, чрезвычайно важны въ археологическомъ смыслѣ.

Кстати замѣтимъ, что на этой картинѣ инокиня Марѳа изображена еще женщиною среднихъ лѣтъ. Портретъ этой достойной женщины, помѣщаемый нами на стр. 200 нынѣшняго № *Нивы*, снятъ былъ съ нея въ старости. Снимокъ помѣщаемый нами заимствованъ съ подобнаго же снимка, занесеннаго въ „Древности Государства Россійскаго“, а портретъ царя Михаила Ѳеодоровича (см. стр. 193 нынѣшняго № *Нивы*) заимствованъ изъ „Галереи Дома Романовыхъ“.

III.

Поэтическія преданія о Романовыхъ.

Значеніе бояръ Романовыхъ, особенно ярко проявившееся въ царствованіе Грознаго царя Ивана Васильевича и сына его царя Ѳеодора Ивановича, было оцѣнено народомъ по достоинству, и сохранилось звучнымъ отголоскомъ въ древне-русской народной поэзіи. Братъ Анастасіи, первой супруги царя Ивана IV—бояринъ Никита Романовъ, царскій шуринъ, несомнѣнно пользовался уваженіемъ своего царственнаго зятя и сохранилъ это уваженіе до конца царствованія, несмотря ни на какіе порывы, перемѣны и увлеченія Грознаго. Народъ, видимо, отличалъ бояриня Никиту Романова отъ другихъ бояръ Московскаго Двора, а потому воспѣлъ его въ особой былинѣ, которая извѣстна подъ названіемъ „*Никитѣ Романовичу дано село Преображенское*“.

Содержаніе былины прекрасно; оно живо рисуетъ намъ порывистаго и страстнаго Іоанна, одинаково способнаго и на добро, и на зло, и на крутое взысканіе, и на щедрую награду. Въ началѣ былины царь изображенъ пирующимъ „въ каменной Москвѣ“. Когда былъ „лѣтній день въ половинѣ дня“, а „бесѣдушка была на-веселѣ“—всѣ пирующіе стали хвастаться — кто силою, кто богатствомъ. Тогда царь Иванъ Васильевичъ сказалъ своимъ собесѣдникамъ: „глупые вы бояре, неразумные! всѣ вы бездѣлицей хвастаетесь!“ — и добавилъ къ этому, что только онъ одинъ можетъ похваляться тѣмъ, что вывелъ измѣну изъ Кіева и изъ Новгорода, „взялъ Рязань, взялъ и Астрахань“. Никто не смѣетъ перечить царю, и только сынъ его, царевичъ Ѳеодоръ, рѣшается сказать ему, что всюду повывелъ онъ измѣну на Руси — „не вывелъ ее только въ каменной Москвѣ“. И при этомъ онъ указываетъ на троихъ бояръ Годуновыхъ, какъ на измѣнниковъ. Грозный царь требуетъ объясненій; но сынъ-царевичъ отъ нихъ уклоняется и прямо говоритъ отцу:

„Ты самъ про нихъ знаешь и вѣдаешь,
„Про трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ;
„Ты пьешь съ ними, ѣшь съ одного блюда,
„Единую чару съ ними требуешь.“

Тогда Грозный царь разгнѣвался; кликнулъ кличъ на „пе-

Библиотека "Руниверс"

милостивыхъ палачей"—велитъ имъ отвезти царевича за Москву-рѣку „къ тому болоту поганому, ко той, ко лужѣ кровавой, ко той плахѣ бѣлодубовой." И никто не смѣетъ исполнить этотъ страшный царскій приказъ: „всѣ палачи испужалися, со Москвы разбѣжалися". Только „одинъ злодѣй" выступаетъ для исполненія царскаго велѣнья: „Малюта-палачъ, сынъ Скурлатовичъ". Онъ хватаетъ царевича и ведетъ его за Москву-рѣку. Вѣсть объ этомъ страшномъ событіи доносится до села Романовскаго, „ко старому Никитѣ Романовичу". „Много Никита не выспрашиваетъ" — бросается на широкій дворъ, велитъ подать себѣ коня несѣдланнаго и невзнузданнаго, сажаетъ къ себѣ за спину любимаго молодаго конюха—и скачетъ во весь махъ за Москву-рѣку, кричитъ прохожимъ: „Народъ православный, не убейтеся—дайте дорогу мнѣ широкую!" Онъ настигаетъ злодѣя Малюту „на полу-пути до болота поганаго" и кричитъ ему „зычнымъ голосомъ:

„Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ!
„Не за свой ты кусъ хватаешься,
„А этимъ кусомъ ты подавишься".

Малюта старается извинить себя тѣмъ, что онъ не смѣетъ ослушаться Грознаго царя. Тогда Никита Романовичъ, для спасенія царскаго сына, рѣшается пожертвовать своимъ любимымъ конюхомъ, и говоритъ Малютѣ:

„Сказни ты любимаго конюха моего,
„Окровени саблю острую,
„Замарай въ крови руки бѣлыя;
„И съ тѣмъ поди къ Царю передъ очи."

А самъ вырвалъ царевича изъ рукъ Малюты и увезъ его въ село Романовское—и сталъ тамъ пировать и веселиться, стараясь утѣшить спасеннаго имъ царевича. Между тѣмъ Малюта казнилъ молодаго конюха и явился къ царю, который, при видѣ окровавленной сабли Малюты приходитъ въ ужасъ, воображая себѣ, что его неразумное приказаніе исполнено Малютою въ точности. Онъ сокрушается и горюетъ о сынѣ, а между тѣмъ Борисъ Годуновъ доноситъ ему, что у боярина Никиты Романова въ селѣ идетъ пиръ горой, „въ трубы трубятъ по-ратному, въ барабаны бьютъ по-воинскому..." Грозный требуетъ Никиту Романовича къ отвѣту и спрашиваетъ его, съ страшными угрозами: чему онъ радуется, когда царь въ кручинѣ. Но Никита отвѣчаетъ ему на это „не съ упадкою":

„А для того у меня пиръ на-веселѣ,
„Въ трубочки играютъ по-ратному,
„Въ барабаны бьютъ по-воинскому,—
„Утѣшаютъ млада Царевича..."

Тогда царь узнаетъ истину, спѣшитъ на радостяхъ въ село Романовское—обнять царевича, спасеннаго вѣрнымъ бояриномъ, котораго царь жалуетъ погребомъ „злата, серебра," другимъ погребомъ „питья разнаго," и грамотою тарханною „на село Преображенское".

Эта прекрасная былина, въ которой можетъ-быть вспоминается (по счастливому предположенію графа А. К. Толстаго) дѣйствительное историческое событіе — вѣрно рисуетъ намъ характеръ боярина Никиты Романова, прямой и правдивый, переданный имъ, какъ прямое наслѣдіе, и его дѣтямъ...

Страданія этихъ дѣтей боярина Никиты Романова (ихъ такъ и называли „Никитичами" при Дворѣ царя Ѳеодора)—страданія ничѣмъ не заслуженныя—возбудили къ нимъ великое состраданіе въ народѣ и вызвали цѣлый рядъ поэтическихъ сказаній объ этихъ страдальцахъ въ самыхъ мѣстахъ ихъ ссылки и заточенія. Такъ о бояринѣ Александрѣ Романовѣ, который умеръ на далекомъ Сѣверѣ, народная молва разсказываетъ, что надъ его могилою, которую нарочно хотѣли предать забвенію, на другой же годъ выросли, никѣмъ не посаженные, два могучихъ кедра. Особенно много разсказовъ, трогательныхъ и милыхъ по своей наивности, сохранилось въ Чердыни и въ Ныробѣ о тамошнемъ заключенникѣ, молодомъ бояринѣ Михаилѣ Никитичѣ Романовѣ. Богатырь ростомъ и силою, легко справлявшійся съ пятью сильными людьми, Михаилъ Никитичъ покорно и съ полнымъ смиреніемъ исполнялъ всѣ приказанія своего жестокаго пристава и его пособниковъ, и съ твердымъ мужествомъ перенесилъ истязанія и мученія, которымъ его подвергали. Онъ сидѣлъ въ тѣсной и смрадной сырой ямѣ, которая служила ему темницею. Тяжкія оковы, въ два пуда вѣсомъ, связывали всѣ его движенія и въѣдались въ его нѣжное тѣло... Свѣтъ проникалъ къ нему въ темницу черезъ крошечное окошечко... Злой приставъ, желая ускорить кончину страдальца, лишалъ его пищи и питья... Окрестные жители, ныробцы, узнавъ, что приставы хотятъ боярина заморить голодомъ, стали посылать къ его темницѣ своихъ дѣтокъ, которыя, играя около темничнаго окошечка, спускали къ нему въ дудочкахъ квасъ, масло и всякую иную жидкую пищу. Злой приставъ, узнавъ объ этомъ, перехватывалъ многихъ изъ числа этихъ дѣтей, жестоко наказалъ ихъ, и нѣкоторыхъ ныробцевъ, научившихъ дѣтей на доброе дѣло, даже отправилъ въ Москву за крѣпкимъ карауломъ... Такъ гласитъ мѣстное народное преданіе.

Надъ темницею Михаила Никитича Романова впослѣдствіи воздвигнута была небольшая часовня, въ которой и доселѣ хранится гробница боярина и его страшныя оковы, какъ это и изображено въ настоящемъ № *Нивы*, на стр. 208. Тѣло Михаила Никитича еще въ 1607 г. было увезено въ Москву, и тамъ погребено рядомъ съ тѣлами его другихъ несчастныхъ братьевъ его—Александра и Василія.

IV.

Богатства бояръ Романовыхъ.

Родъ бояръ Романовыхъ, въ теченіе многихъ вѣковъ близкій къ великимъ князьямъ и царямъ Московскимъ, мало-помалу долженъ былъ пріобрѣсти большія богатства и огромныя земельныя владѣнія. Въ особенности во второй половинѣ XVI вѣка, когда Романовы породнились съ царемъ Іоанномъ IV Васильевичемъ, когда они являлись при московскомъ Дворѣ то шурьями, то дядями и двоюродными братьями царей Московскихъ,—богатства Романовыхъ *Никитичей* (т. е. сыновей боярина Никиты Романова, брата Анастасіи) должны были возрасти до колоссальныхъ размѣровъ. Кромѣ множества вотчинъ въ разныхъ концахъ Русской земли, кромѣ богатѣйшей казны, состоявшей изъ всякаго рода драгоцѣнностей, у каждаго изъ братьевъ Романовыхъ, въ самой Москвѣ, было по нѣскольку домовъ съ обширными усадьбами. Опала, постигшая Романовыхъ (Никитичей) при Борисѣ Годуновѣ, и тяжкія обвиненія, взведенныя на нихъ, разомъ оттолкнули отъ нихъ все современное боярство, кромѣ тѣхъ родовъ, которые были къ Романовымъ близки и пострадали вмѣстѣ съ ними. По жестокому и несправедливому обычаю времени, опала и ссылка боярина сопровождались страшнымъ разореніемъ: все имущество опальнаго и ссыльнаго боярина, движимое и недвижимое, „отписывалось на великаго государя". Этимъ случаемъ, конечно, спѣшили воспользоваться всѣ враги опальнаго и обращались къ государю съ „челобитьишками" и „просьбишками"—удѣлить имъ изъ поступившаго въ казну имущества опальнаго боярина ту или другую „вотчинку", „усадьбишку", „землицу", „угодьишко"... Мало-по-малу имѣніе опальнаго таяло какъ воскъ и исчезало безслѣдно въ чужихъ рукахъ. То же случилось и съ имуществомъ и съ земельными владѣніями Романовыхъ, когда ихъ постигли опала и ссылка, нанесшія страшный ударъ ихъ благосостоянію. Опала и ссылка разорили Ѳеодора (Филарета) Никитича и его братьевъ, а когда, по возвращеніи изъ ссылки Ѳеодора и Ивана Никитичей, нѣкоторыя вотчины были имъ возвращены, — неурядицы и погромы Смутнаго времени довершили разореніе...

Но вотъ сынъ Ѳеодора Никитича, юный Михаилъ, избранъ на царство... Само собою разумѣется, что всѣ прежнія земельныя владѣнія были разысканы и возвращены въ родъ Романовыхъ; а затѣмъ, мало-по-малу, стала возрастать и обогащаться и родовая казна Романовыхъ, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ царскою казною Михаила Ѳеодоровича. Какъ быстро эта казна возрастала и какую массу богатствъ она должна была заключать въ себѣ—это мы можемъ видѣть изъ сохранившейся намъ описи имущества боярина Никиты Ивановича Романова (двоюроднаго брата царя Михаила), который скончался въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Для большей ясности припомнимъ, что Никита Ивановичъ былъ сынъ Ивана Никитича Романова, дяди царя Михаила. Вмѣстѣ со всѣми остальными Романовыми Иванъ Никитичъ потерпѣлъ страшное разореніе во время опалы и ссылки при Борисѣ Годуновѣ, и когда ему были возвращены его вотчины въ царствованіе Михаила, долженъ былъ начать свое домостроительство „съ начала". И вотъ, въ теченіе тридцатилѣтняго царствованія Михаила Ѳеодоровича, въ рукахъ Ивана Никитича и сына его Никиты Ивановича скопляется такое огромное движимое имущество въ его московскомъ домѣ, такая богатѣйшая казна и такая масса всякихъ запасовъ, что простая опись ихъ занимаетъ 125 страницъ большаго формата и убористой печати, а распредѣленіе этой казны и запасовъ, согласно волѣ завѣщателя (Никиты Ивановича) и желанію царя Алексѣя Михайловича, растягивается на нѣсколько лѣтъ. И чего только нѣтъ въ этомъ громадномъ богатствѣ! Въ домѣ Никиты Ивановича видимъ и богатѣйшую, выписную изъ-за границы мебель, въ которой попадаются шкапы по 950 руб. цѣною; видимъ цѣлый рядъ всякихъ экипажей, приспособленныхъ для зимняго и лѣтняго времени; видимъ цѣлый арсеналъ всякаго драгоцѣннаго оружія, разукрашеннаго золотою насѣчкою, кораллами и каменьями, и большой запасъ „людского" оружія, предназначеннаго для вооруженія служни. Но въ особенности поражаетъ масса драгоцѣнностей, въ видѣ запаса всякихъ каменьевъ (алмазовъ, опаловъ, изумрудовъ, топазовъ, рубиновъ) и всѣхъ сортовъ жемчуга, который стоитъ въ казнѣ боярина „мѣрами". Рядомъ съ этими драгоцѣнностями, которыя, главнымъ образомъ, служили для украшенія боярскаго платья, видимъ въ казнѣ боярина огромное количество золотой и серебряной посуды, которой можно насчитать нѣсколько десятковъ пудовъ. О домашнемъ хозяйствѣ боярина Никиты Ивановича можно судить по тому, что запасы, хранившіеся въ его московскихъ кладовыхъ (мука, крупа, медъ, воскъ, ленъ, вино,

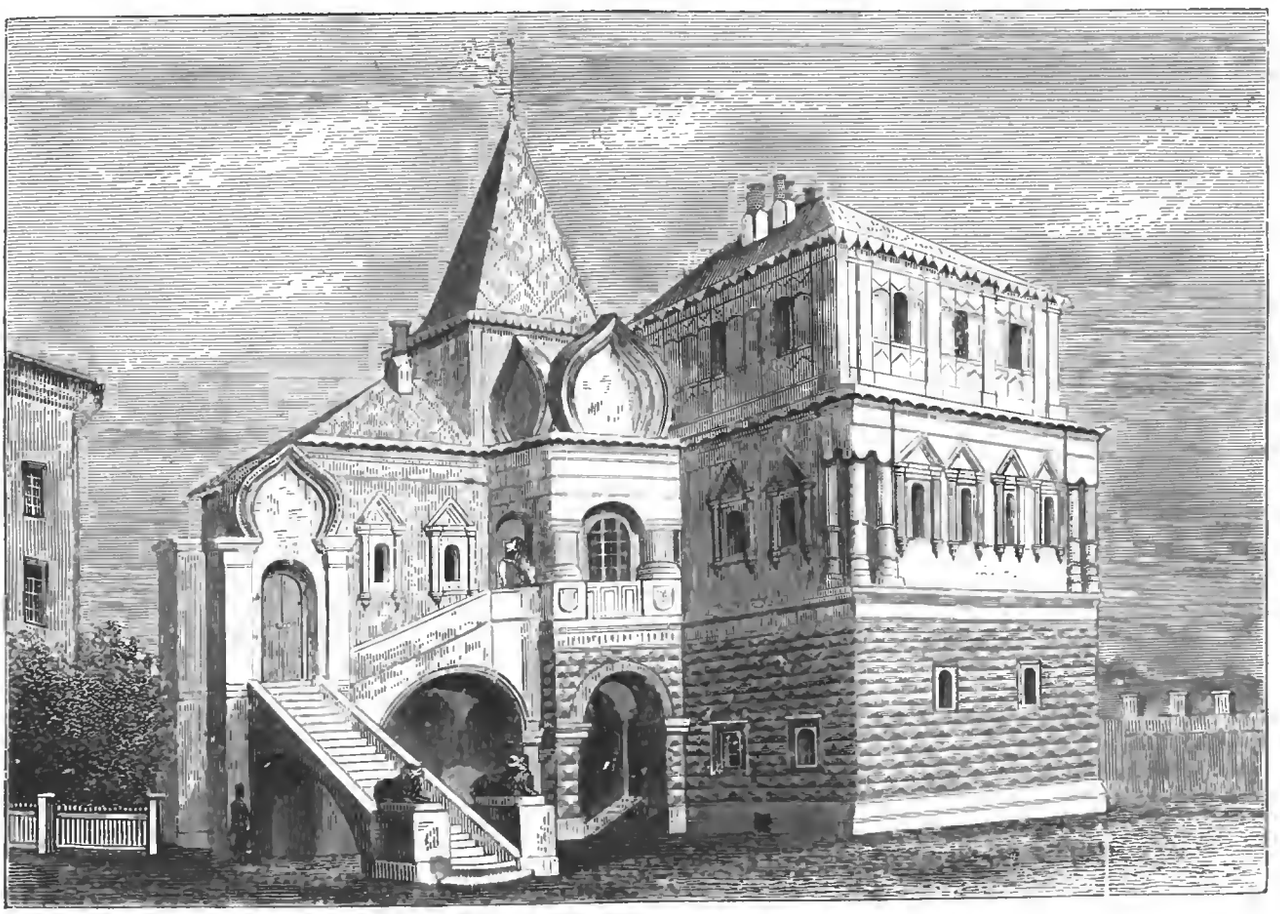
Библиотека "Руниверс"

шерсть), могли быть раздѣлены между *десятками* мужскихъ и женскихъ монастырей и розданы нѣсколькимъ полкамъ стрѣлецкимъ и рейтарскимъ. Большіе запасы желѣза и мѣди взяты были въ государеву мастерскую палату, а всякая домашняя рухлядь распредѣлена между сотнями лицъ, близко соприкасавшихся съ домомъ боярина и не забытыхъ въ его духовной.

По этому небольшому образчику имущества и казны боярина Никиты Ивановича можно судить о томъ, какъ быстро должна была возрастать казна царя Михаила Ѳеодоровича. Еще въ то время, когда посольство отъ всей земли Русской пришло въ Кострому и объявило юному Михаилу Ѳеодоровичу объ избраніи его на царство, мать Михаила, инокиня Марѳа, указывала посламъ на полное разореніе государства, какъ на одну изъ причинъ, по которымъ Михаилъ не можетъ принять предлагаемаго ему скипетра. Заботливая мать прямо говорила посламъ, что „царскія сокровищи расхищены и вывезены ляхами, дворцовыя волости перешли въ частныя руки или запустошены, а потому царю нечѣмъ служилыхъ людей за службу жаловать, нечѣмъ полнить своихъ обиходовъ и стоять противъ враговъ". Но затѣмъ, когда Михаилъ вступилъ на престолъ и, въ особенности, когда рядомъ съ нимъ бразды правленія собралъ въ свои руки строгій и опытный въ государственномъ хозяйствѣ Филаретъ, — всѣ разоренія и опустошенія Смутнаго времени были скоро забыты. Казна государева быстро богатѣла и уже сынъ и наслѣдникъ Михаила Ѳеодоровича, царь Алексѣй Михайловичъ, могъ проявлять при Дворѣ своемъ такой блескъ и такую царственную роскошь, которая приводила иностранцевъ въ изумленіе и казалась имъ сказочною. Особенно поражалъ ихъ построенный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Коломенскій загородный дворецъ (см. изображеніе его въ этомъ № *Нивы*, на стран. 201)—это чудо русскаго строительнаго искусства — разукрашенный вычурною деревянною рѣзьбою, раззолоченный и расписанный разными красками снаружи, разубранный дорогою мебелью, коврами и драгоцѣнною утварью во внутреннихъ покояхъ. Этотъ дворецъ, заброшенный впослѣдствіи, мало-по-малу нетшалъ и приходилъ въ разрушеніе, и наконецъ, къ величайшему ущербу русской старины, былъ сломанъ въ царствованіе Екатерины.

Ксенія (въ иночествѣ Марѳа) Ивановна Романова, родительница царя Михаила Ѳеодоровича. Съ портр. Романовской галереи Зимняго Дворца.

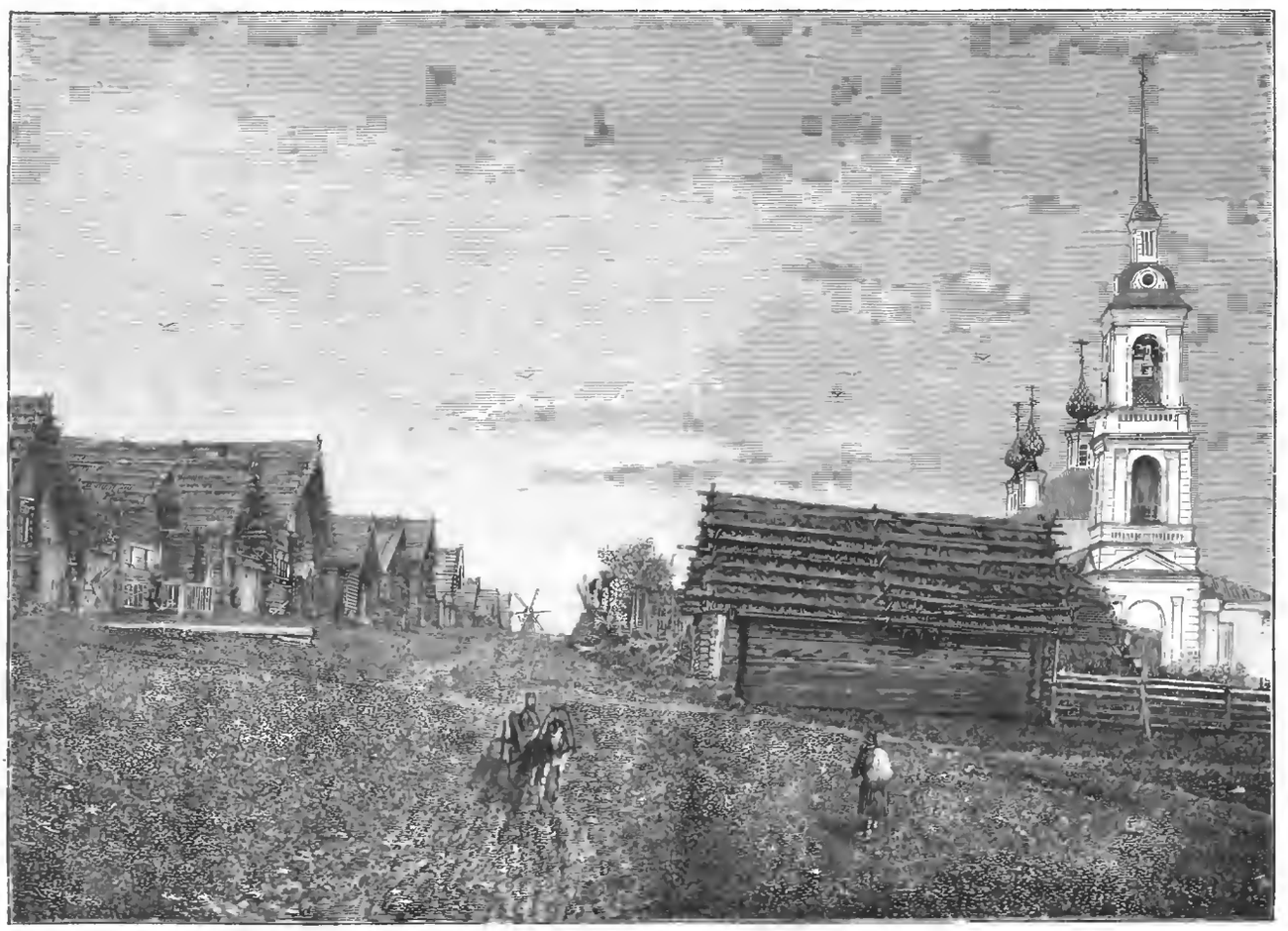
Въ настоящее время единственнымъ памятникомъ прежнихъ богатствъ и владѣній бояръ Романовыхъ въ Москвѣ остаются извѣстныя *Палаты бояръ Романовыхъ*, возстановленныя изъ развалинъ въ царствованіе Императора Александра II (см. изображеніе ихъ на этой стр). Рядомъ съ ними находится и та церковь, которая нѣкогда стояла на подворьѣ бояръ Романовыхъ и служила имъ домовою церковью.



Палаты бояръ Романовыхъ въ Москвѣ. Съ фот. грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Коломенскій дворецъ царя Алексѣя Михайловича. Со старинной гравюры грав. Рашевскій.



Видъ села Домнина Костромской губ. и уѣзда (родина Ивана Сусанина). Съ фот. грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

V.

Десятилѣтіе Россіи подъ скипетромъ Императора Александра III.

Завершившееся нынѣ десятилѣтіе царствованія Государя Императора Александра III Александровича началось при самыхъ исключительныхъ условіяхъ. О нихъ больно и страшно вспоминать. Условія эти были таковы, что даже Священное Коронованіе Его Императорскаго Величества замедлилось и могло совершиться лишь черезъ два съ небольшимъ года по вступленіи Императора на Прародительскій Престолъ. Поводы, руководившіе Августѣйшимъ Вождемъ Русской земли въ этомъ случаѣ, были изложены въ Высочайшемъ манифестѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Посреди тяжкихъ ощущеній скорби и ужаса, которыми объяты были, вмѣстѣ съ Нами, сердца вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ—неблаговременно было назначать и устроять торжество Коронованія. Смиряясь передъ неисповѣдимыми судьбами Провидѣнія и наказанія Господня, Мы положили въ сердцѣ Своемъ не приступать къ сему священному дѣйствію, доколѣ не успокоится чувство, возмущенное страшнымъ злодѣяніемъ, жертвою коего палъ Благодѣтель своего народа, возлюбленный Нашъ Родитель...“

Священное Коронованіе совершилось въ Москвѣ, 15 мая 1883 года, при торжественной обстановкѣ, при общихъ и вполнѣ искреннихъ ликованіяхъ всего русскаго народа. Въ манифестѣ, изливавшемъ милости на всю Россію по поводу этого великаго событія, всѣ услышали голосъ Монарха, для котораго благо родной страны было выше всѣхъ благъ міра. Съ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія повторяемъ здѣсь тѣ слова Высочайшаго манифеста, которыя составляютъ какъ бы священный завѣтъ нынѣ благополучно текущаго царствованія:

„По изволенію Божію, возложивъ на Себя вѣнецъ Царствія предковъ съ пріятіемъ Св. Мѵропомазанія, Мы всѣмъ сердцемъ молимъ Господа Вседержителя Царей и Царствъ, да благословитъ сей Священный день и часъ, въ который, предъ Лицомъ Его, на мѣстѣ, отъ древнихъ лѣтъ освященномъ вѣрою и молитвою всей Земли Русской, повторили Мы великій обѣтъ Царскаго Званія! Да укрѣпитъ Онъ всесильнымъ Св. Духомъ Державу Нашего правленія и да подастъ Намъ мудрость и силу—*къ умиротворенію всего смятеннаго, къ укрѣпленію порядка и правды въ дѣлахъ, къ просвѣщенію народа въ истинахъ вѣры, къ утвержденію въ каждомъ званіи вѣрности долгу и закону, къ охраненію предоставленныхъ каждому правъ и всеобщей безопасности, къ возвеличенію благоденствія и славы возлюбленнаго Нашего Отечества*“.

Истекшее десятилѣтіе служило непрерывнымъ и блистательнымъ подтвержденіемъ этого завѣта, произнесеннаго Державнымъ Вождемъ Русскаго народа въ „Священный день и часъ, когда Онъ возложилъ на Себя Вѣнецъ Царствія Предковъ!..“

Императоръ Александръ III уже не былъ юношею въ то время, когда Онъ вступилъ на Всероссійскій престолъ. Онъ давно уже былъ счастливымъ супругомъ и отцомъ семейства; уже много лѣтъ сряду вникалъ въ нужды Русскаго народа, принималъ сердечное участіе въ его печаляхъ и радостяхъ, приходилъ къ нему на помощь въ тяжелыя годины испытаній, посылаемыхъ Богомъ. Онъ давно уже, по волѣ въ Бозѣ почившаго Родителя Своего, раздѣлялъ съ Нимъ труды правленія и, еще незадолго до вступленія Своего на Престолъ, прошелъ тяжкую школу войны, лично участвуя въ славной борьбѣ Россіи съ Турціей за освобожденіе балканскихъ славянъ.

Многосторонняя и разнообразная государственная дѣятельность, въ теченіе десятилѣтняго періода, предшествовавшаго вступленію на Престолъ, доставила Императору Александру III тотъ запасъ драгоцѣннаго опыта и государственной мудрости, которыми не обладаютъ Монархи въ ранней юности призываемые судьбою къ многотрудному дѣлу правленія обширнымъ государствомъ, вмѣщающимъ въ предѣлахъ своихъ многомилліонный народъ. Не увлекаясь никакими приманками славы, не склоняясь на льстивыя предложенія иноземныхъ дипломатовъ, не смущаясь призраками отдаленнаго грядущаго, Императоръ Александръ III рѣшился достигнуть для Россіи возможнаго спокойствія, благоденствія и процвѣтанія *въ настоящемъ*, и сразу твердо вступилъ на тотъ прямой и самостоятельный путь, которымъ Онъ ведетъ Россію. Во внѣшней политикѣ, Императоръ Александръ III мудро отдѣлилъ насущные интересы Россіи отъ интересовъ и цѣлей, эгоистически преслѣдуемыхъ Европою. Зная цѣну европейской дружбѣ и безполезность для Россіи союзовъ съ западными великими державами, Онъ показалъ Европѣ съ достаточною убѣдительностью и несомнѣнною ясностью, что могущественная Россія не нуждается ни въ чьей помощи и можетъ смѣло обойтись безъ всякихъ союзниковъ.

Въ то время, когда Европа усиленно бряцала оружіемъ и гремѣла рѣчами своихъ военныхъ ораторовъ, Россія, не спѣша, ограждала свою западную границу рядомъ крѣпостей и желѣзною стѣною многочисленной русской арміи, тѣснѣе сплоченной на рубежѣ Русской земли и всегда готовой умереть за Царя и Отечество. Въ то время, когда Европа косвенно угрожала Россіи своими тройственными и иными союзами и истощала всѣ усилія дипломатіи на то, чтобы вовлечь насъ въ путаницу балканскихъ интригъ и происковъ, Государь Императоръ Александръ III поставилъ благо и спокойствіе Россіи выше всѣхъ остальныхъ политическихъ интересовъ, и великодушно пренебрегъ даже черною неблагодарностью славянъ.

Въ политикѣ внутренней Императоръ Александръ III обратилъ вниманіе преимущественно на такія стороны народной жизни, которыя были упущены изъ вида въ предшествующій періодъ государственныхъ реформъ. Съ одной стороны, матеріальный бытъ народа былъ значительно улучшенъ заботами правительства объ устройствѣ крестьянства, объ установленіи болѣе правильныхъ отношеній между крестьянствомъ и земствомъ, о болѣе правильномъ распредѣленіи землевладѣнія, при чемъ крестьянамъ дана была возможность пріобрѣтать земли въ собственность при посредствѣ дешеваго кредита, доставляемаго „Государственнымъ Крестьянскимъ Поземельнымъ банкомъ“. Съ другой стороны, были приложены самыя усердныя старанія къ возвышенію духовной стороны народной жизни: къ народному образованію въ духѣ религіозно-нравственномъ, къ просвѣщенію народа въ истинахъ вѣры путемъ пастырской проповѣди, къ уменьшенію въ народѣ пагубной страсти къ пьянству, къ упорядоченію волостнаго и сельскаго управленія.

Въ то же время, въ видахъ „охраненія правъ, предоставленныхъ каждому сословію“, Императоръ Александръ III отнесся съ самою отеческою заботливостью къ нуждамъ дворянскаго сословія, потрясеннаго и въ матеріальномъ благосостояніи своемъ, и въ общественномъ положеніи нѣкоторыми подробностями исполненія крестьянской реформы. Глубоко сочувствуя дворянству, всегда служившему вѣрную службу Отечеству, и по достоинству оцѣнивая жертвы, принесенныя дворянствомъ на пользу общественнаго блага во время освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ землею, Государь Императоръ Александръ III утвердилъ за дворянствомъ многія новыя права и преимущества, и принялъ самыя существенныя мѣры къ охраненію дворянскаго землевладѣнія, какъ главной основы благосостоянія дворянскаго сословія. Въ этихъ именно видахъ, рядомъ съ „Государственнымъ Крестьянскимъ Поземельнымъ банкомъ“, учрежденъ былъ „Государственный Дворянскій Поземельный банкъ“, представляющій въ настоящее время одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ крупныхъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій.

Одновременно съ этими обширными и многосложными трудами, Императоръ Александръ III не оставилъ своими заботами и вниманіемъ и отечественную торговлю, промышленность и всѣ тѣ производительныя силы Россіи, которыя служатъ мощными двигателями народнаго благосостоянія. Приложены старанія къ улучшенію внутреннихъ путей сообщенія, и для этой цѣли построены новыя дороги, проведены новые каналы, приведены въ исполненіе колоссальныя по замыслу техническія сооруженія, устроены и приуготовлены къ устройству новые порты. Въ самую глубь Азіи проложенъ отъ береговъ Каспійскаго моря желѣзнодорожный путь, открывающій новые рынки для русской торговли, вносящій новые товары на всемірный рынокъ. Благоразумно установленными таможенными реформами Россія ограждена отъ излишняго наплыва иноземныхъ товаровъ и русская фабричная промышленность призвана къ новой жизни. Наконецъ, цѣлымъ рядомъ осторожныхъ и строго-обдуманныхъ послѣдовательныхъ мѣропріятій, государственные финансы Россіи приведены въ давно небывало цвѣтущее положеніе, незыблемою основою коего служитъ спокойная, твердая и миролюбивая политика Россіи, которой такъ великодушно и такъ справедливо держится Императоръ Александръ III съ самаго начала своего царствованія.

Эта политика, въ настоящее время уже оцѣниваемая по достоинству Европою, побудила Императора Александра III, въ своихъ непрестанныхъ и неусыпныхъ заботахъ о благѣ Россіи, обратить милостивое вниманіе и на нѣкоторыя окраины Русской земли, въ которыхъ чуждые, нерусскіе элементы начали-было присвоивать себѣ неподобающее имъ значеніе въ мѣстной народной жизни, въ ущербъ общему государственному достоинству Россіи. И здѣсь, какъ и всюду, на всемъ необъятномъ пространствѣ Россійской имперіи, Императоръ Александръ III „укрѣпилъ порядокъ и правду въ дѣлахъ“ и тѣмъ самымъ, какъ и вообще всѣми Своими дѣяніями, исполняя священный долгъ Свой, „возвеличилъ благоденствіе и славу возлюбленнаго нашего отечества“.

Въ виду истекшаго десятилѣтія царствованія, мы присоединяемъ и нашъ скромный голосъ къ общему „гласу народа“ и молимъ Всевышняго Царя Царей, да сохранитъ Онъ еще на много и много лѣтъ жизнь нынѣ благополучно царствующаго Императора и да даруетъ Ему полное преуспѣяніе въ Его трудахъ и заботахъ, столь драгоцѣнныхъ для всего Русскаго народа и всей Русской земли.

Библиотека "Руниверс"

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XI.

Ad majorem Dei gloriam.

— Я не сомнѣваюсь, началъ Груберъ, близко пригибаясь къ Литтѣ и засматривая ему въ лицо,—что вы, какъ мальтійскій рыцарь, есть и всегда будете вѣрнымъ сыномъ католической церкви...

— Я тоже не сомнѣваюсь въ этомъ, проговорилъ Литта, — я всегда останусь въ той религіи, которую исповѣдаю, въ которой родился и которой служу, какъ членъ ея воинствующаго ордена...

— Amen! подтвердилъ іезуитъ,—объ этомъ и говорить нечего; но мы съ вами находимся теперь въ чужой странѣ, окруженные темными людьми, на пользу которыхъ готовы поработать,—такъ? Не лучше-ли намъ дѣйствовать сообща, графъ?

— Наша дѣятельность слишкомъ различна, возразилъ Литта,—я не знаю, на чемъ же мы можемъ сойтись...

— Какъ различна? перебилъ Груберъ.—Нашъ орденъ дѣйствуетъ для вящей славы Божіей—ad majorem Dei gloriam—неужели вы не готовы служить этой цѣли?... Позвольте, остановилъ онъ Литту, видя, что тотъ хочетъ перебить его,—вы, конечно, знаете, что большинство вашихъ братьевъ по Мальтійскому ордену давно вступили уже въ общество Іисуса... Отчего вамъ не примкнуть къ нимъ?...

Литта отвѣтилъ не скоро.

— Святой отецъ, проговорилъ онъ, какъ-бы вдругъ рѣшившись высказаться,—насколько я слышалъ, іезуиты очень искусны въ діалектикѣ, но, вы простите меня, я буду говорить прямо,—не умѣю я идти окольными путями: мнѣ не по сердцу многое въ уставѣ вашего ордена...

Груберъ нисколько не смутился этими жесткими словами.

— Что же не по сердцу вамъ, сынъ мой?... мягко, ласково и вмѣстѣ съ тѣмъ почти наивно спросилъ онъ.

Литта рѣшилъ пойти совсѣмъ напрямикъ.

— Прежде всего „perinde ac cadaver", продолжалъ онъ,—т. е. будь такимъ какъ трупъ, уничтожь свою волю, чтобы подчиниться старшимъ...

— Что же здѣсь дурнаго? спросилъ патеръ.

— Нельзя допустить уничтоженіе свободной воли въ человѣкѣ... и все могущество, вся сила ордена, которому я служу, именно основаны на этой свободной волѣ...

— Мы не станемъ, перебилъ Груберъ,—вдаваться въ опредѣленіе понятія воли,—то правило, о которомъ вы говорите, необходимо лишь для тѣхъ лицъ братства Іисуса, которые поступаютъ въ него какъ духовные члены; вы же останетесь рыцаремъ ордена Мальты и для васъ не необходимо это правило...

— Но все-таки оно есть! настаивалъ Литта.

— Это какъ кому дано понимать: кто захочетъ уничтожить въ себѣ волю, тому благо,—это касается насъ, но дурнаго въ томъ нѣтъ ничего.

— Затѣмъ правило „reservatio mentalis", сказалъ Литта. Ему первый разъ въ жизни приходилось еще вести такую бесѣду съ іезуитомъ о вещахъ близко касающихся братства, и это интересовало его.—По этому правилу, насколько я знаю, можно сдѣлать все, лишь бы мысленно найти себѣ оправданіе, причемъ въ крайнемъ случаѣ можно даже просто считать такимъ оправданіемъ слова „ad majorem Dei gloriam".

— Это правдоподобно, подтвердилъ іезуитъ.

— Но вѣдь это же ужасно! Вѣдь этакъ можно допустить все... и убійство, и всякое преступленіе.

— Но если цѣль благая?!. воскликнулъ Груберъ.— Для благой цѣли развѣ нельзя допустить зло, которое вознаградится потомъ добромъ...

— Цѣль оправдываетъ средства! перебилъ Литта.— Это ужаснѣе всего... Неужели правда, что братья-іезуиты держатся этого правила?

— Правда, сынъ мой, правда, и тутъ нѣтъ ничего ужаснаго.

Груберъ всталъ со своего мѣста и выпрямился во весь ростъ. Глаза блестѣли, ноздри слегка расширились.

— Какъ! заговорилъ онъ,—вы порицаете эти правила, вы находите ихъ дурными, а между тѣмъ смотрите сколько блага сдѣлали они, смотрите какое могущество пріобрѣло наше братство при помощи ихъ!.. а гдѣ то зло, о которомъ вы говорите? вы видѣли его?.. Нѣтъ, вы видѣли наши школы, вы знаете о нашихъ трудахъ на пользу науки, вы слышали нашу проповѣдь... развѣ это зло?

Литта тоже всталъ.

— Если въ вашихъ школахъ преподаютъ и въ проповѣдяхъ распространяютъ правила, которыя вы защищаете теперь, то да—это зло! проговорилъ онъ твердо.

Но Груберъ, казалось, не слушалъ его.

— Я вамъ говорю о томъ могуществѣ, почти кричалъ онъ теперь,—которое имѣетъ нашъ орденъ,—вы посмотрите вездѣ: весь земной шаръ въ нашей власти, нѣтъ государя сильнѣе насъ и нѣтъ человѣческаго могущества больше нашего... Насъ съ вами столкнула судьба въ Россіи, соединимтесь же здѣсь — и я вамъ обѣщаю такое могущество, о какомъ вы и не мечтали никогда.

— Мнѣ его не нужно, тихо проговорилъ Литта и сдѣлалъ шагъ къ двери.

Ему давно было уже не по себѣ. Несмотря на краснорѣчіе патера, онъ не могъ сочувствовать ему.

Въ этой комнатѣ съ темными стѣнами было какъ-то тѣсно, душно, и отъ этого разговора Литта чувствовалъ, словно голову ему сковываютъ желѣзными обручами.

Онъ сдѣлалъ шагъ къ двери, забывъ уже обо всемъ— и о подписи на запискѣ, лишь бы уйти поскорѣе.

Груберъ не выказалъ ни малѣйшаго движенія удержать его.

Онъ стоялъ со скрещенными на груди руками, освѣщенный сверху свѣтомъ лампы, и своими быстрыми карими глазами слѣдилъ за движеніемъ Литты.

— Графъ, я вамъ обѣщаю—могущество, силу, все чего вы пожелаете только... повторилъ онъ.

Литта, сморщивъ лицо, направился къ двери.

— Графъ, подпись на запискѣ не была случайная! вдругъ произнесъ Груберъ, и Литта, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, вернулся и снова подошелъ къ столу.

Кулаки его нервно сжались, грудь тяжело стала дышать, онъ не могъ уже выговорить ни слова и только глазами и всѣмъ движеніемъ головы спрашивалъ объясненія.

Іезуитъ, сжавъ губы, не то улыбался, не то кусалъ ихъ.

— Говорите-жь... ради Бога! съ трудомъ произнесъ Литта, опираясь на столъ.

— Да что же говорить, пожалъ плечами патеръ,— чего вы волнуетесь такъ? Вы думаете я вамъ даромъ говорилъ о могуществѣ нашего братства? покачалъ головою Груберъ,—неужели вы думаете, что мы не знаемъ о васъ ничего, неужели вы думаете, что намъ не извѣстно того что происходило въ Неаполѣ? Развѣ я не вижу теперь, что вы до сихъ поръ любите графиню Скавронскую?!

Библиотека "Руниверс"

Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Снимокъ съ современной картины XVII вѣка. (Оригиналъ хранится въ Архивѣ министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ). Съ фот. грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

Литта ничего не отвѣтилъ, только какъ-то непроизвольно махнулъ рукою возлѣ лица и закрылъ глаза.

Выждавъ немного, Груберъ опять заговорилъ:

— Вотъ видите-ли... и вы не можете сказать, что это не правда.

И въ этихъ словахъ послышались другія слова, которыя значили; „вотъ видите, вы въ моихъ рукахъ теперь".

Литта сдѣлалъ невѣроятное, почти нечеловѣческое усиліе и, совладавъ таки съ собою, проговорилъ:

— Ну что-жь изъ этого? люблю-ли я или нѣтъ—это касается меня.

— Да!.. протянулъ патеръ.— Но графиня, вѣроятно, скоро вернется въ Петербургъ.

Литта не помнилъ уже себя.

— Какъ въ Петербургъ? зачѣмъ въ Петербургъ?! воскликнулъ онъ.

— Я знаю, что она давно уже въ дорогѣ сюда... какъ только схоронила мужа.

— Схоронила мужа! повторилъ Литта, машинально, по инерціи слова Грубера.

— А вы и этого не знали? удивился тотъ.—Но вѣдь онъ умеръ уже годъ тому назадъ.

Литта не могъ знать этого: считая себя связаннымъ какъ бы словомъ—не искать встрѣчи со Скавронскою, онъ никогда ничего не разспрашивалъ даже о ней и не узнавалъ, тѣмъ болѣе, что это лишь разстраивало бы его собственную рану и только.

„Такъ она вдова, свободна, и ѣдетъ сюда!" думалъ Литта, но все-таки самъ онъ былъ попрежнему связанъ, и счастіе было невозможно.

— Графъ, я обѣщаю вамъ бракъ съ графиней Скавронской, услышалъ онъ снова голосъ Грубера.

Все вертѣлось въ глазахъ Литты, ходили какіе-то круги, и казалось ужь не Груберъ говоритъ это, а чей-то голосъ звучитъ совсѣмъ съ другой стороны.

— Какой бракъ? проговорилъ Литта, не узнавая и своего голоса.—Какой бракъ... развѣ это возможно.

— Для насъ ничего невозможнаго нѣтъ, отвѣтилъ Груберъ съ разстановкой,—примкните къ намъ, и графиня будетъ вашею женой... Хотите заключить договоръ на этомъ условіи?

— Да какъ же это? не повѣрилъ Литта.

— Хотите заключить договоръ? повторилъ Груберъ.

Круги заходили сильнѣе, въ вискахъ застучало... „perinde ac cadaver, reservatio mentalis"... замелькало въ головѣ Литты и вдругъ онъ, топнувъ ногою и раскинувъ руки всторону, хрипло крикнулъ нѣсколько разъ:

— Да нѣтъ-же, нѣтъ.

Не могъ онъ продать душу свою и, продавъ ее, перестать быть рыцаремъ, перестать быть достойнымъ той которую любилъ,—все равно бы и тогда счастье не было возможно, потому что онъ бы презиралъ себя самъ и она въ правѣ была бы это сдѣлать.

И Литта бросился къ двери.

Груберъ какъ молнія кинулся за нимъ и схватилъ его за руку.

— Приди сюда, вѣрный сынъ нашъ! зашепталъ онъ какимъ-то протяжнымъ, торжественнымъ шепотомъ, таща Литту отъ двери. — Приди сюда... и знай, что ты выдержалъ искусъ, что отнынѣ братство Іисуса будетъ довѣрять тебѣ и если ты захочешь вступить въ него, то приметъ тебя... Тѣ правила, на которыя не согласился ты, придуманы нашими врагами... Не мы держимся ихъ, но мы испытываемъ людей посредствомъ ихъ. И вотъ тѣ, которые согласились на эти правила и поэтому были отвергнуты нами, тѣ и разсказываютъ будто мы держимся ихъ... Это враги наши, но не друзья. Нѣтъ, общество Іисуса принимаетъ только достойныхъ людей въ свою среду, и испытанныхъ. Ты съ честію выдержалъ искусъ! Этотъ искусъ былъ тяжелъ для тебя, но ты выдержалъ его. Приди же... дай обнять тебя.

И не успѣлъ Литта опомниться, какъ патеръ Груберъ уже обнималъ его, прижималъ къ своей груди, усаживалъ и поилъ изъ появившагося откуда-то въ его рукахъ стакана.

— Боже мой! произнесъ наконецъ Литта, приходя въ себя,—мнѣ кажется, что умъ мой путается, я ничего не различу,—гдѣ-жь тутъ правда?

— Въ тебѣ самомъ, въ насъ! говорилъ Груберъ.

И льстивыя рѣчи неудержимымъ потокомъ полились у него.

Черезъ нѣсколько времени, Литта вышелъ отъ Гидля измученный, усталый, изнеможенный, но вполнѣ примиренный съ Груберомъ и съ его братствомъ.

XII.

„Она!"

Первое представленіе піесы или дебютъ новой актрисы, да еще иностранной знаменитости, были такими рѣдкими явленіями въ Петербургѣ, что почитались цѣлыми событіями, о которыхъ заранѣе кричали на всѣхъ углахъ и на которыя собиралось все общество, наполняя театръ биткомъ.

Хотя „Федра" Расина не была уже новостью, но появленіе въ ней Шесалье возбудило сильнѣйшій интересъ.

Театръ былъ полонъ. Въ партерѣ блестѣли расшитые камзолы богачей и военные мундиры, въ ложахъ—роскошные наряды дамъ. Былъ антрактъ; первое дѣйствіе, послѣ котораго Шевалье, какъ-то неестественно протяжно и торжественно пропѣвшую свою роль съ разсчитанными якобы пластическими тѣлодвиженіями, вызывали безсчетное число разъ,—только-что кончилось.

Литта стоялъ опершись на рампу, спиною къ оркестру и оглядывалъ залу въ свой лорнетъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что графиня Скавронская, годъ тому назадъ овдовѣвшая, должна появиться въ Петербургѣ, — онъ сталъ чаще бывать на общественныхъ собраніяхъ.

Онъ не могъ не признаться себѣ въ слабости, что причиной этому было желаніе увидѣть ее. Разъ не совладавъ съ собою, не совладавъ со своимъ сердцемъ въ теченіе шести лѣтъ и допустивъ въ себѣ эту большую слабость, онъ допустилъ и меньшую, т. е. искалъ случая увидѣть ее хоть мелькомъ, издали; съ тѣмъ, чтобы потомъ скрыться, уѣхать куда-нибудь, исчезнуть,—но одинъ разъ, одинъ только разъ ему хотѣлось взглянуть на нее.

И такъ какъ ему хотѣлось этого очень, то онъ сейчасъ же нашелъ и оправданіе этому. Вѣдь онъ не долженъ былъ искать съ нею встрѣчи тогда, когда она была не свободна, замужемъ; но теперь дѣло другое, теперь она не связана ничѣмъ и только онъ долженъ блюсти свой обѣтъ рыцаря.

И Литта рѣшилъ, что повидавъ ее разъ издали—онъ удовольствуется этимъ навсегда.

Онъ бывалъ послѣднее время на катаньяхъ, въ театрѣ, ходилъ по Лѣтнему саду, но нигдѣ еще не встрѣтилъ ее.

Теперь онъ стоялъ и внимательно осматривалъ ложи; нѣкоторыя изъ нихъ еще не были заняты. Пріѣзжать къ первому дѣйствію считалось не въ модѣ. Но многіе уже собрались.

Къ Литтѣ то и дѣло подходили вновь объявившіеся друзья его, здоровались съ нимъ, жали ему руку и старались заговорить. Онъ отвѣчалъ разсѣянно, желая отбояриться поскорѣе. Это принимали за напускаемую имъ на себя важность и оттого дѣлались еще почтительнѣе.

Баронесса Каннихъ упорно лорнировала его изъ втораго яруса.

Объ его аудіенціи и даже о поклонѣ на лѣстницѣ съ Зубовымъ, который былъ замѣченъ дежурнымъ ка-

Библиотека "Руниверс"

меръ-юнкеромъ, знали уже и тоже перешептывались.

Вдругъ зала пришла въ движеніе. Пустыя ложи стали быстро наполняться, хлопая дверьми. Генералъ-полицмейстеръ съ озабоченнымъ лицомъ пробѣжалъ по дорожкѣ партера, нѣсколько человѣкъ засуетились и похвативъ свои шляпы тоже направились къ выходу, и какъ по командѣ, въ одно мгновеніе весь партеръ поднялся.

Государыня въ сопровожденіи свиты вошла въ свою ложу.

Она сѣла впереди съ тремя придворными дамами. Сзади остались мужчины, среди которыхъ Зубовъ блестѣлъ своими бриллiантами.

Литта отвелъ глаза отъ царской ложи вдоль перваго яруса и въ тотъ же мигъ почувствовалъ, что сердце его словно упало и ноги подкосились.

Она была здѣсь!..

Она сидѣла въ ложѣ со своей сестрой, графиней Браницкой. Милое, дорогое лицо ея нисколько не измѣнилось. Она была все такая же какъ прежде, если не лучше прежняго. Тѣ же глаза, тѣ же волосы, то же почти дѣтское выраженіе. Она сидѣла и оглядывалась съ любопытствомъ кругомъ, радуясь и улыбаясь и какъ-бы здороваясь съ этою русскою, отъ которой она отвыкла, толпою, и счастливая своимъ возвращеніемъ домой.

Толпа уже замѣтила ее. Лорнеты направились въ ея сторону. Шепотъ похвалы сорвался со многихъ губъ.

Литта стоялъ не сводя съ нея глазъ, въ упоръ до неприличія глядя на нее. Онъ совсѣмъ забылъ что̀ съ нимъ сдѣлалось. Если бы онъ могъ за минуту передъ тѣмъ ожидать, что появленіе Скавронской произведетъ на него такое впечатлѣніе—онъ ушелъ бы изъ театра. Это была мучительная, но вмѣстѣ съ тѣмъ невыразимо прекрасная боль; какъ ни мало вяжутся эти слова между собой, но тутъ они вязались какъ-то.

Оркестръ заигралъ. Нужно было сѣсть на мѣсто. Литта вѣроятно ни за что этого не сдѣлалъ бы, если-бъ сосѣдъ его по креслу не задѣлъ бы его садясь и не извинился бы.

Литта опомнился и сѣлъ. Онъ уже не видѣлъ, какъ пластично шагала Шевалье по сценѣ, не слышалъ, какъ выпѣвала она свою роль, онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ и ни о чемъ не думалъ.

Такъ провелъ онъ весь вечеръ и то казалось ему, что она видитъ его и дѣлаетъ только нарочно видъ, что не замѣчаетъ, то наоборотъ—онъ былъ увѣренъ, что она и не подозрѣваетъ о его присутствіи здѣсь, и онъ не могъ разобрать, что для него было лучше: и то, и другое одинаково казалось тяжело.

Но вотъ занавѣсъ опустился въ послѣдній разъ. Толпа неистово захлопала, вызывая актрису. Публика партера повалила къ выходу. Литта смѣшался съ ея потокомъ, который вынесъ его въ широкія сѣни театра.

Суетливые лакеи съ шубами въ рукахъ отыскивали своихъ господъ; господа—лакеевъ. Была невообразимая толкотня. Стоялъ неумолкавшій говоръ кругомъ.

Литту, который какъ-то безсознательно замѣшался въ этой толпѣ, не отдавая пожалуй уже себѣ отчета зачѣмъ онъ здѣсь,—толкали со всѣхъ сторонъ.

— Графъ... графъ, здравствуйте, а я думала, что вы заглянете въ мою ложу! раздался подъ самымъ его ухомъ голосъ Каннихъ.

Онъ поглядѣлъ на нее какъ бы не понимая что̀ ей отъ него нужно. По счастію его лакей, отыскавъ его въ эту минуту, накинулъ ему на плечи шубу и Литта, поклонившись баронессѣ, выскочилъ на крыльцо.

Здѣсь, у этого крыльца, стоялъ шумъ и гамъ, которые обыкновенно сопровождали разъѣзды многолюдныхъ собраній. Экипажи подъѣзжали какъ хотѣли. Никто не распоряжался ими. Усадивъ господъ, лакеи и кучера старались раньше другихъ вырваться изъ общей путаницы. Это считалось особымъ молодечествомъ для форейтера и кучера, которые не обращали уже ни на что̀ вниманія: зацѣпляли другіе экипажи, ломали ихъ, давили народъ, лишь бы „не осрамить" своего барина и вывезти его раньше другихъ. Этотъ содомъ былъ до того обыкновененъ, до того привыченъ, что казалось иначе и быть не можетъ, и Литта равнодушно смотрѣлъ, какъ сшибаясь путались кареты, лошади, фыркая и топчась, били копытами и запутывалась неудобная для такихъ случаевъ запряжка въ шесть лошадей цугомъ.

Вся эта суматоха и безтолочь происходила въ освѣщенномъ фонарями подъѣзда пространствѣ, откуда, вырвавшись, кареты исчезали въ темнотѣ, преслѣдуемыя бранью и криками отставшихъ кучеровъ.

XIII.

Столкновеніе.

Одна карета особенно рвалась впередъ. Это была золоченая, богатая карета на тяжелыхъ, крѣпкихъ колесахъ. Форейторъ ея, не обращая рѣшительно ни на что вниманія, отчаянно стегалъ лошадей и своихъ и чужихъ, и кричалъ громче всѣхъ...

— Па̀ди, па̀ди! раздавался его неистовый крикъ, и неуспѣвшіе посторониться рисковали быть задавленными.

Литта отошелъ нѣсколько отъ подъѣзда впередъ, чтобы найти свой экипажъ, но богатая карета загородила ему дорогу.

Что-то задержало ее сзади. Она задѣла заднимъ колесомъ за санки, въ которыхъ сидѣлъ какой-то купецъ, безпомощно, съ испуганнымъ, блѣднымъ лицомъ махавшій руками. Это былъ однако одинъ мигъ. Карета рванулась впередъ. Санки опрокинулись и купецъ барахтаясь исчезъ гдѣ-то внизу. Карета двинулась и съ размаха сшиблась съ другою... что-то крякнуло, треснуло. Кузовъ кареты, на которую наѣхала первая, качнулся.... оттуда раздался женскій крикъ испуга. Литта былъ въ эту минуту у самыхъ лошадей. Онъ не разсуждая выхватилъ шпагу и нервно ударивъ ею нѣсколько разъ по соединенію валька съ дышломъ—перерѣзалъ его. Переднія четыре лошади цуга съ форейторомъ, почувствовавъ свободу и испугавшись бившихся у нихъ по ногамъ постромокъ, понеслись впередъ. Карета остановилась. Кучеръ, выпустивъ вырванныя изъ его рукъ возжи, едва усидѣлъ на козлахъ и въ голосъ кричалъ страшную брань. Литта, не обративъ на него вниманія, хотѣлъ обойти карету, но вдругъ въ ея окнѣ увидѣлъ высунувшееся искаженное злобой лицо Зубова.

— Что̀ такое?.. Впередъ... пошелъ! кричалъ онъ, не понимая что случилось, но чувствуя лишь, что его экипажъ остановился.

Дышловыхъ лошадей уже держали подъ-уздцы двое дюжихъ добровольцевъ изъ толпы.

Кучеръ кареты, съ которою столкнулась карета Зубова, замѣтивъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, хлестнулъ по своимъ лошадямъ, и какъ-то счастливо высвободившись (тамъ, сзади тоже помогъ кто-то), умчался въ темноту.

Зубовъ вышелъ изъ кареты. Вокругъ собралась толпа. Зубовъ былъ очень блѣденъ и весь трясся и отъ испуга, и отъ злости. Фигурка его, въ собольемъ, бархатномъ салопчикѣ, была очень жалка и смѣшна теперь. Кто-то изъ толпы, узнавъ его, снялъ шапку и поклонился. Это вышло еще комичнѣе.

— Да что случилось?.. задыхаясь и глотая слова, продолжалъ онъ спрашивать.

Кучеръ, сползшій уже съ козелъ, повалился ему въ ноги на снѣгъ, и прерывающимся, отчаяннымъ голосомъ силился объяснить:

— Я, ваша свѣтлость, неповиненъ, видитъ Богъ,

Библиотека "Руниверс"

неповиненъ... Вотъ господинъ — валекъ испортилъ — они и рванулись... Что же мнѣ дѣлать... я не виноватъ...

Зубовъ посмотрѣлъ на „господина", на котораго указывалъ кучеръ, и узналъ Литту.

Литта не ушелъ, не желая, разумѣется, вовсе скрываться передъ Зубовымъ, и какъ только тотъ обратился къ нему, онъ, приподнявъ шляпу, спокойно проговорилъ, называя себя:

— Графъ Литта... Если вы почитаете себя обиженнымъ, князь, я къ вашимъ услугамъ...

И проговоривъ это, Литта повернулся и пошелъ, не заботясь уже о князѣ Зубовѣ и о томъ, чѣмъ кончится это столкновеніе.

Графиня Скавронская, опомнившись отъ перваго испуга, послѣ того какъ карета ихъ чуть не опрокинулась, столкнувшись съ тяжелою каретой Зубова, дрожа всѣмъ тѣломъ, схватила сидѣвшую съ ней рядомъ сестру за руку и едва выговорила:

— Саша, что-же это?..

Браницкая, давно привыкшая къ этимъ безпокойнымъ разъѣздамъ и испугавшаяся гораздо меньше Скавронской, отвѣтила уже улыбаясь, потому что теперь карета ихъ катилась безпрепятственно по широкой улицѣ.

— У васъ, за-границей, ты ничего подобнаго не видѣла? усмѣхнулась она. — Вездѣ свои нравы, мой другъ... Что-же, мы кажется отдѣлались благополучно?.. Почти каждый разъ приходится что-нибудь поправлять въ каретѣ послѣ выѣзда куда-нибудь вечеромъ.

Скавронская чувствовала, какъ неровно билось ея сердце. Было-ли это отъ испуга, или отъ того, что она видѣла, кому онѣ обязаны избавленіемъ,—она боялась признаться себѣ. Она инстинктивно жалась теперь въ холодный уголъ кареты, чтобы чѣмъ-нибудь не выдать себя. Ей казалось, что сестра должна была слышать, какъ шибко билось ея сердце.

— А ты знаешь, кто насъ спасъ? спросила Браницкая послѣ долгаго молчанія.

„Не знаю", хотѣла отвѣтить она, но не рѣшилась. Голосъ сразу выдалъ бы ее. Она рада была темнотѣ, въ которой онѣ сидѣли, потому что сестра не могла видѣть ея лица.

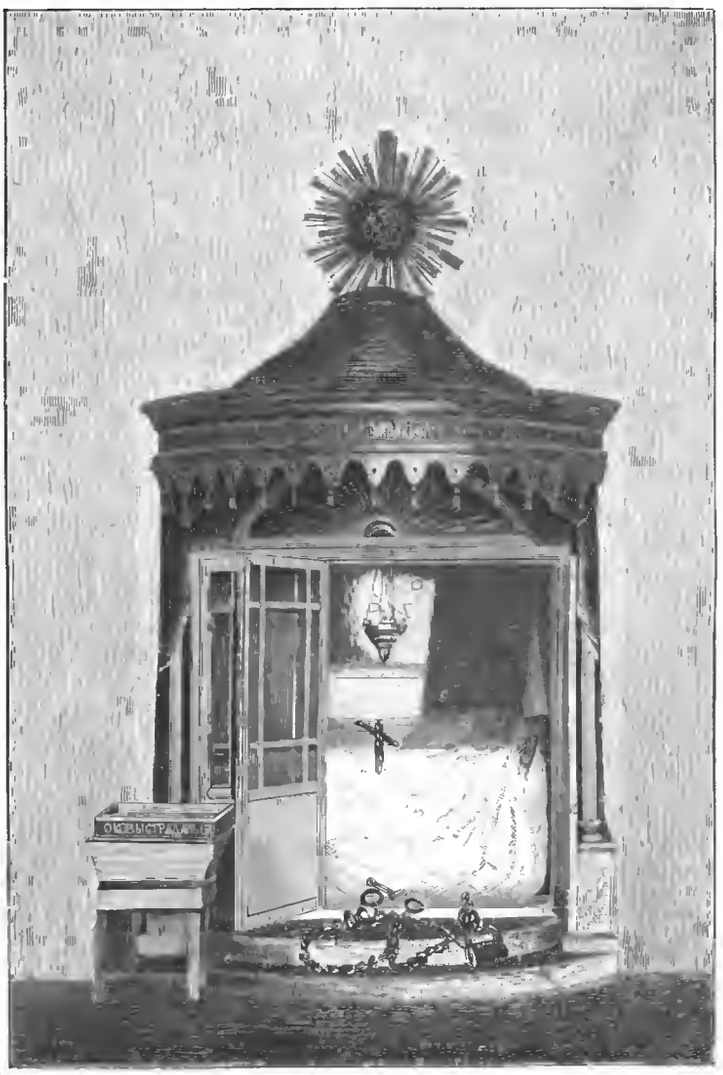
— Катя, ты спишь? спросила та, подождавъ еще немного.—Что съ тобой?..

— Ничего... отвѣтила изъ темноты Скавронская, сама удивляясь своему голосу, такъ онъ оказался спокоенъ.—Я испугалась только... и потомъ боюсь говорить на морозѣ...

— Это былъ графъ Литта, продолжала Браницкая, видимо не боявшаяся говорить на морозѣ, — мальтійскій рыцарь... Ты вѣрно встрѣчала этихъ рыцарей въ Италіи, они тамъ гдѣ-то по близости, кажется; про нихъ разсказываютъ чудеса, и цесаревичъ очень интересуется ими...

Не встрѣтивъ однако сочувствія въ сестрѣ къ разговору, она замолчала.

Карета поѣхала тише, пробираясь по ухабамъ Большой Морской.



Гробница боярина Михаила Никитича Романова въ церкви Св. Николая Чудотворца, въ селѣ Ныробѣ, Чердынскаго уѣзда Вятской губ. Съ фот. грав. Рашевскій.

— Сначала, заговорила опять Браницкая, какъ бы думая вслухъ, — я испугалась за него. Вѣдь карета, которая зацѣпила насъ, была Зубова. Тотъ не станетъ церемониться... Но теперь думаю, что этотъ Литта отлично зналъ, что дѣлалъ, — не даромъ говорятъ, что итальянцы очень хитры... Зубовъ пожалуй уже и не опасенъ ему... Но значитъ, однако, онъ сильно увѣренъ въ своемъ успѣхѣ.

— Въ какомъ успѣхѣ?.. спросила Скавронская.

— Ахъ, это цѣлая исторія!.. Вотъ уже сколько времени, какъ ходятъ разные толки— это самыя послѣднія у насъ новости... Началось оно на послѣднемъ балу у Безбородка. Съ тѣхъ поръ только и разговоровъ, что про графа Литту...

— Какихъ разговоровъ?.. протянула Скавронская, отклоняясь впередъ.

— Ждутъ его „случая"...

— Ждутъ... его... случая... А... а онъ?.. переспросила Скавронская, не заботясь уже о томъ, что голосъ ея дрогнулъ и что сестра можетъ замѣтить это.

— А онъ, отвѣтила та,—кажется, очень радъ... По крайней мѣрѣ говорятъ такъ, да къ тому же, видишь, не побоялся даже оскорбить самого Зубова... Значитъ разсчитываетъ уже на свою силу...

Браницкой показалось, что въ это время съ той стороны, гдѣ сидѣла сестра ея, послышалось сдержанное всхлипываніе. Она поняла, что съ нею что-то неладное дѣлается.

— Катя, что съ тобой? забезпокоилась она,—что ты, неужели еще не пришла въ себя отъ испуга?.. Да полно...

— Нѣтъ... не можетъ этого быть... не можетъ... силилась между тѣмъ выговорить Скавронская.—Не можетъ быть... я... знаю его...

— Кого ты знаешь?.. Литту... что съ тобой?..

Библиотека "Руниверс"

Памятникъ царю Михаилу Θеодоровичу и Сусанину въ Костромѣ. Рис. А. Ветчинскій, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

— Знаю... тамъ... еще въ Неаполѣ... И вдругъ теперь... Боже мой!.. это было бы такъ ужасно!.. Нѣтъ... неужели это правда?..

И въ холодной темнотѣ кареты Скавронская вдругъ прижалась къ плечу сестры и сквозь слезы проговорила ей:

— Саша... я... люблю его... потомъ разскажу все...

(Продолженіе будетъ).

Политическое обозрѣніе.

О пребываніи Государя Наслѣдника Цесаревича на островѣ Цейлонѣ, газеты сообщаютъ, что послѣ отдыха въ Ньюэрѣ, расположенномъ на плоской горной возвышенности острова, Его Высочество спустился оттуда и отправился въ слоновый загонъ въ Лобугамѣ, гдѣ былъ встрѣченъ губернаторомъ и избраннымъ обществомъ, собравшимся для участія въ охотѣ на слоновъ. Возвратясь, 8 февраля, въ Коломбо, Его Высочество провелъ нѣсколько дней съ Великими Князьями Александромъ и Сергіемъ Михаиловичами, и затѣмъ, простившись съ губернаторомъ, покинулъ Цейлонъ 13 февраля. Послѣ удачнаго перехода, 18 февраля Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ въ Сингапуръ въ полдень. Батареи и русскія военныя суда обмѣнялись пушечными салютами. Команды всѣхъ находившихся на рейдѣ судовъ стояли на реяхъ. Губернаторъ тотчасъ сдѣлалъ визитъ Его Высочеству и позже посѣтилъ русскую эскадру, гдѣ оставался до вечера. Его Высочество высадился на берегъ въ 4 часа пополудни, и былъ встрѣченъ салютами изъ орудій. На пристани Его Высочество былъ встрѣченъ губернаторомъ Смисомъ и хоромъ музыки нортгамширскаго полка со знаменемъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ проѣхалъ въ правительственный дворецъ по переполненнымъ массою народа улицамъ, а въ 5 часовъ возвратился на судно.

Въ Парижѣ одновременно съ пребываніемъ Августѣйшей родительницы Германскаго императора, было предложено французскимъ художникамъ принять участіе въ предстоящей берлинской выставкѣ. Казалось, что послѣ участія французовъ въ Берлинѣ въ конференціи по рабочему вопросу и также на международномъ конгрессѣ врачей въ этомъ городѣ, предложеніе это будетъ принято, но вышло иначе. Нѣкоторые изъ французскихъ художниковъ, высказавшись уже за участіе въ берлинской выставкѣ, измѣнили свое намѣреніе, другіе прямо высказались противъ участія, такъ что на собраніи національнаго Общества изящныхъ искусствъ вопросъ объ участіи въ берлинской выставкѣ не былъ поставленъ на очередь, но члены Общества высказались въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ воздержаться.

Этотъ отказъ, а также происходившія одновременно съ тѣмъ собранія неугомонныхъ буланжистовъ, всячески старающихся доказать свою живучесть,—произвели непріятное впечатлѣніе въ Германіи и вдовствующая Германская императрица поспѣшила уѣхать въ Англію. Недовольство проникло въ печать, и *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* выставляетъ на видъ, что образъ дѣйствій французовъ по отношенію къ берлинской художественной выставкѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что общественное мнѣніе Франціи совершенно безсильно передъ шовинистскою агитаціею. Обстоятельство это представляетъ де выгодную сторону въ томъ отношеніи, что разъясняетъ, гдѣ собственно обрѣтается источникъ тревожнаго настроенія Европы.

Но возбужденіе пошло далѣе. Само Германское правительство не удержалось отъ репрессалій. *Имперскій Указатель* сообщаетъ, что имперскій канцлеръ предложилъ намѣстнику Имперской области воздержаться отъ всякаго ослабленія въ примѣненіи паспортныхъ правилъ и не допускать никакихъ облегченій въ сношеніяхъ съ французскими пограничными общинами. По этому случаю было издано слѣдующее распоряженіе: „Съ 8 час. утра вторника 3 марта распоряженіе относительно паспортныхъ правилъ должно примѣняться вполнѣ и особенно отмѣняются всѣ облегченія, касающіяся транзитныхъ билетовъ по желѣзнымъ дорогамъ". Забавно, что распоряженіе это появилось спустя четыре дня послѣ того, какъ изъ Страсбурга телеграфировали, что на обѣдѣ, данномъ членамъ областной коммисіи, намѣстникъ Эльзасъ-Лотарингіи князь Гогенлоэ произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ удовольствіе по поводу проявляемыхъ населеніемъ Имперской области вѣрноподданности и довѣрія. По словамъ намѣстника, надежда на то, что западные сосѣди Германіи проявятъ лучшія намѣренія, усилилась настолько, что мѣры, которыя были прежде необходимы, теперь уже только отчасти обременяютъ Имперскую область. „Обѣ стороны—заключилъ намѣстникъ—питаютъ надежду на возвращеніе къ нормальнымъ условіямъ".

Французскія газеты, въ общемъ сохраняя спокойный и приличный тонъ, обсуждаютъ приказъ Каприви относительно паспортовъ. *Temps* говоритъ, что спорить безполезно, но что случившееся должно служить поученіемъ для будущаго. Газета сожалѣетъ, что общественное мнѣніе не предоставило живописцамъ свободы ѣхать въ Берлинъ, если они этого желали; непримиримое настроеніе умовъ опасно, когда дѣло идетъ о международныхъ вопросахъ. *Liberté* заявляетъ, что Франція и Германія будутъ попрежнему глазѣть другъ на друга, какъ двѣ фаянсовыя собаки. Пишонъ въ *Paris* высказываетъ мнѣніе, что маневры, направленные къ тому, чтобы лишить французовъ самообладанія, окажутся тщетными, равно какъ и усилія заставить ихъ отречься отъ того, что имъ принадлежитъ.

Journal de St.-Pétersbourg по этому поводу пишетъ: „Телеграммы изъ Парижа сообщаютъ о непріятномъ инцидентѣ, слегка омрачившемъ взаимныя отношенія Франціи и Германіи. Мы говоримъ объ участіи французскихъ художниковъ въ предстоящей берлинской художественной выставкѣ. Многіе живописцы сначала обѣщали прислать свои работы на выставку, но затѣмъ отказались отъ своего обѣщанія. Инцидентъ этотъ совпалъ съ пребываніемъ во французской столицѣ вдовствующей императрицы Викторіи, августѣйшей матери его величества императора Вильгельма II. Группа бывшихъ буланжистовъ и бывшихъ членовъ лиги патріотовъ сочла долгомъ устроить по поводу пребыванія императрицы въ Парижѣ враждебныя демонстраціи, представлявшія рѣзкую противуположность съ достойнымъ и приличнымъ поведеніемъ громаднаго большинства парижскаго населенія.

„Судя по берлинскимъ телеграммамъ, неожиданный отказъ французскихъ живописцевъ, все-таки, произвелъ въ германской столицѣ неблагопріятное впечатлѣніе. Извѣстно, что на банкетѣ, данномъ 25 февраля княземъ Гогенлоэ эльзасъ-лотарингской делегаціи, намѣстникъ императора говорилъ объ улучшеніи отношеній съ западными сосѣдями Германіи и присовокупилъ, что съ обѣихъ сторонъ проявляется надежда на возвращеніе къ нормальнымъ условіямъ. Теперь же изъ Берлина сообщается о появленіи въ *Имперскомъ Указателѣ* замѣтки о томъ, что имперскій канцлеръ пригласилъ князя Гогенлоэ воздержаться отъ всякаго смягченія паспортныхъ стѣсненій и не облегчать болѣе сношеній населенія Имперской области съ пограничными французскими общинами. Такого рода облегченія были, какъ извѣстно, сдѣланы на-дняхъ президентами кольмарскаго и таинскаго округовъ.

„Если только, въ данномъ случаѣ, не имѣетъ мѣста простое совпаденіе, то весь инцидентъ сводится, повидимому, если не къ обостренію мѣропріятій тяготѣющихъ надъ населеніемъ Эльзасъ-Лотарингіи, то, по крайней мѣрѣ, къ пріостановкѣ въ ихъ облегченіи. Можно, впрочемъ, надѣяться, что по обѣ стороны Вогезовъ приняты будутъ надлежащія старанія, чтобы разсѣять это небольшое облачко".

Въ германскомъ рейхстагѣ происходятъ въ послѣднее время пренія по военному бюджету. Въ засѣданіи 16 (28) февраля, Виндгорстъ, мотивируя свое предложеніе о выдачѣ унтеръ-офицерамъ, послѣ двѣнадцатилѣтней службы въ строю, преміи въ 1,000 марокъ, закончилъ свою рѣчь просьбою вотировать предложеніе возможно большимъ числомъ голосовъ, дабы всѣмъ дать понять, что вся Германія непоколебимо вѣрноподданна императору при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ и готова защищать свое достоинство противъ кого бы то ни было. Рихтеръ оспаривалъ требованіе о преміи и особенно возставалъ противъ предложенія Виндгорста. Имперскій канцлеръ, возражая Рихтеру, сказалъ, что пусть онъ предоставитъ самому правительству заботы о собственномъ престижѣ. Свободомыслящіе утверждаютъ, что желаютъ поддерживать правительство, но почти всегда держались отрицательнаго образа дѣйствій и съ 1866 года отвергали большую часть правительственныхъ предложеній. Ни одно правительство не можетъ разсчитывать на ихъ поддержку. Въ заключеніе канцлеръ сказалъ: „мы дѣлаемъ все, что можемъ для того, чтобы совѣсть наша была чиста, но хотимъ также, чтобы рука наша была сильна въ случаѣ, если того потребуютъ, чего Боже упаси, обстоятельства". Рейхстагъ отклонилъ требованіе правительства (прогрессивныя преміи для унтеръ-офицеровъ съ девятаго по двѣнадцатый годъ службы) и вотировалъ предложеніе Виндгорста. Рихтеръ заявилъ, что онъ надѣялся, что тонъ правительства перемѣнится къ лучшему, но теперь эта иллюзія разсѣялась.

Въ Австро-Венгріи происходятъ теперь выборы въ рейхстагъ. Главный результатъ происходившихъ въ сельскихъ общинахъ монархіи выборовъ сводится въ Чехіи къ тому, что кандидаты младочеховъ избраны во всѣхъ 17-ти округахъ, а старочехи понесли полное пораженіе; что касается нѣмецко-либеральной партіи, то положеніе осталось прежнимъ. За-то въ Моравіи на сторонѣ младочеховъ оказались лишь значительныя меньшинства; избранными оказались 5 старочеховъ, въ томъ числѣ министръ Пражакъ и 3 чеха, ни къ какой фракціи не принадлежащіе. Въ Галичинѣ, судя по полученнымъ до сихъ поръ извѣстіямъ, младоруссины, по милости поляковъ, получили семь мѣстъ. Въ Жолькѣвѣ, между прочимъ, младоруссинъ священникъ Брылинскій побѣдилъ старорусина гофрата Ковальскаго.

Библиотека "Руниверс"

Смѣсь.

Мы получили слѣдующее письмо по поводу одной изъ напечатанныхъ нами статей:

Въ *Нивѣ* № 6, въ статьѣ: „Болѣзни отъ желѣзныхъ дорогъ“, описывается, какъ толчки и различная температура паровозовъ разрушаютъ здоровье паровозной прислуги. Эти неудобства можно устранить, лишь было-бы согласіе со стороны желѣзнодорожнаго начальства, которое почему-то совсѣмъ не хочетъ обратить на это свое вниманіе. Однажды мнѣ пришлось ѣхать на пассажирскомъ паровозѣ Николаевской жел. дороги съ курьерскимъ поѣздомъ. Я познакомился съ машинистомъ, желая узнать дѣйствіе паровоза во время такой большой скорости, доходящей на склонахъ до 85 верстъ въ часъ. Былъ морозъ 26° и небольшой западный вѣтеръ, который во время хода такъ развивался и рѣзко дѣйствовалъ на сторону машиниста, что совершенно не было никакой возможности стоять; кромѣ того, начали повторяться страшные толчки. Мнѣ стало жутко за этихъ преданныхъ своему дѣлу служащихъ, которымъ ввѣряется паровозъ, поѣздъ и жизнь многихъ людей. Я обратился къ машинисту съ вопросомъ: „Скажите пожалуйста, всегда вамъ приходится бороться такъ съ природою?“—„Нѣтъ, отвѣтилъ машинистъ,—если бы ѣздить такъ всегда, то нельзя прослужить и двухъ лѣтъ, а я, благодаря Бога, уже двадцать восьмой годъ машинистомъ пассажирскаго паровоза, имѣю отъ роду 58 лѣтъ и совершенно здоровъ, благодаря нѣкоторымъ приспособленіямъ, которыя находятся у меня подъ рукой и на случай надобности пускаются въ ходъ“.—Меня это заинтересовало, и я сталъ просить машиниста открыть мнѣ этотъ секретъ. Онъ согласился и приказалъ кочегару поднять съ желѣзнаго пола деревянный щитокъ и положить подъ правую и лѣвую стороны его тонкія рессоры, а подъ средину двѣ спиральныя пружины, затѣмъ велѣлъ достать изъ сундука занавѣсъ, состоящій изъ двухъ частей, каждая длиною въ 1 аршинъ, и повѣсить его. Кромѣ того, лавки машиниста и помощника съ кочегаромъ были снабжены тонкими рессорами. Когда все было сдѣлано, въ будкѣ оказалась какъ вверху, такъ и внизу почти одна температура = +21° R., а когда я сѣлъ на подушку, которую мнѣ машинистъ положилъ на лавку, и ноги мои стояли на полу, то было такъ спокойно, что будто бы я ѣхалъ въ вагонѣ II класса. Когда я сталъ спрашивать у машиниста, почему же у нихъ не всѣ паровозы снабжены этими удобствами, то получилъ довольно странный отвѣтъ, будто бы все это запрещено начальствомъ, въ виду того, что машинистъ, будучи обставленъ всѣми этими удобствами, можетъ задремать, проѣхать станцію или наѣхать на поѣздъ.

Если есть возможность, почему же не доставить всѣ удобства вѣрнымъ желѣзнодорожнымъ служащимъ, и этимъ предохранить ихъ отъ разныхъ постепенно разрушающихъ жизнь болѣзней? Можно надѣяться, что машинистъ, будучи обставленъ всѣми удобствами, такъ же энергично будетъ нести свои обязанности. Вѣдь задремать на паровозѣ считается за большой проступокъ: если задремалъ машинистъ, на него смотрятъ два лица и ему дѣлается совѣстно; кромѣ того, у машиниста и помощника во время хода поѣзда много заботъ: чтобы доставить поѣздъ своевременно, должно всю дорогу регулировать паръ и воду паровознаго котла, сообразуясь съ условіемъ дороги. (м.)

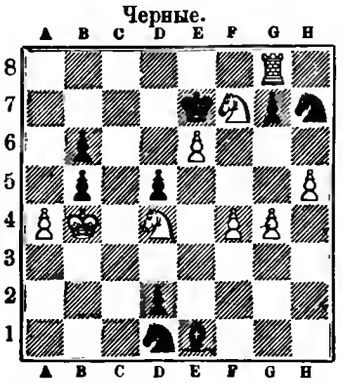
Канаффъ. Года три тому назадъ изъ восточной Азіи привезено въ южную Францію растеніе (Böhmoria), на культуру котораго возложены большія надежды, такъ какъ его волокна даютъ въ высшей степени тонкую, блестящую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прочную пряжу. Въ настоящее время въ Парижѣ уже есть почтенный торговый домъ, торгующій исключительно матеріями изъ „Ramie“, удостоенными двухъ золотыхъ медалей на Всемірной выставкѣ. Эту великолѣпную ткань почти можно принять за шелкъ. Нѣсколько грубѣе, но зато, быть-можетъ, крѣпче волокна другаго растенія, которое недавно открыто на прибрежьяхъ Каспійскаго моря. Судя по описанію, растеніе это, названное *канаффъ*, также принадлежитъ къ породѣ крапивъ и отличается тѣмъ же быстрымъ ростомъ: въ теченіе одного лѣта оно достигаетъ высоты отъ 1½ до 2 метровъ, при толщинѣ стебля въ 2 сантиметра въ діаметрѣ. При тщательной обработкѣ, технику Блакенбергу удалось добыть изъ волоконъ *канаффа* превосходную пряжу, очень гибкую и растяжимую. Волокна могутъ быть подвергнуты химическому бѣленію, не теряя отъ этого своей прочности. Приготовленныя изъ нихъ и выбѣленныя ткани точно также легко окрашиваются во всевозможные цвѣта, соперничая въ этомъ отношеніи со всѣми извѣстными матеріями. Вслѣдствіе своей дешевизны и чрезвычайной прочности новая ткань годится преимущественно на изготовленіе мѣшковъ, парусины и т. п. Здѣсь она можетъ выдержать всякую конкуренцію. Удѣльный вѣсъ ея гораздо менѣе вѣса конопли, тогда какъ сила сопротивленія значительно больше. Шнурокъ, имѣющій въ діаметрѣ 8 миллиметровъ, скрученный руками изъ трехъ нитокъ, выдерживаетъ тяжесть въ 180 килограммовъ. Приготовленный въ Москвѣ изъ волоконъ этого растенія канатъ порвался только подъ тяжестью въ 625 килогр. Принимая въ соображеніе, что въ Россіи ежегодно требуется 150 милліоновъ мѣшковъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ третья часть привозится изъ-за границы, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что появленіе новой матеріи на русскомъ рынкѣ не лишено значенія. Остается выждать, дѣйствительно-ли растеніе *канаффъ* имѣетъ всѣ приписываемыя ему достоинства и можетъ-ли оно быть культивируемо при условіяхъ, обезпечивающихъ ему хорошій сбытъ. Если дѣйствительно канаффъ оправдаетъ возлагаемыя на него надежды, то, быть можетъ, въ скоромъ времени культура его распространится по югу Россіи, а оттуда перейдетъ и на Придунайскую низменность. (в.)

Замѣчательныя эхо. Знаменитое въ Ломбардіи зданіе Casa Simonetta названо по имени пѣвицы, которая однажды должна была пѣть здѣсь, по приглашенію своего возлюбленнаго, передъ предполагаемою многочисленною публикою, слушавшею ее, внѣ дома, по увѣренію того же возлюбленнаго. На самомъ же дѣлѣ тамъ былъ только онъ одинъ, и, благодаря эхо, его аплодисменты гремѣли и повторялись какъ аплодисменты множества людей. Когда ничего не подозрѣвавшая пѣвица узнала истину, то разгнѣвалась на своего поклонника и навсегда его оставила.—Въ Роспитѣ, въ окрестностяхъ Гласго, эхо повторяетъ двумя тонами ниже маленькую музыкальную фразу, исполненную на трубѣ. Потомъ новое эхо подхватываетъ ее еще однимъ тономъ ниже и наконецъ третье и послѣднее эхо понижаетъ ее еще на одинъ тонъ.—Эхо въ окрестностяхъ Руана повторяетъ коротенькую пѣсенку самымъ разнообразнымъ

Задача № 16.

G. Chocholous.

Черные.



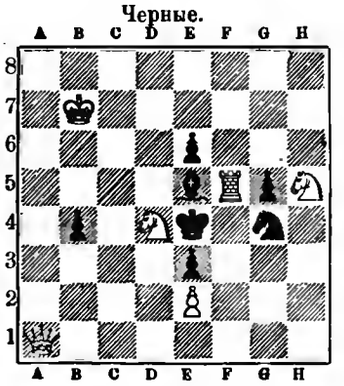
Бѣлые.

Матъ въ 4 хода.

Задача № 17.

H. Keidanski.

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Текущія партіи по телеграфу между В. Стейницемъ (Нью-Іоркъ) и М. И. Чигоринымъ (С.-Петербургъ).

(Продолженіе).

I. Гамбитъ Эванса.

Нью-Іоркъ. Бѣлые.	С.-Петербургъ. Черные.
22. . . .	К. f 6 : d 5 $\frac{13}{11}$
23. К. h 4 — f 5 $\frac{14}{11}$	g 7 — g 6 $\frac{18}{11}$
24. К f 5 : d 6 + $\frac{19}{11}$	

II. Дебютъ 2-хъ коней.

Нью-Іоркъ. Бѣлые.	С.-Петербургъ. Черные.
23. С. e 2 : f 3 $\frac{13}{11}$	С. e 6 — f 5 $\frac{14}{11}$
24. К. c 3 — e 4 $\frac{18}{11}$	С. f 5 : e 4 $\frac{19}{11}$

ПАРТІЯ № 6.

1-я партія матча. Играна 27 ноября (9 декабря) 1890 г.

Отказной гамбитъ ферзя.

	В. Стейницъ. Бѣлые.	И. Гунсбергъ. Черные.		В. Стейницъ. Бѣлые.	И. Гунсбергъ. Черные.
1.	d 2 — d 4	d 7 — d 5	14.	Ф. d 1 — c 2	Л. e 5 — e 8!
2.	c 2 — c 4	e 7 — e 6	15.	0 — 0	С. a 5 — b 6
3.	К. b 1 — c 3	К. g 8 — f 6	16.	Кр. g 1 — h 1	Ф. d 8 — e 7
4.	f 2 — f 3?[1])	К. b 8 — c 6[2])	17.	К. f 2 — d 3	К. c 6 — e 5
5.	e 2 — e 3	С. f 8 — e 7	18.	К. d 3 : e 5	Ф. e 7 : e 5
6.	К. g 1 — h 3	0 — 0	19.	С. e 2 — d 3	Л. e 8 — d 8
7.	К. h 3 — f 2	Л. f 8 — e 8	20.	Л. a 1 — d 1	С. c 8 — e 6
8.	С. f 1 — e 2	С. e 7 — b 4	21.	С. d 2 — c 1	Ф. e 5 — a 5
9.	С. c 1 — d 2	e 6 — e 5!	22.	c 3 — c 4	С. b 6 — d 4
10.	d 4 : e 5	Л. e 8 : e 5!	23.	С. c 1 — d 2	Ф. a 5 — h 5
11.	e 4 : d 5	К. f 6 : d 5	24.	С. d 2 — f 4	c 7 — c 6
12.	e 3 — e 4	К. d 5 : c 3	25.	С. d 3 — e 2	Ф. h 5 — c 5
13.	b 2 : c 3	С. b 4 — a 5		Признана за ничью[3]).	

Примѣчанія къ партіи.

1) Ходъ Понціани (Il giuoco incomparabile degli Scacchi. Modena 1782, стр. 142). Цѣль его—образованіе пѣшечнаго центра, недостижима, если черные тотчасъ поведутъ атаку на пѣшку d 4; коню g 1 отнимается естественный выходъ на f 3 и онъ съ потерей темпа принужденъ идти черезъ h 3 на f 2. Послѣ e 2 — e 3 пункть e 3 слабъ и пѣшка на f 3 стоитъ совершенно напрасно. Несмотря на безукоризненную игру Стейница, онъ не въ состояніи помѣшать чернымъ пріобрѣсти лучшую партію.

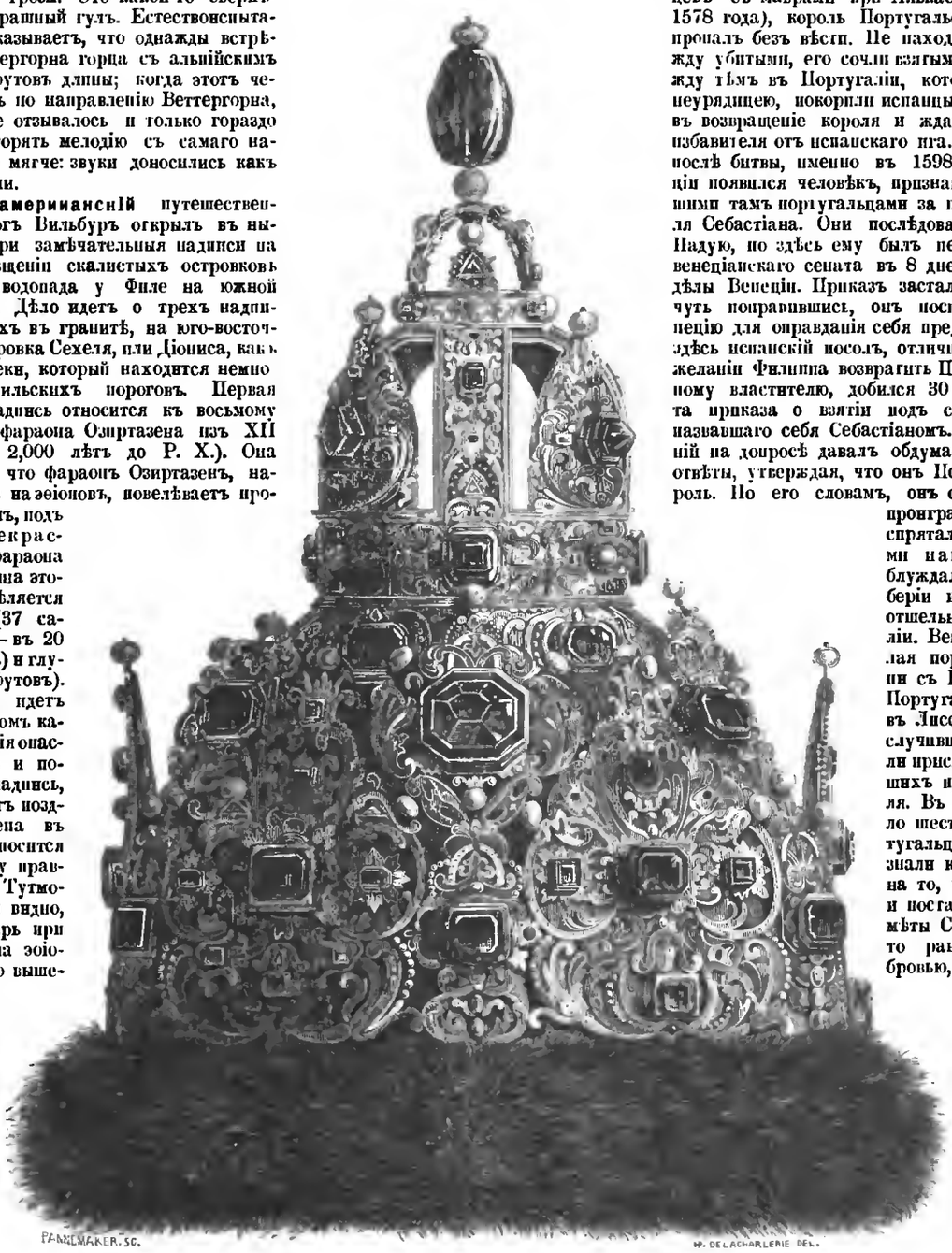
2) Таррашъ предпочитаетъ здѣсь 4. . . . c 7 — c 5 и даетъ слѣдующіе варіанты въ пользу черныхъ; 5. c 4: d 5, c 5: d 4; 6. Фd 1: d 4, Кb 8 — c 6; 7. Фd 4 — d 1, e 6: d 5 съ сильной хотя изолированной пѣшкой d 5; если затѣмъ 8. Сc1 — g 5, d 5 — d 4; 9 Кc 3 — e 4? то 9. . . . Кf 6: e 4!; 10. Сg 5: d 8, Сf 8 — b 4+ и черные выигрываютъ. Или 5. d 4: c 5, d 5 — d 4 ((: c 5 также хорошо) 6. Кc 3 — a 4, Сf 8: c 5; 7. Кa 4: c 5, Фd 8 — a 5+; 8. Сc 1 — d 2, Фa 5: c 5 и черные производятъ сильное давленіе на слабый пунктъ e 3. Наконецъ, если 5. e 2 — e 3, Кb 8 — c 6 и у черныхъ атака въ центрѣ.

3) Таррашъ справедливо замѣчаетъ, что если-бы въ данномъ положеніи игроки перевернули доску, Стейницъ по всей вѣроятности повелъ-бы черную партію къ побѣдѣ, и что Гунсбергъ согласился на ничью подъ обаяніемъ славы своего партнера.

Библиотека "Руниверс"

способомъ: она то будто приближается, то удаляется; звуки то громче, то тише, иногда совсѣмъ затихаютъ и вдругъ снова возобновляются. Одному звукъ слышится справа, другому слѣва; притомъ онъ не одинаковъ: то простой, одиночный, то удваивающійся. Поющій не слышитъ этого, слушатели не слышатъ поющаго.—Эхо „скалы Лореленъ" на Рейнѣ повторяетъ звукъ семнадцать разъ; другое эхо, въ Касселѣ, девять разъ.—Въ Адерсбахѣ, въ Чехіи, эхо повторяетъ семь звуковъ три раза подъ-рядъ, каждый разъ все слабѣе и слабѣе, но совершенно внятно.—Эхо Ст.-Вольфгангскаго озера въ Штиріи повторяетъ звуки только передъ хорошей погодой.—Самое сильное эхо бываетъ въ Швейцарскихъ Альпахъ во время грозы. Это какой-то сверхъестественный, страшный гулъ. Естествоиспытатель Хугп разсказываетъ, что однажды встрѣтилъ близь Веттергорна горца съ альпійскимъ рогомъ въ 11 футовъ длины; когда этотъ человѣкъ затрубилъ по направленію Веттергорна, то эхо долго не отзывалось и только гораздо позже стало повторять мелодію съ самаго начала, но гораздо мягче: звуки доносились какъ бы изъ-подъ земли.

Извѣстный американскій путешественникъ и египтологъ Вильбуръ открылъ въ нынѣшнемъ году три замѣчательныя надписи на камнѣ при посѣщеніи скалистыхъ островковъ близь перваго водопада у Филе на южной границѣ Египта. Дѣло идетъ о трехъ надписяхъ, высѣченныхъ въ гранитѣ, на юго-восточной сторонѣ островка Сехеля, или Діониса, какъ его называли греки, который находится немного сѣвернѣе нильскихъ пороговъ. Первая и важнѣйшая надпись относится къ восьмому году правленія фараона Озиртазена изъ XII династіи (около 2,000 лѣтъ до Р. Х.). Она гласитъ о томъ, что фараонъ Озиртазенъ, находясь въ походѣ на эѳіоповъ, повелѣваетъ прорыть новый каналъ, подъ названіемъ „Прекраснѣйшая дорога фараона Озиртазена". Длина этого канала опредѣляется въ 150 локтей (37 сажень), ширина — въ 20 локтей (5 сажень) и глубина въ 15 (26 футовъ). Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь объ обводномъ каналѣ для минованія опасныхъ водопадовъ и пороговъ. Вторая надпись, почти на 600 лѣтъ позднѣйшая, высѣчена въ скалахъ. Она относится къ третьему году правленія фараона Тутмозиса I. Изъ нея видно, что этотъ государь при своемъ походѣ на эѳіоповъ проѣхалъ по вышеупомянутому каналу. Особое значеніе имѣетъ третья и послѣдняя надпись 50-го года 22-го дня перваго солнечнаго мѣсяца (или хронологически, по общему мнѣнію, 7 апрѣля 1453 года до Р. Х.). Въ ней говорится, что фараонъ повелѣлъ очистить все тотъ же каналъ, найдя его настолько засореннымъ, что ни одно судно не могло пройти по нему. Назадъ фараонъ плылъ по нему въ великомъ веселіи послѣ побѣды надъ врагами. Въ этой надписи каналъ называется „дорога, по указу фараона Тутмозиса III проложенная элефантинскими рыбаками, которые обязаны ежегодно очищать ее". Имѣя въ распоряженіи самыя сильныя взрывныя средства, европейцы въ теченіе 33 столѣтій, къ стыду своему, не позаботились о приведеніи канала въ надлежащее состояніе, для свободнаго прохода судовъ и пароходовъ чрезъ пороги. Вильбуръ сообщаетъ также объ открытіи имъ статуи нѣкоего Павера на развалинахъ нижне-египетскаго Менда. Названное лицо, исправлявшее должность оивскаго номарха при фараонахъ Аменофисахъ III и IV (въ XV вѣкѣ до Р. Х.), заслуживаетъ особаго вниманія по своему отношенію къ городу Іерусалиму, какъ это видно изъ хранящихся въ Берлинскомъ музеѣ клинообразныхъ писемъ Телль-эль-Амарны. Въ то время священнымъ городомъ правилъ вассальный государь Эбедъ-Тодъ, Паверъ же состоялъ при немъ въ качествѣ комиссара Аменофиса IV. Уже дядя Павера, Хаи, отецъ строителя Мемноновыхъ колоссовъ Аменофиса, является въ этихъ письмахъ начальникомъ египетскаго гарнизона въ Іерусалимѣ, тѣснимаго въ это время жителями Хеврона (такъ переводитъ профессоръ Гоммель слово „Хабири"). И такъ, въ настоящее время мало-по-малу разъясняется мракъ, покрывающій древнюю исторію Египта, и уже обнаружена связь ея съ исторіею земли обѣтованной задолго до выхода въ нее евреевъ изъ Египта. (к.)



Корона царя Михаила Ѳеодоровича. Съ фот. грав. Паннемакеръ.

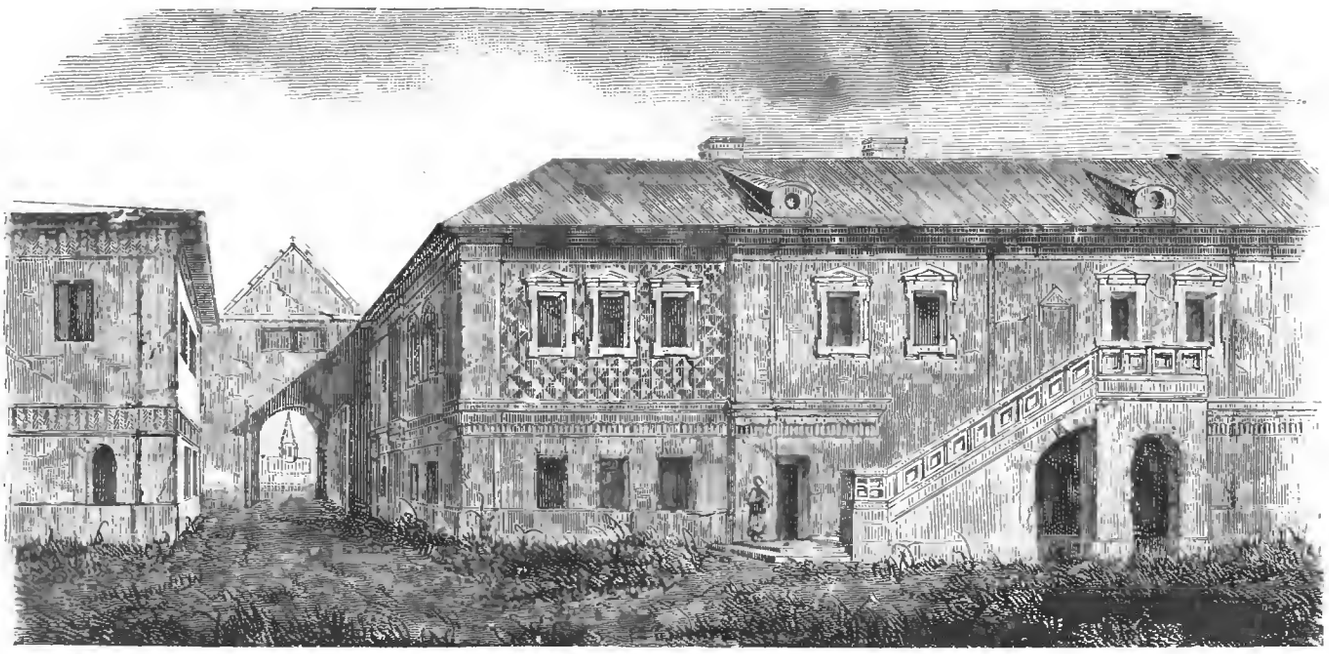
Судьба короля. Послѣ сраженія португальцевъ съ маврами при Алькасарѣ (4 августа 1578 года), король Португальскій Себастіанъ пропалъ безъ вѣсти. Не находя его тѣла между убитыми, его сочли взятымъ въ плѣнъ. Между тѣмъ въ Португаліи, которую, пользуясь неурядицею, покорили испанцы, твердо вѣрили въ возвращеніе короля и ждали въ лицѣ его избавителя отъ испанскаго ига. Черезъ 20 лѣтъ послѣ битвы, именно въ 1598 году, въ Венеціи появился человѣкъ, признанный проживавшими тамъ португальцами за пропавшаго короля Себастіана. Они послѣдовали за нимъ въ Падую, но здѣсь ему былъ переданъ приказъ венеціанскаго сената въ 8 дней оставить предѣлы Венеціи. Приказъ засталъ его больнымъ; чуть поправившись, онъ поспѣшилъ въ Венецію для оправданія себя предъ сенатомъ, но здѣсь испанскій посолъ, отлично знавшій о нежеланіи Филиппа возвратить Португаліи законному властителю, добился 30 ноября у сената приказа о взятіи подъ стражу человѣка, назвавшаго себя Себастіаномъ. Однако послѣдній на допросѣ давалъ обдуманные и дѣльные отвѣты, утверждая, что онъ Португальскій король. По его словамъ, онъ сначала, стыдясь проиграннаго сраженія, спрятался между тѣлами павшихъ, затѣмъ блуждалъ долго по Берберіи и наконецъ былъ отшельникомъ въ Сициліи. Венеціанцы, не желая портить отношеній ни съ Испаніей, ни съ Португаліей, отправили въ Лиссабонъ извѣстіе о случившемся и просили прислать людей, знавшихъ пропавшаго короля. Въ Венецію прибыло шесть знатныхъ португальцевъ, которые признали короля, несмотря на то, что онъ исхудалъ и постарѣлъ. Всѣ примѣты Себастіана, какъ-то рана надъ правой бровью, шрамъ на головѣ, наконецъ свойственная Габсбургамъ толстая нижняя губа, оказались на лицо у этого человѣка. Онъ показалъ, что у него правая рука короче лѣвой, какъ и у Себастіана, а пустое мѣсто въ нижней челюсти, гдѣ когда-то брадобрѣй вырвалъ ему зубъ (всѣ прочіе были цѣлы), не оставляло сомнѣній. Венеціанское правительство отослало его ради его же собственной безопасности въ Падую и оттуда во Флоренцію, но тамъ великій герцогъ велѣлъ схватить его, желая подслужиться Филиппу, просившему выдачи этого „Лже-Себастіана", какъ онъ его называлъ. Плѣнникъ былъ сданъ вице-королю Неаполитанскому и заключенъ въ замокъ dell' Ovo. Здѣсь онъ пробылъ 3 дня, и на новомъ допросѣ стоялъ на своемъ. Лично допрашивавшій его графъ Лерма былъ пораженъ его точнымъ знаніемъ тайныхъ политическихъ дѣлъ. Послѣ этого Лерма отослалъ его въ Испанію на кораблѣ, но онъ не прибылъ туда, и слухи о немъ замолкли. (к.)

Мода бриться появилась въ Греціи впервые при Александрѣ Македонскомъ и вначалѣ, какъ и всякая новая мода, практиковалась только щеголями. Діогенъ, встрѣтивъ однажды человѣка съ гладко выбритымъ подбородкомъ, спросилъ, не для того-ли онъ

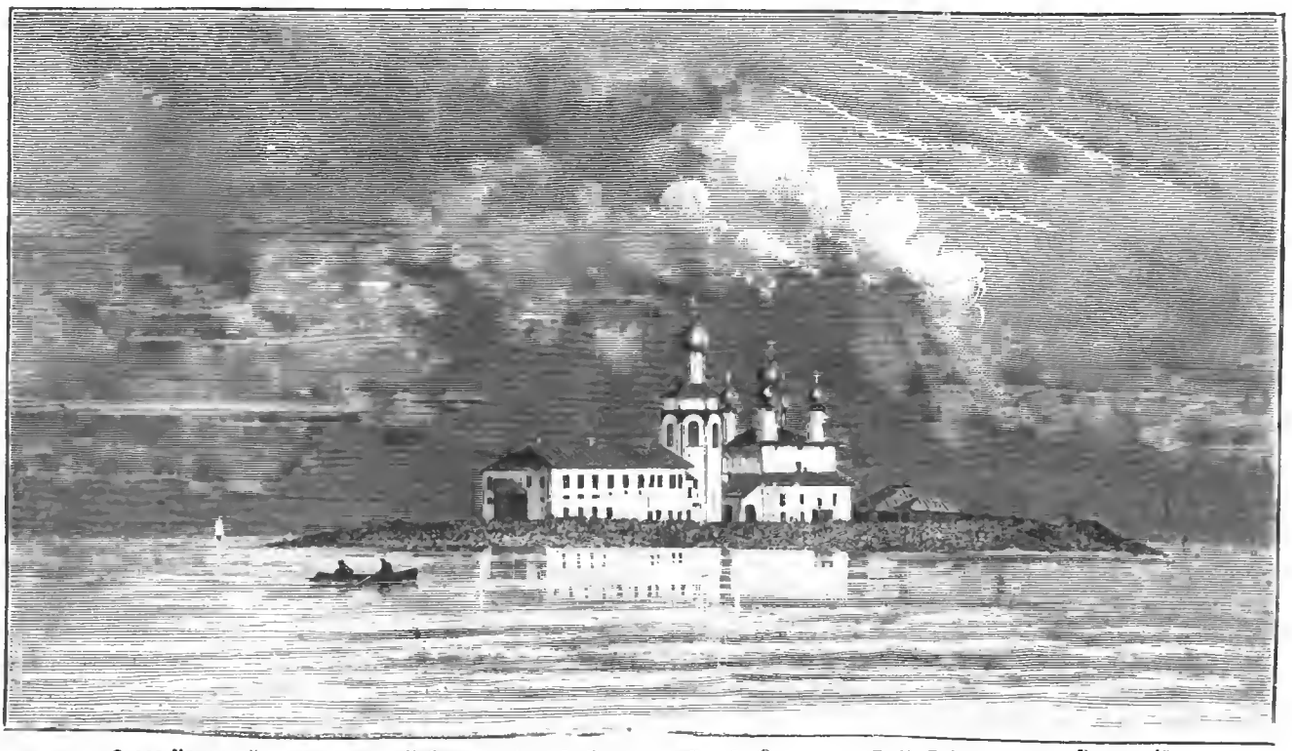
Библиотека "Руниверс"

брѣется, чтобы упрекнуть природу въ томъ, что она создала его не женщиной, а мужемъ. (к.).

Старинный обычай. Въ Цюрихѣ прежде существовалъ обычай



Палаты царя Михаила Ѳеодоровича въ Костромскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ. Рис. съ натуры **И. Сусловъ**, грав. Гельштейнъ.



Спасо-Каменный монастырь на Кубенскомъ озерѣ, Вологодской губ. Ориг. рис. **П. И. Гнѣдича**, грав. Рашевскій.

запирать недовольныхъ другъ другомъ и требующихъ развода супруговъ на 2 недѣли предъ разборомъ дѣла въ судѣ въ уединенную башню у озера. Тамъ они находились въ тѣсной простой комнатѣ, въ ихъ распоряженіи были: одна кровать, одинъ стулъ, одинъ столъ, одинъ ножикъ и одна вилка, такъ что все спокойствіе ихъ днемъ и ночью всецѣло зависѣло отъ ихъ сговорчивости. Разводъ давался лишь въ томъ случаѣ, если по прошествіи двухъ недѣль они настаивали на своемъ требованіи. Большинство же несговорчивыхъ супруговъ мирились въ первые 8 дней и просили отпустить ихъ. По свидѣтельству хроникъ, башня эта магически способствовала уменьшенію просьбъ о разводѣ. (к.).

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

Подписная цѣна показана на первой страницѣ.

КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1891 Г. №№. СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ, СБОРНИКОМЪ и пр.

Библиотека "Руниверс"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: По поводу истекшаго десятилѣтія царствованія Императора Александра III (съ 4 портр. и 9 рис.). — Мальтійская цѣпь. Историческій романъ къ 3-хъ частяхъ князя М. Н. Волконскаго. Ч. II. (Продолженіе). — Полатчасное обокрѣніе. — Смѣсь. — Шахматы. — О подпискѣ на „Ниву" на 1891 г.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ" за МАРТЪ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за МАРТЪ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ
продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28-13

ЧАИ
ВЫСОКАГО КАЧЕСТВА
ПОДЪ ТАМОЖЕННОЮ БАНДЕРОЛЬЮ
СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ ИЗЪ КИТАЯ
ТОРГОВАГО ДОМА
Бр. В. и Н. Поповы и К°
ГЛАВНЫЕ МАГАЗИНЫ:
МОСКВА Кузнецкій мостъ, домъ Санъ-Галли. 39/40. С.-ПЕТЕРБ. Невскій проспектъ, у Полицейскаго моста. 18.
ПЕРЕСЫЛКА ВЪ ПРОВИНЦІЮ ПО ПОЧТѢ ЗА СЧЕТЪ МАГАЗИНОВЪ.
Гг. ОПТОВЫМЪ ПОКУПАТЕЛЯМЪ ДѢЛАЕТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬН. УСТУПКА.
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ и УСЛОВІЯ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО ПО ТРЕБОВАНІЮ.
№ 5038 2-1

Только подлинно съ этой фабрика. маркой.
Huste-Nicht
„НЕ КАШЛЯЙ".
Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)
Л. Г. ПИТШЪ и К°.
въ Бреславлѣ.
Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что ко всякомъ случаѣ къ составъ этихъ препаратовъ не входитъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ихъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.
*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты по 30 и 50 к.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Главный складъ для Россіи у В. Аура и въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В. № 4719 18—12

АНГЛІЙСКІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

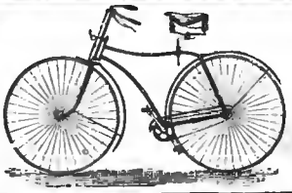
завода Зингеръ и К° Ковентри, предлагаетъ ГЕНРИХЪ ЖЕМЛИЧКА въ Москвѣ, уголъ Тверской и Газетнаго переулка, домъ Фальцъ-Фейнъ, магазинъ № 19.
Высылается прейсъ-курантъ. № 4992 4—4

ГУВЕРНАНТКИ и ГУВЕРНЕРЫ
(русскіе и иностранцы) рекомендуются дамой-англичанкой, ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦЕЙ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, а также и музыки.
Рекомендующая, въ силу своей профессіи, имѣетъ возможность оцѣнить рекомендуемыхъ. П. № 4923 (2)
Малая Дмитровка, по Медвѣжьему пер., д. Малюшина, г-жѣ БЮРО. Москва.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ
Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ТОЛЬКО 5 РУБ. (СЪ ПЕРЕС. 6 РУБ.)
УКРАШЕНІЕ ГОСТИНОЙ!! БОЛЬШОЙ РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ
„ЦАРЬ-ПУШКА"
съ 20 фототипич. и цинкографич. видами г. Москвы и ея достопримѣчательностей съ ахъ историческ. описаніями на русск. и французск. яз. въ роскошномъ переплетѣ (вес. 6+8 фун.). № 5024 3—2
Складъ изданія: А. ГРАГЕ. Москва, Неглинный проѣздъ, д. № 15, кв. 3.

ЗАИКАНІЕ
и другіе недостатки произношенія
лечатся Профессоромъ Берканомъ. СПБ., Николаевск., д. 4, кв. 1.


ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.
ФРАНКФУРТЪ Н/М.
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЪ".
Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиною „Кюженъ" (подушка) и „пневматическій". Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5038 24—1

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"
Измайловскій проспектъ, № 27.
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.
О-ДЕ-КОЛОНЪ двойной превосходный.
О-ДЕ-КОЛОНЪ тройной самый высшій сортъ.
О-ДЕ-КОЛОНЪ № 4 (экстрактъ)
качествомъ нисколько не уступающій иностранному производству.
При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".
Произведенія С.-Петерб. Химич. Лаб. въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5032 2-1

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHARLES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.
Ц. № 3767 (100)

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.
Въ составъ ея войдутъ біографіи 120—150 лицъ. Каждому лицу посвящается особая книжка объемомъ отъ 80 до 100 страницъ. Къ біографіямъ прилагаются портреты и карты (при біографіяхъ путешественниковъ). Цѣна каждой книжки—25 к. Ежемѣсячно выпускается по 4 книжки. До 15 февраля 1891 г. вышли слѣдующіе 20 біографій: Галилея, А. Гумбольдта, Гюго, Данте, Даркина, Конфуція, Кюкье, Лессинга, Линкольна, Линнея, Лойолы, Мицкевича, Свифта, Шопенгауера, Бѣлинскаго, Гоголя, Крамскаго, Крылова, Никона и Пушкина.
Печатаются: Бэконъ, Рах. Вагнеръ, Гусъ, Кеплеръ, Лануазье, Лакингтонъ, Т. Моръ, В. Скоттъ, Стэпли, Уаттъ, Эдисонъ и Морзе (2 біогр. въ одной книжкѣ), Демидовы, В. Н. Каразинъ (основ. Харьков. университета), Салтыковъ и Сперанскій.
Все изданіе будетъ закончено въ 1893 году. Главный складъ изданія въ книж. магаз. П. Луковникова (СПБ., Лештуковъ пер., 2). Вышедшія книжки продаются по 25 коп. по всѣхъ книжныхъ магазинахъ безразлично. Мт. № 5027

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.
Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива", а также и во всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
ДЕНЬ
на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 60 к.
За границу на годъ 10 р.
№ 4792 (10)
Объявленія по 10 к. за строку.
Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Скворцовъ.
Преображенская, 4. 12 кн. разсказовъ и очерковъ. Издатель А. А. Греве.

Библиотека "Руниверс"

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ РАЗВѢСНЫХЪ ЧАЕВЪ

ТОРГОВАГО ДОМА

„ПЕТРА БОТКИНА СЫНОВЬЯ“,

Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Купеческаго Общества.

ТЕЛЕФОНЪ № 339. Адр. телегр.: Москва, Петра Боткина Сыновья.

	Цѣна при покупкѣ менѣе 50 ф.		Цѣна при покупкѣ не менѣе 50 ф.			Цѣна при покупкѣ менѣе 50 ф.		Цѣна при покупкѣ не менѣе 50 ф.	
ЧАЙ ЧЕРНЫЙ № 1 за фунт.	1	20	1	10	ЧАЙ ЧЕРНЫЙ № 7 за фунт	2	40	2	05
„ „ № 2	1	40	1	25	„ „ № 8	2	60	2	25
„ „ № 3	1	60	1	40	„ „ № 9	2	80	2	40
„ „ № 4	1	80	1	60	ЦВѢТОЧНЫЙ № 10	3	—	2	50
„ „ № 5	2	—	1	70	„ № 11	3	50	3	—
„ „ № 6	2	20	1	85	„ № 12	4	—	3	50

ЧАЙ зеленый и желтый въ бинкахъ . . . . . отъ 1/4 фунта на разныя цѣны.
„ клиточный . . . . . 1 руб. фунтъ.
ЧАЙ №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6 развѣшиваются . . . . . 1/1, 1/2, 1/4, 1/8 фунт.
„ №№ 7, 8, 9, 10, 11 и 12 развѣшиваются . . . . . 1/1, 1/2, 1/4 „

При покупкѣ менѣе 50 фунтовъ не дѣлается никакой уступки.
При покупкѣ не менѣе 50 фунтовъ дѣлается скидка, указанная въ прейсъ-курантѣ.
Пересылка чая черезъ почту въ предѣлахъ Европейской Россіи производится за счетъ Торговаго Дома, при чемъ съ цѣны чая не дѣлается никакой уступки.
При пересылкѣ чрезъ транспортныя конторы или желѣзныя дороги и не менѣе 50 ф. дѣлается указанная въ прейсъ-курантѣ уступка, всѣ же расходы по отправкѣ относятся на счетъ покупателя.
При высылкѣ чая съ наложеннымъ платежомъ долженъ быть высланъ задатокъ въ размѣрѣ не менѣе 15% съ общей стоимости заказа. Расходы по упаковкѣ чая Торговый Домъ принимаетъ на свой счетъ.
Чаи Торговаго Дома развѣшиваются подъ надзоромъ Правительственнаго чиновника и оклеиваются изящною бандеролью.
САХАРНЫЙ ПЕСОКЪ Высочайше утвержденнаго Товарищества Ново-Тавоянскаго свекло-сахарнаго завода **БОТКИНЫХЪ** продается по существующимъ цѣнамъ. П. № 5031

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

FAMILLE habitant Paris, prendrait en pension deux personnes. Ecrire à M-me V-te Dubreuil. 67. Rue de Clichy, Paris, France. № 5018 4—2

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генриху Блоякъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

4711

О-ДЕ-КОЛОНЪ.

съ зелено-золотистымъ ярлыкомъ. Продается во всѣхъ лучшихъ интересныхъ и парфюмерныхъ магаз. Россіи. Требовать *зелено-золотистый ярлыкъ*. Депо въ С.Петербургѣ у Александра Тиссъ и К°. Пушкинская, № 4. П. № 5029 2—1

Гигіена старческаго возраста.

Проф. Андре. Ц. 1 р. съ пер.
Складъ и главн. ГИБ. у Торговаго моста д. 27, кв. 2. № 5060 2—1

МИХАИЛА ИВАНОВИЧА МИШИНА

Деревянныя, Бронзовыя. Хрустальныя и Сахарныя.

БОЛЬШАЯ ОПТОВАЯ ПРОДАЖА ПАСХАЛЬНЫХЪ **ЯИЦЪ** СВОЕГО ИЗДѢЛІЯ ЗАГРАНИЧНЫХЪ

Магазинъ: Никольская, домъ Шереметевъ.
Складъ: Мясницкая, домъ Ермиковыхъ,
Москва. Р. № 5037 2—1
Прейсъ-курантъ высылается безплатно.

НОВОСТИ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО:

Шиманъ. Былое привидѣніе. Вальсъ. Ц. 75 к.
„ Маршъ и Вальсъ изъ оп. „Жажда сильныхъ ощущеній“.
Нейфъ. Маленькій Листъ. Дѣтск. Сборн. 1.50.
„ Кинжалерійскій маршъ. Ц. 40 к.
„ Кошечка. Полька со слонами. Ц. 50 к.
Фельдманъ. Сладкій сонъ. Вальсъ. Ц. 75 к.
Рунницкій. № 4860 Внемли, другъ, моленьямъ души. Романсъ. Ц. 40 коп. 16—7
„ Возьми меня, я вся твоя. Ц. 40 к.
Брамсъ. Венгерск. танцы № 5.6.7. д. сиг. съ фортепіано по 40 к.
у КУЛИКОВА, Москва, Мясницкая

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПАРОВОЙ ФАБРИКИ

В. Ф. БОНАКЕРЪ,

Продажа мѣхъ, товаровъ производится у всѣхъ торговцевъ. Фабричныя марки утверждены Правительствомъ.

ВЪ МОСКВѢ, близъ Ятскаго моста, Серебряническій переулокъ, домъ бывш. Шукина (Телефонъ

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ВАКСА

ВЪ ЖЕСТЯНЫХЪ КОРОБКАХЪ (фабричное клеймо „СЛОНЪ“)

ДАЛЕКО ПРЕВОСХОДИТЪ СВОИМИ ОТЛИЧНЫМИ КАЧЕСТВАМИ ВСѢ СУЩЕСТВУЮЩІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ И РУССКІЯ ВАКСЫ.

дѣлаетъ кожу обуви мягкою, непромокаемою и даетъ ей необыкновенно яркій блескъ

ФРАНЦУЗСКАЯ ВАКСА

въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо „Левъ“) равняется достоинствомъ лучшимъ ваксамъ другихъ фабрикъ.

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ МАЗЬ

въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо „Самоваръ“) самое хорошее средство для чистки и полировки всѣхъ металловъ, главнымъ образомъ, самоваровъ

ЖЕСТЯНЫЯ КОРОБКИ

съ разнообразными печатными украшеніями, а также безъ оныхъ, для чая, кофе, кондитерскихъ и табачныхъ товаровъ, консервовъ и проч.

ЖЕСТЯНЫЕ ПЛАКАТЫ (вывѣски)

для рекламъ, печатанные художественно разными красками и рисунками.

Прейскуранты высылаются по требованію. П. № 4974 4—3

ШОКОЛАТЪ ФАБРИКИ С. СТУ и К°.

НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ. ПРЕДОСТЕРЕГАЕМЪ ОТЪ ПОДДѢЛКИ НАШЕЙ МАРКИ.

МОЛОТИЛЬНАЯ МАШИНА.

Кто желаетъ купить дешево, прямо съ фабрики, превосходную, въ Россіи извѣстную, видѣнную молотилку, пусть напишетъ себѣ

НОВУЮ МОЛОТИЛЬКУЮ МАШИНУ ВЕЙЛЯ Р. № 5034

и о высылкѣ рисунка и описанія напишетъ на русскомъ языкѣ **Морицу Вейль** младш. въ Франкфуртѣ н/М., Германія.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ Вѣнѣ

ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 16—8

Цѣна за флак 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у **В. Аурихъ** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ!

Магическая нарнам. вина зажигаетъ огнемъ и спички, и даетъ при нажимѣ, прекрасн. свѣтъ, п 1 р. 50 к. ◆ **Штопальный аппаратъ** чинитъ чулки, матеріи, полотно и проч. 1 р. ◆ Аппаратъ для шитья и починки перчатокъ 1 р. 50 к. ◆ Американскіе часы будильники отъ 4 р.—15 р. ◆ Аппаратъ для дѣланія и выдѣлки петель 2 р. 50 к. ◆ Сапогообуватель и разуватель, особенно удобенъ для полныхъ особъ 2 р. ◆ Столовая папиросница-автоматъ, при каждомъ нажимѣ появляется по одной папироскѣ. Украшеніе любого кабинета, 2 р. 50 к., тоже никеленая 5 р. ◆ Испытатели: вина 1 р., масла 1 р. и яицъ 50 к. ◆ Аппаратъ для умыванія и фротировки съ губкою юностъ 1 р. 50 к. ◆ Предохранители отъ лопанія паровыхъ котловъ не менѣе 1 дюймы 2 р.

Только въ складѣ Новыхъ Изобрѣтеній. **Адресъ: Невскій проспектъ д. 4. С.-Петербургъ.** Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 к. марку. Мт. № 5028

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Марлитта*. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ДОРОЖНЫЯ ВЕЩИ

РЕКОМЕНДУЕТЪ

ТОВАРИЩЕСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

Подробный иллюстрированный

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

высылается безплатно и франко. № 5035

Главная Контора Товарищества въ С.-Петербургѣ,

Обводный каналъ, № 134.

Библиотека "Руниверс"

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: пкуги и мокотилки.
Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода паровыхъ мекотилокъ и комомобилей Клейтона и Шуттеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жнеекъ „Дезм" и сноповязалокъ Мак' Кормика въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тирелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тиръ завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 4484 26—20
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Вр. Бутенопъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ—ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА".
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣнк 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (30) № 4366

Фотографіи фирмы Goupil & C° въ Парижѣ.
ЗА ПОЛЦѢНЫ
Около 100,000 фотографическихъ снимковъ (не фототипій) съ оригиналовъ извѣстнѣйшихъ скульпторовъ и художниковъ состоящихъ изъ жанровыхъ сюжетовъ (изображеній Венеры, портретовъ красавицъ), пейзажей, съ картинъ религіознаго содержанія и проч.
Въ продажу поступаютъ исключительно новые и притомъ безукоризненные киземпляры, наклеенные на картонъ.
Образцовыя коллекціи:
Кабинетн. форм. по 2 р. 60 коп. за дюж.
Визитн. карточ. „ 1 р. 30 „ „ „
Квартъ-форматъ „ 4 р. 30 „ „ „
Торговцы пользуются при выпискѣ цѣлой партіи значительной уступкой.
Louis Ramlo, Kunstverlag, München
9—3 Kaiserinerplatz 3. К. № 5009

На 1891 (IV) годъ открыта подписка на журналъ коммерч. и финанс. знаній
„СЧЕТОВОДСТВО".
Удобр. Уч. Ком. М. Н. П. какъ заключ. много полезныхъ и интересныхъ статей.
Ред.-Изд. Ад. Марк. Вольфъ
Цѣна 6 р. Программа высылается безплатно.
Изданія журнала „Счетоводство": Двойная бухгалтерія въ популярн. очеркахъ. Ц. 75 к. Самоучитель де. бухгалтеріи. Скубица. Ц. 1 р. 50 к.
Контора: С.-Петербургъ, Невскій, 64.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.
СКРИПКИ.
Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, исполнены по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Альты, віолончели, басы. Смычки 1½—50 мар. Футляры 3½—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6 — 50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Нѣмая скрипка для ученья (собств. изобрѣт.). Мастерская для починокъ. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Сарасате, Сорэ, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куранты безплатно.
Бр. ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ.
Ц. № 4787 Нейцнехъ. 9—9

Отдаю продажѣ

Только что вышелъ изъ печати и разосланъ подписчикамъ **второй томъ** сочиненія **Ѳ. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ",

заключающій въ себѣ 707 стр. текста, **125 художественно исполненныхъ гравюръ** и политипажей съ изображеніемъ древесныхъ породъ и ихъ частей, **а** также культурныхъ орудій, и **17 эстамповъ на мѣди.**

Содержаніе втораго тома: элементы лѣснаго хозяйства; лѣсная почва; строеніе и жизнь дерева; хозяйство въ лиственныхъ лѣсахъ (описаніе лиственныхъ древесныхъ породъ); хозяйство въ хвойныхъ лѣсахъ (описаніе важнѣйшихъ хвойныхъ древесныхъ породъ); хозяйство въ ивнякахъ; кустарники и разведеніе ихъ для образованія живыхъ изгородей и защитныхъ полосъ; естественное возобновленіе лѣсовъ; питомникъ и древесная школа; посѣвъ и посадка лѣса; особенности степнаго лѣсоразведенія; различныя справочныя свѣдѣнія.

Цѣна этому тому: для подписавшихся на все сочиненіе **8 руб.**, а въ отдѣльн. продажѣ **10 р.**, съ пересылкою иногороднымъ **10 р. 60 к.**

Все сочиненіе будетъ состоять изъ **трехъ большихъ томовъ**, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ.

Въ первомъ томѣ разсматривается современное состояніе русскихъ лѣсовъ и указывается на существующіе въ нихъ безпорядки, выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Особенно важное значеніе для частныхъ лѣсовладѣльцевъ, лѣсопромышленниковъ и для лѣсоохранительныхъ комитетовъ въ губерніяхъ, имѣетъ глава, посвященная подробному разсмотрѣнію и выясненію лѣсоохранительнаго закона 4 апрѣля 1888 г., такъ какъ появлявшіяся о немъ до сихъ поръ въ печати сообщенія изъ провинціи и разсужденія указывали на то, что въ положеніяхъ этого важнаго закона не вполнѣ еще разобрались.

Къ первому тому **приложены двѣ художественно исполненныя карты, изображающія 14-ю красками лѣсистость:** одна — **Россіи**, по отдѣльнымъ **уѣздамъ**; другая—**западно-европейскихъ государствъ.**

III томъ выйдетъ въ непродолжительномъ времени и будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплоатаціи лѣса; учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соотвѣтственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

Подписка на всѣ три тома «Русскаго лѣса» продолжается и каждый новый подписчикъ тотчасъ-же получаетъ уже вышедшіе два тома сочиненія. **Подписная цѣна** на всѣ три тома **14 рублей.** По выходѣ 3-го тома цѣна изданію **будетъ возвышена.**

Для гг. лѣсничихъ и вообще лицъ, служащихъ по М-ству Г. И., желающихъ подписаться на всѣ три тома, **допускается разсрочка** на слѣдующихъ условіяхъ: При подпискѣ вносится **3 р.** и затѣмъ въ слѣдующіе 11 мѣсяцевъ по **1 р.** ежемѣсячно. Взамѣнъ денегъ могутъ быть высылаемы на равную сумму почтовыя марки. При подпискѣ въ разсрочку необходимо представить **ручательство** одного изъ слѣдующихъ трехъ лицъ: Его Пр—ства **Ѳ. К. Арнольда**, г. **В. А. Тихонова**, или г. **Управляющаго** Государственн. Имуществами губерніи. Вышедшіе 2 тома будутъ высланы тотчасъ-же по полученіи перваго взноса въ 3 руб.

Требованія просятъ адресовать на имя издателя **А. Ф. МАРКСА**, въ С.-Петербургъ, Невскій, д. 6.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ
для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ.
Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

ЛАНОЛИНЪ.
Косметическое средство для смазыванія кожи у взрослыхъ и дѣтей.
Продается во всѣхъ аптекахъ. Р. № 5033

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ
для смягченія кожи.
Помимо обрѣтенное иккелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣны за кусокъ 30 коп 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (42) № 4271

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ.
Больш. чувствит., хорошо выверены.
Въ никелиров. оправ. отъ 5 до 6 р. 50 к.-коп. рос. за 2 и 3 фут.
Въ полир. дерев. оправѣ отъ 9 до 14 р.
Тоже съ термометромъ отъ 13 до 22 р.
Карманн. баром. и для камвреніи высотъ отъ 11 до 45 р.
Е. КРАУСЪ и К°.
Фабрика въ Парижѣ, Aven. d. l. Républ. 4.
2—2 ДЕПО ДЛЯ РОССІИ № 5009
С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
Иллюстр. прейсъ-кур. высылается безплатно

Остерегаться поддѣлокъ. 5—1
ГИГІЕНИЧЕСКОЕ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
провизора Г. Ф. Юргенсъ,
противъ излишней потливости и дезодорирующее. Продается во всѣхъ лучш. аптек. и арт. маг. Главн. складъ для всей Россіи К. И. ФЕРРЕЙНЪ, Москва. № 5030
Цѣна 1/1 кус. 50 к., 1/2 кус. 80 коп.

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА".
Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ Б. Морская, 21.

Дозвол. цензур., СПБ., 27 февраля 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | г. XXII

№ 10 | 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 9 марта 1891 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . 5 р. | Съ доставкою въ Петербургѣ 6 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія 6 р. | Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . 7 р. | За границу 10 р.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Передъ поединкомъ. Съ карт. Кассіоли, грав. Ерике.

Библиотека "Руниверс"

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XIV.

Эрмитажъ.

Зубовъ взволнованно ходилъ большими шагами по своему кабинету.

Секретарь его, Грибовскій, сидѣлъ у особаго столика съ перомъ въ рукахъ и внимательно слѣдилъ за нимъ, провожая его глазами.

— Пиши! проговорилъ Зубовъ и началъ диктовать: „Орденъ Мальтійскій есть орденъ католическій, а посему... или нѣтъ—понеже...“

Зубовъ подошелъ къ окну, побарабанилъ пальцами и быстро обернувшись къ секретарю. проговорилъ:

— Нѣтъ, не такъ... начни снова...

Грибовскій спокойно и послушно отложилъ начатый листъ въ сторону и взялъ чистый.

Зубовъ опять принялся диктовать.

Третій уже день они сочиняли все то-же самое. Съ самаго происшествія у театра при разъѣздѣ, Зубовъ потерялъ аппетитъ и сонъ.

Онъ все силился выдумать какую-нибудь такую бумагу, при помощи которой сразу бы можно было покончить съ графомъ Литтою, но какая должна быть эта бумага—онъ не зналъ.

Онъ то начиналъ составлять длинную записку о вредѣ Мальтійскаго ордена вообще, то старался выставить Литту какъ католика и вреднаго человѣка въ частности. Но помимо того, что ему было трудно совладать со стилемъ, все это выходило очень безосновательно и слабо. Ни доводовъ, ни уликъ никакихъ не было.

Зубовъ сердился, заставлялъ Грибовскаго двадцать разъ начинать то же самое. Они испортили цѣлую кипу бумаги, но изъ этого еще ничего не выходило.

Такъ третій вечеръ уже ходилъ Зубовъ, диктуя, по кабинету. Онъ непремѣнно *самъ* хотѣлъ составить эту бумагу.

„А по силѣ законовъ Россійскихъ, диктовалъ онъ.— толпкое распространеніе безвѣрія и схизмы...“

Часы пробили половину восьмаго.

Грибовскій, которому давно надоѣла вся эта исторія, поднялъ голову и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ взглянулъ на часы.

— Осмѣлюсь доложить, ваша свѣтлость, что уже половина восьмаго, проговорилъ онъ.—Сегодня эрмитажное собраніе назначено.

Зубовъ поморщился, какъ будто ему не было дѣла до этого собранія.

— Можетъ быть, продолжалъ Грибовскій, — ваша свѣтлость, поручите мнѣ составить бумагу.

Грибовскій понималъ. что это будетъ ему гораздо спокойнѣе.

Зубовъ подумалъ съ минуту.

— Хорошо! сказалъ онъ наконецъ,—попробуй... напиши... я посмотрю, а мнѣ въ самомъ дѣлѣ пора въ Эрмитажъ...

Грибовскій торопливо собралъ со стола бумаги и съ облегченнымъ вздохомъ поспѣшилъ уйти, приславъ вмѣсто себя камердинеровъ князя, которые стали одѣвать его къ вечеру.

Зубовъ долго возился со своимъ туалетомъ, такъ что когда онъ появился въ Эрмитажѣ, тамъ почти всѣ приглашенные были въ сборѣ.

На эрмитажныхъ собраніяхъ всякій этикетъ забывался, всѣ пріѣзжали когда хотѣли и дѣлали что кому вздумается.

Зубовъ, войдя, увидѣлъ, что государыня играла уже въ карты съ Нарышкинымъ и Пассекомъ. Его не подождали. Князь однако сдѣлалъ видъ, что вполнѣ примиряется съ этимъ, и беззаботно, стараясь казаться очень въ духѣ, здоровался съ сгибавшимися передъ нимъ со всѣхъ сторонъ придворными и поклонился дамамъ, между которыми въ числѣ приглашенныхъ была Скавронская. Сестра ея постоянно бывала приглашена на эрмитажныя собранія.

Зубовъ сѣлъ у карточнаго стола и началъ слѣдить за игрою.

Вдругъ, словно его толкнулъ кто, и онъ почти непроизвольно взглянулъ на дверь.

Графъ Литта появился на ея порогѣ.

„Ужь это черезчуръ!“ мелькнуло у Зубова, и онъ первый разъ, имѣстѣ со злобою къ этому человѣку, котораго онъ уже считалъ соперникомъ, почувствовалъ робость передъ нимъ и страхъ за свое собственное положеніе.

Въ самомъ дѣлѣ Литта казалось начиналъ пользоваться замѣтными милостями.

Онъ былъ приглашенъ сегодня въ Эрмитажъ и, разумѣется, пріѣхалъ, потому что отказаться отъ этого приглашенія было бы дерзостью.

Зубовъ видѣлъ, какъ онъ вошелъ, какъ приблизился своею смѣлою, видною походкой къ государынѣ, и какъ она поздоровалась съ нимъ.

— А вы чуть не опоздали, графъ, проговорила она,— еще немного—и было бы поздно... А! Вотъ видите, добавила она и прислушалась.

Гдѣ-то въ одной изъ дальнихъ комнатъ раздался фальшивый звукъ скрипки.

Всѣ переглянулись, не зная, что это значитъ.

Звукъ повторился еще разъ.

Тогда государыня встала, положила карты и направилась къ дверямъ, сдѣлавъ знакъ слѣдовать всѣмъ за собою.

Прошли нѣсколько комнатъ. Въ крайней изъ нихъ оказалось направо и налѣво по двери.

Императрица приказала дамамъ идти въ одну дверь, а кавалерамъ—въ другую. И, раздѣлившись такимъ образомъ, гости нашли въ смежныхъ комнатахъ цѣлый выборъ готовыхъ маскарадныхъ костюмовъ.

Это было сдѣлано совершеннымъ сюрпризомъ. Всѣ должны были нарядиться и надѣть маски.

Литта волей-неволей долженъ былъ подчиниться, и надѣлъ на себя домино, не желая возиться съ другимъ какимъ-нибудь нарядомъ.

Одѣтыя маски выходили въ залу, гдѣ уже играла музыка и составлялся импровизованный костюмированный балъ.

Литта тоже вышелъ въ своемъ домино, когда зала была почти уже полна.

Войдя сегодня въ Эрмитажъ и приближаясь къ государынѣ, чтобы поздороваться съ нею, онъ сейчасъ же замѣтилъ Скавронскую. Она сидѣла у окна молчаливая и грустная. Въ ней не было уже того оживленія, которымъ свѣтилась она въ театрѣ. Она тоже видѣла, какъ онъ вошелъ, и губы ея слегка задрожали, но выраженія глазъ, съ которымъ она посмотрѣла на него, Литта не могъ забыть теперь... Въ нихъ были и упрекъ, и презрѣніе. и страданіе, и жалоба, и мольба.

Свойственную всякому человѣку способность догадки можно развить — посредствомъ извѣстнаго упражненія—въ прямое пониманіе безъ словъ чужихъ мыслей; Литта давно достигъ этого. Но теперь онъ, и безъ всякаго пониманія мыслей, сразу почувствовалъ, отчего она смотрѣла такъ на него.

Онъ отлично понялъ: она говорила этимъ взглядомъ,

Библиотека "Руниверс"

что знаетъ, зачѣмъ онъ сегодня въ Эрмитажѣ,—знаетъ, что не для нея онъ здѣсь и что это ей невыносимо мучительно и она никогда не проститъ ему этого.

Онъ хотѣлъ ей сказать, что это неправда и что онъ любитъ ее.

Остановясь у двери, онъ испытующе теперь слѣдилъ изъ-подъ своей жаркой и душной маски глазами за мелькавшими передъ нимъ феями, пейзанками, молочницами, стараясь разглядѣть, которая изъ нихъ была она.

Зачѣмъ онъ это дѣлалъ—онъ не могъ дать себѣ отчета.

Но и въ Эрмитажъ онъ пріѣхалъ сегодня, опять обманувъ себя, что надѣется увидѣть ее въ послѣдній разъ.

Кто-то безцеремонно просунулъ руку ему подъ-руку сзади. Онъ обернулся; рядомъ съ нимъ было красное домино. Литта невольно сдѣлалъ движеніе отдернуть руку.

Но домино не выпустило ее.

— Пойдемъ!.. проговорилъ изъ-подъ красной маски чей-то измѣненный голосъ, настойчиво, почти приказывая.

„Неужели это она?“ мелькнуло у Литты.

Но онъ сейчасъ же отогналъ эту сумасшедшую, какъ ему показалось, мысль.

— Пойдемъ! повторило домино еще настойчивѣе.

И Литта пошелъ.

— За кого ты меня принимаешь, маска? спросилъ онъ.

— Графъ Литта—я никогда не ошибаюсь... прошептала маска. — На плечѣ у васъ приколота розовая кокарда.

Литта посмотрѣлъ и тутъ только замѣтилъ, что на его домино дѣйствительно была кокарда.

— Что-жь это значитъ? спросилъ онъ.

Ему не отвѣтили.

Они прошли пустую гостиную, потомъ другую, попали какимъ-то образомъ въ недоконченную еще отдѣлкой нетопленную комнату, со стѣнами не вполнѣ увѣшанными картинами, часть которыхъ лежала на полу въ раскупоренныхъ ящикахъ, съ торчащею по угламъ соломою, потомъ очутились въ проходномъ коридорѣ.

Все это произошло очень быстро. Литту тянули почти насильно.

Сдѣлавъ по каменнымъ плитамъ коридора нѣсколько шаговъ, они вошли въ затянутую ковромъ глухую комнату. На столахъ здѣсь и на мебели въ безпорядкѣ были разбросаны куски матеріи, тюль, части костюмовъ, ножницы и нитки.

— Теперь вы мой! проговорило домино, запирая дверь на ключъ.

Литта теперь только рѣшилъ, что все это ему очень не нравилось.

И что это за домино, и кто она такая?..

— Узнаете меня? спросила баронесса Каннихъ, снимая маску.

Это была она.

— Баронесса!.. Вы какимъ образомъ здѣсь?.. удивился Литта.

Онъ тоже снялъ маску.

— Какимъ образомъ здѣсь! передразнила Каннихъ.— Очень просто, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большими затрудненіями. Отъ моей портнихи я узнала, что ей заказаны костюмы для нынѣшняго вечера. Я явилась сюда въ качествѣ ея помощницы. Меня пропустили. А когда большинство дамъ было уже одѣто, я вышла въ домино и смѣшалась съ ними. А кокарду вамъ пришпилилъ камерлакей, мужъ моей портнихи; что это мнѣ все стоило—не ваше, разумѣется, дѣло...

Всѣ эти исторіи стачки съ портнихами и лакеями были очень не по душѣ Литтѣ, и онъ почти грубо спросилъ, опускаясь на стулъ:

— Что же вамъ угодно?

— Отчего вы перестали у меня бывать? отвѣтила вопросомъ Каннихъ, подступая къ нему.

Литта опустилъ глаза, не зная что сказать.

— Вотъ видите-ли, я долго думала объ этомъ, заговорила она,—хотѣла писать вамъ... но потомъ догадалась, что вамъ *теперь* нельзя ни бывать у хорошенькихъ (это слово она проглотила какъ-то, запнувшись) женщинъ, ни получать отъ нихъ записки...

— Отчего-же это? спросилъ Литта не изъ желанія объясненія, а скорѣе, чтобы такъ-сказать отмахнуться отъ новаго намека Каннихъ.

— Оттого, шепотомъ протянула она, желая казаться хитрѣе, чѣмъ это было нужно,—что за вами теперь слѣдятъ, высматриваютъ васъ... и вотъ только на такую, все-таки рискованную, правда, штуку (она показала на свое домино) и можно было пуститься—права я?.. Ну, а теперь, вдругъ мѣняя тонъ, добавила она,—по крайней мѣрѣ часъ—въ нашемъ распоряженіи.

Прежде чѣмъ уйти отсюда, что Литта сейчасъ-же рѣшилъ сдѣлать—онъ хотѣлъ остаться совсѣмъ правымъ передъ этой женщиной.

— Но, баронесса, проговорилъ онъ,—я, если вы припомните, никогда не давалъ повода...

— Я все помню... перебила баронесса,—вы думаете я не поняла, что мнѣ говорили ваши глаза въ послѣднее наше свиданіе у меня.

Литта поднялся со своего мѣста.

— Мои глаза ничего не говорили вамъ... ничего кромѣ того, что мнѣ было душно у васъ нестерпимо... Ваши предположенія безосновательны. Завтра-же вы убѣдитесь, что ваши намеки—клевета.

Литта видѣлъ какъ мѣнялось, блѣднѣя, лицо баронессы, но ему пріятно было это. Въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находился, ему нужно было кому-нибудь прямо въ лицо сказать, что его опутываютъ послѣднее время ложью, клеветой, и онъ съ удовольствіемъ дѣлалъ это теперь.

— Ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ, продолжалъ онъ,—я прошу васъ отпустить меня... дайте мнѣ ключъ отъ двери.

Каннихъ отстранила руку, какъ будто онъ собирался отнять у нея ключъ.

— Вы останетесь со мною, проговорила она, — я такъ хочу.

Литта покачалъ головою.

— Напрасно, баронесса!

Каннихъ постояла съ минуту, какъ растерянная. Потомъ, крѣпко, до боли, кусая нижнюю губу, прошла нѣсколько разъ по комнатѣ взадъ и впередъ, словно забывъ, что она не одна, и наконецъ остановясь передъ Литтой протянула ему ключъ.

— Ступайте, сказала она,—но только помните, что ни одна женщина не проститъ вамъ никогда того, что вы дѣлаете.

Литта, выйдя въ коридоръ, отыскалъ прямой ходъ въ комнату, гдѣ они переодѣвались и, скинувъ тамъ домино—уѣхалъ домой, не заглянувъ въ залу откуда слышалась музыка и гдѣ балъ еще продолжался.

XV.

Сестры.

Графиня Браницкая жила въ самомъ Зимнемъ дворцѣ, въ отведенномъ ей помѣщеніи окнами на Неву.

Скавронская, пока отдѣлывали ея собственный домъ, на Милліонной, доставшійся ей вмѣстѣ со всѣмъ огромнымъ состояніемъ покойнаго мужа — остановилась у сестры. Онѣ, столько лѣтъ не видѣвшія другъ друга, вспоминали теперь свое дѣтство, снова очутившись вмѣстѣ.

Былъ первый часъ ночи. Стукъ отъѣзжавшихъ отъ Эрмитажа экипажей давно замолкъ.

Библиотека "Руниверс"

На чаекъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Медвѣдева, грав. Ольшевскій

Библиотека "Руниверс"

Невольничій рынокъ. Съ карт. Ф. Эйзенгута, грав. Воллерманъ

Библиотека "Руниверс"

Скавронская лежала, убранная совсѣмъ на ночь, въ постели, закинувъ за голову руки и уставившись глазами передъ собою.

Графиня Александра Васильевна не ложилась еще и какъ-бы нарочно медлила у туалета, надѣвая чепчикъ и поправляя волосы.

Она изрѣдка взглядывала на сестру, отлично понимая то состояніе, въ которомъ та находилась теперь.

— Катя, проговорила она,—не дать-ли тебѣ капель... у меня есть.

Скавронская не отвѣтила и даже не шелохнулась.

Александра Васильевна сдѣлала видъ, что и не ждала отвѣта, и принялась бережно складывать жемчугъ въ коробку.

— Саша, а ты видѣла его, вдругъ спросила Скавронская,—какъ онъ вошелъ сегодня?

Браницкая ниже нагнулась надъ своимъ жемчугомъ.

— Да, отвѣтила она, стараясь говорить какъ можно равнодушнѣе.

— Ты знаешь—мнѣ все еще не вѣрится... Нѣтъ, не можетъ быть... Какъ я увидѣла его сегодня—такъ все какъ-то ушло и я не вѣрю.

Александра Васильевна встала со своего мѣста и, вздохнувъ, будто хотѣла сказать этимъ, что и она желала-бы всѣмъ сердцемъ не вѣрить, да ничего не подѣлаешь, подошла къ сестрѣ и сѣла къ ней на кровать.

— Ахъ, Катя, Катя... Бѣдная ты моя! вздохнула она опять,—и нужно-же было вамъ встрѣтиться!

— Нѣтъ, ты скажи, перебила Скавронская вдругъ оживляясь,—нужно было пріѣзжать мнѣ въ этотъ противный Петербургъ... Я точно ждала вѣдь чего-то... Такъ вотъ во мнѣ словно говорило что-то: не ѣзди—а пріѣхала.

— Да вѣдь ты знала что онъ здѣсь?

— Да, знала.

— И всетаки пріѣхала?

Скавронская повернулась лицомъ къ сестрѣ и облокотилась на подушку.

— Ахъ, Саша, заговорила она,—если-бъ ты знала, какое это чувство было!.. И увидѣть хотѣлось... т. е. не мнѣ хотѣлось его увидѣть, а чтобы онъ меня увидѣлъ, понимаешь?.. И тоже узнать какой онъ сталъ... перемѣнился-ли... Потомъ я думала: это его обѣщаніе тамъ монашеское—это пустяки... можетъ-быть оно какъ-нибудь и устроится... вѣдь не постригся-же онъ въ самомъ дѣлѣ... И вдругъ!.. что-же... вмѣсто всего... узнаю?!. Это ужасно!.. просто ужасно!..

Закрывъ лицо руками, она откинулась на подушку и уткнулась въ нее.

Александра Васильевна чувствовала, что ей нечѣмъ утѣшить сестру — нечего сказать. Она положила ей только на голову руку и ласково стала водить по ней.

Скавронская долго лежала такъ, не двигаясь.

— Ахъ, сказала она наконецъ, дрогнувъ плечами,—знаешь о чемъ я думала тутъ, когда лежала?

— Ну о чемъ? спросила ее сестра.

— Я больше не могу встрѣчаться съ нимъ; я не могу—это свыше силъ моихъ.

— Это было-бы самое лучшее, согласилась Браницкая,—но нельзя-же тебѣ изъ-за него запереться дома. Тебѣ нужно развлеченіе... одной тебѣ тоже оставаться нельзя.

— Это я все уже обдумала — я уѣду завтра-же въ Старово, а ты пока устроишь мнѣ дозволеніе переѣхать въ Москву... Я думаю меня не станутъ удерживать при дворѣ—на что я имъ?

— Ну, не знаю... Съ твоимъ состояніемъ, съ твоимъ личикомъ... ты слишкомъ замѣтна здѣсь, такихъ слишкомъ мало при дворѣ.

— Ахъ, не говори ты мнѣ этого, перебила Скавронская,—не говори ты мнѣ про мое лицо—оно противно мнѣ, понимаешь... Мнѣ все противно теперь...

— Ну, это пройдетъ, увѣренно успокоила графиня.

— Такъ ты думаешь не отпустятъ? вдругъ спросила Скавронская, какъ-бы только теперь понявъ смыслъ этихъ словъ, разрушавшій всѣ ея планы, и такое безпокойство блеснуло въ ея свѣтлыхъ, испуганныхъ теперь, голубыхъ глазахъ, что сестра ея невольно одумалась.

— Ну, это-то пустяки — это мы устроимъ, Богъ дастъ... Только зачѣмъ-же тебѣ уѣзжать въ Старово?

Скавронская успокоилась.

— А какъ-же? спросила она.

— Да просто скажись нездоровою, ну не выходи никуда ужь если тебѣ такъ хочется—пока я устрою тебѣ разрѣшеніе.

— Нѣтъ, и не говори этого, протянула Скавронская ладонь къ сестрѣ, словно хотѣла зажать ей ротъ,—и не говори этого—быть все-таки такъ близко здѣсь... въ одномъ городѣ, слышать объ немъ постоянно, знать, что онъ бываетъ здѣсь... Нѣтъ... я ужь рѣшила—завтра-же я уѣду въ Старово и тамъ скажусь больной.

Браницкая не возражала, видя что противорѣчіе только хуже волнуетъ сестру.

— Ну, вотъ видишь, Катя, заговорила она, помолчавъ,—все обойдется—уѣдешь, Богъ дастъ забудешь... Мало-ли что еще случится—въ Москвѣ много народу... увидишь людей, познакомишься... и все перемѣнится.

Скавронская тяжело вздохнула.

— Нѣтъ, не перемѣнится, не вдругъ отвѣтила она,—ужь такая моя жизнь вѣрно—судьба... И вѣдь не смотря на все... все-таки я чувствую, что онъ дорогъ мнѣ... если-бъ только... кажется...

— Ишь сердце-то какъ у тебя бьется!.. сказала Браницкая, кладя ей на лѣвый бокъ руку...

— Ну, довольно—не будемъ говорить объ этомъ... рѣшила Скавронская; но онѣ долго еще не спали и все-таки говорили о томъ-же самомъ.

XVI.

Въ Гатчинѣ.

„Нѣтъ, кончено, довольно, нужно разомъ рѣшить все это“, думалъ Литта, сидя въ саняхъ, гладко скользившихъ по дорогѣ въ Гатчину.

Онъ не ложился послѣ вчерашняго Эрмитажа и еще до восхода солнца выѣхалъ изъ Петербурга, чтобы какъ можно раньше явиться къ цесаревичу. Спать ему не хотѣлось однако.

Онъ то и дѣло погонялъ ямщика, и не смотря на то, что лошади казалось старались изо всѣхъ силъ, все-таки находилъ, что онѣ бѣгутъ слишкомъ тихо, и ужасно удивился когда сани подъѣхали наконецъ къ гатчинской рогаткѣ... Онъ думалъ, что онъ еще по крайней мѣрѣ на полдорогѣ только.

На рогаткѣ его окликнулъ часовой, и когда онъ показалъ, распахнувъ шубу, свой мальтійскій крестъ на груди, блеснувшій бриллiантами, его сейчасъ-же пропустили.

Сани поѣхали тише. Литта приказалъ ямщику направиться прямо ко дворцу.

Здѣсь онъ, зная уже гатчинскіе порядки, вылѣзъ у воротъ и снова показавъ свой мальтійскій крестъ, который опять пропустилъ его безпрепятственно, прошелъ пѣшкомъ черезъ дворъ.

У подъѣзда задержалъ его офицеръ, но узнавъ въ немъ мальтійскаго кавалера, растворилъ двери.

Въ прежнее время бывало, когда Литта ѣздилъ представляться его высочеству какъ генералъ-адмиралу—всѣ запреты обыкновенно для него кончались у дверей подъѣзда и затѣмъ его встрѣчали очень радушно и прямо шли докладывать о немъ; онъ зналъ уже въ какіе часы слѣдовало пріѣзжать и потому

Библиотека "Руниверс"

всегда попадалъ въ такое время, когда его цесаревичъ принималъ немедленно.

Но сегодня Литта замѣтилъ, что отношенія къ нему перемѣнились въ Гатчинѣ.

Встрѣтившій его въ пріемной дежурный при его высочествѣ—Ростопчинъ, съ которымъ Литта былъ лично знакомъ и который всегда такъ любезно относился къ нему, теперь поздоровался съ нимъ довольно оффиціально, точно не узнавъ его, и сталъ тихо и подробно разспрашивать его, зачѣмъ онъ, по какому дѣлу и почему желаетъ представиться его высочеству.

Литта отвѣчалъ, что дѣло, по которому онъ пріѣхалъ, касается его лично и что онъ самъ доложитъ объ немъ цесаревичу.

Ростопчинъ двинулъ нѣсколько разъ по своей привычкѣ подбородкомъ впередъ, поглядѣлъ опять искоса на Литту и просилъ подождать, не вступая въ дальнѣйшіе разговоры.

Ждать Литтѣ пришлось очень долго.

Ростопчинъ тутъ-же при немъ занялся какими-то бумагами; на плацъ, находившійся передъ дворцомъ (окна пріемной выходили на него), привели солдатъ и произвели имъ ученье. Ростопчинъ ушелъ куда-то.

Литта начиналъ съ нетерпѣніемъ уже поглядывать на ведущую во внутренніе покои дверь, ожидая когда-же она растворится и Павелъ Петровичъ выйдетъ къ нему или его самого проведутъ туда.

Отъ этой перемѣны въ пріемѣ сердце Литты болѣзненно сжималось.

Наконецъ за дверью послышались быстрые, сердитые шаги, и Павелъ Петровичъ вышелъ въ пріемную, слегка подергивая плечомъ на ходу.

Литта успѣлъ уже приготовиться и стоялъ почтительно вытянувшись.

Цесаревичъ оглядѣлъ его съ ногъ до головы, близко, совсѣмъ близко подошелъ къ нему и, не здороваясь, рѣзко проговорилъ:

— Чѣмъ могу служить?

Литтѣ показалось, что онъ нарочно заговорилъ съ нимъ по-русски, чтобы рѣзче подчеркнуть свое неудовольствіе.

Онъ сдѣлалъ низкій поклонъ и подалъ сложенную вчетверо бумагу, которую держалъ въ рукахъ, цесаревичу.

— Прошу у вашего высочества—милости, по-русски же отвѣтилъ онъ.

Павелъ Петровичъ, нервно, почти выхватилъ бумагу изъ рукъ Литты, развернулъ ее и сталъ читать.

И вдругъ, къ удовольствію своему, Литта увидѣлъ какъ по мѣрѣ чтенія мѣнялось сердитое выраженіе лица Павла Петровича.

Пробѣжавъ бумагу до конца, онъ совсѣмъ иными, ласковыми глазами взглянулъ на мальтійскаго рыцаря и со своею доброю улыбкой, при которой углы губъ опускались у него книзу, тихо проговорилъ:

— Вы просите отставки?

— Точно такъ, ваше высочество, отвѣтилъ Литта.

— Зачѣмъ?

— Думаю уѣхать, по многимъ причинамъ мнѣ-бы не хотѣлось дольше оставаться въ Петербургѣ.

Павелъ Петровичъ оглядѣлъ его еще разъ, но совсѣмъ уже иными глазами и, повернувшись, проговорилъ:

— Пойдемте, я хочу поговорить съ вами.

Онъ провелъ его въ свой кабинетъ, гдѣ Литта бывалъ уже у него, и показалъ ему на стулъ у маленькаго столика, стоявшаго у окна. Самъ онъ сѣлъ на кресло по другую сторону столика.

— Какія причины? спросилъ Павелъ Петровичъ, приступая прямо къ дѣлу.

Литта взглянулъ на него. Цесаревичъ, казалось, понялъ этотъ взглядъ.

— Я не сомнѣвался въ васъ: мальтійскій рыцарь не можетъ поступить иначе; но вы говорите, что хотѣлибы совсѣмъ уѣхать изъ Россіи.

Литта наклонилъ голову въ знакъ подтвержденія.

— Можетъ-быть этого и не нужно—это уже крайность... Мнѣ необходимы во флотѣ такіе люди, какъ вы, и кромѣ того—я желалъ бы видѣть при себѣ мальтійскаго рыцаря.

— Но, ваше высочество... началъ было Литта.

— Я желалъ-бы васъ видѣть при себѣ, повторилъ Павелъ Петровичъ.—Хотите переѣхать въ Гатчину, ко мнѣ?.. этимъ все будетъ кончено.

— Если-бы это было такъ, ваше высочество! произнесъ Литта.

Павелъ Петровичъ повернулся на мѣстѣ, и плечо его опять дернулось.

— Говорите все... не люблю загадокъ!.. отрывисто произнесъ онъ,—тутъ неясно что-то... И взглянувъ на Литту, вдругъ добавилъ, наклонясь къ нему и ласково кладя руку на его руку на столѣ:—разскажите мнѣ, какъ брату, можетъ-быть я успокою васъ.

Искренность, простота и глубокое участіе звучавшія въ этихъ словахъ показали графу Литтѣ, что цесаревичъ видитъ, что у него есть тяжелое, безъисходное горе на душѣ.

Такъ могъ говорить только человѣкъ самъ испытавшій многое, и Литта, всегда относившійся съ особеннымъ чувствомъ умиленія къ „Гатчинскому затворнику", какъ называли цесаревича при дворѣ, почувствовалъ теперь къ нему еще больше почтительной пріязни и довѣрія.

— Ваше высочество, проговорилъ онъ,—я бѣжалъ въ Россію отъ того-же самаго, отъ чего теперь приходится бѣжать мнѣ отсюда... Я не про то говорю, подхватилъ онъ,—отъ чего можно было укрыться въ Гатчинѣ... Нѣтъ... тутъ другое, я не имѣю права больше оставаться здѣсь... Шесть лѣтъ тому назадъ въ Неаполѣ...

И Литта разсказалъ что̀ было съ нимъ въ Неаполѣ и почему онъ явился въ Россію.

Цесаревичъ слушалъ не перебивая.

— Теперь она здѣсь? спросилъ онъ, когда Литта кончилъ.

— Да, тихо отвѣтилъ тотъ.

Павелъ Петровичъ положилъ ногу на ногу и задумался.

— Теперь она свободна, заговорилъ снова Литта,—но я... я связанъ попрежнему.

— А она... продолжаетъ къ вамъ относиться все такъ же?

Литта ничего не отвѣтилъ. Вчерашній взглядъ Скавронской, которымъ она встрѣтила его въ Эрмитажѣ, живо вспомнился ему.

— Да... сказалъ Павелъ Петровичъ,—другаго выхода нѣтъ... вамъ нужно ѣхать... Нужно, чтобы она забыла васъ—чтобъ вы совсѣмъ исчезли для нея, умерли... И медлить нельзя... Вы когда думаете ѣхать? спросилъ онъ вдругъ, по своей привычкѣ никогда не откладывать принятаго разъ рѣшенія.

— Конечно, какъ можно скорѣе, отвѣтилъ Литта,—какъ только отставка выйдетъ.

— Объ этомъ позабочусь самъ... перебилъ Павелъ Петровичъ,—это не задержитъ.

— Потомъ я жду денегъ изъ Италіи, у меня здѣсь долги, нужно разсчитаться съ ними.

— Хорошо,—такъ пока устроитесь, можете переѣхать сюда и живите въ Гатчинѣ вплоть до отъѣзда... Я буду очень радъ.

Конечно, лучше этого ничего нельзя было найти теперь для Литты; онъ съ искреннимъ чувствомъ благодарилъ цесаревича, и между ними начался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые Литта уже не разъ велъ съ нимъ—о любимомъ ими обоими Мальтійскомъ орденѣ.

Библиотека "Руниверс"

Литта былъ оставленъ обѣдать въ Гатчинѣ.

Послѣ оказаннаго ему пріема, Ростопчинъ иначе, не такъ какъ утромъ, по попрежнему проводилъ его, и какъ бы извиняясь за утро, сталъ увѣрять, что онъ былъ въ хлопотахъ, занятъ и что у него вообще столько дѣла, что голова идетъ кругомъ.

XVII.

На пути.

Очутившись снова въ саняхъ по дорогѣ изъ Гатчины въ Петербургъ, Литта почувствовалъ, что ему дышется легче. Было-ли это оттого, что разговоръ съ цесаревичемъ облегчилъ его душу,—или утомленіе отъ безсонной ночи достигло того высшаго предѣла, когда тѣло начинаетъ ослабѣвать и въ немъ появляется сонная, успокоительная истома,—или наконецъ просто оттого, что онъ, долго не бывавшій за городомъ, дышалъ теперь свѣжимъ воздухомъ поля, покрытаго чистымъ, нѣжнымъ снѣгомъ,—но только Литта чувствовалъ эту легкость въ груди и, прислонившись къ спинкѣ саней и закутавшись въ шубу, думалъ: „да, уѣду теперь—и все будетъ кончено". И онъ мысленно прощался уже и съ этимъ снѣгомъ, къ которому успѣлъ привыкнуть и котораго ему не суждено будетъ вѣроятно скоро увидѣть, и съ этою лихою ѣздой на тройкѣ, и со всѣмъ, что онъ оставитъ въ Петербургѣ.

Сани визжали полозьями. Пристяжныя, вскидывая ногами, подбрасывали снѣгъ, и по сторонамъ бѣжала, удаляясь, гладкая, бѣлая равнина. Литтѣ казалось порою, что не онъ ѣдетъ, а эта равнина бѣжитъ назадъ отъ него, унося его мысли и грёзы.

И вотъ, эти мысли становятся все менѣе и менѣе ясными, бѣлая равнина сливается съ небомъ и охватываетъ его, и онъ точно окунается въ нее—и ему такъ спокойно, хорошо и тепло... И Литта уже не соображаетъ гдѣ онъ... Сонъ одолѣваетъ его, и онъ не борется съ нимъ... Но бряцанье бубенчиковъ онъ слышитъ однако ясно... только они звучатъ тише, будто издалека...

Литта не знаетъ, сколько прошло времени, но бубенчики перестали звенѣть, сани остановились.

Литта открылъ глаза. Было почти совсѣмъ темно. Раннія, зимнія петербургскія сумерки надвинулись и окутали все кругомъ.

Сани стояли возлѣ маленькаго домика, потонувшаго въ снѣгу, съ покосившимся крылечкомъ и съ освѣщенными окнами.

„Станція!" догадался Литта, взглянувъ на столбъ съ надписью на приколоченной къ нему доскѣ,—„лошадей мѣнять будутъ".

Привезшій его ямщикъ слѣзъ съ козелъ, подпрыгнулъ на мѣстѣ и, расправляя затекшія ноги, подошелъ къ нему, снявъ шапку. Литта бросилъ ему на чай мелочи.

— Скорѣй! сказалъ онъ.

Съ другой стороны саней подошелъ почтовый староста и, тоже снявъ шапку, проговорилъ видимо привычнымъ голосомъ, не первый разъ въ жизни повторяя свои слова:

— Придется обождать маненько — лошадокъ-то нѣтути...

И онъ съ тѣмъ же, какъ ямщикъ, движеніемъ мотнулъ впередъ шапкой, точно ждалъ, что и ему дадутъ на чай за его извѣстіе.

Литта нахмурился, но зная по опыту, что при такомъ извѣстіи всякіе разговоры со старостой напрасны, молча вылѣзъ изъ саней и, приказавъ позвать къ себѣ смотрителя, поднялся по ступенькамъ крылечка въ холодныя сѣни, слабо освѣщенныя сальнымъ огаркомъ въ повѣшенномъ на стѣну фонарѣ.

Эта роскошь была нѣсколько необыкновенна.

— Милостивый государь мой, сударь, остановилъ Литту неизвѣстно откуда появившійся теперь возлѣ него смотритель, — не угодно-ли вамъ уже здѣсь скинуть шубу, потому что тамъ (онъ показалъ на комнату для проѣзжихъ, куда хотѣлъ войти Литта) придворная княгиня, такъ холоду имъ нанесете... Позвольте я самъ помогу вамъ... и шубку къ себѣ отнесу, расторопно суетился смотритель, замѣтивъ богатую одежду Литты.

— А лошади скоро будутъ? нетерпѣливо переспросилъ Литта, изъ уваженія къ княгинѣ снимая шубу въ сѣняхъ.

— Повремените малость, ваше сіятельство, вотъ и княгиня вѣдь ждутъ...

И обнявъ бережно одною рукой широкую шубу Литты, смотритель поклонился ему, отворяя дверь.

Литта, нагнувшись, вошелъ въ эту низкую дверь въ тѣсную комнатку станціи.

На диванѣ, подъ наклеенными на стѣнѣ лубочными картинками, сидѣла старушка въ бѣломъ чепчикѣ; противъ нея у стола, спиною къ двери,—та, которую смотритель назвалъ „княгинею".

Но Литта сейчасъ же узналъ эти свѣтлые золотистые волосы, эти плечи, подъ красной шелковой косынкой, манеру ея, руки... Это была *она*, живая, прекрасная, милая.

Они, казалось, оба, рѣшивъ сегодня ночью уѣхать какъ можно скорѣе изъ Петербурга, сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы не встрѣтиться: онъ возвращался изъ Гатчины, куда ѣздилъ хлопотать объ отставкѣ; она отправлялась въ свою пригородную мызу Старово, чтобы ждать тамъ себѣ дозволенія переѣхать въ Москву, — и вотъ именно потому, что они сдѣлали все, чтобъ не видѣться, они и сошлись, встрѣтились лицомъ къ лицу, такъ что отступленіе было невозможно.

Скавронская повернула голову и почему-то встала при видѣ Литты... Она сдѣлала торопливое движеніе, какъ бы ища выхода, куда скрыться изъ этой комнаты..

И вдругъ Литтѣ пришла ужасная мысль, что она можетъ подумать, что онъ ѣхалъ за нею по пятамъ и что назойливо искалъ съ нею увидѣться.

— Графиня, заговорилъ онъ, подходя,—я не ждалъ этой встрѣчи... я не могъ думать, что увижу васъ... Я возвращаюсь изъ Гатчины, отъ генералъ-адмирала, которому привозилъ свою просьбу объ отставкѣ..

Это было первое, что ему пришло въ голову, и онъ говорилъ это, чувствуя, что нужно было говорить ему.

Старушка-няня въ бѣломъ чепцѣ тоже привстала со своего мѣста и, взглянувъ испуганно на Литту, узнала его, метнулась изъ стороны въ сторону... и часто заморгавъ своими слипающимися старческими глазами, смигивая навернувшіяся слезы, какъ тѣнь проскользнула мимо Литты и вышла изъ комнаты.

Они остались одни.

Литта смотрѣлъ и ждалъ, что она отвѣтитъ, что скажетъ она, — всѣ его обѣты, борьба и покорность передъ испытаніями исчезли и улетучились жизнь его зависѣла теперь отъ нея...

— Отставка, силилась она понять его слова, — вы подаете въ отставку? Какъ же это?. Я слышала, что, напротивъ, вы должны получить повышеніе... награды...

Страшная, невыразимая, больше чѣмъ физическая боль какъ бы пронизала все его существо, и онъ, съ дрогнувшими щеками и съ дрожащимъ подбородкомъ, приблизился къ ней еще и заговорилъ,—заговорилъ не словами, но голосомъ, выраженіемъ, не заботясь о самыхъ словахъ и не слѣдя за ними

— Какое повышеніе? Кто вамъ сказалъ это? Ложь все!.. я завтра же уѣду отсюда, я поселюсь въ Гатчинѣ.. пока, до отъѣзда. Ложь!.. Я люблю васъ...

Библиотека "Руниверс"

Выставка картинъ проф. Айвазовскаго въ Императ. Академіи Художествъ. „Ночь на Босфорѣ“.
Съ фот. А. Кузнецова, грав. Гашевскій.

Библиотека "Руниверс"

одну только васъ... въ васъ мое счастье... радость моя... вся жизнь для меня — вы одна...

Она снова опустилась на стулъ и слушала его, вбирая въ себя, ловя его слова, и, закрывъ лицо руками, все ниже и ниже нагибала голову.

Счастливыя слезы стали душить ее, и она заплакала.

— Такъ это не правда? Все еще любите?.. не забыли? говорила она сквозь слезы, и протягивала ему руки, и улыбалась, и опять говорила...

Онъ, испытывая неизъяснимую жалость къ ней, любовь, восторгъ и радость, пригнулся къ землѣ и, опустившись на колѣно, поймалъ ея руки и сталъ цѣловать ихъ... Его мальтійская цѣпь на груди слегка звякнула, онъ вспомнилъ о ней, и безумныя, отчаянныя мысли, какъ молнія, понеслись въ его головѣ.

„Какая тутъ цѣпь... какіе запреты, когда жить можно лишь съ нею, когда выше счастья не можетъ быть нигдѣ, ни на землѣ, ни за землею!.. Все это вздоръ... Одна она!.. она!..“

И нагнувшись опять, онъ опять прижался губами къ ея холоднымъ, тонкимъ, маленькимъ, дрожащимъ рукамъ.

Но въ это время случайно крестъ его блеснулъ своимъ свѣтомъ прямо въ глаза ему—и онъ яснѣе чѣмъ первый разъ прочелъ въ немъ „cave“...

Литта вздрогнулъ и поднялся съ колѣнъ.

Ноги его тряслись, глаза горѣли. Онъ схватился за голову, приходя въ себя.

Она испуганно, жалко, но вмѣстѣ съ тѣмъ покорно глянула прямо въ глаза его.

— Нѣтъ, графиня, проговорилъ онъ, — вы знаете, я связанъ... Я не свободный человѣкъ... Мы не должны любить другъ друга...

Она ничего не отвѣтила.

Литта отошелъ къ окну и, кажется, началъ смотрѣть въ него. Въ комнатѣ стало тихо, такъ тихо, будто хоронили кого-нибудь и передъ раскрытымъ гробомъ рыданія вдругъ остановились на минуту, чтобы начаться съ новою силой. Литта чувствовалъ, что онъ хоронитъ любовь свою.

Скавронская встала со своего мѣста, сдѣлала, пошатнувшись, два шага къ нему и опустила руку свою ему на плечо.

— Ну, прощайте, проговорила она.—Прощайте, мы не увидимся съ вами?..

— Нѣтъ, графиня... лучше...

— Да, лучше, отвѣтила она,—уѣзжайте... уѣзжайте... скорѣй....

И снова не совладавъ съ собою, онъ вдругъ охватилъ ее, прижалъ къ себѣ — и на одинъ мигъ счастье вернулось къ нему...

— Прощай навсегда! шепталъ онъ.

Крючекъ у двери стукнулъ, и распорядительный смотритель влетѣлъ въ комнату, объявивъ, что лошади готовы...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

(Продолженіе будетъ).

Пріемная дочь заточенныхъ.

(Изъ воспоминаній временъ террора). **Ганса фонъ Шпильберга.**

Лѣтомъ 1792 г. прибыла въ Парижъ молодая вдова княгиня Фанни Любомірская. Что именно заставило молодую женщину, принадлежавшую къ древнѣйшей польской аристократіи, поселиться въ центрѣ революціоннаго движенія—столицѣ Франціи, покинутой всѣми знатными чужестранцами, осталось не вполнѣ выясненнымъ. Одни утверждали, что красавица-вдовушка была замѣшана въ заговорѣ противъ русскаго правительства, который былъ открытъ и сдѣлалъ невозможнымъ для нея пребываніе на родинѣ; другіе, напротивъ, называли ее тайнымъ агентомъ Россіи. Какъ бы то ни было, княгиня Любомірская располагала значительными средствами, жила открыто и имѣла сношенія съ наиболѣе выдающимися политическими дѣятелями.

Обстоятельства времени положили конецъ шумнымъ общественнымъ удовольствіямъ. Блестящія версальскія празднества миновали, опустѣлъ очаровательный Тріанонъ, любимое мѣстопребываніе несчастной королевы Маріи-Антуанеты; королевская чета, жившая въ Тюльери, была въ рукахъ бунтовщиковъ, а съ 13 августа находилась даже подъ формальнымъ арестомъ.

Когда низложили короля и перестало существовать то, что называлось обществомъ, княгиня стала жить совсѣмъ уединенно; лишь немногіе близкіе друзья посѣщали ее въ ея отелѣ Сен-Жерменскаго предмѣстья. Повидимому она жила только для своей прелестной дочери, маленькой пятилѣтней Розаліи. Прислугу, привезенную изъ Польши, княгиня давно уже отправила на родину и при ней оставался только старый дворецкій, служившій еще въ домѣ ея родителей.

21 января 1793 г. скатилась съ эшафота голова короля-мученика; 6 апрѣля вошелъ въ силу пресловутый „Комитетъ общественнаго блага“, подъ управленіемъ Марата и Дантона, и Фукье-Тенвиль началъ свою преступную дѣятельность въ качествѣ общественнаго обвинителя. Тюрьмы переполнились, гильотина не успѣвала работать и приводить въ исполненіе рѣшенія революціоннаго трибунала.

Въ послѣдній день августа, въ отелѣ Любомірской внезапно появилась полиція. Несмотря на заявленіе княгини, что она, въ качествѣ иностранки, находится подъ покровительствомъ народа, несчастную женщину силою посадили въ карету и, не взирая на всѣ ея мольбы, не позволили даже проститься съ маленькой дочерью. Княгинѣ удалось только шепнуть вѣрному дворецкому:

— Григорій, позаботься о княжнѣ, и постарайся чтобы я увидѣла ее сегодня-же.

Машина правосудія работала быстро во времена террора. Княгиню изъ дворца препроводили въ ту страшную пріемную революціоннаго трибунала, которую съ жестокою ироніей называли „Преддверіемъ рая“. Здѣсь, подъ присмотромъ нѣсколькихъ блузниковъ и отвратительныхъ мегеръ, ей пришлось ждать не долго; вскорѣ, одинъ изъ приказныхъ служителей ввелъ ее въ засѣданіе трибунала.

Княгиня Любомірская принадлежала къ числу лицъ осужденныхъ заранѣе, безъ всякихъ уликъ, если вообще въ этомъ судилищѣ могла быть рѣчь объ „уликахъ“ въ законномъ смыслѣ слова. Ее обвинили въ сочувствіи врагамъ Франціи, поставили ей въ вину нѣсколько неосторожныхъ выраженій, произнесенныхъ яко-бы въ ея салонѣ и обвинили въ сношеніяхъ съ приверженцами Лудовика Капета *).

Въ сущности все это не имѣло никакого значенія, равно какъ и то, съ большимъ или меньшимъ искусствомъ защищалась княгиня на судѣ. Въ качествѣ подозрительной аристократки она такъ или иначе подлежала смертной казни.

Княгиню Любомірскую вынесли безъ чувствъ изъ залы засѣданія. Придя въ себя, она очутилась въ одной изъ огромныхъ залъ Консіержери, обращенныхъ въ общія тюрьмы. Первое ея слово было о любимомъ ребенкѣ, и ей дѣйствительно суждено было еще разъ увидѣть маленькую Розалію передъ смертью. Вѣроятно Григорію удалось подкупить одного изъ сторожей и провести маленькую княжну въ тюрьму. Несчастная мать провела мучительную ночь, раздѣляя съ бѣдной малюткой свое соломенное ложе.

Григорій долженъ былъ придти за княжной на разсвѣтѣ, но княгиня тщетно ждала появленія подкупленнаго сторожа. Наконецъ, передъ самымъ приходомъ приказнаго служителя со спискомъ тѣхъ, кому назначено было въ этотъ день свершить послѣдній путь, княгиня узнала что весь тюремный персоналъ смѣненъ въ эту ночь. Она едва успѣла поручить своего ребенка нѣсколькимъ сострадательнымъ женщинамъ изъ раздѣлявшихъ ея заточеніе, — нѣкоторыя изъ нихъ принадлежали къ знатнѣйшей аристократіи,—еще разъ поцѣловать свою дѣвочку и взглянуть въ ея испуганно и вопросительно смотрящіе глазки, какъ уже грубая рука коснулась ея плеча:

— Нечего, нечего, пошевеливайтесь, гражданка! у мастера Сансона время не краденое!

Часъ спустя, прекрасная головка княгини Фанни Любомірской уже скатилась съ эшафота, а черезъ два дня окончилъ тамъ-же жизнь и вѣрный слуга ея, Григорій. Его схватили въ тотъ самый вечеръ, когда онъ привелъ въ тюрьму маленькую Розалію, и упрямый старикъ такъ строптиво держалъ себя передъ трибуналомъ, что общественный обвинитель поступилъ съ нимъ еще круче обыкновеннаго. Что значила въ то время одна лишняя человѣческая жизнь!

О ребенкѣ, о княжнѣ Розаліи всѣ позабыли.

Несчастныя женщины, заключенныя въ Консіержери, взяли дѣвочку на свое попеченіе. Онѣ дѣлили съ ребенкомъ скудную тюремную пищу и ухаживали за нимъ съ материнскою нѣжностью. Сами сторожа смотрѣли на все сквозь пальцы, ибо нѣтъ такого жестокаго сердца, въ которомъ не теплился бы остатокъ человѣческаго чувства.

Да и куда было дѣвать несчастную дѣвочку, за которой никто не являлся и у которой, повидимому, не было никого близкихъ въ огромномъ столичномъ городѣ!

*) Такъ называли въ то время Людовика XVI.

Библиотека "Руниверс"

Розалія оставалась въ тюрьмѣ, и когда вѣстникъ смерти приходилъ на зарѣ вызывать то ту, то другую изъ заточенныхъ, приглашая ее совершить страшный путь, умирающія передавали остающимся вмѣстѣ съ послѣднимъ прости и Porpheline des prisonnières—сиротку заточенныхъ.

Прошли недѣли, мѣсяцы. Заключенныя, дѣлившія заточеніе съ княгиней Любомірской, давно уже призваны были совершить страшный переходъ; мѣсто знатныхъ аристократокъ заняли жены и подруги умѣренныхъ жирондистовъ, въ свою очередь отправленныя на эшафотъ Робеспьеромъ. Въ судьбѣ Розаліи не произошло никакихъ перемѣнъ. Только имя ея и высокое происхожденіе были давно забыты, она оставалась для всѣхъ „сироткой заточенныхъ", которую, подобно священному завѣту, идущія на казнь передавали остающимся въ живыхъ.

Наконецъ, въ судьбѣ несчастной Франціи свершился переворотъ. Въ день 10 термидора (28 іюня), гильотина избавила міръ отъ Робеспьера и его сподвижниковъ. Террору наступилъ конецъ; кровавая республика вступила въ болѣе спокойное русло; террористовъ смѣнили господа Директоріи и на плечахъ ихъ вскорѣ побѣдоносно выдвинулся первый консулъ, а затѣмъ императоръ—Наполеонъ.

Тюрьмы опустѣли. Открылись и двери Консьержери; но послѣднія изъ заточенныхъ, дѣлившія заключеніе съ маленькой Розаліей, оставались въ тюрьмѣ слишкомъ короткое время, чтобы теперь, когда имъ улыбалась впереди золотая свобода, думать о судьбѣ сиротки. Дѣвочка плакала и сопротивлялась, когда вновь назначенный тюремный инспекторъ приказалъ освободить ее изъ темницы и помѣстить въ воспитательный домъ. Она успѣла привязаться къ мрачному убѣжищу, въ которомъ видѣла лишь проявленія любви и заботливости, гдѣ ее ласкали и цѣловали сотни матерей, въ память о собственныхъ покинутыхъ дѣтяхъ, и отказалась покинуть темницу.

Случайно находившаяся при этомъ тюремная прачка выступила впередъ:

— Отдайте дѣвочку мнѣ, сказала она, — я буду холить ее какъ родную дочь.

Одинъ изъ сторожей разсмѣялся.

— Перестаньте, мадамъ Берто! Не сами ли вы на-дняхъ только жаловались, что вамъ приходится кормить пять человѣкъ дѣтей? а теперь хотите навязать себѣ на шею шестой ротъ?

— Не безпокойтесь, гражданинъ, спокойно отвѣчала вдова, привлекая къ себѣ малютку.— Гдѣ пятеро сыты, тамъ и шестой не умретъ съ голоду.

Инспектору женщина понравилась. А можетъ быть ему просто хотѣлось избавиться отъ излишней переписки и хлопотъ; какъ-бы то ни было, но Розалія была отдана прачкѣ Берто, которая увела ее въ свое скромное жилище.

Дѣвочка вытянула не дурной жребій. Добрая женщина не дѣлала никакого различія между пріемышемъ и родными дѣтьми; она дала ей простое, но нравственное воспитаніе и пріучила къ труду и умѣренности.

Когда во Франціи снова водворился нѣкоторый порядокъ, домъ Любомірскихъ сталъ дѣятельно наводить справки о судьбѣ княгини, слухи о трагической кончинѣ которой успѣли проникнуть на дальній Востокъ, и объ участи единственной дочери, наслѣдницы всего состоянія. Судебное разбирательство, закончившееся казнью княгини, не трудно было прослѣдить по документамъ, но всѣ попытки разыскать молодую княжну остались тщетными.

Благодаря золоту, щедро расточаемому агентами Любомірскихъ и крупнымъ связямъ послѣднихъ въ дипломатическомъ мірѣ, удалось узнать однако, что Григорій, дворецкій покойной княгини, въ день ея казни вышелъ изъ дворца вмѣстѣ съ Розаліей; какой-то ловкій писарекъ успѣлъ даже разыскать въ бумагахъ указанія на то, что одинъ изъ слугъ княгини былъ также замѣшанъ въ ея процессѣ, но сама наслѣдница одного изъ крупнѣйшихъ польскихъ состояній совсѣмъ исчезла съ лица земли. Въ концѣ концовъ наслѣдство княгини было присуждено отечественнымъ судомъ въ пользу ея ближайшихъ родственниковъ.

Въ 1806 году, когда сношенія между Наполеономъ и Русскимъ императорскимъ правительствомъ еще не успѣли омрачиться, въ русское посольство въ Парижѣ назначено было новое лицо, графъ Ѳедоръ Ржевускій. Посольство еще не помѣщалось тогда въ томъ великолѣпномъ дворцѣ, который составляетъ теперь вмѣстѣ со своей часовней и внутреннимъ убранствомъ одну изъ достопримѣчательностей столицы Франціи. Оно довольствовалось наемнымъ, довольно тѣснымъ помѣщеніемъ, и графу Ржевускому пришлось взять небольшую холостую квартирку внѣ зданія посольства. Онъ поселился въ одной изъ лучшихъ парижскихъ гостиницъ того времени, въ отелѣ „Grande Batelière".

Однажды, недѣли черезъ двѣ послѣ своего прибытія, графъ, идя по коридору нижняго этажа отеля, встрѣтилъ двухъ женщинъ, которыя несли корзину съ бѣльемъ и скромно дали ему дорогу. Ржевускій пытался пройти мимо, какъ вдругъ ему невольно бросилась въ глаза поразительная красота младшей изъ прачекъ.

Дѣвушка была дѣйствительно необычайно хороша собой. Высокій, стройный станъ, тонкія, нѣжныя черты лица и такая масса цвѣта-черныхъ волосъ, что тяжелыя косы со всѣхъ сторонъ непослушно выбивались изъ-подъ маленькаго бѣлоснѣжнаго чепчика. Но прекраснѣе всего были большіе, темные глаза съ миндалевиднымъ разрѣзомъ и мягкимъ матовымъ блескомъ напоминающимъ блескъ опала.

Графъ былъ пораженъ. Ему казалось, что онъ уже видѣлъ гдѣ-то эти глаза, но не могъ припомнить когда и гдѣ. Онъ невольно поклонился покраснѣвшей молодой красавицѣ, на что старшая изъ женщинъ—по всей вѣроятности мать—отвѣтила ему далеко не привѣтливымъ поклономъ. Графъ прошелъ въ свою комнату, но темные глаза не выходили у него изъ головы. Они ежеминутно всплывали передъ его внутреннимъ взоромъ, пока наконецъ въ его взволнованной душѣ не возникло воспоминаніе о другой парѣ темныхъ глазъ, необычайно похожихъ на глаза молодой прачки. Ему пришла на память его несчастная кузина, княгиня Фанни Любомірская, которая такъ трагически покончила въ Парижѣ свою жизнь.

Тогда интересъ, возбужденный молодой дѣвушкой, вступилъ на новую фазу. Графъ Ѳедоръ приказалъ своему камердинеру навести въ отелѣ справки, и ловкій малый скоро вернулся съ извѣстіемъ, что молодая дѣвушка, которую видѣлъ графъ, по всей вѣроятности не кто иная, какъ дочь отельной прачки, вдовы Берто. Ржевускій приказалъ позвать содержателя отеля и узналъ, что вдова Берто съ трудомъ перебивается со своей многочисленной семьей, но что какъ она, такъ и дочь ея пользуются безупречною репутаціей. Хозяинъ гостиницы предполагалъ конечно, что намѣренія его высокаго гостя не изъ самыхъ чистыхъ, и только послѣ нѣкотораго колебанія согласился послать за прачкой и ея дочерью.

Графу Ржевускому все еще не приходило въ голову, что ему удалось найти давно разыскиваемую дочь своей родной кузины. Да могъ-ли онъ предположить, что найдетъ ее въ лицѣ простой прачки, въ одеждѣ бѣдной дѣвушки изъ народа? Онъ дѣйствовалъ просто подъ впечатлѣніемъ минуты. Онъ хотѣлъ почтить память безвременно погибшей въ лицѣ дѣвушки, которая такъ удивительно походила на нее, и намѣревался сдѣлать ей богатый денежный подарокъ.

Вдова Берто не замедлила явиться вмѣстѣ съ дочерью. Но достойная женщина поставила условіемъ, что графъ будетъ говорить съ ними не иначе, какъ въ присутствіи хозяина отеля. Она хорошо понимала, что только такимъ способомъ можетъ оградить себя и дочь отъ злыхъ толковъ.

Когда графъ Ѳедоръ вторично увидѣлъ молодую дѣвушку, онъ былъ такъ пораженъ, что не могъ выговорить ни слова. Теперь только онъ замѣтилъ, насколько она была похожа на его кузину. Не только глаза, но вся благородная, величественная осанка, поражавшая даже въ простомъ ситцевомъ платьицѣ, окладъ прелестнаго лица, изящно-изогнутый носикъ, очаровательныя розовыя губки, каждая черта, каждая линія была точною копіей съ княгини.

Съ трудомъ овладѣвъ собою, онъ сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ слегка краснѣвшей и еще болѣе прелестной въ своемъ смущеніи дѣвушкѣ и затѣмъ, дрожа отъ волненія, вызвалъ мать и хозяина отеля въ сосѣднюю комнату.

— Это дитя, эта молодая дѣвушка—ваша дочь? спросилъ онъ дрожащими губами.

— Розалія такъ же дорога мнѣ, какъ всѣ другія мои дѣти, отвѣчала прачка уклончиво.

— Розалія! воскликнулъ онъ. — О, Боже мой, возможно-ли такое совпаденіе? Именемъ всего святаго умоляю васъ, сударыня, скажите мнѣ прямо и откровенно: дѣйствительно-ли Розалія ваша дочь или нѣтъ?

Вдова Берто съ удивленіемъ взглянула на графа. Она поняла, что дѣло идетъ о чемъ-то важномъ.

— По сердцу—родная дочь, сказала она послѣ нѣкотораго колебанія,—но по рожденію—нѣтъ.

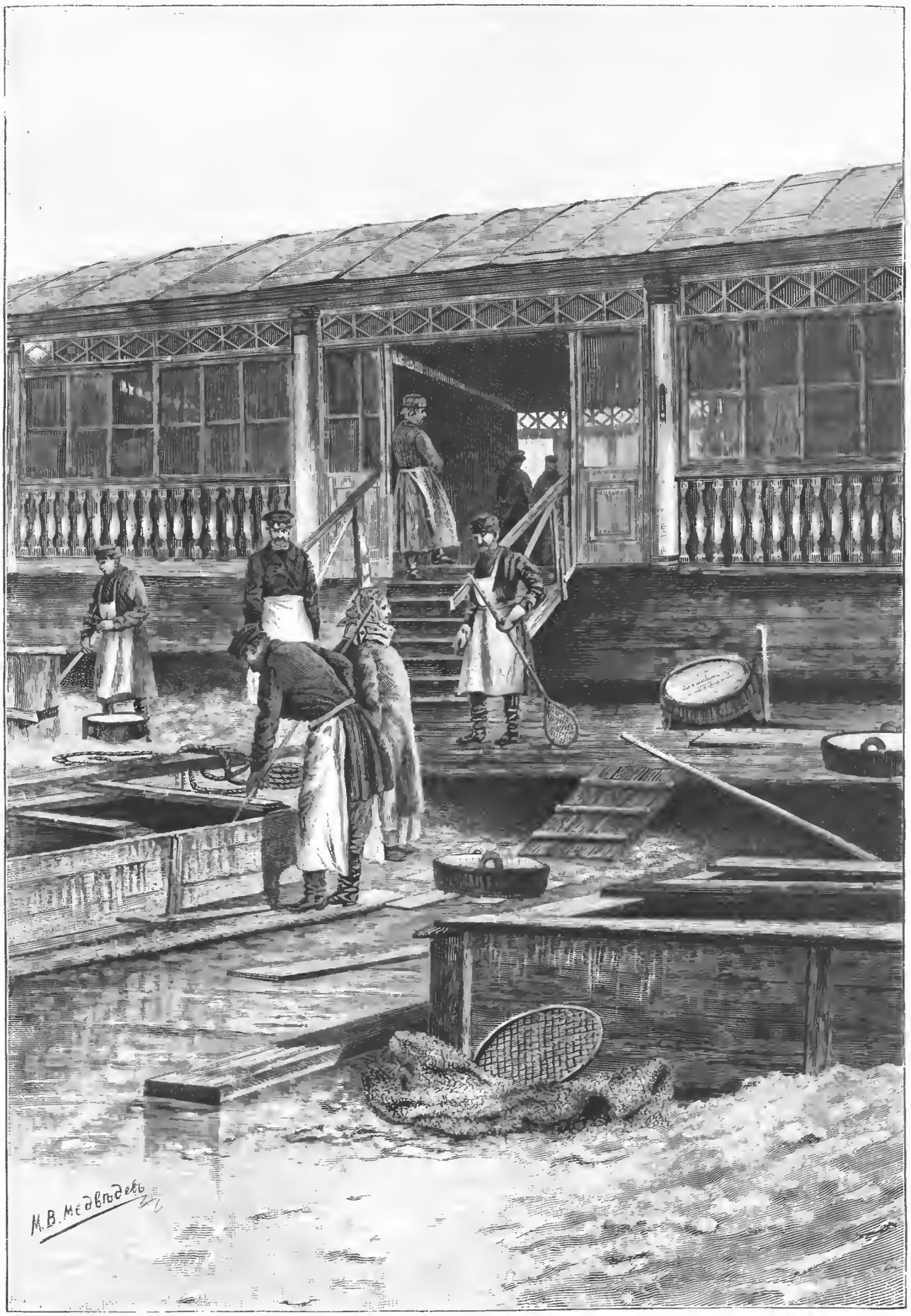
— Говорите, ради самого Неба, говорите! Богъ мнѣ свидѣтель, что мои намѣренія честныя и что я желаю ей добра.

— Извольте. Розалія моя пріемная дочь... Она осталась въ Консіержери послѣ матери, которая пошла на эшафотъ. Когда я взяла ее, фамиліи ея никто не зналъ; она называлась „сироткой заключенныхъ". Больше я ничего не знаю. Но вѣдь вы не отнимете у меня мою Розалію, мою славную, милую, дорогую дѣвочку? Я вырастила ее трудами рукъ своихъ, воспитала ее у своего сердца.

Графу стоило не малыхъ трудовъ успокоить старуху. Сердце его переполнилось: ему хотѣлось броситься въ сосѣднюю комнату и прижать къ своей груди племянницу. Но въ то же время невольное сомнѣніе возникало въ его душѣ. А что если онъ ошибается? Если его ввело въ заблужденіе случайное сходство и онъ готовъ принять въ свою семью чужую? Онъ тщетно ломалъ себѣ голову, какое найти доказательство.

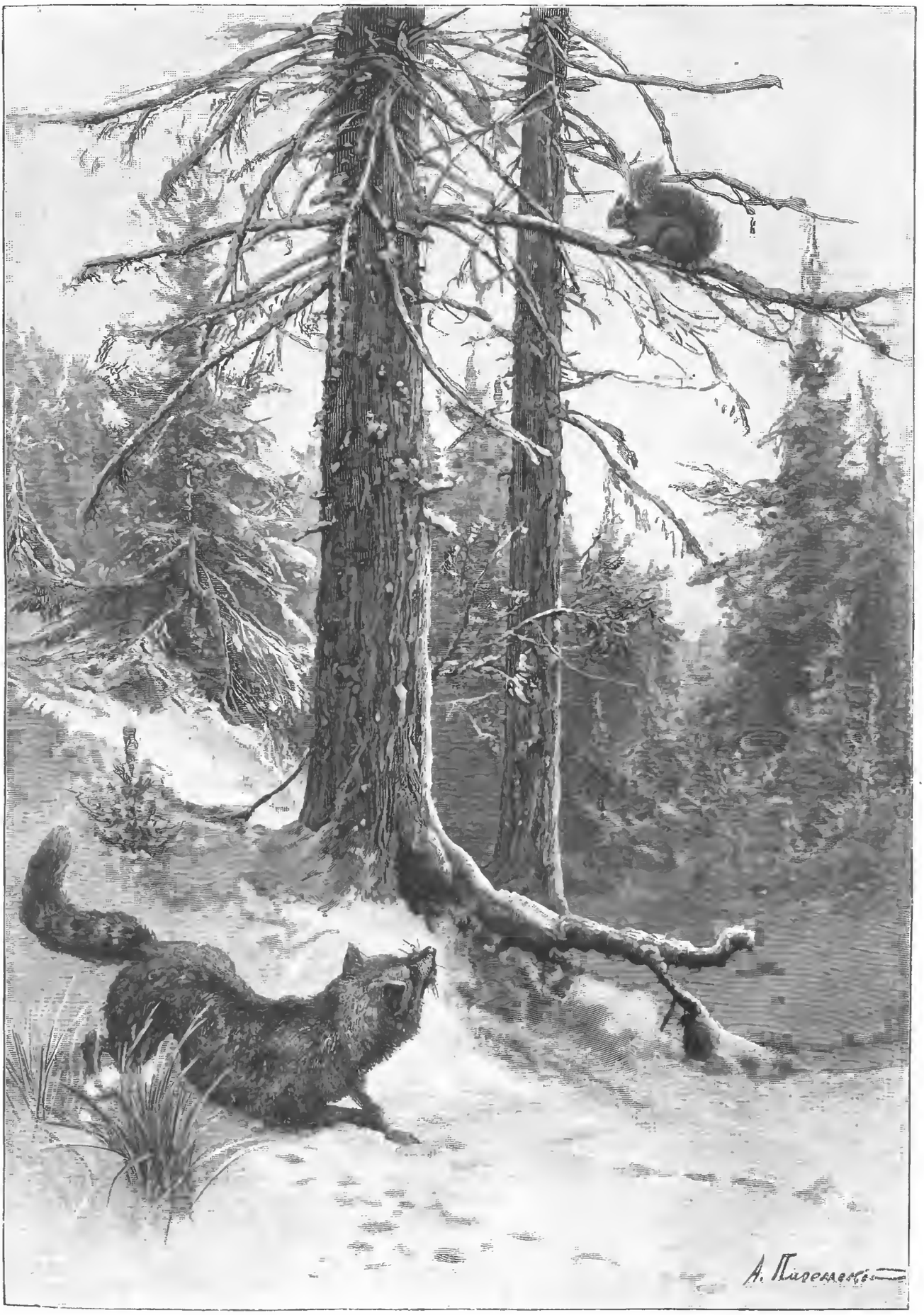
И вдругъ внезапная мысль осѣнила его. Онъ хорошо помнилъ тѣ часы, которые проводилъ со своей очаровательной, сіяющей счастьемъ кузиной у колыбели ея маленькой дочки, и ясно представлялъ себѣ мотивъ той колыбельной пѣсни, которою любящая мать убаюкивала каждый вечеръ своего ребенка. Это была та самая, старая польская, пѣсня, которую и

Библиотека "Руниверс"



Рыбный садокъ на Фонтанкѣ въ СПБ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **Медвѣдева**, грав **М. Рашевский.**

Библиотека "Руниверс"



Видитъ око да зубъ нейметъ! Ориг. рис. (собств. „Нивы") **А. Писемскаго,** грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

онъ слышалъ въ дѣтствѣ. Графъ Ѳедоръ осторожно пріотворилъ дверь въ сосѣднюю комнату.

Розалія сидѣла задумчиво опустивъ голову и смотрѣла въ сторону.

Когда графъ тихо запѣлъ польскую пѣсню, дѣвушка внезапно подняла голову. Густая краска залила ея лицо; она въ волненіи схватила себя за голову, задрожала всѣмъ тѣломъ и вдругъ громкій вопль вырвался изъ глубины ея души: она узнала пѣсню дѣтства, пѣсню своей матери.

Остается сказать всего нѣсколько словъ. Графъ Ѳедоръ тотчасъ же взялъ къ себѣ не только свою родственницу, но и достойную г-жу Берто съ ея дѣтьми, такъ какъ признательная княжна не хотѣла разстаться со своею пріемною матерью. Когда, по прошествіи года, Ржевускій возвратился на родину, семья послѣдовала за нимъ и, богато одаренная имъ и Розаліей, нашла себѣ въ Россіи вторую родину. Молодая княжна, которой графъ далъ соотвѣтственное ея положенію образованіе, вскорѣ вышла замужъ за одного изъ его племянниковъ.

Но что особенно цѣнно въ этой романической исторіи, такъ это то, что она не выдумана, а правдива съ начала до конца. Когда въ 1814 г. все высшее общество Европы встрѣтилось на Вѣнскомъ конгрессѣ, среди блестящихъ красавицъ, украшавшихъ салоны Дунайской столицы, выдѣлялась въ особенности одна полька, не только своей красотой, но и необычайною прелестью всего своего существа. Полька эта, по свидѣтельству правдиваго бытописателя того времени, графа де-ла-Гранжъ, была не кто иная какъ графиня Розалія Ржевуская, рожденная княжна Любомірская, бывшая прачка въ отелѣ Grande-Bateliere—„сиротка заключенныхъ". (С.)

Предсказаніе погоды при помощи растеній.

М. Штауде.

Вѣроятно каждому, даже совершенно не интересовавшемуся растеніями, приходилось замѣчать, что одни растенія раскрываютъ свои цвѣты въ одно время, напр. днемъ, тогда какъ другіе, наоборотъ, дѣлаютъ это только съ наступленіемъ сумерекъ. Но иногда происходитъ въ этомъ отношеніи какъ-бы замѣшательство, и этотъ порядокъ нарушается. Такъ, будучи еще небольшимъ мальчикомъ, я неоднократно замѣчалъ, что обыкновенно закрытые уже часамъ къ 9 утра цвѣты часто попадающагося у насъ у заборовъ вьюнка (Convolvulus) иногда въ это время были еще раскрыты. Когда я, удивленный, сталъ доискиваться причины этого явленія у старшихъ, то могъ получить лишь неясные отвѣты, что это зависитъ отъ погоды. Но здѣсь я совсѣмъ уже терялся, потому что утро было такое-же ясное и солнечное, какъ и предшедшіе, между тѣмъ раньше цвѣты были закрыты, а въ данное утро этого не было. Явленіе это дѣйствительно зависитъ отъ погоды — но только не данной минуты, а наступающаго дня. Оказывается именно, что бѣлые или красновато-розовые цвѣты этого вьющагося растенія, иногда употребляемаго для украшенія балконовъ, къ 7 часамъ утра обыкновенно закрываются; если-же слѣдуетъ ожидать ненастной погоды, то они раскрыты даже до 11 часовъ утра.

И такъ мы въ этомъ растеніи видимъ проявленіе особаго рода чувствительности къ измѣненію погоды, которую, какъ извѣстно, проявляютъ и многія животныя. Всякій вѣроятно умѣетъ предугадывать погоду по зеленой лягушкѣ, посаженной въ банку съ водою.

Конечно, причину этого предчувствія, выражающагося у различныхъ животныхъ не одинаковымъ образомъ, нужно видѣть въ особой утонченности, спеціализаціи чувствъ, которую проявляютъ даже многіе дикіе народы, напр. маори и папуасы.

Въ виду того, что животное находящееся въ неволѣ живетъ въ ненормальныхъ условіяхъ—и предсказаніе погоды, само собой разумѣется, много теряетъ въ своей точности; напротивъ, многія растенія, самыя различныя, могутъ служить болѣе точными предсказателями предстоящей погоды. Далѣе я привожу нѣкоторыя наиболѣе удобныя для этой цѣли наши мѣстныя растенія.

Когда вамъ случится проходить мимо какого нибудь озера или пруда въ жаркій лѣтній вечеръ, обратите вниманіе на цвѣты во множествѣ растущаго здѣсь касатика. При этомъ вы замѣтите, что три желтыхъ лепестка его цвѣтка, напоминающаго цвѣтокъ лиліи, раскрыты. Вообще растенія предохраняютъ свои нѣжные органы отъ слишкомъ сильнаго дѣйствія лѣтней жары; такъ напр. поступаетъ даже такой сочный цвѣтокъ, какъ водяная лилія, несмотря на то, что ея бѣлые цвѣты плаваютъ на самой поверхности воды. Но касатикъ оказывается гораздо предусмотрительнѣе; онъ чувствуетъ, что скоро жару эту смѣнитъ благодѣтельный дождь, который можетъ быть наступитъ еще черезъ нѣсколько часовъ. Напротивъ, когда все зеленое царство, истомленное жарою, расправляется и жадно впитываетъ живительную влагу наступившаго дождя, одинъ лишь касатикъ печально складываетъ свои лепестки, чувствуя, что дождь этотъ непродолжителенъ и что скоро опять яркое солнышко попрежнему будетъ сушить палящимъ своимъ зноемъ. Такая предусмотрительность со стороны этого растенія, заставляющая его жить, такъ сказать, будущимъ, пренебрегая настоящимъ, представляется въ высшей степени интересною. Благодаря этому свойству, а также и вслѣдствіе того, что попадается касатикъ очень часто, имъ можно пользоваться для предсказанія погоды.

Довольно часто можно встрѣтить въ горшкахъ на окнахъ растеніе называемое Индійскимъ камышемъ (Canna indica). Хотя это растеніе, какъ видно и по названію, здѣсь дико и не произрастаетъ, а считаетъ своею родиною далекую Индію, но живетъ у насъ въ комнатныхъ условіяхъ довольно хорошо; конечно полнаго развитія онъ здѣсь не достигаетъ.

Въ Бенгаліи или въ Бирмѣ онъ образуетъ по берегамъ рѣкъ и болотъ цѣлыя заросли, извѣстныя подъ названіемъ джунглъ, причемъ его свойства касательно предсказанія погоды тамъ общеизвѣстны. Это растеніе уже съ давнихъ поръ обратило на себя вниманіе мореплавателей, благодаря своимъ огненно-краснымъ цвѣтамъ и нѣжно-узорчатымъ листьямъ, и вслѣдствіе этого довольно рано проникло въ Европу. Конечно, нельзя и ожидать, чтобы оно, попавъ въ совершенно новыя для себя климатическія условія, могло вполнѣ сохранить свое свойство предсказывать погоду, такъ что здѣсь этотъ камышъ обладаетъ своимъ удивительнымъ свойствомъ лишь въ меньшей степени, хотя нужно оговориться, что это не относится къ вѣрности его показаній, а касается лишь срока, на который предсказанія простираются. Между 6—10 часами утра это растеніе выдѣляетъ въ углахъ своихъ листьевъ совершенно прозрачныя капли жидкости, которыя затѣмъ исчезаютъ. Появленіе этихъ капель предсказываетъ дождь за 25—30 часовъ впередъ, если растеніе живетъ въ родныхъ условіяхъ; находясь-же въ сѣверной Европѣ, это показываетъ наступленіе дождя за 6 — 8 часовъ впередъ. Такъ какъ посредствомъ его можно опредѣлить лишь дождь, ясной-же погоды онъ не предсказываетъ, то его называютъ, напр., въ южной Германіи „дождливымъ деревомъ" (Regenbaum). Можно было-бы предположить, что вышеупомянутыя капли — не что иное какъ роса, но всякій, кому приходилось держать индійскій тростникъ въ закрытомъ помѣщеніи, гдѣ стало-быть роса отлагаться не можетъ, охотно подтвердитъ, что это объясненіе здѣсь не подходитъ.

Часто попадается по опушкамъ лѣсовъ, по окраинамъ пашень въ кустахъ душистый горицвѣтъ (Lychnis). Онъ раскрываетъ свои бѣлые или пурпуровые (Lychnis alba и rubra) цвѣты лишь послѣ захода солнца и вслѣдствіе этого посѣщается только большими сумеречными бабочками, такъ какъ пчелы и другія насѣкомыя въ это время уже предаются отдыху. Если на слѣдующій день будетъ дождь, то наканунѣ вечеромъ сумеречницы совершенно покрываютъ собою его цвѣты; въ случаѣ-же хорошей погоды лишь немногія насѣкомыя посѣщаютъ ихъ. Въ послѣднемъ случаѣ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что въ нихъ почти совершенно нѣтъ нектара. Извѣстно, что медоносные цвѣты закрываютъ содержащія нектаръ вмѣстилища при сильной жарѣ, такъ что здѣсь, очевидно, по меньшей мѣрѣ за 9—14 часовъ впередъ растеніе это предугадываетъ жару и за такой сравнительно долгій срокъ прекращаетъ выдѣленіе нектара. Вообще это растеніе отличается своею чувствительностью къ свѣту и теплу (днемъ его цвѣты всегда закрыты), такъ что въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ какъ-бы дальнѣйшее развитіе этой чувствительности.

Акація также принадлежитъ къ числу вѣрныхъ предсказателей погоды. Съ приближеніемъ ненастья пестики въ ея стручковидныхъ цвѣтахъ сильно расходятся, причемъ изъ поръ выдѣляется едва замѣтное для невооруженнаго глаза количество нектара, которымъ особенно любятъ лакомиться пчелы. Въ ожиданіи хорошей погоды пестики приближаются другъ къ другу, причемъ и нектаръ выдѣляется лишь въ крайне незначительномъ количествѣ. Поэтому пчеловоды, судя по тому, посѣщаютъ-ли пчелы акацію или нѣтъ, заключаютъ съ большою точностью о предстоящей погодѣ. Если пчелы проявляютъ особенно кипучую дѣятельность, то это отъ того, что онѣ находятъ для себя достаточно нектара, что и указываетъ на приближеніе дождя; съ другой стороны, онѣ поневолѣ должны прекратить работу при лучшей погодѣ, ибо не находятъ нужнаго себѣ матеріала—нектара, что служитъ вѣрнымъ признакомъ приближенія теплой погоды.

Сюда-же относится часто встрѣчающаяся въ нашихъ лѣсахъ на сырыхъ мѣстахъ и всѣмъ извѣстная по своимъ ярко-краснымъ ягодамъ на невысокомъ стебелькѣ — костяника. Листья этого растенія закручиваются внизъ, если слѣдуетъ ожидать въ продолженіе слѣдующихъ 15—20 часовъ ясной, солнечной погоды.

Часто культивируемый въ садахъ видъ жимолости (Caprifolium) также не лишенъ пророческаго дара. Всякій, кому часто приходилось собирать ея цвѣты, навѣрное вспомнитъ,

Библиотека "Руниверс"

что по временамъ они обладаютъ особенно сильнымъ запахомъ—это вѣрный признакъ продолжительнаго дождя. За 20 часовъ приблизительно до него жаждущее растеніе раскрываетъ уже всѣ свои поры, причемъ конечно испареніе заключающихся въ немъ эфирныхъ маслъ достигаетъ наивысшей степени. Предъ наступленіемъ жары — цвѣты ея почти совсѣмъ теряютъ свой запахъ, потому что задолго до этого растеніе закрываетъ всѣ поры.

Совершенно иначе выражается предчувствіе погоды у паслена сладко-горькаго (Solanum dulcamare). Принадлежа къ тому-же роду, какъ и обыкновенный картофель, это растеніе отличается сильно ядовитыми свойствами. Въ ожиданіи дождя оно отгибаетъ свои фіолетовые съ двумя зелеными пятнами лепестки къ цвѣтоножкѣ такимъ образомъ, что концы ихъ касаются послѣдней; предъ ясной-же погодой лепестки образуютъ сомкнутую воронку.

Можетъ-быть читателю приходилось наблюдать, что почки, а позже и нижніе концы черешковъ листьевъ конскаго или дикаго каштана (Aesculus Hippocastanum) по временамъ выдѣляютъ липкій сокъ — иногда въ такомъ большомъ количествѣ, что онъ каплями стекаетъ на почву. Часто также листья покрыты тягучею, липкою жидкостью, которая выступаетъ изъ поръ и краевыхъ клѣточекъ. Подобное же явленіе наблюдается у серебристаго тополя и другихъ тополевыхъ, гдѣ эти выдѣленія служатъ для приманки муравьевъ съ цѣлью защиты нѣжныхъ листьевъ отъ нападенія другихъ насѣкомыхъ (подробности см. мою статью: „Зависимость между муравьями и растеніями" въ одномъ изъ предъидущихъ нумеровъ этого журнала). Оказывается, что нектаръ этотъ выдѣляется не всегда въ одинаковомъ количествѣ, что особенно легко замѣтить въ случаѣ отсутствія муравьевъ, потому что другія насѣкомыя съ жадностью набрасываются на лакомый кормъ и поѣдаютъ его вмѣстѣ съ листьями, выдѣляющими его; если же выдѣленія не происходитъ, то и вредъ, наносимый дереву этими насѣкомыми, гораздо меньше. Особенно сильное выдѣленіе вышеупомянутаго сока показываетъ, что спустя 25—50 часовъ наступитъ дождливая погода.

Изъ дальнѣйшаго ряда растеній, по которымъ можно впередъ опредѣлять погоду, укажемъ еще на болотистый бѣлокрыльникъ (Calla palustris), попадающійся довольно часто на болотистыхъ, торфяныхъ мѣстахъ и легко отличимый по толстому початку, окруженному плоскимъ, снаружи зеленымъ, внутри бѣлымъ цвѣточнымъ крыломъ, отъ котораго и получилъ свое названіе. Если крыло не покрываетъ цвѣтовъ, а стоитъ иногда почти подъ прямымъ угломъ къ нимъ, то слѣдуетъ ожидать дождя, тогда какъ передъ наступленіемъ солнечной погоды, наоборотъ, крыло плотно прилегаетъ къ початку.

Подобно вышеупомянутой костяникѣ и папоротникъ, наиболѣе обыкновенный у насъ—орлякъ, также закручиваетъ книзу кончики своихъ листьевъ, что заставляетъ ожидать въ скоромъ времени ясной погоды.

Также очень обыкновенные хвощи, растущіе часто во множествѣ по сырымъ мѣстамъ въ нашихъ лѣсахъ въ видѣ красивой елочки, оказываются тоже хорошими предсказателями погоды. Если пойти рано утромъ къ мѣсту ихъ произрастанія и выбрать растенія помоложе, то, если будетъ солнечный ясный день, легко обнаружить въ нижнихъ членикахъ этого растенія присутствіе необыкновенно большаго количества сока. Если же для этой цѣли брать старые уже экземпляры, то у нихъ стебель слишкомъ одеревенѣлъ, чтобы быть сочнымъ. Вслѣдствіе того, что это растеніе попадается чуть ли не на каждомъ шагу, оно представляетъ самое лучшее и притомъ простое средство узнавать погоду въ деревнѣ, гдѣ рѣшеніе этого вопроса иногда чрезвычайно важно.

Изъ грибовъ самымъ лучшимъ предсказателемъ погоды является чортовъ или адскій болетъ... Будучи очень ядовитымъ грибомъ, онъ легко отличается отъ другихъ, такъ какъ мясо его при разламываніи тотчасъ же начинаетъ синѣть. Обыкновенно шляпка у него свѣтло-желтаго цвѣта, предъ дождемъ же она мѣняетъ свой цвѣтъ на красновато-коричневый, причемъ отверстія желтыхъ трубочекъ нижней ея поверхности замѣтно окрашиваются въ красный цвѣтъ. Счастье, что этотъ грибъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ, потому что иначе онъ далъ бы поводъ ко многимъ случаямъ отравленія, особенно вслѣдствіе того, что измѣнчивость его окраски, напоминающая хамелеона, многихъ могла бы ввести въ заблужденіе.

Еще одно слово о коростной травѣ. Всѣ предъидущія растенія служили предсказателями ясной или же дождливой погоды, тогда какъ по этому растенію можно опредѣлить, будетъ ли морозъ или теплая погода. Этотъ мохъ любитъ особенно селиться на буковыхъ деревьяхъ, гдѣ онъ и среди зимы остается зеленымъ. Но не все время онъ сохраняетъ эту окраску, вдругъ все растеніе дѣлается пепельно-сѣраго цвѣта,—этотъ печальный видъ оно принимаетъ, предугадывая продолжительный и сильный морозъ.

Этимъ мы закончимъ рядъ нашихъ предсказывающихъ погоду растеній, хотя приведенные примѣры далеко не исчерпываютъ всего ихъ количества, ибо преимущественно жаркій поясъ особенно ими богатъ, такъ что въ настоящее время насчитываютъ до 350 такихъ растеній. Конечно только-что приведенное число далеко не полное, потому что растенія по большей части очень незамѣтно обнаруживаютъ свои пророческія способности, причемъ и наблюденія вести крайне затруднительно.

Что касается причины всѣхъ этихъ явленій, то, хотя имѣется на этотъ счетъ нѣсколько предположеній, но въ виду ихъ бездоказательности остается сказать вмѣстѣ съ Плиніемъ, что природа въ своемъ величіи сокрыла (до поры до времени) ее отъ насъ.

Литературныя бесѣды.

„Ревизоръ", комедія Гоголя.

Почти въ самомъ началѣ своего литературнаго поприща, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, Гоголь написалъ свою безсмертную комедію — „Ревизоръ". Ею онъ дѣлалъ новый и притомъ огромный шагъ впередъ по тому пути, на который должна была вступить вся русская литература. И уже современники не могли не почувствовать необыкновенно оригинальныхъ и важныхъ свойствъ новаго произведенія Гоголя, не могли не угадывать, по крайней мѣрѣ, его огромнаго общественнаго значенія. „Ревизоромъ" русская литература окончательно сближалась съ жизнью, съ дѣйствительностью, выступала на служеніе ея ближайшимъ интересамъ.

И до геніальной комедіи Гоголя русская драматическая литература, какъ она ни была бѣдна и малосодержательна, такъ сказать, не стояла далеко отъ дѣйствительной жизни. Это можно сказать, напр., уже о „Ябедѣ" Капниста. Комедіи Фонъ-Визина „Бригадиръ" и „Недоросль" уже прямо преслѣдовали общественныя задачи, ратуя за просвѣщеніе, бичуя невѣжество и непониманіе необходимости образованія. „Горе отъ ума", произведеніе поистинѣ геніальное, съ необыкновенной силой отразило недостатки московскаго и вообще русскаго общества. Но строго говоря, это все было только подготовленіемъ къ тому пути, на который вывелъ русскую литературу „Ревизоръ". Про комедіи Фонъ-Визина можно сказать, что если онѣ и были, хотѣли быть близкими къ жизни, то жизнь не была близка къ нимъ. Персонажи ихъ не были дѣйствительными людьми русскаго общества, это были не живые люди съ плотью и кровью, а придуманныя олицетворенія караемыхъ авторомъ пороковъ,—скорѣе каррикатуры, чѣмъ типическія изображенія. Комедіи Фонъ-Визина, словомъ, не были художественными картинами жизни, въ нихъ не жизнь со своими дѣйствительными свойствами учила читателей и зрителей, а научалъ самъ авторъ, придумывая для своего поученія подходящихъ смѣшныхъ персонажей; онѣ еще въ строгомъ смыслѣ не принадлежали искусству, литературѣ художественной. „Горе отъ ума" было уже художественное и великое произведеніе, но оно примыкало по своимъ свойствамъ ко всей тогдашней литературѣ въ томъ отношеніи, что не затрогивало близко общественныхъ отношеній, простой общественной дѣятельности персонажей. Какъ Онѣгинъ и Печоринъ, Чацкій характеризуется въ немъ, какъ психологическій типъ, какъ извѣстнымъ образомъ думающій и чувствующій образованный русскій человѣкъ; Фамусовъ — опять такой же психологическій типъ, опять извѣстныхъ мнѣній и чувствъ человѣкъ, таковы же и Молчалинъ и всѣ другія лица комедіи. Изъ ихъ душевныхъ и умственныхъ свойствъ вы можете только догадываться, каковы они въ общественной дѣятельности, въ отношеніяхъ къ высшимъ и низшимъ. Притомъ все это люди одной среды, среды высшей въ русскомъ обществѣ, и жизнь массъ людскихъ, стоявшихъ отъ нихъ въ общественной зависимости, не является въ комедіи, какъ и во всей тогдашней литературѣ; ея, этой массы, положеніе не обрисовывается передъ вами, не характеризуется отношеніемъ къ высшимъ классамъ.

„Ревизоръ" Гоголя сразу ставитъ васъ именно на эту точку зрѣнія. Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій—это уже не только психологическое лицо, извѣстнымъ образомъ думающее и чувствующее, а и *городничій*, именно въ этомъ своемъ званіи показывающій себя зрителямъ въ театрѣ и читателямъ. Жена его и дочь, любопытныя и въ высокой степени поучительныя лица, однако же опять являются передъ вами не просто только людьми извѣстнаго склада, а женою и дочерью именно городничаго, которыхъ характеръ и дѣйствія обусловливаются, какъ это и бываетъ непремѣнно въ дѣйствительной жизни, этимъ общественнымъ положеніемъ ихъ. И таковы всѣ безъ исключенія лица безсмертной комедіи Гоголя: таковъ смотритель училищъ Лука Лукичъ Хлоповъ, таковъ судья Ляпкинъ-Тяпкинъ, таковъ почтмейстеръ Шпекинъ, таковы полицейскіе Свистуновъ, Пуговицынъ и Держиморда, и пр., и пр. Всякій является передъ вами не только просто человѣкомъ извѣстныхъ свойствъ и качествъ, а въ своемъ общественномъ мѣстѣ и положеніи. Съ чутьемъ истиннаго, геніальнаго художника

Библиотека "Руниверс"

Гоголь беретъ весь этотъ чиновный и городской уѣздный міръ въ самый любопытный моментъ пріѣзда къ нимъ ревизора, когда ихъ и душевныя и общественныя свойства должны проявиться съ наибольшею силой и ясностью, когда всплываютъ наверхъ и ихъ личныя влеченія и страхъ передъ карой закона, ограничивающій эти влеченія. И передъ нами уже не уединенный классъ русскаго общества съ его образованіемъ или отсутствіемъ образованія,—обычный предметъ тогдашнихъ произведеній литературы,—а общій, такъ сказать, уѣздный городъ, общая обширная русская жизнь въ ея общественномъ характерѣ и освѣщеніи.

Несмотря на этотъ въ глаза бьющій, живой и характернѣйшій общественный смыслъ комедіи, несмотря на то, что въ ней именно городничій со свойствами городничаго, именно почтмейстеръ, учитель, уѣздный лѣкарь, купцы и полицейскіе обрисовываются именно въ ихъ общественномъ положеніи, въ общественной дѣятельности,—лица комедіи представляютъ собою высоко-художественныхъ персонажей, каждое съ печатью индивидуальности, личности съ опредѣленнымъ характеромъ, темпераментомъ. Общественный смыслъ такъ тѣсно сливается съ художественнымъ значеніемъ въ этой великой комедіи, что раздѣлять ихъ невозможно. Жизнь сама говоритъ за себя въ произведеніи Гоголя, а не авторъ, и если изъ него выходитъ рѣзкое поученіе, если въ немъ яркое обличеніе, то на всѣ указанія въ этомъ смыслѣ одинъ отвѣтъ: „на зеркало неча пенять, коли рожа крива“. Всѣ эти свойства комедіи были такъ новы въ русской литературѣ, такъ неожиданъ былъ упрекъ обществу русскому, что оно растерялось. И понятны всѣ вопли, поднявшіеся тогда противъ комедіи, понятно возбужденіе, поднятое ею. Общество увидѣло себя не въ своей только душевной жизни, а и въ томъ, какъ эта душевная жизнь лицъ отражается на жизни ближнихъ—и ужаснулось. Литература, повторяемъ, сдѣлала такой шагъ „Ревизоромъ“ къ сближенію съ жизнью, который долженъ былъ послужить основаніемъ и источникомъ для всей дальнѣйшей литературы русской.

Таково литературно-общественное значеніе „Ревизора“. Но это значеніе было бы или слишкомъ не полно, или только временно, комедія сослужила бы свою службу обличенія въ свой моментъ и была бы забыта, оставшись, какъ комедіи Фонъ-Визина, литературно-историческимъ памятникомъ, если бы она не была произведеніемъ высоко-художественнымъ, открывающимъ не временныя только явленія общественной жизни, а и общіе законы душевной жизни человѣка. Но каждое изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи Гоголя представляетъ собою цѣлый міръ, полное олицетвореніе извѣстнаго момента душевной жизни.

Обыкновенно первенствующее значеніе дается зрителями и читателями въ комедіи Хлестакову: онъ прежде всего привлекаетъ на себя вниманіе, все сосредоточивается около него. Но еще Гоголь самъ сказалъ, что Хлестаковъ совсѣмъ не главное лицо въ „Ревизорѣ“. Дѣйствительно, этотъ вѣчно лгущій фантазеръ въ той картинѣ общественной жизни, которую нарисовалъ Гоголь, явленіе случайное, временное; онъ пріѣзжаетъ и потомъ уѣзжаетъ, промелькнувъ въ своеобразномъ мірѣ уѣзднаго города, какъ метеоръ. И все значеніе его въ томъ, что онъ, также по случайному поводу, выдвинувшему его на сцену, всколыхнулъ повидимому сонное, но полное до дна чудищами сонное море. И самый характеръ его, необыкновенно тонко и проницательно созданный поэтомъ, имѣетъ служебное значеніе, а не первенствующее. Будь онъ серьезнѣе и глубже, ему невозможно было бы сыграть ту роль, которая ему предназначена. Нужно было именно легкомысленнаго и пустаго лгуна, самого тѣшащагося тѣми фантазіями, которыя ему приходятъ въ голову, чтобы тонкій по-своему уѣздный міръ принялъ его въ своемъ страхѣ за ревизора и чтобы самъ онъ безпечно, ничего не обдумывая, могъ поддаться на эту роль важной персоны. Хлестаковъ — не главное, не существенное лицо въ идеѣ комедіи, а служебное.

Главное въ комедіи Гоголя—уѣздный чиновный міръ въ его отношеніяхъ къ своимъ обязанностямъ, къ своему долгу. И главное лицо въ этомъ мірѣ—городничій, но только въ этомъ мірѣ, а не во всей комедіи, гдѣ весь уѣздный міръ, во всей своей цѣлости, со всѣми своими персонажами, имѣетъ существенное значеніе. Этотъ городничій очерченъ Гоголемъ съ невыразимой художественной ясностью и полонъ поражающаго смысла. По первому впечатлѣнію, вызываемому всей комедіей, городничій, какъ и другіе персонажи, представляются какими-то кровопійцами. Но это обманъ, иллюзія, которая тотчасъ же исчезаетъ, какъ скоро вы приглядываетесь ближе и внимательнѣе къ нему. Совсѣмъ не злодѣи, не злые люди всѣ эти уѣздные заправилы, а напротивъ люди добродушные и простые по натурѣ, только своею нелѣпою общественною ролью производящіе злое впечатлѣніе. Не говоря уже о такихъ „философахъ“ уѣздныхъ, какъ Амосъ Ѳедоровичъ, отыскивающій „тонкую и больше политическую причину“ въ появленіи къ нимъ ревизора, и говорящій о „сотвореніи міра“ такъ, что „просто волосы дыбомъ поднимаются“; не говоря о почтмейстерѣ, наслаждающемся въ письмахъ описаніемъ „разныхъ пассажей“ и получающемъ изъ нихъ „назидательность“,—самъ городничій, лицо наиболѣе рѣзкое и хищническое, совсѣмъ не производитъ впечатлѣнія „злодѣя“. Этотъ мужъ, которому грозитъ глупая кокетка-жена, который мечтаетъ о генеральствѣ, производитъ впечатлѣніе истинно комическое. Лично онъ необыкновенно смѣшонъ, но не страшенъ, совсѣмъ не злобенъ.

Это впечатлѣніе остается до тѣхъ поръ, пока вы не входите въ предѣлы его общественнаго значенія. Но здѣсь онъ сразу превращается въ нѣчто въ огромной степени злое и вредное. Какое-то страшное противорѣчіе лежитъ между его пустою натурой и зломъ, которое онъ представляетъ собою. Въ чемъ же это противорѣчіе? Отвѣтъ ясенъ,—въ страшномъ отсутствіи истинныхъ нравственныхъ представленій о жизни, о роли его въ ней. Городничій, какъ въ сущности и всѣ остальныя лица комедіи, не имѣетъ никакого нравственнаго общественнаго воспитанія; они не знаютъ и не хотятъ знать своихъ обязанностей къ ближнимъ, надъ которыми имъ поручена власть. На этой почвѣ отсутствія нравственныхъ общественныхъ понятій естественно возрастаетъ полный разгулъ личныхъ инстинктовъ, развивается мелкій эгоизмъ, передъ которымъ все остальное гнется, и самодурство, не знающее предѣловъ. Традиціонно развивалось такое отношеніе къ общественнымъ дѣламъ въ средѣ этихъ людей, и каждый, получая должность, думалъ, что онъ получаетъ „доходное мѣсто“, а не принимаетъ на себя общественный долгъ; получаетъ власть, возможность распоряжаться людьми, а не обязанность заботиться о благѣ людей. И вотъ добродушный, не злой по натурѣ человѣкъ становится бичемъ подчиненнаго ему населенія, а легкомысленная, пустая жена становится для него побужденіемъ всюду искать возможности взять что-нибудь въ свое гнѣздо. И вотъ вамъ картина общественной жизни, которая изображена въ „Ревизорѣ“.

Внутренній смыслъ геніальной комедіи такъ великъ, нравственная идея ея такъ значительна, что отсутствіе въ ней отраженія хорошихъ сторонъ русской души уже не поражаетъ васъ. Эта односторонность является вамъ, какъ неизбѣжное условіе критическаго, комическаго воззрѣнія на жизнь, составляющаго основаніе всей комедіи.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Передъ поединкомъ. (Рис. на стр. 217).

На своей картинѣ художникъ изобразилъ двѣ фигуры посреди самой скудной обстановки. Молодой человѣкъ упражняется въ стрѣльбѣ въ цѣль. Другой, постарше, дѣлаетъ свои замѣчанія. Но по положенію ихъ и особливо по выраженію лицъ зритель догадывается о печальной исторіи, которая должна вскорѣ разыграться. Юношѣ, пылкому и увлекающемуся, предстоитъ поединокъ, онъ всѣми силами души своей ненавидитъ противника и, считая, что имъ двоимъ не можетъ быть мѣста въ этомъ мірѣ, рѣшилъ, во что бы то ни стало, стереть съ лица земли своего врага. Какъ злобный геній, наставляетъ его въ убійственныхъ замыслахъ другое лицо, повидимому, болѣе опытное, но наставляетъ съ такимъ выраженіемъ, что кажется оно само замѣшано въ предстоящей дуэли не менѣе молодаго друга, который быть-можетъ является только слѣпымъ оружіемъ мести и злобы своего кровожаднаго совѣтника.

На чаекъ. (Рис. на стр. 220).

Въ роскошный ресторанъ забрелъ необычный посѣтитель. Блестящая обстановка, бронза, зеркала, ковры, цвѣты произвели на него подавляющее впечатлѣніе. Онъ усѣлся вдали отъ другихъ, на-скоро утолилъ свой голодъ и собирается расплатиться. Но по непривычкѣ не знаетъ, сколько дать „на чаекъ“ франтоватому лакею, который съ лукавой улыбкой смотритъ на затруднительное положеніе гостя.

Невольничій рынокъ. (Рис. на стр. 221).

Рабство—ужасное состояніе, въ которомъ человѣкъ лишенъ личной свободы, почитается за вещь и составляетъ собственность другаго, себѣ подобнаго лица, — существуетъ, къ прискорбію, еще донынѣ. Рабство такой же древній институтъ, какъ и война, одинъ изъ его источниковъ, и было распространено до начала настоящаго столѣтія, когда послѣ нелегкой борьбы удалось почти повсемѣстно отмѣнить постыдное состояніе рабства. Только кое-гдѣ, куда еще не проникли просвѣщающіе лучи христіанства, встрѣчается торговля рабами. Нашъ рисунокъ изображаетъ невольничій рынокъ на Востокѣ, гдѣ женщина не пользуется личной свободой,—гдѣ она не больше, какъ вещь въ рукахъ своего господина и повелителя. Тамъ ее, вмѣстѣ съ красивымъ конемъ, оружіемъ, тканями, продаютъ открыто на рынкѣ, и покорная своей тяжелой долѣ, беззавѣтно идетъ она за своимъ господи-

Библиотека "Руниверс"

Лоси. Рис. Р. Фризе, граз. Крей.

Библиотека "Руниверс"

номъ, чтобы навсегда быть заточенной въ четырехъ стѣнахъ его гарема...

На берегу Босфора. (Рис. на стр. 225).

Во вторникъ, 22 января текущаго года, открылась въ залахъ Императорской Академіи Художествъ выставка картинъ профессора И. К. Айвазовскаго, въ пользу кассы нуждающихся учениковъ Академіи. Болѣе 55 лѣтъ выставляетъ на судъ публики нашъ несравненный маринистъ свои картины, и съ каждою новою выставкой зритель убѣждается въ неизсякаемости и свѣжести феноменальнаго таланта маститаго художника. Не безъ лишеній и неудачъ проложилъ себѣ дорогу къ извѣстности И. К. Айвазовскій, а затѣмъ, оцѣненный по достоинству, онъ не остановился и не успокоился на лаврахъ, но все продолжаетъ работать и выставлять свои произведенія къ истинному наслажденію любителей изящнаго и славѣ русской живописи. Благодаря такому трудолюбію и вмѣстѣ быстротѣ работы, изъ-подъ кисти этого художника вышло болѣе 4,000 картинъ, изъ которыхъ около трехъ четвертей марины. Трудно перечислить сюжеты, воспроизведенные художникомъ въ его работахъ, но всѣ онѣ замѣчательны всевозможными свѣтовыми эффектами и освѣщеніями, которые въ передачѣ воды достигаютъ неподражаемаго. Всѣми обычными качествами отличаются и на этотъ разъ картины 73-лѣтняго профессора. Одною изъ выдающихся является его картина „Ночь на Босфорѣ", воспроизведенная нами въ гравюрѣ на стр. 225. Неуловимая игра лунныхъ лучей, широкимъ снопомъ дрожащихъ на тихой водной поверхности, не даетъ оторваться зрителю отъ этой чудесной картины.

Живорыбный садокъ. (Рис. на стр. 228).

Петербургъ, расположенный при устьяхъ Невы, богато снабжается рыбою не только изъ ближайшихъ окрестностей, но и съ Волги и изъ другихъ отдаленныхъ мѣстъ, откуда ее привозятъ живою. Для содержанія ея въ такомъ видѣ, на Невѣ и ея протокахъ устроены небольшія ловучія постройки, гдѣ въ особыхъ ящикахъ и бадьяхъ всегда можно найти живую рыбу. На рисункѣ Бролинга изображенъ одинъ изъ такихъ живорыбныхъ садковъ, видимый съ воды.

Видитъ око, да зубъ нейметъ. (Рис. на стр. 229).

Послѣ куницы, которая ловитъ бѣлку на деревѣ, самый страшный врагъ ея—лисица, подстерегающая этого маленькаго грызуна на землѣ, куда онъ спускается собирать зимніе запасы въ свои кладовыя. Но очень рѣдко удается лисѣ настичь бѣлку, которая легче пуха и съ быстротой молніи взбирается на самое гладкое дерево. Вотъ передъ нами такая, обманувшаяся въ надеждѣ Патрикѣевна, которая едва успѣла кинуться на то мѣсто, гдѣ бѣгала бѣлка, а послѣдняя уже словно насмѣхается надъ нею съ вѣтки ближайшаго дерева...

Лоси. (Рис. на стр. 233).

Лоси (Alces) являются самыми крупными, но въ то же время и самыми некрасивыми и малоразвитыми представителями семейства оленей. Неуклюжіе, съ широкими рогами, сидящими на безобразной головѣ съ отвисшею верхнею губою и длинными ушами, они были извѣстны уже въ древнемъ Римѣ, какъ германское животное. Въ настоящее время они почти вывелись въ Германіи и послѣдній лось въ Саксоніи былъ убитъ еще въ 1746 г. Только въ королевскомъ лѣсномъ округѣ Ибенгоретѣ, близъ Мемеля, ихъ сохранется около сотни особей. За то начиная съ балтійской низменности на востокъ лось встрѣчается довольно часто. Это крупное, неуклюжее животное водится преимущественно въ дикихъ, уединенныхъ лѣсахъ, пересѣченныхъ топями и болотами и состоящихъ преимущественно изъ лиственныхъ деревьевъ: ивы, березы, осины и др. Ихъ листья, молодые побѣги и кора составляютъ главную пищу лося. Снимая кору, лось употребляетъ свои рѣзцы какъ долото, отгибаетъ кусочки коры, схватываетъ его губами и зубами и сдираетъ кверху длинныя полосы коры. Высокіе стволы лось нагибаетъ головой, ломаетъ вершины и лѣтъ вѣтви, оттого вредъ наносимый лосями лѣсамъ весьма значителенъ. Живутъ лоси стадами, какъ это изображено на помѣщаемой нами гравюрѣ съ прекрасной картины извѣстнаго художника Рихарда Фризе.

Преосвященный Серафимъ, епископъ Самарскій и Ставропольскій. (Портр. на стр. 236).

11 января скончался, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, преосвященный Серафимъ, епископъ Самарскій и Ставропольскій.

Почившій архипастырь, сынъ священника г. Москвы, на Срѣтенкѣ, Іоанна Протопопова, въ мірѣ носилъ имя Симеона, обучался въ Московской духовной семинаріи, а высшее богословское образованіе получилъ въ Московской духовной академіи въ то время, когда въ этомъ заведеніи преобладало, съ одной стороны, возбужденіе и напряженіе философствующаго духа подъ вліяніемъ идеалистической философіи Гегеля, а съ другой—строго охранительное направленіе идеи православія, особенно при такомъ зоркомъ наблюдателѣ и глубокомъ богословѣ, какимъ былъ приснопамятный святитель Филаретъ, митрополитъ Московскій. Онъ слушалъ лекціи въ академіи: по философіи у Голубинскаго, по теоріи словесности у Амфитеатрова, по церковной исторіи у Горскаго.

По окончаніи въ 1844 году курса академіи, со степенью магистра богословія, преосвященный Серафимъ прямо со школьной скамьи опредѣленъ былъ, какъ одинъ изъ лучшихъ и даровитыхъ студентовъ, баккалавромъ въ Казанскую духовную академію, по каѳедрѣ общей словесности, съ порученіемъ ему въ 1845 году преподаванія студентамъ нѣмецкаго языка; въ 1847 году назначенъ библіотекаремъ академіи, съ сохраненіемъ баккалаврской должности; въ томъ же году постриженъ въ монашество и посвященъ въ іеромонаха; въ 1848 году перемѣщенъ на каѳедру патристики; въ 1849 году возведенъ на степень экстраординарнаго профессора словесныхъ наукъ и сдѣланъ членомъ академической конференціи; въ 1851 году возведенъ на степень ординарнаго профессора словесности съ порученіемъ ему преподаванія церковнаго краснорѣчія и чтенія студентамъ Св. Писанія; въ 1852 году возведенъ въ санъ архимандрита, съ присвоеніемъ ему лично степени настоятеля третье-класснаго монастыря; въ 1854 году опредѣленъ — сначала исправляющимъ должность инспектора Казанской духовной академіи, съ возложеніемъ на него преподаванія нравственнаго богословія и литургики, а затѣмъ инспекторомъ академіи, редакторомъ въ комитетѣ по изданію журнала „Православный Собесѣдникъ" и членомъ цензурнаго комитета; въ 1855 году перемѣщенъ на должность ректора въ Симбирскую духовную семинарію, а въ 1856 году на таковую же должность въ Тверскую духовную семинарію; 10 апрѣля 1866 года по Высочайше утвержденному докладу Святѣйшаго Синода хиротонисанъ въ С.-Петербургѣ во епископа и назначенъ викаріемъ Новгородской епархіи; въ 1869 году, по докладу Святѣйшаго Синода, Высочайше повелѣно ему быть епископомъ Смоленскимъ, а въ 1874 году—епископомъ Рижскимъ и Митавскимъ; 8 декабря 1877 года перемѣщенъ на архіерейскую каѳедру въ Самару; въ 1885—1886 годахъ, по Высочайше утвержденному докладу Святѣйшаго Синода, былъ Присутствующимъ Синода. За отлично ревностную службу преосвященный сопричисленъ былъ: къ ордену Св. Анны 2 степени въ 1858 году, къ тому же ордену и степени съ Императорскою короною въ 1862 году, къ тому же ордену 1 степени въ 1869 году, къ ордену Св. Владиміра 2 степени въ 1875 году и къ ордену Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго въ 1886 году.

Развившись подъ вліяніемъ началъ возвышеннаго философскаго идеализма и животворнымъ воздѣйствіемъ благодатныхъ началъ вѣры, преосвященный Серафимъ, и по выходѣ изъ учебнаго заведенія, на всѣхъ поприщахъ служенія своего, и въ частной жизни, остался вѣренъ этимъ началамъ. Какъ глубокій знатокъ основоположеній вѣры православной, исторіи церкви и ея каноновъ, усопшій былъ яркимъ свѣтильникомъ и рѣдкимъ охранителемъ православнаго вѣроученія, во всей его чистотѣ; былъ постояненъ и непоколебимъ въ строго православныхъ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ на дѣло вѣры и жизни, всегда стоялъ на строго церковной почвѣ. Внѣшно какъ будто суровый и строгій, преосвященный въ душѣ былъ добръ, отличался особенною сердечностью, справедливостью и отзывчивостью на всякое истинно доброе дѣло, не только содѣйствіемъ нравственнымъ, но и своими матеріальными средствами; всегда обнаруживалъ въ обращеніи черты врожденнаго благородства, деликатности и нравственнаго изящества. Умъ, энергія, полезный трудъ, серьезное отношеніе къ дѣлу находили въ немъ поощрителя, заступника и просвѣщеннаго руководителя.

При замѣчательно сильномъ умѣ и самостоятельно выработанныхъ воззрѣніяхъ, преосвященный прекрасно зналъ языки: еврейскій, латинскій, греческій, нѣмецкій и французскій, обладалъ даромъ глубокаго анализа и счастливою способностью претворять въ свою собственность все, что приходилось встрѣчать ему замѣчательнаго изъ литературы богословской, русской и иностранной.

М. Г. Лерхе. (Портр. на стр. 236).

23 января, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, скончался числившійся въ запасѣ генералъ-лейтенантъ Морицъ Густавовичъ Лерхе. Покойный родился въ 1834 году, воспитывался въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ и выпущенъ оттуда въ 1852 году—прапорщикомъ въ л.-гв. Конно-Гренадерскій полкъ. Въ 1861 году въ чинѣ штабсъ-капитана покойный назначенъ былъ адъютантомъ къ командиру отдѣльнаго Сибирскаго корпуса генералу Дюгамелю, съ переименованіемъ въ маіоры. Съ этимъ назначеніемъ и началась боевая карьера покойнаго. Онъ командовалъ съ отличіемъ многими отрядами въ дѣлахъ противъ пограничныхъ племенъ западнаго Китая, за что и былъ произведенъ въ подполковники. Въ 1864 году покойный былъ назначенъ состоять въ распоряженіи полковника Черняева, какъ начальника Загуйскаго отряда, завершившаго свои дѣйствія — покореніемъ Ташкента. М. Г. Черняевъ высоко цѣнилъ боевыя качества покойнаго, находя въ

Библиотека "Руниверс"

немъ сочетаніе двухъ противоположныхъ особенностей, рѣдко совмѣстимыхъ въ кавалерійскомъ офицерѣ: осторожности съ беззавѣтною отвагой. Въ одной изъ своихъ статей объ этой экспедиціи (помѣщенныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*), М. Г. Черняевъ называетъ покойнаго своею правою рукой, и дѣйствительно: пока подполковникъ Лерхе находился въ отрядѣ, на него возлагались самыя трудныя, самыя опасныя предпріятія, — и это дѣлалось въ полномъ убѣжденіи что покойный исполнитъ смѣло задачу и не поставитъ ввѣренныя ему войска въ безвыходное положеніе. Такъ, когда послѣ штурма крѣпости Аулія-ата получены были извѣстія что киргизскія скопища собираются въ горахъ чтобы ударить на насъ, онъ посланъ былъ съ приказаніемъ разсѣять ихъ: перейдя съ неимовѣрными усиліями и быстротой черезъ снѣжный хребетъ, покойный блистательно исполнилъ порученіе. Съ одинаковою смѣлостью и успѣхомъ онъ вскорѣ послѣ этого пробился сквозь коканскія скопища и выручилъ отрядъ капитана Мейера, находившійся въ безвыходномъ положеніи. По свидѣтельству М. Г. Черняева, покойнаго слѣдуетъ считать однимъ изъ главныхъ виновниковъ взятія штурмомъ сильной коканской крѣпости Чимкента, послужившей ключемъ къ овладѣнію Ташкентомъ. Командуя прикрытіемъ нашихъ батарей - обстрѣливавшихъ крѣпость, покойный замѣтилъ что часть гарнизона этой крѣпости, ободренная малочисленностью нашего отряда и увѣренная въ недоступности своихъ высокихъ стѣнъ, — рѣшилась выйти и приступить къ устройству противъ насъ траншей, испросилъ разрѣшеніе у начальника отряда и съ замѣчательной смѣлостью ударивъ на непріятеля, на его плечахъ ворвался въ крѣпость. Вслѣдствіе этой неожиданной и стремительной атаки, гарнизонъ крѣпости охватила паника, давшая возможность другой части нашихъ войскъ овладѣть почти безъ сопротивленія совершенно недоступною цитаделью. За этотъ блистательный подвигъ М. Г. Лерхе былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени. Но затѣмъ покойному, столько способствовавшему успѣху экспедиціи, не суждено было участвовать въ послѣднемъ эпизодѣ ея, а именно во взятіи Ташкента: во время первой неудавшейся попытки овладѣть Ташкентомъ, М. Г. Лерхе былъ тяжело раненъ въ руку и правый бокъ, такъ что долженъ былъ покинуть отрядъ и выѣхать для лѣченія ранъ въ Петербургъ.

По излѣченіи ранъ, покойный былъ прикомандированъ къ лейбъ-гвардіи Конному полку, въ которомъ прослужилъ два года, до полученія имъ въ командованіе 1-го Московскаго лейбъ-драгунскаго Его Величества полка. Въ день празднованія столѣтней годовщины ордена Св. Георгія, въ Бозѣ почившій Государь Императоръ почтилъ подвигъ туркестанскихъ войскъ въ лицѣ покойнаго, назначеніемъ его флигель-адъютантомъ. Въ 1872 г. покойный былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ слѣдующемъ году зачисленъ въ свиту Его Величества, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 2-й кавалерійской дивизіи. Въ 1876 г. покойный былъ отчисленъ отъ этой должности съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества, а въ 1881 году былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ зачисленіемъ въ запасъ.

Покойный былъ кавалеромъ орденовъ: Св. Георгія 4-й степени, Св. Владиміра 3-й и 4-й степени съ мечами и бантомъ, Св. Анны съ Императорской короной и съ мечами, Золотаго оружія съ надписью „за храбрость" и французскаго ордена Почетнаго Легіона.

Независимо отъ указанныхъ выше боевыхъ и служебныхъ заслугъ, покойный обладалъ чрезвычайно отзывчивымъ, добрымъ сердцемъ и такими душевными качествами, которыя никогда не забудутся людьми, близко его знавшими.

Политическое обозрѣніе.

Отказъ французскихъ художниковъ отъ участія въ Берлинской выставкѣ и послѣдовавшія затѣмъ строгости въ Имперской области продолжаютъ служить предметомъ пересудовъ газетъ. Особенно неодобрительно отзываются о сдѣланныхъ Германіею распоряженіяхъ, и въ пользу эльзасъ-лотарингцевъ раздается не мало голосовъ въ Италіи, Австріи и Англіи. Въ самой области составленъ слѣдующій адресъ къ императору: „По случаю происшедшихъ недавно за-границею событій предписано болѣе строгое примѣненіе правилъ о паспортахъ. Представители Эльзасъ-Лотарингіи увѣряютъ императора, что всякому вмѣшательству со стороны иноземныхъ элементовъ будетъ данъ энергичнѣйшій отпоръ и что никакая агитація извнѣ не въ состояніи поколебать нашихъ чувствъ. Уповая на милостивыя чувства императора, мы ходатайствуемъ объ отмѣнѣ или объ облегченіи принятыхъ относительно паспортовъ мѣръ". Какъ говоритъ, императоръ Вильгельмъ приметъ въ Берлинѣ депутацію отъ областной коммисіи, которая намѣрена вручить ему вышеприведенный адресъ.

Политика новаго итальянскаго министерства съ каждымъ днемъ обрисовывается яснѣе. Такъ, недавно маркизъ ди-Рудини, отвѣчая въ палатѣ на различные запросы, подтвердилъ сдѣланныя имъ 2 февраля заявленія. Министръ-президентъ сказалъ, что онъ не намѣревается ослабить, а тѣмъ менѣе порвать узы тройственнаго союза, обезпечивающаго Европѣ продолжительную эру мира. Затѣмъ онъ выразилъ сожалѣніе по поводу сомнѣній и подозрѣній, возбужденныхъ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ Италіи и Франціи, которыя должны оставаться дружескими, причемъ присовокупилъ, что Италія желаетъ сохранить равновѣсіе на Средиземномъ морѣ, но не думаетъ, чтобы Франція этому равновѣсію угрожала, такъ какъ она съ величайшею готовностью и лояльностью приняла мѣры къ тому, чтобы не могли повторяться нѣкоторые факты, происшедшіе въ Триполисѣ. „Если намъ непріятно, чтобы насъ подозрѣвали — сказалъ далѣе министръ — то и мы не должны подозрительно относиться къ Франціи". Въ заключеніе маркизъ ди-Рудини заявилъ, что главная цѣль, которую имѣетъ въ виду правительство, это благоустройство финансовъ путемъ сбереженій. Италія желаетъ мира въ Европѣ и сосредоточенія въ Африкѣ.

Австрія занята въ настоящее время выборами въ рейхсратъ. Хотя еще не имѣется окончательныхъ результатовъ, но уже по имѣющимся свѣдѣніямъ выборы эти не оправдываютъ надеждъ, которыя возлагала на нихъ нѣмецкая партія. Изъ 353 мѣстъ въ рейхсратѣ пока заняты 314. Изъ нихъ на долю нѣмецко-либеральной партіи приходится 92, нѣмецко-національной партіи—16, поляковъ—57, младочеховъ—31, старочеховъ и „дикихъ" чеховъ—14, словенцевъ—14, антисемитовъ—13, русиновъ — 8, клерикаловъ — 31, чешскаго консервативнаго дворянства—8. Остальныя 20 мѣстъ распредѣляются между мелкими фракціями. Хотя остается еще 39 выборовъ, но уже теперь можно приблизительно опредѣлить составъ палаты депутатовъ такъ: 109 членовъ нѣмецко-либеральной партіи, 35 младочеховъ, 21 словенцевъ и сербо-хорватовъ, численный же составъ прочихъ фракцій измѣнится противъ приведенныхъ цифръ немного. Если нѣмецко-либеральная партія и младочехи окажутся въ оппозиціи, то оппозиція вмѣстѣ съ нѣмецко-національною партіею и антисемитами составитъ приблизительно половину палаты. Удача младочеховъ сильно поразила старочешскую партію. По извѣстіямъ изъ Праги, тамъ состоялось 21 февраля въ предсѣдательствѣ Цейтгаммера собраніе довѣренныхъ людей партіи. Собраніе рѣшило обратиться къ Чешскому народу съ прокламаціей, въ которой, въ виду результата выборовъ въ сельскихъ общинахъ и городахъ, выражено намѣреніе вовсе отказаться отъ политической дѣятельности. Кандидатуры на пражскія баллотировки, въ томъ числѣ Ригера, взяты назадъ, вновь избранному старочешскому депутату Догталю предложено сложить полномочія. Въ заключеніе манифеста объ отреченіи сказано: „Мы побѣждены, но не уничтожены и уповаемъ на грядущія времена". Но отреченіе старочеховъ касается лишь рейхсрата, въ Чешскомъ же сеймѣ старочехи хотятъ сохранить свои полномочія. Вожакъ ихъ Ригеръ послалъ, однако, пражской думѣ и всѣмъ дружествамъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ, письма, въ которыхъ онъ отказывается отъ всѣхъ почетныхъ званій, мотивируя свой отказъ старостью и перемѣною народной любви.

Въ Австраліи, въ Сиднеѣ открылся на-дняхъ конгрессъ федераціи австралійскихъ колоній. Проектъ федераціи былъ возбужденъ еще въ прошломъ году Генри Перксомъ, первымъ министромъ Новаго Южнаго Валлиса. Проектъ былъ встрѣченъ въ различныхъ колоніяхъ сочувственно, состоялось предварительное собраніе для обсужденія вопроса о томъ, не представляется-ли дѣйствительно возможность „сплотить всѣхъ австралійцевъ въ единый народъ съ единою судьбою". Результатомъ этого собранія былъ нынѣ собравшійся конгрессъ, который займется обсужденіемъ федеральной конституціи Австраліи. Въ конгрессѣ каждая изъ австралійскихъ колоній имѣетъ по семи представителей. Всѣхъ колоній шесть: Новый Южный Вельсъ, Викторія, Квинсландъ, Западная Австралія, Восточная Австралія и Тасманія.

Смѣсь.

Въ Константинополѣ появилась турецкая поэтесса — неслыханное до сихъ поръ явленіе. Она русская родомъ — Ольга Леведова. Будучи постоянною сотрудницей турецкой газеты „Терджумани-Хакикатъ", она помѣщаетъ тамъ фельетоны сочиненія русскихъ поэтовъ, въ особенности Пушкина, въ переводѣ на турецкій языкъ; какъ, позднѣйшимъ переводомъ является „Карь - Фургуласса" (Метель), произведшее громадное впечатлѣніе на читателей газеты, потому что при послѣднихъ снѣговыхъ буряхъ и Стамбулъ подвергся ихъ неслыханной силѣ. Поэтому турки собственнымъ опытомъ могли провѣрить всю правдивость этого произведенія. Леведова носитъ турецкій псевдонимъ „Гюльнары" (подсолнечникъ). (к.)

Библиотека "Руниверс"

Экспедиція д-ра Нанзена къ сѣверному полюсу. Изъ Копенгагена пишутъ: „Теперь рѣшено, что д-ръ Нанзенъ отправится къ сѣверному полюсу въ половинѣ іюня. Онъ пойдетъ Беринговымъ проливомъ и, достигнувъ Ново-Сибирскихъ острововъ, надѣется въ сентябрѣ выйти въ открытое море дальше къ сѣверу. Экипажъ его судна состоитъ изъ 8 человѣкъ; продовольствія заготовлено на 5 лѣтъ. Д-ръ Нанзенъ, однако, надѣется совершить свое путешествіе въ два года. Правительство ассигновало на экспедицію 50,000 кронъ, ту же сумму пожертвовалъ купецъ Гамель. На случай кораблекрушенія есть нѣсколько спасательныхъ лодокъ; берутся также палатки, которыя можно разбивать на льду. Нанзенъ думаетъ встрѣтить близь полюса еще неизвѣстный континентъ и готовится путешествовать при температурѣ —36—40° С. Онъ намѣревается также предпринимать болѣе или менѣе продолжительныя экскурсіи для метеорологическихъ наблюденій и изслѣдованій состоянія льда. (в.)

Что думаетъ голова казненнаго. Въ *Figaro* Мишель Делинъ описываетъ интересный гипнотическій экспериментъ, произведенный знаменитымъ бельгійскимъ художникомъ Вирцомъ надъ головою одного гильотинированнаго разбойника.

Давно уже художника занималъ вопросъ, какъ долго длится процедура казни для самого преступника и какое чувство испытываетъ подсудимый въ послѣднюю минуту жизни; что именно думаетъ и чувствуетъ голова, отдѣленная отъ туловища, и вообще, можетъ ли она думать и чувствовать. Вирцъ былъ хорошо знакомъ съ докторомъ Брюссельской тюрьмы, другъ котораго, д-ръ Д., занимался гипнотизмомъ уже въ теченіе тридцати лѣтъ. Художникъ сообщилъ ему свое сильнѣйшее желаніе подвергнуться гипнотизаціи въ этомъ направленіи, т. е. получить внушеніе, что онъ преступникъ, присужденный къ гильотинѣ. Врачъ, много разъ усыплявшій Вирца и находившій его отличнымъ медіумомъ, согласился и немедленно приступилъ къ приготовленіямъ.

Чтобы лучше освоиться со своею ролью, Вирцъ, за нѣсколько дней до казни разбойника, отправился съ д-ромъ Д. въ помѣщеніе гдѣ находилась гильотина. Здѣсь докторъ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, усыпилъ художника и приказалъ ему отождествляться съ разными личностями, читать ихъ мысли, проникать въ душу и совѣсть и такимъ образомъ узнавать волнующія ихъ чувства. Въ день казни, за 10 минутъ до прихода преступника, Вирцъ, д-ръ Д. и двое свидѣтелей помѣстились внизу эшафота, такъ чтобы ихъ не было замѣтно публикѣ, и въ виду корзины, въ которую должна была упасть голова казненнаго. Д-ръ Д. усыпилъ своего медіума, внушилъ ему отождествиться съ преступникомъ, слѣдить за всѣми его мыслями и чувствами и громко высказать размышленія осужденнаго въ ту минуту, когда палачъ коснется его шеи. Наконецъ, онъ приказалъ ему проникнуть въ мозгъ казненнаго, какъ только голова отдѣлится отъ туловища, и анализировать послѣднія мысли умершаго. Вирцъ тотчасъ же уснулъ. Минуту спустя раздались шаги: это палачъ велъ преступника. Его положили на эшафотъ подъ топоръ гильотины. Тутъ Вирцъ, содрогаясь, началъ умолять, чтобы его разбудили, такъ какъ испытываемыя имъ ужасъ невыносимъ. Но уже поздно. Топоръ падаетъ. „Что вы чувствуете, что вы видите?“ спрашиваетъ докторъ. Вирцъ корчится въ конвульсіяхъ и отвѣчаетъ со стономъ: „Ударъ молніи! Ахъ, ужасно!.. Она думаетъ, она видитъ...“—„Кто думаетъ, кто видитъ?“—„Голова... Она страшно страдаетъ... Она чувствуетъ, думаетъ, она не понимаетъ, что случилось... Она ищетъ своего туловища... Ей кажется, что туловище за нею придетъ... Она ждетъ послѣдняго удара, смерти... Но смерть не приходитъ...“ Въ то время, какъ Вирцъ произносилъ эти страшныя слова, свидѣтели этой сцены смотрѣли на голову казненнаго, съ повисшими волосами, стиснутыми зубами, открытыми глазами и ртомъ. Артеріи еще пульсировали въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ перерѣзалъ топоръ; потокъ крови заливалъ лицо. Вирцъ продолжалъ кричать въ гипнотическомъ снѣ: „Какая-то рука меня давитъ! Огромная, неумолимая рука... Ахъ, эта тяжесть меня задушитъ! Красное облако застилаетъ глаза... Но я еще освобожусь отъ этой проклятой руки! Напрасно, я не въ силахъ ее отолкнуть... Что это? Меня заливаетъ кровь? Я —отрѣзанная голова...“

Докторъ продолжалъ спрашивать: „Что вы видите, гдѣ вы?“—„Я улетаю въ неизмѣримое пространство... Неужели я умеръ? Неужели я умеръ? Неужели все кончено? О, еслибъ я могъ соединиться съ моимъ тѣломъ! Люди, сжальтесь надо мною, отдайте мнѣ мое тѣло! Тогда я буду жить... Я еще думаю, чувствую, я все помню... Вотъ стоятъ мои судьи въ красныхъ мантіяхъ... Я слышу приговоръ... Моя несчастная жена, бѣдный мой ребенокъ! Нѣтъ, нѣтъ, вы меня больше не любите, вы покидаете меня... Еслибъ вы захотѣли соединить меня съ туловищемъ, я могъ бы еще жить среди васъ... Нѣтъ, вы не хотите... Все же я васъ люблю, бѣдныя мои, дорогія! Дайте мнѣ обнять васъ!.. Какъ, дитя мое, ты въ ужасѣ кричишь? Ахъ, я несчастный, я облилъ твои ручонки кровью! Когда же все это кончится? Развѣ грѣшникъ осужденъ на вѣчную муку?“

При этихъ словахъ Вирца, присутствовавшимъ показалось, что глаза казненнаго широко раскрылись и взглянули на нихъ съ выраженіемъ невыразимой муки и пламенной мольбы. Художникъ продолжалъ: „Нѣтъ, нѣтъ! Страданіе не можетъ продолжаться вѣчно, Господь милосердъ... Все земное уходитъ изъ моихъ глазъ... Вдали я вижу звѣздочку, блестящую какъ алмазъ... Ахъ, какъ хорошо должно быть тамъ вверху! Какая-то волна охватываетъ все мое существо... Какъ крѣпко я теперь усну... О, какое блаженство!..“

Это были послѣднія слова гипнотика. Теперь онъ крѣпко спалъ и не отвѣчалъ больше на вопросы врача. Д-ръ Д. подошелъ къ головѣ казненнаго и пощупалъ его лобъ, виски, зубы... Все было холодно какъ ледъ, голова умерла. (в.)

Преосвященный Серафимъ, епископъ Самарскій и Ставропольскій († 11 января 1891 г.). Съ фот. Васильева, грав. Шюблеръ.

Генералъ лейтенантъ Морицъ Густавовичъ Лерхе († 23 янв. 1891 г.). Съ фот. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Русскій Лѣсъ. Составилъ **Ѳ. К. Арнольдъ.** Томъ II. Съ 17 эстампами на мѣди и 125 гравюрами на деревѣ. Изданіе А. Ф. Маркса. СПБ. 1891 г. Ц. 10 руб.

Полгода тому назадъ, по поводу выхода I тома „Русскаго Лѣса" Ѳ. К. Арнольда, этотъ замѣчательный трудъ маститаго знатока лѣснаго дѣла названъ былъ „Энциклопедіею" русскаго лѣса. И это названіе какъ нельзя болѣе умѣстно здѣсь. Ѳ. К. Арнольдъ соединяетъ въ себѣ замѣчательнѣйшаго знатока лѣснаго хозяйства, не менѣе замѣчательнаго ботаника, такого же знатока исторіи лѣснаго хозяйства въ Россіи и лѣснаго законодательства; сверхъ того, это не сухой ученый, не просто знатокъ лѣса, а если хотите — почитатель лѣса, любящій его самого по себѣ, а не за полезность только, глубоко чувствующій его красоту, его вліяніе на человѣка въ качествѣ одного изъ элементовъ окружающей природы. Всѣ эти свойства автора отражаются и на трудѣ его. Съ глубокимъ знаніемъ дѣла, но въ то же время и съ увлеченіемъ и любовью говоритъ онъ о деревѣ, о его свойствахъ и качествахъ; съ заботливымъ проникновеніемъ въ мелкія детали даетъ онъ наставленія, какъ и гдѣ садить растенія, какъ ухаживать за ними и пр. Въ первомъ томѣ авторъ выясняетъ значеніе лѣсовъ вообще, подкрѣпляя свои выводы статистическими данными о площади лѣсовъ въ каждомъ уѣздѣ Россіи и т. п.; во второмъ — авторъ имѣетъ уже дѣло съ самымъ главнымъ въ предметѣ его труда,—съ лѣсной почвой, съ строеніемъ и жизнью дерева, съ отдѣльными видами растеній и условіями наиболѣе благопріятнаго ихъ развитія и размноженія; словомъ, здѣсь авторъ наиболѣе въ своей сферѣ, въ сферѣ живой природы. И книга его пріобрѣтаетъ интересъ для самаго обыкновеннаго читателя, не спеціалиста, если только онъ любитъ лѣсъ и не чуждъ хотя бы самаго элементарнаго интереса и пониманія въ вопросѣ о важности лѣса въ жизни страны. И въ то же время книга стоитъ на совершенной высотѣ научнаго изложенія, и спеціалистъ-ботаникъ, равно какъ и спеціалистъ-лѣсоводъ одинаково найдутъ въ ней огромный складъ полезнѣйшаго знанія. Издатель прекрасно понялъ свойства книги г. Арнольда и прекрасно отвѣтилъ на нихъ съ своей стороны, придавъ изданію полезное и хорошо разсчитанное изящество. 17 роскошнѣйшихъ эстамповъ на мѣди изображаютъ читателю главнѣйшихъ представителей русскаго лѣса со всею ихъ чарующею прелестью и поэзіей; 125 гравюръ на деревѣ вводятъ читателя въ сферу спеціальнаго знанія, представляя ему разсматриваемыя растенія со стороны ихъ анатоміи, въ частности морфологіи и физіологіи, представляя ткани дерева, какъ онѣ являются подъ микроскопомъ при сильныхъ увеличеніяхъ, формы ихъ листьевъ, почекъ, строеніе корней, изображая болѣзненные наросты на деревьяхъ и пр., и пр. Вообще можно сказать, книга г. Арнольда въ своей спеціальной сферѣ представляетъ явленіе исключительное,—въ литературѣ о русскомъ лѣсѣ она составляетъ эпоху. При всей неизмѣримой важности лѣснаго вопроса для нашей родины, при фактѣ быстраго истребленія лѣсовъ, до сихъ поръ у насъ литература о лѣсѣ отличалась замѣчательной бѣдностью, не давая почти ничего ни спеціалистамъ лѣснаго дѣла, ни обыкновеннымъ читателямъ и хозяевамъ. Книга г. Арнольда заполнитъ собою этотъ пробѣлъ надолго. Съ выходомъ III тома, который будетъ заключать въ себѣ подробныя указанія возможно выгоднѣйшей организаціи и эксплоатаціи лѣснаго хозяйства, читатели будутъ имѣть въ книгѣ г. Арнольда весьма полное и цѣнное руководство къ лѣсоразведенію и лѣсопользованію. **А. В.**

ШАХМАТЫ

подъ редакціей **Э. С. Шифферса.**

Текущія партіи по телеграфу между В. Стейницемъ (Нью-Іоркъ) и М. И. Чигоринымъ (С.-Петербургъ).

(Продолженіе).

I. Гамбитъ Эванса.		II. Дебютъ 2-хъ коней.	
Нью-Іоркъ. Бѣлые.	С.-Петербургъ. Черные.	Нью-Іоркъ. Бѣлые.	С.-Петербургъ. Черные.
24. . . .	Ф. f8 : d6		
25. С. c4 : d5	Ф. d6 — c7 $^{24}_{II}$	25. Ф. c2 — e2	С. e4 : f3
26. С. d5 : e6 $^{24}_{II}$	f7 : e6 $^{27}_{II}$	26. Ф. e2 — e6+ $^{24}_{II}$	Кр. g8 — h7 $^{24}_{II}$
27. С. a3 : c5 $^{27}_{II}$		27. С. b2 : d4 $^{27}_{II}$	С. f3 : h1 $^{27}_{II}$

Рѣшенія шахматныхъ задачъ.

№ 7. **В. А. Шинкмана,** матъ въ 4 хода.

1. **К. e5 — d7.** Кр. a8 — a7 (I, II, III, IV); 2. c6 : b7, Кр. a6 — a7; 3. b7 — b8 Ф., Кр. a5; 4. Л. ‡.

Вар. I. 1. . . . . К. b7 — a5; 2. Кр. b1 — a2! К. a5 — c4; (a) 3. Л. c7 — b7. К. ∞; 4. К. d7 — b6 ‡.

(a) 2. . . . К. a5 — b7; 3. c6 : b7+, Кр. a8 — a7; 4. b7 — b8 К. ‡.

Вар. II. 1. . . . К. b7 — c5; 2. Кр. b1 — c2!, К. c5 — a4 (a, b.); 3. Л. c7 — b7. К. ∞: 4. К. d7 — b6 ‡.

(a) 2. . . . К. c5 — b7. 3. c6 : b7+. Кр. a8 — a7; 4. b7 — b8 К. ‡.

(b) 2. . . . К. c5 : d7; 3. c6 : d7+, Кр. a8 — b8; 4. d7 — d8 Ф. ‡.

Вар. III. 1. . . . К. b7 — d6; 2. К. d7 — b6+, Кр. a8 — b8; 3. Л. d7 или e7, К. ∞; 4. Л. b7 ‡.

Вар. IV. 1. . . . К. b7 — d8; 2. Кр. или С. ∞, К. ∞; 3. К. d7 — b6+, Кр. a8 — b8; 4. Л. c7 — b7 ‡ (если 2 . . . К. : c6, то 3 . С. : c6 ‡).

№ 8. **С. Гольда,** матъ въ 2 хода.

1. **Л. h5 — h4,** ∞; 2. К. d3 или e6 ‡.

№ 10. **O. Fuss'a.** матъ въ 3 хода.

1. **Кр. d8 — c8,** Кр. a4 — a5 (a); 2. Ф. d3 — d7, ∞; 3. Ф. a4 или a7 ‡.

Вар. (a) 1. . . . b6 — b5; 2. Ф. d3 — e3, b5 — b4; 3. Ф. e3 : b1 ‡.

№ 11. **W. Shinkman'a.** матъ въ 3 хода.

1. **Л. h2 — g2,** h3 : g2 (a, b, c, d); 2. Ф. h8 : d4+, Кр. f4 — g3; 3. Ф. d4 — h4 ‡.

Вар. (a) 1. . . . Л. f3 — e3; 2. Ф. h8 — h4+, Кр. f4 — f3; 3. Л. g2 — f2 ‡.

Вар. (b) 1. . . . Л. f3 — g3; 2. Ф. h8 : d4+, Кр. f4 — f3, 3. Л. g2 — f2 ‡.

Вар. (c) 1. . . . Л. f3 — f1; 2. С. d8 — g5+, Кр. ∞; 3. Ф. h8 — a8 ‡.

Вар. (d) 1. . . . Л. f3 — f2; 2. Ф. h8 — e5+, Кр. f3; 3. Л. g2 — g3 ‡ при 1-мъ ходѣ конемъ или пѣшками матъ въ 2 хода.

Всѣ задачи рѣшилъ **Е. Ѳ. Андрезенъ (СПБ.).**

Всѣ кромѣ № 7 рѣшилъ **В. И. Шошинъ (СПБ.)** и **Л. Истоминъ (Харьковъ).**

№№ 7 и 8 - **К. Котоновъ (Могилевъ-Подольскъ).**

№ 8 - **Е. И. Березинскій (Кременчугъ); В. Захаровъ (Воронежъ); Татаровскій (Бердянскъ), Поповъ (м. Юзово, Екатеринослав. губ.), А. Б. Магазаникъ (Бердичевъ), Ѳ. Тетериковъ (Вытегра),**

№ 10—**В. Я. Юриевичъ (СПБ.).**

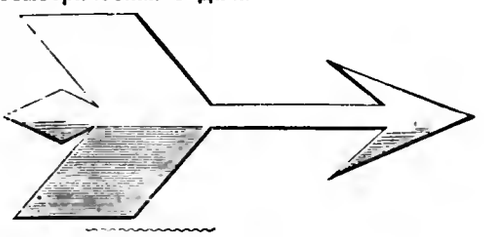
Корреспонденція. Желающихъ получать отвѣты на вопросы частнаго интереса просимъ присылать открытыя письма съ оплаченнымъ отвѣтомъ и написаннымъ адресомъ. Задачи просимъ присылать на діаграммахъ; въ противномъ случаѣ таковыя разсматриваться не будутъ.

В. З. (**Воронежъ**). Рекомендуемъ сборники задачъ: на нѣмецк. яз.: „Jean Dufresne. Sammlung leichter Aufgaben" 3 части по 20 к. (40 pfenn.). Сборникъ „Philipp Klett'a" цѣна 5 марокъ; сборникъ „J. Berger'a" ц. 6 мар.; сборн. „Kohlz & Keckelkorn". На англійскомъ яз.: „S. Loyd"; на чешск. и нѣмецк. яз. задачи Чешскихъ композит. (320 зад.). Обращ. въ книжный магазинъ Шмидорфа, Спб., Невскій просп.

Л. П. (**Харьковъ**). Задачи слишкомъ легки и просты: одну можетъ быть помѣстимъ. **В. Панкову и Павлову.** Благодаримъ за присылку вашечныхъ задачъ. Помѣстимъ со временемъ. **М. Филиппову (Житоміръ).** Задачи всѣ вѣрны, см. **№ 7 „Нивы". Очевидно,** Вы заблуждаетесь.

Геометрическая задача № 18.

Данную фигуру разрѣзать прямыми линіями на части, изъ которыхъ составить кубъ.



Рѣшеніе географической задачи № 8 (помѣщ. въ № 4).

•••• Поти. 4	••,,,, Вендень. 1	,•,•, Кулпа. 6
••,,,, Опочка. 7	••,,,,, Черкасы. 10	,•,,•••,• Мюнстеръ. 3
,•,•• Тавда. 2	,•,,,,,•,, Медвѣдица. 5	,•,,•,•• Днѣстръ. 8
,•,• Кума. 9	,,••,,,, Сапожокъ. 14	,,•••, Патосъ 11
,,••,, Ковель. 12		•••,. Чита. 16
••,,, Рейнъ. 15		,•• Ока. 13

„Вѣдаютъ птицу по перу, а человѣка по рѣчи".

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ Г.г.: **СПБ.** — А. Загоскина, Ф. Брошадтъ, Ф. А. Бефанина, Лели, Ф. Михель, Б. Котомина, Кн. Мосягина, Лѣвриповова, А. Н. Сазонова; **Москва** — Н. Н. Ярковскаго, Кордюкова, С. Н. Кокорова; **Барвенково** — А. Миниченко; **Б. Дорвомно** — В. К. Терскаго; **Бахмутъ**—А. Бутовскаго; **Б. Верейки** — А. К. Мишина; **Баку** — Мамеетъ Таги-бекъ Велиева, **Вильно** — Б. П. Захарова; **Вильконіръ** - С. Н. Верикаль; **Гельсингфорсъ** — Н. Амирханьянцъ; **Елизаветполь**—Р. Богновицкой; **Здунская воля**—Новицкаго; **Ковно**—К. Бобзенко, **Калуга**—С. Н. Соколова. Дьяконова; **Кіевъ** - Г. Рейне, М. Васильевой; **Костома** — Е. Н.; **Лебедянь** — В. Н. Чуриловъ; **Лодзь** В. Рюмина; **Муромъ** — Н. А Рукосуева; **Оренбургъ** Е. Ф Сухарева; **Орелъ** Л. Бунакова; **Ошмяны** Гейзмана; **Одесса** М. Юрьева; **Пултускъ** А. Яцукъ; **Порѣчье**—В. М. Жолкина; **Рязань** — Н. Постникова, Н. Павлова; **Симбирскъ** - А. и М. Чебоксаровыхъ; **Таганрогъ**—М. Бе[illegible]лиской; **Тверь** - З. М. Назаровой, **Харьковъ** -Старчиковъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Мальтійская цѣпь.** Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ князя **М. Н. Волконскаго.** Ч. II. (Продолженіе).—**Пріемная дочь заточниныхъ.** (Изъ воспоминаній временъ террора). **Ганса фонъ-Шпильбергъ.—Предсказаніе погоды при помощи растеній. М. Штауде.** — **Литературныя бесѣды. „Ревизоръ", комедія Гоголя.**—Къ рисункамъ: **Передъ поединкомъ** (съ рис.). —**На чаекъ** (съ рис.) —**Невольничій рынокъ** (съ рис.).—**На берегу Босфора** (съ рис.).—**Живорыбный ладокъ** (съ рис.).—**Видитъ оно, да зубъ нейметъ** (съ рис.).—**Лоси** (съ рис.).—**Прозорливый Серафимъ, епископъ Самарскій и Ставропольскій** (съ портр.). — **М. Г. Лерхе** (съ портр.).— **Полтическое обозрѣніе.**— **Смѣсь.**—**Библіографія.** - **Шахматы.**—**Задачи и рѣшенія задачъ.**—**Тиражъ выигрышей въ Государственномъ Банкѣ.**—**Объявленія**

Издатель А. Ф. Марксъ. **Редакторъ В. Клюшниковъ.**

Библиотека "Руниверс"

2-й заемъ 1866 года. 50-й тиражъ 4 марта 1891 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
91	9	500	2140	18	500	5178	38	500	7779	22	500	10635	14	500	13091	14	500	15357	16	500	17543	17	500
98	37	500	2188	26	500	5251	14	500	7966	42	500	10917	22	500	13158	28	500	15395	22	500	17545	9	500
99	36	500	2419	49	500	5314	10	500	8021	33	500	10990	13	500	13281	48	500	15486	39	500	17626	9	500
143	1	500	2423	35	5000	5331	1	500	8073	46	5000	11074	27	500	13619	46	500	15508	39	500	17749	21	500
176	47	500	2442	13	1000	5339	33	500	8138	39	500	11113	39	5000	13620	15	500	15574	35	500	17842	14	500
234	45	500	2488	11	500	5468	10	8000	8205	41	500	11114	18	1000	13725	7	500	15596	15	1000	18009	40	500
342	31	500	2544	24	500	5468	26	500	8283	23	500	11237	38	500	13801	42	500	15620	17	500	18028	50	500
408	41	500	2644	37	500	5505	27	500	8444	13	500	11252	41	10000	13951	21	200000	15641	9	500	18049	49	500
421	35	500	2723	44	500	5581	33	40000	8463	34	1000	11359	21	500	14063	47	500	15694	21	500	18078	42	8 00
429	18	500	2724	5	500	5622	5	1000	8557	34	500	11484	46	500	14167	30	500	15708	1	500	18129	23	500
502	50	500	2875	3	500	5643	23	500	8589	41	10000	11495	17	500	14235	29	500	15882	50	500	18375	3	500
558	31	500	3304	11	500	5650	10	1000	8742	33	500	115 2	4	1000	14282	26	500	15939	21	500	18451	18	8000
570	8	500	3315	3	1000	5712	5	500	8766	5	500	11668	26	500	14368	17	500	15950	16	500	18517	13	500
585	12	2 000	3351	21	500	5716	48	500	8766	49	5000	11769	44	500	14377	11	500	15952	19	500	18610	40	500
596	17	500	3362	49	500	5787	37	5000	8878	2	500	11792	18	500	14384	4	500	15963	15	500	18845	4	500
607	45	1000	3394	10	500	5931	36	500	8948	43	500	11794	1	500	14411	32	500	16073	34	500	18906	21	500
623	47	500	3556	44	500	6011	32	500	8962	48	500	11819	24	500	14456	12	500	16083	14	500	18937	17	500
625	48	500	3591	4	500	6019	10	500	9185	5	500	11869	32	1000	14469	24	500	16104	50	500	18983	20	500
638	31	500	3634	7	500	6120	14	500	9237	20	500	11917	29	500	14602	28	5000	16114	1	500	18990	44	500
767	25	500	3719	46	500	6177	44	500	9410	12	500	12068	8	500	14629	20	500	16252	17	1000	19121	48	500
836	21	500	3819	7	500	6281	33	500	9503	12	500	12081	19	500	14643	6	500	16319	6	500	19148	40	500
890	33	75000	3830	22	500	6351	36	500	9508	15	1000	12136	36	500	14768	8	500	16419	15	1000	19301	4	500
980	35	10000	3834	5	500	6375	21	500	9520	12	500	12324	11	500	14816	13	500	16520	11	1000	19325	33	500
1068	12	500	3834	30	500	6411	27	500	9575	47	500	12374	49	500	14867	33	500	16523	48	500	19325	35	500
1070	17	500	3877	4	500	6530	36	500	9657	32	500	12391	5	500	14917	8	500	16613	39	500	19329	35	500
1114	29	500	3885	28	500	6622	45	500	9669	17	500	12430	11	1000	14941	7	500	16661	6	500	19388	28	500
1153	12	500	4029	8	500	6664	14	500	9777	39	500	12443	3	500	14942	24	500	16681	39	500	19414	12	500
1277	1	500	4031	1	500	6693	23	500	9784	7	500	12462	24	500	14988	8	500	16709	16	500	19473	34	500
1554	25	500	4388	44	500	6796	25	500	9937	8	500	12518	13	500	15032	9	500	16767	12	500	19484	17	500
1665	36	500	4443	3	500	6980	3	1000	9986	39	1000	12610	27	500	15037	41	1000	16941	49	500	19489	7	500
1670	28	500	4454	2	500	7117	14	500	10130	23	500	12646	14	500	15085	27	5000	16961	47	500	19505	25	500
1720	10	5 0	4495	3	500	7271	27	500	10158	23	500	12676	4	500	15127	1	500	17097	17	500	19633	38	500
1753	27	500	4579	14	500	7466	2	500	10246	24	8000	12680	33	500	15180	18	500	17121	33	500	19695	49	500
1879	29	500	4728	20	500	7503	1	500	10417	10	500	12701	44	8000	15199	4	500	17131	16	500	19715	19	500
1930	11	500	4780	36	500	7694	8	500	10480	28	500	12749	39	500	15325	40	500	17152	1	500	19933	37	500
1962	49	500	4849	11	1000	7707	7	500	10512	12	5000	12804	40	500	15350	43	500	17192	43	500	19957	12	500
1992	13	500	4864	5	500	7715	34	500	10513	46	500	13028	31	500	15355	26	500	17194	29	500	19984	24	500
1992	23	500	5302	24	500	7757	32	1000	10576	27	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

420, 661, 756, 1409, 1483, 1803, 2472, 2644, 2838, 2900, 3109, 3205, 3369, 3598, 3603, 3665, 4057, 4368, 4394, 5052, 5712, 5753, 6017, 6029, 6145, 6280, 6450, 6668, 6813, 7053, 7976, 8053, 8313, 8331, 8445, 8575, 9273, 9375, 9552, 9913, 10 90, 10341, 10426, 10440, 10685, 10879, 11285, 11511, 11674, 11717, 11879, 11940, 12007, 12133, 12772, 12843, 12933, 12984, 13361, 13403, 13668, 13813, 13832, 13894, 13897, 14135, 14737, 14907, 15313, 15316, 15559, 15619, 15709, 15813, 15874, 15879, 16110, 16845, 17050, 17095, 17287, 17420, 17 81, 176 8, 17787, 18498, 18635, 18766, 18859, 18879, 19111, 19432, 19483, 19909

ПОПРАВКА. Въ № 9 „Нивы" на 1-й стран. напечатано: При семъ № прилагаются... „Парижскія моды"... и *29 рис. вышильн. работъ*, — слѣдуетъ: и **29 рис.** рукотѣльныхъ работъ

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Косметиг. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

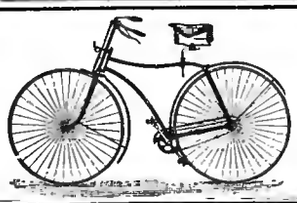
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

60 к., 75 к., 1 р., 1 р. 25 к. до 5 р. съ полнымъ комфортомъ отдѣльныя комнаты во вновь перестроенной и значительно увеличенной Ц. № 4768 (9)

БОЛЬШОЙ ГОСТИННИЦѢ „РОССІЯ" ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Лучшая кухня. Первоклассный ресторанъ. Самыя умѣренныя цѣны на всѣ предметы. Омнибусъ; ванны. Телефонъ. Подъемная машина (lift) во всѣ этажи. Уступка при болѣе продолжительномъ пребываніи. Подробный тарифъ высылается по требованію.



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.

ФРАНКФУРТЪ Н/М.

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

„ОРЕЛЪ".

Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиною „Кюженъ" (подушка) и „пневматическій" Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5038 24

ГЛАВНОЕ ДЕПО

Высочайше утвержденнаго Товарищества Русско-Французскихъ заводовъ

РЕЗИНОВАГО, ГУТТАПЕРЧЕВАГО и ТЕЛЕГРАФНАГО ПРОИЗВОДСТВА

подъ фирмою **„ПРОВОДНИКЪ"**

рекомендуетъ всевозможные дорожные предметы изъ резины, какъ и изъ другихъ матеріаловъ.

ШИНЫ РЕЗИНОВЫЯ

къ экипажнымъ колесамъ, дѣтскимъ колескамъ и велосипедамъ по самой умѣренной цѣнѣ.

Обтяжка колесъ резиновыми шинами производится въ

продолженіе двухъ часовъ.

Большая Морская, № 11.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

Телефонъ № 1487. Mt. № 5051

СЕМЕНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО ГАЛАХОВА

предлагаетъ **НАБОРЪ ОГОРОДН. и ЦВѢТОЧН. СѢМЯНЪ** изъ 35 сортовъ на семейство въ 5 человѣкъ, за 1 р. 25 к. На пересылку по почтѣ надо прибавлять денегъ за два фунта, сколько слѣдуетъ по почтовому тарифу, смотря по разстоянію, но и при близкомъ разстояніи не менѣе 30 коп. Адресъ: почтовая станц. **САРАИ**, Рязан. губ., Галахову. Прейсъ-курантъ прочихъ сѣмянъ по требованію высылается безплатно. № 5043

ЗАИКАНІЕ

и другіе недостатки произношенія

лечатся Профессоромъ Берканомъ. СПБ., Николаевск., *д. 4, кв. 1.*

СЕГОДНЯ ОТКРЫТІЕ

ВЕСЕННЯГО и ЛѢТНЯГО СЕЗОНОВЪ

съ послѣдними новостями.

Лично выбранныя въ

ПАРИЖѢ И ЛОНДОНѢ

ШЕЛКОВЫЯ, ШЕРСТЯНЫЯ И БУМАЖНЫЯ ТКАНИ

по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

ВНОВЬ ОТКРЫТОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

МУЖСКАГО И ДАМСКАГО БѢЛЬЯ

по послѣднимъ парижскимъ моделямъ.

AU BON MARCHÉ

Гостиный дворъ, № 133—134. Mt. № 5045

NB. Полный прейсъ-курантъ товаровъ съ обозначеніемъ цѣнъ высылается безплатно.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ДЕНЬ

на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 60 к.

За границу на годъ 10 р.

№ 4792 (11) Объявленія по 10 к. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Скворцовъ. Преображенская, 4. 12 кн. разсказовъ и очерковъ. Издатель А. А. Греве.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть временъ Екатерины *П. Петрова* и *В. Клютникова.* Ц. 1 р.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шмыгаева.* Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

Библиотека "Руниверс"

МИНІАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

ЛИЛИПУТЪ

Безъ фирмы и фабрич. клейма подѣлка.

со шнурк. въ замшевомъ кошельк. 8 р. 50 к.
съ пересылкою . . 9 „ — „

„Лилипутъ" удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и К°.
Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ
Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высылается безплатно.

ЧАИ

ВЫСОКАГО КАЧЕСТВА

ПОДЪ ТАМОЖЕННОЮ БАНДЕРОЛЬЮ

СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ ИЗЪ КИТАЯ

ТОРГОВАГО ДОМА

Бр. В. и Н. Поповы и К°

ГЛАВНЫЕ МАГАЗИНЫ:

МОСКВА Кузнецкій мостъ, домъ Санъ-Галли. **39/40.** | **С.-ПЕТЕРБ.** Невскій проспектъ, у Полицейскаго моста. **18.**

ПЕРЕСЫЛКА ВЪ ПРОВИНЦІЮ ПО ПОЧТѢ ЗА СЧЕТЪ МАГАЗИНОВЪ.

Гг. ОПТОВЫМЪ ПОКУПАТЕЛЯМЪ ДѢЛАЕТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬН. УСТУПКА.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ и УСЛОВІЯ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО ПО ТРЕБОВАНІЮ.

№ 5036 2—2

ПРАКТИЧНАЯ НОВОСТЬ!

ШТОПАЛЬНЫЙ АППАРАТЪ

1 руб. 50 коп. (съ пересылкою).

Чинитъ скоро и хорошо—чулки, полотно и всякаго рода матеріи. Просимъ не смѣшивать это остроумное, патентованное изобрѣтеніе съ никуда не годною подѣлкою. Только въ складѣ новыхъ изобрѣтеній. Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. 4. Mt. № 5050

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ. желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH"

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46. Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 4677 8—7

ДЛЯ УДОБРЕНІЯ ЗЕМЛИ

25 коп. за пудъ паровой фосфоритная мука. Адресъ: ст. Ивановка, Орловск.-Витебск. д., К. В. Мясоѣдову. № 5048

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блюкнъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

FAMILLE habitant Paris, prendrait en pension deux personnes. Ecrire à M-me V-ve Oubreuil. 67. Rue de Clichy, Paris, France. № 5018 4—3

ЛЕНИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

ОГРОМНЫЙ ЗАПАСЪ.

Приготовлено къ весенней продажѣ до 8.000.000 деревъ. Цѣна фруктовымъ принятымъ отъ 5 коп. за дерево, лѣснымъ отъ 50 коп. за 1000 деревъ. № 5047

Прейсъ-курантъ высылаетъ Садоводство В. В. Быханова въ г. Лиясцкѣ, Тамб. губ.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Товарищество

„ПРОВОДНИКЪ" въ Ригѣ.

Единственная фабрика въ Россіи, изготовляющая

НАСТОЯЩІЙ ЛИНОЛЕУМЪ

(пробковые ковры), замѣняющій вполнѣ шерстяные ковры и предохраняющій отъ холода и сырости, во всевозможныхъ узорахъ.

Линолеумъ имѣется въ С.-Петербургѣ: въ Главномъ депо Товарищества „Проводникъ", **Большая Морская, № 11.** Телефонъ № 1487. Въ складѣ Линолеума братьевъ Грибшъ, Караванная, 26, и во всѣхъ резиновыхъ магазинахъ.

Иллюстрированн. каталоги высылаются безплатно. Mt. № 5052

Bauschule Strelitz i. M.
Eintritt jeden Tag.
Auch erprobte Vor- u. Weiterbildung durch
Brieflichen Unterricht.
Kostenfreie Auskunft durch Direktor
Hittenkofer.

№ 5037 6—7

БЕЗПЛАТНО

какъ дополненіе къ главному каталогу 1889 г. вышли и раздаются:
Списокъ музыкальн. соч. изданныхъ
П. ЮРГЕНСОНОМЪ въ 1890 г.
Списокъ соч. изданныхъ въ 1889 г.
у П. ЮРГЕНСОНА въ Москвѣ.
СПБ., у І. Юргенсона. Г. Зеневальдъ въ Варшавѣ.

НАВОЖДЕНІЕ. Роман. изъ современн. жизни. **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

САМОУЧИТЕЛИ И НОТЫ

для всѣхъ инструментовъ. 10—7

Народная школа д. гармоніи 7 кл., ц. 75 к. Самоучит. д. гармоніи 8 кл. и 10 кл. по 1 р. Школа д. 2-рядн. гарм. въ 17, 19 и 21 кл., ц. 1 р. Школа для 3-хъ-рядн. гармоніи, ц. 75 к. Самоучитель для скрипки, ц. 1 р. 50 к. Любаниц, Самоучитель д. гитары, I, ц. 1 р. и для всѣхъ прочихъ инструментовъ.
у КУЛИКОВА, Москва, Маросѣйка.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"

Измайловскій проспектъ, № 27.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.

ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ.

Разнообразныя косметическія свойства этого состава сдѣлали его важною потребностью для туалета.

ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ ВІОЛЕТЪ де-ПАРМЪ.
НАРБОЛОВЫЙ ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ.
ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ де-ла-НОБЛЕСЪ.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

Произведенія С.-Петерб. Химич. Лаб. въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптекарскихъ магазинахъ. Mt. № 5040 2—1

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHA LES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.

№ 9767 10—7

ИМПЕРАТОРСКОМУ

ТУЛЬСКОМУ ОРУЖЕЙНОМУ ЗАВОДУ

потребно пріобрѣсти до 150 тыс. ложевыхъ березовыхъ болванокъ, изъ нихъ: 75 тыс. болванокъ требуются къ январю 1892 года, а остальныя 75 тыс. къ іюлю того же года, почему Хозяйственный Комитетъ И. Т. О. Завода приглашаетъ желающихъ заключить контракты, на поставку всего количества или части означенныхъ болванокъ, подать о томъ заявленіе, съ представленіемъ залога въ 10%.

Подробныя условія можно получать въ Хозяйственномъ Комитетѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Тульскаго Оружейнаго Завода. № 5044

ТОЛЬКО 5 РУБ. (СЪ ПЕРЕС. 6 РУБ.)

УКРАШЕНІЕ ГОСТИНОЙ!! БОЛЬШОЙ РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

„ЦАРЬ-ПУШКА"

съ 20 фототипич. и цинкографич. видами г. **Москвы** и ея достопримѣчательностей съ ихъ историческ. описаніями на русск. и французск. яз. въ **роскошномъ переплетѣ** (вел. 6+8 вер.). № 5024 3—3

Складъ изданія: **А. ГРАГЕ. Москва,** Пятницкій проѣздъ, д. № 15, кв. 3.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Способъ приготовленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цѣна: флакону 1 р. 65 к., **бензоевое мыло** 35 к. и 50 к. кусокъ, **опо-помада** (лучше кольдъ-крема) 1 р. **Упаковка** и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.

Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на прилагаемую здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента

Баллуриихъ

Главный складъ для всей Россіи у **В. Аурихa,** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19—7

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (21) № 4366

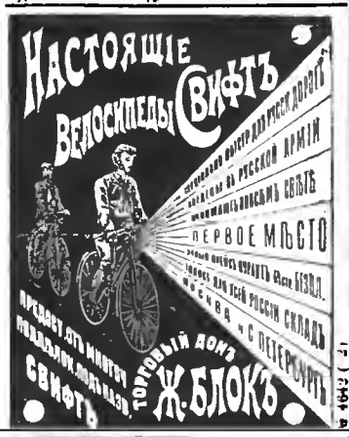
ДЛЯ ВОЛОСЪ
БАЛЬЗАМЪ
ЭЙКАЛИПТИ
косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Освѣжаетъ головную кожу. Ц. флакона 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., 2 флакона съ перес. 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и Комп., О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 58. (5) Ц. № 4478

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ, Коломольная, 18—19



Только что вышелъ изъ печати и разосланъ подписчикамъ **второй томъ** сочиненія **Ф. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“,

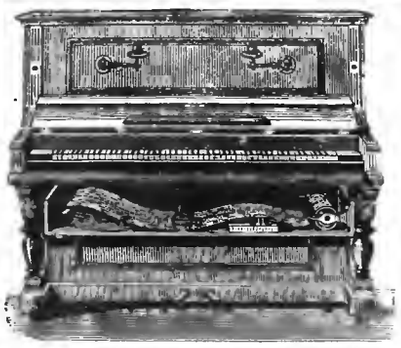
заключающій въ себѣ 707 стр. текста, **125 художественно исполненныхъ гравюръ** и политипажей съ изображеніемъ древесныхъ породъ и ихъ частей, а также культурныхъ орудій, и **17 эстамповъ на мѣди.**

Цѣна этому тому: для подписавшихся на все сочиненіе **8 руб.**, а въ отдѣльн. продажѣ **10 р.**, съ пересылкою иногороднымъ **10 р. 60 к.**

Подписка на всѣ три тома «Русскаго лѣса» продолжается и каждый новый подписчикъ тотчасъ-же получаетъ уже вышедшіе два тома сочиненія. **Подписная цѣна** на всѣ три тома **14 рублей.** По выходѣ 3-го тома цѣна изданію **будетъ повышена.**

Для гг. лѣсничихъ и вообще лицъ, служащихъ по М-ству Г. И., желающихъ подписаться на всѣ три тома, **допускается разсрочка** на слѣдующихъ условіяхъ: При подпискѣ вносится **3 р.** и затѣмъ въ слѣдующіе 11 мѣсяцевъ по **1 р.** ежемѣсячно. Взамѣнъ денегъ могутъ быть высылаемы на равную сумму почтовыя марки. При подпискѣ въ разсрочку необходимо представить **ручательство** одного изъ слѣдующихъ трехъ лицъ: Его Пр—ства **Ф. К. Арнольда,** г. **В. А. Тихонова,** или г. **Управляющаго** Государствен. Имуществами губерніи. Вышедшіе 2 тома будутъ высланы тотчасъ-же по полученіи перваго взноса въ 3 руб.

Требованія просятъ адресовать на имя издателя **А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургъ, Невскій. д. 6.**



НОВОСТЬ!
МЕХАНИЧЕСКОЕ
ПІАНИНО

заграничной работы, новѣйшей конструкціи.

Можно играть не только какъ на обыкновенномъ піанино, но также отлично исполнять всѣ танцы и концертныя пьесы **посредствомъ верченія ручки.**

Цѣна безъ нотъ **600 руб.** Ноты по 1 руб. 25 коп. за каждый метръ (=1½ аршина).

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ. № 5046
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. —Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина

СТРАХОВАНІЕ
ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ
ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ
„РОССІЯ“

Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.

Примѣръ: лицо 47 лѣтъ заключаетъ страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти во время **путешествій, поѣздокъ, прогулокъ, на охотѣ, на водѣ, на льду, при пожарахъ и т. п.**—вообще вездѣ, **дома и внѣ дома,** уплачивая годичный страховой взносъ въ 37 руб. 50 коп.

За такой взносъ Страховое Общество „Россія“ гарантируетъ при несчастномъ происшествіи:

1. **Въ случаѣ смерти**—семьѣ умершаго или другому ранѣе указанному лицу **капиталъ въ 6,000 руб.**
2. **Въ случаѣ увѣчья** или вообще лишенія способности къ труду на всю жизнь, — самому пострадавшему пожизненную **пенсію до 800 руб.**
3. **Въ случаѣ временной неспособности къ труду** — ему же **суточное вознагражденіе до 6 руб.**

Страхованія могутъ быть заключаемы **съ условіемъ возврата всѣхъ уплаченныхъ взносовъ** при достиженіи страхователемъ 65-ти-лѣтняго возраста или въ случаѣ его преждевременной смерти.

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи **въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и въ Агентствахъ Общества **во всѣхъ городахъ Имперіи.**

№ 5017 4—2

МИХАИЛА ИВАНОВИЧА
МИШИНА

Деревянныя, Бронзовыя, Хрустальныя и Сахарныя.

БОЛЬШАЯ ОПТОВАЯ ПРОДАЖА ПАСХАЛЬНЫХЪ ЯИЦЪ СВОЕГО ИЗДѢЛІЯ ЗАГРАНИЧНЫХЪ

Магазинъ: Никольская, домъ Шереметева. Складъ: Мясницкая, домъ Ермаковыхъ, Москва. Р. № 5017 2—2

Прейсъ-курантъ высылается безплатно.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ книга:
ОЧЕРКИ ИЗЪ
ОБЛАСТИ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
сочиненіе извѣстнаго государственнаго дѣятеля
3—1 Ц. № 5049
графа **П. А. ВАЛУЕВА**
(съ портретомъ автора).
Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Цѣна 1 р. 50 к.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ
для смягченія кожи. № 5039

Цѣна за кусокъ 30 коп.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главн. склад.: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.

НОВОСТЬ
МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!

ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

Изящно! Практично! Безопасно! Дешево!

Служитъ карманной спичечницей, давая **ярній свѣтъ** во нѣлымъ часамъ.

Сдѣлано изящно изъ никкеля. Только 1¼ вер. вышины — удобно носить въ карманѣ.

Огниво съ 500 зарядами 2 руб. (**Пер. 1 ф.**
Запасъ въ 1000 зарядовъ 50 коп.

Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

БАЗАРЪ МАРСЪ С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20.

4711
О-ДЕ-КОЛОНЪ.

Съ зелено-золотистымъ ярлыкомъ.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магаз. Россіи.

Требовать *зелено-золотистыхъ ярлыковъ.*

Депо въ СПбургѣ у **Але сандра Тиссъ и К°.** Пушкинская, № 4. Ц. № 5029 2—2

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ **Министерствахъ** и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ Б. Морская, 21.

Дозвол. цензур., СПБ., 6 марта 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. № 11 — г. XXII 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ 8ъ ТРИ ЛИСТА СЪ В-10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.
Выданъ 16 марта 1891 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . 5 р. | Съ доставкою въ Петербургѣ 6 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія 6 р. | Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . 7 р. | За границу 10 р.

Касатикъ. Съ карт. Тито Канти, грав. Крей.

Касатикъ.

Тамъ, вдали, у изворота
Гдѣ ручей едва течетъ,
Легкой тѣнью бродитъ кто-то
И поетъ себѣ, поетъ...
Подойдетъ на край обрыва,
Гдѣ, внизу, изъ лона водъ
Рядъ касатиковъ красивый
Точно копья вверхъ встаетъ,
И, склоняся на мгновенье,
Голубой цвѣтокъ сорветъ,
И пойдетъ съ нимъ, легкой тѣнью,
И поетъ себѣ, поетъ...

N.

Библиотека "Руниверс"

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

I.

Курьеръ изъ Италіи.

Съ тѣхъ поръ какъ Литта поселился въ Гатчинѣ, въ ожиданіи, пока дѣла его позволятъ ему уѣхать, наконецъ, совсѣмъ изъ Петербурга, — онъ окончательно потерялъ свой вдругъ возникшій престижъ въ придворномъ обществѣ и на него махнули рукой, какъ на человѣка „конченнаго", карьера котораго потеряна навсегда, по крайней мѣрѣ, въ Россіи.

Отъѣздъ его въ Гатчину впрочемъ возбудилъ первые дни большіе толки:

— Нѣтъ, представьте себѣ, Литта-то каковъ, а? — а вѣдь мы думали было... и вдругъ... говорили одни.

— Нѣтъ... возражали другіе, — мы ждали этого... мы всегда говорили... но все-таки странно...

Мало-по-малу оказалось, однако, что всѣ ожидали именно того, что̀ случилось: всѣ предвидѣли это и, сойдясь наконецъ на этомъ, и сами увѣривъ себя, что они дѣйствительно предвидѣли,—стали забывать о Литтѣ такъ же скоро, какъ заговорили о немъ, тѣмъ болѣе, что сейчасъ же нашлись другія темы для разговоровъ.

Такъ что, когда Грибовскій принесъ составленную имъ бумагу о мальтійскомъ кавалерѣ Зубову, тотъ прочелъ ее со вниманіемъ, очень похвалилъ, но отложилъ въ сторону, сказавъ, что „теперь не надо уже", и самодовольно улыбнулся.

Счастливая звѣзда этого бездарнаго, безталаннаго, но красиваго мальчика видимо не закатывалась, и онъ не задумался сейчасъ же приписать своему вліянію исчезновеніе Литты съ петербургскаго горизонта. Этому, разумѣется, повѣрили и дня два кланялись Зубову еще ниже обыкновеннаго.

— Такъ какъ же, ваше свѣтлость, вы *простите* теперь ему? спросилъ Грибовскій, поглядывая на отложенную бумагу.

Зубовъ вскинулъ голову.

— Тамъ увидимъ еще... но теперь я думаю повременить... да... А какія еще бумаги у тебя? добавилъ онъ, кивнувъ на портфель, который держалъ Грибовскій подъ мышкой, и морщась невольно, вслѣдствіе толщины этого портфеля.

— Изъ Италіи пріѣхалъ курьеръ, ваша свѣтлость, отвѣтилъ Грибовскій.

— И привезъ, еще недовольнѣе подхватилъ Зубовъ.— кину бумагъ? Ты разобралъ ихъ?..

— Бумагъ не много—и ни одной важной, все больше старыя газеты: вѣрно просто этого курьера прислали проѣхаться на государственный счетъ въ Россію—такъ, для него самого... иногда это и мы дѣлаемъ со своими курьерами...

Зубовъ утвердительно качалъ головою, какъ будто это было очень хорошо, что „и мы иногда такъ дѣлаемъ".

— А кто же этотъ курьеръ? спросилъ онъ.

— Дворянинъ, ваша свѣтлость, такъ по крайней мѣрѣ въ паспортѣ значится, по фамиліи синьоръ Мельцони.

— Мельцони... Мельцони? повторилъ Зубовъ, слыхавшій впрочемъ очень не много итальянскихъ фамилій, но дѣлая видъ, что знаетъ ихъ наперечетъ,—нѣтъ, никогда не слыхалъ, рѣшилъ онъ.

„Я въ этомъ и не сомнѣвался", мелькнуло у Грибовскаго.

— Такъ что же онъ привезъ? спросилъ Зубовъ.

— Да больше, ваша свѣтлость, вещи—много коралловъ—недурную коллекцію камей...

И говоря это, Грибовскій сталъ вынимать изъ портфеля ящикъ за ящикомъ и выставлять ихъ на столъ.

Лицо Зубова, понявшаго теперь, чѣмъ наполненъ былъ портфель, мгновенно повеселѣло.

— А... вотъ это такъ! проговорилъ онъ, принимаясь раскрывать ящики и вынимать вещи,—вотъ это хорошо!

Коралы ему видимо очень понравились, но особенно доволенъ онъ остался камеями, зная особенную любовь императрицы къ ихъ собиранію.

— Да, рѣшилъ Зубовъ,—такъ я сейчасъ же отнесу это государынѣ... Вотъ что, нужно будетъ наградить этого Мильзони, такъ кажется?

— Точно такъ, ваша свѣтлость, Мельцони, поправилъ Грибовскій.

Такъ ты говоришь, что онъ просто такъ сюда пріѣхалъ?

— Совершенно безъ всякаго дѣла, ваша свѣтлость.

— А! ну, ничего, пусть повеселится.

И собравъ ящики съ камеями, Зубовъ поднялся со своего мѣста и направился къ двери.

— Да, обернулся онъ,—поѣзжай къ этому итальянцу и скажи отъ моего имени, что онъ будетъ награжденъ: узнай, что̀ ему будетъ лучше? какая награда? А я теперь отнесу сейчасъ же это (онъ головой показалъ на ящики) наверхъ... Такъ съѣзди...

И Зубовъ поспѣшными шагами вышелъ изъ комнаты.

Грибовскій проводилъ его чуть сдерживаемою, насмѣшливою улыбкою.

„Вотъ такъ государственный человѣкъ!" невольно подумалъ онъ.

О пріѣздѣ итальянскаго курьера въ Гатчинѣ узнали въ тотъ же день (цесаревичу были привезены тоже нѣкоторыя вещи), и Литта очень обрадовался этому извѣстію. Онъ сейчасъ же подумалъ, нѣтъ-ли для него у курьера какихъ-нибудь пакетовъ. Важныя бумаги весьма естественно боялись довѣрять почтѣ и обыкновенно ждали оказіи для ихъ пересылки. Документъ на полученіе денегъ по переводу на банкъ или просто деньги были въ данную минуту очень важны для Литты, и онъ почти былъ увѣренъ, что съ пріѣхавшимъ курьеромъ пришло если не это, то во всякомъ случаѣ какое-нибудь извѣщеніе о деньгахъ.

Онъ доложилъ цесаревичу о причинѣ своей отлучки изъ Гатчины, и отправился въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы побывать только у курьера.

Литта засталъ Мельцони у него въ нумерѣ, въ гостиницѣ. Тотъ встрѣтилъ своего стараго неаполитанскаго знакомаго графа довольно равнодушно, но Литту въ первую минуту непріятно поразила необходимость снова столкнуться съ этимъ человѣкомъ, который ему былъ не по душѣ теперь. Онъ не зналъ, что курьеромъ присланъ именно Мельцони, и знай это—онъ бы просто написалъ изъ Гатчины: поѣхалъ же Литта лично, чтобы повидать человѣка прибывшаго изъ Италіи, родной его страны, разспросить его... и вдругъ этотъ человѣкъ оказался Мельцони, о которомъ графъ собственно говоря и думать-то забылъ...

— Вотъ мы снова встрѣтились съ вами, графъ, заговорилъ Мельцони, здороваясь съ Литтой.—Садитесь... Какъ вамъ живется здѣсь?.. Я вѣдь зналъ, что вы тутъ... хотя, помните, послѣ нашей дуэли—вы какъ-то исчезли очень скоро изъ Неаполя.

Литтѣ было досадно, что этотъ человѣкъ такъ прямо заговариваетъ о вещахъ, о которыхъ ему-то бы и слѣдовало помолчать теперь, и онъ рѣшилъ холодно и какъ можно вѣжливѣе постараться показать ему, что кромѣ дѣла не желалъ бы вести никакихъ другихъ разговоровъ.

Но Мельцони видимо не стѣснялся. Онъ очень раз-

Библиотека "Руниверс"

вязно, слегка развалясь на стулѣ и заложивъ ногу на ногу—смотрѣлъ прямо въ глаза Литтѣ и какъ бы говорилъ ему: „да, мой милый, хоть и не радъ ты, что попалъ именно ко мнѣ, а все-таки я не боюсь тебя".

— Ну, вѣдь это дѣло прошлое, продолжалъ онъ. — Что же! съ тѣхъ поръ много времени прошло... Ну вы какъ, обжились здѣсь?.. А мнѣ вашъ Петербургъ не очень нравится — холодно, сыро... Не хотите-ли стаканъ вина? Я велю подать чего-нибудь.

— Вы сказали, перебилъ Литта, не отвѣтивъ на его вопросъ,—что знали о моемъ пребываніи здѣсь—у васъ можетъ-быть есть какія-нибудь порученія ко мнѣ или бумаги.

— Какъ же, какъ же, *милый другъ*,— есть... есть... перебилъ Мельцони.—Вамъ сейчасъ дать ихъ?

Этотъ покровительственный тонъ удивилъ Литту.

— Да, сейчасъ, отвѣтилъ онъ, но съ такимъ выраженіемъ, изъ котораго было ясно, что онъ не желаетъ обращать вниманія на заносчивость своего собесѣдника.

Мельцони, какъ бы съ полною готовностію сдѣлать Литтѣ всякое удовольствіе, всталъ, досталъ ключи, вытащилъ изъ-подъ постели большой чемоданъ, отперъ его и началъ въ немъ рыться.

— Вотъ, вотъ... наконецъ проговорилъ онъ, доставая нѣсколько пакетовъ, и, подойдя къ Литтѣ, подалъ ихъ ему.

Литта сталъ быстро распечатывать и бѣгло просматривать полученные имъ пакеты.

Тутъ было нѣсколько писемъ отъ товарищей мальтійцевъ, затѣмъ письмо отъ великаго магистра, письмо отъ дука ди-Мирамаре, который сообщалъ, что онъ живъ и здоровъ, женился и живетъ въ Римѣ теперь.

Въ большомъ пакетѣ, запечатанномъ печатью Мальтійскаго ордена, Литта нашелъ формальное полномочіе о назначеніи его резидентомъ ордена при Русскомъ дворѣ, но нигдѣ не было ни намека на какія нибудь деньги или что-нибудь подобное.

Великій магистръ, правда, насколько Литта успѣлъ пробѣжать его письмо, почему-то утѣшалъ его и давалъ понять, что все молъ тлѣнъ и суета въ этомъ мірѣ.

— Что, графъ, интересныя новости получили? спросилъ Мельцони.

— Да, очень, отвѣтилъ Литта, и сталъ собирать свои бумаги.

— Узнали что-нибудь о вашихъ *бывшихъ* имѣніяхъ? опять спросилъ Мельцони, такъ равнодушно, какъ только могъ это сдѣлать.

— О моихъ *бывшихъ* имѣніяхъ, переспросилъ Литта,— что это значитъ?

Мельцони улыбнулся, заранѣе предвкушая удовольствіе, какое ему предстояло сейчасъ, ибо онъ берегъ для Литты очень интересную новость.

— Очень просто, проговорилъ онъ.—Декретомъ французской республики, только-что изданнымъ—всѣ помѣстья Сѣверной Италіи, принадлежащія дворянству и монашескимъ орденамъ, отняты у прежнихъ владѣльцевъ и объявлены собственностью народа.

Литта сразу понялъ теперь тотъ покровительственный тонъ, съ которымъ считалъ себя въ правѣ разговаривать съ нимъ Мельцони. Но онъ понялъ также, что онъ, за минуту передъ тѣмъ считавшій себя богатымъ человѣкомъ, сталъ теперь нищимъ, потому что всѣ его родовыя командорства находились въ Сѣверной Италіи, и онъ лишился сразу всего состоянія.

Какъ однако ни было ужасно для него это извѣстіе, какъ ни вглядывался Мельцони въ его лицо, чтобы уловить хоть тѣнь, хоть малѣйшее выраженіе волненія—лицо Литты осталось совершенно спокойно, какъ будто дѣло вовсе не касалось его.

— Неужели это правда? произнесъ онъ тѣмъ же тономъ, какимъ спрашивалъ у Мельцони пакеты, взглядывая на него своими большими, ясными глазами.

— Правда, правда, подхватилъ Мельцони,—вѣроятно на-дняхъ это станетъ общеизвѣстно и вы можете найти о томъ офиціальную справку.

Мельцони говорилъ очень нервно, боясь, что Литта не вѣритъ ему, и вся его тощая, маленькая фигурка была въ движеніи.

Литта вполнѣ вѣрилъ однако, но спокойствіе его отъ этого не измѣнилось.

Онъ слишкомъ хорошо умѣлъ владѣть собою, чтобы выказать передъ Мельцони свое волненіе.

— Благодарю васъ за извѣстіе, сказалъ онъ, вставая.— до свиданія.

И поднявшись во весь свой ростъ Литта съ особеннымъ достоинствомъ поклонился итальянцу, удивленно смотрѣвшему на то, какъ онъ принимаетъ извѣстіе о внезапной потерѣ состоянія своего,—и, выпрямившись, направился къ двери.

— Вы мнѣ позволите, обернулся онъ къ Мельцони, уходя,—прислать вамъ какой-нибудь подарокъ въ благодарность за привезенные пакеты.

Мельцони, потерявъ уже свой дерзкій, покровительственный видъ, невольно поклонился ему ниже, чѣмъ хотѣлъ это сдѣлать.

II.

Зачѣмъ пріѣхалъ Мельцони?

Выходя изъ гостиницы, Литта встрѣтилъ Зубовскаго секретаря Грибовскаго, который, исполняя порученіе князя, шелъ извѣщать Мельцони о наградѣ.

Грибовскій нарочно отвернулся отъ Литты такъ, чтобы тотъ видѣлъ, что онъ не желаетъ ему кланяться, но Литта самымъ искреннимъ образомъ не замѣтилъ его.

Въ эту минуту ему было совсѣмъ не до Грибовскаго.

„Ишь гордость какая въ этомъ человѣкѣ", подумалъ Грибовскій. — „идетъ словно міръ покорилъ"; и онъ, чувствуя, что его совсѣмъ не замѣтили, сталъ нарочно громко звать прислугу и разспрашивать, гдѣ комната итальянскаго курьера.

Мельцони встрѣтилъ его (Грибовскій былъ одѣтъ довольно просто) сначала очень сдержанно, но когда узналъ, что къ нему явился секретарь князя Зубова — немедленно растаялъ и согнулся въ-три-погибели.

Грибовскій сообщилъ ему причину своего посѣщенія, и Мельцони выказалъ при этомъ такую жадность, сквозившую въ каждомъ его словѣ, что не трудно было понять, что самою лучшею для него наградою — будутъ деньги.

Грибовскій такъ и рѣшилъ это. Выяснивъ себѣ этотъ главный вопросъ, онъ перешелъ, чтобы не сразу уйти, къ самому общему разговору, который обыкновенно ведутъ постоянные жители города, встрѣтившись съ пріѣзжимъ иностранцемъ. Онъ сталъ разспрашивать, какъ понравился Мельцони Петербургъ, сожалѣть, что тотъ пріѣхалъ въ самое дурное время, и разспрашивать, что онъ намѣренъ дѣлать.

Мельцони отвѣчалъ, что Петербургъ ему очень нравится (Литтѣ онъ только-что говорилъ совсѣмъ другое), что дурное время пройдетъ и онъ останется хоть до лѣта, чтобы вполнѣ узнать русскую столицу, и что пріѣхалъ онъ сюда надѣясь развѣяться и повеселиться.

— Такъ вы въ „Красный кабачекъ" поѣзжайте, совѣтовалъ ему Грибовскій,—цыганъ нашихъ послушайте потомъ... все это очень интересно... за городомъ — на тройкѣ туда поѣхать можно—это тоже вполнѣ русское удовольствіе.

— Да, а въ самомъ городѣ есть какія-нибудь учрежденія, гдѣ можно провести время? спросилъ Мельцони.

— О, сколько угодно! Театръ есть. Вотъ тоже трактиръ — „Старый Пекинъ", Гидля кондитерская, тамъ недурно кормятъ... и по-французски говорятъ... Для васъ, какъ иностранца, это важно, особенно первое время.

Библиотека "Руниверс"

Выставка картинъ профессора Айвазовскаго въ Императ. Академіи Художествъ. Переходъ Израильтянъ чрезъ Чермное море. Грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

Выставка картинъ профессора Айвазовскаго въ Императ. Академіи Художествъ Прибой въ Біарриц. Грав. Пуцъ.

Библиотека "Руниверс"

Мельцони очень обрадовался этому и просилъ разсказать ему, какъ найти кондитерскую.

— Я подвезу васъ пожалуй, предложилъ Грибовскій,—для перваго разу, потомъ уже сами будете знать.

— Вотъ и отлично, согласился Мельцони.

Они поѣхали вмѣстѣ, и на Милліонной Грибовскій выпустилъ своего спутника, указавъ ему кондитерскую.

Мельцони вошелъ туда съ тѣми движеніями и манерои, которыя свойственны человѣку попавшему первый разъ куда-нибудь. Онъ оглядѣлся и, замѣтивъ стоявшаго за прилавкомъ хозяина, прямо подошелъ къ нему.

— М-еиг Гидль? спросилъ онъ по-французски.

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ тотъ, расправляя свои бѣлый фартукъ и кланяясь.

Теперь Мельцони зналъ, что ему дѣлать.

— Чашку кофе, проговорилъ онъ.

Гидль кивнулъ головою и сказалъ: „сейчасъ".

— Съ римскимъ сахаромъ, добавилъ Мельцони.

Гидль пріостановился, быстро взглянулъ на него и спросилъ:

— Вы вѣроятно иностранецъ?

— Я пріѣхалъ изъ Рима, отвѣтилъ Мельцони, замѣтно только для самого Гидля, прикасаясь рукою ко лбу и къ груди.

— Пожалуйте! проговорилъ Гидль и пошелъ впередъ, показывая ему дорогу.

Въ коричневой комнатѣ съ Распятіемъ въ задней сторонѣ кондитерской, куда Гидль ввелъ Мельцони, было уже много народу. Всѣ сидѣли за столомъ и поднялись навстрѣчу Мельцони.

Сидѣвшій на главномъ мѣстѣ Груберъ подошелъ къ нему.

— Синьоръ Мельцони? спросилъ онъ.

Мельцони отвѣсилъ низкій, почтительный поклонъ и подалъ Груберу сложенную въ три раза бумагу, которую уже заранѣе вытащилъ изъ кармана.

Груберъ развернулъ ее, просмотрѣлъ, сдѣлалъ видъ, что поцѣловалъ стоявшую на ней подпись и, обращаясь къ Мельцони, снова проговорилъ:

— Такъ, милости просимъ, а мы заждались васъ — мы давно уже въ сборѣ.

— Я не властенъ былъ надъ собою, оправдывался Мельцони,—меня задержали...

Груберъ сталъ знакомить его съ присутствующими: Бжозовскій, Билли, Эверанжи, Вихертъ, называлъ онъ, и Мельцони каждому низко кланялся и получалъ такой же отвѣтный поклонъ.

Они опять сѣли. Груберъ указалъ Мельцони мѣсто противъ себя.

— У васъ есть бумаги? спросилъ онъ.

Мельцони вынулъ нѣсколько запечатанныхъ писемъ и передалъ Груберу.

— Ну что, какъ идутъ дѣла? заговорилъ тотъ снова.— Что, его святѣйшество все еще не рѣшается гласно возстановить нашъ орденъ?

— Кардиналъ Консальви прилагаетъ всѣ старанія, отвѣтилъ Мельцони.

— Ну, что-жь, дождемся, а пока будемъ и такъ работать.

Іезуиты говорили по-латыни.

— Одно изъ самыхъ важныхъ сообщеній, которыя я привезъ, началъ Мельцони,—это—вѣроятное появленіе въ Россіи перфектибилистовъ.

— Все-таки! не удержался одинъ изъ іезуитовъ, ударивъ по столу кулакомъ.

— Не перфектибилистовъ, а иллюминатовъ; иллюминатовъ, повторилъ Эверанжи, обращаясь къ Мельцони,—съ тѣхъ поръ, какъ мы добились изгнанія ихъ изъ Баваріи подъ этимъ именемъ и разгрома ихъ шайки—пусть они такъ и называются.

Тайное общество перфектибилистовъ было основано Вейсгаупомъ съ прямою цѣлію противодѣйствія іезуитамъ.

— Не въ этомъ дѣло! перебилъ Груберъ, кусая ногти.— Я уже имѣю свѣдѣнія—мнѣ казалось по крайней мѣрѣ, что они тутъ устроили свое гнѣздо...

— Да, продолжалъ Мельцони. — у насъ стало извѣстно, что они направились сюда... и даже самъ Adam Vetus долженъ быть здѣсь...

Онъ зналъ, какое впечатлѣніе должно произвести на отцовъ-іезуитовъ это имя...

— Adam Vetus! шепотомъ повторило нѣсколько голосовъ.

Только Груберъ и Бжозовскій казались спокойны.

— Я вѣрю, произнесъ Груберъ, — что при помощи Божіей и этотъ человѣкъ намъ будетъ не опасенъ— можетъ-быть мы справимся и съ нимъ...

Но лицо его стало все-таки серьезно. Видимо, что извѣстіе это было гораздо болѣе непріятно ему, чѣмъ колебаніе папы возстановить орденъ іезуитовъ.

— Однако нужно принять мѣры; но что сдѣлать? спросилъ Эверанжи. — Главное, нѣтъ такого человѣка, котораго они бы подпустили къ себѣ.

— У меня пожалуй найдется такой человѣкъ... процѣдилъ сквозь сжатые зубы Груберъ,—еще что? обратился онъ къ Мельцони.

— Затѣмъ, наши отцы находятъ, что пора вамъ приступать къ дѣятельности болѣе открытой въ Россіи, пора свергнуть Сестренцевича.

— Всѣми бы силами души желали этого, вздохнулъ Груберъ, — да рано еще, впрочемъ объ этомъ я самъ напишу подробно.

Онъ опять вопросительно взглянулъ на Мельцони.

— Еще, продолжалъ тотъ, — въ Италіи желали бы знать, какъ идетъ дѣло о склонности графа Литты къ русской графинѣ, которая вернулась сюда.

„Въ Италіи", собственно говоря, не особенно желали знать это, потому что тамъ были дѣла и поважнѣе любви Литты, но Мельцони самому хотѣлось получить эти свѣдѣнія.

Груберъ съ улыбкою глянулъ на него.

— За этимъ слѣдятъ, произнесъ онъ коротко, не вдаваясь въ объясненія.

Мельцони почувствовалъ себя слегка неловко.

— Относительно склонности русскаго наслѣднаго принца къ Мальтійскому ордену тоже не малый интересъ возбужденъ въ Италіи... опять заговорилъ онъ, какъ бы желая перемѣнить разговоръ.—Вотъ, кажется, все главное, а частности еще—узнаете изъ писемъ.

Груберъ сталъ распечатывать письма и, по мѣрѣ того, какъ просматривалъ ихъ,—передавалъ другимъ. Иныя, впрочемъ, онъ оставлялъ у себя и не показывалъ.

— Ну, а теперь, заговорилъ онъ, покончивъ съ письмами, — докажемъ нашему брату изъ Италіи, что мы тутъ не бездѣйствуемъ и тоже имѣемъ кой-какія свѣдѣнія...

И, говоря это, онъ отыскалъ въ лежавшихъ передъ нимъ на столѣ бумагахъ небольшой листокъ, весь исписанный очень мелко.

— Собраніе иллюминатовъ, прочелъ онъ,—назначено на 25-е число вечеромъ. Они соберутся въ домѣ графа Ожецкаго...

— Но вѣдь самого графа нѣтъ въ Петербургѣ и съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ за границу, домъ его стоитъ вотъ уже сколько лѣтъ заколоченъ, замѣтилъ кто-то.

— Имъ отопрутъ его, проговорилъ Груберъ, — они соберутся въ домѣ графа Ожецкаго, повторилъ онъ.— и одинъ изъ нашихъ братьевъ прослѣдитъ, кто будетъ входить въ этотъ домъ, а для того, чтобы узнать, на чемъ рѣшатъ они,—отъ насъ будетъ тамъ человѣкъ, отъ котораго мы вывѣдаемъ все нужное. Вотъ видите, синьоръ Мельцони, что и мы тутъ знаемъ кой-что...

Мельцони почтительно слушалъ, удивляясь невольно

Библиотека "Руниверс"

предпріимчивости и предусмотрительности отца Грубера.

— Дѣло наше въ Россіи въ опытныхъ рукахъ—я вижу теперь, произнесъ онъ вслухъ.

Груберъ самодовольно улыбнулся.

Когда они наконецъ разошлись, Мельцони вышелъ изъ кондитерской заднимъ ходомъ вмѣстѣ съ Груберомъ, который показывалъ ему дорогу.

Они вышли не на Милліонную, но на пустынный берегъ Мойки.

Снѣгъ, начинавшій подтаивать и покрываться гололедицей, не блестѣлъ уже своею серебряною бѣлизной. Темныя деревья по другую сторону Мойки качались и шуршали обледенѣлыми вѣтками...

— Боже мой, какъ тутъ непривѣтливо у васъ! проговорилъ Мельцони, скользя на каждомъ шагу и стараясь идти какъ можно осторожнѣе, чтобы не упасть.

— Ничего, успокоилъ Груберъ,—скоро начнетъ уже таять совсѣмъ и весна наступитъ... Весна здѣсь очень грязна, но за городомъ хороша... Вѣдь первая недѣля поста близка. Русскій постъ начнется позже, а нашъ уже скоро теперь.

— А скажите, отецъ, исповѣдь католикосъ въ чьихъ рукахъ здѣсь?

— Офиціально она—въ рукахъ клевретовъ Сестренцевича, но много вѣрныхъ сыновъ католической церкви приходятъ и къ намъ...

Они сдѣлали кругъ и вышли на Милліонную.

— Ну, теперь вы найдете дорогу? спросилъ Груберъ.

— Да, а вы куда?

— Я къ графу Литтѣ; мнѣ нужно повидаться съ нимъ...

— А вы съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, вы видитесь? спросилъ Мельцони.

— Конечно... да, въ хорошихъ отношеніяхъ, подтвердилъ Груберъ, прощаясь съ нимъ.

И они разошлись.

III.

Лавка бриллiантщика.

Только очутившись одинъ на улицѣ, въ своей каретѣ, Литта, выйдя отъ Мельцони, тяжело вздохнулъ, почувствовалъ, что новое, неожиданное горе взвалилось ему на плечи.

Онъ не могъ не повѣрить полученному извѣстію. Въ самой Франціи давно уже были отобраны всѣ земли дворянъ и духовенства. Дѣло теперь дошло и до Сѣверной Италіи, изъ которой образована Цизальпинская республика...

— О, Боже мой, Боже мой! проговорилъ Литта, силясь сообразить, что ему дѣлать теперь.

Нужно было однако подумать, какъ управиться съ дѣлами и расплатиться хотя бы съ тѣми долгами, которые были сдѣланы уже въ надеждѣ на получку денегъ.

Одинъ долгъ—старику Шульцу, который повѣрилъ Литтѣ свой крестъ безъ всякой росписки,—особенно безпокоилъ графа. Небольшая часть была уплачена, но только часть. Остальное нужно было уплатить — „или вернуть крестъ", рѣшилъ Литта, и обрадовавшись, что онъ можетъ раздѣлаться еще съ этимъ долгомъ, онъ велѣлъ ѣхать въ Морскую къ лавкѣ бриллiантщика, гдѣ онъ былъ уже разъ, внося Шульцу часть денегъ.

Старикъ Шульцъ встрѣтилъ его очень приветливо.

Небольшая, низкая, но чистенькая и опрятная лавка была очень уютна и походила скорѣе на обыкновенную комнату съ зеркаломъ, простымъ круглымъ столомъ и кресломъ съ высокою спинкою, у окна. Только небольшая витрина въ углу съ ювелирными вещами говорила о профессіи жившаго тутъ хозяина.

Шульцъ всталъ со своего кресла навстрѣчу Литтѣ, улыбнувшись ему, какъ желанному гостю.

— Не думайте, что я пріѣхалъ къ вамъ съ деньгами, проговорилъ Литта.—Напротивъ, я пріѣхалъ сообщить вамъ, что ихъ не только у меня нѣтъ, но и не будетъ.

— И не будетъ? переспросилъ Шульцъ.

— Да. Я только-что получилъ извѣстіе, что лишенъ всѣхъ своихъ земель и всего состоянія. Мои командорства конфискованы правительствомъ французской республики...

Шульцъ покачалъ головою.

— И вотъ, продолжалъ Литта,—я пріѣхалъ къ вамъ, чтобы покончить со своимъ долгомъ... Вотъ видите-ли, тамъ мною заплачено уже тысячу рублей, кажется... такъ?..

— Такъ, подтвердилъ Шульцъ.

— Ну, вотъ все, что я могу теперь сдѣлать — это вернуть вамъ цѣпь съ крестомъ, предложивъ эту тысячу рублей вамъ въ видѣ платы за то, что я пользовался вашею вещью... Это единственный для меня выходъ...

— Такъ... такъ... забормоталъ Шульцъ,—мнѣ очень жаль васъ... Только зачѣмъ же тысячу... зачѣмъ вы мнѣ будете платить? Вѣдь вещь у васъ совсѣмъ осталась цѣлою, она не испорчена...

— Я думаю, что нѣтъ, сказалъ Литта, снимая съ себя мальтійскій крестъ и передавая его Шульцу.

Тотъ взялъ его и началъ разсматривать.

— Да, проговорилъ онъ, — нисколько не испорчена: тотъ же блескъ чистый и прозрачный—эта цѣпь была на достойной груди... Хорошо, добавилъ онъ,—я приму вещь обратно и верну вамъ вашу тысячу рублей...

— Нѣтъ, на это я не соглашусь, перебилъ Литта.— зачѣмъ же? Пусть деньги останутся у васъ?.. За что же вы будете терять?

Шульцъ въ это время досталъ изъ кармана плоскій черный футляръ, вынулъ оттуда круглыя серебряныя очки и надѣлъ ихъ вмѣсто своихъ синихъ, продолжая разглядывать бриллiанты. Онъ мелькомъ посмотрѣлъ на Литту, и тотъ, поймавъ этотъ взглядъ быстрыхъ его глазъ изъ-за серебряныхъ очковъ, вдругъ замѣтилъ въ нихъ что-то знакомое, давно забытое, исчезнувшее, какъ отдаленное воспоминаніе...

— Poursuivre des biens périssables, c'est se voner à l'éternité de la mort... проговорилъ вдругъ Шульцъ на совершенно чистомъ французскомъ языкѣ.

— Лагардинъ-Нике! воскликнулъ Литта, узнавъ старика.

Старикъ поднялъ голову, улыбнулся и спокойно отвѣтилъ:

— Да, я тотъ, кого вы знали въ Неаполѣ подъ именемъ Лагардина-Нике...

Литта почувствовалъ, какъ будто какое-то смущеніе овладѣваетъ имъ.

— Что же это значитъ? спросилъ онъ.

— Это значитъ, что я не хочу принимать вашихъ денегъ и, открывшись вамъ, надѣюсь на вашу скромность... Вы видите теперь, что я пріѣхалъ въ Петербургъ не съ однимъ дѣломъ скромнаго бриллiантщика. Впрочемъ, мы еще увидимся съ вами, вѣроятно, и скорѣе даже, чѣмъ вы думаете... А пока... позвольте вамъ передать...

И онъ, доставъ изъ конторки пачку билетовъ, подалъ ихъ Литтѣ.

— Зачѣмъ бы вы ни пріѣхали сюда — можете быть покойны, отвѣтилъ Литта, — что я не стану выдавать васъ... А теперь, если ужъ вы непремѣнно хотите вернуть мнѣ деньги, то дайте вмѣсто нихъ какую-нибудь вещицу, — мнѣ нужно послать подарокъ тутъ одному пріѣзжему...

— Если вамъ это будетъ угодно, отвѣтилъ бриллiантщикъ, подходя къ витринѣ, и вынувъ нѣсколько вещей, разложилъ ихъ на столѣ. — Если вамъ угодно, я даже самъ пошлю вещь по адресу, добавилъ онъ,— вѣдь вы послать ее хотите?..

Библиотека "Руниверс"

— Да... тутъ пріѣхалъ курьеръ изъ Италіи, его зовутъ Мельцони, онъ остановился въ гостиницѣ... Мои люди въ Гатчинѣ; если вы можете послать—буду очень благодаренъ.

— Вотъ эту вещь пошлите, показалъ старикъ табакерку изъ какого-то особеннаго, совершенно чернаго, какъ уголь, сплава, съ широкою плоскою крышкой на которой посрединѣ былъ вдѣланъ большой бриліантъ, ярко блестѣвшій на черномъ фонѣ.

Литта отложилъ эту табакерку и, повторивъ еще разъ, кому ее слѣдовало послать, — написалъ благодарственную записку Мельцони, чтобы отправить ее вмѣстѣ съ вещью, простился и вышелъ.

Можетъ-быть въ другое время его бы больше заинтересовало это неожиданное для него появленіе въ Россіи старика, котораго онъ видалъ въ Неаполѣ и который ему сдѣлалъ когда-то такое странное предсказаніе, но въ настоящую минуту Литта слишкомъ былъ занятъ своими мыслями о постигшемъ его новомъ несчастіи...

Въ самомъ грустномъ, отчаянномъ положеніи заѣхалъ Литта въ свой городской, занимаемый имъ въ Петербургѣ, домъ, чтобы осмотрѣть, что можно было продать тамъ, и къ удивленію своему засталъ Грубера, который ожидалъ его.

„И что ему надо еще отъ меня?“ подумалъ Литта. Ему положительно никого не хотѣлось видѣть.

А Груберъ между тѣмъ ласково уже здоровался съ нимъ и спѣшилъ объяснить свое появленіе тѣмъ, что онъ случайно узналъ, что графъ въ городѣ, и спѣшилъ ему засвидѣтельствовать свое почтеніе, имѣя, между прочимъ, однако, и дѣло къ нему...

— Какое же дѣло? нехотя спросилъ Литта, у котораго и своихъ хлопотъ было теперь достаточно.

— Прежде всего, началъ Груберъ,—позвольте спросить васъ: вѣрный-ли вы сынъ католической церкви и дѣйствительно-ли желаете и впредь носить званіе мопашескаго, рыцарскаго ордена, не по одному лишь наименованію, но и по дѣлу, какъ до сихъ поръ вы дѣйствовали, сражаясь съ невѣрными?

— Конечно, произнесъ Литта, взглядывая на іезуита, какъ бы желая узнать, къ чему онъ это еще спрашиваетъ.

— И даже поставить дѣло церкви выше своихъ дѣлъ? продолжалъ спрашивать Груберъ.

— Я это обязанъ сдѣлать, отвѣтилъ Литта.

— И пойдете на явную опасность?

Литта встрепенулся. Ему именно теперь, въ томъ состояніи, въ которомъ находился, нужна была какая-нибудь опасность, какое-нибудь сильное ощущеніе, и чѣмъ было опаснѣе положеніе, въ которое его хотѣли поставить, — тѣмъ было лучше для него. Если бы его послали на смертельный рискъ—онъ этому только обрадовался бы.

— Вы, конечно, заговорилъ снова Груберъ, понявъ и безъ словъ душевное состояніе Литты,—вы, конечно, послѣ нашего послѣдняго разговора имѣете теперь настоящее понятіе объ Обществѣ Іисуса?..

— То-есть я, перебилъ Литта, — знаю съ вашихъ словъ, что Орденъ іезуитовъ не руководится тѣми правилами, которыя имъ приписываютъ...

— И вѣрьте этому, подтвердилъ Груберъ. — Теперь слушайте: здѣсь появились люди составившіе заговоръ противъ насъ, т. е. противъ церкви, которой мы служимъ. Они хотятъ во что бы то ни стало выгнать насъ изъ Россіи... Нужно ратовать противъ нихъ.

— Если эти люди желаютъ сдѣлать зло —я готовъ вамъ помочь противъ нихъ, сказалъ Литта, подымая голову.

— Еще бы не желаютъ, конечно—желаютъ; но дѣло въ томъ, что нужно, чтобы смѣлый, храбрый и достойный человѣкъ вошелъ въ ихъ среду, чтобы онъ не робѣлъ явиться къ нимъ въ тайное собраніе. Оно назначено у нихъ завтра... И вотъ я разсчитывалъ на васъ, графъ...

Эпитеты „смѣлый, храбрый и достойный“ были нарочно подчеркнуты Груберомъ, который смотрѣлъ теперь на Литту вызывающе, какъ бы испытывая его.

— Пойти не трудно, отвѣтилъ, подумавъ, Литта,— но какъ же я попаду къ нимъ?

— Я вамъ сообщу и мѣсто собранія, и условный пропускъ, и какъ войти туда—все...

— Хорошо, снова перебилъ Литта,—я войду, а потомъ что?..

— Потомъ—это будетъ зависѣть отъ васъ... смотря по тому, какъ вы поведете себя; я увѣренъ, что вы не сдѣлаете ничего недостойнаго васъ—и Богъ вамъ поможетъ... Дѣйствуйте во славу Божію лишь, и все будетъ хорошо...

— Если такъ, то я согласенъ, проговорилъ Литта, и іезуитъ протянулъ ему руку...

(Продолженіе будетъ).

Вѣтка камелій.

Повѣсть **Тео Зельманъ.**

Въ одинъ изъ апрѣльскихъ дней 1834 года ясное и безоблачное небо синѣло надъ Флоренціей. Золотое, послѣполуденное солнце разсыпало лучи по всему издревле-славному городу на берегахъ рѣки Арно, обливало свѣтомъ всѣ площади и улицы, какъ бы волшебствомъ давало новую жизнь полуразрушеннымъ орнаментамъ старинныхъ дворцовъ гордой старой знати и яркимъ блескомъ освѣщало хижины бѣдняковъ.

Лучи его попали и въ маленькую комнатку третьяго этажа одного изъ крайнихъ домовъ на улицѣ предмѣстья Пистойи. Это была по-истинѣ скромная комнатка. Засохшій лавровый вѣнокъ былъ единственнымъ украшеніемъ чисто выбѣленныхъ стѣнъ. Онъ висѣлъ надъ ветхимъ столомъ, возлѣ котораго стоялъ стулъ, единственный въ комнатѣ. У противоположной стѣны помѣщалась кровать. На окнѣ, прислонясь къ одной изъ стѣнокъ, сидѣлъ блѣдный молодой человѣкъ, блуждая мечтательнымъ взоромъ по цвѣтущему саду и зеленымъ виноградникамъ. Повидимому, онъ только-что кончилъ играть; въ лѣвой рукѣ у него еще была скрипка, правая небрежно свѣсилась со смычкомъ. Его худое лицо носило слѣды долгихъ лишеній, и даже платье выдавало, что его владѣльцу приходилось вести жестокую борьбу съ нуждою. Глубокій вздохъ слетѣлъ съ его губъ, и онъ, вздрогнувъ, очнулся отъ своихъ грёзъ, когда постучались въ дверь.

— Войдите! тихо сказалъ онъ.

Въ комнату вошла старуха со смуглымъ, морщинистымъ, но пріятнымъ лицомъ.

— Я не безпокою васъ, синьоръ? спросила она со свойственною итальянкамъ живостью

— Нисколько.

— Да, ужь въ этомъ, я думаю, вамъ нельзя пожаловаться на свою хозяйку; я бы и теперь не потревожила васъ, если бы не это письмо, присланное вамъ по почтѣ. Оно изъ Парижа.

— Изъ Парижа? быстро переспросилъ музыкантъ и поспѣшно подошелъ къ хозяйкѣ. — Дѣйствительно! продолжалъ онъ, прочитавъ адресъ: „Господину Оле-Буллю, во Флоренцію“. Онъ распечаталъ конвертъ дрожащими отъ волненія руками и вынулъ письмо.

— И это не сбылось! Теперь все кончено! простоналъ онъ и почти упалъ на стулъ, пораженный извѣстіемъ.

— Что это такъ огорчило васъ, синьоръ? съ участіемъ спросила старушка. — Безъ сомнѣнія, вы получили ужасную вѣсть?

— Вы уже знаете, госпожа Пеличчони, съ отчаяніемъ отвѣтилъ онъ,—что въ Парижѣ у меня былъ вліятельный другъ, именно госпожа Вильмино, которая помогла мнѣ устроить мой первый концертъ...

— Да, да... ну что же?

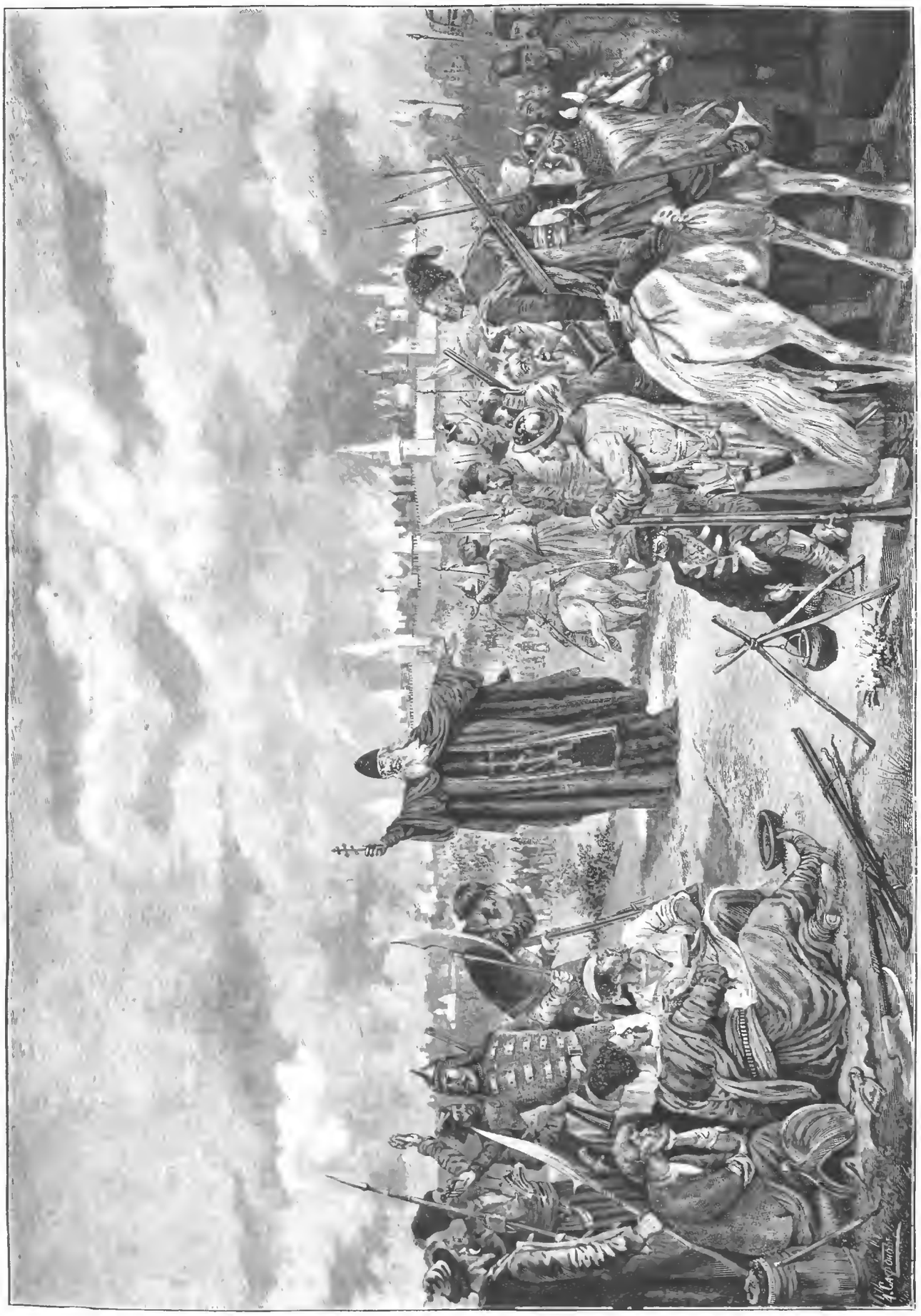
— Я просилъ ее выслать мнѣ денегъ взаймы, и теперь получаю отъ ея племянника извѣстіе, что она въ Англіи.

— Это очень прискорбно, съ состраданіемъ сказала госпожа Пеличчони,—и вамъ больше неоткуда ждать помощи?

— Неоткуда.

— Зачѣмъ же такъ унывать, синьоръ! Я часто бывала въ нуждѣ и всегда становилась на ноги! Не падайте духомъ; побольше бодрости, синьоръ, и все будетъ хорошо.

Библиотека "Руниверс"



Келарь Авраамій Палицынъ въ станѣ казаковъ Трубецкаго подъ Москвой (24 августа 1612 г.).

Оригин. рис. (собств. „Нивы") Сафонова. грав. Фюгель.

Библиотека "Руниверс"

И бросивъ на жильца взглядъ полный участія, госпожа Пеличчони вышла изъ комнаты. Оле-Булль едва замѣтилъ это. Въ глубокомъ раздумьѣ смотрѣлъ онъ куда-то вдаль. Въ его воображеніи вставало все прошлое. Онъ видѣлъ себя въ горахъ Норвегіи: онъ окруженъ попеченіями любимой матери и руководимъ строгимъ, но заботливымъ отцомъ. Онъ вспоминалъ годы своего дѣтства и юности. Въ то время, какъ его школьные товарищи весело коротали время въ играхъ и забавахъ, онъ сидѣлъ въ своей рабочей комнаткѣ за скрипкой, единственнымъ другомъ его юности. Онъ посвящалъ ей все свободное время; онъ былъ доволенъ и счастливъ, когда внималъ то ликующимъ, то плачущимъ звукамъ ея и рисовалъ себѣ въ упоительныхъ мечтахъ будущую славу и почести. Такую жизнь велъ онъ до поступленія въ университетъ въ Христіаніи, гдѣ, по желанію отца, ему предстояло изучать богословіе. Сначала онъ ревностно принялся за богословскія науки, но впослѣдствіи снова вернулся къ любимому инструменту, и тогда въ немъ созрѣло твердое намѣреніе всецѣло посвятить себя искусству. Онъ отправился въ Германію, къ Шпору въ Кассель, но здѣсь встрѣтилъ холодный и презрительный пріемъ вмѣсто ожидаемаго имъ вниманія. Усомнившись въ себѣ самомъ, онъ снова принялся за ученіе, и на этотъ разъ сталъ изучать правовѣдѣніе. Въ Гёттингенѣ онъ познакомился съ знаменитымъ виртуозомъ на скрипкѣ Паганини, который достойнымъ образомъ оцѣнилъ его талантъ и взялъ его съ собою въ Парижъ. Онъ уже считалъ себя близкимъ къ достиженію цѣли, какъ въ городѣ появилась холера и отняла всякую возможность выступить передъ публикой. Онъ впалъ въ тяжкую нужду; къ тому же, у него украли скрипку. Тогда въ отчаяніи онъ бросился въ волны Сены. Едва удалось спасти его жизнь. Его печальная судьба обратила на него вниманіе, и госпожа Вильмино, извѣстная въ то время меценатка, приняла въ немъ участіе. Казалось, звѣзда его начинала восходить. При посредствѣ госпожи Вильмино, онъ далъ концертъ, доставившій ему нѣкоторую извѣстность и денежныя средства. Этотъ вѣнокъ на стѣнѣ былъ живымъ воспоминаніемъ его перваго успѣха. Теперь онъ могъ исполнить свое страстное желаніе — посѣтить Италію, которая тогда еще была классическою страной музыки. Но какъ скоро и здѣсь угасли его гордыя надежды! Къ кому онъ ни обращался, всѣ старались отдѣлаться отъ него, такъ что онъ наконецъ прервалъ всѣ сношенія и совершенно уединился. Онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ жилъ во Флоренціи, его денежныя средства замѣтно таяли и неизбѣжно грозилъ ему тотъ день, когда придется задать себѣ вопросъ: чѣмъ ты будешь жить завтра?

Оле-Булль глубоко вздохнулъ. Онъ безсознательно всталъ, выдвинулъ ящикъ стола и, вынувъ изъ него кошелекъ, высыпалъ содержимое на руку. „Только 200 чентезимовъ", прошепталъ онъ.—„На два дня хватитъ... а дальше?"

Его слова были прерваны новымъ стукомъ въ дверь, и синьора Пеличчони, не дожидаясь даже его „войдите", уже стояла среди комнаты съ раскраснѣвшимися щеками.

— Она здѣсь! съ ликованіемъ въ голосѣ воскликнула она.— Она здѣсь!

— Кто? спросилъ музыкантъ, опуская кошелекъ въ карманъ.

— Кто?! Извѣстная всему міру пѣвица, прибытія которой уже три дня ждала вся Флоренція, госпожа Малибранъ, ангелъ съ голосомъ чистымъ какъ звонъ колокольчиковъ! И съ нею прибылъ господинъ Беріо.

— Малибранъ здѣсь? Оле-Булль привскочилъ съ мѣста.

— Да, да, она остановилась въ отелѣ d'Angleterre и сегодня же вечеромъ даетъ концертъ, котораго весь городъ ждетъ съ нетерпѣніемъ.

— Случай посылаетъ мнѣ спасеніе!

Молодой музыкантъ поспѣшно схватилъ шляпу, распахнулъ дверь и опрометью сбѣжалъ съ лѣстницы. Итальянка удивленно посмотрѣла въ слѣдъ своему жильцу, бывшему прежде такимъ степеннымъ.

Выбѣжавъ на улицу, Оле-Булль вдохнулъ въ себя струю свѣжаго воздуха. Тысячи мыслей проносились въ его головѣ, и всѣ онѣ вертѣлись около той, что Малибранъ позволитъ ему сыграть въ ея концертѣ одну изъ его вещей. Онъ встрѣчался съ нею въ Парижѣ у госпожи Вильмино и зналъ ея очаровательную любезность. Если онъ выступитъ вмѣстѣ съ нею передъ публикой, то вѣроятно будетъ имѣть успѣхъ, и тогда всякая нужда исчезнетъ.

Но прежде чѣмъ сдѣлать рѣшительный шагъ, на который онъ возлагалъ послѣднюю надежду, и пойти къ пѣвицѣ, онъ хотѣлъ успокоиться и рѣшилъ немного пройтись по улицѣ Пистойи.

Солнце уже клонилось къ закату, дневной жаръ спадалъ и птицы запѣли въ лавровой и маслиновой рощѣ, разстилавшейся по пути. Слушая ихъ пѣніе, Оле-Булль уже свернулъ въ улицу, покрытую извесковою пылью, какъ вдругъ услышалъ около себя чей-то голосъ. Предъ нимъ стояла дѣвочка, одѣтая въ тряпье, съ корзинкой цвѣтовъ на рукѣ, и умоляюще смотрѣла на него большими, влажными отъ слезъ глазами.

— Синьоръ, купите эти цвѣты! робко просила она.

При этомъ она схватила вѣтку роскошныхъ красныхъ камелій и протянула ее музыканту.

— Благодарю, мнѣ не надо ихъ, дитя мое! отвѣтилъ Оле-Булль и отвернувшись хотѣлъ продолжать путь.

Но дѣвочка не отставала и почти бѣгомъ догнала его.

— Синьоръ, будьте сострадательны, купите эти цвѣты!

Это было не простое выхваленіе надоѣдливаго продавца. Страхъ и отчаяніе звучали въ этой просьбѣ.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ музыкантъ, снова останавливаясь.

— Маріеттой!

— Ну, Маріетта, я не могу помочь тебѣ, какъ бы мнѣ ни хотѣлось этого... Я самъ бѣденъ.

— О, синьоръ, вы богаты!.. А мой отецъ уже четыре недѣли лежитъ въ лихорадкѣ, а третьяго дня заболѣла и мать. Намъ нечего ѣсть,—нѣтъ ни хлѣба, ни молока. Я и придумала...

— Что-жъ ты придумала? спросилъ Оле-Булль, тронутый ея словами.

— Мать, отвѣчала дѣвочка, — понемногу продала все, что можно было продать, и у насъ ничего не осталось. И когда я сегодня слышала стоны отца и плачъ матери, мнѣ попался на глаза стоявшій на окнѣ горшокъ съ камеліями, которыя я на праздникъ Пасхи посвятила Богородицѣ. Я молилась со слезами, чтобы Святая Дѣва простила меня, если я отрѣжу и продамъ цвѣты для спасенія родителей.

— Гдѣ живутъ твои родители? уже серьезно спросилъ музыкантъ.

— Тамъ, сейчасъ за лѣсомъ, среди виноградниковъ.

— Пойдемъ, проводи меня.

Маріетта торопливо побѣжала впереди музыканта. Скоро они свернули на какую-то тропинку, и спустя нѣсколько минутъ Оле-Булль увидѣлъ предъ собою полуразвалившійся бѣлый домишко, низкая кровля котораго едва превышала окружавшій его кустарникъ.

— Вотъ здѣсь! закричала дѣвочка и указала рукой на эту бѣдную лачугу.

Оле-Булль послѣдовалъ за своей путеводительницей, помчавшейся впередъ, но пораженный остановился на порогѣ комнаты. Въ углу сырой и темной конуры лежалъ на подстилкѣ изъ соломы мужчина, прикрытый рваннымъ одѣяломъ, который дико билъ руками вокругъ себя, причемъ изъ устъ его вырывались отрывистыя, непонятныя слова. Возлѣ него скорчившись и уронивъ голову на колѣни сидѣла женщина и тихо стонала. Жильцы домика повидимому не замѣчали пришельца, по крайней мѣрѣ они не обнаружили этого ни малѣйшимъ движеніемъ. Въ комнатѣ не было ни стола, ни стульевъ, только на землѣ возлѣ женщины лежала оловянная тарелка и ложка.

На окнѣ, съ грязными побитыми стеклами, стоялъ горшокъ съ сочными и свѣжими зелеными листьями камелій, но безъ цвѣтовъ.

При видѣ этой крайней нищеты слова замерли на губахъ Оле-Булля. Прислонившись къ дверному косяку, онъ смотрѣлъ горящими глазами на группу у своихъ ногъ.

Маріетта поставила свою корзинку съ цвѣтами подлѣ него и кинулась къ матери.

— Мама!.. произнесла она умоляюще и слегка касаясь ея плеча.—Гость!..

Женщина взглянула стеклянными глазами и дрожа прошептала:

— Синьоръ... синьоръ...

— Сударыня, вы еще не посылали за докторомъ? спросилъ тронутый Оле-Булль, подходя къ матери Маріетты.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы слишкомъ бѣдны для этого.

— Надо позаботиться объ этомъ, продолжалъ онъ. — Поди сюда, Маріетта, вотъ тебѣ деньги, бѣги сейчасъ въ городъ и купи хлѣба, молока и плодовъ. Доктора я пришлю самъ. Ободритесь, сударыня!

И съ этими словами онъ вынулъ кошелекъ и высыпалъ деньги въ руки Маріетты. Пусть это его послѣднія деньги и самъ онъ подавленъ тяжестью нужды и заботъ, но что всѣ его нужды предъ той нищетой, которая была предъ его глазами!

— До завтра у васъ есть на что прожить, обратился онъ къ матери Маріетты,—завтра же я вновь навѣщу васъ и посмотрю какъ идетъ дѣло.

Не дожидаясь благодарности, онъ быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты, пораженный всѣмъ видѣннымъ. Онъ еще не успѣлъ перейти улицы, какъ услышалъ сзади зовущій его голосъ. Это Маріетта бѣжала за нимъ съ вѣткой камелій.

— Синьоръ! синьоръ! кричала она,—возьмите же ваши цвѣты! Въ порывѣ благодарности она схватила его руку, горячо поцѣловала ее и воскликнула:—Святая Дѣва вознаградитъ васъ, синьоръ, за все, что вы для насъ сдѣлали! Возьмите эти посвященные Ей цвѣты, они принесутъ вамъ счастье.

Оле-Булль былъ растроганъ словами дѣвочки.

— Спасибо тебѣ, Маріетта, сказалъ онъ и взялъ изъ ея дрожащей руки вѣтку камелій. — О, если бы сбылись твои пожеланія!

II.

Госпожа Малибранъ ходила по зеркальной гостиной отеля d'Angleterre и вела живую бесѣду. На знаменитой пѣвицѣ

Библиотека "Руниверс"

было надѣто бѣлое кашемировое платье съ длиннымъ треномъ, стянутое въ таліи широкой голубою шелковою лентой. Бриліантовое ожерелье украшало ея прекрасную шею. На стулѣ сидѣлъ Оле-Булль, положивъ предъ собою на столѣ вѣтку камелій.

Еще разъ увѣряю васъ, дорогой другъ, сказала пѣвица, останавливаясь передъ нимъ, — я весьма рада нашей неожиданной встрѣчѣ здѣсь. Я потеряла васъ изъ виду послѣ Парижа, и вдругъ здѣсь мы внезапно встрѣчаемся. Какъ идутъ ваши занятія?.. Отчего вы не даете концертовъ?

— Своими занятіями я доволенъ, за то концертами гораздо меньше, отвѣчалъ Оле-Булль глухимъ голосомъ. — Въ Миланѣ и Венеціи я сдѣлалъ нѣсколько попытокъ, но безъ успѣха, и здѣсь меня до такой степени незамѣчали, что я порвалъ сношенія со всѣми и совершенно уединился.

— Это очень печально.

— Однако вашъ вопросъ о моихъ концертахъ даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ съ просьбой. Несмотря на всѣ прежнія неудачи, я твердо увѣренъ въ себѣ. Но мнѣ нужна помощь, чтобы выйти изъ неизвѣстности, мнѣ необходима восходящая звѣзда, которая озарила-бы и меня — и частицей своего блеска привлекла бы на меня вниманіе толпы. Какъ только я узналъ о вашемъ пріѣздѣ, я сказалъ себѣ, что вы будете этой звѣздой для меня. Я прошу у васъ позволенія выступить въ этотъ вечеръ на вашемъ концертѣ. Если я такъ настойчиво и такъ поздно обращаюсь къ вамъ, то это потому, что узналъ о вашемъ желаніи дать здѣсь только одинъ концертъ.

Лицо пѣвицы, по мѣрѣ того какъ говорилъ Оле-Булль, становилось все серьезнѣе. Когда онъ смолкъ, она сказала мягко, но весьма рѣшительно:

Дорогой другъ, вы знаете, что зависть къ товарищамъ по искусству не находитъ себѣ мѣста въ моемъ сердцѣ, и вы не истолкуете ложно мой отвѣтъ. Я уже раньше сообщила вамъ, что путешествую съ моимъ женихомъ, господиномъ Беріо. Онъ какъ и вы — скрипачъ, и я должна прямо сказать вамъ, онъ такъ же ревнивъ къ своему призванію, какъ и къ моей любви. Поставьте себя на мое мѣсто. Я знаю, что если я сообщу ему о вашемъ желаніи, то это сильно раздражитъ его. Какъ я ни расположена къ вамъ, но при такомъ положеніи дѣлъ я, къ несчастью, не могу исполнить вашей просьбы.

— Конечно, при такихъ обстоятельствахъ я беру ее назадъ, сударыня! отвѣчалъ Оле-Булль съ отчаяніемъ въ голосѣ.

Онъ поблѣднѣлъ и чувствовалъ себя какъ утопающій, у котораго отнимаютъ послѣднюю помощь.

Къ тому же, продолжала пѣвица, сегодня Шарль въ самомъ худомъ настроеніи. Вамъ извѣстно, что я развожусь съ моимъ первымъ мужемъ. Мы ожидали найти здѣсь извѣстіе объ окончательномъ приговорѣ суда, а вмѣсто его получили письмо съ извѣстіемъ, что дѣло отложено по меньшей мѣрѣ на четверть года.

— О, я понимаю раздраженіе господина Беріо. Но не могу-ли я поговорить съ нимъ? спросилъ Оле-Булль.

— Какъ жаль, отвѣчала Малибранъ, — что его нѣтъ дома! Онъ поѣхалъ къ нѣкоторымъ товарищамъ по искусству, но я ожидаю его съ минуты на минуту. Будьте любезны, подождите немного.

— Къ сожалѣнію, я не могу этого сдѣлать, сказалъ музыкантъ, поднявшись и взявъ со стола вѣтку камелій. — Мнѣ предстоитъ еще неотложный путь къ доктору, и потому я долженъ отказаться отъ этой встрѣчи.

— Но вы будете на концертѣ?

— Непремѣнно, сударыня!

— Дорогой другъ, послѣ короткаго молчанія продолжала пѣвица, взоромъ участія окидывая бѣдный костюмъ Оле-Булля, — къ сожалѣнію, я должна была отказать вамъ въ участіи на сегодняшнемъ концертѣ, но если я могу вамъ быть полезна въ чемъ-либо другомъ...

Яркій румянецъ покрылъ щеки Оле-Булля. Онъ понималъ, что этимъ вопросомъ пѣвица предлагала ему денежную помощь; у него мелькнула мысль, что онъ отдалъ свои послѣднія наличныя деньги Маріеттѣ, и что одного слова пѣвицѣ будетъ достаточно, чтобы устранить всякую нужду на будущее время, но гордость артиста заговорила въ немъ: онъ приметъ милостыню?!.. Спокойно и рѣшительно онъ произнесъ:

— Не знаю, въ чемъ именно, сударыня.

Затѣмъ онъ протянулъ ей руку и съ горечью, охватившей его сердце при утратѣ послѣдней надежды, сказалъ:

— До свиданія, до вечера!

Онъ уже взялся за ручку двери, какъ почувствовалъ вдругъ прикосновеніе къ плечу. Малибранъ стояла передъ нимъ.

— Дорогой другъ, сказала она съ лукавой улыбкой, — еще минутку. Теперь я обращаюсь къ вамъ съ просьбой, не можете-ли вы уступить мнѣ эту роскошную вѣтку камелій?

— Вѣтку камелій? смущенно переспросилъ Оле-Булль.

— Ну, да. Кто-же дѣлаетъ такую печальную мину, когда дама проситъ объ одолженіи? Мнѣ кажется, что эта вѣтка очень пойдетъ къ моему гуалету. Я на концертѣ приколю ее къ моему поясу. Вы согласны?

— Я очень радъ, сударыня, отвѣчалъ Оле-Булль съ печальной улыбкой, — что хоть этимъ буду немного содѣйствовать вашему концерту. Вотъ вамъ цвѣты!

— Благодарю васъ, отвѣчала пѣвица, взявъ изъ его руки вѣтку камелій. — Вашъ подарокъ вдохновитъ меня при пѣніи. До свиданья!

— До свиданья, сударыня!

Едва Оле-Булль оставилъ гостиную, какъ въ одну изъ боковыхъ дверей вошелъ человѣкъ, въ которомъ съ перваго взгляда можно было узнать артиста. Это былъ Шарль де-Беріо, придворный скрипачъ его величества короля Нидерландскаго, имѣвшій много завистниковъ и вслѣдствіе своей безмѣрной ревности часто потерпѣвшій насмѣшкамъ, женихъ Малибранъ.

Наконецъ, я дома, дорогая! сказалъ онъ. — Нѣтъ ничего непріятнѣе этихъ надоѣдливыхъ визитовъ. Вездѣ тѣ-же вопросы, тѣ-же отвѣты, тѣ-же чрезмѣрныя похвалы и тѣ-же комплименты. Но дай мнѣ, прежде всего, свою милую ручку и разскажи, какъ ты провела безъ меня время?

— Прелестно! отвѣчала пѣвица, лукаво улыбаясь жениху.

— Да?.. протянулъ Беріо, поднимая брови, — могу спросить, съ кѣмъ?

— Безъ тебя, Шарль, былъ у меня одинъ господинъ.

— Господинъ? Развѣ я не запретилъ тебѣ разъ навсегда принимать разныхъ господъ? И даже въ мое отсутствіе! Кто-же это?

Одинъ старый знакомый изъ Парижа, отвѣчала пѣвица, которую начинала забавлять вспышка безпричинной ревности ея жениха.

И даже знакомый изъ Парижа? продолжалъ Беріо, котораго уклончивые отвѣты Малибранъ приводили въ постепенно возраставшее раздраженіе. — Сейчасъ-же назови мнѣ его имя!

— А если я этого не сдѣлаю?

— Тогда я съумѣю чувствительно наказать тебя!

— Наказать? Ха, ха, ха! Это становится часъ отъ часу восхитительнѣе. Посмотри-ка, Шарль, продолжала смѣясь пѣвица, — онъ мнѣ подарилъ эту великолѣпную вѣтку камелій.

При этихъ словахъ музыкантъ потерялъ все самообладаніе. Въ порывѣ гнѣва онъ кинулся къ пѣвицѣ и протянулъ руки, чтобы вырвать у ней цвѣты.

— Дай цвѣты, Фелиси! Не раздражай меня! Отъ кого они?

— Теперь ты вовсе не получишь ихъ! За твою запальчивость я и цвѣтовъ тебѣ не дамъ, и не назову имени этого господина.

— Пожалуйста, дай мнѣ цвѣты! обратился къ ней Беріо, съ трудомъ сдерживая себя.

— Нѣтъ!

— Отчего нѣтъ?

— Оттого, что я надѣну ихъ на концертъ.

— Вотъ какъ?! бѣшено закричалъ ревнивецъ. — Въ такомъ случаѣ ты можешь не разсчитывать на меня...

— Какъ прикажешь мнѣ понимать это?

— Очень просто. Я не буду тогда участвовать въ концертѣ.

— Такъ я буду принуждена замѣнить тебя.

— Это не такъ-то легко сдѣлать. Гдѣ ты разыщешь въ одинъ часъ во Флоренціи скрипача, который-бы осмѣлился соперничать со мной?

— Ужь я позабочусь объ этомъ.

— Такъ ты не отдашь мнѣ цвѣты?

— Я-же разъ сказала тебѣ: нѣтъ.

— Тутъ, по всей вѣроятности, кроется нѣчто большее, чѣмъ ты разсказала. Это ложь, измѣна, тайная интрига съ какимъ-то обожателемъ. О, еслибъ я могъ разорвать его на тысячу частей вмѣстѣ съ этими цвѣтами!

Музыкантъ былъ внѣ себя отъ ревности. Онъ то съ отчаяніемъ проводилъ руками по волосамъ, то яростно махалъ ими по воздуху.

Итакъ, ты останешься при своемъ намѣреніи? не слушая утѣшительнаго слова отъ Малибранъ, спросилъ онъ, все еще дрожа отъ гнѣва.

— Я уже тебѣ сказала: да!

— Такъ я клянусь тебѣ, что сегодня вечеромъ я не играю. Ты должна будешь отложить концертъ, и это послужитъ тебѣ наказаніемъ.

— Концертъ состоится и безъ тебя, милый Шарль, отвѣчала Малибранъ, — и если ты случайно попадешь въ число публики, то, вѣроятно, останешься имъ доволенъ.

— Буду-ли я на концертѣ, спрашиваешь ты? И ты полагаешь, что я пропущу это интересное зрѣлище, на которомъ какой-то подобранный вмѣсто меня музыкантишка будетъ освистанъ? Или ты надѣешься, что я позволю тебѣ вволю обмѣниваться любовными взглядами съ господиномъ, подарившимъ тебѣ эти цвѣты? Нѣтъ, я не спущу съ тебя глазъ. Горе тебѣ и горе ему! Мы еще увидимся!

Съ этими словами Беріо выбѣжалъ изъ комнаты. Когда дверь за нимъ затворилась, пѣвица разхохоталась серебрянымъ смѣхомъ.

— Милый мой, хорошій Шарль! сказала она про себя, — что была великолѣпная сцена. Но какая еще штука будетъ на концертѣ? Какъ ты будешь пристыженъ и какъ будешь просить у меня извиненія.

Библиотека "Руниверс"

Христіанскіе мученики на аренѣ. Съ карт. Кенига, грав. Кремеръ.

Библиотека "Руниверс"

Пѣвица сѣла за красивый письменный столъ, взяла перо и набросала нѣсколько строкъ на бумагѣ, которую вложила въ конвертъ. По карточкѣ, оставленной Оле-Буллемъ, она написала на конвертѣ адресъ. Затѣмъ она встала и позвонила. Тотчасъ явилась горничная.

— Бабетта, сказала пѣвица,—пусть служитель снесетъ это письмо господину Оле-Буллю. Оно очень важно и должно быть немедленно доставлено ему.

III.

Концертный залъ былъ набитъ публикой. Все именитое и чиновное во Флоренціи устремилось сюда насладиться пѣніемъ Малибранъ и послушать игру виртуоза Беріо.

Въ комнаткѣ участвующихъ Малибранъ горячо разговаривала съ капельмейстеромъ, который долженъ былъ аккомпанировать ей на рояли. Ея лучистые глаза были полны огня въ возбужденіи отъ предстоящаго выхода. Бѣлое кашемировое платье оттѣняло нѣжныя краски ея лица. На поясѣ была вѣтка камелій.

— Пора бы явиться и Оле-Буллю, озабоченно прервала она свой разговоръ съ капельмейстеромъ.—Ахъ, вотъ и онъ наконецъ! продолжала она, спѣша навстрѣчу входившему. — Это очень мило, дорогой другъ, что вы не заставили меня напрасно надѣяться. Я даже думала, что вы не получили моего приглашенія.

— Простите, отвѣчалъ музыкантъ, — но я уже говорилъ вамъ, что мнѣ надо было съѣздить къ врачу, и вслѣдствіе этого я опоздалъ. Тысячу разъ благодарю васъ за то, что вы сдѣлали возможнымъ исполненіе моего желанія.

— За это благодарите не меня, а вашу вѣтку камелій. Впрочемъ я объясню вамъ это послѣ концерта. Теперь же я должна сообщить вамъ, что вы исполните не одну только вещь, но вполнѣ замѣните господина Беріо.

— Господинъ Беріо не играетъ? испуганно спросилъ Оле-Буль.

— Нѣтъ. Развѣ вы не подготовились?

— О, конечно... но...

— Но будемъ надѣяться на лучшее, шутя отвѣчала пѣвица,—я думаю, мы можемъ начинать.

Тотчасъ затѣмъ пѣвица вышла на сцену, встрѣченная громомъ рукоплесканій. Первымъ нумеромъ была арія изъ оперы „La sonambula“ Беллини. Звуки неслись чисто и нѣжно, переливаясь серебристымъ каскадомъ. Радость, печаль и сомнѣнье слышались въ нихъ, пѣсня оканчивалась ликующимъ кликомъ страсти. Публика была въ упоеніи и восторгѣ, раздался гулъ одобреній. Малибранъ раскланивалась и благодарила. Затѣмъ она спѣла арію изъ „Нормы“ и „Пѣснь разлуки“ ея жениха Беріо.

Когда пѣвица закончила этимъ нумеромъ первую часть своей программы, восторгу публики не было границъ. Вызовы и рукоплесканія огласили залъ, вѣнки и букеты дождемъ посыпались на сцену и, когда Малибранъ наконецъ удалилась, на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, образовался настоящій коверъ изъ цвѣтовъ.

Послѣ короткаго промежутка началась вторая часть программы. Оле-Буль долженъ былъ на дѣлѣ показать свое искусство; онъ выбралъ для исполненія собственную композицію. Малибранъ сѣла на сценѣ возлѣ рояля, желая своимъ присутствіемъ придать особое значеніе его игрѣ.

Наконецъ прозвучалъ сигналъ, капельмейстеръ выступилъ на сцену, извинился въ отсутствіи Беріо, ссылаясь на его легкое нездоровье, и заявилъ объ участіи молодаго музыканта Оле-Буля, который сыграетъ собственное произведеніе.

Когда онъ удалился, выступилъ на сцену Оле-Буль; онъ казался блѣднымъ и утомленнымъ. Онъ неловко поклонился и дрожащею рукой положилъ на пюпитръ ноты. Тихій шопотъ неудовольствія подобно жужжанію пронесся въ публикѣ.

Непривычное чувство охватило Оле-Буля: сильное возбужденіе прошло и послѣдовавшая за нимъ вялость овладѣла имъ. Уже внезапная смѣна отчаянья радостью и надеждой при полученіи письма Малибранъ сильно подѣйствовала на него; къ этому прибавилось неожиданное сообщеніе, что онъ исполнитъ не одну маленькую вещь, а цѣлое отдѣленіе концерта. Вся увѣренность въ себѣ пропала у него. Теперь, когда рѣшалась его судьба, онъ вдругъ точно ощутилъ собственное ничтожество, которое заставило его содрогнуться.

Онъ поднялъ смычокъ и заигралъ. Струны звучали робко и неувѣренно, онъ вяло и сонно водилъ смычкомъ, такъ сильно прижимая къ плечу скрипку, какъ будто пальцы его свело судорогой или рука его была налита свинцомъ.

Тамъ и сямъ раздавались проявленія неудовольствія и росли все болѣе и болѣе. Онъ слышалъ точно глухое ворчанье, шипѣнье и шопотъ, ноты запрыгали въ его глазахъ, какъ адскіе духи, которые пристально смотрѣли на него и смѣялись ему въ глаза.

Но онъ долженъ былъ овладѣть собою и спокойно смотрѣть въ глаза тысячеголовому чудовищу-публикѣ: призвавъ къ себѣ всю свою энергію, онъ взглянулъ на публику. Увы! онъ не разсчиталъ своихъ силъ, насмѣшливые взгляды сотни лицъ окончательно смутили его и взоръ его невольно скользнулъ въ темную маленькую закулисную ложу, которая раньше была пустою.

На этотъ разъ взглядъ его упалъ на человѣка облокотившагося на барьеръ и смотрѣвшаго на него съ такимъ презрѣньемъ, что Оле-Буль потерялъ остатокъ самообладанія и уже не слышалъ и не видѣлъ ничего болѣе. Въ его ушахъ гудѣло и шумѣло, въ глазахъ зарябило и дрожь страха пробѣжала по его тѣлу. Теперь все было потеряно и только чудо могло его спасти. Но откуда ему было ждать помощи? Оттуда-ли, изъ этой залы, или отъ Малибранъ, на которой остановился его умоляющій взглядъ? Онъ не различалъ ни лица, видѣлъ только бѣлый цвѣтъ ея платья и вѣтку красныхъ камелій на его бѣломъ фонѣ; онъ даже не сознавалъ, играетъ-ли онъ. Но при видѣ цвѣтовъ въ немъ воскресло воспоминаніе о Маріеттѣ и о его добромъ дѣлѣ. Въ воображеніи рисовалась ему дѣвочка, съ проясненнымъ личикомъ смотрѣвшая на него и съ дѣтскою простотой призывавшая на него благословеніе Пречистой Дѣвы. Онъ почувствовалъ, какъ притокъ новыхъ силъ охватилъ его и какъ внезапно стали далеки отъ него всякій страхъ и стѣсненье. Онъ продолжалъ мечтать: вотъ онъ на улицѣ Пистойи слышитъ слова мольбы изъ устъ Маріетты и рядомъ съ ней идетъ лѣскомъ, птицы щебечутъ въ вѣтвяхъ... И то, что такъ живо представлялось ему въ воображеніи, онъ выливалъ въ звукахъ. Онъ входитъ въ бѣдную лачугу родителей Маріетты, видитъ стонущаго человѣка и рыдающую женщину... и его скрипка рыдала и плакала. Онъ отдалъ все, что имѣлъ, ребенку, впавшему въ отчаяніе... его глаза сверкали и со струнъ срывались потрясающіе звуки. Растроганный онъ уходитъ изъ дома, Маріетта догоняетъ его, цѣлуетъ съ благодарностью его руку, даетъ ему цвѣты и призываетъ на него благословеніе Неба... торжественно и чудно, какъ благовѣстъ, звучала мелодія. И вотъ съ камеліями въ рукѣ, охваченный свѣтлымъ чувствомъ, онъ стремится довершить доброе дѣло... аккорды неслись ликуя и гремя. Онъ снова былъ въ лѣсу, снова щебетали птички, пока одна за другою усталыя замолкали... и послѣдній звукъ его скрипки постепенно затихъ.

Онъ кончилъ, въ залѣ царила гробовая тишина, все неудовольствіе публики уже давно исчезло. Оле-Буль поклонился и хотѣлъ уйти.

Овладѣвшее публикой оцѣпенѣніе прошло. Воздухъ дрогнулъ отъ взрыва рукоплесканій. Имя его бурей пронеслось по залѣ.

Когда крики прекратились, онъ съ подобнымъ же мастерствомъ сыгралъ сонату Шопена, которая также вызвала шумное одобреніе публики.

Третьимъ нумеромъ былъ концертъ Беріо. Смычокъ Оле-Буля, казалось, прыгалъ и танцовалъ по струнамъ. Двойные аккорды и арпеджіи удавались ему съ замѣчательной чистотой, а также и хроматическія октавы. Теперь онъ чувствовалъ себя вполнѣ господиномъ своего инструмента. Теперь онъ смѣло могъ поднять глаза на безмолвную публику и снова бросить взглядъ на маленькую закулисную ложу.

Онъ опять увидалъ тамъ человѣка, пронзительный взглядъ котораго раньше такъ смутилъ его; теперь въ этомъ взглядѣ свѣтилось удивленіе.

Послѣдніе звуки замолкли. Публика снова зашумѣла въ залѣ, имя Оле-Буля повторялось во всей залѣ, и онъ еще разъ долженъ былъ выйти на вызовы восторженныхъ слушателей. Новый король стяжалъ себѣ престолъ въ царствѣ искусства.

Удалившись въ комнату предъ сценой, онъ нашелъ тамъ пѣвицу и рядомъ съ ней незнакомца изъ маленькой темной ложи.

— Мой дорогой и великій другъ, сіяя отъ радости и горячо пожимая ему руку, сказала Малибранъ,—я не хочу тратить словъ на безполезныя похвалы, но я скажу вамъ, что нашъ сегодняшній тріумфъ былъ однимъ изъ лучшихъ дней моей жизни. Позвольте познакомить васъ съ господиномъ Беріо, моимъ женихомъ, а вашимъ товарищемъ по искусству.

Беріо былъ въ крайнемъ возбужденіи.

— Милостивый государь, съ трудомъ вымолвилъ онъ,—когда я услышалъ начало концерта, вы показались мнѣ однимъ изъ самыхъ жалкихъ учениковъ, но теперь, когда концертъ кончилъ, я охотно признаю ваше мастерство. Моя композиція въ вашемъ исполненіи показалась мнѣ чѣмъ-то новымъ и неизвѣстнымъ, я не слыхивалъ такой игры. Тебя же, моя милая Фелиси, умоляю простить меня. Прости мою глупую вспышку.

— Повинную голову и мечъ не сѣчетъ, весело отвѣчала та.—Я не знаю, какъ благодарить васъ, господинъ Оле-Буль! Само собою разумѣется, что мы раздѣлимъ нашъ сборъ. Но я буду считать за счастье, если вы позволите мнѣ подарить вамъ что-нибудь особенное на память объ этомъ многозначительномъ вечерѣ.

— Если вы позволите... дрожащимъ голосомъ произнесъ Оле-Буль, я попрошу у васъ эту вѣтку камелій...

— Вѣтку камелій?! воскликнулъ Беріо.

Ну, да, вѣтку камелій! отвѣчалъ Малибранъ лукаво.— Узнай, милый Шарль, что господинъ Оле-Буль уступилъ со мнѣ по моему желанію, когда сегодня былъ у меня съ просьбой участвовать на нашемъ концертѣ. Онъ и есть таинственный знакомый изъ Парижа!

Библиотека "Руниверс"

— Теперь я все понялъ! быстро вскричалъ Беріо. — Еще разъ извини меня, моя милая, несравненная Фелиси. Прости ради Бога мою слѣпую ревность.

Онъ съ жаромъ схватилъ ея руку и отъ всего сердца поцѣловалъ ее.

— Я исполню вашу просьбу, дорогой другъ, отвѣчала пѣвица, переводя съ Беріо ласковый взглядъ на Оле-Булля,— вотъ цвѣты. Но почему вы просите у меня именно эту вѣтку?

— Съ ней у меня связано одно воспоминаніе, отвѣчалъ музыкантъ, радостно принимая вѣтку камелій.

— Воспоминаніе? Это прекрасно! Надѣюсь, что за ужиномъ у насъ вы разскажете эту исторію; за то я выдамъ вамъ тайну, какимъ образомъ эта вѣтка способствовала вашему успѣху.

Когда, по окончаніи концерта, за ужиномъ шампанское пѣнилось въ бокалахъ, Оле-Булль разсказалъ внимательно слушавшимъ его собесѣдникамъ исторію вѣтки камелій.

Мягкое сердце Малибранъ былъ глубоко растрогано этимъ разсказомъ. На другое же утро она вмѣстѣ съ Беріо и Оле-Буллемъ отыскала родителей Маріетты, поручила приглашенному Оле-Буллемъ врачу тщательный уходъ за больными, накупила имъ припасовъ, утвари и одежды, и уѣзжая изъ Флоренціи, передала Маріэтте значительную сумму денегъ, которая позднѣе помогла ея родителямъ оправиться и зажить лучше прежняго *).

Оле-Булль послѣдовалъ за артистическою четой въ Римъ и Неаполь, гдѣ вмѣстѣ съ ними восхищалъ всѣхъ, не лишенныхъ художественнаго вкуса. Его слава началась концертомъ во Флоренціи, дальнѣйшее поприще его было побѣднымъ шествіемъ; повсюду, гдѣ онъ ни былъ, его принимали съ торжествомъ и почетомъ.

Но самымъ дорогимъ сокровищемъ изъ всѣхъ драгоцѣнныхъ подарковъ, сохранившихся у него отъ его артистическихъ путешествій, которому онъ былъ обязанъ своею славой и которое всюду возилъ съ собой подъ стеклянною рамой — была для него вѣтка камелій Маріетты.

(Б. К.).

Литературныя бесѣды.

„Мертвыя души". поэма Гоголя.

„Мертвыя души" Гоголя принадлежатъ къ величайшимъ произведеніямъ русской литературы. Истинный поэтъ, „поэтъ жизни дѣйствительной", Гоголь, подобно Пушкину, создавалъ изображенія жизни безъ предвзятыхъ намѣреній, не стараясь къ художественнымъ образамъ, говорящимъ сами за себя, присоединять свои собственныя личныя заключенія, мнѣнія объ изображаемомъ, предоставляя нравственному чувству каждаго опредѣлять, что хорошо и что дурно въ немъ, въ этомъ изображаемомъ. Тѣмъ не менѣе, какъ это всегда и бываетъ, созданные имъ образы высоко поучительны и важны, потому что представленія о добрѣ и злѣ присущи совѣсти каждаго, и никто не способенъ въ буйномъ легкомысліи Ноздрева, въ страшной изуродованности душевной Плюшкина, въ преступномъ любостяжаніи самого Чичикова и пр.,—видѣть что-нибудь доброе, заслуживающее одобренія. Есть родъ понятій высшихъ, выходящихъ за предѣлы личной нравственности, понятій о благѣ общественномъ, иногда идущемъ не въ интересахъ узкопонятыхъ, личныхъ. Но и тѣ, кто живетъ въ сферѣ этихъ высшихъ понятій, находятъ въ изображеніяхъ Гоголя ту же высокую поучительность, потому что персонажи Гоголя сами за себя говорятъ и въ отношеніи ихъ общественнаго значенія. Въ томъ-то и сила истинно художественнаго произведенія, безпристрастно рисующаго жизнь, что оно всякому доступно въ той или другой мѣрѣ, всякаго оно учитъ такъ, какъ учитъ самое зрѣлище жизни. Но, нужно прибавить, произведеніе искусства можетъ сильнѣе дѣйствовать и научать, чѣмъ жизнь, потому послѣдняя своею сложностью и желаніемъ людей скрыть свои пороки часто закрываетъ отъ глазъ свои сокровенныя стороны, а созданіе искусства именно эти-то сокровенныя стороны и стремится открыть во всей ихъ полнотѣ, во всемъ значеніи.

Когда „Мертвыя души" появились, критикою и образованными читателями имъ придано было значеніе главнымъ образомъ общественное, въ нихъ видѣли обличеніе русской жизни, ея характеристику общественную; и то, что это великое твореніе могло принести читателю въ смыслѣ его нравственнаго личнаго улучшенія, не возбудило почти никакого вниманія. Съ этой точки зрѣнія „Мертвыя души", какъ это и провозгласилъ извѣстный критикъ Бѣлинскій, были признаны произведеніемъ только русскимъ, только для Россіи имѣющимъ значеніе, но отнюдь не для всего человѣчества, потому что только Россія отразилась въ немъ и можетъ научиться въ немъ познавать себя и понять, что необходимо для улучшенія ея общественнаго быта. Мнѣніе это показываетъ только направленіе тогдашнихъ умовъ русскихъ, озабоченныхъ неустройствомъ русской жизни, желаніемъ улучшеній, прогресса въ ней. По существу же оно несомнѣнно одностороннее. Будучи произведеніемъ чисто русскимъ, „Мертвыя души" тѣмъ не менѣе имѣютъ значеніе для всего человѣчества. Духъ человѣческій въ своихъ основныхъ свойствахъ вездѣ одинаковъ, всюду люди поражаются тѣми же пороками, тѣми же болѣзнями и неправильностями развитія, и типы Гоголя, какъ Чичиковъ, Ноздревъ, Плюшкинъ, Собакевичъ, подобно типамъ Шекспира и иныхъ великихъ поэтовъ міра, составляютъ отраженіе общихъ душевныхъ немощей человѣческихъ. Что за дѣло, что шекспировскій Гамлетъ—англичанинъ, что таковы же Лиръ и Макбетъ. По нимъ вы научаетесь вообще понимать человѣческую душу, и въ русской литературѣ, напр., отмѣчены не разъ тѣ же душевныя особенности, что и у нихъ, въ рядѣ такихъ національно русскихъ произведеній, какъ „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда" и „Степной король Лиръ" Тургенева, „Леди Макбетъ одного изъ русскихъ уѣздовъ" Лѣскова, и т. п. И что за дѣло, что Плюшкинъ—русскій? Развѣ не тѣ же самыя свойства разовьются у француза, у англичанина и нѣмца, съ національными лишь особенностями, если они подпадутъ подъ вліяніе страшной скупости? Главное дѣло въ томъ, что Гоголь съ необыкновеннымъ геніальнымъ прозрѣніемъ умѣлъ заглянуть въ самые глубокіе тайники душевной жизни человѣка, и это придаетъ его образу одинаково великій интересъ какъ для русскаго, такъ и для всякаго другаго человѣка, а національныя особенности душевнаго склада придадутъ въ глазахъ иностранца еще большую характеристичность этому образу, выдѣлятъ передъ нимъ такія свойства, которыя въ родныхъ, знакомыхъ ему, близкихъ формахъ прошли бы для него незамѣченными. И если, напр., значеніе общественное образа Плюшкина велико, то еще больше его значеніе общечеловѣческое, міровое. Гоголь писалъ въ такое время, когда русская литература еще мало обращала на себя вниманіе иностранцевъ, и притомъ вниманіе предубѣжденное, а позже иныя задачи и теченія мысли вошли въ обращеніе, въ моду, если хотите. И потому только быть-можетъ Гоголь не пользуется большой міровой популярностью, которой онъ заслуживаетъ и которая быть-можетъ еще предстоитъ ему.

Общественное собственно значеніе „Мертвыхъ душъ", нѣтъ сомнѣнія, громадно. Онѣ были великимъ актомъ общественнаго самосознанія; до нихъ вся огромная, широкая Русь, провинціальная, основная, почти еще не находила отраженія и характеристики въ литературѣ. „Мертвыя души" выводятъ насъ на широкія, безграничныя поля, гдѣ „какъ точки, какъ значки" стоятъ „непримѣтные города" и гдѣ въ этихъ селахъ и непримѣтныхъ городахъ сформировались оригинальные типы людей съ своеобразной жизнью. Передъ вами вся необозримая даль, грустью поражающая, съ пѣсенью, въ которой „что-то зовущее и манящее". Несложившееся что-то, большое, огромное, но неупорядочное проходитъ передъ вами въ поразительныхъ формахъ. Но это общественное значеніе великаго произведенія Гоголя имѣетъ свою условную сторону. Русская жизнь, разсматриваемая съ самой критической стороны, имѣетъ въ себѣ два элемента, которые прекрасно указалъ Некрасовъ устами одного изъ своихъ героевъ. Съ одной стороны Русь,— „черна, куда ни поглядѣ", а съ другой, — „но не проѣлъ до сердцевины ее порокъ". Въ произведеніи Гоголя „чернота" Руси выставлена во всей своей силѣ, но тѣхъ элементовъ, которые показывали бы, что „до сердцевины не проѣлъ ее порокъ", — этихъ элементовъ въ немъ нѣтъ, или они отмѣчены въ такихъ туманныхъ и отдаленныхъ формахъ, что разглядѣть ихъ трудно. Описавши Русь въ такихъ формахъ, въ какихъ она является въ „Мертвыхъ душахъ", Гоголь испугалъ многихъ, любившихъ свою родину, и самъ испугался размѣровъ той пошлости и безмыслія, которыя онъ нашелъ въ Россіи. Русскіе, вообще склонные къ нѣсколько неумѣренному самоосужденію, согласились признать характеристику Гоголя правильною; въ ней они видѣли только стимулъ къ заботамъ о самоисправленіи, объ улучшеніи жизненныхъ отношеній. Смиренно склонилась Русь передъ приговоромъ Гоголя, сохраняя, однако, въ душѣ именно ту надежду, что „сердцевина" здорова и обѣщаетъ ихъ отечеству великую будущность. Однако же, приходится признать, что есть въ характеристикѣ Гоголя извѣстная односторонность, неполнота. Отчего произошла она? Глубокій русскій критикъ Аполлонъ Григорьевъ высказалъ убѣжденіе, что Гоголь, какъ малороссъ, „не зналъ Великой Россіи", и въ этой мысли есть правда. Гоголь глубоко смотрѣлъ въ русскую жизнь, какъ проницательный поэтъ, но по самому свойству своего великаго таланта, отмѣчавшаго все комическое, уродливое, все противорѣчащее идеаламъ образованной среды русской, могъ не обратить вниманія на то доброе въ русской жизни, что сокровенно горѣло въ ней. Русскій народъ въ „Мертвыхъ душахъ" вообще мало появляется на сцену, какъ не появляется и все то русское, народное, что сохранилось и въ интеллигенціи, хотя частію. Гоголь не отмѣ-

*) Малибранъ была извѣстна доходившею до расточительности щедростью. Громадныя суммы, получаемыя ею, она тратила по большой части на благотворенія.

Библиотека "Руниверс"

тилъ того духа мысли и нравственной справедливости, которую народъ, въ своихъ историческихъ страданіяхъ, пронесъ незыблемо чрезъ вѣка испытаній. Да, повторяемъ, это было и не дѣло Гоголя, не въ свойствахъ его таланта, дозволившаго ему только въ молодости, рядомъ съ комизмомъ, внести въ описаніе дорогой его матери-Малороссіи какой-то чарующій элементъ сыновней любви и привязанности. Все, чѣмъ стала Русь сильна и могуча, что помогло ей нравственно побѣдить нахлынувшую на нее татарщину и раскинуть свое вліяніе на огромное пространство между двумя міровыми океанами, все это остается внѣ поэтическихъ задачъ Гоголя. Мы должны быть благодарны всякому таланту за разоблаченіе нашихъ золъ и недуговъ, но должны помнить и то, что были другіе великіе таланты, приподнявшіе завѣсу надъ великою Русью съ другой стороны. Такъ, гр. Левъ Толстой, напр., нашелъ идеальнѣйшія стороны русской души и подъ наноснымъ соромъ человѣческихъ пороковъ, общихъ всѣмъ людямъ.

Задача Гоголя въ „Мертвыхъ душахъ" исчерпывается изображеніемъ отрицательныхъ сторонъ русской жизни. Сознавая это, пораженный, онъ видѣлъ въ этомъ какую-то вину за собою передъ отчизною, желалъ вправить дѣло, указать идеальныя стороны русской жизни. Но намѣренно поэтъ безсиленъ создать что-нибудь, что не согласуется съ природой его таланта. Результатомъ стремленій Гоголя появились въ неоконченной второй части „Мертвыхъ душъ" идеальные персонажи Уленьки, дочери генерала Бетрищева, пріобрѣтательнаго Костанжогло, генералъ-губернатора и пр., но всѣ эти персонажи—образы безъ лицъ, не живыя созданія фантазіи, а мертвыя воплощенія теоретической придуманности. Совершенно ясно читателю, что Гоголь не видалъ въ жизни такихъ персонажей, психологически не изслѣдовалъ ихъ, а просто придумывалъ фигуры для изображенія извѣстныхъ добродѣтелей, чтобы снять съ себя тяжкій упрекъ въ томъ, что ничего не видѣлъ онъ добраго въ русской жизни, что разрушалъ будто-бы вѣру въ родную страну, въ то, что въ ней есть задатки хорошаго будущаго. Но придумывая, поэтъ шелъ совсѣмъ не въ ту сторону, не тамъ искалъ идеальныхъ сторонъ русской души. Больной и надломленный, въ это время онъ уже и не былъ въ силахъ подвергнуть русскую жизнь и русскую душу новому анализу, и всѣ усилія его остались тщетными, памятникомъ его тревожныхъ, боязливыхъ, недовѣрчивыхъ думъ о характерѣ и полезности его великой дѣятельности.

Со стороны литературной, съ точки зрѣнія художественнаго замысла и исполненія, „Мертвыя души" представляютъ явленіе поразительное, особенно если смотрѣть на него съ точки зрѣнія исторической, принимая во вниманіе время ихъ появленія и мѣсто, литературу въ тогдашнемъ ея состояніи. И форма, и содержаніе ихъ необыкновенно оригинальны, самостоятельны, и не имѣли въ то время образцовъ не только въ русской литературѣ. Въ этомъ отношеніи произведеніе Гоголя подобно разнѣ только Сервантесовскому „Донъ-Кихоту", только въ немъ можно-бы найти образецъ для „Мертвыхъ душъ". Во времена Гоголя былъ еще въ полной силѣ „романтизмъ". Романъ въ то время и позже не обходился безъ любви, которая составляла основаніе всего произведенія, по крайней мѣрѣ внѣшнее основаніе. Гоголь задумалъ широкую картину жизни, лишенную совершенно обычныхъ романическихъ свойствъ, картину путешествующаго человѣка, передъ которымъ, какъ въ движущейся панорамѣ, проходятъ явленія русской жизни, типы, характеры, персонажи. Гоголь самъ чувствовалъ необычность задуманнаго имъ плана и невольно остановился на томъ, какъ назвать свое произведеніе. Всѣ обычные титулы рѣшительно не подходили къ нему: „романъ", „повѣсть", „разсказъ"—можно-ли было поставить эти слова на книгѣ Гоголя? И онъ справедливо назвалъ ее „поэмой",—понятіемъ широкимъ, обнимающимъ всѣ роды повѣствованій, могъ онъ только назвать „Мертвыя души". Гоголь самъ сознается, что сюжетъ его произведенія данъ ему Пушкинымъ. Но, очевидно, только съ великими силами Гоголя можно было придать этому сюжету столь оригинальную форму. Пушкинъ могъ дать сюжетъ лишь въ совершенно общихъ чертахъ, и заслуга Гоголя ни мало не умаляется этимъ заимствованіемъ сюжета, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія исполненія имъ замысла. И это оригинальнѣйшее произведеніе явилось въ литературѣ, совсѣмъ не подготовлявшей постепенно, какъ это бываетъ обыкновенно, основаній для такого явленія.

За то оригинальный замыселъ Гоголя открылъ передъ нимъ такое огромное поле для изображенія дѣйствительности русской какого не представилъ-бы никакой другой родъ поэтическаго сочиненія. Передъ читателемъ развертывается душу захватывающая картина жизни. Изумительное разнообразіе характеровъ, носящихъ, однако, общія родныя, русскія черты, знакомитъ васъ съ самыми разнообразными проявленіями русской духовной природы. Русская натура, какъ извѣстно, широка, какъ необозримыя поля нашей родины. Ужь если русскій человѣкъ веселъ, то веселъ безгранично; скученъ,—такъ скученъ до глубокой печали: онъ не знаетъ середины. Если онъ порочень, то порокъ его принимаетъ формы огромныя: если раскаивается, то его раскаяніе переходитъ въ подвигъ, въ самоуничиженіе, въ самопожертвованіе. Если онъ предался страсти какой-нибудь, то страсть эта владѣетъ имъ безгранично. Русская широта въ нѣкоторомъ смыслѣ есть податливость, способность не устоять, всецѣло подчиниться извѣстному вліянію, извѣстной страсти. И вотъ у Гоголя передъ нами раскрывается цѣлая галерея персонажей, изъ которыхъ каждый, дѣйствительно, подчиненъ преобладающему настроенію, такъ сказать, выдавая загадку русской натуры. Ужь если скупецъ русскій человѣкъ, то это Плюшкинъ, „заплатанный" какъ его называютъ мужики, всѣмъ пожертвовавшій своей страсти—семьею, своимъ комфортомъ, душевнымъ спокойствіемъ, и пр. Въ Маниловѣ передъ нами весь неумный мечтатель, ничего, кромѣ неумной мечты не знающій. Въ Собакевичѣ—разсчетливый стяжатель, ужь ничего не желающій другаго. Въ Петрѣ Петровичѣ Пѣтухѣ—русскій чревоугодникъ, опять не знающій мѣры своей страсти. Въ самомъ Чичиковѣ повидимому скромный и тихій, а въ сущности упорный „хозяинъ-пріобрѣтатель", не знающій преградъ себѣ ни въ законѣ, ни въ совѣсти: а вѣдь онъ, по опредѣленію самого Гоголя, не злодѣй какой-нибудь, а просто, „плутоватый человѣкъ", ловкій „хозяинъ-пріобрѣтатель".

Въ свѣтѣ великой власти страстей надъ русскимъ человѣкомъ, Русь и представляется столь „червою". Въ этомъ смыслѣ характеристика, данная ей Гоголемъ,—величаво геніальна.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Выставка картинъ Айвазовскаго.

(Рис. на стр. 244 и 245).

Выставка картинъ профессора И. К. Айвазовскаго, о которой упоминалось въ прошломъ нумерѣ нашего журнала, закрылась 19 февраля. На ней было собрано до 33 послѣднихъ работъ славнаго маринвиста и среди нихъ нѣсколько чрезвычайно удачныхъ. Кромѣ помѣщенной уже нами „Ночи на Босфорѣ", вниманіе посѣтителей невольно приковывалось картинами, изображавшими черноморскую эскадру на Ѳеодосійскомъ рейдѣ до Крымской войны и въ настоящее время, и другими работами на мотивы Крыма и Чернаго моря. Также интересною представляется картина, поднесенная черноморскими моряками А. А. Нещурову 30 декабря 1890 г. На ней посредине изображенъ флотъ въ виду Севастополя, а въ медальонахъ, сверху,—Ингулъ при лунномъ свѣтѣ, домъ главнаго командира и Адмиралтейство въ Николаевѣ, а внизу — первый пріѣздъ А. А. Нещурова въ 1882 году на пароходѣ „Эльборусъ", входящемъ въ южную бухту, Севастополь съ сѣвернаго берега и отъѣздъ А. А. Нещурова на „Донцѣ" изъ Севастополя.

Въ нынѣшнемъ нумерѣ мы даемъ двѣ гравюры съ прекрасныхъ картинъ профессора — „Переходъ Израильтянъ черезъ Чермное море" и „Прибой въ Біарритцѣ". На первой изображено извѣстное событіе гибели египетскаго войска, описанное въ 14 главѣ книги Моисеевой „Исходъ": „Моисей простеръ руку на море и вода устремилась на мѣсто: египтяне бѣжали подъ водою и потребилъ Господь египтянъ посреди моря" На другой картинѣ воспроизведено мѣсто купанья въ Біарритцѣ, небольшомъ городкѣ во французскомъ департаментѣ Нижнихъ Пиринеевъ, въ 6 верстахъ отъ Байонны, — куда съѣзжается множество народа, чтобы пользоваться прекрасными морскими купаньями. Картина „Прибой въ Біарритцѣ" пожертвована художникомъ въ пользу проектированной въ этомъ городкѣ православной церкви.

Авраамій Палицынъ въ лагерѣ Трубецкаго подъ Москвою. (Рис. на стр. 249).

Съ конца лѣта 1612 года два русскихъ ополченія стояли подъ Москвою, осаждая засѣвшихъ въ Кремлѣ и въ Китай-городѣ поляковъ. Но вмѣсто они не дружно, не единодушно. Казаки и сборная дружина, подъ начальствомъ воеводы князя Трубецкаго, съ завистью и злорадствомъ смотрѣли на свѣжее стройное ополченіе, приведенное Пожарскимъ и Мининымъ; а ополченіе этихъ двухъ воеводъ относилось съ недовѣріемъ къ воинамъ Трубецкаго, и даже стало отдѣльно отъ нихъ, особымъ лагеремъ. Поэтому, конечно, и въ дѣйствіяхъ противъ общаго врага, не было единства, и поляки отлично пользовались этимъ неблагопріятнымъ условіемъ, чтобы отбивать приступы отдѣльныхъ русскихъ отрядовъ и наносить имъ жестокій уронъ. Такое разъединеніе оказалось особенно пагубнымъ, когда на выручку полякамъ, осажденнымъ въ Москвѣ, пришло небольшое, но хорошо обученное польское войско, подъ начальствомъ гетмана Хоткевича, и стало пробиваться къ городу съ запасами, въ помощь осажденнымъ полякамъ, страдавшимъ отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ. Русскому ополченію приходилось одновременно отражать нападеніе гетмана, наступавшаго съ тыла, и вылазки по-

Библиотека "Руниверс"

Выставка въ Импер. Акад. Худож. Охота на волка. Съ карт. П. С. Самокиша, грав. Б. Пуцъ.

Библиотека "Руниверс"

ликовъ изъ Кремля и Китай-города. Особенно тягостно было положеніе русскихъ 24 августа 1612 г., когда самъ Пожарскій едва устоялъ противъ натиска поляковъ, а Трубецкой ушелъ со своими казаками за Москву-рѣку. Послѣ битвы, длившейся до 6 час. вечера, враги всюду имѣли явный перевѣсъ. Тогда Пожарскій упросилъ знаменитаго келаря Троице-Сергіевой обители, Авраамія Палицына, ѣхать въ станъ Трубецкаго и увѣщевать казаковъ, чтобы они подали помощь нижегородскому ополченію. Авраамій Палицынъ явился съ крестомъ въ рукѣ въ казацкомъ таборѣ, и засталъ казаковъ, преспокойно отдыхавшихъ отъ битвы, въ то время какъ воины Пожарскаго гибли отъ меча враговъ. Одни изъ нихъ играли въ зерна, другіе пили и шумѣли. Авраамій усовѣстилъ ихъ, и горячею рѣчью поднялъ всѣхъ на ноги.

— Братья! сказалъ онъ имъ,—отъ васъ началось доброе дѣло! Вы первые стали крѣпко за православную вѣру, а теперь хотите однимъ разомъ погубить такое доброе начало!

Эти слова тронули казаковъ, они всѣ взялись за оружіе, переправились обратно за Москву рѣку, дружно ударили на врага, вмѣстѣ съ воинами Пожарскаго, съ криками: *Сергій! Сергій!* —и побѣда всюду осталась за русскою ратью.

Христіанскіе мученики на аренѣ.

(Рис. на стр. 252 и 253).

Разгаръ гоненій на христіанъ въ древнемъ Римѣ какъ разъ совпалъ съ крайнею роскошью зрѣлищъ для народа, которыя устраивались императорами въ громадныхъ циркахъ Вѣчнаго Города. Самые рѣдкіе звѣри Азіи и Африки привозились на корабляхъ въ Италію и помѣщались въ особыхъ клѣткахъ по стѣнамъ нижняго яруса цирка. Первоначально звѣри, выпускаемые на арену, дрались между собою или съ гладіаторами, но вотъ пришла мысль бросать звѣрямъ (ad bestias) и христіанъ. Цѣлыми сотнями гибли исповѣдники Христа на аренѣ.

Вотъ передъ нами одинъ изъ эпизодовъ этой кровавой эпохи. Циркъ наполненъ многотысячной толпой зрителей. Въ императорской ложѣ виденъ глава государства со своею супругой; по обѣ стороны отъ него—помѣщенія весталокъ и знатнѣйшихъ матронъ. Въ самомъ нижнемъ ярусѣ (направо) видны мѣста сенаторовъ. Толпа ликуетъ и рукоплещетъ, возбужденная ужаснымъ и кровавымъ зрѣлищемъ. А зрѣлища, дѣйствительно, бывали ужасны и непривычный зритель едва ли могъ смотрѣть на нихъ безъ содроганія. Но испорченное населеніе Вѣчнаго Города съ улыбкою и смѣхомъ любовалось на страшныя сцены въ родѣ той, какую художникъ Генрихъ Кенигъ изобразилъ на своей картинѣ. Статный и сильный юноша счастливымъ ударомъ кинжала положилъ льва и теперь готовится защитить молодую женщину, со страхомъ и трепетомъ ожидающую исхода предстоящаго поединка. Тихо крадется громадный тигръ, съ оскаленными зубами и налитыми кровью глазами, готовясь ужаснымъ прыжкомъ свалить юнаго христіанина, который, обмотавъ одну руку плащемъ и приподнявъ другою кинжалъ, приготовился встрѣтить врага.

Весенняя выставка въ Имп. Академіи Художествъ. «Охота на волка» Н. Самокиша. (Рис. на стр. 257).

Затравили сѣраго. Какъ только онъ показался изъ лѣсу и пустился на утекъ полемъ, ближайшій къ нему охотникъ спустилъ свою свору, и борзыя понеслись наперерѣзъ матерому волчищу. Одна вихремъ налетѣла на него и опрокинула на бокъ, другая мертвою хваткой вцилась въ загривокъ. Подоспѣвшій конь, храпя взвился на дыбы и прянулъ въ сторону... Вдали спѣшитъ другой охотникъ со своей сворой. Вся картина исполнена движенія, какъ всегда въ охотничьихъ сценахъ нашего высокодаровитаго художника.

Александръ Ивановичъ Воейковъ.

(Портр. на стр. 260).

А. И. Воейковъ—уроженецъ Московской губерніи, ординарный профессоръ физической географіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, членъ Совѣта Имп. Географическаго Общества и предсѣдатель Метеорологической Коммисіи, докторъ физической географіи, докторъ философіи Геттингенскаго университета и авторъ многихъ ученыхъ трудовъ, сдѣлавшихъ его имя извѣстнымъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Изъ болѣе крупныхъ его сочиненій достаточно назвать: „О климатѣ земнаго шара" (изд. СПБ. 1884; тоже въ переводѣ на нѣмецкомъ языкѣ, 1887) „Снѣжный покровъ, его вліяніе на почву, климатъ и погоду" (СПБ. 1889), и рядъ многихъ другихъ сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, изъ коихъ главные: текстъ обширнаго сочиненія Коржина на англійскомъ языкѣ „Winds of the Globe" (Washington, 1876), „Климатъ области муссоновъ въ Восточной Азіи" („Извѣстія Геогр. Общ." 1879). Въ этомъ трудѣ профессоръ доказываетъ, что климатъ муссоновъ не обнимаетъ одну тропическую полосу, но простирается далеко на сѣверъ до Амурскаго края и береговъ Охотскаго моря. „Новыя данныя о суточной амплитудѣ температуры" (Извѣстія Московскаго Общ. Любителей Естествознанія). „Объ охлажденіи земнаго шара" (Актовая рѣчь въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 1886 г.).

Еще въ 1870 году профессоръ Воейковъ былъ избранъ секретаремъ Метеорологической Коммисіи Географическаго Общества, только-что учрежденной и обнаружившей большую дѣятельность особенно по устройству сѣти наблюденій надъ дождемъ и грозами. Онъ разработалъ первый годъ наблюденій, предпославъ имъ обширную работу объ осадкахъ въ Россіи: все это напечатано въ запискахъ Географическаго Общества. Въ 1871 году, въ „Извѣстіяхъ" Общества, былъ напечатанъ цѣлый рядъ его статей по метеорологіи; между прочимъ, здѣсь онъ впервые затронулъ вопросъ о снѣжномъ покровѣ, который впослѣдствіи былъ имъ разработанъ гораздо обстоятельнѣе.

Профессоръ Воейковъ извѣстенъ также большими путешествіями. Такъ, въ 1873 году онъ совершилъ путешествіе въ Соединенные Штаты и Канаду до Скалистыхъ горъ, Техаса, Манитобы, по Сѣверной Красной рѣкѣ; въ 1874 г. въ Юкатанъ, развалины Поленке въ Сѣверномъ Чіапасѣ, черезъ Табаско, Веракрузъ и Мехико, черезъ Оахаку въ Тегуантепекъ и Соконуско, Гватемалу моремъ до береговъ Тихаго океана съ посѣщеніемъ Перу и Чили, затѣмъ черезъ Магеллановъ проливъ, Монтевидео, Ріо-Жанейро, Пара, по Амазонкѣ до Сантарема, и наконецъ въ Нью-Іоркъ. Осенью того же года выѣхалъ въ Индію, гдѣ провелъ четыре съ половиною мѣсяца, путешествуя на сѣверъ до Дели, на сѣверо-востокъ до Даржилинга въ Гималаяхъ, затѣмъ по южной Индіи, черезъ островъ Цейлонъ на Яву, гдѣ провелъ полтора мѣсяца, и черезъ Гонконгъ въ Японію; тамъ онъ посѣтилъ южную часть острова Іессо, весь островъ Нипонъ, отъ сѣвера до южныхъ оконечностей пересѣкая его пять разъ, и посѣтилъ острова Кіу-Сіу. Возвратившись въ Петербургъ, А. И. Воейковъ продолжалъ дѣятельно заниматься метеорологіей и принимать близкое участіе въ дѣлахъ Географическаго Общества. Въ 1883 г. избранъ предсѣдателемъ преобразованной Метеорологической Коммисіи и каждое лѣто предпринимаетъ путешествіи по Россіи, вступая въ сношенія съ хозяевами и стараясь расширить сѣть метеорологическихъ наблюденій. Коммисія въ 1884 г. разослала программу наблюденій надъ періодическими явленіями; первые три года (1885—87) обработаны и изданы. Въ 1888 г. была разослана программа наблюденій надъ снѣжнымъ покровомъ, и въ томъ же году начались наблюденія на нѣсколькихъ большихъ станціяхъ Географическаго Общества. Они имѣли цѣлью изслѣдовать явленіи особенно важныя для сельскаго хозяйства. Станціи снабжались нѣкоторыми инструментами изъ суммы, дарованной Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. О путешествіяхъ Воейкова по Соединеннымъ Штатамъ напечатано очень мало: два письма къ барону Остенъ-Сакену въ „Извѣстіяхъ" 1871 года, о Мексикѣ и Средней Америкѣ, двѣ статьи въ нѣмецкомъ журналѣ *Geographische Mittheilungen* о путешествіи по Японіи, нѣсколько статей въ „Извѣстіяхъ" 1877 и 1878 гг., и наконецъ статья подъ заглавіемъ „У сирійскихъ христіанъ" въ *Русскомъ Обозрѣніи* 1890 г.

Я. О. Наркевичъ-Іодко. (Портр. на стр. 260).

Вниманіе нашего ученаго міра обратили на себя научныя изслѣдованія и новыя изобрѣтенія въ области воздушнаго электричества и метеорологіи Якова Оттоновича Наркевичъ-Іодко, который сдѣлалъ рядъ интересныхъ докладовъ и опытовъ въ Императорскомъ университетѣ и собраніяхъ Императорскаго Географическаго Общества. Особенно замѣчательны: его методъ для изслѣдованія атмосфернаго электричества и теорія вліянія онаго на организмъ; новый его способъ измѣренія скорости движенія облаковъ; упрощенный и усовершенствованный грозоотводъ (или градоотводъ); примѣненіе телефоновъ къ изслѣдованію и предугадыванію атмосферныхъ явленій и приближенія грозы за нѣсколько часовъ до ея разряженія; новоизобрѣтенный имъ терроигрометръ (лизиметръ) для точнаго наблюденія и измѣренія почвенной влаги, а также новые его опыты постоянной электризаціи при передачѣ звуковъ въ изолированныхъ телефонахъ.

Я. О. Наркевичъ-Іодко, уроженецъ Минской губерніи, воспитывался въ Россіи и за границей, съ 1872 года поселился въ родовомъ своемъ имѣніи Надъ-Нѣменъ, гдѣ предался сельскому хозяйству и ученымъ изслѣдованіямъ природы; онъ явился первымъ піонеромъ въ Минской губерніи по устройству метеорологическихъ станцій и нынѣ состоитъ въ званіи корреспондента Главной Физической Обсерваторіи и Импер. Геогр. Общества, управляетъ метеорологическою станціей Надъ-Нѣменъ-Оттоново, и сообщаетъ результаты своихъ трудовъ многимъ ученымъ обществамъ, коихъ состоитъ сотрудникомъ. Изслѣдованія Лигурійскихъ прибрежій Средиземнаго моря въ 1889 году сдѣлали извѣстнымъ имя г. Іодко и за границей.

Султанъ Гази-Вали-Ханъ.

(Портретъ на стр. 260).

Недавно исполнилось тридцатилѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ внука послѣдняго владѣтеля Киргизъ-Кайсаковъ Боль-

Библиотека "Руниверс"

шой и Средней ордъ, султана Гази Булатовича Вали-Хана, полковника Л.-гв. Атаманскаго Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полка. Нынѣ это заслуженный, образованный офицеръ, и никто не узналъ бы въ немъ дикаго сына степей, предки котораго безпокоили Россію набѣгами, а дѣдъ, султанъ Габайдулла или Обайдулла, еще въ половинѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія принималъ участіе въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ, хотя по смерти владѣтеля Большой и Средней ордъ Вали-Хана, въ 1821 году, киргизы этихъ ордъ были окончательно присоединены къ Россійской Имперіи. Къ Габайдуллѣ, старшему сыну Вали-Хана, наше правительство отправило посольство съ богатыми подарками и патентомъ на чинъ подполковника. Въ грамотѣ онъ былъ названъ старшимъ султаномъ, но этотъ титулъ Габайдуллѣ не понравился, а такъ какъ, кромѣ того, правительство требовало у него уступки урочища Кокчетава подъ постройку города, то онъ подарковъ не принялъ, и въ отвѣтѣ, не соглашаясь на уступку помянутаго урочища, выразился, что если русскіе захотятъ силою захватить мѣсто для постройки города, то сами и будутъ отвѣчать за послѣдствія. Правительство послѣ такого отвѣта нѣсколько разъ вызывало хана съ намѣреніемъ задержать его, но лукавый Габайдулла не поѣхалъ и началъ непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ. Двинувъ часть орды къ горамъ Улу-Тау и Кичи-Тау подъ предводительствомъ своихъ племянниковъ, султановъ Кенисары и Наурузбая, онъ самъ отправился къ границамъ Китайской имперіи и, остановившись въ урочищѣ Баинъ-Аулъ, послалъ посольство къ китайскому императору съ просьбою признать его, Габайдуллу, ханомъ Большой и Средней ордъ. Изъ Баинъ-Аула онъ послалъ подкрѣпленія Кенисарѣ и Урузбаю и распоряжался дѣйствіями противъ нашихъ отрядовъ. Спустя четыре мѣсяца посольство вернулось изъ Китая съ грамотой о признаніи Габайдуллы киргизскимъ ханомъ и ванъ-гуномъ, т. е. великимъ княземъ Китайской имперіи, и Габайдулла былъ торжественно поднятъ на бѣлый войлокъ, что, по древнему обычаю киргизовъ, обозначало возведеніе его въ ханское достоинство. Узнавъ объ этомъ, пограничныя русскія власти выслали отряды съ трехъ сторонъ къ Баинъ-Аулу, и послѣ небольшой стычки непокорный Габайдулла, оставленный разбѣжавшимися киргизами, былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со своими приближенными біями въ числѣ 90 человѣкъ и сосланъ въ городъ Березовъ, Тобольской губерніи. Старшему сыну Габайдуллы, Булату было въ это время уже 16 лѣтъ. Подарки, непринятые его отцомъ, были посланы теперь ему и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ произведенъ былъ въ чинъ маіора. Въ 1853 году генералъ-губернаторъ Западной Сибири и командиръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса употреблялъ всѣ усилія убѣдить султана Булата дать старшему сыну его, Гази Булатовичу, приличное образованіе, и старанія Г. Х. Гасфорта, генералъ-губернатора, увѣнчались успѣхомъ: девятилѣтній Гази былъ отправленъ съ дядей его Ханъ-Ходжей и 80 киргизами въ Омскъ, гдѣ онъ и поступилъ въ Сибирскій кадетскій корпусъ. Султанъ Гази Булатовичъ 16-ти лѣтъ окончилъ обученіе въ корпусѣ, былъ произведенъ въ корнеты и назначенъ состоять въ распоряженіи генералъ-губернатора Западной Сибири. Генералъ Гасфортъ вскорѣ командировалъ молодаго офицера къ Черному Иртышу, гдѣ Гази Булатовичъ старался всѣми мѣрами повліять на непокорныя племена киргизовъ Семызъ-Паймановскаго и другихъ родовъ вступить въ подданство Россіи. Благодаря своему происхожденію, которое не могло не дѣйствовать обязательно на киргизовъ, султанъ Гази вполнѣ успѣлъ въ своей миссіи и заслужилъ еще большее расположеніе и вниманіе генералъ-губернатора, который по возвращеніи Гази Булатовича изъ командировки приставилъ его къ находившимся тогда въ Омскѣ военно-плѣннымъ азіатскимъ вельможамъ, представителямъ Коканскаго ханства: Атабекъ-Датхою, Али-Ширъ-Датхою и Шигаулу, родственнику коканскаго хана. Въ годъ поступленія Гази Булатовича въ сибирскій корпусъ изъ этого заведенія вышелъ родственникъ его султанъ Чоканъ Валихановъ, происходившій отъ одной изъ младшихъ женъ Вали-Хана, впослѣдствіи путешественникъ и авторъ „Очерковъ Джунгаріи“ и другихъ сочиненій о Востокѣ, умершій въ 1865 году. Этотъ самый родственникъ, питавшій тайную вражду къ Гази Булатовичу, заподозрилъ его въ коварныхъ замыслахъ противъ Россіи и совмѣстно съ Чингизомъ, отцомъ своимъ, тайно донесъ новому генералъ-губернатору Западной Сибири Дюгамелю, будто султанъ Гази возбуждаетъ киргизовъ противъ правительства. Генералъ Дюгамель изъ предосторожности, узнавъ изъ доноса, объ огромномъ вліяніи на киргизовъ потомковъ Габайдуллы по прямой линіи, перевелъ молодаго корнета Гази-Вали-Хана въ Тобольскъ, прикомандировавъ его къ полку, находившемуся въ этомъ городѣ. Возмущенный и обиженный несправедливыми навѣтами, Гази Булатовичъ, пробывъ всего двѣ недѣли на мѣстѣ новой службы, взялъ шестимѣсячный отпускъ и отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ представился тогдашнему военному министру Д. А. Милютину и просилъ его доложить государю о своемъ желаніи служить въ столицѣ. По Высочайшему повелѣнію султанъ Гази Вали-Ханъ былъ прикомандированъ къ Лейбъ-гвардіи Казачьему Его Величества полку и участвовалъ съ этимъ полкомъ въ походѣ противъ польскихъ мятежниковъ. Затѣмъ, узнавъ объ отправленіи военной экспедиціи въ Среднюю Азію, онъ пожелалъ принести пользу русскому правительству и перевелся на службу къ начальнику Алтайскаго округа и киргизовъ Большой орды, въ укрѣпленіе Вѣрное, гдѣ формировался отрядъ М. Г. Черняева. Назначенный начальникомъ всей киргизской милиціи, онъ по пути къ городу Ауліэ-Атá, путемъ своихъ родственныхъ связей со старшими султанами Большой орды, дядями Тезекомъ и Али Аблай-Ханами, склонилъ непокорныя племена Дулутовъ и Кара-Киргизовъ (Бурутовъ) перейти въ русское подданство. Послѣ этой экспедиціи, въ которой, во время взятія коканской крѣпости Ауліэ-Атá, онъ выказалъ „личную храбрость“, султанъ Гази Вали-Ханъ вышелъ въ отставку, но вскорѣ снова былъ призванъ на службу въ Л.-гв. Атаманскій Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полкъ, въ спискахъ котораго числится и нынѣ. Съ 1879 по 1881 г. султанъ Гази Булатовичъ находился въ учебномъ кавалерійскомъ эскадронѣ (въ настоящее время офицерская кавалерійская школа), а во время коронаціи, по Высочайшему повелѣнію, состоялъ почетнымъ переводчикомъ при хивинскомъ ханѣ и бухарскомъ наслѣдникѣ престола (нынѣ бухарскомъ эмирѣ). Кромѣ того, онъ не одинъ разъ былъ командированъ пограничными властями на границы Китая для принятія посольствъ и дунганскихъ депутацій. Интересуясь судьбами Востока, султанъ Гази Вали-Ханъ имѣетъ много матеріаловъ по этой части, прекрасно знаетъ положеніе дѣлъ въ областяхъ, населенныхъ роднымъ ему народомъ, и между прочимъ недавно помѣстилъ весьма дѣльную статью въ *Новомъ Времени* по вопросу о возможности переселенія въ Акмолинскую степь жителей внутреннихъ губерній Россіи.

П. Б.

Политическое обозрѣніе.

На-дняхъ два политическіе дѣятеля сошли съ арены жизни. 5 марта въ Римѣ скончался принцъ Наполеонъ Бонапартъ, двоюродный братъ покойнаго императора Наполеона III. Второй сынъ младшаго брата Наполеона I, бывшаго короля Вестфальскаго Жерома Бонапарта, и Виртембергской принцессы Екатерины, Наполеонъ-Жозефъ-Шарль-Поль Бонапартъ родился 9 сентября 1822 года въ Трієстѣ. Болѣе другихъ Бонапартовъ похожій физически на своего великаго дядю, онъ не былъ лишенъ его нѣкоторыхъ способностей и качествъ, но вслѣдствіе неудовлетворительнаго воспитанія не могъ достаточно развить ихъ. Страстный и необузданный, онъ всегда былъ чѣмъ-то недоволенъ и постоянно былъ въ противорѣчіи во всему и ко всѣмъ. Сторонникъ республики послѣ паденія Іюльской монархіи, онъ довольно легко примирился съ порядкомъ вещей при возстановленіи Имперіи, но не соглашается называться императорскимъ высочествомъ. Довольный рѣшеніемъ своего кузена выбрать себѣ супругу не изъ среды царствующихъ домовъ, онъ бравирующій своимъ безвѣріемъ, женится на 16-лѣтней дочери короля Итальянскаго Виктора-Эммануила, кроткой и набожной принцессѣ Клотильдѣ Савойской. Съ возстановленіемъ республики, онъ очутился во главѣ бонапартистской партіи, но отличаясь всегда особыми свободными взглядами, отказался отъ „наслѣдія“ „имперіалистской идеи“ Бонапартовъ и выставилъ на своемъ знамени „пожизненную консульскую республику“, отрекшись и отъ императорской власти, и отъ принципа династическаго престолонаслѣдія. Онъ держался того взгляда, что вмѣсто президента республики во главѣ государства долженъ стоять „пожизненный консулъ“, избираемый плебисцитомъ изъ числа „наилучшихъ“ потомковъ Бонапарта.

На этой почвѣ и произошелъ разрывъ между усопшимъ и его старшимъ сыномъ, Викторомъ, выступившимъ въ качествѣ самостоятельнаго бонапартистскаго претендента. Рознь эта была такъ глубока и непримирима, что ни общая печальная участь изгнанниковъ изъ Франціи, въ силу декрета 22 іюня 1885 года, ни самая кончина не примирила отца съ сыномъ. Своимъ наслѣдникомъ и преемникомъ своихъ идей принцъ Наполеонъ назначилъ втораго сына, принца Лудовика.

За три дня до смерти принца Наполеона, 2 марта скончался безвѣстный по происхожденію, но славный своею политическою дѣятельностью Лудвигъ Виндгорстъ. Вождь католической партіи центра и бывшій ганноверскій министръ родился 17 января 1812 года въ Кальдентофѣ, въ Ганноверѣ, въ крестьянской семьѣ. Родители предназначали его къ духовной дѣятельности, но онъ предпочелъ сдѣлаться адвокатомъ. Только своимъ превосходнымъ способностямъ обязанъ онъ тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое онъ занималъ въ политическомъ строѣ современной Германіи. Убѣжденный христіанинъ-католикъ, ставившій интересы церкви и папства выше государственныхъ, онъ въ то же время былъ сторонникомъ государственнаго монархическаго начала, правда—не въ Бисмарковскомъ духѣ. Поэтому желѣзный канцлеръ всегда счи-

Библиотека "Руниверс"

талъ его врагомъ имперіи, въ то время какъ онъ былъ скорѣе противникомъ Бисмарка и притомъ самымъ сильнымъ и даровитымъ. Виндгорстъ скончался въ самый разгаръ парламентской дѣятельности. 27 февраля онъ впервые почувствовалъ себя

Александръ Ивановичъ Воейковъ.
Съ фот. Семененко, грав. Пуцъ.

Яковъ Оттоновичъ Наркевичъ-Іодко.
Съ фот. Шавиро, грав. Пуцъ.

больнымъ въ засѣданіи рейхстага, въ засѣданіяхъ котораго до постигшей его болѣзни онъ принималъ самое дѣятельное участіе. Всего двѣ недѣли тому назадъ онъ произнесъ нѣсколько прекрасныхъ рѣчей въ рейхстагѣ и даже одержалъ блестящую побѣду надъ правительствомъ по вопросу объ унтеръ-офицерскихъ преміяхъ.

„Высокое умственное значеніе Виндгорста и выдающееся положеніе, которое онъ занималъ въ парламентѣ въ качествѣ вождя партіи центра, пишетъ по поводу его смерти *Имперскій Указатель*, обезпечиваютъ его памяти почтительное уваженіе всюду, куда проникнетъ извѣстіе о его кончинѣ, даже и среди тѣхъ, кто былъ его политическимъ противникомъ. Благодаря своему проницательному уму, обширнымъ свѣдѣніямъ и замѣчательной находчивости, онъ оказывался не только однимъ изъ лучшихъ парламентскихъ ораторовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и однимъ изъ самыхъ выдающихся парламентскихъ дѣятелей".

Въ Сербіи происходитъ что-то небывалое. Лица находящіяся и бывшія у власти обмѣниваются публично письмами, странными по формѣ и невѣроятными по содержанію. Смѣшивая свои личныя чувства съ государственными интересами, они стараются выставить своихъ противниковъ и враговъ въ самомъ непригляднымъ видѣ, сообщая о нихъ откровенности самаго возмутительнаго свойства, не исключая убійствъ.

Воздерживаясь отъ передачи даже краткаго содержанія этихъ посланій, какъ печальнаго проявленія личныхъ чувствъ, мы не можемъ не привести сообщаемаго *Сѣвромъ* письма митрополита Михаила, съ которымъ маститый архипастырь вынужденъ былъ обратиться къ королевѣ Наталіи:

„Мнѣ передали, что вы не хотите ходить въ церковь, такъ какъ въ ней упоминается мое имя.

„Подъ письмомъ своимъ вы подписались: „дочь православной церкви".

„Долгъ архипастыря повелѣваетъ мнѣ заявить, что въ Сербіи нѣтъ ни Михаиловой, ни Іеровимовой, ни какой-либо другой церкви, а есть лишь Церковь Христова, апостольская, православная.

„Ваше величество, не слушаясь повелѣній Церкви Христовой, вслѣдствіе своего личнаго, умѣстнаго или неумѣстнаго, гнѣва, грѣшите передъ сею церковію и ея главой Христомъ. Меня огорчаетъ, что вы отягощаете душу вашу грѣхомъ. Посему прошу васъ, не переносите гнѣва вашего съ извѣстныхъ лицъ на церковь, которая не виновата предъ вами. Обладая благочестивою и благовоспитанною душой, вамъ не слѣдуетъ поступать такъ: и Богъ, и люди осудятъ васъ за сіе.

„Подумайте хладнокровно, спокойно, безъ гнѣва — вы увидите, что поступокъ вашъ разрушаетъ, а не созидаетъ. Я не желаю, чтобы великій грѣхъ палъ на имя ваше и отяготилъ душу вашу.

„Вы пишете, что вы патріотка; въ такомъ случаѣ вамъ не слѣдуетъ вносить раздора и раскола въ народъ, которому необходимы согласіе и единодушіе.

„Король Миланъ не желалъ видѣть меня изъ-за васъ, а вы изъ-за Милана удаляетесь отъ меня и даже отъ церкви.

„Зачѣмъ? Долгъ требуетъ отъ васъ отвѣтить самой себѣ на этотъ вопросъ.

„Я молюсь, чтобы вы попрежнему остались доброю, православною христіанкой и патріоткой, чтобы вы посѣщали церковь и молились Господу Богу, чтобъ Онъ помогъ сбыться желаніямъ вашимъ. Не виновата передъ вами церковь, если люди виноваты. Безъ молитвы вы не будете имѣть душевнаго спокойствія, и ваше оскорбленное сердце не утѣшится. Я никогда ничего не требовалъ отъ васъ и теперь не требую; я хочу лишь спасенія души вашей и хочу, чтобы вы не нарушали порядка и мира въ церкви, не сѣяли раздора, что можетъ умалить уваженіе къ вамъ и нанести вамъ нравственный вредъ. Я буду молиться, да поможетъ вамъ Богъ и охранитъ васъ отъ зла".

Султанъ Гази-Вали-Ханъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Библіографія.

Императорское Русское Техническое Общество. Труды организаціоннаго комитета Съѣзда русскихъ дѣя-

Библиотека "Руниверс"

телей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. Общая организація Съѣзда и устроенной при немъ выставки. СПБ. 1890. Ц. 1 р.

Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи 1889—1890. Общая часть. СПБ. 1891. Ц. 2 р.

Правильная постановка и развитіе техническаго и профессіональнаго образованія въ нашемъ отечествѣ имѣетъ огромную важность въ вопросахъ улучшенія экономическаго положенія многомилліоннаго Русскаго народа. Бывшій въ Петербургѣ зимою 1889—90 г. Первый Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію положилъ начало серьезнѣйшей общественной разработкѣ всѣхъ относящихся сюда вопросовъ. Результаты его дѣятельности, выразившіеся въ названныхъ выше изданіяхъ и въ другихъ „трудахъ съѣзда", представляютъ, поэтому, огромную важность и интересъ для всѣхъ, кому не чужды вопросы образованія и экономическаго благосостоянія нашей родины.

Сводъ узаконеній, инструкцій, правилъ, распоряженій и циркуляровъ, съ приложеніями къ нимъ, **по акцизу** на спиртъ, табакъ, сахаръ, освѣтительныя нефтяныя масла, спички, по гербовому сбору и по завѣдыванію акцизными сборами вообще, съ іюля 1888 г. по іюль 1890 г. Съ приложеніемъ пояснительной статьи къ закону 4 іюня 1890 г. о мѣрахъ къ поощренію сельскохозяйственнаго винокуренія. Изданіе неофиціальное. СПБ. 1891. Ц. 1 р.

Самое заглавіе книги показываетъ ея назначеніе и цѣль. При многообразныхъ отношеніяхъ, возникшихъ въ современной торговой и промышленной дѣятельности, законодательство по нимъ непрерывно прогрессируетъ: но масса вновь появляющихся узаконеній и распоряженій,—инструкцій, правилъ, циркуляровъ, ставитъ передъ всѣми заинтересованными въ нихъ людьми необходимость постоянно имѣть ихъ подъ руками. Неофиціальные „своды" подобнаго рода и преслѣдуютъ эту цѣль, соединяя въ одну книгу разбросанныя по разнымъ мѣстамъ распоряженія. Названный выше „Сводъ узаконеній" составленъ примѣнительно къ послѣднимъ изданіямъ акцизныхъ уставовъ Соколова и Реймера; въ него составитель включилъ и нѣкоторыя недѣйствующія узаконенія—„полноты ради".

Смѣсь.

Г. Шевляковъ въ февральской книжкѣ *Истор. Вѣстника* сообщаетъ слѣдующій анекдотъ: Московскій оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ былъ назначенъ на эту должность спеціально, какъ ходили въ то время слухи, для искорененія мошенничества и воровства.

Пріѣхавъ въ Москву, Шульгинъ громогласно хвасталъ, что искоренитъ это зло, и принялся за него не на шутку. Но московскіе жулики, провѣдавшіе объ этомъ на первыхъ же дняхъ его дѣятельности, заявили себя непобоpимыми и дали о себѣ чувствительное понятіе новому оберъ-полиціймейстеру.

Рано утромъ подъѣзжаютъ къ дому оберъ-полиціймейстера парныя сани съ ливрейнымъ лакеемъ. Ливрейный лакей, лихо соскочивъ съ запятокъ, входитъ въ швейцарскую и приказываетъ доложить Шульгину, что за нимъ пріѣхали сани отъ графини Орловой, которая проситъ его къ ней пожаловать сейчасъ-же по неотложному и важному дѣлу.

Шульгинъ, лично знакомый съ графиней, быстро собрался, накинулъ на плечи свою богатую бобровую шинель и отправился. Пріѣхавъ къ графинѣ, оберъ-полиціймейстеръ вошелъ въ подъѣздъ и сбросилъ на руки сопровождавшаго его лакея шинель. Лакей почтительно принялъ ее и присѣлъ на скамейкѣ въ прихожей. О Шульгинѣ доложили хозяйкѣ дома.

— Чѣмъ могу служить? спросилъ гость, входя въ гостиную и раскланиваясь съ графиней.

Та недоумѣваетъ.

— Вы сейчасъ изволили присылать за мной свой экипажъ, сказалъ Шульгинъ, въ свою очередь тоже недоумѣвая.

— И не думала!

— Я въ вашихъ саняхъ пріѣхалъ.

— Не можетъ быть!

Подняли въ домѣ тревогу. Бросились къ подъѣзду за санями, но ихъ и слѣдъ простылъ вмѣстѣ съ шинелью.

На другой день Шульгинъ получаетъ по почтѣ безымянное письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „напрасно вы, какъ превосходительство, съ нами ссориться хотите; будемъ жить лучше въ мирѣ да ладѣ, никто изъ насъ не будетъ въ накладѣ".

Это обстоятельство сперва обезоружило его, но впослѣдствіи онъ уяснилъ смыслъ письма какъ нельзя лучше: жулики посвящали его во всѣ свои тайны, что давало ему возможность въ особенно важныхъ дѣлахъ проявлять необыкновенное проворство и ловкость при открытіи преступленій. Этимъ онъ прославился какъ дѣятельный оберъ-полиціймейстеръ.

Громадныя массы снѣга, выпавшія въ декабрѣ прошлаго года на сѣверѣ и востокѣ Европы, вызвали чрезвычайно интересное и замѣчательное въ научномъ смыслѣ явленіе на Балтійскомъ морѣ. Въ значительно уже остывшей послѣ лѣта морской водѣ онѣ обратились въ мѣсиво, затѣмъ, благодаря продолжительному и все возраставшему холоду, смерзлись въ одну ледяную массу и покрыли сотни квадратныхъ миль поверхности моря. Вся эта громада, части которой были сплочены и нагромождены другъ на друга волнами, влотно примерзла къ берегамъ повсюду, гдѣ такъ-называемые „рифы" дѣлаютъ глубину воды незначительной. Толщина льда доходила отъ 10 до 15 футовъ и представляла собою ужасную тяжесть. Небольшія мѣста незамерзшей воды, находившіяся между громадными ледяными глыбами, были оживлены присутствіемъ тысячъ дикихъ норвежскихъ утокъ, которыя постоянно около этого времени покидаютъ скандинавскія шхеры и посѣщаютъ восточные берега Балтійскаго моря, чтобы къ маю вернуться назадъ. Эти птицы постояннымъ движеніемъ не давали замерзать открытымъ пространствамъ воды даже и при сильнѣйшихъ морозахъ. Картина моря была величественна; вплоть до горизонта не видать ничего кромѣ клетчерообразной массы, которая при появленіи солнца кажется усѣянною милліардами брилліантовъ и алмазовъ. Только мѣстами, между краемъ ледянаго поля и морскимъ берегомъ, находились свободныя пространства воды, шириною иногда въ 1000 футовъ, которыя темно-голубыми пятнами выдѣлялись изъ общаго блеска. На берегу образовались ледяные дюны и утесы, достигавшіе высоты небольшаго дома; объ нихъ разбивались набѣгавшія морскія волны, бросая вверхъ фонтаны брызгъ, которыя, размельчаясь въ пыль, уже въ воздухѣ обращались въ ледяные кристалы. Только долго живя на морскомъ берегу, можно видѣть эти рѣдкія и крайне интересныя явленія, которыя тѣмъ привлекательнѣе, что представляютъ собою въ маломъ масштабѣ явленія, происходящія въ полярныхъ моряхъ. (к.).

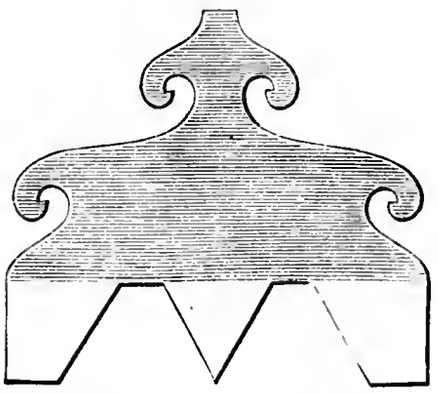
О вулканическихъ явленіяхъ близь Ривьеры итальянскія газеты сообщаютъ, что въ Кастаньолѣ, маленькомъ мѣстечкѣ у подошвы горы Дейва, произошло нѣчто любопытное. Вся гора, особенно та ея часть, по которой проходитъ большая дорога изъ Генуи въ Спецію, усѣяна своеобразнымъ камнемъ, который состоитъ изъ соединенія твердаго зеленаго полеваго шпата съ другимъ минераломъ красно-краснаго цвѣта; по близости находятся большіе мѣдные рудники. Уже 19 января показывались въ Монтебелло вулканическія явленія, но лишь явленіе въ Кастаньолѣ привлекло всеобщее вниманіе на перемѣну въ земной корѣ. Вся почва на полмили кругомъ нагрѣта подземнымъ огнемъ. Ночью свѣтъ отъ огня виденъ совершенно ясно, днемъ же показываются только облачка дыма то здѣсь, то тамъ. Жители Кастаньолы первоначально организовали родъ добровольной пожарной команды, чтобы тушить предполагаемый пожаръ; но, видя, что огонь, потушенный въ одномъ мѣстѣ, снова вспыхиваетъ въ другомъ, они отказались отъ своего намѣренія. Изъ почвы, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже слегка осѣла, выдѣляется особенный запахъ гари; но сѣрныхъ испареній до сихъ поръ не замѣчено. Такъ какъ, судя по извѣстіямъ, о настоящемъ землетрясеніи нѣтъ рѣчи, то это явленіе природы въ высшей степени заслуживаетъ вниманія ученыхъ и публики. (к.)

Въ Парижѣ, по послѣдней росписи налоговъ, содержится 72,000 собакъ, изъ нихъ только 44,000 цѣнныхъ, остальныя же 28,000 — комнатныя. Налогъ на каждую цѣнную собаку—4, на комнатную—8 франковъ. (к.)

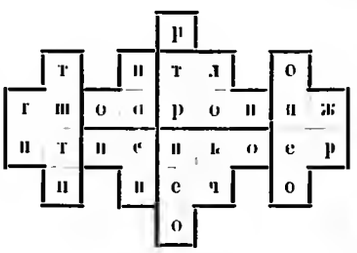
Высочайшій подъемъ аэростата. Воздухоплаватель Коксель поднялся на высоту 11,277 метровъ (36,988 русскихъ футовъ). На этой высотѣ холодъ былъ нестерпимъ. Руки Кокселя почернѣли отъ холода; къ счастью, ему удалось зубами открыть клапанъ для выпуска газа. (к.)

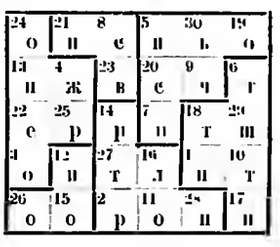
Геометрическая задача № 19.

Данную фигуру разрѣзать прямыми линіями на 4 части, изъ которыхъ составить трехгранную призму.



Рѣшеніе задачи № 9 (помѣщенной въ № 4).





„Прожитое, что и пролитое, не воротишь".

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: **СПб.** — Ф. Михеѣ, С. И. Соколова **въ Калугѣ**, и П. Г. Рязанцева **въ Рязани**.

Библиотека "Руниверс"

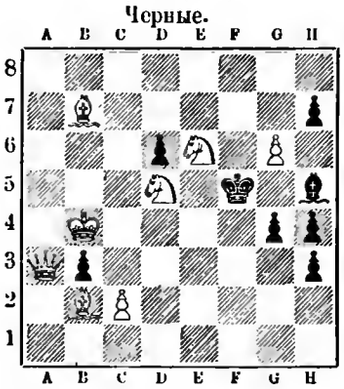
ШАХМАТЫ

подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 20.

К. Эрлина (Вѣна).

Черные.



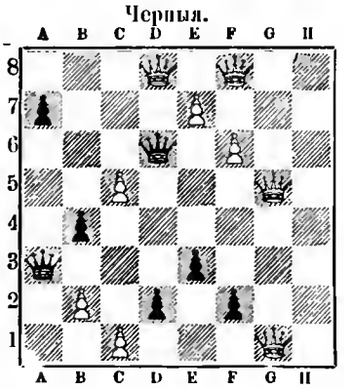
Бѣлые.

Мать въ 3 хода.

Задача № 21. Шашечная.

Ф. С. Платонова (СПбургъ).

Черныя.



Бѣлыя.

Заперетъ дамку.

Текущія партіи по телеграфу между В. Стейницемъ (Нью-Іоркъ) и М. И. Чигоринымъ (С.-Петербургъ).

(Продолженіе).

I. Гамбитъ Эванса.

С.-Петербургъ. Бѣлые.	Нью-Іоркъ. Черные.
27.	Л. b8 — a8 з/III
28. Ф. a7 : a8	Ф. c7 : c5

II. Дебютъ 2-хъ коней.

Нью-Іоркъ. Бѣлые.	С.-Петербургъ. Черные.
28. Ф. e6 — h3 з/III	К. e7 — f5
29. С. d4 — e5	

ПАРТІЯ № 7.

3-я партія матча. Игра 1 и дек брь 1890 г.

Отказанный гамбитъ ферзя.

	В. Стейницъ. Бѣлые.	И. Гунсбергъ. Черные.		В. Стейницъ. Бѣлые.	И. Гунсбергъ. Черные.
1.	d2 — d4	d7 — d5	15.	С. g5 : e7	К. d5 : e7
2.	c2 — c4	e7 — e6	16.	К. e2 — g3	С. f5 — g6
3.	К. b1 — c3	c7 — c6 [1])	17.	К. c3 — e4	К. b6 — d5
4.	e2 — e3	К. g8 — f6	18.	Ф. d1 — d2	b7 — b6 [5])
5.	f2 — f3?	С. f8 — b4! [2])	19.	Л. a1 — e1! [8])	Ф. d8 — d7?
6.	К. g1 — h3	К. b8 — d7	20.	Л. e1 — e2	Л. a8 — d8
7.	К. h3 — f4? [3])	0 — 0	21.	Л. f1 — e1	К. e7 — f5
8.	С. f1 — e2	d5 : c4	22.	К. e4 — c3 [9])	К. f5 : g3
9.	С. e2 : c4	e6 — e5!	23.	h2 : g3	К. d5 : c3
10.	К. f4 — e2! [4])	e5 : d4	24.	b2 : c3	Л. f8 — e8
11.	e3 : d4 [5])	К. d7 — b6	25.	Ф. d2 — f4	Л. e8 — e2
12.	С. c4 — b3	С. c8 — f5? [6])	26.	Л. e1 : e2	Кр. g8 — f8
13.	С. c1 — g5	С. b4 — c7	27.	Кр. g1 — f2	Ф. d7 — d6
14.	0 — 0	К. f6 — d5		Игра признана за ничью.	

Примѣчанія къ партіи.

1) Послѣ этого хода черные тронутъ взять пѣшку c4, имѣя возможность потомъ защитить c4 посредствомъ b7 — b5.

2) Въ 1-ой партіи матча Гунсбергъ игралъ С. f8 — e7.

3) Здѣсь конь стоитъ еще хуже чѣмъ на 12.

4) Послѣ 10. d4 : e5, К. d5 : e5; и. Ф. d1 : d8, Л. f8 : d8, черные имѣли-бы хорошую атаку; если 10. К. f4 — d3, то 10 . . . e5 : d4; 11. К. d3 : b4, d4 : c3, и игра черныхъ лучше.

5) Если 11. Ф. d1 : d4, то С. b4 : c5 съ хорошей атакой при запертомъ слонѣ c1. У бѣлыхъ теперь образовалась изолированная пѣшка; черным однако не легко воспользоваться этимъ преимуществомъ.

6) Этотъ слонъ послѣ К. g3 долженъ брать темпъ; лучше было поставить ладью на e8 и затѣмъ предложить мѣну слоновъ на e6.

7) Черные намѣреваются идти ферземъ на d7, а потому мѣшаютъ ходу К. c5; лучше было идти ферземъ на c7 и оставить линію d для ладей.

8) Бѣлые основательно отказываются играть на защиту пѣшки d4 и хотятъ сдвоить ладьи на открытой линіи e; если-бы черный ферзь стоялъ на c7, то ходомъ коня на f4 черные могли-бы препятствовать сдвоенію ладей.

9) Бѣлые грозятъ ходомъ К. c3 : d5 уравнять положеніе пѣшекъ; если черные отступятъ конемъ d5, то послѣ Ф. f4 они все-таки не могутъ брать пѣшку d4. Не воспользовавшись небольшимъ своимъ преимуществомъ они, совершенно основательно, быстро сводятъ игру на ничью.

СОДЕРЖАНІЕ: Касатимъ (съ рис.). — Мальтійская цѣпь. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ князя М. Н. Волконскаго. Ч. III. (Продолженіе). — Вѣтка камелій. Новелла Тео Зельманъ. — Литературныя бесѣды „Мертвыя души", поэма Гоголя. — Къ рисункамъ: Выставка карт. Айвазовскаго (съ 2 рис.). — Авраамій Палицынъ въ лагерѣ Трубецкаго подъ Москвою (съ рис.). — Христіанскіе мученики на аренѣ (съ рис.). — Весенняя выставка въ Имп. Академіи Художествъ. Охота на волка (съ рис.). — А. И. Воейковъ (съ портр.). — Я. О. Наркевичъ-Іодко (съ портр.). — Султанъ Гази Вали-Ханъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Библіографія. — Смѣсь. — Задачи. — Шахматы. — Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.
Редакторъ В. Клюшниковъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

При перемѣнѣ адреса Контора проситъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ высылать **прежній печатный адресъ**, по которому получалась ими „Нива", и прилагать **28 коп.** (почтовыми марками) на типографскіе расходы. Гг. городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

При высылкѣ **дополнительныхъ взносовъ** за „Ниву" также необходимо прилагать **печатные адреса.**

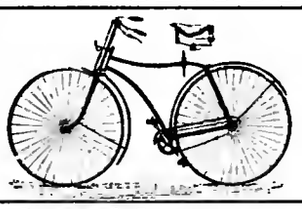
Заявленія о неполученіи какого-либо №. „Нивы" удовлетворяются лишь въ томъ случаѣ, если они присылаются тотчасъ-же по полученіи слѣдующаго №. журнала.

Главное депо часовъ Э. БУРХАРДЪ, СПБ., Горохов. ул., у Краснаго моста, № 17.
Часы никел. отъ 6 р. 50 до 15 р.
„ стальн. черн. отъ 11 до 25 р.
„ серебряные отъ 12 до 50 р.
„ золотые отъ 25 до 500 р.
„ регуляторы двухнедѣльнаго завода отъ 17 до 65 р.
Высылаю наложен. платежемъ. Иллюстр. прейсъ-курранты безплатно № 5055

Остерегаться поддѣлокъ. 5—2
ГИГІЕНИЧЕСКОЕ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
провизора Г. Ф. Юргенсъ,
противъ излишней потливости и дезодорирующее. Продается во всѣхъ лучш. аптек. и мит. маг. Главн. складъ для всей Россіи К. И. ФЕРРЕЙНЪ, Москва. № 5030
Цѣна 1/1 кус. 50 к., 1/2 кус. 30 коп.

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ
у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФІИ
А. КОССОДО.
Методъ премированъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 5065
За 2 семикопѣечныя марки высылается пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Екатерининская, 8.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА".
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (321 № 4366



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.
ФРАНКФУРТЪ Н. М.
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЪ".
Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиновою „Кюженъ" (подушка) и „пневматическій". Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 коп. марками. Ц. № 5018 24—3

Выпущено Ф. Павленковымъ второе (дешевое) изданіе книги Макса Нордау:
ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИНОЙ Мц. № 5073
Содержаніе: Оптимизмъ и пессимизмъ. Геній и толпа. Взглядъ на человѣческій прогрессъ. Успѣхъ въ жизни. Психологія генія и таланта. Внушеніе. Человѣческая благодарность. Сущность бедлотерстики. Естественная исторія любви. Эволюціонная эстетика. Что такое любовь? Національность. Картина будущаго человѣчества. Цѣна 1 рубль.

PAPIER FAYARD ET BLAYN
Бумага Фаяръ и Блэнъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность заставила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Блэнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. Ц. № 4909 11—5

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ
для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Косметиг. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, пров. Кинуненъ.
Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

ФАБРИКА ШТЕМПЕЛЕЙ и ПЕЧАТЕЙ
Г. М. ЛЕВИНСОНА въ МОСКВѢ.
Тверская д. Славянскаго Подв. № 26.
Прейсъ-листы высылаются. Агенты приглашаются.

ЛЕНИНГЪ и ГЮЗИНГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

ПРИГЛАШАЮТЪ
агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

ОГНИВО
новое карманное съ самозажигающейся лампочкой, вполнѣ замѣняетъ спички и фонарь 1 р. 75 к. (съ пересылкою 2 р. 50 к. съ запасами). Ц. № 5056
И. Глазуновъ.
Москва, Столешниковъ пер. д. № 8.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Н. П. КАРБАСНИКОВА
(С.-Петерб., Литейный пр., 46; Москва, Мясницкая ул., д. Кохъ; Варшава, Нов. Свѣтъ, 67)
Поступили въ продажу новыя книги:
АНЕМОНА. Романъ В. П. Желиховской. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.
КНЯЖНА ЦХЕНИ. Романъ изъ кавказской жизни. Цѣна 80 к., съ перес. 1 р.
ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Роман.-хрон. XVII вѣка. въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Библиотека "Руниверс"

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28—14

Г. ДАВИДЪ. Владимірскій пр., д. №13, кв. 5, покупаетъ по высокой цѣнѣ: роскошные и рѣдкіе предметы XVI, XVII и XVIII столѣтій, какъ-то: бронзу, фарфоръ, гобелены, мебель, табакерки, серебряныя издѣлія, миніатюры, акеры, картины и проч. № 5060 4—1

Новое изданіе Ф. Павленкова:

ВЪ НЕБЕСАХЪ

астрономическій романъ К. Фламмаріона. Съ 50 рисунками. Пер. съ франц. Предтеченскаго. Цѣна 1 рубль. Мѣ. № 5072

НОВОСТИ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

Шиманъ. Былое времячко. Вальсъ. Ц. 75 к.
„ Маршъ и Вальсъ изъ оп. „Жажда сильныхъ ощущеній".
Нейфъ. Маленьк. Листъ. Дѣтск. Сборн. 1.50.
„ Кавалерійскій маршъ. Ц. 40 к.
„ Кошечка. Полька со словами. Ц. 50 к.
Фельдманъ. Сладкій сонъ. Вальсъ. Ц. 75 к.
Ружицкій. Внемли, другъ, моленьямъ души № 4860 Романсъ. Ц. 40 коп. 10—8
„ Возьми меня, я вся твоя. Ц. 40 к.
Брамса Венгерск. танцы № 5.6.7. д. скр. съ фортепіано по 40 к.
у КУЛИНОВА, Москва, Маросѣйка.

СБЕРЕГАТЕЛЬ САПОГЪ.

Сохраняетъ подошвы и каблуки отъ изнашиванія и искривленія. Легко придѣлать. Сберегаетъ въ 20 разъ болѣе стоимости 4 колл. 1 р. 20 коп., пересылка 2 фунт 10 „ 2 р. 50 коп., 100 колл. 20 руб. Продаются во всѣхъ магазинахъ и лавкахъ и высыл. залож. платеж. изъ склада для Россіи.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невскій пр., № 20.

М-мъ ЗИНА

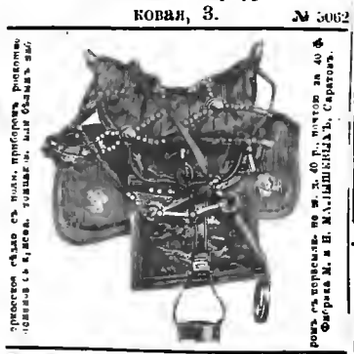
Мойка, № 64, С.-Петербургъ, высылаетъ безплатно модныя картины и прейсъ-курантъ

ДѢТСКИХЪ

платьевъ, костюмовъ и пальто сезона 1891 г. Заказы изъ провинціи исполняетъ скоро и добросовѣстно. Пересылка до Москвы безплатно. В. № 5061

РУССКІЙ МЭЦЦОФАНТИ.

Руководство какъ научиться говорить на иностранномъ языкѣ въ двѣ-три недѣли, составленное для языковъ: французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго и испанскаго. Сост. А. В. Старченскій. Изд. 3-е, 1890 г.
Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
Высылаетъ Книжный Складъ К. Е. МАРТОВА С.-Петербургъ, Басковая, 3. № 5062



Дрожжевой ящикъ съ полн. приборомъ, рисунокъ, обшитъ съ 6 сторонъ, тонкая ж. для бѣлыхъ 25 р.
Фигурка М. и Н. Малышкиныхъ, Саратовъ.

АРМАТУРЫ ДЛЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАГО ОСВѢЩЕНІЯ

изящно выполненныя и въ большомъ выборѣ имѣются на складѣ у

М. ГИЦЛЬ ПРЕЕМНИКЪ Р. КОЛЬБЕ,

Невскій проспектъ. № 54.

Главный представитель Саксонскаго завода бронзовыхъ издѣлій въ Вурценѣ. № 5068 3—1

ИЗВѢСТНЫЕ ДУХИ ДЛЯ НОСОВЫХЪ ПЛАТКОВЪ и проч.

ГУСТАВА ЛОЗЕ № 4723 8—7

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN Ландышъ.
ЛОЗЕ GOLOLILIE Золотая Лилія.
ЛОЗЕ PEAU D'ESPAGNE
ЛОЗЕ HELIOTROPE BLANC
ЛОЗЕ ROSE MARÉCHAL NIEL

НОВОСТЬ
LILAS BLANC
Бѣлая Сирень.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ Придворный парфюмеръ. Берлинъ, Егерштрассе, 46.

Можно получить во всѣхъ парфюмер. магаз. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris

Ц. № 3757 (109)

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ

въ Гогенгеймѣ. D. № 5022 2—2

Лѣтній курсъ начинается въ среду, 15-го Апрѣля с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаетъ по желанію безплатно

КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ

Гогенгеймъ, въ Февралѣ мѣс. 1891 г. Vossler.

Fleichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!
Театральная гримировка!
Жирныя помада, бѣлила. Карандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Берлинскихъ Императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.
В. № 4729 17—9

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ДЕНЬ

на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 60 к.

За границу на годъ 10 р.

№ 4792 (12) Объявленія по 10 к. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Скворцовъ. Преображенская, 4. 12 кн. разсказовъ и очерковъ. Издатель А. А. Греве.

ФЛАГИ

ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ СОРТОВЪ.

ПОСТОЯННО БОЛЬШОЙ ЗАПАСЪ РАЗНЫХЪ ФЛАГОВЪ ИЗЪ ЛУЧШИХЪ МАТЕРІЙ.

Д. СИЛИНА.

Гостиный дворъ № 1, близь часовни.

| | | |

ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ

ГАРМОНІИ

фабрики І. Ф. КАЛЬБЕ,

имѣютъ такой

фабричный знакъ и продаются у меня по фабричнымъ деннымъ цѣнамъ:

Однорядныя: въ 4, 5, 5½, 6, 7, 7½, 8, 8½, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
Двухрядныя: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и нѣмскія въ 10 и 22 р.
Трехрядныя: въ 60 р. и нѣмскія въ 30, 50 и 75 р.
Самоучитель Соколова по 1 р. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.
Гармоніи можно имѣть нѣмецкаго или русскаго строя.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.
Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.
Продажа оптомъ и въ розницу.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо № 5071
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С. Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина

Только что вышелъ изъ печати и разосланъ подписчикамъ **второй томъ** сочиненія **Ѳ. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ",

заключающій въ себѣ 707 стр. текста, **125 художественно исполненныхъ гравюръ** и политипажей съ изображеніемъ древесныхъ породъ и ихъ частей, а также культурныхъ орудій, и **17 эстамповъ на мѣди.**

Цѣна этому тому: для подписавшихся на все сочиненіе **8 руб.**, а въ отдѣльн. продажѣ **10 р.**, съ пересылкою иногороднымъ **10 р. 60 к.**

Подписка на всѣ три тома «Русскаго лѣса» продолжается и каждый новый подписчикъ тотчасъ-же получаетъ уже вышедшіе два тома сочиненія. **Подписная цѣна** на всѣ три тома **14 рублей.** По выходѣ 3-го тома цѣна изданію **будетъ возвышена.**

Для гг. лѣсничихъ и вообще лицъ, служащихъ по М-ству Г. И., желающихъ подписаться на всѣ три тома, **допускается разсрочка** на слѣдующихъ условіяхъ: При подпискѣ вносится **3 р.** и затѣмъ въ слѣдующіе 11 мѣсяцевъ по **1 р.** ежемѣсячно. Взамѣнъ денегъ могутъ быть высылаемы на равную сумму почтовыя марки. При подпискѣ въ разсрочку необходимо представить **ручательство** одного изъ слѣдующихъ трехъ лицъ: Его Пр—ства **Ѳ. К. Арнольда,** г. **В. А. Тихонова.** или г. **Управляющаго** Государственн. Имуществами губерніи. Вышедшіе 2 тома будутъ высланы тотчасъ-же по полученіи перваго взноса въ 3 руб.

Требованія просятъ адресовать на имя издателя **А. Ф. МАРКСА.** въ С.-Петербургъ, Невскій, д. 6.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи. № 5039

Цѣна за кусокъ 30 коп.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главн. склад.: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.

Леченіе Заиканія
Профессоръ Берканъ
СПБ. Николаевск. ул., д. 4, кв. 1

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египет. мост. домъ № 7—2. № 4961 26—5
Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ Н. Н. ДАУГУЛЯ

существуетъ съ 1822 года въ г. Дерптѣ, Лифляндской губ. и высылаетъ безплатно и франко **КАТАЛОГЪ СѢМЯНАМЪ** огороднымъ, цвѣточнымъ и экономическимъ, 500 сорт. **РОЗАНАМЪ,** фруктовымъ и оранжерейнымъ, Георгинамъ, Гвоздикамъ, цвѣточн. луковицамъ, воздушн. и тепличн. растеніямъ, фруктовымъ и украсительнымъ № 5054

ДЕРЕВАМЪ и КУСТАРНИКАМЪ, тюльпанамъ, спаржѣ, шампиньон. гнѣздамъ, распрыльн. гигрометрамъ (предсказыв. перемѣну погоды въ точности за 24 ч. впередъ, ц. 4 р.) и пр., съ обозначеніемъ крайн. цѣнъ.

С. № 5070 а

Визитный разсадникъ домашн. птицы въ Европѣ.

ПЕРВЫЙ РЕВЕЛЬСКІЙ РАЗСАДНИКЪ ДОМАШНЕЙ ПТИЦЫ

ЕВГЕНІЯ ЮЛЬЯНОВИЧА БЛОКЪ

въ Ревелѣ Мт. № 5056

предлагаетъ яйца для высиживанія всѣхъ породистыхъ птицъ. Неоплодотворенныя яйца, присланныя мнѣ обратно свѣжими въ другую, замѣняю безплатно свѣжими.
Каталоги доставляются безплатно.

Величайшій разсадникъ въ Россіи.

FAMILLE habitant Paris, prendrait en pension deux personnes. Ecrire à M-me V-ve Dubreuil. 67. Rue de Clichy, Paris, France. № 5018 4—4

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНЫ и ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ЧЕТЫРЕ НОВЫХЪ ИЗДАНІЯ **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ. А. Ніоде. Перевелъ съ 3 франц. изданія и дополнилъ инж.-мех. Д. Головъ. Съ 107 рис. въ текстѣ. Одобрено Морскимъ Ученымъ Комитетомъ. Цѣна 2 руб.

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! А. Альмедингена. Научно-практическіе совѣты по пчеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ (174 совѣтовъ). Цѣна 50 коп.

ШКОЛЬНЫЙ САДЪ. А. Волотовскаго. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. Цѣна 20 коп. Мт. № 5056

МЕТОДИКА АРИѲМЕТИКИ. Т. Лубенца. Руководство къ „Сборнику арѳметическихъ задачъ" *Лубенца*. Ц. 30 коп

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки.
Они же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жнеенъ „Дезе" и снопосвязалокъ Мак' Кормика въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандали и конныя грабли Тигръ завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 4484 20—21
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Вр. Бутенонъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ—ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

НОВЫЕ ВЫСОКАГО КАЧЕСТВА

МЮСКЪ о-де-колонъ . 45 и 80 к.
мыло . . . . — „ 25 „
бѣлый, духи . 85 и 1 р. 50 „
АФО духи . . . . . — 1 р. 25 „

Въ лучшихъ магазинахъ имперіи.
Просимъ обращать вниманіе на вышепомѣщенную фабричную марку.
СПБ., Пл. Александр. театра. 9.
Москва, Никольск., д. Шереметьевы.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"

Измайловскій проспектъ, № 27.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ИЗЪ ЛАНОЛИНА:

МЫЛО ЛАНОЛИНЪ,
ПОМАДА ЛАНОЛИНЪ,
КРЕМЪ ЛАНОЛИНЪ.

Ланолинъ маслянистъ, почему и обладаетъ хорошими качествами, какъ средство для кожи и для волосъ.

ЖИРНАЯ ПУДРА

бѣлая, розовая и рашель. 50 к. коробка.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32. Рт. № 5064
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 24 — 52. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

№ 4962 3—1

Дозвол. цензур., СПБ., 13 марта 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. № 12 — г. XXII 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 23 марта 1891 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

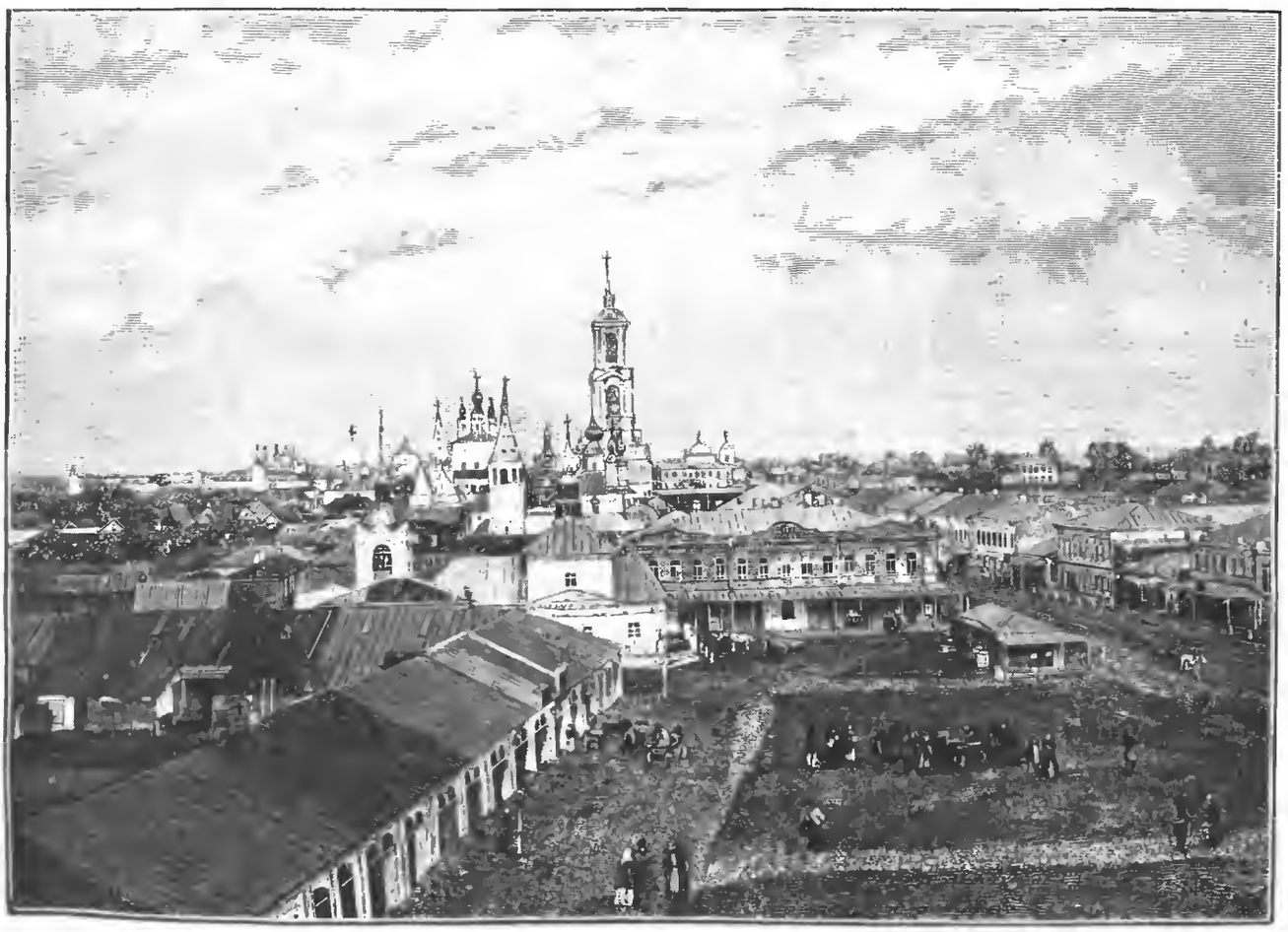
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ" принимаются за строку нонпарейль (1/4 шир. стрян.) въ Глав. Кон. Ред. по 25 к.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr 40 c.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.



Главная улица и часть гостинаго двора съ южной стороны города Суздаля. Съ фот. Попова. грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

Стихотвореніе

Я. П. Полонскаго.

Я свѣчи загасилъ, и сразу тѣни ночи,
Нахлынувъ, темною толпой ко мнѣ влетѣли;
Я сталъ ловить сквозь сонъ ихъ призрачныя очи,
И увидалъ ихъ тьму вокругъ моей постели.

Таинственно онѣ мигали и шептались:
«Вотъ онъ сейчасъ заснетъ, сейчасъ угомонится...
Давно-ль мы страстнымъ сномъ счастливца любовались,
Авось, весёлый сонъ несчастному приснится.

«Вотъ онъ заснулъ... бѣднякъ!.. Глядите, какъ онъ любитъ!
Подруги свѣтлыхъ дней онъ свѣтлый образъ видитъ....
Все это на яву онъ завтра же забудетъ —
И все, что̀ хуже сна—душой возненавидитъ...

«Глядите, какъ при насъ, во снѣ, онъ свѣжъ и молодъ!
Какъ можетъ онъ, любя, и трепетать, и вѣрить!..
А завтра, вновь сожмётъ его житейскій холодъ,
И снова будетъ онъ хандрить и лицемѣрить...

«И снова бѣлый день, съ утра, своимъ возвратомъ,
Раскроетъ бездну золъ, вражды, потерь и горя,
Разбудитъ богача измятаго развратомъ,
И нищаго, что пьетъ, изъ-за копѣйки споря...

«А мы умчимся въ ночь, обвѣянныя снами
И грёзами живыхъ и мертвыхъ поколѣній,
И счастья призраки умчатся вмѣстѣ съ нами —
Поблеклые цвѣты весеннихъ вожделѣній»...

Полуночныхъ тѣней уловленныя рѣчи
Встревожили мой сонъ и подняли съ постели;
Я руку протянулъ и вновь зажёгъ я свѣчи;
И тѣни отъ меня ушли въ углы и щели,

И къ окнамъ хлынули, и на порогѣ стали —
Я видѣлъ, при огнѣ, ихъ чуть замѣтный трепетъ,
Но то, что̀ я писалъ, онѣ ужъ не видали,
А я записывалъ таинственный ихъ лепетъ.

1891. Февраль 20.

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

IV.

Въ старомъ домѣ.

Груберу важно было лишь одно — чтобы Литта попалъ какъ-нибудь на собраніе перфектибилистовъ или иллюминатовъ, какъ называли ихъ іезуиты. Онъ выбралъ именно его, зная, что у иллюминатовъ существовали извѣстныя степени посвященія и что Литта, достигшій въ Мальтійскомъ орденѣ высшаго званія, можетъ быть принятъ у нихъ, какъ одинъ изъ посвященныхъ уже.

Была также вѣроятность, что извѣстная честность и прямодушіе мальтійскаго моряка откроютъ ему свободный доступъ въ ихъ среду, на что̀ ни самъ Груберъ и ни одинъ изъ іезуитовъ не могли разсчитывать.

Иллюминаты знали ихъ всѣхъ наперечетъ. И вотъ Груберъ надѣялся, что какъ бы Литта ни былъ принятъ ими—какъ другъ или врагъ—впослѣдствіи можно будетъ выпытать у него нужныя свѣдѣнія. Лишь бы только Литта попалъ на собраніе.

И въ самомъ дѣлѣ расчетъ іезуита, казалось, оправдывался...

Заколоченный, непривѣтливый, старый, необитаемый домъ графовъ Ожецкихъ былъ расположенъ на отдаленномъ берегу рѣки Фонтанной, почти за чертою города.

Широкій кругъ луны освѣщалъ этотъ домъ съ заколоченными окнами, казавшійся погруженнымъ въ глубокую таинственную тишину, когда Литта, оставивъ свой экипажъ далеко позади, подошелъ къ нему пѣшкомъ.

Онъ приблизился къ воротамъ ограды. Они не были заперты. Онъ перешелъ дворъ, ярко освѣщенный луною, и скрылся въ тѣни подъѣзда. У двери онъ стукнулъ особеннымъ образомъ, какъ научилъ его Груберъ, и, къ удивленію его, она отворилась.

Признаться, до сихъ поръ онъ не особенно вѣрилъ еще, что тутъ есть въ самомъ дѣлѣ что-нибудь. Но теперь, при видѣ отворившейся двери и стоявшаго передъ Литтою стараго слуги, онъ началъ невольно интересоваться, что̀ будетъ дальше съ нимъ и въ какой вертепъ его заведутъ. „Если это ловушка, рѣшилъ Литта,—тѣмъ лучше для меня...“

Онъ сказалъ слугѣ условленный пропускъ. Тотъ молча поклонился ему и повелъ по лѣстницѣ. „Онъ не запираетъ, однако, двери, подумалъ опять Литта, — странно“.

Пройдя нѣсколько комнатъ и между прочимъ большую танцовальную залу, они подошли къ двери, ведшей, вѣроятно, въ бывшій кабинетъ хозяина. Вся мебель въ домѣ, люстры и зеркала были въ бѣлыхъ чехлахъ, густо покрытыхъ слоемъ пыли, кой-гдѣ на стѣнахъ виднѣлись причудливые узоры плѣсени. Было сыро и пахло затхлостью. Литта ожидалъ попасть по крайней мѣрѣ въ общество какихъ-нибудь разбойниковъ, явиться къ нимъ открыто и, если нужно, силой заставить ихъ сознаться въ задуманномъ; но все это мелькало у него въ головѣ какъ-то неопредѣленно — можетъ-быть они накинутся на него и кончатъ съ нимъ...

Шайки разбойниковъ были тогда обыкновеннымъ явленіемъ не только для Литты, какъ уроженца Италіи—классической страны бандитовъ, открыто занимавшихся тамъ своимъ промысломъ, но и для остальныхъ жителей Петербурга, вокругъ котораго сплошь и рядомъ случались убійства и грабежи. Еще въ семидесятомъ году нашли убитаго злодѣями строителя Владимірской церкви на самой постройкѣ. Его похоронили у алтаря.

„Заговоръ, враги“, представлялъ себѣ Литта со словъ іезуита, и его воспитанное на постоянныхъ битвахъ воображеніе рисовало ему совсѣмъ не то, что̀ онъ нашелъ въ дѣйствительности.

Просторная комната, въ которую его ввели, была самая обыкновенная, жилая комната, чисто прибранная, и царившая въ ней ряшливость производила отличное впечатлѣніе. Литтѣ невольно стало немножко стыдно и своихъ мыслей, и заряженнаго пистолета, захваченнаго съ собою на всякій случай.

Въ комнатѣ, освѣщенной восковыми свѣчами, сидѣло человѣкъ пять. Двухъ изъ нихъ Литта зналъ: это были Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ и старый брилліантщикъ Морской улицы.

— Вотъ видите-ли, заговорилъ старикъ, вставая ему навстрѣчу, — я говорилъ, что мы увидимся съ вами, такъ и вышло.

Библиотека "Руниверс"

И онъ, видимо довольный приходомъ Литты, подошелъ къ нему, протягивая руки.

— Лагардинъ-Пике... г. Шульцъ... бормоталъ, путаясь, Литта, не ожидавшій ни этой встрѣчи, ни того пріема, который дѣлали ему.

— Называйте меня здѣсь прямо Vetus, братъ Vetus я для васъ теперь и больше ничего.

— Позвольте, нѣсколько оправившись остановилъ его Литта,—вы меня встрѣчаете, точно заранѣе ждали меня.

— Конечно, ждали, спокойно отвѣтилъ Vetus, — неужели вы думаете, что мы бы пустили къ себѣ человѣка, которому не слѣдовало бы быть среди насъ? Мы знали, давая свѣдѣнія черезъ извѣстное намъ лицо отцу Груберу, что онъ выберетъ именно васъ, по крайней мѣрѣ разсчитывали такъ, и это было ему подсказано... Мы никогда не собираемся здѣсь, а знакъ и пропускъ, открытые вамъ Груберомъ — фальшивые... Если бы онъ самъ вздумалъ явиться къ намъ или выдать насъ—тутъ никого бы не нашли... Впрочемъ, Груберъ слишкомъ хитеръ для этого...

— Но мнѣ было сказано, что я иду къ врагамъ своей церкви, перебилъ Литта.

— Враги церкви! усмѣхнулся Vetus, — вы увидите, какіе мы враги церкви... Нѣтъ, графъ, не мы враги церкви, и сегодня же вы убѣдитесь въ противномъ, если захотите...

Съ этими словами Vetus подошелъ къ столу, взялъ съ него знакомую уже Литтѣ цѣпь съ мальтійскимъ крестомъ и, приблизившись къ нему, снова заговорилъ:

— Вы знаете, какая это цѣпь? — Эта цѣпь и этотъ крестъ одинъ изъ трехъ, принадлежавшихъ великому магистру Лавалеттѣ...

Вмѣстѣ съ этимъ Vetus сдѣлалъ рукою знакъ высшей мистической власти и обнялъ Литту лѣвою рукою, приставивъ свою ногу къ его ногѣ, колѣно къ колѣну и грудь съ грудью...

— Онъ живъ въ сынѣ! шепнулъ онъ ему на ухо.

Литта понялъ знакъ, прикосновеніе и слова.

Теперь онъ вѣрилъ Vetus'у и обязанъ былъ хранить въ тайнѣ все, что увидитъ здѣсь и узнаетъ.

— Вы носили уже эту цѣпь съ честію, достойный братъ, продолжалъ старикъ,—надѣньте же ее снова— она принадлежитъ вамъ по заслуженному праву.

Литта сталъ на одно колѣно, и Vetus надѣлъ на него драгоцѣнную, древнюю цѣпь Лавалетты.

Послѣ этого онъ вершулся на свое мѣсто и, указавъ Литтѣ на стулъ, ударилъ три раза въ столъ съ ровными промежутками, послѣдній разъ—сильнѣе.

— Собраніе открыто, произнесъ онъ.

— Сегодня долженъ быть приведенъ къ намъ обличитель; успѣли-ли вы, братъ, сдѣлать все, что было необходимо? спросилъ одинъ изъ сидѣвшихъ у Vetus'а.

Тотъ вынулъ изъ кармана часы—дорогой, прекрасный хронометръ—и, посмотрѣвъ на нихъ, отвѣтилъ:

— Да, въ эту минуту, вѣроятно, все уже сдѣлано... можно начать...

Вставъ, онъ обернулся въ сторону города и, сосредоточивъ всю силу воли своей и весь какъ-то напрягшись, прошепталъ нѣсколько словъ.

— Иди! разслышалъ черезъ нѣсколько времени Литта снова повторенныя старикомъ слова.

— Иди! приказывая твердымъ, сильнымъ голосомъ, повторилъ Vetus и сдѣлалъ движеніе руками, какъ бы притягивая къ себѣ кого-нибудь.

Подождавъ еще нѣсколько минутъ, онъ вздохнулъ, вернулся на свое мѣсто и сѣлъ съ закрытыми глазами...

Всѣ молчали, наступила полная тишина. Казалось, всѣ ждали чего-то, и Литта, подчинившись общему настроенію, тоже сталъ ждать и инстинктивно взглядывалъ на дверь.

Прошло много времени, но какъ-то оно не тянулось совсѣмъ. Ожиданіе было не трудно.

Наконецъ Vetus открылъ глаза, склонилъ голову въ сторону двери и прислушался.

Въ пустынной залѣ раздались шаги, слышавшіеся все яснѣе. Они постепенно, ровно приближались къ двери... Вотъ они затихли... Дверь растворилась — и на порогѣ ея показалась тощая, маленькая, нервная фигурка Мельцони...

V.

Обличитель.

Старикъ-брилліантщикъ послалъ выбранную по его указанію Литтою табакерку Мельцони съ запискою графа.

„Примите эту вещь въ благодарность, писалъ Литта, — за ваше безпокойство по доставленію мнѣ пакетовъ, и вѣрьте, что если я смогу быть вамъ полезнымъ когда-нибудь — вы можете обратиться ко мнѣ, заранѣе будучи увѣрены, что просьба ваша будетъ исполнена".

Мельцони пробѣжалъ записку и, развернувъ принесенную ему вещь, не могъ не удивиться съ искреннею, неподдѣльною радостью щедрости графа Литты.

Брилліантъ сіялъ чуднымъ блескомъ, какъ звѣзда, такъ и переливаясь, такъ и играя всѣми цвѣтами радуги.

Глаза невольно разбѣжались, и Мельцони сталъ любоваться подаркомъ. Онъ придвинулъ свѣчи, поворачивалъ изъ стороны въ сторону табакерку, улыбался, вглядывался и заставлялъ еще ярче свѣтиться драгоцѣнный, лучистый камень. Вода въ немъ въ самомъ дѣлѣ казалась дивною...

„Откуда онъ могъ достать это, однако? соображалъ Мельцони,—вѣдь вещь не дешевая; значитъ, у него не все еще потеряно, да и по виду его впрочемъ нельзя было судить..."

И онъ снова принимался смотрѣть на блескъ камня. А между тѣмъ вдѣланный въ черную поверхность брилліантъ постепенно, но вѣрно дѣлалъ свое дѣло...

Мельцони не замѣтилъ, какъ его мельканіе утомило сначала его глаза, потомъ почувствовалъ какое-то смѣшанное чувство не то усталости, не то совсѣмъ особенной бодрости во всемъ тѣлѣ—и утомленіе глазъ перешло вдругъ въ его мысли, въ мозгъ... Еще минута — голова его качнулась впередъ и онъ остался недвижимъ на своемъ мѣстѣ.

Онъ спалъ.

Прошло нѣсколько времени. Вдругъ какая-то чисто внѣшняя сила, которой онъ не могъ сопротивляться, толкнула его, заставила выпрямиться, подняться, надѣть на себя верхнее платье и идти на улицу, впередъ, туда, куда звала его эта сила... Онъ повиновался и шелъ съ открытыми, но безсознательно уставленными въ одну точку глазами... Шелъ твердымъ, поспѣшнымъ шагомъ, поворачивая изъ улицы въ улицу и выбирая самый короткій путь къ заколоченному снаружи дому графа Ожецкаго.

Онъ сразу нашелъ дверь, которая осталась не запертою, поднялся по лѣстницѣ, прошелъ залу и очутился на порогѣ комнаты, гдѣ его ждали.

Vetus, удовлетворенный, кивнулъ головою.

Онъ всталъ и протянулъ руку по направленію къ Мельцони. Тотъ послушно остановился.

Глаза его попрежнему были открыты, руки безсильно опущены, во всей фигурѣ его была видна покорность и подчиненіе...

Старикъ чувствовалъ свою власть надъ нимъ и заставлялъ его повиноваться.

— Можешь-ли ты говорить? спросилъ онъ.

Мельцони сдѣлалъ усиліе шевельнуть губами.

— Отвѣчай! приказалъ Vetus.

— Да, могу, вздохнулъ Мельцони.

Онъ тяжело дышалъ и говорилъ съ большимъ трудомъ.

Библиотека "Руниверс"

Надъ Босфоромъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. „Катерина", Шевченка. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **Ѳ. Козачинскаго,** грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Старикъ приблизился къ нему и положилъ руку ему на голову. Мельцони сталъ дышать ровнѣе.

— Можешь-ли ты видѣть себя на-яву? спросилъ опять Vetus.

Мельцони молчалъ.

— Ты ѣдешь въ Петербургъ, въѣзжаешь въ заставу, продолжалъ тотъ,—что̀ ты везешь съ собою — ты видишь это?..

Лицо Мельцони сдѣлалось осмысленнѣе и онъ проговорилъ:

— Да.

— Что же везешь ты?..

— Письма...

— Кому адресованы самыя важныя изъ нихъ?

— Отцу Груберу...

— А! сдѣлалъ Литта, внимательно слѣдившій за каждымъ словомъ.

Vetus движеніемъ руки остановилъ его и снова обернулся къ Мельцони.

— Тотъ, кто посылалъ тебя, давалъ тебѣ словесныя порученія?

Мельцони опять не отвѣтилъ и лицо его опять стало безжизненно.

— Ты стоишь теперь, сказалъ Vetus,—передъ кардиналомъ Консальви—что̀ онъ тебѣ приказываетъ?

Фигура Мельцони сейчасъ же приняла подобострастный видъ, и онъ, какъ будто слушая, склонилъ голову.

— Синьоръ Консальви говоритъ мнѣ, чтобы я поторопилъ братьевъ...

— Какихъ братьевъ? перебилъ Vetus.

— Іезуитовъ, отвѣтилъ Мельцони, словно недовольный, что его перебили,—чтобъ я поторопилъ братьевъ въ Петербургѣ начать дѣйствовать. Онъ говоритъ мнѣ, что я увижусь съ ними въ кондитерской Гидля. Пора имъ дѣйствовать, пора свергнуть имъ митрополита Сестренцевича и самимъ занять его мѣсто...

— Теперь ты въ Петербургѣ, въ кондитерской Гидля, проговорилъ Vetus,—окруженъ своими и разсказалъ имъ о приказаніи. Что̀ отвѣчаетъ Груберъ?

— Онъ отвѣчаетъ, что радъ бы и самъ дѣйствовать, но еще не время...

— Знаетъ-ли отецъ Груберъ, что митрополитъ Сестренцевичъ вполнѣ достойный человѣкъ, что это истинный пастырь своего стада, который заботится о немъ, не ищетъ для себя никакой выгоды и не хочетъ вмѣшиваться въ мірскія дѣла, заботясь лишь о духовныхъ?..

Мельцони видимо дѣлалъ усиліе повиноваться.

— Да, знаетъ, наконецъ проговорилъ онъ.

— А остальные его братья?

— Тоже, отвѣтилъ Мельцони.

— И все-таки хотятъ зла этому человѣку, хотятъ уничтожить его?

— Да.

— Чего же ищутъ они для себя?

Мельцони сдѣлалъ новое усиліе и съ большимъ трудомъ проговорилъ:

— Власти!..

Литта сидѣлъ, закрывъ лицо рукою, изрѣдка только отымая ее и взглядывая передъ собою. Ему казалось ужасною, непростительною вещью то, что̀ онъ узнавалъ теперь...

— Они ищутъ этой власти для себя, несмотря ни на какія средства? продолжалъ спрашивать Vetus.

— Несмотря ни на какія средства, повторилъ Мельцони.

Старикъ грустно покачалъ головою.

— А гдѣ теперь Груберъ? спросилъ онъ вдругъ.

Мельцони не отвѣтилъ.

— Посмотри вокругъ этого дома... на дворѣ никого нѣтъ?

— Никого.

— Иди дальше.

Мельцони сталъ покачиваться, какъ будто со вниманіемъ высматривалъ что-нибудь, и наконецъ широко улыбнулся.

— Вижу! сказалъ онъ.

— Гдѣ же онъ?

— Тутъ, вблизи воротъ, стоитъ въ тѣни. Онъ закутался. Ему холодно...

— Хорошо, сказалъ Vetus,—ты выйдешь другою дорогою: изъ залы повернешь направо, пройдешь по коридору и спустишься въ садъ; тамъ есть тропинка—по ней выберешься далеко отъ того мѣста, гдѣ стоитъ Груберъ. Слышишь?

— Да! сказалъ Мельцони и повернулся.

— Погоди. Ты придешь домой, ляжешь въ постель и проснешься завтра, совершенно забывъ, что̀ съ тобою было сегодня вечеромъ, и завтра же принесешь продавать подаренную тебѣ табакерку бриллiантщику Шульцу, въ Морскую, и спросишь за нее тысячу рублей... Ступай!..

Мельцони опять повернулся и пошелъ тѣмъ размѣреннымъ шагомъ, какимъ появился здѣсь.

— Любопытный субъектъ! кивнулъ ему вслѣдъ Лабзинъ, обращаясь къ старику.

— Да, отвѣчалъ тотъ,—онъ легко поддается; впрочемъ, я давно уже знаю свою силу надъ нимъ.

VI.

Исповѣдь баронессы.

Исповѣдывавшихся было не много. Баронесса Каннихъ ждала своей очереди. На ней было простое черное платье, густая вуаль скрывала ея лицо. Пріѣхавшіе раньше ея и раньше попавшіе въ очередь, другъ за другомъ, въ строгой тишинѣ и торжественности вставали со своихъ мѣстъ и, по знаку церковника, скрывались за колоннами, гдѣ помѣщалось мѣсто исповѣдника.

Лавка, на которой сидѣла баронесса, мало-по-малу пустѣла такимъ образомъ съ правой ея стороны и наполнялась вновь прибывающими слѣва.

Благолѣпіе храма, полумракъ, легкая прохлада, царившая тутъ, и запахъ сырости, смѣшанный съ запахомъ осѣвшаго дыма ладона,— производили особенное, размягчающее впечатлѣніе.

Баронесса старалась сосредоточиться и думать о главномъ грѣхѣ своемъ—обуревающей ее страсти, не встрѣтившей взаимности и потому готовой перейти и въ гнѣвъ, и въ ревность. Она чувствовала себя оскорбленною, уничтоженною и потому вдвойнѣ несчастною.

Грустно сидѣла она, опустивъ голову, въ ожиданіи, пока церковникъ сдѣлаетъ ей знакъ идти.

Вотъ наконецъ онъ кивнулъ головою, баронесса вздрогнула почему-то, кровь бросилась ей въ лицо, и она быстрыми, частыми шагами пошла за колонны.

Тутъ сумракъ сдѣлался какъ будто гуще. Она опустилась на колѣни на покатую скамеечку у маленькаго рѣшетчатаго оконца, продѣланнаго въ закрытомъ, огороженномъ мѣстѣ для исповѣдника.

Кто-то кашлялъ тамъ негромкимъ, сдерживаемымъ кашлемъ.

Сквозь этотъ кашель, охрипшій голосъ предложилъ ей покаяться.

— Главный грѣхъ мой, начала баронесса давно обдуманныя уже и нѣсколько разъ повторенныя себѣ слова, — главный грѣхъ мой въ томъ, что я люблю... (она запнулась)—да, я люблю, повторила она,—и боюсь, что любовь эта преступна... я вдова...

— Любовь твоя раздѣлена? спросилъ голосъ.

— Нѣтъ. И въ этомъ вся бѣда моя. Мало того, она отвергнута...

— Почему?

— Не знаю и боюсь думать объ этомъ.

Она замолчала, опустивъ голову.

За рѣшеткой тоже молчали.

Библиотека "Руниверс"

— Онъ ссылался, вдругъ послышался голосъ оттуда,— на обѣты свои? онъ говорилъ, что онъ не свободенъ?..

Баронесса почувствовала, какъ невольный трепетъ охватываетъ все ея тѣло. Прежде чѣмъ она сказала еще что-нибудь, тамъ уже знали всю суть ея исповѣди и указывали прямо на любимаго ею человѣка.

— Вы все уже знаете, отецъ! произнесла она почти испуганно.

То настроеніе, въ которомъ находилась она, готовясь, давало теперь себя знать,—и исповѣдникъ показался ей свыше надѣленнымъ даромъ прозрѣнія.

— Да, подхватила она съ приливомъ какого-то вдохновенія,—да, онъ связанъ обѣтомъ, но не на него ссылался онъ... Онъ просто прогналъ меня, попралъ дерзновенно ногами мое чувство...

Она старалась говорить возвышенно, чтобы идти въ тонъ съ торжественностью минуты.

И она начала прерывающимся голосомъ разсказывать все происшедшее на балу въ Эрмитажѣ подробно, не щадя ни себя, ни его.

— Да, ты виновата, послышалось въ отвѣтъ, когда она кончила, — ты виновата, но онъ еще виновнѣе тебя... Онъ не долженъ былъ идти за тобою... Онъ не долженъ былъ вовлекать твою слабость въ грѣхъ...

— О, я знаю свою вину и раскаиваюсь въ ней, вздохнула баронесса,—но простится-ли она мнѣ?

— Смотря по тому, что̀ ты намѣрена будешь дѣлать теперь.

— Бросить, бросить навсегда, очиститься... заторопилась она, дѣлая даже руками движеніе, будто стряхивала съ себя что-нибудь.

— И простишь ему, и оставишь безнаказаннымъ его оскорбленіе?

Баронесса задумалась. Она боялась отвѣтить, боялась солгать.

— Тяжело думать объ этомъ, тяжело говорить, произнесла она наконецъ, и робко, какъ бы ища возраженія добавила:—нужно развѣ простить, развѣ это было бы справедливо?

— Это было бы малодушно и непростительно! произнесъ голосъ.

Баронесса вздохнула свободнѣе.

— Онъ виноватъ, продолжалъ голосъ, — въ своемъ грѣхѣ. Онъ долженъ понести кару за него. И ты должна быть орудіемъ ея. Такова воля справедливости... Твоя вина до тѣхъ поръ не искупится, пока ты не покроешь ея его наказаніемъ.

— Такъ что̀ же дѣлать? отчаяннымъ шепотомъ произнесла она.

— Прежде всего—прервать съ нимъ всякія сношенія.

— О! всякія!.. подтвердила баронесса.

— У него есть твои письма?

— Пустыя записки... ничего не значущія.

— Всякая записка есть документъ, и всякій документъ значитъ очень много,—тебѣ нужно вернуть ихъ назадъ.

— А если онъ скажетъ, что у него ихъ уже нѣтъ, что онъ уничтожилъ ихъ?

— Тѣмъ хуже для него.

— Но, какъ же я получу ихъ?

— Для этого прибѣгни къ власти.

— Къ чьей, къ какой власти? не поняла баронесса.

— Поищи, подумай—у него вѣроятно есть враги изъ сильныхъ міра сего... обратись къ нимъ.

Глаза баронессы засвѣтились сдержанною радостью. Ей казалось, что ее выводятъ на истинный путь.

— Но тогда какъ же я сама?.. запнулась она.—Вѣдь и о себѣ я должна писать...

Но въ отвѣтъ ей изъ-за рѣшетки торжественно прозвучало:

— Въ этомъ будетъ твое искупленіе!

— Въ этомъ... искупленіе... повторила баронесса, — но какъ же все-таки...

— Можно такъ написать, что ты будешь выгорожена насколько возможно. Это конечно зависитъ отъ тебя.

Баронесса задумалась. Она уже готова была не пощадить себя для благаго, какъ она думала, дѣла.

— Но къ кому же обратиться? спросила она вновь.

— Подумай, поищи... кто можетъ имѣть вражду противъ него, и помогъ бы тебѣ, кто наконецъ сильнѣе всѣхъ въ Петербургѣ.

„Зубовъ!“ мелькнуло у баронессы, и она, точно осѣненная свыше, тихо прошептала:

— Зубовъ, князь Платонъ...

— Небо руководитъ твоими устами! послышался отвѣтъ.

Баронесса вышла отъ исповѣди, обливаясь слезами. Но эти слезы были для нея и радостны, и жутки вмѣстѣ съ тѣмъ—и, сѣвъ уже въ карету, она долго обдумывала все то же самое и на всѣ лады переворачивала подсказанное ей средство отомстить графу Литтѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, для нея это было раскрытіемъ якобы легкой интриги, интриги съ придворнымъ человѣкомъ—слѣдовательно это служило доказательствомъ ея сношеній съ высшими сферами. При тогдашней легкости нравовъ для молодой вдовы это было даже лестно — тутъ не было ничего предосудительнаго. Къ тому же, все дѣло будетъ тайное. Объ ней заговорятъ тамъ, въ этихъ высшихъ сферахъ, но заговорятъ также и о немъ — вотъ молъ-дескать, каковъ онъ смиренникъ — этотъ монахъ въ рыцарскомъ одѣяніи. Хорошъ—у него тамъ какія-то переписки съ дамами!.. словомъ, Зубовъ вѣроятно воспользуется этимъ какъ должно и выгородитъ ее.

VII.

Цѣль и средства.

Груберъ обѣщалъ на собраніи іезуитовъ, что одинъ изъ членовъ Ордена будетъ посланъ имъ къ дому графа Ожецкаго—прослѣдить кто явится туда на засѣданіе иллюминатовъ; но онъ никому не довѣрилъ этой важной обязанности и самъ продежурилъ все время въ туманѣ и сырости петербургской весны. Онъ вернулся домой послѣ этого дежурства простуженнымъ. Голосъ его охрипъ, у него сдѣлался насморкъ и кашель. Это было вдвойнѣ досадно, потому что изъ его наблюденій почти ничего не вышло. Онъ ничего не узналъ — или, пожалуй, узналъ многое, хотя совсѣмъ не то, что̀ было ему нужно.

Онъ видѣлъ изъ своего темнаго угла за воротами, какъ пришелъ въ домъ Литта и какъ впустили его туда. Но кромѣ Литты никто не входилъ. Онъ долго ждалъ, наконецъ показалась какая-то фигура, и когда она вошла въ освѣщенную площадь двора — Груберъ узналъ Мельцони. Въ первую минуту онъ хотѣлъ его остановить, но сейчасъ же рѣшилъ, что остановитъ его потомъ, когда онъ выйдетъ назадъ, и что это будетъ гораздо лучше. Теперь отъ Мельцони ничего бы нельзя было добиться, а тогда онъ будетъ пойманъ на мѣстѣ.

И вотъ Груберъ ждалъ, ждалъ долго и терпѣливо, но ни Мельцони, ни Литта не вышли уже изъ дома и кромѣ нихъ никто не входилъ туда.

Далеко уже за полночь онъ рѣшилъ обойти домъ и, рискуя быть пойманнымъ, пробрался въ садъ, сквозь развалившійся заборъ, провалился нѣсколько разъ въ снѣгъ и нашелъ наконецъ тропинку, которая вывела его къ городу, далеко отъ самаго дома.

Тогда онъ понялъ все. Тѣ, за которыми онъ слѣдилъ, ускользнули отъ него по этой тропинкѣ.

Онъ вернулся домой совсѣмъ больной, но отчаивающійся узнать то, что̀ его интересовало.

Онъ сидѣлъ съ обвязаннымъ горломъ и съ горчичникомъ на спинѣ, когда ему доложили о приходѣ Абрама.

Груберъ велѣлъ его впустить.

Библиотека "Руниверс"

Онъ поспѣшно снялъ свой горчичникъ и, приведя въ порядокъ свой туалетъ, сѣлъ спиною къ двери.

Абрамъ вошелъ и поклонился. Іезуитъ не обернулся даже въ его сторону, но остался такъ сидѣть, какъ былъ, не удостоивая Абрама взглядомъ. Онъ всегда говорилъ съ нимъ отвернувшись и шепча молитвы въ это время.

— Вы звали меня? спросилъ Абрамъ.

— Да, я звалъ тебя... Пять расписокъ графа Литты у меня—гдѣ шестая?

Абрамъ весь какъ-то съежился, скорчился и не сразу отвѣтилъ:

— Всѣ расписки у васъ, проговорилъ онъ наконецъ,—по всѣмъ деньгамъ что вы давали...

— Знаю, но ты взялъ еще расписку вмѣсто отсрочки. Графъ Литта подписалъ тебѣ еще три тысячи.

Абрамъ сжалъ зубы и съежился еще больше.

— И кто вамъ это сказалъ? И пусть у того глаза лопнутъ!.. И откуда у меня еще расписка? И все у васъ... всѣ пять...

— Я тебя говорю, спокойно произнесъ Груберъ, — гдѣ шестая?

Онъ попрежнему, гнушаясь обернуться, смотрѣлъ передъ собою и шепталъ губами.

— Да нѣтъ же у меня... нѣтъ у меня, на какія-жь деньги... заговорилъ снова Абрамъ.

Іезуитъ вздохнулъ и, будто желая обласкать своего собесѣдника, тихо отвѣтилъ ему:

— Послушай, если ты сейчасъ не отдашь шестой расписки, завтра же тебя не будетъ не только въ Петербургѣ, но и на свѣтѣ можетъ-быть; ты знаешь — слова моего довольно, чтобы сгноить тебя въ тюрьмѣ.

— И развѣ я не служу вамъ? вдругъ плачущимъ голосомъ подхватилъ Абрамъ,—развѣ я не служу вамъ... какъ песъ, вѣрный... служу...

— Если ты упрямишься, пожалъ плечами Груберъ,— хорошо, ступай... но пеняй на себя потомъ.

Абрамъ переступилъ съ ноги на ногу. Онъ чувствовалъ, что нужно было подчиниться. Онъ весь былъ во власти іезуита.

— Господинъ аббатъ, сказалъ онъ,—за что же это?.. развѣ вамъ мало того—тамъ вѣдь на двойную сумму и съ процентомъ...

Груберъ молчалъ.

— Господинъ аббатъ!

Груберъ молчалъ, словно забылъ о его существованіи.

Робость и страхъ мелькнули въ выраженіи Абрама. Онъ какъ бы машинально полѣзъ въ шапку, вынулъ оттуда тряпицу и, развернувъ ее, досталъ расписку, склонился, почти ползкомъ, приблизившись къ столику у кресла Грубера, положилъ документъ — и отскочилъ назадъ, къ двери.

Іезуитъ не шелохнулся.

Абрамъ ждалъ.

— Господинъ аббатъ, рѣшился наконецъ заговорить онъ,—я вернулъ документъ... я положилъ его.

Отвѣта все еще не было.

Абрамъ, все болѣе и болѣе теряясь, жалобно забормоталъ, оправдываясь и прося прощенія. Лицо его стало блѣднѣе обыкновеннаго, онъ упоминалъ тутъ жену, дѣтей.

— Хорошо, наконецъ проговорилъ Груберъ,—ступай, возьми свою долю на каминѣ.

Абрамъ кинулся къ камину, схватилъ лежавшую тамъ, завернутую въ бумагу стопку золотыхъ, и скрылся за дверью.

Какъ только онъ ушелъ, Груберъ надѣлъ перчатки, взялъ двумя пальцами, осторожно, оставленную Абрамомъ расписку и сталъ окуривать ее ладономъ.

— Карету мнѣ! приказалъ онъ вошедшему на его зовъ слугѣ.

Когда подали ему карету и онъ, закутавшись потеплѣе, сѣлъ въ нее—кучеръ спросилъ, куда ѣхать.

— Къ графу Литтѣ, приказалъ Груберъ.

Литта остался на нѣсколько дней въ городѣ въ виду измѣнившихся своихъ обстоятельствъ и выписалъ изъ Гатчины камердинера. Въ полученныхъ изъ-за границы иностранныхъ газетахъ было уже напечатано о декретѣ французской республики. Литта написалъ на Мальту о своемъ положеніи, надѣясь единственно на помощь оттуда, хотя зналъ, что въ то время Орденъ располагалъ очень скудными средствами.

Литта сидѣлъ цѣлыми днями у себя, и Груберъ засталъ его дома.

— Не принимать, сказать, что я боленъ, приказалъ Литта камердинеру.

Но тотъ, не смотря на это приказаніе, все-таки ввелъ отца Грубера и на сердитый взглядъ Литты отвѣтилъ испуганнымъ, недоумѣвающимъ, наивнымъ взглядомъ, какъ будто не понялъ приказанія графа.

— Ну, вотъ я пріѣхалъ поговорить съ вами, хотя совсѣмъ нездоровъ... простудился... сказалъ Груберъ, кашляя и оглядываясь съ пріемами домашняго, своего человѣка, которые онъ удивительно умѣлъ усвоивать себѣ куда бы ни попадалъ.

Литта невольно догадался, гдѣ могъ простудиться Груберъ, и насмѣшливая улыбка мелькнула у него.

Груберъ принялъ эту улыбку за привѣтствіе.

— Что же, графъ, началъ онъ снова, — были вы тогда въ этомъ домѣ—узнали, увидѣли...

Литта понялъ, что іезуитъ пріѣхалъ выпытывать у него, и прямо и откровенно отвѣтилъ ему:

— Напрасно будете стараться, отъ меня вы ничего не узнаете.

— Неужели вы поддались ихъ соблазну? воскликнулъ Груберъ, всплеснувъ руками и поднимая глаза къ небу.

Онъ такъ разсчитывалъ на свое краснорѣчіе и на искусство убѣждать всякаго въ томъ, въ чемъ ему нужно было, что явился къ Литтѣ почти увѣренный въ возможности снова привлечь его на свою сторону.

Онъ представлялъ себѣ графа прямымъ, добродушнымъ человѣкомъ, привыкшимъ къ войнѣ и опасностямъ, но не способнымъ вести долгій и хитрый разговоръ, въ которомъ (Груберъ зналъ это по опыту) не было соперниковъ у отцовъ-іезуитовъ.

Если бы Литта и заупрямился даже, все-таки можно было раздражить, разсердить его и въ минуту вспышки заставить проговориться.

Но какъ ни хлопоталъ Груберъ — всѣ старанія его оказались напрасны. Литта на этотъ разъ не поддавался ему и отвѣчалъ ловко, спокойно и смѣло на всѣ подвохи и ухищренія.

Напрасно Груберъ льстилъ ему, напрасно старался выставить своихъ противниковъ въ самомъ худшемъ свѣтѣ и пугалъ Литту громами небесными—ничего не помогло.

Груберъ бился часа два безъ успѣха, и началъ въ первый разъ можетъ быть въ жизни терять терпѣніе и раскаиваться, что слишкомъ понадѣялся на свои силы.

„Я заставлю тебя говорить!“ подумалъ онъ, стискивая зубы и зло посмотрѣвъ на Литту, и вдругъ, рѣзко повернувъ разговоръ, онъ вынулъ изъ кармана шесть расписокъ Литты и, развернувъ ихъ, сталъ разглаживать рукою на столѣ.

Литта удивился откуда онѣ попали къ нему.

— Я къ вамъ заѣхалъ главнымъ образомъ по дѣлу, началъ Груберъ, не давая заговорить Литтѣ, — одинъ бѣдный человѣкъ просилъ меня справиться насчетъ долга вашего ему—вѣдь это ваши расписки?..

— Да, мои, отвѣтилъ Литта,—по почему онѣ у васъ?

— Наша обязанность помогать бѣднымъ! вздохнулъ Груберъ.—Онъ меня просилъ, и я взялся—гдѣ-жь ему тягаться съ такимъ синьоромъ, какъ вы, графъ!..

Библиотека "Руниверс"

Молодая англичанка. Рис. Р. Блиндъ, грав. Ользенъ.

Библиотека "Руниверс"

— Да что-жь ему тягаться! Онъ получитъ деньги по распискамъ — чего бы это мнѣ ни стоило, и дѣло съ концомъ...

— Да, но когда? спросилъ Груберъ раздумчиво.

— Когда... когда... замялся Литта.—Постараюсь поскорѣе...

— Но онъ не можетъ ждать.

— Какъ не можетъ ждать?—когда онъ еще вчера взялъ у меня дополнительную расписку за отсрочку.

Груберъ пожалъ плечами.

— Я тутъ ничего не могу подѣлать, но, разумѣется, обязанъ помочь бѣдному человѣку, повторилъ онъ.

— Да поймите же, вѣдь это гадость съ его стороны... Вѣдь тутъ всѣ расписки на двойную сумму... я взялъ вдвое меньше.

— Это вы все скажете на судѣ, остановилъ Груберъ.

— Какъ на судѣ, развѣ онъ хочетъ взыскивать судомъ?

— Да, если вы не внесете мнѣ всей суммы сполна сегодня же—расписки всѣ безъ срока.

Литта прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

Дорого бы онъ далъ теперь, чтобы имѣть возможность вынуть и бросить эти деньги, которыя такъ требовали съ него.

— Въ настоящую минуту у меня нѣтъ денегъ, проговорилъ онъ наконецъ, подходя къ Груберу.

— Въ такомъ случаѣ вы меня извините, графъ, отвѣтилъ тотъ, — я принужденъ буду обратиться въ судъ.

— Если я безъ суда не могу заплатить, въ данную минуту, то что-жь вы этимъ выиграете, и потомъ я говорю вамъ—подождите...

— Неисправныхъ должниковъ кредиторъ можетъ посадить...

— Что?

— Въ тюрьму, добавилъ Груберъ, — этотъ Абрамъ очень стѣсненъ.

Литта опять заходилъ по комнатѣ. То что говорилъ іезуитъ казалось ужасно, но правдоподобно. Можно было разсердиться, но ничего нельзя было сказать противъ— Литта владѣлъ собою.

— Въ тюрьму! протянулъ онъ только и сощуривъ глаза посмотрѣлъ въ упоръ на Грубера.

— Есть одна возможность... снова заговорилъ іезуитъ.— Я знаю, заплатить вы не можете, потому что состояніе ваше потеряно — но если вы захотите... если вы станете снова нашимъ другомъ, такимъ другомъ, что не будете имѣть тайнъ отъ насъ... тогда съ этими расписками можно будетъ кончить очень легко...

Литта ничего не сказалъ, но такъ взглянулъ на Грубера, что тотъ сейчасъ же смолкъ и потомъ разсыпался хихикающимъ тихимъ смѣхомъ.

— Это конечно шутка, подхватилъ онъ, — я шучу, графъ,—и вдругъ снова сдѣлавшись серьезнымъ добавилъ:—а впрочемъ, отъ шутки до дѣла недалеко, часто и изъ шутки дѣло выходитъ.

Литта смотрѣлъ на него съ такимъ выраженіемъ, которое яснѣе словъ говорило, что онъ ждетъ только, когда Груберъ уйдетъ, и что самъ онъ уже съ нимъ разговаривать не станетъ.

(Продолженіе будетъ).

Воровка.

Разсказъ Ж. Берръ-де-Тюрикъ.

Бракъ Жанины Омбру съ Пьеромъ Тура былъ дѣломъ давно рѣшеннымъ и извѣстнымъ всему околотку. Встрѣчая по воскресеньямъ Пьера на большой дорогѣ изъ Турвиля въ Нёбуръ, говорили: „А, вотъ сынъ фермера, онъ вѣрно идетъ къ невѣстѣ".

— Здравствуйте, господинъ Пьеръ... Ну, какъ же рѣшено насчетъ помолвки?

— Да думаю, на Ивановъ-день...

— На Ивановъ! Господи, какъ долго!.. Четыре мѣсяца ждать!.. Вамъ тяжело, конечно?.. Не правда-ли?..

— Да, оно пожалуй...

— Пожалуй! Нѣтъ, скажите: навѣрно... Вѣдь эта маленькая Жанина—славная дѣвушка... и такъ любитъ васъ, да и вы тоже не безъ основаній любите ее, хотя отецъ ея нельзя сказать, чтобы былъ хорошій человѣкъ, да и не такъ она богата, какъ бы желательно вашему-то отцу.

Этотъ бракъ Пьера съ Жаниной въ настоящее время казался самымъ естественнымъ дѣломъ, такъ всѣ въ околоткѣ успѣли привыкнуть къ этой мысли; но вначалѣ на него смотрѣли совсѣмъ иначе.

— Какъ?! говорили.—Чтобы Тура, первый богачъ въ Нёбурѣ, согласился на бракъ сына съ Жаниной, дочерью дядюшки Омбру, этого стараго ростовщика!..

И дѣйствительно, Тура не такъ-то охотно согласился на этотъ бракъ, теперь отложенный только по причинѣ крайней молодости жениха и невѣсты.

— Ты глупъ! сказалъ онъ сыну.—Дочь ростовщика, скряги, почитаемаго всѣмъ околоткомъ за отъявленнаго негодяя, которая должна работать по цѣлымъ днямъ, потому что эта старая свинья отказываетъ ей рѣшительно во всемъ...

— Я ее люблю, батюшка!

— Любишь?! Вотъ это такъ доводъ!

— Я умру, если вы не позволите мнѣ на ней жениться.

Добрякъ вышелъ изъ себя. Онъ кричалъ, грозилъ...

— Всего-то одинъ сынъ единственный... Всю жизнь работаешь, чтобы сковить ему состояніе... И что же? Отдать это состояніе дочери негодяя...

Но такъ какъ Тура обожалъ сына и не могъ допустить даже мысли объ его несчастіи, то въ концѣ-концовъ онъ уступилъ.

— Ну, что съ тобой дѣлать! Попроси ко мнѣ дядю Омбру, я поговорю съ нимъ.

На другой день явился Омбру, старикашка съ непріятнымъ и хитрымъ лицомъ.

— Вы просили меня прійти, господинъ Тура? Вѣрно заупрямился кто-либо изъ вашихъ должниковъ?

— Нѣтъ, дядюшка Омбру, долги свои я получилъ... Дѣло не въ томъ,—я просилъ васъ прійти не для денежныхъ переговоровъ. Мой сынъ любитъ вашу дочь.

— Охъ, знаю, знаю, господинъ Тура... И моя дочь тоже любитъ вашего сына... Ахъ, какъ любитъ... на свое несчастье видно!..

— Это какъ такое?

— Бѣдняжка!.. Вы никогда не согласитесь на этотъ бракъ, вѣдь у ней нѣтъ ни одного су.

Тура выпрямился.

— Ни одного су? Каково! Вотъ уже 30 лѣтъ вы занимаетесь здѣсь спекуляціями на горе бѣднаго люда и начѣрно успѣли кое-что отложить.

— Клянусь Святой Дѣвой, добрѣйшій господинъ Тура, ни одного су... Хоть умереть, ни одного су! Да и что вы хотите?.. У меня доброе сердце, и право не хватаетъ силъ прижимать бѣдняка, который не можетъ заплатить въ срокъ.

— Знаете, я не вѣрю вамъ, дядюшка Омбру.

— Ну, посудите сами, да развѣ сталъ бы я жить въ старомъ домишкѣ, отказывая себѣ во всемъ, когда-бъ у меня были приличныя средства? Нѣтъ, вѣрно говорю вамъ, за Жаниной нѣтъ ни одного су приданаго. Бѣдняжка! Невозможность выйти замужъ за любимаго человѣка причинитъ ей много горя, да и господину Пьеру не миновать его. Ахъ, бѣдныя, бѣдныя дѣти!..

И старикъ закрылъ глаза рукой, будто вытирая невольную слезу.

Тура пожалъ руками.

— Въ вашихъ словахъ нѣтъ ни капли правды, дядюшка Омбру.

— Ахъ, господинъ Тура! Разсудите сами... Знаете вы банкира, у котораго лежитъ мой капиталъ, или нотаріуса, который управляетъ моимъ недвижимымъ имѣньемъ?

— Можетъ-быть у васъ нѣтъ ни банкира, ни нотаріуса, дядюшка Омбру, но все же я почти убѣжденъ, что у васъ много мѣшковъ съ экю припрятано въ какомъ-нибудь укромномъ уголку... Но я не настаиваю... Дѣло идетъ о счастьѣ моего сына. Онъ любитъ вашу дочь. У ней нѣтъ приданаго... пускай! Онъ возьметъ ее и безъ приданаго.

— Ахъ, господинъ Тура!..

И Омбру сдѣлалъ шагъ впередъ, протягивая руки, но Тура тотчасъ же остановилъ его.

— Нѣтъ, дядюшка Омбру, отъ того, что мы породнимся, до дружбы еще далеко. Да и вы, думаю, не очень-то желаете ея. Не такъ-ли?..

И господинъ Тура, повернувшись на каблукахъ, показалъ ростовщику спину. Грубая усмѣшка скривила ротъ Омбру, когда онъ остался одинъ. Въ одно время въ ней сквозили и радость, что безъ издержекъ сбылъ съ рукъ дочь, и ненависть съ жаждой мести за только что выказанное ему презрѣніе.

Въ теченіе слишкомъ года со времени помолвки (на сговорѣ

Библиотека "Руниверс"

было рѣшено подождать совершеннолѣтія Жанины) влюбленные проводили самую пріятную жизнь.

Ежедневно въ полдень, послѣ завтрака, Пьеръ шелъ на большую дорогу, раздѣлявшую двѣ деревни, и Жанина, тоже свободная въ этотъ часъ, выходила ему навстрѣчу. Рука объ руку они садились на закраинѣ дороги и весело болтали, строя планы будущаго.

Они обожали другъ друга.

И могло-ли быть иначе? Могъ-ли Пьеръ устоять противъ очаровательной и дѣтской прелести доброй и милой Жанины? И могла-ли Жанина не полюбить ото всего сердца красиваго юношу, который, отказавшись отъ богатыхъ невѣстъ, предпочелъ ее безприданницу, бѣднѣйшую изо всѣхъ дѣвушекъ околотка.

Бѣдная! Да, конечно, она—Жанина—бѣдна, иначе отецъ не заставлялъ бы ее работать по цѣлымъ днямъ.

Бѣдная! А между тѣмъ по ночамъ, когда все должно было-бы спать въ домѣ, она слышитъ, какъ ей казалось, нѣчто похожее на звонъ золотыхъ монетъ, когда ихъ пересчитываютъ. Что за тайну хранила та комнатка подлѣ чулана, куда отецъ запрещалъ ей входить? Разъ или два она проходила мимо, когда отецъ входилъ туда, и всегда старикъ казался смущеннымъ, подыскивая предлогъ удалить ее.

Какъ-то изъ любопытства, принявъ равнодушный видъ, она грубо спросила его:

— Золото, что-ли, ты прячешь въ той комнаткѣ, куда не пускаешь меня?

Омбру расхохотался страннымъ смѣхомъ.

— Золото?! Ха, ха, ха! Должно быть что такъ! Да если-бъ это было золото, развѣ я держалъ бы его взаперти? Да будь у меня золото, я давно-бъ накупилъ тебѣ всякихъ драгоцѣнностей. Къ сожалѣнію, у меня тамъ одни старинные документы, а запираюсь я для того, чтобы спокойно изучать всю эту тарабарщину.

Время назначенное для свадьбы приближалось, и Пьеръ съ Жаниной ликовали въ ожиданіи завѣтнаго дня. Наконецъ-то послѣ столькихъ затрудненій, они будутъ на-вѣки принадлежать другъ другу.

Неожиданная новость распространилась между тѣмъ по околотку. Господинъ Тура, уже много лѣтъ занимавшійся большими спекуляціями, потерялъ грюмадныя суммы, завлеченный безсовѣстнымъ банкиромъ въ рискованное предпріятіе.

— Онъ окончательно разоренъ! говорили одни.

— Ну, у него еще осталось довольно про запасъ! говорили другіе.

Что касается Пьера, совершенно стоявшаго въ сторонѣ отъ денежныхъ дѣлъ своего отца, онъ счелъ своимъ долгомъ признаться во всемъ Жаниннѣ.

— Мы разорены! сказалъ онъ ей, — и въ настоящее время у меня нѣтъ ничего, кромѣ собственныхъ рукъ для пропитанія насъ съ отцомъ. Прежде я былъ хорошимъ женихомъ для тебя. Вмѣстѣ съ полнымъ довольствомъ я могъ предложить тебѣ все, что бы ты ни пожелала. Теперь все измѣнилось, и связывая твою судьбу со своею, я заставлю тебя раздѣлить только мои лишенія. Поэтому я возвращаю тебѣ твое слово.

Вмѣсто отвѣта Жанина обвила его шею руками.

— Пьеръ, я люблю тебя! Въ богатствѣ ты бралъ меня безъ всего... теперь наши положенія сравнялись. Мы обвѣнчаемся, Пьеръ, и вмѣстѣ будемъ работать... Меня не можетъ измѣнить это обстоятельство. Что касается лишеній, то можешь-ли ты назвать такія, какихъ бы мы не вынесли вдвоемъ?

— А твой отецъ?

— Объ немъ нечего говорить, тѣмъ болѣе, что я только въ тягость ему.

И Пьеръ съ Жаниной разстались счастливые и довольные другъ другомъ, увѣренные болѣе чѣмъ когда-либо во взаимной любви. На прощанье они сказали другъ другу: „до завтра".

Жанина разсказала отцу все что знала о разореніи Тура.

Она ожидала равнодушнаго пожатія плечами. Что было за дѣло старику, богатъ или бѣденъ будетъ мужъ его дочери, но сверхъ ожиданія, Омбру злорадно разсмѣялся.

— Разорился?! Тура разорился?.. Постой, мнѣ какъ-то все не вѣрится... Разорился! Такъ ему и надо за его заносчивость. А, дружокъ, ты чванился предо мной своими деньгами! Ты не хотѣлъ завязывать со мной никакихъ отношеній! Тебѣ желательно было играть большаго господина! Ты сказалъ, что между нами не будетъ дружбы... Отлично, и пусть не будетъ! Теперь я не допущу этого брака!..

— Батюшка!

— Да, не допущу!.. И весь околотокъ узнаетъ, что я отказалъ ему.

— Но я люблю Пьера, батюшка!

Вздоръ!.. Я не посмотрю на эти глупости! Я тебѣ сказалъ, что ты не выйдешь за него, у него ничего нѣтъ... Хорошъ мужъ, разоренный... который не знаетъ, гдѣ онъ найдетъ работу, чтобы поддержать свою собачью жизнь... Нѣтъ, ты не будешь его женой!

При этихъ болѣе чѣмъ обидныхъ словахъ для нея, Жанина почувствовала, какъ сердце съ болью сжалось у ней въ груди. Она выпрямилась предъ старикомъ и произнесла дрожащимъ голосомъ:

— Я люблю Пьера и буду его женой!

— Никогда... даю тебѣ слово!.. А вотъ тебѣ за твои дерзкія слова!

Жанина почувствовала ударъ, но даже не увернулась отъ него. Она думала о Пьерѣ, котораго безъ сомнѣнія никогда болѣе не увидитъ.

Прошло уже довольно времени съ тѣхъ поръ, какъ произошелъ разрывъ. О немъ поговорили въ околоткѣ и наконецъ забыли. Пьеръ уѣхалъ, понимая безполезность надеждъ на перемѣну рѣшенія Омбру и не чувствуя достаточно силы жить вблизи любимой дѣвушки, которая была навѣки отнята у него.

Жанина повидимому рѣшилась покориться обстоятельствамъ. Послѣ нѣсколькихъ недѣль протеста, она сдѣлалась кроткою, какъ бы желая безъ разсужденій подчиниться волѣ отца.

— Ну, сказалъ ей однажды Омбру, — ты все еще на меня сердишься?

— Нѣтъ, батюшка.

— И не думаешь больше о сынѣ Тура?

— Нѣтъ, батюшка.

— О чемъ же ты все думаешь, у тебя постоянно такой загадочный видъ?

— Ахъ, это такъ... свое...

И она посмотрѣла на Омбру страннымъ взглядомъ, который безъ сомнѣнія поразилъ бы его, если-бъ онъ не былъ всецѣло поглощенъ важною заботой. Вотъ уже нѣсколько времени, какъ Омбру открылъ, что его обкрадываютъ.

Двѣ недѣли тому назадъ онъ ночью спустился въ маленькую комнатку „побесѣдовать со своими денежками", какъ онъ выражался, и вдругъ ему показалось, что одна кучка золотыхъ монетъ уменьшилась.

„Я ошибся въ счетѣ", было его первою мыслью.

На другой день онъ снова спустился въ комнату; теперь уже сомнѣніе было невозможно: исчезъ цѣлый мѣшокъ набитый пятифранковиками.

— Негодяй! Разбойникъ! завопилъ Омбру.

Вооружившись револьверомъ большаго калибра и погасивъ свѣтъ, онъ сталъ внизу на стражѣ у дверей, затаивъ дыханіе. Такъ онъ караулилъ нѣсколько ночей подъ-рядъ. Но такъ какъ вора не появлялось, то Омбру подумалъ:

„Прекрасно! Разбойникъ укралъ у меня, сколько ему было нужно, и больше не покажетъ носу".

И онъ пересталъ сторожить.

Затѣмъ при новомъ счетѣ денегъ оказалось, что еще мѣшокъ былъ похищенъ.

„Тутъ какое-то колдовство!" подумалъ Омбру и поклявшись отомстить принялся караулить.

Никого, рѣшительно никого, а между тѣмъ каждый разъ Омбру замѣчалъ недочетъ въ своемъ сокровищѣ.

„Ну, если такъ будетъ продолжаться, то я скоро пойду по міру".

И что въ особенности бѣсило старика, это—извѣстія о томъ, что его врагу Тура чудесно помогала чья-то благодѣтельная рука, чья—никто не зналъ, даже самъ Тура, который удовлетворилъ кредиторовъ и вновь принялся за дѣла.

— Вы увидите... онъ опять разбогатѣетъ... а я... у меня ничего не останется, совсѣмъ ничего! говаривалъ Омбру.

До сихъ поръ онъ довольствовался тѣмъ, что сторожилъ входную дверь, запирая всѣ окна и двери; теперь онъ придумалъ лучшее. Утромъ онъ куда-то выѣхалъ, распустивъ слухъ, что ѣдетъ по дѣлу въ Руанъ и вернется только на другой день, затѣмъ тайно возвратился и заперся въ чуланѣ, взявъ на два дня провизіи.

„Отсюда хорошо видно", подумалъ онъ.

Пробила полночь. Почти цѣлый день Омбру неподвижно просидѣлъ въ засадѣ, съ оружіемъ въ рукахъ... Вдругъ дверь скрипнула и тихо отворилась. Человѣческая фигура обрисовалась въ темнотѣ. Старикъ поднялъ револьверъ и выстрѣлилъ. Раздался громкій крикъ и шумъ паденія тѣла.

— Ага, негодяй, попало! Вотъ убійство, въ которомъ я никогда не раскаюсь!

Онъ зажегъ свѣчу и приблизился къ неподвижному тѣлу.

Въ свою очередь онъ испустилъ страшный крикъ:

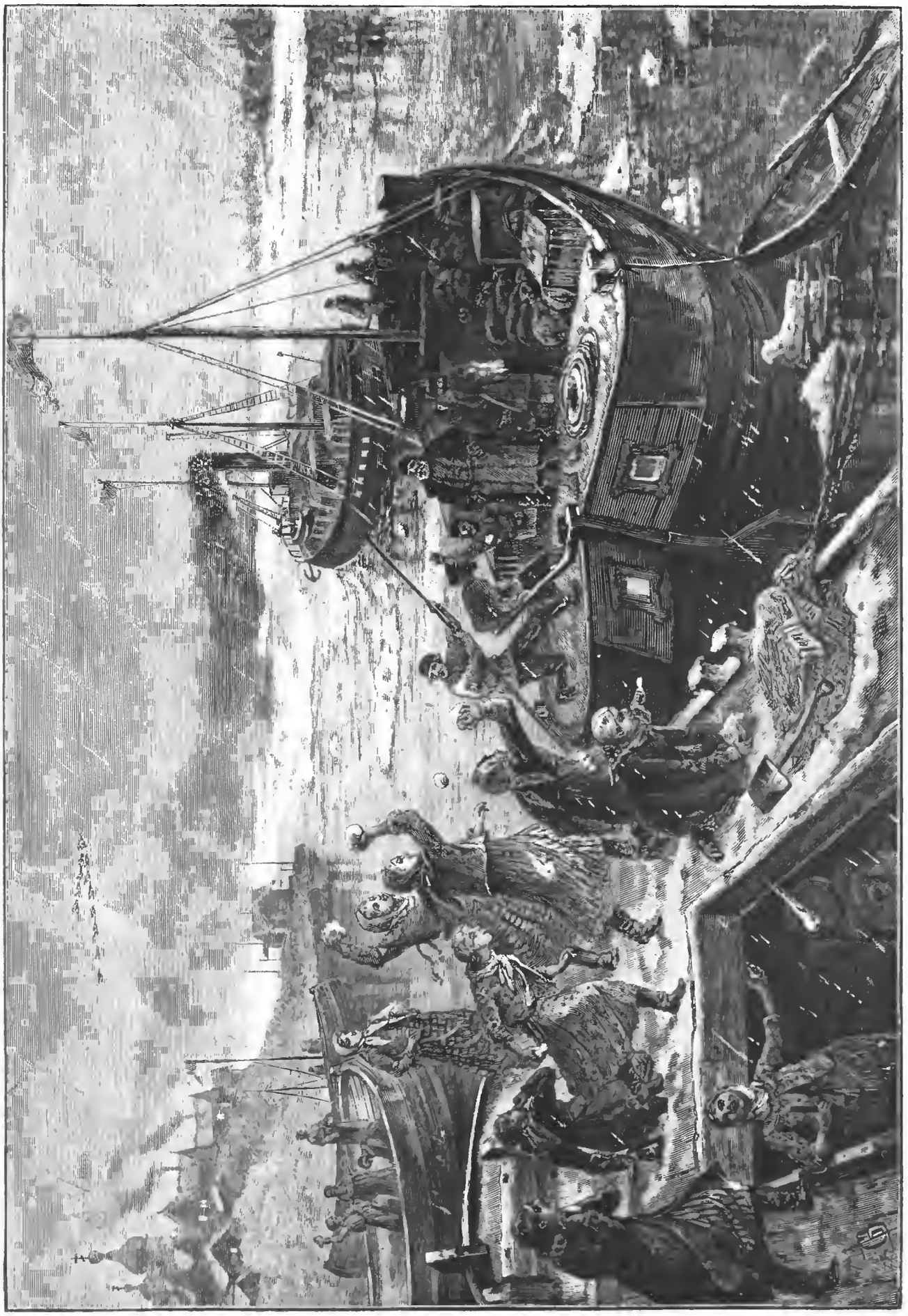
— Жанина!.. (Б. К.)

Пожары и открытое русскимъ крестьяниномъ средство для „побѣдоносной" борьбы съ ними.

Очеркъ **В. В. Иванова.**

Въ началѣ мая 1890 года я получилъ приглашеніе присутствовать при опытахъ надъ огнеупорнымъ составомъ, изобрѣтеннымъ русскимъ крестьяниномъ Ѳедуломъ Григорьевичемъ Бабаевымъ. Нужно-ли говорить о томъ величайшемъ инте-

Библиотека "Руниверс"



Отправка перваго парохода на рѣкѣ Камѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Г. Бромлинга, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Напрямки по насту. Съ карт. Ярослава Весина. грав. Ерике.

Библиотека "Руниверс"

ресѣ, съ которымъ я поспѣшилъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Меня познакомили съ Бабаевымъ, и онъ лично показалъ мнѣ дѣйствіе изобрѣтеннаго имъ состава. Онъ бралъ куски дерева, тонкія спички, куски толя, дранки и пр. покрытые этимъ составомъ, и вводилъ ихъ въ пламя лампы, температура котораго была еще искусственно возвышаема. Эффектъ оказался поразительнымъ: та часть дерева (и проч.), которая находилась въ пламени лампы, раскалялась до-красна; на остальную же его часть это пламя не только не распространялось, но ее можно было безнаказанно ощупывать руками.

Передо мною быстро пронеслись картины невыразимо страшныхъ бѣдствій, причиняемыхъ пожарами, и понятно, съ какою симпатіею я взглянулъ на человѣка, на долю котораго выпало удивительное, высоко-завидное счастіе, открыть и разработать составъ, повидимому устраняющій самую возможность этихъ бѣдствій.

Дайте себѣ трудъ, читатель, вызвать картины видѣнныхъ вами пожаровъ. Постарайтесь вообразить весь тотъ, невыразимый никакими словами, ужасъ, который долженъ испытывать человѣкъ, застигнутый этимъ чудовищнымъ бичемъ врасплохъ и не видящій никакихъ средствъ къ спасенію; попробуйте представить себѣ хотя отчасти тѣ страданія, которыя этому, охватываемому пламенемъ, человѣку приходится пережить; вникните во всю невыносимость тѣхъ нравственныхъ мукъ, которыя должны перечувствовать родители, видящіе своихъ дѣтей сгорающими заживо и нерѣдко неимѣющіе никакихъ, рѣшительно никакихъ средствъ помочь имъ; наконецъ, представьте себѣ сначала недоумѣніе, потомъ страшный испугъ, безконечно-нетерпѣливое ожиданіе отъ отца или матери привычной, но нерѣдко немыслимой помощи и, наконецъ, отчаяніе и страшныя муки сгоранія заживо этихъ дѣтей; припомните сотни и тысячи жертвъ страшной смерти при пожарахъ общественныхъ зданій, какъ, напримѣръ, Ринг-театра въ Вѣнѣ, при пожарахъ цѣлыхъ кварталовъ, иногда цѣлыхъ городовъ; подумайте о томъ, что, благодаря открытому Бабаевымъ составу, подобныя бѣдствія могли бы быть устранены; что, благодаря ему, могутъ быть устранены пожары церквей, богадѣленъ, больницъ, пріютовъ, театровъ и вообще общественныхъ зданій, гдѣ спасеніе людей по большей части соединено съ такими чрезвычайными трудностями, наконецъ, такихъ сокровищницъ какъ музеи, національныя библіотеки и пр. и пр., и тогда только предъ вами вырисуется вся громадность того значенія, которое имѣетъ изобрѣтеніе дѣйствительно-огнеупорнаго состава, легко сказать, повидимому устраняющаго на будущее время для человѣчества самую возможность подобныхъ бѣдствій.

Но это лишь одна сторона дѣла—главнѣйшая. За нею стоитъ другая—сбереженіе денегъ. Небогатому, но домовитому человѣку каждая копѣйка дорога; въ особенности дорога она большинству крестьянъ. Понятно, что небогатый людъ тяготится затратою денегъ на страхованіе имущества отъ огня—денегъ достающихся ему въ большинствѣ случаевъ съ величайшимъ трудомъ. Вѣдь эти страховыя деньги онъ могъ бы сберечь для того, чтобы употребить ихъ съ наглядною пользою для своей семьи; въ лучшемъ же случаѣ онѣ могли бы послужить для него копѣйкою на черный день. Конечно и употребленіе состава Бабаева—при постройкахъ, ремонтировкахъ и окраскахъ будетъ сопряжено съ расходами; можетъ быть на первое время, пока дѣло эксплоатаціи этого состава не будетъ поставлено на прочную и широкую ногу, эти расходы будутъ также нѣсколько чувствительны. Я этого не знаю. Читатель можетъ узнать объ этомъ изъ объявленій о продажѣ состава, которыя можетъ быть уже и послѣдовали. Но я знаю, что—принимая во вниманіе не одинъ годъ, а ряды годовъ—употребленіе этого состава во всякомъ случаѣ будетъ дешевле страхованія; а когда подумаю, что, благодаря этому составу могутъ быть оборонены отъ пожара здоровье и жизнь людей, то считаю невозможнымъ даже и сравнивать его употребленіе со страхованіемъ.

Теперь скажу нѣсколько словъ о самомъ Ѳ. Г. Бабаевѣ, а потомъ выясню, что навело его на изобрѣтеніе огнеупорнаго состава и кто и какъ отнесся къ этому изобрѣтенію.

Ѳедулъ Григорьевичъ Бабаевъ—крестьянинъ Московской губерніи, Можайскаго уѣзда, Глазовской волости, села *Горемова*. Вотъ какъ самъ онъ, въ его „Пояснительной запискѣ по поводу учрежденія Высочайше утвержденнаго товарищества на паяхъ для производства и примѣненія состава Ѳ. Г. Бабаева“ [1]), разсказываетъ о своемъ изобрѣтеніи: „Будучи прежде подрядчикомъ балластныхъ и каменно-карьерныхъ работъ, я въ то же время занимался изысканіемъ средствъ для замѣны очень дорого стоющаго настоящаго мрамора—искусственной композиціей, изъ которой можно было бы выдѣлывать красивые подоконники, плиты и прочіе строительные матеріалы. Въ одно время, рабочіе мои, изготовляя искусственную мраморную массу, вымѣшивали деревяннымъ весломъ кипѣвшій въ котлѣ сплавъ изъ песка и различныхъ солей; нечаянно они сломали это весло и бросили обломокъ его въ огонь, подъ топку печи. По окончаніи работъ, выгребая изъ печи золу, рабочіе нашли брошенный ими въ огонь обломокъ весла совершенно не обуглившимся и заамальгированнымъ на поверхности какою-то бѣловато-сѣрою массою; этотъ обломокъ былъ принесенъ ко мнѣ [1]), и онъ-то послужилъ началомъ моего настойчиваго стремленія, во что бы то ни стало отыскать составныя части огнеупорной массы, недопустившей сгорѣть въ огнѣ такой горючій предметъ, какъ обломокъ деревяннаго весла. Задача эта оказалась для меня черезчуръ замысловатою, такъ какъ, пройдя извѣстную школу грамотности у сельскаго дьячка, я разумѣется не имѣлъ никакой подготовки къ тому, чтобы научнымъ путемъ добиться желаемой цѣли. Пришлось долго и безуспѣшно перебирать и примѣнять на практикѣ всѣ, доступные моимъ понятіямъ, простые пріемы въ составленіи и варкѣ смѣси изъ различныхъ минеральныхъ продуктовъ, чтобы получить въ результатѣ огнеупорную массу, которая такъ сильно интересовала меня. Много упорнаго труда, среди лишеній, порицаній и насмѣшекъ, положено въ основу моихъ изслѣдованій; но, послѣ многихъ неудачъ, я, наконецъ, получилъ изъ разныхъ составныхъ частей смѣсь, которая при послѣдовательныхъ испытаніяхъ показала полную огнеупорность, невоспламеняемость и весьма незначительную теплопроводность“... „Цѣлый рядъ, продолжаетъ онъ далѣе, ежегодныхъ публичныхъ опытовъ, произведенныхъ въ городахъ Кіевѣ, Москвѣ, Рязани, Харьковѣ, Вильнѣ, Казани, Самарѣ, Владимірѣ, Калугѣ, С.-Петербургѣ, Рыбинскѣ, Серпуховѣ, Оренбургѣ и въ нѣсколькихъ деревняхъ и селахъ [2]), убѣдилъ меня и многихъ заинтересованныхъ лицъ въ томъ, что изобрѣтенный мною огнеупорный составъ является пока единственнымъ и лучшимъ средствомъ отъ разоряющихъ города и села пожаровъ. Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, какія чудовищныя опустошенія производятъ въ Россіи безпрерывно повторяющіеся пожары, въ особенности въ деревняхъ и селахъ, еще недостаточно обезпеченныхъ мѣрами противъ этого, пока неизбѣжнаго зла: мнѣ, какъ крестьянину, часто приходилось и приходится видѣть, какія ужасныя бѣдствія причиняетъ народу это зло“. Какъ водится у насъ, Бабаеву, прежде чѣмъ провести его изобрѣтеніе, пришлось испытать „множество колючихъ терній, всяческихъ преградъ, невзгодъ и лишеній; а въ заключеніи этой исторіи, говоритъ онъ,—кроется тотъ знаменательный смыслъ, что изобрѣтеніе мое все-таки принесетъ несомнѣнную пользу страждущему отъ огня народу“. И дай Богъ! заключу я это извлеченіе изъ его записки.

Убѣдившись въ полной цѣлесообразности изобрѣтеннаго имъ огнеупорнаго и огнегасительнаго состава, Ѳ. Г. Бабаевъ неоднократно обращался къ капиталистамъ съ предложеніемъ взять на себя починъ распространенія и сбыта послѣдняго; но, какъ извѣстно и какъ справедливо замѣчаетъ онъ, и здѣсь помѣшала характерная черта большинства русскихъ людей: отсутствіе предпріимчивости. Эти неудачи въ привлеченіи къ участію въ предпріятіи лицъ съ крупнымъ капиталомъ, въ связи съ другими соображеніями, побудили Бабаева ходатайствовать предъ правительствомъ объ учрежденіи товарищества на паяхъ. Это ходатайство увѣнчалось успѣхомъ: Государь Императоръ утвердилъ уставъ „Товарищества“ съ основнымъ капиталомъ въ 600,000 рублей, раздѣленныхъ на 1,200 паевъ, по 500 руб. каждый.

Основный капиталъ предполагается употребить слѣдующимъ образомъ: 1) устроить въ различныхъ пунктахъ Россіи, наиболѣе выгодныхъ по дешевизнѣ заготовки и по транспортировкѣ товаровъ, заводы для изготовленія огнеупорной и огнегасительной жидкости;

2) открыть въ наиболѣе торговыхъ пунктахъ—агентства для обширнаго распространенія и сбыта огнеупорнаго и огнегасительнаго состава и разныхъ предметовъ, обработанныхъ этимъ составомъ;

3) возмѣстить затраты Ѳ. Г. Бабаева на публичные опыты въ разныхъ городахъ, произведенные съ цѣлью рекламированія и упроченія будущности предпріятія, и уплатить ему за пріобрѣтеніе Товариществомъ въ свою собственность правъ привилегіи, по взаимному между ними соглашенію;

4) организовать при одномъ изъ устроенныхъ Товариществомъ образцовомъ заводѣ, спеціальную артель мастеровъ и руководителей по производству огнеупорной массы на другихъ принадлежащихъ Товариществу заводахъ.

Кромѣ по возможности обширнѣйшаго распространенія и сбыта огнеупорнаго и огнегасительнаго состава, Товарищество можетъ, если найдетъ для себя выгоднымъ, изготовлять и обработывать составомъ: сукна и ткани, войлоки пожарные и строительные, щиты пожарные, холщевые и соломенные, ковры соломенные для крышъ, брезенты, картонъ бумажный и моховой для обивки стѣнъ, бумагу подъ обои, рукавицы и фартуки для пожарныхъ командъ, театральныя занавѣси и декораціи, несгораемые шкафы и шкатулки для храненія цѣнностей, огнеупорные тигли для сплавки металловъ и ульи для пчеловодства; а также принимать подряды на постройку несгораемыхъ деревянныхъ домовъ, дачъ и сельскихъ избъ, съ

[1]) Москва. Типографія Т. И Гагенъ, Большая Лубянка, домъ князя Голицына.

[1]) Слѣдовательно и у этихъ рабочихъ мелькнула мысль о важности этой бѣловато-сѣрой массы. Н.

[2]) О чемъ свидѣтельствуютъ напечатанные въ вышеупомянутой „Пояснительной запискѣ“ оффиціальные документы и отзывы нѣсколькихъ русскихъ газетъ. Н.

Библиотека "Руниверс"

тесовыми, гонтовыми, драничными, соломенными и моховыми крышами; принимать подряды на обдѣлку огнеупорнымъ составомъ пароходовъ и товарныхъ вагоновъ, обработку имъ деревянныхъ и иныхъ стѣнъ, капитальныхъ и перебороковъ, въ жилыхъ зданіяхъ и складахъ, половъ, накатовъ и пр. и пр.

Составъ Ѳ. Г. Бабаева, „благодаря, какъ говоритъ онъ,—многимъ совѣтамъ и указаніямъ ученыхъ лицъ, доведенъ до возможной степени совершенства". Этотъ составъ, съ прибавленіемъ къ нему сухихъ веществъ (мѣла, бѣлой глины, цемента, песку), можетъ быть употребляемъ какъ штукатурка, или какъ краска (съ помощью простыхъ кистей); онъ весьма плотно пристаетъ не только къ дереву, но и къ тканямъ, бумагѣ, соломѣ и проч., не допуская въ то же время и гніенія ихъ; онъ обладаетъ *весьма малою теплопроводностью, крайнею огнеупорностью* и *абсолютною невоспламеняемостью, а также и до возможной степени водоупорностью*; при дѣйствіи сильнаго огня (напр. при пожарахъ) на горючія вещества, покрытыя огнеупорнымъ составомъ Бабаева, огнеупорная масса начинаетъ слегка пузыриться, вслѣдствіе выдѣленія изъ нея химически соединенной съ нею воды и угольной кислоты; она становится мелко-пористой и еще менѣе теплопроводной. При дальнѣйшемъ дѣйствіи сильнаго огня, происходитъ легкое нагрѣваніе покрытаго огнеупорною массою предмета; онъ начинаетъ обугливаться, газообразные продукты разложенія прорываются сквозь кору упомянутой массы и сгораютъ, но самый предметъ, плотно защищенный корою эмали изъ огнеупорнаго состава, никакому горѣнію не подвергается; эта масса не допускаетъ къ нему ни малѣйшаго количества кислорода атмосфернаго воздуха, безъ котораго дальнѣйшее горѣніе предмета невозможно.

Ѳ. Г. Бабаевъ въ своей „пояснительной запискѣ" выражаетъ надежду, что русскіе люди, интересующіеся охраной своихъ имуществъ отъ гибельныхъ послѣдствій пожаровъ, сочувственно отнесутся къ учрежденію Товарищества, что найдутся желающіе участвовать въ этомъ полезномъ предпріятіи, „чѣмъ, говоритъ онъ,—и дана будетъ возможность доказать на дѣлѣ, какая незамѣнимая польза принесена русскому народу моимъ изобрѣтеніемъ, которое быть-можетъ въ недалекомъ будущемъ поведетъ къ болѣе важнымъ научнымъ открытіямъ и усовершенствованіямъ".

Вышеприведенный очеркъ былъ переданъ мною редакціи журнала *Нива* вскорѣ послѣ опыта; но желая еще разъ и при томъ опять-таки лично, на опытѣ болѣе широкихъ размѣровъ, убѣдиться въ дѣйствительности огнеупорныхъ свойствъ Бабаевскаго состава, я просилъ редакцію повременить печатаніемъ моего очерка. Мнѣ хотѣлось, притомъ, чтобы свидѣтелями этого опыта были крестьяне, какъ относящіеся ко всякаго рода новшествамъ съ понятною недовѣрчивостью. Лица, принадлежащія къ другимъ классамъ общества, или сами читаютъ газеты, или, по желанію, легко узнаютъ о каждой новинкѣ, между прочимъ и о практической пригодности того или другаго изобрѣтенія. Для лицъ же крестьянскаго сословія это несравненно труднѣе. Какъ извѣстно, однако, едва-ли гдѣ такъ часты и такъ опустошительны пожары, какъ въ деревянной Россіи. Въ новѣйшее время, для уменьшенія зла, причиняемаго ими, между прочимъ, введено земское страхованіе. Но страхованіе вообще орудіе обоюдоострое. Оно, если въ извѣстной мѣрѣ и вознаграждаетъ крестьянину убытки, причиняемые ему пожаромъ, то плодитъ новое зло: со времени введенія страхованія, случаи поджога избъ, съ цѣлью постройки, при пособіи страховыхъ денегъ, избъ новыхъ, становятся весьма часты. Да это крестьяне не всегда и скрываютъ, при разговорахъ съ лицами незанимающими оффиціальнаго положенія. И такъ въ иныхъ, скажу—печальныхъ исключеніяхъ, косвенными и крайне тяжелыми плодами страхованія служитъ: помимо уничтоженія матеріала, который можетъ-быть еще многіе годы могъ бы стоять съ пользою, также и распространеніе новаго вида растлѣвающаго разврата: воровскихъ поджоговъ, поджоговъ съ цѣлью обновленія своихъ хозяйствъ. Все это, конечно, крайне не весело! Но дѣйствительно огнеупорный составъ могъ бы служить противодѣіемъ этому злу. Разъ что цѣнность этого состава была бы доведена до минимума, употребленіе его при постройкахъ могло бы стать обязательнымъ, а страхованіе — если и не вовсе уничтожено, то по крайней мѣрѣ понижено до такихъ суммъ, при которыхъ поджоги являлись бы дѣломъ безусловно невыгоднымъ.

Но вернусь къ своему опыту.

Опытъ этотъ былъ разрѣшенъ мнѣ графомъ Толемъ, г. С.-Петербургскимъ губернаторомъ. Мѣстомъ опыта избрана мною деревня Второе Парголово, расположенная верстахъ въ восемнадцати отъ Петербурга, по линіи Финляндской желѣзной дороги. Опытъ состоялся въ воскресный день, 15 октября. Общество для эксплоатаціи огнеупорнаго состава Бабаева выслало, по моей просьбѣ, въ Парголово, деревянную будку довольно значительныхъ размѣровъ (болѣе 2½ арш. въ вышину, аршина два въ глубину и около 1½ арш. въ ширину), построенную спеціально для этого опыта, огнеупорную шкатулку и еще нѣкоторые огнеупорные предметы; при всѣхъ находились мастеръ и рабочій. Будка была поставлена на открытомъ мѣстѣ, между садомъ желѣзно-дорожной станціи и Парголовскою возвышенностью. Стѣнки ея и *одинъ изъ скатовъ* драничной крыши были обдѣланы составомъ Бабаева, *другой скатъ* крыши—не былъ имъ обдѣланъ. Вокругъ будки, вплотную къ ней, были навалены: хворостъ, дрова и проч. горючій матеріалъ, весь и притомъ обильно политый керосиномъ; керосиномъ же была полита и самая будка. Тутъ же были положены и нѣкоторые другіе огнеупорные предметы. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ будки былъ наваленъ въ большую кучу хворостъ и др. горючій матеріалъ, посреди котораго положена шкатулка, обдѣланная составомъ Бабаева, и все это обильно облито керосиномъ. Къ опыту, утромъ 15 октября, собрались: непремѣнный членъ С.-Петербургскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Е. И. Яковлевъ, мѣстный исправникъ, статскій совѣтникъ В. И. Колобневъ (принимавшій живое участіе въ осуществленіи опыта), приставъ втораго стана г. Колайда, Парголовскій старшина Ковалевъ съ сельскими старостами и нѣкоторыми крестьянами, старшины: Осино-Рощинскій, Старо-Деревенскій, Палюстровскій съ сельскими старостами, Бѣлоостровскій, Муринскій, Вартемягскій и нѣкоторые другіе крестьяне, — вообще представители крестьянства съ весьма обширнаго района (многіе десятки верстъ въ разныя стороны). Когда всѣ были въ сборѣ, я приступилъ къ опыту: поджегъ, облитый керосиномъ, горючій матеріалъ, окружавшій будку. Поднялось огромное пламя, за которымъ вся будка скрылась; минутъ 15—20 спустя, когда помянутый матеріалъ сгорѣлъ, передъ нашими глазами вновь предстала будка, какъ ни въ чемъ не бывало; только кое-гдѣ на ея стѣнкахъ появились пузыри. Скатъ крыши, покрытый составомъ, остался неизмѣненнымъ; другой же ея скатъ, составомъ непокрытый, отчасти уже провалился, отчасти догоралъ. Очередь дошла до огнеупорной шкатулки. Зажгли окружавшій ее матеріалъ. Когда этотъ матеріалъ сгорѣлъ, шкатулка, вынутая изъ пепла тотчасъ же, оказалась только закоптѣвшею, а мѣстами чуть-чуть вспузырившеюся; что же касается внутреннихъ ея стѣнокъ, то на нихъ не только не измѣнился лакъ, а даже и температура этихъ стѣнокъ почти не повысилась. Послѣ этого всѣми присутствовавшими было признано, что произведенный мною опытъ далъ самые блестящіе результаты, какихъ только можно было ожидать. Я припомнилъ тѣ ужасы, о которыхъ говорилъ въ началѣ этой статьи, и проникся глубокорадостнымъ чувствомъ при мысли, что повидимому является возможность не только избавиться на будущее время отъ всѣхъ этихъ ужасовъ, но и устранить одну изъ причинъ, такъ успѣшно плодящихъ бѣдность въ Россіи.

Когда время и обстоятельства мнѣ позволятъ, я соберу, и потомъ сообщу читателямъ *Нивы* болѣе подробныя свѣдѣнія о расходахъ, сопряженныхъ съ примѣненіемъ состава Бабаева, сравнительно съ расходами по земскому и инымъ страхованіямъ домовъ [1]). Теперь, пока, я могу сообщить здѣсь свѣдѣнія, лично доставленныя мнѣ, по моей просьбѣ, Бабаевымъ, относительно стоимости примѣненія его состава къ крестьянскимъ домамъ. Владѣльцы небольшихъ домовъ вообще могутъ, на основаніи этихъ свѣдѣній, сообразить—во что бы приблизительно обошлось и имъ употребленіе Бабаевскаго состава. По словамъ Ѳ. Г. Бабаева, покрытіе огнеупорнымъ его составомъ крыши (около семи квадратныхъ саженъ) средней по размѣрамъ избы обойдется (1 руб. 75 коп. до 2 руб. 50 коп. квадр. сажень) отъ 12 руб. до 17 руб.; при содѣйствіи же министерствъ Государственныхъ Имуществъ и Удѣловъ—оно можетъ быть удешевлено на 15 процентовъ. Въ виду новизны дѣла, естественной неувѣренности крестьянства въ томъ, что дѣло это дастъ дѣйствительно благіе результаты, въ большихъ селеніяхъ такія крыши, на первое время, можно было бы ввести хотя бы черезъ *девять* избъ на *десятой*; такая десятая крыша служила бы какъ бы брандмауеромъ. При этомъ замѣчу, между прочимъ, что каждая крыша, обработанная бабаевскимъ составомъ, становясь огнеупорною, т. е. не воспламеняющеюся, въ то же время не подвергается и гніенію, потому что влага (дождь, таящій снѣгъ, иней и проч.) въ нее не проникаетъ вовсе и, слѣдовательно, такая крыша простоитъ, какъ говорится, два вѣка. Стѣны, по словамъ Бабаева, каждый небогатый домовладѣлецъ могъ бы самъ обмазать (простою кистью) составомъ, причемъ послѣдняго пошло бы на каждую квадратную сажень на 25 коп.

Закончу статью еще слѣдующею, сообщенною мнѣ новостью. На бывшемъ 25 ноября собраніи Товарищества для эксплоатаціи Бабаевскаго огнеупорнаго состава, одинъ изъ членовъ правленія, штурманскій офицеръ, г. Лиліенфельдъ заявилъ, что *крестьянинъ* Ѳ. Г. Бабаевъ, главный виновникъ существованія этого Товарищества, предоставилъ послѣднему свои заграничныя права по продажѣ привилегій, съ тѣмъ, чтобы изъ всѣхъ тѣхъ суммъ, которыя будутъ полу-

[1]) Хотя, повторяю, едва-ли примѣненіе этого состава вполнѣ сравнимо со стоимостью страхованія. Страхованіе только возвращаетъ владѣльцу сгорѣвшаго имущества часть капитала, затраченнаго имъ на пріобрѣтеніе этого имущества, причемъ сгорѣвшій, часто еще хорошій, цѣнный матеріалъ, во всякомъ случаѣ составляетъ потерю въ общей, народной экономіи; примѣненіе же огнеупорнаго состава предохраняетъ и людей, и животныхъ отъ гибели, и устраняетъ общество отъ потерь такихъ матеріаловъ, которые весьма часто еще долгое время могли бы служить ему съ пользою.

Библиотека "Руниверс"

чаться изъ-за границы, 25% отчислялись на сооруженіе храма въ Москвѣ въ память освобожденія, въ 1861 году, крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Кромѣ того, для той же цѣли, онъ предложилъ всецѣло какъ свои личные, безвозмездные труды, такъ и употребленіе всѣхъ (за покрытіемъ долговъ) его прибылей съ предоставленной ему, договоромъ съ правленіемъ Товарищества, эксплоатаціи его состава въ 25 губерніяхъ. Извѣстно, что въ теченіе тридцати послѣднихъ лѣтъ спеціальнымъ Московскимъ комитетомъ собрано для этой цѣли около ста тысячъ рублей, и что въ недавнее время, кромѣ комитета, подписка на пожертвованіе для постройки храма открыта въ Московской городской Думѣ, причемъ г. Алексѣевъ, глава этой Думы, принялъ въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе. Такимъ образомъ, чувство признательности покойному императору Александру II, за его великое дѣло освобожденія крестьянъ, не перестаетъ получать разнообразное проявленіе; особенно цѣнною и характерною является при этомъ также и вышеупомянутая, возможно, что и весьма значительная, лепта крестьянина Бабаева памяти его царственнаго благодѣтеля [1].

Къ рисункамъ.

Суздаль. (Рис. на стр. 265).

Въ тридцати-трехъ верстахъ къ сѣверу отъ города Владиміра, по обоимъ берегамъ рѣки Каменки, верстахъ въ пяти выше впаденія ея въ рѣку Малую Нерль, стоитъ одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи, Суздаль. По преданію, городъ Суздаль или Суждаль существовалъ во времена нашествія Варяговъ и въ немъ князья чинили свой судъ, отчего и произошло имя города; по другимъ сказаніямъ, Суздаль обязанъ своимъ именемъ самому мѣстоположенію: „суходолъ". Первыя указанія въ лѣтописяхъ о Суздалѣ встрѣчаются уже подъ 1024 г. Послѣ смерти Ярослава городъ достается Всеволоду, князю Переяславскому, и управляется намѣстниками князей Кіевскихъ. При князѣ Юріи Долгорукомъ Суздаль дѣлается, впрочемъ ненадолго, независимымъ княжествомъ. Около 1390 года великій князь Московскій Василій Дмитріевичъ присоединяетъ Суздальскую область къ Москвѣ и съ того времени исторія Суздаля тѣсно связывается съ событіями Московскаго княжества. За свое долголѣтнее существованіе не мало городъ перенесъ бѣдъ и несчастій. Голодъ, моръ, пожары, нашествіе враговъ, грабежи и разоренія отъ нихъ не разъ приключались надъ Суздалемъ. Татары жгли и грабили его трижды въ 1237, 1281 и 1293 годахъ. Изъ пожаровъ памятенъ пожаръ 1719 г., когда деревянныя стѣны и башни, которыми онъ былъ обнесенъ, сгорѣли до основанія. За двѣсти лѣтъ тому назадъ, въ 1681 году въ Суздалѣ считалось 515 дворовъ, съ которыхъ собиралось 669 рублей на жалованье Московскихъ стрѣльцовъ. Въ настоящее время въ городѣ насчитывается до 6,779 жителей. Славный своимъ благочестіемъ, церквами и монастырями, Суздаль до сего времени сохранилъ послѣднихъ четыре: два мужскихъ—Спасо-Ефимьевъ и Васильевскій, и 2 женскихъ—Покровскій и Ризположенскій. Изъ храмовъ города по старинѣ болѣе всего достоинъ упоминанія Рождественскій соборъ. Основанный, по преданіямъ, великимъ княземъ Владиміромъ, онъ перестраивался неоднократно до 1528 года, съ какого времени сохранилъ свой старинный видъ. Въ немъ почиваютъ мощи Св. епископовъ Ѳеодора и Іоанна и находятся гробницы князей Суздальскихъ, Шуйскихъ, Скопиныхъ, Бѣльскихъ и др. Богатый, торговый и промышленный въ старину городъ, особливо славился „досужествомъ въ художествѣ и промыслахъ". Изъ художествъ на первомъ мѣстѣ стояла иконопись, до сихъ поръ извѣстная по имени суздальской, а изъ промысловъ—мелочная торговля „суздаловъ", офеней-ходебщиковъ, торговавшихъ по всѣмъ мѣстамъ Руси Великой. Нынѣ изъ промысловъ процвѣтаетъ огородничество, которымъ Суздаль славится не менѣе Ростова, и тканье миткалей для московскихъ, шуйскихъ и вознесенскихъ фабрикъ.

Надъ Босфоромъ. (Рис. на стр. 268).

Ежегодно съ конца лѣта и до половины осени въ жизни большей части европейскихъ птицъ наступаетъ то явленіе, которое называется *отлетомъ* ихъ въ теплыя страны, а затѣмъ съ начала весны начинается возвращеніе ихъ на родину, называемое *прилетомъ*. При этомъ ранѣе отлетающія осенью позднѣе возвращаются весною, и наоборотъ, позднѣе отлетающія—раньше возвращаются. Всѣ онѣ летятъ болѣе или менѣе въ юго-восточномъ направленіи, по теченію рѣкъ и извивамъ долинъ. Многія зимуютъ уже на берегахъ Средиземнаго моря, другія останавливаются въ Египтѣ, третьи, наконецъ, достигаютъ экваторіальной области великихъ озеръ.

Передъ выступленіемъ въ путь, отлетающія птицы собираются большими стаями, которыя пребываютъ нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ, подманивая къ себѣ крикомъ пролетающихъ одинокихъ путниковъ; затѣмъ, какъ только стая достигнетъ желанной численности, она разомъ снимается и трогается въ дорогу. Нѣкоторыя птицы, впрочемъ, предварительно производятъ формальное ученье и маневры предъ отлетомъ. На пути птицы также сохраняютъ извѣстный порядокъ или строй, напр. въ видѣ угла изъ двухъ линій, на подобіе буквы ижицы (V), какъ изображены летящіе надъ Босфоромъ журавли; другія летятъ *ниткой*, т. е. въ одну линію, какъ дикіе гуси; третьи, наконецъ, безформенною кучей, какъ скворцы и др. Большая часть забираются на значительную высоту; нѣкоторыя внезапно кидаются внизъ, стелятся надъ самою землею и затѣмъ постепенно взмываютъ вверху. Слабыя летятъ больше по ночамъ, сильныя и днемъ. Самыя слабыя стараются пробираться по лѣсамъ—отъ дерева къ дереву, отъ перелѣска къ перелѣску. Голенастыя совершаютъ часть пути пѣшкомъ, плавающія—водою.

Прилагаемый рисунокъ нашего даровитаго сотрудника, Н. П. Каразина, бывшій на выставкѣ blanc et noir, изображаетъ стаю чаекъ, которыя зазимовали надъ Босфоромъ, и станицу журавлей, проносящихся высоко въ небѣ на пути въ Египетъ.

Литературный альбомъ. „Катерина" Шевченка.

(Рис. на стр. 269).

Кто не знаетъ поэмы Шевченка, въ которой описывается судьба несчастной Катерины, изгнанной изъ родительскаго дома?

Вышла съ села—сердце млѣетъ,
Назадъ оглянулась,
Покачала головою
И заголосила.
Словно тополь стала въ полѣ
У большой дороги
И росою до заката
Заканали слезы.
За слезами, за горькими,
Не видно и свѣта;
Только сына все голубитъ,
Цѣлуетъ да плачетъ...
Сѣло солнце, за дубравой
Небо заалѣло...
Слезы стерла, повернулась,
Пошла замирая...

Молодая англичанка. (Рис. на стр. 273).

Какое красивое и въ то же время холодное лицо! Большіе, задумчивые глаза смотрятъ мечтательно, но въ ихъ взглядѣ никто не прочтетъ о тайныхъ думахъ красавицы. Полныя, красиво очерченныя губы крѣпко сомкнуты, какъ бы боясь проронить неосторожное слово...

Первый пароходъ на Камѣ. (Рис. на стр. 276).

На Камѣ, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грузятъ суда женщины, по веснѣ, какъ только начнетъ сходить снѣгъ и рѣка, сбросивъ ледяные покровы, быстро несетъ обломки ледяныхъ глыбъ по теченію, — замѣчается повсюду большое оживленіе. Зазимовавшія суда готовятся къ наступающей навигаціи и, снарядившись, на буксирѣ у парохода отправляются въ путь-дорогу, сопровождаемыя пожеланіями счастливаго пути и цѣлымъ градомъ снѣжковъ, которыми награждаютъ зимовавшихъ судовщиковъ прибрежныя жительницы. Такую, полную жизни и оригинальности сцену зарисовалъ нашъ художникъ г. Бродлингъ, хорошо извѣстный читателямъ *Нивы* своими удачными рисунками изъ русской жизни.

Напрямки. (Рис. на стр. 277).

Пухлый снѣгъ рыхлою пеленою покрылъ землю и запорошилъ всѣ дороги. И вотъ, напрямки, черезъ кочки и овраги лихо несутся сани, увлекаемыя парою добрыхъ коней. Ловкій возничій только погоняетъ ихъ, а сѣдоки, въ лицѣ двухъ деревенскихъ молодицъ, лишь смѣются да покрикиваютъ при каждомъ толчкѣ на пути.

[1] Приведу здѣсь слова, сказанныя Бабаевымъ въ правленіи, послѣ того какъ правленіе встрѣтило рукоплесканіями его заявленіе объ этомъ пожертвованіи: „Гг., я не стою этой высокой чести, ибо судьба Всевышняго нами управляетъ, и я не могу уже считать, что это мои жертвы для обѣтнаго народнаго храма, но обязанность, ибо мы, крестьяне, когда получили свободу, то въ радостныхъ порывахъ дали обѣтъ Богу соорудить храмъ въ Москвѣ, во имя Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, въ память 19 февраля 1861 года. И вотъ прошло 30 лѣтъ, какъ мы всѣ какъ бы на время уснули, забыли наше слово, данное Богу, а не человѣку, забыли исполнить его; поэтому я сознательно говорю, что это не жертва, а исполненіе обѣта, а обязанность, не одна моя, но всѣхъ тѣхъ, которые спросятъ свое сердце. Всему свое время и есть всему предѣлъ. Кажется, что теперь пришла пора пробуждаться намъ отъ сна. Я надѣюсь, что многіе отзовутся на это святое дѣло. Вполнѣ увѣренъ въ васъ, господа. Вы, русскіе деоряне, здѣсь, передо мною, такъ высоко сознали это святое дѣло. Не откажитесь принести и вашу святую лепту на это святое дѣло и увѣковѣчимъ этимъ великій духовный памятникъ. Я не могу цѣнить ваше искреннее расположеніе. Да будетъ надъ нами Божіе благословеніе и да поможетъ Всевышній нашему святому предпріятію".

Библиотека "Руниверс"

Н. В. Исаковъ.

(Портр. на этой стран.).

Въ сравнительно короткое время смерть унесла отъ насъ не мало государственныхъ людей, такъ или иначе выдвинувшихся въ прошлое царствованіе. Достаточно назвать имена гр. Д. А. Толстаго, М. Х. Рейтерна, гр. П. А. Валуева, И. А. Шестакова. Къ этимъ именамъ теперь приходится прибавить и имя Николая Васильевича Исакова, члена Государственнаго Совѣта, бывшаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній и въ послѣднее время одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Россійскаго Общества „Краснаго Креста" и Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, который скончался 25 февраля текущаго года въ Петербургѣ отъ разрыва сердца. Дѣятельность этого почтеннаго ревнителя просвѣщенія тѣсно связана съ исторіею вѣдомства военно-учебныхъ заведеній, для которыхъ, состоя во главѣ ихъ около 20 лѣтъ, онъ сдѣлалъ весьма много, радѣя о поднятіи образованія въ русской арміи и принимая дѣятельное участіе въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ развитію офицеровъ согласно современнымъ требованіямъ. При немъ были учреждены педагогическіе курсы для приготовленія учителей въ военныя гимназіи, преобразованныя изъ кадетскихъ корпусовъ, и отдѣлены спеціально-военные классы отъ общихъ въ особыя заведенія. Къ концу періода управленія его военно-учебными заведеніями военныя и юнкерскія училища могли уже замѣщать своими выпусками до 80 процентовъ ежегодной убыли офицеровъ въ войскахъ, тогда какъ до начала этого времени выпусками изъ военно-учебныхъ заведеній пополнялись всего лишь около 30 процентовъ полнаго наличнаго штата офицерскихъ вакансій. Остальное число офицеровъ комплектовалось производствомъ войсковыхъ нижнихъ чиновъ. Особенно плодотворна была дѣятельность Н. В. Исакова какъ основателя Педагогическаго Музея прикладныхъ знаній, помѣщающагося въ Соляномъ Городкѣ и имѣющаго огромное воспитательно-образовательное значеніе. Н. В. Исакову также много обязано и Русское Техническое Общество, членомъ котораго онъ состоялъ до самой кончины, и главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ отвоевалъ въ 1870 году Соляной Городокъ отъ учрежденій и лицъ, намѣревавшихся обратить его въ больницу, казармы и т. п. По его мысли, къ существовавшимъ отдѣламъ Музея былъ присоединенъ и художественно-промышленный отдѣлъ, съ цѣлью проведенія идеи художественности въ произведеніяхъ промышленности и оказанія этимъ помощи русскому кустарному дѣлу. Онъ съумѣлъ привлечь барона Штиглица къ учрежденію центральной школы техническаго рисованія и, будучи предсѣдателемъ комитета Музея прикладныхъ знаній, благодаря своему спокойствію и безпристрастію, умѣлъ удовлетворять потребности каждаго изъ

Генералъ-отъ-инфантеріи Н. В. Исаковъ.
Съ фот. Левицкаго, грав. Пуцъ.

Севастополь. Ворота Братскаго кладбища. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

отдѣловъ Музея, уважая ихъ самостоятельность и находя средства не стѣснять одного для выгодъ другаго. Кромѣ того, нѣкоторое время онъ предсѣдалъ въ первомъ русскомъ съѣздѣ по техническому и профессіональному образованію и оказалъ огромныя услуги своими знаніями и опытностью съѣзду въ его работахъ. Почетное мѣсто долженъ занять И. В. Исаковъ и въ исторіи отечественнаго искусства. Еще состоя попечителемъ Московскаго учебнаго округа, по собственному почину и своими стараніями онъ перенесъ изъ Петербурга въ Москву коллекціи Румянцевскаго музея, учредилъ Московскій публичный музей и основалъ въ Москвѣ Общество древне-русскаго искусства, широко начертавъ планъ его дѣйствій и вмѣнивъ ему въ особенную обязанность: распространять научныя и практическія свѣдѣнія о древне-русской иконописи и древне-русскомъ пѣніи вообще и приводить въ извѣстность памятники обѣихъ этихъ отраслей древне-русскаго искусства; планъ этотъ затѣмъ былъ еще болѣе расширенъ. Первое время Московскій музей, при которомъ было основано названное общество въ 1864 г., не могъ сразу выступить съ начертанными И. В. Исаковымъ литературными и научными предпріятіями, тѣмъ не менѣе онъ и тогда своими нѣкоторыми изданіями, напримѣръ, собраніемъ фотографическихъ снимковъ съ миніатюръ греческихъ рукописей, находящихся въ Первопрестольной, поставилъ себя на одинаковую высоту съ однородными учрежденіями русскими и иностранными. Вообще, И. В. Исаковъ былъ дѣятель энергичный, честный, человѣкъ большаго ума, съ горячимъ сердцемъ, въ высшей степени гуманный, дѣйствіями котораго всегда руководила любовь къ русскому человѣку. Онъ умѣлъ и самъ трудиться много, умѣлъ привлекать къ „работѣ честной и живой" и другихъ.

Николай Васильевичъ Исаковъ, изъ дворянъ Московской губерніи, родился 11 февраля 1821 года и еще весьма малолѣтнимъ былъ помѣщенъ въ 1-й Московскій кадетскій корпусъ, откуда въ 1839 году поступилъ на непродолжительное время въ строевую службу. Окончивъ затѣмъ спеціальное образованіе въ Императорской Военной Академіи (нынѣ Николаевская Академія Генеральнаго Штаба), онъ, въ чинѣ капитана, во второй половинѣ 40-хъ годовъ участвовалъ въ нашей войнѣ съ кавказскими горцами и въ Венгерской кампаніи, отличился во многихъ дѣлахъ, а потомъ храбро сражался въ 1854 — 1855 гг. во время севастопольской обороны и за свои боевые подвиги былъ награжденъ многими орденами, разными отличіями и произведенъ, въ 1856 году, въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Прослуживъ недолго въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній и въ качествѣ члена Центральнаго Статистическаго комитета, причемъ также, въ 1858 году, онъ былъ командированъ въ Эстляндскую губернію для разслѣдованія причинъ крестьянскихъ волненій, И. В. Исаковъ былъ назначенъ, въ 1859 году, попечителемъ Московскаго учебнаго округа и тогда же членомъ Московскаго отдѣла главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. Черезъ три года онъ уѣхалъ за-границу, чтобы ознакомиться съ училищными системами въ главныхъ государствахъ Западной Европы и съ существующими тамъ вспомогательными по народному образованію учрежденіями. Результатомъ этой поѣздки было учрежденіе Публичнаго музея и библіотеки въ Москвѣ, гдѣ и нынѣ находится портретъ И. В. Исакова, поставленный въ память его трудовъ, по Высочайшему повелѣнію. Съ 1863 по 1881 годъ онъ занималъ постъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. 28 октября 1864 года Имп. Акад. Художествъ за несомнѣнныя заслуги его дѣлу русскаго искусства избрала его своимъ почетнымъ членомъ. Въ 1881 году генералъ-отъ-инфантеріи Исаковъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту экономіи и занималъ этотъ постъ до самой кончины. Въ августѣ 1889 года онъ праздновалъ 50-ти-лѣтіе своей служебной дѣятельности и по этому случаю былъ пожалованъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, при весьма милостивомъ Высочайшемъ рескриптѣ. И. В. Исаковъ состоялъ почетнымъ членомъ многихъ учебныхъ и благотворительныхъ обществъ. Высоко-христіанская кончина его, необыкновенно трогательная, причемъ онъ простился даже съ послѣднимъ изъ слугъ своихъ, краснорѣчиво говоритъ о прекрасныхъ душевныхъ качествахъ этого рѣдкаго человѣка и выдающагося дѣятеля.

П. Быковъ.

Севастополь. Братское кладбище. (Рис. на стр. 281).

Въ Крымскую войну, во время обороны Севастополя, свозили всѣхъ убитыхъ на Сѣверную сторону и хоронили на Братскомъ кладбищѣ. Какъ извѣстно, убитыхъ было очень много и рыть каждому могилу не было возможности; поэтому хоронили десятками въ одной общей братской могилѣ и такихъ могилъ на кладбищѣ множество. Послѣ войны построили церковь и надъ могилами памятники, которые, благодаря заботливой рукѣ и по сіе время отлично сохранились. Церковь построена въ видѣ пирамиды изъ инкерманскаго бѣлаго пористаго камня, который, пропуская и долго сохраняя сырость, испортилъ всю дивную живопись образовъ. Но въ настоящее время дана большая сумма на исправленіе внутренности церкви, и этою работой заняты итальянскіе мастера, которые воспроизводятъ всю живопись мозаикой. Кладбище, въ двухъ верстахъ отъ берега бухты, занимаетъ большую квадратную площадь. Всѣ могилы и дорожки обсажены деревьями и цвѣтами, не требующими искусственной поливки; поэтому, не смотря на знойное лѣто, братское кладбище представляетъ цвѣтникъ города Севастополя. Хоронятъ на кладбищѣ только съ Высочайшаго разрѣшенія. На предлагаемомъ рисункѣ изображена часть ограды и входныя ворота на кладбище. Всякій пріѣзжающій въ Севастополь считаетъ своимъ долгомъ осмотрѣть кладбище и поклониться праху славныхъ защитниковъ Севастополя.

Протоіерей І. І. Исполатовъ. (Портр. на стр. 284).

23 февраля 1890 года скончался старѣйшій изъ состоявшихъ на службѣ священнослужителей Петербурга, настоятель Благовѣщенской Василеостровской церкви и благочинный церквей Василеостровскаго округа, протоіерей Іоаннъ Іоанновичъ Исполатовъ, прослужившій въ священномъ санѣ болѣе 58 лѣтъ. Покойный родился въ іюнѣ 1811 года, образованіе получилъ въ духовномъ училищѣ и С.-Петербургской духовной семинаріи, откуда, какъ окончившій курсъ однимъ изъ лучшихъ ея воспитанниковъ, предназначался въ число студентовъ С.-Петербургской духовной академіи; но смерть отца, бѣднаго сельскаго діакона, и заботы о многочисленной осиротѣлой семьѣ вынудили молодаго человѣка бросить мысль о высшемъ академическомъ образованіи и принять въ 1832 г. мѣсто діакона Преображенской церкви на Аптекарскомъ островѣ. Прослуживъ 3 года въ санѣ діакона, почившій былъ посвященъ въ 1835 г. во священника къ той же церкви, гдѣ и прослужилъ до 1870 года, отличаясь ревностнымъ исполненіемъ пастырскихъ обязанностей и умѣлымъ преподаваніемъ Закона Божія въ существовавшей тогда школѣ лекарскихъ и аптекарскихъ учениковъ. Покойный протоіерей Исполатовъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что онъ велъ долгую и трудную борьбу за то, необходимость и цѣлесообразность чего была сознана спустя долгое время. Такъ, еще задолго до изданія Положенія о церковно-приходскихъ школахъ и до учрежденія складовъ и библіотекъ книгъ духовнаго содержанія, онъ въ 1840—1860 году постоянно хлопоталъ объ открытіи то той, то другой школы, въ коихъ безмездно обучалъ болѣе 20 лѣтъ, и устроилъ такую библіотеку при Аптекарской церкви, какой быть-можетъ не было при богатѣйшихъ церквахъ столицы. Въ 1870 году протоіерей Исполатовъ былъ перемѣщенъ на настоятельское мѣсто къ Смоленско-кладбищенской церкви, при которой и прослужилъ болѣе 8 лѣтъ и въ теченіе этого времени для благоустройства кладбища и церкви, по удостовѣренію его сослуживцевъ и посѣтителей, сдѣлалъ столько, сколько не сдѣлалъ цѣлый рядъ его предшественниковъ. Въ 1879 г. протоіерей Исполатовъ перешелъ настоятелемъ Благовѣщенской церкви, состоя при которой и умеръ. Насколько велико было уваженіе къ почившему его прихожанъ и духовенства, показываетъ масса его почитателей, приходившихъ поклониться его тѣлу, и тотъ сонмъ пастырей съ преосвященнымъ Владиміромъ, епископомъ Нарвскимъ во главѣ, который присутствовалъ на всѣхъ панихидахъ, при выносѣ тѣла и при отпѣваніи. Несмѣтная толпа народа запружала всю улицу около церкви и не уменьшилась вплоть до Смоленскаго кладбища, принявшаго въ свои нѣдра прахъ незабвеннаго для многихъ пастыря.

К. И. Максимовичъ. (Портр. на стр. 284).

Далеко немногочисленная семья русскихъ естествоиспытателей лишилась недавно одного изъ своихъ крупныхъ и дорогихъ представителей. Въ ночь на 5 февраля текущаго года скончался ординарный академикъ по каѳедрѣ ботаники и главный ботаникъ Императорскаго Ботаническаго сада въ Петербургѣ, тайный совѣтникъ Карлъ Ивановичъ Максимовичъ. Его имя пользовалось большою извѣстностью не только у насъ, но и во всей Европѣ, гдѣ онъ считается первымъ знатокомъ флоры восточной Азіи и Японіи и лучшимъ современнымъ ботаникомъ, систематикомъ и фитогеографомъ. Къ этому надо добавить, что онъ могъ похвалиться и прекраснымъ общимъ образованіемъ, отлично владѣлъ языками: нѣмецкимъ, французскимъ, англійскимъ и русскимъ, легко на нихъ изъяснялся и къ тому же умѣлъ прекрасно рисовать. Оттого-то всѣ его труды отличаются богатствомъ содержанія, чрезвычайной точностью и ясностью изложенія. Ученые труды свои онъ печаталъ въ изданіяхъ нашей Академіи Наукъ и въ разныхъ спеціальныхъ нѣмецкихъ изданіяхъ; изъ нихъ особенною славою пользуется его сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ: „Первенцы Амурской флоры", удостоенное Демидовской преміи, отрывокъ изъ котораго, подъ заглавіемъ: „Амурскій Край", изданъ также и на русскомъ языкѣ. Кромѣ того, замѣчательны его: „Рододендры Восточной Азіи", „Diagnoses breves plantarum novarum Japoniae et Mandshuriae", „Nachrichten vom Ussuri-Flusse", „Reise an den Sungari", „Plantae chinenses Potaniniianae nec non Piasezkianae" и друг. Передъ самою кончиною онъ обрабатывалъ богатую ботаническую коллекцію

Библиотека "Руниверс"

Н. М. Пржевальскаго. Петербургскій Ботаническій садъ, въ которомъ Максимовичъ прослужилъ болѣе 35 лѣтъ, весьма многимъ обязанъ ему и главнымъ образомъ тѣми рѣдчайшими экземплярами флоры монгольской, манджурской, тибетской и японской, которые онъ открывалъ и собиралъ во время своихъ продолжительныхъ путешествій.

Карлъ Ивановичъ Максимовичъ (Karl-Johann Maximovicz), сынъ чиновника, родился въ Тулѣ 11 ноября 1827 года, лѣтъ десяти былъ привезенъ въ Петербургъ, гдѣ и получилъ первоначальное и среднее образованіе въ Анненской школѣ. Затѣмъ онъ съ 1845 по 1849 годъ учился въ Дерптскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ кандидатомъ, и въ 1850 г. получилъ мѣсто помощника директора Дерптскаго ботаническаго сада. Состоя въ этой должности онъ, вмѣстѣ съ Шмидтомъ и А. А. Бунге (впослѣдствіи членомъ академіи), совершилъ ученое путешествіе по Лифляндіи въ 1852 г., а въ слѣдующемъ году былъ рекомендованъ профессоромъ Бунге академику К. А. Мейеру, который, въ качествѣ директора Императорскаго С.-Петербургскаго Ботаническаго сада, и принялъ его къ себѣ на службу. Здѣсь Максимовичъ занималъ мѣсто консерватора съ августа 1852 г. по ноябрь 1855 г., и съ августа 1864 г. по ноябрь 1869 г., послѣ чего, по новымъ штатамъ, назначенъ былъ главнымъ ботаникомъ, причемъ на него были возложены главнымъ образомъ занятія по систематической ботаникѣ; а съ октября 1870 г. въ его завѣдываніе поступили музей и біологическая лабораторія сада. Промежуточное время, т. е. съ ноября 1855 по ноябрь 1858 г. и съ марта 1859 по августъ 1864 года онъ состоялъ путешественникомъ при садѣ для ученыхъ путешествій. Эти путешествія онъ совершилъ два раза. Въ первый разъ онъ отправился 18 сентября 1853 г. на фрегатѣ „Діана", который заходилъ въ Ріо-Жанейро, Вальпарайзо, Гонолулу и въ августѣ 1854 г. прибылъ въ Николаевскъ-на-Амурѣ. Вскорѣ, однако, фрегатъ ушелъ въ Россію, по случаю возгорѣвшейся Крымской войны, а Максимовичъ остался продолжать ученую экскурсію. Перезимовавъ въ Маріинскѣ до самаго конца апрѣля 1855 г., онъ отправился вверхъ по Амуру до рѣки Дондона, вернулся въ Кизи и, опять поднявшись по Амуру, достигъ рѣки Уссури, а по ней дошелъ до впаденія рѣки Поры. Вернувшись тѣмъ же путемъ, 3 сентября 1856 г. въ Маріинскъ, онъ 8 іюля 1856 г. отправился по Амуру въ Усть-Стрѣлочный караулъ и продолжалъ обратный путь черезъ Сибирь, прибывъ въ Петербургъ 17 марта 1857 года. Отдохнувъ отъ поѣздки, но не отъ занятій надъ приведеніемъ въ порядокъ богатѣйшихъ коллекцій живыхъ и сухихъ растеній и рисунковъ, а равно и рукописныхъ матеріаловъ, онъ въ началѣ 1859 г. исходатайствовалъ новое Высочайшее соизволеніе на ученое путешествіе, въ которое и отправился 15 марта 1859 года, держа путь на Востокъ. Прибывъ въ Иркутскъ въ маѣ, онъ спустился на лодкѣ внизъ по Шилкѣ и Амуру, въ Благовѣщенскъ и дальше по устью рѣки Сунгари, достигъ устья р. Уссури и плылъ по ней безъ малаго 400 верстъ, послѣ чего прибылъ въ Николаевскъ. Отсюда въ началѣ февраля 1860 г. по льду р. Амура и Уссури добрался до станицы Буссовы; далѣе, весь 1861 г. провелъ въ Хакодате, долго былъ въ Іокагамѣ и Нагасаки и вообще все время до іюля 1864 года находился въ разъѣздахъ по Сибири, Амурской области и Японіи. Это второе путешествіе принесло еще бо́льшую пользу, и результатомъ его явились—цѣлый рядъ изслѣдованій Максимовича по флорѣ Востока и богатѣйшія коллекціи рѣдкихъ и многочисленныхъ видовъ растеній. 8 февраля 1865 года Императорская Академія Наукъ избрала его своимъ адъюнктомъ по каѳедрѣ ботаники. 16 февраля 1868 г. его утвердили экстраординарнымъ академикомъ, а черезъ три года избрали единогласно, на мѣсто умершаго Ф. И. Рупрехта, ординарнымъ академикомъ. Кромѣ помянутыхъ должностей, онъ занималъ еще мѣсто директора ботаническаго музея академіи, которою былъ командированъ за-границу, въ Лейденъ, Берлинъ, Вюрцбургъ и другіе города, для осмотра мѣстныхъ ботаническихъ коллекцій по азіатской флорѣ. Максимовичъ состоялъ въ IV классѣ съ 21 декабря 1874 г. и въ III классѣ съ 1 января 1890 г. и имѣлъ ордена: Св. Владиміра 3-й ст., Св. Станислава 1-й ст. и Св. Анны 1-й ст. Труды Максимовича и его значеніе въ русской наукѣ, далеко не богатой такими выдающимися учеными, еще не оцѣнены настоящимъ образомъ и онъ ждетъ своего біографа. Въ заключеніе нельзя не выразить удивленія, что въ нашихъ словаряхъ имя этого почтеннаго труженика науки, занесенное въ словари иностранные, совершенно отсутствуетъ.

П. Быковъ.

Политическое обозрѣніе.

7 марта исполнился ровно годъ, какъ князь Бисмаркъ удалился отъ государственныхъ дѣлъ. Большинство нѣмецкихъ газетъ обошли это событіе молчаніемъ; только свободомыслящіе органы печати доказываютъ, что безъ князя Бисмарка политическое положеніе дѣлъ только улучшилось. Не такъ думаетъ самъ желѣзный канцлеръ, и газеты, которыя, по слухамъ, вдохновляются имъ, неоднократно нападали на политику истекшаго года. Нынѣ получаются извѣстія, что князь Бисмаркъ хочетъ открыто выступить вновь на политическую арену, въ качествѣ депутата рейхстага. По крайней мѣрѣ изъ Гестемиде, близъ Гамбурга, сообщаютъ, что избирательный комитетъ національно-либеральной партіи издалъ прокламацію, предлагающую выборщикамъ 19-го ганноверскаго избирательнаго округа подавать голоса за князя Бисмарка. Избирательный комитетъ свободомыслящихъ выставилъ со своей стороны кандидатуру нѣкоего Адлова, капиталиста изъ Гамбурга.

Въ Парижѣ за послѣднее время замѣтно нѣкоторое возбужденіе среди буланжистовъ, которые какъ бы въ предсмертной агоніи продолжаютъ производить безпорядки, а также и между соціалистами и анархистами. Такъ, на-дняхъ, Деруледъ съ товарищами устроилъ слѣдующую патріотическую манифестацію. Многіе члены лиги патріотовъ, которую считали якобы не существующею, присутствовали въ театрѣ „Ambigu" на представленіи патріотической пьесы „Le régiment". Почти на всѣхъ лигистахъ были значки. Этимъ они хотѣли показать, что лига въ дѣйствительности существуетъ. Во время представленія они неоднократно шумѣли. Бурный восторгъ вызвали прочитанныя актерами патріотическія стихотворенія Деруледа. Во время картины, изображающей большіе маневры, кричали: „Vive Boulanger". При разъѣздѣ полиція произвела нѣсколько арестовъ, но немного спустя арестованныхъ освободили.

Вслѣдствіе этой манифестаціи прокурорскій надзоръ встревожился. Оказалось, что лига патріотовъ существуетъ de facto. Вечеромъ 8 марта въ пятомъ и тринадцатомъ округахъ произведены были домовые обыски и захвачены важные документы.

Анархисты собирались устроить манифестацію передъ Elysée Montmartre, гдѣ Ферри предсѣдалъ на банкетѣ Національной Ассоціаціи. Впрочемъ, банкетъ Національной Ассоціаціи прошелъ безъ инцидентовъ. Ферри въ своей рѣчи обратился къ республиканской молодежи съ совѣтомъ содѣйствовать обезпеченію прогресса и порядка; при нихъ Франція можетъ достигнуть въ мірѣ уваженія и дружбы, въ которыхъ она нуждается. Только при разъѣздѣ произошло нѣсколько манифестацій. Пять человѣкъ арестованы, но затѣмъ освобождены.

Въ Италіи министерство ди-Рудини все болѣе получаетъ одобренія страны за свои дѣйствія, и 9 марта палата, при обсужденіи исправленнаго бюджета на 1890—1891 годъ, вотировала 256 голосовъ противъ 96 неограниченное довѣріе министерству. Кромѣ того, ему удалось завершить дѣло, которое неоднократно разстраивалось при г. Криспи. 12 марта Рудини и лордъ Дефферинъ подписали протоколъ о разграниченіи областей вліянія Италіи и Англіи въ восточной Африкѣ. Установленная протоколомъ разграничительная линія простирается отъ устья рѣки Юба, прорѣзаетъ долину до 6 град. сѣв. шир., направляется на востокъ, по шестой параллели, до 35 град. вост. долг. Гринвича и слѣдуетъ вдоль 35 меридіана, до Синяго Нила. Такимъ образомъ, Эѳіопія, включая Каффу, съ другими южными территоріями входитъ въ область итальянскаго вліянія. Относительно станціи Кизмаю установлена полная равноправность между проживающими тамъ итальянцами и лицами, находящимися подъ покровительствомъ Италіи, и англичанами.

Въ Японіи, какъ извѣстно, дарована не такъ давно конституція. Однимъ изъ послѣдствій этого „блага" явилась борьба партій. Вотъ что пишутъ въ *Правительственный Вѣстникъ* по этому поводу изъ Токіо: „Съ 14 по 27 декабря японскій парламентъ пользовался новогодними вакаціями и теперь палата представителей приступила къ разсмотрѣнію рапорта бюджетной комиссіи, окончившей предъ тѣмъ свои работы въ смыслѣ крайне неблагопріятномъ правительственному проекту. Во время вакацій вопросы дня сдѣлались, такъ-сказать, областью уличныхъ политикановъ. „Соси", эта общественная язва современной Японіи, неистовствовали по городу, причиняя не мало безпокойства правительству, но не вызывая, однако, съ его стороны ни малѣйшаго проявленія энергіи. Такъ, партія этихъ негодяевъ ворвалась на-дняхъ въ клубъ, гдѣ совѣщалось 75 депутатовъ, и изранивъ и избивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, преспокойно удалилась, причемъ полиція не произвела ни одного ареста. На другой день толпа „соси" собралась въ саду министра сообщеній и требовала выдачи двухъ народныхъ представителей, находившихся въ то время у графа Гото, которые съ трудомъ избѣгли опасности быть схваченными этими сорванцами. Точно также „соси", вооруженные кинжалами, пытались на-дняхъ ворваться въ главную токійскую гостиницу „Hôtel Impérial", чтобы „наказать" находившихся тамъ депутатовъ за слишкомъ умѣренное отношеніе ихъ къ вопросу о сокращеніи бюджетныхъ расходовъ. При всемъ этомъ надо замѣтить, что благодаря разношерстной организаціи этой „черной банды", раздѣленной на группы, служащія не только различнымъ политическимъ партіямъ, но и нанимающимъ ихъ частнымъ лицамъ, трудно опредѣлить въ

Библиотека "Руниверс"

первую минуту, отъ чьего имени и въ чью пользу дѣйствуютъ „сеси", производя свои нападенія, такъ какъ жертвами ихъ являются то прогрессисты, то радикалы, то рѣдкіе сторонники правительства. Это разнообразіе и неопредѣленность въ политическихъ убѣжденіяхъ „сеси" дастъ поводъ къ самымъ страннымъ комментаріямъ мѣстной печати, нѣкоторые органы коей утверждаютъ даже, что во многихъ случаяхъ безпорядки производятся по заказу самихъ министровъ, съ цѣлью терроризировать враждебныхъ имъ депутатовъ, или просто для того, чтобы вызвать этимъ серьезныя смуты, могущія мотивировать радикальныя укротительныя мѣры".

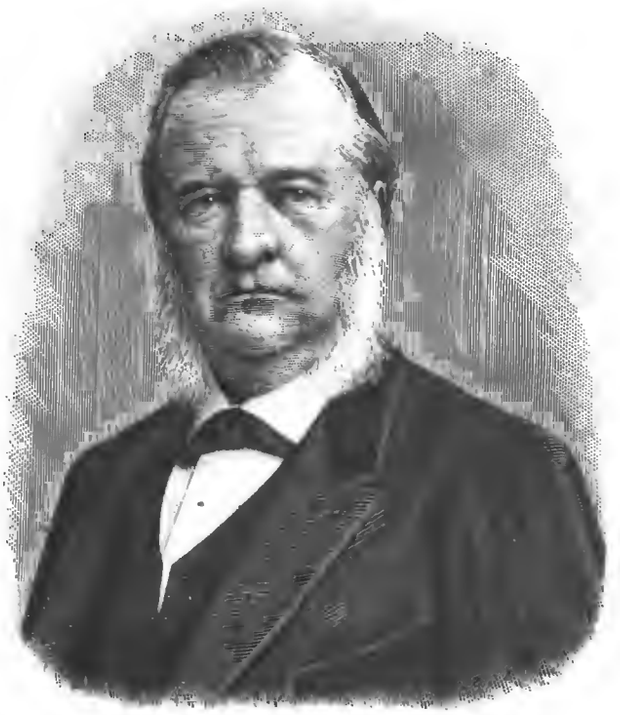
Въ ту же газету сообщаютъ изъ Ріо-Жанейро: „Бразильское учредительное собраніе, открытое 15 ноября (нов. ст.) въ Ріо-Жанейро, приняло, послѣ продолжавшихся болѣе двухъ мѣсяцевъ довольно бурныхъ преній, проектъ конституціи, сдѣлавъ въ немъ значительныя измѣненія. Наиболѣе горячія пренія были вызваны предложеніями: отложить вопросъ объ организаціи штатовъ до того времени, когда свобода выборовъ будетъ болѣе обезпечена; потребовать отъ министерства отчета о финансовомъ положеніи страны; предоставить штатамъ, помимо центральнаго правительства, вѣдать вопросъ о федеративной или централизаціонной формѣ правленія, а также вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства. Императору Домъ-Педро конгрессъ постановилъ даровать пенсію, размѣръ которой будетъ опредѣленъ обыкновеннымъ собраніемъ. Существенныя измѣненія введены въ конституцію относительно избранія президента, а именно избраніе двухъ степеней замѣнено прямымъ и срокъ полномочій сокращенъ до четырехъ лѣтъ. Оппозиція настолько окрѣпла, что рѣшительно отказалась утвердить мѣры временнаго правительства. Кабинетъ, ослабленный смертью одного изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ, генерала Веніамина Констава, подалъ въ отставку, которая и была принята".

Протоіерей І. І. Исполатовъ.
Съ фот. Лоренса, грав. Шюблеръ.

Библіографія.

Исторія государства Россійскаго въ изображеніяхъ державныхъ его правителей съ краткимъ пояснительнымъ текстомъ. **Рисунки** профессора исторической живописи Императорской Академіи Художествъ **В. П. Верещагина.** 1890.

„Исторія государства Россійскаго въ изображеніяхъ", проф. Верещагина, представляетъ собою хорошо изданный альбомъ, въ 70 рисункахъ изображающій судьбы Россіи въ лицѣ ея правителей. Расположивъ въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ руководителей нашего отечества, авторъ старался изобразить каждаго изъ нихъ въ связи съ однимъ, по наиболѣе важнымъ событіемъ его жизни и дѣятельности, притомъ въ такой обстановкѣ и съ такими аксессуарами, которые могутъ дать понятіе какъ о характерѣ изображаемаго правителя, такъ и о духѣ того времени, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ. По выраженію самого автора, рисунки его „могутъ быть разсматриваемы, какъ иллюстрированная хронологія, которая можетъ и заинтересовать изученіемъ русской исторіи, и облегчить его". Конечно, эта хронологія обнимаетъ собою только важнѣйшіе моменты государственной жизни Россіи; но за то, данная въ образахъ сильно дѣйствующихъ на воображеніе, она говоритъ многое, что не поддается слову и дѣйствительно можетъ и привлечь къ изученію русской исторіи, и облегчить его. Что касается художественности выполненія рисунковъ и самаго замысла ихъ, то за нее ручается имя автора. Рисунки имѣютъ нѣсколько идеальный характеръ, иногда почти аллегорическій, но при этомъ авторъ, знатокъ русской археологіи и исторіи, въ своихъ изображеніяхъ сохраняетъ внутреннюю историческую правду. Вообще, альбомъ проф. Верещагина принадлежитъ къ пріятнымъ явленіямъ въ своей спеціальной сферѣ.



Академикъ К. И. Максимовичъ. Съ фот. Класенъ, грав. Пуцъ.

Смѣсь.

Безопасная бритва. Въ магазинѣ К. Мальмъ (складъ резиновыхъ товаровъ и новостей) въ СПБ. (Большая Морская, № 34) получена американская бритва „Star" (медали на выставкахъ Нью-Іорка 1884, 85 и 86 и въ Санъ-Франциско), которою каждый самъ можетъ выбриться безъ помощи парикмахера и безъ опасности порѣзаться. Намыливъ совершенно обыкновеннымъ способомъ лицо, и поставивъ бритву нѣсколько наискось, какъ и всякую другую, спокойно и ровно вести ею по кожѣ лица. Повтореннымъ проведеніемъ бритвы по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ лица, достигается то, что корни волосъ дѣлаются совершенно гладкими и мягкими, что именно и представляется весьма желательнымъ. Послѣ употребленія, бритва вмѣстѣ съ рамами, прополаскивается подъ водопроводнымъ краномъ или въ полоскательницѣ водою, затѣмъ вынимаютъ лезвіе изъ рамы, чтобы то и другое тщательно вытереть полотенцемъ, лучше всего разъ навсегда опредѣленнымъ для этой цѣли. Затѣмъ составляютъ лезвіе въ ручку и обыкновеннымъ образомъ правятъ на ремнѣ, послѣ чего бритва опять вставляется въ рамы, звѣздочками кверху, чтобы во всякое время быть вполнѣ наготовѣ.

Бритва „Star" приготовлена изъ *самой лучшей стали* и вогнуто отшлифована по *новому патентованному* въ Англіи, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ способу и затѣмъ *намагничена.*

Выборъ женъ султаномъ. Еще въ прошломъ столѣтіи глава турецкаго государства, султанъ былъ обязанъ ежегодно избирать себѣ новую жену. Молодъ-ли, старъ, здоровъ-ли, боленъ султанъ,—законъ обязывалъ его ежегодно въ ночь рожденія Пророка, называемую турками „Кедиръ Гегесси", дѣлать выборъ жены. Существовалъ давнишній обычай, что въ эту ночь дѣвушки всѣхъ классовъ общества могли видѣть султана и быть ему представленными. Съ теченіемъ времени придворные чиновники перестали допускать бѣдныхъ дѣвушекъ, а допускали только тѣхъ, родители которыхъ занимали важное политическое или финансовое положеніе. Принимая подарки отъ родителей или опекуновъ допускаемыхъ дѣвушекъ, они ежегодно во время выбора получали порядочныя суммы. Объ этомъ донесли султану Мустафѣ (1757—1774), и онъ отказался выбрать жену изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя были ему представлены. Онъ приказалъ допустить всѣхъ желающихъ, и къ удивленію присутствовавшихъ бесевъ и пашей выбралъ бѣдную дѣвушку, продававшую цвѣты. Послѣ этого событія придворные въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ добросовѣстно отправляли свою должность, допуская только красивѣйшихъ дѣвушекъ и не прельщаясь вліяніемъ и подарками родителей богатыхъ. Обычай требовалъ, чтобы ежегодно представлялась 101 дѣвушка. Придворные чиновники давали имъ инструкціи относительно одежды. Она состояла изъ длиннаго бѣлаго льнянаго плаща, перекинутаго на римскій ладъ черезъ плечо, да сандалій на ногахъ; украшеній никакихъ не допускалось. Слѣдовательно, ухищренія туалета не могли обманутъ султана. Въ ночь церемоніи султанъ верхомъ отправлялся въ Сулейманову мечеть на Стамбульской сторонѣ у Золотаго Рога,

Библиотека "Руниверс"

окруженный своими адъютантами въ живописныхъ костюмахъ всѣхъ націй, подвластныхъ ему, и въ сопровожденіи блестящей свиты изъ высшихъ чиновъ двора, министровъ и пашей въ парадной формѣ. На эстрадѣ строился павильонъ, обитый ярко-краснымъ бархатомъ съ золотомъ, съ „турахъ", или монограммой султана, которая представляетъ собою офиціальный гербъ Турціи и находится на каждомъ углу павильона. Въ павильонѣ ожидаютъ султана шейхъ-уль-Исламъ и наслѣдникъ престола, а вокругъ павильона тѣснымъ кружкомъ стоятъ дѣвушки, каждая съ полотенцемъ въ рукахъ. Послѣ короткой молитвы наслѣдникъ престола подходитъ къ султану и, преклоняя колѣни, подаетъ ему пару голубей съ просьбой принести ихъ въ жертву Всемогущему и призвать этимъ Его благословеніе на выборъ, чтобы избранная дѣвушка была вѣрною супругой, любящею матерью, украшеніемъ короны и примѣромъ для всѣхъ женщинъ. Затѣмъ султанъ беретъ ножъ и на колѣняхъ приноситъ въ жертву голубей, призывая имя Пророка. Послѣ этого онъ умываетъ руки въ золотомъ тазу, который держитъ шейхъ-уль-Исламъ. Султанъ обыкновенно не особенно спѣшитъ кончить омовеніе и даже наоборотъ медлитъ, внимательно осматривая дѣвушекъ. Выборъ не такъ простъ—всѣ онѣ красивы, всѣ какъ на подборъ. Не одно маленькое сердечко бьется во время этого осмотра. По разсказамъ, иные султаны очень долго моютъ руки, иные дѣлаютъ выборъ въ нѣсколько минутъ. Обыкновенно, чѣмъ моложе султанъ, тѣмъ скорѣе онъ моетъ руки. Наконецъ, сдѣлавъ выборъ, султанъ выходитъ изъ павильона, подходитъ къ избранной дѣвушкѣ, беретъ изъ ея рукъ полотенце и вытирается имъ. Тотчасъ дрожащая дѣвушка, избранная этимъ дѣйствіемъ въ супруги повелителя страны, закрывается фатой и отводится въ готовую карету съ матовыми стеклами, которая отвозитъ ее во дворецъ. Султанъ, принявъ поздравленія отъ придворныхъ чиновъ и знати за мудрый выборъ, ѣдетъ обратно въ сераль при звукахъ военной музыки и кликахъ народа. (к.)

Ѳ. Г. Бабаевъ. Съ фот. грав. Шюблеръ. (См. стр. 275).

Грандіозное представленіе. Г. Данези ставитъ на Парижскомъ ипподромѣ пьесу „Неронъ". Издержки на постановку простираются до 1,000,000 франковъ. Актеровъ, музыкантовъ, статистовъ, конныхъ и пѣшихъ, изображающихъ гладіаторовъ, воиновъ, христіанъ и язычниковъ участвуетъ въ пьесѣ до 1,000 человѣкъ: въ числѣ ихъ и 60 итальянскихъ балеринъ, уже отправившихся въ Парижъ. Пьеса въ трехъ актахъ. Въ первомъ будетъ представленъ тріумфъ Нерона и празднества съ танцами. Во второмъ—будетъ воспроизведенъ Римскій циркъ. На аренѣ послѣ гладіаторскихъ боевъ являются христіане, отданные на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Для этого акта привезено 16 львовъ. Вокругъ арены поставятъ рѣшетки для безопасности зрителей. Посредствомъ оптическаго обмана будетъ достигнуто, будто львы выходятъ изъ своихъ клѣтокъ подъ землею на арену и какъ бы дѣйствительно растерзываютъ предназначенныя имъ жертвы. Хотя достиженіе полной иллюзіи сопряжено съ большими затрудненіями, однако г. Данези надѣется преодолѣть ихъ съ помощью спеціалистовъ и техниковъ. Въ третьемъ актѣ будетъ изображенъ пожаръ Рима и знаменитая смерть Нерона. Къ этому грандіозному зрѣлищу прибавляется еще музыка Лало, творца „Roi d'Ys". (к.)

Въ восточномъ вкусѣ. Калифъ Бассорскій Бенъ-Седимъ, заболѣвъ, позвалъ слугу и приказалъ ему сходить ко врачу за лѣкарствомъ. Между господиномъ и слугой произошелъ при этомъ слѣдующій характерный разговоръ:

— Ступай и принеси мнѣ лѣкарство отъ врача!

— А если врача не будетъ дома?

— Тогда ты зайди къ другому.

— А если я застану врача дома, да онъ мнѣ не дастъ лѣкарства?

— Дастъ. Вотъ тебѣ для этого золотая монета.

— Хорошо, положимъ, дастъ, но если лѣкарство не поможетъ?

— Плутъ! Чѣмъ болтать, лучше дѣлай, что тебѣ приказано!

— Дорогой господинъ! Можетъ случиться, что и лѣкарство поможетъ, да что-жь изъ того? Всѣ мы должны умереть. Сегодня или завтра—не все-ли равно?

— Ты правъ. Можешь не ходить! (к.)

Увѣсистый маркграфъ. Въ Ансбахскомъ замкѣ находится портретъ, на оборотной сторонѣ котораго стоитъ слѣдующая надпись:

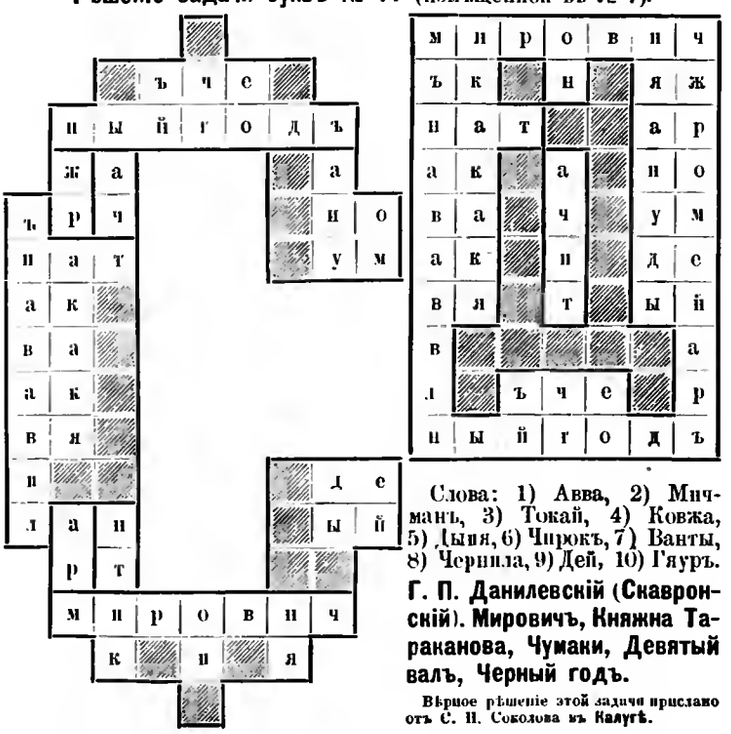
„Свѣтлѣйшій князь и господинъ Георгъ-Фридрихъ, маркграфъ Бранденбургскій, скончался въ чистый вторникъ 10 апрѣля 1602 года. Его печень вѣсила 5 фунтовъ, легкія—4 фунта, сердце—полфунта, желудокъ былъ длиною въ 2 пядени и вмѣщалъ 6 штофовъ. Все тѣло вѣсило 4 центнера; ростомъ покойный былъ въ сажень". (к.)

Британскій музей недавно пріобрѣлъ интересный китайскій банковый билетъ, относящійся къ первому или одному изъ первыхъ годовъ правленія родоначальника династіи Мингъ. Историческое значеніе этого билета очень велико, ибо онъ гораздо древнѣе перваго европейскаго банка, основаннаго въ Барселонѣ въ 1401 году. Первые банковые билеты въ Европѣ были выпущены въ 1668 году Стокгольмскимъ банкомъ, т. е. почти на 3 столѣтія позже названнаго китайскаго. Только штемпелеванные кусочки кожи, выпущенные императоромъ Фридрихомъ II въ 1241 году при осадѣ Фаэнцы, древнѣе китайскаго банковаго билета. (к.)

Покровительство животныхъ въ Азіи. Древній арабскій сборникъ законовъ Химъяритовъ, написанный въ правленіе вице-короля Абрага (537—570 по Р. Х.), содержитъ слѣдующее постановленіе: „Тѣ, которые во гнѣвѣ безсердечно бьютъ свою упряжную скотину, если они въ этомъ уличены, получаютъ 30 ударовъ, дабы лично испытать всю тяжесть жестокаго обращенія, ибо и животныя, хотя они и безсловесны, терпятъ при побояхъ одинаковую боль съ людьми". (к.)

Въ Америкѣ отчеканенъ новый видъ монеты. Серебряный долларъ былъ неудобенъ для обращенія по причинѣ величины, золотой—наоборотъ былъ слишкомъ малъ. Вслѣдствіе этого отчеканены новые серебряные кружки, стоимостью въ 25 центовъ, съ отверстіемъ въ серединѣ, въ которое вставлены золотыя пластинки, стоимостью въ 75 центовъ. Новыя монеты красивы и удобны для обращенія. (к.).

Рѣшеніе задачи буквъ № 14 (помѣщенной въ № 7).



Слова: 1) Авва, 2) Мичманъ, 3) Токай, 4) Ковжа, 5) Дыня, 6) Чирокъ, 7) Ванты, 8) Чернила, 9) Дей, 10) Гяуръ.

Г. П. Данилевскій (Скавронскій). Мировичъ, Княжна Тараканова, Чумаки, Девятый валъ, Черный годъ.

Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано отъ С. Н. Соколова въ Калугѣ.

Библиотека "Руниверс"

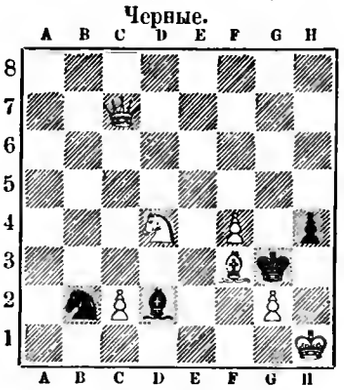
ШАХМАТЫ

подъ редакціей **Э. С. Шифферса.**

Задача № 22.

E. Palkoska (изъ Světozor'a).

Черные.



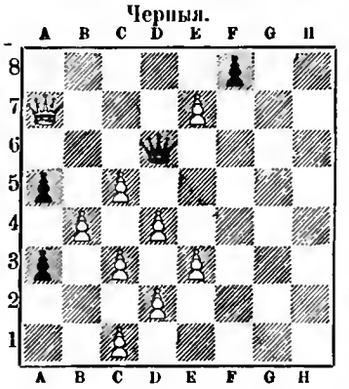
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 23. Шашечная.

В. И. Шошина (СПбургъ).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

Съ нѣкотораго времени въ гор. Ригѣ существуетъ шахматный клубъ. Извѣстный сильный русскій шахматистъ А. А. Ашаринъ 1 марта с. г. сыгралъ тамъ 20 одновременныхъ партій, давая въ 6-ти изъ нихъ ладью и въ одной коня впередъ. Въ 8¼ час. веч. началась игра; въ 10 часовъ Ашарину была сдана первая партія на 13-мъ ходу; въ 3¼ час. утра — послѣдняя, на 60-мъ ходу. Результатъ былъ: Ашаринъ выигралъ 14 партій, проигралъ 5 и одну сдѣлалъ ничьей; это былъ первый его опытъ въ одновременной игрѣ (Massenspiel).

Недавно подобное зрѣлище происходило въ Берлинѣ (Шаллопъ игралъ 30 партій одновременно, изъ коихъ выигралъ 25, проигралъ 2 и 3 привелъ къ ничьей) и 2 раза въ Петербургѣ (М. Чигоринъ первый разъ изъ 16-ти выигралъ 14, а второй разъ — всѣ 10). Что о таковыхъ партій главнымъ образомъ находится въ зависимости отъ быстроты игры и отъ количества любителей шахматной игры, пожелавшаго состязаться съ маэстро. Покойный И. Цукертортъ въ шутку говаривалъ, что будь онъ хорошимъ велосипедистомъ и позволь время, — онъ взялся-бы играть подобнымъ образомъ на военномъ полѣ, заставленномъ тысячами шахматныхъ столовъ съ любителями. Цукертортъ игралъ однажды (назначилъ 20, но не нашлось 4-хъ игроковъ) 16 одновременныхъ партій *не глядя на доску* (à l'aveugle). Въ Петербургѣ М. И. Чигоринъ игралъ неоднократно 10 партій не глядя, весьма успѣшно и вѣроятно при большемъ оживленіи интереса у любителей могъ-бы играть и больше.

Въ скоромъ времени начнется матчъ между С. И. Полнеромъ и Э. С. Шифферсомъ. Побѣдителемъ матча будетъ выигравшій первымъ 5 партій (ничьи не считаются). Игра будетъ происходить въ помѣщеніи „Собранія экономистовъ", д. гр. Игнатьева, № 32/с, уголъ Симеоновскаго просп. и Фонтанки. Ходъ матча, его результатъ и болѣе интересныя партіи будутъ своевременно сообщены въ „Нивѣ".

Текущія партіи по телеграфу между В. Стейницемъ (Нью-Іоркъ) и М. И. Чигоринымъ (С.-Петербургъ).

(Продолженіе).

I. Гамбитъ Эванса.

С.-Петербургъ. Бѣлые.	Нью-Іоркъ. Черные.
29. Ф. a8 — a4	Кр. e8 — d8
30. Л. d1 — d2	

II. Дебютъ 2-хъ коней.

Нью-Іоркъ. Бѣлые.	С.-Петербургъ. Черные.
29.	Л. a8 — e8
30. С. e5 — f4	К. f5 — d4

ПОПРАВКА.

Въ № 11 „Нивы", на стр. 258, въ 1-мъ столбцѣ, строка 9-я снизу, вкралась опечатка: Вмѣсто *Коржина* слѣдуетъ читать: Коффина.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Вслѣдствіе того, что въ текущемъ году „Нива" печатается **въ значительно** большемъ количествѣ экземпляровъ чѣмъ во всѣ предъидущіе годы, контора вынуждена увеличить плату за объявленія помѣщаемыя въ „Нивѣ" и **съ 1-го апрѣля 1891 года** будетъ взимать вмѣсто 75 копѣекъ — **1 рубль** за строку нонпареля.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотвореніе Я. П. Полонскаго. — Мальтійская цѣпь. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ князя М. Н. Волконскаго. Ч. III. (Продолженіе). — Воровка. Разсказъ Ж. Берръ-де-Тюрижъ. — Пожары и отарытое русскимъ крестьяниномъ средство для „побѣдоносной" борьбы съ ними. Очеркъ В. В. Иванова (съ портр.). — Къ рисункамъ: Суздаль (съ рис.). — Надъ Босфоромъ (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Катерина" Шевченка. (съ рис.). — Молодая англичанка (съ рис.). — Первый пароходъ на Камѣ (съ рис.). — Напрямки (съ рис.). — Н. В. Исаковъ (съ портр.). — Севастополь. Братское кладбище (съ рис.). — Протоіерей Исполатовъ (съ портр.). — К. И. Максимовичъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Библіографія. — Смѣсь. — Задачи. — Шахматы. — Заявленіе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЛАНОЛИНЪ.

Косметическое средство для смазыванія кожи у взрослыхъ и дѣтей.

Продается во всѣхъ аптекахъ. Р. № 5090

ДВѢ ГОСТИННИЦЫ ВЪ ХАРЬКОВѢ

Большая Гостинница „РОССІЯ" *на Екатеринославской ул.* №№ отъ **60** к. до 5 р. **Устривается подъемная машина.**

Гостинница „РУФА" *на Рыбной ул.* 10—1 Ц. № 5081 №№ отъ 75 к. до 5 руб.

50 комнатъ. Первоклаcс. рестораны. Лучшія кухни. Омнибусы. Ванны. Телефоны. Русскія и иностранныя газеты. **САМЫЯ УМѢРЕННЫЯ ЦѢНЫ** на всѣ предметы. Полный комфортъ. *При болѣе продолжительн. пребываніи цѣны по соглашенію.*

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египет. мостовъ, домъ № 7—2. № 4961 26—6

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ И МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СБОРНИКЪ НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ГИМНОВ всѣхъ странъ свѣта

роскошное изданіе in 4°. 400 стран., съ оригинальными текстами и гербами въ краскахъ (для фортепіано въ 2 руки)

одобр. и рекоменд. по военному вѣдомству Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба

Составилъ по оффиціальнымъ документамъ

П. А. ЩУРОВСКІЙ,

бывшій капельмейстеръ русской оперы ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ.

Цѣна 15 руб.

Складъ изданія и продажа: СПБ. Невскій, д. 138, контора газеты „СВѢТЪ". Кромѣ своего оффиціальнаго значенія, это роскошное изданіе можетъ служить прекраснымъ подаркомъ къ наступающимъ праздникамъ и составитъ украшеніе любой гостиной, какъ кипсекъ. Mt. № 5083 3—1

ЕДИНСТВЕННЫЕ ВПОЛНѢ НЕПРОМОКАЕМЫЕ КАУЧУКОВЫЕ БРЕЗЕНТЫ

плащи для возчиковъ, сторожей и пр.

НАДХОМУТНИКИ

№ 5091 для лошадей. 12—1

Ф. РЕДДАВЕЙ и К°.

Москва, Рыбный пер., Старо-Гостинный дворъ, № 38.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ Вѣнѣ ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 16—9

Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у **В. Аурихъ** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ІИСУСЪ

(сынъ Навина) Повѣствован. изъ библейск. временъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА.** Перев. съ нѣм. съ 58-ю грав. въ текстѣ, по рис. художн. **А. Земцова.** С.-Петербургъ 1890 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 20 коп.

АРМАТУРЫ ДЛЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАГО ОСВѢЩЕНІЯ

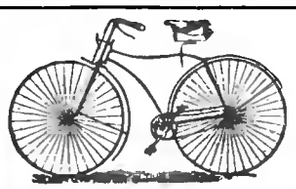
изящно выполненныя и въ большомъ выборѣ имѣются на складѣ

у

М. ГИЦЛЬ ПРЕЕМНИКЪ Р. КОЛЬБЕ,

Невскій проспектъ, № 54.

Главный представитель Саксонскаго завода бронзовыхъ издѣлій въ Вурценѣ. № 5068 3—2



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.

ФРАНКФУРТЪ Н/М.

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

„ОРЕЛЪ".

Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиною „Кюженъ" (подушка) и „пневматическій". Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5038 24—4

Библиотека "Руниверс"

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ
ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,

одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы: замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣваетъ ее за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственн. скл. у И. Ф. Карата ева, Невскій пр. Милютинъ рядъ № 18, въ С.-Петербургѣ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается безплатно. № 5081

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ
ЖЖЕНЫЙ КОФЕ
ГВЕРСКАЯ, Г. ТИБЕ САЗИМСКАГО ПОДВОРЬЯ
Д. ГИППІУСЪ, ВЪ МОСКВѢ.
КОФЕ ПО ПИСЬМУ ТЕЛЕГРАМ ВЫСЛАЕТ НАЛОЖЕН. ПЛАТЕЖ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО
Л. ФОРШТРЕМЪ
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ.
Ц. № 5052 10-1

Леченіе Заиканія
Профессоръ Берканъ
СПБ. Николаевск. ул., д 4, кв. 1

ВЫИГРЫШНЫЕ

Дворянскіе з. л. съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р. Выигрышъ со дня задатка принадлеж. покупателю. Проц. уменьш. съ долгомъ. Государственные закладные листы обезпечиваются всѣми имѣніями заложенными въ Госуд. Дворянскомъ Банкѣ и всѣми средствами Правительства. № 5086 6-1

1-го МАЯ
с. г. тираж съ 1 выигрышемъ въ
200,000 р.

1 выигрыш. въ . . . . . 75,000 р.
1 „ „ . . . . . 40,000 „
1 „ „ . . . . . 25,000 „
и 296 выигрыш. на сумму 260,000 „

Оплата выигрышей и купоновъ въ Государств. Банкѣ. Невыигравшіе закл. листы не теряютъ своей цѣны.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
59, Невскій, собств. домъ, СПБ.,

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ

велосипедъ системы Свифтъ 100 р.; № 1-й 185 р. СПБ., Спасская ул., д. 35, Абрикосовъ. Прейсъ-курантъ на почт. марку высылаю. № 5079

СТРАХОВАНІЕ
ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ
ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ
„РОССІЯ“
Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.

Примѣръ: лицо 47 лѣтъ заключаетъ страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти во время **путешествій, поѣздокъ, прогулокъ, на охотѣ, на водѣ, на льду, при пожарахъ и т. п.**—вообще вездѣ, **дома и внѣ дома**, уплачивая годичный страховой взносъ въ 37 руб. 50 коп.

За такой взносъ Страховое Общество „Россія“ гарантируетъ при несчастномъ происшествіи:

1. **Въ случаѣ смерти**—семьѣ умершаго или другому ранѣе указанному лицу **капиталъ въ 6,000 руб.**
2. **Въ случаѣ увѣчья** или вообще лишенія способности къ труду на всю жизнь, — самому пострадавшему пожизненную **пенсію до 800 руб.**
3. **Въ случаѣ временной неспособности къ труду** — ему же **суточное вознагражденіе до 6 руб.**

Страхованія могутъ быть заключаемы **съ условіемъ возврата всѣхъ уплаченныхъ взносовъ** при достиженіи страхователемъ 65-ти-лѣтняго возраста или въ случаѣ его преждевременной смерти.

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи **въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и въ Агентствахъ Общества **во всѣхъ городахъ Имперіи.**

№ 5017 4-3

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“
Измайловскій проспектъ, № 27.
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 годъ.
О-ДЕ-КОЛОНЪ двойной превосходный.
О-ДЕ-КОЛОНЪ тройной самый высшій сортъ.

О-ДЕ-КОЛОНЪ № 4 (экстрактъ)
качествомъ нисколько не уступающій иностранному производству.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точности фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.
Произведенія С.-Петерб. Химич. Лаб. въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптекарскихъ магазинахъ. Ft. № 5032 2-2

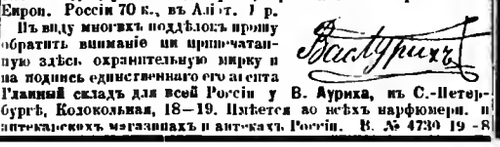
ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
ДЕНЬ
на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 60 к.
За границу на годъ 10 р.
№ 4792 (13)
Объявленія по 10 к. за строку.
Адресъ: С.-Петербургъ, Преображенская, д. 12 (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Скворцовъ. кн. разсказовъ и очерковъ. Издатель А. А. Греве.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,
БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Способъ приготовленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цѣна: флакону 1 р. 65 к., **бензоевое мыло** 35 к. и 50 к. кусокъ, **опо-помада** (лучше кольдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.

Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на прилагаемую здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента



Главный складъ для всей Россіи у В. Аурика, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19-8

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ
двухъ- и трехъ-колесные
ВЕЛОСИПЕДЫ.
Прейсъ-курантъ безплатно.
ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,
Садовая ул., 22, С.-Петербургъ.

САМОУЧИТЕЛИ И НОТЫ
для всѣхъ инструментовъ. 10—8
Народная школа д. гармоніи 7 кл., ц. 75 к.
Самоучит. д. гармоніи 8 кл. и 10 кл. по 1 р.
Школа д. 2-рядн. гарм. въ 17, 19 и 21 кл., ц. 1 р.
Школа для 3-хъ-рядн. гармоніи, ц. 75 к.
Самоучитель для скрипки, ц. 1 р. 50 к.
Любавинъ, Самоучитель д. гитары, 1, ц. 1 р. и для всѣхъ прочихъ инструментовъ.
у КУЛИКОВА, Москва, Маросѣйка.

196 МОДУЛЯЦІЙ
(Переходы изъ тона въ тонъ) въ хроматическомъ порядкѣ, для фортепіано. Цѣна 1 р. 20 к. Изданіе книжно-музыкальнаго магазина
В. Д. Кашкина въ Орлѣ.

НАСТОЯЩІЕ
ДЖУТОВЫЕ НОСКИ И ЧУЛКИ
безъ шва
НЕЗАМѢНИМОЙ ПРОЧНОСТИ
только въ магазинѣ Ю. ГОТЛИБЪ, С.-Петербургъ, по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго пр. Цѣна носкамъ 5 р., чулкамъ 7 р. за дюжину. Самые тонкіе носки 6 р., чулки — 9 р. дюж. За пересылку прилагается 1 руб. Торговцамъ уступка. При пересылкѣ необходима мѣра подошвы.
ПРЕДОСТЕРЕГАЮ гг. покупателей, что нѣкоторыя торговцы продаютъ другіе сорта за джутовые. Mt. № 504

Библиотека "Руниверс"

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (33) № 4366

МИНІАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

ЛИЛИПУТЪ

Безъ фирмы и фабрич. клейма подѣлки.

со шнурк. въ замшевомъ кошельк. 8 р. 50 к.
съ пересылкою . . 9 „ — „

„Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и К°.
Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ
Парижъ, Aven, d. l. Républ. 4.
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высылается безплатно.

СБЕРЕГАТЕЛЬ САПОГЪ.

Сохраняетъ подошвы и каблуки отъ изнашиванія и покрашенія. Легко придѣлать. Сберегаетъ въ 20 разъ болѣе стоимости. 4 колл. 1 р. 20 коп., пересылка 2 фунт 10 „ 2 р. 50 коп., 100 колл. 20 руб. Продается во всѣхъ магазинахъ и лавкахъ и высыл. налож. платеж. изъ склада для Россіи.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невскій пр., № 20.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блоккъ, С.-Петербургъ. Невскій, 59-57, соб. домъ.

В. № 4731 24—13

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурахъ: С.-Петербургъ. Колокольная. 18—19

№ 4612 (34)

Только что вышелъ изъ печати и разосланъ подписчикамъ **второй томъ** сочиненія **Ѳ. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“,

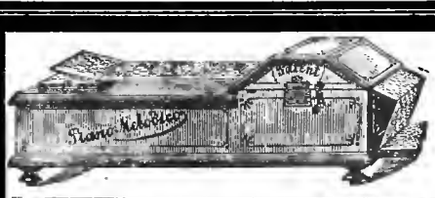
заключающій въ себѣ 707 стр. текста, **125 художественно исполненныхъ гравюръ** и политипажей съ изображеніемъ древесныхъ породъ и ихъ частей, а также культурныхъ орудій, и **17 эстамповъ на мѣди.**

Цѣна этому тому: для подписавшихся на все сочиненіе **8 руб.**, а въ отдѣльн. продажѣ **10 р.**, съ пересылкою иногороднымъ **10 р. 60 к.**

Подписка на всѣ три тома «Русскаго лѣса» продолжается и каждый новый подписчикъ тотчасъ-же получаетъ уже вышедшіе два тома сочиненія. **Подписная цѣна** на всѣ три тома **14 рублей.** По выходѣ 3-го тома цѣна изданію **будетъ возвышена.**

Для гг. лѣсничихъ и вообще лицъ, служащихъ по М-ству Г. И., желающихъ подписаться на всѣ три тома, **допускается разсрочка** на слѣдующихъ условіяхъ: При подпискѣ вносится **3 р.** и затѣмъ въ слѣдующіе 11 мѣсяцевъ по **1 р.** ежемѣсячно. Взамѣнъ денегъ могутъ быть высылаемы на равную сумму почтовыя марки. При подпискѣ въ разсрочку необходимо представить **ручательство** одного изъ слѣдующихъ трехъ лицъ: Его Пр—ства **Ѳ. К. Арнольда,** г. **В. А. Тихонова.** или г. **Управляющаго** Государственн. Имуществами губерніи. Вышедшіе 2 тома будутъ высланы тотчасъ-же по полученіи перваго взноса въ 3 руб.

Требованія просятъ адресовать на имя издателя **А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургъ, Невскій. д. 6.**



ПІАНО-МЕЛОДИКО.

Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы.

Цѣна безъ нотъ 80 руб. Ноты по 70 коп. за метръ (=1½ арш.).

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія попурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Маноланъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленіе для громкой и тихой игры. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами 70 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 85 фунт. Списки пьесъ, а также иллюстрированн. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—безплатно. № 507

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. | Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHA LES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (103)

БРОКАРЪ и К°.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ Р. № 5087 2—1

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Тоямазовъ пер., д. 1, кв. 9.

!БЕЗЪ ВРЕДА ВСЯКІЙ МОЖЕТЪ ТЕПЕРЬ!

самъ себя брить новоизобрѣтенною

БЕЗОПАСНОЮ БРИТВОЮ

„СТАРЪ“

употребленіе коей особенно облегчаетъ бритье, а съ гигіенической точки зрѣнія составляетъ дѣйствительно важное изобрѣтеніе, ибо каждый можетъ ею бриться. Бритва „Старъ“ выдѣлана изъ самой чистой шлифованной и магнетизированной новымъ, патентованнымъ способомъ, бѣлой стали.

Магнетизмъ, присутствіе котораго легко замѣчается, приблизивъ стальное перо, удаляетъ всякое раздраженіе кожи и мускуловъ лица и улучшаетъ бритье ножа частымъ его употребленіемъ, въ противоположность обыкновеннымъ бритвамъ, которыя должны быть отточиваемы опытными точильщиками. Съ каждымъ новымъ употребленіемъ бритвы „Старъ“ бритье становится острѣе, а кожа дѣлается мягче.

При каждой бритвѣ приложено объясненіе способа употребленія.

Только что получена изъ Америки.

Константинъ Мальмъ.

Складъ резиновыхъ издѣлій и новостей.
3—1 Большая Морская, 34. № 5077
Цѣна съ пересылкою 5 руб.

PARIS

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré renfermant toutes les modes nouvelles pour la SAISON D'ÉTÉ, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie PARIS.

sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiques dans le Catalogue

№ 5080 4—1

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ДЕПО ЧАСОВЪ

поставщ. Двора Его Импер. Величества № 4968
12—3 Москва, Мясницкая, д. 13.

В. ФРЕЙМУТЪ.

Собственной фабрики зол., сер. карм. часы. Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ Б. Морская, 21.

При этомъ № прилаг. для г.г. иногородныхъ подписчиковъ (за исключен. московскихъ) прейсъ-курантъ отъ технолога А. К. Визенталь въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 20 марта 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | № 13 | г. XXII | 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 30 марта 1891 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ" принимаются за строку нонпарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 25 к.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 c.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. И. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Общій видъ Люксембурга. Съ фот. грав. Шеръ.

Библиотека "Руниверс"

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

VIII.

Чему училъ pater.

Чѣмъ больше обдумывала баронесса выслушанный ею совѣтъ, тѣмъ яснѣе становилось ей, что надо дѣйствовать, что она не имѣетъ права „малодушничать", и разъ судьба дѣлаетъ ее орудіемъ казни человѣка, который оскорбилъ ее, она не должна щадить себя.

Брошенное въ нее сѣмя росло съ поражающею силой.

Она попробовала составить черновое письмо. Написалось сразу очень хорошо.

„Я, неопытная бѣдная женщина, вдова, стояло въ этомъ письмѣ по-французски, — беззащитная, имѣла неосторожность вступить въ переписку съ мальтійскимъ морякомъ, графомъ Литтою. Въ настоящее время онъ исчезъ изъ Петербурга такъ странно, такъ внезапно, не сообщивъ мнѣ о томъ, не простясь, что это заставляетъ меня серьезно опасаться за послѣдствія. Повторяю—я слабая женщина и кому же, кромѣ меня самой, вступиться за меня? Говорятъ, графъ Литта въ Гатчинѣ... Если это такъ, то я умоляю заставить его вернуть мою переписку, ибо тутъ замѣшана честь моя, которая дорога, разумѣется, всякой женщинѣ... Я знаю, что ваша свѣтлость—защитникъ слабыхъ и покровитель несчастныхъ; умоляю васъ помочь мнѣ и простить, что прибѣгаю къ вамъ съ такимъ щекотливымъ, лично касающимся меня дѣломъ; но положеніе мое безвыходно и одна мысль о томъ, что письма мои въ рукахъ пропавшаго для меня навсегда человѣка—приводитъ меня въ такой ужасъ, что минутами я готова наложить на себя руки".

„Не слишкомъ-ли ужъ это? подумала Каннихъ.— О, ничего,—тѣмъ хуже для него".

Перечитавъ письмо, она нашла его удачнымъ, и невольно подумала, что ею руководило особенное вдохновеніе.

Письмо было адресовано Зубову.

„Или самой отвезти? мелькнуло снова у Каннихъ.— Да, конечно самой, разумѣется".

Она знала, черезъ свою портниху, у которой былъ мужъ камеръ-лакеемъ, всѣ дворцовые порядки, и главное—всю ихъ закулисную сторону: когда кто принимаетъ, въ какой часъ и какимъ путемъ удобнѣе пройти къ кому-нибудь. Рѣшивъ отвезти свое письмо лично секретарю Зубова — Грибовскому, она одѣлась какъ можно темнѣе (темный цвѣтъ былъ къ лицу ей, по ея мнѣнію), но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ можно богаче, и поѣхала во дворецъ, гдѣ жилъ Грибовскій и помѣщалась его канцелярія.

Здѣсь въ пріемной всегда было много народу. Искатели мѣстъ, просители и просительницы пенсій и пособій, потерпѣвшіе изобрѣтатели проектовъ и предприниматели на милліонныя дѣла безъ гроша въ карманѣ— все это толпилось здѣсь каждое утро, усталое, голодное и измученное, съ однимъ общимъ всѣмъ выраженіемъ голода на лицахъ и желаніемъ во что бы то ни стало урвать хоть грошъ безъ труда, на даровщинку, лишь бы быть сытымъ.

Но на ряду съ этими „вѣчными" просителями сплошь и рядомъ являлись въ эту пріемную и сановитые баре, и гражданскіе и военные чины, почти всѣ, кто чаялъ какихъ-нибудь благъ отъ всесильнаго князя. Такъ что чиновникъ, сидѣвшій у двери за столомъ и съ такимъ усердіемъ и удовольствіемъ чинившій гусиное перо, какъ будто въ этомъ состояло призваніе всей его жизни, нисколько не удивился при появленіи разряженной баронессы Каннихъ и, равнодушно взглянувъ на нее, продолжалъ свое занятіе.

— Можно видѣть его превосходительство? подошла та къ нему.

Хотя Грибовскій былъ еще въ чинѣ полковника, но она сочла за лучшее, разумѣется, повысить его въ титулѣ.

Чиновникъ, не спѣша, поднялъ на нее глаза и проговорилъ:

— Видѣть?.. Можно... да.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить наединѣ, заявила Каннихъ.

Чиновникъ пожевалъ губами.

— Наединѣ, протянулъ онъ.—Да... конечно... можно... Сядьте въ очередь... надо ждать.

Послѣднія слова онъ произнесъ по старой и давно извѣстной формѣ, такъ что въ нихъ слышалось то же созвучіе, но съ инымъ значеніемъ, точно онъ говорилъ: „надо жь дать!"

Баронесса оперлась раскрытою рукою о столъ и сейчасъ же подняла руку. На столѣ оказалась ассигнація. Въ одно мгновеніе ока, чиновникъ, какъ ни въ чемъ не бывало, двинулъ листъ бумаги—и ассигнація исчезла подъ нимъ. Все это онъ продѣлалъ съ ловкостью и искусствомъ, которымъ позавидовалъ бы любой фокусникъ.

— Надо доложить, сказалъ онъ.

Баронесса „доложила" тѣмъ же порядкомъ.

Чиновникъ сунулъ перо за ухо и пошелъ.

— Пожалуйте, ласково проговорилъ онъ, снова появляясь въ комнатѣ.

И баронесса, мимо завистныхъ взглядовъ сидѣвшихъ въ пріемной и чаявшихъ, прошла въ завѣтную для нихъ дверь, опустивъ голову и шурша своимъ шелковымъ платьемъ.

Грибовскій, молодой еще человѣкъ (ему было около тридцати лѣтъ), встрѣтилъ ее такимъ взглядомъ, который говорилъ, что онъ и не такихъ просителей видалъ передъ собою.

— Чѣмъ могу служить? спросилъ онъ, придвигая стулъ.

— Судьба моя, начала баронесса, — въ вашихъ рукахъ...

„И все-то они то же самое, подумалъ Грибовскій.— хоть бы что-нибудь новое выдумали, право!"

— Что у васъ—просьба о пенсіи вѣрно? спросилъ онъ, чтобы перейти прямо къ дѣлу и избѣгнуть предварительныхъ объясненій, надоѣвшихъ ему и давно извѣстныхъ наизусть.

— О, нѣтъ! испугалась баронесса.—Нѣтъ, у меня совсѣмъ другое дѣло—вотъ если вы прочтете... Я не знаю, такъ-ли я написала, но вотъ изъ письма я думаю будетъ ясно.

И она подала ему письмо.

Грибовскій сталъ читать сначала бѣгло, но при имени Литты, вдругъ сдѣлался внимателенъ и, кончивъ письмо, просмотрѣлъ его еще разъ.

Каннихъ сидѣла, стыдливо опустивъ глаза и склонивъ голову на-бокъ.

— Письмо составлено совершенно хорошо, сказалъ онъ ей очень любезно уже. — Хорошо-съ, всѣ мѣры будутъ приняты, я сегодня же доложу его свѣтлости.

— Вы понимаете, мнѣ бы не хотѣлось говорить объ этомъ, но... судьба моя въ вашихъ рукахъ, повторила Каннихъ, которой фраза эта видимо понравилась.

— Да что-жь тутъ говорить, поспѣшилъ снова остановить ее Грибовскій, — дѣло ясное... Вы можете быть совершенно покойны, что все что мож[illegible]етъ сдѣлано... Мы достанемъ ваши письма.

Библиотека "Руниверс"

— О да, сдѣлайте это! упрашивала Каннихъ.

Грибовскій очень ловко и учтиво сталъ разспрашивать кто она, кто былъ ея мужъ, давно-ли она въ Петербургѣ и какія имѣетъ связи.

О Литтѣ онъ не спросилъ ни слова.

IX.

Одиночество.

Графиня Скавронская, послѣ встрѣчи своей на станціи, не долго прожила въ Старовѣ. Она захворала тамъ и, боясь разболѣться совсѣмъ, вернулась, по настоянію няни, снова въ Петербургъ, не дожидаясь отпуска своего въ Москву.

Остановилась она теперь однако не у сестры уже, но поселилась въ собственномъ своемъ, отдѣланномъ заново домѣ, на Милліонной.

Графиня Браницкая навѣщала сестру, думая сначала, что она только сказывается больною; но вскорѣ стала замѣчать, что ея Катя дѣйствительно худѣетъ съ каждымъ днемъ.

Румянецъ сбѣжалъ съ ея щекъ, глаза ввалились, руки сдѣлались совсѣмъ сквозными. Она потеряла сонъ и постоянно жаловалась на головную боль.

Несмотря однако на измѣненія, которыя произвелъ въ ней недугъ, она все такъ же была красива. Казалось, она не могла подурнѣть. Но ко всему окружающему она относилась вполнѣ безучастно. Ее звали прокатиться—она отказывалась. Ей предлагали пройтись по Царицыну лугу, расположенному въ двухъ шагахъ отъ нея и покрытому чудеснымъ цвѣтникомъ, дорожками, перерѣзанному ручейками и застроенному бесѣдками,— она не хотѣла идти.

Придворный врачъ Роджерсонъ бывалъ у нея, осматривалъ, качалъ головою и давалъ ей лѣкарства, которыхъ она не принимала.

Няня предложила ей съѣздить къ Сергію въ монастырь. Она съ радостью согласилась.

Весна, мокрая, грязная, болѣзненная и вялая въ Петербургѣ, но теплая, легкая и прекрасная за городомъ, вступала уже въ свои права.

Тамъ за-городомъ было хорошо, дышалось легко смолистымъ ароматомъ распускавшейся зелени, воздухъ былъ чистъ. Прилетѣвшія птицы начинали свое чириканье и солнце грѣло, сгоняя снѣгъ водяными ручьями.

— Нѣтъ, говорила Скавронская сидѣвшей съ ней въ каретѣ рядомъ старушкѣ,—и какъ это вдругъ всегда бываетъ: то зима кажется вѣкъ не кончится, то заблещетъ солнце и она пропадетъ словно по волшебству—и не успѣешь оглянуться, какъ ужь теплое лѣто, да будто оно всегда и было одно, а о зимѣ ужь и памяти нѣтъ.

— Такъ-то все, мой другъ, такъ и горе наше людское — пройдетъ и кажется будто и не было его... все такъ-то! вздыхала няня.

Скавронская задумалась.

Если бы няня права была! Если-бъ она могла забыть свое горе, могла бы хоть надѣяться... Но она знала, что „ея зима", ея несчастіе не пройдетъ, и для нея не можетъ выглянуть солнце и согрѣть ея жизнь.

Но все-таки эта поѣздка освѣжила ее. Вернувшись, она въ первый разъ поѣла какъ слѣдуетъ и проспала ночь спокойно. Такъ что пріѣхавшій на другой день Роджерсонъ остался ею очень доволенъ и велѣлъ продолжать послѣдніе порошки, которые онъ прописалъ и которые, по его мнѣнію, сильно помогли больной.

Среди этого однообразія, тоски, одиночества и скуки, на которыя обрекла себя Скавронская, вдругъ ворвался къ ней Мельцони.

Онъ явился въ ея домъ съ неотступнымъ требованіемъ, чтобы его пустили къ графинѣ, потому что у него есть важное дѣло до нея, не терпящее отлагательствъ.

Два лакея, которымъ онъ помѣшалъ въ сѣняхъ играть въ шашки, недовѣрчиво и слегка недружелюбно отнеслись къ нему, несмотря на его богатый костюмъ, въ который онъ разрядился по самой послѣдней модѣ. Но онъ такъ убѣдительно просилъ ихъ, обрадовавшись, что они понимаютъ по-итальянски (лакеи оказались изъ числа тѣхъ, которые давно жили еще съ покойнымъ графомъ въ Италіи), что они наконецъ уступили его мольбамъ и пошли о немъ докладывать.

Раза два однако ходили они и возвращались, и снова Мельцони убѣждалъ и просилъ ихъ, пока графиня приняла его.

Дѣло оказалось въ сущности самымъ вздорнымъ. Мельцони придрался къ какимъ-то денежнымъ счетамъ по Неаполю, увѣривъ, будто бы, что хозяинъ палаццо, въ которомъ они жили тамъ, поручилъ ему переговорить... Но онъ дѣлалъ это однако съ такимъ серьезнымъ видомъ и такъ дѣловито, что графиня дѣйствительно повѣрила, что ему необходимо было ее видѣть.

Поговоривъ о дѣлѣ, Мельцони перешелъ на воспоминанія о Неаполѣ. Разсказывалъ, что онъ видалъ тамъ Скавронскую, восхищался ея красотою и искалъ случая познакомиться съ нею, но, къ крайнему своему отчаянію, не находилъ этого случая, а вотъ наконецъ судьба привела встрѣтиться... и онъ тутъ же благодарилъ судьбу и т. д.

Вообще онъ велъ себя, на взглядъ графини, нѣсколько странно. Глаза его горѣли какимъ-то особеннымъ блескомъ, онъ такъ говорилъ горячо, такъ волновался и такъ хотѣлъ чтобы его задержали, чтобы оставили подольше, что Скавронская нѣсколько разъ взглядывала на него, какъ бы спрашивая, что это значитъ.

Она не могла знать, что она составляетъ давнишній предметъ страсти для Мельцони, который изъ-за этого еще въ Неаполѣ чуть не покончилъ съ Литтою при помощи отравленной шпаги, и что до сихъ поръ онъ мечтаетъ и думаетъ лишь о ней и страшно, невыразимо страшно счастливъ тѣмъ, что сидитъ съ нею теперь и говоритъ и смотритъ на нее.

Въ его худенькомъ, маленькомъ тѣлѣ текла все-таки южная кровь и, казалось, онъ на все былъ способенъ теперь, чтобы только назвать своею эту чудную „сѣверную красоту", какъ онъ окрестилъ въ мечтахъ своихъ графиню Скавронскую.

Узнавъ, что она больна, Мельцони сталъ просить позволенія привезти элексиръ, который у него есть и который дѣлаетъ чудеса, вылѣчивая, какъ китайскій корень жень-шень, отъ двадцати-двухъ болѣзней.

Насилу Скавронская отдѣлалась отъ него. Но Мельцони уѣхалъ съ твердою увѣренностью, что получилъ позволеніе привезти свой чудодѣйственный элексиръ.

X.

Обыскъ.

Литта лежалъ у себя на постели и ворочался съ боку на бокъ, напрасно силясь заснуть. Сонъ не шелъ къ нему, и онъ, думая вѣчно объ одномъ и томъ же, чувствовалъ, какъ голова его давно устала и усталость эта переходила во все тѣло. И предшедшую ночь онъ тоже не спалъ.

Онъ слышалъ, какъ пробило полночь, потомъ часъ. Было уже около двухъ.

И вдругъ ему показалось, что къ двери его осторожно, на цыпочкахъ, подошелъ кто-то. Литта притаилъ дыханіе и прислушался: шорохъ стихъ.

„Нѣтъ, вѣрно показалось мнѣ", рѣшилъ Литта, и снова зажмурилъ глаза.

Нѣсколько минутъ все было покойно. Но вотъ опять Литта поднялся на подушкѣ и вытянулъ голову въ сторону двери.

Тамъ положительно что-то шевелилось, хотя такъ тихо, что едва можно было разобрать.

Библиотека "Руниверс"

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. Защитники Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, въ 1608 г.

Съ картины профессора В. П Верещагина, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

Литта спустилъ ноги съ кровати, отыскалъ ими туфли и, надѣвъ на плечи халатъ, на цыпочкахъ подошелъ къ двери, которая вела въ его кабинетъ.

Онъ приложилъ ухо... Въ кабинетѣ былъ кто-то. Тогда Литта быстро распахнулъ дверь и остановился на порогѣ.

Кабинетъ былъ освѣщенъ. Свѣчка стояла на его бюро, и ее заслоняла широкая спина наклонившагося надъ бюро человѣка, тѣнь котораго падала широкою полосою на часть комнаты.

Литта узналъ своего камердинера, возившагося надъ его бюро и гремѣвшаго ключами. Онъ ясно видѣлъ, какъ итальянецъ словно искалъ чего-то въ одномъ изъ открытыхъ ящиковъ бюро.

Едва услыхавъ стукъ отворенной Литтою двери, камердинеръ быстро захлопнулъ ящикъ и отодвинулся отъ бюро.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ Литта.

Камердинеръ смутился и въ первую минуту не зналъ что̀ отвѣтить.

— Я... эчеленца... началъ онъ,—я хотѣлъ убрать здѣсь.

— Въ два часа ночи? переспросилъ графъ.

— Да, но я думалъ... я не зналъ... бормоталъ камердинеръ.

Онъ хотѣлъ найти какой-нибудь предлогъ, солгать, но ничего не приходило ему въ голову. Онъ слишкомъ былъ увѣренъ, что Литта, проведшій прошлую ночь безъ сна наиролетъ, теперь крѣпко спитъ.

Литту долгое время уже интересовало, кто могъ тогда подложить ему въ карету и въ шубу записки, приглашавшія его въ кондитерскую Гидля. Теперь у него явилась связь ночной работы, за которою онъ засталъ итальянца, съ этими записками.

„Такъ вотъ оно что!.. Патеръ Груберъ чисто ведетъ свои дѣла!“ подумалъ онъ, и приблизившись къ бюро, бѣгло осмотрѣлъ его.

Онъ вспомнилъ, что, по счастію, всѣ бумаги болѣе или менѣе важныя были у него въ Гатчинѣ и камердинеръ не могъ ничего найти у него здѣсь.

Въ первую минуту, застигнувъ его врасплохъ, онъ хотѣлъ было заставить его говорить и сознаться, но потомъ ему такъ сталъ противенъ этотъ итальянецъ, испуганно стоявшій передъ нимъ, что онъ могъ только сказать ему:

— Ступайте прочь, ступайте — и чтобы завтра же васъ не было у меня, я васъ не стану держать.

Камердинеръ, видя должно-быть, что Литта ограничится лишь тѣмъ, что выгонитъ его,—чего впрочемъ онъ боялся всего менѣе, потому что, зная какія были денежныя средства теперь у графа, и самъ не находилъ выгоднымъ служить у него, — сейчасъ же почувствовалъ подъ собою почву и, нѣсколько оправившись, проговорилъ:

— О, если эчеленца дастъ мнѣ расчетъ...

— Вы получите вашъ расчетъ, крикнулъ Литта, топнувъ ногою, и итальянецъ, вздрогнувъ, юркнулъ въ дверь такъ поспѣшно, какъ только могъ.

Ничто не могло такъ взволновать Литту, какъ какая-нибудь человѣческая гадость, происшедшая у него на глазахъ. И этотъ поступокъ итальянца, служившаго у него столько времени и ничего кромѣ хорошаго не видѣвшаго отъ него,—возмутилъ его до глубины души.

„Господи!“ думалъ Литта, ходя по своему кабинету изъ угла въ уголъ. „До чего люди гадки, мерзки!.. Что же это? Нельзя быть спокойнымъ даже у себя въ домѣ“. И онъ снова ходилъ, забывъ уже о снѣ и о позднемъ времени, и о томъ, что не спалъ прошлую ночь.

Блѣдные лучи петербургской перламутровой зари застали его такимъ образомъ. Мало-по-малу окна стали свѣтлѣе, и въ нихъ пробился наконецъ утренній туманный свѣтъ.

Литта потушилъ оставленную на бюро итальянцемъ свѣчу и, опустившись на кресло, закрылъ глаза. Утренняя дрема начала одолѣвать его.

Сна все еще не было, но какой-то туманъ застилалъ мысли—все путалось, кружилось. Физическая усталость брала свое.

Литта долго просидѣлъ такъ не двигаясь, наконецъ почувствовалъ, что кто-то осторожно трясетъ его за плечо.

Онъ открылъ глаза. Передъ нимъ былъ выѣздной лакей и будилъ его.

— Ваше сіятельство, говорилъ онъ,— ваше сіятельство, тамъ васъ спрашиваютъ, приказали доложить вамъ сейчасъ же, по дѣлу, говорятъ.

— По какому дѣлу, кто спрашиваетъ?

Литта взглянулъ на стѣнные часы: было половина девятаго. Онъ спросилъ гдѣ камердинеръ: лакей отвѣтилъ, что итальянецъ давно уже ушелъ, сказавъ, что не вернется.

— Проведите меня прямо въ кабинетъ графа и попросите ихъ туда, услышалъ въ это время Литта за дверью, и вслѣдъ затѣмъ къ нему вошелъ Грибовскій въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ.

— Ничего, не безпокойтесь, безцеремонно сказалъ онъ Литтѣ, видя его въ халатѣ,—ничего... Я явился къ вамъ по именному повелѣнію.

Литта сдѣлалъ знакъ людямъ выйти и, рѣшительно не понимая появленія у себя въ домѣ Зубовскаго секретаря съ полицейскими, обратился къ нему.

— Что же вамъ угодно? спросилъ онъ.

Грибовскій подалъ ему бумагу, добавивъ:

— А вотъ, не угодно-ли прочесть...

Въ бумагѣ стояло, что полковнику Грибовскому поручается потребовать у графа Литты письма баронессы Каннихъ, а буде онъ воспротивится тому, то произвести обыскъ и отобрать письма.

— Что за вздоръ! не удержался Литта,—какія тутъ письма? У меня нѣтъ никакихъ, были какія-то записки; если я найду ихъ, я отдамъ пожалуй.

— Кому какъ, отвѣтилъ Грибовскій,—для васъ можетъ быть вздоръ, а для баронессы это очень важно...

Литта понялъ отлично, что это былъ только предлогъ, очень грубый, чтобы покопаться въ его бумагахъ и отыскать въ нихъ что-нибудь подходящее для обвиненія, болѣе серьезнаго. Зубовъ сказался въ этомъ весь.

Видимо онъ не церемонился съ Литтой, потерявшимъ всякое значеніе при дворѣ.

„Еще новая гадость!“ мелькнуло у Литты.

— Что-жь это по просьбѣ самой баронессы? снова спросилъ онъ.

— Этого я не могу вамъ изъяснить, отвѣтилъ Грибовскій.—Я долженъ лишь получить отъ васъ письма.

Литта отлично помнилъ, какъ онъ, уѣзжая въ Гатчину, сжегъ и уничтожилъ всѣ лишнія ненужныя бумажки, въ число которыхъ попали разумѣется и тѣ нѣсколько записокъ баронессы Каннихъ, какія были у него.

— Послушайте, вѣдь это же все не имѣетъ смысла... сказалъ онъ опять.—У меня правда были записки, повторяю вамъ, но я ихъ уничтожилъ.

Грибовскій улыбнулся.

— Если вы будете упорствовать, мы примемъ должныя мѣры.

Литта видѣлъ, что ему только и хотѣлось приступить къ этимъ „мѣрамъ“.

— Позвольте ключи въ такомъ случаѣ, добавилъ Грибовскій, стараясь казаться равнодушнымъ.

— А, если такъ, произнесъ Литта, вставая,—въ такомъ случаѣ, я вамъ скажу, что обыска вы у меня не имѣете права дѣлать. Иностранные резиденты и послы— не подлежатъ обыскамъ. А я имѣю честь состоять уполномоченнымъ державнаго Мальтійскаго ордена. Вотъ мои вѣрительныя грамоты.

Библиотека "Руниверс"

И доставъ изъ бюро доставленный ему Мельцони пакетъ, Литта передалъ его Грибовскому.

Тотъ задумался на минуту, просмотрѣлъ грамоты, и протягивая ихъ обратно, спокойно отвѣтилъ:

— Да, но эти грамоты не вручены еще правительственной русской власти, не приняты еще, а потому здѣсь вы не признаны посломъ и я имѣю полное право произвести обыскъ, согласно данному мнѣ приказанію. Начнемте, кивнулъ онъ одному изъ полицейскихъ.

Тотъ сейчасъ же вытащилъ изъ кармана связку отмычекъ и какъ хозяинъ, какъ привычный человѣкъ, сталъ возиться ими у ящиковъ бюро.

„Совсѣмъ, какъ мой итальянецъ", усмѣхнулся Литта про себя. Онъ отошелъ къ окну и сталъ смотрѣть въ него. Онъ зналъ, что ящики были почти пусты и невольно радовался, что перевезъ бумаги въ Гатчину. Тамъ Зубовъ не смѣлъ его тронуть теперь.

Литта искоса слѣдилъ, какъ открывали его бюро, какъ выдвигали одинъ за другимъ пустые ящики и какъ лицо Грибовскаго все болѣе и болѣе становилось смѣшнымъ отъ плохо скрываемаго выраженія досады.

Но вотъ дѣло дошло до того ящика, у котораго ночью хозяйничалъ камердинеръ. Полицейскій раскрылъ его и вынулъ оттуда связку бумагъ.

Литта вздрогнулъ. Онъ помнилъ, что ящикъ долженъ былъ быть пустъ. Лицо Грибовскаго оживилось. Онъ съ радостью схватился за бумаги.

— Что это такое? спросилъ Литта подходя къ нему и останавливая его за руку.

Грибовскій пожалъ плечами.

— Это мы у васъ должны спросить, графъ, а впрочемъ, тамъ видно будетъ—мы разберемъ.

— Эти бумаги, проговорилъ Литта,—подложены сегодня ночью камердинеромъ моимъ, котораго я засталъ здѣсь...

— Это обыкновенное оправданіе, перебилъ Грибовскій.—Мы увидимъ.

И отстранивъ Литту, онъ передалъ бумаги полицейскому.

Литта махнулъ рукою. Ему было въ сущности все равно. Онъ зналъ, что онъ не виноватъ ни въ чемъ, и что бы ни было въ этихъ подложныхъ бумагахъ—правда всегда должна выйти наружу. Литта твердо увѣренъ былъ въ этомъ.

Грибовскій перешарилъ весь его кабинетъ и спальню. Литта оставилъ его дѣлать, что ему хотѣлось.

XI.

Въ собственныхъ сѣтяхъ.

Мельцони ѣхалъ въ Петербургъ съ готовыми планами, съ самыми сложными надеждами и предположеніями.

Онъ мало зналъ о Россіи, и столица Русскаго государства представлялась ему какимъ-то особеннымъ городомъ, гдѣ ходятъ медвѣди по улицамъ и гдѣ жители ѣдятъ сырое мясо и закусываютъ саломъ. Въ этомъ варварскомъ, полудикомъ городѣ онъ представлялъ себѣ героиню всѣхъ своихъ грёзъ—графиню Скавронскую и возлѣ нея Литту, обросшаго вѣроятно бородою и носящаго овчинную шубу шерстью вверхъ и огромную мохнатую шапку. И вотъ этотъ Литта всегда у него въ грёзахъ игралъ или жалкую роль, или погибалъ отъ его мстительной руки.

То ему чудился глухой закоулокъ, темный,—кинжалъ, лужа крови и зловѣщій хохотъ. Хохоталъ, разумѣется, самъ торжествующій Мельцони. То онъ представлялъ себѣ ненавистнаго графа корчащимся въ предсмертныхъ мукахъ отъ поднесеннаго ему яда. Словомъ, цѣлый рядъ исторій, которыя дошли до Мельцони и въ видѣ преданій, и въ видѣ разсказовъ о недавнихъ случаяхъ, на его родинѣ, не давали покоя его воображенію и переносились въ дѣйствительность.

Какъ это ни было все смутно у него, но онъ-таки везъ съ собою на всякій случай въ особомъ ящичкѣ небольшую батарею таинственныхъ баночекъ, которыхъ сколько угодно можно было достать въ Италіи у любаго шарлатана.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ нѣсколько разочаровался и какъ будто сконфузился. Медвѣдей здѣсь не ходило, сыраго мяса и сала никто не ѣлъ, Литта бородою не обросъ и шубы шерстью кверху не носилъ.

Одно что было совершенно такъ, какъ ожидалъ Мельцони—это красота графини нисколько не измѣнилась, и Скавронская осталась прежнею.

А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увидѣлъ, что здѣсь не только природа, но и все, и люди—какъ-то проще, естественнѣе, такъ-что его мечты и баночки какъ-то еще меньше идутъ здѣсь къ дѣлу, чѣмъ гдѣ-нибудь.

Но онъ не спряталъ ихъ однако, не выбросилъ и не уничтожилъ.

При встрѣчѣ съ Литтою онъ понялъ, что подойти къ нему не такъ легко, какъ казалось, и искать темнаго закоулка напрасно; но относительно графини у него были совсѣмъ другія мысли.

Пробравшись къ ней подъ измышленнымъ имъ предлогомъ и поговоривъ съ нею, онъ окончательно потерялъ голову. Съ этой минуты красавица-графиня не переставала быть передъ его глазами. Она нездорова. Онъ просилъ позволенія привезти ей элексиръ. Опоить ее, слѣдовательно, однимъ изъ тѣхъ одуряющихъ составовъ, которые были у него въ ящичкѣ, казалось возможнымъ. И не соображая о томъ, какую гадость затѣваетъ онъ, Мельцони представлялъ себѣ, какъ это все будетъ или вѣрнѣе можетъ быть. Онъ вовсе разумѣется не былъ увѣренъ, что оно такъ и будетъ, все это представлялось ему въ видѣ какого-то отвлеченнаго „будто бы", какъ люди ставшіе другъ противъ друга съ пистолетами на поединкѣ—все еще думаютъ, что то что они затѣяли кончится ничѣмъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вынималъ и готовилъ пузырекъ съ „восточнымъ элексиромъ", свойства котораго онъ зналъ.

„Если бы она могла, если бы только я могъ думать, что она когда-нибудь полюбитъ меня", приходило въ голову Мельцони, „я бы ждалъ, какъ ждалъ терпѣливо эти шесть лѣтъ... какое шесть лѣтъ... больше... Но нѣтъ, это невозможно... невозможно", повторялъ онъ себѣ, „а что если вдругъ и вправду... вѣдь что же—нѣсколько капель и она въ моей власти".

И картины, которыя рисовались ему при этомъ, были такъ заманчивы, что онъ готовъ былъ рѣшиться, — и именно въ тотъ моментъ, когда рѣшался, пряталъ свой пузырекъ обратно въ ящикъ и запиралъ его.

„А Борджія", вспомнилъ онъ, „а тысячи подобныхъ случаевъ, развѣ все это вздоръ, сказки?.. развѣ они не существовали?.. но то были рѣшительные люди, а я... что-жъ я... рѣшиться вѣдь только... только рѣшиться..."

Въ одну изъ минутъ такого колебанія на порогѣ его комнаты появился отецъ Груберъ.

Мельцони сдѣлалъ видъ, или на самомъ дѣлѣ такъ было,—но очень обрадовался его приходу.

Груберъ казался серьезенъ и важенъ.

— Садитесь, синьоръ Мельцони, предложилъ онъ, какъ старшій и власть имѣющій. Онъ заговорилъ строгимъ, начальническимъ тономъ.

Мельцони присмирѣлъ.

— Я знаю, началъ Груберъ,—что вы были въ домѣ графа Ожецкаго на собраніи иллюминатовъ. Конечно, вы сдѣлали это въ видахъ пользы нашего ордена... Я бы вполнѣ одобрилъ васъ, если бы вы предупредили меня; зачѣмъ вы сдѣлали это тайно?

Мельцони смотрѣлъ такими широкими, удивленными глазами, какъ будто спрашивалъ: онъ-ли самъ сошелъ съ ума, или отецъ Груберъ рехнулся.

— Въ домѣ графа Ожецкаго? повторилъ онъ,—я никогда тамъ не былъ.

Библиотека "Руниверс"

Груберъ вспыхнулъ.

— Молоды вы! крикнулъ онъ, ударивъ по столу кулакомъ,—чтобы провести людей опытнѣе васъ... Я самъ, слышите-ли, самъ видѣлъ, какъ вы входили туда.

Мельцони опять еще удивленнѣе посмотрѣлъ на него и отрицательно закачалъ головою.

— Не можетъ этого быть, проговорилъ онъ, стараясь понять, зачѣмъ отцу Груберу понадобилось взвести на него это обвиненіе.

— Неужели вы были тамъ какъ измѣнникъ? нагибаясь къ нему и засматривая ему въ лицо, прошепталъ съ какимъ-то злобнымъ неестественнымъ шипѣніемъ Груберъ.—Признайтесь же, вы знаете, что всякое слово запирательства только усугубитъ вашу вину.

Мельцони, все болѣе и болѣе робѣя, глядѣлъ на него, чувствуя этотъ гнѣвъ и злобу и не понимая, чѣмъ они вызваны. Онъ готовъ былъ клясться, что никогда не бывалъ въ этомъ домѣ. Онъ не могъ помнить, когда и какъ это случилось.

— Боже мой, клянусь вамъ Мадонной, клянусь всѣмъ святымъ... началъ онъ.

— Не клянитесь, напрасно, перебилъ Груберъ, — я вамъ говорю, что я самъ видѣлъ.

Подбородокъ Мельцони затрясся, колѣни его задрожали, онъ былъ жалокъ; но этотъ жалкій видъ его казалось больше только сердилъ Груберъ.

— Негодный лжецъ! крикнулъ тотъ, вставая.—Я заставлю тебя сознаться.

Еще минута—и онъ казалось ударитъ несчастнаго, перепуганнаго іезуита.

— Боже мой, почти плача забормоталъ Мельцони.— да откуда же это, какъ, за что?

Груберъ рѣзко отвернулся и съ ужасомъ схватился за свою старую, умную голову. Первый разъ въ жизни ему приходилось видѣть измѣну іезуита своему ордену.

„Боже, до чего мы упали!" пронеслось у него, „до чего дошли—среди насъ появились измѣнники, и въ такое время, когда мы окружены врагами!"

— Такъ ты не былъ въ домѣ графа Ожецкаго? обратился онъ вдругъ снова къ Мельцони съ укоризненною, злою усмѣшкой, стараясь, какъ бы проникать его своимъ взглядомъ.

— Не былъ—не былъ! повторялъ тотъ.

— И это твое послѣднее слово?

— Я не знаю, я не могу лгать на себя — я не знаю за что это?

Груберъ сдѣлалъ рѣшительный жестъ рукою и подступилъ къ нему:

— Такъ чтобы сегодня же, сейчасъ, сію минуту тебя не было здѣсь—слышишь?.. ты соберешься и уѣдешь назадъ, а я дамъ знать о тебѣ и тамъ разберутъ твой проступокъ... Я самъ видѣлъ... самъ!..

— Отецъ, выслушайте!.. Отецъ, я не лгу, увѣрялъ Мельцони, но Груберъ не далъ ему говорить.

— Ты слышалъ, что приказано тебѣ?

Неповиновеніе было страшнымъ проступкомъ для іезуита, и Мельцони покорно склонилъ голову.

XII.

Правда и кривда.

Литта оставилъ Петербургъ и снова поселился въ Гатчинѣ. Дѣлать ему въ Петербургѣ было больше нечего. Вокругъ него запуталась теперь такая паутина, повидимому его оплетали со всѣхъ сторонъ такъ хитро и ловко, что сразу, однимъ ударомъ, на что только и былъ способенъ Литта, разсѣчь эту паутину казалось немыслимымъ. Нужно было также терпѣливо и усердно, по ниточкѣ, начинать распутывать ее, хитрить пожалуй, уклоняться и высматривать. Литта чувствовалъ, что онъ не въ состояніи сдѣлать этого. Стараться нанести вредъ тѣмъ людямъ, которые искали случая погубить его, т. е. противупоставить зло злу, онъ тоже не могъ. И вотъ онъ, долго обдумывая что дѣлать и не находя выхода, наконецъ нашелъ то, что именно теперь требовалось отъ него: это было просто и ясно.

Ничего!..

Да, онъ не хотѣлъ ничего дѣлать, но спокойно ждать, пока правда вступитъ въ свои права. Такъ учили арканы. Такъ желалъ самъ Литта. Онъ вѣрилъ, что никакія наши ухищренія не поведутъ ни къ чему и лишь отдалятъ торжество правды.

Вѣрить твердо и неуклонно, что оно наступитъ,— что зло должно погубить само себя, и спокойно съ твердою волею ждать, ничего не предпринимая противъ этого зла,—въ этомъ была вся сила и защита.

Каждое колебаніе, каждое поползновеніе къ защитѣ другими какими-нибудь путями—было бы лишь тормазомъ, ненужнымъ и вреднымъ.

Пусть клевещутъ на него, пусть строятъ стѣну, чтобы спихнуть его: стѣна сама собою завалится и раздавитъ тѣхъ, кто строилъ ее.

Нужно было лишь сознаніе своей правоты и желаніе истины и добра.

Съ такими мыслями и чувствами уѣхалъ Литта въ тихую Гатчину и поселился тамъ на все лѣто, въ маленькомъ, отведенномъ ему домѣ.

Петербургская жизнь, безпокойная и тревожная, шла своимъ чередомъ. Суворовъ вернулся изъ Варшавы, покрытый новою славой. Дворъ переѣхалъ въ Царское, отпраздновавъ свадьбу великаго князя Константина Павловича. Персіи объявили войну. Державинъ написалъ новую оду ко дню рожденія императрицы. Графиня Головнина вышла замужъ. Русскія войска взяли Дербентъ, и эту побѣду праздновали въ Царскомъ Селѣ, и Державинъ написалъ опять оду. Дубянскій, переѣзжая черезъ Неву съ дачи своей, потонулъ съ цѣлой компаніей, что надѣлало много шуму. Устраивалась „рота" конной артиллеріи...

Всѣ эти новости не доходили до Литты, жившаго вдали отъ нихъ и старавшагося забыться. Онъ сталъ писать свои мемуары о войнахъ въ которыхъ приходилось ему участвовать.

Цесаревичъ мало жилъ въ Гатчинѣ это лѣто. Въ іюнѣ родился у него въ Царскомъ сынъ — великій князь Николай Павловичъ. Въ августѣ пріѣхалъ въ Петербургъ Шведскій король, подъ именемъ графа Гага, для сватовства своего къ великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ. Дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, и цесаревичъ проводилъ тамъ большинство своихъ дней.

Литта оставался все лѣто безвыѣздно въ Гатчинѣ.

Мучительнѣе всего тутъ было полное незнаніе о томъ, что сталось съ графиней Скавронской. Литта ни съ кѣмъ почти не видался. А въ рѣдкихъ разговорахъ, съ приближенными Павла Петровича, онъ боялся слишкомъ ясно справляться о ней.

Разъ только цесаревичъ, пріѣхавъ какъ-то въ Гатчину на нѣсколько дней и встрѣтивъ мелькомъ Литту, сказалъ ему мимоходомъ;

— Она все еще здѣсь—въ Петербургѣ, никуда не показывается... Больна...

Литта видѣлъ, что онъ помнилъ ихъ разговоръ, и съ благодарностью взглянулъ на него, но ничего не отвѣтилъ, и Павелъ Петровичъ не продолжалъ разговора.

Бракъ великой княжны Александры Павловны не состоялся. Это Литта узналъ по тому страшному гнѣву и неудовольствію, съ которыми вернулся цесаревичъ въ Гатчину

Онъ долгое время былъ не въ духѣ и никто не видѣлъ его.

Дѣло Литты между тѣмъ тянулось въ судебныхъ инстанціяхъ. Съ него взыскивали полностью по распискамъ; о результатахъ обыска не было никакихъ свѣдѣній, хотя Литта еще въ Петербургѣ написалъ

Библиотека "Руниверс"

Колумбово яйцо. Съ карт. Л. Рейфенштейна рав. Ерике.

Библиотека "Руниверс"

подробную записку съ объясненіемъ, что не знаетъ какія письма были найдены у него, потому что они были подброшены въ ночь передъ обыскомъ его камердинеромъ.

Въ Гатчину къ нему не поспѣли еще явиться и какъ бы оставляли его въ покоѣ, хотя Литта зналъ, что Зубовъ не остановится и по всѣмъ вѣроятіямъ его записка не будетъ имѣть вліянія. Отчасти онъ разсчитывалъ на заступничество цесаревича, которому ничего еще не говорилъ, но рѣшилъ найти случай разсказать все, когда это будетъ нужно.

Къ нему пріѣзжалъ изъ города подьячій изъ суда, по исковому дѣлу, и намекалъ на то, что при извѣстныхъ съ его стороны „дѣйствіяхъ" можно затянуть дѣло.

Литта прогналъ его. Подьячій обѣщалъ, что въ такомъ случаѣ дѣло рѣшится очень скоро и Литтѣ будутъ предстоять большія непріятности. Съ Мальты извѣстій не было. Въ такомъ положеніи застала его осень. Дни становились длиннѣе и холоднѣе. Гатчинскій домикъ, въ которомъ жилъ Литта, лѣтомъ—уютный и скрытый густою зеленью, сталъ менѣе привѣтливъ и сквозилъ уже своими стѣнами, межъ оголявшагося переплета скрывавшихъ его прежде деревьевъ и акацій. Вѣтеръ по вечерамъ начиналъ напѣвать свою жалобную пѣсню. Небо съ утра закутывалось сѣрымъ пологомъ плотнаго тумана. Было сыро, темно, непривѣтливо.

XIII.

— Извините, ваше сіятельство, что обезпокоилъ васъ, говорилъ, входя въ комнату Литты, человѣкъ въ простомъ мѣщанскомъ платьѣ, кланяясь и вытирая свои промокшіе отъ только-что выпавшаго, перваго снѣга, сапоги о порогъ, къ крайнему огорченію гатчинскаго солдатика, который исполнялъ всѣ обязанности при Литтѣ, давно распустившемъ свою прислугу.

Литта обернулся отъ стола, за которымъ сидѣлъ (онъ писалъ свои записки), и посмотрѣвъ на вошедшаго, спросилъ что̀ ему нужно и кто онъ такой.

— Вольноотпускной человѣкъ графовъ Скавронскихъ, поклонился тотъ.—Имѣю доложить вашему сіятельству...

При произнесенномъ имъ имени, Литта всталъ со своего мѣста и подошелъ къ нему.

— Графовъ Скавронскихъ? переспросилъ онъ. — ты присланъ...

И Литта не договорилъ, потому что сердце его сжалось.

— Нѣтъ-съ, я самъ пришелъ по собственной такъ-сказать волѣ, пѣшкомъ... слава Богу, что отыскалъ-то васъ.

Блеснувшая было надежда получить хоть какое-нибудь свѣдѣніе объ ней—исчезла, и Литта вздохнулъ тяжело и грустно.

„Мѣста вѣрно пришелъ искать", подумалъ онъ.

— Я, ваше сіятельство, все время съ покойнымъ графомъ за-границей былъ и по-итальянски нѣсколько не только понимать, но и говорить могу, а послѣ, какъ умеръ графъ—такъ ея сіятельство всѣмъ служившимъ при нихъ вольную дала.

„Ну такъ и есть", рѣшилъ Литта.

— Что-жь тебѣ, ты служишь гдѣ-нибудь?

— Въ Гидля кондитерской, тамъ очень хорошую цѣну даютъ, особливо кто иностранные языки понимаетъ.

Литта сталъ внимательнѣе прислушиваться.

— Да, такъ что-жь ты ко мнѣ-то пришелъ? спросилъ онъ снова.

— А вотъ пусть они выйдутъ, кивнулъ человѣкъ на солдата,—тогда разсказать удобнѣе.

Литта велѣлъ выйти солдату.

Человѣкъ притворилъ дверь и приблизившись на цыпочкахъ къ Литтѣ, словно подкравшись къ нему, таинственно заговорилъ:

— Въ той самой кондитерской есть, ваше сіятельство, совсѣмъ назади, надо вамъ сказать, комната... Постоянно она бываетъ заперта и ключъ у самого хозяина...

— Знаю! перебилъ его Литта.

Тотъ недовѣрчиво взглянулъ, какъ бы сомнѣваясь, что графъ дѣйствительно знаетъ.

— Такъ вотъ, продолжалъ онъ, — давно хотѣлось узнать мнѣ, что̀ тамъ есть въ этой комнатѣ... Надысь вечеромъ это пробрался я коридоромъ къ самой двери. Темно было. Только щелка маленькая—и изъ нея свѣтъ идетъ въ темноту-то ко мнѣ. Приложилъ я глазъ... и вижу: столъ, а у стола сидятъ двое.—одинъ пишетъ, а другой ему говоритъ... Тотъ что пишетъ—переспрашиваетъ и опять пишетъ... и все въ тетрадку заглядываетъ... И только, слышу я, говорятъ они про васъ.

— Про меня? переспросилъ Литта.

— Видитъ Богъ, про васъ... графъ, говорятъ, Джуліо Литта...

— Откуда же ты знаешь меня?

— Да какъ же мнѣ не знать, засмѣялся человѣкъ,— разумѣется, знаю; и вотъ говоритъ одинъ по-итальянски (я понимаю). я приложилъ ухо и слушаю: „Графъ Литта, говоритъ,—нашъ врагъ теперь навсегда, и ничего мы съ нимъ не подѣлаемъ... Коли деньгами давить, такъ это ему ничего... А вотъ письма его насчетъ сношенія съ Польшей, такъ это дѣло будетъ другое..."

— Какъ съ Польшей? удивился Литта.

— Съ Польшей... Одинъ даже по-русски сказалъ— Варшава. Ихъ, говоритъ, у него нашли, а оказались они у него благодаря камердинеру—такъ теперь нужно молъ его научить что̀ говорить... Только слышу третій голосъ тамъ. Посмотрѣлъ въ щель — вижу подошелъ къ нимъ такой, и впрямь камердинеръ...

— Довольно, остановилъ его Литта,—довольно... Теперь я понимаю... все понялъ.

— Такъ вотъ я и думаю, какъ бы это все вашему сіятельству разсказать, потому дѣло здѣсь не совсѣмъ чистое выходитъ... ну и пошелъ.

Литта закрылъ руками лицо.

„Гадость-то людская, подумалъ онъ, — гадость-то!.. А вѣдь вотъ однако-жь совсѣмъ чужой человѣкъ пришелъ — предупреждаетъ... Какъ это все сплетается!"

Теперь онъ зналъ по крайней мѣрѣ, какую новую клевету взводили на него. И въ эту минуту ему показалось, что это было уже слишкомъ много, что почти сверхчеловѣческія силы возстали противъ него, и что ему уже не выправиться теперь, не выпутаться.

— Но какъ же это ты пѣшкомъ пришелъ? Откуда же меня-то ты знаешь? спросилъ немного погодя Литта.

— А конюха Дмитрія забыли?.. Батюшка, ваше сіятельство, изъ-за васъ я человѣкомъ сталъ—вѣкъ я не забуду... къ больному не побрезгали придти, а то бы погибать мнѣ, какъ собакѣ.

И Дмитрій стеръ рукавомъ навернувшіяся у него слезы, стараясь сдѣлать это незамѣтно.

(Продолженіе будетъ).

Отчаянная погоня.

I. Келлермана.

Въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго Союза, въ особенности въ южныхъ и югозападныхъ, осужденные преступники, вмѣсто того чтобы содержаться въ тюрьмахъ, употребляются на общественныя работы или „отдаются внаймы" подрядчикамъ, которые ставятъ ихъ туда, гдѣ требуется много рабочихъ рукъ, какъ напр. на рытье каналовъ, земляныя желѣзнодорожныя работы и т. п. Система эта представляетъ нѣкоторыя преимущества, но имѣетъ и невыгодныя стороны;

Библиотека "Руниверс"

между прочимъ и весьма понятныя попытки каторжниковъ къ бѣгству, несмотря на всю бдительность часовыхъ, постоянно сопровождающихъ ихъ на работахъ.

Разговаривая однажды съ пожилымъ машинистомъ объ опасностяхъ, которымъ нерѣдко подвергаются люди его профессіи, я услышалъ поистинѣ потрясающій разсказъ, стоящій въ близкой связи съ упомянутой выше системой употребленія на работы каторжниковъ. Попробую передать этотъ разсказъ словами моего собесѣдника:

Самый опасный переѣздъ въ моей жизни я совершилъ внизъ по Blue-Ridge'у на Вестъ-Каролинской линіи. Желѣзнодорожный путь пересѣкаетъ тамъ горную цѣпь съ подъемомъ въ 200 футовъ на (американскую) милю (около 1 : 26—27). Весь подъемъ къ гребню горы (ridge) идетъ мѣстами очень крутою, спиральною линіей, которая на различныхъ высотахъ три раза опоясываетъ гору.

Невдалекѣ отъ вершины горы находится знаменитая „Грязная разсѣлина", надъ которой не мало ломали себѣ голову желѣзнодорожные инженеры. На этомъ мѣстѣ, вѣроятно вслѣдствіе давленія боковыхъ слоевъ, постоянно выжимается жидкая грязь, которая стекаетъ на рельсовый путь. Вслѣдствіе этого, здѣсь всегда находится „рабочій поѣздъ" для поддержанія пути въ порядкѣ.

Для этихъ работъ желѣзнодорожное правленіе наняло партію арестантовъ.

Я ѣхалъ на „вспомогательномъ локомотивѣ", который долженъ былъ помогать поѣздамъ на крутомъ подъемѣ. Въ этотъ день я уже ввелъ на гору утренній товарный поѣздъ и перешелъ на запасный путь въ названной разсѣлинѣ или ущельѣ, чтобы пропустить передобѣденный курьерскій поѣздъ, идущій въ Ашвиль.

Съ возвышеннаго пункта, на которомъ я находился, открывался широкій кругозоръ на лежащіе внизу отроги горы и вдали уже виднѣлся дымокъ курьерскаго поѣзда, который медленно взбирался по предгоріямъ, приближаясь къ спирали, охватывающей вершину горы.

Рабочій поѣздъ со своей партіей рабочихъ стоялъ еще на главномъ пути и люди отбрасывали лопатами полужидкую грязь въ открытыя ямы. Работа эта уже нѣсколько времени шла молча. Машинистъ рабочаго поѣзда зачѣмъ-то отлучился на нѣсколько минутъ со своего поста и одинъ изъ каторжниковъ незамѣтнымъ образомъ снялъ цѣпь, соединявшую поѣздъ съ тендеромъ. Кочегара тоже не было на локомотивѣ; онъ смазывалъ оси вагоновъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, каторжникъ вскочилъ на паровозъ съ другой стороны и прежде чѣмъ часовые и желѣзнодорожный персоналъ успѣли что-нибудь замѣтить, онъ повернулъ рычагъ, который открываетъ паровой клапанъ. Локомотивъ двинулся впередъ и моментально, подъ полнымъ давленіемъ пара, получилъ страшную скорость.

Отчаянный крикъ кочегара возвѣстилъ намъ, что случилось нѣчто необыкновенное. Часовые вскочили съ мѣстъ. Пафъ! пафъ! раздались ружейные выстрѣлы со всѣхъ сторонъ. Но пули не могли настичь дерзкаго бѣглеца, который осторожно прятался за стѣнку тендера; онѣ безцѣльно ударяли въ локомотивъ. Впрочемъ, если-бъ онѣ и попали въ цѣль, это не отвратило бы опасности. Локомотивъ шелъ полнымъ ходомъ и съ грохотомъ летѣлъ по наклонному пути, навстрѣчу курьерскому поѣзду!.. Преступникъ очевидно разсчитывалъ сойти съ паровоза, отъѣхавъ на извѣстное разстояніе, и скрыться среди той сумятицы, которая неизбѣжно должна была произойти, когда тяжелый рабочій локомотивъ врѣжется, какъ бомба, во встрѣчный поѣздъ.

Поѣздная прислуга и часовые стояли ошеломленные, устремивъ глаза на удаляющійся паровозъ.

Да и что могли они сдѣлать?

Въ эту минуту неожиданная мысль блеснула у меня въ головѣ. „А что, если я отправлюсь вдогонку на своемъ локомотивѣ и перехвачу бѣглеца?"

Это была единственная возможность спасти пассажировъ курьерскаго поѣзда отъ страшной, неминуемой опасности—столкновенія на извилистомъ, наклонномъ пути, и какъ ни безумна казалась эта мысль, она должна была быть приведена въ исполненіе моментально.

— Переведите стрѣлку! закричалъ я что было силы и далъ паръ своему локомотиву.

Паровозъ пришелъ уже въ движеніе, когда одинъ изъ часовыхъ вскочилъ на платформу, а кочегаръ былъ уже наготовѣ у тормаза.

Одинъ моментъ—и мы были уже на соединительномъ пути и двигались полнымъ паромъ.

Рабочій локомотивъ шелъ значительно впереди насъ и былъ тяжелѣе моего, но мой имѣлъ большія маховыя колеса. Только это обстоятельство и поддерживало во мнѣ надежду настичь бѣглеца, хотя это представляло большія трудности. Очень рискованная вещь, доложу я вамъ, при сильномъ наклонѣ пути дать машинѣ полный паръ. Но здѣсь все зависѣло отъ первыхъ мгновеній; поэтому я пустилъ локомотивъ съ возможно большею скоростью и приказалъ кочегару вылить въ огонь все масло и весь запасъ.

Въ теченіе получаса мы неслись со скоростью шестидесяти миль (около 100 километровъ) въ часъ.

Утесы и отроги горъ, мимо которыхъ мы летѣли, сливались въ одну безконечную линію, а деревья внизу представляли сплошную, неопредѣленную зеленую массу.

Я инстинктивно закрылъ паровой клапанъ. Ни одинъ локомотивъ не могъ бы мчаться по такому наклону, при непрерывномъ давленіи пара, не сойдя съ рельсовъ. Передъ нами былъ какъ разъ крутой поворотъ.

Подобно молніи обогнули мы уголъ горы и, хотя еще на дальнемъ разстояніи, увидѣли передъ собой рабочій локомотивъ. Во всякомъ случаѣ, выгода была на нашей сторонѣ; разстояніе между паровозами замѣтно уменьшалось. Но успѣемъ-ли мы во-время настичь его? Курьерскій поѣздъ могъ находиться отъ насъ самое большее въ 5—6 миляхъ (отъ 8 до 9½ километровъ) разстоянія.

Бѣглецъ, видя, что погоня настигаетъ его, сталъ высматривать съ тендера мѣсто, гдѣ бы удобнѣе соскочить; но и рабочій паровозъ успѣлъ развить такую страшную скорость, что каторжникъ очевидно не рѣшался спрыгнуть съ него.

— Наведи на него ружье и крикни, чтобы онъ остановилъ машину! обратился я къ часовому; но онъ давно выронилъ ружье изъ рукъ при нашемъ адскомъ полетѣ и въ смертельномъ страхѣ, весь съежившись отъ ужаса, цѣплялся обѣими руками за стѣнку тендера.

Мой кочегаръ Генри былъ почти мальчикъ, но мальчикъ, который, по смѣлости и присутствію духа, могъ поспорить съ любымъ взрослымъ. Я поручилъ ему дальнѣйшее управленіе паровозомъ, а самъ взялся за ружье.

Я сошелъ на подножку, если можно такъ выразиться, прицѣлился въ бѣглеца и закричалъ ему, чтобы онъ повернулъ рычагъ.

Онъ очевидно не понялъ смысла моего требованія, а можетъ-быть просто испугался страшной быстроты локомотива: такъ или иначе, но при видѣ наведеннаго на него дула ружья онъ соскочилъ и полетѣлъ головой внизъ, въ пропасть. Я успѣлъ разглядѣть еще, когда мы неслись по тому же мѣсту, какъ онъ перекувырнулся въ воздухѣ.

Рабочій паровозъ летѣлъ уже самъ по себѣ, и я сообразилъ, что остановить его могу только я самъ, если вообще есть какая-нибудь возможность задержать его. Мы очень медленно приближались къ нему, но я не рѣшался дать больше пару своему локомотиву. Я не зналъ, къ сожалѣнію, въ какомъ разстояніи отъ насъ находится теперь скорый поѣздъ. Какъ бы только наши высокія колеса удержались на рельсахъ!

Локомотивъ нашъ весьма подозрительно покачивался изъ стороны въ сторону, когда мы бѣшенымъ ходомъ пробѣгали крутые повороты и я каждую минуту опасался, что онъ сойдетъ съ рельсовъ и опрокинется въ бездонную пропасть, между тѣмъ какъ для рабочаго локомотива, съ его несравненно болѣе низкими колесами, представлялось гораздо менѣе шансовъ сойти съ рельсовъ, какъ оно ни желательно было бы при данныхъ условіяхъ.

Если мнѣ не удастся догнать паровозъ—пассажиры курьерскаго поѣзда погибли... Я безпрестанно подавалъ тревожные свистки, въ надеждѣ, что машинистъ услышитъ ихъ. Бѣда была въ томъ, что за крутыми поворотами онъ не могъ видѣть насъ, а шумъ и грохотъ собственнаго поѣзда могъ помѣшать ему услышать свистки.

— Поддай еще чуточку, Генри! закричалъ я мальчику.

Я зналъ, что мнѣ остается никакъ не болѣе 1½ минуты, чтобы сдѣлать то, что я считалъ необходимымъ. Въ крайнемъ случаѣ я надѣялся, если произойдетъ столкновеніе, сбросить по крайней мѣрѣ и рабочій паровозъ съ рельсовъ.

Подъ свѣжимъ давленіемъ пара, мой локомотивъ летѣлъ теперь, едва касаясь рельсовъ. Насъ отдѣляли отъ другаго локомотива какихъ-нибудь тридцать шаговъ и, если мы сами удержимся на рельсахъ, то должны догнать его черезъ ½ минуты. Съ одной стороны дороги поднималась высокая скала, съ другой—зіяла темная, въ сотни футовъ глубиною, отвѣсная пропасть. При взглядѣ на эту страшную глубину, мнѣ казалось, что мы летимъ по воздуху.

Между тѣмъ я успѣлъ перелѣзть на одинъ изъ переднихъ буферовъ въ надеждѣ перескочить на другой тендеръ, когда мы достаточно приблизимся къ нему.

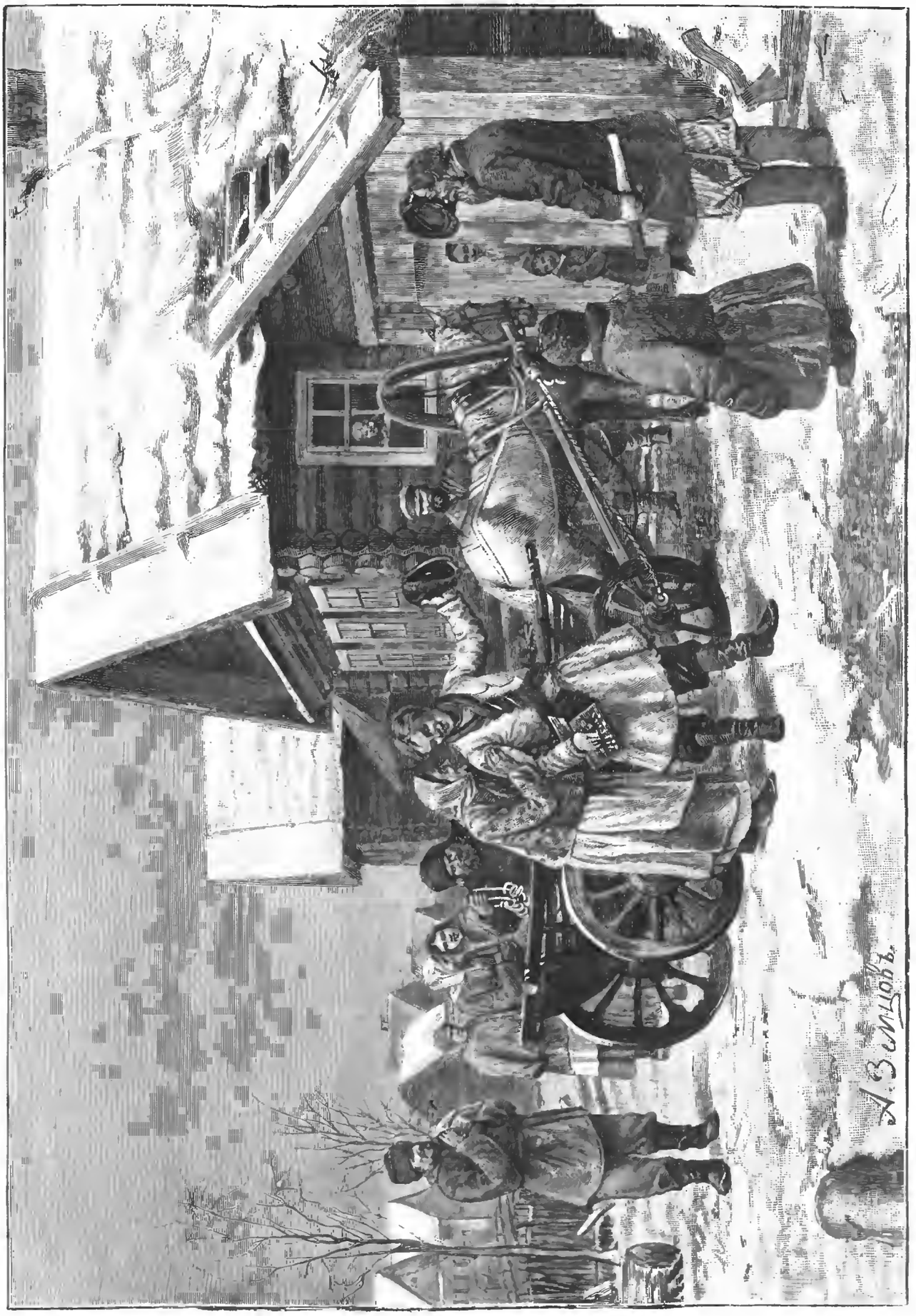
Дольше ждать не было возможности. Мнѣ казалось, что я уже слышу впереди, подъ нами, глухой шумъ приближающагося поѣзда.

Точно смѣривъ глазами разстояніе, я уперся одной ногой о подножку, напрягъ, что было мочи, всѣ мускулы и перепрыгнулъ раздѣлявшее насъ пространство. Одну минуту я висѣлъ на воздухѣ, цѣпляясь за заднюю стѣнку тендера, потомъ, удержавшись, перелѣзъ черезъ нее на тендеръ.

Все это было возможно сдѣлать лишь при совершенно ровномъ ходѣ обоихъ локомотивовъ.

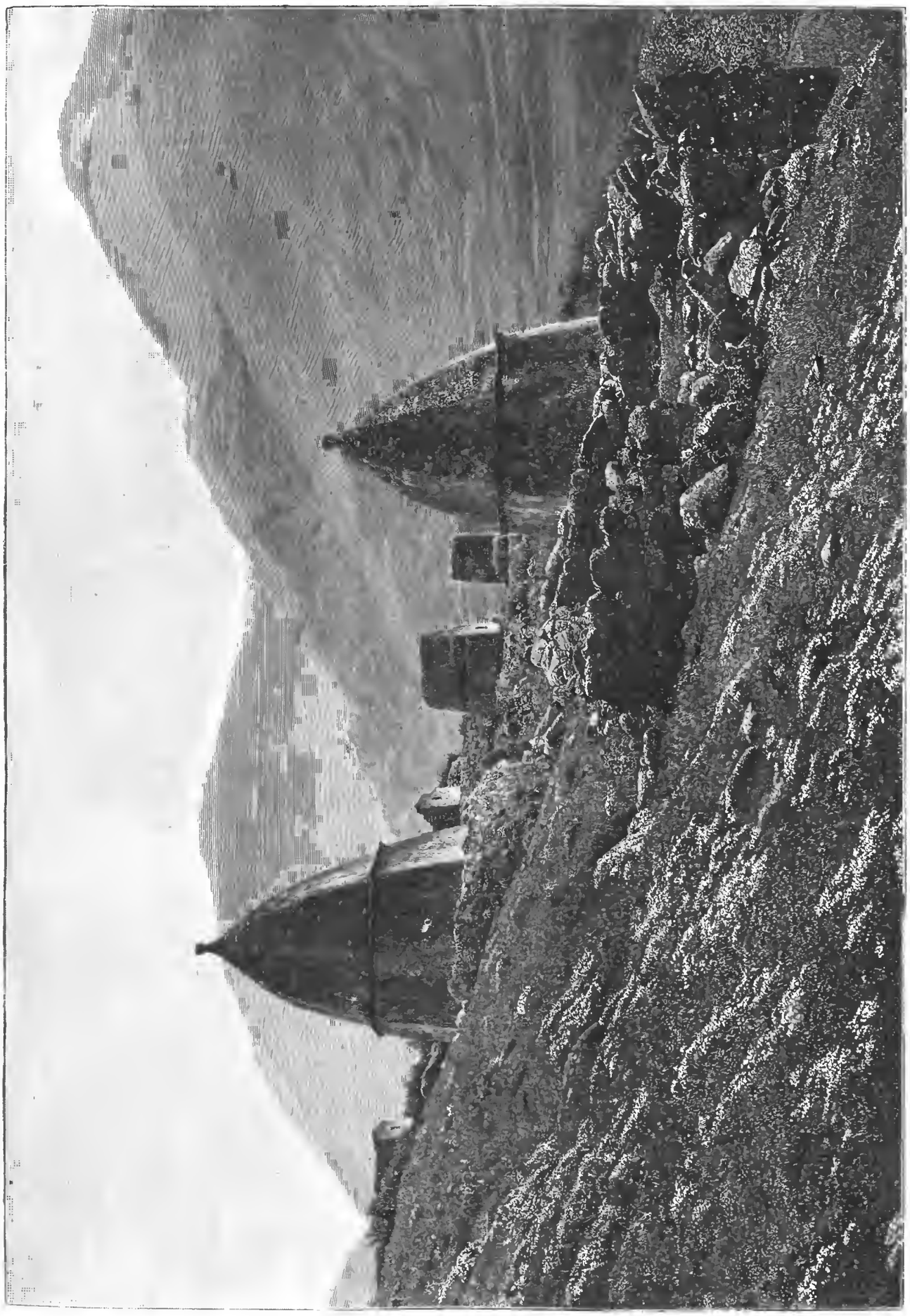
Это былъ дѣйствительно прыжокъ на жизнь или на смерть! Только отъ него зависѣла не одна моя жизнь, а жизнь сотни людей, ѣхавшихъ на курьерскомъ поѣздѣ.

Библиотека "Руниверс"



Забракованный. Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Земцова, грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"



Старинные могильники въ Чегемскомъ Обществѣ, называемые Ханскими. Раскопки бронзоваго вѣка.
Съ фот. грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Я и до сихъ поръ хорошенько не понимаю, какъ мнѣ удалось сдѣлать этотъ прыжокъ. Будь разстояніе на волосъ больше, я бы неминуемо попалъ между поѣздами и былъ бы раздавленъ.

Но ждать долѣе, пока оба локомотива прикоснутся другъ къ другу, я не рѣшался, потому что опасность для скораго поѣзда росла съ каждой секундой.

Въ одинъ моментъ я перескочилъ черезъ уголь, дернулъ рычагъ, пустилъ въ ходъ тендерный тормазъ и далъ контръ-паръ. Генри сдѣлалъ то же самое на другомъ локомотивѣ.

Уфъ! какъ затрещало въ цилиндрахъ, и какія искры посыпались изъ-подъ колесъ, когда контръ-паръ остановилъ ихъ ходъ!

Едва успѣли мы остановить локомотивъ, какъ скорый поѣздъ уже показался, пыхтя, изъ-за слѣдующаго поворота и неминуемо потерпѣлъ бы крушеніе, если-бъ намъ не удалось поймать бѣглеца описаннымъ мною способомъ.

При сильномъ подъемѣ пути не трудно было остановить поѣздъ.

Полъ-минуты спустя всѣ три локомотива, какъ ни въ чемъ не бывало, мирно взбирались въ гору. Мы едва обмѣнялись двумя-тремя словами, и я думаю, что пассажиры курьерскаго поѣзда и до сихъ поръ не узнали причины неожиданной остановки въ пути, у высокой горной скалы, и не подозрѣваютъ, какъ близко къ смерти они находились въ эту ужасную минуту.

Трупъ каторжника былъ найденъ у подошвы скалы, на нѣсколько сотъ футовъ ниже полотна дороги, и въ такомъ обезображенномъ видѣ, что его можно было признать только по полосатой курткѣ. (с.).

Литературныя бесѣды.

«Выбранныя мѣста изъ переписки къ друзьямъ», Гоголя.

На ореолъ, окружающій великое имя Гоголя, „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ набросили было нѣкоторую тѣнь. Какъ извѣстно, первое появленіе ихъ было встрѣчено недоумѣніемъ. Бѣлинскій, бывшій тогда въ апогеѣ своей славы, написалъ рѣзкую статью и кромѣ того извѣстное и напечатанное въ отрывкахъ письмо, прямо обвиняющее Гоголя. Казалось непонятнымъ, какъ творецъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ могъ сойти на путь проповѣди своими письмами, не стоящей повидимому ни въ какой связи съ его предшедшею дѣятельностію, даже прямо противорѣчащей ей. Впослѣдствіи объясняли поступокъ Гоголя душевною болѣзнью, разрушившею де до извѣстной степени его умственныя великія силы. Страннымъ казался его торжественный слогъ, выраженія его въ родѣ „всякъ“, вмѣсто „всякій“, давали поводъ къ порицанію; еще страннѣе казались его совѣты помѣщику обзывать своихъ крестьянъ „неумытыми рылами“, самая проповѣдь обращенная къ „рабовладѣльцу“, совѣты, какъ поступать съ „рабами“.

Недовольство, даже негодованіе тогдашнихъ порицателей Гоголя понятно. Они видѣли въ немъ „пророка“, разоблачителя золъ, гнетущихъ Россію, порицателя существующихъ въ ней порядковъ и характера жизни. Они считали его *своимъ*, наиболѣе яснымъ сторонникомъ прогресса русской жизни, проповѣдникомъ необходимости европейскаго просвѣщенія для нашего отечества. И вдругъ этотъ великій поэтъ, въ такихъ живыхъ образахъ отразившій темныя стороны русской жизни, въ письмахъ своихъ совсѣмъ не ратовалъ за прогрессъ въ смыслѣ усвоенія Россіею европейскаго быта, совѣтовалъ учить грамотѣ мужика только въ случаѣ его большой къ тому охоты, говорилъ: „ругни его“ (мужика) и проч. и проч. Что общаго между разоблаченіемъ Чичиковыхъ, Ноздревыхъ и Сквозникъ-Дмухановскихъ, и этими совѣтами, этими наставленіями, обращенными уже не къ одному лицу, а къ цѣлому обществу, разъ письма были преданы печати? Отъ Гоголя ожидали не того. Не проповѣди о томъ какъ владѣть рабами, а проповѣди объ уничтоженіи рабства, крѣпостной зависимости крестьянъ, тѣмъ болѣе, что типы помѣщиковъ, выведенные имъ же самимъ въ великихъ созданіяхъ его, громко говорили о тлетворномъ вліяніи рабства не только на крестьянъ, а даже и на самихъ помѣщиковъ.

Эти люди конечно не могли понять, зачѣмъ Гоголю пришло на умъ публиковать его частныя письменныя бесѣды съ друзьями. Порицатели его не безъ нѣкотораго основанія могли опасаться, что авторитетный голосъ великаго писателя будетъ принятъ и приводимъ въ доказательство того, что не нужно спѣшить съ реформою русской жизни, что все въ Россіи на своемъ мѣстѣ и въ порядкѣ, котораго нарушать не слѣдуетъ. Но на томъ разстояніи, которое отдѣляетъ насъ отъ времени написанія и опубликованія писемъ Гоголя, мы можемъ спокойнѣе и безпристрастнѣе отнестись къ этой книгѣ великаго „поэта жизни дѣйствительной,“ какъ его называлъ Бѣлинскій. И многое, что тогда возбуждало негодованіе и опасенія, предстанетъ передъ нами въ иномъ свѣтѣ.

Самыя письма Гоголя даютъ намъ ясное представленіе о причинахъ, вызвавшихъ въ немъ новый строй мыслей, и почему онъ придалъ имъ такое значеніе, что не только писалъ ихъ частнымъ лицамъ, но и напечаталъ ихъ. Гоголь былъ боленъ, при смерти. Какъ натура въ высшей степени впечатлительная, онъ, естественно, вынесъ тяжкія впечатлѣнія отъ этой близости вѣчности, и не могъ уже отъ нихъ отрѣшиться. А въ смертныя минуты человѣкъ долженъ испытывать могущественное влеченіе отнестись безпристрастно къ фактамъ жизни, къ страстямъ, волнующимъ человѣчество. И, неизбѣжно, многое, что казалось такимъ привлекательнымъ и важнымъ, превращается въ мелкое и ничтожное, а что казалось несущественнымъ—вырастаетъ въ неизмѣримо великое. Самый простой примѣръ пояснитъ эту мысль, могущественно высказанную другимъ геніальнымъ писателемъ, гр. Л. Толстымъ, въ его „Смерти Ивана Ильича“. Представимъ себѣ человѣка, всю жизнь потратившаго на собираніе богатствъ, въ ущербъ своему нравственному совершенствованію, въ ущербъ добрыхъ и справедливыхъ отношеній къ ближнимъ. Не будетъ-ли этотъ человѣкъ, на смертномъ одрѣ, если онъ вспомнитъ и критически отнесется къ своей жизни, понимать всю тщету своихъ стремленій при жизни? И какъ онъ будетъ жалѣть, если онъ человѣкъ съ сердцемъ и умомъ, о тѣхъ страданіяхъ, которыя доставлялъ своимъ ближнимъ изъ-за этихъ богатствъ, которыя остаются безполезными ему, напрасными! Умирая, человѣкъ лучше можетъ понять значеніе нравственныхъ основъ жизни, чѣмъ при жизни, когда онъ волею-неволею является слугою своихъ страстей и пороковъ, своихъ увлеченій тщетными благами.

Чрезъ это тяжелое испытаніе прошелъ и Гоголь. И многое въ его мнѣніяхъ поколебалось. И вотъ онъ, подобно впослѣдствіи другимъ послѣдующимъ русскимъ геніальнымъ писателямъ, Достоевскому, Л. Толстому, пришелъ къ мысли о главной, огромной роли въ жизни нравственности, нравственнаго личнаго развитія человѣка. Подъ вліяніемъ религіознаго настроенія, вызваннаго смертнымъ часомъ, столь бывшимъ близко къ нему, онъ эту мысль развилъ широко; она получила въ немъ широкое развитіе, побѣждающее все остальное. Онъ зналъ глубоко жизнь и русскую и иныя; видѣлъ, какъ безсильны, безъ нравственнаго совершенствованія людей, всякія политическія и общественныя формы создать болѣе человѣчныя отношенія между людьми. И понятно, что тотъ общественный и политическій смыслъ, который придавали его произведеніямъ, охлаждалъ его къ этимъ послѣднимъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ о томъ, что „нужно любить Россію“, — такъ это письмо и озаглавлено, — а его произведенія, рисующія ее въ столь мрачныхъ краскахъ, должны были казаться ему ведущими къ противоположному. И онъ относился къ нимъ критически, хотѣлъ исправить свою „ошибку“, обѣщалъ, что онъ не будетъ изображать больше „все бѣдность, да бѣдность, да несовершенства человѣческія“, что въ произведеніяхъ его зазвучатъ „иныя струны“. Вотъ объясненіе одного изъ „преступленій“, въ которомъ обвиняли Гоголя,—того именно, что онъ отказался отъ своихъ великихъ произведеній.

Съ совершившимся переворотомъ въ своихъ воззрѣніяхъ Гоголь оставался все тѣмъ-же благороднымъ и гуманнымъ человѣкомъ, лично нравственнѣмъ выше даже, чѣмъ прежде. И тѣмъ-же онъ остался великимъ умомъ, но только преданнымъ мысли о тщетности житейскихъ стремленій, посѣтившей его въ близости смерти. Просмотрите его письма, и сколько благороднаго и искренняго найдете вы въ нихъ! Его отрицаніе собственной поэтической дѣятельности исходило изъ источника благороднѣйшаго. Онъ зналъ относительную силу печатнаго слова, онъ отрицательно относился къ тому „заколдованному кругу познаній, который нанесенъ журналами въ видѣ скоспѣлыхъ выводовъ, опрометчивыхъ показаній, выставленныхъ сквозь лживыя призмы всякихъ партій“, и боялся за доброе вліяніе своихъ сочиненій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не относился отрицательно къ литературѣ и поэзіи, и въ письмѣ „о чтеніи русскихъ поэтовъ передъ публикою“ сожалѣетъ о томъ, что „наши поэты до сихъ поръ почти неизвѣстны публикѣ“, и совѣтуетъ читать ихъ именно на начинавшихся тогда литературныхъ вечерахъ, вмѣсто новыхъ произведеній, незначительныхъ, къ которымъ онъ относилъ и свои. Цѣлыя большія письма посвящены Гоголемъ объясненію нашихъ поэтовъ, полному ума и пониманія. Многія письма его посвящены такимъ предметамъ, какъ то, что „нужно любить Россію“, „нужно проѣхаться по Россіи“, т. е. узнать ее, испытать отъ нея живыя впечатлѣнія,—о Карамзинѣ, о театрѣ, о „просвѣщеніи“ и т. п. И Гоголь часто высказываетъ въ нихъ глубочайшія мысли. Такъ, говоря о просвѣщеніи, онъ замѣчаетъ: „просвѣтить не значитъ научить или наставить, или образовать, или даже освѣтить, но всего насквозь высвѣтлить человѣка во всѣхъ его силахъ, а не въ одномъ умѣ, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь“, — мысль глубокая и выраженная съ необыкновенной ясностью.

Библиотека "Руниверс"

Но есть у Гоголя другія письма, которыя и послужили главнымъ образомъ къ осужденію и недовольству многихъ. Онъ говоритъ о роли „женщины въ свѣтѣ“, о томъ, „чѣмъ быть жена можетъ для мужа въ простомъ домашнемъ быту“, что долженъ дѣлать „занимающій важное мѣсто“ и пр. и пр., наконецъ, какъ долженъ вести себя „помѣщикъ“. Въ письмахъ этихъ Гоголь на первый взглядъ является какъ-бы не возвышающимся надъ обычною избитою житейскою моралью. Казалось, что не Гоголю-бы заниматься вопросами въ родѣ того, какъ должна жить и дѣйствовать, напр., свѣтская женщина. Но присмотритесь ближе къ этому письму—и вы ничего не найдете въ немъ, кромѣ благороднѣйшихъ совѣтовъ вести своего мужа по пути чести, съ указаніемъ, что многіе честные люди совершали несправедливыя дѣянія „отъ расточительности женъ“. Объясненіе происхожденія и значенія этихъ писемъ въ томъ, что Гоголь не является въ нихъ упрямымъ проповѣдникомъ новыхъ порядковъ жизни, а совѣтчикомъ, какъ жить при данныхъ порядкахъ, которыхъ вѣдь не могла же измѣнить, положимъ, та одна дама, которой онъ писалъ о жизни „въ свѣтѣ“. Глубокій знатокъ даннаго состоянія общества, онъ давалъ свои совѣты и мнѣнія какъ *при немъ* жить и поступать. Но это не значитъ, чтобы онъ былъ противникомъ улучшенія жизни, порядковъ.

Это свойство писемъ Гоголя всего рѣзче и яснѣе на томъ, которое озаглавлено „Русскій помѣщикъ“, и которое болѣе всего и навлекло на автора порицаній. Оно писано человѣку, „непремѣнно положившему себѣ быть помѣщикомъ“. На вопросъ его: какъ ему слѣдуетъ поступать, какой смыслъ имѣлъ-бы совѣтъ—совсѣмъ не быть помѣщикомъ? И Гоголь, исходя изъ этой практической стороны дѣла, прежде всего утѣшаетъ своего друга, что ужь не непремѣнно къ нему отвесутся враждебно крестьяне. Онъ признаетъ, что добрыя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ исчезли, что въ этомъ виноваты помѣщики, но справедливо думаетъ, что русскаго человѣка можно привязать къ себѣ, дѣлая ему добро и научая его добру. Что же совѣтуетъ Гоголь дѣлать для этого? „Будь патріархомъ, самъ начинателемъ всего и передовымъ во всѣхъ дѣлахъ“, пишетъ Гоголь. Онъ рекомендуетъ ему обѣдать, при началѣ работъ, вмѣстѣ съ мужиками и вмѣстѣ съ ними выйти на работу, да и въ работѣ „быть передовымъ“. Само собою разумѣется, что въ этомъ совѣтѣ ничего недобраго нѣтъ, но много практическаго смысла. Не совѣтуетъ Гоголь бить мужика; „но умѣй пронять его хорошенько словомъ; ты же на мѣткія слова мастеръ. Ругнв его при всемъ народѣ, но такъ, чтобы тутъ-же осмѣялъ его весь народъ“. Гоголя упрекали, что онъ былъ противъ грамотности народа. Но онъ говорилъ не то. „Учить народъ грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ“. И онъ совѣтуетъ учить того, кто имѣетъ охоту, но не для того, чтобы сдѣлать его плутомъ-ковторщикомъ, а чтобы дать ему возможность читать священныя книги. Такого желающаго онъ совѣтуетъ „воспитать какъ сына“. Любопытна забота Гоголя о томъ, чтобы помѣщикъ съумѣлъ привязать къ себѣ священника, вліялъ на него и побуждалъ учить народъ проповѣдями. Очевидно, Гоголь могъ желать вліянія на священника только со стороны хорошаго человѣка.

Приведенное письмо рѣзко выдается изъ другихъ своею, такъ сказать, безцеремонностью; но изъ него нельзя вывести, чтобы Гоголь былъ противникомъ освобожденія крестьянъ, а только мнѣніе его, что если ужь быть практическимъ помѣщикомъ, то слѣдуетъ поступать указываемымъ имъ практическимъ образомъ.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Люксембургъ. (Рис. на стр. 289).

Со смертью Голландскаго короля Вильгельма великое герцогство Люксембургское стало самостоятельнымъ государствомъ, и на престолъ его 27 ноября 1890 года вступилъ герцогъ Адольфъ Нассаускій. Древнее мѣстечко Люксембургъ, откуда и произошло нынѣшнее названіе, было графствомъ уже въ XII вѣкѣ. Съ прекращеніемъ старшаго рода люксембургскихъ владѣтелей въ 1136 году, графство унаслѣдовалъ Генрихъ I, графъ Намюрскій, и передалъ его своей дочери Эрмезиндѣ, супругѣ Валерама Лимбургскаго и родоначальницѣ второй линіи Люксембургскаго дома, при которомъ въ 1354 году графство стало герцогствомъ. Въ 1444 году Люксембургъ присоединился къ Бургундіи и какъ бургундское наслѣдство перешелъ въ 1477 году къ Габсбургскому дому, въ 1555 году—вмѣстѣ съ Нидерландами къ Испаніи, а въ 1713, по Утрехтскому миру, снова къ Австріи. Завоеванный въ 1795 году французами, онъ перешелъ къ нимъ въ 1797 году, но въ 1815 году, возведенный въ степень великаго герцогства, какъ союзное германское государство, уступленъ королю Голландскому. По Лондонскому трактату 1839 года, западная часть страны отошла къ Бельгіи, а восточная, въ качествѣ великаго герцогства, осталась въ личной уніи съ Голландіей и въ Германскомъ союзѣ, откуда она была исключена послѣ событій 1866 года.

Возникшій вскорѣ послѣ того Люксембургскій вопросъ между Франціей и Пруссіей былъ разрѣшенъ въ 1867 году на Лондонской конференціи, когда страна была объявлена навсегда нейтральною и укрѣпленія, простоявшія болѣе 500 лѣтъ, должны были быть уничтожены, что совершилось лишь въ 1872 году. Нѣкогда союзная крѣпость, а нынѣ главный городъ, насчитываетъ до 18,000 жителей, и видъ его читатели найдутъ на стр. 289.

„Осада Троицкой лавры“ картина В. П. Верещагина. (Рис. на стр. 292 и 293).

Художникъ избралъ для своей картины столь богатую образами, характерами и типами эпоху Смутнаго времени, и изъ этой эпохи отдалъ предпочтеніе именно знаменитой осадѣ Троице-Сергіевой обители, которая представляетъ одну изъ достославнѣйшихъ страницъ русской исторіи начала XVII вѣка. Этой знаменитой осадѣ предшествовали слѣдующія событія. Лжедмитрій I, котораго многіе на Руси считали законнымъ государемъ, былъ убитъ возмутившимися противъ него боярами въ маѣ 1606 года. Главный зачинщикъ возстанія, князь Василій Шуйскій, былъ избранъ на Москвѣ въ цари, и эта замѣна одного царя другимъ произошла такъ быстро, что многіе не хотѣли подчиниться волѣ новаго царя и не вѣрили въ законность его избранія. Этимъ прискорбнымъ обстоятельствомъ успѣли воспользоваться сторонники Лжедмитрія; они распустили басню о томъ, будто бы Лжедмитрій успѣлъ спастись отъ убійцъ, и подыскали новаго смѣльчака-самозванца, который назвался царемъ Дмитріемъ и сталъ во главѣ смуты. Къ нимъ пристала немедленно вся западная окраина государства Московскаго, все казачество и иная вольница, жадная до грабежей и не привыкшая ничему подчиняться. Около втораго Лжедмитрія, который укрѣпился въ Тушинѣ *), подъ Москвою, собралось сильное войско изъ всякаго сброда, поляковъ и казаковъ, осадило Москву, захватило всѣ подмосковные города и все верховье Поволжья. Подъ знамена Лжедмитрія сошлись и самые отчаянные головорѣзы изъ Литвы и Польши. Въ числѣ ихъ явились даже нѣкоторые изъ знатныхъ польскихъ пановъ: Рожинскій, Зборовскій, а также Лисовскій и Янъ Сапѣга, прославившіеся впослѣдствіи своими разбойничьими наѣздами на русскія области.

Главною цѣлью Лжедмитрія II и его тушинцевъ было вовсе не желаніе защитить права законнаго государя, а грабежъ и насиліе. Это особенно ясно выразилось въ томъ, что тушинцы осмѣлились поднять руку на одну изъ величайшихъ святынь на Руси—на обитель Св. Сергія, чтобы завладѣть ея богатствами. Часть тушинскаго скопища (около 30,000 челов.), подъ начальствомъ Яна Сапѣги и Лисовскаго, осадила монастырь Троицкій, въ которомъ было всего 1,600 чел., годныхъ носить оружіе (иноковъ, стрѣльцовъ и крестьянъ). Эта горсть людей, одушевленныхъ вѣрою въ Бога и надеждою на помощь Св. Сергія, цѣлыхъ 16 мѣсяцевъ (отъ сентября 1608 по январь 1610 г.) защищалась отъ враговъ и дала имъ мужественный отпоръ. Не смотря на свою малочисленность, храбрые защитники обители дѣлали изъ-за стѣнъ ея частыя и отчаянныя вылазки, которыхъ трепетали враги. Художникъ избралъ сюжетомъ своей картины возвращеніе троицкихъ „сидѣльцевъ“ съ одной изъ такихъ вылазокъ. Духовенство и воеводы встрѣчаютъ храбрыхъ защитниковъ обители у воротъ ея. Одни спѣшатъ обласкать и напоить ихъ; другіе несутъ въ соборъ убитыхъ и раненыхъ на вылазкѣ. Многіе изъ возвратившихся съ вылазки невредимыми благодарятъ Бога за спасеніе, крестясь на храмъ Божій; иные подходятъ подъ благословеніе архимандрита и спѣшатъ приложиться къ мѣстной иконѣ, которую, подъ сѣнью хоругвей и крестовъ, держатъ два старѣйшихъ инока. Въ сторонѣ, одинъ изъ воеводъ, принявшій на себя начальство надъ вылазкою, отдаетъ послѣднія приказанія вступающимъ за обитель ратникамъ. Налѣво, около входнаго крыльца собора, подъ навѣсомъ, видна семья поселенцевъ, прибѣгнувшихъ подъ защиту стѣнъ обители. Вся картина переноситъ насъ въ ту эпоху, въ которую Троицкая обитель Св. Сергія оказала Русской земли и русскому народу такую незабвенную услугу.

Яйцо Колумба. (Рис. на стр. 297).

Трудно описать то радостное возбужденіе, которое царило 3 марта 1493 года въ испанскомъ приморскомъ городкѣ Палосѣ; подъ звонъ колоколовъ все населеніе стремилось къ берегу, чтобы встрѣтить отважныхъ мореплавателей, которые семь съ половиною мѣсяцевъ до того отправились оттуда, чтобы

*) Въ 12 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Москвы.

Библиотека "Руниверс"

совершить одно изъ величайшихъ открытій въ исторіи человѣческихъ странствованій. Всѣ радовались, что открытъ новый путь къ баснословной Индіи, что, наконецъ, мечтанія многихъ вѣковъ осуществились, и еще не подозрѣвали, что истина превосходитъ все прежде воображаемое и что, благодаря Колумбу, для европейскихъ народовъ земля стала больше на цѣлый громадный материкъ. Конечно, о послѣднемъ никто не подозрѣвалъ въ то время въ Палосѣ и быть-можетъ менѣе всего самъ виновникъ торжества, счастливый генуэзецъ, спѣшившій со своими спутниками въ Барселону, гдѣ находился король. Прибытіе смѣлаго морехода въ послѣдній городъ отличалось большою торжественностью. Цѣлое шествіе, свидѣтельствовавшее объ его подвигѣ, предшествовало ему. Тамъ шли краснокожіе, впервые ступившіе на европейскую почву, въ своихъ странныхъ одѣяніяхъ и украшеніяхъ; затѣмъ шли люди, несшіе произведенія новооткрытаго острова, и въ удивленіи взирала громадная толпа на золотые сосуды, которые виднѣлись изъ корзинъ, или на ящики, полные хлопка и цѣннаго перца, не пропускала безъ вниманія пестрыхъ попугаевъ, раскачивавшихся на длинныхъ тростникахъ, или съ любопытствомъ спрашивала о названіяхъ другихъ странныхъ животныхъ, которыхъ еще не зналъ ни одинъ ученый Стараго Свѣта. Позади этого сказочнаго шествія ѣхалъ Колумбъ, окруженный испанскими рыцарями. Не удивительно, что король съ королевой поднялись съ трона при входѣ тріумфатора, подняли его, колѣнопреклоненнаго у ступеней трона, и посадили. Колумбъ достигъ верха славы, но ея любимцевъ всегда подстерегаютъ неблагодарность съ завистью. При жизни ему пришлось пережить не мало огорченій и только послѣ смерти имя его покрылось неувядаемою славою.

Разсказываютъ, что вскорѣ послѣ прибытія Колумба въ Барселону, кардиналъ Мендоса давалъ обѣдъ въ честь славнаго гостя. На обѣдѣ среди множества приглашенныхъ присутствовало не мало недруговъ чужеземца—новаго любимца двора, который нѣкогда, голодая, искалъ убѣжища у воротъ францисканскаго монастыря Рабида, а теперь, осыпанный богатствомъ и милостями, являлся гордостью и славою испанцевъ. Въ зависти старались они умалить заслуги Колумба и его успѣхъ приписывали счастливой случайности. Одинъ изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ не могъ удержаться, чтобы не высказать во всеуслышаніе такое мнѣніе и не спросить у мореплавателя: былъ ли совершенный имъ подвигъ дѣйствительно труднымъ и не могло ли его совершить лицо менѣе даровитое. На это Колумбъ, вмѣсто отвѣта, предложилъ любопытному поставить яйцо на столъ. Всѣ попытки, однако, оказались тщетными и никто не могъ выполнить предложенной задачи, пока самъ Колумбъ, ударивъ яйцомъ по столу и разбивъ конецъ его, не уставовилъ яйца въ равновѣсіи. Дѣйствительно, не трудно совершить что-нибудь, когда уже знаешь какъ надо для того дѣйствовать! Это событіе изъ жизни Колумба, однако, надо причислить къ числу вымысловъ. Еще до Колумба подобную задачу якобы предложилъ строитель Филиппъ Брунеллеско, котораго спрашивали, какъ онъ построитъ куполъ надъ церковью Santa Maria Fiore во Флоренціи; а также нѣсколько другихъ лицъ въ отвѣтъ на вопросъ въ родѣ вопроса Колумбова завистника.

Забракованный. (Рис. на стр. 300).

Рисунокъ нашего рисовальщика А. Земцова изображаетъ встрѣчу въ деревнѣ молодаго парня, который возвращается къ родной семьѣ изъ города, гдѣ онъ былъ забракованъ въ солдаты. Слабый физически, онъ былъ бы плохимъ служакой Царю и отечеству, а въ деревнѣ лишній работникъ всегда подспорье.

Ханскіе могильники въ Чегемскомъ обществѣ.

(Рис. на стр. 301).

Чегемское общество, берущее свое названіе отъ рѣки Чегема, вытекающей изъ ледниковъ горы Дыхтау, второй по высотѣ своей послѣ Эльборуса, населенное кабардинскимъ племенемъ, входитъ въ составъ Терской области и лежитъ на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта. Характеръ его природы по преимуществу суровый. Только въ нижнихъ частяхъ общества встрѣчаются воздѣланныя земли и насажденія, а подымаясь кверху все менѣе ихъ находишь, ихъ смѣняетъ полоса роскошныхъ горныхъ пастбищъ, за которой слѣдуютъ обнаженныя скалы и камни, приводящіе къ ледникамъ горы Дыхтау. Населеніе скучивается болѣе всего въ нижнихъ частяхъ общества, людные аулы красуются тамъ у подножія холмовъ и въ лощинахъ, гдѣ только струится рѣчонка, бьетъ горный ключъ или встрѣчаются колодцы: но чѣмъ выше, тѣмъ оно болѣе рѣдѣетъ и переходитъ въ кое-гдѣ разбросанные пастушескіе хутора. И вотъ, несмотря на такія не особенно благопріятныя естественныя условія этого уголка, туристъ въ немъ чрезвычайно часто натыкается на какіе-то никому невѣдомые по своему происхожденію памятники, въ видѣ кургановъ, насыпей, могильниковъ и каменныхъ крестовъ. Послѣдніе, положимъ, указываютъ на существованіе тутъ когда-то христіанства, заглушеннаго исламомъ, слѣдовательно сравнительно недавняго происхожденія: но курганы и могильники? кто ихъ сложилъ? Въ одномъ мѣстѣ, какъ значится на нашемъ рисункѣ, высятся два конической формы могильника крупныхъ размѣровъ и носятъ въ народѣ названіе *ханскихъ*. Возлѣ нихъ расположена группа другихъ могильниковъ, меньшихъ уже размѣровъ и другой формы. Кладка ханскихъ указываетъ уже на искусные пріемы зодчества, въ нихъ выведены правильные углы и своды, подѣланы симметрическія отверстія, въ видѣ входовъ и окошекъ. и по всему замѣтно, что люди ихъ строившіе разсчитывали не только придать имъ особенную прочность, но и красоту. Надписей на нихъ никакихъ не встрѣчается. Внутренность ихъ давно уже не представляетъ ничего кромѣ пустоты, краснорѣчиво указывающей на то, что въ нихъ издавна уже рылись и все обшарили до-чиста. Кто же построилъ ихъ? какой народъ, когда-то здѣсь жившій, оставилъ ихъ по себѣ памятникомъ? Въ отвѣтъ на это прагматическая исторія ничего не можетъ сказать. Мало-ли кто здѣсь не жилъ со временъ самыхъ отдаленныхъ, до-историческихъ. Несомнѣнно то, что народы тутъ двигались съ востока на западъ, смѣняя одинъ другаго, причемъ расположившіеся на сѣверномъ склонѣ Кавказа непремѣнно пытались перебраться черезъ хребетъ и попасть на южный склонъ, что и вызвало со стороны южнаго населенія постройку Кавказской стѣны. Народы толкались тутъ какъ на міровомъ рынкѣ во времена еще до-историческія, и мы бы никогда не могли сказать, къ какой эпохѣ относятся древнѣйшіе могильники, если бы не раскопки Археологическаго Общества, учрежденнаго покойнымъ графомъ Уваровымъ. Онѣ-то и подняли завѣсу, опредѣливъ съ точностью, что памятники эти, по нахожденію въ нѣдрахъ ихъ разныхъ вещей, принадлежатъ къ бронзовому вѣку. Кто былъ народъ ихъ сооружавшій, конечно навсегда останется тайною, но что онъ здѣсь жилъ уже во вторую эпоху цивилизаціи, т. е. въ эпоху бронзоваго вѣка, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Заколки, булавки, ножи, стрѣлы, домашняя утварь — все это, подѣланное изъ бронзы и находимое при раскопкахъ, краснорѣчиво говоритъ, что народъ этотъ еще не имѣлъ понятія о желѣзѣ. По всему вѣроятію, много спустя, послѣ этой эпохи были сооружены такъ-называемые ханскіе могильники, конечно на томъ мѣстѣ, гдѣ была усыпальница главныхъ вождей этого неизвѣстнаго народа.

Слоновыя черепахи (Testudo nigra).

(Рис. на стр. 305).

Почти всѣ путешественники XVI и XVII столѣтій, писавшіе о своихъ открытіяхъ въ Тихомъ океанѣ, упоминаютъ объ островахъ Галапагосъ или Черепашьихъ, на которыхъ въ тѣ времена не было ни людей, ни крупныхъ млекопитающихъ, за то водилось безчисленное множество исполинскихъ черепахъ. Нынѣ эти животныя почти въ конецъ истреблены, и на принадлежащихъ южно-американской республикѣ Экуадоръ островахъ Галапагосъ встрѣчается лишь одинъ видъ громадныхъ земныхъ черепахъ — изображенная на стр. 305, такъ-называемая слоновая черепаха, да и та годъ отъ году становится все малочисленнѣе. Знаменитый англійскій естествоиспытатель Чарльзъ Дарвинъ, посѣтившій Черепашьи острова въ 1835 г., нашелъ еще множество этихъ животныхъ, достигавшихъ $1^1/_2$ метра длины, 1 метра ширины и почти 1 метра высоты. Слоновая черпаха темнобураго, почти чернаго цвѣта и вѣситъ около 100 килограммовъ, но попадались и такія, что давали одного съѣдобнаго мяса до ста килограммовъ. Живущія въ равнинахъ питаются преимущественно сочными кактусами, водящіяся по сырымъ возвышенностямъ кормятся листьями различныхъ кустарниковъ, лишаями и ягодами. Черепахи любятъ воду, пьютъ очень много и охотно валяются въ илѣ. Такъ какъ лишь на большихъ островахъ есть источники, всегда залегающіе въ горахъ, то слоновыя черепахи, живущія въ низменностяхъ, должны совершать значительныя странствованія къ водопою. Вслѣдствіе этого протаптываются широкія тропы, по которымъ черепахи ежедневно и направляются къ водѣ. Здѣсь можно весьма легко и близко наблюдать ихъ. Такой водопой у источника представляетъ замѣчательное зрѣлище. Неуклюжія черепахи, тяжкою походкой, съ вытянутыми шеями, стремятся къ водѣ; другія, утоливъ жажду, пускаются въ обратный путь. Какъ только жаждущія достигли источника, онѣ погружаютъ голову до самыхъ глазъ и жадно глотаютъ воду, дѣлая по десяти большихъ глотковъ въ минуту. Замѣчательно, что эти животныя, днемъ крайне робкія и прячущія голову подъ щитъ при малѣйшемъ шорохѣ, ночью повидимому становятся совершенно слѣпы и глухи. Даже выстрѣлъ не производитъ на нихъ никакого впечатлѣнія. Но и днемъ онѣ слышатъ довольно плохо, такъ что сзади къ нимъ легко подойти. Если сѣсть черепахѣ на спину, она преспокойно ковыляетъ дальше, такъ что вѣсъ взрослаго человѣка повидимому не особенно тяготитъ ее; но ѣздоку еще труднѣе усидѣть на ней, чѣмъ на верблюдѣ. Ради вкуснаго мяса слоновой черепахи, ее такъ усердно истребляли, что нынѣ уцѣлѣло лишь небольшое количество экземпляровъ этого интереснаго животнаго.

Библиотека "Руниверс"

Слоновыя черепахи (Testudo nigra). Рис. и грав. Шпехтъ.

Библиотека "Руниверс"

Политическое обозрѣніе.

Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, посѣтивъ Зондскіе острова, благополучно прибылъ во французскія владѣнія въ Индо-Китаѣ. Изъ Сайгона телеграфируютъ: „Крейсеръ „Память Азова", на которомъ путешествуетъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ сопровожденіи трехъ другихъ русскихъ крейсеровъ, пришелъ въ Сайгонъ 16 марта вечеромъ. Командующій французскимъ отрядомъ на дальнемъ Востокѣ контръ-адмиралъ Бенаръ, генералъ-губернаторъ Пике съ членами своего военнаго кабинета и товарищъ кохинхинскаго губернатора Денель явились на крейсеръ, чтобы привѣтствовать Его Высочество. Наслѣдникъ Цесаревичъ почти тотчасъ же сошелъ на берегъ и отправился въ правительственный дворецъ, гдѣ для Его Высочества были приготовлены аппартаменты. На пути ко дворцу поставлены были шпалерами войска, а городъ Сайгонъ роскошно убранъ флагами. Въ тотъ же день у генералъ-губернатора былъ большой обѣдъ, за которымъ генералъ-губернаторъ провозгласилъ тостъ за Государя Императора; Наслѣдникъ Цесаревичъ, горячо поблагодаривъ за оказанный пріемъ, провозгласилъ тостъ за Францію и президента Карно. Послѣ обѣда данъ былъ въ театрѣ парадный спектакль; затѣмъ состоялось факельное шествіе и большой праздникъ, данный городскимъ управленіемъ. 17 марта состоялся смотръ войскамъ и балъ у генералъ-губернатора. На другой день Наслѣдникъ Цесаревичъ присутствовалъ на большомъ балу, даваемомъ офицерами арміи и флота на пароходѣ „Loire". Во вторникъ происходила большая охота въ окрестностяхъ Сайгона. По возвращеніи русская эскадра снялась съ якоря и отбыла въ Гонконгъ. Французское населеніе и туземцы встрѣчали Его Высочество горячими оваціями.

Президенту Французской республики г. Сади-Карно оказана Государемъ Императоромъ высокая честь пожалованіемъ высшаго русскаго ордена—Св. Андрея Первозваннаго, которымъ еще не былъ награждаемъ ни одинъ изъ прежнихъ президентовъ третьей Французской республики въ силу своего президентскаго званія. Врученіе ордена нашимъ посломъ барономъ Морингеймомъ состоялось 14 марта. Въ два съ половиною часа пополудни русскій посолъ, въ сопровожденіи всего личнаго состава посольства, въ полной парадной формѣ прибылъ въ Елисейскій дворецъ. Пока военный караулъ отдавалъ обычныя воинскія почести, барона Морингейма встрѣтилъ у главнаго подъѣзда адъютантъ президента республики, полковникъ Лихтенштейнъ, послѣ чего графъ д'Ормессонъ проводилъ посла и прочихъ членовъ посольства до залы, гдѣ уже находился г. Карно, окруженный всею своею военною свитою. Здѣсь баронъ Морингеймъ вручилъ президенту республики дипломъ кавалера ордена Св. Андрея Первозваннаго, равно какъ роскошные знаки этого ордена. Тутъ же г. Карно вручены были знаки орденовъ: Св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, Св. Анны и Св. Станислава. Вручая президенту республики орденскіе знаки, посолъ высказалъ, что онъ счастливъ имѣя случай выразить сердечныя чувства, которыя внушаетъ Государю Императору президентъ Французской республики. Карно, поблагодаривъ русскаго посла, просилъ его передать Его Величеству благодарность за оказанный знакъ сочувствія. Свиданіе продолжалось около четверти часа. При отъѣздѣ барона Морингейма, стража Елисейскаго дворца брала на караулъ. Пожалованіе президенту Французской республики высшаго русскаго ордена пришлось многимъ не по сердцу въ Германіи, и нѣмецкія газеты, не скрывая своего неудовольствія, поспѣшили о томъ высказаться, при чемъ нашлись и такіе странные публицисты, которые сопоставляютъ это событіе съ извѣстною неудачей, которою кончились не такъ давно поѣздка родительницы Германскаго императора въ Парижъ и попытка императора Вильгельма II сблизиться съ Франціей.

Московскія Вѣдомости, отмѣчая важность этого пожалованія, говорятъ: „Это есть наглядное, можно сказать, осязательное доказательство тѣхъ наилучшихъ отношеній, которыя установились между Россіей и Франціей. Хотя во Франціи и существуетъ форма правленія, кореннымъ образомъ отличающаяся отъ незыблемаго строя Россіи, но во главѣ французскаго государства стоятъ нынѣ люди, съумѣвшіе устранить всякое къ себѣ недовѣріе своею полною лойяльностью и неизмѣнною во всѣхъ случаяхъ благонамѣренною корректностью, и въ числѣ этихъ лицъ первое мѣсто занимаетъ самъ президентъ Французской республики. Это отрадный фактъ, ибо, какъ показалъ уже опытъ, мирное равновѣсіе Европы и соблюденіе въ ней законности зависитъ отъ степени взаимодѣйствія Россіи и Франціи: эта сильнѣйшая изо всѣхъ комбинацій парализуетъ всякія поползновенія нарушить миръ и законность, откуда бы эти поползновенія ни исходили."

Въ Софіи произошло нападеніе на Стамбулова и болгарскаго министра финансовъ Бельчева, причемъ послѣдній былъ убитъ. По словамъ *Kœlnische Zeitung*, находящейся въ близкихъ отношеніяхъ къ болгарскимъ правителямъ, 15 марта послѣ полудня всѣ министры находились въ кофейнѣ Панашова и при наступленіи вечера Стамбуловъ и Бельчевъ пошли домой пѣшкомъ черезъ городской садъ. Передъ домомъ доктора Чатея четыре человѣка, по два съ каждой стороны, бросились на министровъ и стали стрѣлять въ нихъ изъ револьверовъ. Бельчевъ, раненый двумя пулями, упалъ на землю и вскорѣ испустилъ духъ. Жандармы пустились въ погоню за убійцами и одного изъ нихъ имъ удалось ранить сабельнымъ ударомъ, но было такъ темно, что всѣ они все-таки скрылись. Стамбуловъ тутъ же на мѣстѣ покушенія отдалъ первыя приказанія. Начались домовые обыски у членовъ оппозиціи и аресты производились массами. Всего арестовано 300 человѣкъ и между прочими Каравеловъ. Мирные граждане, давно уже не принимающіе никакого участія въ политической жизни страны, были грубо схвачены въ постели и заключены въ грозную старую мечеть.

ШАХМАТЫ

подъ редакціей **Э. С. Шифферса.**

Текущія партіи по телеграфу между В. Стейницемъ (Нью-Іоркъ) и М. И. Чигоринымъ (С.-Петербургъ).

(Продолженіе).

I. Гамбитъ Эванса.		II. Дебютъ 2-хъ коней.	
С.-Петербургъ.	Нью-Іоркъ.	Нью-Іоркъ.	С.-Петербургъ.
Бѣлые.	Черные.	Бѣлые.	Черные.
30.	Кр. d8 — c7	31. Ф. h3 — d3+	С. h1 — e4
31. Л. f1 — b1			

Извѣстія изъ русскаго шахматнаго міра. Въ Петербургѣ (Книжный магазинъ Карбасникова) въ началѣ февраля м. с. г. вышелъ № 1 новаго русскаго „Шахматнаго журнала", издатель А. К. Макаровъ; редакторъ П. В. Отто. Подписная цѣна 6 руб. въ годъ за 12 №№.—Въ Москвѣ: П. П. Боброву и Д. И. Саргину разрѣшено издавать журналъ подъ заглавіемъ „Шашечница", ежемѣсячный журналъ, посвященный играмъ въ шашки и шахматы. Подписная цѣна 5 руб. въ годъ и 3 руб. за полгода (съ пересылкой).

Корреспонденція Г. О. К. (Кишиневъ). „Deutsche Schachzeitung" (Leipzig. Veit & Comp.), стоитъ съ пересылкой 10 марокъ въ годъ (12 №№).

В. Г. Манаровъ (г. Дмитровскъ). За задачи будемъ Вамъ благодарны.

А. Г. Савельеву. Задачи помѣстимъ.

Нѣкоторые читатели не находятъ своего имени въ числѣ правильно рѣшившихъ задачи въ „Нивѣ" по той причинѣ, что письма ихъ получаются во время печатанія нумеровъ, въ которыхъ помѣщаются рѣшенія.

Просимъ присылать задачи на діаграммахъ в съ приложенными къ нимъ рѣшеніями.

СОДЕРЖАНІЕ: Мальтійская цѣпь. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ князя М. Н. Волконскаго. Ч. III. (Продолженіе). — Отчанная погоня. I. Келлермана. — Литературныя бесѣды. „Выбранныя мѣста изъ переписки къ друзьямъ", Гоголя. — Къ рисункамъ: Люксембургъ (съ рис.). — „Осада Троицкой Лавры", картина В. П. Верещагина (съ рис.). — Яйцо Колумба (съ рис.). — Забракованный (съ рис.). — Ханскіе могильники въ Чегемскомъ обществѣ (съ рис.).—Слоновыя черепахи (Testudo nigra) (съ рис.).— Политическое обозрѣніе. — Шахматы. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.
ФРАНКФУРТЪ Н/М.
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЪ".
Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиновъ „Кюженъ" (подушки) и „пневматическій". Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 франк. марками. Ц. № 5038 24—5

ГАВАНСКІЯ СИГАРЫ УРОЖАЯ 1890 Г.
Каждый ящикъ снабженъ обязательными (съ 1-го іюля 1890 г.) правительственными бандеролью и штемпелемъ острова Кубы.
Настоящія египетскія папиросы, съ фабрикъ S. A. Caravopoulo и Georgis D. Masra въ Каиро.
Сигары изъ лучшаго бразильскаго табаку по 3, 6½, 7, 8 р. за сотню. Заказы изъ провинціи по полученіи задатка. Прейсъ-курантъ безплатно.
БРУНО ВАЛЕНТИНИ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. № 5194
Екатерининскій кан., уг. Невскаго. № 18—27, 2-й подъѣздъ отъ Невск.

Только что отпечатанъ и поступилъ въ продажу
АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ
ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ ИЗЪ ДЕРЕВА
составленный **Л. П. СЕРГѢЕВЫМЪ.**
ИЗДАНІЕ 2-е, дополненное новыми рисунками. Цѣна въ литограф. обертѣ 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 60 к. Съ требованіями обращаться въ СПБ-гъ, въ контору журн. „Нивы", Невскій, д. № 6.

PAPIER FAYARD ET BLAYN
Бумага Фаяръ и Блянъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность заставила появиться много подлѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Блянъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Но избѣжаніе подлѣлокъ требовать собственноручную подпись. Ц. № 4989 11—

Библиотека "Руниверс"

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается по всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28—15

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ

Н. № 5098 20—1

10, 15, 25 р. и дороже. Полный наборъ к самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-курантъ 50 к. К. Н. ФРЕЛАНДТЪ. Москва. Мясницкая, уголъ Кривоколѣннаго пер., д. Соколова. С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30—16.

Имѣю честь увѣдомить С.-Петербургскую публику, что во всѣ магазины ЧЕРЕПЕННИКОВА получается къ Пасхѣ

ТАМБОВСКІЕ ОКОРОКА

приготовленія Василія Степановича Мокроусова въ Тамбовѣ. № 5078 2—1

Извѣстные велосипеды въ свѣтѣ англійскаго завода

ГУМБЕРЪ и К°,

Представители

Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.

Москва, Петровскій проѣздъ, домъ Ежиной, магазинъ № 14.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

НОВОСТИ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО:

Шизмаръ. Былое времячко. Вальсъ. Ц. 75 к.
„ Маршъ и Вальсъ изъ оп. „Жажда сильныхъ ощущеній".
Нейфъ. Маленькій Листъ. Дѣтск. Сборн. 1.50.
„ Баварскій маршъ. Ц. 40 к.
„ Бонвеки. Полька со словами. Ц. 50 к.
Фельдманъ. Сладкій сонъ. Вальсъ. Ц. 75 к.
Ружицкій. Вспомни, другъ, моленьямъ души. № 4860 Романсъ. Ц. 40 коп. 10—9
„ Вольми меня, я вся твоя. Ц. 40 к.
Брамса Венгерск. танцы № 5,6,7. д. скр. съ фортепіано по 40 к.

у КУЛИКОВА, Москва, Маросѣйка.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

АРМАТУРЫ ДЛЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАГО ОСВѢЩЕНІЯ

изящно выполненныя и въ большомъ выборѣ имѣются на складѣ

у

М. ГИЦЛЬ преемникъ Р. КОЛЬБЕ,

Невскій проспектъ, № 54.

Главный представитель Саксонскаго завода бронзовыхъ издѣлій въ Вурценѣ. № 5068 3—3

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"

Измайловскій проспектъ, № 27.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.

ДУХИ

ВЫСШАГО КАЧЕСТВА.

Персидская Сирень.—Бѣлый Гелиотропъ.—Ландышъ.—Лила Бланъ.—Эсъ Букэ и Эсъ-Віолетъ.—Иксора Брсоиа.—Буке Императрисъ.—Ононопаксъ.—Жокей-Клубъ.—Шамвака.

Незамѣняемый букетъ (Bqt Sans Pareil). —Букетъ Гвоздь (Bouquet Clou) духи составленные С.-Петерб. Химич. Лаб. имѣютъ пріятный и долго сохраняющійся запахъ.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

Произведенія С.-Петерб. Химич. Лаб. въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптекарскихъ магазинахъ. Рч. № 5092 2—1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ДЕНЬ

на годъ 5 р.
на 8 мѣс. 4 р.
на 6 мѣс. 3 р.

За границу на годъ 10 р.

на 4 мѣс. 2 р.
на 2 мѣс. 1 р.
на 1 мѣс. 60 к.

№ 4792 (14)

Объявленія по 10 к. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Скворцовъ. Преображенская, 4. 12 кн. разсказовъ и очерковъ. Издатель А. А. Греве.

НЕБЫВАЕТЪ

прочнѣе мужскихъ кальсонъ какъ

изъ ТВИСТЪ,

въ магазинѣ

Ю. ГОТЛИБЪ, въ СПБ.,

по Владимірской, д. 2, уг. Невск. пр. Цѣна 1 р. 75 к. Пересылка за каждыя 3 пары 1 р., по Азіятск. Россіи 1 р. 75 коп. Меньше 3-хъ паръ не высылается. При пересылкѣ необходима мѣра пояса и длина. Мт. 5094

Для фабрикантовъ стеколъ

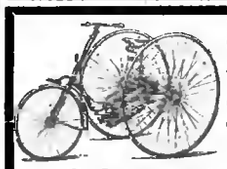
ПАРИЖСКАЯ НОВОСТЬ.

Новѣйшее по гравировкѣ и шлифовкѣ стеколъ для производства въ большомъ количествѣ. Наставленіе и подробныя свѣдѣнія сообщаетъ артистическая мастерская травленія по стеклу. № 5105

И. И. Гаугъ. Вас. Остр. 10 лин. № 25, кв. 1.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ. Невскій, 59—57, соб. домъ.



УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ двухъ- и трехъколесные

ВЕЛОСИПЕДЫ.

Прейсъ-курантъ безплатно.

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,

Садовая ул., 22, С.-Петербургъ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ И МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СБОРНИКЪ НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ГИМНОВ

всѣхъ странъ свѣта

роскошное изданіе in 4°. 400 стран., съ оригинальными текстами и гербами въ краскахъ (для фортепіано въ 2 руки)

одобр. к рекоменд. по военному вѣдомству Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба

Составилъ по оффиціальнымъ документамъ

П. А. ЩУРОВСКІЙ,

бывшій капельмейстеръ русской оперы ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ.

Цѣна 15 руб.

Складъ изданія и продажа: СПБ. Невскій, д. 138, контора газеты „СВѢТЪ".

Кромѣ своего оффиціальнаго значенія, это роскошное изданіе можетъ служить прекраснымъ подаркомъ къ наступающимъ праздникамъ и составитъ украшеніе любой гостиной, какъ книжкъ. Мт. № 5081 3—2

СТОЛЫПИНСКІЯ

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ И ГРЯЗИ.

Лѣчебный сезонъ съ 1 мая по 1 сентября. Сѣрнисто-соляныя, желѣзистыя и разсольныя воды. Минеральная грязь. № 5097

Открытіе Кумысолѣчебнаго заведенія—15 мая.

Главныя болѣзни: хронич. ревматизмъ, золотуха, сифилисъ, меркуріализмъ, невралгіи, параличи, малокровіе и хронич. женскія болѣзни.—Врачебныя консультаціи: директоръ и врачъ заведенія д-ръ мед. К. В. Ивенсенъ, по внутр. и хирургич. болѣзнямъ; доцентъ Императорскаго Казанск. университета И. М. Львовъ, по женск. и дѣтск. бол. (іюнь и іюль); д-ръ А. Ф. Тельнихинъ, по глазн., ушнымъ и горлов. бол. (іюнь и іюль).

Меблированные номера (отъ 15 р. въ мѣс.) и семейн. квартиры (2—6 комн.). Курзалъ. Оркестръ музыки. Дешевая жизнь. При квартирѣ врача заведенія открытъ пансіонъ для дѣтей, родители которыхъ, по дѣламъ, не могутъ жить при нихъ. — Сезонъ раздѣляется на главный курсъ (іюнь и іюль) и дешевые курсы (май и августъ); послѣдніе съ платою 50 р. въ мѣс. за квартиру съ содержаніемъ, ваннами и лѣченіемъ. Сборный пунктъ—с. Балакова на Волгѣ. Переѣздъ на воды въ крытыхъ рессорныхъ и обыкновенныхъ тарантасахъ. По требованію (прилагая 3 почт. мар. по 7 к.) высылается брошюра съ химич. анализомъ, справочными свѣдѣніями, таксою и видами заведенія.

Адр.: Контора Столып. минер. водъ, Самарской губ., почт. отдѣленіе Криволучье.

Повсѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Н. № 3187 (1)

Величайшій разсадникъ домашн. птицы въ Европѣ.

ПЕРВЫЙ РЕВЕЛЬСКІЙ РАЗСАДНИКЪ ДОМАШНЕЙ ПТИЦЫ

ЕВГЕНІЯ ЮЛЬЯНОВИЧА БЛОКЪ

въ Ревелѣ Мт. № 5102

предлагаетъ яйца для высиживанія всѣхъ породистыхъ птицъ. Неоплодившіяся яйца, присланныя мнѣ обратно сваренными въ крутую, замѣняю безплатно свѣжими. Каталоги доставляются безплатно.

Величайшее учрежденіе въ Россіи.

БРОКАРЪ и К°.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ Р. № 5087 2—2

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА

ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ

ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 8.

Библиотека "Руниверс"

БЕЗЪ ВРЕДА ВСЯКІЙ МОЖЕТЪ ТЕПЕРЬ!

самъ себя брить новоизобрѣтенною

БЕЗОПАСНОЮ БРИТВОЮ

„СТАРЪ“

употребленіе коей особенно облегчаетъ бритье, а съ гигіенической точки зрѣнія составляетъ дѣйствительно важное изобрѣтеніе, ибо каждый можетъ ею бриться. Бритва „Старъ“ сдѣлана изъ самой чистой шлифованной и магнетизированной новымъ, патентованнымъ способомъ, бѣлой стали.

Магнетизмъ, присутствіе котораго легко замѣчается, приблизивъ стальное перо, удаляетъ всякое раздраженіе кожи и мускуловъ лица и улучшаетъ бритье ножа частымъ его употребленіемъ, въ противоположность обыкновеннымъ бритвамъ, которыя должны быть отточиваемы опытными точильщиками. Съ каждымъ новымъ употребленіемъ бритвы „Старъ“ бритье становится острѣе, а кожа дѣлается мягче.

При каждой бритвѣ приложено объясненіе способа употребленія.

Только что получена изъ Америки.

Константинъ Мальмъ,

Складъ резиновыхъ издѣлій и новостей, 3—2 Большая Морская, 84. № 5077

Цѣна съ пересылкою 5 руб.

Остерегаться поддѣлокъ. 5—3

БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО

провизора Г. Ф. Юргенсъ, противъ излишней потливости. Продается во всѣхъ лучш. аптек. и ант. маг. Главн. складъ для всей Россіи № 5031

К. И. ФЕРГЕЙНЪ, Москва.

Цѣна 1/1 фун. 50 к., 1/2 фун. 30 коп.

PARIS

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré renfermant toutes les modes nouvelles pour la SAISON D'ÉTÉ, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie PARIS.

sont également envoyés franco. les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments. mais bien spécifier les genres et prix.

Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue

№ 5084 2—1

НОВОСТЬ

МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!

ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

Изящно! Практично! Безопасно! Дешево! Служитъ карманной спичечницей, давая ярый свѣтъ по цѣлымъ часамъ. Сдѣлано изящно изъ никкель. Только 1¼ дюм. вышины — удобно носить въ карманѣ.

Огниво съ 500 зарядами 2 руб. Запасъ въ 1000 зарядовъ 50 коп. (Пер. 1 ф.)

СБЕРЕГАТЕЛЬ САПОГЪ.

Сохраняетъ подошвы и каблуки отъ изнашиванія и искривленія. Легко придѣлать. Сберегаетъ въ 20 разъ болѣе стоимости 1 колл. 3) к.; 4 колл. 1 р. 20 к.; дюж. колл. 3 р. Иногор. менѣе 4 колл. не высылается.

НА ПАСХУ

предлагаю

БРЕЛОКИ въ видѣ ЯИЧКА:

Серебр. 84 проб. съ бѣлой эмалью съ живописью (послѣдняя новость) 3 руб.

Золотые отъ 1 руб. до 10 руб.

Каменные изъ: Агатъ, Тигровый глазъ, Топазъ, Авантуринъ и пр. 1 р. 25к., 1 р. 50к., 2 р.

Фарфоровые: съ живописью . . . . 1 р. 50 к.

„ съ искусств. камнями. 1 р. 50 к.

КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ:

Сухая 8 разныхъ цвѣтовъ, каждая . . 5 к.
Жидкая 10 „ „ „ . . 10 к.
Лакъ 8 „ „ „ 10 и 15 к.
Золотая и серебряная „ 10 к.
Мозаичный блескъ: новость! флаконъ. 20 к.
Мраморная бумага I сорта вонь. . . . 5 к.

Коллекція изъ вышеупомянутыхъ красокъ имѣется въ 2 р., 3 р., 5 р., № 5099

Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20.

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ. ПОСЛѢДНІЙ ВЫПУСКЪ.

ЗМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.

строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

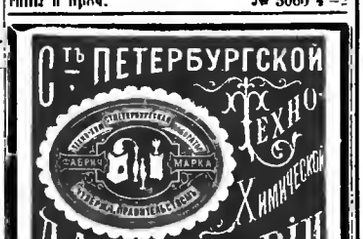
Спеціальность: плуги и молотилки.

Они же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта изъ Англіи и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жнеекъ „Деэи“ и снопосвязалокъ Мак' Кормика изъ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандель и ручныя грабли Тигръ завода Стодардте, рядовыя сѣялки Сакса и проч. № 4484 26—22

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенокъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

Г. ДАВИДЪ. Владимірскій пр., д. № 13. кв. 5, покупаетъ по высокой цѣнѣ: роскошные и рѣдкіе предметы XVI, XVII и XVIII столѣтій, какъ-то: бронзу, фарфоръ, гобелены, мебель, табакерки серебряныя издѣлія, миніатюры, вѣера, картины и проч. № 5060 4—2



НОВЫЕ ВЫСОКАГО КАЧЕСТВА

МЮСКЪ одеколонъ. . 45 к. 80 к.
мыло . . . . — „ 25 „
бѣлый, духи . 85 и 1 р. 50 „
САФО духи . . . . — 1 р. 25 „

Въ лучшихъ магазинахъ имперіи.

Просимъ обращать вниманіе на вышепомѣщенную фабричную марку.

СПБ., Пл. Александр. театра, 8. Москва, Наволоцк. п. Шереметьева.

ЛЕНИНГЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Только подлинно съ этой фабрич. маркой.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТИЧЪ и Ко.

въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составѣ этихъ препаратовъ не находятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.

*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо

Главный складъ для Россіи у В. Аурика въ С.-Петербургѣ, Коломенская, 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В № 4719 18—14

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1891 г. НА

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

7-й годъ изданія.

Москва, Мал. Дмитровка, д. № 12

Еженедѣльное изданіе.

◆ Въ каждомъ № помѣщаются: совѣты, рецепты, указанія и попутныя описанія новостей по всѣмъ ремесламъ и некрупнымъ техническимъ производствамъ со множествомъ рисунковъ и рабочихъ чертежей разныхъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, машинъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастерскихъ и хозяйства.

◆ Къ 50-ти №№ прилагается 100 листовъ рисунковъ образцовыхъ издѣлій для столяровъ, обойщиковъ, слесарей, кузнецовъ, сапожниковъ, портныхъ (моды Руссели и др.) и пр. Кромѣ того: календарь для ремесленниковъ и серія отдѣльныхъ книгъ по разнымъ ремесламъ.

Книги эти въ отдѣльной продажѣ стоютъ болѣе 4 руб.

Необходимое изданіе для техника, ремесленника, мастера, сельскаго хозяина, любителя ремеслъ, для школъ и во всякой семьѣ.

◆ Въ 1891 г. объемъ издан. увеличенъ въ полтора раза.—Подписная цѣна осталась прежняя. № 5096

6 руб. въ годъ съ перес. и дост., за 1/2 года 4 руб.

„РЕМ. ГАЗ.“ одобрена Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.

ВЫИГРЫШНЫЕ

Дворянскіе з. л. съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р. Выигрышъ со дня задатка принадлежитъ покупателю. Прод. уменьш. съ долгомъ. Государственные закладные листы обезпечиваются всѣми имѣніями заложенными въ Госуд. Дворянскомъ Банкѣ и всѣми средствами Правительства. № 5086 5—2

1-го МАЯ

с. г. тиражъ съ 1 выигрышемъ въ

200,000 р.

1 выигрыш. въ . . . 75,000 р
1 „ „ . . . 40,000 „
1 „ „ . . . 25,000 „
и 296 выигрыш. на сумму 260,000 „

Оплата выигрышей и купоновъ въ Государств. Банкѣ. Невыигравшіе закл. листы не теряютъ своей цѣны.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

59, Невскій, собств. домъ, СПБ.,

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

„ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 85 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (34) № 4866

С. № 5070 3—2

ЕДИНСТВЕННЫЕ ВПОЛНѢ НЕПРОМОКАЕМЫЕ КАУЧУКОВЫЕ БРЕЗЕНТЫ

плащи для возчиковъ, сторожей и пр.

НАДХОМУТНИКИ

№ 5091 для лошадей. 12—2

Ф. РЕДДАВЕЙ и Ко.

Москва, Рыбный пер., Старо-Гостинный дворъ, № 38.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Э. БУРХАРДЪ, СПБ., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.

Часы никел. отъ 6 р. 50 до 15 р.
„ стальн. черн. отъ 11 до 25 р.
„ серебряные отъ 12 до 50 р.
„ золотые отъ 25 до 500 р.
„ регуляторы двухнедѣльнаго завода отъ 17 до 65 р.

Высылаю наложен. платежемъ. Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ книга:

ОЧЕРКИ ИЗЪ ОБЛАСТИ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,

сочиненіе извѣстнаго государственнаго дѣятеля 8—2 Ц. № 5049

графа П. А. ВАЛУЕВА

(съ портретомъ автора).

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Цѣна 1 р. 50 к.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 8 разъ быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ В. Морская, 21.

Дозвол. цензур., СПБ., 27 марта 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | № 14 | г. XXII | 1891

ВЫХОД. ЕЖЕНЕД. №№ ВЪ 3 ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢС. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА". „ПАРИЖСК. МОДЪ" (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № „Нивы" безъ Сборника 20 к., съ перес. 25 к., со Сборникомъ 85 к.

Выданъ 6 апрѣля 1891 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ" принимаются за строку нонпарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr., для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 пф.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА АПРѢЛЬ**, 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за АПРѢЛЬ съ 28 рисунк. и отд. лист. съ 29 черт. выкр. въ натур. велич. и 30 рис. рукодѣльн. работъ.

Видъ города Златоуста съ юго-западной стороны. Съ фот. Мищенкова, грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

XIV.

Съ погодой происходило между тѣмъ что-то странное. Въ самыхъ послѣднихъ числахъ сентября разразилась гроза надъ Петербургомъ, и въ народѣ говорили, что такое необычное явленіе не предвѣщаетъ ничего добраго.

Въ октябрѣ метеоръ упалъ за каретой государыни. Снѣгъ выпалъ и морозы завернули быстро. Всѣ ожидали почему-то тревожной, безпокойной зимы.

Къ началу ноября, императрица видимо чувствовала себя нехорошо и даже не скрывала этого. Причиной тому были, какъ ходилъ слухъ, неудача съ бракомъ великой княжны Александры Павловны и отказъ короля Шведскаго, сильно подѣйствовавшій на самолюбіе Екатерины.

Государыня измѣнила свои привычки. По воскресеньямъ не выходила къ обѣднѣ. Оставалась вечеромъ въ своей спальнѣ, и обыкновенно проводившіе у нея конецъ дня, великій князь Александръ съ супругою не бывали приглашаемы послѣднее время.

Съ докладами она принимала лишь самыхъ близкихъ лицъ.

Четвертаго ноября Зубовъ вошелъ къ ней и поразился болѣзненнымъ, усталымъ видомъ государыни.

Она сидѣла въ креслѣ у своего столика.

Онъ съ безпокойствомъ, внимательно и пытливо остановилъ на ней глаза.

— Ну что смотришь? спросила она. — Что, измѣнилась я?

— Нѣтъ, напротивъ, поспѣшилъ успокоить Зубовъ.— если и измѣнились, то къ лучшему... Напротивъ, сегодня у васъ видъ гораздо лучше! солгалъ онъ.

Государыня вздохнула.

И какъ бы желая доказать, что ей дѣйствительно лучше и подбадриваясь, показала ему на стулъ противъ себя и проговорила:

— Ну, покажи что у тебя тамъ.

Она, согласно своему правилу, что „нельзя прожить ни одного дня безъ того, чтобы не писать", занималась уже сегодня утромъ составленіемъ сенатскаго устава, работою, которой предавалась послѣднее время.

— Что много бумагъ? спросила она опять, надѣвая очки, пока Зубовъ усаживался на стулъ и раскрывалъ папку съ дѣлами.

— Нѣтъ, ваше величество, немного, отвѣтилъ онъ, и началъ докладывать, наученный, почти какъ капарейка съ дудочки, Грибовскимъ.

Принявшись за дѣла, Екатерина какъ бы оживилась и забыла свое недомоганіе.

— А ты знаешь, вдругъ проговорила она,—сегодня въ моей комнатѣ часы остановились... это первый разъ въ жизни.

Зубовъ опять съ тревогой поглядѣлъ на нее и, подождавъ минуту, продолжалъ докладъ, привыкнувъ уже къ этимъ постороннимъ замѣчаніямъ, которыя иногда государыня имѣла привычку дѣлать. У нея была удивительная способность думать иногда за-разъ о нѣсколькихъ самыхъ разнородныхъ предметахъ, почему-нибудь интересовавшихъ ее.

— Вотъ тутъ есть одно дѣло, говорилъ Зубовъ,—не совсѣмъ пріятное.

Императрица подняла на него глаза.

— О графѣ Литтѣ, продолжалъ онъ,—мальтійскомъ морякѣ.

Государыня слегка поморщилась.

— Онъ долженъ представить свои вѣрительныя грамоты, сказала она,—онъ назначенъ посломъ державнаго ордена Мальты при нашемъ дворѣ... Нужно бы было назначить аудіенцію... только не теперь... теперь я не могу дѣлать пріема—погодя немного... Мнѣ что-то не можется... а вотъ Богъ дастъ—пройдетъ...

— Едва-ли, ваше величество, подхватилъ Зубовъ,— придется ему вручать свои грамоты—онъ не достоинъ этого... Объ этомъ я и хотѣлъ доложить.

— Какъ не достоинъ? переспросила Екатерина.

— Много за нимъ грѣховъ, улыбнулся Зубовъ, какъ будто самъ онъ очень симпатизировалъ Литтѣ, но любовь къ истинѣ заставляла его говорить правду. — Прежде всего онъ, какъ мальтійскій рыцарь, долженъ быть связанъ обѣтомъ...

— Да, они даютъ монашескіе почти обѣты, подтвердила Екатерина, — а какъ это странно однако, добавила она,—какъ это не вяжется съ нашими понятіями, съ роднымъ намъ православіемъ.

Зубовъ боялся богословскихъ вопросовъ, въ которыхъ былъ совсѣмъ не твердъ, и потому поспѣшилъ вернуть разговоръ снова къ Литтѣ.

— И между тѣмъ онъ, продолжалъ Зубовъ,—не держитъ своего обѣта... Тутъ есть жалоба и просьба одной баронессы о ея перепискѣ съ нимъ. Уѣхавъ въ Гатчину, онъ увезъ и ея письма, и мы не можемъ ихъ получить... Положимъ, вдругъ заговорилъ онъ, входя окончательно въ роль докладчика,—положимъ, это еще не большая бѣда, но во всякомъ случаѣ—оно показываетъ каковъ онъ человѣкъ... Распоряженіе о томъ, чтобы отобрать эти письма, разумѣется, было сдѣлано, при этомъ кстати оказались причины еще подозрѣвать... И вотъ то, что оправдалось на дѣлѣ—вышло гораздо серьезнѣе. У него оказалась весьма подозрительная переписка съ Польшей...

— Неужели? проговорила императрица.

— Вотъ эта переписка, отвѣтилъ Зубовъ, подавая взятыя изъ бюро Литты бумаги.

Онъ ни единымъ словомъ не обмолвился объ объясненіи Литты, какимъ образомъ эти бумаги попали къ нему.

Императрица взяла письма и стала просматривать ихъ...

— Не ожидала, не думала... сказала она, качая головою.

— Мало того, неумолимо продолжалъ Зубовъ,—онъ весь въ долгахъ, на него поданы его расписки въ судъ (оказывалось, что Грибовскій разузналъ и это), а онъ, между тѣмъ, проживаетъ въ Гатчинѣ и укрывается тамъ.

При упоминаніи Гатчины императрица нахмурилась еще больше.

— Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ такой человѣкъ?.. произнесла она.

— Да, и этакого-то человѣка цесаревичъ держитъ у себя, прикрываетъ, разумѣется не зная каковъ онъ. Я бы прямо думалъ, что ваше величество прикажете дать приказъ объ его арестѣ, и завтра же онъ будетъ взятъ. Времени долѣе терять нечего... Мы и безъ того четыре мѣсяца разбирали это дѣло, справлялись... Тутъ много показаній и его людей, главнымъ образомъ бывшаго камердинера — все ясно, и сомнѣнія быть не можетъ.

— Ты знаешь, остановила она его,—что я даю полную свободу цесаревичу быть хозяиномъ въ Гатчинѣ, и безъ него мы тамъ ни обысковъ, ни арестовъ дѣлать не будемъ, но нужно дать знать объ этомъ ему, и тогда онъ самъ прикажетъ поступить какъ нужно.

Зубова слегка покоробило.

— Пожалуй будетъ задержка во времени, осмѣлился онъ возразить.

Библиотека "Руниверс"

— Пошли вѣрнаго человѣка на словахъ доложить цесаревичу, сказала Екатерина усталымъ голосомъ.

Зубовъ замѣтилъ, что она утомилась, и поспѣшилъ собрать свои бумаги.

— Слушаю, поклонился онъ.

Хотя и вышло не совсѣмъ такъ, какъ ему хотѣлось, но все-таки онъ уже заранѣе могъ торжествовать свою побѣду надъ слишкомъ смѣло державшимъ себя съ нимъ графомъ Литтою.

XV.

Тревожный день.

На другой день къ Гатчинской рогаткѣ подскакалъ на взмыленной, усталой, загнанной быстрою ѣздою тройкѣ Николай Зубовъ, родной братъ князя Платона.

Шлагбаумъ загородилъ ему дорогу. Вышедшій изъ караульнаго домика офицеръ подошелъ къ санямъ и, узнавъ фамилію ѣхавшаго, остановилъ его и сталъ разспрашивать, зачѣмъ онъ, къ кому, по какому дѣлу и вообще, что̀ ему нужно въ Гатчинѣ.

— Я Зубовъ, графъ Николай Зубовъ, горячился тотъ, думая, что офицеръ не разслышалъ его имени.

Но здѣсь на гатчинскаго офицера это имя производило совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ въ Петербургѣ.

Чѣмъ больше горячился пріѣхавшій и чѣмъ настойчивѣе увѣрялъ онъ, что его зовутъ Зубовымъ, тѣмъ все менѣе и менѣе любезенъ становился офицеръ и яснѣе выказывалъ нежеланіе подымать шлагбаума.

Наконецъ Зубовъ наклонился къ самому его уху и произнесъ два слова, какъ крайнее средство, на которое рѣшился онъ лишь вынужденный упорствомъ офицера.

И какъ только онъ произнесъ эти два слова, офицеръ махнулъ стоявшему у рогатки часовому и крикнулъ:

— Подвысь!

Шлагбаумъ поднялся, и тройка поскакала дальше.

У воротъ дворца опять пропустили Зубова тѣ-же два магическихъ слова.

Онъ вбѣжалъ на ступеньки крыльца и тяжело дыша вошелъ въ сѣни.

— Его высочество... заговорилъ онъ, — его высочество... гдѣ?.. Доложите скорѣй!..

Новый офицеръ встрѣтилъ его и видимо также не желая раздѣлять его тревоги, ни высказывать особенной расторопности передъ нимъ, спокойно отвѣтилъ, давая понять, что *здѣсь* не Петербургъ и что Зубовъ для него рѣшительно ничего не значитъ.

— Его высочество изволятъ быть на мельницѣ, они кушаютъ тамъ... Ихъ видѣть теперь нельзя...

— Доложите... началъ было опять Зубовъ.

— Если вамъ угодно, то пожалуйте завтра утромъ, а теперь нельзя... перебилъ офицеръ.

Но Зубовъ опять сказалъ ему слова, пропустившія его такъ быстро сюда, и офицеръ, измѣнившись въ лицѣ, вдругъ выскочилъ вонъ и самъ побѣжалъ за лошадью, и едва опомнившись, поскакалъ на мельницу къ великому князю.

Эти два чудодѣйственныя слова Зубова были:

„Государыня кончается“.

Павелъ Петровичъ пріѣхалъ въ Петербургъ между шестью и семью часами.

Императрица, безъ сознанія, лежала на тюфякѣ, разостланномъ на полу, за ширмами. Комната была слабо освѣщена. Вопли женщинъ сливались съ предсмертнымъ хрипѣніемъ государыни.

Во дворцѣ ходилъ глухой, сдерживаемый шепотъ о подробностяхъ нынѣшняго дня и о томъ, какъ „это все“ случилось; разсказывали, какъ сегодня встала государыня, какъ пила кофе, шутила съ Перекусихиной, и потомъ какъ ее нашли въ обморокѣ въ гардеробѣ.

Сначала думали, что это просто обморокъ, но вскорѣ замѣтили признаки апоплексическаго удара. Прибывшій Роджерсонъ и врачи подтвердили это предположеніе.

Павелъ Петровичъ, пріѣхавъ во дворецъ и не заходя въ свои комнаты, расположился съ супругою въ покояхъ государыни, подлѣ ея спальни. Онъ пожелалъ видѣть только своихъ сыновей, а невѣсткамъ приказалъ оставаться въ ихъ комнатахъ.

Никто не спалъ въ эту ночь во дворцѣ. На минуту мелькнула было надежда; лѣкарства какъ будто оказали дѣйствіе, но надежда эта была непродолжительна.

Слѣдующій день весь прошелъ въ томительномъ ожиданіи. Агонія императрицы была долгая и трудная, безъ минуты, безъ проблеска сознанія. Шестаго ноября въ 11 часовъ вечера прислали за великими княгинями. Императрицы не было въ живыхъ.

Тѣло покойной было убрано уже и поднято на постель. Царская семья отслушала панихиду, а затѣмъ направилась въ церковь, гдѣ принялъ присягу вошедшій на Россійскій престолъ императоръ Павелъ I.

XVI.

Забота няни.

Все это случилось такъ быстро, такъ неожиданно. Никто не хотѣлъ вѣрить, не хотѣлъ привыкнуть къ мысли, что государыни не стало.

Всѣ до того вѣрили въ ея здоровье, въ ея бодрый, привѣтливый видъ, съ которымъ она показывалась обыкновенно, что не могли постичь, какимъ образомъ они будутъ теперь, и что̀ станется безъ нея со всѣми. И никто не могъ придти въ себя и вспомнить, что государынѣ было уже шестьдесятъ семь лѣтъ, что при постоянной работѣ, непрерывной и энергичной, въ которой она провела почти всю жизнь, силы ея должны были, наконецъ, ослабѣть и она скончалась отъ того, что время ея наступило.

И вотъ стали отыскивать всевозможныя причины. Говорили, что государыня скончалась отъ того, что гроза была въ сентябрѣ,—отъ того, что метеоръ упалъ за ея каретою; ссылались на неудачу съ бракомъ Шведскаго короля... Словомъ, искали всякаго разумнаго и неразумнаго повода, чтобы успокоить себя хоть чѣмъ-нибудь.

Трогательныя, за душу хватающія сцены происходили на улицахъ Петербурга. Точно каждый терялъ болѣе чѣмъ императрицу—любящую мать. Люди всѣхъ сословій, пѣшкомъ, въ саняхъ и въ каретахъ, встрѣчая своихъ знакомыхъ, со слезами на глазахъ выражали сокрушеніе о случившемся...

Площадь передъ дворцомъ была полна народомъ. Къ ночи выпалъ глубокій снѣгъ. Утромъ настала оттепель и заморосилъ дождь. Никто не обращалъ вниманія ни на холодъ, ни на сырость — на улицахъ все время продолжалось движеніе. Передъ казармами стояли аналои со священниками, и солдаты приносили присягу новому императору.

Въ церквахъ служили панихиды, и онѣ тоже были переполнены народомъ.

Старушка, няня Скавронской, пробиралась сквозь толпу въ своемъ лисьемъ салопѣ и огромномъ капорѣ, стараясь, чтобъ ее не слишкомъ придавили, и держа трехъ-копѣечную свѣчу въ поднятой рукѣ.

— Охъ, батюшки, пустите!.. Грѣхи-то наши!.. говорила она, усердно работая локтями и протискиваясь впередъ.

Впереди къ иконостасу, у самыхъ образовъ, стало посвободнѣе. Здѣсь стоялъ народъ почище, не толкался, и мѣсто казалось пошире.

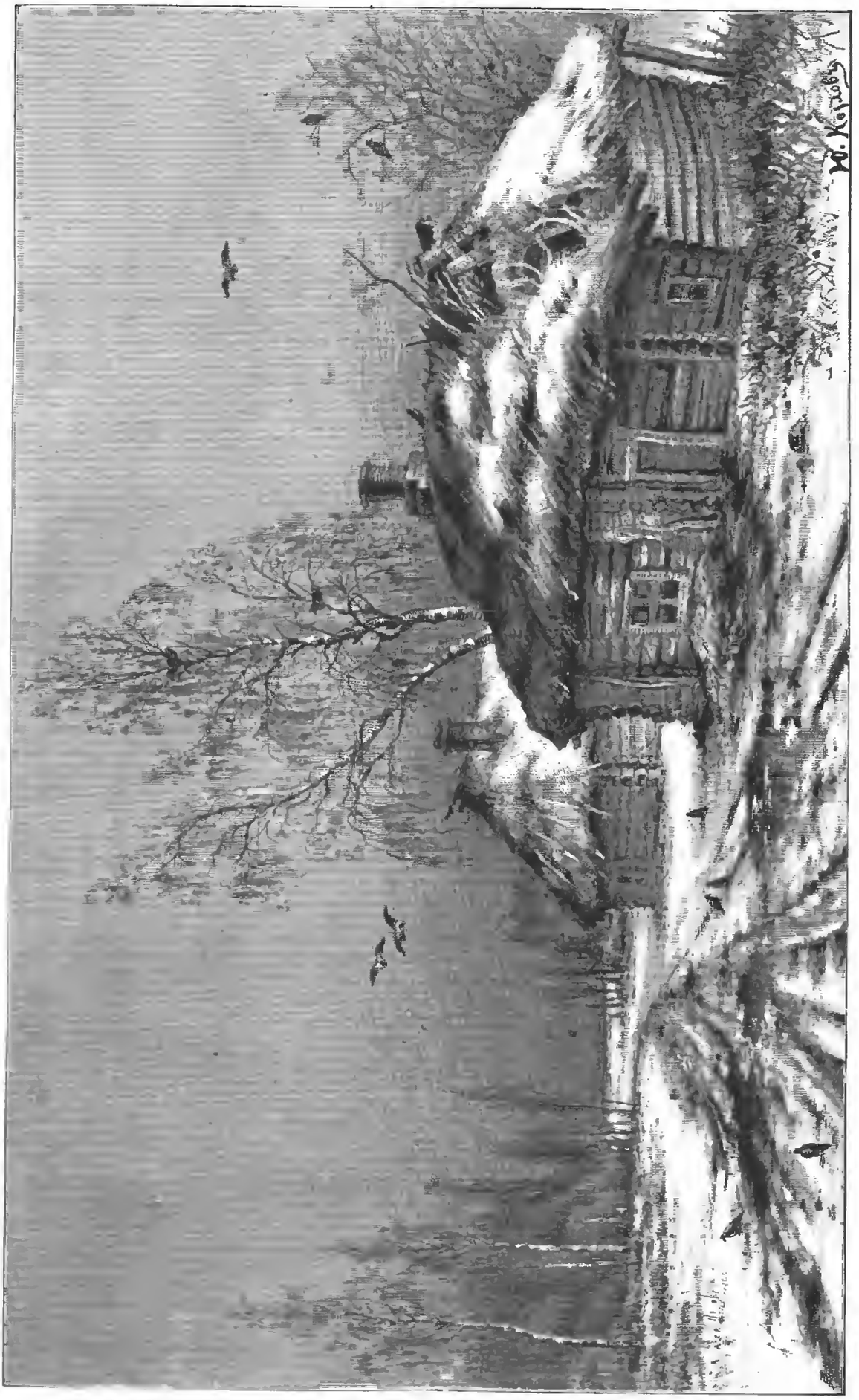
Няня добралась до самаго образа Великомученицы Екатерины и, опустившись на колѣни, начала креститься своею старческою, сморщенною рукою, крѣпко прижимая ко лбу сложенные для крестнаго знаменія пальцы.

Библиотека "Руниверс"

Выставка Императ. Академіи Художествъ. Затруднительное объясненіе.

Съ карт. (исключительное право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ") академика **Н. Лосева**, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Оттепель. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **Ю. Козлова.** автотипія Ангерера.

Библиотека "Руниверс"

Сдѣлавъ нѣсколько земныхъ поклоновъ и переведя духъ, она встала, зажгла свою свѣчку и поставила ее передъ образомъ, потомъ снова упала передъ нимъ, и съ блестящими отъ слезъ глазами зашептала опять молитву, дѣлая частые земные поклоны.

Въ церкви шла уже третья панихида по государынѣ, и дьяконъ слегка охрипшимъ баскомъ молился на эктеніи, привычнымъ напѣвомъ повторяя заученныя слова объ упокоеніи души скончавшейся императрицы Екатерины Алексѣевны.

„Господи, сохрани, спаси и помилуй рабу твою Екатерину! молилась няня.—Господи, помоги, дай силы, здравіе и бодрость, *отжени* отъ нея испытаніе!..“ повторяла няня, стараясь поддѣлаться подъ славянскій текстъ знакомыхъ ей молитвъ, и просить и молиться такъ, чтобъ это подходило къ возвышенному, умиленному и трогательному порыву ея души, съ которымъ онъ пришла сюда, въ церковь.

У нея были своя забота, свое горе. Ея ненаглядная графинюшка, дитятко ея дорогое, ея Катя была больна и съ каждымъ днемъ таяла какъ воскъ.

„Боже мой, сокрушалась няня,—да когда же этому конецъ будетъ!.. Любитъ она его, любитъ крѣпко и забыть не можетъ... И какъ онъ словно обошелъ ее, испортилъ... сохнетъ она по немъ, голубушка!..“

И вотъ, забывъ обо всемъ и не обращая вниманія, что происходило вокругъ нея, она снова клала свои поклоны и снова молилась.

„Господи, просвѣти, научи что дѣлать... Дѣлать что научи...“ всхлипывая и съ приливомъ новой силы и чувства твердила она, низко опуская голову на холодный, каменный полъ церкви.

„Силы небесныя, не дайте погибнуть ей!.. Господи, сохрани рабу твою Екатерину...“

Она оглянулась, и теперь только замѣтила траурныя ризы священнослужителей, свѣчи въ рукахъ молящихся и грустный напѣвъ клироса.

„Панихиду поютъ, догадалась она,—по государынѣ. Господи, и жизнь, и смерть—все во власти Твоей... Помоги и спаси насъ грѣшныхъ...“

И двѣ крупныя, тихія слезы медленно скатились по ея щекамъ.

„Да что въ самомъ дѣлѣ, соображала она,—неужели же ей и погибать такъ, зачахнуть въ ея-то годы?.. Что онъ—истуканъ что-ли каменный, развѣ не увидитъ, не узнаетъ?.. Вѣдь и онъ, кажется, готовъ душу за нее положить... Да и человѣкъ хорошій; гдѣ-жь это видано, чтобъ Божье дитя, красавица моя, такъ погибла... Нѣтъ, не бывать тому!.. Пусть лучше мнѣ, старой, горе будетъ, лишь бы ей было хорошо...“

И она усердно, со слезами, стала просить, чтобы если суждено ея Катѣ горе на землѣ—пусть оно обратится на *ея* старую голову, лишь бы дитяткѣ ея было хорошо и свѣтло здѣсь.

XVII.

Неожиданное посѣщеніе.

Съ первыхъ же дней новаго царствованія стали издаваться указы, которыми такъ обильно кратковременное правленіе Павла. Указы эти касались всего распорядка какъ обширнаго государственнаго хозяйства, такъ и мелочей и частностей, относящихся даже до внѣшней столичной жизни, распущенной, правду говоря, и слишкомъ вольной за послѣднее время. Съ восьмаго ноября полиція уже успѣла обнародовать рядъ строгихъ правилъ насчетъ формы одежды и ѣзды въ экипажахъ. Чиновникамъ дана новая форма. Круглыя шляпы и высокіе сапоги были запрещены. Офицерамъ не дозволялось уже надѣвать не-военное платье, что было въ модѣ прежде.

Петербургъ быстро принялъ новый, военный характеръ. Гатчинскія войска вступили въ столицу, а Гатчина, и безъ того тихая въ прежнее время, опустѣла теперь совсѣмъ.

Литта тоже собрался въ Петербургъ—поклониться гробу покойной государыни: но это оказалось не такъ легко сдѣлать, какъ онъ думалъ.

Лошади были всѣ въ загонѣ, и достать ихъ почти не было возможности.

Приходилось или идти пѣшкомъ, или ждать оказіи. Всѣ спѣшили въ городъ, и Литта ни за какія деньги не могъ получить лошадей ни на почтѣ, ни въ придворной конюшнѣ, ни у частныхъ лицъ. Своихъ у него не было въ Гатчинѣ.

Солдатикъ, вѣстовой его, никогда не терявшій бодрости, обѣщалъ все-таки какъ-то устроить и обнадеживалъ, что графъ можетъ быть спокоенъ — лошади найдутся.

Онъ пропалъ съ утра, и Литта, въ ожиданіи его, ходилъ по маленькой комнаткѣ своего домика, заглядывая время отъ времени въ окна, не пріѣхали-ли, наконецъ, обѣщанныя вѣстовымъ лошади.

Около часу, дѣйствительно послышались бубенцы и дюжая тройка осадила у крылечка.

„Ну, наконецъ-то“, подумалъ Литта, стараясь разглядѣть, какой экипажъ привели ему.

Но къ его удивленію, въ саняхъ сидѣлъ уже знакомый ему теперь Дмитрій и съ нимъ старушка въ лисьемъ салопѣ и высокомъ капорѣ.

Няня Скавронской вошла къ нему одна. Дмитрій остался въ сѣняхъ.

— Здравствуйте, ваше сіятельство, поклонилась няня.—Слава тебѣ Господи—Богъ привелъ увидѣться, а то ужь я думала, что не застану васъ здѣсь... Ну, да все къ лучшему...

— Что случилось? тревожно спросилъ Литта, видя взволнованное лицо старухи и неровныя движенія ея трясущихся рукъ, которыми она силилась освободиться отъ своего капора и салопа. — Графиня... что-нибудь?.. снова спросилъ онъ.

— Да, батюшка, графиня... упавшимъ голосомъ отвѣтила няня,—объ ней пріѣхала поговорить я, графъ, ваше сіятельство.

Она отыскала глазами образъ и три раза съ поклономъ перекрестилась на него.

Литта чувствовалъ, какъ вся кровь прихлынула къ его сердцу и словно оно остановилось у него.

— Что-же, что съ ней?.. почти въ отчаяніи повторилъ онъ.

— Больна, ваше сіятельство, такъ тоскуетъ, начала няня,—не только мнѣ — людямъ смотрѣть жалостно; не кушаютъ ничего, сонъ потеряли... дохтуръ ѣздитъ — да развѣ онъ понимаетъ что? Я-то одна вижу и понимаю — не сдобровать моей голубушкѣ, ужь больно тоскуетъ она... нѣтъ средствъ никакихъ... Такъ вотъ, батюшка, думала я думала, Богу молилась, къ Сергію пѣшкомъ ходила—да и надумала пріѣхать къ вамъ, ваше сіятельство, и поговорить, потому что вы одни спасти ее можете.

Голосъ няни дрогнулъ и глаза заморгали чаще.

— Батюшка, ваше сіятельство, подступила она къ Литтѣ,—я тайкомъ вѣдь здѣсь у тебя; графинюшка—Боже сохрани—и не знаетъ. Не пустила-бъ меня, съ глазъ прогнала если-бъ я заикнулась только... да сама-то я чувствую кручину ея, не сегодня — завтра сухотка откроется у ней и тогда все пропало—все кончено. — И вдругъ няня при одной мысли этой вспыхнула вся и зло сверкнула на стоявшаго передъ нею съ опущенными руками молодаго графа. — А все изъ-за тебя, изъ-за тебя, протянула она ничего уже не помня, — на твоей душѣ грѣхъ будетъ, погубишь ты ее...

Каждое слово точно ножемъ рѣзало Литту. Эта добрая старуха, на все готовая для своей барыни, не

Библиотека "Руниверс"

знала, не могла представить себѣ какой пыткѣ она подвергала его теперь.

— Больна... больна!.. говорилъ Литта.

— И безнадежно, батюшка, безнадежно... такъ и дохтора сказали, и сестрица ихъ потеряли всякую надежду—только я еще думаю: милостивъ Господь!

— Боже, Боже, что-же дѣлать? почти простоналъ Литта.

Няня вдругъ какъ-то дрогнула всѣмъ тѣломъ и прерывающимся чуть не рыдающимъ голосомъ заговорила.

— Ваше сіятельство, послушай меня,—женись... женись на насъ... одно спасеніе наше въ этомъ, батюшка.

И старуха согнулась, готовая опуститься на колѣни.

— Что вы! подхватилъ ее Литта.—полно, довольно... что вы!..

Онъ поднялъ ее, насильно усадилъ на стулъ и старался успокоить.

— Ты прости мои глупыя рѣчи, продолжала сквозь слезы няня,—а только другаго исхода нѣтъ... нѣтъ... повторила она качая головою.—Умретъ она, моя голубушка—умретъ...

И не въ силахъ уже дольше владѣть собою, няня залилась слезами.

Литта остановилъ ее и сталъ ходить по комнатѣ. Онъ вѣрилъ въ болѣзнь Скавронской и зналъ такъ же какъ няня, что она не выживетъ этого потрясенія... Боже мой, она любила его, онъ видѣлъ свидѣтельство, ясное, тревожное, ужасное, ея любви—это было счастье, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшное, невыразимое горе... Вѣдь онъ любилъ ее больше жизни, но какъ быть: души своей не продашь за любовь, потому что тогда и любить нельзя.

— Если-бъ я только могъ, подошелъ онъ снова къ нянѣ,—если-бъ я былъ въ силахъ..

Ему трудно было долго говорить по-русски и не могъ онъ объяснить того что хотѣлъ и какъ хотѣлъ, но въ голосѣ его и въ выраженіи было такое страданіе, что няня и такъ поняла его.

Она подняла на него глаза.

— Знаю, что будто вы монашескій обѣтъ дали, чудно у васъ это по католичеству—какъ есть бравый молодецъ и красавецъ со шпагой, все какъ слѣдуетъ—военный и вдругъ... монахъ... Что-то несуразно оно, не по настоящему... быть такъ не должно... Ужь коли монахъ—иди совсѣмъ въ монастырь и не смущай людей... Богу молись...

— Развѣ я не молюсь ему? сказалъ Литта.

— Да, по католическому, подхватила няня,—по-своему... А вы во что, ваше сіятельство, оставьте всѣ эти вещи-то, да переходите въ нашу вѣру православную, христіанскую... и все вамъ станетъ ясно... и все будетъ хорошо... и міръ душѣ вашей настанетъ — и возьмете вы жену - красавицу, любимую, ненаглядную, а ужь любить она васъ будетъ... оживетъ, моя радость, право оживетъ... Молилась я объ этомъ, чтобъ Господь просвѣтилъ васъ.

Слезы стояли въ глазахъ Литты, но онъ не могъ не улыбнуться сквозь нихъ на простодушную рѣчь старой няни.

Если-бъ онъ могъ—онъ-бы объяснилъ ей, что давно-бы перешелъ въ православную вѣру, но для этого ему нужно было сначала убѣдиться, что православіе дѣйствительно лучше вѣры отцовъ его; а такъ, для того чтобы только получить право на женитьбу — это было недостойно и слишкомъ невозможно для него.

И стараясь примѣниться къ понятіямъ старухи, онъ попробовалъ объясниться съ нею примѣромъ:

— Вотъ что, сказалъ онъ,—недавно былъ въ Петербургѣ король Шведскій—вы слышали объ этомъ?

— Слышала!.. свататься къ нашей великой княжнѣ пріѣзжалъ.

— Ну вотъ... они любили другъ-друга... очень любили... А между тѣмъ король не женился, потому что великая княжна не могла измѣнить своей вѣры, а безъ этого она не могла стать королевою Шведской.

— Да, такъ что-жь изъ этого? переспросила няня.

— Ну вотъ, пояснилъ Литта, —великая княжна не могла измѣнить вѣры...

Старуха удивленно посмотрѣла на него и отвѣтила:

— Полно, батюшка, она вѣдь православная!..

Литта увидѣлъ, что стараніе его напрасно и сколько-бы онъ ни объяснялъ—все равно не поймутъ его.

— Нѣтъ, няня, коротко сказалъ онъ,—къ несчастью, это невозможно—этого нельзя сдѣлать... Вы говорили, графиня не знаетъ, что вы поѣхали ко мнѣ?..

Няня замахала на него руками:

— И не знаетъ, и не догадывается, а то бѣда мнѣ будетъ.

— Ну такъ вотъ—ничего не говорите ей обо мнѣ и постарайтесь сдѣлать чтобы она забыла обо мнѣ... А я...

И не договоривъ, онъ махнулъ рукою и закрылъ лицо.

XVIII.

Въ Зимнемъ дворцѣ.

Огромная аванзала Зимняго дворца, вблизи залы, гдѣ на помпезномъ катафалкѣ стояли тѣла Екатерины II и Петра III, перенесенное изъ склепа Александро-Невской Лавры, была полна народомъ.

Она, какъ и всѣ впрочемъ передніе покои, была густо убрана трауромъ и затянута флеромъ.

Но, не смотря на это печальное убранство, лица собравшихся здѣсь казались оживлены надеждою на предстоящее благополучіе.

Изъ старыхъ вельможъ почти никого не было. Новые люди, по преимуществу гатчинскіе, переходили, здоровались и переговаривались между собою. Нѣсколько человѣкъ пріѣзжихъ изъ провинціи, вызванныхъ новымъ императоромъ, тоже были тутъ.

Безбородко ходилъ своею переваливающеюся походкой и всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ говорилъ свое „Здрастуйте!"

Онъ надѣялся, и не безъ основанія, что иностранныя дѣла снова перейдутъ въ его руки.

Князь Алексѣй Куракинъ, генералъ-прокуроръ, очень красивый мужчина съ блестящими глазами и густыми черными, правильно очерченными бровями, въ сторонѣ разговаривалъ съ Ростопчинымъ.

На нихъ смотрѣли съ большимъ подобострастіемъ и искали случая поклониться. Это были восходящія звѣзды. Кутайсовъ тоже среди поклоновъ прохаживался, какъ-бы скользя по паркету тупыми, круглыми, какъ лошадиное копыто, подошвами.

Старомодные гатчинскіе мундиры временъ Семилѣтней войны горделиво косились на щегольскую форму рослыхъ екатерининскихъ гвардейцевъ, оттертыхъ теперь на задній планъ.

Въ воздухѣ чувствовалось общее волненіе и напряженное безпокойство—всѣ перешептывались, говоря и высказывая свои предположенія про другихъ и думая только о себѣ, и стараясь прислушаться, не произнесется-ли и ихъ имя въ числѣ новыхъ назначеній и повышеній, о которыхъ передавались со всѣхъ сторонъ одна другую смѣняющія новости.

Одинъ Литта изо всей залы стоялъ въ сторонѣ у окна и, скрестивъ на груди руки, безучастными глазами слѣдилъ за этою страстною, алчущею толпою.

Нѣсколько дальновидныхъ людей и къ нему подходили уже и, стараясь быть любезными, заговаривали съ нимъ не безъ почтенія и заискиванія. Безбородко опять пожалъ ему руку, точно во второй разъ хотѣлъ снова раздавить ее.

Всѣмъ было извѣстно пристрастіе государя къ Мальтійскому ордену, и если-бы Литта прислушался — имя

Библиотека "Руниверс"

его не разъ было уже произнесено сегодня съ завистью и киваніемъ головы въ его сторону

Но онъ не слушалъ, ни съ кѣмъ не говорилъ и ничего не замѣчалъ.

Ему нечего было ждать, не на что надѣяться... Тѣ которые кивали на него, не знали, разумѣется, въ какомъ онъ былъ положеніи.

Подьячій изъ суда не солгалъ, что дѣло поведется быстро. Взысканіе было почти кончено—и не сегодня-завтра Литту могла ждать тюрьма за долги. Пощады искать было нечего, да онъ-бы и не искалъ ее.

Требованіе баронессы Каннихъ насчетъ переписки бросало на него тѣнь, отъ которой едва-ли можно было очиститься: всегда найдутся люди, готовые уколоть давнишнею французскою поговоркою „нѣтъ дыма безъ огня.“

Наконецъ эти подкинутыя письма и клевета насчетъ его сношеній съ Польшею, о которой онъ зналъ теперь черезъ Дмитрія и противъ которой не могъ ничего сдѣлать. Его еще ни о чемъ не спрашивали, а идти самому и говорить было нельзя—ибо его весьма естественно могли спросить.

— Если вамъ письма подкинуты, то какъ-же вы можете знать ихъ содержаніе?

Объясненію о Дмитріи могли и не повѣрить.

Дѣло теперь, на первое время очевидно остановилось... Но въ скорости перейдетъ изъ рукъ Зубова въ другія руки и будетъ вѣроятно доложено государю... но какъ доложено, кѣмъ?

Павелъ Петровичъ, доступный для Литты въ Гатчинѣ, когда былъ наслѣдникомъ—будетъ-ли доступенъ такъ-же, какъ прежде, ставъ теперь императоромъ могущественной Россіи?

Помимо всего этого Литтѣ было невыразимо горько, что этотъ человѣкъ, котораго онъ привыкъ уважать глубоко и искренно, можетъ составить себѣ о немъ дурное, невыгодное представленіе.

Литта старался думать обо всемъ этомъ, старался представить себѣ весь ужасъ этого, чтобы забыть хоть на минуту свое самое больное горе, отвлечься отъ него. Но это горе, щемящее, мучительное, неумолимо сжимало ему сердце, причиняя невыносимыя, нечеловѣческія страданія, потому что тутъ мучилась самая душа его, и разумъ путался и отказывался служить, и воли не было.

„Она больна!“ звучало у него въ ушахъ. Она больна и можетъ-быть теперь, въ эту минуту, ей становится хуже и хуже... и причиною тому онъ—его любовь, и помочь онъ этому не можетъ, не смѣетъ, онъ связанъ по рукамъ и по ногамъ. И онъ стоитъ жалкій, безпомощный, униженный, съ безнадежною тоской на сердцѣ.

„Боже мой! думаетъ Литта,—неужели нѣтъ выхода, неужели нѣтъ помощи, неужели нѣтъ надежды?..“ И чѣмъ онъ хуже другихъ, зачѣмъ и онъ не можетъ такъ-же радоваться, какъ вонъ хоть тотъ офицерикъ только-что произведенный въ слѣдующій чинъ и не слышащій ногъ подъ собою?.. За что надвинулось на него такъ сразу столько бѣдъ, изъ которыхъ выпутаться нѣтъ человѣческихъ силъ, нѣтъ возможности?.. Въ самомъ дѣлѣ, кто придетъ помочь ему, кто ободритъ его, въ чьей власти сдѣлать изъ него снова живаго человѣка и вдохнуть ему жизнь и радость?.

И Литтѣ уже кажется, что онъ никогда не зналъ въ жизни ни одной радости и никогда не узнаетъ ее.

Откуда, кто поможетъ ему?

Въ это время стоявшіе у дверей во внутренніе покои часовые стукнули своими карабинами. Двери широко распахнулись, и въ расшитомъ золотомъ мундирѣ камергеръ торжественно провозгласилъ въ сторону аванзалы:

— Государь!..

Литта вздрогнулъ и вмѣстѣ съ притихнувшею толпою склонилъ голову навстрѣчу показавшемуся въ дверяхъ императору Павлу

(Продолженіе будетъ).

Жиденокъ.

А. А. Винницкой.

Въ предмѣстьѣ города, на берегу рѣки, между двухъ ветелъ, заслоняющихъ деревянную постройку, сидитъ черноволосый кудрявый ребенокъ, и жмурится отъ солнца. Онъ блѣденъ, худъ, и кисти обнаженныхъ тонкихъ рукъ его покрыты грязью. На немъ ничего не надѣто кромѣ холщевой рубашки, подпоясанной подъ мышками тесемкой. У него оловянная игрушка въ видѣ боченка, которую онъ перекатываетъ по землѣ изъ руки въ руку.

По тропинкѣ, мимо дощатаго забора, кучеръ съ лошадью на поводу, проходя, взглянулъ на ребенка и сказалъ:

— Ишь жарится на припекѣ, жиденокъ, любитъ солнышко! Чай тоже вѣдь душа-то человѣчья, глубокомысленно добавилъ кучеръ про себя.

Жиденокъ поглядѣлъ ему вслѣдъ съ выраженіемъ недоумѣвающей простоты въ большихъ темныхъ глазахъ, которые онъ перевелъ за кучеромъ на противуположный берегъ съ мощеною набережной и фонарными столбами, гдѣ тянутся вновь отстроенные каменные дома, блистая громадными окнами, и откуда слышенъ грохотъ экипажей. Тамъ живутъ счастливые, богатые люди. Жиденокъ задумчиво открылъ оловянный боченокъ и высыпалъ изъ него деньги въ подолъ. Серебряныя монеты имѣютъ для него важное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что можно ихъ промѣнивать на что угодно—это деньги.

— Деньги, деньги, лепечетъ онъ невинно, раскладывая монеты и передвигая пальчикомъ, то собираетъ ихъ въ столбикъ, то зажимаетъ въ кулакахъ. Онъ ими дорожитъ, хотя считать еще не научился, а распредѣляетъ стоимость звонкихъ кружечковъ по ихъ величинѣ.

Вѣтеръ поднимаетъ завитки его жесткихъ волосъ, дуетъ ему въ лицо, и онъ морщится, съ серьезнымъ видомъ что-то соображая, не отрываясь отъ своего занятія.

— Ахъ, какой хорошенькій жиденокъ! воскликнула барышня-подростокъ, со смѣхомъ остановившись передъ нимъ, и взяла его за подбородокъ.—Какой уморительный! Мамаша, посмотри.

— Не трогай, душечка, запачкаешь перчатки.

Барышня брезгливо отряхнула пальцы и отбѣжала отъ него.

Жиденокъ спряталъ боченокъ съ деньгами за пазуху и подошелъ къ открытому окну лачуги, откуда несся запахъ печенаго тѣста. Онъ уперся грудью въ подоконникъ и сталъ звать сестру:

— Эсѳирь, Эсѳирь!

— А что тебѣ надо? послышался голосъ изъ глубины комнаты.

— Ты дай мнѣ воды, чтобъ я умылся.

Отвѣта не послѣдовало.

— Ты дай мнѣ булку, я хочу ѣсть, Эсѳирь!

— Вотъ какой ты сталъ требовательный, возразила молодая женщина, показываясь у окна. Голова ея въ коричневомъ парикѣ, простеганномъ посерединѣ бѣлыми нитками вмѣсто пробора. Продолговатое лицо ея, съ сильно обозначенными признаками еврейскаго типа въ высокихъ бровяхъ и крючковатомъ носѣ съ оттянутой книзу перегородкой между ноздрями, и каріе глаза, какъ бы обведенные кровавымъ ободкомъ подъ рѣсницами, привѣтливо смѣялись.

— У матери ты ѣлъ черный хлѣбъ съ лукомъ, а теперь булку хочешь, сказала она.

Непріятно рѣзалъ ухо ея протяжно-гортанный жаргонъ.

— Ѣлъ хлѣбъ, степенно проговорилъ ребенокъ,—а когда у матери не было хлѣба, я цѣлый день ничего не ѣлъ, и не просилъ.

Онъ повелъ выразительными глазами на стеклянную дверь шкафчика, за которой видны были изъ окна круглые, крутые хлѣбцы и, опустивъ длинныя рѣсницы, скрадывающія его лукавый взглядъ, улыбнулся.

— У тебя булки есть, Эсѳирь, сказалъ онъ.

Она разсмѣялась и съ застывшимъ на лицѣ шутливымъ выраженіемъ дала мальчику хлѣба, потомъ сѣла къ окну съ шитьемъ.

Эсѳирь Абрамовна первый годъ замужемъ за мелкимъ продавцомъ суровскаго товара, разноснаго по деревнямъ въ лубочныхъ коробахъ. Мужъ ея по цѣлымъ недѣлямъ бываетъ въ отсутствіи. Въ городѣ, куда она переселилась послѣ свадьбы, мало евреевъ, да и съ тѣми она еще не ознакомилась, такъ что одиночество ея скрашиваетъ только братъ Хаимъ, котораго мать, очень бѣдная вдова, оставила на ея попеченіе, отправляясь за сотни верстъ за помощью къ богатой роднѣ. Хаимъ—хрупкій, слабый ребенокъ, требующій заботъ и

Библиотека "Руниверс"

Еврей. Ориг. рис. (собств. „Нивы") С. Александровскаго, автотипія Ангерера.

Библиотека "Руниверс"

частой медицинской помощи. По счастью, добрый докторъ не только не беретъ платы за лѣченье, а самъ даритъ иногда мальчику мелкія деньги.

Проворно сшиваетъ Эсѳирь Абрамовна гнилой розовый ситецъ крупными стежками. Покупатель, неохотно довѣряясь торгашамъ-евреямъ, предпочитаетъ ихъ товаръ лишь подъ условіемъ неслыханной дешевизны; поэтому ея мужу необходимо сбивать и портить цѣны на товаръ. Продажа готоваго бѣлья приноситъ большую выгоду, если пріобрѣтать за безцѣнокъ залежавшіеся куски холста и полотна, которые отчасти расползлись внутри и провалились дырьями. Эсѳирь Абрамовна выкраиваетъ изъ уцѣлѣвшихъ мѣстъ мужскія рубашки и шьетъ иногда далеко за полночь, напрягая больные глаза. Ни на минуту не покидаетъ ее мысль о мужѣ. Видится ей его согбенная подъ тяжелымъ коробомъ, истомленная ходьбой фигура, а кругомъ чужія мѣста, чужіе люди, собаки бросаются со всѣхъ сторонъ, рвутъ на немъ платье. Онъ отгоняетъ ихъ длинною палкой со свинцовой гирькой на концѣ. А вернется онъ домой, оберетъ тряпками стертыя до крови мозолистыя ноги, повалится на кровать и спитъ. Она вздохнула.

— Гдѣ Мордухъ? спросилъ Ханмъ, какъ бы отгадывая ея мысли.

Она нетерпѣливо проворчала:

— На что тебѣ Мордухъ?

Мордухъ ея мужъ. Ей ужасно скучно безъ него, и кромѣ того она не въ духѣ: при всей осторожности она иголкой вырвала клочки гниплаго ситца въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чего бы не случилось, будь у ней швейная машина, не говоря уже о другихъ преимуществахъ быстрой машинной работы. Но случай еще не представился, чтобы почти даромъ пріобрѣсти машину.

Мелькомъ взглянувъ на брата, она передала ему со стола кружку козьяго молока, приготовленнаго для него заранѣе.

Въ нерѣшительности взялся-было Ханмъ за кружку и поставилъ ее, взглядъ его постепенно принимаетъ озабоченное выраженіе:

— Маме, слетѣло съ его губъ какъ-то невольно.

— Маме далеко, неохотно отвѣтила сестра.

Ребенокъ началъ ѣсть. Ему хорошо живется у сестры, но мать въ особенности во время ѣды не выходитъ у него изъ памяти, потому что онъ привыкъ, чтобы она кормила его, держа на колѣняхъ. Ему недостаетъ ея голоса и воркотни, перемежавшейся горячими, порывистыми ласками. Всего только шесть лѣтъ, какъ онъ явился на свѣтъ Божій, но многое уже испыталъ, смышленъ и разговорчивъ не по лѣтамъ. Каждый день за кружкой молока описываетъ онъ сестрѣ событія роднаго города, гдѣ жили они съ матерью до переселенія сюда. Тамъ много маленькихъ евреевъ бѣгаетъ по улицамъ, вступая въ ссоры съ русскими мальчишками. Мальчишки все бросали камнями въ бѣдныхъ еврейчиковъ, и бѣдные еврейчики накалили въ печкѣ кучу камней и выложили на улицу къ приходу враговъ, которые, хватая камни, обжигали руки и бранились. Еврейчики торжествовали. Разсказывалъ Ханмъ и о большомъ погромѣ, не подозрѣвая, что взбудораживаетъ кровь сестры. О томъ, что его матери въ общей уличной свалкѣ попалъ по головѣ чей-то кулакъ, однако, онъ не говоритъ. Но онъ вспоминаетъ про себя, какъ онъ сидѣлъ въ то утро на кровати, какъ замиралъ отъ ужаса, слушая ревъ толпы и дребезгъ стеколъ, стоны, проклятья, лязгъ желѣза, плачъ и визгъ. И вдругъ вбѣжала его мать, упала передъ кроватью на колѣна и, безпомощно положивъ ему на голыя ноги свою прибитую голову, тяжко зарыдала.

Томительная жалость засосала его сердце, онъ не допилъ молока. Когда онъ до-верху наполнитъ свой боченокъ деньгами, матери будетъ хорошо. Онъ купитъ ей зеленый шелковый платокъ, а Эсѳирькѣ розовую шляпку. Онъ задумался.

Эсѳирь Абрамовна погладила по головѣ и чмокнула ребенка мокрыми губами. По мѣрѣ того, какъ она смотритъ на него все привѣтливѣе, красныя пятна выступаютъ подъ тонкой кожей на ея лицѣ; оно лоснится, расплываясь въ проеторную гримасу, толстыя крупныя губы стали влажны. Сердечную теплоту и нѣжность чувствуетъ она, но таково свойство ея наружности, что и лучшія чувства отражаются на ней непривлекательно. Еще слаще, еще приторнѣе залоснилось ея лицо навстрѣчу доктору, пожилому человѣку, подходившему къ окну.

— Ханмъ, кланяйся, затараторила она,—надо быть учтивымъ мальчикомъ, будь благодаренъ: господинъ докторъ вылѣчилъ тебя отъ болѣзни.

И вскидывая на доктора свои воспаленные глаза, она сложила передъ собой руки ладошками.

— А можетъ-быть угодно вамъ войти къ намъ выпить шляпку кофе? А можетъ-быть вы пожелаете на воздухъ сѣсть?

Черезъ окно подала она плетеный стулъ. Докторъ сѣлъ, вытеръ платкомъ лицо и чихнулъ.

— Пыль какая!

— О, пыль! сочувственно взвизгнула еврейка.—Такая пыль, что просто ничего нѣтъ хуже!

— Какъ поживаетъ мой паціентъ? Аппетитъ есть?

— О, самый хорошій аппетитъ, господинъ докторъ. Ай-ай, Ханмъ, зачѣмъ же ты набилъ такъ полно ротъ? Господинъ докторъ, а я могу вамъ предложить превосходное молоко.

Вся она такъ и порывается въ окно отъ желанія угодить доброму человѣку, но ему противно на нее смотрѣть, и слушать ея слащавый голосъ.

— Благодарю васъ, мнѣ ничего не нужно, сухо сказалъ онъ. Вы прикладываете къ глазамъ примочку?

Она съ горькой усмѣшкой покачала головой.

— Когда я завяжу глаза, господинъ докторъ, кто-же будетъ за меня смотрѣть въ работу?

Докторъ, отвернувшись отъ нея къ Ханму, закурилъ сигару. Ему извѣстно, что въ боченкѣ его паціента заключается цѣлый міръ удовольствій: яблоки, леденцы, подсолнушки, покуда еще въ видѣ серебряныхъ монетъ, и что самъ по себѣ боченокъ весьма разнообразная забава: Ханмъ подбрасываетъ его, ловитъ и катаетъ. Манеры мальчика утратили принужденность, и лицо оживилось подъ его ласковымъ взглядомъ.

Какая нѣга, какая граціозная свобода разливается въ его движеніяхъ! Рубашка спустилась съ плеча; подъ жаркимъ дуновеніемъ полдня, трепетное желаніе жизни сказывается въ розовомъ тѣлѣ, въ прекрасной дѣтской улыбкѣ. Онъ сознаетъ себя красивымъ, чувствуетъ и радуется, что имъ любуются.

Вдругъ деньги высыпались изъ боченка — Ханмъ заботливо ихъ подбираетъ, ищетъ кругомъ, забавно наморщивъ свой лобъ.

Изборожденный складками, нахмуренный лобъ стараго разочарованнаго идеалиста, какимъ считаетъ себя докторъ, прояснился, глаза улыбнулись подъ очками, веселая судорога пробѣжала по опавшимъ щекамъ. Самымъ высшимъ благомъ докторъ признаетъ отрадныя впечатлѣнія доставляемыя людьми другъ другу въ проявленіи чистыхъ помысловъ и хорошихъ поступковъ, а таковые свойственны дѣтямъ по преимуществу. Онъ засмотрѣлся на ребенка.

— Ага, весело заговорилъ онъ,—ты капиталъ нажилъ, Ханмъ; ну сколько у тебя въ наличности?

Ребенокъ конфузливо зашевелилъ губами, переводя глаза отъ доктора на деньги.

— Да ты вслухъ, братецъ, считай.

Ханмъ положилъ палецъ на одинъ изъ двугривенныхъ и чуть слышно произнесъ:

— Эсѳирькѣ шляпка.—Онъ отложилъ другой двугривенный.—Маме платокъ.—И протянувъ на ладонкѣ гривенникъ доктору, застѣнчиво прошепталъ:—Доктору на табакъ.

— Очень благодаренъ. Не иначе какъ цѣною радостей для ближнихъ ты разстанешься со своимъ сокровищемъ, это прекрасно.

Пожелавъ Эсѳири Абрамовнѣ добраго здоровья, докторъ заторопился на окраину города къ своимъ паціентамъ въ Рыбацкую слободу. Вся его практика заключается въ маленькихъ домикахъ предмѣстья, и самъ онъ живетъ болѣе чѣмъ скромно, потому что ничего не ищетъ и не хочетъ кромѣ отрадныхъ впечатлѣній.

Ханмъ погрузился въ созерцаніе окружающаго. Утки плывутъ по рѣкѣ, маленькіе утята съ крючками вмѣсто головокъ кувыркаются въ воду вверхъ хвостами, кричитъ пѣтухъ, пищатъ цыплята, воробьи щебечутъ и чирикаютъ. Онъ ихъ не боится, ни утокъ, ни пѣтуха. Цѣлые дни проводитъ онъ на улицѣ съ кускомъ булки и съ боченкомъ. Иногда случается, что подойдетъ къ нему коза, и скажетъ: мме-е-е! Ханмъ обниметъ ее, или ухватитъ за рога и пробуетъ сѣсть на нее верхомъ, а коза упирается. Разъ она пригнула рога къ землѣ, да какъ прыгнетъ, и поднялась на заднія ноги. Ханмъ испугался—бѣжать; задѣлъ ногой за что-то, упалъ и лежитъ, зажмурившись отъ страха. А коза спокойно смотритъ на него, и говоритъ: бя-я-я!

Теперь онъ и козы не боится. Онъ легъ на траву и задремалъ подъ тихое журчаніе рѣки. Вдругъ глаза его открылись и жадно посмотрѣли вдаль. Среди уличной суеты слухъ его различилъ отдаленные музыкальные звуки, лицо засіяло отъ удовольствія. Сверкнули на томъ берегу штыки, и стройные ряды солдатъ бухаютъ въ барабаны, гудятъ въ мѣдныя трубы, все ближе, все громче.

Съ инстинктивною потребностью общенія оглядывается Ханмъ на дѣтей привлеченныхъ музыкой на улицу. Сыновья сапожника Митька и Степка вышли изъ калитки сосѣдняго дома, и невдалекѣ отъ нихъ остановились шедшіе купаться два кадета, два счастливыхъ обитателя мощеной набережной, въ бѣлыхъ кителяхъ и бѣлыхъ фуражкахъ. Они познакомились съ сыновьями сапожника, и уговариваются идти вмѣстѣ купаться. Старшій, рыжій кадетъ, держитъ себя солидно и проситъ Митьку быть повѣжливѣе, но Митька, торопясь выказаться, забываетъ его предостереженіе.

— Въ ту пору мы тамъ купались, говоритъ онъ съ сильной жестикуляціей, — такъ на серединѣ тебѣ самому будетъ по горло.

— Говорите мнѣ *вы*, поправилъ его рыжій кадетъ.

— Я тебѣ *вы* говорю. Я чуть не утонъ на энтомъ мѣстѣ.

Маленькій кадетъ, блондинъ съ открытымъ веселымъ лицомъ предложилъ взять съ собой удочки и нарыть червей. Потомъ онъ сказалъ что-то смѣшное, всѣ засмѣялись, и въ по-

Библиотека "Руниверс"

рывѣ веселости Стенка ударилъ его по плечу, а Митька обнялъ шутника, и голоса дѣтей слились въ общій гулъ дружнаго хохота.

Въ нерѣшительной улыбкѣ глядѣвшаго на нихъ издали Ханма проглядывало недоумѣніе и грусть. На него пахнуло призывомъ раздолья, дружбы и товарищества; хочется ему, но онъ знаетъ, что нельзя подойти къ веселымъ дѣтямъ и посмѣяться вмѣстѣ съ ними. Ни игрушки, ни гостинцы, ни ласки сестры не выкупаютъ его оторванности отъ общаго потока жизни; по лицу его пробѣгаютъ тѣни, и потухъ блескъ его черныхъ зрачковъ. И видитъ онъ, что весноватый, рыжій кадетъ отдѣлился отъ группы дѣтей, и пристально смотритъ на него. Ему не понравился большой носъ кадета съ концомъ пригнутымъ къ острому подбородку и съ выпяченными крыльями раздвинутыми къ щекамъ; а въ презрительно прищуренныхъ глазахъ его Ханмъ почуялъ что-то недоброе, и опустилъ голову на грудь, сердце повернулось въ его маленькой груди.

— Искаріотъ! сказалъ ему кадетъ.

— Христопродавецъ! Жидъ! Іуда! подхватили дѣти, и начали его дразнить.

— А что я вамъ сдѣлалъ? съ жалобнымъ простодушіемъ спрашивалъ онъ ихъ.

Красивая линія губъ его изогнулась, и подняли́сь къ глазамъ слабые кулачки.

— Глупо, глупо, господа! раздался голосъ доктора, возвращавшагося съ практики и мелькомъ взглянувшаго на эту сцену.

Докторъ отошелъ далеко, Эсѳирь Абрамовна доила въ сараѣ козу, и рыжій кадетъ безъ помѣхи отнялъ у Ханма боченокъ, и бросилъ его рикошетомъ въ воду. Дѣти пустились бѣжать. Ребенокъ повернулъ имъ вслѣдъ безжизненно блѣдное, испуганное лицо свое, и на мгновеніе опѣмѣлъ. Вдругъ, вскинувъ вверхъ ручонками, онъ закатился отчаяннымъ воплемъ.

— Деньги, деньги мои, деньги! кричалъ онъ на всю улицу.

Прибѣжавшая на его крикъ Эсѳирь Абрамовна, узнавъ причину его огорченія, хлопнула себя по бедрамъ, да такъ и замерла съ опущенными внизъ руками, съ лицомъ растеряннымъ и въ пятнахъ.

— Восемь гривенъ, восемь гривенъ, повторяла она про себя; блуждающій взоръ ея упалъ на Ханма.

— Я тебѣ говорю: не плачь! взвизгнула она, и какъ разсерженная курица быстро затараторила горланью: — Кто-же носитъ деньги на улицу? Ихъ надо беречь и никому не показывать.—Такъ и пересыпаетъ она свою исполненную негодованія тираду однимъ и тѣмъ-же словомъ:—деньги — серіозная вещь; деньги... деньги...

То же слово Ханмъ постоянно слышалъ въ разговорахъ между взрослыми: знаніе — деньги; ловкость, умѣнье нажить деньги; деньги — сила, выгода, барышъ; деньги и деньги, вотъ суть всѣхъ интересовъ въ ихъ отчужденномъ отъ остальнаго міра замкнутомъ кругу, куда не проникаетъ ни одинъ свѣтлый лучъ человѣческой жизни, и гдѣ все униженное, смѣшное, жалкое и гадкое мило и дорого мальчику, потому что близко ему. Но никогда еще въ него не западало такъ глубоко это слово.

— Деньги, бормочетъ онъ вслѣдъ за сестрой. О, еслибъ онъ былъ сильный и большой, какъ-бы отплатилъ обидчикамъ за отнятыя деньги!

Солнце уже не грѣетъ, оно врѣзывается въ глаза красными лучами изъ-за высокихъ каменныхъ домовъ; съ колокольни раздается благовѣтъ ко всенощной; куры и воробьи попрятались, утки тянутся домой по берегу, а Ханмъ все еще не спускаетъ глазъ съ того мѣста, гдѣ скрылся подъ водой его боченокъ. И сидя рядомъ съ нимъ, сестра его все еще говоритъ:

— Когда у тебя будетъ много денегъ, враги твои тебѣ поклонятся.

— А гдѣ враги? Кто?

— Всѣ. Кругомъ, вездѣ.

Они обнялись. Что-то до жалости беззащитное, преждевременно надорванное, старческое поражаетъ въ выраженіи лицъ и позахъ брата и сестры. Поднятыя брови ребенка надъ опущенными вѣками перерѣзываютъ лобъ горестной линіей. И комиченъ исполненный отчаянія тонъ, которымъ сестра продолжаетъ бормотать:

— Восемь гривенъ—хорошія деньги.

Проходятъ принаряженные обыватели ко всенощной, и Ханмъ, указывая на нихъ глазами, спрашиваетъ сестру:

— А еслибъ мы ходили съ ними въ церковь, они полюбили-бы насъ?

— Они и самихъ себя не любятъ, ѣдко проговорила сестра.

И какъ-бы въ подтвержденіе сказаннаго ею, двѣ мѣщанки визгливо переругивались между собой.

— Я тебѣ носъ-то утру, говорила одна.

— Погоди, говорила другая,—всѣ жилы изъ тебя повытяну.

Ханмъ вздохнулъ съ видомъ серіознаго неодобренія. Сестра понесла его домой и уложила спать. Скоро онъ заснулъ отъ утомленія, испытавъ одно изъ самыхъ сильныхъ волненій въ своей жизни; но сестра не спала.

Наступилъ особенно темный вечеръ, небо закрылось тучами, зачастилъ мелкій, безконечный дождь; удушливо спертый воздухъ въ лачугѣ тоскою захватилъ горло молодой женщины, ее прошибла слеза. Вѣтромъ шатнуло рамы, залаяла собака, чьи-то тяжелые шаги расплескиваютъ лужи подъ окномъ, и за тонкой стѣной заревѣла дѣвчонка, дочь сосѣдки-нищенки.

Проснулся Ханмъ, вспомнилъ о своемъ боченкѣ, и глубоко вздохнулъ. Нырнуть-бы въ воду, поискать его. Онъ пожимается при мысли, какъ подъ водой должно быть холодно, темно и страшно.

— Эсѳирь!

— А что тебѣ надо?

Скрипнулъ сундукъ, служившій кроватью Ханму, торопливо зашлепали по полу босыя ножки и колыхнулся ситцевый пологъ. На минуту замолкшая за стѣной дѣвчонка еще громче заплакала.

— Это она отъ голода, съ убѣжденіемъ замѣтила Эсѳирь Абрамовна, принимая забравшагося къ ней подъ одѣяло брата въ свои объятія.

Наскучавшись безъ мужа, разстроенная и раздраженная, она не засыпала, испытывая потребность излить передъ кѣмъ-нибудь свою душу. И она стала разсказывать Ханму на своемъ нѣвучемъ и гортанномъ жаргонѣ поучительную исторію о томъ, какъ одинъ еврей, исполняя самую низкую должность при дворѣ короля, не хотѣлъ мириться со своимъ положеніемъ, и путемъ неимовѣрно хитрыхъ уловокъ, съумѣлъ поссорить короля съ супругой, потомъ съ главнымъ вельможей, и перемутилъ между собою всѣхъ придворныхъ, которые наговорили королю напраслинъ другъ на друга, навлекли на себя его гнѣвъ,—только онъ, умный еврей, снискалъ всеобщее довѣріе и милость короля, поставившаго его первымъ лицомъ въ королевствѣ. Вотъ какъ надо поступать, Ханмъ. Но впечатлительный ребенокъ, съ затаеннымъ ропотомъ выслушавъ эту исторію, слабо возразилъ сестрѣ:

— Зачѣмъ-же нельзя со всѣми дружно веселиться?

Сестра, не отвѣтивъ ему, продолжала говорить больше для себя, и сущность ея рѣчей заключалась въ томъ, что надо тихо, осторожно, незамѣтно подкапываться подъ чужое благополучіе и возвышаться надъ людьми посредствомъ денегъ.

Дрожь пробираетъ ребенка.

Въ окна глядитъ бѣловатый туманъ ранней зари, ясиѣетъ скатерть на столѣ и вся незатѣйливая обстановка комнаты, и виденъ на комодѣ коричневый парикъ. Что-то мертвящее, отвратительное, своею неестественностью отталкиваетъ взглядъ отъ грязнаго парика. Косынка соскользнула съ головы сестры. Онъ видитъ ее съ обритой головой, какъ у колодника, ведомаго солдатами по улицѣ; онъ хочетъ и не можетъ обнять свою сестру.

Пѣтухъ подъ окномъ неожиданно крикнулъ. Ханмъ вздрогнулъ и зажмурился.

Ему слышится далекій смутный говоръ въ тихомъ плесканіи воды и шумѣ ветелъ; тонкія ноздри его вздрагиваютъ отъ усиленнаго вниманія, кровь бьется въ ушахъ. Поднявъ указательный палецъ, онъ робко выглядываетъ изъ-за полога.

— Было много пѣтуховъ большихъ и сильныхъ, говоритъ ему сестра,—и всѣ дрались между собой изъ-за горсточки зеренъ. Только маленькій трусливый пѣтушокъ, отойдя въ сторону, терпѣливо ждалъ, покуда всѣ большіе не уничтожили другъ друга. Тогда онъ подошелъ и сталъ клевать ему одному доставшіяся зерна. Большіе пѣтухи — господствующіе народы, маленькій пѣтушокъ—евреи, мы. Когда-нибудь вся земля будетъ наша, и всѣ богатства, и всѣ радости.

— А скоро?

Эсѳирь Абрамовна внезапно заворочалась, такъ что кровать стала шататься, и съ досадой закричала:

— Спи! Что ты не спишь, и мнѣ мѣшаешь.

Утромъ опять свѣтило солнце, но Ханмъ не пошелъ на улицу, и попрежнему играть ужь онъ не могъ, а сѣлъ разбирать азбуку при помощи сестры, и за этимъ занятіемъ засталъ его докторъ и похвалилъ:

— Вотъ умникъ, сказалъ онъ, подойдя къ окну.

Эсѳирь Абрамовна оживилась, замигала кровавыми вѣками, и со всѣми подробностями, съ прикрасами и прибавленіями, разсказала доктору вчерашнее приключеніе, закончивъ его восклицаніемъ:

— Что могъ имъ сдѣлать маленькій Ханмъ!?

— А что я имъ сдѣлалъ? подхватилъ ребенокъ.

Докторъ довольно равнодушно отвѣчалъ:

— То-ли еще бываетъ.

— Мы — евреи, всѣ насъ обижаютъ! вопила сестра. — Имъ ничего не стоитъ погубить бѣдное семейство въ одну минуту.

— Э, полноте, Эсѳирь Абрамовна... Прикладывайте къ глазамъ примочку.

— Позвольте, господинъ докторъ, не уходите, мнѣ надо имѣть съ вами очень серьезный разговоръ. Ханмъ не спалъ всю ночь и заболѣлъ отъ испуга. А что я хочу васъ просить: подите къ отцу кадета, къ господину Шаблицу, и скажите ему все, пусть онъ себѣ узнаетъ.

— Я съ нимъ незнакомъ.

Еврейка, сложивъ руки ладошками, сдѣлала умоляющую физіономію.

Библиотека "Руниверс"

Бой маръ. Рис. и грав. Шпехтъ.

Библиотека "Руниверс"

И холодно, и голодно... Ориг. рис. (собств. „Нивы“) М. Зощенка, автотипія Ангерера

Библиотека "Руниверс"

— А все-таки вы къ нему подите... восемь гривенъ...

Порывшись въ кошелькѣ, докторъ высыпалъ на подоконникъ все свое серебро.

Глаза жиденка сверкнули. Онъ порывисто забралъ въ кулаки мелочь, и мотая головой залепеталъ не своимъ голосомъ, а сдавленнымъ, похожимъ на урчанье кошки:

— Камней, камней куплю, много горячихъ камней — жечь мальчишекъ.

Докторъ съ рѣшительностью повернулся и пошелъ черезъ мостъ къ новому дому Шаблица.

Яковъ Соломоновичъ Шаблицъ, не такъ давно купивъ имѣніе въ уѣздѣ, прочно водворился въ городѣ и взялъ на себя роль общественнаго дѣятеля. Будучи занятъ дѣлами, онъ поручилъ принять незнакомаго доктора своей супругѣ, Серафимѣ Осиповнѣ, особѣ поразительно похожей на Эсѳирь Абрамовну. У ней тоже отвислая перегородка носа, влажныя, крупныя губы и поднятыя брови, но волнистые, огненнаго цвѣта волосы ея были причесаны по модѣ и здоровые глаза залплыли жиромъ. Руки ея украшены перстнями и браслетами, а на полной груди красуется жемчугъ.

— Къ вашимъ услугамъ, господинъ докторъ, заговорила она съ приторной улыбкой тѣмъ же гортаннымъ жаргономъ, какимъ говоритъ Эсѳирь Абрамовна.

Онъ изложилъ причину своего появленія, и Серафима Осиповна потупилась, не зная что сказать.

— Мнѣ совѣстно, сударыня, васъ безпокоить, но можетъ-быть вы сами находите нелишнимъ помирить дѣтей. Возникновеніе уличныхъ ссоръ вещь далеко не желательная.

— А почему вы думаете, что виноватъ мой шынъ? взвизгнула она, до такой степени напоминая выговоръ и интонацію Эсѳирь Абрамовны, что невольно удивленный докторъ вскинулъ плечами, а дама въ браслетахъ продолжала: — Жиды нахродъ задохрный, они сами задѣваютъ хрусскихъ. О, это такой вхрэдный народъ, тараторила она, какъ разсерженная курица, не давая доктору возможности вставить свое слово.— Ивъ-за нихъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ много теряютъ наши дѣти, дѣти потомственныхъ дворанъ. Всѣ мои пхрэдки были хрусскіе помѣщики, а мой мужъ, потомокъ литовскихъ рыцарей, принялъ православіе, выдержалъ экзаменъ на магистра, дослужился до дѣйствительнаго статскаго совѣтника и записался въ дворанскую книгу. Мы потомственные хрусскіе дворане!

Съ этими словами она встала, прижавъ руку къ груди.

— Что можетъ быть общаго между моимъ шыномъ и уличнымъ жидомъ, и зачѣмъ же ему мириться?

— Тутъ, собственно говоря, дѣло въ принципѣ, нуженъ благой примѣръ...

— О, да, я понимаю, и очень васъ благодахру, вы превосходно говорите, господинъ докторъ...

Докторъ откланялся и ушелъ.

Само собою разумѣется, что Серафима Осиповна немедленно сообщила весь этотъ разговоръ супругу своему, и тотъ счелъ нужнымъ обдумать какъ можно обстоятельнѣе предстоящій ему образъ дѣйствія. Всего болѣе онъ опасался дать поводъ усомниться въ своемъ происхожденіи яко-бы отъ литовскихъ рыцарей и прослыть жидомъ среди новыхъ знакомствъ за выраженіе симпатіи къ жидамъ, въ виду чего по всякому поводу ругалъ своихъ соплеменниковъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Слово *жидъ* отравило ему жизнь съ самаго ранняго дѣтства. „И что это за елово, пхе! Завсѣмъ глупое слово, подхваченное у поляковъ; шамъ и этого придумать неспособенъ безмозглый хрусскій народъ!“ Еще будучи гимназистомъ, Шаблицъ сказалъ дразнившимъ его товарищамъ: „Я не жидъ, а евхрэй“, и съ тѣхъ поръ даже учителя находили остроумнымъ называть его вмѣсто фамиліи: „не жидъ, а еврей, отвѣчайте урокъ“. Во снѣ и до сихъ поръ онъ слышитъ злой и глупый хохотъ, и встаютъ въ его памяти образы жестокихъ маленькихъ преслѣдователей, возбуждая мстительное чувство, хотя давно ужь снята съ него кличка и пользуется онъ почетомъ, какъ богачъ. Документы его свидѣтельствуютъ о православіи и принадлежности къ привилегированному сословію, и онъ тщательно поддѣлываетъ себя подъ свои документы. Возобновилъ псарни въ купленномъ имѣніи, завелъ собакъ и лошадей, не упускаетъ случая блеснуть своей разборчивостью въ винахъ, старается казаться селадономъ, вообще придаетъ себѣ для виду всѣ безъ разбора склонности, замашки и пороки нетыхъ баръ; и какъ несомнѣнный признакъ благородства своего происхожденія, выказываетъ страсть къ охотѣ въ разговорахъ. Дѣтямъ онъ далъ имена Аркадій, Анатоль, Борисъ, — благороднѣе которыхъ трудно подыскать. Все сдѣлалъ, что могъ, подложный подъ свои документы литовско-русскій дворянинъ, чтобъ смыть съ своихъ дѣтей клеймо еврейскаго происхожденія, но съ первыхъ шаговъ въ кадетскомъ корпусѣ Аркадій сталъ, такъ же какъ и отецъ его въ гимназіи, предметомъ хохота — предательскій носъ колесомъ безпощадно выдаетъ товарищамъ его породу.

— Рыцарь Гешефтъ, Мельхиседекъ, Іуда Шаблицъ! кричатъ ему шалуны, разжигая въ сердцѣ подрастающаго рыцаря безсильную мучительную злобу.

Отецъ это знаетъ, и скорбитъ за своего первенца, и понимаетъ онъ, что сынъ предпринялъ походъ на жиденка въ доказательство того, что нѣтъ ничего общаго между нимъ и жидами. Съ чувствомъ несознаваемаго злорадства подложный человѣкъ находитъ справедливымъ, чтобы паріи-бѣдняки страдали и терпѣли гнетъ въ неизмѣримо большей степени, нежели сынъ его и самъ онъ вынесъ въ давнемъ прошломъ,—однако приходится взять во вниманіе вмѣшательство популярнѣйшаго изъ городскихъ врачей. Рѣшено было, что Аркадій вручитъ потерпѣвшему отъ него жиденку одинъ рубль деньгами и барабанъ.

Съ локтями на подоконникѣ, Эсѳирь Абрамовна выжидательно смотритъ въ окно: идетъ долговязый, рыжій кадетъ по предмѣстью съ барабаномъ въ рукѣ, презрительно глядя на снующій кругомъ темный и мелкій людъ, идетъ и останавливается передъ ней. Лицо ея начинаетъ лосниться, расплываться; вдругъ подхвативъ на-лету рублевую ассигнацію, она засуетилась:

— Хаимъ! Бѣги на улицу, благодари господина кадета!

Восхитительная игрушка, блестящая и красивая, какъ настоящая музыка у солдатъ, переполнила радостью ребенка, и наивно-смѣющійся Хаимъ въ радости хотѣлъ обнять кадета.

— Подальше, подальше! съ гадливой ужимкой произнесъ Аркадій, оттолкнувъ его, повернулся налѣво кругомъ и ушелъ.

Тогда, схвативъ съ подоконника новую игрушку, Хаимъ бросился со всѣхъ ногъ къ рѣкѣ, и закинулъ ее на то мѣсто, гдѣ исчезъ его боченокъ. Барабанъ покачался на водѣ, и подхваченный быстрой струей понесся по теченію. Хаимъ отвелъ отъ него полные слезъ глаза—весь міръ показался ему нестоющимъ вниманія—и со вздохомъ, хмуря брови, медленно побрелъ домой.

Эсѳирь Абрамовна долго не могла придти въ себя отъ удивленія и досады.

— Ай-ай! Что же ты сдѣлалъ, восклицала она недовѣрчиво переспрашивая,—ты бросилъ въ рѣку игрушку? Правда? И такую дорогую, превосходную, вѣрно? Ее можно было продать и деньги спрятать.

Успокоившись, она стала его наставлять увлекательнымъ повѣствованіемъ о томъ, какъ одинъ мудрый еврей, затаивъ ненависть къ врагу, съумѣлъ руками этого врага составить свое счастье. И Хаимъ началъ жалѣть, что бросилъ музыку, потомъ раскаиваться въ своей необдуманности. Такъ изо-дня-въ-день ребенокъ утрачивалъ нравственное чутье. За-то онъ скоро выучился читать, считать и примѣняться къ обстоятельствамъ.

Когда сыновья сапожника собираются на рыбную ловлю вмѣстѣ съ кадетами, Хаимъ несмѣло, осторожно подкрадывается къ нимъ, дѣлая видъ, что идетъ мимо, и вытянувъ шею, всматривается въ нихъ. И вдругъ бросается помогать Митькѣ вытащить увязшую ногу изъ топкаго ила, обѣими руками обхватываетъ ее.

— Пошелъ, кричатъ на него дѣти,—брысь!

Но жиденокъ, какъ будто не къ нему это относится, забѣжитъ справа, забѣжитъ слѣва, подниметъ удилище, хлопочетъ, угождаетъ. Льстиво прижмуривая свои прекрасные глаза, онъ умильно, вкрадчиво, елащаво говоритъ:

— А зачѣмъ вамъ пачкать бѣлыя руки, господинъ, позвольте, я подержу.

— Отойди, не гляди на меня, отвѣчаетъ Аркадій.

Жиденокъ разведетъ руками, согнетъ голову на-бокъ, и въ экстазѣ восклицаетъ:

— Ай-ай! Какае возможно на васъ не смотрэть, у васъ такое пхревосходное лицо.

Подрастающій рыцарь смягчается, и даетъ ему подержать черепокъ съ червями.

Мало-по-малу жиденокъ сталъ необходимъ этой компаніи, и сталъ о себѣ много думать. Заложивъ за спину руки и разставивъ ноги, онъ съ дѣловымъ видомъ осматриваетъ лошадь, которую кучеръ ведетъ въ кузницу.

— А пожвольте ужнать, господинъ, сколько такая лошадь штоитъ?

— Много будешь знать, скоро состаришься, жиденокъ, проведя рукой по его кудрямъ, съ усмѣшкой отвѣчаетъ кучеръ.

Тогда, преисполнясь важности, Хаимъ идетъ домой мимо ревущей на дворѣ дѣвчонки-нищенки, и даже взглядомъ ее не удостоиваетъ, съ такой надменной недоступностью закинулъ онъ назадъ свою кудрявую головку. Съ пренебреженіемъ оттолкнулъ онъ ногой подошедшую къ нему козу.

Ужь онъ не маленькій теперь.

Изъ утраты боченка Эсѳирь Абрамовна извлекаетъ наивозможную пользу для себя. Она ходила поблагодарить господина Шаблица за цѣсть и милость оказанную ея брату, и выпросивъ у Серафимы Осиповны работу: сшить наволоки, взялась и за починку давно брошенныхъ резиновыхъ галошъ; и втирается къ ней подъ разными предлогами, несмотря ни на какія униженія, навязываетъ свои услуги: чиститъ соломенную шляпу и растираетъ спину, беретъ поправить часы, склеить

Библиотека "Руниверс"

разбитое блюдо, вылудить самоваръ, такъ какъ Мордухъ рѣшительно все умѣетъ дѣлать, и ужь ему доставитъ мѣсто приказчика въ хорошемъ магазинѣ. А Хаимъ, по обѣщанію доктора, получитъ безплатное образованіе и будетъ онъ вліятельный, богатый человѣкъ, во что непоколебимо вѣритъ Эсѳирь.

(Продолженіе будетъ).

Литературныя бесѣды.

Русская литература послѣ Гоголя.

Почти непосредственно послѣ Гоголя русская литература получила необыкновенно широкое и сильное развитіе. Слѣдовавшіе другъ за другомъ Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь были въ извѣстномъ смыслѣ явленіями единичными, исключительными, стоявшими на недосягаемой высотѣ въ сравненіи со своими литературными современниками, которые не вносили въ литературу ничего своеобразнаго и новаго, чего вы не могли бы найти у названныхъ геніальныхъ представителей времени, были простыми спутниками послѣднихъ на пути, который пролагали геніальные руководители ихъ. Послѣ Гоголя на литературной аренѣ почти одновременно появились блестящею плеядою замѣчательные писатели: Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Григоровичъ, Островскій, Писемскій, Л. Толстой и др.,— изъ которыхъ каждый представлялъ явленіе самостоятельное, независимое отъ другихъ: всѣ они въ большей или меньшей степени считали себя учениками Пушкина и Гоголя, дѣятелей предшествующихъ. И они создали цѣлый рядъ замѣчательнѣйшихъ произведеній, давшихъ русской литературѣ видное мѣсто среди литературъ западно-европейскихъ, имѣющихъ міровое значеніе. Не равные талантами, не одинаковаго образа мыслей, независимые отъ частныхъ направленій русской общественной мысли, они, при всей своей самостоятельности по отношенію къ современникамъ литературнымъ, тѣмъ не менѣе отличаются какою-то солидарностью въ общемъ, представляютъ всѣ вмѣстѣ неразрывное цѣлое, характеризующее эпоху, въ которую жили и дѣйствовали они.

Чтобы понять во всей совокупности явленій эту эпоху расцвѣта русской литературы, обнимающую собою главнымъ образомъ три десятилѣтія, — отъ половины сороковыхъ годовъ, — и захватывающую собою, въ лицѣ геніальнаго гр. Л. Толстаго и др., и періодъ позднѣйшій, когда на литературной сценѣ появились уже другіе дѣятели, съ другими задачами и съ другими талантами, необходимо имѣть въ виду нижеслѣдующее.

Литература каждаго даннаго народа складывается и создается, конечно, не произвольно, не волею отдѣльныхъ личностей, а условіями исторической жизни и индивидуальными свойствами народа, его темпераментомъ и складомъ ума. Какъ отдѣльный человѣкъ можетъ думать и чувствовать только то и такъ, что и какъ внушается ему окружающей его жизнью, сначала его близкими людьми, а потомъ и личнымъ опытомъ,— такъ и литература, т. е. мысль всего общества, получаетъ свое основаніе въ мысли предшествовавшихъ поколѣній и въ своей самостоятельной пытливости, зависящей, однако, отъ того, что сдѣлано предшественниками. Литературную жизнь извѣстной эпохи жизни народа, отличающейся новымъ, не заимствованнымъ отъ предшествовавшихъ эпохъ направленіемъ, можно сравнить съ жизнью извѣстнаго даннаго поколѣнія. Но какъ же живетъ оно, такое поколѣніе? Естественно и неизбѣжно его физическая и умственная жизнь подчиняется опредѣленному порядку: какъ отдѣльный человѣкъ, оно учится ходить и говорить, потомъ безъ критики и провѣрки принимаетъ мысли, которыя оно слышитъ; но настаетъ пора горячей юности и возмужалости, когда такъ новы „всѣ впечатлѣнья бытія", и оно съ увлеченіемъ и проснувшейся мыслью жадно приглядывается къ жизни, ищетъ опыта, новыхъ ощущеній и мыслей, въ отдѣльности не опредѣляя ни своей будущей практической жизни, ни задачъ, которыя ему предстоитъ выполнить. Въ эту пору для него нѣтъ еще тяжелыхъ сомнѣній, все еще его непосредственно интересуетъ и манитъ къ себѣ, чаруетъ то, надъ чѣмъ позже оно остановится съ раздумьемъ и разочарованіемъ, отталкиваетъ то, что позже возбудитъ чувство симпатіи, а не отвращенія. Но настанетъ пора серьезнаго мужества, опредѣленныя цѣли и задачи выдвинутся передъ нимъ, — и жизнь его будетъ складываться строже, опредѣленнѣе, уже, оно будетъ не просто отдаваться жизни, не впечатлѣній отъ жизни искать, а преслѣдовать опредѣленныя частныя цѣли, близко разсматривать жизнь, анализировать ее и стараться ее устроить и улучшить. Настанетъ, наконецъ, и старость его: свѣтлыя краски жизни поблекнутъ передъ нимъ, многое, что его увлекало и тревожило, покажется ему тщетнымъ, не имѣющимъ той цѣны, которую оно придавало ему, горькое раздумье смѣнитъ прежнія увлеченія, обнаружится неисполнимость того, что казалось такъ доступнымъ, выяснится сила препятствій достиженію идеальныхъ стремленій, которая не казалась страшною.

Присмотритесь ближе къ жизни русской литературы, и вы тотчасъ же найдете характернѣйшія и рѣзко выраженныя черты этого процесса. Съ преобразованіями Петра, Россія была выведена на дорогу европейскаго просвѣщенія, дотолѣ ей незнакомую почти. Настала совершенно новая эпоха, люди которой и представляютъ для насъ именно то новое вѣковое поколѣніе, которое мы взяли въ примѣръ. Весь прошлый восемнадцатый вѣкъ былъ еще въ сущности временемъ нарожденія и роста новаго поколѣнія, еще проживавшаго свой младенческій періодъ, въ то время какъ старое поколѣніе постепенно вымирало, медленно, но вѣрно очищая мѣсто наступавшему. И что же дѣлало это новое поколѣніе, носившее въ себѣ зародыши новой умственной жизни? Мы видимъ, что оно, въ лицѣ Третьяковскаго, Ломоносова и пр., еще только, такъ сказать, учится говорить, образуетъ языкъ, беря элементы его, какъ и элементы мысли, у старшихъ родственниковъ, изъ родной старины и отъ старшихъ братьевъ, европейскихъ народовъ, съ которыми живетъ теперь общею умственною жизнью. Потомъ наступаетъ пора такой умственной, т. е. литературной, жизни, которая представляетъ простое отраженіе чужой умственной жизни, жизни старшихъ братьевъ. Въ лицѣ Сумарокова, даже Державина, Карамзина, Жуковскаго, отрокъ-поколѣніе говоритъ то, что говорятъ старшіе, повторяетъ европейскіе псевдо-классицизмъ, сентиментализмъ и романтизмъ; онъ не лишенъ индивидуальности, самостоятельности, но это самостоятельность отроческая, входящая только элементомъ въ общее теченіе мысли.

Но поколѣніе быстро растетъ, и въ Пушкинѣ и Грибоѣдовѣ мы встрѣчаемъ уже юношу, приближающагося къ мужеству. Характернѣйшею чертою юности всегда было нѣкоторое исканіе независимости отъ предыдущаго поколѣнія, протестъ противъ его притязаній на умственное подчиненіе молодаго поколѣнія,—и этотъ протестъ нашелъ яркое и рѣзкое выраженіе въ „Горѣ отъ ума" Грибоѣдова. Положительная сторона юношеской свѣжести и отзывчивости новой Россіи, новаго русскаго поколѣнія, говоря нашимъ сравненіемъ, выразилась всецѣло въ Пушкинѣ. На всю жизнь въ ея совокупности, на „всѣ впечатлѣнья бытія", онъ отозвался страстнымъ поэтическимъ языкомъ, живымъ чувствомъ и глубокою русскою мыслью. Поэтъ, представитель юности русской мысли, обнаружилъ геніальную мощь и пытливость, и его гимны жизни, впечатлѣніямъ которой онъ страстно отдавался, запечатлѣны тою грустью, которая свидѣтельствовала не о подчиненіи только болѣе возмужалой европейской мысли, а о самобытномъ и строгомъ отношеніи къ жизни. Его „Евгеній Онѣгинъ" и позднѣйшія зрѣлыя произведенія говорятъ намъ о возмужалости мысли, о выходѣ ея изъ непосредственно-юношескихъ воззрѣній. Лермонтовъ есть также представитель этого юношескаго періода новой русской мысли. Но онъ представляетъ другую сторону ея. Къ жаждѣ жизни, свѣжей и молодой, въ немъ съ необычайною силою сказалось сомнѣніе въ жизни, юношеское и уже потому тяжкое, почти болѣзненное. Это не грустное раздумье и разочарованіе испытавшаго жизнь человѣка, а крикъ острой боли, вызванный скорѣе угаданнымъ, чѣмъ выведеннымъ изъ опыта и анализа, отрицательнымъ отношеніемъ къ жизни; и его протестъ, его жалобы устремлены не противъ отжившаго поколѣнія и сошедшаго со сцены, а противъ выступавшаго, противъ того „нашего поколѣнія", отъ котораго онъ не ждалъ „ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда", и на которое онъ смотрѣлъ потому „печально". Пытливая юная русская мысль, жадно искавшая жизни, прозрѣвала въ будущемъ не одно доброе. Но она постепенно мужала, наступало время болѣе спокойнаго, мужественнаго анализа жизни, не крика боли отъ зла жизненнаго, а прямаго разсмотрѣнія этого зла, опредѣленнаго указанія его,—и появился Гоголь. „Поэтъ жизни дѣйствительной", проницательный цѣнитель ея, онъ въ нѣсколькихъ картинахъ, полныхъ правды, далъ общее представленіе о томъ противорѣчіи, которое отличало дѣйствительность отъ идеала. Но это было именно только общее представленіе, общая широкая картина, которая указывала, на что и какъ нужно смотрѣть въ разнообразныхъ слояхъ жизни, чтобы выдѣлить въ ней вопросы, подлежащіе рѣшенію. Картина эта была не лишена односторонности, но именно это и было нужно, чтобы ярко бросалась въ глаза печальная правда дѣйствительности, ея несогласіе съ идеаломъ жизни. Гоголь не указалъ *въ частности* тѣхъ явленій, которыя только и ставили практическіе вопросы. И въ „Мертвыхъ душахъ", и въ „Ревизорѣ" передъ нами нѣчто такое, что повергаетъ, если хотите, въ отчаяніе, но не говоритъ, съ какого конца нужно взяться за дѣло, чтобы указываемое ими зло исчезло изъ русской жизни.

Что же предстояло дальнѣйшему литературному движенію? Очевидно, дѣло было указано, пути намѣчены. Пушкинъ выучилъ правдивому воззрѣнію на явленія дѣйствительности, Гоголь указалъ, что изображать, гдѣ искать и какъ искать служенія литературы обществу. Литературѣ предстояло не общія картины рисовать, а вдаться въ болѣе частныя явленія жизни, въ частныя сферы ея, и тамъ опредѣленно указывать противорѣчія идеаламъ, откуда бы являлась возможность ин-

Библиотека "Руниверс"

дѣть и мѣры, необходимыя для исправленія жизни. Дѣло это болѣе практическое и доступное. Таланты не должны были уже искать дорогъ, а прямо примѣнять свои силы. И мы видимъ, что люди далеко не одинаковыхъ дарованій принялись тогда, независимо другъ отъ друга, за одно и то же дѣло, пошли въ одномъ направленіи. Геніальный Тургеневъ, напр., и талантливый Григоровичъ — одинаково вышли на дорогу изображенія крестьянъ въ ихъ отношеніяхъ къ господствовавшему надъ ними сословію; поднимался практическій вопросъ. Тотъ же Тургеневъ, Гончаровъ, да и другіе устремили свое вниманіе на практическую разгадку типическаго представителя новаго русскаго поколѣнія, того самаго, котораго изобразили Пушкинъ въ Онѣгинѣ, Лермонтовъ въ Печоринѣ, Гоголь въ Тентетниковѣ; литература угадывала огромное значеніе этого типа въ русской жизни, потому что имъ опредѣлилось, что̀ можетъ сдѣлать русская образованность для дальнѣйшей русской жизни. Достоевскій съ поразительною глубиной сталъ всматриваться въ различное зло русской жизни въ разныхъ слояхъ общества, со всѣми послѣдствіями, которыми зло это отражается на отдѣльныхъ личностяхъ преимущественно; и это зло онъ видѣлъ не въ неустройствахъ только общественныхъ, а и въ направленіяхъ русской общественной мысли. Островскій открылъ въ купеческой и вообще простонародной русской жизни оригинальный умственный и нравственный бытъ, полный старинныхъ русскихъ преданій и новѣйшихъ вѣяній отъ образованныхъ классовъ. Всѣ эти писатели и другіе, ихъ спутники на литературномъ пути, одушевлены были одними и тѣми же, въ существенномъ, идеалами. Эта практическая возмужалость умственной жизни новаго русскаго поколѣнія получила господство и преобладаніе.

Таковъ путь, которымъ прошла наша литература; таковъ процессъ, пережитый ею. Имъ, въ рѣзкихъ и яркихъ чертахъ, и опредѣляется и характеризуется литература русская послѣ-Гоголевскаго періода.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Городъ Златоустъ. (Рис. на стр. 309).

Городъ Златоустъ составляетъ въ настоящее время конечный пунктъ Самаро-Уфимской жел. дороги, продолженіе которой — Уфа-Златоустовская ж. д. открыта 8 сентября 1890 г. Пролегающая отъ Уфы равнинной, желѣзная дорога, начиная отъ Усть-Катавскаго завода, входитъ въ область Уральскихъ горъ, и чѣмъ ближе къ Златоусту, тѣмъ красивѣе виды горъ и скалъ, по которымъ лѣпится путь ж. дороги. Пройдя, наконецъ, близъ города, по окраинѣ горы, поѣздъ входитъ въ послѣднюю выемку въ каменистыхъ утесахъ горы Косотура и останавливается у красиваго зданія вокзала, находящагося въ 6 верстахъ отъ города, уже позади горы. Ближе къ городу не было найдено, достаточнаго для станціи, ровнаго мѣста. На рисункѣ видны: часть пруда, въ который врѣзывается гора Косотуръ, раздѣляющая городъ на двѣ части; на первомъ планѣ—соборъ съ отдѣльною, замѣчательно высокою, колокольней; позади собора, между нимъ и колокольней, видно зданіе арсенала; далѣе—зданія оружейной фабрики, стальныя издѣлія которой пользуются европейскою извѣстностью. За горой Косотуромъ, слѣва, видна гора Таганай, высшая точка Южнаго Урала, поднявшись на которую, при посредствѣ проводника, путешественникъ долго не оторвется отъ представившейся картины горъ, видныхъ на сотни верстъ въ окружности, а также отъ вида скалъ—трехъ вершинъ Таганая.

Затруднительное объясненіе. (Рис. на стр. 312).

Работы молодаго академика исторической живописи Николая Дмитріевича Лосева хорошо знакомы читателямъ „Нивы". Почти всѣ его картины были воспроизведены въ гравюрахъ на страницахъ нашего журнала. Обративъ на себя вниманіе исполненіемъ въ 1883 году программы „Послѣднія минуты князя Михаила Черниговскаго передъ ставкою Батыя", и затѣмъ картиною изъ русской жизни въ 1886 г. „По рыбу съ наметкой", Н. Д. Лосевъ, по переѣздѣ въ томъ году въ Римъ, написалъ нѣсколько прекрасныхъ вещей изъ античнаго римскаго быта, изъ которыхъ „Недоразумѣніе" пріобрѣтено Государыней Императрицей, а за картину „Отпущеніе рабыни на свободу", онъ былъ признанъ академикомъ. Въ нынѣшнемъ году на академической выставкѣ обращаетъ вниманіе его картина по русскому жанру, гравюра съ которой помѣщена на стр. 312. Парень не знаетъ какъ заговорить съ молодою дѣвушкой, которая разувается, чтобы идти полоскать бѣлье на рѣку. Живо написанныя фигуры и красивый пейзажъ не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Оттепель. (Рис. на стр. 313).

Конецъ зимы. Раннимъ утромъ еще чувствуется холодъ, но къ полудню теплые лучи сильно нагрѣваютъ воздухъ, сгоняя уборы зимы. Съ крышъ каплетъ, снѣгъ подтаиваетъ, и черными нитями тянутся по рыхлой снѣговой поверхности шумящіе ручейки талой воды. Дорога потемнѣла и по ней важно расхаживаютъ вороны, обогрѣтыя солнечными лучами.

Еврей. (Рис. на стр. 317).

Среди русскихъ акварелистовъ академикъ С. О. Александровскій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Замѣчательный портретистъ, онъ съ поразительнымъ сходствомъ передаетъ фигуры людей, которыя изъ-подъ его кисти выходятъ на бумагѣ, какъ живыя. Стоитъ посмотрѣть на его „Еврея", помѣщаемаго нами на стр. 317, чтобы въ томъ убѣдиться. Съ обычнымъ жестомъ, хорошо всѣмъ знакомымъ, онъ сообщаетъ съ плутоватымъ видомъ о выгодномъ и удачномъ гешефтѣ.

Бой маръ. (Рис. на стр. 320).

Среди немногихъ млекопитающихъ Патагоніи попадается замѣчательное, но мало извѣстное животное, мара или патагонскій заяцъ (Dolichotis patagonica). Мара близкій родственникъ морской свинки и принадлежитъ вмѣстѣ съ послѣдней къ полуконытнымъ, но по своему внѣшнему виду во многомъ отъ нея отличается и приближается, благодаря своимъ высокимъ, стройнымъ ногамъ, къ агути, а по величинѣ своего туловища и короткому торчащему хвосту—къ зайцу. Мягкая блестящая шерстка у мары сверху на спинѣ пятнами сѣрая, черная и бѣлая, съ бѣлымъ поясомъ у крестца, по бокамъ буроватая, а снизу бѣлая. Длина животнаго достигаетъ аршина, а высота въ плечахъ болѣе 9 вершковъ. Мара всецѣло животное пустыни и притомъ дневное животное. Она чувствуетъ себя хорошо именно при солнечномъ свѣтѣ. Если она считаетъ себя безопасною, то ложится или на-бокъ или лежитъ вытянувшись на животѣ, заворачивая кисти переднихъ конечностей внутрь, чего не дѣлаетъ ни одинъ грызунъ. Ея родина каменистыя мѣстности, бѣдныя водой, гдѣ мѣстами встрѣчается незначительный кустарникъ. На сѣверъ она забирается не далѣе 37 градуса южной широты. Живетъ мара въ земляныхъ норахъ. Совершенно въ тѣхъ же мѣстахъ водится очень красивая птица изъ отряда куропатокъ—*Endromia elegans*, которую тамъ зовутъ *мартинетте;* найдя эту птицу можно быть увѣрену, что найдешь и мару,—и наоборотъ. Сначала полагали, что она обитаетъ только въ норахъ, вырываемыхъ пискашей, но по новѣйшимъ наблюденіямъ мара роетъ часто и сама для себя жилище. Ночью и въ жаркіе полдни она прячется въ него, а въ прочее время дня отыскиваетъ себѣ пищу, состоящую изъ травы, корней, побѣговъ и т. п. По большей части мара собирается въ небольшія стада, особей по 30—40. Вопреки привычкамъ другихъ обитателей норъ, она часто удаляется отъ своего жилья и не всегда возвращается въ него. Нерѣдко встрѣчали мару во многихъ верстахъ отъ ея норъ, и тогда она спитъ подъ открытымъ небомъ. Чрезвычайно чуткія и пугливыя, при малѣйшемъ шумѣ мары вскакиваютъ, становятся передними ногами на лапки, а задними на пятки и остаются въ такомъ положеніи точно окаменѣвъ; прислушиваются и всматриваются туда, откуда послышался шумъ, а если онъ продолжается, то онѣ совершенно приподнимаются на дыбки или обращаются въ бѣгство. Страннымъ кажется, что онѣ не устремляются къ своему жилью, хотя бы оно и было недалеко, но ищутъ спасенія въ быстротѣ своихъ ногъ. Скачками въ 5—6 футовъ, быстро удаляется животное, опускаясь изрѣдка торчкомъ на заднія лапки. Но несмотря на такія остановки, бѣгъ мары очень быстръ, такъ что конный едва можетъ поспѣть за убѣгающимъ животнымъ. Поэтому охота на маръ не изъ легкихъ, если принять еще во вниманіе, что животныя во время ѣды или покоя выбираютъ открытыя мѣста, откуда далеко видно во всѣ стороны. Мясо маръ довольно мягко, но не изъ вкусныхъ; за то мѣхъ очень цѣнится и идетъ на ковры и покрышки. Безшумно и мирно живутъ звѣрки другъ съ другомъ. Только изрѣдка самцы заводятъ ссоры и драки. Тогда они вскакиваютъ на заднія лапки и нападаютъ передними, какъ это изображено на стр. 320. Въ неволѣ мара легко приручается. Герингъ, наблюдавшій долгое время за марой, бывшей у него въ неволѣ, пишетъ слѣдующее: „Это было спокойное, милое и безшумное творенье. Уже съ первыхъ дней оно было очень довѣрчиво къ своему хозяину. Оно брало у него изъ рукъ пищу и позволяло къ себѣ прикасаться и гладить, не выражая притомъ никакого безпокойства. На ласки оно было очень отзывчиво; когда его почесывали, оно выгибало спину, наклоняло на-бокъ голову и испускало при томъ своеобразное мурлыканье и писк, которые трудно описать. Въ голосѣ ея нѣтъ ничего непріятнаго, напротивъ, онъ очень нѣженъ и ласковъ. Мара, жившая въ неволѣ, спала только ночью, но мало, и просыпалась при малѣйшемъ шумѣ. Обыкновенно она была привязана на шнуркѣ, но однажды оторвалась въ отсутствіи своего господина, обшарила всю комнату и произвела въ ней ужасное опустошеніе". У самки два раза въ годъ рождаются по 2 дѣтеныша, что̀ наблюдалось также и въ неволѣ, напр. въ 1886 году въ паркѣ замка Дюжарденъ въ Турѣ, во Франціи.

Библиотека "Руниверс"

И холодно, и голодно. (Рис. на стр. 321).

Не мало на бѣломъ свѣтѣ бѣднаго люда, которому всегда и холодно, и голодно. Безъ куска хлѣба и безъ теплой одежды въ студеную пору онъ часто бѣдствуетъ, и тяжело тянутся для него печальные дни. Только доброе сердце и щедрая рука могутъ облегчить его грустную участь,—такъ пусть это сердце будетъ всегда отзывчиво и рука эта не оскудѣетъ для тѣхъ, кому и холодно и голодно...

Н. П. Макаровъ. (Портр. на этой стр.).

5 декабря скончался въ своемъ имѣніи Фуниково-Рожествино, Тульской губерніи, извѣстный лексикографъ и писатель Николай Петровичъ Макаровъ. Покойный родился 4 февраля 1810 года въ Чухломѣ, гдѣ отецъ его былъ исправникомъ; въ 1823 г. былъ вызванъ дядей своимъ, В. М. Мичуринымъ, жившимъ въ Варшавѣ, гдѣ вскорѣ опредѣленъ подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ. Въ 1830 г. во время вспыхнувшаго въ Польшѣ мятежа, Макаровъ, въ числѣ другихъ русскихъ, былъ задержанъ, какъ военноплѣнный, и получилъ свободу только по взятіи Паскевичемъ Варшавы. Это событіе изъ его жизни описано имъ въ статьѣ „Воспоминанія военноплѣннаго офицера", напечатанной въ *Военномъ Сборникѣ* 1862 г. Въ 1837 г. Макаровъ женился на дочери помѣщика Болтиной и перешелъ въ Рижскій драгунскій полкъ, а въ 1838 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора. Въ 1844 г., потерявъ жену, поступилъ на службу къ В. А. Кокореву, но уже въ 1852 г. между ними произошелъ полный разрывъ. Въ 1851 г. Макаровъ ѣздилъ за границу съ цѣлью усовершенствованія своего любимаго инструмента — гитары, на которой игралъ превосходно и для которой написалъ много композицій. Въ 1860 г. онъ поселился въ Тульской деревнѣ, полученной имъ въ приданое за второю женой, рожденною Богаевскою. Отсюда онъ посылалъ статьи, касающіяся мировыхъ и другихъ общественныхъ учрежденій, въ *Русскій Инвалидъ*, *Сѣверную Пчелу* и др. изданія, писалъ корреспонденціи и издалъ три обличительно-сатирическихъ романа, подъ псевдонимомъ Трехзвѣздочкина. Всѣ названныя произведенія не только не имѣли никакого успѣха, но расходы на ихъ печатаніе совершенно разстроили небольшое состояніе автора. Тогда (въ 1863 г.) онъ принялся за свой первый лексикографическій трудъ „Полный русско-французскій словарь", который окончилъ въ 1866 г. Средствъ на печатаніе этого обширнаго труда у Макарова не было, и Словарь появился въ свѣтъ лишь благодаря содержателю типографіи Неклюдову, отпечатавшему его въ кредитъ. Съ 1868 по 1872 годъ Макаровъ работалъ надъ составленіемъ „Полнаго французско-русскаго словаря" и тщетно обращался за помощью для его изданія къ извѣстнымъ „меценатамъ", отвѣчавшимъ ему грубымъ отказомъ. Тогда онъ прибѣгнулъ къ министру народнаго просвѣщенія, графу Д. А. Толстому, и по его ходатайству, получилъ отъ государя императора 4,000 руб., обезпечившихъ изданіе втораго словаря. Этимъ дѣятельность Макарова не ограничилась: въ 1874 г. онъ издалъ „Международные словари" для учебныхъ заведеній и „Нѣмецко-русскій словарь". Въ награду за свои лексикографическіе труды Макаровъ былъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 2-й степени. Въ 1878 г. онъ составилъ „Энциклопедію ума или словарь избранныхъ мыслей", затѣмъ „Латинскія, итальянскія и англійскія пословицы и поговорки", и написалъ три беллетристическія произведенія, которыя, какъ и прежнія, не имѣли успѣха. Въ 1881 г. Макаровъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими литераторами, основалъ литературное общество подъ названіемъ „Пушкинское Собраніе" и былъ выбранъ его предсѣдателемъ, но это общество существовало всего одинъ годъ. Послѣдніе годы своей жизни Макаровъ, одержимый старческими недугами, провелъ безвыѣздно въ деревнѣ, нетерпѣливо ожидая кончины и постоянно говоря окружающимъ: „каждый день молю Бога о скорой смерти; страшно надоѣла мнѣ жизнь".

Николай Петровичъ Макаровъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Политическое обозрѣніе.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатана телеграмма князя Барятинскаго, сообщающая, что Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ въ теченіе четырехъ сутокъ, проведенныхъ Имъ въ Сайгонѣ, былъ предметомъ горячихъ проявленій симпатіи, выразившейся въ формѣ великолѣпныхъ празднествъ, устроенныхъ властями и населеніемъ этого французскаго порта Кохинхины. Отмѣчая это извѣстіе, *Journal de St.-Pétersbourg* указываетъ, что „оваціи въ томъ же родѣ сдѣланы были Августѣйшему Сыну Нашего Государя въ Австріи, Греціи, въ Египтѣ, въ англійской и нидерландской Индіи, и мы имѣли случай выставить на видъ, какъ чувствителенъ русскій народъ къ такимъ доказательствамъ симпатичной вѣжливости. Теперь, заключаетъ газета,—намъ сообщаютъ о столько же торжественной, сколько горячей встрѣчѣ, которой Его Императорское Высочество былъ предметомъ во французскихъ владѣніяхъ Индо-Китая. Такой пріемъ можно было предвидѣть во-первыхъ по причинѣ столь же живыхъ, сколько искреннихъ симпатій, возбуждаемыхъ повсемѣстно Особою Августѣйшаго Наслѣдника Россійскаго Престола, затѣмъ, какъ доказательство дружескихъ отношеній нашей имперіи съ Франціею, которая, сверхъ того, представляетъ доказательства деликатной внимательности къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгію Александровичу по случаю его настоящаго пребыванія въ одномъ изъ алжирскихъ портовъ".

Софійское нападеніе на Стамбулова, окончившееся случайнымъ убійствомъ Бельчева, скорѣе всего слѣдуетъ признать за одно изъ проявленій широко распространеннаго въ болгарскомъ населеніи недовольства, какъ о томъ пишутъ изъ Бѣлграда въ *Allgemeine Zeitung*. Не такъ думаютъ органы Стамбулова и другіе недоброжелатели Россіи. Не мало германскихъ, австро-венгерскихъ и англійскихъ газетъ распускаютъ небылицы и клеветы, стараясь замѣшать нашу родину въ эту исторію. Особенно неистовствуютъ англійскія газеты, причемъ *Times* не стыдится говорить, что Россію должно привлечь к нравственной отвѣтственности за веденіе панславистскихъ заговорщиковъ, сѣящихъ смуту въ Европѣ". Но эти поклонники стамбуловской политики находятъ надлежащую отповѣдь среди здравомыслящихъ органовъ заграничной печати. *Temps* замѣчаетъ, что „какое бы то ни было вмѣшательство въ Болгаріи, хотя бы скрытое, противорѣчитъ прямолинейности русской политики. Держава, имѣющая такое высокое понятіе о собственной миссіи въ Европѣ, и думать не можетъ уклониться безсмысленною продѣлкою отъ такого прямолинейнаго направленія".

Hamburger Nachrichten прямо осуждаетъ тѣ германскія газеты, которыя приписываютъ софійское покушеніе чужеземнымъ подстрекательствамъ. Газета выставляетъ на видъ, что нѣтъ и тѣни доказательствъ для скороспѣшныхъ обвиненій и что единственная цѣль этихъ инсинуацій возстановить всѣми силами общественное мнѣніе противъ Россіи. „Въ чемъ друзья Болгаріи думаютъ услужить такимъ пріемомъ интересамъ Германіи, присовокупляетъ газета, неизвѣстно".

Брюссельскій *Nord*, возражая газетамъ, которыя повторяютъ и раздуваютъ нелѣпыя и гнусныя обвиненія, взводимыя на Россію по случаю убійства Бельчева, пишетъ: „Вмѣсто того, чтобы являть такимъ образомъ доказательства безсильной злобы противъ Россіи, газетамъ этимъ слѣдовало бы сохранить монополію такихъ обвиненій за обычными органами г. Стамбулова. Можно, дѣйствительно, довѣрчиво предоставить этому господину трудъ эксплоатировать до крайнихъ предѣловъ противъ своихъ противниковъ покушеніе, отъ котораго онъ имѣлъ счастье избавиться. Это послужитъ ему предлогомъ къ окончательному устраненію всѣхъ тѣхъ, кто внушаетъ ему какія-либо опасенія и находится подъ его рукою. Если, руководствуясь подобными разсужденіями упомянутыхъ газетъ, примѣнить къ болгарскому министру изреченіе: is fecit cui profuit, то можно обвинить его въ томъ, что въ ущербъ не трудно замѣнимаго коллеги, онъ самъ устроилъ убійство, столь выгодное для его проектовъ. Безполезно настаивать на томъ, что какъ бы правдоподобною ни представлялась для предубѣжденнаго человѣка такая версія, мы не держимся этой версіи, которая доказываетъ лишь одно, а именно, что при нѣкоторомъ воображеніи и отсутствіи совѣстливости можно толковать данное событіе, какъ угодно. Мы даже не прочь дать г. Стамбулову полезное предостереженіе, обращая, по

Библиотека "Руниверс"

случаю приключенія, котораго онъ чуть не сдѣлался жертвою, вниманіе его на неудобство группировать вокругъ себя нигилистовъ и анархистовъ, которымъ онъ не только оказываетъ гостепріимство, но даже раздаетъ государственныя должности. Нѣтъ ничего удивительнаго, что эти господа создаютъ школу въ воспринявшей ихъ средѣ".

Газеты сообщаютъ объ итальянско-американскомъ конфликтѣ, вызванномъ самосудомъ Линча въ Новомъ Орлеанѣ надъ итальянцами. Послѣдніе охотно селятся въ южныхъ штатахъ Сѣверо-Американской республики, похожихъ климатомъ и почвою на благодатную Италію. Въ числѣ итальянскихъ переселенцевъ не послѣднее мѣсто занимаютъ жители Сициліи, нерѣдко укрывающіеся отъ итальянскихъ властей. Съ переселеніями они не забываютъ своей прежней жизни, своихъ домашнихъ отношеній и счетовъ и продолжаютъ свои страшныя распри. Въ Сициліи издавна существуетъ тайное общество убійцъ, воровъ и мошенниковъ, именуемое „мафія", и до сихъ поръ еще итальянскому правительству не удалось вполнѣ его искоренить. Переселившіеся въ Нью-Орлеанъ сициліанцы, принадлежащіе вообще къ подонкамъ общества, организовали тамъ свою „мафію", съ раздорами, распрями и убійствами. Правительство штата рѣшило искоренить зло, вслѣдствіе чего „мафіозы" стали угрожать смертью начальнику полиціи Геннесси, производившему слѣдствіе. Геннесси не обратилъ вниманія на угрозы, но въ ночь на 15 октября прошлаго года, возвращаясь домой, онъ былъ окруженъ шайкою сициліанцевъ и убитъ нѣсколькими ружейными выстрѣлами. Городъ пришелъ въ страшное волненіе; между членами „мафіи" произведена была масса арестовъ и 19 изъ наиболѣе скомпрометированныхъ преданы были суду. Но присяжные, если вѣрить слухамъ, застращенные либо подкупленные „мафіей", вынесли оправдательный приговоръ. Утромъ 2 (14) марта, на другой день послѣ постановленія приговора, собрался митингъ, съ котораго болѣе тысячи лицъ отправились къ общинной тюрьмѣ и выломали въ ней рѣшетки, послѣ чего толпа разстрѣляла одиннадцать сициліанцевъ; остальные же, лишь легко раненые, были затѣмъ повѣшены. По поводу этого событія, представитель Италіи, посланникъ баронъ Фава, потребовалъ разъясненія, но не получивъ его вскорѣ, извѣстилъ министра Блэна нотою, отъ 19 марта, что онъ уѣдетъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, если его законное требованіе по поводу самосуда въ Нью-Орлеанѣ будетъ оставлено безъ удовлетворенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ потребовалъ, отъ имени итальянскаго правительства, чтобы правительство Союза обязалось возбудить формальное судебное преслѣдованіе противъ виновныхъ и, въ принципѣ, признало себя обязаннымъ уплатить вознагражденіе семействамъ лицъ, умерщвленныхъ расправою Линча.

Смѣсь.

Датская экспедиція въ Гренландію подъ начальствомъ лейтенанта Ридерса, по сообщеніямъ изъ Копенгагена, отправится въ началѣ мая. Цѣль экспедиціи—собрать точныя свѣдѣнія о восточномъ берегѣ Гренландіи. Послѣдняя датская экспедиція туда была въ 1885 году подъ начальствомъ капитана Гольмса; новая, состоящая изъ 7 членовъ, выступитъ съ того мѣста, до котораго проникъ капитанъ Гольмсъ, и пробудетъ въ Гренландіи 3 года. Правительство дало 180.000 кронъ на это предпріятіе. (к.)

Главные европейскіе языки. Число людей говорящихъ на главныхъ европейскихъ языкахъ—значительно увеличилось за послѣднее столѣтіе. Такъ еще въ 1801 году говорили: по-французски до 31.500.000 человѣкъ, по-русски 31 милліонъ, по-нѣмецки — 30, по-испански—26, по-англійски—21, по-итальянски—16. Въ настоящее же время число говорящихъ по-англійски простирается до 125 милліоновъ, по-русски — до 70, по-нѣмецки — столько же, по-французски—50, по-испански — 40 и по-итальянски — 30. Своимъ необычайнымъ успѣхомъ англійскій языкъ болѣе всего обязанъ процвѣтанію Соединенныхъ Штатовъ, на которые приходится почти половина говорящихъ по-англійски. (к.)

Творенія Шекспира, по сообщенію французскихъ газетъ, и на Босфорѣ пріобрѣли себѣ горячихъ почитателей. Частный секретарь султана, Гассанъ-Сирри-эфенди, перевелъ на турецкій языкъ „Венеціанскаго купца", давъ возможность своимъ землякамъ восхищаться поэтическою ихъ восточному воображенію исторіей Шейлока и его прекрасной дочери. (к.)

Палата депутатовъ въ Парижѣ назначила 500.000 франковъ на раскопки въ Дельфахъ. Министръ народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ, Буржуа, настоялъ на этомъ, заявивъ, что въ интересахъ Франціи, какъ научныхъ, такъ и политическихъ, оказать помощь этому славному дѣлу. (к.)

ШАХМАТЫ

I. С.-Петербургъ. Бѣлые.	Нью-Іоркъ. Черные.	II. Нью-Іоркъ. Бѣлые.	С.-Петербургъ. Черные.
31.	Л. h8 — d8	32. Ф. d3 : d4	Л. f8 : f4
32. Л. b1 — b5	Ф. c5 — c6	33. f2 — f3	Л. e8 — f8
33. Ф. a4 — b4	d7 — d6	34. Ф. d4 : a7	c6 — c5
34. a2 — a4			

Въ настоящее время въ Гаванѣ находится J. H. Blackburne (изъ Лондона), одинъ изъ сильнѣйшихъ игроковъ міра, считающійся первымъ по искусству въ игрѣ à l'aveugle; онъ былъ приглашенъ гаванскимъ шахматнымъ клубомъ для игры съ сильнѣйшими мѣстными игроками: Golmayo, Vasquez, Carvajal и др.; для сеансовъ игры à l'aveugle и одновременныхъ партій съ доской. Съ Гольмайо Блэкбернъ сыгралъ матчъ изъ 10 партій; Блэкбернъ выигралъ 5 партій и проигралъ 3, при 2-хъ ничьихъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ партій мы познакомимъ нашихъ читателей.

Какъ впослѣдствіи оказалось, Стейницъ выигралъ въ матчѣ съ Гунсбергомъ 6 партій а не 7, какъ гласили всѣ извѣстія; ничьихъ-же было 9 а не 8. Таррашъ этотъ послѣдній матчъ Стейница называетъ „пирровой побѣдой", и считаетъ его доказательствомъ побѣдимости Стейница.

Матчъ С. И. Полнера съ Э. С. Шифферсомъ начался 1 апрѣля с. г. въ помѣщеніи „Собранія экономистовъ", Фонтанка, 32. Игра будетъ происходить по понедѣльникамъ и по средамъ съ 1/2 9 веч. Тамъ-же играется турниръ-гандикапъ 11-ю игроками.

Партія съ дачей впередъ ферзя.

Д-ръ З. Таррашъ бѣлые, К. Шредеръ черные. Играна въ Нюрнбергскомъ шахматномъ клубѣ.

Бѣлые. (Безъ Ф. d1).	Черные.	Бѣлые.	Черные.	Бѣлые.	Черные.
1. e2 — e4	e7 — e5	5. d3 : e4	a7—a6?	9. Л. a1—d1	Ф. d6—g6??
2. f2 — f4	d7 — d6	6. f4 : e5	d6 : e5		(Ф : d1+)
3. d2 — d3	f7 — f5	7. К. g1 f3	С. f8—b4	10. Л. d1—d8+	Кр. e8—f7
4. К. b1 — c3	f5 : e4	8. С. c1 — g5	Ф. d8—d6	11. С. f1—c4+	∞
				12. К. f3—e5‡	

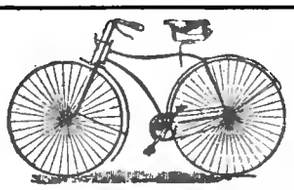
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Мальтійская цѣпь. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ князя М. Н. Волконскаго. Ч. III. (Продолженіе).—Жиденокъ. А. А. Виницкой. — Литературныя бесѣды. Русская литература послѣ Гоголя. — Къ рисункамъ: Городъ Златоустъ (съ рис.).—Затруднительное объясненіе (съ рис.). — Оттенель (съ рис.).—Еврей (съ рис.).—Бой маръ (съ рис.).—И холодно, и голодно (съ рис.).—Н. П. Макаровъ (съ портр.).—Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Шахматы. — О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

При этомъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ" за АПРѢЛЬ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за АПРѢЛЬ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.
ФРАНКФУРТЪ Н/М.
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЪ".
Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиною „Кюженъ" (подушка) и „пневматическій". Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5038 24—6

ЛАНОЛИНЪ.
Косметическое средство для смазыванія кожи у взрослыхъ и дѣтей.
Продается во всѣхъ аптекахъ. Р. № 5115

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.
Т. № 8767 (105)

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
АЛЕКСАНДРА КУТУЗОВА
Невскій пр., д. № 29—31, рядомъ съ Думою.
Отдѣленіе: Садовая, д. № 32, въ С.-Петербургѣ.
ВЫДАЕТЪ ССУДЫ въ возможно высокомъ размѣрѣ съ
ПРАВОМЪ УПЛАТЫ ДОЛГА ПО ЧАСТЯМЪ
подъ билеты I займа . . . . . 215 р.
" " II " . . . . . 195 р.
" " Дворянскаго займа . . . . . 195 р.
" " " " оплачен. 175 р. . . . . 150 р.
подъ другія процентныя бумаги 10% ниже биржевой цѣны, взимая съ 23 марта съ суммы до 1.000 руб. 7% годовыхъ, свыше 1000 руб.—6 1/2% годовыхъ.
ПРИНИМАЕТЪ ВКЛАДЫ на срокъ, до востребованія и на текущій счетъ, по которымъ платитъ впредь до измѣненія:
на годъ и болѣе по соглашенію ◆ на три мѣсяца 5 1/2%
" 6 мѣсяцевъ . . . . 6% ◆ по востребованію 5%
по текущему счету 4 1/2% Мт. № 5108
ТЕЛЕФОНЪ КОНТОРЫ № 100.

ЭКИПАЖИ
НА РЕЗИНОВЫХЪ БУФЕРАХЪ (РЕССОРАХЪ)

незамѣнимы для грунтовыхъ дорогъ, покойны какъ рессорные, прочнѣе и удобнѣе тарантасовъ на дрогахъ дешевы (отъ 120 р.), изящны и легки на ходу.
СКЛАДЪ при КОНТОРѣ
Л. Ф. ПЛО.
Москва, Мясницкая ул. д. Ермаковыхъ.
Прейсъ-курантъ высылается за одну 7-ми коп. почт. марку. Ц. № 5179

Библиотека "Руниверс"

МОЛОТИЛЬНАЯ МАШИНА.

Кто желаетъ купить дешево, прямо съ фабрики, превосходную, въ Россіи извѣстную, надежную молотилку, пусть закажетъ себѣ

НОВУЮ МОЛОТИЛЬНУЮ МАШИНУ ВЕЙЛЯ Р. № 5114

и о высылкѣ рисунка и описанія напишетъ на русскомъ языкѣ Морицу Вейль младш. въ Франкфуртѣ н М., Германія.

ФОТОГРАФ. ЗАНЯТІЯ ДЛЯ ХУДОЖНИКОВЪ, 5—1

чтенія, компч. предметы. Катал. 25 к. E. F. A. Schöffel. Амстердамъ (Голландія Вов 509. Корреспонд. на нѣм. и франц. яз.

ВЕЛОСИПЕДЫ

сист. Свифтъ 100 р., № 1-й — 185 руб. Прейс-куранты высылаю за двѣ марки. СПБ., Спасская ул., домъ 35 Абомосовъ

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА".

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за дв. флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн. аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1 Въ С.-Петербургѣ. (35) № 438

САМОУЧИТЕЛИ И НОТЫ

для всѣхъ инструментовъ. 10—9

Народная школа д. гармоніи 7 кл., ц. 75 к. Самоучит. д. гармоніи 8 кл. и 10 кл. во 1 р. Школа д. 2-рядн. гарм. въ 17, 19 и 21 кл., ц. 1 р. Школа для 8-хъ-рядн. гармоніи, ц. 75 к. Самоучитель для скрипки, ц. 1 р. 50 к. Любавинъ, Самоучитель д. гитары, I, ц. 1 р. и для всѣхъ прочихъ инструментовъ. у КУЛИЧОВА, Москва, Маросѣйка.

„НОВОСТЬ". Получена вартія новыхъ велосипедовъ извѣстнаго завода „Зингеръ", съ дутыми резинами, уменьшающими трясеніе, происходящее отъ ѣзды по неровнымъ и плохимъ дорогамъ. Только въ спеціальномъ велосипедномъ магазинѣ у Генриха Жеммрихъ въ Москвѣ, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., домъ Фальцъ-Фейнъ. Требуйте немедленно новый прейсъ-куранты на 1891 годъ. № 5111 4—1

НАБОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"

Измайловскій проспектъ, № 27.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

высшаго качества для чистки зубовъ и освѣженія дыханія рта.

С.-Петербургскимъ Врач. Управл. приготовленіе и продажа вышеозначеннаго Эликсира, какъ не содержащаго въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ, разрѣшены на общихъ основаніяхъ торговли.

ЗУБНЫЕ ПОРОШКИ. ЗУБНАЯ ПАСТА.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

Произведенія С.-Петерб. Химич. Лаб. въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптекарскихъ магазинахъ. Рѣ. № 5092 2—2

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ И МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СБОРНИКЪ НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ГИМНОВ всѣхъ странъ свѣта

роскошное изданіе въ 4°. 400 стран., съ оригинальными текстами и гербами въ красокъ (для фортепіано въ 2 рукъ)

одобр. и рекомен. по военному вѣдомству Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба

Составилъ по оффиціальнымъ документамъ

П. А. ЩУРОВСКІЙ,

бывшій капельмейстеръ русской оперы ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ.

Цѣна 15 руб.

Складъ изданія и продажа: СПБ. Невскій, д. 188, контора газеты „СВѢТЪ". Кромѣ своего оффиціальнаго значенія, это роскошное изданіе можетъ служить прекраснымъ подаркомъ къ настоящимъ праздникамъ и составитъ украшеніе любой гостиной, какъ кивотъ. Мѣ. № 5083 3—3

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПАРОВОЙ ФАБРИКИ

В. Ф. БОНАКЕРЪ,

Продажа моихъ товаровъ производится у всѣхъ торговцевъ. Фабричныя марки утверждены Правительствомъ.

ВЪ МОСКВѢ, близъ Яузскаго моста, Серебряническій переулокъ, домъ бывш. Щукина. (Телефонъ

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ВАКСА

ВЪ ЖЕСТЯНЫХЪ КОРОБКАХЪ (фабричное клеймо „СЛОНЪ")

ДАЛЕКО ПРЕВОСХОДИТЪ СВОИМИ ОТЛИЧНЫМИ КАЧЕСТВАМИ ВСѢ СУЩЕСТВУЮЩІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ И РУССКІЯ ВАКСЫ.

дѣлаетъ кожу обуви мягкою, непромокаемою и даетъ ей необыкновенно яркій блескъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ВАКСА

въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо „Левъ") равняется достоинствомъ лучшимъ ваксамъ другихъ фабрикъ.

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ МАЗЬ

въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо „Самоваръ") самое хорошее средство для чистки и полировки всѣхъ металловъ, главнымъ образомъ, самоваровъ.

ЖЕСТЯНЫЯ КОРОБКИ

съ разноцвѣтными печатными украшеніями, а также безъ оныхъ, для чая, кофе, кондитерскихъ и табачныхъ товаровъ, консервовъ и проч.

ЖЕСТЯНЫЕ ПЛАКАТЫ (вывѣски)

для рекламъ, печатанные художественно разными красками и рисунками

Прейскуранты высылаются по требованію. Ш. № 4974 4—3

ЛЕНИНГЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

1891 (годъ шестой)

МАЛЮТКА

иллюстрированный журналъ для самыхъ маленькихъ дѣтей

12 книжекъ въ годъ и 12 премій игрушекъ.

Годовая цѣна 1 р. 50 к.

За доставку прилагается 1 руб. За 1887—1890 годы можно получить оставшіеся экземпляры по той же цѣнѣ въ конторѣ Н. Печковской.

Иногородные адресуются исключительно: **въ Москву, въ редакцію журнала „МАЛЮТКА".** Н. № 5124

Подписка безъ доставки принимается въ конторѣ Н. Печковской. (Москва, Петровскія Линіи).

В. № 4731 24—14

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19

НАСТОЯЩІЕ

ДЖУТОВЫЕ НОСКИ И ЧУЛКИ

безъ шва

НЕЗАМѢНИМОЙ ПРОЧНОСТИ

только въ магазинѣ Ю. ГОТЛИБЪ, С.-Петербургъ, по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго пр. Цѣна носкамъ 5 р., чулкамъ 7 р. за дюжину. Самые тонкіе носки 6 р., чулки — 9 р. дюж. За пересылку прилагается 1 руб. Торговцамъ уступка. При пересылкѣ необходима мѣра подошвы.

ПРЕДОСТЕРЕГАЮ гг. покупателей, что нѣкоторые торговцы вродаютъ другіе сорта за джутовые. Мѣ. № 5126 2—1

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII в. Всеволода Соловьева. СПБ. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

БРОКАРЪ и К°.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ Р. № 5087 2—

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 8.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГЛЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Способъ приготовленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цѣна: флакону 1 р. 65 к., бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ, опо-помада (лучше кольдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.

Въ виду многихъ недѣлокъ прошу обратить вниманіе на отпечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента Главный складъ для всей Россіи у **В. Аурихъ, въ С.-Петербургѣ,** Колокольная, 18—19. Продается во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В № 4790 19—я

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива", а также и во всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

Библиотека "Руниверс"

МИНІАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ ЛИЛИПУТЪ

Безъ фирмы и фабрик. клейма продажа.

со шнурк. въ замшевомъ кошельк. 8 р. 50 к.
съ пересылкою . . 9 „ — „

„Лилипутъ" удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для ноля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и К°.
Специальн. фабр. оптич. инструментовъ
Парижъ, Aven. d. l. République 4.
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высылается безплатно.

НОВОСТЬ МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!
ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.
Изящно! Практично! Безопасно! Дешево!
Служитъ карманной спичечницей, давая яркій свѣтъ по цѣлымъ часамъ.
Сдѣлано изящно изъ никкеля. Только 1½ вер. вышины — удобно носить въ карманѣ.
Огниво съ 500 зарядами 2 руб.
Запасъ въ 1000 заряд. 50 коп. Пер. 1 ф.

СБЕРЕГАТЕЛЬ САПОГЪ.
Сохраняетъ подошвы и каблуки отъ ненашиванія и искривленіе. Легко придѣлать.
Сберегаетъ въ 20 разъ болѣе стоимости.
1 колл. 30 к.; 4 колл. 1 р. 20 к.; дюж. колл. 3 р
Иногор. менѣе 4 колл. не высылается.

НА ПАСХУ
предлагаю
БРЕЛОКИ въ видѣ ЯИЧКА:
Серебр. 84 проб. съ бѣлой емалью съ живописью (послѣдняя новость) 3 руб.
Золотые отъ 1 руб. до 10 руб
Каменные изъ: Агатъ, Тигровый глазъ, Топазъ, Авантуринъ и пр. 1 р. 25 к., 1 р. 50 к., 2 р.
Фарфоровые: съ живописью . . . . 1 р. 50 к.
„ съ искусств. камнями. 1 р. 50 к.

КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ:
Сухая 8 разныхъ цвѣтовъ, каждая . . 5 к.
Жидкая 10 „ „ „ . . 10 к.
Лакъ 8 „ „ „ 10 и 15 к.
Золотая и серебряная „ 10 к.
Мозаичный блескъ: поесть! флаконъ. 20 к.
Мраморная бумага 1 сортъ конв. . . . 5 к.
Коллекція изъ вышеупомянутыхъ красокъ имѣется въ 2 р., 3 р., 5 р.,
Пересылаю неложенымъ платежемъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20.

ПРИГЛАШАЮТЪ
агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ. Невскій, 59—57, соб. домъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ книга:
ОЧЕРКИ ИЗЪ ОБЛАСТИ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
сочиненіе извѣстнаго государственнаго дѣятеля 3—3 Ц. № 5049
графа **П. А. ВАЛУЕВА**
(съ портретомъ автора).
Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Ц. 25 К.
АМЕРИКАНЦЫ
Разсказы Бретъ-Гарта и Марка Твена.
Содержаніе: 1. Индѣйскій вождь; 2. Проводникъ; 3. Флинъ; 4. Случайный редакторъ; 5. Піонеръ; 6. Эпидемія. 172 стр.
Цѣна 25 к., съ перес. 35 к.
Въ Петерб. — въ кн. м. П. Луковникова, Лештук. пер.;
Въ Москвѣ — въ кн. м. Ф. Богданова, Петроеск. лин.;
Въ Одессѣ — въ кн. м. Е. Распопова, Дерибасовск. ул. № 5110
Главн. складъ (Кіевъ, типографія П. Чокотова) высылаетъ: 1 экз. за 35 к., а 4 экз. за 1 р.

ФОТОГРАФІЯ
на бром. и хлор. серебрѣ въ желат. эмульсіи.
Съ рисунками и рецептами. Сост. Н. Адріановъ. Ц. 2 р. 50 к. Свѣдѣнія по химіи. Основы фотографіи. Приготовленіе эмульсій, пластинокъ и бумаги. Фотографированіе, проявленіе и проч. Ортохроматическое фотографированіе. Позитивное печатаніе. Вышеуказанныя отъ Н. Адріанова, СПБ. Больш. Пушкерская, д. № 7 кв. 6, на пересылку не прилагаютъ. Книга высылается и наложеннымъ платежемъ. № 5107

Вторымъ изданіемъ поступилъ въ продажу
ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРСЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ
РУССКОЙ ГРАММАТИКИ
съ задачами, упражненіями и образцами различныхъ разборовъ и работъ — С. Ѳ. ХВОРОВА — для начинающихъ дома и въ школѣ. Цѣна 35 коп., съ перес. 42 к. Къ учебнику приложенъ справочный указатель словъ, которыя въ дѣйствительности представляютъ затрудненіе, какъ ихъ писать. Учебн. можетъ замѣнить собою и диктантъ и самодиктантъ. При покупкѣ у автора (С.-Петербургъ, на Песнахъ, Мытнинская ул., д. 7, кв. 7) не менѣе на семь руб. высылка безплатна. Обычная уступка книгопродавцамъ. № 5112 2 1

УДОЧКИ

въ большомъ выборѣ. Прейсъ-курантъ высыл. безплатно. Поставщикъ Рыбол. Общ. И. ГЛАЗУНОВЪ Москва, Столешниковъ пер., д. № 8.

ВЫИГРЫШНЫЕ
Деорнскіе з. д. съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р. Выигрышъ со дня задатка принадлеж. покупателю. Прод. уменьш. съ долгомъ. Государственные закладные листы обезпечиваются всѣми имѣніями заложенными въ Госуд. Дворянскомъ Банкѣ и всѣми средствами Правительства. № 5086
6—3

1-го МАЯ
с. г. тираж. съ 1 выигрышемъ въ
200,000 р.

1 выигрыш. въ	75,000 р.
1 „ „	40,000 „
1 „	25,000 „
и 296 выигрыш. на сумму	260,000 „

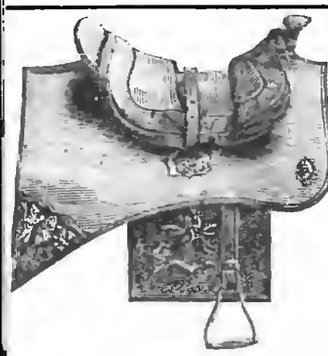
Оплата выигрышей и купоновъ въ Государств. Банкѣ. Невыигравшіе вакл. листы не теряютъ своей цѣны.
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
59, Невскій, собств. домъ, СПБ.,

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ П. П. ДАУГУЛЯ
существуетъ съ 1822 года въ г. Дерптѣ, Лифляндской губ. и высылаетъ безплатно и франко
НАТАЛОГЪ СѢМЯНАМЪ
огородныхъ, цвѣточныхъ и экономическихъ, 500 сорт. РОЗАНАМЪ, грунтовыхъ и оранжерейныхъ, Георгинамъ, Гвоздикамъ, цвѣточн. луковицамъ, воздушн. и теплиц. растеніямъ, фруктовыхъ и украсительныхъ № 5117
ДЕРЕВАМЪ и КУСТАРНИКАМЪ, клубникамъ, спаржѣ, шампиньон. гнѣздамъ, растительн. гигрометрамъ (предсказыв. перемѣну погоды съ точностью за 24 ч. впередъ, ц. 2 р.) и пр., съ обозначеніемъ крайн. цѣнъ.

ГУВЕРНАНТКИ и ГУВЕРНЕРЫ
(русскіе и иностранцы) рекомендуются дамой-англичанкой, ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦЕЙ, англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, а также и музыки.
Рекомендующая, въ силу своей профессіи, имѣетъ возможность оцѣнить рекомендуемыхъ. П. № 4923 12—4
Москва, Тверская, Леонтьевскій пер., д. Шиллингъ, кв. № 8, г-жѣ БЮРО.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ
В. № 5098 **АППАРАТЫ** 20—2

10, 15, 25 р. и дороже. Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-курантъ 50 к. К. И. ФРЕЛАНДТЪ. Москва. Мясницкая, уголъ Кривоколѣннаго пер., д. Соколова.
С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30—16.



КИРГИЗСК. СѢДЛО
съ широкою задною лукою и большой подушкой, одно изъ самыхъ покойныхъ для большихъ переѣздовъ, съ уздечкою и остельн. полн. прибор. 30 р. Съ нерометными дорожными сумами 35 р. Пересыл. почт. за 40 фунт. по жел. дор. можно на переводъ.
Саратовъ, фабрика М. и И. Малышевыхъ. Р. № 5118

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Маринетта.* Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ
для смягченія кожи. № 5039
Цѣна за кусокъ 30 коп.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главн. склад.: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.

САДЫ П. № 5123
Фруктовые и декоративные устраиваетъ съ отвѣт. (въ 1890 г. удост. золотой медали) питомникъ Н. В. Шмеллинга, быв. А. Рохолля, въ С.-Петербургѣ, Выб. ч., уголъ Лабораторнаго шоссе и Полюстров. просп., № 2.
Питомникъ предлагаетъ по сходной цѣнѣ яблони, груши, вишни, сливы, ягодн. раст., декорат. деревья, кратегусъ, розы, піоны, георгины и пр. Каталогъ безплатно.

УЧЕБНЫЯ ПОСОБІЯ ПО
РУССКОМУ ЯЗЫКУ
составленныя В. Зелинскимъ:
КОРНЕСЛОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА. Ц. 50 к.
СПРАВОЧНИКЪ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ, съ приложеніемъ полнаго списка словъ съ буквой -ѣ. Изд. 5-е. Ц. 50 к.
ГРАММАТИЧЕСКІЙ ЗАДАЧНИКЪ для письм. и устныхъ упражненій по русскому языку. Изд. 2-е. Ц. 25 к.
ЗРИТЕЛЬНЫЙ ДИКТАНТЪ (самодиктованіе и самоисправленіе) Новая система для практическаго самоизученія русскаго правописанія. Часть I. Изд. 3-е. Ц. 45 к. — Часть II (знаки препинанія). Ц. 40 к.
СПРАВОЧНЫЙ СЛОВАРЬ БУКВЫ -ѣ. Изд. 2-е. Ц. 25 к. (Полнѣе его нѣтъ въ учебн. литературѣ).
ЧЕТЫРЕ ТАБЛИЦЫ для письменнаго грамматическаго разбора. Ц. 8 к.
ОБРАЗЦОВЫЕ УРОКИ по русской грамматикѣ, разработанные извѣстными педагогами (печатаются). № 5120

ЕДИНСТВЕННЫЕ ВПОЛНѢ НЕПРОМОКАЕМЫЕ КАУЧУКОВЫЕ БРЕЗЕНТЫ
плащи для возчиковъ, сторожей и пр.
НАДХОМУТНИКИ
№ 5091 для лошадей. 12—2
Ф. РЕДДАВЕЙ и К°.
Москва, Рыбный пер., Старо-Гостинный дворъ, № 38.

ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ И. ШЕНБРУНЕРЪ.
Поставщикъ Императорск. Общества Охоты и Днѣпровскаго Отдѣла.
Старый Газетный пер., д. Толмачева, въ Москвѣ.
Вновь полученъ громадный выборъ
РУЖЕЙ ШТУЦЕРОВЪ
фабрикъ: Скотта, Франкотта, Форе-Лепажъ. Новотни, Штурмъ
и всѣхъ Ш. № 5109
охотничьихъ принадлежностей.
Подробные каталоги высылаются по первому требованію.

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**
Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ Б. Морская, 21.

Дозвол. ценсур., СПБ., 3 апрѣля 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. № 15 — г. XXII 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 13 апрѣля 1891 г.

Продолжается подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія. 6 р.

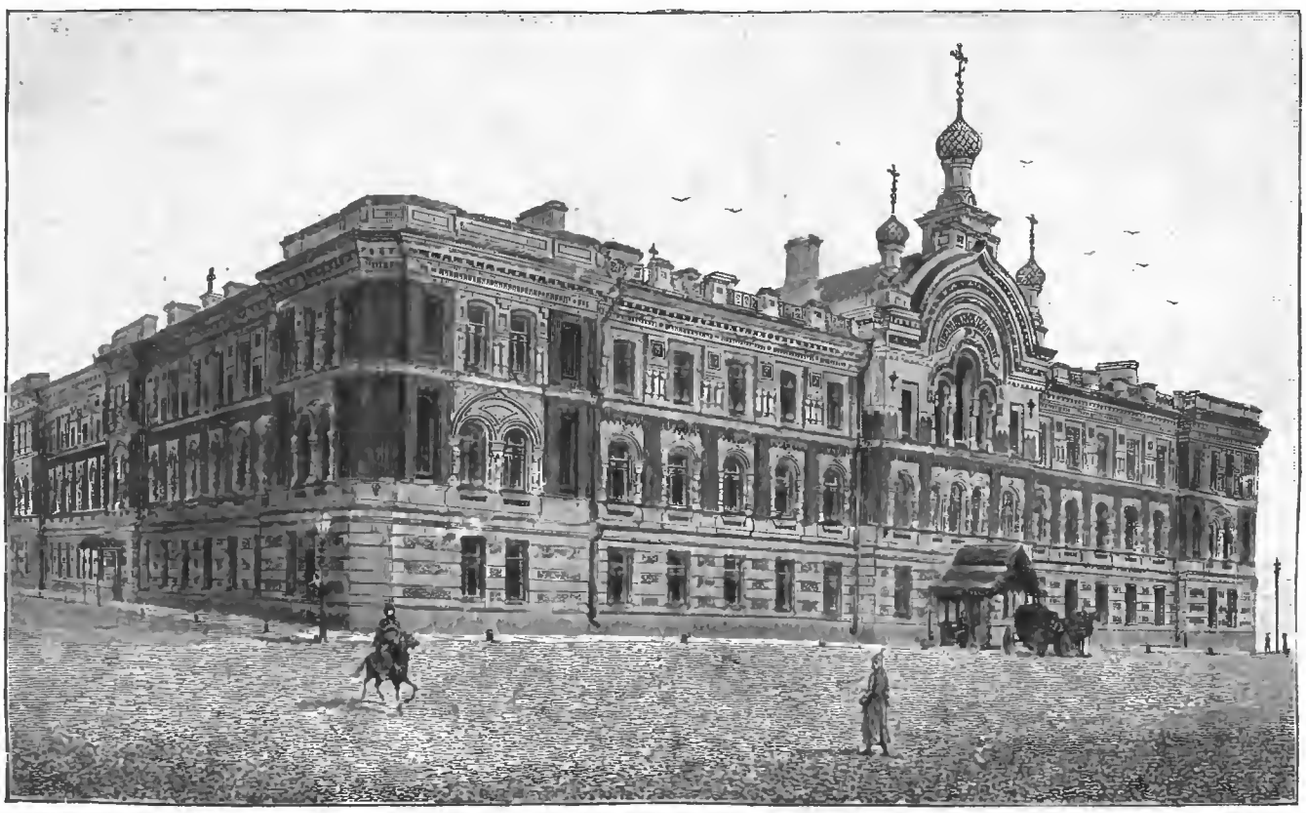
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ" принимаются за строку нонпарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кни. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr., для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 пф

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.



Домъ призрѣнія вдовъ и сиротъ духовнаго званія придворнаго вѣдомства. Съ фот. грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

XIX.

Какъ это произошло.

Старикъ-брилліантщикъ Шульцъ принесъ къ баронессѣ Каннихъ продавать нѣсколько драгоцѣнныхъ вещей.

Она внимательно, съ видомъ настоящаго знатока и цѣнителя, осматривала ихъ, не рѣшаясь которую выбрать.

— И фермуаръ хорошъ, и колье, говорила она,— какъ по-вашему?..

— Что̀ вамъ больше нравится, то и возьмите... отвѣчалъ Шульцъ съ улыбкою глядя на нее,—это ожерелье сдѣлано по точному образцу легендарнаго колье маркграфини Шенбергъ, оно въ строгомъ средневѣковомъ вкусѣ.

— Вы говорите, перебила Каннихъ,—„легендарнаго", почему это?

— Тутъ разсказываютъ цѣлую исторію... вы никогда развѣ не слыхали про замокъ Шенбергъ?

— Нѣтъ, не слыхала, покачала головою Каннихъ.

— Онъ очень извѣстенъ на Рейнѣ.

— Какая-жь легенда однако? переспросила баронесса,—это интересно.

— Говорятъ, будто маркграфиня, началъ Шульцъ,— была влюблена.

— Ну, это всегда въ легендахъ!..

— Разумѣется, подтвердилъ Шульцъ, укладывая разложенныя имъ вещи въ футляры,— и вотъ оказалось что человѣкъ котораго она любила самъ питаетъ склонность къ другой... Онъ отвергъ ея любовь—и она поклялась ему отомстить.

Баронесса сидѣла и задумчивая улыбка застыла на ея губахъ.

— Вы знаете что̀ она сдѣлала? спросилъ Шульцъ, пристально взглядывая прямо въ глаза ей.

Доброе лицо его съ острымъ, птичьимъ носомъ сдѣлалось серьезно и строго.

Каннихъ невольно задумалась о себѣ, и ей вспомнилось письмо, которое она написала Зубову.

— Она написала, продолжалъ Шульцъ, — письмо герцогу.

„А говорятъ мое письмо имѣло дѣйствіе", мелькало въ это время у баронессы.

— И оклеветала его.

— Что̀ вы сказали? слегка двинувъ плечами спросила Каннихъ: это слово „оклеветала" какъ-то рѣзко поразило ее.

— Я говорю, повторилъ Шульцъ,—что маркграфиня оклеветала ни въ чемъ неповиннаго человѣка.

— Ахъ-да, это въ легендѣ, вспомнила баронесса.

— Да и въ настоящей жизни это бываетъ, вздохнулъ старикъ.

Каннихъ искоса посмотрѣла на него... Ей казалось, что онъ будто намекаетъ на что-то.

— Но развѣ ея письмо было клевета?

— Да, клевета, проговорилъ Шульцъ,—такъ распространена среди людей, что поддаться ей очень легко, и блаженъ тотъ, кто раскается во-время и съумѣетъ поправить ее... Маркграфиня не пожелала сдѣлать этого, и вотъ одинъ старый брилліантщикъ приходитъ къ ней (такъ говоритъ легенда) и приноситъ на выборъ драгоцѣнныя вещи. Маркграфиня колеблется, не знаетъ что̀ взять ей... и выбираетъ наконецъ вотъ такое ожерелье... Оно ей очень нравится — и она покупаетъ его... Брилліантщикъ взялъ деньги и ушелъ. Маркграфиня надѣла свое колье и вдругъ чувствуетъ, что оно душитъ ее... ей тяжело дышать... Она снимаетъ его... но не можетъ этого сдѣлать и не можетъ вздохнуть, точно свинецъ на шеѣ у нея... напрасно она зоветъ служанокъ—никто не въ силахъ разстегнуть замка...

— Какая сказка! перебила Каннихъ.

Грудь ея подымалась неровно, и она съ усиліемъ переводила духъ.

— Да, сказка—но она не такъ глупа. Почти всѣ наши нѣмецкія легенды имѣютъ свое объясненіе, такъ и тутъ аллегорія. Приходъ брилліантщика—это проснувшаяся совѣсть... Ожерелье — ея угрызенія, которыя тяжелѣе всякаго свинца... Какъ видите, легенда не безъ смысла... Такъ прикажете оставить колье? добавилъ Шульцъ, поворачивая въ рукахъ вещь и заставляя ее играть свѣтомъ камней.

— Да, отвѣтила Каннихъ,—хорошо... я возьму его... Я сейчасъ вамъ выпесу деньги...

Она встала со своего мѣста и довольно нетвердыми шагами прошла въ сосѣднюю комнату...

Старикъ Шульцъ долго ждалъ ея возвращенія... Наконецъ, она появилась, держа деньги въ рукахъ, и ему показалось, что глаза ея были краснѣе, чѣмъ прежде...

— А скажите... спросила она, отдавая деньги, — въ вашей легендѣ, что̀ же произошло съ тѣмъ человѣкомъ, котораго любила она?..

— Клевета, какъ всякая неправда, вышла наружу, отвѣтилъ Шульцъ,—и онъ въ концѣ-концовъ остался невредимъ...

И, раскланявшись съ баронессой, старикъ ушелъ не спѣша, оставляя по себѣ странное впечатлѣніе въ душѣ смущенной баронессы...

Онъ говорилъ съ ней далеко не какъ торгашъ, рѣчь его была плавна, спокойно-увѣренна, манеры полны достоинства, и казалось—каждое слово имѣло значеніе по крайней мѣрѣ для Каннихъ.

Что, эта легенда была простымъ случаемъ, совпаденіемъ, или брилліантщикъ, вращаясь въ придворныхъ сферахъ, куда поставлялъ свою работу, дѣйствительно зналъ что-нибудь? Какъ бы то ни было, послѣ его ухода баронесса безпокойно стала ходить по анфиладѣ своихъ комнатъ, заложивъ руки за спину, опустивъ голову и смотря себѣ подъ ноги...

„И зачѣмъ я купила *это* колье?" спрашивала она себя, проходя мимо столика въ гостиной, гдѣ стоялъ футляръ съ вещью, и косясь на него...

Она была отъ природы не злая женщина, но поддающаяся довольно легко чужому вліянію. Она всегда, всю жизнь все дѣлала какъ-то благодаря внѣшнимъ толчкамъ, иногда разсчитаннымъ, иногда случайнымъ. Теперь врѣзавшееся ей въ память слово „клевета" какъ огнемъ жгло ея мозгъ...

Пока все это было подъ другими формами, подъ завѣсой цѣлаго ряда силлогизмовъ, которыми она была доведена до своего поступка, ей казалось оно инымъ, но какъ только было дано настоящее имя, подчеркнуто то, что̀ она сдѣлала,—все измѣнилось...

Сначала она думала, что патеромъ на исповѣди ей было внушено написать это несчастное письмо, но теперь она увѣрилась, что, вѣроятно, она не такъ поняла и что патеръ не могъ внушить ей такой вещи...

Идти сейчасъ за совѣтомъ къ отцу Груберу? Да онъ, такой добрый и высокій человѣкъ, ужаснется ея мерзости и, пожалуй, не станетъ и говорить,—нѣтъ, лучше сначала изгладить, а потомъ уже, смотря по тому, что̀ выйдетъ изъ этого...

И къ вечеру того же дня Каннихъ была уже внѣ себя. Мысли ея работали по тому направленію, какое

Библиотека "Руниверс"

дала имъ легенда старика, и она, уже окончательно разстроенная и растроганная, ждала и не могла дождаться утра, чтобы загладить свою вину.

XX.

Помощь.

Во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни баронесса Каннихъ обращалась къ дальней родственницѣ своей, г-жѣ Лафонъ, директриссѣ Смольнаго института.

Все было въ движеніи въ Смольномъ, когда подъѣхала туда Каннихъ.

Императрица только-что пріѣзжала сама объявить въ монастырь, что институтъ по волѣ государя переходитъ въ полное ея вѣдѣніе.

Г-жа Лафонъ получила при этомъ случаѣ назначеніе статсъ-дамою и портретъ императрицы...

Благодаря этому, она встрѣтила баронессу, которую вообще не особенно жаловала—въ самомъ лучшемъ расположеніи духа.

По дорогѣ отъ швейцарской до квартиры Лафонъ баронесса успѣла разузнать уже всѣ новости и вошла къ старушкѣ съ привѣтствіемъ и поздравленіемъ на устахъ.

— Поздравляю, поздравляю васъ отъ души, говорила Каннихъ, цѣлуя старушку Лафонъ въ обѣ щеки, которыя та подставляла ей, стараясь не смять своего тюлеваго чепца и торчавшихъ изъ-подъ него по сторонамъ двухъ сѣдыхъ буклей...

— Благодарю васъ, отвѣчала Лафонъ, — а у насъ только-что была ея величество и изволила объявить, что нашъ несравненный государь...

— Знаю, знаю, перебила баронесса,—вы, кажется, ожили совсѣмъ...

Лафонъ была больна послѣднее время.

— Да, слава Богу, подняла она глаза къ небу.— Мнѣ теперь такъ хорошо и я такъ рада...

— А я къ вамъ по дѣлу, по очень серьезному дѣлу, начала баронесса и, какъ бы боясь отнимать у директриссы время, дорогое для нея въ виду сложныхъ ея обязанностей, она прямо приступила къ разсказу...

Таинственнымъ шепотомъ съ жалостливымъ наклоненіемъ головы Каннихъ разсказала, что имѣла неосторожность обратиться къ князю Зубову по поводу переписки своей съ графомъ Литтою и что теперь боится, какъ бы изъ этого не вышло какихъ-нибудь непріятностей.

Г-жа Лафонъ, отлично знавшая черезъ своихъ бывшихъ воспитанницъ все что дѣлалось при дворѣ, при имени Литты насторожила уши и сдѣлалась очень внимательна.

Она сразу стала лучше относиться къ баронессѣ, услыхавъ, что та имѣетъ дѣла съ такими людьми, какъ мальтійскій кавалеръ, къ которому Павелъ Петровичъ всегда относился благосклонно...

— Да, это очень серьезное дѣло, проговорила она.— Спѣшите, мой другъ (она первый разъ въ жизни теперь назвала такъ баронессу), спѣшите поправить... сама я не могу вамъ помочь въ данномъ случаѣ, но укажу вамъ путь, который приведетъ васъ къ цѣли...

Лафонъ дернула сонетку. Въ комнатѣ появилась горничная—типовая дѣвушка...

— Узнайте, приказала Лафонъ,—можно ли видѣть Екатерину Ивановну?

Дѣвушка отвѣтила „слушаю-съ“ и ушла.

— Это Нелидова? спросила Каннихъ.

— Да, мой другъ, фрейлина Нелидова — это такое идеальное существо! Она живетъ теперь у насъ въ Смольномъ, бывшая наша институтка. Государыня и государь связаны съ нею самою чистою искреннею дружбой. Да, это такая дѣвушка, которую нельзя не полюбить... впрочемъ, вы увидите сами. Я попрошу васъ пройти прямо къ ней, вы ей передадите ваше дѣло и потомъ придите ко мнѣ разсказать о результатѣ, впрочемъ, я увѣрена, что онъ будетъ благополучный... Я вамъ сейчасъ напишу нѣсколько строкъ...

Записка была готова, когда вернулась горничная и доложила, что Екатерина Ивановна „просятъ...“

Маленькая, чистая комната, гдѣ жила Нелидова и куда ввела горничная баронессу, была такъ проста, какъ монашеская келья. Все изящество ея состояло въ удивительной чистотѣ, которою все дышало тутъ.

Сама Нелидова, невысокаго роста, некрасивая, казалась, однако, съ перваго же взгляда до того симпатичною и свѣтлою, что всякій, кто разговаривалъ съ нею, навсегда оставался подъ обаяніемъ этой симпатіи и свѣта.

И Каннихъ невольно сейчасъ же почувствовала къ ней особенное довѣріе и любовь.

— Маman (всѣ институтки, хотя бы и кончившія уже курсъ, звали такъ г-жу Лафонъ) говоритъ, что у васъ есть дѣло ко мнѣ? спросила своимъ чуднымъ музыкальнымъ голосомъ Нелидова, пробѣжавъ записку, которую подала ей Каннихъ.

Баронесса, собравшаяся-было разыграть передъ фрейлиной свѣтскую барыню, сразу увидѣла, что тутъ всякое жеманство неумѣстно и мало того—ей какъ-то самой было легко стать простою и искреннею, такое впечатлѣніе произвела на нее Нелидова.

И вотъ она начала говорить сдержанно, щадя себя и стараясь придать дѣлу наиболѣе для себя выгодный оборотъ, но мало-по-малу незамѣтно становилась все болѣе и болѣе откровенною.

Нелидова почти не перебивала, она внимательно слушала и только изрѣдка дѣлала вопросы такъ душевно, такъ дружески, словно эта Богъ вѣсть въ сущности откуда появившаяся для нея Каннихъ—была родственно близка ей. Баронесса волновалась и невольно забывала тоже, что говоритъ съ чужою совсѣмъ женщиною и, увлекаясь, высказывалась, и ей самой становилось легче.

Она начала о письмахъ, потомъ какъ-то сама собою перешла на разсказъ о костюмированномъ балѣ въ Эрмитажѣ, и даже на послѣдній разговоръ свой съ Литтою у себя въ будуарѣ... Когда она кончила, она къ удивленію своему замѣтила, что передала не только внѣшніе факты, но и состояніе своей души, связанное съ этими фактами, словомъ, разсказала все, не утаивъ ничего...

— Очень благодарна вамъ за довѣріе, проговорила Нелидова, прощаясь съ нею,—вы увидите, я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что не ошиблись во мнѣ и не раскаетесь, что разсказали мнѣ все безъ утайки...

И Каннихъ почувствовала, что, дѣйствительно, не жалѣетъ этого...

— Да это не человѣкъ, не женщина, говорила она г-жѣ Лафонъ, придя къ ней отъ Нелидовой,—это волшебница какая-то—она просто очаровала меня...

— Я вамъ говорила, мой другъ, что это ангелъ, ангелъ! отвѣтила Лафонъ, подымая глаза къ небу и оправляя свой тюлевый чепецъ...

Каннихъ уѣхала изъ Смольнаго съ облегченною душою...

XXI.

„Маленькій ужинъ“.

Графъ Литта получилъ приказаніе явиться во дворецъ къ семи съ половиною часамъ вечера.

Ровно въ назначенный срокъ вошелъ онъ во внутренніе покои, гдѣ оказалось весьма немного народу. Появленіе вечеромъ во дворцѣ его, не имѣвшаго придворнаго званія и не принадлежавшаго къ особамъ первыхъ трехъ классовъ, возбудило невольную тревогу и перешептыванія...

Ростопчинъ встрѣтился съ Литтою очень друже-

Библиотека "Руниверс"

Іудино цѣлованіе. Съ карт. Гейгера, грав. Крей.

Библиотека "Руниверс"

Великій Четвергъ. Омовеніе ногъ въ Исаакіевскомъ соборѣ въ Петербургѣ.

Ориг. рис. (собств. „Нивы") Целебровскаго, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

любно... Куракинъ ласково поклонился съ нимъ... Стоявшій съ Куракинымъ какой-то вельможа, кажется, князь Рѣпнинъ, котораго Литта встрѣчалъ прежде мелькомъ и который относился къ нему довольно надменно, теперь подошелъ первый и, сказавъ нѣсколько общихъ словъ и любезностей, вдругъ задушевнымъ голосомъ спросилъ Литту:

— А почему государь приказалъ вамъ пріѣхать сегодня—вѣрно по дѣламъ Ордена?..

Литта пожалъ плечами.

— Право, не могу сказать вамъ ничего... я знаю не болѣе васъ...

Онъ, дѣйствительно, ничего не зналъ; въ приказаніи не было сказано, зачѣмъ его требовали...

Графъ Віельгорскій, гофмейстеръ, подошелъ къ нему и спросилъ: останется ли онъ ужинать. Віельгорскій по своей должности обязанъ былъ составить списокъ лицъ, которыя пожелаютъ идти къ столу...

— Я, право, не знаю... началъ Литта.

— Да это какъ вы хотите, пояснилъ Віельгорскій,— разъ вы приглашены, вы имѣете право остаться...

— Ну, господа, пожалуйте, обратился князь Куракинъ къ собравшимся.

И въ глубокомъ молчаніи всѣ направились въ сосѣднюю комнату, гдѣ собралась уже вся Царская Фамилія. Ближе всѣхъ къ дверямъ стоялъ императоръ. Каждый изъ входившихъ дѣлалъ ему низкій поклонъ, а затѣмъ отходилъ влѣво, чтобы дать мѣсто слѣдующимъ...

Государь милостиво кивнулъ Литтѣ, съ тѣмъ же самымъ добрымъ выраженіемъ, всегда въ эти минуты прекраснаго лица своего, какое тотъ зналъ въ Гатчинѣ.

„Да, подумалъ Литта,—онъ не измѣнился, онъ такой, какъ и былъ...“

Когда поклоны кончились, государь сталъ разговаривать то съ тѣмъ, то съ другимъ... Императрица Марія Ѳеодоровна сѣла за партію бостона съ княземъ Рѣпнинымъ, вице-канцлеромъ Куракинымъ и графомъ Николаемъ Румянцевымъ. Она сидѣла на софѣ, государь справа отъ нея, и великій князь Александръ рядомъ съ отцомъ на креслѣ; далѣе великій князь Константинъ и прочіе по чинамъ. Замужнія великія княгини сидѣли по другую сторону императрицы, а великія княжны съ госпожею Ливенъ—за особымъ круглымъ столомъ занимались рукодѣліемъ.

Разговоръ велъ одинъ государь. Ему или просто отвѣчали, или разъясняли подробности того, о чемъ онъ спрашивалъ. Кто разъ сѣлъ, не могъ уже подняться, и это слегка тяжелое положеніе этикета прекращалось лишь когда приглашали къ ужину.

Столъ былъ накрытъ на небольшое число кувертовъ, и здѣсь, за этимъ столомъ, Павелъ Петровичъ явился тѣмъ же простымъ и любезнымъ хозяиномъ, какимъ бывалъ въ Гатчинѣ.

Ужинъ кончился. Всѣ снова перешли въ другую комнату, но здѣсь уже стѣсненія не было...

Всякій говорилъ съ кѣмъ хотѣлъ и какъ хотѣлъ. Литта, сидѣвшій за ужиномъ рядомъ съ Куракинымъ, продолжалъ съ нимъ начатый разговоръ о Мальтійскомъ орденѣ.

Онъ все еще не зналъ, зачѣмъ его призвали сюда— и рѣшилъ, что это было просто знакомъ царской милости и вниманія и что, вѣроятно, скоро придется откланяться и уѣхать.

Разговаривая съ княземъ, онъ невольно, однако, все время слѣдилъ глазами за государемъ—невольно, потому что это дѣлали всѣ и онъ вмѣстѣ съ другими поддавался этому влеченію...

И вдругъ онъ увидѣлъ, что государь остановилъ прямо на немъ взглядъ свой и какъ бы подозвалъ его къ себѣ этимъ взглядомъ.

Литта подошелъ къ Павлу Петровичу. Государь ласково взглянулъ на него и, отводя нѣсколько въ сторону его, положилъ на его плечо руку и съ улыбкою проговорилъ:

— Я смотрю на вашъ красный супервестъ и думаю объ одномъ странномъ совпаденіи: красный цвѣтъ вашего Ордена—защитника и поборника монархіи—избранъ какъ нарочно цвѣтомъ французской революціи...

— Можетъ-быть это признакъ, что она погибнетъ, замѣтилъ Литта.

— Она должна погибнуть, подхватилъ Павелъ,— должна потому, что только самодержавная власть можетъ быть истинною и справедливою, хотя бы вслѣдствіе того даже, что самой ей желать нечего... А вы, добавилъ онъ вдругъ,—кажется, любите красный вашъ цвѣтъ?..

— Я его ношу, отвѣтилъ Литта, удивляясь вопросу,— по установленной формѣ; впрочемъ, нашъ супервестъ очень красивъ...

— И красное домино тоже, сказалъ Павелъ какъ бы вскользь.

„Красное домино? подумалъ Литта,—что же это, на что онъ намекаетъ, или онъ знаетъ все?..“

И давно изучивъ характеръ Павла, онъ понялъ, что съ нимъ можно говорить только прямо и откровенно, и потому сразу отвѣтилъ:

— Ваше величество говорите о красномъ домино баронессы... Каннихъ...

— Да, кажется, такъ ея фамилія—я все знаю, мой другъ; вотъ видите ли, когда разъ я чувствую довѣріе къ человѣку—оно можетъ подвергаться долгимъ испытаніямъ, пока я не разувѣрюсь... Васъ я всегда зналъ за достойнаго рыцаря, и этого довольно...

— Я думаю и на этотъ разъ ваше величество видѣли, что я остался тѣмъ же братомъ Ордена...

— Говорю вамъ, перебилъ государь,—я все знаю. Отъ Зубова въ числѣ переданныхъ бумагъ было и ваше дѣло...

Литта опустилъ глаза и спокойно, молча ждалъ, что будетъ дальше.

— Оно было разобрано генералъ-прокуроромъ...

Литта посмотрѣлъ на Куракина, который съ самымъ безстрастнымъ лицомъ слѣдилъ теперь за ними, какъ будто и не подозрѣвалъ ни о какомъ дѣлѣ.

— Какая все это была гадость! продолжалъ Павелъ, горячась и повторяя приходившія не разъ въ голову Литты слова,—какая гадость!.. Вашъ камердинеръ сознался, что онъ подложилъ письма и повторилъ точь-въ-точь все какъ было и согласно тому, какъ изложено въ вашей запискѣ. Это совершенное доказательство вашей невиновности, въ которой, впрочемъ, я и не сомнѣвался...

И государь протянулъ Литтѣ руку.

— Не знаю, какъ благодарить ваше величество, отвѣтилъ тотъ.

— Не благодарите, не за что, перебилъ Павелъ (по мѣрѣ того, какъ онъ начиналъ волноваться, онъ говорилъ все отрывистѣй, бросая отдѣльныя фразы),— не за что, повторилъ онъ,—мы виноваты за наши порядки, что держали насъ такъ долго въ незаслуженномъ подозрѣніи... Я должникъ вашъ теперь...

— Ваше величество, я вознагражденъ уже возвратомъ довѣрія вашего...

Павелъ сдвинулъ брови.

— Вы лишились вашихъ земель въ Италіи? спросилъ онъ, какъ бы не замѣчая словъ Литты.

Литта печально опустилъ голову.

— Я вамъ даю у себя командорство съ десятью тысячами рублей годоваго дохода. Вы представите мнѣ свои вѣрительныя грамоты, какъ посолъ Мальтійскаго ордена. Для рѣшенія вопроса объ Острожской ординаціи и для заключенія конвенціи объ ней съ вами я назначилъ уже князя Куракина и графа Безбород-

Библиотека "Руниверс"

ка... Эта ординація поступитъ въ ваше вѣдѣніе... Довольны вы?..

Литта тяжело вздохнулъ и еще ниже опустилъ свою красивую, мужественную голову. Его осыпали милостями, дѣлали его снова богатымъ человѣкомъ. но къ чему это было все для него?..

Павелъ зналъ причину его грусти и слѣдилъ за выраженіемъ его лица, и то, что на этомъ лицѣ не показалось и признака радости при полученіи этихъ вещественныхъ благъ,—видимо доставило ему еще большее удовольствіе.

Государь снова сталъ веселъ и снова ласково положилъ руку на плечо Литтѣ.

— Скажите, спросилъ онъ тихо, — вы все еще любите ее?

Невольная дрожь пробѣжала по всему тѣлу Литты. Онъ не зналъ что̀ отвѣтить...

Государь отвелъ его еще дальше въ сторону и еще тише заговорилъ съ нимъ, такъ чтобы никто не могъ не только слышать, но и догадаться, о чемъ говорятъ они...

(Окончаніе въ слѣд. №).

„Дядя-домой".

Разсказъ изъ старины **К. А. Бороздина.**

I.

Что̀ я разскажу теперь—было очень давно, чуть уже не полвѣка тому назадъ. Мнѣ привелось тогда впервые побывать въ одной изъ приволжскихъ губерній, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, отецъ мой, выйдя въ отставку, поселился въ своемъ имѣніи.

Широкое приволье той стороны, не расшатанный еще строй помѣщичьяго быта, зажиточность, какъ господъ, такъ и ихъ крестьянъ, выражавшаяся въ огромномъ количествѣ хлѣба, разставленнаго длинными рядами скирдъ на задворкахъ мужицкихъ избъ и на барскихъ гумнахъ; иное солнце, иной климатъ, чѣмъ въ Псковской губерніи, гдѣ я родился и провелъ дѣтство, въ другомъ отцовскомъ помѣстьи; ничего общаго съ казеннымъ и мундирнымъ Петербургомъ, гдѣ я учился,—всѣ эти контрасты пріятно меня дивили, и Приволжскій край рисовался моему пятнадцатилѣтнему возрасту въ самыхъ радужныхъ краскахъ.

Пріѣхалъ я сюда осенью, вскорѣ смѣнившеюся первымъ зазимкомъ и первопутьемъ; поля покрылись снѣгомъ, начали пощинывать и морозы, дни стояли ясные и поѣздки къ сосѣдямъ, въ видѣ прогулокъ, сдѣлались для меня особеннымъ удовольствіемъ. Съ сосѣдями я скоро перезнакомился, нашелъ у нихъ сверстниковъ и сверстницъ себѣ по возрасту; изъ послѣднихъ, въ хорошенькихъ влюблялся, плясалъ съ ними до упаду, смѣшилъ ихъ до слезъ въ играхъ съ фантами... Словомъ, жилось мнѣ тутъ очень тогда весело...

И вотъ, однажды, когда въ любимыхъ своихъ казанскихъ саняхъ, покрытыхъ персидскимъ ковромъ, по дорогѣ ровной какъ скатерть, летѣли мы съ сосѣдомъ-пріятелемъ на лихой тройкѣ обвинокъ къ другому сосѣду, гдѣ затѣвалась охота на волка,—издали еще увидѣлъ я бѣжавшаго къ намъ навстрѣчу какого-то необыкновеннаго человѣка. Онъ держалъ надъ головой въ правой рукѣ длинную палку со множествомъ прикрѣпленныхъ къ верхушкѣ ея разноцвѣтныхъ лентъ, развѣвавшихся и блестѣвшихъ на солнцѣ, что̀ издалека походило на значокъ или, пожалуй, на знамя. По мѣрѣ того, какъ бѣжавшій приближался къ намъ, удивленіе мое росло, а когда мы съ нимъ поровнялись, я совсѣмъ былъ изумленъ тѣмъ, что̀ увидѣлъ. Передъ нами былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, со смѣющимся, радостнымъ лицомъ, босой, безъ шапки, одѣтый въ длинную, цвѣтную рубашку, препоясанную кожанымъ ремнемъ. Это вѣдь было на морозѣ по крайней мѣрѣ въ 10 градусовъ и въ чистомъ полѣ! Мелькомъ успѣлъ я разглядѣть на груди этого человѣка толстыя желѣзныя вериги и нѣсколько мѣдныхъ крестовъ, а подобный-же имъ крестъ прикрѣпленъ былъ къ макушкѣ его палки съ лентами. Густые, свѣтлорусые, вьющіеся его волосы запорошились снѣжною пылью. Поровнявшись съ нами, онъ весело намъ закричалъ:

— Дядя домой, дядя домой!

Мы промчались мимо него, и когда я повернулся назадъ, чтобы еще разъ взглянуть на такое диво, онъ былъ уже далеко и летѣлъ какъ птица, махая развѣвающимися лентами.

— Что это за человѣкъ? спросилъ я ѣхавшаго со мною сосѣда.

— Юродивый, отвѣтилъ тотъ,—зовутъ его Василіемъ. Зима, какъ видите, ему ни почемъ, летаетъ босикомъ, въ одной рубашкѣ и отхватываетъ со своимъ стягомъ сотни верстъ. Смирный, зла никому не дѣлаетъ, хоть и безумный; говоритъ всего-на-всего какихъ-то два слова: „дядя и домой", твердитъ себѣ: „дядя домой, дядя домой!" да и только, и объясняется чудными какими-то жестами. Говорятъ, что находятся люди его понимающіе, но я думаю, что они только сами себя тѣмъ обманываютъ; сколько ни слушалъ я его, никогда ничего не могъ понять. А вотъ поди, народъ считаетъ его заживо святымъ и крѣпко въ него вѣруетъ; да вы съ нимъ непремѣнно познакомитесь, онъ часто забѣгаетъ къ вашей матушкѣ. Она тоже въ него вѣруетъ, прибавилъ сосѣдъ не безъ ироніи.

Черезъ часъ мы были у цѣли нашей поѣздки, тамъ уже поджидала насъ группа охотниковъ, вслѣдствіе чего мы опять очутились снова въ полѣ, а затѣмъ и въ лѣсу, рыскали въ немъ до сумерокъ, затравили двухъ волковъ, обѣдали со свѣчами, вечеръ посвятили танцамъ и все это конечно заставило меня позабыть объ утренней встрѣчѣ съ юродивымъ. Но черезъ нѣсколько дней онъ мнѣ опять напомнилъ о себѣ внезапнымъ появленіемъ своимъ уже въ нашемъ домѣ.

Сидѣли мы за обѣденнымъ столомъ, было у насъ нѣсколько гостей, какъ вдругъ двери изъ передней съ шумомъ растворились и изъ нихъ вбѣжалъ въ столовую юродивый Василій со своей палкой съ лентами. Появленіе его производило всегда какой-то особенный эффектъ. Костюмъ, ленты, а главное, сіяющее, радостное его лицо, невольно вызывало у всякаго улыбку. Онъ быстро подбѣжалъ къ моему отцу, поцѣловалъ его въ плечо, перебѣжалъ потомъ на другой конецъ стола, къ моей матушкѣ, поклонился ей въ землю, вскочилъ на ноги и, указывая на меня рукой, скороговоркой сталъ повторять: „дядя домой, дядя домой!" и не давъ мнѣ опомниться, бросился ко мнѣ и началъ меня цѣловать, приговаривая все „дядя домой, дядя домой!" За столомъ сидѣли знакомые ему люди, онъ всѣхъ по очереди привѣтствовалъ и, поставивъ палку свою съ лентами въ уголъ, усѣлся на полу, у ногъ матушкиныхъ.

Тутъ я, сидѣвшій возлѣ нея, въ первый разъ отчетливо разглядѣлъ его лицо. Оно было прекрасно. Правильныя черты, небольшіе, свѣтлорусые усы, вьющаяся бородка и замѣчательно умные, добрые, каріе глаза. Достаточно было въ нихъ вглядѣться, чтобы не вѣрить въ безуміе этого человѣка. Темный загаръ отъ постояннаго пребыванія на солнцѣ и свѣжемъ воздухѣ оттѣнялъ его худобу и давалъ ему сходство съ ликомъ старинной иконы; такой типъ физіономій встрѣчается нерѣдко среди монаховъ, строгихъ постниковъ. При всемъ этомъ юродивый Василій и по своему торсу и по своимъ мускуламъ былъ человѣкомъ желѣзнымъ, закаленнымъ, могучимъ. Росту онъ былъ болѣе чѣмъ средняго.

— Откуда-же ты теперь пришелъ къ намъ, Василій? спросила его матушка.—Тебя уже давно не было видно въ нашей сторонѣ?

Въ отвѣтъ на это онъ провелъ пальцемъ у себя по лбу. Значеніе этого жеста было понятно матушкѣ, и она намъ пояснила, что Василій побывалъ въ губернскомъ городѣ, отстоявшемъ отъ насъ въ полутораста верстахъ, и видѣлъ тамъ архіерея. Черта пальцемъ по лбу, въ мимикѣ его означала архіерейскій клобукъ.

Матушка сдѣлала ему еще нѣсколько вопросовъ, на которые Василій отвѣчалъ ей опять-же жестами, и, позвавъ затѣмъ свою старшую горничную, поручила ей накормить и помѣстить Божьяго человѣка на отдыхъ. Когда они ушли, разговоръ совершенно естественно остановился на этомъ всѣмъ знакомомъ юродивомъ и не первый уже разъ выражалось общее удивленіе его выносливости. Стужа, холодъ, палящій жаръ, голодъ, жажда — все это переносилъ онъ со стоическимъ равнодушіемъ, улыбка никогда не сходила съ его лица.

— Это-то и есть лучшее доказательство его безумія, замѣтилъ сидѣвшій тутъ-же уѣздный лѣкарь, общій любимецъ, толстякъ, весельчакъ и скептикъ.—Сумасшедшіе всегда отличаются полнымъ безчувствіемъ къ физическимъ страданіямъ.

Слова эскулапа вызвали потокъ возраженій, въ особенности со стороны моей матушки, и чѣмъ больше я слушалъ этотъ диспутъ, тѣмъ болѣе заинтересовывалъ меня собою юродивый, а на другое утро, когда уже спозаранку онъ улетѣлъ куда-то со своими лентами, матушка, сидя у себя въ спальнѣ, разсказала мнѣ за чашкой чаю чрезвычайно интересную и полную трагизма его исторію.

II.

Въ тридцатыхъ годахъ въ Москвѣ проживало въ роскошныхъ своихъ палатахъ знатное семейство Пашковыхъ. Оно славилось и своею просвѣщенностью, и своимъ гостепріимствомъ. Многочисленная толпа ливрейной прислуги умѣла угождать тутъ гостямъ, а стоявшій на подъѣздѣ осанистый и привѣтливый швейцаръ съ булавой и въ треугольной шляпѣ съ галунами извѣстенъ былъ всей Москвѣ, и его иначе не называли всѣ, какъ по имени и отчеству, Михайломъ Ивановичемъ.

Библиотека "Руниверс"

Отставной унтеръ-офицеръ, служившій когда-то въ эскадронѣ теперешняго своего барина, тоже отставнаго полковника, онъ совсѣмъ сжился съ этимъ барскимъ гнѣздомъ; господа были добрые, щедро награждали за его службу, а она не Богъ вѣсть какая была мудреная: стой себѣ, да встрѣчай и провожай гостей съ осени до весны; въ маѣ же мѣсяцѣ, когда Пашковы подымались всѣмъ домомъ и уѣзжали, или въ деревню, или въ чужіе края, и его отпускали къ себѣ на родину, на побывку. Онъ былъ здѣшній, изъ села Языкова, до солдатчины принадлежалъ мелкопомѣстному дворянину Лихутину, а какъ въ крѣпостной зависимости того находилась еще сестра его и была дворовою, то швейцаръ къ ней и ѣздилъ. Первый пріѣздъ его сюда надѣлалъ не малый переполохъ Лихутину. „Самъ и баринъ, и холопъ", ходившій въ нагольномъ зипунѣ, владѣвшій клочкомъ земли, и высасывавшій сокъ изъ пятиисести душъ, ему принадлежавшихъ,—въ числѣ ихъ единственною дворовою была Агаѳья, сестра швейцарова,—Лихутинъ озадаченъ былъ такимъ нежданнымъ, негаданымъ гостемъ. Сдавъ его слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ въ солдаты, онъ давно уже позабылъ о немъ: а теперь и не зналъ, какой тонъ принять ему съ нимъ; по дворянскимъ традиціямъ ему слѣдовало держать его у притолки и говорить ему не иначе, какъ „ты", а между тѣмъ внушительная осанка, увѣшанная крестами и медалями грудь, золотые шевроны на рукавахъ, все это говорило зипунщику-дворянину, что, кажись, не слѣдуетъ ему кичиться съ человѣкомъ заслуженнымъ; и все-таки, еще онъ колебался, когда вошедшая въ комнату жена его, тотчасъ понявшая въ чемъ дѣло, безъ всякихъ околичностей пригласила Михайлу Ивановича сѣсть съ ней рядомъ на диванѣ и распорядилась самоварчикомъ.

Сестра швейцара, узнавъ, что пріѣзжій—ея родной братъ, совсѣмъ ошалѣла. Между ними была большая разница въ годахъ: когда Михайлѣ забривали лобъ, на дворѣ Лихутинскомъ бѣгала босая и въ лохмотьяхъ четырехъ-лѣтняя дѣвчурка, единственная его сестренка, которую онъ крѣпко любилъ, кормилъ пряниками, а потомъ и во всю свою службу, на далекой сторонѣ, помнилъ и носилъ въ своемъ сердцѣ. Агаѳья совсѣмъ не помнила его и давно считала убитымъ на сраженіи; изъ дѣвчурки, какою онъ ее оставилъ, обратилась въ коренастую бабу, успѣвшую уже овдовѣть,—и когда ее позвали и объяснили, что бравый, осанистый кавалеръ, стоящій передъ ней, ея братъ, она затряслась всѣмъ тѣломъ, завыла и упала ему въ ноги. Словомъ, не обошлось безъ общаго смущенія. Но потомъ все поулеглось, а какъ швейцаръ пріѣхалъ не съ пустыми руками, и всѣхъ прилично обдарилъ, начиная съ господъ, то и сдѣлался желаннымъ гостемъ.

Лихутинъ былъ дураковатый, пьяненькій, но не злой человѣкъ, не то, что жена его—сущее зелье. Тоже бѣдная дворянка, изъ стариннаго, давно уже захудѣвшаго рода Скабѣевыхъ, пропитанная спѣсью знатнаго своего происхожденія, она долгое время жила приживалкой у богатой и скупой старухи, помѣщицы Кротковой, искусилась тутъ во всѣхъ возможныхъ лакейскихъ интригахъ и каверзахъ и когда старуха умерла, не оставивъ ей ни синь-пороху, очутилась въ полной зависимости отъ ея сына, отъявленнаго шалопая. Онъ обратилъ ее въ присяжную шутиху. По приказу его она должна была плясать, пѣть и декламировать стихи, — все это для увеселенія гостей, того же сорта, какъ и онъ самъ; ее насильно напаивали и тогда-то особенно ею потѣшались. Но все это скоро надоѣло самодуру Кроткову и, призвавъ къ себѣ Лихутина, онъ выдалъ за него Скабѣеву, давъ ей тысячу рублей приданаго. Тутъ только въ первый разъ въ жизни сдѣлалась она у себя госпожей въ мизерномъ доминикѣ своего мужа и стала повелѣвать другими. Пройдя черезъ такую ужасную школу, обозленная ею на всѣхъ людей, она въ особенности угнетала и изводила своихъ крѣпостныхъ. Доставалось же больше всего ближайшей къ ней Агаѳьѣ.

Но когда въ домѣ ихъ появился швейцаръ, она сразу перемѣнила съ ней тактику и сдѣлалась слаще сахара медоваго. Своимъ ехиднымъ умомъ она угадала въ этомъ простомъ, добродушномъ солдатѣ и старомъ, одинокомъ холостякѣ хорошій источникъ для своей наживы. Михайлу Ивановича помѣстили въ лучшую комнату, обставили какими могли удобствами, да это было и не мудрено сдѣлать, онъ былъ не взыскателенъ, не прихотливъ, мало разговорчивъ, читалъ себѣ духовныя книги съ собою привезенныя и больше всего забавлялся и возился съ сестринымъ сынкомъ, семилѣтнимъ бѣлокуренькимъ Васей, къ которому очень скоро совсѣмъ привязался.

Прошло такимъ образомъ лѣто, Лихутина успѣла въ теченіе его совсѣмъ вкрасться въ душу старика-гостя, вытянула у него въ формѣ подачекъ и займовъ безъ отдачи, до двухсотъ рублей, и когда тотъ уѣзжалъ въ Москву, очень просила его, вмѣстѣ съ мужемъ, пожаловать къ нимъ и на будущее лѣто. Съ этого раза и пошли ежегодныя поѣздки старика на свою родину, куда въ особенности сталъ его теперь манить излюбленный племянникъ Вася, которому онъ успѣлъ съ перваго же своего пріѣзда показать грамоту.

Къ Рождеству и къ Пасхѣ Агаѳья и Лихутины получали снова изъ Москвы подарки, а Вася книжки съ картинками. Въ іюнѣ опять пріѣхалъ въ Языково Михайло Ивановичъ, все лѣто хлопоталъ съ Лихутинымъ на починкѣ его дома, выдалъ на расходы еще больше прошлогодняго, усердно занимался съ Васей, научилъ его писать, а осенью увезъ съ собой въ Москву.

Восьмилѣтній мальчуганъ, водворенный въ швейцарской дома Пашковыхъ, вскорѣ обратилъ на себя ихъ вниманіе, понравился имъ и до того полюбился барскимъ дѣтямъ, что тѣ совсѣмъ взяли его къ себѣ на верхъ товарищемъ игръ и ученья. Прилежаніе и способности у мальчугана оказались замѣчательными и онъ безъ особеннаго усилія догналъ Пашковскихъ дѣтей во всемъ, чему тѣхъ учили. Подобной забавой увлекались въ тѣ времена не разъ большіе бары и, къ сожалѣнію, по большей части во вредъ тѣмъ дѣтямъ, которыхъ вытягивали неизвѣстно зачѣмъ и куда изъ низкаго ихъ состоянія. Васю учили языкамъ, музыкѣ, рисованію, не говоря уже обо всѣхъ общеобразовательныхъ предметахъ, никуда не отпускали отъ себя—швейцаръ одинъ уже сталъ ѣздить въ лѣтніе мѣсяцы въ Языково—и когда изъ Васи сдѣлали въ девятнадцать лѣтъ образованнаго юношу, тогда только и возникъ неотступный вопросъ: что же будетъ съ нимъ дальше? Оставаться ему крѣпостнымъ Лихутина было немыслимо и швейцаръ повелъ переговоры съ помѣщикомъ о выкупѣ, предложивъ ему все, что скопилъ на старость, т. е. три тысячи.

Лихутинъ, какъ было сказано, былъ человѣкомъ покладистымъ, не злымъ, и съ нимъ дѣло уладилось бы; да съ женой его, Дарьей Ефимовной, нашла коса на камень. Она со своею ехидною прозорливостію давно ждала этого важнаго для себя момента, одиннадцать лѣтъ прикидывалась лисой и хотя за все это время не мало эксплуатировала швейцара, но никогда не могла помириться въ своей спѣсивой душѣ съ тѣмъ, что ей такъ долго пришлось унижаться передъ холопами. Вотъ она теперь и выступила со своимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ, что меньше восьми тысячъ не возьметъ ни копѣйки за Васину волю.

Откуда было взять швейцару такую сумму? Онъ сказалъ о своемъ горѣ Пашковымъ, тѣ довольно легко отнеслись къ нему, накинули старику отъ себя одну еще тысячу и, уѣзжая въ чужіе края, сказали ему: „Торгуйся хорошенько; Лихутинъ, конечно, уступитъ, лишняя тысяча склонитъ и его жену". А уѣхавъ, оставили Васю на рукахъ дяди.

Поѣхалъ опять одинъ Михайло Ивановичъ въ Языково, торговался елико возможно, призывалъ къ себѣ на помощь приходскаго священника, слезно молилъ, кланялся въ ноги Лихутинымъ,—ничто не подѣйствовало: Дарья Ефимовна осталась непреклонною и объяснила своему мужу, что ей извѣстенъ капиталъ дяди, онъ только жмется и кривляется, а она готова присягнуть, что у старика припрятано не меньше 20 тысячъ. Слѣдуетъ хорошенько его прижать и онъ заплатитъ что съ него спрашиваютъ. Вернулся огорченный старикъ въ Москву, а мѣсяцъ спустя получилъ письмо отъ Лихутина, который требовалъ прислать къ нему немедленно Василія. Дѣло запахло скверно. Пашковы отсутствовали и, какъ слышно было, не скоро располагали вернуться; швейцаръ попробовалъ написать униженный, умоляющій отвѣтъ Лихутину, просилъ смилостивиться, не требовать невозможнаго. Вмѣсто отвѣта ему Лихутинъ обратился тогда къ содѣйствію полиціи. Противъ этого ничего уже нельзя было подѣлать—и какъ ни прятали несчастнаго Василія,—а стоило это тоже не мало денегъ его дядѣ,—кончилось тѣмъ, что Лихутинскаго дворового человѣка задержали и отправили по этапу въ Языково.

Какъ привели бѣдняка къ его господамъ, началась съ нимъ у жены Лихутина игра кошки съ мышкой, игра не шуточная, а дѣйствительная и самая ужасная. Пущены были въ ходъ всѣ способы вымогательства, заставили писать Васю къ старику-дядѣ умоляющія письма, и отъ угрозъ перешли къ дѣйствіямъ. Травля, безпощадная травля, продолжалась цѣлый годъ; Василія много разъ уже сѣкли, морили голодомъ, кормили селедкой, сажали на цѣпь и періодически заставляли писать дядѣ о восьми тысячахъ, но дядя не могъ уже ничего отвѣтить: онъ лежалъ разбитый параличемъ. Принимая молчаніе его за упорство и скаредность, Лихутина совсѣмъ осатанѣла, и приказавъ раскалить желѣзный листъ, начала ставить на него страдальца Василія. Этой пытки онъ уже не вынесъ и съ нимъ сдѣлалась нервная горячка. Агаѳья тайкомъ убѣжала тогда изъ дому и, прійдя къ уѣздному предводителю, разсказала ему все.

Немедленно наряжено было слѣдствіе, въ которомъ депутатами явились предводитель и жандармскій полковникъ. Лихутины были изобличены въ своихъ варварствахъ и посажены въ острогъ. Между тѣмъ несчастный Василій, провалявшійся нѣсколько мѣсяцевъ въ безнадежномъ состояніи, хотя и сталъ, наконецъ, благодаря молодымъ силамъ, поправляться, но прійдя въ себя, оказался совсѣмъ не тѣмъ, какимъ его знали, а совершенно инымъ человѣкомъ: не то разсѣяннымъ, не то дурачкомъ, и говорящимъ всего только два слова: „дядя" и „домой", и больше ничего. Отъ Лихутина вскорѣ вышла ему вольная: негодяи мужъ и въ особенности жена были теперь радешеньки, что цѣною ея отдѣлались отъ острога, да вольная эта на Василія не произвела уже никакого дѣйствія, и онъ остался тѣмъ, чѣмъ ты его видишь теперь, заключила моя матушка,—т. е. полунѣмымъ, скитальцемъ, юродивымъ.

Библиотека "Руниверс"

Распни Его Карт. Ш. Верлà. грав. Веберъ.

Библиотека "Руниверс"

— Болѣе ужъ десяти лѣтъ, какъ онъ въ такомъ положеніи, знаетъ его чуть не вся наша губернія, мало кто не считаетъ за христіанскій долгъ давать ему у себя пріютъ, а крестьяне, такъ тѣ на него молятся. Купцы много дѣлаютъ черезъ него добра; онъ знаетъ, кому нужно раздать, что̀ отъ нихъ получаетъ. Считаютъ его иные, какъ и нашъ докторъ, за сумасшедшаго, безумнаго, но повѣрь мнѣ, что это заблужденіе,—человѣкъ этотъ великій подвижникъ и праведникъ. Представь себѣ, что Лихутина и жену его, впавшихъ въ крайнюю нищету послѣ своего процесса, кончившагося тѣмъ, что судъ оставилъ ихъ въ сильномъ подозрѣніи, кормитъ и содержитъ Василій. Одна ужь эта черта рисуетъ тебѣ этого человѣка, а нашъ толстякъ-лѣкарь усиливается признать его безумнымъ. Въ нашей сторонѣ изъ духовныхъ лицъ особенно выдаются своими высокими достоинствами теперешній архіерей и старецъ Авраамій изъ Духовской пустыни, и оба они относятся къ Василію съ особеннымъ сочувствіемъ. Съ удивительнымъ самоотверженіемъ несетъ онъ свой крестъ. А что онъ наложилъ на себя обѣтъ молчанія и можетъ говорить когда захочетъ, въ томъ я нимало не сомнѣваюсь. Онъ проситъ меня иногда читать ему духовныя книги, прикидываясь неграмотнымъ, слушаетъ съ большимъ вниманіемъ, останавливаетъ меня, проситъ разъясненія, и въ эти-то минуты, когда ни двухъ словъ его, ни мимики уже не хватаетъ для поясненія своей мысли, нужно видѣть, какія усилія дѣлаетъ онъ надъ собой, чтобы не проговориться. А какъ онъ молится и какъ говѣетъ! нельзя глядѣть на него безъ умиленія; а когда причащается—лицо сіяетъ счастіемъ.

III.

Разсказъ моей матушки произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Василій облекся въ моемъ воображеніи въ мистическій ореолъ, и хотя при встрѣчахъ съ нимъ разговоры мои не могли идти съ нимъ далеко, такъ какъ съ мимикой его я тогда еще не освоился, но я всегда искалъ короткаго съ нимъ сближенія. Оно и пришло впослѣдствіи, только не такъ скоро, какъ мнѣ хотѣлось.

Поступленіе мое въ это время въ университетъ отвлекло меня вообще отъ деревенской жизни. Пріѣзжая къ родителямъ изъ Москвы лишь на лѣтнія вакаціи, рѣже сталъ я видѣть Василія, а отъ матушки слышалъ, что онъ все тотъ же: живетъ какъ птица небесная, не сѣетъ, не жнетъ, не собираетъ въ житницу и спѣшитъ только туда, гдѣ нужно помочь бѣдѣ, утѣшить въ горѣ. Впрочемъ и съ нимъ случилась небольшая непріятность. Въ нашъ городской монастырь назначили новаго архимандрита, человѣка совсѣмъ свѣтскаго, большаго любезника съ дамами, крѣпко жавшаго имъ руки и значительно вглядывавшагося имъ въ глаза; онъ служилъ долгое время во флотѣ и дѣлалъ даже дальнее плаваніе, оттого-то скорѣе походилъ на моряка, чѣмъ на монаха. Очень что-то не возлюбилъ онъ Василія, даже дѣлалъ тому публичное внушеніе, что такому здоровенному мужику стыдно фарисействовать и морочить народъ, „ну, посѣкъ его помѣщикъ, скажемъ, и несправедливо,—мало-ли чего не бываетъ?—такъ не вѣкъ же оттого кривляться и прикидываться святошей". Рѣчь эта, разсчитанная на сочувствіе слушателей, была принята ими очень холодно и, несмотря на то, свѣтскій монахъ не ограничился словеснымъ корректированіемъ Василія, а пошелъ дальше и не допустилъ его до причастія, требуя отъ него не глухой исповѣди, а настоящей, такъ какъ онъ не то что нѣмой, а просто притворщикъ. Дѣлать было нечего: долженъ былъ пойти Василій въ Духовскую пустынь къ старцу Авраамію и тамъ причащаться. Съ гонителемъ же его вскорѣ произошелъ очень непріятный казусъ, совсѣмъ уже не духовнаго характера, и чтобы не допустить бо̀льшаго скандала, его куда-то перевели, а на мѣсто его назначили Духовскаго отца Авраамія.

Былъ я ужь на четвертомъ курсѣ и держалъ выпускные экзамены, когда въ половинѣ мая пріѣхала моя матушка въ Москву, проѣздомъ въ Петербургъ, и по обыкновенію своему остановилась въ гостиницѣ „Дрезденъ". Я, конечно, тотчасъ же поспѣшилъ къ ней, и послѣ первыхъ привѣтствій, она сдѣлала мнѣ вопросъ:

— Отгадай-ка, кто со мной? и съ улыбкой прибавила:—да нѣтъ, не отгадаешь, сама скажу: Василій!

— Неужто? Куда же онъ спрятался и зачѣмъ онъ здѣсь? спросилъ я съ поспѣшностью.

— Онъ пошелъ съ комиссіонеромъ купить себѣ пальто, шапку и сапоги. Въ обыкновенномъ его костюмѣ по Москвѣ нельзя ходить,—посадятъ въ часть,—да и за покупками пошелъ онъ въ чужомъ платьѣ. Пріѣхалъ же сюда получить благословеніе митрополита Филарета, слышавшаго о немъ и пожелавшаго его увидѣть.

Черезъ часъ явился Василій, преобразившійся во что-то въ родѣ букиниста отъ Сухаревой башни, бросился меня обнимать, а потомъ, увидавъ себя въ зеркалѣ, до слезъ расхохотался и сталъ мнѣ объяснять, что сапоги — сущее для него теперь наказаніе, онъ совсѣмъ разучился въ нихъ ходить. Мы очень всѣ смѣялись его комическимъ жалобамъ на новый костюмъ.

Въ тотъ же день онъ отправился въ Троицкую Лавру, къ митрополиту Филарету.

IV.

Осенью 1849 года матушка моя, вернувшись изъ Петербурга, скончалась у меня на рукахъ отъ давно уже развивавшейся у ней чахотки. На первой же панихидѣ, среди молящихся стоялъ появившійся откуда-то, заплаканный и шептавшій молитву, Василій; онъ не отходилъ отъ гроба до послѣдняго момента погребенія, а потомъ опять куда-то исчезъ.

Прошла зима, во время которой я не покидалъ осиротѣвшаго старика-отца, и проживъ съ нимъ до марта, собирался ѣхать въ губернскій городъ, куда приглашалъ меня тогдашній нашъ губернаторъ на службу, какъ вдругъ сдѣлался у меня тифъ.

Послѣ длинной полосы безсознательнаго состоянія, пришелъ я, наконецъ, въ себя, и возлѣ своего отца увидалъ у постели своей Василія, радостно и кротко меня привѣтствовавшаго и осѣнявшаго себя крестнымъ знаменіемъ. Я узналъ потомъ, что онъ двѣ недѣли уже какъ сидѣлъ возлѣ меня.

Силы мои возобновлялись довольно медленно, я сдѣлался чрезвычайно раздражителенъ, мнѣ запрещено было говорить, не позволяли и читать, а того и другаго мнѣ очень хотѣлось. Умные глаза Василія, не отходившаго отъ меня, крайне меня интересовали, и я сталъ учиться его мимикѣ; дня два это не совсѣмъ у меня спорилось, а потомъ пошло, и мы кончили тѣмъ, что начали, къ обоюдному нашему удовольствію, понимать другъ друга.

Темы разговоровъ придумывалъ Василій и постоянно, какъ бы экзаменовалъ меня. Ему любопытно было узнать, чему я такъ долго учился въ Москвѣ; на столѣ и на полкахъ лежало у меня много разныхъ книгъ — русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, онъ подносилъ ихъ ко мнѣ по-очереди и просилъ объяснить ихъ содержаніе. Очень заинтересовала его иллюстрированная „Геркуланъ и Помпея", Колоссовскаго. На ней мы оставались нѣсколько дней; Василій разспрашивалъ малѣйшія подробности, какъ маленькій ребенокъ. Заголовки иностранные заставлялъ меня переводить по-русски, и когда попалась ему подъ-руку французская „Les russes et la Russie" И. И. Тургенева, очень тогда запрещенная, онъ выразилъ крайнее удивленіе и долго мучился и мучилъ меня, чтобы понятнѣе формулировать мнѣ своею мимикою вопросъ: почему же русскій человѣкъ пишетъ о Россіи и русскихъ по-французски. Не легко было объяснить ему причину. Василій на другой день опять вернулся къ книгѣ и сталъ вывѣдывать ея содержаніе. „Не бранитъ-ли онъ Россіи и русскихъ?"—Зачѣмъ же бранить, онъ только ихъ описываетъ какъ они есть на самомъ дѣлѣ: дворяне, чиновники, купцы, крестьяне.—„И о крестьянахъ пишетъ? Что же онъ о нихъ пишетъ?"—Что положеніе ихъ нужно улучшить, оградить отъ насилія дурныхъ господъ, дать имъ волю.

Глаза моего слушателя совсѣмъ на меня вытаращились. Онъ молчалъ, что-то обдумывая, и наконецъ попросилъ показать ему то мѣсто въ книгѣ, гдѣ Тургеневъ это пишетъ. Я удовлетворилъ его любопытству. „Тутъ, тутъ?" спрашивалъ Василій съ восхищеніемъ въ лицѣ и сталъ цѣловать указанныя ему мѣста. Потомъ онъ опять задумался и сдѣлался ужасно грустенъ. Видно было, что онъ хотѣлъ многое мнѣ сказать, да не находилъ возможности выразить мимикой мысль свою.

— Послушай, Василій, сказалъ я ему тогда,—отчего ты не говоришь со мною? Я увѣренъ, что ты можешь говорить; такъ неужели же ты мнѣ не довѣряешь и допускаешь мысль, что я тебя выдамъ? Говори, не бойся.

Но онъ прикинулся ничего не понявшимъ, круто перевелъ разговоръ на что-то другое и вскорѣ куда-то ушелъ. Вечеромъ же, когда вернулся, былъ совсѣмъ не сообщителенъ.

Такимъ образомъ въ теченіе почти трехъ недѣль мы были неразлучны съ Василіемъ, и я убѣдился въ обширномъ его умѣ и въ существованіи у него извѣстныхъ идеаловъ, извѣстныхъ цѣлей въ жизни, которые онъ отъ всѣхъ таилъ. Когда же, наконецъ, карантинъ мой окончился и мнѣ позволили выходить на воздухъ, Василій со мною простился и обѣщалъ навѣстить меня уже въ губернскомъ городѣ, куда я собирался. Мы разстались не на долго, нимало не подозрѣвая, что это было ваше послѣднее свиданіе.

V.

„Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ". Въ губернскій городъ я не поѣхалъ, а очутился въ Петербургѣ, куда вызвалъ меня старшій братъ. Проживая тутъ уже два года и занимаясь дѣлами одной частной администраціи, я довольно часто получалъ письма отъ отца изъ деревни, а какъ они все-таки не исчерпывали многаго того, что̀ меня интересовало въ любимомъ мною приволжскомъ краѣ, то встрѣтившись однажды, въ театрѣ, съ однимъ пріѣзжимъ оттуда пріятелемъ и сосѣдомъ, я затащилъ его послѣ спектакля въ отдѣльный кабинетъ ресторана и подвергнулъ тщательному вопросу. Между прочимъ добрались мы и до soi-disant юродиваго Василія.

— Оказался, батюшка, большимъ плутомъ, сказалъ мнѣ со

Библиотека "Руниверс"

смѣхомъ сосѣдъ,—просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ острогѣ. Впрочемъ, на этотъ разъ какъ-то выкрутился.

Вѣсть эта меня поразила. Василій — плутъ и сидѣлъ въ острогѣ.

— Не мучьте, просилъ я сосѣда, — и разскажите въ чемъ было дѣло.

— Привлекли его какъ принадлежащаго къ какой-то вредной сектѣ; къ хлыстовщинѣ-ли, или къ молоканству — хорошенько не знаю, только въ послѣднее время начальство очень строго за нихъ взялось. У Василія есть родная сестра, которую онъ поселилъ гдѣ-то въ глухомъ мѣстѣ, въ лѣсу, та подобрала еще нѣсколькихъ подобныхъ себѣ старыхъ дѣвокъ, устроилось что-то въ родѣ скита и въ немъ происходили сборища и радѣнія. Ну, вотъ ихъ и накрыли. Дѣвокъ разослали по ихъ деревнямъ, а Василія съ сестрой посадили въ острогъ. Ну и былъ же у насъ по этому случаю переполохъ! Всѣ поднялись хлопотать за святаго. Въ особенности барыни и купцы, и добились-таки того, что и его, и сестру выпустили.

— А вы его послѣ того видѣли?

— Видѣлъ.

— Что же онъ?

— Да ничего. Все такой же какъ и былъ. Летаетъ себѣ съ лентами и лопочетъ свое: „дядя домой". Сестру, говорятъ, поселилъ теперь въ нашемъ уѣздномъ городѣ, въ келейкѣ, и приписалъ какъ ее, такъ и себя къ мѣщанству.

Меня больше всего интересовалъ вопросъ: въ силу чего Василій могъ приблизиться къ молоканству? Между его религіозною экзальтаціею, юродствомъ Христа ради и молоканскимъ раціонализмомъ, доходящимъ до отрицанія таинствъ и будущей жизни, я не видѣлъ никакой внутренней связи. Считать же его за плута отказывался, и онъ становился еще болѣе для меня загадочнымъ. И долго еще пришлось мнѣ ожидать той поры, когда всѣмъ его знавшимъ онъ вполнѣ выяснился.

VI.

При началѣ Крымской войны судьба бросила меня на службу въ далекую сторону, и я надолго тамъ остался. Прошло почти пятнадцать лѣтъ, батюшка мой въ это время скончался, приволжское имѣніе досталось мнѣ по наслѣдству; послѣ 19 февраля 1861 года, мѣстный мировой посредникъ прислалъ ко мнѣ по почтѣ, для подписанія, уставную грамоту, а года черезъ два нашелся у меня заглазный покупщикъ этого имѣнія, и я его продалъ. Такимъ образомъ, связь съ той стороной у меня совершенно порвалась. Но въ концѣ шестидесятыхъ годовъ обстоятельства опять такъ сложились, что я снова увидѣлъ Волгу и свой родной городъ. Шелъ я на пароходѣ отъ Царицына до Нижняго, и когда мнѣ сказали, что у С—ской пристани мы простоимъ три часа, я сошелъ на берегъ и поѣхалъ взглянуть на знакомыя мѣста.

На вопросъ мой извозчику: „кто здѣсь полиціймейстеръ?", узнавъ, что Николай Николаевичъ Н., я приказалъ ему прямо везти меня къ нему.

Николай Николаевичъ, когда-то ближайшій мнѣ другъ и пріятель, чуть не задушилъ меня въ своихъ объятіяхъ отъ радости, а жена его, не докончивъ туалета и съ распущенной косой, выскочила изъ сосѣдней комнаты, когда узнала кто въ кабинетѣ ея мужа, и пустилась по-просту со мною цѣловаться.

Я попалъ въ родной уголокъ, въ распоряженіи моемъ были слишкомъ два часа; хозяйка, приведя туалетъ свой въ порядокъ, приказала подать кофе, и мы пошли расшевеливать наши общія, старинныя воспоминанія. За 15 лѣтъ отсутствія, я многаго уже совершившагося тутъ не зналъ и забрасывалъ друзей моихъ вопросами. Они охотно удовлетворяли моему любопытству, много сообщили мнѣ новаго и въ заключеніе хозяйка, какъ бы спохватившись, сказала мнѣ:

— Да что же вы не спрашиваете о вашемъ пріятелѣ, юродивомъ Василіи? Онъ теперь ужъ не „дядя домой" и не юродивый. Говоритъ такъ же, какъ и мы съ вами.

— Да что вы! Заговорилъ-таки? Я былъ увѣренъ, что тѣмъ кончится; но, Бога ради, разскажите, какъ же и когда это случилось?

— А вотъ при самомъ обнародованіи манифеста о свободѣ. Въ самомъ соборѣ. Во время чтенія манифеста стоялъ онъ на колѣняхъ со своимъ ленточнымъ значкомъ, слезы текли у него по лицу, онъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и время отъ времени клалъ земные поклоны. Когда же чтеніе кончилось, сталъ со всѣми цѣловаться и неожиданно для всѣхъ заговорилъ, чѣмъ надѣлалъ большую суматоху. Всѣмъ захотѣлось его слышать, тискались, давили другъ друга и полиціи пришлось вмѣшаться, чтобы вывести Василія изъ собора. На площади же толпа еще больше вокругъ него выросла. Онъ говорилъ, его слушали. Смыслъ его рѣчи былъ приблизительно таковъ:

„Сегодня большой для всѣхъ праздникъ, а для меня въ особенности. Сегодня конецъ моему обѣту молчанія. Я наложилъ его на себя потому, что на языкѣ моемъ были одни только проклятія своимъ мучителямъ, тогда какъ Христосъ повелѣлъ за нихъ молиться. Кругомъ себя я видѣлъ тысячи себѣ подобныхъ беззащитныхъ, несущихъ безропотно крестъ свой, но я не чувствовалъ въ себѣ достаточныхъ на то силъ, я слишкомъ былъ ожесточенъ, сердце мое жаждало одной лишь мести и на себя, и за другихъ, и чтобы словомъ своимъ не губить никого, я рѣшилъ наложить на себя обѣтъ молчанія и юродствовать до того дня, пока не выйдетъ крестьянская воля. „Не доживу до нея, сказалъ я самъ себѣ, — слягу въ могилу молчальникомъ: доживу — опять заговорю". И вотъ Царь вспомнилъ про свой народъ, далъ ему волю, и я дожилъ до сегодняшняго, блаженнаго для меня дня, могу теперь снова заговорить и снять съ себя юродство. Простите, православные, если передъ кѣмъ изъ васъ въ чемъ-либо провинился; но я никому не хотѣлъ зла и бѣгалъ отъ него".

Вотъ какъ передавали слова Василія слышавшіе ихъ.

Когда онъ кончилъ говорить, кто-то въ толпѣ высказалъ мысль о сборѣ въ пользу него. Мысль эта принята была сочувственно и тутъ же, на площади, собралась такая сумма, что Василій могъ прекратить свои скитанія. А теперь у него есть уже свой домикъ. Развелъ у себя пасѣку и продаетъ воскъ и медъ.

Выслушавъ это въ высшей степени интересное для меня сообщеніе, я все-таки припомнилъ Николаю Николаевичу о доходившихъ когда-то до меня слухахъ насчетъ какой-то прикосновенности Василія къ молоканству, или хлыстовщинѣ, и просилъ его мнѣ выяснить чѣмъ это кончилось.

— Право, ничего на это не могу вамъ сказать, отвѣтилъ онъ.—Прежде нѣдь это было виднѣе, потому что сектантовъ этихъ тогда преслѣдовали, о нихъ говорили, ими занимались, а когда потомъ оставили въ покоѣ, ихъ позабыли. Теперь хорошенько не знаю даже, есть-ли они у насъ. Что-то не слышно. Думаю, что если и была у Василія съ ними связь, то врядъ-ли въ ней было что-либо религіозное. Крѣпостные тогда вѣдь охотно тянули во всякія секты, находя въ ихъ организаціи если не полное для себя спасеніе, то нѣкоторое облегченіе неволи. Хоть Василій и былъ нольный, но пользовался такимъ авторитетомъ среди крѣпостныхъ, и такъ близко къ нимъ стоялъ, что могъ быть и безвинно запутанъ въ эти сектантскія исторіи.

— Такъ-то такъ, Николай Николаевичъ, но у меня есть еще одинъ неотвязчиво преслѣдующій меня вопросъ: что же наконецъ за человѣкъ этотъ Василій. Онъ остается для меня все-таки загадочнымъ. Конечно, жизнь его сложилась чрезвычайно мудрено, на долю его выпали тяжкія испытанія, другой бы на его мѣстѣ, пожалуй, угодилъ бы въ каторгу, и нужно было имѣть много ума и силы воли, чтобы уцѣлѣть; но принявъ все это въ соображеніе и натѣмъ анализируя его юродство, все-таки не могу сказать, гдѣ въ немъ начинается искренній человѣкъ, и гдѣ кончается искусный актеръ. Его костюмъ, палка съ лентами, вериги, кресты, образа, пріученіе себя ко всевозможнымъ лишеніямъ и къ перенесенію стужи и непогодъ — все вѣдь это наключаетъ въ себѣ много театральности, актерства, въ человѣкѣ такомъ умномъ, какъ Василій...

— Э, да полноте, батюшка, прервалъ меня Николай Николаевичъ,—такъ сурово анализировать Василія! На него слѣдуетъ взглянуть совсѣмъ подъ инымъ угломъ зрѣнія. Вспомните, что онъ былъ одною изъ жертвъ крѣпостнаго права, къ счастію канувшаго уже въ вѣчность. Подъ пыткой, въ моментъ сильнѣйшаго душевнаго и физическаго страданія, впалъ онъ въ религіозный экстазъ и обрекъ себя на юродство и молчаніе. Этимъ сказался его протестъ и не только противъ изверговъ Лихутиныхъ, но и противъ всего тогдашняго безправія крѣпостныхъ людей. Форма протеста имъ избранная, несомнѣнно требовавшая театральности и актерства, заключала въ себѣ чрезвычайную силу обличенія. Въ юродивомъ, съ его двумя словами „дядя домой", всякій читалъ горькую его судьбину и видѣлъ продуктъ звѣрскаго насилія помѣщичьей власти. Прибавьте къ этому, что этотъ юродивый никогда не носилъ на лицѣ своемъ печали, никогда не жаловался на судьбу, никого ни о чемъ не просилъ, всегда былъ веселъ, всегда улыбался и со всѣми цѣловался. Мастерски надуманная роль, мастерски была и выполнена. Слишкомъ двадцать лѣтъ Василій мозолилъ всѣмъ глаза и напоминалъ о ненормальности положенія своихъ братій крѣпостныхъ, и во все это время не только не встрѣчалъ ни малѣйшаго себѣ стѣсненія, а находилъ полное и общее къ себѣ участіе. Не будь этого участія, Василій былъ бы немыслимъ. Откуда же шло это участіе,—не отъ общей же доброты сердечной, нѣтъ, доброта сердечная не часто встрѣчается; оно, это участіе, шло тутъ совсѣмъ инъ другаго источника. Въ общее сознаніе помѣщиковъ входило уже правильное опредѣленіе крѣпостнаго права, какъ вопіющей аномаліи; оно было осуждено лучшими изъ нихъ людьми безповоротно, дни его были сочтены и достаточно было одного царскаго слова, чтобы оно рухнуло.

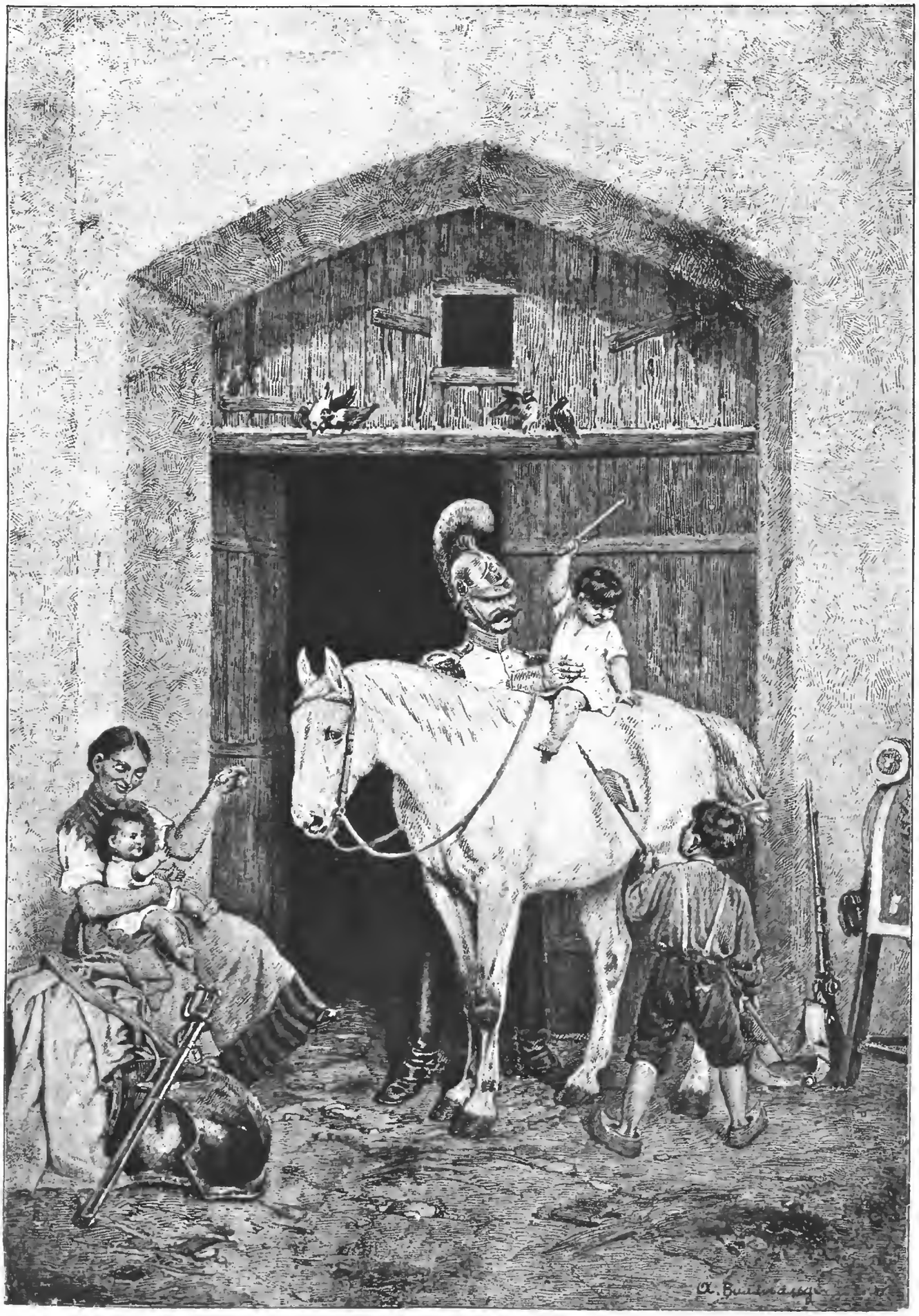
Разсказъ мой конченъ. Герой его — лицо не вымышленное, быть-можетъ до сихъ поръ здравствующее, а если его нѣтъ уже въ живыхъ, то его конечно помнятъ въ приволжской сторонѣ многіе старики.

Библиотека "Руниверс"

XIX передвижная выставка. За расчетомъ.

Карт. **И. П. Богданова** (исключительное право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „**Нивѣ**"), грав. Ольшевскій.

Библиотека "Руниверс"



Выставка Императ. Академіи Художествъ. Юный герой (1812 годъ).
Съ карт. А. Виллевальда, рис. самъ авторъ, грав. Ангереръ.

Библиотека "Руниверс"

О судѣ Іудеевъ надъ Мессіею.

Стараго Паломника.

Кровавый исходъ величайшаго изъ міровыхъ событій былъ логическимъ слѣдствіемъ ложныхъ убѣжденій и надеждъ Еврейскаго народа, коренившихся многіе вѣка въ ихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, что обѣщанный Мессія явится въ блескѣ и величіи царя основанной имъ всемірной Іудейской монархіи, грознымъ мстителемъ-карателемъ за ихъ вѣковое рабство и утѣшителемъ ихъ страданій. Узкій національный эгоизмъ, вѣра, что Іегова — исключительно Богъ Іудеевъ, и понятія совершенно извращенныя казуистическими комментаріями Моисеева закона — облекли ихъ умъ столь непроницаемымъ туманомъ, что онъ уже оказался неспособнымъ выдѣлить Божественную личность „сына Назаретскаго плотника" изъ толпы появлявшихся прежде лжемессій, обличать которыхъ не представляло имъ труда. Великія истины, провозглашенныя этимъ Учителемъ, легко запали въ сердца простыхъ рыбаковъ и дали вскорѣ богатые плоды, но оказались недоступными тѣмъ мудрымъ, о коихъ еще пророкъ Исаія выразился: *„ты жестокъ, твоя шея — желѣзныя жилы и лобъ твой мѣдный"* (48 ст. 4).

Могъ-ли такой туманъ не разсѣяться передъ божественнымъ свѣтомъ, если этотъ свѣтъ озарилъ и прогналъ вѣковую ночь идолопоклонства, которая облекала три тысячелѣтія все человѣчество? Но Провидѣніе, по неисповѣдимому закону, дало свободную волю и человѣку, и народамъ. Провидѣніе ее не насилуетъ, не влечетъ къ намѣченнымъ цѣлямъ, предоставляетъ, такъ сказать, автономію въ ихъ дѣяніяхъ и, по невѣдомымъ нашему внутреннему чувству причинамъ, оставляетъ насъ заблуждаться или воздерживаетъ отъ заблужденій и пороковъ.

При рожденіи Младенца Іисуса отъ Дѣвы Маріи на землѣ, послѣ безконечныхъ войнъ и бѣдствій, около десяти лѣтъ господствовала невозмутимая тишина. Римскій мечъ покоился въ ножнахъ. Храмъ Януса былъ запертъ. Царилъ единовластно земной богъ Августъ-Цезарь. Власть римлянъ, языкъ, законы, нравы ихъ—покорили весь извѣстный тогда древній міръ. Границами римскаго владычества были сѣверная часть Германіи, Арменія, царство Парѳянское, Китай, Индія, Аравія, Эѳіопія. Это была связь *матеріальная* народовъ. Другая, еще болѣе тѣсно связывавшая ихъ сила была *духовная*, паганизмъ во всѣхъ его видахъ. Эту черную ночь не въ состояніи была разсѣять и греческая философія. Ова, цѣннѣйшій перлъ человѣческаго ума, не могла достигнуть истиннаго понятія о душѣ и ея безсмертіи. Для человѣчества она обрѣла только *фатумъ*, судьбу, неизвѣстное. Всѣ ея усилія кончились темною надписью на храмѣ: „Невѣдомому богу".

Среди милліоновъ народа Провидѣніе избрало горсть семитскаго племени и возложило на него хранить понятіе объ истинномъ Богѣ для всего человѣчества, а въ виду человѣческой слабости и грѣхопаденія обѣщало спасеніе въ лицѣ *Избавителя*. Въ аравійскихъ пустыняхъ, вдали отъ народовъ, поклонявшихся идоламъ, это понятіе и вѣра въ Іегову должны были въ теченіе сорока лѣтъ крѣпнуть...

Какъ сохранили Іудеи этотъ завѣтъ?

По возвращеніи Евреевъ изъ плѣна Вавилонскаго всѣ реформы и установленія Ездры и Неемiи были единодушно и искренно приняты народомъ. Впослѣдствіи самыми ревностными хранителями Моисеева закона и этихъ реформъ являлись заслужившіе любовь народную и безграничное уваженіе *хассидимы* (благочестивые). Послѣ завоеванія Палестины Александромъ Македонскимъ вторгается въ Іудею элементъ греческій. Какъ добрые патріоты, ненавидящіе иноземное, *хассидимы* вооружаются противъ эллинизма, начинается жестокое преслѣдованіе, начинается такое же имъ противодѣйствіе. Въ нѣкоторыхъ образованныхъ классахъ патріотизмъ, да и вѣра въ законъ, уже начинавшій искажаться, ослабѣли, эллинизмъ становился терпимѣе. Явились скептики, предававшіеся нѣгѣ и матеріальнымъ радостямъ; они образовали сектy *саддукеевъ* (чистыхъ). Не малое число оставалось истинныхъ патріотовъ и блюстителей завѣтовъ Моисея. Они временно торжествовали, послѣ побѣдъ Маккавеевъ иноземное было изгнано; они отдѣлились отъ той секты и именовались *перушимами* (обособленными, т. е. отъ эллинизма, саддукеевъ и др. второст. сектъ) или *фарисеями*.

Въ теченіе двухвѣковой борьбы характеръ обѣихъ сектъ существенно измѣнился, особенно послѣднихъ. Религіозныя основы борьбы остались на заднемъ планѣ, проявились мелкія, личныя; на яблокѣ раздора обнаружились наросты, смертельные въ будущемъ для той и другой партіи. Въ царствованіе Ирода Великаго, ставленника Цезаря, саддукеи, аристократы, сдѣлались тайными сторонниками римскаго владычества, идея о Мессіи была забыта, религіозные обряды исполнялись для отвода глазъ; они готовы были на всѣ уступки чужеземной власти, лишь бы насладиться жизнію и ея земными благами. Они сдѣлались вполнѣ эпикурейцами. Фарисеи, оставаясь патріотами и врагами не только всего иноземнаго, но и всѣхъ, кто не сообразовался съ ихъ обрядовыми взглядами, на дѣлѣ увлеклись ханжествомъ и возмутительнымъ лицемѣріемъ, увлеклись буквою Моисеева закона, понимая спасеніе только въ одномъ наистрожайшемъ выполненіи обрядовъ, доведенныхъ казуистикой до нелѣпости, до абсурда. Пламенное когда-то ожиданіе Мессіи не только остыло, но приняло фантастическій образъ, формы какого-то сознаго бреда: Іерусалимъ будетъ весь изъ золота, кедровъ и кипариса, строенія въ немъ изъ драгоцѣнныхъ камней, цари земные явятся къ нимъ на поклоненіе, настанетъ вѣчная суббота, празднества, пиршества и матеріальныя радости за прежнія страданія. Словомъ, Магометовъ рай на землѣ! Ожиданіе Мессіи исказилось до неузнаваемости. Въ Талмудахъ, въ Мишнѣ (кодексѣ или сборникѣ комментарій), въ обѣихъ Гемарà (дополненіяхъ къ Мишнѣ) появленіе Мессіи изображалось такими красками, въ такихъ картинахъ, что упованія народа смѣнились страхомъ. По мнѣнію мудрыхъ книжниковъ, предвозвѣстникомъ его прихода будутъ кровавыя войны и безконечныя бѣдствія. Говорилось о явленіи двухъ Мессій единовременно. Одинъ погибнетъ на полѣ битвы; другой, сынъ Давида, родится въ Виѳлеемѣ и окончательно озаритъ славою народъ Іудейскій. Затѣмъ надежда на Мессію и совсѣмъ рушилась, особенно послѣ обличенія нѣкоторыхъ самозванцевъ. Въ той же Мишнѣ говорится приблизительно такъ въ одномъ мѣстѣ: „Да поразитъ язва того, кто разсчитываетъ когда появится Мессія. Провидѣніе, видимо, не спѣшитъ оправдать фантастическія чаянія. Обѣщано спасеніе, да! Но Богъ ждетъ. Что же мѣшаетъ исполненію? Наши грѣхи. Покается Израиль—спасеніе придетъ, не покается—не придетъ". Въ другомъ мѣстѣ находимъ еще иной образный намекъ. Раввинъ Іешуа бесѣдуетъ съ пророкомъ Иліей (по вѣрованію того времени, онъ нерѣдко являлся для бесѣдъ съ мудрыми). „Когда придетъ Мессія?" — „Спроси у него самъ". — „Гдѣ же я могу его видѣть?" — „У городскихъ воротъ среди бѣдныхъ и болящихъ". — Іешуа идетъ туда, встрѣчаетъ Мессію. „Когда пріидешь, Господи?" — „Сегодня", былъ отвѣтъ. Другой разъ Іешуа встрѣчаетъ Илію. „Мессія", горько жалуется тотъ, — „обѣщалъ, но не пришелъ". — „Нѣтъ, онъ не обманулъ тебя. Онъ далъ только понять, что придетъ сегодня, если вы послушаетесь закона".

И вотъ какія плевелы выросли на землѣ обѣтованной потомкамъ Авраама, на коихъ столь терпѣливо простерта была опека Провидѣнія! Вотъ чьими руками положенъ былъ кровавый конецъ Праведнѣйшему Вѣстителю божественныхъ истинъ!

За 63 года до Р. Хр. Помпей овладѣлъ Палестиною. Римляне, завоевывая провинцію за провинціею, посылали туда своихъ легатовъ, проконсуловъ и прокураторовъ. Бо́льшую часть такихъ земель они, просто, включали въ границы республики или имперіи, вводили свое правленіе, законы, суды и др. учрежденія. Но пріобрѣтенная политическая мудрость внушала имъ относительно нѣкоторыхъ, не легко покорявшихся иноземному игу, поступать осмотрительнѣе; они исподволь одолѣвали безсильное непокорство. Таковы оказались жители Палестины. Поставивъ тамъ номинально царемъ своего клеврета, идумейскаго раба Ирода, они не коснулись ни мѣстныхъ властей, ни религіозныхъ учрежденій, ни судовъ. Но мы видѣли, что образованные классы явились уже тайными сторонниками римской власти. При Иродѣ легатомъ Сиріи, къ которой приписали Палестину, былъ Квинтъ Варъ. Смерть Ирода совпала съ Рождествомъ Христа. За низложеніемъ Архелая, старшаго изъ трехъ сыновей его отъ жены-самаритянки Малтасеи, Палестину вѣдалъ второй сынъ Иродъ-Антипа, названный даже самимъ Іисусомъ — лисицей. Въ концѣ жизни Спасителя, легатами Сиріи были Елій Ламмія и Помпоній Флакъ, прокураторами же Іудеи (какъ звали римляне всю Палестину)—Валерій Гратъ, а съ 26 года нашей эры, испанецъ родомъ, Понтій Пилатъ, имѣвшій резиденцію въ Кесаріи и временно пріѣзжавшій въ Іерусалимъ на дни великихъ празднествъ, когда возстанія народныя особенно разгорались.

Высшая власть сосредоточивалась въ Синедріонѣ, состоявшемъ изъ 70 членовъ и предсѣдателя, утверждавшихся римскимъ легатомъ и, само собой, изъ приверженной римлянамъ партіи саддукеевъ. До римскаго владычества это было государственнымъ учрежденіемъ со всеобъемлющею властію. Синедріонъ или Санхедринъ — законодательное собраніе, верховное уголовное и гражданское судилище, рѣшало религіозные, догматическіе и обрядовые вопросы, судило лжепророковъ, объявляло войну и миръ, кромѣ того въ его рукахъ находилось завѣдываніе генеалогическими метриками семействъ левитовъ, браками въ этихъ семействахъ, что имѣло въ то время важное религіозное и государственное значеніе; онъ опредѣлялъ календарное время и дни новолунія, по коимъ назначались всѣ важнѣйшіе праздники. При Иродахъ и прокурато-

Библиотека "Руниверс"

рахъ власть эта была только номинальная, члены Синедріона совсѣмъ подчинились ихъ давленію; римляне предоставили только вѣдѣнію Синедріона вопросы исключительно касавшіеся религіи.

Вліятельнѣйшими членами были саддукеи изъ главнѣйшихъ родовъ, кои наслѣдственно занимали мѣста первосвященниковъ. Фарисеи составляли въ Синедріонѣ ничтожное меньшинство. Было собственно три Синедріона въ Іерусалимѣ; въ завѣдывавшемъ уголовной юстиціей засѣдало 23 члена, совѣщанія происходили въ такъ-называемой Мощеной палатѣ, *Лишатъ-Хагазитъ*, въ юго-восточной части храма. Для производства суда они садились въ полукружіе, въ срединѣ предсѣдатель, на обоихъ концахъ секретари. Одинъ вносилъ въ протоколъ все, что относилось въ пользу подсудимаго, другой—что служило къ обвиненію. Противъ суда въ три ряда помѣщались ученики книжниковъ, въ родѣ нашихъ кандидатовъ на судебныя должности. По увѣренію Талмуда, если обвиненіе могло кончиться капитальнымъ наказаніемъ, члены принимали всѣ мѣры къ облегченію участи судимаго. Начинался судъ собираніемъ доказательствъ, клонившихся къ его оправданію, тогда не допускалось ни единаго намека на улики въ преступленіи. Свидѣтель, давшій показаніе въ пользу обвинителя, не могъ уже его измѣнить; наоборотъ—свидѣтель уличавшій въ преступленіи имѣлъ это право: тогда онъ обязывался приводить только факты оправдательные. Невиновность обвиняемаго провозглашалась немедленно. Обвинительный приговоръ—не ранѣе истеченія двадцати-четырехъ часовъ. Голоса отбирались вставаніемъ. Для оправданія достаточно было простаго большинства, для обвиненія нуженъ былъ перевѣсъ большинства не менѣе, какъ двумя голосами.

Но въ томъ же Талмудѣ встрѣчаются намеки, что судьи не всегда проникнуты были духомъ справедливости и снисходительной доброты. „*Месситамъ*", или возмутителямъ народа, судъ дѣлалъ всякій подвохъ и западню, пріискивалъ подкупомъ лжесвидѣтелей и т. п. То же подтверждается и евангелистомъ Матѳеемъ (26 ст. 56—61). Хотя въ опроверженіе сего и говорится въ Талмудѣ, что по закону два свидѣтеля были помѣщены въ секретномъ мѣстѣ, когда Іуда Искаріотскій хитростію будто бы вызвалъ Іисуса на сознаніе въ его мнимыхъ притязаніяхъ, а равно и другая нелѣпость, будто бы Іисусъ Христосъ судомъ былъ признанъ виновнымъ въ черной магіи и развращеніи народа, что въ теченіе сорока дней громогласно на площадяхъ вызывались свидѣтели въ его оправданіе,—но все это очевидный вымыселъ.

По закону Моисееву установлено было пять уголовныхъ наказаній: пеня, *херемъ*, т. е. высшее отлученіе, очистительная жертва, тѣлесное наказаніе (флаггелляція) и побіеніе каменьями. Заключенія въ тюрьмѣ не существовало до временъ Царей. Пеня опредѣлялась по тарифу: „За ударъ по уху—плати мину (около 20 р.), за ударъ по скулѣ—двѣсти вузъ (или драхмъ, вузъ=сотая доля мины)". Смертная казнь исключительно производилась побіеніемъ каменьями. Осужденнаго приводили на край холма, связывали, и свидѣтели обвиненія толкали его въ ровъ, который былъ не менѣе, какъ въ два человѣческихъ роста глубины. Если смерть не послѣдовала, то сверху бросали на него камни, цѣлясь прежде всего въ голову. Палачей не было. Мечомъ убивали рѣдко. Крестнаго распятія евреи прежде не знали. Оно было введено римлянами. Въ Италіи эта казнь совершалась только надъ рабами и государственными преступниками, а въ Палестинѣ ее стали примѣнять часто. Не были-ли истинные рабы эти закоснѣлые въ непокорности строптивые люди? Въ годъ Рождества Христа, Варъ распялъ на крестахъ 2000 ч. возмутившихся противъ римлянъ. Во время осады Іерусалима, Титъ казнилъ на крестѣ по 500 ч. ежедневно, за недостаткомъ лѣса вѣшали на обѣихъ сторонахъ креста. Онъ сколачивался изъ двухъ балокъ въ формѣ латинской буквы Т, былъ не высокъ, ноги страдальца почти касались земли. Пригвождался несчастный лежа. При поднятіи креста начинались немедленно страшныя судороги и нервныя мученія; цѣль наказанія состояла именно въ предсмертныхъ страданіяхъ и мукахъ. Осужденный умиралъ только чрезъ нѣсколько часовъ, иногда на другой день, и часто болѣе всего отъ голода; раны не были смертельны, кровотеченіе изъ рукъ и ногъ скоро пріостанавливалось, притомъ вмѣсто гвоздей, случалось, употреблялись веревки. Деревянный клинъ для пригвожденія ногъ—есть созданіе средневѣковыхъ живописцевъ. Весь корпусъ висѣлъ на протянутыхъ вверхъ рукахъ и тяжесть его причиняла невыразимыя страданія, быстро приливала кровь къ мозгу и являлась апоплексія. Если мученія длились, для ускоренія смерти переламывали кости ногъ, но этотъ актъ состраданія случался рѣдко. Вообще зрители оставались равнодушны, иные даже выражали злобу, раздавались ругательства, дѣти бросали въ несчастныхъ каменьями. Проходили часы за часами, наступала ночь, мученикъ оставался одинъ, стоны его разносилъ вѣтеръ, голова мутилась отъ „нѣска", кислаго, крѣпкаго вина съ приправами, которое ему иногда подавали изъ сострадавія, для притупленія нервныхъ болей; онъ ежеминутно и безъ надежды на спасеніе чувствовалъ приближеніе смерти! Случалось, восходило солнце, городской шумъ начиналъ долетать до его слуха, а онъ напрасно умолялъ мимоидущихъ чѣмъ-нибудь покончить его мученія. Никто не внималъ этой мольбѣ...

Вотъ чего жаждали саддукеи для Спасителя рода человѣческаго! Историческая правда обязываетъ, впрочемъ, замѣтить здѣсь, что какъ фарисеи ни были озлоблены на Іисуса во время Его служенія человѣчеству, послѣ арестованія въ Геѳсиманскомъ саду—они стушевываются. Злодѣяніе падаетъ всею тяжестью на аристократовъ-первосвященниковъ, на секту саддукеевъ. Нѣкоторые фарисеи были тайными приверженцами Іисуса, какъ напр. Никодимъ, даже членъ Синедріона. Ко многимъ Іисусъ, по ихъ приглашенію, являлся въ домъ: „*Когда Онъ говорилъ сіе, одинъ фарисей просилъ Его къ себѣ обѣдать, Онъ пришелъ и возлегъ*" (Лук. 11 ст. 37). Повидимому, это не разъ случалось. Поэтому семь разъ повторенное Іисусомъ восклицаніе: „*Горе вамъ, книжники и фарисеи—лицемѣры!*" нельзя считать относившимся ко всѣмъ фарисеямъ: нѣкоторые положительно были Ему преданы: „*Тогда нѣкоторые изъ фарисеевъ говорили: не отъ Бога этотъ человѣкъ потому, что не хранитъ субботы. Другіе говорили: какъ можетъ человѣкъ грѣшный творить такія чудеса?* **И была между ними распря**" (Іоан. 9 ст. 16).

Весь судъ надъ Іисусомъ Христомъ,—взятіе подъ стражу, постановленіе приговора и исполненіе его было дѣломъ нѣсколькихъ часовъ. А въ законоположеніяхъ было сказано: „Будь медлителенъ на судѣ". Очевидно, въ такой поспѣшности заключалось самое вопіющее неправосудіе. По замѣчанію Эдм. Станфера, знаменитаго доктора богословія, Синедріономъ былъ нарушенъ законъ тѣмъ, во-первыхъ, что совѣщаніе суда состоялось ночью,—судъ по дѣламъ влекущимъ за собою смертную казнь долженъ былъ происходить и кончиться до захода солнца; во-вторыхъ, что въ основаніи приговора положены были слова Іисуса, произвольно истолкованныя и принятыя Синедріономъ за сознаніе; въ-третьихъ, что судили Іисуса въ ночь предшествовавшую празднику, по исчисленію синоптиковъ, ибо тогда суду воспрещено было собираться. „Нельзя быть суду въ вечеръ (въ канунъ) праздника". Извѣстно, что начало сутокъ считалось съ вечера, поэтому вечеръ былъ уже частію праздника. Къ этому слѣдуетъ повторить сказанное выше: объявленіе приговора должно было происходить по истеченіи сутокъ послѣ его постановки, а *онъ уже и исполненъ былъ* до истеченія этого срока.

Изъ сопоставленія четырехъ евангельскихъ сказаній видно, что Іисусъ въ эти короткіе часы былъ *шесть* разъ допрашиваемъ, *четыре* раза поруганъ, *три* раза оправданъ и *два* раза осужденъ. Уже эта вопіющая непослѣдовательность и по элементарнымъ понятіямъ юриспруденціи есть явное свидѣтельство судебнаго хаоса, увлеченія страстей, наглаго безстыдства и дерзкаго насилія, не только допущеннаго римскими властями, но оставшагося безнаказаннымъ... людьми!

Судебное дѣйствіе началось приводомъ Іисуса Христа къ первосвященнику Аннѣ. Зачѣмъ? Фактическимъ, утвержденнымъ римскою властію предсѣдателемъ Синедріона состоялъ первосвященникъ Каіафа, зять Анны. Послѣдній уже на 14-мъ году нашей эры былъ лишенъ предсѣдательства въ Синедріонѣ и носилъ званіе первосвященника номинально, такъ какъ оно монополизовано было нѣсколькими семействами саддукеевъ. По достовѣрнымъ источникамъ, Анна извѣстенъ какъ хитрый, жестокій, безнравственный старикъ, исполненный низости и злобы. Онъ былъ наибольшій виновникъ смерти Іисуса Христа. Приводомъ Его удовлетворялось только злорадство этого интригана, имѣвшаго личную ненависть къ Іисусу за вторичное очищеніе храма, считавшагося Анной съ прочими саддукеями главнымъ источникомъ ихъ доходовъ и преуспѣянія въ жизни, а также за разореніе лавокъ мѣнялъ и продавцовъ голубей. Цѣна голубей была двѣ драхмы, а доведена была до золотой монеты за пару; но какъ потребленіе ихъ для обряда очищенія достигало значительныхъ размѣровъ, то Анна получалъ мѣшки золотыхъ сиклей.

Во дворцѣ Каіафы уже собрались 23 члена уголовнаго трибунала, саддукеи; они единодушно готовы были произнести приговоръ. Явились два лжесвидѣтеля, и послѣ поразившаго судей какъ громомъ отвѣта: „*Я* (Христосъ Сынъ Божій) *и вы узрите Сына Человѣческаго сидящаго одесную силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ*", они въ одинъ голосъ признали Его *ишмавев*'омъ, достойнымъ смерти. Это была вторая часть суда, происходившая ночью. Съ этой минуты слѣпая народная толпа должна была признать его за еретика, подлежащаго побіенію каменьями. Произведены были злобныя, постыдныя истязанія. Какъ только миновали томительные часы ночи, Іисусъ Христосъ былъ отведенъ въ *мощеную* палату, куда собрался весь Синедріонъ; около 6 часовъ утра происходилъ третій допросъ и начался формальный судъ. Но и тутъ исполненные злобы саддукеи достигли возможности вынить свою жертву только въ „богохульствѣ"; но такъ какъ приговоръ къ смертной казни могъ быть исполненъ только послѣ санкціи римской власти, а „богохульство" въ глазахъ язычниковъ не составляло преступленія, то, надѣясь на свою опытность въ изворотахъ послѣ *третьяго* осужденія и *втораго* тяжкаго,

Библиотека "Руниверс"

оскорбительнаго надругательства, они отвели его къ Пилату, въ преторію близь грозной башни Антонія, у сѣверо-восточнаго угла храма. Исходъ этой попытки извѣстенъ. Безхарактерный, нерѣшительный прокураторъ не видѣлъ никакой вины въ человѣкѣ, а требовалась смертная казнь! Онъ находился, такъ-сказать, между двухъ огней. По высокомѣрнымъ насиліямъ и безпримѣрной жестокости въ обращеніи съ іудейскимъ народомъ—онъ имѣлъ основаніе опасаться за свою жизнь; опасался и Рима, въ расчетъ коего, по политическимъ соображеніямъ, не входило оставлять доходившія туда жалобы безъ послѣдствій, а такихъ уже было послано нѣсколько. Хитрая и зоркая толпа саддукеевъ поняла его колебанія и довела до вопроса Іисусу: *„И такъ ты царь?“* Послѣдовалъ желанный врагамъ отвѣтъ: *„Ты говоришь—я царь!“* Оружіе прокуратору дано было въ руки. Дальнѣйшее поясненіе Іисуса, что Онъ *„на то родился, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ“*, было язычнику туманно, онъ видѣлъ въ этихъ словахъ одинъ бредъ, но все-таки, желая избѣжать отвѣтственности, онъ, уклоняясь отъ рѣшительнаго отвѣта, направилъ Іисуса къ присутствовавшему тогда въ Іерусалимѣ тетрарху Ироду Антипѣ. Этотъ обрадованъ былъ случаемъ видѣть человѣка, о коемъ до него доносилось столько разнородныхъ, дивныхъ слуховъ, но Іисусъ Христосъ упорно молчалъ на всѣ его вопросы, и Иродъ безъ всякаго рѣшенія отослалъ Его обратно къ Пилату.

„Тогда наконецъ (Понтій Пилатъ) *предалъ Его имъ на распятіе. И взяли Іисуса и повели“* (Іоан. 19 ст. 16).

Виновенъ-ли былъ Понтій Пилатъ въ распятіи?

Мѣру его грѣха указалъ Самъ Христосъ: *„Ты не имѣлъ-бы надо Мною никакой власти, если-бы не было дано тебѣ свыше, посему болѣе грѣха на томъ, кто предалъ Меня тебѣ“.*

Вина его, слѣдовательно, признана Самимъ Судіею.

Но большая—осталась на тѣхъ, кто *Кровь Его приняли на себя и на дѣтей своихъ!*

Пророчество Іисуса скоро сбылось. Едва кануло въ вѣчность столько лѣтъ, сколько пробылъ Богочеловѣкъ среди людей, какъ наступила страшная эпопея осады и разрушенія Іерусалима Титомъ, не имѣющая ничего подобнаго во всемірной исторіи.

Съ Іерусалимомъ исчезла-ли съ лица земли и секта саддукеевъ?..

Прошли два тысячелѣтія. Во дни посвященные воспоминанію о послѣднихъ минутахъ жизни Іисусовой среди человѣчества, — милліоны людей стекаются во храмъ *вѣдомаго* теперь, исповѣдуемаго ими Бога, гдѣ благовѣствуются четыре не витіеватыя, простыя, фотографически вѣрныя, страшныя лѣтописи о событіи, увѣнчанномъ праздникомъ-праздниковъ, величайшимъ торжествомъ изъ торжествъ, явленныхъ Богомъ.

Тогда, можетъ-быть, бывалымъ на мѣстѣ легко рисуетъ воображеніе такую картину:

Ясный, почти лѣтній день. На прозрачномъ голубомъ эфирѣ небесъ—ни облачка. Близь сѣверной городской стѣны Преторія. На югѣ изъ великолѣпнаго зала прокураторіи видъ всего города, о которомъ говоритъ Талмудъ: „кто не видѣлъ Іерусалима—никогда не видалъ чуднаго города!“ Онъ весь передъ глазами, онъ по легкой покатости спускается къ долинѣ „сыновъ Гиннномовыхъ“, весь обнесенный высокими стѣнами. Кругомъ массивныя башни. Внутри — справа мраморные дворцы Кесарейонъ и Агриппейонъ въ пальмовыхъ садахъ, вездѣ роскошныя сооруженія, правѣе въ углу громада башни Гиппикусъ, дворецъ Царя Давида у пруда Вирсавіи, далѣе башня Маріамны, башня Фасаель и Давидовъ Сіонъ. Глубокій ровъ Теранейонъ (сыроваровъ) отдѣляетъ эту часть города отъ восточной,—отъ холма Моріа, на которомъ возвышается златонерхій храмъ Ирода, почти отстроенный, съ массою золотыхъ шпилей надъ мѣстомъ, гдѣ Святая Святыхъ, съ портиками Соломона и восточными, это въ три и четыре ряда мраморныя колоннады...

Преторія опустѣла; злобствующая толпа саддукеевъ, толпа праздной черни и зѣвакъ бѣгутъ по направленію къ Суднымъ воротамъ. За ними во входящемъ углу образуемомъ древнею стѣною и новою, возведенною Ездрою и Неміею,—небольшая возвышенность, голый, какъ черепъ, холмъ — Голгоѳа. Оттуда несутся неистовые клики бѣшенства и злорадства. (Разстояніе до Преторіи—полверсты, не болѣе). Въ валѣ Преторіи одинъ-одинехонекъ человѣкъ со смуглыми чертами лица, глубокою думою сморщеннымъ лбомъ, съ горячимъ отрывистымъ дыханіемъ. Онъ то ходитъ большими шагами, то лихорадочно садится, неподвижно устремивъ взоръ на мозаиковый помостъ. Онъ одинъ — онъ прислушивается къ голосу совѣсти. Онъ язычникъ—любящій только себя,—онъ правъ; но совѣсть что-то возражаетъ противъ этой правоты. Можетъ-быть и жена его, Ливія, приходила... тоже упрекала, что не внялъ его просьбѣ... Но онъ ничего не слышитъ, онъ бесѣдуетъ, споритъ съ внутреннимъ голосомъ.

Вдругъ, мгновенно все окружающее скрылось отъ взора. Мракъ; на сіявшемъ за минуту небѣ—черный, непроглядный пологъ. Загорѣлись звѣзды! Раздались страшные раскаты грома, сверкаетъ молнія, золотыя иглы на храмѣ блестятъ электрическимъ свѣтомъ. Дрожатъ стѣны, серебреные щиты на нихъ и военные доспѣхи звенятъ о мраморъ. Слышатся голоса бѣгущей мимо народной толпы. Кто-то въ ней встрѣчаетъ родныхъ, знакомыхъ, давно лежавшихъ въ могилахъ за городскими стѣнами. А онъ все сидитъ со своими думами. Ему докладываютъ о приходѣ богача изъ Аримаѳеи Іосифа. Онъ о чемъ-то проситъ... „Да!“ отвѣчаетъ Пилатъ безсознательно. Приходятъ и еще съ какими-то требованіями. Опять отвѣчаетъ онъ: „да!“ и опять молчитъ. О чемъ же онъ думаетъ? „А! Онъ что-то говорилъ мнѣ объ истинѣ?.. Да, въ самомъ дѣлѣ: *что есть истина?“*

Къ рисункамъ.

Домъ призрѣнія вдовъ и сиротъ духовнаго званія придворнаго вѣдомства. (Рис. на стр. 329).

Это новое и прекрасное зданіе, законченное въ 1890 году, находится въ СПБ., на Воскресенскомъ проспектѣ, между набережною Невы и Захарьевскою улицею, какъ разъ около того мѣста, гдѣ былъ нѣкогда (во время постройки Литейнаго моста) наведенъ Воскресенскій мостъ. Обширное благотворительное заведеніе, задуманное на самыхъ широкихъ началахъ, выстроено по чрезвычайно удобному и роскошному плану. Стиль архитектуры смѣшанный—романско-византійскій; главный фасадъ выходитъ на Воскресенскій проспектъ; онъ увѣнчанъ крестомъ надъ прекрасною церковью, занимающею самое видное мѣсто въ зданіи. Стороны зданія, обращенныя на Захарьевскую и на набережную Невы, хотя и не составляютъ фасада, однакоже строго выдержаны въ томъ-же стилѣ, который приданъ фасаду, и не лишены тѣхъ-же архитектурныхъ украшеній, какія видимъ на главномъ фасадѣ. Устройство зданія внутри не оставляетъ желать ничего лучшаго. Весь домъ—трехъэтажный, несмотря на весьма почтенные размѣры зданія; эта высота дома дала возможность устроить во всѣхъ этажахъ очень высокія и просторныя комнаты. Свѣта и воздуха вездѣ очень много. Вентиляція устроена по самой усовершенствованной системѣ. Всѣ лѣстницы расположены такъ отлично, что жильцамъ не трудно будетъ подниматься по нимъ во всѣ этажи и ходить въ свою домовую церковь. Весь домъ подраздѣленъ на отдѣльныя небольшія квартирки, весьма удобно расположенныя, и это отнимаетъ у него совершенно тотъ характеръ казенщины, которымъ отличаются многія изъ нашихъ благотворительныхъ учрежденій. Вообще этотъ новый „домъ призрѣнія“ задуманъ и выполненъ на такихъ широкихъ началахъ, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ его назначенію.

Іудино цѣлованіе. (Рис. на стр. 332).

Когда Іисусъ еще говорилъ (въ саду Геѳсиманскомъ), появился народъ, а впереди шелъ одинъ изъ двѣнадцати, называемый Іуда, и онъ подошелъ къ Іисусу, чтобы поцѣловать Его. Ибо онъ такой имъ далъ знакъ: Кого я поцѣлую—Тотъ и есть. Іисусъ же сказалъ ему: „Іуда! цѣлованіемъ-ли предаешь Сына Человѣческаго?“

Омовеніе ногъ въ Великій Четвергъ въ Исаакіевскомъ соборѣ, въ СПБ. (Рис. на стр. 333).

Въ Великій Четвергъ послѣ литургіи митрополитъ совершаетъ омовеніе ногъ двѣнадцати архимандритамъ и пресвитерамъ на возвышенномъ амвонѣ посреди собора при чтеніи Евангелія отъ Іоанна, которое громко возглашаетъ протодіаконъ, такъ что все читаемое изображается въ дѣйствіи и даже слова Господни и Петровы повторяются священнодѣйствующими. Съ возвышенными словами Евангелія: „Іисусъ, зная что Отецъ все отдалъ въ руки Его, и что Онъ отъ Бога пошелъ и къ Богу отходитъ, всталъ съ вечери, снялъ съ Себя верхнюю одежду и взявъ полотенце, препоясался“, святитель поднимается съ креселъ, на которыхъ сидѣлъ среди 12-ти учениковъ, слагаетъ съ себя облаченіе: митру и палицу, омофоръ и саккосъ; но сохраняетъ служебное вниманіе ига Христова, эпитрахиль, поверхъ подризника, и снова надѣваетъ митру, подобіе вѣнца Христова, въ знакъ того, что власть имѣющій Господь хотя и принялъ на себя видъ раба (въ древности омовеніе ногъ совершалось рабами), однако владычественно совершилъ свое служеніе. Затѣмъ опоясывается крестообразно лентіономъ для отиранія ногъ. Слѣдуя во всемъ возглашаемому Евангелію, митрополитъ „вливаетъ воды въ умывальницу, и начинаетъ умывать ноги ученикамъ и отирать полотенцемъ, которымъ препоясанъ“, преклонивъ колѣна съ подобающимъ смиреніемъ. Когда доходитъ очередь до изображающаго Петра, обыкновенно старшаго изъ архимандритовъ, послѣдній спрашиваетъ: „Господи, Тебѣ-ли умывать мои ноги?“ Митрополитъ отвѣчаетъ: „Что Я дѣлаю теперь, ты не знаешь, а уразумѣешь послѣ“, и т. д. Совершивъ омовеніе, святитель снова облачается, садится среди учениковъ и читаетъ изъ Евангелія

Библиотека "Руниверс"

изъясненіе высокой цѣли этого обряда: „Знаете-ли, что̀ Я сдѣлалъ вамъ? Вы называете Меня Учителемъ и Господомъ, и правильно говорите; ибо Я точно то. Итакъ, если Я, Господь и Учитель, умылъ ноги вамъ, то и вы должны умывать ноги другъ другу. Ибо Я далъ вамъ примѣръ, чтобъ и вы дѣлали то же, что̀ Я сдѣлалъ вамъ. Истинно, истинно говорю вамъ: рабъ не больше господина своего, и посланникъ не больше пославшаго его. Если это знаете, блаженны вы когда исполняете".

Распни Его!.. (Рис. на стр. 337).

Когда Пилатъ, въ послѣдней попыткѣ спасти Іисуса Христа отъ казни, напомнилъ собравшейся у него толпѣ іудеевъ о такъ-называемомъ пасхальномъ дарѣ, т. е. помилованіи и отпущеніи на волю одного изъ осужденныхъ, и спросилъ, кого имъ отпустить: Іисуса или разбойника Варавву,—народъ, подстрекаемый священниками, шумно требовалъ освобожденія разбойника. Намѣренно предложивъ имъ вопросъ, Пилатъ съ негодованіемъ слышалъ ихъ выборъ, и потому, давъ волю своему отвращенію и гнѣву въ презрительной насмѣшкѣ, которая однакоже безъ всякой пользы для его цѣли только еще болѣе раздражила іудеевъ, онъ насмѣшливо спросилъ ихъ: „Что̀ же хотите, чтобъ я сдѣлалъ съ Царемъ Іудейскимъ?" Тогда впервые раздался неистовый крикъ: „Распни! распни Его!"

Таково содержаніе картины Верла̀.

За расчетомъ.

(Рис. на стр. 340).

XIX передвижная выставка, размѣстившаяся въ свѣтломъ, вновь отстроенномъ, прекрасномъ помѣщеніи Общества поощренія художниковъ на Большой Морской улицѣ, въ Петербургѣ, — не богата числомъ выставленныхъ работъ, но среди нихъ много интереснаго и достойнаго вниманія, особливо между произведеніями молодыхъ и недавнихъ участниковъ этихъ выставокъ. На первый разъ „Нива" помѣщаетъ гравюру съ картины И. П. Богданова „За расчетомъ", гдѣ художникъ мастерски передалъ фигуры двухъ крестьянъ, одного — бѣднаго батрака, а другаго—разбогатѣвшаго хозяина, сводящаго разсчетъ.

Картина эта, полная жизненной правды и прекрасно написанная, пріобрѣтена г. Третьяковымъ, извѣстнымъ поощрителемъ русскихъ художниковъ.

Будущій герой. (Рис. на стр. 341).

Классный художникъ Александръ Богдановичъ Виллевальде выставилъ въ нынѣшнемъ году на Академическую выставку небольшую картину изъ славной для русскихъ эпохи 1812 года. Солдатъ сажаетъ ребенка на копя къ забавѣ окружающихъ его, изъ которыхъ одинъ мальчуганъ не безъ зависти смотритъ на будущаго героя. У насъ эта сцена воспроизведена съ рисунка перомъ, сдѣланнаго самимъ авторомъ. Какъ замѣчательно тонкій рисунокъ, такъ въ особенности сама картина, чрезвычайно милая и привлекательная по своему содержанію, свидѣтельствуютъ о талантѣ живописца.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна.

(† 31 марта 1891 г.).

Въ Бозѣ почившая Великая Княгиня, супруга Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, дочь великаго герцога Баденскаго Леопольда, Цецилія-Августа, родилась 8 (20) сентября 1839 года, въ Россію прибыла въ іюлѣ 1857 г. вмѣстѣ съ императрицей-родительницей ея Августѣйшаго жениха и 3 августа приняла православіе, причемъ была наименована Великою Княжной Ольгой Ѳеодоровной. Въ Петербургъ изъ Петергофа высоконареченная невѣста совершила путешествіе по желѣзной дорогѣ въ поѣздѣ, назначенномъ для открытія новаго пути. Поѣздъ былъ составленъ изъ роскошныхъ вагоновъ, украшенныхъ цвѣтами и гирляндами. Торжественный въѣздъ Великой Княжны въ столицу послѣдовалъ при великолѣпной погодѣ, войска стояли шпалерами по всему пути, толпы народа рвались впередъ къ каретѣ Августѣйшей невѣсты. Всѣ были въ восхищеніи и многіе вспоминали, что изъ того же Баденскаго дома происходила незабвенная супруга императора Александра I, Елизавета Алексѣевна. Бракосочетаніе совершилось 16 августа и сопровождалось пышными торжествами. Съ тѣхъ поръ вся жизнь почившей Великой Княгини была посвящена дѣламъ благотворенія. По назначеніи Великаго Князя Михаила Николаевича Намѣстникомъ Кавказа, Августѣйшая супруга его принимала самое горячее участіе въ дѣлѣ основанія благотворительныхъ и учебныхъ заведеній. Благодаря ея усиліямъ, на Кавказѣ появились для женщинъ училище, гимназіи, высшіе курсы, музыкальныя школы и проч. А затѣмъ и Петербургъ около десяти лѣтъ былъ свидѣтелемъ той благотворительности, которою отличалась Великокняжеская чета.

Въ концѣ марта текущаго года Великая Княгиня предприняла путешествіе на югъ, надѣясь найти облегченіе въ своемъ хроническомъ недугѣ. 28 марта, въ 12 час. 53 мин., прослѣдовавшій чрезъ Харьковъ на югъ экстренный поѣздъ съ Ея Императорскимъ Высочествомъ, вернулся на станцію Харьковъ въ 6 час. 55 мин. вечера, вслѣдствіе болѣзни Великой Княгини, обострившейся на станціи Алексѣевка настолько, что явилась необходимость немедленной медицинской помощи. Поѣздъ занялъ мѣсто на пути. Въ вагоны Великой Княгини были приглашены профессора Оболенскій, Груббе, Зарубинъ и доктора Франковскій и Вышинскій. Воспаленіе подреберной плевы оказалось столь острымъ, что положеніе было признано опаснымъ, и Великую Княгиню перенесли въ Царскія комнаты вокзала. 30 марта болѣзнь усложнилась. 31 марта, въ 10 часовъ ночи, былъ приглашенъ про-

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна. († 31 марта 1891). Съ фотографіи Левицкаго.

Библиотека "Руниверс"

тоіерей каѳедральнаго собора Тимоѳей Павловъ. Въ 11 часовъ 50 минутъ ночи, на 1 апрѣля, Великая Княгиня въ Бозѣ почила. При Ея Императорскомъ Высочествѣ находились безотлучно фрейлина Озерова и гофмейстеръ Мухановъ. Тѣло было перенесено съ постели на столъ средней комнаты Царскихъ покоевъ. Въ 7 час. 10 мин. утра прибылъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михаиловичъ, съ экстреннымъ поѣздомъ.

1 апрѣля, въ 8½ час. вечера, прибыли съ экстреннымъ поѣздомъ Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Михаилъ Николаевичъ и Георгій Михаиловичъ. Въ присутствіи Ихъ Высочествъ и Великаго Князя Николая Михаиловича, чиновъ свиты и прислуги, отслужена панихида у тѣла въ Бозѣ почившей Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны.

2 апрѣля тѣло Великой Княгини положено въ бѣлый глазетовый гробъ, установленный на возвышеніи, обитомъ чернымъ сукномъ и окруженномъ тропическими растеніями и массою цвѣтовъ. Тѣло было набальзамировано ночью прозекторами Поповымъ, Бѣлоусовымъ и Кондаковымъ, въ присутствіи лейбъ-медика Бертенсона.

Послѣ прощанія съ тѣломъ усопшей, въ 8 ч. 10 м. гробъ былъ вынесенъ Великими Князьями, губернаторомъ, вице-губернаторомъ, генералами и высшими гражданскими чинами и установленъ въ спеціальномъ вагонѣ. Въ 8½ час. экстренный поѣздъ, въ сопровожденіи Великихъ Князей, отошелъ въ Петербургъ подъ звуки „Коль славенъ" и при благоговѣйномъ молчаніи присутствовавшихъ.

3 апрѣля, въ 8 час. веч., экстренный траурный поѣздъ съ тѣломъ въ Бозѣ почившей Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны прибылъ въ Москву. Послѣ литіи въ Курскомъ вокзалѣ, поѣздъ прослѣдовалъ на Николаевскій вокзалъ. На дебаркадерѣ, убранномъ чернымъ сукномъ, тѣло встрѣтили, въ полномъ траурѣ, всѣ высшія лица военнаго и гражданскаго вѣдомствъ и масса народа. Почетный караулъ былъ выставленъ отъ Екатеринославскаго полка, со знаменемъ и хоромъ музыки, исполнившимъ „Молитву". Послѣ торжественной панихиды, поѣздъ отбылъ въ Петербургъ.

Въ четвергъ, 4 апрѣля, согласно Высочайше утвержденному церемоніалу, состоялось перенесеніе тѣла въ Бозѣ почившей Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны съ вокзала Николаевской желѣзной дороги въ Петропавловскій соборъ. Для встрѣчи тѣла въ Бозѣ почившей Великой Княгини, на станцію Тосно выѣзжали Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Великою Княжною Ксеніею Александровною.

Въ 2 часа пополудни пришелъ поѣздъ съ траурнымъ вагономъ. По совершеніи литіи, печальный кортежъ направился къ Петропавловскому собору, куда прибылъ въ 4 часа 20 минутъ. По прибытіи въ соборъ, была совершена первая панихида, а затѣмъ, въ 9 часовъ вечера — вторая, въ присутствіи придворныхъ дамъ и высшихъ придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ гвардіи, арміи и флота.

Послѣ панихиды соборъ былъ открытъ для молящихся и желающихъ поклониться тѣлу въ Бозѣ почившей Великой Княгини.

Въ пятницу, 5 апрѣля, происходило погребеніе тѣла въ Бозѣ почившей Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны.

М. Ѳ. Мирковичъ. (Портр. на стр. 348).

Еще однимъ доблестнымъ воиномъ стало меньше въ славной русской арміи. Въ ночь на 4 марта текущаго года, послѣ продолжительной болѣзни (водянка), скончался помощникъ начальника Главнаго Штаба, Генеральнаго Штаба, генералъ-лейтенантъ Михаилъ Ѳедоровичъ Мирковичъ, выдающійся боевой генералъ, герой Плевны, ревностный служака, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ военномъ мірѣ вообще и особенно среди офицеровъ л.-гв. Волынскаго полка, которымъ онъ командовалъ и которому доставилъ боевую славу. Сынъ генерала-отъ-инфантеріи Ѳедора Яковлевича Мирковича, также извѣстнаго своими военными подвигами, участвовавшаго въ кампаніи 1831 года, Михаилъ Ѳедоровичъ Мирковичъ родился въ 1836 году и на одиннадцатомъ году былъ отданъ въ Пажескій корпусъ, откуда, по окончаніи курса, въ 1854 году выпущенъ въ л.-гв. Конный полкъ и произведенъ въ корнеты. Это начало его служебной карьеры какъ разъ совпало съ тяжелымъ для нашего отечества временемъ Севастопольской кампаніи, и Мирковичу прямо со школьной скамьи пришлось стать въ ряды защитниковъ родины: онъ отправился въ дѣйствующую армію старшимъ адъютантомъ 2-го корпуса и пробылъ въ Крыму до окончанія войны. Вернувшись въ Петербургъ, онъ позаботился пополнить пробѣлы своего спеціальнаго образованія, для чего и поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, гдѣ окончилъ курсъ по 2-му разряду. Послѣ этого онъ былъ назначенъ штабъ-офицеромъ для особыхъ порученій при начальникѣ Главнаго Штаба бывшей первой арміи и затѣмъ принималъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа 1863—1864 года, состоя для особыхъ порученій при штабѣ расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ войскъ, а также въ должности старшаго адъютанта этого же штаба. Въ 1867 году онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 5-й пѣхотной дивизіи, а черезъ два года—командиромъ 14-го Олонецкаго полка и состоялъ въ этой должности до 1876 года, когда получилъ командованіе л.-гв. Волынскимъ полкомъ. Съ этого времени началась для него снова усиленная дѣятельность, особенно когда объявлена была Русско-турецкая война, и Мирковичу пришлось много поработать надъ сложными задачами мобилизаціи, надъ подготовкой полка къ военнымъ дѣйствіямъ, въ чемъ онъ успѣлъ вполнѣ, напрягая всѣ свои умственныя и физическія силы и примѣняя къ дѣлу свои многосторонніе знанія, боевую опытность, необычайную энергію и волю. Эти всѣ старанія его дали, какъ извѣстно, блестящіе результаты, и Мирковичъ неразрывно связалъ свое имя со славнымъ прошлымъ и настоящимъ Волынскаго полка. Въ войнѣ 1877—1878 гг. Мирковичъ показалъ личную храбрость и впервые отличился при занятіи позиціи на Волынской горѣ 12 октября 1877 г., за что и былъ награжденъ золотою саблею. Со своимъ полкомъ Мирковичъ участвовалъ и въ осадѣ Плевны. 28 ноября того же года, въ день сдачи турецкой плевненской арміи, онъ занималъ часть передовой позиціи на Плевно-Ловченскомъ шоссе. Пала Плевна, и къ 18 декабря главныя силы русскихъ войскъ сосредоточились у Чуріяка. Здѣсь Генералъ Гурко рѣшилъ зайти по Софійской долинѣ въ тылъ турецкихъ позицій у Арабъ-конака. Однако, непріятель, увидавъ, что русскіе выходятъ въ долину, быстро занялъ возвышенность у селенія Ташкиссенъ для защиты тыла своей позиціи. Когда генералъ Гурко двинулся на Ташкиссенъ, главную роль въ бою подъ нимъ пришлось играть колоннѣ генерала Курлова, въ составѣ войскъ которой находился и л.-гв. Волынскій полкъ. Непріятель отчаянно пробивался при отступленіи своемъ отъ возвышенности у Ташкиссена, и колонна должна была выдерживать сильнѣйшій натискъ турокъ, причемъ вмѣстѣ съ Прусскимъ полкомъ особенно пострадалъ полкъ Волынскій. Мирковичъ былъ двумя пулями раненъ въ затылокъ и въ правое плечо, но, не смотря на это, ни за что не хотѣлъ покинуть свой полкъ; но счастью, подоспѣлъ во время полковой адъютантъ, сдѣлалъ ему перевязку, и этимъ спасъ жизнь командиру. За занятіе высотъ подъ Ташкиссеномъ Мирковичъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени. Докончивъ съ полкомъ всю остальную кампанію, онъ былъ зачисленъ въ свиту Его Величества; затѣмъ, возвратясь въ Варшаву, съ удвоенной энергіей занялся полкомъ, въ смыслѣ административной дѣятельности, и умѣлъ придать полку какъ внѣшній блескъ, такъ и внутреннее благоустройство, оставивъ здѣсь по себѣ незабвенную память. Недолгое время послѣ этого онъ занималъ должность начальника штаба войскъ Виленскаго военнаго округа и, наконецъ, въ августѣ 1881 года, въ чинѣ генералъ-маіора, былъ назначенъ помощникомъ начальника Главнаго Штаба. Кромѣ того, онъ состоялъ членомъ Военно-Учебнаго и Мобилизаціоннаго Комитетовъ. Изъ орденовъ самый высшій онъ имѣлъ Бѣлаго Орла. Генералъ Мирковичъ участвовалъ и въ литературѣ, между прочимъ, статьею „Русская копѣйка, потраченная безвозмездно", а изъ ученыхъ трудовъ его извѣстна „Этнографическая карта славянскихъ народностей", выдержавшая два изданія. Всѣ знавшіе генерала Мирковича отзываются о немъ какъ о весьма и разносторонне образованномъ человѣкѣ, съ добрымъ и благороднымъ характеромъ, для котораго долгъ былъ прежде всего и который твердостью своихъ честныхъ убѣжденій внушалъ всѣмъ невольное уваженіе.

Пасхальныя яйца. (Рис. на стр. 348).

Многіе любятъ выскребать перочиннымъ ножемъ на крашеномъ яйцѣ надписи и рисунки. Предлагаемъ любителямъ нѣсколько узоровъ разнообразнаго стиля, которые весьма не трудно копировать, тѣмъ болѣе, что особенно строгой точности не требуется. Яркая противоположность цвѣтовъ бѣлаго и краснаго всегда сгладитъ недостатки рисунка.

Желающіе получить обратный рисунокъ, т. е. красный узоръ по бѣлому фону, могутъ начертить одни абрисы рисунка на яйцѣ, потомъ залѣпить его воскомъ, обрѣзая ножичкомъ по контурамъ, и затѣмъ погрузить въ стаканъ съ уксусомъ. Уксусъ съѣстъ краску (сандаловую) фона, а подъ воскомъ она останется неприкосновенною, и по снятіи воска, дастъ красный узоръ.

Политическое обозрѣніе.

30 марта, въ полдень, какъ сообщаютъ изъ Вѣны, состоялось въ Гофбургѣ торжественное открытіе обѣихъ палатъ рейхсрата. На церемоніи присутствовали эрцгерцоги, министры и всѣ послы. Императоръ, встрѣченный виватами, прочелъ тронную рѣчь, въ которой выразилъ надежду, что предстоящая сессія будетъ періодомъ плодотворнаго труда, экономи-

Библиотека "Руниверс"

ческихъ требованій, возможнаго соглашенія соціальныхъ распрей и поощренія сельскаго хозяйства. Тронная рѣчь указываетъ на необходимость подъема мелкихъ ремеслъ, регулированія рѣкъ, обязательнаго страхованія отъ огня, мѣръ противодѣйствія фальсификаціи жизненныхъ продуктовъ и пьянству, а также выставляетъ на видъ возстановленіе равновѣсія въ бюджетѣ и заботливость о средствахъ сообщенія, наконецъ переходъ въ казну желѣзныхъ дорогъ и регулированіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ. По вопросу о торгово-политическихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ государствамъ тронная рѣчь заявляетъ, что желательно рѣшеніе этого вопроса по возможности своевременно и на продолжительный срокъ. Объ иностранной политикѣ говорится: „Желаніемъ и потребностью въ производительномъ трудѣ исполнены не только мы одни, но и всѣ европейскія государства. Отъ всѣхъ правительствъ мы получаемъ увѣренія, указывающія, что главною задачею своихъ усилій они считаютъ сохраненіе мира. Обстоятельство это, равно какъ дружественныя отношенія наши ко всѣмъ державамъ, даютъ мнѣ право выразить надежду, что рядъ мирныхъ годовъ, которыми пользовалась до сихъ поръ монархія, будетъ продолжаться".

Въ тотъ же день въ Бѣлградѣ бывшій король Миланъ вручилъ регентамъ актъ, которымъ заявляетъ, что, въ интересахъ спокойствія государства, онъ оставляетъ страну и не возвратится до совершеннолѣтія короля. Скупщина, которой представленъ актъ, принявъ настоящее торжественное заявленіе, уполномочила правительство содѣйствовать, чтобы подобный же шагъ, въ тѣхъ же интересахъ, былъ сдѣланъ и королевою-матерью. По словамъ *Новаго Времени*, постановленіе это принято въ слѣдующемъ видѣ: „Скупщина, исполненная чувствъ вѣрности и преданности къ его величеству королю Александру и рѣшимости обезпечить Сербскому государству правильное развитіе, принимаетъ къ свѣдѣнію заявленіе короля Милана, что онъ не предполагаетъ возвращаться въ Сербію вплоть до совершеннолѣтія короля Александра,—съ чувствомъ благодарности, какъ вполнѣ согласующееся съ желаніемъ населенія, которое готово принять всѣ надлежащія мѣры къ упроченію престола и новой конституціи, а также положенія созданнаго отреченіемъ короля Милана отъ престола. Въ виду этого скупщина, въ дополненіе къ ея постановленію 30 ноября прошлаго года, вмѣняетъ правительству въ обязанность и уполномочиваетъ его побудить и ея величество королеву Наталію до совершеннолѣтія короля Александра также проживать внѣ границъ Сербіи и такимъ образомъ содѣйствовать устраненію всего того, что можетъ причинить ущербъ интересамъ страны и престола. Въ случаѣ, однако, серьезной болѣзни короля Александра, Августѣйшіе родители могутъ, по приглашенію королевскаго регентства и правительства, пріѣхать въ Сербію и проживать въ странѣ до выздоровленія ихъ державнаго сына". По поводу этихъ событій населеніе выражаетъ въ адресахъ радость, что страна перестаетъ быть театромъ династическихъ распрей и что водворяется миръ, необходимый для укрѣпленія престола и блага государства.

Въ *Правительственный Вѣстникъ* пишутъ изъ Буэносъ-Айреса: „Надъ столицей Аргентинской республики снова пронесся призракъ революціи, поставившій на ноги войска и встревожившій населеніе. Слухи о готовящейся революціи начали распространяться въ началѣ февраля. Президентъ получилъ анонимныя письма о томъ, что подготовляется движеніе и что существуютъ заговоры на жизнь его и генераловъ Рокка и Лсвалье. Немедленно были приняты мѣры предосторожности: по войскамъ отдано приказаніе быть готовыми выступить по первой тревогѣ, установлены усиленные ночные патрули, а 80 ненадежныхъ офицеровъ, принимавшихъ участіе въ іюльской революціи, назначены въ разные отдаленные пункты по границѣ, куда имъ приказано отправиться безъ замедленія. Получивъ это приказаніе, 40 изъ нихъ дезертировали въ Уругвай. Генералъ Камносъ, предводительствовавшій революціонными войсками въ іюлѣ, недовольный такою мѣрою правительства, какъ противорѣчащей закону объ амнистіи, нашелъ нужнымъ подать въ отставку. Возбужденіе умовъ растетъ съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе ухудшающагося экономическаго положенія, увеличивающейся дороговизны и отсутствія работы. Изъ Лондона получено извѣстіе, что возникли новыя затрудненія къ заключенію займа, по коему, согласно извѣщенію доктора Класа, уже состоялось было соглашеніе. Въ виду подобныхъ затрудненій со стороны банкировъ, правительство заявило, что если заемъ не будетъ заключенъ, на условленныхъ уже основаніяхъ, то оно прекратитъ платежи по внѣшнимъ обязательствамъ. На-дняхъ было сдѣлано покушеніе на жизнь генерала Рокка; въ то время, когда онъ ѣхалъ въ коляскѣ, въ него выстрѣлилъ изъ револьвера бѣжавшій сзади 14-лѣтній мальчишка; пуля пробила кожаный верхъ коляски и причинила генералу лишь незначительную контузію. Изъ допроса пока выяснилось, что заговоръ былъ составленъ шайкою изъ 30-ти мальчишекъ, во главѣ которой стоялъ десятилѣтній братъ стрѣлявшаго. Послѣдній купилъ револьверъ на деньги, которыя воровалъ понемногу у хозяина лавки, гдѣ онъ находился въ услуженіи".

Библіографія.

Вѣстникъ садоводства, плодоводства и огородничества. Органъ **Императорскаго** Россійскаго Общества Садоводства. 1891. Годъ XXXII. Книжки за январь, февраль, мартъ, апрѣль.

Императорское Россійское Общество Садоводства соединяетъ въ своей средѣ представителей какъ науки, такъ и практики садоводства и огородничества. Естественно, что органъ этого общества, *Вѣстникъ садоводства, плодоводства и огородничества*, въ теченіе всѣхъ трехъ десятилѣтій своего существованія, могъ стоять на высотѣ своихъ задачъ. Задачи эти, на первый взглядъ довольно скромныя, въ дѣйствительности имѣютъ существенное значеніе для экономической жизни нашего отечества. Прогрессъ въ дѣлѣ раціональнаго садоводства, въ послѣднія десятилѣтія приходившаго скорѣе въ упадокъ, чѣмъ наоборотъ, принадлежитъ въ настоящее время къ наиболѣе желательнымъ явленіямъ у насъ, и *Вѣстникъ* можетъ быть серьезнымъ руководителемъ садовода и огородника въ его дѣлѣ. Журналъ, какъ это и понятно, не ограничиваетъ своихъ стремленій чисто утилитарными цѣлями, посвящая эстетической сторонѣ садоводства много интересныхъ статей по цвѣтоводству. Книжки вообще издаются роскошно, съ хромолитографическими изображеніями цвѣтовъ, плодовъ и т. п., дающими совершенно точное представленіе объ изображаемомъ, живущими передъ вами. Текстъ, къ которому относятся эти превосходные рисунки, всегда обнаруживаетъ въ авторѣ истиннаго знатока дѣла. Въ первыхъ четырехъ книжкахъ *Вѣстника* за текущій 1891 годъ читатель находитъ въ высокой степени интересныя статьи: Э. Л. Регеля—о рѣдкомъ японскомъ рододендронѣ и о весенней коллинзіи; А. С. Гребницкаго—объ алой хорошавкѣ, прелестномъ сортѣ яблокъ, о грушѣ „Императорскій дюшессъ", о сортахъ яблокъ „Свартская монашенка" и „Свартское Борсдорфское", и о „бергамотѣ Донауэра",—грушѣ, выставленной подъ этимъ именемъ на Всероссійской выставкѣ плодоводства; В. Н. Кутузова—о новостяхъ послѣднихъ лѣтъ въ сферѣ цвѣтовъ и овощей; Э. Л. Регеля — „Ботаническія бесѣды" и проч., и проч. Всякій, желающій развитія садоводнаго дѣла въ Россіи, пожелаетъ и *Вѣстнику* широкаго распространенія въ русской публикѣ.

Смѣсь.

Добыча драгоцѣнныхъ камней въ Сіамѣ. Въ послѣднемъ отчетѣ, представленномъ британскимъ генеральнымъ консуломъ въ Банкокѣ, находимъ нѣкоторыя небезынтересныя свѣдѣнія относительно добыванія драгоцѣнныхъ камней въ Сіамѣ, а именно — рубиновъ и сапфировъ. Мѣстность, въ которой находятъ эти драгоцѣнные камни за послѣднія 10 лѣтъ, лежитъ на западномъ берегу Камбодійскаго полуострова и занимаетъ приблизительно пространство въ 100 квадр. миль (англ.). Въ центрѣ этой мѣстности лежитъ городъ Кантабунъ, морской портъ съ прекрасной гаванью, сообщающійся съ Банкокомъ посредствомъ трехъ небольшихъ регулярно совершающихъ свои рейсы пароходовъ. Въ трехчасовомъ разстояніи отъ Кантабуна, къ сѣверо-западу, лежитъ городъ Банъ-Каха, въ районѣ котораго мѣстные жители, сіамцы и китайцы, занимаются исканіемъ рубиновъ самаго низшаго сорта. Въ этомъ городѣ вы не найдете ни тонгсуанцевъ, или уроженцевъ Пегу, ни бирманцевъ, которые бы занимались тою же работою — добываніемъ рубиновъ. Въ разстояніи 12 часовъ отъ Кантабуна къ сѣверо-востоку тянутся, по западному склону небольшой горной цѣпи, копи Муонгъ-Крунгъ. Работающее здѣсь горное населеніе, въ числѣ всего 100 человѣкъ, состоитъ изъ сіамцевъ, китайцевъ, но главнымъ образомъ изъ тонгсуанцевъ. Въ направленіи къ югу, въ разстояніи двухъ дней отъ Кантабуна, лежитъ округъ Кратъ, изъ копей котораго извлекаются больше всего рубины, сапфировъ же мало. Число работающихъ здѣсь тонгсуанцевъ простирается до 3000. По восточному склону этой горной груды, на срединѣ между Кантабуномъ и Боттабугомъ, тянутся обширнѣйшія копи Фэлайнъ съ довольно многочисленнымъ рабочимъ населеніемъ, числомъ отъ 4000 до 5000 искателей рубиновъ и сапфировъ. Особенно изобилуютъ эти копи сапфирами. Сіамцы обыкновенно не заявляютъ никакихъ претензій въ родѣ, напр., того, чтобы имъ предоставлено было право предпочтительной покупки всѣхъ находимыхъ въ ихъ странѣ драгоцѣнныхъ камней или— напр., право пріобрѣтенія по рыночной цѣнѣ всѣхъ камней выше опредѣленнаго вѣса, какъ то бывало иногда въ Бирмѣ. Тонгсуанецъ - искатель камней прежде всего старается докопаться до слоя нѣжнаго, мягкаго, желтоватаго песку, въ которомъ обыкновенно находятся рубины и сапфиры. Слой этотъ лежитъ на различной глубинѣ, отъ нѣсколькихъ дюймовъ до 20 футовъ. Ниже этого слоя обыкновенно не находятъ уже никакихъ драгоцѣнныхъ камней. Добравшись до содержащаго рубины и сапфиры слоя, тонгсуанецъ выкапываетъ яму, и вырытый песокъ бросаетъ въ обыкновенныя ручныя рѣшета, гдѣ онъ и промывается водою. Тонгсуанцы для эксплуатаціи копей не соединяются въ организованныя компаніи въ родѣ напр. обществъ взаимопомощи или акціонерныхъ съ дѣленіемъ дивиденда. Они обыкновенно работаютъ по 2 или по 3 человѣка, и когда находятъ очень цѣнный камень, то или сами отправляются въ Рангунъ или Калькутту для продажи его по хорошей цѣнѣ, или поручаютъ это дѣло какому-нибудь другому лицу,

Библиотека "Руниверс"

или агенту, а сами продолжаютъ заниматься работою въ копяхъ. Самые дорогіе сапфиры, найденные въ Сіамѣ до сихъ поръ, оцѣнивались не болѣе чѣмъ въ 280 фунтовъ стерлингъ, а самые дорогіе рубины—не болѣе 960 фунтовъ. Тонгсуанцы, лишь только узнаютъ, что въ какомъ-нибудь округѣ появилось особенно изобилующее драгоцѣнными камнями мѣсторожденіе, немедленно отправляются туда. Такія переселенія имѣютъ у нихъ мѣсто очень часто. Вступая въ какой-нибудь округъ для исканія камней, каждый тонгсуанецъ платитъ завѣдывающему копями, бирманцу — англійскому подданному, 5 шиллинговъ и 6 пенсовъ. Особыхъ механическихъ приспособленій для промывки песку тонгсуанцы не имѣютъ. Цвѣтъ сіамскаго рубина обыкновенно ярко-красный съ свѣтлымъ оттѣнкомъ. Рубинъ цвѣта крови голубя (pigeon blood) встрѣчается здѣсь рѣдко. Сіамскій сапфиръ—темнаго цвѣта съ голубымъ оттѣнкомъ и безъ всякаго шелковистаго блеска, чѣмъ онъ отличается отъ сапфира бирманскаго или цейлонскаго.

Искусственные острова. Въ 30—40 верстахъ отъ Карса, Ардагана и Ахалкалаки, на высотѣ 6,522 фут. надъ уровнемъ моря, лежитъ, окруженное со всѣхъ сторонъ горами, достигающими 9,000 фут. высоты, озеро Чалдыръ, поверхность котораго содержитъ 75 квадрат. верстъ. На немъ и на сосѣднемъ съ нимъ озерѣ докторъ Пантюковъ сдѣлалъ интересное открытіе. Въ сѣверо-западномъ уголкѣ озера, въ разстояніи отъ 400 до 500 фут. отъ берега, онъ нашелъ искусственный островъ овальной формы, не болѣе 200 фут. въ окружности, сложенный изъ большихъ обломковъ различныхъ горныхъ породъ. Въ этомъ мѣстѣ озеро не очень глубоко, всего 15—20 фут. Островъ очевидно только и могъ быть сложенъ руками человѣка и безъ сомнѣнія служилъ жилищемъ или мѣстомъ убѣжища для людей. Окрестность безлѣсна и потому человѣкъ не могъ здѣсь добыть свай на постройки, какъ въ другихъ мѣстахъ Европы, и построилъ искусственный островъ. Названный островъ прежде былъ значительно больше и выше поднимался надъ водою озера. Брошенный людьми и предоставленный разрушительному вліянію стихій, онъ мало-по-малу распадался. Теперь на этомъ островѣ живутъ птицы, и весь онъ покрытъ гуано. Въ 10 верстахъ отъ озера Чалдыра находится большое Хозапинское озеро, поверхность котораго равна 25 квадратн. верстамъ. Послѣднее только на востокѣ примыкаетъ къ горной цѣпи. Въ немъ не водится ни одного живаго существа, и рыба, сажаемая въ него, быстро умираетъ. И въ этомъ озерѣ, въ сѣверной, болѣе глубокой части его находится до 10 овальныхъ островковъ, покрытыхъ зеленью и чуть выступающихъ изъ воды. Этотъ архипелагъ, безъ сомнѣнія, когда-то служилъ жилищемъ людей. Нынѣ его оживляютъ только различныя породы утокъ, яйца которыхъ живущіе въ окрестностяхъ армяне собираютъ тысячами, тогда какъ турки пренебрегаютъ ими. (к.)

Генералъ-лейтенантъ Михаилъ Ѳедоровичъ Мирковичъ († 4 марта 1891 года). Съ фотогр. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

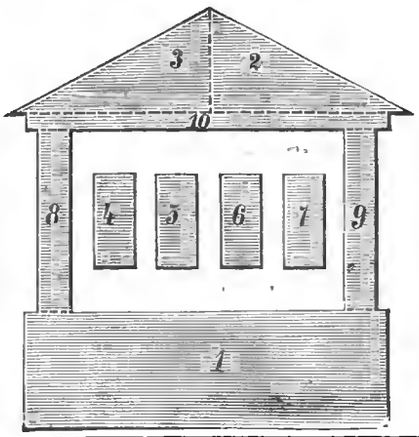
Вѣрность до конца. Одинъ изъ жителей швейцарскаго кантона Цугъ послалъ въ подарокъ другу въ Брюссель свою сенбернардскую собаку. Спустя нѣсколько дней по прибытіи въ Брюссель собака исчезла отъ новаго владѣльца и черезъ двѣ недѣли, едва держась на ногахъ отъ усталости и голода, съ визгомъ скреблась уже въ двери своего стараго хозяина въ Цугѣ. Вѣрное животное однако не вынесло испытанныхъ на пути лишеній и чрезъ нѣсколько дней издохло отъ изнуренія. Чему болѣе удивляться въ данномъ случаѣ: вѣрности-ли собаки или ея удивительному дару оріентироваться и настойчивому терпѣнію. (к.)

Въ Санъ-Франциско образовалось общество съ капиталомъ въ милліонъ долларовъ для колонизаціи русскихъ евреевъ. Общество намѣрено закупить землю, орудія производства и скотъ для распредѣленія между переселенцами. Имъ будутъ даваемы въ ссуду деньги, до того времени, когда земля станетъ приносить доходъ. (к.).

Въ сербскихъ придворныхъ кругахъ распространился слухъ, что король Александръ намѣренъ предпринять въ ближайшемъ году поѣздку въ Петербургъ, Берлинъ и Вѣну, въ сопровожденіи одного изъ регентовъ. (к.)

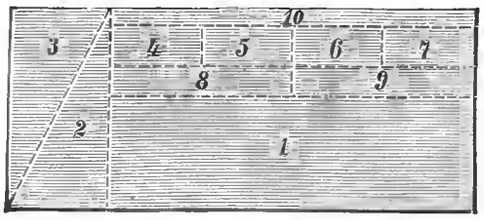
Образцы рисунковъ на пасхальныхъ яйцахъ. Рис. А. Земцова.

Библиотека "Руниверс"



Рѣшеніе геометрической задачи № 15 (помѣщенн. въ № 7).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: **СПБ.** — В. Фендрикова, В. Смерчинскаго, Н. А. Москова; **Москва**—Ф. А. Куликова; Б. Коровино—В. К. Терскаго; **Илія**—М. Н. Нейманъ; **Калуга** — С. Н. Соколова; **Лида**—К. Н. Жуевскаго; **Лебедянь** — В. Н. Чуриина; **Н. Новгородъ** — А. Халютина; **Орелъ**—А. Ставцева, Г. Гибшманъ; **Ошмяны**—Гейманъ; **Рига** — Фрейманъ; **Ракке** — Б. Кнорринъ; **Токсово** — Д. Д. Ланина; **Ярославль**—А. Штетка, К. Собаневича.



СОДЕРЖАНІЕ: Магнитная цѣпь. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ князя М. Н. Волконскаго. Ч. III. (Продолженіе). — „Дядя-домой". Разсказъ изъ старины Н. А. Бороздина. - О судѣ Іудеевъ надъ Мессіею. Стараго Паломника. — Къ рисункамъ: Домъ призрѣнія вдовъ и сиротъ духовнаго званія придворнаго вѣдомства (съ рис.). — Іудино цѣлованіе (съ рис.). — Омовеніе ногъ въ Великій Четвергъ въ Исаакіевскомъ соборѣ, въ СПБ. (съ рис.). — Распни Его! (съ рис.). — За расчетомъ (съ рис.). — Будущій герой (съ рис.). — Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна (съ портр.). — М. Ѳ. Мирковичъ (съ портр.). — Пасхальныя яйца (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Библіографія. — Смѣсь. — Рѣшеніе задачи. Объявленія

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ПОДАРКИ НА ПАСХУ.

Изданія А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА,
съ портретомъ автора, гравированн. на стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскошн. каленкор. перепл. съ золот. тисненіемъ — 8 р., съ перес. 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы"—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 руб. съ пересылкою 8 руб.

Большое роскошно иллюстрированное изданіе
ГЁТЕ
„ФАУСТЪ"
обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ
ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,
исполненными знаменитыми гравюрами: **Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигль** и др.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., пересылка за 35 фунт. по разстоянію.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ
Архитектура. Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружія, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.
съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней,
въ популярномъ изложеніи
П. П. ГНѢДИЧА.

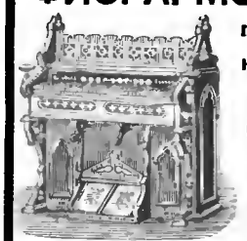
Большой томъ, in quarto, въ 2 столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „Нивы" 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к., въ перепл. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива", Невскій просп., № 6, въ СПБ.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (1)
для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.

ФИСГАРМОНІИ

первосходнаго тона, солидной конструкціи, прекрасной отдѣлки.
АМЕРИКАНСКІЯ въ 100, 140, 160, 200, 250, 300, 400, 500, 600, 800 и 1200 р.
ФРАНЦУЗСКІЯ въ 100, 130, 160, 190, 275 и 450 руб. и складныя въ 125 и 200 руб.
Фисгармоніи фабрики ШИДМАЙЕРЪ въ 140, 180, 225, 300, 350, 450 и дор.
Школа для фисгармоніи 2 руб.
Играть на фисгармоніи можно легко выучиться.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ нотамъ для фисгармоніи — безплатно.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо № 5144
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнец. мостъ, д. Залирьмка.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.
Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева.
СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ФОТОГРАФ. ЗАНЯТІЯ ДЛЯ ХУДОЖНИКОВЪ, 5—2
чтенія, комн. предметы. Катал. 25 к. E. F. A. Schöffel, Амстердамъ (Голландія) Box 509. Корреспонд. на нѣм. и франц. яз.

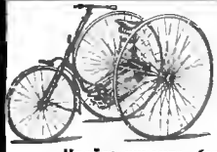
Остерегаться поддѣлокъ. 5—4
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
провизора Г. Ф. Юргенсъ,
противъ излишней потливости. Продается во всѣхъ лучш. аптек. и арт. маг. Главн. складъ для всей Россіи № 5030
К. И. ФЕРРЕЙНЪ. Москва.
Цѣна 1/1 кус. 50 к., 1/2 кус. 30 коп.

НОВОСТИ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО:
Шишавъ. Былое времячко. Вальсъ. Ц. 75 к.
" Маршъ и Вальсъ изъ оп. „Жажда сильныхъ ощущеній".
Пейфъ. Маленьк. Листъ. Дѣтск. Сборн. 1.50.
" Кавалерійскій маршъ. Ц. 40 к.
" Кошечка. Польза со словами. Ц. 50 к.
Фельдманъ. Сладкій сонъ. Вальсъ. Ц. 75 к.
Ружицкій. Внемли, другъ, моленьямъ души. № 4860 Романсъ. Ц. 40 коп. 10—10
" Возьми меня, я вся твоя. Ц. 40 к.
Брамса Венгерск. танцы № 5.6.7. д. скр. съ фортепіано по 40 к.
у КУЛИКОВА, Москва, Маросѣйка.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка. въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**
Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.


УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ двухъ- и трехъ-колесные
ВЕЛОСИПЕДЫ!
Прейсъ-курантъ безплатно.
ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,
Садовая ул., 22, С.-Петербургъ.

ЛЕНИНГЪ и ГЮЗИНГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

ЮГЪ КРЫМА.
Продается дача близь Ялты, въ Алупкѣ, съ прекраснымъ видомъ моря, купаньемъ, тѣнистымъ садомъ, фонтаномъ. При дачахъ пролегаетъ знаменитый паркъ съ дворцомъ, бывшій графа Воронцова. Дилижансовое сообщеніе. № 5139 2—1
Адресоваться въ Ялту, магазинъ Росе, Александру Петровичу Начьнѣ.

ФАБРИКА ШТЕМПЕЛЕЙ и ПЕЧАТЕЙ
Г. М. ЛЕВИНСОНА въ МОСКВѢ.
Тверская, д. Саввинскаго Подъ. № 26.
ПРЕЙСЪ-КУРЕВЫСЫЛАЮТСЯ. АГЕНТЫ ПРИГЛАШАЮТСЯ.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА".
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5136 (1)

БЕЗЪ ВРЕДА ВСЯКІЙ МОЖЕТЪ ТЕПЕРЬ!
самъ себя брить новоизобрѣтенною
БЕЗОПАСНОЮ БРИТВОЮ
„СТАРЪ"
употребленіе коей особенно облегчаетъ бритье, а съ гигіенической точки зрѣнія составляетъ дѣйствительно важное изобрѣтеніе, ибо каждый можетъ ею бриться. Бритва „Старъ" выдѣлана изъ самой чистой шлифованной и магнетизированной новымъ, патентованнымъ способомъ, бѣлой стали.
Магнетизмъ, присутствіе котораго легко замѣчается, приближаясь стальное перо, удаляетъ всякое раздраженіе кожи и нарывовъ лица и улучшаетъ бритье ножа частымъ его употребленіемъ, въ противоположность обыкновеннымъ бритвамъ, которыя должны быть оттачиваемы опытными точильщиками. Съ каждымъ новымъ употребленіемъ бритвы „Старъ" бритье становится острѣе, а кожа дѣлается мягче.
При каждой бритвѣ приложено объясненіе способа употребленія.
Только что получена изъ Америки.
Константинъ Мальмъ.
Складъ резиновыхъ издѣлій и новостей,
3—3 Большая Морская, 34. № 5077
Цѣна съ пересылкою 5 руб.

1891. PRAG.
ALLGEMEINE LANDES-AUSSTELLUNG
zur Jubiläumsfeier der ersten Gewerbeausstellung in Prag 1791
unter dem Protektorate S-r K. u. K. Majestaet des Kaisers Franz Joseph I
von 15 Mai bis 15 Oktober 1891.
J. № 5133 5—1
Kunst, Wissenschaft, Industrie, Bodenkultur, Feierlichkeiten, temporäre Ausstellungen, Fontaine lumineuse, Kongresse, Lotterie etc. etc.

Библиотека "Руниверс"

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28—16

ЕДИНСТВЕННЫЕ ВПОЛНѢ непромокаемые КАУЧУКОВЫЕ БРЕЗЕНТЫ

плащи для возчиковъ, сторожей и пр.

НАДХОМУТНИКИ

№ 5091 для лошадей. 12—4

Ф. РЕДДАВЕЙ и К°.

Москва, Рыбный пер., Старо-Гостинный дворъ, № 38.

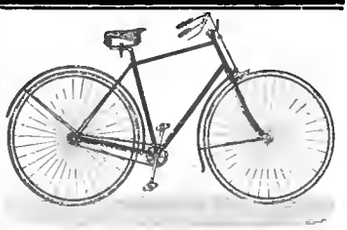
Поступило въ продажу новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ИСТОРІЯ НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(1848—1890 г.). Mt. № 5141

А. М. СКАБИЧЕВСКАГО.

523 страницы большаго формата, съ алфавитнымъ указателемъ. Цѣна 2 руб.



Извѣстные велосипеды въ свѣтѣ англійскаго завода

ГУМБЕРЪ и К°,

Представители

Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.

Москва, Неглинный проѣздъ, домъ Ечкиной, магазинъ № 14.

Прейсъ-курранты высылаются безплатно.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики

съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Б. № 5138 6—1

ПАВЕЛЪ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества.

С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23.

Москва, во Б. Лубянкѣ, противъ Кузнецкаго моста.

Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

Подписная годовая цѣна съ перес. 1 руб.

„ДРУГЪ ЖИВОТНЫХЪ“

Журналъ сельскаго хозяйства и разведенія животныхъ

выходитъ ежемѣсячно. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала въ Ренелѣ и во всѣхъ книжн. магаз. въ Россіи. Образцовый нумеръ по требованію высылается безплатно. Подписная годовая цѣна съ перес. 1 руб. Mt. № 5142 5—1

НОВОСТЬ

МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!

ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

Изящно! Практично! Безопасно! Дешево! Служитъ карманной спичечницей, давая ярко свѣтъ по цѣлымъ часамъ.

Сдѣлано изящно изъ никкеля. Только 1½ дюйма вышины — удобно носить въ карманѣ.

Огниво съ 500 зарядами 2 руб. Пер. 1 ф.

Запасъ въ 1000 зарядовъ 50 коп.

СБЕРЕГАТЕЛЬ САПОГЪ.

Сохраняетъ подошвы и каблуки отъ изнашиванія и искраленія. Легко придѣлать. Сберегаетъ въ 20 разъ болѣе стоимости.

1 колл. 30 к.; 4 колл. 1 р. 20 к.; дюж. колл. 3 р.

Иногор. менѣе 4 колл. не высылается.

СѢМЕНА

Вновь введенный красиво цвѣтущій газонъ ныя, цвѣточныя и др. — по прейсъ-курранту. (лугъ), составленный изъ 100 сортовъ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ, чвстію душистыхъ и разнообразныхъ укрепительныхъ букетныхъ и пилифоровыхъ травъ, не превышающихъ 10 вершковъ вышины, для посѣвъ на полянахъ, лужайкахъ, клумбахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ, по достиженіи полнаго роста и зацвѣтанія, представляетъ очень эффектный видъ. Сѣять можно раннею весною, по оттаяніи земли, прямо въ грунтъ. Фунта смѣси достаточно на 6—8 квадр. саженъ. Цѣны безъ пересылки 1 ф. 1 р., ½ 55 к., ¼ 30 к. Прочія сѣмена огородныя, цвѣточныя и др. — по прейсъ-курранту. Подробный прейсъ-курантъ съ 240 рисунк. разныхъ овощей и цвѣтовъ высылается за 21 к. (3 почтовыхъ 7 коп. марки).

СѢМЕНОТОРГОВЛЯ РИТТЕРЪ и СЕРЕДИНЪ

Москва, Петровка.

ЭЛЕОПАТЪ пров. **КИНУНЕНЪ**

для волосъ. Прод. во всѣхъ больш. Аптек. и Косметмагазинахъ. Цѣна флакону 1 р. 50 к., но безъ перес. № 5134 (1) Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, пров. Кинуненъ.

Главный складъ: С.-Петербургъ. Демидовъ пер., д. № 1.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°.

строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Спеціальность: плуги и молотилки.

Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣноносилокъ, жнеенъ „Дези“ и снопосвязалокъ Ман' Кормина въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рэндвиг и конныя грабли Тигръ завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 4484 26—23

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеновъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ВЫШЛИ НОВЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ. КАТАЛОГИ — ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блонъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

НА ПАСХУ

предлагаю

БРЕЛОКИ въ видѣ **ЯИЧКА:**

Серебр. 84 проб. съ бѣлой эмалью съ живописью (послѣдняя новость) 3 руб.

Золотые отъ 1 руб. до 10 руб.

Каменные изъ: Агатъ, Тигровый глазъ, Топазъ, Аавантуринъ и пр. 1 р. 25 к., 1 р. 50 к., 2 р.

Фарфоровые: съ живописью . . . . 1 р. 50 к.

„ съ искусств. камнями. 1 р 50 к.

КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ:

Сухая 8 разныхъ цвѣтовъ, каждая . . 5 к.

Жидкая 10 „ „ „ . . 10 к.

Лакъ 8 „ „ „ 10 и 15 к.

Золотая и серебряная „ 10 к.

Мозаичный блескъ: новость! флаконъ. 20 к.

Мраморная бумага 1 сортъ конв. . . . 5 к.

Коллекція изъ вышеупомянутыхъ красокъ имѣется въ 2 р., 3 р., 5 р., № 5128

Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

ЯИЦЪ ИЗЪ МЫЛА

Коробка въ 12 яицъ изъ мыла различныхъ цвѣтовъ по 60 коп. и 1 рублю.

Большой выборъ фарфоровыхъ яицъ съ духами и разныхъ новостей.

А. СІУ и К°.

Спеціальность парфюмеріи высшаго качества.

16, Невскій просп., 16. Pt. № 5132

„НОВОСТЬ“. Получена партія новыхъ велосипедовъ извѣстнаго завода „Зингеръ“, съ дутыми резиновыми, уменьшающими трясение, происходящее отъ ѣзды по неровнымъ и плохимъ дорогамъ. Только въ спеціальномъ велосипедномъ магазинѣ у Генриха Жемлички въ Москвѣ, уголъ Тверской и Ствраго Газетнаго пер., домъ Фальцъ-Фейнъ. Требуйте немедленно новый прейсъ-курантъ на 1891 годъ. № 5111 4—2

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ ВѢНѢ

ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 16—10

Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс.

Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

К. БАУХЪ

Б. МОРСКАЯ, № 17, въ бель-этажѣ, СПБ.

Леченіе зубныхъ болѣй, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, аставленіе новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умѣренныя.

С. № 5070 3—3

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ В. № 5098 20—3

10, 15, 25 р. и дороже. Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-курантъ 50 к. Б. Н. ФРЕЛАНДТЪ. Москва. Мясницкая, уголъ Кривоколѣннаго пер., д. Соколова.

С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30—16.

МУЗЫКАЛЬНО-ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

соч. **Ла-Мара.**

Переводъ съ нѣмецкаго

А. Желябужской.

Томы I и II цѣна по 1 р. 50 к.

Складъ изданія

у П. ЮРГЕНСОНА.

Москва, Неглинный проѣздъ № 10.

Г. ДАВИДЪ. Владимірскій пр., д. №13. нв. 5, покупаетъ по высокой цѣнѣ: роскошные и рѣдкіе предметы XVI, XVII и XVIII столѣтій, какъ-то: бронзу, фарфоръ, гобелены, мебель, табакерки, серебряныя издѣлія, миніатюры, эмали, картины и проч. № 5060 4—3

Имѣю честь увѣдомить С.-Петербургскую публику, что во всѣ магазины ЧЕРЕНЕННИКОВА получены къ Пасхѣ

ТАМБОВСКІЕ ОКОРОКА

приготовленіи Василія Степановича Мокроусова въ Тамбовѣ № 507 2—2

Д-ръ Волицкій, возвратившись изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, кожныя и грудныя болѣзни. Невскій 109. Отъ 1—3 и 6—7½ ч. в.

С. № 5064 1—1

Библиотека "Руниверс"

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

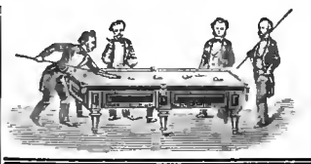
du catalogue général illustré renfermant toutes les modes nouvelles pour la **SAISON D'ETÉ**, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie PARIS.

sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien préciser les genres et prix.

Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue

Mt. № 5080 4—3



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египетскаго моста, домъ № 7—2. № 4961 26—7

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

СТРАХОВАНІЕ

ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ

ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.

Примѣръ: лицо 47 лѣтъ заключаетъ страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти во время **путешествій, поѣздокъ, прогулокъ, на охотѣ, на водѣ, на льду, при пожарахъ и т. п.**—вообще вездѣ, **дома и внѣ дома**, уплачивая единичный страховой взносъ въ 37 руб. 50 коп.

За такой взносъ Страховое Общество „Россія“ гарантируетъ при несчастномъ происшествіи:

1. **Въ случаѣ смерти**—семьѣ умершаго или другому ранѣе указанному лицу **капиталъ въ 6,000 руб.**

2. **Въ случаѣ увѣчья** или вообще лишенія способности къ труду на всю жизнь, — самому пострадавшему **пожизненную пенсію до 800 руб.**

3. **Въ случаѣ временной неспособности къ труду** — ему же **суточное вознагражденіе до 6 руб.**

Страхованія могутъ быть заключаемы **съ условіемъ возврата всѣхъ уплаченныхъ взносовъ** при достиженіи страхователемъ 65-ти-лѣтняго возраста или въ случаѣ его преждевременной смерти.

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи **въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и въ Агентствахъ Общества **во всѣхъ городахъ Имперіи.**

№ 5017 4 4

ВНИМАНІЮ

ПУБЛИКУЮЩИХЪ.

Согласно договору заключенному съ Главнымъ Обществомъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и разрѣшенію Правленія Московско-Брестской дороги, **во всѣхъ вагонахъ I и II классовъ СПБурго-Варшавской, Николаевской** а также **Московско-Брестской** желѣзныхъ дорогъ будутъ помѣщены **безплатные Путеводители** на русскомъ и французскомъ языкахъ по Россіи и заграницѣ. Путеводители эти, находясь въ спеціальныхъ открытыхъ металлическихъ портфеляхъ (сумкахъ) прибитыхъ на видномъ мѣстѣ въ вагонахъ, будутъ доступны пассажирамъ. № 5113

Объявленія торгово-промышленныхъ фирмъ, помѣщенныя въ этомъ путеводителѣ, **могутъ разсчитывать на самое широкое распространеніе** среди милліоновъ проѣзжающей по означеннымъ дорогамъ публики. Объявленія принимаются у издателя ж. д. путеводителя, Малая Конюшенная № 8, кв. 3, или уполномоченными агентами, а также могутъ быть присылаемы по почтѣ.

НЕБЫВАЕТЪ

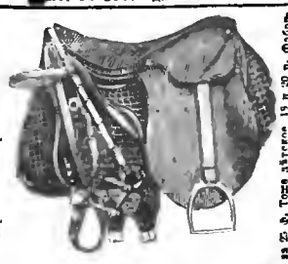
прочнѣе мужскихъ кальсонъ какъ

ИЗЪ ТВИСТЪ,

въ магазинѣ

Ю. ГОТЛИБЪ, въ СПБ.,

по Владимірской, д. 2, уг. Невск. пр. Ц 1 р. 75 к. за пару. Перес. за каждыя 3 пары 1 р., по Азіятск. Россіи 1 р. 75 коп. Меньше 3-хъ паръ не высылаются. При пересылкѣ необходима мѣра пояса и Mt. № 5143 длина. 2 1



за 20 р. Англійское сѣдло съ уздечкою и стальн. пост. приборомъ. Пересылка въ Европ. Россіи 3 р. Кавказъ и Сибирь

за 25 ф. Тоже лѣтнее 15 и 20 р. Фабрика М. и П. МАЛЫШЕВЫХЪ, Саратовъ.

Только подлинно съ этой фабрчп. маркой

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ШТИНЪ и К°.

въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.

*) **Цѣна:** бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфеты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо

Главный складъ для Россіи у **В. Ауриха** въ **С.-Петербургѣ.** Колокольная, 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ Россіи. № 4719 18—1

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ.

Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 4677 8 8

Вторымъ изданіемъ поступилъ въ продажу

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРСЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

съ задачами, упражненіями и образцами различныхъ разборовъ и работъ—С. Ѳ. ХВОРОВА—**для начинающихъ дома и въ школѣ.** Цѣна 35 коп., съ перес. 42 к. Къ учебнику приложенъ **справочный указатель** словъ, которыя въ дѣйствительности представляютъ затрудненіе, какъ ихъ писать. Учебн. можетъ замѣнить собою и диктантъ и самодиктантъ. При покупкѣ у автора (**С.-Петербургъ, на Песчахъ, Мытнинская ул., д. 7, кв. 7**) не менѣе на семь руб. высылка безплатна. Обычная уступка книгопродавцамъ. № 5112 2—2

Feichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка!

Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!

Имѣется во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: **у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.**

ВЫИГРЫШНЫЕ

Дворянскіе в. л. съ задатком 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р. Выигрышъ со дня задатка принадлеж. покупателю. Проц. уменьш. съ долгомъ. Государственные закладные листы обезпечиваются всѣми имѣніями заложенными въ Госуд. Дворянскомъ Банкѣ и всѣми средствами Правительства. 6—4 № 5086

1-го МАЯ

с. г. тиражъ съ 1 выигрышемъ въ

200,000 р.

1 выигрыш. въ	75,000 р.
1 „ „	40,000 „
1 „ „	25,000 „
и 296 выигрыш на сумму	260,000 „

Оплата выигрышей и купоновъ въ Государств. Банкѣ. Невыигравшіе закл. листы не теряютъ своей цѣны.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

59, Невскій, собств. домъ, СПБ.,

БРОКАРЪ и К°.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ Р. № 5087 2—4

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА

ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ

ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

ТОЛЬКО 6 РУБ.

Настоящій фотографическій аппаратъ, съ треножникомъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды и пр., съ пробн. снимк. и руководств. Перес. за 15 фунтовъ. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4, Невскій проспектъ, 4, рядомъ съ Главнымъ Штабомъ.

Новый иллюстрированный каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 2 пятикопѣечн. марки. Mt. № 5127 2—1

Библиотека "Руниверс"

Дозвол. цензур., СПБ., 10 апрѣля 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | г. XXII

№ 16 | 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА" ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 20 апрѣля 1891 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост въ Москвѣ чр. конт. объявл Н Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ" принимаются за строку нонпарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Заграм.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr. для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 пф.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Покровскій женскій монастырь въ Суздалѣ. Съ фот. Попова, грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

Мальтійская цѣпь.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **князя М. Н. Волконскаго.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Окончаніе).

XXII.

Приглашеніе ко двору.

Графиня Браницкая пріѣхала навѣстить больную сестру, у которой бывала почти каждый день.

Скавронская сидѣла въ большихъ креслахъ съ высокою спинкою, протянувъ свои маленькія ножки на низкую подушку бархатнаго табурета.

Рядомъ на столикѣ стояли банки и стклянки съ лѣкарствами. Няня съ вѣчнымъ своимъ чулкомъ сидѣла поодаль.

— Ну, здравствуй, какъ ты себя чувствуешь—лучше? спросила Браницкая, цѣлуя сестру, — ну, ничего, протянула она успокоительно, вглядываясь въ блѣдное, похудѣвшее личико Скавронской, — ну, ничего,— обойдется Богъ дастъ...

Няня въ это время украдкой сдѣлала у себя на груди крестное знаменіе.

Браницкая видимо старалась подбодрить больную.

Скавронская грустно улыбнулась, какъ бы понимая это ея стараніе.

— Ахъ, Саша, все одно и то же, тихо проговорила она, откладывая на столикъ книгу, которую читала,— просто силъ моихъ нѣтъ...

— Какъ одно и то же! подхватила Браницкая, стараясь быть веселой и развеселить хоть немного сестру, — помилуй, новостей у насъ цѣлый коробъ... Ты знаешь, заговорила она съ тѣмъ оживленіемъ, съ какимъ обыкновенно говорятъ съ больными или разсказываютъ сказку дѣтямъ, — ты знаешь, генералъ-губернаторъ Архаровъ велѣлъ отъ имени государя, думая этимъ сдѣлать ему сюрпризъ, — выкрасить въ Петербургѣ всѣ ворота и даже садовые заборы полосами черной, оранжевой и бѣлой краски на маперъ казенныхъ шлагбаумовъ... Государь, узнавъ объ этомъ „глупомъ", какъ онъ сказалъ, приказаніи, ужасно разсердился, и Архаровъ слетѣлъ съ мѣста. Съ нимъ вмѣстѣ тоже выгнали со службы Чулкова, полиціймейстера, за его безобразныя распоряженія, вслѣдствіе которыхъ сѣно страшно вздорожало. И вотъ на нихъ теперь ходитъ преуморительная каррикатура,—мнѣ обѣщали достать ее, я привезу тебѣ... Нарисовано: Архаровъ лежитъ въ гробу, выкрашенномъ полосами, какъ шлагбаумы, по четыремъ угламъ горятъ уличные фонари новаго образца, а рядомъ стоитъ въ полной формѣ Чулковъ, плачетъ и вытираетъ глаза сѣномъ... и они ужасно похожи...

Скавронская слушала разсѣянно и не улыбнулась даже на разсказъ сестры.

— А это что у тебя? мѣняя тонъ, вдругъ спросила та, показывая на лежавшій на столикѣ билетъ.

— Приглашеніе отъ двора—явиться въ среду къ завтраку, къ Высочайшему столу...

Браницкая съ нѣкоторымъ удивленіемъ взяла билетъ. Это было дѣйствительно приглашеніе статсъ-дамѣ графинѣ Скавронской.

— Ты поѣдешь? спросила она.

Скавронская вздохнула.

— Нѣтъ, гдѣ же мнѣ!

— И не думай, замахала на нее руками Браницкая,—и не думай. Ты знаешь, это особенная честь, и если только тебя тамъ не будетъ—я не знаю, что изъ этого выйдетъ... Нынче такія строгости...

— Да вѣдь я больна же совсѣмъ.

— Хотя бы при смерти была, перебила Браницкая,— у государя разъ сказано — нужно исполнить... Ты посмотри, что съ коннымъ полкомъ дѣлаютъ... Нѣтъ, этого и думать нельзя, закачала она головою.

— Да какъ же это, ваше сіятельство, заговорила вдругъ няня, молчавшая до сихъ поръ,—какъ же это: графинюшкѣ и двинуться-то нельзя, и вдругъ—во дворецъ поѣзжай?..

— Такіе ужь порядки, няня. Хуже будетъ, если не поѣдетъ, отвѣтила Браницкая.

— Господи, да зачѣмъ я имъ?! раздраженно протянула Скавронская,—зачѣмъ?..

— Ну, ужь многое нынче дѣлается и не поймешь зачѣмъ, хотя, правда, всегда такъ выходитъ, что почему-нибудь оно и нужно; но только не ѣхать тебѣ нельзя... да вѣдь ты и не умирающая еще, слава Богу!..

— Полноте, ваше сіятельство, опять вставила няня,— краше въ гробъ кладутъ, право!..

— Ну, Богъ дастъ, до гроба-то далеко еще, замѣтила Браницкая.—а ѣхать все-таки ты должна.

— Ну, ужь порядки, ворчала няня,—гдѣ-жь это видано, чтобы больнаго ребенка (въ пылу горячности она до сихъ поръ еще называла такъ свою графинюшку иногда) подымать чуть не съ постели... Что же это, какія-жь времена настали, Господи?!..

Скавронская въ это время пристальнѣе начала всматриваться въ лицо сестры.

— Саша! произнесла она, вдругъ привставая, — у тебя что-то есть, ты не спроста сегодня ко мнѣ пріѣхала, ты готовишь словно меня къ чему-то...

Несмотря на то, что онѣ долгое время жили врозь, онѣ не разучились понимать другъ друга безъ словъ такъ, какъ понимали въ дѣтствѣ, когда жили одною жизнью.

Скавронская догадалась, что у сестры есть что-то и по ея слишкомъ оживленному лицу, и по разговору, болѣе поспѣшному, чѣмъ обыкновенно, и вообще по глазамъ ея, по всему,—словомъ, она была увѣрена теперь, что Браницкая пріѣхала ей сообщить что-то очень важное.

— Саша, что такое? переспросила она, — есть вѣдь что-то?..

Браницкая кивнула головою.

— Ну, ну, говори, вдругъ оживилась Скавронская,— говори, что?

— И очень хорошее! отвѣтила ей сестра,—не могла же я тебѣ такъ сразу бухнуть. Государь...

— Что государь? повторила графиня.

Она вытянула шею, и сердце ея билось такъ сильно, что удары его казались слышны.

Няня, испуганно глядя на нее, забезпокоилась и подошла къ ней.

— Желаетъ вашего брака! докончила Браницкая.

Графиня снова откинулась безпомощно на спинку кресла и слабо махнула рукой.

— Все-таки этого нельзя, это невозможно, произнесла она.

— Возможно, сказала Браницкая.

И какъ она осторожно ни подготовляла сестру, она невольно испугалась дѣйствію, произведенному этимъ ея словомъ.

Скавронская задрожала вся, голова ея закинулась, руки конвульсивно сжались...

— Катя, опомнись, дорогая, заговорила Браницкая,— что ты теперь, когда все можетъ-быть благополучно кончится, когда надежда есть, болѣе чѣмъ надежда — и вдругъ ты...

Она боялась, что съ сестрою сдѣлается обморокъ или еще хуже что-нибудь.

Но Скавронская вдругъ закрыла лицо руками и прошептала отрывисто, нервно, истерическиво:

Библиотека "Руниверс"

— Говори, говори же, не мучь!

— Слушай. Государь призвалъ его вечеромъ во дворецъ къ маленькому ужину. Ты знаешь, они видались въ Гатчинѣ и тамъ государь узналъ его... Онъ ему разсказалъ давно уже *все*... И вотъ онъ призвалъ его къ себѣ и послѣ ужина отвелъ въ сторону и заговорилъ съ нимъ. Онъ будетъ принятъ посланникомъ. Потомъ ему даютъ командорство въ десять тысячъ рублей ежегоднаго дохода, потомъ государь напомнилъ ему одинъ параграфъ ихъ статута (государь отлично знаетъ этотъ статутъ), по которому въ орденъ могутъ быть приняты и женщины...

Скавронская часто, но легко дышала, и давно не показывавшійся румянецъ на ея щекахъ началъ покрывать ихъ алою краской.

— Ну, ну? говорила она, удерживая свой дрожащій подбородокъ.

— Кромѣ того, уставъ ихъ, по которому они не могутъ вступать въ бракъ, утвержденъ вѣдь папою... значитъ, вполнѣ будетъ законно, если папа самъ дастъ разрѣшеніе и позволитъ, не въ примѣръ другимъ, жениться графу Литтѣ...

— Но развѣ онъ сдѣлаетъ это?

— Государь самъ будетъ просить его объ этомъ и онъ обѣщалъ ничего не пожалѣть, чтобы разрѣшеніе было дано; а для папы одной просьбы русскаго императора достаточно, чтобы все было сдѣлано... Теперь, когда во Франціи объявлено безвѣріе господствующей религіей, папа долженъ волей-неволей заискивать даже у православнаго государя...

— Такъ ты думаешь это возможно, Саша? спрашивала Скавронская, уже не слушая высшихъ государственныхъ соображеній сестры о затрудненіяхъ римскаго первосвященника и думая лишь объ одномъ своемъ дѣлѣ.

— Да, возможно, я же тебѣ говорю.

— Да откуда ты это знаешь все, кто тебѣ разсказывалъ?..

— Онъ самъ, онъ былъ у меня такой радостный, веселый... онъ хотѣлъ ѣхать къ тебѣ, но побоялся самъ... просилъ меня съѣздить...

— И любитъ? вдругъ спросила Скавронская, сама не зная почему.

— Ну, вотъ, ты въ этомъ сомнѣваться будешь теперь еще...

Скавронская привстала, пригнулась къ сестрѣ и, обхвативъ ея шею руками, спрятала лицо свое у нея на груди.

— Нѣтъ, Саша, это я такъ, говорила она, — я не знаю, но если-бъ ты только знала, что во мнѣ теперь!

Няня стояла рядомъ растерянная.

— Няня! обернулась вдругъ къ ней графиня, — теперь я поѣду на завтракъ куда угодно.

— Ты увидишься тамъ съ нимъ, сказала Браницкая.

— Да, нужно будетъ велѣть приготовить платье, самое лучшее.

— Только брилліантовъ надѣвай поменьше.

— Отчего?

— Государь не любитъ лишней роскоши.

— О да, да!.. я все сдѣлаю... что нужно... Будь покойна, но каковъ государь,—вѣдь это ангелъ, ангелъ!

— Да, онъ очень добръ къ тебѣ! со вздохомъ проговорила Браницкая, вспомнивъ милости покойной государыни, которыми она осыпала ее.

— Нѣтъ, и не говори, остановила ее Скавронская,— не говори... это не царь, не императоръ, это именно ангелъ, да...

И она чувствовала въ эту минуту такую любовь, преданность и умиленіе къ государю, могучее слово котораго возвращало ей жизнь, что вздохъ сестры показался ей святотатствомъ и она зажала ей ротъ поцѣлуемъ...

XXIII.

Великодушный порывъ раскаянія баронессы Каннихъ держался недолго, т. е. ровно до новаго свиданія съ отцомъ Груберомъ.

Іезуитъ ужаснулся тому что она сдѣлала и опять очень ловко доказалъ ей неумѣстность ея поѣздки въ Смольный и слишкомъ большую поспѣшность.

Онъ понималъ, что для Литты, со вступленіемъ на престолъ императора Павла, труднѣе всего было бы оправдаться именно отъ подозрѣнія въ какихъ-то отношеніяхъ съ какою-то баронессой Каннихъ.

Камердинеръ могъ сознаться Куракину, не выдавъ впрочемъ іезуитовъ, что онъ и сдѣлалъ, ибо они съумѣли запугать его на тотъ случай, если онъ вздумаетъ впутать ихъ въ обвиненіе, и наоборотъ обѣщали свою помощь, если онъ не выдастъ ихъ. Ему нечего было особенно бояться русскихъ властей, потому что онъ былъ иностраннымъ подданнымъ. Литта могъ заплатить по распискамъ Абрама, доставъ денегъ, при измѣнившихся новыхъ обстоятельствахъ, но во мнѣніи императора онъ могъ быть потерянъ навсегда, благодаря сомнѣнію насчетъ Каннихъ.

И вдругъ эта главная опора рушилась теперь.

Груберъ чуть-ли не призвалъ громы небесные на голову смущенной баронессы, и у нея не достало ни характера, ни смѣтки возразить отцу-іезуиту. Она снова оказалась въ полной его власти, послушнымъ орудіемъ его...

Но въ то время, пока Груберъ обдумывалъ новый планъ, какимъ образомъ устранить вреднаго для себя человѣка, Литта былъ уже осыпанъ милостями государя и по крайней мѣрѣ теперь ему не были страшны никакія ухищренія лукаваго іезуита.

Государь ѣхалъ по Невскому въ саняхъ, разсерженный и недовольный. Онъ только-что встрѣтилъ гвардейскаго офицера съ муфтой и отправилъ его на гауптвахту.

Привычка у офицеровъ гвардіи выходить зимою съ муфточками до того укоренилась въ екатерининское время, что когда Павелъ запретилъ ихъ, то казалось страннымъ, удивительнымъ и невозможнымъ—не то что гвардейскіе офицеры пользовались чисто дамскою принадлежностью, но что имъ запрещали дѣлать это.

Дамы носили тогда такія фижмы, что когда садились въ карету, то по обѣимъ сторонамъ въ окна торчали ихъ платья, не умѣщавшіяся внутри экипажа.

Замѣтивъ это безобразіе и зная, что только крутою мѣрою можно побороть рабскую склонность дамъ къ велѣніямъ моды, Павелъ приказалъ каждой дамѣ выходить, при встрѣчѣ съ нимъ, на подножку кареты, чего никакъ нельзя было сдѣлать въ огромныхъ фижмахъ.

Государь ѣхалъ по Невскому и поровнялся съ огромною каретою, изъ обоихъ оконъ которой торчали безобразныя фижмы.

— Стой! остановилъ Павелъ кучера.

Одинъ изъ стоявшихъ на запяткахъ кареты гайдуковъ, засуетясь, соскочилъ и, бросившись къ дверцамъ кареты, распахнулъ ихъ.

Несчастная дама билась въ своихъ фижмахъ внутри кареты, торопясь, путаясь и отъ этого еще болѣе лишая себя возможности выйти скорѣе.

Наконецъ послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ усилій ей удалось вырваться, причемъ платье ея затрещало въ двухъ мѣстахъ и она, густо нарумяненная, показалась внѣ себя отъ испуга на подножкѣ, оробѣла еще больше и соскочила на самый снѣгъ...

Сцена была очень смѣшна и можетъ-быть государь ограничился бы въ другое время ея испугомъ въ видѣ наказанія для нея, но непокорное, которое онъ съ утра встрѣчалъ сегодня, вывело его изъ терпѣнія.

— Какъ фамилія? спросилъ онъ даму.

Библиотека "Руниверс"

На базаръ. На рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **Н. Каразина**, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Изъ далекаго странствованія. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Котляревскаго, грав. Пуцъ.

Библиотека "Руниверс"

— Баронесса Каннихъ, отвѣтила та, присѣдая на снѣгу.

Павелъ поморщилъ брови—что-то знакомое было въ этой фамиліи.

— Въ двадцать четыре часа изъ Петербурга! приказалъ онъ и обратясь къ кучеру, добавилъ:—пошелъ!

Кучеръ дернулъ возжами и сани государя быстро понеслись дальше.

XXIV.

Завтракъ.

Торжественно въ своей золотой каретѣ въѣзжалъ графъ Литта въ Петербургъ изъ Гатчины, куда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ уѣхалъ почти бѣглецомъ, едва не опозоренный опутавшей его клеветою.

Во дворцѣ его ждала торжественная аудіенція, во время которой онъ долженъ былъ вручить свои вѣрительныя грамоты посла державнаго Мальтійскаго ордена.

Но кромѣ почета, царской милости и возвышенія, тамъ, въ этомъ дворцѣ его ждала теперь жизнь его, радость и счастіе. Онъ зналъ, что онъ увидится съ *нею* сегодня и увидится какъ нареченный женихъ.

Сидя въ каретѣ Литта закрылъ глаза и, забывъ и объ предстоящей аудіенціи, и о грамотахъ своихъ, сталъ думать лишь о ней и о свиданіи съ нею.

Потомъ онъ досталъ изъ кармана полученное только-что передъ отъѣздомъ письмо отъ Vetus'a, чтобы еще разъ перечесть его.

„Дни вашего испытанія—писалъ старикъ—кончились. Теперь вы вступаете въ періодъ счастія, который уготованъ и здѣсь на землѣ для каждаго человѣка. Всякій живущій имѣетъ свое горе и свои радости. Дай вамъ Богъ, чтобы радость ваша была такъ же сильна, какъ было трудно испытаніе. Любите свою красавицу—будущую жену—вы заслужили право на нее... Будьте же счастливы и помните старика, съ которымъ можетъ увидитесь еще, но не скоро. Неотложныя дѣла въ другихъ мѣстахъ заставляютъ меня оставить Россію; когда это письмо дойдетъ до васъ — меня уже не будетъ въ Петербургѣ...“

Подъ письмомъ стояла подпись бриллiантщика Шульца.

Было довольно холодно, но Литта не чувствовалъ этого. Напротивъ, онъ распахнулъ шубу и, распахнувъ ее, вспомнилъ о своемъ крестѣ и о цѣпи.

Крестъ Лавалетты блестѣлъ на его груди своею чудною игрою дорогихъ бриллiантовъ.

Литта вспомнилъ какъ два раза этотъ крестъ случайно предостерегъ его и сталъ всматриваться теперь въ него, не станутъ-ли опять замѣтны буквы.

Онъ взялъ въ руки крестъ, повернулъ его къ свѣту—и вдругъ, снова блеснула въ немъ таинственная надпись... Но только теперь она состояла изъ трехъ буквъ—перваго „С“ Литта не могъ разобрать. Фигура мелкихъ бриллiантиковъ ясно вырисовывалась въ слово „ave“—это значило „здравствуй“; это было привѣтствіе, пожеланіе, выраженіе радости...

Литта тщательно сталъ разглядывать снова—не разглядитъ-ли онъ опять страшное слово предостереженія „cave“, но нѣтъ: крестъ сіялъ своимъ почти ослѣпительнымъ блескомъ и въ немъ ясно читалось привѣтствіе...

Скавронская пріѣхала во дворецъ одна къ назначенному часу. Подъѣзжая, она видѣла у большаго подъѣзда золотую карету, въ которой вѣроятно явился новый мальтійскій посланникъ.

Графиню провели на половину государыни, гдѣ она должна была представиться ея величеству и великимъ княжнамъ.

Она еще была очень блѣдна и болѣзненно худа, но признаковъ разстройства ея уже не было. Съ самаго разговора съ сестрою, она словно ожила вся, стала другимъ человѣкомъ.

„Однако какая я желтая“, подумала она, проходя мимо зеркала и заглядывая въ него,—„впрочемъ, онъ и такою увидитъ меня съ радостью, долженъ увидѣть...“

„А все-таки жаль!“ сейчасъ же мелькнуло у ней опять.

Румянъ и бѣлилъ она, не употреблявшая ихъ никогда, не хотѣла положить и сегодня, не смотря на настоянія модистокъ и сестры, пріѣхавшей одѣвать ее.

Няня пошла пѣшкомъ къ Сергію.

Когда представленіе кончилось, графиня, сопровождая государыню и великихъ княженъ, вмѣстѣ съ дежурною фрейлиною направилась въ столовую.

Оказалось, что она была приглашена къ интимному завтраку царской семьи. Никого изъ постороннихъ кромѣ нея не было. Мало того, ей сказали, что она на сегодня дежурною статсъ-дамою.

И тутъ-то сердце ея сжалось—вдругъ она не увидитъ его, вдругъ эти долгія минуты, кажущіяся ей часами, которыя она считаетъ съ нетерпѣніемъ, вдругъ онѣ протянутся еще дольше, и *его* не будетъ за завтракомъ, онъ не будетъ приглашенъ.

Но въ это время двери съ противуположной стороны столовой распахнулись и своею быстрою походкой вошелъ государь. За нимъ слѣдовали великій князь Александръ, Кутайсовъ и графъ Литта, который послѣ аудіенціи былъ приглашенъ къ завтраку.

Онъ не могъ подойти къ ней, она не смѣла двинуться къ нему — этикетъ, который ихъ связывалъ, не позволялъ сдѣлать этого; но поклонъ, которымъ они обмѣнялись издали, но выраженіе ихъ лицъ въ это время были замѣчены всѣми.

Вся царская семья знала, что присутствуетъ при зарождающемся счастьи двухъ людей, которымъ государь даруетъ это счастье и радость.

Сѣли за столъ.

Ни Литта, ни Скавронская ничего не ѣли. Они казалось не замѣчали ничего—были не здѣсь, не на землѣ.

Государь нѣсколько разъ взглядывалъ на нихъ съ улыбкою.

— Я пью за васъ, проговорилъ онъ,—и за ваше будущее счастіе, устроить которое беру на себя...

Эпилогъ.

Прошло два года. Графъ Литта былъ уже женатъ—папа далъ разрѣшеніе на его бракъ, и долгія ожиданія его наконецъ сбылись и несчастія кончились.

Свадьба была отпразднована торжественно, въ присутствіи царской фамиліи и всего Петербурга. Графиня Браницкая была посаженою матерью сестры. Но больше всѣхъ, искреннѣе всѣхъ радовалась счастію графини ея старушка-няня. Конюхъ Дмитрій оставилъ свою службу въ кондитерской Гидля и, вспомнивъ свое старое дѣло, поступилъ снова въ кучера къ графу. Нужно было видѣть съ какимъ торжествомъ и величіемъ сидѣлъ онъ, сіяя радостью, на козлахъ, когда везъ молодыхъ изъ-подъ вѣнца.

Молодые поселились въ бывшемъ богатомъ домѣ Скавронскихъ на Милліонной. Литта снова вступилъ въ русскую службу и сталъ однимъ изъ приближенныхъ императора Павла.

Судьба Мальтійскаго ордена сильно измѣнилась.

Достойный старецъ Роганъ умеръ и на его мѣсто былъ избранъ великимъ магистромъ баронъ Гомпешъ, въ которомъ Орденъ думалъ найти опору противъ враждебной, республиканской Франціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Орденъ пріобрѣлъ могущественнаго покровителя въ лицѣ Русскаго императора. Государю были поднесены титулъ протектора и знаки высшаго креста. Вмѣстѣ съ этимъ получили орденское званіе и нѣкоторые изъ русскихъ вельможъ.

Въ 1798 году Мальта была взята Наполеономъ, отправлявшимся въ экспедицію въ Египетъ.

Библиотека "Руниверс"

Малодушіе и неумѣніе барона Гомнета были причиной этому.

Всѣ тайныя бумаги, архивъ Ордена и его библіотека были взяты Наполеономъ, но на суднѣ, на которомъ помѣщалось все это, взорвало пороховой складъ и всѣ бумаги погибли, а вмѣстѣ съ ними и мистическое значеніе Ордена.

Императоръ Павелъ не пожелалъ однако уничтоженія этого Ордена. Русскіе и иностранные рыцари ходатайствовали о принятіи имъ званія великаго магистра, и онъ принялъ этотъ титулъ 24 ноября 1798 г. Весь корпусъ кавалеровъ торжественно поднесъ ему корону и регаліи новаго сана. Императоръ отвѣчалъ особымъ актомъ, прочтеннымъ княземъ Безбородкомъ (ему было пожаловано уже княжеское достоинство). Затѣмъ всѣ кавалеры приступили къ престолу съ колѣнопреклоненіемъ и принесли новому гросмейстеру присягу на вѣрность и повиновеніе.

Новый орденъ былъ возложенъ на великихъ княгинь и княженъ, а также на нѣкоторыхъ придворныхъ дамъ, въ числѣ которыхъ была и молодая графиня Литта. Декларацією, обнародованною въ Европѣ, дворяне всѣхъ христіанскихъ странъ приглашались ко вступленію въ Орденъ. Въ Мальту же, которая должна была опять сдѣлаться достояніемъ Ордена, императоръ назначилъ коменданта и русскій гарнизонъ изъ 3,000 человѣкъ.

Русскій самодержавный монархъ видѣлъ въ принятомъ имъ подъ свое покровительство Мальтійскомъ орденѣ оплотъ противъ вспыхнувшаго во Франціи революціоннаго движенія. Само собою разумѣется, самъ онъ не могъ вступать въ мелочи управленія дѣлъ Ордена, и вотъ явилась надобность въ человѣкѣ опытномъ, умномъ и энергичномъ, которому бы онъ могъ поручить эти дѣла.

Потребовался вождь—и таковымъ явился графъ Литта, назначенный теперь намѣстникомъ великаго магистра.

Литта сидѣлъ за составленіемъ записки по приказанію Павла о допущеніи въ Орденъ лицъ выдвинувшихся на общественномъ поприщѣ своими личными заслугами. Такихъ людей желательно было привлечь въ Орденъ, въ который до сихъ поръ могли вступать лишь лица, имѣвшія за собою опредѣленное число лѣтъ дворянства въ своемъ роду.

Литта составлялъ подробную записку объ этомъ. Онъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Жены не было дома. Она приходила проститься съ нимъ, веселая, счастливая, и уѣхала куда-то. Литта сѣлъ заниматься.

Онъ долго писалъ, согнувшись надъ своимъ бюро. Потомъ всталъ, досталъ изъ книжнаго шкафа книгу и, развернувъ ее, сталъ отыскивать цитату, которою хотѣлъ подкрѣпить свои соображенія. Книга была Саллюстія о Югуртинской войнѣ.

Онъ быстро перелистывалъ знакомыя страницы и наконецъ нашелъ LXXXV главу. Тамъ Марій говорилъ между прочимъ:

„Nunc videte quam iniqui sint: quod ex aliena virtute sibi arrogant, id mihi non concedunt ex mea: scilicet quia imagines non habeo, et quia mihi nova nobilitas est; quam certe melius est peperisse—quam acceptam corrupisse".

„Теперь посмотрите, говорилъ Марій про дворянъ, гордившихся своими предками и искавшихъ въ ихъ заслугахъ своего благородства, — какъ они несправедливы — то, что они присвоиваютъ себѣ, благодаря заслугамъ другихъ, того не хотятъ предоставить мнѣ въ силу моихъ собственныхъ заслугъ. И все это потому, что я не имѣю изображеній предковъ и благородство мое ново. Но не лучше-ли заслужить его собственною доблестью, чѣмъ запятнать своимъ поведеніемъ благородство, полученное отъ предковъ".

Литта дѣлалъ эту выписку, и вдругъ, въ это время почувствовалъ, что *она* приблизилась къ нему своими маленькими шагами, маленькихъ ножекъ чуть слышно ступавшихъ по ковру. Она приблизилась и смѣло, какъ власть имѣющая, не обращая вниманія на занятіе его, обхватила его голову и прижалась губами къ его волосамъ.

Онъ положилъ перо и радостно взглянулъ на нее. Прежде когда ему мѣшали во время занятія — онъ этого выносить не могъ и малѣйшій шумъ раздражалъ его, а теперь она врывалась къ нему и это было только счастіемъ.

Она была его женою—*жена* мѣшала ему. И Литтѣ казалось что, наоборотъ, дѣло мѣшало ему быть съ нею.

— Опять за своею латынью, проговорила она, садясь на ручку его кресла,—и не надоѣстъ тебѣ?

— Я прекрасную цитату нашелъ... совсѣмъ то, что мнѣ нужно—послушай... и онъ объяснилъ ей значеніе цитаты.

— Да, хорошо, согласилась она,—впрочемъ, мнѣ кажется, что все хорошо, что ты дѣлаешь.

— Милая, я знаю, перебилъ онъ, — только, что счастливъ я, какъ можетъ быть счастливъ человѣкъ на землѣ, да какой на землѣ!.. это выше... посмотри, вдругъ сказалъ Литта, показывая на начало перваго слова цитаты,—это какая буква?

— N, отвѣтила графиня.

— А эта? онъ показалъ на первую букву втораго слова.

— v...

— Помнишь я разсказывалъ тебѣ о предсказаніи—Nuptiae volutivae... желанный бракъ — вѣдь оно сбылось...

— Да, это странный старикъ, начала была она.

— Нѣтъ, вотъ что странно, снова перебилъ онъ, — посмотри первыя буквы, крайнія, съ которыхъ начинаются эти строки: q. d. m. p.

— Ну, что-жь изъ этого?..

— Quererctur dux — minister primus, проговорилъ Литта вторую часть полученнаго имъ когда-то предсказанія.—Понадобится вождь—первый министръ будешь... да, я теперь первое лицо въ Орденѣ, задумчиво добавилъ онъ.

— Я знаю только одно, сказала ему жена, — что кѣмъ бы ты ни былъ — я люблю тебя, и ты мой и никому не отдамъ.

И она крѣпко снова обвила его шею руками.

Патеръ Груберъ долго еще дѣйствовалъ съ успѣхомъ въ Россіи ad majorem Dei gloriam... Ему удалось-таки вытѣснить митрополита Сестренцевича и если не занять его мѣсто вполнѣ, то во всякомъ случаѣ переѣхать въ его помѣщеніе.

Но вотъ въ ночь на 26 марта 1805 года показалось надъ Петербургомъ зарево вспыхнувшаго на Невскомъ проспектѣ въ домѣ католической церкви пожара. Въ одномъ изъ оконъ объятаго пламенемъ зданія показалась фигура отца Грубера съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ. Онъ пытался спастись, но напрасно... пламя и дымъ отбросили его отъ окна.

Когда пожаръ кончился, обуглившіеся останки іезуита нашли въ тѣхъ самыхъ покояхъ, изъ которыхъ онъ вытѣснилъ митрополита Сестренцевича.

КОНЕЦЪ.

Несчастная способность.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній). З. А. Рина.

Я перешелъ во 2-й классъ N гимназіи, когда у насъ поселился Казиміръ. Поселился онъ у насъ не въ качествѣ самостоятельнаго лица, а скорѣе въ видѣ безплатнаго приложенія при Стефаніи, которая приходилась ему матерью и которую нанялъ въ услуженіе моя мать.

Стефанія и Казиміръ представляли собою полную противо-

Библиотека "Руниверс"

положность, какъ по внѣшности, такъ и по характерамъ. Стефанія была низенькая и толстая, словно невѣдомая сила, напирая на нее сверху, заставляла расползаться по сторонамъ. Казиміръ былъ высокъ и худъ, словно, наоборотъ, та-же сила давила его съ боковъ. Стефанія была въ черномъ платьѣ, подоткнутомъ всегда за поясъ со всѣхъ сторонъ. Казиміръ былъ всегда въ бѣлой коломенковой парѣ, которая, къ слову сказать, обтягивала его какъ трико. Стефанія была говорлива, Казиміръ молчаливъ. Стефанія—азартна, Казиміръ—меланхоличенъ. Наконецъ, Казиміръ умѣлъ играть на гитарѣ, чего Стефанія не умѣла, и, наоборотъ, Стефанія умѣла тонкимъ голосомъ выводить псальмы, чего не умѣлъ Казиміръ ни дискантомъ, ни басомъ. Но эти двѣ послѣднія противоположности такъ отлично гармонировали другъ съ другомъ, что на этомъ пунктѣ Стефанія и Казиміръ всегда сходились.

Трогательно было видѣть, какъ по окончаніи дневныхъ работъ, когда уже убирался самоваръ послѣ вечерняго чая, Стефанія садилась на табуретку, противъ нея усаживался Казиміръ со своею гитарою и черезъ нѣсколько минутъ раздавалось тоскливое завываніе псальма.

Казиміръ сидѣлъ, согнувшись въ три погибели надъ гитарой, безпрерывно отбрасывая рукою клочки волосъ, падавшихъ ему на глаза, и меланхолически устремивъ свои взоры на банку съ ваксой, всегда стоявшую въ одномъ мѣстѣ подъ столомъ. Стефанія сидѣла прямо, какъ вбитая, и набожно поднявъ глаза къ потолку, старательно выводила свои писклявыя ноты, ударяя въ тактъ ногою.

Жили они дружно и мирно: Стефанія, видя худобу и немощность своего сына, берегла его и почти не допускала до работы, во всемъ справляясь сама.

Казиміръ, видя такую нѣжность и ласковость, распалялся желаніемъ помочь своей матери и часто просилъ ее, чтобы она отпустила его на заработки, но Стефанія на это всегда съ ласковою материнскою улыбкою отвѣчала:

— Э, Казючекъ! успѣешь еще горя натерпѣться, когда мать помретъ! А покуда она жива и здорова, да работать можетъ, не думай ты объ этомъ. Ты такой слабенькій.

Слушая эти рѣчи, Казиміръ проникался еще бо́льшею любовью къ своей матери, но все-таки, помогая ей въ домашней работѣ, въ душѣ своей чувствовалъ себя глубоко печальнымъ, что не могъ трудами лично своими обезпечить мать, на старости лѣтъ служившую въ кухаркахъ ради него.

Такимъ образомъ миръ и любовь господствовали между ними и день проходилъ у нихъ гладко, ровно. Едва начиналось утро, поднимался Казиміръ, ставилъ самоваръ, чистилъ сапоги, бѣжалъ за булками, и вернувшись будилъ свою мать. Поднималась Стефанія; пили чай они, потомъ, потолковавши съ моею матерью, Стефанія шла на базаръ и начинался обыкновенный будничный день. Переходя отъ печки къ столу и обратно, Стефанія мѣсила, рубила, чистила, мыла, пекла, варила, жарила, изрѣдка перебрасываясь словами съ Казиміромъ.

Казиміръ же усаживался гдѣ-нибудь въ уголку, притаившись къ столу или окну и читалъ какую-нибудь книжку, а то уходилъ со своею гитарою на площадку лѣстницы, усаживался на верхнія ступени—и неслись тогда оттуда тихіе, жалостные аккорды, напоминающіе стоны и слезы.

Рѣдко когда Казиміръ игралъ что-нибудь веселое. Обстановка-ли, здоровье-ли, какая-нибудь гнетущая мысль,—только Казиміръ находилъ особенное удовольствіе въ грустной мелодіи.

Кончалъ Казиміръ свою музыку, когда Стефанія, накормивъ насъ, звала его къ обѣду. Послѣ обѣда Стефанія принималась за чистку и мытье посуды, а Казиміръ куда-то скрывался до той поры, когда надо было ставить самоваръ для вечерняго чая.

Отпивали мы чай. Убирался самоваръ и Стефанія обращалась къ Казиміру:

— Казя, милый, сыграй какую-нибудь псальму!

Послушный Казя молча бралъ со стѣны свою гитару и начиналъ настраивать, а черезъ нѣсколько минутъ подъ ея тренканье уже неслось тоскливое пѣнье Стефаніи.

Въ одинъ изъ такихъ музыкальныхъ сеансовъ я и сошелся съ Казиміромъ.

Отецъ съ матерью ушли въ гости. Я одинъ напился чаю и сѣлъ учиться, но мнѣ ничего не лѣзло въ голову. Вдругъ изъ кухни понеслись звуки пѣнія. Еще скучнѣе, тоскливѣе сдѣлалось мнѣ, и я, не выдержавъ своего напряженнаго состоянія, пошелъ въ кухню.

Казиміръ и Стефанія очень обрадовались моему приходу, хотя первый при этомъ чего-то законфузился и всталъ. Но его смущеніе скоро прошло. Онъ усѣлся, по моей просьбѣ, и звуки псальмы снова огласили кухню.

Въ полутемной гостиной, гдѣ я сидѣлъ совсѣмъ одинокій надъ скучною книгою латинскихъ переводовъ, мнѣ сдѣлалось такъ грустно и тоскливо, что теперь въ теплой маленькой кухнѣ подъ звуки—хотя и монотонные—музыки, при видѣ живыхъ людей, я пришелъ въ какое-то блаженное состояніе и мою дѣтскую душенку охватило желаніе любви и привѣта. Я сидѣлъ на табуретѣ и внимательно разсматривалъ лицо Казиміра.

„И какъ не любить его? думалось мнѣ,—онъ такой хорошій, добрый, больной, слабенькій“

И правда, длинное туловище Казиміра было неимовѣрно худо, лицо—блѣдно, на впалыхъ щекахъ лихорадочно горѣлъ румянецъ, а глаза, тусклые, грустные, такъ безнадежно смотрѣли въ пространство, что глядя на нихъ я невольно разгорался сочувственною любовью къ Казиміру и, почему-то, жалостью.

Они окончили и начали новую псальму, потомъ еще новую, и черезъ часъ мы уже сдѣлались совершенными друзьями. Я съ любопытствомъ разсматривалъ гитару, и Казиміръ вызвался выучить меня играть на ней. Я, въ свою очередь, поспѣшилъ показать Казиміру свои книги и мы долго разсматривали въ нихъ картины. Время летѣло для насъ незамѣтно. Стефанія сидѣла молча съ довольною улыбкой, и мнѣ лицо ея казалось такимъ добрымъ и ласковымъ, словно она радовалась моему сближенію съ Казиміромъ. Казиміра тоже нельзя было узнать. Онъ говорилъ—и говорилъ складно, лицо его оживилось улыбкою и, теперь, блестящими глазами. Время шло очень весело, пока не раздался звонокъ, возвѣщавшій о приходѣ моихъ родителей. Я разстался съ Казиміромъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Съ того дня дружба наша все болѣе и болѣе упрочивалась. У меня не было товарища и друга среди моихъ сверстниковъ, и Казиміръ мнѣ замѣнилъ его. Съ нимъ я дѣлился всѣми своими ребячьими впечатлѣніями. Я съ нетерпѣніемъ дожидался окончанія обѣда и мы уходили съ нимъ на крыльцо задней лѣстницы и проводили время до той поры, пока Стефанія не звала Казиміра ставить самоваръ для вечерняго чаю.

Это были хорошіе часы! Мы садились обыкновенно на крылечкѣ, по обѣимъ сторонамъ его, прислонившись къ приголокамъ. На дворѣ было тихо-тихо. Изрѣдка только вѣтеръ пробѣжитъ по деревьямъ, окружавшимъ крыльцо, и прошумитъ по листьямъ. Теплыя сумерки незамѣтно спускались на дворъ и мы уже не видѣли, а только чувствовали и слышали другъ друга.

Я больше сидѣлъ безмолвно, Казиміръ же тихо наигрывалъ на гитарѣ. Пусты и ничтожны были эти звуки, передававшіе какую-нибудь избитую пѣсню или заѣзженный вальсъ, но для насъ, среди тихихъ сумерекъ, они имѣли какую-то чарующую прелесть... Часто въ изнеможеніи Казиміръ бросалъ свою гитару, и мы молча, недвижно просиживали долгое время, пока не будилъ насъ отъ этого забытья звонкій голосъ Стефаніи, звавшій Казиміра.

Я искренно полюбилъ Казиміра и сочувствовалъ ему глубоко и чисто, когда онъ утомленнымъ, задыхающимся голосомъ передавалъ мнѣ иногда впечатлѣнія своей безотрадной жизни, всю любовь къ своей матери и тоску о невозможности помочь ей.

Но къ моей любви и сочувствію вскорѣ прибавилось почти поклоненіе Казиміру, и я уже забылъ про свои мечты и волненія и весь цѣликомъ отдался мечтамъ и волненіямъ Казиміра. Случилось это очень скоро послѣ нашего сближенія. Въ этотъ день Казиміръ былъ грустнѣе обыкновеннаго. Почти шепотомъ говорилъ онъ мнѣ о невозможности такъ жить, о жаждѣ дѣятельности, которая его объемлетъ, о желаніи работать, трудиться на пользу и радость матери.

— Но, Казиміръ, возразилъ я,—ты такъ слабъ, боленъ! Ты не можешь быть работникомъ!

— Работа работѣ рознь, возразилъ Казиміръ, — я не пойду въ лакеи, не стану колоть дрова, у меня впереди не эта дорога! Знаешь, вдругъ оживился онъ,—что не пройдетъ можетъ и двухъ лѣтъ, какъ мое имя будутъ всѣ произносить, когда мать будетъ мною гордиться и когда, указывая на нее, всѣ будутъ говорить: „вотъ мать Казиміра!“

Глаза его при этомъ какъ-то странно засвѣтились, голосъ нервно дрогнулъ и оборвался. Я изумился его словамъ и въ первый разъ слыхалъ отъ него такія рѣчи.

— Какъ же это случится, Казиміръ? Что̀ ты сдѣлать хочешь?

— Угадай! предложилъ Казиміръ съ лукавою улыбкой.

Я зналъ одинъ только способъ прославиться: это пойти на войну и взять одному самолично крѣпость, или набить полчища непріятелей. Но войны не было, да и потомъ, при взглядѣ на длинную, тощую фигуру Казиміра, мысль эта рушилась сама собой, и я отвѣтилъ Казиміру:

— Не знаю.

— Не знаешь? Я такъ и думалъ. Гдѣ же тебѣ и догадаться объ этомъ. Ну, слушай!..

Казиміръ придвинулся ко мнѣ и выдалъ свою тайну.

Подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ, провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, въ случаѣ несоблюденія тайны, Казиміръ объяснилъ, что онъ — поэтъ: что онъ пишетъ много хорошихъ стиховъ; что его стихами можно упиться. Онъ такъ и сказалъ: „упиться“. Потомъ онъ сказалъ, что сегодня поздно, но что завтра вечеромъ онъ и покажетъ и почитаетъ мнѣ стихи свои.

Послѣ этого мы разошлись. Меня ужасно поразило открытіе Казиміра. Я никакъ не могъ совладать съ представленіемъ: Казиміръ—поэтъ.

Въ моемъ воображеніи поэты всегда рисовались какими-то титанами, одинъ видъ которыхъ повергалъ въ священный трепетъ всякаго смертнаго. Сочиненіе стиховъ я считалъ ги-

Библиотека "Руниверс"

Выставка въ Императ. Академіи Художествъ. Письмо отъ жениха.

Карт. **Фрейвиртъ-Люцова** (право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „**Нивѣ**"), грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

гантскою работою, руководясь въ этомъ трудностью ученія ихъ на память: „если ужь такъ учить трудно, то какъ же должно быть трудно писать ихъ, думалъ я.—И вдругъ Казиміръ, этотъ длинный, чахлый, тощій Казиміръ, Казиміръ—бѣгающій за хлѣбомъ, чистящій сапоги—поэтъ!“

Но мало-по-малу мой дѣтскій умъ примирился съ этимъ фактомъ, и въ моемъ воображеніи лицо Казиміра стало принимать все болѣе и болѣе вдохновленное выраженіе. Я представлялъ его уже великимъ, гордымъ, прославившимъ свое имя и все болѣе проникался уваженіемъ къ нему.

Съ этой поры, говорю, я весь потонулъ въ величіи Казиміра и всецѣло отдался его интересамъ.

Никогда я не забуду перваго чтенія его стиховъ. Мнѣ особенно льстило довѣріе, оказанное Казиміромъ. Я первый буду знать его стихи, потому что нельзя же считать Стефанію: что она въ стихахъ понимать можетъ? Когда я на другой день, послѣ обѣда, пришелъ звать Казиміра на дворъ, онъ доѣдалъ свой обѣдъ. Увидѣвъ меня онъ торжественно хлопнулъ себя по боковому карману, торжественно вытеръ губы и торжественно надѣлъ шапку.

Въ видахъ сохраненія тайны мы измѣнили своему крыльцу и направились на другой конецъ двора, въ пустой сарай. Въ немъ было навалено нѣсколько поломанныхъ деревянныхъ ящиковъ, разбитыя ширмы, да стояли старыя никуда негодныя сани. Мы усѣлись въ эти сани, и Казиміръ вынулъ изъ своего кармана, такъ бережно и осторожно, словно вынималъ драгоцѣнный стеклянный сосудъ, довольно толстую, затаскапную тетрадку сѣрой бумаги. Я насторожился. Онъ долго перелистывалъ ее, тяжело вздыхая или улыбаясь про себя; я же сгоралъ нетерпѣніемъ послушать стихи изъ устъ самого поэта. Наконецъ, онъ вздохнулъ какъ-то особенно глубоко и, меланхолически улыбнувшись, сказалъ:

— Ну, слушай!..

Чтеніе началось.

Читалъ онъ какимъ-то глухимъ, замогильнымъ голосомъ, обрывая каждую строчку. Вся фигура его преобразилась. Лицо залилъ румянецъ, глаза разгорѣлись, рука мѣрно махала въ тактъ каждому ударенію, и онъ сидѣлъ въ саняхъ, выпрямившись во весь свой тощій станъ, откинувъ голову и далеко отставивъ отъ себя тетрадь въ протянутой рукѣ.

Послѣ каждаго стихотворенія руки его опускались и лицо его обращалось ко мнѣ съ вопросительнымъ выраженіемъ.

— Хорошо, Казиміръ, очень хорошо! восклицалъ я.

Ему словно этого и нужно было. Лицо снова обращалось къ тетради, руки поднимались и чтеніе продолжалось.

— Хорошо, очень хорошо, Казиміръ! говорилъ я каждый разъ, когда лицо его обращалось ко мнѣ.

Наслажденіе было полное. Я былъ въ какомъ-то забвеніи; мысли неслись одна за другою, а ритмъ стиха мѣрно билъ мнѣ въ уши и заключался риѳмой. Что касается Казиміра, о немъ и говорить нечего. Послѣ двухъ-трехъ стихотвореній, онъ совершенно увлекся и уже читалъ ихъ одно за другимъ безъ всякой передышки и остановки. Только сгустившіяся сумерки заставили его опустить тетрадь на колѣни.

— Ну, что? Каково? обратилъ онъ ко мнѣ свое раскраснѣвшееся лицо съ блестящими глазами.

— Хорошо, очень хорошо, Казиміръ! подтвердилъ я съ искреннимъ восторгомъ.—Ты настоящій поэтъ!

Онъ улыбнулся, отвелъ рукою волоса, прилипшіе къ вспотѣвшему лбу, и заговорилъ съ жаромъ:

— Да, я знаю что поэтъ! Я знаю это, но никому не говорю, кромѣ тебя. Развѣ поймутъ, развѣ оцѣнятъ мои страданія люди? Я не могу бѣгать по лавочкамъ, чистить сапоги, выносить помои! Я знаю, что на мнѣ печать Бога, и я берегу ее (при этомъ онъ дотронулся рукою до лба, словно хотѣлъ ее ощупать). Если я теперь въ тягость матери, то я знаю, настанетъ время, когда я ей заплачу за всѣ труды. Мнѣ не нужно будетъ грязной работы. Мои стихи будутъ печатать, за нихъ будутъ платить деньги. Вонъ, Пушкину по червонцу за строку платили, прибавилъ онъ въ видѣ параллели.—Я буду въ состояніи обезпечить мать свою. Я покажу ей, что и я на что-нибудь способенъ!

— Казя! Казюкъ!.. Баринъ!.. раздался въ вечерней тишинѣ пронзительный голосъ Стефаніи.

Казиміръ сразу съежился.

— Господи! заторопился онъ растерянно,—про самоваръ-то я и забылъ совсѣмъ! Пойдемте скорѣе!

Мы выбрались изъ сарая.

Съ этой поры между мною и Казиміромъ возникли еще болѣе тѣсныя связи. Онъ читалъ мнѣ каждую написанную строку, и я все глубже проникался къ нему уваженіемъ и сочувствіемъ. Я постигъ совершенно смыслъ его стиховъ. Они, большею частью, выражали грустную жалобу на болѣзнь Казиміра, на его несчастную обстановку, на отсутствіе дружбы и сочувствія; въ нихъ слышались и скорбь, и слезы, и жажда смерти. Я помню, меня особенно поразили одни стихи, въ которыхъ Казиміръ, перечисляя всевозможные одушевленные и неодушевленные предметы, начиная отъ гранитнаго утеса до комара, выражалъ грустное сожалѣніе, зачѣмъ злая судьба создала его не однимъ изъ этихъ предметовъ, а именно—человѣкомъ. Даже и сейчасъ у меня въ памяти послѣдніе четверостишіе:

Зачѣмъ я не воздушный шаръ?
Зачѣмъ не водоросль я рѣкъ?
Зачѣмъ не птица, не комаръ?
О, для чего я человѣкъ!..

И я глубоко-глубоко жалѣлъ его. Худой, разслабленный, больной, со страдальческимъ лицомъ, вѣчно недовольный собою и другими, онъ не зналъ вовсе радостныхъ и веселыхъ дней! Жизнь его проходила или въ грязныхъ углахъ, нанимаемыхъ его матерью во время исканія себѣ мѣста, или въ душныхъ кухняхъ, гдѣ Стефанія жарилась у раскаленной плиты,—и все это время онъ ни минуты не переставалъ сознавать, что любимая мать колотится такъ изъ-за него, что онъ, 23-хъ-лѣтній парень, настолько слабъ и безсиленъ, что долженъ всею тяжестью заботъ о себѣ палечь на любимую мать-старуху. Все утѣшеніе его было: писаніе риѳмованныхъ строкъ, да игра на гитарѣ, которой онъ, одинъ, никѣмъ не признаваемый, повѣрялъ свои горести и мечтанія. И мое дѣтское сердце распалялось страстною, почти женскою, любовью къ бѣдному, больному Казиміру.

„Да, я буду его любить! давалъ я себѣ слово.—Буду его братомъ, другомъ!“

И я, правда, свято исполнялъ свое обѣщаніе. Да и не трудно было это, ибо въ Казимірѣ я видѣлъ какое-то особое существо, къ которому я съ каждымъ днемъ проникался все большимъ уваженіемъ. Особенно меня поразило его трудолюбіе.

— Видишь это? говорилъ мнѣ однажды Казиміръ, показывая толстую тетрадь.—Вотъ въ этой тетради вся суть моей поэзіи! онъ по ней щелкнулъ пальцами.

— Что же тутъ такое? спросилъ я.

— Тутъ, братъ, риѳмы!

— Риѳмы?

— Да, риѳмы! Ихъ тутъ сотни, тысячи! и когда онъ развернулъ тетрадь, я увидѣлъ, что она вся исписана словами въ риѳму. — Вотъ, какъ мнѣ нужно стихи писать, я сейчасъ и беру ее: положимъ, мнѣ надо къ слову „печаль“—риѳму. Я ищу (онъ перевернулъ нѣсколько страницъ и остановился). Вотъ видишь, тутъ все и написано: печаль—сталь—даль—едва-ль—шаль—эмаль. Я вотъ и думаю: какое слово взять лучше. Придумалъ,—записалъ. Потомъ, дальше. И такъ все стихотвореніе! Понялъ? Ха-ха-ха!..

Я понялъ только, что это трудно и очень долго.

— Трудно, долго! воскликнулъ онъ съ одушевленіемъ.—Что-жь ты думаешь: все даромъ дастся? Нѣтъ, надо и со стихами повозиться! А ты думалъ такъ: махъ и готово! Нѣтъ, это трудная, тяжелая работа!.. А ты знаешь, вдругъ перебилъ онъ самъ себя,—какъ я эту тетрадь составилъ?

— Не знаю, а какъ?

— А вотъ какъ: увижу стихи и сейчасъ риѳмы въ тетрадку записываю. Нарочно книжки, которыя со стихами, отыскивалъ. И сколько я этихъ стиховъ перечелъ — страсть! За то теперь давай какое хочешь стихотвореніе напишу!

— А я думалъ, что ты это все изъ головы пишешь.

— Изъ головы! повторилъ онъ, — изъ головы самая суть берется, идей какой-нибудь, а риѳмы изъ тетради. Такъ всѣ поэты дѣлаютъ, только у одного больше риѳмъ записано, а у другаго меньше, оттого и стихи получше или похуже бываютъ. Вонъ у Пушкина, ужь на что великій поэтъ, а и то иногда риѳмы не хватало, такъ онъ вовсе безъ риѳмы писалъ; ну, и худо. Изъ головы! Что-жь бы это и за работа была! Сѣлъ да и валяй! Нѣтъ, ты попиши, попройся! Вотъ что!..

Я окончательно убѣдился доводами Казиміра въ трудности писанія стиховъ.

Гитару мы теперь вовсе забросили, и вечера наши наполняли разговоры о стихахъ, о поэзіи, о вдохновеніи. Говорилъ, понятно, одинъ Казиміръ.

— Иногда вдругъ захочется съ музой побесѣдовать (онъ очень любилъ такія фразы). А тутъ тѣсно, да и не люблю я когда смотритъ кто, какъ я пишу. Пойдешь куда-нибудь на дворъ, въ сарай, и пишешь!

— Какъ же ты съ риѳмами тогда?

— Тогда я не беру тетради. Пишу безъ нихъ. А ужь потомъ подгоняю. А иногда и на память подбираю риѳмы.

— Ты вѣрно много помнишь ихъ?

— Порядкомъ. Да вотъ къ примѣру задай какое-нибудь слово.

— Ну — грачъ! задавалъ я наудачу.

— Грачъ — палачъ — врачъ — вскачь... Да сколько хочешь! прибавлялъ онъ хвастливо.

Во время такихъ разговоровъ характеръ Казиміра измѣнялся страннымъ образомъ. Робкій, застѣнчивый, словно забитый, почти всегда молчаливый, онъ дѣлался необыкновенно говорливъ и даже хвастливъ, если рѣчь заходила объ его поэзіи. Но я тогда не замѣчалъ хвастливости и вполнѣ увлекался рѣчами Казиміра. Стихи его дѣйствовали на меня чарующимъ образомъ. Я часто бралъ у него тетрадку и перечитывалъ ихъ наединѣ. Разъ я показалъ ихъ даже своему репетитору, за что онъ назвалъ и меня, и Казиміра дураками.

Библиотека "Руниверс"

Я очень тогда обидѣлся, но почему-то воздержался сказать объ этомъ Казиміру. Напротивъ, соврал ему.

— Я знаю, что мои стихи понравятся всякому умному человѣку, хвастливо улыбнулся онъ,—я думаю о нихъ всѣ заговорятъ, когда я ихъ напечатаю.

— А какъ ты напечатаешь ихъ? спросилъ я.

— Это-то не трудно! Сперва ихъ въ Петербургъ, къ цензурѣ послать, чтобы разрѣшили мнѣ ихъ печатать.

— Къ цензурѣ?

— Да! Это такой чиновникъ есть — цензурой называется. Важный генералъ, пояснилъ онъ.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ? Какъ онъ разрѣшитъ — надо въ типографію нести и велѣть напечатать. Они ужь должны будутъ, если цензура велитъ. Ну, а тамъ — продавай книжечки, да денежки загребай!..

Это было такъ легко и просто, что я спросилъ, отчего онъ не сдѣлаетъ такъ.

— Сдѣлать! Давно бы сдѣлалъ, а гдѣ денегъ взять? Бумага, перья. Однѣхъ марокъ сколько! воскликнулъ онъ съ отчаяньемъ и поникъ головою.

Да! только отсутствіе денегъ мѣшало прославиться Казиміру. Долго мы думали гдѣ бы раздобыть ихъ, и рѣшили ждать Рождества, когда и онъ и я что-нибудь получимъ въ подарокъ. Но случай помогъ намъ гораздо ранѣе привести въ осуществленіе, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями, планы Казиміра.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго разговора, Казиміръ встрѣтилъ меня особенно радостно.

— Я тебѣ такую штуку скажу сегодня, что ты ахнешь просто, объявилъ онъ мнѣ, улыбаясь во весь ротъ.

— Что же такое, Казиміръ?

— А вотъ послушай.

И онъ въ самомъ дѣлѣ разсказалъ штуку.

Онъ раньше ошибался, сильно ошибался. Славу и деньги пріобрѣсти гораздо легче чѣмъ онъ думалъ. Для этого надо только снести свои стихи къ редактору городской газеты и онъ тотчасъ ихъ напечатаетъ, да еще и деньги заплатитъ.

— И узналъ-то я совсѣмъ случаемъ про эту штуку, разсказывалъ Казиміръ, мимоходом отирая лицо рукою. — Пришелъ въ лавку (твоя мамаша за сахаромъ посылала), а тамъ хозяинъ газету читаетъ. Я говорилъ съ нимъ, да межъ разговора и сказалъ: „трудно должно-быть газету въ одну ночь написать; вѣрно ее заранѣе на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ заготовляютъ?“ Хозяинъ засмѣялся и говоритъ: „нѣтъ, ее въ одинъ день пишутъ“. — „Какъ же такъ?“ спрашиваю я. — „Да такъ, говоритъ, вы принесете статейку, я принесу, а редакторъ возьметъ ихъ и напечатаетъ, да еще намъ съ вами деньги заплатитъ“. Я тутъ не вытерпѣлъ и спросилъ: „и стихи можно?“—„И стихи, говоритъ, можно; все, что хотите“, говоритъ. Я, знаешь, съ радости проговорился даже, что стихи пишу. „Что-жъ, говоритъ, несите“.

Онъ окончилъ и, улыбаясь, посмотрѣлъ на меня. Я чуть не прыгнулъ отъ радости.

— Ну, что же, Казиміръ, отлично: перепишемъ и пошлемъ! воскликнулъ я.

— И пошлемъ! подтвердилъ онъ, потирая руки.

— Только какіе? предложилъ я вопросъ.

— Вотъ я и хотѣлъ съ тобою посовѣтоваться объ этомъ. Всѣ сразу, я думаю, много будетъ? а?

— Всѣ много.

— Такъ вотъ какіе? повторилъ онъ задумчиво.

— Знаешь что, Казиміръ! оживился я,—прежде всего: „Для чего я человѣкъ?“ Это очень хорошіе стихи! потомъ...

— Да... потомъ?

— Потомъ... я замялся, перебирая въ умѣ заглавія.—Потомъ пошлемъ „Розу“! предложилъ я.

„Роза“ это было длинное стихотвореніе, гдѣ Казиміръ сравнивалъ какую-то дѣвушку — которую, какъ онъ говорилъ, и самъ не знаетъ — съ розою, постепенно начиная отъ корня проводить параллели.

— Ты думаешь, хорошо это? спросилъ Казиміръ.

— Отлично! Я даже запомнилъ нѣсколько строчекъ. Помнишь:

Какъ у розы лепесточки
Въ ясный день весны,
Такъ и ваши щечки
Свѣжи и красны...

продекламировалъ я.

Ему это очень понравилось. Онъ улыбнулся.

— Ну, такъ ладно! рѣшилъ онъ. — Значитъ: „Роза“ и „Для чего я человѣкъ?“

Я кивнулъ головою.

— Два не мало?

— Нѣтъ; я думаю, на первый разъ довольно. А тамъ вѣдь каждый день печатать станутъ! предположилъ я съ увѣренностью.

Это открыло, такъ сказать, шлюзы нашей фантазіи и мы вплоть до чая промечтали о наслажденіи видѣть напечатанными стихи Казиміра.

Онъ въ тотъ же вечеръ сѣлъ за переписку. Долго я сидѣлъ подлѣ него, молча смотря, какъ онъ, положивъ грудь и руки на столъ и водя головою вслѣдъ за очертаніями буквы, старательно вырисовывалъ строку за строкой, послѣ каждой откидываясь назадъ и сбоку поглядывая, ровны-ли. Наконецъ, я ушелъ спать, а онъ все еще выводилъ свои строчки...

На другой день я не ушелъ еще въ гимназію, когда онъ, подавая самоваръ, шепнулъ мнѣ: „отдалъ“.

Я не вытерпѣлъ и выскочилъ вслѣдъ за нимъ на кухню.

— Когда же успѣлъ ты?

— Какъ за хлѣбомъ пошелъ, такъ и забѣжалъ.

— Когда же напечатаютъ? спросилъ я, думая въ простотѣ души, что достаточно снести только, чтобы были стихи напечатаны.

— Это мнѣ въ воскресенье скажутъ.

— Самъ пойдешь?

— Самъ.

— А меня возьмешь съ собою?

— Ладно, пойдемъ!

Былъ вторникъ и до воскресенья оставалось пять дней. Это было ужасно много для нашего терпѣнія. Для Казиміра этотъ срокъ былъ мучительною агоніей. Онъ то предавался надеждамъ и, увлекшись ими, пускался въ самыя отчаянныя предположенія, то вдругъ говорилъ разочарованнымъ, убитымъ голосомъ:

— Нѣтъ; я знаю, изъ этого ничего не выйдетъ!

И лицо его дѣлалось при этомъ такимъ жалкимъ, страдальческимъ, что я спѣшилъ утѣшить его.

— Да нѣтъ, Казиміръ, ты же самъ говорилъ, что они все берутъ!

— Берутъ, если понравится.

— Да развѣ твои стихи могутъ не понравиться? предлагалъ я ему вопросъ и этимъ обыкновенно разрушалъ всѣ сомнѣнія. Добрый Казиміръ былъ слишкомъ увѣренъ въ своемъ дарованіи!

Но въ субботу вечеромъ, наканунѣ роковаго воскресенья, даже этотъ вопросъ не былъ въ силахъ разрушить сомнѣній Казиміра. Онъ совершенно измучился и бродилъ какъ потерянный.

— Вотъ увидишь, Казиміръ, говорилъ я веселымъ голосомъ, стараясь его ободрить,—какъ насъ тамъ встрѣтятъ! Они обрадуются, ей Богу, обрадуются твоимъ стихамъ.

Самъ я ни минуты не сомнѣвался въ успѣхѣ.

Но Казиміръ не слушалъ. Уныло повѣсивъ голову, онъ сидѣлъ не говоря ни слова и только изрѣдка поднималъ на меня глаза, вдругъ спрашивая:

— Такъ напечатаютъ, думаешь?

— Напечатаютъ, непремѣнно напечатаютъ! торопился я его увѣрить, и онъ снова опускалъ свою голову до новаго повторенія того же вопроса.

Я увѣренъ, что онъ не спалъ эту ночь.

Наступило воскресенье. Я выпросился погулять съ Казиміромъ и пошелъ на кухню звать его. Онъ стоялъ передо мною въ нерѣшительной позѣ.

— Знаешь что? спросилъ онъ вдругъ,—идти-ли намъ?

— То есть какъ это? изумился я,—когда же мы пойдемъ, если не теперь?

— Въ слѣдующее воскресенье.

— Да что ты! воскликнулъ я,—еще до слѣдующаго недѣля цѣлая. Сколько ты за это время новыхъ напечатаешь!

— Да-а-а, нерѣшительно протянулъ онъ,—а вдругъ откажутъ?

При этомъ предположеніи онъ даже поблѣднѣлъ.

— Э, Господи! потерялъ я терпѣніе,—есть время разсуждать объ этомъ! Идешь, или нѣтъ?

Казиміра побѣдила моя энергія. Онъ взялъ фуражку и мы вышли.

— Далеко это? спросилъ я.

— Тутъ же, на Спротской, мотнулъ онъ головой и упорно замолчалъ.

Видно было, что онъ глубоко задумался. Его длинныя, тонкія ноги безсознательно дѣлали такіе гигантскіе шаги, что я еле поспѣвалъ. Онъ шелъ согнувшись, глубоко засунувъ руки въ карманы и опустивъ глаза въ землю. Такъ дошли мы до роковаго подъѣзда съ большою черною доскою, на которой золотыми буквами было начертано: „Редакція“.

— Знаешь что? остановился вдругъ Казиміръ,—вернемся-ка домой.

— Для чего же это?

— Да можетъ не прочли еще; могутъ подумать, что надоѣдаю; разсердятся; лучше до слѣдующаго воскресенья подождемъ!

Я разсердился.

— Ждать! легко сказать: еще недѣлю подождать! За это время надрожался, а тутъ еще недѣля! Да въ умѣ-ли ты? Ну, не трусъ-ли ты! И чего бояться? Примутъ—хорошо, не примутъ—чортъ съ ними!

Казиміръ оживился:

— Такъ звонить, что-ли? спросилъ онъ.

— Понятно, звонить! отвѣчалъ я и смѣло дернулъ за ручку

Библиотека "Руниверс"

Урокъ танцевъ у нашихъ прабабушекъ. Съ карт. Розенталя, грав. Бренданръ.

Библиотека "Руниверс"

звонка. Сердце во мнѣ замерло, когда я заслышалъ шаги за дверями. Казиміръ же сдѣлался бѣлъ, какъ холстъ.

Насъ ввели въ переднюю и попросили подождать немного. Мы стали ждать.

У Казиміра, какъ говорится, душа ушла въ пятки, что̀ онъ потомъ подтвердилъ и самъ, разсказывая о своемъ ожиданіи. Онъ стоялъ сгорбившись, разставивъ ноги и вертя въ рукахъ фуражку, на которой сосредоточилъ все свое вниманіе, словно она хотѣла убѣжать отъ него. Что касается меня, то я ожидалъ редактора съ неменьшимъ волненіемъ, и вопросъ: примутъ или нѣтъ—неотступно сверлилъ мнѣ голову. Я прислушивался къ каждому шороху. Вдругъ за дверью раздались кашель и хрипѣнье и въ комнату вошелъ редакторъ. Мы встрепенулись. Казиміръ затрясся на мѣстѣ и усиленно завертѣлъ фуражкой...

Редакторъ былъ на голову выше Казиміра и почти вдвое тоньше. Тонкія ноги его подгибались и дрожали, словно онъ хотѣлъ упасть передъ нами на колѣни. Маленькая голова съ огромными черными очками и маленькою сѣдою бородкой трясласъ на длинной шеѣ, повязанной черномъ галстухомъ. Разстегнутый черный сюртукъ висѣлъ ниже колѣнъ и, ударяясь полами о нихъ, тоже дрожалъ. Если бы ко всему этому у него щелкали зубы, можно было бы подумать, что онъ вскочилъ съ постели во время лихорадочнаго озноба.

Въ рукахъ у него дрожалъ листъ исписанной бумаги. Онъ подошелъ совсѣмъ близко къ Казиміру и заговорилъ, махая листомъ. Казиміръ выпрямился, насколько могъ, и даже зажмурился на моментъ отъ страха.

— Ваши стихи?

Сразу нельзя было разобрать, что̀ говорилъ редакторъ: у него во рту словно былъ колышекъ, который онъ во время рѣчи долженъ былъ постоянно отстранять языкомъ.

— Ваши стихи? повторилъ онъ снова.

— Мои-съ! отвѣтилъ Казиміръ съ низкимъ поклономъ и какою-то несчастною попыткою улыбнуться. Руки его вытянулись по швамъ, весь онъ нагнулся впередъ и его, устремленные на редактора, глаза готовы были выскочить.

— Я могу ихъ напе..... кха, кха, кха!.. Редакторъ страшно закашлялся и потомъ долго отплевывался. Казиміръ такъ къ нему нагнулся, словно хотѣлъ вырвать изъ горла продолженіе рѣчи. —...напечатать ихъ, окончилъ отдохнувъ редакторъ,—только... кашель! проклятый кашель!—Его очки прыгали, какъ живыя, ноги тряслись, какъ студень. Казиміръ напрягся, какъ скаковая лошадь.—...Только за плату.

Казиміръ и я облегченно вздохнули.

„Ура! наша взяла!“ воскликнулъ я мысленно.

— Да, я слышалъ, что вы платите, только не зналъ сколько, скромно замѣтилъ Казиміръ.

Редакторъ вдругъ разсердился:

— *Вы*, *вы* заплатите! почти закричалъ онъ,—за каждую строку, которую я напечатаю, заплатите!

Послѣ этого крика онъ даже поспѣлъ отъ припадка кашля и въ безсиліи опустился на стулъ.

Казиміръ поблѣднѣлъ и откинулся, словно его ударили полѣномъ по головѣ. У меня замерло сердце. Бѣдный Казиміръ! ты не ожидалъ такого афронта!

Редакторъ отдохнулъ и, видя волненіе Казиміра, заговорилъ мягкимъ тономъ:

— Я могу это для васъ... кха, кха!.. подешевле устроить... Напечатаемъ на послѣдней страницѣ. Это... кха, кха! много дешевле. Потомъ можно все въ строку напечатать!

— То-есть какъ въ строку? пролепеталъ Казиміръ.

— Такъ: все подъ-рядъ, въ строку, какъ прозу, пояснилъ редакторъ.

Казиміръ едва могъ говорить отъ волненія. Онъ протянулъ руку за стихами.

— Нѣтъ... ужь позвольте... я не хочу такъ...

— Не хотите? переспросилъ редакторъ, все еще задерживая листокъ,—а я бы съ васъ дешево взялъ... по 8 копѣекъ за строку? а?

Но Казиміръ не слушалъ и все стоялъ съ протянутой рукой. Редакторъ съ неудовольствіемъ отдалъ листокъ:

— Какъ хотите!

Мы направились къ дверямъ.

— Слушайте! по 5 копѣекъ! крикнулъ намъ вслѣдъ редакторъ, но мы не слушали и вышли на улицу. Горе совершенно сразило насъ.

Казиміръ шелъ тѣми же гигантскими шагами, низко опустивъ голову, и мнѣ порою казались на его глазахъ слезы. Такого блѣднаго, страдающаго лица я у него еще не видѣлъ. Грустные, унылые пришли мы домой, не сказавъ другъ другу ни слова, и такіе же грустные сошлись послѣ обѣда, по обыкновенію, погулять на дворѣ. Во время нашей прогулки Казиміръ заговорилъ съ горечью:

— Литература! Самая трудная, самая неблагодарная дорога выпала на мою долю!..

Я взглянулъ на Казиміра. Онъ говорилъ, мрачно уставившись въ землю.

— Работай! трудись! ночей не спи въ бесѣдахъ съ музою! набирай риѳмы и потомъ... вотъ!..—Онъ трагически ткнулъ пальцемъ въ ту сторону, гдѣ находилась редакція.—Еще самъ плати! Самъ плати, когда денегъ нѣтъ на марки даже!..

Онъ помолчалъ немного, потомъ заговорилъ снова:

— Да, правда! я читалъ въ одной книжкѣ, что тамъ, у писателей—зависть, злоба, одинъ другаго съѣсть готовъ!..

— Казиміръ! не утерпѣлъ я,—да кто же тебѣ завидуетъ?

— Кто? Да хоть бы этотъ редакторъ! Ты думаешь, отчего онъ предложилъ заплатить ему? изъ зависти, изъ корысти! Увидѣлъ дарованіе, захотѣлъ нажиться. Это всегда такъ бываетъ. Я вотъ читалъ, какъ изъ Бѣлинскаго всѣ соки выжали. Такъ и написано: всѣ соки выжали!

— Кто же этотъ Бѣлинскій? спросилъ я.

— Кто?.. кто?.. писатель былъ такой. Вѣрно извѣстный, если о немъ въ книгахъ пишутъ!

Мы замолчали. Лицо у Казиміра имѣло злое, раздраженное выраженіе. Наконецъ, я прервалъ молчаніе:

— Казиміръ, что̀ же ты теперь дѣлать хочешь?

— Что хочу? переспросилъ онъ и задумался.—Да развѣ я знаю, что хочу?.. Слушай!.. вдругъ началъ онъ торжественно, и мы остановились посреди двора.—Я хочу видѣть свои стихи напечатанными. Я прежде думалъ объ этомъ для одной своей матери. Я думалъ помочь ей, принести ту пользу, которую обязанъ принести. Но теперь, теперь я хочу этого для себя, для своихъ стиховъ! Чтобы читали мои стихи, чтобы говорили: это написалъ Казиміръ! Вотъ чего я хочу! И я добьюсь своего! закончилъ онъ пророчески.—Пусть тотъ дуракъ не хотѣлъ взять ихъ. Онъ или завидовалъ, или хотѣлъ поживиться отъ меня. Но я добьюсь своего! Мои стихи напечатаютъ, меня всѣ прочтутъ!..

— Но какъ ты это сдѣлаешь, Казиміръ?

— Какъ сдѣлаю? какъ? Господи! воскликнулъ онъ,—да я и самъ не знаю!

Онъ закрылъ лицо руками.

Бѣдный Казиміръ! вѣра въ свой талантъ поколебалась въ немъ—и онъ старался поддержать себя; но порою отчаянье овладѣвало имъ, и онъ окончательно терялся. Я тогда не понималъ его состоянія: я только видѣлъ, что ему тяжело; думалъ, что его глубоко, безпричинно обидѣли, и я жалѣлъ его всею силою своего искренняго чувства.

„Бѣдный Казиміръ, думалъ я,—его притѣсняютъ, ему завидуютъ лишь потому, что онъ талантливъ! Если бы эти люди знали, сколько онъ переноситъ изъ-за нихъ!“

И я твердо вѣрилъ, что настанетъ то время, о которомъ такъ пророчески заявилъ Казиміръ, когда всѣ прочтутъ стихи его и будутъ его любить и сочувствовать ему. Но наши мечты и планы разрѣшились совершенно неожиданно и трагически въ самомъ непродолжительномъ времени.

Учитель русскаго языка задалъ намъ выучить стихи „на выборъ“, т. е. кто какіе захочетъ. Я рѣшился выучить стихи Казиміра! Не знаю, когда именно появилась въ моей головѣ эта дикая мысль, но она появилась—и я поспѣшилъ передать ее Казиміру самымъ восторженнымъ тономъ.

— Я выучу твое послѣднее стихотвореніе, продолжалъ я, изложивъ уже Казиміру главную суть,—оно самое чувствительное. Оно прямо бьетъ въ сердце и всѣ почувствуютъ жалость, когда я прочту его. Потомъ Семенъ Петровичъ (такъ звали учителя) спроситъ: чьи это стихи? и я скажу, что твои. Всѣ похвалятъ тебя. Товарищи пойдутъ домой и разскажутъ про тебя. На другой день всѣ заговорятъ про тебя; всѣмъ захочется почитать твои стихи. Редактору станетъ совѣстно, и онъ запроситъ у тебя стиховъ!

Я совсѣмъ увлекся. Перспективы одна другой заманчивѣе рисовались въ моемъ воображеніи, и я развертывалъ передъ Казиміромъ чудныя картины торжества и славы.

Казиміръ слушалъ меня, буквально разинувъ ротъ. Мысль моя была настолько неожиданна, что ошеломила его.

Наконецъ я окончилъ и восторженно взглянулъ на Казиміра. Лицо его было мокро отъ слезъ. Онъ схватилъ мою руку и поцѣловалъ ее. Я не вытерпѣлъ, тоже заплакалъ и обнялъ его:

— Милый Казиміръ! Я для тебя все, все сдѣлаю!

И въ эту минуту я почувствовалъ какое-то самолюбивое сладкое чувство, словно я сдѣлалъ геройскій подвигъ на пользу ближняго. Увы! я тогда и не думалъ, что мой поступокъ дѣйствительно геройскій.

Этотъ вечеръ мы такъ же мечтали, какъ и передъ походомъ въ редакцію, и—такова натура человѣка—Казиміръ, успокоившись отъ волненій, не отставалъ отъ меня, рисуя самыя фантастическія перспективы...

На другой день я принялся изучать стихи. Это былъ для меня не малый трудъ, ибо я обладалъ исключительною неспособностью въ дѣлѣ заучиванья наизусть; но глубокій интересъ, заключавшійся въ этомъ случаѣ, придалъ мнѣ необыкновенную способность—и въ одинъ вечеръ стихи были заучены.

Остальные вечера мы проводили въ репетированіи выученныхъ стиховъ и въ мечтаніяхъ по поводу несомнѣннаго эффекта, ожидающаго меня съ этими стихами. Наканунѣ вечеромъ мы еще разъ репетировали стихи и разошлись ранѣе обыкновеннаго. Утромъ, собираясь уходить, я зашелъ на кухню и торжественно пожалъ руку Казиміра.

Библиотека "Руниверс"

— Дай Боже! прошепталъ онъ, дѣлая попытку улыбнуться.

— Не робѣй, Казиміръ, я иду! произнесъ я въ отвѣтъ и черезъ минуту уже летѣлъ въ гимназію.

Едва я явился на уроки, какъ уже успѣлъ заявить двумъ-тремъ товарищамъ, какимъ чудомъ я хочу поразить Семена Петровича.

Когда начался урокъ, весь классъ былъ въ напряженномъ ожиданіи.

Я думаю, можно было услыхать стоны мухи въ лапахъ паука, когда учитель произнесъ мою фамилію.

Я всталъ. Глаза мои, я увѣренъ, горѣли необыкновеннымъ блескомъ, ибо въ эту минуту мнѣ казалось, что я совершаю нѣчто необычайной важности. Какъ-то восторженно вибрировалъ мой голосъ, когда я началъ свою декламацію:

Болѣзнь моя страдальная...

— Что-о-о?! произнесъ Семенъ Петровичъ и сошелъ съ каѳедры.

— Болѣвнь моя страдальная, Семенъ Петровичъ, повторилъ я.

— Продолжайте!

Я продолжалъ:

Что влѣзла ты въ меня?
Какъ вѣдьма окаянная
Что мучаешь меня?

Семенъ Петровичъ даже привскочилъ на мѣстѣ и какъ-то зловѣще произнесъ:

— Дальше!

Нѣсколько товарищей громко фыркнули. Я увидѣлъ, что дѣло принимаетъ худой оборотъ и рѣшилъ силою впечатлѣнія послѣднихъ строкъ покорить сердце Семена Петровича. Я собрался съ духомъ и залпомъ, чтобы меня не перебили, произнесъ:

Иль хочешь жизнь мою ты погубить?
Иль хочешь душу отравить?
Оставь, змѣя поганая,
Еще хочу, хочу я жить!..

Но несмотря на то, что обращеніе къ поганой змѣѣ я произнесъ поразительно эффектно, несмотря и на то, что я выразилъ желаніе Казиміра жить такъ сильно, словно я лежалъ на смертномъ одрѣ, — не было и слѣда ожидаемаго эффекта. Говорю: „ожидаемаго", потому что эффектъ я все-таки произвелъ огромный.

Учитель стоялъ посреди класса, разставивъ ноги и валожа руки въ карманы, причемъ на губахъ его была язвительная улыбка, а глаза такъ пристально устремлены на меня, что я не зналъ, куда дѣваться со своими. Нѣкоторые товарищи отъ смѣха повалились подъ лавку; другіе—въ какомъ-то изступленіи гоготали, колотя кулаками по столу и ногами по полу. Я былъ оглушенъ, пораженъ и умоляюще взглянулъ на Семена Петровича. Онъ не выдержалъ и громко, пронзительно расхохотался.

— Ха-ха-ха, оставь, змѣя поганая! повторялъ онъ среди хохота, словно захлебываясь отъ восторга.

Классъ гоготалъ пуще прежняго. Мнѣ казалось, что я слышу запахъ паленыхъ волосъ, такъ сильно я покраснѣлъ.

Къ счастью, раздался звонокъ. Смѣхъ на время прекратился. Учитель взялъ съ каѳедры журналъ.

— Я вамъ не поставлю единицы, обратился онъ ко мнѣ,— но скажите, какого дурака эти стихи? Ужь не ваши-ли?

Съ этими словами онъ вышелъ изъ класса.

Я въ безсиліи опустился на скамейку. Слезы полились у меня. Меня не волновали ни хохотъ товарищей, ни разговоры ихъ, меня не обижали ихъ возгласы: „оставь, змѣя поганая", которыми они отгоняли другъ друга. Нѣтъ! меня болѣе всего поражала мысль, что Казиміръ — не поэтъ!..

. . . . . .

Казиміръ по лицу моему увидѣлъ, что не оправдались наши надежды, и грустно поникъ головою, не рѣшаясь даже предлагать мнѣ вопросовъ. Когда же послѣ обѣда я задыхающимся голосомъ передалъ ему всю исторію,—я видѣлъ какъ все ниже и ниже опускалась голова его, какъ блѣднѣли его щеки и какъ двѣ крупныя слезы, блеснувши на рѣсницахъ, покатились по лицу его.

— Казиміръ, не плачь! Бога ради, не плачь! бросился я къ нему, самъ не зная, отчего у меня перехватывало горло,— что же изъ того, что ты не поэтъ?

— Да, не поэтъ! словно эхо повторилъ онъ, и его слова такъ глухо прозвучали, что я не на шутку испугался.

Мы весь вечеръ просидѣли грустные, унылые, безмолвные, и я тогда уже догадывался, что что-то страшное, мучительное совершается въ душѣ Казиміра. Лицо его было блѣдно, глаза тусклы и мутны, и длинное туловище его гнулось, словно не выдерживало тяжести мысли. Я только теперь понимаю, какая кровавая операція происходила въ мозгу его!..

На другое утро Казиміра не оказалось. Напрасно выла и причитала Стефанія по своемъ миломъ, дорогомъ Казѣ, напрасно мой отецъ поднялъ полицію на ноги—Казиміра нигдѣ не было. Я разсказалъ все, что происходило между нами, и всѣ единогласно порѣшили, что онъ покончилъ съ собою.

Спустя немного, оставила насъ и Стефанія, все неутѣшная по своемъ погибшемъ сынѣ...

Лѣтъ черезъ восемь мнѣ пришлось пробыть въ Бѣлостокѣ двое сутокъ. Идя на вторыя сутки рано утромъ по улицѣ, я вдругъ остановился въ изумленіи: по другой сторонѣ мнѣ навстрѣчу шелъ Казиміръ! Узнать его можно было сразу. Онъ совсѣмъ не измѣнился: то же блѣдное, изможденное лицо, та же тощая сгорбленная фигура, тѣ же гигантскіе шаги; только отсутствовала вѣчная его коломенковая пара, замѣненная теперь не дорогимъ, но очень приличнымъ суконнымъ платьемъ. Я быстро перебѣжалъ улицу и остановилъ его:

— Казиміръ! вы-ли это? воскликнулъ я невольно.

Онъ нѣсколько оторопѣлъ отъ неожиданнаго моего возгласа, но потомъ, пристальнѣе вглядѣвшись въ меня, просіялъ самымъ неподдѣльнымъ восторгомъ.

— Баринъ! вы какъ сюда попали? А вѣдь я все къ вамъ писать собирался.

И онъ съ искреннею радостью сталъ пожимать мнѣ руки. Если онъ не измѣнился снаружи, то внутренняя перемѣна бросалась въ глаза. Прежняго робкаго, забитаго Казиміра не было и слѣда; его замѣнилъ какой-то смѣлый, самоувѣренный Казиміръ, не лишенный сознанія своего достоинства. Я совершенно недоумѣвалъ и, сгорая любопытствомъ, просто закидалъ его вопросами. Онъ на все отвѣчалъ только улыбкою.

— Послѣ, послѣ узнаете, заговорилъ онъ,—а теперь совсѣмъ некогда. Вы къ намъ непремѣнно сегодня чай кушать! Какъ мамаша-то рада будетъ! улыбнулся онъ.

— И мамаша съ вами?

— Какъ же! Уже третій годъ вмѣстѣ живемъ. Да вы приходите сегодня чай пить. Все, какъ есть, по порядку разскажу.

Онъ сталъ торопливо прощаться, объясняя мнѣ свой адресъ.

— Да куда вы торопитесь такъ? полюбопытствовалъ я.

— Дѣло-съ!

При этомъ онъ подмигнулъ совершенно, какъ прежде, и вынувъ таинственно изъ кармана пакетъ, показалъ мнѣ. Я прочелъ адресъ. Письмо было адресовано въ редакцію одного петербургскаго иллюстрированнаго журнала.

— Опять стихи?! невольно возмутился я, вспомнивъ свое дѣтское дурацкое поклоненіе его таланту.

— Стихи-съ, хихикнулъ Казиміръ и затѣмъ снова заторопился,—такъ вы придете?

— Приду, обѣщался я.

И онъ поспѣшно зашагалъ отъ меня.

Меня очень заинтересовалъ Казиміръ. Я привыкъ считать его уже умершимъ и вдругъ... онъ не только не умеръ, но даже, по всѣмъ видимостямъ, находится въ блестящемъ положеніи...

Стефанія видимо ожидала меня и встрѣтила такъ радушно и привѣтливо, словно я былъ ихъ ближайшимъ родственникомъ.

— Какъ обрадовалась-то я, какъ обрадовалась! просто не вѣрю даже Казѣ, когда онъ сказалъ, что вы придете!

При этомъ она нагнулась поцѣловать мою руку.

— Вотъ, милый баринъ, продолжала она, — посмотрите-ка какой у меня молодецъ Казя сталъ! Какъ мы живемъ теперь! Пожалуйте, вотъ сюда, тутъ получше будетъ.

И она усадила меня за круглый диванный столъ на мягкое кресло. Я осмотрѣлся. Они занимали самостоятельную квартирку изъ комнаты и кухни. Все кругомъ было чисто и просто. Кровать съ занавѣсками („это для Казя, а я на кухнѣ сплю", пояснила Стефанія), комодъ, столъ, диванъ, мягкая мебель и подъ окномъ стоялъ очень приличный письменный столъ съ полнымъ приборомъ. Надъ столомъ висѣла гитара. Стефанія, слѣдя за моими глазами, предупредила вопросъ:

— Это ужь Казя себѣ завелъ. „Какъ, говоритъ, хотите, мамаша, а только безъ письменнаго стола и писанія я жить не могу". Что же, думаю, пусть пишетъ: все лучше, чѣмъ пьянствовать.

Мнѣ понравился этотъ утилитарный взглядъ на писаніе.

— Да гдѣ же онъ самъ-то? спросилъ я.

— Сейчасъ придти долженъ. Онъ тутъ неподалеку на фабрикѣ работаетъ. Въ девять часовъ кончается.

— На какой фабрикѣ?

— На шляпной. Блеймилира слыхали когда-нибудь? Такъ вотъ у него.

— Что же онъ тамъ дѣлаетъ? спросилъ я, вспомнивъ здоровье и сложеніе Казиміра.

— А за рабочими смотритъ. Въ родѣ какъ надзиратель. Теперь, слава Богу, шестьдесятъ рублей получаетъ, съ гордостью проговорила она.

Въ это время дверь отворилась и вошелъ Казиміръ. Онъ съ тѣмъ же радушіемъ бросился пожимать мнѣ руки.

— Что же это вы, мамаша? обратился онъ къ Стефаніи съ упрекомъ.—Такой дорогой гость пришелъ, а вы и не угощаете ничѣмъ!

— Тебя ждала, Казя, засуетилась Стефанія, — да и самоваръ не готовъ. Вотъ сію минуту закипитъ и подамъ.

Съ этими словами Стефанія скрылась въ кухню и тамъ на-

Библиотека "Руниверс"

чала звенѣть посудою; потомъ появилась въ комнатѣ, снова скрылась въ кухнѣ и, послѣ нѣсколькихъ такихъ рейсовъ, на столѣ, уставленномъ закуской и сластями, шумѣлъ и свистѣлъ кипящій самоваръ. Тѣмъ временемъ Казиміръ разсказалъ мнѣ свою исторію.

Поняв., что нельзя извлечь никакихъ выгодъ изъ своего поэтическаго дарованія, онъ прямо направился на эту фабрику искать работы. Быстроту своего ухода, вѣрнѣе бѣгства, онъ объяснилъ стыдомъ передо мною: „я бы на другой день не могъ и въ глаза вамъ взглянуть". За работу онъ принялся усердно. Черезъ пять лѣтъ выписалъ свою мать.

— Съ чесанія шерсти началъ, докончилъ онъ не безъ нѣкотораго хвастовства, — съ шести рублей! а теперь, какъ видите, живемъ помаленьку. Шестьдесятъ рублей, скоро годъ какъ получаю!

— Хорошо, очень хорошо, Казиміръ! похвалилъ я его.— Вамъ бы прямо съ этого начать надо!

— Эхъ, баринъ, баринъ! отвѣтилъ Казиміръ, качая головою.—Да если бы я зналъ только, что человѣкъ, отдавшійся литературѣ, долженъ съ голоду помирать, развѣ бы я медлилъ? Вѣдь я все разбогатѣть со стиховъ-то думалъ!.. А теперь-съ я понялъ!.. Понялъ, что поэзія можетъ дать только славу, но не деньги; для нихъ работать надо. И я сталъ работать для денегъ и продолжаю писать для славы!

И онъ торжественно взглянулъ на меня.

„Тотъ-же, тотъ-же! подумалъ я.—Прежній Казиміръ".

И мнѣ стало тяжело слушать его глупое, задорное хвастовство.

— И много вы пишете? спросилъ я его послѣ минутнаго молчанія.

— Порядочно-съ! скромно замѣтилъ Казиміръ. — У меня и напечатанное есть!

— Напечатанное?!

— Да-съ! нѣсколько обиженно подтвердилъ онъ и тотчасъ вынулъ изъ кармана аккуратно-сложенный листъ дешевенькой столичной газетки.

На послѣдней страничкѣ, за полною подписью Казиміра, были напечатаны 4 строки „на смерть генерала N".

— Я имъ длинные послалъ, пояснилъ Казиміръ, осторожно укладывая листокъ обратно въ карманъ, — а они изъ нихъ только четыре строки напечатали. Ну, да это ничего, заговорилъ онъ оживленно, — первый шагъ уже сдѣланъ. Самое главное. Мое имя появилось въ печати. Я теперь въ перепискѣ почти со всѣми редакціями!

— Что же, печатаютъ стихи ваши?

— Нѣтъ, отказываютъ почему-то; а между тѣмъ вотъ въ журналѣ (онъ назвалъ петербургскій иллюстрированный журналъ), — при отвѣтѣ и стихи напечатали. Есть отдѣленіе у нихъ: „Почтовый ящикъ" называется.

Казиміръ замолкъ. Я рѣшительно не былъ въ состояніи вести бесѣду въ этомъ направленіи. Казиміръ опять началъ:

— Утромъ-то когда васъ встрѣтилъ — это я къ нимъ стихи послалъ и, чтобы они не подумали, что я какой-нибудь, № газеты тоже, гдѣ напечатано мое имя. Можетъ, это подѣйствуетъ на нихъ.

— Только переводъ деньгамъ съ этими стихами, вмѣшалась въ разговоръ Стефанія.

Казиміръ быстро обернулся къ ней.

— Молчите, мамаша! Сколько разъ я вамъ говорилъ, чтобы вы не вмѣшивались, когда я съ умными людьми разговариваю! Вѣдь вы ровно ничего не понимаете!

— Чего и понимать-то! Вѣрите-ли, баринъ, обратилась Стефанія уже ко мнѣ, — что ни день, письмо со стихами посылаетъ; то одна марка, то двѣ, а вотъ на прошлой недѣлѣ такъ четыре закатилъ. А за марки-то деньги платятся. Въ мѣсяцъ сколько онъ ихъ переведетъ!

Казиміръ совсѣмъ обозлился; даже всталъ.

— Говорилъ я вамъ, чтобы вы никогда не смѣли въ это дѣло вмѣшиваться? Свои деньги трачу, не ваши. Вамъ не буду отчетовъ отдавать. Кажется говорилъ я ужь это! Довольно-бы!..

Въ первый разъ я увидѣлъ до какого забвенія доводитъ человѣка его страсть. Казиміръ позабылъ всю любовь свою къ матери, пренебрегъ самыми нѣжными чувствами и стоялъ передъ нею съ искаженнымъ отъ ярости лицомъ, съ злобными глазами.

Стефанія кротко съ упрекомъ взглянула на него, потомъ перевела глаза на меня и, грустно улыбнувшись, низко опустивъ голову, быстро удалилась на кухню.

Вѣрно матери тяжелѣе было жить на хлѣбахъ у сына.

Казиміръ обратился ко мнѣ. Лицо его горѣло и въ глазахъ свѣтилась злоба:

— Былъ я несчастенъ и остался несчастнымъ, заговорилъ онъ, трагически махая руками,—развѣ меня понимаетъ кто? цѣнитъ? Какъ прежде, такъ и теперь! Только не прячусь я теперь, какъ прежде, а открыто подставляю грудь свою! Ругайте меня, преслѣдуйте! Вамъ не потушить того священнаго огня, который пылаетъ въ моемъ сердцѣ! А они смѣются. Мать, родная мать, первая старается опозорить меня при людяхъ! И не можетъ понять, что ей гордиться надо своимъ сыномъ!

Его поза, горящіе глаза, махающія руки напомнили мнѣ пророческую рѣчь его послѣ нашего похода въ редакцію, и мнѣ больно и грустно стало за Казиміра. Онъ продолжалъ:

— Я пишу теперь для имени только—и меня узнаютъ! Но теперь мнѣ тяжело, очень тяжело!

Онъ закрылъ лицо руками. Въ комнатѣ настала мертвая тишина, только сверчокъ за печкой тянулъ свою пѣсню.

— Развѣ я не бросилъ бы писать, снова заговорилъ онъ, словно возражая кому-то,—если бы я не чувствовалъ влеченія, если бы не тосковалъ до тѣхъ поръ, пока не напишу нѣсколько строчекъ? Значитъ у меня есть призваніе, значитъ поэтъ я!

„Значитъ, бѣдный, несчастный человѣкъ", подумалъ я и сталъ прощаться. Мнѣ было слишкомъ тяжело слушать его рѣчи. Мы обнялись съ нимъ и поцѣловались нѣсколько разъ.

— Вы куда теперь направитесь? спросилъ онъ.

— Въ Москву теперь.

— Въ Москву! радостно воскликнулъ онъ,—вотъ отлично: я вамъ дамъ нѣсколько стишковъ. Вы ихъ тамъ по редакціямъ раздадите... Вы когда?

— Завтра утромъ.

— Вотъ горе! А у меня ничего нѣтъ переписаннаго! Впрочемъ, я напишу еще. Ужь куда не шла почка! махнулъ онъ рукою.—Такъ я занесу вамъ утречкомъ завтра. Хорошо? обратился онъ ко мнѣ.

— Хорошо, отвѣтилъ я почти машинально.

Оскорбленная Стефанія не вышла со мною проститься. Мы перешли темную кухню и вышли на крыльцо. Я еще разъ обнялъ Казиміра.

— Такъ я завтра рано, рано! еще разъ напомнилъ онъ.

— Приносите, отвѣтилъ я, сходя съ крылечка.

— Ужь куда не шла почка! крикнулъ онъ мнѣ вслѣдъ и скрылся за дверью.

Ночь была тихая, морозная, такая, какія бываютъ только въ тѣхъ краяхъ въ то время, когда у насъ, въ Петербургѣ, воетъ осенній вѣтеръ, хлещетъ холодный дождь.

Ясное небо было усѣяно звѣздами. Холодный воздухъ былъ тихъ и прозраченъ. Кое-гдѣ мелькали еще огоньки и издалека откуда-то несся звонкій собачій лай.

Мой визитъ произвелъ на меня тяжелое, грустное впечатлѣніе.

„Жалкій, несчастный человѣкъ!" думалъ я.

Къ рисункамъ.

Покровскій дѣвичій монастырь въ Суздалѣ.

(Рис. на стр. 353).

Покровскій дѣвичій монастырь расположенъ въ одной изъ городскихъ окраинъ, на мѣстѣ уединенномъ, близъ рѣчки Каменки, и обнесенъ невысокою каменною стѣною съ девятью башенками; изъ-за стѣны видны кельи и соборъ старинной постройки, о трехъ главахъ, а не о пяти, какъ это обыкновенно бываетъ. У сѣверной части монастырской ограды разрослась небольшая но тѣнистая роща толстыхъ вязовъ и ветлъ, въ сажень и даже въ полторы въ обхватъ; вѣтви этихъ великановъ необычайно разрослись, соединивъ свои верхушки въ огромный зеленый куполъ. Посреди рощи небольшой прямоугольный прудъ, пересыхающій лѣтомъ и носившій прежде названіе Лебяжьяго, а теперь называющійся Царицынымъ.

Покровскій монастырь основанъ въ 1364 году, въ княженіе Дмитрія Іоанновича Донскаго, усердіемъ Суздальскаго князя Андрея Константиновича. Поводомъ къ основанію обители, говорятъ, было чудесное избавленіе князя отъ гибели на рѣкѣ Волгѣ. Въ обители сначала была сооружена церковь деревянная, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, а въ 1518 году выстроена и освящена вмѣсто нея великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ каменная церковь, существующая и понынѣ.

Покровскій дѣвичій монастырь извѣстенъ въ русской исторіи какъ мѣсто заточенія двухъ русскихъ царицъ. Въ 1526 году была доставлена въ Покровскій монастырь инокиня *Софія*, въ мірѣ царица Соломонія Юрьевна (Сабурова), супруга великаго князя Василія Іоанновича. Красавица-царица, 21 годъ прожившая со своимъ супругомъ, была насильно пострижена, какъ „неплодная смоковница, яже посѣкаютъ и измещутъ изъ винограда". Въ обители инокиня Софія прожила 16 лѣтъ и мирно скончалась 16 декабря 1542 года.

Другою затворницей Покровскаго монастыря была супруга Петра Великаго, царица Евдокія Ѳеодоровна (Лопухина). Въ іюнѣ 1699 года, по именному царскому повелѣнію, объявленному окольничимъ Семеномъ Языковымъ архимандриту Суздальскаго Спасо-Ефимьева монастыря Варлааму, Евдокія Ѳеодоровна была пострижена іеромонахомъ Иларіономъ въ кельѣ старицы Маремьяны подъ именемъ инокини Елены. Въ Покровскомъ монастырѣ инокиня Елена прожила до 1718 года

Библиотека "Руниверс"

Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій.
Рис. Бокуръ, грав. Шапонъ.

когда она была переведена въ Ладожскій монастырь. Послѣ долгихъ скитаній и тяжкихъ лѣтъ заточенія инокиня Елена поселилась въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ московскомъ Кремлѣ, гдѣ въ 1731 году, 26 августа, на 62 году, скончалась и погребена.

На базаръ. (Рис. на стр. 356).

Бойкая кисть извѣстнаго художника П. П. Каразина на этотъ разъ живо передаетъ интересную сцену отправленія мѣстныхъ жителей по Сыръ-Дарьѣ на базаръ. Нагруженный исказистымъ товаромъ неторопливо движется по теченію камышевый плотъ, на которомъ полулежитъ туземецъ, покуривая изъ своеобразной трубки.

Изъ далекаго странствованія. (Рис. на стр. 357).

Не мало на Святой Руси странниковъ, переходящихъ отъ одной святыни къ другой, изъ одного мѣста, дорогаго религіозному чувству русскаго человѣка, въ другое. Они повсюду среди вѣрующихъ находятъ радушный пріютъ и пропитаніе и отплачиваютъ за гостепріимство безконечными разсказами о своихъ скитаніяхъ всѣмъ охочимъ послушать. Одинъ изъ такихъ паломниковъ и воспроизведенъ на рисункѣ г. Котляревскаго сидящимъ у церковнаго или монастырскаго входа на ступенькахъ деревянной лѣстницы въ глубокомъ раздумьѣ, быть-можетъ о суетѣ мірской, а можетъ-быть о пережитомъ въ долгихъ странствованіяхъ.

Письмо жениха. (Рис. на стр. 361).

Работы молодаго художника Фрейвиртъ-Люцова не впервые на академическихъ выставкахъ въ Петербургѣ и съ ними читатели нашего журнала знакомы по гравюрамъ, помѣщеннымъ въ „Нивѣ“ за прошлый 1890 годъ. Картины на нынѣшней вы-

Библиотека "Руниверс"

ставкѣ „Письмо жениха“ и „Веселая пѣсня“, отличаются тѣми-же достоинствами, какъ и прежнія его произведенія „Шахматная партія“, „Милый гость“ и „Какъ это мило!“ Замѣчательно тонкое письмо и тщательная отдѣлка заставляютъ простить художнику нѣкоторую сухость и неповоротливость фигуръ.

Урокъ танцевъ у нашихъ прабабушекъ.

(Рис. на стр. 364 и 365).

Въ обширной и высокой залѣ, богато изукрашенной позолотой и живописью, въ прихотливомъ вкусѣ конца прошлаго вѣка, присутствуетъ многочисленное общество, исключительно молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, на урокѣ танцевъ. Живою стѣною окружаютъ свѣтскія красавицы миловидную ученицу, которая тщательно подражаетъ подвижному не по лѣтамъ учителю, старающемуся передать какъ можно изящнѣе и граціознѣе плавныя движенія гавота, бывшаго въ большомъ распространеніи въ концѣ прошлаго вѣка и исчезнувшаго вмѣстѣ съ первой Имперіей во Франціи.

Перенесеніе тѣла усопшей Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны въ Петропавловскій Соборъ въ СПБ.

(Рис. на стр. 372).

Рисунокъ нашъ изображаетъ слѣдованіе траурной процессіи по Невскому проспекту отъ вокзала Николаевской желѣзной дороги. Часть процессіи,—открывавшій ее эскадронъ лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго полка, церемоніймейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, придворные лакеи и камеръ-лакеи двора Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Николаевича, Россійскій гербъ, депутаціи, генералы, статсъ-секретари, почетные опекуны, министры и члены Государственнаго Совѣта, — уже прошли, также какъ и слѣдовавшіе за ними пѣвчіе Исаакіевскаго собора и архіерейскіе пѣвчіе. За ними шло изображенное на лѣвой сторонѣ рисунка духовенство, съ зажженными въ рукахъ свѣчами, придворные пѣвчіе и придворные протодіаконы, священники, митрополитъ Московскій Высокопреосвященный Іоаннникій и духовникъ почившей Великой Княгини, протоіерей Титовъ съ иконою. Затѣмъ слѣдовала печальная колесница, запряженная шестью лошадьми. При лошадяхъ шли шесть конюховъ; у штанговъ—четыре камергера, а при кистяхъ—вторые чины Высочайшаго Двора. По обѣ стороны духовной процессіи, начиная отъ орденовъ и до колесницы, шли пажи съ факелами. За печальной колесницей слѣдовалъ Его Величество Государь Императоръ, имѣя за собою министра Императорскаго Двора, военнаго министра, командующаго Императорскою главною квартирою и дежурныхъ генералъ-адъютанта Жуковскаго, свиты Его Величества, генералъ-маіора гр. Голенищева. Рядомъ съ Государемъ шелъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, а далѣе слѣдовали прочіе Великіе Князья. Затѣмъ въ траурной каретѣ, запряженной восемью лошадьми цугомъ, ѣхали Ея Императорское Величество Государыня Императрица и Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ксенія Александровна. Далѣе въ траурныхъ каретахъ слѣдовали Великія Княгини, гофмейстерины и статсъ-дамы Ея Величества, камеръ-фрейлины и фрейлины и первые чины Высочайшаго Двора. Далѣе шла рота дворцовыхъ гренадеръ, всѣ ближайшіе слуги покойной Великой Княгини, траурная карета почившей Великой Княгини въ шесть лошадей, подъ попонами съ гербами. Шествіе замыкалось лейбъ гвардіи Преображенскимъ полкомъ, батареею Михайловскаго артиллерійскаго училища и 1 батареею 2-й гвардейской артиллерійской бригады.

Г. А. Колпаковскій. (Портр. на стр. 373).

Съ исторіею нашихъ восточныхъ окраинъ, особенно степныхъ областей, весьма тѣсно связано имя генерала Колпаковскаго, бывшаго степнаго генералъ-губернатора, сдѣлавшаго такъ много для колонизаціи, торговли и промышленности этихъ областей, замѣчательнаго администратора и храбраго воина, прославившаго русское оружіе. Членъ военнаго совѣта, генералъ-отъ-инфантеріи Герасимъ Алексѣевичъ Колпаковскій, служенію котораго въ офицерскихъ чинахъ 1 апрѣля нынѣшняго года исполнилось ровно полвѣка, родился 4 марта 1819 г. въ Харьковѣ, въ семьѣ Алексѣя Дмитріевича Колпаковскаго, отъ брака его съ Прасковьей Николаевной Иващенковой. Получивъ воспитаніе въ одномъ изъ частныхъ учебныхъ заведеній, Колпаковскій, по волѣ родителей, избралъ себѣ военную карьеру, и службу началъ простымъ рядовымъ, въ Модлинскомъ пѣхотномъ полку, шестнадцатилѣтнимъ юношей. Въ 1840 г. ему пришлось участвовать въ экспедиціи противъ горскихъ племенъ, и за подвиги личной храбрости онъ былъ въ слѣдующемъ году произведенъ въ первый офицерскій чинъ. На Кавказѣ продолжалась и дальнѣйшая его боевая дѣятельность, за которую онъ былъ награжденъ орденами и чиномъ поручика. Произведенный въ 1849 г. въ штабсъ-капитаны, онъ храбро бился въ войнѣ съ венграми, и черезъ два года утвержденъ адъютантомъ 1-й бригады 15-й пѣхотной дивизіи, а въ 1854 году назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса съ производствомъ въ капитаны, причемъ онъ исправлялъ должность березовскаго военно-окружнаго начальника. Въ 1858 г., уже въ чинѣ маіора, онъ временно занималъ мѣсто начальника Алатавскаго округа и киргизовъ большой орды, впослѣдствіи образовавшаго Семирѣченскую область, и съ этого времени сталъ знакомиться съ условіями жизни и положеніемъ мѣстнаго населенія, для интересовъ котораго впослѣдствіи ему пришлось поработать такъ много и благотворно. Въ 1860—1864 гг. Колпаковскій съ огромнымъ успѣхомъ дѣйствовалъ противъ коканцевъ, показавъ на дѣлѣ свою необычайную храбрость и опытность въ средне-азіатскихъ дѣлахъ въ соединеніи съ рѣшительностью. Онъ разбилъ съ ничтожными противъ непріятеля силами (въ какихъ-нибудь 1000 человѣкъ пѣхоты и казаковъ) двадцатитысячное скопище коканцевъ, и взялъ штурмомъ Пишпекъ, который нѣсколько разъ по разрушеніи его былъ возобновляемъ коканцами и сталъ центромъ вреднаго для насъ вліянія на подвластныхъ намъ киргизъ. Надо было дѣйствовать при осадѣ этого важнаго пункта быстро и стремительно, ибо всякое промедленіе являлось рискованнымъ при умѣньи азіатовъ держаться за своими высокими и толстыми глиняными стѣнами, окопанными весьма глубокимъ рвомъ. За это дѣло Колпаковскій получилъ чинъ полковника и орденъ Св. Георгія 4-ой ст., а затѣмъ въ 1862 г. произведенъ за военныя отличія въ генералъ-маіоры, послѣ чего, черезъ два года, ему было поручено начальствованіе надъ всѣми войсками, расположенными въ Семипалатинской области. Въ 1867 году онъ назначенъ на постъ командующаго войсками и военнаго губернатора этой области и за ревностную службу, за энергическія дѣйствія и разумныя распоряженія, способствовавшія блистательному успѣху экспедиціи и быстрому окончанію нашей войны въ Средней Азіи, завершившейся покореніемъ Кульджинскаго ханства,—пожалованъ орденами Св. Анны 1-й степ., Св. Георгія 3-й степ. и произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1873—1879 годахъ Колпаковскій временно командовалъ войсками Туркестанскаго военнаго округа, исполняя должность начальника военно-народнаго управленія, начальствовалъ надъ отрядомъ въ экспедиціи, посланной въ Коканское ханство, и затѣмъ назначенъ временно-командующимъ войсками Туркестанскаго военнаго округа и генералъ-губернаторомъ Туркестана въ 1879 г. Вслѣдъ за этимъ Колпаковскій занялъ должность военнаго губернатора Семирѣченской области и командующаго въ ней войсками, а также и наказнаго атамана Семирѣченскаго казачьяго войска съ оставленіемъ въ пѣхотѣ, и оставался въ этой должности до 25 мая 1882 г., когда Высочайшимъ указомъ назначенъ степнымъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Омскаго военнаго округа. Эта продолжительная служба Колпаковскаго на восточныхъ окраинахъ нашихъ въ должностяхъ губернаторскихъ и генералъ-губернаторскихъ по военно-народному управленію и по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ ознаменовалась цѣлымъ рядомъ блестящихъ дѣлъ съ его стороны, которыя пришлось совершить ему, несмотря на всѣ трудности и неблагопріятныя условія, въ какія былъ поставленъ этотъ усердный, энергичный, необыкновенно дѣятельный и разумный администраторъ, всѣ заботы коего были направлены къ развитію ввѣреннаго ему края, къ поднятію благосостоянія его населенія, кореннаго и пришлаго. Колпаковскому пришлось разрѣшать весьма нелегкія задачи, проводя въ жизнь полудикаго кочеваго населенія правительственныя мѣропріятія, какъ, напримѣръ, новое положеніе объ управленіи кочевымъ населеніемъ, упразднявшее родовыя начала и основы существовавшаго ранѣе народоуправленія, организацію выборной системы и проч. Съ рѣдкимъ рвеніемъ заботился онъ объ изысканіи средствъ для сокращенія правительственныхъ расходовъ и новыхъ источниковъ дохода, въ результатѣ достигнувъ сбереженія, по военному и гражданскому вѣдомствамъ, почти въ пять милліоновъ рублей. Семирѣченская область подъ его управленіемъ видимо совершенствовалась во всѣхъ отношеніяхъ. Благодаря энергичнымъ, но вмѣстѣ осторожнымъ и благоразумнымъ мѣрамъ Колпаковскаго, дикія наклонности киргизовъ значительно улеглись, разбои и другія насилія въ краѣ прекратились, чѣмъ было вполнѣ обезпечено спокойствіе русскаго населенія. Пути сообщенія края съ населенными пунктами улучшены до неузнаваемости, а колонизація области этой достигла огромнаго успѣха: здѣсь въ какихъ-нибудь 15 лѣтъ возникло 6 городовъ, въ томъ числѣ и областной съ населеніемъ въ 30,000 слишкомъ жителей, и 64 пункта съ осѣдлыми обитателями казачьяго и крестьянскаго сословія, которые получили правильную организацію. Въ областномъ городѣ учреждены при генералѣ Колпаковскомъ мужская и женская гимназіи, городскія училища, школы садоводства; въ центральныхъ мѣстностяхъ выстроены церкви, а въ казачьихъ поселеніяхъ нѣтъ ни одного самаго малочисленнаго пункта, въ которомъ не было бы школы. И на процвѣтаніе сельскаго хозяйства образцовый администраторъ обращалъ не мало вниманія: помимо развитія хлѣбопашества, онъ заботился и о возможно большемъ распространеніи садоводства, табаководства и пчеловодства. Послѣднею отраслью хозяйства стали заниматься даже и киргизы: за такое дѣятельное насажденіе и распространеніе пчеловодства въ степныхъ областяхъ, генералъ Колпаковскій получилъ золотую „Бутлеровскую“ медаль отъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, а за другія сто-

Библиотека "Руниверс"

роны своей благотворной дѣятельности онъ избранъ почетнымъ членомъ Имп. Русск. Географич. Общества, Омскаго Медицинскаго Общества, Имп. Московск. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, Московскаго Миссіонерскаго Общества (за распространеніе православія между киргизами) и друг. Нужды и интересы мѣстнаго населенія въ Западно-Сибирскомъ и Туркестанскомъ краѣ генералъ Колпаковскій всегда ставилъ на первый планъ; вато это населеніе, въ особенности киргизское, сохранило о немъ самую добрую память. Онъ успѣлъ внушить киргизамъ такую любовь къ Россіи, что они неоднократно умоляли не отдавать Кульджи китайцамъ, а когда имъ стало достовѣрно извѣстно, что возвращеніе части Илійскаго края китайцамъ дѣло рѣшенное, они заявили администраціи, что переселятся въ русскіе предѣлы. Много поработалъ на своемъ вѣку Колпаковскій; въ степномъ краю ему приходилось по цѣлымъ суткамъ не слѣзать съ коня, и даже неизбалованные киргизы дивились его терпѣнію, неутомимости и выносливости. На такой службѣ „вѣрою и правдою" онъ потерялъ и свое здоровье, такъ что въ 1889 г. принужденъ былъ оставить постъ степнаго генералъ-губернатора, на которомъ онъ былъ семь лѣтъ. Дѣятельность Г. А. Колпаковскаго еще ждетъ своей должной оцѣнки.

П. Быковъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Любезнѣйшая Невѣстка Наша, Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна, познавъ и испытавъ, въ согласіи съ Своимъ Супругомъ, истину Православія, возжелала, по душевному влеченію Своему, соединиться съ Нами въ вѣрѣ и въ общеніи церковныхъ молитвословій и таинствъ. Сегодня воспріяла Она, къ великой Нашей радости, Православную Нашу вѣру и Святое Муропомазаніе.

Возвѣщая всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ о семъ желанномъ событіи, повелѣваемъ именовать Ея Императорское Высочество Благовѣрною Великою Княгиней.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 13 день апрѣля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто первое, Царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ".

Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій.

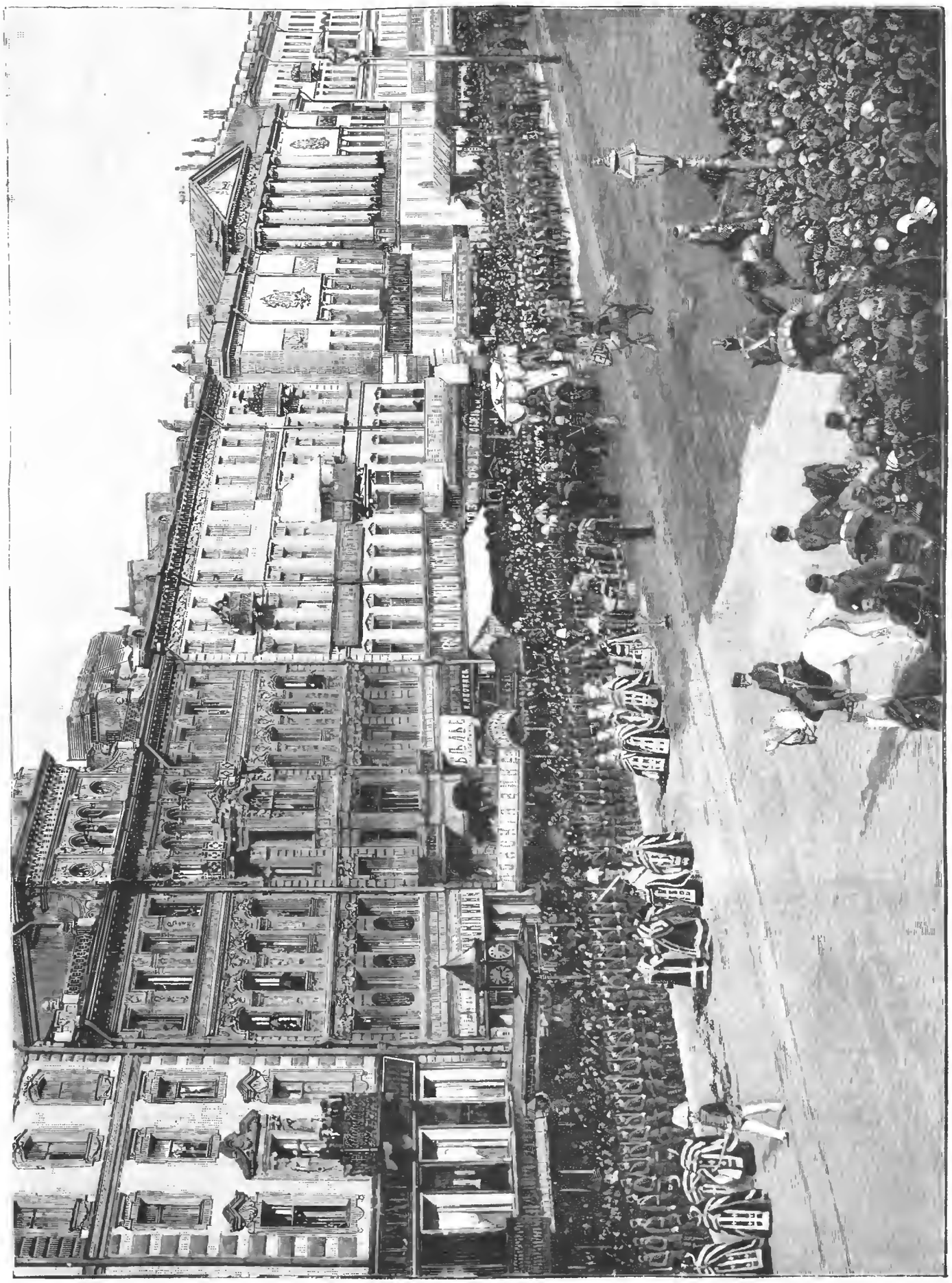
(Портр. на стр. 369).

Уже давно русское общество было и огорчено, и встревожено ходившими слухами о тяжелой болѣзни Его Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Оно возносило горячія молитвы Всевышнему объ исцѣленіи Августѣйшаго больнаго, и эти молитвы были услышаны. Его Высочество сталъ поправляться настолько, что былъ въ состояніи отправиться за-границу для окончательнаго излѣченія. Однако въ здоровьѣ Великаго Князя вдругъ послѣдовала перемѣна къ худшему; Августѣйшій больной былъ перевезенъ въ Крымъ и здѣсь послѣ тяжкаго и продолжительнаго недуга въ Бозѣ почилъ, въ ночь на 13 апрѣля, на 60 году отъ рожденія. Громадная опытность въ Бозѣ почившаго Великаго Князя въ военномъ дѣлѣ, высокія качества Августѣйшаго генералъ-фельдмаршала извѣстны всякому, кто имѣлъ честь, хотя самое непродолжительное время, прослужить подъ начальствомъ Его Высочества. Какъ строевое образованіе частей войскъ, ввѣренныхъ Его Высочеству, такъ равно и инженерное вѣдомство, находящееся на его попеченіи, доведены Его стараніями до превосходнаго образцоваго состоянія. Нельзя не подивиться замѣчательной энергіи Великаго Князя съ какою онъ всегда отдавался своему любимому дѣлу. Такъ, напримѣръ, каждый годъ на маневрахъ въ Красномъ Селѣ, Его Высочество не пропускалъ ни одного тактическаго упражненія въ полѣ и оставлялъ за собою самыхъ ревностныхъ командировъ. Вообще прежде чѣмъ занять высокій и отвѣтственный постъ, на которомъ Великій Князь находился до послѣднихъ дней, онъ прошелъ достаточно продолжительную строевую службу и не разъ выказывалъ личную храбрость. Назначеніе Великаго Князя генералъ-инспекторомъ кавалеріи составило эпоху въ исторіи этой части войска русскаго. Одаренный всѣми качествами отличнаго кавалериста и вооруженный полнымъ знаніемъ кавалерійскаго дѣла, онъ обратилъ особенное вниманіе во ввѣренной ему части на развитіе быстроты движенія, ловкости и силы удара, то есть на то, въ чемъ и заключаются главнѣйшія преимущества кавалеріи. Его Высочество пользовался безграничною любовью всей русской арміи. Строго исполняя служебныя обязанности и лично показывая примѣръ, Великій Князь въ то же время былъ крайне снисходителенъ къ ошибкамъ подчиненныхъ, если эти ошибки не были сопряжены съ нерадѣніемъ по службѣ. Солдаты боготворили Великаго Князя, ибо онъ былъ истиннымъ отцомъ для нихъ, зналъ часто многихъ въ лицо и ободрялъ воиновъ простымъ, ласковымъ словомъ. Но не въ одной области военнаго дѣла Его Высочество стяжалъ себѣ завидную славу. Исходя изъ той мысли, что развитіе промышленности и сельскаго хозяйства также способствуетъ увеличенію могущества Россіи, Его Высочество относился съ особеннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ ко всему тому, что должно было благотворно вліять на экономическое положеніе страны. Первая выставка рогатаго скота въ Петербургѣ и конская выставка въ Москвѣ, привлекшія множество иностранцевъ со всѣхъ концовъ Европы, были устроены по почину въ Бозѣ почившаго Великаго Князя. Его Высочество состоялъ почетнымъ членомъ Владимірскаго Общества рысистыхъ бѣговъ, Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, Россійскаго Общества Любителей Садоводства, Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, Императорскаго Казанскаго Экономическаго Общества и покровителемъ С.-Петербургскаго Общества Сельскаго Хозяйства, Россійскаго Общества Садоводства и Тульскаго Скаковаго Общества. Всѣ, кому сколько-нибудь дороги интересы нашего сельскаго хозяйства, достойно оцѣнили важныя услуги Великаго Князя на этомъ мирномъ поприщѣ. Августѣйшій Дядя нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, третій сынъ Императора Николая Павловича и Императрицы Александры Ѳеодоровны, Его Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, генералъ-фельдмаршалъ, генералъ-инспекторъ по кавалеріи и по инженерной части, генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта, и Комитета о раненыхъ, предсѣдатель Главнаго Комитета по устройству и образованію войскъ,—родился 27 іюля 1831 года и со дня рожденія былъ зачисленъ въ инженерный корпусъ, въ лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ и назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка. Еще юношей Великій Князь обнаружилъ прекрасные задатки высокихъ талантовъ, горячую любовь къ военному дѣлу, которому съ той поры отдался всею душою и вскорѣ выказалъ личное мужество, когда, въ годы первой молодости, онъ, совмѣстно съ Августѣйшимъ своимъ братомъ Михаиломъ Николаевичемъ, находился въ рядахъ защитниковъ Севастополя. 25 января 1856 г. Его Высочество вступилъ въ супружество со старшею дочерью принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, Великою Княжной Александрой Петровной, до замужества Александрой-Фридерикой-Вильгельминой, и отъ этого брака имѣлъ двухъ сыновей, В. Кн. Николая и Петра Николаевичей. 15 августа 1864 г. Его Высочество былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ кавалеріи и здѣсь весьма скоро обнаружилъ свою неустанную и плодотворную дѣятельность. Командуя гвардейскимъ корпусомъ съ 1862 г., а по учрежденіи округовъ—Петербургскимъ округомъ, Великій Князь назначенъ былъ 30 августа 1867 г. главнокомандующимъ войсками гвардіи и Петербургскаго округа. При объявленіи войны туркамъ Его Высочество въ качествѣ главнокомандующаго дѣйствующей южной арміи выѣхалъ въ Кишиневъ въ главную квартиру, причемъ какъ его отъѣздъ, такъ и слѣдованіе до мѣста назначенія сопровождались горячими оваціями всѣхъ сословій. Замѣчательныя распоряженія Августѣйшаго главнокомандующаго, его прокламація къ народамъ Балканскаго полуострова извѣстны всѣмъ, кто имѣлъ хотя слабое понятіе о пережитой нами русско-турецкой войнѣ. Независимо отъ упомянутыхъ занятій Его Высочества, онъ еще несъ обязанности въ качествѣ почетнаго президента Николаевской Инженерной Академіи и почетнаго члена Академіи Генеральнаго Штаба, Императорскаго Географическаго Общества, Императорской Военно-Медицинской Академіи, С.-Петербургскаго университета, Императорской Академіи Наукъ, Михайловской Артиллерійской Академіи и, наконецъ, состоялъ почетнымъ членомъ Мюнхенскаго Общества Художниковъ. Общества поощренія промышленности и Берлинскаго Общества акклиматизаціи животныхъ.

Политическое обозрѣніе.

Князь Бисмаркъ, должно-быть, вскорѣ снова появится на аренѣ государственной жизни. Удалившись отъ дѣлъ, онъ все время проявлялъ политическую живучесть и еще недавно, при пріемѣ президентскаго бюро Кильскаго консервативнаго фе-рейна, князь Бисмаркъ назвалъ неслыханнымъ требованіе, чтобы онъ не занимался политикою: какъ знатокъ дѣла, онъ де имѣетъ право и обязанъ высказывать свои сужденія и противопоставлять вреднымъ мѣропріятіямъ мнѣніе спеціалиста.

Библиотека "Руниверс"



Перенесеніе тѣла усопшей Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны въ Петропавловскій Соборъ въ СПБ.

Съ фотографіи А. В. Кузнецова, грав. Шюбгеръ.

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ появились слухи, что князь Бисмаркъ „выставленъ“ кандидатомъ въ члены рейхстага въ Гестеминдекомъ округѣ, близъ Гамбурга, и слухи эти превратились въ дѣйствительность, ибо телеграфъ сообщилъ, что выборы уже совершились и Бисмаркъ получилъ 7,557 голосовъ, тогда какъ свободомыслящій Адловъ —2,619, вельфъ Плате—3,343 и соціалистъ Шмальфельдъ — 3,928. Правда, предстоитъ еще баллотировка между Бисмаркомъ и Шмальфельдомъ, но результатъ ея будетъ только благопріятенъ князю, такъ какъ вельфы и свободомыслящіе или воздержатся отъ выборовъ, или скорѣе подадутъ голоса за бывшаго канцлера, чѣмъ за соціалиста Шмальфельда. Разъясненіе причины, заставляющей князя Бисмарка принять депутатскія полномочія, мы находимъ въ *Hamburger Nachrichten*, которыя говорятъ, что было бы неблагоразумно и неестественно требовать, чтобъ онъ относился равнодушно къ дальнѣйшему развитію плодовъ его дѣятельности или къ могущимъ угрожать имъ опасностямъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи Герасимъ Алексѣевичъ Колпаковскій.
Съ фотографіи грав. Шюблеръ.

Депутатамъ итальянскаго парламента роздана „Зеленая Книга“, въ которой напечатаны документы, касающіеся миссіи графа Антонелли. Изъ цѣлаго ряда писемъ Менелика къ королю Гумберту и изъ донесеній Салимбени и графа Антонелли оказывается, что Менеликъ признавалъ неточнымъ переводъ 17-й статьи Учіальскаго договора; впослѣдствіи, однако, Менеликъ и Антонелли условились оставить эту статью безъ измѣненія въ итальянскомъ и амарикскомъ текстахъ и подписали составленный въ этомъ смыслѣ документъ. Затѣмъ Антонелли замѣтилъ, что къ статьѣ прибавлено было слово, означающее, что статья эта отмѣнена. Тогда онъ разорвалъ документъ, измѣненія въ которомъ признаны были и Менеликомъ, и уѣхалъ со всѣми другими итальянскими представителями. Менеликъ написалъ королю Гумберту и маркизу Рудини, что онъ не хочетъ разрыва съ Италіею, а желаетъ, чтобы дѣла Эѳіопіи велись въ Европѣ чрезъ посредство Италіи.

Въ Парижѣ *Figaro* напечаталъ текстъ завѣщанія принца Жерома-Наполеона. Согласно обнародованнымъ уже свѣдѣніямъ, принцъ назначаетъ единственнымъ своимъ наслѣдникомъ принца Лудовика, не завѣщая ничего принцу Виктору, котораго онъ называетъ измѣнникомъ и мятежникомъ, причемъ запрещаетъ ему даже присутствовать на похоронахъ.

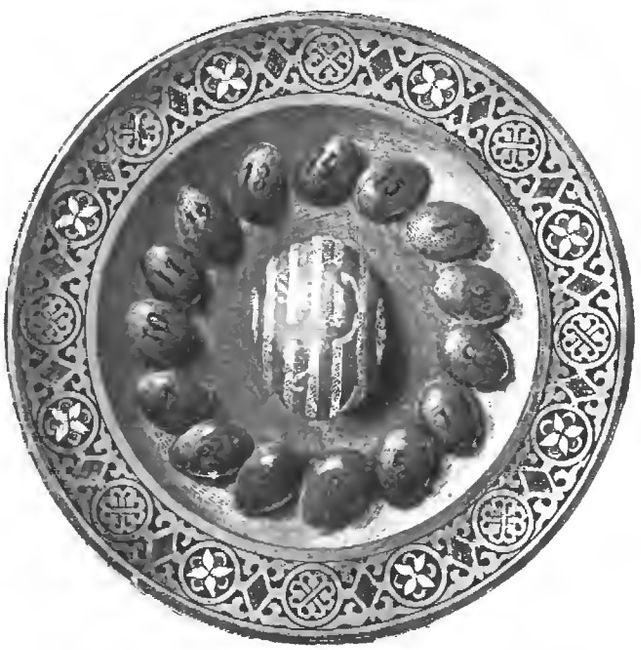
Бывшій Сербскій король Миланъ Обреновичъ, наконецъ, покинулъ Сербію, выѣхавъ 7 апрѣля изъ Бѣлграда за границу. Удаленіе это совершилось, впрочемъ, только благодаря согласію скупщины выдать ему одинъ милліонъ франковъ въ счетъ содержанія по liste civile. Дѣйствительно, государственное казначейство доставило ему наканунѣ отъѣзда полмилліона франковъ билетами казначейства, причемъ обязалось внести остальные 500,000 франковъ черезъ три мѣсяца. Кромѣ того, родитель короля Александра заручился передъ отъѣздомъ документомъ, формально узаконивающимъ разводъ его съ королевою Наталіей. Какъ деньги, такъ и этотъ документъ, говорятъ, необходимы бывшему королю для вступленія во вторичный бракъ съ особой, принадлежащею къ высшей французской аристократіи и обладающею приданымъ въ нѣсколько милліоновъ.

Въ *Neue Freie Presse* сообщаютъ изъ Софіи, что виновниками убійства Бельчева являются Ѳеодоръ Сегросъ изъ Касторіи, Ристо Кутмановъ изъ Охриды, Клинитичъ-Мачковъ или Ангеловъ и Ристо Димитровъ. Убійцы прибыли 18 марта въ Бѣлградъ, на вокзалѣ бесѣдовали съ Дума, драгоманомъ французской миссіи, но куда они затѣмъ бѣжали—это тайна болгарской полиціи. Ангеловъ скрывается, повидимому, въ Сербіи, въ Неготинскомъ округѣ. Фактъ, что убійцамъ удалось бѣжать изъ Софіи, объясняется тѣмъ, что правительство сначала опасалось крупнаго революціоннаго движенія. Населеніе Софіи, какъ не состоящее изъ чистокровныхъ болгаръ, отнеслось къ преступленію апатично. Передается любопытная подробность: во дворѣ дома Стамбулова стоятъ постоянно осѣдланными двѣ лошади для того, чтобы, въ случаѣ нужды, министръ могъ бѣжать изъ Софіи переодѣтымъ. А опасаться непріятной расправы у Стамбулова найдется не мало причинъ, такъ какъ онъ самымъ наглымъ и безсовѣстнымъ образомъ эксплоатируетъ прискорбное событіе убіенія Бельчева, чтобы разомъ избавиться отъ всѣхъ своихъ политическихъ противниковъ и, водворивъ въ странѣ терроръ, удержаться у власти.

Смѣсь.

Профессора Варшавскаго университета устроили въ залѣ Русскаго собранія въ Варшавѣ рядъ публичныхъ лекцій о различныхъ научныхъ вопросахъ. 28 марта открылъ эти чтенія ординарный профессоръ по каѳедрѣ Русской исторіи Д. В. Цвѣтаевъ. Предметомъ его первой лекціи была исторія основанія русскаго флота. Кромѣ лекцій по русской исторіи, будутъ чтенія по минералогіи, медицинѣ и проч.

Пасхальная задача № 24.



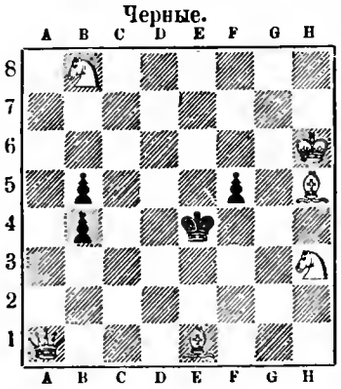
Найти *пятнадцать двусложныхъ* словъ, значенія которыхъ слѣдующія: 1) Римскій намѣстникъ Сициліи во времена Цицерона. 2) Земледѣльческія орудія. 3) Предметъ народнаго повѣрья. 4) Мѣдная греч. монета. 5) Притокъ р. Амура. 6) Злые духи въ религіи Зороастра. 7) Знаменитый итальянскій художникъ XV—XVI вв. 8) Сибирскія сани, въ которыя запрягаютъ собакъ. 9) Желѣзный прутъ для жаренья мяса. 10) Междометіе. 11) Головное украшеніе. 12) Прозвище Одиссея. 13) Порода небольшихъ собакъ. 14) Рѣка на югѣ Греціи. 15) Подать у кочующихъ племенъ. Выбравъ изъ каждаго найденнаго слова четныя буквы, размѣстить ихъ на каждомъ изъ яицъ, но въ такомъ порядкѣ, чтобы можно было прочесть одну фразу—какую?

Библиотека "Руниверс"

ШАХМАТЫ

Задача № 25.
G. Chocholous (Прага).

Черные.

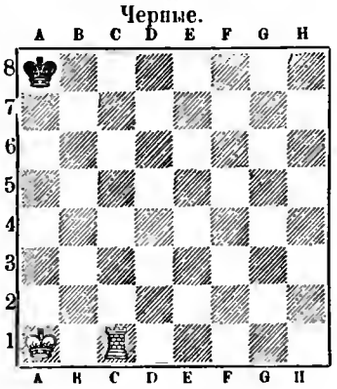


Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 26.
Этюдъ.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые матуютъ, дѣлая ладьей только одинъ ходъ.

I.
Гамбитъ Эванса.

С.-Петербургъ. Бѣлые.	Нью-Іоркъ. Черные.
34.	Ф. c6 — e3

II.
Дебютъ 2-хъ коней.

Нью-Іоркъ. Бѣлые.	С.-Петербургъ. Черные.
35 Ф. a7 — c7	К. a5 — c6
35. Л. b5 — b6	Ф. e8 — f8
36. Ф. b4 — a5	d6 — d5
37. e4 : d5	Кр. c7 — b8
38. d5 — d6	
36. a2 — a3	Л. f4 : f3+
37. К. g1 : f3	Л. f8 : f3+
38. Кр. f1 — g1	С. b4 — d2

Въ матчѣ С. И. Полнера съ Э. С. Шифферсомъ первыя двѣ партіи окончились розыгрышемъ; третью выигралъ Э. С. Шифферсъ; четвертую—С. И. Полнеръ. Матчъ играется до 7, а не до 5 выигранныхъ, какъ первоначально условлено. Игра происходитъ по понедѣльникамъ и средамъ отъ 8½ ч. веч. въ „Собраніи экономистовъ". Фонтанка, 32. Тамъ-же предполагается матчъ между бар. Нольде и А. П. Шишкинымъ. Въ матчѣ Зейботъ-Вайнштейнъ первый пока выигралъ 3 партіи, проигралъ 1, ничья—1.

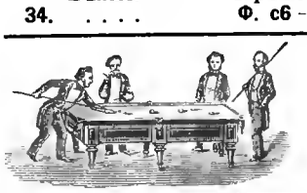
ПОПРАВКА. Къ № 14, по ошибкѣ наборщика, въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ было напечатано въ концѣ законченнаго разсказа „Жиденокъ" *Продолженіе будетъ.*

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: **Мальтійская цѣпь.** Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ князя М. Н. Волконскаго. Ч. III. (Окончаніе).—**Несчастная способность.** (Изъ дѣтскихъ воспоминаній). З. А. Рина.—Къ рисункамъ: **Покровскій дѣвичій монастырь въ Суздалѣ** (съ рис.).—**На базаръ** (съ рис.).—**Изъ даленаго странствованія** (съ рис.).—**Письмо жениха** (съ рис.).—**Урокъ танцевъ у нашихъ прабабушекъ** (съ рис.).—**Перенесеніе тѣла усопшей Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны въ Петропавловскій соборъ въ СПБ.** (съ рис.).—**Г. А. Колпаковскій** (съ портр.).—**Высочайшій манифестъ.**—**Е. И. В. Вел. Князь Николай Николаевичъ Старшій** (съ порт.).—Полит. обозрѣніе.—Смѣсь.—Пасхальная задача.—Шахматы.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. № 4961 26—8
Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.
Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива", а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

ЛАНОЛИНЪ.
Косметическое средство для смазыванія кожи у взрослыхъ и дѣтей.
Продается во всѣхъ аптекахъ. Р. № 5159

ИЗВѢСТНЫЕ ДУХИ ДЛЯ НОСОВЫХЪ ПЛАТКОВЪ и проч.
ГУСТАВА ЛОЗЕ № 4723 8—8
ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN Ландышъ.
ЛОЗЕ GOLDLILIE Золотая Лилія.
ЛОЗЕ PEAU D'ESPAGNE
ЛОЗЕ HELIOTROPE BLANC
ЛОЗЕ ROSE MARÉCHAL NIEL
НОВОСТЬ
LILAS BLANC
Бѣлая Сирень.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ Придворный парфюмеръ, Берлинъ, Егерштрассе, 46.
Можно получить во всѣхъ парфюмерн. магаз. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Подписная годовая цѣна съ перес. 1 руб.
„ДРУГЪ ЖИВОТНЫХЪ"
Журналъ сельскаго хозяйства и разведенія животныхъ
выходитъ ежемѣсячно. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала въ Ревелѣ и во всѣхъ книжн. магаз. въ Россіи. Образцовый нумеръ по требованію высылается безплатно. Подписная годовая цѣна съ перес. 1 руб. Mt. № 5142 5—2

НЕПРОМОКАЕМЫЯ НАКИДКИ
форменнаго образца для гг. военныхъ, полицейскихъ, урядниковъ, городовыхъ, лѣсничихъ, сторожей и проч. и проч.
Цѣна 3 р., для провинціи 4 р. съ перес.
Главный складъ резиновыхъ издѣлій въ С.-Петербургѣ
ЛИМАНЪ и РИКСЪ
Горохская, № 16 Mt. № 5161

ВОТКИНСКІЙ КАЗЕННЫЙ ЗАВОДЪ
Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи,
изготовляетъ плуги простые и многолемешные, запашники-лущильники, зистирпаторы, окучники и бороны изъ лучшихъ матеріяловъ и по умѣреннымъ цѣнамъ.
Золотыя и серебряныя медали на выставки въ Екатеринбургѣ, Тифлисѣ, Екатеринославѣ, Смоленскѣ, Пензѣ и Саратовѣ въ 1887—1890 гг.
Иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются по требованію. № 5145

РѢДКІЙ СЛУЧАЙ.
По случаю болѣзни владѣльца продаются два магазина и кладовая, существующіе болѣе 30 лѣтъ и находящіеся въ самомъ центрѣ города. Цѣна за оба магазина и кладовую 30,000 рублей. Магазины могутъ быть проданы и отдѣльно 1-й за 7,500 руб., а 2-й (съ кладовою) за 22,500 руб. № 5164
Адресоваться: въ СПБ., Екатерининскій кан., д. 74, кв. 12.

ДЕПО ЧАСОВЪ
поставщ. Двора Его Импер. Величества № 4968 12—4
Москва, Мясницкая, д. 13.
В. ФРЕЙМУТЪ.
Собственной фабрики золот., сер. карм часы.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ
ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО
№ 5155 **въ изображеніяхъ державныхъ его правителей.** 2—1
Альбомъ изъ 70 большихъ рисунк. съ пояснительнымъ текстомъ. Проф. В. П. Верещагина. Ц. 6 р., съ пер. 7 р. Адр. СПб. Акад. Художествъ, профес. В. П. Верещагину.

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:
В. В. ЧЕРНЯЕВА:
„Пособіе при выборѣ сельскох. машинъ", съ 285 рис. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 к., въ 120 листъ. 1890 г. „Очистка и сортировка сѣмянъ", съ 121 рис. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 1890 г. въ 80 листъ.
Адресъ: СПБ., Вознесен. мостъ, д. 23—79.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА".
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5136 (2)

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen
Первоклассный алкалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г.
Анализы и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ безплатно:
Контора отправки кислосныхъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННѢ
ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
10—1 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5152

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ
ЖЖЕНЫЙ КОФЕ
Тверская, противъ Славянскаго подворья. Гиппіусъ въ Москвѣ. Кофе по цѣнамъ, требованіямъ высылается, прейсъ-куранты безплатно, наложенный платежъ.
Л. ФОРШТРЕМЪ
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ.

ЖЕЛАЮЩИХЪ
купить или продать имѣніе, домъ или дачу приглашаютъ обратиться: въ Харьковъ, въ контору Ф. Н. Константинова. На переписку прилагаются марки. № 5149

1891. PRAG.
ALLGEMEINE LANDES-AUSSTELLUNG
zur Jubiläumsfeier der ersten Gewerbeausstellung in Prag 1791
unter dem Protektorate S-r K. u. K. Majestaet des Kaisers Franz Joseph I
von 15 Mai bis 15 Oktober 1891.
Kunst, Wissenschaft, Industrie, Bodenkultur, Feierlichkeiten, temporäre Ausstellungen, Fontaine lumineuse, Kongresse, Lotterie etc. etc.
J. № 5133 5—2

Библиотека "Руниверс"

НАСТОЯЩІЕ ДЖУТОВЫЕ НОСКИ И ЧУЛКИ

безъ шва

НЕЗАМѢНИМОЙ ПРОЧНОСТИ

только въ магазинѣ **Ю. ГОТЛИБЪ**, С.-Петербургъ, по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго пр. Цѣна носкамъ 5 р., чулкамъ 7 р. за дюжину. Самые тонкіе носки 6 р., чулки — 9 р. дюж. За пересылку прилагается 1 руб. Торговцамъ уступка. При пересылкѣ необходима мѣра подошвы.

ПРЕДОСТЕРЕГАЮ гг. покупателей, что нѣкоторые торговцы продаютъ другіе сорта за джутовые. Мт. № 5126 2—2

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Юрид. книжн. магазина П. К. Мартынова. СПБ. Б. Морская 28.

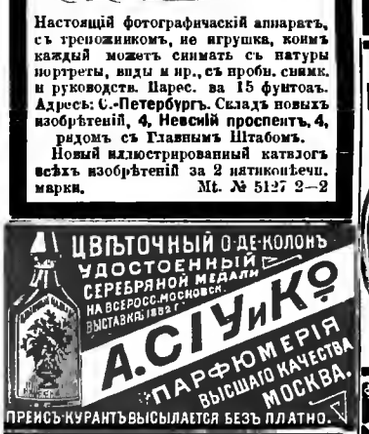
НОВЫЙ ЗАКОНЪ объ узакон. и усыноал. дѣтей (съ доп., разъясн. и образцами прошеній). 91. 40 коп. (перес. 10 к.).

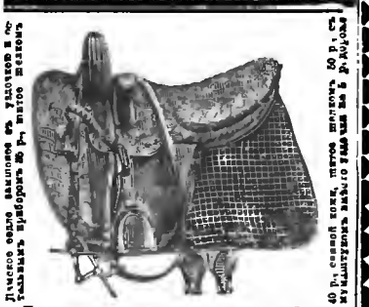
Настольная книга для опекуновъ, попечителей и опекунск. учрежд (съ разъясн. Сената). 91. 50 к., въ перепл. 70 (перес. 15).

ТОЛЬКО 6 РУБ.

Настоящій фотографическій аппаратъ, съ треножникомъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды и пр., съ пробн. снимк. и руководств. Парес. за 15 фунтовъ. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4, Невскій проспектъ, 4, рядомъ съ Главнымъ Штабомъ.

Новый иллюстрированный каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 2 пятикопѣечн. марки. Мт. № 5127 2—2





Дамское седло замшевое съ чехлами и ремнями, бумбоксъ 25 р., замшо шелковъ 40 р., кожаное 40 р., сиповой кожи, шитое шелкомъ 50 р., съ вышитыми замшо гладкой за 5 р. дороже.

Пересылка по гр. д. 3 р., почтовъ на 40 ф. Фабрика Н. и Н. МАЛЫШКИНЫХЪ. Саратовъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чкстота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва Куамецкій мостъ. С.-Петербургъ Б. Морская, 21

ТОВ. СПБ. МЕХАН. ПРОИЗВ. ОБУВИ

РЕКОМЕНДУЕТЪ ДЛЯ ЛѢТА:

НОВОСТЬ!!

полуботинки:

„ЛЕГКІЕ-СКОРОХОДЫ“

Благодаря особенностямъ постройки, соотвѣтственно новѣйшимъ воззрѣніямъ на счетъ механики движенія суставовъ стопы, полуботинки предлагаемаго образца соединяютъ въ себѣ всѣ преимущества, какъ по отношенію къ требованіямъ, дающимъ возможность пѣшеходу совершать болѣе продолжительные переходы безъ ущерба для себя и для цѣлости обуви. **„Легкіе-Скороходы“** предохраняютъ ноги въ жаркое время отъ потѣнія, даютъ ногамъ возможность нормально развиваться не жмутъ ноги и не теряютъ фасонъ. **„Легкіе-Скороходы“** рекомендуются всѣмъ любителямъ удобной обуви. **„Легкіе-Скороходы“** изготовляются нами для мужчинъ, дамъ и дѣтей. **„Легкіе-Скороходы“** составляютъ выгодный предметъ для торговцевъ обувью. За справками для оптовой покупки слѣдуетъ обращаться въ Торговый Домъ „Леопольдъ Нейшеллеръ“ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ или Ригѣ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Обратите вниманіе на фабричное клеймо.

Въ мѣстности гдѣ механическая обувь еще не имѣется въ продажѣ, мы высылаемъ частнымъ лицамъ безплатно нашъ розничный пр.-курантъ съ подробн. указаніемъ для снятія мѣрки. Также предлагаемъ всевозможныя

ДОРОЖНЫЯ ВЕЩИ

и при требованіи высылаемъ безплатно иллюстрированный прейсъ-курантъ. Обращаться въ Контору Товарищества: С.-Петербургъ, Обводный каналъ, № 134. № 516:

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ

собственной фабрики

съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. В. № 5138 6—2

ПАВЕЛЪ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества.

С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23.

Москва, по Б. Лубянкѣ, противъ Кузнецкаго моста.

Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. **Способъ приготовленія.** При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цѣна: флакону 1 р. 65 к., **бензоевое мыло** 35 к. и 50 к. кусокъ, **опо-помада** (лучша кольдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.

Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на прилагаемую здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента Главный складъ для всей Россіи у **В. Аурихъ**, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19—10

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ. Въ послѣднее время появилось въ продажѣ множество поддѣлокъ подъ названіемъ „Гуніади Яносъ“; поэтому покорнѣйше просимъ обратить вниманіе на помѣщенную здѣсь предохранительную марку—портретъ.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.

ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Ц. 5151 10—1

БРОКАРЪ и К°.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ Р. № 5087 (5)

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА

ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ

ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

ЮГЪ КРЫМА.

Продается дача близь Ялты, въ Алупкѣ съ прекраснымъ видомъ моря, купаньемъ тѣнистымъ садомъ, фонтаномъ. При дачахъ пролегаютъ знаменитый паркъ съ дворцомъ, бывшій графа Воронцова. Дилижансное сообщеніе. № 5139 2—:

Адресоваться въ Ялту, магазинъ Росе Александру Петровичу Начыкъ.

НОВОСТЬ!

велосипедъ съ двойнымъ переставляющимъ ходомъ сист Свифтъ № 2, 100 р СПБ., Спасская ул. домъ № 35, **АБРИКОСОВЪ.**

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ двухъ- и трехъ-колесные

ВЕЛОСИПЕДЫ.

Прейсъ-курантъ безплатно.

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,

Садовая ул., 22, С.-Петербургъ.

В. № 4731 24—15

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19.

„НОВОСТЬ“. Получена партія новыхъ велосипедовъ извѣстнаго завода „Зингеръ“, съ дутыми резинами, уменьшающими трясеніе, происходящее отъ ѣзды по неровнымъ и плохимъ дорогамъ. **Только въ спеціальномъ велосипедномъ магазинѣ у Генриха Землички въ Москвѣ**, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., домъ Фальцъ-Фейнъ. Требуйте немедленно новый прейсъ-курантъ на **1891 годъ.** № 5111 4—3

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII в. **Всеволода Соловьева.** СПБ. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

ПОДАРКИ НА ПАСХУ.

Изданія А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней,

въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ 2 столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „Нивы“ 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к., въ перепл. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

Большое роскошно иллюстрированное изданіе

ГЁТЕ

„ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле** и др.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (инграненомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., пересылка за 35 фунт. по разстоянію.

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА,

съ портретомъ автора, гравированн. на стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскошн. каленкор. перепл. съ золот. тиснен.— 8 р., съ перес. 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 руб. съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ СПБ.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ.

Салонный ручной органъ съ металлическими потами и со стальными голосами. На немъ можно играть громче, тише и тремолардо.

Цѣна съ 10 пьесами 32 р.

Добавочныя пьесы по 60 к.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ нотъ для фениксъ-органа—безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо № 5147

музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

МИНІАТЮРН АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

со шнурк. въ замшевомъ кошельк. 8 р. 50 к.
съ пересылкою . . 9 „ — „

„Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и К°.

Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ

Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

С.-Петербургъ, Мойка, № 42.

Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высылается безплатно.

НОВОСТЬ

МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!

ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

Изящно! Практично! Безопасно! Дешево!

Служитъ карманной спичечницей, давая яркій свѣтъ по цѣлымъ часамъ.

Сдѣлано изящно изъ никкель. Только 1¼ вершины—удобно носить въ карманѣ.

Огниво съ 500 зарядами 2 руб.
Запасъ въ 1000 зарядовъ 50 коп. } **Пер. 1 ф**

Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

СБЕРЕГАТЕЛЬ САПОГЪ.

Сохраняетъ подошвы и каблуки отъ изнашиванія и искривленія. Легко придѣлать. Сберегаетъ въ 20 разъ болѣе стоимости

4 колл. 1 руб. 20 коп., пересылка 2 фунт
10 „ 2 руб. 50 коп., 100 колл. 20 руб.

Продаются во всѣхъ магазинахъ и лавкахъ и высыл. налож. платеж. изъ склада для Россіи.

БАЗАРЪ МАРОКЪ и **С.-Петербургъ.**
Невскій пр. № 20.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ

В. № 5098 20—4

10, 15, 25 р. и дороже. Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-курантъ 50 к. К. И. ФРЕЛАНДТЪ. Москва. Мясницкая, уголъ Кривоколѣннаго пер., д. Соколова.

С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30—16.

PARIS

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré renfermant toutes les modes nouvelles pour la **SAISON D'ETÉ**, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie
PARIS.

sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue

№ 5080 4—4

ЕДИНСТВЕННЫЕ ВПОЛНѢ НЕПРОМОКАЕМЫЕ

КАУЧУКОВЫЕ БРЕЗЕНТЫ

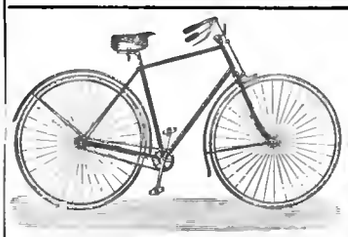
плащи для возчиковъ, сторожей и пр.

НАДХОМУТНИКИ

№ 5091 для лошадей. 12—5

Ф. РЕДДАВЕЙ и К°.

Москва, Рыбный пер., Старо-Гостинный дворъ, № 38.



Извѣстные велосипеды въ свѣтѣ англійскаго завода

ГУМБЕРЪ и К°,

Представители

Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.

Москва, Неглинный проѣздъ, домъ Ечкиной, магазинъ № 14.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

ВЫИГРЫШНЫЕ

Дворянскіе з. л. съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р. Выигрыши со дня задатка принадлеж. покупателю. Проц. уменьш. съ долгомъ. Государственные закладные листы обезпечиваются всѣми имѣніями заложенными въ Госуд. Дворянскомъ Банкѣ и всѣми средствами Правительства. № 5086

6—5

1-го МАЯ

с. г. тиражъ съ 1 выигрышемъ въ

200,000 р.

1 выигрыш. въ . . . . 75,000 р.
1 „ „ . . . . 40,000 „
1 „ „ . . . . 25,000 „
и 296 выигрыш. на сумму 260,000 „

Оплата выигрышей и купоновъ въ Государств. Банкѣ. Невыигравшіе закл. листы не теряютъ своей цѣны.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

59, Невскій, собств. домъ, СПБ.

Только что вышло изъ печати:

МОСКОВСКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ВЫСТАВКА.

Большое **попурри** (продолженіе любимаго попурри: „Путешествіе на парижскую выставку“) изъ **52** новѣйшихъ и самыхъ излюбленныхъ мотивовъ, сост. **J. de St. Clou.** 1 р. 50 к.

В-ое изданіе: Музык. путешествіе на парижскую выставку. Большое попурри того же автора 1 р. 50 к. № 5154

и много другихъ новостей рекомендуетъ

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская 34 и 40.

Москва, Кузнецкій мостъ д. Захарьина

Цѣны съ пересылкою. Каталоги безплатно.

НЕОБЫЧАЙНАЯ НОВОСТЬ 1891 года.

Велосипеды съ резиновыми ободами

„КУШЕНЪ“

англійскихъ и германскихъ заводовъ.

Ц. № 5150 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ 4—1

АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ.

Москва, Мясницкая.

Каталоги безплатно.

ФОТОГРАФ. ЗАНЯТІЯ ДЛЯ ХУДОЖНИКОВЪ, 5—3

чтенія, комич. предметы. Катал. 25 к. E. F. A. Schlöffel, Амстердамъ (Голландія) Box 509. Корреспонд. на нѣм. и франц. яз.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Дозвол. цензур., СПБ., 17 апрѣля 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | г. XXII

№ 17 | 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖСК. МОДЪ" (отъ 30 до 40 моди рис.) ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 27 апрѣля 1891 г. | Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. П. П. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

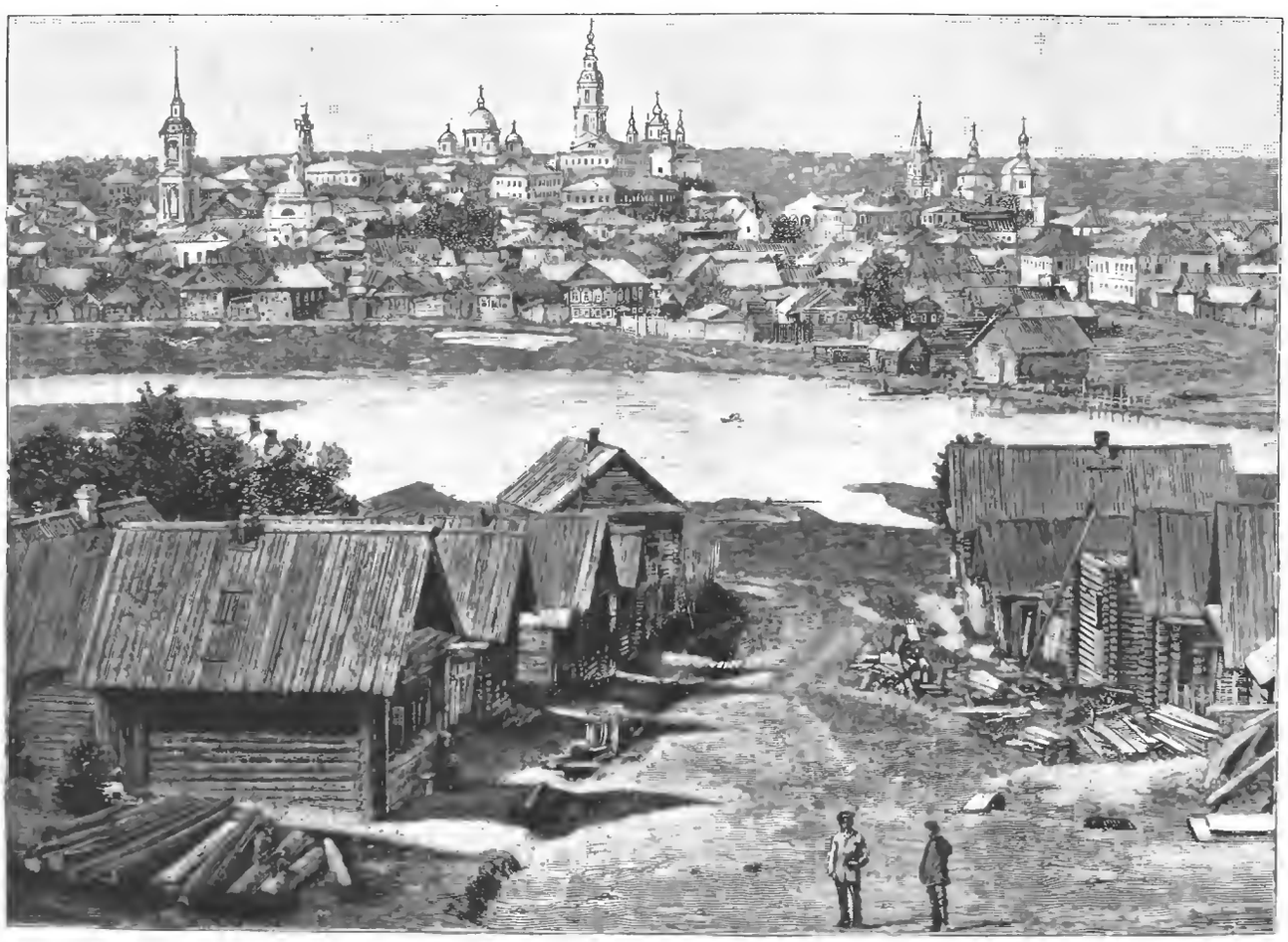
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ" принимаются за строку нонпарель (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr., для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 пф.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.



Городъ Кинешма, Костромской губ. Съ фот. Ѳомина, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Трясогузка.

Стихотвореніе **Василія Величко.**

I.

Разыгралась буря-непогодушка,
Надъ дубравой темной разразилася.
Гдѣ прошла—дубы лежатъ столѣтніе,
Переломлены березоньки кудрявыя,
Прилегли къ землѣ кусты орѣшины...
По банкѣ медвѣдя громомъ треснуло:
Опоздавши былъ съ охоты Мишенька,
Не дошелъ медвѣдь до мѣстожительства,
Громомъ треснуло—хоть панихиду правь!..

II.

Не убила буря трясогузочку,
Бѣлобрюшку—птичку полосатую;
И сперва птичужка пригужáхнулась,
А потомъ гораздо возгордилася—
И пошла нести—хвостомъ трясти:
«Не страшна мнѣ буря—хлябь небесная!
«Сколько, вишь, бѣды въ лѣсу надѣлала!
«Повалила цѣльное медвѣдище,
«Повалила вó-каку огромину,—
«А меня и тронуть побоялася!..
«Знать, судьба мнѣ быть великой барыней,
«Безъ опаски всюду проклажаться!
«Знать, судьба мнѣ міру быть защитницей!..»

III.

А пока она несла—хвостомъ трясла,
Что несла—хвостомъ трясла, бахвалилась.
Надъ ручьемъ гулять себѣ изволила,—
Вдругъ настала темень непроглядная:
То вдругорядь тучи понадвинулись,
Наливныя, черныя, косматыя!...
Понависли низко надъ дубравушкой
Ну вотъ-вотъ за сосны суховерхія
Наливныя тученьки зацѣпятся,
Ну вотъ-вотъ все небо нá-земь брякнется,
А какъ брякнется—тогда аминь всему!..
Тутъ за міръ вступилась трясогузочка,
Возлегла на спинку полосатую,
Ножки-крошки къ небу оттопырила:
Значитъ, нѣтъ на то ея согласія,
Чтобы зря на землю небо падало!
Не попустить, вверхъ упрется ножками!..

IV.

Услыхалъ тѣ рѣчи старый воробей,
Сидючи въ кустѣ большомъ, напыжившись,
Воробушко пуганый да стрѣляный,
Слово птичкѣ молвилъ онъ степенное:
«Эхъ, напрасно, тетка, ты куражишься.
«Задираешь носикъ понапрасному.
«Искушаешь своего Создателя!
«Небоса-то нá землю не свалятся,—
«А вотъ крыса изъ ручья повылѣзетъ,
«Водяная крыса, темнобурая!
«У нея, вѣдь, носъ—что у подьячаго,
«Злыя буркалы—что у сыскныхъ людей,
«А ужь брюхо—безо всякой совѣсти
«Чтó завидитъ—безпремѣнно слопаетъ!..»

V.

Какъ тутъ вскочитъ птичка-трясогузочка!
Ну бѣжать скорѣй, куда глаза глядятъ.
Утекаючи несетъ—хвостомъ трясетъ:
«Тридцать разъ пусть нá-земь небо свалится!
«Пропадайте всѣ тутъ вмѣстѣ прóпадомъ,—
«Лишь-бы крыса-то меня не слопала!..»

Февраль 1891 г.

Ученый сонъ.

Разсказъ **Д. В. Аверкіева.**

Жизнь наша двойственна: у сна есть свой
Особый міръ

Байронъ.

I.

Какъ-то, на пещнаго Николу, къ Николаю Николаевичу, по случаю его именинъ, собралось довольно много всякаго народа: тутъ были ученые, писатели, учителя, профессора, знаменитости и начинающіе, и даже одинъ не то техникъ, не то инженеръ. Я самъ не былъ на этомъ вечерѣ, но все что происходило на немъ, а равно все за нимъ послѣдовавшее передано мнѣ съ полной научной точностью моимъ почтеннымъ другомъ, Иваномъ Дмитриевичемъ, фамилія котораго слишкомъ извѣстна, чтобъ печатать ее всѣми буквами. Мнѣ случилось гдѣ-то прочесть, будто русскіе люди, по какому бы поводу они ни собрались и о чемъ бы ни бесѣдовали, въ концѣ-концовъ заговорятъ о Россіи и ея будущемъ величіи. По моимъ наблюденіямъ, разговоръ

Библиотека "Руниверс"

онъ произносилъ передъ Фалькомъ эти слова, залаяла собака,—а Гёте, надо вамъ сказать, терпѣть не могъ собакъ,—то великій писатель не сдержался, отворилъ окно, и высунувшись на улицу, прокричалъ обращаясь къ собакѣ: „Какъ бы ты ни ухищрялась, ларва, а я съумѣю достигнуть того, что ты меня не поглотишь и не подчинишь себѣ".

— Эхъ, господа, громогласно и побѣдоносно возгласилъ критикъ, — и охота вамъ была такъ долго разглагольствовать и пускать намъ пыль въ глаза своей начитанностью и ученостью! Сказали бы просто, что Гёте вѣрилъ въ переселеніе душъ...

— Не совсѣмъ такъ, вступился философъ.—Ученіе о переселеніи душъ предполагаетъ извѣстное соотвѣтствіе между вашими здѣшними дѣяніями и ожидающей васъ за гробомъ судьбой. Вы вели себя здѣсь дурно, напримѣръ чревоугодничали, а потому не угодно-ли будетъ вашей душѣ, въ наказаніе за такой порокъ вашего желудка, переселиться въ свинью. Если и въ свиномъ образѣ вы будете продолжать злое житіе, то васъ переведутъ въ какую-нибудь еще болѣе гнусную образину; если же будете вести себя добропорядочно, то васъ повысятъ въ чинѣ. И такъ далѣе. Гёте же смотрѣлъ на дѣло скорѣе какъ натуралистъ. У васъ есть извѣстныя свойства, которыя могутъ пригодиться монадѣ того или другаго животнаго, и она безо всякой церемоніи поглотитъ васъ ради этихъ вашихъ свойствъ, столь же просто и естественно, и притомъ разъ и навсегда, какъ на землѣ одно животное поглощаетъ другое ради насыщенія своей грѣшной плоти. При этомъ, нашего брата могутъ ожидать великія неожиданности. Представьте себѣ человѣка, который всю жизнь и воображалъ, и хвалился тѣмъ, что у него необыкновенное художественное чутье. Вотъ онъ умеръ, и что же? Оказывается, что у него было просто чутье на дичь, которымъ и воспользуется какой-нибудь смышленый лягашъ.

Нѣкоторые засмѣялись. Критикъ злобно покосился на нихъ, и насупился.

II.

Разговоръ продолжался, но уже не задѣвалъ за живое Ивана Дмитріевича. Онъ и прислушивался къ нему, и позже, когда рѣчь перешла на другіе, болѣе игривые, предметы, даже смѣялся и вставлялъ свое слово, но все это дѣлалъ автоматически. Въ глубинѣ его занимала все одна и та же мысль: онъ то углублялся въ самого себя, отыскивая какому именно животному можетъ пригодиться которое-нибудь изъ его коренныхъ свойствъ, то приглядывался съ этой цѣлью къ другимъ. Онъ вышелъ отъ Николая Николаевича съ той же засѣвшей гвоздемъ мыслью, и былъ до того невнимателенъ ко всему окружающему, что проѣхалъ свой домъ и очнулся только тогда, какъ извозчикъ, довезя его до конца улицы, спросилъ: „да куда-жъ?"

Придя домой, Иванъ Дмитріевичъ продолжалъ размышлять о томъ же, но изъ его думанья ничего не выходило. Мысль, безплодно толкаясь въ одну и ту же точку, наконецъ устала, и Иванъ Дмитріевичъ заснулъ.

Во снѣ ему пригрезился какой-то шумъ, не то отдаленные раскаты грома, не то громкое и надоѣдливое голубиное воркованье. Стараясь рѣшить отъ чего именно происходятъ эти звуки, Иванъ Дмитріевичъ вскорѣ убѣдился, что онъ просто сидитъ въ пивной, гдѣ къ дождю раскричались не въ мѣру подгулявшіе нѣмцы. Крики усиливались, бурный разговоръ начиналъ переходить въ ссору, причемъ одинъ совопросникъ утверждалъ, что они сидятъ въ *кнейпе*, сирѣчь въ кабачкѣ, а потому онъ имѣетъ полное право надѣть шляпу на голову, а другой, что они скорѣе въ ресторанѣ, а потому надѣваніе шляпы на голову должно почесться дѣйствіемъ въ высшей степени невѣжливымъ. Защитникъ вѣжливости разгорячился наконецъ до того, что, схвативъ вилку, пустилъ ею въ своего противника. Къ несчастію, вилка угодила не въ него, а воткнулась прямо въ животъ Ивана Дмитріевича.

Иванъ Дмитріевичъ вскрикнулъ и проснулся отъ боли.

Открывъ глаза, онъ удостовѣрился, что нѣтъ ни грома, ни голубей, ни нѣмцевъ, ни вилки, а скорѣе у него въ желудкѣ поднялись несносная воркотня и колики.

„Эхъ! много я вчера пива выпилъ, сокрушенно подумалъ онъ. — А все Николай Николаичъ! Самъ не пьетъ, а любитъ подливать другимъ, особенно чуть замѣтитъ что гость заговорился или задумался. Хитрецъ!"

Но тутъ Иванъ Дмитріевичъ почувствовалъ, что ему крайне дурно. Въ немъ все болѣло и ныло: чтобъ избавиться отъ гнетущаго чувства, онъ зажегъ свѣчу.

„Ахъ, какъ скверно, какъ скверно!" Имъ овладѣло неодолимое безпокойство, онъ не могъ улежать въ постели и вскочилъ на ноги. Ему точно хотѣлось уйти отъ самого себя.—„Что́ это? что это?" съ испугомъ заговорилъ онъ, чувствуя что и самъ не твердъ на ходу, и все вокругъ зашаталось и понеслось куда-то мимо него.

Иванъ Дмитріевичъ упалъ навзничь и сильно хватился обо что-то головой.

Онъ лежалъ, не столько заботясь объ ушибѣ, какъ о томъ, что̀ съ нимъ сейчасъ произойдетъ.

„Если это смерть, то она не такъ ужъ страшна", успѣлъ онъ торопливо подумать.

Слѣдомъ, для него настало то восхитительно-блаженное мгновеніе, которое знаютъ люди падавшіе въ обморокъ. Казалось, что навѣкъ избавишься ото всякихъ скорбей и печалей, этого „наслѣдья плоти", какъ говоритъ Гамлетъ.

Блаженная минута длилась.

„Если это смерть, то она восхитительна, думалъ Иванъ Дмитріевичъ.—И вотъ почему, вѣроятно, у большинства умершихъ такое покойное, тихое, просвѣтленное выраженіе лица: на немъ отражается впечатлѣніе этого сладостнаго момента избавленія ото всѣхъ скорбей... А люди еще боятся смерти!.. Однако, что же, умеръ я или нѣтъ?"

Не успѣлъ Иванъ Дмитріевичъ отвѣтить на свой вопросъ, какъ его окликнулъ чей-то голосъ:

— А, и вы къ намъ пожаловали?

— А вы давно здѣсь? спросилъ Иванъ Дмитріевичъ, съ недоумѣніемъ и нерѣшительностью произнося послѣднее слово: гдѣ же молъ это *здѣсь*?

— Вы развѣ не слышали? Ужь двѣ недѣли. А все по милости докторовъ: выдумали тоже болѣзнь, которой у меня и съ роду-то не было. Ну, и залѣчили. Какъ же, говорятъ: отравленіе алкоголемъ. Ну, другимъ еще простительно городить ерунду, а то и Самойловичъ, съ кѣмъ мы не разъ—помилуйте!—кучивали, и тотъ туда же. А когда онъ видѣлъ, чтобъ я валялся, какъ стелька? Когда лѣчилъ меня отъ бѣлой горячки? Или я напивался до чертиковъ? Во-первыхъ, я пива, то есть самого-то яда, и въ ротъ не бралъ, а во-вторыхъ, много-ль я опрокидывалъ въ день? ну, скажемъ, рюмокъ двадцать и ужь никакъ, да и то рѣдко, не больше угла.

— И въ теченіе многихъ лѣтъ?

— Тридцати-пяти, сорока. Развѣ много?.. Но, прощайте, однако.

— Куда же вы?

— Мытарства отбываю. Это въ родѣ нашей воинской повинности. Ко мнѣ приставлено двое дядекъ, изъ эѳіоповъ. Знаете, этакъ, не изъ красивыхъ и не изъ бѣленькихъ. Въ тотъ часъ, какъ я, бывало, гуляя захаживалъ выпить гдѣ рюмочку, гдѣ двѣ, и влекутъ они меня, многогрѣшнаго, по всѣмъ излюбленнымъ погребкамъ и трактирчикамъ, и водворяютъ около бу-

Библиотека "Руниверс"

Выставка Императ. Академіи Художествъ. Взятіе обоза маршала Даву лейбъ-гвардіи уланскимъ Его Величества полкомъ подъ Краснымъ (5 ноября 1812 г.).

Собственность Его Императорскаго Величества. Съ карт. (исключительное право воспроизведенія въ гравюрѣ принадлежитъ „Нивѣ") **П. Н. Грузинскаго**, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

русскихъ людей, а можетъ-быть и не однихъ русскихъ, подъ конецъ вечера (который часто приходится въ началѣ слѣдующаго утра) склоняется къ предметамъ фантастическимъ, сверхъестественнымъ и мистическимъ. То же случилось и на именинахъ Николая Николаевича.

Разговорились о снахъ, видѣніяхъ, предчувствіяхъ и предсказаніяхъ. Спорили, утверждали и опровергали, приводили мнѣнія знаменитыхъ людей и излагали свои собственныя сужденія; вообще же колебались между самодовольнымъ признаніемъ всемогущаго, объясняющаго все необъяснимое, „случая" и шаткимъ убѣжденіемъ: „нѣтъ, что ни говорите, а что-то такое какъ будто и есть". Разумѣется, дошли и до гаданій о будущей жизни.

— А вы помните, не знаю какъ назвать, ученіе или взглядъ Гёте на этотъ счетъ? спросилъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности, не то инженеръ, не то технологъ, доселѣ упорно молчавшій и затѣмъ равно не проронившій ни одного слова.

— Вы, вѣроятно, разумѣете его ученіе о неразрушимости энтелехіи? спросилъ молодой философъ Приточинъ.

— *Энтелехія!* Что за мудреное слово! Терпѣть ихъ не могу! отозвался критикъ Пятнушкинъ.

— Не такъ ужь мудреное, какъ то кажется съ перваго взгляда, отвѣчалъ философъ. — Гёте взялъ его у Аристотеля. Оно состоитъ изъ двухъ греческихъ словъ, изъ которыхъ одно значитъ—*вполнѣ* или *совершенно*, а другое—*держу*. Подъ этимъ названіемъ, поэтому, и разумѣется нѣкоторая вѣчная сила, нѣкоторая неизмѣнная сущность, довлѣющая самой себѣ, обладающая въ самой себѣ законами своего развитія. Впрочемъ, вы отчасти правы: не одна купчиха Островскаго, но и всѣ мы побаиваемся страшныхъ словъ. Разница въ томъ, что купчиха прямодушно и простодушно пугалась, когда при ней произносили: „жупелъ, или металлъ (философъ ясно отчеканилъ оба *л*),—а мы дѣйствуемъ криводушно и презрительнымъ смѣшкомъ надъ ученымъ словомъ нерѣдко прикрываемъ свое... философъ хотѣлъ сказать *невѣжество*, но удержался и произнесъ:—невѣдѣніе.

— А! понимаю, презрительно произнесъ критикъ,— дѣло идетъ не болѣе, не менѣе, какъ о безсмертіи души, во что я, сказать мимоходомъ, вовсе не вѣрю, а зачѣмъ-то понадобилось мудреное словечко—какъ бишь?.. энт... энк... право, раньше трижды поперхнешься, чѣмъ выговоришь... Охъ, ужь эти нѣмцы!..

— Извините мое невѣжество, обратился Иванъ Дмитріевичъ къ Приточину, — но я и самъ не понимаю точно, въ чемъ же разница между душой и энтелехіей.

Вопросъ былъ сдѣланъ взволнованнымъ и даже дрогнувшимъ голосомъ. Иванъ Дмитріевичъ и самъ не зналъ, почему взглядъ Гёте до чрезвычайности возбудилъ его любопытство; онъ весь насторожился и ждалъ отвѣта философа, какъ нѣкотораго откровенія, отъ чего чуть-ли не будетъ зависѣть его дальнѣйшая судьба.

— Разница въ томъ, со своей обычной обстоятельностью заговорилъ философъ, — что подъ душою разумѣется не только вся совокупность нашей внутренней жизни, но и ея внѣшнія проявленія. Душа такъ-сказать въ нашемъ представленіи связана съ тѣломъ, а подъ энтелехіей разумѣется неразрушимая сущность души...

— Или духъ, животворящій душу? подсказалъ Иванъ Дмитріевичъ.

— Пожалуй, но духъ именно въ томъ смыслѣ, какъ вы сейчасъ употребили: духъ оживляющій душу. Ему-то Гёте приписывалъ неизмѣнныя свойства, которыя могутъ проявиться и внѣ тѣла; онъ-то, по мнѣнію Гёте, и можетъ пережить человѣка...

— Теперь я какъ будто начинаю понимать текстъ, который въ юности затвердилъ совершенно безсмысленно: „сѣется тѣло душевное, воскресаетъ тѣло духовное", задумчиво проговорилъ Иванъ Дмитріевичъ.

— Вѣдь энтелехія то же самое, что Лейбницъ разумѣлъ подъ именемъ монады? спросилъ Лютостанскій, давно уже горѣвшій нетерпѣніемъ вставить свое слово: онъ любилъ блеснуть своей начитанностію и сыпалъ цитатами.

— Совершенно справедливо, отвѣчалъ Приточинъ.

— Конечно, конечно, торопливо заговорилъ Лютостанскій, какъ бы боясь, что его перебьютъ.—Конечно, вѣдь и монада обозначаетъ нѣчто недѣлимое, неразрушимое и притомъ нематеріальное... А, помнится, доказательство существованія энтелехіи, или духа въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ Иванъ Дмитріевичъ, Гёте видѣлъ въ упорствѣ или, какъ онъ выразился, въ жестоковыйности характеровъ. И, дѣйствительно, всѣ мы знаемъ что человѣкъ, по пословицѣ, каковъ въ колыбелкѣ— таковъ и въ могилкѣ. Характеръ проявляется у дѣтей очень рано, и остается неизмѣннымъ на всю жизнь. И еще въ томъ, что человѣкъ не принимаетъ въ себя и даже такъ-сказать отталкиваетъ отъ себя все, что не подходитъ къ его натурѣ, или выражаясь нѣсколько тривіально, что ему не по нутру. И это всякій знаетъ, по личному опыту.

— Ну, этого я что-то не понимаю, сказалъ критикъ.

— Да вотъ вамъ самимъ не по нутру же ученыя слова, да, кажется, и ученость вообще, выпалилъ философъ.

— Не помогу-ли я вамъ нѣкоторымъ уподобленіемъ? мягко сказалъ именинникъ, обращаясь къ Пятнушкину и желая загладить черезчуръ рѣзкую выходку Приточина. — Въ этомъ случаѣ человѣческую волю —ибо въ характерѣ выражается именно воля — можно уподобить органической клѣточкѣ, которая принимаетъ извнѣ только то, что ей полезно, чѣмъ она питается и что можетъ себѣ усвоить, а остальное извергаетъ.

— Превосходное уподобленіе! замѣтилъ философъ.

Критикъ только крякнулъ.

— А помните вы его разговоръ съ Фалькомъ? спросилъ Лютостанскій.

— Какже!

— Ахъ, разскажите, разскажите! вдругъ встрепенувшись отъ задумчивости, вскричалъ Иванъ Дмитріевичъ.

— Разговоръ происходилъ въ день похоронъ Виланда, котораго Гёте очень любилъ и уважалъ. Тутъ онъ выразился прямо, что никоимъ образомъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобъ силы, оживлявшія такую душу, какъ Виландъ, исчезли безслѣдно: природа не можетъ быть столь расточительна. Онъ пророчилъ Виланду великую будущность и въ загробной жизни, какъ бы провидя его геніемъ-покровителемъ одной изъ безчисленныхъ планетъ. При этомъ, насчетъ того, будетъ-ли душа помнить свое прошлое, онъ высказался, что сохранится только общее воспоминаніе прошлаго, а никакъ не подробностей, и что оно, это воспоминаніе, въ грядущей жизни будетъ проявляться въ видѣ нѣкотораго рода пророческихъ идей... Я, впрочемъ, не стану докучать вамъ изложеніемъ всего ученія, да и боюсь, что память мнѣ измѣнитъ и я передамъ кое-что не точно. Лучше прочтите сами разсказъ Фалька. Не могу, однако, не вспомнить одной частности, которая глубоко поразила меня. Именно, не вѣря въ уничтоженіе монады, или сущности души, Гёте однако вѣрилъ, что оставивъ наше тѣло, наша монада можетъ быть поглощена другой сильной монадой, хотя бы и низшаго разбора. Онъ, не смотря на весь свой геній, и себя не считалъ изъятымъ отъ такой опасности.

— Ну, это ужь какой-то мистическій бредъ, пробурчалъ критикъ.

— И эта вѣра была въ немъ такъ сильна, продолжалъ Лютостанскій, не обращая вниманія на критическое бурчанье,—что когда въ ту самую минуту, какъ

Библиотека "Руниверс"

фета. И вижу я, какъ другіе пьютъ, и самъ точно глотаю. И не можете вы представить, что это за мерзость съ *нашей* безтѣлесной точки зрѣнія, и притомъ какія муче...

Голосъ внезапно умолкъ. Иванъ Дмитріевичъ уже не сомнѣвался, что онъ умеръ, и обратился къ своей душѣ съ тѣмъ-же вопросомъ, съ какимъ при жизни Маркъ Аврелій обращался къ своей: „Animula vagula, blandula...“

Но отъ души не послѣдовало отвѣта въ какія-именно непріютныя мѣста она собирается, быть-можетъ потому, что Иванъ Дмитріевичъ не успѣлъ продекламировать всего вопроса.

— А, почтеннѣйшій Иванъ Дмитріевичъ, и вы преставились отъ земной юдоли, витіевато заговорилъ новый голосъ. — Но, повидимому, и здѣсь намѣрены во все углубляться и, какъ индійскіе мудрецы, созерцать свои внутреннія. Глядите, не прозѣвайте и здѣшнихъ благъ, какъ прозѣвали земныя.

— Въ самомъ дѣлѣ? усмѣхнулся Иванъ Дмитріевичъ.

— Конечно, изволили прозѣвать и свѣтскую карьеру, и пріобрѣтеніе капитала, и брачное сожительство, такъ что, какъ говорится, и помянуть васъ не чѣмъ.

— А вы?

— Я на первыхъ порахъ предаюсь своей любимой склонности, то есть любознательности. Знаю, почтеннѣйшій, знаю что вы ее зовете иначе, и припоминаю даже, что когда мы говорили съ вами при послѣдней нашей земной встрѣчѣ, именно тринадцатаго истекшаго апрѣля, въ паровой конкѣ, то вы выразились, или вѣрнѣе: не выразились, но подумали — теперь для меня ваша тайная мысль стала явственной—что я обладаю ненасытимой жаждой пустаго любопытства...

— На что-же здѣсь обратилась ваша любознательность?

— Видите-ли, я всегда любопытствовалъ побывать въ будуарѣ знатной дамы, но по званію своему никакъ не могъ удовлетворить сей склонности. Нынѣ, во время похороннаго шествія, когда я въ благоприличномъ разстояніи слѣдовалъ за моимъ прахомъ, усмотрѣлъ я вправѣ отъ себя домъ несомнѣнно аристократической наружности. Чуть я выразилъ желаніе касательно будуара, какъ уже находился въ немъ. Знатная дама еще почивала: вдругъ она пробудилась съ испугомъ и крикомъ: вбѣжала горничная. „Откуда этотъ кутейникъ? кто впустилъ его?“ Я поспѣшилъ удалиться, не желая быть даже невольнымъ свидѣтелемъ нѣкоторой нескромности въ туалетѣ, причиненной внезапнымъ испугомъ. И для меня осталось загадочнымъ: почему дама узнала о моей принадлежности къ духовному званію... Однако, прощайте.

— Куда-же вы?

— Чувствую, что близится время надгробнаго слова. Любопытствую узнать, на какой текстъ и въ какомъ объемѣ: самъ вѣдь тоже упражнялся...

— А затѣмъ?

— Въ Америку. Меня до чрезвычайности интересуютъ тамошнія секты, особенно-же желаю изучить мормоновъ и такъ-называемыя общины свободной любви, ибо по многолѣтнему моему служенію въ консисторіи...

Эта встрѣча была весьма полезна для Ивана Дмитріевича. Онъ вышелъ изъ созерцательнаго состоянія, и вдругъ почувствовалъ, что для него уже не существуетъ ни времени, ни пространства, и стоитъ ему только захотѣть перенестись куда-нибудь, какъ онъ мигомъ тамъ и очутится. „Куда-жь теперь направить путь?“ Не навѣстить-ли Николая Николаевича о своей внезапной кончинѣ послѣ его именинъ? Но дома-ли онъ, или въ должности, и наконецъ который теперь часъ у людей? Едва Иванъ Дмитріевичъ задалъ себѣ эти вопросы, какъ увидѣлъ вдали Николая Николаевича. Тотъ шелъ въ должность, бодрый и здоровый, и не безъ удовольствія оправлялъ свою красивую бороду. Еще мигъ, и Иванъ Дмитріевичъ смутилъ-бы его вѣстью о своей скоропостижной смерти, какъ вдругъ нашъ герой почувствовалъ необыкновенно сильное притяженіе и понесся къ нежелательномъ для него направленіи. Въ первое мгновеніе Иванъ Дмитріевичъ струхнулъ даже, боясь что его сейчасъ, сію-вотъ секунду поглотитъ какая-нибудь нечистоплотная монада низшаго разбора.

— Вотъ тебѣ и энтелехія! невольно вскричалъ онъ.

Притянувшая его монада оказалась однако далеко не низкаго разбора.

Тутъ я остановилъ разсказчика и спросилъ:

— Какой, примѣрно, видъ имѣетъ монада?

— Объяснить это чрезвычайно трудно, отвѣчалъ онъ,—по неимѣнію въ языкѣ живыхъ людей соотвѣтствующихъ словъ. Приходится прибѣгнуть къ сравненію, впрочемъ довольно отдаленному и неточному. Вообразите себѣ малюсенькое киселевидное и облакообразное тѣльце,— такое незначительное, что еслибъ на землѣ изобрѣли микроскопъ, увеличивающій въ милліонъ разъ сильнѣе нынѣшнихъ, то и тогда-бы оно подъ стекломъ оказалось мельче самой ничтожной бактеріи.

III.

Монада, подчинившая Ивана Дмитріевича своему вліянію, оказалась принадлежащею важному и вліятельному чиновнику, пожалуй, даже сановнику. Иванъ Дмитріевичъ видѣлъ его при жизни всего разъ, именно когда являлся къ нему просителемъ, желая получить мѣсто въ одномъ изъ многочисленныхъ учрежденій, подлежавшихъ вѣдѣнію особы. Особа, однако, замѣтивъ въ Иванѣ Дмитріевичѣ, по независимому тону разговора, присутствіе такъ-называемаго дурнаго характера, весьма вѣжливо отклонила его ходатайство. Впрочемъ, по замѣчанію одного бывалаго и умнаго старика, въ нашемъ любезномъ отечествѣ до того расплодилась и усовершенствовалась всякаго рода безличность и безцвѣтность, что уже не только малѣйшій признакъ характера, но даже самое ничтожное на него поползновеніе почитается качествомъ дурнымъ, вреднымъ и даже опаснымъ, какъ въ служебномъ, такъ и въ литературномъ отношеніи.

Особа въ теченіе своей многолѣтней, многоплодной и многополезной служебной дѣятельности являлась самымъ совершеннымъ воплощеніемъ приведеннаго замѣчанія умнаго старика. Она самодовольно и безъ устали повторяла, что слѣдуетъ всемѣрно стремиться къ нивелированію личности, не шутя полагая такое мнѣніе основнымъ принципомъ высокой государственной мудрости, съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что не сама изобрѣла его, а подслушала у особы еще болѣе важной и чиновной. Сообразно съ этимъ, особа усердно нивелировала личности, допуская на службу только все извивающееся и изгибающееся, и устраняя все самостоятельное и оригинальное. Поприще для приложенія принципа было обширное, ибо особа на своемъ вѣку стояла при четырехъ посольствахъ, управляла двумя театрами и тремя департаментами, и сверхъ того, въ счастливое время совмѣстительства, состояла директоромъ двухъ банковъ и трехъ желѣзныхъ дорогъ и даже общества для всесторонней и всемѣрной обработки животныхъ остатковъ, между продуктами котораго особенно прославились необыкновенно блестящая ваксa и восхитительная фабра для усовъ. Не мудрено что столь вліятельный чиновникъ и по смерти могъ всевластно притянуть къ себѣ Ивана Дмитріевича, особенно если взять во вниманіе его прирожденныя достоинства, какъ-то связи, родство и безукоризненное французское произношеніе.

— Я вамъ очень благодаренъ, что вы такъ душевно откликнулись на мой сердечный призывъ, заговорила особа.—Я въ такомъ волненіи, въ такомъ негодованіи

Библиотека "Руниверс"

даже! Вы видите эту толпу? Это мои похороны. Конечно, тутъ множество порядочныхъ людей, но большинство, масса наконецъ, все это мои служащіе, мои подчиненные, чистое ничтожество, которое я нѣсколько оболванилъ и которому я же придалъ нѣсколько приличный видъ, благодаря тому, что въ блаженные дни совмѣстительства сумѣлъ пустить въ ходъ изобрѣтенную мной блистательную ваксу и восхитительную фабру. Я, понятно, желалъ подслушать ихъ толки на моихъ похоронахъ для того, чтобъ принять такъ-сказать дань сердечной благодарности и душевнаго умиленія. Но что-жь я услышалъ? О, негодяи! рабы, отпущенные на волю! разсчитанные за негодностью лакеи!.. Они подсмѣиваются на мой счетъ: они говорятъ, что я окружалъ себя ловкими плутами и подхалимами, — каково словечко! — которые гипнотизовали меня и заставляли плясать по своей дудкѣ. Что я всегда былъ болваномъ и даже неучемъ, не смотря на то, что затвердилъ много красивыхъ фразъ и громкихъ во всѣхъ отрасляхъ имена! А, какъ вамъ покажется?

— Но, ваше высокопревосходительство, почтительно, задабривая особу, сказалъ Иванъ Дмитріевичъ, у котораго все еще не прошелъ страхъ быть ею проглоченнымъ,—но, ваше высокопревосходительство, стоитъ-ли вамъ объ этомъ безпокоиться, особенно теперь! Вѣдь вы прекрасно знаете, что все это вздоръ и неправда!

— Ахъ, мой добрый, я никогда не безпокоился о томъ, что вздоръ и что не вздоръ, что правда и что неправда. Все это мелочи и детали, которыми мнѣ, поклоннику принципа, заниматься было некогда. Но не имѣть способа, не имѣть возможности наказать ихъ за такія малопочтительныя рѣчи! И притомъ, какъ они смѣли и сумѣли понять меня, разгадать то, что я съ такимъ безподобнымъ искусствомъ скрывалъ отъ людей много ихъ повыше. Еще моя бабушка, княгиня Поперекъ-Дорогина, и она предвѣщала, что я буду великимъ дипломатомъ, и обм.....

Но тутъ съ особой что-то случилось; она запнулась на полусловѣ, съежилась, омрачилась и ею овладѣла невыразимая тоска.

Чтобъ понять что именно сталось съ особой, необходимо маленькое объясненіе. Я доселѣ употреблялъ выраженія: „онъ заговорилъ“, или „послышался голосъ“, „онъ взглянулъ“ или „увидѣлъ“, и тому подобная. Все это реченія вполнѣ не точныя, ибо въ безтѣлесномъ существованіи не возможенъ звукъ за неимѣніемъ его органа, и нельзя ни видѣть, ни слышать по отсутствію ушей и глазъ. Я выражался такъ за неимѣніемъ болѣе подходящихъ словъ, какъ то дѣлалъ и самъ Иванъ Дмитріевичъ повѣствуя мнѣ свой сонъ. Именно въ этомъ самомъ мѣстѣ, онъ и самъ почувствовалъ неотложность объясненія.

— Конечно, толковалъ онъ,— звука мы никакого не издавали и не слышали, а понимали другъ друга какимъ-то особеннымъ образомъ. Какъ-бы вамъ объяснить? Напримѣръ, вамъ вѣроятно случалось порою отгадывать что именно хочетъ сказать вашъ собесѣдникъ раньше, чѣмъ онъ успѣвалъ выговорить слово. И тамъ нѣчто въ родѣ этого. Или еще лучше: вообразите себѣ, что телефонная проволока одарена сознаніемъ и понимаетъ тѣ слова, которыя при ея посредствѣ передаются токомъ.

Теперь станетъ понятно почему именно такъ омрачилась и затосковала обездоленная монада его высокопревосходительства. Какъ только она вспомнила про бабушку, то стала думать по-французски и вдругъ, впервые со смерти, почувствовала, что французскія фразы уже не звучатъ, какъ прежде, въ ея устахъ. О, Боже! неужто-же утрачено на вѣкъ то безукоризненное чисто-парижское произношеніе, которое ей даровала заботливая природа и чѣмъ она такъ замѣтно и выгодно отличалась отъ всѣхъ мелкотравчатыхъ людишекъ. Неужто исчезла эта характерная особенность, столь явственно свидѣтельствовавшая о столбовой родовитости особы! О, никакія самыя печальныя злоключенія трагическихъ героевъ не могутъ сравниться съ ужасной судьбой, постигшей монаду его высокопревосходительства! Признаюсь, у меня сердце обливается кровью и на моей лишенной шевелюры головѣ начинаютъ шевелиться волосы, лишь вспомню, что та же горькая участь неминуемо постигнетъ многихъ изъ моихъ соотечественниковъ, столь-же многополезныхъ и вліятельныхъ, какъ и оплакиваемый мною покойникъ. Что имъ вѣчность безъ парижскаго выговора!

Удрученнымъ состояніемъ особы ловко воспользовалась пролетавшая мимо моль; она, какъ ни въ чемъ не бывало, проглотила монаду его высокопревосходительства. И какъ просвѣтлѣла, какимъ яркимъ свѣтомъ загорѣлась она въ мигъ перерожденія. Грозно вспыхнувъ, какъ Марсъ, она слѣдомъ заалѣла, какъ заря, предвѣстница чудной погоды

— Бѣдный Филиппъ Александровичъ! съ сокрушеніемъ подумалъ-было Иванъ Дмитріевичъ, но тотчасъ же спохватился.—Отчего же бѣдный? Отъ кого другаго, а отъ меня не скрыто, что онъ достигъ высшей фазы, апогея своего развитія. Онъ счастливъ, иначе не горѣла бы его монада яркими цвѣтами балетныхъ апоѳеозовъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего не достаетъ для его полнаго блаженства, или чего онъ лишился чрезъ перерожденіе? Родовитости? Но отъ него произойдетъ неисчислимое потомство, цѣлая гибель моли самаго высокаго полета. Французскаго произношенія? Но кто же мѣшаетъ ему съ лихвой вознаградить себя за такую потерю, сугубымъ истребленіемъ чисто французскихъ тканей? А польза отъ перерожденія очевидна: его вредоносныя свойства обнаружатся вполнѣ самостоятельно; теперь ужь никто не посмѣетъ сказать, будто онъ и гадостей-то не умѣлъ самъ дѣлать, а совершалъ ихъ подъ гипнотическимъ внушеніемъ насѣвшихъ на него проходимцевъ. А какъ онъ отомститъ разгадавшимъ его сущность подчиненнымъ! Не даромъ же онъ злобно проворчалъ. „съѣмъ, съѣмъ, все переѣмъ!“ Счастье, что я не попалъ къ нему на службу, а то пропала бы не только моя старая и заслуженная шуба, но и ротонда моей будущей жены, если я только когда-нибудь женюсь.

Окончивъ похвальное слово Филиппу Александровичу, Иванъ Дмитріевичъ продолжалъ:

— Нѣтъ, съ которой стороны ни смотри, а болѣе подходящаго назначенія, болѣе блистательной загробной карьеры для Филиппа Александровича и не придумаешь. Но если вредоносность дряблая и скрытая находитъ свое успокоеніе во образѣ моли, то желалъ бы я знать, во что перерождается вредоносность наглая и нахальная?

И ему вспомнилась былая встрѣча въ губернской гостинницѣ съ возвращавшимся съ войны интендантомъ. Тотъ занималъ лучшій нумеръ, учинялъ всяческіе кутежи и дебоши, запаивалъ гостей шампанскимъ и велъ большую игру, причемъ за деньгами лазилъ въ туго набитый бумажками чемоданъ, точно по небрежности брошенный въ углу комнаты. Онъ не просто сорилъ деньгами, бросая ихъ направо и налѣво, а съ какимъ-то торжествомъ разсыпалъ ихъ, безстыдно исповѣдуя, что вотъ-молъ я человѣкъ умный, потрудился и нажилъ, и теперь наслаждаюсь отъ дѣла рукъ своихъ, а вы, дурачье, глядите да облизывайтесь.

Вспомнилось, и исполнилось: предъ Иваномъ Дмитріевичемъ тотчасъ мелькнула юркая монада интенданта. Онъ торопился въ кухмистерскую, гдѣ былъ заказанъ по немъ большой поминальный обѣдъ; очень ужь не терпѣлось узнать ему, на какомъ именно кушаньи, подложивъ гнили и трухляди, кухмистеръ надуетъ заказчика и сколько именно и на чемъ сорветъ съ него.

Библиотека "Руниверс"

Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ... Ориг. рис. (собств. „Нивы") И. Милевскаго, автотипія Ангерера

Библиотека "Руниверс"

Вмѣсто кухмистерской интендантъ угодилъ въ ротъ встрѣчному голубю.

— Какъ, интендантъ и переродился въ голубка! въ величайшемъ изумленіи вскричалъ Иванъ Дмитріевичъ и бросился вслѣдъ за улетавшею птицею, чтобы изслѣдовать, насколько возможно, если не причину, то по крайней мѣрѣ послѣдствія такого въ высшей степени неестественнаго, какъ ему казалось, перерожденія.

Голубокъ стрѣлой несся къ Калашниковской пристани: тамъ, влетѣвъ на нагруженную овсомъ телѣгу, онъ усѣлся на кулъ и мигомъ запустилъ въ него коготь: съ необычайною быстротой и силой поскрипувъ задній палецъ, онъ ловко и въ такомъ именно мѣстѣ разорвалъ рогожку, что он съ толстою струей такъ и посыпался на мостовую. Ученые зоологи утверждаютъ, что голуби и раньше продѣлывали эту операцію, но ни одинъ еще не совершалъ ее съ такой отчетливою мѣткостью, съ такою дерзкою дѣловитостью. Словомъ, интендантскій коготокъ сказался сразу.

Ивану Дмитріевичу и разсуждать не приходилось: онъ во-очію убѣдился въ полной цѣлесообразности перерожденія.

Голубокъ клевалъ прожорливо и жадно, но накушавшись вдосталь, сдѣлался кротокъ и, нѣжно воркуя, пошелъ охорашиваться передъ голубкой. Ивану Дмитріевичу вдругъ стало ясно, что интендантъ и при жизни отличался необычайною влюбчивостью,—и по отзывамъ самыхъ близкихъ его друзей, кромѣ тѣхъ часовъ, когда съ дѣловитой умѣлостью совершалъ хищническіе набѣги на казенное добро, отличался замѣчательною кротостью нрава и такимъ нѣжнымъ добродушіемъ, что вполнѣ заслуживалъ ласкательнаго прозвища „голубчикъ“.

IV.

— Странный, однако, народъ эти покойники! размышлялъ Иванъ Дмитріевичъ, соображая все видѣнное и слышанное и забывъ о своей принадлежности къ этимъ страннымъ людямъ.—Ихъ, кажется, ни мало не поражаетъ пережитая катастрофа, ихъ вовсе не занимаетъ переходъ въ иное существованіе: они сохраняютъ пошлыя земныя привычки, они погружены въ пошлыя земныя дрязги. Или это только на первыхъ порахъ, пока не улягутся прежнія впечатлѣнія? Но въ такомъ случаѣ, сколько же времени длится такое безчувственное состояніе? Сорокъ дней, или дольше? Или же эта пошлая отупѣлость только удѣлъ тѣхъ, кому суждено успокоеніе въ животной жизни?

— Вы въ размышленіи? спросилъ его чей-то пріятный басокъ.

— Ахъ, извините... Съ кѣмъ имѣю честь?

— Артистъ Куроноговъ: прошу любить и жаловать.

— Очень пріятно.

— Вы, если не ошибаюсь, изволили бесѣдовать съ его высокопревосходительствомъ Филиппомъ Александровичемъ въ день его похоронъ?

— Точно такъ.

— Превочтенный былъ человѣкъ.

— А вы его знали?

— Какъ же-съ, онъ и изми завѣдывалъ съ полгода.

— И что же?

— Оставилъ по себѣ блистательный слѣдъ.

Блистательный слѣдъ заключался въ прибавкѣ содержанія артисту Куроногову. Впрочемъ, награда была вполнѣ заслужена: артистъ, при помощи доставшагося ему по наслѣдству и ему одному извѣстнаго средства, избавилъ *его* тогда еще просто-*превосходительство* отъ... жаль, что запамятовалъ, отъ чего именно... отъ зубной или мозольной боли.

— Впрочемъ, продолжалъ Куроноговъ,—онъ былъ порядочный болванъ и ничего не смыслилъ въ искусствѣ; вдобавокъ, былъ мастеръ устроить какую-нибудь гадость исподтишка, чисто дипломатически. Совершенно какъ моль: вотъ она вылетѣла и вы хлопаете въ ладоши, чтобъ поймать и раздавить ее,—безполезно, ваша шуба уже съѣдена, и моль кажется вылетѣла только затѣмъ, чтобы посмѣяться надъ вами. Мы его такъ и звали молью, и...

Иванъ Дмитріевичъ подивился пророческому прозвищу, и хотѣлъ-было спросить артиста, видѣлъ ли онъ перерожденіе своего бывшаго начальника, какъ вдругъ вспомнилъ, что самъ Куроноговъ скончался ужь лѣтъ шесть назадъ, а потому способенъ разъяснить ему вопросъ насчетъ длительности душевной отупѣлости у покойниковъ.

— Виноватъ, я перебью васъ нескромнымъ вопросомъ, сказалъ Иванъ Дмитріевичъ, но вы... вы, кажется, уже давно?..

— Да, давно. И вѣроятно сильно измѣнился, потому что вы, не смотря на всю мою громкую извѣстность, даже не узнали меня и я былъ вынужденъ рекомендоваться вамъ, грустно отвѣчалъ Куроноговъ.

Эти слова заставили Ивана Дмитріевича пристальнѣе вглядѣться въ бывшаго артиста. Онъ нисколько не походилъ на встрѣчавшихся до сихъ поръ монадъ и имѣлъ видъ нѣсколько странный и даже подозрительный. Именно, Ивану Дмитріевичу подумалось, что предъ нимъ не монада, а скорѣй зародышъ какого-то внутренностнаго паразита, и онъ уже началъ-было сочинять теорію, по которой оказывалось, что въ подобныхъ случаяхъ сознаніе не теряется до тѣхъ поръ, пока зародышъ не разовьется въ полнаго паразита. Окончательной обработкѣ теоріи помѣшали дальнѣйшія жалобы артиста.

— Да-съ, давно, а все еще остаюсь безъ ангажемента.

— Но здѣсь, вѣроятно, довольно туго по части увеселеній?

— Не въ томъ дѣло-съ, не въ томъ-съ, съ ироніей отвѣчалъ артистъ: иронія у него всегда выходила отлично.—Скажите сами, развѣ я не смѣлъ разсчитывать вслѣдъ смерти на болѣе приличное воздаяніе? Моя артистическая дѣятельность еще слишкомъ въ памяти, чтобъ я сталъ распространяться о ней. Ограничусь краткимъ очеркомъ. Извѣстность, полные бенефисы, похвальные отзывы въ газетахъ, высокая поспектакльная, выигрышныя роли, рукоплесканія и оваціи. Въ Тифлисѣ дѣло доходило даже до пистолетныхъ выстрѣловъ. Не правда ли, меня ужь никакъ нельзя было назвать непризнаннымъ геніемъ. И все это досталось мнѣ въ награду за горячую и, смѣю думать, безкорыстную любовь къ искусству. Правда, находились завистники и говорили, что я скорѣй исполнительный чиновникъ, чѣмъ даровитый художникъ: но у кого не было завистниковъ? Даже у Шекспира были, не правда ли?

— Конечно.

— Я вообще всегда предоставлялъ зависти безсильно грызть свою собственную руку. Итакъ, оваціи при жизни и... оваціи по смерти! На похоронахъ масса народа, груда вѣнковъ, и что важнѣе всего: общее убѣжденіе, что хотя, правда, и бывали проподы великолѣпнѣе, но такихъ сердечныхъ, какъ мои, не было и прядъ ли будутъ. Въ заключеніе, мой вѣрный сотоварищъ и соратникъ по искусству, Иванъ Саламатовъ прочелъ свои, конечно, нѣсколько безсмысленные, но зато пламенные и глубокопрочувствованные стихи. Три дамы упали въ истерикѣ: такова магическая сила искусства! Впрочемъ, Саламатовъ не болѣе, какъ мой ученикъ...

Артистъ сдѣлалъ паузу, ровно такой длины, какія дѣлалъ на сценѣ дабы дать публикѣ время вздохнуть и подумать: „Молодецъ у насъ Куроноговъ, ловко отхватываетъ монологи“.

Библиотека "Руниверс"

— Не правда-ли, я смѣлъ, я могъ, я даже долженъ былъ разсчитывать на высокое признаніе своихъ трудовъ и здѣсь? Въ предсмертномъ бреду я мечталъ, что вотъ умру и пойду въ элизіумъ, гдѣ собраны милыя мнѣ тѣни. Что мнѣ навстрѣчу выбѣжитъ безподобный Вилльямъ и приметъ меня въ свои объятія, что умный Мольеръ дружески пожметъ мнѣ руку. Направо—простодушный Гаррикъ, налѣво — величавый Тальма. Вотъ я и умеръ, и что-же?

Малая пауза.

— Дѣйствительно, вдали я увидѣлъ элизіумъ: лечу къ нему, какъ Гамлетъ, на крыльяхъ души моей... Вдругъ, стопъ! Вокругъ высокая каменная ограда, передо мной — желѣзныя ворота, и у калитки — лающій церберъ. И кто-же бы вы думали исполнялъ роль цербера?

— Право не знаю.

— Статскій совѣтникъ Губошлепкинъ: онъ у насъ когда-то служилъ по репертуарной части. Мы были съ нимъ старинные пріятели и, разумѣется, на *ты*. „Павелъ!“ кричу я ему, „отворяй, развѣ не видишь: *я* здѣсь!“ А онъ шамкаетъ въ отвѣтъ: „да вѣдь здѣсь пріютъ для художниковъ“. — Потому-то я и требую, чтобъ ты отворилъ. Иль я, по-твоему, не художникъ?— „Пожалуй и художникъ, да только съ другой стороны: ты, конечно, кормился отъ искусства и питалъ имъ свое самолюбіе, а все-же карьерой обязанъ больше пронырству и мѣдному лбу.“ Признаюсь, я вскипѣлъ.—„Ахъ ты, негодяй, закричалъ я, — ты и здѣсь захотѣлъ взятки. Ты думаешь, я не знаю, что мой дядя передъ моимъ дебютомъ подарилъ тебѣ сукна на шубу.“ —„Я сукно очень помню, превосходное было сукно, отвѣчалъ онъ болѣе вѣжливымъ тономъ,—и я твоему дядѣ по гробъ былъ благодаренъ. А только чего нельзя, того, любезный другъ, нельзя. Тутъ не моя воля. Вотъ третьёгодни явился актеръ, котораго мы съ тобой совсѣмъ было загрызли, а дѣлать нечего: пришлось ему не только двери настежь отворить, а и на задніе лапки передъ нимъ стать.“ И тутъ онъ назвалъ имя... чье-бы вы думали?

— Право, не знаю.

— Имя... Но нѣтъ, я не произнесу его: я не хочу кощунствовать надъ священнымъ для меня искусствомъ!.. Но, — продолжаю разсказъ. Я хотѣлъ силой ворваться туда, гдѣ по праву долженъ былъ занять подобающее мнѣ мѣсто; но Павелъ, то есть церберъ, заворчалъ, зарычалъ и оскалилъ зубы. „Не суйся, проглочу!“ завопилъ онъ. Понятно, я вздрогнулъ при мысли очутиться внутри такой гадины. Какая-то сила унесла меня далеко отъ опасности. И съ тѣхъ поръ, грустный и одинокій, я брожу и размышляю: размышляю и брожу.

— Къ какому-же вы пришли выводу?

— Къ какому? — Къ тому, что здѣшніе порядки не лучше земныхъ. И здѣсь, какъ видите, завелось губящее искусство чиновничество; даже у входа стоитъ часовой, а тамъ, за стѣной — я только воображаю, что тамъ за порядки. Изъ примѣра, указаннаго Павломъ, вполнѣ ясно, что и туда входятъ низкопоклонствомъ, а не въ награду

Любви горящей, самоотверженья...

Но я возьму свое: подождемъ, пусть пройдетъ лѣтъ сто, двѣсти и мое имя станетъ такимъ-же нарицательнымъ, какъ имена Гаррика и Тальма, и тогда... о, тогда я покажу себя!.. Но, оставимъ это... А грустно, не правда-ли, разочароваться въ мечтаніяхъ! Воображаешь себѣ чудный, весь залитый весеннимъ солнцемъ паркъ; ты, благоговѣйно опустя взоръ, идешь по дорожкѣ, и вдругъ, въ силу тайнаго предчувствія, подымаешь очи, и видишь: передъ тобой божественный Вилльямъ...

На этотъ разъ, казалось, мечтамъ артиста суждено было сбыться. Они очутились въ чудномъ паркѣ, который весь былъ залитъ лучами весенняго солнца. Предъ ними стлалась дорожка, по ней стоялъ не божественный Вилльямъ, а... павлинъ, впрочемъ, довольно красивый.

Павлинъ то съ шумомъ распускалъ, то складывалъ хвостъ: то топорщилъ свою манишку, то начиналъ выдѣлывать какіе-то неуклюже-величавыя па, стараясь обратить на себя вниманіе павы. Но пава мирно паслась на травѣ, и хоть-бы глазкомъ на него. Вдругъ павлинъ стремительно бросился впередъ и что-то клюнулъ. Хвостъ его распустился еще шире и расцвѣтился еще ярче; величавыя па стали оживленнѣе. Пава какъ-бы невольно взглянула на него, и съ ней отъ восторга чуть не сдѣлалась истерика.

„Такова магическая сила искусства!“ невольно воскликнулъ Иванъ Дмитріевичъ словами артиста, и глянулъ въ его сторону. Артиста уже не было, и Иванъ Дмитріевичъ понялъ, что ему больше не придется ни бродить и размышлять, ни размышлять и бродить.

Иванъ Дмитріевичъ вскрикнулъ отъ ужаса. Пламенная рѣчь оскорбленнаго въ своей святынѣ артиста снова зазвучала въ его душѣ.

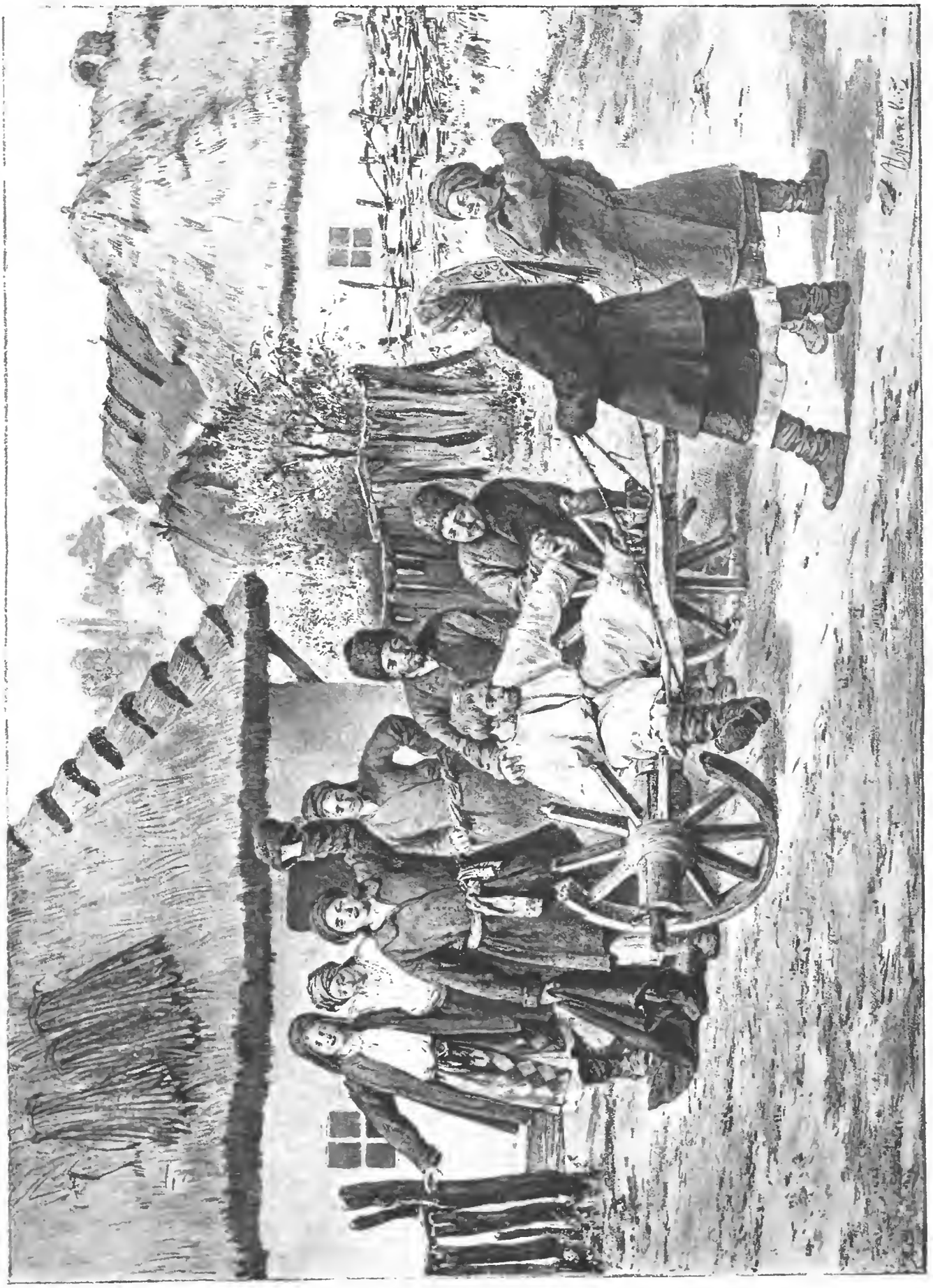
— „Люблю павлина, толковалъ въ это время проходившій мимо старикъ-садовникъ своему подручному,— красивая птица. А, главное, голосъ хорошъ: за версту слышно.

Иванъ Дмитріевичъ, впрочемъ, не слывалъ этой хвалы, относившейся отчасти и къ оплакиваемому имъ артисту. Предъ нимъ вереницей неслись музыканты, романисты, всякіе модные художники, писатели и ученые; всѣ они гнались и ухаживали за извѣстностью; изъ-за нея они другъ другу завидовали и подставляли ножку; изъ-за нея гнули и коверкали свои дарованія, подличая передъ журналистами и передъ публикой, передъ власть имущими и молодежью; изъ-за нея пускались на открытіе новыхъ теорій и новыхъ путей для искусства, расхваливая, какъ товаръ, свою собственную изобрѣтательность и рекомендуя, какъ ваксу или помаду, свои собственные взгляды, какъ самые новые, самые умные и совершенные. Они были готовы поступиться всѣмъ, только-бы въ общественныхъ мѣстахъ на нихъ указывали пальцами, только-бы пронеслось повсюду ихъ имя, и наконецъ, наполнивъ собою весь міръ, повисло нетающей сосулькой на карнизѣ храма безсмертія! И вдругъ такая неожиданность! О, бѣдное, бѣдное человѣчество!..

Позже, вооружась хладномысліемъ, Иванъ Дмитріевичъ иначе разсуждалъ о судьбѣ оскорбленнаго въ своей святынѣ артиста, и даже находилъ, что его перерожденіе въ павлина столь-же просто и естественно, какъ и Филиппа Александровича въ моль. Болѣе, онъ находилъ у обоихъ одну общую черту, именно ничѣмъ, даже смертью, неистребимое самомнѣніе, переходящее въ нахальную наглость.

— Поглядите на животныхъ, толковалъ онъ,—и вы увидите, что именно эта черта составляетъ самую существенную часть ихъ характера: всѣ они самодовольны и наглы, отчего, встрѣчая на-голо такія качества въ человѣкѣ, мы невольно про него восклицаемъ: „экое животное!“ Всѣ животныя думаютъ, что міръ для нихъ только и созданъ, и вѣчно ищутъ что бы такое превратить въ самихъ себя. И, повѣрьте, они охотно проглотили-бы весь міръ, если-бъ только онъ вмѣстился въ ихъ пасть. Когда глупый человѣкъ и наглъ, и нахаленъ, и самомнителенъ свыше мѣры,—то это въ порядкѣ вещей. Въ немъ, такимъ образомъ, проступаетъ наружу животненность нашей природы. Но когда люди даровитые, быть-можетъ даже не дюжинно-даровитые, пускаются туда-же, то что сказать? Вольно-жь имъ развивать въ себѣ наиболѣе животныя свойства, и только! Когда вдобавокъ и свой талантъ, какъ капиталъ, они пускаютъ въ оборотъ, то пусть не гнѣваются, если имъ высшей наградой будутъ хорошіе барыши да

Библиотека "Руниверс"



На свадьбу. Оригинал (собств. „Нивы") **Ижакевича**, автотипия Ангерера

Библиотека "Руниверс"

Собраніе Общества Понедѣльниковъ въ Соляномъ Городкѣ въ СПБ. Съ акварели генерала Козакова, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

магическая сила искусства, повергающая дамъ въ истерику. И перерождаться разъ и навсегда въ чванливаго павлина для нихъ самое сподручное дѣло. Нѣтъ, только упорный трудъ самоусовершенствованія можетъ избавить насъ отъ такой неожиданности послѣ смерти. И въ этомъ смыслѣ ученія Гёте. Слѣдомъ, Иванъ Дмитріевичъ уже какимъ-то пророческимъ тономъ добавлялъ:

— Нѣтъ, справедлива судьба, и правдивъ мой сонъ.

V.

Такія благія мысли, впрочемъ, какъ уже замѣчено, пришли Ивану Дмитріевичу впослѣдствіи. Въ минуту-же перерожденія артиста онъ чувствовалъ такую тяжесть, что невольно припалъ къ землѣ. И тутъ, какъ въ театрѣ, послѣ грустной трагедіи предъ нимъ разыгрался веселый фарсъ.

Долго-ли Иванъ Дмитріевичъ пролежалъ на землѣ, онъ не зналъ; когда-же сталъ вновь сознавать себя, то почувствовалъ, что у людей уже стоитъ глубокая ночь. Подъ нимъ въ землѣ послышался голосъ.

— А! это ты, Постниковъ, говорилъ старый кротъ какой-то гусеницѣ,—наконецъ-то я до тебя добрался, полѣзай-же скорѣй ко мнѣ въ ротъ.

Иванъ Дмитріевичъ, едва выразилъ на то желаніе, какъ тотчасъ-же узналъ въ говорившемъ извѣстнаго графа Честона. Графъ Честонъ, какъ ясно изъ имени, былъ человѣкъ прошлаго вѣка, ибо въ спискахъ дѣйствующихъ лицъ у новѣйшихъ драматурговъ онъ болѣе уже не встрѣчается. Графъ Честонъ былъ страшный богачъ, владѣлецъ многихъ тысячъ душъ и десятинъ. Остряки говорили про него, будто онъ умеръ въ самый день обнародованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, хотя это и несправедливо, какъ всякій легко можетъ убѣдиться изъ тогдашнихъ газетъ. Всю жизнь свою онъ провелъ въ поискахъ за честнымъ управляющимъ, почитая наилучшимъ для того средствомъ назначеніе служащимъ самаго скуднаго содержанія, при требованіи отъ нихъ постояннаго улучшенія хозяйства и соразмѣрно съ тѣмъ и доходовъ. Къ изумленію графа, чѣмъ онъ скупѣе становился на жалованье, тѣмъ безстѣнчивѣе управляющіе пользовались его достояніемъ. Въ свои владѣнія графъ не выѣзжалъ послѣ единственной попытки, кончившейся не весьма пріятно. Именно, онъ какъ-то посѣтилъ свою богатѣйшую Бѣлуховку, которой управлялъ вышеупомянутый Постниковъ. Въ первую-же ночь по пріѣздѣ графа въ селѣ случился пожаръ. Въ порывѣ великодушія, графъ выбѣжалъ на набатъ, и умолялъ своихъ подданныхъ не заботиться о тушеніи избъ, на постройку которыхъ обѣщалъ дать лѣсу, а спасать имущество. Къ сожалѣнію, имущества у мужиковъ оказалось немного: у кого сито, у кого рѣшето, у кого лавка, у кого скамья. Графъ отнесъ такой безпорядокъ къ несмотрѣнію управляющаго Постникова, по небрежности упустившаго прудъ, — отчего если и не произошелъ пожаръ, то все-же произошло безпокойство для графа да вдобавокъ еще въ ночное время.

Графъ рѣшилъ примѣрно наказать негодяя, и выгнать его не просто, а съ великимъ скандаломъ, по примѣру практиковавшихся въ то время въ шустеръ-клубѣ выводовъ неприличныхъ гостей. Постниковъ, чувствуя что ему не усидѣть, тотчасъ-же распорядился наймомъ сорока двухъ подводъ, на которыя и нагрузилъ на зарѣ все свое благопріобрѣтенное имущество. Приказавъ подводамъ выѣхать за околицу, онъ терпѣливо дождался часа, когда графъ изволилъ проснуться. Получивъ расчетъ, онъ вышелъ подъ ручку съ женою изъ флигелька, гдѣ жилъ, и побрелъ себѣ пѣшечкомъ въ знакъ того, что за долгое служеніе ничѣмъ не пользовался изъ графскаго добра. Графъ стоялъ на балконѣ, выходившемъ на базарную площадь. Едва показался Постниковъ, какъ по мановенію графской руки выскочила изъ-за угла дворня съ дреколіями и метлами въ рукахъ: поваренки били въ сковороды и кастрюли; кучера свистѣли, охотники атукали и улюлюкали во всю мочь. Постниковъ выдержалъ первый напоръ гвалта: тихо отойдя шагокъ съ пятьдесятъ, онъ остановился и принявъ приличную случаю позу обратился къ графу съ громогласною и наставительною рѣчью.

— Атукай себѣ и улюлюкай сколько хочешь, сказалъ онъ,—а я, графъ, набилъ себѣ оба кармана и на мой вѣкъ такихъ, какъ ты, дураковъ еще хватитъ.

Вѣрная дворня, конечно, прилежно замела слѣдъ Постникова метлами, но ничто не могло изгладить слѣда оскорбленія, нанесеннаго графу столь дерзкимъ глумленіемъ. И перерождясь въ крота, графъ жаждалъ поглотить переродившагося въ гусеницу управляющаго.

— Извините, ваше сіятельство, отвѣчала гусеница,— я не Постниковъ, а Плотниковъ, котораго вы изволили поставить на мѣсто Постникова.

— А! все равно, что-жь ты тутъ дѣлаешь?

— Превращенъ въ гусеницу поѣдающую корни деревъ въ награду за старательность, съ которой я, слѣдуя милостивому предписанію вашего сіятельства объ умноженіи доходности, разорялъ до корня имѣнія ваши такъ, что даже полагаю, наслѣдникамъ вашего сіятельства ужь ничего не доставется.

— А! все равно, полѣзай ко мнѣ въ ротъ, и помоги мнѣ отыскать Постникова.

— Радъ послужить вашему сіятельству.

Кротъ усиленно принялся рыть землю, и Иванъ Дмитріевичъ почувствовалъ какъ онъ забирается все выше и выше. Вотъ кротъ набросалъ уже порядочную кучу и по излишней горячности самъ выскочилъ на поверхность. Откуда ни возьмись сова: съ дикимъ крикомъ она налетѣла на крота и унесла его въ когтяхъ.

— Говорилъ я тебѣ, графъ, что такихъ, какъ ты, дураковъ на мой вѣкъ еще хватитъ! раздался голосъ Постникова.

— Однако, что-жь это? раздумался Иванъ Дмитріевичъ.—Что Честонъ по слѣпотѣ понадобился кроту, я понимаю. Но зачѣмъ кроту поѣдающая корни гусеница, когда кроты, какъ извѣстно, корней не портятъ? А эта сова... И притомъ, это вовсе не отвѣтъ на мой вопросъ о длительности душевной отупѣлости у покойниковъ. Вдобавокъ, началось какое-то переселеніе душъ вмѣсто перерожденія. Нѣтъ, это... Тутъ Иванъ Дмитріевичъ замѣтилъ, что начинаетъ затрудняться въ словахъ.— Это... это не клеится... не ладится... выходитъ нескладица.

— Нѣтъ, не нескладица, а скорѣе разладица, точно надъ самымъ ухомъ Ивана Дмитріевича крикливо захрипѣлъ кто-то. — Или, еще вѣрнѣе, наша россійская разрозненность, о которой я писалъ такъ краснорѣчиво. Помилуйте, сегодня хоронятъ меня, Воробьева, главу россійскихъ репортеровъ, и хоть-бы одна изъ этихъ бестій явилась на выносъ! А вѣдь я первый открылъ у насъ этотъ родъ литературы, по предвидѣнный самимъ Пушкинымъ, я, Воробьевъ, король русскихъ репортеровъ. О, неблагодарная судьба! Или нѣтъ, судьба не виновата; она, напротивъ, благодарна и въ награду за потъ, пролитый мною при описаніи ея превратностей, рѣшила устроить на моихъ похоронахъ великолѣпнѣйшій скандалъ, а вотъ некому и некому занести эту блестящую страницу въ правдивую газетную хронику. Глядите, глядите!

Иванъ Дмитріевичъ глянулъ. Сивый меринъ, запряженный въ ломовыя дроги, вдругъ заартачился, и не смотря на всѣ усилія извозчика грозилъ ринуться впередъ и сбить съ ногъ похоронныхъ клячъ. Король репортеровъ засуетился: онъ бросился къ мерину, и вмѣстѣ съ воздухомъ попалъ къ нему въ правую ноздрю.

— Вотъ это я опять понимаю, радостно вскричалъ Иванъ Дмитріевичъ.—Не даромъ-же говорится: вретъ,

Библиотека "Руниверс"

какъ сивый меринъ. Или нѣтъ, вѣдь это только у Гоголя онъ вретъ, а въ зоологіи такой фактъ не пріемлется. Да и у Гоголя онъ, кажется, что-то другое дѣлаетъ. Вообще-же меринъ, какой-бы масти онъ ни былъ, не вретъ, а скорѣе ржетъ. Да, именно ржетъ, все съ большей и большей убѣдительностью доказывалъ себѣ Иванъ Дмитріевичъ.

Какъ-бы въ отвѣтъ на такіе убѣдительные доводы послышалось отдаленное ржанье. То самъ Иванъ Дмитріевичъ сильно потянулъ воздухъ носомъ. Онъ открылъ глаза, и окончательно проснулся.

Читателю, можетъ-быть, покажется страннымъ, что Иванъ Дмитріевичъ не видѣлъ ни одного перерожденія женщины. Признаюсь, мнѣ самому это показалось подозрительнымъ, и я обратился къ моему почтенному другу за разъясненіемъ такой неполноты его сна.

— Право не знаю, отчего это случилось, отвѣчалъ онъ.—Потому-ли, что я, въ силу своей неисправимой логичности, никогда не могъ понять такъ-называемаго женскаго ума: потому-ли, что во снѣ я находился въ мірѣ, гдѣ нѣтъ различія половъ; или наконецъ просто потому, что на именинахъ у Николая Николаевича, какъ холостяка, не было ни одной дамы. Конечно, я могъ-бы присочинить и приврать. Одинъ романистъ даже поощрялъ меня къ этому, совѣтуя развить и разработать сюжетъ. Разумѣется, у меня хватило-бы фантазіи: но я просто хотѣлъ вамъ разсказать правдиво свой пророческій сонъ, который отъ присочиненія нисколько не сталъ-бы ни яснѣе, ни доказательнѣе. А потому, скажите сами, зачѣмъ-же мнѣ по многоглаголаніи искать спасенія?

30 октября, 90.
СПБ.

Къ рисункамъ.

Кинешма. (Рис. на стр. 377).

Уѣздный городъ Костромской губ., Кинешма расположена на крутомъ правомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣчекъ Кинешемки и Кизахи, которыя своими устьями образуютъ у города удобныя, безопасныя и довольно обширныя пристани для судовъ. Имя Кинешмы, какъ волости, упоминается впервые въ 1504 г. въ духовномъ завѣщаніи Іоанна III, завѣщавшаго ее кн. Ѳеодору Бѣльскому: потомки этого князя еще въ 1567 году назывались владѣтелями Лухскими и Кинешемскими. Послѣ этого Кинешма стала называться посадомъ. Посадъ раздѣлился на 4 части: собственно посадъ, слобода за рѣкой Кинешемкой, Загородъ и Ямская слобода — нынѣ Зарѣченская (Турунтаевка). Жители послѣдней, занимавшіеся содержаніемъ почтъ, ведутъ родъ свой отъ Турунтая Пронскаго, прежде принадлежали къ классу панцырныхъ бояръ и только въ концѣ XVIII в. причислены къ окладному сословію. Въ 1608 г. кинешемцы подъ водительствомъ боярина О. Бабарыкина два раза потерпѣли пораженіе отъ шаекъ Лисовскаго и Тышкевича. Мѣста битвъ обозначено часовнями, изъ коихъ одна стоитъ на почтовой дорогѣ въ Лухъ, а другая на городской площади. Въ 1708 г. Кинешма приписана къ Архангелогородской губ., въ 1719 г. состояла въ Ярославской провинціи, а въ 1777 г. назначена уѣзднымъ городомъ Костромской губ. По описи 1760 г. Кинешма была ограждена съ одной стороны небольшимъ землянымъ валомъ и мелкимъ сухимъ рвомъ, слѣды которыхъ видны и теперь.

Въ городѣ находился соборъ, построенный въ 1744 г., а за городомъ 4 приходскія церкви и 2 монастыря: *Преображенскій* мужской и *Вознесенскій* женскій. Послѣдній основанъ въ XVII вѣкѣ, въ память освобожденія города отъ поляковъ, впослѣдствіи упраздненъ и обращенъ въ церковь Вознесенія. Та же судьба постигла и Преображенскій монастырь, который обращенъ въ церковь Преображенія. Нынѣ въ Кинешмѣ всѣхъ церквей 8. Жителей 4,000. Занятія ихъ: ремесла, работы на пристаняхъ и мелкая промышленность. Изъ ремесленниковъ особенно замѣчательны иконописцы. Торговля отпускная хлѣбомъ и льномъ, также торгъ желѣзомъ, полотномъ и др. Двѣ ярмарки. Купцы имѣютъ значительныя фабрики въ уѣздѣ.

Взятіе обоза маршала Даву подъ Краснымъ.

(Рис. на стр. 380 и 381).

Когда попытка Наполеона, при отступленіи изъ Москвы, пробиться на хлѣбородный югъ Россіи по Калужской дорогѣ, не удалась, и потерпѣвъ нѣсколько пораженій, онъ былъ вынужденъ вернуться на разоренную Смоленскую дорогу, армія его была уже сильно разстроена. Выступая изъ Смоленска, 2 ноября, войска его двинулись къ Красному. Наполеонъ шелъ съ гвардіей, намѣреваясь ночевать въ Корытнѣ. Прочимъ корпусамъ назначено было выступать изъ Смоленска въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва вице-королю, потомъ Даву и наконецъ Нею, находясь между собою на разстояніи одного перехода.

Князь Кутузовъ выступилъ къ селеніямъ Волкову и Юрову, почти на полпути между Смоленскомъ и Краснымъ: впереди его, у Рогайлова, сталъ Милорадовичъ съ двумя корпусами, которому приказано было отрѣзать непріятеля, отступавшаго къ Красному. 3 ноября Наполеону съ гвардіей удалось однако пройти, только задніе колонны его были отрѣзаны. Наполеонъ остановился въ Красномъ ждать изъ Смоленска Даву, Нея и вице-короля. Войска послѣдняго, у котораго оставалось всего 17 орудій, были сбиты съ дороги Милорадовичемъ, разсѣяны, и только благодаря наступленію ночи, пробрались проселками къ Красному. Видя, что Нею и Даву нельзя примкнуть къ Красному безъ сильныхъ потерь, пока Милорадовичъ стоитъ на пути, Наполеонъ рѣшился атаковать нашу главную армію Кутузова, находившуюся уже въ 5 верстахъ отъ Краснаго,— въ томъ предположеніи, что, замѣтивъ готовящееся нападеніе, Кутузовъ непремѣнно притянетъ къ себѣ Милорадовича и тѣмъ дастъ возможность Даву и Нею безпрепятственно пройти къ Красному. Рано утромъ 5 ноября, Наполеонъ, выѣхавъ къ войскамъ впереди Краснаго, приказалъ атаковать деревню Уварову, занятую Черниговскимъ полкомъ. Въ это время батареи Милорадовича дѣйствовали по корпусу Даву, который почти бѣгомъ старался соединиться съ Наполеономъ. Давъ маршалу Даву поравняться съ деревней Еськовою, Милорадовичъ вышелъ на дорогу и тѣснилъ его съ тыла, причемъ взялъ въ плѣнъ болѣе 1,000 человѣкъ, 1 знамя и 13 орудій. Высланныя Наполеономъ войска были отбиты и истреблены князьями Голицынымъ и Шаховскимъ. Наполеонъ, оставивъ Даву у Краснаго, велѣлъ повсемѣстно отступать, и отступленіе скоро превратилось въ бѣгство. Число захваченныхъ Милорадовичемъ и княземъ Голицынымъ плѣнныхъ простиралось до 7,000 человѣкъ и взято 28 орудій. Вообще же въ этотъ день Наполеонъ потерялъ, кромѣ убитыхъ и раненыхъ, плѣнными: 2 генераловъ, 52 офицера, болѣе 9,000 нижнихъ чиновъ, 70 орудій, 3 знамени, 3 штандарта и множество обозовъ, въ одномъ изъ коихъ найденъ маршальскій жезлъ Даву. Картина Грузинскаго изображаетъ нападеніе лейбъ-гвардіи Уланскаго полка на обозъ Даву.

Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ. (Рис. на стр. 385).

Типы часто встрѣчающіеся по окраинамъ Петербурга и на дачахъ, иногда—семьи, чаще вовсе не родные другъ другу и только соединенные промысломъ люди. Бойкій карандашъ г. Милевскаго живо передаетъ характерныя черты этихъ представителей столичной богемы.

На свадьбу. (Рис. на стр. 388).

Свадебныя торжества въ Малороссіи начинаются обыкновенно съ субботы. Если кто-либо изъ приглашенныхъ не явится ни въ первый день, ни въ воскресенье, то въ понедѣльникъ кое-кто изъ подгулявшихъ гостей отправляются за опоздавшимъ съ передкомъ телѣжки, на колесахъ которой ободы поломаны. Запоздалаго гости сажаютъ на передокъ и везутъ съ хохотомъ, пѣснями и прибаутками сначала въ шинокъ (кабакъ) для выкупа его оплошности, а потомъ на свадьбу, при чемъ по дорогѣ не мало достанется его бокамъ отъ толчковъ „экипажа“.

10-ти-лѣтній юбилей Общества Понедѣльниковъ.

(Рис. на стр. 389, схема на стр. 392).

28 января сего года состоялся въ помѣщеніи Художественно-промышленнаго музея въ Солянномъ Городкѣ, юбилейный вечеръ такъ-называемаго Общества „Понедѣльниковъ“, праздновавшаго десятилѣтіе своего существованія.

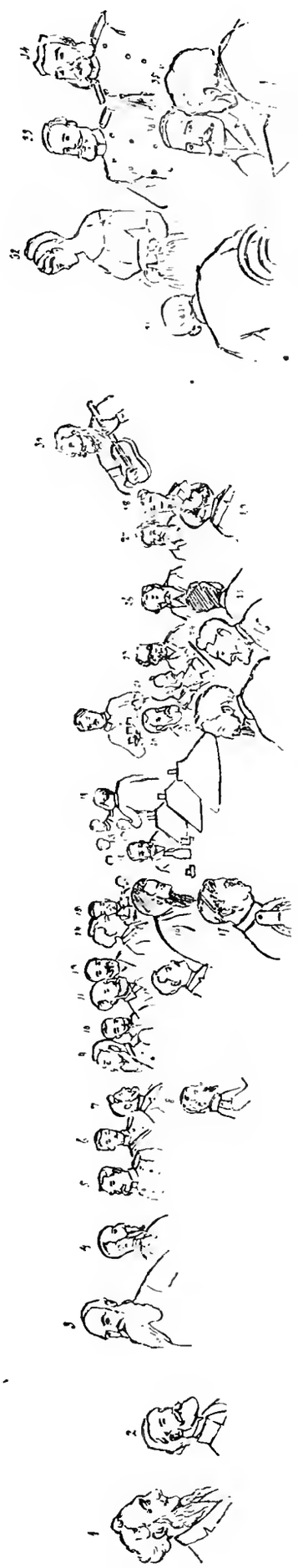
Теперь, когда это гуманное и полезное общество стало на совершенно твердую почву, интересно оглянуться назадъ и прослѣдить какъ оно зародилось и какъ оно развивалось.

Многіе конечно помнятъ художественные вечера по пятницамъ, въ залахъ Академіи Художествъ въ 60-хъ годахъ, надѣлавшіе столько шуму своими блестящими костюмированными сборищами.

Просуществовавъ нѣсколько лѣтъ, они были замѣнены столь-же знаменитымъ по своимъ спектаклямъ, баламъ и концертамъ Собраніемъ Художниковъ въ Троицкой улицѣ, домъ Руадзе, переведеннымъ позднѣе въ домъ Кушелева на Гагаринской пристани.

Мало-по-малу эти собранія однако потеряли свое значеніе и наконецъ совсѣмъ исчезли, не имѣя подъ собой твердаго основанія.

Библиотека "Руниверс"



1 Е. И Мюссаръ. 2 Л О. Пренацци. 3 А. И. Арнольди. 4 А А Бильдерлингъ. 5 К. Н. Вельяминовъ 6 Ф. Б Нордманъ. 7 А. К Бегровъ 8 А А Насвѣтевичъ. 9. Д. В. Путята. 10 А. М. Воронецкій. 11 К. Е Маковскій. 12. Ю. А Платоновъ. 13. Н Е Барановъ. 14. Скамони 15 Князь А П Гагаринъ. 16 Н. Н Каразинъ 17 С Е Кушелевъ 18 А. И Мещерскій 19 Н. Е. Сверчковъ. 20. М Я Вилье 21 В А. Бобровъ 22 Л. Ф Лагорio 23 И К Макаровъ 24 Н. А Атрыганьевъ 26 Н С. Мусинъ-Пушкинъ. 27. А Ф Маркусъ 28 М А Острогорадскій 29 М І Сухоруковскій 30 К. С. Шиловскій 31. Графъ П. К Крейцъ. 32 Модель 33 А А Болюбовъ 34 Н. Н Кармалинъ 35 Н. А Богдановъ 36. К П. Колзаковъ.

Схема рисунка на стр 389

1880 годъ былъ поэтому годомъ затишья въ художественномъ мірѣ; тогда въ январѣ 1881 года, одному художнику-любителю и въ настоящее время одному изъ старѣйшихъ членовъ кружка Понедѣльниковъ, генералу Колзакову, пришла въ голову счастливая мысль созвать къ себѣ на домъ нѣсколько знакомыхъ художниковъ и товарищей любителей и устроить у себя артистическій вечеръ. Собралось около 40 человѣкъ и вечеръ прошелъ такъ пріятно и оживленно, что за ужиномъ былъ поднятъ вопросъ, нельзя-ли найти гдѣ-нибудь помѣщеніе для того, чтобы снова воскресить исчезнувшіе художественные вечера. Бывшіе тутъ-же два члена комитета Общества Поощренія Художествъ Е И Мюссаръ и генералъ Вельяминовъ предложили собраться въ залахъ рисовальной школы (что на Мойкѣ). Немедленно было составлено прошеніе на имя М Н Островскаго, въ то время бывшаго предсѣдателемъ комитета этого Общества, и вскорѣ получено было разрѣшеніе. Это было начало Понедѣльниковъ. Съ перваго-же года эти художественные вечера привлекли массу посѣтителей изъ такъ-называемаго high-life. Въ члены кружка стали записываться много любителей, изъ коихъ нельзя не упомянуть нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ художественномъ мірѣ по своимъ выдающимся способностямъ, какъ-то: генералъ-адъютанта А. Е Тимашева и генералъ-лейтенанта М Н. Цейдлера по скульптурной части, генералъ-адъютантовъ Д. В. Путяту по акварельнымъ пейзажамъ и С Е Кушелева, извѣстнаго по своимъ мастерскимъ копіямъ акварелью эрмитажныхъ картинъ Рубенса и Вандика въ настоящую величину, генераловъ К. П. Вельяминова, А. И. Арнольди и А. А. Бильдерлинга, также отличныхъ акварелистовъ, въ особенности послѣдняго, котораго картины и понынѣ стоятъ наравнѣ съ лучшими произведеніями профессіональныхъ художниковъ *)

Новизна обстановки и семейный характеръ этихъ собраній нравились всѣмъ, ихъ стали посѣщать члены посольствъ и даже посланники. Лордъ Дёфферинъ **) былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей и охотно садился рисовать съ костюмированныхъ натурщицъ. Старшиной новаго общества былъ избранъ К Н Колзаковъ какъ основатель, кассиромъ былъ Е. И. Мюссаръ, а экономомъ, т е завѣдующимъ ужинами, Н. Е. Симаковъ

На второй-же годъ существованія кружка, было испрошено у него разрѣшеніе допускать на эти вечера ученицъ рисовальной школы. За дѣвицами скоро вошли въ кружокъ и дамы. Дамскій элементъ грозилъ заполонить кружокъ и совершенно измѣнить его характеръ, но благодаря обоюдно сознанному неудобству совмѣстной работы, дамы впослѣдствіи начали собираться по средамъ въ залахъ Солянаго Городка, а затѣмъ совершенно отдѣлились отъ кружка и нашли помѣщеніе въ Михайловскомъ дворцѣ, гдѣ и понынѣ работаютъ подъ названіемъ Перваго дамскаго художественнаго кружка. Такимъ образомъ Понедѣльники снова вернули себѣ свой первоначальный характеръ Это было въ 1884 году Къ тому-же времени, по предложенію генералъ-адъютанта Исакова, еженедѣльныя собранія кружка перенесены были въ помѣщеніе Солянаго Городка, который давалъ имъ пріютъ и освѣщеніе въ обмѣнъ на обязательство продавать исполненные на этихъ вечерахъ рисунки въ пользу бѣдныхъ. Съ тѣхъ поръ собранія росли и крѣпли, особенно расцвѣли они въ 1885 и 1886 годахъ, когда въ число членовъ вступилъ К. С Шиловскій.

Между прочимъ ему-же принадлежитъ введеніе традиціонной пѣсни кружка „Gummi arabicum". Бывало произойдетъ какое-нибудь недоразумѣніе, уныніе воцарится въ кружкѣ, и тогда тотчасъ-же Шиловскій кричалъ: „Эй! господа, что-то у насъ не клеится, давайте-ка сюда Gummi arabicum". И вслѣдъ за пронѣтою хоромъ пѣснью, немедленно при дружномъ взрывѣ хохота, веселье и единогласіе снова воцарились въ кружкѣ. Съ этихъ поръ пѣснь „Gummi arabicum" стала традиціонною пѣсней Понедѣльниковъ. Такова въ краткихъ чертахъ исторія этихъ Понедѣльниковъ Началомъ ихъ слѣдуетъ стало-быть считать артистическій вечеръ 27 января 1881 года у К. П. Колзакова.

Это благое начинаніе принесло свои обильные плоды, и многочисленные гости наполнявшіе оживленной толпой обширное помѣщеніе кружка въ юбилейный понедѣльникъ, своимъ присутствіемъ выказывали всю ту симпатію, которою пользуются эти вечера среди артистическаго и интеллигентнаго міра Петербурга.

Вечеръ прошелъ чрезвычайно оживленно. Начался онъ художественно поставленными живыми картинами — Прогулка по Женевскому озеру — рядъ поэтическихъ сценъ скомпонованныхъ генераломъ Колзаковымъ, и картинъ изъ Римской жизни, поставленныхъ генераломъ Боголюбовымъ. Затѣмъ на той-же сценѣ былъ сдѣланъ апоѳеозъ кружка: три музы держали въ рукахъ гигантскую банку, на которой съ одной стороны написано было „гумми-арабикумъ", а съ другой помѣщенъ прекрасно написанный художникомъ Бобровымъ портретъ Мюссара Въ заключеніе при помощи волшебнаго фонаря въ большомъ размѣрѣ воспроизведена была фотографія съ картины генерала К. П Колзакова, изображающая всѣхъ членовъ кружка за работой.

Въ антрактахъ между картинами нѣсколько артистовъ, пріѣхавшихъ къ своимъ собратьямъ по искусству, исполняли музыкальныя пьесы

Такъ, чередуясь между живыми картинами и артистическимъ музыкальнымъ исполненіемъ, незамѣтно пролетѣло время до ужина.

Ужинъ былъ накрытъ покоемъ въ той залѣ, гдѣ устроена была сцена На каждомъ приборѣ лежало художественно-исполненное меню работы художника Богданова. Первое стихотвореніе въ честь Понедѣльниковъ прочелъ г. Ивановъ-Классикъ

Затѣмъ генераломъ Колзаковымъ прочитана была телеграмма отъ Перваго дамскаго кружка.

Послѣ этого артистъ Императорскихъ театровъ г Давыдовъ прочелъ слѣдующее стихотвореніе генерала Колзакова, озаглавленное:

Наши Понедѣльники.

За десять лѣтъ существованья
Сбиралея дружно нашъ кружокъ,
Надѣюсь, выразимъ желанье
Чтобъ и впередъ намъ Богъ помогъ.

Сбирались мы для доброй цѣли
Сиротъ несчастныхъ призрѣвать,
Вѣдь было-бъ жалко въ самомъ дѣлѣ,
Въ нуждѣ имъ всѣмъ не помогать.

Недѣлю дома за работой
Мы разобщенными живемъ,
И потому съ большой охотой
На „Понедѣльникъ" идемъ.

*) Къ сожалѣнію, кружокъ лишился трехъ изъ этихъ даровитыхъ членовъ: умерли генер Вельяминовъ, Путята и Кушелевъ **) Нынѣ вице-король въ Индіи.

Библиотека "Руниверс"

Трудовъ прилежныхъ не жалѣл,
Мы рисовали круглый годъ.
И такъ родилась лотерея
На пользу бѣдныхъ и сиротъ.

Шелъ годъ за годомъ чередою,
Кружокъ нашъ въ моду попадалъ,
Гостямъ въ немъ не было отбою,
И много знатныхъ привлекалъ.

Пускай приноситъ лотерея
Хоть каплю пользы въ бѣдный домъ.
А мы во славу юбилея
„Gummi-arabicum" споемъ!

Г. Габерцеттель прочелъ очень миленькое юмористическое стихотвореніе на чухонскій ладъ, г. Караллинъ произнесъ горячій спичъ „за искусство" и наконецъ, по единогласному требованію, г. Давыдовъ долженъ былъ сыграть прелестную быловую сцену.

Каждый тостъ, каждое стихотвореніе встрѣчались громкими аплодисментами и неоднократно зала оглашалась воодушевленнымъ пѣніемъ традиціоннаго „гумми-арабикумъ".

Въ задушевной оживленной бесѣдѣ незамѣтно летѣло время, и лишь около трехъ часовъ ночи начался разъѣздъ.

Всякій изъ бывшихъ на этомъ праздникѣ, мы убѣждены, навсегда сохранитъ свѣтлое воспоминаніе о томъ, какъ весело, сердечно и непринужденно справленъ былъ десятилѣтній юбилей „Понедѣльниковъ".

Нерѣдко Шиловскій съ гитарой
Намъ про любовь и пѣгу пѣлъ.
И лордъ Дофренъ, посланникъ старый,
Среди художниковъ сидѣлъ.

Когда веселье не клеилось,
Въ честь клея пѣсни создавъ,
И снова шумно становилось,
Съ „Gummi-arabicum", у насъ.

Теперь конечно тише стало.
Но дѣло пользы не умретъ,
Нашъ „Понедѣльникъ", какъ бывало,
Еще надолго проживетъ.

Пускай Мюссаръ насъ угощаетъ,
Порядки Шрейберъ всѣ ведетъ,
И Караллинъ насъ восхищаетъ —
Рисунки какъ блины печетъ!

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Мольтке († 12 апрѣля 1891 г.).
Съ фототр. грав. Шюблеръ.

Графъ Мольтке. (Портр. на этой стран.).

Скончавшійся 12 апрѣля генералъ-фельдмаршалъ прусской арміи, графъ Гельмутъ-Карлъ-Бернгардъ фонъ-Мольтке, сынъ датскаго генералъ-лейтенанта, родился 26 (14) октября 1800 года въ Пархимѣ (Мекленбургъ-Шверинъ) и въ 1812 году вступилъ кадетомъ въ морской корпусъ въ Копенгагенѣ. Черезъ десять лѣтъ онъ началъ военную службу въ Пруссіи пѣхотнымъ поручикомъ и вскорѣ обратилъ на себя такое вниманіе, что въ 1832 году былъ назначенъ въ генеральный штабъ. Три года спустя, онъ предпринялъ путешествіе на Востокъ, сталъ извѣстенъ султану Махмуду и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ разрѣшенія прусскихъ властей, былъ его руководителемъ въ военныхъ реформахъ. Пребываніе въ Турціи побудило его написать нѣсколько книгъ, а именно: „Русско-турецкій походъ въ Европейской Турціи" и „Письма о положеніи и событіяхъ въ Турціи за 1835—39 года". Вернувшись по смерти Махмуда, Мольтке снова вступилъ въ генеральный штабъ, гдѣ, постепенно повышаясь въ должностяхъ, въ 1858 году сталъ во главѣ генеральнаго штаба арміи, а въ слѣдующемъ году получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. Съ тѣхъ поръ участіе его въ Прусско-Австрійской и Франко-Германской войнахъ, которыя велись по его планамъ, доставило ему всемірную извѣстность. 28 октября 1870 года онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, а въ 1871 г. получилъ высшій орденъ Желѣзнаго Креста и званіе генералъ-фельдмаршала. Родной городъ Пархимъ заживо поставилъ ему памятникъ (работы Бруннова), открытый 2 октября 1876 года; другой памятникъ былъ поставленъ ему въ 1881 г. въ Кельнѣ. На ряду съ военною дѣятельностью, съ 1867 г. онъ былъ постоянно избираемъ депутатомъ въ рейхстагъ, съ 1872 г. въ палату господъ, гдѣ примкнулъ къ консервативной партіи. Будучи чрезвычайно трудолюбивымъ, онъ неутомимо работалъ до послѣдняго времени и еще въ день кончины присутствовалъ въ засѣданіи палаты господъ. Возвратясь оттуда домой, онъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ; только послѣ ужина, маститый полководецъ вдругъ почувствовалъ себя дурно и совершенно неожиданно скончался отъ паралича сердца. Полагаютъ, что этотъ параличъ былъ вызванъ утомленіемъ при освященіи знаменъ 13 апрѣля, а также слишкомъ усердными работами надъ планами гельголандскихъ укрѣпленій. Императоръ Вильгельмъ, узнавъ о кончинѣ Мольтке, безотлагательно вернулся изъ Веймара въ Берлинъ и прибывъ на квартиру усопшаго, провелъ долгое время у праха его и лично дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія. Усопшій фельдмаршалъ Мольтке является величайшимъ стратегомъ нашего времени. Его геній создалъ военное могущество Пруссіи, а затѣмъ Германіи, военныя дѣйствія которой за послѣднія 30 лѣтъ навсегда будутъ связаны съ именемъ Мольтке, какъ одного изъ создателей имперіи и постояннаго руководителя нѣмецкой арміи, обязанной ему своими невѣроятно быстрыми и блестящими успѣхами.

Политическое обозрѣніе.

Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ въ своемъ дальнѣйшемъ путешествіи по Востоку, послѣ остановки въ Сайгонѣ, посѣтилъ Китай и побывалъ въ Гонгъ-Конгѣ, Кантонѣ, Фучеу, Восунгѣ и Ханькоу, повсюду радушно встрѣчаемый. Изъ Китая Его Высочество отплылъ въ Японію и 15 апрѣля благополучно прибылъ въ Нагасаки, гдѣ былъ восторженно встрѣченъ. Оффиціальная высадка должна совершиться только въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ, такъ какъ Его Высочество говѣетъ на фрегатѣ „Память Азова". Послѣ высадки назначенъ отъѣздъ во внутрь страны.

Августѣйшій Братъ Наслѣдника Цесаревича Великій Князь Георгій Александровичъ, вынужденный вернуться на крейсерѣ „Адмиралъ Корниловъ" изъ Бомбея въ Европу по причинѣ постигшей его болѣзни, посѣтилъ Грецію въ началѣ февраля, а затѣмъ Алжиръ, откуда 30 марта отплылъ къ Балеарскимъ островамъ и Коренкѣ. Въ настоящее время Его Высочество пребываетъ на этомъ островѣ въ Виццавонѣ, гдѣ прекрасный климатъ чрезвычайно благопріятно дѣйствуетъ на здоровье Августѣйшаго Путешественника, такъ что 9 апрѣля Его Высочество могъ уже охотиться на кабановъ, а на другой день на дикихъ барановъ. Какъ Высокій Посѣтитель, такъ и всѣ окружающія его лица являются предметомъ горячихъ встрѣчъ со стороны жителей и властей. Адмиралъ Дюперре далъ на броненосцѣ „Formidable" большой обѣдъ городскимъ властямъ и старшимъ офицерамъ эскадры. На обѣдѣ присутствовалъ командиръ русскаго крейсера. Дюперре провозгласилъ тостъ

Библиотека "Руниверс"

за Россію, русскій флотъ и командира крейсера и пилъ за здравіе Великаго Князя Георгія Александровича, котораго Корсика съ гордостью принимаетъ какъ своего гостя и которому желаетъ скораго выздоровленія. Командиръ русскаго крейсера горячо благодарилъ, провозгласилъ тостъ за Дюнерре, за эскадру, за французскій флотъ, за Францію. Тостъ былъ встрѣченъ громкими рукоплесканіями.

Въ Берлинѣ 12 апрѣля, вечеромъ, внезапно скончался знаменитый стратегъ фельдмаршалъ графъ Мольтке, на 91 году своей жизни. Мы даемъ въ другомъ мѣстѣ нынѣшняго нумера его портретъ и біографію; здѣсь же только отмѣтимъ, что кончина эта вызвала повсюду въ Германіи непритворную и глубокую скорбь. Въ рейхстагѣ президентъ Левецовъ произнесъ рѣчь по поводу смерти фельдмаршала Мольтке, въ которой выставилъ на видъ, что еще за два дня покойный присутствовалъ на засѣданіи рейхстага, а за день на засѣданіи палаты господъ, также напомнилъ, что съ 1881 г. онъ былъ президентомъ рейхстага по старшинству. Далѣе Левецовъ сказалъ, что отличавшаяся юношескою свѣжестью рѣчь, произнесенная Мольтке 16 марта, сохранится въ памяти всѣхъ. Въ заключеніе президентъ съ хвалою отозвался о скромности Мольтке при всѣхъ его успѣхахъ и заявилъ, что память о немъ никогда не исчезнетъ. Затѣмъ засѣданіе было закрыто.

Вѣчный городъ постигло громадное несчастіе. Утромъ 11 апрѣля Римъ былъ приведенъ въ ужасъ страшнымъ взрывомъ, отъ котораго разбилось множество оконъ и пострадало много домовъ, особенно изъ числа находящихся близь мѣста катастрофы. Взрывъ произошелъ въ пороховомъ складѣ форта, расположеннаго въ четырехъ километрахъ за воротами Портезе, и былъ слышенъ на нѣсколько десятковъ верстъ. Несчастія могли бы быть еще ужаснѣе, если бы не присутствіе духа инженеръ-капитана Спаккамела. Въ 7 час. утра капитанъ производилъ обычный обходъ форта Браветта. При приближеніи къ пороховому складу ему послышался странный трескъ, напоминающій звуки отдаленной ружейной стрѣльбы. Предчувствуя опасность, капитанъ приказалъ бить тревогу, собралъ гарнизонъ форта, вывелъ его въ поле и послалъ сказать работавшимъ на полѣ крестьянамъ прекратить работы и бѣжать. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, капитанъ самъ оставилъ фортъ, но не успѣлъ онъ сдѣлать ста шаговъ, какъ раздался страшный, оглушительный трескъ и пороховой складъ взлетѣлъ на воздухъ. Капитана нашли въ безчувственномъ состояніи въ канавкѣ. Оказалось, что ему оторвало обѣ ноги. Замѣчательно, что стоявшій у пороховаго склада часовой, котораго забыли снять, оказался цѣлъ и невредимъ. На мѣсто несчастія поспѣшно прибыли король, герцогъ Абруццкій и министры. Король былъ встрѣченъ сочувственными кликами толпы. Послѣ полудня въ палатѣ сдѣланы были запросы о случившемся. Министры внутреннихъ дѣлъ и военный заявили, что раненыхъ на мѣстѣ катастрофы было 48, а въ городѣ 200 человѣкъ. Въ пороховомъ складѣ форта находилось 26 тоннъ пороха стараго образца. Въ Римѣ, вслѣдъ за взрывомъ, господствовало страшное смятеніе. Во многихъ палаццо и домахъ были выбиты окна, отчасти треснули стѣны, какъ будто было землетрясеніе. Пострадали также Квириналъ и Ватиканъ; въ немъ разрушены, между прочимъ, великолѣпныя оконницы, подаренныя Пію IX покойнымъ королемъ Баварскимъ Максимиліаномъ, равно оконницы ложъ Рафаэля и личной библіотеки папы. Множество драгоцѣнныхъ вещей попадало, разбилось или значительно пострадало. Въ залѣ консисторіи сорваны всѣ двери. Въ соборѣ Св. Петра оказались изогнутыми желѣзныя рѣшетки у большихъ оконъ. Въ моментъ взрыва папа служилъ обѣдню и какъ разъ поднималъ Св. Дары. Левъ XIII, однако, не растерялся и продолжалъ священнодѣйствовать до конца. Сильно пострадала также Monte Citorio (палата депутатовъ). Вся стеклянная крыша, покрывающая залу засѣданій, разбилась вдребезги и полъ былъ покрытъ густымъ слоемъ стеклянныхъ осколковъ. Въ Трастевере буквально не уцѣлѣло ни одного окна. Вообще убытки исчисляются на милліоны франковъ.

Болгарскіе проходимцы, во главѣ со Стамбуловымъ, не знаютъ предѣловъ своимъ неистовствамъ, чтобы раскрыть виновниковъ недавней исторіи въ Софіи. Въ *Times* напечатано длинное письмо изъ Софіи, въ которомъ подробно описана пытка, которой подвергся сербскій подданный, плотникъ по ремеслу. Несчастнаго, чтобы вынудить у него показанія, раздѣли, связали, повѣсили на рукахъ и нещадно били въ теченіе болѣе получаса. Когда его отпустили, плотникъ, избитый до полусмерти, кое-какъ дотащился до дома сербскаго дипломатическаго агента. Здѣсь многіе представители иностранныхъ державъ могли убѣдиться de visu, что спина несчастнаго была сплошною раною. Иностранные дипломаты были крайне возмущены и высказывались въ томъ смыслѣ, что если съ иностранными подданными, охраняемыми капитуляціями, такъ обращаются, то какъ же должны обращаться съ болгарами?

Библіографія.

Вас. Немировичъ-Данченко. Сказки дѣйствительности. СПБ. 1891. Цѣна 2 рубля.

Всѣ роды литературы хороши, за исключеніемъ скучнаго... Такъ думалъ еще Вольтеръ, и эта мысль получила въ наше время особенную силу. Хорошо-ли это, дурно-ли, но это такъ, и скучно написанная книга, какъ-бы ни были велики ея достоинства внутреннія, рискуетъ быть не понятою. Если смотрѣть на сочиненія г. Немировича-Данченко съ этой точки зрѣнія, то они относятся къ самымъ хорошимъ, — они всегда полны такой захватывающей занимательности, такъ интересны, что самый равнодушный читатель не останется равнодушнымъ къ тому, о чемъ авторъ говоритъ. Описываетъ-ли авторъ безбрежныя снѣговыя пустыни и вѣчно холодное море Сѣвера, говоритъ-ли онъ о скучныхъ деталяхъ горнозаводскаго производства, испанскій-ли городъ Кадексъ передъ читателемъ,— романъ-ли, повѣсть, или путевыя замѣтки и впечатлѣнія создаетъ нашъ авторъ — вы съ одинаковымъ интересомъ будете слѣдить за каждымъ штрихомъ авторскаго пера. Занимательность, мастерство разсказа — вотъ главная и самая цѣнная сторона литературнаго таланта г. Немировича-Данченко, и ею ярко блещутъ и „Сказки дѣйствительности".

Политехническая библіотека. Годъ I. **Научно-систематическій указатель** книгъ и періодическихъ изданій **по всѣмъ отраслямъ техники**, вышедшимъ въ 1889 году на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, имѣющихся въ продажѣ въ книжномъ магазинѣ К. Риккера, въ С.-Петербургѣ. 1890.

Каталогъ русскимъ сочиненіямъ по всѣмъ отраслямъ техники, имѣющимся въ продажѣ въ книжномъ магазинѣ К. Риккера, въ С.-Петербургѣ. Изд. VII, дополненное до 1 декабря 1890 г.

Каталогъ важнѣйшихъ сочиненій и журналовъ по женскому художественно-ремесленному труду, имѣющихся въ продажѣ въ книжномъ магазинѣ К. Риккера, въ С.-Петербургѣ.

Выписанныя подробныя оглавленія показываютъ цѣль и назначеніе трехъ каталоговъ. Въ полезной издательской дѣятельности извѣстной фирмы К. Риккера, эти каталоги, какъ ни скромны ихъ задачи, имѣютъ серьезную роль. Извѣстно, какъ хлопотливо собираніе свѣдѣній о хорошихъ книгахъ по той или другой отрасли знанія, и каталоги Риккера, составленные съ большимъ знаніемъ дѣла, окажутъ истинную услугу всѣмъ тѣмъ, кто въ той или другой мѣрѣ, по тому или другому поводу, нуждается въ ознакомленіи съ текущею литературою по означеннымъ въ заголовкахъ предметамъ.

Смѣсь.

Г. Шевляковъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* сообщаетъ слѣдующій анекдотъ: Въ Крымскую войну, сдавъ команду надъ войсками подъ Севастополемъ князю Горчакову, князь Меншиковъ переселился въ Николаевъ. По случаю какого-то праздника онъ пожелалъ отслужить молебенъ у себя на дому и послалъ своего нѣстоваго за священникомъ, приказавъ почему-то не говорить у кого именно долженъ быть отслуженъ молебенъ и сослаться на бѣднаго старика.

Вѣстовой исполнилъ приказаніе въ точности, но на его приглашеніе къ бѣдному старику ни одинъ городской священникъ не согласился идти, отговариваясь недосугомъ. Возвращаясь къ князю съ безуспѣшныхъ поисковъ, вѣстовой встрѣчаетъ полковаго священника, проходившаго домой съ требы, и предлагаетъ ему послѣдовать за нимъ въ домъ бѣднаго старичка отслужить молебенъ. Священникъ, на слова не говоря, отправился за вѣстовымъ. Когда они подошли къ дому гдѣ жилъ Меншиковъ, священникъ тотчасъ-же сообразилъ у кого ему придется справлять требу и на за что не рѣшился войти къ князю въ той будничной рясѣ, въ которую былъ одѣтъ. Вѣстовой началъ упрашивать его, говоря, что князь не взыщетъ; но священникъ колебался. Меншиковъ, увидавъ въ окно эту сцену, самъ вышелъ на крыльцо.

— Извините меня, ваша свѣтлость, началъ было сконфуженный священникъ, но Меншиковъ перебилъ его, подходя подъ благословеніе:

— Ничего, батюшка, входите, не стѣсняйтесь!..

Молебенъ былъ отслуженъ, а священникъ награжденъ Меншиковымъ щедро: князь далъ ему сто рублей.

Понятно, что городскіе священники страшно раскаивались въ своей опрометчивости, узнавъ объ этомъ.

Сожиганіе труповъ въ Японіи. Система сожиганія труповъ въ настоящее время настолько развилась въ Японіи, что ее можно назвать почти безупречною, какъ съ гигіенической, такъ и съ хозяйственной точекъ зрѣнія. Въ столицѣ Японіи Токіо находится шесть крематорій, гдѣ сожигается почти треть всѣхъ умершихъ. Такъ въ 1888 году изъ числа 34,437 умершихъ въ Токіо, 11,023 были сожжены, прочіе же погребены. Теперь же число сожженій возросло преимущественно благодаря запрещенію хоронить въ городѣ. Смотря по качеству гробовъ, за сожиганіе взимаются разныя цѣны, именно 15, 8 и 4 марки. Лучшія по устройству печи принадлежатъ акціонернымъ компаніямъ. Въ нихъ на сожиганіе идетъ весьма малое количество топлива, именно не болѣе 20 полѣнъ, толщиною въ руку и длиною въ 2 фута, вѣсъ которыхъ не превышаетъ 56 фунтовъ, а цѣна—одной марки. Сожиганіе длится 3 часа. На другой день урна съ прахомъ берется родными и ставится въ какомъ-нибудь городскомъ храмѣ. (в.).

Библиотека "Руниверс"

ШАХМАТЫ.

16 апрѣля въ 11 часовъ веч. пришла телеграмма изъ Нью-Іорка отъ Стейница: 100, 900, что по условію означаетъ сдачу обѣихъ партій. Послѣдніе ходы были:

I. Гамбитъ Эванса.		II. Дебютъ 2-хъ коней.	
Чигоринъ. Бѣлые.	Стейницъ. Черные.	Стейницъ. Бѣлые.	Чигоринъ. Черные.
37.	Кр. c7 — b8	38. Кр. f1 — g1	С. b4 — d2
38. d5 — d6 черные сдались.		бѣлые сдались.	

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Трясогузка. Стихотвореніе Василія Велично.—Ученый сонъ. Разсказъ Д. В. Аверкіева.—Къ рисункамъ: Кинешма (съ рис.).—Взятіе обоза маршала Даву подъ Краснымъ (съ рис.).—Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ (съ рис.). — На свадьбу (съ рис.). — 10-ти-лѣтній юбилей Общества Понедѣльниковъ (съ рис. и схемой). — Графъ Мольтке (съ порт.). — Политическое обозрѣніе.—Библіографія.—Смѣсь.—Шахматы.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу: **Очеркъ жизни и дѣятельности Кронштадтскаго протоіерея Іоанна Ильича Сергіева"**, съ портретомъ гравир. на деревѣ. Состав. **А. А. ЗЫБИНЪ.** Цѣна 60 коп. Склады изданія: въ СПБ. у автора, Петерб тор., Малый пр., д. 32 кв. 9; въ типографіи В. И. Ерофеева, Толмазовъ пер. д. 22.—2. Для Кронштадта у П. В. Фиделина, Посадская ул. д. 27 кв. 12. № 5168

ФОТОГРАФ. ЗАНЯТІЯ ДЛЯ ХУДОЖНИКОВЪ, 5—4 тенія, комич. предметы. Катал. 25 к. E. A. Schlöffel, Амстердамъ (Голландія) Box 509. Корреспонд. на нѣм. и франц. яз.

Остерегаться поддѣлокъ. 5—5
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
произора Г. Ф. Юргенсъ, противъ излишней потливости. Продается во всѣхъ лучш. аптек. и вит. маг. Главн. складъ для всей Россіи № 5030 **К. И. ФЕРРЕЙНЪ, Москва.** Цѣна 1/1 кус. 50 к., 1/2 кус. 30 коп.

ВЫИГРЫШНЫЕ
Дворянскіе з. л. съ задаткомъ 20 к 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р. Выигрышъ со дня задатка принадлеж. покупателю. Проц. уменьш. съ долгомъ. Государственные закладные листы обезпечиваются всѣми имѣніями заложенными въ Госуд. Дворянскомъ Банкѣ и всѣми средствами Правительства. 6—6 № 5086
1-го МАЯ
с. г. тиражъ съ 1 выигрышемъ въ
200,000 р.
1 выигрыш. въ . . . . 75,000 р.
1 „ „ . . . . 40,000 „
1 „ „ . . . . 25,000 „
и 296 выигрыш. на сумму 260,000 „
Оплата выигрышей и купоновъ въ Государств. Банкѣ. Невыигравшіе закл. листы не теряютъ своей цѣны.
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
59, Невскій, собств. домъ, СПБ.,

Только подлинно съ этой фабрич. маркой
Huste-Nicht
Gerichtl. Geschützt
„НЕ КАШЛЯЙ".
Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)
Л. Г. ПИТШЪ и К°.
въ Бреславлѣ.
Химическимъ анализомъ и медицинскимъ опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.
*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты по 30 и 50 к.
Упаковка и пересылка считаются особо
Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В. № 4719 18—16

„НОВОСТЬ". Получена партія новыхъ велосипедовъ извѣстнаго завода „Зингеръ", съ дутыми резинами, уменьшающими трясеніе, происходящее отъ ѣзды по неровнымъ и плохимъ дорогамъ. Только въ спеціальномъ велосипедномъ магазинѣ у Генриха Жемлички въ Москвѣ, уголъ Тверской и Стараго Гвѣзднаго пер., домъ Фельцъ-Фейнъ. Требуйте немедленно новый прейсъ-курантъ на 1891 годъ. № 5111 4—4

Д-ръ Волицкій, возвратившись изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, кожныя и грудныя болѣзни. Невскій 102. Отъ 1—3 и 6—7½ ч. в.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА".
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн. аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ. Демидовъ пер., № 1 Въ С.-Петербургѣ. № 5136 (3)

ЭЛЕОПАТЪ пров. **КИНУНЕНЪ**
для волосъ. Прод. во всѣхъ больш. Аптек. и Косметмагазинахъ. Цѣна флакону 1 р. 50 к., но безъ перес. № 5134 (2) Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ.
Главный складъ: С.-Петербургъ. Демидовъ пер., д. № 1.

ВОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. В. № 5138 6—3
ПАВЕЛЪ БУРЕ
поставщикъ Двора Его Величества.
С.-Петербургъ. на Невскомъ просп., д. 23.
Москва, на Б. Лубянкѣ, противъ Кузнецкаго моста.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требованіи безплатно.

Подписная годовая цѣна съ перес. 1 руб.
„ДРУГЪ ЖИВОТНЫХЪ"
Журналъ сельскаго хозяйства и разведенія животныхъ
выходитъ ежемѣсячно. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала въ Ревелѣ и во всѣхъ книжн. магаз. въ Россіи. Образцовый нумеръ по требованію высылается безплатно. Подписная годовая цѣна съ перес. 1 руб. Mt. № 5142 5—3

PAPIER FAYARD ET BLAYN
Бумага Фаяръ и Блэнъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность застанила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Блэнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. Ц. № 4969 11—7

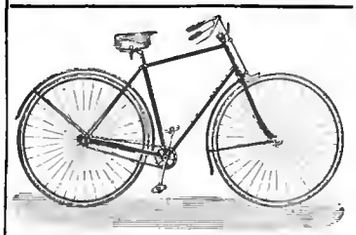
Leichner's Fettpuder
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!
Театральная гримировка! В. № 4720 17—11
Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

БРОКАРЪ и К°.
ИЗОБРѢТАТЕЛИ Р. № 5087 (6)
ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ПРИГЛАШАЮТЪ
агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.


Извѣстные велосипеды въ свѣтѣ англійскаго завода
ГУМБЕРЪ и К°.
Представители
Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.
Москва, Неглинный проѣздъ, домъ Ечкиной, магазинъ № 14.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

НЕОБЫЧАЙНАЯ НОВОСТЬ 1891 года.
Велосипеды съ резиновыми ободами
„КУШЕНЪ"
англійскихъ и германскихъ заводовъ.
Ц. № 5150 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ 4—2
АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ.
Москва, Мясницкая.
Каталоги безплатно.

ЕДИНСТВЕННЫЕ ВПОЛНѢ НЕПРОМОКАЕМЫЕ КАУЧУКОВЫЕ БРЕЗЕНТЫ
плащи для возчиковъ, сторожей и пр.
НАДХОМУТНИКИ
№ 5091 для лошадей. 12—6
Ф. РЕДДАВЕЙ и К°.
Москва, Рыбный пер., Старо-Гостинный дворъ, № 38.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII в. Всеволода Соловьева. СПБ. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к

Библиотека "Руниверс"

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28—17

СИМФОНІОНЫ

(Новыя усовершенствованныя музыкальныя шкатулки съ перемѣнными пьесами).

№ 3. Съ ручкой съ 6-ю пьес. **8 р.** Добавочныя пьесы по **35 к.**

№ 5. Заводныя съ 6-ю пьес. **18 р.** Добаночныя пьесы по **35 к.**

№ 7. Заводныя 60 тонн. съ 10-ю пьес. **35 р.** Добаночн. пьесы по **60 к.**

№ 9. Заводныя 84 тонн. съ 10-ю пьес. **55 р.** Добавочн. пьесы по **75 к.**

№ 12. Заводныя 84 тонн. „Sublime harmonie" съ 10-ю пьес. **90 р.** Добавочныя пьесы по **1 руб.**

Спаски пьесъ для симфоніоновъ, также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ — безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо № 5160 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Мин. Публ. Библіотеки. Оптовая и розничн. продажа.

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. **Ручательство на 2 года.** № 4501 20-21

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (2)

для смягченія кожи. Цѣна за пусокъ 30 к. Получить можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи. Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1

Г. ДАВИДЪ.

Владимірскій пр., д. № 13, кв. 5, покупаетъ по высокой цѣнѣ: роскошные и рѣдкіе предметы XVI, XVII и XVIII столѣтій, какъ-то: бронзу, фарфоръ, гобелены, мебель, табакерки, серебряныя издѣлія, миніатюры, иконы, картины и проч. № 5060 4—4

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи: ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ** Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ Б. Морская, 21.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ

В. № 5698 20 5

10, 15, 25 р. и дороже. **Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-курантъ 50 к. К. И. ФРЕЛАНДТЪ. Москва.** Мясницкая, уголъ Кривоколѣннаго пер., д. Соколова. С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30—16.

НЕБЫВАЕТЪ

прочнѣе мужскихъ кальсонъ какъ **ИЗЪ ТВИСТЪ,** въ магазинѣ **Ю. ГОТЛИБЪ,** въ СПБ., по Владимірской, д. 2, уг. Невск. пр. Ц 1 р. 75 к. за пару. Перес. за каждыя 3 пары 1 р., по Азіятск. Россіи 1 р. 75 коп. Меньше 3-хъ паръ не высылается. При пересылкѣ необходима мѣра пояса и Mt. № 5143 длина. 2—2

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

36, ТРОИЦКАЯ УЛ., 36.

у 5-ти угловъ.

Троицкое заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ доставляетъ на домъ:

Сифоны { сельтерс. или { по — р. 10 к. 25 полуб. } сод. воды. { „ 1 „ 13 „ 25 бут. шампуч. лимонаду „ 1 „ 75 „

Залогъ за сиф. 1.50, за бут. 2 коп. Отправка для дачъ на станціи ж. д.

ЗМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°.

строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Спеціальность: плуги и молотилки.

Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода **пороховыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта** въ Англіи и знаменитаго завода **сѣноносилокъ, жнеекъ „Дези" и сноповязалокъ Мак' Кормика** въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигръ завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 4484 26—24

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеновъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

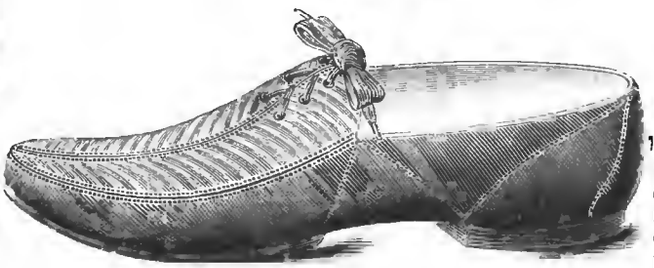
ТОВ. СПБ. МЕХАН. ПРОИЗВ. ОБУВИ

РЕКОМЕНДУЕТЪ ДЛЯ ЛѢТА:

НОВОСТЬ!!

полуботинки:

„ЛЕГКІЕ-СКОРОХОДЫ"



Благодаря особенностямъ постройки, соотвѣтственно новѣйшимъ воззрѣніямъ на счетъ механики движенія суставовъ стопы, полуботинки предлагаемаго образца соединяютъ въ себѣ всѣ преимущества, какъ по отношенію къ требованіямъ, дающимъ возможность пѣшеходу совершать болѣе продолжительные переходы безъ ущерба для себя и для цѣлости обуви. „Легкіе-Скороходы" предохраняютъ ноги въ жаркое время отъ потѣнія, даютъ ногамъ возможность нормально развиваться, не жмутъ ноги и не теряютъ фасонъ. „Легкіе-Скороходы" рекомендуются всѣмъ любителямъ удобной обуви. „Легкіе-Скороходы" изготовляются нами для мужчинъ, дамъ и дѣтей. „Легкіе-Скороходы" составляютъ выгодный предметъ для торговцевъ обувью. За справками для оптовой покупки слѣдуетъ обращаться въ Торговый Домъ „Леопольдъ Пейшеллеръ" въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ или Ригѣ.

Обратите вниманіе на фабричное клеймо.

Въ мѣстности гдѣ механическая обувь еще не имѣется въ продажѣ, мы высылаемъ частнымъ лицамъ безплатно нашъ розничный пр.-курантъ съ подробн. указаніемъ для снятія мѣрки. Также предлагаемъ всевозможныя

ДОРОЖНЫЯ ВЕЩИ

и при требованіи высылаемъ безплатно иллюстрированный прейсъ-курантъ. Обращаться въ Контору Товарищества: **С.-Петербургъ,** Обводный каналъ, № 134. № 5163

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ РАЗВѢСНЫХЪ ЧАЕВЪ ТОРГОВАГО ДОМА „ПЕТРА БОТКИНА Сыновья",

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Купеческаго Общества; **С.-Петербургъ,** Невскій пр., д. Римско-Католической церкви, № 34.

	Цѣна при покупкѣ менѣе 50 ф.		Цѣна при покупкѣ не менѣе 50 ф.			Цѣна при покупкѣ менѣе 50 ф.		Цѣна при покупкѣ не менѣе 50 ф.	
ЧАЙ ЧЕРНЫЙ № 1 за фунт.	1	20	1	10	ЧАЙ ЧЕРНЫЙ № 7 за фунт.	2	40	2	05
„ „ № 2 „ „	1	40	1	25	„ „ № 8 „ „	2	60	2	25
„ „ № 3 „ „	1	60	1	40	„ „ № 9 „ „	2	80	2	40
„ „ № 4 „ „	1	80	1	60	ЦВѢТОЧНЫЙ № 10 „ „	3	—	2	50
„ „ № 5 „ „	2	—	1	70	„ № 11 „ „	3	50	3	—
„ „ № 6 „ „	2	20	1	85	„ № 12 „ „	4	—	3	50

ЧАЙ зеленый и желтый въ банкахъ . . . . . отъ 1/4 фунта на разныя цѣны.
„ плиточный . . . . . 1 руб. фунтъ.
ЧАЙ №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6 развѣшиваются . . . . . 1/1, 1/2, 1/4, 1/8 фунт.
„ №№ 7, 8, 9, 10, 11 и 12 развѣшиваются . . . . . 1/1, 1/2, 1/4 „

При покупкѣ менѣе 50 фунтовъ не дѣлается никакой уступки.

При покупкѣ **не менѣе** 50 фунтовъ дѣлается скидка, указанная въ прейсъ-курантѣ.

Пересылка чая черезъ почту въ предѣлахъ Европейской Россіи производится за счетъ Торговаго Дома, при чемъ съ цѣны чая не дѣлается никакой уступки.

При пересылкѣ чрезъ транспортныя конторы или желѣзныя дороги и не менѣе 50 ф. дѣлается указанная въ прейсъ-курантѣ уступка, всѣ же расходы по отправкѣ относятся на счетъ покупателя.

При высылкѣ чая съ наложеннымъ платежомъ долженъ быть высланъ задатокъ въ размѣрѣ не менѣе 15% съ общей стоимости заказа. Расходы по упаковкѣ чая Торговый Домъ принимаетъ на свой счетъ.

Чаи Торговаго Дома развѣшиваются подъ надзоромъ Правительственнаго чиновника и оклеиваются наземною бандеролью.

САХАРНЫЙ ПЕСОКЪ Высочайше утвержденнаго Товарищества Ново-Тевлинскаго свеклосахарнаго завода БОТКИНЫХЪ продается по существующимъ цѣнамъ. Mt. № 5167

1891. PRAG.

ALLGEMEINE LANDES-AUSSTELLUNG

zur Jubiläumsfeier der ersten Gewerbeausstellung in Prag 1791

unter dem Protektorate S-r K. u. K. Majestaet des Kaisers Franz Joseph I

von 15 Mai bis 15 Oktober 1891.

Kunst, Wissenschaft, Industrie, Bodenkultur, Feierlichkeiten, temporäre Ausstellungen, Fontäine lumineuse, Kongresse, Lotterie etc. etc.

J. № 5133 5—3

Дозвол. цензур., СПБ., 24 апрѣля 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. № 18 — г. XXII 1891

ВЫХОД. ЕЖЕНЕД. №№ ВЪ 3 ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢС. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖСК. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № „Нивы" безъ Сборника 20 к., съ перес. 25 к., съ Сборникомъ 35 к.

Выданъ 4 мая 1891 г.

Продолжается подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . 5 р. | Съ доставкою въ Петербургѣ 6 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія 6 р. | Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . 7 р. | За границу 10 р.

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА МАЙ, 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за МАЙ съ 31 рисунк. и отд. лист. съ 32 черт. выкр. въ натур. велич. и 20 рис. вышильн. работъ.

Улица Шайбыны-ханъ въ Самаркандѣ. Съ фот. Апостоли, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Ушло.

Разсказъ **П. Д. Боборыкина.**

I.

Дорожка — вся въ тѣни — ведетъ на цѣлую версту, туда, къ полотну желѣзной дороги, вдоль дубовой аллеи, еще совсѣмъ тихой, въ ранній часъ утра.

На скамью присѣла дѣвушка, безъ шляпки — какъ ходятъ дачницы — подъ парусиннымъ зонтикомъ, въ свѣтломъ кретоновомъ платьѣ и короткой черной мантилькѣ.

Она шла пѣшкомъ изъ Тярлева въ Царское и на полпути утомилась. Надо еще дойти до сторожки и взять вправо, по дорогѣ парка, куда выходитъ садъ лѣчебнаго заведенія. Тамъ она, каждое утро, вотъ уже третью недѣлю, пьетъ кумысъ.

Темные волосы курчавились по ея головѣ, собранные на маковкѣ въ небольшую косу. Щеки загорѣли и впали. Но изъ орбитъ, съ потемнѣлыми вѣками, глядѣли огромные глаза, казавшіеся совсѣмъ черными отъ длинныхъ рѣсницъ, ясные и блестящіе, съ удивленнымъ и пытливымъ выраженіемъ. Эти глаза необычайно красили лицо дѣвушки, вообще неправильное. Носъ шелъ вогнутою линіей, губы изжелта-красныя, толстоватыя складывались въ болѣзненную усмѣшку. Ее не трудно было принять за больную.

Утро—стояли послѣдніе дни мая—выдалось ласкающее, немного влажное. Слабая грудь дѣвушки дышала привольно, и ясные, огромные глаза любовно пробѣгали по лужайкѣ съ кустами и купами деревьевъ, видныхъ изъ-за ровно растущихъ дубовъ дороги. И надъ нею листва липы, орѣшника, березы, рябины переливала свѣжими тонами и тѣшила ея неизмѣнную любовь къ природѣ, ея чувство живой красоты.

Катерина Петровна Климова была художница.

И сегодня опять, всю дорогу, до Нѣмецкой колоніи, она жалѣла своего утра. Самые лучшіе часы пропадаютъ даромъ. Она должна вставать рано, въ семь часовъ; а это ей не легко дается. Надо пересилить свою хворость, все тѣло у ней разбитое, вѣки отяжелѣли, въ горлѣ точно что колетъ остріемъ. Одѣвается она медленно и только къ осьми часамъ выходитъ изъ своей конурки на крохотную террасу, забранную деревяннымъ переплетомъ. Спать ей душно, комната подъ самой крышей—и дорогая. Въ Павловскѣ или въ Царскомъ дешевле, а здѣсь домовладѣльцы дорожатся, выставляя на видъ, что это — „деревня" и гораздо суше, чѣмъ въ Павловскѣ.

И докторъ ей совѣтовалъ жить въ Тярлевѣ, а еще лучше въ Нѣмецкой колоніи, гдѣ помѣщается и заведеніе. Но ее прельстилъ Павловскій паркъ. Она засиживается въ немъ и по вечерямъ, когда по луговинамъ начинаетъ ползти пелена росы.

Все утро у ней уходитъ на кумысъ. Сегодня она такъ восхищена воздухомъ, цвѣтомъ травы, хлѣбовъ, разныхъ древесныхъ породъ, что готова была бы съ полдороги побѣжать домой и бросить питье кумыса.

Взять бы свой ящикъ съ заготовленнымъ холстомъ и красками и прямо идти на одинъ изъ пунктовъ, облюбованныхъ ею во время ея одинокихъ прогулокъ по парку и окрестнымъ полямъ и перелѣскамъ.

Да вотъ сейчасъ—по ея обычному пути—на той низинѣ, которую перехватываетъ пополамъ ручей, на фонѣ свѣжей, сочной травы—высится одна елка. Что за чудесный конусъ! Какой бархатъ хвои! И мѣсто занято деревомъ такъ выгодно для пейзажа, точно кто его нарочно сажалъ. Позади опушка и тамъ и сямъ букеты деревьевъ лиственныхъ породъ.

Только сегодня, когда она проходила мимо строющейся дачи, въ родѣ фермы—весь этотъ русскій уголокъ природы всталъ передъ ней въ настоящемъ освѣщеніи. Она поняла его. До того она не любила этотъ переходъ. Раздражали ее сѣрыя линіи открытой трубы, въ которую отведенъ ручей, съ ея двумя проходами по бокамъ. Когда она спускалась по узкой лѣсенкѣ къ одному изъ проходовъ, направляясь къ тярлевской платформѣ или обратно—она испытывала недовольство, чисто профессіональное. Это „корыто" — она такъ называла трубу — портило ей впечатлѣніе, не позволяло уйти въ пейзажъ, полюбить его, напоминало про дачную жизнь, близость Петербурга, обдавало чѣмъ-то пошло-житейскимъ.

Сегодня она, въ первый разъ, позавидовала тѣмъ, кто строитъ на пригоркѣ красивый срубъ и обводитъ заборомъ довольно большое мѣсто, по линіи крайнихъ дачъ, гдѣ идетъ дорожка вдоль поля съ картофелемъ. Нужды нѣтъ, что тутъ сыро, болотныя выемки не проходятъ и въ жаркое лѣто. Но она съ радостью сѣла бы на одну изъ террасъ строющагося домика и стала бы набрасывать свой эскизъ.

Уже половина девятаго. Пора спѣшить на кумысъ.

Катерина Петровна пошла по направленію къ сторожкѣ, продолжая любоваться утромъ, засматриваясь на узоры дубовой листвы.

Справа топотъ копытъ сталъ приближаться, съ легкимъ всхрапываніемъ лошади. Она обернула голову и отодвинула немного свой зонтикъ.

Ѣхала амазонка въ высокой шляпѣ съ синимъ вуалемъ; позади жокей. Она сидѣла ловко, немного нагибала впередъ свою тонкую талію и, по-англійски, подпрыгивала. Жокей грузно трясся на высокой гнѣдой лошади. Подъ дамой лошадь была свѣтло-рыжая, небольшая, съ пріятной рысью.

„И я ѣзжала!" подумала Катерина Петровна и опустила длинныя рѣсницы, какъ бы желая вызвать передъ собою какой-то образъ, даже остановилась на нѣсколько секундъ. Но тотчасъ же сдѣлала движеніе головой и прибавила шагу.

„Мало-ли что было!" говорили ея глаза, немного затуманенные слезой, навернувшейся подъ уколомъ чего-то пережитаго и не очень еще далекаго.

Сердце чаще забилось и въ виски вступило. Нельзя ей такъ скоро идти—сейчасъ закашляется и въ горлѣ опять заколетъ.

Вотъ и желѣзная, низкая рѣшетка сада. Тамъ ждетъ ее кумысъ.

Не сразу она къ нему привыкла. Въ первые дни вкусъ ей былъ противенъ—отзывается клеемъ и кислота непріятная. Теперь она дошла уже до двухъ полубутылокъ и къ концу гулянья чувствуетъ обыкновенно родъ легкаго хмѣля, минутъ на десять... Кумысъ отнимаетъ у ней аппетитъ, такъ что она перестала пить по утрамъ кофе и легко ждетъ втораго часа, когда ей принесутъ поѣсть—стряпню хозяйки, всегда одну и ту же. Да и та втридорога!

Не можетъ Катерина Петровна освободиться отъ чувства ѣдкой скуки, какъ только она поднимется на ступеньки длинной деревянной галереи, гдѣ, въ ненастную погоду, могутъ прохаживаться больные. Деревянныя стѣны имѣли свойство — необъяснимое для нея—наводить на нее это чувство. И у себя въ комнаткѣ, и на балконѣ она испытывала почти то же—отъ вида дощатыхъ переборокъ. Вообще, все прямолинейное противно ея зрительнымъ вкусамъ.

Въ галереѣ—старушка, разливающая кумысъ, спроситъ ее, ласковымъ голосомъ: какъ она себя чувствуетъ сегодня... И будетъ нацѣживать ей въ стаканъ пѣнистую бѣлую жидкость, черезъ особаго рода металлическую пробку. Вѣроятно скажетъ:

Библиотека "Руниверс"

— Не погрѣть-ли вамъ немножко?

На это Катерина Петровна отвѣтитъ иногда:

— Пожалуйста!..

Сегодня можно и не пагрѣвать. Утро теплое, почти жаркое. Ночью она кашляла меньше обыкновеннаго.

— Видъ у васъ очень хорошій! говоритъ ей старушка пріятнымъ тономъ.

Но у Катерины Петровны нѣтъ большой вѣры въ кумысъ. Для желудка онъ тяжелъ, прилива силъ она въ себѣ не замѣчаетъ что-то. Можетъ-быть, черезъ мѣсяцъ, черезъ два... Докторъ рекомендовалъ—по крайней мѣрѣ шестинедѣльное лѣченіе.

И садъ наводитъ на нее уныніе. Въ немъ есть тѣнь, онъ — не малъ; куны піоновъ на дерпѣ, въ воздухѣ пахнетъ листвой тополя... А гулять долго по дорожкамъ она не можетъ. Все та же исхудалая, чахоточная дама, укутанная оренбургскимъ платкомъ, и длинный, какъ шестъ, нѣмецъ-контористъ — въ сѣромъ картузѣ страннаго покроя. Она съ ними молча кланяется; но ни разу не заговаривала—охоты нѣтъ.

Они — серьезные больные; такіе же, какъ и она. Мнительности у ней нѣтъ, но не можетъ она и обманывать себя! Съ прошлой осени грудь ея сразу расклеилась, послѣ петербургской инфлюэнцы. Пошли ночныя испарины, колотье въ горлѣ, перемежающіеся припадки удушья и короткій, глухой кашель.

— Вамъ надо провести зиму на Югѣ... Крымъ. И еще лучше Каиръ.

Каиръ! А гдѣ средства? Въ Крымъ она бы еще добралась; но самое слово „Крымъ" — звучитъ для нея заупокойнымъ дрожаніемъ колокола.

Лучше уже помириться съ деревней Тярлево и пить кумысъ въ Царскомъ.

Послѣ каждаго полустакана Катерина Петровна идетъ въ паркъ или ходитъ по аллеѣ, влѣво отъ каменныхъ павильоновъ заставы. Только бы ей не встрѣтиться съ „грудными". Слишкомъ ярко переносятъ они ее къ тому, что она пережила тамъ, на южномъ берегу Чернаго моря.

II.

Господи! Какою трепетною радостью обдала всю ее картина солнечнаго восхода на прибрежныхъ крутыхъ высотахъ, надъ Байдарскими воротами!

Такой художнической минуты два раза не испытаешь въ жизни.

Онѣ ѣхали втроемъ — хворая курсистка и еще дѣвица, изъ петербургскихъ нѣмокъ, вызванная въ Крымъ родными. Было это въ началѣ апрѣля. Изъ Севастополя наняли онѣ бричку, обратную, за дешевую цѣну. Ни она, ни курсистка не могли тратить больше сорока, много пятидесяти рублей въ мѣсяцъ. Погода испортилась, туманъ застилалъ имъ видъ на зеленѣющія, невысокія еще горы, когда онѣ, подъ вечеръ, выѣхали въ долину.

На станціи онѣ переночевали. Молодой смотритель позаботился объ ужинѣ и обѣщалъ разбудить ихъ, на разсвѣтѣ, если погода прояснитъ. Спали онѣ какъ убитыя; но стукъ въ двери заставилъ ихъ вскочить разомъ. Она, какъ теперь, помнитъ ощущеніе горнаго утренняго холода и сѣро-розоватое небо, помнитъ ихъ подъемъ на гору, боязнь ея подруги, которую смотритель долженъ былъ переводить съ камня на камень. Вотъ онѣ и вскарабкались на самую вышку.

Не больше десяти минутъ ждали онѣ. Надо было смотрѣть налѣво, по востокъ, откуда, изъ-за утеса, поднималось свѣтило. Зарево уже разливалось по всей пеленѣ неба. И вслѣдъ за золотистыми искрами показался огненный полукругъ, мягкій по тону. На него можно было смотрѣть, не щуря глазъ.

Съ этой минуты, она, всю дорогу до Ялты, отдавалась безпрерывно зрительнымъ ощущеніямъ художницы, съ жадностью пила глазами море, горы, волны кудрявой растительности, загибы дороги, обрывы и вышки— безконечные оттѣнки колеровъ и свѣтотѣни.

— Вотъ краски, вотъ краски!.. безпрерывно вскрикивала она.

Ея хворая спутница, подъ конецъ, стала даже ворчать.

— Что это у васъ, Климова, за восторги! Ну, хорошо, спору нѣтъ; но нельзя же стулья ломать.

Она только махала рукой. У бѣдной дѣвушки не хватало особаго органа чувствъ — воспріятія природы и ея красотъ. Для нея поѣздка въ Крымъ значила— возстановленіе здоровья, хорошій климатъ, а красота была между прочимъ... Катерина Петровна считала себя тогда совершенно здоровою и для нея выше всего стояли духовныя радости, какія ея артистическое зрѣніе умѣло извлекать изъ красотъ природы.

Вся ея первая молодость прошла въ Петербургѣ, подъ его скупымъ небомъ. Еще въ гимназіи ее влекло къ живописи. Она рано стала пробовать себя въ акварели, рисовала по фарфору. Потомъ начала ходить въ классы рисовальной школы. Какъ бѣдная дѣвушка — сирота — жившая у родныхъ, она хотѣла возможно раньше зарабатывать и думала совсѣмъ отдаться прикладной живописи. Ея работы на конкурсъ — блюда, экраны, цѣлыя ширмы — выдѣлялись и доставляли ей награды. Изъ нея вышла бы прекрасная „мастерица" по такого рода артистическимъ работамъ. За расписываніе вѣеровъ и матерій начали платить большія деньги.

Но ее тянуло къ настоящей живописи, съ натуры, всего сильнѣе къ пейзажу. Она отвѣдала и академіи. И тамъ на нее обратили вниманіе; но Петербургъ, жизнь въ городѣ, въ тѣсной квартирѣ, суровая зима, гнилая осень — держали ее въ тискахъ, не давали ни вѣрнаго свѣта, ни рельефа, ни красокъ, ни чувства природы, безъ котораго нельзя стать художникомъ, создать себѣ манеру, отыскать въ душѣ струны дрожащія подъ обаяніемъ живаго образа, сказать свое слово; а безъ этого стоило-ли марать холстъ?

Она пріучалась писать по набросками въ комнатѣ, на своемъ пятомъ этажѣ, и даже при свѣтѣ лампы. И все у ней выходили маленькіе размѣры деревьевъ, пригорковъ, неба, дали, взморья, всего, что она помѣщала на свои „скомпанованные", а не запесенные цѣликомъ куски пейзажа.

Надо было хлебнуть совсѣмъ другой природы, чтобы сразу почуять, что такое: лучи солнца, заря заката, огонь разсвѣта, лунная ночь, трепетанье зелени въ разные часы дня, игра прибоя, чешуя золотаго взморья, чуть-чуть колеблемая южнымъ вѣтеркомъ... Гдѣ же это все было почуять, какъ не на Южномъ Берегу? Ѣхать за границу—страшили расходы; а на даровую посылку она не имѣла правъ.

Крымъ далъ ей мѣру ея любви къ природѣ; но онъ же пробудилъ чувство своей вины передъ нею. Всѣ ея краски оказывались условными, лживыми... Она сама не смѣла называть ихъ красками. Съизнова надо было воспитывать себя, работать эскизы только на воздухѣ, ловить многообразные переходы тоновъ и контуровъ, вниваться глазами въ откровенія живой красоты.

Вотъ гдѣ роскошная мастерская—лучше всякихъ классовъ, школъ и академій. Такъ она повторяла, опьяненная своей поѣздкой отъ Байдарскихъ воротъ до Ялты.

Ялта ни ей, ни ея спутницамъ не понравилась: вѣтеръ набережной, бѣдность прогулокъ, несимпатичная имъ публика. На третій же день онѣ уже перебрались въ Алупку.

Сколько милаго и новаго нашла она тамъ! Всѣ подробности поисковъ квартиры, знакомство съ татарами, первыя прогулки, маленькія невзгоды, первобытность

Библиотека "Руниверс"

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна.
Съ фотографіи Левицкаго, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ.
Съ фотографіи Левицкаго, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

житья, ѣды—молодили ее и вливали въ душу неизвѣданную радость жизни.

Она нанимала у татарина комнатку съ „галдарейкой", за пятнадцать рублей, и втроемъ ѣда имъ обходилась по стольку же. Съ утра и до поздней ночи въ первые дни она бродила по верхнему и нижнему парку, ходила въ горы, поднималась до Ай-Петри, забиралась въ Семеизъ и дальше, полюбила въ особенности дорогу въ Мисхоръ, къ вечеру, на закатѣ и подъ первымъ серебромъ южной луны.

Сначала она ходила съ манкой, сейчасъ же принималась зарисовывать мотивы пейзажа, но вскорѣ это бросила, а просто глядѣла, иногда по цѣлымъ часамъ, на высотахъ или у самаго прибрежья, на разсыпчатомъ гулкомъ гравіи, подъ шуршанье мягкой пѣны прибоя. Не съ однѣми красками и линіями сживалась она, а также и съ звуками природы, съ полнымъ молчаніемъ вершинъ и еле-еле слышнымъ рокотомъ морской зыби,—и въ часы самаго мертвеннаго затишья, лежа на травѣ, подъ кипарисомъ или купой оливковыхъ деревъ, она внимала, въ знойный ли полдень или подъ вечеръ, гудѣнью насѣкомыхъ, копошащихся въ землѣ, скрипу кузнечиковъ, малѣйшему шороху въ листвѣ вѣтвей и среди сочныхъ корней, травъ и цвѣтовъ.

Сердце въ ней точно росло, расширялось. Грудь совсѣмъ иначе дышала; на глазахъ навертывались слезы—не прежнія, отъ петербургской мглы, а радостныя.

И татары, ихъ жены, ребятишки, лошади, группы стариковъ около мечети—тѣшили ее сочетаніемъ линій и красокъ. Ей хотѣлось слить пейзажъ съ жанромъ въ одно цѣлое. Ни одной фигуры не пропускала она безъ вниманія. Вотъ толстый Аджи, хозяинъ лавочки; вотъ племянникъ его Али, мальчикъ-подростокъ, блондинъ, съ тонкимъ греческимъ профилемъ. Онъ—истая находка для жанриста и портретнаго живописца. И его двоюродная сестра, красавица Биби-Фатьма, съ такой античной линіей лба и носа, что хоть сейчасъ на камею!

Она не удивлялась больше чистотѣ ихъ профилей, когда сообразила, что въ жилахъ этихъ мусульманъ должна течь греческая кровь, смѣшанная съ генуэзскою. Эти лица помогали ей уноситься въ недосягаемыя выси эллинскаго искусства, видѣть воображеніемъ мраморные пропилеи, божественно-гармоничныя линіи портиковъ и архитравовъ, тутъ же, на этихъ высотахъ, гдѣ когда-то процвѣтала греческая культура.

Бывало, сидитъ она въ верхнемъ паркѣ Воронцовскаго дворца, подъ тѣнью развѣсистаго орѣшника или кедра съ поникшими до земли синими вѣтвями, смотритъ на уголокъ моря и дальній утесъ, туда налѣво, въ сторону Оріанды, и ей представляется бѣло-мраморный храмъ и на темно-бирюзовомъ фонѣ моря—трирема, вся золотая, съ пурпуровыми тканями и парусомъ древняго покроя.

Всѣ петербургскіе толки о „казенщинѣ" эллинскаго искусства разлетѣлись прахомъ, и она стала горячо благодарна этой исконн эллинской землѣ за тѣ откровенія, какія она вливала ей въ душу.

Лунныя ночи доводили ее почти до видѣній. Она съ трудомъ переносила ихъ воздѣйствіе на ея чуткіе до боли нервы, когда гдѣ-нибудь въ той части парка, которая вся загромождена валунами, она глядѣла, не отрываясь, на трепетную листву, серебрившуюся внизу, подъ ея ногами, и на отраженіе свѣта въ морской чешуѣ, въ этой, отовсюду видной, чудной стихіи, ласкающей своими объятіями благословенный край, повитый преданіями той эпохи, когда человѣкъ впервые дорозвился до богоподобнаго творчества.

Время летѣло, и къ половинѣ лѣта она еще не написала ничего стоющаго.

III.

Получила она письмо отъ одного художника изъ Петербурга, человѣка для нея мало интереснаго. Встрѣчались они въ академіи, на выставкахъ и еще въ семействѣ одного профессора. И письмо-то было пустое, самое незанимательное... Больше все сплетни и слухи про разныхъ „ловкачей", получившихъ заказы. Только въ припискѣ онъ просилъ ее свезти его поклонъ Василію Ивановичу Кондратьеву, молодому пейзажисту, жившему вторую зиму въ Ялтѣ.

Этого Кондратьева, или лучше—его картины она знала. Онѣ ей очень нравились. На послѣдней выставкѣ она застаивалась передъ его „Крымскимъ видомъ", и здѣсь только могла оцѣнить его дарованіе, вѣрность красокъ, особую задушевность общаго тона.

Въ припискѣ упоминалось и о томъ, что Кондратьевъ все лѣчится, получаетъ пособіе и, кажется, „очень плохъ—бѣдняга".

Это ее смутило... Она сейчасъ же упрекнула себя въ томъ, что такъ разсѣяна и безпамятна. Помнила же картину Кондратьева, слышала о немъ и прежде, какъ о даровитомъ маломъ, могла бы сообразить, гдѣ онъ теперь, или хоть полюбопытствовать—не въ Ялтѣ ли живетъ, когда была тамъ.

Въ тотъ же день написала она ему письмо (адресъ былъ поставленъ ея знакомымъ), гдѣ передавала поклонъ и спрашивала: не можетъ ли она его навѣстить въ Ялтѣ.

Поѣздка туда всегда стоила: пѣшкомъ не сдѣлаешь слишкомъ пятнадцать верстъ въ жаръ; но она не хотѣла скупиться. Навѣрно найдетъ попутчика и у татарина Ассана добудетъ экипажъ подешевле, или у кучера на княжескомъ дворѣ.

Прошло больше недѣли, отвѣта не было. Она даже немного обидѣлась. Всѣ-то они такіе „ученички"—безъ воспитанія; женщина ему пишетъ и выказываетъ участіе, а онъ хоть бы что!

Но чувство обиды смѣнилось другими соображеніями. Онъ, бѣдняга, быть-можетъ, лежитъ уже пластомъ, и въ такую жару. Въ письмѣ художника она нашла, когда перечла его, намекъ на то, что у Кондратьева серьезная легочная болѣзнь. Лучше выбрать день немного посвѣтлѣе и поѣхать самой въ Ялту.

Писать ей очень хотѣлось!

Послѣ своего нехитраго завтрака—яичница и кринка молока—она собралась, выбранивъ себя за „гнусную" лѣнь, взяла ящикъ, большой дождевой зонтикъ на длинной палкѣ, складной стулъ и энергическимъ шагомъ спустилась отъ своей квартиры къ дорогѣ въ Семеизъ и черезъ калитку вошла въ Нижній садъ, около того мѣста, гдѣ извивается узкая аллея кипарисовъ. Немного поодаль она выискала уголокъ, весь укутанный въ тѣнь кедра и кругомъ обросшій кустами розъ и акацій. Оттуда моря видно было только одинъ клинушекъ, но такой милый, что изъ-за него одного можно отдать цѣлый морской видъ. Но ей нуженъ былъ, прежде всего, этотъ уголокъ парка, съ его тѣнью и разнообразной листвой, и полосой неба, особенно хорошо выходившей, отъ близости зеленыхъ колеровъ листвы.

Она расположилась, оградила себя съ одной незащищенной стороны зонтикомъ, разставила походный мольбертъ и совсѣмъ уже собралась набрасывать первые блики. Ее окликнули по имени и отчеству:

— Катерина Петровна! Ау!

Голосъ незнакомый, мужской, слабый.

„Это Кондратьевъ", тотчасъ догадалась она; но не могла сдержать въ себѣ досаду: такъ хорошо устроилась—и вдругъ помѣха!

И еще другое чувство закралось въ нее: боязнь лишнихъ разспросовъ, умничанья.

Но она уже вышла изъ своей засады и направилась къ аллеѣ кипарисовъ, откуда ее окликнули.

Навстрѣчу шелъ, дѣйствительно, Кондратьевъ.

Она его никогда не встрѣчала въ Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

Невысокаго роста, бѣлокурый, съ чуть пробивающимися усиками, худой—онъ не имѣлъ характернаго вида чахоточныхъ: ни красныхъ пятенъ на щекахъ, ни золотистой желтизны; только глаза горѣли, съ расширенными зрачками, синіе, прекраснаго выраженія. Онъ смотрѣлъ совсѣмъ юношей, лѣтъ двадцати, не больше, и ей стало даже какъ-то совѣстно: она, конечно, была старше на видъ; да ей уже и пошелъ двадцать пятый.

Тотчасъ, по тому, какъ онъ приподнялъ измятую поярковую шляпу и протянулъ ей руку, она почуяла въ немъ человѣка простаго званія, попавшаго въ академію изъ самоучекъ: что-то простонародное сквозило въ прическѣ, въ томъ, какъ сидѣло на немъ короткое парусинное пальто и какъ онъ держалъ одно плечо выше другаго—такую повадку она замѣчала у маляровъ и плотниковъ.

Ей стало сейчасъ же ловко съ нимъ и ея досада на то, что помѣшалъ—разсѣялась сразу.

— Невпопадъ я къ вамъ? заговорилъ онъ, взглядывая на нее своими прекрасными синими глазами, съ дѣтскимъ выраженіемъ стыдливой ласки. — Такой я уже несуразный человѣкъ!.. Угораздило простудиться—въ такую-то погоду,—посидѣлъ подольше, чѣмъ слѣдовало, на камушкѣ... тамъ у насъ, подъ набережной, и слегъ на недѣлю... И отвѣтить вамъ не удосужился... Простите!

Говоръ у него былъ высокій, тоже съ народнымъ оттѣнкомъ, сѣверный, съ мягкими согласными, голосъ вздрагивалъ и точно отдавался въ груди.

Она начала порывисто благодарить его; но не тотчасъ рѣшилась спросить:

— Куда вамъ угодно—ко мнѣ или здѣсь побудемъ?

— Да ужь лучше здѣсь!—Онъ любовно оглянулся кругомъ.—Богатая у васъ обстановка!.. Я вѣдь, грѣшнымъ дѣломъ, Алупки-то порядкомъ не знаю.

— Какъ же это! Пейзажистъ?! вскричала она, удивленная.

— Да все мои лихія болѣсти. Изъ-за нихъ и въ этой треклятой Ялтѣ сижу-сиднемъ!.. И такъ она меня сокрушаетъ, эта Ницца-то россейская!

Въ губахъ его, не потерявшихъ краски, сидѣлъ юморъ.

— Здѣсь вѣдь есть докторъ и аптека, поторопилась сообщить она.

— Слышалъ; да я ужь въ своего доктора вѣрю. Ей-Богу—не знаю почему! Потомъ же мнѣ помѣщеніе нужно, я не одинъ... Цѣлыхъ четыре души насъ. Зимой здѣсь жутко было бы... Квартиру надо брать на весь годъ, а то анаѳемскія цѣны!..

Лобъ его наморщился. Послышались раздраженные звуки больнаго, подавленнаго матеріальными заботами.

Они двигались потихоньку къ тому мѣсту, гдѣ, сквозь стволы деревьевъ, видно было артистическое хозяйство Катерины Петровны.

— Работали? спросилъ ее Кондратьевъ, и выраженіе его лица тотчасъ же измѣнилось: стало опять теплое и возбужденное, съ дѣтской игрой въ глазахъ.

Она пріостановила его.

— Василій Ивановичъ, припомнила она его имя-отчество,—вы меня застаете врасплохъ съ поличнымъ... Я вѣдь еще только бродить начинаю; а вы уже готовый художникъ, съ извѣстностью.

— Куда вы! махнулъ онъ рукой.—Готовый? Это я-то? Да у меня еще и званія никакого нѣтъ. Я—съ позволенія сказать—даже не „вольный общникъ", а ужь ниже этого ничего нѣтъ.

— Униженіе паче гордости! перебила она.—Ваша послѣдняя вещь... на выставкѣ... крымскій видъ... Это одинъ восторгъ!

Кондратьевъ взялъ ее рукой за локоть—неловкимъ жестомъ, который ей особенно понравился.

— Вы правду говорите?.. Я вѣдь—вѣрьте слову—уродъ по этой части... Ничего не могу самъ разобрать. Мучусь, мучусь! Одинъ день кажется мнѣ: хорошо, сочно, честная работа, съумѣлъ положить частичку себя... Понимаете?.. А на другой день—отвратъ! Претитъ, съ души воротитъ... На нѣкоторыя части не глядѣлъ бы!.. Краски пожухли!.. У меня это анаѳемски скоро дѣлается. Скипидаръ что ли, или другое что!.. Ну, и терзаюсь, ночей не сплю... Жду, пока Алексѣй Николаевичъ не вышлетъ мнѣ оправдательный приговоръ. А почта-то отъ него недѣлю цѣлую идетъ.

— Какой Алексѣй Николаевичъ? спросила она.

Глаза Кондратьева остановились на ней, изумленные и точно застыдившіеся за нее—какъ она можетъ не знать: кого такъ зовутъ.

Онъ назвалъ фамилію извѣстнаго художника.

— Ахъ, да! поправилась она.

— Вы его не видали въ Питерѣ?.. Мнѣ бы хоть черезъ васъ... Знаете... Живая грамота...

— Я съ нимъ не знакома... Видала часто...

— Какъ же это вы? вырвался у него вопросъ почти жалобной нотой.—Алексѣй Николаевичъ!.. Нешто онъ самъ не подошелъ къ вамъ?..

— Да я еще не выставляла нигдѣ, Василій Ивановичъ...

— И нешто вамъ не разсказали какой онъ человѣкъ? Что за умъ! Какіе взгляды на наше дѣло!

И глаза его, по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ про „Алексѣя Николаевича", загорались и блестѣли лихорадочно и въ голосѣ задрожали ноты глубокой, восторженной дружбы и нѣжнаго поклоненія.

— Здѣсь ваша мастерская? спросилъ Кондратьевъ — онъ былъ уже около ея уголка.—Чудесно выбрали.

— Я только что сѣла, проговорила она, приходя опять въ смущеніе.

— А что, если-бы вамъ сюда сѣсть? Изволите видѣть, какъ у васъ все бы освѣтилось.

Она только ахнула. Чутье и гласъ даровитаго самородка заставили ее зардѣться отъ этой неожиданной находки.

IV.

Онъ прожилъ два дня въ Алупкѣ, ходилъ къ ней „на натуру"—и эти два дня совсѣмъ передѣлали ее, какъ художницу.

— Голубушка, говорилъ онъ ей гдѣ-нибудь въ паркѣ,—дѣло не въ томъ, чтобы каждый листикъ, каждую вѣточку и облачко выписать, да зализать... И въ этихъ новыхъ франтовъ—импрессіонистовъ тамъ что-ли парижскихъ—я тоже не вѣрю, хотя порядкомъ не видалъ ихъ картинъ. Не въ томъ дѣло.

Кондратьевъ сжималъ оригинальнымъ жестомъ рукъ свою впалую грудь и покашливая развивалъ дорогія ему мысли.

— Видите, указывалъ онъ на верхъ горы, на полосу моря или неба, — видите вы эту краску... Она вамъ кажется одноколерной, а я въ ней нѣсколько оттѣнковъ чую... У меня этакой глазъ...

— Не у всѣхъ такое чутье, возражала она.

— Знаю! Но я къ тому говорю, что краски-то не слѣдуетъ такъ въ раздробь давать, чтобы каждая металась въ глаза... хотя это и дѣйствуетъ на публику.

Онъ назвалъ одного извѣстнаго художника.

— Видѣли его послѣднія вещи? Вотъ и здѣшніе его виды также?

— Видѣла.

— Ну, помните, въ третьемъ годѣ картина была... какъ есть цѣлая радуга... А вѣдь въ натурѣ-то такихъ раздѣльныхъ колеровъ нѣтъ... Я ихъ чувствую слитными. Все равно, какъ въ музыкѣ... для настоящаго музыканта... Онъ въ одной нотѣ слышитъ своимъ ухомъ нѣсколько созвучій. Для него одна эта нота—цѣлый аккордъ.

Библиотека "Руниверс"

Когда онъ хотѣлъ что-нибудь выразить въ такомъ родѣ — весь онъ трепеталъ, руки то вздрагивали и сдавливали грудь, то дѣлали первое движеніе по воздуху. Онъ часто переводилъ дыханіе и то и дѣло отиралъ лобъ платкомъ. И его прекрасные синіе глаза чернѣли; въ нихъ, въ зрачкѣ, вспыхивалъ огонекъ.

Его языкъ шелъ ей въ душу. Онъ выражался своеобразно и чрезвычайно ново. Большой умъ, вдумчивое отношеніе къ природѣ и людямъ слышались въ каждомъ словѣ. А образованія былъ онъ малаго, языковъ не зналъ ни одного, нигдѣ, кромѣ своего роднаго города, на сѣверѣ Россіи, да Петербурга, да Крыма—не былъ.

Источникомъ художественнаго свѣта, учителемъ и „духовникомъ"—онъ такъ называлъ—былъ его другъ и руководитель „Алексѣй Николаевичъ". Черезъ каждыя пять минутъ произносилъ онъ его имя и всякій разъ приводилъ его подлинныя слова—изъ долгихъ бесѣдъ въ Петербургѣ или изъ писемъ. Писалъ онъ ему письма по нѣскольку листовъ большаго формата и самъ смѣялся надъ собою—до какой степени онъ, въ этихъ письмахъ, докучалъ другу своему просьбами, вопросами, сомнѣніями, страхами.

Но о личныхъ дѣлахъ Кондратьевъ въ эти два дня, проведенные въ Алупкѣ, почти не говорилъ... Она и сама видѣла, что здоровье его плохо и что денежныя заботы гнетутъ его.

— Треклятое это дѣло—заказы да конкурсы! вырвалась у него фраза съ нотой наболѣвшей горечи. — А хуже всего долги на честное слово, забираніе впередъ.

Всего больше занимался онъ, въ тотъ пріѣздъ, ея развитіемъ, состояніемъ ея техники, старался вдохнуть въ нее свое пониманіе природы, свои идеи о работѣ надъ самимъ собою. Въ немъ кипѣлъ горячій ключъ безраздѣльной любви къ дѣлу всей его жизни. И онъ говорилъ о долгомъ пути совершенствованія, точно хотѣлъ прожить до глубокой старости; а всякому—и не медику—бросалась въ глаза его хворость, если не роковая, смертельная болѣзнь.

Въ этихъ непрерывныхъ бесѣдахъ, въ теченіе двухъ дней, надъ эскизами, подъ открытымъ небомъ—она проходила совершенно новую школу... И ея технику разобралъ онъ по ниточкѣ, но добродушно, съ ласковой шуткой, нисколько не учительствуя.

— Потому, голубушка, вы и привыкли писать все маленькое, что убиваетесь черезчуръ надъ деталями... Пускай господинъ Мессонье себѣ милліоны нажилъ на крошечныхъ человѣчкахъ... То особая статья! Да и то многое-бы я себѣ позволилъ на этотъ счетъ сказать... въ моей продерзости. А мать-природу трактовать такъ нельзя... Холстъ можете взять какой угодно, въ десять вершковъ что-ли, да трактуйте пошире все, что вы занесли на него. Поменьше предметовъ и поцѣльнѣе впечатлѣніе.

Тутъ онъ опять приводилъ поученіе своего Алексѣя Николаевича.

— Французовъ я многихъ не видалъ... даже лучшихъ ихъ вещей... За-границей не былъ. А у насъ, и въ Москвѣ—у богатыхъ купцовъ—есть; да мало. Алексѣй Николаевичъ сколько разъ мнѣ говаривалъ про Милле... Слыхали?

— Знаю, немножко.

— Онъ теперь покойникъ... При жизни долго его не могли раскусить... А какъ собрали всѣ его вещи въ посмертной выставкѣ... было это никакъ по веснѣ, въ третьемъ годѣ—вся его натура-то глубокопонимающая, душевная, и встала во-очію. Копію мнѣ довелось видѣть съ знаменитой его картины... Какъ бишь полатыни?..

Она сильно обрадовалась, сообразивъ про какую картину Милле онъ говоритъ.

— Это навѣрно Angelus?.. Я видала хорошія фотографіи...

— Такъ, такъ!.. Къ вечернѣ звонятъ... Мужикъ и баба — французскіе земледѣльцы, въ полѣ захвачены первымъ звукомъ этого благовѣста, работу оставили, головами поникли и про себя молитву читаютъ. И больше ничего... ровное поле.

Такъ выразительно разсказывалъ Кондратьевъ, что картина заиграла у нея въ воображеніи, хотя она видѣла только фотографіи.

— Нужды нѣтъ, что фигуры не важно написаны... Онъ вѣдь считался больше жанристомъ, и безъ людей у него—сказывалъ мнѣ Алексѣй Николаевичъ—нѣтъ значительныхъ картинъ... Но поле, жнитва, деревня—всегда основная нота... И что-же васъ привлекаетъ въ этой картинѣ? Чувство художника, истовое отношеніе къ жизни простыхъ людей, близкихъ къ землѣ-кормилицѣ. Краски у него тусклы, на всемъ дымка какая-то напущена; а вы уходите въ эту даль, въ самую пашню-то уходите душой!.. Вотъ это и есть талантъ, это и есть, когда художникъ становится одно съ тѣмъ, что онъ кидаетъ на холстъ.

Она слыхала такія вещи и въ Петербургѣ, отъ тѣхъ, кто проповѣдывалъ „нутро", но у Кондратьева выходило по другому... Онъ стоялъ за мастерство, для него форма была драгоцѣнна; но только при внутреннемъ единствѣ... Его схватить—значитъ достичь своего, стать личностью въ дѣлѣ искусства. Въ себѣ она еще ничего такого не сознавала. Но она почему-то не огорчилась. Такъ нежданно посланный ей товарищъ и руководитель принесъ съ собою надежду обновиться, бросить зализыванье и выписыванье, садиться только тогда за эскизъ, когда потребность воспроизвести понятый ею мотивъ природы сдѣлается невыносимою.

Они простились друзьями. Дольше онъ не остался... Работа ждала. Онъ торопился кончать картину, давно запроданную въ Москву. Боялся онъ за новые приступы болѣзни. Вечеромъ онъ сидѣлъ въ комнатѣ, и въ Алупкѣ мягкая ночь показалась ему слишкомъ свѣжей, отъ обилія растительности.

— Свѣжестью здѣсь вѣетъ... Хорошо, да не для меня, оглашеннаго.

Замѣтила она, что всей серьезности своей болѣзни онъ не вѣдалъ, какъ большинство легочныхъ больныхъ.

На память оставилъ онъ ей акварельный рисунокъ, сдѣланный на ея глазахъ, необыкновенно скоро, съ чудеснымъ морскимъ закатомъ. Она имъ такъ восхитилась, что попросила позволенія взять этотъ мотивъ для масляной картинки.

— Не дѣлайте этого! Бога ради!.. закричалъ онъ ей, и раздражительность чахоточнаго опять сказалась тутъ.—Боже васъ избави! По чужому наброску никогда: все будете на помочахъ ходить!.. Нешто можете вы совмѣститься съ моей натурой, съ тѣмъ, какъ мнѣ показался тотъ или другой отблескъ природы?.. Не дѣлайте! А то поссоримся.

Скрѣпя сердце, но она обѣщала ему это, проводила его до Мисхора, верхомъ, тамъ показала ему свои любимыя мѣста и дала ему слово навѣстить его въ Ялтѣ.

Глядя на нее, когда она садилась въ сѣдло татарской лошади, Кондратьевъ тряхнулъ головой и воскликнулъ:

— Вонъ вы верхомъ!.. Не то что я—мнѣ и на лежачихъ рессорахъ, по гладкому шоссе, и то всю грудь разобьетъ!..

И въ печальныхъ глазахъ промелькнула зависть молодаго существа, обреченнаго на вѣчную хворь.

V.

Стало ее тянуть въ Ялту. Но она хотѣла сначала что-нибудь набросать по-новому, сдѣлать хорошенькій эскизъ съ тѣхъ пунктовъ, гдѣ они вмѣстѣ работали, только не по его указаніямъ, а самобытно, чтобы видно ему было, что она сама нашла „моментъ", схва-

Библиотека "Руниверс"

Выставка Императ. Академіи Художествъ. „Веселая пѣсня".
Карт. Фрейвиртъ-Люцова (право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ"), грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

тила быстро и вѣрно скрасившій все лучъ солнца или хорошо подмѣтила краску.

Надъ такимъ этюдцемъ она проработала съ недѣлю и каждый разъ, какъ бралась за кисть, настраивала себя „по-кондратьевски"—гнала отъ себя вредную заботу выписывать разныя мелочи, копѣть надъ подбираніемъ красокъ, гоняться за крошечными бликами.

И она точно будто начинала видѣть какъ Василій Ивановичъ—въ одной краскѣ различала оттѣнки, но передавала это однимъ, а не нѣсколькими тонами, искала преобладающаго тона и часто находила его.

Эскизъ взятъ былъ изъ той „засады", гдѣ онъ захватилъ ее, когда окликнулъ: „Ау, Катерина Петровна!"

Этотъ уголокъ Нижняго парка становился ей дорогимъ, милымъ; туда она ходила и вечеромъ, когда темнота скоро-скоро ложилась на прибрежье, какъ только солнце уходило за горы—точно какая пелена спускалась на Алупку и ея паркъ.

Со спутницей своей, курсисткой, она не успѣла хорошенько познакомить Кондратьева; да онъ и дичился ея немножко. Нѣмка жила у родныхъ въ Семензѣ, но по отъѣздѣ Кондратьева, она такъ часто стала о немъ говорить, что та начала надъ ней подтрунивать:

— Этотъ блондинчикъ таки захлестнулъ васъ, Катерина Петровна.

Онѣ чуть не поссорились изъ-за слова „блондинчикъ", которое она находила глупымъ.

Эскизъ былъ конченъ; безъ зализыванья. Она уложила его старательно; ящикъ съ красками и кистями не взяла—думала пробыть всего одинъ день, вернуться попозднѣе.

Но вышло по-другому.

Не одинъ, а цѣлыхъ пять пробыла, а потомъ и совсѣмъ перебралась, даже за нѣсколько дней квартиры, у татарина, потеряла и помѣстилась въ Ялтѣ, неудобно, дорого, въ грязномъ кварталѣ, около базара.

Василія Ивановича застала она на кровати, одѣтаго, но слабаго, еле говорящаго, съ одышкой и лихорадочными припадками. Онъ такъ похудѣлъ и потемнѣлъ въ лицѣ, что она вслухъ ахнула, вглядѣвшись въ него.

Ее ввела къ нему старушка-мать—полная, рыхлая, одѣтая по-вдовьи, съ тономъ и языкомъ женщины простаго званія, умной и бывалой.

— Пожалуйте! сказала она ей привѣтливо. — Вася васъ полюбилъ... Скучаетъ. Работать не можетъ... Простудился... Съѣздилъ къ вамъ — ничего... и работать принялся какъ; а третьяго дня роса была сильная... засидѣлся на воздухѣ... Лихорадка мучитъ... ночи напролетъ кашляетъ.

Онъ ей очень обрадовался, даже порывался вскочить съ кровати... Сейчасъ же возбужденно заговорилъ онъ про то, какъ его мучитъ разстояніе, почта идетъ по-черепашьи, а онъ ждетъ не дождется „отповѣди" отъ Алексѣя Николаевича... Терзаетъ его сомнѣніе насчетъ той картины, которая у него стоитъ недописанною и назначается на конкурсъ; отъ успѣха этого конкурса зависитъ всѣ его соображенія.

Тутъ онъ сразу, безъ всякой утайки, ввелъ ее во всѣ свои „треклятыя" — его любимое слово — нужды и заботы. Долгъ его возросъ до тысячи слишкомъ рублей— и все самый нетерпящій: за квартиру, доктору, въ аптеку, въ лавки, булочнику, по мелочамъ у знакомыхъ... Если конкурсъ не дастъ того, что приноситъ съ собой премію, онъ совсѣмъ погибъ! Силъ работать нѣтъ, на ногахъ не можетъ держаться, голова горитъ, грудь давитъ немилосердно, воздуху не хватаетъ дышать, особенно въ знойные часы дня.

А жить надо. Съ нимъ, кромѣ матери, еще тетка, тоже хворая, вдова, и сестренка—дѣвочка лѣтъ четырнадцати, такая же узкогрудая какъ и онъ, ходитъ въ мѣстную школу и беретъ уроки языковъ.

Разумѣется, зашла рѣчь о докторѣ: что онъ говоритъ.

— Не спрашивайте вы меня! крикнулъ онъ съ гнѣвной горечью изстрадавшагося молодаго существа, обреченнаго на безполезное и вѣчное лѣченіе. — Вонъ видите—цѣлая батарея стоитъ... И микстуры, и пластыри, и порошки: бѣлые, красные... какихъ только нѣтъ! Точно безъ нихъ нельзя умереть!

Онъ поправилъ себя и продолжалъ менѣе раздраженно:

— Въ моего эскулапа я вѣрю... Онъ лучше остальныхъ. Тѣ ужь совсѣмъ коновалы. Надежда вѣдь у меня была, вотъ передъ посѣщеніемъ вашего алупкинскаго эдема, махнуть съ Алексѣемъ Николаевичемъ къ хохламъ, подъ Полтаву, тамъ вмѣстѣ провести все лѣто и осень, работать вмѣстѣ—понимаете это высокое блаженство?.. Въ одной мастерской! А докторъ мнѣ вчера и выпалилъ: „не только, молъ, въ этомъ году нечего мечтать о поѣздкѣ въ Россію — это такъ здѣсь называютъ все что не Крымъ—а и за будущую весну я не отвѣчаю".

Онъ не далекъ былъ отъ слезъ. И ей стало его жаль такъ, что она первая схватила его руку и попросила позволенія остаться, читать ему, бесѣдовать объ искусствѣ, пока онъ поправится.

— Вонъ вы какая добрая! На рѣдкость!

На ея замѣчаніе, почему онъ не переѣдетъ въ Алупку, или въ Семензъ, въ Мисхоръ, въ Кореизъ — мало-ли куда, вездѣ лучше, чѣмъ въ Ялтѣ, — онъ уже шепотомъ сказалъ ей:

— Застряли мы! Не выпуститъ хозяинъ. Долженъ больше пятисотъ рублей... Да теперь и въ вашихъ мѣстахъ къ квартирамъ-то приступу нѣтъ. А намъ надо четыре комнаты: мнѣ спальня, мастерская, да имъ—мамѣ, тетѣ, сестрѣ—хоть двѣ комнаты. Гдѣ!..

И жестъ его прозрачной руки, съ пылающей ладонью, договорилъ остальное.

При ней же пришелъ и докторъ. Онъ ей понравился. Пока докторъ сидѣлъ у больнаго, она вышла къ матери. Старушка, глотая слезы, начала жаловаться на то, что Вася самъ себя губитъ: то бережется, до ужасной мнительности, то неостороженъ какъ неразумное дитя. Но больше всего губитъ онъ себя писаніемъ писемъ... Каждый день до двухъ часовъ ночи все строчитъ, все строчитъ,—стопы по двѣ бумаги почтовой изводитъ въ мѣсяцъ. И не къ одному другу своему Алексѣю Николаевичу, а въ разныя мѣста... Грудью все припадаетъ къ самому столу, изогнется въ три погибели, весь горитъ какъ въ огнѣ, потомъ бѣгаетъ по комнатамъ какъ сумасшедшій и вслухъ шевчетъ.

— Такъ плохъ, такъ плохъ!.. выговорила старушка, и не выдержала—расплакалась.

Но мать не знала настоящей правды и боялась допрашивать о ней доктора.

Эту настоящую правду узнала она тотчасъ же... Съ докторомъ она вышла на набережную, подъ предлогомъ, что ей нужно зайти по порученію знакомой въ лавку, и прямо поставила ему вопросъ:

— Очень плохъ Василій Ивановичъ?

— Очень.

— Долго-ли протянетъ?

— При его натурѣ... даже и на Мадерѣ больше какъ за три-четыре года не отвѣчаю. Горло еще ничего; но одно легкое никуда не годится!.. Жаль бѣдняга!.. Даровитый такой!.. И у семьи одинъ кормилецъ.

Отъ словъ доктора она захолодѣла. И даже удивилась, до какой степени судьба Кондратьева сдѣлалась близка ей. Не могла она сейчасъ же вернуться къ нему, чтобы не выдать себя, не заплакать. Она купила корзинку фруктовъ и принесла ее въ подарокъ своимъ новымъ знакомымъ.

Василія Ивановича она нашла успокоеннаго визитомъ доктора. И онъ сейчасъ же началъ изливаться ей на-

Библиотека "Руниверс"

счетъ своихъ „ехидныхъ“ сомнѣній: есть-ли въ его картинѣ что-нибудь порядочное.

— Подите, голубушка, поглядите... Правый уголъ весь готовъ... И скажите мнѣ правду... Лѣвый еще можно и такъ, и этакъ передѣлать.

Мастерскою служило зальце, полное свѣта, но очень душное, хотя окна и стояли настежь отворенными.

Съ замираніемъ сердца подходила она къ мольберту— а вдругъ картина не хороша? Солгать она не съумѣетъ; да такого чуткаго человѣка и не проведешь.

— Ахъ, какая прелесть!

Ея возгласъ дошелъ и до него. И она не лгала — въ картинѣ готовыя мѣста захватили ее тѣмъ радостнымъ чувствомъ, какое она испытывала сама въ лучшія минуты любованія крымской природой.

— Чудесно! Чудесно! кричала она еще въ дверяхъ его спальни.

Онъ ей повѣрилъ. Какъ ребенокъ, сталъ хлопать въ ладоши и потребовалъ, чтобы она показала ему свой этюдъ... Не сразу она рѣшилась.

— Вотъ вамъ крестъ, задыхаясь говорилъ онъ ей, — не за то буду хвалить, что вы меня одобрили... Въ вашемъ эскизѣ я уже вижу то, что должно было придти... Душой стали писать, а не одними глазами!

Но она хотѣла воспользоваться подъемомъ его настроенія и вызналась писать ему письма подъ диктовку, хоть дѣловыя.

— Алексѣю Николаевичу не могу диктовать... А за остальныя... спасибо! Очень ужь вы добры!..

Съ порывомъ дѣтской нѣжности обнялъ онъ ее — она сидѣла у кровати—и поцѣловалъ въ плечо.

— Вы — моя сестричка! прошепталъ онъ и тихо заплакалъ.

(Окончаніе въ слѣдующ. №).

Отрывокъ женскаго письма, найденный въ улицѣ Notre Dame des Champs.

Альфонса Додэ.

Переводъ съ французскаго **А. Новицкой.**

...Чего стоитъ быть женою артиста. Ахъ, милочка, если-бъ я знала!.. но у молодыхъ дѣвушекъ обо всемъ такія странныя понятія! Вообрази, когда мнѣ случалось прочитывать въ каталогѣ эти отдаленные адресы въ тихихъ улицахъ на окраинахъ Парижа, я всегда представляла себѣ спокойную домашнюю жизнь, посвященную искусству и семьѣ, и, заранѣе чувствуя, какъ я буду ревнива, я говорила себѣ: „вотъ какого мужа я желала-бы имѣть! Онъ былъ-бы всегда со мною, цѣлые дни мы проводили-бы вмѣстѣ, онъ за своей картиной или статуей, я—возлѣ него съ книгою или шитьемъ въ тиши мастерской“. О, невинная бѣдняжка! Я тогда не имѣла понятія о томъ, что такое мастерская и что за народъ тамъ можно встрѣтить! Никогда, при взглядѣ на статуи этихъ безстыдно-декольтированныхъ богинь, мнѣ не приходила въ голову мысль, что можетъ найтись настолько смѣлая женщина, чтобы... Иначе, прошу тебя вѣрить, я ни за что не вышла-бы за скульптора! О, нѣтъ, ни за что! Надо сказать, что дома всѣ были противъ этого брака, несмотря на богатство моего мужа, на его уже прославленное имя и на великолѣпный отель, который онъ построилъ для васъ. Я одна этого хотѣла; онъ былъ такъ изященъ, такъ красивъ, такъ полонъ вниманія. Впрочемъ, иногда я находила, что онъ черезчуръ вмѣшивается въ мои костюмы и прически: „Приподнимите-же ваши волосы повыше, вотъ такъ...“ и онъ вкалывалъ въ мои локоны какой-нибудь цвѣтокъ такъ искусно, какъ не сдѣлать самой лучшей модисткѣ. Признаюсь, такая опытность въ мужчинѣ подозрительна, не правда-ли? Надо было предполагать... Впрочемъ, ты сама увидишь; слушай.

Мы вернулись послѣ нашего свадебнаго путешествія. Пока я устраивалась въ своемъ прелестномъ, такъ мило убранномъ отелѣ, въ этомъ восхитительномъ раю, который тебѣ знакомъ, мой мужъ тотчасъ по пріѣздѣ принялся за работу, и цѣлые дни проводилъ въ мастерской, внѣ дома. Вечеромъ, возвращаясь, онъ съ жаромъ разсказывалъ мнѣ о статуѣ, которую готовилъ для будущей выставки; сюжетъ ея былъ „римлянка выходящая изъ ванны“. Онъ стремился передать въ мраморѣ легкій трепетъ кожи въ соприкосновеніи съ воздухомъ, влажность тонкой ткани наброшенной на плечи и разныя другія прелестныя вещи, которыхъ я не помню. Говоря откровенно, не могу сказать, чтобы я все помнила, когда онъ начинаетъ толковать о скульптурѣ; тѣмъ не менѣе я на вѣру говорила ему: „Это конечно будетъ прекрасно!“ и я уже воображала себя на дорожкѣ, усыпанной мелкимъ пескомъ, съ восхищеніемъ созерцающею произведеніе моего мужа — прекрасный бѣлый мраморъ, рѣзко выступающій на темно-зеленой драпировкѣ, а вокругъ меня раздается шепотъ: „жена автора!“

Наконецъ въ одинъ прекрасный день, любопытствуя знать, какъ далеко подвинулась наша римлянка, я вздумала явиться неожиданно въ его мастерскую, въ которой до сихъ поръ еще не была. Это былъ мой первый выходъ изъ дому безъ мужа, и я таки постаралась принарядиться!

Маленькая дверь нижняго этажа, выходящая въ садъ, была настежь отворена, я вхожу, иду прямо и... вообрази мое негодованіе!.. вижу, мой мужъ въ бѣлой блузѣ, точно каменьщикъ, растрепанный, руки выпачканы глиной, и передъ нимъ женщина,—высокая женщина, стоитъ на подмосткахъ почти безъ одежды и такъ спокойно въ этомъ нарядѣ, какъ будто это совершенно въ порядкѣ вещей. Разорванныя, грязныя лохмотья, пара грязныхъ башмаковъ и круглая шляпка съ распустившимся перомъ брошены возлѣ нея на стулѣ. Все это я успѣла разглядѣть въ одну секунду, такъ какъ ты понимаешь, что я опрометью бросилась бѣжать.

Этьенъ хотѣлъ что-то сказать, старался удержать меня; но я съ ужасомъ отшатнулась отъ его грязныхъ рукъ и полетѣла къ мамѣ. Ты можешь себѣ представить мое появленіе! „Ахъ, Боже мой, что съ тобою, дитя мое?“ Я разсказала maman, что я только что видѣла, про эту ужасную женщину, про ея костюмъ; и я плакала, плакала... Мама, страшно разстроенная, старается меня успокоить и объяснять, что это вѣрно была натурщица.

„Какъ? но это ужасно! Почему-же мнѣ не говорили объ этомъ до свадьбы?“ Тутъ внѣ себя вбѣгаетъ Этьенъ и въ свою очередь старается заставить меня понять, что натурщица не то, что всякая другая женщина, и что къ тому-же скульпторъ никакъ не можетъ обойтись безъ модели.

Но его увѣренія мало дѣйствуютъ на меня, и я заявляю, что не желаю имѣть мужемъ человѣка, который проводитъ цѣлые дни глазъ-на-глазъ съ особами такого сорта. „Послушайте, другъ мой“, говоритъ ему бѣдная мама, которая старается все уладить къ общему удовольствію, „не можете-ли вы, изъ снисхожденія къ вашей женѣ, замѣнить эту модель картонкой?“ Мой мужъ яростно кусаетъ усы. „Это невозможно, милая матушка!“—„Однако, другъ мой, мнѣ кажется... Вѣдь у модистокъ есть-же головки изъ картона, которыя служатъ для отдѣлки шляпъ; я думаю, что если можно сдѣлать голову, то можно и...“

Очевидно это рѣшительно невозможно. По крайней мѣрѣ Этьенъ старается доказать намъ это очень убѣдительно, входя во всевозможныя подробности и пересыпая свои объясненія разными техническими словами. У него былъ такой несчастный видъ! Вытирая слезы, я искоса взглядываю на него и вижу, что мое горе его страшно огорчаетъ. Наконецъ, послѣ безконечныхъ разсужденій, рѣшили, что такъ какъ модель необходима, то каждый разъ, какъ она будетъ приходить, я тоже буду тамъ; рядомъ съ мастерской какъ разъ была маленькая комнатка, изъ которой я очень удобно могла наблюдать, не будучи видима. Ты скажешь, что стыдно ревновать къ такой твари и въ особенности выказывать свою ревность; но, душка, надо испытать эти треволненія, чтобы о нихъ говорить.

Модель должна была явиться на слѣдующее утро. Я вооружаюсь всей своею храбростью и располагаюсь въ своемъ уголкѣ съ непремѣннымъ условіемъ, что при первомъ моемъ стукѣ въ стѣну мужъ сейчасъ же прибѣжитъ ко мнѣ.

Лишь только я усѣлась, какъ является эта отвратительная модель, такая растерзанная и жалкая, что я съ удивленіемъ спрашиваю себя, какъ могла я ревновать къ женщинѣ, которая ходитъ по улицѣ безъ манжетокъ и въ гадкой, старой зеленой шали съ болтающимися лохмотьями. Ну, душа моя, когда я увидала, что это созданіе сбросило свою шаль и платье посреди мастерской такъ спокойно и съ такимъ безстыдствомъ,— это произвело на меня такое дѣйствіе, что я не могу выразить! Меня душила злоба!.. Стучу въ стѣну... Этьенъ приходитъ. Я страшно блѣдна и вся дрожу. Онъ смѣется надо мной, тихонько меня успокаиваетъ и возвращается къ своему дѣлу.

Теперь женщина стоитъ полуобнаженная, откинувъ за спину свои распущенные, тяжелые, блестящіе волосы. Это уже не то жалкое созданіе, которое я видѣла нѣсколько минутъ тому назадъ, это почти статуя, несмотря на ея усталую и вульгарную физіономію. Мое сердце сжалось, но я пересилила себя и ничего не сказала. Вдругъ слышу громкій голосъ мужа: „Лѣвую ногу... подвиньте лѣвую ногу!“ И, такъ какъ модель не понимаетъ, онъ приближается къ ней и... Ахъ, тутъ я не выдержала и постучала. Онъ не слышитъ. Стучу еще разъ, стучу изо всѣхъ силъ... На этотъ разъ онъ прибѣгаетъ съ нахмуренными бровями, весь охваченный горячкою работы.

„Милая Армада, будь же разсудительна!“ Но я не могу

Библиотека "Руниверс"

Залъ рулетки въ Монте-Карло. (Rien ne va plus). Рис. Беро, грав. Бодъ.

Библиотека "Руниверс"

быть разсудительной: вся въ слезахъ я склоняюсь къ его плечу и повторяю: „О, другъ мой, я не могу этого перенесть, не могу, не могу...“ Не отвѣчая мнѣ, онъ быстро вышелъ въ мастерскую, сдѣлалъ знакъ этой ужасной женщинѣ, она одѣлась и вышла.

Нѣсколько дней Этьеннъ не ходилъ въ мастерскую. Все время онъ оставался со мною, совсѣмъ не выходилъ изъ дому, даже не хотѣлъ видѣться со своими друзьями; онъ былъ безконечно добръ и ласковъ ко мнѣ, но у него былъ такой печальный видъ! Однажды я очень робко спросила его: „Милый, ты не работаешь больше?“ на что получила въ отвѣтъ: „Нельзя работать безъ модели“. У меня не хватило храбрости настаивать, такъ какъ я чувствовала свою вину и сознавала, что онъ имѣетъ основаніе на меня сердиться. Впрочемъ, вскорѣ лаской и нѣжностями я добилась того, что онъ обѣщалъ возвратиться въ мастерскую и постараться кончить статую, но... какъ это они говорятъ?—по памяти; словомъ, по мамину способу. Что до меня, то я нахожу это вполнѣ возможнымъ; но онъ, бѣдняга, страдалъ ужасно! Каждый вечеръ онъ приходилъ домой разстроенный, обезкураженный, почти больной. Я часто навѣщала его въ мастерской и, чтобы немного ободрить его, говорила всегда: „восхитительно“; на дѣлѣ же, надо признаться, статуя подвигалась мало, я даже не увѣрена, что онъ надъ ней работалъ; входя я всегда находила его лежащимъ на диванѣ съ трубкой въ зубахъ, или катающимъ изъ глины шарики, которые онъ неистово посылалъ въ противоположную стѣну.

Однажды послѣ обѣда, когда я была въ мастерской и глядѣла на эту несчастную, едва начатую римскую даму, которая такъ долго не могла выбраться изъ ванны, у меня вдругъ блеснула сумасбродная мысль. Римлянка почти одного со мною роста... Можно въ крайности...

„Что называется вообще красивою ногой?“ вдругъ спросила я мужа. Онъ началъ объяснять мнѣ это очень пространно, указывая при этомъ чего еще не хватало въ его статуѣ и чего онъ не могъ достигнуть безъ модели... Бѣдняжка, съ какимъ унылымъ видомъ говорилъ онъ это!.. Знаешь ты, что я сдѣлала? Ну, что-жь, тѣмъ хуже... Я храбро подобрала драпировку, которая валялась въ углу, отправилась въ свою комнатку, и потомъ, пока онъ все еще разсматривалъ свою статую, я тихонько, не говоря ни слова, пришла и стала противъ него на эстрадѣ, въ томъ же самомъ костюмѣ и въ той самой позѣ, какъ та ужасная модель.

Ахъ, милочка, что я чувствовала, когда онъ поднялъ голову! Мнѣ хотѣлось смѣяться и плакать... Я была сконфужена и красна... И потомъ эта проклятая кисея, которую надо было поправлять со всѣхъ сторонъ!.. Все равно... Этьеннъ былъ такъ счастливъ, такъ сіялъ, что я скоро успокоилась. Вообрази себѣ, онъ находитъ...

Метеориты въ историческихъ памятникахъ.

Въ настоящей замѣткѣ имѣется въ виду познакомить читателей съ нѣсколькими памятниками поклоненія упавшимъ съ неба камнямъ, или метеоритамъ.

Хотя паденіе метеоритовъ на землю современно образованію земли, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшихъ ея періодахъ, какъ показываютъ нѣсколько геологическихъ находокъ, однако кромѣ лѣтописей китайскихъ (начиная съ 1800 года до Р. Х.), древнегреческихъ (за 1500 л. до Р. Х.) и древнеримскихъ (за 700 л. до Р. Х.), свидѣтельствующихъ о паденіи камней и желѣза, сохранилось весьма не много вещественныхъ памятниковъ этихъ замѣчательныхъ тѣлъ, служившихъ предметомъ религіознаго культа у всѣхъ народовъ.

Къ числу такихъ вещественныхъ памятниковъ относятся: изображенія метеоритовъ на монетахъ и находки самыхъ камней на древнихъ жертвенникахъ и въ храмахъ.

Изъ изображеній на древнихъ монетахъ чаще другихъ, по сообщенію въ Вѣнскомъ Нумизматическомъ Обществѣ д-ра Брезины, который сообщилъ мнѣ рисунки монетъ, чаще другихъ встрѣчаются слѣдующіе:

Фиг. 1.

Фиг. 1. Остроконечный камень, посвященный Паосской Венерѣ на о-вѣ Кипрѣ, изображенъ въ храмѣ о двухъ колоннахъ съ перистилемъ, подъ которымъ находится полукруглый бассейнъ съ рыбою, мечущею икру (эмблема плодородія). Такое изображеніе находится на монетахъ Августа, Каракаллы, Домиціана, Друза младшаго, Гальбы, Септимія Севера, Тита, Траяна, Веспасіана и др.

Фиг. 2.

Фиг. 2 и 3, тоже коническій камень, упавшій въ Эмизѣ, въ Сиріи, въ VI столѣтіи по Р. Х., изпѣстный подъ именемъ Геліогабала, бывшаго сначала жрецомъ въ храмѣ, перевезенъ въ Римъ императоромъ Геліогабаломъ; онъ изображался различно: то со звѣздой, то съ орломъ, держащимъ вѣнокъ (Антонинъ Пій, фиг. 2), то камень, украшенный звѣздами, впереди орла (Геліогабалъ), то коническій камень, на которомъ находится орелъ, на четырехугольномъ пьедесталѣ (квадригѣ), съ четырьмя зонтиками (фиг. 3 во многихъ: тиненіяхъ Геліогабала; при Ураніи Антонинѣ съ двумя зонтиками), то орелъ непосредственно на квадригѣ, камень не виденъ; то коническій камень въ храмѣ о 6 колоннахъ (Каракалла, Сульпиціи Антонинъ), то такое же изображеніе со стоящимъ подлѣ орломъ (Каракалла), то коническій камень съ драпировкою и по одному зонтику съ каждой стороны, съ особыми изображеніями подъ нимъ (Уранія Антонинъ).

Фиг. 3.

Фиг. 4.

Фиг. 4. Изображеніе Діаны Пергейской въ видѣ большаго камня, въ формѣ пчелинаго улья, въ храмѣ о двухъ колоннахъ, находится на монетахъ Памфилійской Перги временъ Каракаллы, Мамеи, Филиппа I, Септимія Севера, Траяна и автономныхъ монетахъ.

Фиг. 5. Въ Селевкіи Пиэрійской (въ Оессаліи) подъ именемъ *Zeus Kasios* чтили коническій камень, который имѣлъ у вершины сквозное отверстіе, какъ это очевидно изъ того, что онъ такъ представленъ на всѣхъ монетахъ, его изображающихъ: онъ помѣщается въ храмѣ о четырехъ колоннахъ (Александръ Северъ, Антонинъ Пій, Каракалла, Септимій Северъ, Траянъ и автономныя монеты).

Фиг. 5.

Фиг. 6 и 7. Изображенія на монетахъ Тира (Финикія) представляютъ два главные, различно видоизмѣняемые типа: чаще всего изображается большое дерево между двумя большими уліевидными (такъ-называемыми амброзіевыми) камнями, подъ ними внизу собака или волкъ съ раковиною багрянки (Геліогабалъ, Галліенъ, Гордіанъ Пій, Меза, Мамея, Валеріанъ Патеръ), фиг. 6, или также подлѣ собаки и багрянки жертвенникъ (Галліенъ, Валеріанъ Патеръ), или стоящая женщина съ тельцомъ у ногъ ея и въ полѣ дерево между двумя амброзіевыми камнями (Галліенъ); наконецъ, по сторонамъ колонны изображены два амброзіевы камня и надъ каждымъ изъ нихъ по одному, неправильной формы, камню—все помѣщается на эстрадѣ со ступенями между двумя лавровыми вѣтвями (Валеріанъ Патеръ, Галліенъ). Второй, болѣе рѣдкій однако типъ, изображаетъ только одинъ яйцевидный камень, такъ-называемое орфійское яйцо, обвитое змѣею (фиг. 7); въ полѣ пальма и багрянка (Геліогабалъ, Галліенъ, Меза). Третіе изображеніе, не вполнѣ, однако же, достовѣрное, имѣется ли тамъ камень, представляетъ изображеніе Астарты въ закрытой колесницѣ (Меза).

Фиг. 6.

Фиг. 7.

Кромѣ этихъ, весьма распространенныхъ монетъ съ изображеніями камней, которые составляли какъ видно предметъ весьма распространеннаго религіознаго поклоненія, извѣстно еще много отдѣльныхъ подобныхъ же изображеній; такъ монеты Адры, въ Каменистой Аравіи (камень неправильной формы въ храмѣ), Бизіи Ѳракійской (коническій камень, обвитый змѣею на монетѣ Филиппа младшаго), Халкиды Эвбейской (коническій камень въ храмѣ съ двумя колоннами), Лаодицеи Сирійской (камень въ храмѣ Діаны), въ Магнезіи, въ Пергамѣ и многихъ другихъ. Сюда же вѣроятно принадлежатъ и монеты Филадельфіи Декаполіи, фиг. 8, закрытое четырехугольное основаніе,—квадрига,—на монетахъ Коммода и Марка Аврелія, также Спинады — ульеобразный камень (или гора?) на автономахъ, фиг. 9, наконецъ Уранополиса Халкидійскаго,—коническій или пирамидальный камень на головѣ Афродиты Уранія.

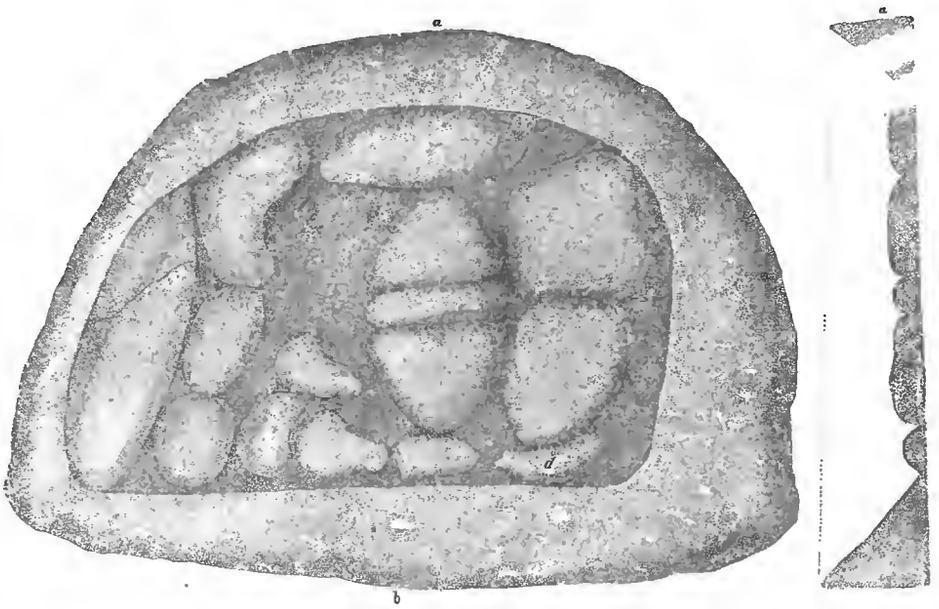
Фиг. 8.

Фиг. 9.

Кромѣ этихъ монетъ, чаще всего встрѣчающихся, во всякой значительной нумизматической коллекціи, попадаются еще многія. Такая распространенность монетъ съ подобными изобра-

Библиотека "Руниверс"

жеціями показываетъ, во всякомъ случаѣ, что поклоненіе метеоритамъ не составляло культъ, принадлежавшій какимъ либо отдѣльнымъ кастамъ, а было всеобщимъ, господствующимъ и государственнымъ. Это объясняется міровоззрѣніемъ древнихъ малоазійскихъ, греческихъ и римскихъ народовъ; звѣзды они почитали высшими божествами, или, по крайней мѣрѣ, жилищами верховныхъ духовъ, а паденіе на землю метеоритовъ, сопровождаемое тѣми же явленіями, какъ и видимое паденіе звѣздъ, почиталось сошествіемъ божества на землю, или по крайней мѣрѣ посланцами на землю для распространенія благоденствія между людьми. Древнѣйшій изъ этихъ боготворимыхъ камней, не сохранившійся ни въ изображеніяхъ, ни въ натурѣ, о которомъ въ исторіи имѣются достовѣрныя свѣдѣнія, есть камень, упавшій на островѣ Критѣ (Кандія) на гору Цибелы, который считался эмблемою богини того же имени, Цибелы—матери боговъ, дочери неба и земли. Жрецы этой богини въ храмѣ на горѣ Идѣ, употребляли его при своихъ религіозныхъ обрядахъ; такъ, Пиѳагоръ, прежде посвященія въ таинства жрецовъ, долженъ былъ подвергнуться очищенію при посредствѣ этого камня, упавшаго во время правленія Эрихтонія въ Аѳинахъ, т. е. около 1478 г. до Р. Х.; съ этого времени до VI столѣтія по Р. Х., слѣдовательно въ теченіе 2000 лѣтъ, поклоненіе метеоритамъ составляло господствующій религіозный культъ у разныхъ, помянутыхъ выше, народовъ. Различные аксессуары на монетахъ указываютъ или на небесное происхожденіе камней (звѣзды) или на плодородіе (пчелиный улей, рыба мечущая икру), или суть знаки императорской власти (орелъ, орелъ съ лавровымъ вѣнкомъ, пурпурная раковина, зонтики и т. п.). Какъ дорожили древніе этими дарами небесъ—доказываетъ между прочимъ слѣдующее, разсказанное Плутархомъ: около 705 или 704 года до Р. Х., въ восьмой годъ правленія Нумы Помпилія, упала близъ Рима желѣзная масса щитовидной формы, плоская, съ обѣихъ сторонъ неровная, различно выемчатая; она была жрецами признана какъ щитъ, посланный небомъ для защиты Рима. Передавая ее на сохраненіе салійскимъ жрецамъ, Нума Помпилій для охраны щита отъ похищенія врагами, заказалъ Ветерію Маммурію сдѣлать одиннадцать копій съ него, чтобы никто не могъ отличить подлиннаго метеорита и похищеніемъ его лишить Римъ этого божественнаго щита.



Фиг. 10. Небесный камень въ стѣнѣ Каабы въ Меккѣ; *a*, *b* серебряная оправа; рядомъ профиль его же для показанія углубленій и неровностей происшедшихъ отъ приосновенія губъ въ теченіе 12 вѣковъ. Все въ $^1/_2$ натур. величины.

Совершенно такую щитообразную форму (поверхность 9×8 вершковъ при толщинѣ въ 2 вершка) имѣетъ желѣзная масса выпавшая 15 (27) марта 1886 г. въ Кабинъ-Крикѣ (Арканзасъ), снизу плоская, сверху нѣсколько выпуклая.

Замѣчательно, что камнямъ поклонялись не только въ Малой Азіи, Греціи и Римѣ, но и въ совершенно географически отъединенной Сѣв. Америкѣ. Въ 70 годахъ нынѣшняго столѣтія, въ штатѣ Огейо (Ohio), въ долинѣ Литль-Міами, на группѣ горъ Турнеръ, близъ Андерсона, найдены на жертвенникахъ доисторическихъ алтарей неправильной формы метеориты чрезвычайно похожіе на наше Палласово желѣзо, найденное въ 1749 году близъ Красноярска; это желѣзная крупно-поздреватая губчатая масса, пустоты или ноздрины которой заполнены стекловатымъ желтымъ минераломъ, извѣстнымъ подъ именемъ оливина. Можно, кажется, съ достовѣрностію предположить, что при археологическихъ изслѣдованіяхъ доисторическихъ могилъ и построекъ подобные же камни найдутся и въ Россіи, когда будетъ обращено болѣе вниманія на матеріалъ, изъ котораго состоятъ жертвенники, долмены и т. п. Конечно, опредѣленіе времени паденія и культа здѣсь не возможно, по недостатку хронологическихъ данныхъ о первоначальномъ заселеніи Америки. Точнѣе опредѣляется время камня, сохранившагося и служащаго до сихъ поръ предметомъ поклоненія всѣхъ магометанъ. Этотъ Небесный Камень (Гаджера-Эль-Ассуадъ) вдѣланъ въ восточный уголъ стѣны храма Каабы, въ Меккѣ, на высотѣ $1^1/_2$ аршинъ отъ земли; по древнимъ преданіямъ магометанъ онъ упалъ близъ Мекки на гору Джебель-Куби или Абукуби и былъ принесенъ Архангеломъ Гавріиломъ Аврааму, при постройкѣ храма.

Преданіе говоритъ, что онъ былъ сначала прозраченъ какъ гіацинтъ, и только впослѣдствіи, отъ прикосновенія нечистой женщины сдѣлался темнымъ и непрозрачнымъ. По описанію очевидцевъ онъ теперь по черному, какъ уголь, фону, имѣетъ крапины красноватаго цвѣта (отъ окисленнаго желѣза) и только одна часть его, означенная на рисункѣ буквою d, имѣетъ сплошной красноватый оттѣнокъ (вѣроятно это включеніе сѣрнистаго желѣза — какія не рѣдки въ метеоритахъ). Рис. 10 изображаетъ часть видимую поклонникамъ въ $^1/_2$ настоящей величины. Онъ весь оправленъ въ серебряную оболочку шириною въ одинъ футъ. Обнаженная часть камня (въ натурѣ $8^1/_2$×6 дюймовъ) въ теченіе 12 столѣтій отъ прикосновенія губъ поклонниковъ (семь разъ повторяемаго каждымъ поклонникомъ для очищенія) сполировалась и стерлась на толщину болѣе 12 линій; такъ что поверхность камня теперь представляетъ нѣсколько значительныхъ возвышеній и углубленій, какъ это видно и на профили его; только на краяхъ около оправы (a—b) онъ менѣе стертъ. Кромѣ этого камня въ Меккѣ хранится въ ящикѣ еще другой камень, который впрочемъ считается менѣе священнымъ, хотя вѣроятно онъ составляетъ осколокъ отъ перваго. По свидѣтельству нѣкоторыхъ авторовъ, первоначальный камень Магомета былъ въ 317 или 320 году Геждры увезенъ вождемъ Карматовъ (секта магометанъ не слѣдующая предписаніямъ Корана во всемъ, что касается пищи, питья и др.) и только около 339 г. того же лѣтосчисленія былъ возвращенъ въ Мекку за 150,000 денаровъ (почти червонцы), но уже разбитый на-двое и скрѣпленный 11 серебряными полосами, изъ которыхъ только одна видна поклонникамъ и изображена на рисункѣ—остальное вдѣлано въ стѣну.

Впрочемъ, слѣды если не боготворенія, то особеннаго почитанія и приписыванія этимъ небеснымъ тѣламъ особыхъ сверхъестественныхъ свойствъ существуютъ и до сихъ поръ у разныхъ народовъ. Между прочимъ у насъ, въ 60 верстахъ отъ Козьмодемьянска, близъ селенія Шудугушъ, до сихъ поръ поклоняются камню (хотя это простой гранитный валунъ), формою похожему на обыкновенное точило, вѣсомъ въ $1^1/_2$ пуда, который хранится въ опрятно содержимой рощицѣ изъ нѣсколькихъ гладко подстриженныхъ деревьевъ. Къ этому камню собираются мѣстные черемисы, хотя и считающіеся православными, приносить свои жертвы, даже лошадей и коровъ, какъ можно заключить изъ грудъ костей этихъ животныхъ, на подобныхъ мольбищахъ.

Осколки отъ выпавшихъ въ послѣдніе годы въ Россіи камней около р. Уреи и въ Оханскѣ тщательно сохраняются крестьянами какъ охраняющіе отъ заговора, сглазу и т. п. Знахарями и народными врачевателями порошокъ оханскаго метеорита дается внутрь какъ цѣлебное средство противу всякихъ болѣзней; наконецъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною еще недавно (20 іюля 1890 г. изъ Землянска, Воронеж. губ.), крестьянинъ, во дворъ котораго упалъ метеоритъ, въ маѣ истекшаго года, тщательно скрываетъ часть его, которую не хочетъ уступить ни за какія деньги, такъ какъ жена его, лекарка, умываніемъ съ камня лѣчитъ отъ разныхъ болѣзней. Крестьянинъ самъ высказываетъ мнѣніе, что „этотъ камень посланъ имъ, въ видѣ особой милости съ неба, ради ихъ сына-дурачка". Тотъ же пріемъ врачеванія существуетъ и въ другихъ мѣстахъ; такъ одинъ изъ камней, выпавшихъ въ Бѣлокрыничьѣ, Заславскаго уѣзда, Волынской губ. въ 1886 году, въ теченіе многихъ лѣтъ служилъ до послѣдняго времени точно также предметомъ врачебной эксплоатаціи деревенскаго люда, пока камень, благодаря живому участію къ моей просьбѣ С. И. Жукова, которому приношу душевную мою благодарность, не перешелъ ко мнѣ въ коллекцію.

Впрочемъ, правильныя воззрѣнія на сущность метеоритовъ

Библиотека "Руниверс"

распространены у весьма не многихъ народовъ, что вполнѣ понятно, если вспомнить, что не протекло еще столѣтія съ того времени, какъ появленіе на землю камней изъ заоблачныхъ пространствъ признано возможнымъ и дѣйствительнымъ даже передовыми представителями науки въ Европѣ.

Всякій пойметъ, что если еще такъ недавно признана самая достовѣрность паденія метеоритовъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что опредѣленіе *мѣстъ* въ небесномъ пространствѣ, откуда они приходятъ къ намъ, равно и *условій* при которыхъ они сформировались и вѣроятно формируются и теперь—остается до сихъ поръ вполнѣ загадочнымъ. Только въ послѣднее десятилѣтіе астрономія поставила на очереди первый изъ этихъ вопросовъ, хотя предположеніе о кометномъ происхожденіи ихъ высказалъ еще Хладни. Что касается условій образованія метеоритовъ, то путеводною нитью для рѣшенія этого вопроса должно быть ихъ строеніе. Вотъ почему, изучая давно эти тѣла, мы обращаемъ особенное вниманіе на строеніе самыхъ камней и желѣза и повторяемъ просьбу, обращенную къ каждому читателю, доставлять въ интересахъ науки, всѣ камни и желѣзо упавшіе съ неба,—для изученія, или на извѣстныхъ условіяхъ, для нашей коллекціи этихъ тѣлъ, по адресу: Вас. Остр. 13 линія, 2. **Юл. Симашко.**

Е. И. В. Великій Князь Сергій Александровичъ и супруга его, Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна.

(Портр. на стр. 400–401).

Издревле Первопрестольная столица русская, эта хранительница святыхъ завѣтовъ старины, пользовалась особымъ благоволеніемъ и попеченіемъ державной власти. Нынѣ Бѣлокаменный градъ осчастливленъ неожиданнымъ, новымъ знакомъ Монаршаго къ нему благоволенія и всегдашней заботы о немъ. 26 февраля текущаго года, указомъ даннымъ Правительствующему Сенату, Государь Императоръ назначилъ московскимъ генералъ-губернаторомъ Августѣйшаго брата Своего Великаго Князя Сергія Александровича, давъ такимъ образомъ Москвѣ, этому „центру тяготѣнія живой русской силы“, возможность снова вступить въ „непосредственное и непрерывное общеніе съ Августѣйшимъ домомъ Русскихъ царей“. Неизъяснимою радостію встрѣтила Москва эту благовременную, истинно царскую милость, тѣмъ болѣе, что Великому Князю отлично знакома древняя русская столица съ ея чисто русскою жизнью, и съ тѣми дѣятельными элементами ея, которые являютъ собою трудовую, рабочую Русь и на которыхъ зиждется и растетъ главнымъ образомъ народное богатство страны. Его Высочество владѣетъ богатымъ подмосковнымъ помѣстьемъ, селомъ Ильинскимъ, гдѣ является не собственникомъ только, но и проводитъ лѣтніе мѣсяцы, ведетъ образцовое хозяйство и пребывая по сосѣдству съ Бѣлокаменною, не рѣдко удостоиваетъ ее своимъ посѣщеніемъ вмѣстѣ съ Августѣйшею супругою своей, Великою Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной. Будучи хранителемъ православія, наукъ и просвѣщенія, Великій Князь состоитъ кромѣ того дѣятельнымъ участникомъ и покровителемъ многихъ ученыхъ и воспитательныхъ учрежденій въ Москвѣ и ея губерніи и, такимъ образомъ, ранѣе назначенія своего, вошелъ въ тѣсное общеніе съ мѣстною жизнью и близко принималъ къ сердцу дорогіе общественные и духовные интересы Первопрестольной. Со времени перенесенія резиденціи въ Петербургъ, это еще первый случай, что лицо Императорскаго Дома становится во главѣ управленія Москвы, для которой, въ силу этого, открывается новая эра не только государственнаго служенія, но и внутренняго счастья и преуспѣянія подъ могущественною охраной Августѣйшаго своего Попечителя, зажегшаго въ сердцахъ московскаго населенія блестящія, вѣрныя надежды на то, что при Августѣйшемъ хозяинѣ Москвы, ее ожидаетъ еще болѣе свѣтлое будущее, соединенное съ процвѣтаніемъ въ ней наукъ и промышленности и поднятіемъ въ ней сознанія ея историческаго значенія и крѣпости и цѣльности чувства національнаго достоинства. Молодости сродна энергія, а новый московскій генералъ-губернаторъ находится въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, ибо Великому Князю всего 34 года. Пятый сынъ въ Бозѣ почившаго императора Александра Николаевича и въ Бозѣ почившей императрицы Маріи Александровны, Августѣйшій братъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича, Е. И. В. Великій Князь Сергій Александровичъ родился 29 апрѣля 1857 года и состоитъ офицеромъ съ 29 апрѣля 1864 года. Званіе флигель-адъютанта получилъ 10 августа 1876 года, чинъ полковника — 29 апрѣля 1878 года. Когда возгорѣлась послѣдняя война наша съ турками за освобожденіе славянъ, Его Высочество принялъ въ ней участіе и, состоя въ чинѣ капитана, получилъ, 19 октября 1877 года, орденъ Св. Георгія 4-ой степени „за мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлѣ противъ турокъ, при рекогносцировкѣ 12 октября 1877 года“. По окончаніи войны, Его Высочество вернулся къ мирнымъ занятіямъ, и въ 1881 году, въ сообществѣ Августѣйшаго брата своего, Великаго Князя Павла Александровича, предпринялъ путешествіе за-границу. Ужасное событіе 1 марта 1881 года прервало на время путешествіе Ихъ Высочествъ, которое возобновилось въ концѣ апрѣля того-же года. Побывавъ въ Греціи, Великіе Князья отплыли на броненосцѣ „Герцогъ Эдинбургскій“, въ сопровожденіи корвета „Жемчугъ“ въ Палестину. Святыни этой страны произвели столь сильное впечатлѣніе на Великаго Князя Сергія Александровича, что когда въ маѣ 1882 года возникло съ научно-благотворительными цѣлями „Православное Палестинское Общество“, Его Высочество изволилъ принять на себя званіе его предсѣдателя и съ живѣйшимъ участіемъ, трудами и средствами своими содѣйствовалъ его процвѣтанію, исполненію задачъ: собирать, разработывать и распространять въ Россіи свѣдѣнія о Святыхъ мѣстахъ Востока, оказывать пособія паломникамъ русскимъ, учреждать мѣстныя больницы, школы, страннопріимные дома и проч. и оказывать пособіе мѣстнымъ храмамъ, монастырямъ и духовенству. По предложенію Его Высочества и на пожертвованныя имъ суммы это Общество произвело въ 1885 году раскопки на пустырѣ, покрытомъ вѣковымъ мусоромъ, близь храма Воскресенія Господня въ Іерусалимѣ—съ цѣлью разъяснить планъ воздвигнутыхъ императоромъ Константиномъ сооруженій на мѣстѣ смерти и воскресенія Спасителя, чтобы отысканіемъ направленія старой городской стѣны Іерусалима — подтвердить подлинность, чествуемой христіанскимъ міромъ, пещеры, служившей погребальнымъ ложемъ Господу Нашему Іисусу Христу. Труды по этимъ раскопкамъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и Его Высочество обозрѣвалъ эти мѣста при своемъ историческомъ паломничествѣ въ Палестину. 14 февраля 1884 года Великій Князь Сергій Александровичъ былъ помолвленъ и 3 іюня того-же года бракосочетался съ принцессою Елисаветою Гессенъ-Дармштадтскою. Августѣйшая супруга Его Высочества, Елисавета-Александра-Луиза-Алиса, Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна родилась, въ Бессунгенѣ, 20 октября (1 ноября) 1864 года. Ея Высочество—вторая дочь великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго Людвига IV, доводившагося, какъ извѣстно, племянникомъ въ Бозѣ почившей императрицѣ Маріи Александровнѣ, родной сестрѣ его дяди и предшественника по престолу великаго герцога Людвига III. Отецъ Великой Княгини, овдовѣвшій 14 декабря 1878 года, былъ женатъ на дочери Англійской королевы Викторіи, принцессѣ Алисѣ. Въ 1886 году Его Высочество произведенъ въ генералъ-маіоры и затѣмъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Независимо отъ указанныхъ должностей, Великій Князь состоитъ почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ, покровителемъ комитета для оказанія пособій вдовамъ и сиротамъ лицъ пострадавшихъ на войнѣ и проч., состоитъ шефомъ л.-гв. 2-го стрѣлковаго батальона и 38-го пѣхотнаго Тобольскаго имени своего полка, и числится лейбъ-гвардіи въ полкахъ: Преображенскомъ, Гусарскомъ Его Величества и Кирасирскомъ Ея Величества, въ 4 стрѣлковомъ Императорской Фамиліи батальонѣ и въ лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригадѣ.

Къ рисункамъ.

Самаркандъ. Улица Шайбыны-Ханъ.

(Рис. на стр. 397).

Улица Шайбыны-Ханъ — одна изъ многолюдныхъ въ Самаркандѣ и представляетъ для туриста, не бывавшаго въ восточныхъ городахъ, необыкновенную картину. Особенно она полна жизни въ базарные дни, когда десятки тысячъ народа направляются на большую базарную площадь. Сарты, бухарцы, персы и татары въ своихъ пестрыхъ яркихъ халатахъ и бѣлыхъ чалмахъ идутъ на торги; караваны навьюченныхъ верблюдовъ медленно выступаютъ, скрипучія арбы на огромныхъ колесахъ издаютъ невыносимый звукъ; верховые, сидя иногда попарно на лошадяхъ и ослахъ, пробираются въ толпѣ, мелкіе торговцы и разносчики звонко выкрикиваютъ, и все перемѣшивается въ кашу. Для непривычнаго глаза кажется невозможнымъ понять въ этомъ хаосъ не будучи раздавленнымъ или затертымъ массой, а между тѣмъ все проходитъ благополучно. По обѣ стороны улицы—лавки въ одноэтажныхъ и рѣдко въ двухъэтажныхъ сѣрыхъ мазанкахъ съ плоскими крышами.

Веселая пѣсня. (Рис. на стр. 405).

Въ роскошно и артистически убранной гостиной въ Парижѣ собралось маленькое общество. Пожилой мужчина и двѣ дамы усѣлись у чайнаго стола, гдѣ одна изъ нихъ принялась разливать чай. Передъ ними молодой человѣкъ, красивый и стат-

Библиотека "Руниверс"

ный, поетъ забавную пѣсенку подъ акомпаниментъ мандолины, причемъ онъ особенно весело переглядывается съ молодою дамой, обмахивающейся вѣеромъ. Немного позади, въ полутѣни, виденъ его другъ, французскій офицеръ, также внимательно слѣдящій за словами пѣсни. Вся картина написана очень тщательно и переполнена мелкими, прекрасно выработанными аксессуарами.

Игорный домъ въ Монте-Карло.

(Рис. на стр. 408 и 409).

Современный французскій живописецъ Жанъ Беро пользуется заслуженною извѣстностью даровитаго изобразителя общественной жизни. Его картины замѣчательно жизненно передаютъ то сцену въ окружномъ судѣ въ Парижѣ, то разъѣздъ изъ театра послѣ представленія, то внутренность театральной залы и т. п. Масса лицъ, среди которыхъ встрѣчается нерѣдко много портретовъ, удачная группировка и замѣчательная техника подолгу удерживаютъ зрителя передъ его картинами. Въ нынѣшнемъ № читатели найдутъ большую гравюру съ его картины, изображающей одну изъ залъ прославутаго игорнаго дома въ Монте-Карло, единственнаго въ Европѣ мѣста, гдѣ открыто доживаетъ свои послѣдніе дни рулетка. Описаніе этого чуднаго, но злополучнаго, уголка читатели найдутъ въ живомъ и интересномъ очеркѣ „Золото! золото!" нашего даровитаго сотрудника. В. И. Немировича-Данченко, помѣщенномъ въ Сборникѣ *Нивы* за май мѣсяцъ.

Французская выставка въ Москвѣ.

(Рис. на этой стр.).

Высочайше разрѣшенная 20 апрѣля 1890 г. французская выставка, какъ извѣстно, устраивалась по мысли бывшаго французскаго консула въ Москвѣ, г. Ватбледа, группою французскихъ предпринимателей и на-дняхъ открыта, хотя еще далеко не въ полномъ составѣ. Своевременно мы будемъ помѣщать выдающіеся отдѣлы выставки, по мѣрѣ того, какъ они будутъ приводимы въ окончательное устройство. Теперь же начинаемъ нашъ обзоръ видомъ главнаго входа на выставку, фотографическій снимокъ котораго любезно доставленъ намъ секретаремъ выставочной коммисіи.

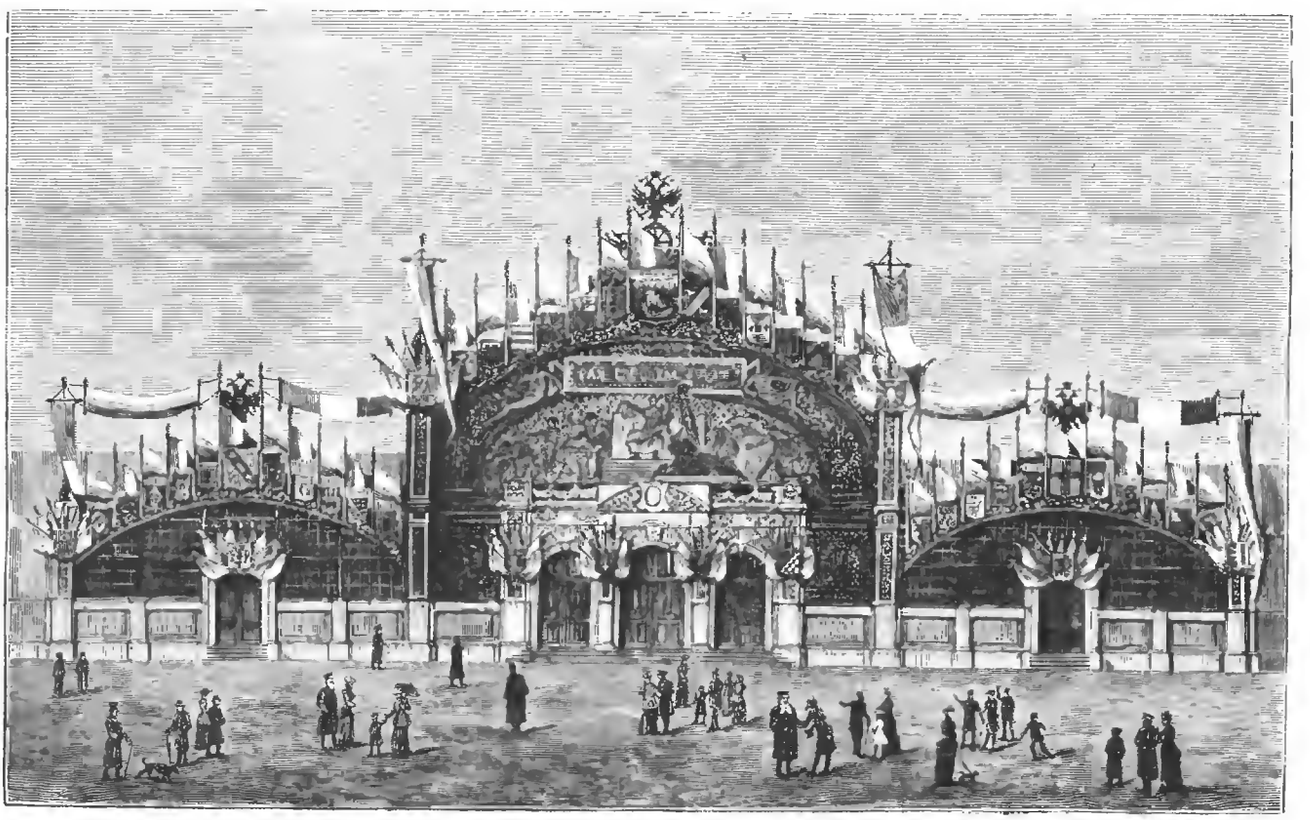
Французская выставка, какъ извѣстно, помѣщается за Тверской заставой, между Петровскимъ паркомъ и скаковымъ ипподромомъ, почти у самаго шоссе, занимая зданія и павильоны Всероссійской художественно-промышленной выставки 1882 г., которые были слегка перестроены и приспособлены для новой цѣли.

Главный входъ (Pavillon d'Honneur), ведущій на выставку, какъ снаружи, такъ и внутри, представляетъ блестящее декоративное сооруженіе. Портикъ его образуютъ мачты, соединенныя между собою развѣвающимися флагами, причемъ національные цвѣта Россіи и Франціи чередуются между собою.

Сквозь эту раму открывается фасадъ главнаго зданія, котораго фронтоны убраны гербами значительнѣйшихъ городовъ Франціи, между которыми снова развѣваются русскіе и французскіе флаги.

Въ центрѣ этого фасада помѣщается громадная картина: *Миръ—покровитель труда*, окруженная золотымъ орнаментомъ. Фигуры на этой картинѣ, достигающія 1½ сажени высоты, исполнены въ строгомъ стилѣ, соотвѣтствующемъ подобнымъ композиціямъ, и неяркій колоритъ ихъ составляетъ гармоничный контрастъ съ пестротой гербовъ, тканей и золотаго орнамента. Авторъ ея, Анри Моттъ, изобразилъ *миръ* (la Paix) въ видѣ женщины, вооруженной щитомъ.

Подъ картиной расположены входныя двери, обрамленныя гербами важнѣйшихъ городовъ Россіи.



Главный входъ на Французскую выставку въ Москвѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Политическое обозрѣніе.

Одновременно съ тѣмъ, какъ бренные останки великаго молчальника Мольтке преданы землѣ, его краснорѣчивый сотрудникъ по объединенію Германіи, князь Бисмаркъ приготовился снова выступить на политическую арену. По извѣстіямъ изъ Гестемунде объ окончательномъ результатѣ выборовъ, князь Бисмаркъ получилъ 10,544 голоса, тогда какъ его соперникъ, рабочій съ сигарной фабрики, соціалистъ Шмальфельдъ—5,486 голосовъ. Не смотря на ходившіе слухи, бывшій канцлеръ принялъ парламентскія полномочія и благодарилъ гестемундскій національ-либеральный комитетъ за оказанную ему честь. Избраніемъ этимъ однако не всѣ довольны и по словамъ корреспондента *Новаго Времени*, въ Берлинѣ поговариваютъ, что правительство въ скоромъ времени закроетъ сессію рейхстага, чтобы помѣшать участію князя Бисмарка въ парламентскихъ занятіяхъ по крайней мѣрѣ до осени.

На другой день послѣ избранія князя Бисмарка въ рейхстагъ, 1 мая по н. с., во многихъ мѣстахъ Европы, состоялся пресловутый праздникъ рабочихъ, сопровождавшійся кое-гдѣ значительными безпорядками. Приготовленія къ нему дѣлались издавна, но власти не дремали и принимали свои мѣры. Такъ въ Парижѣ войска были наготовѣ въ казармахъ, а оружейникамъ предложено было перенести въ безопасное мѣсто имѣющіеся у нихъ патроны и запереть магазины. Въ день 1 мая въ Парижѣ все-таки были безпорядки и произведено около сотни

Библиотека "Руниверс"

арестовъ. Человѣкъ пятнадцать учинили манифестацію передъ полицейскимъ комиссаромъ Леваллуа-Перре въ одномъ изъ предмѣстій. Преслѣдуемые полиціей, манифестанты нашли убѣжище въ винномъ погребѣ, откуда стали стрѣлять изъ револьверовъ и тяжело ранили двухъ жандармовъ и двухъ полицейскихъ. На площади Согласія полиція вынуждена была разогнать толпу, которая постепенно разрасталась; было арестовано человѣкъ тридцать за отказъ разойтись. Нѣсколько делегатовъ отъ парижскихъ и провинціальныхъ рабочихъ, явившіеся въ Бурбонскій дворецъ группами по пяти человѣкъ для врученія петицій, были приняты, но тотчасъ же стали требовать, чтобы приняли всѣхъ и чтобы петиція была представлена коллективно. Получивъ отказъ, они удалились, протестуя.

Въ телеграммахъ изъ провинцій сообщается, что въ Бордо произведено было нѣсколько арестовъ. Въ Ліонѣ произошла свалка между манифестантами и солдатами, причемъ нѣсколько солдатъ и полицейскихъ было ранено и человѣкъ пятьдесятъ арестованы, а въ Фурми, въ Сѣверномъ департаментѣ, вслѣдствіе попытки со стороны черни освободить заключенныхъ въ мэріи, войска вынуждены были стрѣлять въ толпу; оказалось убитыми семь человѣкъ, и ранеными десять.

По извѣстіямъ изъ Брюсселя, никакихъ инцидентовъ въ Бельгіи не было, но число забастовавшихъ рабочихъ велико. Изъ Мадрида телеграфируютъ, что во всѣхъ городахъ господствовало спокойствіе; безпорядки произошли лишь въ Барселонѣ.

Въ Берлинѣ вечеромъ состоялось нѣсколько многолюдныхъ собраній соціалистовъ, но никакихъ безпорядковъ не было.

Въ Вѣнѣ день прошелъ безъ нарушенія порядка. На Пратерѣ было до 100,000 рабочихъ. Въ Италіи было также довольно спокойно и почти вездѣ рабочіе отправились на работы какъ обыкновенно. Въ Римѣ король объѣзжалъ утромъ въ экипажѣ народные кварталы и былъ привѣтствованъ восторженными кликами рабочихъ. Послѣ полудня на площади Санта-Кроче, въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ, состоялась сходка рабочихъ. Какой-то анархистъ предложилъ идти въ городъ, вслѣдствіе чего проявилась агитація въ этомъ смыслѣ среди анархистовъ, которые напали на войска. Тогда сходка была закрыта и произошло столкновеніе, причемъ одинъ полицейскій былъ убитъ, а пять штатскихъ и девять солдатъ были ранены. Около ста человѣкъ было арестовано. Вечеромъ въ столицѣ было совершенно спокойно. Во Флоренціи одинъ изъ анархистовъ сталъ подстрекать толпу противъ собственниковъ, вслѣдствіе чего манифестанты сдѣлали попытки двинуться въ городъ, но полиція арестовала 17 человѣкъ и порядокъ былъ немедленно возстановленъ.

Въ Лейпцигѣ появилась брошюра подъ заглавіемъ: „Offene Worte über die österreichische Armee“ („Открытое слово объ австрійской арміи“). Авторъ брошюры — германскій офицеръ, не состоящій на дѣйствительной службѣ, — доказываетъ, что русская армія численностью вдвое превышаетъ австрійскую, что русская пѣхота лучше обучена, пригоднѣе къ дѣлу и вообще лучше, чѣмъ австрійская. По словамъ автора, военная организація и готовность русской арміи къ бою выше австрійскихъ и потому цѣнность Австріи, какъ союзницы, подлежитъ сомнѣнію. По поводу этой брошюры въ *Hamburger Nachrichten* появилась статья, въ которой, вслѣдъ за рѣзкою критикой австрійской арміи, говорится, что армія эта уступаетъ русской. Въ отвѣтъ на это *Neue Freie Presse* высказываетъ, что такое сужденіе свидѣтельствуетъ о незнакомствѣ съ дѣломъ, и прибавляетъ: „Въ прежнія времена въ Фридрихсруэ думали иначе!“

Въ Римѣ 22 апрѣля депутатамъ розданъ „Зеленая книга“ объ итальянско-американскомъ столкновеніи. Въ сборникъ этотъ вошли 24 документа, которые уже ранѣе были извѣстны, за исключеніемъ депеши маркиза ди-Рудини отъ 16 (28) апрѣля къ повѣренному по итальянскимъ дѣламъ въ Вашингтонѣ. Нота эта была послана для личнаго наставленія повѣреннаго, съ предписаніемъ заниматься отнынѣ исключительно текущими дѣлами. Свою ноту Рудини заключаетъ слѣдующими словами: „Пререканія длились уже достаточно. Мы настаивали и до сихъ поръ настаиваемъ на нашихъ правахъ. Пусть правительство Соединенныхъ Штатовъ подумаетъ, прилично-ли ему предоставлять на произволъ каждаго отдѣльнаго штата, безотвѣтственнаго передъ иностранными государствами, дѣйствіе договоровъ, съ выполненіемъ которыхъ связана честь Союза“.

Смѣсь.

Г. Шевляковъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* сообщаетъ слѣдующій анекдотъ: Въ одномъ изъ приказовъ императора Павла I было объявлено, чтобы никто не смѣлъ появляться на улицѣ въ домашнемъ костюмѣ подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности.

Какъ-то, проѣзжая по Невскому проспекту, государь замѣтилъ гвардейскаго офицера, сидѣвшаго на балконѣ въ халатѣ. По пріѣздѣ во дворецъ, Павелъ тотчасъ-же посылаетъ за нимъ. Нужно замѣтить, что офицеръ этотъ наканунѣ страшно проигрался въ карты и спустилъ даже часть казенныхъ денегъ. На балконъ онъ вышелъ въ непринужденномъ видѣ, вопреки приказа императора, въ горестномъ раздумьѣ, доводившемъ его до отчаянія — онъ обдумывалъ планъ самоубійства.

Черезъ полчаса офицеръ былъ доставленъ во дворецъ.

— Какъ ты смѣлъ сидѣть на балконѣ въ халатѣ? грозно приступилъ къ нему Павелъ.— Приказа моего не читалъ?

— Виноватъ, ваше величество! отвѣчаетъ офицеръ.—Отъ страшнаго горя, посѣтившаго меня, я обезумѣлъ...

— Какого горя? Говори!

Офицеръ, разумѣется, побоялся сказать истину, зная какому большому наказанію подвергнетъ его государь, уничтожавшій картежныя игры и не терпѣвшій игроковъ. Онъ быстро придумалъ небывалую любовную исторію.

— Ваше величество! я влюбленъ въ дочь моего сосѣда, богача купца, солгалъ онъ,— и она меня любитъ, но нашему счастью препятствуетъ ея суровый родитель, не желающій выдать ее за бѣднаго офицера.

— Что? вспылилъ Павелъ. — Отказалъ офицеру? Послать сейчасъ-же за этимъ купцомъ! я ему покажу какъ пренебрегать мундиромъ!..

Является купецъ. Разгнѣванный государь закричалъ на него.

— Какъ ты смѣлъ отказать моему офицеру въ рукѣ твоей дочери? Они другъ друга любятъ, а ты съ тысячами своими разстаться не можешь!..

Перепуганный купецъ началъ было объясняться, но Павелъ не далъ ему слова выговорить.

— Сейчасъ-же обвѣнчай ихъ, приказалъ онъ. — не то я тебя въ арестантскія роты...

И съ этимъ отпустилъ ихъ. Ничего не понявшій купецъ, на другой-же день выдалъ свою единственную дочь за этого офицера и вручилъ ему порядочное приданое, которое и спасло послѣдняго отъ самоубійства. Такимъ образомъ, эта случайность дала офицеру хорошенькую жену, солидный капиталъ и избавила отъ отвѣтственности за ослушаніе Высочайшаго приказа.

Морская болѣзнь у животныхъ проявляется въ весьма разнообразныхъ формахъ. Всѣ животныя на морѣ становятся очень смирны, и даже дикіе звѣри ослабѣваютъ отъ качки. Особенно страдаютъ морскою болѣзнью обезьяны. Птицы также съ трудомъ переносятъ плаваніе; пѣвчія птицы перестаютъ пѣть, гуси и куры слабѣютъ и худѣютъ, голуби же большею частью мрутъ, только утки не подвергаются морской болѣзни, оставаясь все такими же прожорливыми и веселыми. На собакъ и кошекъ морское плаваніе дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ, но въ то же время онѣ совершенно лишаются аппетита. Кошки цѣлыми днями лежатъ и всего пугаются, собаки льнутъ къ людямъ и не отходятъ отъ нихъ. Особенно привыкаютъ на морѣ къ своимъ сторожамъ быки, буйволы и лошади. Змѣи и свиньи вовсе не подвергаются морской болѣзни. (к.)

По сообщенію изъ Каира, къ западу отъ Ѳивъ сдѣлано весьма важное археологическое открытіе. Именно, въ землѣ на глубинѣ 25 метровъ найденъ хорошо сохранившійся двухъэтажный склепъ верховныхъ жрецовъ Аммона. Пока изъ-подъ земли отрытъ только одинъ этажъ, въ которомъ были найдены, кромѣ свитковъ папируса, множества статуэтокъ и другихъ археологическихъ драгоцѣнностей, 240 саркофаговъ. Древнѣйшій изъ нихъ относится къ 2500 году до Р. Х. (к.)

Рослыя женщины. Въ недавно вышедшемъ сочиненіи „Десять лѣтъ въ Экваторіальной провинціи и возвращеніе съ Эмин-пашой“ майоръ Казати описываетъ между прочимъ бѣгство двора короля Уніоро изъ резиденціи вслѣдствіе появленія на границахъ государства войскъ Ваганды. Въ концѣ этого описанія находятся слѣдующія интересныя строки: „вдругъ толпа заволновалась и зашумѣла у воротъ дворца, крикъ восхищенія и удивленія одновременно вырвался изъ всѣхъ устъ. Несомая четырьмя здоровыми носильщиками, на большомъ креслѣ съ толстыми ножками, сидѣла рослая женщина, одна изъ женъ короля Туа. При дворахъ Уганды и Уніоро считается хорошимъ тономъ имѣть рослую и толстую жену, на это смотрятъ какъ на признакъ богатства и необыкновенной утонченности вкуса. Эта необычайная полнота женщинъ достигается обильнымъ питаніемъ, ихъ откармливаютъ до того, что онѣ еле могутъ передвигать ноги. (к.).

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Улло. Разсказъ П. Д. Боборыкина.- Отрывокъ женскаго письма найденный въ улицѣ Notre Dame des Champs. Альфонса Додэ. Переводъ съ франц. А. Новицкой.—Метеориты въ историческихъ памятникахъ (съ 10 фиг.).—Е. И. В. Великій Князь Сергій Александровичъ и супруга его, Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна (съ 2 портр.).— Къ рисункамъ: Самаркандъ. Улица Шайбыны-Ханъ (съ рис.). — Веселая пѣсня (съ рис.). — Игорный домъ въ Монте-Карло (съ рис.). — Французская выставка въ Москвѣ (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.- Смѣсь.— Объявленія.

При этомъ №, прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за МАЙ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Библиотека "Руниверс"

ЯРМАРКИ
въ Зарайскѣ.

По постановленію Рязанскаго Губернскаго Земскаго Собранія будутъ открываться: Никольская 6-го мая, Троицкая въ среду передъ праздникомъ Святой Троицы и Петровская 26 іюня. № 5172

Ранѣе этихъ сроковъ торговля на ярмарочныхъ площадяхъ допускаться не будетъ.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ двухъ- и трехъ-колесные

ВЕЛОСИПЕДЫ.

Прейсъ-курантъ безплатно.

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,

Садовая ул., 22, С.-Петербургъ

В. № 4731 24—10

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ. Колокольная, 18—19

НОВОСТЬ
МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!

ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

Изящно! Практично! Безопасно! Дешево! Служитъ карманной спичечницей, давая ярый свѣтъ по цѣлымъ часамъ. Сдѣлано изящно изъ никкеля. Только 1¼ вер. вышины — удобно носить въ карманѣ.

Огниво съ 500 зарядами 2 руб. Запасъ въ 1000 зарядовъ 50 коп. } Пер. 1 ф.

СБЕРЕГАТЕЛЬ САПОГЪ.

Сохраняетъ подошвы и каблуки отъ изнашиванія и искрипленія. Легко придѣлать. Сберегаетъ въ 20 разъ болѣе стоимости. 1 колл. 30 к; 4 голл. 1 р. 20 к.; дюж. колл. 3 р. Игра Веселыя Свинки 40 к., 3 за 1 р. ◆ Игра Браминскія кольца 75 к., 3 за 2 р. ◆ Мышеловка 40 к., 3 за 1 р. ◆ Крысоловка 60 к., 3 за 1 р. 50 к. ◆ Золотыя чернила 40 к. ◆ Серебр. чернила 40 к. ◆ Дѣтск. телефонъ 40 к., 3 за 1 р. ◆ Америк. цементъ 40 к., 3 за 1 р. ◆ Америк. молочекъ 1 р. ◆ Волчокъ Вальсирующая парочка 1 руб. ◆ МАЗЬ ДЛЯ ТАРАКАНОВЪ и МУХЪ 50 коп., 7 флак. 3 р. ◆ Амер. перьлетчикъ 1 р. ◆ Подчасникъ 50 к. ◆ Амер. Прессъ-Бювваръ 1 р. 25 к. ◆ Книгопоска 85 к., 2 за 1 р. 50 к. ◆ Булавки для цвѣтныхъ (6 сортовъ) 600 за 1 р. 50 к. ◆ Изслѣдователь молока 75 к. ◆ Минутная кухня для любой лампы 40 к., 3 за 1 р. ◆ Замѣчат. танцующая 40 к., 3 за 1 р. ◆ Составъ для спайки жестъ и пр. 30 к. ◆ Жидкость для серебренія 75 к. ◆ Жидкость для золоченія 75 к. ◆ БУМАГА ПРОТИВЪ МОЛИ 50 к., 5 листовъ 2 руб. ◆ АФРИКАНСКАЯ ЛАСТОЧКА игра на воздухѣ 40 к. и 1 р.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„МЕРИТТЪ", пишетъ ясно, красиво и скоро. Дешевле всѣхъ другихъ. Легко научиться. Прочное устройство. Пишетъ заглавныя, малыя буквы, цифры, знаки препинанія и дроби. Цѣна 40 р., перес. около 12 ф.

„ИДЕАЛЪ" ЧЕРНИЛЬНИЦА

соединяетъ чистоту съ красивымъ видомъ. Сберегаетъ чернила и перья. Нѣтъ лучше этой чернильницы. Невозможно дѣлать кляксъ. Большія 2 р., малыя 1 р. 50 к. Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20.

ФОТОГРАФ. ЗАНЯТІЯ ДЛЯ ХУДОЖНИКОВЪ, 5—5

чтенія, номнч. предметы. Катал. 25 к. E. F. Schlöffel, Амстердамъ (Голландія) Box 509. Корреспонд. на нѣм. и франц. яз.

ЭКИПАЖИ
НА РЕЗИНОВЫХЪ БУФЕРАХЪ (РЕССОРАХЪ)

незамѣнимы для грунтовыхъ дорогъ, покойны какъ рессорные, прочнѣе и удобнѣе тарантасовъ на дрогахъ, дешевы (отъ 120 р.), палицы и легки на ходу.

СКЛАДЪ при КОНТОРѢ

Л. Ф. ПЛО.

Москва, Масницкая ул., д. Ермаковыхъ.

Прейсъ-курантъ высылается за одну 7-ми коп. почт. марку. Ц. № 5184

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египетскаго моста, домъ № 7 2. № 4961 26—9

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

Подписная годовая цѣна съ перес. 1 руб.

„ДРУГЪ ЖИВОТНЫХЪ"
Журналъ сельскаго хозяйства и разведенія животныхъ

выходитъ ежемѣсячно. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала въ Ревелѣ и во всѣхъ книжн. магаз. въ Россіи. Образцовый нумеръ по требованію высылается безплатно. Подписная годовая цѣна съ перес. 1 руб. Мт. № 5142 5—4

Іодисто соляное купанье **КУПАНЬЕ ГАЛЛЪ.** Верхняя Австрія.

Лѣчебное приспособленіе (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханія, массажъ, кефиръ).

Ц. № 5177 Весьма благопріятныя климатическія условія. 4—1

Желѣзнодорожная станція. Путь черезъ Линцъ на Дунаѣ.

СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-ое сентября.

Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ безплатно Лѣчебное управленіе купанья ГАЛЛЪ.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Способъ приготовленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цѣна: флакону 1 р. 65 к., бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ, опо-помада (лучше кольдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.

Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на прилагаемую здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента

Главный складъ для всей Россіи у В. Аурихъ, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19—11

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ

металлическіе, безъ пробки и проч., церквамъ и домамъ приносящіе громадную пользу уже тѣмъ, что почти вдвое менѣе сгораетъ масла,

ПОПЛАВКИ ДЛЯ ЛАМПАДЪ,

изобрѣтенные И. В. Демидовымъ и одобренные Св. Синодомъ. Даютъ бѣлое, ровное немигающее пламя, безъ малѣйшей копоти, вполнѣ безопасны отъ пожара. Введены уже въ употребленіе во многихъ соборахъ и церквахъ. Чрезвычайно удобны и полезны для освѣщенія наружныхъ образовъ на кладбищахъ и для неугасимыхъ лампадъ. Для этихъ поплавковъ имѣется особая свѣтильня, пропитанная благовонною мастикою.

Продаются въ С.-Петербургѣ, въ магазинахъ: Г. Каратаева - Невскій проспектъ, у Казанскаго моста; Разжинина, Невскій 66; Г. Шатрова — Гостиный дворъ, Зеркальная линія; Г. Варгасова — Гостиный дворъ, 78; Г. Широкова — Владимірскій проспектъ, д. № 16; Г. Варгасова — Владимірскій проспектъ, домъ № 3; хозяйственный магазинъ И. В. Любимова — Литейный проспектъ, домъ № 28; магазинъ лампъ А. И. Петрова — Литейный проспектъ, домъ № 25; магазинъ письменныхъ принадлежностей С. Савельева - Загородный проспектъ, домъ № 76; магаз. Келеръ — Пантелеймонская улица, домъ № 12; магазинъ свѣчъ К. Ф. Любимова — Бол. Садовая улица, близь Сѣнной, домъ Воденикова, № 38, и во многихъ другихъ лучшихъ магазинахъ.

Складъ же привилегированныхъ поплавковъ и особой конструкціи лампадъ и хрустали для лампадъ — у купца В. Алищева, уголъ Демидова переулка и Мойки, домъ № 64—1, магазинъ освѣтительныхъ матеріаловъ, и въ мастерской изобрѣтателя И. В. Демидова, Фонтанка, домъ № 24, кв. 14, въ С.-Петербургѣ. Мт. № 5180.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ. Въ послѣднее время появилось въ продажѣ множество поддѣлокъ подъ названіемъ „Гуніади Яносъ"; поэтому покорнѣйше просимъ обратить вниманіе на помѣщенную здѣсь предохранительную марку—портретъ.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.

ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Ц. 5151 10—2

ЛЕЙПЦИГЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

ПАРАШЮТЪ ЛЕРУ

Съ пересылкою 75 коп. Кромѣ Азіатск. Россіи и Сибири. № 5171

Иллюстрир. прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается безплатно.

П. Ф. Каратвевъ, Невскій пр. Милютинъ рядъ № 18, въ СПБ.

ГУВЕРНАНТКИ и ГУВЕРНЕРЫ

(русскіе и иностранцы) рекомендуются дамой-англичанкой, ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦЕЙ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, а также и музыки.

Рекомендующіе, въ силу своей профессіи, имѣютъ возможность оцѣнить рекомендуемыхъ. П. № 4923 12—5

Москва, Тверская, Леонтьевскій пер., д. Шилдингъ, кв. № 8, г-жѣ БЮРО.

С. ПЕТЕРБ. ВѢНА ПЕШТЪ. БЕРЛИНЪ

„ЕКСИККАТОРЪ"

1000 СВИДѢТЕЛЬСТВЪ

ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ДЕРЕВО ОТЪ ГРИБКА

ВЫВОДИТЪ СЫРОСТЬ И ПР.

БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО. ИЩУ АГЕНТОВЪ

АДР. ИНЖ. Г. РИТТЕРЪ ВАРШАВА

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ

8 № 5098 20 6

10, 15, 25 р. и дороже. Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-курантъ 50 к. К. И. ФРЕЛАНДТЪ. Москва. Мясницкая, уголъ Кривоколѣннаго пер., д. Соколова.

С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30—16.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ ВѢНѢ

ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 16—11

Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Имп. Росс. Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 400 рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго туалетнаго зеркала со шкатулкой.

Цѣна альбома 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 30 коп.

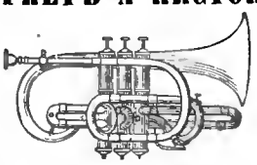
Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору журнала „Нива" (Невскій, № 6).

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

Библиотека "Руниверс"

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЪ



отъ 15, 22, 25, 35, 50, 60, 75, 85, 100 р. и дер. Корнеты отъ 50 р. можно имѣть моей работы. Школа-самоучитель Баганца въ 1½ и 2½ р.

ФЛЕЙТЫ въ 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 р. Отъ 75 р. моей работы. Школа-самоучитель Келера по 1½ и 2½ р.

КЛАРНЕТЫ въ 6, 10, 15, 20, 25, 35 и моей работы въ 45, 60 и 75 р. Всѣ остальные инструменты и принадлежности къ нимъ хорошаго качества и по дешевымъ цѣнамъ. Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ главное депо № 5170 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО

№ 5155 въ изображеніяхъ державныхъ его правителей. 2—2

Альбомъ изъ 70 большихъ рисунк. съ пояснительнымъ текстомъ. **Проф. В. П. Верещагина.** Ц. 6 р., съ пер. 7 р. Адр. СПб. Акад. Художествъ, профес. Е. П. Верещагину.

БРОКАРЪ и К°.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ Р. № 5087 (7)

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА

ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ

ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

Въ **Казани** у книгопродавцевъ: А. А. Дубровина (Гост. дворъ) и Н. М. Башмакова (Воскрес. ул., д. Болдырева) **складъ** слѣдующихъ сочиненій проф. **А. О. Гусева:**

1) **О бранѣ и безбрачіи** (противъ „Крейц. сонаты" и „Послѣсловія" къ ней гр. Л. Толстаго). Второе изданіе (160 стран. вмѣсто прежнихъ 104). Ц. 50 к., а съ перес. 70 к.

2) **Необходимость внѣшняго богопочтенія** (противъ гр. Л. Толстаго). Ц. 30 коп. Второе изданіе.

3) **О клятвѣ и присягѣ** (противъ соврем. отрицателей ея). Ц. 40 к., а съ перес. 50 к.

Продаются и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. № 5176

ІИСУСЪ

(сынъ Навина). Повѣствовав. изъ библейск. промоѣ **ГЕОРГА ЭБЕРСА.** Перев. съ нѣм. съ 58-ю грав. въ текстѣ, по рис. художн. **А. Земцова.** С.-Петербургъ 1890 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 20 коп.

ЕДИНСТВЕННЫЕ ВПОЛНѢ НЕПРОМОКАЕМЫЕ КАУЧУКОВЫЕ БРЕЗЕНТЫ

плащи для возчиковъ, сторожей и пр.

НАДХОМУТНИКИ

№ 5091 для лошадей. 12—7

Ф. РЕДДАВЕЙ и К°.

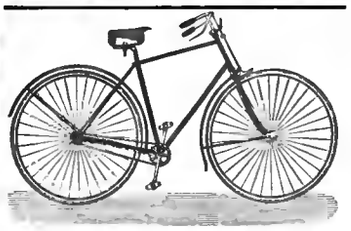
Москва, Рыбный пер., Старо-Гостинный дворъ, № 38.

Тульскій Фабрикантъ оконныхъ, дверныхъ и печныхъ металлическихъ приборовъ

ИВАНЪ ЕГОРОВИЧЪ КАМЕНЕВЪ.

Имѣетъ приборы постоянно въ наличности и принимаетъ заказы по образцамъ, чертежамъ и рисункамъ. Приборами моей фабрики отдѣланы: **Главный Домъ** въ Нижегородской Ярмаркѣ и въ настоящее время изготовляется заказъ для **Верхнихъ Торговыхъ Рядовъ** въ Москвѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно, образцы съ наложеннымъ платежемъ. Фабрика существуетъ съ 1850 года.

Адресъ: Тула, фабриканту КАМЕНЕВУ. II. № 5169 2—1



Извѣстные велосипеды въ свѣтѣ англійскаго завода

ГУМБЕРЪ и К°,

Представители

Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.

Москва, Неглинный проѣздъ, домъ Ечкиной, магазинъ № 14.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

КЕОБЫЧАЙНАЯ НОВОСТЬ 1891 года.

Велосипеды съ резиновыми ободами

„КУШЕНЪ"

англійскихъ и германскихъ заводовъ.

Ц. № 5150 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ 4—3

АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ,

Москва, Мясницкая.

Каталоги безплатно.

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛЬ

Карм. форм. въ замшев. кошельк. 8 руб. пересылка за 3 ф.

Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 руб. пересылка за 4 ф.

„Аргусъ" имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названія „универсальнаго бинокля". № 5181 2—1

Е. КРАУСЪ и К°.

Спеціальн. фабр. оптическ. инструментовъ

Парижъ, Avenue de l. Républ. 4.

ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ:

С.-Петербургъ. Мойка, № 42.

Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. безплатно.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ

ЖЖЕНЫЙ КОФЕ

ГВЕРСКАЯ, ПОДОБРЯ, Д. ГИППІУСЪ, въ МОСКВѢ. КОФЕ ПО ПИСЬМИ ТРЕБАЙТЕ ВЫСЛАТЬ ПЛАТЕЖЪ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

Л. ФОРШТРЕМЪ

ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ. 10—4 № 5082

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПАРОВОЙ ФАБРИКИ

В. Ф. БОНАКЕРЪ,

ВЪ МОСКВѢ, близъ Яузскаго моста, Серебряническій переулокъ, домъ бывш. Щукина (Телефонъ

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ВАКСА

ВЪ ЖЕСТЯНЫХЪ КОРОБКАХЪ

(фабричное клеймо „СЛОНЪ")

ДАЛЕКО ПРЕВОСХОДИТЪ СВОИМИ ОТЛИЧНЫМИ КАЧЕСТВАМИ ВСѢ СУЩЕСТВУЮЩІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ И РУССКІЯ ВАКСЫ.

дѣлаетъ кожу обуви мягкою, непромокаемою и даетъ ей необыкновенно яркій блескъ

ФРАНЦУЗСКАЯ ВАКСА

въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо „Левъ") равняется достоинствомъ лучшимъ ваксамъ другихъ фабрикъ

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ МАЗЬ

въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо „Самоваръ") самое хорошее средство для чистки и полировки всѣхъ металловъ, главнымъ образомъ, самоваровъ

ЖЕСТЯНЫЯ КОРОБКИ

съ разноцвѣтными печатными украшеніями, а также безъ оныхъ, для чая, кофе, кондитерскихъ и табачныхъ товаровъ, консервовъ и проч.

ЖЕСТЯНЫЕ ПЛАКАТЫ (вывѣски)

для рекламъ, печатанные художественно разными красками и рисунками

Прейскуранты высылаются по требованію.

Продажа моихъ товаровъ производится у всѣхъ торговцевъ.

Фабричныя марки утверждены Правительствомъ. № 4424—4

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".

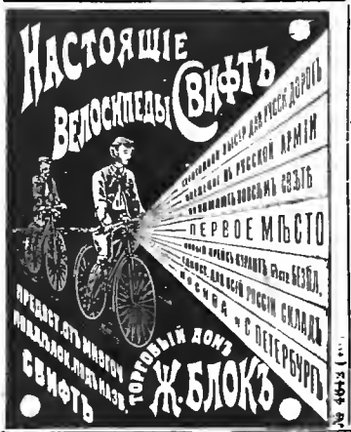
Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.



Schlesischer Obersalzbrunnen Oberbrunnen

SCHUTZ-MARKE

Первоклассный алкалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализы и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ безплатно: Контора отправки нижесяхъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННѢ

ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.

10—2 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5152

Дозвол. цензур., СПБ., 1 мая 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. № 19 — г. XXII 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 11 мая 1891 г.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. П. Н. Нечковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за строку нонпарейль (½ шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб. — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr. для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 пф.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Корабельная бухта въ Севастополѣ. Съ фотогр. Ал[illegible]ли, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Ушло.

Разсказъ **П. Д. Боборыкина.**

(Окончаніе).

VI.

И цѣлый почти годъ прошелъ у ней въ Ялтѣ. Она перебралась туда въ началѣ осени, даже прервала свое лѣченіе виноградомъ, гораздо болѣе удобное и дешевое въ Алупкѣ.

Съ каждымъ днемъ Василій Ивановичъ дѣлался ближе ея душѣ. Не влюбленность говорила въ ней, а глубокая жалость, страстная преданность ему какъ даровитому существу, уже схваченному одною лапой лютой смерти.

Она задалась безнадежною мечтой если не радикально спасти его, то хоть настолько поправить его здоровье, чтобы онъ могъ уѣхать надолго въ Италію или въ Каиръ, куда-нибудь, гдѣ климатъ не можетъ приносить съ собою ничего, кромѣ облегченія... А въ Ялтѣ, въ этой „россійской Ниццѣ", зимніе мѣсяцы выдались для такого больнаго, какъ онъ, просто невозможные. Въ декабрѣ и въ январѣ, вплоть до половины февраля, стояли туманы, дулъ холодный вѣтеръ, снѣгъ лежалъ разъ больше недѣли, и цѣлыми днями, не переставая, моросилъ иглистый дождь.

Единственное средство высвободить Василія Ивановича отъ этого сидѣнья въ Ялтѣ — это усиленная работа, покрытіе неотложныхъ долговъ, пособіе изъ Петербурга, прочное, на три-четыре года, опредѣленное, годовое содержаніе, хотя бы и въ видѣ ссуды.

Но это превышало его силы. Онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ; а когда ему становилось полегче, онъ изводилъ себя на тревоги, сомнѣнія, на взѣвшуюся въ него привычку писать огромныя интимныя письма. Дѣловыя и менѣе задушевныя онъ диктовалъ ей; но писать Алексѣю Николаевичу было для него высшимъ наслажденіемъ и жестокою тратой силъ. Послѣ каждаго письма онъ истощался на цѣлый день, не могъ взять кисти въ руку; да и часто въ мастерской не было свѣта отъ тумана и сѣраго облачнаго неба.

— Вотъ вамъ и Таврида! жаловался онъ, волоча ноги по мастерской. — Не лучше чѣмъ въ Питерѣ! И за такую-то мразь платишь втридорога и совсѣмъ погибаешь!..

Картина на конкурсъ мучила его безжалостно и до отправки ея, и послѣ отправки. Онъ былъ убѣжденъ, что „провалится", и когда получилъ письмо, гдѣ Алексѣй Николаевичъ, детально, съ тонкимъ пониманіемъ и строгими оговорками, сказалъ ему, что это „достойно" его, что онъ „шагнулъ на нѣсколько саженъ",—радость опять уложила его въ постель отъ крайняго возбужденія. Денежный результатъ оказался ниже того, чего онъ ждалъ — и опять онъ погрузился въ безъисходное перебираніе своихъ нуждъ, расчетовъ, грызъ себя за „подлую поденщину", долженъ былъ предлагать, по эскизамъ, картины заказчикамъ, стыдился этого, мучительно ждалъ отвѣтовъ, подозрѣвалъ, жаловался и всего больше клялъ себя.

Но въ него забралось къ зимѣ чувство къ ней. Оно довольно долго было не замѣтно; потомъ сразу вспыхнуло. Ее это радостно поразило и испугало. Она должна была сознаться самой себѣ, что начинала страдать отъ его безпредѣльнаго преклоненія передъ своимъ петербургскимъ руководителемъ и другомъ. Теперь она заняла мѣсто рядомъ съ Алексѣемъ Николаевичемъ. Кондратьевъ уже не такъ тосковалъ по его письмамъ, постоянно изливался ей, удерживалъ ее въ мастерской, просилъ работать здѣсь, даже требовалъ, ея сужденія цѣнилъ съ каждымъ днемъ все больше, восхищался ростомъ ея таланта.

Ея работа среди всѣхъ этихъ душевныхъ волненій шла такъ хорошо, какъ никогда. Утромъ она дѣлала эскизы съ натуры, послѣ завтрака становилась за мольбертъ, какъ только выдавался свободный часъ отъ разговоровъ, писанія подъ его диктовку и чтенія вслухъ.

Разъ онъ такъ началъ, передъ ней, терзаться тѣмъ, что не успѣетъ къ сроку кончить и одной четверти вещей, уже запроданныхъ, что она сказала ему чуть слышно отъ сердечнаго смущенія:

— Почему вы не дадите мнѣ за васъ доѣлать то, что уже зарисовано?

Онъ возмутился, пришелъ въ страшную ажитацію и кричалъ:

— Вотъ какъ я падаю! За меня будутъ другіе работать, а я за свое продавать буду!.. Боже ты мой! До какого я униженія дошелъ!..

Припадокъ кашля сталъ такъ его душить, что она испугалась, вознегодовала на себя за такое безтактное предложеніе, стала у его кровати на колѣни и, въ своей жалости и умиленіи передъ этимъ страдальцемъ, схватила его руку и горячо поцѣловала.

Этотъ порывъ вызвалъ въ немъ кризисъ. Онъ смолкъ, заплакалъ и тутъ же признался ей въ любви.

Слушая его, у кровати, все еще на колѣняхъ, она не могла забыть еще недавнихъ словъ доктора:

— Василій Ивановичъ врядъ-ли переживетъ весну!..

И когда онъ поцѣловалъ ее лихорадочными губами въ голову и обнялъ — внутри у ней сжалось отъ гадкаго чувства боязни. Вѣдь чахотка заразительна. Но это была одна секунда. Она подавила въ себѣ всякую боязнь и позволила себя поцѣловать. Но и въ немъ эта боязнь пробуждалась, и цѣлыми днями онъ точно избѣгалъ ея приближенія. Разъ даже сказалъ:

— Милушка моя! Не подходите ко мнѣ такъ часто, не ласкайтесь.

Но онъ все-таки не вѣрилъ въ близкую кончину свою. По его письмамъ къ пріятелямъ въ Петербургъ она знала, какъ онъ говорилъ про здоровье. Онъ не скрывалъ ничего, когда ему дѣлалось хуже или лучше; но нигдѣ не обмолвился какимъ-нибудь роковымъ словомъ о названіи болѣзни, изъ-за которой глядитъ смерть... И опять мечталъ онъ, какъ поѣдетъ въ Малороссію, со всѣмъ семействомъ, поселится около Алексѣя Николаевича, и она съ нимъ поѣдетъ.

— Вотъ, дайте срокъ, шепталъ онъ ей въ сумеркахъ,—тамъ совсѣмъ поправлюсь и не нужно мнѣ никакихъ Алжировъ да Каировъ. Тогда мы и обвѣнчаемся.

Отъ матери онъ не скрывалъ своихъ отношеній къ ней, но и не просилъ ея благословенія, боялся поставить свою невѣсту въ неловкое положеніе передъ старухами. Можетъ-быть, онѣ станутъ подозрѣвать ее, считать интриганкой, начнутся разспросы: есть-ли у нея какое-нибудь приданое.

— Мы по-нѣмецки, говорилъ онъ въ тѣ дни, когда его молодая веселость и мягкость возвращались. — Будемъ, про себя, женихомъ и невѣстой.

Ихъ любовь продолжала быть чистою; въ немъ было болѣе страсти, въ ней сильнѣе говорило чувство любящей сестры.

Да и какъ могло быть иначе, когда онъ, на ея глазахъ, погасалъ? Могла-ли она и отклонить его предложеніе, показать ему, что въ его болѣзни нечего думать о бракѣ? Съ его домашними она ладила и ей сдавалось, что мать Василія Ивановича не отвернулась бы отъ нея оттого только, что она безприданница.

Къ веснѣ, въ концѣ марта, когда пошли ясные, сухіе дни и все на прибрежьѣ заликовало, Василій Ивановичъ точно воскресъ. Нѣсколько недѣль онъ ра-

Библиотека "Руниверс"

боталъ, по шести часовъ сряду, ходилъ гулять: сна и аппетита прибавилось. Задумалъ онъ большую картину, лѣсной горный пейзажъ: эскизъ набросалъ онъ еще два года назадъ. Компановалъ онъ ее въ мастерской и не провѣрялъ красокъ на мѣстѣ; но вещь выходила сочная и совсѣмъ новая, по манерѣ. Она работала рядомъ съ нимъ—и точно, въ каждый сеансъ, его художническая душа переходила въ нее. Ей вѣрилось, что отъ него пріобрѣла она навѣки то воспріиманіе живой красоты, безъ котораго нѣтъ ни оригинальности, ни внутренней правды. И тѣмъ острѣе пронизывала ее мысль, что она останется въ живыхъ, а онъ погибнетъ, почти юношей, съ такимъ горячимъ ключемъ творческихъ аппетитовъ и сожигающей его любовью къ своему дѣлу.

Но она, каждый день, все старательнѣе хоронила въ себѣ свою скорбь, шутила съ нимъ, улыбалась, умѣла смирять взрывы его раздраженности, приласкать его взглядомъ и тихимъ поцѣлуемъ.

И вдругъ послѣ прогулки въ экипажѣ, въ сторону Гурзуфа, ночью онъ проснулся, весь обливаясь холоднымъ потомъ, сталъ задыхаться... За ней послали.

Не больше трехъ дней протянулъ онъ. Въ полной памяти, съ жгными, блистающими зрачками своихъ чудесныхъ глазъ лежалъ онъ на спинѣ, спазматически глоталъ воздухъ, не выпускалъ ея руки. Матери онъ, еле слышно, открылся въ своей любви и настоялъ, чтобы она ихъ обручила.

Принесли кольца. Онъ самъ надѣлъ ей и себѣ, приподнялся, обнялъ ее, вдругъ раздирательно крикнулъ и схватился за грудь.

Долго потомъ она во снѣ видѣла его лицо, превратившееся въ маску покойника, когда онъ еще былъ живъ, и въ хрипѣ его агоніи она распознавала слова:

— Все будетъ ложь... силился онъ выговорить,— если души нѣтъ... Въ себѣ... и изъ себя! Голубушка, вѣрьте мнѣ!

Это было его завѣщаніе, понятное только ей одной: его ученицѣ, первой и единственной: невѣстѣ и сердобольной сестрѣ, не побоявшейся его туберкулъ, принесшей съ собою, на порогѣ такой возмутительной смерти, все, чѣмъ сердце женщины въ состояніи одѣлить въ этой жизни.

VII.

Іюнь держится ровный, безъ жаровъ и почти безъ дождей, съ мягкимъ солнцемъ, и только вечера свѣжіе, частенько пелена покрываетъ луговины и просѣки.

Сколько мѣстъ облюбовала Катерина Петровна въ часы своихъ утреннихъ прогулокъ, послѣ ранняго обѣда, до сумерекъ! Въ первые дни житья въ Тирлевѣ—Павловскій паркъ привлекалъ ее такъ, точно она его заново открыла. Прежде, ей случалось гостить въ Царскомъ и она бывала въ Павловскѣ, не рѣдко. Но тогда, съ знакомыми, они тонтались больше около вокзала, на „тарелкѣ", передъ музыкой, и дальше дворца—катанья въ лодкѣ—она не проникала.

Теперь она детально изучала этотъ прекрасный лѣсъ, превращенный въ огромное мѣсто прогулки. Не все ей одинаково нравилось. Нѣкоторыя мѣста слишкомъ отзываются чѣмъ-то парадным и старомодно-условнымъ. Но природа беретъ свое. Расположеніе всей этой лѣсной дачи полно разнообразія: подъемы и спуски, рѣчка, высокіе холмы, чередованіе древесныхъ породъ, неожиданности освѣщенія, задумчивыя перспективы просѣкъ, богатые тона хвои, лужаекъ, воды, листвы, стволовъ и корней, неба и дали, на окраинахъ парка, во всѣ стороны.

Но послѣ періода любованія настала потребность схватить самые лучшіе моменты этой чуть-чуть прикрашенной природы, въ расцвѣтѣ лѣта, отрѣшиться отъ того, что тутъ—увеселительное мѣсто, и прибавить, дѣлая эскизы, отъ себя то, что давало бы, еще ярче, ноту русскаго красиваго пейзажа.

Дачная сутолока начинала мѣшать ей, изо дня въ день, все больше и больше. Уйти отъ сосѣдей было невозможно. Каждый день, по нѣсколько разъ на дню, приходилось проходить по порядку деревни, мимо воротъ, оконъ и завалинокъ, занятыхъ праздным народомъ. Всѣ оглядывали ее, когда она шла съ манкой или ящикомъ. Подростки-гимназисты, дѣвочки, кадеты—то и дѣло сновали взадъ и впередъ, болтали, перекликались, лежали на сѣнѣ, пестрѣли передъ ней своими яркими платьями, полосатыми зонтиками, бѣлыми фуражками, красными воротниками. Шарманка гудѣла и свистѣла подъ окномъ или долго преслѣдовала ее по всѣмъ аллеямъ и дорожкамъ. Велосипеды звенѣли и заставляли оборачиваться и терять нить своихъ образовъ. Она даже боялась этихъ безчисленныхъ велосипедистовъ, но пришла къ выводу, что отъ нихъ никуда не скроешься.

Дачницы, дамы и дѣвицы, поднимали въ ней постоянное раздраженіе своими крикливыми туалетами, нѣчнымъ шляньемъ на музыку, куда она не показывалась никогда, боялась вечерней сырости той части парка, да и чувствовала въ себѣ, среди парадной толпы, гуляющей подъ музыку—наплывъ унынія, съ которымъ боролась постоянно.

Ея одиночество было, правда, добровольное: но выйти изъ него у ней не хватало усилія воли. Петербургская зима наложила на нее печать, отняла здоровье, не дала ни одной радостной минуты ни сердцу женщины, ни душѣ художницы.

Изъ Крыма ее погнала тоска послѣ смерти Василія Ивановича. Она мечтала найти въ его другѣ и руководителѣ — большомъ артистѣ и крупной личности — теплую поддержку, ждала его возвращенія и была сражена вѣстью о скоропостижной смерти Алексѣя Николаевича.

Семейство Кондратьева уѣхало къ себѣ, на родину.

Болѣзнь, схваченная въ Петербургѣ, позволила ей работать только къ концу зимы. Какъ? Въ какихъ условіяхъ? Съ какимъ свѣтомъ? Лучше и не вспоминать! Но все-таки она докончила двѣ картинки, по эскизамъ, набросаннымъ еще при жизни Кондратьева.

Съ переѣзда сюда, въ Тирлево, она какъ бы заново стала искать близости къ природѣ, того особаго настроенія, которое такъ легко находило на нее въ Крыму, особенно при Василіи Ивановичѣ.

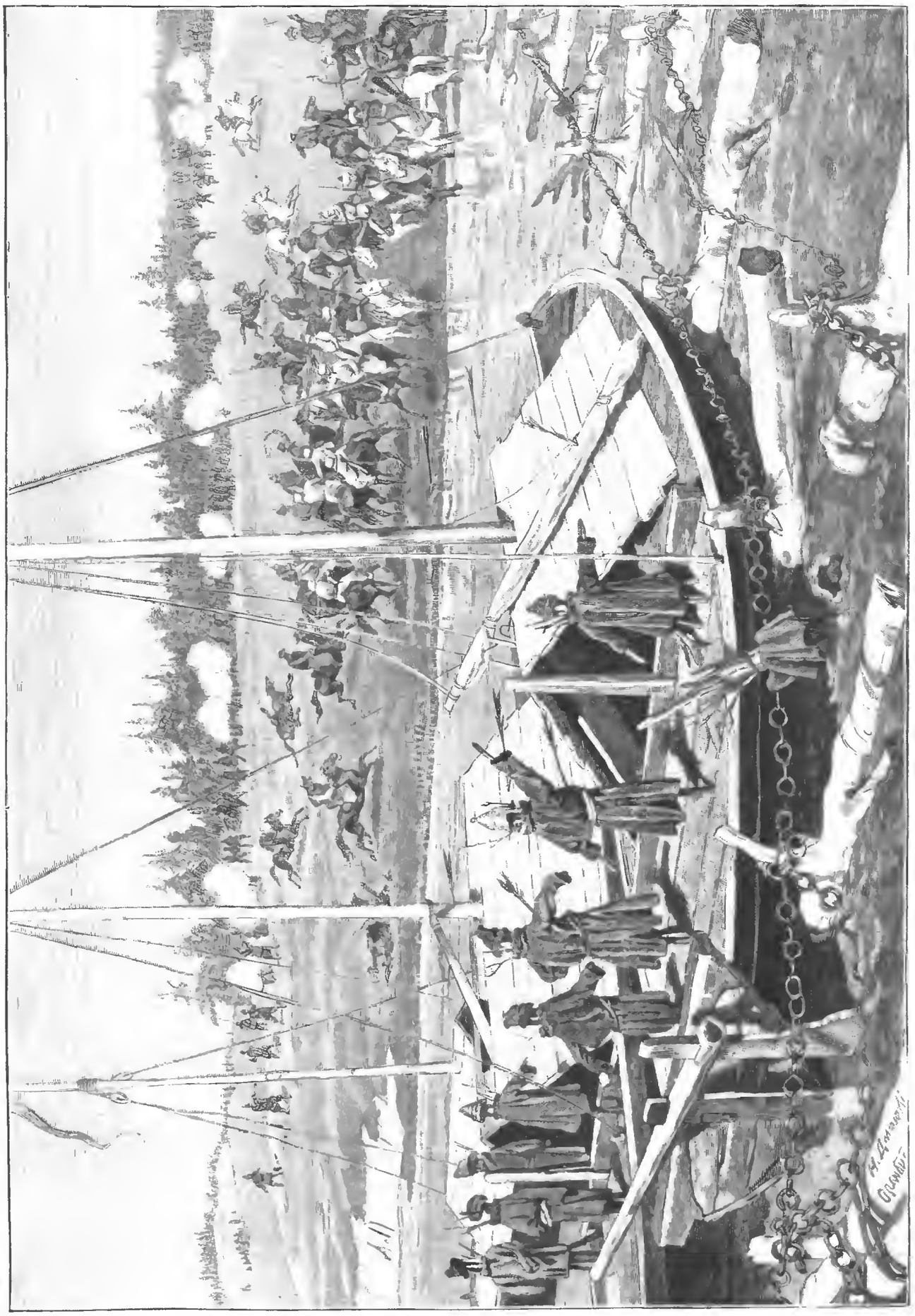
Сегодня она пришла съ кумыса рано, пораньше поѣла и отправилась на лужайку, къ узкой березовой аллеѣ, идущей отъ Тирлева къ парку. Поднялась она отъ улицы мимо столба и въ который разъ глаза ея схватили на доскѣ слова: „Деревня Тирлево" и внизу: „Мужескаго пола душъ 58, дворовъ 18". Съ нѣкоторыхъ поръ, ступая по песку тирлевскихъ улицъ, она ощущала тяжесть въ ногахъ и поясницѣ. Даже ящикъ нести ей было неловко, чего прежде она не испытывала, даже карабкаясь на вышки по камнямъ, въ Алупкѣ и Мисхорѣ.

И не желала бы она столкнуться съ однимъ изъ господъ, занимавшихся живописью, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она всего чаще сидѣла съ цѣлью запомнить ихъ и придти потомъ—для эскиза.

Это были молодые люди, врядъ-ли ученики академіи или профессіональные живописцы: одинъ—высокій, бородка кудельнаго цвѣта, въ черномъ сюртукѣ, очень опрятно одѣтый, носитъ ящикъ поменьше, чѣмъ у нея; другой—больше смахиваетъ на ученика, въ блузѣ, съ черными усиками, въ поярковой шляпѣ и подъ мышкой картонная манка, должно быть зарисовываетъ только карандашемъ.

Ей самой не нравится это чувство, почти враждебное, къ своимъ собратамъ по искусству. Прежде у ней

Библиотека "Руниверс"



Эпизодъ изъ завоеванія Сибири Ермакомъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") профессора **Дмитріева-Оренбургскаго**, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

XIX передвижная выставка. Уничтоженіе Новгородскаго вѣча при великомъ князѣ Московскомъ Іоаннѣ III (въ январѣ 1478 г.).
Картина К. Лебедева (исключительн. право воспроизвед. въ гравюрѣ и т. п. принадлеж. „Нивѣ"). Грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

ничего подобнаго не было. Что же бы проще, какъ самой подойти къ каждому изъ нихъ и подѣлиться своими мыслями и замѣтками, дать добрый совѣтъ: она старше ихъ и лѣтами, и опытомъ.

Должно быть хворость и дѣлаетъ ее такою.

И сегодня ей не хочется никого встрѣчать на своемъ пути: только бы найти укромное мѣстечко и уйти въ тихій, не эффектный русскій пейзажъ съ полосой синѣющей хвойной опушки справа, и дорожкой, обсаженной березами—слѣва, съ купами березъ и елокъ вдоль овражка и, тамъ и сямъ, по луговинѣ.

Есть мѣста, по нарку, въ десять, въ сто разъ красивѣе и веселѣе. Но она захотѣла начать съ чего-нибудь совсѣмъ русскаго, вдохнуть въ эту незатѣйливую модель то „свое", что воздѣлывала она тамъ, среди праздничной приморской природы, подъ напѣвомъ вдохновенныхъ рѣчей своего друга.

Двѣ дачницы, точно нарочно, разлеглись подъ деревомъ, слѣва, надъ овражкомъ. Красное ситцевое платье одной изъ нихъ раздражающимъ пятномъ торчитъ передъ глазами Катерины Петровны. И она не можетъ схватить общаго тона, въ этотъ часъ дня, самый выгодный для зарисовыванія воздуха и не очень большой дали, съ фономъ еловой рощи.

Она дождалась, пока дачницы удалятся. Барышня въ красномъ вскочила первая и потянула за обѣ руки свою подругу. Но еще долго, послѣ того, ихъ голоса мѣшали ей сосредоточиться.

Проработала она добрый часъ. Набрасывала она главные тоны и общій обликъ пейзажа чрезвычайно быстро, чему научилась у Василія Ивановича, дорожила первыми своими впечатлѣніями, какъ самыми вѣрными.

Отложивъ кисть, Катерина Петровна прошлась по лугу, вернулась, протерла глаза платкомъ, сѣла опять на складной стулъ, отодвинула отъ себя эскизъ на нѣкоторое разстояніе и вглядывалась въ него, минутъ съ пять.

— Нѣтъ! Не то! Не дышетъ! вслухъ выговорила она и начала краснѣть отъ внезапнаго и остраго недовольства.

„И зачѣмъ выбрала она именно это неблагодарнѣйшее мѣсто? Что это за даль!.. Какая бѣдность и плоскотня!"

Но такіе упреки сейчасъ же показались ей вздорными.

Развѣ ей не извѣстны пейзажи Клода Лоррена и Рюйсдаля — стоитъ ей зайти лишній разъ въ Эрмитажъ—гдѣ: или сочиненный мотивъ, съ пышными украшеніями по бокамъ, или вѣрный снимокъ съ плоской и сѣрой фламандской деревенской природы? Но потемнѣвшія отъ лѣтъ деревья Клода Лоррена, небо и даль, луга и пашни фламандскаго мастера до сихъ поръ дышатъ. Отчего? Оттого, что они ихъ вобрали въ свою душу, дали намъ почувствовать отраженіе въ ней живой дѣйствительности, отраженіе, отличное отъ того, какъ трактовали свои сюжеты другіе мастера.

То же и въ новыхъ художникахъ французахъ: въ Коро, въ д'Обиньи, въ Руссо, въ Бастьенъ-Лепажѣ. Всѣ, кто ей говаривалъ о нихъ съ похвалою, восхищались не однимъ мастерствомъ отдѣлки, а „пошибомъ", только имъ принадлежащимъ.

И впервые она почувствовала, какъ это трудно. Создать свое изъ заурядпаго объектива!.. А схватись за болѣе казовые мотивы русскаго пейзажа и не уйти отъ повтореній: сосновый боръ — сейчасъ Шишкинъ; яркіе стволы березъ—Куинджи, веселенькій перелѣсокъ съ болотцемъ—Волковъ, рдѣющій закатъ солнца сквозь ряды разлѣсистыхъ елей — Клеверъ...

Она глубоко задумалась и даже опустила голову въ раскрытыя ладони.

Куда ушло у ней настроеніе? Неужели Василій Ивановичъ унесъ его съ собой въ могилу? Неужели она, какъ женщина, обречена на унизительную долю—быть всегда и во всемъ отголоскомъ, отраженіемъ мужчины, его идей и чувствъ?..

VIII.

Все тотъ же русскій бѣдный пейзажъ стоялъ передъ нею. Солнце вынырнуло въ лиловыя, барашковыя тучки и по луговинѣ пошли тѣни. Катерина Петровна тихо открыла глаза и сидѣла, подавленная своими думами.

Неужели ушло, совсѣмъ ушло ея художническое чувство? И она обречена опять на ремесленную работу? Будетъ компановать свои маленькія картинки, въ тѣсной комнатѣ, на Подъяческой, изъ головы или по набросками: выписывать листочки, дѣлать старательные и сухіе блики на нихъ березъ и дубковъ, на крышахъ хатъ, на переливахъ ручейковъ или на морской зыби.

Или это болѣзнь, забравшаяся въ нее нѣкто, на много лѣтъ, быть-можетъ на весь остатокъ жизни?

Кумысъ не помогъ ей. Она бросила пить его, только разстроила себѣ питаніе. Кашель, по ночамъ, такой же сухой, въ горлѣ безпрестанно колетъ, просыпается вся въ испаринѣ, грудь подолгу поетъ.

Что, если это она заразилась, тамъ въ Крыму, когда ухаживала за Василіемъ Ивановичемъ, позволила цѣловать себя, ласкала его, не боялась держать въ рукахъ голову умирающаго, вбирать въ себя его зараженное дыханіе? Вѣдь это бываетъ... Такъ должно было случиться.

Ей стало вдругъ страшно. Лобъ сдѣлался влажнымъ, особаго рода дрожь ощутила она въ себѣ. Если въ нее вошла зараза туберкуловъ, отъ которыхъ умеръ Василій Ивановичъ—то дни ея сочтены... Пойдетъ все хуже и хуже... Еще одна петербургская зима—и ее докопаетъ здѣшній климатъ. Тащиться въ Крымъ—спасенія все-таки не будетъ. Небось онъ сгорѣлъ и въ Крыму, въ какихъ-нибудь два года. Да и средствъ у ней не хватитъ. И безъ того поѣздка въ Крымъ съѣла всѣ почти деньжонки, какія она сберегла въ послѣдніе два года. Прежде, когда она писала по фарфору и расписывала ширмы—она больше получала. Пейзажъ не давалъ еще ей порядочнаго заработка. За какія цѣны шли ея картины? Стыдно сказать вслухъ: семьдесятъ пять рублей, пятьдесятъ, а то такъ и лиловенькую.

Тѣ вещи, что она привезла съ собою, по смерти Василія Ивановича, продались дороже. За одну пришлось, за вычетомъ процента эстампному магазину, рублей около полутораста. А теперь вотъ уже больше трехъ мѣсяцевъ никакого заработка. До сихъ поръ въ магазинѣ три ея картинки. Но все это ничего, вытерпѣть можно, только бы здоровье не предало! А если въ ней уже сидитъ микробъ и точитъ ткань ея легкихъ?.. Онъ и сгрызетъ ея дарованіе, выпуститъ изъ нея весь творческій духъ художницы.

Но она себя сейчасъ же поправила, и краска появилась на сильно похудѣлыхъ щекахъ. А Василій Ивановичъ? У него-ли не была злая чахотка! И она только физически ѣла его, держала по недѣлямъ въ постели, лишала силъ и тѣлесной доброты. Художникъ не ослабѣвалъ въ немъ до самой смерти. Его картина, оставшаяся на одну треть недописанною—самая лучшая его вещь. Въ ней онъ весь сказался, такой, какимъ смерть схватила его и унесла туда, гдѣ онъ уже не мучится больше.

И она застыдилась своего страха заразы, выбранила себя мысленно. Это было бы и гнусною измѣной памяти того, кто освѣтилъ ей путь къ пониманію природы.

Но гдѣ же теперь этотъ свѣтъ? Куда дѣвался?

Она пришла опять къ тому же вопросу — и отвѣта не было. Новый взглядъ, брошенный ею на эскизъ,

Библиотека "Руниверс"

стоявшій передъ ней, убѣждалъ ее еще сильнѣе въ томъ, что ни воздухъ, ни деревья, ни даль — не дышатъ!..

Сзади, по узкой березовой аллеѣ, раздались голоса. Катерина Петровна вся сжалась и сдѣлала движеніе, чтобы заслонить отъ постороннихъ свою работу. Голоса были молодые — два женскихъ, одинъ мужской... какъ будто ей знакомый... Это только усилило ея недовольство.

„И чего они тутъ шатаются?“ почти вслухъ выговорила она и не могла воздержаться—повернула голову въ сторону разговора.

На скамьѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, сидѣли двѣ дамы, въ шляпкахъ, откуда-нибудь изъ Царскаго пріѣхавшія на передобѣденную музыку. Передъ ними стоялъ и съ размашистыми жестами говорилъ брюнетъ небольшаго роста, немного пухлый, съ южнымъ типомъ, весь въ чесучевой парѣ и шляпѣ съ пестрой лентой, въ желтыхъ башмакахъ.

Когда она обернулась, лицо молодаго мужчины пришлось прямо противъ нея: большіе на выкатѣ глаза, бородка, носъ съ горбинкой, родинка надъ верхней губой... Все это она видѣла гдѣ-то.

И онъ на нее воззрился, потомъ надѣлъ pince-nez, что-то шепотомъ сказалъ своимъ дамамъ и онѣ пошли къ большой аллеѣ парка, ведущей на молочную ферму; а онъ, скорой походкой, съ перевальцемъ, направился къ ней.

„Что ему отъ меня нужно?“ первно подумала Катерина Петровна и перевернула эскизъ холстомъ наружу.

— Мадемуазель Климова? Не ошибаюсь? Нѣтъ?

Онъ уже снималъ шляпу и стоялъ передъ ней, нагнувшись, собирался сѣсть рядомъ на траву.

— Не узнаете? Будто? Бондаревъ! Встрѣчались у Ивана Ивановича... помните? И у профессора Купиныа... на Острову... И на выставкахъ также...

— Ахъ, да! Конечно!.. Я и голосъ вашъ издали признала.

— Вы позволите?

Онъ сѣлъ рядомъ съ ней на траву и снялъ шляпу. Курчавые волосы были коротко острижены, загаръ рѣзкой линіей раздѣлялъ его лобъ.

Теперь она все вспомнила. Этотъ Бондаревъ носитъ великорусскую фамилію, но онъ родомъ съ Юга, изъ Новороссіи, учился, кажется, въ Московской Школѣ, и его картинка, года три тому назадъ, у передвижниковъ, заставила о немъ говорить: хохлушка, съ вѣнкомъ на головѣ, идетъ по лугу, полному весеннихъ цвѣтовъ... И тогда же его называли „молодымъ нашимъ импрессіонистомъ...“ Слыхала она отъ кого-то, что онъ уѣхалъ въ Парижъ.

Они разговорились. Дѣйствительно, Бондаревъ пробылъ двѣ зимы въ Парижѣ, и съ первыхъ его словъ она увидала въ немъ рьянаго послѣдователя крайнихъ тамошнихъ импрессіонистовъ. Говорилъ онъ горячо, много, съ южнымъ акцентомъ, казался очень убѣжденнымъ, разсказывалъ про свои работы, знакомства, звалъ ее въ Парижъ.

— Только тамъ и шевелишь мозгами. Тамъ только и живешь во всю и видишь какая теперь сила — искусство!..

Онъ забрасалъ ее именами, цифрами, громадными цѣнами картинъ на аукціонахъ, цѣлымъ градомъ вопросовъ, на которые она не могла отвѣтить... Точно слетѣла она совсѣмъ съ другой планеты—такъ далека она была отъ всѣхъ этихъ животрепещущихъ громкихъ новостей со всемірной биржи крашенаго холста.

— Женщины какъ двинулись впередъ! говорилъ художникъ, и глаза его, восточнаго типа, метали искры.— Ужь даже слишкомъ! До полуторы тысячи женскихъ картинъ было на выставкѣ прошлаго года.

— Полторы тысячи! повторила Катерина Петровна.

— Честное слово! Между ними есть уже на хорошемъ пути. Не преклоняются больше передъ столбами Института. Знаете, у нихъ вѣдь генералы отъ искусства, въ Академію Наукъ, по тамошнему, въ Институтъ, попадаютъ. Пускай разные Кабанели, Бугро, Мессонье зашибаютъ милліоны. Ихъ пѣсенка спѣта! Милліоны придутъ и къ новой школѣ.

И онъ сталъ ей, захлебываясь словами, разъяснять, какую революцію въ трактованіи природы и человѣка, всего видимаго глазу художника, произвелъ Манэ.

— Импрессіонистъ? спросила она.—Тотъ, что писалъ портреты въ японскомъ вкусѣ?..

— Кто вамъ это сказалъ? крикнулъ Бондаревъ, вскочилъ разомъ обѣими ногами и заходилъ. — Въ японскомъ вкусѣ!.. Нужды нѣтъ! Онъ выговорилъ только первые склады настоящаго, честнаго искусства... Мы пойдемъ дальше. Въ пейзажѣ намъ ни Коро, ни Гуссо, никто изъ этихъ прославленныхъ знаменитостей не указъ! Все вѣдь это сродни тому, что у насъ называютъ путромъ. Наши самые молодые — и тѣ не могутъ схватывать натуру, какъ она имъ представляется въ первую минуту и въ настоящихъ краскахъ — лиловою такъ лиловою, оранжевою такъ оранжевою. У кого и талантикъ объявится... могъ бы быть импрессіонистомъ, все подоплеку—они вѣдь такъ выражаются—хочетъ вложить въ письмо, а не вѣрность колера, не впечатлѣніе минуты. Вотъ хоть бы Кондратьевъ, что умеръ, бѣдняга, въ Крыму... Вы его знавали?

Этотъ вопросъ показалъ Катеринѣ Петровнѣ, что Бондаревъ ничего не зналъ изъ ея интимной жизни. Но все, что онъ ей наговорилъ, встревожило ее гораздо сильнѣе, чѣмъ она могла бы сама ожидать. Имя Кондратьева, брошенное подъ конецъ тирады Бондарева, вызвало въ ней цѣлый потокъ возраженій. Она страстно трепетнымъ тономъ начала изливать заповѣдь, завѣщанную ей Василіемъ Ивановичемъ, и, ловя его взгляды — единственно важные для нея — старалась и себя ободрить въ налетѣвшемъ на нее кризисѣ, который грозилъ ей паденіемъ художническихъ силъ.

Бондаревъ не сдавался; но его рѣчь потекла менѣе бурно и франтовато. Онъ понялъ, что она поражена сомнѣніемъ въ годности своей работы, сочувственно заговорилъ о ней самой, заставилъ ее высказать вполнѣ свой символъ вѣры мастерства, потомъ, въ жару этого болѣе товарищескаго и задушевнаго обмѣна завѣтныхъ идей, взялъ ея эскизъ, перевернулъ лицомъ и, вглядѣвшись въ него хорошенько, сказалъ ей уходя:

— Добрѣйшая Катерина Петровна, — онъ спросилъ ее объ имени и отчествѣ, — спасибо вамъ за то, что посвятили меня въ исторію вашей изучки!.. Знаете что? Вы вѣдь были на болѣе прямой дорогѣ, когда вы старались схватить, по пріѣздѣ въ Крымъ, первое впечатлѣніе живыми, самыми пестрыми, хотя бы и кричащими красками. Кондратьевъ, со своей теоріей душевнаго колорита, сбилъ васъ съ пути. Вамъ показалось, что онъ вдохнулъ въ васъ свою душу. А теперь вы чувствуете, у васъ выходитъ совсѣмъ не то, что глазъ вашъ вбираетъ въ себя... Отчего? Перестали схватывать первое оптическое впечатлѣніе. Боитесь красокъ, боитесь пестроты! Выжимаете изъ себя путряное, свое! Смотрите! Загубите себя: а талантъ у васъ есть. Я вижу его и въ этомъ эскизѣ.

Онъ быстро вынулъ часы, схватился за голову, потомъ надѣлъ шляпу, брошенную на траву, и подалъ ей руку.

— Дамы меня ждутъ и поди ругаются. До свиданія. Я ѣду на Кавказъ, потомъ на зиму въ Парижъ, потомъ, можетъ-быть, вернусь въ Питеръ. Не сердитесь на собрата! Знаете, я какъ Пилатъ скажу: „еже писахъ—писахъ“. Что было на душѣ, то и выложилъ.

Библиотека "Руниверс"

Онъ побѣжалъ: а Катерина Петровна еще долго сидѣла, опустивъ руки на колѣна.

IX.

Душный полдень захватилъ ее на улицахъ Петербурга, когда она ѣхала съ Царскосельской станціи на Невскій. Она отстала отъ города. Трескъ дрожекъ, пыль, крики разносчиковъ, кошки, запахи изъ-подъ воротъ, самые дома съ ихъ лавками и трактирами—теребили ея нервы.

Всю ночь она почти не могла забыться. Встрѣча съ художникомъ Бондаревымъ всколыхнула всю ея душу. Горечь потери любимаго человѣка и учителя, боязнь все разрастающейся хворости, вопросы призванія и вѣрнаго пути въ искусствѣ мучили ее безсонницей: а къ утру безпрерывные приступы сухаго кашля совсѣмъ докопали.

Но ѣхать нужно было... Не къ доктору. Она боялась идти на консультацію къ какому-нибудь извѣстному спеціалисту по груднымъ болѣзнямъ, и оправдывала свое нежеланіе тѣмъ, что теперь нѣтъ никого въ Петербургѣ изъ знаменитостей.

Извозчикъ везъ ее на Невскій, въ эстампный магазинъ. Тамъ стояли—сколько уже времени—три ея картинки. Назначила она имъ цѣну: одной—сорокъ рублей съ рамой, хорошей, подъ черное дерево, и двумъ, побольше, — по шестидесяти рублей, въ новыхъ золоченыхъ рамахъ. Одинъ матеріалъ съ рамами стоилъ ей по крайней мѣрѣ одну третъ того, что она могла выручить.

Но деньги подвелись. Она не одна. На семейство Кондратьева она не можетъ смотрѣть, какъ на чужое. Старухи пріютились у родственниковъ, тамъ, въ губерніи: но за дѣвочку надо платить въ гимназію. И она сама вызвалась вносить за нее плату. Наступитъ скоро и августъ, надо посылать деньги... А ихъ нѣтъ.

По Невскому развороченная мостовая обдавала ее противнымъ запахомъ горѣлаго. Она замѣчала, что ея чувствительность къ звукамъ и запахамъ сдѣлалась во много разъ сильнѣе—и это ее огорчило.

Въ магазинѣ не было никого, кромѣ двухъ приказчиковъ. Съ однимъ изъ нихъ—изъ нѣмцевъ—хмурымъ, но добродушнымъ, она всегда имѣла дѣло.

— Ну, какъ? стыдливо спросила она его, отведя въ сторонку.

До сихъ поръ еще она не можетъ отрѣшиться отъ этого стыда, какъ только замѣшаны деньги и плата за трудъ.

— Пожалуйте сюда.

Онъ повелъ ее въ заднюю комнату и попросилъ сѣсть.

— За маленькую, въ черной рамѣ, даютъ двадцать пять рублей.

— Только? болѣзненнымъ звукомъ переспросила она.

— Только.

— А за тѣ?

— Тѣ совсѣмъ нейдутъ съ рукъ.

И по его широкому лицу прошлась тѣнь.

— То есть, поправился комми,—есть одинъ покупатель... Но онъ за обѣ предлагаетъ сорокъ рублей.

— За обѣ?

Щеки Катерины Петровны зардѣлись.

— Я возьму ихъ съ собою... Это невозможно!..

Какъ она ни нуждалась, но отдать двѣ картины—десять вершковъ на восемь—въ хорошихъ рамахъ, за сорокъ рублей—это было бы унизительно до послѣдняго предѣла.

— Какъ угодно, грустно выговорилъ приказчикъ.— А ту, маленькую?

— Ту отдайте.

И она пошла, возмущенная, въ магазинъ.

— Возьмете съ собою? спросилъ ее на ходу приказчикъ.

— Да, да! Заверните пожалуйста. Онѣ не тяжелы... Я увезу съ собою.

„Что я съ ними буду дѣлать?“ подумала она и холодкомъ повѣялъ на нее этотъ вопросъ... Но она не отмѣнила своего рѣшенія.

Другой приказчикъ, черноватый и помоложе, что-то сказалъ первому вполголоса.

— Ахъ, извините!.. Забылъ вамъ передать... Тутъ одна дама пріѣзжала. Ей понравился вашъ экранъ съ присами. Она немножко поторговалась... Но она возьметъ. Вы назначили сто рублей?

— Пожалуйста! Отдайте! Я и сама забыла про экранъ.

Вотъ что идетъ! Только на такія работы, должно-быть, у нея и есть талантъ: а на пейзажѣ ей грозитъ нищета. Ѣдкая обида схватила ее за горло. Она съ трудомъ удерживала слезы.

И когда она очутилась къ вечеру того же дня въ своей каморкѣ, обвѣшанной этюдами и рисунками, съ дверью, отворенной на крошечный балконъ,—распаковала картинки, привезенныя изъ магазина, поставила ихъ на столъ, къ стѣнѣ, и всмотрѣлась въ нихъ пытливымъ взглядомъ художницы, впервые пораженной сомнѣніемъ въ своихъ силахъ: она перестрадала молча, не проронивъ ни восклицаній, ни слезъ, послѣдній кризисъ душевной горечи.

„Ушло, говорила она мысленно, — ушло! Нѣтъ въ этихъ пейзажахъ ничего вдохновеннаго Васей. А своего у меня, видно, и совсѣмъ не было. Нечего храбриться! Приниматься надо за ремесленную работу. Завалящій экранъ дастъ сто рублей. Пиши присы, пока мода не пойдетъ на другіе цвѣты и гирлянды“.

Отблескъ заката мягко, косвеннымъ лучемъ, забрался въ ея келью. Катерина Петровна отвела глаза отъ своихъ пейзажей и вышла на балконъ.

Природа стояла передъ нею.—бѣдная, сѣверная природа, но полная откровеній для того, кто умѣетъ проникать въ нихъ.

— Продамъ экранъ, шептали горячія губы дѣвушки.—Половину отложу. Къ будущей веснѣ составлю сумму... на памятникъ Васѣ.

Надъ могилой его, тамъ, на берегу моря, чернѣетъ простой, деревянный крестъ съ доской. Ставить памятникъ не на что было.

Вѣтеръ подулъ съ сѣверной стороны. Она закашлялась, и такъ сильно, что должна была войти въ комнату.

Какое-то неиспытанное ощущеніе теплоты въ горлѣ заставило ее приложить къ губамъ платокъ.

На платкѣ показалось красное пятно.

„Началo конца“, подумала она, быстро и безстрашно выпрямляясь во весь ростъ.

Что-жь!.. Она поѣдетъ туда, гдѣ полюбила, и тамъ заснетъ навѣки.

Влажными глазами взглянула она на кольцо, плохо державшееся на похудѣломъ пальцѣ правой руки.

Станетъ, пока жизнь не оборвется, писать экраны и расписывать вѣера. По крайней мѣрѣ не потревожитъ тѣни своего друга потугами убогаго творчества... Надъ ихъ могилами будутъ стоять задумчивые конусы кипарисовъ, подъ синимъ-синимъ небомъ, а внизу изумрудныя волны стихать и снова рокотать...

И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять

Она произнесла вслухъ эти два стиха, пришедшіе ей внезапно, точно кто ихъ подсказалъ...

„Равнодушная! воскликнула она про себя.—Почему?“ Къ ней, въ ея объятія кинется она тамъ, гдѣ когда-то умѣла проникать въ нее душою и гдѣ сложатъ ея кости...

Библиотека "Руниверс"

Дочь Іефѳая. Карт. Зихеля (съ разрѣшенія Фотографич. общества въ Берлинѣ), грав. Брендамуръ.

Библиотека "Руниверс"

Секстина.

Памяти Л. А. Мея *).

Стихотвореніе **Алексѣя Лугового.**

Вся наша жизнь, друзья, не болѣе какъ сонъ!
Дразня то рубищемъ, то ризой величавой,
Среди тревожныхъ грёзъ, въ бреду проходитъ онъ;
Печаль и горе въ немъ смѣняются забавой,
И умолкаетъ шумъ забавъ, какъ пѣсни звонъ,
Мелькнувши грёзою красивой, но лукавой.

Еще не вѣдая угрозъ судьбы лукавой,
Растетъ дитя, и звонъ цѣпей иль злата звонъ
Звучатъ ему равно; спокоенъ дѣтскій сонъ;
Ребенку кажется весь міръ одной забавой:
Предъ цѣлью бытія, предъ тайной величавой,
Съ улыбкой дѣтскою стоитъ безпеченъ онъ.

Но вотъ онъ выросъ; дни идутъ; ужь отрокъ онъ,
Уже скучаетъ онъ надъ дѣтскою забавой;
Какой-то тайный духъ теперь мечтой лукавой
Ему волнуетъ умъ, тревожитъ чуткій сонъ;
Манятъ его къ себѣ красою величавой
Поля... рѣка... гроза... хоръ птицъ... церковный звонъ...

Потомъ онъ юноша: подъ чашъ веселый звонъ
Изъ милыхъ устъ рѣчамъ любви внимаетъ онъ
И славитъ красоту хвалою величавой;
Но красота даритъ измѣною лукавой,
И чудный сонъ любви, коварный, лживый сонъ,
Уже исчезъ, прошелъ минутною забавой...

И, утомясь любви отравленной забавой,
Какъ зрѣлый мужъ, утѣхъ другихъ ужь ищетъ онъ:
Теперь онъ жизнь готовъ отдать за славы звонъ,
Покуда не пойметъ, что слава тотъ же сонъ,
Манившій за собой приманкою лукавой —
Ничтожнымъ призракомъ подъ маской величавой.

И только въ старости сѣдой и величавой,
Невозмутимъ ничѣмъ, ни горемъ, ни забавой,
Глядитъ мудрецъ на міръ съ усмѣшкою лукавой
И смерти ждетъ; порой лишь погребальный звонъ
Его смутитъ; но, вновь спокоенъ, шепчетъ онъ:
Вся наша жизнь, друзья, не болѣе какъ сонъ!

Негласный компаньонъ.

(Изъ старой судебной хроники).

I.

Въ 1685 г. улица Тамиль въ Парижѣ была однимъ изъ главныхъ торговыхъ пунктовъ города. Правда, она не была населена такими богатыми купцами, какъ улица Сенъ-Дени, но это не мѣшало ей быть такою же оживленною и шумною. Лавка тѣснилась около лавки, мастерская около мастерской, и отъ высокихъ мрачныхъ домовъ съ остроконечными крышами шли почти на половину улицы желѣзныя перекладины, на которыхъ скрипѣли фантастическія вывѣски изъ жести или дерева.

Однажды, веселымъ майскимъ утромъ 1685 года, по улицѣ Тамиль шелъ человѣкъ обращавшій на себя вниманіе всѣхъ прохожихъ. Это былъ небольшаго роста, плотный и коренастый мужчина зрѣлыхъ лѣтъ, широкое красное лицо котораго было обезображено чернымъ лоскуткомъ на лѣвомъ глазу. Онъ шелъ съ трудомъ, прихрамывая и опираясь на трость. На правой его рукѣ недоставало трехъ пальцевъ. Его одежда была морскаго покроя: широкіе шаровары, свободная куртка, подпоясанная шарфомъ, и на головѣ старая шкиперская шляпа.

Не смущаясь любопытными взорами прохожихъ, онъ пытливо разглядывалъ своимъ проницательнымъ одинокимъ глазомъ линіи домовъ и лавокъ по обѣимъ сторонамъ улицы. Повидимому онъ искалъ чего-то и наконецъ нашелъ искомое; его вниманіе привлекла очень скромная лавочка золотыхъ дѣлъ мастера, помѣщавшаяся въ узкомъ непригляднымъ домѣ. Въ маленькомъ окнѣ ея лежало на выставкѣ нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ вещей, на видъ небольшой цѣнности. Рядомъ красовалась вывѣска, но не такая большая и хвастливая какъ другія, съ надписью: „Этьенъ Крозе, золотыхъ дѣлъ мастеръ и ювелиръ. Починки всякаго рода исполняются хорошо и дешево“.

Незнакомецъ вошелъ въ домъ и оттуда въ лавку, которая была въ то-же время жилою комнатою. Выставкою въ окнѣ, казалось, нетощался весь небольшой запасъ товаровъ. Дверь въ задней стѣнѣ комнаты была полуотворена и оттуда слышался звонкій стукъ молотковъ.

Красивая молодая женщина, съ шитьемъ въ рукахъ, встала со своего мѣста при видѣ вошедшаго и вѣжливо спросила, что угодно гостю.

— Я-бы хотѣлъ поговорить съ самимъ г-номъ Крозе, сказалъ онъ.—Я пріѣхалъ изъ Вестъ-Индіи и привезъ ему поклонъ... Можетъ-быть мы устроимъ съ нимъ кой-какія дѣла.

— Пожалуйста, садитесь, сударь!

Она придвинула ему стулъ и позвала: „Этьенъ!“

Стукъ молотка прекратился, и въ комнату вошелъ золотыхъ дѣлъ мастеръ въ своемъ рабочемъ платьѣ. Это былъ на видъ очень приличный молодой человѣкъ.

— Къ вашимъ услугамъ, сударь. У васъ есть для меня работа?

— Работа... да, можетъ-быть... Даже кое-что получше работы, если только мы съ вами сойдемся. Но сначала я-бы хотѣлъ узнать, не племянникъ-ли вы нѣкоего Жана Крозе, который въ Вестъ-Индіи былъ моимъ лучшимъ другомъ?

— Жанъ Крозе? пробормоталъ задумчиво ювелиръ.—Да, въ нашей семьѣ былъ, кажется, какой-то бездѣльникъ, носившій это имя. Я самъ никогда его не видѣлъ, но моя покойная матушка при жизни много мнѣ о немъ разсказывала. Онъ попался въ дурныхъ дѣлахъ, былъ изгнанъ, ушелъ въ море и пропалъ безъ вѣсти.

— Это очень похоже на славнаго Жана. Ну, такъ вотъ, онъ былъ тяжело раненъ при Мараканбо и передъ смертью сказалъ мнѣ: „Пьеръ, вѣрный мой товарищъ, если ты когда-нибудь вернешься въ Парижъ здравымъ и невредимымъ, поклонись моимъ родственникамъ и скажи имъ о моей смерти.“

— И онъ больше ничего не велѣлъ передать, не распорядился никакимъ наслѣдствомъ?

— Ха-ха! Бѣдный Жанъ не оставилъ ничего кромѣ долговъ; онъ былъ игрокъ, котораго всегда преслѣдовала неудача.

— Ну, господинъ...

— Меня зовутъ Пьеръ Ришонъ. Я до послѣдняго времени служилъ штурманомъ на одномъ суднѣ флибустьеровъ. *)

— А дядя Жанъ также былъ флибустьеръ?

— Одинъ изъ самыхъ храбрыхъ, сударь.

— Итакъ, благодарю васъ за извѣщеніе. Но вы, кажется, сказали передъ этимъ, что желаете вести со мною дѣла? Какъ прикажете это понимать?

Незнакомецъ сунулъ лѣвую руку въ одинъ изъ внутреннихъ кармановъ своей длинной красной куртки и вытащилъ оттуда маленькую коробку, которую и открылъ. Тамъ сверкали драгоцѣнные камни и мерцали жемчужины, небольшихъ размѣровъ, но все прекрасные экземпляры.

Ювелиръ испытующе взглянулъ на посѣтителя, какъ-бы не отваживаясь задать себѣ вопросъ, гдѣ украдены эти драгоцѣнности.

— Ну, что вы на это скажете? воскликнулъ старый флибустьеръ.—У меня еще много такихъ, еще больше и красивѣе этихъ, все это привезено изъ испанской Америки, сударь! Завоевано при разграбленіи городовъ Веракруца, Мараканбо, Кампеша, Мериды и Картагены. Не дешево заплатилъ я за нихъ,— правымъ глазомъ, тремя пальцами правой руки и половиной лѣвой ноги!

Крозе оглядѣлъ драгоцѣнности съ видомъ знатока и замѣтилъ:

— Эти рубины, изумруды и жемчугъ были когда-то въ оправѣ. Зачѣмъ вы ихъ вынули?

— Чортъ возьми, очень просто! Чтобы легче унести. Золотую оправу я продалъ въ Вестъ-Индіи на вѣсъ, а драгоцѣнные камни и жемчугъ сохранилъ какъ такое сокровище, которое всегда удобнѣе имѣть при себѣ, чѣмъ мѣшокъ золота.

— Совершенно справедливо. Но съ какою цѣлью вы мнѣ показываете эти драгоцѣнности?

*) См. „Сектину“ Мея.

*) около второй половины XVII-го вѣка *флибустьерами* назывались отважные морскіе разбойники въ вестъиндскихъ водахъ.

Библиотека "Руниверс"

— Такъ какъ вы племянникъ моего друга, то я желаю вступить съ вами въ торговую компанію.

— Но я маленькій начинающій мастеръ безъ капитала. Правда, я много работаю на болѣе богатыхъ коллегъ, которые очень дорожатъ моимъ искусствомъ; но большею частью я занятъ починкою. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ средствъ купить у васъ эти камни.

— Ладно, я все-таки буду вашимъ компаньономъ. Вотъ, передаю вамъ все, что въ этомъ футлярѣ: вы продадите драгоцѣнности какъ можно выгоднѣе и получите за это пятую часть барыша. Довольны вы?

— Нельзя и пожелать ничего лучше такой выгодной компаніи. Не нужно-ли скрѣпить наше условіе на бумагѣ?

— Не за чѣмъ. Старому флибустьеру довольно вашей руки. Вотъ мои два пальца.

Онъ протянулъ свою изувѣченную руку. Крозе схватилъ ее и съ благодарностью пожалъ.

Мадамъ Крозе по просьбѣ мужа принесла бутылку вина и, пока Пьеръ Ришонъ пилъ, ювелиръ пробовалъ и взвѣшивалъ драгоцѣнности. Стоимость ихъ онъ установилъ въ 4200 ливровъ. Этой оцѣнкою флибустьеръ остался очень доволенъ и замѣтилъ, что въ Кюрасао ему не предлагали и половины.

Послѣ этого онъ ушелъ, повторивъ еще разъ свой адресъ и обѣщавъ скоро опять навѣдаться.

— Старикъ мнѣ не нравится, сказала мадамъ Крозе своему мужу.—У него только одинъ глазъ, но взглядъ его фальшивъ. При разговорѣ онъ смотрѣлъ на тебя такъ, будто подстерегалъ каждое твое слово. Мнѣ всѣ время невольно казалось, что онъ лжетъ.

— Ну, это глупости, Нанонъ! воскликнулъ ювелиръ.—Старый изувѣченный флибустьеръ изъ Вестъ-Индіи не можетъ быть такимъ кроткимъ на видъ, какъ какой-нибудь профессоръ Сорбонны.

Спустя короткое время Крозе очень выгодно продалъ ввѣренныя ему драгоцѣнности. Пьеръ Ришонъ опять явился, получилъ свою долю и принесъ другіе камни и жемчугъ, на этотъ разъ еще болѣе цѣнные. Крозе вставилъ нѣкоторые изъ нихъ въ художественно сдѣланную золотую оправу и продалъ эти украшенія еще выгоднѣе прежняго.

Въ теченіе четверти года ему три раза пришлось вести дѣла со старымъ морякомъ. Каждый разъ, какъ этотъ послѣдній къ нему приходилъ, молодой ювелиръ радостно его привѣтствовалъ: вѣдь „негласный компаньонъ" былъ причиною того, что его заработокъ въ послѣднее время сильно увеличился. Совсѣмъ иначе встрѣчала флибустьера М-me Нанонъ: она каждый разъ пугалась его, необъяснимый страхъ овладѣвалъ ею, когда онъ начиналъ раскладывать свои драгоцѣнности. Казалось, какой-то внутренній голосъ подсказывалъ ей, что въ этой странной торговлѣ не все обстоитъ благополучно.

II.

Когда французскій министръ Мазарини достигъ вершины могущества, онъ выписалъ изъ Италіи множество своихъ родственниковъ и дѣятельно занялся ихъ карьерой. Племянникъ его, Филиппъ Манчини, былъ сдѣланъ герцогомъ де-Нивернс. Ни болѣе, ни менѣе какъ семь племянницъ, двѣ Мартиноцци и пять Манчини,—всѣ очень красивыя молодыя дѣвушки—также прекрасно устроились. Анна-Марія Мартиноцци сдѣлалась принцессою де-Конти, Лаура Мартиноцци—царствующею герцогиней Моденскою; Лаура Манчини—герцогиней де-Меркёръ, Олимпія Манчини — графинею Суассонскою (она была матерью знаменитаго полководца принца Евгенія Савойскаго); Марія Манчини вышла за коннетабля Колонна, Гортензія Манчини—за герцога де-Мазарини (ея мужъ, одинъ изъ сыновей маршала де ла-Мельере, долженъ былъ, по желанію министра, принять его имя вмѣстѣ съ титуломъ герцога и продолжать это славное въ исторіи имя) и наконецъ Маріанна Манчини, въ замужествѣ герцогиня Бульонская. Изъ этого перечня видно, что Мазарини, бывшій, по словамъ современныхъ ему памфлетовъ, сыномъ разорившагося шляпочника, съумѣлъ очень хорошо пристроить своихъ милыхъ племянницъ.

Самая младшая изъ нихъ, Маріанна, вышла замужъ позже всѣхъ, именно въ 1662 г., когда ей едва исполнилось пятнадцать лѣтъ. Незадолго до этого умеръ ея великодушный дядюшка, такъ долго управлявшій Франціею и при этомъ изрядно набившій себѣ карманы по обычаю министровъ того времени. Когда оставшееся послѣ него огромное наслѣдство было раздѣлено по завѣщанію, то Маріаннѣ досталось нѣсколько милліоновъ чистыми деньгами и, кромѣ того, множество цѣнныхъ произведеній искусства и драгоцѣнностей вдобавокъ къ тѣмъ, которыми она уже владѣла, такъ какъ Мазарини былъ любителемъ ихъ и усерднымъ коллекціонеромъ. Восемнадцать самыхъ крупныхъ своихъ алмазовъ онъ, какъ извѣстно, завѣщалъ коронѣ съ условіемъ называть ихъ въ память его „Мазаринами".

Часть унаслѣдованныхъ ею денегъ Маріанна употребила на покупку великолѣпнаго палаццо на набережной Малаке. Этотъ дворецъ, называвшійся съ тѣхъ поръ Бульонскимъ отелемъ, сдѣлался театромъ блестящихъ и веселыхъ празднествъ. Полная жизни, гостепріимная герцогиня приглашала на нихъ поэтовъ и художниковъ; ея постоянными гостями были Мольеръ, Лафонтенъ, Шолье, Лесажъ и другіе блестящіе умы той эпохи. Герцогиня питала страсть къ животнымъ, окружала себя дрессированными собачками, которыя умѣли дѣлать разныя штуки, и дворецъ ея былъ всегда полонъ обезьянъ, попугаевъ, кроликовъ и морскихъ свинокъ.

Что касается ея супруга, герцога Морица, то его очень рѣдко видѣли въ Парижѣ. Иногда онъ по цѣлымъ годамъ пропадалъ изъ Франціи, принимая участіе въ турецкихъ войнахъ подъ знаменами Австрійскаго императора. Когда-же, увѣнчанный побѣдными лаврами, онъ возвращался къ своей герцогинѣ, то это было не на долго. Если онъ не могъ биться съ турками, то уѣзжалъ съ друзьями на охоту въ свои лѣса.

Въ эпоху нашего разсказа, въ 1685 г., Маріаннѣ было уже тридцать восемь лѣтъ; она была еще очень хороша собою, если вѣрить многорѣчивымъ похваламъ поэтовъ того времени, которые воспѣвали ее въ своихъ произведеніяхъ. Лафонтенъ также ее прославилъ въ граціозныхъ стихахъ.

Однажды ночью, послѣ большаго празднества, усталая герцогиня удалилась во внутренніе покои дворца и начала снимать съ себя брильянтовую парюру. Шелковыя занавѣси на окнахъ были спущены и висѣли до самаго пола. На маленькомъ столикѣ чернаго дерева стоялъ серебряный канделябръ, въ которомъ горѣли три восковыя свѣчи.

— Мадлонъ, обратилась герцогиня къ своей камеристкѣ,—я кажется забыла въ концертномъ залѣ мой флаконъ съ духами. Поищи его.

Дѣвушка послушно вышла изъ комнаты.

Герцогиня высвободила изъ своихъ каштановыхъ локоновъ драгоцѣнную діадему, усыпанную богатѣйшимъ жемчугомъ и брильянтами, и положила ее въ ящикъ, гдѣ уже лежало снятое раньше жемчужное колье вмѣстѣ съ другими украшеніями.

Вдругъ она услышала за собою шорохъ тихихъ шаговъ по ковру. Думая, что это одна изъ камеристокъ, герцогиня равнодушно повернула голову. Но, къ величайшему своему удивленію, она увидѣла кавалера въ черномъ одѣяніи, съ блѣднымъ лицомъ, черною бородою и такимъ-же парикомъ. Кавалеръ смотрѣлъ на нее сверкающимъ взоромъ.

— Дерзкій! неустрашимо воскликнула герцогиня,—кто вы? Какъ вы осмѣлились проникнуть сюда?

Незнакомецъ сдѣлалъ успокоительный жестъ.

— Тише, герцогиня, ни звука, прошу васъ! Не то вамъ будетъ плохо.

— Кто вы, что вамъ нужно?

— Отнюдь не влюбленный глупецъ, прекрасная герцогиня, какъ вы, вѣроятно, предполагаете: я страстный любитель и собиратель драгоцѣнныхъ камней. Прошу позволенія полюбоваться вашей парюрою.

— Для такой просьбы вы очень дурно выбрали время, сударь!

— Чтобы дольше не отягощать васъ своимъ присутствіемъ, прелестная дама, я тотчасъ же унесу съ собою вашъ ящикъ.

— Значитъ вы воръ?

— Да, герцогиня. Но я краду только драгоцѣнности и деньги, а не сердца.

— А, несчастный!

— Не раздражайтесь, прекрасная дама. Вашъ покойный дядюшка при жизни также очень хорошо умѣлъ красть и грабить...

— Убирайтесь сейчасъ же, не то я позову слугъ!

— Не кричите, достойная дама, иначе я увижу себя вынужденнымъ, къ моему величайшему сожалѣнію, затронуть другія струны. Итакъ, смирно, пока я не уйду изъ комнаты! Вѣрьте мнѣ, я не шучу.

Съ этими словами онъ обнажилъ лезвіе кинжала, внушительно сверкнувшаго при блескѣ свѣчей, хладнокровно взялъ со стола ящикъ съ драгоцѣнностями и направился къ одной изъ боковыхъ дверей комнаты. Черезъ минуту онъ уже исчезъ за портьерою.

Герцогиня закричала изо всѣхъ силъ. Двадцать лакеевъ, горничныхъ и пажей бросилось тотчасъ же на ея крикъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, они поспѣшили въ сосѣднія комнаты, начались розыски... Одно окно оказалось отвореннымъ, въ него-то похититель и скрылся. Комната находилась въ нижнемъ этажѣ дворца и окнами выходила на набережную. Побѣжали на улицу, искали вездѣ, но напрасно—не было и слѣда дерзкаго вора. Быть-можетъ онъ сѣлъ въ лодку, поплылъ внизъ по рѣкѣ и скрылся подъ Тюилерійскимъ мостомъ, какъ тогда обыкновенно называли Pont-Royal.

Лейтенантъ полиціи — тогдашній титулъ высшаго полицейскаго чиновника въ Парижѣ — былъ тотчасъ же увѣдомленъ о дерзкой кражѣ и не замедлилъ начать дѣятельные розыски; но все было тщетно.

III.

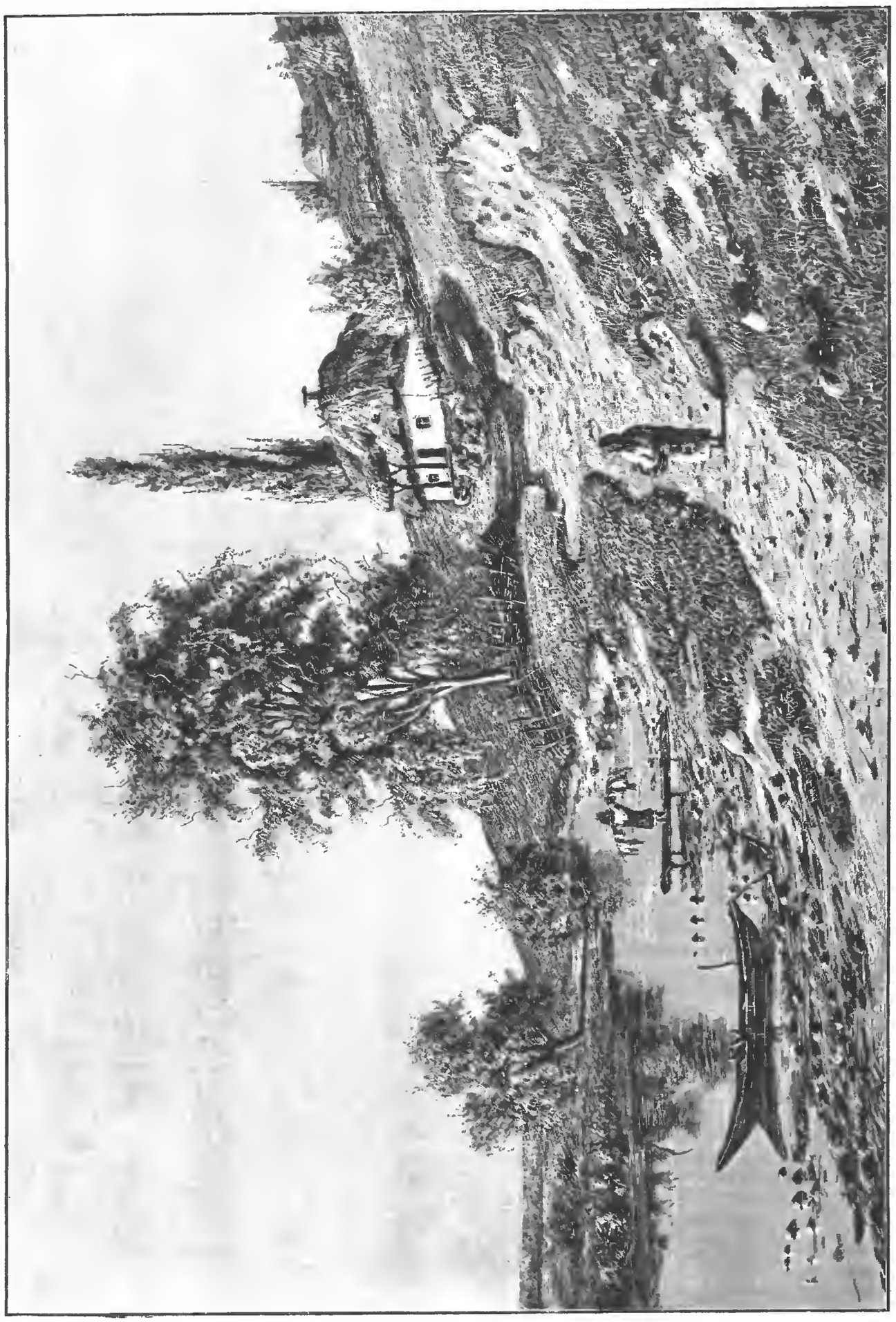
Объ этой кражѣ, произведенной съ такой оригинальной дерзостью и отвагою, много было говорено въ Парижѣ, и на счетъ обокраденной герцогини потѣшались въ прозѣ и стихахъ, по тогдашней легкомысленной манерѣ.

Сенсаціонное извѣстіе проникло и къ золотыхъ дѣлъ мастеру Крозе въ улицѣ Тамиль. Какъ разъ около этого времени онъ получилъ отъ своего „негласнаго компаньона" нѣсколько

Библиотека "Руниверс"

Смерть Рафаэля. Съ карт. О'Нейля, грав. Кинъ.

Библиотека "Руниверс"



Хуторъ въ окрестностяхъ Полтавы. Оригр. рис. (собств. „Нивы") **Васильченко**, автотипія Яблонскаго.

Библиотека "Руниверс"

прекрасныхъ брилліантовъ и рѣдкихъ жемчужинъ. По этому поводу ему пришла мысль сдѣлать изъ нихъ великолѣпную парюру и постараться продать ее герцогинѣ Бульонской. Итакъ онъ съ большимъ стараніемъ и искусствомъ изготовилъ діадему, цѣною въ 36,000 ливровъ, и, по окончаніи ея, единственно обратился къ герцогинѣ съ просьбою разрѣшить ему явиться къ ней.

На это не замедлилъ послѣдовать милостивый отвѣтъ знатной дамы; она приметъ его на слѣдующій день въ такой-то часъ.

Надѣвъ свое лучшее платье, онъ направился къ Бульонскому отелю. Ему показалось, что при видѣ его на лицѣ герцогини отразилось изумленіе, и она со страннымъ вниманіемъ оглядѣла его съ ногъ до головы.

Крозе выложилъ ей діадему и сказалъ свою цѣну. Она начала разсматривать прекрасные камни и особенно внимательно большую жемчужину причудливой формы, украшавшую середину діадемы; молочная бѣлизна ея въ одномъ мѣстѣ имѣла нѣсколько болѣе темный оттѣнокъ, и получалось нѣчто въ родѣ абриса сердца.

Герцогиня еще разъ устремила на молодаго ювелира свой проницательный взоръ.

— Сколько вамъ лѣтъ, мастеръ Крозе? спросила она притворно-равнодушнымъ тономъ.

— Двадцать четыре года, отвѣтилъ онъ, удивляясь странному вопросу.

— Странно, прошептала дама,—онъ казался мнѣ старше.

— Не будетъ ли вашей милости угодно благосклонно объяснить мнѣ...

— Подождите!

Она сильно позвонила. Вошла камеристка.

— Позовите сюда дворецкаго и двухъ лакеевъ изъ передней.

Минуту спустя явилось трое слугъ.

Герцогиня указала на ювелира:

— Смотрите за этимъ человѣкомъ и не выпускайте его, это онъ укралъ мои драгоцѣнности. Я узнаю его, только тогда ночью онъ привязалъ себѣ длинную черную бороду и надѣлъ парикъ, такъ что казался старше. Эту большую, единственную въ своемъ родѣ жемчужину въ діадемѣ, которую онъ предлагаетъ мнѣ купить, я признаю за свою собственность. Какая дерзость со стороны этого человѣка, почти большая, чѣмъ въ ту ночь! Послать тотчасъ же за г-номъ лейтенантомъ полиціи!

Этьенъ Крозе выслушалъ слова герцогини безмолвный отъ ужаса и удивленія. Наконецъ, онъ пришелъ въ себя и взволнованно проленеталъ, что герцогиня ошибается: жемчужина не украдена у нея, но привезена изъ Испанской Америки, и онъ ее получилъ отъ одного бывшаго флибустьера.

Но герцогиня только смѣрила его презрительнымъ взглядомъ и вышла изъ комнаты. Бѣдный Крозе остался подъ стражею.

Скоро явился лейтенантъ полиціи съ нѣсколькими чиновниками. Онъ выслушалъ рѣшительное показаніе герцогини и приказалъ тотчасъ же арестовать ювелира, не обращая никакого вниманія на его увѣренія въ своей правотѣ.

Этьенъ Крозе былъ отведенъ въ слѣдственную тюрьму и допрошенъ судьею по уголовнымъ дѣламъ. Послѣ того, какъ онъ далъ подробныя показанія о человѣкѣ, называвшемъ себя флибустьеромъ и вручившемъ ему драгоцѣнные камни, лейтенантъ полиціи тотчасъ же отрядилъ въ квартиру Пьера Ришона двухъ полицейскихъ, которые должны были его арестовать.

Обыскъ, произведенный у стараго флибустьера, обнаружилъ въ его скромномъ наемномъ помѣщеніи лишь очень скудное имущество: зеленый сундукъ съ нѣсколькими принадлежностями матросской одежды, два ржавыхъ пистолета, старый абордажный крюкъ, длинный кинжалъ, чучело обезьяны и карту Средней Америки и Вестъ-Индіи, на которой красными крестиками были отмѣчены мѣстности на прибрежьяхъ и островахъ, гдѣ во время оно происходили стычки флибустьеровъ съ туземцами. Этотъ инвентарь настоящаго стараго корсара не оставлялъ сомнѣнія въ прежней профессіи его владѣльца.

Въ квартирѣ и мастерской Крозе былъ также произведенъ обыскъ, къ величайшему ужасу М-me Панонъ, которая была внѣ себя отъ отчаянія, узнавъ объ арестѣ мужа. Всѣ найденныя драгоцѣнности были временно опечатаны.

Пьеръ Ришонъ на допросѣ подтвердилъ показанія ювелира: онъ, дѣйствительно, ввѣрилъ ему для продажи свою военную добычу въ видѣ драгоцѣнныхъ камней, а большую жемчужину необыкновенной формы онъ получилъ при разграбленіи Маракайбо, причемъ былъ тяжело раненъ.

Лейтенантъ полиціи и слѣдователь ничего другаго не могли отъ него добиться. Если онъ говорилъ правду, то Этьенъ Крозе былъ невиненъ.

Слѣдователь полагалъ, что, пожалуй, нѣтъ ничего невозможнаго въ существованіи двухъ совершенно одинаковыхъ жемчужинъ, даже такой своеобразной формы: вѣдь бываютъ же близнецы, такъ похожіе другъ на друга, какъ одно яйцо на другое. Возможно, стало-быть, что герцогиня Бульонская ошибается, и что жемчужина въ діадемѣ ювелира ей не принадлежитъ.

На это лейтенантъ полиціи возражалъ: „герцогиня узнала не только свою жемчужину, но и дерзкаго вора въ лицѣ ювелира Крозе, который хотѣлъ-было замаскировать свое преступленіе еще большею дерзостью. Только ночью онъ показался ей старше, благодаря фальшивой бородѣ и большому парику. Я почти убѣжденъ въ томъ, что герцогиня права. Оба арестанта—опытные плуты, поэтому они очень ловко согласовали свои показанія. Крозе укралъ брилліанты, а его товарищъ, бывшій флибустьеръ, помогъ ему бѣжать въ лодкѣ, что какъ разъ похоже на стараго морскаго разбойника“.

Такъ какъ многое въ этомъ дѣлѣ еще оставалось неяснымъ, то Крозе и Ришонъ оставались въ заключеніи, имѣя въ перспективѣ довольно сильную вѣроятность ссылки на галеры.

IV.

День близился къ вечеру, сумракъ постепенно разстилался по улицѣ Тамиль.

М-me Панонъ сидѣла въ своей комнатѣ съ красными отъ слезъ глазами, погруженная въ безвыходную печаль. Она знала, что ея мужъ не виновенъ, но сочтутъ ли его правымъ судьи—это было очень сомнительно. О, она всегда инстинктивно чувствовала, что „негласный компаньонъ“ личность подозрительная!

Дверь вдругъ отворилась и въ комнату вошелъ человѣкъ, который, къ удивленію молодой женщины, очень походилъ на ея мужа лицомъ, сложеніемъ и походкою. Но онъ, вѣроятно, былъ вдвое старше Этьена и отличался отъ него большою черною бородою и такимъ же парикомъ. Одѣтъ онъ былъ какъ дворянинъ, сбоку у него звенѣла шпага.

— Вы жена ювелира Крозе? спросилъ онъ, осторожно осматриваясь, какъ бы для того, чтобы убѣдиться, что въ комнатѣ нѣтъ третьяго лица.

— Да, сударь, отвѣтила она.

— Вашъ мужъ въ слѣдственной тюрьмѣ за извѣстную исторію съ драгоцѣнностями, которая надѣлала въ Парижѣ довольно много шума?

— Да, но онъ невиненъ! Богъ свидѣтель, Этьенъ не совершилъ этого преступленія!

— Я нисколько не сомнѣваюсь въ его правотѣ, милѣйшая М-me Крозе. Какая изумительная глупость считать вашего мужа воромъ! Герцогиня Бульонская—дура, а г-нъ лейтенантъ полиціи — простофиля.

Незнакомецъ сказалъ это легкимъ тономъ насмѣшки и продолжалъ:

— Старый морякъ, по имени Пьеръ Ришонъ, также запутанъ въ эту исторію. Я былъ въ его квартирѣ и слышалъ отъ другихъ жильцовъ, что полиція его арестовала.

— Этотъ человѣкъ всему виною! воскликнула молодая женщина.—Я предостерегала отъ него моего мужа, но напрасно.

— Полиція и здѣсь дѣлала обыскъ?

— Да. Но вы меня такъ разспрашиваете... Кто вы сами?

— Я хорошій пріятель Пьера Ришона. Хотѣлось бы знать, нашла ли здѣсь полиція еще какія-нибудь драгоцѣнности и наложила ли на нихъ запрещеніе?

— Да, на нѣкоторыя.

— Кромѣ этого вы ничего больше не можете мнѣ сообщить, М-me Крозе?

— Нѣтъ. Но вы-то, сударь, быть-можетъ, вамъ что-нибудь извѣстно по поводу этого несчастнаго дѣла, и вы могли бы дать добрый совѣтъ?

— Гм! Я долженъ подумать... Есть затрудненія... Стѣны маленькой тюрьмы Шателе страшно толсты, ихъ въ пору только порохомъ взорвать!

На минуту онъ погрузился въ размышленіе. Между тѣмъ Панонъ думала про себя: „Очевидно, этотъ человѣкъ замѣшанъ въ кражѣ драгоцѣнностей. А можетъ быть, это и есть воръ. Еслибъ я могла задержать его и выдать правосудію. Но я, бѣдная, слабая женщина, ничего не могу сдѣлать: онъ убьетъ меня. О, если бы придумать какую-нибудь хитрость!“

Вслухъ же она сказала:

— Сударь, вы, конечно, можете дать мнѣ нѣкоторыя разъясненія относительно личности стараго флибустьера, который, какъ вы только-что сказали, вашъ хорошій пріятель?

— Другой разъ, добрѣйшая М-me Крозе, отвѣтилъ незнакомецъ уклончиво, собираясь уходить.

Въ коридорѣ вдругъ послышались тяжелые шаги. Онъ остановился и шепнулъ:

— Кто это?

Панонъ пришла въ голову отличная мысль:

— Кажется, это полиція; вѣроятно, желаютъ еще разъ допросить меня! сказала она тихо и съ притворнымъ страхомъ.

— Чортъ возьми! съ тревогой проворчалъ незнакомецъ.

— Если вамъ не хочется встрѣтиться съ полиціею, то скорѣе войдите сюда, въ эту комнату; тамъ есть другая дверь, которая ведетъ во дворъ.

Она указала на дверь въ мастерскую. Незнакомецъ скользнулъ въ нее. Быстро захлопнула Панонъ эту тяжелую дубо-

Библиотека "Руниверс"

вую дверь, повернула ключъ и задвинула засовъ. Подозрительный человѣкъ былъ пойманъ, хитрость удалась! Въ мастерской не было другой двери, единственное окно было съ желѣзною рѣшеткою, которую Этьенъ Крозе устроилъ изъ предосторожности, такъ какъ ему иногда давали въ починку цѣнныя золотыя и серебряныя вещи.

Панонъ выбѣжала въ коридоръ и позвала домоваго хозяина, который въ это время спускался съ лѣстницы; его тяжелые шаги и напугали незнакомца. Онъ былъ всегда наилучшаго мнѣнія о своемъ жильцѣ, ювелирѣ Крозе, и не сомнѣвался въ его невинности. Когда молодая женщина разсказала ему о попыткѣ подозрительнаго человѣка, онъ тотчасъ же созвалъ людей, поставилъ ихъ стеречь рѣшетчатое окно и дверь въ мастерскую, а самъ пошелъ за ближайшими представителями полиціи.

Черезъ нѣсколько минутъ явился полицейскій вахмистръ съ четырьмя сыщиками. Между тѣмъ узникъ уже понялъ всю опасность своего положенія и напрягалъ всѣ свои силы, чтобы освободиться. Слышно было, какъ онъ старался выломать дверь въ лавку.

Мадамъ Крозе въ короткихъ словахъ объяснила полиціи положеніе вещей.

— Повидимому, это молодчикъ опасный, сказалъ вахмистръ своимъ людямъ.—Держите ваши пистолеты на-готовѣ. Теперь, отпирайте дверь, мастеръ Гиске.

Домовладѣлецъ отодвинулъ засовъ и отворилъ дверь. Она распахнулась, и незнакомецъ показался на порогѣ съ блестящею шпагою въ одной рукѣ и пистолетомъ въ другой.

— Именемъ короля арестую васъ! воскликнулъ вахмистръ.— Сдайтесь или вы погибли!

Незнакомецъ увидѣлъ пять устремленныхъ на него пистолетныхъ дулъ.

— Въ чемъ меня обвиняютъ? мрачно спросилъ онъ.

— Въ кражѣ брилліантовъ у герцогини Бульонской.

Одну минуту онъ, казалось, хотѣлъ пробиться сквозь толпу полицейскихъ, но тотчасъ же увидѣлъ, что такая попытка безнадежна и грозитъ ему гибелью. Онъ протянулъ свое оружіе вахмистру со словами: „Я сдаюсь", послѣ чего его увели.

Дали знать объ этомъ арестѣ лейтенанту полиціи и слѣдователю. Герцогиня Бульонская была приглашена въ главное полицейское бюро для очной ставки съ арестантомъ.

Она сказала съ полною увѣренностью:

— Этотъ человѣкъ—воръ. Сходство съ нимъ Крозе ввело меня въ заблужденіе, но теперь я совершенно хорошо его узнаю. Сознайтесь, несчастный, что вы воръ!

Плѣнникъ поклонился.

— Мнѣ очень лестно, прекрасная герцогиня, что вы меня такъ хорошо помните!

Послѣ этого насмѣшливаго признанія сомнѣнія больше не оставалось.

Арестантъ спрошенный объ имени, назвался сначала Жаномъ Брисо; но скоро было обнаружено, что его имя Жанъ Крозе. Дѣйствительно, это былъ тотъ самый, пропавшій безъ вѣсти, дядя молодаго ювелира, котораго флибустьеръ выдалъ за мертваго. Отсюда и поразительное сходство между обоими.

Жанъ Крозе и Пьеръ Ришонъ много лѣтъ жили въ Вестъ-Индіи, потомъ вернулись во Францію. Скоро привезенная ими награбленная добыча была промотана. Тогда Жанъ Крозе, человѣкъ въ высшей степени ловкій, совершилъ цѣлый рядъ смѣлыхъ кражъ со взломомъ, покушаясь преимущественно на золото и драгоцѣнности. Чтобы легче обращать ихъ въ деньги, онъ придумалъ вышеописаннымъ остроумнымъ способомъ сдѣлать своего племянника ихъ продавцомъ.

Герцогиня получила назадъ большую часть похищенныхъ у нея драгоцѣнностей. Жанъ Крозе былъ сосланъ на галеры. По дорогѣ въ Тулонъ онъ пытался бѣжать и былъ застрѣленъ однимъ жандармомъ.

Пьера Ришона присудили къ тюрьмѣ, гдѣ онъ и умеръ.

Полная невинность Этьена Крозе блистательно обнаружилась; его тотчасъ же выпустили на свободу. Герцогиня Бульонская, желая хотя отчасти вознаградить его за перенесенныя имъ страданія, съ этихъ поръ начала рекомендовать его своимъ знакомымъ, доставила ему, такимъ образомъ, выгодную работу и знатныхъ кліентовъ. Онъ постепенно пошелъ въ гору и сдѣлался очень почтеннымъ ювелиромъ; но болѣе не вступалъ въ долю съ „негласными компаньонами". (в).

Къ рисункамъ.

Севастополь. Корабельная бухта. (Рис. на стр. 417).

Предлагаемый фотографическій снимокъ даетъ наглядное понятіе о севастопольской Корабельной бухтѣ, въ которой стоятъ нашихъ 3 новыхъ, недавно спущенныхъ, корабля: „Синопъ", „Чесма" и „Екатерина". Удобства этой бухты неоцѣнены: она глубока, чиста, закрыта отъ вѣтровъ и корабли имѣютъ возможность стоять совершенно вплотную къ берегу, обложенному гранитной стѣной. По одну сторону бухты расположился заводъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, а по другую судовые магазины со всѣми припасами судоваго вооруженія. Кромѣ Корабельной, главная бухта отдѣляетъ отъ себя еще Артиллерійскую, Южную и Килебалочную. Всѣ эти бухты образуютъ одинъ изъ лучшихъ въ мірѣ рейдовъ.

Эпизодъ изъ завоеванія Сибири Ермакомъ.

(Рис. на стр. 420).

Славная эпопея завоеванія Сибири Ермакомъ съ горстью его казаковъ полна всякихъ трагическихъ эпизодовъ, полна и самыхъ разительныхъ проявленій безумной отваги и замѣчательной смѣтливости — этихъ отличительныхъ свойствъ русскаго казачества. Одинъ изъ эпизодовъ этого замѣчательнаго похода, совершеннаго волжскимъ атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ въ царствованіе Іоанна Грознаго, очень мѣтко схваченъ и наглядно изображенъ нашимъ художникомъ въ настоящемъ № *Нивы*. Для того, чтобы истолковать этотъ любопытный рисунокъ, необходимо припомнить нѣкоторыя подробности самаго похода Ермака въ Сибирь.

Въ половинѣ XVI вѣка одинъ изъ богатѣйшихъ русскихъ торговыхъ людей, Григорій Строгановъ, владѣвшій обширными землями и промыслами на Востокѣ Руси, испросилъ у царя Іоанна Грознаго дозволеніе занять пустопорожнія земли по рѣкѣ Камѣ, и взялся ихъ населить. Строганову и братьямъ его даны были обширныя права и полномочія и между прочимъ „право содержать на свой счетъ всякихъ ратныхъ людей со всякимъ воинскимъ запасомъ", для защиты ихъ владѣній и городковъ отъ набѣговъ зауральскихъ инородцевъ. Для полнаго обезпеченія своихъ владѣній Строгановы рѣшились покорять ближайшія зауральскія области въ подданство Московскаго государя. Съ этою цѣлью они пригласили къ себѣ на службу одного изъ вольныхъ казацкихъ атамановъ, Ермака Тимоѳеевича, который много лѣтъ сряду на Волгѣ бился съ Ногаями и другими степными кочевниками. Ермакъ прожилъ у Строгановыхъ два года и дѣятельно готовился къ дальнему походу за Уральскія горы. Наконецъ, 1 сентября 1581 г., Ермакъ двинулся въ походъ, съ небольшою ратью въ 850 человѣкъ. По лѣвымъ притокамъ рѣки Тобола (а именно по рѣкамъ Лозвѣ, Турѣ и Тавдѣ) войско Ермака спустилось въ Тоболъ и Обь и проникло внутрь страны, орошаемой этими мощными рѣками. Здѣсь Ермаку пришлось выдержать нѣсколько ожесточенныхъ битвъ съ войсками сибирскаго хана Кучума. Несмотря на то, что на горсть казаковъ Ермака нападали цѣлыя полчища инородцевъ, казаки вездѣ одерживали верхъ надъ ними, потому что были вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое наводило ужасъ на инородцевъ. Между прочимъ, преимущество вооруженія казаковъ особенно наглядно выразилось при слѣдующемъ столкновеніи съ сибирскими татарами.

На одномъ изъ притоковъ Оби, по которому Ермакъ плылъ со своими казаками, инородцы рѣшились воспрепятствовать ихъ дальнѣйшему движенію, перегородивъ рѣку поперекъ теченія преградою изъ толстыхъ древесныхъ стволовъ, скрѣпленныхъ желѣзною цѣпью. Сами же инородцы устроили около этой преграды засаду. Но Ермакъ, провѣдавъ объ этой хитрости инородцевъ, употребилъ противъ нихъ такую же хитрость: онъ выставилъ на своихъ судахъ по нѣскольку шестовъ и рогулекъ, на которые приказалъ накинуть кафтаны и надѣть шапки, такъ что издали ихъ можно было принять за казаковъ, стоящихъ на кормѣ дощаниковъ; самъ же онъ, съ отборнымъ войскомъ, ночью переправился на противоположный берегъ рѣки значительно выше преграды, и пошелъ въ обходъ татарской засадѣ. Когда дощаники казаковъ, управляемые опытными кормщиками, доплыли до преграды, татары выскочили изъ засады и, подъѣхавъ къ самому берегу, стали осыпать суда стрѣлами, направляя ихъ на тѣ шесты съ кафтанами и шапками, которые были поставлены на кормѣ судовъ. Сотни стрѣлъ впились въ казацкіе кафтаны и шапки, никому не принеся вреда; а между тѣмъ какъ татары были заняты этой безполезной перестрѣлкой, Ермакъ подошелъ къ нимъ съ тыла, окружилъ ихъ и, открывъ по нимъ сильный ружейный огонь, перебилъ большинство ихъ, разрушилъ преграду и поплылъ далѣе. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ битвъ, Ермакъ занялъ столицу хана Кучума, городъ *Сибирь*, отъ котораго и вся завоеванная имъ земля получила названіе *Сибирскаго царства*. Отсюда ужь Ермакъ рѣшился отправить въ Москву посольство къ царю и просить, чтобы царь принялъ „новую землицу, Сибирское царство, подъ свою высокую руку".

Уничтоженіе Новгородскаго вѣча. Картина художника К. В. Лебедева. (Рис. на стр. 421).

Картина нашего молодаго и талантливаго художника, Клавдія Васильевича Лебедева, помѣщаемая въ нынѣшнемъ № *Нивы*, принадлежитъ на нынѣшней передвижной выставкѣ къ явле-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ выдающимся и обратившимъ на себя всеобщее вниманіе. Сложный историческій сюжетъ картины требуетъ, однако, подробнаго поясненія для того, чтобы картина могла быть вполнѣ доступна пониманію зрителя.

Содержаніемъ для картины художника послужилъ тотъ приснопамятный день января 1478 года, въ который Новгородъ окончательно утратилъ свою независимость и подчинился власти Московскаго великаго князя, Іоанна III Васильевича. Событію, изображенному художникомъ на его картинѣ, предшествовалъ разгромъ Новгорода въ 1472 году, когда новгородская рать была разбита на р. Шелони, одинъ изъ бояръ, *Борецкій* (сынъ Марѳы Посадницы) и трое другихъ новгородскихъ бояръ казнены, а съ города взятъ тяжкій денежный окупъ. Новгородъ былъ на этотъ разъ пощаженъ: но его участь уже была рѣшена въ умѣ и волѣ Іоанна III. Пять лѣтъ спустя, онъ воспользовался (вольною или невольною) ошибкою въ титулѣ, приданномъ ему послами Новгорода, и потребовалъ, чтобы новгородцы въ своихъ вѣчевыхъ грамотахъ величали его не *господиномъ*, а *господаремъ* (т. е. государемъ и полновластнымъ владыкой). Новгородцы, страстно привязанные къ старинымъ вольностямъ, заспорили, не хотѣли соглашаться... Іоаннъ двинулъ войско, которое подступило къ Новгороду. Новгородцы не смѣли и подумать о сопротивленіи великому князю и въ январѣ 1478 г. покорились Іоанну „*на всей его воли*". Тогда Іоаннъ потребовалъ уничтоженія вѣча. При этомъ онъ приказалъ снять вѣчевой колоколъ, по звону котораго собиралось вѣче новгородское. Колоколъ отвезли въ Москву; туда же отправилъ Іоаннъ и важнѣйшихъ бояръ и богатѣйшихъ купцовъ новгородскихъ, которые были разосланы по дальнимъ городамъ. Въ числѣ этихъ выселенцевъ находилась и знаменитая Марѳа Борецкая (жена бывшаго посадника), ея родные и близкіе. Есть основаніе думать, что она была удалена въ одинъ изъ женскихъ монастырей нашего Сѣвера и тамъ скончалась.

Петръ Николаевичъ Грузинскій. Съ фот. Карбини, грав. Шюблеръ.

Этотъ-то послѣдній моментъ исторической жизни Новгорода художникъ Лебедевъ и избралъ для своей картины. Моментъ, полный высокаго трагизма и глубоко прочувствованный художникомъ. Новгородъ сломленъ; самостоятельность его разбита; на Ярославскомъ дворищѣ—на этомъ форумѣ Новгорода—распоряжаются московскіе люди; на стражѣ стоятъ воины Московскаго князя... Направо—группа связанныхъ по рукамъ и ногамъ новгородскихъ бояръ и *лучшихъ* людей, и среди этой группы сама Марѳа, окаменѣлая отъ горя и душевной муки, но строгая, суровая, сдерживающая себя страшнымъ усиліемъ женской воли... Кругомъ нея стовы, вопли, отчаяніе, слезы женщинъ:—она одна, невидимому, спокойна, холодна и равнодушна ко всему. Налѣво—другая группа: кузнецъ заковываетъ въ колодку одного изъ новгородскихъ бояръ, между тѣмъ какъ дюжій воинъ изъ московской рати его придерживаетъ. Рядомъ съ этимъ бояриномъ стоитъ на колѣняхъ юродивый и старается ободрить несчастныхъ своими рѣчами и въ утѣшеніе имъ указываетъ на небо. Воевода великаго князя Московскаго и дьякъ, съ грамотой въ рукахъ и съ перьями за поясомъ, наблюдаютъ за исполненіемъ воли великаго князя. Въ глубинѣ виденъ вѣчевой колоколъ, вывозимый съ Ярославскаго дворища на дровняхъ, подъ охраною московскихъ приставовъ. Немного лѣвѣе видна пестрая толпа новгородцевъ, которые провожаютъ колоколъ со слезами, кланяются ему и прощаются съ нимъ навѣки... Далѣе и всюду кругомъ, на дворищѣ и крышахъ толпа народа и войско Московскаго князя, блистающее шишаками и оружіемъ. Направо, на второмъ планѣ, за перилами посадничьей *степени*, изъ толпы особенно выдѣляется смѣющееся лицо одного изъ бояръ, очевидно, передавшагося на сторону Москвы; и рядомъ съ нимъ нѣмчинъ, въ своей характерной плоской шапкѣ—одинъ изъ торговыхъ людей, представителей Ганзейскаго союза въ Новгородѣ. На заднемъ планѣ картины видна каменная ограда Ярославскаго дворища, съ башнею... За этою оградою, въ сыромъ, холодномъ туманѣ чуть-чуть видны очертанія деревьевъ, домовъ и храмовъ. Общее впечатлѣніе, производимое картиною, сильно и поразительно.

Дочь Іефѳая. (Рис. на стр. 425).

Израильскій военачальникъ Іефѳай, передъ битвой съ аммонитянами, далъ обѣтъ Богу, въ случаѣ побѣды, принести Ему въ жертву то, что выйдетъ изъ воротъ дома Іефѳаева навстрѣчу ему по возвращеніи изъ похода. Какъ извѣстно, навстрѣчу военачальнику вышла родная и единственная дочь его, которая и осталась навсегда дѣвою. Судьба этой дѣвы вдохновляла художниковъ и писателей всѣхъ временъ. Картина Зихеля типично передаетъ семитическія черты и восточный нарядъ молодой дѣвушки.

Смерть Рафаэля.

(Рис. на стр. 428).

„Смерть Рафаэля" — замѣчательнѣйшая изъ картинъ О'Нейля. Сюжетъ ея, конечно, относится болѣе къ области вымысла, такъ какъ неизвѣстно въ точности, гдѣ именно великій итальянскій живописецъ испустилъ послѣднее дыханіе, умеръ-ли онъ на рукахъ прекрасной Маргариты, или въ кругу друзей и учениковъ, какъ изображено художникомъ. Обстановка картины согласована съ легендарнымъ сказаніемъ, будто бы Рафаэль, почувствовавъ приближеніе кончины, потребовалъ, чтобы отворили окно, дабы онъ могъ насладиться блескомъ солнца, прежде чѣмъ глаза его закроются навѣки. Онъ изображенъ лежащимъ въ постели у окна, въ которое видно ясное небо надъ Монте-Пинчіо. Въ изголовьѣ постели стоятъ его горюющіе ученики, а въ ногахъ монахи и духовенство. Одинъ изъ нихъ отодвигаетъ зеленый занавѣсъ, окутывающій послѣднюю картину Рафаэля: „Преображеніе" Передъ постелью сидитъ духовный сановникъ въ красномъ, кардиналъ, по всему вѣроятію покровитель Рафаэля, и врачъ, держащій руку великаго живописца, какъ бы щупая пульсъ. Четки и нѣсколько фіалокъ брошены на постели.

Хуторъ въ окрестностяхъ Полтавы.

(Рис. на стр. 429).

Прелестный пейзажъ г. Васильченко въ совершенствѣ передаетъ природу Полтавскаго уѣзда съ его лѣсками дубовъ, ясеней, граба и береста, съ раскидистыми ивами на берегу небольшихъ рѣчекъ, притоковъ Ворсклы, съ его бѣлыми хатками, осѣненными вишенникомъ и высокими стрѣлками пирамидальныхъ тополей. Сколько поэзіи въ этой природѣ и какъ понятны становятся вечера на одномъ изъ такихъ хуторовъ—близъ Диканьки, описанные Гоголемъ!

П. Н. Грузинскій. (Портр. на этой стр.).

Петръ Николаевичъ Грузинскій, одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ баталистовъ, родился въ 1837 г. въ Курскѣ, а въ 1862 г. окончилъ курсъ въ Академіи Художествъ, и въ томъ же году отправленъ былъ на казенный счетъ за-границу, гдѣ и пробылъ, въ Германіи, Италіи и Франціи, шесть лѣтъ. Посвятивъ себя исключительно батальному жанру и весьма естественно увлекаясь такимъ богатымъ и характернымъ театромъ войны, какъ Кавказъ, П. Н. Грузинскій неоднократно посѣщалъ эту живописную страну. Ей-же онъ посвятилъ и свои лучшія произведенія: „Взятіе Гунiба", „Оставленіе горцами ауловъ при вѣсти о приближеніи русскихъ войскъ" и „Назначеніе Цесаревича 2-мъ шефомъ Эриванскаго полка въ 1871 г.".

Первая изъ этихъ картинъ была удостоена Академіею Художествъ большой золотой медали, а вторая доставила художнику званіе академика. Какъ та, такъ и другая картины появились на художественныхъ выставкахъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ, и всюду встрѣчены были такими лестными отзывами мѣстной печати, которые доставили художнику весьма почетную извѣстность не только въ Россіи, но и за-границей. Вообще говоря, всѣ картины, писанныя П. Н. Грузинскимъ, начиная съ программы его на золотую медаль („Цыганскій таборъ", 1860 г.) и до небольшихъ сценокъ изъ путешествія по Кавказу—все это

Библиотека "Руниверс"

Видъ города Саратова съ Соколовой горы (по поводу 300-ой годовщины основанія). Съ фотогр. Фиогѣева, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

чрезвычайно оригинально, живо, эффектно и ярко написано. Особенно замѣчательны были „Императорскіе французскіе стрѣлки на маневрахъ“, пріобрѣтенные отъ художника въ Возѣ почившею государынею въ 1865 г., „Бивуакъ французскихъ улановъ“, пріобрѣтенный Академіею въ 1866 г., „Рынокъ въ окрестностяхъ Парижа“, собственность покойной великой княгини Маріи Николаевны. Цѣлый рядъ жанровыхъ сценъ изъ военнаго быта былъ написанъ художникомъ (масляными красками и акварелью) для Великаго Князя Владиміра Александровича, которому угодно было, чтобы П. П. Грузинскій присутствовалъ на большихъ и кавалерійскихъ маневрахъ 1874 года. Картина „Катанье на масляницѣ“ была пріобрѣтена Академіею въ 1889 г. и помѣщена у насъ въ текущемъ году.

Въ настоящее время почтенный художникъ, продолжая работать, постоянно помѣщаетъ въ русскихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ цѣлый рядъ набросковъ и законченныхъ картинъ изъ военнаго быта и охотничьей жизни. Превосходное знаніе лошади даетъ возможность художнику чрезвычайно разнообразить иллюстрацію различныхъ сторонъ русскаго спорта. Нѣкоторыми изъ этихъ талантливыхъ рисунковъ мы въ нынѣшнемъ году украсимъ страницы нашего журнала.

Городъ Саратовъ. (Рис. на стр. 433).

Ровно триста лѣтъ тому назадъ, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, когда была учреждена линія разъѣздовъ и сторожъ по Волгѣ отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани и до Терска, началъ свое существованіе, на лѣвомъ берегу Волги, близь впаденія въ нее маленькой рѣчки Саратовки, городокъ Саратовъ, тогда основанный для сторожевыхъ цѣлей охраненія юго-восточныхъ границъ Россійскаго государства отъ набѣговъ кочевниковъ и затѣмъ выросшій въ одинъ изъ крупнѣйшихъ центровъ Поволжья со 120,000 населеніемъ и обширнѣйшей торговлей. Въ царскомъ указѣ 1591 года Саратовъ называется *новымъ* и тогда уже находился въ вѣдѣніи воеводъ князя Засѣкина и Турова. На свое нынѣшнее мѣсто, т. е. на правый берегъ Волги, Саратовъ, однако, перенесенъ въ началѣ XVII вѣка, а именно въ 1605 году, какъ утверждалъ одинъ изъ первыхъ историковъ Саратова А. Ф. Ісопольдовъ. Годъ этотъ, впрочемъ, оспаривался другими изслѣдователями края, но во всякомъ случаѣ большая часть актовъ, относящихся къ первымъ годамъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, удостовѣряетъ, что городъ тогда уже находился на новомъ мѣстѣ, на которомъ еще въ давнія времена существовало поселеніе Желтая-Гора—„Сары-Тау“, по словамъ извѣстнаго писателя-оріенталиста О. И. Сенковскаго, бывшее главнымъ городомъ буртасовъ, народа исчезнувшаго со страницъ исторіи уже въ первой половинѣ XIII вѣка. Свѣдѣнія объ этомъ городѣ, хотя и весьма краткія, можно найти у нѣкоторыхъ арабскихъ ученыхъ; доказательствомъ же того, что окрестности нынѣшняго Саратова были издавна заселены, служатъ древнія вещи и монеты, съ указаніемъ города Увека. И теперь еще верстахъ въ десяти отъ Саратова есть деревня того же названія съ городищемъ, извѣстнымъ еще съ конца XVI вѣка. Когда Саратовъ былъ перенесенъ на новое мѣсто, прежнее, подъ названіемъ Саратовскаго городища или пепелища, слѣды котораго до сихъ поръ еще примѣтны,—хотя разливами Волги городище все болѣе и болѣе подмывается,—служило нерѣдко притономъ воровскихъ шаекъ и манило къ себѣ кладоискателей. На первыхъ порахъ Саратовъ служилъ преимущественно пунктомъ съ котораго наблюдалось за движеніями ордынцевъ, преслѣдовались воровскія шайки; онъ же охранялъ проѣзды судовъ царскихъ въ Астрахань и обратно и въ немъ же встрѣчались и провожались послы шаха персидскаго или гонцы отъ нагайскихъ мурзъ и князей горскихъ. Однако, довольно слабо укрѣпленный, онъ не въ силахъ былъ отражать набѣги кочевниковъ, мятежниковъ и всякихъ хищниковъ, появлявшихся въ степяхъ Поволжья, страдалъ и отъ погрома Стеньки Разина, скопища котораго были выгнаны Милославскимъ лишь въ 1671 году, и отъ казаковъ, разграбившихъ казну царскую подъ самымъ городомъ въ 1671 году. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка Саратовъ разоряли постоянно калмыки, въ 1708 г. его сильно разграбили донскіе казаки подъ водительствомъ бунтовщиковъ Кондрата Булавина, сообщника Мазепы, и Игната Некрасова, а еще болѣе опустошилъ его Емелька Пугачевъ въ 1774 г. Но всѣ эти бѣды, и мелкія и крупныя, не мѣшали Саратову расти во всѣхъ отношеніяхъ и особенно замѣтно онъ сталъ развиваться съ половины XVII вѣка. Еще Адамъ Олеарій въ путешествіи своемъ, относящемся къ 1635 году, изображаетъ намъ Саратовъ городомъ весьма виднымъ, застроеннымъ, имѣющимъ около десяти церквей. Въ XVII в., какъ видно изъ историческихъ актовъ, городъ владѣлъ обширными землями и рыбными ловлями и торговыя дѣла его были довольно значительны, а въ прошломъ столѣтіи онъ представлялъ весьма большое значеніе для торговли, являясь главнымъ пунктомъ для склада соли и рыбы. Когда для края настали окончательно мирныя времена, когда населеніе его возрастало все болѣе и болѣе, а судоходство по Волгѣ развилось, Саратовъ обратился въ центръ рыбопромышленности для всего средняго Поволжья и связывающимъ звеномъ для сѣверной и юго-восточной Россіи. Губернскимъ городомъ Саратовъ сдѣланъ въ 1797 г. Ранѣе онъ входилъ въ составъ Казанской губерніи, въ 1717 г. былъ приписанъ къ Астрахани, въ 1780 г. назначенъ главнымъ городомъ Саратовскаго намѣстничества, а затѣмъ, въ 1796 году, вновь сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Астраханской губерніи. Саратовъ находится подъ 51° 32′ сѣвер. широты и 63° 44′ вост. долг. и отстоитъ отъ С.-Петербурга въ 1,589 верстахъ, а отъ Москвы въ 915 верстахъ. Это красивый по мѣстоположенію городъ, лежащій на весьма возвышенной мѣстности, уступами спускающейся къ Волгѣ и подобно амфитеатру окруженной хребтомъ высотъ—горами: Соколовой, Лысой и Алтынной, которыя на сѣверѣ отъ города совсѣмъ голы, а на западѣ покрыты мелкимъ лѣсомъ и сплошно морщинами изборождены бураками значительной глубины, въ которыхъ разведено много фруктовыхъ садовъ и огородовъ. Наиболѣе глубокіе изъ этихъ бураковъ дѣлитъ городъ на три неравныя части. Изъ нихъ средняя и представляетъ собою собственно городъ, а обѣ крайнія, не смотря на свою многолюдность и обширность, являются какъ бы предмѣстьями. Городъ отличается правильнымъ и красивымъ расположеніемъ, весь тонетъ въ садахъ, и ими весь окруженъ. При этихъ окрестныхъ садахъ устроены различныя промышленныя заведенія. Улицы города прямы и широки, площади просторны, хорошо обстроены; изъ главныхъ улицъ наиболѣе красивы Московская, Сергіевская и Покровская, изъ площадей лучшія—Хлѣбная, Театральная, Соборная, Сѣнная, Архангельская и Ильинская. На всѣхъ этихъ площадяхъ, кромѣ Ильинской и Хлѣбной, устроены обширные бассейны, снабженные водою изъ двухъ источниковъ, находящихся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города; вода изъ нихъ проходитъ по подземнымъ трубамъ водопроводовъ, устроенныхъ въ 1856—1857 гг. и принадлежащихъ къ замѣчательнымъ городскимъ сооруженіямъ. Весьма украшаютъ городъ бульваръ на площади новаго собора и дача Шехтеля на выѣздѣ города, съ красивымъ вокзаломъ. Изъ зданій городскихъ обращаютъ на себя вниманіе старый соборъ, построенный въ 1697 г. и хранящій въ себѣ чудотворную икону Всемилостиваго Спаса, весьма чтимую жителями, новый соборъ въ память убитыхъ воиновъ въ Отечественной войнѣ и сооруженный во имя Св. Вел. Кн. Александра Невскаго въ 1825 г., съ отдѣльной прекрасной колокольней, а также зданія присутственныхъ мѣстъ, архіерейскій домъ, новый гостиный дворъ, театры каменные и деревянные и пр. Въ городѣ множество лавокъ и магазиновъ, пакгаузовъ и всякихъ помѣщеній для склада разныхъ товаровъ и предметовъ торговли, которая ведется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Находясь на такой рѣкѣ какъ Волга и притомъ въ центрѣ края, богатаго сырыми продуктами, Саратовъ естественно долженъ играть большую роль въ торговомъ отношеніи. Кромѣ русскаго купечества, въ рукахъ котораго почти исключительно сосредоточена торговля солью и значительная часть хлѣбной торговли, въ Саратовѣ постоянно пребываютъ коммиссіонеры и агенты иностранныхъ торговыхъ фирмъ для закупки хлѣба, льнянаго сѣмени, сала, шерсти и прочихъ предметовъ вывоза. Саратовъ великолѣпно торгуетъ также рыбою, которой отпускаетъ болѣе полъ-милліона пудовъ. Но и помимо предметовъ главной торговли въ Саратовѣ, при его обширности и многолюдности—въ немъ считается, по послѣдней переписи, до 124½ тыс. жит.—идетъ весьма бойкая торговля бакалейными, москательными, колоніальными, мануфактурными и галантерейными товарами, закупаемыми главнымъ образомъ въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Умственная жизнь Саратова получила значительное развитіе особенно въ послѣднія два десятилѣтія. Въ періодъ съ 1870 по 1890 гг. въ немъ создалось многое множество учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій, которыми городъ въ правѣ гордиться, тѣмъ болѣе, что все это создано на общественныя средства и по общественному почину. Изъ такихъ учрежденій достаточно указать на двѣ гимназіи, мужскую и женскую, на институтъ благородныхъ дѣвицъ, реальное и Александровское реальныя училища, учебно-исправительный пріютъ, множество начальныхъ городскихъ училищъ и приходскихъ школъ, епархіальный и М. Н. Галкина-Враскаго пріюты, ясли, больницы, безплатныя и дешевыя столовыя, ночлежные дома, музыкальные классы, ссудо-сберегательныя товарищества и проч. Нѣсколько газетъ издававшихся ранѣе и нынѣ существующихъ, каковы: *Саратовскій Листокъ, Саратовскій Дневникъ, Волга, Коммерческій Листокъ. Saratowsche deutsche Zeitung, Братская Помощь, Nimm und lies, Friedensbote* и друг., также краснорѣчиво говорятъ объ умственной жизни города. Напомнимъ также, что многіе государственные люди, воины, ученые, писатели, какъ напримѣръ, А. М. Княжевичъ, С. П. Шевыревъ, А. К. Жуковскій (Бернетъ) извѣстный стихотворецъ, Э. И. Губеръ, статистикъ А. И. Артемьевъ, изобрѣтатель Н. П. Яблочковъ, герой Кавказской войны П. П. Слѣпцовъ и другіе — уроженцы Саратова или Саратовской губерніи. Саратовъ поставленъ, благодаря своему положенію на Волгѣ и въ плодороднѣйшей странѣ, въ довольно счастливыя условія. Будущность у города, одного изъ лучшихъ и богатѣйшихъ въ странѣ, прекрасная, и теперь слова Грибоѣдовскаго Фамусова, стращающаго дочь ссылкой *„въ глушь, въ Саратовъ“*,—являются уже анахронизмомъ.

П. Б—овъ.

Библиотека "Руниверс"

Центральная телефонная станція въ СПБ.

(Рис. на стр. 436).

27 апрѣля открыта въ С.-Петербургѣ новая центральная телефонная станція съ новымъ устройствомъ коммутаторовъ системы „Мюльтиплъ". Телефонные коммутаторы этой системы составляютъ необходимость большихъ телефонныхъ станцій, и потому Международная Компанія телефоновъ Белги, принимая во вниманіе развитіе телефоннаго дѣла въ Россіи, нашла необходимымъ ввести на главныхъ станціяхъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ эту систему, которая, кромѣ Америки, примѣнена теперь только въ Бельгіи, а въ настоящее время вводится также въ Германіи, Франціи и Англіи. Главное ея преимущество въ томъ, что она дозволяетъ одному лицу совершать всевозможныя соединенія абонентовъ самостоятельно и безъ участія другихъ лицъ, между тѣмъ какъ при прежнемъ устройствѣ всѣ соединенія совершались двумя лицами, которыя громко должны были сноситься между собою о предстоящихъ соединеніяхъ и разъединеніяхъ, что, конечно, влекло за собою многочисленныя недоразумѣнія.

Новые коммутаторы имѣютъ видъ отвѣснаго шкафа, на верхней части котораго помѣщаются линейные контакты, т. е. отверстія, къ которымъ проведены линіи абонентовъ. Линіи эти вводятся въ коммутаторы посредствомъ кабелей въ 20 проводовъ каждый. Каждая линія входитъ у перваго стола и, пробѣгая вдоль всѣхъ послѣдующихъ, имѣетъ у каждаго изъ нихъ отвѣтвленіе къ своему контакту.

Всѣ отвѣтвленія припаяны, такъ что количество паяній на телефонной станціи достигаетъ числа 50,000.

Такимъ образомъ на каждомъ столѣ помѣщаются всѣ контакты всѣхъ абонентовъ сѣти, что даетъ возможность сидящей у даннаго стола телефонисткѣ соединять своихъ абонентовъ со всѣми остальными. Само соединеніе совершается посредствомъ пары штепселей, которые вводятся въ отверстія (совершенно такъ же, какъ при электрическомъ освѣщеніи) и, будучи соединены между собою металлическимъ шнуркомъ, составляютъ непрерывный металлическій путь между линіями соединенныхъ абонентовъ.

Въ эти шнурки телефонистка можетъ при помощи соотвѣтственнаго рычага включать свой станціонный аппаратъ, состоящій изъ подвѣшеннаго микрофона, который можетъ двигаться въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіи, и изъ телефона, который посредствомъ пружины удерживается на головѣ телефонистки. Подача звонковъ со станціи къ абонентамъ производится посредствомъ обыкновенной кнопки, которая при нажатіи пускаетъ токъ изъ какого-либо источника электричества въ линію. Источникомъ служитъ или маленькая динамо, вращаемая посредствомъ особаго двигателя, или же просто батарея, которой токъ, посредствомъ спеціальнаго снаряда, превращается изъ постояннаго въ перемѣнный, требуемый для подачи сигналовъ.

Добавочнымъ аппаратомъ къ этому устройству является такъ-называемый столъ скрещеній, который съ одной стороны служитъ для соотвѣтственнаго размѣщенія внѣшнихъ линій по ихъ направленіямъ въ городѣ и такимъ образомъ составляетъ изображеніе сѣти съ точнымъ обозначеніемъ всѣхъ абонентовъ; съ другой же стороны, дозволяетъ совершать по надобности всевозможныя перемѣны, которыя въ этомъ размѣщеніи могутъ оказаться нужными. На этомъ аппаратѣ помѣщаются также и громоотводы.

Вводъ внѣшнихъ линій съ крыши на станцію совершается слѣдующимъ образомъ. Вдоль каждой планки желѣзной квадратной стойки, построенной на крышѣ, подвѣшены на крючкахъ желѣзныя трубы, снабженныя изоляторами съ отверстіями, которыя принимаютъ проводы и ведутъ ихъ къ отвѣснымъ желѣзнымъ ящикамъ, посредствомъ которыхъ они вводятся въ аппаратъ скрещеній. Всѣ эти проводы изолированы и длина 1,700 проводовъ равна 45 верстамъ.

Описанные аппараты составляютъ послѣднее усовершенствованіе въ телефонномъ дѣлѣ, но требуютъ для успѣшнаго хода содѣйствія пользующейся ими публики, которое въ настоящемъ случаѣ наилучше выразится точнымъ соблюденіемъ инструкцій, которыя Общество считало необходимымъ сообщить гг. абонентамъ.

Политическое обозрѣніе.

Какъ молнія разнеслась по обширному нашему отечеству ужасающая вѣсть, что горячо всѣми любимый Наслѣдникъ Русскаго Престола вдали отъ своей родины, въ странѣ, гдѣ Онъ довѣрчиво путешествуетъ, сталъ жертвою возмутительнаго преступленія.

Въ особомъ вечернемъ прибавленіи къ *Правительственному Вѣстнику*, 30 апрѣля, помѣщено слѣдующее сообщеніе за подписью министра Императорскаго Двора графа Воронцова-Дашкова: „29 апрѣля, во время проѣзда Наслѣдника Цесаревича черезъ городъ Отсу, въ Японіи, Его Императорское Высочество былъ раненъ въ голову саблею полицейскимъ нижнимъ чиномъ. Злоумышленникъ хотѣлъ броситься вторично на Великаго Князя, но былъ сбитъ съ ногъ ударомъ палки принца Георга Греческаго. Благодаря Бога, рана Цесаревича легкая и опасности нѣтъ. Присланная лично Его Императорскимъ Высочествомъ телеграмма свидѣтельствуетъ о хорошемъ состояніи Его здоровья. Наслѣдникъ не слегъ и предполагаетъ продолжать путешествіе безъ измѣненія маршрута".

Чудесное избавленіе Наслѣдника Цесаревича отъ угрожавшей Ему опасности служитъ новымъ указаніемъ, что Всевышній хранитъ Царскую Семью, и вся Россія горячо возблагодаритъ Господа Бога за новое доказательство милосердія Его къ Русской Землѣ.

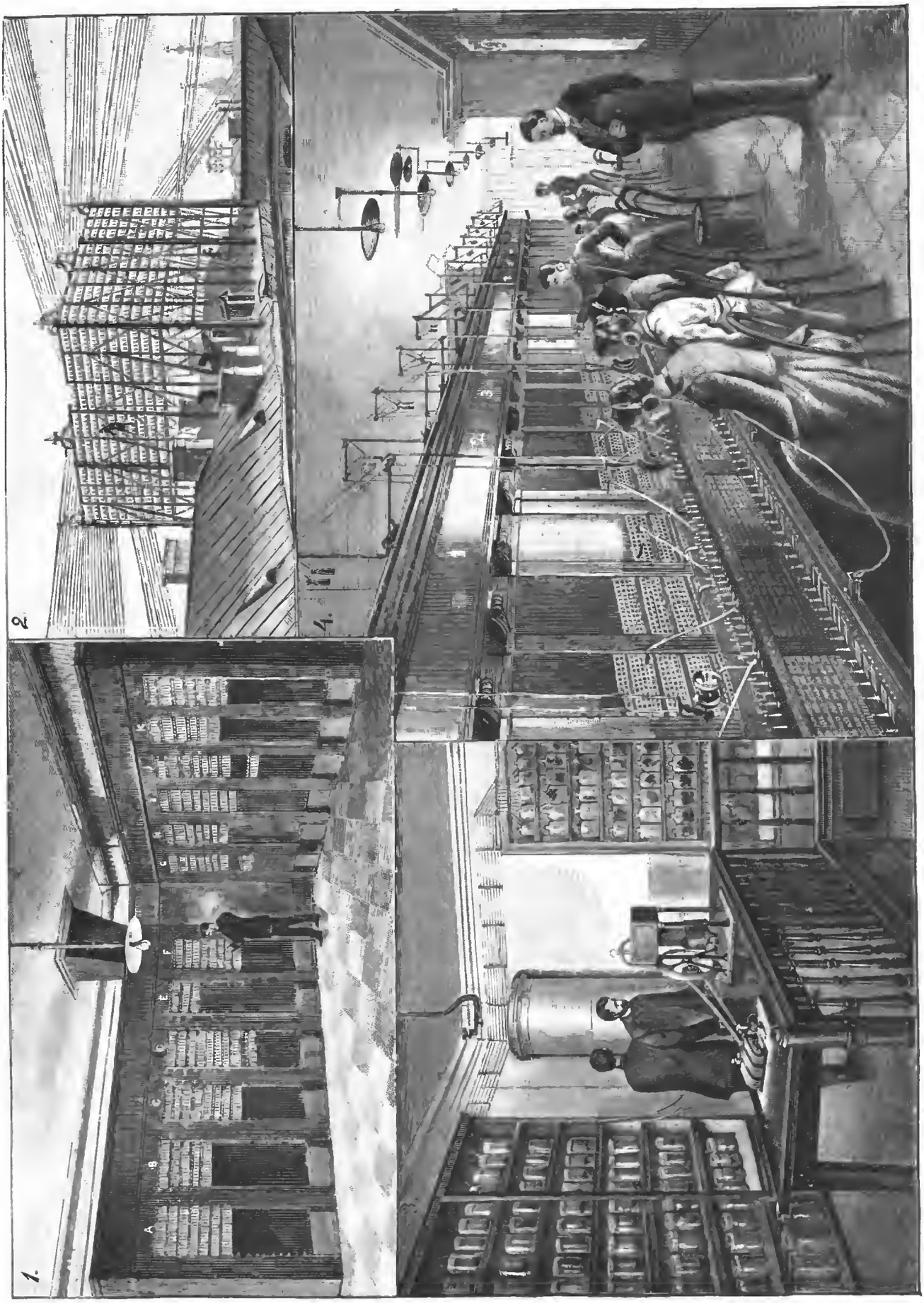
Дальнѣйшія подробности злодѣйскаго покушенія сообщаются въ депешѣ изъ Іокогамы, по словамъ которой покушеніе на жизнь Наслѣдника Цесаревича совершено близъ Кіото полицейскимъ служителемъ изъ туземцевъ. Рана нанесена въ черепъ и не серьезна. По словамъ телеграммы, полученной газетой *Standard* изъ Шанхая, Наслѣдникъ Цесаревичъ ѣздилъ въ Отсу для осмотра красотъ этого знаменитаго мѣста гуляній, расположеннаго на озерѣ Бива-Уми, въ 6 миляхъ отъ Кіото. Виновникъ покушенія — японецъ родомъ, по имени Туда-Санцо; онъ состоялъ полицейскимъ служителемъ. Наслѣдника Цесаревича онъ ударилъ саблею по головѣ. Что злоумышленникъ имѣлъ цѣлью убійство, въ этомъ нельзя сомнѣваться, но, вѣроятно, благодаря тому, что шляпа Наслѣдника Цесаревича была толста и крѣпка — рана оказалась, къ счастію, относительно легкою. Говорятъ, что она представляетъ царапину, сдѣланную саблею на лбу, и не имѣетъ серьезнаго характера. Нѣтъ надобности говорить, что микадо и его министры глубоко потрясены этимъ позорнымъ покушеніемъ на желаннаго и глубокопочитаемаго Гостя. Поскольку событіе это касается общаго настроенія японскаго народа, оно является крайне прискорбною случайностью. Полагаютъ, что злоумышленникъ — сумасшедшій: вѣроятно, онъ былъ выведенъ изъ себя вслѣдствіе какой-нибудь испытанной имъ несправедливости и былъ вызванъ на злодѣяніе случайнымъ присутствіемъ Высокой Особы. Микадо и министры поспѣшно отправились въ Кіото, чтобы выразить сожалѣніе и сочувствіе по поводу случившагося. Можно сказать заранѣе, что Наслѣдникъ Цесаревичъ, не смотря на тягостный случай, все-таки не вынесетъ изъ своего пребыванія въ Японіи непріятнаго впечатлѣнія относительно японскаго радушія.

Не только въ Россіи, но и повсемѣстно за границей ужасное злодѣяніе вызвало справедливое чувство ужаса. Въ Парижѣ газеты выражаютъ негодованіе по поводу покушенія, совершеннаго въ Отсу на жизнь Наслѣдника Цесаревича, а въ Вѣнѣ извѣстіе о безумномъ покушеніи на жизнь Наслѣдника Цесаревича произвело въ придворныхъ кругахъ крайне тягостное впечатлѣніе. Императоръ немедленно послалъ въ русское посольство за подробностями и затѣмъ приказалъ освѣдомиться по телеграфу въ Петербургѣ о случившемся, а ночью телеграфировалъ Государю Императору. Датскій король и королева сообщили Австрійскому императору полученныя ими успокоительныя телеграммы.

Великій Князь Георгій Александровичъ покинулъ гостепріимную Корсику. Передъ отъѣздомъ офицерами гарнизона въ Аяччіо былъ данъ русскимъ офицерамъ вечеръ, который имѣлъ весьма сердечный характеръ. Раздавались клики: „Да здравствуетъ Россія! да здравствуетъ Франція!" и провозглашены были тосты въ честь обѣихъ армій и за единеніе обѣихъ странъ. Крейсеръ „Адмиралъ Корниловъ" ушелъ въ Палермо. Собравшіяся на набережныхъ толпа горячо привѣтствовала Великаго Князя.

Почти одновременно съ избраніемъ князя Бисмарка въ члены рейхстага, императоръ Вильгельмъ произнесъ въ Дюсельдорфѣ рѣчь, вызвавшую не мало толковъ. Рѣчь эта была отвѣтомъ на привѣтствіе президента областнаго сейма прирейнской Пруссіи князя Вида, въ которомъ заявлялось о готовности населенія области принести всѣ жертвы, необходимыя для обезпеченія гарантій европейскаго мира, равно также и внутренняго мира Германіи; оффиціальный текстъ долго не обнародовался, а по частнымъ сообщеніямъ болѣе всего возбудили толки два заявленія императора. Въ первомъ изъ нихъ говорится о миролюбіи молодаго монарха, который якобы выразилъ желаніе, чтобы европейскій миръ лежалъ въ его рукѣ. „Тогда, говорилъ императоръ, я уже позаботился бы о томъ, чтобы миръ не былъ нарушаемъ. Я не упущу ничего такого, чтобы онъ былъ сохраненъ". Второе заявленіе особенно заинтересовало германскую печать. Въ немъ онъ говорилъ, что въ Германіи только одинъ хозяинъ. Хотя *Имперскій Указатель* и не приводитъ подобныхъ словъ, но многія газеты настаиваютъ, будто императоръ произнесъ въ концѣ рѣчи: „въ государствѣ можетъ быть всего только одинъ властелинъ, — и это я самъ. Никакого другаго хозяина я не потерплю!"

Библиотека "Руниверс"



Центральная телефонная станція въ СПБ. съ новой системой коммутаторовъ (мюльтипль). Ориг. рисунокъ А. Земцова, грав. Шюблеръ.

1. Аппаратъ скрещеній.
2. Вводъ внѣшнихъ линій съ крыши на станцію.
3. Динамо-электрическая машина.
4. Залъ коммутаторовъ, предъ которыми работаютъ телефонистки.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Н. В. Яковлева. Туда и обратно. Изъ заграничной поѣздки. СПБ. Изд. А. С. Суворина. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

Русскій путешественникъ по Европѣ рѣдко описываетъ свои впечатлѣнія просто, какъ они слагались, безъ заднихъ мыслей, безъ цѣлей. Читателю обыкновенно желаютъ внушить удивленіе передъ „цивилизаціею" Европы, рѣже — онъ находитъ обличеніе этой цивилизаціи; но въ томъ и въ другомъ случаѣ гораздо болѣе видны воззрѣнія авторовъ, ихъ общественныя и политическія убѣжденія, чѣмъ то, что читатель долженъ искать въ путевыхъ замѣткахъ. Книжка г-жи Яковлевой составляетъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе: въ ней безъ всякихъ претензій описываются самыя простыя впечатлѣнія того, что автору встрѣчалось. И это имѣетъ свою цѣну, вводя читателя въ сферу такихъ явленій, которыя обыкновенно не видны за тенденціозными картинами; подобныя мелочи иной разъ говорятъ больше о внутренней сторонѣ жизни, чѣмъ это кажется сначала. Авторъ описываетъ, напр., приставленнаго къ ней, „неизвѣстно для какой надобности", un enfant de la maison въ дорогой гостиницѣ. Этому enfant было только 15 лѣтъ, но онъ уже прошелъ всю школу уличной парижской мудрости. Развязывая чемоданы, онъ не переставалъ болтать, и въ пять минутъ успѣлъ сообщить que le patron est un imbécille, la patronne и проч., и проч., а что онъ, Joseph, „pour de l'argent irait au bout du monde"... Фигура занимательная и поучительная! Вообще, книжка г-жи Яковлевой можетъ быть прочтена съ удовольствіемъ и не безъ пользы.

Иванъ Щегловъ. Корделія. — Миньона. — Петербургская идиллія.—Кожаный актеръ.—Проводы.—Миръ праху. СПБ. Изд. А. С. Суворина. 1891. Ц. 1 р.

Г. Щегловъ принадлежитъ къ новому поколѣнію беллетристовъ русскихъ. На литературное поприще онъ выступилъ нѣсколькими интересными разсказами, какъ „Первое сраженіе", „Прапорщикъ Поспѣловъ", „Неудачный герой" и пр., изображавшими военный бытъ и обратившими на себя, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, вниманіе. Въ рядѣ разсказовъ, названныхъ въ заглавіи, авторъ, довольно долго отклонявшійся отъ своей, по нашему мнѣнію, прямой дороги задушевнаго разсказчика въ сторону разсказчика и драматурга-юмориста, возвращается къ тому роду произведеній, которымъ онъ началъ, только перенеся свои наблюденія въ иныя сферы. И это, на нашъ взглядъ, съ большой выгодой отозвалось на произведеніяхъ г. Щеглова.

Анемона. Ром. **В. Желиховской** (въ 4-хъ частяхъ). СПБ. 1890. Ц. 1 руб. 50 коп.

Романъ г-жи Желиховской принадлежитъ къ роду тѣхъ современныхъ литературныхъ произведеній, которыя имѣютъ своею задачею не художественное воспроизведеніе жизни, а доставленіе читателямъ занимательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ полезнаго чтенія. Отъ такихъ произведеній, поэтому, и не требуется ни типичности описываемыхъ явленій жизни, ни даже просто строгой естественности. Тѣмъ не менѣе, въ романѣ нашей писательницы, давно пользующейся извѣстностью въ качествѣ писательницы талантливой и занимательной, присутствуетъ въ значительной степени психологическій и художественный элементъ. Г-жа Желиховская искусною рукою изображаетъ хищный типъ женщины безсердечной, эгоистичной и самолюбивой безгранично; и хотя похожденія ея необыкновенны, носятъ характеръ по меньшей мѣрѣ исключительный, однако же психологически типъ этотъ естествененъ и возможенъ, и въ пониманіи его, въ его разоблаченіи—поучительная сторона произведенія г-жи Желиховской. Написанъ романъ очень занимательно.

Смѣсь.

Новое изобрѣтеніе. На-дняхъ мы имѣли случай видѣть особаго устройства часы съ весьма сложнымъ механизмомъ, предназначенные преимущественно для астрономическихъ вычисленій и другихъ наблюденій.

Часы эти анкерные съ компенсаціоннымъ баластомъ, 10-ти-дневнаго завода и имѣютъ три циферблата, изъ которыхъ большій обозначаетъ среднее время, какъ обыкновенные часы; изъ остальныхъ же двухъ, меньшихъ, одинъ показываетъ часы и минуты, а другой — секунды, которыя здѣсь въ свою очередь раздѣлены каждая на пять равныхъ частей, такъ что при помощи стрѣлки возможно опредѣлять время съ точностью до $^1/_5$ секунды.

Такъ какъ часы имѣютъ цѣлью возможно точное опредѣленіе времени въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, то они построены такъ, что посредствомъ нажима на одну кнопку даютъ возможность не только опредѣлить время, но и фиксировать начало и конецъ производимаго наблюденія.

Вычисленіе времени по этимъ часамъ производится слѣдующимъ образомъ. Въ то время, когда стрѣлки на большомъ циферблатѣ показываютъ обыкновенное время, стрѣлки на маленькихъ циферблатахъ находятся на 12 и $^0/_{300}$. Легкій нажимъ на кнопку при началѣ наблюденія мгновенно приводитъ въ дѣйствіе механизмы маленькихъ циферблатовъ, причемъ стрѣлки ихъ по окончаніи наблюденія моментально останавливаются, какъ только наблюдатель снова нажметъ упомянутую кнопку, — и такимъ образомъ показываютъ число часовъ, минутъ, секундъ и долей секунды, прошедшихъ съ начала наблюденія.

Вышеописанные часы состоятъ изъ 306 отдѣльныхъ частей, изготовлены по заказу одного высокопоставленнаго лица и замѣчательны еще тѣмъ, что не только всѣ части ихъ изготовлены здѣсь, въ Петербургѣ, но сверхъ того они представляютъ еще и вполнѣ самостоятельное изобрѣтеніе петербургскаго часовщика, г. Вальтера (Невскій, № 52).

Г. Шевляковъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* сообщаетъ слѣдующій анекдотъ: Императоръ Николай Павловичъ какъ-то осматривалъ артиллерію. Проходя по рядамъ и увидя у одного капитана множество орденовъ на груди, не безъ ироніи спросилъ:

— У кого вы были адъютантомъ?

Нужно замѣтить, что государь былъ того мнѣнія, что больше всего и легче всѣхъ получаютъ награды именно адъютанты какихъ-нибудь высокопоставленныхъ особъ.

Капитанъ съ сознаніемъ своего достоинства отвѣтилъ:

— При этой пушкѣ.

Французы намѣрены увѣковѣчить постановкою памятника имя Жана Нико, который впервые ввелъ табакъ во Францію. Нико, хотя можетъ быть и безсознательно, введеніемъ табаку доставилъ громадный доходъ французскому государству. Въ 1560 году, будучи французскимъ посланникомъ въ Португаліи, онъ выслалъ оттуда въ Парижъ королевѣ Екатеринѣ Медичи первыя сѣмена табаку, а всего 60 лѣтъ спустя (1621 г.) кардиналъ Ришелье ввелъ во Франціи налогъ на табакъ. До 1697 года этотъ установленный налогъ былъ поднятъ до 40 су на 100 фунтовъ табаку генеральнымъ откупнымъ управленіемъ (fermes du roi), затѣмъ сборъ налоговъ былъ уступленъ одному частному откупщику Жане за 250,000 ливровъ турнуа. Въ 1718 году откупная сумма на табачный налогъ возросла уже до 4.000,000 ливровъ. Затѣмъ сборъ снова былъ возложенъ на откупное управленіе, которое до 1790 года (хотя налогъ и прекращался въ 1719—1730 годахъ) получило чистаго дохода 6.000,000, въ то время, какъ государственная касса съ 1621—1790 годъ извлекла съ налога на табакъ 235 милліоновъ. Въ 1791 году доходъ ихъ еще возросъ, пока Наполеонъ I не возстановилъ табачную монополію, которая принесла первой имперіи сумму въ 39.339,842 фр. Въ 1839 году сумма налога равнялась 45 милліонамъ, а въ слѣдующія 50 лѣтъ она постепенно дошла до 242 милліоновъ. До сихъ поръ налогъ на табакъ принесъ Франціи 9 милліардовъ франковъ. (к.)

Замѣчательныя причины смерти. Сибуйахъ, арабскій грамматикъ VIII столѣтія, умеръ отъ досады на то, что Гарунъ-аль-Рашидъ въ одномъ ученомъ спорѣ относительно какой-то грамматической тонкости не соглашался съ его мнѣніемъ. — Валенсіа, испанскій теологъ, умеръ отъ упрека папы за искаженіе одного мѣста въ сочиненіи блаженнаго Августина.—Авриньи, французскій историкъ, умеръ отъ раздраженія на типографщика Лаллемана, позволившаго себѣ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ его сочиненіяхъ.—Корелли, знаменитый композиторъ, умеръ оттого, что Скар-

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы", Контора покорнѣйше проситъ Г.г. подписчиковъ **не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву" 1891 года,** озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля подъ которымъ получается ими „Нива".

Библиотека "Руниверс"

латти указалъ ему диссонансъ въ одномъ изъ его твореній.—Алессандро Гиди, итальянскій поэтъ, умеръ на пути къ папѣ Клименту XI, которому онъ хотѣлъ поднести разукрашенную рукопись переложенныхъ имъ въ стихи пѣсни прповѣдей этого папы, оттого, что нашелъ въ ней грамматическую ошибку. — Софоклъ, знаменитый трагическій поэтъ, умеръ отъ радости. Уже въ глубокой старости онъ читалъ публично свою новую трагедію и по прочтеніи съ величайшимъ напряженіемъ ожидалъ нѣкоторое время рѣшенія судей, мнѣнія которыхъ раздѣлились. Когда большинство голосовъ сказалось на его сторонѣ, онъ не вынесъ нравственнаго потрясенія и умеръ на мѣстѣ. (к.)

Кое что о человѣкѣ. Наше тѣло обладаетъ замѣчательными свойствами. Здоровый человѣкъ лѣтомъ вѣситъ на 3 фунта менѣе, чѣмъ зимою. Вечеромъ мы ниже, чѣмъ утромъ, и разница въ ростѣ равна 1/3 сантиметра. Мозгъ человѣка больше, чѣмъ у всѣхъ животныхъ одной величины съ нимъ, онъ вѣситъ отъ 1200 до 1500 граммовъ и, какъ еще было указано Аристотелемъ, относительно тяжелѣе, чѣмъ у всѣхъ животныхъ. Наше сердце бьется со скоростью 4500 разъ въ часъ и посылаетъ кровь въ периферическія части со скоростью 150 метровъ въ минуту. Вся кровь, находящаяся въ нашемъ тѣлѣ, проходитъ 18 разъ въ минуту чрезъ сердце. У насъ 249 костей: 60 изъ нихъ въ головѣ, 97 въ туловищѣ, 62 въ рукахъ и 90 въ ногахъ. (к.).

5% съ выигр. заемъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка 1889 г. 3-й тиражъ 1-го мая 1891 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма	№ сер.	№ лист.	Сумма	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист	Сумма	№ сер.	№ лист	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.
67	7	500	1684	50	500	4209	41	5000	6545	49	500	8560	14	5000	10419	13	500	12388	18	500	14034	45	500
112	26	500	1688	16	1000	4449	42	500	6598	43	500	8650	36	500	10469	34	500	12443	30	500	14123	9	10000
190	39	500	1789	40	500	4497	8	200000	6638	23	500	8728	45	5000	10470	30	500	12598	13	500	14204	35	500
256	33	8000	1795	37	500	4508	32	500	6713	30	500	8748	13	1000	10635	42	500	12700	40	500	14218	28	500
261	49	500	1885	27	500	4558	45	500	6726	43	500	8842	10	500	10656	1	500	12728	7	500	14234	29	500
270	10	500	1960	40	500	4638	28	500	6754	2	500	8847	13	500	10735	7	500	12787	27	500	14280	9	500
280	26	500	2025	44	500	4965	15	500	6918	38	500	8851	44	500	10747	47	500	12819	34	500	14396	25	500
393	20	500	2054	9	500	4709	44	500	6949	15	500	8890	22	500	10760	13	500	12851	11	500	11517	1	1000
444	32	500	2132	34	500	4806	5	500	6976	29	500	8958	46	500	10770	28	500	12880	33	500	14558	44	500
503	43	500	2242	45	500	4806	38	500	7032	5	500	9015	35	500	10791	82	500	12889	41	1000	14595	3	500
534	13	500	2273	33	500	4818	39	500	7049	44	500	9029	32	500	10796	21	500	12996	1	500	14609	7	500
599	34	500	2312	45	5000	4888	43	500	7055	14	1000	9042	40	500	10875	29	500	12999	29	500	14696	48	500
696	35	500	2328	25	500	4892	26	5000	7098	37	500	9123	36	500	10935	46	10000	13062	29	1000	14721	36	40000
711	27	500	2331	40	1000	4901	10	500	7134	8	500	9130	18	500	11040	35	500	13076	45	1000	14762	13	500
716	23	500	2399	23	500	4959	37	500	7202	45	500	9140	37	500	11057	11	500	13100	11	500	14874	17	500
810	43	500	2400	43	500	5243	30	500	7328	44	500	9190	50	500	11117	29	500	13217	47	500	14878	39	1000
861	43	500	2747	10	500	5263	20	500	7376	11	1000	9310	23	500	11176	22	500	13225	34	500	14916	45	500
868	42	500	2762	14	5000	5320	41	1000	7391	16	500	9385	15	500	11238	50	500	13232	35	500	15221	22	500
867	42	8000	2793	28	500	5359	45	500	7397	5	500	9401	7	500	11425	21	500	13249	35	500	15239	20	500
945	44	500	2847	45	500	5429	5	500	7477	6	500	9410	44	500	11543	5	500	13319	4	500	15299	28	500
966	9	500	3135	19	500	5533	15	500	7496	8	500	9412	13	500	11584	48	500	13354	18	500	15371	9	500
994	15	500	3185	6	500	5571	2	500	7582	7	500	9494	16	500	11650	6	500	13383	7	500	15454	30	1000
1008	29	500	3198	47	500	5670	19	500	7602	6	1000	9527	45	5000	11655	14	500	13385	12	500	15490	28	500
1165	14	500	3302	31	500	5670	38	500	7646	15	500	9549	19	500	11657	35	500	13387	32	500	15492	35	500
1220	22	500	3531	31	500	5685	7	500	7649	7	500	9581	12	500	11667	27	500	13408	40	500	15594	32	1000
1385	26	500	3579	50	500	5688	47	500	7758	13	5000	9621	22	500	11687	43	500	13412	12	500	15607	7	500
1433	7	500	3640	19	500	5737	22	500	7892	37	500	9644	40	1000	11736	13	500	13459	37	500	15681	24	500
1435	3	500	3642	33	500	5821	12	500	7895	15	500	9766	3	500	11767	42	500	13469	33	500	15726	35	500
1460	4	500	3755	31	500	5860	18	25000	8072	26	500	9795	6	75000	11784	35	500	13574	16	1000	15786	7	500
1489	26	500	3801	42	500	5903	22	500	8106	18	500	9842	39	500	11787	20	500	13671	50	500	15876	26	500
1494	29	500	3969	12	500	6011	43	500	8107	7	500	9850	41	8000	11798	26	500	13673	28	500	15876	29	500
1495	19	500	4038	2	500	6051	38	500	8216	31	500	9964	6	1000	11824	34	500	13699	29	500	15898	17	8000
1511	2	500	4045	18	500	6097	26	500	8220	43	500	9975	41	500	12121	39	500	13717	28	500	15903	22	500
1556	39	1000	4050	34	500	6131	6	500	8402	5	500	10058	10	500	12131	36	500	13877	48	500	15936	49	500
1557	35	500	4082	27	500	6244	8	10000	8411	2	500	10073	41	500	12331	2	500	13991	38	500	15953	6	500
1599	18	500	4152	18	8000	6420	15	500	8427	17	500	10097	11	500	12343	21	500	14001	6	500	15965	24	500
1627	36	500	4174	21	1000	6482	44	500	8494	36	500	10123	6	500	12367	44	500	14015	34	500	15993	30	500

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го августа 1891 года.

Тиражъ погашенія будетъ производиться съ 1-го мая 1896 года.

ШАХМАТЫ

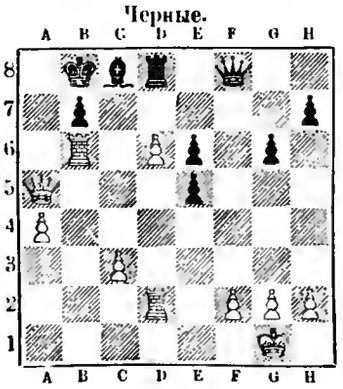
подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Матчъ по телеграфу М. И. Чигорина съ В. Стейницемъ.

№ 1. Гамбитъ Эдинса. **№ 2. Дебютъ двухъ коней.**

В. Стейницъ. **М. И. Чигоринъ.**

Черные. Черные.



Бѣлые. Бѣлые.

М. И. Чигоринъ. **В. Стейницъ.**

Положеніе послѣ 38 хода бѣлыхъ. Положеніе послѣ 38 хода черныхъ.

Черные сдались. Бѣлые сдались.

Извѣстія изъ шахматнаго міра. Съ марта сего года шахматные отдѣлы *Новаго Времени* выходятъ отдѣльными оттисками. Оттиски эти можно получать у М. И. Чигорина (Мойка, 40, Шахматный Клубъ).—№ 3 *Шахматнаго Журнала* А. К. Макарова, ред. Отто, вышелъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.—Въ концѣ текущаго мѣсяца ожидается выпускъ № 1-го ежемѣсячнаго журнала *Шашечницы* П. П. Боброва и Саргина (Москва, Зубовскій просп., д. Ангирасъ).—Съ нѣкоторыхъ поръ существуетъ шахматный отдѣлъ подъ редакціей Виленскаго кружка въ *Виленской Газетѣ*.—Недавно умерли извѣстные шахматисты Г. Макензи (Нью-Іоркъ) и П. Бауэръ (Вѣна).—Заграничные шахматные журналы сообщаютъ о согласіи З. Тарраша играть матчъ со Стейницемъ въ Гаваннѣ зимой 1891 г.—Предполагается пригласить В. Стейница въ Петербургъ для матча съ М. И. Чигоринымъ.—М. И. Чигоринъ предполагаетъ издать отдѣльно свои партіи по телеграфу со Стейницемъ съ приложеніемъ партій по телеграфу между Петербургомъ и Лондономъ. 16-го апрѣля получена изъ Нью-Іорка телеграмма съ приглашеніемъ Чигорина въ Гаванну для матча со Стейницемъ.

Корреспонденція. Л. В. (Ковель). Если С g2+, то Кр. : g2 и черные сдаются. **В. К. Ш. (Бердичевъ) и П. Задачи ваши слишкомъ просты и потому неудобопомѣстимы. Н. П. Смирнову (Москва).** Задачи ваши будутъ напечатаны.

Поправка. Въ книжкѣ № 4 Сборника „Нивы" въ зад. № 2, надо заперетъ дамку, а не простую.

Рѣшенія задачъ.

№ 13. (Шашечная). **Вас. Ив. Шошина.** Запереть дамку.

1. a3 : b4, a5 : c3; 2. c5—g1! c7 : a5; 3. e5—f6, h3 : g7 (h8); 4. g1—h2, h6 : f4; 5. h2 : b2, g7 (h8) : a1; 6. d8—e7, h8 : d6; 7. f8 : b4, a5 : c3; 8. e1—b2, c3—d2; 9. e1 : c3.

Рѣшили: Е. В. Андрезенъ, Н. В. Пановъ, А. Савельевъ, А. В. Шерова, В. П. Шошинъ (СПБ.); Н. П. С—въ, А. Ф. Михайловъ (Москва); В. Г. Макаровъ (Дмитровъ); С. П. Соколовъ (Калуга); И. Мемкинъ (Тверь); Д. В. Добронравовъ (Пенза); П. Ѳ. Б-тн (Бердянскъ); Мыслинъ (Сарапулъ); М. Тумановъ (Сызрань); Л. Я. Фрейманъ (Маріуполь).

№ 12. **Шиннмана.** Матъ въ 20 ходовъ. 1. Ф. h4 +, 2. Ф. c4+, 3. Ф. c5+, 4. Ф. d5+, 5. Ф. d6 +, 6. Ф. e6+, 7. Ф. e7 +, 8. Ф. f7 +, 9. Ф. f8+. Л. g8 : f8 (9. . . . Кр. a2, 10. Ф. : g8 +, 11. Ф. f8+, 12. g7—g8, С. ∓), 10. g7 : f8 Ф.+, 11. Ф. f5+, 12. Ф. e7+, 13. Ф. e6+, 14. Ф. d6+, 15. Ф. d5+, 16. Ф. c5+, 17. Ф. c4+, 18. Ф. b4+, 19. Ф. b3+, a4 : b3, 20. Л. h8 : a8 ‡.

№ 16. **Chocholous'a.** Матъ въ 4 хода.

1. К. f7—d6. Кр. e7 : d6 (a, b, c, d); 2. Л. g8 : g7, К. h7—f6 (e); 3. К. d4—f5+; 4. Л. или п. ‡.

e) 2. . . . К. h7—f8; 3. e6—e7, ∞; 4. e7 : f8, Ф. ‡ или 4. e7—e8 К. ‡.

a) 1. . . . Кр. e7—f6; 2. К. d6—f5, С. e1—h4 (f); 3. Л. g8 : g7, ∞; 4. Л. ‡.

f) 2. . . . ∞; 3. Л. g8—f8+; 4. g4—g5 ‡ (2. . . . g7—g5; 3. Л. g8—g6 ‡).

b) 1. . . . К. h7—f8; 2. Л. g8 : g7, Кр. : d6 (2. . . . ∞; 3. Л., К. ‡).

c) 1. . . . К. d1—e3; 2. К. d6—e8+; 3. Л. g8—f8+, 4. и. ‡.

d) 1. . . . С. e1—h1; 2. К. d6—f5+; 3. Л. g8 : g7; 4. Л. ‡.

№ 17. **Keidanski.** Матъ въ 2 хода. 1. К. d4 b3, ∞; 2. Матъ различными способами.—Правильныя рѣшенія всѣхъ задачъ прислали: **А. Ѳ. Андрезенъ (СПБ.) и В. Савицкій (Варшава).**—12 и 17: **Виндеръ (Перновъ).**—12 и 16: **Н. С. Даржанъ (Кронштадтъ); С. П. Соколовъ (Калуга) и Г. Рутенбергъ (Кіевъ).**—16 и 17: **Ф. Тетерниновъ (Вытегра).**—12: **Д. В. Добронравовъ (Пенза); А. М. Юргенсъ, Ф. Третау и И. Замаринъ (СПБ.); Н. Н. Поповъ и М. Н. Деалетъ-Кильдѣева (Москва); Д. Д. Хорошневичъ (Бендеры) и М. Н. Наумовъ (Харьковъ).** 17: **Ѳ. Эльманъ, Р. Матвѣевъ (СПБ.); Сушкинъ (Москва); Клепацкій (Кишиневъ); В. Г. Гершманъ (Витебскъ); П. П. Пашковскій (Аккерманъ); Б. Ржепишевскій (с. Саббатиновка); П. Б. Сконойнъ (Динабургъ); Д. О. Поповъ (Пермь).**

Библиотека "Руниверс"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Улло. Разсказъ П. Д. Боборыкина. (Окончаніе).—Секстина. Стихотвореніе Алексѣя Лугового.—Негласный компаньонъ. (Изъ старой судебной хроники).—Къ рисункамъ: Севастополь. Корабельная бухта (съ рис.).—Походъ изъ завоеванія Сибири Ермакомъ (съ рис.). Уничтоженіе Новгородскаго вѣча. Картина художника К. В. Лебедева (съ рис.).—Дочь Іефая (съ рис.).—Смерть Рафаэля (съ рис.). Хуторъ въ окрестностяхъ Полтавы (съ рис.). — П. Н. Грузинскій (съ портр.).—Саратовъ (съ рис.).—Центральная телефонная станція въ СПБ. (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Библіографія. Смѣсь.—Заглавіе. Тиражъ выигрышей въ Государственномъ Банкѣ.—Шахматы.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ
продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28-18

ВИНОКУРЪ
нуженъ на заводъ, выкуривающій ежегодно отъ 8 до 12 милліоновъ градусовъ спирта. Желающихъ просятъ обращаться съ аттестатами, условіями и гарантіями на станцію Уралка, Оренбургской губ., къ его превосходительству Ипполиту Даниловичу Шоттъ.

3-е (дешевое) изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:
МУЧЕНИКИ НАУКИ
Біографическая исторія открытій и изобрѣтеній. Г. Тисандье. Переводъ съ франц. подъ редакц. Ф. Павленкова. 34 гравюры и 23 портрета. Мт. № 5194
Ц. 1 р. 25 к., въ перепл.—2 р.

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ
Н. МОРСКАГО (ЛЕБЕДЕВА)
съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.
Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ в № 5098 20 7
10, 15, 25 р. и дороже. Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-кур. безплатно. К. И. ФРЕЛАНДТЪ. Москва. Мясницкая, уголъ Бриноколѣшнаго пер., д. Сокелова.
С. Петербургъ. Невскій пр. № 30—16.

НАСТОЯЩІЕ ДЖУТОВЫЕ НОСКИ И ЧУЛКИ
безъ шва
НЕЗАМѢНИМОЙ ПРОЧНОСТИ
только въ магазинѣ Ю. ГОТЛИБЪ, С.-Петербургъ, по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго пр. Цѣна носкамъ 5 р., чулкамъ 7 р. за дюжину. Самые тонкіе носки 6 р., чулки — 9 р. дюж. За пересылку прилагается 1 руб. Торговцамъ уступка. При пересылкѣ необходима мѣра подошвы.
ПРЕДОСТЕРЕГАЮ гг. покупателей, что нѣкоторыя торговцы продаютъ другіе сорта за джутовые. Мт. № 5192 2—1

В. № 5188 5—1

COSMETICUM
(ильдъ-кремъ въ сухомъ видѣ)
изъ химич. пригот. жира Physet. macrocephl. L.
косметика А. УРБАНЪ.
Цѣна за короб. 50 к., съ перес. 75 к.
употребляется для нѣжности кожи лица.
Бальзамич. жирная личная пудра ВИРГИНІЯ.
эта пудра составлена исключительно изъ растительныхъ веществъ и имѣетъ то преимущество, что не содержитъ примѣси металл. окисей, плотно прилегаетъ и незамѣтна при дневномъ свѣтѣ.
Цѣна за короб. 60 к., съ перес. 85 к.
Продается въ Косметическ. и Аптекарск. магазинахъ. Главн. складъ для Россіи у Вас. Аурихъ, СПБ., Колокольная, 18—19.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.
Въ составъ ея войдутъ біографіи 150—160 лицъ. Каждому лицу посвящается особая книжка объемомъ отъ 80 до 100 страницъ. Къ біографіямъ прилагаются портреты, карты (при біографіяхъ путешественниковъ) и снимки съ картинъ (при біографіяхъ художниковъ). Цѣна каждой книжки—25 коп. Ежемѣсячно выпускается по 4 книжки. До 20-го апрѣля 1891 года вышли слѣдующія 30 біографій: Бекона, Рих. Вагнера, Галилея, А. Гумбольдта, Гуса, Гюго, Данте, Дарвина, Колумба, Конфуція, Кювье, Лессинга, Линкольна, Линнея, Лойолы, Мицкевича, Свифта, В. Скотта, Стэнли, Уатта, Шопенгауера, Эдисона и Морзе (2 біогр. въ одной книжкѣ), Бѣлинскаго, Гоголя, Демидовыхъ, Каразина (основателя харьков. университета), Крамского, Крылова, Никона, Пушкина.
Печатаются: Боккачіо, Гейне, Кеплеръ, Лавуазье, Ливингстонъ, Т. Моръ, Рафаэль, Святыковъ и Сперанскій.—Все изданіе будетъ закончено въ 1893 году. Главный складъ изданія въ книжн. магазинѣ П. Луковникова (СПБ. Лештуковъ пер., 2). Вышедшія книжки продаются по 25 коп. во всѣхъ книжныхъ магазинахъ безразлично. Мт. № 5193

БРОКАРЪ и К°.
ИЗОБРѢТАТЕЛИ Р. № 5087 (8)
ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

ИИСУСЪ
(сынъ Навина). Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ ГЕОРГА ЭБЕРСА. Перев. съ нѣм. съ 58-ю грав. въ текстѣ, по рис. художн. А. Земцова. С.-Петербургъ 1890 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 20 коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. №5182 2—1

Д-ръ Волицій, возвратившись изъ-за границы, лѣчитъ: нервныя, кожныя и грудныя болѣзни. Невскій 102. Отъ 1—3 и 6—7 ч. в.

ПРИГЛАШАЮТЪ
агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блоинъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки.
Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣноносилокъ, жнеекъ „Дези“ и снопосвязалокъ Мак Кормика въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандиля и конныя грабли Тигръ завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 4484 26—25
Занесены частично всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенопъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.
ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ
собственной фабрики
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. В. № 5138 6—4
ПАВЕЛЪ БУРЕ
поставщикъ Двора Его Величества.
С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23.
Москва, по Б. Лубянкѣ, противъ Кузнецкаго моста.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. Соловьева.
Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Роман этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

Подписная годовая цѣна съ перес. 1 руб.
„ДРУГЪ ЖИВОТНЫХЪ“
Журналъ сельскаго хозяйства и разведенія животныхъ
выходитъ ежемѣсячно. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала въ Ревелѣ и во всѣхъ книжн. магаз. въ Россіи. Образцовый нумеръ по требованію высылается безплатно. Подписная годовая цѣна съ перес. 1 руб Мт № 5142 5—5

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.
ФРАНКФУРТЪ Н/М.
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЪ“.
Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиною „Кюжемъ“ (подушка) и „пневматическій“. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5189 18—1

КИТАЙСКАЯ ЧЕСУЧА
для мужскаго и дамскаго лѣтняго платья отъ 16 руб., съ почт. перес. за кусокъ въ 26 арш. и дороже. Торговцамъ уступка. Высылка почтой съ наложеннымъ платежомъ не менѣе куска. Подробный размѣнокъ высылается безплатно.
СИБИРСКІЙ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ“
Москва, Малая Дмитровка, домъ № 18. Ц. № 5190 3—1

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ
для волосъ. Прод. во всѣхъ больш. Аптек. и Косметическ. магазинахъ. Цѣна флакону 1 р. 50 к., но безъ перес. № 5134 (3)
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на имя въ самомъ стилѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ.
Главный складъ: С.-Петербургъ. Демидовъ пер., д. № 1.

Библиотека "Руниверс"

ПАЛКА-ФЛЕЙТА
ИГРАТЬ НА НЕЙ ЛЕГКО.
№ 2 цѣна 1 руб.
№ 3 „ 2 руб.
Пересылка въ провинцію за 2 фунта.
Кратное наставленіе — безплатно.
Тетрадь нотъ по нотно-циферной системѣ. . . . . 50 коп.
Подробный самоучитель. 1 р. 50 коп.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо № 5195
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С. Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (3)
для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.

НЕОБЫЧАЙНАЯ НОВОСТЬ 1891 года.
Велосипеды съ резиновыми ободами
„КУШЕНЪ“
англійскихъ и германскихъ заводовъ.
Ц. № 5150 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ 4—4
АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ,
Москва, Мясницкая.
Каталоги безплатно.

„НОВОСТЬ“. Получена партія новыхъ велосипедовъ извѣстнаго заводa „Зингеръ“, съ дутыми резинами, уменьшающими трясеніе, происходящее отъ ѣзды по неровнымъ и плохимъ дорогамъ. Только въ спеціальномъ велосипедномъ магазинѣ у Генриха Жемлички въ Москвѣ, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., домъ Фальцъ-Фейнъ. Требуйте немедленно новый прейсъ-курантъ на 1891 годъ. № 5111 4—5

ЕДИНСТВЕННЫЕ
ВПОЛНѢ НЕПРОМОКАЕМЫЕ
КАУЧУКОВЫЕ БРЕЗЕНТЫ
плащи для возчиковъ, сторожей и пр.
НАДХОМУТНИКИ
№ 5091 для лошадей. 12 8
Ф. РЕДДАВЕЙ и К°.
Москва, Рыбный пер., Старо-Гостинный дворъ, № 38.

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И РАЗОСЛАНЪ ПОДПИСЧИКАМЪ **второй томъ** сочиненія **Ѳ. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“,

заключающій въ себѣ 707 стр. текста, **125 художественно исполненныхъ гравюръ** и политипажей съ изображеніемъ древесныхъ породъ и ихъ частей, а также культурныхъ орудій, и **17 эстамповъ на мѣди.**

Содержаніе втораго тома: элементы лѣснаго хозяйства; лѣсная почва; строеніе и жизнь дерева; хозяйство въ лиственныхъ лѣсахъ (описаніе лиственныхъ древесныхъ породъ); хозяйство въ хвойныхъ лѣсахъ (описаніе важнѣйшихъ хвойныхъ древесныхъ породъ); хозяйство въ ивнякахъ; кустарники и разведеніе ихъ для образованія живыхъ изгородей и защитныхъ полосъ; естественное возобновленіе лѣсовъ; питомникъ и древесная школа; посѣвъ и посадка лѣса; особенности степнаго лѣсоразведенія; различныя справочныя свѣдѣнія.

Цѣна этому тому: для подписавшихся на все сочиненіе **8 руб.**, а въ отдѣльн. продажѣ **10 р.**, съ пересылкою иногороднымъ **10 р. 60 к.**

Все сочиненіе будетъ состоять изъ **трехъ большихъ томовъ**, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ.

Въ первомъ томѣ разсматривается современное состояніе русскихъ лѣсовъ и указывается на существующіе въ нихъ безпорядки, выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Особенно важное значеніе для частныхъ лѣсовладѣльцевъ, лѣсопромышленниковъ и для лѣсоохранительныхъ комитетовъ въ губерніяхъ, имѣетъ глава, посвященная подробному разсмотрѣнію и выясненію лѣсоохранительнаго закона 4 апрѣля 1888 г., такъ какъ появлявшіяся о немъ до сихъ поръ въ печати сообщенія изъ провинціи и разсужденія указывали на то, что въ положеніяхъ этого важнаго закона не вполнѣ еще разобрались.

Къ первому тому **приложены двѣ художественно исполненныя карты, изображающія 14-ю красками лѣсистость:** одна — **Россіи**, по отдѣльнымъ уѣздамъ; другая—**западно-европейскихъ государствъ.**

III томъ выйдетъ въ непродолжительномъ времени и будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплоатаціи лѣса; учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соотвѣтственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

Подписка на всѣ три тома «Русскаго лѣса» продолжается и каждый новый подписчикъ тотчасъ-же получаетъ уже вышедшіе два тома сочиненія. **Подписная цѣна** на всѣ три тома **14 рублей.** По выходѣ 3-го тома цѣна изданію **будетъ возвышена.**

Для гг. лѣсничихъ и вообще лицъ, служащихъ по М-ству Г. И., желающихъ подписаться на всѣ три тома, **допускается разсрочка** на слѣдующихъ условіяхъ: При подпискѣ вносится **3 р.** и затѣмъ въ слѣдующіе 11 мѣсяцевъ по **1 р.** ежемѣсячно. Взамѣнъ денегъ могутъ быть высылаемы на равную сумму почтовыя марки. При подпискѣ въ разсрочку необходимо представить **ручательство** одного изъ слѣдующихъ трехъ лицъ: Его Пр—ства **Ѳ. К. Арнольда**, г. **В. А. Тихонова**, или г. **Управляющаго** Государственн. Имуществами губерніи. Вышедшіе 2 тома будутъ высланы тотчасъ-же по полученіи перваго взноса въ 5 руб.

Требованія просятъ адресовать на имя издателя **А. Ф. МАРКСА**, въ **С.-Петербургъ, Невскій. д. 6.**

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“
Измайловскій проспектъ, № 27.
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.
ДУХИ
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА.
Персидская Сирень.—Бѣлый Геліотропъ.—Ландышъ.—Лиза Бланъ.—Эссъ Буэ и Эссъ-Віолетъ.—Нисора Бреонъ.—Буке Императрисъ.—Опопонаксъ.—Жоней-Клубъ.—Шампака.

Незамѣняемый бунетъ (Bqt Sans Pareil). — Бунетъ Геоздь (Bouquet Clou) духи составленные С.-Петерб. Химич. Лаб. имѣютъ пріятный и долго сохраняющійся запахъ.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

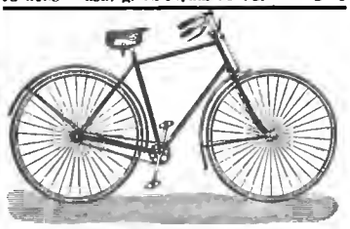
Произведенія С.-Петерб. Химич. Лаб. въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптекарскихъ магазинахъ. Ft. № 5092 2-2

Л. № 5187 4—1

„Ольфакторіумъ Нудилинъ“
М. Л. ЖИРМУНСКАГО.
Продается по 40 к. въ аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи. Въ г. С.-Петербургѣ, у Александра Венцеля, Екатерининскій каналъ, № 26—27. Въ Москвѣ, у К. И. Феррейна, Г. Брунса, И. Маттейсена и проч.
Lanolinstift gegen Zahnschmerzen
„Ланолиновый зубной нарандашъ“
М. Л. Жирмунскаго.
Цѣна 30 к. Двойнаго вѣса 50 к.

ЛЕПНИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ДЛЯ ГУВЕРНАНТОКЪ
(Evangel. Gouvernant. Helm)
рекомендуетъ учительницъ и гувернантокъ всѣхъ націй. Комитетъ Евангелическаго Общества гувернантокъ находится на Торговой д. № 15, кв. № 58. № 5185 3—1



Извѣстныя велосипеды въ свѣтѣ англійскаго завода
ГУМБЕРЪ и К°.
Представители
Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.
Москва, Неглинный проѣздъ, домъ Ечкиной, магазинъ № 14.
Прейсъ-курранты высылаются безплатно.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА“.
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за фланонъ, за два фланона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5136 (4)

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе нерв. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ Б. Морская, 21.

Дозвол. цензур. СПБ., 8 мая 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса. СПБ., Невскій. 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. № 20 — г. XXII 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ 8Ъ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖСК. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис). и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) рвзн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выдан 18 мая 1891 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ" 1891 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . 5 р. | Съ доставкою въ Петербургѣ 6 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ чр конт. объявл. Н Н. Печковской, Петровская Торг. линія . 6 р. | Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . . 7 р. | За границу . 10 р.

Выставка Императ. Академіи Художествъ. „Въ праздникъ". Карт. Дукшты-Дукшинской (исключит. право воспроизв. въ гравюрѣ и т п. принадл. „Нивѣ"), грав. Шюблеръ.

Преддверіе весны.

Лѣсъ безлиственъ и печаленъ,
Въ полѣ снѣгъ, на рѣчкѣ ледъ,—
Но на холмикахъ проталинъ
Стайка зябликовъ поетъ;

* * *

По задворкамъ, подлѣ хижинъ
Бродятъ наглые грачи—
И пѣтухъ совсѣмъ обиженъ:
Бродятъ, сколько ни кричи!

* * *

Слышны жаворонка трели
Съ блѣдно-синей вышины.
Воробьи-же—ошалѣли
Отъ предчувствія весны,

* * *

Какъ въ предвидѣньи каникулъ
Кучки шумныя дѣтей...
Кто изъ насъ такъ не чирикалъ
На разсвѣтѣ юныхъ дней!..

* * *

А зима, нахмурясь грозно,
Собираетъ сонмы тучъ,
Сыплетъ, сыплетъ снѣгъ,—но поздно!
Нѣтъ! всесиленъ вешній лучъ!...

* * *

И на птичьихъ рѣзвыхъ крылья
Не колючій снѣгъ идетъ,
А потоки слезъ безсилья
Низвергаются съ высотъ!...

Василій Величко.

Библиотека "Руниверс"

Корень зла.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.

П. Н. Полевого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

На Романовскомъ подворьѣ.

Обширный дворъ ближняго боярина Никиты Ивановича Романова широко раскинулся на Варваркѣ, по самому гребню Варварскаго холма. И привольно же у боярина на томъ его дворѣ: и хоромы просторныя въ два жилья, *покоемъ* поставлены, и палисадникъ передъ хоромами полонъ цвѣтовъ душистыхъ лазоревыхъ, и садъ за хоромами такой, что въ немъ заблудись, да аукайся, — и огороды со всякимъ зеліемъ, со всякимъ приспѣхомъ и съ овощемъ, со всякою ягодною благодатью, съ деревьями вишневыми, грушевыми и яблонными. А внизъ по холму, словно деревня подгородняя, размѣстились широко службы да избы людскія,—все высокія, съ подклѣтями: да амбарушки пузатыя съ полнудовыми замками нѣмецкими, да гумна съ амшениками, да погреба съ погребицами. А на самомъ низу холма, на краю боярскаго владѣнія,—вонъ и житный дворъ, со всякимъ житомъ въ высокихъ закромахъ: вонъ и птичій дворъ, съ вѣчнымъ кудахтаньемъ и клохтаньемъ всякой домашней птицы и съ тучами голубей надъ высокими голубятнями; вонъ и скотный дворъ, съ котораго доносятся въ садъ мычанье и блеянье домашняго скота, предназначеннаго къ снабженію боярскаго стола мяснымъ и молочнымъ запасомъ. Да это-ли только въ боярскомъ дворѣ! Вонъ, подъ горою-то прудъ, а въ прудѣ не одни караси московскіе, а въ особыхъ садкахъ всякая рыба волжская, живьемъ съ Волги въ кадушкахъ прибылая да сюда спущенная: а вонъ другой — поменьше, плетнемъ огороженъ, и ходъ изъ пруда въ особый дворикъ ведетъ—и на томъ прудѣ гуси-лебеди плаваютъ, утки сотнями полощатся и сторожа съ самострѣлами вкругъ того пруда по бережку ходятъ, зорко ту птицу Божію отъ коршуновъ и ястребовъ оберегаютъ. Не даромъ всѣ холопи Романовскіе, когда кто-нибудь изъ ихъ же братьи, состоящій въ услуженіи у другихъ бояръ, начиналъ хвалить дворъ и хоромы своихъ господъ, только ухмылялись недовѣрчиво или, посмѣиваясь, приговаривали:

— Эхъ, ты! приравнялъ дыру къ Романову двору!

Широкою волною течетъ здѣсь и жизнь привольная, спокойная, ничѣмъ не возмущаемая—настоящая жизнь русской старинной боярской семьи, благословенной отъ Бога и всѣми благами земными, и всякимъ земнымъ счастіемъ, начиная отъ душевнаго спокойствія и до полнаго согласія между всѣми членами семьи. И не однимъ боярамъ на Романовскомъ подворьѣ житье привольное: послѣднему рабу, послѣднему холопу здѣсь такъ хорошо живется, что умирать не надо! Никого изъ Романовской челяди и палкой со двора не сгонишь:

„Намъ", говорятъ, „лучше здѣсь сѣромъ валяться, нежели у другаго боярина въ дворецкихъ жить!"

А ужь что до родни Романовской, до друзей да пріятелей — о тѣхъ ужь и говорить нечего! Радушный и гостепріимный домъ боярина Ѳеодора Никитича манилъ ихъ, какъ ароматный медовый сотъ манитъ къ себѣ шумный пчелиный рой... Бывало, на недѣлю гостить пріѣдутъ, а по полугоду живутъ безвыѣздно, и то на выѣздѣ хозяинъ съ хозяйкой пеняютъ, что „мало погостилъ".

Вотъ точно такъ же случилось и съ Петромъ Михайловичемъ Тургеневымъ, дальнимъ свойственникомъ Ѳеодора Никитича Романова по женѣ его, изъ рода Шестовыхъ. Пріѣхалъ онъ въ Москву изъ своего помѣстья по дѣламъ, думалъ побыть въ Москвѣ недѣльку-другую, да какъ попалъ на Романовское подворье — такъ и застрялъ на немъ. И вотъ ужь скоро съ его пріѣзда пятый мѣсяцъ пойдетъ, а онъ объ отъѣздѣ все еще не думаетъ, къ великой радости своихъ закадычныхъ пріятелей — Алёшеньки Шестова, хозяйскаго шурина, и Мишеньки Романова, младшаго брата Ѳеодора Никитича. Они оба въ Тургеневѣ души не чаютъ и, хоть живутъ съ нимъ на одномъ дворѣ, все на него не наглядятся, не налюбуются. Съ утра, ранешенько, прицутъ къ нему, въ его гостиную избу, да такъ цѣлый день и проводятъ съ нимъ вмѣстѣ, не разлучаясь до поздняго вечера. Только вотъ сегодня что-то запоздали — нейдутъ: и Петръ Михайловичъ Тургеневъ, съ утра уже в весело настроенный, ходитъ по своей свѣтелкѣ взадъ и впередъ и все поглядываетъ черезъ оконцо во дворъ, нетерпѣливо поджидая своихъ пріятелей.

Наконецъ чьи-то торопливые шаги послышались на крылечкѣ, потомъ въ сѣняхъ,—и на порогѣ быстро распахнувшейся двери явился красавецъ-юноша, цвѣтущій здоровьемъ, русоволосый, кудрявый, высокій и стройный. Большіе каріе глаза его, выразительные и добрые, свѣтились какою-то особенною, безотчетною радостью, когда онъ переступилъ порогъ и быстро подошелъ къ Тургеневу.

— Петруша! Дружище! произнесъ онъ громко и весело, обнимая пріятеля, — поздравь ты меня! Вѣдь дѣло-то мое совсѣмъ ужь слажено, почитай!

— Ну? Разсказывай—радъ слушать! ласково сказалъ Шестову Тургеневъ.

— Да что разсказывать, другъ любезный! Вѣдь ты ужь слышалъ отъ меня о той сѣнной боярышнѣ, что при царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ служитъ? Я говорилъ тебѣ, гдѣ видѣлъ ее, и какъ встрѣчался съ ней по церквамъ, и въ Чудовомъ-то, у обѣдни... Ириньей Дмитревной зовутъ, Луньевыхъ родомъ. Что за красотка! Глаза, такъ, вѣришь-ли, вотъ всю мнѣ душу выжгли!..

— Какъ не вѣрить! Мудрено-ли! съ грустною улыбкою сказалъ Тургеневъ.

Но Алёшенька и не слыхалъ его замѣчанія, весь погруженный въ свои воспоминанія о красотѣ Ириньи, и продолжалъ:

— Какъ было мнѣ не полюбить ее?! И полюбилъ, и вотъ взмолился къ сестрѣ, къ Аксиньѣ Ивановнѣ; она вѣдь, какъ ближняя боярыня, и во дворецъ-то вхожа, и у царевны Ксеніи всегда гостья желанная! Упросилъ я сестру, чтобы разспросила она Ириньи Дмитревну, пойдетъ-ли замужъ за меня. Говорю сестрѣ: „скажи молъ ей, что безъ нея мнѣ и жизнь постыла!.." Ну, сестра сказала ей, и та отвѣтила, что замужъ за меня она не прочь бы выйти, да только надо просить, чтобы царевна у матушки-царицы похлопотала о дозволеньи... Вѣдь сѣнныя боярышни безъ царской воли замужъ и помыслить не смѣютъ!

— Это значитъ, что поздравлять тебя покамѣстъ не съ чѣмъ, сказалъ Тургеневъ.—Вѣдь царица Марья куда какъ, говорятъ, люта! Да и Романовыхъ она не очень жалуетъ... Такъ какъ еще ей Богъ на душу положитъ?

— Полно, полно, Петръ Михайловичъ! Не пугай меня раньше времени... Какъ ни люта царица Марья, а для дочери у ней нѣтъ ни святаго, ни завѣтнаго. Да что ты! Я себѣ и мѣста не найду, коли Ириньи за меня не отдадутъ!..

— Не спѣши удачѣ радоваться, не спѣши и въ неудачѣ печалиться! замѣтилъ Шестову Тургеневъ. —

Библиотека "Руниверс"

Дай тебѣ Богъ счастья — порадуемся и мы всѣ съ тобою; а не дастъ—что-жь тутъ подѣлаешь! Не всякому оно на роду писано!..

Шестовъ пристально поглядѣлъ на Тургенева, который съ глубокимъ вздохомъ отвернулся въ сторону, и смолкъ.

— Петръ Михайловичъ! Ты что же это говоришь загадками? Ужь нѣтъ-ли и у тебя какой зазнобы сердечной?

Тургеневъ не отвѣчалъ ничего и молча понурилъ голову.

— Да говори же! Аль ты мнѣ не другъ?

— Послѣ, когда-нибудь! нехотя отвѣчалъ Тургеневъ.—Теперь не время! Я слышу, что сюда идутъ...

И точно, послышались шаги и говоръ на крылечкѣ и въ сѣняхъ, и въ свѣтелку Тургенева вошелъ молодой человѣкъ, лѣтъ 25-ти, съ очень пріятнымъ, широкимъ и чисто-русскимъ лицомъ, опушеннымъ курчавою рыжеватою бородкою. Онъ былъ немного выше средняго роста, но сложенъ былъ на славу: отъ его широчайшихъ плечъ, высокой груди и всего его склада такъ и вѣяло богатырскою, несокрушимою силой. Слѣдомъ за нимъ, съ веселымъ смѣхомъ и говоромъ, вступили въ свѣтелку еще трое молодыхъ людей, такъ же богато одѣтыхъ, какъ и первый.

— А вотъ и Мишенька Романовъ къ намъ пожаловалъ! крикнулъ навстрѣчу богатырю Алёша Шестовъ.

— А съ Мишенькой и Сицкихъ двое, и Погожевъ Елизарій! отвѣчалъ весело богатырь, здороваясь съ Тургеневымъ и Шестовымъ.—Мы всѣ за вами! Что вы тутъ засѣли? Что за думушку думаете? Ужь не злой умыселъ-ли какой на царское здоровье замышляете? Ха-ха-ха!

— И то сказать! Сидятъ какъ куры на нашестѣ! подхватилъ смѣясь одинъ изъ Сицкихъ.—А на дворѣ, смотри-ка, день какой! Да и праздникъ на весь людъ московскій!.. Аль позабыли?

— Какой же праздникъ? съ удивленіемъ спросилъ Тургеневъ.—Или у насъ на Москвѣ всѣхъ праздниковъ по два?

— Какъ же не праздникъ? подхватилъ Сицкій. — Сегодня сибирскихъ царевичей въ Москву ввозятъ, вся Москва ихъ на Ильинку смотрѣть бѣжитъ! Ну, а гдѣ люди, тамъ ужь и мы!

— А гдѣ мы, тамъ и вамъ съ нами быть, Шестову съ Тургеневымъ! Ѣдемъ, что-ли? весело крикнулъ Михайло Романовъ. — Саночки-самокаточки готовы, коньки прозябли, сѣдоковъ прождавши... Ухъ, какъ прихватятъ!

— Что же, ѣхать, такъ ѣхать! сказалъ Тургеневъ Шестову, и молодежь, веселою гурьбою, перекидываясь шутками и смѣшками, вышла изъ свѣтелки на дворъ и направилась къ санямъ, ожидавшимъ за воротами.

II.

Въѣздъ Кучумовичей.

День 16 января 1599 года (съ котораго, собственно, и начинается нашъ разсказъ), былъ солнечный и морозный,—настоящій праздничный. Еще наканунѣ, бирючи разъѣзжали по городу и, громко выкликая, призывали всѣхъ москвичей—боярь, дворянъ, купцовъ и всякаго иного чина людей, посмотрѣть, какъ дьяки государевы съ толмачами повезутъ черезъ всю Москву женъ и дѣтей сибирскаго царя Кучума, полоненныхъ царскими воеводами.

Само собою разумѣется, что уже спозаранокъ народъ то[illegible]лся на всемъ пути, по которому должны были проѣзжать плѣнники. Путь всего поѣзда былъ за[illegible]лѣе на[illegible]ченъ и заканчивался самымъ людными и оживленнымъ мѣстомъ Китая-города — торговою улицею Ильинкою и Ильинскимъ крестцомъ. Понятно, что Ильинка у Ильинскихъ воротъ и Ильинскій крестецъ были такъ запружены народомъ, что и яблоку упасть было некуда. Народъ на улицѣ стоялъ стѣнастѣной, и тѣ, кому пришлось стоять въ заднихъ рядахъ, карабкались на заборы, на крыльца, на приступочки и завалины. Кто былъ помоложе да побойчѣе,— тотъ взбирался и на ворота. Солнце весело свѣтило на эту пеструю и шумную толпу и яркимъ блескомъ отражалось отъ крышъ, прикрытыхъ толстымъ слоемъ снѣга, который высокими шапками лежалъ на всѣхъ крылечныхъ выступахъ, на маковицахъ церквей, на деревьяхъ и зубцахъ стѣны, на вывѣскахъ торговыхъ балагановъ и шалашей, на острыхъ прорѣзныхъ кровляхъ боярскихъ теремовъ—и всей Москвѣ придавалъ тотъ опрятный, праздничный видъ, котораго она не имѣла въ другое время года. На яркомъ, бѣломъ фонѣ снѣга особенно пестры и разнообразны казались торговые ряды, которыми улица была застроена по обѣ стороны около Ильинскихъ воротъ,—ряды, заваленные грудами всевозможнаго товара, начиная съ лубяныхъ издѣлій и москатели и оканчивая мѣхами, заморскими сукнами и шелковыми матеріями. Купцы и приказчики стояли у лавокъ на-сторожѣ, чтобы какой-нибудь лихой человѣкъ не воспользовался общей сумятицей и не поживился на ихъ счетъ. Они бы не прочь были и закрыть свои лавочки, да наканунѣ приказъ вышелъ— лавочки не запирать на всемъ пути проѣзда сибирскихъ царевичей, и потому волей-неволей приходилось топтаться на порогѣ балагановъ и глазѣть на толпу.

— А-ахъ! будь имъ пусто, бусурманамъ! ворчалъ себѣ въ бороду молодой купецкій прикащикъ, пожимаясь въ своемъ полушубкѣ и похлопывая въ теплыя рукавицы у входа въ лавку съ краснымъ товаромъ.— Ни лавки не закрыть, ни алтына не выручить! Теперь ужь не жди покупателя.

— Ишь ты разлакомился торговать по вчерашнему! огрызнулся на него сосѣдъ-торговецъ, маленькій и сухощавый старичекъ, съ жидкой бородкой.—Позабылъ, что барышъ съ убыткомъ рядомъ живутъ! Не ты одинъ съ холяшномъ убытки-то терпишь!

— Такъ что-жь, Захаръ Евлампычъ! Развѣ отъ этого легче?

— Вѣстимо легче! вступился смѣясь толстый, здоровый и румяный купчина, закутанный въ богатѣйшую медвѣжью шубу, подпоясанную пестрымъ персидскимъ кушакомъ.—Развѣ не слыхалъ, что на людяхъ и смерть красна! Ну, царь хочетъ, чтобъ сегодня Москва праздновала—будешь праздновать. Чай слышали, что вонъ и Литовскій, и Армянскій дворы затворять не велѣлъ,— такъ ужь намъ и подавно!

— Да развѣ же ихъ поведутъ тѣмъ мѣстомъ, батюшка, Пилъ Прокофьичъ? обратился къ купчинѣ старичекъ, котораго прикащикъ величалъ Захаромъ Евлампычемъ.

— Какъ же не повезутъ! забасилъ купчина въ медвѣжьей шубѣ.—Аль не слыхалъ вчерась, какъ бирючи выкликивали? Небось въ бубликахъ своихъ запутался, старина!

— Точно, что недослышалъ, сосѣдушка! согласился Захаръ Евлампычъ.—Видно, царь-батюшка точно что праздновать понѣшній день затѣялъ! даже вонъ и висѣльничковъ вчера подъ-вечеръ съ висѣльницъ сняли, да въ убогій домъ съ Лобной площади свезли...

— И имъ пора настала отдохнуть! Нашелѣлись! замѣтилъ кто-то со стороны.—Недѣль семь висѣли, чай всѣхъ воронъ вашихъ рядскихъ своимъ мясомъ накормили?

Купчина оглянулся въ сторону говорившаго, высокаго, статнаго парня, въ собольей шапкѣ съ малиновымъ верхомъ, нахмурилъ лобъ и самъ себя спрашивалъ: „кто бы это могъ быть, и гдѣ онъ его уже видѣлъ?"

— Захаръ! обратился онъ къ старичку. — Ты тутъ

Библиотека "Руниверс"

Прощаніе невѣсты съ родными. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Целебровскаго, автотипія Ангерера.

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ знаешь... глянь-ка-сь на парня-то... Откуда такой нахалъ выскался? Какъ онъ смѣетъ объ нашихъ рядскихъ воронахъ говорить, будто онѣ—прости Господи!—висѣльничьимъ мясомъ кормятся! Чай, и безъ того сыты живутъ... Будь не такой праздникъ, я бы ему бока намялъ порядкомъ! Помнилъ бы онъ у меня этихъ воронъ до смертнаго часа!

— Ши-ши! Что ты, Нилъ Прокофьичъ! заговорилъ шепотомъ старый торговецъ, хватая купчину обѣими руками за полу шубы. — Аль тебѣ голова твоя не дорога стала? Да вѣдь это тотъ самый парень, что на прошлой-то недѣлѣ на Москва-рѣкѣ, въ одиначномъ бою, Сеньку Медвѣжника уходилъ!

— Во-во-во! Вотъ я, значитъ, гдѣ его видѣлъ! спохватился купчина.—Какъ же! Помню! Вѣдь и я тутъ же былъ... видѣлъ! Тотъ было на него и смотрѣть не хотѣлъ, и бился словно бы нехотя... А этотъ какъ изловчился, какъ ахнетъ,—тотъ такъ мурломъ въ снѣгъ и ткнулся!

— А самъ знаешь, каковъ Сенька-то былъ! продолжалъ шептать старый торговецъ.—Десять лѣтъ въ кулачномъ бою не встрѣчалъ по себѣ супротивника! А этотъ какъ уложилъ Сеньку, съ мѣста не тронулся, только рукавицы поправилъ, да и говоритъ: „а ну-ка, кто тамъ еще есть? Выходи, не задерживай!“

— А хоша бы и такъ? продолжалъ горячиться купчина. — Все-таки онъ нашихъ рядскихъ воронъ не трошь... Не то мы...

— Вона! Вона! Ѣдутъ, ѣдутъ! Государевы приставы ѣдутъ—въ золотахъ! Полоняниковъ везутъ! загудѣла кругомъ толпа и всѣ головы разомъ обернулись въ ту сторону, откуда показалась голова поѣзда, двигавшагося шагомъ.

Впереди на темно-гнѣдыхъ коняхъ, богато убранныхъ и прикрытыхъ пестро-расшитыми попонами, ѣхали государевы приставы въ золотыхъ кафтанахъ и собольихъ шапкахъ. За ними—по два человѣка въ рядъ—служилые литовцы, съ пищалями, и сибирскіе казаки со своими атаманами, всѣ въ яркихъ синихъ, красныхъ и желтыхъ кафтанахъ. За казаками, въ шести открытыхъ широкихъ саняхъ-вырѣзняхъ, пестро размалеванныхъ и украшенныхъ золоченою рѣзьбою на передкѣ и на спинкѣ, ѣхали сибирскіе царевичи; старшіе трое—каждый въ одиночку, а трое младшихъ—съ дядьками-татарами. Царевичи ѣхали какъ-то съёжившись и пугливо озираясь по сторонамъ на шумныя толпы народа, на безчисленныя лавки, на боярскія хоромы и на благолѣпные храмы Божіи.

За санями царевичей слѣдовали шесть парныхъ *каптинъ* (зимнихъ возковъ) съ женами Кучума, женами старшихъ царевичей и съ царевнами, Кучумовнами. Шествіе замыкалось полусотнею дѣтей боярскихъ съ пищалями и копьями. Они ѣхали верхами, въ вывороченныхъ на изнанку шубахъ, на трубахъ играли и били въ бубны и тулунбасы.

— Ай, батюшки! слышались въ толпѣ женскіе голоса,—и да какіе же пеpажіе! Чумазые—неужто тамъ и царевичи-то такіе?

— А ты, тетка, думала, что всѣ на свѣтѣ такими красавцами рождены, какъ нашъ соколъ ясный, благовѣрный царевичъ Ѳеодоръ Борисовичъ?

— Да хошь не такими... А вѣдь на этихъ образа Божія и подобія нѣтъ... Глаза—ровно щель... Носъ словно пятой раздавленъ... А скулищи-то!

— Да у нихъ и не глаза, а глядѣлки...

— Небось, глядѣлки-глядѣлками, а посмотрѣлъ бы ты, какъ ловко изъ лука жарятъ; такъ вотъ тебѣ стрѣлу за стрѣлой въ кольцо и пропуститъ...

Поѣздъ проѣхалъ; толпа заколыхалась, и такъ порывисто двинулась вся разомъ къ Ильинскимъ воротамъ, что Захаръ Евлампычъ, купчина и всѣ ихъ собесѣдники были сбиты съ мѣста волною хлынувшаго народа. Въ толпѣ послышались крики, ругань и стоны.

— Ой, батюшки, задавили! Ой, православные!—Черти, куда лѣзете? Аль не видишь!—Воровская твоя харя, куда лапищу-то запустилъ!—Отпустите душу на покаяніе...—Мама! А, мамынька—гдѣ ты?

— Поди, ищи мамыньку! Какъ же—сыщешь въ этой сутолокѣ! отозвался продираясь сквозь толпу тотъ же статный парень, который такъ досадилъ купчинѣ непочтительнымъ отзывомъ о рядскихъ воронахъ.—Тутъ и не рабенка, а и дюжаго дѣтину задавятъ! добавилъ онъ, посмѣиваясь и работая плечами и руками, чтобы выбраться къ лавкамъ. И едва только онъ протискался къ одному изъ ближайшихъ балагановъ, какъ его дружески ударилъ по плечу молодой красавецъ съ черною, курчавою бородой, въ высокой бархатной шапкѣ и въ щегольскомъ полукафтанѣ съ собольей опушкой.

— Ѳедя! Голубчикъ! Ты отколѣ взялся? Словно изъ земли выросъ!

— Тургеневъ! Петръ Михайловичъ! Вотъ, привелъ-таки Богъ свидѣться!

И друзья крѣпко обнялись и поцѣловались накрестъ.

— Вотъ, братцы! сказалъ Тургеневъ, обращаясь къ своимъ пріятелямъ.—Богъ съ другомъ закадычнымъ свелъ! Ѳеодоръ Калашникъ—изъ углицкихъ купецкихъ дѣтей... Росли, играли въ дѣтствѣ вмѣстѣ... И это, Ѳедя, все мои пріятели: Романовъ Михаилъ, да Шестовъ Алеша, да братья Сицкіе...

Ѳеодоръ Калашникъ всѣмъ поклонился общимъ поклономъ; пріятели сбились въ кучу и двинулись вслѣдъ за толпою къ Ильинскимъ воротамъ.

Захаръ Евлампычъ, который отъ слова до слова слышалъ и запомнилъ ихъ бесѣду, дернулъ за рукавъ Нила Прокофьича и сказалъ ему съ самодовольнымъ видомъ:

— Теперь знаю, кто этотъ парень-то! Ѳеодоромъ Калашникомъ зовутъ, изъ угличскихъ головорѣзовъ; а тотъ, что повстрѣчался съ нимъ—Романовскій держальникъ, Шестовымъ свойственникъ, Тургеневъ.

— Ну, счастливъ его Богъ, что онъ отсюда ушелъ! хвастливо замѣтилъ купчина.—а то бы я ему показалъ, каково рядскихъ задѣвать! Вороны вишь ему наши не понравились!..

Шустрый Захаръ Евлампычъ ухмыльнулся въ бороду и скользнулъ въ свою лавчонку.

А друзья между тѣмъ двигались вмѣстѣ съ толпою, не замѣчая кругомъ себя ни людей, ни городской суеты, не слыша ни шума, ни говора—такъ они были заняты своею бесѣдою.

— Да, Петръ Михайловичъ, говорилъ Тургеневу Ѳеодоръ Калашникъ,—мы съ тобой ровнехонько восемь лѣтъ не видались... Кабы зналъ ты, что я горя въ ту пору натерпѣлся, какъ надъ Угличемъ Божья гроза разразилась!

— Да какъ ты въ Москвѣ? надолго ли? допрашивалъ друга Тургеневъ.

— Теперь надолго, а можетъ и совсѣмъ поселюсь здѣсь...

— Вотъ и славно! И я нынче здѣсь шатаюсь, пока на службу государскую не зовутъ... въ деревнюшкахъ есть кому поприсмотрѣть, такъ мнѣ здѣсь житье вольное. Боярь Романовыхъ, чай, знаешь?

— Кто же ихъ не знаетъ! Ты не сродни-ли имъ?

— Нѣтъ; я сродни Шестовымъ; а старшій-то Романовъ, Ѳеодоръ-то Никитичъ, на Шестовой вѣдь женатъ... Такъ вотъ я у нихъ какъ свой въ домѣ. Ласкаютъ, да балуютъ... Да гдѣ же былъ ты, гдѣ пропадалъ? Разсказывай, Ѳедя?

— Лучше спроси, Петръ Михайловичъ, гдѣ я не былъ, какихъ людей не видалъ, изъ сколькихъ печей хлѣбъ ѣдалъ! Жилъ я—гдѣ день, гдѣ ночь, а подчасъ и сухой корки во рту не бывало... Натерпѣлся я вдоволь горя лютаго! Да, вотъ, велика еще видно милость Божія:—въ Пермскомъ краѣ свелъ меня Богъ съ дядей

Библиотека "Руниверс"

роднымъ, купцомъ Филатьевымъ; оттуда онъ и вывезъ, и къ торговлѣ своей приставилъ. А сегодня и тебя мнѣ Богъ послалъ—радость великую!

И онъ набожно перекрестился на крестъ ближайшаго храма.

— Не ты одинъ со своимъ горемъ носишься! Есть оно и у меня! сказалъ Ѳеодору Тургеневъ.—Только нынче я съ тобой моимъ горемъ не подѣлюсь. Тутъ о немъ говорить не мѣсто... Мнѣ теперь надо въ Кремль, разыскать тамъ моего боярина Ѳеодора Никитича. А завтра приходи въ Чудовъ монастырь къ обѣднѣ: я тамъ всегда становлюсь въ Михайловской церкви на правой сторонѣ, у втораго окна. Тамъ встрѣтимся; а оттуда пойдемъ ко мнѣ на Романовское подворье и наговоримся въ волю.

Они обнялись и разстались, еще разъ крѣпко пожавъ другъ другу руки на прощанье.

III.

Присуха.

На другое утро, Ѳеодоръ Калашникъ отпросился у дяди-хозяина къ обѣднѣ въ Чудовъ монастырь, и съ Никольской, гдѣ былъ домъ купца Филатьева, направился Лобною площадью къ Кремлю. Выйдя изъ Никольскихъ воротъ на Лобную площадь, Ѳеодоръ снялъ шапку и однимъ общимъ крестомъ и поклономъ поклонился всѣмъ тѣмъ пятнадцати церквамъ, которыя тянулись вдоль Кремлевскаго рва, между Никольскими и Фроловскими воротами, и такъ и назывались *„у головъ, что на рву“*. Всѣ онѣ были выстроены въ разное время родственниками казненныхъ на Москвѣ бояръ и другихъ знатныхъ и богатыхъ людей и служили обычнымъ мѣстомъ поминовенія и молитвъ за упокой души тѣхъ, кто на этой же площади сложилъ свою буйную голову и отдалъ Богу грѣшную душу... Около каждой изъ этихъ церквей было свое небольшое кладбище, биткомъ набитое почернѣвшими деревянными крестами и каменными голубцами.

„Не даромъ говорятъ, что Москва на крови построена!“ подумалъ Ѳеодоръ, вглядываясь въ эти площадныя церкви и въ Кремлевскія стѣны и башни, подавлявшія ихъ своею мощною громадою.

Въ этихъ мысляхъ онъ и не замѣтилъ, какъ очутился на Фроловскомъ мосту, который былъ перекинутъ черезъ глубокій Кремлевскій ровъ и велъ къ Фроловскимъ воротамъ. Но и тутъ, у самаго входа на мостъ, Ѳеодора осадили голосистыя торговки изъ жемчужнаго ряда и оглушили предложеніями своего товара.

— Молодецъ желанный, красавчикъ, купи жемчужку для почина!.. У насъ жемчугъ всякій—гурмицкій, скатный, кафимскій, половинчатый—купи, молодецъ, авось у тебя рука легка!

— Да ну васъ, тетки!.. Дайте дорогу! Куда мнѣ, купецкому сыну, вашъ жемчугъ? Вѣдь мы не боярскаго рода, чтобы въ низанкѣ ходить!

— Ахъ чтой-то ты, молодецъ! Да ты намъ краше боярченка показался! Ей-ей, краше!.. Купи, красавчикъ! Самому не носить, такъ душѣ-дѣвицѣ подарить.

— Да отстаньте, сороки! Нѣтъ у меня и зазнобы такой...

— Ахъ, Господи!—нѣтъ! тараторили торговки, заступая дорогу Ѳеодору.—Нѣтъ?.. У этакого-то соколика, да дѣвушки нѣтъ? Такъ ты намъ скажи: мы тебя съ такой раскрасавицей познакомимъ, которой нашъ товаръ по душѣ пришелся. Купи, родимый—мы ужь по глазамъ твоимъ видимъ, что у тебя рука легка.

Ѳеодоръ невольно разсмѣялся.

— Приходите, тетки, въ воскресенье на Москва-рѣку, гдѣ добрые молодцы сходятся на кулачки биться—тамъ увидите, легка-ли у меня рука!

Разсмѣялись и тетки-торговки, и дали молодцу дорогу.

Онъ быстро перешелъ мостъ, вошелъ Фроловскими воротами въ Кремль, и мимо древняго собора Николы Гостунскаго вышелъ къ заднимъ воротамъ Чудова монастыря. По обѣ стороны воротъ, въ оградѣ, на всемъ пути до собора во имя Чуда Архистратига Михаила, расположились густою толпою нищіе, калѣки и лѣжебки, закутанные въ грязное тряпье и обрывки всякой теплой одежёнки, выпрошенныя Христовымъ именемъ.

— Ишь ихъ сколько нелегкая попечь принесла, ворчалъ вслухъ и не стѣсняясь воротный сторожъ монастырскій.—Почуяли, окаянные, что сегодня царевна къ обѣднѣ жаловать въ соборъ изволитъ... Чуютъ богатую милостыню!..

Оказалось, что дѣйствительно въ этотъ день ожидали въ соборъ къ обѣднѣ царевну Ксенію, и потому приказано было даже обѣдню начать нѣсколько позже обыкновеннаго. Богослуженіе еще не начиналось, когда Ѳеодоръ вступилъ на соборную паперть, и, въ ожиданіи Тургенева, остановился невдалекѣ отъ кучки молодыхъ монаховъ и монастырскихъ служекъ, которые весело разговаривали между собою, шутили и смѣялись по поводу какихъ-то своихъ домашнихъ дѣлъ и отношеній.

— То-то ты нынче, Гриша, путать въ Апостолѣ будешь! говорилъ вполголоса одинъ румяный и приземистый монашекъ.—Чай все глазищи-то о-шуу таращить станешь? Туда, гдѣ женскому полу стоять указано, хоша бы тотъ женскій полъ и отъ царскаго корени исходилъ...

— Опять ты ко мнѣ все съ тѣмъ же пристаешь! рѣзко отозвался на эти слова другой, молодой инокъ, съ широкимъ лицомъ, большими, быстрыми черными глазами и темнымъ родимымъ пятномъ на правой щекѣ.—Я тебѣ говорилъ ужь — попадетъ тебѣ когда-нибудь за это!

— Пусть попадетъ—къ страданіямъ за правду сопричтется! продолжалъ зубоскалить румяный монашекъ. — А все я тебѣ правду скажу: плохое, братъ, дѣло, Гриша, какъ четки-то на рукѣ, а красны дѣвки на умѣ...

— Провались ты и съ ними! проворчалъ инокъ Григорій, и быстро отдѣлившись отъ толпы остальныхъ иноковъ, прошелъ въ церковь.

— То-то, братъ, продолжалъ смѣяться румяный вслѣдъ уходившему,—должно быть знаетъ кошка, чье мясо съѣла!

И затѣмъ, обращаясь къ другимъ монахамъ, добавилъ:

— Мы съ Алешкой запримѣтили уже который разъ, что какъ царевна въ соборъ пожалуетъ, Гришка и самъ не свой становится. Голосомъ-то на клиросѣ ведетъ, а глазами-то въ царевну такъ и впивается... Ну, и выходитъ, что запоетъ—соврётъ, и читать станетъ—соврётъ... А вѣдь ужь на что—изо всѣхъ насъ грамотей!

Товарищи-иноки засмѣялись и заговорили между собою что-то шепотомъ. Ѳеодору стало противно слушать ихъ рѣчи, и онъ вошелъ въ соборъ. Тамъ еще было пусто, и только тотъ инокъ, котораго братія звали Григоріемъ, стоялъ у налоя на клиросѣ и перелистывалъ какую-то богослужебную книгу. Ѳеодоръ сталъ у окна направо, на условленномъ мѣстѣ, и залюбовался стройностью и простотою внутренности храма.

— А ты ужь здѣсь? послышался сзади голосъ Тургенева.—Рано-же ты забрался! Народъ только что собираться сталъ... Но отойдемъ подальше отъ стѣны и станемъ здѣсь, около столпа, продолжалъ Тургеневъ, обращаясь къ Ѳеодору, — тутъ и слышнѣе, и виднѣе.

— Пожалуй, сказалъ Ѳеодоръ,—хоть по мнѣ и тутъ хорошо.

Вскорѣ послѣ того, раздался благовѣстъ колокола и началось служеніе.

Только уже перемѣстившись на новое мѣсто, Ѳеодоръ могъ внимательнѣе разсмотрѣть своего друга—и успѣлъ примѣтить, что Петръ Михайловичъ былъ чрезвычайно

Библиотека "Руниверс"

взволнованъ: онъ то оглядывался на входныя двери собора, то проводилъ рукою по своимъ густымъ чернымъ волосамъ и потомъ, словно спохватившись, начиналъ поспѣшно креститься и класть земные поклоны.

Но вотъ послышался топотъ коней и стукъ колесъ въ оградѣ. Молодой служка бѣгомъ перебѣжалъ съ паперти черезъ весь соборъ, шепнулъ что-то старшему монаху, указывая на паперть... Взоры всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ обратились въ ту сторону — и вотъ въ настежь открытыя двери, окруженная своею придворною свитой, вступила царевна Ксенія..

— Смотри, смотри, прошепталъ Тургеневъ Ѳеодору, быстро и порывисто хватая его за руку, — вотъ оно, вотъ мое горе, само сюда пришло! Само пожаловало!

Ѳеодоръ глянулъ въ ту сторону, откуда царевна вошла, глянулъ на нее какъ разъ въ то мгновеніе, когда она, при входѣ въ церковь, откинула фату отъ лица и налагала на себя крестное знаменіе... Глянулъ, и обомлѣлъ...

Царевна была ростомъ немного выше средняго, но сложена была на диво; все въ ней было соразмѣрно, все согласовано и всѣ движенія стройнаго, сильнаго молодаго тѣла, были такъ же полны спокойной граціи, какъ и вся ея фигура.

При первомъ взглядѣ на царевну всѣхъ поражали въ ея прекрасномъ лицѣ большіе черные глаза, полные нѣги и ласки; они привѣтливо смотрѣли на всѣхъ изъ-подъ густыхъ и красиво-очерченныхъ, сросшихся бровей. Близкіе къ царевнѣ люди утверждали, будто ея глаза были еще краше, когда въ нихъ блистали слезы — тогда-то прелесть ихъ была неотразима!.. Роскошные волосы царевны были прикрыты собольей шапочкой съ жемчужными привѣсками; но сзади, они упадали тяжелою, толстою косою, которая почти касалась пола. Боярыни, стоявшія около царевны, то и дѣло брали эту тяжеловѣсную косу въ руки и почтительно поддерживали ее на складкахъ царевниной шубы, когда она кланялась въ землю или становилась на колѣни во время молитвы.

Не молился и Ѳеодоръ Калашникъ, пораженный красотою царевны, тѣми чарами красоты, которыя, какъ онъ могъ видѣть, также дѣйствовали на всѣхъ, и всѣхъ одинаково покоряли — отъ нищаго старца, дрожащею рукою опиравшагося на костыль, у входа въ храмъ, до послѣдняго монаха, старательно выводившаго „гласы". Онъ взглядывалъ то на нее, то на окружающихъ. Особенное вниманіе Ѳеодора привлекъ тотъ инокъ Григорій, котораго еще на паперти товарищи дразнили царевною Ксеніею. Изъ темнаго угла, въ которомъ Григорій стоялъ на клиросѣ, невидимый царевной, но видимый Ѳеодору, онъ ни на минуту не спускалъ съ нея своихъ большихъ, темныхъ глазъ, горѣвшихъ пламенемъ жгучей страсти; а когда ему пришлось выйти на средину храма для чтенія Апостола, онъ вышелъ съ такимъ смущеніемъ, и началъ чтеніе такъ трепетно, такъ робко и невнятно, что Ѳеодору невольно пришли на память насмѣшки румянаго монашка...

Переводя по временамъ взоры на своего друга, Тургенева, Ѳеодоръ видѣлъ въ немъ живую противоположность иноку Григорію. Петръ Михайловичъ, какъ опустился на одно колѣно за столпомъ, какъ оперся на другое колѣно рукою,—такъ и замеръ въ этой молитвенной позѣ, замеръ нѣмой и неподвижный. Глаза его были пристально вперены въ ту сторону, гдѣ, облитая блѣднымъ свѣтомъ зимнихъ лучей солнца, молилась царевна Ксенія... И онъ тоже молился, но молился не Богу Всемогущему, а той всемогущей красотѣ, которой олицетвореніе видѣлъ передъ собою. И молитва его была чиста: онъ влагалъ въ нее всю свою душу, не оставляя мѣста инымъ грѣшнымъ, плотскимъ помысламъ...

„Умереть, умереть за нее, за ея радость и счастье!" — вотъ чѣмъ была проникнута, вотъ чѣмъ свѣтилась молитва Петра Михайловича.

Ѳеодоръ понялъ это, прочелъ это въ глазахъ Петра Михайловича, и когда богослуженіе окончилось и царевна со своею свитою удалилась изъ храма,—Ѳеодоръ не заговорилъ съ Тургеневымъ, пока тотъ не обратился къ нему со словами:

— Ахъ, Ѳедя! Какъ сладко было, какъ свѣтло на душѣ! а теперь—какой сумракъ, какая тоска въ ней!.. Словно мнѣ и солнце не свѣтитъ.

— Полно, Петръ Михайловичъ! Неладное это ты на себя напускаешь... Высоко до солнца этого: гдѣ-же отъ него свѣта ждать!?

— Знаю, знаю все, что ты мнѣ скажешь! отвѣчалъ ему съ досадой Тургеневъ,—да что проку! Околдованъ я что-ли—и самъ не знаю... Только вотъ видишь-ли, какъ увидалъ, такъ и пришла моя погибель! Пятый мѣсяцъ на Москвѣ живу, и съ мѣста нѣтъ силъ сорваться!.. А какъ-бы мнѣ хотѣлось уѣхать, уѣхать въ даль, въ степи неоглядныя Сибирскія, въ сторожи татарскія, въ станицы Терскія—тамъ-бы сложить голову!

— Полно, Петръ Михайловичъ, не въ мои и не въ твои годы о смерти думать! Каждый себѣ по силамъ подвигъ найдетъ... Да и что-же ты? Звалъ меня къ себѣ въ гости — я такъ и дядѣ сказалъ, что послѣ обѣдни къ тебѣ пойду на Романовъ дворъ... А ты тутъ жалобныя пѣсни заводишь!

— Прости, дружище, не прогнѣвайся! Больше объ этомъ и поминать не буду.. Пойдемъ на Романовъ дворъ, побесѣдуемъ: намъ есть о чемъ съ тобою поговорить, столько лѣтъ не видавшись!..

И друзья, выйдя изъ Кремля Фроловскими воротами, направились мимо Василія Блаженнаго на Варварку, гдѣ стоялъ уже извѣстный намъ дворъ бояръ Романовыхъ.

IV.

Въ гостяхъ у Ѳеодора Никитича.

Когда Тургеневъ съ Калашникомъ подошли къ воротамъ Романовскаго подворья, передъ хоромами боярскими уже стояло на улицѣ много верховыхъ коней подъ попонами, да десятка два крытыхъ пестрыми коврами саней, съ запряженными въ нихъ парами и тройками и иноходцами въ одиночку. Около саней толпились слуги пріѣзжихъ гостей и домашняя челядь бояръ Романовыхъ.

— Да что у вашего боярина нынче? Праздникъ, что-ли? спросилъ Калашникъ у Тургенева.

— У нашего боярина каждый день такъ-то бываетъ! отвѣчалъ Тургеневъ.—Меньше тридцати человѣкъ никогда и за столъ не садится...

— Неужли все своя семья?

— Вѣстимо, все свои! Вѣдь у Романовыхъ одной родни съ полъ-Москвы! Всѣмъ около нашего краснаго солнышка, около боярина Ѳеодора Никитича, и любо, и весело!

Съ этими словами Тургеневъ ввелъ своего друга на широкій боярскій дворъ.

— Ахъ, батюшка, Петръ Михайловичъ, воскликнулъ навстрѣчу Тургеневу Сидорычъ, одинъ изъ старыхъ Романовскихъ челядинцевъ, — во-время ты пожаловать изволилъ! Бояринъ нашъ проситъ тебя немедля къ себѣ въ хоромы пожаловать, да и богоданнаго гостя проситъ съ собою привести — зоветъ васъ обоихъ хлѣба-соли кушать.

Отказаться отъ великой чести было нельзя—и потому друзья направились вслѣдъ за посланнымъ въ боярскія хоромы.

Въ обширной столовой избѣ, пристроенной къ хоромамъ Ѳеодора Никитича и освѣщенной цѣлымъ рядомъ небольшихъ почти квадратныхъ слюдяныхъ оконъ съ мелкимъ переплетомъ, поставленъ былъ широкій и

Библиотека "Руниверс"

У дверей въ кабинетъ начальника. Съ карт. **М. В. Молова**, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

длинный столъ, за которымъ, на лавкахъ, на опрометныхъ скамьяхъ и на отдѣльныхъ стульцахъ, сидѣли гости Ѳеодора Никитича.

По угламъ комнаты помѣщались рѣзные деревянные поставцы, уставленные богатой золотой и серебряной утварью и диковинной стеклянной посудой. Съ деревяннаго потолка, украшеннаго рѣзьбою, спускались три паникадила изъ точеной и ирорѣзной рыбьей кости. Около двухъ отдѣльныхъ столиковъ суетились слуги, одѣтые въ красные суконные кафтаны: за однимъ столомъ разрѣзались и раскладывались кушанья; за другимъ разливалось и разносилось въ кубкахъ вино.

— Добро пожаловать, гости дорогіе! привѣтствовалъ вошедшихъ друзей самъ хозяинъ дома, приподнимаясь со стульца и указывая на два пустыхъ мѣста за столомъ. — Просимъ милости нашей хлѣба и соли откушать. Братъ Михайло, позаботься о томъ, чтобы гости сыты были, да чтобы ихъ и чарочкой не обнесли!

Когда Тургеневъ и Ѳеодоръ Калашникъ усѣлись на указанное мѣсто, Михайло Никитичъ шепотомъ сообщилъ имъ, что рядомъ съ хозяиномъ сидитъ знаменитый дьякъ Посольскаго Приказа, Аѳанасій Власьевъ, и разсказываетъ о томъ, какъ принималъ его „арцы-князь Аустрѣйскій Максимильянъ“ и какъ съ нимъ бесѣдовалъ. Когда тотъ закончилъ свой разсказъ, прослушанный всѣми съ величайшимъ вниманіемъ, Ѳеодоръ Никитичъ обратился къ нему и сказалъ:

— А разскажи-ка ты намъ, Аѳанасій Ивановичъ, чѣмъ тебя арцы-князь Аустрѣйскій за своимъ столомъ потчивалъ?

— Да, да! подхватило нѣсколько голосовъ,—и точно! Чѣмъ тебя тамъ угощали?

— Угощалъ онъ насъ изрядно, бояре. Ѣства были разныя и многія: орлы и павы, и гуси, и утки и всякія птицы сдѣланы, въ перьѣ золоченомъ. И рыбныя ѣства то-жь: дѣланы киты и щуки и иныя рыбы, и пироги разными образцы золочены. Ѣствъ съ пятьдесятъ! Да овощи разныя и сахары на тридцати на пяти блюдахъ.

— Ого! отозвался князь Сицкій, — расщедрился нѣмецъ. Потомъ, чай, цѣлый годъ свой изъянъ нагонялъ! Я тутъ какъ-то позвалъ къ себѣ на обѣдъ царскаго дохтура Бильза, такъ онъ мнѣ и говоритъ: „ну, князь, тѣмъ, что мы съ тобою сегодня за обѣдомъ съѣли, у насъ въ Нѣметчинѣ цѣлая семья была бы съ годъ сытехонька“.

Всѣ засмѣялись. Посыпались шутки и остроты.

— Вотъ братца Мишеньку въ Нѣмецкую-то землю посломъ бы отправить, замѣтилъ смѣясь бояринъ Александръ Никитичъ Романовъ,—такъ онъ бы тамъ, пожалуй, съ голоду померъ! Стали бы давать ему въ суточки всего-то по двѣ уточки!

— Еще бы! гдѣ же такого богатыря двумя уточками прокормить! замѣтили съ разныхъ сторонъ, въ перемежку со смѣхомъ, нѣсколько голосовъ,—онъ подковы ломаетъ какъ щепку, на медвѣдя въ одиночку выходитъ... а тутъ его къ нѣмцамъ... да по двѣ уточки...

— Обрадовались, что есть надъ кѣмъ зубы точить! посмѣиваясь, отвѣчалъ на шутки Михайло Никитичъ.— Или вы думаете, что отъ ѣды у меня сила берется?.. Силу такъ ужь мнѣ Богъ далъ. Вонъ, говорятъ, Сенька-то Медвѣжникъ противъ пятерыхъ мужиковъ ѣлъ, а нашелъ-же себѣ супротивника, который ему и пикнуть не далъ.

— Сенька Медвѣжникъ?! откликнулись на это замѣчаніе многіе изъ сидѣвшихъ за столомъ.—Да это первый кулачный боецъ на Москвѣ! Кто же могъ его уложить?.. Ему, кажется, смерть на бою не была написана?

— Видно, была, коли прилучилася! отвѣчалъ Михаилъ Никитичъ;—а вотъ здѣсь за столомъ сидитъ съ нами и супротивникъ его.

И онъ указалъ на Ѳеодора Калашника, который зардѣлся какъ маковъ цвѣтъ и готовъ былъ провалиться сквозь землю, когда всѣ взоры обратились въ его сторону.

— Вотъ онъ каковъ, гость-то твой, Петръ Михайловичъ! привѣтливо обратился Ѳеодоръ Никитичъ къ Тургеневу. — Съ нимъ, значитъ, нельзя шутки шутить! А сповѣдай намъ, добрый молодецъ, какихъ ты родовъ, какихъ городовъ?

— Родомъ я, бояринъ, изъ Углича — купца Ивана Калашника сынъ, того самаго рода купеческаго, что богаче всѣхъ былъ до Углицкаго погрома, и бѣднѣе всѣхъ сталъ, какъ наѣхали къ намъ судьи неправедные да всѣхъ гражданъ именитыхъ отдали въ розыскъ немилостивый...

При этомъ воспоминаніи всѣ шутки и смѣхъ смолкли разомъ: всѣ участливо и сострадательно смотрѣли на Ѳеодора, къ которому опять бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ обратился съ милостивымъ словомъ:

— Гдѣ же теперь твой отецъ, добрый молодецъ?

— Въ сырой землѣ, бояринъ... До сихъ поръ утро поворачивается, какъ вспомню о томъ безвременьи... Всѣхъ купцовъ да посадскихъ въ ту пору на три статьи подѣлили, будто бы по ихъ винамъ. А въ чемъ вина, бояринъ? Въ томъ, что мы звѣрей дивыхъ, убійцъ царевича придушили!..

— Много грѣха тогда князь Василій Шуйскій съ товарищами на душу приняли, какъ были на розыскъ въ Угличъ отправлены, замѣтилъ князь Черкасскій.

— Не даромъ дьякъ Андрей Клешнинъ, что съ ними ѣздилъ, — сряду послѣ розыска и въ монахи пошелъ! сказалъ бояринъ Александръ Никитичъ.

— Да вы бы посмотрѣли, бояре, что это за розыскъ былъ! продолжалъ, воодушевляясь все болѣе и болѣе, Ѳеодоръ Калашникъ.—Мы думали, что свѣтопреставленіе, послѣдній часъ насталъ!.. Кому голова съ плечъ, кого на висѣлицу, кого плетьми на кобылѣ сѣчь тащатъ, кому языки урѣзываютъ... А тамъ полъ-города разомъ въ Сибирь послали и всѣхъ въ раззоръ разорили...

— Ну, полно, добрый молодецъ, старое горе вспоминать, ласково перебилъ Калашника Ѳеодоръ Никитичъ, видимо желая перемѣнить невеселый разговоръ;—разскажи лучше намъ, какъ ты это съ Сенькой Медвѣжникомъ расправился?

— А какъ расправился, бояринъ? Я его побивать и не думалъ: шелъ только поглазѣть на кулачный бой... Да онъ самъ во мнѣ сердце разжегъ! Вышелъ, сталъ вызывать себѣ супротивника. Вижу, всѣ другъ за дружку хоронятся, никто впередъ нейдетъ; а Сенька-то этимъ спѣсивится. „Эхъ вы, говоритъ, углицкіе ротозѣи, царевича на красномъ товарѣ проспали!“ Какъ онъ сказалъ это, такъ во мнѣ и вскипѣла кровь. „Что? говорю—проспали?“ Да и выскочилъ впередъ и всталъ супротивъ него. А онъ на меня и не смотритъ—бахвалится: „вотъ, говоритъ, онъ самый, ротозѣй-то углицкій!“ И всѣ кругомъ загалдѣли, загорланили—на смѣхъ меня подняли... А я стою противъ него, говорю: „выходи, горе-богатырь, посмотримъ, кому жить, кому живота избыть?“ Сошлись мы—да на первомъ ступѣ я спуску не далъ: ударъ его отбилъ. На второмъ—онъ норовилъ меня съ розмаху подъ грудь ударить, да я увернулся, и онъ еле-еле на ногахъ устоялъ. Вотъ съ неудачи-то озлился онъ, и ринулся на меня безъ разума, думалъ однимъ ударомъ съ ногъ меня срѣзать—да забылъ лѣвой рукой отъ меня прикрыться... И ударилъ я его, что было мочеиьки... Вижу, у него руки опустилися, глаза закатилися... зашатался онъ, да къ ногамъ моимъ и рухнулъ. Всѣ такъ и ахнули... Никто не думалъ, чтобы мнѣ живому съ поля сойти.

— Ну, исполать тебѣ, доброму молодцу! улыбаясь, ласково сказалъ Ѳеодоръ Никитичъ.—По дѣломъ тому озорнику и мука.

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ, поднявшись со своего мѣста, Ѳеодоръ Никитичъ поднялъ свою чару и, обратясь къ гостямъ, сказалъ:

— Князья и бояре! Въ концѣ стола выпьемъ мы, по обычаю, заздравную чашу государеву.

И когда гости поднялись со своихъ мѣстъ съ чашами въ рукахъ, хозяинъ обратился лицомъ къ переднему углу, въ которомъ повѣшены были иконы, и произнесъ длинную, витіеватую молитву, сложенную на этотъ случай по желанію царя Бориса.

По окончаніи молитвы, всѣ выпили чаши свои въ глубокомъ молчаніи и стали расходиться изъ-за стола. Хозяинъ поручилъ брату своему, боярину Александру Никитичу, проводить гостей по-старше да по-почетнѣе въ его боярскую палату, и приказалъ слугамъ подать туда старинныхъ Романовскихъ медовъ, гостямъ на утѣху. А въ то время, когда Михайло Никитичъ съ Алешей Шестовымъ и Ѳеодоромъ Калашникомъ собирались идти осматривать хозяйскихъ кречетовъ на кречатнѣ,—хозяинъ подозвалъ къ себѣ Тургенева и сказалъ ему на ухо:

— Скажи твоему пріятелю, что мой ему добрый совѣтъ: коли жить на Москвѣ хочетъ, такъ пусть бы лишняго не болталъ про Углицкій розыскъ... А ты самъ завтра, раньшъ-рано, будь готовъ со мной да съ братомъ Александромъ къ Шуйскимъ на охоту въ Кузьминское ѣхать. Мы тебя съ собою въ обережатыхъ возьмемъ: въ это волчье гнѣздо надежные люди нужны...

(Продолженіе будетъ).

Сказаніе о убіеніи царевича Дмитрія.

Историческое воспоминаніе по поводу трехсотой годовщины.

(15 мая 1591 года).

Красивъ и пригожъ древній городъ Угличъ на Волгѣ! Привольно на высокомъ берегу раскинулся, и смотритъ онъ со своего холма вдаль, какъ Волга-матушка бѣжитъ мимо него широкою лентою, извиваясь между лѣсныхъ чащей, между бархатныхъ прибрежныхъ луговинъ, и въ крутыхъ излучинахъ блещетъ на солнцѣ своими волнами, словно змѣй чешуями...

И церквей Божіихъ въ Угличѣ много, и обителей древнихъ довольно — и въ стѣнахъ городскихъ, и въ окольности. Да и крѣпокъ же городъ Угличъ: — въ руки даромъ не дастся. Богачи-купцы и посадскіе не даромъ сказываютъ, что ихъ городъ, какъ орѣхъ въ скорлупѣ, за стѣнами засѣлъ, и что нѣтъ къ нему ни откуда ни подступу, ни приступу. Огибаетъ его кругомъ двойная стѣна изъ лѣсу облаго, рудоваго, и идетъ та стѣна по высокой осыпи надъ глубокимъ рвомъ; крыта стѣна крышей тесовою, а подъ тою крышею вся пестрѣетъ бойницами. И въ бойницы смотрятъ пищали стѣнныя и рушницы тяжелыя. Съ Волги къ той стѣнѣ не взобраться по осыпи; а съ суши входятъ въ городъ только по тремъ мостамъ, въ три сквозныя башни проѣзжія, и въ тѣхъ башняхъ, кромѣ толстыхъ воротъ съ дубовыми створами, желѣзомъ окованными, сверху на ночь спускаются *герсы*—рѣшетки желѣзныя,—и не пройти тогда мимо стражи ни конному, ни пѣшему. Не налетитъ невзначай на крѣпкій городъ Угличъ ни удалая вольница волжская, ни лѣсные воры-разбойники, добрые молодцы, что до чужаго добра падки: знаютъ, что крѣпокъ этотъ „орѣхъ",— не раскусишь! И живутъ мужики-богачи угличане, спятъ спокойно за своими стѣнами. Ведутъ они торгъ всякимъ краснымъ товаромъ на все Поволжье, собираютъ барыши тысячные, не жалѣютъ денегъ на украсу храмовъ Божьихъ, славятъ Бога съ Пречистою за милости, славятъ угодника своего, „благовѣрнаго князя Романа Углицкаго".

Всѣмъ взялъ древній городъ Угличъ: и церквами старинными, и обителями, и торговлею широкою, и богатою пристанью, у которой все лѣто лѣсъ-лѣсомъ высятся мачты многихъ сотенъ всякихъ волжскихъ судовъ, расписанныхъ, разукрашенныхъ... А больше-то всего взялъ, выше-то всѣхъ волжскихъ городовъ головою сталъ Угличъ, не торгомъ своимъ, не богатствами, не обиліемъ храмовъ Божіихъ, а почетомъ! Рядомъ съ храмомъ соборнымъ стоятъ въ Угличѣ палаты царскія и растетъ въ тѣхъ палатахъ царское дѣтище — перлъ многоцѣнный. Въ грядущемъ—царству надежа и людямъ опора, коли Богъ не пошлетъ царю Ѳеодору Ивановичу наслѣдника. Самъ царь Ѳеодоръ прислалъ сюда брата своего царскаго, младенца Дмитрія — поселилъ его здѣсь со всѣмъ его дворомъ и со сродники, поручилъ угличанамъ беречь его пуще зеницы ока. И растетъ здѣсь царское дѣтище ужь не по первый годъ; растетъ подъ крыломъ у матушки-царицы, Маріи Ѳеодоровны, растетъ на рукахъ у людей ближнихъ и кровныхъ, растетъ подъ надзоромъ своихъ дядьевъ-родныхъ.

И это царское дѣтище—всему городу Угличу краса и честь. „*Нашъ* царевичъ"! говорятъ угличане съ понятною гордостью. „Нашъ царевичъ—всякому въ городѣ свой! Всякому дорогъ и милъ, какъ дитя родное!" „Не свой" развѣ только дьяку Мишкѣ Битяговскому, да отродью его, сыну Даниилкѣ, да Никиткѣ Качалову,—что Годуновымъ приставлены за дядьями царевича, за Нагими, присматривать да царицу учитывать. Одни только эти заѣзжіе проходимцы и смотрятъ волками на царское дѣтище. Ну, да что ему отъ нихъ подѣется, коли Богъ не попуститъ? Дяди Нагіе съ ними зубъ за зубъ грызутся, мать-царица младенца-царевича съ глазъ не спускаетъ — день и ночь дрожитъ надъ своимъ сокровищемъ. А кругомъ его—стѣна стѣной: и близкіе и родные, и слуги вѣрные, и „мы всѣ, господа угличане!"

Только вотъ въ началѣ той недѣли, стали что-то поговаривать въ Угличѣ, будто неможется царевичу... Да видно пустое? Попъ Огурецъ говоритъ, что вчера еще, въ пятницу, видѣлъ онъ съ колокольни, какъ царевичъ гулялъ по двору своему съ матушкой-царицею да съ кормилицей Орѣной Ждановой, да съ мамкой-боярыней Василисой Волоховой; видѣлъ, какъ онъ въ тычку игралъ съ жилецкими ребятками.

А ужь коли попъ Ѳедотъ Огурецъ сказалъ, значитъ, правда! Человѣкъ онъ убогій, и людьми и Богомъ забытый, и разумомъ слабый, а лжи никогда не терпѣлъ, и не потерпитъ. Да и кому же лучше Огурца о царевичѣ знать? Вѣдь онъ ежедень на царскій дворъ либо за подаяніемъ ходитъ, либо царевичу своего издѣлья игрушки носитъ... Онъ и домой къ себѣ, изъ собора, никогда не уйдетъ, не заглянувши къ матушкѣ-царицѣ во дворъ, не взглянувъ хоть издали, хоть однимъ глазкомъ на царевича. Говоритъ онъ всѣмъ: „какъ увижу царевича, такъ и вспомнятся мнѣ мои дѣтушки, страдальцы горькіе!" И ходитъ онъ на царскій дворъ, и царица-матушка его жалуетъ,— знаю, жалѣючи участь его горькую... Знаетъ, что прежде былъ тотъ попъ Огурецъ соборнымъ попомъ, да въ одну ночь и жены, и дѣтей лишился: на его глазахъ въ пожарѣ сгорѣли. Съ тѣхъ поръ онъ и въ умѣ рехнулся, и убогимъ сталъ, и хотя, много лѣтъ спустя, и пришелъ въ себя чуточку, а все ужь только изъ милости дали ему въ томъ же соборѣ попомарствовать, въ которомъ онъ прежде священствовалъ... Вотъ онъ съ тѣхъ поръ каждый день и живетъ-живмя на своей колокольнѣ, пока голодъ его домой не загонитъ—и любуется съ колокольни на родимый Угличъ-городъ и на царское жилье просторное. Изъ-подъ соборнаго большаго колокола ему весь царскій дворъ какъ на ладони виденъ; виденъ и весь дворецъ съ переходами, и съ крыльцами, и со службами, и съ кухнями; видна вся бѣготня, и спѣшка царской служни у погребовъ, на житныхъ дворахъ, на конюшенномъ. Видна за царскимъ дворомъ и Волга-матушка съ судами бѣлопарусными и приволье лѣсное заволжское, по край неба ясного, лазореваго.

Вотъ и нынче, въ субботу, чуть только разгорѣлся красный лѣтній день, попъ Ѳедотъ Огурецъ, въ той же старой скуфейкѣ, въ томъ же рваномъ и старомъ подрясникѣ, взобрался на свою колокольную вышку и благовѣститъ въ большой соборный колоколъ, созывая всѣхъ горожанъ на молитву, къ ранней обѣднѣ. И такъ же, какъ и во всѣ дни, какъ и круглый годъ, мѣрно раскачивая пудовымъ языкомъ, попъ Ѳедотъ смотрѣлъ на царскій дворъ, и видѣлъ, какъ пробуждалась на немъ обычная, ежедневная суетливая дѣятельность.

— А вотъ и царевичъ нашъ, голубчикъ, шествуетъ въ церковь Божію! съ умиленіемъ проговорилъ Огурецъ, продолжая звонить, и слѣдя глазами за царственнымъ младенцемъ, который, объ-руку съ матерью, сходилъ съ дворцоваго крыльца во дворъ, въ сопровожденіи мамы и кормилицы, дяди Михайла Нагаго, двухъ стольниковъ и двухъ стряпчихъ. Вотъ всѣ они вступили на паперть собора и скрылись подъ сводами храма, среди толпы народа, которая разступилась на обѣ стороны, привѣтливо кланяясь.

Замолкъ колоколъ на соборной колокольнѣ, попъ Огурецъ отблаговѣстилъ и оперся на перильцы. Но что это? Онъ нагнулся и глянулъ въ церковную ограду, заросшую, около колокольни густымъ бурьяномъ и старыми кустами бузины, шиповника и калины. Въ кустахъ, старому попу слышатся чьи-то голоса. Да! До его слуха внятно доносится, какъ чей-то сиплый голосъ говоритъ:

— Чего тамъ еще ждать! Аль не надоѣло? Пора прикончивать!

— Какъ тутъ прикончишь? отозвался другой голосъ потише.— За нимъ кругомъ глаза да глаза!

— Врешь, Василиса обѣщала, что выведетъ его намъ на крылецъ—въ руки отдастъ.

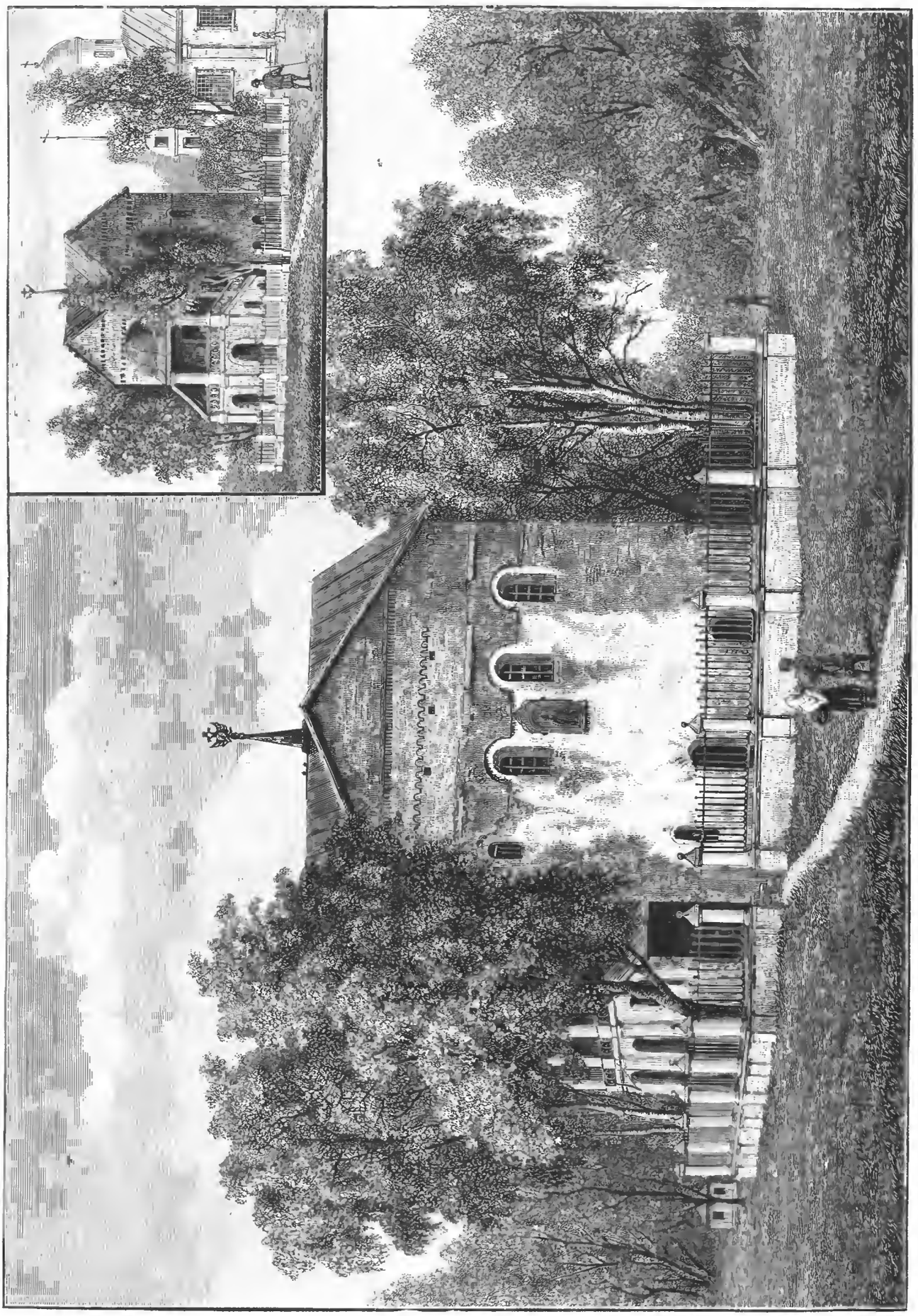
— Да, вѣрь ей, бабѣ!.. Какъ же?.. Съ нимъ мать не разстается... Да и дядья снуютъ, какъ шмели.

Библиотека "Руниверс"

Видъ города Углича. Оригинал. рис. (собств. „Нивы") **Циммермана**, грав. Рашевскій.

Видъ части города Углича. Съ акварели **Циммермана**, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Дворецъ Св. Царевича Дмитрія въ Угличѣ. Оригр. рис. (собств. „Нивы") Цимермана, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Голоса еще болѣе понизились—разговоръ продолжался почти шепотомъ.

Огурецъ ничего не могъ болѣе разслышать... Крадучись, какъ котъ къ птицѣ, спустился онъ на нѣсколько ступенекъ ниже площадки, къ узенькому слуховому окошечку и глянулъ въ кусты... Онъ успѣлъ только сзади, въ спину, увидѣть три какія-то мрачныя фигуры, которыя, таясь въ тѣни кустовъ, расходились отъ колокольни въ разныя стороны. Ему показалось, что въ одной изъ этихъ фигуръ онъ узналъ Данилку Битяговскаго.

Смутное опасеніе проникло въ душу стараго попа.

„Что имъ здѣсь было нужно? думалъ онъ, поднимаясь опять на площадку. — Зачѣмъ они таились? О чемъ между собой совѣтовали?.. Съ кѣмъ пора прикончить?.. Господи! просвѣти меня".

И онъ все волновался, все думалъ о томъ же и тогда, когда звонилъ къ „достойной", и потомъ, когда благовѣстилъ „отпускъ" въ концѣ обѣдни, слѣдя глазами за народомъ, выходившимъ изъ церкви. Вотъ и царевичъ вышелъ со свитою и пошелъ черезъ площадь, что-то очень живо и весело разсказывая матери-царицѣ. Вотъ онъ вошелъ въ ворота царскаго дворца... А старый попъ все звонитъ и отзваниваетъ, и все думаетъ свою думу, и все твердитъ про себя:—„Господи, вразуми меня! Господи, спаси его отъ всякія напасти!.. Да, сейчасъ отзвоню, сейчасъ къ матушкѣ-царицѣ пойду, въ ноги ей брошусь, все разскажу; скажу: берегн, берегн, блюди свой перлъ многоцѣнный!"

Вотъ наконецъ весь народъ вышелъ изъ церкви, спѣша по домамъ; вотъ и дядья царевича, Михайло и Григорій Нагіе—вышли изъ дворцовыхъ воротъ и пошли къ себѣ на подворье обѣдать... Въ послѣдній разъ Ѳедотъ ударилъ языкомъ о край колокола, и веревку зацѣпилъ на крюкъ, собираясь сходить съ колокольни.

Но что же онъ видитъ? Вонъ на дворцовомъ крыльцѣ, показался царевичъ съ Василисой Волоховой,—а вотъ подходятъ къ крыльцу тѣ самые люди, которые, какъ зловредные гады, копошились въ кустахъ у колокольни.

„Господи, не попусти!" взываетъ старикъ, цѣпенѣя отъ ужаса и терзаясь какимъ-то страшнымъ предчувствіемъ—и вдругъ стремглавъ спускается съ лѣстницы, перебѣгаетъ площадь, перескакиваетъ канаву, бросается въ калитку дворцовой ограды, вбѣгаетъ на дворъ царскій и въ двадцати шагахъ отъ крыльца останавливается, какъ вкопанный.

Царевичъ на крыльцѣ; онъ держится за руку мамы своей, боярыни Василисы Волоховой, и шутитъ, смѣется, невиннымъ дѣтскимъ смѣхомъ, отвѣчая на вопросы ея сына, Осипа Волохова, который передъ нимъ сталъ на колѣно на ступенькѣ, между тѣмъ какъ Данилка Битяговскій и Никита Качаловъ (да, это они!) стояли у него за спиною...

— Государь, говоритъ Осипъ Волоховъ царевичу (и попъ Ѳедотъ явственно слышитъ, какъ дрожитъ голосъ Осипа),—а, государь! никакъ у тебя попѣ ожерелье-то новое?

И онъ прикасается нечистыми перстами къ жемчужному низанью на шеѣ царевича. Попъ Ѳедотъ хочетъ, что есть мочи, крикнуть: „прочь гады, прочь ехидны!"—но крикъ замираетъ у него въ горлѣ. Едва разслышалъ онъ, какъ царевичъ отвѣтилъ Волохову:

— Да нѣтъ же! Старое на мнѣ ожерелье!

Какъ вдругъ что-то блеснуло въ рукахъ Волохова, и царевичъ упалъ на крыльцо, закидывая голову. Волоховъ отшатнулся,—отступился съ крыльца... Но двое другихъ, какъ дикіе звѣри, бросились къ младенцу съ ножами и дорѣзали его спѣшно, быстро.

Все это было дѣломъ одного мгновенья. И только тогда, когда это мгновенье кануло въ вѣчность, къ попу Ѳедоту вдругъ возвратился и голосъ, и силы, и онъ изо всей мочи, неистово, страшно завопилъ:

— Убили! Убили! Царевича убили!

Убійцы дрогнули, оглянулись, и разомъ бросились къ нему съ ножами.

Но Ѳедотъ еще громче, еще неистовѣе и протяжнѣе прокричалъ:

— Убили царевича! Вотъ убійцы!

И по какому-то внушенію свыше, тѣмъ же короткимъ путемъ, которымъ прибѣжалъ на царскій дворъ, бросился обратно къ колокольнѣ, спѣша со всѣхъ ногъ, слыша за собою топотъ бѣшеной погони и все еще продолжая кричать благимъ матомъ, на всю площадь, на весь городъ:

— Убили, убили царевича!

А навстрѣчу ему бѣжитъ отъ собора, сердитый и строгій Кормоваго Дворца стряпчій Суббота Протопоповъ. Онъ думаетъ: „Ополоумѣлъ старый попъ!"—хватаетъ его за рукавъ и въ гнѣвѣ кричитъ на него:

— Что ты бредишь, окаянный! Аль у тебя черти опять въ глазахъ запрыгали?

И хватаетъ попа Ѳедота за руку и со всего размаху бьетъ его по шеѣ.

Но тотъ вырывается, оставя въ рукахъ Субботы клокъ своего подрясника, и надъ самымъ ухомъ его еще разъ взываетъ:

— Убили, убили—вонъ кто, убили!

И Суббота въ страхѣ бросается въ сторону и видитъ, какъ Битяговскій, Качаловъ и Волоховъ, не замѣчая его, вихремъ промчались мимо, вслѣдъ за попомъ, къ колокольнѣ.

Но имъ не догнать Ѳедота! Вотъ онъ добѣжалъ до дверей колокольни, захлопнулъ ихъ и задвинулъ засовомъ...

И ужь мчится по лѣстницѣ вверхъ, на площадку, срываетъ веревку съ крюка и ударяетъ въ набатъ, не переставая кричать и вопить съ колокольни:

— Убили! Убили!

И вопли его, бѣшеные, неистовые, дикіе, сливаются въ одинъ страшный, непрерывный звукъ съ дребезжащимъ гуломъ набата.

Тогда-то ужасъ нападаетъ на Субботу, ужасъ овладѣваетъ всѣмъ существомъ его. Онъ самъ не можетъ отдать себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ; но—блѣдный, трепещущій, страшный,—онъ не во дворецъ бѣжитъ, не за убійцами гонится, а бѣжитъ кругомъ площади, стучитъ во всѣ дома, во всѣ ворота и кричитъ не своимъ голосомъ:

— Убили! Убили! Злодѣи царевича убили!

А набатъ, завывая, вторитъ ему своими дикими звуками: „у-били! у-били!.."

— Кто? Кто? Гдѣ убили? бросаются къ Субботѣ всѣ горожане, выскакивая на улицу.

Но онъ ничего не можетъ объяснить: онъ самъ не знаетъ, кто убилъ, кто сказалъ ему, гдѣ онъ это слышалъ. „Убили, убили!" отвѣчаетъ онъ, обливаясь холоднымъ потомъ и трясясь всѣмъ тѣломъ,—и бѣжитъ дальше къ сосѣднимъ домамъ и къ встрѣчнымъ толпамъ.

А звуки набата непрестанно и непрерывно льются съ соборной колокольни, въ перемежку съ рыданіями и стонами, и кружатъ и носятся въ воздухѣ и досказываютъ каждому страшную повѣсть о неслыханномъ дѣлѣ!

На крикъ попа Ѳедота первая сбѣжала на крыльцо кормилица Арина Жданова. Царевичъ лежалъ на ступеняхъ крыльца, обливая ихъ кровью изъ широкой зіяющей раны на горлѣ... Онъ еще дышалъ... Трое убійцъ убѣжали въ калитку; а мама боярыня Волохова металась подъ крыльцомъ, въ страшномъ смущеніи ломая руки и не смѣя подать голоса.

Едва успѣла кормилица подхватить на руки своего ненаглядного царевича,—онъ затрепеталъ, какъ подстрѣленный голубь, и сталъ отходить... Онъ не слыхалъ уже раздирающихъ криковъ матери, которая слѣдомъ за кормилицей выбѣжала изъ дворца на крыльцо и съ воплемъ грянулась о ступени, въ порывѣ неизъяснимаго ужаса и отчаянія. Она то обнимала безсильно вытянутыя ножки младенца, то ощупывала его, холодѣющаго, своими холодными какъ ледъ руками, не вѣря себѣ, не замѣчая ни раны на горлѣ его, ни крови, обрызгавшей его одежды и ступени крыльца. И вдругъ она увидѣла эту кровь на рукахъ своихъ...

Тогда она все поняла—все! Она вскочила на ноги, неузнаваемая, страшная, страшнѣе тигрицы, у которой оторвали отъ сосцовъ ея тигренка!

— Кто убійца? произнесла она глухимъ, прерывающимся голосомъ, трясясь всѣмъ тѣломъ отъ головы до ногъ и блуждая кругомъ большими, широко раскрытыми глазами.

Эти слова были первыми словами, произнесенными послѣ того, какъ кто-то крикнулъ на дворѣ:

— Убили! Царевича убили!

— Вотъ кто убилъ царевича! крикнула во все горло Ирина Жданова, указывая на Волохову.—Она, она! Да сынъ ея, съ Качаловымъ, да съ Битяговскимъ! Я видѣла, какъ тѣ бѣжали! Вонъ туда бѣжали!

Этотъ отвѣтъ Ирины палъ какъ искра на порохъ. Въ тотъ же мигъ, въ одинъ прыжокъ, царица очутилась около боярыни Волоховой, съ дикимъ воплемъ схватила ее за горло и стала душить ее... А дворъ уже былъ полонъ народа, слугъ, дворни, сытниковъ, конюховъ, поваровъ, пищиковъ и помясовъ, сбѣжавшихся къ крыльцу на крикъ и звонъ набата. Сквозь толпу, безъ шапокъ, бѣжали къ дворцовому крыльцу братья царицы—Михайло и Григорій Нагіе, растерянные, блѣдные... Въ калитку и въ ворота валилъ народъ съ площади, бѣжали посадскіе и черные люди—кто съ топоромъ, кто съ пищалью, кто съ ведромъ, думая, что во дворцѣ пожаръ...

И всѣ кричали, всѣ шумѣли, всѣ метались—и никто ничего не понималъ, не слушалъ, не могъ разслышать.

— Бейте ее, бейте на-смерть! кричала въ исступленіи царица, указывая на Волохову, уже избитую, окровавленную, истерзанную всѣми, кто могъ достать до нея рукой.

— Нѣтъ, не добивайте ее! кричалъ Михайло Нагой. — Къ розыску ее! Къ розыску приберегите! Пусть на пыткѣ отвѣтитъ!

— Да за что вы ее ободрали? опростоволосили? за что бьете? вдругъ закричалъ, вырываясь изъ толпы какой-то молодой и дюжій парень изъ Волоховской служни.—Не дамъ ее бить! Эй, Волоховскіе, сюда! кричалъ онъ, загораживая боярыню своимъ тѣломъ отъ царицы и ея слугъ и накрывая ей голову своей шапкой.

Но онъ не успѣлъ договорить, какъ конюшенный приказчикъ Михайло Григорьевъ разможжилъ ему голову обухомъ, а конюхи прикончили его вилами.

Библиотека "Руниверс"

— Убійцъ! Убійцъ ловите! Ищите вездѣ! кричала царица и Нагіе.

— Они здѣсь! на дворѣ! Здѣсь попрятались! ревѣла въ отвѣтъ толпа, обезумѣвшая отъ крика, набата и крови.

Въ это самое мгновенье въ ворота, силою продираясь сквозь толпу, ворвался государевъ дьякъ Михайло Битяговскій, съ горстью своихъ приспѣшниковъ и холоповъ. Громадный ростомъ, богатырь силою, онъ шелъ на проломъ, на вѣрную гибель, еще надѣясь остановить толпу, замести слѣдъ, заградить собою убійцъ, которые могли со страху выдать его тайну... Онъ дерзалъ думать, что смѣло глянувъ въ глаза смерти, онъ остановитъ ея неумолимую десницу, дерзалъ думать, что наглостью своею обманетъ Божій судъ!

— Православные! гремѣлъ онъ еще издали, продираясь къ самому крыльцу.—Стойте! Вразумляйтеся! Кого вы слушаете? Царевичъ наколоился самъ! Царица съ мамкой не досмотрѣли, а Нагіе съ пьяныхъ глазъ...

— Бейте его! Что онъ горло деретъ! закричали Нагіе, стараясь пробиться сквозь толпу къ Битяговскому.

— Бейте! Сынъ его и есть главный убійца!

— Врете! дерзко ревѣлъ имъ въ отвѣтъ Битяговскій.—Сами, небось, кореньями на государское здоровье умышляете...

Но ему уже не дали договорить. Гулъ и ревъ толпы, которая ринулась на Битяговскаго, покрылъ на минуту даже стоны набата. Каменья, колья градомъ посыпались на него; десятки дюжихъ рукъ за него ухватились. Онъ вырвался, валя около себя людей, какъ снопы... Отбиваясь отчаянно, онъ сталъ отступать и пятиться: но за нимъ хлынула толпа, какъ волна...

— Ушелъ! Въ Брусяную избу ушелъ! Заперся!.. завопила толпа.—Ломай двери, бей окна! Міромъ ломай! Добывай злодѣя!

И толпа ломилась въ избу, напирая со всѣхъ сторонъ.

А ужь весь городъ на ногахъ — въ смятеніи, въ тревогѣ. Вооруженныя чѣмъ попало, толпы бѣгутъ по улицамъ къ царскому дворцу. Другія навстрѣчу имъ тащатъ съ дикими криками обезображенные трупы убитыхъ, ищутъ новыхъ жертвъ, чтобы отметить за смерть царевича.

— Убійцъ нашли! Окружили злодѣевъ! выкрикиваетъ кто-то очень громко, въѣзжая на конѣ на Соборную площадь. — За мной, православные, они въ Дьячей избѣ заперлись...

— Смерть окаяннымъ! вопитъ толпа, вторя набату, и мутною волною катитъ вслѣдъ за всадникомъ къ Дьячей избѣ.

— Братцы! кричитъ другой толпѣ посадскихъ дюжій царскій конюхъ.—Наши бояре приказали Михайлы Битяговскаго дворъ въ разносъ разнести! До тла разграбить!

И толпа несется ко двору Битяговскаго, а по дорогѣ убиваютъ Саву Плотника, да Митьку Суздальца, да какого-то мужика Бѣлотѣльца, за то, что тѣ вздумали толпу „разговаривать, чтобы людей не избивали...“

И долго, долго еще смерть и разрушеніе носятся по городу... Долго еще стоны и вопли избиваемыхъ жертвъ и ревъ остервенѣлой, разнузданной толпы наполняютъ воздухъ, сливаясь съ гуломъ набата, который разноситъ ужасъ и трепетъ далеко за стѣны города въ подгороднія обители и села.

Только тогда, когда изступленный звонарь рухнулъ замертво на площадку колокольни и тяжелый языкъ колокола, самъ раскачавшись, отбилъ три послѣднихъ удара и повисъ недвижимый, угличане опомнились отъ обуявшей ихъ ярости, очнулись отъ убійствъ, омыли руки отъ крови и пришли въ себя. Многіе тутъ только поняли, что свершилось на глазахъ ихъ нѣчто ужасное, неслыханное, небывалое... Поспѣшили скрыть, уничтожить, затереть слѣдъ крови... Убрали наскоро, стащивъ въ городской ровъ, тѣла убитыхъ... Толпами собрались къ церквамъ молить Всевышняго о пощадѣ, о мирѣ, о покаяніи и прощеніи невольныхъ и вольныхъ прегрѣшеній... Подъ кровомъ Божіимъ всѣ сошлись, потому что всѣмъ было страшно оставаться дома!

Завечерѣло. Легкія тѣни майской теплой ночи спустились надъ городомъ и надъ тѣмъ соборнымъ храмомъ, въ который еще нынче утромъ царевичъ вступалъ живой и веселый, а теперь лежалъ подъ тѣми же сводами въ гробу, чистый и непорочный и не искаженный страданіями. Слѣды крови были омыты слезами матери...

Царевичъ казался уснувшимъ. Страшная рана была закрыта жемчужнымъ низанным воротомъ камчатной рубахи: ножки окутаны дѣтскимъ кафтанцемъ: въ лѣвой рукѣ держалъ онъ тафтяной убрусъ, расшитый шелками и золотомъ; въ правой — къ груди прижималъ горсть орѣшковъ... Одинъ только саванъ, свѣшиваясь за края гроба, напоминалъ о томъ, что крыло смерти коснулось царственнаго младенца.

Около гроба пластомъ лежала на полу царица и въ оцѣпенѣніи толпились позади ея родня и вѣрные слуги царевича и все народное множество... Дьяконъ истово, внятно и протяжно читалъ надъ гробомъ Псалтирь, и каждое слово его гулко разносилось во всѣ углы храма, среди мертвой тишины. Нѣмой гнетъ ужаса равно тяготѣлъ надъ всѣми... Всѣ смотрѣли въ грядущее, и всѣ трепетали передъ чѣмъ-то наступающимъ — грознымъ, невѣдомымъ, несказаннымъ, неописуемымъ! Всѣ сознавали, что принесена страшная жертва, что она вопіетъ объ искупленіи...

Въ тотъ же день, вечеромъ, лѣтописецъ Углицкій, очевидецъ событія, внесилъ въ свою лѣтопись слѣдующую запись: „Въ лѣто 7099, Маія въ 15 день, субботу, закланъ бысть царевичъ Дмитрей Ивановичъ на Угличи, Борисовымъ повелѣніемъ. Господи! Накажи виновнаго, не излей гнѣва Твоего на насъ, неповинныхъ!“

Вращеніе солнца.

Популярный очеркъ проф. Кіевскаго универс. **М. Ѳ. Хандрикова.**

Солнце, подобно всѣмъ планетамъ входящимъ въ составъ его системы, вращается около оси. Еще въ началѣ XVII вѣка была приблизительно извѣстна продолжительность солнечнаго вращенія, еще тогда знали, что солнце совершаетъ полный оборотъ около оси приблизительно въ 25 дней; съ тѣхъ поръ ученые много разъ опредѣляли величину этого періода, они и до сихъ поръ не перестаютъ заниматься вопросомъ о вращеніи солнца. Въ настоящее время интересъ къ этому вопросу усиливается еще тѣмъ, что особенности, замѣчаемыя во вращеніи солнца, несомнѣнно обусловливаются физическимъ строеніемъ этого свѣтила.

Продолжительность солнечнаго вращенія до сихъ поръ была опредѣляема исключительно по наблюденіямъ такъ-называемыхъ солнечныхъ пятенъ, по изученію перемѣщенія этихъ пятенъ отъ восточнаго края солнечнаго диска къ западному. Легко однако понять, что одни наблюденія солнечныхъ пятенъ едва-ли могутъ привести къ совершенно точному рѣшенію разсматриваемаго вопроса. Солнечныя пятна не представляютъ постоянства: часто въ теченіе короткаго промежутка времени въ нихъ происходятъ значительныя перемѣны, часто пятно явившееся на восточномъ краю солнечнаго диска распадается или совсѣмъ исчезаетъ, прежде чѣмъ достигнетъ западнаго края; кромѣ того, нѣтъ основанія предположить, что пятна не имѣютъ собственнаго движенія и что перемѣщенія ихъ зависятъ исключительно отъ вращенія солнца. Такимъ образомъ каждое видимое перемѣщеніе солнечнаго пятна должно разсматривать какъ слагающееся изъ двухъ движеній: изъ собственнаго движенія пятна и вращательнаго движенія солнца. Весьма трудно по наблюденіямъ вполнѣ отдѣлить одно изъ этихъ движеній отъ другаго, а потому трудно изъ этихъ наблюденій найти продолжительность солнечнаго вращенія. Какъ бы то ни было, но многочисленныя наблюденія солнечныхъ пятенъ, произведенныя въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, привели къ весьма важному заключенію касательно вращенія солнца: изъ этихъ наблюденій въ послѣднее время вывели то важное заключеніе, что солнце не вращается какъ твердое тѣло, что продолжительность вращенія солнца не одинакова для всѣхъ частей его поверхности. Всякая зона солнечной поверхности (параллельная солнечному экватору) имѣетъ свое собственное вращеніе, свою собственную угловую скорость. Угловыя скорости этихъ отдѣльныхъ вращеній уменьшаются по опредѣленному закону отъ солнечнаго экватора по направленіямъ къ солнечнымъ полюсамъ. По наблюденіямъ пятенъ французскій астрономъ Фай вывелъ, что точка солнечной фотосферы расположенная на экваторѣ дѣлаетъ полный оборотъ около оси въ 25 дней; точка фотосферы при широтѣ 45° обращается въ 27 дней и наконецъ точка, расположенная въ разстояніи пятнадцати градусовъ отъ полюса, на полное обращеніе около оси употребляетъ 31 день. Такой странный фактъ несомнѣнно обусловливается особенностями строенія солнца. Выводы Фая основываются на наблюденіяхъ солнечныхъ пятенъ, но эти послѣднія періодически появляются только въ двухъ опредѣленныхъ, весьма не широкихъ зонахъ, симметрично расположенныхъ относительно солнечнаго экватора, а потому можно сомнѣваться въ справедливости выводовъ Фая для всей солнечной поверхности; во всякомъ случаѣ эти выводы нуждаются въ повѣркѣ на основаніи какихъ-либо иныхъ соображеній. Способъ такой повѣрки найденъ въ спектральныхъ изслѣдованіяхъ. Примѣняя эти послѣднія къ изученію вращенія солнца, шведскій ученый Дюнеръ пришелъ къ результатамъ близкимъ къ тѣмъ, которые получены по наблюденіямъ движенія пятенъ. Объ этихъ остроумныхъ и любопытныхъ изысканіяхъ мы и хотимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Чтобы понять какимъ образомъ спектральными наблюденіями можно придти къ извѣстнымъ заключеніямъ касательно скорости вращенія солнца, нужно разсмотрѣть нѣкоторыя свойства свѣтоваго луча.

По принимаемой теперь теоріи свѣта (теоріи волненія), свѣтъ, излучаемый какимъ-либо источникомъ, между прочимъ нашимъ солнцемъ, есть результатъ колебательнаго движенія частицъ эфира, наполняющаго міровое пространство; это колебательное движеніе вызывается подобнымъ же движеніемъ частицъ свѣтящагося тѣла. Если источникъ свѣта есть раскаленное жидкое или твердое тѣло, то имъ будутъ сообщены

Библиотека "Руниверс"

эфиру колебанія всевозможныхъ родовъ; но если источникъ свѣта есть раскаленный газъ, то частицы его колеблются только въ извѣстномъ опредѣленномъ отношеніи и сообщаютъ эфиру также только извѣстныя опредѣленныя колебанія. Результатомъ этихъ колебаній является въ первомъ случаѣ свѣтъ съ непрерывнымъ спектромъ, свѣтъ же раскаленнаго газа дастъ спектръ состоящій изъ немногихъ свѣтлыхъ линій.

Солнце состоитъ изъ раскаленнаго жидкаго или газообразнаго ядра, окруженнаго оболочкою свѣтящихся породъ тѣхъ веществъ, которыя входятъ въ составъ его ядра. Ядро солнца дастъ непрерывный спектръ состоящій изъ всѣхъ семи радужныхъ цвѣтовъ, газообразная оболочка солнца дастъ спектръ изъ отдѣльныхъ свѣтлыхъ линій. Такимъ образомъ спектръ солнца есть собственно двойной и при этомъ газовый спектръ какъ бы наложенъ на непрерывный спектръ жидкаго тѣла. Температура солнечной оболочки ниже температуры ядра, а потому эта оболочка отчасти поглощаетъ тотъ свѣтъ, который ядро испускаетъ; такое поглощеніе проявляется въ спектрѣ темными линіями на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были бы свѣтлыя спектральныя линіи даваемыя оболочкой, если бы вещество этой оболочки свѣтило самостоятельно. И такъ спектръ солнца есть непрерывный, перерѣзанный множествомъ болѣе или менѣе тонкихъ темныхъ линій. Ньютонъ посредствомъ призмы разложилъ бѣлый солнечный лучъ на семь цвѣтныхъ, красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій и фіолетовый. Въ 1802 году Волластонъ первый замѣтилъ въ солнечномъ спектрѣ двѣ темныя поперечныя полосы. Извѣстный оптикъ Фрауэнгоферъ (въ Мюнхенѣ) нашелъ потомъ до 600 такихъ темныхъ линій, которыя теперь называются фрауэнгоферовыми линіями Теперь этихъ линій опредѣлено гораздо болѣе. Изъ числа многихъ линій Фрауэнгоферъ выбралъ восемь болѣе интенсивныхъ и означилъ ихъ буквами A, B, C, D, E, F, G, H. Полосы или линіи A и B находятся въ красномъ цвѣтѣ, C—въ оранжевомъ, D—въ желтомъ, E—въ зеленомъ; F—близъ границы зеленаго съ голубымъ. G—въ синемъ и H—въ фіолетовомъ цвѣтѣ. Фрауэнгоферовы линіи всегда расположены въ солнечномъ спектрѣ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ и группируются всегда одинакимъ образомъ

Число колебаній или число волнъ эфира въ единицу времени обусловливаетъ собою цвѣтъ свѣтоваго луча, совершенно подобно тому, какъ число колебаній звучащаго тѣла обусловливаетъ высоту тона. Для свѣта число колебаній въ секунду измѣняется отъ 437 билліоновъ, что соотвѣтствуетъ красному цвѣту (фрауэнгоферова линія B) до 765 билліоновъ для фіолетоваго цвѣта (спектральная линія H). Такъ какъ скорость свѣта или скорость распространенія эфирныхъ волнъ приблизительно равна 300,000 километрамъ въ секунду, то отсюда слѣдуетъ, что длина волны соотвѣтствующая линіи B равна 688 милліоннымъ частямъ миллиметра, а длина волны, соотвѣтствующая линіи H, равна 393 милліоннымъ частямъ миллиметра.

Извѣстно, что тонъ становится выше, когда звучащее тѣло приближается къ слушающему, ибо тогда большее количество колебаній воздуха достигаетъ уха слушащаго тонъ. Подобно этому и цвѣтъ источника свѣта долженъ измѣняться, когда или наблюдатель, или свѣтящее тѣло находится въ быстромъ движеніи. Если наблюдатель приближается къ свѣтящему тѣлу, напр. къ звѣздѣ, то красная звѣзда должна становиться болѣе желтой. Какъ будутъ измѣняться цвѣта, такъ будутъ измѣняться и соотвѣтствующія имъ спектральныя линіи, будетъ замѣчаться смѣщеніе, передвиженіе этихъ линій. При взаимномъ сближеніи свѣтящаго предмета и наблюдателя линія B, напр., будетъ передвигаться въ сторону линіи C.

На изслѣдованіи этого смѣщенія спектральныхъ линій и думаютъ основать въ настоящее время изученіе вращенія солнца.

Солнце вращается около оси съ извѣстною скоростію; точки солнечной поверхности, находящіяся на восточномъ краю диска, при этомъ приближаются къ наблюдателю; точки находящіяся на западномъ краю удаляются отъ наблюдателя; поэтому полосы спектра на восточномъ краю должны смѣщаться въ извѣстномъ направленіи, тогда какъ полосы спектра получаемаго отъ точекъ диска на западномъ краю будутъ смѣщаться въ другомъ направленіи. Если мы въ состояніи измѣрить эти смѣщенія, то по нимъ можемъ судить съ какою скоростію точки солнечнаго края или приближаются къ намъ или отъ насъ удаляются, а слѣдовательно можемъ сдѣлать заключеніе о скорости солнечнаго вращенія.

Шведскій ученый Дюнеръ въ Лундѣ въ 1887, 1888 и 1889 годахъ тщательно измѣрялъ эти смѣщенія спектральныхъ линій; спектроскопъ, которымъ онъ пользовался, имѣлъ весьма большую оптическую силу; посредствомъ этого прибора можно было опредѣлить разность длины волнъ двухъ смежныхъ линій солнечнаго спектра съ такою точностію, что вѣроятная погрѣшность опредѣленія не превышала ничтожнѣйшей части миллиметра (0,0000000002), а потому такія наблюденія дали возможность опредѣлить смѣщенія спектральныхъ линій въ спектрахъ полученныхъ отъ точекъ на противуположныхъ краяхъ солнечнаго диска, а по этимъ смѣщеніямъ представилась возможность вывести скорость солнечнаго вращенія. Такимъ образомъ является возможность изслѣдовать скорость вращенія даже и тѣхъ зонъ солнца, въ которыхъ солнечныя пятна совсѣмъ не появляются. Изъ своихъ наблюденій Дюнеръ между прочимъ нашелъ, что при геліоцентрической широтѣ въ 0°, т. е. на солнечномъ экваторѣ точка поверхности перемѣщается въ сутки на 14°, при широтѣ въ 30° суточное перемѣщеніе есть 13°, при широтѣ въ 45° суточное перемѣщеніе есть 12° и при широтѣ въ 75° суточное перемѣщеніе составляетъ 9°. Такимъ образомъ экваторіальный поясъ совершаетъ вращеніе въ 25,7 дней, зона соотвѣтствующая 30° геліоцентрической широты полное обращеніе совершаетъ въ 27,6 дней, зона подъ широтою 45° дѣлаетъ полное обращеніе въ 30 дней и зона подъ широтою въ 75° на полное обращеніе употребляетъ 40 дней. Мы видимъ теперь, что результатъ полученный Дюнеромъ для тѣхъ широтъ, въ которыхъ наблюдались пятна, вообще согласенъ съ результатомъ полученнымъ по наблюденіямъ солнечныхъ пятенъ; но въ значительныхъ широтахъ, въ которыхъ пятна или рѣдко замѣчаются, или не наблюдаются совсѣмъ, по спектроскопическимъ наблюденіямъ вращеніе происходитъ гораздо медленнѣе, чѣмъ указываетъ эмпирическая формула Фая, составленная по наблюденіямъ пятенъ.

Результаты добытые изысканіями Дюнера требуютъ повѣрки, но они важны уже потому, что получаются болѣе прямымъ путемъ, чѣмъ результаты выводимые изъ наблюденій солнечныхъ пятенъ.

Къ рисункамъ.

Въ праздникъ. (Рис. на стр. 441).

Въ № 1 нынѣшняго года, въ числѣ другихъ представительницъ русской живописи и ваянія, нами были помѣщены портретъ и біографія Эмиліи Дукшты-Дукшинской. Въ нынѣшнемъ № мы воспроизводимъ, какъ образецъ ея выдающагося таланта, гравюру съ ея картины „Въ праздникъ", бывшую на послѣдней Академической выставкѣ. На ней замѣчательно выразительно и красочно изображена старушка съ глиняною кружкою пива.

Прощаніе невѣсты съ родительскимъ домомъ.

(Рис. на стр. 444 и 445).

На дворѣ уже запряжены кони въ повозку, которая повезетъ невѣсту къ вѣнцу. Посаженая матушка сидитъ уже въ ней, дожидаясь молодой дѣвушки, которая прощается съ отцомъ съ матерью, припадая на грудь родимой... Толпа подругъ, поѣзжанъ и провожатыхъ затягиваетъ послѣднюю жалобную пѣсню:

По лугамъ весною
Разлилась вода весенняя,
Унесло водой
Три корабля:
Первый корабль
Со перинами пуховыми,
Второй корабль
Со ларцами коваными,
Третій корабль
Со душою красной дѣвушкой.

У дверей въ кабинетъ начальника.

(Рис. на стр. 449).

Не одинъ десятокъ лѣтъ служитъ иной чиновникъ, много перемѣнится у него начальниковъ, но ко всякому онъ входитъ въ кабинетъ со страхомъ и трепетомъ, предварительно прислушавшись у дверей. Въ эту минуту на лицѣ его, какъ на барометрѣ, можно прочесть, буря или хорошая погода въ кабинетѣ начальника.

Городъ Угличъ. (Рис. на стр. 452 и 453).

Два помѣщаемыхъ нами вида г. Углича даютъ наглядное понятіе какъ объ общемъ характерѣ этого древняго историческаго городка, такъ и объ одномъ изъ его наиболѣе старыхъ уголковъ, въ которомъ сохранились еще и донынѣ древніе монастыри и храмы, нѣкогда переполнявшіе городъ. Въ настоящее время городъ Угличъ — уѣздный въ Ярославской губерніи—принадлежитъ къ числу незначительныхъ приволжскихъ городовъ, ничѣмъ особенно не замѣчательныхъ и далеко не богатыхъ. Жителей въ немъ насчитываютъ до 12,000, и главнымъ занятіемъ ихъ оказываются мелкія ремесла (шитье мѣшковъ, вязанье чулокъ, колбасное мастерство) и отчасти кожевенное производство. О быломъ значеніи города Углича свидѣтельствуютъ и теперь еще тѣ два монастыря и 24 церкви, которыя доселѣ еще сохранились въ городѣ. Грустнымъ памятникомъ отдаленнаго прошлаго служитъ и тотъ каменный теремъ, который извѣстенъ подъ названіемъ дворца или домика Св. царевича Дмитрія, здѣсь нѣкогда поселеннаго съ матерью и родственниками и здѣсь же убіеннаго. Этотъ теремъ представляетъ собою зданіе въ два этажа съ подваломъ. Повидимому оно не разъ подвергалось всякимъ перестройкамъ и невзгодамъ. Въ стѣнахъ видны нѣкогда бывшія въ нихъ и теперь давно уже заложенныя кирпичомъ окна; около стѣны

Библиотека "Руниверс"

сохранились слѣды крыльца, когда-то къ ней прислоненнаго. Послѣ Литовскаго разоренія (въ началѣ XVII в.) этотъ теремъ царевича Дмитрія долгое время, около 150 лѣтъ, стоялъ безъ крыши и, какъ очень многіе памятники русской старины, служилъ общественнымъ клоакомъ... Только уже въ половинѣ прошлаго вѣка теремъ былъ очищенъ и накрытъ крышею, по указу Сѵнода. Въ царствованіе императора Николая его поправили, окружили оградою и стали охранять. Въ нынѣшнее царствованіе предприняты были, съ Высочайшаго соизволенія, обширныя раскопки и изслѣдованія почвы на довольно значительномъ пространствѣ около терема и реставраціи его поручена извѣстному знатоку нашей древней архитектуры, г. Сультанову. Слышно, что въ непосредственной близости отъ терема открыты въ землѣ фундаменты и остатки обширныхъ построекъ, нѣкогда входившихъ въ составъ дворца и службъ дворцовыхъ, построенныхъ въ Угличѣ для поселенія царевича Дмитрія, его матери и родственниковъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ терема Св. царевича Дмитрія находится на берегу Волги церковь Св. Дмитрія, *„что на крови“*. По преданію, на этомъ самомъ мѣстѣ и былъ убитъ несчастный царевичъ. Тотчасъ послѣ его убіенія здѣсь была поставлена часовня; позднѣе—деревянная церковь, а затѣмъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, выстроена, на иждивеніе царя, церковь каменная.

Городъ Ооцу въ Японіи.

Іер. Дмитрія Смирнова. бывшаго миссіонера Японіи.
(Рис. на этой стр.).

Счастливо продолжавшееся доселѣ путешествіе Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича по отдаленнымъ областямъ Индіи, Китая и Японіи омрачилось напослѣдокъ злодѣйскимъ покушеніемъ на Его священную и дорогую для Россіи жизнь, происшедшимъ 29 апрѣля въ небольшомъ городѣ *Ооцу*, въ Японіи. Къ счастію и на радость Царской Семьи и всей православной Россіи Господь и на этотъ разъ сохранилъ жизнь Цесаревича, явивъ вторично знаменіе милости Своей къ Царствующему Дому и ко всей православной Русской землѣ.

Послѣ такого событія городъ *Ооцу* пріобрѣтаетъ для насъ, русскихъ, особенное значеніе и потому не безъинтересно будетъ познакомиться съ нимъ, чтобы имѣть о немъ нѣкоторое представленіе и уяснить себѣ горестное событіе.

Городъ Ооцу, изображеніе котораго мы здѣсь даемъ, находится на главномъ и самомъ большомъ островѣ Японіи, Нипонѣ, лежитъ почти на границѣ двухъ округовъ—*Кіо-то* и *Сига*, въ уѣздѣ *Ооми*, принадлежащемъ къ округу *Сига*. Отъ *Кіо-то* или Сай-кёо, прежней, до 1868 года, японской столицы (находящейся въ уѣздѣ *Ямашо*, округа Кіо-то), онъ отстоитъ на 3 японскихъ *ри* или въ 11 съ небольшимъ верстахъ (1 *ри* заключаетъ въ себѣ 36 *цёо* и равняется 12,960 англійскимъ и нашимъ футамъ или 3 верстамъ 351 1/7 саж.), въ 30 верстахъ отъ города *Кообе*, гдѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ оставилъ фрегатъ „Память Азова“, въ 126 *ри* 4 *цёо* или въ 467 верстахъ отъ *Иоко-хама* и въ 500 верстахъ отъ нынѣшней столицы Японіи, Тоо-кёо или, по старому названію, Іе-до. Городъ находится на большой шоссейной дорогѣ Тоо-кай-до, и кромѣ того съ *Кіо-то*, *Коо-бе* и *Оо-сака* соединенъ желѣзной дорогой и телеграфомъ. Онъ расположенъ на берегу большаго и живописнаго озера *Бива*, не разъ воспѣтаго японскими поэтами, на совершенно ровной и необыкновенно красивой мѣстности, которая съ удаленіемъ въ противоположную отъ озера сторону, за городомъ, начинаетъ возвышаться и становится холмистою. По синей, облитой лучами солнца поверхности озера снуютъ лодки и пароходы, послѣдніе ходятъ въ Сіоцу, отстоящее на 23 *ри* отъ Ооцу, и другіе расположенные по берегу этого обширнаго озера города и селенія. Въ Ооцу до 20,000 жителей, которые занимаются садоводствомъ, шелководствомъ, разведеніемъ чая и торговлею. Одно время, 1,200 лѣтъ назадъ, Ооцу былъ столицей и резиденціей двухъ императоровъ: *Тен-чи* и *Коо-бунъ*. Въ городѣ *Ооцу* много хорошихъ гостинницъ и увеселительныхъ заведеній, сосредоточивающихся, какъ и вездѣ въ японскихъ городахъ, главнымъ образомъ въ храмовомъ кварталѣ, подлѣ храмовъ и монастырей, которые цѣлый день стоятъ открыты и охотно посѣщаются народомъ; тутъ жизнь всегда кипитъ и народъ толпится постоянно: въ храмахъ идетъ богослуженіе и раздается барабанный бой, въ расположенныхъ при нихъ безчисленныхъ лавкахъ идетъ бойкая торговля, въ окружающихъ ихъ чайныхъ домахъ (*о-чая*) происходитъ стрѣльба изъ лука въ цѣль, игра въ волантъ, мячъ и т. п. Многочисленныя бронзовыя статуи, изображающія *Будду*, погруженнаго въ созерцаніе *нирваны* и покоющагося на цвѣткѣ лотоса, или ка-

Видъ города Ооцу въ Японіи. Съ фот. грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

менныя статуи *босацъ* (*бодисатвъ*), учениковъ Будды, также статуи бѣлой лисицы, непрестанный бой священныхъ барабановъ, игра на *самисенъ* или *кото*, происходящая въ чайныхъ домахъ, и заунывное пѣніе, уличными пѣвицами подъ аккомпаниментъ тѣхъ же музыкальныхъ инструментовъ, разныхъ историческихъ сказаній о японскихъ герояхъ и совершенныхъ ими подвигахъ, искусственные живописные холмики, водопады и прудки, переполненные черепахами, посвященными божеству, роскошные красные и бѣлые цвѣты лотоса, покрывающіе воду, запахъ кедровъ и кипарисовъ, жасмина и другихъ деревьевъ и цвѣтовъ, окружающихъ храмъ,—все это обращаетъ храмовой кварталъ въ какой-то особый волшебный уголокъ, гдѣ отовсюду вѣетъ на душу спокойствіемъ, весельемъ и радостью, и всякій иностранецъ, по прибытіи въ японскій городъ, спѣшитъ поэтому, прежде всего, посѣтить храмы и монастыри, а не видѣть храмовъ и монастырей—значитъ не видѣть Японіи. Окрестности *Оосу* необыкновенно красивы. Особенно замѣчателенъ знаменитый и величественный храмъ *Ми-дера-зинъ*, при которомъ считается до 300 бонзъ; это одинъ изъ самыхъ значительныхъ монастырей, куда стекается масса богомольцевъ; онъ имѣетъ около 54 саж. высоты. Въ разстояніи одного *ри* съ небольшимъ или четырехъ верстъ отъ этого города высится *Иси-яма* (Каменная гора), около 49 саж. высоты, расположенная при рѣкѣ, вытекающей изъ озера. Съ вершины *Иси-яма* открываются чудные виды на озеро и окрестности. Тутъ-же неподалеку находятся *Авицу* и *Сета*, соединенные деревяннымъ мостомъ. Къ востоку отъ *Оосу* лежитъ *Кира саки*, замѣчательный большимъ сосновымъ деревомъ, которому насчитывается уже болѣе 300 лѣтъ. Населеніе города *Оосу*, какъ и всѣхъ вообще мѣстностей, близко лежащихъ къ *Кіото*, сильно предано буддизму и отличается необыкновенной любовью къ родинѣ, такъ что выраженіе „*ямато тамасіи*" вошло въ поговорку, и японецъ, желая выказать свой патріотизмъ, говоритъ обыкновенно, что у него *ямато тамасіи*, т. е. душа, какъ у жителя уѣзда *Ямато*, въ которомъ находится *Кіото*. Посему жители крайне враждебно настроены не только къ иностранцамъ, но и къ своему правительству, за то что оно вошло въ торговыя и политическія сношенія съ европейцами и американцами, открыло для нихъ свои торговые города и дѣлаетъ у себя въ странѣ разныя нововведенія, насаждая иноземные порядки и обычаи. Мѣстность эта, центръ которой *Кіото*, всегда была очагомъ разныхъ заговоровъ, возстаній и междуусобныхъ войнъ, и доселѣ въ округѣ Кіото возникаютъ и образуются разныя противоправительственныя общества, немаловажное участіе въ которыхъ принимаетъ и буддійское духовенство. Еще въ 1880 году намъ приходилось читать въ буддійской газетѣ *Меи-кёо-син-дзи* и другихъ, что глава русской вѣры—Россійскій Императоръ и принятіе ея японцами есть измѣна своему престолу и отечеству и т. п. въ этомъ родѣ. Многія газеты, издающіяся не только въ Кіото, но и другихъ городахъ, переполнены такими опасеніями; такимъ-же точно духомъ дышатъ и рѣчи буддійскихъ проповѣдниковъ—бонзъ. Нисколько не удивительно поэтому, что появленіе въ такой мѣстности Наслѣдника Русскаго Престола побудило изступленнаго фанатика поднять святотатственную руку на Цесаревича. Цѣль была явная: убить будущаго Императора Россіи. Фанатику представилось, что, вотъ, уже пришли иностранные цари въ его землю, что, убивъ Наслѣдника Русскаго Престола, онъ уничтожитъ быть-можетъ будущаго завоевателя Японіи, и мысль эта подвигнула его на злодѣяніе. Но, конечно, съ общимъ настроеніемъ всего Японскаго народа и его мудраго правительства этотъ безумный поступокъ фанатика не имѣетъ ничего общаго, и можно быть заранѣе увѣреннымъ, что Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изъ своего пребыванія въ Японіи вынесетъ самыя лучшія впечатлѣнія и воспоминанія объ этой странѣ, которыя далеко позади себя оставятъ впечатлѣнія вынесенныя изъ поѣздки по Индіи и Китаю; это скажетъ всякій кто долго жилъ въ Японіи и знаетъ эту чудную страну и этотъ прелестный народъ.

Политическое обозрѣніе.

Ужасающее событіе въ Оосу продолжаетъ быть предметомъ всеобщаго вниманія, вызывая справедливое чувство негодованія. Городъ Отсу, или Оосу, гдѣ произведено гнусное покушеніе на жизнь Государя Наслѣдника Цесаревича, находится на о. Нипонѣ, въ провинціи Оми. Реформы начинающаго жить на европейскій ладъ государства мало коснулись этой мѣстности и бытъ населенія почти не измѣнился. Иностранцы посѣщаютъ очень рѣдко Оосу, и только для того, чтобы полюбоваться живописными окрестностями города и посѣтить въ окрестностяхъ города древніе храмы и монастыри Иза-Яма и Мидеразанъ. Въ Оосу Наслѣдникъ Цесаревичъ отправился со свитою изъ Кіото 29 апрѣля. Послѣ завтрака у губернатора, въ его оффиціальномъ мѣстопребываніи, Его Высочество отправился на озеро Бива; вдоль пути былъ расположенъ многочисленный полицейскій отрядъ. При проѣздѣ Великаго Князя Николая Александровича со свитой, въ ручныхъ коляскахъ, на Его Императорское Высочество бросился мѣстный уроженецъ по имени „Туда", служившій 8 лѣтъ въ полиціи, съ обнаженною саблей и нанесъ Ему ударъ въ голову; но ударъ этотъ ослабился тѣмъ, что пришелся по шляпѣ Его Высочества. Не смотря на ударъ палкой, нанесенный принцемъ Георгомъ Греческимъ злоумышленнику, послѣдній кинулся вторично на Цесаревича, но былъ отброшенъ японцемъ, который везъ коляску Наслѣдника; въ это время другому возницѣ удалось выхватить у упавшаго злоумышленника саблю и нанести ему ею тяжелую рану. У Наслѣдника Цесаревича оказались двѣ раны на лбу. Злоумышленника—очевидно, фанатика—арестовали. Наслѣднику Цесаревичу тотчасъ же оказана была первая медицинская помощь; нанесенныя Его Высочеству поврежденія оказались не серьезными. Послѣ нѣкотораго покоя, Наслѣдникъ Цесаревичъ возвратился въ Кіото. По полученіи изъ Кіото извѣстія объ этомъ прискорбномъ происшествіи, Японскій императоръ немедленно повелѣлъ принцу Киташиракавѣ ѣхать въ Кіото въ сопровожденіи врачей и самъ, глубоко потрясенный случившимся, тоже отправился въ Кіото на слѣдующее утро и 13 числа имѣлъ свиданіе съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ; при этомъ Его Высочество сказалъ, что по повелѣнію Государя Императора долженъ возвратиться на „Память Азова". Вѣсть эта была принята съ сожалѣніемъ какъ Японскимъ императоромъ, такъ и вообще всѣми. Когда Наслѣдникъ Цесаревичъ готовился къ пересадкѣ на „Память Азова", императоръ Японскій сопутствовалъ въ Кобе, гдѣ остался фрегатъ. Описанный прискорбный случай вызвалъ въ Японіи величайшее негодованіе и сожалѣніе. Всѣ власти и японскій народъ въ высшей степени возмущены и опечалены посягательствомъ на жизнь Наслѣдника Русскаго Престола. Всюду, гдѣ только появлялся Его Высочество, народъ искренно и горячо привѣтствовалъ Высокаго Гостя. Въ настоящее время Наслѣдникъ Цесаревичъ совершенно здоровъ и чувствуетъ себя отлично.

Изъ Токіо сообщаютъ, что императоръ Японскій издалъ рескриптъ, въ которомъ выражаетъ глубочайшую скорбь по поводу покушенія на жизнь Наслѣдника Цесаревича и приказываетъ въ самое короткое время подвергнуть наказанію гнуснаго злодѣя, чтобы предохранить отъ всякаго омраченія дружескія отношенія къ сосѣдней державѣ.

Не только повсюду въ Россіи благополучный исходъ печальнаго событія вызвалъ искреннюю радость и всеобщее ликованіе, но и изъ-за границы сообщаютъ, что повсюду выражается сочувствіе Россіи.

Въ Парижѣ представители дипломатическаго корпуса, русской колоніи и парижскаго общества являются массами въ русское посольство за извѣстіями о подробностяхъ покушенія на жизнь Наслѣдника Цесаревича.

Въ Вѣнѣ, 6 мая утромъ, въ церкви русскаго посольства было отслужено благодарственное молебствіе по случаю избавленія Наслѣдника Цесаревича отъ угрожавшей Ему опасности. На богослуженіи присутствовали Датская королевская чета, герцогъ Кумберландскій съ супругою, представитель императора, обергофмейстеръ князь Гогенлоэ, имперскій канцлеръ Кальноки, всѣ высшіе придворные сановники и посланники. По окончаніи богослуженія, всѣ присутствующіе принесли князю Лобанову-Ростовскому поздравленія.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№. „Нивы", Контора покорнѣйше проситъ Г.г. подписчиковъ **не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву" 1891 года,** озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля подъ которымъ получается ими „Нива".

Библиотека "Руниверс"

Проживающіе въ Лондонѣ японцы собрались на митингъ негодованія, заявили, что покушеніе возмутительно, и выразили радость по поводу того, что рана не опасна, а также высказали надежду на скорое выздоровленіе. *Morning Post* говоритъ, что Россійскій Императорскій Домъ такъ тѣсно двойными узами связанъ съ англійскою королевскою фамиліею, что семейное несчастіе встрѣчаетъ живѣйшее участіе въ Англіи.

Въ Аѳинахъ, благополучное избавленіе Наслѣдника Цесаревича отъ опасности вызвало горячее проявленіе сочувствія къ Россіи. 2 мая, въ русской церкви отслужено благодарственное молебствіе по случаю избавленія Наслѣдника Цесаревича отъ опасности. На молебствіи присутствовали королевская фамилія и дипломатическій корпусъ. На посланную мэромъ Филимономъ телеграмму Государь Императоръ изволилъ отвѣтить изъявленіемъ благодарности Аѳинамъ въ слѣдующихъ словахъ: „Счастливъ, что вижу присовокупленіе новыхъ узъ къ тѣмъ, которыя соединяютъ Меня съ греческою королевскою фамиліей". По почину мэра Филимона также было отслужено, при громадномъ стеченіи народа, торжественное молебствіе и состоялись народныя манифестаціи. Г. Бахметьевъ былъ встрѣченъ горячими сочувственными кликами.

Въ Бѣлградѣ извѣстіе о случаѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ всѣхъ сильно взволновало. Король, регенты и министры поспѣшили выразить свои чувства русскому посланнику.

Нынѣ Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ уже покинулъ Японію, отбывъ 7 мая во Владивостокъ.

Извѣстія изъ шахматнаго міра.

4-го мая въ С.-Петербургскомъ Шахматномъ Обществѣ происходилъ торжественный обѣдъ по поводу блестящей побѣды М. И. Чигорина надъ В. Стейницемъ въ матчѣ по телеграфу. Многіе любители выразили желаніе устроить рѣшительный матчъ между названными игроками въ С.-Петербургѣ. 6-го мая окончился въ „Собраніи экономистовъ" (Фонтанка, 32) матчъ между Г. Бейштейномъ и П. Зейботомъ въ пользу послѣдняго, выигравшаго 5 партій противъ 3-хъ. Игра въ матчѣ С. И. Полнера съ Э. С. Шифферсомъ будетъ происходить одинъ разъ въ недѣлю (въ „Собраніи Экономистовъ"); до сихъ поръ каждый выигралъ одну партію, 2 начатыхъ и одна неокончена.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. **иногородныхъ подписчиковъ**, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы**. Гг. же **городскіе подписчики** благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: **Преддверіе весны.** Стих. **Василія Величко.** — **Корень зла.** Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **П. Н. Полевого.** Ч. I. — **Сказаніе о убіеніи царевича Димитрія (15 мая 1591 года).** — **Вращеніе солнца.** Популярный очеркъ проф. Кіевскаго университ. **М. Ѳ. Хандрикова.** — Къ рисункамъ: **Въ праздникъ** (съ рис.). — **Прощаніе невѣсты съ родительскимъ домомъ** (съ рис.). — **У дверей въ кабинетъ начальника** (съ рис.). — **Городъ Угличъ** (съ 3 рис.). — **Городъ Боцу въ Японіи. Іер. Дмитрія Смирнова** (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Заявленіе. — Шахматы. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

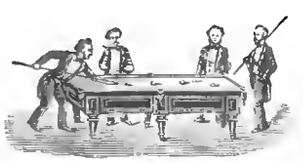
Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшинниковъ.**

1891. ПРАГА.

ЧЕШСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ПРАГѢ

по случаю сотой годовщины первой промышленной выставки въ Прагѣ въ 1791 году подъ августѣйшимъ покровительствомъ Его Величества Императора Австрійскаго Франца-Іосифа I съ 15-го мая по 15-ое октября 1891.

На выставкѣ будутъ имѣть мѣсто: Искусства, Науки, Промышленность, Земледѣліе, Празднества, Современныя новости, Иллюминованный фонтанъ, Конгрессы, Лотерея и проч. проч. J. № 5133 5 4



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египетскаго моста, домъ № 7—2. № 4961 26—10

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ЗАЧЕТНАЯ РЕКРУТСКАЯ КВИТАНЦІЯ продается. О цѣнѣ узнать письменно г. Купинскъ Харьковской губ., оттуда въ хуторъ Михайловку. М. В. Качинъ.

КАТАЛОГИ ПОДЕРЖАННЫХЪ и РѢДКИХЪ КНИГЪ высылаются желающимъ безплатно. „Букинистъ" **В. КЛОЧКОВЪ.** СПБ., Литейный пр. 55. № 5201

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ Вс. С. Соловьева.

Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это разсказъ изъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшаго только 3 года.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

НОВОСТЬ МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!

ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

Изящно! Практично! Безопасно! Дешево! Служитъ карманной спичечницей, давая **яркій свѣтъ** по цѣлымъ часамъ.

Сдѣлано изящно изъ никкеля. Только 1¼ вер. вышины — удобно носить въ карманѣ.

Огниво съ 500 зарядами 2 руб. **Запасъ въ 1000 зарядовъ 50 коп.** (Пер. 1 ф.)

СБЕРЕГАТЕЛЬ САПОГЪ.

Сохраняетъ подошвы и каблуки отъ изнашиванія и искривленія. Легко придѣлать. Сберегаетъ въ 20 разъ болѣе стоимости **1 полл. 30 к.; 4 + полл. 1 р. 20 к.; дюж. полл. 3 р.** Игра Веселыя Сапки 40 к., 3 за 1 р. ◆ Игра Брачныя кольца 75 к., 3 за 2 р. ◆ Мышеловка 40 к., 3 за 1 р. ◆ Крысоловка 60 к., 3 за 1 р. 50 к. ◆ Золотыя чернила 40 к. ◆ Серебр. чернила 40 к. ◆ Дѣтск. телефонъ 40 к., 3 за 1 р. ◆ Америк. цементъ 40 к., 3 за 1 р. ◆ Америк. волчекъ 1 р. ◆ Волчокъ Вальсирующая парочка 1 руб. ◆ **МАЗЬ ДЛЯ ТАРАКАНОВЪ и МУХЪ** 50 коп., 7 флак. 3 р. ◆ Амер. перепелочникъ 1 р. ◆ Подчасникъ 50 к. ◆ Амер. Прессъ-Бювары 1 р. 25 к. ◆ Книгоноски 85 к., 2 за 1 р. 50 к. ◆ Булавки для пачекъ мыхъ (6 сотовъ) 600 за 1 р. 50 к. ◆ Послѣдовательн. молока 75 к. ◆ Минутная кухня для любой лампы 40 к., 3 за 1 р. ◆ Замѣчат. таинопись 40 к., 3 за 1 р. ◆ Составъ для сваренія жести и пр. 30 к. ◆ Жидкость для серебренія 75 к. ◆ Жидкость для золоченія 75 к. ◆ **БУМАГА ПРОТИВЪ МОЛИ** 50 к., 5 пачекъ 2 руб. ◆ **АФРИКАНСКАЯ ЛАСТОЧКА** игра на воздухѣ 40 к. и 1 р.

ПИШУЩАЯ МАШИНА „МЕРИТТЪ", пишетъ ясно, красиво и скоро. Дешевле всѣхъ другихъ. Легко научиться. Простое устройство. Пишетъ заглавныя, малыя буквы, цифры, знака препинанія и дроби. Цѣна 40 р., перес. около 12 ф. № 5023 2—1

„ИДЕАЛЪ" ЧЕРНИЛЬНИЦА

Практично! Красиво! Дешево! Ново! Соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества здѣшней чернильницы — перья не тупятся, нельзя сдѣлать клаксы, очень экономна и легко чистится. Маленькія 1 р. 50 к., Большія 2 р., перес. 2 ф. Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20.

Fleichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! **Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!** Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ. Главный складъ для всей Россіи: у **В. Аурихъ**, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ. В. № 4720 17—12

РѢДКІЯ ФОТОГРАФІИ. Каталогъ безплатно. **А. Диманъ.** Амстер. Ц. № 5204 дамъ (въ Голландіи). 6—1

ЛЕНИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою начатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

Вышло новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

АЛГЕБРА

И. Тодгентера, для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ и самообразованія. Съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ. Переведъ съ послѣдняго англ. изд. **Е. А. Предтеченскій.**

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Отъ Правленія ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго

ТОВАРИЩЕСТВА Ѳ. Г. БАБАЕВА.

Извлеченіе изъ протокола чрезвычайнаго Общаго Собранія пайщиковъ 30 апрѣля 1891 года.

1. Измѣнить первый операціонный годъ и считать таковой съ 5-го мая 1890 г. по 1-е января 1892 года.
2. Отсрочить назначенный на 1-е марта сего года дополнительный взносъ до 15-го августа сего года.
3. Выразить Правленію одобреніе за труды его по управленію дѣлами Товарищества и
4. Признать дѣйствія двухъ членовъ Ревизіонной Коммисіи г.г. Д. М. и С. М. Краевскихъ неправильными, превышающими ихъ полномочія, и выразить г.г. Краевскимъ неодобреніе, предложивъ имъ отказаться отъ званія членовъ Ревизіонной Коммисіи.

ПРИМѢЧАНІЕ. Настоящія извлеченія печатаются Правленіемъ Товарищества согласно пункта 11 протокола постановленій чрезвычайнаго Общаго Собранія пайщиковъ 30-го апрѣля сего года. № 5200

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ двухъ- и трехъ-колесные **ВЕЛОСИПЕДЫ.**

Прейсъ-курантъ безплатно.

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ, Садовая ул., 22, С.-Петербургъ.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. **Способъ приготовленія.** При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не окалывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цѣна: флакону 1 р. 65 к., **бензоевое мыло** 35 к. и 50 к. кусокъ, **опо-помада** (лучше кольдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.

Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на прилагаемую здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго отъ автора Главный складъ для всей Россіи у **В. Аурихъ**, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4720 14—12

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

В. № 4731 24—17

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ. Колокольная. 18—19

Библиотека "Руниверс"

ПАЛКА-ФЛЕЙТА

ИГРАТЬ НА НЕЙ ЛЕГКО.
№ 2 цѣна 1 руб.
№ 3 „ 2 руб.
Пересылка въ провинцію за 2 фунта.
Краткое наставленіе — безплатно.
Тетрадь нотъ по нотно-циферной системѣ. . . . . 50 коп.
Подробный самоучитель. 1 р. 50 коп.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ главное депо № 5195
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С. Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

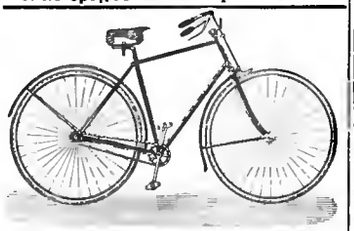
125 ТАРАСОВЪ. 125

ГОСТИННЫЙ ДВОРЪ,
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
ДАМСКИХЪ И ДѢТСКИХЪ ШЛЯПЪ
соломенныхъ и кружевныхъ
ПО ПОСЛѢДНИМЪ ПАРИЖСКИМЪ МОДЕЛЯМЪ.
Гарнированныя. отъ 1 р. 50 к. до 12 р.
Безъ гарнир. для дамъ и деревень отъ 30 к. до 4 р. Ц. № 5198

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ

В. № 5098 **АППАРАТЫ** 20-8

10, 15, 25 р. и дороже. Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-кур. безплатно.
К. П. ФРЕЛАНДТЪ.
Москва. Мясницкая, уголъ Кривоколѣннаго пер., д. Соколова.
С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30—16.



Извѣстные велосипеды въ свѣтѣ англійскаго завода
ГУМБЕРЪ и К°.
Представители
Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.
Москва, Неглинный проѣздъ, домъ Ежиной, магазинъ № 14.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

ДЕПО ЧАСОВЪ

поставщ. Двора Его Импер. Величества № 4368
12 5 Москва, Мясницкая, д. 13.
В. ФРЕЙМУТЪ.
Собственной фабрики зол., сер. нарм. часы.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блоинъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59-57, соб. домъ.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА".

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5136 (5)

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 5748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**
Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ Б. Морская, 21.

КИТАЙСКАЯ ЧЕСУЧА

для мужскаго и дамскаго лѣтняго платья отъ 16 руб., съ почт. перес. за кусокъ въ 26 арш. и дороже. Торговцамъ уступка. Высылка почтой съ наложеннымъ платежомъ не менѣе куска. Подробный разцѣнокъ высылается безплатно.
СИБИРСКІЙ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ"
Москва, Малая Дмитровка, домъ № 18. Ц. № 5190 3—2

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"

Измайловскій проспектъ, № 27.
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.

ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ.

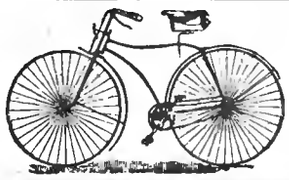
Разнообразныя косметическія свойства этого состава сдѣлали его важною потребностью для туалета.

ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ ВІОЛЕТЪ де-ПАРМЪ.
КАРБОЛОВЫЙ ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ.
ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ де-ла-НОБЛЕСЪ.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".
Произведенія С.-Петерб. Химич. Лаб. въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5040 2-2

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ. Въ послѣднее время появилось въ продажѣ множество поддѣлокъ подъ названіемъ „Гуніади Яносъ"; поэтому покорнѣйше просимъ обратить вниманіе на помѣщенную здѣсь предохранительную марку—портретъ.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.
Ц. 5151 10—3



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.

ФРАНКФУРТЪ Н/М.
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЪ".
Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиновою „Кюженъ" (подушка) и „пневматическій". Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5189 18—2

БРОКАРЪ и К°.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ Р. № 5087 (9)
ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

Schlesischer Obersalzbrunnen

Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г.
Анализы и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ безплатно:
Контора отправки минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННѢ
ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
10—3 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5152

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ДЛЯ ГУВЕРНАНТОКЪ

(Evangel. Gouvernant. Heim)
рекомендуетъ учительницъ и гувернантокъ всѣхъ націй. Комитетъ Евангелическаго Общества гувернантокъ находится на Торговой д. № 15, кв. № 58. № 5185 3-2

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛЬ

Карм. форм. въ замшев. кошельк. 8 руб. пересылка за 3 ф.
Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 руб. пересылка за 4 ф.
„Аргусъ" имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, поли и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названія „универсальнаго бинокля". № 5181 2—2
Е. КРАУСЪ и К°.
Спеціальн. фабр. оптическ. инструментовъ
Парижъ, Aven de l. Républ. 4.
ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ:
С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. безплатно.

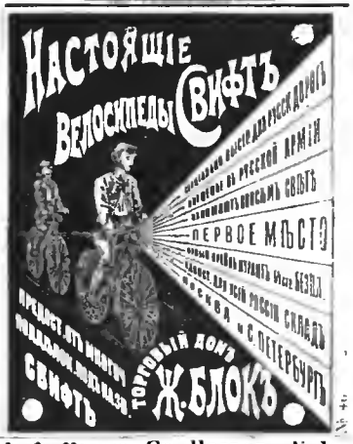
С.ПЕТЕРБ. ВѢНА ПЕШТЪ. БЕРЛИНЪ
„ЕКСИККАТОРЪ"
1000 СВИДѢТЕЛЬСТВЪ
ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ДЕРЕВО ОТЪ ГРИБКА
ВЫВОДИТЪ СЫРОСТЬ И ПР.
БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО. ИЩУ АГЕНТОВЪ
АДР. ИНЖ. Г. РИТТЕРЪ ВАРШАВА

ЕДИНСТВЕННЫЕ ВПОЛНѢ непромокаемые КАУЧУКОВЫЕ БРЕЗЕНТЫ

плащи для возчиковъ, сторожей и пр.
НАДХОМУТНИКИ
№ 5091 для лошадей. 12—9
Ф. РЕДДАВЕЙ и К°.
Москва, Рыбный пер., Старо-Гостинный дворъ, № 38.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ
ЖЖЕНЫЙ КОФЕ

ТВЕРСКАЯ, ПРОТИВЪ СЛАВЯНСКАГО ПОДВОРЬЯ
Д. ГИППЛУСЪ, ВЪ МОСКВѢ.
КОФЕ ПО ПРОБАМЪ ТРЕБОВАТЬ. ВЫСЫЛАЕТ НАЛОЖЕН. ПЛАТЕЖ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО
Ц. № 5082 16—3
Л. ФОРШТРЕМЪ
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ.



Дозвол. цензур., СПБ., 14 мая 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | № 21 | г. XXII | 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖСК. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 25 мая 1891 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ" принимаются за строку нонпарейль (1/6 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr., для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 пф.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Сѣверъ Россіи. Становище Гавриловка, на Мурманскомъ берегу. Съ фот. Лейцингера, грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

Корень зла.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.

П. Н. Полевого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

V.

По душѣ.

Кузьминская усадьба князей Василія и Дмитрія Шуйскихъ лежала далеко въ сторонѣ отъ Звенигородской дороги, среди обширнаго, дремучаго бора, который тянулся во всѣ стороны отъ усадьбы верстъ на двадцать кругомъ.

— Милости просимъ къ намъ на медвѣдя косматаго, да на лося сохатаго—въ Кузьминское, гости дорогіе! говорилъ Дмитрій Ивановичъ братьямъ боярамъ Романовымъ, при послѣднемъ свиданіи съ ними во дворцѣ, и сообщилъ при этомъ, что съѣздъ у него будетъ большой, и что „для дорогихъ гостей“ три медвѣдя обложены, да медвѣдица съ медвѣжатами...

Въ назначенный день собралось въ Кузьминскомъ много гостей. Каждый гость привезъ съ собою и свою охотничью свиту. Охотились и пировали, а послѣ поздняго обѣда, который сошелся съ ужиномъ, когда гости стали расходиться по своимъ опочивальнямъ, князь Василій Ивановичъ просилъ бояръ Романовыхъ, да князя Ивана Ѳеодоровича Милославскаго, да князя Василья Васильевича Голицына къ себѣ въ заднія хоромы, на тайную бесѣду, и всѣмъ на ухо сказывалъ, что „дѣло есть“, что надо бы „его пообсудить не медля и сообща“.

— Ну, князь Василій Ивановичъ, докладывай, какое ты намъ дѣло объявить хотѣлъ, сказалъ князь Василій Голицынъ, усаживаясь за столъ рядомъ съ Милославскимъ по одну сторону хозяина, между тѣмъ какъ братья Романовы садились по другую сторону.

— Дѣло всѣмъ намъ близкое и важное, князья и бояре, и давно пора намъ о немъ подумать! сказалъ Василій Шуйскій, понижая голосъ и оглядываясь на дверь въ сѣни, которую плотно и тщательно притворилъ его братъ, Дмитрій Ивановичъ. — Дурныя вѣсти идутъ отовсюду! продолжалъ Василій Шуйскій.— На Дону неспокойно; крестьяне туда толпами бѣгутъ. Да и на Москвѣ житье все хуже да хуже становится. Пошли доносы да извѣты... Каждаго холопа приходится намъ опасаться! Чай слышали, что князя Шестунова холопъ царю на господина своего донесъ,—и что-же? Доносчику сказано царское жалованное слово на площади за службу и радѣнье, дано помѣстье и приказано служить въ дѣтяхъ боярскихъ. Значитъ, всѣмъ нашимъ холопямъ сказано: ступайте, доносите на господъ— умышляйте всякій надъ своимъ бояриномъ! Чего же намъ ждать еще, бояре?

Милославскій вздохнулъ глубоко, а Голицынъ покачалъ головою и развелъ руками. Романовы хранили глубокое молчанье.

— Или хотимъ дожить до худшаго позора, хотимъ чтобы и съ нами Борисъ расправился какъ съ нашимъ братомъ, бояриномъ Богданомъ Бѣльскимъ? продолжалъ Шуйскій, воодушевляясь болѣе и болѣе.—А вѣдь Бѣльскій-то во-какой вельможа—изъ первыхъ при царѣ Иванѣ! Оружничій!.. Да и при Ѳеодорѣ...

— Охъ, горе намъ! воскликнулъ Голицынъ.

— Не по грѣхамъ насъ Богъ наказываетъ! прошепталъ Милославскій.—Истинно, не по грѣхамъ!

— Мы всѣ здѣсь родовиты, князья и бояре! А кто родовитъ, тотъ у Бориса въ вороги лютые записанъ... Не ему, потомку татарскаго мурзы Чета, верстаться съ нами въ правахъ и знатности—и мы-ли будемъ отъ него терпѣть несносныя обиды!.. Мы обуздать его должны!.. Мы...

— Постой, постой, князь Василій! перебилъ Ѳеодоръ Никитичъ.—Ты это говоришь не гораздо! Борисъ Ѳеодоровичъ — чей бы ни былъ онъ потомокъ — теперь намъ царь, и мы ему не судьи.

— А кто-жь, по-твоему, ему судья, бояринъ? запальчиво вступился князь Голицынъ.

— Кто?.. Великій Богъ! Вотъ судья царю Борису.

— Ну, до Бога высоко, бояринъ! язвительно замѣтилъ Василій Шуйскій.—Богу на царя Бориса не подашь челобитной!

— Ты видно хочешь, чтобы мы ему, какъ бараны— и голову, и шею подставляли? сказалъ Голицынъ.

— А по-вашему-то какъ-же? сказалъ Ѳеодоръ Никитичъ.—Крестное цѣлованіе нарушить, да заговоры затѣвать, да строить козни тайныя?.. Такъ, что-ли?

— Не козни строить, Ѳеодоръ Никитичъ, лукаво и вкрадчиво сказалъ Василій Шуйскій,—а за свои права стоять — не дать себя въ обиду! Вѣдь мы-же всѣ по роду выше царя Бориса, и къ престолу ближе, нежели онъ, а онъ всѣхъ насъ со свѣту хочетъ сжить... Онъ только Годуновымъ вѣритъ...

— А развѣ ты не то же сдѣлалъ бы, кабы царемъ на царство сѣлъ? вступился Александръ Никитичъ, все время молчавшій.

— Нѣтъ, видитъ Богъ, не такъ бы я поступалъ, чтобы только своихъ тянуть! съ напускнымъ жаромъ отозвался Шуйскій. — Всѣмъ надо дать и честь, и мѣсто... А это что-же?.. Куда ни оглянись—все только Годуновы лѣзутъ вверхъ...

— Одолѣла насъ совсѣмъ эта Годуновщина! сердито и вяло замѣтилъ Милославскій.

— Постойте-же, бояре! Я напрямикъ скажу, промолвилъ съ улыбкой Ѳеодоръ Никитичъ.—Мы и всѣ вѣдь однимъ-же муромъ мазаны! Вотъ хоть-бы ты, князь Василій Ивановичъ, вѣдь ты небось и не вспомнишь, что васъ Шуйскихъ въ Думѣ тоже трое братьевъ,—а завтра ты воцарись—и ты какъ Годуновъ-же всю родню съ собою вверхъ потащишь... Ну, а Голицыныхъ-то, князь Василій Васильевичъ, развѣ въ Думѣ меньше: тоже трое братьевъ! И будь царемъ Голицынъ—все Голицыны-бы вверхъ пошли. Кто себѣ врагъ, бояре?

— Тебѣ должно-быть угодилъ царь Борисъ, язвительно замѣтилъ Шуйскій,—тѣмъ, что брата твоего въ бояре поднялъ, да и другой недавно окольничимъ-же названъ...

— Не вѣрно мѣтишь, князь Василій, сказалъ Ѳеодоръ Никитичъ, покачавъ головою,—стрѣла твоя въ Романовыхъ не попадетъ и за живое насъ не задѣнетъ! Мы къ царю Борису въ душу не лѣземъ, не угодничаемъ передъ нимъ, не льстимъ ему... Онъ брата Александра изъ кравчихъ сказалъ въ бояре, а брата Михайла изъ стольниковъ въ окольничіе не за чѣмъ инымъ, какъ чтобы зависть во всѣхъ васъ разжечь, да чтобы глаза отвесть отъ Годуновыхъ — и только! А правду-то сказать — намъ милости его не надобны, и почести его намъ не прибавятъ чести...

— Да я не къ тому и слово-то сказалъ, Ѳеодоръ Никитичъ, отнѣкивался Шуйскій,—не въ обиду вѣдь... А только ради шутки!

— Ну, князь Василій, тутъ шутки не у мѣста, коли ты рѣчь повелъ о важномъ дѣлѣ. Я шутить дѣлами не умѣю.

— А я и въ толкъ ужь, право, не возьму... замѣтилъ съ досадою Голицынъ.—Началъ ты издалека и разговоръ повелъ о нашихъ правахъ боярскихъ... Что-же теперь виляешь!

— Не виляю я, князь Василій Васильевичъ! началъ

Библиотека "Руниверс"

опять сладкорѣчивый Шуйскій. — Да видишь-ли, чуть только я началъ рѣчь о дѣлѣ, какъ Θеодоръ-то Никитичъ сразу и оборвалъ меня. Ну, я и на попятный...

— Что-жъ намъ Θеодоръ Никитичъ! сказалъ еще рѣзче Голицынъ. — Чай мы не хуже Романовыхъ бояре! Вытряхивай, что̀ есть за пазухой—все намъ вали!

— Да я-то по душѣ хотѣлъ, бояре и князья! оправдывался Шуйскій,—я созвалъ не даромъ васъ, первыхъ вельможъ московскихъ, чтобы съ вами дѣло порѣшить. У васъ просить совѣта...

Онъ видимо сбирался съ духомъ, оглянулся еще разъ кругомъ, и наконецъ рѣшился промолвить:

— Чуетъ мое сердце, что будетъ смута на Руси! Борису не сносить вѣнца на головѣ... Не знаю, вѣрить-ли, а ходитъ слухъ... будто близокъ конецъ его властительству... А если точно онъ лишится власти, за кого вы будете стоять, бояре?

— Объ этомъ и спросу быть не можетъ, спокойно и твердо сказалъ Θеодоръ Никитичъ. — Дай Богъ Руси православной избѣгнуть всякихъ смутъ! Но если-бъ царь Борисъ, по Божьей волѣ, лишился власти или Господь его къ себѣ призвалъ на судъ,—то мы всѣ должны стоять за сына Борисова, за Θеодора Борисовича. Такъ-ли говорю я, братъ?

— Вѣстимо такъ! отозвался Александръ Никитичъ.— Мы и ему крестъ цѣловали.

— Какъ-же это? воскликнулъ Шуйскій, теряя обычное самообладаніе,—такъ вы хотите, чтобъ и Годуновское отродье утвердилось на престолѣ!?

— Не *мы* того хотимъ, князь Василій Никитичъ! горячо и громко отвѣтилъ Θеодоръ Никитичъ, — а вы всѣ, бояре, того хотѣли, и ты, князь Василій—*больше всѣхъ!*

— Я-то? Я? Въ умѣ-ли ты, бояринъ? въ бѣшенствѣ вскричалъ Шуйскій, сверкая своими маленькими злыми глазками.

— Да. Ты, князь. Въ твоихъ рукахъ была судьба Бориса! Ты ее держалъ въ рукахъ еще въ ту пору, когда Борисъ и не былъ царемъ...

Шуйскій вдругъ измѣнился въ лицѣ... Глаза его забѣгали по сторонамъ, въ великомъ смущеніи. А Θеодоръ Никитичъ продолжалъ:

— Ты покривилъ душою, князь, въ то время, какъ ты былъ посланъ на розыскъ въ Угличъ. Ты не дерзнулъ назвать покойному царю, кто главный былъ убійца царевича Дмитрія... Ты за себя боялся! Ты предпочелъ сгубить десятки, сотни неповинныхъ—теперь и казнись, и терпи!

— Это ложь! Это клевета! Не допущу... Онъ лжетъ, бояре! Не вѣрьте,—я не зналъ... Я и теперь не знаю! растерянно твердилъ Шуйскій, обращаясь то къ Голицыну, то къ Милославскому.

— Ты не знаешь, да угличане-то вѣдь знали, кто убійца! И въ одинъ голосъ всѣ вопіяли одно! грозно воскликнулъ Θеодоръ Никитичъ, поднявшись во весь ростъ и устремивши взоръ на Шуйскаго.—Но ты не дерзнулъ о томъ донесть царю Θеодору—ложь ты показалъ, лжи очистилъ ты дорогу на престолъ, и корень зла всего посѣялъ... А самъ теперь кричишь, что ложь всѣхъ насъ заполонила!

Никто не смѣлъ отвѣтить на эту горькую правду. Только Дмитрій Ивановичъ Шуйскій рѣшился проворчать изъ своего угла:

— Кто старое вспомянетъ, тому и глазъ вонъ!

— И то, и то—что̀ вспоминать! заговорили примирительно и Голицынъ, и Милославскій. — Мы не о прошломъ толковать собрались, а о томъ, какъ быть теперь!.. Что дѣлать?..

— Я повторяю вамъ, бояре, сказалъ Θеодоръ Никитичъ,—что я вамъ не помѣха. Какую-бы ни пришлось пережить смуту, какъ-бы ни тяжко было намъ, я за себя, за братьевъ, и за всю свою родню одно скажу: мы отъ царя Бориса и отъ сына его Θеодора ни на шагъ... Романовы присягой не играютъ!..

Князь Василій Ивановичъ окончательно вскипѣлъ и вышелъ изъ себя:

— Ну, бояринъ, спасибо! закричалъ онъ съ злобнымъ смѣхомъ,—утѣшилъ! Не знали мы, что встрѣтимъ въ тебѣ такого вѣрнаго слугу Борису Годунову!

— Не Годунову, твердо и спокойно отвѣчалъ Θеодоръ Никитичъ,—а царю Борису! Богъ попустилъ, чтобы онъ нами правилъ—и пусть онъ правитъ по Божьей волѣ. Не намъ съ тобою, грѣшнымъ людямъ, противъ Бога идти! Что бы это было, кабы мы избирали царей не Божьимъ изволеньемъ, а своимъ хотѣньемъ... У насъ не Польша, слава Богу!

— Да что̀ ты намъ въ глаза все съ Богомъ лѣзешь, закричалъ Голицынъ. — Чай и мы поговорку знаемъ: Богъ-то Богъ—да и самъ не будь плохъ!

— Я вотъ что̀ тебѣ на это скажу, князь Василій Васильевичъ, твердо и спокойно обратился къ Голицыну Θеодоръ Никитичъ. — Ты знаешь, я — охотникъ старый и бывалый. Всѣ охотничьи порядки знаю на память и наизусть... Не первый десятокъ лѣтъ хожу я на медвѣдя... Позапрошлымъ годомъ поднялъ я косолапаго съ берлоги. Рогатина въ рукѣ, ножъ булатный на поясѣ, а за спиной у меня и братья родные, и други вѣрные. Пошелъ на меня медвѣдь. Я ему рогатину подставилъ и въ бокъ всадилъ; а онъ однимъ ударомъ лапы ее — въ щепы! Да на меня — сшибъ съ ногъ, насѣлъ, и подъ себя подмялъ... Реветъ, когтями рветъ... И на всѣхъ-то кругомъ такой страхъ напалъ, что опѣшили — столбами стали... Я ножа хватился — нѣтъ ножа на поясѣ! Тутъ я взмолился къ Богу: „Господи, не попусти!“ И чую вдругъ, что ножъ-то у меня въ рукѣ... и я его по рукоять медвѣдю въ сердце... Такъ вотъ Онъ — Богъ-то! На Него надѣясь, не погибнешь!

Всѣ молча выслушали Романова и никто не отозвался ни единымъ словомъ на его замѣчаніе. Василій Шуйскій поспѣшилъ изгладить впечатлѣніе его разсказа.

— Ну, дѣлать нечего! промолвилъ онъ, лукаво и злобно посмѣиваясь, — пусть такъ! Коли тебѣ такъ любъ и дорогъ царь Борисъ и все его отродье — такъ и держись ихъ! Да только, бояринъ, смотри, не просчитайся... Не раскаялся бы ты потомъ, что съ нами не хочешь быть за-одинъ... Что насъ мѣняешь на Годунова!

— Не васъ мѣняю, и за Годунова не стою, а отъ креста отречься не хочу, и не могу кривить душою... Ну, прощенья просимъ! Братъ Александръ, поѣдемъ.

— Какъ? въ такую глухую ночную пору? засуетился Шуйскій. — Нѣтъ, не отпущу, бояре! какъ хотите, не отпущу!

— Нѣтъ, мы поѣдемъ. Вели давать намъ лошадей! Мы не останемся — намъ нечего здѣсь больше дѣлать.

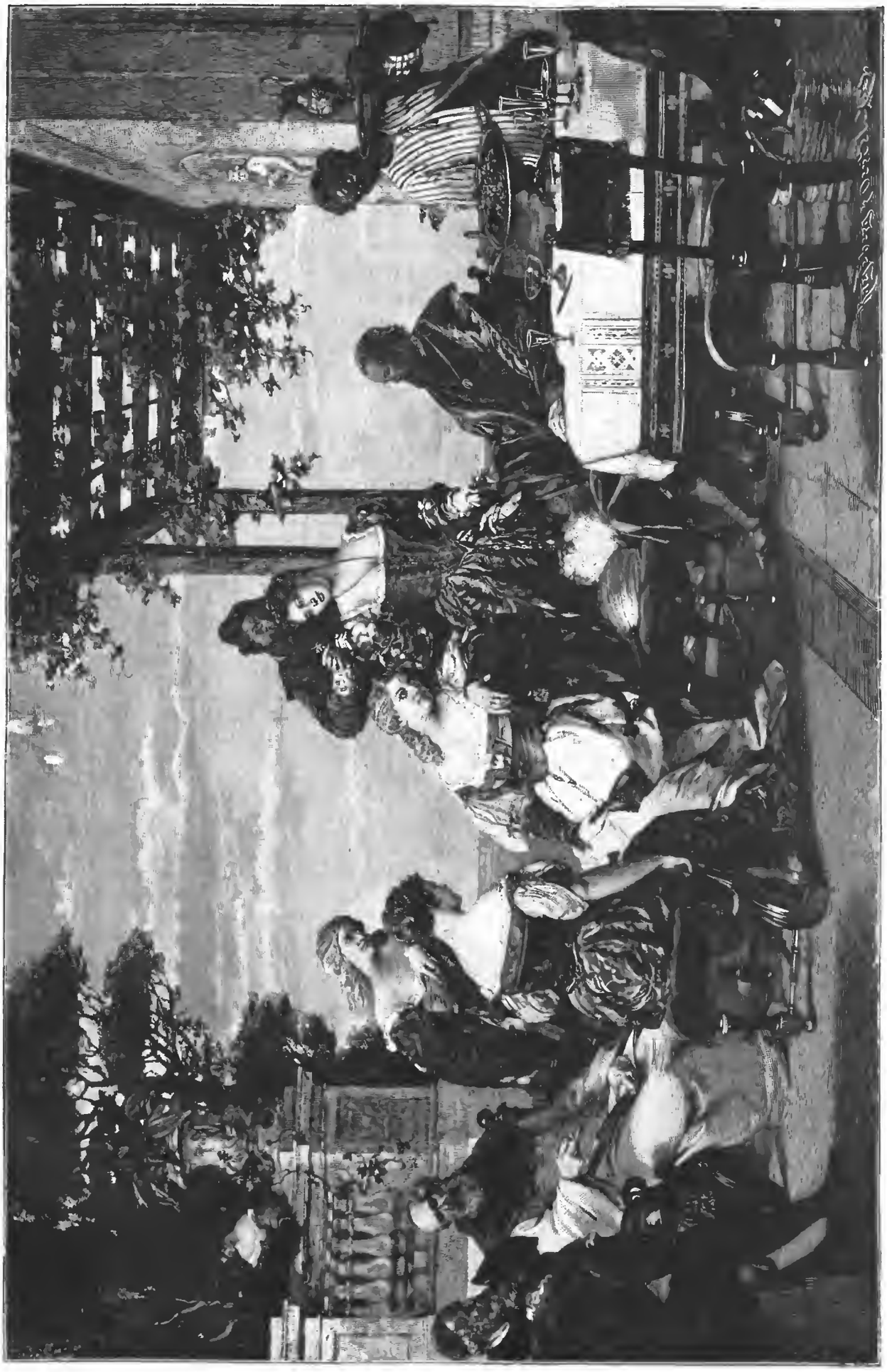
— Да помилуй, бояринъ! вступился Дмитрій Шуйскій, — тутъ у насъ проселкомъ грабятъ по ночамъ... Ужь лучше вы переночуйте!

— Спасибо. Мы ни звѣря, ни лихаго человѣка не боимся, сказалъ Александръ Никитичъ. — И кони добрые, и слуги вѣрные, и запасъ съ собой изрядный... Прощайте, счастливо оставаться, бояре!

И братья Романовы вышли изъ комнаты, въ которой происходило совѣщаніе. Хозяева проводили ихъ до крыльца, и когда передній всадникъ, съ фонаремъ, тронулся съ мѣста, а за нимъ двинулись пошевни, запряженныя четверкой гусемъ, и десятокъ обережатыхъ верхами затрусилъ мелкой рысцой за боярами,—Василій Шуйскій вернулся въ сѣни, схватилъ крѣпко брата за руку и прошипѣлъ ему на ухо:

— Каковы?! Вотъ ихъ-то, прежде всѣхъ, и нужно Борису въ глотку сунуть! Пусть отплатитъ имъ за вѣрность!..

Библиотека "Руниверс"



Пиръ у Тиціана. Съ карт I. Кнса, грав. Кезебергъ

Библиотека "Руниверс"

Тревога на пограничномъ караулѣ (XVI вѣка). Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Сафонова, грав. Шлиппер.

Библиотека "Руниверс"

VI.
Золотая клѣтка.

Красноватые лучи зимняго негрѣющаго солнца только что освѣтили причудливыя вышки и крыши Теремнаго дворца, только что запали въ окна той половины, которую во дворцѣ занимала царевна Ксенія Борисовна, какъ уже вошла сѣнная боярышня и доложила мамѣ, боярынѣ Маврѣ Васильевнѣ, что пришли крестовые дьяки и съ уставщикомъ.

— Зови, зови ихъ скорѣе въ Крестовую! засуетилась мама, и пошла навстрѣчу дьякамъ.

Въ комнату, съ низкими поклонами, вступили пять человѣкъ пѣвчихъ дьяковъ въ стихаряхъ — все уже люди пожилые, съ просѣдью въ бородахъ—и уставщикъ, дьяконъ верховой (дворцовой) церкви—сѣдой старикъ, лѣтъ 70-ти, но еще бодрый и свѣжій на видъ.

Мама раскланялась съ нимъ очень дружелюбно.

— Послала за тобой пораньше, Арефьичъ, потому не засиалось нашей пташкѣ нонечь! Ну, а ужь не помолясь у Крестовъ—она и маковой росинки съ утра не приметъ!

— Все одно, матушка, Мавра Васильевна, мы вѣдь и завсе рано подымаемся.

И мама царевны, съ дьяками и съ кравчей боярыней, прошли въ Крестовую и притворили за собою двери. Черезъ нѣсколько минутъ тамъ раздалось стройное пѣніе хора, прерываемое мѣрнымъ и протяжнымъ чтеніемъ уставщика.

— Ахъ ты, Господи, Господи! заговорила вполголоса та сѣнная боярышня, которую Мавра Васильевна посылала за крестовыми дьяками,—что это за наказанье такое! Ровно въ монастырѣ! Варенька, голубушка! Сбѣжала бы я отсюда!

— Что ты, что ты, Ириньюшка! воскликнула съ испугомъ Варенька, другая сѣнная дѣвушка, которая суетилась около пялецъ царевны, приводя въ порядокъ канитель и шелки, разбросанные кругомъ пяличнаго дѣла. — Ты этакъ, пожалуй, и при другихъ скажешь! А какъ кто услышитъ? Да если до *самой*-то доведутъ!..

— Ахъ, пусть бы до *самой* довели! Не боюсь я ничего! возвышая голосъ, продолжала жаловаться Иринья.— Силъ моихъ нѣтъ! Все одно пропадать!..

И она заплакала съ досады. Варенька подошла къ ней и обняла ее.

— Да чего же, чего же тебѣ, неразумная! Вѣдь, кажется, мы и сыты здѣсь, и одѣты, и ни въ чемъ нужды не терпимъ... И царевна къ намъ ласкова... Ну?

— Что мнѣ въ томъ? Развѣ это жизнь! Съ восхода до заката солнечнаго все въ четырехъ стѣнахъ, какъ въ клѣткѣ, какъ въ тюрьмѣ! Живаго человѣка не увидишь: все однѣ сѣдыя бороды... Будь имъ пусто! Только и радости всей, что Богу молись съ утра до ночи! Я такъ не могу—воля твоя не могу...

— А небось какъ вчера-то, въ Чудовъ монастырь съ царевной ѣхать, такъ ты первая вызвалась! лукаво улыбаясь сказала подругѣ Варенька.

— Да потому, что тамъ хоть людей увидишь! Хоть не тѣ же все боярыни-казначеи да ларешницы, да верховыя боярыни, да постельницы... Надоѣли онѣ мнѣ хуже горькой рѣдьки...

— А *его*-то не было? шепотомъ спросила Варенька, оглядываясь кругомъ себя и желая разсѣять подругу.

— Гдѣ-жъ ему быть? Я не успѣла ему вѣсточки подать... А были два молодца, такіе два молодца — заглядѣнье!..

— Чтой-то, Ириньюшка, а твой-то развѣ тебѣ и не любъ сталъ?

— Не то чтобы не любъ, а видѣться-то я съ нимъ не могу когда хочу,—вѣдь все только издали, только глазами разговариваемъ... Ну, вотъ мнѣ и другіе тоже нравятся!..

— Ай, подруженька! Да вѣдь это же стыдъ, грѣшно вѣдь это!..

— Что-жъ тутъ за грѣхъ? Ты думаешь, что царевна-то наша не отъ того же изнываетъ, не отъ того же и мѣста себѣ не найдетъ?.. Ей тоже и жить, и любить хочется—да некого! А я—я тебѣ правду скажу—я каждой свѣтличной мастерицѣ завидую...

— Ахъ, Богъ мой! Да въ чемъ же?

— А въ томъ, что она, какъ работу кончитъ, куда захочетъ—идетъ, кого хочетъ—любитъ...

Но въ это время въ Крестовой чтеніе кончилось, послышалось пѣніе дьяковъ, а затѣмъ дверь въ Крестовую скоро отворилась и оттуда вышли дьяки и боярыни. Дьяки съ обычными поклонами удалились. Благоуханіе ладана пахнуло въ комнату, и легкая дымка кадильнаго куренія синей струйкой повисла подъ раззолоченнымъ потолкомъ царевнина терема.

Наконецъ царевна Ксенія, въ домашней легкой тѣлогрѣѣ изъ бѣлаго атласа и въ легкой накладной шубкѣ изъ бѣлаго сукна, подложенной желтою тафтою, вышла изъ Крестовой палаты. Великолѣпные темные волосы царевны, спереди придерживаемые легкимъ золотымъ обручемъ, упадали на плечи длинными локонами, а сзади спускались двумя толстыми косами, почти до самыхъ пятъ. Лицо царевны было блѣднѣе обыкновеннаго, глаза красны отъ слезъ. Отвѣтивъ на поклоны присутствующихъ легкимъ наклоненіемъ головы, царевна медленно перешла черезъ комнату, опустилась въ кресло, закуталась поплотнѣе въ свою шубку и молча понурила голову...

Нѣсколько минутъ продолжалось тягостное молчаніе.

— Аль неможется, царевна? подступила къ ней съ обычнымъ вопросомъ мама, наклоняясь къ ней и пристально всматриваясь ей въ очи.

— Нѣтъ... такъ только, изрѣдка, чуть-чуть знобитъ, а тамъ вдругъ въ жаръ броситъ...

— Послала я за комнатной бабой...

— Ничего не нужно: я здорова и легчить меня не нужно...

Опять наступило молчаніе.

— Царевна, матушка! вкрадчиво начала кравчая-боярыня, княгиня Пожарская.—Къ нонѣшнему обѣду какихъ приказныхъ блюдъ не повелишь-ли изготовить?

— Ничего не хочу, спокойно и твердо отвѣчала Ксенія, отворачиваясь къ окошку, покрытому поверхъ мелкаго переплета слюды причудливыми узорами инея, блиставшаго всѣми цвѣтами радуги.

— И то ужь я ума не приложу, какъ угодить тебѣ ѣствой... Ничего, почитай, вкушать не изволишь! А на нонѣшній обѣдъ ѣствы: на блюдо 3 лебеди, да къ лебедемъ взваръ; да на блюдо утя верченое, да 2 рябы, а къ нимъ лимонъ; да на блюдо 3 груди бараньи съ шафраномъ; да двое куровъ разсольныхъ молодыхъ, да на блюдо пупочки, да шейки, да печенцы тѣхъ же куровъ молодыхъ, да куникъ, да на блюдо кальи съ огурцами, да на блюдо ухи курячьи черныя съ ишеномъ сорочинскимъ, да на блюдо пироговъ пряженыхъ кислыхъ съ сыромъ, да пирогъ подовой съ сахаромъ... Да...

— Ты не устала еще блюда-то считать? съ досадой перебила царевна словоохотливую боярыню-кравчую.

— Коли не любо, такъ вотъ я и спрашиваю: еще чего не будетъ ли въ приказъ?

— И къ тому не притронусь—все раздамъ...

Мама и кравчая многозначительно переглянулись и развели руками, какъ бы теряясь въ соображеніяхъ.

Въ это время вошла еще одна сѣнная боярышня и съ низкимъ поклономъ доложила о приходѣ стольника государева съ „обсылкою и опросомъ“, какъ государыня-царевна „почивать изволила и въ добромъ-ли здоровьѣ обрѣтается?“

— Скажи, что посейчасъ Божіимъ милосердіемъ

Библиотека "Руниверс"

здравствую и спала хорошо, отвѣчала царевна боярышнѣ.

Но едва только успѣла выйти за двери, мама съ сердцемъ обратилась къ царевнѣ:

— Вотъ и не ладно приказала сказать государю-батюшкѣ! И спала не хорошо, и неможется тебѣ, царевна... Грѣхъ берешь на душу передъ батюшкой!

— Ты все съ тѣмъ же! съ досадою сказала царевна, оборачиваясь къ мамѣ и сердито хмуря брови.—Я тебѣ говорю, что я здорова! А ты что стала—чего еще нужно? обратилась царевна къ кравчей,—чай слышала, что приказаній не будетъ?

Кравчая боярыня отвѣсила поклонъ и направилась къ двери, не слышно и ворча себѣ что-то подъ носъ. За нею вышла изъ комнаты и мама.

Царевна Ксенія оперлась локтями о поручень кресла и глубоко задумалась, устремляя взоръ въ пространство и не замѣчая присутствія своихъ двухъ любимыхъ сѣнныхъ боярышень. Ей вспоминалось далекое, веселое дѣтство, ей вспоминалось отрочество и ранняя юность, проведенныя не въ тѣсномъ тюремномъ заточеніи царскаго дворца, а на свободѣ, среди подругъ и сверстницъ, въ обширныхъ хоромахъ отца (тогда еще конюшаго боярина), или въ привольныхъ садахъ села Хорошева. Ей вспоминались тогдашнія игры и беззаботное веселье, и чудесный, искренній, переливчатый смѣхъ подругъ, и простыя, сердечныя отношенія къ людямъ, и радужныя надежды на будущее... И гдѣ же эти подруги ранней юности? Гдѣ онѣ? Давно всѣ уже замужемъ! Разлетѣлись съ мужьями по разнымъ концамъ Московскаго государства—у нихъ своя воля, свой домъ и дѣти, и заботы, и печали, и радости... А она, краше всѣхъ ихъ, всѣхъ ихъ умнѣе—она все еще въ ребятахъ, все еще на рукахъ у мамы! Шагу ступить не смѣетъ безъ разрѣшенія матушки да верховыхъ боярынь, а у нихъ все *по чину*, да *по обычаю*, да чтобы истово было... „Ахъ, какая тяжкая неволя!“ съ сокрушеніемъ думала царевна, „и никогда-то мнѣ изъ нея не выйти! И въ грядущемъ-то что еще ждетъ меня? Келья монастырская, въ которую, словно въ могилу, еще заживо опустятъ, и...“

Глубокій вздохъ прервалъ грустныя размышленія царевны. Она быстро обернулась къ своимъ сѣннымъ боярышнямъ.

— Иринья? Ты это такъ тяжело вздыхаешь? спросила царевна съ кроткой заботливостью.—Что у тебя за горе?

— По своимъ сгрустнулось, государыня-царевна, отвѣчала Иринья,—давно ужь нѣтъ отъ нихъ вѣсточки... Такъ бы и полетѣла къ нимъ!..

— Да развѣ тебѣ здѣсь дурно жить, Иринья? сказала царевна съ легкимъ оттѣнкомъ укора.—Никто тебя не тѣснитъ, не обидитъ...

— Никто не тѣснитъ, не обидитъ подъ охраной твоей великой милости, государыня! Да только ужь скучно очень въ нашей теремной обители—прости ты мнѣ это слово, государыня!—такъ скучно, такъ грустно, что какъ объ волѣ вспомнишь—душа болитъ, рвется, на волю просится...

Царевна собиралась отвѣчать своей любимицѣ назиданіемъ, которому сама не сочувствовала, когда дверь отворилась и въ комнату царевны вошла мама, бережно неся какую-то воду въ вощанкѣ, поставленной на серебряную тарелочку.

— Я эту воду святую подъ образа поставлю, царевна! сказала мама, заботливо указывая на вощанку.— Это отъ Макарья Желтоводскаго, еще по осени привезена—и всякій вашъ дѣвичій недугъ, какъ рукой снимаетъ... Вотъ вечеркомъ, на сонъ грядущій и спрысну тебя!..

И старуха прошла въ Крестовую; потомъ вернулась опять и засуетилась:

— Ахъ, Мать моя Праведная! Совсѣмъ изъ ума вонъ! Вѣдь матушка-то царица приказала звать тебя, царевна, къ себѣ въ столовую палату... Ждетъ тебя не медля!

VII.

Сватовство.

Царевна поднялась, собираясь идти на зовъ матери, когда на порогѣ появилась низенькая и очень тучная женщина, лѣтъ пятидесяти, живая и подвижная. Ея большіе, темные глаза блистали умомъ, а лицо, все еще красивое, дышало веселостью и здоровьемъ.

— А! Мароа Кузьминична, съ видимымъ удовольствіемъ обратилась къ ней царевна, милостиво отвѣчая на поклонъ пришедшей, — рада тебѣ! Знаю впередъ, что ты меня потѣшишь, позабавишь,—мнѣ что-то не весело сегодня... Подожди меня. Сейчасъ вернусь отъ матушки.

И царевна вышла изъ комнаты въ сопровожденіи своихъ сѣнныхъ боярышень.

— А ну-ка, садись, мать-казначея! обратилась къ Мароѣ Кузьминичнѣ мама царевны. — Устанешь еще вдоволь, стоявши-то! говорила она, опускаясь на лавку около муравленой печки и усаживая боярыню-казначею.—Разсказывай, что новенькаго подъ полою шубы принесла?

— Вотъ-те на! Никакъ и ты меня въ забавницы рядишь, Мавра Васильевна! смѣясь замѣтила казначея.—Это царевна твоя все ко мнѣ, какъ въ ларецъ за кузнею, аль за жемчугомъ, за забавой ходитъ... На всѣхъ на васъ забавъ не напасешься!

— О-охъ! позабавь хоть ты ее! А то она у насъ совсѣмъ завяла... Ничѣмъ ее не возьмешь, ничѣмъ не угодишь! Я и пѣсни по вечерамъ затѣвала ей на утѣху, и на теплыхъ сѣняхъ игры разныя заводила, и карлицъ плясать заставляла, и колесомъ ходить... Сердится— вонъ даже гонитъ! Надоѣли, говоритъ. А вотъ пищими угодила ей, нашими-то,—цѣлый вечеръ изволила слушать, какъ они ей стихи пѣли, про Егорья Храбраго, да про „пустыню прекрасную“, и сама даже потомъ на гусляхъ гласы къ стихамъ подбирала... Охъ, трудно съ ней, матушка, становится!

— Чего еще захотѣла! чтобы она у тебя и въ двадцать лѣтъ все въ игрушки играла! Вѣстимое дѣло— она хоть и царевна, и богомольница, и постница,—а замужъ хочетъ. Вотъ и вся недолга!

— Да знаемъ мы это и безъ тебя, мать-казначея! Да откуда же ты царевнѣ мужа-то возьмешь, вѣдь ей вонъ принца нужно, а его изъ рѣпки не вырѣжешь... Батюшка, говорятъ, и то ужь за море посольство шлетъ за новымъ женихомъ.

— Во-отъ что! И давно пора ее устроить! А то вѣдь сама въ дѣвкахъ-то бывала? Знаешь небось, какова тоска! А на ихъ-то мѣстѣ и совсѣмъ пропасть надо: безъ обряда ни шагу ступить, ни слова сказать! Вонъ Иринья у васъ—та ловка! Бѣсъ-дѣвка!

— А что?.. а что?

— Даромъ что въ царскомъ терему живетъ, а сѣть далеко раскинула, и говорятъ, бытто жениха себѣ нашла.

— Ахъ, ахъ, ахъ! Кого же это, Мароушка?

— А изряднаго, презрядпаго молодца, — Ѳеодору Никитичу Романову по женѣ сродственникъ, шуринъ приходится: Алексѣй Шестовъ, что въ стольники нынче государемъ пожалованъ.

— Гдѣ же онъ ее видѣлъ? Да и какъ съ ней стакнулся? Вѣдь она же все тутъ, около царевны, какъ пришитая.

— Ну, да ужь недаромъ говорятъ: „красныхъ дѣвушекъ высматривать, по теремамъ глазѣть!“ Вотъ онъ ее и высмотрѣлъ, а стакнулись-то ужь, вѣстимо, черезъ сестру... Бабье племя сводить да мутить падко...

Библиотека "Руниверс"

Чай, черезъ сестрицу-то, черезъ Аксинью Ивановну, все и дѣло у нихъ ладится... Вѣдь она къ царевнѣ-то вхожа.

— А-ахъ! Скажите на милость, мнѣ и невдомекъ, что она и сама тоже Шестовыхъ!.. И вотъ вѣдь какая эта Иринья неблагодарная! Вѣдь у родителей-то бѣднымъ-бѣдно, и взяли ее къ царевнѣ малёхоньку, и тутъ въ такой благодати да въ холѣ выростили... И она же царевну покинуть хочетъ, шашни-башни строитъ, замужъ норовитъ?

— И-и, Марѳа Васильевна! Вѣдь дѣвка-то что волкъ — сколько ни корми, все въ лѣсъ смотритъ. И то сказать: замужъ захочешь, такъ ужь тутъ не до благодарности.

Какъ разъ въ это время, дверь отворилась и царевна Ксенія вступила въ комнату со своими сѣнными боярышнями.

Боярыня-казначея подошла къ царевнѣ тотчасъ послѣ того, какъ она опустилась въ свое кресло передъ пяльцами.

— Ну, Марѳа Кузьмична, что новенькаго скажешь? спросила ее царевна разсѣянно, блуждая взорами по мудреному узору, который былъ начатъ въ пяльцахъ, но прориси.

— Да вотъ, государыня-царевна, за спросомъ къ твоей милости... По приказу твоей матушки царицы, рылась я ономнясь въ задней повалушѣ на Старомъ Дворѣ, разбиралась тамъ съ ларешницами царицыными въ сундукахъ кованыхъ, да въ коробьяхъ новгородскихъ, да въ нѣмецкихъ шкатулкахъ писанныхъ,— все со старой рухлядью; да и дорылись мы такъ-то до угла, въ которомъ три киноарисныхъ сундука нашли, серебромъ окованы, и ярлычекъ къ нимъ прибитъ, и по тому ярлычку видно, что въ тѣхъ сундукахъ сложены царицы Елены вся крута и казна платьенная... И лежитъ она тамъ лѣтъ семьдесятъ некретимо...

— Какой же это царицы Елены? спросила царевна Ксенія, взглядывая на казначею.

— Царицы Елены Глинскихъ, что второй супругой была у великаго князя Московскаго Василія Ивановича, а царю Ивану Васильевичу—матушка.

— Такъ что же ты рѣчь завела о сундукахъ ея?

— Спросить хотѣла, не повелишь-ли ты тѣ сундуки сюда взнести да вскрыть, да посмотрѣть на старые наряды. Авось тамъ и пригодное найдется? А что не гоже—то можно бы раздать, чтобы не тлѣло даромъ.

— Вели взнести, пожалуй! Авось и позаймусь я этимъ, поразсѣюсь. А то я все скучаю, Марѳа Кузьмична, и только вотъ какъ на молитвѣ стою, такъ мнѣ не скучно.

— Пѣнію время и молитвѣ часъ, государыня-царевна, а и своей красоты дѣвичьей забывать не слѣдъ, лукаво улыбаясь замѣтила казначея. — Вотъ можетъ быть изъ старинныхъ-то нарядовъ что тебѣ и приглянется? Вѣдь бабушки-то наши тоже затѣйницы были!.. Да я еще вотъ что придумала, государыня, для твоей забавы: есть у меня на примѣтѣ бахарь, и ужь такой-то занятный... Гдѣ, гдѣ не бывалъ! И у бусурмановъ въ плѣну, и во градѣ Іерусалимѣ, и въ Царьградѣ въ самомъ... Я его у княгини Куракиной цѣлый вечеръ слушала; да гдѣ тутъ! Въ три дня его не переслушаешь!

— Ахъ, Марѳа Кузьмична, голубушка! Вотъ этого бахаря-то ты мнѣ достань-достань поскорѣе! Смерть я слушать люблю, какъ кто хорошо бывальщины да странствія сказываетъ!

И глаза царевны заблистали, лицо оживилось.

— Достану, достану его, матушка! Онъ старичокъ такой почтенный, древній... А теперь я, значитъ, распоряжусь, чтобы сундуки-то сюда поднять.

И казначея, уточкой переваливаясь, спѣшно зашагала къ дверямъ.

„Мать-казначея“ такъ ожила царевну своимъ обѣщаніемъ прислать ей бахаря, такъ расшевелила ея воображеніе этими старыми сундуками, въ которыхъ предстояло рыться, что царевна стала разговорчива, шутила и смѣялась, и даже принялась за пяличное дѣло, а сѣннымъ боярышнямъ своимъ поручила шелкъ разматывать.

Въ это время ей доложили о пріѣздѣ боярыни Ксеніи Ивановны, супруги Ѳеодора Никитича Романова, которую царевна очень любила и жаловала.

— Проси, проси ее скорѣе! Боярышни, ступайте ей навстрѣчу.

Черезъ минуту. Ксенія Ивановна, женщина лѣтъ тридцати, красивая и стройная, съ неправильными, но очень пріятными чертами лица, явилась на порогѣ и поклонилась царевнѣ обычнымъ поклономъ до земли. Тонкій бѣлый убрусъ вышитый золотомъ и шелками, покрывалъ голову боярыни. Богатѣйшій опашень изъ нетельчатаго брусничнаго атласа съ золотой струей прикрывалъ собою нижнее свѣтло-несочное камчатое платье, которое на запястьяхъ рукавовъ и на подолѣ заканчивалось жемчужнымъ низаньемъ.

Царевна пошла навстрѣчу Ксеніи Ивановнѣ и спросила ее о здоровьѣ; затѣмъ она приказала ей сѣсть на скамеечку около своего кресла.

— Что дѣтушки твои, здоровы-ли? ласково спросила царевна боярыню.

— Спасибо на твоемъ спросѣ, государыня-царевна. По сей часъ здоровы, какъ ягодки, и веселы, а подъчасъ, какъ расшумятся — такъ и не унять... Особенно Ирина! Она у меня выдумщица такая!

— Какъ это весело должно быть—возиться съ дѣтками?

— Еще бы! Ими и жизнь-то красна! За нихъ меня и мужъ любить сталъ... А не любилъ сначала, смѣясь сказала боярыня.

Царевна тяжело вздохнула, и, видимо, желая перемѣнить разговоръ, промолвила:

— А я и не спрошу тебя, Ксенія Ивановна... Ты можетъ-быть ко мнѣ по дѣлу?

— Да, хотѣла бы тебя, царевна, потревожить просьбишкой, да еще и не своею, а чужою...

И Ксенія Ивановна украдкой оглянулась на маму и на боярышень. Царевна поняла значеніе этого взгляда, и сдѣлала имъ знакъ, чтобы онѣ вышли за двери.

— У тебя, царевна, въ сѣнныхъ боярышняхъ служитъ Иринья Луньева, изъ бѣдныхъ смоленскихъ дворянъ. Я къ ней давно присмотрѣлась, и крѣпко полюбилась она мнѣ... А ты изволила, быть-можетъ, слышать, что у меня есть братъ,—человѣкъ онъ молодой и скромный... Такъ я бы думала, что если бы милость твоя была, такъ ты бы матушку-царицу попросила разрѣшить,—я бы тогда за брата ее посватала.

Царевна слегка, чуть замѣтно, повела бровями.

— Да сама-то Иринья объ этомъ вѣдаетъ-ли?

— Да... кажется, и она не прочь выйти замужъ за брата, съ нѣкоторымъ смущеніемъ сказала боярыня;— да вѣдь не смѣетъ и подумать, коли на то не будетъ милости твоей и воли матушки-царицы.

— Такъ, такъ... Что же!.. Я попрошу... я буду матушку просить, чтобы дозволила; а я... я всякаго ей счастья желаю... Я всѣмъ желаю счастья...

И царевна отвернулась къ окну, чтобы скрыть свое волненіе и слезы, которыя навернулись ей на глаза.

Ксенія Ивановна поднялась съ мѣста и еще разъ усердно просила царевну не оставить ея просьбы безъ вниманія.

— Братъ на пути теперь; недавно вотъ и въ стольники сказанъ... Пора ему жениться и домкомъ обзавестись.

— Да, да... пора обзавестись! какъ-то разсѣянно и почти машинально повторила царевна, поднимаясь со

Библиотека "Руниверс"

Весна. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Каразина, грав Флюгель

Библиотека "Руниверс"

своего мѣста и провожая Ксенію Ивановну къ дверямъ. Когда дверь за нею захлопнулась, царевна Ксенія взялась за голову обѣими руками и проговорила:

— Никто меня не любитъ... Всѣхъ другихъ любятъ... Всѣ ищутъ счастья... Одной мнѣ никогда, никогда не найти его!..

И она залилась слезами.

Въ сѣняхъ послышался шумъ, возня, тяжелые мужскіе шаги и возгласы Марѳы Кузьминичны:

— Сюда! сюда тащите! Въ комнату къ царевнѣ!

Варенька вбѣжала торопливо и весело обратилась къ царевнѣ:

— Сундуки несутъ! Большущіе, окованные! Сюда нести прикажешь, государыня?

Царевна быстро отерла слезы и отрывисто проговорила:

— Послѣ, послѣ! Не теперь! Пусть тамъ въ сѣняхъ поставятъ.

И поспѣшно ушла въ Крестовую, оставя боярышню въ совершенномъ недоумѣньи.

(Продолженіе будетъ).

Мячикъ.

Разсказъ Юліуса Зиручекъ. (Переводъ съ нѣмецкаго).

Наконецъ, послѣ пятилѣтняго отсутствія, я снова на родинѣ, ученіе въ столицѣ кончено, экзамены сданы! Къ моему величайшему удовольствію, я причисленъ къ окружному суду моего роднаго города,—конечно, для начала какъ сверхштатный маленькій чиновникъ, безъ жалованья.

Многое здѣсь перемѣнилось за пять лѣтъ... Уютное гнѣздышко моихъ родителей мало-по-малу распалось послѣ ихъ смерти; близкихъ родныхъ у меня не было, приходилось теперь искать себѣ какъ можно болѣе скромную квартирку холостяка, сообразуясь съ тѣми средствами, которыя мнѣ достались отъ родителей, а средствъ этихъ было, что называется, въ обрѣзъ: они могли кое-какъ обезпечить мнѣ развѣ только нѣсколько лѣтъ существованія безъ особенной нужды.

Свой выборъ я остановилъ наконецъ на простенькой комнаткѣ у простыхъ, скромныхъ людей. Она была во второмъ этажѣ, и ея единственное окно выходило на узкій дворъ. Домъ былъ двухъ-этажный, моя комната находилась непосредственно подъ крышею.

Объ остальныхъ жильцахъ я долгое время ничего не зналъ, пока однажды не встрѣтился на лѣстницѣ съ молодою дѣвушкою, блѣдность и вмѣстѣ необыкновенная красота которой невольно бросались въ глаза. Съ тѣхъ поръ я чаще встрѣчалъ блѣдную красавицу, но наше знакомство ограничивалось поклонами. Лишь нѣсколько времени спустя я узналъ, кто мои сосѣди: это была старая вдова полковника, по фамиліи Векслеръ, со своею старшею незамужнею сестрой и молоденькою дочерью, которую звали Тини.

Я имѣлъ привычку ужинать въ девять часовъ вечера въ трактирѣ, и такъ какъ мой скромный ужинъ долго не затягивался, то къ десяти я былъ уже дома. Время отъ десяти до одиннадцати или до половины двѣнадцатаго посвящалось чтенію, послѣ чего я ложился въ постель и тотчасъ же засыпалъ крѣпкимъ сномъ юности и здоровья.

Въ одну теплую весеннюю ночь я противъ обыкновенія былъ внезапно разбуженъ какимъ-то шумомъ, но не обратилъ на него большаго вниманія и вскорѣ заснулъ снова. Въ слѣдующую ночь повторилось то же самое, также въ третью и четвертую ночь; но моя сонливость каждый разъ мѣшала узнать, что это за шумъ и откуда. Такъ какъ это происходило каждый разъ регулярно между часомъ и двумя, то въ слѣдующій вечеръ я поставилъ свой будильникъ на часъ ночи и проснулся въ это время. Нужно было ждать двухъ часовъ. Вначалѣ мнѣ стоило нѣкотораго труда бороться съ приступами сна, но по мѣрѣ того, какъ ожидаемый часъ приближался, сонливость проходила. Я поминутно смотрѣлъ на часы. Вдругъ раздался шумъ. Какъ разъ надъ моей головою, казалось, кто-то осторожно двигался по чердаку. Широко открытыми глазами я пристально глядѣлъ на потолокъ, но тамъ, конечно, ничего не было видно, кромѣ блѣднаго свѣта луны. Однако шумъ былъ несомнѣненъ.

Чердакъ былъ выстланъ кирпичами, многіе изъ нихъ непосредственно надо мною должно-быть расшатались, потому что немного стучали теперь отъ осторожной по нимъ ходьбы. Вмѣстѣ съ этимъ чувствовались сотрясенія потолка, какъ это замѣчается въ плохо построенныхъ домахъ, когда кто-нибудь ходитъ по чердаку. Было совершенно ясно, что тамъ кто-то находился и этотъ кто-то имѣлъ причину скользить по возможности безшумно.

Я прислушивался около четверти часа: шумъ прекратился, и я наконецъ уснулъ. Но мое любопытство было возбуждено, и на слѣдующіе дни я повторилъ опытъ. Успѣхъ былъ тотъ же самый. Теперь я увѣрился въ томъ, что меня каждый разъ будилъ этотъ самый ясно раздававшійся надъ моей головою шумъ, хотя относительно онъ былъ незначителенъ.

Вся эта исторія, хотя не представляла ничего страшнаго, была мнѣ положительно неудобна, и я рѣшилъ на слѣдующій же день ею заняться.

Я считалъ самымъ натуральнымъ переговорить прежде всего съ домовладѣльцемъ, купцомъ Шнейхелемъ, и съ этою цѣлью на другой день около полудня сошелъ къ нему, въ его квартиру, расположенную въ первомъ этажѣ.

Старикъ отнесся къ дѣлу серьезнѣе, чѣмъ я думалъ; велѣлъ позвать сына, и оба просили у меня позволенія провести ночь въ моей комнатѣ, чтобы убѣдиться самимъ въ разсказанномъ. Разумѣется, я охотно позволилъ, и уже заблаговременно вечеромъ они были у меня, принявъ всевозможныя предосторожности для того, чтобы никто въ домѣ не замѣтилъ ихъ ночнаго посѣщенія. Время до часу ночи мы провели въ разговорѣ за карточнымъ столомъ; въ часъ отложили карты въ сторону и начали напряженно прислушиваться. Оконные занавѣсы мы еще раньше спустили, чтобы не было замѣтно свѣта изъ моей комнаты; теперь же мы совсѣмъ погушили свѣтъ и откинули занавѣску. Перемѣна оказалась не къ худшему: въ комнату хлынулъ и наполнилъ ее ослѣпительно яркій свѣтъ луны.

Теперь мы уже были менѣе спокойны. Половина втораго, два часа—шума нѣтъ, какъ нѣтъ. Оба мои гостя переглядывались вопросительно и смотрѣли на меня съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Мнѣ было досадно, такъ какъ я неоднократно уже убѣдился въ странномъ явленіи. Прошло еще четверть часа — и совершенно ясно раздался стукъ кирпичей, а одновременно съ нимъ послышался глухой шумъ чьихъ-то скользившихъ шаговъ.

— Несомнѣнно, тихо сказалъ старикъ Шнейхель, — что по чердаку бродитъ человѣкъ. Какъ онъ туда попалъ въ это время ночи, съ какою цѣлью онъ тамъ—это для меня загадка.

Мы совѣтовали тотчасъ же разузнать въ чемъ дѣло, но старый Шнейхель съ этимъ не соглашался. Онъ полагалъ, что нѣтъ причины торопиться, такъ какъ явленіе повторяется ежедневно, и что прежде всего слѣдуетъ заручиться содѣйствіемъ полиціи. На слѣдующій же день старикъ отправился съ визитомъ къ моему начальнику по службѣ и попросилъ его объ участіи полиціи въ предпринимаемой нами кампаніи. Послѣдовало согласіе, и команда ввѣрена мнѣ. Мы были увѣрены, что дѣло кончится поимкою какого-нибудь воришки.

Весь день я былъ очень неспокоенъ. Странная исторія не выходила у меня изъ головы; все сильнѣе становилось во мнѣ предположеніе, близкое къ увѣренности, что мнѣніе Шнейхеля насчетъ вора окажется ошибочнымъ. Трудно было допустить, чтобы воръ, собирающійся обобрать какое-нибудь мѣсто, такъ акуратно посѣщалъ его каждую ночь въ теченіе цѣлой недѣли.

Еще въ теченіе дня ко мнѣ потихоньку пробрались два полицейскіе чиновника, переодѣтые въ штатское платье, и уже не выходили изъ моей комнаты, а къ вечеру явился Шнейхель съ сыномъ. Я не могъ удержаться отъ улыбки и шутливыхъ замѣчаній, когда вечеромъ всѣ мы собрались вокругъ моего маленькаго стола, въ изобиліи уставленнаго кушаньями и напитками. Въ виду искрившагося въ стаканахъ вина и лакомыхъ кусковъ на тарелкахъ наше предпріятіе производило очень пріятное впечатлѣніе. Къ тому же, Шнейхель младшій не упустилъ случая снабдить насъ превосходными сигарами: понятно, что намъ все казалось въ розовомъ свѣтѣ. Наше веселье нѣсколько омрачалось только тѣмъ обстоятельствомъ, что нельзя было ему предаваться безъ стѣсненія, какъ бы мы этого хотѣли, и приходилось говорить почти шопотомъ.

Въ одиннадцать часовъ свѣчи были потушены, водворилось общее молчаніе; мы устроились по возможности удобно, и, пока полицейскіе бодрствовали, остальные не надолго вздремнули, что было далеко не излишне послѣ сытнаго ужина. Было рѣшено ровно въ двѣнадцать часовъ отправиться на чердакъ и тамъ сѣсть въ засаду. Итакъ черезъ часъ мы уже были разбужены двумя полицейскими, остававшимися на стражѣ, и тотчасъ же безшумно оставили комнату. Шнейхель старшій надѣлъ на свои ботинки огромныя войлочныя туфли во избѣжаніе всякаго шума, а съ другой стороны—простуды, мы же сняли съ себя обувь.

Въ домѣ была мертвая тишина, всѣ уже спали. Выйдя въ коридоръ, мы слышали, какъ тикали шварцвальдскіе часы, помѣщавшіеся по близости у моихъ сосѣдей; потомъ тихонько всѣ поднялись по лѣстницѣ на чердакъ.

Дверь туда была заперта, какъ предписывалъ порядокъ дома. Изъ предосторожности вымазавъ масломъ замочную скважину, мы отперли дверь хозяйскимъ ключомъ и беззвучно вошли на

Библиотека "Руниверс"

чердакъ. Зрѣлище, которое намъ представилось, было оригинально и вмѣстѣ очаровательно, такъ какъ по всему помѣщенію широкими полосами струился лунный свѣтъ.

Чердакъ въ домѣ Шнейхеля былъ устроенъ не такъ, какъ обыкновенно принято въ другихъ домахъ, гдѣ каждое семейство имѣетъ свою часть, отдѣленную отъ другихъ перегородкою или рѣшеткою. Здѣсь же всѣ пользовались общимъ помѣщеніемъ, и какъ жильцовъ было немного, то не было и спора. На сторонѣ Шнейхеля стояло множество старыхъ ящиковъ и бочекъ, еще съ того времени, когда онъ имѣлъ въ этомъ домѣ торговлю. Этимъ назначеніемъ чердака объяснялась еще другая специфическая особенность его устройства: по направленію двора находилось посерединѣ крыши отверстіе въ видѣ двери, снабженное небольшимъ жестянымъ навѣсомъ. Оно могло запираться посредствомъ обитой желѣзомъ деревянной двери; назначеніе его становилось понятнымъ при взглядѣ на блокъ, прилаженный къ крѣпкой желѣзной перекладинѣ, рядомъ съ дверью, и выступавшій во дворъ. При помощи этого блока въ прежнія времена товарные тюки спускались съ крыши внизъ или поднимались на чердакъ.

Дверь эта лѣтомъ обыкновенно стояла отворенною днемъ и ночью; черезъ нее вливался теперь на чердакъ волшебный свѣтъ луны.

Мы скоро нашли, куда спрятаться, и заняли хотя не совсѣмъ удобную, тѣмъ не менѣе превосходную позицію за ящиками и бочками, совершенно насъ скрывшими; оттуда мы могли обозрѣвать все пространство чердака со всѣми его закоулками.

Въ нѣсколько минутъ все наше общество расположилось на своихъ наблюдательныхъ постахъ. Теперь время стало для насъ тянуться съ поразительною медленностью. Мы прислушивались къ отдѣльнымъ ударамъ далекихъ церковныхъ часовъ и считали ихъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

Пробилъ часъ, половина втораго, наконецъ два. Наше состояніе достигло высшей степени напряженности, такъ какъ каждая минута могла и должна была принести разрѣшеніе таинственной загадки; взоры всѣхъ поочередно устремлялись то къ чердачной лѣстницѣ, то къ дверному отверстію въ крышѣ. Я смотрѣлъ на это послѣднее, какъ вдругъ почувствовалъ, что рука молодаго Шнейхеля судорожно схватила мою руку. Я быстро окинулъ глазами пространство и въ эту самую минуту почувствовалъ, какъ по моимъ жиламъ пробѣгаетъ ледяная дрожь, и волосы на головѣ буквально становятся дыбомъ. Недалеко отъ насъ проходила бѣлая фигура, неподвижно устремивъ глаза на блестящій лунный свѣтъ, который заливалъ чердакъ сквозь отворенную дверь.

Длинная женская рубашка покрывала ея тѣло, оставляя открытыми босыя ноги. Длинные распущенные волосы развѣвались сзади на подобіе вуаля.

„Іуматикъ!“ была моя первая мысль.—„Моя сосѣдка!“ блеснуло тотчасъ же въ моемъ сознаніи.

Я напряженно всматривался въ прекрасныя черты молодаго лица, въ эти неподвижные точно застывшіе глаза, устремленные на дверь. Старый Шнейхель, притаившійся по другую сторону отъ меня, также схватилъ мою руку; никто изъ насъ не отваживался шевелиться, мы почти не дышали.

Вдругъ фигурою овладѣло какое-то странное волненіе: поспѣшными шагами, походившими на прыжки, она достигла отворенной двери. Я пришелъ въ ужасъ: неужели несчастная пойдетъ на крышу? Страхъ за нее толкалъ меня броситься къ ней, схватить и удержать ее; но въ ту минуту, какъ я собирался это сдѣлать, она уже прошла въ дверь и скрылась изъ нашихъ глазъ. Одновременно съ этимъ рука стараго Шнейхеля сжала мою какъ въ тискахъ.

— Бога ради, тише! Не шевелитесь! шепнулъ онъ намъ.— Ждите!

Мы повиновались и притаили дыханіе. Всѣ были страшно взволнованы. Извнѣ все было тихо, и однако я боялся, что вотъ-вотъ послышится пронзительный крикъ, потомъ глухой звукъ паденія тѣла: мнѣ просто не вѣрилось, чтобы сонамбула могла удержаться на скользкой крышѣ.

Между тѣмъ свѣтовой конусъ, падавшій изъ дверей, принялъ нѣсколько иное направленіе и находился какъ разъ надъ тою частью чердака, которая приходилась надъ моею комнатою. При этомъ онъ показывалъ прямое и кратчайшее направленіе къ выходу съ чердака.

Не успѣлъ я это подумать, какъ послышался бой отдаленныхъ часовъ, которые показывали четверть третьяго.

Въ эту минуту сонамбула снова появилась въ дверяхъ. Она медленно вошла и продолжала идти по направленію выхода, все время оставаясь въ свѣтовомъ конусѣ. Вдругъ я услышалъ, какъ подъ ея ногами застучали шаткіе кирпичи, совсѣмъ такъ, какъ я это слышалъ въ теченіе всей недѣли ночь за ночью. Скоро бѣлая фигура безшумно скрылась за дверью чердака.

Мы прислушивались еще нѣсколько минутъ, но тишина не нарушалась больше ничѣмъ. Тогда мы тихонько пробрались къ выходу. Дверь была затворена, какъ будто никто только-что изъ нея не выходилъ; мы отворили ее съ величайшею осторожностью, такъ какъ не знали, какое зрѣлище насъ ожидало въ коридорѣ. Но и здѣсь ничего не было; сонамбула, должно-быть, вернулась въ свою комнату.

Мы сошли въ квартиру Шнейхеля, гдѣ старушка, жена его, въ большомъ страхѣ насъ ожидала. Мы поспѣшили ее успокоить, но разсказъ нашъ взволновалъ ее въ другомъ отношеніи.

Почти до самаго утра мы оставались вмѣстѣ, разговаривая о таинственной загадкѣ, которая разъяснилась такимъ неожиданнымъ образомъ. Наконецъ я снова поднялся къ себѣ, выразивъ вмѣстѣ съ моими оставшимися внизу собесѣдниками надежду на то, что врачебная помощь скоро избавитъ бѣдную молодую дѣвушку отъ ея недуга.

Старый хозяинъ мой выразилъ намѣреніе въ тотъ же день сообщить матери сонамбулы о ея болѣзненномъ состояніи.

Вскорѣ послѣ этого событія я получилъ повышеніе по службѣ и, вмѣстѣ, переводъ въ столичный городъ. Моей несчастной сосѣдки я больше не видѣлъ, такъ какъ она была помѣщена въ лѣчебницу для нервныхъ больныхъ.

Новая обстановка, расширившійся кругъ занятій, стремленіе подвигаться впередъ, новыя знакомства—словомъ все вмѣстѣ постепенно сглаживало изъ моей памяти странное приключеніе, и спустя три-четыре мѣсяца я уже вовсе о немъ не думалъ. Этому способствовало то обстоятельство, что молодой Шнейхель, очень со мною подружившійся и ежемѣсячно сообщавшій мнѣ городскія новости, больше не упоминалъ о случившемся.

Вмѣсто того чтобы остаться въ столицѣ одинъ годъ, какъ было назначено сначала, я прожилъ тамъ два года; потомъ меня окончательно утвердили въ должности, и я такимъ образомъ остался совсѣмъ.

Спустя десять лѣтъ мнѣ удалось вернуться въ родной городъ, куда я по своему желанію былъ переведенъ прокуроромъ окружнаго суда.

Не успѣлъ я спрятать въ карманъ бумагу о своемъ назначеніи, какъ пришло письмо Шнейхеля, въ которомъ онъ меня поздравлялъ и просилъ быть его гостемъ, пока я не устроюсь на своей квартирѣ. Конечно, я съ радостью послѣдовалъ приглашенію и былъ самымъ сердечнымъ образомъ принятъ всѣмъ семействомъ. Вскорѣ нашъ разговоръ перешелъ на городскія дѣла и на отдѣльныхъ личностей, и я спросилъ о судьбѣ сонамбулы Тини Векслеръ.

— Мать умерла годъ тому назадъ, сообщилъ Шнейхель,— оставивъ дѣвушкѣ все далеко не маленькое состояніе, съ условіемъ содержать лишенную всякихъ средствъ тетку, что дѣвушка, жившая очень уединенно, вѣроятно сдѣлала бы и по собственному побужденію.

Изъ лѣчебнаго заведенія Тини Векслеръ была скоро выпущена, какъ вполнѣ выздоровѣвшая, и о ночныхъ прогулкахъ по крышамъ больше уже не было слышно, пока два мѣсяца тому назадъ однажды утромъ не нашли ея трупъ съ раздробленными костями; онъ лежалъ на дворѣ, какъ разъ подъ желобомъ крыши. Слѣдствіе установило, что дѣвушка опять заболѣла старымъ недугомъ, чего тетка не подозрѣвала, и погибла въ одну изъ своихъ ночныхъ прогулокъ, которыя по всей вѣроятности происходили совершенно такъ же, какъ десять лѣтъ тому назадъ. Старая тетка сначала была въ отчаяніи, но теперь утѣшилась и, кажется, недурно себя чувствуетъ въ качествѣ единственной наслѣдницы своей племянницы.

Я искренно пожалѣлъ бѣдную прекрасную дѣвушку, которая теперь опять какъ живая встала передъ моимъ умственнымъ взоромъ; но въ сущности все это было слишкомъ отъ меня далеко, чтобы долго на немъ сосредоточиваться. Къ тому же въ первые дни по пріѣздѣ я еще не могъ придти въ себя отъ служебныхъ вивитовъ и безотлагательныхъ приготовленій къ ближайшему засѣданію суда присяжныхъ. Лишь нѣсколько недѣль спустя я вспомнилъ о сонамбулѣ при довольно странныхъ обстоятельствахъ. Мнѣ какъ-то пришлось быть у Шнейхелей, какъ вдругъ велѣла о себѣ доложить старая тетка погибшей дѣвушки. Она все еще жила въ комнатахъ, которыя прежде были заняты ея сестрою и племянницею.

— Она хочетъ кое-что измѣнить въ своей квартирѣ и одолѣваетъ меня съ этимъ каждый день, сказалъ мнѣ мой пріятель, отдавая приказаніе просить старую даму.

Тетка Тини Векслеръ вошла. Я никогда не узналъ-бы ея, до такой степени она осунулась и сгорбилась; волосы посѣдѣли, лицо въ морщинахъ, безъ кровинки... Взглядъ какъ-то странно боязливъ и вмѣстѣ язвителенъ.

Когда назвали мою фамилію и должность, она замѣтно вздрогнула, пристально на меня посмотрѣла и безмолвно кивнула головою. Казалось, если даже она меня припоминаетъ, то это ей въ высшей степени мучительно.

Пока она говорила со Шнейхелемъ, я отошелъ къ оконной нишѣ. Я замѣтилъ, что фрейлейнъ Брусъ, такъ звали тетку Тини, постоянно искоса на меня поглядывала, пугливо и вмѣстѣ проницательно, какъ-бы желая прочесть въ моей душѣ, что я думаю.

Такое поведеніе показалось мнѣ очень страннымъ; я не зналъ, что и думать. Тутъ распахнулась дверь, и въ комнату съ шумомъ вбѣжали дѣти моего пріятеля, двѣ дѣвочки и одинъ мальчикъ.

— Папа, папа! кричала предводительница веселаго отряда, семилѣтняя Герта,—онъ не скачетъ, глупый мячикъ не ска-

Библиотека "Руниверс"

Весенняя пѣсня. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Зеньковича, грав Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

Отъ милаго сердцу. Съ карт. Е. Кумансъ, грав. Веберъ.

Библиотека "Руниверс"

четъ! При этомъ она кинула свой мячъ въ середину общества; онъ глухо ударился объ полъ, потомъ немного подскочилъ вверхъ и упалъ прямо на колѣни фрейлейнъ Брусъ.

Старуха уставилась на мячикъ, дрожь пробѣжала по ея тѣлу, мертвенная блѣдность покрыла лицо. Она далеко протянула руки, какъ-бы желая въ несказанномъ ужасѣ вскочить и отшвырнуть отъ себя мячъ. Но она видимо была слишкомъ слаба, и сознавая это, старалась хоть оттолкнуть его сильно дрожащими руками.

— Мячъ... мячъ... это мячъ Тини... это несчастный мячъ... Вольмите его прочь! кричала она пронзительнымъ голосомъ.

Я съ удивленіемъ прислушивался. Мячъ Тини, несчастный мячъ Тини? Эти слова странно поразили Шнейхеля и меня. Что общаго между мячикомъ и Тини Векслеръ, почему испуганная тетка назвала его несчастнымъ? Мы съ напряженнымъ удивленіемъ смотрѣли то другъ на друга, то на старушку. Казалось, она не осмѣливалась дотронуться до этого невиннаго, но для нея ужаснаго предмета.

Дрожащія руки лихорадочно двигались изъ стороны въ сторону помимо ея сознанія, и вдругъ пальцы нечаянно скользнули по игрушкѣ. Она еще разъ вскрикнула, потомъ откинулась назадъ уже въ обморокѣ и упала-бы со стула, еслибъ мы ее не поддержали.

Пока хозяйка дома, позвавъ на помощь служанку, приводила въ сосѣдней комнатѣ въ чувство безжизненную фрейлейнъ Брусъ, мы, совсѣмъ смущенные, оставались въ залѣ. Лицо Шнейхеля помимо удивленія выражало напряженную мысль.

— Какая нервозность! сказалъ я легкимъ тономъ. — Такъ испугаться мячика! Герта не виновата въ этомъ несчастьи! продолжалъ я, поглаживая головку маленькой дѣвочки, которая плакала и была очень напугана всѣмъ происшедшимъ.

— Это больше чѣмъ нервозность, замѣтилъ Шнейхель. — Отчего она сказала: „это мячъ Тини, это несчастный мячъ?“ Если слово „несчастный“ относится къ смерти ея племянницы, то я тебя спрашиваю, что общаго между этимъ мячомъ и смертью Тини Векслеръ?

— Да, исторія странная, даже больше чѣмъ странная, пробормоталъ я, задумчиво расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ.—Эти необдуманно вырвавшіяся у старухи слова говорятъ, что она знаетъ о смерти дѣвушки больше, чѣмъ...

— Чѣмъ нашла нужнымъ сказать при судебномъ допросѣ и больше нежели проникло въ публику, взволнованно перебилъ Шнейхель.

— Тебѣ въ точности извѣстны показанія по этому дѣлу? спросилъ я.

Шнейхель отвѣтилъ утвердительно.

— О мячикѣ въ нихъ ничего не было? допытывался я.

— Ничего, ни одного слова!

— Странно, въ высшей степени странно, прошепталъ я.

Если испугъ старой фрейлейнъ легко объяснялся внезапностью паденія мяча къ ней на колѣни, то произнесенныя ею загадочныя слова, напротивъ, заставляли очень призадуматься. Очевидно, что ея ужасъ крылся не въ неожиданномъ появленіи мяча, но именно *этого* мяча.

— Откуда у васъ этотъ мячикъ, дѣти? обратился я къ маленькому отряду, смущенно забившемуся въ уголъ.

— Отъ нашего дворника... дворникъ далъ мнѣ его, пролепетала плачущая Герта.

— Здѣсь-ли дворникъ? спросилъ я Шнейхеля.

— Да, здѣсь, отвѣтилъ мой пріятель, глядя на меня вопросительно.—Если ты хочешь съ нимъ поговорить...

— Мнѣ было-бы очень желательно.

Шнейхель придавилъ пуговку домашняго телеграфа и сдѣлалъ необходимыя распоряженія. Черезъ нѣсколько минутъ явился дворникъ.

— Откуда у васъ этотъ мячъ, Ансельмъ? спросилъ Шнейхель.

— Мячъ? повторилъ человѣкъ, видимо удивленный тѣмъ, что его такъ серьезно спрашиваютъ о такой бездѣлицѣ.—Мячъ я нашелъ вчера днемъ въ желобѣ передъ большимъ слуховымъ окномъ.

— Что вамъ надо было въ желобѣ? вмѣшался я въ разговоръ.

— Ансельмъ—ученый кровельщикъ, объяснилъ мой пріятель.

— Ты позволишь произвести на мѣстѣ небольшой осмотръ? обратился я къ пріятелю.

— Конечно. Ужь вѣрно въ тебѣ проснулся криминалистъ, и ты почуялъ какую-нибудь уголовщину? прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Не совсѣмъ, сказалъ я задумчиво, — но мнѣ хотѣлось-бы по возможности разузнать о происхожденіи мяча. Быть-можетъ это опредѣлитъ дальнѣйшій ходъ мыслей.

Я взялъ шляпу и пошелъ прямо на чердакъ, такъ какъ помнилъ каждый уголокъ въ домѣ; Шнейхель и дворникъ послѣдовали за мною.

Чердакъ былъ наполненъ ящиками и тюками, но къ двери можно было пройти совершенно свободно. Выложенная узкими рельсами дорожка для тачки, шедшая черезъ весь чердакъ, вела къ слуховому окну, которое было затворено.

— Съ какихъ поръ все здѣсь такъ измѣнилось? спросилъ я, обращаясь къ Шнейхелю.

— Съ мѣсяцъ тому назадъ, до этого все оставалось въ такомъ видѣ, какъ во время нашего ночнаго посѣщенія назадъ тому десять лѣтъ.

Я велѣлъ дворнику отворить слуховое окно и поглядѣлъ въ него.

— Не можете-ли вы показать въ точности, гдѣ лежалъ мячъ? спросилъ я Ансельма.

— Да, если вы немного высунетесь изъ окна, былъ отвѣтъ.

Я схватился за желѣзную перекладину подъемной машины и заглянулъ далеко внизъ. Вдоль крыши шелъ желобъ, тотъ самый, которымъ въ свое время пользовалась несчастная Тини Векслеръ для ночныхъ прогулокъ.

Гдѣ вы нашли мячъ?

— Тамъ, сказалъ дворникъ, указывая метра на два влѣво. — Вотъ тамъ онъ лежалъ въ желобѣ.

— Какъ вы думаете, какимъ образомъ попалъ туда мячикъ? спросилъ я.

— Дѣти никогда не заходятъ на чердакъ, и закинуть его никто изъ нихъ не смогъ-бы. Къ тому-же, это не обыкновенный мячъ, отвѣтилъ Ансельмъ.

— Какимъ образомъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да посмотрите на него поближе, это деревянный шаръ, какими дѣти играютъ въ кегли, его только обтянули толстыми шерстяными нитками.

— А, потому-то Герта и жаловалась, что мячъ не хочетъ прыгать, сказалъ я.

Я простоялъ еще минуту у слухового окна, запечатлѣвая въ памяти всю обстановку. Къ досадѣ своей, я не могъ не сознаться, что всѣ эти указанія очень мало способствовали разъясненію непонятныхъ словъ старой фрейлейнъ. Въ концѣ концовъ мячъ все-таки долженъ былъ попасть сюда наверхъ по какому-нибудь случаю.

— Кто-же первый нашелъ тѣло Тини Векслеръ? спросилъ я, отходя отъ слухового окна.

— Я нашелъ первый, потому что встаю раньше всѣхъ въ домѣ, отвѣтилъ дворникъ.

— А гдѣ оно лежало?

— На дворѣ, какъ разъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ былъ мячъ.

— Какъ разъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ мячъ? взволнованно повторилъ я; во мнѣ вдругъ появилось убѣжденіе, что между мячемъ и смертью Тини Векслеръ существуетъ какая-то связь; развѣ это не подтверждалось восклицаніемъ старой фрейлейнъ, исторгнутымъ у нея внезапною неожиданностью?

Нѣсколько минутъ я размышлялъ.

— Была здѣсь слѣдственная коммисія послѣ того, какъ случилось несчастье? спросилъ я человѣка, который повидимому догадывался, что предлагаемые мною вопросы имѣютъ большое значеніе, потому что его умные глаза смотрѣли на меня чѣмъ дальше, тѣмъ напряженнѣе.

— Да, отвѣтилъ онъ.

— Крыша была изслѣдована?

— Разумѣется; ее изслѣдовалъ городской кровельщикъ.

— Какимъ-же образомъ мячъ не былъ найденъ? Значитъ онъ въ это время еще не лежалъ въ желобѣ?

Дворникъ пожалъ плечами.

— Не знаю, но думаю, что онъ тамъ уже былъ, сказалъ онъ потомъ, немного помолчавъ.—Когда я вчера нашелъ мячъ, онъ былъ совсѣмъ зарытъ подъ старымъ соромъ и осколками кирпича.

— Ну—и что-же? сказалъ я, когда человѣкъ остановился.

— За нѣсколько дней до того, какъ фрейлейнъ упала, мы съ моимъ помощникомъ чинили крышу, пояснилъ онъ,—тогда мячика тамъ навѣрное не было, иначе мы-бы его нашли, такъ какъ хорошо осмотрѣли желобъ.

— Стало-быть мячъ могъ попасть туда только недавно, замѣтилъ я вскользь.

— Это невозможно, увѣренно возразилъ Ансельмъ.

— Почему невозможно?

— На другой день послѣ смерти фрейлейнъ была очень сильная гроза, я это ясно помню. Въ этотъ день пришли чиновники изъ суда; но кровельщикъ объявилъ, что только на слѣдующій день можетъ осмотрѣть крышу, потому что сейчасъ послѣ грозы по ней опасно ходить, очень скользко. Ни мячика, ни другаго чего-нибудь замѣчательнаго онъ не нашелъ, да и не могъ найти при бѣгломъ осмотрѣ, такъ какъ дождь унесъ въ желобъ весь старый мусоръ, всѣ стружки отъ починки, и мячъ лежалъ въ самомъ низу.

— Значитъ вы думаете, что мячъ попалъ въ желобъ между починкою крыши и грозою? спросилъ я.

Человѣкъ утвердительно кивнулъ головою.

— Да, но кто-же вакинулъ мячъ въ желобъ? Вы-же сами утверждаете, что дѣти не ходятъ сюда наверхъ, и что снизу нельзя такъ высоко его забросить.

Дворникъ на минуту задумался.

— Я имѣю на этотъ счетъ свои мысли, сказалъ онъ наконецъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ.—Мнѣ думается, что бѣдная фрейлейнъ сама взяла его съ собою на крышу.

Это объясненіе меня нисколько не удовлетворило: вещь была возможная, но очень неправдоподобная.

— Пойдемте, сказалъ я съ досадой на то, что ухожу нисколько не свѣдущѣе, чѣмъ пришелъ.

Библиотека "Руниверс"

Мы сошли внизъ и вернулись въ комнату моего друга, отпустивъ дворника. Фрейлейнъ Брусъ между тѣмъ оправилась и прошла въ свою квартиру.

Мы еще долго толковали, не приходя ни къ какому удовлетворительному выводу, и когда я наконецъ поздно вечеромъ распрощался со Шнейхелемъ, моя фантазія все еще не нашла рѣшенія загадки, несмотря на то, что была очень возбуждена.

Сонъ мой въ эту ночь длился недолго, я былъ разбужень тревожнымъ звономъ дверного колокольчика, и вслѣдъ за этимъ вбѣжала моя служанка съ письмомъ отъ Шнейхеля, которое ей только-что вручилъ дворникъ Ансельмъ какъ въ высшей степени важное. Одну минуту я подумалъ было въ сильномъ испугѣ, что въ семьѣ Шнейхеля случилось какое-нибудь несчастье, но одинъ взглядъ на строки письма убѣдилъ меня въ томъ, что это совсѣмъ другое.

Мой пріятель сообщалъ мнѣ въ короткихъ словахъ, что фрейлейнъ Брусъ ночью тяжело захворала, докторъ подаетъ мало надежды, и что я долженъ тотчасъ придти, такъ какъ дѣло идетъ о чрезвычайно важныхъ вещахъ.

Письмо было набросано карандашомъ, видно было, что писавшій очень спѣшилъ и волновался; я тотчасъ-же отправился къ нему.

Мой пріятель съ нетерпѣніемъ ждалъ меня въ квартирѣ больной. За послѣднюю четверть часа ея состояніе значительно ухудшилось, и докторъ опасался конца.

— Тайна мяча открылась самымъ страшнымъ образомъ, шепнулъ мнѣ Шнейхель вмѣсто всякаго привѣтствія. — Подойди къ постели и послушай самъ!

Въ комнатѣ больной находился врачъ и съ нимъ двѣ служанки, одна Шнейхеля, другая—больной; онѣ обѣ вмѣстѣ старались удержать бредившую въ постели. Въ ту минуту, какъ я входилъ въ комнату, дверь тихо скрипнула.

Больная устремила на меня свои лихорадочно горѣвшіе глаза и, пристально поглядѣвъ на меня, испустила крикъ.

— Никогда больше не буду, Тини, никогда не буду... никогда больше! пронзительно кричала она хрипнымъ голосомъ, — только не входи сюда, не входи!—Вдругъ она утихла, по ея лицу скользнула улыбка, она уставилась въ уголъ комнаты.—Ага, прошептала она,—теперь ты какъ разъ на серединѣ желоба. Не оборачивайся, Тини, не оборачивайся, а то я не могу бросить мячъ. Вотъ... вотъ! и испустивъ крикъ, она судорожно приподнялась на постели.—Теперь мячъ у Шнейхелевой Герты! кричала она, съ силою стараясь оттолкнуть своихъ сидѣлокъ. — Онъ у нихъ... у нихъ... они отбираютъ у меня деньги... хорошія деньги... много денегъ... они хотятъ меня запереть въ тюрьму!.. Нѣтъ! Нѣтъ! Я не позволю себя повѣсить... Я не позволю себя повѣсить!

И больная съ страшною силою боролась съ окружающими, которые съ трудомъ удерживали ее на постели. Я съ содроганіемъ прислушивался къ ея словамъ.

— Догадываешься теперь, какая связь? шепнулъ мнѣ стоявшій рядомъ Шнейхель.

Я кивнулъ головою, все еще вслушиваясь въ слова больной, которая теперь тихо бормотала что-то невнятное.

— Она знала о страшныхъ ночныхъ прогулкахъ племянницы, шепталъ мнѣ Шнейхель.—Она во всякомъ случаѣ знала также, что достаточно оклика, слабаго прикосновенія, чтобы разбудить сонамбулу. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, когда несчастная дѣвушка была посреди желоба, между жизнью и смертью, она бросила ей въ спину тяжелый неупругій мячъ. Отъ сильнаго удара дѣвушка проснулась и упала внизъ.

Больная вдругъ успокоилась, докторъ озабоченно схватился за ея пульсъ. Онъ довольно долго держалъ ея безсильно повисшую руку, потомъ выпустилъ.

— Она стоитъ теперь передъ Вѣчнымъ Судьею, сказалъ онъ, обращаясь къ намъ.—Кровоизліяніе въ мозгу, котораго я ждалъ каждую минуту, наступило.

На слѣдующее утро я долженъ былъ явиться по должности въ квартиру умершей. Мнѣ было поручено разслѣдовать и выяснить, дѣйствительно-ли здѣсь имѣло мѣсто преступленіе, или это былъ только горячечный бредъ.

Моя задача скоро была выполнена, такъ какъ въ письменномъ столѣ я нашелъ завѣщаніе и письмо на имя Шнейхеля.

Мы прочли письмо сообща. Оно заключало въ себѣ признаніе преступницы, которая чувствовала, что съ каждымъ днемъ она ближе къ смерти и раскаяніемъ облегчала свою измученную душу. Она не знала покоя съ минуты преступленія, гласило письмо, днемъ и ночью, вездѣ стоитъ передъ нею окровавленный образъ ея племянницы; ночью сонамбула подходитъ къ ея постели и манитъ ее на чердакъ, чтобы оттуда сбросить внизъ въ наказаніе за преступленіе. Она хорошо знаетъ, что умершая спокойно спитъ подъ могильнымъ холмомъ и что это только укоры совѣсти, но отъ нихъ не отдѣлаться ей видно никогда!

Потомъ слѣдовало подробное признаніе въ убійствѣ, совершенномъ изъ корыстолюбія; все было въ точности такъ, какъ предполагалъ Шнейхель на основаніи бреда больной. Хотя умершая полковница въ своемъ завѣщаніи и вмѣнила дочери въ обязанность навсегда оставить у себя тетку, но эта послѣдняя боялась, что Тини выйдетъ замужъ и тогда пожелаетъ обойти это условіе. Такимъ образомъ, все болѣе и болѣе подстрекаемая алчностью, она наконецъ совершила ужасное преступленіе. Въ своемъ завѣщаніи она передавала всѣ доставшіяся ей деньги сполна на городскіе пріюты и богадѣльни.

— Совѣсть — самая надежная исполнительница того приговора, который произноситъ Вѣчный Судья, сказалъ потрясенный Шнейхель, когда письмо было прочитано до конца.

— А смерть—вѣстница милосердія для отягченнаго сердца, прибавилъ я.

Къ рисункамъ.

Гавриловка, на Мурманскомъ берегу.

(Рис. на стр. 461).

Гавриловская губа на Мурманскомъ или Лапландскомъ берегу Сѣвернаго океана лежитъ къ сѣверо-западу отъ острова Большаго Оленьяго и близъ Гавриловскихъ островов. Острова эти низменны и состоятъ почти изъ голаго камня. Вся эта мѣстность принадлежитъ къ Кемскому уѣзду Архангельской губерніи, и посѣщается лишь лопарями да русскими промышленниками. Гавриловка, расположенная на берегахъ губы, и есть большое становище рыбаковъ. Въ промысловое время воды ея оживляются множествомъ парусныхъ и паровыхъ судовъ, въ сараяхъ и амбарахъ для солки и сушки рыбы кипитъ работа, всюду снуетъ рабочій людъ, и мѣстность представляетъ оживленную картину, изображенную на нашемъ рисункѣ.

Пиръ у Тиціана. (Рис. на стр. 464).

Великій итальянскій живописецъ венеціанской школы, Тиціано да-Вечелло, любилъ, окруживъ себя друзьями, вести застольную бесѣду, исполненную веселья и остроумія, превращая такимъ образомъ свои пиры въ симпозіи древнихъ. Вотъ и теперь, онъ оживленно разсказываетъ о новой милости, только-что оказанной ему высокимъ покровителемъ, императоромъ Карломъ V. Монархъ сдѣлалъ художника пфальцграфомъ, графомъ Латеранскаго дворца и членомъ Государственнаго совѣта, съ возведеніемъ дѣтей его въ потомственное дворянство. Кромѣ того, Тиціанъ назначенъ кавалеромъ Золотой шпоры и получилъ право, являясь ко двору, возлагать на себя золотую цѣпь и мечъ. Припоминаетъ онъ и прежнія милости великаго монарха, какъ тотъ заплатилъ ему за два портрета по 1,000 скуди. Разсказъ его внимательно слушаютъ три дочери Пальмы-Веккіо, только-что передъ тѣмъ услаждавшія гостей игрой на лютнѣ. Между ними и Тиціаномъ стоитъ Пьетро Аретино, „бичъ властителей“, геніальный, но нравственно разнузданный памфлетистъ,—короли и вельможи дрожатъ передъ нимъ, двери дворцовъ ихъ всегда отворены ему—какъ же не найти ему доступа къ Тиціану! Онъ что-то шепчетъ на ушко прелестной дамѣ, имя которой неизвѣстно, но черты которой воспроизведены на двухъ картинахъ: самого Тиціана и Пальмы-Веккіо, носящихъ одно и то же названіе: La bella di Tiziano (красавица Тиціана). На лѣвой сторонѣ мы видимъ: поэта и ученаго Пietро Бембо, въ костюмѣ духовнаго, архитектора и скульптора Джаконо Татти (прозваннаго Сансовино) и знаменитаго Аріосто, творца *Неистоваго Роланда*.

Рѣдкое сочетаніе тѣлесной красоты и духовной мощи!

На сторожевой линіи. (Рис. на стр. 465).

Художникъ очень живо изобразилъ намъ одну изъ весьма обычныхъ сценъ русской порубежной жизни не далѣе какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Передъ нами простирается степь, незаселенная никѣмъ, дикая безпредѣльная степь или такъ-называемое „Дикое поле“. Покрытая превосходнымъ ковылемъ и другими ароматными степными травами, она служитъ только роскошнымъ пастбищемъ для табуновъ дикихъ коней, для дикихъ козъ, которыя пасутся на ней цѣлыми стадами, рядомъ съ несмѣтными стаями степныхъ птицъ и всякой дичи. Въ этой степи нѣтъ ни поселковъ, ни жилья, ни торныхъ дорогъ, потому что въ ней хозяйничаетъ и вѣчно рыщетъ по ввѣренным тропамъ злой хищникъ: татаринъ. Отъ него нѣтъ никому покоя: ни русскимъ областямъ на сѣверной окраинѣ „Дикаго поля“, ни малорусскимъ польско-литовскимъ провинціямъ на западной окраинѣ степи, въ богатомъ Приднѣпровьѣ. Чуть только зазеленѣетъ степь весною, татарскіе наѣзды являются всюду въ „Дикомъ полѣ“ и, всюду вторгаясь въ порубежныя земли, вносятъ въ нихъ горе, кровопролитіе и опустошеніе... Противъ этихъ-то наѣздовъ Московскіе государи, еще въ началѣ XVI вѣка, рѣшили оградить южный рубежъ Русской земли цѣлымъ

Библиотека "Руниверс"

рядомъ преградъ и укрѣпленій, и поручили охраненіе этихъ укрѣпленій особымъ поселеннымъ около нихъ ратнымъ людямъ. Эти укрѣпленія состояли изъ засѣкъ, въ которыхъ цѣлыя деревья, вырванныя изъ земли съ корнями, были навалены и перепутаны вѣтвями въ видѣ непроницаемой стѣны; изъ глубокихъ рвовъ, выкопанныхъ поперекъ степей; изъ валовъ съ поставленнымъ на валахъ частоколомъ; изъ острыхъ кольевъ и перепутанныхъ корягъ, которыми преграждались броды на степныхъ рѣчкахъ. Мѣстами, на извѣстныхъ и недальнихъ разстояніяхъ, по всей линіи этихъ укрѣпленій, построены были небольшіе острожки съ сторожевыми башнями, и въ этихъ-то острожкахъ и около нихъ были поселены сторожевые ратные люди. Всей линіи укрѣпленій и преградъ, вмѣстѣ съ острожками и поселеніями, придавалось общее названіе—*сторджъ* или *сторожевыхъ* линій. Ратнымъ людямъ на этихъ сторожевыхъ линіяхъ вмѣнялось въ обязанность постоянно высылать разъѣзды далеко въ степь, за линію, для наблюденія за движеніемъ татарскихъ наѣздовъ въ степи. Эти сторожевые разъѣзды состояли обычно изъ 4—5 человѣкъ ратниковъ, которые посылали отъ себя отдѣльныхъ *дозорщиковъ*, на лучшихъ коняхъ, для развѣдокъ въ разныхъ сторонахъ степи и для сношеній съ сосѣдними разъѣздами. Чуть только что-нибудь подозрительное или не совсѣмъ обычное появлялось вдали, на горизонтѣ степи, эти развѣдчики и дозорщики тотчасъ скакали во весь опоръ къ своимъ разъѣздамъ, а ратники, получивъ отъ нихъ свѣдѣнія, болѣе или менѣе тревожнаго характера, тотчасъ вскакивали въ сѣдло и мчались обратно къ сторожевымъ линіямъ, чтобы извѣстить по всей линіи о приближеніи непріятеля и угрожающей опасности. Благодаря такимъ мѣрамъ предосторожности, наступающіе татарскіе наѣзды не могли уже налетать внезапно. Въ XVII вѣкѣ татары иногда еще прорывались черезъ сторожевыя линіи, но уже не могли производить опустошительныхъ набѣговъ и часто платились очень дорого за свою дерзость. Такой именно разъѣздъ въ степи, далеко за сторожевыми линіями, встревоженный появившимся на горизонтѣ дымкомъ,—и представленъ художникомъ въ настоящемъ № *Нивы*.

Весна. (Рис. на стр. 469).

Прелестная акварель извѣстнаго художника Н. Н. Каразина можетъ служить удачной иллюстраціей хорошо всѣмъ знакомаго стихотворенія „Урожай“ Кольцова:

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется...
Чѣмъ свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать...

Весенняя пѣсня. (Рис. на стр. 472).

Звуки льются, звуки таютъ:
То не вѣтеръ-ли во ржи?
Не крылами-ль задѣваютъ
Мѣдный колоколъ стрижи?
Иль въ тѣни журчатъ дубравной
Однозвучные ключи?
Иль ковшей то звонъ заздравный?
Иль мечи бьютъ о мечи?

Мечта и дѣйствительность. Бюсты работы Вейценберга. Грав. Шюблеръ.

Пламя-ль блещетъ? Дождь-ли льется?
Буря-ль встала, пыль крутя?
Конь-ли по полю несется?
Мать-ли нѣстуетъ дитя?
Или то воспоминанье,
Отголосокъ давнихъ лѣтъ?
Или счастья обѣщанье?
Или смерти то привѣтъ?
Пѣсню кто уразумѣетъ?
Кто пойметъ ея слова?
Но отъ звуковъ сердце млѣетъ,
И кружится голова.

А. Толстой.

Отъ милаго сердцу. (Рис. на стр. 473).

Спокойно и величаво встрѣчаетъ молодая римлянка рабыню, которую прислалъ знатный египтянинъ, невдалекѣ наблюдающій съ своей колесницы за посланницей. И всѣ ожидаютъ отвѣта красивой патриціянки: ея спутницы, и рабыня, простирающая красивую корзинку, съ искусно подобранными цвѣтами, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое значеніе, и, конечно, болѣе всѣхъ чужестранецъ, для котораго этотъ отвѣтъ, быть-можетъ,—вся жизнь.

Мечта и дѣйствительность. (Рис. на стр. 476).

Съ прекраснымъ дарованіемъ скульптора Вейценберга читатели уже знакомы по его статуѣ „Агриппина съ прахомъ Германика“, снимокъ съ которой былъ помѣщенъ на стран-

Библиотека "Руниверс"

цахъ нашего журнала. Въ нынѣшнемъ нумерѣ читатели найдутъ изображенія двухъ бюстовъ, въ которыхъ художникъ хотѣлъ воплотить женскую красоту, какою она представляется ему въ воображеніи и какою она является въ дѣйствительности. Чисты, спокойны и прекрасны черты идеала, и невольно уносятъ въ міръ грёзъ; а съ другой красавицей—

„Міръ иной, но міръ прелестный
Съ ней гаснетъ вѣра въ лучшій край...
Не называй ее небесной
И у земли не отнимай...“

Въ послѣднее время г. Вейценбергъ занятъ преимущественно бюстами-портретами, которые отличаются замѣчательнымъ сходствомъ. Желающіе могутъ видѣть ихъ въ мастерской (СПБ.) у автора, который охотно показываетъ свои произведенія.

Императоръ и императрица Японскіе.

Мутсу-хито, императоръ (*тенно* или *микадо*) Японскій, родился въ 22-й день девятаго мѣсяца (3 ноября нов. ст.) 1852 года въ Кіото, наслѣдовалъ отцу своему, микадо Сакхито (Комеи-тенно) 13 (1) февраля 1867 года, но лишь 3 февраля 1868 г., по низверженіи сіогуната, сталъ дѣйствительнымъ повелителемъ страны и перенесъ свою резиденцію изъ Кіото въ Тоокіо (Іеддо). Правленіе свое онъ наименовалъ *мейджи* (просвѣщенное). По совѣту выдающихся людей, онъ произвелъ рядъ реформъ, которыя освободили страну отъ иноземныхъ и враждебныхъ ей феодаловъ, ввели европейскую культуру и примкнули Японію къ цивилизованнымъ государствамъ. Мутсу-хито настойчиво преодолѣвалъ всѣ препятствія и успѣшно боролся съ воинственнымъ духомъ старой военной партіи. 28 декабря 1868 г. императоръ вступилъ въ бракъ. Императрица Гаруко, дочь *куге* (придворнаго сановника) Тадака Дайдсинъ изъ дома Фудживара-Ичиджо, родилась въ 17-й день четвертаго мѣсяца 1850 г. (28 мая). Наслѣдникъ престола принцъ Гару (*Весна*; полное имя: Йошихито-Шинно-Гару-номійя) родился 31 августа 1877 г.

Гаруко, императрица Японская.

Мутсу-хито. императоръ Японскій.

Политическое обозрѣніе.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ окончилъ морское путешествіе и прибылъ 11 мая, въ 10 ч. утра, во Владивостокъ, послѣ отличнаго перехода. Фрегатъ „Память Азова“, на которомъ Его Высочество находился, конвоировали, подъ флагомъ контръ-адмирала Басаргина, фрегатъ „Владиміръ Мономахъ“, крейсеръ „Адмиралъ Нахимовъ“, лодки „Кореецъ“, „Манчжуръ“ и „Бобръ“. Его Высочество, чувствуя себя совсѣмъ хорошо, изволилъ принимать на фрегатѣ генералъ-губернатора барона Корфа и начальствующихъ лицъ. На другой день, въ 11½ часовъ, Его Высочество, при громѣ пушекъ, восторженныхъ крикахъ народа, „ура“ войскъ и звонѣ колоколовъ, сошелъ на берегъ у Адмиральской пристани. Здѣсь Его Высочество былъ встрѣченъ генералъ-губернаторомъ Приамурскаго края, военнымъ губернаторомъ Приморской области, командиромъ порта и представителями города. Городской голова поднесъ на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль, привѣтствовавъ Августѣйшаго Гостя съ благополучнымъ прибытіемъ въ родную страну. Отъ пристани вплоть до тріумфальной арки путь устланъ былъ коврами. По одну сторону пути размѣстились городскія дамы, съ супругою генералъ-губернатора баронессою Корфъ во главѣ, и воспитанницы женскихъ училищъ. По другую сторону стали гимназисты и воспитанники съ воспитателями. Отъ тріумфальной арки, по лѣвую сторону пути слѣдованія Наслѣдника Цесаревича, начиная почетнымъ карауломъ, стояли шеренгами войска вплоть до собора, а по правую сторону — представители всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій и толпы народа. Принявъ отъ головы хлѣбъ-соль, Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ направиться къ почетному караулу по усыпанному цвѣтами пути. По принятіи почетнаго караула, Его Высочество, въ сопровожденіи свиты и конвоя изъ казаковъ Усурійской сотни, привѣтствуемый несмолкавшимъ „ура“, прослѣдовалъ въ соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ протоіереемъ Смирновымъ и мѣстнымъ духовенствомъ. Послѣ привѣтственной рѣчи совершено было благодарственное молеб-

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ Г.г. подписчиковъ **не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 189 года,** озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля подъ которымъ получается ими „Нива“.

Библиотека "Руниверс"

ствіе. Прибывъ въ помѣщеніе губернатора, Его Высочество изволилъ принимать представителей Сибирской флотиліи, порта и военныхъ частей, гражданскихъ и городскихъ учрежденій. Здѣсь же поднесли на серебряныхъ блюдахъ хлѣбъ-соль проживающія во Владивостокѣ китайскія и корейскія общества. По окончаніи представленія, Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ сопровожденіи Греческаго принца Георга, изволилъ отбыть на фрегатъ „Память Азова"; народъ и войска провожали Его Высочество восторженными кликами. Городъ роскошно убранъ флагами, декораціями и транспарантами; вечеромъ была иллюминація.

Въ ознаменованіе посѣщенія Сибири Наслѣдникомъ Русскаго Престола, Государь Императоръ даровалъ именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, которымъ явлена новая милость тѣмъ изъ отбывающихъ нынѣ въ Сибири наказанія, въ силу судебныхъ приговоровъ, семьяныхъ, кои, по день прибытія Его Императорскаго Высочества въ предѣлы Сибири, распредѣлены въ установленномъ порядкѣ къ мѣстамъ причисленія и работъ. Одновременно съ этимъ актомъ милосердія Отца Русскаго народа, данъ Высочайшій рескриптъ на имя Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, коимъ повелѣно нынѣ приступить къ постройкѣ сплошной черезъ всю Сибирь желѣзной дороги, имѣющей соединить обильныя дарами природы, сибирскія области съ сѣтью внутреннихъ рельсовыхъ сообщеній. „Я поручаю Вамъ, говорится въ рескриптѣ,—объявить таковую волю Мою, по вступленіи Вами вновь на Русскую землю, послѣ обозрѣнія иноземныхъ странъ Востока. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возлагаю на Васъ совершеніе, въ Владивостокѣ, закладки разрѣшеннаго къ сооруженію, на счетъ казны и непосредственнымъ распоряженіемъ правительства, Усурійскаго участка великаго сибирскаго рельсоваго пути. Знаменательное участіе Ваше въ начинаніи предпринимаемаго Мною, сего истинно народнаго дѣла, да послужитъ новымъ свидѣтельствомъ душевнаго Моего стремленія облегчить сношенія Сибири съ прочими частями Имперіи и тѣмъ явить сему краю, близкому Моему сердцу, живѣйшее Мое попеченіе о мирномъ его преуспѣяніи".

Въ Бѣлградѣ, въ силу рѣшенія скупщины, подтвержденнаго верховною властью, королева Наталія 6 мая приглашена была оставить страну. Но когда экипажъ королевы, окруженный жандармами, слѣдовалъ по улицамъ, раздались крики: „Изгоняютъ королеву!" Образовалась толпа, къ которой присоединилась выходившая въ это время изъ школъ учащаяся молодежь. Толпа оттѣснила окружавшій экипажъ конвой и возвратила королеву обратно. Для предупрежденія безпорядковъ вызваны были войска, которыя встрѣчены были градомъ каменьевъ и разсѣяли толпу послѣ залпа. Въ свалкѣ съ обѣихъ сторонъ оказалось нѣсколько раненыхъ. Регенты и совѣтъ министровъ, собравшись на совѣщаніе, рѣшили настоять во что бы то ни стало на высылкѣ королевы и на слѣдующій день, во вторникъ, почти на разсвѣтѣ, королеву заставили сѣсть въ карету, которая подъ сильнымъ военнымъ конвоемъ направилась къ желѣзнодорожному вокзалу. Королева уѣхала въ Землинъ. Народъ сильно возбужденъ, на улицахъ было замѣтно волненіе и раздавались враждебные крики, направленные противъ министровъ, регентства и короля Милана. 8 мая изъ Землина королева Наталія выѣхала на пароходѣ „Казань" въ Турнъ-Северинъ. Для проводовъ ея явилось въ Землинъ нѣсколько сотъ дамъ изъ Бѣлграда, съ цвѣтами; пріѣхали также Гарашанинъ и многіе члены напредняцкой партіи. Прощаніе было очень трогательное; королева передала своему адвокату протестъ противъ насильственнаго удаленія ея изъ Сербіи. По поводу этихъ событій *Journal de St.-Pétersbourg* пишетъ слѣдующее: „Полагаемъ неумѣстнымъ напоминать ни о прискорбныхъ семейныхъ раздорахъ, приведшихъ къ настоящему положенію, ни о рѣшеніяхъ, которыя — въ интересахъ же царствующаго дома и въ интересахъ мирнаго развитія юнаго королевства — почти долгомъ, по соглашенію со скупщиною, принять сербское правительство, но можно задаться вопросомъ, проявлена-ли была относительно отъѣзда родительницы короля Александра, разъ отъѣздъ этотъ признавали государственною необходимостью, вся та осторожность, которая требовалась столь тяжкими обстоятельствами.

„Въ Россіи, гдѣ судьба несчастной королевы Наталіи возбуждала всегда самое искреннее участіе, могутъ лишь скорбѣть о сербскихъ событіяхъ, но при этомъ и желать, чтобы они обозначили собою конецъ многолѣтней смуты. Въ то же время въ Россіи высказываютъ самыя горячія пожеланія упроченія престола юнаго короля Александра и наступленія въ Сербіи эры спокойствія и благодѣтельнаго развитія послѣ тяжкаго періода трудностей и волненій".

Смѣсь.

Сіамскія женщины. Жители Сіама убѣждены въ томъ, что сіамки—красивѣйшія женщины въ мірѣ. И въ самомъ дѣлѣ, сіамки красивы даже на европейскій взглядъ и въ особенности отличаются граціей и миловидностью. Благодаря уму и ловкости, онѣ играютъ важную роль въ общественной жизни. Почти въ каждомъ домѣ, кромѣ управленія хозяйствомъ, онѣ завѣдуютъ денежною кассой, выдавая ежедневно мужьямъ только на дневные расходы и то немногу, причемъ строго наказываютъ не бросать даромъ денегъ и вообще отличаются крайнею бережливостью и предусмотрительностью. Женщины торгуютъ въ лавкахъ и на базарахъ и ведутъ денежныя предпріятія какъ въ Банкокѣ, такъ и въ другихъ городахъ Сіама. Кажется, что онѣ имѣютъ врожденную способность къ торговлѣ. Въ торговыхъ дѣлахъ онѣ крайне точны, обладаютъ большимъ навыкомъ и не упускаютъ выгодныхъ дѣлъ. Ихъ настойчивость не имѣетъ границъ. Онѣ умѣютъ подбивать своихъ покупателей на покупки изумительно льстивыми убѣжденіями, которымъ трудно противиться. Проживающіе въ Сіамѣ китайскіе купцы высоко ставятъ природныя дарованія туземокъ. Они охотно женятся на сіамскихъ дѣвушкахъ, которыя во всемъ далеко превосходятъ женщинъ ихъ собственной расы, рѣдко способныхъ къ чему либо другому, кромѣ игры въ куклы, да услугъ мужу. Сіамки играютъ важную роль и въ политической жизни государства; какъ и въ семьѣ, онѣ представляютъ силу, которая внушительно дѣйствуетъ противъ неуважающихъ ихъ полъ. Королева Сіама имѣетъ вліяніе на государственныя дѣла, несмотря на то что она лишь негласная супруга короля. Она не такъ красива, какъ многія придворныя дамы, но превосходитъ ихъ умомъ, граціей и манерами. Молодой король съ дѣтскихъ лѣтъ обожаетъ ее и не отказываетъ ей ни въ чемъ. (к.)

Высочайшее положеніе ртути въ барометрѣ наблюдалось въ Барнаулѣ, въ Сибири. Недавно ртуть поднялась тамъ въ барометрѣ до 803 миллиметровъ, т. е. на 43 миллиметра выше ея нормальнаго положенія. (к.)

Рѣшеніе пасхальной задачи № 24.

1) Верресъ, 2) Серны, 3) Порча, 4) Лента, 5) Ононъ, 6) Девы, 7) Винчи, 8) Парта, 9) Вертелъ, 10) Ахти, 11) Мигра, 12) Утисъ (Никто), 13) Моисы, 14) Эпротъ, 15) Ясакъ.

Христосъ Воскресе, почтенные читатели!

„Нива".

ШАХМАТЫ

подъ редакціей **Э. С. Шифферса.**

Задача № 27.

В. Г. Гершманъ (Витебскъ).

Черные.

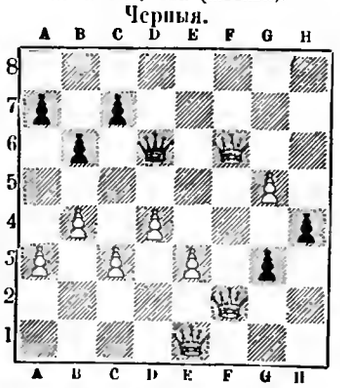
Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 28. Шашечная.

Н. П. Смирнова (Москва).

Черныя.



Бѣлыя

Запереть дамку.

Библиотека "Руниверс"

ПАРТІЯ № 8.

(Четвертая партія матча. Играна 3/15 декабря 1890 года).

Итальянская партія.

И. Гунсбергъ. Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.	И. Гунсбергъ. Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.	И. Гунсбергъ. Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.
1. e2—e4	e7—e5	20. d3—d4	Л a8—d8 9)	39. К. e2—f4	Кр. e7—f7
2. К. g1—f3	К. b8—c6	21. Л. e1—f1!	Л. b8—f8	40. К. f4—e6	Л. f8—e8
3. С. f1—c4	С. f8—c5	22. Ф. d2—f2	Л d8—c8	41. С. b3—a4	С. b5 : a4
4. d2—d3	К. g8—f6	23. Л. a1—c1	Ф. b6—a6	42. Л. a1 : a4	g7—g6
5. С. c1—e3	С. c5 : e3? 1)	24. a3—a4	Ф. a6—b6	43. К. b6—c4	К. d6—f5
6. f2 : e3	d7—d6	25. b4—b5	Ф. b6—a5	44. Л. a4—b4	Л. e8—e7
7. 0—0	К. g6—a5 2)	26. Ф. f2—b2	К. h6—f7	45. g2—g4	К. f5—g3
8. С. c4—b5+!	c7—c6 3)	27. К. f3—d2!	e5 : d4	46. К. c4—d6+	Кр. f7—g8
9 С b5—a4	Ф. d8—b6 4)	28. e3 : d4	Ф. a5—b6	47. К. d6 : b7	Л. e7—d7?
10. Ф. d1—d2!	К. f6—g4? 5)	29. К. c3—e2 10)	d6 d5	48. К. b7—c5	Л. d7 : d5
11. Л. f1—e1	Ф. b6—a6	30. e4 : d5	К. f7—d6	49. Кр. g1—f2	К. g3—f5
12. c2—c3!	f7—f6?	31. Ф. b2—a3!	Кр. e8—d8?	50. g4 : f5	Л. d5 : f5+
13. С. a4—c2	c6—c5? 6)	32. a4—a5	К. d6 : b5 11)	51. Кр. f2—g3	h7—h5
14. b2—b4	c5 : b4 7)	33. Ф. a3 : e7+	Кр. d8 : e7	52. Л. b4—b7	g6—g5
15. c3 : b4	К. a5—c6	34. a5 : b6	a7 : b6	53. К. c5—e4	Кр. g8—h8
16. С. c2—b3!	Ф. a6—b6	35 К. d2—c4	Л. c8—a8	54. Л. b7—g7	h5—h4+
17. a2—a3	С. c8—d7 8)	36. Л. c1—a1	К. b5—d6	55. К g3—g2	Л f5—a5
18. К. b1—c3	К. c6—e7	37. К. c4 : b6	Л. a8 : a1	56. К. e4 : f6	Л. a5—a2+
19. h2—h3	К. g4—h6	38. Л. f1 : a1	С. d7—b5	57. Кр. g2 g1	сдался.

Еслибы не было пѣшки g5, черные могли бы давать ладьей шахъ на второй линіи, и если бѣлые возьмутъ ее, то матъ.

1) Сыграно по теоріи „Новой школы". Здѣсь обыкновенно играли С. c5—b6!

2) Слонъ c4 становится опаснымъ.

3) На С. d7 послѣдовало-бы С. d7+ и затѣмъ Ф. e1 и К. h4 съ цѣлью укрѣпиться конемъ на f5.

4) Послѣ 9. . . . b5, 10. С. b3, К : b3; 11. ab, положеніе черныхъ пѣшекъ на ферзевомъ флангѣ ослабляется и бѣлые получаютъ атаку на отсталую пѣшку a7.

5) Ошибка. Бѣлые могутъ получить 2 фигуры за ладью, сыгравъ 11. b1. К : e3; 12. ba, К : f1+; 13. Кр : f1!; если 10. . . . Ф : b2?, то 11. Ф : a5, Ф : a1; 12. К. c3, Ф. b2; 13. Л. b1, и послѣ Ф. a3; 14. С : c6+ съ выигрышемъ ферзя, или 13. . . . b6, 14. Л : b2 и С : c6+ и выигрываютъ фигуру.

6) Лучше было движеніемъ пѣшки b приготовить отступленіе коню К. a5. Теперь у черныхъ получились еще слабые пункты d5 и d6 (holes, т. е. дырки по выраженію самого Стейница).

7) И теперь отступленіе конемъ было-бы лучше, такъ какъ послѣ мѣны пѣшекъ бѣлый конь получаетъ выходъ на c3. Изъ четырнадцати ходовъ 6 плохихъ! Отсюда названіе „Champion of the World" (Таррашъ).

8) Безполезно; лучше было К. g4—h6—f7 подготовляя рокировку.

9) Послѣ 20. . . . К. f7; бѣлые выиграли-бы пѣшку посредствомъ 21. С : f7+, Кр : f7; 22. d4 : e5 и т. д.

10) Еще сильнѣе 29. К. d5.

11) Если Ф : b5, то 33. Ф : d6, Ф : e2; 34. Л. a1—e1 и бѣлые выигрываютъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: **Корень зла.** Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **П. Н. Полевого.** Ч. 1. (Продолженіе). — **Мячикъ.** Разсказъ **Юліуса Зиручекъ.** — Къ рисункамъ: **Гавриловка, на Мурмансиомъ берегу** (съ рис.). — **Пиръ у Тиціана** (съ рис.). — **На сторожевой линіи** (съ рис.). — **Весна** (съ рис.). — **Весенняя пѣсня** (съ рис.). — **Отъ милаго сердцу** (съ рис.). — **Мечта и дѣйствительность** (съ 2 рис.). — **Императоръ и императрица Японсіе** (съ 2 портр.). — Политическое обозрѣніе. — Заявленіе. — Смѣсь. — Рѣшеніе задачи. — Шахматы. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Императрицы ВИКТОРІИ

Международная Художественная Выставка съ 1-го мая по 15-е сентября. БЕРЛИНЪ 1891.

№ 5216

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

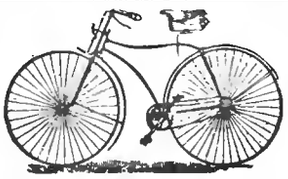
Графа Е. А. Саліаса.

Историческій романъ временъ восшествія на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч. СПБ. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28—19

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колеик. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.

ФРАНКФУРТЪ Н/М.

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

„ОРЕЛЪ".

Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиною „Кюженъ" (подушка) и „пневматическій". Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5189 18—3

КИТАЙСКАЯ ЧЕСУЧА

для мужскаго и дамскаго лѣтняго платья отъ 16 руб., съ почт. перес. за кусокъ въ 26 арш. и дороже. Торговцамъ уступка. Высылка почтой съ наложеннымъ платежомъ не менѣе куска. Подробный разцѣнокъ высылается безплатно.

СИБИРСКІЙ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ „БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ"

Москва. Малая Дмитровка. домъ № 18. Ц. № 5190 3—3

ИЗЛѢЧЕНІЕ ГРЫЖЕЙ

и средствомъ постояннаго употребленія электро-гальваническихъ бандажей по системѣ парижскихъ докторовъ братьевъ „МАРІ". При заказахъ пояснить, какъ давно существуетъ грыжа, съ одной стороны или съ обѣихъ, величина грыжи, размѣръ окружности тѣла въ полосѣ грыжи. Цѣна бандажей съ доставкою на одну сторону за штуку 8 р., на двѣ стороны 12 руб. *Адресъ: Я. ВУЛЬЦЕДОРФЪ, ортопедическое заведеніе, г. Варшава, ул. Королевская, 49/8.* № 5218

БРОКАРЪ и К°.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ Р. № 5087 (10)

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА

ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ

ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

ВОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики

съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. В. № 5138 6—5

ПАВЕЛЪ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества.

С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23.

Москва, по Б. Лубянкѣ, противъ Кузнецкаго моста.

Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

ЛАНОЛИНЪ.

Косметическое средство для смазыванія кожи у взрослыхъ и дѣтей.

Продается во всѣхъ аптекахъ. Р. № 5212

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Фаяръ и Блэнъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность заставила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Блэнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. Ц. № 4969 11—8

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"

Измайловскій проспектъ, № 27.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.

ГЛИЦЕРИНЪ ВЕЛУРЪ

Средство для предохраненія отъ загара, веснушекъ и красноты лица.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МОЛОКО и ИРИСОВОЕ МОЛОКО.

ВОДА де НИНОНЪ для кожи.

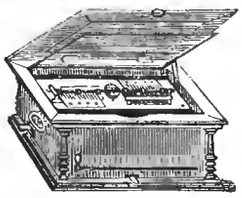
При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

Произведенія С.-Петерб. Химич. Лаб. въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптекарскихъ магазинахъ. Гг. № 5217 2—1

Библиотека "Руниверс"

СИМФОНІОНЫ



(Новыя усовершенствованныя музыкальныя шкатулки съ перемѣнными пьесами)
№ 3. Съ ручной съ 6-ю пьес. 8 р.
Добавочныя пьесы по 35 к.
№ 5. Заводныя съ 6-ю пьес. 18 р.
Добавочныя пьесы по 35 к.
№ 7. Заводныя 60 тонн. съ 10-ю пьес. 35 р. Добавочн. пьесы по 60 к.
№ 9. Заводныя 84 тонн. съ 10-ю пьес. 55 р. Добавочн. пьесы по 75 к.
№ 12. Заводныя 84 тонн. „Sublime harmonis" съ 10-ю пьес. 90 р.
Добавочныя пьесы по 1 руб.
Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ иностранцамъ — безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина. № 5214

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 5748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**
Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

Только 6 руб.

Настоящій фотографическій аппаратъ, съ треножникомъ, на игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды и пр., съ пробн. снимк. и руководств. Перес. за 15 фунтовъ. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4, Невскій проспектъ, 4, рядомъ съ Главнымъ Штабомъ.
Новый иллюстрир. каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 2 пятикопѣечн. марки.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ

Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Оптовая и розничн. продажа.
Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 5182 2—3

„ИДІАЛЪ" ЧЕРНИЛЬНИЦА

Практично! Ново! Дешево! Красиво! Соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества идеальной чернильницы — перья не тупятся, нельзя дѣлать кляксы, очень экономна, легко чистится.
Маленькая 1 р. 50 к. Больш. 2 р. Перес. 2 ф.
Пересылаю наложеннымъ платежемъ
БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20.

НОВОСТЬ МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!

ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.
Изящно! Практично! Безопасно! Дешево! Служитъ карманной спичечницей, давая вѣчный свѣтъ во цѣлымъ часамъ.
Сдѣлано изящно изъ никкеля. Только 1½ дюйма вышины — удобно носить въ карманѣ.
Огниво съ 500 зарядами 2 руб. Запасъ въ 1000 зарядовъ 50 коп. } Пер. 1 ф.

СБЕРЕГАТЕЛЬ САПОГЪ.

Сохраняетъ подошвы и каблуки отъ изнашиванія и искривленія. Легко придѣлать. Сберегаетъ въ 20 разъ болѣе стоимости 1 колл. 30 к.; 4 колл. 1 р. 20 к.; дюж. колл. 3 р. Игра Веселыя Свиньи 40 к., 3 за 1 р. ◆ Игра Брамминсія кольца 75 к., 3 за 2 р. ◆ Мышеловка 40 к., 3 за 1 р. ◆ Крысоловка 60 к., 3 за 1 р. 50 к. ◆ Золотыя чернила 40 к. ◆ Серебр. чернила 40 к. ◆ Дѣтск. телефонъ 40 к., 3 за 1 р. ◆ Америк. цементъ 40 к., 3 за 1 р. ◆ Америк. волчекъ 1 р. ◆ Волчокъ Вальсирующая парочка 1 руб. ◆ МАЗЬ ДЛЯ ТАРАКАНОВЪ и МУХЪ 50 коп., 7 флак. 3 р. ◆ Амер. шпреплетчикъ 1 р. ◆ Подчасникъ 50 к. ◆ Амер. Прессъ-Бювары 1 р. 25 к. ◆ Книгоноска 85 к., 2 за 1 р. 50 к. ◆ Булавки для насѣкомыхъ (6 сортовъ) 600 за 1 р. 50 к. ◆ Изслѣдователь молока 75 к. ◆ Минутная пушка для любой лампы 40 к., 3 за 1 р. ◆ Замѣчат. танцовщицы 40 к., 3 за 1 р. ◆ Составъ для спайки жести и пр. 30 к. ◆ Жидкость для серебренія 75 к. ◆ Жидкость для золоченія 75 к. ◆ БУМАГА ПРОТИВЪ МОЛИ 50 к., 5 пачекъ 2 руб. ◆ АФРИКАНСКАЯ ЛАСТОЧКА, игра на воздухѣ 40 к. и 1 р.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„МЕРИТТЪ", пишетъ ясно, красиво и скоро. Дешевле всѣхъ другихъ. Легко научиться. Прочное устройство. Пишетъ заглавныя, малыя буквы, цифры, знаки препинанія и дроби. Цѣна 40 р., перес. около 12 ф.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невский пр. № 20.

ЕДИНСТВЕННЫЕ ВПОЛНѢ НЕПРОМОКАЕМЫЕ КАУЧУКОВЫЕ БРЕЗЕНТЫ

плащи для возчиковъ, сторожей и пр.
НАДХОМУТНИКИ
№ 5091 для лошадей. 12—10
Ф. РЕДДАВЕЙ и К°.
Москва, Рыбный пер., Старо-Гостинный дворъ, № 38.

Поступило въ продажу
„НАСТАВЛЕНІЕ ДЛЯ АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ ПО МѢДИ"
безъ посторонней помощи. Съ чертежами. Цѣна 50 к., съ перес. Выпис. 10 экз. 11-й безплатно, а 50 и болѣе кромѣ того 20% уступки. Г. Китиневъ. Оруж. Маст. 24-го Драг. Лубенскаго полка Подполковнику

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

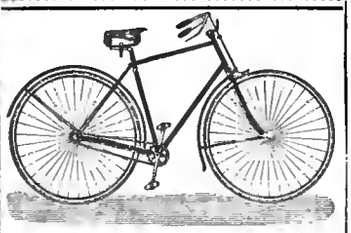
Вс. С. Соловьева.
Историч. повѣсть въ 2-хъ част., съ 20 рис. художника И. С. Панова. Издание III. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ калик. переп. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ДЛЯ ГУВЕРНАНТОКЪ

(Evangel. Gouvernant. Heim)
рекомендуетъ учительницъ и гувернантокъ всѣхъ націй. Комитетъ Евангелическаго Общества гувернантокъ находится на Торговой, д. № 15, кв. № 58. № 5185 3—3

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА ВЪ ВѢНѢ
ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.
Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 16—1.
Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.



Извѣстные велосипеды въ свѣтѣ англійскаго завода
ГУМБЕРЪ и К°,
Представители
Г. ЖЕМЛИЧКА и К°,
Москва, Неглинный проѣздъ, домъ Ечинной, магазинъ № 14.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

МЫЛО ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ ПРОВИЗОРА А. М. ОСТРОУМОВА

КУСОКЪ 30 К. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

Д-ръ Волницкій, возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, ножныя, грудныя болѣзни и рамъ. Невскій 102. Отъ 1—3 и 6—7½ ч. в.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки.
Они же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жнеекъ „Дези" и снопосвязалокъ Мак'Кормика въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигръ завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 4484 26—26
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеновъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ШОКОЛАТЪ С. СІУ и К°

ФАБРИКИ С. СІУ и К° НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ. ПРЕДОСТЕРЕГАЕМ ОТЪ ПОДДѢЛКИ НАШЕЙ МАРКИ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій 59 57, соб. домъ.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА".

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1 Въ С.-Петербургѣ. № 5136 (6)

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

НАСТОЯЩІЕ ДЖУТОВЫЕ НОСКИ И ЧУЛКИ

без шва
НЕЗАМѢНИМОЙ ПРОЧНОСТИ
только въ магазинѣ Ю. ГОТЛИБЪ, С.-Петербургъ, по Владимірской, д. 2, уг. Ноасскаго пр. Цѣна носкамъ 5 р., чулкамъ 7 р. за дюжину. Самые тонкіе носки 6 р., чулки — 9 р. дюж. За пересылку прилагается 1 руб. Торговцамъ уступка. При пересылкѣ необходима мѣра подошвы.
ПРЕДОСТЕРЕГАЮ гг. покупателей, что нѣкоторыя торговцы продаютъ другіе сорта за джутовые. Mt. № 5192 2—2

Въ книжныхъ магазинахъ продается книга:
№ 5214 **ОЧЕРКИ** 2—1
ГОРОДСКАГО БЛАГОУСТРОЙСТВА ЗАГРАНИЦЕЙ
Путевыя замѣтки А. Н. Никитина.
Книги того же автора: „Крымскія минеральныя грязи въ деревнѣ Свинъ и морскіе купанья въ г. Евпаторіи" — очерки и картинки *А. Н. Н-на*. „Силуэты Крыма" — изъ путевой книжки *А. Н. Никитина* (псевдонимъ).
Складъ изданій: Спб. Тип. Шредера, Горох. 49
Цѣна каждой книги 2 руб. съ пересылкой.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ

№ 5098 20—9

10, 15, 25 р. и дороже. Полный выборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-кур. безплатно.
К. И. ФРЕЛАНДТЪ.
Москва. Мясницкая, уголъ Кривоколѣннаго пер., д. Соколова.
С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30—16.

Рекомендуется прекрасное удобреніе для цвѣтовъ и комнатныхъ растеній, обезпечивающее отличное ихъ состояніе и исключающее необходимость перемѣны (освѣженія) земли. Пробный пакетъ на 12—24 экземпляровъ высылается франко по востребованію съ прилож. 28 коп. почт. марками.
Г. МОДЛЬ КІЕВЪ. № 5206

РѢДКІЯ ФОТОГРАФІИ.

Каталогъ безплатно. А. Дкиманъ Амстер-Д. № 5204 дамъ (въ Голландіи) 6—2

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (1

для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к. Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптекахъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.

При этомъ № прилагается для гг. многородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирской Конторы Генрихъ Блокъ въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 22 мая 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | г. XXII

№ 22 | 1891

ВЫХОД. ЕЖЕНЕД. №№ СЪ 8—10 РИС. ВЪ КАЖД. И ЕЖЕМѢС. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖСК. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКР (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № „Нивы" безъ Сборника 20 к., съ перес. 25 к., со Сборникомъ 85 г.

Выдавъ 1 іюня 1891 г.

Продолжается подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ **5 р.** Съ доставкою въ Петербургѣ **6 р. 50 к.** Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской. Петровская Торг. линія **6 р.** Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . **7 р.** За границу **10 р.**

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА ІЮНЬ, 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ІЮНЬ съ 32 рисунк. и отд. лист. съ 32 черт. выкр. въ натур. велич. и 50 рис. рукодѣльн. работъ.

Видъ на Сайменскомъ озерѣ. Съ фот. Апостоли, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Корень зла.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.

П. Н. Полевого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

VIII.

Въ передней государевой.

Бояре давно уже собрались въ передней государевой и ожидали царскаго выхода. Предстояло заняться посольскими дѣлами и снабдить надлежащими инструкціями дьяка Шестака-Лукьянова, который отправлялся въ Нѣмецкую землю, ко двору кесаря римскаго Рудольфа, а на дорогѣ долженъ былъ заѣхать и въ Данію. Всѣ разговоры въ передней вращались, преимущественно, около тѣхъ вопросовъ, которые предстояло рѣшить въ тотъ день на засѣданіи Думы.

— Что бы это значило, что онъ такъ долго нынче не выходитъ? шепталъ на ухо сосѣду старый и хворый князь Катыревъ-Ростовскій. — Вѣдь вотъ уже почитай часа два стоимъ здѣсь... Умаялся я до смерти.

— Кто же его знаетъ... Тутъ вонъ мало-ли что болтаютъ? шепотомъ же отвѣчалъ князю сосѣдъ, такой же ветхій старецъ.

— А что же... болтаютъ-то?.. Какъ слышно?

— Да говорятъ, что онъ еще съ утра, ранёшенько, съ какимъ-то нѣмцемъ заперся,—остроломъ какой-то...

— Какой же это остроломъ?

— Кудесникъ, что-ли? По звѣздамъ, значитъ, гадаетъ; судьбу ему разсказываетъ.

— О-охъ, грѣхи! Не царское это дѣло!

— Вѣстимо, нечего тутъ и гадать... Мимо Бога ничего не станется!

Дверь во внутренніе покои дворца отворилась, и одинъ изъ ближнихъ бояръ, выйдя изъ дверей, провозгласилъ:

— Великій государь царевичъ, князь Ѳеодоръ Борисовичъ изволитъ жаловать въ переднюю.

— Сына высылаетъ! шептали въ дальнемъ углу старые бояре. — Самъ, видно, все еще не можетъ съ кудесникомъ разстаться.

Царевичъ Ѳеодоръ Борисовичъ, юноша высокій и плотный и при томъ чрезвычайно красивый и стройный, вышелъ въ переднюю, привѣтливо отвѣтилъ на общій поклонъ бояръ и занялъ мѣсто на меньшемъ креслѣ, рядомъ съ кресломъ, приготовленнымъ для государя. Въ его поклонахъ, въ его движеніяхъ, въ его обращеніи съ боярами былъ замѣтенъ навыкъ къ высокому положенію, которое отецъ ему готовилъ въ будущемъ, постепенно пріучая его къ управленію государственными дѣлами подъ своимъ руководствомъ.

— Князья и бояре, сказалъ царевичъ громко (и голосъ его звучалъ чрезвычайно пріятно),—великій государь, родитель мой, не можетъ выйти къ вамъ сейчасъ и потому послалъ меня сюда для слушанья и для рѣшенья посольскихъ всякихъ дѣлъ... Дьякъ Василій Щелкаловъ прочти и поясни боярамъ присланныя намъ просительныя грамоты вольнаго города Любка.

По знаку царевича, бояре заняли свои мѣста на лавкахъ, по „старшинству и чести", а дьякъ Щелкаловъ прочелъ имъ просительныя грамоты Любчанъ и сталъ ихъ пояснять.

— Бурмистры и ратманы и полатники вольнаго города Любка бьютъ челомъ его царскому величеству о своихъ нуждахъ. Терпятъ они всякія обиды отъ свѣйскаго арцы-князя Карла. Въ Ругодивъ и Иванъ-городъ съ товарами ихъ торговать не пропускаетъ, и передъ ними хвалится, будто съ нимъ вмѣстѣ и царское величество воевать ихъ, Любчанъ, будетъ. И молятъ они слезно царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича всея Руссіи самодержца, чтобы онъ ихъ пожаловалъ—на ихъ городъ не стоялъ.

— Что думаете отвѣтить на ту грамоту, бояре? спросилъ царевичъ, когда дьякъ Щелкаловъ закончилъ свои объясненія.

— Да это прямая лжа есть! сказалъ прежде всѣхъ старый бояринъ Милославскій. — Что-жъ на эту лжу отвѣтить?

— У царскаго величества и ссылки никакой съ арцы-Карломъ не бывало, замѣтилъ князь Василій Шуйскій, поглаживая свою жиденькую бородку.

— Неправда, были ссылки,— о рубежахъ ссылались, перебилъ Шуйскаго Берсень-Беклемишевъ.

— Такъ то о рубежахъ, а не о лихѣ на Любчанъ! рѣзко отозвался Шуйскій.

— Какъ бы тамъ ни было, а надо имъ писать, что это имъ внушаетъ нѣкто врагъ Хрестьянскій, нѣкто отъ Литовскихъ людей! вступился горячо Вельяминовъ.

— Ну, зачѣмъ же тутъ еще Литовскихъ людей не къ дѣлу путать! замѣтилъ строго Ѳеодоръ Никитичъ.

Завязался между боярами горячій споръ, къ которому царевичъ Ѳеодоръ прислушивался очень внимательно, не рѣшаясь, однако-жъ, пристать ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Въ самый разгаръ спора, когда рѣчи стали и громки, и рѣзки, стряпчій государевъ отворилъ дверь въ переднюю и возвѣстилъ о приходѣ самого великаго государя.

Всѣ бояре и самъ царевичъ поспѣшно поднялись со своихъ мѣстъ. Споры смолкли разомъ и водворилось глубочайшее молчаніе, среди котораго Борисъ вошелъ медленно, опираясь на посохъ изъ рѣзной кости, медленно опустился въ свое кресло и легкимъ наклоненіемъ головы отвѣтилъ на земной поклонъ бояръ.

Передавая посохъ стряпчему, онъ обратился къ сыну вполголоса съ вопросомъ, котораго никто не могъ разслышать.

— Въ чемъ у васъ тутъ споры, князья и бояре? спросилъ Борисъ, обводя всѣхъ присутствующихъ вопрошающимъ взглядомъ.

И затѣмъ, спокойно, внимательно выслушалъ самыя противуположныя мнѣнія объ отвѣтѣ, который надлежало дать на просительную грамоту Любчанъ.

— Нѣтъ, сказалъ Борисъ, выслушавъ всѣхъ, — не таковъ отвѣтъ имъ нуженъ. А вотъ что имъ написать, сказалъ онъ, обратясь къ дьяку Щелкалову.— Ссылаться нашему царскому величеству съ Арцы-Карломъ не вмѣстно, потому онъ въ Свѣѣ удѣльный князь, а не король. А и короли-то Свѣйскіе ссылаются въ отчинѣ нашей великаго государя не съ нами, а съ Новгородскими намѣстники — какъ то всѣмъ сосѣднимъ государямъ вѣдомо. Такъ и пишши! добавилъ Борисъ, слѣдя за перомъ дьяка, быстро бѣгавшимъ по столбцу бумаги.

И только ужь тогда, когда дьякъ записалъ отвѣтъ, царь Борисъ, для виду, произнесъ, обращаясь къ боярамъ:

— Такъ-ли, князья и бояре?

— Такъ, истинно такъ! загудѣли съ разныхъ сторонъ голоса, между которыми громче и слышнѣе всѣхъ раздавались голоса „годуновцевъ".

Затѣмъ Борисъ поспѣшилъ окончить засѣданіе и удалился во внутренніе покои, видимо чѣмъ-то озабоченный.

Изъ передней, слѣдомъ за Борисомъ, направился въ комнату только одинъ бояринъ—дядя его, Семенъ Годуновъ, котораго современники въ насмѣшку прозывали „правымъ ухомъ государевымъ". Высокій, худощавый, сутуловатый, выставивъ впередъ длинную, сухую и жилистую шею, онъ выступалъ за царемъ, бросая

Библиотека "Руниверс"

всеводлобья по сторонамъ недобрые взгляды, полные недовѣрія и подозрительности. Онъ двигался во мягкимъ коврамъ, ступая неслышно, какъ тѣнь, и тщательно храня въ себѣ тотъ запасъ дурныхъ вѣстей, который онъ съ особеннымъ удовольствіемъ собирался поднести Борису, какъ доказательство своей преданности ему и его роду.

Когда Борисъ пришелъ къ себѣ въ комнату, и въ тревожномъ раздумьѣ опустился въ свои кресла, Семенъ Годуновъ словно изъ земли передъ нимъ выросъ. Борисъ невольно вздрогнулъ, бросивъ взглядъ на эту зловѣщую фигуру. Онъ по выраженію лица своего дядюшки понялъ, что тотъ принесъ ему недобрыя вѣсти, и, обратившись къ стряпчимъ, сказалъ:

— Ступайте, и до приказу не впускайте никого.

Оставшись съ-глазу-на-глазъ съ Борисомъ, Семенъ Годуновъ на цыпочкахъ обошелъ комнату, убѣдился въ томъ, что двери заперты плотно и потомъ уже подошелъ къ креслу царя.

— Ну, говори-же! торопливо и тревожно произнесъ Борисъ.

— Довѣдался я, государь, что слухи недобрые въ народѣ носятся... объ Угличѣ...

— Что! Что такое?.. Да ну-же!

— Объ розыскѣ, который тамъ чинили... Разсказываютъ, будто тамъ убитъ не тотъ... младенецъ...

— Что-о!? Не то-о-отъ? прошепталъ Борисъ, и вскочилъ съ креселъ.

Семенъ невольно отшатнулся отъ царя къ стѣнѣ.

— Не тотъ!? Повтори—не тотъ!! продолжалъ шептать Борисъ, страшно мѣняясь въ лицѣ и сверкая глазами.

— Не гнѣвайся, государь! глухо промолвилъ Семенъ, склоняя голову.—Не грози мнѣ грозою—не то я тебѣ и слова не молвлю...

Борисъ тотчасъ овладѣлъ собою, провелъ рукою по лицу и, стараясь казаться спокойнымъ, проговорилъ поспѣшно:

— Прости, Семенъ Никитичъ! я и самъ не знаю, съ чего я такъ на тебя вскинулся? Все, все говори на чистоту...

— Разсказываютъ, будто убили тамъ не царевича, а изъ жилецкихъ робятокъ сверстника... али попова сына... А самого царевича мать скрыла, ухоронила... Будто бы то-же и на розыскѣ многіе угличане сказывали, и за это самое ихъ и казнили... Это мои же люди на базарахъ здѣсь слышали...

— Ну, это басни! сказалъ Борисъ.—А больше-то что слышно?

— Да вотъ еще тутъ въ Чудовомъ есть чернецъ одинъ... Съ дуру, либо съ пьяну, онъ хвалился, будто бы ворожея одна ему еще съ издѣтства сулила, что онъ царемъ будетъ...

— Ну, мало-ли что съ пьяныхъ глазъ болтаютъ!..

— Да оно такъ-то такъ... Да онъ же говоритъ, будто бы лицомъ ужь очень схожъ...

— Съ кѣмъ? перебилъ Борисъ.

— Да все съ *тѣмъ-же*... съ Углицкимъ-то...

Борисъ принужденно улыбнулся.

— Ну, пусть и утѣшается, что хоть съ рожи схожъ съ царевичемъ... Вѣрно допился до хорошаго!.. А ты все-таки узнай: что это за инокъ, что такія пустошныя рѣчи ведетъ? Надо будетъ патріарху сказать, чтобы его куда-нибудь услать подальше на послушанье...

И Борисъ замолкъ. Молча стоялъ передъ нимъ и Семенъ Годуновъ, всматриваясь въ лицо его, слѣдя внимательно за каждымъ его взглядомъ.

— Нѣтъ! Это мнѣ не страшно, сказалъ наконецъ Борисъ, видимо успокоенный.—Мертвецовъ пусть бабы боятся... да ребята неразумные! Вотъ живые-то, живые-то—тѣ пострашнѣе будутъ! Вотъ эти мнѣ Шуйскіе, да Милославскіе, да Романовы — вотъ они мнѣ гдѣ сидятъ!

И царь указалъ себѣ на шею.

— За ними слѣди, и слѣди неусыпно! Каждый шагъ ихъ дознавай!

— Ужь это будь спокоенъ, государь! Шевельнуться имъ не дамъ... Все будешь знать о нихъ!..

И Семенъ, поклонившись Борису, удалился отъ него тѣми же неслышными шагами.

— Все это бредни! утѣшалъ себя Борисъ.—Гдѣ же тамъ было подмѣнять младенца? Вѣдь не грудной... Пустое!.. Но не странно-ли, что мнѣ сегодня этотъ кудесникъ-нѣмчинъ тоже по звѣздамъ сулилъ какія-то бѣды, напасти, смуты и войны... И такъ именно сказалъ: „будешь сражаться съ такимъ богатыремъ, котораго никто не одолѣетъ—и ты не одолѣешь". Я спрашивалъ его: такъ что же будетъ? Онъ посмотрѣлъ на звѣзды, какія-то черты провелъ на бумагѣ, и говоритъ: „объ этомъ звѣзды молчатъ!" Странно...

И Борисъ погрузился въ глубокую думу.

IX.

Матушка-царица.

Съ половины царя Бориса Семенъ Годуновъ счелъ нужнымъ заглянуть на половину царицы Марьи Григорьевны. Онъ былъ особенно обрадованъ порученіемъ государя слѣдить за боярами Романовыми. Романовыхъ онъ особенно ненавидѣлъ за тотъ почетъ и уваженіе, которымъ они пользовались, за высокое положеніе ихъ въ средѣ московскаго боярства, за громадныя богатства ихъ, которыя почти равнялись богатствамъ царя Бориса. Но Семенъ Годуновъ зналъ, что царь Борисъ никогда не рѣшится выступить противъ нихъ открыто, и что на царя необходимо было повліять черезъ царицу Марью Григорьевну, достойную дочь Малюты Скуратова, женщину злую, жестокую, неумолимую во враждѣ и готовую на все, лишь бы утвердить на престолѣ свой царскій родъ. Съ царицей (которая знала цѣну Семену Годунову и постоянно его ласкала) этотъ достойный царскій слуга надѣялся обдумать тѣ темные замыслы, которые лелѣялъ въ душѣ своей противъ Романовыхъ.

Пройдя перильными переходами и внутреннимъ крыльцомъ на половину царицы, Семенъ Годуновъ очутился въ настоящемъ бабьемъ царствѣ. И крыльцо, и сѣни передъ царицыной передней были биткомъ набиты женщинами. Кромѣ обширной царицыной служни, тутъ было много и постороннихъ: и верховые нищіе старцы, и богомольцы, и монахини съ разныхъ концовъ Московскаго государства, съ посильными дарами и приношеніями обителей, и всякія „безпокровныя вдовы и сироты" съ челобитными, пришедшія въ чаяніи царицыной милости и „государскаго надѣленія". Среди этого люда сновали взадъ и впередъ закройщики, наплечные мастера и мастерицы царицыной мастерской палаты, со своими работами, царицыны комнатныя боярыни съ узлами матерій и бѣлой казны, сѣдыя царицыны дѣти боярскія со шкатулками и ларцами за царской печатью, и царицыны стольники, малые ребята лѣтъ по 10 и 12.

Двое такихъ стольниковъ отворили настежь передъ Семеномъ Годуновымъ двери въ царицыну комнату, гдѣ также было не менѣе полусотни женщинъ; но это уже были все только царицыны родственницы, верховыя и пріѣзжія боярыни, постельницы и ларешницы. Въ сторонкѣ стояла приказная боярыня Хамовнаго двора, на которомъ изготовлялись холсты и шилось бѣлье для царскаго семейства. Около нея стояли ея мастерицы и цѣлый рядъ коробей, замкнутыхъ, запечатанныхъ и зорко охраняемыхъ дворцовыми истопниками. Въ коробьяхъ хранились работы мастерицъ Хамовнаго двора, привезенныя на показъ царицѣ.

Семенъ Годуновъ, какъ ближній человѣкъ царицы, прошелъ черезъ переднюю, едва кивая на поклоны боярынь справа и слѣва, и безъ доклада вошелъ въ комнату царицы.

Библиотека "Руниверс"

На дачѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Земцова, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Концертъ въ пустынѣ. Рис. Кулль, грав. Клосъ.

Библиотека "Руниверс"

Царица Марья Григорьевна, женщина лѣтъ сорока, средняго роста, дородная и полная, въ темномъ атласномъ опашнѣ съ жемчужнымъ низаньемъ на переднихъ полотнищахъ, на плечахъ и на рукавахъ и въ высокой жемчужной кикѣ, суетилась около стола, у котораго чинно, почти на вытяжку, стояли передъ ней двѣ пожилыя боярыни. На столѣ были разбросаны полосы цвѣтнаго аксамита и алтабаса, низанныя жемчугомъ: куски бархата, расшитаго золотомъ и серебромъ, разбросаны были около стола по полу. Царица гнѣвалась и кричала на одну изъ боярынь—на свѣтлишную, которая завѣдывала золотымъ шитьемъ и низаньемъ,—и въ гнѣвѣ ходила кругомъ стола, размахивая руками и дѣлая такія рѣзкія движенія головой и плечами, что изумрудныя серьги, съ длинными жемчужными привѣсками, такъ и мотались во всѣ стороны. Царица, стоявшая лицомъ къ дверямъ, не замѣтила Семена Годунова, который, какъ и всегда, вошелъ какъ тѣнь, и продолжала кричать на боярыню:

— Вѣдь я же тебѣ говорила, чтобы мнѣ все это реоидью вынизать, да лѣсами, да въ три пряди; а ты мнѣ что̀ тутъ навизала? А!

— Приказывала я, государыня, видитъ Богъ, дѣловщамъ приказывала; а онѣ говорятъ мнѣ, что не та прорись дана...

— Да что̀ мнѣ до ихъ прорисей за дѣло? Приказъ мой чтобы былъ исполненъ! Ты понимаешь: я велю реоидью, *ре-ои-дью* низать, а ты мнѣ все въ ряску, да слими...

— Виновата, матушка-государыня, виновата, да вѣдь вотъ все мастерицы-то меня съ толку сбили, оправдывалась свѣтлишная боярыня.

— А коли тебя съ толку сбили, такъ я теби на толкъ наведу: все спороть, все заново, какъ приказано! А мастерицъ, которыя напутали, всѣхъ перебери!

„Праведно разсудила", подумалъ Семенъ Годуновъ и легонько откашлянулся въ руку, чтобы дать знать о своемъ присутствіи.

Царица быстро обернула къ нему свое искаженное злобой лицо, съ сердито сдвинутыми бровями и молніями во взорахъ—и разомъ стихла.

— Добро пожаловать, Семенъ Никитичъ! сказала она, допуская боярина къ рукѣ.—Присядь и обожди немного, пока и отпущу боярыню-судью. Вмѣстѣ съ нею всѣ дѣла порѣшимъ...

И она подозвала къ себѣ боярыню-судью, занимавшуюся исключительно разборомъ разныхъ ссоръ и дрязгъ между женскою и мужскою служнею и мастеровыми на царицыной половинѣ.

— Кто съ чѣмъ, матушка-царица, сказала боярыня-судья съ низкимъ поклономъ,—а я все къ тебѣ съ жалобой.

— Ну, на кого еще?

— Да вотъ, матушка, Ванька Безхвостовъ, наплечный мастеръ, да Еремка Утенокъ, что знаменщикъ въ Свѣтличной Палатѣ, такъ вчера разодрались, разругались, такой содомъ подняли, что всѣхъ мастерицъ присрамили. Еремка зачинщикъ былъ, сталъ надъ Ванькой издѣваться, на смѣхъ его поднялъ: „ты", говоритъ, „сегодня, наплечный мастеръ, а завтра тебѣ прикажутъ, такъ и заплечнымъ мастеромъ будешь!" А тотъ и давай въ него швырять чѣмъ попало! Чуть до смерти не убилъ! Ну, и разодрались...

— Обоихъ батожьемъ поучи, рѣзко отчеканила царица; — а чтобы впредь не повадно имъ было, пусть днемъ работаютъ, а на ночь въ холодный чуланъ запирать.

— Слушаю, матушка! отвѣтила боярыня-судья, отвѣсила низкій поклонъ и вышла изъ комнаты вмѣстѣ съ свѣтличною.

— Вотъ такъ-то, цѣлый день, какъ на сковородѣ тебя жарятъ! проговорила царица, обращаясь къ Семену Годунову.—Поди-ка тоже, думаешь, легко мнѣ управляться съ моимъ бабьимъ царствомъ?

— Гдѣ ужь легко, государыня! Чай, царь Борисъ съ тобою не помѣнился бы...

— Много и у него заботы, сказала царица, покачавъ головою,—да вотъ дрязгъ-то этихъ нѣтъ! Дѣла—дѣлами! А тутъ дѣло и не дѣло, а ухо держи востро! Вездѣ подвохи, подходы разные... Вотъ хоть бы на-дняхъ, ты знаешь, съ чѣмъ подъѣхала боярыня Романова къ царевнѣ...

— Гдѣ-жь знать мнѣ, государыня! Не знаю, о которой Романовой и говорить изволишь?

— Полно прикидываться-то, Семенъ Никитичъ! съ сердцемъ сказала царица.—Какъ тебѣ не знать,—ты все на свѣтѣ знаешь! Знаешь, что въ кельѣ шепотомъ монашки говорятъ... А туда же со мной хитришь!

— Ей-же ей, не знаю, государыня! Вѣдь изъ Романовыхъ женаты трое...

— Да кто изъ нихъ *главный*-то? злобно и почти шепотомъ продолжала царица, нагибаясь надъ столомъ и впиваясь очами въ очи Годунову.—Кто первый-то нашъ врагъ — въ комъ все зло-то Романовское сидитъ! Не знаешь? а?

— Чаю, что изволишь говорить о Ѳеодорѣ Романовѣ? Онъ точно что опаснѣй всѣхъ... Его бы...

— Такъ вотъ, его-то женушка, боярыня Аксинья, пріѣхала просить царевну, чтобъ я дозволила царевниной сѣнной боярышнѣ, Иришкѣ, замужъ выйти за братца за ея, за стольника Шестова! Какова?!

И злые темные глаза царицы Марьи такъ и забѣгали, такъ и заблистали молніями...

— Вѣдь, пойми ты, этакая дерзость: дѣвчонка нами во дворецъ взята съ издѣтства, сиротой, и всѣмъ надѣлена, сыта, обута, одѣта нашей милостью... Съ царевной выросла—какъ собака вѣрная должна бы вѣкъ свой служить ей!.. Ан, нѣтъ! „Отдай ее за братца замужъ!.." А самъ знаешь: отдай, такъ и спокаешься! Дѣвчонка-то весь соръ изъ дворца на Романовское подворье понесетъ!

Произнося все это, царица такъ волновалась, что не могла усидѣть на мѣстѣ и стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Такъ какъ же ты отвѣтила боярынѣ Романовой, великая государыня? полюбопытствовалъ Семенъ Годуновъ.

— Какъ я отвѣтила?!—А вотъ какъ: приказала ей сказать, что, молъ, Иришка молода еще и замужъ не желаетъ; а сама велѣла мигомъ собрать дѣвчонку, да со всею рухлядишкой изъ дворца ее сослала въ село Кадашево, къ Кадашевской боярынѣ подъ строгій начальъ... Пусть тамъ ткать да прясть поучится, коли здѣсь не сладко было! Будетъ знать, какъ замужъ проситься за Романовскую родню!

— И дѣло, государыня! Съ Романовыми вѣдь ужь какъ ни верти — добромъ не кончишь. Имъ туда же дорога лежитъ, куда и Бѣльскому Богдану... Да хорошо бы и подальше куда-нибудь...

— Ахъ, хорошо бы, Семенъ Никитичъ! Раскинь-ко разумомъ—придумай! Озолочу теби—половину ихъ богатствъ тебѣ отдамъ!..

Семенъ Годуновъ вдругъ насупился и прикинулся обиженнымъ.

— Да развѣ-жь я изъ-за корысти хлопочу, государыня? Я твой и государевъ холопъ, безъ лести тебѣ преданъ, и денно, и нощно думаю только о томъ, какъ бы древо ваше царское...

— Знаю, знаю все это, Семенъ Никитичъ! нетерпѣливо перебила царица.—Пусть такъ... Да ты ужь лучше денно и нощно думай о томъ, какъ бы ихъ-то... ихъ-то... стереть съ лица земли!

И царица, сверкнувъ очами, сдѣлала рѣзкое движеніе рукой въ сторону.

Библиотека "Руниверс"

— Думаю, матушка, думаю, да вѣдь, если ты государя не наставишь, да не станешь ежедень ему все то же въ уши дуть, такъ и никакая затѣя моя не выгоритъ, пожалуй?

— Въ умѣ-ли ты, Семенъ Никитичъ? Да я скорѣе забуду помолиться и лобъ перекрестить на сонъ грядущій, нежели забуду государю твердить и поминать, кто первый-то намъ врагъ! Не Милославскій, молъ, не Шуйскіе, а вотъ—они, Романовы... Ихъ прежде всѣхъ и съ корнемъ вонъ! Такъ говори же скорѣе, что ты тамъ придумалъ?

Годуновъ оглянулся во всѣ стороны и сказалъ шепотомъ:

— Государыня! А впередъ-то все же поклянись ты мнѣ, что меня не выдашь!

— Изволь, бояринъ, клянусь тебѣ, что никому, даже и мужу, не скажу того, что отъ тебя услышу.

— Ну, тогда изволь прислушать, государыня! лукаво и вкрадчиво произнесъ бояринъ, наклоняясь надъ столомъ...

И затѣмъ, безпрестанно оглядываясь и прислушиваясь къ каждому шороху, онъ изложилъ царицѣ Марьѣ свой черный замыселъ противъ Романовыхъ.

X.

Тайный гость.

Когда Алексѣй Шестовъ узналъ о неудачѣ своего сватовства, онъ сталъ очень горевать и сокрушаться. Онъ былъ почти увѣренъ въ успѣшномъ исходѣ задуманнаго дѣла; онъ зналъ, что сестра его, боярыня Ксенія Ивановна Романова, пользуется милостивымъ расположеніемъ царевны Ксеніи, и что царевна не откажетъ въ своемъ ходатайствѣ передъ матерью-царицей. Заботы царевенъ о подысканіи жениховъ для ихъ сѣнныхъ боярышень и о щедромъ надѣленіи ихъ въ случаѣ замужества—были дѣломъ весьма обыкновеннымъ въ придворной средѣ, и Алёшенька Шестовъ зналъ очень хорошо, что его родство съ боярами Романовыми давало ему значительное преимущество предъ всѣми иными женихами. Ему даже и въ голову не могли придти тѣ тонкія нити придворныхъ отношеній, которыя привели къ отказу, и потому, на первыхъ порахъ, онъ даже подумалъ, что Принцесса почему-то не пожелала выйти за него замужъ... Вотъ онъ и загрустилъ и задумался, и голову повѣсилъ...

Хорошо еще, что какъ разъ около этого времени Алёшенька назначенъ былъ въ приставы къ польскому послу Льву Сапѣгѣ, и эта трудная, хлопотливая обязанность, отнимая у него все время, въ значительной степени способствовала тому, что его личная невзгода была ему менѣе тягостна и менѣе ощутительна.

Дѣйствительно, по современнымъ московскимъ понятіямъ и обычаямъ, всякіе иноземные послы (а тѣмъ болѣе польскій) содержались на Посольскомъ дворѣ подъ такимъ строгимъ надзоромъ, что, на все время пребыванія въ Москвѣ, должны были отказаться отъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и жить въ стѣнахъ своего двора, какъ въ стѣнахъ обители съ чрезвычайно строгимъ уставомъ.

Находясь при Посольскомъ дворѣ безотлучно, Алёшенька Шестовъ не зналъ ни днемъ, ни ночью никакого покоя, и даже не смѣлъ отлучаться на Романовское подворье за вѣстями о своей суженой. Вѣсти съ подворья получались только черезъ Михайла Никитича, который частенько заглядывалъ на Посольскій дворъ и навѣщалъ Алёшеньку не иначе, какъ съ двумя своими закадычными пріятелями—Петромъ Тургеневымъ да Ѳеодоромъ Калашникомъ.

Но въ послѣднюю недѣлю пріятели вдругъ словно сквозь землю провалились—глазъ не казали Алёшенькѣ, и тотъ просто не могъ найти себѣ мѣста въ своемъ заточеніи на Посольскомъ дворѣ.

— Эй, Сенька! кричалъ Алёшенька по нѣскольку разъ въ день, высовывая голову изъ своей избы въ сѣни. Сенька, молодой малый, слуга Алёшеньки, тотчасъ появлялся на порогѣ сѣней.

— Сбѣгай къ воротамъ, посмотри, не ѣдутъ ли наши съ подворья?

И Сенька возвращался все съ тѣмъ же отвѣтомъ:

— Не ѣдутъ-ста, не видать-ста ихъ, батюшка Алексѣй Иванычъ!

И Алёшенька нетерпѣливо топалъ ногою и начиналъ съ сердцемъ толкаться изъ угла въ уголъ по своей избѣ, пока кто-нибудь не прерывалъ его грустныхъ размышленій приходомъ и запросомъ, касавшимся его служебныхъ обязанностей.

Послѣ одной изъ такихъ посылокъ Сеньки къ воротамъ, въ избу къ Алёшенькѣ вошелъ старый стрѣлецкій урядникъ, и остановившись около порога, старательно притворъ за собою дверь.

— Алексѣй Ивановичъ, батюшка! сказалъ старикъ, закладывая руку за пазуху,—у насъ на дворѣ неладное творится: какъ бы намъ съ тобою въ отвѣтѣ передъ государемъ не быть?..

— Ну, что же бы такое, Силантьичъ?

— А то, что у поляковъ въ городѣ пріятели завелись и съ ними вѣсточками обсылаться стали...

— Какъ такъ? Да у насъ, кажется, такъ строго, что къ нимъ и муха не пролетитъ? День и ночь дозоромъ ходятъ...

— За всѣмъ не усмотришь, Алексѣй Ивановичъ! Я вѣдь вотъ ужь который годъ здѣсь на дворѣ урядничаю, и всѣ, кажись, иноземныя хитрости знаю, а и то вотъ, поди-ка ты... Чуть-чуть не околпачили!..

И старикъ вынулъ изъ-за пазухи какой-то стеклянный пузырекъ, тщательно заткнутый пробочкой и запечатанный сургучемъ.

— Иду-этта я сегодня утромъ по двору, позадь главнаго посольскаго дома, гдѣ отъ него переходъ съ крылечкомъ къ шляхетской избѣ сдѣланъ, и вижу—вышелъ на крылечко пáбольшій Сапѣгинъ холопъ, да руками-то знаки какіе-то дѣлаетъ, словно бы черезъ заборъ съ кѣмъ разговоръ ведетъ...

— Ну! А ты что же?

— А я и притаился за угломъ, и вижу онъ что-то изъ-за пазухи вынулъ, въ снѣжокъ скомкалъ, да тотъ снѣжокъ-то черезъ заборъ и махнулъ! Я притаился, и—ни гу-гу! А холопъ-то все на крылечкѣ стоитъ—словно бы чего выжидаетъ... И вдругъ вижу изъ-за ограды, съ переулочка, летитъ снѣжокъ прямо къ крылечку, да подъ крылечко-то и угодилъ! Холопъ только сталъ сходить съ лѣстницы, а я тотъ снѣжокъ въ шапку, да и былъ таковъ! Какъ пришелъ къ себѣ въ сторожку, вижу, въ снѣжкѣ-то пузырекъ, а въ пузырькѣ-то томъ писулька вложена... Изволь самъ посмотрѣть!

— Ай-да Силантьичъ! молодецъ! сказалъ Алёшенька.—Подкараулилъ и накрылъ. Вотъ какъ пріѣдетъ дьякъ съ Посольскаго приказа, такъ я ему писульку покажу: пусть разберетъ, и о службѣ твоей скажу... Только до поры до времени ты никому ни слова! И виду не подавай! А въ этомъ мѣстѣ, около крылечка, надо тайный дозоръ поставить, да и присматривать за ляхами въ оба...

— Слушаю, батюшка, Алексѣй Ивановичъ! будь спокоенъ на этотъ счетъ! отвѣчалъ старый урядникъ и взялся за скобу двери.

Но въ это самое время дверь распахнулась настежь и Сенька, какъ угорѣлый, вбѣжалъ въ избу.

— Ѣдутъ! Ѣдутъ! кричалъ онъ впопыхахъ.—Наши съ подворья къ тебѣ въ гости ѣдутъ!

Нѣсколько времени спустя, Михайло Никитичъ Романовъ со своими двумя неразлучными спутниками—Петромъ Тургеневымъ и Ѳеодоромъ Калашникомъ переступили порогъ избы и по-пріятельски цѣловались съ Алёшенькой.

Библиотека "Руниверс"

— Небось соскучился по насъ? спросилъ Шестова молодой богатырь.—Давненько вѣдь мы у тебя не бывали?.

— Какъ не соскучиться! Сижу тутъ какъ въ заточеньи, свѣта Божія не вижу, вѣстей никакихъ не слышу. Хоть волкомъ вой!

— Ну зато на этотъ разъ мы въ твою обитель съ вѣстями добрыми пожаловали, весело сказалъ Тургеневъ.—Спроси-ка Михайла-то Никитича?

— Говори, говори скорѣе! Какія вѣсти? торопилъ Шестовъ Романова, крѣпко хватая его за руку.

— Погоди погоди—рукавъ у чуги оборвешь! Все я самъ разскажу! смѣясь отговаривался Михайло Никитичъ.

— Смилуйся, говори! горячо упрашивалъ Шестовъ.

— Пріѣхала къ намъ на прошлой недѣлѣ сестра Иринья Никитична что за Иваномъ Годуновымъ, да и говоритъ сестрѣ твоей „а слышала-ли, боярыня, что съ боярышней Иринъей сталось?"

— Что сталось? вскрикнулъ Алёшенька, быстро вскакивая со своего мѣста.

— Да уймись же ты, непосѣда! крикнулъ Ѳеодоръ Калашникъ,—вѣдь сказано, что съ добрыми вѣстями пріѣхали!

Алёшенька опустился на лавку и впился глазами въ широкое добродушное лицо Романова, который преспокойно продолжалъ

— Сестра твоя и говоритъ моей сестрѣ, что ничего не слышала, а та ей и разсказала: „твоя-то суженая Иринья Луньева изъ сѣнныхъ боярышень разжалована въ помощницы къ боярынѣ Хамовнаго двора и сослана въ село Кадашево...

— Такъ вотъ онѣ твои добрыя вѣсти? гнѣвно крикнулъ Шестовъ.—Иль вы смѣяться надо мной пріѣхали?

Друзья разразились, дѣйствительно, самымъ искреннимъ смѣхомъ.

— Да ты, по крайности, дослушай! сказалъ Тургеневъ.—Авось и самъ вѣсти хвалить будешь?

И когда Тургеневъ съ Ѳеодоромъ Калашникомъ кое-какъ поуломали и поуспокоили Алёшеньку, Романовъ такъ же спокойно, какъ и прежде, продолжалъ.

— Сестра твоя расплакалась, сейчасъ послала разузнать, какъ тамъ твоей боярышнѣ въ Кадашахъ-то живется—и скорёшенько отъ той къ намъ на подворье вѣсть пришла, что сослана она изъ дворца за то, что замужъ за тебя сбиралась выйти и на запросъ царицы такъ и отвѣчала, что ты ей женихъ по сердцу...

Алёшенька просіялъ при этихъ словахъ Романова и отвернулся въ сторону, чтобы скрыть свое волненіе

— И мать-царица ее за это тотчасъ и съ глазъ долой—хоть бы въ этомъ Романовымъ на зло, на перекоръ, въ обиду сдѣлать!..

— Змѣя подколодная! Малютина дочь Скуратовна! съ озлобленемъ прошепталъ Алёшенька.

— Да намъ страшна-ли ея злость? добродушно улыбаясь произнесъ Романовъ.—Отъ нея намъ и обида не въ обиду! Богъ съ ней! Да погоди—ты дальше слушай! Какъ узнала Ксенія Ивановна, что за тебя Иринья не прочь замужъ выйти, она и говоритъ „не бывать въ этомъ дѣлѣ по-Годуновскому! Будетъ по-нашему, потому это не царское дѣло чужому счастью завидовать, да свадьбы разстраивать!" И мы втроемъ—я съ Ѳеодоромъ Калашникомъ да съ Петромъ Тургеневымъ — рѣшили тебѣ въ этомъ дѣлѣ помочь!

— Не даромъ-же насъ „неразстанными животами" величаютъ! Всѣ трое за одинъ! сказалъ Ѳеодоръ Калашникъ.

— Да какъ-же вы можете помочь мнѣ? удивленно спросилъ Алёшенька.

— А такъ-же! сказалъ Михайло Никитичъ. — Твою боярышню изъ неволи выручимъ, изъ-подъ руки Кадашевской боярыни вызволимъ, ни дать ни взять какъ въ сказкахъ красную дѣвицу отъ бабы-яги... Да на лихую тройку—и подъ вѣнецъ съ тобой поставимъ. Въ нашихъ вотчинахъ Ростовскихъ тебя и обвѣнчаютъ!

— Охъ, Господи! горячо произнесъ Алёшенька съ умиленіемъ поглядывая на друзей своихъ.

— Ну, понялъ, чай, теперь, что мы тебѣ добрыя вѣсти привезли? сказалъ Ѳеодоръ Калашникъ. — А ты ужь тутъ, кажись, и колдовать началъ? Это что тутъ у тебя за снадобье?

И онъ указалъ на пузырекъ съ запиской, стоявшій на столѣ передъ Алёшенькой.

— Ахъ, я было и забылъ о пузырькѣ-то объ этомъ! спохватился Алёшенька, и разсказалъ пріятелямъ о своей бесѣдѣ съ урядникомъ.

— Какъ хочешь, другъ, сказалъ Петръ Тургеневъ,—а на мой взглядъ, это ты затѣялъ не гораздо — дьяка дожидать!.. Надо тебѣ самому эту грамотку прочесть!

— И я такъ думаю, подтвердилъ Романовъ.

Шестовъ согласился съ ихъ мнѣніемъ, и пузырекъ рѣшено было взломать. Оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ отъ всякихъ злокозненыхъ чаръ, Шестовъ отбилъ у пузырька горлышко и вынулъ изъ него узкую полоску бумаги, на которой по-польски было написано

„Жди меня сегодня вечеромъ, панъ Сапѣга! Узнаешь новое, чего тебѣ и во снѣ не грезилось".

Друзья переглянулись.

— Что-же это такое? Развѣ змѣемъ огненнымъ въ трубу къ нему прилетитъ? Чай тоже смотримъ мы здѣсь? Или между стражей есть предатели? заговорилъ Алёшенька.—Такъ я-же всю ночь глазъ не сомкну—и выслѣжу, кто жаловать къ послу изволитъ по ночамъ!

— Давай, и мы тебѣ поможемъ! сказали разомъ пріятели Шестова.—На насъ ужь можешь положиться—не выдадимъ, да и не выпустимъ!

— Спасибо вамъ, что посовѣтовали мнѣ грамотку прочесть! Пока я ожидалъ-бы дьяка-то изъ Приказа, птица-то улетѣла-бы! суетился Алёшенька, расхаживая по комнатѣ.—Теперь-же мы ей всякихъ ловушекъ наставимъ—авось и попадется?

И Алёшенька позвалъ стараго урядника, приказалъ ему вездѣ усилить караулы, а изъ-подъ крылечка тайный дозоръ убрать.

— Я самъ тамъ буду сторожить вотъ съ ними! сказалъ Алёшенька, указывая на своихъ пріятелей —Если кто изъ твоихъ стрѣльцовъ подмѣтитъ, что лѣзетъ черезъ заборъ иль крадется около ограды человѣкъ—сейчасъ окликни, и если не отвѣтитъ—хватай и въ избу сюда веди, не подымай тревоги, чтобъ не вступилась въ дѣло челядь посольская..

— Какъ приказываешь, такъ и исполнимъ! сказалъ урядникъ и ушелъ, чтобы распорядиться стрѣлецкимъ карауломъ. А между тѣмъ Алёшенька сталъ совѣщаться съ пріятелями, какъ и гдѣ устроить имъ засаду.

— Я схоронюсь въ клѣтушкѣ, около задняго крылечка, а ты, Петръ Михайловичъ, съ Ѳеодоромъ, какъ стемнѣетъ, засядьте за бревнами, что насупротивъ крыльца къ оградѣ привалены.. отъ переулка, а ты, Михайло Никитичъ, ходи по ту сторону двора да посматривай, чтобъ караульные-то не дремали... Да есть-ли у васъ у всѣхъ запасъ на случай?

— У насъ обоихъ засапожники! сказалъ Ѳеодоръ, кивая на Тургенева, и вынимая на-показъ изъ голенища рукоять ножа.

— А мнѣ вели дать только дубинку поувѣсистѣй, сказалъ Михайло Никитичъ.

— Ему и тот не надо! сказалъ Ѳеодоръ Калашникъ, смѣясь.—У него каждая ручища по два пудища вѣситъ!

— Да вѣдь и то сказать: незнакомый гость, чай, одинъ къ намъ пожалуетъ? А одного—какой онъ тамъ ни будь—мы втроемъ въ узелъ завяжемъ! сказалъ Шестовъ.—Только чуръ уговоръ такой — если пожалуетъ, пускай сюда войдетъ, пусть и у Сапѣги побываетъ, а какъ назадъ направится—тутъ и бери его!

(Продолженіе будетъ)

Библиотека "Руниверс"

Цыганка. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Глоба, автотипія Ангерера.

Библиотека "Руниверс"

Воръ.

Разсказъ **Франца Вихмана.**

Стоитъ разъ уклониться съ честнаго пути..

Дальше пойдетъ быстрѣе и легче, чѣмъ думаютъ...

Думалъ-ли Максъ Одрихъ, что когда-нибудь будетъ воромъ? Но искушеніе подходитъ къ людямъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Къ нему искушеніе подошло въ видѣ его собаки, его собственной собаки, но въ тотъ мигъ, когда та перестала быть его собственностью.

Теперь онъ видитъ, что не напрасно остерегалъ его отецъ. Искусство, если вѣрно служить ему, не обезпечиваетъ художника. Но тогда онъ не хотѣлъ, не могъ слушать этого. Развѣ его не учили, что правда всегда восторжествуетъ? А правдой было то, что онъ вѣрилъ въ самого себя, шелъ по предначертанному себѣ пути и не создавалъ ради денегъ ничего такого, что выходило за предѣлы его таланта.

Молодой человѣкъ строго слѣдовалъ своему призванію. Зная границы своего таланта, онъ понималъ, что его произведенія станетъ ложью въ искусствѣ, разъ переступивъ эти границы. У него была твердая воля, которой не могли ослабить никакія препятствія. Онъ былъ горячо преданъ искусству, и его произведенія были уже замѣчены. Предъ нимъ открывалось славное поприще и лишь немногія препятствія еще мѣшали ему вступить на него. Но чѣмъ болѣе онъ употреблялъ усилій, тѣмъ это становилось труднѣе. Его скромная мастерская, наполняясь картинами, замѣтно пустѣла въ другихъ отношеніяхъ.

И наконецъ въ ателье, сдѣлавшемся его единственною комнатой, остались только однѣ картины, да въ углу, за занавѣсомъ, стояла его постель. Два года тому назадъ онъ такъ уютно устроилъ эту комнатку, теперь исчезли изъ нея даже послѣдніе остатки обстановки. Изящныя вещицы уходили, какъ и пришли, постепенно, одна за другою. Нужда стояла на стражѣ. Наконецъ, кромѣ произведеній искусства, въ комнатѣ остались только стулъ, кровать, да поломанный столъ.

Все было продано, за исключеніемъ картинъ.

Впрочемъ, оставалось еще нѣчто. Это нѣчто было живымъ существомъ, другомъ и товарищемъ его. Онъ не могъ продать его, такъ какъ въ цивилизованныхъ странахъ уже нѣтъ тѣхъ рынковъ, гдѣ за деньги можно было бы купить или продать живую душу.

А что его Цезарь имѣлъ душу—художникъ былъ убѣжденъ.

Когда большой рыжеватый догъ клалъ ему на грудь тяжелыя, сильныя лапы и по-своему смотрѣлъ на него блестящими карими глазами, Максъ былъ убѣжденъ, что Цезарь читаетъ въ его душѣ. Художникъ разговаривалъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, и Цезарь повидимому внимательно выслушивалъ его и давалъ ему отвѣтъ на своемъ непонятномъ людямъ языкѣ.

Они жили вмѣстѣ четыре года. Очень дешево купивъ его еще щенкомъ, художникъ вырастилъ его съ отеческою любовью. Благодаря заботливому уходу своего господина, Цезарь оправился, поздоровѣлъ, выросъ и обратился въ великолѣпную собаку. Его могучіе, блестящіе зубы внушали страхъ, а черная морда съ морщинами на лбу придавала ему злой видъ. Посторонніе боялись его, одинъ художникъ зналъ преданность, великодушіе и незлобивость своей собаки.

За неимѣніемъ средствъ, Цезарь давно уже служилъ ему единственною моделью. Художникъ рисовалъ животное во всѣхъ положеніяхъ и видахъ, при различныхъ освѣщеніяхъ, но просто и вѣрно, безъ всякихъ сентиментальныхъ добавленій.

Все у нихъ было общее. И даже теперь, дѣля со своимъ господиномъ скудное пропитаніе, Цезарь всегда получалъ лакомые куски. Художникъ и его собака были неразлучны. Максъ Одрихъ никогда не посѣщалъ такихъ мѣстъ, куда собака не могла слѣдовать за нимъ. Для четвероногаго товарища онъ забывалъ людей. Конечно, собака не приносила ему пользы... За что же онъ такъ любилъ ее?.. Еще мальчикомъ, онъ любилъ дочь сосѣда, блѣдную и больную дѣвочку. Она умерла въ чахоткѣ. Съ тѣхъ поръ онъ уже никого такъ не любилъ. Но его молодое, горячее сердце стремилось привязаться къ другому живому существу. Хоть бы то была даже собака, что за дѣло! Развѣ собака не заплатитъ за его любовь полною преданностью? Ни на кого Максъ не могъ такъ положиться, какъ на Цезаря. Онъ не допускалъ даже мысли, что настанетъ день, когда ему придется разстаться съ Цезарем...

А день этотъ насталъ... Медленно и тяжело созрѣвало въ немъ рѣшеніе...

Уже три дня онъ ѣлъ одинъ черствый хлѣбъ, дѣля его со своей собакой. Его большая картина „Преданность собаки", по его расчету, будетъ кончена не раньше, какъ черезъ недѣлю. Она изображала Цезаря, спасавшаго изъ воды ребенка во время наводненія. Максъ возлагалъ всѣ надежды на эту картину. Онъ никогда еще не работалъ съ такимъ одушевленіемъ; ему казалось, что эта картина будетъ лучшею изъ всѣхъ написанныхъ имъ раньше. Онъ хотѣлъ выставить ее на ежегодной художественной выставкѣ. До выставки еще оставалось десять дней, въ которые надо было непремѣнно кончить картину, но дѣло туго подвигалось впередъ. Силы художника слабѣли отъ утомленія, онъ едва могъ держать въ рукахъ кисть. И ни откуда нѣтъ помощи, хоть бы на этотъ короткій срокъ!

Когда онъ съ отчаяньемъ оглядывалъ мастерскую, взоры его всякій разъ падали на собаку.

Это была послѣдняя цѣнность, находившаяся въ его распоряженіи. Неудивительно, что онъ подумалъ объ ея продажѣ.

Ему предстоялъ неизбѣжный выборъ между картиной и собакой. Голосъ высшаго идеала заставлялъ его пожертвовать собакой.

— Отреченіе освящаетъ, утѣшалъ онъ себя.

И онъ отрекся. Разумъ побѣдилъ, и сердце подчинилось.

Въ воскресенье, предъ обѣдомъ, онъ отправился на собачій рынокъ, взявъ съ собою собаку. Цезарь будто понималъ, куда они идутъ. По временамъ онъ останавливался, жалобно смотрѣлъ на своего господина и тихо повизгивалъ. Можетъ-быть тому причиной былъ сильный морозъ, да падавшій хлопьями мерзлый снѣгъ.

Цезарь не былъ голоденъ. Утромъ Максъ Одрихъ купилъ ему хлѣба на послѣдній пфеннигъ, предпочитая самому остаться голоднымъ. Изнуренный и слабый, онъ едва поспѣвалъ нетвердыми шагами за собакою, которая нетерпѣливо порывалась впередъ. Художнику подумалось, что собака спѣшитъ спасти его, то и дѣло спрашивая своимъ видомъ, скоро-ли они придутъ.

Наконецъ они пришли и вступили въ низенькую, длинную комнату, съ голыми стѣнами, съ растворенными настежь на обоихъ концахъ дверьми и сквознымъ вѣтромъ. Лай и визгъ неслись оттуда на улицу. Дрожа отъ холода и прижимаясь къ своимъ хозяевамъ, собаки ожидали неизвѣстной участи.

Максъ Одрихъ привязалъ къ шнурку Цезаря и повелъ его по негостепріимной комнатѣ. Со всѣхъ сторонъ сыпались предложенія, то и дѣло назначали съ насмѣшечками ничтожныя цѣны. То были однако не покупатели, а сами же торговцы собаками, желавшіе устроить хорошее дѣльце. Они видѣли, что нужда привела сюда молодаго человѣка. Но Максъ зналъ цѣну своей собаки и никогда-бы не отдалъ ее за подобную сумму, считая это безчестіемъ для нея. Лучше ужь было голодать имѣтѣ.

Ему стало невыносимо среди этихъ людей, а покупателей было мало. Онъ направился къ выходу.

На порогѣ онъ встрѣтился съ молодою статною дамой, одѣтою въ простое черное платье, выдѣлявшее блѣдность ея лица. Ея темные глаза глядѣли устало, на углахъ рта была замѣтна горькая складка. Лицо ея было серьезно не по лѣтамъ. За ней слѣдовалъ слуга съ корзинкой и кожанымъ шнуркомъ.

При видѣ Цезаря дама остановилась въ изумленіи. Она обратилась къ слугѣ:

— Вѣдь это вылитая наша бѣдная Цецна, Георгъ? Можно подумать, что это она сама. Но я уже не вѣрю въ возможность найти ее. Прошло уже полгода и все нѣтъ никакой надежды. Кто знаетъ, что съ ней теперь!

— Если она украдена, отвѣчалъ слуга,—то еще не надо терять надежды. Быть-можетъ и найдется, только надо глядѣть во всѣ глаза.

Дама сдѣлала ему знакъ глазами замолчать, затѣмъ обернулась къ художнику, хотѣвшему ужь пройти мимо, но при видѣ дамы остановившемуся и немного медлившему.

— Можно посмотрѣть поближе вашу собаку, сударь? Вы безъ сомнѣнія продаете ее?

Максъ Одрихъ вмѣсто отвѣта снялъ свою широкополую поношенную шляпу. Не уваженіе, но какое-то неясное чувство при видѣ этой дамы заставило его сдѣлать это. Держа шляпу въ рукѣ, онъ съ трудомъ вымолвилъ:

— Обстоятельства принуждаютъ...

Она кивнула головой на его поклонъ.

— Дѣйствительно, прелестная собака. Можно узнать ея кличку? Не Цецна-ли?

— Нѣтъ, Цезарь, отвѣчалъ художникъ.

Легкая тѣнь разочарованія скользнула по лицу дамы.

— Цезарь, протянула она, — а вѣдь это звучитъ похоже на Цецну. Ты не злой, Цезарь?

Собака присѣла на заднія лапы и пристально смотрѣла на своего господина. Услыша свое имя, она немного повернула голову, оглянула незнакомую даму, тихо взвизгнула и вновь устремила взоры на художника.

— Она, должно-быть, очень любитъ васъ? спросила дама вполголоса.

— О, да!

Лицо Макса Одриха передернулось; онъ наклонился, чтобы скрыть это, и ласково потрепалъ голову собаки.

На лицѣ дамы отразилось недоумѣніе. „Зачѣмъ же вы продаете его?" очевидно хотѣлось спросить ей, но она удержа-

Библиотека "Руниверс"

лась. Бѣдная внѣшность и блѣдное, изнуренное лицо молодаго человѣка объяснили ей все.

— Сколько стоитъ собака? спросилъ слуга, замѣтивъ, что животное понравилось его барынѣ.

Максъ Одрихъ медлилъ отвѣтомъ.

— Пятьдесятъ марокъ, выговорилъ онъ наконецъ.—дешевле я не могу ее продать.

„Собака стоитъ этого“, подумала дама.

— Я пришла сюда, сказала она,—безъ намѣренія покупать собаку, а только въ надеждѣ найти свою. Моя Цецна была такая вѣрная собака и такъ похожа на вашу, она пробыла у меня только годъ. Я берегла ее и не могла уберечь. Однажды по моей собственной винѣ случилось, что двери остались отворенными. Собака выбѣжала на улицу и безслѣдно исчезла. Всѣ поиски были напрасны, мнѣ кажется, что ее украли. Въ полиціи мнѣ разсказали, что многіе торговцы промышляютъ ловлей собакъ, сначала отправляя ихъ въ деревню, а затѣмъ, послѣ нѣкотораго времени, когда тѣ перемѣнились настолько, что ихъ трудно признать, продаютъ ихъ на рынкѣ. Но до сихъ поръ всѣ поиски были безуспѣшны и потому я съ удовольствіемъ куплю вашего Цезаря.

Во время ея разсказа Максъ Одрихъ молча передалъ шнурокъ, на которомъ велъ Цезаря, слугѣ.

— Возьмите его!

Онъ не могъ дальше говорить отъ волненія... Собака, должно-быть, поняла о чемъ идетъ рѣчь. Съ жалобнымъ визгомъ она бросилась къ своему господину и какъ бы прощаясь положила обѣ лапы на его грудь.

Дама вынула изъ портмоне пятьдесятъ марокъ и передала ихъ художнику. Онъ безсознательно принялъ спасительное золото. Холодъ металла заставилъ его вздрогнуть, но у него въ рукѣ было его спасеніе. И онъ уцѣпился за эту мысль, какъ утопающій за соломенку.

— Могу я попросить у васъ значекъ и квитанцію во взносѣ налога? спросила дама.

— Значекъ у собаки на ошейникѣ, замѣтилъ слуга.

Максъ порылся въ карманахъ своего сюртука, — верхнее платье уже давно было продано.

— Какая досада, я забылъ захватить квитанцію.

— Тогда не безпокойтесь, пожалуйста. Завтра утромъ я пошлю къ вамъ Георга, и вы потрудитесь передать ему. Скажите только вашъ адресъ и фамилію.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ до корня волосъ. Она хочетъ прислать къ нему слугу, который увидитъ его бѣдность и передастъ ей. Нѣтъ, хоть она и чужая для него,—она не должна знать этого.

— Я художникъ, Максъ Одрихъ, быстро произнесъ онъ.— Завтра я самъ принесу вамъ квитанцію. Вашъ слуга можетъ меня не застать, я рѣдко бываю дома.

— Отлично, сказала дама.

Она достала изъ кармана красивую записную книжку въ черномъ переплетѣ и, вынувъ изъ нея листокъ, подала его художнику со словами:

— Вотъ мой адресъ!

Онъ взялъ листокъ, разсѣянно глянулъ на него, не замѣчая даже буквъ, и молча поклонился.

Между тѣмъ около нихъ собрался тѣсный кружокъ любопытныхъ. Вой и визгъ собаки привлекалъ прохожихъ. Всѣ останавливались посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Какія-то двѣ женщины вслухъ сожалѣли собаку. Слова ихъ, какъ острый ножъ, вонзались въ сердце Макса Одриха. Онъ быстро обернулся и, растолкавъ толпу, пошелъ скорѣе, чтобы не слыхать болѣе этихъ словъ.

— Фи! пробурчалъ какой-то проходившій мимо господинъ.— Какая мерзость продавать вѣрную собаку!

Послѣднихъ словъ Максъ Одрихъ уже не разслышалъ. Но презрительное „фи“ донеслось до ушей его вмѣстѣ съ визгомъ собаки. Стыдъ гналъ его дальше отъ этого мѣста.

И только молодая дама, удалявшаяся со слугою и визжавшею собакой, замѣтила слезинку, прокатившуюся по блѣдному лицу художника.

Только пройдя нѣсколько улицъ, Максъ Одрихъ остановился. Онъ еще ощущалъ въ рукѣ деньги. Даже не взглянувъ, онъ опустилъ ихъ въ карманъ. Затѣмъ онъ посмотрѣлъ на карточку.

„Агата Моральтъ, улица Мира, 15“, прочиталъ онъ и отправилъ карточку вслѣдъ за деньгами въ карманъ.

Страшный голодъ, который прежде мучилъ его, казалось, исчезъ. Но у него было какое-то смутное сознаніе, что необходимо подкрѣпить свои силы. Онъ вошелъ въ невзрачный ресторанъ и приказалъ подать обѣдъ. Несмотря на жадность, съ какою онъ накинулся на ѣду, все ему было противно. Вѣрный товарищъ, дѣлившій съ нимъ всегда трапезу, теперь отсутствовалъ. Онъ поспѣшно всталъ, расплатился и вышелъ. Онъ хотѣлъ работать, чтобы забыться. Но дорогѣ онъ купилъ вышедшія у него краски и все необходимое для окончанія его работы.

Подсѣвъ къ мольберту, онъ вздрогнулъ отъ ужаса. Что же писать? Модель?!.. Гдѣ его модель? Ея не было болѣе!..

Онъ вскочилъ какъ ужаленный, отбросилъ кисть и въ отчаяніи зашагалъ по комнатѣ. Горькія слезы катились по его щекамъ.

Что онъ надѣлалъ! Какъ быть теперь? Онъ самъ погубилъ себя!

Ему стало жутко въ пустой мастерской. Скорѣе вонъ отсюда, на улицу! Хлопья снѣга залѣпляли ему глаза. Онъ вошелъ въ какой-то ресторанъ и все пилъ, и пилъ... О, если-бъ можно было позабыться! Что значатъ для него теперь деньги, когда онъ принесъ напрасную жертву и не можетъ окончить картины...

Онъ вернулся домой подъ-хмѣлькомъ. Пустая комната пугала его. Бросившись на постель, онъ искалъ успокоенія во снѣ. Бывало прежде собака усаживалась предъ постелью и предъ тѣмъ, какъ господинъ ложился, протягивала ему лапы, и онъ гладилъ ее по большой, теплой головѣ. Теперь все кругомъ было пусто, и постель казалась ему жесткою и холодною. Онъ въ волненіи оглядывался по сторонамъ. Уединеніе и ночь окружали его своими страхами. Тщетно онъ съ головою закутывался въ одѣяло: сонъ не приходилъ къ нему. Утромъ, не находя покоя, онъ снова побрелъ на улицы.

Не отдавая себѣ отчета, онъ добрался до улицы Мира. Взглядъ его упалъ на нумеръ перваго встрѣчнаго дома. Нумеръ былъ 13-й, черезъ два дома находится теперь его Цезарь. Онъ долженъ увидать его, хоть на минутку. Можетъ-быть, его выведутъ на улицу? Онъ взглянулъ на окна дома. Гдѣ бы теперь его Цезарь? Должно-быть въ первомъ этажѣ? Но тамъ въ окнахъ спущены шторы. Быть-можетъ, еще спитъ? Хоть бы услышать лай собаки!

Невольно онъ вошелъ въ подъѣздъ, швейцаръ отворилъ двери и спросилъ, кого ему нужно.

Вдругъ его осѣнила мысль... Да, такъ должно быть... онъ рѣшился. Если у нея доброе сердце, она выслушаетъ и пойметъ его. Недаромъ наканунѣ она смотрѣла на него съ состраданіемъ! Вчера стыдъ заставилъ его молчать, но сегодня онъ скажетъ ей все, опишетъ свое положеніе. Имѣетъ же она состраданіе! Ему ничего не надо кромѣ собаки и то на нѣсколько дней...

Онъ спросилъ, гдѣ живетъ Моральтъ.

— Въ первомъ этажѣ, отвѣтилъ швейцаръ.

Максъ Одрихъ поднялся по широкой, покрытой ковромъ лѣстницѣ и позвонилъ. Дверь отворила горничная.

— Госпожа Моральтъ дома? спросилъ художникъ.

— Госпожа вчера вечеромъ уѣхала и не скоро возвратится. Она вызвана телеграммою къ умирающему родственнику.

Максъ Одрихъ поблѣднѣлъ. Это было ужаснымъ ударомъ для него.

— А Цезарь, пробормоталъ онъ,—гдѣ Цезарь?

— Цезарь? удивленно переспросила горничная,—здѣсь Цезарь не живутъ... кто это Цезарь?

— Это моя собака, собака! Ваша госпожа вчера купила ее у меня.

— Собака? Такъ это Цецна... она здѣсь.

Максъ Одрихъ вздохнулъ свободно.

— Нельзя ли взглянуть на нее?

— Я не смѣю позволить этого безъ госпожи.

— Но здѣсь есть слуга, который знаетъ меня. Онъ здѣсь?

— Вчера онъ уѣхалъ съ госпожей. Собаку они не взяли съ собою, такъ какъ она еще не привыкла. Мнѣ строго наказано не выпускать ее на улицу и никого не пускать къ ней.

Максъ Одрихъ остолбенѣлъ. Его послѣдняя надежда исчезла. Что ему сказать еще?

Горничная держала дверь полуотворенною, будто опасаясь, что чужой заглянетъ внутрь комнатъ. При послѣднихъ словахъ она заперла ее предъ художникомъ. Максъ Одрихъ шатаясь сошелъ съ лѣстницы. Мѣра его бѣдствій была переполнена. Онъ подумалъ уже о смерти, но неужели и умереть онъ долженъ въ одиночествѣ?!

Онъ шелъ не зная куда и снова попадалъ въ ту же улицу. Что-то влекло его туда. Чего онъ ждалъ тамъ, онъ не сознавалъ, но онъ ждалъ и ждалъ, не обращая вниманія на голодъ и жажду.

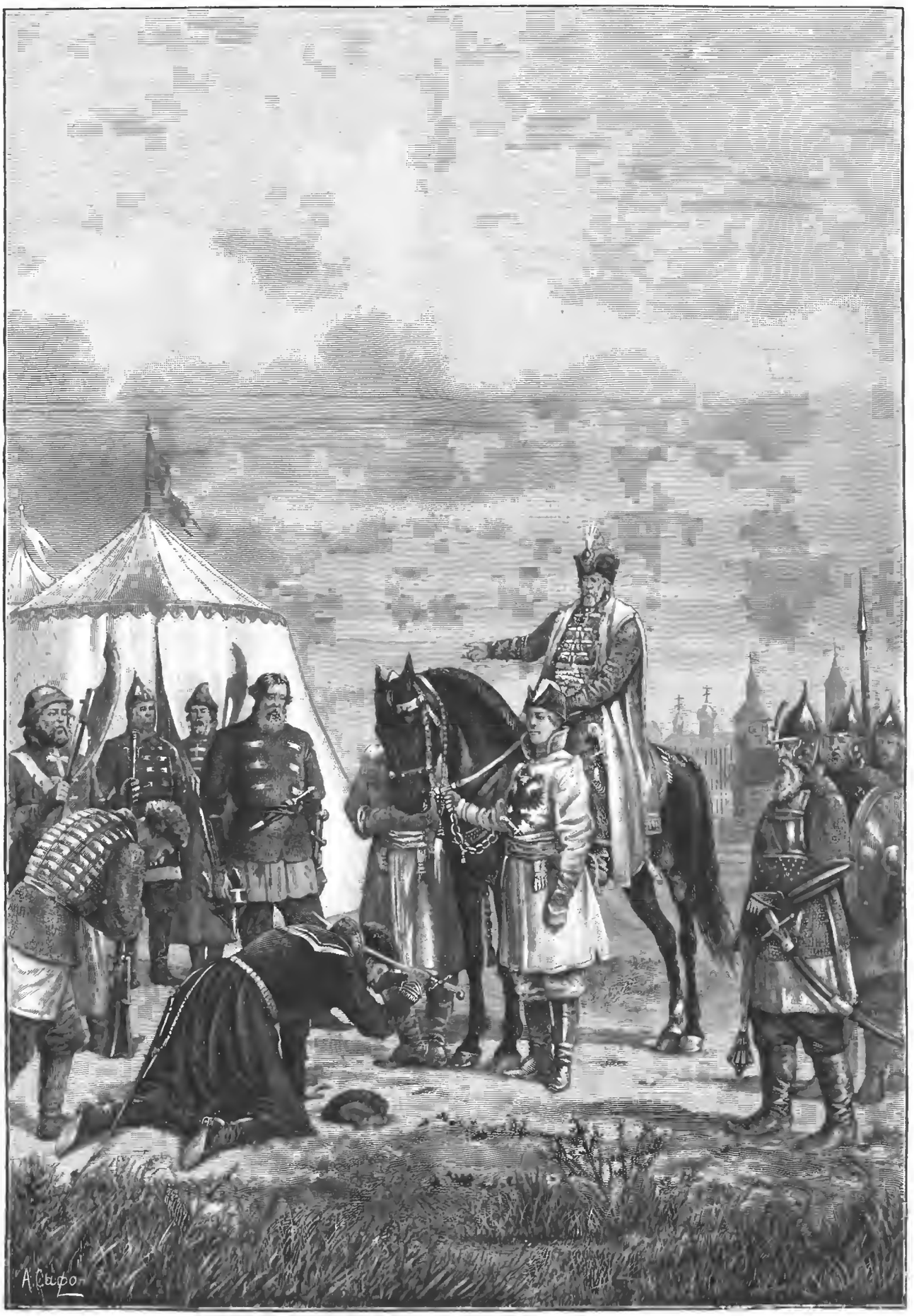
Уже къ вечеру внезапная тревога въ улицѣ вывела его изъ полузабытья и напугала. Кругомъ тѣснились люди, надъ сосѣднимъ домомъ поднималось яркое пламя, точно факеломъ освѣщавшее улицу. Искры, взлетая къ темному небу, дождемъ сыпались внизъ. На ближней каланчѣ гремѣлъ набатъ. Пожарныя трубы со звономъ скакали по улицѣ; повсюду стояли шумъ и смятеніе.

Первое, что пришло въ эту минуту на умъ художнику, была мысль о Цезарѣ. Вдругъ съ нимъ что-нибудь случится?! Онъ запертъ, его могутъ забыть въ смятеніи, а между тѣмъ горитъ сосѣдній домъ! Онъ кинулся чрезъ волновавшуюся толпу къ подъѣзду дома. Внутри слышалось хлопанье дверей, крики и плачъ. Кто-то наскочилъ на него, чуть не сбивъ его съ ногъ. То была горничная, отворявшая ему утромъ. Онъ хотѣлъ разспросить ее, но та была такъ растеряна, что даже не замѣтила его, и объятая страхомъ, пропала въ толпѣ, наводнявшей улицу.

Въ три скачка онъ поднялся по лѣстницѣ.

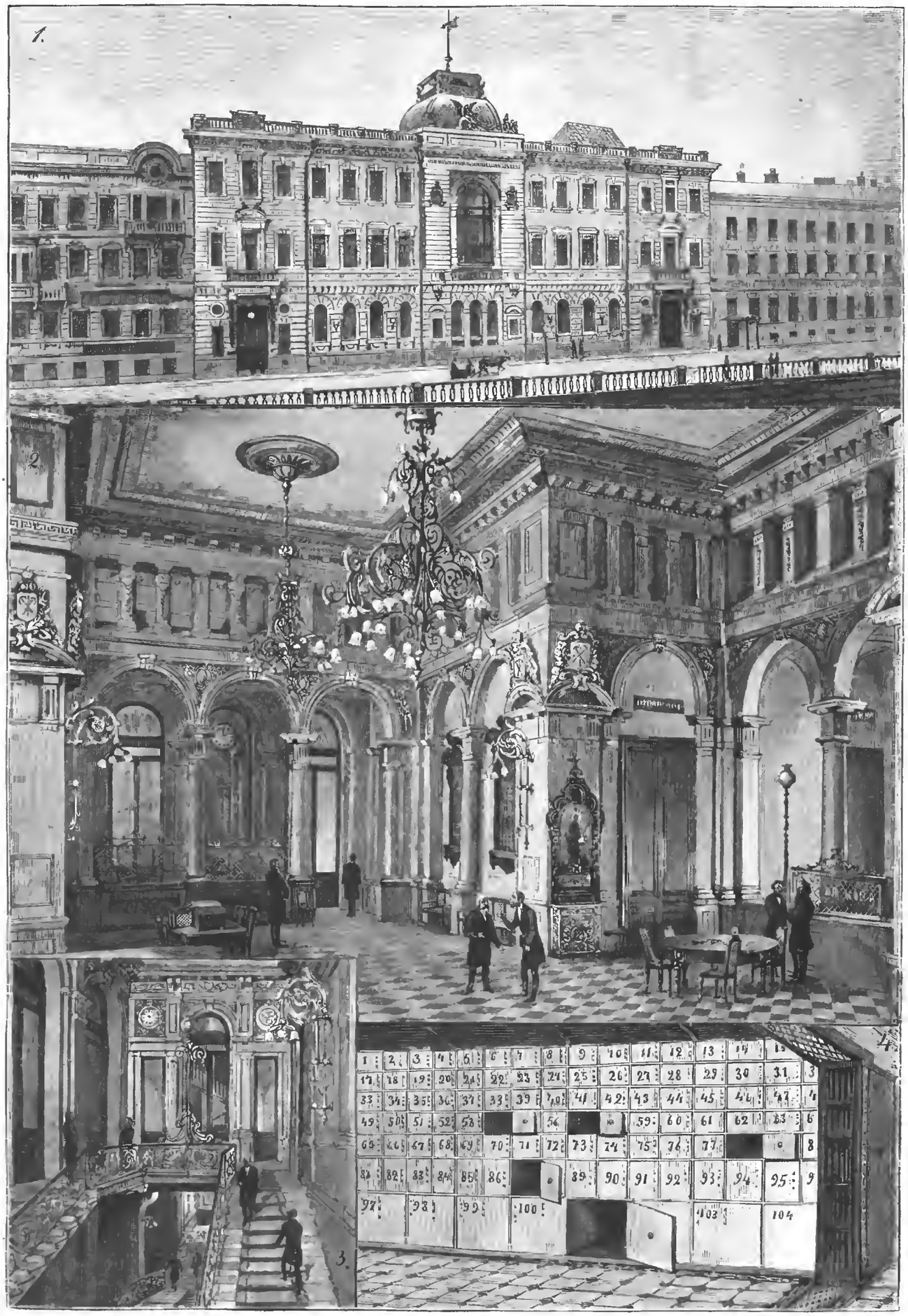
— Цезарь! ужаснымъ воплемъ вырвалось изъ груди художника.

Библиотека "Руниверс"



Болотниковъ предъ царемъ Василіемъ Шуйскимъ въ станѣ подъ Тулой, 10 октября 1607 г.
Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Сафонова. грав. Пуцъ.

Библиотека "Руниверс"



Домъ С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго Кредита. Съ фот. рис. **А. Земцовъ**, грав. Флюгель.

1. Главный фасадъ, выходящій на Екатерининскій каналъ. 2. Большой залъ. 3. Лѣстница. 4. Кладовая безопасныхъ ящиковъ.

Библиотека "Руниверс"

Собака съ бѣшеною радостью кинулась къ нему. Въ спѣхѣ и волненіи горничная забыла запереть дверь квартиры, и собака, услышавъ голосъ господина, вырвалась на свободу.

— Цезарь! Цезарь! Ты ли это? говорилъ художникъ и дрожащею рукой гладилъ собаку, которая подпрыгивала на заднія лапы, положила переднія ему на грудь и радостно лизала ему лицо и руки.

Толпа на улицѣ росла, пожаръ все разгорался и опасность, повидимому, возрастала съ каждымъ мигомъ. Макъ Одрихъ выбѣжалъ на улицу.

— Цезарь, за мной! крикнулъ онъ, и собака съ радостнымъ лаемъ бросилась за нимъ.

Художникъ смущенно оглянулся. Можетъ за нимъ слѣдятъ? Но всѣ взоры были устремлены на огонь, который теперь уже столпомъ поднимался надъ крышей. Горничной вовсе не было видно.

Онъ взялъ собаку за ошейникъ и быстро повелъ за собой, чтобы она не затерялась въ толпѣ и не попала подъ ноги людей или подъ колеса пожарныхъ трубъ. Только войдя въ сосѣдній темный переулокъ, онъ свободно вздохнулъ: его никто не замѣтилъ, и Цезарь снова принадлежалъ ему...

Ему?!.

Вдругъ сознаніе того, что онъ сдѣлалъ, охватило его и онъ чуть не упалъ на-земь; краска стыда бросилась ему въ лицо при этой мысли. Онъ завладѣлъ чужою собственностью, укралъ собаку, уже не принадлежавшую ему, и увелъ ее, скрываясь отъ людей, которымъ уже не смѣлъ прямо смотрѣть въ глаза. Еще есть время отвести собаку назадъ... Вѣроятно, его опять никто не замѣтитъ... Можно сказать, что собака выбѣжала сама, узнавъ его, когда онъ проходилъ мимо... Но, вѣдь, это — ложь. И солгать показалось ему еще ненавистнѣе, чѣмъ украсть. Онъ не желалъ еще пятнать себя ложью. Нѣтъ! пусть онъ остается тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ,—воромъ. Да! онъ воръ. Онъ остановился съ отчаяньемъ во взорѣ, но его любимецъ, вновь находившійся съ нимъ, заставилъ его забыть все. Онъ закупилъ въ ближайшей мясной лавкѣ разнаго съѣстнаго для Цезаря и повелъ его въ свое пустое и холодное жилище.

На столѣ, къ удивленію своему, онъ нашелъ письмо, вѣроятно принесенное въ его отсутствіи. Онъ въ страхѣ остановился передъ нимъ. Хорошихъ вѣстей ждать было не откуда. Всѣ его друзья за послѣднее время оставили его и забыли въ нуждѣ, такъ какъ онъ переставалъ являться между ними...

При видѣ писанной бумаги, онъ вспомнилъ о квитанціи, которую утромъ забылъ передать горничной и которую обѣщалъ вчера принести новой хозяйкѣ Цезаря.

Не найдя по возвращеніи ни собаки, ни квитанціи, развѣ она не заподозритъ его, развѣ она не пришлетъ за нимъ или не придетъ сама? И онъ будетъ уличенъ передъ ней, какъ воръ...

Надо скорѣй послать квитанцію — это лучше всего можетъ отклонить отъ него подозрѣніе. Не распечатывая лежавшаго на столѣ письма, онъ вновь поспѣшилъ на улицу, купилъ въ сосѣдней лавочкѣ почтовую марку, вложилъ квитанцію въ адресованный конвертъ и опустилъ его въ ближайшій почтовый ящикъ.

(Оконч. въ слѣдующ. №).

Пламя.

Мы видимъ яркое пламя свѣчи, грѣемся у пылающаго камина, знаемъ, что свѣча даетъ свѣтъ, каминъ—тепло, но рѣдко задаемъ себѣ вопросъ, что такое собственно пламя. Вѣдь это повседневное явленіе, а все будничное рѣдко интересуетъ насъ настолько, чтобы заставить доискиваться его причинъ.

Однако въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, которое нелегко поддается объясненію, какъ вообще большинство будничныхъ явленій вокругъ насъ. Ученые всѣхъ временъ и странъ трудились надъ разрѣшеніемъ вопроса, что такое огонь и пламя, съ тѣхъ поръ, какъ удобное ученіе Аристотеля о четырехъ стихіяхъ перестало удовлетворять любознательность человѣчества. Выдумали даже, наконецъ, особое химическое тѣло, *флогистонъ*, присутствіемъ котораго объясняли процессъ горѣнія; къ сожалѣнью, это тѣло при горѣніи улетучивалось, поэтому остроумнымъ изобрѣтателямъ такъ и не удалось его добыть, хотя, напр., хлоръ долгое время считали тождественнымъ съ нимъ. Лишь по открытіи кислорода, — сначала англичаниномъ Джозефомъ Пристлеемъ въ 1754 году, потомъ почти одновременно съ нимъ, но независимо отъ него—Шеле,—сдѣлалось возможнымъ установить, что горѣніе не что иное, какъ энергичный химическій процессъ, который въ сущности сводится на соединеніе содержащагося въ воздухѣ кислорода съ горящимъ тѣломъ. Въ первый разъ это положеніе научно доказано великимъ французскимъ химикомъ Лавуазье, въ его трактатѣ о горѣніи, появившемся въ 1778 г. Огромное число всѣхъ огненныхъ явленій основано на горѣніи; лишь нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. накаливаніе угля въ извѣстной Эдисоновой лампѣ, должны быть отнесены къ области физики.

Пламя, стало быть, не что иное, какъ замѣчаемое при горѣніи свѣтовое явленіе. Но, какимъ бы парадоксомъ это ни казалось—горитъ пламенемъ не топливо въ горнахъ и печахъ, не масло и керосинъ въ лампахъ, не парафинъ въ свѣчахъ: всѣ эти горючія вещества предварительно должны перейти въ состояніе газовъ, и только эти послѣдніе образуютъ пламя, только они даютъ свѣтъ и тепло. Поэтому пламя свѣтильнаго газа, въ которомъ горючее вещество получается уже готовымъ къ употребленію, представляетъ собою простѣйшую форму горѣнія. Подобно тому, какъ въ ретортѣ газоваго завода добывается изъ угля газъ, точно такъ же, только въ маломъ видѣ, происходитъ въ зажженной свѣчѣ процессъ выработки газа. Зажигая свѣтильню, мы начинаемъ этотъ процессъ; потомъ при горѣніи онъ продолжается самъ собою: растопленный воскъ или парафинъ свѣчи, масло изъ резервуара лампы, поднимается по свѣтильнѣ вверхъ и разлагается около пламени на продукты въ видѣ газа и дыма. Пустые промежутки въ свѣтильнѣ дѣйствуютъ при этомъ какъ волосные сосуды; то же самое явленіе наблюдается при погруженіи куска пропускной бумаги однимъ концомъ въ жидкость.

Если ближе разсматривать пламя, то можно явственно отличить процессъ образованія газовъ отъ процесса горѣнія. Въ нижней внутренней части пламени, самой темной, собираются газообразные продукты; отсюда они поступаютъ въ раскаленное ядро и тамъ большею частью сгораютъ; въ наружной голубоватой оболочкѣ пламени уничтожаются послѣднія горючія составныя части.

Для горѣнія, какъ мы видѣли, необходимъ кислородъ. Если ограничить доступъ его къ пламени, заключивъ это послѣднее въ какой-нибудь тѣсный сосудъ, то оно скоро начинаетъ коптить и наконецъ погаснетъ. Поэтому въ лампахъ всѣхъ конструкцій доступъ воздуха играетъ большую роль: только когда обмѣнъ воздуха въ лампѣ совершается правильно и въ достаточной степени, масса безконечно малыхъ твердыхъ частицъ углерода въ наружной оболочкѣ пламени можетъ сгорѣть безслѣдно, чѣмъ существенно увеличивается сила свѣта: въ противномъ случаѣ эти частицы осаждаются въ видѣ копоти.

Доступъ воздуха въ лампу производится и регулируется посредствомъ ламповаго стекла. Послѣднее служитъ не только для защиты пламени отъ неправильностей внѣшней воздушной тяги, но, кромѣ того, доставляетъ пламени усиленное количество кислорода; накалившійся въ пламени воздухъ, стѣсненный стѣнками стекла, стремится вверхъ, а снизу его замѣняетъ притокъ новаго холоднаго воздуха, насыщеннаго кислородомъ. Помимо этого и самая форма стекла вліяетъ на пламя. Съуживаясь кверху почти во всѣхъ лампахъ новаго устройства, стекло замедляетъ обмѣнъ воздуха, приводя этотъ послѣдній въ болѣе близкое соприкосновеніе съ пламенемъ, которое вслѣдствіе этого получаетъ большее количество кислорода. Этой цѣли содѣйствуютъ также маленькіе металлическіе кружки, которые теперь очень часто придѣлываются къ горѣлкамъ: они раздвигаютъ пламя, представляя такимъ образомъ воздуху, стремящемуся въ стекло, большую поверхность соприкосновенія.

Если слишкомъ выдвинуть фитиль у лампы, то притокъ воздуха дѣлается уже недостаточнымъ для поддержанія увеличившагося пламени, и это послѣднее начинаетъ коптить,— непріятность, постигавшая каждаго изъ насъ.

Наконецъ немаловажное значеніе для пламени имѣетъ составъ и форма фитиля. Плоскій фитиль все болѣе и болѣе вытѣсняется трубчатымъ; но мы едва-ли даемъ себѣ отчетъ въ причинѣ этой перемѣны. Разница однако же существуетъ: благодаря трубчатому фитилю разложеніе горючаго вещества на составныя части и переходъ въ газообразное состояніе ограничены тонкою кольцеобразною поверхностью, и горѣніе совершается какъ съ внутренней, такъ и съ наружной стороны огненнаго кольца, причемъ внутри его опять-таки открывается воздуху свободный доступъ, что еще болѣе содѣйствуетъ процессу горѣнія.

Подобныя этому явленія повторяются въ увеличенномъ видѣ въ пламени горна, печи, камина и т. д. Все сводится къ тому чтобы регулировать доступъ кислорода, стало-быть воздуха, къ горючему матеріалу, произвесть по возможности полное сгораніе топлива и, благодаря этому, получить возможно большее количество тепла и возможно меньшее—дыма, такъ какъ этотъ послѣдній состоитъ изъ несгорѣвшихъ частицъ топлива и газовъ; стало-быть топка, дающая много дыма, не экономна. Для притока воздуха къ печкѣ важны рѣшетка и труба; послѣдняя нѣкоторымъ образомъ замѣняетъ стекло у лампы. При большихъ скопленіяхъ топлива, напр. для фабричныхъ цѣлей, уже нельзя довольствоваться количествомъ воздуха, получающимся черезъ трубу, но посредствомъ особыхъ вентиляторовъ производятъ сильную воздушную тягу, или же, какъ напр. въ локомотивѣ, пропускаютъ въ горнило струю пара для раздуванія огня. Не вдаваясь въ сложныя проблемы пирогехники, мы желаемъ указать лишь на то, что признаніе вышеприведеннаго факта: сгораетъ не самое вещество, но получившіеся изъ него газы, — привело къ такъ-называемому

Библиотека "Руниверс"

регенеративному газовому отопленію, которое въ настоящее время вытѣсняетъ всѣ прежніе способы. При новой методѣ процессъ превращенія твердыхъ горючихъ веществъ въ газы и процессъ сгоранія этихъ послѣднихъ—весьма рѣзко отдѣлены другъ отъ друга. Отработавшіе въ печи, весьма еще горячіе газы проходятъ оттуда въ цѣлый рядъ огнеупорныхъ камеръ, отдаютъ имъ свое тепло и, такимъ образомъ, ускоряютъ процессъ сгоранія, нагрѣвая предварительно топливо и давая теплый воздухъ вмѣсто холоднаго. Для нашего наброска этотъ пріемъ интересенъ, въ особенности потому, что онъ mutatis mutandis нашелъ чрезвычайно остроумное примѣненіе въ газовыхъ горѣлкахъ Сименса; только благодаря имъ возможна конкуренція газоваго свѣта съ электричествомъ. При нихъ, получающійся свѣтильный газъ также предварительно нагрѣвается, вмѣстѣ съ кислородомъ воздуха, жаромъ самого пламени; вслѣдствіе этого энергія горѣнія въ высшей степени увеличивается, и получается чрезвычайно сильный свѣтъ. Существуютъ горѣлки развивающія силу свѣта равную 1000 нормальныхъ свѣчей.

Говоря о нормальныхъ свѣчахъ, мы затрогиваемъ предметъ, о которомъ въ послѣднее время часто упоминаютъ, но относительно котораго даже спеціалисты еще не пришли къ полному соглашенію. Единица мѣры для измѣренія силы свѣта еще не установлена. Обыкновенно принимаютъ за нормальную — парафиновую свѣчу, имѣющую въ діаметрѣ 20 миллиметровъ, съ пламенемъ въ 50 миллиметровъ высоты, и всякій другой источникъ свѣта опредѣляютъ по сравненію съ такой свѣчею. Приблизительно установлена даже сила свѣта различныхъ небесныхъ тѣлъ; при этомъ между прочимъ найдено, что свѣтъ полной луны равняется свѣту—26 билліоновъ свѣчей. Замѣтимъ мимоходомъ, что если бы пришлось освѣщать такимъ образомъ нашего вѣрнаго спутника, то вышеприведенное количество свѣчей, поставленныхъ вплотную одна около другой, заняло бы какъ разъ все полушаріе луны, которое обращено къ намъ. За вѣрность этого вычисленія мы не ручаемся, такъ какъ его не провѣряли.

Фотометрія — искусство опредѣленія силы свѣта — имѣетъ, само собою разумѣется, особенное значеніе при оцѣнкѣ относительнаго достоинства различныхъ освѣтительныхъ матеріаловъ, такъ какъ для такой оцѣнки, рядомъ съ цѣнами на сырой матеріалъ, нужно принимать въ соображеніе получаемое количество свѣта. Вообще твердые освѣтительные матеріалы—какъ воскъ, парафинъ, стеаринъ—дороже жидкихъ. При существующихъ невысокихъ цѣнахъ на каменный уголь, газъ долженъ бы, собственно, быть дешевле керосина. Конечно, со временемъ электрическій свѣтъ—самый здоровый, удобный и красивый уже теперь—превзойдетъ дешевизной всѣ остальные. Ему несомнѣнно принадлежитъ будущее.

Къ рисункамъ.

Видъ на Сайменскомъ озерѣ. (Рис. на стр. 481).

Озеро Сайма и его окрестности — одинъ изъ самыхъ живописныхъ уголковъ Россіи. Залегая въ сѣверо-западномъ углу Выборгской губерніи, оно занимаетъ около 1,700 квадратныхъ верстъ и соединяется съ Ладожскимъ посредствомъ порожистой рѣки Вуоксы, на которой между прочими водопадами находится и знаменитый Иматра. На Саймѣ раскинуто мѣстами и группами множество островковъ, скалистые и обрывистые берега озера поросли хвойнымъ лѣсомъ. Съ юга озеро соединяется посредствомъ Сайменскаго канала съ Финскимъ заливомъ. Шлюзы этого канала представляютъ одно изъ любопытнѣйшихъ зрѣлищъ. Эти узкіе каналы, среди поросшихъ цвѣтами долинъ, громоздящіяся надъ вами скалы, высокіе шлюзы, вѣковыя ели и серебряный просторъ озера чаруютъ самую невосприимчивую душу.

На дачѣ. (Рис. на стр. 484).

Столичный щеголь забрался куда-то довольно далеко въ дачныя окрестности Петербурга, и долго, томимый жаждой, скитаясь по громадному парку, тщетно мечталъ о кружкѣ молока... Но вотъ наконецъ онъ попалъ на задворки деревни, гдѣ три подгородныя красавицы отнюдь не прочь придти на помощь къ интересному странпику и побалагурить мимоходомъ... Одна изъ нихъ, веселая хохотунья, уже выноситъ съ погребицы крынку холоднаго молока, другая съ видимымъ недовѣріемъ слушаетъ его шуточки, а третья, себѣ на умѣ, лукаво поглядываетъ на него исподлобья

Концертъ въ пустынѣ. (Рис. на стр. 485).

Рыканіе льва безспорно самый мощный изъ звуковъ пустыни. Понятно, что всѣ животныя, знающія этого страшнаго хищника, безумѣютъ отъ ужаса, услышавъ его ревъ. Голосъ льва можетъ считаться его характеристическою особенностью. Его можно назвать выраженіемъ силы животнаго: онъ единствененъ въ своемъ родѣ. Арабы мѣтко называютъ голосъ льва „раадъ" — гремящій. Описать его нельзя. Онъ выходитъ точно изъ самой глубины груди, точно хочетъ разорвать ее. Внезапно проносится точно гулъ землетрясенія. Трудно опредѣлить откуда идетъ этотъ гулъ, потому что левъ реветъ склоняясь къ землѣ и рычаніе разносится по ней далеко, какъ раскаты грома. Львиный ревъ состоитъ изъ необыкновенно могучихъ звуковъ, занимающихъ средину между *о* и *у*. Обыкновенно онъ начинается тремя или четырьмя протяжными звуками, похожими на стоны; затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе раздаются громкіе звуки, а подъ конецъ становятся протяжнѣе и слабѣе, такъ что послѣдніе похожи скорѣе на ворчаніе. Едва раздастся могучій голосъ льва, какъ въ ту же минуту всѣ другіе львы, которые только могутъ его слышать, тоже начинаютъ ревѣть. Такъ что въ пустынѣ раздается иногда дѣйствительно величественная музыка.

На нашемъ рисункѣ изображены левъ и львица, исполняющіе этотъ концертъ.

Цыганка. (Рис. на стр. 489).

Всѣмъ знакомый, но мало извѣстный цыганскій народъ, своимъ внѣшнимъ видомъ, нравами и обычаями всегда привлекалъ и еще долго будетъ привлекать простаго зрителя и ученаго изслѣдователя, музыканта и художника. На стр. 489 читатель найдетъ портретъ молодой цыганки, очень удачно набросанный художникомъ П. Глоба.

Болотниковъ предъ Шуйскимъ. (Рис. на стр. 492).

Въ Смутное время, когда царь Василій Шуйскій въ 1607 г. осаждалъ Тулу, въ которой засѣли: Болотниковъ, бывшій холопъ князя Телятевскаго, поднявшій голытьбу и составившій себѣ изъ нея громадныя скопища, Шаховской и самозванецъ Лженетръ,—муромскій сынъ боярскій Кровковъ или Кравковъ предложилъ царю затопить Тулу, запрудивъ рѣку Упу. Сначала царь и бояре смѣялись надъ этимъ предложеніемъ, но потомъ дали волю Кровкову. Тогда онъ велѣлъ каждому изъ ратныхъ людей привезти по мѣшку съ землей и началъ прудить рѣку; вода обступила городъ, влилась внутрь его, пресѣкла всѣ сообщенія жителей съ окрестностями... Насталъ голодъ, и Болотниковъ съ Лженетромъ вошли въ переговоры съ царемъ. Шуйскій, имѣя уже на плечахъ втораго Лжедимитрія, естественно желалъ какъ можно скорѣе избавиться отъ Лженетра и Болотникова. 10 октября Тула сдалась. Болотниковъ пріѣхалъ въ царскій станъ, подошелъ къ Василію, палъ предъ нимъ на колѣни, и положивъ саблю на шею, сказалъ: „Я исполнилъ свое обѣщаніе, служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Дмитріемъ въ Польшѣ—справедливо или нѣтъ—не знаю, потому что самъ я прежде никогда не видывалъ царя. Я не измѣнилъ своей клятвѣ, но онъ выдалъ меня; теперь я въ твоей власти: если хочешь головы моей, то вели отсѣчь ее этой саблей, но если оставишь мнѣ жизнь, то буду служить тебѣ такъ же вѣрно, какъ и тому, кто не поддержалъ меня". Болотникова сослали въ Каргополь, гдѣ онъ былъ утопленъ; Шаховскаго, *всей крови заводчика*, по выраженію лѣтописцевъ, сослали на Кубенское озеро въ пустынь; Лженетра повѣсили.

Домъ С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго Кредита. (Рис. на стр. 493).

С.-Петербургское Общество Взаимнаго Кредита открыло свои дѣйствія 17 марта 1864 года въ особомъ помѣщеніи, которое было ему отведено съ разрѣшенія тогдашняго министра финансовъ, М. Х. Рейтерна, въ зданіи Государственнаго Банка. Въ виду значительнаго развитія дѣлъ Общества и возросшаго болѣе чѣмъ въ десять разъ числа членовъ Общества (2,032), помѣщеніе въ Государственномъ Банкѣ оказалось недостаточнымъ и Общество въ 1871 году перемѣстилось въ д. Лѣсникова, что у Казанскаго моста. Но и эта квартира, какъ всякое помѣщеніе въ частномъ домѣ, далеко не могла дать всѣхъ необходимыхъ для пользы Общества удобствъ; какъ въ отношеніи храненія цѣнностей, книгъ и документовъ, такъ и на случай пожара не было обезпечено непрерывное производство операцій. Вслѣдствіе такого положенія дѣла общее собраніе 17 марта 1887 года постановило пріобрѣсти собственный домъ. Съ этою цѣлью были вызваны чрезъ публикацію въ газетахъ желающіе продать свои дома и изъ поступившихъ предложеній былъ выбранъ домъ Шонена, по Екатерининскому каналу, гдѣ ранѣе помѣщалась панорама. Домъ былъ купленъ за 205,000 рублей и, по утвержденіи проекта архитектора П. Ю. Сюзора, 1 іюня 1888 года было приступлено къ перестройкѣ дома. 15 августа въ томъ же году, въ присутствіи членовъ совѣта Общества и уполномоченныхъ, состоялась закладка зданія, а съ небольшимъ черезъ 2 года, 9 сентября 1890 г., состоялось освященіе вновь построеннаго дома.

Новое зданіе возведено частью въ 2, а частью въ 3 этажа, съ подвалами со стороны двора. Въ первомъ этажѣ помѣщаются: вестибюль, главная лѣстница, раздѣвальная съ уборной, большая пріемная для членовъ Общества и особая гранитная

Библиотека "Руниверс"

кладовая; со стороны двора надъ подвалами находятся квартиры артельщиковъ съ особыми выходами. Въ подвалахъ расположены приборы для отопленія, камеры вентиляціи и службы. Во второмъ этажѣ помѣщается обширный главный залъ въ два свѣта, вокругъ котораго за отдѣльными арками расположены: съ лѣвой стороны отъ входа — всѣ отдѣленія операцій Общества, а съ правой—главная касса и гранитная кладовая для храненія цѣнностей. Въ связи съ заломъ находятся комнаты для правленія, бухгалтеріи и канцеляріи. Изъ залы ведутъ двѣ лѣстницы въ третій этажъ, въ которомъ помѣщаются залъ для разрядныхъ собраній, архивы, столовыя и чайныя комнаты. Кромѣ того, особый ходъ ведетъ изъ залы въ кладовую безопасныхъ несгораемыхъ ящиковъ, по типу англійскихъ „Safe deposit". Подобные ящики устроены во многихъ городахъ западной Европы и пользуются особымъ довѣріемъ у публики. Построена кладовая Общества Взаимнаго Кредита изъ гранита, ограждена контрольнымъ коридоромъ и каменными стѣнами. Она раздѣляется на 8 отдѣленій, вмѣщающихъ до 1,664 ящиковъ, трехъ размѣровъ. Каждый ящикъ снабженъ замкомъ, секретъ котораго извѣстенъ лишь вкладчику, но и послѣдній можетъ отпереть замокъ только при участіи довѣреннаго лица отъ Общества. Рядомъ съ кладовою имѣется особая комната, исключительно предназначенная для пользующихся ящиками. Въ ней вкладчики могутъ безъ всякаго стѣсненія провѣрять свои цѣнности.

П. Н. Петровъ.

(Портр. на этой стр.).

Смерть похитила недавно еще одного литературнаго труженика, скромнаго, но весьма полезнаго и даровитаго. 29 марта скончался въ Петербургѣ, въ Маріинской больницѣ, Петръ Николаевичъ Петровъ, членъ Русскаго Историческаго, Археологическаго и Русскаго Географическаго обществъ, почетный вольный общникъ Императорской Академіи Художествъ, извѣстный писатель и знатокъ археологіи, исторіи русскаго искусства, русской генеалогіи и геральдики и петербургскій старожилъ, изучившій столицу вдоль и поперекъ со всѣми ея достопримѣчательностями и памятниками старины. На надгробной плитѣ могилы знаменитаго баснописца Хемницера высѣчено было, его же сочиненія, двустишіе: „Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился — и умеръ голъ, какъ голъ родился". Эту надпись смѣло можно бы поставить и на памятникѣ Петрову, такъ она прекрасно характеризуетъ его безупречную жизнь и непрерывную дѣятельность, начавшуюся очень рано. Біографическія данныя о Петровѣ весьма поучительны, какъ всѣхъ „людей труда и сильной воли", грудью пролагающихъ себѣ дорогу впередъ и видящихъ въ честномъ и осмысленномъ трудѣ всю цѣль и наслажденіе жизни. Онъ былъ сынъ бѣднаго придворнаго служителя, „по главной кухнѣ брантмейстера",—какъ гласитъ его метрическое свидѣтельство,—Николая Филипповича Петрова, женатаго на Ефросиніи Ефимовнѣ Петровой-Араповой, и родился 19 іюня 1827 года. Отецъ Петрова былъ человѣкъ смышленый и позаботился дать сыну образованіе. Подготовивъ его дома, онъ опредѣлилъ мальчика, на 12-мъ году, въ домъ воспитанія бѣдныхъ дѣтей Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, гдѣ курсъ наукъ почти вполнѣ соотвѣтствовалъ курсу классической гимназіи и гдѣ преподавались даже законовѣдѣніе и бухгалтерія. Петровъ учился отлично, былъ усидчивъ въ занятіяхъ, обнаруживалъ способности къ рисованію и, любя это искусство, сталъ посѣщать, по окончаніи курса ученія въ іюлѣ 1846 года, рисовальные классы Академіи Художествъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ К. Д. Флавицкимъ, впослѣдствіи извѣстнымъ живописцемъ. Днемъ же онъ ходилъ на службу въ Департаментъ Государственнаго Казначейства, такъ какъ ему надобно было чѣмъ-нибудь существовать, не обременяя своей семьи. Служба эта заставила его оставить Академію, несмотря на то, что онъ дѣлалъ успѣхи, такъ какъ въ натурномъ классѣ занятія происходили уже днемъ. Тѣмъ не менѣе Петровъ и внѣ Академіи не бросилъ заниматься искусствомъ, но преимущественно употреблялъ весь свой досугъ на изученіе исторіи искусства и особенно отечественнаго; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ интересовался и русскими древностями и усердно знакомился съ эпохою Петра. Дѣлалъ онъ все это, не имѣя въ виду никакихъ практическихъ цѣлей, а просто изъ любви къ наукѣ, къ труду. Пріобрѣтенныя имъ солидныя познанія, однако, сослужили ему службу хотя и не такъ скоро. На одномъ изъ вечеровъ у М. И. Семевскаго, нынѣ издателя-редактора *Русской Старины*, куда ввелъ его одинъ изъ сослуживцевъ Петрова, онъ познакомился съ Писемскимъ, который, убѣдясь въ его значительныхъ познаніяхъ, посовѣтовалъ ему написать что-нибудь и дать въ *Библіотеку для Чтенія*, въ то время выходившую подъ редакціей Алексѣя Ѳеофилактовича. Петровъ, не столько въ видахъ славы, сколько въ расчетѣ на небольшой заработокъ, для поддержанія своего существованія, рѣшился, послѣ долгихъ колебаній, попробовать свои силы. Проба вышла удачная—это была статья: „Евграфъ Петровичъ Чемессовъ, русскій граверъ", появившаяся въ апрѣлѣ 1860 г., послѣ которой, при посредствѣ того же Писемскаго, Петровъ получилъ, осенью того же года, въ завѣдываніе отдѣлъ начертательныхъ искусствъ въ журналѣ *Искусство*, просуществовавшемъ, впрочемъ, всего мѣсяца три-четыре. Такимъ образомъ, мало-помалу, Петровъ втянулся въ литературное дѣло, имъ жилъ и, съ грѣхомъ пополамъ, существовалъ до конца дней. Въ томъ же 1860 году онъ принятъ былъ на службу въ Императорскую Публичную Библіотеку писцомъ для занятій въ отдѣленіи искусствъ, гдѣ онъ и раньше занимался весьма усердно. Въ качествѣ *писца* Петровъ былъ рекомендованъ и А. Н. Майкову, который завѣдывалъ редакціей изящныхъ искусствъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ", издававшемся въ 1861 г. русскими писателями и учеными. Майковъ, будучи пораженъ начитанностью Петрова, его знаніями, предложилъ ему сотрудничество въ Словарѣ, вмѣсто переписки, и Петровъ помѣстилъ въ этомъ изданіи много обстоятельныхъ и дѣльныхъ статей. Въ 1862 г. Петровъ недолгое время редиджировалъ *Иллюстрацію* Баумана, въ которой также, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сотрудничества, напечаталъ много крупныхъ и мелкихъ статей біографическихъ, историческихъ, топографическихъ, разсказовъ изъ народнаго быта и проч. Съ конца 60-хъ годовъ онъ получилъ доступъ, по открытому предписанію Св. Синода, къ осмотру всѣхъ церквей столицы и ея окрестностей въ археологическомъ отношеніи, а затѣмъ и въ разные архивы: Сената, Св. Синода, Департамента Иностр. Исповѣданій, Герольдіи, Министерствъ Военнаго, Путей Сообщенія, Юстиціи, Академіи Художествъ и друг. Здѣсь Петровъ рылся по цѣлымъ мѣсяцамъ и дѣлалъ выписки, служившія потомъ матеріаломъ для его трудовъ и отдѣльно изданныхъ, и разбросанныхъ во множествѣ по всевозможнымъ періодическимъ изданіямъ, не выключая и спеціальныхъ, одно перечисленіе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста. Изъ крупныхъ работъ Петрова особенно заслуживаютъ вниманія: „Собраніе матеріаловъ для исторіи Имп. СПБ. Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія" (1864—1866), „Исторія Санктъ-Петербурга" (1885), „Исторія родовъ русскаго дворянства" (1885), „Дѣятели эпохи преобразованій" (1877), „Альбомъ 200-лѣтняго юбилея Петра I" (1872), „Альбомъ русскихъ народныхъ сказокъ и былинъ" (1875), „Матеріалы для исторіи строительной части въ Россіи" (1869) и друг. Въ послѣднія десять лѣтъ Петровъ занимался собираніемъ матеріаловъ для Словаря русскихъ дѣятелей (умершихъ), предпринятаго Имп. Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Ему принадлежитъ также и нѣсколько историческихъ романовъ и повѣстей: „Семья вольнодумцевъ" „Царскій судъ", „Балакиревъ" „Два уала одной веревки" и проч. У Петрова была обширная память и способность работать неутомимо, кончая одинъ трудъ, приниматься тотчасъ, не покладая рукъ, за другой. Суетливый, необычайно энергичный, живой, съ неугасавшей въ немъ горячей вѣрой въ жизнь, въ свое скромное призваніе, Петровъ горячо любилъ литературу, искусство, фанатически былъ преданъ своему дѣлу и, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ очень много, все, что было въ его силахъ. Онъ никогда не заносился, значенія своей упорной, кропотливой и неблагодарной работы не раздувалъ, популярности не искалъ и былъ истиннымъ безсребренникомъ, довольствуясь крохами. Честный, прямой, искренній во всемъ и всегда, онъ имѣлъ, однако, мало друзей. И только эти очень немногіе друзья вполнѣ цѣнили его теплое сердце, его прекрасную душу, незлобивую и простую, дѣтски наивную.

Петръ Николаевичъ Петровъ († 29 марта 1891 г.).
Съ фотогр. Лапре, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

Большинство же видѣло въ немъ оригинала, чудака, отъявленнаго спорщика, который, подобно англійскому писателю Джонсону, считалъ за правило никогда не соглашаться со своимъ собесѣдникомъ. **П. Б—овъ.**

Буйная семья. (Рис. на этой стр.).

Кошка съ тремя котятами забралась въ будуаръ, въ отсутствіе хозяйки. Прежде всего вниманіе ихъ привлекла стоявшая на столѣ клѣтка съ канарейкой; дверцу, разумѣется, въ концѣ концовъ отворили—но птичка тотчасъ вылетѣла—и бросившійся на нее котенокъ только застрялъ въ дверцѣ. Мать, выручая его, двигала-двигала клѣтку и наконецъ опрокинула со стола... Общій переполохъ, не исключая и того изъ братьевъ, который занялся было колесомъ самопрялки.

Буйная семья. Съ карт. г-жи Роннеръ, гр. Картеръ.

Политическое обозрѣніе.

Почти одновременно съ благополучнымъ возвращеніемъ на родину Наслѣдника Русскаго Престола, совершается прибытіе въ Россію Августѣйшаго брата Его, Великаго Князя Георгія Александровича.

Послѣ Корфу Его Высочество посѣтилъ Палермо, откуда броненосецъ „Адмиралъ Корниловъ" съ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ ушелъ 10 мая вечеромъ въ Пирей. Въ Пиреѣ 12 мая Его Высочество былъ встрѣченъ Греческою королевскою фамиліею и посѣтилъ Аѳины. Изъ Греціи Великій Князь отправился въ Константинополь. О пребываніи въ этомъ городѣ сообщаются слѣдующія подробности: въ четвергъ, 16 (28) мая, Великій Князь прибылъ въ Золотой Рогъ на крейсерѣ „Адмиралъ Корниловъ", гдѣ Его Высочество былъ привѣтствованъ отъ имени султана оберъ-церемоніймейстеръ, Муширъ-пашею и министромъ иностранныхъ дѣлъ Сандъ-пашою. 17 мая Его Высочество присутствовалъ на селамликѣ и былъ принятъ султаномъ. При пріемѣ султанъ вручилъ Великому Князю Георгію Александровичу знаки ордена Османіе съ бриліантовыми украшеніями. Послѣ завтрака на другой день въ Илдизъ-Кіоскѣ, Его Высочество вернулся въ 5 часовъ пополудни на фрегатъ, который отошелъ въ Крымъ. Здоровье Августѣйшаго путешественника значительно улучшилось.

Въ Букарештѣ на-дняхъ была отпразднована двадцать пятая годовщина восшествія короля Карла на Румынскій престолъ. Юбилей сопровождался празднествами.

Въ Прагѣ 3 мая эрцгерцогъ Карлъ-Лудвигъ открылъ въ присутствіи чешскихъ сановниковъ торжественною рѣчью пражскую областную выставку. Германскія корпораціи на празднествѣ не присутствовали. Спустя двѣ недѣли послѣ этого событія въ бюджетной коммисіи австрійскаго рейхсрата младочехъ Герольдъ высказалъ сѣтованія по поводу того, что желанія Чешскаго народа относительно осуществленія его государственнаго права оставляются безъ вниманія и что чешскому языку не хотятъ дать значенія языка офиціальнаго. На это графъ Таафе возразилъ, что правительство безповоротно держится условій изложенныхъ въ текстѣ чешско-нѣмецкаго соглашенія, и никогда не приписвоитъ чешскому языку офиціальнаго характера, такъ какъ считаетъ невозможнымъ сохранить единство управленія, иначе какъ при условіи, чтобы общимъ офиціальнымъ языкомъ былъ языкъ нѣмецкій. Заявленіе графа Таафе, что присвоеніе чешскому языку офиціальнаго характера при

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы", Контора покорнѣйше проситъ Г.г. подписчиковъ **не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву" 1891 года,** озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля подъ которымъ получается ими „Нива".

Библиотека "Руниверс"

внутреннихъ сношеніяхъ чешскихъ присутственныхъ мѣстъ отложено на вѣчныя времена, произвело на чеховъ самое непріятное впечатлѣніе. Пражская газета *Politik* предвидитъ наступленіе новой боевой эры, когда теперешнему и всякому будущему правительству придется бороться не только съ одною изъ чешскихъ партій, но со всѣмъ Чешскимъ народомъ.

Въ Парижѣ на-дняхъ правительство внесетъ въ палату проектъ, гарантирующій французскимъ рабочимъ послѣ тридцатилѣтняго труда пенсію въ размѣрѣ 300—600 фр. ежегодно. Пенсіонный фондъ образуется изъ взносовъ работодателей, рабочихъ и казны. Всѣ работодатели, которые пожелаютъ нанимать иностранныхъ рабочихъ, обязаны вносить за каждаго изъ этихъ рабочихъ въ упомянутый фондъ по десяти сантимовъ въ сутки. Ежегодный расходъ казны по этому предмету исчисленъ въ сто милліоновъ франковъ.

Вопросъ о хлѣбныхъ пошлинахъ снова занимаетъ Германію. Въ половинѣ апрѣля мѣсяца *Vossische Zeitung*, затрогивая этотъ предметъ, писала, что всякое пониженіе хлѣбныхъ пошлинъ будетъ недостаточнымъ для германскихъ потребителей, если пошлины, установленныя на русскій хлѣбъ, будутъ оставлены безъ измѣненія. „Безъ подвоза хлѣба изъ Россіи, говоритъ газета,—Германіи обойтись невозможно. Нужное ей количество иноземной пшеницы Германія получаетъ на половину, а иноземной ржи — на одну пятую изъ Россіи". Черезъ мѣсяцъ, въ собраніи городскихъ гласныхъ, большинствомъ 73 голосовъ противъ 5, принято слѣдующее предложеніе соціалъ-демократовъ: „Вслѣдствіе высокихъ цѣнъ на хлѣбъ и неблагопріятныхъ видовъ на урожай, собраніе ходатайствуетъ передъ имперскимъ канцлеромъ о немедленномъ сложеніи ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ и о возможно скорой и окончательной отмѣнѣ ихъ. Городской магистратъ приглашается присоединиться къ такому ходатайству". На другой день имперскому статсъ-секретарю внутреннихъ дѣлъ Беттихеру представлялась депутація центральнаго совѣта германскихъ промышленныхъ обществъ и заявила, что дороговизна съѣстныхъ продуктовъ могла бы быть устранена немедленною отмѣною пошлинъ на хлѣба. *Фоссова Газета* сообщаетъ, что Беттихеръ отвѣтилъ, что онъ понимаетъ тяжелое для потребителей положеніе, но сомнѣвается, чтобы отмѣна пошлинъ привела къ хорошимъ послѣдствіямъ. Беттихеръ присовокупилъ, что германскія правительства серьезно занимаются этимъ вопросомъ и предложили бы отмѣну пошлинъ, если бы были убѣждены, что это дѣйствительно будетъ въ пользу потребителей. О такомъ убѣжденіи правительства генералъ Каприви сдѣлалъ заявленіе въ палатѣ депутатовъ Прусскаго сейма, сообщивъ тамъ 20 мая, что министерство не могло придти къ соглашенію относительно ходатайства передъ союзнымъ совѣтомъ о пониженіи хлѣбныхъ пошлинъ. Всеобщей нужды нѣтъ, прибавилъ Каприви,—а виды на урожай теперь лучше, чѣмъ были двѣ недѣли тому назадъ. Отъ пониженія пошлинъ, заключилъ онъ,—общей выгоды ожидать нельзя. Такое сообщеніе канцлера Каприви произвело въ Германіи тяжелое впечатлѣніе. Не смотря на нѣкоторые намеки, публика и большая часть газетъ отказывалась вѣрить, чтобы вопросъ о временной отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ могъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. О дѣйствіи упомянутаго сообщенія можно судить уже потому, что на слѣдующій день цѣна ржи на берлинской биржѣ повысилась на 9¾ марки. Газеты высказываютъ большія опасенія насчетъ послѣдствій правительственнаго рѣшенія.

Смѣсь.

Г. Шевляковъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* сообщаетъ слѣдующій анекдотъ: Въ одномъ своемъ приказѣ, императоръ Павелъ повелѣлъ, чтобы всѣ проѣзжающіе по улицѣ, встрѣчаясь съ нимъ, выходили изъ экипажа и отдавали ему царскую почесть поклономъ. Исключенія не было даже для дамъ.

Случилось однажды, что императоръ совершалъ свою обычную прогулку верхомъ въ грязный день. На встрѣчу ему мчится въ коляскѣ расфранченная дама. Поровнявшись съ императоромъ, кучеръ удержалъ лошадей, дама поспѣшно вылѣзла изъ экипажа. Государь, пожалѣвъ ея костюмъ, крикнулъ:

— Садитесь!

Она перепугалась этого возгласа, и понявъ его не въ томъ смыслѣ, со всего размаха сѣла на землю въ грязь. Павелъ быстро соскочилъ съ лошади, подбѣжалъ къ ней, взялъ ее подъ руку, помогъ подняться и усадилъ въ экипажъ, сказавъ:

— Я вамъ велѣлъ сѣсть не въ грязь, а въ коляску.

Говорятъ, что это обстоятельство послужило поводомъ для примѣчанія къ приказу, которымъ женщины освобождались отъ такого оказыванія почтенія.

Сахаръ. Въ древности для подслащенія пользовались пчелинымъ медомъ, употреблявшимся въ громадномъ количествѣ. Но уже за 2000 лѣтъ до нашего времени научились добывать сахаръ изъ растеній безъ посредства пчелъ. Страбонъ пишетъ, на основаніи сообщенія Неарха, адмирала Александра Великаго, что въ Индіи добываютъ медъ изъ растеній безъ посредства пчелъ. По свидѣтельству другаго древняго писателя, Діоскорида, въ Индіи и Аравіи приготовляютъ изъ тростника сахаръ, который имѣетъ видъ кристалловъ и хруститъ подъ зубами. Плиній говоритъ, что изъ тростника собираютъ медъ, такъ же какъ смолу, но онъ употребляется только въ медицинѣ. Отсюда очевидна несостоятельность того мнѣнія, что приготовленіе сахара изъ тростнику изобрѣли и впервые ввели на Западѣ испанскіе мавры. Сахаръ добывался изъ тростника посредствомъ надрѣзовъ и наколовъ въ видѣ сока, который застывъ кристаллизовался. По словамъ Плинія, кристаллы сахара изъ тростника были величиною съ орѣхъ и, вѣроятно, имѣли сходство съ „китайскими леденцами." Древніе китайцы приготовляли ихъ въ громадномъ количествѣ и вели ими большую торговлю съ Индіей, гдѣ тѣ употреблялись какъ лекарство противъ горловыхъ и грудныхъ болѣзней, что практикуется и въ наше время. (к.)

Какъ задуть сквозь стѣну пламя свѣчи. Всѣ, вѣроятно, слыхали, что стѣны нашихъ домовъ пористы и что можно задуть сквозь стѣну пламя горящей свѣчи. Но не многіе умѣютъ показать это на опытѣ, для произведенія котораго однако существуютъ вспомогательныя средства. Берется кирпичъ, къ двумъ противуположнымъ стѣнкамъ котораго проводится по трубкѣ, плотно прилегающей къ кирпичу. Передъ одною ставятъ горящую свѣчу и дуютъ въ другую, тогда пламя начинаетъ колебаться и можно легко задуть его. Пористость стѣнъ доказывается и другимъ опытомъ. Вмѣсто того чтобы дуть въ трубку, ее соединяютъ съ газопроводомъ. Открываютъ кранъ, и черезъ короткій промежутокъ времени газъ, пройдя поры стѣны, вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ на другомъ концѣ трубки, подъ которымъ стоитъ свѣча. (к.)

Обидчивость янки. Англичанинъ Гринъ, извѣстный теноръ, отправился въ 1851 г. въ Америку, съ цѣлью выступить въ Нью-Іоркѣ и Бостонѣ, и сѣлъ на американскій пакетботъ. Дорогою онъ какъ-то позволилъ себѣ обидное замѣчаніе на счетъ американскихъ матросовъ и обозвалъ ихъ нелюбимымъ ими племѣнилнымъ прозвищемъ — „рыбники". Второй штурманъ, слышавшій это оскорбленіе, тотчасъ-же отвѣтилъ на него ударомъ кулака, отъ котораго англичанинъ растянулся на полу. Онъ пожаловался было капитану, но этотъ послѣдній не принялъ его жалобы, а пассажиры—американцы отказались обѣдать съ нимъ за однимъ столомъ. Но этимъ злоключенія Грина не ограничились. Выступивъ въ Нью-Іоркѣ, онъ началъ было пѣть, но крики и свистки публики заставили его ретироваться. Тѣмъ не менѣе, онъ необдуманно рискнулъ выступить въ слѣдующій вечеръ. Несчастнаго пѣвца привѣтствовали тухлыми яйцами, гнилыми яблоками и грушами, даже камнями; въ заключеніе чернь атаковала театръ и начала бить окна, зеркала и проч., пока театральный директоръ не вышелъ съ извиненіями и обѣщаніемъ никогда больше не выпускать англичанина. Тогда пѣвецъ рискнулъ попытать счастья въ другихъ городахъ, но тщетно: въ Бостонѣ, Филадельфіи, Балтиморѣ — вездѣ повторились тѣ-же сцены. Ему ничего болѣе не оставалось, какъ уѣхать изъ негостепріимной страны. (в.)

Народная перепись въ Китаѣ. Въ Китаѣ предписано закономъ, чтобы каждые десять домовъ города, деревни или мѣстечка вели особый списокъ, куда должны вноситься число и имена ихъ жильцовъ. Каждыя 10 семействъ составляютъ одну „чію," во главѣ которой стоитъ старѣйшій изъ членовъ этихъ семействъ. Каждыя 10 такихъ „чій" состоитъ въ вѣдѣніи государственнаго чиновника, который отвѣчаетъ за правильность переписи ихъ членовъ. Число жителей въ отдѣльныхъ городахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ ежегодно сообщается императорскому вѣдомству податныхъ сборовъ. По свѣдѣніямъ 1885 года населеніе Китая, за исключеніемъ 5 провинцій, въ которыхъ не была произведена перепись, простирается до 319,383,500 душъ. На вышеупомянутыя 5 провинцій можно положить круглымъ числомъ 60 милліоновъ жителей. (к.)

Первое кофейное дерево въ Вестъ-Индіи. Около половины XVII столѣтія кофе уже началъ входить въ употребленіе у богатыхъ людей. Привезенный въ Марсель левантинскими купцами, этотъ пріятный ароматическій напитокъ сдѣлался извѣстнымъ въ Парижѣ особенно съ тѣхъ поръ, какъ турецкій посланникъ, Солиманъ-Ага, зимою 1669 года съ блестящимъ успѣхомъ устроилъ у себя придворнымъ дамамъ и кавалерамъ торжественный „кофейный" вечеръ. Съ тѣхъ поръ, какъ новый напитокъ началъ пріобрѣтать все больше и больше потребителей, ввозъ арабскихъ кофейныхъ бобовъ въ Европу сталъ производиться большими массами, и въ Аравію ежегодно уходило много денегъ, такъ какъ вслѣдствіе огромнаго спроса на мокка, онъ годъ отъ году значительно поднимался въ цѣнѣ.

Это обстоятельство навело предпріимчивыхъ голландцевъ, также привыкшихъ къ кофе, — на мысль перенести отводки кофейнаго дерева на островъ Яву и попытаться тамъ его культивировать. Это вполнѣ удалось имъ. Французское правительство послѣдовало примѣру голландцевъ и въ 1716 г. отправило кофейные отводки на Антильскіе острова; къ сожалѣнью, дорогою они погибли. Неудача не лишила предпринимателей энергіи. Изъ Аравіи были привезены новыя насажденія, и въ 1720 г. ихъ отправили на о-въ Мартинику съ кавалеромъ Деклё.

Этотъ энергичный молодой человѣкъ былъ какъ нельзя болѣе способенъ выполнять возложенное на него важное порученіе; онъ уже путешествовалъ по тропическимъ странамъ и выказалъ себя опытнымъ ботаникомъ. На Мартиникѣ у него были родные между та-

Библиотека "Руниверс"

мощными владѣльцами сахарныхъ плантацій. Чтобы доставить отводки къ мѣсту назначенія цѣлыми и невредимыми, были приняты чрезвычайныя мѣры предосторожности, каждый отводокъ посаженъ въ ящикъ дубоваго дерева, въ землю, привезенную изъ Аравіи. Ящикъ снабжался отлогой, стеклянной крышкою, которая давала возможность усиливать дѣйствіе солнечныхъ лучей въ случаѣ надобности. Въ ящикъ, кромѣ того, была проведена труба, посредствомъ которой къ растенію могъ проникать нагрѣтый воздухъ, если это казалось полезнымъ.

Парусное судно, на которомъ Деклье везъ три отводка кофейнаго дерева, отплыло изъ Панта. Плаваніе его было очень продолжительное и опасное: буря выбила его изъ курса и загнала въ роковую широту штилей. Ни вѣтерка, ни облачка на небѣ... Паруса недвижно повисли, и такъ продолжалось недѣли, мѣсяцы... Тяжело было Деклье видѣть, какъ страдаютъ при этомъ заботливо оберегаемыя имъ растенія. Два отводка уже погибли, несмотря на самый лучшій уходъ; только третій и послѣдній еще держался. Воды для питья оставалось очень мало, она распредѣлялась между матросами все меньшими порціями. Деклье предпочиталъ самому терпѣть жажду, чѣмъ лишать растеніе необходимой ему влаги. Наконецъ дошло до того, что только онъ одинъ имѣлъ еще небольшой запасъ воды; ни капли больше не оставалось на суднѣ, всѣ бочки были пусты, а тропическое солнце невыносимо жгло своими палящими лучами. Мучимые жаждою матросы отправили въ каюту Деклье депутацію съ предложеніемъ пожертвовать небольшой остатокъ прѣсной воды на общую пользу и съ ними вмѣстѣ освѣжиться отъ мучительной жажды.

Деклье отказалъ наотрѣзъ, говоря, что оставшійся запасъ воды слишкомъ недостаточенъ для всего экипажа, что каждому достанется самое большее по одному стакану, тогда какъ этимъ-же количествомъ воды можно еще нѣкоторое время поливать растеніе.

На слѣдующій день къ нему собрались всѣ матросы и предъявили то же требованіе, но на этотъ разъ въ угрожающей формѣ, утверждая, что съ его стороны безумно и жестоко позволять людямъ томиться жаждою ради какого-то растенія.

Деклье отвѣчалъ: „Я терпѣлъ тѣ-же муки, что и вы, даже большія, такъ какъ, имѣя въ своей комнатѣ немного воды, отказываю себѣ въ питьѣ по чувству долга“.

На представленіе, что кофейный отводокъ можно поливать морскою водой, онъ возразилъ, что растеніе не переноситъ морской воды и можетъ отъ нея погибнуть. Тогда раздраженные матросы заговорили о томъ, что самое лучшее выбросить его за бортъ вмѣстѣ съ проклятымъ растеніемъ, а самимъ завладѣть его запасомъ воды. Кавалеръ вынулъ свои пистолеты и рѣшительнымъ тономъ объявилъ, что застрѣлитъ всякаго, кто къ нему приблизится съ подобнымъ злымъ умысломъ. Въ ярости они хотѣли уже броситься на него, но въ этотъ роковой моментъ одинъ изъ нихъ вдругъ воскликнулъ: „Слушайте: громъ!“ Дѣйствительно, издали слышались глухіе раскаты, на южномъ горизонтѣ стѣною стояла темная туча, — приближалась гроза.

„Кавалеръ, скоро у насъ будетъ воды вдоволь, выдайте намъ пока вашъ запасъ, онъ вамъ болѣе не нуженъ“, сказалъ болѣе умѣреннымъ тономъ одинъ боцманъ.

Но упрямый молодой ботаникъ отвѣтилъ: „Гроза еще можетъ пройти мимо, поэтому вы должны немного подождать“.

Ждали еще полчаса, слѣдя за тѣмъ, какъ грозовая туча поднималась все выше и выше, какъ сверкала молнія и грохоталъ громъ. Наконецъ Деклье отдалъ сбереженную воду измученнымъ матросамъ, чтобы они освѣжились въ ожиданіи дождя. Вскорѣ на палубу хлынулъ сильный ливень, его собирали въ осмоленную парусину и наполняли водою бочки. Такимъ образомъ бѣда кончилась. Это была тропическая гроза страшной силы; она спасла экипажъ судна отъ большой опасности, не причинивъ ни малѣйшаго вреда, и принесла съ собою такъ давно жданный вѣтеръ, благодаря которому судно наконецъ выбралось изъ роковой широты штилей.

Деклье счастливо достигъ Мартиники вмѣстѣ съ кофейнымъ растеніемъ, которое онъ спасъ такою заботливостью и самоотверженіемъ. Отводокъ отлично принялся, отъ него произошли многіе милліоны кофейныхъ деревьевъ на Мартиникѣ, Гваделупѣ, Санъ-Доминго и другихъ Большихъ и Малыхъ Антилахъ, славящихся въ настоящее время своими превосходными сортами кофе. (в.)

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: **Корень зла.** Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **П. Н. Полевого.** Ч. 1. (Продолженіе). - **Воръ.** Разсказъ **Франца Вихмана.** - **Пламя.** — Къ рисункамъ: **Видъ на Сайменскомъ озерѣ** (съ рис.). — **На дачѣ** (съ рис.). - **Концертъ въ пустынѣ** (съ рис.). — **Цыганка** (съ рис.). — **Болотниновъ предъ Шуйскимъ** (съ рис.). - **Домъ С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго Кредита** (съ рис.). — **П. Н. Петровъ** (съ портр.). — **Буйная семья** (съ рис.). — **Политическое обозрѣніе.** - **Заявленіе.** — **Смѣсь.** — **О перемѣнѣ адреса.** — **Объявленія.**

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за ІЮНЬ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮНЬ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Продается у всѣхъ винопродавцевъ только что вышедшая новая книга В. НИКИТИНА:

ОБЛОМКИ РАЗБИТАГО КОРАБЛЯ. Мт. № 5220

Очень у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Цѣна 1 руб.

Іодисто соляное купанье **КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ.** Верхняя Австрія.

Лѣчебное приспособленіе (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, кефиръ).

Ц. № 5177 Весьма благопріятныя климатическія условія. 4—2

Желѣзнодорожная станція. Путь черезъ Линцъ на Дунаѣ.

СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-ое сентября.

Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ безплатно

Лѣчебное управленіе купанья **ГАЛЛЬ.**

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

УЛУЧШЕННЫЙ **ФОНОГРАФЪ СИСТЕМЫ ЭДИСОНА.**

Воспроизводитъ музыку, пѣніе и обыкновенный разговорный голосъ. Рекомендуется для научныхъ опытовъ на публичныхъ лекціяхъ. Необходимъ въ семействѣ и общественныхъ мѣстахъ. Стоимость отъ 60—450 марокъ. **M. Jordan. Berlin.** Friedrichstrasse. 14

НЕБЫВАЕТЪ прочнѣе мужскихъ бальсонъ какъ **ИЗЪ ТВИСТЪ,** въ магазинѣ **Ю. ГОТЛИБЪ,** въ СПБ., по Владимірской, д. 2, уг. Невск. пр. Ц. 1 р. 75 к. за пару. Перес. за каждыя 3 пары 1 р., по Азіатск. Россіи 1 р. 75 коп. Меньше 3-хъ паръ не высылается. При пересылкѣ необходима мѣра ноги и длина. Мт. № 5221

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. аптекарскихъ магазинахъ; главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ. Колочольная, 18—19

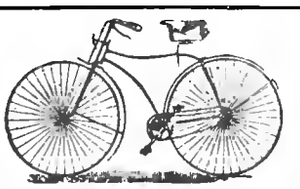
ГУВЕРНАНТКИ и ГУВЕРНЕРЫ

русскіе и иностранцы рекомендуются дамой-англичанкой, **ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦЕЙ** англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, а также и музыки.

Рекомендующая, въ силу своей профессіи, имѣетъ возможность оцѣнить рекомендуемыхъ. П. № 4923 12—6

Москва, Тверская, Леонтьевскій пер., д. Шиллингъ, кв. № 8, г-жѣ **БЮРО.**

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.

ФРАНКФУРТЪ Н. М.

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

„ОРЕЛЪ“.

Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиновыми „Кюженъ“ подушка) и „пневматическій“. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ 10 пфен. марками. Ц. № 5189 15—

Тульскій Фабрикантъ оконныхъ, дверныхъ и печныхъ металлическихъ приборовъ

ИВАНЪ ЕГОРОВИЧЪ КАМЕНЕВЪ.

Имѣетъ приборы постоянно въ наличности и принимаетъ заказы по образцамъ, чертежамъ и рисункамъ. Приборами моей фабрики отдѣланы: **Главный Домъ въ Нижегородской Ярмаркѣ** и въ настоящее время изготовляется заказъ для **Верхнихъ Торговыхъ Рядовъ въ Москвѣ.** Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно, образцы съ наложеннымъ платежемъ. Фабрика существуетъ съ 1800 года.

Адресъ: Тула, фабрикантъ НАМЕНЕВЪ. П. № 5169 2—

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ. Въ послѣднее время по явилось въ продажѣ множество поддѣлокъ ядъ названіемъ „Гуніади-Яносъ“; поэтому покорнѣйше просимъ обратить вниманіе на помѣщенную здѣсь предохранительную марку—портретъ.

Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.

ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Ц. 5151 10—4

Библиотека "Руниверс"

1891. ПРАГА.

ЧЕШСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ПРАГѢ

по случаю сотой годовщины первой промышленной выставки въ Прагѣ въ 1791 году подъ августѣйшимъ покровительствомъ Его Величества Императора Австрійскаго Франца-Іосифа I съ 15-го мая по 15-ое октября 1891.

На выставкѣ будутъ имѣть мѣсто: Искусства, Науки, Промышленность, Земледѣліе, Празднества, Современныя новости, Иллюминованный фонтанъ, Конгрессы, Лотерея и проч. проч. J. № 5133 5—5

АНГЛІЙСКОЕ

КОНЦЕРТИНО

Инструментъ очень пріятнаго тона, съ полной хроматической гаммою, на которомъ можно играть послѣ короткаго упражненія всевозможныя пьесы со всѣми нюансами.

Сопрано 48-тонныя въ 24, 30, 40, 50, 65, 85, 100, 125 и 140 р., 56-тонныя въ 160 и 200 рублей.

Баритоны 48-тонные въ 85 и 140 руб.

Самоучитель Пруссака 2 руб.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.

Большой выборъ нотъ для англійскаго концертино.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо № 5147 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Извѣстные велосипеды въ саѣтѣ англійскаго завода

ГУМБЕРЪ и К°,

Представители

Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.

Москва, Пеглинный проѣздъ, домъ Ечиной, магазинъ № 14.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И РАЗОСЛАНЪ ПОДПИСЧИКАМЪ **второй томъ** сочиненія **Ѳ. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“,

заключающій въ себѣ 707 стр. текста, **125 художественно исполненныхъ гравюръ** и полигинажей съ изображеніемъ древесныхъ породъ и ихъ частей, а также культурныхъ орудій, и **17 эстамповъ на мѣди.**

Цѣна этому тому: для подписавшихся на все сочиненіе **8 руб.**, а въ отдѣльн. продажѣ **10 р.**, съ пересылкою иногороднымъ **10 р. 60 к.**

Подписка на всѣ три тома «Русскаго лѣса» продолжается и каждый новый подписчикъ тотчасъ-же получаетъ уже вышедшіе два тома сочиненія. **Подписная цѣна** на всѣ три тома **14 рублей.** По выходѣ 3-го тома цѣна изданію **будетъ возвышена.**

Для гг. лѣсничихъ и вообще лицъ, служащихъ по М-ству Г. И., желающихъ подписаться на всѣ три тома, **допускается разсрочка** на слѣдующихъ условіяхъ: При подпискѣ вносится **3 р.** и затѣмъ въ слѣдующіе 11 мѣсяцевъ по **1 р.** ежемѣсячно. Взамѣнъ денегъ могутъ быть высылаемы на равную сумму почтовыя марки. При подпискѣ въ разсрочку необходимо представить **ручательство** одного изъ слѣдующихъ трехъ лицъ: Его Пр—ства **Ѳ. К. Арнольда,** г. **В. А. Тихонова,** или г. **Управляющаго** Государствен. Имуществами губерніи. Вышедшіе 2 тома будутъ высланы тотчасъ-же по полученіи перваго взноса въ 3 руб.

Требованія просятъ адресовать на имя издателя **А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургъ, Невскій, д. 6.**

ЛЕНИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египетскаго моста, домъ № 7—2. № 4961 26—11

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ЕДИНСТВЕННЫЕ ВПОЛНѢ НЕПРОМОКАЕМЫЕ

КАУЧУКОВЫЕ БРЕЗЕНТЫ

плащи для возчиковъ, сторожей и пр.

НАДХОМУТНИКИ

№ 5091 для лошадей. 12—11

Ф. РЕДДАВЕЙ и К°.

Москва, Рыбный пер., Старо-Гостинный дворъ, № 38.

„ИДІАЛЪ“ ЧЕРНИЛЬНИЦА

Практично! Ново! Дешево! Красиво! Соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества идеальной чернильницы—перья не тупятся, нельзя дѣлать клаксы, очень экономна, легко чистится.

Маленьк. 1 р. 50 к. Больш. 2 р. Перес. 2 ф.

Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Способъ приготовленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не обязывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цѣна: флакону 1 р. 65 к., бензоевое мыло 3 к. и 50 к. кусокъ, опо-помада (лучше кольдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.

Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на привѣтственную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента Главный складъ для всей Россіи у В. Аурихъ, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В № 4739 19—13

Только 6 руб.

Настоящій фотографическій аппаратъ, съ треножникомъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды и пр., съ пробн. снимк. и руководств. Перес. за 15 фунтовъ. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4, Невскій проспектъ, 4, рядомъ съ Главнымъ Штабомъ.

Новый иллюстрир. каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 2 копѣечн. марки.

РѢДКІЯ ФОТОГРАФІИ.

Каталогъ безплатно. А. Дриманъ. Амстер-дамъ (въ Голландіи). Ц. № 5204 6—3

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ В № 5198 20—10

10, 15, 25 р. и дороже. Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-кур. безплатно. К. П. ФРЕЛАНДТЪ. Москва. Мясницкая, уголъ Кривоколѣннаго пер., д. Соколова.

С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30—16.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ. Невскій, 59—57, соб. домъ.

КОНТОРА

ЕГОРА МАЙЕРЪ

въ Москвѣ

(учрежденная въ 1872 г.)

СТРАХУЕТЪ всякаго рода движимое и недвижимое имущество отъ огня, равно и товары въ пути, съ выдачею простыхъ и генеральныхъ полисовъ.

СТРАХУЕТЪ отъ тиражей погашенія билеты 1-го и 2-го внутреннихъ съ выигрыш. займовъ.

Владѣльцевъ билетовъ, застрахованныхъ въ означенной конторѣ и вышедшихъ въ предшествовавшіе тиражи погашеній, покорнѣйше просятъ **предъявить неотлагательно** чрезъ корреспондентовъ или прямо въ контору въ Москвѣ эти билеты для обмѣна на другіе, невышедшіе въ тиражъ.

Порученія изъ провинціи исполняются съ обратною почтою, а по желанію, съ наложеннымъ платежомъ. Ш. № 5199 2—1

Въ книжныхъ магазинахъ продается книга:

№ 5214 **ОЧЕРКИ** 2—2

ГОРОДСКАГО БЛАГОУСТРОЙСТВА ЗАГРАНИЦЕЙ.

Путевыя замѣтки А. Н. Никитина.

Книга того же автора: „Крымскія минеральныя грязи въ деревнѣ Саки и морскія купанья въ г. Евпаторіи“—очерки и картинки *А. Н. Н-на*. „Силуэты Крыма“—изъ путевой книжки *А. Н. Нилидина* (псевдонимъ).

Складъ изданій: Спб. Тип. Шредера, Горох. 49

Цѣна каждой книги 2 руб. съ пересылкой.

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ Б. Морская, 21.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ

ЖЖЕНЫЙ КОФЕ

ТВЕРСКАЯ, противъ Сапожнаго подворья. А. Гиппіусъ въ Москвѣ. Кофе по пониженнымъ требованіямъ высылаетъ. Прейсъ-куранты безплатно. Наложенный платежъ.

Л. ФОРШТРЕМЪ

ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ.

Дозвол. цензур., СПБ., 29 мая 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XXII г. | г. XXII

№ 23 | 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН №№ СЪ 6—10 РИС ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 8 іюня 1891 г

Продолжается подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

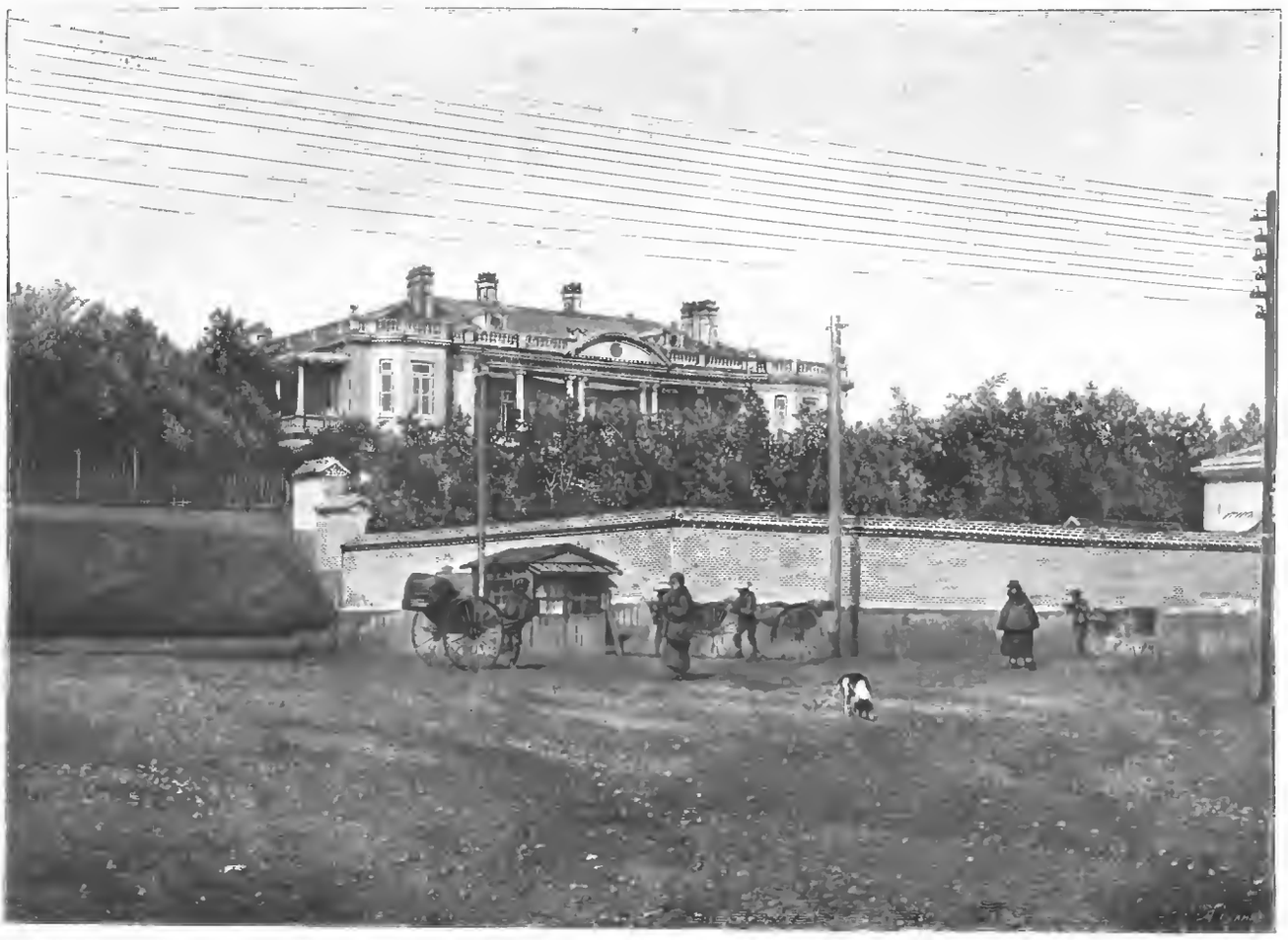
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ" принимаются за строку нонпарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr. для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 пф.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.



Японія. Токіо. Домъ Русскаго посольства. Съ фот. Апостоли, грав. Шлиперъ

Библиотека "Руниверс"

Корень зла.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.

П. Н. Полевого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Стемнѣло. Зги не видно на Посольскомъ дворѣ. Давно погашены огни; давно улеглась шумливая и задорная посольская челядь. Потухъ огонекъ и въ спальнѣ Сапѣги. Только пристально всмотрѣвшись въ темноту, можно было разсмотрѣть темныя очертанія зданій и ограды Посольскаго двора. Но вотъ, за оградою, со стороны переулка, послышался легкій шорохъ, потомъ осторожный кашель. Какъ-бы въ отвѣтъ на это, кто-то громко кашлянулъ наверху, на заднемъ крылечкѣ. Тѣнь человѣка показалась надъ заборомъ, потомъ появилась на кучѣ бревенъ и осторожно спустилась по бревнамъ во дворъ.

Тургеневъ и Ѳеодоръ Калашникъ видѣли изъ своей засады, какъ эта темная неопредѣленная тѣнь скользнула по двору къ крыльцу—и исчезла.

Прошелъ добрый часъ времени. На Посольскомъ дворѣ царила такая тишина, что слышны были даже и отдаленные звуки ночи надъ спящимъ городомъ. И вдругъ Алёшенька изъ своей засады услышалъ легкій скрипъ шаговъ наверху, надъ крыльцомъ; въ то-же время до его слуха долетѣли отдѣльныя слова изъ разговора двухъ людей, говорившихъ вполголоса по-польски:

— Черезъ два дня царевича здѣсь ужъ не будетъ... Къ вамъ переправимъ на рубежъ... А тамъ ужъ ваше дѣло! говорилъ одинъ голосъ.

— Бардзо пшіемно, отвѣчалъ другой голосъ тоже тихо.—Наяснѣйшій панъ нашъ-круль Зыгмунтъ его не выдастъ...

— Какая польза выдавать-то! Вѣдь мы-же всѣ... Вѣдь намъ только и нужно...

Тутъ голосъ понизился до шопота... Ничего не стало слышно, пока одинъ изъ говорившихъ не произнесъ:

— До видзэнья, панъ бояринъ!

Наверху дверь легонько скрипнула, притворяясь; на ступенькахъ послышались осторожные шаги. Темная тѣнь человѣка, закутаннаго въ шубу, скользнула мимо Алёшеньки, который далъ ей отойти на нѣсколько шаговъ отъ крыльца, и потомъ въ одинъ прыжокъ очутился около непрошеннаго гостя.

— Стой! Давай отвѣтъ! Зачѣмъ пожаловалъ—и кто ты таковъ? проговорилъ шепотомъ Алёшенька, хватая незнакомца за воротникъ шубы.

Незнакомецъ не смутился нисколько и проговорилъ совершенно спокойно:

— Испугать задумалъ? Думаешь, такъ тебѣ въ руки и дался!

— Врешь — не уйдешь! Говори кто ты! горячился юноша, не выпуская воротника шубы.

— Я злой ворогъ Годуновымъ: ихъ сгубить поклялся, и на томъ свою душу бѣсу продалъ! глухо проговорилъ незнакомецъ.

Алёшенька невольно выпустилъ воротникъ шубы. Незнакомецъ и съ мѣста не тронулся.

— А ты за что дружишь имъ? Не за то-ли, что мать-царица твою боярышню со свѣта сжить хочетъ? Въ Кадаши безъ вины сослала, а теперь ладитъ на Бѣлоозеро отправить?

— Ты лжешь! Быть не можетъ!

— Или за то ты Годуновыхъ жалуешь, что они на Романовыхъ злобой пышутъ и ихъ погубить измышляютъ? продолжалъ незнакомецъ, не обращая вниманія на восклицаніе юноши.

— Будь они прокляты! невольно сорвалось съ языка у Шестова.

— Вотъ это въ одно слово! быстро и горячо сказалъ незнакомецъ. — Да такъ и знай — ихъ дни изочтены! Изъ гроба всталъ законный царь — въ томъ ихъ погибель!

— Да сгинь же ты, пропади! Съ нами крестная сила! едва могъ выговорить юноша, озадаченный загадочными рѣчами незнакомца.

— Спасибо, что пропускъ далъ, отвѣчалъ тотъ насмѣшливо. — Спасибо, что и пріятелей своихъ изъ засады не зовешь! Ты думаешь я не знаю?.. Я все знаю— недаромъ мнѣ бѣсъ-то пріятель!.. Ну, такъ ты же не думай, господинъ Шестовъ, что я спроста къ тебѣ въ гости полѣзъ. Вотъ на, послушай!..

И незнакомецъ жалобно мяукнулъ по-кошачьи.

Въ двадцати мѣстахъ за оградой двора и по всему переулку откликнулось такое же жалобное мяуканье.

— Изволишь видѣть? сказалъ незнакомецъ Алёшенькѣ. — У насъ ужъ такъ порѣшено, что если бы я отсюда не вышелъ, да годуновцамъ бы попался въ лапы, мои головорѣзы запалили бы дворъ съ четырехъ концовъ. Никто бы изъ него живой не выскочилъ!

Въ отдаленіи послышался свистъ; черезъ минуту повторился ближе.

— Меня зовутъ, поспѣшно произнесъ незнакомецъ.— Прощай... Да на разстаньѣ вотъ тебѣ совѣтъ: скажи своимъ Романовымъ, чтобы за кладовыми своими смотрѣли зорко... Есть тамъ одинъ предатель у нихъ— Годуновымъ ихъ продать собирается!

Свистъ повторился въ третій разъ, подъ самымъ заборомъ. Незнакомецъ въ одинъ прыжокъ очутился на бревнахъ, вскарабкался по нимъ какъ кошка и исчезъ во мракѣ...

А юноша, совершенно растерявшійся отъ всего имъ слышаннаго, съ минуту еще простоялъ на мѣстѣ словно околдованный, и Ѳеодоръ Калашникъ съ Петромъ Тургеневымъ, вышедши изъ засады, долго не могли отъ него добиться толкомъ: что съ нимъ случилось, кого онъ видѣлъ, съ кѣмъ и о чемъ бесѣдовалъ въ глубокомъ мракѣ ночи.

X.

Чернецъ Григорій.

Ночь давно уже спустилась надъ Московскимъ Кремлемъ. Давно уже окутала она глубокимъ мракомъ кремлевскіе соборы, дворцы, подворья и обители. Все спитъ, все покоится до утра, до новыхъ заботъ и тревогъ... Только въ окошечкѣ одной изъ келій Чудова монастыря чуть свѣтится огонекъ.

Тамъ, при тускломъ свѣтѣ лампады, которая теплится передъ иконой въ низенькой божницѣ, молодой чернецъ Григорій склонился надъ ветхой рукописью, и жадно вчитывается въ исписанный и пожелтѣвшій столбецъ. Глаза его блестятъ, быстро перебѣгая со строки на строку; лицо горитъ, руки дрожатъ, грудь подымается порывистымъ и усиленнымъ дыханіемъ. Юнаго инока волнуетъ чтеніе той „повѣсти“, которую недавно отыскалъ онъ въ патріаршей библіотекѣ и утаилъ отъ зрѣнія людскаго, и хранитъ какъ драгоцѣнность, и любитъ какъ запретный плодъ. Днемъ носитъ онъ ту „повѣсть“ на груди, ночью кладетъ себѣ въ изголовьѣ, чтобы никто не могъ ее похитить, чтобы ничей нескромный глазъ не смѣлъ въ нее и ненарокомъ заглянуть. И только тогда, когда во всей обители водворяется сонъ и молчаніе,—инокъ Григорій припираетъ дверь кельи изнутри толстымъ коломъ, крадучись подходитъ къ своей божницѣ, беретъ, вынимая изъ-за пазухи завѣтную рукопись и прочитываетъ ее залпомъ, всю, начиная отъ заглавія, на которомъ киноварью

Библиотека "Руниверс"

изображены слова: „Повѣсть како восхотѣ Царскій престолъ Борисъ Годуновъ похитити“, и до заключенія рукописи, въ которомъ неизвѣстный авторъ сказанія восклицаетъ: „отселѣ, что̀ реку, и что̀ возглаголю? Слезъ время приспѣ, а не словесъ; плача, а не рѣчи; молитвы, а не бесѣдъ... Скорьби нашей пучина и плача нашего бездна!“

И несмотря на то, что инокъ Григорій почти наизусть выучилъ эту повѣсть, онъ не можетъ читать ее безъ волненія. Прочитывая нѣкоторыя мѣста рукописи, онъ отрывается отъ нея на минуту, шепчетъ невнятныя слова, грозитъ кому-то кулакомъ и потомъ опять углубляется въ чтеніе:

„И тотчасъ убійцъ всѣхъ изымаша и приведоша ихъ на дворъ, и реша имъ граждане: „окаяннии и зліи человѣци! Како дерзнусте такое дѣло сотворити?“ Они же окаяннии стояху и зряху сѣмо и ова̀мо, и рѣша къ народу: „кровь неповинная насъ обличила, послушали мы прелестника Бориса Годунова...“

— Послушали окаянные окаяннаго, шепчетъ про себя инокъ,—и подняли руку на царское дѣтище!

И затѣмъ опять продолжаетъ чтеніе:

„И пришедше во дворъ царскій и видѣша юнаго царевича заколота ножемъ яко агнца... Мати же его надъ нимъ стоящи—плачущися...“

— Притворялась только, что сына оплакиваетъ, прошепталъ Григорій, — а сама знала, что сынъ ея ужь далеко, что на мѣсто его заколотъ поповъ сынъ... А царевичъ-то—*вотъ онъ!*

И Григорій выпрямляется во весь ростъ передъ божницей, и обводитъ кругомъ себя горделивымъ взглядомъ.

— Царевичъ! сказалъ юноша. — Хорошъ царевичъ! Поетъ на клиросѣ съ дьяками, спитъ на соломѣ... Дрогнетъ въ сырой кельѣ подъ старой овчиной... Такъ можетъ-быть и весь вѣкъ свой проживетъ?.. Укрываясь отъ окаяннаго Бориса и отъ ножей его убійцъ!

И Григорій бережно свернулъ столбецъ, завернулъ его въ тряпицу и сунулъ подъ изголовье. Потомъ и самъ прилегъ на жесткую постель, прикрылся нагольною шубой и попытался уснуть.

Но это было не легко. Воображеніе, настроенное чтеніемъ, рисовало ему одинъ образъ за другимъ, воскрешало передъ нимъ прошлое, манило въ будущее. То представлялся ему, въ видѣ отдѣльнаго воспоминанія, утратившаго яркія краски дѣйствительности, тотъ боярскій домъ, въ которомъ онъ росъ еще ребенкомъ, гдѣ-то далеко отъ Москвы. Онъ видѣлъ даже передъ собою того боярина, который воспиталъ его, и часто, лаская его и гладя по головкѣ, называлъ „царскимъ рожденьемъ“. Тотъ добрый бояринъ его и грамотѣ выучилъ, и говаривалъ ему не разъ: „учись—царскому сыну надо быть грамотнымъ“.

Потомъ начались какіе-то переѣзды, какія-то странствованья, о которыхъ дѣтская память не сохранила воспоминанія. Ему казалось, что дѣтство минуло какъ сонъ, и тотчасъ послѣ того смѣнилось безконечною вереницею тяжелыхъ, грустныхъ дней. Григорій помнилъ только, что лѣтъ восемь тому назадъ служилъ онъ во дворѣ князей Черкасскихъ, что тамъ его никто не называлъ ни „царевичемъ“, ни „царскимъ рожденьемъ“, что всѣ считали его сыномъ какого-то галицкаго сына боярскаго, что слуги надъ нимъ смѣялись, когда онъ отказывался отъ своего отца и говорилъ о своемъ знатномъ происхожденіи.

„Чего хвастаешь? дразнила его княжая челядь.— Не лучше ты насъ! Такой же холопичъ, — отъ холопки подъ кустомъ родился, — холопомъ и помрешь“.

И Григорій помнилъ, какъ онъ плакалъ слезами безсильной злобы въ отвѣтъ на эти насмѣшки и шутки дворни.

„Потомъ? Что̀ было потомъ?“ спрашивалъ себя юноша, въ полудремотѣ. И ему вспомнился тотъ чудесный весенній день, когда его впервые увидалъ бояринъ Ѳеодоръ Романовъ и выпросилъ себѣ у князя Черкасскаго. „Дай мнѣ мальчишку—онъ шустрый, грамотный; пусть во дворѣ моемъ растетъ, а тамъ въ дьяки, либо въ приказные его пристрою...“

— И хорошо жилось въ Романовскомъ подворьѣ! вслухъ произноситъ Григорій. — Не то, что здѣсь... Здѣсь какъ въ могилѣ... какъ въ сырой землѣ... Здѣсь душно! Давятъ эти стѣны — нѣтъ воли разгуляться силѣ молодецкой! На коня бы сѣлъ — вихремъ бы по полю носился, копье бы въ руки! съ врагомъ бы перевѣдаться, на Бориса окаяннаго рать бы повести... Охъ, Господи! Неужто сгинуть придется здѣсь!

И юноша кутаетъ свое крѣпкое, здоровое, молодое тѣло въ овчину и жмется отъ холода на жесткомъ ложѣ.

— Да нѣтъ же, быть не можетъ! Вѣдь не самъ я сюда зашелъ, не доброй волею надѣлъ на себя рясу черную... Мнѣ-ли носить ее, когда во мнѣ кровь кипитъ, когда черныя очи мнѣ краше звѣздъ кажутся и сами руки объятій просятъ, а уста поцѣлуевъ горячихъ и ласки женской... Нѣтъ, не волею я сюда зашелъ, въ эту келью тѣсную!..

И юноша припоминаетъ, какъ однажды, на Романовскомъ подворьѣ, въ то время, какъ онъ подметалъ широкій боярскій дворъ, къ нему подошелъ нищій и сказалъ ему тихимъ шепотомъ:

— Не дѣло царевичу дворъ мести!

Григорій выронилъ метлу изъ рукъ и посмотрѣлъ на нищаго въ испугѣ.

— Ступай за мной, сказалъ ему нищій.—Я къ тебѣ за дѣломъ пришелъ...

И Григорій пошелъ, и въ темномъ углу боярскаго сада нищій подалъ ему крестъ золотой съ каменьями, и сказалъ:

— Носи его на память объ отцѣ своемъ... Это тебѣ его благословенье... Да знай еще: тебѣ приказано немедля бросить службу у бояръ Романовыхъ...

— Кто приказалъ? Зачѣмъ? Мнѣ хорошо здѣсь!

— Не тебѣ судить — не тебѣ и знать! О тебѣ заботятся *другіе*, и если ты не хочешь помереть въ застѣнкѣ, завтра же бѣги, и чтобъ вечеръ не засталъ тебя въ здѣшнемъ боярскомъ домѣ.

— Куда же мнѣ бѣжать? Куда приклонить голову? съ испугомъ спрашивалъ Григорій.

Рѣзкій свистъ раздался въ кустахъ неподалеку и заставилъ юношу вздрогнуть.

— Меня зовутъ, сказалъ нищій, — мнѣ некогда съ тобою говорить. Завтра пораньше утромъ выходи на Варварскій крестецъ; тамъ узнаешь, куда тебѣ идти.

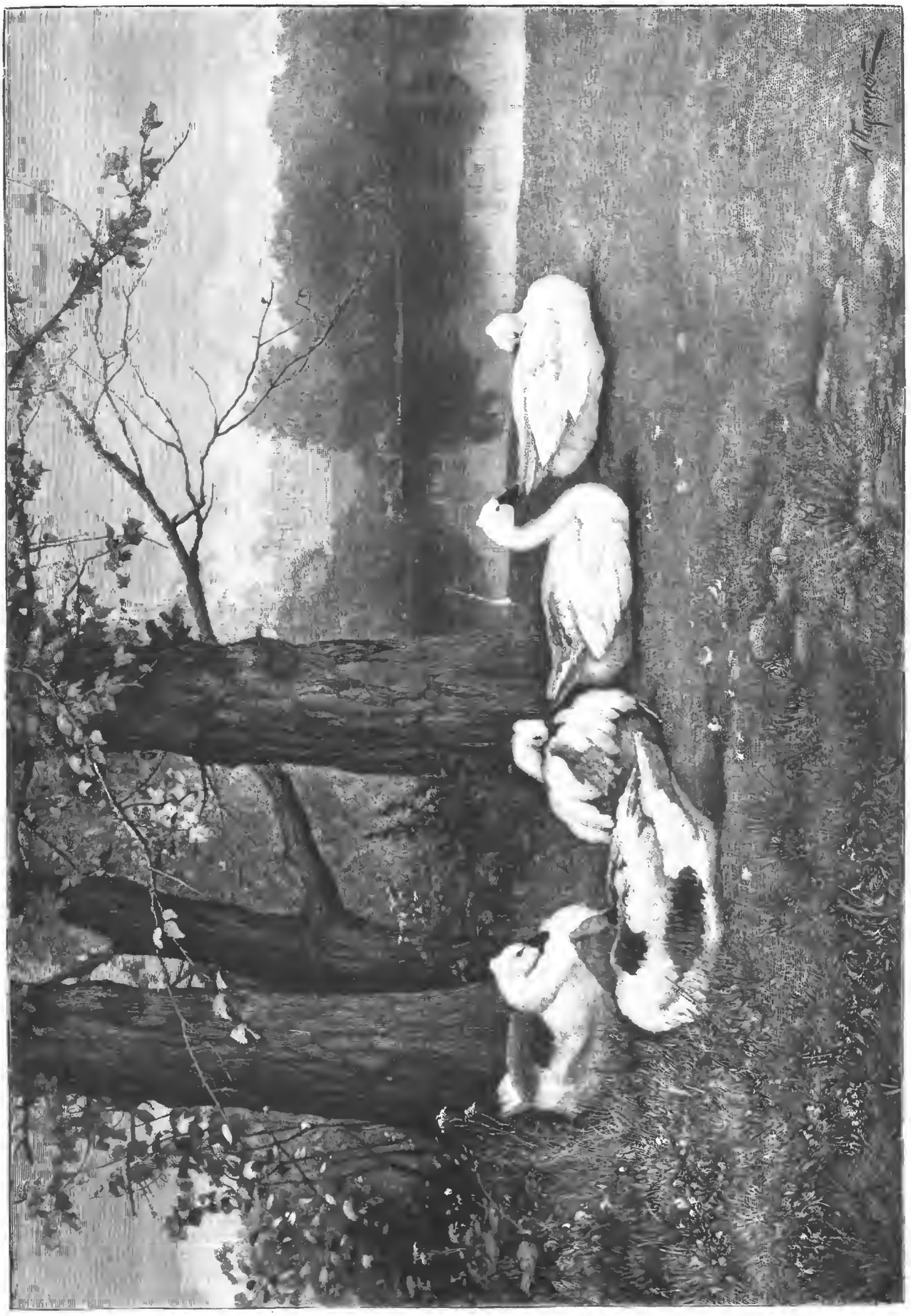
Свистъ повторился дальше: нищій скрылся въ кустахъ.

На другое утро Григорій встрѣтилъ на крестцѣ монаха, который шелъ въ Спасо-Евфимьевъ монастырь, взялъ его съ собою — и съ тѣхъ поръ начались его скитанія по монастырямъ. И вотъ ужь пятый годъ, все тѣ же незримыя силы ведутъ Григорія изъ обители въ обитель, и все ему указываютъ вдаль, и говорятъ: „великая ждетъ тебя слава! завидная доля! Но еще не время. Будь остороженъ! Молчи и жди!“

И онъ молчитъ и ждетъ... И тоскуетъ въ каменной монастырской оградѣ, рвется на волю, жаждетъ шума, и движенія, и блеска, и часто въ уединеніи своей кельи развертываетъ ладонку на груди своей, смотритъ на крестъ, принесенный нищимъ-старцемъ, и самъ себя вопрошаетъ:

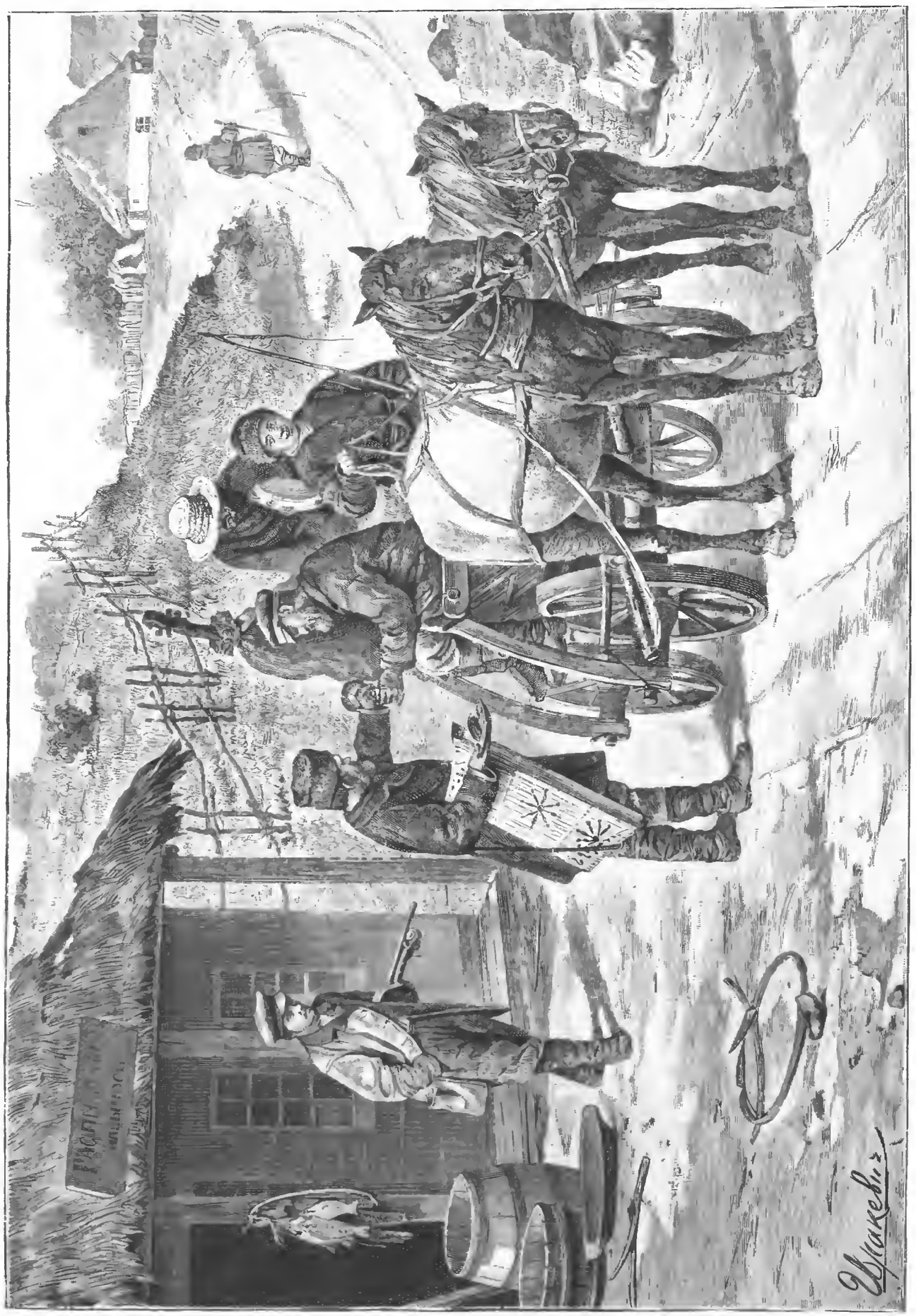
— Благословеніе отца? Царя Ивана Васильевича... А мать моя еще жива! Гдѣ-то она, голубушка! Съумѣла мнѣ жизнь спасти, чудомъ спасти меня, но не съумѣла оградиться отъ царя Бориса!.. Господи! Боже Правый! Дай же мнѣ отомстить за нее, вооружи мою руку,

Библиотека "Руниверс"



Гуси. Оригинал (собств. „Нивы") А. Писемскаго, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"



Червячка заморить!.. Оригр. рис (собств „Нивы") **Ижаковича**, грав. Шюблеръ

Библиотека "Руниверс"

укрѣпи на врага... Пусть я сокрушу всю ненавистную семью его, пусть увижу его самого въ униженіи, въ презрѣніи, въ тюрьмѣ и узахъ, не на престолѣ... А царевна Ксенія? Неужели и ей тоже я могу желать зла и гибели! Неужели и въ ея сердцѣ гнѣздится злоба Борисова?..

И въ пламенномъ воображеніи юноши, не искушеннаго жизненнымъ опытомъ, не испытавшаго женской ласки, возстаетъ, расцвѣтаетъ въ полномъ блескѣ и во всей роскоши красокъ дивный образъ красавицы-царевны... Она молится... Чудныя очи ея устремлены туда, куда несется съ ея ароматныхъ устъ горячая молитва... Вотъ и слезы заблестѣли на ея длинныхъ рѣсницахъ — она плачетъ, она слезно молитъ Всевышняго за своего преступнаго отца, за всю семью свою, за родъ и племя... И себя видитъ Григорій рядомъ съ нею въ какомъ-то обширномъ храмѣ, блистающемъ тысячью огней, подернутыхъ легкою дымкою кадильнаго благоуханія. Григорій видитъ себя не въ жалкой иноческой рясѣ, а въ царской одеждѣ изъ толстой золотой ткани съ широкою каймою изъ крупныхъ жемчуговъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, въ тяжеломъ золотомъ вѣнцѣ, со скипетромъ въ одной рукѣ, съ мечемъ въ другой... Онъ смотритъ ласково на царевну и говоритъ ей: „проси у меня всего что душа желаетъ—все тебѣ отдамъ! Царство раздѣлю съ тобою, на престолъ посажу тебя рядомъ“.

— Ничего не хочу, отвѣчаетъ царевна, падая на колѣни передъ Григорьемъ. — Объ одномъ прошу — пощади отца моего!

— Поздно ты просить задумала, царевна! отвѣчаетъ ей Григорій. — Надъ твоимъ отцомъ ужь свершился судъ Божій.

И онъ указываетъ царевнѣ на кровь, которая живою струею бѣжитъ по лезвію меча и капаетъ на холодныя плиты храма.

Царевна вскрикиваетъ въ ужасѣ, закрываетъ лицо руками и падаетъ безъ чувствъ. Григорій слышитъ явственно, какъ она головою ударилась о плиты, разсыпавъ кругомъ свои чудные волосы... Онъ бросается къ ней, чтобы ее поднять, — и просыпается на полу подъ скамьей.

— Ахъ, Господи! Такъ это сонъ былъ!

И онъ протираетъ глаза и старается привести въ порядокъ свои мысли—освоиться съ дѣйствительностью.

Первое ощущеніе пробужденія — рѣзкій холодъ, который струею пахнулъ на него изъ окошка... „Открылось оно, что-ли?“ Григорій подходитъ къ окну и видитъ, что оно разбито... Съ надворья чуть брежжитъ свѣтъ ранняго зимняго утра...

Вьюга мятетъ и крутитъ облаками снѣга въ монастырской оградѣ, а сквозь широкую пробоину въ слюдяной оконницѣ заноситъ снѣгъ и въ келью Григорія. „Но кто же разбилъ окно?.. Чѣмъ разбили?.. Да вотъ и камень!“

И Григорій въ полумракѣ поднимаетъ съ полу увѣсистый камень, обернутый въ тряпицу, крѣпко стянутую веревкой. Его руки дрожатъ, когда онъ взрѣзываетъ ножомъ узелъ веревки... Въ тряпицѣ онъ видитъ грамотку, подвязанную къ камню, и спѣшитъ къ божницѣ, чтобы прочесть то, что написано въ грамоткѣ. Развернувъ ее при слабомъ, мерцающемъ свѣтѣ лампады, Григорій читаетъ:

„Царевичъ, собирайся въ путь! Борисъ о тебѣ прослышалъ—уноси подальше свою голову! Завтра, послѣ ранней обѣдни, выходи къ Фроловскимъ воротамъ,— тамъ наши люди тебя и встрѣтятъ, и поведутъ. Мужайся, и знай, что скоро ударитъ часъ твой!“

И чуть только онъ дочиталъ эти послѣднія слова, раздался первый ударъ монастырскаго колокола, который сзывалъ братію къ заутрени... За первымъ ударомъ—второй, третій—и благовѣстъ пошелъ разноситься въ оградѣ монастырской, то заглушаемый, то относимый воемъ и свистомъ мятели.

Григорій былъ такъ ошеломленъ полученнымъ извѣстіемъ, что даже забылъ и лобъ перекрестить при началѣ благовѣста. Онъ все еще держалъ въ рукахъ таинственную грамотку, когда въ коридорѣ раздался звукъ шаговъ и мимо-идущая братія стала стучать въ двери Григорьевой кельи.

— Поспѣшай, брате Григорій!

— Аль заспался, что и благовѣста не слышишь?

— Аль жезла архимандрячья отвѣдать захотѣлъ, лежебока?

Григорій поспѣшилъ сжечь грамотку, оправилъ рясу, подтянулъ потуже ремень на поясѣ, и собрался выходить изъ кельи. Но прежде, чѣмъ отомкнуть дверь, онъ сунулъ руку подъ изголовье, вытащилъ оттуда завѣтный свитокъ и спряталъ его за пазуху...

А колоколъ все призывалъ къ молитвѣ, все напоминалъ объ иной, высшей волѣ, напоминалъ о томъ, что надъ всѣми людскими помыслами, тревогами, стремленіями, заботами и желаніями — есть Всевѣдецъ, читающій въ душѣ нашей, какъ въ открытой книгѣ...

И Григорій, покидая свою келью, бросая послѣдній взглядъ на тотъ тѣсный уголъ, въ который онъ надѣялся не возвратиться болѣе,—не дерзнулъ обратиться съ молитвою къ Всемогущему и Всеблагому. Онъ боялся заглянуть въ грядущее и страстно хотѣлъ бѣжать отъ настоящаго,—бѣжать во что бы то ни стало! Духъ цѣломудрія и смиренномудрія былъ далекъ отъ души Григорія, и земныя желанія такъ переполняли ее, такъ всецѣло ею владѣли, когда онъ переступалъ порогъ своей кельи, что въ душѣ юноши не было мѣста ни молитвѣ, ни помысламъ о Богѣ.

XI.

Веселые похаживаютъ.

Царицына хамовная слобода Кадашево, сплошь заселенная царскими хамовниками и хамовницами, мастерами и дѣловицами, была однимъ изъ самыхъ богатыхъ, промышленныхъ подмосковныхъ селъ. Многіе изъ кадашевскихъ хамовниковъ и въ Гостиную сотню выходили, и большими богачами на Москвѣ слыли.

Слобода была раскинута за Москвою-рѣкою, на пологихъ холмахъ, и занимала значительную часть нынѣшняго Замоскворѣчья. На самой серединѣ Кадашевской слободы стоялъ „государынинъ хамовный дворъ“— городъ-городомъ—обнесенъ высокой бревенчатой оградой, съ круглыми бревенчатыми вышками по угламъ. Изъ-за этой ограды виднѣются только двускатныя кровли высокихъ и просторныхъ хамовныхъ избъ, въ которыя каждый день собираются хамовники и дѣловицы—ткальи, бральи, пряхи и швеи—и цѣлый день кипитъ тамъ работа: стучитъ ткацкій станъ, жужжатъ веретёна, шуршатъ колеса самопрялокъ и не смолкаетъ веселый смѣхъ и говоръ нѣсколькихъ сотъ мастерицъ, которыя трудятся надъ тканьемъ полотенъ и убрусовъ, или выбираютъ на скатертяхъ мудреные узоры въ видѣ „полтинокъ“, „нѣтуховъ“, „нѣмецкихъ колесъ“, „осмерноговъ“ и „бараньихъ рожекъ“.

Въ той же оградѣ Хамовнаго двора помѣщаются, какъ разъ около воротъ, хоромы кадашевской приказной боярыни, которая всѣми работами на Хамовномъ дворѣ распоряжается, всѣмъ завѣдуетъ, всему ведетъ счетъ, а главное — оберегаетъ государскую хамовную казну (т. е. всѣ запасы холста и полотенъ, доставляемыхъ во дворецъ) отъ всякой порчи и лихаго глаза.

Но и внѣ стѣнъ Хамовнаго двора вся Кадашевская слобода представляетъ собою не болѣе, какъ огромную фабрику; здѣсь всѣ, въ каждой избѣ, отъ мала до велика, ткутъ и прядутъ, расчесываютъ пряжу и бѣлятъ полотна. Здѣсь никто не сидитъ сложа руки—всѣ заняты дѣломъ, и заняты имъ круглый годъ, какъ пче-

Библиотека "Руниверс"

лы въ ульѣ: каждый тянетъ свою вощину и влагаетъ свою долю меда въ общіе соты.

Умѣютъ Кадаши работать—умѣютъ и гулять, и праздновать. Чуть праздникъ на дворѣ — такъ ужь и вся слобода на улицѣ. Бабы дородныя — въ жемчугахъ да въ золотыхъ кикахъ; дѣвки видныя, красивыя—въ цвѣтныхъ ферезяхъ да въ тѣлогрѣяхъ; парни въ суконныхъ кафтанахъ да въ однорядкахъ, въ яркихъ шапкахъ съ мѣховой опушкой, въ сапогахъ съ высокими подборами. Пѣсни, пляски, игры, шумъ—веселье такое, какого въ иномъ городѣ не сыщешь! Недаромъ кадашевскіе слобожане сами о себѣ сложили присловье: „наши Кадоши—всѣмъ хороши!“ Въ этомъ присловьѣ ясно сказалось все ихъ самодовольство...

Кромѣ всѣхъ другихъ праздниковъ, у кадашевскихъ слобожанъ каждый годъ бывало еще два лишнихъ: одинъ — въ декабрѣ, когда оканчивалось изготовленіе бѣлой казны и ее укладывали въ коробьи для отвоза во дворецъ; другой—въ началѣ февраля, когда на Хамовномъ дворѣ новую *казну заводили*, т. е. начинали готовить пряжу для тканья холстовъ и полотенъ на будущій годъ.

Вотъ и на завтра, на 9 февраля, выпадаетъ какъ разъ этотъ праздникъ и вся слобода государынина къ нему еще наканунѣ готовится.

— Хошь ты, боярышня, и опальная—и въ немилости у матушки-царицы, говоритъ Иринѣ Луньевой суровая кадашевская боярыня, — а все же завтра и для тебя праздникъ. Коли попросишься, я тебя съ собою и въ церковь Божію возьму.

— Возьмешь — такъ и ладно; а не возьмешь — я и дома помолюсь, рѣзко отвѣчала ей Иринья.

— Ой, матушки! Гордыня неприступная! Думаешь красива очень—такъ и спѣсвишься? Небось, голубушка, спѣсь-то съ тебя здѣсь сбивать велѣно!..

— Не ты-ли ее съ меня сбивать станешь, госпожа всемилостивая?! Я ужь тебѣ не разъ говорила, что дѣло стану дѣлать безо всякаго прекословія, а изъ-за твоихъ милостей тебѣ кланяться не стану!

— Добро, добро! Вотъ погоди, первый разъ какъ во дворецъ поѣду, я на тебя царицѣ того наговорю, что тебя отсюда подальше уберутъ—пошлютъ въ женскую обитель подъ строгій началъ прохлаждаться...

— Ну, и поди—клевещи! Не очень ты мнѣ страшна! гнѣвно крикнула Иринья.—Подъ началъ — такъ подъ началъ! умру, а тебѣ не поклонюсь!

Иринья отвернулась въ сторону и нагнулась надъ пяльцами, избѣгая того холоднаго и злобнаго взгляда, который бросила на нее злая боярыня, выходя изъ комнаты.

— Боярышня, а боярышня! шепчетъ Иринѣ, незамѣтно наклоняясь къ ней, сосѣдняя дѣвушка-дѣловица, — а что же ты велишь Авдюшкѣ Хамовнику сказать? Вѣдь онъ отвѣта ждетъ — идти въ городъ ладитъ...

Иринья подняла голову, съ минуту подумала, и вдругъ, смѣло глянувъ въ лицо дѣвушкѣ, проговорила рѣшительно:

— Пусть онъ скажетъ, что я на все согласна! Хоть завтра же!.. Пропадай моя голова — лишь бы отсюда вонъ!

— Что ты! Что ты! Да они же говорятъ, что у нихъ ужь все налажено и ты съ женихомъ какъ ключъ въ воду канешь!

— Пусть я точно въ воду кану — мнѣ все равно! Хоть денекъ пожить, какъ люди живутъ!.. Ступай скорѣй — скажи Авдюшкѣ, чтобы шелъ, чтобы бѣжалъ... чтобы спѣшилъ туда... чтобы нигдѣ и часу не замѣшкался!

На другой день, спозаранокъ, чуть поднялась, чуть очнулася отъ сна Кадашевская слобода, какъ ужь загудѣли по праздничному церковные колокола и веселый шумъ и говоръ народа, хлынувшаго толпами изъ домовъ, наполнилъ всѣ слободскія улицы и закоулки. По праздничному разряженные слобожане и слобожанки спѣшили къ Хамовному двору, на которомъ попы собирались пѣть молебенъ Спасу съ Пречистою, да Ивану Предтечѣ, и воду святить и тою водою кропить хамовныя избы передъ „заводомъ новой бѣлой казны государской“.

Въ то же самое время, верстахъ въ двухъ отъ слободы, по дорогѣ къ ней тянулось какое-то престранное, предиковинное шествіе. Шла веселою гурьбою ватага скомороховъ, въ пестрыхъ и яркихъ лохмотьяхъ, въ рогожныхъ гунькахъ, въ берестяныхъ шапкахъ съ мочальными кистями, въ тулупахъ, вывороченныхъ наизнанку и подпоясанныхъ лычными поясами. Кто несъ волынку, кто гудокъ, кто домру, кто бубенъ, кто гусли звончатыя, кто свирѣль голосистую... Трое мѣхоношъ, на длинныхъ жердяхъ, тащили увѣсистые мѣшки со всякимъ потѣшнымъ скарбомъ и скоморошьей крутой. Два ручныхъ медвѣдя, на цѣпи, прикрѣпленной къ кольцу, продѣтому въ ноздри, тяжело переваливаясь, выступали вслѣдъ за вожаками и волокли за собой салазки, на которыя были навалены всякія потѣшныя снасти для медвѣжьей игры — деревянныя сабли да саадаки,*) бабьи кокошники, козій мѣхъ съ золочеными рогами и всякая тряпичная ветошь. Ватага была большая, человѣкъ въ шестьдесятъ или болѣе.

— Стой, ребята! крикнулъ передовой вожакъ.—Вонъ никакъ и бояринъ нашъ ѣдетъ... Тотъ самый, что наймовалъ насъ сегодня въ Кадашахъ играть!..

— Онъ! Онъ и есть! заголосили скоморохи, навстрѣчу Тургеневу, подъѣзжавшему къ нимъ въ легкихъ саночкахъ, запряженныхъ парою отличныхъ вороныхъ коньковъ.

— Поклонъ твоей милости правимъ, бояринушко! До сырой земли маковки клонимъ! Всѣ собрались по твоему приказу! Да вотъ еще медвѣжатниковъ Курмышскихъ по дорогѣ прихватили!

— Ну, и спасибо! Въ накладѣ не будете! сказалъ Тургеневъ, обращаясь къ скоморохамъ,—только чуръ, не своевольничать! Ухо востро держать—по приказу ходить. Больше тамъ играйте, гдѣ нашихъ ребятъ увидите—въ сѣрыхъ кафтанахъ, да въ красныхъ кушакахъ...

— Знаемъ, знаемъ, бояринушко! И въ шапкахъ съ синими верхами!

— Около нихъ всю игру ведите! Чтобы вамъ отъ слобожанъ какой помѣшки не вышло. А медвѣдей съ вожаками да съ козами, да съ гудками да съ волынками — прямо ведите на Хамовный дворъ, и какъ только мой парень изъ пистоли выпалитъ, такъ ужь тамъ сами знаете, что вамъ дѣлать надо... По уговору...

— Знаемъ, вѣстимо знаемъ, бояринушко!.. Вотъ только бы намъ съ тебя задаточекъ сошелъ, такъ оно бы...

— Вотъ вамъ въ задатокъ, сказалъ Тургеневъ, бросая кожаный кошель съ деньгами въ толпу, скоморошьему старостѣ,—а если завтра цѣлы да живы будете, такъ здѣсь же еще столько же получите!..

— Спасибо тебѣ, красное солнышко! Обогрѣлъ ты насъ, веселыхъ людей—ужь и мы-жь тебя потѣшимъ, позабавимъ... Эй, робя! Славь боярина, славь его честь!

И громкая, лихая пѣснь, съ присвистомъ и съ гуденьемъ бубенъ понеслась вслѣдъ Тургеневу, который пріударилъ на вороныхъ, такъ что только снѣжная пыль кружилась и сверкала слѣдомъ за его санями въ морозномъ воздухѣ.

Гуляетъ Кадашевская слобода широкою развеселою

*) *Саадакъ* — широкое кожаное влагалище, въ которое при сѣдлѣ вкладывался до половины лукъ. Въ саадакѣ былъ особый карманъ для стрѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

гуляикой. У всѣхъ воротъ кучки нарядныхъ слобожанъ и слобожанокъ—шутки, говоръ, смѣхъ... Парни объ руку съ дѣвушками гуляютъ по улицѣ, угощаютъ ихъ орѣхами и пряниками, перекидываются съ ними и словами, и взглядами. У царскаго кружала тоже не отолченый уголъ народа: веселый шумъ похмѣлья и раскатистый хохотъ.

— Эхъ вы, клюковные носы! кричитъ на своихъ товарищей ткачей Авдюшка Хамовникъ, пожилой *сидѣлый* ткачъ и большой гуляка.—Вотъ какъ пить да гулять, такъ „гдѣ, молъ, тетка, мой полуторный ковшъ?" а какъ за станъ-то сѣлъ, такъ утка отъ основы не разберетъ!

— Ну, загулялъ, Авдюшка, разбахвалился! Поѣхалъ въ самую бочку! Смотри не утони... кричали со всѣхъ сторонъ въ толпѣ, окружавшей Авдюшку.

— Небось, не утону; а и утону—выплыву! Потому Авдюшка все можетъ... Я своему государю... своимъ государынямъ ужь который годъ работаю, и рукодѣльишко мое вамъ въ образецъ сходитъ... Вамъ, вислоухимъ, приказываютъ, чтобы ваше издѣлье въ точь моей руки было! Совсѣмъ чтобы въ точь...

— Да ну тебя! Провались ты и съ издѣльемъ... Небось теперь и въ бёрдь-то ниткой не попадешь!.. Знаемъ тебя, тожь!

Но Авдюшка не слышалъ насмѣшливаго укора. Слегка покачиваясь, онъ продолжалъ разглагольствовать, размахивая руками:

— Я все знаю. Знаю, что будетъ сегодня...

— Еще бы тебѣ не знать! смѣются ему въ отвѣтъ.— Знаешь, что будешь къ вечеру пьянъ... А мы знаемъ, что и завтра съ тобой будетъ:—опохмѣляться станешь! Ха, ха, ха!..

— Нѣтъ, врешь—я не о томъ! Знаю, что сюда къ намъ, Кадашамъ, изъ царскаго погреба бочки съ пивомъ да съ медомъ выкатятъ... Пей, молъ, гуляй!

— Ужь не ты-ли за насъ царскому кравчему попечаловался? Ха, ха, ха!

— Братцы! братцы! кричитъ кто-то со стороны.— Да онъ не вретъ! Смотрите, и точно къ намъ обозъ цѣлый съ бочками идетъ!

Вся толпа бросается въ ту сторону, откуда показалась голова обоза, и всѣ съ радостью видятъ, что въ слободу, на двадцати саняхъ запряженныхъ сытыми конями, везутъ возчики бочки съ медомъ да съ пивомъ, а о-бокъ съ санями царская служня идетъ, по четыре человѣка на подводу,—народъ все рослый и видный, молодецъ къ молодцу. И всѣ въ сѣрыхъ кафтанахъ, съ красными кушаками, всѣ въ высокихъ шапкахъ съ синими верхами. А впереди обоза ѣдетъ царскій стольникъ въ нарядныхъ саняхъ на вороныхъ конькахъ. Борода у стольника сѣдая, длинная, а лицо красивое, румяное. И на облучкѣ у стольничьихъ саней сидитъ здоровенный дѣтина, стройный, высокій— конями правитъ.

— Ребята! говорилъ всѣмъ на пути царскій стольникъ, привѣтливо кланяясь на обѣ стороны, — я къ вамъ отъ матушки-царицы, да отъ батюшки-царя съ государскимъ жалованьемъ и съ милостивымъ словомъ присланъ. Великій государь изволитъ васъ жаловать погребомъ!

— Благодарствуемъ великому государю и великой государынѣ на милостивомъ словѣ и на жалованьѣ! громко кричитъ толпа, толкаясь и кружась около обоза съ бочками, который останавливается у церкви.

По приказу стольника, сѣрые кафтаны разомъ выворачиваютъ бочки изъ саней и катятъ ихъ въ народъ.

— Сюда ее, голубушку! Сюда!. Эта наша—въ нашъ конецъ катится! слышатся въ толпѣ веселыя восклицанія.

— А эта съ чѣмъ?.. Съ медомъ?.. Съ наточнымъ— давай, давай! Ставь бочку дыбомъ... выбивай донце!

— Братцы! кричитъ кто-то въ толпѣ,—бабамъ меду не давать: царскіе меды разымчивы, а наши бабы забывчивы...

— Ну, да! кричатъ въ отвѣтъ балагуру бабы,—небось! Нашъ Кадашъ пьетъ и пиво и медъ—ничто его не пьетъ!

Разгулъ начинаетъ быстро овладѣвать толпой; шумъ и говоръ растетъ по мѣрѣ того, какъ бочки осушаются одна за другой. „Царское жалованье" пьютъ ткачи и ткачихи, и старики, и молодые парни; а за угломъ да исподтишка не брезгаютъ имъ и красныя дѣвицы. Кое-гдѣ начинаютъ довольно нестройно пѣть пѣсни... Въ общемъ весельѣ и похмѣльѣ не принимаютъ участія только царскіе слуги, которые стоятъ молча, стѣна-стѣной, около своихъ подводъ и ждутъ стольничьяго приказа.

Вдругъ у околицы раздается какой-то нестройный гамъ, звонъ, свистъ: трубятъ въ трубы, бьютъ въ бубны, гудятъ на волынкахъ; а среди этой дикой музыки слышится и пѣсня удалая, хоровая:

Веселые по улицѣ похаживаютъ!
Гудки да волынки попашиваютъ!
Ой гуди, гуди, гудокъ заливной,
Ступай, молодецъ, въ садочекъ за мной.

— Скоморохи, скоморохи идутъ! проносится радостный крикъ надъ всей Слободской улицей. — Веселые робята, потѣшники! То-то веселье у насъ пойдетъ!

И ватага знакомыхъ намъ скомороховъ въ диковинной скоморошьей крутѣ, въ уродливыхъ деревянныхъ личинахъ, потряхивая шутовскими посохами, припѣвая и приплясывая, высыпала на площадь. Далеко разносится ихъ пѣсня:

Скоморохи люди вѣжливые,
Да они же и очестливые,
Красну дѣвицу возьмутъ, уведутъ,
Ожерельице назадъ принесутъ!

— Сыграйте, сыграйте, скоморохи удалые! кричатъ имъ голоса изъ толпы.

— Не смѣй играть! кричитъ начальственнымъ голосомъ десятскій, — нашъ приказчикъ не велитъ у насъ въ слободѣ играть скоморохамъ безъ приказу...

— Ну тебя къ шуту и съ приказчикомъ! Играй, ребята, наплюй на приказчика!

Скоморошій староста выступаетъ впередъ, подходитъ къ десятскому съ глубочайшимъ почтеніемъ и снимая съ головы берестяной колпакъ, спрашиваетъ его:

— А дозволь у твоей чести узнать, кто будетъ вашей слободы приказчикъ.

— Вѣстимо кто! отвѣчаетъ скомороху десятскій. — Кузьма Иванычъ, что на Хамовномъ дворѣ...

— О! такъ этого мы знаемъ, весело подхватываетъ скоморохъ, — этого мы какъ на мѣсто ставили, учили: „приказчикъ, приказчикъ, клади деньгу въ ящикъ — алтынъ за сапогъ!"

Вся толпа и самъ десятскій покатываются отъ смѣха; а ватага скомороховъ разбивается на группы, и всѣ они свистятъ, поютъ, колесомъ ходятъ, да вдругъ какъ грянули плясовую:

Ай жги, жги, говори—
Комарики, мухи, комари!..

и закружились, завертѣлись, пошли по снѣгу въ присядку...

— Любо! Любо! Вотъ такъ пляшутъ, черти! Глянько, глянь, Дуняшка! Ногами-то, ногами—тьфу, пропасти на нихъ нѣту!

— Господа скоморохи! крикнулъ въ это время какой-то парень въ сѣромъ кафтанѣ, подбѣгая къ ватагѣ,— вожаковъ съ медвѣдями требуютъ на Хамовный дворъ— приказную боярыню тѣшить.

— Вали, меньшая братія, на Хамовный дворъ! кричитъ скоморошій староста.—Поворачивайтесь, Михайлы Ивановичи! Потѣшьте, ступайте, сердитую боярыню!

Библиотека "Руниверс"

Очень довольна!.. Съ карт. Вагнера.

Библиотека "Руниверс"

И между тѣмъ какъ отдѣльныя группы скомороховъ дѣйствуютъ въ разныхъ мѣстахъ слободы, привлекая общее вниманіе и возбуждая неумолчный хохотъ толпы, часть ихъ нестрой гурьбы съ вожаками медвѣдей отдѣляется и идетъ на Хамовный дворъ, а за нею вслѣдъ валитъ толпа народа посмотрѣть, какъ ученые медвѣди съ козой плясать станутъ.

Все населеніе Хамовнаго двора высыпало на крылечки да на рундуки хамовныхъ избъ. Всѣ тѣснятся, толкаются, всѣ хотятъ поглядѣть на предстоящее представленіе. Вонъ на крылечко и сама боярыня Настасья Ивановна выплыла, со своей служней, да съ опальной боярышней Приньей Луньевой. А около боярыни и пузатый приказчикъ Кузьма Ивановичъ, и государевъ стольникъ, что̀ царское жалованье слобожанамъ привезъ.

Вотъ и скоморохи съ медвѣдями ввалились во дворъ, идутъ кругомъ двора широкаго, всѣмъ низкій поклонъ правятъ.

— Смотри-ка, Палашка, хари-то, хари! Ай, Господи! Глазищи-то какіе намалеваны!

— А на медвѣдяхъ-то! шапки на-бекрень надѣты! А у бураго-то, смотри-тка, кушакъ подвязанъ, а на кушакѣ саадакъ да сабля! Прости Ты, Господи!

И даже сама боярыня изволитъ улыбаться, когда передъ ней останавливаютъ вожаки обоихъ медвѣдей и заставляютъ Мишекъ кланяться ей въ землю.

— Кланяйся, Михайло Ивановичъ, боярынѣ ласковой! нараспѣвъ повторяетъ вожакъ, дергая медвѣдя за цѣпь;—да кланяйся ниже, до сырой земли! Да кланяйся и приказчику Кузьмѣ Ивановичу, да не такъ низко, какъ боярынѣ!

Общій хохотъ кругомъ. Сама боярыня смѣется со стольникомъ и приказчикомъ.

А между тѣмъ два скомороха ужь успѣли нарядиться въ козій мѣхъ съ золотыми рожками и пошли кругомъ медвѣдей приплясывать, то ударяя въ бубенъ, то поваживая смычкомъ по гудку.

— А ну-ка, Михайло Ивановичъ, какъ лёженка безъ рукъ, безъ ногъ на солнцѣ лежитъ, а одну голову подымаетъ...

„...А какъ мать родныхъ дѣтей холитъ, а мачиха пасынковъ убираетъ...“

Восторгъ толпы достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Слышатся голоса:

— Ай, любо!.. Истинно такъ!.. Ай, Мишенька!..

„...А какъ жена милова мужа приголубливаетъ, порохъ изъ глаза у него вычищаетъ...“

„...А какъ теща зятя потчивала, блины ему пекла, да угорѣмши, повалилася...“

Вдругъ въ самый разгаръ этой медвѣжьей комедіи, вывернулся изъ толпы какой-то дѣтина, въ сѣромъ кафтанѣ, сунулся къ самымъ медвѣдямъ, ни вѣсть откуда выхватилъ пистоль, да надъ самымъ ухомъ у одного Мишки изъ пистоли—хлопъ! И опять въ толпу юркнулъ, окаянный...

— Ай, батюшки! Убилъ, убилъ! Застрѣлилъ! реветъ во весь голосъ скоморошій староста и бросается на землю между медвѣдями.

— Ай, застрѣлилъ! Держи его, держи! кричатъ вожаки и выпускаютъ изъ рукъ цѣпи медвѣдей.

Ошалѣлые отъ выстрѣла и криковъ медвѣди рычатъ и мечутся по двору, бряцая цѣпями, и лѣзутъ на толпу.

Крики, визгъ, шумъ, давка, ругань и общее бѣгство во всѣ стороны... Суматоха и сутолока поднимаются невѣроятныя! Всѣ кричатъ, всѣ вопятъ, и никто ничего не понимаетъ. Степенная боярыня Настасья Ивановна завизжала изъ первыхъ и хотѣла броситься съ крыльца въ хоромы, да сзади ея натискалось полное крыльцо дѣвокъ и дворни, что и не пролѣзть, и не продраться.

— Пустите, пустите! кричитъ она во все горло, отвѣшивая направо и налѣво тумаки и оплеухи. Но ее кто-то хватаетъ за руки, и держитъ крѣпко, и плотно накрываетъ овчиной.

— Ай, чтой-то! Задушили! Пустите! слышится ея визгливый голосъ среди общаго гама и крика.

— Батюшки мои! кричитъ кто-то изъ дворни. — Смотрите-ка, боярыня-то наша никакъ ошалѣла! Козой нарядилась! И Кузьма Ивановичъ! Да кто же это на нихъ круту̀ скоморошью надѣлъ? Ха-ха-ха! галдятъ и хохочутъ кругомъ люди, убѣгая со двора и указывая пальцами на оторопѣвшую боярыню и приказчика, которые наконецъ освобождаются отъ своего шутовскаго наряда, оправляются и съ удивленіемъ посматриваютъ другъ на друга.

— Матушка, Настасья Ивановна! пыхтитъ приказчикъ,—что же это? Навожденіе бѣсовское, что-ли?

— Гдѣ скоморохи? гдѣ всѣ наши кадашевскіе ротозѣи?! кричитъ боярыня и мечется по опустѣлому двору, — гдѣ десятскіе? гдѣ староста? куда всѣ разбѣжались?

Но никто ихъ не слышитъ. Надъ селомъ носится шумный и веселый гамъ праздничнаго похмѣлья. Толпы народа гуляютъ... Ими запружены всѣ улицы, всѣ закоулки... Свистъ, пѣсни, хохотъ,—все сливается въ общій гулъ. А на околицѣ слобожане провожаютъ „веселыхъ робятъ-скомороховъ“, которые, вмѣстѣ съ медвѣдями, спѣшатъ убраться по-добру по-здорову во-свояси и поютъ на прощанье съ присвистомъ и гикомъ:

Эхъ вы, братцы! эхъ вы, братцы!
Кадашй! Кадашй!
Промѣняли красну дѣвку
На гроши, на гроши!
А мы взяли красну дѣвку
Въ барыши, въ барыши!

И только тогда, когда слѣдъ скомороховъ пропалъ на дорогѣ, вдругъ по толпѣ пронеслась вѣсть:

— Братцы! Вѣдь скоморохи-то у насъ съ Хамовнаго двора боярышню выкрали!

— Что врешь-то! Незнамши! Скоморохи выкрали! кричитъ Авдюшка Хамовникъ, совершенно уже опьянѣвшій.—Ты меня спроси! Я все знаю...

— Говори, коли знаешь! кричитъ на него толпа. — Тамъ во̀-какой переполохъ идетъ! говори!

Авдюшка подбоченивается и долго смотритъ на вопрошающихъ мутными, безсмысленными глазами.

— Такъ сказать вамъ? А?.. А видѣли-ли вы какъ лягухи прыгаютъ? Была дѣвка—да незанравилось ей! И ушла дѣвка, и ищи вѣтра въ полѣ... Самъ видѣлъ, какъ этотъ государевъ стольникъ дѣвушку-то около себя на сани, а сѣдую-то бороду подъ сани... А вороные такъ и чешутъ, такъ и чешутъ... А сѣрые-то армяки на своихъ пошевняхъ всѣ вразсыпную... Ха-ха! А вы, дурни, орете: „скоморохи дѣвку выкрали!“ Ха-ха-ха!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

(Продолженіе будетъ).

Воръ.

Разсказъ **Франца Вихмана.**

(Окончаніе).

Теперь только, немного успокоившись, онъ вернулся домой и взялъ лежавшее на столѣ письмо. Оно, какъ показывалъ штемпель, было изъ Ашаффенбурга.

Изумленный Максъ Одрихъ медлилъ. Кто могъ писать ему? Тамъ у него не было знакомыхъ.

Онъ разорвалъ конвертъ. Почеркъ былъ женскій. Онъ прочиталъ:

„Милостивый государь!

„Еще вчера я должна была сдѣлать это; но важное и спѣшное извѣстіе отозвало меня изъ Берлина. Чувствуя себя вино-

Библиотека "Руниверс"

ватою передъ вами, спѣшу загладить эту вину. Вчера, возвратясь съ собачьяго рынка, я застала дома знакомаго господина, большаго любителя и знатока собакъ. Онъ не могъ нахвалиться Цезаремъ. Онъ говоритъ, что это прекрасная и рѣдкая собака. Я поинтересовалась узнать его мнѣніе относительно цѣны. Онъ назвалъ высокую цѣну и не хотѣлъ мнѣ вѣрить, что я купила ее такъ дешево. Собака по меньшей мѣрѣ стоитъ 100 марокъ. Вы или не знали, или намѣренно уменьшили цѣну. Вы понимаете, что я не могу согласиться съ этимъ. Я посылаю вамъ то, что еще должна вамъ..."

Максъ Одрихъ повернулъ листъ, изъ средины письма выпалъ банковый билетъ. На другой сторонѣ письма были еще слѣдующія строки:

„Не сердитесь на меня и не отвергайте моего предложенія. Если вы не хотите принять денегъ для себя, употребите ихъ для искусства, которому вы служите и которое я люблю. Съ глубокимъ уваженіемъ

Агата Моральтъ".

Глаза художника неподвижно остановились на строкахъ письма. Вдругъ онъ бросилъ письмо на столъ, закрылъ лицо руками и въ отчаяніи горько зарыдалъ. Онъ чувствовалъ въ груди боль какъ отъ раскаленныхъ углей и не могъ удалить ее. Руки его безсильно опустились... Она заботится объ его благѣ, въ то время какъ онъ обокралъ ее!..

Что дѣлать? Самыя разнообразныя мысли приходили ему на умъ.

Сильное утомленіе заставило его заснуть ночью на нѣсколько часовъ. На другое утро онъ схватилъ кисть и сталъ писать. Онъ писалъ безъ перерыва, и за работой только забывалъ о своемъ преступленіи.

Такъ прошло четыре дня—онъ почти не выходилъ изъ дому. Только въ полдень онъ не надолго уходилъ обѣдать въ ближайшій ресторанъ. Однажды за столомъ онъ слышалъ мимоходомъ, что пожаръ въ улицѣ Мира былъ скоро потушенъ. Полдень былъ для него самымъ ужаснымъ временемъ, такъ какъ на эти короткіе полчаса онъ долженъ былъ разлучаться съ Цезаремъ. Сердце усиленно билось у него, когда, пообѣдавъ, онъ поднимался въ свое ателье... А что, какъ собаки уже тамъ нѣтъ? Что какъ безъ него приходила полиція и увела ее?.. Часто ему слышался шумъ шаговъ госпожи Моральтъ, ему казалось, что она идетъ потребовать отъ него свою собственность... Вернулась ли она? Знаетъ ли она о пропажѣ собаки? Почему она не пишетъ? Вѣдь такъ просто предположить, что собака убѣжала къ старому владѣльцу. Ничего другаго и не придетъ въ голову... А вдругъ она явится сама и уличитъ его въ преступленіи... Но она не являлась.

На пятый день картина была окончена. Онъ не могъ видѣть ее, ему казалось, что вышло совсѣмъ не то, что онъ хотѣлъ написать. Почти безъ надежды онъ послалъ ее въ испытательную выставочную коммисію. Послѣднія деньги пошли на покупку широкой золотой рамы.

Картина была принята.

Казалось бы вѣсть объ этомъ должна была привести художника въ неистовый восторгъ: теперь онъ былъ близокъ къ исполненію самыхъ смѣлыхъ надеждъ. Но онъ принялъ ее съ какимъ-то тоскливымъ чувствомъ,—истинной радости онъ не испыталъ. Та жертва, которую онъ принесъ для достиженія побѣды, была слишкомъ велика,—она стоила ему чести. Бремя, которымъ давила его совѣсть, было непосильно.

Въ первый день онъ не рѣшился идти на выставку. Только чрезъ день послѣ открытія, онъ отправился туда въ полдень, зная, что въ этотъ часъ бываетъ мало посѣтителей. Онъ бросилъ бѣглый и мрачный взглядъ на свою картину. Въ новой обстановкѣ она показалась ему совсѣмъ незнакомою, будто то было чужое произведеніе. Но опытный взоръ художника подсказалъ ему, что она помѣщена въ плохомъ и невыгодномъ для нея освѣщеніи, стѣсненная двумя большими шаблонными историческими картинами. Это и смутило и раздражило его. Хоть и самъ онъ мало ждетъ отъ своего произведенія, все же онъ обязанъ поставить его въ выгодномъ положеніи. Поэтому онъ рѣшилъ просить въ правленіи выставки перемѣстить его картину.

У портьеры, отдѣлявшей правленіе отъ залъ выставки, онъ остановился какъ вкопанный... До него донесся знакомый голосъ. Но гдѣ и когда онъ слышалъ его? Женскій голосъ... да вѣдь это она... Агата Моральтъ!..

Такъ она здѣсь? Первая мысль его была о Цезарѣ. Онъ уже считалъ себя погибшимъ. Въ испугѣ онъ хотѣлъ бѣжать, но доносившіяся до него слова приковали его къ мѣсту.

На вопросъ дамы, который онъ не разслышалъ, секретарь отвѣчалъ: „800 марокъ".

Теперь женскій голосъ донесся ясно:

— Хорошо, я покупаю картину. Собственно это очень ничтожная цѣна, картина стоитъ гораздо дороже.

— Если судить по одобренію, которое она встрѣтила, то, конечно, отвѣчалъ секретарь. — Но какъ было знать раньше? Вѣдь цѣны назначались до открытія выставки. И притомъ, замѣтьте, это — произведеніе молодаго художника, который первый разъ выставляется. Довольно съ него и этой чести.

Дама отвѣчала не сразу. Казалось, она хотѣла уйти и снова вернулась.

— А считаете вы возможнымъ, чтобы художникъ изъ нужды понизилъ цѣну своей работы, хоть и былъ бы убѣжденъ въ ея большей стоимости?

— Конечно. И знаете, мнѣ сдается, что это именно и сдѣлалъ творецъ „Преданности собаки".

— Да! протянулъ женскій голосъ съ состраданіемъ.—Скажите, вы знаете господина Одриха?

— Лично нѣтъ, но слыхалъ отъ его товарищей, съ которыми онъ теперь совсѣмъ разошелся.

— Можетъ-быть онъ былъ принужденъ это сдѣлать?.. Такой художникъ—и въ крайней нуждѣ! Это ужасно.

На слова дамы, выходившія изъ глубины ея прекрасной души, не послѣдовало отвѣта.

Дрожа какъ въ лихорадкѣ и съ сильнымъ біеніемъ сердца, Максъ Одрихъ болѣе не слышалъ ничего. Вдругъ портьера неожиданно поднялась. Предъ нимъ стояла Агата Моральтъ. Свѣтлая улыбка озарила ея прекрасное и серьезное лицо.

— Ахъ, это вы?.. мы только что о васъ говорили. Проходите же; вы, вѣроятно, въ правленіе?

И рука ея еще продолжала поддерживать тяжелую портьеру.

Но художникъ не двигался съ мѣста. Ноги его подкашивались отъ страха и неожиданности.

— Я хотѣлъ... но нѣтъ — теперь уже этого не нужно.. Если она вамъ нравится... даже при такомъ скверномъ освѣщеніи... Онъ запнулся, замѣтивъ, что она смотритъ на него съ удивленіемъ. — Простите, я случайно услышалъ вашъ разговоръ.

Еще болѣе свѣтлая и радостная улыбка скользнула по губамъ Агаты.

— А такъ вы уже знаете, что я собираюсь похитить у васъ картину? Впрочемъ, вините себя, зачѣмъ съ такимъ мастерствомъ написали ее. Трудно удержаться, чтобы не пріобрѣсть ее.

— Сударыня, пробормоталъ онъ, — я право не знаю... вы осыпаете меня благодѣяніями... Я не знаю, какъ отблагодарить васъ, я всѣмъ вамъ обязанъ... и даже рама этой картины куплена на ваши деньги.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите этого. Я ужасно рада. Эта картина послужитъ мнѣ замѣной...

— Замѣной?

— Да, замѣной Цезаря или Ценны, какъ я переименовала его... Онъ какъ живой на вашей картинѣ.

Максъ Одрихъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, но Агата или не замѣтила этого, или приписала неожиданности извѣстія.

— Ахъ, вы и не знаете, продолжала она,—Цезарь не долго пробылъ у меня; на другой день послѣ моего отъѣзда онъ пропалъ. Мнѣ тяжело разсказывать вамъ объ этомъ, я знаю, какъ дорога вамъ была собака. Я бранила горничную, но она извинялась смятеніемъ, которое вызвалъ пожаръ въ сосѣднемъ домѣ...

Максъ Одрихъ хотѣлъ броситься передъ ней на колѣни. Будь они одни, онъ непремѣнно сдѣлалъ бы это и признался ей во всемъ. Она казалась ему ангеломъ доброты и кротости. Но здѣсь онъ не могъ сдѣлать этого... Путаясь, онъ проговорилъ нѣсколько словъ соболѣзнованія.

— Въ настоящее время мнѣ все не такъ грустно, какъ было раньше, говорила она, выходя изъ залы,—кажется, я напала на слѣдъ моей прежней Ценны.

Вздохъ облегченія вырвался изъ его груди, она не подозрѣваетъ его.

— Неужели? Какъ же это могло случиться? сказалъ онъ.

— Если хотите, я разскажу вамъ... Ахъ, если бы я могла разсчитывать на вашу помощь въ этомъ дѣлѣ?!

— О, только прикажите!

— Я зашла сюда прямо съ собачьяго рынка, продолжала Агата,—гдѣ теперь приходилось искать уже не одну, а двѣ пропажи, но, кажется, я узнала, наконецъ, кое-что. Представьте, я встрѣтила того самаго человѣка, у котораго купила Ценну. Онъ, конечно, не узналъ меня. Я, со своей стороны, ничего не дала ему замѣтить и только прицѣпилась къ собакамъ, сказавъ, что желаю купить дога. Сама не знаю почему, но мнѣ этотъ человѣкъ подозрителенъ.

— Такъ вы полагаете, что онъ вновь овладѣлъ своей, то есть вашей собакой?

— Говоря попросту, укралъ.

Максъ Одрихъ потупился.

— На мои слова, продолжала Агата,—онъ сказалъ, что у него есть отличный догъ. Но послѣдній недавно привезенъ изъ деревни и еще не привыкъ къ городу, отчего онъ и не взялъ его съ собою на рынокъ. Собаку можно посмотрѣть только у него на дому. Я просила описать собаку, и это описаніе какъ нельзя больше подходило къ моей Ценнѣ.

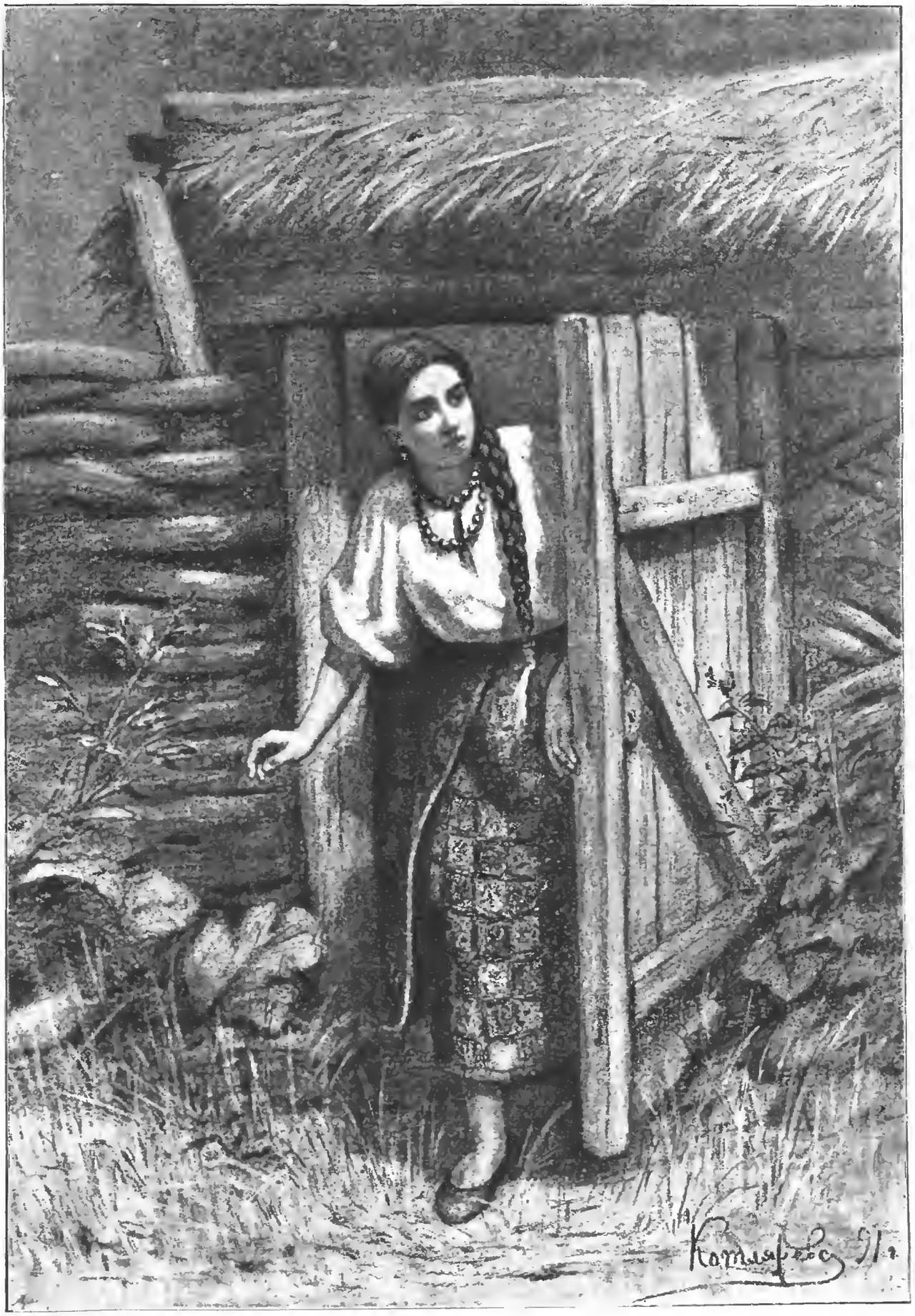
— Чего же вы хотите?

— Конечно убѣдиться, справедливо ли мое подозрѣніе.

— И вы не боитесь?..

— Признаюсь, да; отчего и просила вашей помощи въ этомъ дѣлѣ. Торговецъ кажется мнѣ подозрительнымъ, и если уличить его въ кражѣ, онъ на все можетъ пойти. Къ несчастью,

Библиотека "Руниверс"



На свиданіе. Ориг рис. (собств. „Нивы") **Котляревскаго**, автотипія Ангерера

Библиотека "Руниверс"

Первая музыка. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Ижакевича, автотипія Ангерера.

Библиотека "Руниверс"

мой слуга захворалъ, чужому же я не могу довѣриться. А времени терять нельзя, чтобы не перекупили собаку... Въ два часа онъ обѣщалъ быть дома. Вы проводите меня? Это не далеко, одинъ изъ первыхъ домовъ предмѣстья. Кто знаетъ, можетъ-быть мы найдемъ тамъ и вторую Цеппу, вашу прекрасную модель?

Домъ, который они искали, дѣйствительно оказался однимъ изъ первыхъ въ предмѣстьѣ. То былъ ветхій, мрачный и непріятный на видъ домишко. Молодая женщина окинула его пытливымъ взоромъ.

— Должно-быть здѣсь, сказала она.—Надо налѣво въ первый этажъ. Прошу васъ подождать здѣсь; не надо, чтобы насъ видѣли вмѣстѣ... Не смѣйте думать, что я стѣсняюсь вами! Нѣтъ, нѣтъ, не оправдывайтесь—изъ вашего движенья я видѣла, что вы подумали это. Но вы мало знаете меня. Я не обращаю вниманія на мнѣніе свѣта. Въ этомъ выгода одинокой жизни,—я по крайней мѣрѣ чувствую себя на свободѣ, до тѣхъ поръ, пока добровольно не откажусь отъ нея, какъ сегодня я это сдѣлала на словахъ. Представьте, я выдала себя торговцу за замужнюю. Я охотно играю эту комедію, въ виду того, что она имѣетъ важное и разумное основаніе. Торговецъ вызвался привести собаку ко мнѣ на домъ, но я отклонила это, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Весьма возможно, что онъ узналъ бы домъ или разспросилъ обо мнѣ и спокойно скрылся. Теперь онъ даже не знаетъ моего имени. Я—замужняя дама, не правда ли, это смѣшно? Какъ вы думаете, похожа я на замужнюю?

— Не знаю... въ смущеніи сказалъ Максъ Одрихъ, покраснѣвъ до корня волосъ.—Теперь я понимаю, отчего вы идете однѣ. Торговецъ принялъ бы меня за вашего мужа... меня... вѣдь это смѣшно. Не правда-ли?..

— Не знаю, смѣясь передразнила его первыя слова Агата, отчего ея спутникъ еще болѣе смутился.

Она обернулась къ дому и сказала:

— Такъ подождите здѣсь, за этой стѣной васъ не видать. Явитесь только, если я позову или крикну о помощи.

И не дожидаясь отвѣта, она легкими шагами смѣло вошла въ темный входъ дома. У Макса Одриха сильно забилось сердце. Онъ забылъ въ этотъ мигъ свое мучительное положеніе ради своей спасительницы; онъ напрягалъ слухъ, чтобы услышать происходившее въ домѣ и не спускалъ глазъ съ оконъ перваго этажа. Мысль, что она тамъ—одна, не давала ему покою. Развѣ онъ не отвѣтитъ передъ совѣстью, что позволилъ слабой женщинѣ идти одной на вѣрную опасность. На него напалъ необъяснимый страхъ за нее. Что если съ ней что-нибудь случится? Эта мысль острымъ ножомъ вонзалась въ его сердце. Ужь не полюбилъ-ли онъ ее?.. Онъ не могъ представить себѣ міръ безъ нея, отчего—онъ самъ не зналъ, но онъ чувствовалъ это именно теперь, когда она, можетъ-быть, находилась въ опасности. Онъ слышалъ даже біеніе своего сердца...

Изъ дому доносились голоса. Ему казалось, что онъ слышитъ голосъ Агаты. Затѣмъ, быстро смѣняя другъ друга, до него донеслись: долгій, радостный визгъ собаки, ударъ плетью, рычанье, лай и крикъ Агаты: „Цеппа! Цеппа!“

Однимъ прыжкомъ Максъ Одрихъ сорвался съ мѣста. На углу улицы онъ замѣтилъ жандарма, который уже обратилъ вниманіе на подозрительный шумъ. Онъ махнулъ ему рукой и ринулся въ подъѣздъ дома. Дверь квартиры налѣво была заперта. Она дрожала, будто кто-то налегалъ на нее изнутри, желая выйти, а другой удерживалъ.

— Оставьте меня! Чего вы хотите?.. раздался крикъ Агаты.

— Чего я хочу?.. Мнѣ пропадать изъ-за дѣвки, да изъ-за этой негодной твари! Трехъ недѣль нѣтъ еще, какъ я вышелъ изъ тюрьмы, вы думаете, я хочу возвратиться въ эту яму изъ-за васъ? Ну, нѣтъ!.. Одному изъ насъ все равно приходится пропадать—такъ ужь лучше вамъ... Видите этотъ ножъ... Ахъ, проклятая тварь!

Собака рыча и воя скреблась въ дверь.

— Пикните только, что эта собака ваша... и вы отвѣдаете моего ножа!..

— На помощь!.. Помогите!

Максъ Одрихъ изо всей силы рванулъ ветхую дверь, которая поддалась и съ трескомъ слетѣла съ петель.

Агата съ крикомъ бросилась къ нему. Желая защитить ее отъ удара, онъ заключилъ ее въ свои объятья.

— Вонъ отсюда! съ проклятьемъ заоралъ торговецъ.

Художникъ видѣлъ, какъ что-то блеснуло въ воздухѣ, и почувствовалъ въ рукѣ сначала холодное прикосновеніе стали и затѣмъ острую боль.

— Боже мой! Вы ранены!.. Онъ ударилъ васъ ножомъ! воскликнула Агата.

Въ глазахъ Макса Одриха потемнѣло. Онъ съ ужасомъ понялъ, что теряетъ сознаніе; онъ стиснулъ зубы и собралъ всѣ свои силы, чтобы не упасть въ обморокъ. Онъ видѣлъ, какъ собака съ яростнымъ лаемъ бросилась на торговца, который отбивался отъ нея. Въ ту же минуту въ комнату вбѣжалъ жандармъ и схватилъ торговца за шиворотъ. Не обращая вниманія на рану, художникъ бросился къ нему на помощь и вдвоемъ имъ удалось связать сопротивлявшагося торговца.

Агата, быстро опомнившись отъ страха, вкратцѣ разсказала блюстителю порядка суть дѣла.

Вся вышеописанная сцена оживила доселѣ безмолвную, точно вымершую улицу. Тамъ и сямъ хлопали двери, а изъ оконъ выглядывали любопытныя лица. Толпа запрудила улицу, когда жандармъ велъ связаннаго. Максъ Одрихъ перевязалъ платкомъ рану на рукѣ. Теперь, когда опасность миновала и Агата была спасена, сознаніе собственной вины заговорило въ немъ съ новою силой. Когда они прошли темную улицу, отговариваясь раной, онъ хотѣлъ удалиться.

Она удержала его, взявъ за руку и крѣпко сжимая ее.

— Какъ! Вы уходите?.. Я должна высказать вамъ такъ много, я такъ обязана вамъ... Впрочемъ, словами не выразишь всего. Я не знаю, чѣмъ отплатить вамъ... Но отчего же вы уходите?

— Я вижу тамъ цирюльню, сказалъ онъ,—мнѣ перевяжутъ тамъ рану.

— Цирюльню?! Не смѣйте думать объ этомъ. О вашей ранѣ позаботится мой докторъ. Идемъ-же!

Она позвала проѣзжавшую мимо извозчичью карету и принудила его сѣсть съ нею. Видя, что всѣ отговорки напрасны, онъ покорился. Она сѣла противъ него. Цеппа вскочила въ карету и не помня себя отъ радости, виляла хвостомъ и осыпала ласками свою госпожу.

Максъ Одрихъ сидѣлъ блѣдный, слегка откинувшись назадъ. Молодая женщина заботливо смотрѣла на него.

— Ваша рана, Богъ дастъ, не опасна... Мнѣ такъ тяжело, что ради меня... совсѣмъ чужой для васъ...

— О, неправда, вы вовсе не чужая для меня, перебилъ онъ и глаза его блеснули,—вы... вы такъ много для меня сдѣлали! Пожалуйста не безпокойтесь, это самая ничтожная царапина, которая пройдетъ сама.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите такъ. Вы должны подарить мнѣ нѣсколько времени. Да вотъ мы и пріѣхали.

Карета остановилась подлѣ дома, хорошо знакомаго Максу Одриху. Съ бьющимся сердцемъ поднимался онъ по лѣстницѣ. Здѣсь искушеніе овладѣло имъ нѣкогда и здѣсь, поддавшись ему, онъ совершилъ проступокъ. Онъ ничуть не удивился бы, если-бъ жандармъ схватилъ его самого вмѣсто сегодняшняго вора. Чѣмъ все это кончится? Онъ чувствовалъ, что самъ умретъ, не вынеся этого бремени.

Живущій по близости врачъ скоро пріѣхалъ на приглашеніе. Онъ нашелъ рану художника не опасною и положилъ перевязку, не мѣшавшую свободному дѣйствію рукой.

Агата Моральтъ вздохнула съ облегченіемъ.

— Теперь только я въ правѣ порадоваться возвращенію моей Цеппы. Вы не повѣрите, какъ я привязалась къ ней. Но когда человѣкъ одинъ въ мірѣ, ему надо найти, кого бы онъ могъ полюбить. Прежде я любила, но это увлеченіе скоро прошло. Теперь мнѣ осталось только... впрочемъ, объ этомъ вы еще ничего не знаете, поэтому прошу васъ бросить благосклонный взглядъ сюда, въ святилище дилеттантки.

Съ этими словами она подняла тяжелую темно-малиновую портьеру и смѣясь указала художнику взглядомъ въ слѣдующую комнату. Максъ Одрихъ изумленно взглянулъ на нее.

— Какъ?.. Вы рисуете? воскликнулъ онъ.

— Немного, какъ видите,—почти одни цвѣты; далѣе этого я не иду. Впрочемъ, могу рисовать и животныхъ... Ахъ, никто ихъ не рисуетъ такъ превосходно, какъ вы! Послушайте, что мнѣ пришло въ голову,—напишите мнѣ мою Цеппу. О, не отказывайте мнѣ, прошу васъ.

Максъ Одрихъ молчалъ. Случай все болѣе запутывалъ его, и онъ видѣлъ, что ему не распутать этой сѣти. Агата Моральтъ вѣрно приняла его молчаніе за отказъ; она хотѣла разсѣять его раздумье.

— Я прошу у васъ не болѣе часа въ день,—вы будете работать въ моемъ ателье, потому что теперь я ни на минуту не разлучусь съ моей Цеппой. Вы понимаете меня. Я сама видѣла, какъ подѣйствовало на васъ сообщеніе о пропажѣ Цезаря. Бѣдный! Гдѣ онъ теперь?.. Но послушайте, если онъ найдется, онъ будетъ вашъ. Вы не отвергнете этой маленькой признательности. О, мы найдемъ, мы должны найти его! До тѣхъ поръ я не буду спокойна.

— Вы хотите его найти—и для меня! О, если-бъ вы только знали, что...

Максъ Одрихъ не могъ далѣе говорить, сердечная боль заглушила его слова, онъ думалъ, что задохнется при признаніи въ своей винѣ. Рыдая, онъ упалъ предъ ней на колѣни...

— Боже мой! Если-бъ я могъ сказать...

— Что вы, что вы дѣлаете... Что съ вами? Встаньте, ради Бога, вы внѣ себя!

— Внѣ себя... да!.. Нѣтъ, нѣтъ... я это сдѣлалъ съ полнымъ сознаніемъ... съ умысломъ!

— Что?.. О чемъ вы говорите?

— Знайте же, что Цезарь, ваша Цеппа тожь, у меня, и у меня вы найдете его! Отвернитесь же отъ меня, презирайте меня! Это гнусно, но я не могъ бороться... я обобралъ васъ—а вы... вы осыпаете меня благодѣяніями... Предайте меня суду. Воръ помогъ вамъ сегодня схватить другаго вора. Я заслуживаю такой же кары. Это былъ первый шагъ съ пути

Библиотека "Руниверс"

честности, но его довольно, чтобы на всю жизнь наложить на меня клеймо безчестія. О! какой стыдъ!..

Агата Моральтъ, испуганная въ первую минуту его страстными самообличеніями, едва могла его успокоить. Она принудила его встать и усадила въ кресло. Затѣмъ она неожиданно залилась такимъ непринужденнымъ, веселымъ смѣхомъ, что Максъ Одрихъ недоумѣвающе взглянулъ на нее.

— Ловко вы это сдѣлали! сказала она наконецъ, — дайте вашу руку, поистинѣ ловко!

— Что?

— Что вы снова увели мою Ценну.

Онъ понялъ, что та хочетъ обратить все въ шутку, но не смѣлъ взглянуть на нее и не находилъ словъ для отвѣта.

— Простите мой смѣхъ, продолжала она,—не обращайте на него вниманія и разскажите, какъ было дѣло.

Онъ собрался съ духомъ и разсказалъ ей все. Онъ разсказывалъ все по порядку, не скрывая ни единаго чувства и помышленія, волновавшихъ тогда его душу. Когда онъ кончилъ, на глазахъ Агаты блеснула слеза, отъ скрытаго-ли смѣха или отъ другаго какого чувства—кто знаетъ. Она взяла его руку и пожала ее.

— Вы самый смѣшной человѣкъ, котораго когда-либо я встрѣчала, ласково глядя на него произнесла Агата,—но въ то же время и самый лучшій... добавила она.

— Вы слишкомъ добры! проговорилъ Максъ Одрихъ.

На него находило сомнѣніе, не грезитъ-ли онъ, не видитъ-ли онъ все это въ какомъ-то странномъ снѣ.

— Да, я повторяю, что вы самый лучшій изо всѣхъ людей, которыхъ я знавала,—у васъ есть сердце. Нѣтъ, не возражайте, я знаю, такіе люди, какъ вы, рѣдки. Люди—эгоисты, большинство ихъ лицемѣритъ и притворяется добросердечными ради своихъ собственныхъ выгодъ. И вотъ вы тоже привязались къ животному... Вы вѣроятно любили прежде?..

— До сихъ поръ никогда... то прежнее—были грёзы, мечта, не болѣе...

Онъ всталъ и Агата тоже поднялась. Они не находили словъ. Въ уютной комнаткѣ было жарко отъ высокаго бѣлаго камина. Можетъ онъ былъ слишкомъ натопленъ. Агата подошла къ окну и растворила его. Въ комнату ворвалась струя свѣжаго воздуха.

Максъ Одрихъ провелъ рукою по лбу. Свѣжій вѣтерокъ, струившійся по комнатѣ, казалось прогонялъ смутный рой грёзъ, толпившихся въ его воображеніи. Онъ быстро подошелъ къ Агатѣ, взялъ ея руку и напечатлѣлъ поцѣлуй на тонкихъ пальцахъ. Все, что онъ думалъ и чувствовалъ, казалось, выразилось этимъ поцѣлуемъ.

— До завтра! Если вы позволите, я приду днемъ въ эту же пору начать свою работу.

— Ценна и я ждемъ васъ, до свиданія! лукаво сказала она.

Съ тѣхъ поръ онъ каждый день приходилъ въ назначенные часы въ домъ Агаты. Его всегда сопровождалъ Цезарь, получившій свою старую кличку и послѣ перваго неудовольствія вскорѣ сильно сдружившійся съ Ценной.

Агатѣ хотѣлось имѣть не простой портретъ собаки. Она просила художника изобразить Ценну, подобно Цезарю въ купленной картинѣ, посреди какого-нибудь пейзажа или жанра. Максъ Одрихъ вскорѣ нашелъ сюжетъ. Его намѣреніе написать собачій рынокъ, гдѣ человѣкъ изъ нужды продаетъ своего вѣрнаго спутника, встрѣтило полное одобреніе со стороны Агаты. Центръ всей картины должна была представлять Ценна.

Работа быстро подвигалась впередъ, и однако чѣмъ ближе, повидимому, картина подходила къ концу, тѣмъ болѣе, будто съ намѣреніемъ, художникъ медлилъ кончать ее. Пока онъ держалъ въ рукахъ кисть и палитру, Агата развлекала его то музыкой, то пѣньемъ, то разсказами о своемъ прошломъ.

Родители ея были богатые люди. Она почти не помнила ихъ: они умерли, оставивъ ее малолѣтнею. Блестящее общество, въ которомъ она вращалась, было чуждо ея душѣ. Она вѣрила въ родство душъ и искала такого человѣка. Молодой гусарскій офицеръ былъ отличенъ ею изъ числа свѣтскихъ молодыхъ людей. Она уже считалась его невѣстой... и вдругъ сильно обманулась въ немъ. Гусаръ ухаживалъ за ней ради ея состоянія, самъ же былъ страстно влюбленъ въ какую-то актрису. Это была обыкновенная исторія, но она глубоко оскорбила молодое сердце Агаты. Разочарованная въ людяхъ, она рѣшила жить исключительно для себя и своихъ удовольствій.

Въ тѣ часы, когда приходилъ Максъ Одрихъ, она непрерывно наблюдала за нимъ. Результаты этихъ наблюденій, повидимому, доставляли ей сердечную радость, потому что въ эти часы она становилась веселѣе, глаза ея сіяли счастьемъ. Она была увѣрена въ немъ.

Однажды, подъ предлогомъ отданія визита, она въ сопровожденіи слуги посѣтила Макса Одриха въ его собственной квартирѣ. Она осматривала съ любопытствомъ всякую мелочь въ скромномъ ателье, затѣмъ осмотрѣла всѣ картины и просила продать ихъ ей; наконецъ отослала слугу домой. Молодой художникъ былъ сильно смущенъ неожиданнымъ посѣщеніемъ. Онъ не зналъ, что ему и думать. Образъ дѣйствій Агаты такъ поразилъ его, что онъ пытался противорѣчить ей.

— Конечно, я долженъ принять въ шутку ваше намѣреніе закупить весь этотъ хламъ. Я ни за что не отдамъ его. Мнѣ стыдно взять за него даже грошъ.

Она съ улыбкой взглянула на него.

— Вамъ жалко разставаться съ вашей работой! Это—дорогія воспоминанія, не правда-ли?.. О, я понимаю васъ! Но не безпокойтесь, они не уйдутъ отъ васъ.

Максъ Одрихъ смущенно взглянулъ на нее.

— Что вы хотите сказать?

— О, да вы умѣете притворяться. Или вы дѣйствительно не понимаете меня?

— Увѣряю васъ, нѣтъ!

— Такъ я вамъ скажу ясно и прямо. Только пожалуйста не сердитесь; видите-ли, ваша квартира мнѣ совсѣмъ не нравится.

Максъ Одрихъ вспыхнулъ. Впрочемъ, развѣ онъ ожидалъ другаго?

— Я предлагаю вамъ бросить ее, продолжала спокойно Агата,—и на будущее время раздѣлить со мною мою.

Если бы молнія внезапно упала предъ художникомъ, онъ и тогда бы не былъ такъ пораженъ. Онъ понялъ все.

— Агата! Возможно-ли, вы любите меня?

— Да, отвѣтила она съ очаровательною простотой.—Я хочу сегодня же засадить тебя въ тюрьму. Я поняла нѣмой языкъ твоей любви и сочла своимъ долгомъ громко отвѣтить на него. Да, мы любимъ другъ друга! Я хорошо охраняла свое сердце, и думала-ли я, что найдется человѣкъ, который похититъ его, и вотъ теперь его похитилъ воръ. Ты—воръ моего сердца.

Б. К.

Къ рисункамъ.

Домъ русскаго посольства въ Токіо. (Рис. на стр. 501).

Теперешняя столица Японской имперіи, въ которой живетъ съ 1868 г. микадо, носитъ нынѣ названіе Токіо, а прежде называлась Іеддо. Она расположена на сѣверо-западной оконечности іедской бухты, посреди плодородной равнины, орошаемой рѣками Тонегава и Сумидагава съ ихъ притоками и многими каналами. Въ концѣ XVI в. сдѣланный столицей Токугавой Іэязу, Токіо при его преемникахъ сталъ однимъ изъ величайшихъ городовъ міра, обнимая въ эпоху своего процвѣтанія пространство до 75 квадратныхъ километровъ съ 2 милліонами жителей. Среди города на невысокомъ искусственномъ холмѣ лежалъ замокъ О-широ, со множествомъ пристроекъ, садовъ и парковъ,—и былъ окруженъ стѣною и цѣлымъ рядомъ ясики или резиденцій японскихъ феодаловъ, даймiосовъ. Послѣ переворота 1868 года Токіо сталъ столицей страны и долго былъ средоточіемъ безпорядковъ, вызванныхъ реформами; особенно много было пожаровъ. Жертвою одного изъ нихъ былъ О-широ въ 1873 году, который былъ вновь отстроенъ только въ 1889 году. Около этого времени городъ насчитывалъ уже около милліона жителей и служилъ мѣстопребываніемъ представителей разныхъ странъ въ Японіи. Видъ зданія русскаго посольства читатели найдутъ на стр. 501.

Гуси. (Рис. на стр. 504).

Пейзажи и жанры академика Писемскаго хорошо знакомы читателямъ *Нивы*. Всегда исполненные жизненной правды, они въ то же время какъ бы подернуты легкой дымкой поэзіи съ оттѣнкомъ чего-то роднаго, чисто русскаго. Что за прелесть, напримѣръ, это тихое заводье обширнаго пруда, осѣненнаго столѣтними липами, въ запущенномъ барскомъ саду!.. На берегу его дремлютъ въ полудневный зной, нагулявшіеся, наплававшіеся, вдоволь нащипавшіеся травки, бѣлоснѣжные гуси,—дремлютъ, завернувъ голову подъ крыло, и лишь изрѣдка поправляя перышки краснымъ, какъ киноварь, носомъ...

Червячка заморить!.. (Рис. на стр. 505).

Компанія странствующихъ музыкантовъ, скрипачъ, контрабасистъ, гусляръ и пожилой дѣдко въ соломенномъ брилѣ (шляпѣ) съ бубномъ, пробиралась въ богатое село, гдѣ ее нанялъ играть на свадьбѣ... Тащились-тащились по солнопеку и вотъ наконецъ добрались до хуторка, на окраинѣ котораго привѣтливо глянуло гостепріимное зданіе корчмы... Какъ не заморить червячка, благо задатокъ еще не весь истраченъ?..

Очень довольна!.. (Рис. на стр. 509).

Чѣмъ она любуется? Что такое увидали ея дѣтскіе глазенки?.. Не все-ли равно? Можетъ-быть, это пестрый мотылекъ прилетѣлъ на розу, медленно развертываетъ и опять складываетъ радужныя крылышки, а можетъ-быть просто братишка сталъ на голову и поднявъ босыя ноженки вверхъ, шлепаетъ ими одна о другую... А ужь ежели тутъ *Петрушку* представляютъ, то и говорить нечего—много-ли нужно, чтобы привести ребенка въ восхищеніе!

Библиотека "Руниверс"

На свиданіе. (Рис. на стр. 512).

Молодая дивчина едва дождалась желанной ночи, чудной украинской ночки, когда все и свѣтло и темно вокругъ, и блещетъ бѣлымъ луннымъ свѣтомъ, и хоронится въ черныхъ тѣняхъ, а звѣзды словно мѣдные гвозди вонзились въ синюю пучину неба... Дождалась дивчина, пока *старые* улеглись послѣ ужина, тихо пробралась къ воротамъ, безшумно отворила ихъ и осторожно выглядываетъ — тутъ-ли милый, удастся-ли перемолвить съ нимъ словечко, шепнуть, чтобы засылалъ сватовъ...

Первая музыка. (Рис. на стр. 513).

Во всякомъ искусствѣ первые шаги крайне трудны и требуютъ полной сосредоточенности, умѣнья отдаваться вполнѣ, забывая остальной міръ. Если бы кто еще сомнѣвался въ этомъ, то рисунокъ нашего молодаго художника наглядно разсѣетъ эти сомнѣнія.

П. А. Козловъ.

(Портр. на этой стр.)

Русская современная поэзія, столь небогатая выдающимися дарованіями, понесла недавно довольно чувствительную потерю въ лицѣ скончавшагося, 15 марта, въ Москвѣ, Павла Алексѣевича Козлова, камергера Двора Его Императорскаго Величества, извѣстнаго переводчика Байрона и другихъ иностранныхъ поэтовъ. Сынъ одного изъ богатыхъ помѣщиковъ Московской губерніи, Алексѣя Павловича Козлова, П. А. Козловъ родился 23 марта 1841 года и образованіе получилъ дома, подъ руководствомъ многихъ талантливыхъ московскихъ профессоровъ и преподавателей, усвоивъ еще въ юношескомъ возрастѣ знаніе языковъ французскаго, англійскаго, нѣмецкаго и занимаясь также музыкой и живописью. Его молодые годы проходили въ сферѣ большаго свѣта, гдѣ молодежи не чуждо тщеславіе, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что юный Козловъ вмѣсто того, чтобы поступить въ университетъ, куда его готовили, поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1861 году. Однако, онъ не продолжалъ военной службы: въ его мысляхъ произошелъ поворотъ, слѣдствіемъ котораго у него явилось большое влеченіе къ литературѣ, и онъ даже обнаружилъ даръ творчества. Года за два до выхода изъ учебнаго заведенія онъ сталъ пробовать свои силы въ литературѣ и перевелъ „Еврейскія мелодіи“ Байрона, которыя и были напечатаны въ *Библіотекѣ для чтенія* 1859—1860 гг., а затѣмъ изданы отдѣльной книжкой. Уже и въ этихъ первыхъ опытахъ, не смотря на всѣ ихъ недостатки, невыработанность стихотворной техники, отсутствіе яркихъ красокъ и принужденность, чувствовалось присутствіе поэзіи, пониманіе задачъ добросовѣстнаго переводчика и любовь къ дѣлу; въ переводахъ „Еврейскихъ мелодій“, сдѣланныхъ П. А. Козловымъ, не было красоты подлинника, но они отличались большой точностью, весьма близкимъ знакомствомъ съ Байроновской поэзіей и прочувствованностью. Послѣ этого дебюта въ литературной дѣятельности Козлова послѣдовалъ довольно длинный перерывъ: онъ продолжалъ писать мелкіе стихи, но ничего не печаталъ, занимаясь службою и отдаваясь разсѣянной свѣтской жизни. Службу свою Козловъ началъ, тотчасъ по выходѣ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но не столько служилъ, сколько „числился“ по службѣ, прерывавшейся его поѣздками за-границу. Онъ много путешествовалъ по Европѣ, посѣщалъ картинныя галлереи, музеи, особенно въ Италіи и Франціи, гдѣ жилъ долѣе всего; въ Парижѣ онъ свелъ довольно короткое знакомство со всѣми выдающимися литераторами и художниками Франціи, и у него сохранился роскошный альбомъ съ ихъ автографами и рисунками. Вернувшись на родину, Козловъ поселился въ Варшавѣ, поступивъ въ канцелярію мѣстнаго гражданскаго губернатора, вращаясь въ высшемъ кругу, сочинялъ экспромпты, эпиграммы, альбомныя стихотворенія и, занимаясь музыкой, написалъ нѣсколько романсовъ, изъ которыхъ многіе пользуются и понынѣ нѣкоторою извѣстностью. Скоро онъ снова уѣхалъ за-границу и, познакомившись въ Брюсселѣ съ Ольгою Алексѣевной Барышниковой, вступилъ съ нею въ бракъ въ февралѣ 1869 г.. Женитьба его на весьма образованной, любившей литературу, дѣвушкѣ, не осталась безъ хорошаго вліянія на него. Влеченіе къ поэзіи проснулось въ немъ съ новою силой, и онъ сталъ серьезно заниматься ею, принялся за внимательное изученіе Байрона и за переводъ его поэмы „Манфредъ“. По возвращеніи изъ-за границы, Козловъ опредѣлился на службу въ канцелярію виленскаго генералъ-губернатора А. А. Потапова и получилъ въ это время званіе камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, а когда Потаповъ былъ переведенъ изъ Вильны, вышелъ въ отставку и перебрался въ Петербургъ. Во время жизни въ Западномъ краѣ Козловъ знакомился съ польской литературой и современными ея представителями и началъ довольно усердно переводить стихотворенія наиболѣе выдающихся польскихъ поэтовъ. Съ этими переводами онъ въ началѣ 70-хъ годовъ снова выступилъ въ печати, помѣстивъ въ *Библіотекѣ* Окрейца, въ *Поэзіи Славянъ* Гербеля и другихъ изданіяхъ отрывки изъ поэмы Мальчевскаго „Марія“, изъ поэмы Словацкаго „Монахъ“, и мелкія стихотворенія Лепартовича („Пѣсня“), Залѣсскаго („Любовь“), Сырокомли - Кондратовича („Поэтъ“, „Воронъ“, „Праздникъ въ Несвижѣ“) и проч. Это были уже не прежнія робкія попытки въ поэзіи, а произведенія весьма зрѣлыя, по превосходной техникѣ стиха, образности, свободѣ, даже блеску представлявшія полный контрастъ съ его переводами байроновскихъ „Еврейскихъ мелодій“. Проживъ недолго въ Петербургѣ, а затѣмъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи Звенигородскаго уѣзда, онъ послѣ пожара, уничтожившаго его деревенскій домъ, поселился въ Москвѣ, опредѣлился на службу при бывшемъ генералъ-губернаторѣ В. А. Долгоруковѣ и въ это время получилъ званіе камергера. Съ восьмидесятыхъ годовъ, съ переселенія его въ Москву, начинается весьма усиленная и плодотворная литературная дѣятельность Козлова, выразившаяся въ цѣломъ рядѣ прекрасныхъ переводовъ изъ Байрона и Альфреда Мюссе, которые сразу доставили ему извѣстность. Эту „новую эру“ своей поэтической дѣятельности онъ началъ переводомъ байроновской поэмы „Манфредъ“, помѣщеннымъ въ *Русской Мысли* С. А. Юрьева въ 1880 г. За нею слѣдовали переводы „Донъ-Жуана“, „Чайльдъ-Гарольда“ Байрона и поэмъ Мюссе „Ива“, „Намуна“, „Ночи“, переводы съ польскаго и цѣлый циклъ оригинальныхъ стихотвореній преимущественно элегическаго характера. Переводы изъ Байрона быстро обратили на себя общее вниманіе и доставили ихъ автору почетную извѣстность. Они сдѣланы размѣромъ подлинника, отличаются замѣчательной близостью къ нему, сохраненіемъ его духа, полною передачею Байроновскаго тона и нерѣдко изяществомъ. „Это, по справедливому замѣчанію одного критика, не ремесленная, спѣшная передѣлка, какими, къ сожалѣнію, иные русскіе переводчики уродовали и опошляли лучшія вещи Байрона; это поэтическая, *честная* работа, исполненная съ любовью и съ уваженіемъ къ геніальному произведенію“. И дѣйствительно, П. А. Козловъ относился необыкновенно добросовѣстно къ своему дѣлу, изучалъ подлинникъ до мелочей, работалъ надъ отдѣлкой перевода и выбиралъ и изъ Байрона, и изъ другихъ поэтовъ лишь тѣ вещи, которыя „отвѣчали его собственному поэтическому настроенію“. Поэтичностью, виртуозностью стиха его переводы уступаютъ, конечно, переводамъ Д. Е. Мина, стараго, превосходнаго знатока Байрона, Крабба и другихъ корифеевъ англійской поэзіи, но по точности характера, тона, всѣхъ особенностей Байроновской поэзіи, эти переводы могутъ достойно соперничать съ переводами Мина. Что касается оригинальныхъ стихотвореній Козлова, то они также отличаются гладкостью, легкостью стиха, внутреннимъ содержаніемъ, особенно его элегіи; но въ нихъ мало самостоятельнаго творчества и они являются до извѣстной степени перепѣвами мотивовъ то русскихъ, то иностранныхъ поэтовъ, преимущественно во вкусѣ и тонѣ Байрона, иногда дурно понятыхъ, какъ, напримѣръ, Словацкаго. П. А. Козловъ умеръ далеко не старымъ человѣкомъ, и нельзя искренно не пожалѣть о томъ, что смерть прервала его весьма полезную дѣятельность въ самомъ разгарѣ ея.

Петръ Быковъ.

Павелъ Алексѣевичъ Козловъ († 15 марта 1891 г.).
Съ фот. грав. Шюблеръ

Библиотека "Руниверс"

Памятникъ Радецкому въ Одессѣ.

(Рис. на этой стр.).

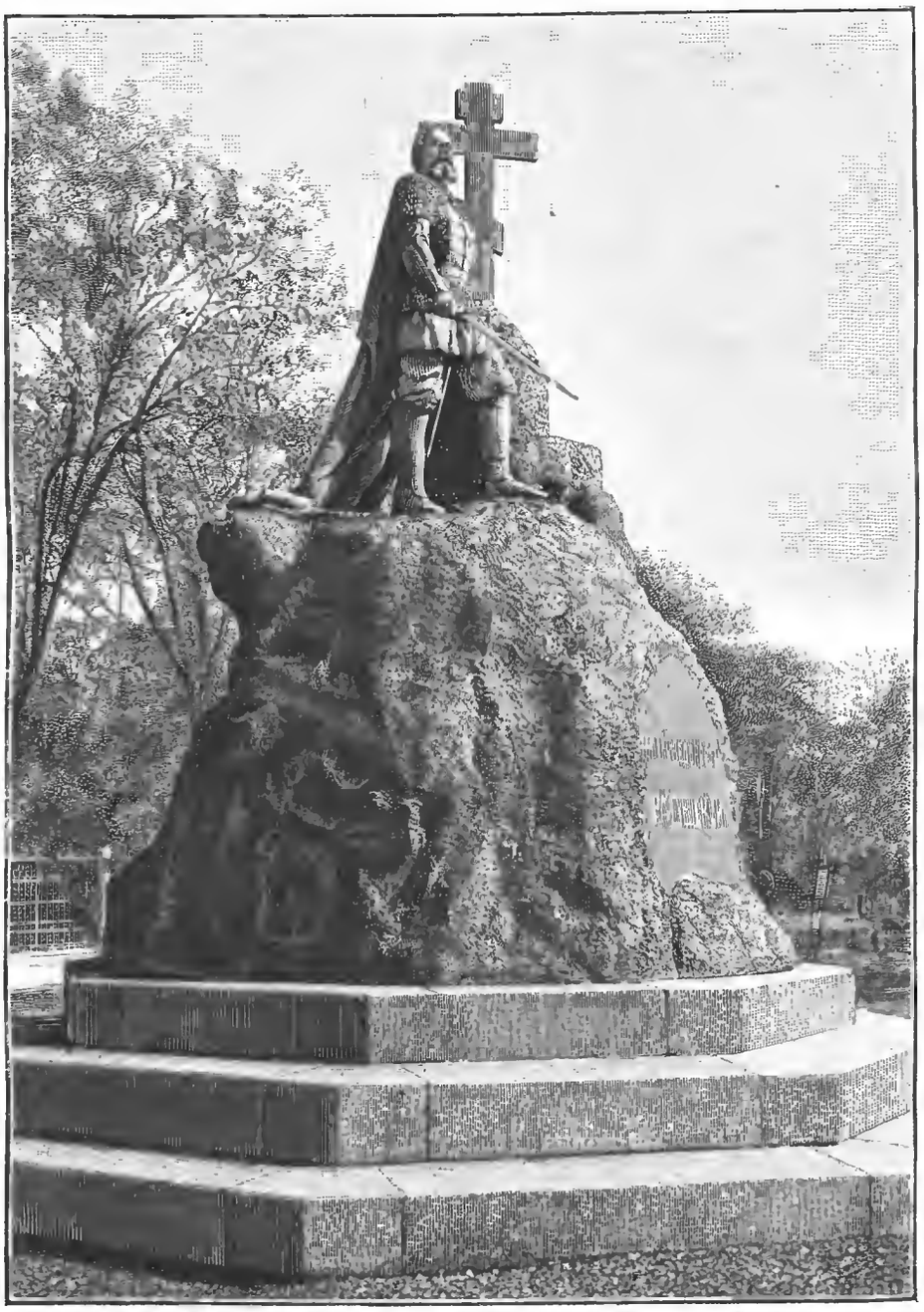
16 мая совершено было торжественное открытіе надмогильнаго памятника славному герою Шипки, генералъ-адъютанту Ѳеодору Ѳеодоровичу Радецкому. Памятникъ этотъ воздвигнутъ на могилѣ доблестнаго полководца, на Старомъ городскомъ кладбищѣ въ Одессѣ. Съ ранняго утра со всѣхъ концовъ города начали стекаться къ городскому кладбищу несмѣтныя толпы. Къ 9 часамъ всѣ прилегающія къ кладбищу улицы и Привозная площадь были запружены народомъ. Къ 8½ часамъ утра къ кладбищу прибыли всѣ части войскъ одесскаго гарнизона, которыя заняли назначенныя имъ мѣста, частью по Преображенской улицѣ и Привозной площади, а частью на самомъ кладбищѣ, по главной аллеѣ, роскошно декорированной на этотъ случай русскими національными флагами и зеленью и ведущей къ памятнику героя Шипки, и затѣмъ далѣе по аллеямъ кладбища.

Богослуженіе началось панихидой по скончавшемся боляринѣ Ѳеодорѣ Ѳеодоровичѣ Радецкомъ. Панихиду совершалъ преосвященный Мемнонъ, епископъ Елисаветградскій въ сослуженіи каѳедральнаго протоіерея о. Арсенія Лебединцева, ключаря собора, протоіерея о. Гавріила Селецкаго, настоятеля кладбищенской церкви „Всѣхъ Святыхъ“ и проч. духовенства собора и кладбищенской церкви. Предъ началомъ панихиды раздалась команда войскамъ: „на молитву“. Въ это время на всемъ кладбищѣ установилась мертвая тишина. Минуты эти поистинѣ были высокоторжественны: многотысячныя войска съ начальствующими лицами, огромная толпа народа, воспитанники учебныхъ заведеній, а также и группа ветерановъ русской арміи (обитатели городскаго инвалиднаго дома)—все это стояло предъ закрытымъ еще покрываломъ монументомъ съ обнаженными головами.

По окончаніи панихиды приступлено было къ служенію молебна съ водосвятіемъ. Въ концѣ молебна, во время пѣнія „Спаси Господи люди Твоя“, моментально была снята съ памятника завѣса и глазамъ присутствовавшихъ представился великолѣпный монументъ.

Памятникъ изображаетъ скалу, напоминающую мѣстность Шипки; на скалѣ водруженъ крестъ, а у креста стоитъ фигура генерала Радецкаго въ одеждѣ витязя, причемъ лѣвою рукою онъ обнимаетъ крестъ, а въ правой рукѣ держитъ опущенный мечъ. Съ плечъ фигуры спадаетъ плащъ. Фигура покойнаго генерала (въ 3 арш. вышины), сдѣланная изъ темной бронзы, представляетъ чрезвычайно величественный видъ. Вообще, весь памятникъ, во всѣхъ деталяхъ, чрезвычайно красивъ.

Послѣ того съ памятника завѣсы, преосвященный Мемнонъ подошелъ къ монументу и окропилъ его со всѣхъ сторонъ св. водою. Затѣмъ, каѳедральный протодіаконъ о. А. Богдановъ возгласилъ многолѣтіе Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Государю Наслѣднику Цесаревичу и всему Всероссійскому Царствующему Дому. Пѣніе „многолѣтія“ сопровождалось колокольнымъ звономъ. Послѣ этого возглашена была „Вѣчная память“ боляриву Ѳеодору, причемъ съ колокольни церкви „Всѣхъ Святыхъ“ раздался погребальный, унылый перезвонъ. Наконецъ, протодіаконъ возгласилъ „многолѣтіе“ христолюбивому храброму и побѣдоносному Всероссійскому воинству, сопровождавшееся также пѣніемъ „многолѣтія“ и колокольнымъ звономъ. Въ это вре-



Памятникъ Ѳ. Ѳ. Радецкому въ Одессѣ. Съ фотогр. М. Грабяжъ, грав. Шюблеръ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ Г.г. подписчиковъ **не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1891 года,** озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля подъ которымъ получается ими „Нива“.

Библиотека "Руниверс"

ми войска взяли на караулъ, а хоры музыки заиграли молитву „Коль славенъ“. Затѣмъ, послѣдовало торжественное возложеніе вѣнковъ на пьедесталъ только что открытаго памятника.

Политическое обозрѣніе.

Отсутствіе выдающихся новостей въ Европѣ заставляетъ обратиться къ другимъ частямъ свѣта. Къ сожалѣнію, получаемыя извѣстія съ дальняго Востока или Запада отмѣчены за послѣднее время печальными, кровавыми свойствами. Съ западнаго побережья Тихаго океана телеграфъ неоднократно приноситъ сообщенія о вспышкахъ дикаго фанатизма туземцевъ и преслѣдованіи христіанъ. Въ началѣ мая, туземцы города Вуху, на лѣвомъ берегу Янъ-цзе-Кіанга, возстали противъ иностранцевъ. Чернь осадила и сожгла зданіе католической миссіи, но миссіонерамъ удалось спастись. Простонародье подожгло также квартиры таможенныхъ чиновниковъ, причемъ разграбило и разгромило британское консульство. Консулъ съ женою едва успѣлъ спастись, однако, по слухамъ, раненъ. Черезъ нѣсколько дней произошли безпорядки въ Панкинѣ. Чернь подожгла принадлежащую методистской миссіи школу для дѣвочекъ, разграбила ее и набросилась на другія христіанскія миссіи, но была разсѣяна. Жены и дѣти европейцевъ удалились изъ города. Далѣе въ Вузуехѣ, близъ Кіу-кіанга, произошли серьезные безпорядки. Толпа убила таможеннаго чиновника и миссіонера, причемъ подожгла нѣсколько домовъ. Жены и дѣти европейцевъ бѣжали въ Кіу-кіангъ. Также въ Кореѣ, въ Сіангто, подвергся оскорбленіямъ французскій миссіонеръ.

Представители державъ требуютъ удовлетворенія, мѣстныя правительства спѣшатъ дать удовлетвореніе, но явленія эти все-таки остаются печальными и вызываютъ грустныя размышленія.

Южная Америка не можетъ обойтись безъ междоусобицъ. Въ настоящее время Чили является мѣстомъ ожесточенной и кровавой борьбы партій. Еще недавно Чили справедливо считалось однимъ изъ самыхъ благоустроенныхъ южно-американскихъ государствъ. Болѣе 30 лѣтъ процвѣтала республика. Война съ Перу не только не задержала развитія Чили, а дала ему новый толчокъ: съ 1879 г. доходы Чили увеличились въ пять разъ. Перемѣна произошла со времени избранія нынѣшняго президента Бальмаседы. Честолюбивые замыслы президента были причиною нынѣшнихъ бѣдствій. Такъ какъ по конституціи переизбраніе президента воспрещается, то Бальмаседа сталъ всячески подготовлять къ тому, чтобы его преемникомъ былъ назначенъ послушное орудіе въ рукахъ Бальмаседы, Сальвадоръ Санфуэнтесъ. Большинство конгресса и верховнаго суда угадали планы Бальмаседы и когда тотъ назначилъ Санфуэнтеса министромъ-президентомъ, заявили, что президентъ переступилъ свои полномочія. Вслѣдствіе этого отношенія между исполнительною и законодательною властью такъ обострились, что конгрессъ отказался вотировать податной налогъ. Послѣдствіемъ этого было то, что плательщики податей не стали платить налоговъ и кассы правительства скоро опустѣли. Тогда Бальмаседа пустилъ въ обращеніе бумажныя деньги. Неудовольствіе и ропотъ усилились.

Сигналъ къ возстанію противъ президента подалъ флотъ. Въ то время, какъ адмиралъ и старшіе офицеры, преданные Бальмаседѣ, находились, ничего не подозрѣвая, въ городѣ, младшіе офицеры, имѣвшіе тайныя сношенія съ членами конгресса, возмутили команды, овладѣли судами, ушли въ море и произвели нападеніе на Писагву. Вскорѣ и часть сухопутной арміи перешла на сторону инсургентовъ, которые обрѣли и опытнаго вождя въ лицѣ генерала Бакредама, одного изъ героевъ войны съ Перу. Вскорѣ вся страна была охвачена пламенемъ возстанія. Съ тѣхъ поръ война ведется съ перемѣннымъ счастьемъ.

Смѣсь.

Г. Шевляковъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* сообщаетъ слѣдующій анекдотъ: Прогуливаясь однажды по Невскому проспекту, Николай Павловичъ встрѣтилъ студента, одѣтаго не по формѣ, возвращавшагося, какъ оказалось потомъ, домой съ пріятельской пирушки: шинель на немъ была накинута на плечи небрежно, шляпа ухарски надвинута на затылокъ...

Государь остановилъ его и сердито спросилъ:

— На кого ты похожъ?

Увидя императора, студентъ смутился, растерялся и робко произнесъ въ отвѣтъ, не понявъ какъ слѣдуетъ вопроса:

— На маменьку.

Рожденіе Андерсена. Христіанъ Андерсенъ, отецъ знаменитаго датскаго поэта, въ молодости обучался сапожному ремеслу. 19-ти лѣтъ отъ роду, будучи уже подмастерьемъ, онъ покинулъ родной городъ въ надеждѣ на большій заработокъ на чужой сторонѣ. Ему хотѣлось сколотить небольшое состояньице, чтобы стать самостоятельнымъ хозяиномъ и зажить своимъ домомъ въ родномъ городкѣ Одензе. Но надежды его не осуществились и онъ безъ гроша денегъ въ карманѣ возвратился на родину. Тѣмъ не менѣе мечта зажить своимъ домомъ не оставила его. Двадцати лѣтъ онъ женился на дѣвушкѣ, еще болѣе бѣдной, чѣмъ онъ самъ. Она могла принести ему въ приданое только матрацъ. О кровати же долженъ былъ позаботиться самъ новобрачный. И онъ позаботился! За нѣсколько недѣль передъ ихъ свадьбой умеръ одинъ зажиточный обыватель городка Одензе; гробъ его стоялъ въ церкви на деревянномъ помостѣ. Этотъ-то помостъ и купилъ Христіанъ за нѣсколько грошей и изъ него устроилъ брачное ложе. На этой самодѣльной кровати 2 апрѣля 1805 года впервые увидѣлъ свѣтъ знаменитый поэтъ Гансъ Христіанъ Андерсенъ. Траурные брусья по бокамъ кровати, которые никакъ не могъ отломать его отецъ, еще много лѣтъ спустя ясно говорили, для какой цѣли служили первоначально доски кровати. При крещеніи младенецъ такъ шумно выказывалъ свое неудовольствіе, что пасторъ разсердившись обозвалъ его кошкой и прибавилъ, что изъ такого крикуна врядъ-ли выйдетъ что хорошее. При этихъ словахъ мать крещеннаго ударилась въ слезы, товарки принялись утѣшать ее, пророча ребенку счастливую будущность,— и этому предсказанію суждено было блестяще оправдаться въ недалекомъ будущемъ. (к.)

Душевная доброта. Въ 1830 г. въ Неаполѣ гастролировала знаменитая пѣвица Малибранъ. Она какъ-то познакомилась тамъ съ однимъ бѣднымъ куаферомъ, который съ трудомъ прокармливалъ свое семейство. Пѣвица пожелала ему помочь и сдѣлала это довольно оригинальнымъ образомъ, одновременно выказавъ свою доброту и деликатность: она каждый день звала его себя причесывать и платила за работу гораздо больше, чѣмъ слѣдовало; но какъ скоро онъ уходилъ, прическа сейчасъ-же разрушалась, и призывался обыкновенный куаферъ, который начиналъ сызнова. Напрасно друзья пѣвицы убѣждали ее избавить себя отъ безполезнаго труда, подаривъ парикмахеру деньги сразу. Она отвѣчала: „нѣтъ, я этого не сдѣлаю. Теперь онъ думаетъ, что имѣетъ заработокъ; милостыня его унизитъ. Кромѣ того, когда хвалятъ мою прическу, онъ думаетъ, что нравится его работа. Чтобы дать столько радости, можно смѣло принести маленькую жертву.“ (в.)

Долговѣчность рыбъ. 3 февраля 1887 года берлинскіе рыбники, братья Даннгаузенъ, поймали въ Шпре громаднаго карпа, 36 фунтовъ вѣсомъ, въ метръ длиною и въ 78 сантиметровъ толщиной. Въ нижней части рта у него было продѣто кольцо съ выгравированною надписью, которую удалось прочесть, не смотря на покрывавшую ее ржавчину. Оказалось, что этотъ карпъ былъ пущенъ въ Шпре въ 1618 году; такимъ образомъ рыбѣ было около 268 лѣтъ. 3 декабря 1886 года тѣми же рыбаками была поймана щука въ 1 метръ 28 сантиметровъ длиною и почти 50 фунтовъ вѣсомъ, возрастъ которой знатоки опредѣляли во 100 лѣтъ, судя по темносѣрой полосѣ моха на головѣ и спинѣ, образующейся только у очень старыхъ щукъ. (к.)

Число жителей на земномъ шарѣ по даннымъ 1890 года простирается до 1.487,900,000 человѣкъ. Изъ нихъ на Европу приходится 380.200,000, на Азію—850.000,000, на Африку—127.000,000, на Австралію — 4.730,000, на Сѣв. Америку — 89.250,000, на Юж. Америку 36.420,000 и на полярныя страны 300,000 человѣкъ. (к.)

ШАХМАТЫ.

Пятая партія матча С. И. П. съ Э. С. Ш. была доиграна 17 мая и окончилась розыгрышемъ. Шестую (французскую партію) выигр. Э. Ш.; седьмую (русскую партію) выигр. С. И. 31-го мая; матчъ отложенъ до 1-го сентября. Во вторникъ 4-го іюня начнется тамъ турниръ-гандикапъ съ участіемъ С. З. Алапина, Э. С. Шифферса и другихъ сильныхъ игроковъ. Гости желающіе принять участіе въ турнирѣ могутъ записаться не позже 3-го іюня.

ПАРТІЯ № 9.

Послѣдняя, рѣшительная партія матча. Играна 6 мая въ „Собраніи Экономистовъ“, Фонтанка, 32.

Французская партія.

Г. Вайнштейнъ. И. Зейботъ. Г. Вайнштейнъ. И. Зейботъ. Г. Вайнштейнъ. И. Зейботъ.

	Бѣлые.	Черные.		Бѣлые.	Черные.		Бѣлые.	Черные.
1.	e2—e4	e7—e6	12.	Ф. d1—d3	С. h5—g6	23.	С. e4—f3	С. c4—d5
2.	d2—d4	d7—d5	13.	К. f3—e5?	К. d7:e5	24.	С. f1:d5	c6:d5
3.	К. b1—c3 1)	С. f8—b4 2)	14.	Л. e1:e5	С. b4:c3	25.	Кр. g1—f1	Л. f7—c7
4.	e4:d5	e6:d5	15.	b2:c3	К. f6—e4?	26.	a2—a4	Л. c7—c6
5.	К. g1—f3	К. g8—f6	16.	С. g5—f4	f7—f6	27.	a4—a5	Л. c6—e6
6.	С. f1—d3	0—0	17.	Л. e5:e4 4)	d5:e4	28.	c3—c4	d5:c4
7.	0—0	С. c8—g4	18.	Ф. d3—c4+	С. g6—f7	29.	Л. a1—d1	Кр. g8—f7
8.	h2—h3	С. g4—h5	19.	С. f4:c7	С. f7:c4	30.	d4—d5	Л. e6—e2
9.	С. c1—g5	e7—e6	20.	С. f5:e4	Л. f8—f7	31.	c2—c3	Л. e2—a2
10.	Л. f1—e1 3)	К. b8—d7	21.	С. c7—d6	Л. a8—d8	32.	g2—g3	Л. e8—e2.
11.	С. d3—f5	Ф. d8—c7	22.	С. d6—b4	Л. d8—e8	33.	С. b4—c5	Л. e2—d2 и

черные выигрываютъ.

1) Ходъ Л. Паульсена; онъ дѣлается чтобы избѣжать избитое „нормальное“ продолженіе: 3. e4:d5, e6:d5; 4. К g1—f3, К. g8—f6; 5. С. f1—d3, С. f8—d6 или e7 и т. д.

2) Здѣсь признается 3. . . . К. g8—f6 сильнѣйшимъ ходомъ черныхъ.

3) Предпочтительнѣе было 10. К. c3—e2 или 10. g2—g4, С. h5—g6; 11. К. f3—e5 и т. д.

4) Вынужденная жертва качества.

Библиотека "Руниверс"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Корень зла. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ П. Н. Полевого. Ч. 1. (Продолженіе). — Воръ. Разсказъ Франца Вихмана. (Окончаніе). — Къ рисункамъ: Домъ руссиаго посольства въ Токіо (съ рис.). — Гуси (съ рис.). — Червячка заморить!.. (съ рис.). — Очень довольна!.. (съ рис.). — На свиданіе (съ рис.). — Первая музыка (съ рис.). — П. А. Козловъ (съ портр.). — Памятникъ Радецкому въ Одессѣ (съ рис.). — Заявленіе. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Шахматы. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ
продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28—2

КРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА „СБОРНИКА НИВЫ"

Конторою журнала „Нива" заготовлены для переплета ежемѣсячныхъ книгъ „Сборника Нивы", коленкоровыя, тисненыя краскою, крышки, образецъ которыхъ здѣсь и помѣщается. Въ каждую крышку должно быть переплетаемо по 3 книги „Сборника". Каждыя три книги имѣютъ общую нумерацію страницъ, заглавный листъ и оглавленіе. Такимъ образомъ, 9 книгъ „Сборника" (кромѣ сочиненій Лермонтова) будутъ переплетены въ 3 тома.

Въ виду громаднаго количества заготовляемыхъ переплетовъ, контора можетъ предложить ихъ гг. подписчикамъ по очень недорогой цѣнѣ, а именно по 25 коп. за крышку, а съ пересылкою по 50 коп.

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ Контору журнала „Нива", Невскій проспектъ, 6.

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen
Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализы и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ безплатно: Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННѢ ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
10—4 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5152

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ И. М. ХАЙНОВСКАГО
имѣетъ всѣ права казенныхъ реальныхъ училищъ. Пріемныя испытанія въ первый классъ имѣютъ быть произведены 14 и 29 мая и 7-го іюня. Москва, Волхонка, д. кн. Голицына.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПАНСІОНЪ И. М. ХАЙНОВСКАГО
ученики коего готовятся въ реальныя училища и кадетскіе корпуса, на лѣтнее время переводится въ с. Осѣченки, близь станціи Быково, Московско-Рязанской желѣзной дороги. Ц. № 5215 2—1

ПРОДАЕТСЯ имѣніе 800 д. Полт. губ. Переясл. у. въ 45 в. отъ Кіева. Подробности у Курдюмова. Кіевъ. Печерскъ, соб. домъ.

ЛЕНИНГЪ и ГЮЗИНГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. Соловьева.
Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.
ФРАНКФУРТЪ Н/М.
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЪ".
Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиною „Кюженъ" (подушка) и „пневматическій". Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5189 18—5

ПРИГЛАШАЮТЪ
агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59 57, соб. домъ.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ двухъ- и трехъ-колесные **ВЕЛОСИПЕДЫ.**
Прейсъ-курантъ безплатно.
ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,
Садовая ул., 22, С.-Петербургъ

Fleichner's Fettpuder
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!
Театральная гримировка! Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!
В. № 4720 17—13
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. В. № 5138 6—6
ПАВЕЛЪ БУРЕ
поставщикъ Двора Его Величества.
С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23.
Москва, по Б. Лубянкѣ, противъ Кузнецкаго моста.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"
Измайловскій проспектъ, № 27.
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.
ГЛИЦЕРИНЪ ВЕЛУРЪ
Средство для предохраненія отъ загара, веснушекъ и красноты лица.
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МОЛОКО и ИРИСОВОЕ МОЛОКО.
ВОДА де НИНОНЪ для кожи.
При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".
Произведенія С.-Петерб. Химич. Лаб. въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5217 2—2

БАДЕНЪ близь ВѢНЫ К. № 5223 3—1
ГОСТИНИЦА И ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ „ГЕЛЕНЕНТАЛЬ"
Извѣстныя своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, какъ и всѣми удобствами первоклассной гостиницы. — Имѣются обстановки для семействъ желающихъ пробыть тамъ болѣе продолжительное время.
Водолечебница подъ надзоромъ Д-ра **Подзарадскаго.**
Желаемыя подробности сообщаетъ владѣлецъ гостиницы **С. Sacher.**

COSMETICUM
(нольдъ-кремъ въ сухомъ видѣ)
изъ химич. пригот. жира Physet. macrocepb. L.
косметика А. УРБАНЪ.
Цѣна за короб. 50 к., съ перес. 75 к.
употребляется для нѣжности кожи лица.
Бальзамич. жирная личная пудра ВИРГИНІЯ,
эта пудра составлена исключительно изъ растительныхъ веществъ и имѣетъ то преимущество, что не содержитъ примѣси металл. окисей, плотно прилегаетъ и незамѣтна при дневномъ свѣтѣ.
Цѣна за короб. 60 к., съ перес. 85 к.
Продается въ Косметическ. и Аптекарск. магазинахъ. Главн. складъ для Россіи у Вас. Аурихъ, СПБ., Колокольная, 18—19.
В. № 5188 5—2

Библиотека "Руниверс"

ФИСГАРМОНІИ

превосходнаго тона, солидной конструкціи, прекрасной отдѣлки.

АМЕРИКАНСКІЯ въ 100, 140, 160, 200, 250, 300, 400, 500, 600, 800 и 1200 р. **ФРАНЦУЗСКІЯ** въ 100, 130, 160, 190, 275 и 450 руб. и силвдныя въ 125 и 200 руб. Фисгармоніи фабрики **ШИДМАЙЕРЪ** въ 140, 180, 225, 300, 350, 450, 650 и дор. Школа для фисгармоніи 2 руб. **Играть на фисгармоніи можно легко выучиться.** Иллюстрированный прейсъ-курантъ и катвлогъ нотамъ для фисгармоніи — **безплатно.**

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо № 5227
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

КОНТОРА ЕГОРА МАЙЕРЪ въ Москвѣ

(учрежденная въ 1872 г.)

СТРАХУЕТЪ всякаго рода движимое и недвижимое имущество отъ **огня**, равно и товары въ пути, съ выдачею простыхъ и генеральныхъ полисовъ.

СТРАХУЕТЪ отъ тиражей погашенія билеты 1-го и 2-го внутреннихъ съ выигрыш. займовъ.

Владѣльцевъ билетовъ, застрахованныхъ въ означенной конторѣ и вышедшихъ въ предшествовавшіе тиражи погашеній, покорнѣйше просятъ **предъявить неотлагательно** чрезъ корреспондентовъ или прямо въ контору въ Москвѣ эти билеты для обмѣна на другіе, невышедшіе въ тиражъ.

Порученія изъ провинціи исполняются съ обратною почтою, и по желанію, съ наложеннымъ платежомъ. Ш. № 5199 2—2

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА".

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у **І. Голлендеръ**, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5136 (7)

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ

Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Оптовая и розничн. продажа.

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. **Ручательство на 2 года.** № 5182 20-4

МАЗЬ противъ МУХЪ, ТАРАКАНОВЪ И ПРУСАКОВЪ.

Средство для ловли и уничтоженія **мухъ**, таракановъ и прусаковъ. Не загрязняетъ помѣщенія, совершенно безвредно.

2 флак. 1 р., 6 фл. 2 р. 75 к., 12 фл. 5 р. Перес. 2, 4, 8 ф. Перес. налож. платежемъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невск. пр., № 20.

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛЬ

Карм. форм. въ замшев. кошельк. 8 руб. пересылка за 3 ф.

Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 руб. пересылка за 4 ф.

„Аргусъ" имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названіе **„универсальнаго бинокля".** № 5228 2—1

Е. КРАУСЪ и К°.
Спеціальн. фабр. оптическ. инструментовъ
Парижъ, Aven. de l. République 4.
ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ:
С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. безплатно.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ

В. № 5098 20—11

10, 15, 25 р. и дороже. **Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-кур. безплатно. Б. П. ФРЕЛАНДТЪ.** Москва. Мясницкая, уголъ Кривокольнаго пер., д. Соколова.

С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30—16.

НАСТОЯЩІЕ ДЖУТОВЫЕ НОСКИ И ЧУЛКИ

безъ шва НЕЗАМѢНИМОЙ ПРОЧНОСТИ

только въ магазинѣ **Ю. ГОТЛИБЪ**, С.-Петербургъ, по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго пр. Цѣна носкамъ 5 р., чулкамъ 7 р за дюжину. Самые тонкіе носки 6 р., чулки — 9 р. дюж. За пересылку прилагается 1 руб. Торговцамъ уступка. При пересылкѣ необходима мѣра подошвы.

ПРЕДОСТЕРЕГАЮ гг. покупателей, что нѣкоторые торговцы продаютъ другіе сорта за джутовыя. Мт. № 5226 2—1

№4711 WEISSER FLIEDER (LILAS BLANC БѢЛАЯ СИРЕНЬ) „PEAU D' ESPAGNE" „ГОЛЬДЛАКЪ"

НОВѢЙШІЕ ЛЮБИМЫЕ ОСОБЕННО КРѢПКІЕ ДУХИ.

Можно получать почти во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Просятъ при покупкѣ обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку

8—1 **№ 4711.** Ц. № 5220

ШОКОЛАДЪ Товарищества А. И. АБРИКОСОВА СЫНОВЕЙ въ МОСКВѢ

С. № 5219 3—3

продается во всѣхъ городахъ РОССІИ

ЕДИНСТВЕННЫЕ ВПОЛНѢ НЕПРОМОКАЕМЫЕ КАУЧУКОВЫЕ БРЕЗЕНТЫ

плащи для возчиковъ, сторожей и пр.

НАДХОМУТНИКИ

№ 5091 для лошадей. 12—12

Ф. РЕДДАВЕЙ и К°.

Москва, Рыбный пер., Старо-Гостинный дворъ, № 38.

„ИДІАЛЪ" ЧЕРНИЛЬНИЦА

Практично! Ново! Дешево! Красиво! Соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества идеальной чернильницы — перья не тупятся, нельзя дѣлать кляксы, очень экономна, легко чистится.

Маленьк. 1 р. 50 к. Больш. 2 р. Перес. 2 ф

Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невск. пр., № 20

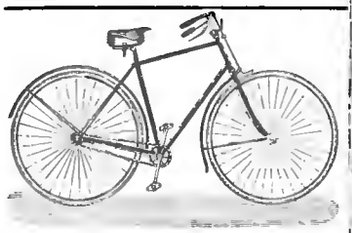
8 ВЫСШИХ НАГРАДЪ

КРЫМСКОЕ-ШАМПАНСКОЕ „КОЛКЕ" Г. Н. ХРИСТОФОРОВА и К° ВЪ МОСКВѢ ТВЕРСКАЯ, д. ЛОММИССАРОВЪ.

Л. № 5187 4—2

МЫЛО ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ ПРОВИЗОРА А. М. ОСТРОУМОВА

кусокъ 30 к. Продается вездѣ.

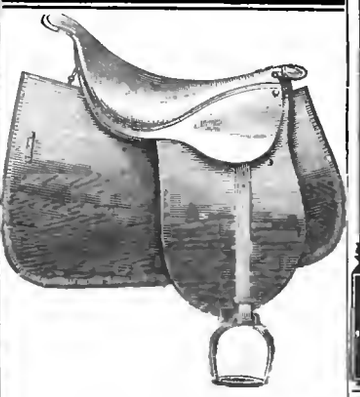


Извѣстные велосипеды въ свѣтѣ англійскаго завода

ГУМБЕРЪ и К°.
Представители
Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.
Москва, Неглинный проѣздъ, домъ Ечкиной, магазинъ № 14.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

Покорнѣйше прошу почтеннѣйшую публику не смѣшивать мою фирму, существующую съ 1883-го года, съ однофамильцами.

ШОКОЛАДЪ С. СТУ и К° ФАБРИКИ



ВЕНГЕРСКОЕ СѢДЛО

(стар. навал. фор.) черной кожи, съ уздечкою и остал. полн. прибор. 35 р.

Мягкое англійское сѣдло (см. рис. „Нивы" за 1890 г. № 16), **очень нарядное, покойное и прочное съ полн. приборомъ 40 р.** На пересылку каждаго изъ оплач. сѣд. слѣд. обязат. высыл. за 45 ф., но жел. д. можно на переводъ. Саратовъ. Фабрика М. и П. Матышевыхъ. Р. № 5231

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ **Министерствахъ** и многъ правительств. и частныхъ учрежд.

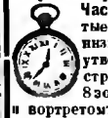
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ Б. Морская, 21.

Главное депо часовъ З. БУРХАРДЪ, СПБ.,

Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.



Часы призовые серебряные закрытые съ хорошимъ анкерн. механизмомъ на 15 кам. съ **Высоч. утвержд.** знакомъ за отличную стрѣльбу, съ серебр. цѣпочкой въ 8 зол., серебр. ключемъ, футляромъ и портретомъ, цѣною за 16 р. **Часы для военныхъ и охотниковъ** никел. анк. ремонтуаръ съ **компасомъ** цѣною въ 11 р. Высылаю наложен. платежемъ. Иллюстр. 4—1 прейсъ-куранты безплатно № 5225

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (5)

для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и антек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

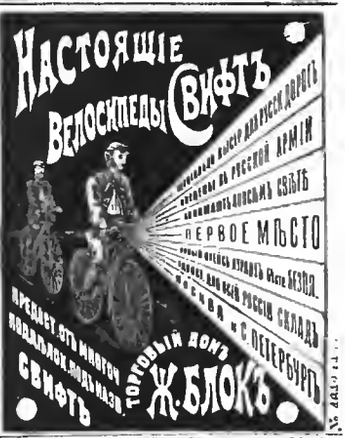
Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.

РѢДКІЯ ФОТОГРАФІИ.

Каталогъ безплатно. А. Динманъ. Амстер-Ц. № 5204 дамъ (въ Голландіи). 6—4

Д-ръ **Волицкій**, возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ранъ. Невскій 102. Отъ 1—3 и 6—7½ ч. в.

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ СВИФТЪ



Дозвол. цензур., СПБ., 5 іюня 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | г. XXII

№ 24 | 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖСК. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис). и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 15 іюня 1891 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ" 1891 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . 5 р. | Съ доставкою въ Петербургѣ . 6 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія . 6 р. | Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . . 7 р. | За границу . . 10 р.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

У береговъ Голландіи. Карт. Мездага, грав. Кирмсе.

Облака и звѣзды.

Много свѣтлыхъ облаковъ
Пронеслося безъ слѣдовъ
По лазури золотой
Шумнымъ лѣтомъ и весной.
Ихъ воздушная толпа
Для косы и для серпа
Прослезилась, окропивъ
Травы луга, злаки нивъ...
И родникъ ихъ теплыхъ слезъ
Рожь душистую вознесъ,—
И растаяли какъ дымъ
Вмѣстѣ съ лѣтомъ золотымъ,
Золотыя облака,
Какъ минутная тоска,—
Гдѣ ихъ путь, и гдѣ ихъ бѣгъ!
Не укажетъ человѣкъ!..
А лучистыхъ звѣздъ толпы
Гордо смотрятъ на снопы,
На измятые луга,
На душистые стога.
Не лучомъ—мечтой онѣ
Души грѣютъ, въ тишинѣ,
Въ тьмѣ безоблачныхъ высотъ
Завивая хороводъ...
И попрежнему горятъ—
Сонмы вѣчныя лампадъ,—
И съ пытливостью земли
Мы къ нимъ очи возвели,
Но для міра зла и бѣдъ
Не понятенъ ихъ отвѣтъ!..

К. Фофановъ.

Библиотека "Руниверс"

Корень зла.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.

П. Н. Полевого.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Черные вороны.

Царь Борисъ, покончивъ обычный утренній пріемъ бояръ въ „комнатѣ", только было собирался идти на засѣданье въ Думу, какъ къ нему прибѣжалъ стряпчій съ царицыной половины.

— Матушкѣ-царицѣ крѣпко неможется, сообщалъ впопыхахъ царицынъ стряпчій. — Проситъ тебя, великій государь, пожаловать къ ней. За духовникомъ послать изволила боярыню...

Борисъ немедля приказалъ послать къ царицѣ своего дохтура-нѣмца. Затѣмъ, внутренними дворцовыми покоями и переходами, онъ прошелъ на половину царицы Марьи.

Здѣсь онъ нашелъ такой хаосъ, такую суетню, бѣготню, сновапье взадъ и впередъ всякой служни—что голова у каждаго, даже и здороваго человѣка, должна была-бы пойти кругомъ. Среди всей этой бѣготни и шума до слуха царя явственно долеталъ голосъ царицы Марьи, которая то кричала въ своей опочивальнѣ, то стонала такъ, что даже въ теплыхъ сѣняхъ было слышно. Едва переступивъ порогъ царицыной передней, царь недружелюбно и подозрительно оглядѣлъ всѣхъ столпившихся тутъ женщинъ и тотчасъ приказалъ выйти изъ передней всѣмъ постороннимъ. Передняя быстро опустѣла: въ ней остались только приближенныя лица царицы.

Царь отозвалъ къ окну боярыню Беклемишеву и спросилъ ее, нахмуривъ брови:

— Что у васъ случилось? Вѣрно опять чѣмъ прогнѣвы и царицу?

Борису были хорошо извѣстны истерическіе припадки его почтенной супруги, составлявшіе одно изъ великихъ несчастій его жизни.

— Ни въ чемъ неповинны, великій государь! отвѣчала царю старая боярыня. — Ничѣмъ не прогнѣвили — какъ зѣницу ока бережемъ. Да вотъ Кадашевская боярыня принесла матушкѣ-царицѣ недобрыя вѣсти; ну, она и...

— Какія вѣсти? Что за напасти могутъ тамъ быть у нихъ, въ хамовщинѣ... Холсты пропали?.. Скатерти не тѣмъ узоромъ стали брать—что-ли? съ досадою сказалъ царь.

— Нѣтъ, государь, тамъ у нихъ худо поважнѣе случилось... Да вотъ, она и сама здѣсь! Изволь самъ ее спросить!

И не успѣлъ царь оглянуться, какъ кто-то бухнулъ съ визгомъ и плачемъ къ нему въ ноги и усиленно цѣловалъ его въ сапогъ, причитывая въ голосъ, какъ по покойникѣ:

— Смилуйся, батюшка-царь, прости меня, рабу свою, холопку грѣшную! Видитъ Богъ безъ вины... Всѣхъ насъ бѣсъ попуталъ... обошли проклятые!..

— Да что у васъ? Говори толкомъ, не путай! крикнулъ Борисъ, стараясь освободить свой сапогъ изъ рукъ плачущей боярыни.

Боярыня Настасья Ивановна подняла съ земли свое красное, распухшее отъ слезъ и заплаканное лицо, и проговорила всхлипывая:

— Дѣвица у насъ пропала... Боярышня та самая, что матушка-царица мнѣ на руки сдала! Видитъ Богъ, ужь я какъ ее берегла! А тутъ околдовали насъ... Ей-ей, околдовали!

— Да кто околдовалъ-то? Что ты плетешь! еще громче крикнулъ Борисъ, ударяя посохомъ въ полъ.

— Околдовали... Скомороховъ навели... въ праздникъ... медвѣдями наряжены... А въ слободѣ-то всѣ пьяны твоимъ государевымъ жалованьемъ... изъ дворца бочки съ медомъ да съ пивомъ понавезли... А тутъ ктой-то выстрѣлилъ изъ пистоли, чуть всѣхъ насъ не убилъ... А медвѣди съ цѣпи сорвались... насъ всѣхъ драть хотѣли... еле мы отъ нихъ за дверь спрятаться успѣли... А твой государевъ стольникъ... и съ медвѣдями да со скоморохами сгибъ да пропалъ... А съ нимъ и дѣвица-то боярышня пропала-же!..

— Какой стольникъ! Какъ онъ къ вамъ въ Кадаши попалъ?

— Съ твоею государскою милостью къ Кадашамъ присланъ—погребъ твой царскій имъ привезъ... И ко мнѣ пришелъ—сѣдой такой, почтенный... А людишки-то его всѣхъ перепоили... И скомороховъ ко мнѣ на дворъ прислали... сильно играть имъ велѣли...

— Эй, позвать сюда Семена Годунова! крикнулъ царь гнѣвно, — пусть онъ эту дуру разспроситъ, какъ было дѣло! Онъ мнѣ толковѣе доложитъ.

И онъ быстро прошелъ въ опочивальню царицы, изъ которой неслись стоны и вопли, въ перемежку съ рыданіями и всхлипываніемъ.

Въ царицыной опочивальнѣ Борису представилась знакомая и невеселая картина. На широкомъ царицыномъ ложѣ, раззолоченномъ и разукрашенномъ пестрою рѣзьбою, на камчатныхъ пуховикахъ и подушкахъ, среди парчевыхъ занавѣсокъ съ богатѣйшими кистями и кружевами—лежала царица Марья, въ одной ферези съ разстегнутымъ воротомъ. Повязка ея сбилась на сторону, пряди волосъ высыпались на шелковое изголовье... Лицо ея было блѣдно, глаза горѣли какъ угли, ноздри раздувались—она тяжело дышала... Смолкала на минуту, потомъ опять принималась кричать, стонать и плакать, бросалась по постели и била ногами въ спинку кровати. Двѣ комнатныя боярыни растерянно метались около кровати, то опрыскивая царицу Марью святою водою, то подавая ей какое-то нашептанное питье. Двѣ постельницы стояли въ отдаленіи; одна держала въ рукахъ тазъ со льдомъ, другая окуривала комнату какими-то травами.

Когда царь вступилъ въ опочивальню, обѣ боярыни почтительно отошли отъ царицына ложа и выслали постельницъ изъ комнаты.

— Выйдите и вы! Оставьте насъ однихъ! сказалъ Борисъ, обращаясь къ боярынямъ.—Да тотчасъ пошлите дохтура сюда, какъ только онъ пріѣдетъ!

Царица Марья продолжала метаться, кричать и охать на постели, не смотря на присутствіе царя, который подошелъ къ кровати и опустился на мягкій стулецъ, стоявшій у изголовья.

— Охъ! стонала царица,—загубятъ, загубятъ меня и тебя, лиходѣи, вороги наши лютые!.. Охъ, охъ, смерть моя пришла! За отцомъ духовнымъ послала... Загубятъ,— а все потому что ты меня слушать не хочешь! Узды на нихъ наложить не хочешь... Охъ, Царица Небесная!..

— Успокойся, Марьюшка, ты сама себя своимъ сердцемъ въ гробъ вгонишь! сказалъ царь Борисъ.

— Успокойся?! крикнула царица, вдругъ поднимаясь на своемъ ложѣ и опираясь на руки. — Успокойся?! еще громче повторила она, сверкая глазами, между тѣмъ какъ блѣдное лицо ея подергивалось судорожными движеніями и на немъ выступали красныя пятна. — Я тогда успокоюсь, когда ты моихъ и своихъ враговъ со свѣту сживешь! А до сей поры мнѣ одинъ покой—подъ гробовой доской!

Библиотека "Руниверс"

— Ты все одно да одно! Заладила! Теперь-то чѣмъ-же передъ тобой Романовы провинились?

— Чѣмъ провинились! Ты еще спрашиваешь? А кто боярышню укралъ, какъ не ихъ-же держальникъ? Кто опоилъ зельемъ всю слободу? кто надо мною и надъ тобою насмѣялся? А!?

— Насмѣялся?! переспросилъ Борисъ, сурово сдвинувъ брови.

— А то какъ-же! Я, царица, ее негодницу послала въ слободу въ примѣръ да въ наказанье, чтобы другимъ дурить было не повадно, да безъ воли царской замужъ прыгать,—а они взяли ее да выкрали, да увезли... Да еще всѣхъ опоили, всѣхъ одурачили—будто на 20-ти подводахъ царскій погребъ Кадашамъ привезли...

— Кто-же это смѣлъ! Кто осмѣлился такъ обманывать!?..

— А кто-же, какъ не твои все пріятели? Все они-же! Они и монашка того выпустили изъ Чудова, котораго ты въ дальніе монастыри отправить велѣлъ, они и теперь мою слугу украли—прослышали, знать, что я ее за непокорство въ женскую обитель отослать собиралась!..

— Да кто же это знаетъ, что все это отъ Романовыхъ идетъ?..

— Все, все отъ нихъ! Все злое!.. Прикажи сыскать—притяни ихъ накрѣпко къ допросу-то...

— Что говоришь ты, Марьюшка!.. нетерпѣливо сказалъ Борисъ.—Ну, какъ я изъ-за дѣвчонки, да изъ-за Кадашей твоихъ къ допросу притяну первыхъ вельможъ, первыхъ бояръ моихъ! Я ихъ и самъ-то, правду сказать, не жалую... Не лежитъ къ нимъ сердце!.. Да какъ же такъ-то?.. Это вамъ съ бабами такъ расправляться, а не намъ съ боярами!

— Не изъ-за дѣвчонки!.. Не изъ-за Кадашей! злобно прошипѣла царица Марья, — а изъ-за нихъ самихъ, изъ-за ихъ злобы... Изъ-за того, что они на тебя ножи точатъ, на твое государское здоровье умышляютъ, коренья держатъ... Я вѣдь говорила ужь тебѣ!.. Или не вѣришь?.. Такъ Семена спроси! Онъ знаетъ...

Борисъ молча отвернулся. Ему тяжело было смотрѣть въ глаза царицѣ; она напоминала ему злаго гада—змѣя, василиска сказочнаго. На душѣ у него холодѣло отъ этого взгляда... А царица все шипѣла и нашептывала ему въ уши тѣ-же злыя рѣчи, тѣ-же злыя мысли, пока новый и сильнѣйшій припадокъ не вынудилъ ее смолкнуть и отъ словъ перейти къ крикамъ, стонамъ и корчамъ.

Пришелъ дохтуръ-нѣмецъ, прибѣжали боярыни изъ сосѣдней комнаты; царицу, по приказу дохтура, стали оттирать, обвязали ей голову мокрымъ убрусомъ. Дохтуръ просилъ у царя разрѣшенія бросить кровь царицѣ, если она не успокоится, и замѣтилъ, что эти припадки грозятъ царицѣ Марьѣ серьезною опасностью.

Хмурый и гнѣвный вышелъ Борисъ въ смежную съ опочивальней комнату; тамъ, у выхода въ переднюю, его уже ожидалъ Семенъ Годуновъ.

— Ну, опросилъ-ли бабу?.. Что вывѣдать успѣлъ?.. сурово обратился къ нему Борисъ.

— Боярышню—Шестова стольника невѣсту—украли Романовскіе люди; а по чьему приказу—не вѣдомо. А вѣдомо, что тѣхъ людей, которые съ погребомъ твоимъ царскимъ въ Кадаши пріѣхали—на Романовскомъ подворьѣ видали... И кони подъ тѣмъ стольникомъ, что боярыню Кадашевскую оплёлъ—Романовской же конюшни... Да тутъ еще ткачишко одинъ съ пьяныхъ глазъ сознался, что тотъ вовсе и не стольникъ, а какой-то изъ Романовской же дворни, только бороду надѣлъ...

— Сыскать про все про то сейчасъ же, и накрѣпко всѣхъ опросить на Романовскомъ подворьѣ! строго проговорилъ царь.

Но сейчасъ же спохватился и совладалъ съ собою, замѣтивъ, что лицо Семена Годунова просіяло какою-то особенною радостью.

— Постой! сказалъ Борисъ.—Сыскать безъ шуму—подъ рукою... А на подворье не соваться! Сначала доложить мнѣ обо всемъ, что разузнаешь. А Шестова, немедля, взять за приставы и допросить.

Семенъ нахмурился, опустилъ голову и переминался съ ноги на ногу, видимо недовольный тѣмъ, что приказъ царя не развязывалъ ему руки для дѣйствія.

— Ну, что же сталъ?.. Ступай! сказалъ Борисъ.

— Великій государь! вкрадчиво замѣтилъ Семенъ.—А на подворьѣ Романовскомъ не повелишь мнѣ розыскать?.. Насчетъ кореньевъ?.. Изволишь помнить, что я докладывалъ тебѣ?.. Что, если это точно правда?..

Борисъ молчалъ и не перебивалъ Семена, хмуро поглядывая по сторонамъ. Это ободрило Семена, и онъ продолжалъ, понижая голосъ:

— Да ужь кстати, тамъ на подворьѣ можно бы и бѣглыхъ поискать... Тамъ, говорятъ, есть гдѣ укрыться! А для *своихъ-то* и подавно найдется мѣсто... Вѣдь этотъ монашекъ-то Чудовскій—жилъ тоже у Романовыхъ въ подворьѣ... А можетъ и теперь не тамъ-же-ли живетъ?

— Что ты врешь?.. Почемъ ты знаешь?.. недовѣрчиво спросилъ царь.

— Да мнѣ же самъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій объ этомъ сказывалъ... Этотъ самый инокъ Григорій сначала, какъ въ міру-то жилъ, пришелъ откуда-то во дворъ къ князьямъ Черкасскимъ, а отъ Черкасскихъ его переманилъ къ себѣ Романовъ Ѳеодоръ Никитичъ... А отъ него потомъ онъ убѣжалъ, да въ иноки пошелъ, да въ инокахъ и проболтался...

— Ну!?.. При чемъ же тутъ Романовъ?

— А Шуйскій-то сказывалъ, будто и прежде за тѣмъ Григорьемъ та же похвальба водилась, будто бы и прежде величался онъ родомъ своимъ...

Борисъ безпокойно сталъ оглядываться, опасаясь, что Семенъ скажетъ лишнее. Но тотъ добавилъ только шепотомъ:

— Такъ можетъ-быть и теперь не тамъ-ли укрывается чернецъ-то, не на подворьѣ-ли?.. Вѣдь Романовы-то жалостливы... не захотятъ, чай, выдать стараго слугу...

Борисъ нетерпѣливо сдѣлалъ шагъ впередъ, потомъ обернулся къ Семену, и, видимо стараясь подавить въ себѣ волновавшее его чувство, сказалъ:

— Ступай, и дѣлай только то, что тебѣ приказано... И, прежде всего, вели Шестова взять и допросить.

Семенъ низко поклонился и вышелъ изъ комнаты въ переднюю царицы.

Пройдя переднюю, и выйдя въ теплыя сѣни, Семенъ направился сначала на то Постельное крыльцо, на которомъ онъ долженъ былъ отдать приказъ о Шестовѣ; затѣмъ онъ свернулъ по переходамъ направо, перешелъ черезъ небольшой внутренній дворцовый дворикъ, за уголъ церкви Спаса-на-Бору, и вошелъ въ отдѣльную Брусяную избу, въ которой хранились ключи отъ порученныхъ его вѣдѣнью кладовыхъ и тайныхъ подваловъ теремнаго дворца. Притворивъ дверь на запоръ, онъ долго рылся между связками ключей, перебирая ихъ на кольцѣ, разглядывая, и наконецъ снялъ съ кольца одинъ какой-то мудреный, зубчатый, кривой. Потомъ вздулъ свѣчу въ фонарѣ, открылъ подполье—и спустился туда.

Долго рылся онъ въ подпольѣ, пока не отыскалъ въ немъ то, что ему было нужно. Онъ вынесъ изъ подполья два порядочныхъ мѣшечка, тщательно зашитыхъ и туго-на-туго завязанныхъ веревкой съ печатями. На каждомъ мѣшечкѣ стояла какая-то надпись мудреными восточными каракулями. Семенъ Годуновъ задулъ фонарь, потомъ внимательно осмотрѣлъ мѣшки, осторожно взрѣзалъ веревки, которыми они были завязаны, снялъ съ нихъ печати и за-

Библиотека "Руниверс"

Минуты счастья. Карт. Чезаре Детти, грав. Кирлзе.

Библиотека "Руниверс"

глянулъ внутрь мѣшковъ, набитыхъ какими-то кореньями. Онъ перевязалъ ихъ новыми веревками, затѣмъ, слѣпивъ изъ воску новыя печати на концахъ веревокъ, порылся въ пазухѣ, вынулъ какой-то массивный золотой перстень, и тщательно оттиснулъ его на восковыхъ печатяхъ. Тѣ, кто знали толкъ въ знаменьяхъ, съ перваго же взгляда могли бы различить на этомъ перстнѣ знаки боярина Александра Никитича Романова. Полюбовавшись оттискомъ печати, Семенъ Григорьичъ бережно привѣсилъ мѣшки подъ полу шубы и вышелъ изъ избы во дворъ, притворивъ за собою дверь на замокъ. Онъ спѣшилъ изъ дворца къ себѣ на подворье со своимъ драгоцѣннымъ кладомъ.

II.

Царская тѣшь.

Наступила весна—ранняя, теплая, дружная. Снѣга стаяли быстро, и воды еще не успѣли войти въ берега, какъ луга уже зазеленѣли и лѣсъ въ половинѣ апрѣля одѣлся такою листвою, какой въ иную весну не бываетъ на семъ и въ маѣ. Прилетъ птицъ начался тоже рано,—всякая полевая и водяная птица „валомъ повалила“ на Сѣверъ съ Юга, оживляя топкія пожни и мокрыя поля своимъ писком и крикомъ. Большія вереницы дикихъ гусей и лебедей понеслись по ясному, блѣдно-голубому, безоблачному небу. Охотниковъ потянуло „въ отъѣзжее поле“ съ соколами и кречетами. Изъ первыхъ выѣхалъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ съ братьями и поѣхалъ тѣшиться въ своихъ заповѣдныхъ, подмосковныхъ лугахъ и болотахъ. Съ нимъ выѣхала въ поле его обширная, нарядная охота—сокольники и кречатники — всѣ въ цвѣтныхъ, яркихъ кафтанахъ, оторочепныхъ галунами, въ красныхъ сафьянныхъ рукавицахъ, расшитыхъ шелками.

Съѣхалъ со двора Ѳеодоръ Никитичъ раннимъ утромъ, и приказалъ ожидать себя домой къ обѣду. Но вотъ ужь солнце и за полдень перевалило,—и часъ, и другой прошелъ, а бояринъ все еще не пріѣзжалъ изъ „отъѣзжаго поля“.

Боярыня Ксенія Ивановна стала не на шутку тревожиться о мужѣ, и мать напрасно старалась убѣдить ее въ томъ, что ея тревога напрасна, что бояринъ просто увлекся своею любимою утѣхою, и что опасаться за него нечего.

— Не опасаюсь я, матушка, а такъ какъ-то на сердцѣ у меня нехорошо. Худоумье такое на меня напало... И это ужь не по первый день.

— Что же ты мнѣ ничего не скажешь, Аксиньюшка? Что у тебя на сердцѣ, голубушка?

— И сама не знаю, матушка! Вотъ такъ и кажется, что бѣда надъ нашей головой виситъ туча какая-то грозная! И все съ тѣхъ поръ, какъ брата, Алёшеньку, за приставы взяли.

Мать тяжело вздохнула.

— Въ ту пору я такъ перепугалась! продолжала Ксенія Ивановна.—Прослышала я, что его къ допросу требуютъ, и вздумалось мнѣ, что его пытать станутъ... Да услышала Дѣва Пречистая молитвы мои грѣшныя—царь приказалъ въ Смоленскъ на службу отослать... Вотъ въ ту-то пору я натерпѣлась страху—и съ той поры все жду бѣды.

— Да неужли, изъ-за того, что боярышня изъ Кадашей, не вытерпѣвши, сбѣжала?

— Нѣтъ! Изъ-за того, что злая царица Марья давно ужь на всѣхъ Романовыхъ гору несетъ—погубить ихъ хочетъ... оклеветать и очернить передъ царемъ. Когда Алёшу взяли, Семенъ-то Годуновъ (нашъ главный врагъ издавна) всю челядь нашу перебралъ по-одиночкѣ, у всѣхъ выспрашивалъ, всѣхъ подговаривалъ и подкупалъ, чтобы наговорили на Ѳеодора Никитича.

— Злодѣй этакій, прости Господи! прошептала Шестова.—Мало ему людскаго горя!

— Не нашлось тогда межъ нашей челяди предателей; да вѣдь, по нынѣшнимъ-то временамъ, кто-жъ поручится?..

Ржаніе и топотъ коней послышались въ это время съ улицы, и Ксенія Ивановна бросилась со своего мѣста къ окну терема. На дворѣ суетились люди и бѣжали отпирать ворота.

— Матушка! весело вскричала молодая боярыня,—вернулись! вернулись! Ступай скорѣе, веди сюда дѣтей изъ дѣтской,—я знаю, что Ѳеодоръ Никитичъ прежде всего сюда заглянетъ: вѣдь онъ дѣтей-то не видѣлъ сегодня! Эй, люди! Кто тамъ? Велите скорѣе собирать на столъ—чтобы мигомъ все поспѣло... Чай голодны бояре?

Черезъ нѣсколько минутъ въ теремъ засуетившейся Ксеніи Ивановны двѣ мамы ввели двухъ миловидныхъ дѣтокъ,—шестилѣтняго Мишу и восьмилѣтнюю Танюшу, и поставили ихъ рядомъ съ матерью. Русыя головки ихъ были гладко расчесаны, а нарядныя камчатыя ферязи щеголевато подпоясаны пестрыми золототканными поясками. Дѣти ласкались къ матери и охорашивались; мать внимательно ихъ осматривала и заботливой рукой оправляла складки одежды. Со двора доносился топотъ коней и звяканье уздечекъ, слышался неопредѣленный говоръ и шумъ; но не слышно было того веселаго гама, не слышно было пѣсенъ, которыми обычно сопровождалось возвращеніе боярина Ѳеодора Никитича съ охоты. Ксенія Ивановна тотчасъ это замѣтила; ея чуткое сердце въ этомъ почуяло что-то недоброе.

— Матушка, сказала она наклонясь къ Шестовой и понижая голосъ такъ, чтобы ее не могли услышать люди, — не веселы что-то вернулись они съ охоты!.. Ужь не стряслась-ли на нихъ бѣда какая?

Прошло еще нѣсколько минутъ, а бояринъ все не шелъ въ женинъ теремъ, все томилъ ее ожиданіемъ.

— Мама! гдѣ же батя? спросилъ Миша у матери.

— Мы тамъ играли, залепетала Танюша, — а насъ отъ игры позвали... Говорятъ, батя пріѣхалъ... Ну, гдѣ же онъ, мама?

— Молчи! Придетъ сейчасъ! нетерпѣливо перебила дочку боярыня.

И затѣмъ сама не утерпѣла, обратилась къ вошедшему дворецкому съ вопросомъ:

— Гдѣ же бояринъ? Но здорову-ли вернулся?..

— Да я и такъ къ твоей милости, боярыня, сказалъ съ нѣкоторою нерѣшительностью сѣдой дворецкій.

— А что такое... Что случилось? тревожно спросила Ксенія Ивановна, быстро вскакивая съ мѣста.

— Да не знаемъ, какъ быть... На столъ велѣла ты подать, я и пошелъ было доложить боярину, что молоди поданы; да вижу онъ съ братцемъ своимъ, съ Александромъ Никитичемъ, заперся въ своей опочивальнѣ... я и не посмѣлъ... къ тебѣ пришелъ...

— Что это съ бояриномъ? Ужь не убился-ли онъ? Не раненъ-ли? Господи!..

— Нѣтъ, матушка-боярыня! Богъ милостивъ! отвѣчалъ дворецкій.—А только видѣли мы, что сумраченъ вернулся съ полевой потѣхи.

— Да говори скорѣе, что ты знаешь?

— Кречета свово любимаго...

— Ну, что тамъ?.. Упустилъ?.. Вѣтромъ отнесло — что-ли?

— Нѣтъ, матушка-боярыня,—самъ своей рукой убилъ!

— Кто? Ѳеодоръ Никитичъ!? Своего любимаго „Стрѣляя“?.. Быть не можетъ!

Дворецкій хотѣлъ пояснить и подтвердить свое сообщеніе; но на лѣстницѣ послышались шаги, и боярыня не вытерпѣла, бросилась къ двери. Дверь отворилась, и на порогѣ появился Ѳеодоръ Никитичъ. Онъ былъ все въ томъ же полевомъ кафтанѣ, въ которомъ выѣхалъ на охоту. Лицо его было сумрачно и блѣдно.

Библиотека "Руниверс"

движеніемъ руки онъ далъ знать, чтобы челядь покинула теремъ.

Ксенія Ивановна подвела къ нему дѣтей. Ѳеодоръ Никитичъ молча поцѣловалъ ихъ и сказалъ:

— Пусть мама ихъ возьметъ! Пускай идутъ, играютъ.

Шестова хотѣла выйти вмѣстѣ съ мамою и дѣтьми.

— Матушка, останься здѣсь, сказалъ бояринъ и, обращаясь къ дворецкому, добавилъ: — А ты ступай, зови сюда брата, Александра Никитича!

— Что съ тобою? Здоровъ ли ты? заботливо допрашивала мужа Ксенія Ивановна.

— Здоровъ, слава Богу!

— Ты чай проголодался? Разсольникъ на столѣ...

— Нѣтъ, мы не хотимъ обѣдать... Намъ съ братомъ не до обѣда, съ грустною улыбкою добавилъ Ѳеодоръ Никитичъ, усаживаясь около жены на лавку.

— Садись и ты сюда, поближе, братъ! обратился онъ къ вошедшему Александру Никитичу, который крестился на иконы терема и здоровался съ хозяйками дома.

Всѣ сѣли тѣснымъ кругомъ. Женщины съ безпокойствомъ и недоразумѣніемъ поглядывали на бояръ-братьевъ.

— Большая бѣда на насъ стряслась! твердо и спокойно произнесъ Ѳеодоръ Никитичъ.—Сегодня утромъ, когда я выѣхалъ на поленой просторъ, у меня на сердцѣ было такъ свѣтло, такъ любо, такъ легко... Всею грудью дышать хотѣлось, и думали мы съ братомъ, что натѣшимся вволю. И только мы пріѣхали на край заповѣдной поляны нашей, только поровнялись съ осиновою рощей—слышимъ бубны, трубы, крики, гомонъ людской... И видимъ, намъ на встрѣчу ѣдетъ самъ царь Борисъ, и съ сыномъ, и съ Шуйскими, и съ Годуновцами со всѣми... Кречетъ у него на рукавицѣ... Напускъ хочетъ чинить... Мы сейчасъ всю челядь спѣшили и сами сошли съ коней—стоимъ и ждемъ проѣзда царскаго. А царь Борисъ къ намъ шлетъ царевича сказать, что „встрѣчѣ радъ, что о нашихъ кречетахъ наслышанъ много—такъ проситъ свалить охоты...“ Ну, думаю, некстати насъ понесло въ ту сторону! Да дѣлать нечего—свалили! И указалъ мнѣ царь Борисъ съ моимъ „Стрѣляемъ“ ѣхать о-бокъ съ нимъ (всѣ Годуновцы чуть не лопнули со злости), и говоритъ: „Давай, бояринъ, по первой птицѣ выпустимъ обоихъ нашихъ кречетовъ—пусть потягаются! Коли мой кречетъ прежде твоего добудетъ птицу, ты мнѣ отдашь „Стрѣляя“; а коли твой добудетъ—я тебѣ своего „Мурата“ отдамъ“. Я поклонился, говорю: „твоя, молъ, воля, государь!..“ А самому не по-сердцу закладъ! Ну, дальше идемъ... Вдругъ съ болота спугнули цаплю загонщики. Чуть поднялась—мы разомъ спустили кречетовъ. „Муратъ“ на средній верхъ поднялся, а мой „Стрѣляй“ сталъ сразу забирать великій верхъ. Царскій кречетъ палъ было на цаплю, да маху далъ—сталъ снова вверхъ идти, какъ вдругъ „Стрѣляй“, съ великаго-то верху, изъ-подъ самой выси небесной, какъ молонья въ него ударилъ, сбилъ, перевернулъ, еще ударилъ—и въ крохи расшибъ!..

— Царскаго-то кречета?! воскликнула Ксенія Ивановна, всплеснувъ руками.—Ахъ, Боже мой! Напасть какая!

— Такъ тотъ пластомъ и палъ на землю, продолжалъ Ѳеодоръ Никитичъ,—и не трепыхнулся... А „Стрѣляй“ поплавалъ кругами и вверхъ пошелъ... Всѣ такъ и ахнули... Я оглянулся на царя, хотѣлъ-было сказать... Да вижу на царѣ лица нѣтъ: блѣденъ, мраченъ, позеленѣлъ весь, трясется отъ злобы—только глаза блестятъ изъ-подъ сомкнутыхъ бровей. Глянулъ на меня и говоритъ: „Худая эта примѣта! Не даромъ говорили мнѣ, что у тебя любимый кречетъ завѣченный, да заколдованный...“ Я вспыхнулъ и говорю: „Нѣтъ, государь, я съ колдунами во-вѣки не зналъ; и кто тебѣ сказалъ—тотъ лжетъ!“ А онъ опять: „Всѣ на тебя, бояринъ Ѳеодоръ, лгутъ! Ты одинъ только съ правдою-то знаешься!“ „Великій Государь!“ я говорю, „я докажу тебѣ, что кречетъ мой не завѣченный!“ Поскакалъ впередъ, повабилъ кречета, и когда онъ ко мнѣ слетѣлъ на рукавицу—я голову ему свернулъ!

Голосъ у боярина дрогнулъ; онъ на минуту смолкъ и отвернулся.

— Ну, что же царь? съ безпокойствомъ допрашивала Ксенія Ивановна.

— Повернулъ коня, созвалъ бояръ, велѣлъ сокольничьему собрать загонщиковъ, сбить въ кучу кречетниковъ и, не кланяясь ни съ кѣмъ, тотчасъ уѣхалъ въ городъ. И вѣришь ли, что всѣ бояре вдругъ отъ меня какъ отъ чумнаго — врассыпную!.. Всѣ за царемъ во слѣдъ! Такъ мы съ братомъ одни и очутились въ полѣ. Да ужь намъ не до охоты было! Я приказалъ зарыть обоихъ кречетовъ—и вотъ домой вернулся... И чую надъ собой невзгоду!..

— Да въ чемъ же тутъ вина твоя? спросила Ксенія Ивановна.—За что же царскій гнѣвъ? Вѣдь самъ же онъ предложилъ тебѣ закладъ...

— Царь Борисъ, боярыня,—великій суевѣръ, вступился Александръ Никитичъ,—больше вѣритъ во всякія кудесы да въ примѣты, нежели въ Бога. Онъ въ этой ошибкѣ кречетовъ увидѣлъ такое знаменье, какое другому и во снѣ не померещится. Ну, а кругомъ его—ты знаешь — найдутся люди, которые поразожгутъ его...

Всѣ замолкли—и долго просидѣли молча, выжидая, что скажетъ Ѳеодоръ Никитичъ. Наконецъ, Александръ Никитичъ прервалъ тяжелое молчаніе.

— Сдается мнѣ, сказалъ онъ обращаясь къ брату,—что издавна сбираются тучи надъ нашей головой. Припомни-ка, что говорилъ Алёшенькѣ Шестову тотъ незваный гость, который на Посольскій дворъ пожаловалъ? „Пусть, молъ, за кладовыми смотрятъ зорко... Есть, молъ тамъ у нихъ одинъ предатель—Годуновымъ ихъ продать сбирается...“

— Да, да! Припоминаю...

— Такъ вотъ я и сталъ смотрѣть—сталъ самъ во все входить, все самъ запирать и отпирать... И вдругъ—такое случилось диво, что и доселѣ постигнуть не могу! — пропалъ у меня изъ-подъ изголовья ключъ отъ кладовки тайной; да не одинъ, а съ перстнемъ знаменнымъ.

— И у меня пропалъ мой перстень! воскликнулъ Ѳеодоръ Никитичъ, вскакивая съ своего мѣста.

— Ну, пропалъ, пропалъ... я думаю, и разглашать опасно! Молчу, таюсь, другой замокъ повѣсилъ на кладовку. А вотъ вчера, чуть легъ я спать, мнѣ сонъ приснился... Лѣзутъ воры въ мою кладовку! Вижу замокъ ломаютъ, а я кричу имъ сверху, съ крылечка: „Что вы ломитесь! Вотъ ключъ—я вамъ его сейчасъ подамъ!“ Да руку подъ подушку сунулъ во снѣ—и разомъ очнулся. Что-жь думаешь? Вѣдь ключъ и съ перстнемъ подъ подушкой у меня! Я вздулъ огонь—глазамъ не вѣрю—мой ключъ и перстень мой!

— Охъ, не къ добру все это! Чуетъ мое сердце! проговорила Ксенія Ивановна, всплескивая руками и принимаясь плакать.

Бояре стали утѣшать ее; но боярыня, долго сдерживавшая свою тревогу и мрачныя предчувствія, никакъ не могла удержать слезъ, которыя такъ и лились, лились обильнымъ потокомъ изъ ея очей.

Было ужь поздно, когда бояринъ Александръ Никитичъ простился съ братомъ, съ его женой и тещей и уѣхалъ на свое подворье.

И чуть только забрезжилась заря, чуть только заклубился утренній густой туманъ, приподнимая пологъ свой къ темнѣющимъ вершинамъ деревъ Романовскаго

Библиотека "Руниверс"

сада на Варваркѣ, какъ засверкали среди тумана копья, бердыши, стволы мушкетовъ, замелькали шапки стрѣльцовъ и шеломы коннаго отряда дворцовой стражи, который подымался по Варваркѣ, прямо къ Романовскому подворью. Впереди отряда верхами ѣхали бояре, съ Семеномъ Годуновымъ во главѣ.

Властною рукою застучалъ онъ въ крѣпкія боярскія ворота и крикнулъ зычнымъ голосомъ:

— Эй! Отпирай ворота! Живѣй! Впускай во дворъ царскихъ слугъ съ государевымъ указомъ!

Оторопѣлые привратники отворили ворота настежь. Съ шумомъ и криками ворвались Годуновцы на боярскій дворъ. Топотъ коней, бряцаніе оружія и шумъ нахлынувшей во дворъ толпы людей разомъ подняли все подворье. Изо всѣхъ оконъ высунулись тревожныя лица, изъ дверей повыскакали люди, поспѣшно натягивая кафтаны, оправляя кушаки, нахлобучивая шапки.

— Хоромы оцѣпляй! Хоромы боярскіе, чтобы никто изъ нихъ не увернулся! Конные! отъ саду заѣзжай! кричалъ Семенъ Годуновъ, какъ угорѣлый бѣгая по двору передъ хоромами.—А вы, за мною, на крылецъ! въ самой опочивальнѣ возьмемъ измѣнника и злодѣя государева!

Но Семенъ Годуновъ съ боярами и стрѣльцами не успѣлъ еще и ногу запести на ступени, какъ дверь изъ хоромъ распахнулась настежь и бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ явился на порогѣ.

— Что̀ ты здѣсь шумишь, Семенъ Григорьевичъ? сказалъ онъ, гордо поднимая голову и величаво обращаясь къ „правому уху государеву“.

— А вотъ сейчасъ узнаешь! отвѣчалъ ему Годуновъ съ нескрываемымъ злорадствомъ. Онъ поспѣшно сунулъ руку за пазуху, выхватилъ оттуда свернутый столбецъ съ печатью и, высоко подпимая его надъ головою, закричалъ во весь голосъ:

— По указу государеву, повелѣно мнѣ взять тебя, злодѣя и измѣнника государева, боярина Ѳеодора Романова, и всѣхъ братьевъ твоихъ и весь родъ твой— и въ цѣпи заковать, и отвести въ тюрьму! Всѣ животы твои и все имѣнье—отписать на великаго государя! Братъ твой, бояринъ Александръ сознался, что умышлялъ кореньями на царское здоровье!

Ѳеодоръ Никитичъ набожно перекрестился и громко, твердо произнесъ:

— Видитъ Богъ, что я невиновенъ...

Семенъ Годуновъ не далъ ему говорить:

— Что̀ вы стоите, идолы! крикнулъ онъ приставамъ;— берите его, куйте въ цѣпи!

III.

Сказка и быль.

Вѣсть объ опалѣ бояръ Романовыхъ ужь облетѣла полъ-Москвы и привела однихъ въ недоумѣніе, другихъ въ негодованіе и ужасъ; но въ теремѣ царевны Ксеніи никто не говорилъ, никто не смѣлъ сказать ни слова объ этомъ важномъ событіи. Тамъ, попрежнему, вяло и спокойно текла все та же сытая, скучная и однообразная жизнь, не нарушаемая никакими бурями, лишь изрѣдка оживляемая сплетнями и слухами о томъ, что̀ происходило внѣ стѣнъ дворца. Царевна Ксенія, попрежнему, молилась и тосковала, попрежнему томилась неопредѣленностью и безвыходностью своего положенія, попрежнему искала развлеченій и тяготилась своею тѣсною неволей.

— Кабы не Мароа Кузьминишна, не разъ говаривала кравчей боярынѣ мама царевны, — мы бы всѣ съ ногъ сбились!.. Ничѣмъ-то не угодишь на нашу причудницу. ужь такой-то у ней норовъ сталъ непокладливый, что, временемъ, хоть плачь! Да вотъ Мароа-то (дай ей Богъ здоровья) такого выискала царевнѣ бахаря, что просто всѣмъ на диво! Говоритъ, словно ручей журчитъ—безъ перестани. Такъ вотъ его-то царевна все и заслушивается... Вотъ и сегодня обѣщалъ прійти въ обѣдъ!..

— Ахъ, хоть бы мнѣ его когда послушать-то удалось! воскликнула боярыня-кравчая.

— И чего-то, чего-то онъ ей ни плететъ, Мать Ты моя Праведная! продолжала царевнина мама.—И палаты-то среди лѣсу стоятъ хрустальныя, заколдованныя, и красныя-то дѣвицы въ нихъ замурованныя, у Змѣя-Горыныча въ зломъ полонѣ, а добрый молодецъ, сильно-могучій русскій богатырь приходитъ, да палицей-то семипудовою какъ вдаритъ!..

— Ахъ, матушка! Что̀ ты говоришь!

— Да вотъ никакъ онъ и самъ къ намъ въ теремъ жалуетъ...

И точно, вслѣдъ за сѣнной боярышней Варварой въ теремъ вступилъ старикъ въ долгополомъ темномъ кафтанѣ изъ домодѣльной сермяги. Его умное и правильное лицо было покрыто глубокими морщинами, длинная борода и густые кудри серебрились сѣдиною; но онъ смотрѣлъ бодро и держался прямо, а его улыбка и выраженіе большихъ голубыхъ глазъ были очень привлекательны.

— Вотъ онъ, краснобай-то нашъ! Добро пожаловать! привѣтствовала бахаря мама царевны, ласково отвѣчая на низкій поклонъ старика.—Наша голубка ужь и такъ-то ждетъ тебя, не дождется! Три раза сегодня о тебѣ спрашивала...

— Радъ служить царевнѣ всѣмъ моимъ запасомъ, пока ей не наскучилъ!.. А впрочемъ, у меня его запасено не на одинъ годъ и не на два!..

— Знаю, знаю, что тебя не переслушаешь! Боярышня, ступай-ка, скажи царевнѣ, что бахарь-то нашъ пришелъ, да Змѣя-Горыныча съ собою въ поводу привелъ...

Боярышня ушла и черезъ минуту воротилась въ теремъ съ царевной Ксеніей, которая заняла свое обычное мѣсто за пяльцами. Бахарь сѣлъ прямо на коверъ, на полу, противъ царевны; всѣ женщины обступили кресло царевны и такъ и впились глазами въ лицо бахаря, когда онъ обратился къ царевнѣ съ вопросомъ:

— Какую же мнѣ сказку сказывать прикажешь? Веселую, аль невеселую?

— Какая получше, да позанятнѣе—ту и сказывай! отвѣчала Ксенія.

— Позанятнѣе? произнесъ въ раздумьѣ бахарь.— Ну, коли позанятнѣе, такъ развѣ разсказать тебѣ бывальщину? Иная быль помудренѣе всякой сказки бываетъ!

И онъ провелъ рукою по бородѣ, потеръ лобъ, какъ бы припоминая что-то, и началъ такъ:

— Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, въ Тальянской землѣ, жилъ да былъ сильный да славный государь, Ротригомъ звали. Съ молоду былъ онъ такой сорви-голова, что не приведи Господи; а какъ состарился—женился и остепенился. Взялъ за себя въ жены царицу Семерицу и прижилъ съ нею сына, по прозванію Костянтина. А тамъ пожилъ царь съ царицей, долго ли, коротко-ли, и царица Семерица царю Ротригу не показалася, и приказалъ онъ ту царицу въ дальнемъ монастырѣ постричь; а самъ на другой, молодой царицѣ, задумалъ ожепиться...

— Ахъ онъ грѣховодникъ! воскликнула мама царевны, всплеснувъ руками.

— Знамое дѣло—царь, въ полной силѣ состоитъ и все можетъ... Никто ему не указъ! продолжалъ съ улыбкою бахарь.—Не намъ его и судить... Царей Богъ судитъ, Онъ на вразумленье имъ и знаменья посылаетъ небесныя. И точно: царь къ свадьбѣ готовится, меды варить велитъ, кафтаны да чуги себѣ нарядныя шить, а на небѣ вдругъ звѣзда диковинная объявилась... Какъ есть метла огненная!

Библиотека "Руниверс"

Заказчикъ. Съ карт. художника **Н. Мухина**, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

— А-ахъ, батюшки! послышались восклицанія изъ-за кресла царевны.

— И велѣлъ царь Ротригъ всѣхъ мудрецовъ со своего царства, съ Тальянской земли, сколько ихъ ни на есть, собрать; всѣхъ ихъ вопрошаетъ: „Скажите мнѣ, мудрые мудрецы, ученые знавцы, что та звѣзда на небѣ значитъ?“ Стали мудрецы, брады уставили, посохи въ землю потыкали, смотрятъ на ту звѣзду огненную, не смѣютъ царю ничего сказать. И далъ имъ царь сроку на три дня; говоритъ: „Не сдумаете вы, не сгадаете въ тѣ три дня—не видать вамъ больше свѣта бѣлаго, не сносить и бородатой головы на широкихъ плечахъ“. И прослышалъ о томъ нѣкій старецъ боголюбивый, что въ пустынѣ Ливійской отъ юности жилъ. Былъ тотъ старецъ такой постникъ великій, что одной краюхой хлѣба да ковшемъ воды по недѣлѣ питался, и подъ землей, въ малой пещерѣ жилъ, все Бога за людей молилъ. Пришелъ онъ къ царю и говоритъ ему: „Не дѣло ты царь затѣялъ—отъ живой жены на другой женѣ жениться! Ты эту дурь изъ головы выкинь—неугодна твоя женитьба Богу!“ Возгорѣлся на старца царь лютымъ гнѣвомъ: „Какъ ты“, говоритъ, „смѣешь мнѣ экія рѣчи молвить? Да я“, говоритъ, „велю тебя дивымъ звѣрямъ на растерзаніе отдать!“ А старецъ ему отвѣтствуетъ: „не пугай ты меня мукамъ, самъ адскихъ мукъ бойся! Пришелъ я тебя остеречь отъ гибели. Ты мудрецовъ со всей земли Тальянской собралъ, чтобъ они тебѣ сказали, что новая звѣзда сама по себѣ значитъ—и они тебѣ ничего сказать не посмѣли; а я тебѣ скажу! То тебѣ Божье знаменье—метла небесная. И если ты меня не послушаешь, отъ живой жены на другой женишься, такъ и знай: смететъ тебя та метла небесная и отплатится твой грѣхъ на дѣтяхъ и внукахъ твоихъ, на всемъ царствѣ твоемъ!“ Задумался царь, сталъ умомъ такъ и этакъ раскидывать; да нашлись злые думцы, лихіе совѣтчики, говорятъ ему: „Тебѣ ли, царю могучему, знаменитому, полоумнаго старца слушаться? Вели ты его самого помеломъ изъ дворца выгнать—и твори себѣ свою волюшку“. По-сердцу пришлись царю Ротригу совѣты злые, и говоритъ онъ старцу: „Проваливай отсюда, посконная борода, пока живъ да цѣлъ еще; а твоимъ рѣчамъ безумнымъ я не вѣрилъ и не вѣрю!“ Поклонился старецъ царю въ поясъ, говоря: „Спасибо на ласковомъ словѣ“. И ушелъ опять въ свою пещеру. Какъ онъ ушелъ—и метлы огненной на небеси какъ не бывало. И возрадовался царь со своими боярами, пиръ свадебный богато-пребогато обрядилъ, и ввелъ въ домъ царицу новую, молодую, Нину Прекрасную...

— А старшій-то сынъ, отъ царицы Семерицы? Тотъ-то гдѣ же? спросила бахаря царевна.

— Тотъ-то растетъ да растетъ, да къ царской-то свадьбѣ и совсѣмъ выросъ—готовый царю наслѣдникъ. А царь Ротригъ ему и говоритъ: „Коли Нина Прекрасная мнѣ сына родитъ—не видать тебѣ моего царства, какъ своихъ ушей. На того младенца все царство запишу, а тебѣ—по-бѣлу свѣту дорога вольная“. И точно, года не прошло—родила царица Нина сына и прозвалъ его царь Митродатомъ.

— Ишь ты вѣдь какой мудреный! произнесла мама царевны.

— Какъ Митродатъ народился, такъ старшій-то сынъ, Костянтинъ-царевичъ, сталъ въ дорогу сбираться, по отцову приказу, на чужбину уходить задумалъ, по бѣлу свѣту счастья искать. Да вдругъ самъ-то царь Ротригъ разнемогся, съ трудомъ языкомъ владать сталъ; день проболѣлъ, а къ вечеру и Богу душу отдалъ,—и наслѣдника себѣ не назначилъ. Собрались думцы царскіе, говорятъ Костянтину: „Садись на царство, правь землею, а этого младенца съ мачихою отошли въ дальній удѣлъ, за горы высокія, каменныя, за рѣки быстрыя, за лѣса дремучіе—пусть тамъ растетъ, и коли вырастетъ, пусть только тѣмъ удѣломъ и правитъ, а ты всѣмъ царствомъ“.

Бахарь замолкъ на мгновеніе, обвелъ глазами всѣхъ своихъ слушательницъ и продолжалъ тѣмъ же ровнымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Сталъ царь Костянтинъ всѣмъ царствомъ править и стала его зависть мучить... Думаетъ онъ: „Растетъ у меня въ Митродатѣ лютый ворогъ! Вырастетъ, пожалуй, скажетъ, что мало ему того удѣла—захочетъ всѣмъ царствомъ владѣть! Надо мнѣ той бѣды загодя избыть!“ И послалъ онъ къ младенцу своихъ вѣрныхъ слугъ, приказалъ его безъ милости убить, а царицу Нину Прекрасную въ тотъ самый монастырь постричь, въ которомъ царица Семерица была пострижена.

Бахарь замолкъ, какъ бы колеблясь, продолжать ли ему свой разсказъ. Но царевна такъ и впилась въ него глазами:

— Ну, ну! торопила она,—и дальше-то что же? Что съ Митродатомъ сталось?

— Нашелся между царскими слугами жалостливый; забѣжалъ впередъ, да и шепнулъ царицѣ Нинѣ: „Припрячь свово сына! Прилелѣй попёнка—пришли его во дворецъ за дитя милое!..“ И чуть только она свово сына припрятала, а попёнка обрядила царевичемъ—наѣхали скурлаты немилостивые, вывели попёнка на высокій крылецъ, отсѣкли ему голову и повезли къ царю въ его стольный городъ Миланъ Островерхій. Царица-то надъ попёнкомъ убивается, слезы точитъ, голосомъ воетъ, а сама думаетъ: „Не надъ своимъ ребенкомъ плачу, убиваюся. Мой-то живъ, Божьей милостью, и отмститъ царю Костянтину, какъ вырастетъ!“ И никому-то она своей тайны не выдала—съ ней и въ обитель изъ міру ушла! А сынъ ея Митродатъ-царевичъ вскрытѣ росъ да росъ и выросъ...

Но ни царевнѣ, ни остальнымъ слушательницамъ бахаря не удалось дослушать сказку о чудесно-спасенномъ царевичѣ: сама жизнь во всей своей ужасающей правдѣ вдругъ вторглась въ заколдованный міръ теремной жизни и порвала нить сказочнаго вымысла... Въ сѣняхъ послышался сначала шумъ, потомъ неясный говоръ, женскій крикъ, топотъ шаговъ—и вдругъ дверь изъ сѣней распахнулась настежь, и боярыня Ксенія Ивановна Романова, въ одной ферязи, безъ ожерелья, безъ верхней одежды, вбѣжала въ теремъ. Голова ея на-скоро была повязана бѣлымъ убрусомъ, изъ-подъ котораго отдѣльныя пряди волосъ выбивались на лицо, покрытое смертною блѣдностью... Ужасъ, холодный ужасъ выражался въ глазахъ ея, въ ея побѣлѣвшихъ губахъ, во всѣхъ чертахъ ея лица. Слѣдомъ за боярыней въ теремъ вбѣжали царицыны стольники и стряпчіе, царицыны боярыни и служня—и всѣ остановились около дверей, у порога.

Боярыня Ксенія Ивановна, какъ вбѣжала, такъ прямо и бросилась къ царевнѣ, упала передъ ней на колѣни и, скрестивъ руки на груди, воскликнула слабымъ, прерывающимся голосомъ:

— Царевна! Спаси!.. спаси насъ отъ позора... спаси отъ гибели... Спаси мужа, дѣтей—весь родъ, племя! Погибаемъ, погибаемъ безвинно!!.

Царевна вскочила со своего мѣста перепуганная, взволнованная... Она смотрѣла на Ксенію Ивановну изумленными очами и ничего не понимала.

— Отлучаютъ отъ мужа! отъ дѣтей отрываютъ... Мужъ, братья, мать — вся родня въ темницѣ!.. Розыскъ — пытать хотятъ! Спаси — умоли за насъ царя-батюшку, царицу!.. Ахъ, Боже, Боже!

И несчастная боярыня ломала руки въ страшномъ отчаяніи.

— Боярыня! Что за напасть такая? что случилось—разскажи ты мнѣ! воскликнула царевна, протягивая руки къ Ксеніи Ивановнѣ.

Но несчастная не могла говорить: у нея не хватало

Библиотека "Руниверс"

ни силы, ни голоса... Вмѣсто нея заговорилъ царицынъ стольникъ. Выступивъ впередъ изъ пестрой толпы людей, заграждавшей дверь въ сѣни, онъ сказалъ, обращаясь къ царевнѣ:

— Бояре Романовы предъ царскимъ величествомъ объявились въ измѣнѣ и въ злодѣйскихъ козняхъ... Въ кладовыхъ у нихъ сысканы мѣшки съ лютымъ зельемъ, за ихъ печатями — и зелье то они хранили, умышляя на государское здоровье. Всѣхъ ихъ велѣно по тюрьмамъ разсадить—покамѣсть патріархъ съ боярами присудитъ имъ кару по винѣ...

Царевна вдругъ отступила отъ Ксеніи Ивановны: но рѣчь стольника возвратила боярынѣ и голосъ и силы, и она громко воскликнула:

— Царевна! Онъ лжетъ! Коренья намъ подкинули... Злодѣи... Проклятый Семенъ Годуновъ подкупилъ казначея у Александра Никитича, чтобъ погубить насъ! Романовы ни въ чемъ предъ государемъ неповинны!.. Упроси за нихъ отца и мать!..

— Я... я... не могу... Не знаю! Судъ разсудитъ... безсвязно лепетала царевна, колеблясь и не зная, что предпринять—какому чувству отдаться.

Но въ эту минуту въ сѣняхъ раздался голосъ царицы-Марьи:

— Гдѣ она? гдѣ она? гдѣ злодѣйка? Кто смѣлъ ее въ царевнинъ теремъ впустить! Олухи!! Вотъ я васъ всѣхъ!

И она бурею ворвалась въ теремъ Ксеніи.

— Взять ее! Въ тюрьму! Ништо имъ всѣмъ злодѣямъ! Всѣхъ къ розыску!..

И она грубо оттолкнула Ксенію Ивановну отъ царевны.

Боярыня быстро поднялась съ колѣнъ, выпрямилась во весь ростъ и смѣло глянула въ глаза царицѣ-Марьѣ:

— Пусть я иду въ тюрьму... Да зачѣмъ же дѣтей-то отрывать отъ меня! Зачѣмъ не съ ними, не съ мужемъ — въ одну тюрьму?.. Зачѣмъ насъ разлучаютъ?.. Развѣ мало мы страдаемъ—и за что? за что?!

— Ты еще лицемѣрить смѣешь? лукавить? Змѣя подколодная! закричала царица во весь голосъ, трясясь отъ ярости.—Мало тебѣ того, что мужа и шурина въ лиходѣйствѣ да въ измѣнѣ уличили! Концовъ небось схоронить не успѣли!.. Да васъ всѣхъ бы нужно въ землю живыми закопать! А ты тутъ смѣешь о своемъ отродьѣ плакать... Вонъ отсюда, зелье!

Стольники, по знаку царицы, подскочили къ Ксеніи Ивановнѣ, подхватили ее подъ руки и хотѣли увести: но та совершенно неожиданно вывернулась изъ ихъ рукъ, сдѣлала шагъ впередъ и вперивъ въ лицо царицы пристальный, гнѣвный взоръ, произнесла скороговоркой:

— Ты знаешь, государыня, что мы страдаемъ безвинно! Тебѣ *то* вѣдомо! Ты знаешь, *кто* насъ погубилъ—и *кто* за это отвѣтитъ Богу! Но не смѣй звать моихъ дѣтей отродьемъ—не смѣй!! Я не прошу ни за себя, ни за нихъ—не кланяюсь тебѣ! Безъ воли Божьей даже и ты не сможешь погубить ихъ... Но знай и помни: ты тоже мать, и у тебя тоже есть дѣти... На нихъ тебѣ отольются наши слезы, на нихъ тебя накажетъ Господь, заступникъ нашъ!..

— Замолчишь-ли ты?! закричала въ бѣшенствѣ царица Марья, бросаясь къ боярынѣ съ стиснутыми кулаками. Но царевна, трепещущая и блѣдная, заградила матери дорогу и ухватила ее за руки.

— Теперь ведите меня, куда вамъ приказано, твердо сказала Ксенія Ивановна, обращаясь къ стольникамъ.— Богъ намъ прибѣжище и сила—намъ, несчастнымъ!

(Продолженіе будетъ).

На Волгѣ.

Разсказъ Э. А. Центковской.

I.

Несмотря на то, что было уже около шести часовъ вечера, жара все еще не спадала. Въ рубкѣ *) было душно; въ открытыхъ окнахъ густой неленой недвижно стоялъ синій дымъ сигаръ, за которымъ вились миріады мошекъ. Пароходъ шелъ быстро. Съ правой стороны высокій холмистый берегъ принималъ все болѣе и болѣе оживленный и разнообразный видъ. Мѣстами начинали показываться хижины, заборы; среди зелени запущеннаго сада появлялась полуразвалившаяся бесѣдка, подгнившіе столбы которой наклонялись надъ рѣкой, точно вглядываясь въ синеватую бездну. Утоптанная тропинка то выбѣгала изъ-за молодой вишни, то снова скрывалась за кустомъ боярышника и вдругъ, почти отвѣсно, спускалась къ рѣкѣ. Кое-гдѣ виднѣлись покачнувшіяся на-бокъ купальни, опрокинутыя лодки, даже плоты, на которыхъ бабы полоскали бѣлье.

На палубѣ тоже началось движеніе, которое всегда замѣтно на Волжскихъ пароходахъ съ приближеніемъ къ большой пристани. Рубка мало-по-малу опустѣла. Пассажиры почти всѣ вышли на верхнюю палубу. Ихъ было довольно много, все больше проѣзжіе въ Самару на кумысъ, въ Астрахань или на Кавказъ. Мѣстные приволжскіе жители, по большей части если и незнакомые между собою, но имѣющіе общіе интересы, быстро связывающіе людей, уже всѣ вышли на другихъ пристаняхъ. Одному только мнѣ еще оставалось доѣхать до Саратова, чтобы добраться до своего имѣнія, гдѣ мать и сестра съ нетерпѣніемъ ожидали моего возвращенія. Страшная скука и желаніе скорѣе дотащиться до дому терзали меня. Я уже прочелъ всѣ газеты, выкурилъ двѣ сигары и вслѣдъ за послѣднимъ пассажиромъ тоже вышелъ на палубу.

Передъ нами рѣка широчайшею, серебристою лентой живописно вилась среди пышной зелени луговой стороны и крутыхъ, широкихъ уступовъ праваго берега, который теперь амфитеатромъ уходилъ въ изгибахъ ея, снова синѣя вдали. На такомъ-то уступѣ, среди вишневыхъ садовъ, выглядывали домики; на крутизнѣ выступала шоссейная дорога, съ черными подорожными тумбами надъ самымъ обрывомъ. На полдорогѣ виднѣлась небольшая бѣлая церковь съ зеленымъ куполомъ, а на самомъ верху горы высокая четырехугольная водопроводная башня, словно часовой, подымалась надъ сплошною оградой цвѣтущей сирени, за которой прятался одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Волги. За то на самомъ берегу рѣки, словно нанизанныя орѣховыя скорлупки, тянулся цѣлый рядъ убогихъ деревянныхъ домиковъ, сараевъ, амбаровъ; барки, лодки, плоты, нефтяныя баржи, пароходныя пристани со своими громадными вывѣсками—довершали картину.

Пароходъ нашъ уже перемѣнилъ направленіе и, описывая широкую дугу, почти подъ прямымъ угломъ причаливалъ къ берегу. Уже издали кто-то замѣтилъ, что вѣрно много пассажировъ прибудетъ. Дѣйствительно, на крутомъ спускѣ, на мосткахъ и на пристани толпился народъ. Тутъ собралось цѣлое общество. Дамскіе свѣтлые наряды мелькали среди толпы, а тамъ выше на дорогѣ стояли городскія коляски, тройки, извозчики. Какъ только положили мостки, толпа хлынула на пароходъ. Поднялась бѣготня по лѣстницѣ, раздались веселые возгласы, шумъ и смѣхъ. Рубка наполнилась провожающими. Въ воздухѣ стоялъ гулъ голосовъ, носился тонкій запахъ французскихъ духовъ и свѣжихъ букетовъ. Всюду мелькали новыя лица, шуршали женскія платья. Прежніе пассажиры всѣ, словно тараканы отъ свѣта, куда-то скрылись.

А на палубѣ—цѣлый адъ: толкотня, крикъ, стукъ брошенныхъ тюковъ, плачъ дѣтей, брань и надъ всѣмъ этимъ—рѣзкій голосъ капитана. Осторожно пробираясь черезъ толпу, я поднялся къ нему. Онъ ходилъ взадъ и впередъ быстрыми короткими шагами моряка, подбѣгая то къ одному борту, то къ другому, стараясь водворить порядокъ въ Вавилонскомъ столпотвореніи на палубѣ и ругаясь самымъ изряднымъ образомъ. Но болѣе всего доставалось отъ него соперничествующей съ Обществомъ Компаніи „Стрѣла". При каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ капитанъ нашъ задѣвалъ ни въ чемъ неповинную „Стрѣлу". Всевозможныя непріятности имѣлъ онъ изъ-за этого и судился даже—какъ говорятъ,—но все не унимался.

Сегодня онъ видимо былъ въ духѣ. Замѣтивъ меня, онъ быстро подошелъ, потирая себѣ руки и шутливо подмигивая правымъ глазомъ.

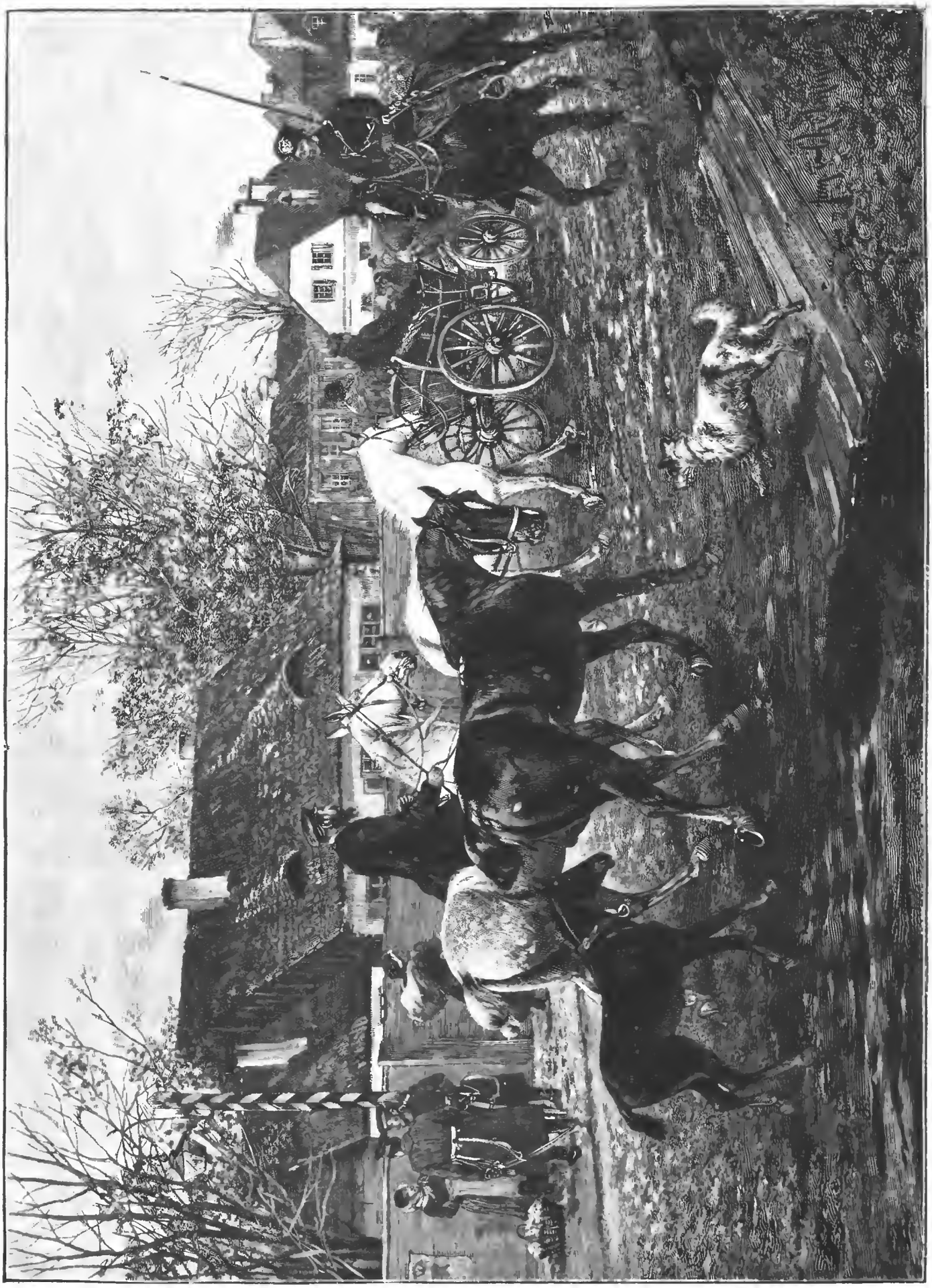
— Ну, батюшка! Рыбочекъ-то навалило! Да какихъ еще!— Одна другой лучше. И вѣдь не простыя—все золотыя рыбки! А наши-то судачки!.. замѣтили? Обрадовались! Кромѣ васъ всѣ пошли прихорашиваться. Пошелъ я давеча къ себѣ въ каюту, мимо общей-то залы,—и вижу: кто галстукъ завязываетъ, кто шевелюру свою въ порядокъ приводитъ! Смѣхъ просто! Ну, да слава Богу! слава Богу! А то скука-то вѣдь какая! Цѣлыя

*) Столовая I, а иногда и II класса, устроенная на палубѣ.

Библиотека "Руниверс"

Заводье. Сь карт. **А. Лыткина**, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



На конскую ярмарку (въ Волынской губ.) Ст. карт. Хельминскаго, грав. Пуцц.

Библиотека "Руниверс"

сутки не только ни одной рыбки или пташки, даже гусыньки ни одной не было. Только беззубая акула въ дамской сидитъ!.. Эй ты, бритая башка, куда прешь! крикнулъ онъ вдругъ одному татарину, который, согнутый подъ громаднымъ тюкомъ, не взирая ни на кого и ни на что, прямо лѣзъ въ самую толпу.— На „Стрѣлу“, что-ли, понялъ? Народъ давить вздумалъ. Отучу и васъ! За бортъ выброшу!

Капитанъ „Гусынька“, какъ прозвали его дѣти, пользуется большой извѣстностью на Волгѣ. Всѣмъ знакома его вражда со „Стрѣлой“, всѣмъ знакомы также оригинальныя названія, данныя имъ нашимъ дѣвицамъ, дамамъ и дѣтямъ, которыхъ онъ иначе не называетъ, какъ: рыбками, пташками и гусыньками. Нашего брата, холостика, онъ произвелъ въ „судачка“; старики у него — „сомы“, старухи — „акулы“. Это послѣднее прозвище доставило бѣдному капитану не менѣе непріятностей, чѣмъ его распри со „Стрѣлой“.

Впрочемъ, онъ увѣрялъ, что вывезъ всѣ эти названія съ Бѣлаго моря, гдѣ долго служилъ. Оттуда онъ тоже перевезъ и военную дисциплину, которую ввелъ на своемъ пароходѣ,—да по всей вѣроятности тоже и необыкновенную способность ругаться.

Въ эту минуту съ сосѣдней пристани „Стрѣлы“ раздался первый свистокъ. Крѣпкое словцо сорвалось съ устъ капитана, онъ оставилъ татарина, который наконецъ гдѣ-то пристроился со своимъ тюкомъ, и бросился къ слуховой трубѣ. Только-что немного угомонившаяся суматоха снова поднялась. Опять крики, брань, толкотня! Готовились къ отъѣзду, хотя пароходъ и часа не простоялъ у пристани. Но что же тутъ прикажете дѣлать?! Нельзя же допустить, чтобы какая-нибудь Стрѣлецкая „Русалка“ опередила „Михаила Тверскаго“ (названіе нашего парохода).

Вотъ и второй свистокъ рѣзко пронесся въ воздухѣ. Провожающіе начали уходить. Послышались всякія пожеланія, обѣщанія писать и пр. Однимъ словомъ, вся программа была исполнена въ точности.

— А васъ, Анна Михайловна, мы въ четвергъ поджидаемъ, крикнулъ кто-то уже съ пристани.

— Въ четвергъ! Непремѣнно въ четвергъ! отвѣтила дама, стоящая на палубѣ.—Мы Марью Ѳедоровну только до Самары провожаемъ. Вотъ развѣ мои рѣзвушки меня на берегъ высадятъ—тѣнь Разина искать. Мои Ната вѣдь бредитъ историческимъ прошлымъ нашей Волги. Ну, и Жигулевскими горами и съ ними должна вѣдь любоваться при лунномъ свѣтѣ, продолжала она смѣясь, указывая на барышень.

— Конечно, тетя. Спать мы вамъ не дадимъ. Насчетъ этого отложите всякую надежду! засмѣялась одна изъ молодыхъ дѣвушекъ.

— Не дадимъ! Не дадимъ! подхватили другія. — Вы намъ обѣщали, Анна Михайловна.

Раздалось приказаніе снять мостки. Какъ подитеи, въ послѣднюю минуту нашелся еще какой-то запоздавшій пассажиръ. Заторопились, засуетились.. Загудѣли цѣпи якоря, мокрая веревка, брошенная съ пристани, тяжело шлепнулась съ борта, разсыпая въ воздухѣ мирiады золотистыхъ брызгъ. Пары зашипѣли, застучала машина и, при послѣднемъ звукѣ свистка, пароходъ тронулся съ мѣста; снова описывая широкій полукругъ, мы поплыли внизъ по рѣкѣ.

Съ пристани махали платками, шляпами. Дѣвицы, все еще стоявшія на палубѣ, отвѣчали тѣмъ же. Кто-то воскликнулъ:

— Пойдемте наверхъ, тамъ лучше!

И всѣ кинулись къ лѣстницѣ.

— „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ...“ звонко запѣлъ свѣжій голосъ.

— Ната! Ната! что ты? мы не дома!

И голосъ замолкъ, но за то первая вбѣжала на верхнюю палубу высокая, стройная дѣвушка съ большими темными глазами. За нею послѣдовали другія, миловидныя блондинки, которыхъ я едва разглядѣлъ, весь охваченный обаятельной прелестью первой. Онѣ меня не замѣтили, и я со своего мѣста свободно могъ любоваться тонкимъ профилемъ незнакомки, ея золотисто-русыми волосами, которые крупными локонами разсыпались по ея плечамъ и легкими пушистыми колечками окружали лобъ. Болтая безъ умолку, она поминутно нетерпѣливымъ движеніемъ откидывала мѣшавшіе ей волосы. Видно было, что сама природа занялась этой граціозной, причудливой прической, ничуть не похожей на модную выстрижку. Когда косые лучи заходящаго солнца, при каждомъ быстромъ движеніи ея, золотымъ блескомъ искрились на ея кудрявой головкѣ, глаза становились еще темнѣе и глубже и принимали какое-то странное, загадочное выраженіе. Но что болѣе всего приковывало вниманіе къ ней—это необыкновенная выразительность ея полудѣтскаго, матово-блѣднаго лица. На немъ отражались всѣ ощущенія ея юной души: радость, неудовольствіе, любопытство—все такъ и скользило на немъ, быстро смѣняя другъ друга. А глаза смотрѣли серьезно, сосредоточенно строго, точно искали чего-то скрытаго, сокровеннаго. Но и въ этихъ глазахъ, какъ и во всемъ лицѣ ея, было столько жизни, что красота ея почти забывалась подъ глубокимъ впечатлѣніемъ этого избытка молодости и силы.

Я съ такимъ вниманіемъ всматривался въ нее, что мнѣ самому подъ конецъ стало неловко, что разглядываю живое лицо точно картину или статую, и я всталъ, чтобы уйти. Дѣвицы всѣ сразу обернулись, но тотчасъ всѣ снова продолжали болтать. У лѣстницы я долженъ былъ остановиться. Но ей подумалась та дама, которую я уже видѣлъ на палубѣ. Это была женщина лѣтъ тридцати шести, небольшаго роста, но широкаго, коренастаго сложенія. Чисто русское круглое лицо ея дышало здоровой силой и бодростью духа; сѣрые глаза смотрѣли умно и весело. Въ нашъ нервный вѣкъ рѣдко встрѣтишь такое лицо, но, глядя на него, сразу поймешь, что такая женщина снесетъ всю тягу жизни не только безропотно, но даже ободряя себя и другихъ неисчерпаемымъ юморомъ.

Было уже около двѣнадцати часовъ ночи, когда я снова вышелъ на палубу. Все общество сидѣло тамъ и любовалось чудною майскою ночью, которая широко раскинулась надъ Волгой. Звѣзды блѣднѣли и только робко мерцали при золотистомъ свѣтѣ полной луны. Рѣка точно спала подъ жемчужнымъ покрываломъ, мѣстами усыпаннымъ крупными алмазами и серебристыми узорами лунныхъ лучей. Лѣвый берегъ, весь окутанный прозрачной мглой, утопалъ вдали,—правый, покрытый темнымъ лѣсомъ, все выше и выше громоздился надъ рѣкой. Пароходъ быстро, но безшумно скользилъ вдоль самаго берега. Машина глухо работала. Пары точно притаили дыханіе, прислушиваясь къ тихимъ голосамъ тѣхъ первобытныхъ силъ природы, изъ которыхъ людская мудрость вызвала ихъ силу. Волны, разсѣкаемыя пароходомъ, пѣнились кругомъ и что-то глухо роптали въ отвѣтъ на говоръ темнаго лѣса. А луна подымалась все выше и выше; все ярче и ярче выступали алмазныя нити на широкой рѣкѣ, все богаче и шире серебрился узоръ ея волнъ.

Мы подплывали къ Ставрополю.

Волга подступила къ самому городу, и вдоль берега тянулся цѣлый рядъ вѣтряныхъ мельницъ, которыя обыкновенно стоятъ въ довольно почтительномъ разстояніи отъ него. Мы и здѣсь постояли не долго: взяли нѣсколько пассажировъ III класса, накачали нефть и поплыли дальше. Красные огоньки пристани скоро одинъ за другимъ угасли вдали. Въ обществѣ на палубѣ поднялось движеніе. Болѣзненная женщина, вся укутанная плэдами, встала со своего мѣста, жалуясь на сырость, и начала прощаться, уговаривая и другихъ бросить свои затѣи и пойти поужинать, а затѣмъ и спать. Но молодежь подняла сильнѣйшій протестъ. Проводили больную и снова усѣлись.

А тутъ-то и начинались настоящія Жигули. Горная стѣна мѣстами разступалась, открывая видъ на цѣлую панораму долинъ и горъ, освѣщенныхъ фантастическимъ свѣтомъ луны. Среди темной зелени, точно снѣжная полоса, вдругъ выступала разщелина, изъ которой добывали известь, куски которой, отдѣлясь сверху, съ глухимъ шумомъ скатывались и съ громкимъ плескомъ исчезали въ водѣ. И опять все затихало. Только пароходъ тяжело дышалъ, точно больной, да волны все повторяли ту неизмѣнную пѣсню, съ которой качали когда-то и ладью смѣльчака-разбойника, имя котораго прогремѣло на этихъ берегахъ. А тамъ виднѣется и скала, съ которой, какъ говоритъ преданье, онъ обозрѣвалъ рѣку, готовясь къ нападенію. Внизу, привязанная къ старой ветлѣ, стволъ которой глубоко стоитъ въ водѣ, качается лодка. Въ ней старикъ-рыбакъ скручиваетъ неводъ, задумчиво глядя намъ вслѣдъ.

— Тети, родная! Спойте намъ что-нибудь! раздался вдругъ голосъ темноокой дѣвушки.—Спойте: „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ!“ Мы подтянемъ. Ну, что за бѣда! Нѣтъ можно. Еще не поздно, никто не спитъ. Вѣдь піанино же въ рубкѣ на то и стоитъ, чтобы играть и пѣть.

— Анна Михайловна, спойте! Пожалуйста, спойте! упрашивали другія.

Дама съ веселыми сѣрыми глазами отказывалась. Но ее окружили, упрашивали. Она наконецъ взглянула на другой конецъ палубы, гдѣ во время остановки помѣстился я съ двумя другими пассажирами, и махнувъ рукой, сказала:

— Ну что я съ вами подѣлаю!

И вдругъ среди безмолвія этой благоухающей ночи, мягко пробуждая сонный воздухъ, сильный и звучный контральто пропѣлъ первую строфу знакомой пѣсни. Молодые голоса подхватили и звуки понеслись по широкой глади, дробясь и замирая вдали. Мои сосѣди встрепенулись и, сперва тихо мурлыкая себѣ подъ носъ знакомый мотивъ, а потомъ все громче и громче присоединились къ хору. Съ палубы тоже раздались два-три голоса, и вдругъ со всѣхъ концовъ парохода, точно электрическая искра пробудила во всѣхъ русскую удаль, стройно и звонко разливалась надъ Волгой старинная волжская пѣсня.

Послѣдній звукъ далеко и долго протянулся въ воздухѣ. И вдругъ... ну! съ берега, въ двухъ-трехъ саженяхъ отъ насъ, что-то щелкнуло... Еще... и еще разъ — внизу около воды—и тамъ, наверху, надъ бѣлѣющей скалой... Робкая трель задрожала... сперва точно замирая, а затѣмъ все громче и громче разливаясь. Звонко, перекликаясь изъ темнаго лѣса, голосъ присоединялся къ голосу и наконецъ весь пернатый хоръ отвѣтилъ намъ своей вѣковѣчной пѣсней любви и жизни.

И все словно замерло, прислушиваясь къ пѣнію незримыхъ

Библиотека "Руниверс"

пѣвцовъ. А пѣснь все лилась и росла среди безмолвія серебристой ночи, охватывая все кругомъ своей волшебной силой. Казалось, вся природа и слушала, и точно вторила этимъ звукамъ; казалось, всѣ муки и радости, всѣ блаженства и страданія всего живущаго слились въ нихъ. А волны внизу тихимъ рокотомъ все повторяли свое. Онѣ говорили о томъ, что каждый годъ весна приходитъ, и соловьи поютъ, и новая жизнь зарождается и пускаетъ новые побѣги, и зерно наливается и зрѣетъ... А затѣмъ соловьи умолкаютъ, зрѣлый плодъ спадаетъ съ дерева, вѣтеръ срываетъ пожелтѣлые листья и разсыпаетъ ихъ по землѣ. И земля задремлетъ, покуда снова не придетъ весна и не пробудитъ жизнь животворящей любовью. А люди? Люди приходятъ и проходятъ, живутъ, страдаютъ и любятъ, и жизнь ихъ уноситъ. И никто изъ нихъ и ничего изъ прожитаго не возвращается. Другіе заступаютъ ихъ мѣсто. Другіе соловьи имъ поютъ свою пѣсню—все ту же пѣсню любви и весны. Одно только вѣчно: любовь и весна... Въ нихъ заключается жизнь.

Давно уже всѣ ушли спать. Соловьи отпѣли свою пѣсню. Ночь свѣтлѣла и что-то могучее, захватывающее чувствовалось въ близкомъ пробужденіи дня. Одна только молодая дѣвушка съ теткой оставались еще на палубѣ. Анна Михайловна сидѣла все на томъ же мѣстѣ. Она задумалась. И ночь, и Волга, все видно исчезало для нея. Глаза смотрѣли во внутрь... Они видѣли другія картины... другую весну. А дѣвушка все въ томъ же страстномъ созерцаніи давно уже точно застыла у борта. Головка опустилась, плечи слегка вздрагивали. Съ холода, быть-можетъ? Вѣтерокъ пробѣжалъ по водѣ и зарябилъ жемчужную гладь. Анна Михайловна вдругъ точно очнулась. Она провела рукою по лбу, встала и подошла къ племянницѣ.

— Ната, пора спать идти, мой дружокъ! сказала она, обнимая ее.—Дѣтка, да что съ тобою, ты плачешь?

— Ничего, тетя, ничего, родная. Это такъ... Я не плачу!.. онѣ сами льются!.. глупыя слезы! Мнѣ хорошо, тетя!.. до боли хорошо! Тетя, смотри же, какъ хорошо! задыхаясь говорила она.—А соловьи-то какъ пѣли!.. Они тоже точно плачутъ и чего-то ждутъ! И я, тетя, чего-то жду... Жизни, тетя, я жизни жду. А жизнь такъ хороша! Хороша, какъ Божій міръ!.. А на него-то взгляни!.. какъ хорошъ! Такъ и хочется его обнять и кажется, что сердце не вмѣститъ всю любовь къ нему, какъ руки не обхватятъ его.

И она восторженнымъ жестомъ раскрыла свои объятія. Глаза блистали отъ слезъ. Блаженная улыбка освѣщала лицо.

Какъ она была хороша! Я смотрѣлъ на нее и смутно чувствовалъ, что поступаю гадко и низко, подслушивая чужую душу, но не двигался съ мѣста.

— Да, дѣточка! мягко и ласково проговорила Анна Михайловна.—Великъ и хорошъ Божій міръ. Неизмѣнно хорошъ!—и въ бурю, и въ осеннюю непогоду... Буря проходитъ, грязь заносится снѣгомъ, а затѣмъ и снова весна все зеленью одѣнетъ. Хорошо, если бы и въ жизни такъ было, тихо вздохнула она.

— Въ жизни? быстро повернулась къ ней Ната. Слезы исчезли; щеки покрылись румянцемъ, глаза загорѣлись.—Въ жизни, тетя? Нѣтъ, тетя, въ жизни ничего не должно повторяться. Невозможно пережить два раза одно и то же! Такая ночь два раза не вернется! Придутъ другія или лучшія... быть можетъ; но эта... нѣтъ, эта не вернется. Вотъ она ужь проходитъ! А я отъ жизни многаго хочу, тетя. Я счастья хочу для себя и другимъ его дать хочу! Я любви, тетя, хочу! Не такой слащавой, притворной, какой любятъ всѣ наши барышни... Нѣтъ, горячей, самоотверженной, безграничной... Да не смѣйтесь же, тетя! Это не сентиментальность, не фантазерство! Я чувствую въ себѣ такъ много, много силы, что, кажется, на всякій подвигъ способна... Ничто меня не сломитъ!

— Молодость! улыбнулась Анна Михайловна. Покуда она слушала восторженныя слова племянницы, эта скорбная улыбка не сходила съ ея лица.—Молодость! Ничего вѣдь не подѣлаешь съ ней! Эхъ! дѣвчурка ты моя! Силъ, говоришь, много! Что твои силы противъ жизни? Какъ соломенку въ пластъ раздавитъ! Вотъ она что—жизнь!

— Ну и пусть раздавитъ! Пусть! задорно вскричала Ната, откидывая свои золотистые волосы.—Сила противъ силы! Раздавитъ... такъ почувствуешь, по крайней мѣрѣ, ея мочь, какъ надвинется и раздавитъ. Поживешь!.. Все лучше, тетя, чѣмъ это прозябаніе!.. Это сплетеніе мелкихъ интересовъ, мелкихъ огорченій и скучныхъ радостей, среди которыхъ я задыхаюсь.

— То-то и есть, дитя мое, что жизнь вся состоитъ изъ мелкихъ нитей, въ которыя вплетаются всѣ наши чувства, мысли, все наше существованіе. Не сразу надвинется она, не горой обрушится на голову! Песочкомъ засыплетъ! Плотно! со всѣхъ сторонъ! И только тогда, когда она всей своей тягой на тебя ляжетъ, ты почувствуешь и поймешь ея силу.

Все тяжелое, горько пережитое сразу поднялось со дна души и легло на всегда столь покойное лицо Анны Михайловны. Брови сдвинулись; губы сжались. Она задумалась, но потомъ точно вдругъ очнулась, обычнымъ жестомъ провела рукою по лбу и снова весело и бодро сказала:

— Э! полно, дитя мое! Чего намъ жизнь на бой вызывать! Что дастъ, то и возьмемъ! А теперь пойдемъ-ка спать. Смотри, какъ заря занялась. Совсѣмъ свѣтло!

— Погоди, прошептала Ната.

Она сразу точно затихла, точно вся ушла въ созерцаніе зарождающагося дня. А на востокѣ заря все росла и росла, заливая полъ-неба всѣми переливами своихъ пурпуро-розовыхъ оттѣнковъ. Мы отошли отъ берега и плыли посрединѣ рѣки. Царевъ Курганъ виднѣлся слѣва. Серебристый узоръ на водѣ исчезъ. Рѣка, широко разливаясь, бѣлѣла въ утреннемъ туманѣ. И вдругъ точно брызнулъ изъ воды цѣлый снопъ золотыхъ лучей, скользнулъ по широкой глади, пробуждая ее; заигралъ въ расплывшемся туманѣ и золотистымъ вѣнчикомъ улегся на кудрявую головку молодой дѣвушки.

Невыразимо-тоскливое чувство состраданія закралось мнѣ въ душу...

II.

Уже второй день снѣгъ идетъ. Большіе хлопья кружатся въ воздухѣ, вьются и падаютъ, ложась бѣлымъ пушистымъ ковромъ на мокрую, черную землю. Она даже не замерзла еще, а кажется будто зима настала! Движеніе пароходовъ, конечно, прекратилось, но до зимы еще далеко. Октябрьская зима не прочна у насъ на Волгѣ. А снѣгъ все кружится и кружится въ сыромъ воздухѣ, сплотится узоромъ и снова разлетится, а сквозь его пушистое кружево угрюмо глядитъ неприглядная мгла осенняго вечера. И мысли въ головѣ тоже кружатся и вьются, сплотятся въ одно опредѣленное предположеніе и снова разсыпаются въ прахъ, перескакивая отъ одной нелѣпой фантазіи къ другой, пока разумъ не очнется и не скажешь себѣ съ досадой: „Да мнѣ-то, наконецъ, что за дѣло до всего этого“. А мысли все не унимаются. Мѣшаютъ работать. Бросишь... Закуришь сигару и сядешь къ камину. Кажется, что и уютно и хорошо. Красное пламя освѣщаетъ кабинетъ, украшая и обновляя его. Дымъ сигары, синеватой струйкой расплывается въ тепломъ воздухѣ... А въ окно мрачно и уныло глядитъ октябрьскій вечеръ. Снѣгъ падаетъ. Вѣтеръ завываетъ. И опять то же самое.

Это было недѣлю тому назадъ. Я долго поджидалъ прихода одного изъ послѣднихъ пароходовъ на Казанской пристани. Около семи часовъ вечера онъ, наконецъ, сталъ причаливать. Какъ водится, въ это время только третій классъ переполненъ. Внизу оказалось только двое пассажировъ: военный докторъ, молчаливый, угрюмый хохолъ, и офицеръ. Въ дамской каютѣ въ дверяхъ мелькнуло темное платье и скрылось. Я продрогъ на пристани. Воздухъ былъ холодный и сырой послѣ продолжительныхъ дождей. Вѣтеръ, съ каждымъ часомъ свирѣпѣя, проникалъ сквозь самое толстое сукно и пронизывалъ васъ до костей.

Выпивъ два стакана чаю, я тепло закутался и легъ спать. Пароходъ отчаливалъ. Равномѣрный плескъ волнъ, стукъ машины и вой вѣтра скоро укачали меня, и я заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Пробужденіе было не изъ самыхъ пріятныхъ. Сильный ударъ—трескъ—и я очутился на полу около двери, противъ которой лежалъ. Разбитый графинъ, стаканъ, подсвѣчникъ, туалетныя принадлежности со стола, портъ-сигары, дорожные мѣшки—все валялось кругомъ. Спутникамъ моимъ болѣе посчастливилось. Они лежали вдоль стѣнъ парохода и ихъ только сдвинуло съ подушекъ. Офицеръ, съ взъерошенными волосами, поднялся и недоумѣвая смотрѣлъ на меня.

— Чортъ ихъ побери! Опять на мель взлѣзли! соображая наконецъ проворчалъ онъ, поправилъ подушки, завернулся въ плэдъ и снова заснулъ.

Докторъ поспѣшно одѣвался. Я уже успѣлъ вскочить, собралъ свои вещи и за нимъ вслѣдъ пошелъ на палубу.

На лѣстницѣ было совершенно темно, и я чуть не столкнулся съ дамой, которая тоже быстро выходила изъ своей каюты.

На палубѣ происходила страшнѣйшая суматоха. Капитанъ приказалъ дать задній ходъ. Машина начала работать съ такой силой, что пароходъ трещалъ отъ натуги. Но всѣ усилія были напрасны. Тогда стали выгружать трюмъ, думая этимъ облегчить носъ. Тюки громоздились надъ тюками. Вся передняя часть палубы покрылась ими. Машина снова заработала. Пароходъ закряхтѣлъ, тяжело переваливаясь съ боку на бокъ, но не двигался съ мѣста. Бились около часа, и наконецъ рѣшили дождаться до утра, покуда встрѣчный пароходъ той же компаніи не сниметъ насъ съ мели. Я поднялся на палубу, чтобы видѣть, гдѣ мы стоимъ. Вѣтеръ налетѣлъ на меня съ такой силой, что чуть шапку не сорвалъ, и съ воемъ пронесся вдаль. Послѣдняя четверть луны мгновеньями отражалась въ темно-бурыхъ волнахъ и снова скрывалась за причудливыми лохмотьями оборванныхъ тучъ, съ неимовѣрной быстротой скользившихъ по небу. Рѣка пѣнилась и ревѣла, громко вторя унылому завыванію вѣтра. Берега исчезли во мракѣ, только слѣва низкая полоса земли виднѣлась въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ. Немного далѣе горѣли сигналы. Красный свѣтъ по временамъ кровавой струйкой игралъ на гребняхъ волнъ. А надъ всѣмъ этимъ вѣтеръ сырой и холодный въ бѣшенствѣ рвался и метался, жалобно завывая вдали.

Картина неприглядная, наводящая spleen или хуже—русскую хандру. Я сошелъ въ рубку. Докторъ ужиналъ; я послѣдовалъ

Библиотека "Руниверс"

сго примѣру, а затѣмъ попробовалъ заснуть. Не спалось!.. Въ головѣ какія-то мысли несвязныя, тоже точно оборванныя тучи. Не надѣясь уже заснуть, я всталъ и пошелъ на палубу. Въ третьемъ классѣ мужики снова расположились между тюками: одни крѣпко спали, другіе, пробужденные холодомъ, ходили взадъ и впередъ, постукивая ногами и потирая окоченѣвшія руки. Я помѣстился между выгруженными тюками на палубѣ и закурилъ сигару. Недалеко отъ меня, спиной къ освѣщенному окну рубки, на скамейкѣ сидѣла женская фигура въ черной ротондѣ и черномъ платкѣ. Она сидѣла тихо, неподвижно, точно застыла на мѣстѣ. Что-то было скорбное во всей ея позѣ, въ особенности въ наклоненіи плечъ. „Вѣрно та дама съ которой я столкнулся на лѣстницѣ", подумалъ я.

Старикъ-мужичекъ въ короткомъ тулупѣ и высокихъ сапогахъ, который долго уже ходилъ взадъ и впередъ, нарѣдка взглядывая на нее, вдругъ остановился передъ ней.

— Что это ты, барынька, здѣсь мерзнешь на вѣтру? Сидѣла бы себѣ въ классѣ тамъ, и тепло и свѣтло, проговорилъ онъ, указывая на освѣщенное окно.

— Жутко мнѣ тамъ одной, дѣдушка, отвѣтила она тихо.— Никого кромѣ меня нѣтъ въ дамской, а спать мнѣ не хочется.

— Съ чего же тебѣ не спать? продолжалъ старикъ, усаживаясь на тюкъ.—И подушки, чай, пуховыя у тебя, мягкія, и время-то ночное. Глянь-ка, какъ спятъ, указалъ онъ на лежащихъ въ отдаленіи мужиковъ.—Умаялись сердечные, отсыпаются.

Дама молчала. Старикъ внимательно всматривался въ нее пытливымъ взглядомъ, поглаживая сѣдую косматую голову

— А ты что, далече ѣдешь? спросилъ онъ снова.

— До Сенгилея, отвѣтила она.

Мужикъ замолчалъ, покачиваясь на мѣстѣ и задумчиво разбирая бороду.

— Что же ты: дѣвушка, али замужняя?

— Замужняя.

— И дѣти есть?

— Нѣтъ...

Мнѣ показалось, что голосъ дрогнулъ и голова ниже опустилась на грудь.

— Былъ одинъ, да умеръ, прибавила она.

— А теперь-то ты, что же, къ мужу ѣдешь? продолжалъ онъ допрашивать.

— Нѣтъ, къ теткѣ.

— А мужъ-то твой гдѣ?

— Въ Петербургѣ.

— Что же онъ съ тобою не поѣхалъ?

— Дѣла у него, дѣдушка, служба.

— А ты... надолго?

— Вѣроятно... на всю зиму, нерѣшительно отвѣтила она.

Старикъ забралъ всю свою бороду въ руку и задумался.

— Эхъ! барынька ты, моя родимая! заговорилъ онъ вдругъ тихо и мягко. — Не любитъ онъ тебя, сердечную, что такую молодую отпустилъ одну, въ такое время, да въ такую даль и надолго еще. Что же дѣлать, родная? Божья воля!.. Крестъ посылаетъ — значитъ любитъ!.. А ты терпи... Что тутъ подѣлаешь? Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ, говорится. Ни красотой, ни молодостью не возьмешь, коли счастья нѣтъ. Это, барынька, всюду бываетъ. И въ вашемъ быту, и въ нашемъ! Вонъ у насъ въ деревнѣ, — Аннушка, кузнеца дочка!.. Ужь какая красавица! Лицомъ-то, пожалуй, не хуже тебя!.. Конечно, наше дѣло мужицкое...

И старикъ началъ какой-то длинный деревенскій романъ.

Я не слушалъ его. Да и дама, кажется, не слушала. При первыхъ словахъ старика, она вздрогнула, вся выпрямилась, откинула голову назадъ и оперлась ею о косякъ окна. Такъ она и осталась. Точно въ забытьѣ.

Вдали показались сигнальные огни на высокихъ мачтахъ. Шелъ буксирный пароходъ съ баржами. У насъ тоже матросъ вышелъ съ краснымъ фонаремъ и началъ раскачивать его съ правой стороны парохода.

Молодая женщина, не мѣняя позы, повернула голову и устремила большіе, темные глаза въ самый свѣтъ фонаря, не моргая, какъ будто не видя его.

Я подался впередъ, взглянулъ ей въ лицо и остолбенѣлъ.

Тѣ же темные, загадочные глаза, что и пять лѣтъ назадъ, тотъ же тонкій овалъ лица, бѣлый лобъ, увѣнчанный темно-русыми колечками съ золотистымъ оттѣнкомъ... Но гдѣ же избытокъ жизненной силы? гдѣ подвижность и живость выраженія этого лица? гдѣ веселая, лукавая улыбка пунцовыхъ губъ? А глаза? гдѣ жгучая любознательность, гдѣ сосредоточенная задумчивость ихъ взгляда? Они смотрѣли куда-то вдаль. Углы рта опустились въ грустную линію, подвижное личико застыло въ своей мраморной красотѣ. „Не сразу надвинется жизнь на тебя, не горой обрушится на голову,—песочкомъ засыплетъ"... точно шепнулъ мнѣ кто-то. Неужели засыпало?.. И почему же я все это такъ хорошо помню? Развѣ то впечатлѣніе было одно изъ тѣхъ, которыя не забываются? А теперь?.. Что же было съ нею? Какое горе такъ прибило ее? Вѣдь она еще такъ молода. Тогда, когда мнѣ называли ея имя, говорили, что ей всего шестнадцать лѣтъ. Я опять взглянулъ на нее. Она сидѣла все такъ же неподвижно. И мнѣ вспомнились ея быстрыя движенія, болтовня и смѣхъ. Теперь она производила на меня впечатлѣніе мраморной статуи надъ собственной могилой. Эта встрѣча еще больше развинтила мои нервы. Мнѣ стало досадно на самого себя. Я всталъ и, несмотря на порывы вѣтра, пошелъ на верхнюю палубу.

Тучи сплотились въ черную массу; только кое-гдѣ еще висѣли лохмотья. Серпъ луны однимъ только краемъ выглядывалъ изъ-за темнаго покрывала. Свѣтъ мѣстами прорывалъ волокнистую массу и бѣлѣлъ словно между складками траурнаго флера. Волны съ шумомъ и пѣною дробили о стѣны парохода тонкіе слои льда и съ ревомъ уносились вдаль.

И въ головѣ несвязныя мысли... неотступные вопросы... Когда я сошелъ, ея уже не было на палубѣ. Старикъ растянулся на скамейкѣ, громко зѣвалъ и крестилъ себѣ ротъ.

Около шести часовъ утра насъ сняли съ мели и мы поплыли дальше. Но за то мы уже настолько опоздали, что только къ четыремъ часамъ прибыли въ Симбирскъ, гдѣ я долженъ былъ остаться на сутки. Цѣлый день я не видѣлъ ее. Мы разговорились съ офицеромъ, завтракая въ рубкѣ, выкуривали сигару за сигарой, гуляя по трапу и сидя на палубѣ. Она не выходила. Только тогда, когда уже выносили мои вещи, я увидѣлъ ее на палубѣ. Она стояла облокотившись на бортъ и безучастнымъ взглядомъ смотрѣла на пристань. Я нарочно замѣшкался, глядя на ея тонкій профиль, мраморная бѣлизна котораго рѣзче выступала подъ чернымъ бружевомъ платка. Она мало перемѣнилась въ лицѣ. Немного похудѣла развѣ. Но только тогда это было другое лицо. Тогда она тоже стояла облокотившись о бортъ, смѣялась, болтала. Тогда была весна.

Пароходъ скоро долженъ былъ отчаливать. Пассажировъ не было и нужно было пользоваться свѣтомъ насколько возможно. Я провозился на пристани покуда не раздался послѣдній свистокъ.

Пароходъ тронулся съ якоря, звонко разбивая сплотившееся вокругъ него сало (мелкій ледъ). Я подымался уже по мосткамъ, дребезжащія доски которыхъ такъ и шлепали подъ ногами, но остановился, глядя ему вслѣдъ. Непролазная, жидкая грязь затопила доску, покрывала мнѣ ноги, заползая въ калоши. Я не замѣчалъ ничего.

Она стояла все такъ же, на томъ же мѣстѣ. Темная фигура ея все уменьшалась и уменьшалась въ моихъ глазахъ и наконецъ обратилась въ черную точку, которая тоже скрылась вдали.

Зачѣмъ же она осталась въ моей памяти?..

И вотъ уже недѣля что я дома.

Снѣгъ идетъ и хандра разбираетъ!.. Жизнь не шутка. Самому не весело!.. Своихъ заботъ не мало, а тутъ еще какъ на грѣхъ въ голову залѣзъ, какъ неразрѣшимая дилемма, вопросъ о чужой судьбѣ.

И смѣшно, и досадно!

Но что ни дѣлаешь, какъ ни стараешься отгонять эти мысли, онѣ все же снова неотступнымъ роемъ кружатся и вертятся въ головѣ, какъ снѣжные хлопья за окномъ.

Тоска!

Завтра уѣду въ городъ.

Къ рисункамъ.

У береговъ Голландіи. (Рис. на стр. 521).

Гендрикъ Вильемъ Мездагъ, голландскій маринистъ, родился 1831 года въ Грёнингенѣ и былъ нѣкоторое время ученикомъ Альма-Тадемы. Его морскіе и прибрежные виды отличаются мастерскимъ изображеніемъ воздуха, изумительною перспективой и тщательною выдѣлкой частей корабля. Таковы: „Рыбачьи лодки у Шевенингена" (1871), „Отплытіе спасательной лодки въ Шевенингенѣ" и „Возвращеніе" ея же, „Шевенингское побережье зимой", „Вечеръ на берегу", „Сумерки", „Рыбный рынокъ въ Грёнингенѣ" (1879) и др. Прилагаемая гравюра есть точный снимокъ съ его картины, изображающей морской берегъ въ Голландіи съ идущими мимо судами.

Минуты счастья. (Рис. на стр. 524 и 525).

Картина итальянскаго художника изображаетъ двухъ влюбленныхъ въ костюмахъ XVI вѣка, отличавшагося крайнею причудливостью своихъ модъ. Молодые щеголи носили, напр., одинъ чулокъ одноцвѣтный, а другой полосатый. Дамы обшивали свои накидки мѣхомъ, и въ самые жаркіе дни надѣвали тяжелыя парчевыя платья. Такова именно чета, тихо скользящая въ завѣшанной коврами лодкѣ по зеркалу пруда въ паркѣ, подъ звуки торбана, которыми юноша спѣшитъ передать свое восторженное состояніе...

Заказчикъ. (Рис. на стр. 529).

Гдѣ-то на чердакѣ подъ самой крышей, въ холодной ка-

Библиотека "Руниверс"

моркѣ съ промерзшими окнами, пріютился молодой художникъ, все имущество котораго заключается въ мольбертѣ, политрѣ, краскахъ и нѣсколькихъ натянутыхъ подрамникахъ. Лицо его носитъ отпечатокъ тяжелыхъ лишеній, до голода включительно... И вотъ, въ эту каморку залетаетъ рѣдкая птица—покупатель картинъ или, какъ его называютъ художники вообще, заказчикъ... Не снимая пальто, цѣнитель искусствъ вооружается пенсне и вонзаетъ проницательный взглядъ въ предлагаемую картину... А художникъ со страхомъ и тревогой ожидаетъ его приговора, отъ котораго буквально зависитъ его жизнь... на нѣсколько дней.

Заводье. (Рис. на стр. 532).

Лѣсистыхъ береговъ обрывы и изгибы,
Какъ зеркаломъ, водой повторены. Вездѣ
Полоски свѣтлыя отъ плещущейся рыбы
Иль ласточекъ, крыломъ коснувшихся къ водѣ.

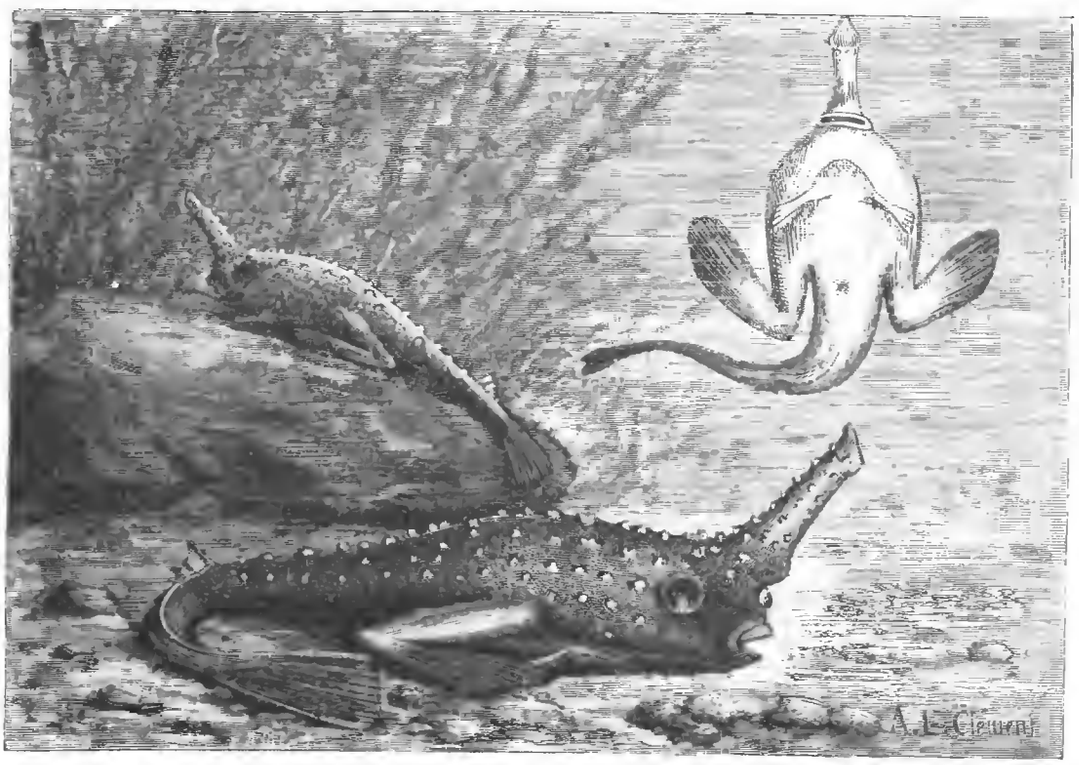
А. Майковъ.

На конскую ярмарку. (Рис. на стр. 533).

По грязнымъ, немощеным улицамъ привислинскаго мѣстечка съ черепичатыми и тесовыми кровлями домишекъ, пробирается старый помѣщикъ въ нетычанкѣ, къ которой сзади привязанъ бѣлый конь, а еще двухъ и съ жеребенкомъ препровождаетъ конюхъ, ѣдущій верхомъ на сѣромъ въ яблокахъ жеребцѣ. Все это спѣшитъ на площадь конной ярмарки, гдѣ уже толпятся конкуренты.

Рыба-ходокъ. (Рис. на этой стр.).

У рыбъ, какъ извѣстно, конечности (плавники) приспособлены для плаванія. Есть, однако, чрезвычайно интересныя исключенія. Такъ напр., летучія рыбы могутъ плавать и летать на болѣе или менѣе короткое разстояніе. Другія только ходятъ. Къ этимъ послѣднимъ и относится *топырщикъ* (Malthea vespertilio), бразильская рыба, изображенная на нашемъ рисункѣ. Плавать она не можетъ и только ходитъ да подпрыгиваетъ, какъ жаба, которую нѣсколько и напоминаетъ внѣшнимъ видомъ. Все строеніе рыбы весьма своеобразно. На громадной головѣ спереди находится костистый отростокъ, у основанія котораго помѣщаются ноздри. Жаберныя отверстія суть маленькія дырочки на спинной поверхности, такъ что вода можетъ подолгу оставаться въ жаберныхъ камерахъ, что весьма важно для рыбъ выходящихъ на сушу. Все тѣло, кромѣ брюшной поверхности, покрыто костистыми бляхами, образующими родъ панцыря. Но всего интереснѣе конечности. Переднія (грудные плавники) довольно малы, расположены подъ брюхомъ, и имѣютъ форму лапокъ, узенькихъ и расширенныхъ лопаточкой; онѣ не могутъ грести въ водѣ. Заднія конечности подверглись еще болѣе значительнымъ измѣненіямъ. Онѣ представляютъ уже правильное сочлененіе и оканчиваются широкой мясистой лопаткой. Благодаря такому устройству, топырщики надолго выходятъ изъ воды, свободно лазятъ по камнямъ и быстро двигаются по сушѣ.



Топырщикъ (Malthea vespertilio). Рис. Клеманъ, грав. Тилли.

Политическое обозрѣніе.

Отсутствіе выдающихся политическихъ событій останавливаетъ вниманіе на явленіяхъ второстепенныхъ, болѣе важныхъ для внутренней жизни страны.

Въ Бѣлградѣ страстная полемика по поводу прискорбной обстановки отъѣзда королевы начинаетъ, къ великому удовольствію истинныхъ патріотовъ, утихать. Либералы, не ограничиваясь порицаніемъ дѣйствій правительства въ печати, пригласили своихъ сторонниковъ устраивать митинги, что, вѣроятно, заставитъ народную партію отвѣтить повсемѣстными контрмитингами. Въ правящихъ кругахъ увѣрены, что разоблаченія со стороны правительственныхъ органовъ выяснили населенію, что истинные виновники печальнаго исхода дѣла королевы — извѣстные враги настоящаго порядка, главная цѣль коихъ тормозить правильный ходъ государственныхъ дѣлъ и пошатнуть существующій строй.

Въ Вѣнѣ, при обсужденіи въ рейхсратѣ бюджета, министръ-президентъ произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ удовольствіе по поводу того, что всѣ умѣренныя партіи слѣдуютъ сдѣланному въ тронной рѣчи призыву къ разумнымъ патріотическимъ элементамъ и съ похвальною умѣренностью отодвигаютъ на задній планъ важные пункты своихъ программъ въ интересахъ общаго блага. Съ особеннымъ удовольствіемъ указалъ графъ Таафе на то, что большая партія, служащая представительницею нѣмецкихъ избирателей и до сихъ поръ стоявшая въ оппозиціи, вновь приняла дѣятельное участіе въ парламентскихъ трудахъ. Дальнѣйшее содѣйствіе этой партіи, прибавилъ министръ-президентъ, въ средѣ которой находятся превосходные спеціалисты и даровитые люди, въ высшей степени желательно для правительства. Рѣчь графа Таафе, которою нѣмецко-либеральная партія объявляется какъ бы партіею правительственною, вызвала въ рейхсратѣ большое движеніе.

Парижъ занятъ судебными процессами. 5 іюня окончилось дѣло о мелинитѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкто Тюрпэнъ открылъ новое взрывчатое вещество—мелинитъ, и предложилъ его пріобрѣсти правительству. Но послѣ десятимѣсячнаго испытанія, военное вѣдомство отклонило предложеніе Тюрпэна, якобы вслѣдствіе непомѣрныхъ требованій изобрѣтателя. Тогда въ 1887 году Тюрпэнъ вступилъ въ переговоры въ Англіи съ Армстронгомъ. Но и туда ему не удалось продать своего открытія, и, какъ оказалось, секретъ его сталъ извѣстенъ англичанамъ, помимо Тюрпэна, изъ другихъ французскихъ источниковъ. Тюрпэнъ, мечтавшій быть-можетъ уже

Библиотека "Руниверс"

о милліонахъ, страшно озлился, когда узналъ, что онъ ничего не получитъ ни во Франціи, ни въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ его секретъ оказался извѣстенъ всюду изъ сообщеній самого французскаго министерства, видимо не считавшаго возможнымъ удержать этотъ секретъ въ своемъ единичномъ пользованіи. Тогда Тюрпэнъ напечаталъ книгу о продажѣ мелинита, наполненную самыми отборными ругательствами по адресу французскихъ военныхъ властей, съ обвиненіемъ ихъ въ измѣнѣ отечеству. Книга была конфискована, а Тюрпэнъ съ нѣсколькими другими лицами преданъ суду. По этому дѣлу нынѣ трое подсудимыхъ приговорены къ тюремному заключенію на пять лѣтъ; сверхъ того Тюрпэнъ приговоренъ къ штрафу въ 2,000 франковъ и къ лишенію гражданскихъ правъ на пять лѣтъ, а Трипоне, будто бы сообщившій секретъ въ Англію, — къ штрафу въ 3,000 фр. и къ лишенію гражданскихъ правъ на десять лѣтъ, съ воспрещеніемъ жительства въ Парижѣ.

Вслѣдъ за этимъ процессомъ предстоитъ и другое громкое дѣло. Какъ сообщаютъ газеты, возбуждено судебное слѣдствіе противъ членовъ правленія общества Панамскаго канала, преслѣдуемыхъ 60-ю акціонерами общества за послѣдніе выпуски. Такъ какъ Лессепсъ состоитъ кавалеромъ Почетнаго Легіона большаго офицерскаго креста, то вмѣстѣ со своими коллегами онъ подсуденъ апелляціонной палатѣ.

По свѣдѣніямъ иностранныхъ газетъ изъ Софіи, слѣдственная коммисія по дѣлу объ убійствѣ министра финансовъ Бельчева окончила возложенное на нее порученіе, и 22 мая заключенія коммисіи были сообщены подсудимымъ. Дѣло будетъ слушаться не ранѣе половины іюля, и главными подсудимыми являются бывшій министръ-президентъ Каравеловъ, бывшій министръ юстиціи Ороцаковъ, докторъ медицины Моловъ и содержатель табачнаго магазина Липавцовъ. Всѣ четверо обвиняются въ подстрекательствѣ къ насильственному перевороту, въ убійствѣ и въ попыткѣ къ совершенію убійства. Двадцать другихъ лицъ тоже привлекаются къ суду, какъ соумышленники. Они обвиняются въ томъ, что, зная о готовившемся преступленіи, они не донесли объ этомъ подлежащимъ властямъ. Дѣло будетъ разбираться военнымъ судомъ.

Изъ Константинополя сообщаютъ, что племя ассировъ, самое значительное и буйное въ Іеменѣ, возстало, подъ предводительствомъ шейха Сенфъ-эддина, противъ правительства. Высланный для усмиренія бунта отрядъ войска разбитъ на голову съ потерею около ста человѣкъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ иного офицеровъ. Іеменскій губернаторъ, сообщивъ объ этомъ въ Константинополь, присовокупилъ, что ассиры имѣютъ скорострѣльныя ружья и пушки англійской конструкціи; губернаторъ просилъ о немедленной высылкѣ сильнаго подкрѣпленія. Собравшійся на экстренное засѣданіе совѣтъ министровъ постановилъ отправить въ Іемень 2,000 человѣкъ изъ сирійскаго армейскаго корпуса.

Смѣсь.

Рыбная ловля посредствомъ кормрана *). *Восточно-азіатскій Ллойдъ* даетъ наглядную картину этой практикуемой китайцами рыбной ловли. Лодки, употребляющіяся съ этой цѣлью, по большей части достаточно велики, чтобы вмѣстить трехъ или четырехъ человѣкъ. На носу стоитъ капитанъ; подъ его командою обыкновенно до дюжины дрессированныхъ птицъ. На серединѣ судна другой рыбакъ имѣетъ отъ четырехъ до шести птицъ. Между этими двумя рыбаками стоитъ третій, вооруженный длинною бамбуковою тростью, которою онъ ударяетъ по водѣ, понукая птицъ. Наконецъ на кормѣ лодки сидитъ четвертый китаецъ, вмѣстѣ гребецъ и рулевой. Рыбаки большею частью выводятъ кормораповъ у себя дома и дрессируютъ ихъ, когда они еще очень малы. Птицы годны къ дѣлу до 15—20 лѣтъ жизни; цѣна ихъ при хорошей дрессировкѣ отъ 15—25 марокъ за пару. Кормятъ ихъ лепешками изъ бобовъ и рыбой. Ловля рыбы корморанами производится слѣдующимъ образомъ: посаженные на бортъ лодки, они по данному знаку бросаются по всѣмъ направленіямъ въ воду, ныряютъ и съ пойманною добычей возвращаются обратно въ лодку своего хозяина. Иногда бываетъ на лицо много такихъ челноковъ, совершенно схожихъ одинъ съ другимъ, но птица никогда не ошибется и не приметъ чужаго за свой. На шею каждому кормоpану надѣвается металлическое кольцо достаточно узкое для того, чтобы мѣшать птицѣ проглатывать крупную рыбу, годную на продажу, но достаточно свободное для пропуска въ пищеводъ мелкой рыбешки. Это кольцо никогда не снимается. Тѣло кормоpана охватываютъ ремнемъ, чтобы было удобнѣе вытаскивать изъ воды эту большую неуклюжую птицу. Всѣ кормораны одной лодки имѣютъ нумера и знаютъ ихъ какъ собаки свою кличку. Нумеръ 1—своего рода старшина всего птичьяго отряда, старѣйшій по возрасту и по рангу. Онъ занимаетъ почетное мѣсто на бортѣ лодки, всегда съ одной и той же стороны, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ капитаномъ. Его послѣдняго спускаютъ въ воду и перваго принимаютъ снова въ лодку, прежде всѣхъ кормятъ и сажаютъ въ корзину, въ которой, по окончаніи дневныхъ трудовъ, птицъ относятъ на ночь въ рыбачьи хижины. Кормоpанъ № 2 помѣщается напротивъ № 1, на другой сторонѣ борта, и такъ идетъ попеременно съ соблюденіемъ строжайшей очереди до № 12, 18 и т. д. Если бы случилось, что противъ этого порядка какъ-нибудь погрѣшили, спустивъ напримѣръ, въ воду № 5 раньше № 6, или посадивъ № 2 раньше № 4, то „деградированныя" такимъ образомъ птицы сейчасъ же выразили бы свой протестъ краснорѣчивыми криками и движеніями. Видъ лодки съ сидящими на внутреннемъ бортѣ кормоpанами очень забавенъ, особенно когда ихъ только-что вытащили изъ воды: всѣ они сидятъ чинно въ рядъ, обративъ клювы къ наружному борту, стряхиваютъ съ себя воду, хлопаютъ крыльями, зѣваютъ, охорашиваются и посматриваютъ другъ на друга съ чувствомъ собственнаго достоинства. Все это продѣлывается съ свойственною этимъ птицамъ неуклюжею торжественностью и глубочайшею серьезностью. Объ ихъ сообразительности и корпоративномъ духѣ разсказываютъ много интереснаго. Такъ, напримѣръ, увѣряютъ, что если одному кормоpану случится поймать рыбу, поднять которую ему не подъ силу, то другіе тотчасъ же спѣшатъ къ нему на помощь. (в.)

*) Порода морскихъ птицъ.

Предохраненіе желѣзныхъ скобъ отъ ржавчины.—Извѣстно, что римляне во всѣхъ своихъ постройкахъ связывали другъ съ другомъ каждый рядъ плитняка крѣпкими желѣзными скобами, во избѣжаніе замѣтныхъ трещинъ. Польза этихъ скобъ въ короткое время была бы уничтожена—такъ какъ желѣзо на воздухѣ и еще того больше подъ землею окисляется и ржавѣетъ—если бы строители не покрывали ихъ толстымъ слоемъ свинца, металла, на который воздухъ и сырость имѣютъ лишь слабое вліяніе. Цѣлесообразность этого пріема доказана при раскопкахъ остатковъ римскаго водопровода близъ Мерана во Франціи. Откопано множество кампеи, отесанныхъ въ формѣ совершенно правильнаго квадрата, и вѣсомъ по крайней мѣрѣ въ 1 центнеръ каждый; при этомъ нашли, что всѣ они были соединены вмѣстѣ посредствомъ желѣзныхъ покрытыхъ свинцомъ скобъ и пристали другъ къ другу такъ плотно, что раздѣлить ихъ удалось только съ помощью пороха. Благодаря свинцу желѣзо спустя 18 столѣтій сохранилось вполнѣ хорошо. (в).

Общество невѣстъ является новымъ цвѣточкомъ общественной жизни въ Англіи. Цѣль общества предохранить участницъ отъ увлеченія вертопрахами и авантюристами. Въ общество принимаются только дѣвушки, отъ 17 до 30 лѣтъ. Каждая получаетъ объемистый списокъ холостыхъ молодыхъ людей съ точными данными относительно ихъ возраста, образа жизни, вида, состоянія и т. д. На одномъ черномъ листѣ выставлены поименно всѣ авантюристы, пьяницы, игроки и негодные люди. Общество уже насчитываетъ значительное число членовъ. (к.)

Употребленіе старой газетной бумаги. Завертывая въ старыя газеты мѣха, сукно и т. п., можно быть увѣреннымъ, что эти предметы не будутъ испорчены молью, такъ какъ типографскія чернила дѣйствуютъ одинаково съ камфорой. Поэтому хорошо подкладывать газетную бумагу подъ ковры на полъ. Газетная бумага, не пропуская воздуха, предохраняетъ отъ порчи вещества, которыя должны быть герметически закупорены. Кусокъ льда въ кружкѣ, плотно завернутой въ газетную бумагу, простоитъ цѣлую ночь въ самую жаркую лѣтнюю пору и не растаетъ. (в).

Злая иронія. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III присутствовалъ при первомъ представленіи давно забытой трагедіи „Кассандра." Повидимому піеса ему не особенно понравилась, потому что отъ скуки онъ ушелъ уже во время втораго акта. Выходя изъ ложи, онъ увидѣлъ, что ожидавшій его придворный лакей крѣпко спитъ. Королевскій адъютантъ бросился къ нему съ гнѣвнымъ выговоромъ на устахъ, но король отозвалъ его назадъ, говоря: „Оставьте, бѣдный малый навѣрное слушалъ піесу!" (в.)

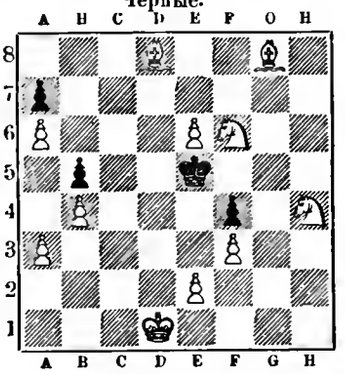
ШАХМАТЫ

подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 29.

J. A. Ros (Skarstad).
(изъ Deutsche Schachzeitung).

Черные.

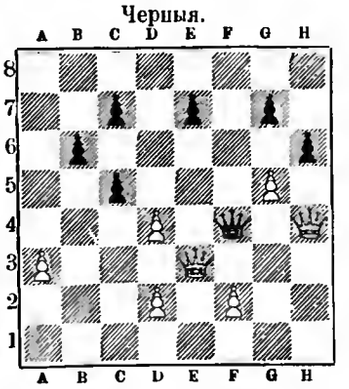


Бѣлые.
Матъ въ 2 хода.

Задача № 30. Шашечная.

В. П. Шошина (СПБ).

Черныя.



Бѣлыя.
Заперсть дамку.

Библиотека "Руниверс"

Рѣшенія шахматныхъ задачъ.

№ 20. **К. Зрлина (Вѣна)** матъ въ 3 хода.

1. Ф. a3—a4! Кр f5:g6 (a, b, c, d, e, f, g). 2. Ф. a4—e8+, Кр. g6 f5 (b) 3. К. d5—e3‡ b) 2 . . ., Кр. g6—h6; 3. С. b2—c1‡

a) 1 . . ., Кр. f5:e6; 2. С. b7—c8+, Кр. e6:d5; 3. Ф. e8 a8‡

b) 1 . . ., Кр. f5—e4; 2. Ф. a4:b3.∞; 3 Ф. или К‡

c) 1 . . ., b3:c2; 2. Ф. a4:c2+, Кр. f5:e6; 3 Ф. c2—c8‡

d) 1 . . ., h7:g6; 2. Ф. a4 e8, ∞; 3. Ф. или К‡

e) 1 . . ., С. b5:g6; 2. Ф. a4—d7.∞; 3. К‡

f) и g) какъ вар. d)

№ 22. **Palkoska**. Матъ въ 3 хода.

1. Ф. c7—e7; Кр. g3:f4 (a, b); 2. Ф. e7—c5.∞; 3. Ф. или К‡

a) 1 . . . Кр. g3—f2; Ф. e7:h4+, Кр. f2—e3 (c); 3. К. d4 f5‡

c) 2 . . . . Кр. f2—f1; 3. С f3—e2‡

b) 1 . . ∞; 2. Ф. e7:h4+, 3 К.‡ (1 . . ., С. d2—f4; 2. Ф. e7—e1‡).

Правильныя рѣшенія обѣихъ задачъ прислали: **Е. Ѳ. Андрезенъ (СПБ.); В. Савицкій (Варшава)** и **Ѳ. Тетерниновъ (Вытегра)**. № 20-го — **С. П. Соколовъ (Калуга)**; № 22-го **Е. И. Березнинскій (Кременчугъ)**. Многіе любители напали на мнимыя рѣшенія № 20-го—1. Ф. a3—a8? и № 22-го—1. Ф. c7—e5?

Рѣшенія шашечныхъ задачъ

(Обѣ задачи сообщилъ **Вас. Ив. Шошинъ (СПБ.)**.

№ 21. **Плетонова**†. 1. f8—h6, d6:f8; 2. d8—b6. b4:d6;

3. f6—e7, a7:c5; g5—f4, e3:g5; 5. h6:b8, f8:d6; 6. b8:b4, c5 d4; 7. g1 c5. дамка заперта.

№ 23. **Вас. Ив. Шошина (СПБ)**. 1. a7—b6, a5:c7; 2. b4—a5, d6:b4; 3. e3 f4; f8:d6; 4. a5—b6, c7:a5; 5. d4—c5, a3—b2; 6. c1:a3, d6—e5; 7. f4:d6 дамка и пресная заперты.

Правильныя рѣшенія обѣихъ задачъ прислали: **Е. Ѳ. Андрезенъ (СПБ.); А. Савельевъ (СПБ.); Н. П. Смирновъ (Москва); Н. В. Панковъ (СПБ.); С. П. Соколовъ (Калуга); Д. Лагуновъ (Елисаветградъ); М. Тумановъ (Сызрань); В. Г. Макаровъ (Дмитровъ Моск. губ.)** и **Л. Я. Фрейманъ (Маріуполь)**. № 23-го—**А. Ф. Михайловъ (Москва); Н. Гусевъ (Тверь); Мыслинъ (Сарапулъ); П. Ржепишевскій (м. Саббатиновка)** и **А. С. Звѣревъ (СПБ.)**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Облака и звѣзды. Стих. К. Фофанова. — Корень зла. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ П. Н. Полевого. Ч. II.—На Волгѣ. Разсказъ З. А. Центновской.—Къ рисункамъ: У береговъ Голявиніи (съ рис.).—Минуты счастья (съ рис.). — Заказчикъ (съ рис.). — Заводье (съ рис.). — На конскую ярмарку (съ рис.).—Рыба-ходокъ (съ рис.).—Политическое обозрѣніе. - Смѣсь.—Шахматы.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Маркс. Редакторъ В. Клюшниковъ.

1891. ПРАГА.

ЧЕШСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ПРАГѢ

по случаю сотой годовщины первой промышленной выставки въ Прагѣ въ 1791 году подъ августѣйшимъ покровительствомъ Его Величества Императора Австрійскаго Франца-Іосифа I съ 15-го мая по 15-ое октября 1891.

На выставкѣ будутъ имѣть мѣсто: Искусства, Науки, Промышленность, Земледѣліе, Празднества, Современныя новости, Иллюминованный фонтанъ, Конгрессы, Лотерея и проч. проч. J. № 5133 5 6

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ ВѢНѢ

ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 16—13

Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

МАЗЬ противъ МУХЪ, ТАРАКАНОВЪ И ПРУСАКОВЪ.

Средство для ловли и уничтоженія мухъ, таракановъ и прусаковъ. Не загрязнитъ помѣщенія, совершенно безвредно.

2 флак. 1 р., 6 фл. 2 р. 75 к., 12 фл. 5 р. Перес. 2, 4, 8 ф. Перес. налож. платежемъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20.

ВЕЛОСИПЕДЫ

ихъ части и принадлежности.

Люд. РАЙНЕКЕ

Варшава, Холодная улица, № 55. Прейсъ-курранты безплатно.

НЕБЫВАЕТЪ

врочнѣе мужескихъ кальсонъ какъ

изъ ТВИСТЪ,

въ магазинѣ

Ю. ГОТЛИБЪ, въ СПБ.,

по Владимірской, д. 2, уг. Невск. пр. Ц 1 р. 75 к. за пару. Перес. за каждыя 3 пары 1 р., по Азіятск. Россіи 1 р. 75 коп. Меньше 3-хъ паръ не высылается. При пересылкѣ необходима мѣра пояса и длина. 3—1 Mt. № 5233

В. № 4731 24—19

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19.

Только что отпечатанъ и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ ИЗЪ ДЕРЕВА

составленный **Л. П. СЕРГѢЕВЫМЪ.**

ИЗДАНІЕ 2-е, дополненное новыми рисунками. Цѣна въ литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 60 к. Съ требованіями обращаться въ СПБ-гъ, въ контору журн. „Нива“, Невскій, д. № 6.

РЫБОЛОВНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Англійскія и Русскія, удостоенныя награды на первой Россійской Рыбопромышленной выставкѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

С.-Петербургъ. Мялютинъ рядъ, № 18. П. Ф. Каратаевъ.

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египетскаго моста, домъ № 7—2. № 4961 26—12

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.

ФРАНКФУРТЪ Н/М.

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

„ОРЕЛЪ“.

Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиновою „Кюженъ“ (подушка) и „пневматическій“. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5189 18—6

БАДЕНЪ близь ВѢНЫ К. № 5223 3—2

ГОСТИНИЦА И ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

„ГЕЛЕНЕНТАЛЬ“

Извѣстныя своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, какъ и всѣми удобствами первоклассной гостинницы.—Имѣются обстановки для семействъ желающихъ пробыть тамъ болѣе продолжительное время.

Водолечебница подъ надзоромъ Д-ра **Подзарадскаго.**

Желаемыя подробности сообщаетъ владѣлецъ гостинницы **С. Sacher.**

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Способъ приготовленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цѣна: флакону 1 р. 65 к., бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ, опо-помада (лучше кольдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.

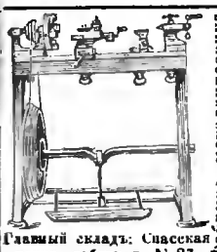
Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на прилагаемую адѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента

Главный складъ для всей Россіи у В. Аурихъ, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19—14

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьевъ.

Романъ-хроника XVII в., въ 3-хъ ч. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кол. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.



Фабрика металлическихъ токарныхъ станковъ **А. СКАВРОНСКАГО.** СПБ. Гродненскій пер. собств. домъ № 6. Прейсъ-куранты за 14 коп. марку.

Главный складъ: Спасская улица, собств. д. № 27.

ПРОДАЕТСЯ имѣніе 800 д. Подт. гус. Переясл. у. въ 45 в. отъ Кіева. Подробности у Курдюмова. Кіевъ, Печерскъ, соб. домъ.

Письмен. преподаваніе **ДВОЙН. БУХГАЛТЕРІИ** на русск. и нѣмецк. языкахъ вполнѣ замѣняющее устное преподаваніе. Масса благодар. и отличн. отзыва. По кончин. выдаются свидѣтельства. Преподаватель бухгалтеріи А. Н. ЯНКОВСКІЙ. Условія и пробн. письма высылаются безплатно. **РИГА** ПРЕДОСТЕРЕГАЮ отъ подражаній. ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ УСПѢХА. ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блоинъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ **ЖЖЕНЫЙ КОФЕ**

ТВЕРСКАЯ, ПРОТИВЪ СИБИРСКАГО ПОДВОРЬЯ. Д. ГИППУСЪ, ВЪ МОСКВѢ. Кофе по лимкинъ, требовать высылает. наложн. платежемъ. Прейсъ-куранты безплатно. № 5082 10—7

Л. ФОРШТРЕМЪ

ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ В. № 5098 20 12

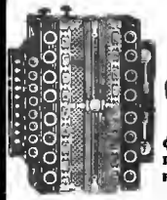
10, 15, 25 р. и дороже. Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-кур. безплатно. К. Н. ФРЕЛАНДТЪ. Москва. Мясницкая, уголъ Кривоколѣннаго пер., д. Соколова. С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30—16.

Библиотека "Руниверс"

ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ

ГАРМОНІИ

фабрики І. Ф. КАЛЬБЕ.



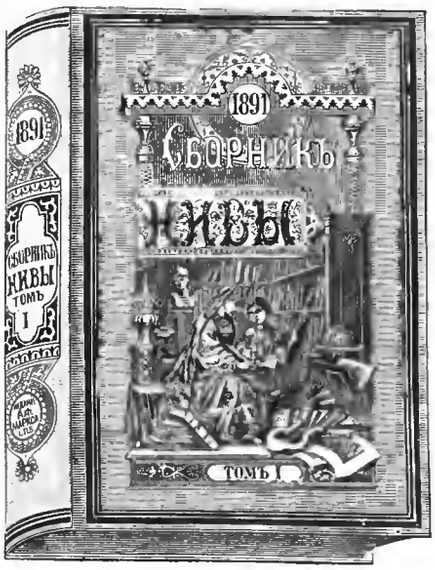
имѣютъ такой

фабричный знакъ и продаются у меня по фабричнымъ дешевымъ цѣнамъ:

Однорядныя: въ 4, 5, 5½, 6, 7, 7½, 8, 8½, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
Двухрядныя: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и нѣнскія въ 22 р.
Трехрядныя: въ 60 р. и вѣнскія въ 30, 50 и 75 р.
Самоучитель Соколова по 1 р. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.
Гармоніи можно имѣть нѣмецкаго или русскаго строя.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.
Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.
Продажа оптомъ и въ розницу.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо № 5237
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С. Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина

КРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА „СБОРНИКА НИВЫ“.



Конторою журнала „Нива“ заготовлены для переплета книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“ коленкоровыя, тисненыя крышки, образецъ которыхъ здѣсь и помѣщается. Въ каждую крышку должно быть переплетаемо по 3 книги „Сборника“. Каждыя три книги имѣютъ общую нумерацію страницъ, заглавный листъ и оглавленіе. Такимъ образомъ вышедшія 6 книгъ „СБОРНИКА“ могутъ быть переплетены въ 2 тома.

Въ виду громаднаго количества заготовляемыхъ переплетовъ, контора можетъ предложить ихъ гг. подписчикамъ по очень недорогой цѣнѣ, а именно по 25 коп. за крышку, а съ пересылкою по 50 коп.

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, Невскій проспектъ, 6.

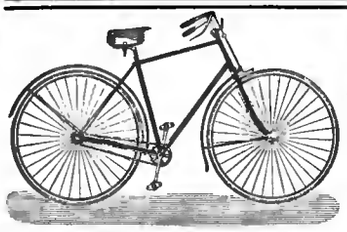
МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА“.
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5136 (3)

Главное депо часовъ З. БУРХАРДЪ, СПБ., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.

Часы призовые серебряные закрытые съ хорошимъ анкерн. механизмомъ на 15 кам. съ Высоч. утвержд. знакомъ за отличную стрѣльбу, съ серебр. цѣпочкой въ 3 вол., серебр. ключемъ, футляромъ и портретомъ, цѣною за 16 р. Часы для военныхъ и охотниковъ никел. никел. анк. ремонтуаръ съ компасомъ цѣною въ 11 р. Высылаю наложен. платежемъ. Иллюстр. 4—2 прейсъ-куранты безплатно. № 5225

РѢДКІЯ ФОТОГРАФІИ.
Каталогъ безплатно. А. Динманъ. Амстердамъ. № 5204 домъ (въ Голландіи). 6—5

ДЕПО ЧАСОВЪ
поставщ. Двора Его Импер. Величества № 4968
12—6
Москва, Маросейка, д. 13.
В. ФРЕЙМУТЪ.
Собственной фабрики вол., сер. карм. часы. Прейсъ-куранты высылаются безплатно.



Извѣстные велосипеды въ свѣтѣ англійскаго завода
ГУМБЕРЪ и К°,
Представители
Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.
Москва, Неглинный проѣздъ, домъ Ечкиной, магазинъ № 14.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно.
Покорнѣйше прошу почтеннѣйшую публику не смѣшивать мою фирму, существующую съ 1883-го года, съ однофамильцами.

„ИДІАЛЪ“
ЧЕРНИЛЬНИЦА

Практично! Новое! Дешево! Красиво! Соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества идеальной чернильницы—перья не тупятся, нельзя дѣлать кляксы, очень экономна, легко чистится.
Маленьк. 1 р. 50 к. Больш. 2 р. Перес. 2 ф.
Пересылаю наложеннымъ платежемъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.
Въ послѣднее время появилось въ продажѣ множество поддѣлокъ подъ названіемъ „Гуніади Яносъ“; поэтому покорнѣйше просимъ обратить вниманіе на помѣщенную здѣсь предохранительную марку—портретъ.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.
Ц. 5151 10—5

№ 4711
WEISSER FLIEDER
(LILAS BLANC
БѢЛАЯ СИРЕНЬ)
„PEAU D' ESPAGNE“
„ГОЛЬДЛАКЪ“
НОВѢЙШІЕ ЛЮБИМЫЕ ОСОБЕННО НѢЖНЫЕ ДУХИ.
Можно получать почти во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.
Просятъ при покупкѣ обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку
3—2 № 4711. Ц. № 5229

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ
И. М. ХАЙНОВСКАГО
имѣетъ всѣ права казенныхъ реальныхъ училищъ. Пріемныя испытанія въ первый классъ имѣютъ быть произведены 14 и 29 мая и 7-го іюня. Москва, Волхонка, д. кн. Голицына.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ
ПАНСІОНЪ
И. М. ХАЙНОВСКАГО
ученики коего готовятся въ реальныя училища и кадетскіе корпуса, на лѣтнее время переводится въ с. Осѣченки, близь станціи Быково, Московско-Рязанской желѣзной дороги. П. № 5215 2—2

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ В. Морская, 21.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПАРОВОЙ ФАБРИКИ
В. Ф. БОНАКЕРЪ,
ВЪ МОСКВѢ, близъ Яузскаго моста, Серебряническій переулокъ, домъ бывш. Щукина. (Телефонъ

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ВАКСА
ВЪ ЖЕСТЯНЫХЪ КОРОБКАХЪ
(фабричное клеймо „СЛОНЪ“)
ДАЛЕКО ПРЕВОСХОДИТЪ СВОИМИ ОТЛИЧНЫМИ КАЧЕСТВАМИ ВСѢ СУЩЕСТВУЮЩІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ И РУССКІЯ ВАКСЫ.
дѣлаетъ кожу обуви мягкою, непромокаемою и даетъ ей необыкновенно яркій блескъ.
ФРАНЦУЗСКАЯ ВАКСА
въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо „Левъ“) равняется достоинствомъ лучшимъ ваксамъ другихъ фабрикъ.
МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ МАЗЬ
въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо „Самоваръ“) самое хорошее средство для чистки и полировки всѣхъ металловъ, главнымъ образомъ, самоваровъ.
ЖЕСТЯНЫЯ КОРОБКИ
съ разноцвѣтными печатными украшеніями, а также безъ оныхъ, для чая, кофе, кондитерскихъ и табачныхъ товаровъ, консервовъ и проч.
ЖЕСТЯНЫЕ ПЛАКАТЫ (вывѣски)
для рекламъ, печатанные художественно разными красками и рисунками.
Прейскуранты высылаются по требованію.
Продажа моихъ товаровъ производится у всѣхъ торговцевъ.
Фабричныя марки утверждены Правительствомъ.
Ц. № 5245 (1)

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданія. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Дозвол. цензур., СПБ., 12 іюня 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXII г. | г. XXII

№ 25 | 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН ДАРОВ ПРИЛОЖ 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис) ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис)

Выданъ 22 іюня 1891 г | Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6

ОБЪЯВЛЕНІЯ

въ „НИВѢ“ принимаются за строку монпарейль (1/4 шир стран.) въ Глав Кон Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr., для Австр., Герман и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 пф

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. П. Печковской, Петровск. Торг. линіи 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 10 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписч получ всѣ уже вышедш въ 1891 г №№ „Нивы“ со всѣми прилож, Сборникомъ и пр.

Продавецъ шашлыковъ въ Бухарѣ Съ фот. Апостоли, хемигравюра мастерской „Нивы“

Библиотека "Руниверс"

Корень зла.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.

П. Н. Полевого.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

IV.

Безвременье.

Темныя, мрачныя, кудластыя тучи быстро неслись по вѣтру надъ Москвою, обильно поливая ее дождями и ливнями. Вѣтеръ дулъ почти не переставая—и вѣтеръ холодный, настоящій осенній сѣверякъ, хоть на дворѣ стояло еще лѣто—начало августа—и до Успеньева дня было не близко. На улицахъ и по взгорьямъ развело ненастье такую грязь, что гдѣ не было постлано деревянной мостовой, тамъ лошади вязли по-брюхо. Въ садахъ и подмосковныхъ рощахъ всѣ листья на деревьяхъ были желты и съёжены, какъ послѣ первыхъ заморозковъ. А на пригородныхъ поляхъ, затопленныхъ обильными дождями, хлѣба стояли совсѣмъ зеленые, незрѣлые и уныло клонили голову по волѣ вѣтра, еще нетронутые серпомъ. Ненастье длилось уже третій мѣсяцъ подъ-рядъ, не перерываясь ни на одинъ день, и всѣхъ сельскихъ жителей приводило въ уныніе...

Да и не одни сельскіе—и городскіе жители, и даже богатые московскіе купцы—и тѣ понурили голову. Въ знакомыхъ намъ рядахъ, на Ильинкѣ, половина лавокъ была заперта; а въ остальной хоть и сидѣли торговцы, но болѣе занимались бесѣдой и шмыганьемъ изъ лавки въ лавку, нежели торговлею. Покупателей совсѣмъ не видать было; за то нищіе бродили станицами и безпрестанно осаждали торговцевъ своими жалобными просьбами и возгласами.

Особенно охотно собирались торговцы около крошечной лавчонки нашего стараго знакомца, Захара Евлампьича, который попрежнему торговалъ бубликами въ томъ же ряду съ краснымъ товаромъ, и попрежнему слылъ между рядскими торговцами „всевѣдцемъ". Его лавчонка была однимъ изъ важныхъ пунктовъ распространенія всякихъ городскихъ вѣстей и сплетенъ; тамъ всегда можно было услышать что-нибудь новое, всегда можно было найти подтвержденіе или опроверженіе любаго городскаго слуха, и самъ Захаръ Евлампьичъ служилъ для своихъ пріятелей-торговцевъ живою, ходячею хроникой городскихъ происшествій и текущей московской дѣйствительности.

— Ну, ужь и погодку же Господь посылаетъ, говорилъ онъ въ одинъ изъ описанныхъ нами ненастныхъ дней своимъ обычнымъ собесѣдникамъ,—дождь да дождь! На дворѣ страдная пора, а мужику и въ поле не выѣхать, и рукъ къ работѣ не приложить!

— За грѣхи наши потопа на насъ не послалъ бы Богъ! забасилъ въ отвѣтъ на это другой знакомецъ нашъ, Нилъ Прокофьичъ, который еще болѣе успѣлъ разжирѣть за послѣдніе годы.

— Нѣтъ, этотъ дождь не потопный, сказалъ Захаръ Евлампьичъ.

— А ты почемъ знаешь? Нешто ты при потопѣ былъ?

— По Писанію знаю, Нилъ Прокофьичъ, по Писанію! Въ ту пору всѣ хляби небесныя разверзлись, всего шесть недѣль дождь-то шелъ, да вонъ воды-то выше той горы Арарата налилъ, которая въ третье небо упирается. А тутъ три мѣсяца дождь льетъ и только что низины залилъ.

— Низины залилъ, вступился одинъ изъ сосѣднихъ торговцевъ,—а вѣдь все же хлѣба всѣ вымочилъ! какъ есть всѣ вымочилъ—и на сѣмена не собрать!

— Да! Если Господь хоть на малый срокъ не смилуется—пропалъ нынѣшній урожай! Зубы на полку мужики класть должны!

— За что смиловаться-то? вотъ что скажи, Нилъ Прокофьичъ! горячо вступился Захаръ Евлампьичъ.— Впали мы въ объядѣніе и въ пьянство великое, въ блудъ и въ лихвы и въ неправды, и во всякія злыя дѣла... А Богъ насъ миловать станетъ!.. Того-ли еще мы дождемся!

— Н-да! Времена лихія! Братъ на брата идетъ... Жена на мужа доноситъ, холопъ на господина, просвирня на попа... А за доносы да извѣты доносчиковъ жалуютъ...

— Да еще какъ жалуютъ-то! заговорилъ старый бублечникъ.—Смотри-ка, сколькихъ разорили теперь: Романовыхъ, да Сицкихъ, да Черкасскихъ, да Репниныхъ—и всѣ богатства отъ нихъ въ казну... А гляньте-ка, каковъ ломоть изъ Романовскихъ-то животовъ себѣ Семенъ Годуновъ выкроилъ: недѣль пять только рухлядь съ ихняго подворья на свое возилъ... Какъ тутъ не доносить?!

— Подайте милостыньку, Христа ради! раздался вдругъ чей-то голосъ за самою спиною Захара Евлампьича.

Старикъ вздрогнулъ и обернулся.

— А, будь тебѣ пусто! Какъ подкрался! Богъ подастъ! Проходи, проходи, что-ли! сказалъ онъ, обращаясь къ нищему, высокому, кривоглазому парню, въ мокрыхъ и грязныхъ лохмотьяхъ.

— Подай святую Христову милостыню! продолжалъ приставать нищій, нахально поглядывая на старика-торговца.

— Не дамъ я тебѣ ничего. Ты теперь повадился ужь и по три раза на день ходить! Отваливай!..

— Дай хоть ты, богатѣй! еще нахальнѣе обратился попрошайка къ купчинѣ.

— Чай, слышалъ нашу отповѣдь? съ досадою сказалъ Нилъ Прокофьичъ.

— Ну, ладно, голубчики! Ужо меня вспомянете—и станете давать, да не возьму! огрызнулся нищій, отходя отъ лавки Захара Евлампьича.

— Да, вотъ поди-жь ты! заворчалъ старый торговецъ,—не далъ ему, такъ онъ же еще грозится. А тоже Христовымъ именемъ проситъ!..

— Такіе-то, заурядъ, днемъ христарадничаютъ, а ночью съ кистенемъ подъ мостами лежатъ! замѣтилъ сосѣдъ-суконщикъ, худощавый и суровый старикъ, съ длинной сѣдой бородой.

Какъ разъ въ это время, къ тѣмъ же лавкамъ подошло еще человѣкъ восемь нищихъ; впереди ихъ шелъ старикъ, весьма почтенной наружности. Они были одѣты въ плохую, но въ цѣлую и чистую одежду. Въ числѣ ихъ двое были молодые, рослые и красивые ребята. Подойдя къ лавкамъ, они остановились молча, сняли шапки и стали кланяться купцамъ. Дождь поливалъ обильно и кудрявыя головы молодыхъ ребятъ, и сѣдую голову старика. Всѣ купцы, какъ только завидѣли ихъ, переполошились.

— Вотъ этимъ, заговорилъ Захаръ Евлампьичъ,—не грѣхъ подать. Это Романовскіе бывшіе холопи—сироты теперь безпріютные.

И онъ первый полѣзъ въ свою тощую мошну за подаяніемъ. Его примѣру послѣдовали и другіе. Старикъ принималъ милостыню въ шапку и отвѣшивалъ подававшимъ низкіе поклоны.

— Спасибо вамъ, купцы почтенные! Дай вамъ Богъ за вашу милостыню — и еще того болѣе за ласковое слово! Пришлось всѣмъ намъ руку протягивать... Видно отъ сумы да отъ тюрьмы точно не уйдешь!

— Никакъ тебя Сидорычемъ зовутъ? спросилъ старика Захаръ Евлампьичъ.

Библиотека "Руниверс"

— Сидорычемъ величали, какъ на Романовскомъ подворьѣ въ большихъ холоняхъ жилъ... А теперь всѣ мы—овцы безъ имени, попрошаи, леженки!..

— Не гнѣви Бога, старикъ! вступился суконщикъ.— Всѣ васъ здѣсь знаютъ, всѣмъ ваше несчастье вѣдомо—никто вамъ слова въ укоръ не скажетъ...

— Вотъ и спасибо! А все больно, больно, купецъ почтенный, чужою-то милостью жить... Какъ силы-то еще есть—руки да ноги еще вѣдь служатъ... Не отнялись у насъ...

— Знаемъ, знаемъ! заговорило нѣсколько голосовъ разомъ и съ видимымъ участіемъ, — знаемъ, что васъ никуда въ холоп принимать не велѣно, а то бы Романовскимъ вездѣ нашлось мѣсто...

— У добрыхъ-то молодцовъ крылья связаны и пути имъ всѣ заказаны! съ грустью произнесъ Захаръ Евлампьичъ, покачивая головою.

Какъ разъ въ это время, къ кучкѣ торговцевъ, собравшихся подъ навѣсами лавокъ около Романовскихъ холоней, подошелъ приставъ съ пятью стрѣльцами и съ кривоглазымъ нищимъ. За стрѣльцами и приставомъ тащилось десятка три зѣвакъ. Появленіе пристава съ этою кучкою людей тотчасъ привлекло вниманіе всѣхъ рядскихъ: со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться приказчики, мальчишки и всякій праздный людъ и сбродъ. Въ нѣсколько минутъ собралась порядочная толпа.

— Вонъ, вона! Этотъ самый! Толстый-то купчина! Онъ и говорилъ! кричалъ кривоглазый, размахивая руками и указывая издали пальцемъ на Нила Прокофьича.

Приставъ, стрѣльцы и нищій подошли въ это время къ самой лавкѣ Нила Прокофьича, и кривоглазый продолжалъ кричать во все горло:

— Этотъ-то самый о Годуновыхъ говорилъ, будто они государевыхъ злодѣевъ и измѣнниковъ, опальныхъ бояръ Романовыхъ, и Репниныхъ, и Черкасскихъ напрасно сослали, и боярина Семена Годунова поносилъ всякою позорною лаею! Я хоть сейчасъ подъ присягу... Подъ колоколъ пойду...

Нилъ Прокофьичъ переполошился, вскочилъ со своего мѣста и обратился ко всѣмъ съ растеряннымъ видомъ:

— Православные! Вы, чай, всѣ видѣли, какъ я этому попрошайкѣ милостыни не далъ и отсель его прогналъ?.. Чай слышали, какъ онъ грозился? И вотъ теперь какую околесную плететъ!..

— Да вотъ тебѣ и еще улика на лицо! еще громче и наглѣе кричалъ кривоглазый, обращаясь къ приставу,—они мнѣ не дали и милостыни, а вотъ небось Романовскимъ холопямъ полную шапку накидали! Вотъ они каковы! Злодѣямъ первые потатчики!

Приставъ сурово посмотрѣлъ на Нила Прокофьича и, обращаясь къ стрѣльцамъ, съ подобающею важностью сказалъ:

— Возьмите купца, сведите въ дьячую избу. И кривоглазаго туда же. Пусть ихъ тамъ допросятъ.

— Я докажу! Я, братъ, такъ распишу тебя тамъ передъ дьякомъ-то! хорохорился кривоглазый, подступая къ купчинѣ и передъ самымъ носомъ его потряхивая своими лохмотьями.

— Да ты пойми же, господинъ приставъ, убѣждалъ перетрусившій Нилъ Прокофьичъ, — вотъ-ей-же ей я ничего не говорилъ! Лжетъ этотъ проходимецъ! На всѣхъ сошлюсь!

— Тамъ разберутъ, важно замѣтилъ приставъ.—Не мнѣ же васъ разбирать!

— Вѣстимо! Гдѣ вамъ разбирать! Ваше дѣло обирать! крикнуло нѣсколько голосовъ изъ толпы.

— Ну, ну, вы—тамъ! Коли запримѣчу, кто кричитъ— не сдобровать тому! крикнулъ приставъ, грозно посматривая на толпу.

Стрѣльцы приступили къ Нилу Прокофьичу и взяли его за руки.

— Да постойте же, братцы! Господинъ приставъ! Вѣдь такъ нельзя же!.. Я торговый человѣкъ... Какъ мнѣ лавку съ товаромъ бросить!.. Да и не говорилъ я! Онъ съ меня сорвать хочетъ... Повремени, по крайности! Дай вотъ запру, въ сумерочки...

— Стану я ждать тебя! Не съ лавкой же мнѣ тебя въ дьячую избу тащить... Веди, веди его! крикнулъ приставъ стрѣльцамъ.

Тѣ рванули купца съ мѣста; но тотъ упирался, кричалъ, обращаясь къ сосѣдямъ... Толпа кругомъ шумѣла безсвязно, то принимая сторону купца, то посмѣиваясь надъ его переполохомъ, то перебраниваясь со стрѣльцами.

— Братцы! Что же это за времена пришли! громко сказалъ, выступивъ впередъ, старый суконщикъ.—Почтеннаго купца, степеннаго, что сорокъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ сиднемъ сидитъ—берутъ за приставы, тащатъ въ приказную избу по первому извѣту бродяги, дармоѣда подзаборнаго! Ужь не самъ-ли приставъ и подослалъ его, чтобъ съ насъ посулы содрать да съ дьякомъ подѣлиться?

Толпа загудѣла: „Вѣрно! вѣрно!.. это не обычай! Намъ, купцамъ, обида!“

— А ты-то самъ чего горланишь! Чего народъ мутишь? крикнулъ приставъ на суконщика.—Ты откуда выкатился? Думаешь, я и до тебя не доберусь!

— Поди, другія руки на базарѣ купи—эти больно коротки у тебя! сказалъ суконщикъ.—Изъ нашей суконной сотни именитые купцы въ думѣ государевой сидятъ, а вашего брата тамъ и на дворъ-то не пускаютъ...

— Вѣрно! вѣрно! послышались голоса,—ай-да суконщикъ!

— Погоди! Дай вотъ этого отвести—и за тобой приду, суконщикъ именитый! крикнулъ злобно приставъ, постукивая палкою о помостъ лавки.—Тащи его! приказалъ онъ, обращаясь къ стрѣльцамъ, и сдѣлалъ-было шагъ впередъ...

Но сквозь толпу, къ самымъ лавкамъ вдругъ вывернулся высокій, плечистый и стройный купчикъ. Смѣло подступилъ онъ къ приставу, тряхнулъ кудрями и сказалъ ему, избочениваясь:

— Слышь! Оставь купца! Этотъ бродяга мнѣ вѣдомъ! На дядиномъ дворѣ мы дважды въ воровствѣ его ловили, да жалко не пришибли до смерти!

— Прочь! Пустите! Эй! Стрѣльцамъ дорогу! крикнулъ приставъ.

— Нѣтъ, ты шалишь! Ребята, своего не выдавать! Чего вы смотрите!—и купчикъ мощною рукою оттолкнулъ одного стрѣльца, далъ по шеѣ другому и высвободилъ Нила Прокофьича изъ ихъ рукъ.

У толпы явился вождь. Она загудѣла тоже:

— Не выдавать купца! Стой за своихъ! Долой приставовъ! Бей извѣтчика. Бей клеветника—собаку!

Поднялась свалка, шумъ, гамъ, крики... Приставъ и стрѣльцы поспѣшили убраться; кривоглазый, съ крѣпко помятыми боками и вырваннымъ клокомъ бороды, успѣлъ-таки юркнуть въ толпу и скрыться.

Когда волненіе поуспокоилось и толпа стала со смѣхомъ расходиться въ стороны, Нилъ Прокофьичъ пришелъ въ себя отъ смущенія и обратился къ высокому купчику:

— Ну, исполать тебѣ, добрый молодецъ! сказалъ онъ, кланяясь ему въ поясъ;—кабы не ты, сцапали бы меня въ приказную избу; а тамъ, пожалуй, еще и къ Варварѣ на расправу потащили бы!

— Зачѣмъ своихъ выдавать? сказалъ спокойно парень, оправляя поясъ на своей однорядкѣ.—Мы тоже купеческаго рода...

— А какъ тебя звать, величать, кормилецъ?

— Да развѣ ты не призналъ молодца-то, Нилъ Прокофьичъ? воскликнулъ весело Захаръ Евлампьичъ, ко-

Библиотека "Руниверс"

Гаданье вѣнками наканунѣ Ивана Купала. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Котляревскаго, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

Раненый воевода. Ориг рис (собств „Нивы") Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

торый во время шума и свалки спрятался-было подъ свой прилавокъ.—Вѣдь это тотъ же Ѳеодоръ Калашникъ, Филатьева купца племянничекъ...

— Ѳеодоръ Калашникъ! Силачъ-то нашъ именитый! Кулачный боецъ удалой! Вотъ онъ! Исполать ему! раздалось въ толпѣ рядскихъ, собравшихся около Ѳеодора.

— Полно вамъ, братцы! Я своей силой не хвастаю. А гдѣ за правое дѣло—тамъ грудью стану! отозвался Ѳеодоръ Калашникъ, кланяясь на всѣ стороны и стараясь уйти поскорѣе изъ-подъ навѣса лавокъ. И какъ разъ при переходѣ улицы, наткнулся на Романовскихъ холопей, съ Сидорычемъ во главѣ.

— Батюшка, Ѳеодоръ Ивановичъ! Откуда тебя Богъ принесъ? крикнулъ Сидорычъ, бросаясь къ молодому купцу и хватая его за руки.

— Сидорычъ?! съ изумленіемъ проговорилъ Калашникъ, оглядывая старика и всѣхъ его спутниковъ.— Ты что тутъ дѣлаешь?

— А вотъ, изволишь видѣть, побираемся Христовымъ именемъ... Побилъ насъ Богъ!

— Ахъ, Господи! проговорилъ Ѳеодоръ Калашникъ вполголоса, но тотчасъ спохватился. — Слушай, старина, здѣсь намъ не мѣсто съ тобой калякать на дождѣ, да на дорогѣ. Вали со всей ватагой ко мнѣ, на дядинъ дворъ, къ Филатьеву купцу... Тамъ васъ накормятъ. И пообсохнете, сердечные... И потолкуюсь я съ тобой по сердцу!

И онъ повелъ за собою Романовскую челядь, и зашагалъ такъ быстро по улицѣ, что старый Сидорычъ и сопровождавшіе его холопи едва за нимъ поспѣвали. Но до хоромъ купца Филатьева было рукой подать. Ѳеодоръ Калашникъ подвелъ своихъ спутниковъ къ высокому забору, утыканному по верху желѣзными рогатками, и стукнулъ скобой калитки, окованной желѣзомъ и усаженной лужеными гвоздями. Калитка отворилась; великанъ дворникъ, съ толстою дубиной въ рукахъ, отперъ калитку не сразу и впускалъ чужихъ съ оглядкой.

— Терентій, сказалъ ему Ѳеодоръ Калашникъ,— этихъ ребятъ сведи въ поварню, да прикажи тамъ накормить досыта. Да обогрѣть!.. Слышишь!

— Слышу, батюшка Ѳеодоръ Ивановичъ! промолвилъ великанъ, припирая калитку и замыкая ее пудовымъ засовомъ.—Будутъ сыты и обогрѣты.

— А ты, Сидорычъ, за мной ступай!

И мимо высокихъ, крѣпкихъ амбаровъ, мимо товарныхъ складовъ подъ широкими навѣсами на толстыхъ столбахъ, мимо службъ и людскихъ избъ, Ѳеодоръ Калашникъ повелъ старика къ крыльцу хоромъ купца Филатьева, которыя лицомъ выходили на бѣлый дворъ, а задами упирались въ яблоневый садъ съ обширнымъ огородомъ.

V.

Вѣрный рабъ.

Ѳеодоръ Калашникъ ввелъ Сидорыча въ свою свѣтелку въ верхнемъ жильѣ, и прежде чѣмъ тотъ успѣлъ лобъ перекрестить на иконы, уже заговорилъ:

— Разсказывай, старина! Скорѣй, садись и все разсказывай мнѣ обо всѣхъ своихъ господахъ, обо всѣхъ нашихъ... Я ничего не знаю! Какъ разъ передъ опалой бояръ Романовыхъ я былъ посланъ дядею на Поволжье закупать хлѣбъ... И вотъ теперь только вернулся. И никого кругомъ! Ни души изъ близкихъ!

Старикъ печально понурилъ голову и долго-долго молчалъ. Двѣ крупныя слезы—скупыя, горькія, безутѣшныя слезы старости—вытекли изъ глазъ его и канули на сѣдую бороду.

— И утѣшно мнѣ о своихъ боярахъ, о страдальцахъ безвинныхъ вспомнить, — и горько, во́-какъ горько! Стоялъ сыръ-матёръ-корепастый дубъ, головой уходилъ подъ облака, ширился вѣтвями во всѣ стороны—да налетѣлъ злой вихрь, попущеніемъ Божіимъ, и сломилъ съ дуба вершину вѣтвистую, разсѣялъ по бѣлу свѣту листочки дубовые... Да чуетъ мое сердце, что не попуститъ Богъ ему погинуть! Просіяетъ и на него солнце красное... Не вѣкъ будетъ мракъ вѣковать — а не то разступись мать сыра-земля, дай моимъ старымъ костямъ въ могилѣ мѣсто!

— Да полно, Сидорычъ! Разскажи, гдѣ они? Куда ихъ услали? Что съ ними сталось?..

— Что съ ними сталось! воскликнулъ старикъ, оживляясь, и отъ тоскливой думы быстро переходя къ горячему негодованію, которое зажгло его очи пламенемъ,—что съ ними сталось?! Звѣри дикіе, кабы имъ отдать моихъ бояръ на растерзанье,—да! дикіе голодные звѣри, и тѣ бы къ нимъ были милостивѣе... И тѣ бы не томили ихъ муками, не тѣшились бы ихъ страданьемъ, а тутъ: лишили чести боярской, въ измѣнники и воры государевы низвергли, всего имѣнья, всѣхъ животовъ лишили—ограбили, какъ только шарповщики подорожные грабятъ... И того показалось мало: дѣтей у отца съ матерью отняли, мужа съ женой раздѣлили, разрознили... Господи! Да навѣки — разрознили... И боярину Ѳеодору Никитичу, царскому думцу и совѣтнику, вмѣсто боярской шапки да шелóма тафью иноческую вздѣли на голову; вмѣсто кольчуги да зерцала булатнаго—свитою монашескою грудь прикрыли широкую и плечи могутныя!

Голосъ у старика оборвался, онъ не могъ продолжать, и только черезъ минуту заговорилъ, гораздо тише:

— И боярина постригли, и боярыню ласковую... И ея молодую грудь подъ власяницей сокрыли... Его въ Антоніеву-Сійскую обитель послали—изъ дальнихъ въ дальнюю; ее—въ Заонежскія пустыни... Нѣтъ больше боярина Ѳеодора Никитича Романова! Есть только инокъ Божій, старецъ Филаретъ; нѣтъ и супруги его богоданной—есть инока Мароа...

— А гдѣ же другіе братья? Гдѣ Александръ Никитичъ, гдѣ Иванъ, Василій,—гдѣ нашъ богатырь беззавѣтный, простота, прохлада задушевная, Михаило Никитичъ нашъ?

— Всѣхъ разметало!.. Александра тоже съ женою разлучили, сослали въ Усолье-Луду, къ самому Бѣлому морю. Ивана — въ Пелымь Сибирскую, Василья — въ Яренскъ. А Мишеньку, голубчика-то моего, котораго я съ дѣтства на рукахъ носилъ, и холилъ, и лелѣялъ — того въ Пермскій край заслали... Невѣдомо, въ какую глушь лѣсную...

И слезы опять закапали на сѣдую бороду стараго слуги.

— Да это еще что! Пытать хотѣли—всѣхъ пытать! Семенъ-то Годуновъ да и сама-то Годуниха на томъ все и стояли... Да царь Борисъ не допустилъ... *Помиловать* изволилъ — безвинныхъ-то! О-охъ, поплатится онъ за это передъ судомъ-то Божьимъ, передъ недреманнымъ-то Окомъ, которое все видитъ!..

— Да за что же пытать-то?

— А все у нихъ, вишь, доспрашивали, да все допытывались о какомъ-то чернецѣ... Служилъ этта у насъ въ дворнѣ какой-то, лѣтъ шесть назадъ, Григорьемъ звался — да сбѣжалъ, въ монахи вступилъ, да по обителямъ по разнымъ пошелъ... Такъ все о немъ...

— Да что же этотъ чернецъ Романовымъ! Не близкій вѣдь, не кровный?

— Кто ихъ знаетъ... Царь Борисъ, говорятъ, все ищетъ какого-то Григорія-инока, который изъ Чудова сбѣжалъ невѣдомо куда... На всѣ заставы, въ города на рубежѣ во всѣ, разосланы гонцы и грамоты, чтобы его не пропускать... Вишь, его-то и у бояръ искали! А тамъ какъ не нашли-то — принялись за насъ, за грѣшныхъ... Было тутъ бѣды! Пытали на-крѣпко...

Библиотека "Руниверс"

Били на правежѣ нещадно батожьемъ... Клещами коекого пощупали калеными — да лихъ что взяли? Ни одного предателя изъ дворни не объявилось. Всѣ за бояръ какъ бы единый человѣкъ... Повѣришь-ли, заплечные-то мастеры бить уставали—а добиться извѣта не могли! Человѣкъ съ десятокъ, а то и поболѣе—не выдержали, Богу душу съ пытки отдали... А передъ смертью все же душой не покривили...

— И тебя пытали небось? съ участіемъ спросилъ Ѳеодоръ Калашникъ.

— Не безъ того! На дыбу вздернули, да спину кнутикомъ маленько погладили... Не зажила еще... Да намъ, рабамъ-то, что! Мы вынесемъ... А имъ-то, имъ-то, боярамъ-то нашимъ несчастнымъ каково?

— И подумать страшно! Врагу не пожелаешь... Одна надежда на Бога.

И оба собесѣдника смолкли на мгновенье, удрученные тягостью своихъ думъ и воспоминаній.

— Ну, а гдѣ же мой сердечный, мой закадычный другъ? Тургеневъ гдѣ?

— Его Богъ помиловалъ отъ злой напасти! Онъ не былъ въ Москвѣ въ ту пору—боярышню, что-ли эту—Шестова-то невѣсту — отвозилъ куда-то, по боярскому приказу... А какъ вернулся на Москву, приказано ему въ имѣнье ѣхать и жить тамъ до приказа.

— Слава Богу! сказалъ съ радостью Ѳеодоръ Калашникъ и перекрестился, глянувъ на иконы.

Старикъ посмотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ, и продолжалъ:

— Какъ злодѣи-то наши съ боярами расправились, такъ и до насъ добрались... Послѣ розыска, всѣхъ насъ собрали въ кучу, да съ подворья въ зашей! Ступай, молъ, окна грызть изъ-за куска насущнаго... И строго-на-строго всѣмъ боярамъ, всѣмъ служилымъ людямъ и купцамъ — заказано Романовскихъ холопей у себя держать... Живи гдѣ хочешь и какъ знаешь! А народъ-то у насъ вѣдь самъ, чай, знаешь каковъ? Все молодецъ да къ молодцу подобранъ былъ: всѣ съ саблей, съ копьемъ да и съ конемъ искусны. Бывало, бояринъ выведетъ ихъ въ поле, такъ ни у кого такихъ-то слугъ и не бывало: доспѣхъ къ доспѣху, шеломъ къ шелому... Ну, всѣ тутъ потолкались и разбрелись: кто на Донъ, въ казаки, кто въ Сѣверщину, на рубежъ... А кто—грѣшнымъ дѣломъ—и на дорогу вышелъ. Вотъ только эти, что ты видѣлъ, все еще около меня толкутся—да и тѣмъ ужь невтерпежъ.

— Ну что же! Надо васъ всѣхъ устроить... У дяди въ разныхъ городахъ торговыхъ дѣлъ не мало... Ему надежные толковые ребята нужны. Всѣмъ найдется мѣсто... А ты живи у насъ, здѣсь, мы тебя пригрѣемъ. Будешь у насъ какъ свой, домашній человѣкъ... Сытъ, одѣтъ, обутъ. Авось такъ доживешь и до красныхъ дней.

— Спасибо тебѣ, Ѳеодоръ Ивановичъ, на твоей ласкѣ, на привѣтѣ, да на доброй памяти! Но ужь мнѣ не бывать теперь въ тепломъ углу, не знать ни покоя, ни радости, пока мои бояре въ бѣдѣ да въ несчастьѣ, да въ узахъ томятся! Шестой десятокъ я на свѣтѣ доживаю, и съ молоду—еще парнишкой былъ—все у нихъ въ домѣ, все отъ ихъ милости питался... Много было за сорокъ лѣтъ сладкаго куса поѣдено, много платья нарядного поношено — теперь не о томъ мнѣ дума...

— Куда же ты, старикъ, приклонишь голову, коли тебѣ мой уголъ не по-сердцу?..

— А вотъ видишь-ли, Ѳеодоръ Ивановичъ. Пришлось мнѣ за моихъ бояръ пострадать — и это мнѣ радость великая! — Сохранилъ меня Богъ отъ смерти лютой... И это мнѣ знаменье! Значитъ я еще моимъ боярамъ нуженъ. Имъ и долженъ я служить, о нихъ долженъ заботиться... А коли не дастъ Богъ — ни подъ чью крышу не пойду, подъ заборомъ спать буду, нищимъ по міру бродить, голодомъ морить себя стану... Не стать мнѣ жить лучше моихъ бояръ: они въ бѣдѣ, пусть и я въ бѣдѣ да въ нуждѣ. Такъ-то лучше!

— Да чѣмъ же ты можешь теперь боярамъ служить, Сидорычъ? Самъ ты подумай!

— Эхъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, добрый ты человѣкъ, и умный, а какого пустаго дѣла въ толкъ не возьмешь?.. Да будь у меня хоть алтынъ за душою, развѣ усидѣлъ бы я въ Москвѣ? Будь у меня хоть столько въ мошнѣ, чтобъ я могъ хоть впроголодь, пѣшкомъ дотащиться до нихъ... Да вѣсточку бы отъ одного къ другому перенести... Отъ дѣтей къ матери, а отъ жены-то—къ мужу-страдальцу! Охъ, Господи! Да я бы кажется жизни своей не пожалѣлъ!

Старикъ затрясся весь, и глаза руками закрылъ.

— Ты только подумай, Ѳеодоръ Ивановичъ! продолжалъ онъ, поуспокоившись, — подумай!.. Въ пустынѣ мерзлой, въ темной кельѣ, одинокій онъ сидитъ, слезы горькія роситъ, можетъ-быть и судьбину свою горькую клянетъ и на Бога ропщетъ, по своихъ милыхъ тоскуетъ... А тутъ вдругъ вѣсточка отъ нихъ изъ дали невѣдомой, какъ касаточка вешняя прилетитъ! Вѣдь душу-то его словно краснымъ солнышкомъ освѣтитъ, словно теплымъ вѣтеркомъ обвѣетъ—вѣдь ему жить захочется, вѣдь Богъ ему слезы дастъ... Вѣдь онъ радостью, какъ алмазъ многоцѣнный, просіяетъ!

Ѳеодоръ Калашникъ вскочилъ съ лавки и зашагалъ по свѣтелкѣ.

— Кабы я зналъ, Сидорычъ, что тебя на это дѣло хватитъ,—я бы тебѣ послѣднюю полушку отдалъ, послѣднюю рубаху съ себя снялъ бы!

— Меня то не хватитъ! самоувѣренно и твердо произнесъ старикъ.—Да есть ли на свѣтѣ такая сила богатырская, чтобы супротивъ Божьей воли выстояла. А на доброе-то дѣло только по Божьей волѣ люди идутъ! Не я пойду — Богъ поведетъ! Не я моими грѣшными руками совершу — Богъ совершитъ. А коли то ему угодно — онъ и силы найдетъ: и старика помолодитъ, и младенцу дастъ крѣпость львиную!..

— Ну, коли такъ, рѣшительно сказалъ Ѳеодоръ Калашникъ,—такъ готовься въ путь. Бери себѣ казны сколько надобно: бери въ товарищи изъ своихъ ребятъ, кого самъ похочешь. Мы съ дядей хоть завтра тебя снарядимъ въ путь. Ступай, служи службу своимъ боярамъ, какъ тебѣ Богъ на душу положитъ!

— Батюшка! Ѳеодоръ Ивановичъ! воскликнулъ Сидорычъ, всплеснувъ руками и вглядываясь въ лицо молодаго купца,—да ты не шутишь? Не потѣшаешься надъ старикомъ? Ты взаправду?..

— Что ты, старина? Аль Ѳеодора Калашника не знаешь? Отродясь я не лукавилъ и слова не ломалъ. Что вымолвилъ—то и выдолбилъ. Говорю тебѣ—собирайся въ путь, бери товарищей надежныхъ, бери запасъ дорожный, и—съ Богомъ!

Тутъ старикъ, не помня себя отъ радости, вскочилъ со своего мѣста, бросился на шею Ѳеодору Калашнику, и зарыдалъ какъ малый ребенокъ. Онъ тоже просіялъ радостью, какъ алмазъ многоцѣнный!

VI.

Въ боярской думѣ.

Господь не смиловался надъ Русскою землею! За неурожаемъ 1601 года послѣдовалъ неурожай 1602, поглотившій послѣдніе запасы населенія, и разрушилъ послѣднія надежды на спасеніе. На селѣ явилось то безобразное, страшное чудище, что зовется голодухою, и пошло стучать по окнамъ. „Хлѣба! хлѣба! Христа ради!“ вопилъ народъ, толпясь у купецкихъ житницъ, у боярскихъ дворовъ, у приказныхъ избъ, на церковныхъ погостахъ. ...„Хлѣба, хлѣба!.. дѣтишекъ накормить, чтобы не примерли!“ голосили бабы по улицамъ и по дорогамъ, толпами окружая проѣзжихъ и

Библиотека "Руниверс"

прохожихъ. „Хлѣба, хлѣба!“ молили несчастные отцы семействъ, валяясь въ ногахъ у тѣхъ счастливцевъ, которые могли еще протянуть кое-какъ своимъ запасомъ до будущей весны... Но всѣ стали глухи къ мольбамъ и стонамъ—всѣмъ было только до себя...

Хлѣбъ вдругъ сталъ сокровищемъ—сокровищемъ безцѣннымъ! Давно-ли еще имъ полны были базары и торжища — кадь въ четыре четверти продавалась за пять, за шесть алтынъ А тутъ вдругъ за четверть ржи стали давать и 3, и 5 рублей! А затѣмъ ужь и совсѣмъ опустѣли базары: никто не везъ болѣе хлѣба на продажу. Не везъ бѣднякъ, потому что ему нечего было везти; не везъ богачъ, потому что дрожалъ надъ своимъ достаткомъ, то выжидая, что цѣны возвысятся еще болѣе, то опасаясь, что и съ деньгами останешься безъ хлѣба.

А между тѣмъ голодъ распространялся шире и шире, охватывалъ цѣлыя области, мутилъ народъ, поднималъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, вызывалъ ропотъ противъ власти, вынуждалъ каждаго бѣжать безъ оглядки туда, гдѣ можно было надѣяться на кусокъ насущнаго хлѣба.

Въ концѣ августа 1602 года царь Борисъ созвалъ всѣхъ бояръ и иныхъ чиновъ людей въ торжественное засѣданіе Думы. Онъ, опытный и умный правитель, начиналъ теряться, начиналъ не вѣрить въ силу своего разума и власти; онъ искалъ случая высказаться, обмѣняться мыслями съ этими, всякаго чина людьми, которые представляли собою народъ передъ лицомъ царя.

Засѣданіе назначено было въ Грановитой палатѣ, и всѣ собрались туда тотчасъ послѣ ранней обѣдни, которую царь слушалъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Бояре и окольничіе чинно разсѣлись около стѣнъ на лавкахъ, крытыхъ краснымъ сукномъ, думные дворяне и гости стали въ два ряда передъ лавками. Дьяки размѣстились за столомъ, около столпа, поддерживавшаго сводъ палаты. Утреннее солнце, косыми пыльными лучами проникая въ узкія и низкія слюдяныя окна, весело играло на золотыхъ кафтанахъ и на пестрыхъ коврахъ, устилавшихъ полъ, и на стѣнахъ, расписанныхъ библейскими притчами и ликами патріарховъ, пророковъ и праведниковъ При первомъ взглядѣ на эту толпу людей, наряженныхъ въ золотную парчу, въ одежды, украшенныя каменьями и жемчугами, трудно было даже и представить себѣ, что голодъ и моръ, рука объ руку, ходятъ по Москвѣ около самыхъ царскихъ палатъ, и что царскіе приставы тысячами свозятъ въ убогіе дома трупы несчастныхъ, поднятые на улицахъ. Но всѣ лица были угрюмы, сумрачны или печальны: на всѣхъ лицахъ выражалась та же скорбная дума, которая тяготѣла у всѣхъ на сердцѣ. Всѣ мрачно и сосредоточенно молчали или шепотомъ перебрасывались отдѣльными словами и краткими замѣчаніями.

Но вотъ, отъ входныхъ дверей въ палату, пронеслось въ толпѣ: „Царь идетъ! царь идетъ!“ Всѣ поднялись съ мѣста и вытянулись.

Въ палату попарно вошли архимандриты и два митрополита; за ними—патріархъ Іовъ, поддерживаемый подъ руки своимъ ризничимъ и патріаршимъ бояриномъ. За ними шествовали рынды, четыре высокихъ и румяныхъ красавца, въ горностаевыхъ высокихъ шапкахъ, въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ съ надѣтыми крестъ-на-крестъ тяжелыми золотыми цѣпями, съ серебряными топорками на плечѣ. Позади ихъ чинно выступали трое бояръ, неся на блюдѣ Животворящій Крестъ, скипетръ и державу. Борисъ, въ маломъ нарядѣ, и сынъ его Ѳеодоръ, въ опашнѣ, по плечамъ и подолу усаженномъ жемчугами, выступали вслѣдъ за боярами. За ними слѣдовали стряпчіе „со стряпней“, т. е. съ убрусомъ на блюдѣ, со складнымъ стуломъ для царевича, съ подножіемъ для царя.

(Продолженіе будетъ)

Три предложенія.

Переводъ съ англійскаго.

— Мабъ! Папа тебя требуетъ Онъ въ кабинетѣ.

Я бросила кроветный молотокъ на гладкую лужайку—это было еще во времена брокета, когда „lawn-tennis“ не былъ еще извѣстенъ—и тревожно-вопросительно взглянула на брата. Тома, передавшаго мнѣ это непріятное и неожиданное приглашеніе.

— Въ чемъ дѣло, Томъ? спросила я —Не говорилъ онъ, зачѣмъ я ему понадобилась?

— Вѣроятно чтобъ дать хорошій нагоняй за то, что вчера болтала въ церкви, или опоздала къ завтраку отвѣтилъ Томъ нетерпѣливо, и засунувъ руки въ карманы, удалился. Онъ не умѣлъ сочувствовать; но за то дѣвочки сбѣжались ко мнѣ со всѣхъ уголковъ, стараясь утѣшить выраженіемъ сочувствія, хотя ихъ испуганныя личики не могли ни въ какомъ случаѣ ободрить меня

— Папа прислалъ за тобой, Мабъ?

— Зачѣмъ онъ тебя требуетъ?

— Не оттого-ли, что ты разбила вазонъ въ оранжереѣ?

— Бѣдняжка Мабъ! То-то я видѣла, что онъ какъ-то особенно посматривалъ на тебя за завтракомъ. А знаешь, воротничекъ у тебя совсѣмъ съѣхалъ на бокъ

— А теперь какъ? Прямо? спросила я, безпокойно поглядывая то на одно, то на другое личико этой симпатизирующей мнѣ группы.

— Теперь хорошо; только платье оборвано. На булавку, приколи его къ кушаку. Ай! вонъ зеленое пятно на оборкѣ.

Я направилась къ дому, сопровождаемая предостереженіями и добрыми совѣтами.

— Мабъ! Волосы растрепались. Точно ты не можешь пригладить ихъ!

— Мабъ! Кушакъ развязался!

— Мабъ! У тебя грязныя руки! Держи ихъ лучше за спиной

Войдя въ домъ, я прямо черезъ переднюю прошла въ кабинетъ—высокую, веселую, свѣтлую комнату, въ которой отчимъ изучалъ безчисленные недостатки своихъ падчерицъ и лучшіе способы искорененія ихъ. Мнѣ недавно исполнилось семнадцать лѣтъ, но во многихъ отношеніяхъ я была моложе этихъ лѣтъ Сильно билось мое сердце, когда я остановилась у двери кабинета Горячими маленькими руками пригладила я свои волосы, печально оглянула свое испачканное ситцевое платье и тихонько постучалась.

— Войдите, отвѣтилъ отчимъ ласково и кротко. Я повиновалась.

Отчимъ былъ не одинъ: наша дальняя кузина, состоящая подъ опекой отчима, Мабель Кампионъ, сидѣла рядомъ съ нимъ на низенькомъ креслѣ. Это была высокая, граціозная, прехорошенькая дѣвушка, лѣтъ 20-ти. Опершись локтями на колѣна и положивъ подбородокъ на руки, она не спускала почтительнаго взора со своего опекуна. Когда я вошла, она покраснѣла, какъ-то испуганно посмотрѣла на меня, потомъ на отчима, точно ожидала его приказанія.

— Да; я попрошу оставить насъ, сказалъ отчимъ съ такою любезною улыбкой, какой мы никогда не видали.

Она улыбнулась какъ-то застѣнчиво и принужденно, встала съ кресла и тихо вышла, тщательно затворивъ за собой дверь.

Милостивая улыбка удержалась на его гладко выбритыхъ губахъ съ минуту послѣ ухода Мабели. На эту одну минуту онъ забылъ о моемъ присутствіи Затѣмъ онъ измѣнилъ позу: положилъ обтянутые безукоризненно чистымъ тонкимъ сукномъ локти на ручки кресла, соединилъ концы пальцевъ и насмѣшливо посмотрѣлъ на меня своими карими глазами.

Я представляла собою неблагопріятный контрастъ съ Мабелью. Мое полинялое, измаранное, заплатанное ситцевое платье было черезчуръ коротко. Руки „грязныя“, какъ сказали дѣвочки, загорѣлыя; лицо въ веснушкахъ, волосы растрепаны.

Я прекрасно сознавала свои недостатки и стояла смущенная, безпомощная.

— Вы, можетъ быть, присядете, Мабель? сказалъ отчимъ своимъ кроткимъ, ласковымъ голосомъ. Никто не звалъ меня „Мабель“, для всѣхъ я была „Мабъ“; но онъ никогда не снисходилъ до такой фамильярности и не употреблялъ уменьшительныхъ именъ.

Я хотѣла усѣсться въ самомъ дальнемъ углу комнаты за углубленіемъ письменнаго стола, но отчимъ предложилъ мнѣ стулъ, стоящій какъ разъ передъ нимъ, и я неохотно сѣла лицомъ къ лицу.

— Я желаю поговорить съ вами, Мабель.

— Да, папа.

— Вы взволнованы, моя дорогая. Мнѣ незачѣмъ спѣшить. Я лучше подожду, пока вы успокоитесь.

Библиотека "Руниверс"

Лѣтомъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Китаева, автотипія Ангерера.

Библиотека "Руниверс"

Я вспыхнула какъ виновная. Дѣйствительно, сердце мое страшно билось. Стараться „успокоиться“, зная, что отчимъ выжидаетъ этого, было безполезно; я знала, что это безполезно: чѣмъ больше буду стараться, тѣмъ плачевнѣе будетъ результатъ. Я поджала ноги, потомъ вытянула ихъ, откинула волосы, сложила руки и сдѣлала видъ, что ничего не знаю о своихъ растрепанныхъ волосахъ.

Отчимъ сидѣлъ все время неподвижно, изрѣдка легонько постукивая пальцами, что было единственнымъ признакомъ нетерпѣнія. Каріе глаза смотрѣли насмѣшливо, но снисходительно. На широкомъ, бѣломъ, гладко-выбритомъ лицѣ лежалъ отпечатокъ сознанія своего благородства и терпѣнія.

— Я имѣю передать вамъ двѣ важныя новости, моя дорогая, но не желалъ бы волновать васъ. Самообладаніе, Мабель, есть одно изъ тѣхъ достоинствъ, безъ которыхъ не можетъ выработаться заслуживающій уваженія характеръ. Ваша бѣдная, дорогая мама... я не осуждаю ее за ваше воспитаніе (отчимъ остановился и вздохнулъ) — и умнѣйшіе изъ насъ иногда заблуждаются — и мы должны извинить ея ошибки, о которыхъ приходится только глубоко сожалѣть. Я скорблю и сожалѣю о нихъ ради васъ. Она не научила васъ владѣть собой, не внушила вамъ съ дѣтства самообладанія, этого полезнаго фактора для образованія такого характера, какъ... какъ напр. у вашей кузины Мабели, т. е. вмѣстѣ и твердаго, и кроткаго, благороднаго и мягкаго.

Отчимъ, говоря это, смотрѣлъ куда-то въ сторону и кротко улыбался, мечтая о достоинствахъ, которыми я не обладала.

— Если бы я слѣдилъ за вашимъ воспитаніемъ, началъ онъ послѣ минутной паузы,—вы, Мабель, и ваши сестры привыкли бы съ младенческаго возраста къ тому, чему теперь научить васъ почти невозможно. Вы минуты не можете посидѣть покойно; даже въ настоящій моментъ возбуждены и выражаете нетерпѣніе. Я сказалъ, что имѣю сообщить вамъ двѣ новости; но я подожду еще минутъ пять, пока вы не успокоитесь и не перестанете болтать ногами.

Можетъ-быть въ дѣйствительности прошло не болѣе пяти минутъ, пока онъ снова заговорилъ, но мнѣ эти пять минутъ показались тридцатью.

— Если память не обманываетъ меня, вамъ теперь семнадцать лѣтъ, Мабель? 17 лѣтъ, 2 мѣсяца и 5 дней? Поправьте меня, если я ошибаюсь.

— Да, папа. 1 мая мнѣ исполнилось семнадцать лѣтъ.

— Молода!.. молода! сказалъ онъ задумчиво.—А впрочемъ, ваша мать вышла замужъ еще моложе. Скажите, Мабель, думали вы когда-нибудь о... о бракѣ, Мабель?

Вопросъ этотъ смутилъ меня.

— Я... я не знаю, папа, пробормотала я, запинаясь.

— Вы не знаете? переспросилъ онъ снисходительно, съ легкой, едва замѣтной усмѣшкой.—Настоящій дѣтскій отвѣтъ! Во всякомъ случаѣ, вы уже не ребенокъ и поймете, что было бы желательно выдать одну изъ васъ замужъ. Ваша бѣдная, дорогая мама наградила меня большою и требующею расходовъ семьей. Я старался замѣнить вамъ отца и льщу себя мыслью, что относился къ вамъ съ болѣе чѣмъ отеческимъ терпѣніемъ и любовью, но... но я человѣкъ небогатый, Мабель, и которой-нибудь изъ васъ слѣдуетъ наконецъ выйти замужъ.

— Д-да, отвѣтила я нерѣшительно.

— Я буду очень доволенъ, если вы мнѣ скажете, моя дорогая, не чувствуете-ли вы къ кому-нибудь особеннаго расположенія, уваженія...

Я вздохнула, но не разсмѣялась, хотя у меня мелькнула мысль: какъ бы хорошо было, если бы вмѣсто отчима были здѣсь мои дѣвочки, и какую бы рѣчь я сказала моимъ веселымъ слушательницамъ, умѣющимъ цѣнить меня, и какъ эта рѣчь прерывалась бы аплодисментами. Но тутъ я точно онѣмѣла. Вѣроятно молчаніе это казалось очень глупымъ отчиму, который всегда находилъ что сказать.

— Мнѣ казалось, что я предложилъ вамъ вопросъ, Мабель, замѣтилъ онъ необыкновенно кротко.

— Д-да, папа.

— И жду отвѣта, моя дорогая.

Онъ могъ ждать его до скончанія вѣка. Я всегда терялась въ его присутствіи, говорила тихо, никогда не противорѣчила, но въ молчаніи была упряма. Могъ ли онъ требовать, чтобы я открыла ему мою тайну, мою собственную, личную тайну, которою я ни съ кѣмъ не дѣлилась, о которой не догадывались и никогда не догадаются даже дѣвочки? Неужели онъ угадалъ ее? У меня даже сердце замерло при этой мысли. Я забыла страхъ и смѣло подняла глаза на его широкое, бѣлое лицо.

— Нашъ молодой сосѣдъ изъ Седара часто бывалъ у насъ послѣднее время.

— Вы говорите о Недѣ? спросила я небрежно. Я полагала, что одарена драматическимъ талантомъ, но громадное усиліе, котораго мнѣ стоилъ этотъ небрежный тонъ, вышло замѣтнымъ; я почувствовала, что краснѣю; мнѣ стало жарко, потомъ холодно.

— Да, я говорю объ Эдуардѣ Барнетѣ. Насколько я замѣтилъ, онъ часто бывалъ здѣсь послѣднее время.

— Онъ всегда бываетъ, когда живетъ здѣсь, отвѣтила я торопливо, — всегда бываетъ, бываетъ потому, что ему нечего дѣлать. Ему... ему нравится у насъ.

— Разумѣется. Я и не желаю оспаривать этотъ фактъ. Вы очень покраснѣли, моя дорогая Мабель; нѣкоторымъ румянцемъ къ лицу, но вашъ румянецъ напоминаетъ піонъ. Не могу-ли я, моя дорогая, вывести заключеніе, что вы неравнодушны къ мистеру Барнетъ?

— Мы всѣ любимъ его, отвѣтила я угрюмо съ напускною холодностью,—любимъ какъ сосѣда и.. и мы такъ давно уже знакомы.

— Дружба легко можетъ перейти въ болѣе теплое чувство, отвѣтилъ отчимъ довольнымъ тономъ.—Вчера вечеромъ, Мабель, мистеръ Барнетъ просилъ меня позволить ему поговорить съ вами о... объ этомъ предметѣ.

— Объ этомъ? спросила я сконфуженно.

— Онъ сказалъ, что любитъ васъ и желаетъ сдѣлать вамъ предложеніе.

Въ эту минуту я забыла и страхъ, и застѣнчивость, и, чтобы уйти отъ спокойнаго, кроткаго взгляда отчима и скрыть отъ него мои раскраснѣвшіяся щеки, улыбку и сіявшіе счастьемъ глаза, я встала и отошла къ окну.

— Онъ дѣлаетъ мнѣ предложеніе! повторяла я,—мнѣ! мнѣ! Онъ предлагаетъ мнѣ быть его женой?

— Если бы, Мабель, вы были такъ добры и снова заняли ваше мѣсто, мы можетъ-быть спокойно обсудили бы этотъ вопросъ.

— Это невозможно, папа! Вѣрно тутъ какое-нибудь недоразумѣніе.

— Сядьте, Мабель, и позвольте мнѣ кончить.

Я вернулась на мѣсто какъ во снѣ. Не ноги несли меня по полу, я витала въ воздухѣ. Недъ меня любитъ! Онъ любитъ! Фраза эта слышалась мнѣ въ жужжаньи пчелъ, въ щебетаньи птичекъ. Недъ любитъ меня! А я? Развѣ было время, когда и не любила его?!

— Онъ въ самомъ дѣлѣ сказалъ это? Правда-ли это? Не выдумали-ли вы? со страхомъ спрашивала я отчима, вся поглощенная силою своего чувства.

— Вы очень возбуждены, Мабель. Жаль, что большинство изъ васъ унаслѣдовало характеръ вашей бѣдной, дорогой матери! Вы больше всѣхъ, Мабель, имѣете наклонность быть истеричною.

— Не думаю, папа.

Онъ не ожидалъ противорѣчія. Каріе глаза его открылись шире, выражая удивленіе и неудовольствіе. Вѣроятно, онъ хотѣлъ смутить меня, но я отвѣтила на его взглядъ смѣлой улыбкой.

— Откровенно говоря, дорогая, выборъ мистера Барнетъ удивилъ меня; но о вкусахъ не спорятъ. Вы еще молоды и можете исправиться. Замужество, безъ сомнѣнія, сгладитъ многіе изъ вашихъ недостатковъ, которые такъ огорчаютъ меня. Мистеру Барнету двадцать пять лѣтъ, онъ знаетъ, что дѣлаетъ, и я, съ своей стороны, не считаю себя въ правѣ указывать его промахъ, какимъ я нахожу его предложеніе. Конечно, онъ раскается, но это его дѣло; а пока я снискалъ его благодарность за разрѣшеніе повидаться съ вами и за согласіе.

Дивною музыкой звучалъ въ ушахъ моихъ монотонный, слащавый голосъ отчима. Я слушала его съ кроткой улыбкой счастья на лицѣ. До сихъ поръ памятны мнѣ эти блаженныя минуты, точно это было вчера, хотя много лѣтъ отдѣляютъ меня отъ того времени. Какимъ свѣтлымъ казалось мнѣ синее небо, съ медленно плывущими отъ востока облаками! Изъ сада доносился шелестъ листьевъ. Пчелы жужжали на лиліяхъ. Съ луга, лежащаго за садомъ, свозили остатки сѣна. Воздухъ былъ полонъ аромата...

Глухо звучалъ голосъ отчима.

— Я сказалъ мистеру Барнету, что сначала самъ переговорю съ вами. Ему этого не хотѣлось, но я настоялъ на своемъ. Кажется, онъ хотѣлъ сегодня зайти за отвѣтомъ; навѣрно не знаю, но, если не ошибаюсь, онъ обѣщалъ побывать именно сегодня. Вчера намъ помѣшали докладомъ о какомъ-то посѣтителѣ—мы видѣлись только нѣсколько минутъ,—но я понялъ, что онъ намѣревался быть сегодня утромъ у насъ. Зная вашъ необузданный характеръ, Мабель, я желалъ подготовить васъ и сообщить вамъ, кстати, свой взглядъ. И такъ: вы можете принять его, я согласенъ.

— Благодарю васъ, папа, сказала я машинально.

Онъ, повидимому, ожидалъ моей благодарности.

— Мистеръ Барнетъ не особенно богатый человѣкъ, но и не бѣднякъ. Это лучшая партія, на которую вы когда-либо можете разсчитывать, и мнѣ было бы желательно, чтобы вы приняли его предложеніе. Не знаю точной цифры его дохода, но...

— Будь у него всего пятьдесятъ фунтовъ въ годъ... будь онъ кузнецъ, плотникъ—и тогда я какъ пуля вылечу за него, если онъ сдѣлаетъ предложеніе!

— Вашъ языкъ очень выразителенъ, моя дорогая, но его врядъ-ли назовешь классическимъ.

— Я вовсе не желаю знать, какой доходъ у Неда, и ни на волосъ не заботусь объ этомъ.

Библиотека "Руниверс"

Отчимъ кротко улыбнулся и такъ же кротко вздохнулъ.

— Стало-быть, я могу передать мистеру Барнету, что его предложеніе принято?

— Я люблю его, сказала я просто.

Въ эту минуту послышался легкій стукъ въ дверь, дѣвушка въ бѣломъ передникѣ доложила: „мистеръ Барнетъ"—и Недъ вошелъ.

Загорѣлое лицо его было краснѣе обыкновеннаго; онъ казался смущеннымъ, но и въ самомъ смущеньи было что-то дѣтски благородное, прямое, честное. Онъ сознавалъ свое неловкое положеніе. Дружески кивнувъ мнѣ головой, онъ подалъ руку отчиму и пытливо посмотрѣлъ на него.

— Я переговорилъ съ Мабелью, сказалъ отчимъ мягко и медленно,—да, я имѣлъ съ ней серьезный разговоръ...

Недъ оглянулся на меня. Я не поняла его взгляда: онъ будто желалъ, чтобъ я ушла.

— И передалъ ей ваше предложеніе...

Недъ снова оглянулся въ мою сторону.

— И она согласна принять его, докончилъ отчимъ медленно.

— Она согласна?

— Она призналась мнѣ, что любитъ васъ.

Лица Неда я видѣть не могла, потому что въ это время занята была разсматриваніемъ коричневыхъ розъ на коврѣ, но слышала восторженное восклицаніе, которымъ онъ привѣтствовалъ сообщенное ему извѣстіе.

— Гдѣ же она? спросилъ онъ послѣ минутной паузы.

— Идите сюда, Мабель, дорогая моя! сказалъ отчимъ сладчайшимъ тономъ и, взявъ меня за руку, подвелъ къ Неду.

Недъ стоялъ неподвижно—шага не сдѣлалъ мнѣ навстрѣчу. Отчимъ соединилъ наши руки. Взглянувъ на Неда, я вскрикнула и отдернула свою руку, которой онъ и не задерживалъ. Я помню его добрый, исполненный состраданья, взглядъ...

— Мистеръ Даль, сказалъ онъ своимъ честнымъ, чистымъ голосомъ,—вы ошиблись. Можетъ-быть это отчасти моя вина, но главнымъ образомъ ваша. Я люблю Мабель. Съ Мабъ мы большіе, неизмѣнные друзья, но моя любовь принадлежитъ Мабели. Я думалъ, вы поняли меня.

— Значитъ, вы говорили о Мабели Кампіонъ?

— Да. Я считалъ нужнымъ сказать объ этомъ вамъ, какъ ея опекуну.

— Вамъ слѣдовало бы выражаться яснѣе, сэръ!

— Я думалъ, что я такъ и сдѣлалъ.

— Тутъ вышло недоразумѣніе. Я не могъ дать согласія на бракъ съ той юной лэди, о которой вы говорите: сегодня утромъ она дала слово быть моей женой.

То были послѣднія слова, которыя я слышала, уходя изъ кабинета. Я незамѣтно проскользнула въ дверь и осторожно притворила ее за собой. Выйдя въ переднюю, я безсознательно побѣжала черезъ коридоръ въ садъ, изъ сада на дорожку между шпалерникомъ. Дома и въ саду дѣвочки нашли бы меня. Славныя онѣ дѣвочки, но я боялась, что онѣ станутъ разспрашивать, сожалѣть, утѣшать, а я не въ состояніи была переносить сожалѣнія и утѣшенія.

Я бросилась на траву въ тѣни у высокаго забора, закрыла лицо горячими руками и старалась свыкнуться съ мыслью о своемъ позорѣ, поглотившемъ всѣ другія чувства. Я забыла даже любовь и помнила только одно униженіе.

Двѣ-три горячія слезинки проскользнули между пальцами и высохли. Голова горѣла и страдала. Горячія руки не могли охладить ее.

Заслышавъ чьи-то шаги, я вскочила и намѣревалась бѣжать; но въ эту минуту на поворотѣ тропинки появился Недъ. Я скорѣе почувствовала, чѣмъ увидала его и, свернувъ въ сторону, пошла прямо по травѣ.

„Дастъ-ли онъ мнѣ уйти? Не притворится-ли, что не видитъ меня, какъ я притворилась, что не узнала его? Неужели онъ не избавитъ меня отъ униженія встрѣтиться съ нимъ?" Вотъ что я думала, когда услышала за собой твердые, торопливые шаги. Я поняла, что онъ догоняетъ меня и остановилась. Въ концѣ дорожки были ворота, выходившія на лугъ. Я остановилась у воротъ. Щеки горѣли, глаза запрещали выражать сожалѣніе.

Если бы я замѣтила, что онъ огорченъ за меня, я бы никогда не простила его. Если бы я видѣла, что онъ замѣтилъ мое смущеніе, я возненавидѣла бы его навсегда. Да, навсегда!

Онъ подошелъ къ воротамъ, сталъ рядомъ.

— Мабъ!

Онъ казался серьезнѣе обыкновеннаго, но былъ такъ же простъ и чистосердеченъ, какъ всегда. Онъ сказалъ только одно слово: „Мабъ!" но отъ одного этого слова горькое чувство униженія утихло и я довольно смѣло взглянула на него.

— Надѣюсь, Мабъ, „это" не разстроитъ нашей дружбы?

— Н...нѣтъ, отвѣтила я нерѣшительно, — не разстроитъ, если...

— Никакихъ „если"! перебилъ Недъ обычнымъ повелительнымъ тономъ.—Глупая дѣвочка, лишенная здраваго смысла и смѣлости, нашла бы нужнымъ обидѣться и избѣгать меня. Вы, Мабъ, не имѣете съ такою дѣвочкой ничего общаго. Я, Мабъ, разочаруюсь въ васъ, если „это" измѣнитъ наши отношенія.

Онъ говорилъ тѣмъ повелительнымъ тономъ, которому я привыкла подчиняться съ того времени, когда была еще крохотнымъ ребенкомъ, а Недъ былъ героемъ моихъ дѣтскихъ грёзъ. Взоры наши встрѣтились, и мы улыбнулись.

— Пойдемте домой лужкомъ, Мабъ, сказалъ онъ, отворяя ворота.

Мы пошли было, но онъ вдругъ остановился.

— Нельзя идти, сказалъ онъ,—у васъ нѣтъ шляпы, а солнце такъ и печетъ.

— Я объ этомъ не думаю.

— Не думаете? Ну, такъ я думаю за васъ.

Въ двадцать пять лѣтъ мы бываемъ очень горды; но въ семнадцать намъ нравится видѣть въ герояхъ властелиновъ. Недъ свернулъ на тѣнистую тропинку. Мы всю дорогу молчали, что не мѣшало работать нашимъ мыслямъ. Я по какому-то внезапному побужденію сказала, что очень огорчена за Мабель.

— Да, отвѣтилъ онъ отрывисто и снова замолчалъ.

У садовой калитки мы разстались.

Прошло четыре года.

Наша семья сидѣла за завтракомъ въ это памятное августовское утро. Глава семьи былъ не въ духѣ. Женскій персоналъ, поглядывая на нахмуренное чело хозяина, старался всѣми силами отвлечь отъ себя его вниманіе.

— Кофе холоденъ, Мабель. Странно! въ этомъ домѣ никогда не получишь чашки порядочнаго кофе!

Четыре году тому назадъ Мабель стала женою нашего отчима. Онъ уже давно не улыбается ей и не превозноситъ ея достоинствъ.

— И хлѣбъ пересушенъ... Будьте добры, моя дорогая, обратите нѣкоторое вниманіе на обязанности хозяйки. Что это? Кажется, кто-то изъ дѣтей кричитъ? Не Сидней-ли опять?

— Какъ будто онъ, мой дорогой, отвѣтила Мабель съ нервной любезностью.

— Мнѣ казалось, что я запретилъ ему кричать.

— Да... но... вы забываете, Адріанъ, что такой крошка не въ состояніи понимать приказаній.

— Но онъ и не такъ малъ, чтобы нельзя было его испортить баловствомъ. Можете послѣ завтрака пройти въ дѣтскую и прислать Сиднея ко мнѣ въ кабинетъ.

— Вы черезчуръ съ нимъ строги, Адріанъ.

— Напротивъ, Мабель, я скорѣе мягокъ. Никогда не рано учить дѣтей понимать неизбѣжныя послѣдствія ихъ поступковъ. Если Сидней своимъ крикомъ глупо нарушаетъ нашъ покой—и мы нарушимъ его комфортъ, лишивъ игрушекъ и усадивъ его часа на три въ уголъ носомъ.

— Но...

— Довольно объ этомъ, Мабель. Прошу избавить меня отъ доказательствъ, моя дорогая.

Наступило молчаніе, такое неловкое и тяжелое, что Алиса рискнула заговорить.

— А знаешь, Мабъ, Недъ уѣзжаетъ за-границу. Я слышала, что онъ ѣдетъ.

Бѣдняжка Алиса пострадала за свою смѣлость: медленно перевелъ отчимъ глаза въ ея сторону...

— Когда выглажено ваше платье, Алиса?

— Вчера, папа.

— Я такъ и думалъ, моя дорогая, послѣдовалъ тихій отвѣтъ.—Неудивительно, что прачка подаетъ такіе счета! Нынче лѣтомъ вы больше не надѣнете платья требующаго стирки. Потрудитесь послѣ завтрака снять это грязное платье и надѣть черное саржевое, которое вы носили зимой, и безъ моего разрѣшенія не безпокойтесь надѣвать другаго.

— Папа, сегодня пикникъ у Барнетовъ.

— Надѣвайте черное или оставайтесь дома.

Съ этими словами онъ всталъ и осторожно снялъ приставшую къ рукаву пушинку. По мѣрѣ нашего униженія, онъ успокоивался, морщины разошлись—и онъ самодовольно ушелъ въ кабинетъ чинить судъ и расправу надъ своимъ трехлѣтнимъ сыномъ.

Я ушла въ садъ, куда черезъ полчаса явилась и Алиса, прехорошенькая 16-ти-лѣтняя дѣвушка. Личико ея было очень печально. Платье изъ грубой, скверной саржи было ей узко и сидѣло отвратительно. Его сшили зимой, когда она ходила еще въ короткихъ платьицахъ, но за послѣднее время она поняла уже прелесть платьевъ, спускающихся до щиколотки.

— Взгляни, Мабъ, сказала она чуть не со слезами, гнѣвнымъ и печальнымъ голосомъ,—очень я безобразна?

— Платье безобразно, но это не мѣшаетъ тебѣ быть хорошенькой, отвѣтила я любовно.

— Милая старушка, Мабъ! О, Мабъ, какъ бы мнѣ хотѣлось быть тираномъ! Я бы сейчасъ одѣла папа въ школьную курточку съ итонскимъ воротничкомъ и остригла ему волосы въ кружокъ.

Мы расхохотались. Алиса взяла меня подъ-руку и мы медленно пошли по дорожкѣ, между прибранными и выполотыми грядками цвѣтовъ. Долго колебалась я, прежде чѣмъ рѣшилась предложить ей вопросъ, простой вопросъ:

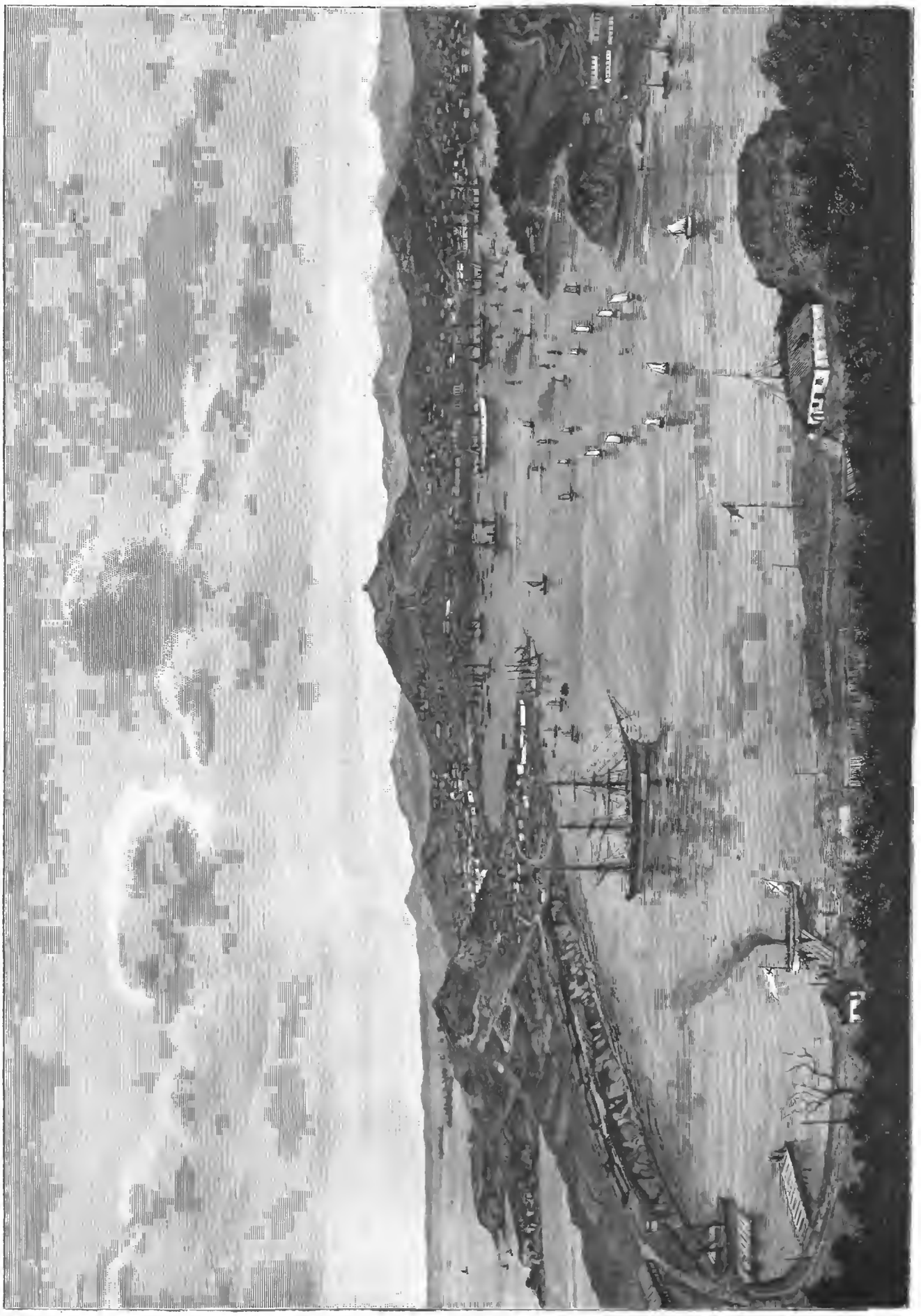
— Отъ кого ты слышала, Алиса, что Недъ уѣзжаетъ заграницу?

— Въ Седарѣ говорили объ этомъ вчера.

Библиотека "Руниверс"

Няня гадаетъ. Съ карт. **С. Милорадовича.** грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"



Видъ города Владивостока и его порта. Съ этюда (собс „Нивы") Л. Блинова, грав. М. Рапевскій.

Библиотека "Руниверс"

— Стало-быть это правда!

— Ему предложили участвовать въ какой-то ученой экспедиціи. Я не особенно внимательно слушала, но кажется эта экспедиція отправляется изслѣдовать Африку или Австралію—что-то въ этомъ родѣ. Мать у него презабавная, Мабъ! Ей очень льститъ это предложеніе—она въ немъ видитъ особую честь—и въ то-же время ей хочется, чтобъ онъ отказался. То толкуетъ о почетѣ, то о тиграхъ и гремучихъ змѣяхъ, которые тамъ водятся.

Алиса съ минуту подождала моего возраженія, потомъ снова заговорила:

— Онъ ѣдетъ на годъ или на два. Отпустимъ мы его или нѣтъ?

— Отпустимъ.

— Ты не находишь страннымъ его желаніе уѣхать?

— Нисколько. Я его нахожу вполнѣ естественнымъ, отвѣтила я рѣзко.—Научный трудъ поглощаетъ его съ каждымъ годомъ все больше и больше.

— А по моему ему пора жениться, а то скоро совсѣмъ старикомъ будетъ.

— Положимъ не особенно старъ—ему всего двадцать девять лѣтъ.

— Удивительно, Мабъ, отчего это онъ не женится. Знаешь, что думаютъ объ этомъ дѣвочки?

— Не знаю.

— Онѣ думаютъ, что онъ собирается жениться на тебѣ.

Я отвернулась, нагнула душистый горошекъ и сорвала полную горсть пестрыхъ цвѣтовъ.

— Какъ-же онъ женится, если желаетъ быть съѣденнымъ змѣями и крокодилами Центральной Африки?

— Замолчи, Алиса! прикрикнула я строго.

Она ласково обняла меня.

— Бѣдная моя старушка Мабъ! Тебѣ больно? спросила она.

— Нѣтъ. Только не надо такъ говорить, Алиса. Я этого не желаю.

— Ты вышла бы за него, если бы онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе? спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Нѣтъ.

— Правда?

— Правда. Чему ты удивляешься?.. Ничего нѣтъ удивительнаго.

— Конечно. А дѣвочки думаютъ, что ты вышла бы.

Съ лужайки донеслись звуки дѣтскихъ голосовъ. Алиса, заслышавъ ихъ, оставила мою руку, прямо по травѣ побѣжала къ нимъ, и черезъ минуту я уже слышала ея звонкій голосъ.

Я ушла подальше отъ смѣха и звуковъ веселья. На сердцѣ было тяжело, къ ногамъ точно гири привѣшены. Вдругъ я почувствовала, что не въ силахъ идти дальше, вошла въ придорожную бесѣдку, сѣла на скамью и облокотилась на столъ.

Безсознательно смотрѣла я въ отворенную дверь, гдѣ спустя двѣ-три минуты появилась фигура Неда Барнета.

— Можно войти? спросилъ онъ входя.

Онъ взялъ мою руку и задержалъ ее, усаживаясь рядомъ со мною на скамейкѣ.

— Я такъ и думалъ, что ты будете одна, сказалъ онъ.

Я улыбнулась. За послѣднее время въ тонѣ его слышался какой-то особый оттѣнокъ. Я притворилась, что ничего не понимаю.

— А вѣдь я пришелъ говорить съ вами, Мабъ.

Честно и прямо смотрѣли на меня его сѣрые глаза. Онъ все еще не выпускалъ моей руки, а я была слишкомъ горда, чтобы высвободить ее.

— Знаете, Мабъ, что именно я желаю вамъ сказать?

— Да. Вы уѣзжаете. Я только что слышала объ этомъ отъ Алисы.

Я совершенно спокойно взглянула прямо ему въ глаза. Если за послѣдніе четыре года я и не научилась ничему, то, по крайней мѣрѣ, выработала умѣнье владѣть собой: могла говорить равнодушно, смотрѣть невозмутимо, какъ бы ни болѣло мое сердце.

— Мнѣ грустно, что вы уѣзжаете, сказала я тономъ огорченнаго друга,—т. е. грустно за насъ, но за васъ я очень рада; вѣдь это такой великолѣпный случай.

Онъ молча всталъ и подошелъ къ двери. Я тоже послѣдовала его примѣру и, прислонясь къ колонкѣ съ ползучими растеніями, очутилась съ нимъ лицомъ къ лицу.

— Я не объ этомъ пришелъ говорить, началъ онъ снова.

— Какъ? Значитъ вы не ѣдете?

— Это будетъ зависѣть отъ васъ, Мабъ, отвѣтилъ онъ медленно, не спуская съ меня пристальнаго взгляда.

Хваленое самообладаніе чуть не измѣнило мнѣ. Горячая краска прилила къ моему лицу, взглядъ выразилъ смущеніе. Я чувствовала все это и разозлилась. Съ нѣкоторымъ усиліемъ я подняла глаза и принудила себя посмотрѣть на него.

— Вы хотите моего совѣта? Прежде разскажите мнѣ все о предполагаемой экспедиціи. Только едва-ли я съумѣю дать вамъ совѣтъ.

— Я не прошу вашего совѣта, сказалъ онъ, продолжая все такъ же смотрѣть на меня.—Вы знаете, Мабъ, чего я желаю, знаете такъ же хорошо, какъ и я, знаете прекрасно, что я много разъ пытался заговаривать съ вами и вы каждый разъ прерывали меня. Теперь я „долженъ" говорить. Я васъ люблю, Мабъ, и останусь въ Англіи, если вы позволите мнѣ надѣяться; если нѣтъ, если я здѣсь лишній, если вы отнимете у меня надежду—я уѣду.

Въ его голосѣ слышалось глубокое чувство, заставившее радостно вабиться мое сердце, но я подумала о неосновательности надеждъ на такое счастье и горько улыбнулась.

— Вы не вѣрите въ мою любовь, Мабъ? спросилъ онъ твердымъ и покойнымъ голосомъ.—Я чувствую, что не вѣрите, но вы должны повѣрить, Мабъ.

— Я вѣрю.

Да, я дѣйствительно вѣрила, что онъ любитъ, но еще болѣе вѣрила въ то, что чувство это основано на состраданіи, что оно искусственно вызвано и заботливо взлелѣяно имъ и что потому умретъ легко и свободно, если не поддерживать его. Онъ узналъ четыре года назадъ о моемъ чувствѣ къ нему, и его постоянно мучила мысль о томъ, что это чувство осталось невознагражденнымъ. Ему было жаль меня, онъ былъ мнѣ благодаренъ за привязанность и рѣшилъ вознаградить меня за непрошенную любовь; а потомъ сердце отозвалось и онъ полюбилъ. Я читала это въ его взорахъ, слышала въ звукѣ голоса, когда онъ говорилъ со мной. Но подобная любовь унизительна, оскорбительнѣе равнодушія. Онъ любилъ меня не беззавѣтною, а разсудочною, заботливою любовью.

— Я вѣрю, сказала я.—Думаю, что вы любите меня, но думаю также, что при небольшомъ стараніи вамъ легко удастся забыть меня.

— Вы жестоки, Мабъ! возразилъ онъ покойно, но съ упрекомъ, однако, не протестовалъ, не отрицалъ. Протестовать не въ его характерѣ—и я знала это, но гордость и чувство горечи подсказали мнѣ, что онъ убѣжденъ въ возможности забыть меня при желаніи. Любовь, основанная на благодарности и состраданіи, исчезнетъ, если удалить предметъ вызывающій эти чувства.

— Вы меня считаете непостояннымъ, Мабъ? Можетъ-быть я и заслужилъ такое мнѣніе. Нѣкогда я былъ непостояненъ, но я думаю, что впередъ этого со мною не случится.

Онъ обусловилъ свою защиту словомъ „думаю". Его объясненія всегда отличались хладнокровіемъ; но мнѣ почудилось сомнѣніе и въ голосѣ, и во взглядѣ. Онъ придвинулся ко мнѣ на шагъ, взялъ мои руки и заглянулъ мнѣ въ глаза. Душа моя, помимо воли, переполнилась чувствомъ блаженства и счастья, сердце затрепетало, голова закружилась отъ восторга; но еще разъ я поборола соблазнительное чувство любви и призвала на помощь гордость.

— Скажите, Недъ... Отвѣтите-ли вы мнѣ правду на одинъ вопросъ?

— Разумѣется, скажу правду и не на одинъ, а на сколько угодно вопросовъ.

— Не полюбили-ли вы меня сначала только потому, что были увѣрены въ моей любви?

— Въ началѣ?—можетъ-быть. Навѣрно не могу сказать: это было такъ давно.

Я отняла у него руки и заложила ихъ за спину.

— Хорошо. Ну а послѣ, Недъ... что вы думали? Не думали-ли вы, что я все еще люблю васъ?

— Да, отвѣтилъ онъ послѣ минутнаго колебанья,—я думалъ это. Вы, правда, часто были холодны со мной, иногда даже нѣсколько суровы, но мнѣ казалось, что въ глубинѣ души вы любили меня. Я имѣлъ тысячи случаевъ угадать въ васъ это чувство.

— Вы ошиблись, отрѣзала я,—вы угадали то, чего вовсе не было.

— Значитъ вы меня не любите, Мабъ? спросилъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанья. Въ грустномъ тонѣ его послышалась нотка удивленья, кольнувшая мою гордость, которую могла бы успокоить его печаль.—Вы любили меня прежде!

— Почему же я должна быть постояннѣе васъ? Прежде я была ребенокъ—только ребенокъ. Съ какой стати вы напоминаете постоянно о моемъ ребяческомъ безуміи? Я думаю, мы перерастаемъ дѣтскую любовь и ненависть!

— И это вашъ отвѣтъ, Мабъ?

— Да.

Я повернулась и пошла по дорожкѣ. Онъ пошелъ за мною.

— Вы скоро забудете меня, Недъ... начала я и остановилась изъ страха разрыдаться.

— Не будемъ больше поднимать этого вопроса, возразилъ онъ.

— И черезъ годъ или два будете даже довольны, что я отказала вамъ, докончила я.

Онъ улыбнулся.

— Вы одного мнѣнія о моемъ характерѣ, Мабъ, я—другаго, отвѣтилъ онъ покойно.

Медленно подвигались мы впередъ. Подойдя къ дому, я снова заговорила.

— Значитъ, вы уѣзжаете, Недъ? спросила я нерѣшительно.

— Уѣзжаю... Вы рѣшили этотъ вопросъ за меня.

1-е мая—свѣжій, славный день, когда поочередно то дождь

Библиотека "Руниверс"

идетъ, то солнце свѣтитъ. Альпійскій ракитникъ уже зазелѣнѣлъ, сирень вся въ букетахъ, на подчищенныхъ клумбахъ распустились златоокіе нарцисы.

Отчимъ напомнилъ, что сегодня день моего рожденья. Мабель ласково поцѣловала меня и пожелала возврата счастливыхъ дней. Отчимъ улыбнулся, вздохнулъ и пожалъ плечами.

— Въ тридцать лѣтъ, моя дорогая, незамужняя женщина предпочитаетъ забывать день рожденья, замѣтилъ онъ.

— А я предпочитаю помнить, возразила я колко.—Благодарю, Мабель, за доброе пожеланье.

— Тридцать! сказалъ отчимъ задумчиво:—тридцать! повторилъ онъ со вздохомъ:—тридцать!.. Я полагаю, что старая дѣва можетъ быть полезна въ семьѣ...

Я засмѣялась.

— Я еще не старая дѣва, папа.

— Нѣтъ?!

Въ кроткомъ тонѣ отчима послышалось раздраженіе, на которое я отвѣтила тѣмъ же, на правахъ старой дѣвы.

— Я себя чувствую такою молодою, какъ желаю.

— Это прекрасно. Врядъ-ли вы встрѣтите дѣвушку въ тридцать лѣтъ, которая считала бы себя украшеніемъ матримоніальнаго рынка.

Я отвернулась не говоря ни слова, но это не остановило отчима.

— Украшеніемъ, потерявшимъ надежду выйти замужъ, докончилъ онъ съ самодовольной улыбкой.

— Зато каждый возрастъ имѣетъ свои преимущества, папа. Сарказмы, напримѣръ, въ тридцать лѣтъ не огорчаютъ насъ больше.

Онъ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ моего возраженія.

— На мой взглядъ, мистеръ Барнетъ рѣшилъ предоставить вамъ полную свободу выбора, моя дорогая.

Я взяла дѣтскій передникъ и сѣла съ работой у окна, притворившись, что не слышала того, чего не хотѣла.

— Позволяю себѣ выразить уваженіе одному изъ вашихъ достоинствъ, продолжалъ онъ сладко,—вы научились терпѣнью: тридцать лѣтъ улыбаетесь Барнету и все еще ласкаете себя надеждой.

Я напрасно похвалилась, что сарказмы на меня не дѣйствуютъ. Не смотря на свои тридцать лѣтъ, я вспыхнула чисто дѣтскимъ гнѣвомъ, чуть не расплакалась, схватила работу и ушла въ садъ.

Въ саду было тихо. Дѣти были заняты въ классной комнатѣ, а сестры мои вышли замужъ и уѣхали. Лужайка блестѣла, какъ шелкъ; грядки вокругъ клумбъ были вычищены и выполоты. Я пошла по той же дорожкѣ, гдѣ ходила съ Алисой девять лѣтъ тому назадъ, и остановилась у бесѣдочки. Я была въ мечтательномъ настроеніи и, усѣвшись на скамейкѣ, смотрѣла на колеблющіяся, сырыя отъ дождя, вѣтки, на переливы свѣта и тѣней, бросаемыхъ деревьями на дорожку, на лиліи, выросшія въ канавкѣ у самой стѣны и на грядку съ душистымъ горошкомъ.

Душистый горошекъ цвѣлъ въ то утро, когда мы съ Недомъ оба были здѣсь. Мысли мои перенеслись къ этимъ девяти прожитымъ годамъ, напомнили мнѣ ихъ и вернулись къ печалямъ и радостямъ настоящаго.

— Желаю счастья!

Я вздрогнула и обернулась. Недъ подходилъ ко мнѣ изъ-за бесѣдки и, подойдя, съ ласковой, спокойной улыбкой пожалъ мнѣ руку.

— Благодарю васъ. Вы помните мой день рожденья?

— Да. У меня хорошая память—это одно изъ преимуществъ людей науки.

Недъ стоялъ у двери бесѣдки, какъ и девять лѣтъ тому назадъ. Эти девять лѣтъ состарили его. Ему теперь около 40. Густые волосы его посѣдѣли, въ короткой темной бородѣ тоже серебрилась сѣдина, честные глаза точно углубились, вся фигура стала шире въ плечахъ и коренастѣе — словомъ онъ казался человѣкомъ среднихъ лѣтъ.

Взглядъ былъ покоенъ и серьезенъ. Обращеніе его со мной не было похоже на обращеніе въ то достопамятное утро. На любовь и намека нѣтъ. Голосъ не принимаетъ нѣжныхъ оттѣнковъ, взоры не выражаютъ нѣжной мечтательности. Мнѣ исполнилось тридцать лѣтъ, ему подъ-сорокъ—мы стали прозаиками.

Прозаики! Такъ-ли? За него не поручусь, но о себѣ скажу, что девять лѣтъ назадъ не такъ сильно щемило и билось мое сердце, какъ щемитъ и бьется сегодня. Я стояла въ непринужденной позѣ, со сложенными на груди руками, и на взглядъ была такъ же спокойна, какъ и онъ; но это спокойствіе было чисто внѣшнее.

Мы совершенно спокойно разсуждали о разныхъ разностяхъ. Онъ двѣ-три недѣли не былъ дома и разспрашивалъ о случившихся въ его отсутствіе новостяхъ. Я его разспрашивала, гдѣ онъ былъ за это время.

— Я не сожалѣю, что вернулся, сказалъ онъ, но сказалъ такимъ тономъ, который никоимъ образомъ нельзя было объяснить въ выгодную для себя сторону.

— Наконецъ-то вы устали путешествовать.

— Не путешествовать, а разъѣзжать по постямъ, отвѣтилъ онъ съ нѣсколько насмѣшливой улыбкой.—Пожалуй, вы правы, сказалъ онъ помолчавъ,—я дѣйствительно усталъ странствовать.

— И что же? Не думаетъ-ли изслѣдователь Африки поселиться въ деревнѣ въ качествѣ сельскаго хозяина?

— На нѣкоторое время.

— Вы боитесь, что эта рутина не удовлетворитъ васъ?

— Не надолго.

Въ голосѣ, которымъ онъ отвѣтилъ, я уловила нѣчто похожее на вздохъ.

— Вы не можете успокоиться, пока есть на свѣтѣ неизслѣдованныя земли?

Сѣрые глаза его остановились на мнѣ. Въ нихъ не было улыбки, но въ глубинѣ таилось что-то неподдающееся описанію. Долго смотрѣлъ онъ на меня, потомъ перевелъ взоръ на ракитникъ, съ вѣтвей котораго вѣтеръ сдувалъ цѣлый дождь капель, сверкавшихъ какъ искры въ лучахъ солнца.

— Я не могу быть доволенъ жизнью, Мабъ, сказалъ онъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ сказалась такая скорбь, что мое умолкнувшее сердце забилось вновь со страшною силой принудившею меня молчать.

Воспоминанья нашей жизни за истекшія девять лѣтъ были безцвѣтны, безличны, мертвы. Изрѣдка во время разговора я подмѣчала въ его глазахъ и тонѣ нѣчто такое, что заставило меня подумать, что отвергнутая мною любовь не умерла. Гордость и горячность лишили меня счастья девять лѣтъ назадъ. И въ эти девять лѣтъ я испытала сожалѣніе, одиночество, сердечную тоску. Сегодня во мнѣ такъ же мало гордости, какъ много было девять лѣтъ назадъ. „Мы не должны молчать, если онъ любитъ меня", подумала я. „Я не допущу, чтобы церемоніи и приличія испортили нашу жизнь".

— Отчего вы недовольны жизнью? проговорила я съ нѣкоторымъ усиліемъ.

Онъ обернулся ко мнѣ.

— А на той недѣлѣ, сказалъ онъ, какъ бы отвѣчая на мой вопросъ,—расцвѣтутъ и ракитникъ, и сирень.

— Да, пожалуй.

Мы оба замолчали.

— Недъ! Мы съ вами старые пріятели, начала я, стараясь говорить просто, дружески, шутливо. — дружба ничего не стоитъ, если мы будемъ только ворчать другъ на друга. Двадцать, пятнадцать лѣтъ назадъ мы бывало дѣлились и радостью, и горемъ.

— Съ тѣхъ поръ... началъ онъ, началъ и остановился.

— Ну?

— Мы съ вами были и больше, и меньше чѣмъ друзья.

— Развѣ это мѣшаетъ нашей откровенности?

— Это мѣшаетъ мнѣ подѣлиться съ вами моимъ горемъ, проговорилъ онъ просто.

О! какъ задрожали мои руки! Я сжала ихъ изо всей силы. Сердце такъ запрыгало, что я просто задыхалась. Въ мысляхъ мелькнуло смѣлое рѣшеніе, слишкомъ смѣлое для женщины,—такое, что я должна была немедленно высказать его.

— Вы когда-то говорили, Недъ, что любите меня. Побороли вы это чувство?

Я первая сломила преграду и предоставила ему воспользоваться брешью.

— Время можетъ многое изгладить, Мабъ, сказалъ онъ.

Словъ этихъ я почти не слышала. Дрогнувшій голосъ заставилъ радостно встрепенуться мое сердце, а на лицѣ его я прочла, что это время еще не наступило.

— Но этого не надо, Недъ! сказала я съ любовью, и сразу изъ самой смѣлой женщины превратясь въ самую слабую, истерически разрыдалась.

Десять минутъ спустя мы съ Недомъ сидѣли на скамейкѣ, и рука его обвивала мой станъ.

— Ты любила меня девять лѣтъ назадъ, любила и отказала? спрашивалъ онъ недовѣрчиво, плача и смѣясь въ одно и то же время.

— Да: мнѣ казалось, что ты любишь меня изъ состраданья и тебѣ легко будетъ забыть меня.

— А я думалъ, что огорчилъ и оскорбилъ тебя своимъ предложеніемъ. Увѣренный что прежнее чувство въ тебѣ умерло, я рѣшилъ не надоѣдать тебѣ свою любовью и молчать о ней.

— И всѣ эти годы ты любилъ меня?

— Да, любилъ. Какъ мы могли быть счастливы!

— Теперь я стала старухой, Недъ!

— Старуха! Не совсѣмъ еще старухой, Мабъ. Будь помоложе, такъ пожалуй прогнала бы своего сѣдовласаго возлюбленнаго.

— Папа назоветъ нашъ бракъ прозаичнымъ.

Мы улыбнулись и посмотрѣли другъ на друга, глаза наши смѣялись.

— Каковъ бы ни былъ его приговоръ, мы отнесемся къ нему философски, сказалъ Недъ, и мы снова улыбнулись.

— Тебѣ бракъ кажется прозаичнымъ, Мабъ? спросилъ онъ. Лаской и счастьемъ звучалъ его голосъ.

— А тебѣ, Недъ? отвѣтила я тѣмъ же вопросомъ.—О, Недъ! Зачѣмъ мы лишили себя столькихъ лѣтъ счастья!

— Можетъ быть это испытаніе принесетъ намъ пользу,

Библиотека "Руниверс"

отвѣтилъ онъ серьезно. — Все къ лучшему для тѣхъ, кто не можетъ самъ устроить свою жизнь. Ты, Мабъ, въ настоящее время для меня дороже и милѣе, чѣмъ когда-либо.

Онъ ласково обнялъ меня и прислонилъ мою голову къ своему плечу. Такого счастья можно было ждать еще тридцать лѣтъ.

Къ рисункамъ.

Продавецъ шашлыковъ въ Бухарѣ.

(Рис. на стр. 541).

Мы помѣстили уже цѣлый рядъ уличныхъ типовъ Бухары, принадлежащихъ преимущественно къ торговому и промышленному населенію города. Вотъ еще одинъ представитель многосотенной базарной толпы. Это — продавецъ шашлыковъ, рѣзаннаго кусочками барашьяго мяса, поджаренаго въ собственномъ жирѣ на прутикахъ вмѣсто вертела. Блюдо готовится тутъ же на базарѣ и горячимъ предлагается потребителямъ.

Вѣнки на Ивана Купалу. (Рис. на стр. 544).

Въ славянской миѳологіи Купало былъ богомъ земныхъ плодовъ, которому 23 или 24 іюня приносили въ жертву хлѣбъ, а молодежь плела вѣнки и пускала ихъ на воду, гадая: поплыветъ или потонетъ, раскладывала костры, плясала вкругъ огня и прыгала черезъ пламя. Обычай этотъ сохранился и донынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средней и южной Россіи. Въ ночь на Ивановъ-день или на Ивана-Купалу, по народному повѣрью, расцвѣтаетъ папоротникъ, и сорвавъ такой цвѣтокъ, можно отыскать съ нимъ кладъ. Вотъ одна изъ народныхъ пѣсенъ о гаданіи вѣнками:

Пойду, молода, тишкомъ лужкомъ,
Тишкомъ лужкомъ, бережечкомъ;
Нарву, молода, я цвѣточковъ,
Я цвѣточковъ-василечковъ;
Совью, молода, я вѣночекъ,
Пойду млада къ быстрой рѣчкѣ,
Брошу вѣнокъ вдоль по рѣчкѣ,
Позадумаю про милаго:
Какъ любитъ-ли меня милый?
Мой вѣночекъ тонетъ-тонетъ,
Мое сердце ностъ-ностъ.

Раненый воевода. (Рис. на стр. 545).

Изображенная нашимъ талантливымъ сотрудникомъ сцена особенно часто повторялась въ Смутное время на Руси, когда воеводамъ приходилось нерѣдко становиться во главѣ передоваго отряда, чтобы ободрить смущенныхъ ратниковъ, сомнѣвавшихся, точно-ли за правое дѣло они бьются, и потому терявшихъ мужество. Знаменитаго избавителя Москвы, князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, дважды увозили съ поля битвы израненнаго его слуги въ ближайшій монастырь, гдѣ онъ и оправлялся отъ ранъ.

Лѣтомъ. (Рис. на стр 549).

Легкое вѣтра дыханье
Всюду несетъ ароматъ:
Воздухъ исполненъ сіянья:
Пестрыя мушки жужжатъ;
Кудри деревъ расцвѣтаютъ
Роскошью бѣлыхъ цвѣтовъ:
Пчелы надъ ними летаютъ
Въ желтой пыли лепестковъ...

Щербина.

Гаданье няни. (Рис. на стр. 552).

Время экзаменовъ — время тревогъ и страховъ въ учащемся мірѣ. Какъ-то они пройдутъ, все ли кончится благополучно? — вотъ роящіеся постоянно вопросы во многихъ юныхъ головкахъ. Чтобы хоть чуточку приподнять завѣсу тревожащаго будущаго, случается, что иногда иной человѣчекъ, особенно дѣвочка, и загадаетъ о своей судьбѣ. За разрѣшеніемъ такого вопроса, быть-можетъ, и сидятъ дѣти предъ своей старушкой-нянней, на картинѣ, гравюра съ которой помѣщена на стр. 552.

Владивостокъ. (Рис. на стр. 553).

Какъ уже извѣстно читателямъ нашего журнала изъ „Политическаго обозрѣнія“ прошлаго №, Наслѣдникъ Русскаго престола прибылъ 11 мая во Владивостокъ и на другой день послѣ долгаго путешествія ступилъ на Русскую землю.

Тридцать лѣтъ тому назадъ основанный у Японскаго моря, на полуостровѣ Муравьева, подъ 43° 7′ сѣверной широты и 149° 35′ восточной долготы. Владивостокъ отстоитъ отъ С.-Петербурга на 9.922 версты. Отличная гавань и удобное мѣсто стоянки нашей Сибирской флотиліи. Владивостокъ уже насчитываетъ до 9.000 жителей, и, безъ сомнѣнія, ему предстоитъ блестящая будущность при постоянномъ развитіи нашихъ сношеній на дальнемъ Востокѣ и особливо по окончаніи громаднаго рельсоваго пути, основу которому положилъ Наслѣдникъ Цесаревичъ.

О пребываніи въ этомъ городѣ Его Высочества телеграфъ сообщаетъ, что 12 мая, въ 11 часовъ утра, состоялся торжественный съѣздъ на берегъ Наслѣдника Цесаревича при салютѣ со всей эскадры. На пристани Его Высочество былъ встрѣченъ генералъ-губернаторомъ, начальствующими лицами и дамами, съ баронессой Корфъ во главѣ. Городской голова произнесъ привѣтственную рѣчь и подалъ хлѣбъ-соль отъ города. По улицѣ, ведущей отъ пристани, были выстроены воспитанники учебныхъ заведеній. При радостныхъ кликахъ „ура“ массы народа, Наслѣдникъ Цесаревичъ направился черезъ тріумфальную арку, выстроенную по случаю прибытія Его Высочества, къ почетному караулу отъ 1-го Восточно-Сибирскаго линейнаго батальона, который послѣ обхода былъ пропущенъ церемоніальнымъ маршемъ; послѣ того Его Высочество проѣхалъ въ экипажѣ съ принцемъ Георгіемъ Греческимъ въ соборъ, гдѣ было отслужено молебствіе. Въ 1 часъ дня Цесаревичъ вернулся на фрегатъ. 13 мая Цесаревичъ посѣтилъ генералъ-губернатора; 14 мая были осмотрѣны нѣкоторыя береговыя батареи, а вечеромъ въ честь Его Высочества состоялся обѣдъ у губернатора Приморской области, генерала Унтербергера. 15 мая, утромъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ осматривать укрѣпленія, посѣтилъ Сибирскій флотскій экипажъ, гдѣ былъ встрѣченъ командиромъ порта контръ-адмираломъ Ермолаевымъ и экипажнымъ командиромъ капитаномъ 1-го ранга Вишняковымъ. 17 мая, въ 10 час. утра, въ присутствіи Наслѣдника Цесаревича состоялась закладка памятника адмиралу Невельскому. Послѣ молебна Его Высочество лично задѣлалъ цементнымъ растворомъ серебряную доску. По окончаніи церемоніи, Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ посѣтить женское училище и мужскую прогимназію. Въ 12 часовъ дня посѣтилъ лагерь, гдѣ состоялся парадъ войскамъ, по окончаніи котораго, когда Цесаревичъ сѣлъ въ экипажъ, всѣ офицеры, находившіеся въ строю, выпрягли лошадей и сами везли экипажъ съ криками „ура“, на далекое разстояніе отъ лагеря. Прибывъ въ городъ, Его Высочество осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ музей, гдѣ былъ встрѣченъ членами общества изученія Амурскаго края. По осмотрѣ коллекціи, Его Высочеству было поднесено въ подарокъ отъ общества чучело — рѣдкій экземпляръ огромнаго уссурійскаго орла. Тутъ же члены общества охотниковъ поднесли Наслѣднику Цесаревичу въ подарокъ шкуру очень красиваго уссурійскаго тигра.

На другой день состоялась, въ присутствіи Его Высочества, закладка сухаго дока, наименованнаго докомъ Наслѣдника Цесаревича. Закладка совершена при торжественной обстановкѣ. По прибытіи къ мѣсту закладки въ сопровожденіи генералъ-губернатора и блестящей свиты, Его Высочество поздоровался съ почетнымъ карауломъ отъ Сибирскаго экипажа и сейчасъ-же вошелъ въ роскошный павильонъ, гдѣ было совершено молебствіе, по окончаніи коего былъ поданъ растворъ и Его Высочество задѣлалъ серебряную доску въ гранитный камень. Послѣ церемоніи строитель дока имѣлъ счастіе показывать Его Высочеству чертежъ будущихъ работъ, а также фотографіи различныхъ портовыхъ сооруженій. Послѣ этого Его Высочество пропустилъ Сибирскій экипажъ церемоніальнымъ маршемъ и изволилъ отбыть на фрегатъ „Память Азова“.

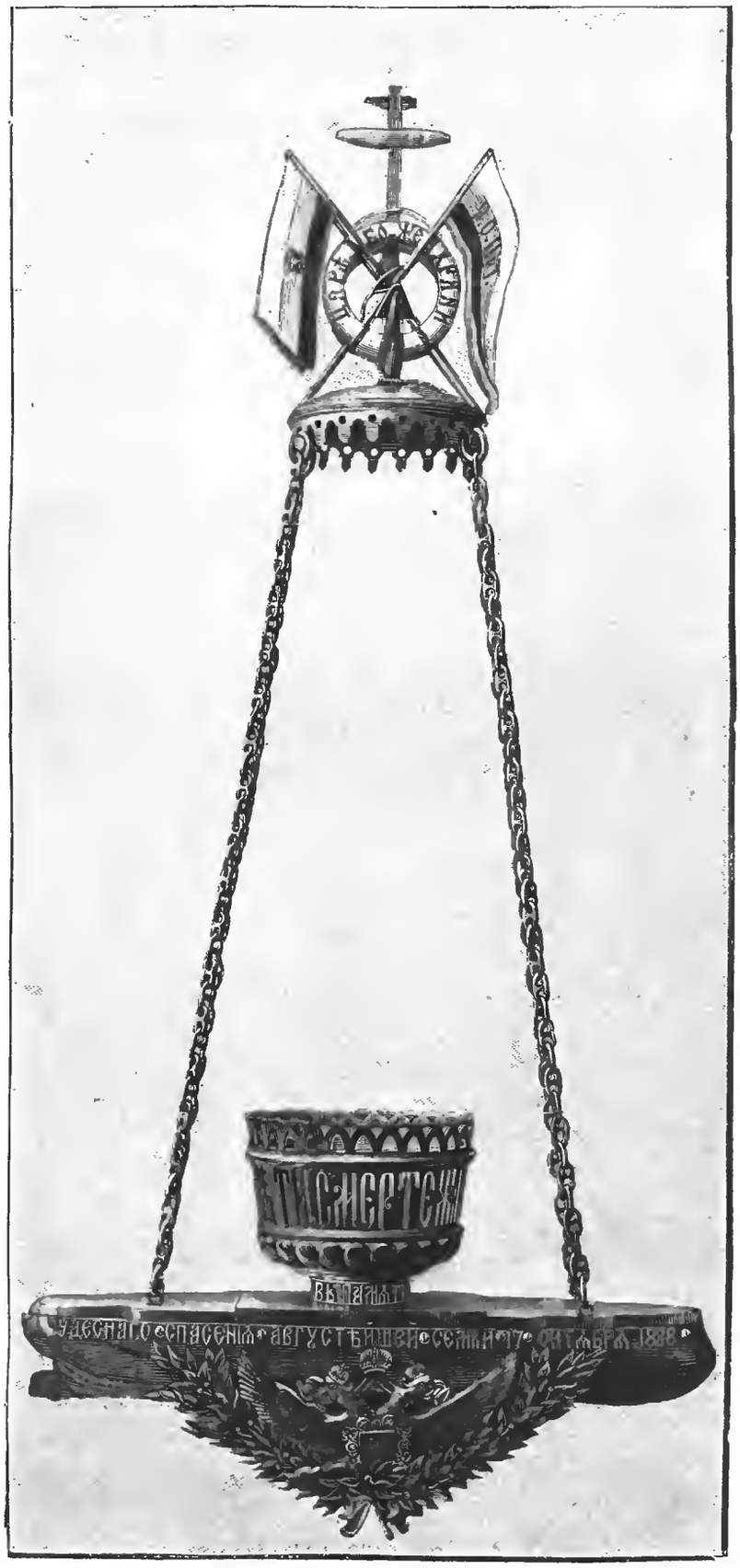
19 мая, въ 10 час. утра, въ присутствіи Наслѣдника Цесаревича, въ 2½ верстахъ отъ города, въ роскошномъ павильонѣ было совершено молебствіе по случаю закладки желѣзной дороги. На торжество собралось болѣе 300 лицъ. Окружающая павильонъ и полотно желѣзной дороги мѣстность была усѣяна народомъ, прибывшимъ изъ города и ближайшихъ поселеній. Когда протодіаконъ провозгласилъ многолѣтіе Царствующему Дому, у мѣста торжества взвилась сигнальная ракета и раздался салютъ со всѣхъ стоящихъ на рейдѣ судовъ и батарей. По окончаніи молебствія, Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ лично наложить въ приготовленную тачку земли и свезъ на полотно строющейся Уссурійской дороги. По окончаніи торжества, строитель дороги инженеръ Урсати имѣлъ счастіе поднести Его Высочеству икону Спасителя и доложить о сдѣланныхъ и предстоящихъ работахъ. Ко времени церемоніи изъ города прибыли паровозъ и вагонъ, роскошно убранные зеленью и флагами. Въ вагонъ, послѣ закладки, сѣли Его Высочество, генералъ-губернаторъ, военный губернаторъ, свита, всѣ находившіеся въ городѣ адмиралы и генералы, а также строитель дороги Урсати. Когда раздался свистокъ и поѣздъ тронулся, мѣстность огласилась восторженнымъ „ура“ собравшагося народа и рабочихъ командъ, бросившихся провожать поѣздъ до города. Поѣздъ шелъ медленно, окруженный бѣгущею толпой. Двухъ-съ-половиною-верстный путь оглашался радостными кликами. По прибытіи въ городъ къ строющемуся вокзалу, Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ встрѣченъ духовенствомъ, выстоялъ молебенъ у закладки зданія и положилъ и задѣлалъ серебряную доску съ подобающею торжеству надписью. Послѣ закладки дороги и вокзала, Его Высочество вошелъ въ палатку, гдѣ принялъ завтракъ. Приглашенныхъ къ завтраку было 300 персонъ. Когда всѣ заняли свои мѣста у обѣденныхъ столовъ, Его Высочество изволилъ громко прочитать Высочайшій рескриптъ о закладкѣ Уссурійской дороги. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили всѣ за каждымъ Царскимъ словомъ и какъ только было произнесено послѣднее, при громѣ салютовъ съ крѣпостей и судовъ, грянуло дружное „ура“, продолжавшееся нѣсколько минутъ, и слившись съ народнымъ гимномъ, было подхвачено народомъ, окружавшимъ палатку и постройки. 21 мая Наслѣдникъ Цесаревичъ объѣхалъ суда и простился съ чинами эскадры, а на другой день въ 9 часовъ утра оставилъ Владивостокъ для слѣдованія по Сибири.

Библиотека "Руниверс"

Лампада въ память 17 октября 1888 года.

(Рис. на этой стр.).

Едва-ли какое событіе будетъ увѣковѣчено такимъ множествомъ пожертвованій и памятниковъ, какимъ ознаменовалъ русскій людъ чудесное событіе 17 октября 1888 года. А событіе было истинно поражающее, — въ немъ съ очевидностью проявился Божій промыселъ... Ясно, конечно, что и громадное большинство пожертвованій въ память столь славнаго чуда должно было по характеру своему совпасть съ настроеніемъ народа и всецѣло было направлено къ украшенію и обогащенію нашихъ православныхъ храмовъ. Такъ и домовая церковь Керченскаго Маріинскаго Дѣтскаго Пріюта украсилась въ нынѣшнемъ году замѣчательною по исполненію и замыслу лампадою. Чаша лампады съ надписью, взятою изъ прор. Осіи: „гдѣ ти смерте жало, гдѣ ти аде побѣда", находится на подставкѣ, изображающей собою модель, построеннаго на верфи р. о. п. и т. въ Севастополѣ и спущеннаго въ присутствіи Его Императорскаго Величества Государя Императора, броненосца „Чесма", положившаго собою начало эпохи возрожденія Черноморскаго флота. Модель украшена съ обѣихъ сторонъ двухглавыми орлами и надписями: „въ память чудеснаго спасенія Августѣйшей Семьи 17 октября 1888 года" — съ одной стороны и „отъ служащихъ Керченскаго Агентства Р. О. П. и Т." съ другой. Спасательный кругъ съ надписью „Боже Царя Храни", переложенный эмальированными флагомъ и вымпеломъ, присвоенными Р. О. П. и Т., окружаютъ эмблему надежды — якорь, покоющійся на устроенномъ въ видѣ сѣни, полушаріи, къ которому четырьмя судовыми цѣпями изъ оксидированнаго серебра прикрѣплена подставка съ лампадою.



Лампада въ память 17 Октября 1888 г. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Лампада эта установлена предъ иконами, чтимыхъ нашею православною церковью въ день 17 октября, Св. Козьмы и Даміана, Пр. Осіи и Андрея Критскаго, сооруженными на средства Агента Р. О. П. и Т. въ Керчи Г. И. Энгельмана.

Политическое обозрѣніе.

Германія до сихъ поръ не можетъ равнодушно смотрѣть на Францію и отъ времени до времени появляются поползновенія сблизиться, и притомъ, какъ это ни странно, преимущественно со стороны первой изъ этихъ державъ. Всѣмъ еще памятно приглашеніе на берлинскую художественную выставку французскихъ художниковъ. Нынѣ *Figaro*, всегда охотно предоставляющій свои страницы всякимъ писательствамъ, лишь бы они обращали на себя вниманіе, — напечаталъ статью о сближеніи Франціи съ Германіей. Какъ теперь говорятъ газеты, вдохновеніе осѣнило ея автора съ той стороны Рейна и неизвѣстный государственный (?) мужъ считаетъ сближеніе это не только возможнымъ, но даже и не труднымъ, такъ какъ, съ одной стороны, на союзъ съ Россіей нечего разсчитывать, а съ другой сблизиться съ Германіей возможно, если Франція навсегда откажется отъ Эльзаса, да уступитъ Германіи нѣсколько колоній, напр.: Габонъ, Посси-Бе, Пондишери и Таити; за то Германія отдастъ своей сосѣдкѣ Лотарингію, присоединивъ къ Германской

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы", Контора покорнѣйше проситъ Г.г. подписчиковъ, **не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву" 1891 года,** озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива".

Библиотека "Руниверс"

имперіи Люксембургъ и обративъ его въ крѣпость. Какъ ни вздорны подобныя статьи, все-таки онѣ производятъ впечатлѣніе, и въ Германіи даже нашлись газеты, сочувствующія фигаровскому проекту. Зато другія газеты, напр. *Vossische Zeitung*, совѣтуютъ французамъ отказаться отъ всякой мысли получить обратно Лотарингію и примириться съ этимъ, какъ они примирились съ окончательною утратою лѣваго берега Рейна. Только на этомъ условіи нѣмцы готовы идти вмѣстѣ съ французами во главѣ цивилизаціи.

Соединеніе отдѣльныхъ государствъ въ федерацію стало злобой дня и на Балканскомъ полуостровѣ. Такъ за послѣднее время многія газеты балканскихъ государствъ, а также австро-венгерская печать много толкуютъ на старую тему объ образованіи Балканскаго союза и указываютъ на нѣкоторыя событія, выражающія какъ бы стремленія въ этомъ направленіи. Въ Бѣлградѣ и Цетиньѣ, напримѣръ, говорятъ о предстоящей помолвкѣ короля Александра съ княжною Ксеніей Черногорской; сербскіе и румынскіе студенты братались въ Турнъ-Северинѣ; сербскіе регенты и король Карлъ, по поводу юбилея послѣдняго, обмѣнялись любезными письмами съ намеками на прежнія узы дружбы между обоими народами; наконецъ, бывшій греческій премьеръ Трикуписъ пріѣхалъ въ Бѣлградъ и произнесъ тамъ рѣчь о братствѣ всѣхъ балканскихъ націй и о сердечномъ и вѣчномъ согласіи между сербами и греками. Впрочемъ, Трикуписъ не ограничился одной Сербіею, но посѣтилъ также и Болгарію, якобы съ цѣлью познакомиться съ болгарскими политическими людьми и обмѣняться съ ними мнѣніями по вопросамъ, интересующимъ Болгарію, Сербію и Грецію.

Въ Берлинѣ, 8 іюня, прусскій сеймъ закрылся тронною рѣчью, въ которой императоръ высказалъ свое удовольствіе по поводу вотированія такихъ важныхъ новыхъ законовъ, какъ податной законъ, законъ о фондѣ образовавшемся изъ секвестрованнаго содержанія католическаго духовенства и земскій законъ. „Конфесіональный миръ, столь необходимый государству—говорится въ рѣчи—тѣмъ болѣе обезпечивается, чѣмъ болѣе распространяется убѣжденіе, что притязанія церкви должны быть ограничены настолько, насколько они совмѣстимы съ положеніемъ занимаемымъ государствомъ". Въ заключеніе императоръ выразилъ увѣренность, что богатые плоды сессіи ландтага принесутъ пользу при благахъ мира, опасаться нарушенія котораго нѣтъ никакого повода и о сохраненіи котораго императоръ будетъ неустанно пещись.

Во Франціи дѣло о мелинитѣ вызвало внесеніе группою депутатовъ предложенія объ усиленіи наказаній, установленныхъ закономъ 1886 года о шпіонствѣ. Особенно настаиваютъ на томъ, чтобы сдѣлано было различіе между французами-шпіонами и иностранцами, и за разоблаченіе государственныхъ тайнъ французы подвергались бы гораздо болѣе строгому наказанію, чѣмъ иностранцы. Дѣйствительно, первые совершаютъ гнусную измѣну, а послѣдніе лишь служатъ своей странѣ. Оттого въ проектѣ во многихъ случаяхъ предполагается примѣненіе смертной казни. Такъ, должно быть казнено смертью лицо продавшее или сообщившее планы, проекты, документы и свѣдѣнія, сохраненія которыхъ въ тайнѣ требуетъ защита территоріи или внѣшняя безопасность государства, а также лицо разгласившее такъ или иначе названныя свѣдѣнія. Смертной же казни подлежитъ всякій, кто подъ ложнымъ именемъ или переодѣтый забрался въ какое бы то ни было укрѣпленное мѣсто для похищенія плановъ укрѣпленій и собиранія упомянутыхъ выше свѣдѣній или съ цѣлью шпіонства произвелъ топографическіе снимки, дѣлалъ рекогносцировки мѣстности и изучалъ средства сообщенія.

Смѣсь.

50-лѣтній юбилей фортепіанной фабрики Я. Беккера 9 іюня праздновался полувѣковой юбилей фирмы „Я. Беккеръ", извѣстной не только по всей Россіи, но и признанной во всемъ цивилизованномъ мірѣ наряду съ ея конкурентами. Фабрика основана была въ 1841 г. въ Петербургѣ Яковомъ Давидовичемъ Беккеромъ и въ первый годъ своего существованія изготовила всего 3 инструмента; въ слѣдующемъ году число ихъ возросло до 11, въ 1843—18, въ 1844—17, въ 1845—35 и т. д. Съ возникновеніемъ въ Россіи музыкальныхъ обществъ, музыкальныхъ школъ и консерваторій число выдѣлываемыхъ фабрикой инструментовъ значительно возросло. Такъ, въ 1855 г. инструментовъ изготовлено 79, въ 1856—122 и въ 1857—129. Въ 1869 г. Я. Д. Беккеръ передалъ веденіе дѣла брату своему Ф. Д. Беккеру, а съ 1871 во главѣ дѣла сталъ М. А. Битенажъ, который нынѣ есть единственный владѣлецъ и представитель фирмы Я. Беккеръ, вырабатывавшей съ 1871—78 до 200 инструментовъ ежегодно. Фабрика, послѣ пожара 1889 года, переведена на Васильевскій островъ, въ 8-ю линію, состоитъ изъ 5-ти-этажнаго дома со многими каменными флигелями, въ которыхъ расположены литейная, кузница, сушильня, паровикъ и т. д. Фабрика „Я. Беккера",—единственная въ Россіи обладающая собственною литейной, механической мастерской и слесарней. Годовой оборотъ ея доходитъ до 500,000 руб. Инструментамъ ея, какъ извѣстно, оказываютъ рѣшительное предпочтеніе А. Г. Рубинштейнъ, д'Альберъ, Бюловъ, Есипова, Мейгеръ, Дрейшокъ и мн. др.

Правительственный Вѣстникъ сообщаетъ, что Государь Императоръ, во вниманіе къ пятидесятилѣтнему существованію фортепіанной фабрики подъ фирмою „Я. Беккеръ" и по засвидѣтельствованію министра финансовъ объ особыхъ заслугахъ на поприщѣ фабричной промышленности нижепоименованнаго лица, Всемилостивѣйше соизволилъ, 31 мая текущаго года, пожаловать: орденъ Св. Станислава 2-й степени—с.-петербургскому 2-й гильдіи купцу, потомственному почетному гражданину Михаилу Битенажу.

Палка принца Георга Греческаго, игравшая въ его рукахъ такую важную роль при извѣстномъ прискорбномъ событіи въ Отсу въ Японіи, имѣетъ свою исторію. Прогуливаясь однажды по лѣсу близъ Пороса—морскаго арсенала Греціи, расположеннаго при Саронгическомъ заливѣ—принцъ срѣзалъ стволъ какого-то молодаго дерева и, желая сдѣлать себѣ изъ него палку, поручилъ это рабочимъ при арсеналѣ. Палка вышла на диво: настоящій пастушескій посохъ, массивный, суковатый, съ такимъ огромнымъ набалдашникомъ и вообще такъ мало похожій на элегантную тросточку, что при дворѣ съ ужасомъ говорили о палкѣ принца Георга. Зато ему самому она очень пришлась по душѣ, такъ какъ подходила къ его атлетической фигурѣ и мощнымъ рукамъ. Передъ отъѣздомъ принца король-отецъ выразилъ желаніе, чтобы палка, ношеніе которой Георгомъ всѣхъ шокировало, была оставлена дома. Но принцъ въ это время былъ всего менѣе расположенъ разстаться со своею вѣрною спутницею и настоялъ на своемъ — взялъ палку съ собою. Этотъ случай разсказанъ теперь самимъ королемъ бургомистру Филемону, когда тотъ, по полученіи извѣстій изъ Кіото, явился во дворецъ съ поздравленіями.—„Что бы было, еслибъ принцъ уступилъ мнѣ и оставилъ палку дома?" заключилъ свой разсказъ король. „Ваше величество," отвѣчалъ бургомистръ, „тогда принцъ своими руками схватилъ бы и задушилъ злоумышленника!" (в.)

Электрическій домъ. — Какъ сообщаетъ *Chicago Tribune*, профессоръ Джонъ Барретъ хочетъ воздвигнуть на выставкѣ въ Чикаго электрическій домъ. Дверной колокольчикъ и всѣ звонки въ домѣ, разумѣется, будутъ электрическіе, точно такъ же какъ освѣщеніе, которое можно будетъ контролировать изъ нѣсколькихъ извѣстныхъ пунктовъ. На случай вторженія грабителей зазвучитъ электрическій набатъ, и на мѣстѣ появленія непрошеннаго гостя покажется свѣтъ. Комнаты будутъ нагрѣваться, вентилироваться и освѣжаться вѣерами посредствомъ электричества; стрянать будутъ только при помощи электричества на самомъ верху дома, откуда особый электрическій аппаратъ будетъ спускать кушанья внизъ; тарелки перемоетъ другой электрическій приборъ, „которымъ ребенокъ можетъ вымыть 10,000 тарелокъ въ одинъ день." То же самое съ чисткою ножей, мытьемъ оконъ и т. д. Соръ будетъ выметаться посредствомъ электрическаго тока. Хозяинъ дома имѣетъ въ своемъ распоряженіи въ кабинетѣ телефонъ, пишущій телеграфъ и переносный фонографъ. Въ гостиной находится музыкальный телеграфъ, фонографъ съ цилиндромъ, повторяющій рѣчи знаменитыхъ людей и аріи знаменитыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Патти будетъ также фигурировать въ этой гостиной „электрическаго дома" въ видѣ автоматической фигуры, передающей мимику и улыбки пѣвицы, разумѣется, съ фонографомъ внутри. (в.)

Гоньба за невѣстой. У нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ существуетъ совершенно особенный видъ сватовства. Вотъ какъ описываетъ его англійскій путешественникъ Генри Торлей:

Въ назначенный день всѣ соискатели руки дѣвушки собираются въ какомъ-нибудь мѣстѣ безъ оружія, верхомъ на кровныхъ скакунахъ. Невѣста, на великолѣпной и быстрой какъ вѣтеръ кобылицѣ, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, становится на нѣкоторомъ разстояніи отъ жениховъ и обводитъ ихъ оживленнымъ взоромъ. Между ними обыкновенно находится и тотъ, къ кому она пылаетъ сердцемъ. Обычай не позволяетъ ей самой дѣлать выборъ: она представляетъ собою какъ бы дичь, за которой можетъ охотиться каждый ничѣмъ себя не опозорившій юноша этого племени, и она волей-неволей достается въ жены тому, кто первый нагонитъ ее и обнимегъ рукой за талію.

Женихи начинаютъ разъѣзжаться, а невѣста поворачиваетъ своего скакуна, еще разъ перебрасывается краснорѣчивымъ взглядомъ съ избранникомъ своего сердца, скачетъ подальше въ пустыню, гдѣ больше простора ея дѣйствіямъ, и наконецъ останавливается. Приготовившись, она поднимаетъ вверхъ руки, и отецъ ея даетъ знакъ нетерпѣливымъ женихамъ, которые тотчасъ же мчатся за дѣвушкой, оспаривая другъ у друга прекрасный призъ. Когда кони пріутомятся и преслѣдователи начнутъ нагонять, дѣвушка оглядывается назадъ и быстро скачетъ въ ту сторону, гдѣ замѣчаетъ своего возлюбленнаго. Если первый маневръ не удастся, она скачетъ дальше, замучивая остальныхъ жениховъ, часть которыхъ отстаетъ, а часть падаетъ съ лошадей, и въ концѣ концовъ легко подпускаетъ къ себѣ милаго, который и обнимаетъ ее за талію.

Какъ видно изъ разсказа Торлея, здѣсь скорѣе сама невѣста охотится за женихомъ, тѣмъ болѣе, что арабскія дѣвушки превосходно скачутъ на лошадяхъ. Почти всегда эта „гоньба за невѣстой" оканчивается тѣмъ, что дѣвушка достается своему возлюбленному.

Библиотека "Руниверс"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

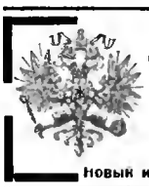
Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографские расходы. Гг. же городские подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Корень зла. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. П. Н. Полевого. Ч. II. (Продолженіе).—Три предложенія. Переводъ съ англійскаго. — Къ рисункамъ: Продавецъ шашлыковъ въ Бухарѣ (съ рис.). — Вѣнки на Ивана Купалу (съ рис.).— Раненый воевода (съ рис.).—Лѣтомъ (съ рис.).—Гаданье нянь (съ рис.).—Владивостокъ (съ рис.).—Лампада въ память 17 октября 1888 г. (съ рис.).— Заявленіе.—Политическое обозрѣніе. —Смѣсь.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ
продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. V. № 4754 28-21

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.


БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ
собственной фабрики
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. В. № 5138 6 6
ПАВЕЛЪ БУРЕ
поставщикъ Двора Его Величества.
С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23.
Москва, по Б. Лубянкѣ, противъ Кузнецкаго моста.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требованіи безплатно.

БАДЕНЪ близь ВѢНЫ В. № 5221 3—3
ГОСТИНИЦА И ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
„ГЕЛЕНЕНТАЛЬ"
Извѣстныя своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, какъ и всѣми удобствами первоклассной гостиницы.—Имѣются обстановки для семействъ желающихъ пробыть тамъ болѣе продолжительное время.
Водолечебница подъ надзоромъ Д-ра **Подзарадскаго.**
Желаемыя подробности сообщаетъ владѣлецъ гостиницы **С. Sacher.**

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
АЛЕКСАНДРА КУТУЗОВА
Невскій пр., д. № 29—31, рядъ съ Думою. Отдѣленіе: Садовая, д. № 32, въ СПБ.
Покупаетъ и продаетъ процентн. бумаги
русское золото и серебро, иностранныя деньги въ кредитныхъ билетахъ, золотѣ и серебрѣ.
Выдаетъ ссуды съ правомъ выкупа по частямъ:
подъ билеты 1 займа. . . . . по 215 р.
„ „ II „ . . . . . „ 200 р.
„ „ Дворянскаго займа сполна оплачен. . . . . „ 195 р.
„ „ „ „ оплачен. 195 р. . . . . „ 175 р.
подъ другія процентныя бумаги 10% ниже биржевой цѣны.
ПРИНИМАЕТЪ ВКЛАДЫ
на срокъ и до востребованія, а также на текущій счетъ.
Принимаетъ страхов. бил. I и II по 75 к.
Исполняетъ биржевыя и иногородныя порученія въ точности.
ТЕЛЕФОНЪ КОНТОРЫ № 1303. М. № 5244

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Д-ръ **Волынцій**, возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невскій 102. Отъ 1—3 и 6—7½ ч. в.

РѢДКІЯ ФОТОГРАФІИ.
Каталогъ безплатно. **А. Динманъ.** Амстер-
Ц. № 5204 дамъ (въ Голландіи). 6—6

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
ПУДОКЪ 30 К. Продается вездѣ.

ПРЯЖКА-ПОДТЯЖКА.
Замѣняетъ вполнѣ ремень и подтяжки. Легко самому приділать. Удобнѣе, красивѣе, практичнѣе и прочнѣе ремней и подтяжекъ вообще. Необходима для всѣхъ брюкъ. **Цѣны: 1 шт. 65 к., 3 шт. 1 р. 75 к., 6 шт. 3 руб.** Перес. до 8 шт. 1 ф. Пер. налож. плат. (!)
БАЗАРЪ МАРСКЪ С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20.

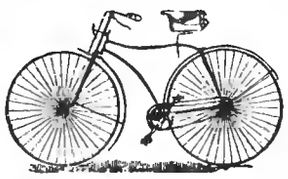
ЛЕННИНГЪ и ГЮЗНИГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску**, которою печатается иллюстрированный журналъ **„Нива"**. № 2405

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА".
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у **І. Голлендеръ.** Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5136 (9)

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ
В № 5098 **АППАРАТЫ** 20 13

10, 15, 25 р. и дороже. **Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-куп. безплатно. К. И. ФРЕЛАНДТЪ.** Москва. Мясницкая, уголъ Кривоколѣннаго пер., д. Соколова.
С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30—16.

НАСТОЯЩІЕ
ДЖУТОВЫЕ НОСКИ И ЧУЛКИ
безъ шва
НЕЗАМѢНИМОЙ ПРОЧНОСТИ
только въ магазинѣ **Ю. ГОТЛИБЪ**, С.-Петербургъ, по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго пр. Цѣна носкамъ 5 р., чулкамъ 7 р. за дюжину. Самые тонкіе носки 6 р., чулки — 9 р. дюж. За пересылку прилагается 1 руб. Торговцамъ уступка. При пересылкѣ необходима мѣра подошвы.
ПРЕДОСТЕРЕГАЮ гг. покупателей, что нѣкоторые торговцы продаютъ другіе сорта за джутовые. М. № 5226 2—2



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.
ФРАНКФУРТЪ Н/М.
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЪ".
Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиною „Кюженъ" (подушка) и „пневматическій". Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5189 18 7

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen
SCHUTZ-MARKE
Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализы и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ безплатно:
Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННѢ
ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
10 5 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5152

БРОКАРЪ и К°.
ИЗОБРѢТАТЕЛИ Р. № 5087 (11)
ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ
ВЪ
СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ
„РОССІЯ"
ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.
на **новыхъ** и **выгодныхъ** условіяхъ:

Примѣръ: Отецъ семейства 30-ти лѣтъ отъ роду **страхуетъ 10,000 рублей** съ тѣмъ, чтобы эта сумма была выдана его женѣ или дѣтямъ немедленно послѣ его смерти. За такое страхованіе онъ уплачиваетъ трехмѣсячную премію въ 82 р. 29 к. и пользуется при этомъ **слѣдующими выгодами:**

1. По истеченіи третьяго года страхованія **взносы преміи значительно уменьшаются**, вслѣдствіе вычета дивиденда, отъ участія страхователей въ прибыляхъ Общества.

2. Застрахованное лицо, по достиженіи имъ 60-ти лѣтняго возраста, **получаетъ само** половину означеннаго капитала, т. е. **5,000 руб.**, и затѣмъ **прекращаетъ** дальнѣйшую уплату премій; но при этомъ страхованіе **въ 10.000 руб.** въ пользу семейства сохраняетъ и впредь **полную свою силу.**

Дивидендъ страхователей въ 1891 году составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и **всякаго рода свѣдѣнія** сообщаются въ Правленіи въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, соб. д. № 37)** и въ Агентствахъ Общества **въ городахъ Имперіи.**

№ 5243 4—1

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII в. Всеволода Соловьева. СПБ. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

ПАЛКА-ФЛЕЙТА
ИГРАТЬ НА НЕЙ ЛЕГКО.
№ 2 цѣна 1 руб.
№ 3 „ 2 руб.
Пересылка въ провинцію за 2 фунтъ.
Кратное наставленіе — безплатно.
Тетрадь нотъ по нотно-циферной системѣ. . . . . 50 коп.
Подробный самоучитель. 1 р. 50 коп.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
Главное депо № 5245
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 31 и 30.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (6)
для смягченія ножи. Цѣна за кусокъ 30 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.

МАЗЬ противъ МУХЪ, ТАРАКАНОВЪ И ПРУСАКОВЪ.
Средство для ловли и уничтоженія мухъ, таракановъ и прусаковъ. Не загрязняетъ помѣщенія, совершенно безвредно. (3)
2 флак. 1 р., 6 фл. 2 р. 75 к., 12 фл. 5 р.
Перес. 2, 4, 8 ф. Перес. налож. платежомъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невск. пр., № 20.

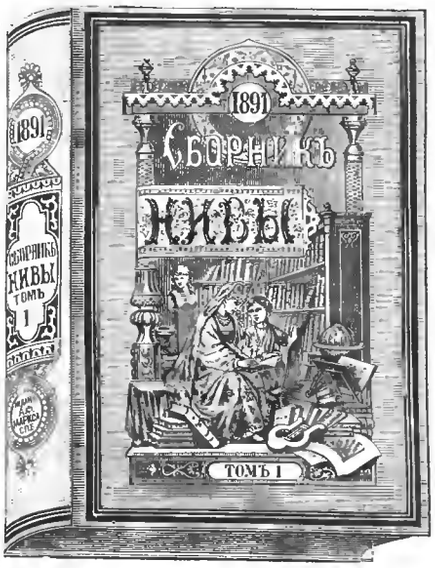
Главное депо часовъ **Э. БУРХАРДЪ**, СПБ., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
Часы призовые серебряные закрытые съ хорошимъ анкерн. механизмомъ на 15 кам. съ **Высоч. утвержд.** знакомъ за отличную стрѣльбу, съ серебр. цѣпочкой въ 8 зол., серебр. ключемъ, футляромъ и портретомъ, цѣною за **16 р. Часы для впекныхъ и охотниковъ** никел. никел. анк. ремонтуаръ съ **компасомъ** цѣною въ 11 р
Высылаю наложен. платежемъ. Иллюстр. 4-3 прейсъ-куранты безплатно № 5225

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.
Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ **Министерствахъ и** мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ К. Морская, 21

„ИДІАЛЪ“ ЧЕРНИЛЬНИЦА
Практично! Ново! Дешево! Красиво!
Соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества идеальной чернильницы—перья не тупятся, нельзя дѣлать клякзы, очень экономна, легко чистится (5)
Маленьк. 1 р. 50 к. Больш. 2 р. Перес. 2 ф.
Пересылаю наложеннымъ платежемъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ СВИФТЪ
ПЕРВОЕ МѢСТО
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
№ 4642

КРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА „СБОРНИКА НИВЫ“.



Конторою журнала „Нива“ заготовлены для переплета книгъ **„СБОРНИКА НИВЫ“ коленкоровыя, тисненыя крышки**, образецъ которыхъ здѣсь и помѣщается. Въ каждую крышку должно быть переплетаемо по 3 книги „Сборника“. Каждыя три книги имѣютъ общую нумерацію страницъ, заглавный листъ и оглавленіе. Такимъ образомъ вышедшія 6 книгъ **„СБОРНИКА“** могутъ быть переплетены въ 2 тома.

Въ виду громадкаго количества заготовляемыхъ переплетовъ, контора можетъ предложить ихъ гг. подписчикамъ по очень недорогой цѣнѣ, а именно **по 25 коп.** за крышку, а съ пересылкою **по 50 коп.**

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“. Невскій проспектъ, 6.

Только что поступило въ отдѣльную продажу первое полугодіе (шесть книгъ)

„СБОРНИКА НИВЫ“

(Январь—Іюнь 1891 г.).

Вслѣдствіе поступающихъ требованій на отдѣльное изданіе „Сборника Нивы“ контора отпечатала для этой цѣли небольшое количество лишнихъ экземпляровъ каждой книги. Въ предлагаемыхъ шести книгахъ помѣщены слѣдующія, совершенно законченныя, произведенія, а именно: 1) **„Смутитель“**, разск. гр. Е. А. Саліаса. 2) **„Изъяны воли“**, большой ром. въ 3-хъ част. Н. Д. Маслова. 3) **„Бури на морѣ и бури въ сердцѣ“**. Повелла Ф. Бернера. 4) **„Мышиныя тропы“** (изъ путеш. по Кавказу) А. А-ва. 5) **„Экскурсія на Цейлонѣ“**. Оч. А. В. Елисѣева. 6) **„Воскресающій Севастополь“**, Вас. И. Немировича-Данченко. 7) **„О возможности удешевленія земельнаго кредита въ Россіи“**. П. Н. Полевого. 8) **„Духъ и тѣло“**. Очеркъ М. Лилье. 9) **„Говорятъ“**. Стихотв. Я. П. Полонскаго. 10) **„Пешкупное“**. Повѣсть П. Н. Полевого. 11) **„Опиныя чары“**. Пов. А. Тёріэ. 12) **„Развалины Херсонеса“**. В. И. Немировича-Данченко. 13) **„Переворотъ въ техникѣ“** (пьбрѣт. бр. Маннесманъ). 14) **„Географическое обозрѣніе за вторую половину 1890 г.“** 15) **„Легенда о Францискѣ Ассизскомъ“**. Д. Мережковскаго. 16) **„Игрушка“**. Разск. Е Красильниковой. 17) **„Какъ сложились обстоятельства“**. Пов. М. Басанина. 18) **„Золото, золото, золото!“** Вас. И. Немировича-Данченко. 19) **„Скрипачъ изъ Кремоны“**. Комедія въ стихахъ Ф. Коппе, перев. О. Чюминой. 20) **„Гюлинджаръ-Сари“**. Восточн. легенда Г. П. Миллера. 21) **„Мой таинственный жилецъ“** (перев. съ нѣмецк.). 22) **„Сонъ“**. Г. Кленке. 23) **„Поддѣлка матерій“**. 24) **„Земскіи нужды“**. Оч. Д. В. 25) **„Прачка“**. Разск. И. Д. Ахшарумова. 26) **„Разбойникъ“**. Поэма М. Іевлева. 27) **„Пенирокомъ“** (изъ тверскихъ преданій). П. Н. Полевого. 28) **„Море—горе“**. И. Радомскаго. 29) **„Іилін“**. Комед. Ал. Додэ, перев. И. М. Булацель. 30) **„На второмъ планѣ“**. Разск. Е. Юнкеръ. 31) **„Кіевскій соборъ Св. Владиміра“**. Д. И. Шишмарева. 32) Рядъ статей Г. С. Вольтке, **„Научная лѣтопись“**. Затѣмъ, въ каждой книгѣ помѣщены отзывы о новыхъ книгахъ. **Шахматы**, подъ ред. Э. С. Шифферса. **Шашки, Неторич. анекдоты и смѣсь.**

Цѣна за всѣ 6 книгъ (болѣе 1,500 страницъ) **3 руб.**, а съ пересылкою **3 р. 50 к.**

Кромѣ того, въ конторѣ имѣются эти книги переплетенныя въ 2 тома, по 3 книги въ каждомъ томѣ. Переплеты сдѣланы изъ лучшаго коленкора, тисненаго красками. Каждый томъ имѣетъ самостоятельную нумерацію страницъ и заглавный листъ съ общимъ оглавленіемъ всѣхъ трехъ книгъ. **Цѣна** за оба тома (6 книгъ) **3 р. 60 к.**, съ пересылкою **4 руб. 20 коп.**

Съ требованіями обращаться въ СПБ гъ. въ Главную Контору „Нивы“, Невскій, 6.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
Спеціалистъ хронометровъ.
СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. №51-2 20-5

КРАЙНЕ НУЖДАЮСЬ! Прошу какой-нибудь работы: письменной или счетной. Рижскій просп., домъ 4, кв. 14. № 5240

НЕБЫВАЕТЪ
прочнѣе мужескихъ бальныхъ галстуковъ
ИЗЪ ТВИСТЪ,
въ магазинѣ
Ю. ГОТЛИБЪ, въ СПБ.,
по Владимірской, д. 2, уг. Невск. пр. Ц. 1 р. 75 к. за пару. Перес. за каждыя 3 пары 1 р., по Азіятск. Россіи 1 р. 75 коп. Меньше 3-хъ паръ не высылается. При пересылкѣ необходима мѣра пояса и длина. 3-2 Мл. № 5233

МАССА БЛАГОДАРН. и ОТЛИЧН. ОТЗЫВОВЪ
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
БУХГАЛТЕРІИ
ИНОГОРОДНИХЪ И МОСКОВСКИХЪ
ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІЙ-КОРРЕСПОНДЕНЦІЙ
ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ
С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ.
МОСКВА, АРБАТЪ, МАЛ. НИКОЛО-ПЕСКОВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ АДАМОВИЧА.
ПОДРОБНЫЯ УСЛОВІЯ И ПРОБНЫЯ ЛЕКЦІИ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.
ПОЛН. ГАРАНТІЯ УСПѢХА. ПРЕДОСТЕР. ОТЪ ПОДДѢЛОКЪ.
Долгоруковская улица, д. Фиоченовой. (1)

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛЬ
„АРГУСЪ“
Argus
Ежегодн. поставк. 20,000 шт. Европ. арміямъ.
Безъ фирмы и „ARGUS“ имитація.
Карм. форм. въ замшев. кошельк. 8 руб. пересылка за 3 ф.
Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 руб. пересылка за 4 ф.
„Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названія „универсальнаго бинокля“. № 5228 2-2
Е. КРАУСЪ и К°.
Спеціальн. фабр. оптическ. инструментовъ
Парижъ, Aven. de l. Républ. 4.
ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ:
С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. безплатно.

№4711
WEISSER FLIEDER
(LILAS BLANC
БѢЛАЯ СИРЕНЬ)
„PEAU D' ESPAGNE“
„ГОЛЬДЛАКЪ“
НОВѢЙШІЕ ЛЮБИМЫЕ ОСОБЕННО КРѢПКІЕ ДУХИ.
Можно получать почти во всѣхъ парфюмерныхъ и галантерейныхъ магазинахъ.
Просятъ при покупкѣ обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку
8-3 № 4711. Ц. № 5229

Дозвол. цензур., СПБ., 19 іюня 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XXII г. | № 26 | г. XXII | 1891

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА" „ПАРИЖСК. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис). и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 29 іюня 1891 г.

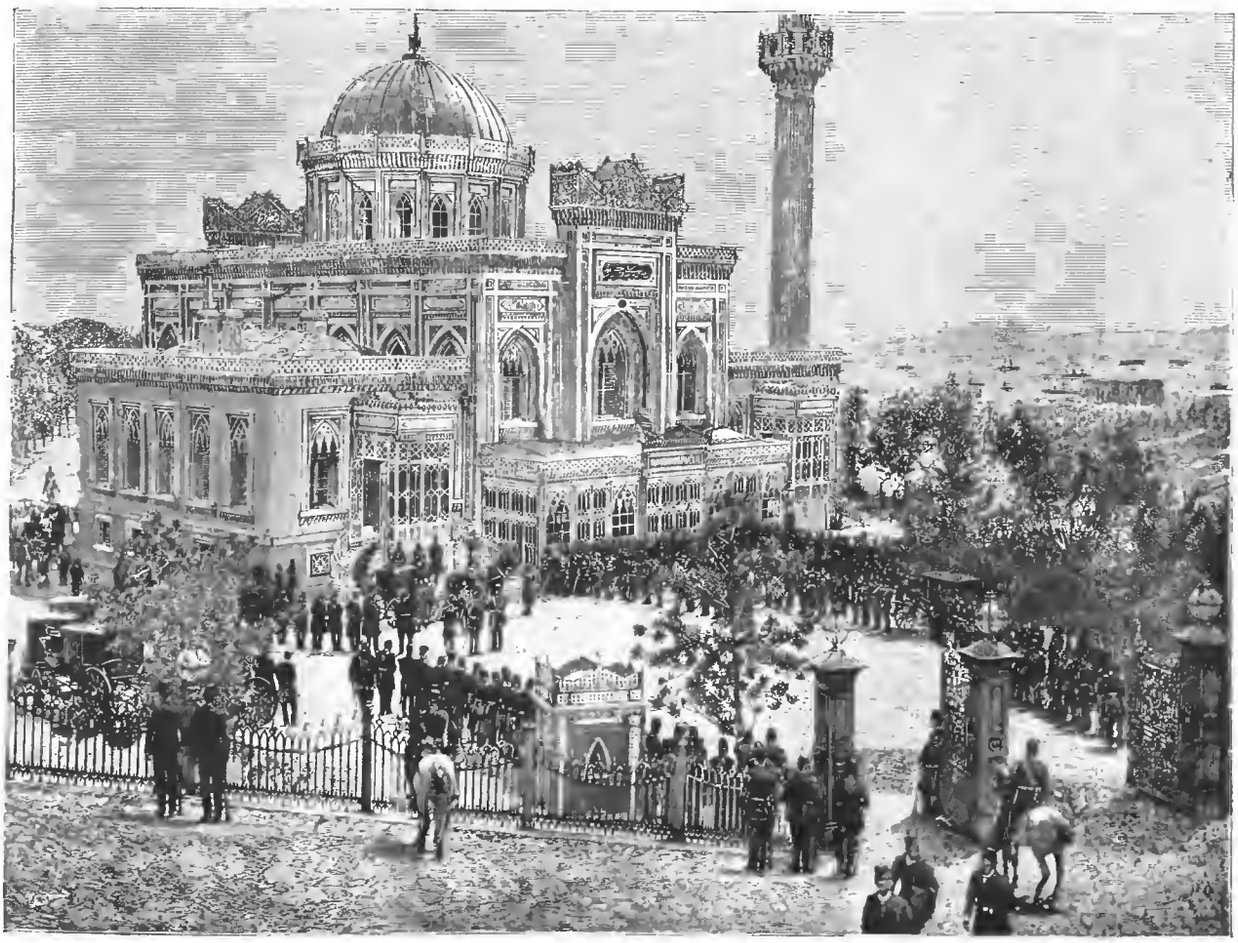
Продолжается подписка на „НИВУ" 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . 5 р. | Съ доставкою въ Петербургѣ 6 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ чр конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія 6 р. | Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . 7 р. | За границу. 10 р.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы" со всѣми прилож., Сборникомъ и пр



Мечеть Гамидіе въ Константинополѣ. Съ фот. Чентелли

Библиотека "Руниверс"

Корень зла.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.

П. Н. Полевого.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

Царь вступилъ на ступени возвышенія, на которомъ стоялъ тронъ, подъ парчевымъ золототканымъ шатромъ. Царевичъ, на томъ же возвышеніи, сѣлъ рядомъ съ царемъ на стулѣ; бояре съ царскою утварью стали направо отъ трона; патріархъ—налѣво отъ трона опустился въ широкое кресло, обитое темнымъ рытымъ бархатомъ. Митрополиты, архимандриты, позади его, заняли особую лавку у стѣны. Рынды, по два въ рядъ, стали передъ трономъ у ступеней возвышенія и замерли въ величавой позѣ, избочась и положивъ топорки на плечи, не поводя бровью, не шевеля ни единымъ мускуломъ лица.

— Князья и бояре! началъ царь, и началъ такъ тихо, что многіе о началѣ его рѣчи догадались только по движенію его блѣдныхъ устъ.—Богъ покаралъ меня за великія мои прегрѣшенія, и, карая меня, не пощадилъ ни земли моей, ни народа... Голодъ и моръ страшно свирѣпствуютъ всюду, и болѣе всего здѣсь, въ Москвѣ, въ столицѣ нашей. Видитъ Богъ, что я... я не жалѣлъ казны своей... Вотъ ужь цѣлый мѣсяцъ какъ въ Бѣломъ городѣ, съ особыхъ переходовъ, поставленные мною стольники всѣмъ сирымъ, всѣмъ безпріютнымъ, всѣмъ голоднымъ — раздаютъ въ день по московской деньгѣ! Двадцать и тридцать тысячъ рублей—въ единый день расходую на эту милостыню... Но бѣда все такъ же тяготѣетъ надъ нами—не уменьшается ни голодъ, ни моръ; не заживаютъ язвы моего царственнаго сердца... И опричь этой денежной раздачи открылъ я житницы свои, и всѣмъ просящимъ, всѣмъ приходящимъ велѣлъ давать изъ житницъ зерномъ, мукою, а съ кормоваго двора печенымъ хлѣбомъ. А между тѣмъ бѣда растетъ... И помощь моя не въ помощь!.. И съ горемъ искреннимъ я вижу, что едва хватаетъ холста въ моей казнѣ на саваны покойникамъ, которыхъ приставы мои сбираютъ по улицамъ, чтобы свозить въ убогіе дома... Помыслите, бояре и князья, раскиньте умомъ-разумомъ и дайте мнѣ совѣтъ: чѣмъ пособить намъ горю и бѣдѣ великой, несказанной?

Царь замолкъ и обвелъ всѣхъ вопрошающимъ взглядомъ.

Всѣ молча переглядывались, и видимо выжидали, чтобы кто-нибудь поскорѣе принялъ на себя тяжелую повинность—отвѣтилъ-бы за всѣхъ на рѣчь царя Бориса. Изъ дальнихъ угловъ комнаты долетали тяжелые вздохи и отрывистые возгласы: „Божья воля!..“ „Никто какъ Богъ!..“ „На Того возложимъ печали...“

— Великій Государь! невучнымъ и тихимъ голосомъ началъ патріархъ:—Господь караетъ не тебя, а всѣхъ насъ. Ты совершилъ все, что во власти твоей было, чтобы бѣдствіе пресѣчь и отклонить, чтобы уврачевать страданія несчастныхъ... Около тебя „аки море ядѣнія и езеро питія“ по вся дни разливается!.. И если Господь, видя твою добродѣтель, не унимаетъ бѣдствія, значитъ—такъ рѣшено Его премудрою волей... Что смѣемъ мы противу Его воли? Мы только можемъ слезно молить Его да не продлитъ страданья наши, да утолитъ Свой праведный гнѣвъ и не дастъ до конца погибнуть намъ, вѣрующимъ въ Него.

Едва смолкъ патріархъ, какъ на одной изъ лавокъ поднялся горячій князь Василій Голицынъ. Сумрачно насупивъ брови, неласковымъ взглядомъ обвелъ онъ кругомъ себя и сказалъ:

— Великій Государь! Хорошо тому молиться и плакать, у кого не отнялъ Господь послѣдней краюхи хлѣба! А каково теперь тѣмъ, которые траву да мохъ ѣдятъ, да развѣ падалью питаются? Въ субботу прошлую, ребенка своего родная мать зарѣзала и стала жарить на угольяхъ, чтобы не издохнуть съ голода... Чай, это вѣдомо не мнѣ лишь одному, а всѣмъ?.. Четыре бабы на Болотѣ въ подвалъ къ себѣ посадскаго зазвали, убили, и мясо его варили въ котлѣ и имъ тайно питались... Ихъ сосѣди на этой пищѣ и застали, и изловили... Воры вломились дней шесть тому назадъ въ подвалы церкви нашей приходской, — не тронули ни жемчуга, ни серебра, ни камней многоцѣнныхъ—не взяли и денегъ изъ кружки церковной, а сторожа зарѣзали, чтобы отнять тотъ каравай ржанаго хлѣба, который онъ хотѣлъ отъ нихъ укрыть... Такъ вотъ этакихъ надо накормить, а тамъ ужь...

— Постой, князь Василій! перебилъ Голицына царь Борисъ,—кто-жъ можетъ накормить ихъ, когда и мнѣ это не подъ силу?

— Да гдѣ же тебѣ, великій государь, всѣхъ голодныхъ накормить! Какъ ни велики твои богатства — тебѣ и на годъ ихъ не хватитъ... Церковь Божья побогаче тебя; а вся земля — богаче и тебя, и Церкви. Такъ вотъ кто долженъ кормить голодныхъ!.. А если станемъ все возлагать на Бога, а запасы хлѣбные приберегать да прятать — гдѣ-жъ намъ бѣды избыть!

Патріархъ тревожно задвигался на своемъ креслѣ, и бросая безпокойные взгляды въ сторону Голицына, опять такъ же тихо и елейно обратился къ Борису:

— Государь, сказалъ онъ, — намъ не гоже такихъ рѣчей... такихъ хуленій слушать въ Думѣ!..

— Негоже, отецъ святѣйшій патріархъ, громко и запальчиво воскликнулъ Голицынъ,—негоже укрывать запасы хлѣбные въ такую горькую годину! Ты понялъ, что говорю я о тебѣ и о твоихъ помѣстьяхъ, о селахъ и имѣньяхъ монастырскихъ!.. Кому изъ насъ не вѣдомо, что въ селахъ твоихъ закромы ломятся отъ хлѣбнаго зерна, а скирды въ поляхъ лѣтъ по пяти стоятъ не тронуты,—травою, кустами порастаютъ—и ты изъ нихъ еще снопа не выпулъ на утоленье голода, на помощь гибнущимъ! Да ты-ли одинъ! По твоему примѣру, и другіе... Коли всѣ мы такъ сожмемся—всѣ мы и погибнемъ!

— Правда! правда! вѣрно князь сказалъ! раздались громкіе возгласы въ разныхъ концахъ палаты.

Патріархъ перемѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ и бросалъ направо и налѣво гнѣвные взгляды. Голицынъ продолжалъ:

— И вотъ, по-моему, тебѣ, великій государь, до всѣхъ запасовъ нашихъ надобно добраться... Издай указъ, чтобы всѣ люди русскіе, кто-бъ ни были—церковники, міряне, князья, бояре, торговые, служилые-ли люди—всѣ подѣлились бы своимъ запасомъ съ неимущими!.. Всѣ, не корыствуясь бѣдою и не пользуясь невзгодой, везли бы свой запасъ на торжища, и продавали бы по совѣсти, по божески, не наживая лихвы, не жирѣя отъ слезъ и крови людской!.. А если кто запасъ укроетъ и не продастъ — быть отъ тебя тому въ опалѣ и въ смертной казни!..

— Вѣрно! вѣрно, царь-государь! Дай такой указъ! Не то всѣмъ намъ придется погибнуть лютой смертью!.. Всѣ запасы на торгъ!.. Цѣну надо сбить!.. Тогда спасемся!.. Всею-то землей народъ прокормимъ!

Борисъ далъ знакъ рукою и всѣ смолкли.

— Князь Василій Васильевичъ, сказалъ онъ твердо и съ достоинствомъ,—ты вѣрно сказалъ, и я съ тобою согласенъ. Если есть у кого запасы хлѣба—пусть себѣ оставитъ каждый по нуждѣ — а весь избытокъ везетъ

Библиотека "Руниверс"

на торгъ и продастъ по той цѣнѣ, какую мы, великій государь, назначимъ. Дьякъ, изготовь о томъ указъ; а мы пошлемъ съ указомъ людей надежныхъ, посмотрѣть запасовъ, перемѣрить и отдѣлить изъ нихъ на мірское дѣло. Всѣ-ли вы на то согласны?

— Всѣ согласны! раздались отовсюду громкіе клики.

Когда крики смолкли, между боярами поднялся старый думецъ, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, и сказалъ:

— Великій государь! Дѣло это великое—мірское, и мы должны просить тебя — чтобъ ты дозволилъ намъ самимъ избрать людей для той разсылки по запасамъ: да такихъ избрать, чтобъ ужь можно точно положиться, понадѣяться... а то вѣдь ложью да обманомъ все то дѣло можно пошатнуть...

— Не понимаю, о какомъ обманѣ ты говоришь, князь Иванъ? рѣзко перебилъ Борисъ.—Я избираю людей мнѣ близкихъ—не воровъ и не обманщиковъ. Или никому я не могу довѣриться?

— Изворовались, измалодушествовались всѣ, великій государь! уклончиво отвѣчалъ Воротынскій.—Такія времена, что и отъ близкихъ жди напасти...

— И много тебя обманывали твои же люди, государь! вступился князь Иванъ Ѳеодоровичъ Милославскій.—Вотъ хоть бы при раздачахъ милостыни и при хлѣбной дачѣ...

— Какъ смѣешь ты мнѣ это говорить! крикнулъ грозно царь Борисъ.—Я надъ раздачей милостыни поставилъ близкаго моего—окольничаго Семена Годунова. Или и его ты укоряешь въ обманѣ?

— Я слова своего и для Семена Годунова не возьму назадъ, гордо сказалъ Милославскій.—Я видѣлъ самъ, какъ изъ его приказа дьяки, переодѣвшись нищими, по два и по три раза подходили за милостыней, а жильцы и приставы калѣкъ, слѣпыхъ, хромыхъ и всѣхъ убогихъ палками отъ переходовъ гоняли въ Бѣломъ городѣ...

— Онъ лжетъ, ей Богу лжетъ, великій государь! закричалъ со своего мѣста Семенъ Годуновъ, трясясь отъ злобы и безпокойно оглядываясь по сторонамъ.

Но его голосъ былъ покрытъ общими криками:

— Правду сказалъ князь Милославскій!.. Онъ не лжетъ! Семенъ-то Годуновъ вѣдомый корыстолюбецъ! Онъ за чужой копѣйкой не постоитъ...

— Замолчите! крикнулъ царь.—Я знаю! всѣ вы на Семена Годунова злы за то, что онъ мнѣ вѣрно служитъ и крамольниковъ моихъ не укрываетъ!

— Самъ онъ и есть первый злодѣй! громко сказалъ кто-то въ глубинѣ палаты.

— Защити ты меня, великій государь! завопилъ Семенъ Годуновъ, съ мольбою простирая руки къ царю и стараясь придать своему блѣдному, злому лицу самое постное выраженіе.—Защити меня отъ злодѣевъ моихъ... Ты самъ изволишь знать, за что они всѣ пышутъ злобой на меня... и Милославскій, и Шуйскіе, и Воротынскій... Въ запрошломъ мѣсяцѣ, какъ ты дозволилъ имъ изъ Сѣверщины двинуть сюда обозы съ хлѣбомъ, я прозналъ, что въ тѣхъ мѣшкахъ съ зерномъ хотятъ ввезти подметныя, мятежническія письма изъ-за рубежа!.. и письма тѣ нашелъ, и самъ тебѣ принесъ...

Милославскій вскочилъ съ мѣста и, указывая на Семена Годунова, громко произнесъ:

— Онъ самъ тѣ письма подкинулъ въ мѣшки, чтобы обозы наши ограбить и продать въ казну!.. Не слушай, государь, его! Онъ—первый воръ!.. Намъ всѣ его дѣла довѣдомы!..

И снова со всѣхъ сторонъ посыпались на государева любимца гнѣвные крики, брань и укоры. Царь Борисъ не зналъ, что и возразить на дерзкія рѣчи Милославскаго и его сторонниковъ, когда поднялся съ мѣста князь Василій Шуйскій, и царь, поспѣшно обернувшись къ нему, спросилъ:

— И ты, князь, не хочешь-ли, какъ Милославскій, чернить дѣла и службу вѣрную Семена Годунова?

— Нѣтъ, государь, лукаво и вкрадчиво началъ князь Шуйскій,—я не то хочу сказать. Я хочу напомнить всѣмъ князьямъ-боярамъ, что намъ теперь не время ссориться. Что надо всѣмъ намъ соединиться на помощь страждущимъ—не дать Землѣ погибнуть! Поспѣшимъ же, братья, на помощь — все отдадимъ, чтобы избыть бѣды великой и слѣды ея сокрыть отъ иноземцевъ, которые должны прибыть къ намъ вскорѣ...

Борисъ, крѣпко не любившій Шуйскаго, на этотъ разъ былъ очень признателенъ ему за ловкій отводъ глазъ и, какъ бы продолжая рѣчь Шуйскаго, сказалъ:

— Да! Теперь и точно не время ссориться. И князь Шуйскій кстати напомнилъ намъ объ иноземцахъ. Точно: они идутъ къ намъ. Прошлою весною вступилъ я съ Дацкимъ королемъ въ переговоры, и когда голодъ и моръ престанутъ—мы думаемъ дозволить Ягану, королевичу Дацкому, вступить въ брачный союзъ съ любезной дочерью нашей, царевной Аксиньей. Слышалъ, что онъ ужъ прибылъ въ Ругодивъ и скоро отправится въ путь къ Москвѣ, со всѣми своими дворянами, вельможами и толмачами. Дорогихъ гостей мы всѣ, конечно, должны принять радушно и никому не показать, чѣмъ посѣтилъ насъ Богъ, въ послѣдніе два года. Васъ всѣхъ прошу о томъ же. А теперь займитесь выборомъ людей, которыхъ съ нашей царскою грамотою пошлемъ искать и собирать запасы. Сегодня выберите ихъ, и завтра же пусть съ Богомъ ѣдутъ, куда кому будетъ путь назначенъ.

Закончивъ эту рѣчь, Борисъ однимъ общимъ поклономъ поклонился всему собранію, перекрестился на богатую икону, повѣшенную позади трона, подъ парчевымъ шатромъ, и сошелъ съ возвышенія. Впереди его двинулись рынды и бояре съ царскою утварью, и царевичъ Ѳеодоръ; сзади пошли стряпчіе.

VII.

Дѣвичьи грёзы.

За толстыми стѣнами терема царевны Ксеніи не чувствовался во всей своей силѣ ужасъ того народнаго бѣдствія, которое переживала вся Русская земля въ эту пору. До царевны долетали, правда, отрывочныя вѣсти о томъ, что хлѣбъ неуродился два года сряду, что весь Сѣверъ Руси и все Поволжье—голодаютъ, что люди съ голоду болѣютъ и мрутъ; царевна, по добротѣ своей, жалѣла объ этихъ бѣдствіяхъ, молилась за страждущихъ, но, далекая отъ жизни, не могла себѣ составить никакого, сколько-нибудь правильнаго понятія о дѣйствительныхъ страданіяхъ народныхъ. Никто во дворцѣ не смѣлъ говорить о томъ, что происходило на улицахъ Москвы, никто не возмущалъ душевнаго покоя царевны тѣми ужасами, которые приводили въ трепетъ и смятеніе все населеніе Бѣлокаменной; при томъ и недостатка во дворцѣ ни въ чемъ не ощущалось... А потому и немудрено, что царевна Ксенія продолжала жить своею прежнею жизнью, то ревностно предаваясь молитвѣ, то невольно подчиняясь тоскѣ неопредѣленныхъ желаній — неразлучной спутницѣ ея возраста. Въ такія-то минуты къ ней подходила ея мама и говорила ей нѣжно на ухо:

— Не тоскуй, дитятко, не долго ужь тебѣ ждать-то!.. Вотъ пріѣдутъ послы царя-батюшки изъ-за моря, привезутъ тебѣ вѣсточку о твоемъ королевичѣ.

Ксенія ничего не отвѣчала боярынѣ-мамѣ, иногда даже сердилась на нее и прогоняла ее отъ себя; но мысль о королевичѣ, о красавцѣ писанномъ, о богатырѣ заморскомъ, который долженъ былъ проплыть пучину, чтобы найти свою избранницу, вывести ее изъ терема и взять за себя замужъ—эта мысль постоянно занимала Ксенію, постоянно увлекала ее къ мечтамъ, и воображеніе рисовало передъ нею увлекательныя

Библиотека "Руниверс"

Видъ города Романовъ-Борисоглѣбска (Ярослав. губ.) со стороны Волги. По рис. Суслова, грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

Въ лѣтній зной. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Б. Томашевича, автотипія мастерской „Нивы"

Библиотека "Руниверс"

картины будущаго счастія. Мечты становились ея наслажденіемъ, необходимою потребностью ея души, и часто, погруженная въ нихъ, она забывала о дѣйствительности, забывала о томъ невыносимомъ однообразіи и скукѣ, которая ее окружала.

„И гдѣ этотъ бахарь дѣвался?“ думала не разъ царевна. „Куда онъ затряхнулся? Онъ такъ славно разсказывалъ, бывало, объ этомъ заморскомъ королевичѣ и о дѣвицахъ, что въ теремахъ сидѣли за рѣшетками, и о лѣсахъ заколдованныхъ... Онъ и самъ за моремъ бывалъ, онъ бы теперь не сказку, а быль мнѣ разсказалъ... Все разсказалъ бы: какъ тамъ королевичи живутъ, какъ себѣ невѣстъ находятъ, какъ царевенъ изъ неволи добываютъ... Какъ...“

И стыдливый румянецъ покрывалъ щеки Ксеніи, — и она старалась всѣми силами укоротить крылья своего слишкомъ пылкаго воображенія.

Во время одного изъ такихъ долгихъ мечтаній въ тишинѣ терема, надъ золотошвейною работой, дверь терема нежданно отворилась, поспѣшно вбѣжала кравчая боярыня и доложила:

— Матушка-царица изволитъ жаловать къ тебѣ, царевна, и радостную вѣсточку тебѣ несетъ...

Засуетились сѣнныя боярышни и мама, встрепенулась и сама царевна—сердце такъ сильно забилось въ ней, словно наружу выпрыгнуть хотѣло.

„Радость? Какую же радость... Вѣрно о королевичѣ вѣсти?“ подумала царевна, невольно смущаясь и краснѣя.

Но вотъ и царица вошла къ царевнѣ, вошла не одна, а окруженная своими боярынями, которыя за ней несли нѣмецкій кипарисовый ларецъ съ серебряными наугольниками и скобами.

Лицо царицы Марьи сіяло такою радостью, такимъ полнымъ довольствомъ и счастьемъ, что всѣ смотрѣли на нее съ изумленіемъ. Тѣ, кому извѣстенъ былъ ея злой нравъ и крутой обычай, кому пришлось испытать всю жестокость ея грубаго, глубоко испорченнаго сердца—даже и повѣрить бы не могли, что на лицѣ этой страшной женщины можетъ свѣтлымъ лучемъ сіять такая радость.

— Ну, доченька, здравствуй! сказала царица, лобызаясь съ Ксеніей.—Каково почивала? Много-ли о женихахъ думала?

— Ахъ, матушка! Что это ты... при боярыняхъ стыдишь меня! смущенно заговорила Ксенія, закрываясь камчатымъ сборчатымъ рукавомъ сорочки.

— Нечего стыдиться, Аксиньюшка! весело шутила царица Марья, усаживаясь рядомъ съ дочкою на подставленное ей кресло. — Давно тебѣ замужъ пора! Да вотъ все Богъ судьбы-то не давалъ по тебѣ! Но такой-то красавицѣ не легко подобрать муженька! съ гордостью добавила царица Марья, оглядывая царевну съ ногъ до головы.

— Еще бы! Гдѣ же тутъ? Ей заморскаго подавай! вступилась боярыня-мама. — Здѣшніе-то вахлаки ей не гожи!

— Вотъ ей Богъ и послалъ женишка! Да еще какого! лукаво заговорила мать, трепля дочку по плечу.— Не вѣришь?.. Такъ я его тебѣ воочію покажу!

Она сдѣлала знакъ рукою боярышнямъ, которыя остановились у дверей, съ ларцомъ въ рукахъ. Тѣ подошли, поставили ларецъ на столъ передъ царевной и подняли крышку. Передъ изумленною Ксеніей явился прекрасно исполненный красками ликъ королевича, оправленный въ золоченую рамку...

Царевна ахнула и невольно ухватилась за изображеніе, какъ бы опасаясь того, что оно исчезнетъ,— какъ бы не вѣря глазамъ своимъ. Царица и боярыни переглянулись между собою и улыбнулись.

— Что? Любъ-ли тебѣ? Аль не по нраву? спросила съ улыбкою царица.

Тутъ только царевна замѣтила обращенные на нее взгляды, поняла значеніе улыбокъ — выскочила изъ-за стола и опрометью бросилась къ себѣ въ опочивальню. А всѣ боярыни и мама царевны, разглядывая изображеніе иноземнаго королевича, разсыпались въ похвалахъ и въ восклицаніяхъ:

— Ахъ, красавецъ какой!.. Ахъ, матушка-царица, вотъ ужь точно какъ въ сказкахъ сказывается!.. И одѣтъ-то какъ мудрено, не по-нашему: платьице атласъ алъ, должно-быть съ канителью дѣлано; а шляпочка, пуховенькая, — а кругъ шляпочки кружевца золотыя... Ахъ, какой красавецъ! Не нашимъ чета! Чулочки аленькіе, а башмачки синенькіе! Ну, всѣмъ взялъ.

Царица, очень довольная, приказала шкатулку снова запереть и оставить на столѣ у царевны Ксеніи, а всѣмъ боярынямъ тутъ же заявила, что имя жениху царевны — Яганъ, что онъ королевичъ Датскій, и что ужь ѣдетъ къ Москвѣ, а этотъ ликъ прислалъ въ подарокъ невѣстѣ, по обычаю земли своей.

Съ этой минуты жизнь царевны потекла уже не столь однообразно. Мечты о заморскомъ королевичѣ обратились въ дѣйствительность, облеклись въ осязательный образъ, на который она могла любоваться, сколько ей хотѣлось... Она могла о немъ не только мечтать, но и говорить, разспрашивать. Къ ней, каждый вечеръ на часокъ заглядывали, то самъ царь Борисъ, то царевичъ Ѳеодоръ и приносили ей свѣжія, только что наканунѣ полученныя извѣстія о томъ, какъ тотъ королевичъ изъ-за моря на восьми корабляхъ прибылъ, какую онъ везетъ съ собою богатую и многочисленную служню, какіе съ нимъ вельможи ѣдутъ... Ксенія все это такъ же жадно слушала, какъ сказку бахаря.

— Пишетъ намъ дьякъ Аѳонасій Власьевъ, разсказывалъ царевнѣ царь, — что нареченный зять нашъ привѣтливъ съ ними очень и ласковъ не по мѣрѣ: противъ нихъ встаетъ и шляпку съ головы снимаетъ. Незнакомъ еще съ московскимъ обычаемъ...

Два-три дня спустя, царевичъ Ѳеодоръ сообщилъ ей, что королевичъ ужь проѣхалъ Новгородъ Великій и разсказалъ ей, какъ онъ тамъ время проводилъ:

— Женихъ-то твой какой веселый, забавникъ! Ѣздилъ тамъ тѣшиться рѣкою Волховомъ и вверхъ, и внизъ, и иными рѣчками — и ѣдучи по рѣчкамъ палилъ изъ самопаловъ, билъ утятъ... Да говорятъ, какъ ловко — безъ промаха валяетъ... А вернувшись въ городъ, за столомъ до поздней ночи веселился... Играли его музыканты на музыкѣ, въ цимбалы и по литаврамъ били, и въ сурны играли.

— За столомъ-то? Какъ же такъ? Вѣдь это грѣхъ, братецъ? съ изумленіемъ говорила царевичу Ксенія.

— По-нашему, оно точно какъ бы не обычай, отвѣчалъ царевичъ,—а по ихнему не грѣхъ. Ихъ законъ не такъ строгъ, какъ нашъ...

И вотъ въ представленіи царевны Ксеніи все яснѣе и яснѣе начиналъ выступать образъ жениха,—этого заморскаго Датскаго королевича Ягана, — красиваго, тонкаго, стройнаго юноши, игриваго, веселаго, не проникнутаго чопорною неподвижностью и важностью полновѣсныхъ и дюжихъ московскихъ князей и бояръ. Она уже начинала привязываться къ нему заочно, начинала любить его и часто думала о томъ, какъ она станетъ учиться бесѣдовать съ нимъ на иноземномъ его языкѣ, а его станетъ пріучать къ русской рѣчи. Она даже знала, какое слово—завѣтное, чудное слово—она прежде всего заставитъ его произнести, и много разъ боярыня-мама, оправляя ночью постель надъ разметавшейся и разгорѣвшейся царевной, слышала, какъ Ксенія шептала во снѣ: „люблю... люблю! Ахъ, какъ люблю!“

— Женихъ твой сегодня поутру ужь въ Старицу прибыть изволилъ! сообщала царевнѣ всевѣдущая боя-

Библиотека "Руниверс"

рыня-казначея.—А черезъ недѣлю въ Тушино прибудетъ, да тамъ и останется до встрѣчи.

— Зачѣмъ же оставаться? допрашивала у нея царевна, которая ужь начинала терять терпѣнье. Ей казалось, что конца не будетъ этому путешествію...

— А нельзя, царевна, такой обычай! Тамъ ему третья и послѣдняя встрѣча будетъ; а тамъ ужь и въ Москву поѣдетъ... Тысячи двѣ туда послано бояръ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, и дары туда отправлены ему богатѣйшіе, и кони, и подъ него, и подъ всѣхъ его вельможъ... А его-то конь такъ въ золотѣ и сіяетъ, такъ и горитъ сѣделышко... Заглядѣнье! Весь сѣрый, въ яблокахъ, а уздечка на немъ двойная изъ цѣпочекъ золотыхъ, съ каменьемъ самоцвѣтнымъ.

— Когда же онъ въ Москву-то будетъ? нетерпѣливо допрашивала царевна.

— Возьми на часъ терпѣнья, царевна! смѣясь утѣшала Ксенію казначея.—Богъ счастье посылаетъ—не ропщи! Какъ разъ нагрянетъ твой ясный соколъ и отобьетъ бѣлую лебедушку нашу къ сѣрымъ гусямъ. Теперь всего съ недѣльку ждать... Вѣдь какъ пріѣдетъ, такъ и во дворецъ къ намъ будетъ, и ты изъ тайника его увидишь... Сама увидишь!..

Наконецъ, насталъ и этотъ давно ожиданный, давно желанный день. Съ утра звонили радостнымъ трезвономъ всѣ московскіе колокола, и громко гудѣлъ съ Ивана Великаго громадный соборный колоколъ, на встрѣчу поѣзду королевича Ягана, вступавшему въ Кремль Фроловскими воротами.

Царевна, съ самаго утра тревожная и взволнованная, спѣшила окончить свой нарядъ и торопила сѣнныхъ боярышень и сѣнныхъ дѣвушекъ, которыя застегивали богатыя жемчужныя застежки на ея парчевомъ опашнѣ, съ лазоревыми разводами и травами.

— Да ну, скорѣе, боярышни! Скорѣе, дѣвушки! торопила ихъ Ксенія, украдкой заглядываясь въ небольшое круглое зеркало, которое держала передъ ней боярышня Варвара.

— Не торопи, царевна—хуже не поспѣемъ! отозвалась одна изъ дѣвушекъ, оправляя складки опашня, по подолу.

— Да невмоготу стоять мнѣ — надоѣло! повторяла Ксенія, и стала сама затягивать пряжку пояса; но отъ поворота плечъ и рѣзкаго движенія, двѣ жемчужныя пуговицы отскочили разомъ и слишкомъ тѣсно сшитый опашень раскрылся на роскошной дѣвичьей груди.

— Вотъ какъ вы пришиваете! крикнула царевна на боярышень,—все само врозь лѣзетъ! Тутъ спѣшишь—а вы опять ко мнѣ съ иглою да съ шитьемъ!

И она съ досадой топнула маленькой ножкой.

— Не сердись, царевна, замѣтила ей находчивая казначея. — Чуетъ сердечко милаго дружка: наружу просится—такъ его никакой застежкой не удержишь!

Но вотъ, наконецъ, нарядъ оконченъ. На опашень накинуто расшитое жемчугомъ и опушенное чернымъ соболемъ оплечье; голова окутана поверхъ дѣвичьей повязки газовою фатой съ мелкими золотыми звѣздочками — царевна съ боярышнями идетъ въ теремъ царицы Марьи, и съ нею, окруженная ея боярынями и своими боярышнями—спѣшитъ по переходамъ въ тотъ *тайникъ*, тотъ узкій и низкій покойчикъ, вверху надъ Грановитою палатой, изъ котораго широкое круглое окно, прикрытое шелковымъ камчатымъ занавѣсомъ, даетъ возможность видѣть все, что происходитъ въ палатѣ, и все-же оставаться недоступнымъ ничьему постороннему взору.

Грановитая палата была такъ изукрашена, такъ убрана къ торжественному пріему королевича, что любо было посмотрѣть на величавый блескъ и роскошь, которыми хотѣли поразить заморскихъ дорогихъ гостей.

На возвышеніи, гдѣ стоялъ тронъ, поставленъ былъ столъ на золоченыхъ лапахъ. Три золоченыхъ кресла—одно повыше, и два пониже по бокамъ,—стояли около стола на златотканномъ коврѣ.

Около столпа, поддерживающаго сводъ палаты, устроенъ былъ высокій поставецъ и толстыя полки его гнулись подъ тяжелой массой золотой и серебряной посуды. Диковинные кубки въ видѣ виноградныхъ лозъ и странныхъ причудливыхъ цвѣтовъ, мѣшались съ братинами въ видѣ носороговъ и медвѣдей, слоновъ, львовъ и баснословныхъ птицъ; пузатые жбаны съ гранями изъ хрусталей и янтаря, чередовались съ четвертинами и сосудами въ видѣ кораблей и шнякъ, съ блюдами тонкой чеканной работы итальянскихъ художниковъ. Внизу, подъ поставцемъ, на красномъ бархатномъ коврѣ, стояли серебряныя бочки съ золотыми обручами, обвѣшенныя золотыми ковшами и обставленныя вызолоченными ведрами. Надъ столомъ, на возвышеніи, спускалось серебряное массивное паникадило, въ видѣ короны, со вставленными въ него боевыми часами.

Но не блескъ, не богатство, не роскошь привлекали вниманіе царевны Ксеніи. Она пристально устремила взоръ въ глубину пустой обширной палаты, залитой серебромъ и золотомъ, и глазами искала въ ней свое сокровище, своего королевича—и сердце билось въ ея груди такъ сильно, что царевна могла-бы сосчитать его удары.

— Идутъ! Идутъ! послышался шепотъ позади царевны, между боярынями, и въ палату чинно вошли бояре и окольничіе, попарно, въ золотыхъ парчевыхъ кафтанахъ, горѣвшихъ каменьями и жемчугами. Вслѣдъ за ними вошли иноземцы, жившіе въ Москвѣ, въ самомъ нарядномъ своемъ нѣмецкомъ платьѣ. Всѣ размѣстились около столовъ, покрытыхъ бѣлыми какъ снѣгъ камчатыми скатертями съ золотою бахромой. За иноземцами московскими вошли пріѣзжіе датчане, наряженные въ бархатные камзолы яркихъ цвѣтовъ, съ накинутыми на плечи короткими епанчами, на которыхъ золотомъ былъ вышитъ гербъ принца. Толмачи посольскаго приказа засуетились, указывая имъ, по чину и старшинству, мѣста за столомъ противъ царскаго стола.

— А вотъ и онъ! Смотри, смотри—какой красавчикъ! шепнула Ксеніи царица Марья...

И царевна увидѣла, какъ царь Борисъ и царевичъ Ѳеодоръ взошли на возвышеніе, и заняли на немъ мѣста; а вслѣдъ за ними, съ нѣкоторою робостью, на ступени возвышенія взошелъ высокій, стройный и красивый юноша лѣтъ 22-хъ, бѣлолицый, бѣлокурый, съ маленькой бородкой и усиками. Черты лица его были тонки и правильны. Мягкіе, густые волосы золотистыми кудрями вились у него на головѣ, а большіе голубые глаза свѣтились добротою и ласкою, между тѣмъ какъ красивыя, сочныя губы складывались въ привѣтливую улыбку.

Царевна впилась въ него глазами, слѣдила за каждымъ движеніемъ его, изучала каждую складку его богатой одежды, которая обрисовывала его стройную, мужественную фигуру, любовалась каждымъ поворотомъ его головы, каждою перемѣною въ выраженіи его молодаго лица... Она не могла на него насмотрѣться и не стыдилась на него смотрѣть, не смущалась того, что на нее смотрятъ боярыни и боярышни, и говорила себѣ:

„Вотъ онъ, наконецъ, мой милый, мой желанный! Мой королевичъ! Я не во-снѣ, а на-яву его вижу... Надо насмотрѣться мнѣ на него — вѣдь ужь его до свадьбы не придется видѣть больше!“

Библиотека "Руниверс"

И въ этихъ мысляхъ, долгій, торжественный обѣдъ, со всѣми его обрядами и обычаями, съ заздравными кубками, съ сотнею нарядныхъ блюдъ, которыя появлялись на столѣ царя и переходили на столы иноземцевъ и бояръ — все это мелькнуло передъ глазами царевны, какъ единый мигъ. Она очнулась отъ своего золотаго сна только тогда, когда увидѣла, какъ царь Борисъ и царевичъ Ѳеодоръ, поднявшись со своего мѣста и снявъ съ себя драгоцѣнныя цѣпи, горѣвшія рубинами и алмазами, надѣли ихъ на шею королевича. Палата, давно гудѣвшая голосами охмѣлѣвшихъ гостей, разомъ огласилась громкими заздравными кликами царедворцевъ и иноземцевъ.

Царица дернула царевну за рукавъ.

— Пора! Пойдемъ на нашу половину. Насмотрѣлась на суженаго на своего—теперь ужь полно!.. До свадьбы потерпи!..

— До свадьбы? шепотомъ и какъ-то разсѣянно переспросила царевна, и поднялась со своего мѣста, не сама собою, а повинуясь чужой волѣ. Она бы не сошла съ этого мѣста! Она такъ хорошо, такъ сладко забылась здѣсь, у окошка тайника... А теперь, изъ этого блеска, изъ этого свѣта, изъ этого оживленія—опять въ теремъ, опять въ четыре стѣны...

И царевна, грустная, унылая, едва сдерживая накипавшія на сердцѣ слезы, покорно послѣдовала за матерью-царицей на ея половину.

VIII.

На Сѣверѣ дикомъ.

Гудѣтъ, воетъ, заливается жалобнымъ воплемъ мятелица, заметая дороги, наметая сугробы, крутя снѣжными вихрями на открытыхъ полянахъ, гуляя на просторѣ сѣверной поморской мерзлой пустыни. Прямо съ сѣвера дуетъ ледяной „полуночникъ" и словно ножемъ рѣжетъ лица трехъ путниковъ, закутанныхъ въ оленьи малицы и ежившихся подъ оленьимъ одѣяломъ на дрянныхъ дровнишкахъ, запряженныхъ косматой каргополкой. Одинъ изъ нихъ, то и дѣло, слѣзаетъ съ дровнишекъ и бродитъ по сугробамъ, длиннымъ шестомъ нащупывая дорогу.

— Ну, что, дядя? Крѣпокъ-ли ты на пути? Аль сбился съ него? спрашивалъ старшій изъ спутниковъ, судя по голосу, старикъ.

— Кажись, крѣпокъ... Да вѣдь вотъ поди, какая завируха кодилась! И стойнь на пути, и самъ не знаешь: хошь у вѣтра спроси совѣта — не дастъ-ли отвѣта...

— Такой было нервопуточекъ славный сталъ, только бы ѣхать да Бога благодарить. И вѣдь отъ самыхъ Холмогоръ какъ хорошо до послѣдняго стана ѣхали, а тутъ съ вашей деревни и пошло.

— Да вѣдь отъ нашей-то деревни и всего двѣнадцать верстъ до обители. Тутъ вотъ сейчасъ должны бы мы черезъ рѣчку Сію переѣхать, а тамъ вдоль Святаго озера, бережкомъ... А тутъ Антоніевъ монастырь и есть.

— Дай Богъ туда хоть къ ночи-то добраться: совсѣмъ бы съ дороги-то не сбиться! говорилъ старикъ возчику.

— Совсѣмъ-то не собьемся... Кони у насъ привычные—хоть гдѣ жилье отыщутъ; а пропутать-то точно что можемъ и до ночи, успокаивалъ возчикъ, опять усаживаясь въ дровни и попукая лошадку, ступавшую по колѣно въ снѣгу.

— На богомолье, что-ли, ѣдете, купцы? спрашивалъ ихъ, во время пути, возчикъ.

— На богомолье, отвѣчалъ старикъ.

— Чай, по обѣту, издалечка?

— По обѣту, издалечка, отвѣчалъ старикъ.

— Что-жь рано въ путь собрались? Къ Антонію Сійскому богомольцы раньше Артемьева дня мимо насъ не ѣдутъ, а вы вѣрно въ Холмогорахъ только Покровъ захватили?

— Не знали мы—не здѣшніе—изъ дальнихъ.. Вотъ и платимся... Охъ, Господи, вѣтрище какой! Какъ иглой и сквозь шубу шьетъ! жаловался старикъ, сжась и дрожа отъ налетѣвшаго порыва рѣзкаго вѣтра, осыпавшаго путниковъ цѣлыми тучами снѣга.

— Рожу-то, главнѣй всего, прикрывай: а то какъ разъ безъ щекъ да безъ носу останешься... Да поталкивай въ бокъ товарища-то—не заснулъ бы!..

Но молчаливый спутникъ старика встрепенулся, обивая съ груди и плечъ толстый слой снѣга, и проворчалъ только:

— Пошевеливай ты коня-то, поскорѣй бы до обители добраться,—а то и не заснувъ замерзнешь.

— А ты думаешь обогрѣютъ тебя въ обители-то, пріятель? обратился возчикъ къ молчаливому спутнику старика. — Нонче тамъ такіе порядки завелись, что богомольцамъ туда и дорога скоро западетъ! Съ той поры, какъ поселили тамъ чернеца-то этого (изъ бояръ, что-ли, постриженный?), да пристава государева со стрѣльцами прислали,—такъ и монахамъ-то житья отъ нихъ въ обители не стало!

— Что же такъ? съ видимымъ любопытствомъ спросилъ возчика старикъ.

— А то, что у воротъ сторожа, да у собора сторожа, да у кельи того чернеца сторожа... Придешь въ угоднику Божью на поклонъ, а тебя у воротъ допрашиваютъ: что за человѣкъ? Да къ угоднику-то тоже со сторожемъ ведутъ... И какъ служба отошла, — такъ тебя изъ обители въ шей...

— Неужто же тамъ и для странныхъ-то, и для богомольцевъ избы хоть какой нѣтъ?

— Было прежде и двѣ избы, и трапеза завсегда готовая — да подъ того опальнаго одну избу заняли, а другую подъ пристава царскаго, а стрѣльцовъ по кельямъ размѣстили, — ну, старцамъ-то и не стало житья! Все опальнаго стерегутъ, чтобы онъ ни съ кѣмъ не сносился... А ужь гдѣ тутъ сноситься! Кто сюда къ нему сунется?

— Да онъ тамъ какъ же? Подъ замкомъ да за рѣшеткой, что-ли, сидитъ? продолжалъ разспрашивать старикъ.

— Какая тамъ рѣшетка! Старцы и городьбу-то монастырскую нонѣ разобрали, да на гумно свезли... А стоитъ изба того опальнаго крайнею къ озеру—и пройти къ ней можно только мимо другихъ избъ. Зачѣмъ тутъ рѣшетки?—Здѣсь и такъ никуда не сбѣжишь!

Въ это время между порывами вѣтра, въ минуту случайнаго затишья, вдали ясно послышался звонъ колокола.

Путники встрепенулись... Младшій толкнулъ старшаго подъ бокъ:

— Слышь, Сидорычъ! Звонятъ! Ей-ей звонятъ въ колоколъ!

Возчикъ обернулся къ нимъ и сказалъ:

— Это у старцевъ въ Антоніевой обители обычай! Какъ поднимется такая завируха—они и станутъ въ колоколъ звонить, чтобы не заплутался кто на озерѣ...

— Святой обычай! прошепталъ Сидорычъ, крестясь окоченѣвшею рукою.

— Вотъ вы говорили до ночи бы добраться! Еще за-свѣтло пріѣдемъ! сказалъ съ самодовольствомъ возчикъ, спускаясь къ озеру; — тутъ вдоль по бережку намъ и всего-то версты три осталось...

— Знаемъ мы ваши поморскія версты! ворчалъ Сидорычъ,—мѣрила ихъ баба клюкой да махнула рукой! Погоняй, погоняй, гдѣ можно!

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Молодая феллашка. Съ карт. Зихеля.

Библиотека "Руниверс"

Говорите правду!

(Переводъ съ англійскаго).

Два пріятеля, Джозефъ Моррисъ и Вильямъ Блевиттъ, присутствовали однажды при вечернемъ богослуженіи въ одной изъ лондонскихъ капеллъ.

Молодые люди знали другъ друга съ дѣтства. Чтобы ознакомить благосклонныхъ читателей съ общественнымъ положеніемъ обоихъ, скажемъ тутъ же, что Моррисъ служилъ приказчикомъ въ модномъ магазинѣ Блэкъ, Броунъ и К°, а Блевиттъ былъ найщикомъ извѣстной маклерской фирмы. Обоимъ было по двадцати пяти лѣтъ, но Блевиттъ превосходилъ товарища какъ жизненнымъ опытомъ, такъ и матеріальными средствами.

Въ данный вечеръ проповѣдь говорилъ одинъ знаменитый проповѣдникъ на текстъ:

„Всѣмъ лжецамъ часть въ озерѣ, горящемъ огнемъ и сѣрою". (Апокал. 21, 8).

Пасторъ обвинялъ людей всѣхъ сословій, бѣдныхъ и богатыхъ, безъ различія возраста и пола, въ ежедневномъ, ежечасномъ искаженіи истины; въ заключеніе онъ заклиналъ своихъ слушателей отстать отъ этого грѣха, исправиться и съ Божьею помощью попытаться говорить правду хотя бы въ теченіе одной недѣли, даже одного дня: тогда они увидятъ, какъ хорошо имъ будетъ житься!

Когда молодые люди возвращались домой, эта проповѣдь была предметомъ ихъ разговора, который наконецъ перешелъ въ настоящій споръ.

— По моему мнѣнію, сказалъ Моррисъ,—нѣтъ ничего унизительнѣе, позорнѣе лжи; она...

— Вполнѣ съ этимъ согласенъ, прервалъ его Блевиттъ,— это всѣ знаютъ; но позволь тебя спросить, всегда-ли ты говоришь правду?

— Всегда! былъ категорическій отвѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? улыбнулся Блевиттъ.

„Этотъ наивный малый не подозрѣваетъ, какой вздоръ онъ городитъ", подумалъ онъ; вслухъ же онъ сказалъ:

— Ну, если ты дѣйствительно всегда говоришь правду, то ты восьмое чудо свѣта.

— Ужь не сомнѣваешься-ли ты въ моей правдивости? возразилъ Моррисъ. Твои замѣчанія носятъ оскорбительный оттѣнокъ.

— Я совсѣмъ не имѣлъ намѣренія тебя оскорбить, въ доказательство чего откровенно сознаюсь, что я, напримѣръ, не всегда говорю правду.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Моррисъ, — ты вдвойнѣ долженъ принять къ сердцу проповѣдь.

Но Блевиттъ продолжалъ, не смущаясь замѣчаніемъ пріятеля:

— Я не говорю правды въ такихъ случаяхъ, когда она опасна для меня или другихъ, или же обидна для окружающихъ.

— И въ этихъ случаяхъ ты не правъ, сказалъ Моррисъ.— Мы не должны отрекаться отъ истины ни ради себя, ни ради другихъ.

— Ну! воскликнулъ Блевиттъ,—нашъ споръ рѣшится быть-можетъ скорѣе, чѣмъ ты думаешь: предлагаю тебѣ пари...

— Я никогда не держу пари, былъ отвѣтъ.

— Хорошо, продолжалъ Блевиттъ, — не хочешь — не надо, уговаривать не буду. Но вотъ другое: если ты обяжешься говорить правду только въ теченіе недѣли, то по прошествіи этого срока я уплачиваю тебѣ пятьсотъ фунтовъ стерлингъ, хоть и не богатъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Моррисъ.—Я слишкомъ къ тебѣ расположенъ, чтобы подвергать тебя такой денежной потерѣ.

— Ну, настаивалъ Блевиттъ, — такъ какъ мнѣ важно получить отъ тебя практическое доказательство того, что говорить правду дѣйствительно такъ легко и безопасно, какъ ты утверждаешь, то вотъ новое предложеніе: я обязуюсь никогда больше не поднимать глазъ на миссъ Элизу Белль, если ты съ своей стороны дашь обѣщаніе цѣлую недѣлю говорить правду, только правду.

При этихъ словахъ Блевиттъ какъ-то особенно улыбнулся, а Моррисъ невольно вспыхнулъ.

— Это предложеніе я принимаю, сказалъ онъ,—не потому, чтобы боялся твоего ухаживанія — я слишкомъ увѣренъ въ любви Элизы, — но чтобы своимъ примѣромъ доказать тебѣ, что если намъ вмѣнено въ обязанность говорить правду, то вмѣстѣ съ тѣмъ дана и возможность удовлетворять этому требованію.

— Значитъ, по рукамъ? спросилъ Блевиттъ.

— Да, но пойми меня хорошенько. Если я даю обѣтъ говорить строжайшую правду въ теченіе одного дня или одной недѣли,—что, впрочемъ, я всегда дѣлаю,—то это не значитъ, что я каждаго ни съ того, ни съ сего буду упрекать за его ошибки, слабости, грѣшки и неудачи.

— Конечно, нѣтъ. Ты долженъ правдиво отвѣчать только на тѣ вопросы, которые будутъ обращены непосредственно къ тебѣ во время служебныхъ занятій, или же въ сношеньяхъ съ окружающими.

— Это очень легко. Но постой: ты не долженъ подговаривать моихъ знакомыхъ чтобъ они задавали какіе-нибудь странные вопросы, которые могли бы меня затруднить.

— Даю слово, что не буду! Все будетъ вполнѣ честно. Пока не кончится назначенная недѣля, я ни одной душѣ не проговорюсь о нашемъ условіи. Но и ты долженъ молчать, хотя бы до истеченія срока пришлось стать въ затруднительное положеніе. Помни, все пропало, если ты, чтобы оправдать себя, сознаешься, что далъ обѣтъ говорить правду въ продолженіе недѣли.

— Разумѣется, я этого не сдѣлаю; да мнѣ и въ голову не придетъ извиняться въ томъ, что я сказалъ правду.

— Хорошо: значитъ рѣшено?

— Да, рѣшено. А когда начнется мой искусъ?

— Въ которомъ часу ты встаешь?

— Въ семь.

— Стало-быть завтра, въ понедѣльникъ перваго апрѣля, съ семи часовъ утра, ты начнешь говорить правду и будешь продолжать до понедѣльника восьмаго апрѣля, когда тебя упрячутъ въ Бедламъ *), гдѣ ты испытаешь на себѣ освѣжительное дѣйствіе горячечной рубашки и душа, сказалъ Блевиттъ.

— Бедламъ! Горячечная рубашка! Душъ! воскликнулъ Моррисъ.—Да ты съ ума сошелъ!

— Вовсе нѣтъ, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ отозвался Блевиттъ. — Предсказываю тебѣ, что если ты, Джозефъ Моррисъ, племянникъ и наслѣдникъ твоего дяди Джона Морриса, нареченный женихъ Элизы Белль, красивѣйшей дѣвушки во всей Литль Бритэнъ **), и первый приказчикъ фирмы Блэкъ, Броунъ и К°,—если, повторяю, ты исполнишь свое намѣреніе и дѣйствительно будешь говорить правду въ теченіе недѣли, то еще до истеченія этого срока ты не только будешь лишенъ наслѣдства и должности въ магазинѣ, не только получишь форменную отставку отъ невѣсты, но — что всего хуже — будешь посаженъ въ Бедламъ какъ субъектъ опасный для общества. Но, какъ бы то ни было, я ловлю тебя на словѣ и разсчитываю на то, что ты его сдержишь.

Моррисъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Разумѣется, я сдержу свое обѣщаніе! отвѣчалъ онъ;—но, признаюсь, Блевиттъ, ты ужасно смѣшенъ со своими пророчествами!

— Поживемъ—увидимъ.

— Право, ворчалъ Моррисъ, направляясь къ себѣ домой,— этотъ Блевиттъ предобрый малый, но онъ по временамъ точно не въ своемъ умѣ. Чтобы я попалъ въ домъ умалишенныхъ за то только, что говорю правду! Эта мысль поистинѣ забавна!

Джозефъ Моррисъ жилъ у своего неженатаго дяди, Джона Морриса, и незамужней сестры этого послѣдняго, Мери Моррисъ. Относительно ихъ замѣтимъ только, что это были люди очень обыкновенные, дородны, какъ большинство лицъ въ возрастѣ между 50 и 60 годами, добродушны, если все шло согласно ихъ желаніямъ, ласковы съ племянникомъ, какъ скоро онъ подчинялся ихъ волѣ, и неласковы, когда онъ поступалъ по своему. Въ тотъ вечеръ старики уже отправились на покой, прежде чѣмъ Джозефъ вернулся изъ часовни; поэтому молодой человѣкъ прошелъ прямо въ свою комнату, расположенную въ третьемъ этажѣ, легъ въ постель и уснулъ сладкимъ сномъ, не подозрѣвая о бѣдахъ, которыя уже висѣли надъ его головой.

На слѣдующее утро онъ сошелъ въ столовую къ завтраку и увидѣлъ свою тетку, занятую приготовленіемъ чая, а дядю— за утренними газетами.

— Добраго утра, тетя! Добраго утра, дядя! Какъ вы себя чувствуете сегодня?

— А, здравствуй, Джозефъ! Очень хорошо! Ты также, надѣюсь?

„Очень хорошо, благодарю", хотѣлось ему отвѣтить, но такъ какъ онъ чувствовалъ легкую головную боль, то, помня свое обѣщаніе, сказалъ правду:

— Я не совсѣмъ здоровъ, голова немного болитъ.

— Что? головная боль въ твои годы?! воскликнулъ дядя.— Помилуй Богъ, что это нынче за молодежь! Въ твои годы я едва-ли зналъ, что у меня на плечахъ голова, развѣ когда нужно было причесаться. Даже теперь—посмотри, какъ я здоровъ и крѣпокъ!

„Да, дядя", просилось на языкъ Джозефа; но, снова вспомнивъ свой обѣтъ, молодой человѣкъ отвѣчалъ:

— Я не похожу.

— Какъ?

— Я говорю, на мой взглядъ ты не совсѣмъ здоровый человѣкъ.

— Что ты хочешь сказать? Почему это я не совсѣмъ здоровъ хотѣлось бы мнѣ знать?

— Ты слишкомъ тученъ, полнокровенъ и... и...

*) Заведеніе для умалишенныхъ около Лондона.

**) Одно изъ предмѣстій Лондона.

Библиотека "Руниверс"

— Наклонись къ апоплексіи... не правда-ли, ты это хотѣлъ сказать?

— Да, дядя.

— Клянусь Святымъ Георгомъ, это невыносимо! съ негодованіемъ воскликнулъ старикъ.

— Ахъ, Джозефъ, зачѣмъ ты говоришь такіе ужасы? замѣтила тетка въ величайшемъ смущеніи.

— Дядя меня спросилъ, и я только отвѣтилъ правду, скромно отозвался молодой человѣкъ.

— Да, продолжалъ дядя, — я думаю, ему было бы пріятно, если бы я умеръ.

— Нѣтъ, дядя, это мнѣ не было бы пріятно. Я искренно опечалился бы, если-бъ ты долженъ былъ умереть.

— Но ты бы за то порадовался кругленькому наслѣдству, котораго ждешь, а?

— Конечно, я желаю, чтобы ты, дорогой дядя, какъ можно дольше пользовался своимъ состояніемъ; но разъ ты не можешь взять его съ собою въ могилу, то я, разумѣется, былъ бы радъ его получить, тѣмъ болѣе, что считаю себя способнымъ сдѣлать изъ этихъ денегъ хорошее употребленіе.

— Праведное Небо! воскликнулъ старикъ, вскакивая со своего мѣста и съ негодованіемъ принимаясь бѣгать по комнатѣ.—Мальчишка съ каждою минутой дѣлается хуже и, ничуть не смущаясь, такъ и сыплетъ оскорбленіями. Отвѣчай, что значитъ такое поведеніе? внезапно спросилъ онъ, останавливаясь передъ племянникомъ и весь дрожа отъ раздраженія.

— Ничего, кромѣ того, что я говорю чистую правду, не руководясь ни заискиваніемъ, ни страхомъ.

— Ты... ты противоестественный... неблагодарный... безстыдный... бормоталъ дядя, дрожа отъ гнѣва и не будучи въ состояніи окончить фразу.

— О, Джозефъ, молила тетка тономъ, полнымъ укоризны,— какъ ты можешь такъ себя вести? Чѣмъ мы это заслужили?

— Но, милая тетя, я только говорю правду.

— Ахъ, ты вовсе того не думаешь, что говоришь.

— То самое, тетя.

— Разумѣется, нѣтъ. Вѣдь ты былъ бы неутѣшенъ, если-бъ дядя и я должны были умереть, не правда-ли?

— Но, тетя, такъ какъ моя печаль не могла бы васъ воскресить, если-бъ вы умерли, то все-таки въ концѣ концовъ я бы постарался утѣшиться.

— Ты чудовище! крикнула тетка, бросаясь на стулъ и прикладывая къ глазамъ носовой платокъ. — Ты хочешь насъ уморить! говорила она, уже всхлипывая.

— Нисколько, тетя, я вовсе не хочу тебя уморить. Я только сказалъ, что не буду себя чувствовать безутѣшнымъ въ случаѣ твоей или дядиной смерти, и дѣйствительно не буду: ни одинъ молодой человѣкъ еще не умиралъ отъ тоски, лишившись дяди или тетки.

— О, безсердечный извергъ! Кровь стынетъ въ жилахъ, когда тебя слушаешь! рыдала старая дама.

— Оставь его, Мери, ни слова больше! воскликнулъ дядя, опускаясь на стулъ и вытирая платкомъ свое пылающее лицо. — Мы отогрѣли на груди своей змѣю, и она наконецъ насъ же ужалила. Но онъ единственный сынъ моего дорогаго покойнаго брата, ради памяти котораго получитъ прощеніе, если возьметъ свои слова назадъ и выразитъ сожалѣніе о томъ, что ихъ сказалъ.

— Возьми свои слова назадъ, Джозефъ, и скажи, что ты хорошенько не подумалъ... Конечно, я знаю, ты совсѣмъ этого не думалъ, увѣщала тетка, отнимая отъ лица платокъ и съ мольбою глядя на молодаго человѣка.

— Но, милая тетя, я дѣйствительно такъ думалъ; я не могу отказаться отъ своихъ словъ, такъ какъ говорилъ правду.

— Такъ убирайся же изъ моего дома! крикнулъ дядя.— Ты не останешься въ немъ ни минуты дольше! А мое завѣщаніе я сегодня же измѣню! Ты не получишь отъ меня ни одного шиллинга; все мое состояніе, кромѣ пожизненной ренты для моей сестры, твоей тетки, будетъ обращено на постройку больницы! А теперь—вонъ отсюда, вонъ изъ моего дома!

И взбѣшенный старикъ бросился на племянника, какъ бы желая вытолкать его изъ комнаты.

— Пожалуйста, Джонъ, позволь ему сначала позавтракать! возразила тетка; — въ такое холодное утро, какъ сегодня, не хорошо выходить изъ дому на голодный желудокъ.

— Что, завтракать? Да хотя бы онъ умиралъ отъ голода, и тогда не получитъ куска въ моемъ домѣ! яростно кричалъ дядя.

Глаза Джозефа наполнились слезами. Чувство подсказывало ему броситься на грудь старикамъ, какъ бывало послѣ глупыхъ шалостей во времена его нѣсколько бурнаго дѣтства; но онъ далъ слово никогда не извиняться въ томъ, что сказалъ согласно истинѣ, поэтому молча взялъ шляпу и вышелъ изъ дому съ короткимъ:

— Прощайте, дядя и тетя!

— Это какой-то выродокъ, неблагодарный змѣенышъ! ревѣлъ Джонъ Моррисъ съ ожесточеніемъ, какое обыкновенно испытываютъ только противъ тѣхъ, кого любятъ.

— Безсердечный мальчишка! всхлипывала тетка.

— Ухъ! и это единственный сынъ моего покойнаго брата, такой извергъ! стоналъ старикъ.

— Да, кости Веніамина должны переворачиваться въ гробу! плакала тетка Мери.

— Что бы могло значить его безстыдное поведеніе?

— Не знаю, съ отчаяніемъ отвѣчала тетка. — Несчастный малый! въ концѣ концовъ у него не совсѣмъ-то ладно въ головѣ. Онъ жаловался на головную боль, и я сама замѣтила въ его глазахъ что-то странное, прибавила она, призвавъ на помощь фантазію.

— Въ самомъ дѣлѣ?! изумленно воскликнулъ братъ.

— Да, навѣрно! Меня не удивитъ, если онъ дѣйствительно спятилъ съ ума отъ безконечнаго отмѣриванія лентъ и кружевъ, и потомъ эти длинные ряды цифръ, постоянно прыгающіе передъ его глазами въ конторскихъ книгахъ! Какой подымется шумъ, когда узнаютъ, что ты выгналъ изъ дому сумасшедшаго племянника!

— Ба! Глупости! Онъ такой же сумасшедшій, какъ ты и я. Это больше ничего, какъ его природная злость и испорченность, которыя наконецъ вполнѣ выказались. Я больше не хочу его знать!

— Хорошо; ты увидишь, что у него неладно въ головѣ, иначе онъ не оскорбилъ бы насъ такимъ образомъ: вѣдь до сихъ поръ онъ никогда этого не дѣлалъ.

Однако эти представленія не повліяли на раздраженнаго упрямца и онъ кончилъ разговоръ заявленіемъ:

— Я лишаю его наслѣдства! Онъ никогда не переступитъ моего порога!

— Это, стало-быть, первый урокъ! вздыхалъ бѣдный Джозефъ на пути къ мѣсту своей службы. — Едва какой-нибудь часъ я говорю правду, какъ уже прогнанъ дядей, лишенъ наслѣдства и... О, прошу извиненія, миссъ Робинсонъ!

Углубившись въ свои мысли, онъ наткнулся на очень дородную даму, которая, въ своемъ огромномъ кринолинѣ, занявшемъ всю ширину тротуара, плыла ему навстрѣчу точно фрегатъ подъ всѣми парусами.

— Э-ге-ге! о чемъ вы только думаете, мистеръ Моррисъ? взвизгнула толстая дама.

— О дядѣ и теткѣ, отвѣчалъ Джозефъ, взоръ котораго разсѣянно скользнулъ по пестро разукрашенной особѣ.

— О дядѣ и тетѣ? О, какой прекрасный племянникъ! Но... хи! хи! хи!.. Вы разглядываете мою шляпу?

— Да.

— Ну, если вы такъ откровенны... скажите, какъ она вамъ нравится?

— Сама по себѣ очень,—только не на васъ.

— О, отчего же?

— Потому что она къ вамъ не идетъ.

— Право? Хотѣлось бы знать, почему это шляпа ко мнѣ не идетъ! Пожалуйста, скажите откровенно. Я знаю, что у васъ много вкуса.

— Откровенно говоря, я думаю, что она слишкомъ легка для такой полновѣсной особы, какъ вы, слишкомъ пестра для такой пожилой, и вообще слишкомъ дорога для горничной.

— О, въ самомъ дѣлѣ? Откуда вы знаете, что я пожилая? воскликнула возмущенная Робинсонъ, дѣлаясь багрово-красной отъ негодованія.

— По тремъ вѣрнымъ признакамъ: тучности, жидкимъ волосамъ и слабому зрѣнію.

— Мистеръ Моррисъ, вы меня оскорбляете.

— Миссъ Робинсонъ, это не входило въ мои намѣренія. Вы желали знать мое мнѣніе,—я вамъ его высказалъ согласно съ правдою.

— Вы сказали, что я жирная расфранченая старая горничная!

— Да, долженъ сознаться, что-то въ этомъ родѣ.

— Вы безсовѣстный неучъ! крикнула, уходя, возмущенная субретка.

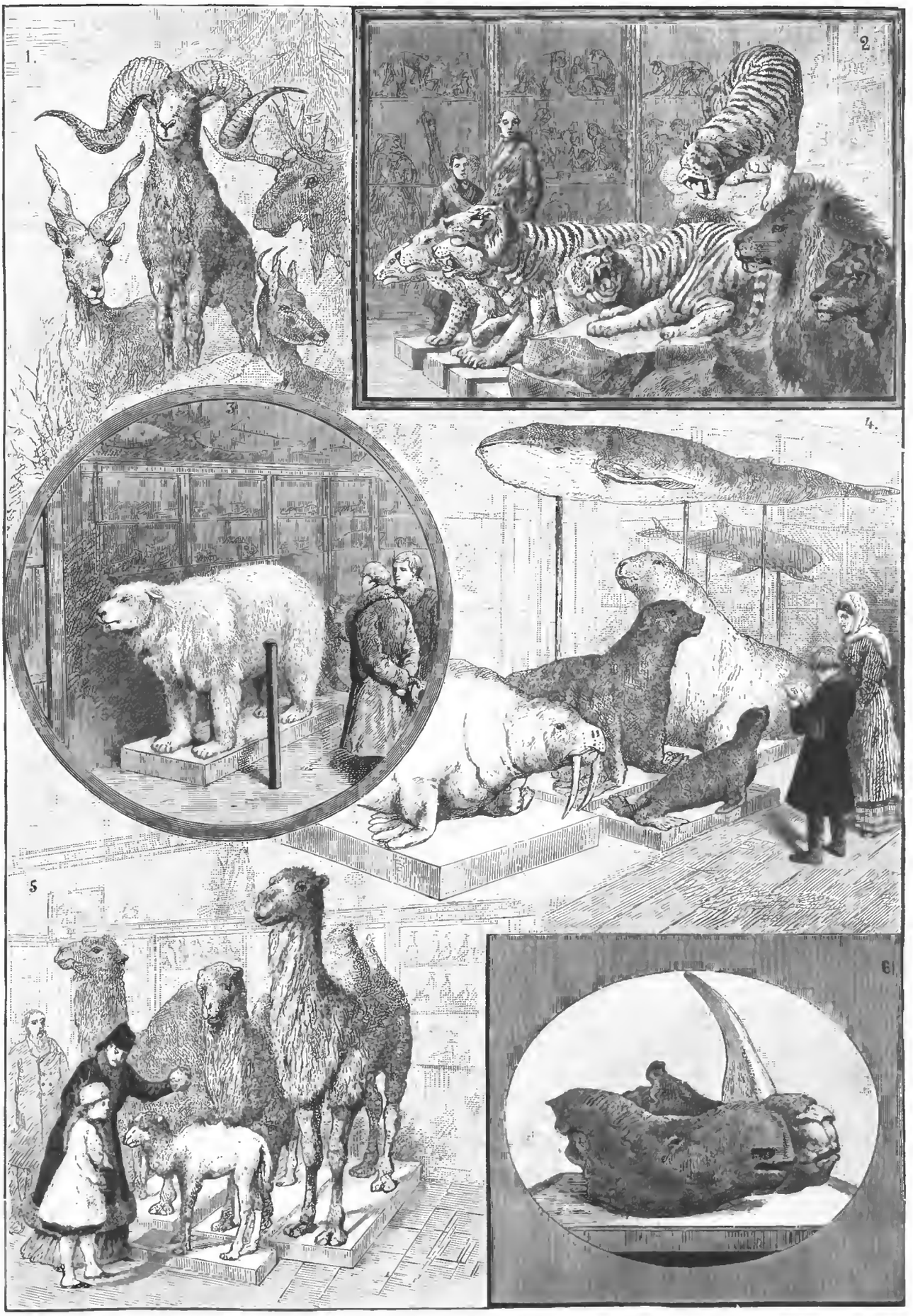
— Вотъ еще одинъ врагъ, сказалъ про себя Джозефъ,—только оттого, что я правдиво отвѣчалъ на ея вопросы! И кто же? Какъ разъ горничная Элленъ Лайль, особы, которую я ни за что на свѣтѣ не желалъ бы оскорбить. Ни за что на свѣтѣ? Гмъ! Хорошо, что я этого не сказалъ громко, потому что это была бы ложь. Ради многаго на свѣтѣ я бы не побоялся ее обидѣть, но только не ради такого вздора, какъ сегодня. О, эта злополучная привычка всегда говорить неправду! Когда мы не обманываемъ другихъ, то обманываемъ самихъ себя, и даже совсѣмъ безъ всякой причины. Но къ чорту и вѣчное высказываніе истинъ! Оно еще заведетъ меня въ такіе тиски, что оттуда не выбраться. Дай Богъ, чтобы въ слѣдующіе восемь дней никто не обращался ко мнѣ съ вопросами или замѣчаніями!

Между тѣмъ обиженная горничная побѣжала съ жалобами на Морриса ко всѣмъ знакомымъ въ округѣ Литтль Бритэнъ.

— Развѣ это не въ высшей степени странно со стороны этого безсовѣстнаго Морриса изъ магазина Блэка? говорила она маленькой модисткѣ, Элизѣ Белль, съ которой прежде всѣхъ встрѣтилась.—Сегодня я была въ магазинѣ, дѣлала заказъ для миссъ Лайль, и когда вышла на улицу, Моррисъ меня чуть съ ногъ не сшибъ и велъ себя со мною отвратительно!

— Быть не можетъ, миссъ Робинсонъ! Моррисъ всегда держитъ себя очень скромно, былъ отвѣтъ.

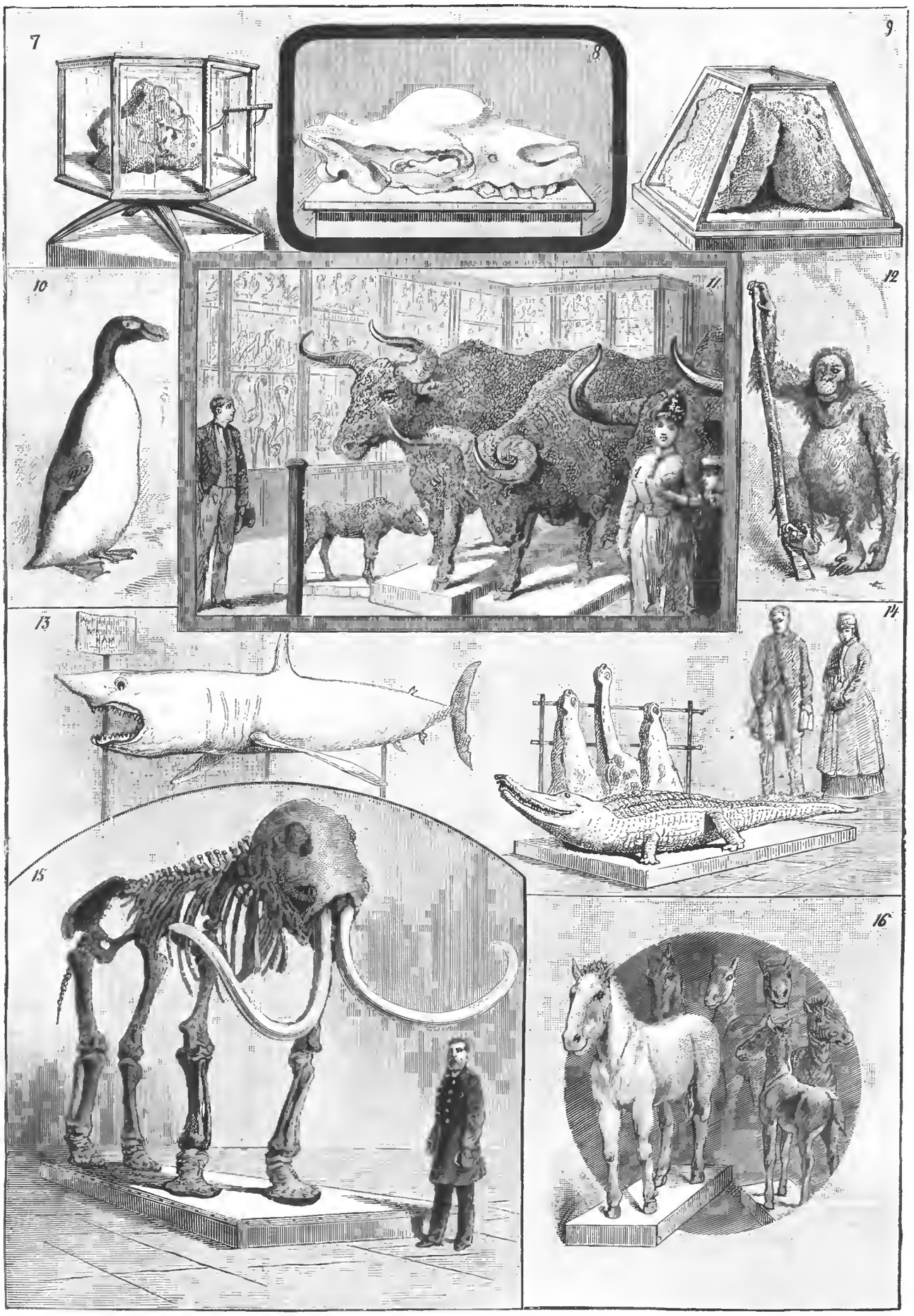
Библиотека "Руниверс"



Музей Академіи Наукъ въ СПБ. Ориг рис. Броллинга.

1. Аргали, сайги, лось. 2. Тигры, львы. 3. Бѣлый медвѣдь. 4. Моржи, тюлени, дельфинъ. 5. Верблюды. 6. Головы носороговъ.

Библиотека "Руниверс"



Музей Академіи Наукъ въ СПБ. Ориг. рис. Броллинга

1. и 9. Ископаемыя. 8 Черепъ эласмотерія. 10 Пингвинъ 11 Яки. 12. Орангъ-утангъ 13 Акула. 14 Крокодилъ. 15. Скелетъ мамонта 16 Дикія лошади

Библиотека "Руниверс"

— Скромно или нѣтъ, но онъ грубо оскорбилъ меня и вообще имѣлъ видъ совсѣмъ пьянаго человѣка.

— Что вы! да онъ совсѣмъ не пьетъ, къ тому же такъ рано утромъ!

— Ну, стало-быть онъ былъ не въ своемъ умѣ! воскликнула горничная.

— Однако, чѣмъ онъ васъ оскорбилъ? Что̀ онъ сказалъ или сдѣлалъ?

— Это вы можете легко себѣ представить, миссъ Белль, отвѣчала разгнѣванная особа и поспѣшно вышла изъ лавки, такъ какъ ей всего менѣе хотѣлось повторять, въ ущербъ самой себѣ, высказанныя Моррисомъ простыя истины.

По ея уходѣ молодая дѣвушка нѣсколько минутъ стояла въ глубокомъ раздумьи, пораженная намекомъ на то, что молодой человѣкъ вздумалъ объясняться въ любви состарившейся кокеткѣ горничной.

— Онъ, должно-быть, въ самомъ дѣлѣ былъ не въ своемъ умѣ! сказала она наконецъ, снова садясь за работу.

Подобные разговоры повторялись еще не одинъ разъ съ малыми измѣненіями, такъ что, спустя какихъ-нибудь два часа, по всему предмѣстью Литтль Бритэнъ разнесся слухъ, что у молодаго Морриса не совсѣмъ ладно въ головѣ.

Между тѣмъ Джозефъ былъ уже въ магазинѣ своихъ принципаловъ.

— Мистеръ Моррисъ, обратился къ нему второй компаньонъ фирмы, мистеръ Броунъ. — Вы сегодня нѣсколько запоздали, но я вамъ не дѣлаю выговора, потому что вообще вы всегда очень аккуратны. Велите хорошенько запаковать вотъ эти шелковыя матеріи; онѣ сегодня еще должны быть отосланы миссъ Лайль, которая выберетъ изъ нихъ нѣсколько кусковъ. Мнѣ было бы пріятно, если-бъ вы сами отнесли ей пакетъ. Хотя собственно это не ваша обязанность, но это было бы особеннымъ вниманіемъ къ одной изъ нашихъ лучшихъ покупательницъ. Поэтому вы сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе, если исполните мое порученіе.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! радостно отвѣчалъ Джозефъ, довольный тѣмъ, что можетъ наконецъ дать правдивый и вмѣстѣ вѣжливый отвѣтъ; онъ ужъ началъ опасаться, что не откроетъ рта безъ того, чтобы кого-нибудь не оскорбить и не нажить себѣ врага.

— Это на васъ похоже, вы всегда любезны и услужливы, замѣтилъ принципалъ.—Вы также, я думаю, замѣтили, что эта дама любитъ, когда вы приходите къ ней на виллу; я замѣтилъ, что у насъ въ магазинѣ она всегда ждетъ вашихъ услугъ, и когда одинъ изъ насъ, стариковъ, подходитъ засвидѣтельствовать ей свое почтеніе, она дѣлаетъ сердитое лицо и обыкновенно скоро уходитъ, ничего не купивъ. Хорошо имѣть двадцать пять лѣтъ и прекрасные каштановые волосы! прибавилъ мистеръ Броунъ, проводя рукою по своему блестящему голому черепу.

Краснѣя, со скромностью неиспорченнаго молодаго человѣка, Моррисъ отвѣтилъ согласно съ правдою:

— Да, недурно!

Принципалъ взглянулъ на него, удивляясь такому откровенному отвѣту, и подумалъ про себя:

„Тщеславный молодой глупецъ! неужели онъ такъ же пустъ, какъ остальные? Но нѣтъ, онъ покраснѣлъ отъ моего замѣчанія, что молодая особа даритъ его особеннымъ вниманіемъ. Должно-быть, я его не такъ понялъ“.

— Я могу еще кое-что вамъ сообщить, Моррисъ, сказалъ онъ вслухъ;—но смотрите, это еще тайна. Идите за мною.

Молодой человѣкъ вошелъ вслѣдъ за хозяиномъ въ маленькую боковую комнату, гдѣ послѣдній продолжалъ:

— Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи раньше всѣхъ сообщить вамъ новость; такъ какъ скоро я долженъ идти въ Пайслей за покупками, то другаго случая можетъ и не представиться.

Джозефъ ждалъ съ напряженнымъ любопытствомъ, а мистеръ Броунъ посмотрѣлъ еще разъ по направленію къ двери, желая убѣдиться, что никто не подслушиваетъ, и наконецъ сказалъ:

— Въ прошлую субботу мы всѣ компаньоны собрались поужинать въ гостиницѣ „Ангелъ у вертела“... странное названіе для гостиницы, не правда-ли?

— Да, странное сопоставленіе, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Однако не совсѣмъ неподходящее, замѣтилъ мистеръ Броунъ:—если-бъ моя кухарка всегда подавала мнѣ такіе сочные, хорошо приготовленные бифстеки и котлеты, какіе мы тамъ ѣли, то я также назвалъ бы ее „ангеломъ у вертела!“ Ха-ха-ха! Это хорошая острота — хотя моя собственная — не правда-ли?

— Не особенно! отвѣчалъ правдивый молодой человѣкъ.

„Что съ нимъ? подумалъ мистеръ Броунъ; — я сегодня его не понимаю; что за странное поведеніе!“

Но такъ какъ предметъ сообщенія былъ слишкомъ интересенъ, чтобы вдаваться въ побочные пункты, то принципалъ оставилъ безъ вниманія необычайную откровенность подчиненнаго и продолжалъ:

— Хорошо; итакъ мы пріятно ужинали въ отдѣльномъ кабинетѣ, разговаривали о томъ, о семъ, и наконецъ разговоръ зашелъ о васъ. Ваша предусмотрительность и точность, ваша услужливость, привлекающая покупательницъ, и... и... однимъ словомъ, мы согласились, что справедливость требуетъ принять васъ компаньономъ въ наше дѣло, предоставивъ вамъ соотвѣтствующую долю въ прибыли!

— О, мистеръ Броунъ! вырвалось у молодаго человѣка.

Онъ не помнилъ себя отъ восторга и благодарности. Конечною цѣлью его стремленій было скопить извѣстную сумму годами вѣрной службы и когда-нибудь сдѣлаться компаньономъ фирмы; но быть принятымъ уже теперь, безъ капитала, единственно ради личныхъ достоинствъ, этого онъ не считалъ возможнымъ даже въ самыхъ смѣлыхъ своихъ мечтахъ.

— Тише, тише! унималъ мистеръ Броунъ,—не такъ громко! Васъ услышатъ, тогда какъ это должно еще остаться между нами. Однако магазинъ наполняется покупателями, и мы должны прервать нашъ разговоръ. Еще одно: Блэкъ хочетъ оставить дѣло, тогда я сдѣлаюсь старшимъ компаньономъ.

— Поздравляю васъ.

— Да, вы можете поздравить и самого себя, такъ какъ я надѣюсь быть болѣе обходительнымъ начальникомъ, чѣмъ нашъ бывшій глава-тиранъ. Во всякомъ случаѣ, начиная съ 1 мая этого года, наша фирма будетъ называться „Броунъ, Гринъ, Уайтъ и Моррисъ“, если вы ничего не имѣете противъ этого.

— О, мистеръ Броунъ, мое сердце преисполнено...

— Да, да, знаю. Но помните, что это тайна; мои компаньоны хотятъ вамъ сдѣлать сюрпризъ, не проговоритесь же.

— О, разумѣется нѣтъ, если они меня не спросятъ.

— Этого они ни въ какомъ случаѣ не сдѣлаютъ, а будутъ молчать до поры до времени. Однако я теперь долженъ васъ оставить. Да и вы бы хорошо сдѣлали, если бы пошли въ магазинъ услуживать дамамъ, которыя смотрятъ набивныя матеріи.

Мистеръ Броунъ удалился, а молодой человѣкъ сталъ на свое обычное мѣсто за прилавкомъ.

— Могу я разсчитывать на то, что эти цвѣта не полиняютъ? спросила одна молодая особа, разсматривая кусокъ цвѣтнаго ситца.

— Нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ ей поборникъ правды, — эти краски непремѣнно выливяютъ.

— Но здѣсь на билетикѣ стоитъ: „не линючія“; откуда вы знаете, что онѣ линяютъ?

— Потому что на прошлой недѣлѣ одна пожилая дама купила себѣ этой матеріи на платье и когда попробовала вымыть кусочекъ, то онъ совершенно вылинялъ; она приходила къ намъ жаловаться.

— Еще бы не жаловаться! Но вы не должны выставлять на подобныхъ матеріяхъ такіе этикеты, если вы не совсѣмъ увѣрены въ прочности красокъ.

— Конечно, этого не должно бы дѣлать, согласился Моррисъ.

— Разъ вы это знаете, нужно снять этикеты.

— Разумѣется мы должны бы это сдѣлать.

— Какъ? Развѣ этикеты до сихъ поръ не сняты? воскликнулъ, подходя къ прилавку, старшій компаньонъ, мистеръ Блэкъ.—Сейчасъ же снимите ихъ, мистеръ Моррисъ. Мы никогда не выдаемъ краски за прочныя, если въ нихъ не увѣрены. Чѣмъ еще я могу вамъ служить, сударыня? почтительно спросилъ онъ молодую особу.

— Теперь ничѣмъ, я приду другой разъ, отвѣчала она, слегка кивнула головою и вышла изъ магазина.

Какъ только она ушла, поведеніе принципала внезапно измѣнилось. Обращаясь къ Моррису, который былъ занятъ срываніемъ злополучныхъ этикетовъ, онъ сказалъ грубо:

— Оставьте ихъ, Моррисъ! Что это вамъ вздумалось, чортъ возьми, разсказать дамѣ, что краски линяютъ?

— Потому что это правда. Миссъ Руппъ купила на той недѣлѣ этой матеріи на платье, вымыла кусокъ и принесла его сюда —онъ совсѣмъ полинялъ.

— Да, но вамъ все-таки не зачѣмъ было это разсказывать молодой особѣ; пускай бы она сама сдѣлала это открытіе, послѣ того, какъ платье было бы куплено и заплачено.

— Тогда было бы слишкомъ поздно.

— Это васъ не касается. Мы должны иногда кривить душою, чтобы вести дѣла; если-бъ мы всѣмъ прямо говорили, что краски этой матеріи линяютъ, а той стираются, и такъ далѣе, то пришлось бы закрыть магазинъ. Удивляюсь, какъ это вы послѣ долгой службы могли сдѣлать подобную неловкость. Остерегайтесь на будущее время отъ такихъ ошибокъ!

Бѣдный Джозефъ! Едва онъ успѣлъ перевести духъ послѣ выговора, какъ его мужество и правдивость подверглись новому испытанію.

— Это французскій шелкъ? спросила одна покупательница, указывая на кусокъ шелковой матеріи.

— Нѣтъ... нѣтъ! пролепеталъ молодой человѣкъ, краснѣя до корня волосъ.

— Я такъ и думала; но здѣсь на этикетѣ выставлено: „настоящій французскій шелкъ!“ Зачѣмъ вы пишете, если это неправда? Вѣроятно по ошибкѣ? спрашивала дама.

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ, сударыня, не по ошибкѣ.
— Что? вы хотите сказать, что это съ намѣреніемъ?
— Да, сударыня.
— Но вѣдь это называется обманывать! воскликнула удивленная дама.
— Знаю, сударыня, сознался поневолѣ поборникъ правды; — но мы это зовемъ только „немного кривить душою“.
— Это такое обыкновеніе въ вашемъ дѣлѣ?
— Да, сударыня.
— Ужасно! А зачѣмъ вы мнѣ открываете такія вещи? Развѣ вы поссорились съ вашими хозяевами?
— Нѣтъ, сударыня, я еще никогда не стоялъ выше въ ихъ мнѣніи, чѣмъ именно сегодня.
— Странно! Но что же васъ побуждаетъ выдавать этотъ обманный образъ дѣйствій?
— Вы меня спросили, и я вынужденъ отвѣтить правду.
— Такъ. И вы всегда говорите правду?
— Теперь—да.
— А ваши принципалы это знаютъ?
— Не думаю.
— Вѣроятно, нѣтъ! Однако этотъ шелкъ, который здѣсь выдается за французскій—какая это собственно матерія?
— Англійскій шелкъ невысокаго достоинства.
— А какъ его настоящая цѣна?
— Около двухъ шиллинговъ за локоть.
— А вы продаете за три шиллинга—на цѣлую треть выше настоящей цѣны? Ужасно! Никогда больше не загляну въ этотъ магазинъ и предупрежу всѣхъ знакомыхъ! воскликнула дама и поспѣшно ушла.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Селамликъ. (Рис. на стр. 561).

(Изъ воспоминаній о Стамбулѣ). **Г. А. Джаншіева.**

Одинъ изъ стародавнихъ обычаевъ у турокъ вмѣняетъ султанамъ если не въ юридическую, то въ нравственную обязанность являться народу еженедѣльно, въ пятницу, при отправленіи въ мечеть для совершенія установленнаго на этотъ день торжественнаго молитвословія—это и есть „селамликъ“. И султаны свято чтутъ этотъ полурелигіозный, полу-государственный обычай. Даже болѣзнь не всегда удерживаетъ ихъ отъ исполненія этого долга совѣсти и государственнаго служенія, и больной Махмудъ умеръ тотчасъ послѣ селамлика.

Въ старину этотъ религіозно-военный парадъ совершался съ необыкновеннымъ блескомъ и помпою. Теперь церемонія стала проще, но все-таки довольно оригинальна. Рѣдкій туристъ пропуститъ случай выхлопотать себѣ въ своемъ посольствѣ разрѣшеніе присутствовать на этой оригинальной церемоніи. Разрѣшеніе—по крайней мѣрѣ въ нашемъ посольствѣ—дается легко и безъ всякихъ формальностей...

Въ одно прелестное ноябрьское утро я, въ компаніи четырехъ соотечественниковъ, изъ коихъ одинъ былъ главный врачъ мѣстной русской больницы, другой харьковскій помѣщикъ, а третій фармацевтъ,—проѣхавъ темную, грязную улицу Перы и обогнувъ новый дворецъ германскаго посольства, имѣющій видъ казармы, стали спускаться по отлогому шоссе, залитому солнцемъ—въ кварталъ Бешик-таша. Часамъ къ одиннадцати мы подъѣхали къ простенькому двухъэтажному деревянному дому, приписанному къ Ильдизъ-Кіоску и отводимому посламъ и иностранцамъ. Гости султана размѣстились у оконъ, мимо которыхъ долженъ былъ проѣхать султанъ и выходящихъ какъ разъ насупротивъ мечети Гамидіе. Изъ оконъ открывалась чудная панорама: на Босфоръ и на сераль скій мысъ, еще окутанный въ легкій газъ утреннихъ пушистыхъ облаковъ. Но туманъ скоро разсѣялся и Босфоръ заблисталъ отблескомъ расплавленнаго золота, а старый Сераль, съ его дворцами и кипарисами, ясно обозначался своими мягкими, гармоническими линіями...

Мы съ докторомъ русской больницы В. П. Щепотьевымъ заняли мѣсто у окна, откуда видно было все пространство, на которомъ происходитъ церемонія. Впереди виднѣлась желтая мечеть Гамидіе. Это небольшое, но въ высшей степени стройное зданіе въ готическо-мавританскомъ стилѣ, съ однимъ минаретомъ и, не въ примѣръ другимъ мечетямъ, давно уже не знающимъ ремонта, содержится вполнѣ исправно. Такая честь выпала Гамидіе вслѣдствіе того, что она отстоитъ отъ Ильдизъ-Кіоска въ нѣсколькихъ шагахъ и ее почти исключительно посѣщаетъ, во время традиціоннаго селамлика, нынѣшній султанъ Абдулъ-Гамидъ. По старому обычаю, султаны должны поочередно посѣщать всѣ мечети, чтобы являть себя народу повсемѣстно. Но теперь этотъ обычай оставленъ и султанъ только разъ въ годъ рѣшается переѣхать Стамбульскій мостъ и посѣтить Айя-Софію, обыкновенно же ѣдетъ въ Гамидіе.

Понемногу улицы, примыкающія къ красивой оградѣ Гамидіе, стали наполняться войсками, позади которыхъ стояли толпы любопытныхъ. Вскорѣ весь путь отъ Ильдизъ-Кіоска къ Гамидіе и окрестности его были заняты пестрыми рядами войскъ въ разнообразной и живописной обмундировкѣ. Войска производили своимъ молодцоватымъ, воинственнымъ видомъ хорошее впечатлѣніе: смуглыя, энергичныя лица, нервная, гибкая мускулатура свидѣтельствовала о выносливости и стойкости турецкаго солдата. Направо отъ насъ стояла султанская конная гвардія на прекрасныхъ арабскихъ скакунахъ, съ красными значками и въ синихъ куртахъ. Особенное вниманіе обращали на себя зуавы триполитскіе въ ихъ красныхъ шароварахъ и зеленыхъ чалмахъ. Офицеры, напротивъ, производили неблагопріятное впечатлѣніе. За исключеніемъ старыхъ ветерановъ, которымъ сѣдина сообщала внушительный и даже интеллигентный видъ, они поражали своею вялостью—и даже тупымъ выраженіемъ сонливости и пресыщенія. Шествіе войскъ замыкали дворцовые гренадеры изъ албанцевъ и арабовъ, подобранные красавецъ къ красавцу. Вражда между ними, говорятъ, непримиримая и она-то считается залогомъ ихъ преданности.

Когда войска заняли свои мѣста, стали собираться въ мечеть улемы и имамы разныхъ степеней учености и святости, въ разнообразныхъ живописныхъ костюмахъ — въ мѣхахъ, и въ бѣлыхъ саванахъ, зеленыхъ и дорогихъ кашемировыхъ шаляхъ. За ними стали появляться придворные чины и во главѣ ихъ главный евнухъ или какъ гласитъ его оффиціальный титулъ: „стражъ при вратахъ блаженства.“—Представьте себѣ черную тушу, съ огромнымъ животомъ, на высокихъ худыхъ ходуляхъ, съ руками висячими, какъ плети, съ безсмысленно устремленными въ пространство глазами, съ оффиціально-важно сжатыми губами и со знакомъ своего достоинства, посохомъ въ рукѣ — это и есть тотъ всесильный „кизларъ-ала“, который въ былыя времена рѣшалъ судьбы народовъ, а теперь держитъ въ страхѣ не только дворъ, но и Порту. Онъ гордо и презрительно озирается кругомъ, а между тѣмъ вся эта расфранченная и раззолоченная придворная и военная молодежь, почти безъ вниманія пропускавшая и заслуженныхъ генераловъ, и важныхъ улемъ и имамовъ—поспѣшаетъ на встрѣчу этому идолищу—и въ три погибели гнетъ шею передъ нимъ. И вообще почти на всемъ протяженіи пути, пока эта уродливая фигура медленно двигалась до дверей мечети—все и вся предъ нимъ склоняется и преклоняется. Оно и понятно. Еще наканунѣ разсказывали, какъ этотъ сильный человѣкъ, владѣющій „ухомъ своего господина“, во-время сказаннымъ словомъ возвысилъ того-то изъ ничтожества до почестей и богатства и низвергъ того-то, повидимому, сидѣвшаго крѣпко на своемъ мѣстѣ.

Вслѣдъ за евнухомъ появилось нѣсколько модныхъ парижскихъ ландо и купе съ султанскими женами. Кромѣ красивыхъ, выразительныхъ глазъ и прелестныхъ рукъ ничего нельзя было разглядѣть. Одинъ изъ моихъ сосѣдей, въ качествѣ знатока женской красоты, брался на основаніи этихъ данныхъ возстановить всю фигуру султаншъ, какъ Кювье возстановлялъ по одной кости все тѣло допотопныхъ животныхъ, но очевидно въ этомъ палеонтологическомъ методѣ не послѣднее мѣсто отведено было воображенію. Въ одной изъ каретъ сидѣла съ открытымъ лицомъ принцесса лѣтъ двѣнадцати такой дивной красоты, что къ ней, безъ преувеличенія, можно-бы приложить выраженіе: ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Она была одѣта въ бархатную курточку, цвѣта бордо, отдѣланную золотомъ, и въ голубомъ атласномъ корсажѣ.—Поѣздъ придворныхъ дамъ замыкала султанша-валидѐ (мать султана). Всѣ придворные экипажи въѣхали на дворъ мечети. Дамы остались въ нихъ, а кучера почему-то поспѣшили отпречь лошадей, выпуть дышла, какъ будто собирались ночевать здѣсь.

Наконецъ рожокъ подалъ сигналъ. Войска, безъ командныхъ словъ, въ одно мгновеніе, какъ одинъ человѣкъ взяли на караулъ. Нѣсколько оркестровъ заиграли маршъ Гамидіе, и въ воротахъ Ильдизъ-Кіоска показалась голова султанскаго поѣзда. Впереди шло 40 полковниковъ, имѣя въ срединѣ какого-то сѣдаго генерала, затѣмъ 20 генераловъ въ блестящихъ мундирахъ и съ массою орденовъ. Шествіе замыкали негры-гиганты, въ богатѣйшихъ голубыхъ расшитыхъ золотомъ костюмахъ, ведя подъ уздцы двухъ замѣчательныхъ верховыхъ арабскихъ коней. Эти чудныя животныя такъ поражали своимъ статнымъ видомъ, граціею и умнымъ выраженіемъ, что, даже среди этого блеска и треска, нельзя было оторвать взоръ отъ нихъ.

Наконецъ, показалось открытое ландо съ богато одѣтымъ кучеромъ. Въ ландо сидѣлъ султанъ Абдулъ-Гамидъ, а насупротивъ его сидѣлъ и... къ удивленію истыхъ мусульманъ, не проваливался сквозь землю—простой смертный. Этотъ счастливый смертный, согрѣваемый лучами „тѣни Аллаха“, былъ не кто иной, какъ знаменитый Османъ-паша-Гази (побѣдоносный), нѣкоторымъ образомъ тезка нынѣшнему султану, внесшему и въ свой гербъ это прозвище. Султанъ не поражаетъ ни красотою, ни статностью. Лицо довольно умное, но довольно блѣдное, почти болѣзненное, носъ большой, чисто армянскій; сидѣлъ онъ сгорбившись и взоръ блуждалъ ни на чемъ не останавливаясь. Поровнявшись съ нашими окнами, султанъ любезно поклонился и затѣмъ въѣхалъ во дворъ мечети.

Муэззинъ прокричалъ съ минарета приглашеніе къ молитвѣ, и въ мечети началось богослуженіе. Время отъ времени выле-

Библиотека "Руниверс"

гали изъ мечети звуки пронзительнаго носоваго унисона, напоминающаго старинное византійское церковное пѣніе. Въ мечети султанъ пробылъ съ полчаса. По ошибочно думаютъ европейцы, что все это время онъ посвящаетъ молитвѣ. Послѣ краткаго молитвословія, султанъ тутъ же въ канцеляріи, т. е. въ пристройкѣ, соединенной съ мечетью, вершитъ текущія государственныя дѣла, и мы видѣли, какъ статсъ-секретари съ большими сумками, въ родѣ почтальонскихъ, чрезъ плечо входили и выходили изъ канцеляріи. Пробѣгали также въ мечеть и придворные чиновники съ дорожными сумками и чемоданчиками въ рукахъ: въ нихъ, кромѣ принадлежностей туалета, необходимыхъ при мусульманскомъ молитвословіи, приносили, какъ мнѣ передавали, и дѣловыя бумаги.

Пока султанъ занимался дѣлами въ мечети, намъ былъ предложенъ отъ двора чай, и въ это время нашъ кіоскъ представлялъ настоящее смѣшеніе языковъ. Чуть не всѣ европейскія нарѣчія слышались въ этомъ небольшомъ обществѣ, гдѣ почти всѣ европейскіе народы имѣли представителей.

По случаю чрезмѣрной жары—не смотря на ноябрь мѣсяцъ въ тѣни было 20°—парадъ былъ отмѣненъ, и султанъ вернулся обратно въ закрытой коляскѣ, запряженной à la Daumont, при чемъ правилъ самъ парою превосходныхъ сѣрыхъ рысаковъ. Всѣ придворные, не исключая и старыхъ генераловъ, задыхаясь бѣжали въ гору за коляскою...

Мало-по-малу стала расходиться и разъѣзжаться разноцвѣтная и разнохарактерная толпа. Площадь, залитая чисто лѣтнимъ солнцемъ, множество войскъ въ красивыхъ мундирахъ и фескахъ, турецкія женщины въ чадрахъ и яшмакахъ, вереница элегантныхъ экипажей, музыка, одновременно играющая на нѣсколькихъ пунктахъ — все это скорѣе напоминало обстановочное театральное представленіе, феэрію, чѣмъ былое „государственное богослуженіе ислама", когда въ церемоніи участвовало не парижское ландо, а верблюдъ съ кораномъ на спинѣ, и султанъ появлялся въ сопровожденіи палача, снимавшаго голову съ того дерзкаго гяура, который осмѣливался поднять глазъ на привѣтный ликъ султана... Для довершенія сходства съ феэріею, откуда ни возьмись, появился мальчикъ-съ-пальчикъ, какой-то принцъ малютка лѣтъ шести, въ венгеркѣ. Когда онъ проходилъ мимо сѣдоусыхъ часовыхъ, стоявшихъ у воротъ дворца, тѣ съ какою-то преувеличенною, напускною почтительностью наклонили предъ маленькимъ принцемъ свои обожженныя не то порохомъ, не то африканскимъ солнцемъ загорѣлыя лица, и почти съ отеческою нѣжностью прикладывали, по турецкому обычаю, въ знакъ привѣтствія, руку къ губамъ и ко лбу.

А принцъ-крошка, твердо помня наставленіе своего дядьки, смѣло шагалъ впередъ и гордо, едва замѣтно кивалъ головою ветеранамъ.

Чѣмъ это не сцена изъ Сандрильоны?!..

Сами турки, впрочемъ, смотрятъ очень серьезно на церемонію селамлика, какъ можете судить по слѣдующему описанію, появившемуся на другой день въ оффиціальной газетѣ: „Повелитель правовѣрныхъ и халифъ лица земли, благодѣтель безпредѣльный, всещедрый, величайшій, святѣйшій, могущественнѣйшій государь нашъ Е. В., позымѣвъ благочестивое намѣреніе исполнить священный долгъ пятичнаго молитвословія, вчера соизволилъ, на колесницѣ славы и величія, шествовать въ свѣтозарную мечеть Гамидіе и, по исполненіи установленнаго молитвословія, согласно высочайшаго повелѣнія, облагородившаго своимъ появленіемъ вселенную, присутствовавшія на высокоторжественной церемоніи селамлика султанскія войска совершили парадъ (?). По окончаніи церемоніальнаго марша ангелоподобная особа Е. В., убѣжище халифата, вновь соизволилъ возсѣсть на колесницу славы и величія и облагородить міръ своимъ славнымъ возвращеніемъ въ Ильдизскій дворецъ — съ нимъ же счастье неразлучно.

„Во время обратнаго слѣдованія Е. В., тѣни Божіей на землѣ, султанскія вѣчно-побѣдоносныя войска и тысячи рабовъ, вѣрно-преданныхъ жителей столицы, радостно оглашали воздухъ кликами: „многая лѣта!" и возсылали установленныя молитвы къ подножію престола Всевышняго.

„Чтобы сподобиться созерцать величественное появленіе солнца земли, озаряющаго своимъ сіяньемъ вселенную, знатнѣйшіе изъ иноземцевъ, среди которыхъ находились такіе-то (слѣдуетъ перечисленіе), удостоились собраться въ особомъ кіоскѣ".

Къ рисункамъ.

Городъ Романовъ-Борисоглѣбскъ. (Рис. на стр. 561).

Уѣздный городъ Ярославской губерніи, Романовъ-Борисоглѣбскъ расположенъ на обоихъ возвышенныхъ берегахъ Волги: собственно-Романовъ на лѣвомъ и весьма холмистомъ берегу, а Борисоглѣбскъ—на правомъ, болѣе ровномъ. Собственно *Романовъ*, какъ полагаютъ, былъ основанъ въ XIV в. (около 1370 г.) кн. Романомъ Васильевичемъ, сыномъ Василія Давыдовича князя Ярославскаго. До XV в. онъ находился въ составѣ Ярославскаго княженія; при Іоаннѣ III присоединенъ къ Московскому государству; въ 1565 г. былъ отданъ Іоанномъ Грознымъ двоюродному его брату, кн. Владиміру Андреевичу, взамѣнъ Вышгорода и нѣкоторыхъ волостей Можайскихъ, въ 1570 г. отданъ въ помѣстье татарскимъ мурзамъ; въ 1648 г. имѣлъ уже свой уѣздъ; въ 1694 г. перечисленъ изъ Приказа Большаго Дворца въ вѣдомство Разряда; въ 1708 г. приписанъ къ Ингерманландской губ.; въ 1719 г. находился въ Пошехонской провинціи С.-Петербургской губ.; въ 1777 г. назначенъ уѣзднымъ городомъ Ярославскаго намѣстничества; въ 1822 г. соединенъ съ Борисоглѣбскомъ.

Что касается *Борисоглѣбска*, то изъ уставной грамоты 1581 года царя Ѳеодора Ивановича видно, что онъ подъ именемъ Борисоглѣбской слободы существовалъ еще въ XV вѣкѣ при царѣ Василіи Ивановичѣ и входилъ въ составъ дворцовыхъ волостей, снабжая царскій дворъ рыбою. Въ 1777 г. Борисоглѣбскъ сдѣланъ, отдѣльно отъ Романова, уѣзднымъ городомъ Ярославскаго намѣстничества и въ 1822 г. соединенъ съ нимъ.

Нынѣ въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ 5,000 жителей. Изъ городскихъ зданій замѣчательны: Воздвиженскій соборъ со старинными иконами и колоколами, первой половины XVII в., другой соборъ—Воскресенскій—основанъ въ 1652 г.; приходская церковь Благовѣщенія—въ 1660 году, Преображенія—въ 1758 г., Вознесенія Господня — въ 1795 г. На мѣстѣ церкви Покрова Пресв. Богородицы существовалъ мужской Покровскій монастырь, о которомъ свѣдѣній нѣтъ. Изъ промысловъ у жителей особенно развито огородничество (лукъ не уступаетъ ростовскому). Кромѣ того, жители занимаются работою на судахъ идущихъ по Волгѣ. Изъ ремеслъ болѣе развито кузнечество и ковка котловъ въ особенности. Заводская дѣятельность незначительна Торговое значеніе города также теряется между Рыбинскомъ и Ярославлемъ.

Лѣтній зной. (Рис. на стр. 565).

Молодой художникъ, г. Томашевичъ, мастерски передаетъ впечатлѣніе лѣтняго полудня съ его темными тѣнями отъ деревьевъ на берегу небольшой рѣчки, пробирающейся въ травянистыхъ берегахъ, окаймленныхъ ивнякомъ и другими кустами. Ничего не хочется дѣлать въ такую жару, самое чтеніе идетъ лѣниво: такъ бы закинулъ руки за голову и глядѣлъ бы въ безконечную синеву неба, отгоняя отъ себя самыя мысли...

Молодая феллашка. (Рис. на стр. 569)

Феллахами въ Аравіи. Палестинѣ и преимущественно въ Египтѣ называютъ живущее въ деревняхъ и занимающееся земледѣліемъ мусульманское населеніе, въ противоположность кочевымъ бедуинамъ. Въ долинѣ Нила феллахи составляютъ ядро египетскаго населенія. Это по всему вѣроятію потомки древнихъ египтянъ съ большею или меньшею примѣсью арабской крови. Живутъ они въ жалкихъ землянкахъ, весьма работящи, миролюбивы, ревностные мусульмане и довольствуются чрезвычайно малымъ. Женщины, особенно дѣвушки, нерѣдко отличаются поразительной красотой.

Зоологическій музей Имп. Академіи Наукъ.

(Рис. на стр. 572 и 573).

Знаменитая *кунсткамера*, какъ еще въ началѣ нынѣшняго вѣка назывался музей Академіи Наукъ по воспоминанію о первой коллекціи Петра Великаго, положенной въ основаніе его, въ полномъ смыслѣ учрежденіе общедоступное и весьма популярное въ Петербургѣ. Съ тѣхъ поръ какъ съ начала 60-хъ годовъ посѣтители допускаются въ него безплатно и безъ входныхъ билетовъ, залы его по понедѣльникамъ полны густыми толпами всѣхъ слоевъ населенія и преимущественно простонародья. По богатству онъ стоитъ на ряду съ лучшими музеями Европы, а многіе и превосходитъ. Около десятка залъ собственно Зоологическаго музея заняты по стѣнамъ громадными шкапами со множествомъ полокъ, на которыхъ разставлены чучела болѣе мелкихъ звѣрей, птицъ, пресмыкающихся и рыбъ, а посрединѣ залъ, на особыхъ постаментахъ, стоятъ крупные представители животнаго царства. Въ послѣдніе годы и безъ того богатыя собранія музея значительно увеличились еще коллекціями покойнаго Пржевальскаго, которыя не имѣютъ себѣ подобныхъ въ Европѣ. Особое отдѣленіе (скелетное) заключаетъ въ себѣ скелеты ископаемыхъ и современныхъ животныхъ. Нашъ художникъ изобразилъ наиболѣе выдающіяся сокровища музея. Прежде всего бросается въ глаза *аргали* (рис. 1), тибетскій горный баранъ съ громадными рогами завиткомъ, убитый Пржевальскимъ, окруженный другими представителями жвачныхъ антилопой, лосемъ и проч. Затѣмъ слѣдуетъ группа крупныхъ кошекъ: львы, тигры и пантеры (рис. 2). Одиноко высится на своей подставкѣ бѣлый медвѣдь (рис 3) и около него сожители по Сѣверному океану: моржи и тюлени (рис. 4). Далѣе, какъ бы въ противоположность, обитатели жаркихъ степей: верблюды (рис. 5). Страница заключается образчикомъ изъ скелетнаго отдѣленія—это

Библиотека "Руниверс"

Новый храмъ Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія, въ СПБ. Съ фот. Савелева, грав. Вейерманъ.

Главная литературная премія „НИВЫ“ на 1891 годъ.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова.

При № 29 „Нивы“ всѣ подписчики получатъ обѣщанныя нами сочиненія Лермонтова въ новомъ изданіи.

Изданіе это, составляющее главную литературную премію «Нивы» на 1891 годъ, есть **первое полное собраніе сочиненій Лермонтова.** Въ это изданіе вошло все до сихъ поръ извѣстное по рукописямъ или печатному тексту, а **многое впервые появляется въ печати.** Въ то же время оно есть въ настоящемъ смыслѣ слова изданіе **исправленное,** тщательно свѣренное съ рукописями или съ печатнымъ текстомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній былъ установленъ самимъ авторомъ. Такая обработка изданія потребовала громаднаго труда со стороны редактора, А. И. Введенскаго, такъ какъ Лермонтовскій текстъ и въ Собраніяхъ сочиненій, и въ журналахъ былъ донынѣ настолько мало установленъ, что даже «Герой нашего времени» и другія, при жизни автора печатавшіяся произведенія, оказались искаженными. Что касается произведеній Лермонтова оставшихся въ рукописи, то они, вслѣдствіе неразборчивости почерка, были прочтены далеко не съ желательною точностью и до сихъ поръ количество ошибокъ въ каждомъ новомъ изданіи не уменьшалось, а даже возрастало. Благодаря повѣркѣ текста по рукописямъ «Лермонтовскаго Музея», Публичной Библіотеки и др., въ настоящемъ изданіи всѣ эти погрѣшности исправлены, а также возстановлена орѳографія автора по отношенію къ знакамъ препинанія, въ тѣхъ случаяхъ когда несоблюденіе ея извращало самый смыслъ текста.

Желая дать впервые **„дѣйствительно полное“** собраніе сочиненій нашего поэта, мы не остановились ни передъ какими матеріальными жертвами и вмѣсто обѣщанныхъ 45—48 листовъ (Сборникъ «Нивы» за іюль, августъ и сентябрь) даемъ въ 4-хъ томахъ 79 печатныхъ листовъ, **т. е. количество почти вдвое большее противъ обѣщаннаго нами.** Не смотря на громадныя техническія трудности, представляемыя печатаніемъ и брошюровкою болѣе чѣмъ **десяти милліоновъ печатныхъ листовъ,** мы успѣли преодолѣть ихъ къ сроку. Такимъ образомъ подписчики «Нивы» при № 29 получатъ первые два тома и при № 33 остальные два тома **полнаго собранія сочиненій Лермонтова.**

Прилагаемый къ изданію портретъ поэта, гравированный на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, воспроизведенъ съ оригинала, хранящагося въ Лермонтовскомъ Музеѣ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ Г.г. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ ЗА „НИВУ“ 1891 года, озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

Библиотека "Руниверс"

двѣ головы первобытныхъ (ископаемыхъ) носороговъ, еще покрытыя кожею (рис. 6).

На второй страницѣ мы видимъ образцы формацій съ отпечатками первобытныхъ животныхъ (рис. 7 и 9) и черепъ эласмотерія (рис. 8). Далѣе, чучело безкрылой птицы *пингвина* (рис. 10), группа *яковъ* (рис. 11), колоссальныхъ тибетскихъ быковъ съ конскимъ хвостомъ, доставленныхъ Пржевальскимъ, и *орангъ утангъ* (рис. 12). За ними видны два водяныхъ хищника: *акула* (рис. 13) и *крокодилъ* (рис. 14). Изъ скелетнаго отдѣленія здѣсь изображенъ скелетъ *мамонта* (рис. 15), — единственный во всей Европѣ цѣльный костякъ этого первобытнаго слона. Въ заключеніе группа дикихъ лошадей, открытыхъ Пржевальскимъ (рис. 16).

Новый храмъ Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія, въ СПБ. (Рис. на стр. 577).

16 іюня, въ воскресенье, въ 1 часъ дня, происходила торжественная закладка новаго и великолѣпнаго храма, сооружаемаго „Обществомъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія", на углу Николаевской и Стремянной улицъ. Этотъ новый и величественный храмъ, которому предназначено служить украшеніемъ одного изъ самыхъ видныхъ и бойкихъ мѣстъ столицы, представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе осязательныхъ плодовъ дѣятельности Общества, которое, кстати сказать, существуетъ еще весьма недавно и не далѣе какъ 4 апрѣля нынѣшняго года отпраздновало десятую годовщину своего основанія. Мысль объ основаніи „Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви" возникла среди духовныхъ и свѣтскихъ лицъ еще въ 1880 г., но уставъ Общества былъ утвержденъ Св. Синодомъ и Государемъ Императоромъ не ранѣе 4 апрѣля 1881 г., въ тѣ скорбные дни, когда вся Россія была повержена въ трепетъ и ужасъ страшнымъ событіемъ 1 марта. Въ эту годину бѣдствій, болѣе чѣмъ когда-либо, было своевременно вспомнить объ обязанности пастырей церкви просвѣщать свою паству внѣ-богослужебными собесѣдованіями, цѣлью которыхъ было бы именно воспитаніе души слушателей и направленіе ихъ мысли на предметы высокіе, достойные созерцанія и вдумчиваго обсужденія. Самое общество составилось изъ членовъ-дѣятелей, изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ съ богословскимъ образованіемъ, изъявившихъ желаніе вести бесѣды и чтенія отъ имени Общества, и изъ членовъ-соревнователей, въ число которыхъ могутъ вступать лица всѣхъ званій того и другаго пола, со взносомъ 5 р. ежегодно въ кассу Общества. Цѣль Общества: утвержденіе и распространеніе во всѣхъ слояхъ русскаго народа истинныхъ понятій о православной вѣрѣ и благочестіи. Средствами для достиженія указанной цѣли избраны церковныя бесѣды, домашнія собесѣдованія и чтенія, печатаніе и распространеніе самыхъ чтеній и другихъ книгъ, соотвѣтствующихъ цѣлямъ Общества. Бесѣды велись первоначально членами Общества въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ, въ часы свободные отъ богослуженія, а также въ общественныхъ залахъ и въ домахъ частныхъ лицъ. Но постоянно-возраставшее число слушателей, постоянный интересъ, возбуждаемый чтеніями и бесѣдами членовъ Общества, понуждали уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ тому, чтобы Общество обзавелось своимъ собственнымъ помѣщеніемъ. Къ тому же, при Обществѣ образовался и прекрасный „народный хоръ" для духовныхъ пѣснопѣній, которыми заканчивалась и начиналась каждая бесѣда; а впослѣдствіи, при усиленной дѣятельности членовъ Общества, незамѣтно выросла и своя общественная библіотека, которая только временно могла пріютиться въ Соляномъ городкѣ. Въ мартѣ 1890 года, завѣтная мысль Общества наконецъ могла осуществиться: Совѣту Общества, чрезъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ его членовъ, заявлено о пожертвованіи неизвѣстнымъ лицомъ 150.000 р. с. въ пользу Общества на постройку трехъ-придѣльнаго храма для ежедневнаго богослуженія и при немъ — залы, для веденія религіозно-нравственныхъ бесѣдъ. Вскорѣ послѣ того было пріобрѣтено Обществомъ мѣсто на углу Стремянной и Николаевской улицъ, гдѣ въ настоящее время и воздвигается, по плану архитектора Никонова, великолѣпный храмъ, разсчитанный на 1500 человѣкъ, съ залою также на 1500 человѣкъ. Мы видѣли основаніе этого прекраснаго зданія, видѣли тѣ подвальныя помѣщенія, въ которыхъ, подъ храмомъ предполагается устроить библіотеку Общества— и можемъ только пожелать славной будущности этому прекрасному и душеполезному учрежденію. П. П.

Политическое обозрѣніе.

Нынѣшнимъ лѣтомъ Россію посѣтитъ Сербскій король Александръ. Молодаго короля, которому 14 августа исполнится только пятнадцать лѣтъ, будутъ сопровождать первый изъ трехъ регентовъ Ристичъ, глава министерства Пашичъ и придворный штатъ, состоящій изъ гофмаршала Янковича и двухъ адъютантовъ. Прибытіе короля Александра въ Россію, да еще при обстановкѣ, которая придастъ этому первому путешествію заграницу характеръ царственнаго посѣщенія, уже теперь стращаетъ недоброжелателей Россіи и Сербіи.

Императоръ Вильгельмъ началъ свои лѣтнія путешествія. Онъ отправился 18 іюня въ Голландію, откуда посѣтитъ Англію. 19 іюня, вслѣдствіе тумана на морѣ, императоръ и императрица германскіе прибыли въ Муйденъ только въ 10 ч. 35 мин. Изъ Муйдена ихъ величества отправились на вѣстовомъ суднѣ „Jagd" въ Амстердамъ. Судно „Jagd" на чертѣ голландской столицы встрѣчено было салютомъ изъ орудій, убранными по праздничному лодками различныхъ мореходныхъ обществъ, военными судами, мониторами и проч. Въ минуту прибытія императора и императрицы, надъ пристанью взвился, рядомъ съ голландскимъ флагомъ, императорскій германскій флагъ. Королева-регентша съ юною королевой встрѣтила германскую чету. При встрѣчѣ присутствовали голландскіе министры, дипломатическій корпусъ, гражданскія и военныя власти.

Императоръ Австрійскій Францъ-Іосифъ только-что возвратился въ Вѣну съ морскихъ маневровъ на Адріатическомъ морѣ. Въ началѣ іюня въ итальянскихъ и англійскихъ газетахъ было напечатано извѣстіе, будто между Тріестомъ и Венеціей состоится большой смотръ флотовъ тройственнаго союза и Англіи, въ присутствіи императоровъ Германскаго и Австрійскаго и короля Итальянскаго, а также германскихъ и австрійскихъ принцевъ. Извѣстіе это оказалось ложнымъ. Австрійскій императоръ присутствовалъ только при маневрахъ австрійской эскадры въ Адріатическомъ морѣ, причемъ 12 іюня посѣтилъ англійскую эскадру, стоящую на якорѣ въ Фіуме.

Во время этого посѣщенія императоръ Францъ-Іосифъ провозгласилъ на адмиральскомъ суднѣ „Victoria" тостъ за долгоденствіе англійской королевы и за „достойный удивленія британскій флотъ".

Тройственный союзъ, а также отношеніе къ нему Англіи интересуетъ многихъ, и потому не можетъ остаться безъ вниманія засѣданіе итальянской палаты депутатовъ, состоявшееся 15 іюня. Въ этомъ засѣданіи президентъ прочиталъ внесенный 9 іюня членомъ крайней лѣвой, Кавалотти, запросъ относительно англо-итальянскаго соглашенія и возможности возобновленія тройственнаго союза. Кавалотти взялъ запросъ обратно, оставляя за собою право вновь внести его, если найдетъ цѣлесообразнымъ. Послѣ того какъ Колоянни, тоже членъ крайней лѣвой, мотивировалъ свой запросъ относительно запрещенія публичныхъ сходокъ для обсужденія вопроса о возобновленіи тройственнаго союза, Бриньи, бывшій морской министръ, представилъ запросъ по иностранной политикѣ кабинета, причемъ заявилъ, что политику эту онъ, Бриньи, одобряетъ. Когда президентъ предложилъ Бриньи развить свой запросъ, въ палатѣ поднялись сильнѣйшіе крики и на скамьяхъ крайней лѣвой произошло большое движеніе. Среди шума Бриньи сталъ развивать свой запросъ при одобрительныхъ возгласахъ лѣвой, центра и правой. Маркизъ ди-Рудини увѣрилъ Бриньи, палату и всю страну, что правительство намѣрено строго держаться мирной политики, которой Италія держится уже давно. „Чтобы достигнуть цѣли — сказалъ министръ-президентъ — мы сохранимъ во всей силѣ и прочности наши союзы съ средне-европейскими имперіями. Повторяю, что Италія и Европа могутъ быть увѣрены, что союзы эти будутъ оставлены въ силѣ и миръ будетъ сохраненъ надолго". Слова эти были покрыты продолжительными и горячими рукоплесканіями депутатовъ всѣхъ партій, за исключеніемъ крайней лѣвой. Колоянни, Спирито и Принетти взяли назадъ свои запросы о дѣлахъ внѣшней политики. Затѣмъ произнесъ рѣчь Демартино, пожелавшій развить свой запросъ о внутренней политикѣ. На скамьяхъ крайней лѣвой вновь поднялись сильные крики; Кавалотти бросился къ оратору, но былъ удержанъ другимъ депутатомъ. Смятеніе достигло высшей степени; было бы невозможно описать возникшую бурю. Президентъ пріостановилъ засѣданіе, которое, впрочемъ, спустя нѣсколько времени, возобновилось, послѣ призывовъ къ согласію со стороны депутатовъ: Кавалотти, какъ старѣйшаго депутата, члена крайней лѣвой Бовіо и президента палаты. Всѣмъ имъ вся палата рукоплескала. Затѣмъ палата постановила отсрочить свои засѣданія безъ срока на лѣтнія вакаціи.

Свою программу маркизъ ди-Рудини повторилъ 17 іюня въ сенатѣ. Отвѣчая на запросъ сенатора Таверна, маркизъ Рудини заявилъ, что Италія настойчиво желаетъ сохраненія мира для развитія своихъ учрежденій и улучшенія экономическаго положенія. „Италія желаетъ также — присовокупилъ министръ — сохраненія statu quo въ Европѣ и особенно на Средиземномъ морѣ. Въ виду этого, уже давно постарались достигнуть соглашенія въ сказанномъ смыслѣ съ державами, имѣющими тождественные съ нами интересы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ состоялся обмѣнъ взглядовъ съ Англіей, о чемъ недавно говорилъ Фергюссонъ въ палатѣ общинъ; обѣ державы

Библиотека "Руниверс"

намѣрены содѣйствовать сохраненію мира и statu quo. Дружескія отношенія Италіи къ Германіи и Австро-Венгріи давно извѣстны; эта искренняя дружба скрѣплена договорами, которые даютъ крѣпкую и надежную гарантію сохраненія мира. Чтобы разомъ разсѣять неизвѣстность и успокоить общественное мнѣніе внутри и внѣ страны, я заключилъ соглашенія и, такимъ образомъ, въ состояніи заявить, что въ то время, когда истечетъ срокъ старымъ договорамъ, давно уже будутъ въ силѣ новые договоры; наши союзы будутъ рѣшительно и искренно сохраняться; они обезпечатъ миръ на долгое время и сомнѣнія разсѣятся. Надѣюсь, что сенатъ тоже одобритъ политику, стремящуюся ко благу государства и основанную на живомъ желаніи сохранить Италіи твердое положеніе въ Европѣ". Официальная газета *Opinione* констатируетъ, что заявленія ди-Рудини вызвали во всѣхъ политическихъ кружкахъ увѣренность, что возобновленіе тройственнаго союза — совершившійся фактъ, а англійскія *Morning Post*, *Daily News* и *Standard* конечно отзываются съ похвалою о настойчивости, проявляемой итальянцами въ поддержаніи тройственнаго союза, какъ лиги мира.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адресъ присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ПОПРАВКА: Въ шахматной задачѣ № 29 (№ 24 „Нивы") слѣдуетъ читать: матъ въ 3 хода.

СОДЕРЖАНІЕ: Корень зла. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. П. Н. Полевого. Ч. II. (Продолженіе).—Говорите правду! Переводъ съ англійскаго.—Селамлимъ. Изъ воспоминаній о Стамбулѣ. Г. А. Джаншіева (съ рис.).—Къ рисункамъ: Городъ Романовъ-Борисоглѣбскъ (съ рис.).—Лѣтній зной (съ рис.). — Молодая феллашка (съ рис.).—Зоологическій музей Имп. Академіи Наукъ (съ 2 рис.). — Новый храмъ Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія, въ СПБ. (съ рис.).—Главная литературная премія „Нивы" на 1891 г.— Заявленіе. — Политическое обозрѣніе.—О перемѣнѣ адреса.—Поправка.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива", а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ К. К. МАЗИНГА, въ Москвѣ, 2-1

между Воздвиженкой и Знаменкой, Ваганьковскій переулокъ, **пользуется всѣми правами казенныхъ реальныхъ училищъ** № 5218 и состоитъ изъ 6 классовъ основного и коммерческаго отдѣленій и химико-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса. Во всѣ классы воспитанники принимаются приходящими и пансіонерами. Въ приготовительное отдѣленіе принимаются воспитанники съ 8 лѣтъ. Начало пріемныхъ экзаменовъ 8 августа. Начало ученія 16 августа.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Способъ приготовленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывая дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цѣна: флакону 1 р. 65 к., **бензоевое мыло** 35 к. и 50 к. кусокъ, **опо-помада** (лучше мольдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.

Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на приложенную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента Главный складъ для всей Россіи у **В. Аурихъ**, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18-19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19—15

Fleichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 4720 17—14

Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у **В. Аурихъ**, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Фаяръ и Блэнъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность вызвала появленіе много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Блэнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. Ц. № 4969 11—9

ПРЯЖКА-ПОДТЯЖКА.

Замѣняетъ аполинъ ремень и подтяжки. Легко самому придѣлать. Удобнѣе, красивѣе, практичнѣе и прочнѣе ремней и подтяжекъ вообще. Необходима для всѣхъ брюкъ. **Цѣны:** 1 шт. 65 к., 3 шт. 1 р. 75 к., 6 шт. 3 руб. Пересылка до 8 шт. 1 ф. Пер. налож. плат. (2)

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20.

У ИЗДАТЕЛЯ КНИГОПРОДАВЦА **А. Д. СТУПИНА**, въ МОСКВѢ, НА НИКОЛЬСКОЙ УЛИЦѢ, ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ОТОПЛЕНІЕ и ВЕНТИЛЯЦІЯ. Спеціально-практическое руководство къ устройству фабричныхъ, заводскихъ и всевозможныхъ печей, топокъ, паровыхъ котловъ, приспособленій для пряченьнаго и кухонь. Полное знакомство съ различными способами отопленія, вентиляціи и осушенія жилыхъ помѣщеній при самой незначительной затратѣ топлива. Въ 6 частяхъ, съ 485 чертеж. въ текстѣ и 13 таблицами. Сост. О. М. Мальниковъ. М. 1891 г. Ц. 4 р. въ коленк. пер. 5 р.

НЕСГАРАЕМЫЯ ИЗБЫ изъ мелкаго лѣса съ новыми сводчато-коробчатыми крышами. Системы инженера М. Пріорова, съ рисунками. М. 91 г. Ц. 20 к.

ПРИЧИНЫ нашихъ ПОЖАРОВЪ и ПРОТИВОПОЖАРНЫЯ СРЕДСТВА (съ прилож. „Чѣмъ предупреждать пожары отъ керосина". Изслѣд. и опыты). Дмитріева. М. 91 г. Ц. 10 к.

САМОУЧИТЕЛЬ СТРОИТЕЛЬНАГО ИСКУССТВА. Единственное доступное изданіе въ Россіи. Спеціально-практич. руководство для архитекторовъ, техниковъ, столяровъ, плотниковъ, каменщиковъ, печниковъ, управляющихъ, агрономовъ, мельниковъ, домоправителей и подрядчиковъ по разн. отрасл. строит.-хозяйств. практики. Въ 4 книг., съ доплен. нужнѣйш. стат. къ Высочайше утвержденному урочному положенію и уставу строитель. съ 476 чертеж. въ текстѣ и съ прилож. каталога на 32 лист. строительн. рисунк. Сост. инж.-строит. Сирабчинскій. 6-е исправленное и дополнен. изд. М. 1890 г. Ц. 3 р., въ коробкѣ 3 р. 50 к., въ коленк. пер. 4 р.

АЛЬБОМЪ ГОРОДСКИХЪ, ЗАГОРОДНЫХЪ и СЕЛЬСКИХЪ ПОСТРОЕКЪ. Пособіе къ простому изученію всевозможныхъ сооруженій въ современномъ вкусѣ. ФАСАДЫ и ПЛАНЫ, съ детальными чертежами на 50 лист., на александрійской бумагѣ, печатаны въ красках, съ подробнымъ текстомъ строительнаго искусства и смѣтнаго исчисленія на количество матеріаловъ и рабочихъ, потребныхъ на каждое строеніе. Сост. инженеръ-архитекторъ В. Г. Заѣсскій. Цѣна въ папкѣ 10 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 12 р.

РУКОВОДСТВО Для ФЕЛЬДШЕРОВЪ, ФЕЛЬДШЕРИЦЪ и ФЕЛЬДШЕРСКИХЪ УЧЕНИКОВЪ. Сост. докт. медицины Ф. Фейгинъ, быв. директоръ фельдшерской школы. Въ 5 частяхъ. Ч. I. Фармакогнозія; фармацевт. химія; рецептура; фармакологія. Ч. II. Анатомія и физіологія; врачебн. пр. и пр. дезинфекціи, гигиена, растительн. сокамъ, минерал. и другими способами. Ч. III. Общая патологія; частная патологія и терапія женскія бол., дѣтскія бол.; венер. бол. кож. Ч. IV. Повязки и мѣлкія хирург. операціи; общая и частная хирургія, глазныя бол.; акушерство. Ч. V. Гигіена и діететика. Съ 144 рисунками въ текстѣ. М. 1891 г. Ц. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 руб.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ЛѢЧЕБНИКЪ ДЛЯ НАРОДА лѣто лучшая пора излѣчен. тяжкихъ, застарѣл. болѣзней: ревматизма, гемороя, подагры, одышки, упорн. кашля, золотухи и пр. и пр. декоктами, отварами, растительн. соками, минеральными водами, ванными и другими лѣчебными способами, подробно изложенными въ предлагаемомъ лѣчебникѣ.

ВЕТЕРИНАРНАЯ ШКОЛА (ПОЛНЫЙ СКОТОЛѢЧЕБНИКЪ). Всѣ болѣзни домашнихъ животн., лѣченіе простыми, домаш. и врачебн. средствами. Домашняя аптека, дѣйствіе и употребленіе различныхъ лѣкарствъ и приготовленіе ихъ домашнимъ способомъ. Болѣе 1,000 рецептовъ лѣкарствъ (не русск. языкъ). Холощеніе и другія операціи. Съ 113 рис. въ 2-хъ ч. Общепонятно изложено ветерин.-практик. П. Павловскимъ. 2-е дополн. изд. М. 88 г. Ц. 3 р., въ коробкѣ, перепл. 3 р. 50 к., въ коленк. перепл. 4 р.

ШКОЛА ЗДОРОВЬЯ (ДОМАШНІЙ ЛѢЧЕБНИКЪ). Практическое руководство къ сохраненію здоровья и продленію жизни до глубокой старости. Предупрежденіе и распознаваніе всѣхъ болѣзней: наружныхъ и внутреннихъ, скоротечныхъ, длительныхъ, простыхъ и заразительныхъ и ихъ лѣченіе испытанными и врачебными средствами безъ помощи врача и аптеки по правиламъ аллопатіи, гомеопатіи и всѣхъ прочихъ способовъ врачеванія; самопомощь въ несчастныхъ случаяхъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ. Болѣ 3,000 рецептовъ въ керстеръ (на русскомъ и латинскомъ языкахъ).

ПОЛНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ КУРСЪ МЕДИЦИНЫ. 4-е нед. Въ 2 частяхъ, со 137 рисунками, общедоступно изложен. Д-ръ Андреевскій. 1,120 страницъ убористаго шрифта. М. 1887 г. Ц. 3 р. въ коленкоровомъ переплетѣ 3 р. 50 к.

ШКОЛА ЗДОРОВЬЯ (вда 1-е изданіе) удостоилась многихъ отзывовъ со стороны періодической печати. Въ Сентябрѣ мѣс. поступитъ въ продажу рисунковъ и картою Россіи. Цѣна 15 коп. Съ друг. портретами и множ. иллюстраціями. Домашняя аптека, дѣйствіе и употребленіе различныхъ лѣкарствъ и приготовленіе ихъ домашнимъ способомъ. Болѣе 1,000 рецептовъ лѣкарствъ (не русск. языкъ). Холощеніе и другія операціи. Съ 113 рис. въ 2-хъ ч. Общепонятно изложено ветерин.-практик. П. Павловскимъ. 2-е дополн. изд. М. 88 г. Ц. 3 р., въ коробкѣ, перепл. 3 р. 50 к., въ коленк. перепл. 4 р.

СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ СТУПИНА: НА 1891 г. съ портретами русскихъ писателей, жнож. рисунковъ и картою Россіи. Цѣна 15 коп. Съ друг. портретами и множ. иллюстраціями. **НА 1892 г.** Прошу гг. иногор. на почт. перес. прилаг. 20 к. на каждый руб. Вмѣсто мелочи можно присылать почт. марки.

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА НА

НОВОСТИ ДНЯ,

ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ, СЪ ПОРТРЕТАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ и ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Во второй половинѣ 1891 года предполагается помѣстить рядъ беллетристическихъ произведеній, въ числѣ которыхъ имѣются „Дилетанты"—повѣсть Влад. Ив. Немировича-Данченко, „Страховая премія"—повѣсть П. М. Невѣжина, „Подъ тѣнью замоскворѣцкихъ садовъ"—повѣсть А. М Пазухина, „Елена Глинская"—историч. очеркъ Д. С. Дмитріева и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ВЪ МОСКВѢ: На 6 мѣсяцевъ 5 руб.

НА ГОРОДА: На 6 мѣсяцевъ 5 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ съ 1-го числа каждаго мѣсяца въ главной конторѣ „Новостей Дня": Москва, Маслянная, д. Сытовыхъ.

Библиотека "Руниверс"

По весьма умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго качества.

СКРИПКИ въ 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дор.

СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к., 1, 1½, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.

ФУТЛЯРЫ къ 3½, 5, 7, 12, 18 к 30 руб.

СКРИПКИ ¾, ½ и ¼ величины для дѣтей, Школы Бигаиця въ 1 р., 2 р. 50 к. и 3 р. 50 к.

АЛЬТЫ и **ВІОЛОНЧЕЛИ**.

Гитары въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дор. Отъ 7 р. съ механизмомъ для струнъ. Школы Соколова по 1½ и 3 р.

Струны и всѣ принадлежности.

Ноты въ дешевыхъ изданіяхъ.

Пересылка на счетъ покупателя. Иллюстрированн. прейсъ-курантъ—безплатно.

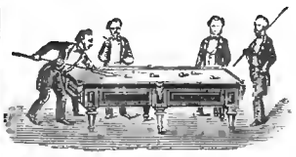
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо № 5246

музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.

Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

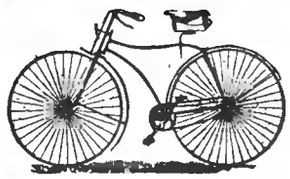
А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетъ. № 4961 скаго моста, домъ № 7—2. 26—13

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

„НОВОСТЬ“. Получена партія новыхъ велосипедовъ азалетскаго системы „Звигеръ“, съ дутыми резиновыми, уменьшающими трясеніе, происходящее отъ ѣзды по неровнымъ и плохимъ дорогамъ. Только въ спеціальномъ велосипедномъ магазинѣ у Генриха Жемличка въ Москвѣ, угол Тверской и Старого Газетного пер., домъ Фальцъ-Фейнъ. Требуйте немедленно новый прейсъ-курантъ на 1891 годъ. № 5250 1—1

Покорнѣйше прошу почтенѣйшую публику не смѣшивать мою фирму, существующую съ 1883-го года, съ однофамильцами.



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.

ФРАНКФУРТЪ Н/М.

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

„ОРЕЛЪ“.

Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиновыми „Кюжеиъ“ (подушки) и „пневматическій“. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5189 18—8

ЦАРЬ-ДЕВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка. въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ЛЕППИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистоты, четкости и красоты.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и спог. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ Б. Морская, 21.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

на **новыхъ и выгодныхъ** условіяхъ:

Примѣръ: Отецъ семейства 30-ти лѣтъ отъ роду страхуетъ 10,000 рублей съ тѣмъ, чтобы эта сумма была выдана его женѣ или дѣтямъ немедленно послѣ его смерти. За такое страхованіе онъ уплачиваетъ трехмѣсячную премію въ 82 р. 29 к. и пользуется при этомъ слѣдующими выгодами:

1. По истеченіи третьяго года страхованія взносы преміи значительно уменьшаются, вслѣдствіе вычета дивиденда, отъ участія страхователей въ прибыляхъ Общества.

2. Застрахованное лицо, по достиженіи имъ 60-ти лѣтняго возраста, получаетъ само половину означеннаго капитала, т. е. 5,000 руб., и затѣмъ прекращаетъ дальнѣйшую уплату премій; но при этомъ страхованіе въ 10,000 руб. въ пользу семейства сохраняетъ и впредь полную свою силу.

Дивидендъ страхователей въ 1891 году составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, соб. д. № 37) и въ Агентствахъ Общества въ городахъ Имперіи.

№ 5243 4—2

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ В. № 5098 20—14

10, 15, 25 р. и дороже. Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-кур. безплатно.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.

Москва. Мясницкая, уголъ Кривокозѣльскаго пер., д. Соколова.

С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30—16.

ПРОДАЕТЪ

прочнѣе мужскихъ кильсонъ какъ

ИЗЪ ТВИСТЪ,

въ магазинѣ

Ю. ГОТЛИБЪ, въ СПБ.,

по Владимірской, д. 2, уг. Невск. пр. Ц 1 р. 75 к. за пару. Перес. за каждыя 3 пары 1 р., по Азіятск. Россіи 1 р. 75 коп. Меньше 3-хъ паръ не высылается. При пересылкѣ необходима мѣра носка к 3 3 длина. Мт. № 5233

МАССА БЛАГОДАРН. и ОТЛИЧН. ОТЗЫВОВЪ

ПОЛН. ГАРАНТІЯ УСПѢХА — ПРЕДОСТЕР. ОТЪ ПОДАРКИ

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ БУХГАЛТЕРІИ

КНОГОРОДНИХЪ и МОСКОВСКИХЪ

ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІЙ-КОРРЕСПОНДЕНЦІЙ

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.— ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ

С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ.

МОСКВА, АРБАТЪ, МАЛ. НИКОЛО-ПЕСКОВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ АДАМОВИЧА.

ПОДРОБНЫЯ УСЛОВІЯ И ПРОБНЫЯ ЛЕКЦІИ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Долгорукоская улица, д. Финогеновой. (2)

БРОКАРЪ и К°.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ Р. № 5087 (12)

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА

ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ

ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

№ 4711

WEISSER FLIEDER

(LILAS BLANC)

(БѢЛАЯ СИРЕНЬ)

„PEAU D' ESPAGNE“

„ГОЛЬДЛАКЪ“

НОВѢЙШІЕ ЛЮБИМЫЕ ОСОБЕННО КРѢПКІЕ ДУХИ.

Можно получать почти во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Просятъ при покупкѣ обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку

3—4 **№ 4711.** Ц. № 5220

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ

ЖЖЕНЫЙ КОФЕ

ТВЕРСКАЯ, ПРОТИВЪ САДОВНИКАГО ПОДВОРЬЯ — Д. ГИППІУСЪ, ВЪ МОСКВѢ. — КОФЕ ПО ПИСЬМЕНН. ТРЕБОВАНІЮ ВЫСЫЛАЕТ НАЛОЖЕН. ПЛАТЕЖЕМЪ. — ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО

Л. ФОРШТРЕМЪ

ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ. Ц. № 5082 10—8

Главное депо часовъ Э. БУРХАРДЪ, СПБ., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.

Часы прзовые серебряные закрытые съ хорошимъ анкерн. механизмомъ на 15 кам. съ Высоч. утвержд. еникомъ за отличную стрѣльбу, съ серебр. цѣпочкой аъ 8 вол., серебр. ключемъ, футляромъ и портретомъ, цѣною еа 16 р. Часы для военныхъ и охотниковъ никел. никел. анк. ремонтуаръ съ компасомъ цѣною аъ 11 р. Высылаю наложен. платежемъ. Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно № 5225 4—4

В. № 4731 24—20

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна **40** коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ.

Главный складъ у Василія

Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—18.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ. Въ послѣднее время появилось въ продажѣ множество поддѣлокъ водъ извѣстнымъ „Гуніади Яносъ“; поэтому покорнѣйше просимъ обратить вниманіе на помѣщенную здѣсь предохранительную марку—портретъ.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.

ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Ц. 5151 10—6

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ СВИФТЪ

ПОСТАВЛЯЛИСЬ ДЛЯ РУССКОЙ ДОРОГИ

ОБЛАЧЕНЫ НА РУССКОЙ АРМІИ

ОБЛАЧЕНЫ РУССКИМЪ СОЛДАТЪ

ПЕРВОЕ МѢСТО

ПРИ ПОЛЕВОЙ ПОЧТѢ ВЪ ПОЛЕ ВЪ ПОЛЕ

ПРИ ПОЛЕВОЙ РОССІИ СКЛАДЪ

МОСКВА и С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ПРОДАЕТ ОТЛИЧНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ СВИФТЪ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

№ 4842 (48)

Дозвол. цензур., СПБ., 26 іюня 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 5. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека "Руниверс"